

ИЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Невскій пр., № 6.

ОГЛАВЛЕНИЕ „НИВЫ“ ЗА 1893 ГОДЪ.

I. Романы, повѣсти, рассказы. стихотворенія, драматич. произвед. и пр.

	СТРАН.
Африканск. родствени. Раз. Ганнемана	230
Благость. Акростихъ въ прозѣ	260
Былая весна. Стих. Медвѣдскаго	611
Вегетарианка. Разск. (пер. съ нѣм.)	706
Великій изобрѣт. Разск. Родериха	546
Вечеръ. Стих. Бобрещева-Пушкина	348
Во льдахъ. Миниатюра А. Желѣзна	188
Воля судьбы. Историч. ром. въ 3 част. Кн. М. Н. Волконскаго. 150, 174, 198, 222, 246, 270, 294, 318, 342, 366, 390, 414, 438, 462, 486, 510, 534, 558.	
Въ горахъ на побѣдѣ. Стих.	450
Въ чемъ счастье? Индйск. раз.	1175
Вы не придете вновь. Стих. Лонскаго	197
Горсть брильянт. Быль. Кн. М. Н. Волконскаго	1170
Да здравств. республика! Миниатюра.	651
Дарья д'Анжугина и банкирскій теноръ безъ граціи. Пов. В. И. Немировича-Данченко. 1038, 1061, 1085, 1114, 1138	
Двѣ встрѣчи. Миниатюра.	1027
Десять минутъ. (Изъ монол. Коклена).	499
Джегатура. Пов. гр. Е. А. Салиаса 2, 30, 54, 78, 102, 126	
Дипломатич. сочинительство. Разск.	423
Дѣло о контрактѣ. Разск. Твэна	1046
Если женщина захочетъ. Ком. Булацеля	114
Желаніе дофина. Рассказъ	139
Золотые сны. Стих. В. Величко	975
Зюлейка. Стих. Н. Р.	577
Избранница Аллаха. Легенда Уманца	686
Изнанники. Стих. Мережковскаго	1123
Искатель приключ. Пов. І. Ясинскаго. 797, 817, 839, 861, 885, 910, 938, 966, 990, 1014	
Казненный Ибрагимъ. Турецкій разск.	399
Ключъ врага милосерднаго. В. Н.-Д.	92
Констанцій Гиньяръ. Раз. Ришлена	378
Крестянинъ. Рассказъ Ларсена	162
Лента. Рассказъ О. Чюминой	180
Лечение силіна. Рассказъ	494
Любишь?.. Стих. Лукьянова	831
Между жизнью и смертью. Раз. Лилла	518
Мертвое поле. Стих. І. Ясинскаго	372
Молитва. Стих. Зарина	207
Мэръ Чампльон-Сити. Разск. М. Твэна	187
На берегъ моря... Стих. Левлева	60
На кливерѣ. Рассказъ Бозра	1094
На маякѣ. Рассказъ Тавастерна	975
Наступленіе Велик. поста. Раз. Аенскаго	188
Не вспоминай. Стих. Лукьянова	183
Незнакомка. Разск. П. Бурже	254
Не могу я слышать Стих. Фета	90
Неразлучное. Раз. Н. Дѣбровскаго 8, 42	
Нечволодовой. Стих. Розенгейма	606
Ни франка въ карманѣ. Раз. Шульте	847
Новогодніе планы молодой дѣвушки. Раз.	11
Опоздалъ. Рассказъ Уилькинса	326
Осень. Стих. Порфирова	876
Очерки порубежной жизни, Моргана	610
Пасхальная ночь. Фаптазія Аенскаго	302
Первый блинъ да комомъ. Полевскаго	111
Перчаточникъ. Новелла Саломона	996
Подъ Рождество. Свят. разск. Тхоржевск.	1195
Подъ розов. блескомъ. Раз. Е. Дубровиной	348
Подно, уснокойса... Стих. Федорова	1128
Помоги! Стих. Лукьянова	909
Полугай сосваталь. Раз. В. Банда	90
Побѣдъ идетъ! Рассказъ Мьерса	204
Призракъ. Р. Н.—ы	236
Приндите ко мнѣ! Стих. Львовой	631
Пропавшій человѣкъ. Рассказъ	542
Прощаніе. Стих. Де-Лазари	786
Пьеретта. Повѣсть Жипа	823
Пѣвецъ. Стих. Мережковскаго	1
Разсыпался смѣхомъ ребенка. Стих. Фета	90
Расплатился. Рассказъ	1071
Сафиръ Мирякиев. Сказ. Кота Мурлыки	470
Свѣтлый праздникъ на позиціи. Разск. Вѣрунина	303
Сильный человѣкъ. Ром. К. Орловскаго 578, 598, 617, 644, 657, 677, 697, 717, 738, 759, 782	
Скажи мнѣ милая... Стих. Порфирова	847
Сколько думать... Стих. Талина	652
Скорбная верба. Раз. П. Н. Полевскаго	282
Сонъ въ зимнюю ночь. Сялгочн. разск.	1204
Старая гувернантка. Разск. Зейделя	870

	СТРАН.
Страничка. Рожд. разск. Кн. Голицына-Муравлина	1194
Страстная седмица. Стих. Сафонова	276
Сѣрый день. Стих. Мережковскаго	686
Телефонистка. Раз. Бертольда	807
Тетрадка старая... Стих. Р. Н.	389
Три желанія. Восточный рассказъ	894
Тѣни минувшаго. Стих. А. Додэ	1200
Тяжелый долгъ. Рассказъ Марша	1019
Увидѣшія фіалки. Рассказъ Терье	1123
Удача. Рассказъ М. Твэна	63
Улыбка. Рассказъ	567
Утро Свѣтл. праздн. Разск. Желѣзна	306
Ученый слонъ. Стих. В. Величко	110
Фишка. Разск. А. Цѣхановича	666
Цѣфты. Стих. Мережковскаго	750
Человѣкъ на берегу моря. Раз. Бретъ-Гарта	786
Шляпа. Монологъ	331
Языкъ животныхъ. 2 абиссинск. разск.	870
Я помню утро... Стих. Червинскаго	330

II. Биографіи и характеристики

ко вѣсмъ помѣщеннымъ 144 портретамъ (см. отдѣлъ XIV: Живопись, рисунки и портреты).

III. Этнографія, археологія и культурно-историческіе очерки.

Аккерманъ, городъ	851
Алтай. Очеркъ Мако	84
Батумъ. Пожаръ 9 ноября	1130
Бури сѣвернаго полушарія	607
Бухара прежде и нынѣ. Ист. очеркъ	94
Бухара. Очеркъ Пясецаго	1046
Въ вѣчномъ городѣ, очеркъ	255
Вѣна во время конгресса. Ист. очеркъ	183
Геокъ-Тене. Очеркъ	980
Георгиевскій монастырь	452
Дарьяльская крѣпость. Очеркъ	236
Женскіе клубы Нов. Св. В. Махъ-Гах	259
Закононаслѣдскій монастырь. Очеркъ	188
Занте, О-въ, (землетрясеніе)	406
Казани и ихъ тактика	420
Кашинъ, городъ	571
Книгопечатаніе въ Черногоріи	686
Коневетскій монастырь	613
Коринтскій каналъ. Очеркъ	832
Коронован. Ихъ Величествъ (десятилѣт.)	476
Костюма во Франціи, измѣнен. Оч.	972
Культура древней Америки. Очеркъ	36
Ладога. (Древности). Очеркъ В. Ч.	651
Либавскій коммерческій портъ. Очеркъ	868
Лиу-Киу, архипелагъ	427
Манасъ, верховья рѣки. Очеркъ	724
Мелила, городъ	1154
Мечетъ Сулейманіе въ Стамбулѣ	1014
Музыка въ Японіи. Очеркъ	670
Начало общ. увеселеній въ Россіи. Очеркъ Ширяева	1178
Новгородск. старина. Оч. Тюменева	586
Нѣжинъ и его лицей. Очеркъ	895
Обществен. работа въ Россіи. Очеркъ	46
Одна изъ царицъ др. Египта. Очеркъ	744
Пасхальн. обряды, обычай и повѣрья. Оч.	307
Печенскій монастырь на Мурманѣ	358
Полярная экспедиція, (новая). Оч. И. Б.	687
Празднованіе 900-лѣтія Черниг. епарх.	474
Представленія, пантомимическ. Оч. Л. К.	118
Путешествіе Шпри. (Письмо изъ Америк.)	916
Путеш. по Иеллоустонскому національному парку	158
Пчеловодный музей въ Сиб.	707
Римскій центурионъ. К. Маривэ	283
Самаркандъ, городъ	452
Славянск. благотвор. общ. (25-лѣтіе).	504
Сто лѣтъ назадъ. Историч. очеркъ	258
Стрѣльня, городъ	612
Таганрогъ. Очеркъ Измайловича	946
Тины соврем. Іерусал. Оч. Стар.-Паломн.	276
Чикаго, городъ. Очеркъ	638
Шаллаунъ, замокъ въ Штирці	547

IV. Естествознаніе.

Бабочка, исполнинская	772
Волось, вышаденіе. Оч. Вольтке	844
Гальванизмъ. Очеркъ Бердрова	871
Гибель міра. Очеркъ	979
Животныхъ, самозащита. Оч. Вольтке	403
Животныхъ, укрощеніе и дрессировка	373
Изъ жизни небесныхъ тѣлъ. Оч. Клейна	1147
Кабаны. Очеркъ	237
Кашалотъ и несцы. Очеркъ	452

	СТРАН.
Лошадь, нильская, и пантера. Очеркъ	1180
Марево. Очеркъ	149
Носъ. Гигиенч. оч. Нидергефера	330
Огненный змій. Оч. Аленцина	14
Опоссумъ и земляная бѣлка. Очеркъ	356
Оптический обманъ. Очеркъ	522
Орелъ хватяющій жуку. Очеркъ	18
Субъективныя явленія здороваго зрѣнія.	163
Теплота человѣч. тѣла. Оч. Паркнера	543
Филингъ-пугачъ. Очеркъ	1052
Электричество въ домашн. обиходѣ	1022

V. Новая изобрѣтенія и технология.

Автоматъ-гильзодѣлатель	955
Пантографъ Марей	1002
Пожарный снарядъ, новый	855
Телавтографъ	454
Циркуль-дѣлатель	385

VI. Архитектура и скульптура.

Ермакъ, статуя Антокольскаго	428
Несторъ, статуя Антокольскаго	332
Намятникъ Импер. Алекс. II въ Москвѣ	550
Христосъ, статуя Антокольскаго	355

VII. Современность.

Выставка, академическая, въ Сиб.	238
Выставка, архитектурная, въ Сиб.	18
Выставка, гигиенч. въ Сиб. 567, 590, 787,	827
Выставка, передвижная, въ Сиб.	213
Выставка въ Чикаго, 235, 500 502, 523, 747, 919, 951	
Выставка И. И. Шинкина	96
Гибель броненосца „Русалка“	878
Государственный переворотъ въ Сербіи	406
Законъ о ростовщичествѣ	631
Пребыван. Ихъ Велич. въ Моск.	527, 550
Пріемъ русск. морякъ. во Франціи, 955,	982
Путешествіе В. К. Владим. Алекс. и В. Кн. Маріи Павловны за границу	516

VIII. Литературный альбомъ.

Ангель Смерти, М. Ю. Лермонтова	68
Анджело, поэма Пушкина	652
Борисъ Годуновъ, Пушкина	854
Бояринъ Орша, Лермонтова	1152
Вій, повѣсть Гоголя	901
Гаральдъ, баллада Жуковскаго	16
Записки охотника, Тургеневъ	771
Золотой пѣтушокъ, Пушкина	92
Остаръ, стих. Пушкина	46
Прычывна, Шевченко	979
Сказка о царѣ Салтанѣ, Пушкина	260
Щенскъ и Гальціона, Жуковскаго	525

IX. Статьи разнаго содержанія.

Виолемъ въ Пегербурѣ	1207
Даръ Прометея. Очеркъ	767
Золота и серебра, добыв. Оч. Вольтке	498
Игрушки. Очеркъ Адамовича	1203
Изъ исторіи денегъ въ Росс. Оч. Адамовича	804
Изъ процесс. о волшебствѣ. Оч. Адамовича	1050
Куреніе въ прошломъ. Оч. Адамовича	891
Литерат. бесѣды. А. И. Введенскаго 10, 398, 475, 604, 750	
Наше движеніе на востокъ. Очеркъ	450
Новая побѣда надъ водною стихіею. Оч.	784
Орденновъ, русскіи, праздни	1098
Осповривваніе въ Россіи. Оч. Ширяева	1068
Намирскій походъ 1892 г. Тагбева 1074, 1092, 1120, 1146	
Письмо А. В. Кольцова	837
Политическ. отнош. Россіи къ Франціи	899
Попытка хрон. еванг. соб. Стар.-Паломн.	207
Путешествіе двухъ велосипедистовъ	66
Рождество Христова въ рнс. Иванова	1210
Собаки, военныя и санитарныя. Оч.	922
Столы и скамьи, учеб. Оч. Брандта	446
Студія скульптора. Очеркъ	947
Три письма Грибоѣдова къ Амбургеру	777
Урожай 1892 года. Очеркъ	164

X. Искусство.

Стр. 22, 49, 78, 97, 121, 145, 168, 192, 215, 241, 263, 288, 311, 335, 360, 384, 409, 456, 479, 1103	
--	--

XI. Научныя и техническія новосты.

Стр. 359, 383, 408, 433, 455, 479, 505, 529, 574, 614, 634, 654, 694, 734, 856, 881, 903, 1056, 1079, 1103, 1130	
--	--

XII. Парижскія моды.

Съ Января по Декабрь—ежемесячно; съ 302 гравирами модъ, 343 чертеж. выкроекъ въ

натур. велич., 367 рис. рукод. и выпил. раб. и массою совѣт. и рецент. по хозяйству.

XIII. Тиражи выигрышей Госуд. Банка.

56 тиражъ 1-го займа 2 Января 1893 г. 50
54 " 2 " 1 Марта 1893 г. 265
7 " Дворянск. Б. 1 Мая 1893 г. 457
57 " 1 займа 1 Июля 1893 г. 655
55 " 2 " 1 Сент. 1893 г. 835
8 " Дворянск. Б. 1 Ноябрь. 1893 г. 1033

XIV. Живопись, рисунки и портреты.

Авелапъ. О. К., контр-адмиралъ . . . 901
Авель, иеромонахъ . . . 905
Автоматъ-гильзоу-дѣлатель Перро-Мвнно 961
Адалуровъ, Н. Е. . . . 693
Адресъ отъ рабоч. Либ. порта . . . 685
Акверманская крѣпость. Видъ . . . 840
Александра, принцесса Уэльская . . . 1021
Александръ I, король Сербіи . . . 408
Александръ III, Государь Императоръ 469
Алексѣевъ, Н. А., Моск. гор. голова . . 288
Алдонъ, американскій велосипедистъ . 68
Алькимовичъ, В. М., шт.-капитанъ . . 1007
Альфредъ, герцогъ Сакс.-Коб.-Готскій 793
Америка, древля . . . 36, 38—39, 42
Ангель Смерти, Лермонт. Рис. Штейна 56
Анджелло, Пушкина. Рис. Соломко . 645
Анджанъ. Центральн. базаръ хлопка . 29
Анна Австрійская . . . 969
Антонитъ, епископъ Псковск. и Порх. 1129
Антоновичъ, А. Я., тов. мин. фин. . . 593
Апхутинъ, Алексѣй Николаевичъ . . . 813
Арсътъ богатаго марана. Кар. Маймана 497
Артиллерія (конная) на походѣ . . . 600
Ассамблея при Петрѣ В. Рис. Дм.-Оренб. 1172
Ауэръ, Л. С., профессоръ . . . 877
Ахшарумовъ, Николай Дмитриевичъ . . 833
Бабочка, исполнителая. Рис. Клемана . 765
Бабушкинъ праздникъ. Карг. Корзухина 393
Баку. Ханскій дворецъ . . . 1124
Балаклавск. Георгіев. монаст. 2 рис. 449—452
Баль „Торж. мира“. Рис. Козачинскаго 240
Басаргинъ, Владим. Григорьевичъ . . 456
Батистини, Маттѣа . . . 384
Батумъ. Пожаръ 9 ноября . . . 1129
Бекетовъ, А. Н., профессоръ . . . 956
Белимарковичъ, генералъ . . . 408
Бивуакъ въ уроч. Джюсъ-Агачъ . . . 721
Благость. Карг. Шокогорта . . . 261
Бланкъ откр. письма, содерж. 20 псалм. 856
Богдановичъ, И. О. . . . 1180
Богъ съ нимъ—отпуски. Карг. Виллев. 380
Большіе ребята. Карг. Ривіера . . . 1100
Борги, Адель . . . 384
„Борисъ Годуновъ“, Пушки. Рис. Земцова 848
Боаре, галлиц., тащатъ на костеръ колд. 829
Боаре у кн. Андр. Иоанн. Большого. 1017
Боаринъ Орша, Лермонт. Рис. Штейна 1145
Боариня. Рис. Рвинна . . . 680, 681
Боаринья. Рис. П. Лоренца . . . 9
Брасль, Юганы, композиторъ . . . 232
Брасльгъ и брошь, подарки русс. моряк. 960
Братецъ и сестрица. Рис. къ сказ. Гримма 1173
Броненосецъ „Три Святителя“ . . . 1077
Броненосецъ „Адмиралъ Ушаковъ“ . . 1053
Будущій муажъ науки. Рис. Ц. . . . 657
Буровъ, М. Н., поручикъ . . . 1007
Бурхановскій, Г. И., лейтенантъ . . . 1007
Бухара. Чайная и резервуаръ . 1040, 41
Бухарскій фокусникъ. Рис. Радомскаго 841
Бьлеръ, О. А., баронъ . . . 877
Вагонъ-гостинная, на амер. жел. дорог. 573
Варшана, рынокъ за Жел. Брамюю . . 365
Василій III диктуетъ завѣщаніе . . . 649
Вейнбергеръ, Петръ Исавичъ . . . 96
Велосипедиста на Сем. плацу въ Сиб. 980
Велосипедскіе разносчики. Кар. Пассани 473
Верагуа, герцогъ . . . 573
Вербъ-хлестъ, бей до слезы! Рис. Земцов. 285
Вердеренскій, Н. Д., дир. челов. музея 709
Веселія маски. Рис. Рободп . . . 112
Весенній день. Рис. Нестеля . . . 421
Весенній цвѣтокъ. Карг. Тумана . . . 301
Весна. Карг. Клодта . . . 325
Весна. Рис. Перро . . . 437
Вечеръ въ Николаевск. Илжен. Учл. 189
Вечеръ на хуторѣ. Рис. Ижакевича . 788
Взрывъ адск. снар. во Франц. пал. ден. 1184
Вий, Гоголя. Рис. В. Маковского . . 893
Вильдъ, Г. П., директ. физич. обсерват. 528
Видишгерцъ, князь . . . 1105
Винъ, Вице-адмиралъ . . . 933
Внодеемскій алтарь и вино. зѣзда. 2 рис. 1196
Владиміръ Александровичъ, Вел. Кн. . 512

Во время экзамена. Карг. Жоффруа . 389
Возвращеніе въ лагерь. Рис. Соколовск. 597
Возвращеніе изъ школы. Карг. Глюкл. 581
Возвращеніе на родину. Карг. Виндмана 368
Возвращ. рыбака. съ ловли. Карг. Куріаръ 445
Возвращеніе съ шкипки. Рис. Броллинга 648
Воздвиженіе креста. Рис. Матѣева . . 825
Волги, истокъ, бл. дер. Волговерховье. 509
Волки и др. животн. (смѣшанн. общ.) . 375
Вооруженный міръ. Скульпт. Кутанг . 932
Воронцовъ, Н. В., дир. Горн. Инст. . . 144
Вотъ-онъ—Наполеонъ! Карг. Виллевалде 344
Всрѣча Пми. Максимила съ Марією Бургундскою. Карг. Рейфенштейна . . . 65
Вурмъ, В. В., профессоръ . . . 877
Въ городъ. Рис. Котляревскаго . . . 800
Въ деревню. Рис. Котляревскаго . . . 801
Въ домашн. кругу. Карг. Кнутъ-Эквала 88
Въ нояч. подъ Нов. годъ. Рис. Шаховск. 13
Въ ожиданіи хозяйки. Карг. Нильсена 797
Въ океанѣ. Карг. Айвазовскаго . . . 320
Въ опочивальнѣ. Карг. Лебедева . . . 440
Въ переголку. Рис. Штейна . . . 861
Въ царствѣ Микадо. Карг. Мура . . . 989
Выдач. пеней въ казнач. Рис. Броллинга 12
Вѣтки званія! Рис. Каразина . . . 57
Габаринъ, Г. Р., князь . . . 221
Гадалка. Карг. Винеа . . . 948
Гаданье подъ Нов. годъ. Рис. Ижакев. 5
Гадюкинъ, А. В., генер.-отъ-артиллер. 72
Гаеръ, уличный, въ древи Римѣ . . . 485
Гальванизмъ. 8 разныхъ приборовъ 874—75
Гамлетъ Штир. уѣз. Рис. Кравченко . 761
Гаролдъ, балн. Жуковск. Рис. Волкова 4
Геокъ-Тене. 2 вида . . . 976
Георгъ, Герцогъ Гурскій . . . 501
Герга. Карг. Андерса . . . 737
Герценбергъ, Э. Ф., пасторъ . . . 877
Гибель броненосца „Викторія“ . . . 672
Гипнопотамъ и пантера. Рис. Шпехта 1178
Глухаръ на току. Рис. Ренгалейя . . 517
Говѣльщики въ ожиданіи духовника . . 201
Гонѣльч. на пути въ село. Рис. Каразина 280
Гойнингенъ-Гюне, А. Ф. . . . 752
Голландская дѣвушка. Карг. Фехнера . 909
Головачева, Е. Я. (Станяцій) . . . 381
Гостя въ очаритѣ. Карг. Геблера . . 1097
Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ . . 937
Григоровичъ, Д. В., въ своемъ кабин. 1005
Гумбертъ I, король Италійскій . . . 405
Гуно, Шарль, композиторъ . . . 61
Даниловичъ, Г. Г., генер.-адъютантъ . 733
Данте при дворѣ въ Равеннѣ . . . 1024
Дарьяльская крѣпость. Акв. Червинск. 225
Дача, плодущая, на Темзѣ . . . 677
Дашкова, Ев. Ром., княгиня . . . 245
„Два брата“, Рис. къ сказкѣ . . . 708
Дворецъ Вел. Кн. главноком. въ Кр. с. 661
Дворецъ въ Дудергофѣ . . . 661
Дворецъ въ Ораніенбаумѣ . . . 717
Дерево, гигантское. (Пень) . . . 477
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ . . 625
Диксеръ, Р. Р., капитанъ I ранга . . . 904
Добрые друзья. Карг. Гильдебрандта . 1114
Докичъ, Л., сербскій министръ . . . 457
Долговъ, В. А., мичманъ . . . 1007
Домъ Наслѣдн. Цесарев. бл. Красн. с. 661
Домъ Вел. Кн. Ник. Николаев. бл. Кр. с. 661
Домъ П. И. Чайковскаго въ Клину . 1101
Домъ, татарск., въ Крыму (внутр. видъ) 1141
Дондуковъ-Корсаковъ, А. М., князь . . 432
Драгомировъ, М. И., генералъ . . . 813
Другъ въ пуждѣ. Карг. Рейхерта . . . 400
Духовской, С. М., генер.-лейтен. . . . 482
Дѣлечка. Рис. Ижакевича . . . 769
Дѣти. Карг. Горохова . . . 493
Дѣти. Сидузты Фирсовой . . . 808
Евгенія, Императрица . . . 969
Екатерина Медичи . . . 968
Ермакъ. Статуя Антокольскаго . . . 424
Ермоловъ, А. С., тайный совѣтн. . . . 360
Ершовъ, П. Л., лейтенантъ . . . 1007
Жена рыбака. Карг. Дейролля . . . 133
Жнида. Рис. Трутовскаго . . . 745
Жозефина де-ла-Шажери . . . 968
Задумалась. Карг. Блааза . . . 541
Задумчивость. Карг. Синибальди . . . 837
Замокъ на стекл. горѣ . . . 953
Занте. Видъ города . . . 405
Запорожцы. Рис. Ижакевича . . . 1121
Запорожцы на развѣдк. Рис. Штейна . 53
За устройство. гнѣздышка. Рис. Шпехта 621
Зачья школа. Карг. Именца . . . 185
Зебры и страусы. Рис. Шпехта . . . 1000
Зима. Рис. Перро . . . 1137

Зимній уборъ лѣса. Карг. Швейцера . 205
Зимняя идилія. Карг. Шмицбергера . 1117
Змѣи, бумажные въ Китаѣ. 4 рис. . . 853
Зологой пѣтушокъ, Пушки. Рис. Соломко 85
Зюлейка. Карг. Цонпа . . . 577
Игнатьевъ, Н. П., графъ . . . 504
Игры, полевая, въ Сиб. Рис. Броллинга 660
Изъ временъ Медичи. Карг. Беккера 669
Изъ прошлаго. Карг. Корсенева . . . 417
Импровизаторъ. Карг. Гроба . . . 828
Италійск. фокусникъ. Карг. Марка . 1140
Иеллоустонск. паркъ. Разные виды и типы. 9 рис. . . . 132, 134, 135, 138, 159
Иеншигъ, В. Х., капит. 2-го ранга . . . 881
Иерусалимъ, типы. 5 рисунковъ 278, 279
Юкай, Маврикій . . . 1076
Кабины. Рис. Кренера . . . 229
Кабинетъ П. И. Чайковскаго . . . 1101
Кажется клеветъ! Рис. Томашевича . . 809
Казакъ, возвращ. съ набѣга. Рис. Ижак. 917
Карлъ-Теодоръ, герцогъ Баварскій . . 456
Карно, госпожа . . . 969
Карта полярныхъ странъ . . . 691
Кашалотъ и песцы. Рис. Шпехта . . . 441
Кашинъ. Видъ города . . . 560
Квитка-Основьяненко, Г. О. . . . 732
Кирилловъ, П. П., шт.-капитанъ . . . 1007
Кливлендъ, президентъ С.-Ам. Штат. 333
Кокшаровъ, Н. И. . . . 48
Коневскій монастырь. Видъ . . . 613
Конч. св. Евмалія. Рис. Уэтергауза . 1045
Корабль „Император. Николай I“ . . . 901
Корветъ „Рянда“ . . . 905
Коринскій каналъ. 3 рисунка 832 — 833
Кочубей, Пётръ Аркадьевичъ . . . 73
Кошка! Карг. Штребена . . . 1065
Крейсеръ „Адмиралъ Нахимовъ“ . . . 904
Кресло, тронное, работы Лизере . . . 752
Крестины во Флоренціи въ средн. вѣка . 725
Кречетниковъ (генер.) объявляетъ манифестъ Екатерины II . . . 253
Кригеръ, А. Х., капит. I ранга . . . 905
Критическое положеніе. Карг. Шмидера 113
Кулонъ, Л., человекъ съ необычайно длин. бородою . . . 121
Купальщичи, мальчикъ. Карг. Дем.-Брег. 1001
Лавровъ, В. М., капит. I ранга . . . 904
Лакомка. Карг. Каульбаха . . . 705
Лееръ, Г. А., нач. акад. ген. шт. . . . 1185
Леонтій, митроп. Моск. и Колом. . . . 753
Либавъ, сооруженіе порта. 6 рис. 872—873
Лица въ своей семьѣ. Карг. Корредаж. 497
Лобачевскій, Н. И. . . . 1057
Лодка „Терецъ“ . . . 905
Лозы, сборъ, на Дибирѣ. Рис. Ижакев. 845
Лощинскій, М. О., капит. 2 ранга . . . 905
Лысуха, схваченн. шукой. Рис. Шпехта . 921
Льговъ („Зап. охотн. Турген.) Рис. Кравч. 760
Лѣсная драма. Рис. Каразина . . . 128
Лѣстница въ Зимнемъ дворцѣ въ Сиб. 912
Лѣсъ, собственноруч. офортъ И. Шишк. 1
Лѣтній отдыхъ. Карг. Лишнера . . . 768
Лѣто. Рис. Перро . . . 557
Любимый уголокъ. Рис. Писемскаго . . 720
Любовь и вѣрность. Карг. Эрельмана . 181
Любимая мамаша. Рис. Пильца . . . 1208
Майеръ, Г. К., мичманъ . . . 1007
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ . . . 1080
Максимовъ, Александръ Яковлевичъ . . 1152
Макъ-Магонъ, маршалъ . . . 1032
Маленькій разбойникъ. Карг. Мазотта 1169
Малороссійская дѣвочка. Карг. Бодар. 425
Маргарита, королева Италійская . . . 405
Марево на островѣ Онтарио . . . 149
Марія-Амалия . . . 969
Марія-Ангуанетта . . . 969
Марія Лещинская . . . 969
Марія-Луиза . . . 968
Марія Медичи . . . 968
Марія Павловна, Вел. Княгиня . . . 513
Марки, почт., С.-Ам. Соед. Шт. . . . 381
Марсель. Франко-русс. празднества . 1008
Маршировка новоб. Карг. Вакмансона 369
Масляница. Балаг. на Цар. лугу въ Сиб. 104
" Катан. на санкахъ въ дер. 105
Масляница пришла! Рис. Штейна . . . 101
Матейко, Янъ . . . 1057
Материнская гордость. Карг. Адама . 257
Медали въ воспомин. Абовскаго мира . 732
Медали въ честь русск. моряковъ Средн. земной эскадры . . . 933
Медвѣдь-стрѣлокъ . . . 375
Медвѣдь, ученый . . . 374
Медвѣжонокъ на вальсѣ . . . 377
Мелица. Видъ города . . . 1153

	СТРАН.		СТРАН.		СТРАН.
Мержеевскій, П. П., профессоръ . . .	927	Пещера, сталактитовая, на Майоркѣ . . .	165	Стрѣлокъ изъ лука. Стат. Эберлейна . . .	1093
Мечеть Сулейманіе въ Стамбулѣ . . .	1016	Пилкинъ, В. П., вице-адмиралъ . . .	168	Стрѣльна. Разные виды . . .	601
„ „ Внутренній видъ . . .	1013	Пирри, путешественникъ, и его жена . . .	918	Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ . . .	336
Мечъ и прядка. Карг. Конти . . .	233	Плещеевъ, Алексѣй Николаевичъ . . .	932	Счастливая чета. Карг. Конти . . .	993
Мильтонъ у Галилея. Карг. Гатти . . .	136	Плоды и овощи (сравнительн. величина) . . .	48	Съ визитомъ. Карг. Гельбана . . .	305
Молятва. Рис. Иаковича . . .	157	Погребеніе Христа. Карг. Тини 272 —	273	Съ открытѣемъ павлинц. Рис. Скориакъ . . .	464
Морозъ 25°. Карг. Сверчкова . . .	537	Погребеніе христ. мучен. въ катакомб. . .	200	Съ сушен. грибами въ гор. Рис. Писем. . .	152
Москва. Больн. выходъ на Кр. крыльцо . . .	548	Пожарный снаряжъ Паули . . .	857	Сѣнокосъ. Рис. Дм.-Оренбургскаго . . .	701
„ Закладка памяти. Им. Алек. II . . .	549	По зимнему пути. Рис. Юмудскаго . . .	40	Таганрогъ. Видъ города . . .	940—941
„ Мод. нам. Алекс. II. 2 рис. 552—553 . . .	553	Полтавск. батал. Факсим. съ карт. Ломоп. . .	865	Тамбовъ. Зданіе для народн. чтенія . . .	1176
„ Заиконоспасскій монастырь . . .	177	Порваннаыя струны. Рис. Волкова . . .	153	Тарасъ Бульба. 2 рис. къ нов. Гоголя . . .	812
„ Похороны митроп. Леонтія . . .	773	Поновъ, Л. В., профессоръ . . .	1185	Татарка. Рис. К. . .	1085
„ Церковь на Ходынскомъ полѣ . . .	693	Пословицы въ лицахъ. Силуэты Фирсов. . .	668	Татарка съ ребенкомъ. Карг. Платон. . .	397
Мостъ черезъ Манасъ . . .	721	Послѣдній вздохъ. Горельефъ Анток. . .	277	Телавтографъ. 3 рисунка . . .	453
Муму, пов. Тургенева. Рис. Табурина . . .	1025	Послѣдній мигъ. Карг. Мослера . . .	561	Тигры, дессинированныя . . .	377
Мученица. Карг. Эрлиха . . .	1173	Послѣдняя преграда. Рис. Штейна . . .	565	Тимашевъ, А. Е., генер.-адъютантъ . . .	145
Мысль. Скульптура Шаю . . .	932	Послѣ врсиниъ. Карг. Галлегоса . . .	89	Тиндаль, Джонъ . . .	1157
На дорогѣ. Рис. Н. Каразина . . .	176	Постройка корабля во врем. Петра В. . .	744	Тихонравовъ, Николай Саввичъ . . .	1153
На колок. въ Св. недѣлю. Рис. Ижакъ . . .	297	Повѣдъ моск. царица въвр. съ богом. . .	281	Толстой, И. И., графъ . . .	852
На конѣ. Рис. Броллинга . . .	913	Праздникъ праздникъ. Рис. Котляръ . . .	309	Торжество мира. Карг. Фонтана 728 —	729
Наксенъ, докторъ . . .	692	Предательская шутка. Рис. Кауфмана . . .	461	Трапизъ, Ю. К., академикъ . . .	264
На перевозѣ. Рис. Трутовскаго . . .	64	Предложеніе. Карг. Цехи . . .	569	Трифоно-Печенгскій монастырь . . .	363
Наполеонъ въ Тюльери. Карг. Дюма . . .	789	Предъ испанкой благородной. Стих. . .		Труворовъ, А. Н., дир. Археол. вѣст. . .	453
На прогулку. Карг. Машара . . .	805	Пушкина. Рис. Соломко . . .	1064	Трудно жить на бѣл. св. Карг. Вуншъ . . .	785
На просѣкъ. Карг. Штрютцеля . . .	665	Привалъ стрѣльцовъ на берегу Волги . . .	620	Трутовскій, К. А., академикъ . . .	336
На разсвѣтѣ. Рис. Казанцева . . .	1073	Приготовленіе гуши. Рис. Тюменева . . .	1037	Тулосскій рейдъ. Видъ . . .	933
Наши прабабушки на рождеств. базарѣ . . .	1212	Приготовлен. къ елкѣ. Рис. Броллинга . . .	1197	Тулонъ. Франко-рус. праздн. 957, 958, 1029 . . .	1029
Невѣста Нила. Рис. Штейна . . .	1116	Продажи, двѣтъ, въ Помпѣ. Карг. Марг. . .	401	Туманное янито въ созвѣд. Андромеды . . .	1150
Несторъ. Статуя Антокольскаго . . .	328	Проповѣдь, тайная. Карг. Геетель . . .	256	Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ . . .	757
Несторъ, лѣтописецъ. Рис. Андреева . . .	945	Протопоповъ, Н. Н., капит. 2 ранга . . .	1007	Тэкъ, Викторія-Марія, принцесса . . .	501
Ниагарскій водон. Карг. Айвазовск. . .	321	Прощай! Карг. Гиллу . . .	209	Тэвъ, Инолать . . .	356
Нидманъ, К. Х., профессоръ . . .	877	„Прычнина“, Шевченко. Рис. Ижакевича . . .	973	Тюлені дессинированные . . .	329
Никандръ, архіеп. Тульск. и Бѣленск. . .	673	Птичь горы въ Лаландин . . .	120	Тяжелое. Карг. Касаткина . . .	329
Новгородъ. Разн. виды. 9 рис. 585, 587, 589, . . .	592	Рабочіе прѣхавшіе въ Сиб. по удешевл. . .		Тяжелый трудъ. Карг. Шмидта . . .	77
Новиковъ, М. Д., вице-адмиралъ . . .	653	тарифу. Рис. Броллинга . . .	345	Тяжелый шагъ. Карг. Шильтера . . .	1089
Новиковъ, Николай Ивановичъ . . .	697	Развязавшіяся башмачки. Карг. Вейсера . . .	117	Уголокъ озера южн. стеной Азіи . . .	1000
Новое знакомство. Рис. Леблинга . . .	849	Раздача святой воды. Рис. Ижакевича . . .	41	Умница. Карг. Вагнера . . .	617
Новый другъ . . .	1213	Разсказъ о битвѣ. Карг. Ювановича . . .	1125	Факсимиле съ гравюры Гете . . .	384
Нью-Йоркъ. Ледяной промыселъ . . .	93	Раннее утро за городомъ. Карг. Котляръ . . .	416	Фальшивая нота. Карг. Мантегацца . . .	580
Нѣжинъ. Греческая церковь . . .	888	Ратьковъ-Рожиновъ, В. А., Сиб. гор. гол. . .	793	Феддерсъ, Ю. И., професс. живописи . . .	480
„ Институтъ кн. Безбородко . . .	888	Резнивецъ. Рис. Малышева . . .	997	Флинтъ-пугачъ. Рис. Бекмана . . .	1049
„ Памятникъ Гоголю . . .	885	Ристичъ, М., бывшій регентъ Сербіи . . .	408	Фойницкій, И. Я., профессоръ . . .	572
Оба удивлены. Карг. Мокка . . .	965	Рождественская ночь въ лѣсу . . .	1205	Фонвизинъ встрѣч. съ Ломопосовымъ . . .	208
Обезьяна—канатный плясунъ . . .	374	Рождественскій сонъ. Карг. Розенберга . . .	1193	Фотообъясъ. 2 рисунка . . .	481
Обоюдная услуга. Рис. Шаховскаго . . .	1061	Рождествен. утро. Бука! . . .	1209	Фотографическій снимокъ съ 5 оборот. . .	857
Обѣднный часъ. Карг. Труга . . .	977	Ружавишниковъ, К. В., мос. гор. голова . . .	856	Фрегатъ „Память Азова“ . . .	904
Одинокій. Рис. Козачинскаго . . .	296	Румынская пастушка. Карг. Васлага . . .	1048	Хазарск. военнопленны, на судѣ у эмира . . .	1104
Озеро, ищчерное, на Майоркѣ . . .	161	„Русалка“, бронен. берегов. обороны . . .	880	Хлопова, Марія, невѣста дая Мих. Оед. . .	521
Опосумъ и земл. бѣлка. Рис. Шнехта . . .	357	Рыбная ловля въ лѣтній вечеръ . . .	689	Христіанскіе мучен. Карг. Мантегацца . . .	920
Орель хваляющій шуку. Рис. Шнехта . . .	17	Рысь, захватывающая лося. Рис. Шнех. . .	544	Христовъ. Статуя Антокольскаго . . .	349
Оржевскій, П. В., генер.-лейтн. . .	523	Рябининъ, И. Т., сказатель былинъ . . .	169	Художественн. критики. Карг. Макса . . .	949
Оскаръ, Пушкина. Рис. Соломко . . .	37	Саломъ, В. В., генераль . . .	672	Худалонгоръ, Сіам. кор. и его суур. . .	712
Осеннее раздумье. Карг. Боденгаузена . . .	869	Самара. Устройство бухты . . .	45	Цейксъ и Галліона, Жук. Рис. Волкова . . .	520
Осень. Рис. Перро . . .	817	Самаркандъ. Видъ города . . .	448	Цыгане, испанск., умол. кор. Филипп. III . . .	160
Отправк. арбуз. на Волгѣ. Рис. Броллинга . . .	889	Сандрильона. Карг. Гамбургера . . .	125	Цѣлг. Пантелеймонъ. Рис. Соломко . . .	992
Отчужденіе амазонки. Карг. Люмина . . .	628	Сантандеръ. Видъ набер. послѣ взрыва . . .	1057	Цѣлгели музыки. Карг. Штокса . . .	568
Отъѣздъ Мар. Стюартъ изъ Франціи . . .		Сахтебенъ, американск. велосипедистъ . . .	68	Чайковскій, П. И., композиторъ . . .	1009
Карг. Лауффера . . .	32 — 33	Свадебные подарки. Рис. Ижакевича . . .	352	Часовня на Лахтѣ, въ пам. подв. Петра В. . .	673
Павловъ, Е. В., профессоръ . . .	1156	Сверчковъ, В. Т., д-ръ медик. . .	1007	Ченчи, Беатричи. Карг. Гвидо Рени . . .	1069
Палатки для рабочихъ на Сиб. ж. д. . .	506	Свиданіе Дмитрія Самозванца съ царп- . . .		Черниговъ. Разные виды . . .	472
Памятникъ Берингу въ Петропавловскѣ . . .	951	пие Марею . . .	896—897	Черный и бѣлый. Рис. Жанмера . . .	184
Пантографъ Марел . . .	1004	Свѣте Тихій! Карг. Макса . . .	269	Чикаго. 8 разныхъ видовъ города 637, . . .	747
Парацельсъ, Теофрастъ . . .	1128	Святая ночь. . . Рис. Ижакевича . . .	304	638, 640, 643, 700, . . .	
Паращотъ. 3 рис. Л. да-Винчи . . .	1002	Свастополь. Высоч. смотръ флоту . . .	525	Чикаго. Видъ выставки 353, 488—89, . . .	772
Парижъ. Статуя Клода Шанна . . .	792	Сейдъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ, эмиръ Бух. . .	24	748, 749, . . .	
Парижъ. Франко-русскія празднества . . .	983	Сельская школа. Карг. Киселева . . .	536	Чистая душа. Рис. Макса . . .	197
8 рис.	959, 981, . . .	Семеновъ, Н. И., сенаторъ . . .	213	Читалки и уставшия служащие паннх. . .	688
Пароходъ д-ра Пансена . . .	692	Сергій (Св.) отказывается принять игу- . . .	224	Чухинъ, Г. П., капитанъ I ранга . . .	904
Парги, универсальныя. 2 рисунка . . .	447	менство . . .	224	Шаллаунъ, замокъ въ Штирці . . .	545
Пасх. огонь (на кровлѣ Исаак. собора) . . .	293	Симашко, Юлій Ивановичъ . . .	433	Шалуны. Рис. Томашевича . . .	629
Пейзажъ. Карг. Ольдъ-Кромъ . . .	413	Сіамъ. Дворецъ короля и пристань на . . .	712	Шеллеръ, А. К. (А. Михайловъ) . . .	1032
Первый менуэтъ. Карг. Энгеля . . .	533	р. Менамъ . . .	712	Шарко, Жанъ-Мартенъ, профессоръ . . .	773
Петерб. Архитект. вѣст. Рис. Земцова . . .	20	Сказка о царѣ Салтанѣ, Соломко . . .	249	Шереметевъ, В. А., генер.-майоръ . . .	237
„ Больн. при Алек. общ. сест. милос. . .	1156	Скальковский, А. А. . .	852	Штейнгъ, Ф. Ф., профессоръ . . .	264
„ Времени. Троицк. мостъ. 2 рис. . .	337	Скворецъ на вес. привольѣ. Рис. Шмидта . . .	465	Штраухъ, А. А., академикъ . . .	813
„ Выносъ тѣла В. А. Шереметъ . . .	237	Скульптурныя работы. 7 рис. 947, 950—951 . . .	951	Щелкушникъ. Рис. Р. Веле . . .	1204
„ Выставка гитены и спасанія . . .		Славянской, К. Ф., профессоръ . . .	1185	Эдипъ. Сцены изъ трагедіи Софокла . . .	429
„ 9 видовъ 777, 780 — 781, 820—821 . . .	821	Слюпъ-гигантъ . . .	373	Элеватора, новаго, постройка . . .	45
„ Дешев. столовая г-жи ф. Валь . . .	713	Смерть Норвежск. короля Ринга . . .	605	Электричество. 17 разн. прибор. 1022—1027 . . .	1027
„ Дѣтскій садъ г-жи ф. Валь . . .	740	Собакы, военн. и санитарн. 5 рис. 922—923 . . .	923	Энгельгардъ, Александръ Николаевичъ . . .	193
„ Еврейская синагога . . .	1181	Соколовъ, Д. Д., дирек. Инст. гр. ниж. . .	21	Эндеръ, Эрнестъ Ивановичъ . . .	529
„ Египет. каналъ. Карг. Боголюбъ . . .	392	Соколы бѣоцкій лебеди. Рис. Каразина . . .	248	Эоловы флейты, китайскія. 2 рис. . .	16
„ Зданіе Инст. гражд. инженер. . .	21	Сонъ св. Цециліи. Карг. Азамбра . . .	1149	Эрнстъ, герцогъ Сакс.-Коб.-Готскій . . .	793
„ Зимній сцены. Рис. Казачинск. . .	129	Софія, принцесса Баварская . . .	456	Эскадра, русская, на пути въ Пирей . . .	1088
„ Оспоиривительное заведеніе . . .	1072	Спасены! Карг. Морзона . . .	608, . . .	Эскадра, русская, на пути въ Тулонъ . . .	925
„ Отъѣздъ Бух. эмира изъ крѣп. . .	144	Спектакль нижн. чин. Моск. полка. 2 р. . .	69	Это я! Карг. Уйса . . .	109
„ Нам. Алекс. II у Алекс. больн. . .	312	Спектакль у Приселк. въ честь Бух. эм. . .	141	Ювеналій, еписк. Курск. и Бѣгородск. . .	1104
„ Похорон. Чайковскаго. 2 рис. 1056 . . .	1056	Средиземн. море. Карг. Айвазовскаго . . .	341	Явленіе ангела пастухъ. Рис. Цика . . .	1201
„ Пчеловодный музей . . .	709	Старый ветеранъ. Карг. Пари . . .	137	Явленіе Богом. Св. Сергію. Рис. Андр. . .	864
„ Собран. дамъ въ залѣ Адмиралт. . .	1080	Статуя свободы и гавань въ Нью-Йоркѣ . . .		Янсонъ, Ю. Э., профессоръ . . .	192
„ Чистка лягодъ на Щукин. дворѣ . . .	741	Карг. Айвазовскаго . . .	317	Янъ, Л. Н., помощн. нижн.-механ. . .	1007
„ Чтен. таблицу у Сергіев. собора . . .	1096	Стефанъ, Св; увлекаетъ въ огонь Нама . . .	1148	Оеогность, архіеп. Новг. и Старорусс. . .	477
Петрушевскій, М. Ф., генераль . . .	633	Стравинскій, В. А., лейтенантъ . . .	1007		
Петтенкоферъ (фонъ), профессоръ . . .	930	Стравинскій, лейтен. и группа матрос. . .	880		
Печенгскій монастырь на Мурманѣ . . .	361	Странная минута. Карг. Рекнаеля . . .	173		

ЖИВНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXIV г.
№ 1

г. XXIV
1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 2 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 2 января 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 25 к., съ перес. 30 к.

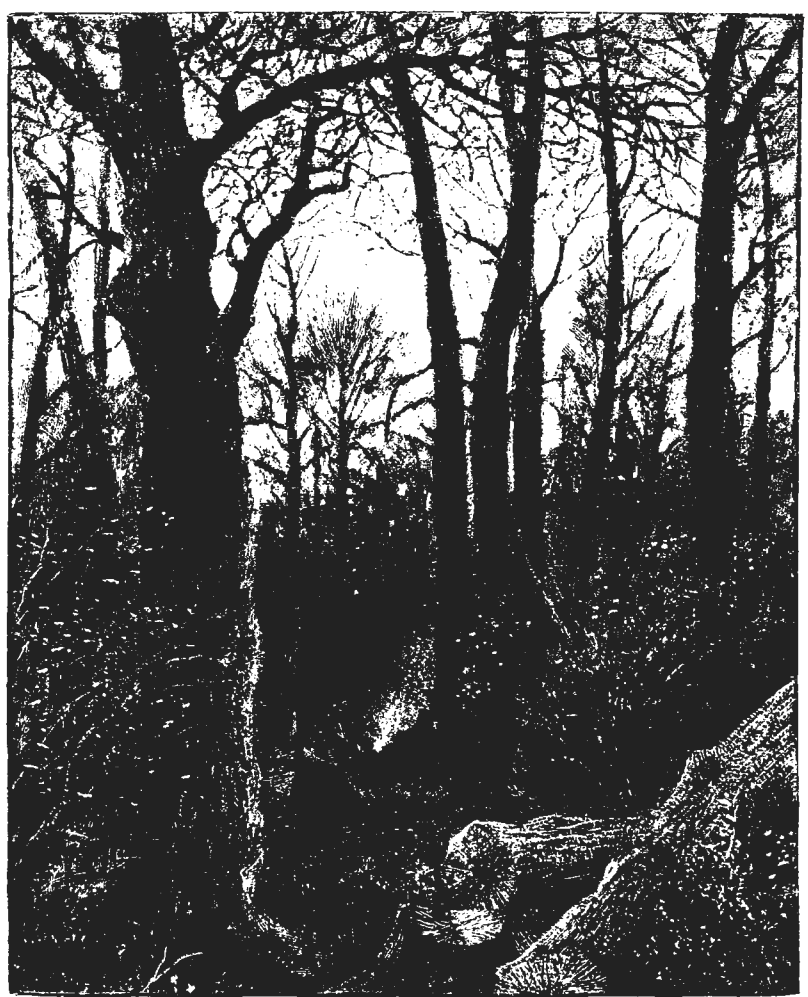
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у
Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-бургъ 6 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.
На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА ЯНВАРЬ.** 2) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ** на 1893 г., печатанный красками. 3) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** за ЯНВАРЬ 1893 г. съ 30 рис. и отд. лист. съ 28 черт. выкр. въ натур. велич. и 36 рис. рукодѣльных работъ.

1 Лѣсъ. Собственноручный офортъ (собств. „Нивы“) профессора И. Шишкина.

ЛѢВЕЦЪ.

На солнце выхожу изъ тѣни молчаливой,
По влажной колеѣ невѣдомой тропы,
Туда, гдѣ въ полдень серія звенитъ
надъ желтой нивой,
И золотомъ блестятъ тяжелые снопы.

Благослови, Господь, святое дѣло жизни,
Ихъ жатву мирную,—тебѣ угодный трудъ!
Жнецы родныхъ полей когда-нибудь
поймутъ,
Что не чужой и ты, лѣвецъ, въ своей
отчизнѣ.

Не праздна жизнь твоя, не луть твои
уста:
Какъ жатва Господомъ дарованнаго хлѣба,
Святое на землѣ благословенье Неба
И вѣчныхъ словъ твоихъ живая красота.

Какъ въ полдень свѣжести отрадной
дуновенье
На ликъ согбеннаго, усталаго жнеца—
За безкорыстный трудъ и на главу лѣвца
Понди, о Господи, Твое благословенье!

Д. Мережковский.

Джеттатура.

Повѣсть графа Е. А. Салиаса.

I.

Царица Адриатики, красавица Венеція переживала бурно-радостные дни...

Стояли июльскіе жары 1574 года, но вопреки обычной тишинѣ, всегда бывавшей за это время, теперь Canal Grande, безчисленные малые каналы, площадь Св. Марка, Пиацетта, набережная — „Рива Скиавони“, главная улица Мерсерія—все было особенно оживлено и шумно.

Толпы народа, простые cittadini или горожане, прилиле contadini, а вмѣстѣ съ ними, запросто перемѣшавшись, и гордые патриціи республики — все съ увлеченіемъ, весело, крикливо и суетливо сновали пѣшкомъ и въ гондолахъ по всемъ направленіямъ, отъ площади предъ базиликой Св. Марка и дворца Дожей, вплоть до дальнихъ лагуны и до острововъ Лидо и Мурано.

Удивительная вѣсть подняла Венецію на ноги. Правительство республики, получивъ тайное извѣстіе отъ своего вѣнскаго посла о крупномъ событіи, продержало его подъ спудомъ цѣлую недѣлю въ силу важныхъ государственныхъ соображеній. Но затѣмъ оно отрядило герольдовъ въ сопровожденіи своихъ зборовъ и наемныхъ швейцарцевъ или ландскнехтовъ, объявить о событіи во всехъ главныхъ центрахъ города.

И всюду пробилъ барабанъ ландскнехта и прозвучала труба герольда. Начавъ съ площади предъ базиликой и моста Риальто, гдѣ вѣчно кишитъ какъ муравейникъ торговый людъ, аборигены и иностранцы греки, турки и евреи,—герольды кончили островами, населенными простымъ людомъ, рыбаками или рабочими съ арсенала и со стеклянныхъ заводовъ, которыми славна и богата республика.

Вѣсть, взволновавшая патриціатъ и плебу Венеціи, волновала теперь и весь крещеный міръ.

Важное событіе совершилось въ Европѣ. Умеръ неожиданно и даже загадочно Французскій король Карлъ IX и престолъ по праву переходилъ къ его брату, Генриху, послѣднему члену дома Валуа.

Но этотъ принцъ былъ уже монархомъ. Онъ былъ избранъ королемъ Польскимъ и былъ въ это время въ Краковѣ. Кто же будетъ теперь „христіаннѣйшимъ“ королемъ, спрашивала Европа.

Въ отвѣтъ на это пробѣжала вѣсть, что король Польскій тайно бросилъ чуждый ему тронъ и чуждую страну и, исчезнувъ, какъ бы пропалъ безъ вѣсти.

Было очевидно, что Генрихъ тайно и осторожно возвращается на родину, гдѣ ждетъ его мать-регентша, знаменитая Катерина Медичи, ревностная поборница ученой Лойолы и Макіавелли.

Но какъ же дѣло патриціамъ и читадинамъ Венеціи до судебъ французскаго трона?—Событіе могло бы озабочивать только сенаторовъ и мудрецовъ республики, а затѣмъ высокочтимого, но безвластнаго дожа.

Особое второстепенное обстоятельство, не имѣющее политическаго значенія, взволновало и подняло на ноги весь патриціатъ и плебеевъ. Скрывшійся изъ Кракова Польскій король уже объявилъ себя Французскимъ королемъ въ Вѣнѣ и спѣшить въ дорогое отечество, но... окольнымъ путемъ. И по пути Генрихъ III посѣтитъ Венецію!.. Ни одинъ монархъ Франціи еще никогда не бывалъ среди мраморныхъ стѣнъ водяного города и поэтому понятно, что теперь Царицѣ Адриатики, вѣрной союзницѣ христіанскихъ королей и грозной соперницѣ султана, впервые предстоялъ случай при встрѣчѣ и пріемѣ такого высокаго гостя блеснуть своимъ могуществомъ и ослѣпить его своимъ богатствомъ и пышностью.

Прежде всего, все правители многочисленныхъ провинцій и городовъ „Твердой земли“ — какъ называла

Венеція все свои обширныя владѣнія—получили приказъ немедленно распорядиться и выслать въ столицу депутаціи и отрядъ мѣстныхъ наемныхъ войскъ для почетной встрѣчи короля. Затѣмъ все галеры, галеассы и кокки—весь флотъ—сила и слава Венеціи—были снаряжены, вооружены и снабжены войсками какъ бы предъ началомъ новой борьбы съ султаномъ...

Одновременно главный государственный, но почетный и „мирный“ корабль, служившій лишь во дни торжествъ, знаменитый „Буцентавръ“ былъ отдѣланъ заново и весь вновь позолоченъ въ три дня. Все мастера Венеціи трудились надъ нимъ отъ зари до зари.

Граціозный дворецъ Фоскари на срединѣ Canal Grande былъ избранъ и разукрашивался для пребыванія короля, а два сосѣдніе дворца Джустиніани предназначались для свиты его.

По полученіи извѣстія о томъ, что Генрихъ уже выѣхалъ изъ Вѣны, четыре сенатора съ многочисленной свитой отправились для встрѣчи его на самую границу республики. Велѣвъ за ними Совѣтъ Десяти, въ полномъ составѣ, десять старѣйшихъ сенаторовъ и десять провекторовъ или главныхъ управителей отдѣльныхъ управленій выѣхали въ ближайшій пунктъ „Твердой земли“—мѣстечко Джуліано. Въ ихъ свитѣ было болѣе двухсотъ молодыхъ патриціевъ и тысячный отрядъ войска, чтобы пышно проводить короля до Мурано, ближайшаго къ Венеціи большого острова. Наконецъ пришло въ городъ извѣстіе, что король благополучно достигъ Джуліано и переправился на Мурано, гдѣ проведетъ ночь, а на утро предстоитъ его торжественный въѣздъ въ Венецію.

Покуда вся властная и знатнѣйшая часть патриціата собиралась пышно встрѣчать „христіаннѣйшаго“ короля, тайный Совѣтъ „Трехъ“ засѣдалъ цѣлый день въ маленькой залѣ дворца Дожей, обсуждая важный вопросъ о предложеніи Генриху III новыхъ мѣръ и средствъ для соотвѣстной борьбы съ общимъ все усиливающимся врагомъ...

Но врагъ этотъ не Турція, не Исламъ, не корсары и пираты, не дикія племена Африканскаго побережья...

Врагъ этотъ—исчадіе ада, ересь, обступающая Церковь!.. Наступаютъ очевидно страшныя времена, о которыхъ гласитъ Апокалипсисъ!.. Быть—можетъ, скоро конецъ свѣта, такъ какъ пришествіе Антихриста уже чувствуется многими праведниками. Все чаще стали появляться люди кощунственно относящіеся къ религіи, занимающіеся грѣховными науками, обладающіе какими-то таинственными талисманами, астрологи, кудесники, чернокнижники. А за ними еще цѣлый легионъ—простые легкомысленные люди или безродные шатуны, продавшіе душу сатанѣ ради суетныхъ благъ міра сего.

Королева-регентша Франціи и покойный король Карлъ еще недавно доказали всему свѣту, что они твердо стоятъ на стражѣ Церкви Христовой. Одна ночь Св. Варооломея надолго укрѣпила вновь уже расшатанныя основы католичества и престола св. отца папы.

Генрихъ конечно останется вѣренъ традиціямъ своего дома и будетъ оплотомъ противъ врага Христова.

Такъ думали и разсуждали три властнѣйшихъ сановника.

Вѣдѣнію Совѣта или Суда „Трехъ“ подлежали все дѣла, требующія соблюденія тайны, какой бы области управленія они ни касались. Часто это были дѣла Sant Officio или инквизиціи, т. е. преслѣдованіе и судъ еретиковъ, колдуновъ, вѣдьмъ и вообще наперсниковъ сатаны, которыми переполнился крещеный міръ.

Три члена высшаго суда, тайно избираемые изъ среды Сорока судей или Кварантіи, оставались часто неизвѣстны даже многимъ сановникамъ республики, не го-

вора уже о членах патрициата. Засѣдали они всегда въ маскахъ, чтобы судимые не могли ихъ знать въ лицо. И часто чередуясь съ другими по выбору, эти трое стали грозой и страшилищемъ всякаго подданнаго республики. Бывали случаи, что самъ дожъ трепеталъ предъ этой невѣдомой и невидимой силой, а иногда становился жертвой ихъ тайнаго и мгновенно исполняемаго приговора.

Теперь Судъ Трехъ засѣдалъ весь день и, разойдясь ввечеру, постановилъ воспользоваться пребываніемъ Французскаго короля, чтобы заключить съ нимъ новый союзъ... Союзъ охранителей вѣры Христовой и истребителей слугъ Антихриста.

„Опираясь на могущественнаго монарха, инквизиционный судъ въ республикѣ процвѣтетъ!“ рѣшили они.

II.

Въ эти же дни радостной сумятицы и праздничнаго оживленія, появилось въ Венеціи много знатныхъ чужестранцевъ. Обыкновенно лишь турки да греки, почти завладѣвшіе внѣшней торговлей республики, навѣщали ее; гости изъ христіанскихъ странъ Европы бывали рѣже. Теперь же вдругъ въ гостиницахъ появилось очень большое число именитыхъ и важныхъ путешественниковъ. Оставивъ свои экипажи и лошадей на Твердой землѣ, каждый прибылъ однако въ сопровожденіи цѣлой блестящей свиты.

Въ числѣ прочихъ явился, за два дня до прибытія Генриха Валуа, его придворный и вмѣстѣ съ тѣмъ наперсникъ и любимецъ виконтъ Сольксъ-Таваннъ. Онъ остановился въ гостиницѣ близъ набережной Рива Скиавони, но соблюдалъ покуда строгое инкогнито, именуясь простымъ торговцемъ изъ Тревизы.

Въ день его пріѣзда, ввечеру, въ гостиницу явился незнакомецъ и пожелалъ видѣться съ пріѣзжимъ по дѣлу. Виконтъ принялъ гостя, именуясь купцомъ, но незнакомецъ объяснилъ, что хорошо знаетъ съ кѣмъ имѣть дѣло. Таваннъ, никому не открывшій ни дорогой, ни въ Венеціи своего имени и положенія при дворѣ Генриха, былъ нѣсколько удивленъ.

— Не удивляйтесь, виконтъ, заявилъ гость на чистомъ французскомъ языкѣ.—Правительству республики извѣстно всегда многое, чего никто не знаетъ. Ему извѣстны, напримѣръ, всѣ подробности бѣгства короля изъ Польши.—И незнакомецъ, къ крайнему изумленію Таванна, рассказалъ ему, какъ Генрихъ покинулъ Краковъ.—Самыя важныя государственныя тайны разныхъ странъ Европы, мало даже извѣстныя на мѣстѣ, прибавилъ онъ, — хорошо извѣстны сенату Венеціи чрезъ его агентовъ. Что касается до Суда Трехъ, то каждый членъ его знаетъ все... Знаетъ даже то, что извѣстно одному сатанѣ.

— Если вамъ не только извѣстно, кто я, но даже подробности нашего путешествія, отозвался виконтъ Таваннъ,—то я, конечно, скрывать не стану. И тѣмъ болѣе не считаю это нужнымъ, что мое инкогнито должно продолжаться только до завтра... Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю дѣло и что вамъ угодно?

— Я кавалеръ ди-Аволо... Съ честью пошу этотъ меньшій изъ титуловъ и фамилію, древнѣйшую изъ всѣхъ, какія только есть въ Италіи.

— Вашъ титулъ доказываетъ, что вы не венеціанецъ?

— Нѣтъ. Я родомъ изъ Португаліи. Но я нахожусь на службѣ при здѣшнемъ правительствѣ, и когда минетъ закономъ установленный срокъ давности мѣстожителства—я натурализуюсь и стану подданнымъ республики.

— Que désire donc Monsieur le chevalier Di-Avoło? любезно, но нетерпѣливо выговорилъ Таваннъ, потому что незнакомецъ ему сильно не нравился своей внѣшностью и какъ-бы хвастливо-развязной манерой держаться и говорить.

Кавалеръ ди-Аволо былъ довольно высокаго роста, но казался еще выше отъ черезчуръ худощаваго стана и узкихъ плечей. Лицо его было оригинально, черты были нѣсколько рѣзки, выраженіе въ черныхъ глазахъ почти коварно хитрое, а орлиный носъ, сильно загнутый, и тонкія губы, едва замѣтно, но постоянно подернутыя недоброй, жесткой усмѣшкой, придавали его взгляду еще болѣе отталкивающее выраженіе. Худое и острое лицо казалось еще острѣе отъ маленькихъ, сильно вздернутыхъ вверхъ усовъ и отъ бородки клиномъ, черныхъ, какъ смоль. Курчавая голова была не кругла, какъ у всѣхъ, а замѣтно продолговата... Руки и ноги казались тоже черезчуръ длинны сравнительно съ туловищемъ. Вдобавокъ, въ голосѣ ди-Аволо и въ особенности въ его смѣхѣ было тоже что-то жесткое и звенящее, будто металлическое. Костюмъ его, такой же, какъ у всѣхъ патрициевъ Венеціи, какъ и у всѣхъ дворянъ европейскихъ государствъ, былъ, однако, не цвѣтной, а изъ смѣси чернаго атласа и чернаго бархата.

На нетерпѣливый вопросъ Таванна его гость ухмыльнулся странно. Это была скорѣе гримаса, нежели улыбка.

„Какъ, однако, онъ дурень собой!“ неволью замѣтилъ мысленно виконтъ и прибавилъ:

— Будьте столь любезны немедленно и кратко сообщить мнѣ, по какому дѣлу вы являетесь?

— Я посланъ къ вамъ отъ Совѣта Трехъ! выговорилъ гость нѣсколько важно.

— Зачѣмъ?

— Я долженъ по порученію трехъ тайныхъ членовъ Кварантіи, временно верховныхъ судей Венеціанской республики, состоять при его величествѣ королѣ, за все время его пребыванія здѣсь.

— Зачѣмъ?! повторилъ удивленно Таваннъ.

— Таковъ обычай Венеціи... При всѣхъ гостяхъ республики состоитъ одинъ уполномоченный Совѣта Трехъ.

— Я полагаю, что при королѣ будутъ состоять важные сановники, сенаторы, а не... не простые молодые люди, не имѣющіе высокаго званія... рѣзко замѣтилъ Таваннъ.

— Да. Явно будутъ состоять при королѣ наши главные и знатнѣйшіе патрици. Всѣ шесть прокураторовъ Св. Марка и въ томъ числѣ знаменитый старецъ Антоніо Нани; затѣмъ старѣйшіе адмиралы флота, наши герои, Контарини и Веньеро... Кромѣ того назначенъ къ королю нашъ именитый патрицій да-Понтэ, который — какъ это всѣмъ извѣстно — почитается нашимъ будущимъ дожемъ, и наконецъ вашъ хорошій знакомецъ, нашъ бывший посолъ во Франціи, Маркъ-Антоній Барбаро... Его когда-то нынѣшній король Генрихъ, будучи еще принцемъ, очень любилъ.

— Все это совершенно вѣрно и мнѣ уже извѣстно! нетерпѣливо и досадливо отвѣтилъ Таваннъ.—Позвольте узнать...

— Всѣ эти лица будутъ явно сопровождать повсюду его величество, перебилъ кавалеръ виконта.—Что касается до меня, то я долженъ находиться въ свитѣ съ вами и другими дворянами—тайно... Иначе говоря: никому не будетъ извѣстно, что я агентъ правительства.

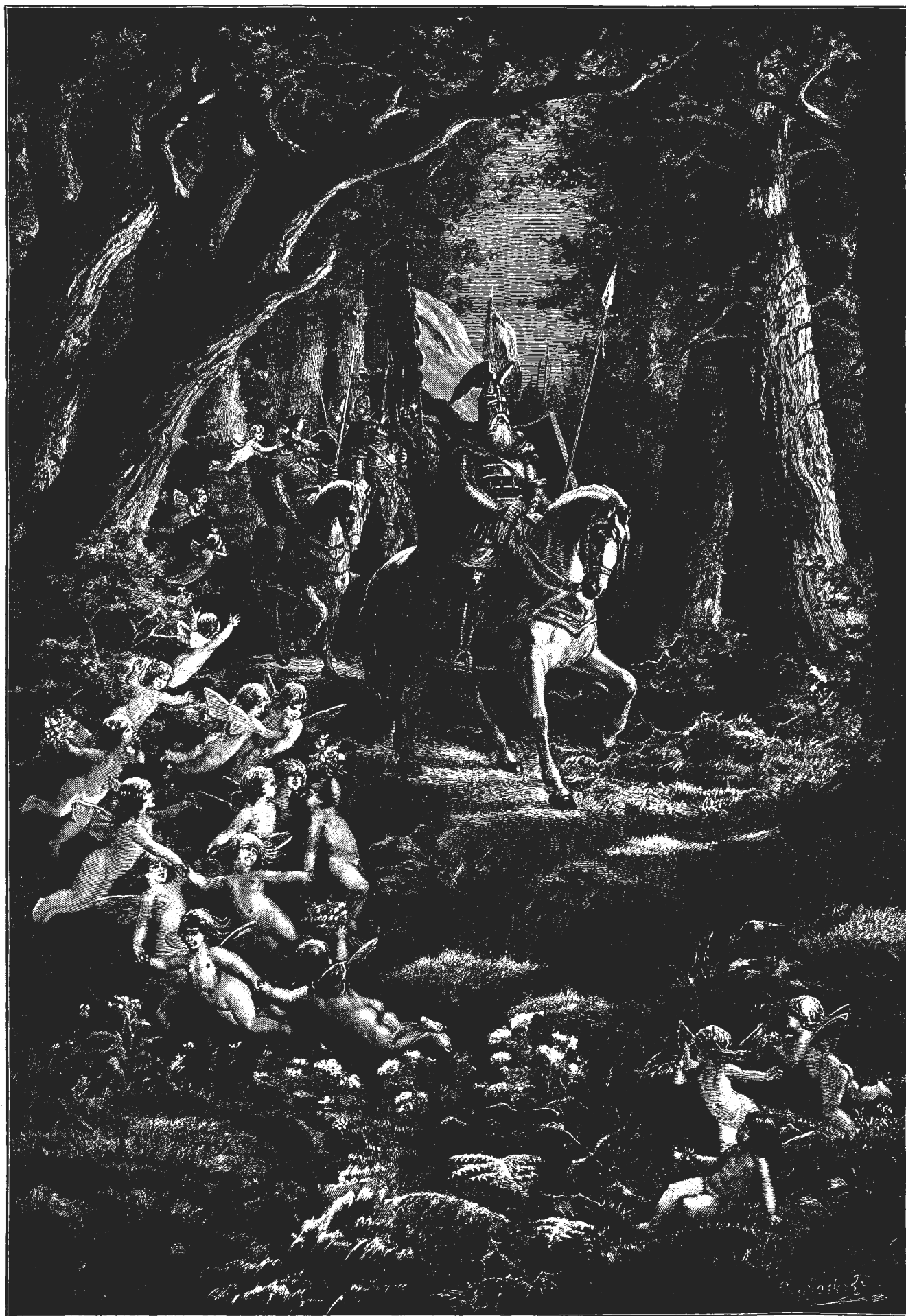
— Зачѣмъ?! въ третій разъ вскрикнулъ Таваннъ.

— Ради безопасности короля.

— Это совершенно излишне. Французская свита — вѣрные тѣлохранители его величества. И покуда мы живы — ни въ Венеціи, ни гдѣ-либо ничто не можетъ грозить Генриху III. Поэтому я нахожу излишними заботы членовъ Суда или Совѣта Трехъ...

— Ни вы, ни я не можемъ этого вопроса рѣшить, выговорилъ ди-Аволо холодно, и доставъ изъ картоннаго футляра свертокъ бумаги, подавъ его виконту.—Прочтите внимательно,—тихо прибавилъ онъ серьезно, а глаза его будто пронизывали Таванна.

Виконтъ Таваннъ зналъ хорошо итальянскій языкъ, какъ и всѣ придворные послѣднихъ королей дома

Литературный альбомъ. „Гаральдъ“, баллада В. А. Жуковскаго.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, грав. Ольшевскій.

„Передъ дружиной на конѣ Гаральдъ, боецъ съдой,
„При свѣтѣ полной луны, въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.“

Библиотека "Руниверс"

Гаданье подь Новый годъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижаневича, грав. Шюблеръ.

Валуа. Благодаря значенію и вліянію на дѣла Франціи Катерины Медичи, вся французская аристократія говорила на ея родномъ языкѣ. Быстро прочтя бумагу, Таваннъ задумался и насупился.

Это была странная бумага... Полупредложеніе, полуприказъ, съ угрозой въ случаѣ несогласія и неисполненія...

Бумага гласила, что кавалеръ ди-Аволо, состоящій въ качествѣ секретаря при „Трехъ“, назначается пребывать постоянно въ свитѣ короля въ силу тайнаго постановленія Совѣта, который надѣется и увѣрять, что эта просьба будетъ доложена королю виконтомъ Солькесъ-Таванномъ и одобрена монархомъ. Въ противномъ случаѣ правительство не можетъ отвѣчать за безопасность Французскаго монарха на венеціанской территоріи, такъ какъ она, подобно многимъ другимъ странамъ, переполнена злодѣями-гугенотами и другими еретиками и отщепенцами Церкви Христовой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, члены Суда Трехъ просятъ держать въ строжайшей тайнѣ это назначеніе кавалера ди-Аволо и даже не вступать объ этомъ въ объясненія съ дожемъ, прокураторами и вообще съ кѣмъ-либо изъ венеціанскаго правительства.

Послѣднее требованіе показалось Таванну страннымъ.

— Стало-быть мы должны, сказалъ онъ, — держать это въ тайнѣ настолько, что даже не говорить о васъ съ самими пославшими васъ?

— Его величество можетъ заговорить обо мнѣ съ старѣйшимъ сановникомъ республики, съ Антонио Нани... Но не прямо...

— Намекомъ? Это не дурно. А кромѣ Нани никому даже не намекать?

— Никому! Кто долженъ это знать—будетъ видѣть меня самъ и будетъ молчать. Впрочемъ, это все такая мелочь, что стоитъ-ли монарху Франціи обращать на это вниманіе.

— Совершенно вѣрно, но все-таки странно! воскликнулъ Таваннъ насмѣшливо.

— Согласны-ли вы? почтительно, но сухо спросилъ ди-Аволо.

— Поневолѣ—да... Но по прибытіи его величества я доложу... И тогда дамъ вамъ окончательный отвѣтъ.

— Однако, при встрѣчѣ короля, при его торжественномъ въѣздѣ позвольте мнѣ уже находиться съ вами...

Таваннъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Soit!..

Кавалеръ ди-Аволо раскланялся и вышелъ.

„Отвратительная фигура!“ мысленно проводилъ его виконтъ.

Выйдя отъ фаворита Генриха, кавалеръ ди-Аволо сталъ спускаться по лѣстницѣ, искоса озираясь по сторонамъ... Черезъ мгновеніе влѣдъ за нимъ явился маленький человекъ въ либреѣ и нагналъ его. Это былъ главный камердинеръ виконта, по имени Этьенъ.

— Начало... шепнулъ онъ, идя вилотную за кавалеромъ и будто почтительно провожая гостя.

— Да, еще тише отозвался тотъ. — Что дальше?

— Пошли вамъ Богъ удачу.

— Нѣтъ. Не призывайте Его... Никогда не былъ Онъ милостивъ ко мнѣ... Скажите, что костюмъ?

— Все тотъ же, отвѣтилъ Этьенъ едва слышно.

Кавалеръ вышелъ, сѣлъ въ свою гондолу и кратко приказалъ гондольеру:

— Какъ всегда...

Гондола быстро двинулась серединой Canal Grande, но достигнувъ мѣста, гдѣ направо возвышался извѣстный въ Венеціи дворецъ съ маленькой башней, она остановилась. Гондольеръ держалъ лодку на мѣстѣ, тихо гребя противъ теченія. Дворецъ этотъ принадлежалъ герою республики, славному своими подвигами противъ турокъ адмиралу Контарини.

Прошла минута, и у окна второго этажа показалась замѣчательно красивая молодая дѣвушка, бѣловолосая, но съ серебристо-пепельнымъ отблѣнкомъ. Она нагнулась надъ цвѣтами у окна и начала будто поправлять ихъ, но ея большіе синіе глаза были робко устремлены на гондолу... Кавалеръ смотрѣлъ на дѣвушку и лицо его сразу преобразилось, стало радостно взволнованное...

Дѣвушка скрылась, а гондола двинулась далѣе по каналу.

Между тѣмъ виконтъ Солькесъ-Таваннъ, послѣ визита тайнаго секретаря Совѣта Трехъ, сидѣлъ у себя озадаченный. Онъ былъ изумленъ тѣмъ, что этотъ секретарь передалъ ему многія подробности посѣдшаго отъѣзда Генриха III изъ Польши. Какимъ образомъ кто-либо въ Венеціи могъ знать и донести правительству республики все то, что произошло нѣсколько дней передъ тѣмъ и могло быть извѣстно только свитѣ короля? А изъ всей этой свиты покуда лишь онъ одинъ, Таваннъ, явился сюда...

III.

Выѣздъ Генриха III изъ Польши былъ настоящій побѣгъ, отчасти комическій. Современная ему Европа не скоро узнала подробности этого эпизода исторіи Рѣчи Посполитой.

Генрихъ Валуа, такъ же какъ его отецъ Генрихъ II и такъ же какъ его братья Карлъ и Францискъ, былъ подъ полнымъ вліяніемъ Катерины Медичи, яростной ханжи въ дѣлѣ религіи и коварной интригантки въ дѣлѣ политики. Управляя Франціей именемъ мужа и сыновей, замѣчательная своимъ умомъ и энергіей, женщина эта сумѣла заставить Польшу избрать ея сына Генриха на польскій престолъ и заставила его принять избраніе.

Принцъ отправился въ далекую и чуждую страну какъ въ ссылку, но взялъ съ собой многочисленную свиту молодыхъ людей, которымъ исторія дала вскорѣ особое наименованіе: *mignons*.

„Миньонъ“ или фаворитъ, по равно „пѣвона“, равно „прелестникъ“, появился, такъ сказать, на свѣтъ въ Варшавѣ, но впоследствии сталъ играть большую и видную роль во Франціи за все время правленія Генриха III.

Эти молодые придворные проводили время въ праздныхъ и глупыхъ забавахъ, въ ухаживаньи за женщинами ради похвалы.

Между тѣмъ сами миньоны корчили изъ себя изпѣженныхъ, кичились женственностью и женоподобіемъ, и только одна ихъ особенность не соответствовала тому, что они изъ себя изображали. Это была пресловутая и прославленная исторіей страсть ихъ къ смертельнымъ поединкамъ, явившаяся послѣдствіемъ скуки отъ праздности и полнаго пресыщенія всѣмъ, а отсюда и искренняго презрѣнія къ жизни.

Всѣ миньоны были конечно замѣчательные поединники или бреттеры, т. е. знали искусство владѣть шнагой въ совершенствѣ, и затѣмъ вскорѣ послѣ воцаренія Генриха III они, какъ своего рода „опричники“ Франціи, стали грозой общества и народа. Дерзко оскорбляя все и всѣхъ — людей, нравы и обычаи отечества, они зря, безъ смысла и безнаказанно убивали всякаго подвернушагося подъ руку... Поединки стали надолго зарать и карой Господней въ странѣ.

Вотъ именно подобнаго рода молодежь — будущіе миньоны Франціи — послѣдовали за принцемъ Валуа, отправившимся въ страну, гдѣ тоже всякій панъ-магнатъ „за словомъ въ карманъ не полѣзетъ“, а за саблю хвататься то и дѣло привыкъ.

Краткое время правленія новаго Польскаго короля было мирное въ политическомъ отношеніи, но бурное въ иномъ смыслѣ. Вся столица, а затѣмъ все королев-

ство вскорѣ же возненавидѣло дерзкихъ чужеземцевъ, надменно относившихся къ „варварамъ“—полякамъ и распоряжавшихся какъ въ покоренной странѣ...

Сорамъ, стычкамъ, поединкамъ не было конца, и скоро въ столицѣ явились уже два яростно враждебные лагеря... Однако пань-магнаты одолевали, спуску не давали, и толпа миньоновъ начала рѣдѣть. Одни пали въ поединкахъ, другіе погибли на иной ладъ, мѣстный, „отъ батожья“ приверженцевъ и слугъ соперника-магната, третьи были высланы на родину королемъ за крайнее буйство, четвертые добровольно покинули Польшу, соскучившись по отечеству и семьямъ.

Послѣдніе были счастливы!

Какъ былъ бы счастливъ самъ монархъ, самъ новый избранныкъ польскаго народа, если-бъ онъ могъ тоже бросить фиктивный бразды правленія самовольнаго народа и тоже возвратиться на родину!

Близкій человѣкъ, наперсникъ и историкъ краткаго царствованія короля Польскаго изъ французовъ, засвидѣтельствовалъ потомству, что Генрихъ Валуа носилъ эту польскую корону „comme un roc sur sa teste“.

Пребываніе вдали отъ отечества истомило Генриха. Постоянно писалъ онъ матери, жалуясь на свою горькую участь, тоску, безвластіе и даже обиду, наносимыя ему его подданными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ пальцы лѣвой руки короля носили слѣды укуловъ. Онъ оставилъ на родинѣ многихъ красавицъ, которыхъ любилъ и которыя его обожали. И теперь онъ ежедневно сочинялъ имъ страстные посланія, писанныя „его собственной кровью“, выпускаемою иглой изъ руки.

И вдругъ однажды, когда король находился въ Краковѣ, рано утромъ явился къ нему австрійскій посланникъ при его Дворѣ и передалъ ему письмо отъ императора Максимилиана съ извѣстіемъ о смерти его брата, Карла IX.

Черезъ часъ нарочный отъ Катерины Медичи, проскакавшій отъ Парижа до Кракова безъ остановки, вручилъ Генриху собственноручное письмо отъ матери, призывавшей его на престолъ Франціи, гдѣ она объявлена временно и уже вторично регентшей.

Въ сумерки явился другой гонецъ отъ регентши, посланный ранѣе перваго, но кружнымъ путемъ, и подтвердившій все то же извѣстіе и то же приглашеніе явиться скорѣе въ отечество въ виду интригъ гугенотовъ и партизановъ короля Наваррскаго, Генриха.

Цѣлый день пробродилъ король Польскій какъ въ чаду отъ несказанно радостнаго извѣстія. Вечеромъ онъ созвалъ своихъ самыхъ близкихъ наперсниковъ и миньоновъ и заявилъ, что въ силу высшихъ государственныхъ соображеній надо покинуть предѣлы Польши немедленно...

— Когда же? спросили фавориты, въ числѣ десятка человѣкъ.

— Сегодня! отвѣчала Генрихъ.

И несмотря на увѣренія друзей, просьбы и совѣты ихъ не покидать государства, избравшаго его королемъ, Генрихъ стоялъ на своемъ.

— Если я сегодня не спасусь бѣгствомъ, то я никогда не буду королемъ Франціи, отвѣтилъ онъ. — Поляки задержатъ меня силой... надолго.

Генрихъ былъ правъ. Поляки, потерявшіе еще недавно много времени въ поискахъ короля, попадали снова въ трудное положеніе — искать новаго охотника занять престолъ.

Несмотря на искусное соблюденіе тайны, магнаты, окружающіе короля, будто чуяли что-то особенное въ воздухѣ. Генрихъ приказалъ всѣмъ главнымъ польскимъ сановникамъ, которые находились въ Краковѣ, собраться къ нему тотчасъ, несмотря на поздній часъ ночи. Выйдя къ собравшимся магнатамъ въ полномъ траурѣ, король объявилъ имъ о смерти брата Карла IX, но при-

бавилъ, что онъ, наследникъ французскаго престола по праву и по закону, принадлежитъ сердцемъ и нравственно Польшѣ и ее не покинетъ.

И въ присутствіи всѣхъ обрадованныхъ этимъ рѣшеніемъ магнатовъ Генрихъ написалъ матери и отправилъ письмо, гдѣ узаконивалъ ея временное регентство и передавалъ свои права своему кузену, Генриху Наваррскому, изъ фамиліи Бурбоновъ.

Въ десять часовъ король, въ присутствіи многихъ лицъ, торжественно, съ обычнымъ цереміаломъ, занялся своимъ туалетомъ, раздѣлся и удалился въ спальню, отходя ко сну. Два пажка, какъ это бывало всегда, задернули занавѣси его кровати и стали у дверей на часахъ.

Въ полночь Генрихъ и десятокъ ближайшихъ друзей его были уже за чертой города и скакали на коняхъ, какъ бѣгутъ развѣ только злодѣи, спасающіеся отъ суда и казни.

Съ этого мгновенія начался одинъ изъ самыхъ забавныхъ эпизодовъ исторіи.

Магнаты, будто чуявшіе игру и притворство короля, не дремали, т. е. не легли спать... Въ часъ ночи оберъ-камергеръ Двора, панъ Тенчинскій, пожелалъ, вопреки этикету, войти въ спальню, чтобы видѣть монарха въ постели... Дверь оказалась запертой и на голосъ придворнаго монархъ не откликнулся. Тогда дверь была взломана...

Черезъ часъ оберъ-камергеръ, нѣсколько пановъ-магнатовъ, а съ ними отрядъ въ двѣсти человѣкъ всадниковъ изъ числа всякаго рода придворныхъ, офицеровъ, простыхъ шляхтичей и дворцовыхъ слугъ были тоже на коняхъ и помчались вдогонку за коронованнымъ бѣглецомъ по дорогѣ на Вѣну.

Съ зарей отрядъ въ пять тысячъ всадниковъ, уже цѣлое вооруженное войско, помчался тоже по слѣдамъ перваго отряда.

Подданные ловили монарха! Объятые ужасомъ предъ пустымъ трономъ, который было такъ трудно замѣчать, они рѣшились на насиліе надъ личностью Генриха.

„Догнать, привезти и посадить на тронъ подъ арестъ!“

Бѣгство, погоня и поиски продолжались на протяженіи почти трехсотъ верстъ.

Генрихъ со свитой скакалъ почти безъ отдыха, почти не думая о нищѣ и снѣ...

Въ Освѣцимѣ бѣглецы были настигнуты. Погоня показала на холмѣ въ верстѣ отъ нихъ. Но они храбро перемахнули какую-то рѣчку вплавь и бросились въ лѣсъ... Здѣсь конь Генриха палъ, два коня изъ лицъ свиты пали тоже... Бѣжать, бросивъ трехъ своихъ на произволъ озлобленныхъ поляковъ, было невозможно...

Покуда Генрихъ и его друзья замѣшались, бродя въ чащѣ лѣса, Тенчинскій съ сотней своихъ всадниковъ тоже вплавь пересѣкъ рѣчку и, настигнувъ бѣглецовъ, окружилъ ихъ... И здѣсь, представъ предъ пойманнымъ королемъ, оберъ-камергеръ его съ отчаяніемъ воскликнулъ сохраненныя исторіей слова:

— „Serenissima Majestas, cur fugis?“

Генрихъ отвѣчалъ, что бѣжить во Францію занять престолъ предковъ и что святой долгъ призываетъ его въ дорогое отечество, которое не промѣняетъ онъ на сто польскихъ коронъ, и что только одно насиліе заставитъ его вернуться.

Здѣсь подданные уже собирались было употребить насиліе и грозили войскомъ, которое показалось на горизонтѣ...

Но, увы! На горе пановъ, случайное появленіе двухъ солдатъ около нихъ, среди лѣса, разрѣшило вопросъ... Солдаты были не въ польскихъ, а въ нѣмецкихъ мундирахъ. Король Польскій былъ настигнутъ за границей своего королевства, на землѣ Силезіи, и находился

уже подъ покровительствомъ императора Максимилиана. Пятидесятичное войско изъ Кракова конечно не имѣло права переступать границу Австріи безъ нарушенія международнаго права.

И Генрихъ Вадуэ заявилъ, что, опираясь на личное желаніе и общаніе заступничества императора Австрійскаго, онъ „здѣсь же, въ чащѣ лѣса“, слагаетъ съ себя званіе Польскаго короля и объявляетъ себя королемъ Французскимъ.

Впрочемъ, еще долго послѣ того Генрихъ III именовался: Rex Franciae et Poloniae.

Вскорѣ Генрихъ былъ уже въ Вѣнѣ въ качествѣ монарха Франціи и продолжалъ свой кружной путь, ради осторожности, чрезъ австрійскія и итальянскія владѣнія.

Виконтъ Таваннъ явился въ Венецію ранѣе своего короля и друга, чтобы приготовить многое для его дальнѣйшаго слѣдованія. Разумѣется, здѣсь, въ Венеціи, онъ одинъ могъ знать подробности всего, чрезъ что прошли они съ королемъ, покинувъ ночью краковскій дворецъ.

(Продолженіе будетъ).

„Неразлучное“

Рассказъ Николая Днѣпровскаго.

I.

Въ началѣ іюля 188* года, я бѣжалъ погостить мѣсяца на два въ Неразлучное — имѣніе моей сестры въ С-кой губерніи, расположенное верстахъ въ 12-ти отъ станціи желѣзной дороги. Я бывалъ тамъ еще въ дѣтствѣ, когда мы всей семьей бѣжали въ Неразлучное, въ гости къ бывшему владельцу его — Семену Васильевичу Грудкову — покойному мужу моей сестры. Я, помню, всегда восхищался всѣмъ, что я тамъ видѣлъ: чистымъ и глубокимъ озеромъ, казавшимся мнѣ тогда безбрежнымъ, старымъ запущеннымъ садомъ, полнымъ гама, шиска и стрекотанья всякой пернатой и легкокрылой твари, чуднымъ видомъ съ горы, на которой стоялъ старій, низкій, широко и гостеприимно разсѣвнійся деревянный домъ. Перенективъ провести два мѣсяца въ этомъ благословенномъ уголкѣ, отдышаться деревенскимъ воздухомъ, поохотиться на тетеревей, которыхъ въ окрестностяхъ Неразлучнаго водилось вдоволь — настолько улыбалась мнѣ, что, подѣхавъ въ великолѣпное раннее утро къ станціи, на которой надо было съходить, я чуть не бросился обнимать высокаго, бѣлоголоваго парня, вручившаго мнѣ списочку отъ сестры.

Предварительно онъ спросилъ меня:

— А вы, баринъ, не братецъ-ли Екатерины? Антоновичъ будете?

Въ запискѣ сестра просила кунить въ вокзальномъ буфетѣ разныхъ разностей „по прилагаемому списочку“; въ списочкѣ между прочимъ значилось: 2 фунта крахмалу и восьмунку спички; мясныхъ приписокъ для Маруси на 15 коп., фунтъ гвоздей полуфѣсы и пр. Все это въ буфетѣ оказалось налицо. Буфетчикъ держалъ лавочку и видно торговалъ бойко, потому что въ лавочкѣ всегда былъ народъ и оттуда несся говоръ, переходившій подчасъ въ ожесточенный споръ съ возгласами въ родѣ слѣдующихъ, донесшихся ко мнѣ въ этотъ разъ... „И д-ль тебя не уважилъ, Истратъ Борисычъ! намедни шкуру-то почестъ дарма тебѣ отдать, а ты мнѣ этакой малости не скинешь!“ или: „Прижалъ ты насъ въ какъ, Истратъ Борисычъ, да и куражишься! Ни вѣсть сколько годовъ у тебя беремъ, а ты и привѣску николи не накинешь!“ или: — „У-у, чортъ гнугый, ты-же мнѣ полуштоха ешию не поставилъ, а баранки спрашиваешь!“ и т. п.

Получивъ отъ буфетчика корзину съ покунками, которую бѣлоголовый парень бережно принялъ обѣими руками, сказавъ при этомъ: „Ого!“ и понесъ къ выходу, я получилъ мой багажъ, дождался пока парень вернулся за нимъ и вышелъ на подѣздъ вокзала.

Тройка сытыхъ коренастыхъ лошадей, помѣстительный развалитый тарантасъ, широкая спина Родивона (такъ звали, оказалось, бѣлоголоваго парня), увѣренно и быстро прилаживающаго къ задку тарантаса мой чемоданъ — все имѣло такой отпечатокъ бодрости, свѣжести и силы, что вмѣстѣ съ великолѣпнымъ утромъ производило на меня такое же радостное впечатлѣніе, какое долженъ испытывать школьникъ, просидѣвшій нѣсколько часовъ въ душномъ классѣ и вырвавшійся наконецъ на волю. Даже мой Русланъ, бѣлый сеттеръ, спутникъ всѣхъ моихъ охотничьихъ походовъ, обжавъ нѣсколько разъ дворникъ, лошадей и тарантасъ и ткнувъ мимоходомъ мордою прямо въ губы Родивону, неосторожно нагнувшемуся въ его сторону при увязкѣ чемодана, усѣлся возлѣ меня на крылечкѣ и такъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, словно хотѣлъ сказать: „Боже мой, какъ все тутъ хорошо.“

Конечно онъ былъ правъ.

II.

Наконецъ все было улажено, усѣлись. Тройка дружно взяла и покатила. Сначала дорога потряхивала, но когда повернули на широкую „большую дорогу“, обсаженную березами, — пошла прекрасная: прямая, ровная, убѣгающая вдаль постепенно суживающеюся стѣною лентою. По бокамъ потянулись полосы желтѣющей ржи вперемежку съ полосами мелкаго лѣсочка и ярко-зеленые ковры льна и овса. Вдали забѣлѣла церковь, полѣвѣе видѣлся вѣтрякъ, неподвижно растопырившій свои крылья, а между церковью и вѣтрякомъ

протянулась свѣтлая, серебряная полоска. Я зналъ, что церковь — это село Калачи, а свѣтлая серебряная полоска — Калачевское озеро, въ которомъ водились судаки. Я зналъ, что калачевцы зимою бойко торгуютъ рыбой и доставляютъ хороший доходъ калачевскому кабатчику Сысою Башендѣ. Зналъ я также, что калачевскій сельскій священникъ во время оно „вѣс силы покладать“ на то, чтобы общество закрыло этотъ ненавистный ему кабакъ, какъ бѣзло на глазу сидѣвшій на самомъ склонѣ холма, на которомъ стояла церковь. Подъ гостеприимнымъ кровомъ этого популярнаго на Русѣ учрежденія очень часто застрѣвали усердные богомольцы, по дорогѣ въ церковь. Это была старая, упорная борьба, интересовавшая всѣхъ прихожанъ, разбиравшая ихъ на двѣ враждебныя партіи. Партія эти, впрочемъ, всегда были численности неравномерной: гвельфы (такъ окрестилъ противника кабаковцевъ лѣстный острякъ, становой пристава) всегда значительно уступали гibelаннамъ (кабаковцы). Отецъ Никифоръ, 15 лѣтъ ведущій эту борьбу, несмотря на всю свою энергію, на трогательныя увѣщанія, направленные къ умягченію сердецъ паствы, съ сокрушеніемъ взиралъ на слабость своей партіи и все надѣялся на лучшія времена.

Мнѣ захотѣлось узнать, какъ теперь стоятъ дѣла по этому кабаковскому расколу.

— Что, Родивонъ, калачевскій пошъ съ кабатчикомъ все еще не справился? обратился я къ своему возницѣ.

Родивонъ отвѣтилъ не сразу. Онъ сначала сдержалъ тройку, подобралъ подъ себя вожжи, потомъ медленно передвинулся на козлахъ бокомъ ко мнѣ, быстро сдернулъ съ головы картузъ, почесалъ за ухомъ и, падѣвъ картузъ опять, бросилъ на меня веселый и плутоватый взглядъ и произнесъ медленно:

— А вы нешто слышали?

Я сказалъ, что бывалъ въ этихъ мѣстахъ и кое-что слышалъ. — Вотъ совсѣмъ было сладилось одно время, да пошча опять у нихъ пошло.

— Что-жъ такъ?

— Тутъ дѣло одно у нихъ вышло. Ну да обнаковенно, отецъ-то Никифоръ вѣдь никакаго озорства не допускаетъ, а тутъ такое завели, что и вовсе не пригоже.

III.

Возбудивъ такимъ образомъ мое любопытство, Родивонъ опять снялъ картузъ, порылся въ немъ, досталъ зарятанный за подкладкою картуза окурочъ махорочной папирсы, потомъ медленно полѣвъ въ карманъ, пошарилъ тамъ, добылъ спичку и сталъ закуривать.

— Что-жъ такое завели? спросилъ я.

— Да вы можете знаете Анютку Хасѣкинскую? протянулъ онъ.

Я сказалъ, что не знаю.

— Анютка, Васыки лѣснига дочка, — ну такъ изъ-за ее вся штука и пошла. Ну обнаковенно, если бы Иванъ Сысонъчъ — сынъ-то кабатчиковъ, въ нее не влюбимшись былъ, оно бы ничего, потому самая статья неподходящая, чтобы ему ее брать при такомъ-то капиталѣ; а онъ заладилъ одно: женюсь, да и женись! вотъ изъ того и вышло.

— Да что-жъ вышло-то? перебилъ я медлительное повѣствованіе Родивона.

— А, браецъ ты мой, вотъ какъ это у нихъ случилось. Иванъ Сысонъчъ, сынъ-то кабатчика, по осени прошлаго года заведеннымъ порядкомъ поѣхалъ по деревнямъ лепъ скупать, ну, и заѣхалъ къ Васыкѣ. А краля-то къ ему и выходитъ.

Родивонъ глубоко затынулся и пахнулъ дымомъ. Я воспользовался паузой, чтобы спросить, какая краля.

— Да вотъ Анютка-то, Васыки Хасѣкинскаго дочка. Вѣдь она у насъ на всю округу кралей зовется, и именно, что краля; всѣмъ ваяла: изъ себя-это рослая, такая раскидистая, ну ни-и-сажая и писаная...

У Родивона видно не находилось словъ, чтобы выразить, кака я писаная и раскидистая краля была дочь Хасѣкинскаго полѣсовщика. Во время разсказа о ней, онъ какъ-то перемѣнился: серьезное и апатичное лицо его, съ свѣтлымъ пухомъ

Боярышня. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Лоренца, грав. Бергъ.

усовь и бороды, оживилось, глаза смотрѣли вдаль, чуть покрясь и пошуриваясь.

— Ну такъ вотъ, какъ увидаль-то ее Иванъ Сысонецъ, такъ и остановился, и слова сказать не умѣлъ, только шапку снялъ, да глазъ съ нея не сводить. А она, обыкновенно, дѣвка не верченая, застыдилася и ушла батьку скликать, ну а сама не вышла. Уже Иванъ Сысонецъ тутъ съ Васькой и то и се, какъ молъ раньше я дочку твою не видать, да такая молъ она у тебя распригожила—ну, вовсе размякъ малый. Наказалъ Васькѣ, чтобы самъ лень привозилъ къ нимъ въ Калачи, да чтобы непременно съ дочкой прѣзжать. А Васька тожъ мужикъ не дурень—унирается, она молъ у меня дома по хозяйству, нельзя дескать ей отлучиться, — и такъ Ивана Сысонецъ улегилъ, что тотъ ему на пятакъ съ пуда дорожке супрогивъ другихъ накинулъ, только чтобы съ дочкой привозилъ.

Ну, съ этой поры и зачастилъ Иванъ Сысонецъ въ Хасѣкино: то ему надобность въ кузю (а Васька и кузю держитъ), то лыки, то ободья скупаютъ—ну почестъ раза два въ недѣлю набѣзжать сталъ и все у Васьки ему остановка выходитъ. А послѣ Спаса осенняго прямо этакъ къ отцу—къ Башендѣ-то. Такъ, молъ, и такъ, засклай сватовъ къ Василью въ Хасѣкино, на дочкѣ его жениться хочу, да и шабашъ!

IV.

Тутъ Родивонъ смолкъ, поправилъ картузь и сталъ весьма триваться впередъ, собирая вожжи и направляясь на козлахъ. Навстрѣчу намъ по дорогѣ двигалось облако пыли. Видно было мелькавшее сквозь это сѣрое облако какое-то красное пятно позади лошадиной головы надъ дугою и слышался стукъ быстро катящихся колесъ. Наконецъ, ясно можно было различить, что ѣдетъ телѣга парюу, и рядомъ съ сидищею въ задкѣ телѣги женщиною въ красномъ платкѣ править лошадей, свѣсивъ ноги съ грибки телѣги, крѣпкой, съ сильною просѣдою, мужикъ, одѣтый въ бѣлый кафтанъ изъ грубой холстины. И не успѣвъ разглядѣть какъ слѣдуетъ ни мужика, ни женщины, по изъ-подъ надрывутаго на лобъ красного платка въ меня на мгновение уставились два большіе голубые глаза. Родивонъ снялъ картузь, мужикъ отвѣтилъ ему тѣмъ же и телѣга громыхая прокатилась мимо. Родивонъ повернулся на козлахъ, проводилъ глазами проѣхавшихъ и опять быстро и плутовато глянулъ на меня.

— Вотъ они самые, легки на поминѣ, Васька съ дочкой. Должно на торги въ волость поѣхали: лыки почета въ казенникѣ продаютъ, такъ ужъ Васька Демьяновскій участокъ всегда за себя снимаетъ. Ну должно на торги и есть, тамъ и Иванъ Сысонецъ всегда бываетъ.

— Ну что-жъ, отецъ-то, кабатчикъ, развѣ зауярился? навель и разказчика на прѣзнюю тему.

— И-и-и! Какъ закричить, какъ затопочеть! Ты, говоритъ сыну, хочешь ослѣпить меня на старости лѣтъ, мы, говоритъ, на такихъ, какъ твоя Анютка, батраковъ своихъ женить можемъ, а при моемъ, говоритъ, званіи, да почетѣ, я такую голь перекатную въ домъ къ себѣ не возьму. И пошелъ, и пошелъ... А Иванъ Сысонецъ уперся, да и ну!

При этомъ Родивонъ опять повернулся и, уперевъ кнутовище въ крыло тарангаса, сильно палегъ на него, изображая такимъ образомъ, какъ уперся Иванъ Сысонецъ.

— Такъ ничего у ихъ и не вышло?

— А то вышло, что Башендиха Ивану-то Сысонецу всю морду сметаной залила!..

При этомъ Родивонъ такъ искренно и радостно раскатился здоровымъ, молодымъ смѣхомъ, что я не могъ даже сразу выкрикнуть, чтобы этотъ флегматичный на видъ нарещъ способенъ былъ такъ оживленно выражать свою радость по поводу столь грустнаго, для Ивана Сысонецова, обстоятельства. Даже Русланъ, задремавшій было, свѣсивъ голову за край тарангаса, вздрогнулъ отъ неожиданности и, быстро поднявъ морду, удивленно глянулъ на Родивона сонными глазами. И невольно засмѣялся самъ.

— Какъ такъ?

— А такъ, что залила. Сталъ онъ на своемъ наирать, что молъ давно ужъ порѣшилъ, такъ она слушала, слушала,—а

старуха-то она, знаете, непочтительная, упорная; какъ держала жбанъ со сметаной, масло битъ сбиралась, такъ весь жбанъ ему въ рыло и выворотила.

И снова злорадный, раскатистый смѣхъ, и снова Русланъ, шевельувъ головой, сонно моргнувъ глазами.

— Ну, съ недѣлю у нихъ потомъ война шла, отца Никифора миритъ призывали; сколько безпокойства въ Калачахъ надѣлали—страсть! А Иванъ Сысонецъ одною съ парнями и говоритъ: „А коли не хочешь дать родительскаго благословенія, говоришь, такъ мы и такъ обойдемся!“ Такъ и порѣшилъ, да къ отцу Никифору—проситъ. „Она, говоритъ, по своей охотѣ, а я ужъ въ возрастъ вошѣдчи, не несмыслъ какой, самъ себѣ хозяинъ, свою, значить, планиду самъ понимать могу; что мнѣ, говоритъ, батька въ такомъ дѣлѣ, мнѣ съ ней жить, а не ему!“

Родивонъ рѣзко пошевелилъ вожжами, какъ бы одобряя все доводы Ивана Сысонецова, и тарангасъ покатила шибче.

— Ну, отецъ Никифоръ этому случаю и радъ. Такихъ, молъ, плутыи законовъ, чтобы могъ тебѣ отецъ въ этомъ воспретить; и, говоритъ, согласенъ вѣнчать, такъ и скажи своему сквалыгѣ!

Какъ прослышала про это нашъ Башенда, такъ ни да позелѣнѣлъ весь, да и говоритъ:

— Хотѣлъ я съ пономъ въ ладу жить, а онъ вотъ какія штуки подиуащеть, такъ теперь я-жъ его архіереюмъ дойму!

Ну и пошло промежъ ихъ съ той поры поирежнему, просто глядѣть теперь другъ на дружку не согласны... Смѣхъ, ей-Богу!..

— Ну и поженить?

— Штъ! какъ-то быстро, улыбаясь и мотнувъ головой, тонкимъ голосомъ выкрикнулъ Родивонъ.—Васька какъ узналъ про это, такъ и почалъ Ивана Сысонецова отваживать, потому—что-жъ за корысть ему, когда Башенда сына капиталу лишишь. Ёшь, браецъ, у насъ, Васька-то, мужикъ умный, ёшь, братъ, тоже на Ивана Ушари расчегъ держитъ объ дочкѣ-то, да нѣтъ, не туда тотъ глядитъ, чтобы въ законъ вступать.

V.

И зналъ семью Ивана Ушари; это была зажиточная, большая семья, но Ивана я помнилъ еще мальчишкою—Вашькой Ушарешкомъ, когда мы вмѣстѣ съ нимъ лазили по липамъ Перезлучинскаго сада и добывали изъ гнѣздъ яйца дроздовъ въ старомъ липникѣ. Этому липнику сестра была обязана великолѣпнымъ медомъ, славившимся на весь уѣздъ чуднымъ цвѣтомъ и ароматомъ. Сестра всегда хвасталась, что архіерей, пробовавшій ея медъ, когда, объѣзжая епархію, кушалъ у ней чай, съ тѣхъ поръ всегда присылаетъ къ ней за медомъ, называя его своимъ „неразлучнымъ угѣшеніемъ къ чаю“.

— А что Ушаревы? спросилъ я.—Должно быть все повзросли, семья большая?

— А вотъ какая семья, что какъ выйдутъ самъ-пять копей рѣчку, такъ ажъ зависть беретъ смѣрѣтъ, какъ важно орудуютъ. Ну у нихъ и земли довольно, лѣтосъ у графини 70 десятинъ въ Гредякнскомъ клину, что къ липѣ подошелъ, кушали, такъ они теперь паны. Только Иванъ-то не болно расчитывается при землѣ оставаться, ёшь, браецъ, почета въ солдаты уйдеть, такъ я, говоритъ, со своимъ мастерствомъ въ Москвѣ получше здѣшняго заработаю. А онъ у насъ именно что столаръ огличный, да и грамотенъ, братъ, здорово!

Мнѣ почему-то показалось, что и самъ Родивонъ имѣетъ виды на Анютку и мнѣ хотѣлось выяснитъ это обстоятельство.

— Ну, а ты, Родивонъ, не собираешься жениться? спросилъ я.

Родивонъ, сидѣвшій ко мнѣ въ полъ-оборота и глядѣвшій приницясь на свергающуюся на солидѣ рыбъ неширокой, съ гуето поросшими осокою берегами рѣчонки, которую намъ надо было переѣзжать, слегка потупился и сталъ ковырять кнутовищемъ мысокъ своего огромнаго сапога.

— Да мнѣ тоже на осень въ солдаты идтить, меня батька женить не собирается,—нехотя отвѣтилъ онъ, поднявъ голову, съѣлъ прямо и, собравъ вожжи, сталъ сдерживать тройку подъ горку—къ мосту черезъ рѣчку. Своимъ несосторожнымъ вопросомъ я видно отбилъ у него охоту продолжать разговоръ, и онъ все вниманіе обратилъ на лошадей.

(Продолженіе будетъ).

Литературныя бесѣды.

И. А. Гончаровъ.

(Литературная характеристика).

Какъ извѣстно, Гончаровъ выступилъ на литературное поприще въ концѣ 40-хъ годовъ большимъ романомъ „Обыкновенная исторія“, въ которомъ рѣзкими и яркими чертами изображены два типическихъ представителя тогдашняго времени: провинциаль-идеальность, еще юный, не искусенный еще жизнью юноша, создающій въ своихъ представленіяхъ какой-то несуществующій мѣръ и оттого жестоко страдающій, и дядя его, значительный петербургскій чиновникъ, хорошо знакомый съ жизнью и не желающій разочаровывать племянника въ его пламенныхъ, но лишенихъ всякой жизненной основы мечта-

нійхъ. Романъ поразилъ всехъ и глубокимъ содержаніемъ и удивительною отдѣлкою частностей; авторъ не допустилъ въ своемъ проповеденіи никакихъ разсужденій и полемикъ, а заставилъ изображенныя имъ лица, дѣянія ихъ и событія говорить самихъ за себя. И Гончаровъ сразу завоевалъ себѣ общее вниманіе. Гениальный по чуткости русскій критикъ, Бѣлинскій признавалъ дарованіе Гончарова высоко замѣчательнымъ, а произведеніе его—истинно художественнымъ. Прошло затѣмъ цѣлыхъ десять лѣтъ, прежде чѣмъ появилось новое произведеніе Гончарова—„Обломовъ“, изъ котораго напечатанъ былъ

въ одномъ изъ альманаховъ отрывокъ, именно „Сонъ Обломова“—также въ концѣ сороковыхъ годовъ. И эти десять лѣтъ прошли не даромъ для художника. „Обломовъ“ явился передъ читателемъ какимъ-то открытiемъ. Неподвижный, вялый, совершенно безплатный на практическую благородную дѣятельность, Обломовъ своими типическими свойствами объяснилъ длинный рядъ явленій русской какъ исторической, такъ и современной жизни. Художественность обрисовки характеровъ, ихъ полная цѣлостность, полное согласiе всѣхъ ихъ во всѣхъ мельчайшихъ проявленiяхъ представляли такую чарующую прелесть, что въ Гончаровѣ признали дарованiе первостепенное, и другой знаменитый критикъ, Добролюбовъ, ярко освѣтилъ это общее впечатлѣнiе своей извѣстной статьей: „Что такое Обломовщина“. Умственная и физическая лѣнь, столько вѣковъ державшая русское общество и народъ въ мрачѣ невольчества, получила выраженiе въ художественномъ типѣ. Здѣсь не мѣсто входить въ объясненiе, насколько Обломовъ стоитъ въ противорѣчii съ такими историческими русскими лицами, какъ Петръ Великiй, Ломоносовъ и пр., полными энергiи, и съ такими проявленiями русской силы и энергiи, какъ во времена междоусобицъ, Отечественной войны и проч. и проч. Несомнѣнно одно, что Гончаровъ съ необыкновенной силой художественности изобразилъ черту русскаго характера, которая не можетъ не быть признана. И Гончаровъ занялъ мѣсто среди самыхъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателей. Позднѣйшiй романъ его „Обрывъ“ и еще нѣсколько произве-

денiй не могли автору дать большей славы, чѣмъ та, которую онъ пользовался уже; но во всѣхъ этихъ произведенiяхъ были тѣ же гончаровскiя черты огромнаго художественнаго таланта и большаго, остраго, пронизательнаго ума. Какъ живая стояла передъ читателемъ выведенныя Гончаровымъ лица со всеми своими характеристическими чертами, и говорятъ понятнымъ языкомъ о своемъ значенiи въ общественной жизни и въ жизни частной, въ отношенiяхъ съ тѣми, кто ихъ окружаетъ, близко стоять къ нимъ. Гончаровъ никогда не прибѣгаетъ къ попененiямъ, столь обычнымъ даже въ художественныхъ произведенiяхъ, онъ просто даетъ образъ, какъ бы говоря читателю: вотъ вамъ человекъ, вотъ вамъ его душевныя свойства, — судите его, какъ хотите. Но ярко освѣщенная фигура не допускаетъ, однако, произвола въ сужденiяхъ, читатель долженъ, не будучи слѣпымъ, понять хорошо это представленное ему лицо, видѣть сквозь его сущность—такъ ярко и полно отражено оно художникомъ. Гончаровъ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которые должны быть тщательно изучаемы. Читательская публика въ Гончаровѣ имѣетъ одного изъ тѣхъ художниковъ, которые говорятъ сердцу и воображенiю значительными и полезными образами. Гончаровъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей старой, хорошей школы литературной, въ которой еще можно найти насенiе отъ всепожирающаго литературнаго разложенiя, появившагося въ переживаемое нами время.

Арсенiй Введенскiй.

Новогоднiе планы молодой дѣвушки.

Съ англiйскаго М. Шедлингъ.

Понедѣльникъ.

Да, я рѣшилась, и непременно должна въ этомъ году опредѣлить мое призванiе и сдѣлать *что-нибудь* особенное; *что-нибудь* необъяснимое какъ будто говорить мнѣ, что во мнѣ кое-что кроется.

Почему бы мнѣ не сдѣлаться писательницей?

Я увѣрена, что эта мысль восхительна. Братъ Иды надѣихъ говорилъ мнѣ, что все искусство писанiя заключается лишь въ томъ, чтобы вызывать, подобно бисеру, одно къ другому массу малозначащихъ, но, повидному, глубокомысленныхъ словъ и выраженiй. Это объясненiе меня ободритъ; и непременно постараюсь всеми силами отличиться на литературномъ поприщѣ.

Разберемъ, напримеръ, мою первую фразу: она, кажется, прекрасно составлена. И не упустила въ ней ни одного грамматическаго правила и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто нѣчто высказала.

Только замѣть это „нѣчто“, да еще два раза подъярь? Это кажется повторенiе, а я знаю, какъ ужасно повторять нѣсколько разъ подъярь одно и то же слово! Но путь гениа къ славѣ усеянъ терниями. Я начинаю чувствовать ихъ уколы.

Слѣдно и досадно, когда человекъ не можетъ высказать великой мысли рѣчью, свободно текущей отъ сердца, не прибѣгая къ тождесловiю. Я глубоко цѣлюрю того, кто выдумалъ терминъ: „тождесловiе“.

Однако какимъ другимъ словомъ могъ бы кто-либо (хоть самъ Шекспиръ) замѣнить это злосчастное „нѣчто“, которымъ я такъ удачно выразила мою мысль?

Пожалуй можно сказать: „но зрѣлому обесужденiю я пришла къ заключенiю, что теперь именно наступило время перерога въ моей жизни. Я рѣшилась выполнить свою задачу. Какимъ путемъ — я пока еще не знаю, но тайный голосъ говоритъ мнѣ, что мнѣ суждено занять видное мѣсто въ ряду общественныхъ дѣятелей, и убѣждаетъ меня, что во мнѣ есть нѣчто... нѣтъ, на этотъ разъ я не хочу писать этого несноснаго „нѣчто“:—все убѣждаетъ меня, что во мнѣ несомнѣнно кроется большой талантъ“.

Впрочемъ и это мнѣ тоже вовсе не нравится! Я думаю, изъ меня не выйдетъ хорошей писательницы. Пойду лучше спать.

Вторникъ.

Увы!—Цѣлый день промель, а я все еще не опредѣлила моего призванiя!

Братъ Иды разсмѣялся, когда я ему сказала, что у меня есть призванiе. Онъ говоритъ, что всѣ женщины имѣютъ свое призванiе, но, къ сожалѣнiю, только немногiя его понимаютъ. Когда я спросила его, какое, по его мнѣнiю, мое назначенiе въ жизни, онъ опять разсмѣялся и отвѣтилъ, что я очень скоро сама его найду. Противный! Онъ обращается со мной, какъ съ глупымъ, капризнымъ ребенкомъ. Я ему припомню это, я ему отплачу, когда сдѣлаюсь знаменитостью! Быть осмѣянной братомъ своей задушевной подруги,—можетъ-ли быть что-нибудь обиднѣе для умной женщины (я увѣрена, что я умна)!

Хочу прекратить знакомство съ Идой; тѣмъ болѣе, что мои артистическiя занятiя едва-ли позволятъ мнѣ тратить время на что-либо другое. Будущее мое рѣшено. Я сдѣлаюсь художницей. Я такъ отлично умѣю рисовать красками по методу Кесингтона, и я увѣрена, что у меня положительно есть художественный талантъ.

И такъ посмотримъ; я буду рисовать. Что же я буду рисовать? Не изобразить-ли мнѣ какое-нибудь великое историческое событiе—например встрѣчу Франциска I съ Генрихомъ VIII?—Какой величественный сюжетъ! Я полагаю, что сумѣю его хорошо разработать.

Я думаю сдѣлать фигуры почти въ натуральную величину. Тогда можно придать болѣе вѣрное выраженiе лицамъ. Напримеръ, выраженiе благороднаго чувства удовлетвореннаго самолюбiя на лицѣ Франциска.

Я слышала, что Рафаэль дѣлалъ всегда предварительно маленькiе наброски для своихъ фрескъ и Мадоннъ. Попробую. Вотъ это вѣрно будетъ Францискъ, это—Генрихъ; на мѣстѣ этихъ крестиковъ будутъ палатки, а этими волнистыми линиями, позади ихъ величества, обозначу придворныхъ и свиту. И такъ, кажется, весь планъ готовъ; изобразимъ теперь Генриха. Его величество смотритъ, однако, слишкомъ свирѣло, точно голландская кукла; но это ничего, это все сгладится при наведенiи красокъ; я не могу такъ хорошо рисовать карандашомъ, какъ я рисую красками.

Теперь перейдемъ къ Франциску. Боже мой! Онъ вышелъ больше Генриха, а онъ долженъ быть нѣсколько позади Генриха! Какая досада, что придется вычистить Франциска! Впрочемъ, я не вижу никакой исторической причины, почему бы и Генриху не стоять позади Франциска; пусть такъ и будетъ! Теперь примусь за свиту. Этому рыцарю нужно сдѣлать значительно меньше, такъ какъ онъ будетъ стоять поодаль отъ королей..

Ну вотъ и вознесъ съ этими масляными красками! Я пролила на себя скинцдаръ.

И какъ скверно пахнетъ этотъ скинцдаръ! Мнѣ кажется, что запахъ его очень вреденъ. Онъ разрушительно дѣйствуетъ на горло; я уже чувствую сухость во рту. Нѣтъ, брошу эту работу, я не могу быть художницей, если для этого мнѣ придется имѣть дѣло со скинцдаромъ.

Прощай искусство, и надолго. Иду мыть руки и переменить платье. Я серьезно заболѣю, если останусь здѣсь дольше.

Нѣтъ, я не могу быть художницей!

Среда.

Мои дѣя неудачи совсѣмъ лишили меня энергiи. Я жалѣю только, что рассказала о нихъ Идѣ; братъ ея все трунитъ надо мною. Когда я сказала, что еще не нашла своего призванiя, онъ разсмѣялся какъ всегда (у него такой отвратительный смѣхъ) и сказалъ, что этому онъ вполнѣ вѣритъ. На мой вопросъ: „почему вы такъ думаете?“—онъ отвѣтилъ: „потому что ужъ знаю бы, если бы это случилось“. Этотъ человекъ способенъ дѣлать дѣръжiя замѣчанiя, даже несмотря на мою дружбу съ его сестрой.

Мнѣ совсѣмъ не нравится, что Ида ему передаетъ все, что я ей рассказываю.

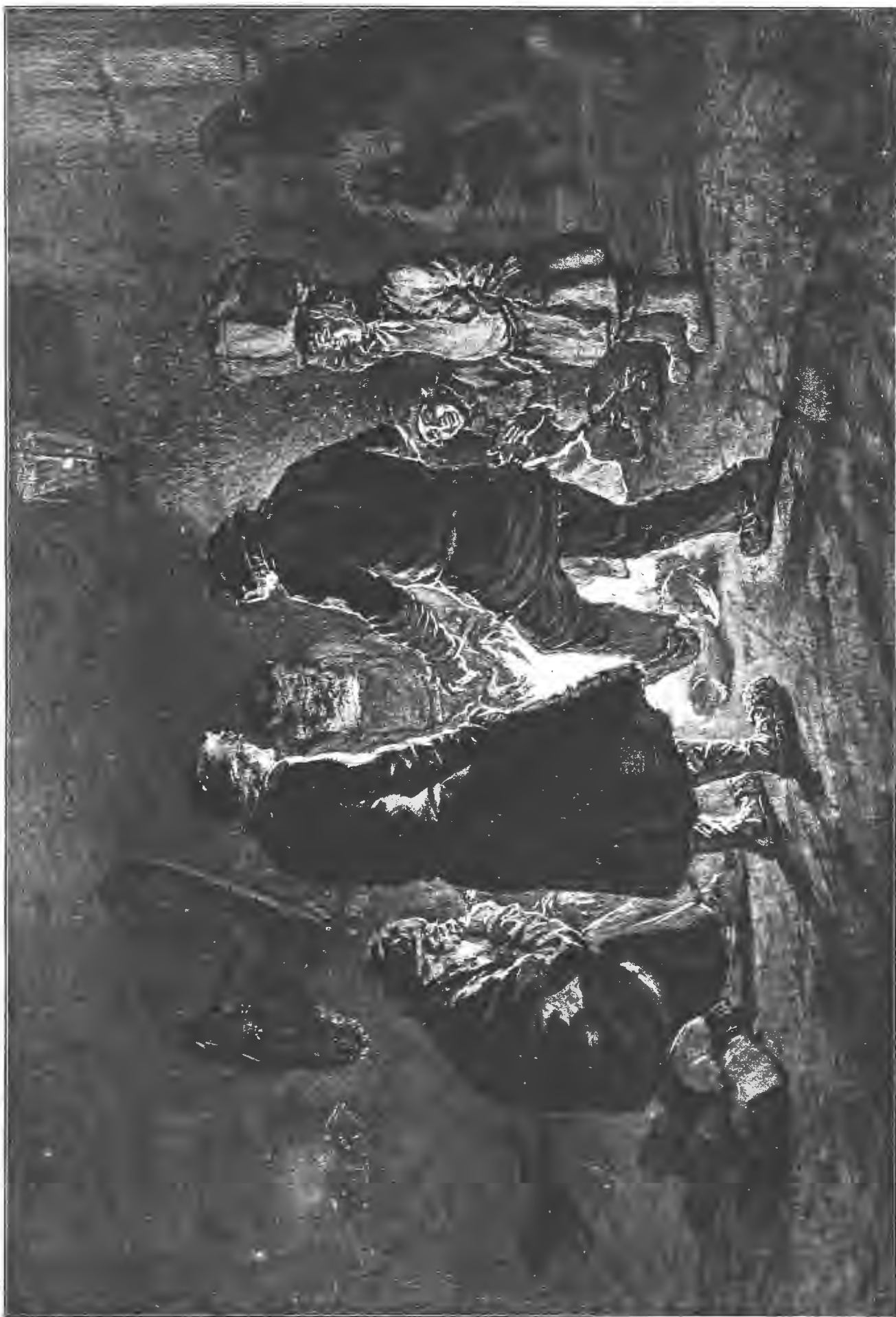
Сегодня я не чувствую вдохновенiя, но я рѣшила не пропускать дни безъ попытки найти настоящiй путь къ моему дѣлу.

И отличная мысль пришла мнѣ въ голову. Можетъ-быть, я сдѣлаюсь поэтессой:

Когда поникнетъ плачущая пва,
И луна сребристымъ свѣтомъ,
Въ рѣчкѣ искрится ирисъ,
Дѣла крадется съ....

Въ назначействѣ. Выдача пенсій въ началѣ мѣсяца. Ориг. рис (собств. „Нивы“) Г. Броллинга, грав. Пистушкевичъ.

Въ ночь подѣ Новый годъ. Ориг. рлс. (собств. «Нивы») Н. Шаховского, авторшии Ангерера.

Съ чѣмъ? Здѣсь необходимо найти рѣшму съ „свѣтомъ“. Дѣва крадется съ... букетомъ... лорнетомъ... трепетомъ... браслетомъ...

Боже мой, вотъ опять Иднѣ братъ.

Да, я пишу. Но я положительно не понимаю, какое вы имѣете право спрашивать меня о томъ, что я пишу? Ну, да—стихи, я кажется открыла мое призваніе. Я написала вступительныя строфы моей будущей поэмы. Если я буду продолжать такъ же хорошо, то уже ни вы, ни кто-либо изъ васъ не будете имѣть права смѣяться надо мной. Вы вотъ и теперь смѣетесь, но это совсѣмъ не ново. А вы думаете легко писать стихи! Да вотъ кстати, если вы ужъ такой умный, найдите мнѣ рѣшму на „свѣтомъ“? Что! Нѣтъ такой рѣшмы! О, вы жестокой, ненавистный человекъ. Это вы все виноваты. Вы всегда мѣшаете мнѣ и портите все, за что я ни возьмусь. Не помѣнай вы, я бы придумала прекрасную рѣшму.

Не хочу быть поэтомъ, не хочу быть ни чѣмъ, а съ вами никогда больше не буду разговаривать.

Четвергъ.

Единственное удовлетвореніе, которое я чувствую думая о вчерашнемъ днѣ, это то, что мнѣ удалось такъ отлично отдѣлать Идну брата. Я не думаю, чтобы онъ опять принялся за свои наемъшники. Ида такая милая, такая добрая, ей, кажется, надоѣло поведение брата и она старается загладить его грубыя выходки; благодаря ей совѣту, я знаю, что мнѣ предпринять сегодня.

Она говоритъ, что если мнѣ не нравится литература и если я не могу выносить запаха скиннидара, то почему бы мнѣ не попытаться счастья въ скульптурѣ, въ лѣпной работѣ.

Я непременно должна совершить нѣчто важное въ жизни. Это мое твердое рѣшеніе. И если я доживу до восемнадцатаго дня рожденія—шестого будущаго мѣсяца,—не опредѣливъ моего истиннаго призванія или назначенія, то я почувствую полное разочарованіе въ такой пустой, безцѣльной жизни. Я такъ полна энергіи, во мнѣ столько силы и честолюбія,—о, если бы мнѣ только удалось ихъ примѣнить!

Мама была очень не любезна со мною въ теченіе этой недѣли и все твердила, что я попусту трачу время и деньги на разныя глупости, и что мнѣ нужно заняться штопаньемъ напашинныхъ носковъ; я знаю, она не дастъ мнѣ ни копѣйки больше. При всемъ должномъ уваженіи къ дорогой мамѣ, я не понимаю, какъ она можетъ заставлять меня штопать напашинныя носки. Сама она загнушила въ себѣ всѣ высіяя побужденія—такая милая женщина, какъ мамѣ—стала рабыней домашнихъ заботъ и штопанья; но по крайней мѣрѣ не должна же она желать и для дочери такого существованія.

Я знаю, что у скульпторовъ есть всегда ученики, которые исполняютъ всѣ работы; попрошу Иду помочь мнѣ. Она предоставила въ мое распоряженіе мезонинъ въ ихъ домѣ и притащила ведро гипсу. Мой выборъ палъ на нашу беби, она мнѣ послужитъ моделью. У беби очень красивая ножка и я рѣшила сдѣлать съ нея слѣпокъ сюрпризомъ для мамѣ.

Беби очень добра и, кажется, не обращаетъ вниманія на то, что ей пришлось снѣть чулочки и вымазать ножки гипсомъ. Гипсъ, кажется, недостаточно густъ, но, я думаю, онъ все-таки окрѣпнетъ.

Какая прелестная дѣвочка беби. Она позволила мнѣ сдѣлать слѣпокъ съ ея милой, дорогой ножки. Я вылила ей на ножку весь гипсъ; не знаю еще какъ снѣть, но я увѣрена, что модель должна выйти хорошо. Я положила беби и дала ей нѣсколько леденцовъ, чтобы она лежала спокойно, пока высохнетъ гипсъ, и затѣмъ отошла къ окну, поботать съ Идой...

Оказалось, что я вмѣсто гипсу залила ножку беби цементомъ. Цементъ засохъ и его насилу отбили, испортивъ всю мою работу.

Мама запретила мнѣ дѣлать какіе бы то ни было слѣпки.

Такъ обращаются въ нашей семьѣ съ гениемъ!

Пятница.

Мама говоритъ, что если я непременно хочу стать чѣмъ-нибудь, то должна сдѣлаться музыкантшей; тогда я никому не могу сдѣлать вреда, а она можетъ слушать какъ я играю. Она говоритъ—я должна упражняться по четыре часа въ день. Не хочу!—при всемъ должномъ уваженіи къ дорогой мамѣ—

не могу. Мама сказала, что я должна слушаться и заперла меня въ гостиную. Она говоритъ, что я должна или стать музыкантшей или выйти и штопать напашинныя носки. Я лучше буду музыкантшей. Вотъ, наконецъ, я насильно вынуждена выбрать себѣ занятіе. Но со многими гениями поступали точно такъ же. Мама, мнѣ кажется, хочетъ сдѣлать изъ меня учительницу музыки; но я хочу быть Годаромъ и играть передъ королевскими особами. Сыграю новый вальсъ, который Идочкѣ такъ нравится.

Какъ жестоки бываютъ матери! Сейчасъ мамѣ просунула голову въ дверь и сказала: если я не перестану играть этого вальса, она заставитъ меня штопать носки. Она говоритъ, что всѣ музыканты играютъ гаммы въ теченіе двухъ часовъ въ день и если я не отказалась совершенно отъ моего намѣренія, я должна сейчасъ же начать играть гаммы.

Такъ и быть, буду играть гаммы—противное занятіе—только ужъ ни за что не стану играть минорныя гаммы.

Въ общемъ, однако, братъ Иды не такъ дурень; сегодня онъ кажется особенно милъ. А вотъ и онъ, куда это онъ идетъ? Что это—онъ повернулъ къ нашимъ воротамъ—онъ идетъ сюда! Скажу ему нѣсколько словъ въ форточку, тогда онъ не замѣтитъ, что я заперта.

Онъ спросилъ, позволятъ ли мнѣ мои артистическія занятія кататься на конькахъ? Я отвѣтила да, особенно сегодня утромъ. Какъ скоро я буду готова? Сейчасъ, черезъ.. вотъ опять мамѣ все испортила; она сказала ему, что я вообще вовсе не буду готова, такъ какъ я сдѣлаю артисткой и должна для этого упражняться по четыре часа въ день.

Нѣтъ, мамѣ, это невозможно, я отказываюсь. Я не хочу быть артисткой! Откройте дверь и дайте мнѣ всѣ носки, сколько у васъ ихъ есть, я скорѣе умру, чѣмъ прикоснусь сегодня хоть разъ еще къ этому неспособному инструменту.

Я готова заплакать. Иднѣ братъ вмѣстѣ съ мамой вошелъ въ комнату и оба смѣются надо мной. Я непременно заплакала бы, если бы Иднѣ братъ не былъ такъ любезенъ сегодня. Что онъ сказалъ?—„Лучше сдѣлать нѣсколько ошибокъ, чѣмъ вовсе не стараться искать цѣли“.

Я просто не знаю что мнѣ теперь дѣлать. Мои родные разрушаютъ всѣ мои стремленія къ самостоятельной дѣятельности.

Суббота.

Защтопала напашинныя носки, и очень довольна. Было всего три пары—двѣ почти новыя и только одна съ протертой пяткой. Я чувствую себя даже счастливою постъ этого. Мама не хотела, чтобы я была ученой. Постараюсь быть хозяйкой, а со временемъ можетъ быть снова примусь за скульптуру. Я полагаю, что моя работа вышла бы очень удачною, если-бы въ ведрѣ вмѣсто цемента былъ гипсъ...

Иднѣ братъ стоялъ около меня и болталъ пока я штопала напашинныя носки. Онъ говоритъ, что это занятіе ко мнѣ очень идетъ. Мама не было въ комнатѣ. Кажется онъ начинаетъ мнѣ теперь больше нравиться. Собственно говоря, онъ очень милъ и довольно красивъ. Онъ сказалъ, что нашелъ мое призваніе, но какъ разъ когда онъ подошелъ и наклонился къ моему плечу, чтобы сказать мнѣ свою мысль (это должно быть очень важное призваніе, потому что онъ, какъ мнѣ показалось, началъ шопотомъ):—вошла въ комнату мамѣ и больше уже все время не выходила, такъ что я ничего не узнала.

Мнѣ хочется удивить его въ слѣдующій разъ, когда онъ придетъ; я скажу ему, что знаю, что онъ хотѣлъ сообщить мнѣ. Я увѣрена, что онъ хотѣлъ мнѣ предложить навѣщать большихъ и бѣдныхъ, и я увѣждена, что такое доброе дѣло будетъ мнѣ по душѣ.

Сейчасъ же приведу въ исполненіе это намѣреніе. Возьму теплые чулки, которые мамѣ связала для вдовы Гунтеръ, и отвесу ихъ къ ней. Никакое легкомысленное замѣчаніе теперь меня не удержитъ. Это важное дѣло и я серьезно примусь за него. Итакъ иду...

Воскресенье.

Я встрѣтила брата Иды вчера, когда возвращалась отъ вдовы Гунтеръ. Онъ сообщилъ мнѣ то, что началъ говорить въ ту минуту, когда вошла мамѣ, и я думаю,—онъ вѣрно опредѣлилъ мое призваніе. Я скоро выхожу за него замужъ.

Огненный змѣй.

(Опытъ объясненія одного изъ народныхъ повѣрій).

Очеркъ проф. Е. Аленицина.

Существуетъ русское народное повѣрье о томъ, что изъ яйца, снесеннаго итѣухомъ, можетъ вылупиться дѣтеннышъ—огненный змѣй. Если такое яйцо попадетъ доброму человеку, который притомъ знаетъ, что это далеко не безобидный предметъ, то онъ его, конечно, уничтожитъ. Но иной недобрый мужикъ, готовый изъ-за прибыли продать душу, разуздается, не упуститъ случая, разъ онъ понимаетъ значеніе находки и знаетъ, какъ нужно обращаться съ нею. Яйцо вынашивается подъ мышкою и по истеченіи извѣстнаго времени изъ него выхо-

дитъ чудовищный итенецъ—песомѣнное отродье нечистой силы. Когда змѣй вырастетъ, онъ начинаетъ дѣйствовать. Дѣятельность его очень не широка и имѣетъ всегда одинъ и тотъ же характеръ: онъ крайне корыстолюбивъ и умѣетъ отъискивать и воровать деньги повсюду съ настоятельностью и страстью, принося ихъ домой, къ своему хозяину. Для хозяина, какъ понятно, наступаютъ прибыльные пора. Не сѣй, не жни, а только собирай: деньги валяются въ карманы сами. Однако, горе жадному и расфятому человеку, властвующему такимъ

денежнымъ воровъ. Змѣй служитъ хозяину только три года, и его необходимо извести до истеченія третьяго года. Иначе онъ самъ задушитъ своего хозяина. Но если удастся извести его своевременно, то вся змѣиная добыча, пачасканная имъ домой, становится достоянiемъ его воспитателя. Этимъ путемъ разжились, какъ убѣряютъ, не одинъ мужикъ, ибо не разъ выдали, какъ змѣй, разсыпанная огненные искры, подстала къ ихъ домамъ.

Это народное повѣрье, на первый взглядъ безсмысленное, имѣеть, однако, серьезные основанiя и пригомъ въ обихѣ существующихъ своихъ частяхъ, т. е. въ реальности такъ-называемыхъ пѣтушнихъ яицъ и тоже такъ-называемыхъ огненныхъ змѣевъ.

Дѣйствительно попадаются куриныя яйца странной формы и страннаго образованiя, рѣдко отличаемаго отъ обыкновенныхъ.

Одно изъ подобныхъ яицъ я имѣлъ въ рукахъ, будучи еще мальчикомъ. Оно было обыкновенной величины, безъ слѣда известковой скорлупы. На тупомъ концѣ его имѣлось отверстие, изъ котораго съ одной стороны выступала бѣлокъ, а съ другой торчала согнутая на сторону переночатая трубочка, погруженная глубокимъ концомъ въ бѣлокъ и расширявшаяся воронкою внутри яйца. Можетъ-быть эта трубочка была оторвана отъ оболочки яйца и случайно втиснута внутрь нашедшимъ ее. Изъ верхняго конца ея, оказавшагося оборваннымъ, тоже выступала бѣлокъ. На свѣтъ казалось, что въ яйцѣ долженъ быть и желтокъ. Словомъ, яйцо имѣло такой видъ, какъ будто бы желтокъ и бѣлокъ обыкновеннаго яйца были заключены въ переночатомъ мѣшочкѣ нормальной яйцеобразной формы, но вытянутомъ на одномъ концѣ въ трубочку, можетъ-быть, какъ сказано, въ двухъ мѣстахъ порванную, такъ что яйцо не было замкнуто.

Подобныя яйца чаще всего — спутники ненормальнаго состоянiя организма птицы и результатъ нѣкоторыхъ аномалiй въ немъ (какъ физиологическихъ, такъ, въ связи съ этимъ, и анатомическихъ), возникающихъ въ дѣтствѣ или другихъ причинъ, быть-можетъ—старости.

Дѣло въ томъ, что наблюденiя внимательныхъ хозяевъ показываютъ, что иногда куры начинаютъ подъ старость пѣть пѣтухомъ и что у нихъ появляется на головѣ пѣтушiй гребень. Въ 60-хъ годахъ вѣскiя данныя на этотъ счетъ были опубликованы извѣстнымъ русскимъ зоологомъ, покойнымъ М. Н. Богдановымъ, твердо установленнымъ фактъ, что между тетеревами встречаются особи, имѣющiя вѣшнiй видъ пѣтуховъ (или тетеревовъ) и, тѣмъ не менѣе, представляющiяся, въ сущности, самками (или тетерками), — такъ-называемыя пѣтухонеры самки *).

Если, однако, такiя явленiя возможны у дикихъ куриныхъ, отличающихся сравнительнымъ постоянствомъ организаци и устойчивостью признаковъ, то при измѣняемомъ и подвижномъ организмѣ домашнихъ куръ, какъ и вообще домашнихъ животныхъ, дозволяющемъ культуру множества породъ ихъ, это можетъ случаться тѣмъ легче и чаще, и случаи пѣтухонерности куръ не могутъ возбуждать въ натуралистѣ особаго удивленiя.

Такимъ образомъ, странная первая половина разсказаннаго повѣрья имѣеть, очевидно, фактическое основанiе, при чемъ, понятно также, почему фактъ прiурочился къ представляющей о нечистой силѣ. Когда для спокойнаго наблюдателя-хозяина или для натуралиста явленiе оказывается подающимъ объясненiе, для людей необразованныхъ, а въ особенности на крестьянскихъ бабъ, къ вѣдѣнiю которыхъ кура нормально относится въ хозяйствѣ, оно должно производить впечатлѣнiе поразжающее, какъ пѣтчо инервергающее самую суть общихъ здравыхъ понятiй о жизни. Бабѣ, конечно, отнюдь невдомекъ, что стоящая передъ нею въ убранныхъ пѣтуха птица есть подлинная кура. Она судитъ по костюму, и для нея кура—беспорный пѣтухъ. И разъ этотъ пѣтухъ, вопреки всякому смыслу, кладетъ яйцо, то, дѣйствительно, для нея есть отъ чего прийти въ соблазнъ и заключить, что дѣло не просто. Необходимость объясненiя и отысканiя резонныхъ причинъ для явленiя—сплошь и рядомъ вполне достаточный поводъ для созданiя самыхъ фантастическихъ предположенiй даже и у образованныхъ людей, а тѣмъ болѣе у необразованныхъ.

Сказанiе же о летающихъ огненныхъ змѣяхъ и особенностяхъ ихъ полета, въ сущности, имѣеть, какъ сказано выше, опять-таки не фантастическiя основы.

Зная повѣрье о змѣѣ съ дѣтства, я очень долго считалъ его за чистую сказку. Но въ 1873 году, въ бытность мою въ Зауральской степи, напоминанiе объ этой сказкѣ стало повторяться для меня слишкомъ назойливо то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, рѣшительно требуя вниманiя къ себѣ. И казаки, и казачки, и крестьяне, и крестьянки часто упоминали о змѣѣ, какъ о вещи общезвѣстной и имѣющей за себя достовѣрныхъ свидѣтелей. Говорили увѣреннымъ тономъ лица, которыхъ нельзя было заподозрить ни въ легкомыслии, ни въ нетерпѣливости взглядовъ, ни въ умственной ограниченности, ни въ склонности къ фантастическому, ни въ поноздочивенiяхъ къ

преувеличенiямъ. Разсказывали простые здоровые люди, разсказывали просто, иногда упоминая лишь вскользь, какъ упоминается о бывшемъ дождѣ, свѣтѣ и т. д. И еще не встрѣтившись ни съ однимъ очевидцемъ, я сталъ догадываться и убѣждаться, но тѣмъ мелкимъ и неуловимымъ чертамъ, которыми всегда бываютъ въ правдивомъ разсказѣ,—что я имѣю дѣло не съ измышленiемъ, а съ какимъ-то несомнѣннымъ фактомъ. Но съ какимъ? Пока высленилось одно, что огненныхъ змѣевъ выдаютъ въ Зауральской степи, какъ будто бы гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ извѣстныхъ мнѣ мѣстностяхъ Россiи. Собразная условiя степи, я построилъ, наконецъ, объясненiе для себя и началъ приставить вѣдуиваться въ сообщенiи о змѣяхъ.

Около этого времени, въ селѣ Карасинскомъ, Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губ., была устроена священникомъ отцомъ В. у себя дома метеорологическая станцiя, на которой онъ самъ велъ и наблюденiя. Заѣхали въ село и познакомившись съ батюшкою, я коснулся, между прочимъ, въ разговорѣ и занимавшаго меня вопроса объ огненномъ змѣѣ и высказалъ свои догадки на этотъ счетъ.

— Вы правы, отвѣтилъ отецъ В.—Я самъ разъ видѣлъ его. Но всего разъ. Ъхалъ и съ требую въ сосѣдную деревню ночью... Вдругъ кучеръ мой крикнулъ, что летитъ змѣй... Глажу,—по небу, дѣйствительно, несетъ что-то большое и свѣтлое, въ родѣ огненнаго шара, разбрасывая искры...

— Долго продолжалось явленiе?

— Пять. Двѣ, три... нѣсколько секундъ. Я убѣжденъ, что это метеоръ, вѣрно и вы такъ же думаете.

Я говорю, наконецъ, съ очевидцемъ, съ спокойнымъ наблюдателемъ, на котораго можно было положиться, и для меня стало очевиднымъ, что обширный и со всѣхъ сторонъ открытый горизонтъ степи представляетъ весьма благоприятное условiе для созданiя повѣрья объ огненномъ змѣѣ,—условiе, чтобы число очевидцевъ было значительно, а стало быть, чтобы повѣрье было широко распространено, и увѣренность въ его основательность,—по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается реальности существованiя змѣи,—была тверда. Въ гористыхъ и альпистыхъ мѣстностяхъ на глаза можетъ попадаться лишь часть тѣхъ метеоровъ, которые пролетаютъ по небу ближе къ землѣ, между тѣмъ какъ здѣсь, въ степи, горизонтъ почти весь передъ глазами наблюдателя, такъ что число замѣчаемыхъ метеоровъ должно быть сравнительно весьма велико. Такъ какъ даже небо въ степи, сверхъ того, очень часто свободно отъ тучъ,—дожди и свѣтъ обыкновенно продолжаютъ немного дней подъ-рядъ, смѣняясь устойчивою ясною погодою,—то это еще болѣе усиливаетъ строй удобныхъ условiй для наблюденiя метеоровъ.

Однако, видѣть самому метеоръ въ этомъ родѣ и убѣдиться, насколько онъ можетъ произвести впечатлѣнiе чего-нибудь живого, похожего на какого-нибудь змѣи, мнѣ не удавалось до 22 апрѣля 1886 года.

Дѣло было въ С.-Петербургѣ, вечеромъ, около 9½ часовъ. Уже смеркалось, хотя нельзя сказать, чтобы почъ взяла перевѣсъ надъ днемъ. Вышла яркаго свѣта, пролившагося съ улицы въ комнату, заставила меня взглянуть въ окно. И на потемнѣвшемъ небѣ мои глаза представились своеобразно извивавшаяся, всыхивавшая и сыпавшая искры огненная фигура. Вотъ быстро скользнула въ воздухѣ, внизъ по кривой линiи, огненная точка, разгораясь на ходу, увеличиваясь въ объемѣ, вздуваясь, разрѣшаясь въ массу искръ, образующую какъ бы огненное облачко, и уменьшая при этомъ скорость движенiя,—почти до остановки. Но изъ облачка искръ, начинающихъ тухнуть почти съ тою же быстротою, какъ слѣды ныхъ медленно пролетающихъ падающихъ звѣздъ, снова выскальзываетъ, падая книзу по кривой съ такимъ же изгибомъ, какъ и раньше, но направляясь уже неюго въ другую сторону, такое же огненное тѣло, такъ же всыхиваетъ и, замедляя ходъ, превращается въ новое облачко искръ. Этнхъ паденiй огненной точки, порывовъ,—если угодно, шаговъ метеора,—было три или четыре, такъ какъ я увидѣлъ его не въ первый моментъ появленiя. Исчезая, онъ оставилъ за собою на мгновение рой потухавшихъ искръ. Все явленiе продолжалось отъ полтора до трехъ секундъ. Метеоръ былъ виденъ съ Басейной улицы (д. № 38) въ южной части неба, на высотѣ около 40—45 градусо въ надъ горизонтомъ и двигался, какъ казалось глазу, съ запада на востокъ, направляясь сверху внизъ. Лiнiя пути въ общемъ была довольноя полого. Ядро, когда метеоръ разгорался, всыхивало яркимъ зеленымъ огнемъ, напоминавшимъ бенгальскiй (но мутнѣе); масса же искръ свѣтила обыкновеннымъ огненно-краснымъ цвѣтомъ, притомъ не особенно яркимъ.

Метеоръ пронесъ по небу своимъ прыжками или, вѣрнѣе, крупными поворотами, въ горизонтальномъ направленiи дугу на глазъ въ 20—25 градусо въ.

Читатель, знакомый съ волнообразнымъ порханьемъ чечоты или подорожниковъ, можетъ составить себѣ по этому образцу приблизительное понятiе о характерѣ полета метеора. Какъ птица, сложивъ крылья, быстро падаетъ впередъ и внизъ и перерываешь это паденiе новымъ ударомъ распростертыхъ крыльевъ, такъ и метеоръ, вырвавшись изъ облачка искръ,

* Работа М. Н. Богданова помѣщена въ „Трудахъ“ перваго съезда русскихъ естествоиспытателей.

быстро порывался кверху, но, разгораясь и увеличиваясь въ объемѣ, постепенно приостанавливалъ движеніе, — давалъ въ общемъ впечатлѣніи также своего рода порхашія, но съ болѣе быстрыми и энергическими порывами впередъ и съ болѣе рѣзкими и крупными остановками. Для предубѣжденнаго глаза ничего не могло бы быть проще принять такую огненную фигуру за порхающаго дракона. И любопытно, что общепринятое изображеніе дракона, съ хвостомъ въ кольцахъ, становящихся все меньше и меньше къ концу хвоста, и довольно коренастаго въ плечахъ, — что усиливается еще оттопыренными крыльями, — можетъ быть прекрасно вписано въ контуръ каждаго изъ отдѣльныхъ огненныхъ облачковъ, образовавшихся при порывахъ метеора впередъ. Предлагаемый рисунокъ наглядно поясняетъ ходъ явленія и типъ этихъ облачковъ.

Явленіе это, во всякомъ случаѣ, вполне понятно, какъ въ общемъ, такъ и въ частности. Несомнѣнно, метеоръ былъ кусочкомъ твердаго вещества, — какъ и любая изъ падающихъ звѣздъ, — пришедшимъ изъ мирового пространства и съ огромною скоростью пронесшимся сквозь атмосферу до ближайшихъ къ землѣ, болѣе плотныхъ слоевъ ея. При полетѣ онъ раска-

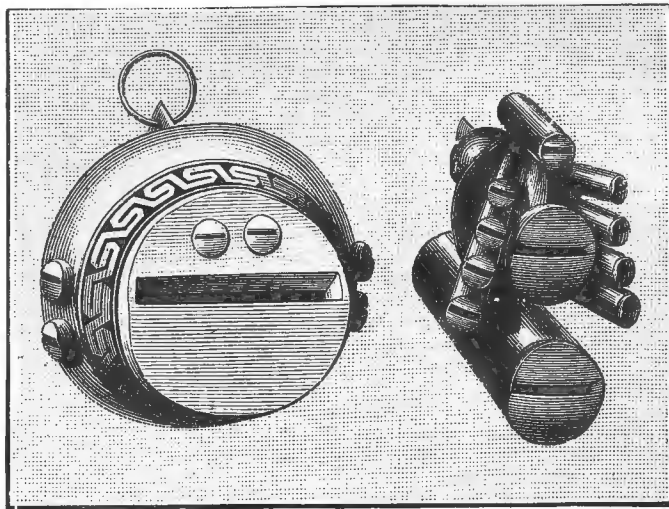
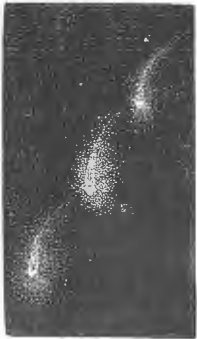
скорости и т. д., пока прилетѣвшая изъ небеснаго пространства частица не сгорѣла вполне, — не успѣвъ достигнуть поверхности земли. Едва ли можно сомнѣваться, что въ составѣ метеорита не было желѣза, ибо сильно разгоравшійся и быстро потухавшій массы красныхъ искръ очень напоминали характеръ раскалыванія и потуханія частей желѣзной окалины. Зеленая же окраска ядра при вспышкахъ зависѣла, вѣроятно, отъ примѣси минерала, содержащаго въ составѣ металлъ баріи.

Количество вещества въ метеоритѣ не должно было быть значительнымъ, иначе онъ пронизалъ бы атмосферу не отклоняясь отъ нормальной линіи своего пути, и не могъ бы задерживаться на ходу такимъ ничтожнымъ препятствіемъ, какъ образующееся въ теченіе мгновенія облачко собственныхъ паровъ: — очевидно, это могло быть лишь при небольшомъ вѣсѣ падавшей частицы.

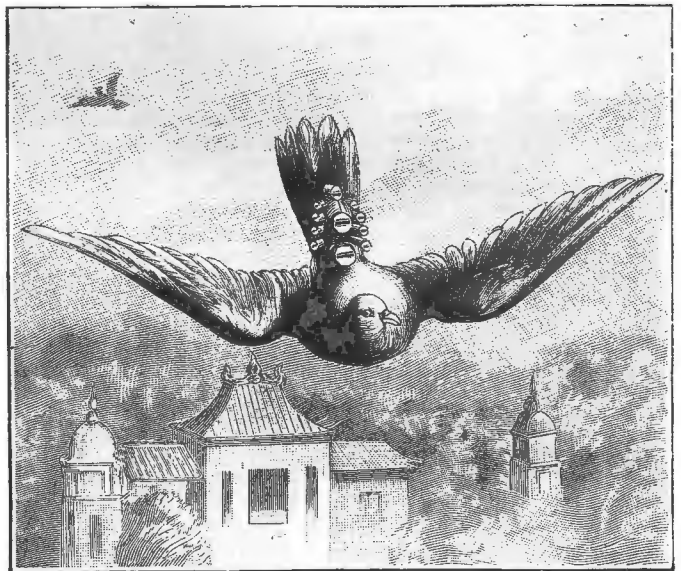
Хотя метеоры этого типа, можетъ, быть и не часты, но во всякомъ случаѣ, они не представляютъ ничего необыкновеннаго, и мое наблюденіе яснымъ образомъ связывается съ наблюденіемъ отца Б., когда его возникла опредѣленно засвидѣтельствованъ, что предметъ, летѣвшій по небу, былъ подлиннымъ огненнымъ змѣемъ.

Нужно замѣтить при этомъ еще, что нашъ метеоръ казался чрезвычайно близко; онъ летѣлъ какъ будто бы почти надъ самою крышею противоположнаго дома и приближался къ ней, — какъ это и подобаетъ, по сказанію, огненному змѣю.

Такимъ образомъ, въ основу любопытнаго народнаго по-

Китайскія золотыя флейты для голубей.

Голубь на полетѣ съ китайской золотой флейтой.

лился, вслѣдствіе тренія о воздухъ, расплавился и загорѣлся, обращаясь при этомъ, отчасти, въ пары. Масса же паровъ, занимая все болѣе и болѣе объемъ, должна была встрѣтить также все болѣе и болѣе сопротивленіе своему поступательному движенію со стороны воздуха, почему движеніе огненной фигуры и замедлялось почти до остановки. Но при замедленіи ослаблялось теперь треніе влетѣвшаго въ атмосферу тѣла о воздухъ, температура его понижалась, горѣніе и образование паровъ уменьшалось, а стало быть уменьшался объемъ движущейся массы, и она снова получала возможность пасть скорѣе. Но увеличеніе скорости, влекшее за собой тотчасъ же увеличеніе температуры, вызывавъ новую вспышку, новое образование паровъ, новое увеличеніе объема, новое уменьшеніе

вѣрля легли, какъ обнаруживается, два реальныхъ, хотя и совершенно чуждыхъ другъ другу факта.

Вмѣстѣ же ихъ связала, въ формѣ цѣльной, замкнутой въ себѣ и, отчасти, правоучительной сказки, уже фантазіи и творческое вдохновеніе, при чемъ создатели мѣла обнаружили живую наблюдательность и большую житейскую опытность. Весьма характеристично, напримѣръ, указаніе повѣствованія, что хозяинъ долженъ уничтожить змѣя прежде конца третьяго года подѣ страхомъ собственной гибели: — такъ и слышится въ этомъ намекъ на общечеловѣческую слабость извлечь изъ выгоднаго дѣла пользу до послѣдней капли, до опасности перейти нормальныя границы и получить возмездіе за свою жадность.

Къ рисункамъ.

Лѣсъ. Офортъ Шишкина. (Рис. на стр. 1).

Профессоръ пейзажной живописи Ив. Ив. Шишкинъ извѣстенъ не только въ нашемъ обширномъ отечествѣ, но и далеко за предѣлами его, какъ превосходный живописецъ и неподражаемый рисовальщикъ и аквафортистъ. Гравированіемъ на мѣди крѣпкою водкой онъ началъ заниматься лѣтъ тридцать тому назадъ, въ бытность въ Цюрихѣ, гдѣ онъ занимался масляной живописью въ мастерской Коллера, отличнаго живописца животныхъ, картины котораго почитаются не уступающими по достоинству произведеніямъ извѣстѣйшихъ мастеровъ. Затѣмъ И. И. Шишкинъ работалъ подъ руководствомъ знаменитаго Калама. Помимо занятій живописью, онъ тогда же дѣлалъ замѣчательные рисунки перомъ. Но особенно цѣнятся любителями и знатоками его офорты. Трудность воспроизведенія ихъ, требующая особой бумаги и чисто техническихъ приспособленій, долгое время допускала лишь отдѣльное печатаніе ихъ въ специальныхъ, роскошныхъ изданіяхъ. Желая устранить это неудобство, маститый художникъ не мало, но и не

безъ пользы, потрудился надъ приисканіемъ способа, который соединялъ бы въ себѣ достоинства мѣднаго офорта съ удобствомъ печатанія на обыкновенномъ станкѣ. Первые опыты его въ этомъ направленіи появились въ 1875 году, но они были еще несовершенными, и только теперь можно сказать, что задача разрѣшена блестятельно. Въ этомъ не трудно убѣдиться, любясь прелестнымъ офортомъ собственноручно протравленнымъ высокоталантливымъ профессоромъ для *Нивы* и помѣщаемымъ нами на первой страницѣ этого номера.

Литературный альбомъ. „Гаральдъ“, баллада В. А. Жуковскаго. (Рис. на стр. 4).

Въ числѣ стихотвореній, заимствованныхъ нашимъ поэтомъ В. А. Жуковскимъ изъ нѣмецкой литературы, есть баллада принадлежащая фантазіи поэта Уланда — „Гаральдъ“. — Старикъ Гаральдъ, въхавъ въ лѣсъ во главѣ своихъ храбрыхъ вояновъ, одинъ устоялъ отъ очарованія, которымъ завлекли остальныхъ лѣсные духи. Миновавъ лѣсъ, онъ одинъ побѣдилъ вра-

Морской орель, хватающий щуку. Рис. и грав. Ф. Шехтъ.

говь. На возвратномъ пути ему захотѣлось напиться въ тѣсу, —

Но только жажду утолить,	И вѣки на угесѣ томъ,
Вдругъ обезнѣлъ онъ;	Главу склона, онъ спитъ.
На камень съль, поникъ главою,	Сѣдые кудри, борода:
И погрузился въ сонъ,	У ногъ—копы и щитъ.

Художникъ нашъ изобразилъ сцену, относящуюся къ началу стихотворенія:—

Передъ дружиной на ковшъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полная луны,
Възъжааетъ въ лѣсъ густой...

И вокругъ него поднимается таинственный хороводъ духовъ.

Гаданье. (Рис. на стр. 5).

Конечно разные обычаи, изъ которыхъ иные бываютъ иногда страшны и даже нетѣны, въ сущности — пустяки. Но, какъ хотите, приятно сознаше, что вотъ этого обычая держались не ты одинъ, а многимъ людямъ, цѣлому народу свойственъ онъ, и выходитъ словно нѣкоторая связь, духовное средство... Издавна заведено, напримѣръ, гадать подъ Новый годъ или на Крещенье,—и вотъ этому невинному занятію предаются и въ богатой гостиной какого-нибудь важнаго дома въ столицѣ, и въ убогой избѣ, закопченной и дымной, въ далекой деревенской глуши. Нашъ художникъ выбралъ сюжетомъ для своего рисунка новогоднее гаданье, а мѣстомъ дѣйствія — крестьянскую избу. Принесли вѣтуха и курицу, разложили передъ ними зерно, золу, кольцо, кусочки хлѣба, монеты... и смотрятъ, какой изъ этихъ предметовъ клюнетъ птица сперва: если зерно—значитъ урожай будетъ хорошъ въ наступающемъ году; золу—наступитъ голодная година; кольцо—значитъ тотъ или та, на кого гадаютъ, женится или выйдетъ замужъ; кусочекъ хлѣба—быть богатству въ домѣ; монеты—торговля пойдетъ хорошо и т. д.

Боярышня. (Рис. на стр. 9).

„На вкусъ и на цвѣтъ товарища нѣтъ“, говоритъ пословица и, въ то же время, какъ бы противорѣча ей, у людей, не только одной національности, но и одинаковаго общественнаго слоя и положенія, можно найти схожія понятія о прекрасномъ и некрасивомъ. Такъ, русской красавицѣ должны быть присущи: „лицо блѣлое, съ румянцемъ во всю щеку, очи ясныя, брови соболонныя, коса трубчатая, шея лебединая“, какъ поется въ русскихъ пѣняхъ и, если намъ встрѣчается такая красавица, съ такими „пригнѣтами“, то она намъ кажется знакомою, близкою, милою... Такою кажется и „боярышня“, личико которой пріятливо смотритъ на васъ съ талантливаго рисунка П. Лоренца, изобразившаго одинъ изъ типовъ русской красавицы.

Въ Казначействѣ. Выдача пенсій въ началѣ мѣсяца. (Рис. на стр. 12).

Для того кто незнакомъ съ пенсіоннымъ дѣломъ Главнаго Казначейства конечно интересна картинка срочныхъ полученій пенсій ветеранами государственной службы, особенно въ началѣ мѣсяца, когда скопляется здѣсь масса народу. Въ длинной галлерей второго этажа, выходящей окнами на Кирочную улицу, толнятся тогда цѣлыя тысячи мужчинъ, женщинъ, больныхъ, болѣею частью старцевъ, дѣвушекъ, чуть не дѣтей, съ довѣренностями отъ немощныхъ родителей, военныхъ съ попережными погонами, на костыляхъ, и итагскихъ. Всѣ спѣшатъ пробраться поближе, каждый къ бухгалтеру того вѣдомства, въ которомъ протекла ихъ служба. Бухгалтеры помѣщаются за рѣшетками, впрочемъ еще недавно устроеными, завалены они пудовыми регистрами, и послѣ разныхъ сложныхъ отнѣтокъ и въ регистрахъ, и въ пенсіонной книжкѣ вручаютъ эту книжку пенсіонеру. Выдача денегъ производится также въ нѣсколькихъ кассахъ. Длинною вереницею тянутся получатели одинъ за другимъ, медленно подвигаясь впередъ, въ ожиданіи очереди. У кассира опять отнѣтка, приложение итменеля и передача причитающихся денегъ стоящему рядомъ счетчику, который, провѣривъ кредитки, вручаетъ ихъ наконецъ по назначенію.

Въ недавнее время крайне неудобная давка какъ для пенсіонеровъ, такъ и для служащихъ устранена тѣмъ, что сроки получения мѣсячной пенсій распределены на каждый день всего мѣсяца. Пенсія выдается впередъ за мѣсяць, въ первые его дни, получающимъ ее въ минимальномъ—размѣрѣ и затѣмъ, сообразно увеличенію размѣра, постепенно въ послѣдующіе дни, такъ что пользующимся пенсіею въ 1,000 руб. и болѣе приходится получать свою часть 1-го числа новаго мѣсяца за истекшій. Въ Главное Казначейство такимъ образомъ являются до 78,000 челов. ежемѣсячно, и общій расходъ Казначейства на пенсіонныя выдачи достигаетъ весьма почетной миллионной цифры.

Въ ночь подъ Новый годъ. (Рис. на стр. 13).

Большіе морозы выдались въ эту зиму. Днемъ и ночью на улицахъ ярко горятъ костры, привлекая къ себѣ всякій людъ, снующей по улицамъ. Не даромъ, однако, прозываютъ морозъ „молодцемъ русскимъ“: не страшенъ онъ русскому

человѣку, который и въ сильную стужу не прочь пошутить надъ тѣмъ же морозомъ-краснымъ носомъ. И не обращая вниманія на этотъ морозъ, не обращая вниманія даже на то, что это не простая, будничная почъ, а новогодняя, когда во всѣхъ домахъ зажигаются огни и готовятся торжественная встрѣча Новаго года.—обычный уличный людъ, т. е. павозчики, нищие и мальчишки, соберется около костра, и пойдутъ у нихъ смѣхъ и шутки. Иногда даже само начальство—господинъ городовой подходитъ сюда и стоитъ поодаль, боясь уронить свое достоинство слишкомъ благосклоннымъ участіемъ въ этихъ шуткахъ. И непременно здѣсь остановится мальчишка изъ лавки, посланный съ покупателями для новогодняго ужина. Онъ видимо мало заботится о томъ, что покупки эти тамъ гдѣ-то нужны, что ихъ ждуть съ нетерпѣніемъ господа, до которыхъ ему тутъ, среди веселаго общества у костра, цѣтъ никакого дѣла.

Китайскія золоты флейты для голубей.

(Рис. на стр. 16).

Намъ давно извѣстны такъ-называемыя золоты арфы, состоящія изъ простаго деревяннаго ящика съ натянутыми металлическими струнами. Такой ящикъ помѣщается обыкновенно на открытомъ доступу вѣтра мѣстѣ, и вѣтеръ, заставляя колебаться струны, разыгрываетъ иногда цѣлыя мелодіи, непонятныя необъяснимой прелести. У китайцевъ существуетъ тоже нѣчто подобное. Только ихъ инструментъ не арфа, а флейта.

По-китайски такая флейта называется Шао-гце. Шао—значитъ свистящій, гце—механизмъ. Форма флейтъ различна. Ихъ дѣлаютъ изъ тонкаго и легкаго тростника, въ родѣ коротенькой трубочки съ обыкновеннымъ надѣвомъ; иногда соединяютъ нѣсколько такихъ трубочекъ различной длины; флейту укрѣпляютъ на спинѣ голубя, и во время полета его получается рядъ звуковъ, по мнѣнію китайцевъ, весьма мелодичныхъ. Вместе съ тѣмъ звуки эти, охраняютъ голубей отъ нападенія на нихъ хищныхъ птицъ, которыя, весьма понятно, пугаются этой странной музыки.

Морской орелъ, хватяющій щуку. (Рис. на стр. 17).

Памѣтивъ съ вышины добычу, морской орелъ стремительно бросается внизъ и схватываетъ, иногда съ глубины трехъ-четырехъ футовъ, крупную рыбу, выпавше въ нее когтиами. Онъ взлетаетъ изъ воды такъ же быстро, какъ спускается туда, и уноситъ съ собою свою добычу. Моментъ этого картиннаго взлета орла, схватившаго дукъ, изображенъ на прекрасномъ рисункѣ талантливаго Ф. Шнехта.

Морской орелъ собственно обитатель морскихъ береговъ; иногда онъ отлетаетъ въ глубь материка, но и тогда держится около воды.

Извѣстный нѣмецкій натуралистъ Ленцъ былъ свидѣтелемъ однажды того, какъ такой орелъ схватилъ изъ рѣки огромнаго осетра, до того тяжелаго, что не былъ въ силахъ подняться съ нимъ, но и осетръ не могъ перетянуть его въ воду. Бросилъ рыбы орелъ не былъ въ состояніи потому, что увязъ въ ея тѣло когтиами. Онъ тащилъ такимъ образомъ осетра надъ самую поверхность воды на протяженіи трехъ верстъ, пока наконецъ ихъ не поймали.

Архитектурная выставка. (Рис. на стр. 20).

Благодаря первому съѣзду русскихъ зодчихъ въ Петербургъ, сравняемому въ концѣ ноября, въ С.-Петербургскомъ Обществѣ архитекторовъ возникла прекрасная мысль устроить въ залахъ Академіи Художествъ художественную архитектурную выставку. Эта выставка, несомнѣнно, представляетъ для всякаго интересующагося искусствомъ, выдающійся интересъ; она наглядна, если можно такъ выразиться, знакомитъ посетителя съ исторіей и постепеннымъ развитіемъ русской архитектуры, начиная съ тѣхъ первыхъ памятниковъ византийскаго искусства, которые дали начало русскому зодчеству.

Выставка распадается на два отдѣла: въ первомъ помѣщены архитектурные проекты современной русской архитектуры русскаго стиля; во второмъ,—и на нашъ взглядъ, самомъ важномъ и интересномъ,—рисунки и чертежи древняго русскаго зодчества. Такое расположеніе, а также и замѣчательная полнота, въ особенности нѣкоторыхъ отдѣловъ, позволяетъ намъ сразу ознакомиться съ ходомъ развитія русскаго зодчества. Начало разработки такъ-называемаго русскаго стиля было положено Тономъ, который въ тридцатыхъ годахъ компановалъ проектъ Екатерининской церкви (у Калинкина моста), по образцу древнихъ московскихъ пятикупольныхъ соборовъ. По этому проекту была выстроена Екатерининская церковь, а собственноручный рисунокъ проекта былъ подаренъ Тономъ Императорской публичной библиотекѣ. Церковь эта и составляетъ, какъ сказано, поворотный пунктъ въ русской архитектурѣ. Вначалѣ дѣло представляло значительныя трудности, такъ какъ древне-русское зодчество было очень мало извѣстно. Основаніемъ изученія его послужили труды Горностаева и Рихтера; за ними пошли многіе другіе талантливые архитекторы: Даль, Павловъ, Суслевъ, Преображенскій, Солословъ, Леоновъ, Веселовскій. Прекрасные рисунки всѣхъ

этих архитекторов съ памятниковъ древняго русскаго зодчества, разбѣянныхъ по Сѣверу Россіи и между Волгой и Окой, — находятся на выставкѣ. Тутъ мы имѣемъ богатую коллекцію каменныхъ церквей, колоколенъ и звонницъ; отдѣльныя изображенія входныхъ воротъ, башенъ, часовенъ; детальныя рисунки оконъ, дверей, плитовъ, скамеекъ; коллекціи рисунковъ древнихъ деревянныхъ церквей. Гораздо бѣднѣе материалы по гражданской архитектурѣ.

Затѣмъ имѣется цѣлый рядъ работъ: — Ефимова (Новодѣвичій монастырь), Кузьмина (Греческая церковь въ Петербургѣ и православная въ Парижѣ), Брюлова, Штакеншнейдера (дворецъ великой княгини Маріи Николаевны и многіе другіе), Резанова (дворецъ Великаго Князя Владимира Александровича), Кракау, Рахау, Монигетти, Кавоса, Богомолова, Бенца и многіхъ другихъ. Изъ новѣйшихъ проектовъ особеннаго вниманія на выставкѣ заслуживаютъ: проектъ гг. Котова и Преображенскаго—зданіе Московской думы, Померанцева—торговые ряды въ Москвѣ, Бенца—церковь при Гусевской фабрикѣ г. Печаева-Мальцева и профессора Паарланда — храмъ Воскресенія, воздвигаемый на мѣстѣ мученической кончины Цари-Овободителя. Громадная (21 футъ) акварель этого проекта исполнена въ совершенствѣ въ малѣйшихъ архитектурныхъ и художественныхъ деталяхъ.

Все это надо видѣть, чтобы наглядно убѣдиться какіе громадные шаги за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ сдѣлало русское зодчество. Труды нашихъ молодыхъ архитекторовъ, къ тому же, доказываютъ, что русское зодчество несколько не остановилось на этомъ пути. Помимо собственно двухъ главныхъ отдѣловъ, состоящихъ изъ архитектурныхъ рисунковъ, при выставкѣ имѣются еще дополнительныя, устроеныя особо, въ зданіи Соляного городка. Здѣсь выставлены предметы нѣкоторыхъ относящихся къ постройкѣ и зодчеству ремеслъ и техническихъ работъ. Есть и скульптурныя произведенія. Что касается внѣшняго вида выставки, то его съ достаточною ясностью и подробностью передаетъ нашъ рисунокъ, изображающій характерныя черты различныхъ отдѣловъ и торжественный молебенъ при открытіи выставки.

Д. Д. Соколовъ, директоръ Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I.

(Портр. на стр. 21).

Доримедонтъ Дориментовичъ Соколовъ, талантливѣйшій инженеръ, профессоръ и горячо любимый воспитатель юношества, пользуется издавна славою солиднаго ученаго по своей специальности, популярностию, любовью и уваженіемъ какъ среди товарищей-профессоровъ, такъ равно и среди сослуживцевъ и учащихся. Въ текущемъ году Д. Д. празднуетъ два юбилея—однимъ юбилей 50-ти-лѣтній своей alma mater, а другой—30-ти-лѣтній своей службы на педагогическомъ поприщѣ и учено-литературной дѣятельности.

Д. Д. Соколовъ родился въ 1837 году, первоначальное образованіе получилъ въ Вердерской гимназій въ Берлинѣ; высшее—въ Институтѣ, гдѣ блестяще окончилъ курсъ въ 1859 г. и записанъ на мраморной доскѣ. Онъ опредѣленъ былъ на службу въ строительную контору Министерства Императорскаго Двора, гдѣ ознакомился съ дѣлопроизводствомъ, повѣрною съѣзъ и техническихъ отчетовъ. Ему же было поручено составленіе проекта предохраненія прудовъ Павловскаго парка отъ засоренія. Въ 1862 году удостоенъ званія инженеръ-архитектора и завѣдывалъ мостовыми передъ зданіями Министерства Императорскаго Двора и разработалъ проектъ перестройки Императорскаго фарфороваго завода. Въ 1862 году былъ приглашенъ преподавателемъ геодезій и исторій архитектуръ въ Строительное училище. Въ 1867 году ему предложено было занять должность преподавателя гражданской архитектуры.

Въ 1870 г., по случаю избранія Д. Д. профессоромъ по кафедрѣ гражданской архитектуры при Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, въ которомъ и понынѣ онъ занимаетъ означенную кафедру, Д. Д. оставилъ службу по Министерству Двора. Въ 1872 г. послѣдовало назначеніе его инспекторомъ классовъ Строительнаго училища, а въ 1877 г., при преобразованіи Строительнаго училища, Д. Д. назначенъ былъ инспекторомъ, ординарнымъ профессоромъ и членомъ совѣта означеннаго училища. Въ 1886 г. Д. Д. Соколовъ назначенъ директоромъ Института гражданскихъ инженеровъ и въ этомъ званіи состоитъ и понынѣ. Затѣмъ Д. Д. преподавалъ гражданскую архитектуру въ Николаевской инженерной академіи и въ Технологическомъ институтѣ. Съ 1886 г. состоитъ членомъ отъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ по постройкѣ коммерческихъ портовъ при Министерствѣ Путей Сообщенія, а съ 1890 г. членомъ совѣта того же Министерства.

Въ настоящее время Д. Д. имѣетъ чинъ тайнаго совѣтника. Общественная дѣятельность Д. Д. выразилась въ его непосредственномъ участіи при организаціи дѣла посылкѣ за границу, на товарищескія средства, окончившихъ курсъ въ Институтѣ гражданскихъ инженеровъ, въ организаціи С.-Петербургскаго Общества архитекторовъ и въ качествѣ члена

оного, а равно при разработкѣ техническихъ вопросовъ, касающихся взаимнаго страхованія.

Изъ литературныхъ трудовъ Д. Д. отмѣтимъ нѣсколько изданій „Курсовъ гражданской архитектуры“ съ атласомъ чертежей; „Городская Александровская больница въ СПб.“ (имѣетъ въ память Боткина) съ атласомъ; „Отопленіе и вентиляция Андреевскаго собора въ СПб.“; „Описаніе перестройки Михайловскаго театра“ и другія. Кроме того, Д. Д. Соколовъ помещалъ свои статьи въ журналѣ *Зодчій*, *Журналъ Министерства Путей Сообщенія* и другихъ специальныхъ журналахъ.

А. Хвостовъ.

50-лѣтіе Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I. (Рис. на стр. 21).

Ровно полвѣка тому назадъ, 17-го декабря 1842 года, блаженной памяти императоръ Николай Павловичъ, созная потребность въ людяхъ съ достаточнымъ техническимъ образованіемъ и настолько развитыхъ въ художественномъ отношеніи, чтобы они могли составлять проекты и проводить работы публичныхъ зданій, повелѣлъ, чтобы существовавшій тогда Архитекторское училище и Училище гражданскихъ инженеровъ были соединены въ одно учебное заведеніе, наименованное Строительнымъ училищемъ. Въ теченіе пятидесятилѣтняго своего существованія училище подверглось существеннымъ преобразованіямъ, какъ въ своемъ составѣ и управленіи, такъ и въ системѣ учебнаго образованія. Въ историческомъ очеркѣ, изданномъ ко дню 17-го декабря 1892 года, очерчена подробно сущность этихъ преобразованій четырехъ періодовъ Строительнаго училища.

Въ настоящее время Институтъ гражданскихъ инженеровъ можетъ гордиться своими питомцами; имена многихъ изъ нихъ получили извѣстность не только въ Россіи, но и за границей.

За 50 лѣтъ существованія Строительнаго училища, бывш. Института гражданскихъ инженеровъ, въ немъ окончилъ курсъ 1,020 человекъ, не считая вольнослушателей.

Въ институтѣ имѣется вспомоgetельная касса, изъ которой стипендіаты пользуются безпроцентными ссудами. Институтъ имѣетъ свою церковь. Въ 1892 году при ней устроена небольшая часовня, въ которой поставленъ образъ въ память чудеснаго избавленія отъ угрожавшей опасности Государя Императора и Августѣйшей Семьи 17-го октября 1888 года.

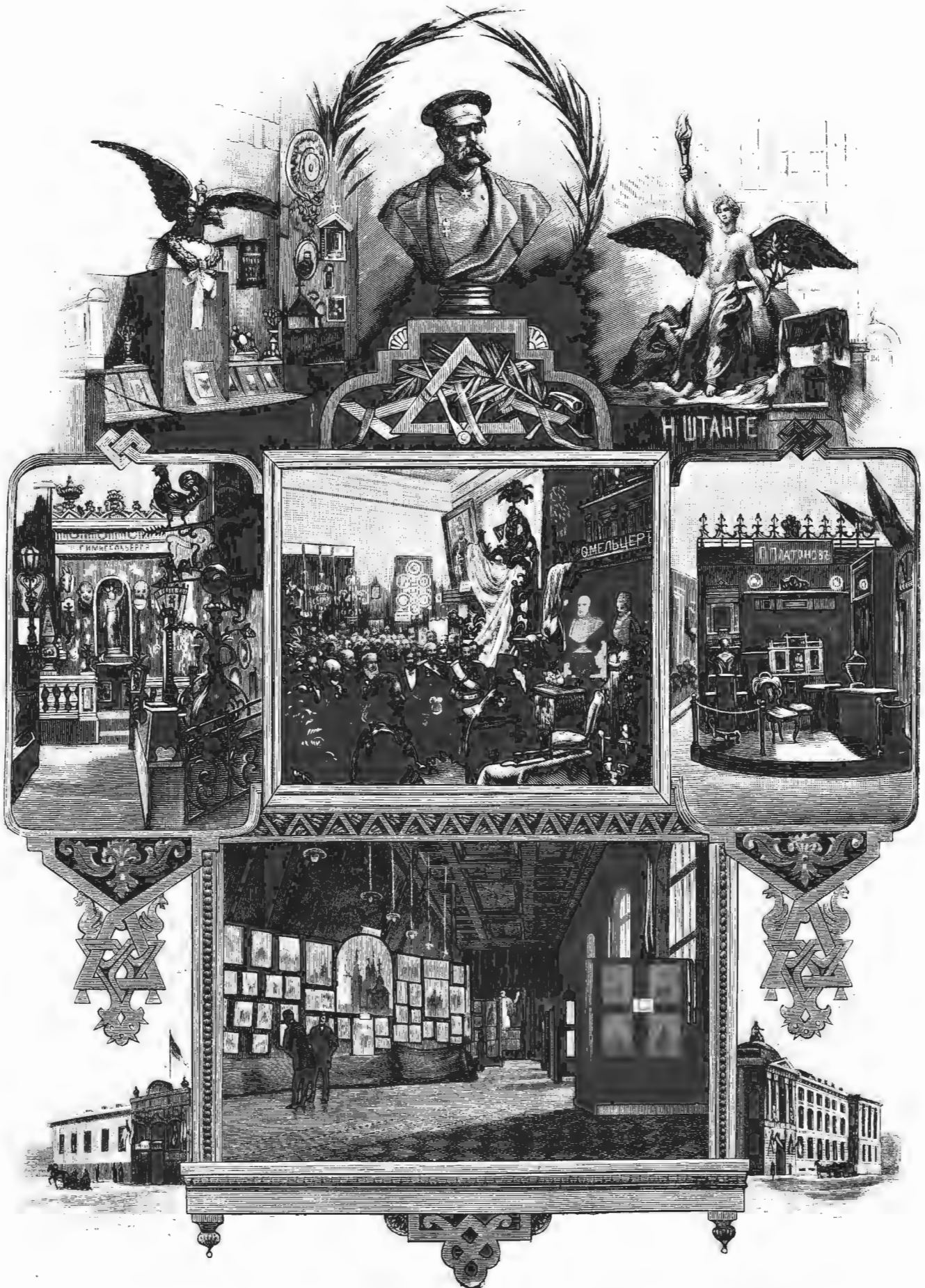
При институтѣ имѣется библиотека, въ коей 5,170 томовъ книгъ и сочиненій разныхъ наименованій, 212 подлинныхъ рисунковъ (Бейне, Штакеншнейдера, Монигетти, Панафидина, Шретера, Чагина, Маргышова и другихъ) всего на сумму 32,165 р. 54 ²/_{коп.} Изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, институтъ имѣетъ: музей, кабинеты—физическій, минералогическій и геодезическій и химическую лабораторію. Имущество музея, кабинетовъ и химической лабораторіи оцѣняется въ 12,170 руб. На нашемъ рисункѣ представлено „Новое зданіе“ института, возведенное фасадомъ на 2-ю роту Измайловскаго полка; оно освящено 17 декабря 1882 г. Оно назначено исключительно для учебныхъ цѣлей, такъ въ 3-хъ этажахъ его размѣщены: 4 аудиторіи, 5 чертежныхъ, 3 рисовальныхъ зала, библиотека, физическій кабинетъ, актовъ залъ и кабинеты: директора, инспектора и друг. Новое зданіе института соединено со старымъ зданіемъ теплымъ переходомъ; въ старомъ зданіи расположены: церковь, музей, химическая лабораторія и квартиры: директора и состоящихъ при заведеніи на службѣ. Новое зданіе освѣщается электричествомъ. Содержаніе института обходится въ 82,846 рублей.

Въ день юбилея, 17 декабря 1892 года, Институтъ гражданскихъ инженеровъ удостоился пощенія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы. Въ 12 часовъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Палладіемъ былъ отслуженъ торжественный молебенъ. Затѣмъ состоялся торжественный актъ, прочтена была Высочайшая грамота объ наименованіи, въ память Августѣйшаго Основателя его, Институтомъ гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I. Въ память 50-ти-лѣтія института выбиты медали: для высокопоставленныхъ лицъ и преподавателей серебряныя, для учащихся—бронзовыя.

Сейдъ-Абдуль-Ахатъ-Ханъ, эмиръ Бухарскій.

(Портр. на стр. 24).

Посѣтившій нынѣ Россію, давно ожидаемый гость,—эмиръ Бухарскій, Сейдъ-Абдуль-Ахатъ-Ханъ — четвертый сынъ умершаго 31 октября 1885 года эмира Мозафаръ-Эддина. Онъ родился въ 1857 году въ Кермнѣ, гдѣ его отецъ, въ то время наслѣдникъ бухарскаго престола, управлялъ этимъ бекствомъ. Мать нынѣшняго эмира Шашиамъ, родомъ персіянка, была любимой женою Мозафаръ-Эддина. Скудное образованіе, какое получаютъ на Востокѣ даже мусульманскіе принцы, не послужило однако препятствіемъ для любознательнаго Ахата приняться за занятіе науками по собственному почину и широко пополнить влослѣдствіи свои знанія. Онъ состоявшю и до сихъ поръ продолжаетъ заниматься научными предметами; такимъ образомъ Бухара, въ лицѣ Ахатъ-Хана, имѣетъ правителя просвѣщеннаго, имѣющаго исполнѣ европейское образованіе.

Архитектурная выставка при первомъ съѣздѣ русскихъ зодчихъ въ Петербургѣ.

По фотогр. генер. Насвѣтевича, рис. Земцовъ, грав. Хелзинскій.

I. Отдѣлы выставки въ здании „Соляного городка“.

Скульптурныя работы.

Молебенъ при открытіи выставки.

Предметы номинатной обстановки.

Цинковыя и металлическія украшенія.

II. Выставка архитектурныхъ рисунковъ въ залахъ Императорской Академіи Художествъ.

Библиотека „Руниверс“

Двѣнадцать лѣтъ Мозафаръ-Эддинъ женилъ своего сына, а чрезъ 5 лѣтъ назначилъ окружнымъ начальникомъ въ Керманѣ, гдѣ принцъ Ахатъ прожилъ до смерти отца. Управляя бекствомъ, молодой принцъ сумѣлъ снискать всеобщее расположеніе, за милостивое и справедливое управленіе краемъ. Въ 1868 г. старшій сынъ Мозафара, Абдуль-Маликъ, подстрекаемый англичанами, возмущился противъ своего отца, но былъ разбитъ при содѣйствіи русскихъ войскъ и бѣжалъ въ Индію, гдѣ и проживаетъ понынѣ, получая пенсію отъ англійскаго правительства. Въ 1883 году, по смерти двухъ другихъ братьевъ, принцъ Ахатъ былъ посланъ своимъ отцомъ для присутствованія при Священномъ коронованіи въ Москвѣ. Во время пребыванія его въ этомъ городѣ, было неходатайствовано Мозафаромъ официальное признаніе Сендъ-Абдуль-Ахата наследникомъ Бухарскаго ханства, которымъ онъ благополучно управляетъ нынѣ, по смерти своего отца.

Изъ Бухары эмиръ выѣхалъ 7 декабря. 14-го онъ былъ уже въ Чарджуй. Посѣтивъ Асхабадъ, гдѣ видѣлся съ начальникомъ области, генераломъ Куропаткинымъ, эмиръ изъ порта Узунъ-ада отправился въ Баку на военномъ пароходѣ каспійской флотиліи „Баку“. Свое путешествие эмиръ совершаетъ со всею восточною пышностью. Онъ везетъ одного багажа до 2,000 пудовъ и сверхъ того 30 лошадей въ подарокъ. Часть груза (500 пуд.) отправлена еще въ кощѣ лѣта, а 1,500 пуд. и лошади идутъ теперь отдѣльнымъ караваномъ. Изъ Баку эмиръ 18 декабря выѣхалъ въ Тифлисъ, откуда чрезъ Военно-грузинскую дорогу отправился въ Москву, и затѣмъ въ Петербургъ. Со времени въѣзда эмира въ Россію при немъ состоятъ: чиновникъ канцеляріи Туркестанскаго генераль-губернатора ст. сов. Оедоровъ, врачъ г. Писаренко и переводчикъ ротмистръ Султанъ-Асфендіаровъ.

Малолѣтній сынъ эмира, Гюрия-Миръ-Алигъ также прибылъ въ Россію вмѣстѣ съ отцомъ, который и предполагать оставитъ его на воспитаніе въ Петербургѣ, помѣстивъ его въ Пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ.

Для высокаго гостя отведены роскошные покои въ такъ называемой запасной половинѣ Зимняго дворца. Радужный приемъ, оказанный нашему гостю, и тѣ искренніе чувства, которыми питаютъ къ нему русскіе люди, вполне соответствуютъ лестнымъ для насъ симпатіямъ къ Россіи самого Эмира, всегда относившагося къ нашему отечеству съ самою преданною дружбою.

Пребываніе эмира Ахатъ-Хана въ Петербургѣ продолжится около двухъ недѣль. Въ общемъ же эмиръ въ Россіи проведетъ около двухъ мѣсяцевъ.

Политическое обозрѣніе.

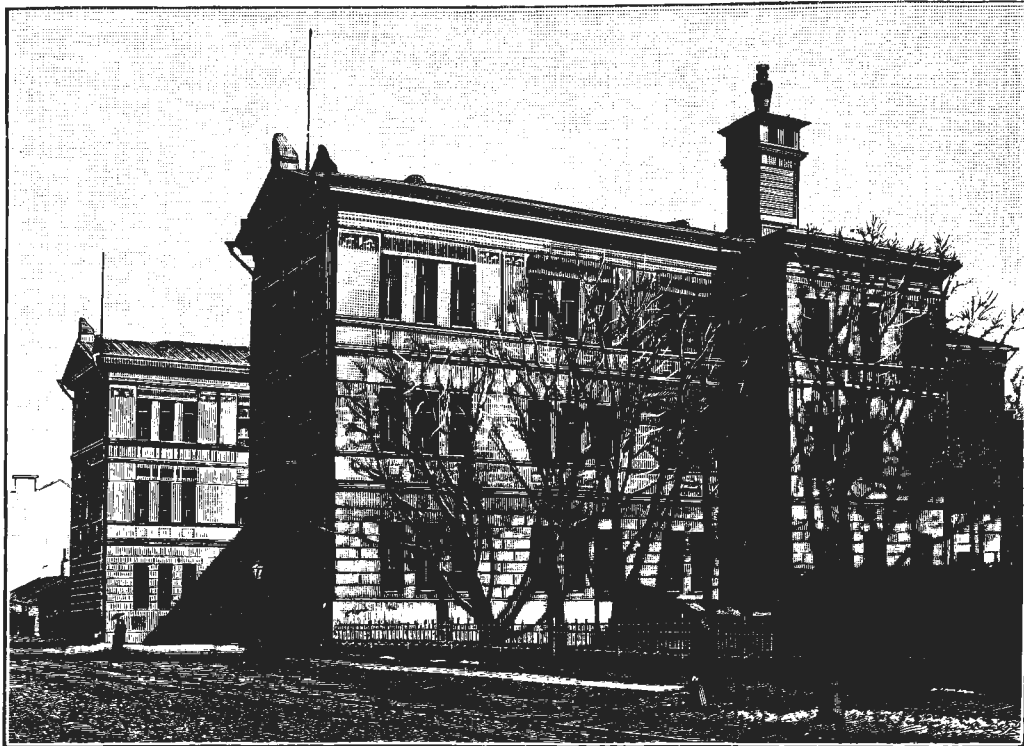
1892 г. прошелъ, и прошелъ, благодаря Бога, мирно. Правда, всеобъемлетныя вооруженія постоянно напоминали о цѣли ихъ, но твердость и миролюбіе Государнаго Вождя нашей родины отгоняли грозный призракъ войны.

Для Россіи минувшій годъ начался тяжело. Неурожай во многихъ губерніяхъ породилъ не мало бѣдъ и несчастій. Но великъ Богъ земли Русской и отзывчиво сердце ея обитателей, которые отъ мала до велика, безъ различія положенія и достоинства, все оказывали помощь, кто чѣмъ могъ бѣдствующимъ братьямъ. Эта единодушная, всеобщая помощь дала возможность благополучно перенести бѣдствіе. Но бѣда въ одиночку не ходитъ. Вслѣдъ за неурожаемъ пришла лютаѣя болѣзнь — холера. Своевременно и разумно приняты мѣры помогли справиться и съ этою бѣдой. Россія, оздоровленная и здоровая, встрѣчаетъ Новый годъ въ мирѣ и благополучіи, обративъ все свои силы на преуспѣваніе внутреннее, которое подъ неуклоннымъ и постояннымъ призоромъ Отца Русскаго народа, постоянно растетъ и крѣпнеть во славу нашей родины.

Сосѣди наши, Германія и Австрія, связанные тройственнымъ союзомъ съ Италіей, продолжали цѣлый годъ усиливать свой якобы оборонительный союзъ, вызывая порою неудовольствіе своихъ здравомыслящихъ племенъ въ мѣру обремененныхъ поданныхъ.

Д. Д. Соколовъ, директоръ Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I. (По поводу 30-лѣтней педагогической и учено-литературной дѣятельности).

Видъ зданія Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I въ СПб. (по поводу 50-ти-лѣтія со дня основанія). Съ фот. Здобнова, грав. Шлинперъ.

Счастливым исходом двух войн к ряду, создал первостепенное положение Германии в Европу. Единственное желание удержать его вызвало неестественное напряжение сил и средств. Увеличившаяся мощь союдей с обеих сторон, смерть или удаление от дел лиц, создавших и долго поддерживавших могущество страны, отсутствие нужных руководителей действуют разлагающе на внутренние силы страны. Рознь партий растет с каждым днем все больше и больше и тяготившие к сепаратизму отдельных частей Германии все усиливается. Встречаются небывалые до того случаи, когда внесенные правительством предложения не одобряются, как это было со школьным вопросом, или встречаются сильные противодвижения, что замѣтно при рассмотрении в рейхстаге нового военного законопроекта, который ожидается, быть может, участю школьного вопроса.

В Австрии рознь партий обостряется национальною разнородностью их. Угнетение славянских народностей и стремление отбросить их содействовало сплочению славян, которые, забыв домашний неурядицы, общими силами проявляют справедливый отпор немецким нападкам и просят, и выставляют свои законные требования одинаковых прав с немцами и венграми.

Италия продолжает обостряться в экономическом отношении и укореняется в своей привязанности к тройственному союзу. Министерство Криспи сѣмилось министерством ди-Рудини, которое в апрѣль мѣсяцѣ минувшаго года уступаетъ мѣсто министерству Джюлиитти, а положение страны не улучшается. За какія-нибудь пять лѣтъ потребление предметов первой необходимости уменьшилось отъ 4% до 20%; валовой доходъ желѣзныхъ дорогъ сталъ меньше на 9%. На-

сколько тому виною союзъ Италии съ Германиею и Австріею сказать трудно, но когда министерство Джюлиитти заявило, что Италия остается участницей союза, то оно сразу потеряло доверіе палаты депутатовъ. Выраженіе этого доверія не повлекло однако паденія кабинета, отставка котораго не была принята королемъ, и вызвало только распуцение палаты.

Франція, какъ финиксъ возрожденная изъ пепла, за двадцать два года достигла замѣчательнаго благосостоянія. Мудрое правленіе заставило преклониться передъ нѣмъ всѣхъ недруговъ республики. Если они и стараются временами повредить ей, забывая благополучіе страны, то все-таки можно надѣяться, что благоразуміе и твердость правительства не содрогнется ни предъ динамитными взрывами, ни предъ клеветкою и оскорбленіями, которыя, щадя тѣло, убиваютъ душу и честь своихъ жертвъ.

Выдающимся событіемъ въ Англии и Соединенныхъ Штатахъ Америки былъ переходъ власти изъ однихъ рукъ въ другія. Тутъ и тамъ долго велась борьба и побѣда не безъ усилий досталась въ Америкѣ демократамъ, а въ Англии либераламъ сторонникамъ великаго старца Гладстона. Побѣда не останется безъ вліянія не только на внутреннія дѣла страны, но и отзовется на внѣшнюю политику. Побѣда Гладстона въ Англии особенно радостно была принята въ Чехии и другихъ славянскихъ земляхъ, такъ какъ расположеніе Гладстона къ славянамъ давно извѣстно.

Другія страны цивилизованнаго мира въ теченіе минувшаго года стремились къ своему благоустройству, исключая несчастной Болгаріи.

Новый 1893 годъ застаётъ Европу окутанною давнишнимъ туманомъ неопредѣленности политическихъ дѣлъ. Будемъ молить Бога, чтобы онъ развеялся мирно и благополучно.

Искусство.

Живопись и скульптура.

Истекшій 1892 годъ былъ довольно богатъ художественными пріобрѣтеніями европейскихъ музеевъ. Въ особенности важныя пріобрѣтенія были сдѣланы парижскимъ Лувромъ, Лондонской Национальной галлереей и, отчасти, Берлинскимъ музеемъ. Лондонская Национальная галлея пріобрѣла три произведенія: „Портретъ“ венеціанскаго художника Моретто (XV столѣтія), „Портретъ Адмирала“ работы Веласкеца и „Послы“ Гольбейна,—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и совершенныхъ произведеній этого знаменитаго художника. Существуетъ однако сомнѣніе, дѣйствительно-ли „Портретъ Адмирала“ принадлежитъ кисти Веласкеца? Портретъ, безспорно, замѣчательный, эффектъ темнаго костюма прекрасно выдѣляется на свѣтломъ сѣромъ фонѣ и вообще манера письма, несомнѣнно, напоминаетъ кисть Веласкеца. Однако, въ „Портретѣ“ нѣтъ того, по временамъ рѣзкаго реализма, который составляетъ отличительную черту испанскаго художника. Во всякомъ случаѣ, эта картина принадлежитъ испанской школѣ XVII вѣка и по манерѣ письма близко подходитъ къ стилю Веласкеца. Очень можетъ быть, что она принадлежитъ кисти одного изъ учениковъ Веласкеца, и лишь исправлена имъ. Извѣстно, что многія картины Веласкеца были писаны такимъ образомъ. Въ Петербургскомъ Эрмитажѣ (а также въ Мадридѣ и Лондонѣ) хранятся портреты, гдѣ головы были писаны самимъ Веласкецомъ, а остальное—учениками. Что же касается знаменитыхъ „Пословъ“ Гольбейна, то здѣсь не можетъ быть сомнѣнія въ подлинности: это одно изъ лучшихъ произведеній великаго нѣмецкаго художника. Двѣ фигуры, изображенныя на этой картинѣ, принято называть „послами“, но въ сущности неизвѣстно, кто они. Одинъ англійскій археологъ утверждаетъ, что эти два предполагаемые посла изображаютъ двухъ курфюрстовъ—братьевъ Генриха и Филиппа. Онъ считаетъ, что Гольбейнъ написалъ ихъ портреты въ промежутокъ времени между своими двумя пребываніями въ Англии (на картинѣ выставлена дата 1553 года). Одинъ изъ нихъ держитъ въ рукѣ свитокъ съ гимнами Лютера; это — Генрихъ, извѣстный фанатическій приверженецъ реформы. Остеологическіе и физическіе инструменты, разбросанные на столѣ, принадлежатъ, по всей вѣроятности, Филиппу, младшему брату, который былъ извѣстнымъ ученымъ.

Берлинскій музей пріобрѣлъ одну картину Рембрандта, одну — Тербурга и одну — Рюндаля. Картина Рембрандта — простой эскизъ, неимѣющій особеннаго художественнаго значенія; картина Тербурга — не хуже и не лучше многихъ другихъ картинъ этого голландскаго художника; петербургскій Эрмитажъ владѣетъ нѣсколькими картинками Тербурга, имѣющими болѣе высокое художественное значеніе. Только пейзажъ Рюндаля замѣчателенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Извѣстно, что Берлинскій музей обладаетъ самой богатой коллекціей пейзажей этого художника.

Болѣе значительными слѣдуетъ считать пріобрѣтенія парижскаго Лувра. Къ нимъ прежде всего принадлежитъ маленькое панно „Богородица, держащая на рукахъ Младенца Иисуса“. Богоматерь—въ золотой парчѣ на красномъ фонѣ, скрывающей отчасти другое одѣяніе темно-синяго (съ от-

ливомъ зеленаго) цвѣта, украшенное сѣрымъ мѣхомъ и окаймленное золотымъ бордюромъ. На голову накинута такого же цвѣта покрывало, изъ-подъ котораго видны бѣлокурые волосы. Картина эта, вѣроятно, принадлежитъ французской школѣ XV вѣка, но на ней замѣтно вліяніе фламандскаго искусства того времени. Другая картина, пріобрѣтенная Лувромъ, еще болѣе замѣчательна. Это — „Соборіе любителей“. Вокругъ стола сгруппированы семь мужскихъ фигуръ въ костюмѣ первой половины XVII вѣка. Посрединѣ, прямо передъ зрителемъ, сидитъ мужчина въ изящномъ сѣромъ костюмѣ, держа въ рукѣ струну, которую онъ старается натянуть на мандолину, лежащую на столѣ. Повидному, онъ что-то объясняетъ другимъ лицамъ, слушающимъ его. Всѣ взгляды обращены, однако, не къ нему, а въ сторону зрителя, изъ чего можно замѣтить, что картина изображаетъ не просто живописную сцену, а есть собраніе портретовъ. Выставленная въ настоящее время въ луврской залѣ Лесюэра, эта картина представляетъ значительный художественный интересъ. Она считается, по опредѣленію экспертовъ, картиной принадлежащей голландской школѣ. Въ ней замѣчательно то обстоятельство, что одиѣ фигуры — французы по типу, другія — испанцы, третья — голландцы. Съ нѣкоторымъ однако вѣроятіемъ можно заключить также, что эта картина принадлежитъ кисти французскаго художника Ленева. Изъ остальныхъ картинъ, пріобрѣтенныхъ Лувромъ (одна — Энгра, другая — Курба, третья — Беллоха, четвертая — Ворша, швейцарскаго художника XVIII столѣтія), только первая, Энгра, имѣетъ нѣкоторый интересъ. Она была написана въ 1816 году, въ Римѣ. Это — женскій портретъ и можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ портретовъ работы Энгра. — Луврскій отдѣлъ скульптуры пріобрѣлъ одно чрезвычайно интересное произведеніе; это — гипсовая модель памятника Наполеону I-му, сдѣланная Рюдомъ. Рюдь, какъ извѣстно, принадлежалъ къ тѣмъ республиканцамъ, которые считали Наполеона представителемъ первой французской республики. Послѣ того, какъ прародитель Наполеона былъ привезенъ во Францію, одинъ изъ друзей Рюды, Нуазо возымѣлъ мысль воздвигнуть памятникъ императору въ своемъ лѣвнѣ Факсенѣ, близъ Дижона. Этотъ памятникъ былъ исполненъ Рюдомъ въ 1847 году. Императоръ лежитъ прикованный къ скалѣ, онъ покрытъ широкимъ плащомъ, который онъ приподнимаетъ одной рукой. Это движеніе открываетъ голову императора, съ закрытыми глазами, украшенную лавровымъ вѣнкомъ. У его ногъ умираетъ императорскій орелъ.

Музей Штенделя во Франкфуртѣ, кромѣ двухъ старинныхъ картинъ нѣмецкой школы, пріобрѣлъ картину „Богородица съ Иисусомъ и Иоанномъ Крестителемъ“, — это пріобрѣтеніе вызвало цѣлую бурю въ художественномъ мірѣ. Картина была куплена въ Миланѣ у одной англійской дамы. Директоръ музея Штенделя, Тоде заплатилъ за нее 12,000 флоринновъ и считалъ, что пріобрѣлъ ее за безцѣнокъ, потому что былъ увѣренъ, что полотно это есть не болѣе не менѣе, какъ знаменитая „Madonna di Casalmaggiore“, шедевръ Корреджіо, описанный Вазари. Однако, художественный критикъ Люгговъ заявилъ, что картина ничего не стоитъ и, конечно, ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ кисти Корреджіо. Директоръ Берлинскаго музея, Боде, взялъ сторону Тоде; другіе знатоки стали защи-

щать мнѣніе Лютцова. Съ обѣихъ сторонъ было наговорено много и дѣло кончилось тѣмъ, что Тоде отказался отъ директорства музея Штенделя. Вопросъ же о картинѣ такъ и не былъ рѣшенъ до сихъ поръ. По отзывамъ наиболее безпристрастныхъ знатоковъ, картина, по вѣзмъ признакамъ, принадлежитъ къ пармской школѣ, но она до такой степени испорчена, что почти невозможно опредѣлить ея художественное достоинство.

В. Чуйко.

Театръ.

Последней новинкой на драматической сценѣ Александрийскаго театра въ 1892 г. была драма Бьериестера-Бьерисона „*Марія Шотландская*“, поставленная въ бенефисъ г. Аполлонскаго, съ г-жей Савиной въ заглавной роли, и въ Москвѣ, на сценѣ Малаго театра, на второй день послѣ появленія ея въ Петербургѣ. Пьеса, строго говоря, не имѣла успѣха ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, чему причиной является, во-первыхъ, неподготовленность нашихъ драматическихъ артистовъ къ пьесамъ съ серьезными литературными достоинствами (будь то пьеса русская или иностранная); они слишкомъ привычны къ легкимъ комедіямъ новѣйшей формации; а во-вторыхъ—драма Бьерисона въ сущности не драма, а отдѣльные сцены; въ ней гораздо больше разговоровъ, чѣмъ дѣйствія, что составляетъ ахиллесову пятую драматическаго творчества этого писателя.

Бьерионъ—мыслитель, а не драматургъ; сцена служить у него только фономъ для его картинъ; самыя же картины лишены того движенія, того развитія и нарастанія страсти, которыя составляютъ обыкновенно суть всякаго драматическа-

го произведенія. Въ этомъ отношеніи грѣшна и „*Марія Шотландская*“, имѣющая большія литературныя достоинства. Бьерионъ, въ противоположность Шиллеру, взялъ не послѣднія минуты великой трагической страдальцы, какъ это сдѣлалъ нѣмецкій поэтъ, а ранній и бурный періодъ ея жизни, именно до брака съ Богвелемъ, періодъ, наименѣе обработанный въ драматической литературѣ; затѣмъ онъ задался не столько поэтическими картинками, вымысломъ, сколько воспроизведеніемъ странныхъ исторіи и дѣйствительныхъ характеровъ взятой имъ эпохи.

Вотъ почему его *Марія* не идеализированная героиня, какъ у Шиллера, и не безлична, какъ у итальянскаго драматурга Альфиери („*Maria Stuarda*“); напротивъ, она у Бьерисона живое лицо, со всеми присущими ей историческими недостатками (къ сожалѣнію, достоинства ея мало обрисованы); но онъ ей дѣйствія никакого не даетъ; въ его *Маріи* нѣтъ рельефа. Зато великолепно обрисованы характеры мужа *Маріи*, герцога Дарнлея, лорда Богвеля и проповѣдника Нокса, равно какъ и секретаря *Маріи*, Давида Риччо. Бьерионъ взялъ нѣсколько отдѣльныхъ эпизодовъ (отношенія *Маріи* къ мужу, сцены съ Риччо, появленіе Богвеля, враждебное отношеніе лордовъ къ королевѣ); каждый изъ нихъ интересенъ самъ по себѣ, но въ цѣломъ они не даютъ материала для *драмы*; ея нѣтъ въ пьесѣ Бьерисона, поставленной на нашей сценѣ роскошно въ смыслѣ костюмовъ и декораций. Исполненіе же слабо, въ особенности роли *Маріи* г-жей Савиной. При всемъ томъ интересно было видѣть эту пьесу на нашей сценѣ, совершенно отыкнушей отъ серьезныхъ произведеній.

В. Баскинъ.

С М Ъ С Ъ.

Полное солнечное затменіе ожидается 16-го апрѣля новаго стиля. Оно будетъ видимо въ южномъ полушаріи. Большинство англійскихъ и американскихъ астрономовъ отправляется въ спеціальныя экспедиціи и устраиваетъ наблюдательные пункты. Затменіе совпадаетъ со временемъ наибольшаго скопленія пятенъ на солнцѣ и потому ожидается богатые результаты отъ наблюдений надъ солнечной короной для объясненія свойствъ атмосферной оболочки свѣтила.

Улучшеніе телефона, можно сказать, съ каждымъ днемъ идетъ впередъ и попытки усовершенствовать этотъ аппаратъ достигаютъ благоприятныхъ результатовъ. Такъ, при значительности разстояній между нашими городами, въ концы устроены уже телефонныя стѣи, постройка особыхъ телефонныхъ линій для взаимнаго соединенія городовъ потребовала-бы крупныхъ затратъ, поэтому естественно возникъ вопросъ о томъ—не представляется-ли возможности воспользоваться для телефонныхъ сношеній существующими телеграфными линіями и проводами. Еще недавно техники были убѣждены въ невозможности такого рѣшенія задачи, такъ какъ при близости телефоннаго провода къ телеграфному, въ телефонѣ, вслѣдствіе индукціи, явственно слышится стукъ, производимый работой на телеграфныхъ аппаратахъ. Эти побочные звуки мѣшаютъ ясному воспроизведенію звуковыхъ впечатлѣній и крайне несприятно дѣйствуютъ на слухъ.

Нынѣ, однако, благодаря работамъ Ванъ-Рисельберге (въ Бельгій), Гвоздева (въ Россіи) и другихъ изобрѣтателей, не поддается сомнѣнію, что не только по проводу, подвѣшенному вблизи телеграфныхъ проводовъ, возможно говорить посредствомъ телефона, но даже можно включать телефонъ въ самый телеграфный проводъ, при чемъ одновременно съ передачей телеграфныхъ депешъ, могутъ быть ведены разговоры по телефону безъ всякаго препятствія и помѣхи. Такіе результаты достигаются помощью сравнительно недорогихъ и немногочисленныхъ приспособленій у телеграфныхъ аппаратовъ и телефоновъ.

Такимъ образомъ вопросъ о соединеніи телефономъ отдѣльныхъ городовъ значительно упростился и, надо полагать, недалеко то время, когда С.-Петербургъ будетъ имѣть сообщеніе по телефону съ Москвою, Москва съ Тулою, Орломъ, Курскомъ и т. д.

Высота горныхъ желѣзныхъ дорогъ. Выше всѣхъ поднимается желѣзная дорога, проходящая по горѣ Ротгорнъ въ швейцарскихъ Альпахъ. Вершина этой горы достигаетъ 2351 метра надъ уровнемъ моря; рельсы же проведены на высотѣ 2252 метровъ. За ней слѣдуетъ Центральная Тихоокеанская дорога въ Сѣверной Америкѣ, взбирающаяся мѣстами на высоту 2140 метровъ надъ уровнемъ моря. Затѣмъ слѣдуютъ въ послѣдовательномъ порядкѣ швейцарскія желѣзныя дороги по горамъ:

Пилатъ	2066 м.	Мюрренъ	1611 м.
Риги	1750 м.	Бреннеръ	1367 м.
Monte-Generoso	1639 м.	Сенъ-Готардъ	1155 м.

Желѣзныя дороги въ Китаѣ. Несмотря на сопротивленіе правительства Небесной имперіи, одной англійской компаніи удалось все-таки въ 1885 г. получить разрѣшеніе на постройку первой желѣзнодорожной линіи, длиною всего около 32 верстъ, для потребностей одного рудника. Въ 1888 и 1889 гг. открылось движеніе еще по двумъ небольшимъ линіямъ въ Манджуріи, а теперь говорятъ уже о желѣзной дорогѣ въ 200 верстъ слишкомъ, которая должна соединить города Кантонъ и Као-Лангъ. Она составитъ

первый участокъ большой желѣзнодорожной линіи Кантонъ-Ханькау-Пекинъ. (г. в.)

Юбилей Галилея. 25-го ноября (7-го декабря) Падуанскій университетъ въ Италіи праздновалъ 300-лѣтній юбилей Галилея, то-есть, трехсотлѣтіе со дня вступительной лекціи, которую прочелъ въ этомъ университетѣ знаменитый математикъ и астрономъ. Въ теченіе 18-ти лѣтъ, проведенныхъ Галилеемъ въ Падуѣ, онъ сдѣлалъ важнѣйшія открытія свои. (г. в.)

Усовершенствованіе голубиной почты. Одно гимнастическое общество въ Италіи предприняло недавно рядъ интересныхъ опытовъ съ цѣлью выяснитъ удобство совмѣстныхъ дѣйствій велосипедовъ и почтовыхъ голубей для быстрѣйшаго сообщенія крайне удаленныхъ свѣдѣній и не терпящихъ отлагательства донесеній. Голуби помѣщаются въ клѣтку, набитую шерстью, укрѣпленную на шестѣ, придѣланномъ къ велосипеду. Такимъ образомъ увозятъ голубей на десятки верстъ и затѣмъ выпускаютъ ихъ изъ клѣтки. Черезъ нѣсколько минутъ они возвращаются въ голубятню.

Для дальнѣйшихъ опытовъ предполагается употреблять клѣтки изъ проволочнаго желѣза, оббитыя холстомъ, и помѣщать въ нихъ по двѣ птицы. Удобство такихъ клѣтокъ въ томъ, что ихъ можно послѣ вылета голубей складывать и освобождать такимъ образомъ велосипедъ отъ излишней помѣхи его движеніямъ. Описанное усовершенствованіе, основанное на комбинаціи двухъ способовъ быстрого сообщенія, можетъ оказать большія услуги во время войны. (г. в.)

Добыча золота съ каждымъ годомъ прогрессивно растетъ: въ 1887 г. приблизительно добыто 150 т. рус. фунтовъ, въ 1888—155 т., въ 1889 г.—165 т., въ 1891 г.—почти 180 т. Въ 1890 году сумма добытаго золота распределяется такъ: на Сѣверо-Американскіе Штаты болѣе 45 т. ф., въ Австраліи 40 т., въ Россіи 30 т. и въ Трансваалѣ около 15 т. рус. фунтовъ.

Подводное освѣщеніе. Въ Тулонѣ сдѣланы были недавно опыты освѣщенія морского дна съ помощью электрическаго прибора, опущеннаго на дно въ гавани. Такимъ путемъ удалось освѣтить пространство въ 15 сажень, совершенно достаточное для изученія подводныхъ растений и животныхъ. (г. в.)

Въ Норвегіи собирается по подпискѣ сумма въ 60,000 кронъ для постройки судна, представляющаго точную копію съ пайденанаго въ 1880 году въ Sandefjord'ѣ корабля Викинговъ. Построенный корабль предполагается отправить на выставку въ Чикаго. (в.)

Живой китъ на выставкѣ въ Чикаго. Для поимки его организуется теперь цѣлая экспедиція. Кита предполагаютъ привезти на буксирѣ рѣкой Св. Лаврентія и помѣстить его на выставкѣ въ особомъ резервуарѣ. (г. в.)

Пространство земли въ Канадѣ считается почти въ 8 $\frac{1}{2}$ милліоновъ квадратныхъ верстъ, почти на 1 милліонъ болѣе всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ вмѣстѣ и въ восемнадцать разъ болѣе Германіи. Вотъ куда должны быть направляемы европейскіе переселенцы.

Искусственное окрашиваніе цвѣтовъ. Въ витринахъ парижскихъ цвѣточныхъ магазиновъ появились цвѣты совершенно особой окраски,—гвоздика ярко-зеленаго цвѣта.

Способъ окрашивать цвѣты въ зеленый цвѣтъ еще въ 1875 году открылъ М. Флюль. Для этого достаточно погрузить ихъ въ сѣрный эфиръ, къ которому прибавлено немного *аміака* (около $\frac{1}{10}$ ю всего объема). Герань, гвоздика, красныя и розовыя розы, погруженныя въ этотъ растворъ, тотчасъ же получаютъ зеленую окраску темномѣднаго оттѣнка.

Окрашенные, однако, такимъ образомъ цвѣты почти тотчасъ же вянуть и не могутъ сохраняться въ букетахъ. Такому увяданію не подвергается только гвоздика, окрашенная воднымъ растворомъ анилиновыхъ красокъ, проникшимъ въ цвѣтокъ по капиллярнымъ сосудамъ цвѣточного стебелька.

Нѣсколько цвѣтокъ зеленой анилиновой краски, известной въ продажѣ подъ именемъ малахитовой зелени, растворенныя въ водѣ, даютъ носѣтъ легкаго возбужденія очень яркій зеленый цвѣтъ. Въ приготовленный такимъ образомъ растворъ погружаютъ стебельки гвоздики, сдѣлавъ на нихъ предварительно нѣсколько небольшихъ надрѣзовъ для болѣе легкаго проникновенія раствора; по прошествіи 12 часовъ бѣлые лепестки цвѣтка уже начинаютъ окрашиваться въ зеленый цвѣтъ; черезъ 48 часовъ весь цвѣтокъ — совершенно зеленый. Окраска производится еще быстрее у бѣлой сирени, которая превращается въ зеленую въ одну ночь.

Этотъ способъ окраски представляетъ интересъ также и въ научномъ отношеніи: фактъ проникновенія красящей жидкости въ стебелекъ и поднятія ея въ лепестки цвѣтка служитъ нагляднымъ доказательствомъ происходящаго постоянно въ растеніяхъ процесса всасыванія и поднятія соковъ по капиллярнымъ сосудамъ. Описанный здѣсь способъ искусственнаго окрашиванія былъ открытъ совершенно случайно: одна цвѣточица, дѣлавшая искусственные цвѣты, бросила однажды въ воду, въ которую поставленъ былъ букетъ изъ натуральныхъ бѣлыхъ гвоздикъ, кусочекъ зеленой анилиновой краски, употребившейся ею для окрашиванія вѣшечковъ въ искусственныхъ цвѣтахъ. На другой день она, не безъ удивленія, замѣтила, что лепестки бѣлой натуральной гвоздики покрылись зелеными пятнами.

Ш. Жираръ (Ch. Girard), ученый директоръ муниципальной химической лабораторіи, изслѣдовавъ эти цвѣты, тотчасъ-же появившіяся въ продажѣ, не замедлилъ разработать способъ ихъ фабрикаціи.

Подобными же способами можно получить и голубые и розовые цвѣты очень красиваго вида. Очень любопытны опыты, произведенныя въ этомъ отношеніи Гастономъ Тиссаандею.

Стебель бѣлой сирени былъ погруженъ въ водный растворъ эозина (Eosine), налитаго въ стеклянный сосудъ; по прошествіи 12 часовъ, бѣлая сирень получила прелестный бѣдно-розовый оттѣнокъ; такъ же окрашиваются жасмины и нарциссы. При употребленіи воднаго раствора голубой метиленовой краски удавалось получить голубую сирень.

Когда цвѣтокъ окрашенъ, его вынимаютъ изъ раствора, вымываютъ стебелекъ и ставятъ въ воду, какъ это дѣлаютъ съ обыкновенными букетами цвѣтотъ. Бѣлая сирень окрашивается очень легко, и съ очень небольшими поддержками. Съ помощью метиленовой синьки и эозина, можно получить прехорошенькій трехцвѣтнй букетъ. Изъ анилиновыхъ красокъ малахитовая зелень даетъ самыя лучшіе результаты. Ею окрашиваются не только бѣлые, но и другіе цвѣты. Отъ этой краски желтые жонгли превращаются въ зеленовато-желтые жонгли очень страннаго вида; фиолетовые анемоны становятся голубыми.

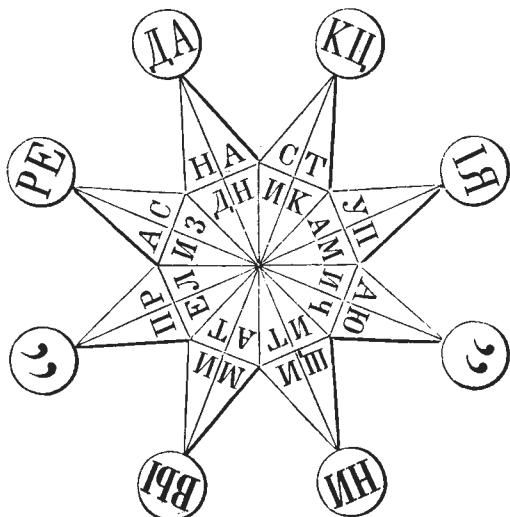

Сейдъ-Абдуль-Ахатъ-Ханъ, эмиръ Бухарскій. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Интересно было бы вырскивать краски, о которыхъ мы говорили, въ ростки цвѣтотъ еще сидящихъ въ землѣ; можетъ быть, удалось бы такимъ способомъ заранѣе окрашивать будущіе цвѣты этихъ растеній: опустивъ, напримеръ, голубую краску въ стебелекъ растущей розы, получили бы фиолетовые цвѣты. Здѣсь открывается обширное поле для изысканій и опытовъ. (г. в.)

Рѣшеніе задачи „Звѣзда“.

(помѣщенной въ № 52 за 1892 г.)

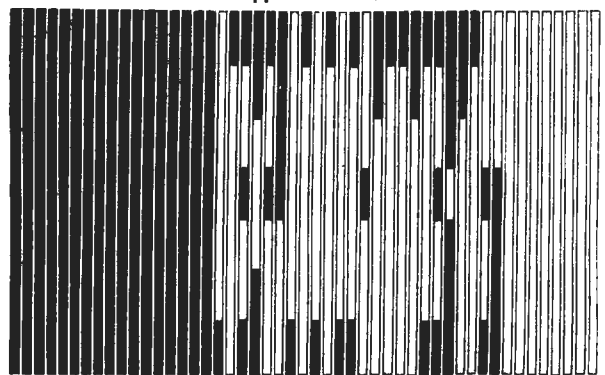

Слова: 1) Виллы, 2) Корецъ, 3) Юнія, 4) РудьЕ, 5) Нырки, 6) Дрова.

Съ наступающими праздниками,
читатели!

Редикція „Нивы“.

Задача № 1.

Данные 49 брусковъ сложить такъ, чтобы на нихъ можно было прочесть слово.

СОДЕРЖАНІЕ: Пѣвецъ. Стихъ Д. Меренниовскаго. — Джеттатура. Повѣсть графа Е. А. Саласа. — „Неразлучное“. Разсказъ Николая Днѣпровскаго. — Литературныя бесѣды. И. А. Гончаровъ. (Литературная характеристика). — Новогодніе планы молодой дѣвушки. Съ англійскаго М. Шеддингъ. — Огненный змѣй. (Опытъ объясненія одного изъ народныхъ повѣрій). Очеркъ проф. В. Аленицина. — Къ рисункамъ: Лѣсъ. Офортъ Шишкина (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Гаральдъ“, баллада В. А. Жуковскаго (съ рис.). — Гаданье (съ рис.). — Боярышня (съ рис.). — Въ Назначействѣ. Выдача пенсіи въ началѣ мѣсяца (съ рис.). — Въ ночь подъ Новый годъ (съ рис.). — Китайскія золотыя флейты для голубей (съ 2 рис.). — Морской орелъ и щука (съ рис.). — Архитектурная выставка (съ рис.). — Д. Д. Соколовъ, директоръ Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I (съ портр.). — 50-лѣтіе Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I (съ рис.). — Сейдъ-Абдуль-Ахатъ-Ханъ, эмиръ Бухарскій (съ портр.). — Политич. обзоръ. — Искусство. — Сильс. — Задача и рѣшеніе задачъ. — О подпискѣ на „Ниву“ 1893 г. — Объявленія. — При семь № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за ЯНВАРЬ, 2) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1893 г., печатанный красками. 3) „ПARIЖСКІЯ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ 1893 г. съ 30 рис. и отд. листъ съ 28 черт. выроекъ въ натур. велич. и 36 рис. рукод. работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни

„НИВА“ 1893 г.

со многими бесплатными приложениями и преміями.

Гг. подписчики «НИВЫ» получаютъ въ теченіе 1893 года:

52 №№

художественно-литературнаго журнала „Нива“, въ каждомъ № отъ 6—10 рис. и въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста.

12 КНИГЪ

ежемесячнаго бесплатнаго литературнаго приложения, подъ заглавіемъ „СБОРНИКЪ НИВЫ“, содержащихъ въ себѣ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя статьи и проч. лучшихъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, изъ коихъ три книги (за АПРѢЛЬ, АВГУСТЪ и ДЕНАБРЬ) будутъ заключать въ себѣ собранія сочиненій

**М. В. Ломоносова,
Императрицы Екатерины II и
Д. И. Фонъ-Визина.**

Каждое собраніе сочиненій будетъ издано въ отдѣльномъ томѣ, подъ редакцію А. И. Введенскаго, съ портретами авторовъ гравированными на стали.

ГЛАВНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ „НИВЫ“, заключающій въ себѣ:

10 КАРТИНЪ

исполненныхъ fac-simile по картинамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно: 1) „РУССКАЯ МОЛОДИЦА“, академика С. Ѳ. Александровскаго; 2) „ВЕЧЕРЪ НА НЕВѢ“, А. К. Бенгрова; 3) „ЗАПОРОЖЕЦЪ“, С. И. Ва-

ильковскаго; 4) „НАХОДКА“, Н. Н. Каразина; 5) „ЦАРЕВНА СОФІЯ ПОЛУЧАЕТЪ У ТРОИЦЫ ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ГОЛИЦЫНА“, К. В. Лебедева; 6) „ЮДИВЬ“, профессора Ганса Макарта; 7) „У ОКОЛИЦЫ“, профессора К. Е. Маковскаго; 8) „ГЕТМАНЪ“, И. Е. Рѣпина; 9) „ОХОТА НА ВОЛКА“, профессора Н. Е. Сверчкова; 10) „НА БАШТАНЪ“, академика К. А. Трутовскаго. Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и 8 вершк. ширины. Картины разошлются въ изящной папкѣ, украшенной акварелью художника Н. Н. Каразина.

12 №№ бесплатнаго ежемѣсячнаго приложения „ПARIЖСКІЯ МОДЫ“, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ бесплатнаго ежемѣсячнаго приложения рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 600) и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

„Стѣнной календарь“ на 1893 г. печатанный красками.

Въ прилагаемомъ при этомъ № Сборникѣ за Январь помѣщено послѣднее посмертное произведеніе

Ив. А. ГОНЧАРОВА.

Подписная цѣна см. на 1-й страницѣ.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Невскій пр., № 6.

Каждый новый подписчикъ, когда-бы ни подписался, получаетъ всѣ вышедшіе №№ „НИВЫ“ со всѣми приложениями, СБОРНИКОМЪ и пр.

РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ за „НИВУ“ 1893 года допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1893 г. 3 р.

2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1893 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1893 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложениями и преміями—НАРАВНѢ СЪ ГОДОВЫМИ ПОДПИСЧИКАМИ.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.:

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и вишнѣтокъ художника
К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Рисунки художника К. В. Лебедева, нашего извѣстнаго иллюстратора и большого знатока русской художественной старины, представляютъ собою 24 эстампа на мѣди и множество мелкихъ, въ высшей степени характерныхъ вишнѣтокъ въ текстѣ, воспроизведенныхъ съ величайшимъ мастерствомъ совершеннѣйшими изъ современныхъ способовъ передачи художественнаго рисунка. Авторомъ книги П. Н. ПОЛЕВЫМЪ, глубокимъ знатокомъ нашего историческаго прошлаго, въ этой книгѣ собраны лучшіе изъ его историческихъ рассказовъ и повѣстей, живописующихъ домашній бытъ, нравы, обычаи и семейную жизнь нашихъ предковъ. Каждая страница этихъ рассказовъ проникнута яснымъ пониманіемъ характеровъ и типовъ древней Руси и явилась искреннимъ желаніемъ возвеличить имена тѣхъ дѣятелей, которые являлись горячими защитниками православія и русской народности...

Цѣна этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большого 8^о) и роскошнаго изданія, назначается нами весьма умеренная: 5 р., съ пересылкой 5 р. 80 к.; въ красивомъ переплетѣ 6 р., съ пересылкой 7 р.

Для любителей роскошныхъ изданій мы напечатали особо „50 нумерованныхъ экземпляровъ“ на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 эстампа на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цѣна этихъ нумерованныхъ экземпляровъ 25 руб., съ перес. 26 руб.; въ роскошномъ полуагареновомъ переплетѣ 28 руб., съ перес. въ ящикѣ 30 руб.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

Государь Императоръ, по ведомственному докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ 26 день минушаго мѣсяца Высочайше соизволилъ на открытіе повсемѣстной по Имперіи подписки для сбора пожертвованій въ пользу погорѣльцевъ м. Мира, Минской губ., истребленнаго опустошительнымъ пожаромъ 9 августа сего года.

Учрежденный по распоряженію г. Минскаго Губернатора Комитетъ для сбора и распределенія означенныхъ пожертвованій, имѣетъ честь просить пожертвованій адресовать въ г. Новогрудокъ, Минской губ., въ Комитетъ по сбору пожертвованій въ пользу погорѣльцевъ м. Мира.

Председатель Комитета
А. Любимовъ.

„НЬЮ-ІОРКЪ“
Общ. Вз. Страх. Жизни.
Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.
Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 декабря 1892 г. Р. 2.714.072 23.
Сумма эта хранится въ Государств. Банкъ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5633 (29)
Глави, Уполн. П. П. Меллеръ.

ХОРОШИЯ КНИГИ ПО ЗНАЧИТЕЛЬНО УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ!
Книжный магазинъ Гросманъ и Кнебель. Москва, Петровскія линіи № 13, предлагаютъ въ совершенно новыхъ экземплярахъ: снимки съ картинъ Парижскаго Салона. Figaro Salon 1888 до 1892 года (5 тѣтъ) въмѣсто 6-8 руб. за годъ. Отдѣльные выпуски въ 1 р.—50 к.
Французскіе классики: 1-я серия Ф за годъ въ 2 р. 50 к.—1 руб. (Boileau, Bossuet, Fénelon, La Bruyère, La Fontaine, Pascal, Racine). И серия, большой форматъ, въ 5 по 2 р. 50 к. за томъ. (Barthélemy, Corneille, Courier, Delavigne, La Fontaine, La Harpe, Montesquieu, Rousseau (съ исл.), Stael, Voltaire (съ исл.).
Saint-Pierre, Paul et Virginie av. 182 illustr. de Leloir въ роск. переплетѣ въ 15 р.—8 р.
Theuriet Nos oiseaux av. 110 illustr. de Giacomelli въ 15 р.—8 р.
Theuriet Vie rustique av. 118 illustr. de Lhermitte въ 15 р.—8 р.
D'après François Bouchet. 20 раскрашенныхъ картинъ этого знаменитаго художника въмѣсто 15 за 8 руб. № 6182
Memoires de Benvenuto Cellini, въмѣсто 25 за 10 рублей.
Goncourt, L'art du XVIII siècle. 2 тома, въмѣсто 80 за 40 руб.
Pougin, Dictionnaire du théâtre въмѣсто 20 за 10 рублей.
Vercellio, Costumes anciens et modernes. 2 тома, въмѣсто 15 за 10 рублей.
Le Livre d'or de Victor Hugo въмѣсто 50 за 28 р.
Thausing, Albert Dürer, въмѣсто 20 за 10 р.
Ehrussl. Albert Dürer et ses dessins, въмѣсто 30 за 15 руб.
Die goldene Bibel (Das neue Testament) въмѣсто 35 за 12 рублей.
Album moderner Meister (24 фотографии) въмѣсто 30 за 15 руб.
Jaennicke, Grundriss der Keramik въмѣсто 25 за 12 р.
Иллюстрированный ражестиванскій календарь, а также и календарь книги по значительному удешевленію пріемъ доставляемъ въ Москвѣ бесплатно; жающихъ въ провинціи просимъ высылать 43 коп. на пересылку этихъ каталоговъ.

Фирма протипирована на европейскихъ выставкахъ десятию золотыми медалями и высшими знаками.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Для чистоты и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предохраненія подблочки, прому обратитъ вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли антикарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ лавочкахъ антикарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главнй складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Васильевая ул., д. № 2.

ЗА 5 РУБ. ЗА 10 РУБ.
КРАСИВО ПИСАТЬ выучивая великаго **ЗАОЧНО** (посредствомъ лекцій корреспонденціи) въ 10 уроковъ. **ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ.** Подробное объясненіе преподаванія высылается за 3 семиклѣбныя марки. П. № 6051 (3)
ДВОЙНОЙ ИТАЛІАНСКОЙ ВУХГАЛТЕРІИ обучаю **ИНОГОРОДНЫХЪ** вполнѣ и основательно въ 2-3 мѣсяца. При окончаніи выдаю ученику **СВИДЕТЕЛЬСТВО**. Адресъ: Москва, Покровка, д. церк. Иоанна Предтечи, у Земл. вала. Учит. каллигр. и бухгал. А. С. Шиманскому.

ШЛИННОЕ ЗАВЕДЕНІЕ Н. ИГНАТОВОЙ и К^о.
Изготавливаются по заказамъ для модныхъ магазиновъ новыя касторовыя и соломенные дамскія и дѣтскія шляпы по послѣднимъ фасонамъ, а также передѣлываются старыя шляпы и чистятся. П. № 6180
Всегда имѣются для продажи готовыя безъ отдѣлки дамскія и дѣтскія касторовыя и соломенные шляпы, а также икрыты, цвѣты, перья, ластинъ, карнасъ, марлевая формы и тюль для формъ, булавки и проч.
Москва, Рождественка, Нижній Кисельный пер., д. Владычестскаго Товарищ., кв. № 6-й.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ПІАНИНО
на которыхъ руками можно играть какъ на обыкновенн. пианино, а также посредствомъ верхенія ручки исполнять артистически всѣ танцы, русскія пѣсни и оперныя пьесы, цѣною въ 600, 650, 750, и 850 руб., рекомендуетъ
І. Ф. МЮДЛЕРЪ, 4-3-3
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Требуйте иллюстрированный прейсъ-курантъ. П. № 5970

PAPIER FAYARD et BLAYN
Пластарная бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требовать съ этикетками Fayard et Blayn. Имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. № 598 (16-8)

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
Невскій просп. № 42. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Рекомендуетъ часы собственнаго производства прусской системъ. Лицамъ которымъ точный и вмѣстѣ съ тѣмъ недорогой измѣритель времени составляетъ существенную необходимость, ручательство за вѣрность хода и прочность механизма на четыре года. Иллюстриров. прейсъ-куранты высылаются бесплатно.

ВАЖНО ДЛЯ МАТЕРЕЙ.
Вновь усовершенствованный профессоромъ Конслетомъ въ Вѣнѣ, аппаратъ для кипяченія и
СТЕРИЛИЗАЦІИ МОЛОКА
есть одно изъ необходимѣйшихъ пріобрѣтеній для каждой матери. Онъ служитъ для безусловнаго уничтоженія всѣхъ болезнетворныхъ микро-организмовъ, какъ въ молокѣ, такъ и въ искусственныхъ смѣскахъ, употребляемыхъ для кормленія дѣтей. Печатное подробное описаніе раздается и высылается желающимъ безвозмездно и аппараты продаются по крайне пониженнымъ цѣнамъ.
ВЪ ГИГИЕНИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ МАГАЗИНА Р. КЕЛЕРА и К^о, въ Москвѣ. П. № 6177

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА ПРОВНИЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.
Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:
Эссенъ букетъ Жюкей клубъ Букетъ Императрисы Илангъ-Илангъ Майскій-Ландышъ Бѣлый гелотропъ Бѣлая лилія Сирень перс. Лавкой Фалка
Вюльетъ де Парма Розода Любимъ меня Стенлей букетъ Iris Эдельвейсъ Жасминъ Опононакъ Шипръ Букетъ де Цааръ
Бѣлая роза Милья-Флеръ Анкадъ Глацинтъ Киссъ ме квинъ Испанская кожа Свежее сыно Черемуха Lilas Heuri Lotus.
Пробные флаконы высылаются не меньше 10 флаконовъ за 1 р. 40 к.; съ пересылкой во весь городъ Россіи. (иномъ: СИБИРИ)

ФОТОГРАФІИ ЛЪЧЕБНИЦА
Студія, изъ картинъ, и по моделямъ „Beautés“ и пр. — Самая большая и прекраснѣйшая коллекція въ мірѣ. Богатая образованная послыка высылается за 5 р. Катал. по 20 г. для страдающихъ ЗАКАЖИЕМЪ и другимъ. Adolf Estinger Kunstverlag. Wien I. Haupt-большини РЪЧН. Пріемъ большихъ по-искр. postfach. Корреспонденція: на нѣм., франц. вторн. и четв. отъ 10-ти час. утра до 1 ч. и англійск. яз. № 6073 (8) дня. Москва, Никитскій бул., д. Прибылова.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Ромъ-эпосъ. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. П. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. Вс. Крестовскаго. П. Павлора „Петербургскихъ Трущобъ“: 3-е изданіе. П. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ВЫБОРЪ ИЗЯЦНЫХЪ ШЕЛКОВЫХЪ ТКАНЕЙ, БАРХАТА и ПЛЮША
въ розничномъ магазинѣ **Б-С. Г. ШЕЛАЕВЫХЪ**
въ Москвѣ.
ПАССАЖЪ СОЛОДОВНИКОВА, № 65, 66.
С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, Большая Суворовская линія, № 134.
Продажа безъ запроса. Образцы высылаются Ш. № 6052 бесплатно. 2-2

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К^о. Лмтд.“
лучше въ свѣтѣ! предлагаетъ торговый домъ **Г. ЖЕМЛІЧКА и К^о.**
Москва, Неглинный просп., домъ Ежковой. Прейсъ-куранты — бесплатно.

НОВЫЕ АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ Crab-Apple Blossoms
экстра-концентрированы. Съ освежающимъ приятнымъ запахомъ, долго не выдыхающимся, и поэтому весьма экономные при употребленіи.
Достаточно пѣсьолныхъ (3) капель. № 5970
Приготовляетъ исключительно **THE CROWN PERFUMERY CO.**
177 New Bond Str. London.
Продажа у всѣхъ главныхъ парфюмеровъ.

МЫЛО ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА **А. М. ОСТРОУМОВА**
КУСОКЪ 30 КОП. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 КОП.

Новое дѣтское изданіе Ф. Павленкова:
ПОДРУЖКА.
Книжка для маленькихъ дѣтей. Составила Бостромъ. Съ 130 рис. П. 75 коп. Въ пяти 1 р. Въ переплетѣ 1 р. 30 к. Продается у всѣхъ книгопродавцевъ. Главн. складъ въ книжномъ магазинѣ П. Лукичкина. (СНБ. Лент. пер., 2). Мт. № 61-8

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ РОССІИ СКЛАДЪ
ИЗЪЯЦНЫХЪ МАШИИИ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Москва

Вѣстникъ Иностранной Литературы на 1893 г. съ доставкою и пересылкою **4 руб. въ годъ за 12 книгъ.**
Годъ 3-й. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ. Подробное объявленіе высылается по требованіямъ немедленно, **БЕЗПЛАТНО**, а пробный № за 35 коп. марками. ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ Редакціи, Вѣрѣйская, 16, соб и въ Конторѣ, Гостиный Дворъ. Магазинъ Пантелева, № 63.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшаго англійскаго колѣнкора, съ золотымъ тисненіемъ, печатанными красками, на 1892 годѣ, по показанному образцу, 1 р. съ перес. 1 р. 60 к.

ФРАНЦУЗСКАЯ АЗБУКА

Чтеніе и Письмо.

Разговоръ по новому способу.

Съ 33-мя рисунками. Цѣна 50 коп.

Составилъ П. Мозеръ.

Складъ книгъ: Москва, Кузнечій мостъ, Учебный магазинъ „Начальная Школа“ Е. Н. Тихомировой. П. № 6184

СИБИРСКОЕ ТРИКО

чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 60 коп. арш., сукуно (неворов.) 1 р. 35 коп., по прочности и дешевизнѣ незаменимы для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, пошедневныхъ, охотничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, помещиковъ, врачей и проч.

Иногороднымъ высылаются образцы и предложения поручены на особо льготныхъ условияхъ.

Магазинъ: СПб., Владимірская, № 6; Васил. Остр., 4-я линия, домъ 53; Рига, Большая Новая улица, 15. № 6183 10-18

ТОВАРИЩЕСТВА СЫНОВЕЙ
А. И. АБРИКОВОСА
въ Москвѣ
КАМОНТЪ

№ 6165 2-2

ПИСАЮЩАЯ МАШИНА 25-7

РЕМИНГТОНА № 5

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежденій, высылаются бесплатно. № 5996 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кобандъ.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 40 | Москва, Кузнечій мостъ, д. Захарына

рекомендуетъ въ большомъ выборѣ, по крайне умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго достоинства.

СКРИПКИ

по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.

Смычки для скрипки по 50 к., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.

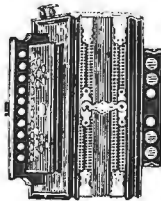
Футляры для скрипки по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.

СТРУНЫ, канифоль и всѣ другія принадлежности. Скрипки 3/4, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей по тѣмъ же цѣнамъ какъ и большыя.

ВИОЛОНЧЕЛИ

по 20, 35, 50, 75, 100, 150 и 200 руб.

Смычки для виолончели по 2, 4, 6, 10, 15, 30 и 60 р.

ГАРМОНИИ

Фабрики Кальбе, лучшія въ мірѣ:

Однорядныя въ 4, 5, 5 1/2, 6, 7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 руб.

Двурядныя въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28, 30 р. и вѣнскія въ 22 руб.

Трехрядныя въ 60 р. и вѣнскія въ 30, 50 и 75 р.

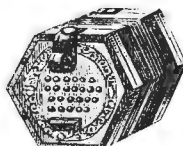
Губныя граммоны по 30, 50 к., 1 р. и др.

ГИТАРЫ

по 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р.

(Гитары отъ 7 р. и дороже имѣютъ механизмъ для струнъ).

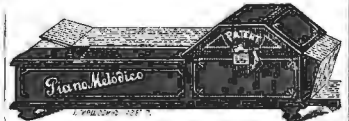

АНГЛІЙСКІЯ КОНЦЕРТИНО

по 24, 30, 40, 55, 70, 85, 100, 125, 140, 160, 200 и дороже.

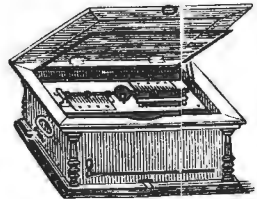
НАРОДНЫЯ ГАРМОНИФЛЮТЬ

въ 5, 17 и 23 р.

ПИАНО-МЕЛОДИКО.

Механическій музыкальный инструментъ со струнами, оригинально пѣвучій тонъ, похожій на тонъ оркестра изъ мандолинъ. Цѣна безъ нотъ 80 р. Ноты по 70 к. за метръ (=1 1/2 арш.).

СИМФОНИОНЫ

Съ ручной, безъ нотъ 6 р. Ноты по 35 к.

Заводной, 40-тонн., безъ нотъ 16 руб.

Ноты по 35 к.

Заводной, 60-тонн., безъ нотъ 30 руб.

Ноты по 60 к.

Заводной, 84-тонн., безъ нотъ, 45 руб.

Ноты по 75 к.

Заводной, 84-тонн., „Sublime Harmonie“, безъ нотъ 80 р. Ноты по 1 р.

Заводной, 100-тонн., „Sublime Harmonie Pizzolo“, безъ нотъ 125 р. Ноты по 1 р. 50 к.

Новості Часы съ музыкой (съ механизмомъ 100-тонн. симфоніона), безъ нотъ, 250 р. Ноты по 1 р. 50 к.

Только что поступилъ въ продажу полный томъ

„НИВЫ“ 1892 г.

заключ. въ себѣ массу гравюръ и рисунковъ и болѣе 1,500 столбцовъ текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, популярно-научныхъ статей и между прочимъ слѣдующихъ капитальныхъ произведеній: „Изъ приключеній Горюнина въ Итали“, разск. А. Н. Майкова, „Служитель Бога“, истор. ром. въ 2 част. Гр. Е. А. Салиаса, „Стратонъ Стебелыцынъ“, пов. С. Н. Терпигорева (С. Атавы), „На берегахъ Невы и Темзы“, больш. ром. В. П. Желиховской, „Дора“, пов. Вас. И. Немировича-Данченко, „Зѣло досадительное дѣло“, больш. истор. разск. П. Н. Полевого, „На Сине-морскихъ буграхъ“, ром. В. П. Желиховской, „Тюлений островъ“ (драма на морѣ) А. Я. Максимова и проч., и проч.

Къ этому тому бесплатно прилагается:

- 1) Двѣнадцать большихъ книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, состоящихъ изъ роман., повѣст., разск., стихотв., научн. статей и между прочимъ слѣдующихъ выдающихся произведеній: очеркъ И. А. Гончарова, повѣсть Д. В. Григоровича, ист. разск. Сизова, разск. Г. П. Данилевскаго, разск. Н. Д. Маслова, разск. Вас. И. Немировича-Данченко, пов. кн. М. Н. Волконскаго, разск. П. Н. Полевого, пов. П. Д. Боборыкина, разск. гр. Е. А. Салиаса, разск. И. Н. Потапенко, ралсодія Н. С. Льскова, разск. И. Щеглова, разск. кн. М. Н. Волконскаго и пр. Стихотворенія: А. Александрова, В. Величко, Д. Мережковскаго, К. Фофанова и др. Научная лѣтопись, задачи, игры, библиографія, смѣсь и пр.
- 2) Четыре изъ этихъ книгъ заключаютъ въ себѣ полныя собранія сочиненій: И. И. Козлова, А. С. Грибоѣдова, А. И. Полежаева и А. В. Кольцова.
- 3) Каждое собраніе сочиненій издано въ видѣ отдѣльныхъ, совершенно самостоятельныхъ томовъ, съ портретами авторовъ, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ.
- 4) Художественный альбомъ „НИВЫ“, заключающій въ себѣ: исполненныхъ fac-simile по оригиналамъ 10 картинъ, извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно: Айвазовскаго, Бенуа, Боголюбова, Дмитриева-Оренбургскаго, Зихеля, Котляревскаго, Кошелева, Лагоріо, Маковского, Назовова. Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и 7 1/2 вершк. ширины. Картины выдаются въ изящной папкѣ, украшенной акварелью акад. С. Александровскаго.
- 5) 12 №№ ежемѣсячнаго приложения „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.
- 6) 12 ЛИСТОВЪ ежемѣсячнаго приложения рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 600) и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

Цѣна полному экземпляру „НИВЫ“ со всѣми приложеніями 5 р. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 22 фунта по почтовой таксѣ. Желające имѣть изданіе въ роскошн. колѣнкор. переплетахъ, благоволятъ сверхъ этого прилагать за переплетъ тома „НИВЫ“ 1 р. 60 к. и за 7 перепл. на „Сборникъ“ (3 переплета „Сборника“) и сочиненія Козлова, Грибоѣдова, Полежаева и Кольцова (4 переплета) 1 р. 75 к. Пересылка переплетенныхъ экземпляровъ производится въ аликъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплетенный экземпляръ „НИВЫ“ за 1892 г. со всѣми приложеніями, въ аликъ, обойдется 9 р. Пересылка на счетъ заказчика.

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ

въ Ригѣ
СИГАРЕТЫ,
ПАПИРОСЫ,
ТАБАКЪ,
ТУРЕЦКІЙ
и МЕДИАНСКІЙ

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ
ПЕРВАЯ СИГАРНАЯ ФАБРИКА въ РОССІИ
СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1839 ГОДА.

Можно получить во всѣхъ большихъ магазинахъ или прямо съ фабрики. Прейс-кур. № 5785 96-98

Рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Шведскій зубной эликсиръ . . . фл. 80 к.
Шведскій зубной порошокъ . . . кор. 50 к.
Шведская зубная паста . . . кус. 30 к.
Шведская амикосовая вода . . . фл. 75 к.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.
Главный складъ: Демадовъ пер., № 1. СПб.
Парфюмеръ І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

НОВАЯ КНИГА:

СПУТНИКЪ

МЕЛЬНИКА-МЕХАНИКА.

Собраніе правилъ, таблицъ и практическихъ свѣдѣній для мельниковъ, строителей и владѣльцевъ мельницъ, монтеровъ и т. д. Сочиненіе С. Нотовича. Цѣна въ колѣнкоромъ переплетѣ 3 руб. 50 к., въ кожаномъ — 3 р. 75 к., безъ переплета 3 р. Иногородные адресуютъ: Въ складъ мельничныхъ машинъ С. Нотовича въ Одессѣ, Базарная, № 66. Книга поступила также въ продажу въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и др.
П. № 5993 20-6

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИСЪ ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 9 января 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВЪ“ принимаются за строку непарейль (¼ шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr. для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою 10 р.

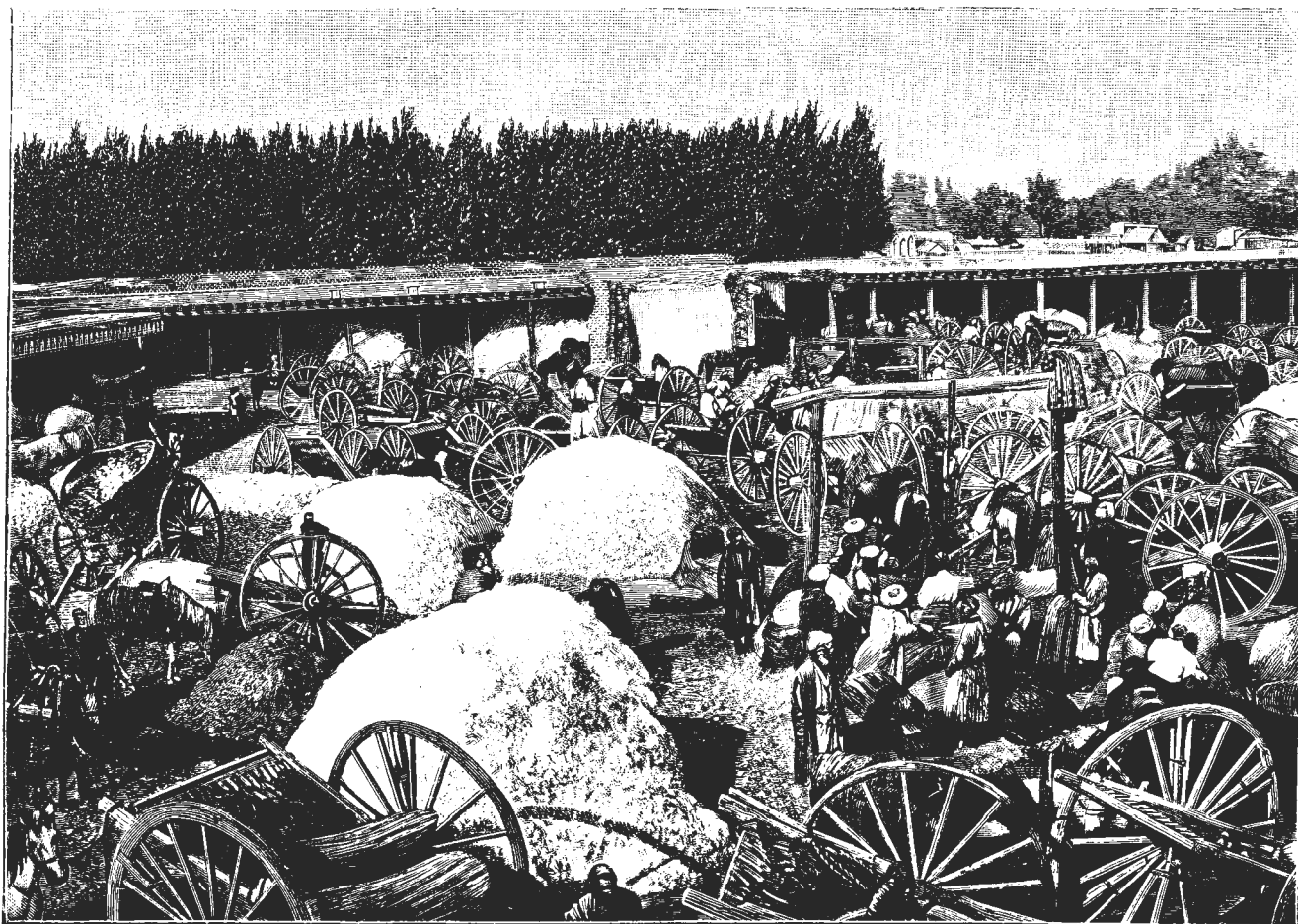
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при „НИВЪ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

Торговля хлопкомъ въ Россіи. Центральный базаръ (въ г. Андижанѣ, Ферганской области). Съ фот. Полонского, грав. Шлипперъ.

Джеттатура.

Повѣсть графа Е. А. Салиаса.

(Продолженіе).

IV.

Вечеромъ того дня, когда кавалеръ ди-Аволо посѣтилъ и удивилъ Таванна, площадь Св. Марка и всѣ улицы Венеціи были еще болѣе оживленны, шумны и переполнены толпами...

Казалось, венеціанцы — и патриции, и простой народъ—рѣшили совсѣмъ не ложиться спать въ ожиданіи торжества появленія Французскаго короля.

На углу площади, предъ базиликой и близъ главной улицы, Мерсеріи, подъ самой башней, гдѣ громадная машина двигаетъ двумя стрѣлками по циферблату, отбиваетъ гулко часы и оглашаетъ всѣ улицы и лагуны звучными мелодіями и воинственными маршами, помѣщалась лучшая и любимѣйшая въ городѣ „confiteria“, подъ вывѣской, т. е. подъ изображеніемъ большого золотого льва.

И днемъ, и ночью — всегда бывалъ „Золотой Левъ“ переполненъ своими обычными и случайными посѣтителями. Здѣсь выпивалась всегда масса всякихъ нитій, проглатывалось страшное количество льдистаго мороженаго и снѣгоподобнаго „granato“. Здѣсь же всегда шла безостановочная борьба во всевозможныя игры.

Карты, домино, бирюльки, кости, шашки и шахматы — все имѣло здѣсь своихъ приверженцевъ, представителей и часто замѣчательныхъ искусниковъ, нерѣдко славившихся на всю Адриатику, на весь Аппенинскій полуостровъ и даже за предѣлами его...

На этотъ разъ „Золотой Левъ“ былъ биткомъ-набитъ, а вокругъ него по площади большимъ полукругомъ размѣстились гости на маленькихъ табуретахъ близъ маленькихъ столовъ... Нѣкоторые разсыпались просто по землѣ, сидя на коврахъ, по-турецки поджавъ ноги...

Востокъ былъ не далеко, съ нимъ издавна сносились Венеція, много враждовала и боролась часто, но мирилась, дружила вновь и невольно перенимала его обычаи.

Такъ, по отношенію къ женамъ и дочерямъ патрициевъ республики прямо подражали сынамъ полумѣсяца. Венеціанки сидѣли вѣчно во дворцахъ своихъ, показываясь только въ окнахъ и на балконахъ, а если появлялись въ гондолахъ, то всегда съ плотнымъ бѣлымъ вуалемъ на головѣ и лицѣ. Если же встрѣчались патрицианки пѣшкомъ въ улицахъ Венеціи, то лишь въ силу особо важнаго случая и крайней необходимости, какъ напримѣръ ради присутствія на торжественномъ богослуженіи въ соборѣ Св. Марка или ради посѣщенія супруги дожа — догарессы.

Конфитерія „Золотого Льва“, ярко освѣщенная тысячами съ потолка разноцвѣтными лампочками и фонариками, разставленными по столамъ, была окружена плотной толпой праздныхъ прохожихъ и зѣвакъ. Одни, наглядѣвшись до-сыта, отходили; другіе ихъ замѣщали...

Внутри конфитеріи и снаружи, равно, почти на всѣхъ столикахъ шла игра... Въ одномъ мѣстѣ стучали костями и домино, въ другомъ щелкали азартно картами... Лишь за нѣкоторыми столиками шла хотя упорная и страстная, но безмолвная и на видъ угрюмая игра. Это были игроки въ шахматы.

Вся Италия, вся Адриатическая республика, вся Венеція — любила и даже особо высоко чтילה искусство шахматной игры.

„Игра мудрецовъ!“

Это было имя, присужденное древнѣйшей игрѣ.

На этотъ разъ въ одномъ изъ угловъ конфитеріи

была кучка знатныхъ патрицевъ, сидѣвшихъ полукругомъ около столика, за которымъ два соперника углубились надъ доской съ квадратиками и фигурами изъ слоновой кости двухъ цвѣтовъ. Среди общаго шума, гула и движенія, они одни, человекъ семь, будто не замѣчали окружающаго и забыли даже, гдѣ они находятся... Казалось, что между ними совершается нѣчто важное, чуть не священнодѣйствіе.

На это была впрочемъ особая причина. Одинъ изъ игроковъ, углубленный теперь надъ шахматами, былъ рѣдкій и всегда желанный гость Венеціи, своего рода знаменитость на всемъ полуостровѣ.

Не только почти всѣ посѣтители „Золотого Льва“ знали, кто въ этотъ вечеръ въ немъ пребываетъ, но даже нѣкоторые прохожіе изъ простонародья, оставившіеся предъ ярко освѣщенной конфитеріей, восклицали изрѣдка:

— Гляди, гляди, — Джіакомо пріѣхалъ... Вонъ онъ!

— Гдѣ?

— А вонъ, въ углу. Джіакомо Боббіо!

И ни разу не раздался ни одинъ голосъ съ вопросомъ: „кто такой Джіакомо Боббіо?“ Если кто и не зналъ этого, то чувствовалъ, что опасно сдѣлать немѣстный вопросъ. Стыдно. Всѣ пожалуй разсмѣются.

Дѣйствительно, толстый и низенькій человекъ, съ крупнымъ, красноватымъ лицомъ, совершенно лысый, на видъ лѣтъ пятидесяти, но въ дѣйствительности всего 30-ти-лѣтній, былъ всякому извѣстенъ въ Венеціи.

Джіакомо Боббіо, родомъ изъ Вероны и поэтому часто именуемый Giacomo il Veronese, былъ знаменитый шахматистъ.

Уже лѣтъ съ десять никто никогда нигдѣ не только во владѣніяхъ Венеціи, на Твердой землѣ, но нигдѣ на всемъ протяженіи полуострова, не могъ побѣдить Боббіо въ шахматахъ. Онъ игралъ часто противъ десятирехъ, игралъ съ завязанными глазами, держа партію въ памяти или воображеніи, и всегда побѣждалъ.

На этотъ разъ знаменитый Джіакомо пріѣхалъ изъ Модены наканунѣ, чтобы поглядѣть на Французскаго короля, быть-можетъ и сразиться съ кѣмъ-либо изъ его свиты, а затѣмъ получить лестное приглашеніе во Францію.

Около полуночи всѣ посѣтители оторвались на минуту отъ своихъ занятій, бесѣдъ, споровъ или питій и мороженаго. Всѣ взоры обратились на новаго посѣтителя.

Въ конфитерію, медленно и гордо выходя, вошелъ высокій господинъ, элегантно одѣтый въ полный черный костюмъ. За нимъ шли два молоденькихъ пажа и несли — одинъ его шпагу и перчатки, другой — небольшой ларецъ изъ перламутра, окованный серебромъ. Вошедшій былъ въ маскѣ...

Обычай, долго сохранявшійся въ Венеціи, носить маску на улицѣ уже начиналъ выходить изъ употребленія и замаскированные прохожіе появлялись все рѣже... За то всѣ знатные и высокопоставленные иностранцы, посѣщавшіе Венецію, строго придерживались этого обычая, когда имъ приходилось появляться на гуляньяхъ, въ театрахъ, кофейняхъ или разныхъ ridotto и другихъ увеселительныхъ мѣстахъ.

Вошедшій былъ очевидно важный иностранецъ. Въ конфитеріи тотчасъ же распространился слухъ — простая догадка, что гость, по всей вѣроятности, изъ свиты ожидаемаго на утро короля Франціи.

Незнакомецъ сѣлъ за одинъ изъ столиковъ, а пажи

стали за его стуломъ. Онъ спросилъ себѣ турецкаго шербета, льду и мятой воды и составилъ себѣ питье. Затѣмъ онъ яркими глазами, блестящими черезъ дырочки черной бархатной маски, зорко и внимательно осматрѣлся и оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ. Маска скрывала его лицо лишь наполовину и постоянная тонкая усмѣшка подъ вздернутыми усами, надменная и презрительная, невольно бросалась всѣмъ въ глаза. И всѣмъ равно не понравился этотъ замаскированный. Посидѣвъ молча съ четверть часа, незнакомецъ вымолвилъ рѣзкимъ голосомъ:

— Синьоръ Даль-Вермэ!..

Одинъ изъ сидѣвшихъ около Джакомо Боббіо и съ увлеченіемъ слѣдившій за партіей поднялъ голову и, какъ бы очнувшись отъ сна, не зная, назвали-ли его дѣйствительно, или онъ ослышался.

— *Illustrissimo, signor Dal-Verme!* снова повторилъ замаскированный посетитель громче и какъ бы подсмѣиваясь. Таковъ былъ оттѣнокъ его голоса.

Названный обернулся, всталъ и приблизился. Это былъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ и богатыхъ патриціевъ республики, молодой человекъ двадцати шести лѣтъ, только-что зачисленный на службу республики и назначенный секретаремъ венеціанскаго посольства, вскорѣ отправляющагося ко Двору Испанскаго короля.

Даль-Вермэ остановился передъ незнакомцемъ, смѣрилъ его съ головы до пятъ, и вдругъ непріятное чувство охватило его всего... Ему чувствовалось нѣчто необъяснимо гадкое и страшное, какъ будто онъ наступилъ на ядовитую змѣю.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ, будто оторопѣвъ.

— Я хочу вамъ сказать, что аллюкція, которую вы сочиняете теперь, очень недурна и вы напрасно тревожитесь. Она понравится и сенатору Джустиніани, и затѣмъ королю и всему Двору Мадрида.

Даль-Вермэ широко раскрылъ глаза.

Его занимала и смущала въ эти дни работа, данная ему посломъ, съ которымъ онъ собирался выѣзжать. Но никто кромѣ него самого и его прямого начальства не зналъ объ этомъ. Какъ же могъ говорить объ этомъ незнакомецъ.

Онъ уже хотѣлъ задать ему этотъ вопросъ, когда замаскированный какъ бы бросилъ ему нѣсколько словъ, отъ которыхъ тотъ всыхнулъ.

— Какая неосторожность и даже наивность уѣзжать и отправляться въ дальній путь человеку, у котораго такая красавица жена... Мало-ли что можетъ случиться въ отсутствіе мужа съ молодой женщиной.

— Съ синьорой Сильвіей Даль-Вермэ ничего случиться не можетъ! холодно отозвался молодой патрицій и, съ презрѣніемъ смѣривъ взглядомъ своего невѣдомаго собесѣдника, хотѣлъ отойти.

— Можетъ-быть... Не угодно-ли вамъ сыграть со мной въ домино? вдругъ вымолвилъ этотъ.

— Зачѣмъ? Вы замаскированы, и я нахожу, что играть...

— Я общаюсь снять маску и даже назваться послѣ первой же выигранной вами пассы. Игра — шесть пассъ.

Даль-Вермэ не хотѣлось отрываться отъ наблюдений за игрой въ шахматы, но любопытство узнать, кто этотъ незнакомецъ, имѣющій свѣдѣнія о тайно сочиняемой имъ аллюкціи, т. е. обладающій даромъ провидѣнія, взяло верхъ. Молодой патрицій сѣлъ за его столикъ и приказалъ подать домино.

— Условіе простое: проигравшій всѣ шесть пассъ платитъ сто дукатовъ, заявилъ замаскированный. — Но если я проиграю хотя одну пассу—я сверхъ того снимаю маску, а расчетъ уже будетъ сдѣланъ по очкамъ. Одна лира за очекъ...

— Я согласенъ даже червонецъ за очекъ! отозвался патрицій.

— Нѣтъ. Я не хочу разорять васъ. Вѣдь всѣ пассы будутъ мои!..

V.

Домино были раздѣлены... Началась игра... Съ первой же пассы у незнакомца оказалось меньше очковъ... Съ каждой новой сдачей и пассой сумма очковъ все накоплялась у Даль-Вермэ. И наконецъ послѣ шестого раза въ его записи оказалось болѣе сотни очковъ, что бывало настолько рѣдко, что почти невѣроятно...

Даль-Вермэ досталъ кошелекъ, отсчиталъ червонцы и выговорилъ:

— Посмотримъ еще разъ — чья возьметъ!

— Вы желаете продолжать?.. Предупреждаю васъ, что вы со мною никогда не выиграете...

— Какой вздоръ!

— Никогда!.. Впрочемъ, давайте продолжать, но даромъ, чтобы только доказать вамъ это. Денегъ вашихъ мнѣ не надо. Поэтому мы сыграемъ полдюжины партій на условіе. Если я проиграю хотя одну — я опять-таки общаю, что сниму маску и назовусь вамъ. Если вы опять проиграете всѣ шесть—вы обязуетесь... Что бы такое?.. Вы обязаны послѣзавтра представить меня красавицѣ Сильвіи, какъ своего побѣдителя... Не бойтесь... „*Neux au jeu — malheureux en amour!*“ говоритъ французская пословица.

— Это нелѣпый закладъ. Зачѣмъ вамъ знакомиться съ моей женой? Что касается до пословицы—это тоже нелѣпый намекъ.

— Въ васъ говоритъ ревнивецъ-мужъ, собирающійся въ дальнее путешествіе! усмѣхнулся незнакомецъ.—И боящійся этихъ двухъ якобы нелѣпостей.

— Какой вздоръ! воскликнулъ Даль-Вермэ. — Я согласенъ...

Черезъ часъ времени всѣ шесть пассъ были сыграны. Патрицій игралъ сосредоточенно, расчетливо и осторожно и... проигралъ всѣ до одной, оставаясь каждый разъ съ огромнымъ количествомъ очковъ на рукахъ.

— Въ сущности тутъ нѣтъ ничего удивительнаго! выговорилъ Даль-Вермэ, послѣ минутной задумчивости.—Я играю порядочно въ домино, а вы — удивительно расчетливо и умно. Но на этотъ разъ вамъ тоже и везло почти неостижимо... Это игра все-таки пустая. Тутъ многое зависитъ отъ случая. Это не шахматы.

— А вы играете въ шахматы?

— Очень плохо... Настолько-же скверно, насколько вотъ синьоръ Боббіо играетъ хорошо, даже дивно.

— Кажется онъ—шахматная знаменитость? улыбнулся кавалеръ.—Это любопытно...

— Джакомо Боббіо нешобѣдимъ.

— Какіе пустяки! Охота повторять эту выдумку! разсмѣялся незнакомецъ.

— Что?! воскликнулъ Даль-Вермэ, почти оскорбленный этимъ смѣхомъ—презрительнымъ и грубымъ.

— Я вашему непобѣдимому Боббіо не дамъ взять у меня ни одной партіи.

— О! Это слишкомъ!.. вскричалъ Даль-Вермэ на всю кондитерію такъ громко, что всѣ обернулись.

И будто желая поймать неизвѣстнаго хвастуна на неосторожномъ словѣ и отомстить за свое поражение въ домино, патрицій смѣясь обратился ко всѣмъ, наполнявшимъ кондитерію:

— *Signori!* Прислушайтесь... Вотъ этотъ неизвѣстный посетитель сейчасъ мнѣ заявилъ, что онъ можетъ обыграть Боббіо.

Въ разныхъ мѣстахъ раздался искренній смѣхъ.

— Неправда,—я этого не говорилъ! спокойно вымолвилъ замаскированный.

— Какъ не говорили!? вскрикнулъ Даль-Вермэ и впресталъ, хватаясь за шпагу.

Отъездъ Маріи Стюартъ изъ Франціи. Съ карт. Е. Лауффера, грав. Клоссъ.

Всѣ со вниманіемъ посмотрѣли на обонхъ. Начиналъ сеора и пахло поединкомъ.

— Вы не точно передаете мои слова, еще холоднѣе вымолвилъ замаскированный.—Я сказалъ, синьоры, обратитесь ко всѣмъ присутствующимъ.—что я положительно ни одной... понимаю—ни одной партіи синьору Боббіо не дамъ у меня выиграть.

Въ кондитеріи сразу все оживило... Движеніе и голоса слились въ общій громкій гулъ.

— Какая дерзость!

— Какое самохвальство, благо подъ маской...

— Болтунъ-мальчуганъ!

— Слѣдовало бы его проучить!

Все это и многое еще болѣе рѣзкое, по сказанное тише, раздалось изъ-за всѣхъ столиковъ. Самъ Джіакомо Боббіо невольно оторвался отъ своей партіи и вопросительно озирался кругомъ.

Ему объяснили въ чемъ дѣло...

Боббіо обернулся къ неизвѣстному гостю въ маскѣ, поглядѣлъ, усмѣхнулся насмѣшливо, съ отѣнкомъ добродушнаго презрѣнія, и хотѣлъ было снова заняться своей партіей...

Но неизвѣстный гость быстро всталъ, подошелъ къ Боббіо и его партнеру и, сѣвъ около нихъ, выговорилъ глядя на доску:

— Я уже вижу по этой партіи... Ясно вижу. Вы, синьоръ Боббіо, совершенно не умѣете играть въ шахматы... Посмотрите какъ нелѣпо и даже опасно стоитъ королева... Конь вашъ бездѣйствуетъ.

Джіакомо Боббіо съ изумленіемъ поглядѣлъ на подсѣвшаго къ нему незнакомца. Онъ удивлялся нахальству его...

— Позвольте мнѣ сдѣлать синьору матъ въ пять-шесть ходовъ, обратилъ тотъ къ партнеру Боббіо.

И, получивъ позволеніе, незнакомецъ двинулъ туру, затѣмъ, послѣ хода Боббіо, сдѣлалъ шахъ конемъ и послѣ вторичнаго хода партнера сдѣлалъ шахъ королевой... Матъ сразу сталъ ясенъ самъ собой.

— Разумѣется, добродушно разсмѣялся Боббіо.—Я думалъ объ другомъ и просто не замѣтилъ.

— Позвольте съ вами сразиться, синьоръ Боббіо? вымолвилъ замаскированный.—Три партіи... Изъ трехъ возьмите хотя бы одну, и я проигралъ.

Боббіо вытаращилъ глаза и разсмѣялся весело. Затѣмъ, насмѣшливо переглянувшись съ знакомыми, онъ принялъ вызовъ, не сказавъ ни слова, ибо зналъ, что выиграетъ всѣ три партіи.

Кругомъ усѣвшихся за шахматную доску соперниковъ собралось человѣкъ двадцать, и всѣ они презрительно поглядывали на незнакомца въ маскѣ, считая все одной потѣхой.

Первая партія длилась долго... Боббіо увидѣлъ и понималъ сразу, что имѣетъ дѣло съ очень сильнымъ противникомъ, и сталъ тотчасъ же играть осторожно. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то непонятная ему тревога овладѣла имъ... Онъ былъ будто сконфуженъ, будто опасался заранѣе проиграть и чувствовалъ, что не можетъ вполне ясно обдумывать свои ходы. Никогда не бывало съ нимъ ничего подобнаго.

Незнакомецъ выступалъ тотчасъ же послѣ каждаго хода Боббіо, не давая себѣ ни секунды, чтобы подумать. При этомъ онъ двигалъ пѣшкой или фигурой съ такой увѣренностью и твердостью въ рукѣ, что именно эти движенія его пальцевъ будто вліяли на опытнаго шахматиста Боббіо, будто раздражали его и поэтому мѣшали спокойно обдумывать игру.

Вскорѣ Боббіо увидѣлъ—прежде всѣхъ—что онъ уже на пути къ проигрышу.

— Да... Кончать не стоитъ! произнесъ онъ глухо.— Я вижу... Это случайность... Я не понимаю, какъ могъ и двинуть турой такъ опрометчиво. Отъ этого все произошло! Это случайность!

— Извините... заявить незнакомецъ.—Это не случайность. Это ваше неумѣніе играть. Я играю слабо. Но вы просто ступить не умѣете.

— Это слишкомъ! воскликнуло нѣсколько человѣкъ въ разъ, уже гнѣвно оглядывая незнакомца.

— Синьоры! Если Боббіо играетъ лучше всѣхъ въ Венеціи, заявить этотъ холодно,—оно не доказываетъ нисколько, что онъ хорошій игрокъ... Меня онъ никогда не обыграетъ.

— Я вотъ сейчасъ докажу противное! взволнованно и сердито сказалъ Боббіо.

— Никогда! твердо отозвался его противникъ.

И когда шахматы снова разставили, онъ прибавилъ: — На этотъ разъ вы меня извините, синьоръ Джіакомо, если я не буду столь же любезенъ и не затяну партію, ради снисхожденія къ вамъ... Будьте внимательнѣе... Я буду играть серьезно и вамъ стыдно будетъ проиграть чрезъ десятокъ ходовъ.

Боббіо сдѣлалъ ходъ... Незнакомецъ тоже.

Боббіо, вмѣсто того чтобы подумать о томъ, какой странный ходъ выбралъ противникъ, подумалъ:

— Какая рука! Какіе пальцы!.. Крючковатые, какъ у лапы звѣря... У какого звѣря?.. Сдается, а вспомнить не могу...

Каждый изъ партнеровъ сдѣлалъ по десятку ходовъ. Вдругъ Боббіо приглядѣлся... и ахнулъ.

— Да я сумасшедшій! Я дуракъ! О чемъ я думалъ... Это невѣроятно!

— Чрезъ два хода матъ! твердо произнесъ замаскированный.

— Да... шепнулъ Боббіо и перемѣнился въ лицѣ.

— Вы достаточно хорошо играете, синьоръ Джіакомо, насмѣшливо произнесъ его побѣдитель,—чтобы тигаться съ дѣтьми, но не съ взрослыми.

— Это случайность! воскликнулъ Боббіо отчаянно и совершенно растерявшись отъ волненія и гнѣва.—Меня до сихъ поръ никто не могъ обыграть во всей Итали. Повторяю... Я разсѣянъ сегодня... Или это простая случайность.

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія! заявилъ кто-то изъ обступившихъ шахматный столикъ.

— Нѣтъ, signorì, зачѣмъ кривить душой, смущенно произнесъ Даль-Вермэ.—Я внимательно слѣдилъ за игрой. Джіакомо игралъ хорошо, но синьоръ... Синьоръ въ маскѣ играетъ просто чертовски умно и ловко. Восхитительно!..

— Я не вѣрю... Меня еще никогда никто... Я не понимаю... Я сейчасъ докажу... Давайте третью... Случайность не можетъ всегда... бормоталъ Джіакомо Боббіо, самъ себя не помня.

— Извольте—третью... Будетъ все то же... заявилъ незнакомецъ просто и мягко, но рѣшительно.

Третья партія продолжалась очень недолго.

Боббіо снѣшилъ и дѣлалъ такіе ходы, что многіе изъ присутствующихъ вскрикивали:

— Что вы! Что вы! Развѣ это можно?!

— Джіакомо!.. Что съ вами?

— Вы лѣзете сами на шахъ...

— Нѣтъ, не шахъ. Извините... Матъ! заявилъ замаскированный.

Боббіо и вмѣстѣ съ нимъ всѣ присутствовавшіе ахнули.

— Ну, довольно... вымолвилъ незнакомецъ, собираясь вставать, но Боббіо остановилъ его.

— Я требую, синьоръ, чтобы вы въ другой разъ дали мнѣ возможность доказать вамъ и всѣмъ, что все происшедшее сегодня—случайность.

— Извольте... Я буду здѣсь послѣзавтра.

— Завтра! воскликнулъ Боббіо.

— Нѣтъ. Завтрашній день... исключительный. Въздъ короля Генриха. Я занятъ весь день, съ утра до вечера.

— Хорошо. Послѣзавтра! сказалъ Боббіо.

Незнакомец поднялся съ мѣста и, оглядѣвшись презрительно на всѣхъ, обернулся къ Даль-Вермэ.

— До свиданія, signori. А вы, сеньоры Даль-Вермэ, не забудьте своего условленнаго проигрыша. Послѣ-завтра днемъ я буду у васъ, чтобы быть представленнымъ красавицѣ Сильвіи. Я буду тоже въ маскѣ и сниму ее только въ ея присутствіи.

— Я буду ждать васъ, сурово и отчасти тревожно отозвался патрицій.

Незнакомецъ приказалъ пажу собрать въ пригоршню выигрышъ и двинулся изъ кондитеріи. Оба пажа послѣдовали за нимъ... Выйдя на площадь, онъ оглядѣлся, увидѣлъ нѣсколько бѣдняговъ, простахъ рыбащей, и крикнуть имъ:

— Ahisì! Раздѣлите между собой...

И взявъ изъ рукъ пажа выигранные у Даль-Вермэ червонцы, онъ бросилъ ихъ рыбакамъ.

Пройдя медленно площадь и площадь, незнакомецъ достигъ „ривы“, гдѣ стояло множество гондолъ. Его собственная гондола ждала его. Гондольеръ, въ темной ливреѣ, отдѣланной серебромъ, принялъ своего патрона съ двумя пажами, ловко вскочилъ на корму и взмахнулъ весломъ. Гондола стрѣлой отлетѣла отъ гранитнаго берега и тотчасъ исчезла, утонувъ въ серебрянстомъ сіяніи канала, ярко озаряемаго полной луной.

— Молодецъ! заявилъ одинъ изъ толпившихся на набережной гондольеровъ.—Будто и не бывало! Исчезли какъ призракъ... А кто тутъ знаетъ, какъ зовутъ этого сотоварища?

Никто изъ гондольеровъ не откликнулся. Никто не зналъ молодца-сотоварища.

VI.

Всю ночь шумѣла Венеція... Улицы-коридоры не опустѣли ни на мгновеніе, площадь Св. Марка и въ особенности Рива, были переполнены народомъ.

Причина этого была та, что многіе поселяне, прибывшіе съ Твердой земли поглазѣть на Французскаго короля, почевали на улицахъ. Поэтому всѣ площади Венеціи, вся мѣстность вокругъ базилики и вся набережная Скиавони были сплошь усеяны спавшимъ въ повалку народомъ.

Но едва только загорѣлся востокъ яркимъ пурпуромъ, какъ Венеція еще гулливѣ зашумѣла и загудѣла изъ конца въ конецъ.

Несмотря на раннее время, всѣ дворцы ожили, всѣ патриціи тоже поднялись на ноги, вмѣстѣ съ солнцемъ.

Самъ глава республики, дожъ, и равно всѣ прокураторы—всѣ поднялись ранѣховько.

Наступавшій день 18-е іюля—былъ день чрезвычайный въ анналахъ Царицы Адриатики, день отмѣченный навѣки въ ея исторіи и воспѣтый поэтами Венеціи на трехъ языкахъ: французскомъ, итальянскомъ и латинскомъ.

Часовъ въ семь утра по водамъ Canal Grande летѣла стрѣлой гондола, на которую всѣ засматривались съ береговъ, а встрѣчные оборачивались и провожали ее глазами. Два гондольера, одинъ на носу, другой на кормѣ, гребли размашисто и особенно мастерски... Кто сидѣлъ подъ маленькой каютой—было не видно, такъ какъ даже дверки ея были притворены...

Всѣхъ удивлялъ цвѣтъ гондолы... Венеція привыкла къ яркимъ цвѣтамъ водныхъ экипажей своихъ патриціевъ или къ простымъ сѣрымъ гондоламъ, наемнымъ, которыя, принадлежа бѣднякамъ занимавшимся извозомъ, не могли и не имѣли права по закону быть разукрашены.

Гондола, летѣвшая серединой канала, была странная, серебрясто-черная, и вся сверкала будто чешуей, такъ какъ на ней не было ни одного отдѣльнаго чернаго или серебрянаго мѣста или предмета. Все сливалось въ одинъ суровый и страшный отблескъ.

Даже ливрен гондольеровъ преобразили ихъ въ какихъ-то рыбъ или змѣй...

Гондола миновала главный каналъ, проскользнула подъ аркой моста Риальто, и тотчасъ же взявъ вправо, направилась прямо къ крыльцу стариннаго, по не казнатаго на видъ дворца.

Однако всякій венеціанецъ до послѣдняго нищаго или мальчугана знаетъ, чьи это, будто полинялыя и обветшалыя отъ долгаго вѣка палаты. Это было обиталище почти самаго именитаго, но уже маститаго патриція, почти девяностилѣтняго старца Антонио Нани.

Въ двадцать одинъ годъ отъ роду—не въ примѣръ прочимъ—началъ патрицій свое служеніе отечеству, тогда какъ ранѣе 25-ти лѣтъ никто этой чести не удостоивался. И за семьдесятъ лѣтъ прошелъ Нани всѣ должности, какія только существовали въ республикѣ. Былъ онъ совѣтникомъ и судьей Кварантіи, былъ провекиторомъ или главнымъ управителемъ арсенала, былъ провекиторомъ дѣлъ Твердой земли, былъ однажды въ числѣ пресловутыхъ и страшныхъ „Трехъ“, былъ три раза намѣченъ и чуть не избранъ на тронъ дожа.

Получивъ лѣтъ съ двадцать назадъ несмѣняемое званіе прокуратора Св. Марка, онъ оставался въ этой почетной должности до сихъ поръ.

Антонио Нани былъ съ юности сирота и холостякъ, и былъ извѣстенъ независимымъ, твердымъ духомъ, прямою слова и дѣла, свѣтлымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ. Онъ былъ равно извѣстенъ всей своей долгой, простой жизнью, не славной громкими гражданскими дѣланіями или воинскими подвигами, но полной благотворенія, защитой бѣдныхъ и слабыхъ, угнетенныхъ людьми или судьбой.

Торопливо и низко ломала шапку вся венеціанская чернь, когда проѣзжалъ въ гондолѣ или проходилъ улицами „eminetissimo e carissimo padre del popolo“, какъ звали Нани.

Гондола причалила ко дворцу старца, жившаго одиноко, но съ большой свитой юныхъ и пожилыхъ секретарей и помощниковъ по управленію прокураціей Св. Марка. Изъ гондолы вышелъ и шагнулъ на каменные ступени высокій человекъ въ черномъ костюмѣ, но съ краснымъ беретомъ на головѣ.

Это былъ кавалеръ ди-Авдола.

Когда объ немъ доложили патрицію, тотъ попросилъ гости обождать въ главной пріемной, извиняясь раннимъ часомъ и приготовлениями къ туалету для торжественной встрѣчи короля.

Кавалеръ послалъ сказать сановнику, что самъ извиняется въ исключительно раннемъ визитѣ, но что особенно важно дѣло понудило его беспокоить старца въ такое неурочное время.

Черезъ полчаса съдой какъ луны и нѣсколько согбенный старецъ медленно вышелъ изъ своей спальни въ маленькую пріемную и приказалъ пажу просить гости къ себѣ.

Кавалеръ вошелъ. Но перейдя теперь изъ одной горницы въ другую, онъ будто преобразился. Вся обычная надменность его фигуры, и даже поступи, исчезла безслѣдно...

Къ старцу прокуратору являлся, казалось, самый ничтожный и даже угнетенный обстоятельствами бѣднякъ и скромный проситель.

Если Нани, видѣвшій передъ собой этого человека лишь во второй разъ, судилъ о немъ по его смиренному взгляду, его тихому, вкрадчиво-мягкому голосу и по всей его будто стыдливо-съежившейся фигурѣ—то, конечно, опытный старецъ все-таки долженъ былъ неминуемо ошибаться въ своемъ сужденіи.

— Радъ гостю... Храни васъ Провидѣніе... сказалъ Нани, добродушно улыбаясь беззубымъ и вялымъ ртомъ.

Гость отозвался на привѣтствіе едва слышно, про- бормотавъ что-то совершенно непонятное, и ухмыль- нулся гримасой.

Онъ долженъ былъ, по обычаю, пожелать хозяину то же самое—охрану Божію,—но то, что онъ невнятно произнесъ, осталось невѣдомо.

— Я являюсь къ вамъ, эминенція, заявилъ кавалеръ, садясь противъ хозяина,—съ покорнѣйшей просьбой.

— Говорите... Для слуги короля Франціи я готовъ на все...

— Окажите мнѣ покровительство, смиренно выго- ворилъ гость.

— Я не могу быть покровителемъ любимца могу- щественнѣйшаго изъ монарховъ Европы, отозвался Нани кротко.—Я могу быть только его помощникомъ, и если онъ пожелаетъ—его вѣрнымъ другомъ.

— Я хочу просить васъ, эминенція, сдѣлать для меня нѣчто очень простое и легкое для васъ, но крайне важное для меня. Вамъ извѣстно, что я еще очень недавно, за мѣсяць до отбѣзда короля изъ Польши, зачисленъ въ свиту. Однако за это короткое время монархъ успѣлъ оцѣнить мою преданность. Ген- рихъ III относится ко мнѣ милостивѣе, чѣмъ къ осталь- нымъ своимъ приближеннымъ. Но у меня народился, какъ это и должно было случиться, завистникъ и врагъ. Это первый фаворитъ, виконтъ Таваннъ, чело- вѣкъ самолюбивый и коварный, вдобавокъ—будь ска- зано между нами—тайный гугенотъ... и стало-быть еретикъ.

— Это сужденіе не вѣрно, молодой челоуѣкъ! отвѣ- тилъ улыбаясь старецъ.—Гугенотъ—не еретикъ. Не

удивляйтесь! Вы не знаете прокуратора Антоніо Нани! Для челоуѣка прожившаго на свѣтѣ чуть не столѣтіе, не существуетъ многихъ предразсудковъ его современ- никовъ. Для меня нѣтъ еретиковъ, какъ нѣтъ колду- новъ и вѣдьмъ. Гугенотъ мнѣ гораздо ближе, чѣмъ мусульманинъ или еврей.

— Но это ренегатъ истинной вѣры!.. воскликнулъ кавалеръ.

— Въ силу примиренія со своей совѣстью, произ- несъ Нани строго и прибавилъ:—Впрочемъ, оставимъ это... Въ чемъ же заключается ваша просьба?

— Моя просьба... Помочь мнѣ получить патентъ на званіе капитана французскихъ войскъ. Вы спросите— какъ?.. Просто... При первой же бесѣдѣ съ королемъ, вы огнесетесь обо мнѣ съ похвалой и скажете, что я только и мечтаю, что объ этой чести... Король ска- жетъ слово Таванну, и чрезъ часъ патентъ будетъ написанъ на мое имя и подписанъ монархомъ Франціи.

— Странно!.. Я думаю, его величество не нуждается въ моей простой рекомендаціи вашей личности, т. е. его собственнаго любимца. Да и вамъ легче самому...

Ди-Аволю сталъ горячо доказывать противное.

— Повѣрьте, кончилъ онъ,—что все это такъ... Са- мому челоуѣку гораздо мудренѣе о себѣ просить... А ваше одно слово...

— Извольте, отвѣтилъ наконецъ старецъ.—Мнѣ дѣй- ствительно ничего не стоитъ подобное...

Кавалеръ поблагодарилъ и, побесѣдовавъ о событіи дня, откланялся. Старикъ, оставшись одинъ, невольню подумалъ:

„Странно! Да и онъ какой-то странный, Богъ съ нимъ.“

(Продолженіе будетъ).

Нѣсколько словъ о культурѣ древней Америки.

Теперь, когда по случаю устройства всемірной выставки въ Чикаго взоры всего цивилизованнаго міра обращены на Америку, особенно интересно прослѣдить за ходомъ цивилизаціи, внесенной ту- да европейцами; но еще интереснѣе оглянуться на далекое прошлое этой части свѣта— прошлое, мало кому извѣстное, почти сказочное, и изъ срав- ненія прошлаго и настоящаго вывести заключе- ніе... увы!— не въ пользу европейской культуры. Мы праздновали открытіе Америки, чествовали память тѣхъ, кто пересадили цивилизацію Евро- пы на эту новую почву; но справедливость тре- буетъ вспомнить о томъ, что потеряла Америка съ приходомъ въ нее европейцевъ. Кто сравнитъ те- перешнее состояніе Центральной Америки съ тѣмъ, что было до Колумба, тотъ съ невольнымъ сты- домъ долженъ будетъ сознаться, что европейская культура, насильно навязанная народамъ Централь- ной и Южной Америки, не только не сдѣлала ихъ счастливыми и не подвинула впередъ, но даже отбро- сила назадъ.

Новѣйшія изслѣдованія по этой части мало извѣстны читающей публикѣ: далекое прошлое Аме- рики, вслѣдствіе изолированности этой страны до Колумба отъ вліянія другихъ странъ, представ- ляется какъ-бы малозначимымъ и мало понят- нымъ; но въ этой-то обособленности и кроется живой интересъ для исторіи челоуѣческой цивили- заціи вообще.

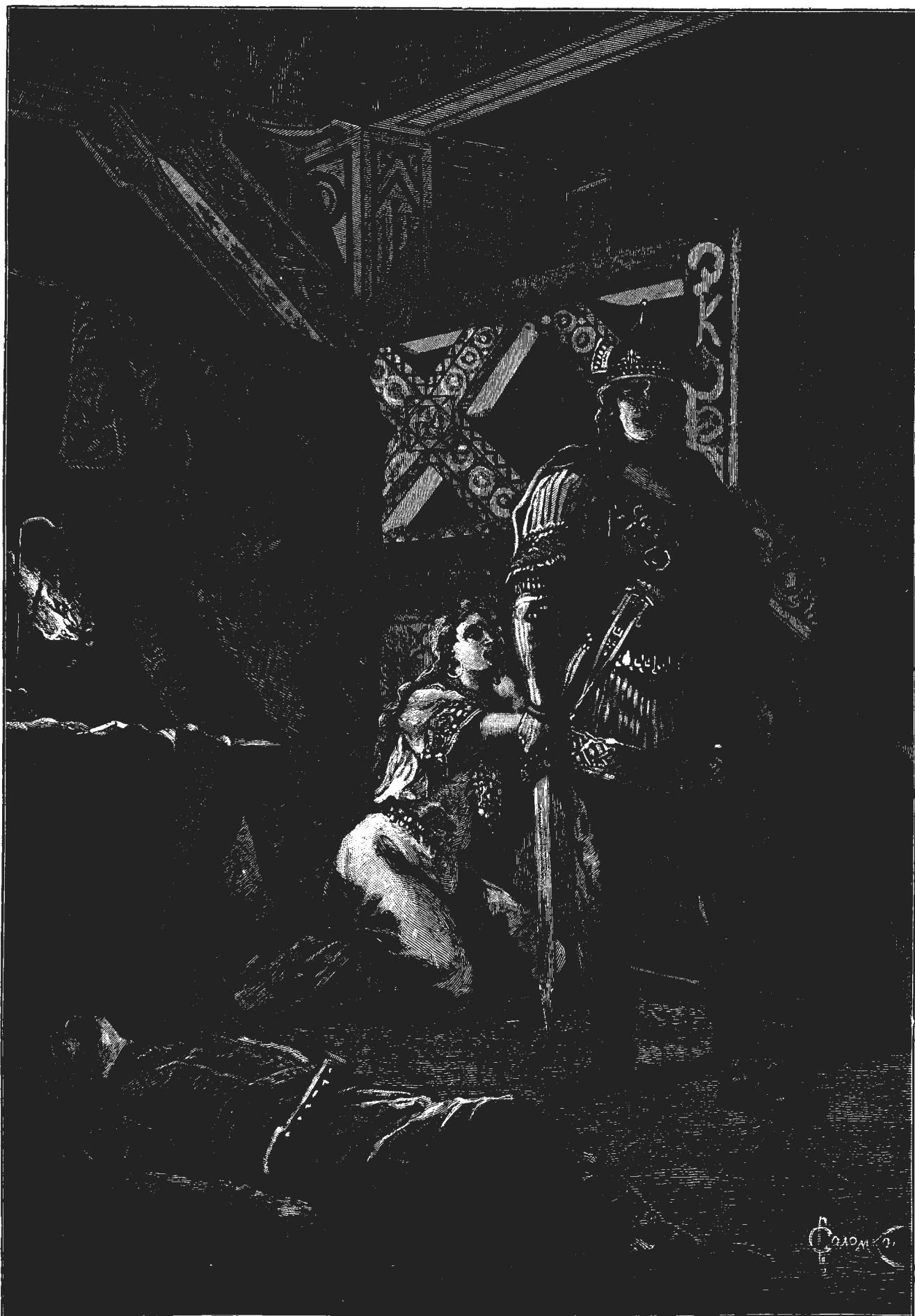
Въ эпоху открытія Новаго Свѣта въ Центральной Америкѣ (Мексика, Юкатанъ, Гватемала и пр.) су- ществовала уже высокая степень цивилизаціи, пред- полагающая долгое развитіе народовъ въ теченіе многихъ столѣтій. И эта культура возникла, отраз- витіе совершалось внѣ какихъ бы то ни было по- стороннихъ вліяній, само собою, въ противоположность всѣмъ остальнымъ странамъ древняго міра, которыя— какъ намъ извѣстно изъ исторіи—находились болѣе или менѣе въ обще- нии другъ съ другомъ, испытывая взаимное вліяніе въ области культуры и историческихъ событій. Культура древней Аме- рики неопровержимо доказываетъ, что челоуѣческій умъ, независимо отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ вліяній и при совер- шенно своеобразныхъ условіяхъ, можетъ придти къ тѣмъ же самымъ или подобнымъ выводамъ, какіе выработаны дру- гимъ умомъ, при другихъ условіяхъ.

Когда испанцы явились въ Америку, они нашли тамъ на- роды, составившіе благоустроенныя государства и управле-

Храмъ въ Цайи.

мые королями, боль- шіе города съ вели- колѣпными храмами и дворцами, искусное времячисленіе, хоро- шія познанія въ астро- номіи, высоко разви- тья ремесла и ту- земное, національное искусство. Самое могущественное изъ этихъ государствъ, госу- дарство адтековъ съ ихъ знаменитымъ королемъ Монтезумой, извѣстно изъ исторіи завоеванія Америки Кортезомъ. Но

Литер. альбомъ. Сцена изъ „Осгара“ А. Пушкина. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. С. Соломно, грав. Ольшевскій.

дальше въ глубь Центральной Америки, къ югу и востоку отъ Мексики, древне-американская культура достигла наивысшаго процвѣтанія и отсюда, повидимому, распространилась на сосѣднія страны. Это — полуостровъ Юкатанъ и области, граничащія съ нимъ на югъ и юго-западѣ. Здѣсь живутъ туземцы племени *майя*, нѣкогда посетители древней цивилизаціи, теперь вырождающіеся и мало-по-малу вымирающіе подъ гнетомъ многовѣкового чужеземнаго ига. То немногое, что извѣстно объ историческомъ прошломъ этихъ народовъ, является результатомъ самоовѣйныхъ изысканій, такъ какъ исторія древней Америки была въ пренебреженіи почти четыреста лѣтъ.

Франциско-Фернандезъ де-Кордова первый посѣтилъ берега Юкатана; вторая экспедиція подъ предводительствомъ Хуана де-Грихальва явилась туда вскорѣ послѣ первой; съ тѣхъ поръ извѣстія о высокой культурѣ новооткрытыхъ

съ видами городовъ, между двумя твердыми обложками; выдающіяся событія увѣковѣчивались рѣзцомъ на камнѣ. Нахлынувшіе въ Америку изъ Испаніи искатели приключеній и добычи, грубые и невѣжественные, огнемъ и мечемъ обращавшіе туземцевъ въ католицизмъ, усердно занялись уничтоженіемъ іероглифическихъ рукописей, казавшихся имъ „твореніемъ дьявола“. Вслѣдствіе такого варварскаго гоненія на книги майевъ уцѣлѣло только три рукописи, хранящіяся въ европейскихъ бібліотекахъ; изъ нихъ одна — давшая самыя важныя открытія — въ Дрезденѣ.

Прежде на эти рукописи почти не обращали вниманія, считая ихъ ацтекскими; но съ тѣхъ поръ, какъ въ 1840 году американскій путешественникъ Стефенсъ открылъ въ чащѣ первобытнаго лѣса, на Юкатанѣ, развалины города съ дворцами и храмами, стѣны которыхъ покрыты такими же точно письменами, какія были въ книгахъ, эти послѣднія признаны за подлинныя рукописи майевъ, по счастливому случаю спасшіяся отъ испанскаго ауто-да-фе.

Особенно важно для науки то, что въ послѣднее время начали разбирать іероглифическія надписи на камняхъ разрушенныхъ городовъ и письма трехъ вышеупомянутыхъ рукописей. Несмотря на медленность и трудность работы вслѣдствіе крайней скудости матеріала, находящагося въ распоряженіи ученыхъ, „наука о майяхъ“ все-таки достигла уже многого.

Мы узнаемъ, — преимущественно изъ послѣдованій профессора Ферстемана въ Дрезденѣ, — что этотъ народъ былъ одаренъ необыкновенными математическими способностями. Они обладали очень искусною арифметическою системою, игравшею большую роль въ ихъ сложномъ времячисленіи. Основнымъ числомъ у майевъ было не *десять*, какъ у насъ, но *двадцать*: число пальцевъ на рукахъ и ногахъ (слѣды подобнаго счисленія существуютъ еще во французскомъ языкѣ: *quatre-vingt* — четыре раза 20 = 80). Числа до 5 выражались точками, 5 — черточкой, кратныя отъ 5 — соответственными количествомъ черточекъ. Числа выше двадцати изображались многозначнымъ числомъ, но отдѣльныя его цифры ставились не одна рядомъ съ другою, какъ у насъ, а одна надъ другою, причѣмъ стоящая одно надъ другимъ числа означали кратныя отъ 20; такъ напримѣръ, чтобы написать 149, ставили 9, надъ нимъ 7; то-есть $7 \times 20 = 140$, и еще 9 единицъ. Эта система, имѣющая много сходства съ нашею, требовала, разумѣется, особаго знака для нуля, и этотъ знакъ существовалъ. Такимъ образомъ майи въ счисленіи стояли далеко впередъ древнихъ римлянъ, неуклюжія цифры которыхъ совершенно не годились для арифметическихъ выкладокъ, не говоря уже о полномъ отсутствіи нуля. Но удивительнѣе всего самое послѣднее открытіе профессора Ферстемана, доказывающее глубину астрономическихъ познаній майевъ. Еще прежде замѣчено, что нѣкоторыя ряды чиселъ въ одной изъ рукописей поразительно совпадаютъ съ извѣстными численными величинами, относящимися къ видимому обращенію Венеры. Теперь въ дрезденской рукописи Майя профессоръ Ферстеманъ нашелъ числовыя данныя, по которымъ видно, что мѣсяць у майевъ имѣлъ попеременно то 29, то 30 дней (какъ у древнихъ грековъ), и что это времячисленіе существовало рядомъ съ другимъ, очевидно древнѣйшимъ, по которому годъ дѣлился на промежутки времени въ 20 дней, имѣяніе, вѣроятно, особое значеніе для религіознаго культа. Одинъ изъ вновь найденныхъ рядовъ чиселъ представляетъ раздробленіе 11,958 дней на 198 мѣсяцевъ, каждый въ 29 дней, 207 мѣсяцевъ по 30 дней и еще 6 високосныхъ дней. Вычисляя по этому точную продолжительность одного мѣсяца, приходимъ къ неизмѣтельному выводу, что майи считали въ мѣсяцѣ 29,52 дней, ошибаясь только на 0,004 противъ настоящаго, синодическаго обращенія луны, равняющагося 29,53 дн. Какъ не проникнуться уваженіемъ къ высокой культурѣ народа, который, не имѣя, сколько намъ извѣстно, сложныхъ астрономическихъ приборовъ, какіе находятся въ нашемъ распоряженіи, достигалъ такихъ точныхъ выводовъ и, не прибѣгая къ дробямъ, умѣлъ выразить ихъ такимъ поистинѣ гениальнымъ образомъ въ цѣлыхъ числахъ! Какъ не пожалѣть о внезапно и навсегда прерванной умственной работѣ народа, открытіе котораго европейцами было вѣстѣ съ тѣмъ его гибелью.

До 1840 года археологія Америки еще только зарождалась, а Центральная Америка была не изслѣдованной страной, несмотря на то, что еще въ 1787 году среди первобытнаго лѣса въ

Страница изъ Дрезденской рукописи майевъ.

страпъ начали проникать въ Европу. Но это же и рѣшило ихъ участь: туземная культура должна была пасть передъ побѣдоноснымъ натискомъ испанскихъ завоевателей, и надъ многовѣковой исторіей цѣлой части свѣта навсегда опустилась завѣса, приподнимать которую начали лишь въ самое послѣднее время, благодаря немногимъ остаткамъ письменности древнихъ майевъ, уцѣлѣвшимъ отъ изувѣрства испанцевъ. Да, Юкатанъ стоялъ на нѣсколько ступеней выше государства ацтековъ: майи не довольствовались изображеніемъ предметовъ для выраженія идей, но имѣли письмена, похожія на іероглифы древнихъ египтянъ, опередивъ въ этомъ отношеніи всѣ другіе народы Америки. Въ древнемъ Юкатанѣ, очевидно, письменность была широко распространена. Бумага для книгъ изготовлялась изъ волоконъ Агаве и имѣла нѣкоторое сходство съ бумагой китайцевъ и японцевъ. Исторія народа, мифологическія преданія, религіозныя предписанія культа, наконецъ календарь, писались краскою на бумагѣ, складывавшейся подобно тому, какъ складываются теперешніе альбомы

Цифры отъ 1 до 15 по системѣ майевъ.

мексиканской провинціи Чіапастъ найдены развалины большого города Паленкъ, описаніе котораго проникло въ Европу гораздо позже. Начало археологіи Центральной Америки положилъ Стефенсъ, случайно открывъ на границѣ между Гондурасомъ и Гватемалой, близъ деревушки Коанъ, остатки гро-

маднаго города, о существованіи котораго въ непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ знали только туземцы. Въ это время не мало ученыхъ придерживалось еще мнѣнію, что въ древней Америкѣ не существовало никакой цивилизаціи, что туземцы были во всѣхъ отношеніяхъ дикарями, и что повѣствованія испанцевъ о культурѣ древней Мексики грѣшили преувеличеніемъ.

Въ Копанѣ Стефенсу представилось грандіозное зрѣлище: совершенно заглушенные пышною тропическою растительностью стояли полуразрушенные храмы съ широкими лѣстницами, огромными каменными алтарями и множествомъ статуй, по искусству выполненія напоминающихъ прекраснѣйшіе памятники древняго Египта. И все это потоплено въ морѣ изумрудной зелени, пересечено лианами, скрыто отъ человѣческаго взора... Въковую тишину мертваго города нарушаютъ своими криками только обезьяны, прыгающія съ дерева на дерево и въ этой своеобразной обстановкѣ производящія самое фантастическое впечатлѣніе. Воспоминанія, связанныя для насъ съ

древнимъ Римомъ и Афинами, разумѣется не могутъ дать представленія о томъ, что происходило когда-то здѣсь, среди этихъ развалинъ, а между тѣмъ и здѣсь нѣкогда процвѣтали искусства, жили знаменитые ораторы, полководцы, государственные люди, блистала красота и слава, шла ожесточенная борьба самолюбій... Теперь все безслѣдно исчезло, и туземцы, жители соседнихъ деревушекъ, — прямые потомки славныхъ

предковъ, — на вопросъ Стефенса, кто строилъ эти зданія, отозвались наивнымъ: „Quien sabe?“ — „Кто знаетъ?“

Послѣ Стефенса многие другіе путешественники посѣтили эти области Центральной Америки, и большинство еще сохранившихся развалинъ послѣдовано. Къ сожалѣнію, сухой и жаркій климатъ тропиковъ быстро производитъ свое разрушительное дѣйствіе, и не далеко то время, когда упадетъ послѣдняя стѣна. Число такихъ разрушающихся городовъ особенно велико на родинѣ майевъ, полуостровѣ Юкатанѣ.

Архитектура древнеамериканскихъ зданій напоминаетъ индусскую причудливостью формъ, навѣянной окружающею природой. Тѣмъ не менѣе встрѣчается отдѣльные зданія простаго благороднаго стѣля, понятіе о которомъ можетъ дать помѣщаемый на стр. 36 рисунокъ развалинъ храма въ Пайи, приближающагося къ типу классическихъ храмовъ Греціи. Пирамидальная форма нѣкоторыхъ древнеамериканскихъ зданій дала поводъ сравнивать ихъ съ египетскими, но разница очень велика: египетскія пирамиды представляютъ самостоятельныя зданія значительной высоты, обыкновенно съ гладкими боковыми поверхностями, тогда какъ въ Америкѣ невысокая и очень широкая пирамидальная постройка имѣетъ видъ нагроможденныхъ одна на другую террасъ и служитъ подножіемъ собственно храму, какъ это мы видимъ на рисункѣ, помѣщенномъ на этой страницѣ.

О развитіи скульптуры древнихъ майевъ свидѣтельствуютъ найденные въ Копанѣ идолы, вышиною около 4-хъ метровъ, — массивныя каменныя фигуры, имѣющія видъ колоннъ; они вмѣстѣ съ примыкающими къ нимъ алтарями покрыты удивительно тонкою рѣзбой (рисунокъ на страницѣ 42) и отнюдь не уступаютъ произведеніямъ индусской скульптуры. Не менѣе удивительны орнаменты и другія украшения на стѣнахъ храмовъ, нѣкогда ярко раскрашенныхъ.

Архитектурныя и скульптурныя произведенія майевъ замѣчательны всего болѣе тѣмъ, что въ выполненіи ихъ не участвовало желѣзо, совершенно не извѣстное ацтекамъ и майямъ, —

фактъ въ высшей степени достойный вниманія, если принять въ соображеніе, что по новѣйшимъ послѣдованіямъ древніе египтяне пользовались желѣзомъ за 3000 лѣтъ до Р. X. Такие факты способны сильно поколебать давно установившійся взглядъ на послѣдовательность ступеней культуры: каменный періодъ, бронзовый и т. д. Майи пользовались исключительно каменными и мѣдными орудіями; камень, замѣнявшій имъ желѣзо, былъ обсидіанъ, — вулканическая стекловидная масса, похожая съ виду на кремень и твердая какъ сталь.

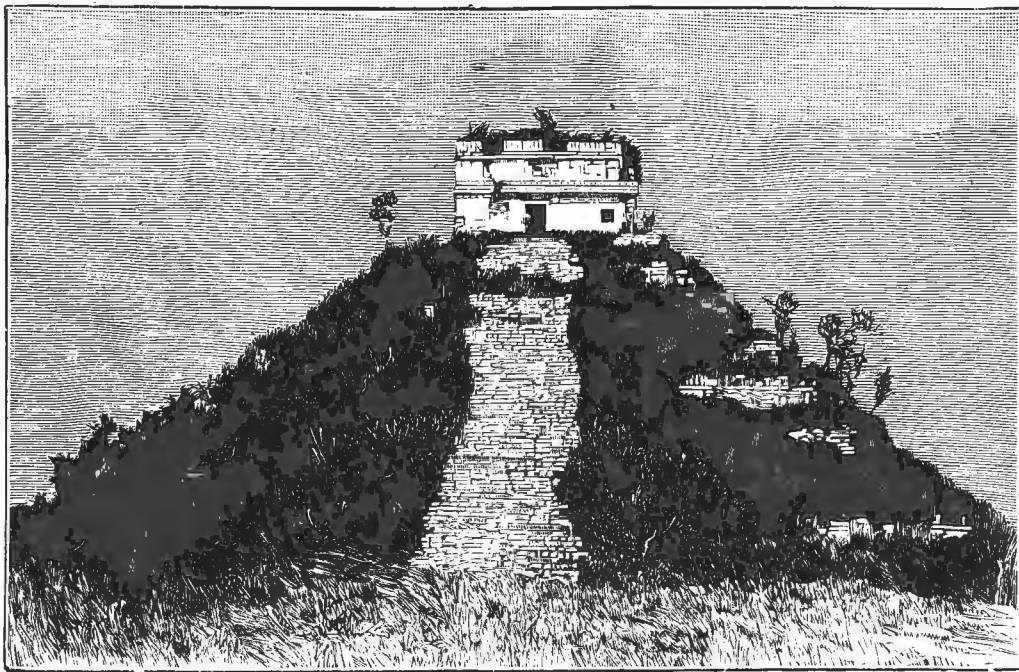
То немногое, что извѣстно объ историческомъ прошломъ майевъ, основано болѣею частью на показаніяхъ испанскихъ писателей временъ завоеванія Средней Америки, но эти свѣдѣнія, къ сожалѣнію, очень скудны: Юкатанъ не привлекъ вниманія испанскихъ авантюристовъ — имъ всецѣло завладѣли колоссальныя богатства Мексики и Перу.

Государство майевъ было нѣкогда могущественною монархіей съ древней королевскою династіей Тутуль-Ксиу, резиденціею которой былъ городъ Майпанъ; развалины его, занимающія три

мили въ окружности, находятся въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ теперешней столицы Мериды. Вассальные князья въ провинціяхъ съ теченіемъ времени становились все независимѣе, пока, наконецъ, лѣтъ за сто до прихода испанцевъ, не возстали противъ верховной власти и не разрушили Майпанъ. Съ тѣхъ поръ въ странѣ не прекращались междуособныя войны, и испанцамъ очень легко досталась побѣда надъ враждовавшими между собою князьями.

Государственное устройство майевъ и ацтековъ имѣло много общаго: монархъ былъ облеченъ неограниченною властью и окружалъ себя большою пышностью; рядомъ съ нимъ существовало могущественное сословіе жрецовъ, руководившее умственною жизнью народа; на ихъ обязанности лежало высшее образованіе юношества, занятія науками, наконецъ, составленіе календаря, который въ жизни древнихъ майевъ игралъ очень большую роль.

Религія майевъ представляла нѣсколько въ высшей степени

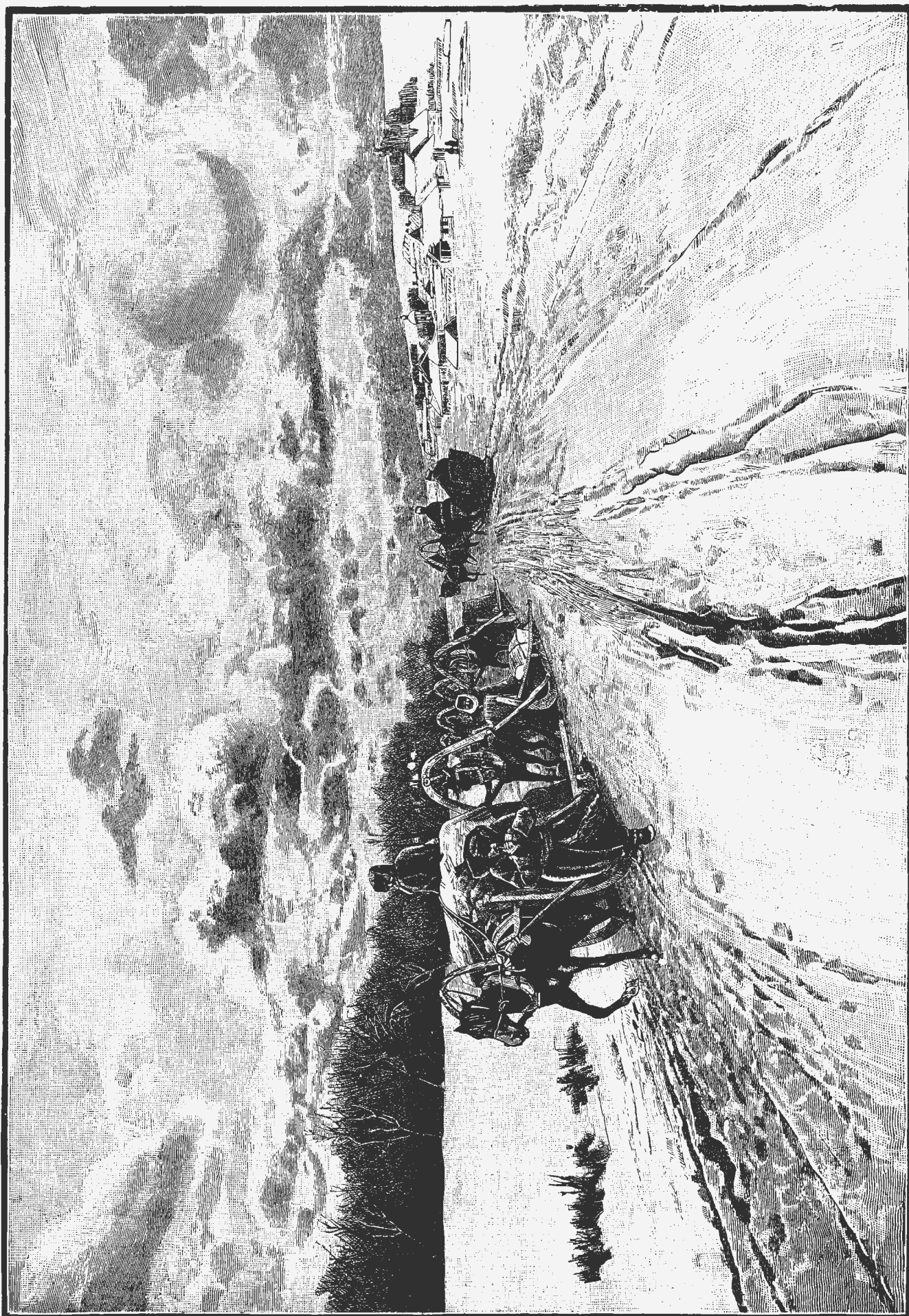

Типъ древне-американской пирамидальной постройки.

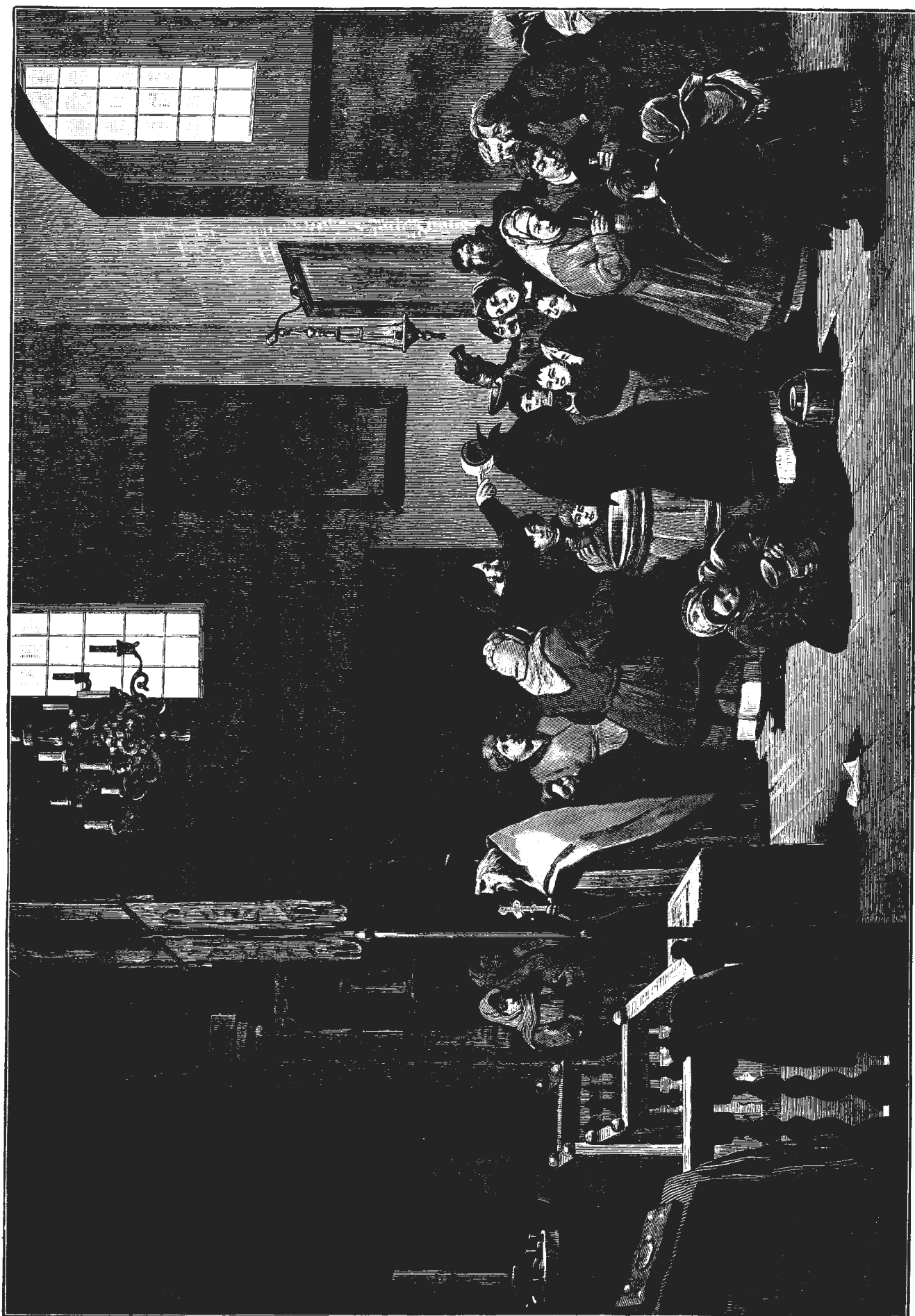

Крещеніе у майевъ по Мадридской рукописи.

странныхъ чертъ, давшихъ поводъ къ предположенію о нѣкоторомъ ея сходствѣ съ христіанскими началами. Майи чтли крестъ какъ религіозный символъ четырехъ странъ свѣта и какъ вѣрный указатель направленія вѣтра, по его отношенію къ погодѣ, дождю и плодородію земли. Еще удивитель-

По зимнему пути. Оргг. рис. (собств. „Нивы“) Юмудснаго, грав. Флюгель.

Раздача святой воды (6 января). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижаневича, грав. Хелмлицкий.

пѣе фактъ, что у майевъ практиковалось крещеніе дѣтей, истекавшее изъ совершенно христіанскаго возрѣнія на необходимость очищенія отъ прирожденнаго грѣха; крещеніе вмѣнялось въ обязанность всѣмъ до двѣнадцатилѣтняго возраста. Даже названіе этого акта у майевъ буквально значитъ: „родиться вновь“. Крещенію предшествовала исповѣдь дѣтей, послѣ чего жрецъ съ молитвой кропилъ ихъ водою. Существовали воспріимшики, игравшіе такую же роль, какъ и у насъ. Въ мадридской рукописи Майя находится изображеніе акта крещенія.

Сравненіе теперешняго Юкатана съ древнимъ государствомъ майевъ, какъ замѣчено вначалѣ, приводитъ къ заключенію не въ пользу современнаго положенія страны. Въ древности Юкатанъ—какъ и Мексика—былъ населенъ гораздо гуще, чѣмъ теперь. Тамъ, гдѣ теперь бѣдные деревушки, вѣкогда возвышались большіе богатые города; соответственно этому процвѣтала торговля и благосостояніе народа. До необычайности странно слышать, что въ древнемъ Юкатанѣ были широкія, мощныя дороги изъ города въ городъ, и это тамъ, гдѣ въ настоящее время проходятъ лишь протоптанныя мулами тропинки.

Характеръ древнихъ майевъ изображается мексиканскими писателями въ очень симпатичныхъ чертахъ; особенно много похвалъ выпадаетъ на долю женщинъ этого народа,—образцовыхъ жень и матерей. Темной стороной національнаго характера была чрезмерная склонность къ удовольствіямъ и опьяняющимъ напиткамъ. Существовали у майевъ и человѣческія жертвоприношенія, но гораздо рѣже, чѣмъ въ Мексикѣ, гдѣ послѣ каждой войны приносилась въ жертву богамъ тысячи плѣнныхъ. Домашняя жизнь была проста, воспитаніе дѣтей

Каменный идолъ въ Копанѣ.

„Неразлучное“.

Разсказъ Николая Днѣпровскаго.

(Продолженіе).

VI.

Мы поѣхали шибче. Скоро справа на горизонтѣ стала видна куча деревьевъ на горкѣ, туманное очертаніе которой чуть струилось и колебалось въ воздухѣ, начавшемъ уже нагрѣваться подъ высоко свѣтлымъ жаркимъ солнцемъ, при полномъ отсутствіи вѣтра. Я номнилъ эту кучу деревьевъ,—это неразлучниинскія липы, которыя всегда становятся видны, какъ только взлѣдешь на горку, перебравшись черезъ мостъ свѣтлой рѣчки Хицы, которую мы только что перѣѣхали.

Спустился нѣсколько времени, тройка свернула съ большой дороги на проселокъ. Потомъ по бревенчатой настилкѣ мы перѣѣхали плотину мимо мельницы и новой, недостроенной еще сукнодѣльни, и затѣмъ тараптась, наклонясь, обогнулъ гору по крѣпкой тѣнстой дорогѣ и въѣхалъ на дворъ Неразлучниинской усадьбы. Родивонъ лихо подкатилъ къ крыльцу. Меня ждали. Еще съ плотины я завидѣлъ на балконѣ, выходящемъ къ сторонѣ озера, бѣлое платье сестры и женщину съ ребенкомъ на рукахъ; теперь весь Катинъ „выводокъ“ встрѣтилъ насъ на парадномъ крыльцѣ. Ребягники обѣщали меня, какъ только я слѣзъ на землю, и я едва освободился отъ нихъ, чтобы поздороваться съ сестрой. Даже новый, еще незнакомый миѣ, представителъ нашего рода по женской линіи, подпрыгивая на рукахъ кормилицы и пуская отъ восторга слюни, тянулъ ко миѣ свободную ручонку, такъ какъ другую онъ усиленно сосалъ своимъ беззубымъ рогонкомъ. И какія крѣпкія, здоровыя дѣтнички росли у Кати въ этомъ прелестномъ Неразлучномъ! Загорѣлыя, съ здоровымъ румянцемъ и быстрыми глазками, бойкія и шустрыя, въ чистенькихъ на этотъ разъ платицахъ и рубанкахъ, всѣ пятеро представителей „выводка“ были бы прекрасными экземплярами для любой выставки дѣтей, если-бъ кому-нибудь вздумалось устроить у насъ такую выставку. Старшая—Маруся—самая тихая изъ всѣхъ и самая, повидному, разсудительная, сразу полѣзла въ тараптась и силилась выдвинуть изъ-подъ сидѣнья привезенную мною корзину; она знала, вѣроятно, что тамъ есть мятные прилики, для нея занесенные матерью въ „при-

тщательно и строго. Торговля была самымъ уважаемымъ занятіемъ, ремесла процвѣтали. Майи славилась, напримеръ, изготовленіемъ замѣчательно красивыхъ тканей для одежды изъ пестрыхъ пчичьихъ перьевъ, расположенныхъ въ видѣ мозаики; но и это искусство погибло вмѣстѣ со всею древнею культурой.

Христіанско-европейская цивилизація имѣла много времени—цѣлыхъ четырехъ вѣка—на то, чтобы загладить зло, нанесенное странѣ завоевателями. Однако Центральная Америка и до сихъ поръ стоитъ во многихъ отношеніяхъ ниже, чѣмъ до ея открытій. Национальное искусство, торговля, науки, развитіе техники—все умерло и не пробуждается къ новой жизни; вмѣсто этого въ продолженіе столѣтій ведется плохое хозяйство, плохая политика. Все, что возвышаетъ человѣка—въ пренебреженіи; варварство едва прикрыто вышнимъ доскомъ европеизма, и въ результатѣ получается какая-то полувцивилизация.

Между тѣмъ, въ отношеніи естественныхъ богатствъ Центральная Америка и въ частности Мексика до сихъ поръ представляютъ обильный матеріалъ для культивированія и разработки. Сахарный тростникъ, какао, шерсть, индigo являются ея продуктами. Помимо того Мексика богата благородными металлами: золотомъ и серебромъ; въ ней находится также свинецъ, руть и сѣра. Народонаселеніе Мексики составляетъ 1 милліонъ креоловъ, около 6000 пегроль, 4 милліона смѣшанныхъ расъ,—метисовъ... Несмотря на природныя богатства страны, почти три четверти испуленнаго населенія состоитъ изъ пролетаріевъ. Вотъ до чего въ настоящее время дошла страна, столь близкая, какъ мы видѣли, къ цивилизаціи въ далекомъ своемъ прошломъ!.

лагаемый списочекъ“. По ни она, по остальные, не знали, что въ той же корзину, уже по собственному моему почину, для нихъ лежало нѣсколько тюриковъ орѣховъ, леденцовъ и всякихъ сластей. Когда это обнаружилось при раснаковкѣ корзины, то шуму, визгу и восторгамъ не было конца, и Катя наконецъ увела меня на балконъ, съ котораго поджидала моего прѣзда—поггъ меня чаемъ.

Столъ былъ заставленъ всякими прелестями. Чтѣ за медь! Онъ какъ янтарь искрился на солнцѣ, пробравшемся косымъ лучемъ сквозь спущенную парусину балкона, лѣниво сползалъ съ ложки на хлѣбъ, испуская тонкій ароматъ; и такъ же лѣниво заплывало золотистою массою углубленіе, сдѣланное на блестящей его поверхности зачерпнувшемъ изъ вазочки ложечкою. Чтѣ за сливки,—густыя, желтыя! Чтѣ за чудный вкусъ во всемъ, что ни положишь въ ротъ въ это роскошное утро, въ прохладѣ этого свѣтлаго балкона, слушая ласковый голосъ доброй моей сестры!

VII.

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего прѣзда, сестра предложила миѣ однажды пойти посмотреть, какъ работаетъ ея новая сукнодѣльня. Я охотно согласился ознакомиться съ сооруженіемъ мѣстнаго деревенскаго „техника“, Ивана Ушаря, „отличнаго столаря“, завѣдывавшаго всей строительной частью въ Неразлучномъ. Мы спустились съ горы, прошли по плотинѣ, по вдрагивающему бревенчатому накату, мимо гулко работающей мельницы, которая сама вся дрожала подъ мощными поворотами двухъ своихъ колесъ, бѣлой пѣной дробившихъ падающую на нихъ изъ жолоба воду, и подошли къ сукнодѣльнѣ.

Подходя еще можно было видѣть паръ, выходящій изъ всѣхъ щелей легкой тесовой крыши, слышался равномерный стукъ, плескъ воды и людской голосъ сквозь шумъ водяного колеса, которымъ работала сукнодѣльня. Мы вошли въ распахнутую настежь дверь и сразу, въ полумракѣ, я ничего не могъ разобрать; но, приглядѣвшись въ теплою, сѣрой атмосферѣ, я разсмотрѣлъ слѣва большой котель, вмазанный въ

кубическую печь, въ которой трещалъ огонь, а справа, вдоль стѣны—нѣсколько бабъ. Онѣ, нагнувшись, быстро перебирали руками въ жолобѣ, укрѣпленномъ на высотѣ аршина отъ земли. Передъ каждой бабой подымался и падалъ въ жолобъ широкій деревянный брусъ, паноминный равномернымъ движеніемъ удары огромнаго песта, толкающаго что-то. Эти толчки поднимались силою шина, вдѣланнаго въ валь, и когда этотъ шипъ, совершивъ свою работу, отпуская толчею, она собственно тяжестью падала въ жолобъ, на лежащее въ немъ сукно, которое бабы, время отъ времени, поливали кипяткомъ изъ котла. Устройство „завода“ оказалось самое примитивное. Брызги теплои воды, разлетавшіяся изъ-подъ брусевъ при каждомъ ихъ ударѣ, поминутно попадали на руку, на щеку, на носъ.

— Ну что, обратилась ко мнѣ сестра,—какова фабрика?

Я отвѣчалъ, что фабрика прекрасная, но что я хотѣлъ бы видѣть псамогонинженеръ-механика, моего друга дѣтства—Ивана Ушаря.

— А вотъ же онъ, прямо предъ тобой стоитъ, кивнула сестра въ лѣвый уголъ, къ печи.

Я посмотрѣлъ, и тутъ же изъ-за печи вышелъ въ свѣтъ, падавшій въ раскрытую сади нась дверь, высокій, плечистый малый, съ густою шапкою вьющихся волосъ, подвизавшихъ лычкомъ, съ сѣрыми умными глазами на тронутомъ слегка оспою, но красномъ лицѣ.

Онъ поклонился.

— Что же, хорошо твоя машина работаетъ, Иванъ Пиканороничъ? спросила Катя.

— Ничего, ладно толчетъ, отвѣтилъ Иванъ, показывая рядъ сверкающихъ зубовъ, и, весело трихнувъ своимъ кудрями, хлопала рукою по краю печи.

— А это чьи сукна моются?

— Покуда вотъ matka свои принесла, да хотѣлъ Васья лѣсникъ прислать, наказывалъ, чтобы вода была готовая.

Взглядъ Ивана въ это время чрезъ мою голову устремился къ двери и въ ту же минуту въ сукномойнѣ будто потемнѣло. Мы съ сестрой сразу обернулись назадъ и она быстро подтолкнула локтемъ, какъ бы говоря: „смотри!“

Я и безъ того смотрѣлъ во все глаза.

VIII.

На самомъ порогѣ двери стояла, придерживаясь рукою за притолку, средняго роста дѣвушка. Никогда раньше того я не видалъ такой стройной, красивой крестьянки, такихъ большихъ, выразительныхъ голубыхъ глазъ подъ темными пушистыми бровями, съ едва замѣтнымъ изгибомъ, такого нѣжнаго, матоваго румянца щекъ, такой непринужденной граціи въ ярко вырѣзывавшейся на свѣтломъ фонѣ, пропорціональной фигурѣ. Эта грація была видна и въ подьемѣ ея тонкой руки, и въ складкахъ пышнаго рукава ситцевой рубахи, составлявшей контуры развитой груди и мягкія очертанія стройнаго стана. Нѣсколько прядей темныхъ волосъ выбились изъ-подъ синяго платка и бросали на лобъ и щеки нѣжную тѣнь. Этотъ быстрый, чуть испуганный взглядъ сразу вспомнился мнѣ: да, я былъ увѣренъ, что предъ нами стоитъ „писаная краля“, дочка Хасѣинскаго полѣсовщика. Мое безмолвное восхищеніе видно смуглило ее, должно быть она поняла впечатлѣніе, которое произвела на меня ея красота, и застыдилась. Глаза опустились, рука оставила притолку, едва замѣтная краска выступила на лбу, и она отступила назадъ, давая намъ дорогу. Мы вышли.

— Ты кажется пораженъ? обернулась ко мнѣ сестра, весело улыбаясь.

Я откровенно признался, что никогда не думалъ, чтобы въ такой невзрачной деревенькѣ, какъ Хасѣино, могла скрываться подобная прелесть.

— И замѣтъ, въ ней что-то такое въ высшей степени благородное и достойное. И не ты одинъ. Знаешь, какъ-то разъ она зашла ко мнѣ съ ягодами, когда у меня обѣдать Чузакъ—сосѣдъ мой по пѣнию,—такъ и онъ, вотъ такъ же, какъ ты, оставился на нее, какъ гусь на молнію, да такъ и сидитъ, даже ложку до рта не донесъ, на подорогѣ остановился и не шевелился!

Сестра смѣялась.

— Прелесть, прелесть! повторилъ я и оглянулся, чтобы еще разъ увидѣть красавицу.

Но ее ужъ не было. На порогѣ, спиною къ намъ, стоялъ Иванъ, подбоченясь, и видно разговаривалъ со стоявшими внутри.

Говоря и осматривая хозяйство, мы вернулись домой, и едва успѣли обѣдать, какъ горничная доложила, что „Иванъ Пиканороничъ барыню спрашиваетъ“. Сестра вышла къ нему, и чрезъ нѣсколько минутъ вернулась и сѣла за столъ.

— Что такое? поинтересовался я.

— Да это мой Вобанъ приходилъ благословляться—начинать рубку лѣса съ завтрашняго дня; вѣдь у меня назначенъ на срубъ Леушинскій клинъ. Пора самая неподходящая, но я никакъ не могу откладывать; весной опоздала, а бревна ужъ закуплены для осенней стройки. Такъ вотъ сегодня рабочіе собрались и завтра начнемъ рубить.

Въ Леушинскій клинъ мы ѣзжали когда-то за рыжиками и малиной. Тамъ былъ прекрасный строевой сосенникъ, на который видно сильно позарился Тюричъ—нашъ предводитель.

— Да вѣдь у насъ Иванъ и охотникъ, онъ поставщикъ дичи къ моему столу, и если ужъ возьмется показать тебѣ мѣста, то мы каждый день будемъ ѣсть тетерекъ, польстила мнѣ Катя.— Постой, мы его сейчасъ сюда позовемъ.

IX.

Велѣли позвать Ивана. Онъ бокомъ пролѣзъ въ дверь, теперь ужъ безъ лычка на лбу, отыскавъ глазами образъ, перекрестился и трихнулъ кудрями. Сестра налила ему большую рюмку водки, которую онъ бережно принялъ двумя пальцами лѣвой руки, опять сѣбно перекрестился, промолвивъ обычное „желаемъ здравствовать“, и медленно выпилъ.

— Какъ у васъ насчетъ тетеревей? спросилъ я его.

Иванъ вытеръ губы рукавомъ рубахи и слегка крикнулъ. Водка видно была крѣпкая; чуть замѣтныя слезинки заставили его моргнуть нѣсколько разъ подъ-рядъ, послѣ чего его умные, сѣрые глаза быстро метнулись на Руслана, сидѣвшаго около моего стула и устремившаго, слегка склонившись, пристальный взглядъ на кусокъ говядины, который Маруся смѣясь подносила на вилкѣ къ его носу.

— А тетеревей ныче, Иванъ Антоновичъ, си-и-а! потнулъ Иванъ головой.

По тутъ уже онъ окончательно устался на Руслана, который теперь замеръ предъ поднесеннымъ вилочкою къ его носу мясомъ, ожидая команды „шипъ“. Кормить его такимъ образомъ было любимое занятіе дѣтей. Наконецъ магическое слово сказано, и кусокъ моментально перемѣстился съ вилки въ ротъ собаки. Это произвело обычный эффектъ среди дѣтей и лицо Ивана расплылось въ широкую улыбку.

— Что-жь, собачка у васъ по дичи ходитъ, или только зайцевъ гоняетъ?

— Она зайцевъ не гоняетъ, а только по дичи.

— Ну, ежели по дичи можетъ, такъ вы тетеревей тутъ, какъ грибовъ наберете,—такихъ собакъ у насъ тутъ нѣтути; ходитъ тожь моя по утѣмъ маленько, а тетеревей не понимаетъ. А съ этой наберете,—тетеревей понеча урожай!

И онъ снова улыбнулся.

— Такъ когда же поидемъ?

— А ежели что, такъ и завтра можно. Вы до клина прѣзжайте, а оттуда и поидемъ, я къ тому времени рабочіхъ поставлю.

— Вотъ и прекрасно, одобрила сестра.—Я велю запрячь тебѣ бѣгунки, Родионъ тебя и повезетъ.

На томъ и порѣшили. Поговорили еще немного, и Иванъ ушелъ.

X.

На другой день, часовъ въ пять утра, я былъ уже на мѣстѣ. Утро для охоты выдалось чудесное: немножко сѣренькое, съ прохладнымъ вѣтеркомъ при небольшой росѣ, оно обещало не жаркій день, въ который тетерева не соберутся въ кучу, а нѣжатася себѣ на прогалинахъ, разбившись по-одиночкѣ. Подѣзжалъ къ Леушинскому клину, мы улынулись въ разныхъ мѣстахъ тюканье тошоровъ, покрываніе и могучій трескъ и гулъ умирающаго дерева.

Глухая лѣсная дорожка понемногу терялась и, наконецъ, ѣхать дальше уже было некуда. Я слѣзъ, кликнувъ Руслана и пошелъ въ ту сторону, гдѣ акнулись на окликъ кучера. Не прошелъ я и нѣсколькихъ сотъ шаговъ, какъ возлѣ меня сразу, словно изъ земли выросъ Иванъ. Онъ былъ въ короткомъ, подпоясанномъ ремешкомъ, зигунѣ, съ порывавшейся небольшой сумкой, видно самодѣльной работы, черезъ плечо; за спиной, торчмя вверхъ стволами, именно такъ, какъ никогда не носятъ ружье заправскіе охотники, закинута была плоховатая двустволка. Лицо его на этотъ разъ показалось мнѣ гораздо красивѣе, быть-можетъ благодаря совершенно новенькому, съ блестящимъ козырькомъ картузу, изъ-подъ котораго упрямо лѣзли непослушные его кудри. Поздоровались.

— Экой способный денекъ-то Богъ послалъ! оглядѣлся Иванъ.

— Какъ же поидемъ?

— А вотъ сейчасъ тутъ будетъ край и выйдемъ на пастухово лядо; здѣсь наши рабочіе давеча выводокъ согнали—штуку двѣнадцать говорятъ, да ужъ почестъ съ курицу, большіе.

— Когда давеча?

— Да вотъ-вотъ только что сюда шедши, ткнуть онъ нѣсколько разъ рукою внизъ.—А такъ этакимъ манеромъ до казеннику и продвинемся, тамъ я еще выводокъ знаю, тоже штукъ восемь.

Пошли. Скоро старый лѣсъ зарѣдѣлъ и кончился. Мы вышли на лядо. Невысокая, но густая трава, мѣстами круги низкаго осинника, пронасъ ягодника около старыхъ ишей, обиліе цѣпкаго „мышиннаго горошка“—все указывало, что не найти выводка по этимъ мѣстамъ стѣдно.

Русланъ будто сразу понялъ это. Чуть склонивъ голову, неистово вилля своимъ пушистымъ „перомъ“, мелкой рысью пошелъ онъ круто влѣво, забралъ въ мѣру, оглянулся на насъ и такимъ же манеромъ зарыснулъ вправо, изрѣдка пофыркивая отъ забиравшейся ему въ носъ росы, которую онъ сбивалъ мордой съ серебристой метелки. По самой побѣжкѣ его, по тому вниманію, съ которымъ онъ, замедляя ходъ, втагивалъ въ себя воздухъ, я уже видѣлъ, что онъ чувствуетъ присутствіе дичи и будто думаетъ: „здѣсь должно-быть! По такимъ-то мѣстамъ, да не быть!“ И точно было.

XI.

Сдѣлавъ нѣсколько зигзаговъ влѣво и вправо, и пробѣгалъ впередъ насъ, Русланъ вдругъ замедлилъ ходъ, приостановился совсѣмъ, и нѣсколько разъ потянулъ воздухъ. Я прибавилъ шагу, Иванъ за мной. Русланъ быстро повернулъ голову, словно приглашая быть осторожнѣе, потомъ ступилъ шага четыре и ужъ окончательно потянулъ. Чуть-чуть приподнявъ уши, вытянувъ морду такъ, что носъ его словно заострился, онъ легко и плавно, не двигая корпусомъ, осторожно шелъ впередъ—будто плылъ въ густой, росистой травѣ; едва открывая и закрывая ротъ, какъ бы глотая неопутимый для насъ запахъ, который не удержижи влекъ его къ намѣченной гдѣ-то впередъ точкѣ, онъ продвинулся шаговъ двадцать.

Вдругъ онъ сразу остановился какъ вкопанный, устремивъ глаза въ траву немного впередъ себя. Я сталъ и залюбовався имъ.

Словно насѣченный изъ бѣлаго мрамора, вытянувшись и застывъ съ приподнятою для слѣдующаго шага лапою, въ наприженной позѣ, такъ что весь верхній контуръ этого изваянья, начиная съ носа и до кончика хвоста, представлялъ одну прямую линію, наклоненную къ землѣ, онъ не двигалъ ни однимъ волосомъ, только горящіе глаза говорили, что это не изваяніе, а живое тѣло, которое все мгновенно оживится, какъ только разстояніе между нимъ и той точкой, изъ которой исходила магнетизирующая его сила, увеличится. Я оглянулся на Ивана. Тотъ стоялъ какъ околдованный, ружье попрежнему за плечами, немного поблѣднѣвшій, съ слегка закусанной нижней губою, глаза вперенные въ Руслана. Очевидно онъ впервые видѣлъ стойку и былъ пораженъ. Въ этотъ моментъ раздалось дружное, торопливое хлопанье нѣсколькихъ паръ крыльевъ и три крупные тетеревенка разомъ сорвались почти изъ-подъ самой морды Руслана; одинъ такъ близко метнулся мимо моей головы, что я невольно отстранился. Я вскинулъ ружье и выстрѣлилъ—промахъ. Въ ту же секунду слѣва, грузно хлопая крыльями и покрякивая, вылетѣла изъ куста старка и потянула наискось—мимо меня. Я прицѣлился, выдержалъ и спустилъ курокъ. Тетерка кувыркою упала въ траву и чрезъ минуту Русланъ уже несъ ее, высоко поднимая голову, будто бы съ замочить ее объ росу, и пугаясь въ травѣ.

— Что-жъ ты не стрѣлялъ? обернулся я къ Ивану.

Но тотъ попрежнему стоялъ, какъ очарованный, глядя на Руслана, сложившаго свою пошу около меня и ветрихающегося отъ росы.

— Ну, соба-а-ака! протянулъ наконецъ Иванъ, вдругъ широко улыбувшись и качая одобрительно головой.—Да я такую штуку отродисъ не видалъ! Вѣдь скажи-жъ пожалуйста, а!.. Словно заколѣна, и лапой показываетъ! Ну, штука! удивлялся онъ.

— Да вѣдь это, братъ, всякая легавая дѣлаетъ.

Онъ нагнулся, поднялъ убитую птицу, осмотрѣлъ ее и сталъ привязывать къ своей сумкѣ.

— И сама принесла и кладетъ! Вотъ она барская-то охота въ чемъ важить, медленно протянулъ онъ.—А мы-то только тогда и убьемъ, если старку подвабимъ. А вѣдь это-жъ поглядѣть, такъ чудно! Сейчасъ тебѣ почула и повела, повела—и показываетъ!

Онъ опять закачалъ головой и хлопнулъ себя обѣими руками по бедрамъ.

— Ты ружье-то свое снимай, да взводи курки, сейчасъ опять подымемъ, училъ я его.

— Да ужъ теперь я приспособлюсь. Ну, штука! не унимался мой охотникъ.

Дѣйствительно, выводокъ оказался большой. Мы выбрали его почти весь, и когда оставили это мѣсто, то сѣтка давала уже плечу чувствовать свою тяжесть.

XII.

Иванъ оказался хорошимъ стрѣлкомъ и постоянно глядѣлъ и ласкалъ Руслана.

Пробродивъ потомъ даромъ часа два, мы подошли наконецъ къ казенному лѣсу; я порядочно усталъ отъ ходьбы по густой, дѣвчій травѣ и предложилъ своему спутнику присѣсть и закусить.

— А вы вотъ, баринъ, тутъ на опушкѣ посидите и закусите, а я сейчасъ вернусь, мнѣ маленько въ казенникѣ пройтись надо.

— Чтò это за казенникъ?

— Да Демьяновскій участокъ прозывается; у меня тамъ малое дѣло есть.

Я согласился, и Иванъ скоро скрылся въ лѣсу. Я прилегъ на обсохшую отъ росы траву, разложилъ закуску, приготовленную дома еще съ вечера, и сталъ завтракать, поджидая моего охотника. Посидѣвъ съ полчаса, я обляпнулъ Ивана. Подождавъ еще немного и соскучившись сидѣть на мѣстѣ, я всталъ, закинулъ ружье и, углубившись въ казенникъ, повернулъ вдоль опушки.

Скоро я попалъ на едва замѣтную тропку, на которой мохъ былъ обмятъ въ одномъ направленіи, словно бы тутъ волокомъ танули что-то, и побрелъ по ней, такъ какъ она извивалась тоже недалеко отъ края.

Лѣсъ въ этомъ участкѣ рублился вѣроятно давно, потому что виднѣвшіеся иногда изъ густого лишняка пни были черны и густо усажены трутьякомъ. По сторонамъ засѣлъ сильный молодой лишнякъ, подъ ногами былъ свѣтло-зеленый мохъ, по которому нога ступала беззвучно, какъ по ковру. Кое-гдѣ темная зелень черничника скрывала свѣтлую зелень мха, и изсиня-черныя, крупныя какъ вишни, ягоды черники, словно глаза, смотрѣли на прохожаго. Было совершенно тихо. Русланъ шелъ сзади, такъ близко ко мнѣ, что иногда наступалъ мнѣ на ногу. Я шелъ такимъ образомъ съ четверть часа, какъ вдругъ, на крутомъ поворотѣ тропинки, увидѣлъ впередъ сѣрую фигуру человѣка, который стоялъ ко мнѣ спиной. По торчащему вверхъ ружью и по густымъ темнымъ кудрямъ я узналъ Ивана, но такъ какъ онъ заслонилъ отъ меня своего собесѣдника собою, то нельзя было видѣть, съ кѣмъ онъ разговаривалъ. Подлѣ, на мху, лежалъ пукъ свѣжо-надряннаго корья. Но вотъ что-то красное мелькнуло изъ-за его плеча, и я невольно попятился назадъ и остановился за деревомъ: отступать было поздно.

До меня ясно доносились слова разговора, который повидному уже нѣкоторое время велся раньше. Говорилъ грудной женскій голосъ, говорилъ задорливо и громко.

— А чѣмъ же онъ не пригожь по-твоему?

— Да нешто по тебѣ ихняя-то семья? донесся сдержанный, чуть прерывающійся голосъ Ивана.—Нешто сладко тебѣ будетъ отъ его пригожести, ежели тебя свекровь по-ѣдомъ-бестъ каждый день будетъ?!

— Чего-жъ она меня съѣсть? Онъ, Ваня, меня въ обиду не дастъ, не больно-то ее боится, самъ знаешь.

— Бонтси! А про сметану-то забыла?

Женщина тихо засмѣялась, и голосъ Ивана повеселѣлъ.

— Эхъ, Анюта, горе мое одно, что въ солдаты мнѣ иттигъ, а то-бъ и силкомъ тебя выкралъ и увезъ бы на край свѣта.

Я сразу сообразилъ, какое дѣло было у Ивана въ Демьяновскомъ участкѣ.

XIII.

— Ишь ты, прыткій! ласково раздался голосъ Анютки.—Да куда-жъ ты меня увезешь?

— Куда! Чтò-жъ, окромя твоихъ Калачей и свѣтъ клиномъ сошелъ! Нешто въ Москву намъ дороги отсель заказаны?

— А батька-то какъ останется?

— И на батьку хватитъ; вонъ Семка Устюжнѣ каждый мѣсяцъ почестъ десять рублей въ домъ шлетъ, такъ неужли я хуже его руками-то владѣю! Ой, Анютка, отступись ты отъ свою кабатчика, ей-Богу отступись!

Въ голосѣ его звучала просьба.

— Да что ты ко мнѣ съ кабатчикомъ присталъ, словно я подъ вѣнецъ иду? Слыхалъ, чай, что дѣло назадъ пошло, батька теперь и слышать не хочетъ меня за него отдавать.

— Батька-то знаю, что не хочетъ, а вотъ ты-то въ ѣмъ короля трехвогаго нашла! протянулъ Иванъ съ какой-то неудержимой злобой.

— Охъ, Ваня! Нѣтъ, онъ мнѣ вовсе не любъ сталъ.

— Съ конхъ же это поръ не любъ-то, коли вонъ и намедни у васъ въ Хасѣкинѣ прохлажался?

— А вотъ съ конхъ-ли ни поръ, да не любъ! бойко прозвучалъ отвѣтъ.

— Анюта!..

Голосъ Ивана замеръ.

— Ну?

— А за меня-бъ пошла? едва разобралъ я.

Послѣдовала пауза. Я выглянулъ. Голова Ивана слегка нагнулась; локтей его рукъ я уже не видалъ, а изъ-за кудрей выглядывалъ уголъ красного платка. Потомъ я разслышалъ слово "солдаты", произнесенное груднымъ голосомъ, и опять пауза. Я выглянулъ снова. Двѣ тонкія, загорѣлыя руки свѣшивались съ плечъ Ивана и безсилно лежали на слегка сторбленной спинѣ его, а кудри уже рельефно съ обѣихъ сторонъ выступали на фонѣ красного платка.

Былъ-ли это звукъ поцѣлуя, или какая-нибудь пичужка пискнула въ кустахъ, но мнѣ вдругъ ужасно стало неловко и какъ-то совѣстно, что я тутъ стою и подслушиваю, и подглядываю чужое счастье. Я осторожно отступилъ нѣсколько шаговъ и повернулъ назадъ по тропинкѣ.

— О-го-го!.. гулко пронеслось въ эту минуту со стороны мѣста свиданія.

— Это батька кличетъ, разслышалъ я, уходя, голосъ Анютки и затѣмъ послышался шелестъ поднимаемаго на плечи лука корья. Я пошелъ шибче и скоро вышелъ на опушку лѣса, недалеко отъ того мѣста, гдѣ отдыхалъ. Чрезъ нѣсколько минутъ и Иванъ показался на краю лѣда и шелъ ко мнѣ.

— Чтò-жъ, отдохнули, баринъ? спросилъ онъ, глядя немного въ сторону.

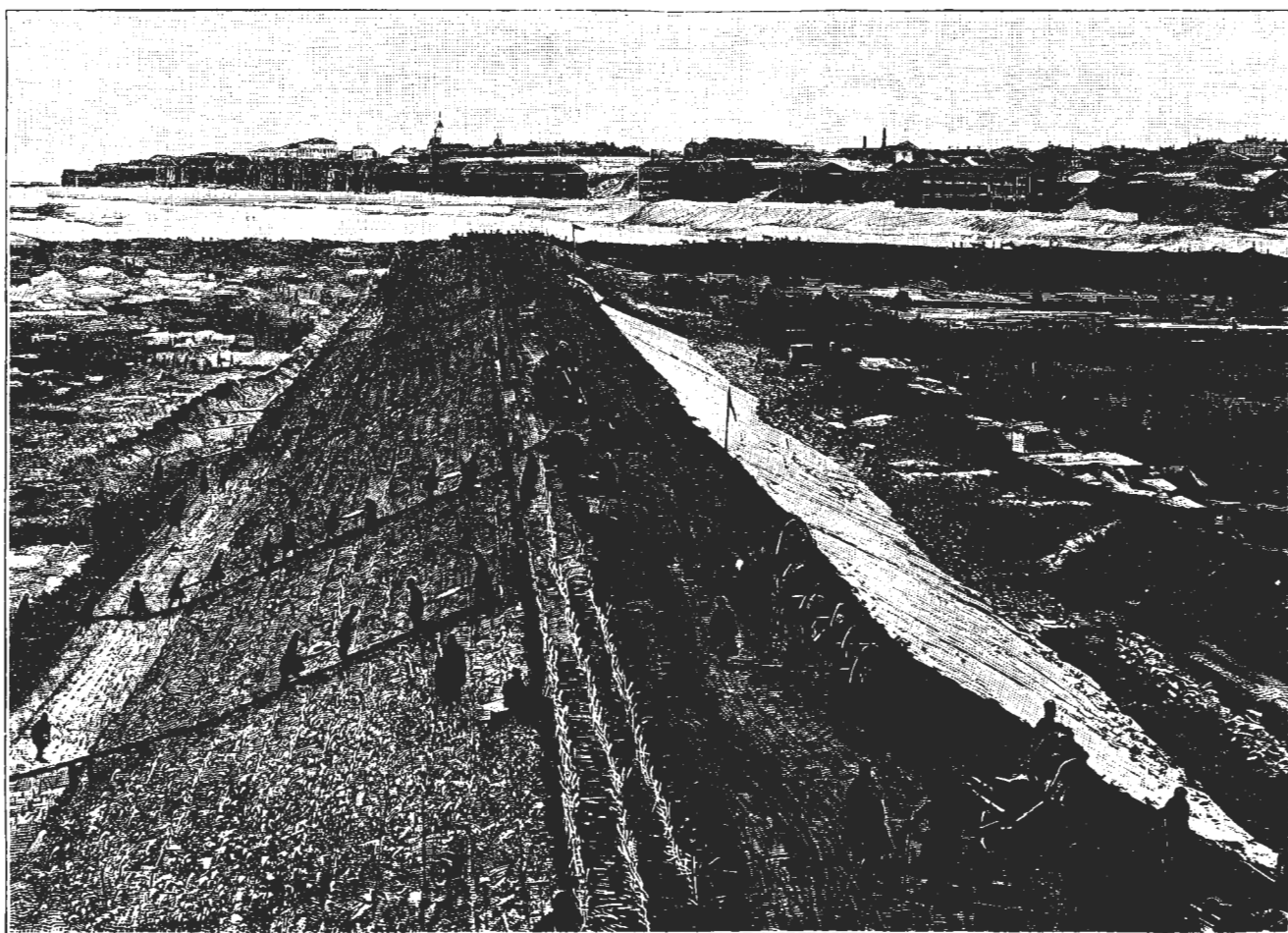
Я отвѣчалъ, что отдохнулъ, и мы пошли. Разбивъ еще выводокъ, мы вернулись къ лошади, я распрощался съ Ивановымъ, привязавъ сѣтку къ передку дрожжекъ и побѣжалъ домой.

Я зналъ теперь, что на торгахъ Демьяновскій участокъ остался за Васькой, хасѣкинскимъ лѣсинкомъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Общественная работы в Россіи. Постройка новаго элеватора. Съ фот. Васильева, грав. Рашевскій.

Общественная работы в Россіи. Устройство новой Самарской бухты. Съ фот. Васильева, грав. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

Центральный базаръ хлопка въ Андиканъ.

(Рис. на стр. 29).

Такъ-называемая Ферганская область образована, какъ извѣстно, указомъ 19 февраля 1876 года изъ присоединеннаго къ Россіи Коканскаго ханства и составляетъ часть Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Орошаемая рѣкою Сыръ-Дарья, область имѣетъ климатъ мягкій и изобилуетъ естественными богатствами: нефтью, каменнымъ углемъ, мѣдью, желѣзомъ, хлѣбными растениями, фруктами, мареною и хлопкомъ. Изъ всѣхъ этихъ продуктовъ—хлопокъ является наиболѣе важнымъ для насъ, какъ готовый у себя дома матеріалъ для нашей мануфактуры, съ каждымъ годомъ развивающейся въ центральной Россіи. И дѣйствительно, въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ разведеніе хлопка въ Ферганѣ быстро расширяется съ каждымъ годомъ. Центральнымъ базаромъ по покупке и продажѣ хлопка является городъ Андиканъ. Около него сосредоточены и главнѣйшіе хлопкоочистительные заводы. Увеличивающійся наливъ хлопка въ настоящее уже время побудилъ усовершенствовать эти заводы и построить новые. Всего ихъ теперь до шестнадцати; машины поставлены американской конструкціи. Одинъ изъ заводовъ—паровой, очищающій въ сутки болѣе 2,000 пудовъ хлопка. Хлопокъ тутъ же прессуется и отправляется въ центральную Россію. Наша гравюра, исполненная по фотографіи Г. П. Полонскаго, наглядно изображаетъ то оживленіе, которое господствуетъ на Андиканскомъ базарѣ при отпавкѣ хлопка, производимой въ теченіе круглаго года и особенно осенью, когда носивается хлопокъ.

Отѣздъ Маріи Стюартъ изъ Франціи.

(Рис. на стр. 32 и 33).

Восьмого декабря прошлаго года исполнилось ровно 350 лѣтъ со дня рожденія Шотландской королевы Маріи Стюартъ.

Многочисленная участь и полная приключеній жизнь ея во всѣ времена были предметомъ любопытства и участія, и не мало изслѣдованій и сочиненій посвящено жизни этой королевы. Но, несмотря на всѣ изслѣдованія, многое въ характерѣ этой замѣчательной женщины остается невыясненнымъ. Въ 1542 году Марія, спустя 8 дней послѣ своего рожденія, лишилась отца и была провозглашена королевою, подлѣ онею матери своей, Маріи Лотарингской. Шестнадцати лѣтъ она вышла замужъ за дофина Франціи, который на слѣдующій годъ былъ провозглашенъ королемъ подлѣ именемъ Франциска II. Супружество это, блестящее и веселое, протекло какъ сонъ: черезъ 18 мѣсяцевъ Марія овдовѣла и покинула Францію не безъ сожалѣнія. Отѣздъ ея въ Шотландію изображенъ на нашемъ рисункѣ. Понятна ея печаль, когда ей приходилось покинуть благозвонную страну, гдѣ она была такъ счастлива, и прощанье ея на суровую Шотландію. Долгое время приписывали ей полныя прелести и неистовую чувствительности „*Adieux à la France*“. Впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что ихъ авторомъ былъ Керлошъ. Но, если эти стихи и не вылились изъ-подъ пера вдовствующей королевы, то все-таки очень вѣрно передавали настроеніе Маріи, какъ бы предчувствовавшей, что, покинувъ Францію, она оживетъ лучшую и блестящую часть своей жизни. По возвращеніи на родину, привязанность Маріи къ католицизму возбудила противъ нея многихъ изъ ея новыхъ подданныхъ, съ фанатизмомъ державшихся реформы. Желая заслужить народное расположеніе, она рѣшила выйти замужъ за шотландца, и въ 1565 г. Марія отдала свою руку молодому кузену Генриху Дарилею, у котораго кромѣ красоты не было ничего. Бракъ этотъ не былъ счастливымъ: Дарилей, ревнуя Марію къ ея секретарю и наперснику, итальянцу Давиду Риччіо, который въ дѣйствительности былъ только агентомъ папскаго престола, велѣлъ умертвить его на глазахъ самой королевы. Но и самъ Дарилей вскорѣ погибъ подлѣ развалинами своего дома, который былъ взорванъ. Молодую королеву считали причиною этой катастрофы. Подозрѣніе было вызвано тѣмъ, что три мѣсяца послѣ смерти втораго супруга, Марія выходитъ въ третій разъ замужъ за графа Ботвеля, котораго обвиняли въ убійствѣ Дарилея. Шотландцы, возмущенные своднымъ братомъ королевы, Мурреемъ, возстали, и Марія, взятая въ плѣнъ, была заключена въ замокъ Лох-Левенъ. Ей, однако, удалось отсюда бѣжать, и она удалилась въ Англію, расчитывая найти пріютъ и защиту у Англійской королевы Елизаветы. Но Марія ошиблась. Елизавета считала ее для себя опасною: красивая, популярная въ народѣ и въ средѣ дворянства, Марія считалась многими законною наследницею англійскаго престола; поэтому, при первомъ удобномъ случаѣ, ее заключили въ темницу, гдѣ она протомилась 18 лѣтъ. Не разъ совершались попытки освободить Марію, но это только ухудшало ея участь, и въ 1587 году, подлѣ предлогомъ участія Маріи въ заговорѣ противъ Елизаветы, несчастная страдалка была казнена.

Литературный альбомъ. „Осгаръ“, Пушкина.

(Рис. на стр. 37).

„Осгаръ“ — одно изъ раннихъ произведеній Пушкина. Оно написано въ 1814 году. Въ немъ старый бардъ повѣствуетъ путнику върломную любовь Мальвины.

Во цвѣтѣ лѣтъ любилъ Осгаръ Мальвину...

Однажды, въ темную ночь зимы порой унылой,
Осгаръ стучится въ дверь красавицы молодой,
И шепчетъ: „Юный другъ, не медли, здѣсь твой милый!“
По тихо въ хижинѣ, вновь робкою рукою
Стучитъ и слушаетъ: лишь вѣтры съ свистомъ вѣютъ. —
„Ужели спишь теперь, Мальвина?“ Мгла вокругъ,
Валится снѣгъ, влася въ туманѣ леденѣютъ:
„Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!“
Онъ въ третій разъ стучитъ. Со скрипомъ дверь шатнулася;
Онъ входитъ съ трепетомъ: несчастный, что-жъ узрѣлъ?
Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулася:
Онъ зрѣтъ — въ объятіяхъ измѣнницы Звигцель!
И ярость дикая во взорѣ закинула;
Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой;
Онъ грозный мечъ извлекъ — и нѣтъ уже Звигцеля,
И блѣдный духъ его сокрылся въ тѣмѣ ночной.
Мальвина обняла несчастнаго колѣна,
Но взоры отравила: „живи!“ сказалъ Осгаръ;
„Живи, ужъ я не твой, презрѣна мной измѣна,
Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ“.
И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчаньи...

По зимнему пути. (Рис. на стр. 40).

Тонкій рисунокъ перомъ молодого художника г. Юмудскаго можетъ служить прекрасною иллюстраціею извѣстному стихотворенію И. С. Никитина „Ночлеги ямщиковъ“.

Далеко, далеко раскинулось поле,
Покрытое снѣгомъ, что бѣлымъ ковромъ...

Богъ знаетъ откуда, съ какимъ-то товаромъ
Обозъ по дорогѣ пробитой идетъ...

Въ овчинныхъ тулупахъ, въ коломенскихъ шапкахъ,
Съ обозомъ, и съ правой, и лѣвой руки,
Въ лаптяхъ и онучахъ, въ большихъ рукавицахъ,
Кряхтя, пожимаясь, идутъ мужики...

Раздача святой воды. (Рис. на стр. 41).

Гравюра наша передаетъ композицію Г. Ижакевича: „раздача богоявленской воды въ церкви“. Русскіе люди знаютъ, что вода эта, принятая съ вѣрою, можетъ имѣть цѣлебное дѣйствіе и, запасивъ ею на Богоявленіе (6 января), они сохраняютъ ее въ чистыхъ сосудахъ у образовъ. Пріимѣры изцѣленія больныхъ богоявленскою водою приходилось слышать часто, и для вѣрующихъ это не можетъ показаться ни страннымъ, ни невѣроятнымъ. Истинная вѣра можетъ спасти отъ недуга не только душевнаго, но и тѣлеснаго, весьма часто связаннаго съ душевнымъ... Этой вѣрой исполненъ и нашъ русскій народъ, приходящій въ церковь съ благоговѣніемъ за святою водою...

Общественныя работы въ Россіи.

(Рисунки на стр. 45 и 48).

Такъ называемыя „общественныя работы“ были предприняты у насъ, какъ извѣстно, съ цѣлью дать заработокъ нуждающемуся въ неурожайныхъ губерніяхъ населенію. Въ Сборникѣ „Ишвы“ за декабрь прошлаго года мы дали подробную статью В. Васкина, касающуюся этого въ высшей степени благого дѣла нашего правительства. Помню, такъ сказать, благотворительной цѣли этихъ работъ, самый предметъ ихъ безусловно соответствовалъ насущнымъ потребностямъ страны. Благодаря имъ, проведены новыя шоссеыя дороги, ремонтированы грунтовыя, сооружены школы, элеваторы, хлѣбные амбары, устроены пруды, разработаны участки казенныхъ лѣсовъ и т. д., и т. д. Среди этихъ работъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ также между прочимъ устройство искусственной самарской бухты для стоянокъ и зимовки пароходовъ. За отсутствіемъ этой бухты, до настоящаго времени, пароходы, зима въ отдаленныхъ загонахъ, вынуждены бывали обыкновенно пробѣгать цорожнякомъ значительныя растоянія, вслѣдствіе чего первый рейсъ совершался ими на десять дней позднее; во избѣжаніе этихъ неудобствъ и предпринято было сооруженіе бухты, гдѣ пароходы могутъ зимовать и быть ремонтируемыми.

Бухта устраивается, какъ видно на рисункѣ (стр. 45), въ низинѣ между Оренбургской желѣзной дорогой и вѣтвью этой дороги; прямо видны хлѣбные амбары, расположенные вдоль рѣчки; переднюю часть рисунка занимаетъ устройство дамбы,

главное назначение которой—защитить бухту от наводнений во время весеннего разлива рѣки. Дамба эта, во время фотографирования ея, не была еще окончена и поэтому правая половина еще не наслана и рѣзко отличается от лѣвой, представляющей собой плотную стѣнку, назначение которой—задерживать и не пропускать воду. Затраты, сдѣланныя на это сооружение, будутъ возмѣнены казнѣ сборомъ съ пароходовладельцевъ за пользованіе бухтою; стоимость же ея опредѣлена въ 200 тысячъ рублей.

На другомъ загѣмъ рисунокѣ на этой же страницѣ, изображенъ фундаментъ строящагося въ Самарѣ элеватора, вмѣстимостью въ 300 тысячъ пудовъ зерна; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ типомъ *силоснаго* (закромнаго) элеватора.

Фундаментъ дѣлается изъ кирпича или бутового камня, но на цементномъ растворѣ, для приданія ему значительнаго сопротивления давленію зерна и машинъ. Силосъ—это пѣчто въ родѣ чапа, куда ссынается хлѣбъ; такихъ силосовъ въ элеваторахъ, вмѣстимостью въ 300 тысячъ пудовъ, бываетъ до 20. Корнусы, въ которыхъ помѣщаются силосы, будутъ имѣть 6 саж. ширины, 18 саж. длины и 9 саж. вышины. Кроме того, для такъ называемыхъ транспортеровъ будутъ сдѣланы подземныя галлерей, углубленныя на полторы сажени подъ поверхность земли. За силосами помѣщается башня, на рисунокѣ находящаяся предъ заднимъ строеніемъ, называемымъ котловымъ, такъ какъ въ немъ сосредоточены паровыя котлы.

Башня, вышиною въ 7 этажей, будетъ отдѣлена отъ корнуса брандмауромъ для предохраненія отъ распространенія пламени въ случаѣ пожара. Съ правой стороны проходитъ желѣзная дорога и такимъ образомъ вагоны могутъ подойти къ самому элеватору для нагрузки и разгрузки ихъ. Съ лѣвой стороны на рисунокѣ видна гора, съ которой въ настоящее время спускаются матеріалы, привозимые для постройки элеватора. Приемъ и отпускъ зерна по желѣзной дорогѣ можетъ производиться съ обѣихъ продольныхъ сторонъ элеватора и притомъ по всей его длинѣ: для приема съ вагоновъ будутъ служить особо-устроенныя воронки въ числѣ 24-хъ штукъ, позволяющихъ разгрузку одновременно 12 вагоновъ; для нагрузки-же вагоновъ—трубы, посредствомъ которыхъ можно одновременно нагрузитъ 24 вагона. Зерно, сложенное въ силосахъ, по мѣрѣ надобности, для его очистки, отправки или привѣтыванія, можетъ быть высыпано посредствомъ нижнихъ спускныхъ рукавовъ, закрываемыхъ задвижками, въ нижніе транспортеры, которые приводятъ его къ элеваторамъ, а послѣдніе поднимаютъ наверхъ башни, а оттуда уже зерно распределяется по соответственнымъ рукавамъ.

Какъ извѣстно, завѣдывающій общественными работами генералъ Анненковъ также придаетъ особенно важное значеніе работамъ оросительнымъ, т. е. устройству заирудъ и укрѣпленію береговъ рѣкъ; эти занятія предоставляютъ заработокъ населенію по возможности на мѣстѣ и приносятъ непосредственную пользу данной мѣстности въ хозяйственно-экономическомъ смыслѣ; они весьма просты, не требуютъ спеціальныхъ знаній и исполнѣ доступны по своей дешевизнѣ. Главное вниманіе при этомъ обращено на улучшеніе воднаго хозяйства, съ цѣлью вывести земледѣльца изъ состоянія вѣчнаго опасенія засухѣ.

Для этой цѣли одною изъ серьезныхъ мѣръ служитъ поддержаніе весеннихъ водъ въ прудахъ, оврагахъ, балкахъ и проч., а также искусственное накопленіе снѣга, устройство валиковъ и защитъ и прочее. Въ десяти уѣздахъ уже производится въ настоящее время устройство заирудъ и, между прочимъ, двухъ метеорологическихъ станцій: въ Конь-Колодезѣ, при земской сельско-хозяйственной школѣ, гдѣ имѣются характерные овраги (въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи) и въ с. Шовковомъ. Къ прѣзду генерала Анненкова, въ началѣ сентября прошлаго года, въ Конь-Колодезѣ устроена была выставка огородничества, на которой экспонировались продукты, полученныя при посредствѣ искусственнаго

обводненія, и плоды, выросшіе при тѣхъ же почвенныхъ условіяхъ, но при обыкновенной поливкѣ полей. Въ Конь-Колодезѣ устроенъ каптажъ водъ съ обводненіемъ при помощи валиковъ и снѣжныхъ защитъ, съ примѣненіемъ ихъ къ орошенію полей и огородовъ, и въ качествѣ движущей силы на крестьянскихъ мельницахъ. Результаты искусственнаго обводненія получились, какъ не трудно убѣдиться на рисунокѣ (стр. 48), поразительные. Величина плодовъ и овощей (рѣпа, морковь, капуста, рѣдька, огурецъ, дыня и др.), культивированныхъ при помощи искусственнаго орошенія, превосходить въ нѣсколько разъ величину продуктовъ, выращенныхъ при обыкновенныхъ условіяхъ поливки. В. Б.

Н. И. Кокшаровъ. (Портр. на стр. 48).

21 декабря минувшаго года русская наука лишилась одного изъ выдающихся своихъ представителей, Николая Ивановича Кокшарова. 75 лѣтъ тому назадъ, 23 ноября, на хуторѣ своего дѣда со стороны матери, князя С. Д. Эрнстова, въ Томской губерніи, близъ крѣпости Усть-Каменогорской, увидѣлъ свѣтъ будущій знаменитый минералогъ. Отецъ его былъ горнымъ инженеромъ и быть-можетъ первыя познанія и любовь къ наукѣ сообщили юному Кокшарову въ минералогіи. 12-ти лѣтъ Кокшаровъ поступаетъ въ Горный Институтъ, въ которомъ онъ пробылъ 10 лѣтъ.

Послѣ окончанія курса въ 1840 г., Н. И. Кокшаровъ былъ назначенъ на службу въ уральскіе заводы и въ слѣдующемъ году сопровождалъ иностранныхъ геологовъ Мурчисона, графа Кейзерлинга и де-Вернеля по восточному краю Европейской Россіи и участвовалъ въ составленіи геологической карты, составленной этими учеными. Путешествіе не осталось безъ вліянія на направленіе всей послѣдующей дѣятельности покойнаго. Въ 1842 году, согласно Высочайшему повелѣнію, Н. И. отирается за границу, срокомъ на три года, для изученія геологій и палеонтологій; возвратившись оттуда, онъ занималъ мѣсто ренегитора въ Горномъ Корпусѣ и преподавателя металлургіи и горнаго искусства и читалъ лекціи по минералогіи и геогнозій въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1849 году онъ поступаетъ смотрителемъ Главной Финансовой Обсерваторіи и остается въ этой должности до 1852 года, занимая въ отсутствіе директора, А. Я. Кунфера, его мѣсто.

Въ 1855 году Н. И. Кокшаровъ утвержденъ былъ адъюнктомъ Академіи Наукъ, а загѣмъ избранъ экстраординарнымъ академикомъ въ 1858 г. и въ 1866 г. ординарнымъ.

Покойный съ 1865 года весьма долгое время состоялъ директоромъ (въ послѣднее время почетнымъ) Императорскаго Минералогическаго Общества, душою котораго онъ былъ и которое ему очень много обязано своей успѣшной дѣятельностью. Въ 1872 году онъ былъ сдѣланъ директоромъ Горнаго Института и занималъ эту должность 9 лѣтъ.

Ученые заслуги его были почтены весьма многими учеными учрежденіями русскими и иностранными. Онъ былъ членомъ четырехъ иностранныхъ академій, 25 ученыхъ обществъ и докторомъ четырехъ университетовъ.

Изданные имъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ „Матеріалы для минералогіи Россіи“ (10 томовъ) совершенно справедливо поставили его въ ряды первыхъ ученыхъ Европы и спискали ему всемірную извѣстность. Сочиненіе это представляетъ первое систематическое и замѣчательно обстоятельное описаніе русскихъ минераловъ. Кроме этого имъ были изданы „лекціи минералогіи“ и написано множество статей въ издаваніяхъ Академіи, Минералогическаго Общества, *Горной Журналь* и т. д.

Почти одновременно съ покойнымъ Н. И. Кокшаровымъ скончались еще два лица, Кочубей и Гадоминъ, не чуждые минералогіи и близкіе покойному горячею любовью къ наукѣ. Портреты этихъ лицъ будутъ помѣщены въ слѣдующемъ номерѣ *Ливы*.

Политическое обозрѣніе.

Новый годъ былъ встрѣченъ Западною Европой спокойно, съ надеждою, что существующая неясность положенія дѣлъ въ нѣкоторыхъ странахъ разъяснится.

Въ Римѣ, король принимая поздравленія съ новымъ годомъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, въ отвѣтъ на поздравленія депутацій отъ сената и палаты депутатовъ, сказалъ, что онъ счастливъ, что новый годъ начинается при наилучшихъ и надежнѣйшихъ видахъ на международныя отношенія Италіи; народъ можетъ спокойно посвятить свои силы всецѣло внутреннимъ интересамъ страны.

Въ Берлинѣ, молодой императоръ, во время приема корнусныхъ командировъ, явившихся съ поздравленіемъ по случаю новаго года, сдѣлалъ только заявленіе о твердой рѣшимости въ проведеніи новаго военнаго законопроекта въ виду того, что осуществленіе проектированной военной реформы является для Германіи необходимою въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Въ Парижѣ, 1 января, по случаю новаго года, президентъ

республики принималъ дипломатическій корнусъ. Панскій пунцій, отъ имени всѣхъ представителей, пожелалъ благополучія г. Карно и благоденствія благородной французской націи, занимающей столь важное положеніе среди всѣхъ народовъ. Г. Карно благодарилъ и сказалъ, что пожеланія мира и согласія отвѣчаютъ чувствамъ правительства французской республики, и онъ присоединяется къ нимъ отъ всего сердца. „Засвидѣтельствованное вами сочувствіе, присовокуниль президентъ,—намъ дорого и правительство республики, сильное этимъ сочувствіемъ и полагающееся на благоразуміе Франціи, которая уважаетъ право и правду, съ спокойствіемъ смотритъ въ будущее“.

Дѣйствительно спокойно надо взирать на клеветническую оргію, охватившую Парижъ. Гнусныя нападки поражаютъ безъ разбора и часто безосновательно и нождъ ударами ихъ рѣдко кто можетъ сохранить хладнокровіе и отказаться отъ всего лишь бы прекратить неистовство. Передъ давленіемъ массы инсинуаций не могъ устоять даже кабинетъ и подать въ от-

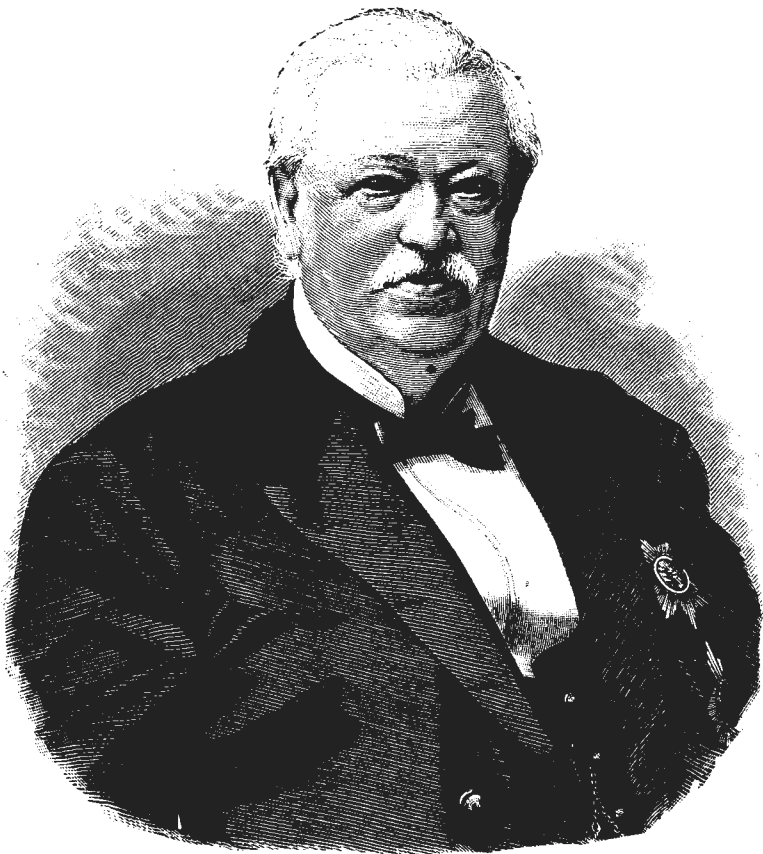
ставку. Но, къ счастью, не всѣ министры выдутъ изъ него, хотя кабинетъ и лишится Фрейсина, военнаго министра, многопоработавшаго для силы и славы своей родины и вынужденнаго отказаться отъ портфеля вслѣдствіе намековъ и угрозъ *Gaillols* и другихъ единомыслящихъ съ нимъ газетъ.

Многіе думали, что эти газеты вызовутъ чуть-ли не дѣлюю революцію въ день открытія палаты съ сенатомъ и начала панамскаго дѣла. Принятія противъ того мѣры благополучно разсѣяли тревогу. Но все-таки 29 декабря въ окрестностяхъ Бурбонскаго дворца арестовано около 15 человекъ за отказъ разойтись. После полудни на площади Согласія собралось нѣсколько любопытныхъ и произведено нѣсколько арестовъ, тоже за отказъ разойтись.

Въ началѣ депутатоваго перваго голосованія по избранію президента остались безъ результата. При второмъ голосованіи оказалось только 212 вотировавшихъ. Во время прохожденія мимо трибуны, нѣкоторые депутаты встрѣчены были враждебными манифестациями. Между Рувье и членомъ правой Бернисомъ произошло крупное столкновеніе. Дегериссе и Перве де-Ларсанъ обмѣнялись секундантами.

Флоке отказался отъ кандидатуры въ президенты и Казимиръ Перье избранъ президентомъ палаты депутатовъ. Въ сенатѣ, тоже вторымъ голосованіемъ, избранъ президентомъ 162 голосами Леруайе.

Панамское дѣло началось, несмотря на отсутствіе Ферди-

Н. И. Кокшаровъ († 21-го декабря 1892 г.). Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Къ статьѣ „Общественныя работы въ Россіи.“ Наглядная разница въ величинѣ между плодами и овощами, культивированными при искусственномъ орошеніи и обыкновенной поливкѣ.

нанда Лессенса. Президентъ допросилъ Шарля Лессенса, который объяснилъ организацію панамскаго общества. Президентъ упрекнулъ Лессенса въ томъ, что тотъ обманывалъ публику, объявляя, что прорытіе канала обойдется въ 5½ миллионъ. Лессенсъ возразилъ, что заключены были условія только относительно кубическихъ метровъ выемокъ, затѣмъ представилъ объясненія объ учредителяхъ общества и заявилъ, что отецъ его вложилъ въ дѣло большіе деньги, чѣмъ получилъ.

Когда президентъ сталъ настоятельно требовать объясненій объ употребленіи 600,000 франковъ по промессамъ на предъявители, несмотря на протесты генеральнаго адвоката, Лессенсъ заявилъ, что при внесеніи въ палату проекта выпуска выигранныхъ облигацій, Байо, бывшій министръ, нынѣ арестованный, потребовалъ у него миллионъ, но такъ какъ проектъ не удался, то Байо получилъ всего 375,000.

На вопросъ о раздачѣ суммъ лицамъ, имена которыхъ остались неизвѣстными, Лессенсъ отвѣтилъ, что расходы это были

необходимы. Лессенсъ присовокупилъ: „Мы уплатили 600,000 франковъ Корнелию Герцу, мы сдѣлались жертвами и а ст о я т е л ь н ы х ь просьбъ, поступившихъ со всѣхъ сторонъ и въ которыхъ никакъ нельзя было отказать, какъ нельзя не выпустить своихъ часовъ, когда у васъ ихъ требуютъ въ лѣсу“.

Измѣненіе болгарской конституціи Стамбуловымъ, которую считаютъ дѣломъ католицизма, находитъ должный отпоръ со стороны многихъ здравомыслящихъ патриотовъ и особенно со стороны духовенства. Нѣкоторый свѣтъ на причины, вызвавшія это измѣненіе, проливаетъ газета *Hivlar*, гдѣ напечатанъ разговоръ, происходившій между принцессою Клементиною и однимъ венгерскимъ магнатомъ, въ недавнее пребываніе принцессы въ Буда-Пештѣ, проѣздомъ изъ Софіи въ Вѣну. Принцесса сказала: „Въ послѣднее время Болгаріи грозилъ крупный кризисъ; я и мой сынъ уже приняли было рѣшеніе оставить Болгарію навсегда. Пе-

ресмотръ конституціи необходимъ для того, чтобы оградить Болгарію отъ послѣдствій иностранныхъ державъ, а ближайшимъ къ тому средствомъ является образованіе болгарской династіи, связанной родственными узами съ древней европейской династіей. Вотъ почему Фердинандъ и вступилъ скоро въ бракъ. Исповѣданіе православной вѣры потому не признается обязательнымъ для ближайшаго преемника Фердинанда, что прежде всего я, какъ католичка, этому воспротивилась, затѣмъ потому, что въ непредвидѣнномъ случаѣ из-

гнанія Фердинанда изъ Болгаріи онъ ничего отсюда не вынесетъ, кромѣ православныхъ дѣтей. На требованіе Стамбулова, чтобы, по крайней мѣрѣ, было занесено въ конституцію, что внуки князя должны быть православнаго исповѣданія, я согласилась, принявъ въ соображеніе, что еще много воды утечетъ въ Дунай, пока у Фердинанда родятся внуки“.

Въ Америкѣ все еще не исчезла расправа Линча; такъ, 24-го декабря прошлаго года толпа замаскированныхъ людей, человекъ въ пятьсотъ, напала на тюрьму въ Бекервиллѣ и захватила одного изъ заключенныхъ, который содержался за убійство одного изъ видныхъ мѣстныхъ гражданъ. Человекъ этотъ повѣшенъ толпою въ соседнемъ лѣсу. Семеро жандармовъ хотѣли воспрепятствовать этой самовольной расправѣ, но ожесточенная толпа вступила съ ними въ бой, при чемъ всѣ жандармы были перебиты. Изъ толпы убиты 25 человекъ и многие ранены. Но на этомъ дѣло не окончилось; драка снова возобновилась съ жандармами и изъ толпы опять было убито до 25-ти человекъ. Къ мѣсту безпорядковъ посланы войска.

Искусство.

Театръ.

За нынѣшній сезонъ на сценѣ московскаго Малаго театра имѣла огромный успѣхъ драма Сарду „Patrie“, озаглавленная въ русскомъ переводѣ именемъ главнаго героя „Графъ де-Ризооръ“. Ризоора игралъ г. Ленскій, жену его Долоресъ—г-жа Ермолова, капитана Карлоо—г. Ожинъ и герцога Альбу—г. Рыбаковъ.

„Patrie“ слѣдуетъ считать первой драмой, написанной Сарду на тему историческихъ событій; за ней послѣдовали „La Haine“, „Theodora“, „Termidor“ и др.; во всѣхъ этихъ пьесахъ исторія служитъ прекраснымъ фономъ для разыгрывающейся личной драмы, или вѣрнѣе любовной; въ „Patrie“ дѣйствующія лица связаны съ исторической минутой—борьбой фламандцевъ, отстаивающихъ родину отъ изувѣрскаго деспотизма испанскаго короля въ лицѣ его кровожаднаго наместника „чудовища жестокости“, герцога Альбы. Дѣйствие происходитъ въ Брюссель въ 1568 г.

Драма состоитъ изъ пяти актовъ. Первый происходитъ на рынкѣ „Старой бойни“, сюда приводятъ плѣнныхъ фламандцевъ; испанскіе солдаты обходятся съ ними очень грубо. Между плѣнными находится графъ Ризооръ. Приходитъ верховный начальникъ въ сопровожденіи своихъ помощниковъ и начинается „судъ“: кого отправляютъ на пытку, кого приговариваютъ къ повѣшенію или расстрѣлянію. Наступаетъ очередь Ризоора, обвиняемаго въ томъ, что онъ уже четверо сутокъ не былъ дома, слѣдовательно онъ принимаетъ участіе въ тайныхъ сходкахъ. Вызванный, какъ свидѣтель, испанскій офицеръ Ринконъ, стоящій на постой въ домѣ графа Ризоора, утверждаетъ, что тотъ былъ дома, такъ какъ Ринконъ, прішедшій въ нѣяномъ видѣ, дрался съ нимъ въ темнотѣ на лѣстницѣ, когда графъ выходилъ отъ своей жены Долоресъ, и даже нанесъ ему рану въ руку.

Такимъ образомъ графъ, дѣйствительно отлучившійся изъ дому, узнаетъ, что у его жены кто-то былъ и по этой ранѣ онъ надѣется узнать, кто именно. Второе дѣйствіе происходитъ у графа. Между нимъ и его женой происходитъ бурное объясненіе; она признается въ своей измѣнѣ, но не выдаетъ имени возлюбленнаго. Дѣйствіе третье переноситъ зрителя въ помещеніе герцога Альбы. Этого акта состоитъ изъ двухъ картинъ. Герцогу Альбѣ Сарду придаетъ черту, едва-ли исторически вѣрную (у Альбы было два сына, а не дочь), но интересную для драматическихъ его цѣлей,—безпредѣльную любовь къ большой дочери Рафаэль; рядомъ съ неслыханными пытками и незаконными жестокостями кровопролитіями идутъ самыя нѣжныя отцовскія заботы о спокойствіи дочери, но просьбѣ которой онъ исполняетъ самыя невозможныя ея желанія, не исключая и помилovanja, и прощенья, и даже прощенья тѣхъ, кто уже приговоренъ къ смертной казни. Этой чертой Сарду смягчаетъ звѣрскаго характера знаменитаго герцога.

Альба занятъ своей дочерью въ то время, когда въ кабинетъ врывается капитанъ Карлоо, сообщающій, что онъ не въ состояніи исполнить приказа верховнаго начальника отобрать оружіе у городской милиціи и доставить его этой-же ночью въ городскую ратушу, такъ какъ вездѣ протянуты цѣпи, преграждающія путь, и поэтому онъ проситъ разрѣшить снять цѣпи. Альба соглашается и вслѣдъ за этимъ является Долоресъ. Такъ какъ мужъ обидѣлъ убить ея возлюбленнаго, то, чтобы спасти его, она доноситъ на мужа, что онъ въ заговорѣ, и что этой ночью прібудетъ Вилгельмъ Оранскій, глава заговорщиковъ, что собраніе произойдетъ въ ратушѣ, что съ этой цѣлью одинъ изъ нихъ выхлопоталъ разрѣшеніе снять цѣпи, и называетъ главныхъ зачинщиковъ. Альба дѣлаетъ распоряженія и приказываетъ привести Карлоо, котораго намѣревался предать смерти, такъ какъ именно благодаря ему сняты цѣпи. Долоресъ въ отчаяніи. Ея возлюбленный не кто иной, какъ Карлоо.

Вторая картина въ ратушѣ. Всѣ въ сборѣ и условливаются съ звонаремъ относительно сигнала для Оранскаго: бить набатъ, если все будетъ благополучно, и частые удары, какъ при погребальномъ звонѣ, если ему надо будетъ отступать. Между тѣмъ, Ризооръ по раненой рукѣ Карлоо узнаетъ, что его-то и любить Долоресъ; но спасеніе отчины прежде всего и поэтому онъ оставляетъ ему жизнь. Всѣхъ собравшихся настигаетъ Альба со своей свитой и велитъ подать сигналъ; звонарь для спасенія отечества даетъ знакъ отбой. Въ четвертомъ актѣ Долоресъ проситъ о спасеніи Карлоо; дочь герцога присоединяется къ ней и Альба соглашается дать ему пропускъ чрезъ границу, а также и Долоресъ. Всѣхъ зачинщиковъ ведутъ на пытку въ „Трибуналъ крови“. Графъ Ризооръ беретъ съ Карлоо клятву, что онъ убьетъ того, кто открылъ тайну заговора Альбѣ, кто-бы онъ ни былъ.

Въ послѣднемъ актѣ, происходящемъ у Долоресъ, Карлоо узнаетъ, что она предала всѣхъ въ руки Альбы и, видя товарищей, которыхъ ведутъ на эшафотъ и которые подозреваютъ его въ измѣнѣ, закалываетъ Долоресъ, а самъ выбрасывается изъ окна. Жаль, что въ русскомъ переводѣ вынуждена сцена появленія у воротъ города приица Оранскаго, картина очень эффектная.

В. Басинъ.

Художественныя выставки.

Нынѣшнія выставки двухъ петербургскихъ художественно-промышленныхъ школъ,—барона Штиглица и Общества поощренія художествъ,—даютъ поводъ предположить, что недалеко то время, когда, по отношенію къ художественно-промышленному образованію, городъ Петербургъ сравняется съ такими западно-европейскими центрами, какъ Берлинъ, Вѣна, Мюнхенъ, Парижъ, Лондонъ.

Съ точки зрѣнія расширенія художественнаго образованія въ особенности интересна выставка школы Общества поощренія художествъ. На выставкѣ особенное вниманіе побѣдителя обращаютъ на себя работы отдѣленій школы „Фарфороваго завода“, „Смоленскаго“ и „Ушаковскаго“. Тутъ, по преимуществу, выставлены работы по выжиганію на деревѣ, тисненію на кожѣ, рѣзбѣ по дереву и майоликѣ. Въ отдѣлѣ майолики достойны вниманія работы въ русскомъ стилѣ, какъ-то майолическія копіи съ лубочныхъ древнихъ картинъ, сюжеты изъ русскихъ былинъ и проч. Орнаменты, точно также, въ большинствѣ случаевъ являются примѣненіемъ древне-русскаго искусства. То же самое можно сказать и о другомъ, еще болѣе обширномъ и превосходно поставленномъ отдѣлѣ,—работѣ по рѣзбѣ на деревѣ. Этимъ отдѣломъ завѣдуетъ извѣстный художникъ рѣзчикъ Волковскій. Особеннаго сочувствія въ дѣятельности школы Императорскаго общества поощренія художествъ заслуживаетъ разработка и примѣненіе къ предметамъ художественной промышленности русскихъ древнихъ стилей. Это, какъ кажется, первый у насъ примѣръ школьной разработки русскихъ стилей въ примѣненіи къ предметамъ промышленности; слѣдуетъ надѣяться, что такой примѣръ не останется безъ послѣдствій.

Нѣсколько другого направленія придерживается школа барона Штиглица; въ этой школѣ разрабатываются и изучаются, по преимуществу, западно-европейскіе стили,—ренессансы, среднихъ вѣковъ, Людовика XV, Людовика XVI, Емпира и проч. Какъ школьное пособіе, школа барона Штиглица имѣетъ въ этомъ отношеніи—богатый и превосходно составленный музей. Детальное знакомство съ этими стилями ученики получаютъ на лекціяхъ директора школы, г. Месмахера. Судя по многочисленнымъ рисункамъ учениковъ, находящимся на выставкѣ школы, и дѣлаемыхъ тутъ-же, въ классѣ, во время объясненія лектора, частью съ классной доски, частью съ указанныхъ оригиналовъ,—преподаваніе по этому предмету не оставляетъ желать ничего лучшаго. Тутъ арко и типично выступаетъ особенность всякаго стила, а также выясняется и самое примѣненіе его въ томъ или другомъ случаѣ. Выставленные предметы художественно-промышленнаго производства обращаютъ на себя особенное вниманіе, какъ результаты самаго преподаванія. Едва-ли не самымъ интереснымъ отдѣломъ въ этомъ отношеніи является отдѣлъ майолики въ крупныхъ архитектурныхъ формахъ. Въ особенности любопытны значительныя работы, исполненныя школой для дворцовъ: Анничковскаго, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Владиміра и Павла Александровичей. Такія работы, требующія значительнаго совершенства въ технику, въ прежнее время исключительно исполнялись за-границей. Едва-ли не первая школа барона Штиглица, благодаря неутомимой дѣятельности ея директора, начала производить подобныя работы дома при участіи учениковъ и ученицъ, и, какъ видимъ на выставкѣ, достигла въ этомъ смыслѣ весьма значительныхъ результатовъ. Изъ другихъ крупныхъ работъ, исполненныхъ школой, нельзя не упомянуть о прекрасныхъ работахъ по разностильному воспроизведенію вѣстий и первой залы въ самомъ музеѣ барона Штиглица. Очень интересны также предметы классовъ гравированія, скульптуры, акварели и проч. Гравировальнымъ классомъ руководитъ г. Маттэ, а скульптурнымъ—Чишовъ. По классу акварели очень недурны рисунки сгруппированныхъ предметовъ Штиглицкаго музея,—цвѣтныхъ вазъ и другихъ сосудовъ.

В. Ч.

Смѣсь.

Полѣзна на Иматру. Извѣстный водопадъ Имата, благодаря своему дѣйствительно живописному положенію, охотно посѣщается, и если кто удерживается отъ экскурсіи къ нему, то только вслѣдствіе большого неудобства сообщенія, въ особенности зимой. Нынѣ это устранено: на Иматру проведена желѣзная дорога и, вскорѣ послѣ открытія ея, послѣдовало открытіе новой гостиницы у водопада. Въ первый день Рождества пригласенные гостили ее и вынесли самое пріятное воспоминаніе какъ о самой поѣздкѣ, такъ и о гостиницѣ, откуда открывается превосходный видъ на Вуоксу, освѣщенную въ темное время электричествомъ.

Воспламенившаяся звѣзда. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ на небѣ было видно свѣтло, окутанное пламенемъ. Это было пламя водороднаго газа, горѣвшаго при весьма высокой температурѣ. Явленіе было замѣтно простымъ глазомъ. Согласно одной изъ гипотезъ, это огненное свѣтло—болидъ весьма значительныхъ размѣровъ, который попалъ въ космическое облако, частицы коего, притягиваемыя болидомъ, устремились къ нему навстрѣчу съ возрастающей скоростью. При встрѣчѣ съ болидомъ скорость частицъ равнялась 900 километрамъ въ секунду! Превращеніе движенія въ теплоту и произвело это огромное пламя, видимое отсюда на разстояніи милліоновъ и милліардовъ верстъ.

Явленіе это не составляетъ собственно новости. Оно было замѣчено впервые въ 134 году до нашей эры и описано египтянами и китайцами въ знаменитой энциклопедіи Ма-Туонъ-Линъ. Затѣмъ подобныя наблюденія повторялись 24 раза. Замѣчательно, что большинство такихъ явленій обнаруживается въ млечномъ пути, гдѣ свѣтла болѣе тѣсно сплочены, что придаетъ еще большую вѣроятность предположенію о звѣздныхъ столкновеніяхъ, выраженному нами выше.

Рѣшеніе ребуса на преміи № 49

(помѣщеннаго въ № 49 „Нивы“ 1892 г.).

Пороку ребусъ разгадать
 Полегче, чѣмъ составить:
 Не знаешь, что нарисовать
 И какъ втушки поставить.
 Чтобъ хоть немного съ толку сбить
 И спутать всю сноровку,
 Я полагаю бы предложить
 Стиховъ перестановку...
 Всѣ строчки переставлю я
 Черезъ одну, для смѣха...
 Затѣмъ желаю вамъ, друзья,
 Полнѣйшаго успѣха!

Всѣхъ вѣрныхъ рѣшеній этого ребуса прислано отъ 1643 лицъ, именно отъ 523 гг. городскихъ С.-Петербургскихъ и 1120 иногородныхъ подписчиковъ, и изъ нихъ по жребію преміи пали на рѣшенія слѣдующихъ лицъ:

I. „Фаустъ“ Гёте:

- 1) Сергѣя Іосифовича Сѣдлатаго, СПБ. Изм. п., 1 р., д. 7. кв. 86,
- 2) Адама Петровича Собѣщанскаго, Москва, Канцелярія Московскаго Гражданскаго Губернатора.

II. „Исторія Искуствъ“ П. П. Гнѣдича:

- 4) Вяч. Ів. Шимановскаго, СПБ., П. Ст., Большой просп., д. Овчинникова, № 38.40.
- 5) М. Д. Журавлева, Харьковъ, Земельный Банкъ.

III. „Въ Старой Москвѣ“, ром. гр. Саліаса, „Изъяны волн“, ром. Н. Д. Маслова и „Иисусъ“, ром. Эберса:

- 6) К. Р. Медвѣдева, СПБ., Вереяская ул., д. 35/10, кв. 27.
- 7) Александра Александровича Саткевича, СПБ.
- 8) Н. М. Александрова, Москва, Воспитательный домъ.
- 9) Павла Васильевича Алферьева, усадьба Борочекъ, ст. Горьлово, Яр. г.
- 10) Николая Ивановича Драго, Одесса, Городская Управа.

IV. „Разказы и очерки“ Вс. Соловьева, „Повѣсти и разказы“ П. П. Гнѣдича и „Разказы“ Н. Морскаго:

- 11) Опленгейма, СПБ., Лигейный пр., д. 6, кв. 5.
- 12) Василія Михайловича Родіонова, СПБ., Министерство В. Д.,
- 13) Поручика Гринберга, Варшава, 3 Варш. крѣп. пѣх. баталіонъ.
- 14) Инспектора город. учил. А. Павлова, Вышній-Волочекъ.
- 15) Ивана Лукича Лепешова, Орель, Коммерческой Банкъ.

V. „Княжна Острожская“, „Касимовская невѣста“ и „Царь-дѣвица“, три ром. Вс. Соловьева:

- 16) С. С. Семенова, СПБ.

- 17) И. Соболевъ, СПБ., Орловскій пер., д. 2.
- 18) Поручика Александра Эдуардовича Фохтъ, Пермь, соб. д.
- 19) Викентія Фердинандовича Войткевича, Ростовъ на Дону.
- 20) П. Постникова, Рязань, Мужская гимназія.

VI. „Юный императоръ“, „Капитанъ гренадерской роты“ и „Навожденіе“, соч. Вс. Соловьева:

- 21) Михаила Николаевича Космынина, СПБ. В. О. Тучкова наб., 2 уч., д. 12/17, кв. 11.
- 22) В. Г. Кравчука, СПБ., Моховая ул., д. 11, кв. 22.
- 23) Маріи Ильинишны Окрашевской, Севастополь.
- 24) Евгенія Степановича Листова, Симбирскъ, Окружный Судъ.
- 25) Библиотеки Вятскаго Управленія Госуд. Имущ., Вятка.

VII. „Шесть комедій“ П. П. Гнѣдича и „Двуногий волкъ“, ром. Н. Н. Каразина:

- 26) И. К. Кіашкина, СПБ.
- 27) г. Мысловскаго, СПБ., Гороховая, д. 58, кв. 5.
- 28) Михаила Михайловича Дремджи, Бахчисарай.
- 29) А. М. Бураго, Березна, Черниг. губ.
- 30) Подпоручика А. А. Вольскаго, ст. Спасская Полисть, Новг. губ., 88 пѣх. Петровск. полкъ.

VIII. „Повѣсти и разказы“ Вс. Крестовскаго и „Гуттаперчевый мальчикъ“, пов. Д. В. Григоровича:

- 31) Д. А. Андреева, СПБ., Мойка, Госуд. Контроль.
- 32) Петра Валеріановича фонъ-Крузе, СПБ., Госуд. Банкъ.
- 33) Сергѣя Павловича Лебедева, Москва, Каретный рядъ, Б. Спасскій пер., церковн. д., № 30.
- 34) Каролины Жиги, м. Бѣлгородка, Волни. губ.
- 35) Василія Александровича Москвина, Вытегра, Олон. губ.

IX. „Альбомъ Нивы“ 1892 г.:

- 36) Евгенія Петровича Аквилонова, СПБ., Обводный кан., д. 17, Духовная Академія.
- 37) Дмитрія Георгіевича Молчанова, СПБ., Уг. Подольской и Загороднаго, д. 2, кв. 8.
- 38) г. Адамовича, ст. Бѣлостокъ, СПБ.-Вар. ж. д. Телеграфъ.
- 39) Владиміра Петровича Пундани, Казань.
- 40) Капитолины Дмитріевны Адамовой, ст. Орѣхово-Зуево, Влад. г.

Гг. городскіе подписчики, на рѣшенія которыхъ пали преміи, благоволятъ пожаловать за полученіемъ ихъ (подъ расписку) въ помѣщеніе конторы „Нивы“ (Певскій, № 6), а гг. иногороднымъ подписчикамъ преміи высылаются почтою.

Имена остальныхъ гг. подписчиковъ, приславшихъ вѣрныя рѣшенія ребуса, вслѣдствіе ихъ многочисленности, редакція, къ сожалѣнію, напечатать не можетъ за недостаткомъ мѣста.

1 внутр. съ выигр. заемъ 1864 г.

56 тиражъ 2-го января 1893 г.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
4	48	5000	2528	50	500	5171	49	500	8920	11	500	10558	30	500	13055	16	5000
13	2	500	2596	29	500	5382	28	500	8604	21	500	10636	32	500	13060	6	500
83	21	500	2667	16	500	5442	43	500	8673	11	500	10846	40	500	13079	2	500
104	9	500	2699	3	40000	5666	25	500	8712	8	500	10661	24	500	13125	42	500
115	49	500	2759	46	500	5854	18	500	8739	40	500	10870	44	500	13168	15	500
129	12	500	2765	48	500	6198	6	500	8847	49	500	10876	3	500	13332	10	500
133	15	500	2923	8	500	6212	27	5000	8871	28	1000	10889	37	500	13460	22	500
202	32	500	2988	43	1000	6226	41	500	8951	18	500	10953	22	500	13678	46	500
215	38	500	3007	24	500	6263	44	500	8964	22	500	10996	24	500	13684	47	500
235	41	500	3029	43	500	6367	27	500	8984	40	1000	11031	49	500	13836	48	500
319	30	1000	3202	38	500	6453	30	500	8998	24	500	11095	47	500	13881	10	500
345	20	500	3250	9	500	6569	6	500	9006	34	500	11098	17	500	13897	1	500
366	6	500	3295	17	500	6744	15	500	9063	9	500	11175	29	500	13963	49	500
395	12	1000	3309	5	500	6875	50	500	9088	1	500	11238	37	1000	13987	18	500
469	21	500	3336	25	500	6920	41	500	9191	5	500	11384	22	500	14011	17	500
526	50	500	3393	18	500	6957	46	500	9254	27	500	11385	22	500	14026	4	500
610	12	500	3488	16	500	7022	15	500	9338	24	500	11453	19	500	14053	16	500
634	17	500	3506	36	1000	7099	12	500	9447	21	500	11503	8	10000	14354	12	500
638	42	500	3594	27	500	7112	30	500	9507	38	500	11862	21	500	14362	24	5000
716	32	500	3734	46	75000	7307	6	500	9513	4	500	12062	35	1000	14374	25	500
912	30	500	3895	45	1000	7373	7	200000	9538	19	500	12071	35	500	14416	13	1000
914	43	500	3921	18	500	7373	20	500	9547	28	500	12072	7	1000	14428	50	1000
977	38	500	4208	38	500	7449	26	500	9572	47	25000	12175	47	500	14500	16	1000
988	35	500	4230	31	500	7487	44	10000	9588	37	500	12194	50	500	14533	13	500
1346	6	500	4304	1	500	7576	39	500	9672	47	500	12269	29	500	14550	43	500
1370	6	5000	4527	7	1000	7651	17	500	9792	43	1000	12384	1	500	14582	6	500
1645	33	1000	4530	14	500	7724	15	500	9848	18	500	12413	6	500	14661	2	500
1673	6	500	4550	17	500	7789	23	500	9962	46	500	12571	10	500	14685	6	500
1694	40	1000	4664	41	500	7897	18	500	10006	5	500	12596	34	500	14870	24	500
1833	18	500	4704	8	500	7914	32	500	10064	31	500	12598	27	500	14905	6	500
1865	9	500	4705	31	500	7928	2	500	10070	16	500	12615	8	500	14970	9	500
1865	36	500	4888	27	500	7943	40	500	10186	15	500	12629	7	500	14977	32	500
2319	1	500	4991	29	500	8013	28	500	10302	32	500	12655	3	500	15113	16	500
2384	46	500	5006	4	500	8.66	14	500	10311	47	500	12732	31	500	15178	15	500
2454	9	500	5045	31	500	8067	7	500	10316	36	5000	12800	2	500	15231	43	1000
2473	5	500	5045	41	500	8081	27	500	10343	25	500	12872	4	500	15259	13	500
2489	39	500	5059	44	500	8145	41	500	10346	17	500	13002	42	500	15328	29	500
2514	5	500	5089	38	1000	8301	40	500	10495	9	500						

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

15, 395, 383, 502, 736, 1099, 1267, 1349, 1868, 2695, 2710, 2807, 3117, 3170, 3624, 4249, 4309, 4311, 4717, 4738, 5042, 5218, 5235, 5546, 5674, 6124, 6143, 6172, 6478, 6679, 6814, 7014, 7049, 7220, 7447, 7582, 7901, 7922, 8460, 8670, 8678, 8769, 9280, 9475, 9559, 9672, 9930, 10086, 10408, 10484, 10738, 10751, 10797, 10803, 10846, 11729, 12005, 12031, 12137, 12406, 12499, 12576, 12805, 12876, 13315, 13377, 13504, 13787, 13789, 13812, 13934, 14113, 14276, 14505, 14751, 15185, 16059, 16563, 16887, 17351, 17363, 17364, 17408, 17536, 17586, 17729, 17827, 17919, 18014, 18065, 18375, 18692, 18730, 18769, 18789, 19089, 19306, 19335, 19403, 19793, 19902, 19951.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представить подписные билеты.

ЦАРЬ-ДѢВВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софїи. Изд. 2-е. П. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнок. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

Д-ръ Волицинъ лечитъ наружные, кожные, грудныя болѣзни, ракъ и электротер. Невскій, 57, кв. 5. Отъ 2—3 и 6—7 1/2 ч. в.

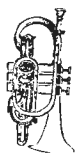
ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

НА БЕЗЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты лица. Цена 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требуется подписка А. ЭНГЛУНДЪ *красивыми чернилами*. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

КОРНЕГЪ-А-ПИСТОНЫ

въ 12 р., 15 р., 20 р. и до 100 р.

ФЛЕЙТЫ

отъ 2 до 60 руб.

и всѣ другіе духовые инструменты
всѣмъ въ большомъ выборѣ и по умѣрен-
Ц. № 6006 нымъ цѣнамъ 4—3

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—бесплатно.

НОВОСТІ

необходимая каждой семьѣ:

ПОСОБНИКЪ КРОЙКИ.

Новоизобрѣтени. аппаратъ, посредствомъ коего всякая дама, и по умѣющая кроить, можетъ скрывать себя и дѣтямъ платье, такъ хорошо, какъ это не сдѣлаетъ ни одна портниха. Цена 6 р. Адресъ: СПб., Невскій, 4. Складъ новыхъ изобрѣтений. Заказы исполняются немедленно. Каталогъ (иллюстр.) всѣхъ изобрѣтений и подарковъ за 10 к. марку.

СОДЕРЖАНІЕ: днестатура. повесть графа с. а. саласа. (продолженіе). — сколько словъ о культурѣ древней Америки (съ 6 рис.). — „Незрѣлое“. Разсказъ Николая Днѣпровскаго. (Продолженіе.) — Кр. рисункамъ: Центральной базаръ хлопка въ Андиганѣ (съ рис.). — Отъѣздъ Маріи Стюартъ изъ Франціи (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Осгаръ“ Пушкина (съ рис.). — По зимнему пути (съ рис.). — Раздача святой воды (съ рис.). — Общественныя работы въ Россіи (съ 3 рис.). — Н. И. Кошаровъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Искусство. — Сѣкъ. — Рѣшеніе ребуса на преміи. — Тиражъ выпущенъ въ Государственномъ Банкѣ. — 0 перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

УСОВЕРШЕНСТВОВ. ПАРИКИ

легки, изящны и не отличны отъ естественныхъ волосъ.
Спеціально дамскій парикмахеръ
Генри ДЕЛЬКРОА и К^о,
32, Невскій, домъ Католической церкви, бель-этажъ. № 6195

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрат. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 10—3

Къ свѣдѣнію гг. землевладѣльцамъ, экспортерамъ и торгующимъ хлѣбомъ.

На Рязанско-Уральской желѣзной дорогѣ для долгосрочнаго храненія мѣснаго хлѣба до его отпраленія по назначенію и для завоза транзитнаго хлѣба устроены элеваторы и склады.

Мѣстный хлѣбъ до отпраленія по назначенію принимается на долгосрочное храненіе въ элеваторы на станціяхъ: Козловъ, Ряжскъ, Лебедянь и Данковъ, а также въ склады на станціяхъ: Козловъ, Богоявленскъ, Ряжскъ, Александровская, Кораблюно, Никитино, Хрущево, Тамбовъ, Разсказово, Платоновка, Ломовись, Краснослободскъ, Кирсановъ, Уметъ, Тамала, Сосновка, Беково, Ртищево, Салтыковка, Екатериновка, Лопуховка, Аткарскъ, Кологривовка и Саратовъ.

Транзитный хлѣбъ принимается на храненіе въ элеваторы на станціяхъ: Козловъ и Ряжскъ, а также въ заводные склады, устроенные на станціяхъ: Козловъ, Александровская, Богоявленскъ, Ряжскъ, Никитино, Тамбовъ, Разсказово, Платоновка, Ломовись, Краснослободскъ, Кирсановъ, Уметъ, Тамала, Сосновка, Беково, Ртищево, Салтыковка, Екатериновка, Лопуховка, Аткарскъ, Кологривовка и Саратовъ.

На ряду съ открытіемъ дѣятельности складовъ и элеваторовъ Обществомъ Рязанско-Уральской дороги организована выдача ссудъ подъ хлѣбные грузы, какъ сдаваемые для непосредственнаго отпраленія по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и сложеныя въ склады и элеваторы Общества.

Такыя сборовъ и условія приѣма хлѣба на храненіе въ склады и элеваторы, а равно правила выдачи ссудъ, опубликованы въ Сборникѣ тарифовъ Росс. жел. дорогъ и отпечатаны отдѣльными брошюрами, высылаемыми, по требованію, бесплатно Правленіемъ Общества (въ С.-Петербургѣ, по Мойкѣ, д. № 40).

Съ открытіемъ указанныхъ операцій землевладѣльцамъ, экспортерамъ и хлѣбоотроукамъ представляется возможность гужевой подвозки грузовъ въ удобнѣйшее для того время къ станціямъ Рязанско-Уральской дороги для остановки ихъ въ складахъ и элеваторахъ въ ожиданіи выгодныхъ для сбыта хлѣба рыночныхъ цѣнъ, пользуясь при этомъ въ теченіе всего времени храненія хлѣба и доставки его по назначенію дешевымъ и скорымъ кредитомъ.

EAU, PÂTE, POUDDRE DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE

DE LA FACULTÉ DE MEDECINE DE PARIS

EN VENTE PARTOUT

САРИШКА И САРИШКАЯ ЧЕСУЧА

8—3 СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ. Ц. № 6160

Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылаются по принимаетъ на свой счетъ. требованію бесплатно.

Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет. № 5607 скаго моста, домъ № 7—2. 26—23

Иллюстрированные прейсъ-курранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

„ЧУДЕСНОЕ ВЪ НАУКЪ“ Новѣйшія изобрѣтенія и открытія въ области звука, свѣта и теплоты.

(ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА). Соч. ЭМИЛЯ ДЕБО.

Болѣе 500 рисунковъ. цѣна 33 руб.

„ЧУДЕСНОЕ ВЪ НАУКЪ“ представляетъ замѣчательный интересъ, какъ обстоятельное описаніе въ популярномъ изложеніи, иллюстрированномъ многочисленными рисунками, всего что сдѣлано въ настоящее время въ физической наукѣ. Въ короткій промежутокъ времени оно разошлось во Франціи въ количествѣ свыше 40,000 экз.

Складъ въ типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, въ Москвѣ.

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ИЗЪ СКЛАДА ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

Съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“ для родителей и воспитателей.

Въ 1893 году „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ вступающъ въ 25-й годъ своего существованія.

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ ОДОБРЕНО Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по Учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній, Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. ДОПУЩЕНО въ университетскія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній. Въ совѣщаніяхъ редакціи принимаютъ близкое участіе А. Н. Осиповскій и В. Н. Осиповскій. При журналѣ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ издается „ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“, большая часть статей котораго посвящена домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ вопросовъ о чтеніи дѣтей. Въ „ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѣ“ помещаются периодическій указатель дѣтской учебной литературы.

№ 6194 2—1

Подписная цѣна на годъ съ пересылкою 6 р. За границу 8 р. На полгода 3 р.

Издатель И. В. Борисовъ. СПб. Разъѣзжая, д. 3. Редакторъ И. В. Голубовскій.

Вѣстникъ Иностранной Литературы на 1893 г. съ доставкою и пересылкою **4 руб. въ годъ за 12 книгъ.**

Годъ 3 й. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ. Подробное объявленіе высылается по требованіямъ немедленно. БЕЗПЛАТНО, а пробный № за 35 коп. марками.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С ПЕТЕРБУРГѢ, въ Редакціи, Верейская, 16, соб. и въ Конторѣ Гостиный Дворъ. Магазины Пантелеева, № 63.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшего англійскаго колленора, съ золотымъ тиснениемъ, печатанный красками, на 1892 годъ, по казанному образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 6 к.

ШОКОЛАДЪ
ТОБЯЧНИЦА
А. М. АВРИУСОВА
СЫНОВИИ
ИЗЪ МОСКВЫ.

№ 6106
2 1/2
1 1/2

продается
во всѣхъ городахъ
РОССІИ

СИБИРСКОЕ ТРИКО

чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 60 коп. арш., сукно (несорев.) 1 р. 35 коп., по прочноти и дешевизнѣ незамѣнимы для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охотничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, помѣщиковъ, врачей и проч.

Изгороднымъ высылаются образцы и исполняются порученія на особо льготныхъ условияхъ.

Магазины: СПб., Владимірская, № 6; Васил. Остр., 4-я линія, домъ 58; Рига, Больш. Новая улица, 15. № 6953 10—10

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 КОП. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 КОП.

Поставили Высочайшій Царскій Высочайшій и Русскій арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства заказовъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОВШИРНЫЙ складъ **ВЕЛОСИПЕДОВЪ.**
Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**
(основ. въ 1863 г.)
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, П. № Кокандъ и Екатеринбургъ. 25—8
1892 Новый каталогъ 80 страницъ. **БЕЗПЛАТНО.**

Поступило въ продажу новое роскошное изданіе А. Ф. Маркса:
ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ
П. Н. ПОЛЕВОГО,
украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и
выбѣстокъ художника **К. В. ЛЕБЕДЕВА.**

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами, такъ, между прочимъ, „Историческій Вѣстникъ“ за декабрь 1892 г. говоритъ о книгѣ слѣдующее:

„Давно уже не появлялось у насъ такой прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ книги, какъ „Историческіе рассказы и повѣсти П. Н. Полевого“, изданныя г. Марксомъ. По своей вѣрности, книга эта можетъ смѣло поспорить съ лучшими заграничными изданіями, а по своему внутреннему содержанию представляетъ отрадное явленіе для каждаго, кто любитъ русскую исторію.

„П. Н. Полевой давно извѣстенъ своими учеными и педагогическими трудами... На поприще историческаго романиста г. Полевого выступилъ всего года четыре тому назадъ и, по нашему мнѣнію, занимаетъ въ настоящее время одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ среди предъстателей этого рода литературы...

„Всѣ его романы, повѣсти и рассказы изображаютъ характеры историческихъ лицъ и картины быта не на основаніи фантазій и поверхностнаго знакомства съ источниками, а на основаніи тщательнаго изученія документовъ и строгой ихъ проверки. Важная заслуга г. Полевого заключается въ томъ, что онъ, въ формѣ легкихъ, живыхъ очерковъ, добросовѣстно популяризируетъ русскую исторію и, такъ сказать, невидимо и незлобно заставляетъ читателя пріобрѣтать, кромѣ массы полезныхъ свѣдѣній, правый взглядъ на историческія событія и лица, и знакомитъ его не съ вымышленнымъ, а съ дѣйствительнымъ бытомъ стариннаго русскаго общества.

... Мы затрудняемся указать, который изъ рассказовъ лучший, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ свои достоинства и свой интересъ. Въ общемъ же они даютъ рядъ правдивыхъ и яркихъ картинъ прошлой русской жизни, начиная съ XIV и кончая XVIII столѣтіемъ.

„Приложенія къ книгѣ 24 гравированныя на мѣди картины и болѣе 40 небольшихъ рисунковъ и выбѣтокъ Н. В. Лебедева выказываютъ во всемъ блескѣ дарованіе этого талантливаго художника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокаго знатока бытовой обстановки древней Руси. Въ этихъ картинахъ, помимо художественности рисунка, все вѣрно до мелочей, и потому онѣ интересны не только для простыхъ любителей, но и для художниковъ, театровъ и археологовъ. Ко всему этому, книга вышущая въ продажу по недорогой цѣнѣ, что дѣлаетъ еще болѣе чести ея издателю, г. Марксу“.

Цѣна этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большого 8^ю) и роскошнаго изданія, назначается нами весьма умѣренной: 5 р., съ перес. 5 р. 80 коп.; въ роскошн. перепл. 6 р., съ перес. 7 р.

Для любителей роскошныхъ изданій мы печатали особо „50 нумерованныхъ экземпляровъ“ на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 эстампа на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цѣна этихъ нумерованныхъ экземпляровъ 25 руб., съ пересылкою 26 руб., въ роскошномъ полушугревномъ переплетѣ 28 руб., съ перес. въ лицѣ 30 руб. Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6.

НОВѢЙШІЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

играющие посредствомъ верченія ручкой

ПИАНО-МЕЛОДИКО
Салонный органъ со струнами, играетъ всевозможныя пѣсни, имѣетъ очень пріятный мелодичный тонъ, сходный съ оркестромъ изъ мандолинъ, и удобенъ, какъ для салонной музыки, такъ и для танцевъ. Цѣна безъ пѣсенъ 80 руб., пѣсенъ по 70 коп. за мѣрѣ (около 1 1/2 арш.).

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ Салонный органъ съ голосами, играетъ различныя пѣсни, имѣетъ звучный тонъ и очень удобенъ для танцевъ. Цѣна 65 р. Пѣсенъ по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ Ручной органъ со стальными голосами и круглыми металлическими нотами. Цѣна 28 р. Пѣсенъ по 60 к.

ГЕРОФОНЪ Цѣна 24 рублевъ. Пѣсенъ по 50 коп.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ усовершенствованный. Цѣна 22 р. Пѣсенъ по 50 к.

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ 6 рублевъ. Пѣсенъ по 25 коп. Списки пѣсенъ высылаются бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ,

Егерштрассе, 46, рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерію

„BOUQUET Russe“.
Духи
ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
Сапе.
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (20)

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (18)
Специалистъ хронометровъ.
СПбургъ, Невскій пр. № 52
прот. Имп. Публ. Библиотеки.
Подробный иллюстр. прейскурантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 5808

Рекомендуемъ новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ.
Вазелиновое туалетное мыло . . . кус. 30 к.
Вазелиновая жирная пудра . . . кор. 60 к.
Вазелиновый колъдь-кремъ . . . бан. 35 к.
Вазелиновая помада . . . бан. 35 к.
Ландышевое молоко . . . фл. 1 р.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1, Спб.
Парфюмеръ **Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ.**

ВИНО
СЕН-РАФАЭЛЬ.
№ 6191
10-1

Вино Сен-Рафаэль превосходно на вкусъ.
Сохраняется по способу г-на Пастера.

На каждой бутылкѣ находится печать Россійской таможи.

Велосипеды англійскаго завода
„Гумберъ и К^о. Лмтд.“
лучше въ свѣтѣ!
предлагаетъ торговый домъ
Г. ЖЕМЛИЧКА и К^о.
Москва, Неглинный просп., домъ Евклиной.
Прейск-куранти—безплатно.

„НЬЮ-ІОРКЪ“
Общ. Вз. Страх. Жизни.
Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.
Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 декабря 1892 г. Р. 2.714.072 23.
Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5633 (30)
Глави. Уполн. П. П. Меллеръ.

ФОТОГРАФИИ.
Студія, изъ жизни, и по моделямъ „Beautés“ и др. — Самая большая и прекраснѣйшая коллекція въ мірѣ. Богатая образованная послылка высылается за 5 р. Каталогъ по 20 к.
Adolf Estinger Kunstverlag, Wien I. Hauptpostfach. Корреспонденція: на нѣм., франц. и англійск. яз. № 6073 (9)

САМЫЙ
ОБШИРНЫЙ въ РОССІИ
СКЛАДЪ
ИЗЪВѢСТНѢЙШЕГО
ТОРГОВОГО
ДОМА
Ж. БЛОКЪ
МОСКВА

НИВА

XXIV г.

№ 3

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИЖЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модъ, рис.) и Выданъ 16 января 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

<p>ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВЪ“ принимаются за строку непарейль (¼ шир. стран) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марн 50 pf.</p>	<p>Безъ доставки въ Петербургъ. 5 р.</p>	<p>Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. П. Нечковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.</p>	<p>ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВЪ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.</p>
	<p>Съ доставкою въ Петербургъ. 6 р. 50 к.</p>	<p>Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. 7 р.</p>	
<p>За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.</p>			
<p>На ¼ года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.</p>			
<p>На ½ года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.</p>			

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ, и пр.

Запорожцы на развѣдкахъ. Ориг. рис. (собетв. „Нивы“) Р. Штейна. грав. Шюблеръ.

Джеттатура.

Повѣсть графа Е. А. Салиаса.

(Продолженіе).

VII.

Въ такой исключительно торжественный день, какой переживала Царица Адриатики, нашлись однако люди, которые будто не замѣчали повсемѣстнаго праздничнаго движенія и не раздѣляли его.

Три существа въ Венеціи не смыкали глазъ во всю ночь и все утро были озабочены своими бѣдами. По странному совпадению, причиной этихъ заботъ трехъ лицъ былъ одинъ и тотъ же человекъ, недавно явившійся къ Таванну въ качествѣ тайнаго секретаря Совѣта Трехъ, а къ прокуратору Папи въ качествѣ мишона короля Французскаго.

Всю ночь промучался молодой патрицій Даль-Вермэ. Замаскированный не выходилъ у него изъ головы. Молодой человекъ, недавно женатый, былъ страшно ревнивъ, къ тому же и суевѣренъ. Красавица Сильвія обожала мужа, но тѣмъ не менѣе была постоянно имъ подозрѣваема. Просьба замаскированного или вѣрнѣе закладъ въ игрѣ—быть представленнымъ женѣ Даль-Вермэ, сильно смутила ревнива.

На это было много причинъ. А главное, онъ и безъ того за послѣднее время, окончательно рѣшившись изъ честолюбія ѣхать съ посольствомъ въ Испанію, сталъ сумраченъ и раздражителенъ, какъ будто раскаиваясь, что рѣшился на долгую разлуку съ женой.

Обратившись, какъ дѣлывали многіе изъ его друзей, къ таинствамъ магіи, чтобы узнать свое будущее, Даль-Вермэ узналъ лишь одно худое. Старая Сибилла, колдунья, родомъ турчанка или еврейка, жившая въ лагудѣ около моста Риальто, предсказала ему потерю всего, что ему дорого, и прибавила, что видитъ много крови, а за нею монастырь, а за нимъ базилику Св. Марка и страшную тайну... Ведутъ кого-то казнить!

Даль-Вермэ вполне былъ убѣжденъ, что какія бы бѣды ни приключились съ нимъ—онъ никакъ не можетъ заслужить казни, ибо не можетъ измѣнить своему отечеству и не можетъ сдѣлаться убійцей.

„Да и что общаго между казней и соборомъ? думалъ онъ.—Казни въ Венеціи совершаются глухо и тайно, въ темницѣ, а не всенародно предъ храмомъ Св. Марка“.

Встрѣча съ замаскированнымъ незнакомцемъ, случившаяся въ эти дни сомнѣній и раскаянія въ затѣянномъ путешествіи, еще болѣе смутила Даль-Вермэ и подлила масло въ огонь.

Все сказанное маской хотя и было загадочно, но пошло прямо въ цѣль. Незнакомецъ насмѣшливо не совѣтовалъ разлучаться съ красавицей-женой и отправляться въ дальній путь.

Вдобавокъ ревнивецъ-мужъ, избѣгавшій принимать у себя часто даже друзей, такихъ же патриціевъ, какъ и онъ самъ, вдругъ, вслѣдствіе нелѣпаго заклада и проигрыша въ домино, обязался ввести къ себѣ въ домъ и представить женѣ чужестранца, никому невѣдомаго человека, быть-можетъ даже шатуна низкаго происхожденія, плебея изъ Франціи или Германіи.

Даль-Вермэ самъ себѣ не вѣрилъ, какъ могло все это случиться.

Второе существо въ Венеціи, которое гонялось отъ собственныхъ думъ и которому было не до Генриха III и всѣхъ готовящихся празднествъ—былъ шахматистъ изъ Вероны, добрякъ и весельчакъ Джіакомо Боббіо. А вѣдь пріѣхалъ онъ ради этихъ празднествъ!..

Быть-можетъ въ первый разъ за послѣднія десять лѣтъ былъ теперь Боббіо не только озабоченъ и угрюмъ, но даже просто несчастливъ. Уже болѣе десяти лѣтъ,

какъ никто, нигдѣ, никогда не выигралъ у него ни одной партіи въ шахматы. И на всемъ пространствѣ Апеннинскаго полуострова, въ Сициліи и Сардиніи, и даже вдоль восточнаго побережья Адриатики—всюду быть провозглашенъ *Il signor Giacomo Bobbio, „il Veronese“*—необходимымъ шахматнымъ игрокомъ.

И вдругъ здѣсь, въ Венеціи, накануне самыхъ торжественныхъ дней, когда онъ хотѣлъ отличиться особенно и заставить доложить о себѣ самому королю Франціи... вдругъ... нѣчто непонятное, невѣроятное... Кажется это не дѣйствительность! Это сонъ, отвратительный сонъ! Но пробужденіе все не приходитъ...

Боббіо вспоминалъ всѣ свои три партіи съ замаскированнымъ, всѣ ходы, и свои и своего противника, и видѣлъ, что могъ, даже долженъ былъ выиграть, а не проиграть... Онъ зналъ теперь всѣ свои промахи и ошибки... Но отчего же тогда не видѣлъ онъ, что дѣлать, не понималъ и не предвидѣлъ плана своего противника... Какая-то слѣпота нашла на него, помраченіе разума.

Боббіо мучался цѣлые часы и утѣшался минутами, что послѣзавтра обыграетъ незнакомца...

„Да... Но все-таки три проигранныя партіи останутся проигранными“, думалось ему.—„Это не вернешь! Три партіи за десять лѣтъ! И въ Венеціи, а не гдѣ-либо въ глуши Сициліи или въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ или портѣ побережья Адриатики“.

Промучившись всю ночь безъ сна, Боббіо съ утра, даже не поивъ, засѣлъ за громадный фоліантъ. Этой древней рукописной книгѣ было по малой мѣрѣ двѣсти или триста лѣтъ. Она заключала въ себѣ чуть не подробную изъ вѣка въ вѣкъ исторію шахматной игры во всѣхъ странахъ міра, включая Иранъ и Китай.

Половина фоліанта заключала въ себѣ сборникъ мудрѣйшихъ шахматныхъ задачъ и рѣшеній знаменитыхъ игроковъ-мудрецовъ.

Давно Боббіо имѣлъ эту книгу и зналъ ее почти наизусть... Она была источникомъ его побѣдъ и его славы, и его счастья на землѣ. Но какъ много и часто ни справлялся Боббіо со своимъ другомъ фоліантомъ, всегда находилъ онъ въ немъ какое-нибудь новое сочетаніе ходовъ. И составивъ планъ, готовилъ себѣ новую блестящую побѣду—какого бы сильнаго противника ни послала ему судьба.

На этотъ разъ знаменитый и кровно оскорбленный „Veronese“ рѣшилъ заняться цѣлые два дня и придумать такую хитрую партію, которая бы, несмотря ни на какое умѣнье противника—доставила бы ему побѣду.

VIII.

Третье существо, воображавшее себя самымъ несчастнымъ среди всеобщаго оживленія, веселья и шума, была молодая дѣвушка, полу-ребенокъ...

Это была среброволосая красавица-венецианка Анджелина Контарини, единственная и обожаемая дочь героя республики и знаменитаго адмирала, имя котораго было грозою турокъ за всѣ послѣднія войны и стало еще болѣе громко и славно послѣ знаменитой битвы при Лепанто. Юная патриціанка славилась своей красотой, своимъ свѣжно-бѣлымъ личикомъ, ясными синими глазами и самыми прелестными во всей Венеціи волосами. Анджелина была извѣстна въ родномъ городѣ подъ именемъ: „la biondissima“. А въ Венеціи это много значило. Поклоненіе бѣлокуроымъ женщинамъ стало издавна почти культомъ всей Италіи.

Семнадцатилѣтняя дочь одного изъ первыхъ санов-

никовъ, крайне богатая невѣста, наследница двухъ дворцовъ на Canal Grande и многихъ другихъ въ помѣстьяхъ отца на Твердой землѣ, Анджелина Контарини имѣла все, чтобы быть самой счастливой дѣвушкой на свѣтѣ. Оставалось лишь найти человѣка, котораго бы она могла полюбить и назвать мужемъ.

Самъ Контарини, человѣкъ гордый и честолюбивый, всегда мечталъ объ избраніи въ дожи, но глава республики въ эти дни былъ еще настолько сравнительно молодъ и бодръ, что теперь не могло быть надежды пережить его. Похоронивъ уже почти совсѣмъ эти прежнія мечты и довольствуясь высокимъ званіемъ перваго адмирала Св. Марка, Контарини жилъ лишь своею любовью къ красавицѣ-дочери и грѣзами о ея будущемъ.

За послѣднее время юной Анджелинѣ, осаждаемой женихами, былъ представленъ молодой патрицій не особенно славнаго рода, но самъ отличившійся въ борьбѣ съ пиратами, вѣчными врагами Венеціи, славной и богатой своей торговлей.

Это былъ молодой Наоло Ридольфи, красивый и статный молодецъ, съ лицомъ, сожженнымъ солнцемъ отъ пятилѣтняго пребыванія и плаванія вдоль Африканскаго побережья и слегка обезображеннымъ рубцомъ на щекѣ отъ турецкой сабли.

Ридольфи, награжденный правительствомъ за свои подвиги, былъ назначенъ начальникомъ флотиліи галеевъ и собирался поить на лаврахъ въ родномъ городѣ... Разумѣется, послѣ пяти лѣтъ суровой жизни на кораблѣ и всякихъ лишеній, Ридольфи былъ не прочь коснуться пристани, жениться и устроиться.

Молодой человѣкъ сумѣлъ понравиться гордому Контарини, а затѣмъ отчасти и красавица Анджелина, въ которую истребитель пиратовъ влюбился сразу—стала милостиво прислушиваться къ рѣчамъ своей старухи-тетки, повѣствовавшей особенно часто объ Африкѣ, разбояхъ на морѣ, ущербѣ отъ нихъ республикѣ и о подвигахъ защитниковъ Венеціи вообще и одного изъ нихъ—въ особенности.

Рѣчь о свадьбѣ уже заходила. Контарини уже любилъ юнаго героя Ридольфи. Анджелина не прекословила и была равнодушно привѣтлива къ нему.

Вдругъ за послѣдніе дни все перемѣнилось. Юная венеціанка не заговѣла и слышать о бракѣ съ морякомъ, грозой пиратовъ, и ходила озабоченная.

Наступали дни празднествъ по поводу пріѣзда короля Франціи, всѣ венеціанки радостно готовили свои наряды, а Анджелина была крайне задумчива и раздражительна, иногда же подолгу стояла у окна и будто тревожно озиралась.

Красавицу уже нѣсколько дней занимала одна мысль:

„Кто такой—тотъ высокій, черповолосый молодой человѣкъ, котораго она уже болѣе недѣли видитъ постоянно пробѣгающимъ мимо ихъ дворца въ серебристо-черной гондолѣ, когда она, подобно всѣмъ патриціанкамъ, занята своимъ обычнымъ главнымъ занятіемъ: „золотить волосы“...“

IX.

Прошли вѣка, гордая Царица Адриатики собственно исчезла съ лица земли. Въ настоящее время сохранился лишь остовъ ея—чудные дворцы, храмы и сивны лагуны... Но душа ея отлетѣла... Все оживлявшее эти дворцы легло подъ плитами кладбищъ и смѣшалось съ землей.

Но помимо чудныхъ жилищъ, говорящихъ объ этихъ исчезнувшихъ поколѣніяхъ, остались страницы, свидѣтельствующія о славѣ Венеціи, о подвигахъ ея сыновъ въ борьбѣ съ Востокомъ и о красотѣ ея дочерей.

Жива еще память о чудныхъ волосахъ венеціанокъ, которыя заслужили безсмертіе благодаря кисти Тиціана, Кальяри-Веронезе и иныхъ.

А между тѣмъ исторія почти молчитъ о томъ, какой дорогой цѣной пріобрѣталась венеціанкой эта красота волосъ золотисто и серебристо-пепельнаго цвѣта, восхищавшая современниковъ и внушавшая зависть гордымъ римлянкамъ и граціознымъ флорентинкамъ... Что значила черпокудрая красавица около бѣлокудрой дочери лагуны...

Въ Венеціи, и въ ней одной, водились свѣтловолосыя красавицы, благодаря вѣками изощренному искусству краситься... „Il arte biondeggiante“, возникшее съ незапамятныхъ временъ и процвѣтавшее нѣсколько столѣтій, не имѣло предѣловъ своего совершенствованія. И за каждое столѣтіе являлось нѣсколько красавицъ, обладавшихъ тайнымъ способомъ такой окраски, которая, восхитивъ Тиціановъ, дошла въ ихъ твореніяхъ до дней послѣдующихъ вѣковъ.

Венеціанка изъ патриціата—дѣвочка, дѣвушка и замужняя женщина равно—проводила день почти въ заключеніи въ комнатахъ дворца и только восемнадцатое столѣтіе выпустило ее на улицу и на прогулку наравнѣ съ братьями и мужьями.

И всякое утро, цѣлое утро длиннаго празднаго дня патриціанка проводила въ томъ, что вымачивала голову отваромъ изъ смѣси самыхъ разнообразныхъ травъ, иногда минераловъ, зачастую даже ядовитыхъ веществъ, а затѣмъ выходила на балконъ или къ окну и садилась на солнцѣ сушить голову,—сушить и, главное, золотить или серебрить волосы лучами яркаго солнца, какъ вѣрила она наивно нѣсколько столѣтій.

При этомъ на голову надѣвалась сквозная полушапочка, полусѣтка „Solana“, чрезъ отверстія которой пропускались длинныя косы прядями.

И вотъ именно за этимъ занятіемъ часто видитъ Анджелину незнакомецъ. Онъ смотритъ на нее и хотя разстояніе отъ ея балкона и оконъ до воды довольно большое, тѣмъ не менѣе Анджелина каждый разъ будто чувствуетъ его взглядъ на себѣ... И каждый разъ какое-то странное ощущеніе производятъ на нее его острые, будто все пронизывающіе черные глаза... Онъ не красивъ... нѣтъ—онъ даже дурень! Но онъ ей нравится больше, чѣмъ многіе патриціи, славящіеся своей красотой. Онъ будто этими своими глазами заставляетъ относиться къ себѣ неравнодушно.

„Кто онъ такой?“ думала Анджелина цѣлые дни.— „И чѣмъ же это копчится?“ думала она иногда и ночью.

Молодая дѣвушка, не скрывавшая ничего отъ своей двоюродной сестры Сильвіи Даль-Вормэ, призналась ей въ неожиданномъ чувствѣ.

По совѣту Сильвіи она дала порученіе своей камеристкѣ и молочной сестрѣ, т. е. дочери ея бывшей кормилицы—постараться разузнать во что бы то ни стало чрезъ двухъ ея братьевъ: кто такой этотъ синьоръ, владѣлецъ серебристо-черной гондолы?

Но старанія камеристки Лукреціи не увѣнчались успѣхомъ. Узнать оказывалось невозможно не только имени синьора, но даже его мѣстожительства. Его гондола, пролетѣвъ по Большому Каналу или отчаливъ отъ набережныхъ Скиавони или Салута—будто исчезала въ синихъ водахъ Венеціи.

Наканувъ прібытія Французскаго короля между адмираломъ и его дочерью зашла рѣчь о нарядѣ для готовящагося у дожа параднаго пріема въ честь Генриха. На этотъ пріемъ Анджелина, конечно, уже имѣла приглашеніе отъ догарессы.

Юная красавица отнеслась къ этому вопросу такъ холодно и безстрастно, что умный Контарини заподозрѣлъ, что съ дочерью приключилось нѣчто. Онъ заговорить объ претендентѣ Ридольфи. Дочь выразилась объ немъ рѣзко, сравнивъ его съ морской акулой.

Контарини задумался надъ акулой, но разспрашивать дочь не сталъ.

„Время покажетъ и все объяснитъ!“ подумалъ онъ.

Литературный альбомъ. „Ангель Смерти“, М. Лермонтова. Смерть Ады.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Шюблеръ.

Вѣтки звенять! Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Каразина, грав. Рашевскій.

Так наступило утро торжественной встрѣчи короля Генриха, и прокураторъ, собираясь соутствовать дожу на островъ Мурано, былъ озабоченъ, оставивъ дома дочь, печальную и объявившую, что она на вечерней праздникъ по приглашенію догарессы совсѣмъ не поѣдетъ...

И въ тѣ мгновенья, когда цѣлая флотилія готовилась отправиться навстрѣчу Генриху, а чуть не вся Венеція гудѣла собравшись на Ривѣ и любясь гондолами, галеассами и галерами съ чуднымъ „Буцентавромъ“ во главѣ—юная среброволосая Angelina la Biondissima сидѣла грустная на своемъ балконѣ и думала глядя на опустѣвшій отъ проѣзжихъ Canal Grande:

„Никого! Всѣ собрались туда. Въ Мурано... Стало-быть и онъ тоже... Предъ полднемъ онъ всегда проѣзжалъ уже вторично. А сегодня ни разу. Стало-быть, онъ ѣдетъ со всѣмъ патриціатомъ, стало быть, имѣетъ на это право? Стало-быть, не чужестранецъ, какъ увѣряетъ по догадкамъ Лукреція... Онъ венеціанскій подданный съ Твердой земли. Но кто же онъ!?“

X.

Утро это во дворцѣ Дожей и во всѣхъ дворцахъ патриціевъ прошло въ суетливыхъ приготовленияхъ... Глава республики, прокураторы Св. Марка, сенаторы, совѣтники или мудрецы—все облачались въ свои парадныя одежды...

Народъ съ самой зари заградилъ большую площадь, Piazzetta и всю набережную Скіавони такъ, что, казалось, аркады дворца Дожей, окруженного озовою, не сдержатъ напора шумной и пестрой толпы. Сбиры, стоявшіе на часахъ у всѣхъ выходовъ и во всѣхъ воротахъ внутреннихъ двориковъ дворца—не разъ прибѣгали къ помощи своихъ алебардъ. Наконецъ въ десять часовъ народъ загудѣлъ и заколебался... Море людское взволновалось и волны побѣжали еще сильнѣе къ аркадамъ, воротамъ и дверямъ дворца... На это море будто вихремъ ударило долгожданное мгновенье...

По главной мраморной лѣстницѣ, именуемой „Лѣстницей гигантовъ“, спускалась медленно и торжественно цѣлая блестящая вереница: все правительство и весь патриціатъ республики. Шествіе открывали сбиры, за ними шли по четыре въ рядъ молодые патриціи, затѣмъ разные сановники, члены уголовного суда или Квартаніи, затѣмъ сенаторы, а за ними самъ дожъ, предшествуемый своимъ коллегіумомъ изъ шести прокураторовъ Св. Марка...

Шествіе замыкалось тоже отрядомъ сбировъ.

Торжественный ходъ выступилъ на Piazzetta и, пройдя среди расколовшейся на-двое толпы, направился къ набережной. Здѣсь уже давно стоялъ „Буцентавръ“, сверкая золотомъ и пурпуромъ... На кормѣ его, подъ балдахиномъ съ пунцовыми занавѣсами, сіялъ высокий тронъ съ двумя меньшими по бокамъ... Весь корабль формы большого баркаса, безъ мачтъ, низкій посрединѣ, но съ сильно возвышающимися носомъ и кормой, былъ отдѣланъ и задрапированъ малиновымъ бархатомъ... Всѣ части, ничѣмъ не укрытыя, сіяли позолотой. А пуще всего горѣлъ на высокомъ носу корабля, будто вставъ на дыбы, чтобы смотрѣться въ синія воды, огромный крылатый левъ, держащій въ могучей лапѣ книгу—евангеліе Св. Марка. Вокругъ льва, а равно и на кормѣ вокругъ балдахина надъ трономъ развѣвались знамена и священныя хоругви изъ собора. Вдоль двухъ бортовъ вытянулось двумя шеренгами съ полсотни гребцовъ въ золотистыхъ ливреяхъ съ государственнымъ гербомъ—тѣмъ же львомъ—на груди. Золотыя весла были подняты вверхъ, наподобіе ружей.

За „Буцентавромъ“ вплотную стоялъ не менѣе разукрашенный и красивый корабль, но меньшихъ размѣровъ и съ одной золотой мачтой. Это была парадная галера генералъ-капитана, главнаго начальника вене-

ціанскихъ водъ отъ Canal Grande и всѣхъ лагунъ до береговъ Твердой земли включительно.

На галерѣ, вопреки обыкновенію, было также устроено возвышеніе и стоялъ тронъ. Подобнаго еще никогда не видали венеціане, и догадкамъ не было конца.

Всѣмъ за галерой генералъ-капитана и далеко кругомъ нея сверкала и пестрѣла сплошная плывучая масса, ослѣпляя глаза золотомъ, серебромъ и самыми яркими цвѣтами и красками... То была сотня гондоль патриціата, тоже облеченныхъ въ свои парадныя одежды, каждая по цвѣту герба своего владѣльца... А гербъ этотъ, зачастую „говорящій“, напоминающій народу страницу изъ славной исторіи республики—красовался на носу гондолы, а равно на груди гондольера.

Среди прочихъ видѣлся самый извѣстный и самый любимый народомъ гербъ фамилии Барбаро, изображавшій на простомъ бѣломъ полѣ одно кровавое пятно.

Далѣе за гондолами стояло двѣнадцать большихъ галеръ и двѣсти малыхъ галеассъ, разукрашенныхъ флагами.

Когда дожъ и сановники остановились на краю набережной, изъ собора Св. Марка двинулась и приблизилась небольшая процессія. Это былъ нунцій св. отца папы, во главѣ епископовъ и духовенства, который послѣ объѣда явился присоединиться къ торжеству.

Мощные и гордые вѣстители Адриатики, весь наличный патриціатъ, дававшій республикѣ изъ среды своей и дожей, и сенаторовъ, и славныхъ полководцевъ, и героевъ на сушѣ и на морѣ—теперь всѣ въ полномъ составѣ, цѣлой толпой стали предъ государственнымъ кораблемъ...

Послѣ краткаго молитвословія, нунцій размахисто благословилъ сверкавшій предъ нимъ „Буцентавръ“... Дождь подаль знакъ...

Могучій крылатый левъ заколебался и корабль двинулся...

Пустой, съ одними гребцами...

Казалось, что левъ Св. Марка вдругъ ожилъ, взмахнулъ крылами и гордо шевельнулъ золотой косматой головой, будто чувствуя и понимая, что онъ теперь—и впервые—одинъ отправляется въ путь... Онъ одинъ встрѣтитъ съ привѣтствіемъ и приметъ на корабль высокога гостя республики, монарха Франціи...

Когда „Буцентавръ“ отошелъ отъ набережной, его мѣсто заняла галера генералъ-капитана и на нее вмѣстѣ съ шестью прокураторами и нунціемъ вошелъ дожъ и занялъ приготовленный тронъ. Одновременно вдоль всей набережной Скіавони всѣ сановники и патриціи сѣли въ свои гондолы...

И левъ Св. Марка, гордо глядя передъ собой съ „Буцентавра“ и держа въ мощной лапѣ евангеліе, будто повелъ за собой безконечную блестящую флотилію, сплошной массой покрывшую каналъ.

Лоно синихъ водъ вдругъ исчезло изъ глазъ народа, волны одѣлись въ золото, бархатъ и атласъ, и только тихонько, будто любовно, шевелили эту одежду на себѣ...

Король Генрихъ со свитой и съ сановниками республики, встрѣтившими его еще на берегу Твердой земли, ночевалъ на островѣ Мурано во дворцѣ Капелли, и рано утромъ собирався переѣхать ближе къ городу, на островъ Лидо. Въ семь часовъ утра явился посланный отъ правительства и передалъ виконту Таванну, что дожъ и патриціатъ рѣшили привѣтствовать короля еще на Мурано и везти его на Лидо полуофициально... Отсюда же, послѣ небольшой церемоніи представленія королю самыхъ главныхъ и выдающихся венеціанцевъ, начнется торжественный въѣздъ въ Венецію.

Гораздо позднѣе, около десяти часовъ, явился въ Мурано второй посланецъ и тоже обратился къ Таванну съ заявленіемъ, что дожъ и вся знатная Венеція придутъ около полудня...

Это былъ недавній знакомецъ, фаворитъ Генриха,

тотъ же и такой же ему непрятный взглядомъ и по-вадкой кавалеръ ди-Аволо.

Онъ объяснилъ, что посланъ прокураторіей предупредить короля о времени прибытія дожа со свитой, но въ то же время съ приказомъ отъ „Трехъ“ присоединиться къ свитѣ короля.

Таваннъ пожалъ плечами и отвѣтилъ сухо и коротко: — Можете!

Онъ докладывалъ Генриху наканунѣ о странномъ распоряженіи правительства Венеціи. Король отнесся къ докладу равнодушно и отвѣтилъ тѣмъ же словомъ, что когда-то сказалъ Таваннъ самому ди-Аволо:

— Soit!

Разумѣется, кавалеръ, тайный представитель тайныхъ „Трехъ“, тотчасъ же удостоился чести быть представленнымъ, т. е. лишь названнымъ монарху. Но онъ произвелъ на Генриха такое отталкивающее впечатлѣніе, что король не могъ превозмочь себя. Не сказавъ ди-Аволо ни слова, онъ отвернулся отъ него.

Четверть часа спустя Генрихъ улыбаясь замѣтилъ любимцу:

— Таваннъ? Чтѣ бы сказали поляки, если бы всѣ мои любимцы были похожи на этого дьявола?

— Какого дьявола, Sire?

— Di-Avolo или diavolo—одно и то же. И произносятся, и пишется одинаково по-итальянски.

— Правда! воскликнулъ Таваннъ.—Мнѣ на умъ не пришло. Я произносилъ съ другимъ удареніемъ: Di-Avòlo. Такъ, какъ онъ назвался мнѣ!

XI.

Загадочная личность, несмотря на косые взгляды всѣхъ приближенныхъ Генриха III и на видимое пренебреженіе, высказанное самимъ королемъ — все-таки примкнула къ небольшой блестящей свитѣ миньоновъ. Всѣ при этомъ замѣтили съ нѣкоторымъ удивленіемъ, что элегантный костюмъ венеціанца мелочами и деталями своего покроя былъ похожъ болѣе на одѣянія приближенныхъ короля, чѣмъ на одѣянія патрициевъ. Къ тому же костюмъ ди-Аволо былъ точь-въ-точь копіей съ костюма Таванна. Они стали двойниками по одеждѣ. Разумѣется, виконту это обстоятельство было крайне непрятно, и онъ терялся въ догадкахъ, какъ могло оно произойти, тѣмъ болѣе, что, заказавъ себѣ это платье въ Вѣнѣ, виконтъ надѣвалъ его въ первый разъ ради торжественнаго дня.

На обоихъ, на виконтѣ Таваннѣ и на кавалерѣ ди-Аволо былъ атласный свѣтло-оранжевый костюмъ цвѣта шауве съ отдѣлкой изъ темно-фіолетоваго бархата. На ногахъ трико въ обтяжку было фіолетовое, буффы на бедрахъ оранжевыя, куртка, облегавшая вшитую стачь, по имени *justaucorps*, была также фіолетовая съ черною атласной звѣздой во всю грудь, а епанча, падающая съ плечъ и висящая за спиной, была бархатная золотисто-оранжевая съ атласной фіолетовою подкладкой. Такой же маленькій золотистый беретъ съ чернымъ перомъ и съ узкой каймой дополнял костюмъ виконта, но различался отъ берета кавалера, у котораго перо было золотистое, а кайма фіолетовая. Но это была случайность...

Виконтъ Таваннъ, разумѣется, сердился и недоумѣвалъ какъ могъ ненавистный венеціанецъ скопировать его новый костюмъ. Въ умыленномъ подражаніи не было сомнѣнія въ особенности потому, что беретъ свой Таваннъ замѣнилъ лишь наканунѣ другимъ, а беретъ кавалера былъ буквальнымъ воспроизведеніемъ берета его, сдѣланнаго въ Вѣнѣ для новаго костюма.

Всѣ приближенные и миньоны подшучивали надъ виконтомъ, поздравляли его съ его „petit frère“ и съ его неожиданнымъ двойникомъ.

Шуткамъ и прибауткамъ вѣчно веселыхъ миньоновъ не было конца. Къ тому же, подражаніе кавалера было

несумѣстно, нелѣпно... Цвѣта костюма виконта, перваго любимца короля, а равно бывшаго временно любимцемъ покойнаго короля Карла IX — имѣли свою причину:—фіолетовый и оранжевый съ чернымъ считались полутраурными или *deuil-deuil*...

Король былъ весь въ черномъ одѣяніи, но съ легкимъ фіолетовымъ отливомъ ради торжества и чтобы оказать этимъ любезное вниманіе Венеціи. Сановники, встрѣтившіе Генриха на Твердой землѣ, тотчасъ замѣтили, что король одѣтъ по ихъ выраженію: „di ravonazzo“.

Виконтъ Таваннъ, ближайшее лицо къ королю, имѣлъ право носить полутрауръ по его брату и своему бывшему королю.

Какой же смыслъ имѣлъ костюмъ венеціанца, кавалера ди-Аволо?

— *Porte le deuil de ses charmes!* шутили миньоны, кружась вокругъ кавалера и посмѣиваясь дерзко прямо ему въ лицо.

Векорѣ послѣ полудня свита короля вдругъ замѣтила изъ оконъ дворца Капелли, что на горизонтѣ синихъ водъ показалась блестящая полоса: — флотилія изъ Венеціи была въ виду Мурано...

Свиданіе монарха Франціи и главы республики произошло на лѣстницѣ дворца... Генрихъ стоялъ на первой ступени... Дождь, сопутствуемый шестью прокураторами, поднялся и приблизясь снялъ свою остроконечную шапочку или уюю и сталъ на колѣни... Генрихъ притронулся рукой къ своему черному берету и поспѣшилъ поднять старика...

Черезъ полчаса флотилія уже двигалась отъ Мурано къ острову Лидо, но король ѣхалъ съ дождемъ на галерѣ генераль-капитана, а „Буцентавръ“ шелъ впереди снова пустой.

На Лидо послѣ молебствія въ маленькомъ храмѣ, гдѣ нунцій въ сослуженіи съ епископами отслужилъ молебенъ и благословилъ короля, всѣ перешли на площадь. Здѣсь, въ деревянной временной постройкѣ, слошъ обитой сукномъ и бархатомъ, были представлены королю по его желанію всѣ сановники Венеціи и даже всѣ молодые патрици безъ исключенія.

И король любезнымъ вниманіемъ и мягко-гордой привѣтливостью очаровалъ всѣхъ.

— Вотъ истинный монархъ! восклицали всѣ.

И только въ четыре часа флотилія двинулась отъ Лидо въ Венецію.

Пловучая ярко блистающая и ярко пестрящая масса разукрашенныхъ гондолъ, галеассъ и большихъ галеръ представляла рѣдкое зрѣлище. Будто радуга съ небесъ легла на лоно водъ...

„Буцентавръ“ шелъ впереди, но теперь онъ тоже сталъ рѣдкимъ явленіемъ для самихъ венеціанцевъ, не только молодыхъ, но и старцевъ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ возсоздать въ памяти своей что-либо подобное и подходящее...

Подъ пунцовымъ балдахиномъ было три трона вмѣсто одного... По бокамъ монарха Франціи помѣщались дожъ и нунцій. Середина „Буцентавра“ была занята лишь прокураторами и французской свитой короля. Помимо главы государства и шести первѣйшихъ сановниковъ, ни одинъ патрицій не былъ конечно приглашенъ на государственный корабль. Это было бы оказаніемъ слишкомъ большой чести.

А между тѣмъ на „Буцентаврѣ“ ѣхалъ одинъ человекъ, который не былъ прокураторомъ или сановникомъ Венеціи и не былъ французомъ. Кто же могъ это быть? Это былъ кавалеръ Джіованни ди-Аволо. Но какъ же могъ онъ очутиться на „Буцентаврѣ“? Его присутствіе было послѣдствіемъ недоразумѣнія между венеціанцами и французами, если только оно не было... навожденіемъ! Ди-Аволо, озираясь на все и на всѣхъ, король сверкала своими черными глазами и загадочно, будто зловѣще, улыбался...

— Да... Я все могу! шептала онъ самъ себѣ на такомъ нарѣчьи, которое никѣмъ не могло быть понято на всемъ „Буцентаврѣ“. А между тѣмъ тутъ были люди, которые въ сложности понимали всѣ европейскіе языки.

Когда флотилия, озаряемая уже заходящимъ солнцемъ, вошла въ лагуны Венеціи, общій видъ торжественнаго шествія по синимъ водамъ, подъ яснымъ сводомъ синяго неба былъ настолько ослѣпительно чарующимъ, что король не превозмогъ своего волненія... Озираясь на чудные блѣдно-розовые дворцы, будто выливающие на его глазахъ изъ зеркальныхъ водъ, и на безконечную радужную вереницу двигавшейся флотилии, Генрихъ вдругъ воскликнулъ:

— Plût à Dieu que la Reine, ma mère, se trouvât avec moi pour jouir de ce spectacle sans pareil! *)

Когда флотилия вступила въ Большой Каналъ и, слѣдуя ко дворцу Фоскари, назначенному резиденціей короля, поравнялась съ Пиацеттой, съ обоихъ береговъ массы народа загудѣли:

— Viva Arrigo il Terzo!.. Viva il Re di Francia e di Polonia...

Этотъ народный крикъ, огласившій всю Венецію и

оглашавшій ее затѣмъ нѣсколько дней, никогда болѣе на блѣдомъ свѣтѣ не раздавался и не повторялся, ибо никогда никто кромѣ Генриха Валуа не сочеталъ въ лицѣ своемъ древней Галліи и Рѣчи Посполитой...

Дождь съ главными сановниками проводилъ короля до подъѣзда дворца Фоскари.

Не сразу успокоилась Венеція и только далеко за полночь крѣпко и сладко уснула... Вечерніе часы прошли въ безконечныхъ разсказахъ. И патриціи, и всѣ плебенъ разсказывали домашнимъ, женамъ и дѣтямъ, о всемъ видѣнномъ и слышанномъ за этотъ знаменательный день 18-го іюля.

Чернь еще ввечеру очистила всѣ каналы, площади и улицы, городъ весь оцуеться, какъ рѣдко бывало, но за то до полуночи во всѣхъ дворцахъ, домахъ и даже лачугахъ гудѣлъ веселый говоръ. И прокураторъ, и сенаторъ, и патрицій, и простой цитадинъ, и даже послѣдній рыбакъ изъ лагунъ всѣ горячо повѣствовались, восторгаясь и волнуясь...

— Arrigo il Terzo! слышалось повсюду и будто заполонило и запленило теперь собой весь городъ.

(Продолжеше будетъ).

Стихотвореніе.

На берегъ моря выброшены волнами
Убогій чолнъ съ сѣтями рыбака.
Отломанъ руль, и парусъ лоскутами
Чуть треплется порывомъ вѣтерка.

Кто-жъ тотъ пловецъ погибшій, волны, волны!
Но волны плещутъ, бьются и поютъ:
Имъ не до насъ—онѣ такъ жизни полны!—
И о погибшемъ вѣсти не даютъ...

Что значить имъ людское наше горе?
У нихъ своихъ не перечесть даровъ.
Взгляни кругомъ: какъ много разныхъ море
На берегъ бросило прекрасныхъ жемчуговъ!

И жемчугъ бури даръ! И онъ волною
Взмѣнъ пловца былъ выброшенъ сюда...
Обычный торгъ межъ моремъ и землею,
Обычный торгъ—обычная череда!..

М. Левлевъ.

„Неразлучное“.

Разсказъ Николая Днѣпровскаго.

(Окончаніе).

XIV.

Иванъ сталъ моимъ постояннымъ проводникомъ, и надо отдать ему справедливость—мѣста онъ зналъ отлично. Вздумаешь побаловать меня утками—сведетъ въ такое мѣстечко, гдѣ уткамъ нельзя не быть, и подлинно есть; скажешь ему про дупелей—онъ спроситъ, по какимъ мѣстамъ они водятся и какое у нихъ „обличье“, подумаетъ и приведетъ на дупелей. И такъ все. Рыболовъ онъ оказался страстный и Неразлучинское озеро по этой части зналъ какъ свою хату. Вообще это былъ замѣчательно даровитый и способный человекъ, такъ что, познакомившись съ нимъ покороче, я вполнѣ понималъ, почему во всякомъ дѣлѣ, за какое бы онъ ни взялся, всѣ сразу видѣли въ немъ знатока, къ которому всегда можно обратиться за совѣтомъ. При всякой работѣ его встрѣчали весело, лица прояснялись, шутки и смѣшки слышались изъ той группы, къ которой онъ присоединялся. Наладить не идущій въ мѣру плугъ, пересадить косу такъ, чтобы она шла какъ по маслу, сообразить, чего не хватаетъ въ насѣчкѣ жернова, чтобы онъ ровно мололъ, пустить кровь запавшей лошади, расковать бьющаго задомъ жеребца,—все Иванъ, всюду Ивановъ совѣтъ—дѣльный, пренюдаанный ласково и толково. Всюду ловко работаютъ его золотыя руки. Даже въ такомъ дѣлѣ, къ которому ему приходилось приступать въ первый разъ, онъ поражалъ тѣмъ видомъ человека, сразу понявшаго всю суть, который невозможно заставить уважать здравую русскую смѣтку. Сестра разсказывала мнѣ, какъ соедѣлъ по ибѣнью, тотъ же Чузаковъ, выискалъ себѣ изъ Москвы рандаль, и когда рандаль привезли со станціи, распаковали, собрали по чертежу и начали пробовать, онъ не „пошелъ“. Билесъ-билесъ съ упрямымъ массивнымъ орудіемъ, унарили двѣ смѣны коней—не идетъ рандаль да и только! Рѣшили отложить до другого раза. Вѣроятно, во время перевозки въ немъ что-нибудь погнулось, или чего-нибудь не хватало. Къ слѣдующему опыту пришелъ поглядѣть новинку и Иванъ. Когда опять, попржепѣму, заморили одну смѣну лошадей и стали впрягать другую, онъ подомель, попробовалъ рукою въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ, зашелъ со стороны дышла и, по-

глядѣвъ внимательно на валъ, вдругъ обратился къ Чузакову и заявилъ, что „ѣнъ и не пойдетъ“. Помѣщикъ удивился. Иванъ объяснилъ, почему онъ предполагаетъ, что „ѣнъ и не пойдетъ“, и Чузаковъ разрѣшилъ ему свезти рандаль въ кузину и передѣлать что нужно. И Иванъ свезъ и передѣлалъ. Черезъ два дня рандаль работалъ великолѣпно, легко и ровно катился по паннѣ и мѣшалъ ее своими заблестѣвшими тарелками „въ пухъ“, по выраженію мужиковъ. Однимъ словомъ, для разносторонняго хозяйства сестры Иванъ Ушаръ являлся сокровищемъ. Онъ съ полнымъ правомъ могъ говорить Анюткѣ, что всюду заработаетъ не хуже другихъ, и та имѣла столь же полное основаніе вѣрить ему.

Даже Родивонъ, флегматичный на видъ, по оказавшійся первымъ плесуномъ и запѣвалою на деревнѣ, несмотря на тайное недружелюбіе и зависть къ Ивану, въ чемъ я не однажды могъ убѣдиться изъ разговоровъ съ нимъ, когда онъ возилъ меня на охоту на неизбѣжныхъ бѣгункахъ,—и тотъ не могъ устоять противъ общаго потока восхищенія Ивановъ Ушаремъ.

— Енъ, браецъ ты мой, смышленъ, елиниимъ смышленъ, прямо сказать, что по всякому дѣлу у насъ первой! Ну, опять же и грамота ему далась здорово! всегда заканчивалъ онъ свою похвалу.

— Экая жалость, что ему въ солдаты итти придется, скажешь я какъ-то однажды ему въ отвѣтъ.

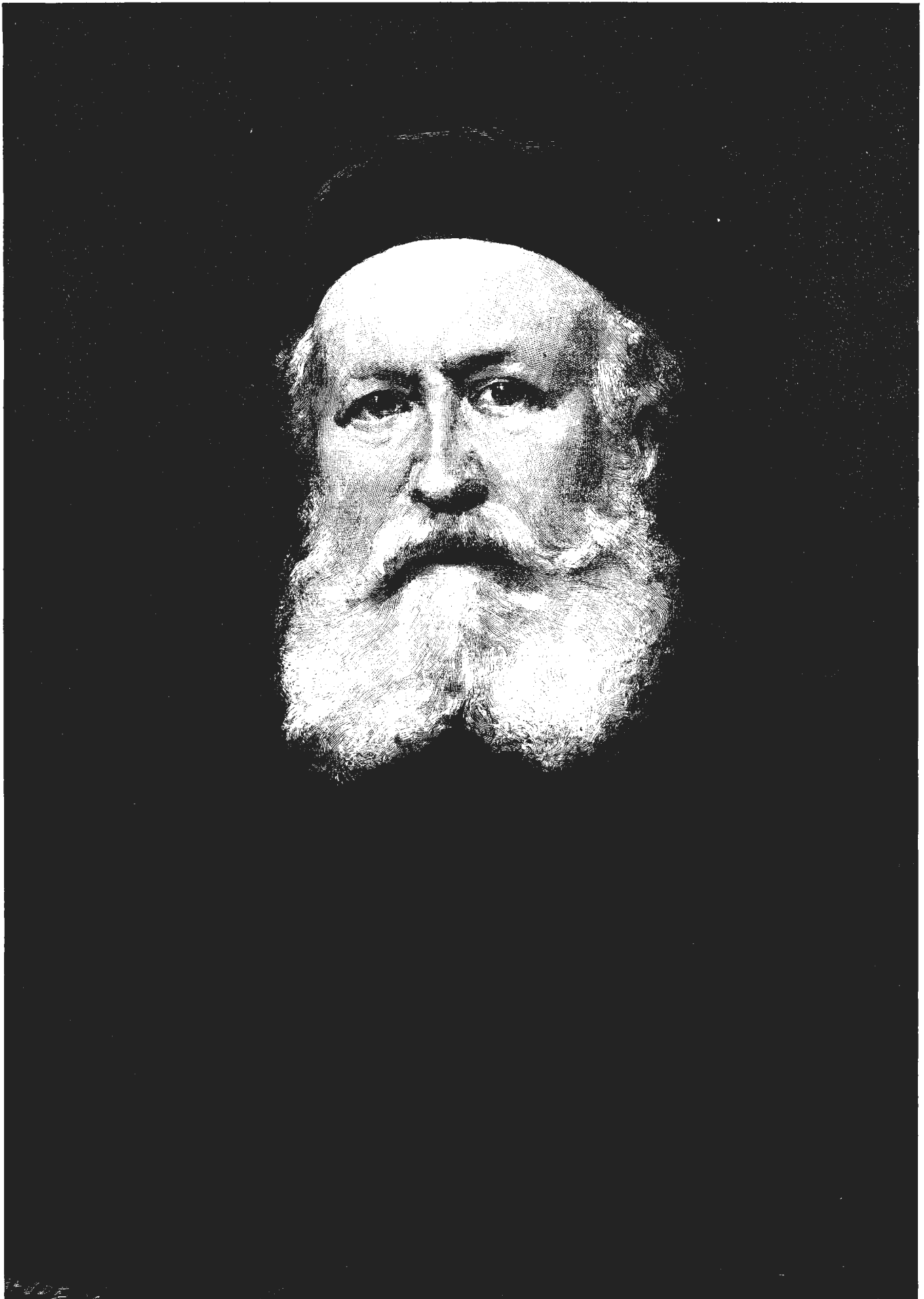
— Что-жъ, въ солдаты, протямнулъ Родивонъ, шевели вожжею,—понеча отъ солдатчины никто не ослобонитъ, всѣмъ одна линія. Небось и на службѣ смышленные надобны. Вонъ, говорятъ старики, что хорошіе люди и Богу нужны!

При этомъ онъ сокрушено вздохнулъ и полѣвъ за кнестомъ—крутить себѣ изъ газетныя „цыгарку“.

XV.

Онъ и не думалъ, что предсказать этимъ судьбу Ивана. И нужно же было, въ самомъ дѣлѣ, чтобы изъ всего населенія Неразлучнаго, изъ этихъ полтора сотенъ рабочаго народа, гдѣ были и слабые, и старые, и ни къ какому путному дѣлу какъ слѣдуетъ неспособные люди, смерть неожиданно похитила именно его, всѣми любимаго, грамотнаго, съ золотыми руками, перваго во всякой работѣ,—Ивана Ушаря!

*) Если бы Господу было угодно, чтобы королева, мать молъ, находилась теперь со мною, и могла бы любоваться этимъ несравненнымъ видомъ!

Композиторъ Шарль Гуно. Съ карт. Каролюса Дюрапа, грав. Бодъ.

А между тѣмъ она выхватила именно его и какъ бы лишь на придачу, мимоходомъ, словно только печально, съ разгоу, прихватила и младшаго его брата, едва перешедшаго 16-ти-лѣтній возрастъ парнишку. Вотъ какъ это случилось:

Въ самомъ началѣ августа, однажды утромъ, когда мы всей семьей сидѣли на балконѣ за утреннимъ чаемъ, грузный топотъ бѣгущаго по дорогѣ мимо сада человека привлекъ мое вниманіе. Сквозь рѣдкіе колья забора мнѣ видно было, что какой-то бородастый мужикъ въ блѣдой грязной рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, безъ шапки, запыхавшійся, бѣжалъ къ семейной избѣ и скрылся въ дверяхъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять показался въ той же двери вмѣстѣ со старостою, Егоромъ Яковлевичемъ, который былъ блѣдые обыкновеннаго и, заплегал на ходу ноги, безпокойно обдергивалъ свою ситцевую рубаху, направляясь къ дому. Оба они скрылись за уголъ и скоро староста появился въ дверяхъ балкона, тяжело переводя духъ. Изъ-за его плеча выставилась лохматая борода.

— Что случилось, Егоръ Яковичъ? встревожилась сестра.

— Несчастіе, барыня, съ трудомъ выговорилъ онъ.

— Что такое?

— Ивана Ушаря съ Гришкой деревомъ задавило.

— До смерти? спросилъ я.

— Иванъ и не дыхнулъ, а Гришка чуть дышалъ, какъ я побѣгъ, появилась лохматая борода.

Всѣ засуетились. Сестра распорядилась послать за земскимъ врачомъ въ Дроздику за 15 верстъ, я же мигомъ одѣлся, при чемъ сестра насовала мнѣ въ карманъ какихъ-то пузырьковъ, и на бѣговыхъ дрожжахъ съ Егоромъ Яковлевичемъ и лохматымъ мужикомъ мы поѣхали въ Меушинскій кантъ, на мѣсто несчастія.

Худыя вѣсти доходятъ скоро. Когда мы выѣзжали изъ веротъ, то мимо насъ, неслугово гремя колесами, вскачь пронеслась телѣга, въ которой какой-то старикъ въ сдвинутой на затылокъ войлочной шапкѣ и съ треплющейся по вѣтру зеленовато-сѣдой бородой, стоя на колѣняхъ и держа въ лѣвой рукѣ за гридку телѣги, правой нахлестывалъ концомъ вожжей бриклявую рыжую лошаду, которой правила плачущая баба. Я узналъ Никанора Ушаря—отца погибшихъ.

Мы поѣхали вслѣдъ за телѣгой, но она скоро скрылась за поворотомъ. Дорогою намъ попался сѣбно идущій паренъ, поравнявшійся съ которымъ Егоръ Яковлевичъ сдержалъ лошадей.

— Что Гришка?

— Быть кончается, Егоръ Яковичъ. Эка бѣда-то стрелась, Господи!

Паренъ утеръ не то слезы, не то потъ, струпившійся у него по щекамъ.

— Да какъ же это ихъ угораздило? поинтересовался староста.

— Да они, вишь, хотѣли древо завалить, больше половины ужъ подрубили, ну, а сосна-то на ихъ бокъ этакая коллистая, да видно подопрѣла съ другого-то краю, ну, и завалилась. Да и чудно, братецъ, завалилась-то! Ну, словно вотъ толкнулъ её кто, почесъ и не христинила!

Паренъ, выучивъ глаза и двинувъ отъ себя обѣими руками, изобразилъ, какъ толкнуло сосну.

— Ну?

— Ну, Ваньку-то поперекъ груди такъ къ землѣ и припнулся, а Гришку этакимъ родомъ по головѣ сукомъ вдарило. Покели прѣхали тутъ мужики, древо съ нихъ свологли, а они почесъ и не живы. И чудно, братъ...

Но мы уже не слушали и ѣхали дальше.

XVI.

Проѣхавъ докуда можно, мы слѣзали и пошли пѣшкомъ. Когда мы подходили къ мѣсту пропешествія, то издали увидѣли между стволами сосенъ бѣлая пятна рубахъ, сквозь торчащія сучья и темную зелень срубленной сосны. Оттуда несся бабій вой и причитанье. Обогнувъ поваленное вѣтвистое дерево, мы подошли къ группѣ мужиковъ. Бѣлыя рубахи раздвинулись и я вошелъ въ кругъ.

Иванъ и Гришка оба лежали рядомъ. Надъ Гришкой, разметавъ жидкіе, выбившіеся изъ-подъ сползнаго на шею темнаго ладка, сѣдоватые волосы, прижавъ къ ногамъ лежащаго, выла и причитала кака-то старуха, мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону. Я догадался, что это—мать. Иванъ лежалъ навзничъ, безъ шапки, въ томъ же сѣромъ зипушѣ, широко разбросивъ руки, съ выгнутыми прямо ногами, обутыми въ лапти. Голова его немного склонилась на-сторону и широко раскрытые мутновшіеся сѣрые глаза недвижно уперлись въ синее небо, словно бы смерть застигла его въ то мгновенье, когда онъ просилъ у этого Неба долгой и счастливой жизни. Густыя кольца его темныхъ кудрей рассыпались вокругъ бѣлаго лба на свѣтлой зелени мха; спокойное, мертвенной бѣлизны лицо выражало строгую и тихую думу, и если бы не легкая кровавая пѣна, выступившая на лѣвомъ, наклоненномъ къ зеленому ложу, углу приоткрытаго рта, то можно было бы

вообразить, что онъ просто себѣ раскинулся на прохладный мохъ и думаетъ безконечную думу, глядя въ синее небо.

Гришка лежалъ шагахъ въ двухъ отъ брата, на лѣвомъ боку, въ такой позѣ, какую принимаетъ заснувшій послѣ утомительной упряжки рабочій, который какъ только ляжетъ и подложитъ ладонь подъ голову, согнувъ немножко ноги, такъ ужъ и спитъ свинцовымъ сномъ. Онъ перѣдка подрагивалъ всѣмъ тѣломъ и равномерно вскрикивалъ, но этотъ предсмертный хрипъ видимо замиралъ, и Гришка кончался. Я нагнулся къ нему, взялъ его руку и пощупалъ пульсъ: пульсъ былъ почти незамѣтенъ. Тутъ только я увидѣлъ кровь, которая темной массой склеила его рыжеватые волосы и свѣжими потеками помѣтила лежащую подъ головой руку. Мнѣ виденъ былъ его профиль, строгое очертаніе заострившагося носа, сплюснутый ротъ, судорожно поджатые, безкровныя губы. Не было сомнѣній въ томъ, что ни одинъ изъ пузырьковъ, лежавшихъ въ монхѣ карманахъ, уже не проявитъ цѣлебныхъ свойствъ своего содержимаго. Смерть доканчивала начатую работу и безсильные предъ ценою люди стояли вокругъ понуривъ головы, безъ шанокъ, и тихо, будто боясь смутить вылетающую душу, шептались подъ жалобный вой причитающей матери.

XVII.

Я оглянулся на толпу и тутъ только замѣтилъ Никанора Ушаря. Онъ стоялъ на колѣняхъ въ головахъ Ивана, и въ то время, какъ я взглянулъ на него, закрывалъ глаза своему сыну.

У Никанора глаза были сухи и красны, лицо безъ всякаго выраженія, а беззубый ротъ шевелилъ своимъ движениемъ сѣдую бороду, шепча что-то, должно быть молитву. Лѣвая рука, на которую онъ оперся, нагнувшись къ головѣ труна, глубоко ушла въ мохъ и благодаря этому все худое тѣло его, угловатымъ очертаніемъ обрисовавшееся на синѣи и на костлявыхъ плечахъ подъ холстомъ рубахи, какъ-то неестественно и безсильно перекозилось, какъ бы готовясь унестъ. Эта старческая фигура была такъ жалка, такъ напоминала движеніе и жизнь, что крылу смерти, казалось, слѣдовало бы раньше задѣть его—этого бесполезнаго, равнодушнаго къ ней старца, чтобы не дѣлать его свидѣтелемъ своей жестокой, недѣльной работы.

Я выпустилъ руку Гришки; она грузно упала къ нему набокъ, поддержалась секунду неподвижно и потомъ медленно сползла впередъ и закрыла отъ меня его блѣдный профиль. Все тѣло его крупно дрогнуло раза два и хрипы смолкли. Кругомъ замелькали руки, творя крестное знаменіе, глаза поднимались къ Небу и послышался сдержанный говоръ: „кончилось!“, „упокой Господи!“

— О, Боже нашъ, Господи! внятно прошамкалъ беззубымъ ртомъ какой-то бѣлый какъ лунъ старикъ возлѣ меня, низко опуская лохматую голову.

Я вышелъ изъ толпы и пошелъ домой..

XVIII.

Этимъ лѣтомъ я опять былъ въ Неразлучномъ, и въ сопровожденіи вернуващагося „однолѣткою“ со службы Родивона какъ-то разъ бродилъ за тегеревами. На Пастуховомъ лядѣ изъ оушки казенника вырвался косачъ, котораго я прозвалъ, и пошелъ его разыскивать. Взогнавъ его еще разъ, я потерялъ наконецъ надежду овладѣть имъ и полѣзъ напрямикъ черезъ густой молодой осинникъ, рассчитывая выбраться на дорогу. Идти становилось все труднѣе, частый прыжокъ запутывалъ ноги, цѣпился тѣ за сѣтку, то за полы сюртука, и я едва продвигался впередъ. Наконецъ кусты кончились и я очутился прямо передъ большимъ, сѣрымъ отъ времени, деревяннымъ крестомъ, склонившимся въ мою сторону. Тутъ же, возлѣ былъ широкій пенъ. Я нѣсколько разъ проходилъ этимъ мѣстами и никогда не замѣчалъ креста; къ чему стоитъ онъ въ этой глуши? Я окрикнулъ Родивона, тотъ подошелъ чрезъ нѣсколько минутъ.

— Что это за крестъ? спросилъ я.

— А развѣ-жь вы не помните? Тутъ Ушарять деревомъ убило!

Я оглядѣлся. Этого мѣста никакъ нельзя было признать, до того измѣнили его человекъ и природа въ какіи-нибудь 5—6 лѣтъ: вмѣсто могучихъ, задумчиво гудящихъ сосенъ, кругомъ было ровное мшистое пространство, на которомъ вылезъ чахлый, корявый березнякъ. Я поглядѣлъ на пенъ и въ моей памяти, какъ живая, встала видѣнная когда-то картина: этотъ пенъ былъ тогда свѣжъ и бѣлъ, а вотъ тутъ лежали два теплыхъ трупа, а два старыхъ, отжившихъ свой вѣкъ человекъ, склонились надъ ними, покоряясь капризу слѣпой судьбы.

— Гдѣ же теиерь Аютка Хасѣвская? спросилъ я у Родивона.

Тотъ удивленно посмотрѣлъ на меня.

— Да вѣдь она-жь теиерь моя жена, барыня. Я какъ изъ службы по жеребью воротился черезъ годъ, такъ она за меня и пошла. Да ужъ у насъ таперича двое ребятъ растутъ.

Я пожелалъ ему счастья.

У д а ч а *).

Рассказ Марна Твенна. Переводъ съ англійскаго.

Дѣло было въ Лондонѣ, на банкетѣ въ честь одного изъ немногихъ героевъ, имена которыхъ украшаютъ англійскую военную исторію послѣдняго времени. По причинамъ, весьма, впрочемъ, понятнымъ, я не могу привести здѣсь подлиннаго имени и титула этого героя. Я назову его, положимъ, генералъ-лейтенантомъ, лордомъ Артуромъ Скоресби.

Онъ сидѣлъ передо мною. Имя его я слышалъ тысячи разъ послѣ того славнаго дня, когда оно впервые блестящею звѣздой засіяло надъ полемъ битвы въ Крыму и затѣмъ облетѣло весь міръ. Съ какою жадностью я смотрѣлъ теперь во все глаза на этого полубога и читалъ въ чертахъ его лица исторію его величія. Какъ ясно отражалась въ нихъ—спокойствіе, сдержанность, благородная серьезность, скромная порядочность, идеальная простота и отсутствие самоувереннаго сознанія своего величія, сознанія сотни восхищенно-устремленныхъ на него глазъ, полныхъ выраженія глубокаго и искренно-любовнаго поклоненія.

По лѣвую руку отъ меня сидѣлъ мой старый пріятель—пасторъ. Онъ провелъ свои молодые годы въ лагерѣ, на поляхъ битвъ и на кафедрѣ Вульвичской военной школы. Когда я началъ распространяться передъ нимъ о восторженномъ настроеніи, которымъ была охвачена въ его глазахъ засвѣтился наемъливыи огонекъ. Наконецъ, наклонившись къ моему уху, онъ проговорилъ шепотомъ, указывая глазами на героя праздника:

— А вѣдь, между нами будь сказано, онъ непроходимый дуракъ!

Этотъ отзывъ поразилъ меня страшно. Будь его предметомъ самъ Наполеонъ, или Сократъ, или Соломонъ, мое изумленіе не могло-бы быть болѣе искреннимъ. Однако въ двухъ отношеніяхъ я не могъ сомнѣваться ни капельки: его пренодобіе было высоко правдивый человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ большой знатокъ въ людяхъ. Выходило, что весь міръ ошибается относительно этого героя: онъ — дуракъ! Но какими путями успѣлъ мой пріятель — пасторъ, одинъ среди всѣхъ — открыть эту тайну? Мнѣ чрезвычайно хотѣлось разъяснить этотъ вопросъ.

Скоро представился удобный случай удовлетворить мое любопытство, и вотъ что мой пріятель рассказывалъ мнѣ.

— Лѣтъ сорокъ тому назадъ, какъ вамъ извѣстно, я былъ однимъ изъ преподавателей въ Вульвичской военной академіи. Какъ-то разъ мнѣ пришлось присутствовать при отвѣтѣ, который давалъ учителю исторіи своего отдѣленія молодой Скоресби — вотъ этотъ самый герой нашъ. Дѣло было незадолго до экзаменовъ. Весь классъ отвѣчалъ бойко и хорошо, а онъ?.. Боже мой! Онъ не зналъ ничего, ну, что называется — рѣшилось ничего. Онъ самодовольно стоялъ передъ учителемъ и съ самой напивною простотою давалъ чудовищные по глупости и невѣжеству отвѣты. Мнѣ стало жаль его. Я рѣшился призапятаться съ нимъ. Оказалось, что онъ кое-что зналъ изъ исторіи Цезаря. На ней мы и остановились. Усиленно муштровкою — право, кажется, легче было-бы выучить танцевать собаку или лошадь — я добился наконецъ того, что онъ могъ отвѣчать на нѣкоторые вопросы по исторіи Цезаря. И что-же? Хотите вѣрете, хотите нѣтъ — Скоресби выдержалъ свой экзаменъ превосходно. Какимъ-то чудомъ, — случайность, выпадающая разъ въ 100 лѣтъ, — всѣ вопросы, которые были поставлены ему экзаменаторами, оказались именно вызубренными имъ со мною.

Конечно, это было трогательно. Я присутствовалъ на экзаменѣ и все время дрожалъ за моего Скоресби, но онъ побѣдоносно выходилъ изъ всѣхъ опасностей, свободно шагалъ черезъ препятствія, которыя воздвигали передъ нимъ не знавшіе нашего секрета экзаменаторы.

Однако, хотя онъ и прошелъ такъ счастливо экзаменъ исторіи, — ему грозила гибель въ учинахъ математики. Я опять принялся за него. Мнѣ удалось снова вбить ему въ голову нѣкоторый запасъ знаній, но вопросамъ, наиболѣе любимымъ профессорами. Представьте-же себѣ, — онъ получилъ первую награду!.. Да! Къ моему огорченію онъ получилъ первую награду, и ему была устроена цѣлая овація.

Съ недѣлю послѣ этого я не могъ успокоиться. День и ночь меня мучила совѣсть. Я не могъ допустить возможности того, что случилось. Вѣдь я, желая уберечь его лишь отъ полнаго провала, оказывалось, выдвинулъ его на дорогу блестящей карьеры, повысивъ и сопряженной съ нимъ опасной отвѣт-

ственности. Естественный и единственно возможный результатъ этого было не трудно предвидѣть: вмѣстѣ со своею отвѣтственностью онъ, очевидно, долженъ былъ постигнуть самымъ образомъ потерѣть неудачу при первомъ-же серьезномъ испытаніи.

Какъ разъ къ этому времени разразилась война: начиналась Крымская кампанія. Скоресби былъ назначенъ въ чинъ капитана въ полкъ, принадлежавшій къ дѣйствующей арміи. Несравненно болѣе достойные люди доживали до сѣдыхъ волосъ на тяжелой службѣ, не доходя до такого виднаго положенія. Но кто-же, Боже мой, могъ когда-нибудь подумать, что такая серьезная отвѣтственность будетъ возложена на такія слабыя плечи? Ну, если-бы еще его назначили поручикомъ —туда-сюда! а то, подумайте только — капитаномъ! Представьте себѣ, на что я, въ концѣ концовъ, рѣшился, — я, который такъ люблю покой! Я разсуждалъ такъ: я причина этого пагубнаго недоразумѣнія; значить, на моей обязанности лежить устранить по возможности его послѣдствія. И я вынулъ изъ банка мой маленькій капиталъ, накопленный годами экономіи, купилъ мѣсто капитана въ его-же полку, и мы отправились такимъ образомъ въ Крымъ вмѣстѣ.

И тамъ.. о, Боже мой!.. Это было нечто невозможное!.. Ошибки?.. Да онъ ничего, кромѣ ошибокъ, кромѣ ужаснѣйшихъ нецѣлостей, и не дѣлалъ. Но никто не зналъ нашей тайны. Всѣ смотрѣли на него, какъ на медальера изъ Вульвичской академіи, и въ каждой его глупости видѣли недопустимое для простыхъ смертныхъ вдохновеніе гения!.. И совершенно искренно, увѣряю васъ!.. Матѣйшею изъ его ошибокъ было-бы достаточно, чтобы обыкновенный здравомыслящій человѣкъ пришелъ бы въ отчаяніе. Я проклиналъ себя и судьбу. Но болѣе всего меня пугало то обстоятельство, что каждая новая глупость только усиливала блескъ его репутации, и глядя на это я не разъ думалъ, что если такъ будетъ продолжаться, мой Скоресби залетитъ, пожалуй, такъ высоко, что когда истина, наконецъ, откроется — произойдетъ всеобщій скандалъ!..

А Скоресби, между тѣмъ, шелъ отъ чина къ чину. Нашъ полковникъ былъ убитъ и на его мѣсто назначенъ Скоресби. „Ну, рѣшился я, — теперь не долго ждать катастрофы! Теперь все пропало!“

Моментъ былъ въ высшей степени критическій. Союзники отступали по всей линіи. Нашъ полкъ занималъ чрезвычайно важную позицію. Всякая ошибка была-бы фатальною и могла повести къ поражению. Что-же, думаете вы, сдѣлалъ тутъ нашъ безсмертный Скоресби? Онъ передвинулъ полкъ и повелъ его въ атаку противъ сошедшаго холма, на которомъ не было и слѣда непріятеля! Услышавъ команду, я подумалъ: „Вотъ оно, наконецъ!“

Полкъ тронулся и очутился на вершинѣ холма раньше, чѣмъ это безразсудное движеніе было замѣчено и остановлено. И представьте себѣ, что оказалось!.. За холмомъ были скрыты русскіе резервы! Вы, конечно, думаете, что мы были мгновенно уничтожены? Вы ошибаетесь! Русскіе подумали, что передъ ними вся англійская армія, перешедшая въ наступленіе, — вѣдь нельзя-же было, въ самомъ дѣлѣ, допустить, что одинъ полкъ, да еще въ такой моментъ, рѣшится на подобное движеніе! Послѣдовала панника. Русскіе бросились на свои собственные линіи, прорвали свой побѣдоносный центръ, увлекли за собою и его, — и неизбежное, казалось, пораженіе союзниковъ обратилось такимъ образомъ въ блестящую побѣду. Маршалъ Канроберъ былъ изумленъ, пораженъ, восхищенъ!.. Онъ послалъ за Скоресби, обнялъ его и украсилъ его грудь орденомъ тутъ-же, на полѣ битвы, въ присутствіи всей арміи.

Скоресби было приказано отодвинуться и поддержать наше правое крыло, — онъ, вмѣсто этого, двинулся впередъ и, черезъ холмъ, назывъ; но репутация блестящаго боевого генерала, которую онъ приобрѣлъ себѣ въ этотъ памятный день, и слава его не померкнутъ, пока будутъ существовать историческія книги.

Ему выпало на долю самое необычайное, феноменальное счастье. Онъ блисталъ во всѣхъ войнахъ нашего времени. Онъ въ продолженіе всей своей военной карьеры только и дѣлалъ, что глупости, но не было изъ нихъ, кажется, ни одной, которая не принесла-бы ему баронства, лордства или другой какой-нибудь награды. Грудь его вся увѣшана орденами: и каждый изъ нихъ — воспоминаніе какой-нибудь огромнѣйшей глупости. Взятые-же вмѣстѣ, они служатъ лучшимъ доказательствомъ той истины, что вѣрнѣйшее средство сдѣлать карьеру въ нашемъ мірѣ, это — родиться въ сорочкѣ.

* Необходимое примечаніе: Рассказъ этотъ — не выдумка, а дѣйствительная исторія, рассказанная мнѣ однимъ пасторомъ, который 40 лѣтъ тому назадъ былъ профессоромъ въ Вульвичской военной школѣ. Онъ ручался мнѣ за достоверность этой исторіи. М. Т.

На перевозѣ. Съ акварели (собств. «Нивы») академичка Н. Трутовскаго, грав. Шюблеръ.

Встрѣча императора Максимилиана его невѣстою, Марію Бургундскою. Съ карг. Л. Рейфенштейна, грав. Вагтерманъ

Путешествіе двухъ велосипедистовъ изъ Европы въ Азію.

Корреспонденція „Иввы“ изъ Пекина. (Портреты на стр. 68).

Въ Пекинъ 22 октября, подъ вечеръ, прибыли два молодые американца, гг. Сахтлебенъ и Алленъ, пробѣжавшіе на велосипедахъ черезъ Европу, Малую Азію, Персію, наши средне-азиатскія владѣнія и Китай.

Въ гостиницѣ графа Кассини, нашего посланника при китайскомъ правительствѣ, мнѣ удалось услышать изъ устъ путешественниковъ безыскусственный разсказъ о совершенномъ ими путешествіи.

Гг. Сахтлебенъ и Алленъ, окончивъ два съ половиною года тому назадъ курсъ въ Вашингтонскомъ университетѣ со степенью бакалавра, вздумали попутешествовать и посмотреть свѣтъ и людей. Не желая пользоваться обыкновенными средствами передвиженія, они рѣшили пересѣчь материкъ Европы, Азии и Америки на велосипедахъ*). Прибывъ изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль, они объѣхали Англию, Шотландію и Ирландію, перебрались во Францію и вдоль Ривьеры спустились въ Италію. Посѣтивъ главные итальянскіе города, они перекочевали въ Грецію и, неколебимъ страну классицизма и губокъ, явились въ Константинополь. На эти переѣзды, считая остановки, велосипедистами потрачено около года и хотя съ ними случалось въ теченіе этого времени кое-какія приключенія, но, по ихъ собственному признанію, ѣзда по Европѣ не болѣе какъ дѣтская забава.

Пробывъ въ Константинополѣ нѣсколько недѣль для того, чтобы изучить по книгамъ страны, которыя они намѣревались посѣтить, и ознакомиться съ самыми необходимыми словами языковъ турецкаго, персидскаго, русскаго и китайскаго, Алленъ и Сахтлебенъ тронулись въ путь 3-го апрѣля 1891-го года со станціи Гайдаръ-Паша (малоазиатскій берегъ Босфора), на двухколесныхъ англійскихъ велосипедахъ „Shimbertsafety“, весомъ по 40 фунтовъ каждый. Они взяли съ собою двѣ фотографическія камеры, жестянку съ масломъ для смазки велосипедовъ, кое-какія мелочи въ чемоданикѣ, географическія карты и 2 одеяла, — всего каждый изъ нихъ везъ, считая крайне несложную одежду, около 30 фунтовъ.

Путешественники направились черезъ Измидъ, Ангору, Цезарею, Сивасъ, Кара-Хиссаръ въ Эрзерумъ. Въ Сивасѣ Сахтлебенъ заболѣлъ тифомъ и пролежалъ 3 недѣли въ безсознательномъ состояніи; здѣсь же они потеряли еще и другое несчастье: мулъ на постояломъ дворѣ сломалъ спицы колеса одного изъ велосипедовъ, и мѣстные кузнецы не сумѣли его починить. Около Кара-Хиссара имъ пришлось перебираться въ бродъ черезъ потокъ, держа велосипеды на головахъ, при чемъ они едва не были унесены теченіемъ. Въ Эрзерумѣ ихъ пригласили въ ковакъ къ вали (губернатору), передъ которымъ они совершили нѣсколько эволюцій на велосипедахъ, возбуждвъ восторгъ собравшихся солдатъ и слугъ.

Прибывъ въ Ваззетъ, смѣлые американцы поднялись на вершину Арарата (до нихъ взбирались туда только двое русскихъ и двое англичанъ) и водрузили тамъ свой національный флагъ. Въ Малой Азии путешественники испытали не мало неприятностей отъ собакъ-овчарокъ, находящихся во множествѣ въ турецкихъ деревняхъ; собаки, науськиваемые жителями, съ яростью бросались на путешественниковъ, стараясь ихъ укусу или стащить съ велосипедовъ. Въ такихъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ револьверамъ и отстрѣливаться. Въ деревняхъ жители преслѣдовали ихъ криками „шайтанъ-арба“ (дьявольская телега), бросали камни и не позволяли остановиться; тутъ также нужно было пускать въ дѣло револьверы, но не для стрѣльбы, а лишь въ видѣ угрозы. Иногда турки выказывали чрезмѣрную любознательность — врывались въ помѣщенія, забирали путниковъ, и подъ угрозой отнять велосипеды, заставляли ихъ кататься взадъ и впередъ по улицѣ. Само собою разумѣется, что такое насильственное катаніе приходилось не по вкусу велосипедистамъ, утомленнымъ дневнымъ переѣздомъ, но приходилось покоряться волей-неволей. Всего путешественниками сдѣлано, какъ показалъ циклометръ, обозначившій обороты колеса, отъ Гайдаръ-Пашы до Ваззета 1,035½ англ. миль, приблизительно 1,553 версты; ѣхали они только днемъ.

Въ Персіи неутомимые янки прослѣдовали черезъ города Хой, Тавризъ (здѣсь одинъ изъ нихъ заболѣлъ жестокою холерою), Казвинъ и въ началѣ августа прибыли въ Тегеранъ. Въ столицѣ Ирана велосипедисты пробыли около двухъ мѣсяцевъ, пользуясь гостеприимствомъ своего посланника и приглашенными членами дипломатическаго корпуса. Хотя у нихъ было позволеніе китайскаго правительства, полученное еще въ Лондонѣ отъ представителя Цѣбесной имперіи, ѣхать черезъ Китай, но, уступая просьбамъ родныхъ и вѣдѣтіе практическихъ трудностей, они рѣшили ѣхать черезъ Туркестанъ и Сибирь и обратились въ Петербургъ за разрѣшеніемъ.

Въ виду приближенія зимняго времени и по совѣту посланника нашего въ Персію, г. Бюдова, путешественники выѣхали

изъ столицы Персіи 5 октября, направляясь въ Мешхедъ, гдѣ должны были выждать позволенія проникнуть въ русскіе предѣлы. Пробѣжавъ благополучно, если не считать недоразумѣній при расчетахъ съ хозяевами караванъ-сараевъ (постоялый дворъ), черезъ Шахрудъ, Аббасабадъ и Нишануръ, они достигли Мешхеда. Здѣсь неустрашимые американцы были приняты нашимъ генеральнымъ консуломъ г. Власовымъ, гостеприимствомъ коего пользовались нѣсколько дней. Не получая изъ Петербурга разрѣшенія въѣзда въ русскіе предѣлы, они, черезъ посредство консула, обратились къ начальнику Закаспійской области, генералу Куропаткину, который телеграммою разрѣшилъ имъ пріѣхать въ Асхабадъ. Отъ Мешхеда молодые люди поѣхали по вновь устроенному между нашими средне-азиатскими владѣніями и Персіею шоссе, черезъ Кучанъ, въ Асхабадъ.

По этому шоссе, показавшему имъ послѣ бездорожья Анатолиі и Персіи паркетомъ, они покатались со скоростью 75 миль (около 115 верстъ) въ день. До этого они дѣлали отъ 40 до 60 миль въ день, останавливаясь при закатѣ солнца. По словамъ ихъ, русская половина дороги, хотя и пересѣкаетъ горный хребетъ (Конеть-дагъ), лучше устроена и содержитъ исправнѣе персидской. Вообще, Персія произвела на американцевъ впечатлѣніе запустѣнія, нищеты и упадка. Всего по Персіи они проѣхали 1,351½ миль (около 2,127 верстъ).

На другой день послѣ прибытія въ Асхабадъ молодые туристы были приглашены на обѣдъ къ генералу Куропаткину, который обошелся съ ними чрезвычайно любезно и разрѣшилъ продолжать путь черезъ Туркестанъ. Въ виду невозможности ѣхать на велосипедахъ по сыпучимъ пескамъ, облегающимъ, какъ они передаютъ, даже желѣзнодорожное полотно, американцы отправились въ Бухару по Закаспійской дорогѣ въ особомъ вагонѣ, предоставленномъ въ ихъ распоряженіе. Прибывъ на станцію Бухара, путешественники, вопреки совѣту нашего дипломатическаго агента, г. Лессара, боявшагося за ихъ безопасность, поѣхали на велосипедахъ въ столицу эмира, отстоящую на нѣсколько верстъ отъ станціи. Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Бухарѣ, гдѣ они служили предметомъ жаднаго любопытства бухарцевъ, путешественники продолжали путь по желѣзной дорогѣ до Самарканда. Изъ этого города они, съ разрѣшенія генераль-губернатора, покатились въ Ташкентъ, куда прибыли въ концѣ ноября и поселились сначала въ гостиницѣ, а затѣмъ переехали въ частный домъ.

Въ то время они еще не излѣпили своего намѣренія ѣхать черезъ Сибирь, къ тому же русскіе, съ которыми имъ приходилось бесѣдовать, скептически относились къ возможности проникнуть въ Китай. Въ виду этихъ соображеній, они обратились въ Петербургъ за надлежащимъ разрѣшеніемъ, которое вскорѣ получили. Около семи мѣсяцевъ пробыли Сахтлебенъ и Алленъ въ Ташкентѣ, гдѣ съ ними обращались какъ съ родными, хотя вначалѣ, будто бы, относились съ нѣкоторымъ недоверіемъ. Молодые американцы выучились немного по-русски, свылклись съ тамошнимъ обществомъ и вообще чувствовали себя какъ дома. О Туркестанѣ и нашихъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ они отзывались съ восторгомъ, удивляясь порядку, благоустройству и нарождающейся подъ русскимъ владычествомъ цивилизаціи, представляющей полный контрастъ съ мрачными картинами Персіи и Анатолиі.

Въ началѣ мая Алленъ и Сахтлебенъ тронулись въ дальнѣйшій путь, направляясь въ г. Вѣрный, черезъ Чимкентъ и Аулие-ату. Въ Вѣрномъ они пользовались гостеприимствомъ губернатора Семирѣческой области, генерала Иванова. Для нихъ, между прочимъ, устроена была джиптовка, превосходная, по ихъ словамъ, ѣзду извѣстныхъ южно-американскихъ „cow-boys“ и гаучосовъ.

Пребываніе въ Вѣрномъ и знакомство съ русскимъ инженеромъ Гурде имѣло рѣшающее влияние на выборъ ими дальнѣйшаго маршрута. Гурде совѣтовалъ ѣхать черезъ Китай, говоря, что въ отношеніи топографическомъ они не встрѣтятъ препятствій, въ случаѣ же невозможности продолжать путь, они всегда могутъ повернуть на сѣверъ и ѣхать черезъ Сибирь. 4 июня американцы переѣхали пограничную рѣку Или и, послѣ остановки для обѣда на казачьемъ посту въ Хоргосѣ, распространились съ Россіею. По Средней Азии путешественники совершили пробѣгу въ 1,131 милю, приблизительно 1,697 верстъ, всего же отъ Константинополя до китайской границы они проѣхали 5,377 верстъ.

Въ Кульджѣ велосипедисты были приняты нашимъ консуломъ, г. Успенскимъ, предувѣдомленнымъ объ ихъ пріѣздѣ. Здѣсь, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, они окончательно рѣшили держать путь черезъ Китай. Въ Кульджѣ они пробыли около семи недѣль, собирая практическія указанія относительно предстоящаго пути и выжидая прибытія выписанныхъ изъ Лондона черезъ Томскъ велосипедныхъ принадлежностей (сидѣній, цѣпей, масла для смазки). Велосипеды, на которыхъ они прибыли въ Кульджу, шли отъ Аоинъ, а потому сильно поиз-

*) Одному изъ нихъ тогда было 22 года, а другому 24.

поислись. Въ виду трудности предстоящей дороги (до Пекина), они оставили все лишние вещи, сохранивъ, кроме одежды (рубашки, брюки и пояса) и двухъ одѣялъ, одну фотографическую камеру, жестянку масла для смазки велосипедовъ, пару револьверовъ, записныя книги, географическую карту и бритву (они поочередно брили другъ друга). Изъ лекарствъ они захватили примочку для глазъ, антипринъ и хининъ. Кроме русскихъ бумажныхъ денегъ, они запаслись пятью фунтами серебра въ кускахъ, а консулъ имъ снабдилъ ихъ чаемъ и сахаромъ. Всего каждый изъ нихъ везъ по 24 англ. фунта. Самы они везли безъ одежды—одинъ 149 ф. 8 ун., другой—136 ф. 8 ун.

Первую ночь по выѣздѣ изъ Кульджи, велосипедисты ночевали въ киргизскомъ становищѣ вмѣстѣ съ пастухами, которые отнеслись къ нимъ очень дружелюбно и угостили киргизнымъ чаемъ и бараньимъ жиромъ. Провожая ихъ, на другой день, киргизы показывали на шею, давая понять, что китайцы отрубаютъ имъ голову. Впрочемъ, такія же предостереженія они получали въ Кульджѣ и въ Ферномъ, а потому не обратили на это особеннаго вниманія. На четвертый день по выѣздѣ изъ Кульджи, отъ сотрясеній на невозможной горной тропинкѣ, сломалось колесико (вокругъ котораго обернута дѣля велосипеда) одного изъ велосипедовъ и продолжатъ путь оказалось невозможнымъ. Неупывающіе янки оставили велосипеды на храненіе въ киргизскомъ становищѣ и, захвативъ сломанное колесо, вернулись въ Кульджу.

Возвращеніе ихъ не возбудило особеннаго удивленія—все въѣзденныя были, что они, испытавъ первыя трудности, откажутся отъ безразсуднаго намѣренія проѣхать черезъ Китай. Неустрашимые путешественники, однако, обманули эти предположенія и, исправивъ съ помощью китайскаго кузнеца колесо, на другой же день поѣхали обратно до киргизской стоянки, гдѣ нашли велосипеды въ цѣлости. Они продолжали путь черезъ Манасъ (здѣсь они заѣхали свою обувь китайскими сандалями и носками, а фуражки круглыми китайскими фетрами), Урумчи, Гучень и Баркуль до Хами, сдѣлавъ до этого пункта 847 миль, около 1,271 версты. Нужно-ли говорить, что во время этихъ городахъ съ полудикимъ населеніемъ, путники возбуждали чрезвычайное любопытство; тысячи людей сбѣгались, чтобы увидѣть „самодвижущуюся машину“, „летающую тельгу“, „железнаго мула“—названія, данныя китайцами велосипеду. Обыкновенно, по пріѣздѣ въ городъ, къ нимъ являлись посланцы отъ губернатора или главнаго мандарина съ приглашеніемъ въ ямынь *) пообѣдать и показать свое искусство въ ѣздѣ. Въ Урумчи для нихъ была даже приготовленъ плацъ, служащій для войсковыхъ учений, и здѣсь они въ теченіе часа забавляли мандариновъ и толпы народа. Последній обыкновенно не довольствовался официальнымъ представленіемъ и, требуя повторенія, врывается на постоялый дворъ, вѣззаетъ въ комнату и не давалъ иногда заснуть цѣлую ночь. Въ одномъ селеніи ихъ вытаскили полуголыми изъ гостиницы и подъ угрозою смерти заставили ѣздить. Въ крайнихъ случаяхъ путешественники обращались къ властямъ и, желая спасти велосипеды отъ поломки, отдавали ихъ на храненіе въ ямынь до отъѣзда. Въ общемъ мандарины обращались съ ними любезно. Это объясняется тѣмъ, что большинство изъ нихъ было предвѣдомлено изъ столицы о проѣздѣ двухъ заморскихъ людей на желѣзныхъ лошадахъ и получило предписанія принять мѣры къ ихъ охранѣ. Во многихъ пунктахъ, за долго до пріѣзда велосипедистовъ, были расклеены официальныя афиши, предупреждавшія жителей о пріѣздѣ иностранцевъ и предписывавшія не дѣлать имъ зла.

Отъ Хами начинается Гобійская пустыня съ рѣдкими кочевьями помаровъ. По словамъ Аллена и Сахтлебена, это была самая тяжелая часть пути, и здѣсь они нѣсколько разъ были на волосокъ отъ гибели. До этого имъ удавалось, хоть и не всегда, проводить ночь то въ юртѣ, то на постояломъ дворѣ—въ Гобійской же степи имъ зачастую приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь возлѣ колодца съ соленою водой. Дурное качество этой воды, до-нельзя загрязненной проходящими караванами верблюдовъ, было причиною того, что Алленъ заболѣлъ. Волѣзнь значительно ослабила его силы и задержала обонхъ путниковъ въ пустынѣ. Такъ какъ желудокъ его не въ состояніи былъ переварить китайской пищи—лепешекъ на кушкучномъ маслѣ, лапши и другихъ произведеній китайской кухни, то товарищи съели для него нѣсколько сухарей-галетъ, коими онъ пробавлялся во время болѣзни. Немаловажнымъ пищевымъ подспорьемъ служилъ имъ русскій чай (черный) и сахаръ, который они покупили у встрѣчныхъ каравановъ. У нихъ же они вымѣнивали на серебро русскія деньги, избѣгая тратить свой металлическій фондъ, необходимый для дальнѣйшаго пути. Въ Пекинѣ они привезли лишь маленькій кусочекъ серебра, не больше рубля. Русскія деньги можно размѣнять, по ихъ словамъ, до самаго Хами. Въ городахъ можно купить русскія спички и мыло. Мыла они потратили нѣсколько кусковъ, такъ какъ стирали одежду (единственную) довольно часто въ встрѣчныхъ потокахъ и колодцахъ. Вымывъ рубашку, они вѣшали ее на ручку велосипеда, гдѣ ее скоро высушивалъ стеной вѣтеръ.

*) Присутственное мѣсто, судъ.

Проѣхавъ Гоби, они черезъ Ансичжоу, Цзяюгуань, Сучжоу и Лянчжоу добрались до Лань-чжоу-фу, главнаго города провинціи Гань-су, лежащаго на берегу Хуань-хэ. Въ Цзяюгуанѣ оканчивается Великая китайская стѣна, не представляющая, по словамъ путешественниковъ, ничего внушительнаго—это не болѣе, какъ земляной валикъ аршина два въ вышину. По доѣзда до Сучжоу, они, перебираясь въ бродъ черезъ рѣчку, были привѣтствованы на англійскомъ языкѣ китайскимъ мандариномъ, стоявшимъ на берегу. Мандаринъ оказался бывшимъ бельгійскимъ миссіонеромъ Сплингардомъ, нынѣ начальникомъ таможи въ Сучжоу. Сплингардъ зѣтъ 20 тому назадъ сопровождалъ знаменитаго путешественника и епископа барона Рихтхофена во время его путешествій по Китаю. Послѣ отъѣзда Рихтхофена, Сплингардъ остался въ Сучжоу и поступилъ на китайскую службу. Сплингардъ, не забывшій англійскаго языка, оказалъ путникамъ широкое, по мнѣнію китайское гостепримство. На американцевъ онъ провѣдъ впечатлѣніе настоящаго китайца; онъ женатъ на китайкѣ, посылъ кося и китайское платье. Отъ Хами до Лань-чжоу-фу велосипедистами сдѣлано было 896¹/₂ миль, около 1,344 версты.

Изъ Лань-чжоу-фу Алленъ и Сахтлебенъ продолжали путь черезъ Шинь-лян-фу до Си-ань-фу (473²/₃ миль—741 верста). Въ Шинь-лян-фу у нихъ произошло столкновеніе съ хозяиномъ гостиницы, гдѣ они почевали, едва не кончившееся трагически. Почти во всехъ постоялыхъ дворахъ, гдѣ имъ приходилось останавливаться, китайцы, пользуясь ихъ беззащитностью и незнаніемъ языка, старались содрать съ нихъ лишнее. Нѣсколько энергическихъ жестовъ, угроза револьверомъ, а главное—быстрое бѣгство на велосипедахъ, спасали ихъ отъ несправедливостей. На этотъ разъ хозяинъ гостиницы прибѣгъ къ обычной уловкѣ и, догнавъ не успѣвшихъ еще выѣхать изъ города путешественниковъ, остановилъ ихъ и держа велосипедъ за колесо съ бранью заявилъ, что данное ему серебро фальшивое. Во время начавшагося спора собралась огромная толпа, которая, крича и угрожая, обступила турнетовъ, при чемъ нѣкоторые схватились за велосипеды. Видя, что положеніе вещей становится серьезнымъ, одинъ изъ американцевъ схватилъ хозяина гостиницы за кося и отбросилъ его въ сторону; въ это время другой, держа револьверъ за дуло и пользуясь имъ какъ кистенемъ, нанеслъ удары направо и налево. Толпа отступила; вскочить на велосипеды и броситься въ образовавшійся промежутокъ, было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній, и поспѣвавшій градъ камней не причинилъ велосипедистамъ серьезнаго вреда. Вообще револьверы оказали имъ немаловажныя услуги, хотя стрѣлять изъ нихъ пришлось только въ собакъ.

Отъ Си-ань-фу (главный городъ провинціи Шань-си) неугомонные американцы продолжали путь къ сѣверу, черезъ города Туинь-гуань-тинъ, Шинь-ян-фу до Тай-юань-фу (главный городъ провинціи Шань-си), сдѣлавъ 502¹/₂ миль—753 версты. Все названные города, по описанію путешественниковъ, крайне грязны, зловонны и на половину въ развалинахъ. Около Шинь-ян-фу хозяинъ постоялаго двора потребовалъ болше, чѣмъ было условлено, и турнетамъ пришлось отбиваться отъ собравшейся толпы, угрожая револьверами. Послѣ этого пункта путники сбѣгли съ дороги, что случилось и раньше, благодаря ложнымъ указаніямъ, даваемымъ китайцами, и напрасно проѣхали до Тай-юань-фу. Здѣсь они остановились для починки велосипеда. Однако кузнецъ не могъ справиться съ такою трудностью, и мандаринъ, завѣдующій телеграфомъ, прислалъ проволоку, которою и скрутили расхлябанную машину.

Отъ Тай-юань-фу они направились черезъ Чжень-динь-фу и Баодинь-фу (главный городъ Джилгійской провинціи) и прибыли въ Пекинъ, сдѣлавъ 396¹/₂ миль. Всего въ предѣлахъ Китайской имперіи они проѣхали приблизительно 4,674 версты, а отъ Константинополя до Пекина ими сдѣлано около 10,051 версты.

Кромѣ холода, голода, жажды, утомленія и назойливости или враждебности людей и собакъ, путешественники не мало страдали отъ укушеній москитовъ, комаровъ и насѣкомыхъ, коими изобилуютъ китайскіе постоялыя дворы. Спать приходилось, да и то не всегда, на грязныхъ канахъ (лежанка изъ кирпича въ китайскихъ домахъ), покрытыхъ циновками, рѣвниво оберегая велосипеды, необходимыя вещи и небольшой запасъ серебра отъ вороватыхъ и вѣроломныхъ китайцевъ (въ китайскихъ домахъ нѣтъ замковъ, а часто и дверей). Отъ Кульджи до Пекина, т. е. въ теченіе 75 дней, велосипедисты не мѣняли платья, а для поддержанія чистоты купались въ встрѣчавшихся по дорогѣ рѣчкахъ и потокахъ.

Несмотря на совершенный ими невѣроятный подвигъ,—такъ назовутъ это путешествіе люди знакомые съ азіатскими странами и населеніемъ,—Алленъ и Сахтлебенъ держатъ себя съ большою скромностью, приписывая успѣхъ предпріятія болше счастью, чѣмъ выказаннымъ имъ хладнокровію, смѣлости, выносливости и энергіи. Рассказывая о пребываніи своемъ въ Туркестанѣ, они сознаются, что сильно сомѣшались, чѣмъ бы русскія власти, оберегающія эту страну отъ нескромныхъ взоровъ иностранцевъ, позволили имъ переступить границу. При этомъ они вспомнили попытку англійскаго велосипедиста Томаса Ивена проникнуть въ средне-азиатскія владѣнія Рос-

сін, окончившуюся неудачей. Ивентъ, не пайдя возможнымъ проѣхать черезъ Китай съ запада на востокъ, попытался сдѣлать наоборотъ, т. е. начать съ востока, но проѣхавъ немного отъ Кантона, былъ арестованъ китайцами и отправленъ въ Шанхай.

Изъ Пекина американцы отправились черезъ Шанхай въ

Япоію. Изъ Япоіи они намѣрепы переѣхать въ Санъ-Франциско и переѣчь на велосипедахъ Соединенные Штаты до Нью-Йорка, пункта ихъ первоначального отправления. То, что остается сдѣлать—ничто въ сравненіи съ совершеннымъ.

И Коростовець.

Пекинъ, 24 октября 1892 года.

Къ рисункамъ.

Запорожцы на развѣдкахъ. (Рис. на стр. 53).

Кто не слышалъ про запорожцевъ, разгульныхъ и лѣнивыхъ въ мирное время, неутомимыхъ и страшныхъ на войнѣ. Сѣчь, какъ рассказываетъ Гоголь, превосходно описавшій казацкую волюнду въ „Тарасѣ Бульбѣ“, не любила затруднять себя военными упражненіями, когда не надо было воевать. Занимались казаки только стрѣльбою въ цѣль, да изрѣдка конною скачкою и гонбою за вѣтромъ въ степяхъ и лугахъ. Во время войны любившіе поблажничать и полѣниться запорожцы были неузнаваемы. Не даромъ сосѣди ихъ старались всячески заручиться ихъ расположеніемъ и не вызывали грозныхъ набѣговъ. Польскіе короли отдавали запорожцамъ города и признавали за ними всякія волюности. Съ 1589 года, когда начались неприязненные отношенія казаковъ къ Польшѣ, въ исторіи ея записано не мало кровавыхъ страницъ ужасныхъ поражений, нанесенныхъ запорожцами полякамъ при Трубежѣ, Альтѣ, Желтыхъ-Водахъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ 1733 году запорожцы просили императрицу Анну Иоанновну принять ихъ „подъ свою высокую руку“. Съ этого времени начинается упадокъ Сѣчи, которая окончательно уничтожена въ 1775 г. Екатериною Великою.

Рисунокъ Ральфа Штейна изображаетъ казацкую волюнду на развѣдкахъ, когда они изъ-за высокой травы зорко выслѣживаютъ неприятеля.

Литературный альбомъ „Ангель Смерти“, М. Лермонтова. (Рис. на стр. 56).

Есть Ангель Смерти; въ грозный часъ
Послѣднихъ мукъ и разставанья
Онъ крѣпко обнимаетъ насъ;
Но холодна его лобзанья,
И страшнѣ видъ его для глазъ
Безильной жертвы; и невольно
Онъ заставляетъ трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Послѣдній вздохъ ему отдать...

Однажды „почти безъ чувствъ, почти безъ думъ“, лежала на ложѣ смерти „младая Ада“, подруга изгнанника Зораима.

У изголовья, пораженный
Боязью тайной, Зораимъ
Стоитъ, колѣнопреклоненный,
Тоской отчаянья томимъ...
Въ то время Смерти Ангель нѣжный
Летѣлъ черезъ южный небосклонъ;
Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятежный.
Къ нещербѣ подлетаетъ онъ.
Тоску послѣдняго мученья
Духъ смерти усладить хотѣлъ,
И на устахъ покорной Ады
Свой поцѣлуй нанечатлѣлъ.

Но тутъ вдругъ Ангель Смерти почувствовалъ въ душѣ сожалѣнье.

Онъ отнялъ все у Зораима...

И Ангель Смерти, желая вознаграждать страдальца, оживилъ

трупъ дѣвы, но не на радость Ады, какъ это помнятъ всѣ, прочитавшіе превосходную повѣсть Лермонтова.

Вѣтки звенять. (Рис. на стр. 57).

Точно хрусталемъ, послѣ оттепели наступившій сразу морозъ покрылъ ледяною корочкою вѣтви деревьевъ, которыя отъ тяжести необычнаго убора свѣсились книзу. Точно струйки воды блестятъ обледѣнныя сучья на зимнемъ солнцѣ и при вѣтрѣ позвякиваютъ другъ о друга. Говорятъ, существуетъ повѣрье, что этотъ звонъ предвѣщаетъ добро или худо, смотри по тому, каковъ онъ, — и простой человекъ, пробравшій въ такую пору по лѣсу, чутко прислушивается, что скажутъ ему ледяныя вѣтки. Въ самомъ дѣлѣ, въ сугубеномъ, морозномъ воздухѣ всякій звукъ дѣлается слышимѣе и чудится иногда какой-то необъяснимый звенящій гулъ, но всей вѣроятности давній основаніе зародиться повѣрью о звенящихъ вѣткахъ.

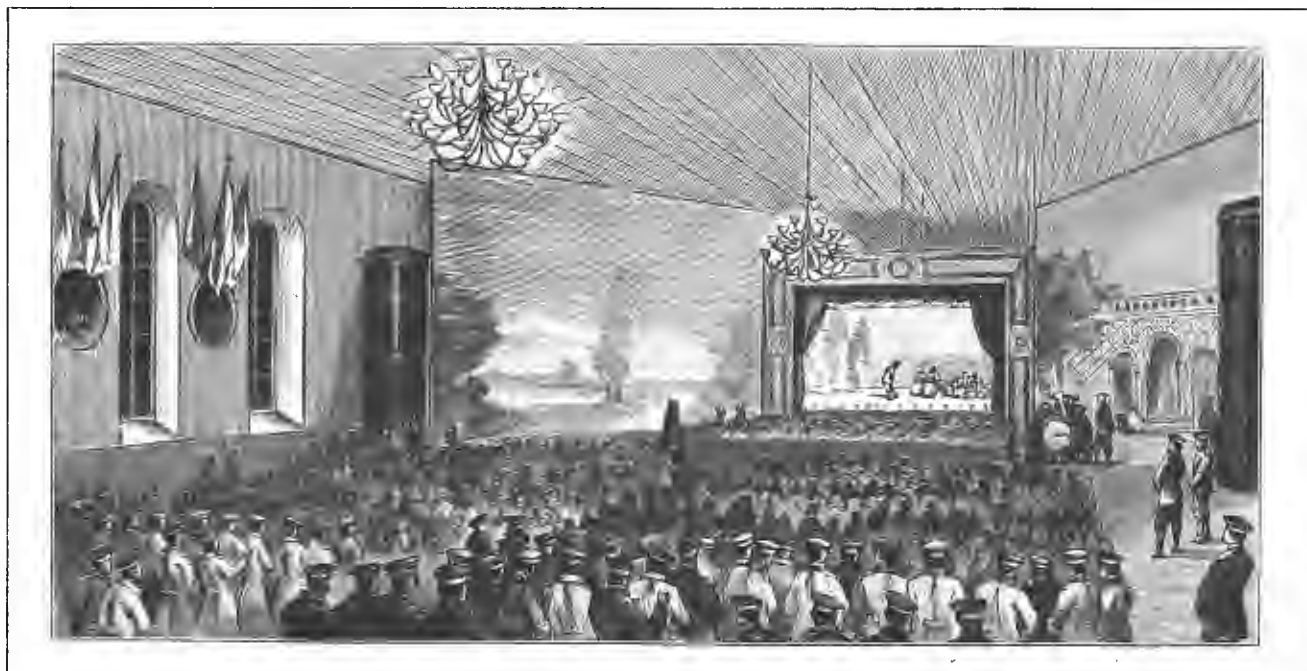
Шарль Гуно.

(Портр. на стр. 61).

Знаменитому автору „Фауста“ исполняется въ текущемъ году 75 лѣтъ; едва ли ужъ можно ожидать чего-либо новаго въ эти годы отъ композитора, лишущаго уже 40 съ лишнимъ лѣтъ; и творческія силы имѣютъ свою предѣльную границу; тѣмъ болѣе, что со времени „Сень-Марса“, послѣдней его оперы, Гуно, кажется, ничего не готовитъ для своихъ многочисленныхъ поклонниковъ и почитателей. Да если-бы онъ и создалъ даже нѣчто гениальное, то все-же сдѣланное имъ до сихъ поръ имѣетъ свою опредѣленную физиономію и извѣстный музыкально-литературный цвѣтъ, который едва ли измѣнится отъ новыхъ лавровъ, если-бы таковыя пришлось еще вилести въ его художественный вѣнокъ. Гуно въ предѣлахъ своей сорокалѣтней композиторской дѣятельности высказался весь, или, во всякомъ случаѣ, настолько ясно и опредѣленно, что итогъ ея можетъ быть выведенъ во всякое время.

И странное дѣло, — каждый разъ, когда заговоришь о Гуно, невольно какъ-то на первый планъ выступаетъ его опера „Фаустъ“; невольно забываешь обо всемъ, написанномъ Гуно до него и послѣ него, точно онъ только одного „Фауста“ и создалъ. А между тѣмъ это не вѣрно; до „Фауста“, поставленнаго въ 1859 году, когда автору было 41 годъ (родился въ 1818 году въ Парижѣ), Гуно пробовалъ свои силы и на поприщѣ церковной музыки (мессы, кантаты, концерты), и симфоніи, и оперы, какъ драматической („Сафо“, хоры къ трагедіи Понсара „Улиссъ“, „Кровавая монахиня“ и др.), такъ и комической („Лекаръ по неволѣ“ на сюжетъ Мольера того же названія). Да и послѣ „Фауста“ имъ написаны: „Филемонъ и Бавкида“, „Савская царица“, „Ромео и Джульетта“, „Сень-Марсъ“ и др.; мы называемъ только главнѣйшія его произведенія, разумѣется.

Исключительное преимущество „Фауста“ между всѣми сочиненіями Гуно объясняется можетъ-быть тѣмъ, что въ этой оперѣ, какъ въ фокусѣ, отразились всѣ лучшія стороны громаднаго таланта его; не напиши онъ „Фауста“, остальные оперы, имѣвшія только succès d'estime, не создали-бы ему имени первокласснаго композитора и даже, пожалуй, не выдвинули-бы его на первый планъ между многочисленными современными французскими композиторами. И наоборотъ, напиши онъ только одного „Фауста“, слава его отъ этого не уменьшилась-бы. Мало того, когда слушаешь или переигрываешь какую-

Спектакль нижних чиновъ въ манежъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка.

Рис. съ натуры для „Нивы“ Г. Бrolлинга, грав. Хелмицкій.

Общій видъ манежа во время спектакля.

Сцена изъ водевиля „Школьный учитель“, въ исполненіи нижнихъ чиновъ Библиотека "Руниверс"

побудь его оперу, написанную до или послѣ „Фауста“, въ первомъ случаѣ говоришь: тутъ виденъ будущій творецъ „Фауста“, а во второмъ случаѣ: авторъ „Фауста“ повторяется.

Не забудемъ при этомъ, что „Фаустъ“ не имѣлъ успѣха при первой постановкѣ, какъ и многія произведенія, которыя сразу не были оцѣнены публикой и критикой (напр. „Карменъ“ Бизе, ставшая въ настоящее время столь популярной); неуспѣху „Фауста“ на первыхъ порахъ изумляться, впрочемъ, нечего: былъ живъ Меерберъ, безгранично и по праву царившій на всѣхъ сценахъ, и на французскихъ въ особенности. Но вотъ постепенно начинаютъ прислушиваться къ этимъ чуднымъ звукамъ; сначала правится только третій актъ (въ саду); потомъ начинаютъ находить „весьма недурнымъ“ и четвертый; понемногу прислушиваются къ первымъ двумъ дѣйствіямъ — и здѣсь кое-что находятъ хорошее и, наконецъ, вся опера становится *первоклассной*.

Послѣ „Фауста“ наибольшій успѣхъ имѣла опера Гуно „Ромео и Джульетта“, хотя она во многомъ составляетъ повтореніе своего предшественника и навѣрное считалась бы первой его оперой, если-бы не существовалъ все тотъ-же „Фаустъ“; по поводу сюжета „Ромео“ весьма мѣтко выразился Россини, когда его спросили, почему онъ не напишетъ оперы на эту тему: „это будетъ любовный дуэтъ въ пяти дѣйствіяхъ“. И дѣйствительно, по Гуно „Ромео“, который кетати въ скоромъ времени возобновляется на Марининской сценѣ для гастролирующей у насъ г-жи Фостреъмъ, есть въ сущности любовный дуэтъ, придающій всей оперѣ окраску монотонности. Еще меньше интереснаго представляетъ послѣдняя опера Гуно „Севъ-Марсъ“, имѣвшая, какъ и „Ромео“, успѣхъ, благодаря обаятельному имени автора, обожаемаго французской публикой, умѣющей, въ противоположность русской, цѣнить прескнія заслуги своихъ выдающихся дѣятелей.

И такъ, въ дѣятельности Гуно мы видимъ слѣдующія особенности: во-первыхъ, онъ не разбрасывался, какъ многіе современные композиторы, берущіеся за всѣ роды музыкальнаго письма. Во-вторыхъ, Гуно не насловала своего творчества; онъ бралъ сюжеты, которые подходили къ характеру его дарованія и давалъ свои вещи исполнителямъ законченными, отдѣланными; въ его творчествѣ не видно слѣдовъ торопливости, какъ у многихъ другихъ, готовыхъ писать и по заказу, разъ это выгодно оплачивается, — и въ этомъ смыслѣ Гуно является служителемъ чистаго искусства. Кроме того, насколько извѣстно изъ его многочисленныхъ биографій, онъ всегда былъ чуждъ уличной рекламы и новомодной шумихи, на которыя такъ падки его соотечественники (Массенэ и др.). Словомъ — это художникъ, который жилъ искусствомъ и для него. Его „Фаустъ“ остается цѣннымъ вкладомъ не только во французскую оперную литературу, но и въ обще-европейскую.

В. Басинъ.

На перевозѣ. (Рис. на стр. 64).

Измурденно пеленою раскинулся дугъ отъ самой рѣки до прилѣзка, изъ-за котораго потянулся шершавый кустарникъ въ гору съ величавою церковью на вершинѣ. Издали запри-мѣтлѣя молодой лодочникъ, какъ къ перевозу приближалась молодая дѣвушка, за нею торопливо плелась ветхая старуха, — и смѣхнулся. Но чѣмъ ближе была дѣвушка къ перевозу, тѣмъ насмурише становилось лицо парубка, и когда она подошла къ лодкѣ и протянула руку, онъ только сурово поглядывалъ на нее и грозно „бровями моргаетъ“, не обращая вниманія на уговоры засидѣвшейся въ лодкѣ женщины поторопиться на другую сторону. Смущенно опустила дѣвушка ясныя очи книзу и покраснѣла, какъ макъ въ цвѣтѣ. А старуха богомолка „баба мудралъ“ что-то тутъ разумѣетъ и лукаво улыбается.

Встрѣча императора Максимилиана съ невѣстой.

(Рис. на стр. 65).

Послѣдній рыцарь на тронѣ, какъ величаютъ Германскаго императора Максимилиана I, восемнадцати-лѣтнимъ юношею женился, 6-го августа 1477-го года, на Маріи Бургундской, дочери и наследницы Карла Смѣлаго. Бракъ этотъ повлекъ за собою продолжительную войну съ Французскимъ королемъ Людовикомъ XI, домогавшимся Бургундіи. Супружество Максимилиана и Маріи не было продолжительнымъ и, оставивъ своему сыну-ру двухъ дѣтей, Филиппа и Маргариту, Марія скончалась въ 1482 году за одиннадцать лѣтъ до вступленія своего супруга на Германскій престолъ. Свою поѣздку къ невѣстѣ со всѣми приключеніями счастливый Максимилианъ описалъ въ стихахъ подъ названіемъ Theuerdank, давшихъ содержаніе для блестящей картины Лео Рейфенштейна, гравюра съ которой помѣщена на стр. 65.

Спектакль нижнихъ чиновъ въ манежѣ лейб-гвардіи Московскаго полка. (Рис. на стр. 69).

Изобрѣтательность и смѣлка русскаго человѣка давно вошли въ пословицу. Дѣйствительно, есть въ нашемъ характерѣ способность не только приоровиться ко всевозможнѣйшимъ обстоятельствамъ, но иногда положительно, что называется, изъ ничего сдѣлать весьма многое. Эта яркая и типичная чер-

та русскаго человѣка въ особенности выразилась въ нашемъ солдатѣ: нѣтъ, кажется, затрудненія, изъ котораго бы онъ не вышелъ съ честью, и нѣтъ положенія, къ которому онъ не сумѣлъ бы приспособиться. И всегда онъ веселъ, никогда не унываетъ. Такъвъ онъ на войнѣ, такъвъ онъ и у себя дома. Эта домашняя, казарменная его жизнь не отличается, какъ извѣстно, большимъ разнообразіемъ и, кажется, отнюдь уже не даетъ матеріала для веселья. А между тѣмъ посмотрите, какъ весело проводятъ нашъ солдатикъ въ казармахъ свободное отъ занятій время. Тамъ устраиваются даже балы и спектакли. Обыкновенно выбираютъ какой-нибудь праздникъ, рогачный наприимѣръ, и готовятъ къ нему. Представленіе состоитъ или изъ изобрѣтенныхъ домашнимъ образомъ сценъ изъ военной жизни, или же изъ излюбленныхъ, своеобразныхъ пьесъ собственно солдатскаго репертуара, въ родѣ „Царя Максимилиана“... Костюмы дѣлаются тоже домашнимъ способомъ. Эполеты — изъ фольги и цвѣтной бумаги, орденъ — изъ крышекъ коробокъ отъ сардинъ и т. д. И, несмотря на это, кто видѣлъ такія представленія, долженъ сознаться, что они вовсе не такъ плохи, какъ это можно подумать. Очень часто само начальство — офицеры принимаютъ такую затѣю солдатъ подъ свое покровительство и придаютъ ей разумѣется болѣе осмысленное содержаніе. Такимъ образомъ устраиваются настоящіе солдатскіе спектакли, доставляющіе не мало удовольствія и зрителямъ, и самимъ актерамъ.

Лейб-гвардіи Московскій полкъ давно уже предоставляетъ для нижнихъ чиновъ своихъ развлеченія такого характера, и устраиваемые въ его манежѣ спектакли пользуются исполнителями заслуженной репутацией.

Во время прошлыхъ праздниковъ и въ нынѣшнемъ сезонѣ былъ устроенъ спектакль въ манежѣ полка. Было исполнено оркестромъ и хоромъ нѣсколько музыкальныхъ нумеровъ, а потомъ шли двѣ пьесы: извѣстный водевилъ Каратыгина „Школьный учитель“ и комедія „На мирныхъ квартирахъ“. Особенно характеренъ былъ водевилъ, въ которомъ роль Галиматъяса, учителя, игралъ ун.-оф. Лушиковъ; Шарлотту, дочь его, — ун.-оф. Поповъ; помощника мера — ряд. Молодцовъ; г-на Фрито, совѣтника префектуры — п. д. фел. Клещевниковъ; вдовы Шамуляръ — ряд. Аманъ; Патро, булочника — ряд. Крыловъ и т. д. Всѣ они были очень типично загримированы и прекрасно носили костюмы, какъ это видно на нашемъ рисункѣ, исполненномъ съ натуры, при тщательномъ соблюденіи всѣхъ подробностей. Въ верхней части рисунка изображенъ самый видъ манежа во время представленія.

А. В. Гадолинъ. (Портр. на стр. 72).

Прискорбную утрату понесла наша Императорская Академія Наукъ въ концѣ минувшаго года: изъ среды ея членовъ угасть человѣкъ, полный силы и энергіи, человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, прямымъ и честнымъ характеромъ, глубокой ученый, примѣнявшій свои ученые изслѣдованія къ практической жизни, — не стало ординарнаго академика, генерала-отъ-артиллеріи Акселя Вильгельмовича Гадолина. Онъ скончался 15 декабря минувшаго года, 64-хъ лѣтъ отъ роду.

А. В. Гадолинъ родился 12 июня 1828 года, получилъ первоначальное воспитаніе въ Финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ прошелъ полный курсъ въ Михайловской артиллерійской академіи. Съ раннихъ лѣтъ, почти съ производства въ офицеры въ 1847 году, онъ посвятилъ себя наукѣ и скоро приобрѣлъ въ ней выдающееся положеніе, какъ преподаватель и передовой дѣятель.

Ученыя заслуги его рано обратили на себя вниманіе Академіи Наукъ. Въ 1867 году появились его „Выводы всѣхъ кристаллографическихъ системъ и ихъ подраздѣленій изъ одного общаго начала“ (*Записки Императорскаго Русскаго Минералогическаго Общества*, т. IX) и уже въ слѣдующемъ году „Выводы“ увѣнчаны были Ломоносовскою преміею. Кристаллографическія, минералогическія и геогностическія работы Акселя Вильгельмовича, отличающіяся богатствомъ новыхъ данныхъ, были по достоинству оцѣнены Академіею Наукъ; въ 1873 году она избрала его въ свои члены-корреспонденты.

Вслѣдствіи А. В. Гадолинъ отъ кристаллографіи перешелъ къ изслѣдованію такихъ явленій сѣвленія, которыя имѣли весьма важное значеніе въ артиллеріи. Сюда относится масса его трудовъ чисто специальныхъ, изъ которыхъ многіе были переведены на французскій языкъ и напечатаны въ *Revue de Technologie militaire*, т. III 1863 г. Формулы, предложенныя Гадолиннымъ, послужили основаніемъ для вычисленія и изготовленія орудій большого калибра какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ европейскіхъ государствахъ.

Практическія указанія, данныя Гадолиннымъ на Пермскомъ пущечномъ заводѣ, прекратили случившіяся на немъ до того времени отрывы казенныхъ частей орудій. Кроме многочисленныхъ научныхъ изслѣдованій А. В. Гадолина, коимъ онъ посвящалъ всѣ свои досуги, онъ, какъ профессоръ Артиллерійской академіи и Технологическаго института, составилъ нѣсколько руководствъ, имѣвшихъ значеніе самостоятельныхъ работъ. Къ числу такихъ руководствъ принадлежатъ: 1) Курсъ о горючихъ матеріалахъ и печакъ; 2) Технология дерева; 3) О приготвленіи пороха; 4) Курсъ о станкахъ для обработки

металла; 5) Курсы о чугуно-литейномъ производствѣ, и многіе другіе.

Всѣ эти работы дали Гадолину извѣстность въ ученномъ мѣрѣ, и 5 декабря 1875 г. онъ былъ избранъ и утвержденъ экстраординарнымъ академикомъ по физикѣ.

Состоитъ профессоромъ и инспекторомъ классовъ Михайловской артиллерійской академіи и училища, инспекторомъ мѣстныхъ арсеналовъ и участвуя въ разныхъ комитетахъ по техническимъ артиллерійскимъ вопросамъ, Аксель Вильгельмовичъ не имѣлъ возможности посвящать себя наукѣ въ той мѣрѣ, какъ ему хотѣлось этого. Со вступленіемъ въ Академію Наукъ онъ намѣренъ былъ отказаться отъ должности инспектора арсеналовъ, чтобы имѣть возможность предаться своимъ ученымъ трудамъ. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдать эту должность, вспыхнула Турецкая война и ему пришлось остаться на своемъ мѣстѣ. По окончаніи войны, послѣдовавшій въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ реформы также отвлекли Гадолина отъ ученыхъ работъ; но лишь только онъ могъ освободить себя отъ прямихъ своихъ служебныхъ обязанностей, какъ наука обогатилась новымъ его послѣдованіемъ, помѣщеннымъ въ мемуарахъ Императорской Академіи Наукъ, „О законахъ измѣлимости вѣтра“. Глубокія математическія познанія дозволили А. В. Гадолину подвергнуть подробному анализу вопросъ объ измѣлимости вѣтра и вывести изъ него математическое выраженіе, применимое ко многимъ случаямъ. Этотъ трудъ Гадолина устанавливаетъ совершенно новое воззрѣніе на способы обработки явленій вѣтра въ данномъ мѣстѣ и представляетъ рѣшительный шагъ впередъ въ этой области. Эти совершенно новые выводы заставили Академію Наукъ выразить свое вниманіе къ ученымъ заслугамъ А. В. Гадолина избраніемъ его 1 декабря 1890 года въ ординарные академики.

Нѣтъ сомнѣній, что ученый мѣръ и техника ожидали въ будущемъ многого отъ неутомимаго послѣдователя, но ранневременная кончина его пресѣкла всѣ надежды. Но само собою разумѣется, имя Акселя Вильгельмовича Гадолина не умретъ ни въ стѣнахъ Академіи Наукъ, ни среди учрежденій, въ которыхъ или онъ самъ, или черезъ своихъ многочисленныхъ учениковъ имѣлъ возможность свои теоретическіе выводы примѣнить къ практической жизни и ея потребностямъ.

А. Хвостовъ.

П. А. Кочубей. (Портр. на стр. 73).

Въ ночь на 22-е декабря минушаго года, послѣ продолжительнаго тяжкаго недуга, скончался въ собственномъ имѣніи — с. Згуровка, Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи, Петръ Аркадьевичъ Кочубей, оплакиваемый своими бывшими крестьянами, для которыхъ онъ былъ отцомъ-бариномъ и учителемъ. Не говори уже о томъ, что покойный Петръ Аркадьевичъ сидѣлъ да рядомъ постукался своими интересами въ пользу своихъ крестьянъ, помогалъ имъ и словомъ и дѣломъ, онъ рациональными сельско-хозяйственными мѣрами упрочилъ ихъ хозяйство на многіе годы. Желая развитъ кустарное производство, П. А. Кочубей почти въ каждомъ своемъ имѣніи устроилъ на собственныхъ средства ремесленные школы для

кустарей, которыя уже дали не мало хорошихъ столяровъ, саножниковъ, маляровъ и проч.

24-го декабря крестьяне с. Згуровки и другихъ деревень, принадлежащихъ П. А. Кочубею, несмотря на канунъ великаго праздника Рождества, явились, почти поголовно, отдать послѣдній долгъ горячо и искренно любимому помѣщику, котораго они въ этотъ день хоронили.

Покойный П. А. Кочубей происходилъ изъ славнаго дворянскаго рода знаменитаго Кочубея и принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ меценатовъ и крупныхъ общественныхъ дѣятелей. П. А. родился 17-го іюня 1825 г., въ городѣ Орлѣ, гдѣ его отецъ былъ губернаторомъ. Первоначальное образованіе получилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, откуда былъ выпущенъ офицеромъ въ гвардейскую конную артиллерию; высшее образованіе П. А. Кочубей получилъ въ Михайловской артиллерійской академіи и закончилъ его за-границей, гдѣ онъ много занимался математическими науками, минералогіей и особенно химіей, слушая въ 1848 г. лекціи у знаменитѣйшихъ тогдашнихъ профессоровъ: Либиха и Шевреля.

По возвращеніи изъ-за границы, онъ нѣкоторое время былъ преподавателемъ химіи въ Михайловской артиллерійской академіи, а затѣмъ былъ назначенъ ординарцемъ къ его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Александру Николаевичу; какъ только императоръ Александръ II взошелъ на престолъ, П. А. Кочубей былъ назначенъ къ его величеству въ флигель-адъютантомъ. Состоя еще при наследникѣ цесаревичѣ, П. А., по порученію его высочества, предпринялъ поѣздку за границу съ научною цѣлью, для ознакомленія съ химическими лабораторіями Бельгіи и Германіи; по возвращеніи имъ было напечатано описаніе этихъ лабораторій съ атласомъ чертежей. Въ кружкѣ близкихъ П. А. лицъ созрѣла мысль объ учрежденіи Императорскаго Техническаго Общества. Въ 1867 году онъ былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя, а въ 1873 году предсѣдателемъ этого учрежденія. вмѣстѣ съ покойнымъ Н. В. Исаковымъ, П. А. учредилъ музей прикладныхъ знаній. Обладавъ большимъ богатствомъ, Кочубей и самъ собиралъ коллекціи художественныхъ и научныхъ рѣдкостей. Особенно интересовался покойный минералогіей, и его коллекція минераловъ представляетъ одну изъ лучшихъ, существующихъ въ Россіи. Кочубей поощрялъ, не щади своихъ средствъ, научныя экскурсіи по изысканію минераловъ и устроилъ въ 80-хъ годахъ, живя въ Петербургѣ, такъ называемыя „минералогическія пятницы“, на которыя собирався для научныхъ бесѣдъ горные инженеры во главѣ съ покойнымъ Кокшаровымъ. Кочубей былъ близкимъ другомъ Кокшарову, много содѣйствовалъ ему въ собираніи матеріаловъ по минералогіи и переехавъ нашего извѣстнаго минералога только нѣсколькими часами. За труды по минералогіи и за пожертвованія покойный былъ избранъ въ почетные члены Академіи Наукъ.

П. А. Кочубею покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ II былъ подаренъ замокъ Мазены, гдѣ нѣкогда былъ замученъ его пращуръ. Замокъ этотъ и до сихъ поръ поддерживается въ первоначальномъ его видѣ.

А. Хвостовъ.

Разныя извѣстія.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА

Его Свѣтлости, Эмиру Бухарскому, Сень-Абдуль-Ахатъ-хану.

Во вниманіе къ постояннымъ заботамъ вашимъ о сохраненіи наилучшихъ отношеній управляемаго вами народа къ Россійской Имперіи и о благополучномъ и успѣшномъ теченіи взаимныхъ дѣлъ и въ изъявленіе особаго Нашего къ вамъ благоволенія, препровождаемъ при семъ къ Вашей Свѣтлости брильянтовые знаки Императорскаго ордена Нашего святого благовѣрнаго князя Александра Невскаго, для пошенія оныхъ по установленію.

Пребываемъ къ вамъ навсегда благоклонны.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ С.-Петербургѣ.
2-го января 1893 года.

— Въ пятницу, 1-го января, въ день Нового года и рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича, въ Зимнемъ Дворцѣ происходилъ Высочайшій выходъ.

— Въ воскресенье, 3 января, въ Мраморномъ дворцѣ совершенно святое крещеніе новорожденнаго Князя Императорской крови Его Высочества Олега Константиновича.

— 7 января отпразднована серебряная

свадьба Ихъ Высочествъ Принца Александра Петровича и Принцессы Евгении Максимилановны Ольденбургскихъ.

— Дѣйствительный тайный совѣтникъ М. Н. Островскій, министръ Государственныхъ Имуществъ, назначенъ предсѣдателемъ Департамента законовъ Государственнаго Собранія, съ увольненіемъ отъ прежней должности.

— Управляющій министерствомъ Путей Сообщенія А. К. Кривошеинъ утвержденъ въ должности министра Путей Сообщенія, а управляющій министерствомъ Финансовъ С. Ю. Витте — въ должности министра Финансовъ.

— Виленскому генералъ-губернатору, генералу-отъ-артиллеріи Каханову повелѣно быть членомъ Государственнаго Совѣта, а на мѣсто его назначенъ бывший товарищъ министра Внутреннихъ Дѣлъ генералъ Оржевскій.

— Въ четвергъ, 31 декабря минушаго года, Государь Императоръ изволилъ принять въ Гатчинскомъ дворцѣ, въ торжественной аудіенціи, вновь назначеннаго германскаго посла, генерала Вердера, который имѣлъ честь вручить Его Величеству свои вѣрительныя грамоты.

— Государственная роспись 1893 года сведена съ превышеніемъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами въ 13½ мил. р., а именно: доходовъ обыкновенныхъ 961,2 мил. руб., расходовъ 947,7 мил. руб.

Чрезвычайныхъ расходовъ назначено 92,8 мил. руб., которые покрываются частью предвидимыми избытками на обыкновенному бюджету, частью чрезвычайными ресурсами, а главнымъ образомъ должны быть покрыты кредитными операціями, т. е. займами, которыхъ предположено на 68,6 мил. руб. Весь же государственный бюджетъ балансируется въ цифрѣ 1,040½ мил. руб.

— За минувшій годъ въ кассу Высочайше утвержденного подъ предсѣдательствомъ Его Имп. Высоч. Наслѣдника Цесаревича комитета поступило добротныхъ пожертвованій 1.950,044 руб. 49 коп.

— Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, съ выпускаемыхъ съ табачныхъ фабрикъ издѣлій, кромѣ облагаемыхъ пониженнымъ бандеролемъ, постановлено взимать, независимо отъ акциза, уплачиваемаго за бандероли, дополнительный акцизъ, въ размѣрѣ двухъ рублей съ пуда, или пяти копѣекъ съ фунта заключающагося въ этихъ издѣліяхъ табаку, а со всѣхъ торговыхъ заведеній, обязанныхъ выдѣлывать патенты, дающіе право на производство торговли табачными издѣліями, взимать дополнительный сборъ въ размѣрѣ половины цѣны сихъ патентовъ.

— Святѣйшій Синодъ призналъ необходимымъ для распространенія грамотности среди населенія: учредить въ каждомъ уѣздѣ двѣ

или болѣе двуклассныя церковно-приходскія школы, съ учительскими курсами и курсами сельскаго хозяйства, для приготовления учителей въ школы грамоты.

— Съ начала текущаго года еженедѣльно опубликовываются въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* краткія свѣдѣнія о тѣхъ изъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Государственномъ Совѣтѣ, которыя по сущности своей допускаютъ предварительное ихъ оглашеніе и имѣютъ выдающееся общее значеніе. Этими

путемъ устанавливается несомнѣнность только тѣхъ извѣстій о дѣятельности Государственного Совѣта до изданія и обнародованія законовъ, которыя появятся въ названномъ официальномъ органѣ, а достоверность всѣхъ остальныхъ извѣстій, появляющихся въ частныхъ изданіяхъ, останется на отвѣтственности этихъ послѣднихъ.

— Съ 1 января открылъ свои дѣйствія вновь учрежденный въ Ростовѣ-на-Дону Кубанскій банкъ.

— По представленію Министерства Народнаго Просвѣщенія, ассигновано 29,000 руб., съ разсрочкою на нѣсколько лѣтъ, на изданіе историческихъ русскихъ памятниковъ.

— Императорское Русское Географическое Общество принесло Академіи Наукъ въ даръ всю свою этнографическую коллекцію.

— По сообщенію изъ Симферополя, въ Черномъ морѣ погибъ французскій корабль, шедшій изъ Константинополя въ Севастополь. Судьба команды не извѣстна.

Политическое обозрѣніе.

Въ первомъ послѣ новаго года засѣданіи комиссіи для разсмотрѣнія военнаго законопроекта въ Берлинѣ, имперскій канцлеръ въ рѣчи, продолжавшейся два часа, обстоятельно изложилъ политическое положеніе. Къ сожалѣнію, рѣчь эта официально не передана, почему *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* сообщаетъ, что газетные отчеты о заявленіяхъ имперскаго канцлера въ военной комиссіи не достоверны и исключительно основаны на слухахъ. Въ отчетахъ этихъ много ошибокъ, а по отдѣльнымъ пунктамъ слова имперскаго канцлера прямо извращены. Такъ, относительно Даніи и особенно по вопросу объ отношеніяхъ Германіи къ Россіи выдается за взгляды канцлера то, что въ дѣйствительности было имъ изложено, какъ воззрѣніе враждебныхъ Германіи элементовъ за границею. Обращаясь черезъ нѣсколько дней къ критикѣ газетъ канцлерской рѣчи, та же газета говоритъ, что какъ порицанія, такъ и похвалы, расточаемыя газетамъ, смотря по взглядамъ каждой, по поводу заявленій имперскаго канцлера въ военной комиссіи, одинаково незаслуженны. Ни однимъ словомъ имперскій канцлеръ не намекалъ на то, что иностранная политика Германіи считаетъ войну на два фронта фактическою необходимостью или, по крайней мѣрѣ, болѣе вѣроятною, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. Точно также въ рѣчи нѣтъ никакихъ указаній, изъ которыхъ можно было бы вывести заключеніе, что германская политика когда-либо выступитъ на защиту чьихъ-либо интересовъ, кромя нѣмецкихъ.

Несмотря на заявленіе о неправильности газетныхъ сообщеній и опроверженіе ихъ, въ Даніи рѣчь канцлера произвела сильное впечатлѣніе. Въ засѣданіи фолькетинга докладчикъ финансовой комиссіи попросилъ у министра иностранныхъ дѣлъ объясненій относительно заявленій, сдѣланныхъ насчетъ Даніи графомъ Каприви въ военной комиссіи германскаго рейхстага и вызвавшихъ въ Даніи общее безпокойство. „Во всѣхъ партіяхъ, сказалъ докладчикъ,—возникло бы негодованіе, если бы въ Европѣ явилось подозрѣніе, будто Данія хочетъ быть простымъ членомъ коалиціи съ Франціей и Россіей или вообще думаетъ усвоить соображенія широкой политики“. Министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ, что, какъ пояснилъ ему германскій посланникъ, германское правительство не можетъ считать газетные отчеты за подлинную передачу заявленій имперскаго канцлера, тѣмъ болѣе, что отношенія имперскаго правительства къ правительству датскому вполне дружественны и германцы желаютъ только сохраненія этого дружественнаго положенія. Нѣтъ также основанія предполагать, сказалъ германскій посланникъ,—чтобы въ Даніи смотрѣли на дѣло иначе. „Пользуясь этимъ случаемъ, прибавилъ министръ иностранныхъ дѣлъ,—чтобы повторить то, что не разъ уже было заявлено датскимъ правительствомъ: задача его состоитъ въ заботѣ о томъ, чтобы Данія при всякихъ возможныхъ разногласіяхъ между иностранными державами оставалась непремѣнно въ нейтральномъ положеніи. Такая цѣль болѣе важна, какъ наша, могла бы стать развѣ только нгруппкою великихъ державъ, если бы она легкомысленно приняла участіе въ европейскихъ столкновеніяхъ“.

Обращая вниманіе хотя бы на эту тревогу въ Даніи, можно думать, какъ говоритъ нѣкоторые органы печати, что опро-

вергаемыя мѣста рѣчи графа Каприви дѣйствительно были имъ произнесены въ пылу ораторскаго увлеченія, и затѣмъ,

Генераль-отъ-артиллеріи А. В. Гадоинъ († 15 декабря 1892-го г.).
Съ фот. Павловскаго, грав. Шюблеръ.

когда замѣчена была ихъ неумѣстность, если не сказать чего-нибудь иного, то появились опроверженія неудобныхъ или невыгодныхъ фразъ.

Новому министерству во Франціи приходится переживать трудныя времена. Рибо, глава министерства, передавъ Девелю портфель министерства иностранныхъ дѣлъ, самъ сталъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, но, чрезъ своего друга Девелля будетъ вліять на управленіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Начальникъ канцеляріи г. Рибо, Крозье, послѣдовалъ за нимъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Рибо взялся за патриотическую, но трудную задачу; ему придется преодолѣть не мало препятствій и враждебныхъ отношеній. Это уже не разъ проявилось въ засѣданіяхъ палаты, которая, къ счастью для страны, созвала всю гибель раздоровъ, оказываетъ пока нужную поддержку кабинету. Быть-можетъ на палату благотворно повліяютъ слова новаго президента палаты, произнесшаго рѣчь, въ которой сказано, что грѣхи отдѣльныхъ лицъ не коснутся республики и она сумѣетъ разыскать виновныхъ и покарать совершенныя проступки. Въ заключеніе президентъ взывалъ къ хладнокровію и единенію палаты. Брыги гряди стали попадать даже въ президента республики; это вызвало такое негодованіе, что всѣ вздохнули свободнѣе, узнавъ, что дѣйствіе сената увѣрили сегодня Рибо въ своемъ содѣйствіи и засвидѣтельствовали передъ главою государства чувства довѣрія и уваженія страны. Заявленіе Рибо, что правосудіе не остановится ни передъ какимъ соображеніемъ, касающимся личности, обратило общее вниманіе.

Въ Капрѣ произошла перемена министерства. По этому поводу мы читаемъ въ *Times*: „Новый первый министръ, противникъ британскихъ реформъ, назначенъ безъ всякаго увѣдомленія британскаго дипломатическаго агента. Изъ этого слѣдуетъ, что хедивъ оспариваетъ право Англіи вмѣшиваться въ дѣла управленія Египтомъ. Правительственныхъ британскихъ чиновниковъ новые министры не признаютъ. Въ этомъ государственномъ переворотѣ туземцы усмотрятъ явный знакъ враждебности хедива къ Англіи“. Газета въ передовой статьѣ совѣтуетъ хедиву помнить судьбу, постигшую Измаилъ-пашу. Отъ словъ Англіи перешла къ дѣлу, и представитель ея Кромеръ обратился къ хедиву съ ультиматумомъ, въ которомъ потребовалъ, чтобы новое министерство было уволено въ 24 часа. Въздвигнувъ этого, къ вечеру послѣдовало увѣдомленіе, что, по особому желанію хедива, Факри-паша подалъ въ отставку. На аудіенціи хедивъ указалъ Кромеру на неперіятное положеніе, въ которомъ онъ, хедивъ, очутился бы, если бы Англія стала настаивать на назначеніи вновь Фемі-пашу. При этомъ хедивъ выразилъ готовность назначить Ріаза-пашу, и прибавилъ, что онъ искренно желаетъ дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Англіей и будетъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ слѣдовать ея совѣтамъ, пока длится британская оккупация. Кромеръ отвѣчалъ, что, признавая примирительный характеръ предложенія хедива, принимаетъ его на свой страхъ, безъ предварительнаго сношенія съ правительствомъ“.

Искусство.

Художество.

Огромным успѣхомъ пользовалась въ Парижѣ только-что закрышавшая выставка „Женскихъ искусствъ“ (Arts de la femme). Названіе это не совсѣмъ точно и вѣрно въ томъ смыслѣ, что дѣло касалось не только „женскихъ искусствъ“, т. е. предметовъ искусства, производимыхъ женщинами, но также и всѣхъ произведеній искусства, служащихъ украшеніемъ для женщинъ или употребляющихся ими.

Въ первомъ отдѣлѣ были артистически сгруппированы предметы искусства, производимые женщинами, по скульптурѣ, живописи, гравюрѣ и пр. Во главѣ этого отдѣла стоялъ комитетъ, состоящій изъ парижскихъ дамъ, подъ предсѣдательствомъ г-жи Кристоффъ. Комитетъ этотъ заботился о привлеченіи къ участию въ выставкѣ всѣхъ не-профессиональныхъ художницъ. Несмотря на всякаго рода затрудненія, комитету, однако, удалось привлечь болѣе двухсотъ экспонентовъ, между которыми многія оказались первоклассными и выдающимися художницами. Между прочимъ Г-жа Шаркд (дочь доктора Шаркд) представила нѣсколько предметовъ мебели, съ шпурстакіями въ флорентинскомъ стилѣ Возрожденія.

Во второмъ, очень разнообразномъ и богатомъ отдѣлѣ были собраны предметы комнатной обстановки и такъ называемыя „articles des dames“. Тутъ были выставлены цѣлыя гостиныя, спальни, будуары. Предметы мебели, какъ-то: рабочіе столики, письменные столы, шкафы съ зеркалами, шифоньерки, bonheurs du jour, secrétaires и пр. представляли необыкновенное разнообразіе по формамъ, рисункамъ, стилямъ или матеріалу, изъ котораго были сдѣланы. Лионскіе фабриканты выставили прекраснѣйшую и единственную въ своемъ родѣ коллекцію шелковыхъ матерій. Синдикальная палата кружевъ города Кале организовала замѣчательную коллекцію кружевъ тридцати лучшихъ кружевныхъ фабрикъ этого города. Рядомъ съ фабричными кружевами находилось богатое собраніе ручныхъ кружевъ. Но въ особенности богатъ и разнообразенъ былъ отдѣлъ ювелирнаго искусства; тутъ всѣ лучшіе парижскіе дома выставили свои произведенія, которыя славятся во всемъ мірѣ. Это была, такъ сказать, настоящая Голконда алмазовъ и драгоценныхъ камней,—одинъ изъ удивительнѣйшихъ музеевъ.

Самымъ, однако, интереснымъ отдѣломъ оказался отдѣлъ историческій и ретроспективный. Первая группа этого отдѣла представляла графическую исторію женскихъ модъ и образцовъ женскихъ костюмовъ различныхъ временъ. Фотографическое заведеніе Брауна и К^о организовало отдѣльную группу, посвященную „Женщинѣ въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ“. Тутъ находилась цѣлая коллекція фотографическихъ снимковъ съ произведеній живописи, изображающихъ женщинъ. Тутъ-же находились и портреты знаменитыхъ красавицъ: Джоконды, Иоанны Арагонской, Форнарины, Колумбины, Люкреціи да-Пульчи, Люкреціи Торнабуони, Симонетты, графини Пальма д'Урбино, двухъ женъ Рубенса, мистриссъ Сиддонсъ, Рекамье и проч.

Не менѣе интересной оказалась группа образцовъ женскихъ костюмовъ, распределенныхъ въ хронологическомъ и этнографическомъ порядкѣ, оригинальныхъ и вновь воспроизведенныхъ; различныхъ матерій и кружевъ, шитья и проч. Тутъ-же были воспроизведены цѣлыя историческія сцены, въ которыхъ женскій костюмъ игралъ первую роль. Такъ, была воспроизведена сцена „Жена великаго вассала съ прислужницами“ въ эпоху Карла VIII, составленная по миниатюрамъ; затѣмъ „Музыкальный вечеръ“, по рисункамъ Клуэ, характеризовавъ эпоху Франциска I. За этой сценой слѣдовали: „Сцена изъ жизни въ замкѣ“ въ царствованіе Генриха II, „Паванина, исполненная двумя дамами двора Генриха II“, „Ужинъ во времена Генриха IV“, „Уголокъ дворца“ (эпоха Людовика XIII), „Женщина дома“ и „Женщина въ свѣтѣ“ (обѣ сцены относящіяся къ эпохѣ Людовика XIV). Эпоха Регентства была представлена сценой „Отъѣздъ на охоту“. Эпоха Революціи была изображена сценой „Общественная прогулка“ съ живописными костюмами этого времени. Тутъ-же были подобныя-же сцены изъ временъ Первой имперіи, Реставраціи, Второй имперіи. Этотъ отдѣлъ составлялъ

настоящее нововведеніе и представлялъ выдающійся интересъ по разнообразію и живописности.

Столь-же интереснымъ и разнообразнымъ оказался отдѣлъ женскихъ причесокъ, устроенный спеціальнымъ комитетомъ парижскихъ куаферовъ. Этотъ отдѣлъ состоялъ изъ шестидесяти двухъ восковыхъ бюстовъ. Для пополненія этой коллекціи, комитетъ парижскихъ куаферовъ поручилъ талантливому моделю Круильбуа вылить изъ воску группу, представляющую франтиху XVIII вѣка, выходящую изъ носилокъ. Всѣ прически были скопированы съ лучшихъ картинъ, портретовъ и бюстовъ.

Въ отдѣленіи произведеній искусства, составлявшихъ собственность знаменитыхъ женщинъ, особенное вниманіе обращали на себя предметы, принадлежавшіе королевѣ Маріи-Антуанеттѣ (кровать, деревянный экранъ, печатка, китайскій фонарь, альбманахъ 1778 года). Затѣмъ особенно интересовалъ публику: желѣзный ящикъ, принадлежавшій, по преданію, супругѣ царя Иоанна Грознаго; церковная мантія, принадлежавшая императрицѣ Маріи-Терезіи и нѣкоторые другіе предметы.

Вообще эта выставка была однимъ изъ выдающихся художественныхъ событій и, несомнѣнно, оставитъ свои слѣды въ исторіи художественныхъ выставокъ, составляющихъ одну изъ любопытнѣйшихъ особенностей нашего времени. В. Чуйко.

Театръ и музыка.

Репертуаръ нашей сцены обогатился, если не классическою пьесой, то пьесой классическаго автора; у насъ поставлена комедія испанскаго драматурга Лопе-де-Вега „Сѣти Фенизы“, въ переводѣ г. Бѣжецкаго, хорошо знакомаго съ испанскою литературою.

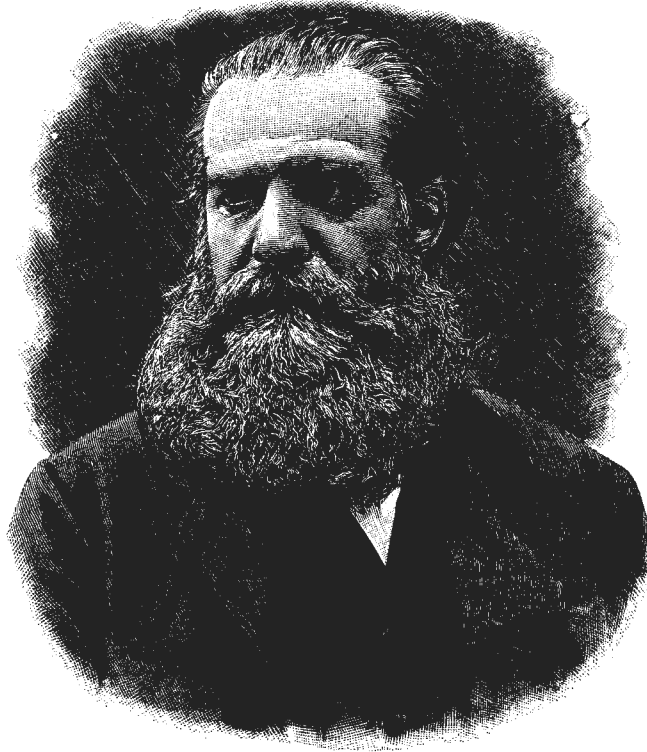
Лопе-де-Вега (1562 — 1635) считается, и не безъ основанія, создателемъ испанской драмы, несмотря на то, что ему предшествовалъ Сервантесъ, авторъ знаменитаго „Донъ-Кихота“, много писавшій и для сцены; пьесы Лопе-де-Вега, которыхъ другъ его, Монтальванъ, насчитываетъ до 1800, кромѣ релігіозныхъ (числомъ до 400),

могутъ быть раздѣлены, приблизительно конечно, на пять группъ по своему характеру: 1) comedias de cara у esrada (комедіи съ плащомъ и шпагой), 2) comedias historiales, 3) комедіи изъ обыкновенной жизни, 4) комедіи релігіозныя и 5) autos sacramentales (комедіи священныя, мистеріи); слѣдуетъ замѣтить, что терминъ „comedia“ употребляется авторомъ для всякаго рода пьесъ, какъ у насъ драма въ обширномъ смыслѣ слова, — и что каждая комедія дѣлится на три части (jornadas), дни, или по нашей терминологіи — акты, что не мѣшаетъ отдѣльнымъ дѣйствіямъ заключать въ себѣ нѣсколько картинъ.

Такъ, и „Сѣти Фенизы“ содержатъ въ себѣ три акта и пять картинъ (въ подлинникѣ ихъ девять). По своему характеру разсматриваемая пьеса должна быть отнесена къ третьей группѣ пьесъ, т. е. изъ обыкновенной жизни. Замѣтимъ кстати, что первая три группы пьесъ могутъ считаться, по словамъ Тиктора („Исторія испанской литературы“), достойнымъ и изобрѣтеніемъ самого Лопе-де-Вега и ни одинъ изъ родовъ этихъ пьесъ до него не существовалъ. Любовныя исторіи, дуэли, картины домашней жизни и вообще интрига въ обширномъ смыслѣ слова — вотъ главныя сюжеты, на которыхъ врачается интересъ пьесъ „изъ обыкновенной жизни“ въ родѣ „Сѣтей Фенизы“.

Центральной фигурой „Сѣтей Фенизы“ является женщина практическая, хищная, оупутывающая своихъ обожателей, но и сама попадающаяся въ концѣ концовъ въ сѣти, ловко разставленныя однимъ ея поклонникомъ, котораго она обобрала. Кончается пьеса, какъ обыкновенно у Лопе-де-Вега, обращеніемъ къ публикѣ: „вотъ на чемъ пока заканчиваются похождения Фенизы“.

Этимъ „пока“ авторъ какъ бы говоритъ, что Фенизы моль не переведутся и что вѣроятно найдутъ другихъ ухаживателей, которыхъ не перестанутъ обирать, какъ только представится случай. Характеры пьесъ прекрасно обрисованы, лица живыя и рѣчи ихъ до того остроумны, интересны и временами юмористичны, что невольно забывается о стариннѣ пьесъ, насчитывающей уже добрыхъ 250 лѣтъ.

Петръ Арнадьевичъ Кочубей († 22 декабря 1892 г.).
Съ фот. Бруссе и К^о, грав. Шюблеръ.

Въ заключеніе — нѣсколько извѣстныхъ изъ музыкальнаго міра: — Въ Бергамо, на родинѣ композитора Доницетти, образовался комитетъ подъ предѣлательствомъ графа Джанфорты, для сооружеія памятника автору „Лючіи“, „Дочери полка“ и др. оперъ. Открытіе памятника предполагается 25 сентября 1897 года, въ столѣтнюю годовщину рожденія Доницетти. Въ Берлинѣ ставится въ королевской оперѣ балетъ А. Г. Рубинштейна „Виноградная лоза“ и опера его (одноактная) „Среди разбойниковъ“. Первый у насъ извѣстенъ только по отрывкамъ; а вторая совершенно неизвѣстна. Не странно ли, что произведенія нашего знаменитаго композитора даются раньше за границей, чѣмъ у насъ. Такъ, въ Лейпцигѣ недавно исполнялся, и съ большимъ успѣхомъ, его „Моисей“, тогда какъ мы его совершенно не знаемъ, кромѣ одного №, который исполнила недавно въ своемъ концертѣ г-жа Лавровская съ хоромъ; № этотъ и у насъ

очень понравился и даже былъ повторенъ. Это не единичный примѣръ: въ Гамбургѣ ставится его же опера „Дѣти стѣнъ“, тоже у насъ не идущая и мало кому извѣстная (это одна изъ первыхъ оперъ Рубинштейна, поставленная у насъ лѣтъ 40 тому назадъ и съ тѣхъ поръ нигдѣ не появляющаяся). Въ Парижѣ готовится къ постановкѣ въ будущемъ сезонѣ „Неронъ“, шедшій у насъ по-итальянски. Авторъ приглашенъ въ Парижъ для наблюденія за репетиціями и для дирижированія оперой. Успѣхи А. Г. Рубинштейна въ Германіи колоссальны. Третья опера Масканы „Братья Ранцау“ (первыя двѣ: „Cavalleria rusticana“ и „Amico Fritz“), поставленная въ театрѣ „Pergola“ во Флоренціи, имѣла успѣхъ, но не такой шумный, какъ первая его опера. Серьезная критика отмѣчаетъ въ „Ранцау“ много недостатковъ и сомнѣвается, чтобы успѣхъ этотъ былъ продолжителенъ. В. Б.

С М Ъ С Ъ .

Подарки эмира Бухарскаго, поднесенные Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и другимъ Членамъ Августѣйшаго Дома. Въ числѣ этихъ подарковъ находится множество дорогихъ матерій и ковровъ—произведеній Бухары и, вообще, Востока: каракулевые мѣха, золотыя чаши и блюда съ чернью, пося, усыпанные драгоценными камнями, серебряный сервизъ съ чернью, ожерелья съ драгоценными камнями, трости, усыпанные брилліантами, серебряные эмалированные ларцы и множество другихъ драгоценныхъ предметовъ. Особенно выдѣлились: сабля въ золотыхъ ножнахъ съ усыпаннымъ брилліантами эфесомъ, поднесенная эмиромъ Государю Императору, и шитый сплошь жемчужомъ зонтикъ для Государыни Императрицы, ручка котораго усыпана драгоценными камнями.

Затѣмъ эмиромъ приведены для подарковъ Высочайшимъ Особамъ 17 лошадей. Всѣ онѣ различныхъ породъ: текинской, туркменской, уратубенской и кунградской. Каждая изъ нихъ осѣлана туркменскимъ сѣдломъ, съ золотыми и серебряными коваными стременими. Дорогие бархатные чашраки расшиты шелками и золотомъ; уздечки, нагрудники и хвостовники богато отдѣланы золотымъ наборомъ. Нѣкоторыя изъ лошадей очень небольшого роста и напоминаютъ породу нашихъ южныхъ степныхъ лошадокъ, но всѣ онѣ отличаются замѣчательной выносливостью и быстротой, во время скачки какъ бы стелются по землѣ. Одинъ изъ предназначенныхъ для Государя Императора жеребцовъ, текинской породы, рыжий съ бѣлыми чулками на всѣхъ четырехъ ногахъ, считается лучшимъ скакуномъ Бухары, о которомъ бухарцы говорятъ, что „его догонитъ только одинъ вѣтеръ“. Лошадямъ еще не дано названій; всѣ онѣ поставлены на главной царской конюшнѣ. Для Государя Императора приведено собственно 5 лошадей: 2 жеребца рыжей масти, текинца, росту 2 аршина и 2 вершка, 1 жеребецъ караковой масти съ золотистой подпалиной, туркменской породы, сильная крѣпкая лошадь 2 аршинъ и 2 вершковъ росту, и пара сѣрыхъ жеребцовъ бухарской породы, росту около 2 аршинъ, всѣ по шести лѣтъ. Государынѣ Императрицѣ—3 лошади: 1 сѣрый жеребецъ туркмень, росту 2 арш. 1 вершокъ, очень красивый изящный скакунъ, и пара вороныхъ жеребцовъ бухарской породы небольшого роста. Одинъ изъ этихъ жеребцовъ очень добраго нрава, почти ручной и немного дрессированъ: даетъ ногу, кладетъ голову на плечо, съ замѣчательно умными глазами. Настѣднику Цесаревичу—также 3 лошади: 1 рыжий безъ отмѣтинъ туркмень, стройный, легкій, какъ бы точеный жеребецъ, 2 аршинъ съ небольшимъ росту, можетъ поспорить на скаку съ текинцемъ, подведеннымъ Государю Императору. Текинца, вѣроятно, назовутъ „Вѣтромъ“, а этого туркмена „Вѣтеркомъ“; затѣмъ—пара жеребцовъ меньшаго роста бухарской породы. Великимъ Князю Ксеніи и Ольгѣ Александровнѣ подведены пара нѣгихъ жеребцовъ бухарской породы очень добраго нрава. Великому Князю Георгію Александровичу—пара вороныхъ жеребцовъ уратубенской породы. На главной же конюшнѣ стоитъ пара темно-гнѣдыхъ жеребцовъ, предназначенныхъ для Великаго Князя Михаила Александровича. Такъ какъ всѣ лошади исключительно скакуны, то вѣроятно нѣкоторыя изъ нихъ будутъ запрягаться въ тройкажу; коренники же будутъ подобраны иноходцы. Кромѣ этихъ 17 лошадей, эмиръ подарилъ по парѣ жеребцовъ Великимъ Князьямъ Владиміру и Алексѣю Александровичамъ и Михаилу Николаевичу.

Джеттатура. Изъ всѣхъ образованныхъ націй, едва ли не самый суевѣрный народъ итальянцы, а изъ нихъ — неаполитанцы. **Джеттатура**, или вѣрнѣе **гетатура**, — брошенный на вась дурной взглядъ, считается у нихъ несомнѣннымъ признакомъ грядущаго несчастнаго событія.

Противъ дурного глаза или джеттатуры итальянцы придумали одно средство. Они показываютъ человеку, способному по ихъ мнѣнію сплести, руку, выпрямивъ указательный палецъ съ мизинцемъ и подогнувъ остальные. Пошеніе при себѣ ручки, сдѣланной

изъ коралла и сложенной упомянутымъ образомъ, также считается предохраненіемъ отъ глаза.

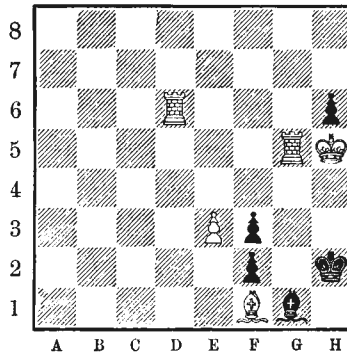
Американскій способъ нагляднаго объясненія. Одинъ изъ американскихъ профессоровъ астрономіи, объясняя въ своей лекціи слушателямъ громадное разстояніе неподвижныхъ звѣздъ отъ земного шара, придумалъ слѣдующій способъ, довольно рельефно изображающій величину цифръ, о которой идетъ рѣчь при этомъ случаѣ. Положимъ, сказалъ онъ, что возникла мысль о постройкѣ желѣзной дороги для соединенія земного шара съ неподвижною звѣздой, извѣстною подъ именемъ „ α Кентавра“; положимъ далѣе, что для этого предпріятія нашелся капиталъ и что всѣ затрудненія при осуществленіи его устранены, такъ что движеніе по новой линіи открыто для публики. Загнѣдующіе желѣзною дорогою для привлеченія большаго числа туристовъ, которые захотѣли-бы воспользоваться новымъ средствомъ сообщенія, рѣшили довольствоваться самою ничтожною цѣною за провозъ, опредѣливъ таксу съ вагоновъ перваго класса по 2¹/₂ коп. за сто верстъ. Несмотря на эту умѣренную таксу, путешественникъ, желающій сѣздить до неподвижной звѣзды α Кентавра долженъ располагать весьма значительной суммою денегъ для того, чтобы купить себѣ билетъ перваго класса. Эта сумма равняется размѣрамъ всего государственнаго долга Великобританіи, составляя около 12,000 милліоновъ рублей. Положимъ, что билетъ купленъ и что туристъ, усѣвшись въ вагонѣ, обращается къ кондуктору съ вопросомъ о скорости движенія. Оказывается, что быстрота движенія составляетъ 100 верстъ въ часъ, включая сюда пребываніе на станціяхъ. „Когда же мы добѣдемъ до α Кентавра?“ спрашиваетъ пассажиръ. Отвѣтъ кондуктора: „По истеченіи сорока восьми милліоновъ шестисотъ шестидесяти трехъ лѣтъ, сударь.“

ШАХМАТЫ.

Задача № 2.

L. N. de Jong (Utrecht).

Черные.

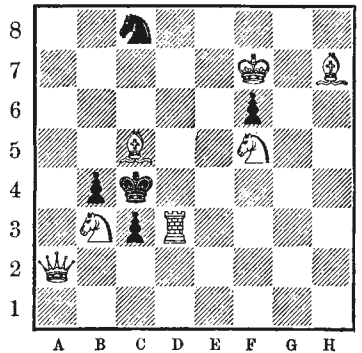
Бѣлые.

Мать въ 3 хода.

Задача № 3.

C. Dunham (Washington).

Черные.

Бѣлые.

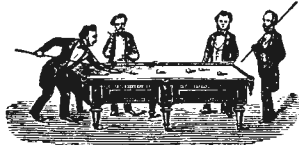
Мать въ 2 хода.

СОДЕРЖАНІЕ: Джеттатура. Повесть графа Е. А. Салиаса. (Продолженіе). — Стихотвореніе. — „Неразлучное“. Разсказъ Николая Днѣпровскаго. (Окончаніе). — Удача. Разсказъ Марка Твэна. Переводъ съ англійскаго. — Путешестіе двухъ велосипедистовъ изъ Европы въ Азію. Корреспонденція „Нивы“ изъ Лекны (съ портр.). — Въ рисункѣмъ: Запорозцы на развѣдкахъ (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Ангель Смерти“, М. Лермонтова (съ рис.). — Вѣтки звенать (съ рис.). — Шарль Гуню (съ портр.). — На перевозѣ (съ рис.). — Встрѣча императора Максимиліана съ невестой (съ рис.). — Спонтанъ нижнихъ чиновъ въ манежѣ лейбъ-гвардіи Московскаго полка (съ рис.). — А. В. Гадоліи (съ портр.). — П. А. Кочубей (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Искусство. — Смѣсь. — Шахматы. — Объясненія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волонскій.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—24
Иллюстрированные прейсъ-курранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

САРИНКА И САРИНСКАЯ ЧЕСУЧА

8—4 СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦІИ. Ц. № 6160
Пересылку тнаей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылаются по
принимаетъ на свой счетъ. требованію бесплатно.
Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ И СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

САМЫЙ
ОБШИРНЫЙ В РОССИИ
СКЛАДЪ
ШВЕДСКИХЪ МАШИИ
ТОРГОВЫЙ
ДОМЪ
М. Блок
МОСКВА

ВАЖНО ДЛЯ МАТЕРЕЙ.

Вновь усовершенствованный профессоромъ Соклетомъ въ Вѣнѣ, аппаратъ для кипяченія и
СТЕРИЛИЗАЦИИ МОЛОКА
есть одно изъ необходимѣйшихъ приобретений для каждой матери. Онъ служитъ для безусловнаго уничтоженія всѣхъ болѣзнетворныхъ микро-организмовъ, какъ въ молокѣ, такъ и въ искусственныхъ смѣсяхъ, употребляемыхъ для кормленія дѣтей. Печатное подробное описаніе раздается и высылается желающимъ безвозмездно и аппараты продаются по крайне повышеннымъ цѣнамъ
ВЪ ГИГИЕНИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ МАГАЗИНА
Р. КЕЛЕРА и К^о, въ Москвѣ. Ц. № 6177

ФОТОГРАФИИ.
Студія, изъ жизни, и по моделямъ „Beautés“ и пр. — Самая большая и прекраснѣйшая коллекція въ мірѣ. Богатая образцовая послылка высылается за 5 р. Катаг. по 20 к. **Adolf Estinger Kunstverlag. Wien I. Hauptpostfach.** Корреспонденція: на нѣм., франц. и англійск. яз. № 6073 (10)

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За условнымъ обрац. письменно: Генрихъ Блюнкъ. С.-Петербургъ, Невскій, 59. 10—4

Иллюстрированный каталогъ
сѣмянъ, растений, инструментовъ и пр. Сѣмяностроганіи и Садоводства Эдмунда Вас. Кристера въ Кіевѣ, вышелъ изъ печати и разсылается по требованію бесплатно.
♦ Всѣ сѣмена отпускаются нами въ пакетахъ, на которыхъ отпечатаны правила посѣва и ухода. ♦ Ц. № 6198

НОВОСТЬ!
СИМФОНИОНЫ

Музыкал. ящики съ перебивающ. нотами
Малые ручные безъ пьесъ 6 р.
" заводные 16 р.
Ноты къ нимъ по 35 коп.
Больше 60-ти-тоные безъ пьесъ . . . 30 р.
" 84-хъ 45 р.
" Sublime Harmonie 80 р.
Ноты къ нимъ по 60 коп., 75 коп. и 1 руб.
Иллюстриров. прейсъ-курантъ и каталогъ 4—3
пощь — бесплатно. Ц. № 6035

И. Ф. ШКОЛДЕРЪ.
Москва, Петровка, домъ Волкова.

КРАСКА
ДЛЯ ВОЛОСЪ
ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА
АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ
окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣтъ, — смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе. № 5924
Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
Главный складъ А. Энгундъ, С.-Петербургъ, Бассейнал., № 2. Получить можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

ПРОДАЖА МАСЕЛ
СУШЕНЫЯ ЭСЕНЦИИ
въ порошкахъ
Н. С. БАРОМЕНСКАГО
для приготовления изъ очищен. воды домашнимъ простымъ способомъ разныхъ напитковъ. Замѣчательныхъ по вкусу и дешезвизнѣ

1. Англійская горькая на 1 бут.	10 п.
2. Желудочная	10 "
3. Анисовая	10 "
4. Травяникъ	10 "
5. Полынная (абсентъ)	15 "
6. Жинная	15 "
7. Померанцевая	15 "
8. Ероевичъ (старик.)	30 "
9. Мятная	15 "
10. Лимонная } Новость	15 "
11. Рябиновая наливка	15 "
12. Вишневая наливка	15 "

Для приготовленія ликеровъ замѣняющихъ по вкусу лучшія заграничныя марки:
51. Бенедиктинъ (Монахоръ) за бан. 75 к
52. Розов., бан. 75 к. 55. Чайный, бан. 75 к
53. Мараскинъ, 75 к. 56. Абрикотинъ, 75 к
54. Шартревъ, 75 к. 57. Ванильный, 75 к

Продажа и предств. при конторѣ аптеки и кондит. принадлежи. П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2. Выписывающ. на 5 р. и болѣе въ Европ. Россіи, за пересылку не платятъ.

Ц. № 6101 (2)

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

EAU, PÂTE, POUDDRE
DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

№ 6039 13-12

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. С. Соловьева.
Романъ - хроника XVII вѣна. Въ 3-хъ частяхъ. Изд. II.
Цѣна 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп., въ колѣнк. переплетѣ 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LONSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
Средство для полоснанія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (21)
Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА
„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“
Съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“ для родителей и воспитателей.
Въ 1893 году „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ вступитъ въ 25-й годъ своего существованія. „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ ОДОБРЕНО Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеларіи по Учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній, Учебнымъ Комитетомъ М. Н. П. ДОПУЩЕНО въ учебныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній. Въ совѣщаніяхъ редакціи принимають близкое участіе А. Н. Острогорскій и В. П. Острогорскій. При журналѣ издается „ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“, большая часть статей котораго посвящена домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ вопросовъ о чтеніи дѣтей. Въ „ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ“ помещаются периодическій указатель дѣтской учебной литературы. № 6194 2—2
Подписная цѣна на годъ съ пересылкою 6 р. За границу 8 р. На полгода 3 р.
Издатель А. В. Борисовъ. СПБ. Развѣзная, д. 3. Редакторъ П. В. Голясовскій.

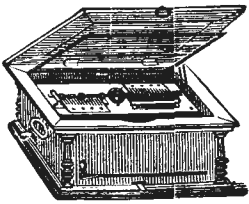
PAPIER FAYARD ET BLAYN
Иллюстрированная бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требовать съ этикетками Fayard et Blayn. Имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. № 5980 (16—9)

LOCARNO Станція Готтардской ж. д. у Лаго Маджоре наилучшая и ближайшая
♦ **ЗИМНЯЯ СТАНЦІЯ** ♦
Общепризнанная всѣми медицинскими авторитетами и специально рекомендованная Королев. Бавар. Совѣтникомъ медицины, проф. д-ромъ А. Мартино, какъ самая превосходная въ Европѣ зимняя и весенняя станція. № 6199 6—1
— **Grand Hôtel Locarno.** —
Открытъ въ продолженіе всего года. — Наилучшимъ образомъ приспособленъ къ проживанію въ немъ зимою. — Лучшее мѣстопребываніе у Италійскихъ озеръ.
Самая комфортабельная гостиница на континентѣ, въ замѣчательно красивой мѣстности. Большой паркъ съ роскошной южной растительностью. Зимнія окна, центральное отопленіе, изразцовые печи и камини во всѣхъ 200 номерахъ и залахъ. — Дѣтеныя виноградомъ. — Нѣмецкій врачъ. — Ванны. — Подъемная машина. — Англійская и нѣмецкая кухни. — Сообщеніе на частныхъ пароходахъ и лошадахъ. — Первокласные вундла и погребъ. — Умѣренныя цѣны. — Проспектъ и описаніе, составленное проф. Мартино, высылаются безплатно владѣльцемъ. Balli.

СИМФОНІОНЫ.

По тону подходят къ швейцарскимъ музыкальнымъ инструментамъ; вмѣсто металлическихъ нотныхъ листовъ, которые легко мѣняются.

Съ ручной, безъ нотъ, 6 р. Ноты по 35 к. Заводной, 40 тонн., безъ нотъ, 16 р. Ноты по 35 к. Заводной, 60 тонн., безъ нотъ, 30 руб. Ноты по 60 коп. Заводной, 84 тонн., безъ нотъ, 45 руб. Ноты по 75 коп. Заводной, 84 тонн., „Sublime Harmonie“, безъ нотъ, 80 р. Ноты по 1 руб. Каталогъ нотъ для этихъ инструментовъ и иллюстрированный прейсъ-курантъ — бесплатно.

Новости! Часы съ музыкой

(съ механизмомъ 100-тоннаго симфоніона), безъ нотъ, 250 руб. Ноты по 1 р. 50 коп. Каталогъ нотъ для этихъ инструментовъ и иллюстрированный прейсъ-курантъ — бесплатно.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

По полученіи задатка приблизительно изъ стоимости заказа требуемое высылается съ надлежащимъ платежомъ на остающуюся сумму.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

№ 6179 8-3

Велосипеды англійскаго завода „Гумбертъ и К^о. Лмтд.“

лучше въ свѣтѣ! предлагаетъ торговый домъ

Г. ЖЕМЪЛЪИЧА и К^о. Москва, Неглинный просп., домъ Евановой. Прейсъ-курантъ — бесплатно.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Контора В. В. ЖУКОВСКАГО сямъ честь извѣстъ довести до свѣдѣній гг. хозяевъ, что она спеціально строитъ МЕЛЬНИЦЫ и съ КЕРОСИНОВЫМИ ДВИГАТЕЛЯМИ „ЛАВА“ и искусственными ЖЕРНОВАМИ Г. ТРАПЦЪ въ требующихъ кованъ. Помоль на этихъ мельницахъ обходится около 1 коп. съ пуда; зданіе можетъ быть деревяннымъ. № 6197. Подробносіи сообщ. по перв. требов. В. В. Жуковский, СПбургъ, 10-я рота, 15.

пишущая машина 25 8

РЕМИНГТОНА № 5

„новѣйшая изъ всѣхъ существующихъ системъ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и много правительствъ и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 5999. Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

Поступило въ продажу новое роскошное изданіе А. Ф. Маркса:

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и виньетокъ художника К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, „Историческій Вѣстникъ“ говоритъ о книгѣ слѣдующее:

„Давно уже не появлялось у насъ такой прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ книги, какъ „Историческіе рассказы и повѣсти П. Н. Полевого“, изданныя г. Марксомъ. По своей внѣшности, книга эта можетъ сѣбно поспорить съ лучшими заграничными изданіями, а по своему внутреннему содержанию представляетъ отрадное явленіе для каждаго, кто любитъ русскую исторію.“

„П. Н. Полевой давно извѣстенъ своими учеными и педагогическими трудами... На воприче историческаго романиста г. Полевой выступилъ всего года четыре тому назадъ и, по нашему мнѣнію, занимаетъ въ настоящее время одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ среди представителей этого рода литературы...“

„Всѣ его романы, повѣсти и рассказы изображаютъ характеры историческихъ лицъ и картины быта не на основаніи фантазіи и поверхностнаго знакомства съ источниками, а на основаніи тщательнаго изученія документовъ и строгой ихъ проверки. Важная заслуга г. Полевого заключается въ томъ, что онъ, въ формѣ легкихъ, живыхъ очерковъ, добросовѣстно популяризируетъ русскую исторію и, такъ сказать, невидимо и невольно заставляетъ читателя приобщаться къ историческимъ событіямъ и лицамъ, и знакомитъ его не съ вымышленнымъ, а съ дѣйствительнымъ бытомъ стариннаго русскаго общества.“

„...Мы затрудняемся указать, который изъ рассказовъ лучшей, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ свои достоинства и свой интересъ. Въ общемъ же они даютъ рядъ правдивыхъ и яркихъ картинъ прошлой русской жизни, начиная съ XIV и кончая XVIII столѣтіемъ.“

„Приложенныя къ книгѣ 24 гравюры и на мѣди картины и болѣе 40 небольшихъ рисунковъ и виньетокъ К. В. Лебедева выказываютъ во всемъ блескѣ дарованіе этого талантливаго художника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокаго знатока бытовой обстановки древней Руси. Въ этихъ картинахъ, помимо художественности рисунка, все вѣрно до мелочей, и потому онѣ интересны не только для простыхъ любителей, но и для художниковъ, театровъ и археологовъ. Но всему этому, книга вышущая въ продажу по недорогой цѣнѣ, что дѣлаетъ еще болѣе чести ея издателю, г. Марксу.“

Цѣна этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большого 8^ю) и роскошнаго изданія, назначается нами весьма умѣренная: 5 р., съ перес. 5 р. 80 коп.; въ роскошн. перепл. 6 р., съ перес. 7 р.

Для любителей роскошныхъ изданій мы печатали особо 50 нумерованныхъ экземпляровъ на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 заглава на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цѣна этихъ нумерованныхъ экземпляровъ 25 руб., съ пересылкою 26 руб., въ роскошномъ полунагревовомъ переплетѣ 28 руб., съ перес. въ ящикѣ 30 руб. Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшаго англійскаго колленора, съ золотымъ тисненіемъ, печатными красками, на 1892 годъ, по показанному образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ РИГѢ ПЕРВАЯ СИГАРНАЯ ФАБРИКА въ РОССИИ СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1839 ГОДА

Можно получить во всѣхъ большихъ магазинахъ или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. бесплатно. № 575 20-26

„НЬЮ-ІОРКЪ“

Общ. Вз. Страх. Жизни. Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783. Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 декабря 1892 г. Р. 2.714.072 23. Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (31) Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

СКРИПКИ,

самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемая по тону и качеству, отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ — отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы, Смычки 1 1/2—50 мар. Фугляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Чѣмъа скрипка для учителя (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендация отъ Вильгельми, Саразате, Сорэ, Зипперъ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-курантъ бесплатно. Бр. ВОЛЬФЪ. Фабрика струнныхъ инструментовъ. № 6083 Крещинахъ. 4 3

НОВАЯ КНИГА: СПУТНИКЪ МЕЛЬНИКА-МЕХАНИКА.

Собраніе правилъ, таблицъ и практическихъ свѣдѣній для мельниковъ, строителей и владельцевъ мельницъ, монтеровъ и т. д. Сочиненіе С. Нотовича. Цѣна въ колѣноровомъ переплетѣ 3 руб. 50 к., въ кожаномъ — 3 р. 75 к., безъ переплета 3 р. Изящное издание: въ Олессѣ, Базарная, № 66. Книга поступила также въ продажу въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и др. Ц. № 5933 20—7

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Страховые билеты Общества „Россія“ продаются НА ВОКЗАЛАХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ предъ отходомъ поѣздовъ и во всѣхъ агентствахъ этого Общества. В. № 6201 8 1

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА ПРОВНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.

Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассаждъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ: Зесь Букетъ, Шоколей клубъ, Букетъ императрицы, Илангъ-Илангъ, Майскій-Ландышъ, Белый геліотропъ, Вѣлая лилія, Сирень перс., Левкой, Фіалка, Виолетъ де Парма, Резеда, Лорей меня, Стендлей Букетъ, Инс, Эдельвейсъ, Жерминъ, Орононаксъ, Шипръ, Букетъ де Цааръ, Бѣлая роза, Милль-Флеръ, Анадіп, Гадантъ, Киссъ ме квивъ, Испанская кожа, Свѣжее сыно, Черемуха, Lilas Heuri, Lotus. Пробныя флаконы высылаются не менѣе 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкой во всея города Россіи. (кромъ СИБИРИ) № 6131 (4)

НИВА

Иллюстрированный
Журнал
Литературы

XXIV г.
№ 4

г. XXIV
1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 23 января 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строну непарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
dolf Mosse по 2 марн 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор 1 р. 75 к.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ, и пр.

Тяжелый трудъ. Съ карт. Г. Шмидта, грав. Гейнеманъ.

Джеттатура.

Повѣсть графа Е. А. Салиаса.

(Продолженіе).

ХІІ.

Въ продолженіе двухъ слѣдующихъ дней Генрихъ отдыхалъ отъ путешествія, всѣ торжества были отложены и король только явился съ неофициальнымъ визитомъ къ дожу и догарессѣ въ сопровожденіи лишь двухъ любимцевъ—виконта Сольксъ-Таванна и графа Невера. Затѣмъ онъ инкогнито, вмѣстѣ съ ними же, но уже въ маскахъ, осматривалъ Венецію, съ замѣчательную базилику, замѣчательную тюрьму, соединенную съ дворцомъ „Мостомъ Вздоховъ“, и затѣмъ побывалъ въ гостяхъ у епископа Гримани, любителя и собирателя картинъ, превратившаго свой дворецъ въ настоящій музей рѣдкостей, статуй, оружія, монетъ, рукописей, а главное—рыцарскихъ доспѣховъ прежнихъ временъ, начиная съ эпохи Крестовыхъ походовъ.

За эти два дня, состоящій въ свитѣ короля кавалеръ ди-Аволо былъ свободенъ, и хотя вечеромъ во дворцѣ Фоскари бывали гости—знатнѣйшіе венеціанцы, Таваннъ отклонилъ назойливое желаніе кавалера явиться тоже.

Вечеромъ перваго же дня пребыванія короля ди-Аволо незамѣтно и запросто, пѣшкомъ вышелъ изъ дому. Этимъ „домомъ“ теперь былъ дворецъ Джустиніани, назначенный для свиты Французскаго короля. Тамъ кавалеру, присоединившемуся къ этой свитѣ, дали тоже комнату, но совершенно отдѣльно отъ всѣхъ миньоновъ. Гдѣ жилъ онъ прежде—зналъ лишь онъ одинъ.

Переодѣвшись въ черный костюмъ, накинувъ плащъ и надѣвъ маску, ди-Аволо отправился, умышленно кружа по маленькимъ улицамъ-коридорамъ города, въ самый глухой кварталъ Венеціи Кюджіа, населенный всякимъ сбродомъ. Здѣсь попался на глаза самый разнохарактерный людъ, въ томъ числѣ албанцы, тунисцы, турки, даже негры, и довольно большое количество евреевъ.

Кавалеръ ди-Аволо, дойдя до глухого переулка, вошелъ въ маленький домикъ среди двора съ высокими стѣнами. Хозяинъ этого жилища, восьмидесятилѣтній старикъ съ длинной сѣдой бородой, не скоро впустилъ его, предварительно окликнувъ трижды по имени: Джіованни.

Прійдя къ старику, кавалеръ около получаса почти не говорилъ съ нимъ, а перебиралъ какія-то вещи въ сосѣднемъ съ комнатой чуланѣ. Отобравъ что-то мелкое, онъ сложилъ все въ кожаный мѣшочекъ и, выйдя, сѣлъ противъ хозяйна.

Старикъ, озаренный тусклымъ свѣтомъ маленькой, слегка коптившей лампы, былъ оригинально красивъ, благодаря своей большой серебряной бородѣ. На головѣ его была надѣта круглая черная ермолка, изъ-подъ которой падали вьющіеся сѣдые волосы, а на вискахъ двѣ длинныя сѣдыя пряди, которыя, вися на щекахъ, закрывали уши. Длинный крючковатый носъ не портилъ лица его, и оно, благодаря большимъ голубымъ глазамъ, было умное и доброе, но будто съ печатю задумчивости, врядъ-ли когда-либо покидающей это лицо. Такъ казалось...

— Ну, дядя Ааронъ... вымолвилъ ди-Аволо улыбаясь.—Еще...

— Какъ еще?.. удивился старикъ.

— Да... еще. И по малой мѣрѣ двѣсти червонцевъ.

— Король вчера только пріѣхалъ и уже ты успѣлъ... началъ было старикъ, но кавалеръ перебилъ его:

— Нѣтъ, у меня еще на два дня хватить денегъ, но я не хочу приходить сюда... Развѣ можно ручаться, что кто-нибудь не станетъ подглядывать... Въ такихъ играхъ, какую я теперь затѣялъ, голова человѣка ви-

сать на волоскѣ... Кромѣ того, я долженъ завтра отдать Этьену пятьдесятъ червонцевъ...

— Ты говорилъ, что далъ ихъ ему еще въ Вѣнѣ.

— Память слаба у тебя, дядя Ааронъ. Да, я далъ Этьену въ Вѣнѣ тридцать дукатовъ, но всѣхъ было уговорено сто; изъ коихъ пятьдесятъ по пріѣздѣ короля въ Венецію и послѣдніе двадцать... при выѣздѣ... если... Если все удастся.

— Ничего не удастся! рѣзко и сурово произнесъ старикъ.

— Зачѣмъ такъ говорить! воскликнулъ кавалеръ.— Зачѣмъ смущать меня! Покуда все идетъ на ладъ. Все общасть неслыханный, блистательный успѣхъ.

Старикъ ничего не отвѣтилъ.

— Ну, давай деньги. Послѣдній разъ... больше не попрошу.

— Чтѣ мнѣ онѣ... грустно отозвался старикъ.— Дѣло не въ деньгахъ. Твои же всѣ будутъ послѣ моей смерти... Только я боюсь, что все достанется не тебѣ, а Sant Officio... Ты, а за тобой и я, понадемъ къ нему въ лапы и сгнемъ въ тюрьмѣ...

— Вздоръ! Вздоръ, дядя Ааронъ!.. весело сказалъ ди-Аволо.— Не забудь, что твой Джіованни уже сталъ кавалеромъ, и сталъ секретаремъ Совѣта Трехъ, и сталъ любимцемъ Французскаго короля. А скоро онъ станетъ уже истиннымъ капитаномъ французскихъ войскъ, истиннымъ подданнымъ и патриціемъ Венеціанской республики, можемъ богатѣйшей Контарини „la biondissima“, а затѣмъ... сенаторомъ... прокураторомъ, пожалуй даже дожемъ...

И ди-Аволо громко разсмѣялся страннымъ смѣхомъ. Старикъ глубоко вздохнулъ.

— Одно скажу, Джіованни, шепнулъ онъ.— О подобной дерзости и ловкости я никогда не слыхивалъ... И это именно меня смущаетъ.

Кавалеръ ди-Аволо все-таки получилъ отъ старика два кошелька съ червонцами и, уложивъ въ тотъ же мѣшочекъ, надѣлъ маску и вышелъ. У перваго же мостика онъ нанялъ гондолу.

На другой день, рано утромъ, кавалеръ, уже въ другомъ, ярко-голубомъ костюмѣ, сидѣлъ въ приемной во дворцѣ Дожей у дверей залы, гдѣ засѣдалъ всегда Совѣтъ Десяти.

Онъ уже приказалъ доложить о себѣ одному изъ членовъ Совѣта, который въ то же время былъ, по слухамъ, членомъ Совѣта Трехъ. Кавалеръ, благодаря своей ловкости, имѣлъ ясныя на это доказательства.

Человѣкъ на видъ не болѣе пятидесяти лѣтъ, высокой и плотный, чернобровый, съ румянцемъ на щекахъ и съ ярко-блестящими глазами тотчасъ же принялъ кавалера въ особой небольшой комнатѣ и сдѣлалъ лишь два шага впередъ навстрѣчу гостю.

Это былъ да-Понтэ, громко извѣстный и въ Венеціи, и за предѣлами республики семидесятилѣтній старикъ-патрицій, бывший долго посланникомъ при разныхъ дворахъ Европы.

Указавъ гостю на табуретъ, патрицій величаво опустился въ свое большое, въ видѣ трона, кресло и вымолвилъ привѣтливо, но какъ-то особенно рѣшительно и гордо:

— Что привело васъ ко мнѣ, синьоръ кавалере?

— Важнаго, illustrissimo signor, я вамъ еще сообщить не могу. Новаго отъ Таванна я еще не имѣю ничего, заговорилъ ди-Аволо, стараясь быть какъ можно почтительнѣе и вѣжливѣе.— Сегодня я опять намекалъ виконту, и онъ мнѣ сообщилъ, что еще не получилъ отвѣта отъ монарха. Но онъ не сомнѣвается...

Вѣроятно въ день торжественнаго пріема во дворцѣ... Или, быть-можетъ, и въ самый день отъѣзда... король соизволитъ оказать вамъ это вполне заслуженное отличіе...

Кавалеръ кончилъ и какъ бы не рѣшался продолжать рѣчь. Да-Понтэ молчалъ и будто обдумывалъ слышанное.

— Изъ всѣхъ насъ, сурово заговорилъ патрицій, — только Барбаро, Фдскари и я—можемъ быть удостоены этой чести.

И снова наступила пауза.

— Я вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаюсь снова напомнить вамъ, заговорилъ ди-Аволо отчасти робко.

— Мое обѣщаніе? перебилъ да-Понтэ.—Будьте покойны. Мое слово вамъ дано... И стало-быть считайте дѣло какъ бы конченнымъ... Но, скажите мнѣ... Я немного удивляюсь... Вы якобы любите Венецію... Я это понимаю. Но что заставляетъ васъ именно такъ поступать, а не иначе?.. Вы фаворитъ могущественнаго монарха, другъ его перваго друга Таванна... Ваша будущность должна быть блестящая... Что дастъ вамъ республика? Ничего или слишкомъ мало. Оставаясь французомъ, вы можете даже вскорѣ при послѣ Франціи быть здѣсь же въ Венеціи.

Кавалеръ ди-Аволо сталъ краснорѣчиво и горячо доказывать, что онъ пользуется вниманіемъ короля Польскаго... Чѣмъ станетъ для него король Франціи—еще неизвѣстно. Бывали часто примѣры, что монархи отдаляли отъ себя всѣхъ лицъ, съ которыми были наиболѣе дружны и близки въ качествѣ наслѣдниковъ престола.

— Ну, это ваше дѣло!.. перебилъ да-Понтэ сухо и видимо стараясь сократить бесѣду.—На меня вы можете рассчитывать. Ваша натурализація и поступленіе на службу республики—дѣло, повторяю вамъ, простое, зависящее отъ меня.

Черезъ нѣсколько минутъ ди-Аволо уже спускался по лѣстницѣ и выходилъ изъ дворца Дожей.

— Дерзко, дерзко, дерзко... повторялъ онъ себѣ под носъ тревожнымъ шопотомъ.—А вѣдь удастся... Вся сила въ краткости пребыванія Генриха. Затянувшись его пребываніе здѣсь всякими торжествами—и всему конецъ! Ужасный!.. Даже предвидѣть нельзя—какой конецъ! Тотъ Совѣтъ, къ которому принадлежитъ этотъ самый да-Понтэ—шутить не любить. Всякій долженъ трепетать передъ этимъ старикомъ, а я имъ играю, какъ куклой, какъ пѣшкой.

Выйдя на набережную Скиавони кавалеръ сѣлъ въ свою гондолу, надѣлъ маску и приказалъ ѣхать чрезъ каналъ, прямо къ церкви Санта-Марія дела Салута. Затѣмъ, обогнувъ мысъ на которомъ высился этотъ храмъ, онъ приказалъ гондольеру съ едва скрываемымъ чувствомъ довольства:

— Дворецъ Даль-Вермэ...

XIII.

Черезъ нѣсколько минутъ гость въ маскѣ входилъ уже на крыльцо дворца. Къ нему навстрѣчу спустился хозяинъ и сурово встрѣтилъ его словами:

— Синьоръ, съ тѣхъ поръ что дворецъ этотъ существуетъ, никто не проникалъ въ него замаскированнымъ далѣе прихожей и лѣстницы.

— Условіе было, Синьоръ, что я сниму маску въ присутствіи синьоры Сильвіи... отвѣтилъ кавалеръ.

— Я не могу отступить отъ соблюденія вѣкового обычая, отозвался еще суровѣе патрицій.—Поэтому я попрошу синьору Даль-Вермэ выйти и принять васъ здѣсь. Обождите.

— Въ такомъ смыслѣ... Кавалеръ ди-Аволо къ вашимъ услугамъ. И назвавшись, гость снялъ маску... Даль-Вермэ пристально приглядѣлся къ лицу гостя, и будто встревожившись произнесъ глухо:

— Мы видались?.. Хотя имя ваше я слышу впервые.

— Можетъ-быть, синьоръ...

— Мы гдѣ-то видѣлись!.. Когда-то... Давно... Съ вашимъ лицомъ соединяется для меня какое-то особое и странное воспоминаніе... Вы должны въ качествѣ порядочнаго человѣка и гостя,—почти насильственно являющагося гостя—помочь мнѣ вспомнить.

— Вы ошибаетесь, синьоръ. Вы видѣли меня быть-можетъ вчера въ свитѣ Генриха...

— Правда! вскрикнулъ Даль-Вермэ.—На „Буцентаврѣ“. Но право... Право, мнѣ кажется... Еще что-то... Что-то давнишнее... Впрочемъ, извините меня... Коль скоро вы французъ и являетесь въ Венецію съ королемъ, то обстоятельства совершенно измѣняются... Прошу васъ сдѣлать мнѣ честь пожаловать...

Сочтя своего соперника по игрѣ въ домино за одного изъ приближенныхъ Генриха III, патрицій тотчасъ же переимѣнился въ обращеніи съ гостемъ, сталъ любезнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ:

„Французскій король и его свита неожиданно заѣхали въ Венецію, пробудутъ пять-шесть дней и уѣдутъ, чтобы никогда не вернуться. Зачѣмъ же ему нужно знакомиться съ женой!“

Сильвія, предупрежденная мужемъ обо всемъ, ждала гостя нетерпѣливо и тревожно. Она задавала себѣ тотъ же вопросъ: зачѣмъ какому-то замаскированному изъ кондитеріи игроку въ домино и шахматы непремѣнно хочется быть ей представленнымъ. Онъ ставитъ это даже условіемъ игры. Вдобавокъ ревнивецъ-мужъ смущенъ всѣмъ этимъ и глупый капризъ неизвѣстнаго человѣка явится пожалуй мотивомъ домашнихъ бурь...

Когда гость явился предъ хозяйкой... лицо ея слегка измѣнилось, будто просвѣтлѣло. Для Сильвіи загадка была сразу разрѣшена... За то мужъ замѣтилъ эту перемѣну въ лицѣ и снова насунилъ. Ревность сразу заговорила.

— Кавалеръ ди-Аволо, представилъ патрицій гостя, и всѣ трое, отчасти стѣсняясь, молча сѣли. Кавалеръ заговорилъ первый и, странно глядя на Сильвію, объяснилъ, что онъ наполовину французъ и наполовину итальянецъ, но собирается стать подданнымъ Венеціанской республики. Сильвія смотрѣла на гостя какъ-то особенно. Чуткій и догадливый, благодаря крайней природной подозрительности, Даль-Вермэ тотчасъ понялъ, что жена знаетъ этого человѣка и положительно не въ первый разъ видитъ его теперь.

Кавалеръ пробылъ только нѣсколько минутъ и откланялся. Казалось, ему только и нужно было исполненіе его прихоти—быть представленнымъ Сильвіи. Но едва онъ вышелъ и отъѣхалъ въ гондолѣ, какъ ревнивецъ обратился къ женѣ съ вопросами, которые она ждала.

— Кто это? Что это? Ты его знаешь?

— Да,—знаю, просто и кротко отвѣтила Сильвія.— Это тотъ самый незнакомецъ, про котораго я тебѣ говорила, котораго я видѣла изъ окна у моей двоюродной сестры и который сильно нравится Анджелинѣ. Онъ хочетъ очевидно чрезъ насъ познакомиться съ дядей Контарини. Вотъ вся разгадка, всего...

— Не правда! Я не вѣрю... воскликнулъ Даль-Вермэ.

И онъ тотчасъ же, какъ всѣ ревнивыя-мужья, сочинилъ женѣ цѣлую исторію со всѣми подробностями—плодъ его воображенія и безумной ревности.

Однако понемногу Сильвіи удалось успокоить мужа. Она ссылалась на двоюродную сестру, которая все подтвердитъ...

— Хорошо. Ѣдемъ къ Анджелинѣ! рѣшилъ Даль-Вермэ.

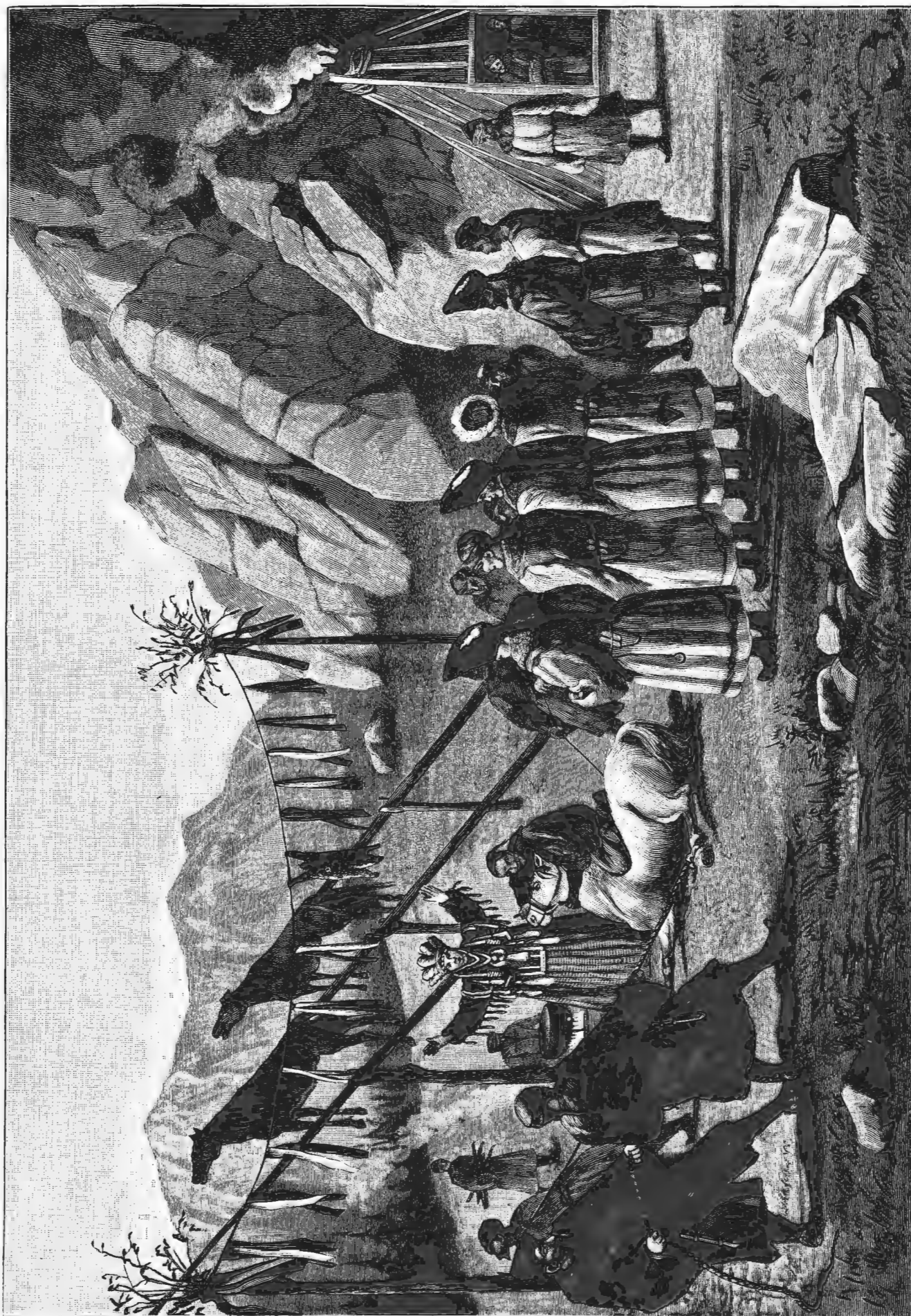
Разумѣется, чрезъ часъ во дворцѣ Контарини „блѣкурѣйшая“ Анджелина не столько словами и увѣреніемъ, сколько своимъ счастливымъ и радостнымъ лицомъ подтвердила все сказанное Сильвіей. Дѣвушка была

Типы юго-восточного Алтая. На охотѣ за нозулями. По наброску художника А. Манд, рис. Земцовъ, грав. Рашевскій.

Типы юго-восточного Алтая. Винокурение. Способъ приготовления арана. По наброску художника А. Манд, рис. А. Земцовъ, грав. Рашевскій.
Библиотека "Руниверс"

Типы юго-восточного Алтая. „Камланіе“ — жертвоприношеніе лошади.
По наброску художника А. Мако, рис. А. Земцовъ, грав. Рашевскій.

въ восторгѣ, узнавъ, что незнакомецъ оказался кавалеромъ, полу-итальянцемъ и очевидно интересующимся ею. Иначе зачѣмъ ему знакомиться съ Даль-Вермэ и его женой.

— Наконецъ-то!.. восклицала Анджелина, чуть не прыгая отъ счастья.

Молодой патрицій долженъ былъ поневолѣ успокоиться и перестать ревновать. Единственное что еще смущало его—было лицо кавалера. Они положительно гдѣ-то когда-то видѣлись. И давно—года три назадъ... или пять лѣтъ! Но ди-Аволо вѣдь отрицаетъ это?.. Это не доказательство однако.

Даль-Вермэ оставилъ жену въ домѣ дяди и уѣхалъ. Сильвія и Анджелина разумеется принялись за обсужденіе важнѣйшаго вопроса.

— Что же далѣе? сказали обѣ.

— Онъ вѣроятно будетъ просить тебя представить его моему отцу, сказала Анджелина.

— Да.

— И надо поскорѣе... Нечего откладывать.

— Да. Поскорѣе... Ты знаешь мужа, вздохнула Сильвія.—Я не для тебя буду сѣбѣшить.

— А для себя... Ради успокоенія ревнивца.

— Да. Поэтому помоги мнѣ и ты... объяснись съ дядей... Расскажи ему все.

И кузины условились, что Сильвія пригласитъ кавалера къ себѣ въ гости, а Анджелина съ отцомъ явятся сами собой, якобы нечаянно...

— Когда? спросила дѣвушка ликуя.

— Скорѣе! Скорѣе! ужъ весело отозвалась Сильвія,— ради своего ревниваго мужа, а не ради влюбленныхъ.

— Послѣзавтра.

— Послѣзавтра королевскій торжественный приѣмъ у дожа.

На это заявленіе Анджелина вскрикнула отчаянно.

— Что такое? испугалась Сильвія.

— И онъ тамъ будетъ съ королемъ!

— Конечно.

— А я отказалась ѣхать на это торжество. Отецъ ужъ заявилъ догарессѣ, что я больна и не буду.

— Ну, выздоровѣешь... и поѣдешь...

— А платье? Всѣ дамы должны быть въ бѣлыхъ платьяхъ. А у меня есть платья всѣхъ цвѣтовъ, кромѣ бѣлаго.

— Ну, для Анджелины Контарини авось найдется платье въ магазинахъ Мерсеріи, пошутила Сильвія и, расцѣловавшись съ двоюродной сестрой, онѣ пошли къ окнамъ, чтобы поглядѣть уснѣлъ-ли мужъ прислать за ней ихъ гондолу.

Но обѣ кузины, подошедшія къ окну съ этой цѣлью, оторопѣли и не сговариваясь устремили глаза на середину Canal Grande.

Противъ дворца Контарини не летѣла, не шла... а просто стояла гондола... Такъ какъ ее влекло теченіемъ, то гондольеръ тихо работалъ весломъ и держалъ ее на одномъ мѣстѣ. Каюта или навѣсъ былъ снятъ, и въ гондолѣ сидѣлъ именно тотъ, о которомъ кузины только что проговорили цѣлый часъ.

При видѣ обѣихъ женщинъ—кавалеръ ди-Аволо поднялся въ гондолѣ, снялъ свой беретъ съ краснымъ перомъ и низко опустилъ съ нимъ руку. Это былъ поклонъ низжайшій, любезнѣйшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ немного фамиллярный.

Анджелина ярко вспыхнула. Сильвія обняла кузину и, несмотря на ея легкое сопротивленіе, вывела ее на балконъ.

Кавалеръ сказалъ что-то гондольеру и его гондола, будто сорвавшись съ мѣста, быстро описавъ полукругъ, подплыла подъ самый дворецъ и скользнула вдоль его стѣны.

— Какъ я счастлива, что имѣю право кланяться

кузинѣ синьорины Контарини, сказалъ ди-Аволо.—Но нѣчто дѣлаетъ меня несчастнымъ—неизвѣстность.

И ди-Аволо поглядѣлъ на Анджелину горящими глазами.

— Синьорина Анджелина, тихо вымолвила вдругъ Сильвія, перевѣсиваясь черезъ перила, — еще никому не дала права пригласить ее въ шествіе, при торжественномъ приѣмѣ у дожа.

— Неужели я могу надѣяться, воскликнуть ди-Аволо.

Анджелина не отвѣтила, но глаза ея, устремленные внизъ на гондолу и стоящаго въ ней—сказали больше чѣмъ простое: да.

— Я умру отъ нетерпѣнья!.. воскликнуть ди-Аволо.— Я не доживу до этой минуты...

Женщины усмѣхнулись и исчезли съ балкона. Гондола быстро отчалала отъ стѣны дворца, а черезъ нѣсколько минутъ другая гондола, бѣлая и голубая, приблизилась на ея мѣсто. Въ ней былъ Даль-Вермэ, ворочавшійся самъ за своей женой.

XIV.

Въ тотъ же вечеръ кондитерія „Золотого Льва“ была переполнена еще болѣе обыкновеннаго.

Быть-можетъ это случилось отъ того, что и городъ былъ болѣе переполненъ прѣзжими ради пребыванія монарха Франціи. Но, однако, была и другая причина. Всѣ обыкновенные посѣтители кондитеріи знали, что именно въ этотъ вечеръ должно было произойти въ ней вторичное любопытное состязаніе знаменитаго Джіакомо съ неизвѣстнымъ шахматистомъ, наканунѣ невѣроятно обыгравшимъ его.

— Онъ не явится! Это была случайность! Онъ не захочетъ срамиться и быть осмѣяннымъ. Онъ уже быть можетъ уѣхалъ!

Такъ разсуждали всѣ игроки въ разныя игры, окружая Джіакомо Боббіо, сидѣвшаго въ углу и трепетно оглядывавшаго всякаго кто входилъ съ площади. Въ кондитеріи было уже много иностранцевъ, вѣроятно французовъ изъ многочисленной свиты Генриха.

Кто-то высказалъ соображеніе, сразу взволновавшее всѣхъ друзей Боббіо.

— Да. Конечно. Разумеется... раздались голоса.

— Но это не честно. Это подло... Надо это заявить вслухъ. Пускай онъ услышитъ!

— Да, сказалъ Боббіо мрачно.—Пожалуй это такъ.

Соображеніе заключалось въ томъ, что невѣдомый соперникъ быть-можетъ находится уже въ кондитеріи и забавляется тѣмъ, что его всѣ ждутъ.

— Надо было тогда же заставить его снять маску! сказалъ кто-то.

Друзья Боббіо уже собирались заявить громогласно на всю публику, что если незнакомецъ-соперникъ находится въ кондитеріи, то постукаетъ какъ подлый трусъ... Но въ ту же минуту въ дверяхъ показался Даль-Вермэ, пришедшій конечно съ той же цѣлью: поглядѣть на вторичный бой въ шахматы.

Всѣ обступили патрицію и передали ему свои соображенія и опасенія.

Даль-Вермэ оглянулся вокругъ себя, переглядѣлъ всѣхъ сидѣвшихъ и вымолвилъ улыбаясь:

— Его нѣтъ здѣсь.

— А развѣ вы его знаете?!

— Знаю. И отвѣчаю вамъ, что онъ запоздалъ и будетъ. Онъ болѣе того, что вы думаете. Онъ патрицій, но не Венеціи. Онъ носитъ титулъ кавалера.

Это извѣстіе разнѣ подѣйствовало на друзей Боббіо. Одни будто обрадовались, что имѣютъ дѣло съ дворяниномъ и порядочнымъ человѣкомъ, другіе были якобы недовольны и разочарованы, будто предпочитая чтобы побѣдитель Боббіо былъ изъ простыхъ.

Самъ Джіакомо сталъ задумчивѣе, чѣмъ былъ до тѣхъ поръ.

Когда куранты на башнѣ Мерсеріи пробили десять часовъ и проиграли далматинскую заунывную пѣсню, Джакомо Боббіо, все время приглядывавшійся къ дверямъ, вдругъ поднялся съ мѣста.

— Вотъ... Кажется онъ! выговорилъ Боббіо.—Руки его, тѣ же...

— Да, это онъ, сказалъ Даль-Вермэ.

По площади, наперерѣзъ, тихо и важно шелъ кавалеръ ди-Аволо, безъ маски, и направляясь къ кондитеріи, вошелъ въ нее черезъ минуту при общемъ молчаніи и вниманіи. Онъ улыбаясь поклонился Даль-Вермэ, а затѣмъ Боббіо...

— Я къ вашимъ услугамъ, синьоръ, сказалъ онъ,—но если возможно, я бы просилъ васъ заранѣе согласиться только на двѣ партіи, ибо мнѣ не время. Я явился лишь потому, что хотѣлъ сдержать данное слово...

— Извольте, отвѣтилъ Джакомо весело, довольный появленіемъ противника.

— Итакъ, синьоръ Боббіо, какъ только я выиграю эти двѣ партіи—вы не будете просить отыграться и не будете меня задерживать.

— Увидимъ кто еще ихъ выиграетъ, сказалъ шахматистъ, садясь за столікъ, но почувствовать вдругъ что его смѣлость и его увѣренность въ себѣ какъ бы хотятъ его покинуть.

„Пустое. Глупая трусость“, подумалъ онъ. „Найденный въ фоліантѣ дебютъ—замѣчательнъ по своей смѣлости и атакѣ!“

Шахматы были разставлены. Ди-Аволо и Боббіо поглядѣли другъ на друга и каждый подумалъ свое; одинъ улыбнулся, другой насупился.

„Если бы ты зналъ чѣмъ именно — помимо умѣнія играть—я беру; ты, добрякъ и скромница, но человекъ самолюбивый и впечатлительный...“ подумалъ ди-Аволо улыбаясь и разглядывая пухлое и добродушное лицо Боббіо.

„Какая увѣренность! Какое спокойствіе! Престранный человекъ! Неужели я опять проиграю!“ уже взволновался Джакомо, дѣлая первый ходъ.

Вокругъ противниковъ усеѣлись вплотную любопытные и впереди всѣхъ, возлѣ кавалера, его новый знакомый, Даль-Вермэ. Нѣсколько десятковъ человекъ стали кругомъ и всѣ глаза были устремлены на шахматную доску.

Противники сдѣлали по шести ходовъ каждый, а времени сравнительно прошло много. На этотъ разъ кавалеръ обдумывалъ свои ходы, а лицо его было даже озабочено. Джакомо, напротивъ, выступалъ рѣшительно, изучивъ дебютъ. Причина была та, что кавалеръ не сразу понималъ ходы Боббіо... А Боббіо почти всѣ варианты успѣлъ рассмотреть уже заранѣе.

„Эта задача съ западней!“ подумалъ наконецъ ди-Аволо. „Надо разгадать прежде чѣмъ на половину попадешься въ нее“.

Оба сдѣлали еще по четыре хода... Присутствующіе были удивлены... Нѣкоторые стояли разиня ротъ. Игра любимаца ихъ Джакомо была поразительна по своей странности.

„Что же это за дебютъ?“ недоумѣвалъ Даль-Вермэ и вмѣстѣ съ тѣмъ ему чудилось, что кавалеръ на этотъ разъ непременно проиграетъ.

Послѣ еще одного хода конемъ, ди-Аволо задумался, облокотясь головой на обѣ подставленные руки... Онъ долго думалъ среди полной почти торжественной тишины въ кондитеріи. Никто не игралъ ни въ одну игру, и всѣ, даже вновь входившіе, присоединялись къ зрителямъ битвы двухъ шахматистовъ.

— А-а? тихо протянулъ вдругъ кавалеръ и глубоко вздохнулъ, такъ, какъ если бы вошелъ на крутую гору. Чувство довольства и облегченія явно сказались въ этомъ восклицаніи. Джакомо, весело глядѣвшій все

время, сталъ серьезнѣе. Это простое: „а-а!“, вырвавшееся у противника его, будто по головѣ палкой ударило. Ди-Аволо сдѣлалъ ходъ...

Публика ахнула...

— Что вы! Что вы! воскликнулъ невольно Даль-Вермэ.—Вѣдь вы теряете...

— Извините! громко и сердито произнесъ кавалеръ.—Говорить, совѣтовать, предупреждать... Мы здѣсь не дѣти.

Джакомо просіялъ и сдѣлалъ ходъ пѣшкой.

— Шахъ королевѣ! выговорилъ онъ дрогнувшимъ отъ довольства голосомъ.

Кавалеръ, насупившись, передвинулъ королеву.

— Шахъ королевѣ! повторилъ Боббіо, двигая ладьей, и послѣ хода противника прибавилъ, идя вновь:—Шахъ королю и королевѣ!

Кавалеръ задумался на мгновение и наконецъ пробормоталъ, закрывая короля конемъ:

— Что дѣлать! Прозѣваль!..

Иного исхода не было. Королева должна была, ради спасенія короля, погибнуть.

— Вѣрная супруга готова всегда на самопожертваніе, пошутилъ кавалеръ, озираясь на всѣхъ, но Даль-Вермэ почему-то вспыхнулъ, будто принявъ эти слова за намекъ, обращенный къ нему.

Боббіо взялъ съ доски королеву противника, но приглядывался при этомъ къ игрѣ нѣсколько озабоченно. Онъ какъ будто искалъ глазами что-то бывшее на доскѣ за мгновение назадъ и теперь сразу пропавшее безслѣдно. Онъ сдѣлалъ ходъ, но тотчасъ готовъ былъ замѣнить его другимъ.

— Шахъ королю! вымолвилъ кавалеръ, передвинувъ ладью изъ края въ край.

— Что?! Какъ?! вскрикнули двое зрителей.

Джакомо тоже ахнулъ и оторопѣлъ. Взглядъ его забѣгалъ... Поднявъ глаза съ шахматъ на противника, онъ совсѣмъ смутился. Кавалеръ сидѣлъ будто озабоченный и недовольный собой, но глаза выдавали его—они положительно смѣялись...

Глаза хохотали! Глаза эти помирали со смѣху надъ нимъ, Джакомо Боббіо, еще держащимъ взятую королеву въ потной отъ волненія рукѣ.

Боббіо отступилъ своимъ королевемъ.

— Шахъ королю! повторилъ кавалеръ, двигая офицера.

Боббіо уже невѣрной рукой вновь двинулъ фигурой.

— Шахъ королю! снова прозвучалъ голосъ ди-Аволо на всю кондитерію съ отѣнкомъ, который говорилъ: „а вотъ сейчасъ и конецъ!“

Боббіо началъ мѣняться въ лицѣ... Глаза его бѣгали по доскѣ, какъ будто снова въ послѣдній разъ съ отчаяніемъ и безнадежностью искали это „нѣчто“ невидимое, потерянное или ускользнувшее по мановенію волшебника. Онъ двинулъ снова королевемъ.

— Ну, кажется, конецъ. Синьоръ ди-Аволо опять выигралъ! задумчиво проговорилъ Даль-Вермэ.

— Странно! Сейчасъ было наоборотъ, раздался голосъ изъ кучки зрителей.

И сразу всѣ заговорили.

— Не надо было брать королеву!..

— Разумѣется. Отъ этого все перевернулось.

— Хорошо теперь говорить...

— Онъ ее пожертвовалъ...

Прошло минутъ пять. И еще два раза раздался голосъ ди-Аволо, монотонно произносившій:

— Шахъ королю!

Наконецъ, онъ тихо вымолвилъ:

— Шахъ и матъ! И всегда такъ будетъ! Между нами двумя конечно, синьоръ Джакомо Боббіо, il Vegnese!

Побѣжденный сидѣлъ блѣдный какъ смерть, съ потухшимъ взглядомъ и, казалось, старательно, но робко

приглядываясь къ лицу кавалера, будто что-то соображалъ.

— Какъ ваше имя? глухо вымолвилъ онъ наконецъ.— Синьоръ Даль-Вермэ сейчасъ назвалъ васъ, но я, кажется...

— Кавалеръ ди-Аволо! улыбнулся тотъ.

— Да... Конечно... Разумѣется! залепеталъ Джакомо глухимъ и безсознательнымъ голосомъ, какъ ребенокъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ:

„Но вѣдь можно произносить и съ другимъ удареніемъ и тогда... выходить...“

И шахматистъ изъ Вероны—богомольный, суевѣрный и робкій въ сферѣ всякихъ отвлеченныхъ вопросовъ—сидѣлъ за столикомъ, положительно не видя никого и ничего, будто теряя сознание, а губы его шевелились.

Онъ повторялъ про себя: „Pater poster...“

— Прикажете вторую? спросилъ кавалеръ.

— Нѣтъ! глухо отозвался Боббіо.—Нѣтъ! Вы... Вы...—

И онъ не могъ выговорить.—Вы сильнѣ меня. Я это вѣкъ говорю! Я сознаюсь...

Ди-Аволо поднялся, усмѣхаясь... Публика разступилась, и онъ медленно направился къ выходу изъ кондитеріи.

Даль-Вермэ двинулся за нимъ, не обращая вниманія на то, что Боббіо что-то спрашивалъ у него... Многіе окружили побѣжденнаго „Веронезе“ и слышались слова утѣшенія, мало утѣшительныя.

— Что за бѣда!.. Онъ чужеземецъ! Все-таки изъ итальянцевъ никто васъ еще не обыгралъ!.. Въ другой разъ можетъ-быть...

Между тѣмъ патрицій нагналъ кавалера среди площади и окликнулъ его. Тотъ остановился.

— Мнѣ хотѣлось бы объясниться съ вами по поводу одного очень важнаго вопроса, сказалъ онъ.

— Извольте... Но время и мѣсто вы выбрали несомнѣнно подходящія, любезно сказалъ ди-Аволо.

— Я буду кратокъ! Скажите... Вы пожелали быть представленнымъ синьорѣ Даль-Вермэ, моей женѣ, чтобы затѣмъ быть представленнымъ въ домѣ ея дяди, адмирала Контарини?

— Можетъ-быть...

— Какъ, можетъ-быть?! Я требую слово „да“, или слово „нѣтъ“.

— Хорошо... Пожалуй.

— Что?

— Я скажу: „Да“.

— Вы любите Анджелину? Вы желали бы... Вы надѣетесь на ея взаимность... потому что знаете, что она тоже...

— Я этого знать не могу, перебилъ ди-Аволо.

— Я вамъ заявляю, что она любитъ васъ! Вамъ только остается быть представленнымъ адмиралу и ему понравиться... И тогда...

— Что тогда? суровѣ спросилъ вдругъ кавалеръ.

— Дѣло будетъ лишь за вами... Скажите слово—и вы женихъ и мужъ Анджелины...

Кавалеръ молчалъ.

— Вы опасаетесь? Хотите, я помогу вамъ? Хотите, я все возьму на себя? горячо заговорилъ молодой патрицій, словно защищаясь или добиваясь какой-либо своей тайной цѣли.—Дня черезъ три-четыре, я обещаю вамъ, вы будете ужъ почти женихомъ синьоры

Контарини, la biondissima и въ то же время, если вамъ это не извѣстно—la riquissima... У Контарини огромное состояніе и одна дочь... Опъ еще недавно, за битву при Лепанто, получилъ семь кораблей, полныхъ всякой военной добычи. Повторяю, хотите стать женихомъ моей кузины чрезъ три-четыре дня... до отъѣзда короля. Вы послѣдуете за нимъ женихомъ, чтобы вернуться... или останетесь просто и тотчасъ, чтобы вѣнчаться. Хотите?

— Нѣтъ! выговорилъ кавалеръ тихо.

— Нѣтъ? глухо отозвался Даль-Вермэ вопросомъ.

— Нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?

— Такъ. Я не понимаю вашего удивленія.

— Вы влюблены въ Анджелину?

— Немного... Да...

— Вы желали-бы быть ея обладателемъ?

— Жениться на ней... Конечно... Но не теперь... Не сейчасъ... Послѣ... позднѣе...

— Почему? вскрикнулъ Даль-Вермэ, уже давно измѣнившійся въ лицѣ отъ всякихъ терзаній на сердцѣ.—Почему? почему? повторилъ онъ.

— Этого я вамъ сказать не могу, холодно произнесъ ди-Аволо.—Со временемъ, я готовъ самъ просить вашей дружеской помощи... Положимъ, чрезъ мѣсяць или два.

— А теперь вы ее не любите и ничего не желаете... Отказываетесь отъ моего предложенія...

— Да.

— Послѣдній разъ! крикнулъ Даль-Вермэ внѣ себя.—Вы отказываетесь наотрѣзъ?

— Что съ вами, синьоръ?..

— Со мной?.. со мной?.. То, что я не мальчишка, не слѣпой, не дуракъ... Я все понимаю... Или понялъ теперь. Все это вполнѣ ясно. Ясно какъ день. Такъ знайте, синьоръ кавалере, что всѣ Даль-Вермэ изъ рода въ родъ умѣли достойно носить шпагу...

— Моя-же шпага, синьоръ, еще никогда не проливала крови, кротко отвѣтилъ ди-Аволо.—Но я не понимаю васъ... Я благодарю васъ за лестное предложеніе и заявляю, что черезъ мѣсяць обращусь за вашей помощью...

— Сейчасъ или никогда!

— Это ребячество. Теперь это... невозможно...

— Почему? объясните...

— Никогда!

— Въ такомъ случаѣ... злобно произнесъ Даль-Вермэ.—Вашъ покорнѣйшій слуга... Я и моя шпага къ вашимъ услугамъ, если вы того заслуживаете и мнѣ понадобится дать вамъ хорошій урокъ.

— Я извиняю на этотъ разъ вашу дерзость... холодно и спокойно отозвался ди-Аволо.

— Вы это, вѣроятно, дѣлаете всегда...

Кавалеръ повернулся и тихо двинулся отъ патрицій, какъ-бы желая избѣгнуть скорѣе всего, что могло произойти.

Даль-Вермэ остался на мѣстѣ и собрался крикнуть: „Подлый трусъ!“ но воздержался и прошепталъ эти слова себѣ подъ носъ.

Затѣмъ онъ задумался и шепталъ:

— Нѣтъ, не ясно! Не ясно!

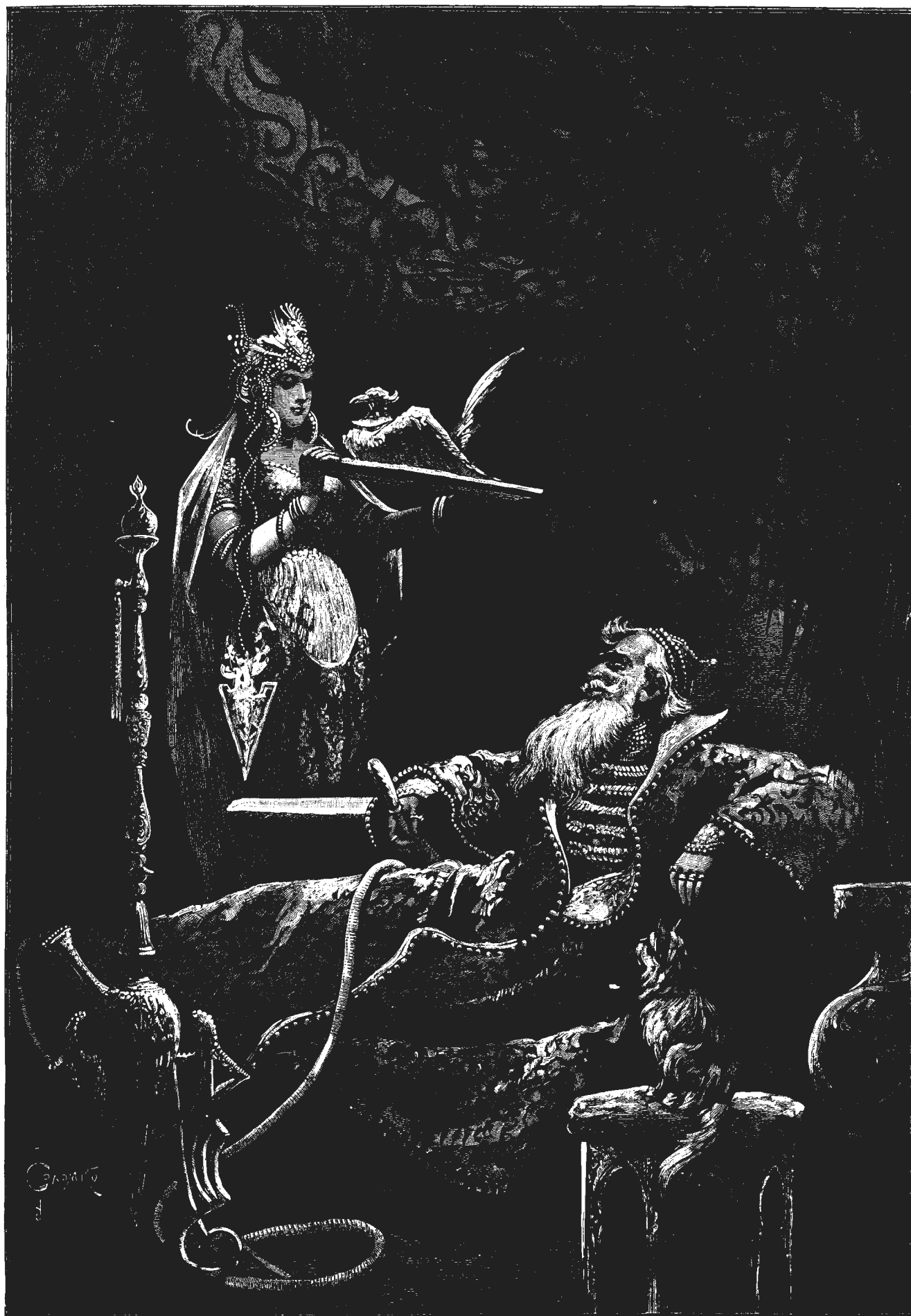
(Продолженіе будетъ).

Поѣздка по юго-восточному Алтаю.

Очеркъ художника А. Мако. (Рис. на стр. 80 и 81).

„А что, баринъ, ежели бы намъ вогъ тутъ на ичельникѣ остановиться, да отдохнуть маленько?“ говорилъ рослый коренастый мужикъ съ черной бородой, слугникъ мой. Звали его Юнъ; парень онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошій—очень услужливый, зналъ весь Алтай, какъ свои пять пальцевъ, былъ хорошимъ промышленникомъ (охотникомъ) и зналъ каждую тропинку. У калмыковъ онъ пользовался почетомъ, даже водилъ съ ними компанію на промыслѣ (охотѣ) за пантами (весенніе рога марала), что съ русскими бываетъ довольно рѣдко. По-калмыцки говорилъ, какъ я по-русски; однимъ словомъ, для

меня—просто кладъ. Ыхалъ онъ на своемъ неизмѣнномъ Карькѣ, который носилъ своего полнолѣснаго хозяина вогъ уже девятый годъ. Надо видѣть, а иначе ни за что не повѣришь, что на Алтаѣ требуется отъ промысловой лошади! Весь запасъ на мѣсяць навьюченъ на ней: тутъ и крупа, и сухари, и мясо, и одежда, и охотничьи принадлежности, изъ которыхъ одно ружье нерѣдко вѣситъ до тридцати пяти фунтовъ. Подъ такой тяжестью приходится ей подниматься иногда часовъ пять, шесть на какой-нибудь бѣлокъ (вершина горы, часто и лѣтомъ покрытая снѣгомъ). Подо мной была его же

Литер. альбомъ. „Золотой пѣтушокъ“, А. Пушкина. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. С. Соломко, грав. Шюблеръ.

лошадь, хотя и помоложе, но тоже выдавшая всякие виды Алтай. Первоначально онъ мнѣ предлагалъ своего Карьку, но я, зная, что для него это было бы лишение—отказался.

— Да гдѣ ты видишь пчельникъ? спросилъ я, вертясь на конѣ и поглядывая впередъ.

— Да вонъ подъ уваломъ, возлѣ рѣчки.

Смотрю, но ничего не вижу; пришлось взять бинокль...

— Ну, братъ, и чертовские же у тебя глаза!

— Да вѣдь я и не выдавши могу сказать, что тамъ пчельникъ, это вѣдь Будуша, моего пріятеля. Мы и за нимъ пошлемъ, да только онъ поди пьянъ темеръ!

— Это почему же?

— А такое время темеръ, вездѣ пьянство, и такъ до августа мѣсяца, темеръ въ каждой юртѣ гонять изъ кобыльего молока водку—аракъ по-ихнему прозывается.

— Это очень интересно,—надо будетъ посмотреѣть, и набросить карандашомъ.

— Да это въ каждой юртѣ увидите, да еще нитъ заставить; кто не пиваль—противно; а главное дѣло, что оно теплое, ву и воняетъ порядкомъ, потому что, когда его завашиваютъ, такъ кладутъ въ молоко бараній желудокъ.

— То есть какъ это желудокъ?

— Да такъ, зарѣжутъ барана, да всю требушину, такъ же мывшу, и положить, даже мутить зачнетъ, какъ вспомнишь.

— Такъ зачѣмъ же ты пьешь?

— Не пить никакъ нельзя, потому обидятся, да вѣдь и вамъ придется выпить для перваго знакомства, не отвертитесь.

Тутъ я увидѣлъ шагахъ въ трехстахъ живописно расположенный пчельникъ; подѣхали, подъ навѣсомъ разсѣдали, разобрались, развели огонь. Ионъ сбѣгалъ на рѣчку за водой съ мѣднымъ чайникомъ, который и поставили къ огню; вышли по чаркѣ водки, закусили ржанымъ сухаремъ, и я растянулся на шерстяномъ одѣялѣ, положивъ подъ голову сѣдло. Усталость чувствовалась во всемъ тѣлѣ.

Переходъ мы сдѣлали—верстъ шестьдесятъ. Я нарочно торопился, чтобы поскорѣе добраться до настоящихъ кочевковъ, и тамъ уже начать работать. И я не ошибся! Свообразная, поражающая красота природы, и дичь, дичь безъ дорогъ, безъ торговли! Но какіе костюмы! Краски! Жаль только одного, что мнѣ не съ кѣмъ было подѣлаться своими впечатлѣніями. Бывало, скажешь Иону: „посмотри-ка, братъ, вонъ на этого парня, что на пѣгомъ-то конѣ сидитъ“, и онъ вамъ отвѣтитъ: „чортъ-чортомъ; ежели кому съ непривычки увидѣть, пожалуй, болѣсть какую нажить можно; онъ и во снѣ привидится“.

Улегшись, я закурилъ трубку и, смотря въ огонь, какъ потрескиваютъ сухія березовыя полѣнья, чуть-чуть было не задремалъ, какъ вдругъ слышу конскій топотъ по каменной почвѣ, приподнялся и вижу, что молодой калмыкъ въ фиолетовомъ китайскомъ халатѣ съ широкими рукавами, надѣтомъ на голое тѣло, да большой мѣховой шапкѣ, съ ружьемъ чрезъ плечо, на сѣромъ, „шустромъ“ конькѣ, выскочилъ изъ-за утеса. Въогъ онъ осадилъ коня, съ минутою посмотреѣлъ на насъ, затѣмъ такъ круто повернулъ его, хлестнувъ нагайкой, что его длинная коса съ кисточкой на концѣ, сдѣлала въ воздухѣ зигзагъ—и исчезъ. Мнѣ жаль было, что онъ такъ быстро скрылся, что даже въ памяти никакихъ подробностей не осталось; я сообщилъ это Ионѣ, который былъ занятъ въ это время приготовленіемъ похлебки и мяса для шашлыка.

— Вы, баринъ, не печальтесь, сейчасъ нахлынутъ,—Будушъ стоить отсюда всего версты двѣ, отвѣчалъ онъ.

Слова его оправдались—чрезъ какихъ-нибудь четверть часа раздался топотъ, но уже не одного коня, а дѣлаго десятка; еще мгновение, и мы увидѣли ѣдущаго къ намъ Будуша (онъ же и темип, т. е. староста). Не торопясь, но видимо горяча своего превосходнаго рыжаго коня, впередъ ѣхалъ онъ, а за нимъ, поодаль, подвигалась вся его свита въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, начиная съ засаленнаго мелковаго китайскаго халата и до рваннаго полунубка, сквозь дыры котораго видѣлось грязное тѣло. Не дождавъ шаговъ пятнадцати, онъ остановился, подождать, пока вся его свита слѣзетъ съ лошадей и сниметъ его съ коня. Подойдя шаговъ на пять, онъ снялъ шапку, поклонился очень низко и остался въ такомъ положеніи.

Ионъ меня уже ранѣе предупредилъ, что, если я желаю съ калмыками стоять не на официальной ногѣ чиновника, которыхъ они какъ огня боятся, то долженъ съ ними обходиться какъ можно ласковѣе. Принявъ все это во вниманіе, я пригласилъ Будушу сѣсть, и протянулъ ему руку. Будушъ набилъ трубку, раскурилъ ее и протянулъ мнѣ, а я ему свою,—это означаетъ обоюдный привѣтъ; остальные до такой фамильярности не были допущены. Махорка, перемѣшанная съ березовой корой, оказалось мервѣйшимъ снадобемъ, но я все-таки курнулъ раза два и возвратилъ трубку, а онъ мнѣ мою. Тутъ онъ, повидимому, началъ разспрашивать Иона, кто такой я, откуда и т. д. и все, поглядывая на меня, кланялся; и же, въ свою очередь, не мѣшая имъ, началъ его разсматривать. Ему было на видъ лѣтъ сорокъ пять. Здоровенный, жирный, съ буро-чернымъ цвѣтомъ кожи, скуластый, съ узкими, поставленными вкось, по-китайски, глазами и съ скудными призна-

ками бороды, черной, какъ смоль, онъ производилъ странное впечатлѣніе. Вся голова его была острижена елико возможно коротко, исключая макушки, откуда спускалась длинная коса; на концѣ косы болгалась большая шелковая съ золотомъ кисть. Весь его костюмъ состоялъ изъ китайскаго халата пѣзно-голубой шелковой матеріи, съ ярко-краснымъ большимъ воротникомъ. На боку у него висѣлъ ножъ на длинномъ ремнѣ въ мѣдной оправѣ; а сзади, за поясомъ, заткнуто было огниво,—принадлежность каждаго калмыка. Ружье, которое съ него сняли его подчиненные, было поставлено поодаль, на сошки. Я попросилъ, чтобы мнѣ показали поближе это интересное оружіе и по осмотру оно оказалось ужаснымъ: фитильное, на погнутыхъ сошкахъ, а въ ложѣ дѣлое помѣщеніе для фитиля, нуль и т. д. После оказалось, что одинъ стволъ этой пищали вѣсилъ двадцать два фунта, а стрѣлялъ Будушъ изъ него, какъ я убѣдился впоследствии, безъ промаха. Наконецъ я съ нимъ заговорилъ, конечно, чрезъ Иона. Онъ началъ разсыпаться въ благодарности, что я его удостоилъ своимъ посѣщеніемъ и т. д., называя меня при этомъ большимъ чело-вѣкомъ.

Однакоже пора была и за ѣду приниматься: шашлыкъ былъ готовъ. Я вытащилъ флягу, вынулъ самъ и подаль всѣмъ калмыкамъ по очереди; а началъ ѣсть, пригласилъ также и ихъ. Тутъ Будушъ сдѣлалъ знакъ,—одинъ изъ калмыковъ вскочилъ, отсегнулъ отъ сѣдла объемистую кожаную бутылку, вытащилъ изъ-за пазухи деревянную чашку и налилъ туда ужасно вонючую жидкость; Будушъ выпилъ ее сначала самъ, налилъ снова и, кланяясь, предложилъ мнѣ. Дѣлать нечего, выпилъ и я. Чтобы заглушить отвратительный вкусъ этой жидкости, пришлось выпить еще водки. Калмыки ѣли и пили, не стѣняясь. После обѣда принимались они пить чай, до котораго большіе охотники, а въ антрактахъ продолжали выпивать свой аракъ, потомъ, омывъ въ очень скоро, начали прощаться съ нашими, общая къ вечеру быть трезвыми и приготовиться къ охотѣ на козъ, которую Будушъ, узнавъ, что я охотникъ, хотѣлъ для меня устроить. На лошадь онъ былъ, буквально, поднятъ и посаженъ. Выспавшись, напившись чаю, мы стали собираться на охоту. Я боялся, что Будушъ насъ надуетъ, но Ионъ и мысли этой не допускалъ, говоря: „Калмыкъ никогда не надуетъ“.

Часовъ въ семь прѣхалъ нашъ Будушъ и съ нимъ человекъ тридцать калмыковъ, составлявшихъ очень эффектную группу, но костюмамъ и краскамъ. Я колебался, что дѣлать, братья-ли за краски или за ружье, но охотничья страсть преодолѣла. На мой вопросъ: „Неужели мы потащимъ весь свой багажъ съ собой?“ Ионъ отвѣчалъ даже съ удивленіемъ: „Зачѣмъ? здѣсь оставимъ, не сумлѣвайтесь, никто не потронетъ, этого здѣсь нѣтъ“. И дѣйствительно, я впоследствии убѣдился, что воровства калмыки не знаютъ.

Часовъ въ семь мы тронулись; послѣ двухчасовой ѣзды была сдѣлана остановка: не слѣзая съ лошадей, всѣ покурили, перетолковали, какъ слѣдуетъ. Рѣшено было раздѣлиться, такъ что мы, охотники, т. е. я, Будушъ и еще трое калмыковъ, поѣдемъ влѣво и поднимемся на перевалы; а остальные, избравъ загощицки, поѣдутъ вправо и утромъ, чуть свѣтъ, пока козы еще не залегли на дневной отдыхъ и легче поддаются гону, начнутъ гнать сѣверные склоны снизу вверхъ.

Подъемъ, по случаю наступившей темноты, былъ очень труденъ. Приходилось пробѣжать такіа мѣста, что сдѣлавъ лошадь одинъ невѣрный шагъ—и костей не соберешь. Подъемъ продолжался часа два съ половиной.

Наконецъ Будушъ остановился и соскочилъ съ лошади. Рѣшено было тутъ почевать, и разводя огня; завернувшись въ одѣяло, сѣдло вмѣсто подушки, я скоро заснулъ.

Погода была очень теплая, только къ утру начала пробираться меня дрожь; когда я проснулся, уже свѣтало; боясь, какъ бы загощицки не начали гнать ранѣе, чѣмъ мы займемъ перевалы, я разбудилъ всѣхъ.

Чрезъ четверть часа Будушъ показалъ мѣсто, гдѣ засѣлъ Иону; мы же, проѣхавъ съ полверсты дальѣе, привязали въ чащѣ лошадей; Будушъ рѣшилъ сидѣть со мной вмѣстѣ, и я ему никакъ не могъ объяснить, что я этого не желаю и подозреваю, что онъ это сдѣлалъ потому только, что у меня была съ собой фляга. Остальные поѣхали дальше. Засѣли мы за сваленное дерево; прошло съ полчаса, вдругъ Будушъ тычетъ меня въ бокъ и показываетъ внизъ; но сколько я ни напрягалъ свои глаза, вооруженные очками, слѣдя по направленію его грязнаго пальца,—ничего не могъ разсмотрѣть; онъ дернулъ меня за полу и мы стали спускаться, прычась за деревья и камни; прокравившись шаговъ со сто, я увидѣлъ, ниже насъ еще шаговъ на двѣсти, козла, преспокойно пасущагося въ высокой травѣ, такъ что видна была только одна синна; подойти ближе не было никакой возможности, а потому я приложился и выстрѣлилъ изъ своей охотничьей берданки: козель сдѣлалъ прыжокъ и съ ревомъ, напоминающимъ хриплый лай собаки, пошелъ назадъ въ загонъ. Стрѣлялъ, дѣйствительно, было неудобно, но Будушъ покачалъ головой; я отгравился назадъ занимать свое мѣсто, а онъ остался на мѣстѣ выстрѣла. Не успѣлъ я занять свое мѣсто, какъ вышла на меня коза; я, видя, что она не сворачиваетъ, цѣлюсь въ нее не торопясь и

въ тотъ моментъ, когда нажалъ собачку, вижу, что коза надаеъ, но удержаться не успѣлъ и два выстрѣла грянули одинъ за другимъ. Оказалось, что Будушь предупредилъ меня и выстрѣлилъ тоже по козѣ.

Долго еще ждали, сидя на мѣстахъ; гдѣ-то вдали грянулъ еще выстрѣлъ и пошелъ отдаваться по ущелью. Наконецъ, прѣхалъ Ионъ, подавая издали голосъ. Черезъ полчаса собралась вся компания и начали свѣжевать козъ. Одинъ охотникъ-калмыкъ убилъ еще козла. При свѣжеваніи съ осторожностью вытягиваютъ сухожиліе изъ ноги, и пользуютъ ими вмѣсто штокъ; всю кровь они собираютъ въ вынутый желудокъ, предварительно вытряхнувъ изъ него содержимое; кишки составляютъ лакомое блюдо. Кожа и мясо обѣихъ козъ было привязано намъ въ торока.

Вернувшись домой и давъ отдыхъ себѣ и лошадямъ, мы къ вечеру распрощались съ любезнымъ хозяиномъ и тронулись дальше, памѣреваясь въ два перехода достигнуть юрты зайсанга (квизекъ, родовичъ) Темей, сына Куртича, хорошаго пріятеля моего спутника.

На одномъ перевалѣ черезъ бѣлокъ, на самой вершинѣ, я увидалъ цѣлую кучу вѣтокъ и тутъ же стоявную березку, разукрашенную ленточками, тряпочками и даже пучечками волосъ изъ конскаго хвоста. На вопросъ: что это такое? Ионъ мнѣ объяснилъ, что это жертва калмыковъ въ благодарность за благополучное достиженіе этого бѣлка, т. е. перевала на другую сторону.

Переночевавъ у ручейка, мы на другой день къ вечеру достигли юрты Темей Куртича. Она стоитъ на рѣчкѣ Шукетѣ, верстахъ въ шестидесяти отъ Катуня. Темей хотя и принялъ съ женой и взрослымъ сыномъ православіе, но въ сущности ничѣмъ не отличался отъ своихъ единоплеменниковъ. По прѣздѣ нашему, его дома не было, но сынъ его тотчасъ же поскакалъ за нимъ; черезъ часъ предсталъ предо мной маленький человѣчекъ, на одинъ глазъ кривой, и до такой степени перенуганный, что слова сказать не могъ. Я ему просилъ передать, что я совѣмъ не чиновникъ, а частное лицо, но онъ и этому, кажется, не повѣрилъ и даже забылъ обычное привѣтствіе, и все стоялъ и кланялся. За чаемъ только онъ пустился въ разговоръ; оказалось, что онъ говоритъ по-русски, хотя и очень плохо.

Черезъ часъ прискакали человѣка четыре, тоже темги (старосты). Я объяснилъ имъ цѣль моего прѣзда, т. е. желаніе порисовать, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ обичаи, чему они очень обрадовались, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ, увидитъ ли ихъ, т. е. рисунки, Царь; я имъ объявилъ, чтобы ихъ не разочаровать, что, можетъ быть, и увидитъ.

Переночевали мы въ юртѣ. Юрта—это помѣщеніе, устроенное изъ жердей, крытое корой лиственницы; зимнее и лѣтнее ихъ жилище; посрединѣ очагъ, въ углубленіи; кругомъ его разостланы шкуры, на которыхъ и приходится сидѣть; къ правой сторонѣ отъ двери хозяйственные принадлежности, а у самой стѣны сдѣлано возвышеніе, въ четверть аршина, на него встланы жерди и на нихъ положены кожаные переметныя сумы разныхъ цвѣтовъ; и чѣмъ болѣе этихъ сумъ, тѣмъ состоятельнѣе хозяинъ; иногда такія сумы они набиваютъ сѣномъ, какъ я замѣтилъ у Темей.

На другой день съ самаго утра, въ честь моего прѣзда, началось винокуреніе. Производится оно такимъ образомъ: молоко заквашивается въ кожаномъ мѣшкѣ, сдѣланномъ изъ шкуры жеребенка, которая снимается, безъ разрѣза на животѣ, гдѣ нужно снимается витками изъ сухожилія козы, надувается воздухомъ и прокачивается нѣсколько недѣль дымомъ. Она дѣлается настолько крѣпкой, что никакую жидкость уже не пропускаетъ. Когда молоко начнетъ бродить, его выливаютъ въ чугунный круглый котелъ, вмѣстимостью ведра въ три, накладываютъ двѣ деревянные крышки, въ которыя вдѣланы двѣ выгнутыя трубки, тоже деревянные, верхка три въ диаметрѣ и съ аршинъ длиною; всѣ щели замазываются глиной. Подъ котлами поддерживается медленный огонь, а подъ трубки подставляется сосудъ, куда и сбѣгаетъ вонючая, но способная омылять, жидкость, называемая аракъ. Первую чарку вынулъ хозяинъ, а вторая была предложена мнѣ, я поднесъ ее къ губамъ, а потомъ передалъ сосѣду, прося его выпить за меня; и съ того времени уже всегда такъ и отдѣлывался.

Народу набралось, и ради меня, и ради свѣжей вышивки, очень много, такъ что я тотчасъ-же принялся за работу, но работать не въ юртѣ, а на солнцѣ. Починъ работы мнѣ пришлось сдѣлать съ зайсанга, который нарядился въ свой національный костюмъ, впрочемъ не отличающійся отъ обычной ихъ одежды. Они всѣ одѣваются или очень легко, въ китайскихъ халатахъ, или уже въ овчинныхъ тулупахъ, съ огромными лисьими воротниками, пафѣтыхъ на голое тѣло, какал-бы жара ни была. Работалъ я усердно, каждый день по два и по три зюда, и каждый день охотниковъ сниматься прибывало и прибывало. Женщины у нихъ всегда въ овчинныхъ тулупахъ, поверхъ которыхъ надѣвается еще особой формы тоникъ изъ чернаго бархата, обшитый позументомъ; на головѣ преогромная баранья шапка, срѣзанная сверху къ затылку, верхъ кожаный, желтаго цвѣта съ красными разводами и съ лен-

тами сзади. У женщинъ двѣ косы, а у дѣвушки пгукъ двадцать маленькихъ косичекъ, которыя, какъ у той, такъ и у другой, украшаются деньгами и бѣлыми раковинками.

На третій день нашего пребыванія у Темей, Ионъ сообщилъ мнѣ, что завтра начнется *камланіе* (богослуженіе), въ полверстѣ отъ насъ. Я попросилъ Темей сдѣлать распоряженіе, чтобы они, когда начнется праздникъ, прислали намъ сказать. На другой день прискакалъ гонецъ съ вѣстью, что все готово и ждутъ только меня. Мы сейчасъ-же сѣли на лошадей и поѣхали. При встрѣчѣ, какъ обыкновенно это бываетъ, хозяинъ снялъ меня съ сѣдла и попросилъ въ юрту выкурить трубку; при куреніи я началъ разспрашивать черезъ переводчика, въ чемъ состоитъ предстоящій праздникъ,—мнѣ объяснили охотно. Кончивъ курить, мы вышли.

Передъ юртою на полянѣ стояли, вбитыя въ землю, четыре березки, совѣмъ съ зеленою, по угламъ квадрата саженъ въ десять; къ каждой изъ нихъ было привязано по молодой рыжей лошади (какъ я потомъ узналъ, для этой цѣли нужны трехлѣтніи), у всѣхъ у нихъ въ гривахъ и хвостахъ были вплетены ленты бѣлаго и краснаго цвѣта, а у одной въ гривѣ еще и нагайка,—это былъ признакъ того, что эта лошадь предназначалась для бога, т. е. ее пускали въ табуны по окончаніи праздника и на нее уже никто не имѣлъ права садиться, даже и самъ хозяинъ; вторая назначалась для бѣды бога пополамъ съ хозяиномъ, но кромѣ его—никому; остальные двѣ должны были быть принесены въ жертву.

Обызъ (священникъ) былъ по виду вовсе не похожъ на человѣка: онъ былъ весь обвѣшанъ веревками, лентами, колокольчиками, различными погремушками и дощечками. На головѣ у него красовался колпакъ съ перьями хищныхъ птицъ. Онъ всталъ лицомъ на востокъ, держа въ обѣихъ рукахъ по березовой вѣткѣ, а всѣ остальные размѣстились позади его въ рядъ. Передъ обызомъ поставили сосудъ съ свѣжимъ кобылымъ молокомъ. Когда всѣ приготовления были окончены, онъ началъ кривляться, нестово кричать, а когда кланялся, то ему всѣ вторили; такая церемонія продолжалась съ четверть часа; потомъ принесли деревянные плоскія чашки и обызъ началъ на все и вся плескать молоко, такъ что хоти табуны лошадей и коровъ стояли поодаль, но досталось и имъ. По окончаніи обрызгиванія началась ворожба: брали чашку молока, до краевъ наполненную, и ставили на крупъ привязанной, безъ того вануганной, лошади; та, перенугавшись еще болѣе, била задомъ и сбрасывала чашку,—по паденію чашки рѣшалась судьба хозяина лошади и его благосостоянія; если чашка падала вверхъ дномъ—означало неблагополучіе, если наоборотъ—хорошо. Поднимавшій чашку съ пола долженъ три раза обернуться. Тѣмъ и закончилось пока празднество до вечера.

Часовъ въ девять мы съ Ионой возвращались съ сосѣдней горы, куда поѣхали поохотиться на козъ; обогнувъ послѣднюю скалу, мы увидѣли около юрты, гдѣ былъ праздникъ, разложенныя большіе костры и массу народа. Кругомъ большого огня сидѣло человѣкъ тридцать пять, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, въ праздничныхъ нарядахъ. У входа въ юрту, на разстланной кожь, стоялъ обызъ, съ большимъ бубномъ въ рукахъ, имѣющимъ аршина полтора въ диаметрѣ; справа и слева сидѣли два близкіе родственника хозяина. Обызъ правой рукой билъ въ бубенъ заячьей лапкой, вдѣланной въ деревяжку и увѣшанной кольцами и погремушками, съ такимъ остервенѣніемъ, что я невольно спросилъ Иона: „долго-ли онъ такъ вытерпитъ?“—и оказалось, что это продолжится до утренней зари.

Обызъ вертѣлся, прискакивалъ, обѣгалъ кругомъ огня, нестово крича въ то же время; но крики эти и душу раздражающе вопли были не безъ смысла. Ионъ объяснялъ мнѣ ихъ значеніе.

Лицо обыза можно было видѣть только изрѣдка, такъ какъ онъ старательно его пряталъ во внутреннюю часть бубна, гдѣ былъ вдѣланъ деревянный идолъ съ мѣдными глазами. Послѣ полутора часового камланія, обызъ въ изнеможеніи свалился; бубенъ, вынавшій изъ его рукъ, былъ подхваченъ однимъ изъ родственниковъ и поставленъ на мѣсто, для этой цѣли приготовленное, внутренней частью, т. е. идоломъ, къ публикѣ. Тутъ пронзила страшная суматоха. Обызъ лежалъ недвижимо около огня, на его лицѣ выражалось страданіе, глаза закатились, но на него никто уже не обращалъ никакого вниманія, за то надъ идоломъ хлопотали очень усердно: лили ему въ ротъ аракъ, давали курить трубку, кланялись, уговаривали не гнѣваться на нихъ и т. д.

Но вотъ черезъ полчаса обызъ пошевелился, тотчасъ-же вскочилъ на ноги, схватилъ бубенъ, и все пошло по-старому.

Общее впечатлѣніе камлы имѣетъ въ себѣ что-то сказочное, демоническое. Это такая картина для непривычнаго глаза, что далѣе я рѣшительно не могъ вытерпѣть,—я всталъ и вышелъ.

На слѣдующій день дѣлались приготовления къ жертвоприношенію: шаговъ на четыреста въ сторону отъ юрты, на полянѣ, были вбиты три толстыя жерди съ развилками вверху, аршина два съ половиной вышины; на нихъ были положены въ наклонномъ положеніи три очень толстыя жерди, длиною

Въ домашнемъ кругу. Съ карт. Клугъ-Эквала, грав. Бонгъ.

Послѣ крестинѣ. Сѣ карт. Галлгоса, грав. Болгѣ.

саженъ девять, и чрезъ все это была протянута веревка, украшенная бѣлыми и красными лентами, а посреди ея, т. е. надъ средней жердью, висѣла заячья шкура, головой внизъ. Конецъ веревки былъ укрѣпленъ въ особо выгнутыя жерди, вышиною саженъ въ пять. Далѣе, къ востоку, куда шелъ наклонъ жердей, приготовлялся большой костеръ.

На ночное камланіе я не поѣхалъ, а на другой день, съ восходомъ солнца, былъ уже тамъ. Послѣ краткой молитвы всѣ сѣли на лошадей, отвязали одну и поставили головой къ средней наклонной жерди, укрѣпили ко всѣмъ четыремъ ногамъ ея по аркану, немного выше копыта; за нихъ взялись человѣка по два или по три; обызъ сталъ позади лошади, а къ головѣ сталъ ближайшій родственникъ хозяина. Женщинамъ при этомъ присутствовать не разрѣшается.

Когда все было готово, послѣдовала еще краткая молитва, а затѣмъ въ одинъ мигъ животное раздѣрули въ разные стороны, такъ что несчастная жертва животомъ и грудью вдругъ улеглась на землю, а ея ноги припились подъ прямымъ угломъ вправо и влево. Хрустѣніе переломанныхъ костей—звнните—и передать не въ состояніи.

При этомъ обрядѣ на морду, повыше ноздрей, надѣвается веревка, въ которую продѣвается палка, полъ-аршина длины, и ее начинаютъ закручивать, чтобы прекратить доступъ воздуха къ легкимъ. Видъ животного въ этотъ моментъ поистинѣ потрясающій: его голова поднята кверху, глаза какъ-бы выльзали изъ своихъ орбитъ, хвостъ торчитъ кверху султаномъ; но, когда лошадь его опуститъ, то это означаетъ, что смерть уже наступила...

Спасибо, по крайней мѣрѣ, и за то, что все это дѣлается очень быстро, такъ что сама процедура умерщвления продолжается не болѣе минуты или полторы.

Потомъ лошадь кладутъ на бокъ и начинаютъ снимать шкуру, при чемъ оставляютъ не снятыми голову и ноги, начиная отъ колѣнъ книзу; затѣмъ навѣшиваютъ ее на наклонную жердь, такъ что эта картина производитъ такое впечатлѣніе, что какъ-бы лошадь поднимается къ небу.

Мясо ея сѣдается, а кости сжигаютъ на кострѣ. Пьянство повальное.

На праздникъ состоялась еще свадьба, т. е. одна дѣвушка, которой на видъ было не болѣе тринадцати лѣтъ, была украдена женихомъ и увезена. На мои разспросы, что слѣдуетъ далѣе, мнѣ рассказали: что отецъ ея не поѣдетъ въ домъ отца жениха, а будетъ, ради приличія скандалить и требовать какъ можно болѣе „калыма“, что жениха онъ не тронетъ, но помощниковъ его (сватовъ) возьметъ, раздѣнетъ до пояса, привяжетъ къ жердямъ и отстегаетъ нагайкой. Въ антрактахъ отца невѣсты угощаютъ аракомъ и разными кушаньями, а когда онъ отдохнетъ, то опять продолжаетъ свое дѣло, и такъ иногда сѣдня сутки. Придя къ окончательному рѣшенію насчетъ калыма, обиженный забираетъ обыкновенно рогатый скотъ, лошадей и уѣзжаетъ домой; тѣмъ свадьба и кончается. Иногда же родители сговариваются раньше и женятъ пяти и шести-лѣтнихъ дѣтей, даютъ имъ особую юрту и устриваютъ все хозяйство. Нашъ хозяинъ, зайсангъ Темей, женился восьми лѣтъ. При свадьбѣ никакихъ священнодѣйствій не произвѣдется.

При заболѣваніи кого-либо изъ семьи, призываютъ обыза, который первоначально надъ больнымъ камлаетъ въ юртѣ, но если это не помогаетъ, то ночью берутъ больного,—все равно, зимой или лѣтомъ,—кладутъ на лошадь поперекъ сѣдла, увозятъ версты за двѣ, раскладываютъ костеръ, а затѣмъ, покаявъ надъ нимъ, всѣ уѣзжаютъ домой, оставляя ему лошадь, и ждутъ его возвращенія. Если онъ не вернется, значитъ такъ рѣшено богомъ, и тогда приносятъ его въ юрту, но уже мертвого.

Подать калмыки платятъ шакомъ, т. е. мѣхами: бѣлой, лисичей и соболямъ.

Кто имѣетъ возможность—совѣтую побывать на Алтаѣ и увѣренъ, что всякій любозпательный человѣкъ останется доволенъ.

Предупреждаю, что ни комара, ни мошки тамъ не бываетъ, хотя отъ нихъ сильно страдаютъ наши сибирскія деревни.

Посмертныя стихотворенія

А. А. Фета.

I.

Разсыпаясь смѣхомъ ребенка,
Явно въ душу мою влюблены,
Пролетаютъ прозрачно и звонко
Надо мною блаженные сны.

И мгновенной охваченъ истомой,
Снова молодость чую свою,
Узнаю я и голосъ знакомый,
И побѣдный призывъ узнаю.

И когда этой пѣснѣ внимаю,
Окрыленный восторгомъ, не лгу,
Что я все безъ рѣчей понимаю,
И къ чему призываетъ—могу.

II.

Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчасъ сердцемъ не вспорхнуть,
Не могу, наперекоръ привычкѣ,
Какъ войдешь, хоть тайно не вздохнуть.

Ты не всыхнешь, ты не поблѣднѣешь,
Взоры полны тихаго огня,
Больно видѣть мнѣ, какъ ты умѣешь
Не видать и не слышать меня.

Я тебя невольно беспокою,
Торжество должна ты искупить:
На зарѣ безъ тучъ нельзя такую
Молодой и лучезарной быть.

Попугай сосваталъ.

Шутка Виктора Банда. Переводъ съ нѣмецкаго.

Отгомаръ Бауманъ былъ влюбленъ—влюбленъ по-уши.

Она была хороша какъ ангелъ. Всего только три раза видѣлъ онъ ее, но и этихъ трехъ мимолетныхъ встрѣчъ было достаточно. Его уже влекло къ ней непреодолимой силой.—Къ ней! и Отгомаръ горько усмѣхнулся.—Легко сказать, къ ней! Когда онъ даже не знаетъ, гдѣ она живетъ! Онъ даже не знаетъ, какъ зовутъ это ангельское существо! Въ первый разъ онъ ее увидѣлъ въ театрѣ—она сидѣла рядомъ съ какимъ-то сѣдымъ господиномъ—можетъ-быть отцомъ, а можетъ-быть и пѣтъ! Вторично онъ увидѣлъ ее въ циркѣ и снова вмѣстѣ съ тѣмъ же господиномъ съ сѣдой бородой. Въ третій разъ она только промелькнула мимо него въ экипажѣ, на парѣ прекрасныхъ вороныхъ лошадей, и опять въ обществѣ того же старика. Такимъ образомъ, всѣ свидѣнія о ней Отгомара сводились лишь къ тому, что она ангелъ, и что онъ безумно влюбленъ въ нее.

Разъ какъ-то, гуляя въ городскомъ паркѣ, Отгомаръ осматривательно смахнулъ пылъ носовымъ платкомъ со скамейки, и уже отдернулъ фалды сюртука, готовясь опуститься на нее, какъ вдругъ чей-то хриплый голосъ произнесъ:

— Пошелъ вонъ!

Молодой человѣкъ испуганно оглядѣлся, но никого не было видно.

— Неужели мнѣ это показалось? пробормоталъ онъ, снова готовясь опуститься на скамью, но въ эту минуту тотъ же хриплый голосъ еще разъ проговорилъ:

— Пошелъ вонъ!

Отгомаръ собралъ все свое мужество и громко крикнулъ, обращаясь къ густой чащѣ елей:

— Кто тамъ?

— Мазурикъ! раздался насмѣшливый отвѣтъ.

Отгомаръ поднялъ голову,—голосъ ясно слышался сверху, и не замедлил найти разгадку поразившаго его явления. Въ густыхъ вѣтвяхъ бука пріютился сѣрый попугай, который своими блестящими глазами лукаво поглядывалъ на удивленнаго молодого человѣка.

— Здрррравствуй! Здрррравствуй! прокартавилъ онъ.

— Здравствуй! Здравствуй! отозвался Отгомаръ, смѣясь.— Молодецъ ты, какъ я посмотрю! Какъ же ты попалъ сюда, а? Какъ тебя зовутъ?

— Коко! Коко! отвѣчалъ попугай, спускаясь одной вѣткой ниже.

— Такъ вотъ что! Тебя зовутъ Коко? А не хочешь ли ты спуститься еще немножко, чтобъ я могъ взять тебя рукой?

— Маззурикъ! Маззурикъ! возразилъ Коко.

— Ай, ай, какой же ты певѣжа! раземѣлся Оттомаръ.

— Моя радость! завылилъ вдругъ поугай.

— Ну вотъ, видишь ли, это другое дѣло! Надо всегда быть вѣжливымъ. Однако, какъ же мнѣ поймать тебя? Не оставаться же тебѣ здѣсь. Пойди ко мнѣ, Кокочка, пойди, милый!

Оттомаръ протянулъ руку; поугай спустился еще ниже; онъ поворачивалъ и наклонялъ голову во все стороны, тщательнo осматривая палецъ Оттомара; однако не рѣшался сѣсть къ нему на руку.

— Ну, пойди же ко мнѣ, моя радость! убѣждалъ его Оттомаръ.

Но Коко заставилъ просить себя очень, очень долго. Болѣе часу испытывалъ онъ терпѣніе Оттомара; наконецъ смягчился и слетѣлъ къ нему.

— Ну, вотъ, Кокочка, давно бы такъ. Теперь я возьму тебя домой и покормлю, сказалъ Оттомаръ, иѣбно глядя синю поугай, который охотно принялъ эту ласку и даже, въ видѣ благодарности, проговорилъ привѣтливо:—

— Маззурикъ!

Уже темнѣло, когда Оттомаръ вернулся домой.

— Что, пришесли уже вечернюю газету? спросилъ онъ хозяйку, отворившую ему дверь.

— Нѣтъ еще, господинъ Бауманъ.—Но что это у васъ за прелестный поугай! Ахъ, какая прелесть!

И она протянула руку къ Коко, котораго сердито взерошили перья и прохриѣлъ:—

— Вошь!

— Фи! Что за противная птица! воскликнула разгнѣванная хозяйка.—Надѣюсь, что вы не оставите его у себя, господинъ Бауманъ?

— Конечно нѣтъ. Я поймалъ его въ городскомъ паркѣ и вотъ именно хотѣлъ посмотреть въ газетахъ, нѣтъ ли о немъ публикаціи. Пожалуйста, какъ только подадутъ вечернюю газету, принесите ее мнѣ.

Хозяйка обѣщала исполнить его желаніе, и Оттомаръ вошелъ въ свою комнату. Коко тотчасъ же слетѣлъ съ руки и помѣстился на шкафу.

— Анна! Анна, гдѣ ты? закричалъ онъ, какъ бы нища кого-то въ комнатѣ.

— Анна? Это кто же? спросилъ Оттомаръ.—Можетъ-быть твой госпожа?

— Моя радость! отвѣчалъ Коко и продолжалъ звать Анну.

Черезъ нѣсколько времени постучали въ дверь.

— Войдите! прокричалъ поугай, раньше чѣмъ Оттомаръ успѣлъ что-нибудь отвѣтить.

Вонша хозяйка, съ вечернею газетою въ рукахъ.

— Подумайте, какое счастье, господинъ Бауманъ! воскликнула она, вся красная отъ волненія.—Вѣдь вашего поугая зовутъ Коко?

— Коко! Коко! отвѣтилъ поугай самъ за себя.

— Обѣщаютъ двадцать марокъ награды! продолжала она взволнованно.—Двадцать марокъ за такую дрянь. Люди должно быть не въ своемъ умѣ. Добро бы еще пропалъ лебедь, или павлинь, или наконецъ хогъ гусь, котораго можно заарить, а то...

— Коко прекрасная птица, перебилъ Оттомаръ,—и стѣбитъ гораздо дороже, чѣмъ вы думаете. Дайте-ка сюда газету—гдѣ это?—да, вотъ: „Сегодня утромъ вылетѣлъ хорошо говорящій сѣрый поугай; кличка—Коко. Тотъ, кто доставитъ его по адресу: Вилла Анна, Липовая аллея, № 6, получитъ 20 марокъ вознагражденія“.

— Липовая аллея, № 6, проговорилъ Оттомаръ въ раздумѣ, кладя газету на столъ.—Это у самого городского парка. Не отправиться ли мнѣ сейчасъ же?

— Разумѣется, господинъ Бауманъ. Вѣдь не оставите же вы птицу на ночь у себя въ квартирѣ! волновалась хозяйка.—Да, чего добраго, тѣ еще опомнятся и пожалѣютъ двадцати марокъ... Экую уйму денегъ за такую...

— Вонъ, вонъ... перебилъ ее картавый голосъ поугая, и она, взбѣшенная, выскочила изъ комнаты.

Когда извозчикъ подвезъ Баумана къ № 6 по Липовой аллеѣ, было уже настолько темно, что Оттомаръ съ трудомъ могъ разобрать палицы на дверяхъ. „Густавъ Вернеръ, раите“, прочиталъ онъ и дернулъ за ручку звонка. Дверь немедленно отворилась.

— А, нашъ Коко! проговорилъ лакей, осмотрѣвъ предварительно Оттомара съ головы до ногъ.—Сейчасъ доложу о васъ барыни.

Оттомаръ вручилъ лакею свою карточку и, нѣсколько минутъ спустя, его ввели въ ярко освѣщенную гостиную.

Коко тотчасъ же почувствовалъ себя дома.

— Анна! Анна, гдѣ ты? принялся онъ кричать.

И, какъ только дверь отворилась, поугай полетѣлъ навстрѣчу вошедшей хозяйкѣ и сѣлъ къ ней на плечо.

Оттомаръ поклонился.

— Извините меня, сударыня, что я рѣшился такъ поздно...

Но тутъ слова замерли у него на языкѣ. Лицо его вскинуло и глаза съ восторгомъ остановились на чудномъ видѣ-

ніи. Вѣдь это была она—она, обожаемая, единственная, та, которой принадлежали все его помыслы за послѣдніи недѣли. И какъ хороша, какъ небесно-прекрасна она казалась теперь, вблизи! Но что же это? Она протягиваетъ эту ручку—маленькую, изящную, иѣжную какъ бархатъ; она обращается къ нему...

Но вдругъ она опустила рѣшницы. Взглядъ Оттомара ужъ слишкомъ явно выражалъ восхищеніе.

Къ счастью, Коко на радостяхъ болталъ безъ умолку.

И болтовня его помогла молодымъ людямъ овладѣть своимъ смущеніемъ.

Внѣ себя отъ счастья и блаженства вернулся Оттомаръ домой. Всю ночь напролетъ метался онъ безъ сна на своей постели и, какъ только забрезжило утро, всталъ и одѣлся, чтобы пойти освѣжиться утреннимъ воздухомъ.

Оттомаръ невольно направился на Липовую аллею. № 6 оказался очень миленькимъ домикомъ, освѣненнымъ благоухающими цвѣтущими липами. Дикій виноградъ вился по его стѣнамъ и въ первыхъ косыхъ лучахъ утренняго солнца ярко горѣли золотыя буквы, гласившія „Вилла Анна“.

Гдѣ-то теперь она? Вѣроятно еще покоится сладкимъ сномъ, но гдѣ, въ которой комнатѣ? Выходитъ ли ея окно на улицу или въ садъ?

Но вотъ распахнулось окно, вотъ мелькнуло ея личико—это она, она сама!

Оттомаръ въ смущеніи снялъ шляпу, и молодая дѣвушка, слегка краснѣя, отвѣтила ему легкимъ наклоненіемъ головы. Оттомаръ не чувствовалъ подъ собою ногъ отъ радости.

На слѣдующее утро, въ тотъ же самый часъ, Оттомаръ снова раскланывался у окна красивой виллы, и Анна снова отвѣчала ему привѣтливимъ кивкомъ головы. Это повторялось изо дня въ день въ теченіе двухъ недѣль, пока, наконецъ, въ одно прекрасное утро, Оттомаръ не нашелъ все жалози на „виллѣ Анна“ спущенными. Цѣлые часы прохаживался онъ въ этотъ день передъ домомъ, но не могъ замѣтить въ немъ никакихъ признаковъ жизни. И домъ, и садъ словно замерли. А когда и во все слѣдующіе дни оказалось то же самое, Оттомаромъ овладѣло мрачное отчаяніе. Что ему дѣлать здѣсь, въ этомъ городѣ, если онъ не можетъ видѣть ее?—Прочь, прочь отсюда! подсказывалъ ему какой-то внутренней голосъ, и Оттомаръ уложилъ свои вещи и въ тотъ же день уѣхалъ куда глаза глядятъ.

Поналъ онъ въ маленькій курортъ на Балтійскомъ морѣ и взялъ комнату въ отелѣ, на самомъ берегу, съ намѣреніемъ прожить тамъ нѣсколько дней. Онъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и сейчасъ же легъ спать. На слѣдующее утро Оттомаръ приказалъ подать себѣ кофе на балконъ, куда выходила дверь изъ его комнаты, и когда кельверъ причешъ также потребованную имъ газету, готовился уже расположиться за кофеемъ съ газетою, какъ вдругъ услышалъ откуда-то снизу картавое: „Здрравствуй! Здрравствуй!“

Словно отъ удара электрической искры вскочилъ онъ съ мѣста, нагулся за перила балкона и увидѣлъ своего пріятеля Коко, привязаннаго маленькой серебряной цѣпочкой къ желѣзной рѣшеткѣ нижняго балкона.

— Здрравствуй! Здрравствуй! снова повторилъ Коко и въ отвѣтъ ему раздался изъ глубины комнаты внизу мягкій женскій голосъ:

— Здравствуй, милый Коко!

Оттомаръ чуть не вскрикнулъ отъ восторга: это былъ ея голосъ, голосъ Анны.

— Коко! Коко! закричалъ онъ съ балкона внизъ.

Коко прислушался. Онъ поворачивалъ голову во все стороны и наконецъ замѣтилъ кто зоветъ его.

— Маззурикъ! Маззурикъ! закричалъ онъ Оттомару.

— Фи, Коко! Какъ не стыдно браниться! послышался снова голосъ Анны.

— Моя рррадость! проговорилъ поугай.—Анна! Моя рррадость!

— Хочешь сахару? спросилъ тотъ же женскій голосъ.

— Урррра! Ура — уль, на крауль... радостно закричалъ поугай.

Показалась блѣснобѣжная ручка, и Оттомаръ видѣлъ, какъ молодая дѣвушка протянула поугаю кусокъ сахару.

— Что надо сказать, попочка? спросила она.

— На крауль! отвѣчалъ Коко.

— Совѣмъ нѣтъ, Коко! Что долженъ сказать попочка?

— Маззурикъ! Маззурикъ!

Анна засмѣялась.

— Надо сказать „благодарю“, проговорила она.

Но Коко остался на этотъ разъ при своемъ:—

— Маззурикъ! Маззурикъ!

И Оттомаръ невольно расхохотался.

Удивленная, Анна подошла къ периламъ, и густая краска залила ея лицо, когда она увидѣла Оттомара.

— Вотъ это называется удачей, проговорилъ молодой человекъ, здоровалась.—Такъ, безъ всякой цѣли испугаться въ путь и при первой же остановкѣ встрѣтиться съ вами!

— Давно ли вы пріѣхали? спросила Анна, чтобы сказать что-нибудь.

Неожиданность смутила ее.

— Только вчера вечером. Однако, я полагаю, вам неудобно разговаривать так, снизу вверх. Спуститесь лучше в сад. Если позволите, и я...

Анна слегка кивнула головой и ушла с балкона. Оттомарь тоже вошел в комнату; в это время раздались снова голоса Коко:

— Пошел вонь, пошел вонь! кричал он без умолку.

Желая узнать, у кого попочка так горячо оспаривает место, Оттомарь снова высунулся за решетку балкона и, к ужасу своему, увидя того же сядого господина, с которым он в первый раз встретил свою Анну. Лакей укрывал его пледом старик, вероятно, был болен.

Господин этот действительно оказался отец Анны. После первой же утренней прогулки, Оттомарь был представлен ему и с тех пор проводил все время в обществе Анны и ее отца. В прогулках старик не мог принимать участия, вследствие своего ревматизма,—молодые люди, как это принято летом, на водах, гуляли вдвоем,—но за то обиделись все вместе, в комнате господина Вернера, и весь остаток дня и вечер проводили с ним.

Так прошло две недели.

Однажды Анна и Оттомарь, возвращаясь по своему обыкновению с утренней прогулки, нашли комнату пустою—господин Вернер, при помощи лакея, отправился на берег. Один Коко оставался дома и печально сидел в углу, видимо чувствуя себя обиженным, что его оставили одного. Когда молодые люди вошли в комнату, он радостно вылетел из своего угла и сел на плечо Анны.

— Моя радость! Моя радость! принялся твердить он.

— Кто твоя радость? спросил Оттомарь.

— Анна! Анна! кричал Коко.

Анна засмьялась. Оттомарь приблизился к ней и начал потихоньку гладить спинку Коко.

— Счастливец ты! проговорил он.

Анна вскинула и в смущении опустила глаза. Легкая дрожь пробежала по ее телу.

— Правду ли говорит Коко, спросил Оттомарь, бери молодую дѣвушку за руку.— Или в вашем сердце найдется уголок и для другого?

— Пошел вонь, пошел вонь... кричал Коко.

Но Оттомарь не обратил внимания на слова попуга. Глаза Анны, казалось, слишком ясно говорили противное. Оттомарь нагнулся и, сам не зная как, коснулся губами ее руки.

— Маззурик! Маззурик! кричал Коко.

Анна погрозила ему.

— Стыдно, Коко, браниться! проговорила она вдруг.— Скажи лучше, как зовут его? Ведь я тебя учила. Скажи—как зовут его?

— Оттомарррр! Оттомарррр! послушно прокартавил попуга.

Глаза Оттомара засияли счастьем. Он протянул к ней свои руки.

Коко испуганно слезть с плеча Анны и опустился на стол, пометрѣлъ недоумѣвающе и, словно понявъ в чем дѣло, кричал вдруг:

— Анна! Оттомарррр! Урррр!

В том же году состоялась свадьба Оттомара Баумана с хорошенькой, милой Анной Вернер... (с).

„Ключь врага милосердаго“.

Восточное сказаніе В. Н.-Д.

Караванъ шелъ въ пустынь... Солнце жгло. Золотые бугры песковъ пропадали въ ослѣпительной дали. Небо тонуло въ какомъ-то опаловомъ блескѣ. Впереди бѣлою извилистой линіей шла дорога... Ея собственно не было. Дорогою здѣсь казались остовы навшихъ верблюдовъ. Колодцы остались позади — пилигримы взяли съ собою воды на два дня. Только завтра они могли добраться до оазиса съ чахлами пальмами. Утромъ еще мерещились вдалекѣ чудныя марева съ синими водами, съ тѣпистыми рондами. Теперь и миражи пропали. Все замирало подъ строгимъ взглядомъ безопаднаго солнца... Сонно покачивались всадники, слѣдуя за проводникомъ. Кто-то заигралъ, но въ пустынь и пѣсня надала на душу слезами. И пѣвній тотчасъ же смолкъ. Тишина. Только слышится равномерный шорохъ тонкихъ ногъ, погружавшихся въ песокъ, да шелестъ шелковыхъ занавѣсокъ, за которыми притались отъ зноя смуглолицыя бедуинки. Все замирало, даже и душа человѣческая! По крайней мѣрѣ,—на пути встрѣтился каравану умирающій арабъ; рядомъ лежалъ загнанный конь, бѣлый на золотомъ пескѣ; всадникъ, завернувъ въ бѣлый бурнусъ голову, положилъ ее на бездыханное тѣло своего друга... Безстрастно проходили мимо верблюды. Никто изъ людей не повернулъ даже головы туда, гдѣ изъ-подъ бѣлаго шелка остро и жадно слѣдовалъ за ними взглядъ погибшаго въ пустынь... Уже весь караванъ миновалъ его. Только старикъ, ѣхавшій позади, вдругъ сошелъ съ сѣдла и наклонился надъ арабомъ.

— Что съ тобою?

— Пить! только и могъ проговорить умиравшій.

Старикъ посмотрѣлъ вслѣдъ каравану—онъ медленно подвигался въ ослѣпительную даль, никто не оглядывался назадъ. Старикъ поднял голову въ высоту и оттуда вдругъ почувствовалъ ему что-то, какое-то вѣяніе, проникавшее въ его душу... Старикъ снялъ мѣхи съ водою... Обмылъ сначала лицо и ротъ умирающему, потомъ далъ ему сѣлать глотокъ... другой.

Лицо умирающаго оживилось.

— Ты изъ рода Оммадовъ?

— Да... отвѣтилъ старикъ.

— Я угадалъ это по знаку на рукѣ твоей... Я изъ Элькамидовъ. Мы смертельные враги...

— Въ пустынь, предъ лицомъ Аллаха—мы только братья. Пей!.. Я старъ, ты молодъ. Пей и живи...

Умиравшій жадно принялъ къ мѣхамъ... Старикъ посадилъ его на своего верблюда...

— Поѣжай и расскажи своимъ о мѣстѣ одного изъ Оммадовъ.

— А ты?

— Миѣ все равно жить осталось мало.

— Поѣдемъ вмѣстѣ.

— Нельзя. Верблюдъ малъ, онъ не выдержитъ такой тяжести.

Арабъ колебался. Но онъ былъ молодъ, его ждала слава и любовь... Онъ молча сѣлъ... Остановился...

— У тебя есть родные?

— Никого! отвѣчалъ старикъ.

— Прощай!

Оставшій долго смотрѣлъ ему вслѣдъ... Онъ обманулъ своего врага. У старика были дѣти—но они славились какъ храбрые воины... Онъ уже не нуженъ былъ имъ.

Караванъ исчезъ въ ослѣпительной дали... Солнце жгло... Небо тонуло въ опаловомъ блескѣ. Старикъ завернулъ голову въ покрывало и легъ лицомъ къ землѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Та-же пустыня. Тѣ-же золотые бугры. Тотъ-же караванъ шелъ назадъ. Такъ же пилигримы взяли въ послѣднемъ оазисѣ съ собою воды на два дня... Сонно покачивались всадники на утомленныхъ верблюдахъ, и вдругъ проводникъ остановился...

— Что тамъ? указалъ онъ вдали.

Нагонявшіе его пилигримы тоже въ изумленіи глядѣли туда... Тамъ, среди безконечныхъ песковъ, видна была зелень. Раскинулись высокія, гордыя пальмы, межъ пышно поднявшихся кустовъ журчалъ источникъ, и веселый лепетъ прохладныхъ струй наполнялъ томную, зловѣщую тишину окружающей пустыни... Яркіе цвѣты нѣжныхъ благоуханіемъ своихъ точно ласковымъ привѣтомъ встрѣчали утомленныхъ путниковъ.

У ручья лежало нетлѣнное тѣло милосердаго старика. Его подняли, обернули въ шелковые покровы и повезли въ оазисъ его рода.

Арабы говорятъ, что новый источникъ забилъ здѣсь изъ глубочайшихъ нѣдръ земли по велѣнію Аллаха тамъ, гдѣ въ песокъ упало нѣсколько капель воды изъ мѣховъ стараго шейха. Бедуины зовутъ этотъ оазисъ теперь „ключемъ врага милосердаго“.

Къ рисункамъ.

Тяжелый трудъ. (Рис. на стр. 77).

Медленно ступая тащутъ два вола плугъ, глубоко бороздящій тучную пашню. Солнце нещадно печетъ, ярмо рѣжетъ выю, слѣпши тучею облѣпили бока, но животныя покорно выполняютъ тяжелый трудъ, парѣдка мыча, точно жалуясь на свою горькую долю. Но Господь благословитъ этотъ трудъ!

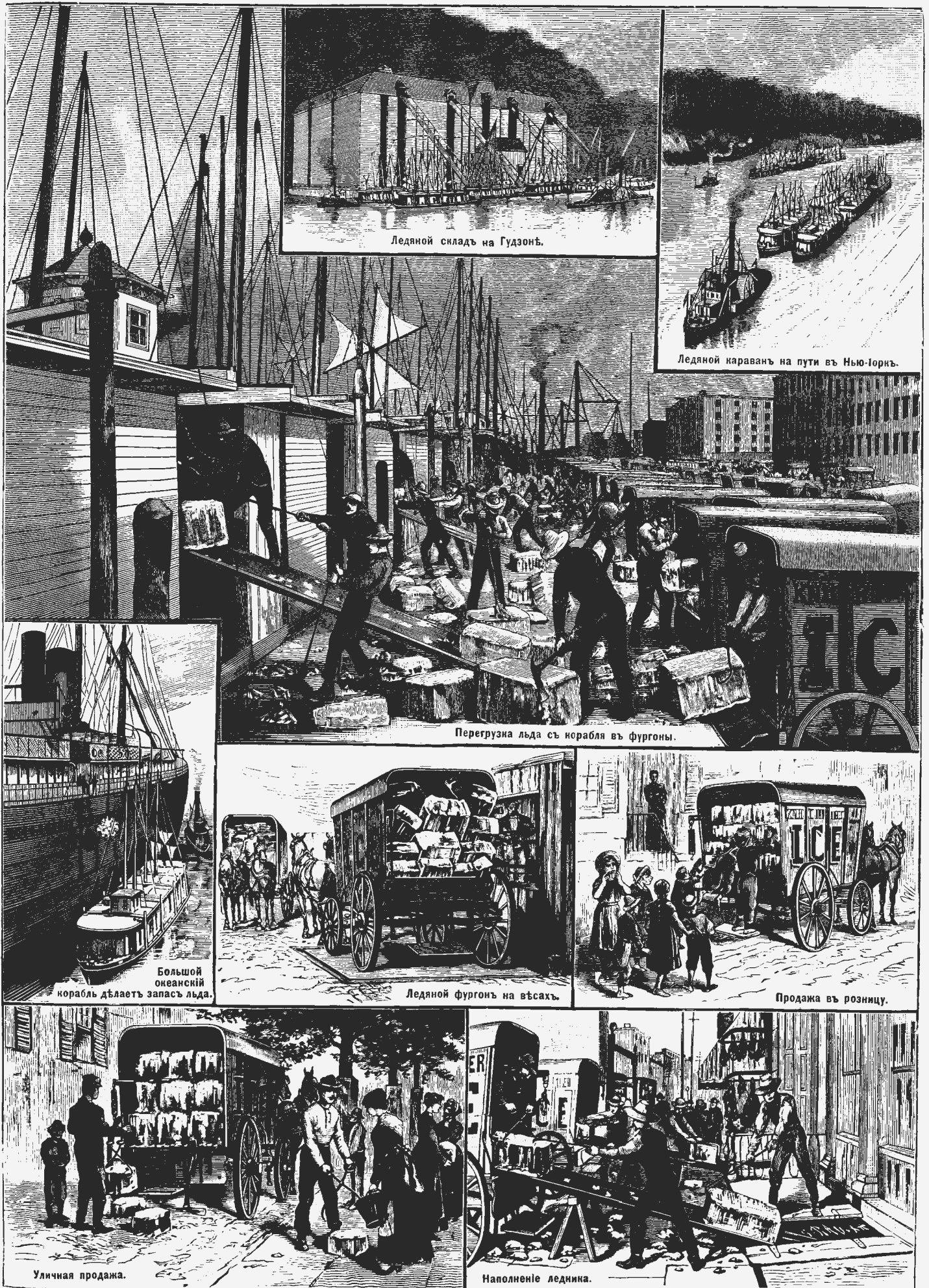
Литературный альбомъ. „Золотой пѣтушокъ“,

А. Пушкина. (Рис. на стр. 85).

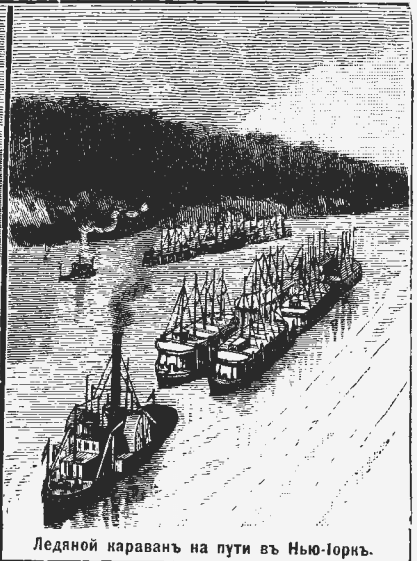
Сказки А. С. Пушкина могутъ служить неисчерпаемымъ

источникомъ для иллюстрацій и одна и та же сказка можетъ доставить цѣлый рядъ прелестныхъ рисунковъ. Въ прошломъ году, на страницахъ „Нивы“, Р. Штейнъ изобразилъ въздъ царя Додова съ Шамаханской царицей въ столицу. На этотъ разъ нашъ художникъ С. С. Соломко изобразилъ сцену въ палаткѣ той-же царицы, когда она вошла къ царю Додону.

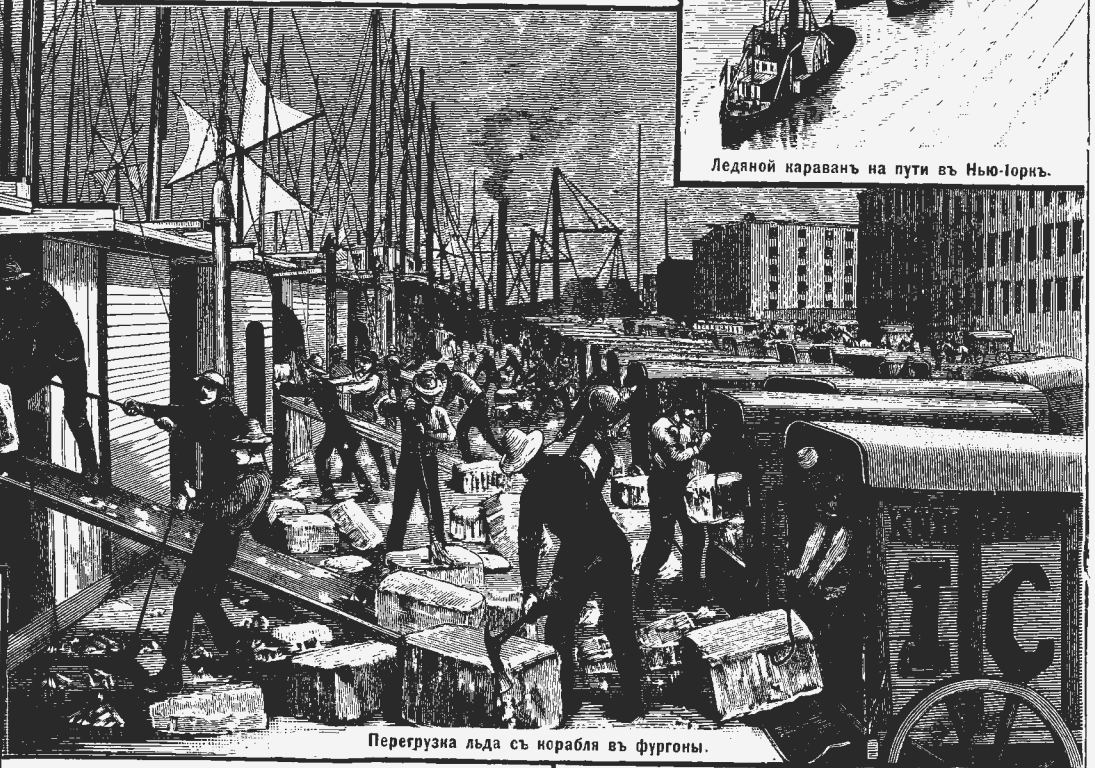
Какъ предъ солнцемъ птица ноца, И потомъ недѣлю ровно,
Царь умолокъ, ей глядя въ очи, Покорясь ей безусловно,
И забылъ онъ передъ ней Околдованъ, восхищенъ,
Смерть обоихъ сыновей... Пировалъ у ней Додонъ...

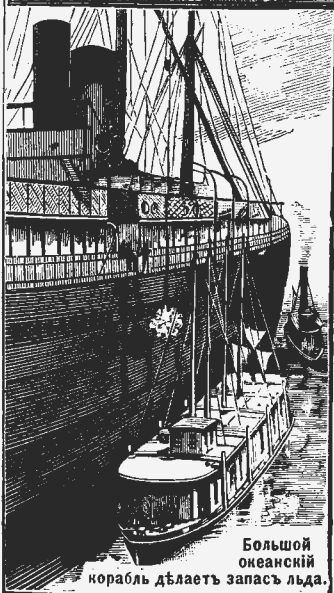
Ледяной складъ на Гудзонъ.

Ледяной караванъ на пути въ Нью-Йоркъ.

Перегрузка льда съ корабля въ фургоны.

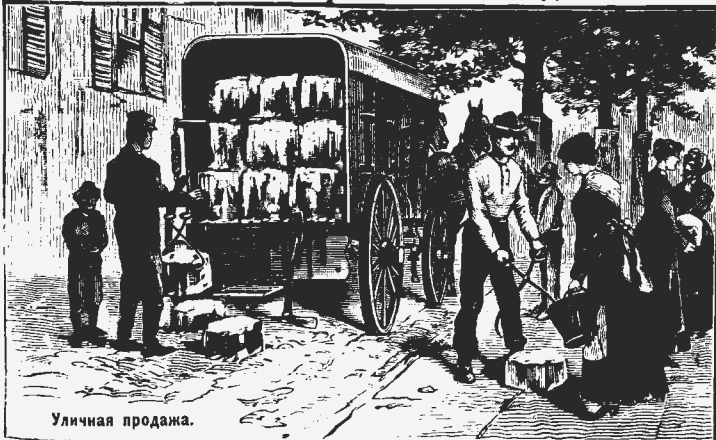
Большой океанскій корабль дѣлаетъ запасъ льда.

Ледяной фургонъ на всѣхъ.

Продажа въ розницу.

Уличная продажа.

Наполненіе ледника.

Ледяной промыселъ въ Нью-Йоркѣ. По рис. съ нат. Н. У. Б. грав. Джемсъ. Библиотека "Руниверс"

Въ домашнемъ кругу. (Рис. на стр. 88).

Прелестное и обаятельное впечатлѣніе производитъ на зрителя картина Клуэтъ-Эквали, гдѣ краснорѣчивѣе всякихъ словъ представлено, какъ уютно, спокойно и счастливо можетъ быть вечеркомъ въ кругу семьи. Отецъ отдыхаетъ, читая газету и, иногда, подолгу заглядываясь на свою самую младшую дочурку, которая торопливо кушаетъ кашку, покрикивая на свою задорную сестренку. Вмѣстѣ съ нимъ-же залюбовался младшій сынъ, въ то время какъ старшая сестра, помогая своей матери въ хозяйствѣ, разставляетъ по столу посуду для предстоящаго ужина. Приближеніе его чувствуетъ и всеобщая любимица—лохматая собака, которая, помахивая хвостомъ и похлопывая воздухъ, ласкается къ старшему сыну.

Послѣ крестинъ. (Рис. на стр. 89).

Крещеніе окончилось и, окруженная родными и знакомыми, счастливая и нарядная мать величаво выноситъ изъ церкви свое сокровище, утонувшее въ цѣломъ морѣ кружевъ и багиста. На этотъ несложный сюжетъ испанскій художникъ Галлегосъ сумѣлъ талантливо нарисовать мастерскую картину изъ испанской жизни, блестящей, какъ тамошнее солнце, и своеобразной, какъ мѣстные обитатели, въ ихъ нестрихъ и богатыхъ нарядахъ.

Ледяной промыселъ въ Нью-Йоркѣ. (Рис. на стр. 93).

За послѣднее время въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ получилъ значительное развитіе ледяной промыселъ. Въ особенности развитъ онъ въ Нью-Йоркѣ, гдѣ образовались цѣлыя промышленныя общества для добыванія льда. Ежегодно въ Нью-Йоркѣ привозится съ верховьевъ рѣки Гудзонъ и отчасти съ нѣкоторыхъ сѣверныхъ озеръ до 60 милліоновъ кубовъ льду. Ледъ на мѣстѣ распиливается посредствомъ машинъ на кубы небольшихъ, удобныхъ для ручной переноски размеровъ и затѣмъ свозится въ особо устроенные ледяные склады на Гудзонѣ, откуда его везутъ въ Нью-Йоркѣ цѣлымъ караваномъ приспособленныхъ для этой цѣли баржъ, соединенныхъ между собою и буксируемыхъ пароходомъ. По пути, разумеется, часть льда таетъ, отчего въ трюмѣ постоянно стоитъ вода. Ее выкачиваютъ непрерывными, самодействующими, при помощи механизма вѣтряной мельницы, помпами. На набережной Нью-Йорка разгрузка идетъ прямо въ фургоны. Часть баржъ направляется къ большимъ океанскимъ судамъ, которыя дѣлаютъ съ нихъ необходимый запасъ льда для путешествія. Въ самомъ Нью-Йоркѣ торговля льдомъ идетъ весьма бойкая. Наполненные имъ фургоны, въ жаркое время, съ ранняго утра до вечера спуютъ по всѣмъ улицамъ. Всѣмъ находящимся въ фургонахъ льда опредѣляется особо устроенными для того въсами. Множество льда потребляется живыми и мясными лавками, но также часто поноляются льдомъ и подвалы частныхъ домовъ. Бѣдный людъ покупаетъ себѣ ледъ на улицахъ, прямо изъ фургоновъ, въ розницу, или же подбираетъ случайно упавшіе изъ фургона осколки.

П. И. Вейнбергъ. (Портр. на стр. 96).

Въ прошломъ 1892 году исполнилось сорокалѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго писателя, замѣчательнѣйшаго переводчика на русскій языкъ многочисленныхъ великихъ произведеній иностранныхъ литературъ, Петра Исаевича Вейнберга.

Петръ Исаевичъ родился въ 1830 году, въ Николаевѣ, воспитывался въ Одесской гимназій, по окончаніи курса которой поступилъ въ Ришельевскій лицей, по юридическому факультету. Юридическія науки, однако не соответствовали стремленіямъ его, и онъ перешелъ въ Харьковскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету, въ 1855 году. Еще студентомъ Петръ Исаевичъ выступилъ на литературное поприще переводами стихотвореній Виктора Гюго, которые и были напечатаны въ *Харьковскихъ Губернскихъ Видомостяхъ*. Въ 1854 году появилась въ Одессѣ книжка его оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній, и между ними переводъ одной изъ юншескихъ поэмъ лорда Байрона — „Оскаръ д'Альва“. Окончивъ курсъ наукъ, Вейнбергъ служилъ въ Тамбовѣ, откуда его позднѣйшій псевдонимъ „Гейне изъ Тамбова“. Въ 1858 году онъ оставилъ службу и переселился въ Петербургъ, чтобы всецѣло отдаться литературной дѣятельности, и его оригинальными, большею частью юмористическія, и переводными сти-

хотворенія стали появляться сначала въ *Библиотекѣ для чтенія*, *Иллюстраціи* и *Искрѣ*, затѣмъ въ *Современникѣ*, *Будильникѣ* и другихъ журналахъ. Въ 1860 году, вмѣстѣ съ А. В. Дружининымъ, К. Д. Кавелинымъ и В. П. Безобразовымъ, Петръ Исаевичъ предпринялъ изданіе ежедѣльнаго журнала *Вѣкъ* и въ немъ помѣстилъ рядъ своихъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній подъ псевдонимомъ „Гейне изъ Тамбова“ и статей прозаическихъ, подписанныхъ переводомъ имени и фамиліи автора: „Камень Виногоровъ“ (Pierre Weinberg). Спустя годъ, *Вѣкъ* былъ переданъ Вейнбергомъ другой редакціи, и произведенія его стали опять появляться почти во всѣхъ, преимущественно петербургскихъ, журналахъ. Съ этого времени наступаетъ плодотворнѣйшій періодъ дѣятельности Петра Исаевича. Въ прекрасныхъ переводахъ онъ накопилъ русскую публику съ произведеніями Гейне, Гервега, Фаллерслебена, Шамиссо, Ленау, Гудцова и другихъ. Еще раньше были переведены имъ „Отелло“ и „Генрихъ VIII“ Шекспира; теперь онъ прибавилъ къ нимъ пьесы великаго англійскаго драматурга: „Тимонъ Авинскій“, „Венеціанскій купецъ“, „Какъ вамъ будетъ угодно“, „Конецъ—всему дѣлу вѣнецъ“, „Видзорекія проказницы“, „Комедія ошибокъ“ и „Безплодныя усилія любви“; кромѣ того онъ перевелъ трагедію Гудцова „Уриель Акоста“, Лессинга „Натанъ Мудрый“, поэмы: Гейне „Бимини“, Лонгфелло „Евангеланка“, Ленау „Язвѣлка“, комедію Шеридана „Школа злословія“, трагедію Шелли „Ченчи“ и множество другихъ крупныхъ и мелкихъ произведеній европейской поэзіи.

Въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ Вейнбергъ издалъ въ русскихъ переводахъ, изъ которыхъ многіе принадлежатъ ему самому, сочиненія Гёте въ 6-ти томахъ, сочиненія Гейне въ 12-ти томахъ, затѣмъ избранныя сочиненія Бёрне.

Дѣятельность Петра Исаевича не ограничивалась, однако, оригинальными стихотвореніями и переводами. Съ самаго прѣзда въ Петербургъ онъ началъ писать библиографическія и друг. статьи, а позже печаталъ въ газетахъ и журналахъ не мало статей о различныхъ произведеніяхъ русской и иностранной литературы, о театрѣ, объ явленіяхъ общественной жизни и т. д., а также нѣсколько монографій, обнаруживающихъ его широкое знакомство съ иностранными литературами, каковы этюды о Гюго, Фрейлирагъ и пр.

Въ 1868 году Петръ Исаевичъ получилъ мѣсто профессора русской литературы въ Варшавской Главной школѣ, позже переименованной въ университетъ. Въ Варшавѣ онъ и напечаталъ свой трудъ: „Историческія пѣсни объ Иванѣ Грозномъ“. Въ 1873 году онъ снова перѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу по вѣдомству Императрицы Маріи. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ преподавалъ русскую и иностранную литературу на женскихъ педагогическихъ курсахъ и одно время былъ инспекторомъ Коломенской женской гимназій. Во время педагогической дѣятельности онъ издалъ рядъ сборниковъ, имѣющихъ значеніе учебныхъ пособій; „Европейскій театръ“, „Русскіе писатели въ классѣ“, „Русская исторія въ поэзіи“, „Европейскіе классики“ и проч. Въ 1883 году Петръ Исаевичъ основалъ ежемѣсячный журналъ „Изящная литература“, имѣвшій назначеніе знакомить русскихъ читателей въ хорошихъ переводахъ съ лучшими произведеніями иностранныхъ писателей, старыхъ и новыхъ. Журналъ этотъ, который Вейнбергъ самъ издавалъ и редактировалъ, просуществовалъ до 1885 года включительно. Въ настоящее время Петръ Исаевичъ состоитъ приватъ-доцентомъ Петербургскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторіи литературы.

Литературное значеніе Вейнберга основывается главнымъ образомъ на его переводахъ европейскихъ писателей, особенно Шекспира. Они именно доставили ему громкую извѣстность и почетное мѣсто среди русскихъ замѣчательныхъ писателей. Стихъ Вейнберга всегда чрезвычайно красивъ, звученъ и правиленъ; но что особенно замѣчательно, вмѣстѣ съ этими качествами онъ соединяетъ въ переводахъ поразительную вѣрность духу и буквѣ подлинника. Нѣкоторые переводы его изъ Гейне, Фаллерслебена, Гервега и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ считаются превосходными; а комедія Шекспира „Конецъ—всему дѣлу вѣнецъ“, „Какъ вамъ будетъ угодно“ и „Комедія ошибокъ“, по мнѣнію лучшихъ цѣнителей, могутъ быть поставлены въ примѣръ всѣмъ переводчикамъ великаго англійскаго драматурга. Своєю переводческою дѣятельностью Вейнбергъ оказалъ русской литературѣ серьезныя услуги, которыя надолго сохраняютъ имя его среди именъ замѣчательныхъ литературныхъ дѣятелей русскихъ. А. В.

Бухара прежде и нынѣ.

Историческая справка.

Сооставленіе прежняго состоянія Бухары съ нынѣшнимъ можетъ служить разительнымъ примѣромъ того огромнаго вліянія цивилизаціи, которое она можетъ имѣть на строй и жизнь государства. Въ сороковыхъ годахъ Бухара представляла чистый типъ азіатскаго деспотическаго царства. Великій изъ близкихъ повелителя, завлакавшій на себя подозрѣніе въ несовѣстности его системѣ управленія, былъ тотчасъ же устра-

ненъ. Чаще всего его заключали въ отвратительныя подземныя тюрьмы, очень распространенныя тогда въ Бухарѣ. Такимъ же образомъ поступилъ и царствовавшій въ то время эмиръ Сеидъ-Насеръ-Улла, дѣдъ нынѣшняго эмира. Всѣхъ приверженцевъ противной ему, сильной партіи онъ устранилъ, и въ томъ числѣ Кунъ-Беги, Гакимъ-Бай и Алча-Бай. Во время правленія Сеидъ-Насеръ-Уллы Бухара занимала цѣп-

тральное и главное мѣсто среди окружающих ее ханствъ. Поэтому вполне понятно, что на нее обратили вниманіе Россія и Англія. Англія захотѣла во что бы то ни стало подчинить своему вліянію эмира и возстановить его противъ Россіи. Всѣ ея происки, однако, остались безуспѣшны. Они даже окончилась очень печально для дипломатическихъ агентовъ ея, полковника Штоддартъ и Конолли. Оба они заплатились жизнью за свою дипломатическую неопытность и отчасти пренебреженіе къ правамъ и обычаямъ мѣстнаго населенія. Они вынесли мучительное тюремное заключеніе и остались пока въ живыхъ, благодаря лишь заступничеству русскаго дипломатическаго агента Бутенева. Штоддартъ былъ принужденъ перейти въ исламъ изъ страха.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Бутенева, эмиръ Сеидъ-Насеръ-Улла получилъ извѣстіе, что всѣ англійскія войска въ Афганистанѣ уничтожены. Появивъ, что теперь нечего бояться Англіи, онъ приказалъ, 17 іюня 1842 г., предать этихъ двухъ несчастныхъ англичанъ позорной казни на площади. Они были доставлены туда изъ тюрьмы. Первымъ былъ обезглавленъ полковникъ Штоддартъ. Затѣмъ началъ останавливаться, зная, что Конолли была обѣщана жизнь, если онъ приметъ мусульманство. Но Конолли, замѣтивъ это, презрительно проговорилъ: „Штоддартъ сталъ мусульманиномъ и вы все-таки его казнили. Я готовъ умереть“. Съ этими словами онъ хладнокровно подставилъ свою шею палачу, и тотъ однимъ ударомъ отсѣлѣлъ голову отъ туловища.

Въ 1860 году, по смерти эмира, ему наследовалъ сынъ его, Сеидъ-Моцаффаръ-Эддинъ-ханъ. Въ качествѣ опекуна несовершеннолѣтняго Кокандскаго хана, въ званіи преемника Тамерлана, сюзерена прочихъ ханствъ и, наконецъ, какъ ревнитель магометанской вѣры, онъ примкнулъ въ 1865 году къ войнѣ кокандцевъ противъ генерала Черныяева. Войну эту эмиръ продолжалъ и съ преемниками Черныяева, генералами: Романовскимъ въ 1865 году, Брыжановскимъ и Мантейфелемъ въ 1867 году, графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ въ 1867 году и фонъ-Кауфманомъ въ 1886 году. Побѣды ихъ надъ эмиромъ привели къ заключенію мира, словишь окончательно воинскую гордость бухарцевъ. Съ этого времени начинаютъ устанавливаться дружественныя отношенія Россіи къ Бухарѣ. Мало-по-малу эмиръ убѣдился какъ въ безкорыстїи этихъ отношеній, такъ и въ силѣ и могуществѣ нашей родины. Когда противъ него возсталъ его старшій сынъ и наследникъ Абуль-Меликъ-Кати-Тура, желая его низвергнуть съ престола, Россія, въ лицѣ генерала Абрамова, съ его отрядомъ, оказала ему дѣйствительное содѣйствіе, — возвратила ему вооруженной силой захваченныя у него владѣнія Шаръ-Сіабицъ, Китабъ и Кашни. Это окончательно заставило его потерять всякую вѣру въ ложныя застраиванія Англіи по адресу Россіи. Послѣ всѣхъ этихъ событій, вмѣстѣ съ восшествіемъ на престолъ шибшиняго эмира, начинается для Бухары новый, свѣтлый, мирный періодъ ея жизни.

Эмиръ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ вступилъ въ управленіе страной, находившейся въ жалкомъ, хаотическомъ состояніи. Его энергичный характеръ не уступилъ господствовавшему порядку вещей и далъ ему силы къ коренному преобразованію своего государства на началахъ гуманности и справедливости. Онъ обратилъ вниманіе на царившій въ странѣ разгнѣваніе, казнокрадство, отягченіе народа непосильными нало-

гами и податями, страшную несправедливость въ судахъ и на прочія извы государственнаго организма. Эмиръ Сеидъ-Моцаффаръ-Эддинъ, отецъ его, вполне мирившійся со всѣми неурядицами въ странѣ, скончался 31 октября 1885 г. Съ этого времени началъ шибшиняго эмиръ, тогда молодой человекъ 28 лѣтъ, перестраивать государство на своей ладъ. На первыхъ же порахъ онъ встрѣтилъ энергическое сопротивленіе со стороны прежнихъ приверженцевъ своего отца и духовенства. Единственной его поддержкой была увѣренность въ томъ, что Россія поможетъ ему въ цивилизаторской дѣятельности, тѣмъ болѣе, что и ея дѣятельность въ Азїи имѣетъ именно такой же характеръ. Твердо уповая на Россію, онъ пренебрегъ всѣми угрозами со стороны самыхъ вліятельныхъ и ближайшихъ лицъ, онъ смѣло и безостановочно пошелъ по пути благотѣльныхъ реформъ. Первымъ приказомъ такого рода было распоряженіе объ отбѣнѣ рабства на вѣчныя времена во всѣхъ провинціяхъ. Съ десяти тысячъ, болѣею частью персовъ, сняли тяжелыя оковы рабства. Второй его мѣрой былъ приказъ о доведеніи арміи до числа 13,000 чел., состоявлющихъ 13 батальоновъ пѣхоты, 800 чел. артиллеріи со 155 орудіями, 2,000 регулярныхъ всадниковъ и 4 эскадрона кавалеріи. За этими двумя мѣрами послѣдовало распоряженіе о засылкѣ цинданы (подземныя ямы и тѣмницы), гдѣ томилась преступники и жертвы гнѣва властителей, и о засылкѣ и закладкѣ камнями сѣхъ-гары или кенне-ханс (черный кододезь), служившей подземной Бастиліей, въ которой корчилисъ отъ пытокъ несчастные заключенные. Въ связи съ этимъ была отбѣнена пытка, а смертная казнь значительно ограничена. Помимо того, онъ предпринялъ массу мѣръ къ подъему народной нравственности путемъ запрещенія употреблѣнія опиума и другія наркотическія растенія (Кунара-Паша) и прекращенія безнравственныхъ плясокъ бачей (мальчишья). Затѣмъ были имъ изданъ дѣлѣй рядъ приказовъ объ уничтоженіи взяточничества и ростовщичества, съ угрозою подвергнуть виновныхъ въ томъ наказанію и денежному штрафу. Такимъ образомъ эмиръ достигъ того, что населеніе убѣдилось-таки въ пользѣ его нововведеній и стало на его сторону. Приведя въ нѣкоторый порядокъ дѣла государства, эмиръ пожелалъ, въ 1886 г., чтобы Россія отравила въ Бухару своего спеціальнаго дипломатическаго агента, какъ знакъ особой милости къ нему Государя Императора. Желаніе его было исполнено, и такового агентомъ былъ назначенъ Чариковъ, замѣненный потомъ извѣстнѣмъ изслѣдователемъ Центральной Азїи П. М. Лессаромъ.

Такимъ путемъ завязались торговныя сношенія Россіи съ Бухарой, и послѣдняя нашла мѣсто сбыта своихъ сырыхъ продуктовъ. Кроме того, благодаря прокладкѣ чрезъ Бухару Закаспійской жел. дороги, по всему рельсовому пути ея возникли селенія и фабрики для обработки бухарской шерсти и шелка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бухара соединилась телеграфной сѣтью съ Россіей. Все это скрѣпило какъ можно тѣснѣе отношенія Россіи къ Бухарѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставило всѣхъ перемѣнить воззрѣніе на Бухару, какъ на страну господства произвола и беззаконія. Бухара съ каждымъ днемъ растетъ выше и выше въ ряду окружающихъ ханствъ, и подъ управленіемъ такого энергичнаго и умнаго монарха, какъ нынѣшній эмиръ, она имѣетъ всѣ задатки къ будущему блестящему процвѣтанію.

Разныя извѣстія.

— 11-го января, въ 10 ч. 30 м. утра, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревича отбылъ за границу.

— 12-го января въ Зимнемъ Дворцѣ состоялся обѣдъ въ честь Бухарскаго эмира, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ.

— Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ разрѣшено учредить С.-Петербургское математическое общество, имѣющее цѣлью взаимное сближеніе лицъ, интересующихся высшей математикой, и общеніе между ними мыслей, по вопросамъ означенной науки.

— Разработка вопроса объ уравненіи мужчинъ и женщинъ въ правахъ наследства возлагается на особую, учрежденную при Министерствѣ Юстиціи, комиссію по составленію новаго гражданскаго уложенія.

— Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ предоставлено министру Внутреннихъ дѣлъ заключить съ Комитетомъ Добровольнаго флота новый договоръ о передачѣ флоту на пять лѣтъ содержанія срочнаго пароходства между Владивостокомъ и портами Камчатскаго и Охотскаго морей.

— Финляндское духовное управленіе, по

распоряженію Св. Синода, упраздняется и на его мѣсто учреждается Финляндская духовная консисторія, по образцу духовныхъ консисторій Имперіи.

— Академіи Наукъ пожертвована І. А. Крицкимъ найденная имъ въ 1875 г. тетрадь съ тремя неизданными стихотвореніями Гермонтова.

— На 1893 годъ Академія Наукъ, кроме ежегоднаго раздаваемыхъ наградъ и премій (Пушкинской, Ломоносовской, гр. Толстого и Уварова), назначила конкурсъ на преміи: В. Я. Буяковскаго, Г. П. Гельмерсеня, С. А. Грейта и Одесской городской думы, въ общемъ на сумму 11,200 р.

— На должность ученаго секретаря конференціи Императорской Военно-Медицинской Академіи избранъ 9-го января извѣстнѣй физіологъ, академикъ кн. П. Р. Тарханъ-Муравовъ (Тархановъ).

— Въ Москвѣ въ генераль-губернаторскомъ домѣ открылась выставка собранныхъ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгиней Елизаветой Феодоровной образцовъ издѣлій женскаго труда г. Москвы и Московской губ. Всѣ эти образцы будутъ отправлены на всемірную выставку въ Чикаго.

— Императорскимъ московскимъ обществомъ для содѣйствія русскому торговому мореходству объявленъ конкурсъ на премію имени Ихъ Императорскихъ Величествъ, за лучшее сочиненіе: о мѣрахъ для развитія отечественнаго судостроенія, въ связи съ развитіемъ торговаго флота, при современномъ экономическомъ состояніи Россіи.

— Президентъ Французской республики прислалъ одесскому градоначальнику, генераль-лейтенанту Зеленому, прекрасную вазу изъ севрскаго фарфора, въ знакъ признательности за радушный пріемъ, оказанный въ Одессѣ французскому военному судану „Петрель“.

— Одесская городская дума, 11 января, единогласно приняла предложеніе городского головы о присвоеніи управляющему Морскимъ министерствомъ, адмиралу Н. М. Чихачову, званія почетнаго гражданина города Одессы.

— 11 января, скончался, на 74 году отъ роду, одинъ изъ славныхъ сподвижниковъ Толстобова, инженеръ-генералъ Эдуардъ Ивановичъ Тило.

— По С.-Петербургской губерніи сдѣлано распоряженіе, чтобы въ сельскихъ прихо-

дах на должность церковных старостъ по вѣсьмъ тремъ группамъ. Всѣхъ членовъ вѣрьд не избиралось лица, содержащія питейная заведенія или состоящія въ нихъ приказчиками.

— Вновь организованное С.-Петербургское общество взаимнаго вспоможенія на случай смерти въ настоящее время сформировалось

по вѣсьмъ тремъ группамъ. Всѣхъ членовъ 630 человекъ.

— Императорскимъ Человѣколюбивымъ обществомъ, по послѣднему его отчету, въ продолженіе года оказана помощь въ одномъ лишь Петербургѣ 35,700 лицамъ, на сумму 364,415 р. 92 к.

— Сибѣрная зима доставила неожиданный большой заработокъ ближнимъ къ Петербургу крестьянамъ. До 3,000 человекъ было занято вывозомъ сѣна изъ столицы.

— По послѣднимъ свѣдѣніямъ, переходъ Балтійской желѣзной дороги въ казну отсроченъ до 1894 года.

Выставка И. И. Шишкина.

И. И. Шишкинъ, какъ извѣстно, принадлежитъ не только къ лучшимъ русскимъ пейзажистамъ—его можно считать однимъ изъ первыхъ пейзажистовъ въ Европѣ. Понятно, поэтому, что его вышняя выставка, только что открытая въ залахъ Академіи Художествъ, привлекаетъ многочисленныхъ посѣтителей и заинтересовала собою художественный міръ Петербурга. За послѣднее время г. Шишкинъ много работаетъ и какъ-бы подводитъ итоги всей своей художественной дѣятельности,—а работаетъ онъ на этомъ поприщѣ безъ

малаго сорокъ лѣтъ. Въ прошломъ году почтенный художникъ представилъ намъ эти итоги своей дѣятельности почти въ полномъ видѣ: на его прошлогодней выставкѣ мы видѣли весь ходъ развитія его таланта, начиная съ ученическихъ работъ, подражаній (огчасти Каламу), первыхъ изученій природы за границей и въ окрестностяхъ Петербурга и кончая картинами, представляющими, если можно такъ выразиться, вершину его художественнаго развитія. Эта выставка въ своихъ общихъ чертахъ давала намъ мѣрку для сужденія о размѣрахъ и силѣ его таланта и знакомила насъ съ такими сторонами этого таланта, которыя, въ большинствѣ случаевъ, мало были извѣстны публикѣ; такъ, напримѣръ, только на этой выставкѣ „большая“ публика познакомила съ его офортами; правда, нѣсколько альбомовъ такихъ офортовъ г. Шишкинъ издалъ, но распространеніе ихъ ограничилось незначительнымъ кружкомъ любителей,—большинство же публики, интересующейся искусствомъ, познакомилось съ ними только на прошлогодней выставкѣ. Нѣчто въ родѣ такого-же итога даетъ намъ И. И. Шишкинъ и теперь, съ тою только разницею, что на этотъ разъ дѣло касается не всей совокупности его художественной дѣятельности, а лишь его занятій прошлымъ лѣтомъ, которыя даже и для неутомимой энергіи нашего почтеннаго художника оказались весьма значительными. За нынѣшнее лѣто г. Шишкинъ успѣлъ написать болѣе шестидесяти „этюдовъ“ (какъ онъ называетъ), которые могутъ считаться вполне законченными картинами. Эти этюды, главнымъ образомъ, были писаны или въ окрестностяхъ Петербурга, или въ Бѣловѣжской пуцѣ, которую г. Шишкинъ посѣтилъ въ первый разъ прошлымъ лѣтомъ. Въ особенности этюды Бѣловѣжской пуцы имѣютъ для любителей исключительно-выдающійся интересъ, потому что знакомятъ насъ съ новыми чертами его таланта. Всѣ картины, относящіяся сюда: „Срубленный дубъ“, „Сухостой“, еще „Сухостой“, „Буреломъ“, „Срубленный дубъ“, третій „Срубленный дубъ“ и небольшой этюдъ, мало законченный,—обнаруживаютъ въ г. Шишкинѣ первокласснаго колориста, чего прежде не замѣчалось. Такимъ-же великолѣпнымъ и разнообразнымъ колоритомъ отличаются его пейзажи изъ окрестностей Петербурга, и это обстоятельство, на нашъ взглядъ, слѣдуетъ приписать изученію природы въ Бѣловѣжской пуцѣ.

Прежде И. И. Шишкинъ изучалъ, по преимуществу, сѣверную природу и былъ, если можно такъ сказать, вѣрнымъ выразителемъ ея свойствъ и особенностей; онъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ, не только у насъ, но и въ Западной Европѣ, объективныхъ художни-

ковъ и въ полномъ значеніи слова реалистовъ. Я хочу сказать, что онъ не вносилъ, или почти не вносилъ своего личнаго поэтическаго чувства въ изображеніе природы, а ограничивался вѣрнымъ и возможно точнымъ воспроизведеніемъ ея особенностей; это былъ своего рода „научный“ пейзажъ, какъ его понимаетъ одна изъ англійскихъ школъ,—пейзажъ, гдѣ особенности того или иного рода растительности, характеръ почвы, даже условія климата выдвигаются на первый планъ и отодвигаютъ на второе мѣсто собственно художе-

ственное чувство. Такой пейзажъ имѣетъ огромныя преимущества, какъ изученіе природы, не только въ художественномъ смыслѣ, но даже и прямо въ научномъ, и если въ такомъ пейзажѣ сохранена полная гармонія между вѣрнымъ изображеніемъ природы и ея художественнымъ освѣщеніемъ, то такой родъ можетъ считаться образцомъ „трезваго“ пейзажа, изъ котораго исключены всѣ ложные или чисто-вышніе эффекты, вся мишура дешевыхъ художественныхъ приемовъ, все то, что восхищаетъ малообразованную въ эстетическомъ чувствѣ толпу и на что истинный знатокъ будетъ смотреть съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Такимъ, въ большинствѣ случаевъ, являлся г. Шишкинъ въ продолженіе своей дѣятельности. Эта дѣятельность, поставивъ его на ряду первыхъ въ Европѣ пейзажистовъ, принесла собственно русскому искусству, кромѣ того, огромную, такъ сказать, педагогическую пользу. Г. Шишкинъ своимъ примѣромъ и своими художественными образцами показывалъ какъ слѣдуетъ изучать природу, съ какой добросовѣстностью необходимо вникать въ ея смыслъ, иногда таинственный и глубокой, и какой усидчивый трудъ, какую любовь нужно имѣть, чтобы сдѣлаться поистинѣ великимъ художникомъ. Однако, даже г. Шишкинъ не всегда и не вполне выдерживалъ эту гармонію между точнымъ воспроизведеніемъ природы и собственно художественнымъ чувствомъ; въ его прежней дѣятельности преобладали, въ большинствѣ случаевъ, собственно вѣрное воспроизведеніе природы; вслѣдствіе этого его картины, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, оставляли впечатлѣніе нѣкоторой сухости. Правда всегда поражала въ его картинахъ, но эта правда не была согрѣта индивидуальнымъ чувствомъ самого художника, задача котораго заключается не только въ томъ, чтобы правдиво изображать природу, но также комментировать ее, объяснять, дѣлать понятной и осмысленной.

Значительнымъ прогрессомъ въ этомъ отношеніи можно считать вторую манеру г. Шишкина,—манеру настоящаго времени. Переходъ къ ней можно было замѣтить уже довольно давно,—года три или четыре тому назадъ, когда г. Шишкинъ познакомилъ публику съ нѣкоторыми своими картинами, писанными не въ обычномъ своемъ тогѣ. Вѣсто собственно лѣса, составлявшаго прежде какъ-бы исключительную специальность г. Шишкина,—онъ сталъ изображать эффекты тумана, воду, переливы свѣта и даже звѣрей въ лѣсу.

Постоянная любовь и неутомимая энергія нашего художника, постоянно возобновляющійся интересъ его къ изученію природы, составляютъ несомнѣнные признаки великаго таланта.

В. Ч.

Петръ Исаевичъ Вейнбергъ. Съ фот. Шамиро, грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился въ Берлинъ для присутствованія при бракосочетаніи принцессы Маргариты, сестры императора Германскаго, съ принцемъ Фридрихомъ-Карломъ Гессенскимъ.

Въ Берлинѣ Наслѣдникъ Русскаго престола прибылъ 12 ян-

варя въ 9½ часовъ вечера и былъ встрѣченъ императоромъ, принцами Генрихомъ и Фридрихомъ-Леопольдомъ и наслѣдникомъ герцогомъ Ольденбургскимъ, а также герцогомъ Эднбургскимъ и всѣми прусскими и многими иностранными августѣйшими особами. Когда поѣздъ остановился, почетная стража

взяла на караул, и хорь музыки исполнили русской народный гимн. Императоръ и Цесаревичъ, бывшій въ мундирѣ своего Вестфальскаго гусарскаго полка, при лентѣ Чернаго Орла, обнялись и облобызали другъ друга неоднократно. Велѣдъ затѣмъ Его Высочество поздоровался съ принцами и прослѣдовалъ вдоль фронта почетнаго караула. Съ вокзала, гдѣ находился также русскій посоль графъ Шуваловъ, императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ, несмотря на крупный дождь, прослѣдовали въ открытомъ парадномъ экипажѣ къ дому русскаго посольства, горячо привѣтствуемые на всемъ пути слѣдованіи густыми массами публики. Императоръ проводитъ Его Высочество до дома русскаго посольства, гдѣ Августѣйшій Гость встрѣченъ графиней Шуваловой. Въ тотъ же вечеръ императоръ Вильгельмъ еще разъ прибылъ въ русское посольство и пробылъ у Наслѣдника Цесаревича до 12 час. 45 мин. Наслѣдный герцогъ и наслѣдный великій герцогъ Веймарскіе также сѣдали вечеромъ продолжительные визиты въ русское посольство. Императоръ пожаловалъ Наслѣднику Цесаревичу орденскую цѣпь Чернаго Орла. На другой день поутру Наслѣдникъ Цесаревичъ сѣдалъ визиты императору, императрицѣ, членамъ прусскаго королевскаго дома и иностраннымъ высокимъ особамъ. Затѣмъ Его Высочество самъ принималъ визиты, а потомъ поѣхалъ къ императорскому канцлеру и оставилъ тамъ свою карточку. Послѣ полудня Наслѣдникъ Цесаревичъ съ королемъ Саксонскимъ присутствовалъ на завтракѣ у императора.

Присходящія торжества отвлекли вниманіе берлинцевъ отъ военнаго законопроекта, разсматриваемаго комиссіей. Несмотря на краснорѣчіе Каприви, не всѣ прониклись его убѣждениями и противъ проекта раздается не мало голосовъ. Такъ, Рихтеръ и Бебель говорили противъ военнаго закона. Бюль заявилъ, что онъ дастъ согласіе на ассигнованіе средствъ только въ томъ случаѣ, если новые налоги не касаются сельскаго хозяйства. Вождь центра, Либеръ, также высказался противъ проекта, при чемъ заявилъ, что центръ желаетъ установленія двухгодичнаго срока службы, но законодательнымъ порядкомъ и при сохраненіи нынѣшней численности арміи по штатамъ мирнаго времени. Графъ Каприви отвѣтилъ, что Германія достаточно сильна для оборонительныхъ дѣйствій противъ Франціи, но не для войны на два фронта, и что на принятіе изъ всего законопроекта только статьи о введеніи двухгодичнаго срока службы правительство согласится не можетъ.

Во Франціи газеты, все сильнѣе барахтаясь въ грязи ябедъ и клеветъ, стали нападать ею въ лицѣ, подлежащихъ стоять выше всякихъ извѣстовъ. Къ счастью для страны, поусердствовавшіе журналисты оказались для нея иноплемениными. Тѣмъ не менѣе, министръ Буржуа внесъ въ сенатъ проектъ о предавіи суду исправительной полиціи лицъ, обвиняемыхъ въ оскорбленіи въ печати чужестранныхъ государей и пословъ.

Проектъ препровожденъ въ комиссію по дѣламъ печати. Еще до закрытія засѣданія сенатъ выслушалъ докладъ Траріе, который предложилъ вопиовать упомянутый законопроектъ. Разсмотрѣніе законопроекта признано неотложнымъ.

Въ Стокгольмѣ 6-го января состоялось открытіе шведскаго сейма въ тропной залѣ. Въ рѣчи короля сказано, что отношенія къ иностраннымъ державамъ остаются, попрежнему, наилучшими. Далѣе король заявляетъ о своей искренней дружбѣ къ Даніи, наслѣдный принцъ и принцесса которой присутствуютъ на церемоніи. Затѣмъ въ рѣчи объявлено о внесеніи требованія относительно ассигнованія суммъ на развитіе флота и на окончаніе въ 1894 году Сѣверной желѣзной дороги. Въ ожиданіи, пока будетъ закончено обсужденіе различныхъ налоговъ, вызываемыхъ недавно состоявшимися разрѣшеніемъ вопросовъ относительно народной обороны, король предлагаетъ употребить въ 1891 г. на означенные предметы прибыли шведскаго банка.

Попытка юнаго хедива не осталась безъ послѣдствій. Изъ Каира телеграфируютъ въ Лондонъ: „Несмотря на общее улучшеніе положенія, послѣдовавшее за опубликованіемъ соглашенія между хедивомъ и Кромеромъ, теперь опять опасаются за дальнѣйшій ходъ дѣлъ. Образъ дѣйствій хедива, поддерживающаго народныя демонстраціи, и заносчивое поведеніе его въ мечети и въ оперѣ усиливаютъ возбужденіе въ нашихъ классахъ населенія и чувство близости между европейцами. Англійскіе чиновники считаютъ свое положеніе поколебленнымъ, а дальнѣйшія реформы — сомнительными. Англійскіе офицеры полагаютъ, что число англійскихъ оккупационныхъ войскъ, вѣроятно, будетъ увеличено“.

Съ другой стороны, извѣщаютъ, что султанъ поздравилъ хедива телеграммой, въ которой говоритъ, что посылаетъ ему въ подарокъ шестерку лошадей, и что, согласно инструкціямъ Девэли, посоль въ Вашингтонъ вручилъ вчера лорду Розберн ноту по поводу вмѣшательства Кромера въ египетскій кризисъ и заявилъ, что Франція не можетъ оставаться равнодушною въ виду этого проступка, который способенъ нарушить независимость хедива и вредно повліять на положеніе, созданное въ Египтѣ договорами.

Въ заключеніе съ радостнымъ чувствомъ, для каждаго интересующагося дѣлами Сербіи и ея юнымъ государемъ, слѣдуетъ сообщить, что между родителями Сербскаго короля послѣдовало полное примиреніе. Поводомъ къ тому была, какъ говорятъ, телеграмма короля Александра, поздравившаго своего отца съ Новымъ годомъ, при чемъ въ ней было сказано, что король груститъ, проводя праздники вдали отъ своихъ родителей. Извѣстіе о примиреніи съ неописаннымъ восторгомъ принято въ Сербіи.

Библиографія.

Историческіе очерки и рассказы С. Н. Шубинскаго. Изданіе третье, дополненное и исправленное, съ 52 портретами и иллюстраціями.

Настоящее, третье по счету, изданіе рассказовъ С. Н. Шубинскаго представляетъ собою явленіе весьма пріятное въ двойномъ смыслѣ: во-первыхъ, въ третьемъ изданіи эта книга является утронувшею въ объемѣ и въ интересѣ содержанія, во-вторыхъ — самое появленіе подобной книги третьимъ изданіемъ уже указываетъ на то, что публика еще цѣнитъ, покупаетъ и читаетъ съ большимъ интересомъ. Между тѣмъ, авторъ немало не старается приправлять свои рассказы никакими пикантными или пріятными подробностями: онъ, видимо, выше всего цѣнитъ документальную историческую правду и все, что излагаетъ, излагаетъ просто, спокойно, серьезно и съ полнымъ знаніемъ всѣхъ деталей набрасываемой имъ картины. Передъ глазами читателя проходятъ одна за другою историческія личности и эпохи нашей исторіи прошлаго вѣка, который близко знакомъ С. Н. Шубинскому во всѣхъ подробностяхъ, сохраняемыхъ архивнымъ матеріаломъ и живыми, страстными страницами мемуаровъ и современныхъ записокъ. Авторъ

пользуется этимъ богатымъ матеріаломъ съ великимъ умѣнемъ и тактомъ: онъ нигдѣ и ничего не пересаливаетъ, не переполняетъ своего текста документальными отрывками въ кавычкахъ, не пересыпаетъ его изобильно неудобопонятными старыми терминами, а всего даетъ въ мѣру и въ пору. Это чувство мѣры и составляетъ, по нашему мнѣнію, характерную отличительную черту всякаго положительнаго знанія...

Рассказы въ книгѣ С. Н. Шубинскаго расположены, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ. Одни изъ нихъ касаются характеристическихъ и биографическихъ подробностей, любопытныхъ и важныхъ для пониманія нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей прошлаго вѣка; другіе — прямо описываютъ нѣкоторыя, давно исчезнувшія, черты быта и нравовъ; третьи передаютъ историческіе анекдоты, обставленные подробностями и необходимыми для пониманія ихъ комментаріями. Въ общемъ-же, глазамъ читателя представляется очень полная картина внутренней и домашней жизни нашихъ предковъ въ прошломъ столѣтіи — и въ этомъ слѣдуетъ искать объясненіе успѣха книги почтеннаго автора. Замѣтимъ отъ себя, что успѣхъ этотъ вполне заслуженный... П. Полевой.

Искусство.

Музыка.

Симфоническія собранія. *Alia tempora — alia mores...* Русское музыкальное общество вынуждено было распустить свой оркестръ и обратиться за таковымъ къ дирекціи казенныхъ театровъ; съ перемѣной оркестра, перемѣнился и дирижеръ; отъ г. Ауэра дѣло перешло къ г. Крушевскому; послѣдній внесъ въ программы вечеровъ направленіе, господствующее за кулисами. Тамъ знаменитаго А. Г. Рубинштейна не любятъ и оперъ его, кромѣ „Демона“, не ставятъ; это отношеніе къ нему точчасъ же обнаружилось и въ симфоническихъ собраніяхъ. Достаточно сказать, что изъ его многочисленныхъ симфоническихъ произведеній сыграна была одна только вещь, а именно увертюра „Антоній и Клеопатра“, вещь сравнительно слабая, да и дана была она въ концѣ вечера,

такъ сказать „для развѣзда“; насколько справедливо поступило общество по отношенію къ тому, кому оно почти всецѣло обязано своимъ существованіемъ, — предоставляется судить каждому.

Итакъ, первая жертва — любимецъ публики, первый въ мірѣ артистъ, авторъ слишкомъ 150 произведеній во всѣхъ жанрахъ композиціи, основатель Русскаго музыкальнаго общества и консерваторіи, А. Г. Рубинштейнъ, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ и любовью публики и музыкантовъ... Всѣхъ собраній до настоящаго времени было восемь, въ которыхъ ужъ ясно обозначилось стремленіе завѣдывающихъ художественной частью. Два вечера было удѣлено отдѣльнымъ композиторамъ: первый — Листу, пятый — г. Намравнику. Какъ ни интересно прослужать ораторію „Св. Елизавета“ первого и музыку къ „Донъ-Жуану“ второго (послѣдняя шла нѣсколько разъ Великимъ постомъ и достаточно извѣстна нашей

публикѣ), все же нужно сказать, что одно произведение въ течение дѣлаго вечера—нѣсколько утомительно. Задача такихъ вечеровъ—разнообразие и знакомство съ различными авторами различныхъ школъ: тогда публика къ нимъ относится съ болѣе живымъ интересомъ.

Другія шесть программъ были въ этомъ смыслѣ лучше составлены: сюда входили и классики (Бахъ, Бетховенъ, Моцартъ, Шуманъ и др.), и современные композиторы, русскіе и иностранцы. Изъ русскихъ исполнены были здѣсь сочиненія московскихъ композиторовъ, гг. Симона и Аренскаго. Первый—начинающій, поставившій на сценѣ Большого московскаго театра оперу „Ролла“, имѣвшую нѣкоторый успѣхъ, а второй уже неоднократно выступалъ предъ публикой въ качествѣ симфониста и также поставилъ въ Москвѣ свою оперу „Сонъ на Волгѣ“; первый—воспитанникъ московской консерваторіи, второй—петербургской и состоитъ въ настоящее время профессоромъ по классу теоріи и композиціи въ московской консерваторіи. Произведение г. Симона называется „Ночной смотръ“ (симфоническая поэма на сюжетъ баллады Жуковскаго), а г. Аренскаго—сюитой, состоящей изъ нѣсколькихъ частей. Оба произведенія не отличаются глубиной и имѣли succès d'estime.

Съ иностранцами сочиненіями (Вагнера, Массенэ, Лалло, Шабриэ и др.) ознакомилъ публику и приглашенный на два концерта извѣстный парижскій дирижеръ г. Ламуръ. Онъ однако оставилъ довольно неопредѣленное впечатлѣніе: онъ, конечно, прекрасный музыкантъ, отлично знающій свое дѣло и вносящій въ исполненіе много тонкихъ штриховъ, но отъ него ожидали гораздо большаго, и вообще ему повредить во мнѣніи публики его компатріотъ Ко-

ловнъ, болѣе понравившійся петербуржцамъ своимъ горячимъ темпераментомъ. Кстаги о дирижерахъ. Кромѣ названныхъ двухъ дирижеровъ (гг. Крушевскаго и Ламуръ), здѣсь появился г. Направникъ и имѣеть появиться г. Чайковскій, которому, вѣроятно, будетъ удѣленъ дѣлая вечеръ. Изъ нихъ г. Крушевскій является главнымъ, такъ какъ всѣ остальные—элементъ случайный. Онъ образованный музыкантъ, старательный, но дирижируетъ безъ оживленія; въ немъ нѣтъ того нерва, который придаетъ жизнь руководимой имъ арміи.

Остается еще упомянуть о солистахъ; здѣсь появилась дѣлая серия исполнителей и исполнительницъ; тутъ были скрипачи (знаменитый г. Томсонъ, такъ блестяще заявившій свой талантъ въ прошломъ году, г. Вальтеръ), пѣвисты (г-жи Познанская, Маркова, г. Зауръ, о которомъ мы писали въ прошломъ сезонѣ, Николаевъ и Ленинъ), виолончелисты (гг. Вержбиловичъ и Гленъ) и пѣвцы. Между послѣдними слѣдуетъ отдѣлить артистовъ оперы отъ случайно появившихъ въ программѣ; первые достаточно извѣстны. Что касается вторыхъ, то, признаться, мы были бы противъ участія въ этихъ вечерахъ учениковъ консерваторіи, которымъ здѣсь не мѣсто. Наиболѣе выдѣлились изъ пѣвцовъ двѣ: г-жа Фрида, бывшая артистка нашей оперы, и г-жа Литвинова-Никкалуга, по всей вѣроятности, будущая примадонна нашей оперы. Молодой артистѣ предстоить дебютировать на Марининской сценѣ. Г-жа Литвинова имѣла шумный успѣхъ и обнаружила хорошо обработанный голосъ, который она усовершенствовала въ Италіи; артистка эта—ученица нашей консерваторіи по классу г-жи Пирейкой.

В. Б.

С М Ъ С Ъ .

Зимній кормъ для куръ. Кто имѣлъ возможность зимой доставлять своимъ курамъ зеленый кормъ, тотъ могъ замѣтить, что послѣ того онѣ раньше начинаютъ нестись и вообще лучше расти и плодиться. Дастъ, однако, такой кормъ въ холодное время года довольно трудно; остатковъ овощей тоже не много; поэтому совѣтъ, который даетъ птицеводамъ одинъ американскій журналъ, долженъ быть принятъ ими съ благодарностью. Берутъ два ящика и наполняютъ ихъ несомымъ и хлѣбными зернами; содержимое хорошо улаживаютъ: ящики ставятъ въ теплое мѣсто возлѣ печи. Спустя четыре дня зерна (пшеницы, овса, ячменя) прорастаютъ и пускаютъ корешки. Тогда песокъ высыпаютъ или инымъ способомъ отдѣляютъ отъ зеренъ, которыя оказываются въ такомъ состояніи превосходнѣйшимъ зимнимъ кормомъ для куръ. Способомъ этимъ можно пользоваться и лѣтомъ. Извѣстное пространство земли засѣваютъ густо зернами, улаживаютъ и закрываютъ досками. Когда зерна прорастутъ, доски снимаются, и пускаютъ на это мѣсто куръ.

Результаты введенія поясного желѣзнодорожнаго тарифа въ Венгрію. Результаты эти лучше всего обнаруживаются при сравненіи числа пассажировъ, путешествовавшихъ по венгерскимъ желѣзнымъ дорогамъ до и послѣ введенія этого тарифа.

До введенія новаго тарифа.		Послѣ введенія новаго тарифа.	
Годъ.	Число пассажировъ.	Годъ.	Число пассажировъ.
1884:	6.900,000	1889:	16.200,000
1885:	7.600,000	1890:	19.000,000
1886:	7.000,000	1891:	28.300,000
1887:	6.200,000		
1888:	6.100,000		

Слѣдовательно, до введенія новаго тарифа число желѣзнодорожныхъ пассажировъ не только не увеличивалось, но даже въ нѣкоторые годы значительно сокращалось. Съ 1-го же августа 1889 г., когда сталъ дѣйствовать поясной тарифъ, число путешественниковъ возрасло изъ года въ годъ въ необычайной прогрессіи. Всего три года примѣняется новый тарифъ, а число это успѣло уже увеличиться на 464%! При населеніи Венгріи въ 16.500,000 жителей число пассажировъ достигаетъ 28.300,000! Вотъ до чего участились сношенія отдѣльныхъ жителей внутри страны.

Такое же поистинѣ изумительное развитіе показываютъ и доходы желѣзныхъ дорогъ. Въ пятилѣтіе 1884—1888 гг., доходы эти колебались между 9½—10½ милліонами гульденовъ, а въ послѣдній годъ предъ введеніемъ поясного тарифа составляли всего 9.705,000 гульденовъ. Въ 1891—1892 тарифномъ году собрано было желѣзными дорогами Венгріи 18.320,000 гульденовъ: приростъ, слѣдовательно, опредѣляется въ 100%.

Приведенныя здѣсь данныя представляютъ для насъ значительный интересъ, такъ какъ въ послѣднее время у насъ возбужденъ вопросъ о введеніи поясного тарифа на желѣзныхъ дорогахъ, подобно тому, какой примѣнялся у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ при телеграфныхъ сношеніяхъ, пока не удалось удешевить телеграфный сборъ. (г. в.)

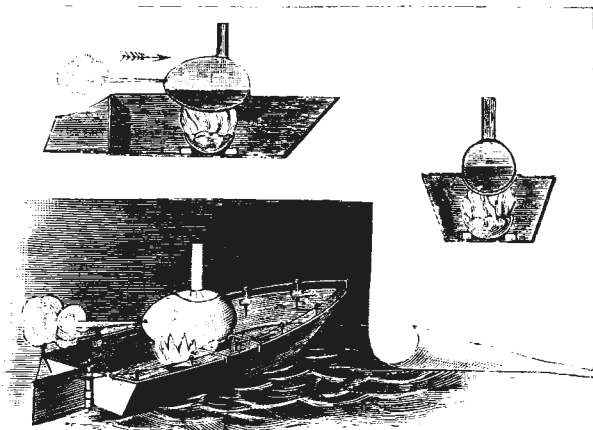
Въ Марокко довольно часто посѣщаютъ гаремы европейскія дамы. Одна изъ обитательницъ такого гарема какъ-то была такъ испугана, что упала въ обморокъ, когда приглашенная однажды дама неожиданно стала снимать перчатки. Наивная мавританка представила себѣ, что дама снимаетъ съ руки живую кожу. Нужно было много усилий, чтобы привести ее въ чувство.

Насажденіе шелководства на югѣ Россіи. Возлѣ Николаева производятся теперь одной компаніей опыты разведенія шелковичныхъ червей. Оказывается, что туговое дерево въ этихъ краяхъ

растетъ хорошо, не требуя никакихъ особыхъ заботъ. Если усилія общества увеличатся успѣхомъ, то мѣстное населеніе получитъ новый заработокъ, новый источникъ доходовъ. (г. в.)

Бумажный пароходъ.

Есть одинъ давно извѣстный опытъ, производящій тѣмъ не менѣе всегда впечатлѣніе: въ бумажной коробкѣ можно вскипятить воду. Для этого не требуется никакихъ особенныхъ приспособленій. Просто нужно сложить изъ бумаги коробочку, налить въ нее воды и держать дно ея надъ самымъ пламенемъ свѣчи; вода закипитъ, но бумага не загорится и не промокнетъ. То же можно продѣлать и съ личной скорлупою, т. е. и въ ней вскипятить воду. Разумѣется, это кажется болѣе вѣроятнымъ, потому что скорлупа не что иное, какъ известка, которая хотя и способна обуглиться, но не воспламенится. При этомъ скорлупа настолько тверда, что можетъ оказывать извѣстное сопротивленіе нѣкоторому давленію паровъ. Пользуясь этимъ, можно устроить довольно забавный пароходикъ, въ которомъ котель замѣняется личной скорлупою; для этого нужно продѣлать въ лицѣ отверстіе, высосать содержимое, и, наполнивъ водою, утвердить лицо на бумажной лодочкѣ; затѣмъ нагрѣть воду до кипѣнія, и, когда изъ отверстія пойдетъ паръ, лодочка начнетъ двигаться впередъ. Въ видѣ ширтовки подъ этимъ импровизированнымъ котломъ можно употребить тоже скорлупу со смоченною спиртомъ ватой.

СОДЕРЖАНІЕ: Джеттатура. Повесть графа Е. А. Салиаса. (Продолженіе). — Пѣздка по юго-восточному Алтаю. Очеркъ художника А. Маю (съ 3 рис.). — По смертнымъ стихотвореніямъ А. Фета. — Полугай сосааталъ. Шутка Винтсра Банда. Переводъ съ нѣмецкаго. — «Ключъ врага милосердаго». Восточное сказаніе В. Н. Д. — Къ рисункамъ: Тяжелый трудъ (съ рис.). — Литературный альбомъ. «Золотой пѣтушокъ», А. Пушкина (съ рис.). — Въ домашнемъ кругу (съ рис.). — Послѣ крестинъ (съ рис.). — Ледяной промыселъ въ Нью-Йоркѣ (съ рис.). — П. И. Вейнбергъ (съ портр.). — Бухара прежде и нынѣ. Историческая справка. — Разныя извѣстія. — Выставка И. И. Шишкина. — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Искусство. — Сѣмьѣ. — Бумажный пароходъ (съ рис.). — Объявленія.

**За ТРИ только
рубля**
высылаю съ первую
почтою
ЯЩИКЪ

содержащій необходимыя для
каждаго слѣдующія вещи,
какъ-то:

- 1) 1 механической никелированной
шпатель (изъ настоящего каучука)
съ именемъ, отчествомъ и фамилией
заказчика (по желанію и съ короною).
- 2) Механич. карандашъ. 3) Механич.
перо. 4) Флаконъ шпательной краски.
- 5) 100 листовъ почтовой бумаги. 6)
100 штукъ конвертовъ для писемъ.
- 7) 25 штукъ перьевъ стали. 8) 25
листовъ почтов. бумаги съ послови-
цами. 9) 3 ручки для перьевъ. 10)
3 карандаша. 11) 3 поздравитель-
ныхъ карточки. 12) 2 интересныхъ
фокуса. 13) Карманную чернильницу
металлическую. 14) 100 шт. картоны
для визитныхъ карточекъ. 15) 100 кон-
вертовъ для визитн. карточекъ.

Цѣна за все вышеозначен-
ныя вещи лишь три рубля
(за пересылку уплачивается
при полученіи посылки).

По желанію при шпатель
можетъ быть изготовлена и сур-
гучная печать съ инициалами
заказчика. За что слѣдуетъ при
заказѣ приложить 6 штукъ 7 коп-
лечныхъ почтовыхъ марокъ.

При требованіяхъ прошу высылать
деньги и обозначать имя, отчество и
фамилию, которыя желаютъ получить
въ шпатель, и указать точный адресъ
для высылки вещей почтою.

Требованія и деньги прошу высылать
по слѣдующему адресу: въ гор.
НАВУ С.-Петерб. губ.

КУНЦУ № 6212

**Веніамину Давидовичу
МИХАЙЛОВСКОМУ.**

ПРИМЪЧАНІЕ: При заказѣ вышеозначен-
ныхъ вещей тремя лицами сразу
онымъ прилагается еще каждому по
одному портигапу съ интереснымъ
секретомъ.

БЕЗПЛАТНО.

ЛЕВШИНСКЪ и ГЮЗИНСКЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которою печатается
известный провинціальный журналъ „Нива“. № 2495

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣлательныхъ агентовъ. За условіями
обращ. извѣстно: Ген. ихъ Блокъ,
С.-Петербургъ, Невскій, 59. 10-5

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій заочно (посредствомъ
переписки) въ 15 уроковъ
у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ

А. КОССОДЮ.

Методъ преподаванія на Парижской все-
мирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ зо-
лотой медали. № 6208 32-1

За 2 семисонбечныя марки высылаются
пробное письмо и условія. Адресъ: Про-
фессору каллиграфу Адольфу Коссодю въ
Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни
„Бс. Соловьева. П. 2 р., съ пер. 2 р. 70 к.

Къ свѣдѣнію гг. землевладѣльцамъ, экспортерамъ и торгующимъ хлѣбомъ.

На Рязанско-Уральской желѣзной дорогѣ для долгосрочнаго храненія мѣснаго хлѣба до его отправленія по назначенію и для завоза транзитнаго хлѣба устроены элеваторы и склады.

Мѣстный хлѣбъ до отправления по назначенію принимается на долгосрочное храненіе въ элеваторы на станціяхъ: Козловъ, Ряжскъ, Лебедянь и Данковъ, а также въ склады на станціяхъ: Козловъ, Богоявленскъ, Ряжскъ, Александроновская, Кораблино, Никитино, Хрущево, Тамбовъ, Разсказово, Платоновка, Ломовись, Краснослободскъ, Кирсановъ, Уметъ, Тамала, Сосновка, Беново, Ртищево, Салтыковка, Екатериновка, Лопуховка, Аткарскъ, Кологривовка и Саратовъ.

Транзитный хлѣбъ принимается на храненіе въ элеваторы на станціяхъ: Козловъ и Ряжскъ, а также въ заводные склады, устроенные на станціяхъ: Козловъ, Александроновская, Богоявленскъ, Ряжскъ, Никитино, Тамбовъ, Разсказово, Платоновка, Ломовись, Краснослободскъ, Кирсановъ, Уметъ, Тамала, Сосновка, Беново, Ртищево, Салтыковка, Екатериновка, Лопуховка, Аткарскъ, Кологривовка и Саратовъ.

На ряду съ открытіемъ дѣятельности складовъ и элеваторовъ Обществомъ Рязанско-Уральской дороги организована выдача ссудъ подъ хлѣбные грузы, какъ сдаваемые для непосредственнаго отправления по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и сложенные въ склады и элеваторы Общества.

Такса сборовъ и условія пріема хлѣба на храненіе въ склады и элеваторы, а равно правила выдачи ссудъ, опубликованы въ Сборникѣ тарифовъ Росс. жел. дорогъ и отпечатаны отдѣльными брошюрами, выслаемыми, по требованію, бесплатно Правленіемъ Общества (въ С.-Петербургѣ, по Мойкѣ, д. № 40).

Съ открытіемъ указанныхъ операций землевладѣльцамъ, экспортерамъ и хлѣбооторговцамъ представляется возможность гужевой подвозки грузовъ въ удобнѣйшее для того время къ станціямъ Рязанско-Уральской дороги для остановки ихъ въ складахъ и элеваторахъ въ ожиданіи выгодныхъ для сбыта хлѣба рыночныхъ цѣвъ, пользуясь при этомъ въ теченіе всего времени храненія хлѣба и доставки его по назначенію дешевыми и скорыми кредитомъ.

№ 6190 3-2

**EAU, PÂTE, POUDRE
DENTIFRICES**

DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

№ 6039 13-13

**Карль Ивановичъ Вагнеръ,
Садовое заведеніе въ Ригѣ,**

снмъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
КАТАЛОГИ СЪМЕНАМЪ и пр. НА 1893 г.
изданы и пересылаются по требованію бесплатно. № 6205 3-1

**ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ
искусственными БРИЛЛІАНТАМИ:**
превосходными

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 358. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 358. Золотыя серьги на винтахъ съ больш. искусств. брилліантомъ.
Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 49 к. № 6210
Товаръ № 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
пересылаю № 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
налож. платж. № 503. Золотая булава. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.

С.-Петербургъ, БАЗАРЪ МАРОКЪ.
Невскій пр., № 20—31.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Карзина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору
журнала „Нива“, а также и во всѣмъ известнымъ книгопродавцамъ.

Велосипеди англійскаго завода
„Гумберъ и К^о. Лмтд.“
лучше въ свѣтѣ!
предлагаетъ торговый домъ
Г. ЖЕМЛИЧКА и К^о.
Москва, Неглинный просп., домъ Емлинной.
Прейсъ-куррантъ—бесплатно.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ПРОИЗВОД. ЗАВОДА
А. МОСТРОУМОВА
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УТВЕРЖДЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
МАРТУ 24 1893
КУДОКЪ № 1
ОСТЕРГАТЕНС. КОДЕЛЛОКЪ.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЖЕРНОВА
фабрики **І. ТРАППА**
не требуютъковки. Въ 2-3 раза про-
изводительнѣе другихъ жернововъ.
Главный представитель: **В. Б. Жуковский**
С.-Петербургъ, 10-я рота, д. 16.

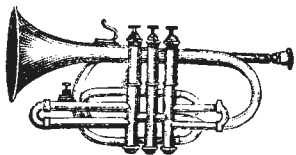
НОВОСТЬ!
ШТОПАЛЬНЫЙ АППАРАТЪ
чинить, мутитъ, бѣлье, матерію и проч.
скоро и хорошо. Цѣна 1 р. Заказы вы-
сылаются немедленно. Адресъ: С.-Петер-
бургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Нев-
скій, 4. Каталогъ (плюсер.) всѣхъ изобрѣ-
теній и подарковъ за 10 коп. жарку

что можете сдѣлать искусство
для поддержанія жизни и отдаленія смер-
ти? Д-ра медицины **А. И. Ильинскаго.** П. 1 р.
съ перес. № 6204 2-1

Нижний магазинъ
Ө. А. БОГДАНОВА,
Москва, Петровскія линіи, 5.
Магазинъ высылаетъ всевозмож. рус. книги.

**ВЫБОРЪ
ИЗЪЯЩНЫХЪ
ШЕЛКОВЫХЪ
ТКАНЕЙ,
БАРХАТА и ПЛЮША**
въ розничномъ магазинѣ
Бр. С. Г. ШЕЛАЕВЫХЪ
въ МОСКВѢ.
ПАССАЖЪ СОЛОДОВНИКОВА,
№№ 65, 66.
С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, Болшай
Суровская линія, № 134.
Продажа безъ запроса. Образцы высылаются
№ 6209 бесплатно. 3-1

КОРНЕТЬ-А-ИСТОНЫ

хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 25 и 35 руб.; собственной с.-петербургской фабрики въ 50, 60, 75 и 100 р.; знаменитой фабрики Courtols въ 90 р., 150 р. и 250 р. Школа-самоучитель Баганца въ 1 1/2 и 2 1/2 р.

ФЛЕЙТЫ

хорошей заграничной работы въ 2, 4, 6, 9, 13, 20, 30, 40 и 50 руб.; собственной с.-петербургской фабрики въ 60, 75, 85, 120 и 160 руб. Флейты „модели Циммермана“, находящіяся въ употребленіи у первыхъ артистовъ, по 85 и 120 руб. Школа-самоучитель Нелера по 1 1/2 и 2 1/2 р.

КЛАРНЕТЫ

въ 6 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р. и 35 р. и собственной фабрики въ 45 р., 60 р. и 75 р. Школа-самоучитель Нитцера по 2 1/2 и 4 р.

Также всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности въ громадномъ выборѣ.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ — бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ

главное депо

музыкальных инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ОРУЖЕЙНЫЙ МАСТЕРЪ Алексѣй Тимофѣевичъ Грязновъ въ Тулѣ. Изготавливаетъ ружья и винтовки всевозможныхъ системъ, вдвое дешевле заграничныхъ, ни въ чемъ имъ не уступающій, за что удостоенъ многихъ наградъ. Точность и добросовѣстность исполненій съ ручательствомъ. Прейсъ-курантъ высылается. № 6202 3—1

НОВОСТЬ!

Необходима каждому

МИНУТНАЯ КУХНЯ.

Ново-изобрѣтенный приборъ, посредствомъ коего всякій можетъ сварить себѣ кушанье въ нѣсколько минутъ. Цена 40 коп. Заказы высылаются немедленно. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ (иллюстр.) всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6211

„НЬЮ-ІОРКЪ“

Общ. Вз. Страх. Жизни.

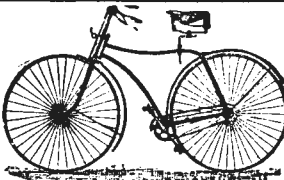
Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 декабря 1892 г. Р. 2.714.072 23.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (32)

Глави. Улоли, П. П. Меллеръ.

Поставили Высочайшій Царскій и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ**, (основ. въ 1863 г.)

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № Кокандъ и Екатеринбургъ. 25—9

5982 Новый каталогъ 80 страницъ. **БЕЗПЛАТНО.**

Поступило въ продажу новое роскошное изданіе А. Ф. Маркса: **ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ**

П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и вишнѣтокъ художника **К. В. ЛЕБЕДЕВА.**

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, „**НОВОЕ ВРЕМЯ**“ говоритъ о книгѣ слѣдующее: „Надо отдать справедливость г. Марксу: онъ издалъ эту книгу очень изящно, съ вишнѣтками и картинками, нарисованными съ большимъ вкусомъ и знаніемъ русскихъ древностей молодымъ художникомъ, г. Лебедевымъ. Историческіе рассказы г. Полевого отличаются тѣмъ, между прочимъ, отъ цѣлой массы подобныхъ рассказовъ, что въ нихъ соблюдается историческая вѣрность эпохъ, такъ какъ авторъ пререкрасно изучилъ ту эпоху, изъ которой черпаетъ свои рассказы. Примѣненные къ этимъ рассказамъ и рисунки являются не правдынымъ измышленіемъ, а служатъ къ нимъ иллюстраціями, гдѣ вѣрно соблюдаются костюмы и другія бытовья особенности“.

Цена этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большого 8^ю) и роскошнаго изданія, назначается нами весьма умеренная: **5 р.**, съ перес. **5 р. 80 коп.**; въ роскошн. перепл. **6 р.**, съ перес. **7 р.**

Для любителей роскошныхъ изданій мы печатали особо „50 нумерованныхъ экземпляровъ“ на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 эстампа на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цена этихъ нумерованныхъ экземпляровъ **25 руб.**, съ пересылкою **26 руб.**, въ роскошномъ полунагревномъ переплетѣ **28 руб.**, съ перес. въ лицикѣ **30 руб.** Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6.

САРИИГА И САРИИГСКАЯ ЧЕСУЧА

8—5 **СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ.** Ц. № 6169
Пересылку тканей по заказамъ фирма „Альбомъ“ съ образцами высылается по принимаетъ на свой счетъ. Требованію бесплатно.
Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЬ И СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

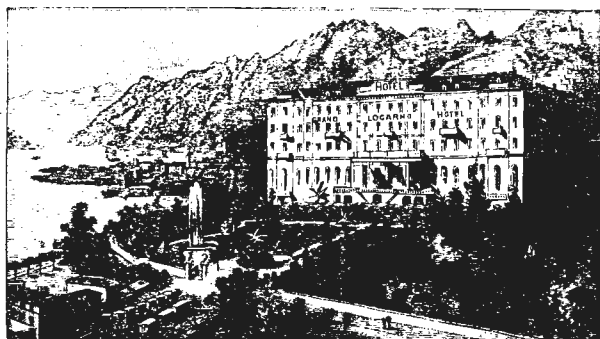
ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (23)

LOCARNO — ЗИМНЯЯ СТАНЦІЯ —

Общезнавшая всѣми медицинскими авторитетами и специально рекомендованная Королев. Бавар. Совѣтникомъ медицины, проф. докторъ А. Мартиномъ, какъ самая превосходная въ Европѣ зимняя и весенняя станція. № 6199 6—2

Grand Hôtel Locarno.

Открытъ въ продолженіе всего года.—Наилучшимъ образомъ приспособленъ къ проживанію въ немъ зимою.—Лучшее мѣстопребываніе у Итальянскихъ озеръ. Самая комфортабельная гостиница на континентѣ, въ замѣчательно красивой мѣстности. Большой паркъ съ роскошною южной растительностью. Зимнія окна, центральное отопленіе, изразцовые печи и камины во всѣхъ 200 номерахъ и залахъ.—Лѣченіе виноградомъ.—Иѣмецкій врачъ.—Ванны.—Подъемная машина.—Англійская и иѣмецкая церкви.—Сообщеніе на частныхъ пароходахъ и лошадахъ.—Первоклассная кухня и погреба.—Умеренныя цѣны.—Проспектъ и описаніе, составленное проф. Мартиномъ, высылаются бесплатно владѣльцемъ. Balli.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшаго англійскаго колѣнкора, съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1892 годъ, по полнагому образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (19)
Спеціалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 проф. Лиз. Публ. Библиотекѣ. Подробный каталогъ, прейсъ-курантъ по запросу, бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 годъ. № 5808

ВИНО

Вино Сен-Рафаэль превосходно на вкусъ. Сохраняется по способу г-на Пастера. На каждой бутылкѣ находится печать Россійской таможи.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятию золотыми медалями и высшими знаками. **Косметические спермацетовые, личные** № 5898

УТИРАЛЬНИКИ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ. При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цена пачки 60 коп., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 руб., 4 пачки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ**—красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскихъ и парфюмерныхъ товаровъ, Казанская ул., № 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Васильевая ул., д. № 2.**

XXIV г.

№ 5

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС К МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выдаеъ 30 января 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 15 к., съ перес 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

въ „НИВѢ“ принимаются за строку нонпарейль (¼ шир. стран.) въ Глав. Кон. Р-д. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 3 fr; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марк 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петер-бургъ 5 р.
 Съ доставкою въ Петер-бургъ 6 р. 50 к.
 Безъ дост. въ Москвѣ чр конт объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
 Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 7 р.
 За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.
 На ¼ года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
 На ½ года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр

Масляница пришла! Ориж. рис. (собств. „Нивы“) Р Штейна, грав. Шюблеръ.

Джеттатура.

Повѣсть графа Е. А. Салиаса.

(Продолженіе).

XV.

Наступилъ наконецъ самый знаменательный и торжественный день... Глава республики долженъ былъ въ этотъ день официально принимать у себя высочайшаго гостя „Sa Majesté très Chrétienne“.

Цѣлые два дня непрерывно шли хлопоты и приготовления во дворцѣ Дожей. До трехсотъ слугъ хлопотали до полуночи и снова начинали суетню съ зарей, готовя ширшество на три тысячи человекъ и праздноство, какихъ еще не бывало въ Венеціи. Главные церемоніймейстеры Донаго и Делла Пинья распорядились всѣмъ, при содѣйствіи и помощи полусотни молодыхъ патрициевъ знатнѣйшихъ фамилій.

День наступилъ яркій, но прохладный, съ легкимъ вѣняемъ съ моря. Около полудня вся Рива переполнилась вновь толпами народа. Отряды збировъ и ландкнехтовъ были еще съ утра разставлены, чтобы сдерживать толпы и охранять свободнымъ небольшое пространство на Пиацеттѣ отъ набережной до главнаго входа во дворецъ.

Сѣздъ на этотъ разъ долженъ былъ отличаться многочисленностью приглашенныхъ и особой роскошью одѣяній. Именно сегодня Венеція должна была похвастать и блеснуть предъ своимъ союзникомъ своею пышностью и своимъ богатствомъ.

Вѣдь извѣстно королю Франціи, какъ и всему міру, что въ республикѣ существуетъ особая власть, учрежденная за сто лѣтъ предъ тѣмъ. Особаго рода проведиторы, именуемые „Proveditori alle Rompe“, должны строго блюсти и сдерживать тщеславіе патрициевъ въ дѣлѣ всяческаго украшенія своей одежды и въ особенности драгоцѣнными камнями. Вѣдь извѣстно равно всему міру, что въ дворцахъ Венеціи одного жемчугу накоплено столько за столѣтія, что пожертвовавъ имъ, въ случаѣ неудачной войны, можно создать и снарядить такой-же флотъ, какой имѣется въ водахъ и въ арсеналѣ республики.

Около трехъ часовъ начался сѣздъ. Къ Ривѣ причаливали безъ конца великолѣпныя гондолы, и изъ нихъ выходили патриціи въ яркихъ парадныхъ одѣяніяхъ, тяжелыхъ и длинныхъ до земли, съ мантиями на плечахъ.

Наконецъ пронесся слухъ, будто прибѣжалъ откуда-то на Пиацетту, что король со свитой тоже двинулся уже изъ своей резиденціи. Дѣйствительно, вскорѣ показалась блестящая флотилія.

Пиацетта снова огласилась кликами: „Viva Arrigo il Terzo!“ Дождь со своимъ коллегіумомъ вышелъ на лѣстницу Гигантовъ и ждалъ. Когда король со свитой причалилъ къ Ривѣ, дождь спустился по гранитнымъ ступенямъ до послѣдней... Глава республики снялъ свою ярко-красную пойю... Онь одинъ! какъ-бы за всю Венецію!.. Монархъ Франціи двигался чрезъ толпы народа, приподнявъ и держа въ рукѣ свой черный беретъ.

Встрѣтивъ высокаго гостя, дождь проводилъ его до залы, гдѣ уже былъ накрытъ большой столъ, за которымъ помѣстились прокураторы, посланники иностранныхъ державъ, всѣ десять членовъ Совѣта Десяти, старѣйшіе по лѣтамъ сенаторы, не моложе семидесяти лѣтъ, и всѣ приближенные короля. Генрихъ помѣстился на одномъ концѣ стола, на возвышеніи и лицомъ къ площади Св. Марка, имѣя около себя нунція и герцога Савойскаго, прибывшаго наканунѣ. Дождь сѣлъ на противоположномъ концѣ стола, посадивъ около себя епископа-примаса республики и любимца Генриха, виконта Таванна. Въ числѣ свиты былъ за столомъ и кавалеръ ди-Аволо.

Сидѣвшіе невдалекѣ отъ короля самые именитые патриціи, прокураторъ старецъ Нани, тайный членъ Совѣта Трехъ, кандидатъ въ дожи да-Понтэ, и бывший посоль въ Франціи Барбаро, старались занимать Генриха. Имъ помогала адмиралъ Контарини своими свѣдѣніями.

Король интересовался блестящимъ состояніемъ, въ которомъ, по увѣренію всего свѣта, находился арсеналъ Венеціи — Палладіумъ республики.

— Во время послѣдней войны, заявилъ Контарини, — предъ сраженіемъ при Лепанто, Венеція могла, ваше величество, снаряжать и выпускать на воды по одной галерѣ въ день, и за сто дней выпустила сто галеръ съ пятнадцатью пушками каждая, при трехъ и четырехстахъ матросахъ. Иногда ихъ выпускали съ тысячею кондотьеровъ или швейцарцевъ.

— Это почти невозможно! отозвался Генрихъ.

— Если ваше величество пожелаете, мы будемъ счастливы доказать сейчасъ, что можетъ сдѣлать арсеналъ Венеціи! сказала да-Понтэ. — Адмиралъ, можете вы ручаться, что покуда мы обѣдаемъ...

— Я сейчасъ прикажу! весело отозвался Контарини, перебивая.

Оба сановника предложили Генриху отрядить въ арсеналъ одного изъ своихъ приближенныхъ съ тѣмъ, чтобы онъ выбралъ первый попавшійся въ докахъ остовъ галеры, приказавъ ее готовить какъ бы въ бой, не отлучаясь бы ни на шагъ, чтобы видѣть все своими глазами.

— Покуда мы будемъ обѣдать, сказала Контарини, — галера будетъ приготовлена вполнѣ, снаряжена и спущена на воды Канала и, снабженная всѣмъ до послѣдней нитки, явится сюда въ полномъ вооруженіи, готовая сразиться противъ враговъ вашего величества.

Генрихъ выразилъ свое согласіе... Графъ Неверъ, самый молодой изъ свиты, былъ тотчасъ отряженъ въ арсеналъ съ подробнымъ наставленіемъ адмирала.

— Выберите любую пустую галеру изъ запасныхъ, сказала Контарини, — и прикажите снаряжать якобы для выступленія въ походъ. Когда она будетъ готова, вы сами на ней явитесь къ Пиацеттѣ... Надѣюсь, что менѣе чѣмъ чрезъ два часа вы доложите его величеству, что галера „Arrigo il Terzo“ стоитъ въ своихъ воинскихъ доспѣхахъ у Ривы.

Генрихъ поблагодарилъ за любезность наклоненіемъ головы.

Обѣдъ продолжался болѣе двухъ часовъ, но всѣ еще сидѣли за столомъ, когда у набережной Скиавони раздалась залпъ изъ орудій.

Новорожденная галера „Генрихъ III“ салютовала своему патрону и шефу.

— Это явѣроятно! удивился король. — Во Франціи на это понадобилось бы по крайней мѣрѣ двѣ недѣли. У васъ первый флотъ въ мірѣ по количеству и качеству.

— Позвольте напомнить вамъ, ваше величество, сказала самодовольно да-Понтэ, — когда король Франціи Людовикъ Святой попросилъ у Венеціи помощи противъ невѣрныхъ, Венеція послала своему союзнику, чтобы высадить на берега Африки, десять галеасъ съ полусотней пушекъ каждая, а затѣмъ двадцать большихъ галеръ съ четырьмя тысячами конницы и десяти тысячами пѣхоты... И тогда уже Венеція обладала страшной морской силой, а нынѣ однихъ галеръ считается сто шестнадцать... Сто семнадцатая явилась сейчасъ подъ окна дворца. И пожелаемъ, чтобы галера „Генрихъ III“ была грозой оттомановъ и всѣхъ враговъ Франціи и Венеціи.

Покуда да-Понте ораторствовалъ, кавалеръ ди-Аволо, сидѣвшій среди стола, не спускалъ съ глазъ старца Антонио Нани, сидѣвшаго неподалеку отъ короля, рядомъ съ адмираломъ. Каждый разъ, что Нани заговаривалъ, кавалеръ пристально приглядывался къ нему... Когда же старецъ обращался къ Генриху или отвѣчалъ ему, ди-Аволо почти тревожно слѣдилъ за его губами и всячески, хотя тщетно, старался разслышать, о чемъ идетъ рѣчь. Почтительно тихій, по все-таки оживленный и гулкій разговоръ за столомъ не позволялъ ему разслышать ни единого слова.

Вскорѣ послѣ запы изъ орудій новой, дѣйствительно замѣчательно быстро спущенной на воды и снаряженной галеры, обѣдъ кончился.

Генрихъ поднялся первый, дожъ послѣдовалъ его примѣру на другомъ концѣ стола, и все зашумѣло... Король направился, въ сопровожденіи дожа и прокураторовъ, въ малую залу, именовавшуюся *loggia*, но передъ тѣмъ подзвалъ къ себѣ знакомаго виконта Таванна.

Генрихъ былъ веселъ и, усмѣхаясь, быстро передалъ что-то любимцу... Виконтъ насушился... Генрихъ разсмѣялся и покалъ плечами.

Когда король удалился, соутствующий главою и главными властителями республики, Таваннъ обратился къ одному изъ молодыхъ миньоновъ и приказалъ ему сейчасъ же разыскать въ толпѣ гостей кавалера ди-Аволо и пригласить его къ нему.

— Я буду ждать его на балконѣ, сказалъ Таваннъ и вышелъ подъ чудныя мраморныя аркады, огибающія дворецъ.

Черезъ полчаса однако онъ былъ уже среди цѣлой толпы, такъ какъ гости тоже кучками покидали горницы и залы и выходили полюбоваться видомъ переполненной народомъ Пиацетты.

XVI.

Когда кавалеръ вышелъ на террасу, то съ трудомъ разыскалъ виконта. Этотъ пригласилъ его слѣдовать за нимъ на самый дальній край, гдѣ было сравнительно свободно.

— Позвольте, *monsieur le chevalier*, заговорилъ Таваннъ, отдавшись отъ постороннихъ, — попросить васъ немедленно объясниться. Сейчасъ за обѣдомъ, сидя около короля, прокураторъ Св. Марка Нани, послѣ бесѣды объ Испаніи, о флотѣ, о султанѣ, вдругъ попросилъ его величество, безъ всякаго повода...

— Обратилъ свое монаршее вниманіе на меня?

— Да... И кромѣ того...

— Соизволить наградить меня выдачей патента на званіе капитана? любезно улыбаясь, продолжалъ кавалеръ.

— Хорошо понимаю, что вамъ все это уже извѣстно, *monsieur le chevalier*. Но все это не главное... Главное извѣстно-ли вамъ? А именно недоразумѣніе, которое происходитъ и котораго вы умышленный сочинитель, какъ я думаю.

— Я васъ не понимаю, *monsieur le vicomte*.

— Вы секретарь Совѣта Трехъ и тайный агентъ правительства республики при королѣ на время его пребывания въ Венеціи? Такъ-ли?

— Я васъ не понимаю, тихо повторилъ ди-Аволо.

— Такъ-ли? Я васъ спрашиваю... Отвѣчайте.

— Конечно.

— А прокураторъ Св. Марка, именитѣйшій сановникъ-республики, считаетъ васъ приближеннымъ короля и французомъ, находящимся въ свитѣ своего монарха. Своего!..

Ди-Аволо улыбнулся, вѣжливо, но почти снисходительно.

— Прокураторы Св. Марка, хотя и первые сановники республики послѣ дожа, заговорилъ онъ медлен-

но, — тѣмъ не менѣе имъ очень рѣдко извѣстны распоряженія членовъ Совѣта Трехъ и почти никогда не извѣстны въ лицо тайные слуги этого Совѣта.

— Какимъ образомъ?

— Точно такъ, виконтъ.

— Но если Нани, положимъ, не знаетъ, что вы на службѣ Венеціи, то почему онъ почитаетъ васъ прибывшимъ съ нами изъ Польши и французомъ?

— Онъ не виновенъ въ этомъ. Это я ему самъ скажеть о себѣ.

— Но этой ложью, стало-быть, вы морочите всѣхъ: и насъ, и венеціанскихъ сановниковъ?

— Миѣ это строго приказано посланнымъ меня прямымъ моимъ начальникомъ. А онъ больше, чѣмъ Нани... Больше чѣмъ самъ дожъ... Временно! Но тѣмъ не менѣе... Вы понимаете меня, виконтъ?

— Я понимаю намекъ... Намъ это вдобавокъ извѣстно. Но признаюсь, что все-таки вся эта комедія кажетъ...

— Кажеть вамъ, виконтъ, безсмысленной или недостойной республики. Не смотрите на это такъ строго... Вѣдь это собственно пустяки.

— Какъ пустяки? воскликнулъ Таваннъ.

Кавалеръ хотѣлъ заговорить, но въ это мгновеніе въ толпѣ на Пиацеттѣ и среди гостей на всей террасѣ дворца произошло одинаковое движеніе. Всѣ устремили глаза на Каналь и край Ривы.

Таваннъ глянулъ по тому-же направленію, улыбнулся и сталъ любоваться новымъ зрѣлищемъ. Ди-Аволо вѣжливо ждалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ тоже пристально глядѣлъ на Каналь. Лицо его оживилось, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сталъ будто отчасти волноваться.

Зрѣлище, привлекшее вниманіе всѣхъ гостей во дворцѣ, а равно всколыхнувшее толпы зѣвакъ на площади, было просто, но производило сильное впечатлѣніе.

По Большому Каналу двигалась громадная флотилія гондолъ и, покуда переднія приближались къ Ривѣ, послѣднія были еще невидимы за поворотомъ Канала къ мосту Ріальто. Всѣ эти гондолы, числомъ болѣе двухсотъ, одна богаче и ярче другой, стали нескончаемо причаливать по-очереди къ набережной, и изъ нихъ выходили и направлялись чрезъ Пиацетту ко дворцу лишь однѣ молодыя дѣвушки и дамы, одна красивѣе другой, въ снѣжно-бѣлыхъ, серебристыхъ платьяхъ, на которыхъ сіяли драгоценные камни, алмазы и жемчугъ.

Патриціанки тихо, по двѣ и по три въ рядъ, пройдя среди народа, сдерживаемаго збирами, входили во дворецъ прямо подъ угломъ террасы, гдѣ стояли Таваннъ и ди-Аволо. Оба они перевѣсили черезъ перила и смотрѣли на вереницу красавицъ.

— Рѣдкое зрѣлище. Жалко, король не видитъ. Красиво... вымолвилъ Таваннъ и прибавилъ:— Впрочемъ и красивыхъ тоже много...

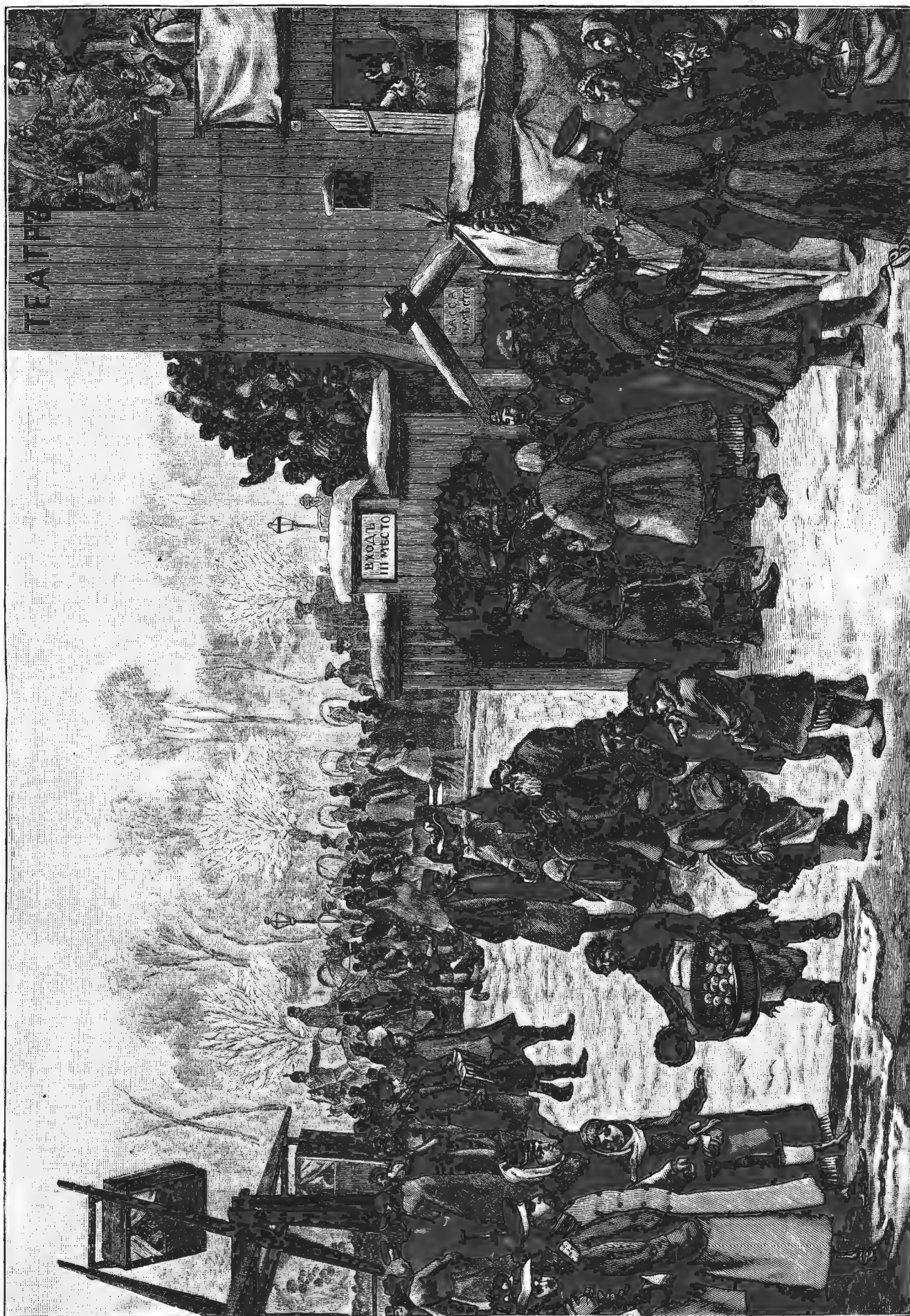
Кавалеръ окинулъ взглядомъ все это шествіе отъ аркады дворца вплоть до самаго берега, будто не находилъ того, что искалъ и что взволновало его. Глаза его были устремлены вдаль на Каналь, откуда все еще надвигались и все прибывали гондолы.

— Какъ ихъ много, тихо, будто себѣ самому, произнесъ Таваннъ.

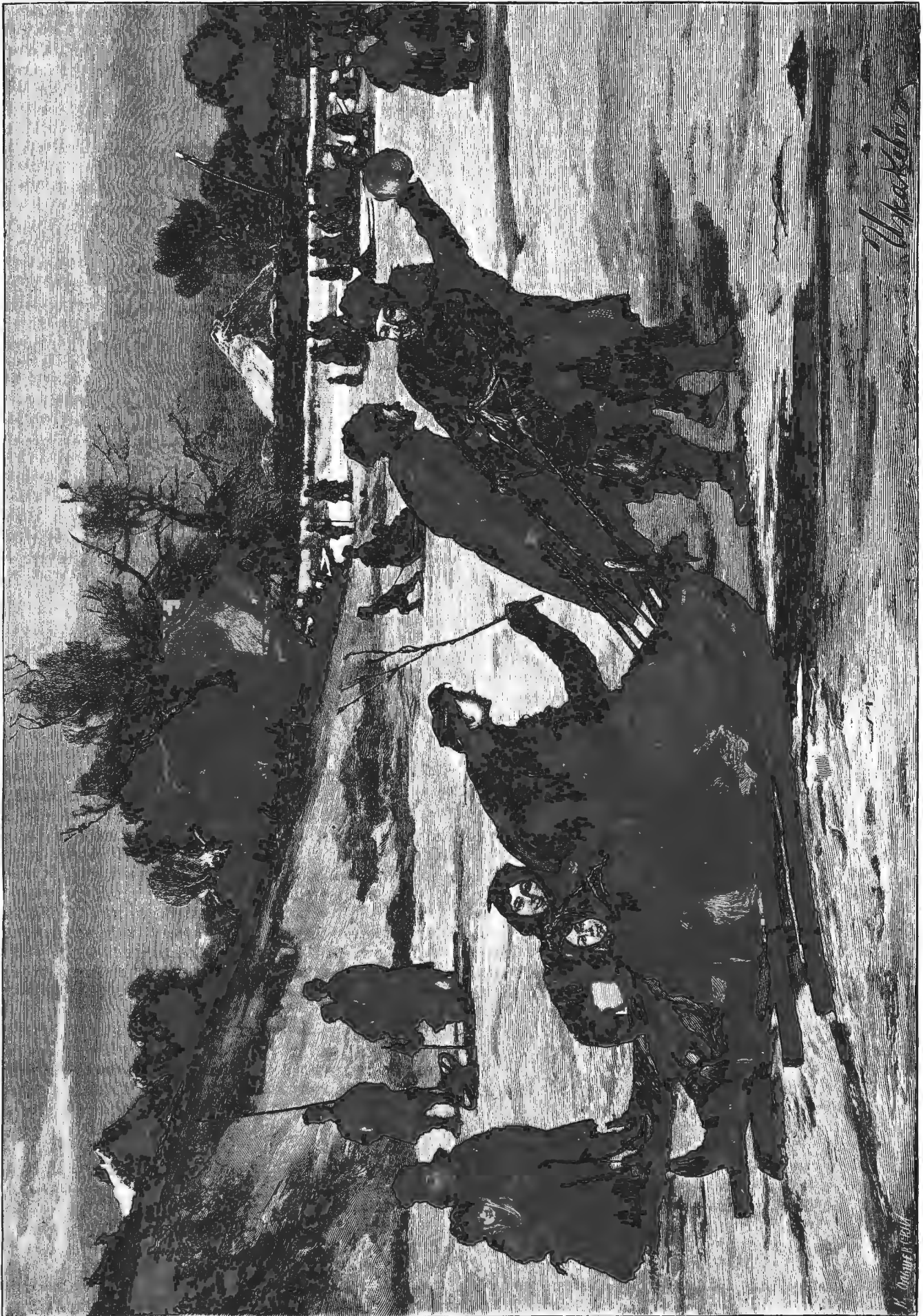
Дѣйствительно, уже болѣе сотни патриціанокъ насчитала толпа, иногда называя по фамиліи самыхъ красивыхъ, но гондолы все прибывали и все причаливали и выпускали безъ конца бѣлыхъ и бѣловолосыхъ юницъ и красавицъ.

И блестящая, сверкающая на солнцѣ бѣлизной и алмазами вереница все двигалась чрезъ Пиацетту и исчезала подъ аркой главнаго входа во дворецъ.

— Сколько-же ихъ? воскликнулъ наконецъ Таваннъ.— Говорили, будетъ двѣсти или триста... а тутъ

Масляница. Балаганы на Царицыномъ лугу въ Петербургѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бродлинга, грав. Шюблеръ.

Масляница. Катанье на санкахъ въ деревнѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Инаквича, грав. Ольшевскій.

больше. Но, однако, какъ много у васъ красивыхъ женщинъ въ Венеціи! прибавилъ онъ, обращаясь къ кавалеру.

Но ди-Аволо не слыхалъ словъ Таванна. Онъ весь обратился въ зрѣніе. Къ Ривѣ тихо причаливала богатая пунцовая и вся сплошь позолоченая гондола. Она рѣзко выдѣлялась отъ всѣхъ остальныхъ. И Таваннъ тоже невольно отличилъ ее въ массѣ другихъ гондоль.

Изъ этой гондолы вышла молодая стройная дѣвушка и присоединилась къ другимъ.

— Кажется, и дама отличается отъ всѣхъ, какъ ея гондола, сказалъ Таваннъ, шуря глаза на Риву.

— Это дочь адмирала Контарини! выговорилъ ди-Аволо съ такимъ страннымъ звукомъ въ голосѣ, что виконтъ поглядѣлъ ему въ лицо.

Между тѣмъ тамъ, внизу на Ривѣ появленіе молодой патрицианки было тоже встрѣчено и отмѣчено народомъ.

— La biondissima! раздалось кой-гдѣ въ толпѣ.

— Синьорина Контарини!

— Не мало адмиралъ турецкихъ головъ снялъ!

— Да! Не мало за то и добычи досталось... Страшный богачъ!

— La biondissima! повторялось повсюду навстрѣчу, а затѣмъ, при проходѣ юной красавицы, до самаго дворца.

— La biondissima Angelina! сказалъ кто-то на террасѣ, и слова эти долетѣли до Таванна.

— Правда! сказалъ онъ, смѣясь, и обратился къ ди-Аволо: — Вѣроятно, это прозвище именно этой синьорини?

— Да-съ, отозвался кавалеръ, будто смущаясь.

— Очень красива! очень!.. Да, красавица! шепталъ Таваннъ.

— Да! Сегодня... Особенно... Да... Сегодня она... началъ было ди-Аволо и смолкъ отъ внутреннего волненія.

Дѣйствительно, никогда Анджелина Контарини не была такъ чудно красива, какъ теперь. Быть-можетъ, и платье ея—бѣлое, тяжелое, изъ парчи, но не серебряное, а съ строгимъ матовымъ и отчасти опаловымъ отблѣнкомъ, дѣлало ее еще юнѣе и граціознѣе на видъ. Или, быть-можетъ, масса крупнаго жемчуга, покрывавшаго ея корсажъ, своимъ мутно-молочнымъ отблескомъ дѣлала ея нѣжное личико еще бѣлѣе, свѣжѣе и ярче.

Нѣтъ! Не платье и не жемчугъ совершили какое-то преображеніе, сдѣлавъ изъ красивой дѣвушки настоящее волшебное видѣніе.

Что-же преобразило дѣвушку?

Счастье!

Да, Анджелина была безконечно счастлива въ этотъ день, лучший, казалось ей, за всю ея жизнь. Она любила! Любила въ первый разъ... Сама не зная, какъ, съ какой минуты, почему и за что... Она давно любила неизвѣстнаго ей и невѣдомаго никому человѣка. И она мучилась, терзалась въ сомнѣніяхъ и боязливыхъ догадкахъ.

И вотъ наканунѣ душевная тьма разсѣялась... Какое-то волшебство будто вдругъ снизошло на дѣвушку и даже будто обрушилось сразу и разсыпалось по ней и кругомъ нея, застилая собою все, весь міръ, людей, родного отца, дворецъ и Canal Grande... Все спуталось и слилось въ чудно-яркій, радужный хаосъ и круговоротъ, который поглотилъ ее и будто уносить... Ясно и вѣрно одно. Твердо стоитъ передъ ней, непоколебимо и неизмѣнно... „онъ!“ Онъ,—патрицій, а не плебей. Чужеземецъ, но говорящій на ея родномъ языкѣ и одинаковой съ ней вѣры. И, наконецъ, главное—онъ, любящій ее взаимно.

Развѣ все это не волшебство, не сказка, не пѣсня, не сонъ... которымъ бываетъ конецъ? Нѣтъ, это правда

и правда! А если все это правда, то возможно-ли теперь смотрѣть кругомъ себя тѣми-же прежними глазами и все цѣнить тѣми-же разумомъ и тѣми-же сердцемъ... Развѣ можно быть той прежней Анджелиной?

Конечно, нѣтъ! Приходится подѣ необычно чуткіе и частые удары сердца будто переродиться!.. Надо сверкающими глазами говорить всему окружающему о своемъ перерожденіи.

И прелестное лицо Анджелины говорило, даже будто кричало толпѣ:

— Знаете-ли вы?.. Нѣтъ, вы не знаете! Такъ знайте! Я счастлива, я люблю! Я люблю!..

Когда юная Контарини исчезла подъ аркадой дворца, бѣлая и блестящая вереница патрицианокъ все еще тянулась чрезъ Пиацетту, но виконтъ Таваннъ, проводивъ царицу всѣхъ остальныхъ красавицъ, повернулся спиной къ площади и заговорилъ серьезно:

— Красавицы Венеціи насъ отвлекли отъ очень важнаго разговора, синьоръ ди-Аволо. Я вамъ говорилъ о недоразумѣніи относительно васъ. Вы находите, что все это пустяки. Согласенъ, что важнаго государственнаго событія отъ всего этого произойти не можетъ. Но прошу васъ все-таки объяснить мнѣ, какимъ образомъ старикъ-сановникъ, занимающій важнѣйшую должность въ республикѣ, позволяетъ себѣ и приказываетъ вамъ притворяться и лгать. Пустяками все это назвать невозможно.

— Да-съ... Все это если не пустяки, то, если вникнуть, самое обыкновенное явленіе. Въ чемъ собственно дѣло?.. Монархъ Франціи является неожиданно и случайно въ Венеціи. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ сановниковъ республики оказывается просто человѣкомъ или, какъ говорится, простымъ смертнымъ. Онъ, независимо отъ всякихъ государственныхъ соображеній и независимо отъ своего высокаго положенія, человѣкъ мелочный, алчный, завистливый и, наконецъ, человѣкъ, задыхающійся отъ честолюбія всю свою жизнь... Вся Венеція это знаетъ, и вы догадываетесь, о комъ я говорю...

— Да, синьоръ, но лучше называть... Да-Понтэ?

— Да-съ... Онъ знаетъ, какъ и всѣ, что король Франціи и Польши не уѣдетъ отсюда, не отличивъ или наградивъ, и не одаривъ широкой рукой многихъ и многихъ... Ему захотѣлось тоже имѣть свою долю изъ монаршихъ милостей. Это повсюду и вездѣ такъ! И было, и будетъ!.. Но какъ достигнуть цѣли? Нельзя же сказать королю: „наградите меня, ваше величество, отличите меня, я хочу вотъ чего...“ И хитрый старикъ-честолюбецъ придумываетъ простое средство, чтобы не упустить рѣдкій случай. Простое до глупости. Онъ отряжаетъ—якобы ради безопасности монарха отъ гугенотовъ—секретаря Совѣта, своего вѣрнаго слугу, своего вѣрнаго пса—скажу я. Пса, страха ради, ибо онъ членомъ Совѣта Трехъ вообще не шутя. И онъ даетъ ему тайный приказъ... проситъ настойчиво фаворита короля, виконта Таванна, чтобы онъ настоялъ предъ королемъ о посвященіи его, стараго честолюбца, въ рыцари. Все это очень просто...

— Но зачѣмъ же онъ приказываетъ вамъ при этомъ называться французомъ, называться приближеннымъ короля и состоящимъ съ нами въ свитѣ... Это вѣдь дерзость!

— Чтобы никто, ни дожъ, ни сенаторы, никто не узналъ его затѣи. Впрочемъ, замѣтите, виконтъ, что я никому, кромѣ двухъ-трехъ лицъ, себя за состоящаго въ свитѣ вашей не выдавалъ.

— Но васъ совсѣмъ не знаютъ въ Венеціи, говорите вы? воскликнулъ Таваннъ.

— Да, меня мало кто знаетъ!

— И стало-быть всѣ считаютъ васъ въ свитѣ, и не знаютъ, что вы агентъ да-Понтэ.

— Это... вѣроятно... Но я, виконтъ, не виноватъ. Я человѣкъ подвластный...

— И вы хотите, чтобы въ виду всей этой комедіи да-Понтэ получилъ рыцарство, а вы, его слуга, званіе капитана...

— Патенты на это званіе выдаются и въ Испаніи, и во Франціи почти безъ разбора, съ крайней легкостью. Стоитъ только вамъ пожелать, и я буду осчастливленъ на всю мою жизнь... робко и даже грустно произнесъ кавалеръ.

Дрогнувшій голосъ его, упавшій и жалобный, поразилъ Таванна.

— Ну, вотъ что... *monsieur le chevalier*... вымолвилъ виконтъ послѣ минуты задумчивости.—Не обижайтесь... Но я начинаю думать, что и это выдумка.

— Что-съ...

— То, какъ я сейчасъ васъ назвалъ! тихо сказала Таваннъ.—Кавалеру патентъ капитана ни на что, собственно, не нуженъ.

— У меня нѣтъ, правда, документовъ... глухо и едва слышно выговорилъ ди-Аволо.—Нѣтъ никакихъ доказательствъ... И званіе капитана мнѣ замѣнить этотъ титулъ... Иначе мнѣ... Мнѣ жить нельзя!.. Если король уѣдетъ изъ Венеціи, не соизволивъ дать просимое мною, то... Да, на вашей душѣ, виконтъ, будетъ тяжкій грѣхъ. Я убью себя!..

Лицо и голосъ ди-Аволо глубоко подѣйствовали на Таванна своей искренностью.

— Убьете себя?.. Это такъ говорится! сказалъ онъ мягче, будто уступая чувству.

— Клянусь вамъ всѣмъ, что мнѣ дорого въ жизни! воскликнулъ ди-Аволо въ порывѣ искренняго отчаянія.—Другого исхода у меня нѣтъ. Или патентъ... который, собственно, не трудно получить, хотя бы зачисливъ себя въ кондотьеры... или самоубійство...

— Зачѣмъ же себя убивать, синьоръ, когда достаточно поступить вообще въ наемныя войска любого государства?..

— Правда. Но вы знаете, что на это нужно время и нужна война... А мнѣ необходимъ патентъ сейчасъ... Не только чрезъ три-четыре года будетъ поздно, но даже чрезъ полгода онъ будетъ мнѣ не нуженъ.

— Вы любите?!.. Вы влюблены?! вдругъ спросилъ Таваннъ.

— Вы отгадали, виконтъ...

— И вамъ, чтобы только жениться, необходимо это?..

— Да-съ...

— Ну, вотъ что, синьоръ ди-Аволо... На ваше счастье, вы попали именно на Таванна, который былъ въ ранней молодости въ такомъ же затруднительномъ положеніи и былъ спасенъ принцемъ Генрихомъ. И онъ далъ себѣ слово помогать всегда чѣмъ можетъ всѣмъ влюбленнымъ... Патентъ на званіе капитана будетъ завтра же у васъ! Я вамъ даю слово...

— Благодарю васъ, виконтъ... вымолвилъ ди-Аволо, вспыхнувъ.

— Рыцарство же для старой лисы --никогда!.. Передайте да-Понтэ, что его величество со дня перехода Польской границы и до сей минуты осажденъ повсюду подобнаго рода ходатайствами. И государь рѣшилъ, чтобы не уронить окончательно этой почести, отнынѣ посвящать въ рыцари съ крайней разборчивостью. Это, дѣйствительно, нужно... Здѣсь будутъ посвящены только двое изъ вашихъ патриціевъ.

— Позвольте мнѣ назвать ихъ... И клянусь вамъ честью, что я знаю это со словъ того же да-Понтэ, сказалъ кавалеръ.—Это Барбаро и Фоскари.

— Правда, Барбаро, какъ бывший вашъ посолъ во Франціи, а Фоскари, какъ любезный хозяинъ, потратившій не мало денегъ для принятія короля въ стѣнахъ своего дворца. Однако пора... Всѣ уже вернулись въ залы...

И виконтъ Таваннъ двинулся съ террасы, раздумывая о томъ, какъ странно измѣнились его отношенія

съ этимъ подозрительнымъ кавалеромъ. Еще вчера онъ видѣть не могъ равнодушно крайне назойливаго и глупо надменнаго секретаря Совѣта Трехъ, а сегодня онъ готовъ помочь ему... Въ его личности было до сихъ поръ только одно отталкивающее, а теперь есть что-то привлекательное, или же очень жалкое, внушающее сочувствіе.

XVII.

Между тѣмъ во дворцѣ ожидалась вторая половина праздника въ честь монарха.

Въ большой залѣ, гдѣ всегда засѣдалъ сенатъ республики, все было еще за два дня вынесено, и вся зала очищена. Теперь въ глубинѣ было устроено возвышеніе, на которомъ стояли три трона, большой и два малыхъ по бокамъ. Съ высокаго потолка падали пунцовыя занавѣси великолѣннаго бархатнаго съ золотомъ балдахина...

Стѣны были увѣшаны огромными гобеленами съ символическими изображеніями различныхъ эпизодовъ изъ славной исторіи могущественной Царицы Адриатики.

Направо и налево отъ возвышенія и балдахина стояло только по нѣсколько десятковъ креселъ для самыхъ именитыхъ патриціевъ и для свиты короля. Направо, у самой стѣны, тоже на возвышеніи, было шесть рядовъ креселъ, при чемъ всѣ ряды постепенно возвышались одинъ надъ другимъ, и въ каждомъ было по пятидесяти мѣстъ.

Около шести часовъ изъ этой залы вышли церемоніймейстеры Донато и Делла-Пинья и доложили дожу, что все готово...

Чрезъ нѣсколько мгновений, Генрихъ III, сопровождаемый дожемъ и герцогомъ Савойскимъ, прокураторами Св. Марка, нѣсколькими старѣйшими сенаторами и своей свитой, вошелъ въ залу. Переступивъ порогъ, онъ невольно пріостановился.

Давно, казалось бы, привыкъ принцъ Валуа, а затѣмъ король Польскій, къ пышности Двора Франціи и къ красавицамъ двухъ Дворовъ и двухъ странъ...

Тѣмъ не менѣе, теперь поклонникъ прекраснаго пола сказался въ немъ мгновенно, и лицо Генриха оживилось поневолѣ...

Гдѣ были шесть рядовъ креселъ на возвышеніи, теперь была снѣжно-бѣлая, блестящая, серебристая масса красавицъ... Триста патриціанокъ, дамъ и дѣвушекъ не старше двадцати-пяти лѣтъ и не моложе пятнадцати— всѣ золотоволосыя или среброволосыя, всѣ съ чудными синими очами, были собраны здѣсь, чтобы поразить короля и подтвердить всесвѣтную молву о красотѣ жень и дочерей славныхъ воиновъ Адриатики.

Генрихъ занялъ свой тронъ, дожъ и герцогъ Савойскій помѣстились по бокамъ; остальные именитѣйшіе патриціи заняли мѣсто направо, свита короля и герцога налево отъ балдахина... Всѣ остальные гости, безъ различія званія и лѣтъ, и сенаторы, и молодежь, стали толпой вдоль свободныхъ стѣнъ.

Но чрезъ мгновеніе Генрихъ, улыбаясь, сказалъ что-то дожу и снова поднялся со своего трона, прося всѣхъ знакомъ не трогаться...

Въ залѣ наступила полная тишина. Всѣ ждали чего-то непредвидѣннаго.

И Генрихъ, озираясь кругомъ и какъ бы обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, произнесъ слова занесенныя историкомъ въ анналы республики:

— Я хочу ближе насладиться благоуханіемъ цвѣтника, подобнаго которому я болѣе никогда въ жизни не увижу.

Генрихъ глянулъ на Таванна, и виконтъ, быстро приблизившись, послѣдовалъ за двинувшимся королемъ.

И принцъ, потомокъ принцевъ дома Валуа, внукъ Франциска I, для которыхъ красавица-женщина была за цѣлое столѣтіе божествомъ и предметомъ рабскаго

поклонения, перейдя залу, остановился въ полномъ очарованнн, какъ заколдованный, предъ сонмомъ трехсотъ блѣкучихъ красавицъ.

И здѣсь были какъ-бы розданы королемъ пальмы первенства. Къ нѣкоторымъ пышно и величественно-красивымъ патрицанкамъ король обратился со страстно-вычурными выраженiями удивленiя и восторга. Къ другимъ, нѣжно и граціозно-красивымъ, король отнесся съ любезной и лестной шуткой.

— Oh, que vous feriez bien une reine de France! сказалъ онъ горделиво-красивой и могуче-стройной Лукреціи Джустициани.

Цвѣтъ волосъ одной изъ юныхъ красавицъ, сидѣвшей въ первомъ ряду, тоже заставилъ короля, поневолѣ, отличить ее отъ другихъ.

— Вѣроятно вы, синьора, обратился къ ней Генрихъ,—такъ рано посѣдѣли отъ горя и жалости къ легиону несчастныхъ, губимыхъ вашимъ прелестнымъ лицомъ.

Таваннъ шепнулъ что-то королю и онъ произнесъ улыбаясь.

— Васъ зовутъ „la biondissima“?. Я не боюсь ошибиться, прибавивъ: del mondo.

Анджеллина, смущаясь, отвѣтила что-то неслышное и потупилась предъ хищнымъ взоромъ Генриха.

— Навѣрное, за два года жизни вы одержали въ стѣнахъ Венеціи больше побѣдъ, чѣмъ вашъ отецъ за всю свою геройскую жизнь на моряхъ Венеціи, продолжалъ Генрихъ.

Оживленно и весело перемолвившись съ самыми выдающимися красавицами, сказавъ каждой что-либо лестное, король вернулся на возвышеніе и, прежде чѣмъ опуститься на тронъ, онъ снова воодушевленно обратился ко всѣмъ:

— Я теперь еще болѣе преклоняюсь, Illustrissimi signori, предъ прославленной храбростью сыновъ республики за все вѣка... Тѣ, кто имѣютъ такихъ женъ и такихъ невѣстъ, должны въдесятеро любить жизнь и въдесятеро бояться смерти..

Когда король сѣлъ, вся молодежь изъ толпы гостей направилась къ той же эстрадѣ красавицъ.. Вмѣстѣ съ ними двинулись со своихъ мѣстъ молодые люди свиты, графъ Неверъ, двое другихъ мишоновъ, а за ними поднялся ди-Аволо..

Красавицы, приглашаемыя кавалерами, стали покидать свои мѣста. Образовались пары... И, послѣ нѣсколькихъ минутъ суетни, началось медленное шествіе вереницей по-парно, подъ звуки скрытой музыки. Каждая пара подходила къ возвышенію и къ трону и, сдѣлавъ церемональный, медленный и низкій поклонъ монарху, удалялась..

Когда все триста паръ поклонились королю, то раздѣлились на группы и медленно кружились... Затѣмъ вновь шли тихо онъ по залѣ вереницей... Это былъ танецъ—родоначальникъ всѣхъ танцевъ.

И въ эти минуты въ этой залѣ оказался одинъ именитый патрицій, который, слѣдя глазами за одной парой, не отрывая отъ нея взгляда ни на мгновение. Лицо его выражало крайнее, хотя добродушное, изумленіе.

„Вотъ и разъяснилось! Такъ, что еще темнѣе стало! сказалъ онъ, наконецъ, самъ себѣ. — Вотъ почему мой бѣдный Ридольфи прозванъ акулой. Но кто его побѣдитель—Венеція не знаетъ.“

Это говорилъ себѣ храбрецъ и простякъ адмиралъ Контарини, видя дочь, идущую въ парѣ съ незнакомымъ ему молодымъ человѣкомъ изъ свиты короля..

Сиющее восторгомъ лицо его юной Анджелины все сразу объяснило адмиралу и все спутало. Онъ недоумѣвалъ болѣе всего отъ главнаго и неразрѣшимаго вопроса:

„Вѣдь король и его свита здѣсь въ Венеціи только что появились... Когда же дочь успѣла...“

Но адмиралъ вдругъ вспомнилъ, какъ на зло, что его покойная жена, тридцать лѣтъ назадъ, влюбилась въ него въ два часа времени, покуда шли регаты на Canal Grande, а черезъ три дня онъ былъ уже съ женою

Между тѣмъ, ди-Аволо и Анджелина разговаривали въ первый разъ въ жизни. Обычай допускалъ, чтобы патрицій пригласилъ незнакомую даму въ шествіе, замѣнявшее танцы, съ тѣмъ, чтобы послѣ быть представленнымъ формально семьѣ ея, но все-таки поступокъ ди-Аволо, въ его положеніи — быть смѣлъ до дерзости Анджелина была страшно взволнована, но не скрывалась, не потуплялась. Счастье дастъ смѣлость, даже геройство.

Ди-Аволо тотчасъ же прямо, страстно и рѣшительно сознался ей въ любви и умолялъ о возможности увидѣться гдѣ-либо и какъ можно скорѣе, чтобы объяснитьсь вполне.

Анджеллина согласилась безъ труда и обѣщала, что уприситъ двоюродную сестру Сильвію пригласить къ себѣ кавалера.. но не иначе, какъ тайно отъ мужа и отъ адмирала-отца.

— Почему тайно отъ мужа? спросилъ ди-Аволо.

— Даль-Вермэ ни за что не согласится пригласить васъ къ себѣ прежде, нежели вы будете представлены моему отцу, сказала Анджелина.—Опъ захочетъ непременно, чтобы я вмѣстѣ съ нимъ прѣхала... А когда же это будетъ?. Я не могу теперь сразу объяснитьсь съ отцомъ.. Онъ добрый, но упрямый. Онъ на все соглашается, когда я прошу. На все! Но никогда—разу. Но вы не смущайтесь.. Я все беру на себя. Я все устрою.. Я или умру, или добьюсь всего.. Всего!

И дѣвушка болтала оживленно, страстно, и наивно, и дерзко вмѣстѣ... Бурная и предприимчивая натура адмирала Контарини, героя и храбреца — сказывалась часто и въ его дочери. А теперь сказала бурнѣе и порывистѣе, чѣмъ когда-либо..

Одновременно въ другомъ концѣ залы одна дама, проходившая въ шествіи со своимъ кавалеромъ, не разговаривала съ нимъ, была сильно озабочена и отчасти тревожно искала кого-то глазами среди ярко-пышной толпы.

Это была Сильвія Даль-Вермэ... День этотъ и это торжество, для всѣхъ полны радости и веселья, для нея были пыткой.

Мужъ не любилъ выѣздовъ жены и появленія ея въ свѣтъ, и Сильвія всячески избѣгала этого сама, чтобы не раздражать безумно подозрительнаго ревнивца. На этотъ разъ, ради торжества въ честь короля, синьорѣ патрицанкѣ, молодой красавицѣ и племянницѣ адмирала Контарини, можно было отказаться только подъ предлогомъ болѣзни, какъ и хотѣла было сдѣлать Анджелина.

Даль-Вермэ еще ранѣе многого страннаго, происшедшаго съ нимъ, благодаря встрѣчѣ въ кондитеріи, самъ рѣшилъ, что жена должна непременно присутствовать на приемѣ короля дожемъ.

Но затѣмъ, наканунѣ, Сильвія замѣтила, что мужъ сталъ мрачнѣе, чѣмъ когда-либо. Вдобавокъ онъ упорно отрицалъ свое состояніе духа, не хотѣлъ объяснитьсь и, наконецъ, на цѣлыя сутки исчезнуть изъ дома, появился только предъ тѣмъ, какъ ѣхать во дворецъ.

Сильвія, какъ и все дамы, поѣхала одна, позднѣе... И здѣсь, когда все дамы заняли свои мѣста на эстрадѣ и появился король и все гости—Сильвія увидѣла своего мужа въ толпѣ патриціевъ, такого же мрачнаго и суроваго. Нѣсколько разъ взглядывала она на него и каждый разъ встрѣчала его взглядъ.. И ей казалось, что мужъ становится все страннѣе, что лицо его будто блѣднѣетъ, глаза, устремленные на нее, необычайно сверкаютъ. Наконецъ, несмотря на все раз-

„Это я!“ Съ карт. Уйса, грав. Джемь.

стояніе, раздѣлявшее ихъ, большую залу, Сильвіи показалось разъ, что губы мужа шевелятся, и онъ будто шепчетъ или говоритъ самъ съ собой.

Въ ту минуту, когда король вернулся вторично на тронъ, и молодежь двинулась приглашать дамъ въ шествіе, Даль-Вермэ быстро, на глазахъ Сильвіи, исчезъ изъ залы. Напрасно, проходя, она искала мужа. Его не было нигдѣ...

Чистая помыслами женщина и вѣрная жена, наивно и простодушно любящая мужа, не догадывалась, въ чемъ дѣло, она была слишкомъ далека отъ того, что вымыслилъ и сочинилъ ревнивецъ-мужъ, во что твердо вѣрилъ и что ясно видѣлъ своими ослѣпленными страстью глазами.

Даль-Вермэ видѣлъ, будучи въ залѣ, что жена, сидѣвшая ради своей скромности въ послѣднемъ ряду патриціанокъ, не спускаетъ глазъ съ того человѣка, который былъ для него — или живая загадка, или... Или давнишній любовникъ жены!

Да, это ясно, какъ день Божій! Тутъ середины нѣтъ. Встрѣча въ кондитеріи, дерзкіе намеки, вызовъ играть въ домино и странный закладъ!.. Коварная, подлая, но глупая выдумка для отвода глазъ о любви взаимной, его и кузины!.. И обманъ этотъ, самъ собою обнаруженный, доказанный рѣзкимъ отказомъ врага на предложеніе устроить его счастье съ Анджелиной. Все, все до мелочей, доказываетъ несомнѣнно одно...

„Кавалеръ ди-Аволо влюбленъ въ Сильвію, а она въ него. И давно!.. Быть-можетъ онъ одинъ во всей Венеціи этого не зналъ. И многое, многое теперь стало ясно... Вотъ почему совѣтовала ему Сильвія ѣхать съ посольствомъ въ Испанію... Но совѣтовала ли она? Она кажется всячески просила не пускаться въ дальній путь и страшилась долгой разлуки... Ну, такъ это было хитростью, лукавствомъ, игрой!..“

Эти мысли довели Даль-Вермэ до изступленія. Но быть ли правъ онъ, что его жена не спускала глазъ съ кавалера ди-Аволо?—Правда, Сильвія все время попеременно взглядывала на мужа и взглядывала на другого человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ кавалеромъ, на молодого графа Невера. Она была грустно удивлена, найдя поразительное, необычайное сходство между нимъ и своимъ любимымъ братомъ, погибшимъ въ послѣднюю войну съ турками.

Когда шествіе кончилось, а король удалился и покинулъ дворецъ, во всѣхъ залахъ началось большое оживленіе, не стѣсняемое присутствіемъ высокаго гостя...

Двоюродныя сестры встрѣтились на террасѣ дворца, и Анджелина бросилась къ Сильвіи съ страстными объятіями и поцѣлуями.

— Помянись, что ты исполнишь одну мою просьбу, ради моего счастья! воскликнула la biondissima.

— Клянусь, тихо отозвалась Сильвія, улыбаясь и радуясь счастьемъ влюбленной кузины.

(Окончаніе въ слѣд. №).

ИЗЪ ВОСТОЧНЫХЪ МОТИВОВЪ.

Ученый слонъ.

И.
У шаха былъ ученый слонъ,—
Такой, какихъ ужъ нѣтъ въ подлунной:
Умѣлъ стрѣлять изъ ружей онъ
И на зурѣ бречать двухструнной;
Шелками вышитъ могъ коверъ
И за фдою былъ опрятенъ;
Не то, что слово: каждый взоръ,
Малѣйшій знакъ ему понятенъ!
А сколько градинъ въ его
Поклонахъ, лѣстивыхъ и проворныхъ!
По мнѣнію шаха самого,
Слонъ былъ умнѣе всѣхъ придворныхъ!..
Сгорая ревностью къ слону,
Вельможи плакали, какъ дѣти...
Но въ чувствѣ ревности жену
Не превзойдетъ никто на свѣтѣ—
И вотъ, что молвила одна
Изъ очень многихъ женъ владыки:
— Болтать не выучишь слона,
Хоть ты и шахъ—и шахъ великій!..
— Что?!.. Мудрецовъ позвать сюда!..
Одинъ, сказавъ „нелзя“, залкакалъ,—
Другой... десятый!..— Не бѣда!
Искать другихъ!.. А этихъ—на колѣ!..
Всѣ разбѣжались!.. Въ царствѣ нѣтъ
Слѣда, нѣтъ запаха ученыхъ!..
Противень шаху бѣлый свѣтъ,
Владыка дни проводитъ въ стѣнахъ...
П.

Но вотъ... пришелъ въ его страну
На видъ сомнительный бродяга
И хвастать началъ:—И слону
Могу дать плавной рѣчи благо!..
И во дворецъ его ведутъ.
Онъ изложилъ условия кратко:
— Червонцевъ тысячу сто за трудъ
Прошу я въ качествѣ задатка,
Съ прислугой, съ утварью мнѣ домъ.
Необходимъ,—въ томъ нѣтъ вопроса!
Въ мои бесѣды со слономъ
Никто совать не долженъ носа...
Преподаванье—мой секретъ!
Судья мой—Богъ и чувство долга!—
И я клянусь: чрезъ тридцать лѣтъ
Твой слонъ...—Ну, это слишкомъ долго!
Мнѣ скучно ждать! отвѣтилъ шахъ,—
Нелзя-ли, другъ, ускорить шага?!
И на пятнадцать годовъ
Сонлисъ владыка и бродяга...
Бродягѣ золото дано

И предпочтенье передъ всѣми;
Днемъ спитъ, а ночью пьетъ вино.
Нѣтъ наслажденья, какъ въ землѣ...
Невидимъ слонъ: пора пришла
Въ плѣну томиться безысходно...
А спроситъ шахъ:—Ну, какъ дѣла?
Учитель молвитъ:—Превосходно!..

III.

Проходятъ мѣсяцы, года...
До срока лѣтъ уже не много.
Бродяги душу иногда
Терзаетъ тайная тревога;
На немъ порою нѣтъ лица
И лихорадкой блещутъ очи.
Въ людскую шахскаго дворца
Заходитъ онъ во зракѣ ночи.
Онъ дружбой лестною даритъ
Начальство женской половины,
Но съ другомъ... мало говорить...
А слушать, видно, сеть причины!..
И вотъ, въ одинъ прекрасный день,
Въ богочрапимые чертоги
Онъ, весь дрожа, блѣднѣй, чѣмъ тѣнь,
Вошелъ—и бухъ владыкѣ въ ноги...
Мрачнѣе тучи грозовой
Сталъ шахъ-ниш-шахъ и рекъ сурово:
— Что? Лживый рабъ! Питомецъ твой,
Небось, не знаешь ни послслова!
Чего молчишь?! вставай, холопъ!
Встань! отвѣчай немедленно!.. Ну—же!..
Бродяга бьетъ о плиты лобъ
И говорить, рыдая:—Хуже!..
— Что?! Умеръ слонъ?! Что слышу я?!
О! За тебя мнѣ страшно вчуждѣ!..
Бродяга плачетъ въ три ручья
И лишь рукою машетъ:—Хуже!..
Бродягѣ плохо: много взять
Рукой властителя желѣзной
Онъ за узорчатый халатъ:
— Ну, отвѣчай-ка, другъ любезный!..

IV.

И началъ тотъ:—Мой ученикъ,
Твой слонъ, о мощный повелитель,
Твой слонъ—илъ гиусный клеветникъ,
Иль сумасшедшій сочинитель!
На-днякъ посмѣлъ онъ молвить мнѣ:
(Одинъ мы были, слава Богу!)
„А шахъ-то знаетъ толкъ въ винѣ!
„Онъ тайно пьетъ—и даже много!
„Въ карманѣ ключъ отъ погребка

Шахъ несетъ, въ знакъ любви къ Пророку!“
Но шахъ, сконфуженный слегка,
Прервалъ:—Въ ученъ мало проку!
Ну, дальше что?! Да говори!
— А дальше... слонъ сказалъ недавно,
Тому назадъ всего дня три,
Что шаха бьетъ жена исправно!..
— Не заикайся про жену!
Воскликнулъ шахъ, смутясь не мало:
Молчи, несчастный!.. Нѣтъ! Слопу
Наука вовсе не пристала!..
А тотъ несетъ:—И обомлѣлъ
Вчера отъ рѣчи очень странной!
Слонъ молвилъ:—„Шахъ-то нашъ не цѣль,—
„У шаха глазъ одинъ стеклянный!..“
Владыкой вновь бродяга взятъ
И брошенъ о-земь грузной тушей!..
Владыка рветъ на немъ халатъ:
— А ты не слушай! Ты не слушай!..
V.

Но вотъ, владыка утомленъ;
Избитъ порядочно бродяга...
И мыслитъ шахъ:—обязанъ слонъ
Утратить плавной рѣчи благо!
Но какъ тутъ быть: убить слона?!
И жалъ, и передъ всѣми стыдно!..
Бродяги помощь вновь нужна!..
— Ну, встань! Тебѣ, вѣдь, не обидно?!
Вѣдь, я шутилъ!.. Халатовъ дать
Тебѣ готовъ я цѣлыхъ десять—
Линь научи слона молчать!
Не то—велю тебя повѣсить!
Ты знаешь, братъ, я не шушу:
Спину, немедля, жинки бремя!..
— Ну, что-жъ?! Прикажешь—отучу
Слова болтать,—но... нужно время!..
— О! Время! Тридцать лѣтъ бери!..
Но въ заключеніи одиночномъ
Слона отнынь ты запри—
И подъ замкомъ довольно прочнымъ!..
Условье вновь заключено:
Бродягѣ золото дано
И всякихъ благъ онъ удостоенъ!
Днемъ спитъ, а ночью пьетъ вино,
Душой безоблачно-снокоесъ...
Навѣкъ слону пора пришла
Въ плѣну томиться безысходно...
А спроситъ шахъ:—Ну, какъ дѣла?!
Учитель молвитъ:—Превосходно!..

Василій Величко.

Первый блинъ да комомъ.

Рассказъ П. Н. Полевого.

Евстигій Кирилъчъ Куманикинъ въ городѣ Обрѣтенскѣ куонецъ „первѣющій и богатѣющій“. Крупныя ведетъ онъ дѣла, большими ворочаетъ капиталами и на всю губернію извѣстенъ своею умною оборотливостью, своею осторожностью въ предпріятіяхъ и своею щедростью на благотвореніе, конечно когда того обстоятельства требуютъ. Но есть у Евстигія Кирилъча и очень крупный недостатокъ: непомерная любовь къ единственному сыну его, Евламію Евстигійчу, малому очень недалекому, очень самомнительному и проникнутому преувеличенною любовью къ европеизму. На этого сына онъ ничего не жалѣлъ, лишь бы его „человѣкомъ сдѣлать“... И черезъ „зрѣлость“ его провелъ, и за границей два года сряду держалъ, и языкамъ иностраннымъ его обучалъ, и платилъ ему отъ лучшаго московскаго портного вышиваль, и о судьбѣ его дальнѣйшей озабочился: протанцилъ его съ великимъ трудомъ въ обрѣтенскіе городскіе головы, а въ послѣдній мясоѣдъ женилъ даже на дочери уѣзднаго предводителя дворянства. Переговаривалъ съ отцомъ невѣсты, накануне свадьбы, о матеріальномъ положеніи будущаго молодыхъ супруговъ, онъ сказалъ напрямикъ:

— Мы, сударь, вашей дочери ищемъ, потому какъ она — дѣвица благородная и образованная. А что за нею приданого, кромѣ тряпья, ничего нѣтъ, такъ это дѣла насъ наплевать съ! Своего капитала достаточно сынку удѣлимъ...

И удѣлилъ, и устроилъ молодымъ домъ какъ полную чашу, и налюбоваться не могъ на ту степенную и вѣскую важность, которую Евламію Евстигійчу отлично умѣлъ на себя накладывать. Бывало тотъ, вырядившись въ „смокингъ“, только что присланный изъ Москвы, въ бѣломъ атласномъ галстукѣ съ концами, заколотомъ крупною бриллиантовою булавкою, съ пробормомъ на затылкѣ, съ моноклемъ въ глазу и съ сторулевой сигарой въ зубахъ, развалится передъ отцомъ на кушетку и читаетъ французскую газету; а Евстигій Кирилъчъ изъ другого угла комнаты поглядываетъ на него съ самодовольствомъ и говоритъ вполголоса пріятелю:

— Глазъ-ка, братъ! Каковъ! Картина писаная... А притомъ и съ образованіемъ, не то что мы съ тобой, лыкомъ шитые. И на всякой музыкѣ гораздъ — любитель! Евлаша, а Евлаша! Какъ-бишь, эту самую оперу звать, которую ты въ послѣдній разъ въ Питерѣ-то слышалъ?.. Еще 25 рублей за кресло отдалъ?

— Эсклармонда! Звучно и важно произноситъ Евлаша.

— Ишь, какъ чисто выговариваешь!.. Эскра... Эскрала... Нѣтъ! шутъ ее дерн — не выходитъ!

— Да! вотъ тамъ какъ хорошо! отозвался сыночекъ на эти попытки отца.—Захотѣлъ себя благородно потренировать въ оперу поѣхалъ... Захотѣлъ у себя гостей собрать на раутъ...

— На что собирать? переспросилъ Евстигій Кирилъчъ.

— На раутъ—такое собраніе съ угощеніемъ, а безъ танцевъ. Ну, и сейчасъ къ себѣ итальянцевъ пригласилъ, или музыканта какого, или актера, который о жидкахъ всякое смѣшное рассказываетъ... И всѣ смѣются, и всѣмъ занятно и весело! А тутъ, у насъ, въ этой берлогѣ Обрѣтенской— вотъ мы съ женой полгорода къ себѣ на блины позвали послѣзавтра... И будетъ это одна жратва—фу, гадость какая!

— Ничего не гадость! Коли блины хорошо прочтешь и всего въ немъ положено въ пору, — и съ икоркой, и съ смѣточкомъ...

— Да все же это что? Животное наслажденіе—не больше! продолжалъ Евлаша.—И ничего къ этому не примѣнаешь такого, что бы и чувство облагораживало... Музыки, наприкладъ, хорошей или пѣвня высокаго гостямъ не преподнесешь...

— Такъ-то оно такъ; ну, а все-же, если блины удалась, и подливочка есть шипучая... Такъ и безъ музыки не дурно.

Сыпъ скорчилъ гримасы и, отвернувшись отъ отца, опять углубился въ чтеніе французской газеты.

Каково же было изумленіе, и даже, можно сказать, испугъ почтеннѣйшаго Евстигія Кирилъча, когда на другой день его возлюбленный сыночекъ вихремъ влетѣлъ къ нему въ контору, — гдѣ и хозяйнѣ, и пѣсколо старшихъ, сѣдыхъ конторщиковъ въ глубочайшемъ молчаніи степенно пощелкивали счетами, — и, не снимая шляпы, не выпуская изъ зубовъ сигары, съ маху заявилъ отцу:

— Ну, папаша, радуйтесь! И на нашей улицѣ праздникъ!

— Что?.. Что такое?

— Мазини къ намъ пріѣхалъ!.. Въ Одессу отсюда ѣдетъ...

— Постой, постой! Пойдемъ въ кабинетъ—тамъ переговоримъ! смущенно отозвался Куманикинъ.—А то какъ бы тутъ всѣмъ робить нашей болтовней не смутить.

И когда они вошли въ кабинетъ, онъ спросилъ у сына:

— А что же это за Мазини такой?.. Знакомый твой, что-ли?..

— Мазини, а не Мазиня—какъ вы позволите говорить, съ досадой замѣтилъ Евлаша.—И онъ не мой знакомый, а европейская знаменитость! Первѣйшій въ настоящее время пѣвецъ!! Понимаете? И это намъ просто Богъ на шапку посы-

лаетъ! Вотъ кто внесетъ въ наши блины облагораживающій элементъ... Ну, я, конечно, пригласилъ его на-завтра; сторговался съ антрепренеромъ, который его въ Одессу везетъ.

— Чай здорово слушилъ, бестія?

— Совсѣмъ не чрезвычайно... 300 рублей запросилъ съ перваго слова; а на 250—по рукамъ ударили...

— Это за что же собственно?

— За то, что онъ пріѣдетъ... Сдѣлаетъ намъ честь съ нами—за-просто, на блины. А потомъ споетъ намъ изъ своего любимаго репертуара двѣ-три арии и романсы...

— И за это 250? Да ты, небось, ужъ и деньги отдалъ?

— Вотъ и расписка.

— Гм! Дорогоновко... Ну, да ужъ если такая знаменитость...

— Помилуйте, да вы поймите, какой эффектъ! Всѣ здѣшніе ужъ приглашены; и вице-губернаторъ тоже—онъ здѣсь на слѣдствіи... И я, признаться, телеграфировалъ въ губернію его превосходительству—всего, моль, три часа пути по желѣзной дорогѣ: такъ не соблаговолите ли пожаловать?

— Ну, что-жъ? Конечно. Если его превосходительство пожалуетъ—тогда и 250 не жалко. Я вижу, что изъ тебя, Евлаша, прокъ будетъ.

— Хм! Ещѣ вы посмотрите, какую объ этихъ блинахъ Прохвостовъ статейку въ нашемъ „Листкѣ“ закатитъ!.. Въ столичныхъ газетахъ перепечатаютъ!

Дѣйствительно, вѣсть о пріѣздѣ знаменитаго пѣвца въ Обрѣтенскъ, по пути въ Одессу, молніей облетѣла весь городъ и произвела нѣчто въ родѣ волненія. Правда, его превосходительство отвѣчалъ любезной телеграммой и извиненіемъ, что никакъ не можетъ пріѣхать на „замѣчательный музыкальный фестиваль“; но все, что было въ Обрѣтенскѣ сановитаго, именитаго, богатаго и интеллигентнаго (а Обрѣтенскъ—городъ богатый и многолюдный!)—все это съѣхалось и собралось въ домѣ молодыхъ Куманикиныхъ, и когда слуга громкогласно заявилъ, что „господинъ Мазини пожаловать изволилъ“—всѣ взоры разомъ обратились къ дверямъ прихожей.

Черезъ минуту, въ залу вошелъ какой-то юркій, черномазый господинчикъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ—но всѣмъ признакамъ еврейскаго происхожденія. Онъ ступевался, уступая дорогу другому субъекту, средняго роста и очень невзрачной наружности. Плоское, рябоватое лицо его, съ нѣсколькими сплюснутымъ носомъ, было отгнѣнено довольно безпорядочной, восточной прядой. Темные волосы, спутанными длинными прядями спадали съ головы его почти до плечъ. Порядочное брюшко обозначалось довольно явственно на-подъ бѣлаго жилета и фрака, сшитаго нескладно и неуклюже...

— „Синьоръ Мазини!“ развязно отрекомендовалъ его еврейчикъ, указывая публикѣ на вошедшаго.

Всѣ шумно привѣтствовали незнакомца, а хозяйнѣ и хозяйка подлетѣли къ нему съ двухъ сторонъ, подхватили его подъ руки—и пригласили всѣхъ гостей въ столовую.

Веселою гурьбою окружили гости великолѣпную закуску и сдѣлали ей надлежащую честь въ такой степени, что на время даже и Мазини былъ всѣми забытъ. Увлеченіе возжелѣніями аппетита такъ овладѣло гостями, что въ толпѣ, окружившей закуску, среди стука пожей, вилокъ и тарелокъ, слышны были только хвалебныя рѣчи закускѣ.

Мазини обратилъ опять на себя вниманіе публики только тогда, когда хозяйнѣ и хозяйка усадили его между собою и онъ, усердно раскланиваясь и прижимая руку къ сердцу, стараясь мимикой поблагодарить ихъ за чрезмѣрное радушіе.

— Бѣда его! По-русски-то ни слова! рассказываетъ кто-то изъ гостей.—Только со своимъ черномазымъ и перекидываетъ словечкомъ! А самъ отъ себя—ни-ни...

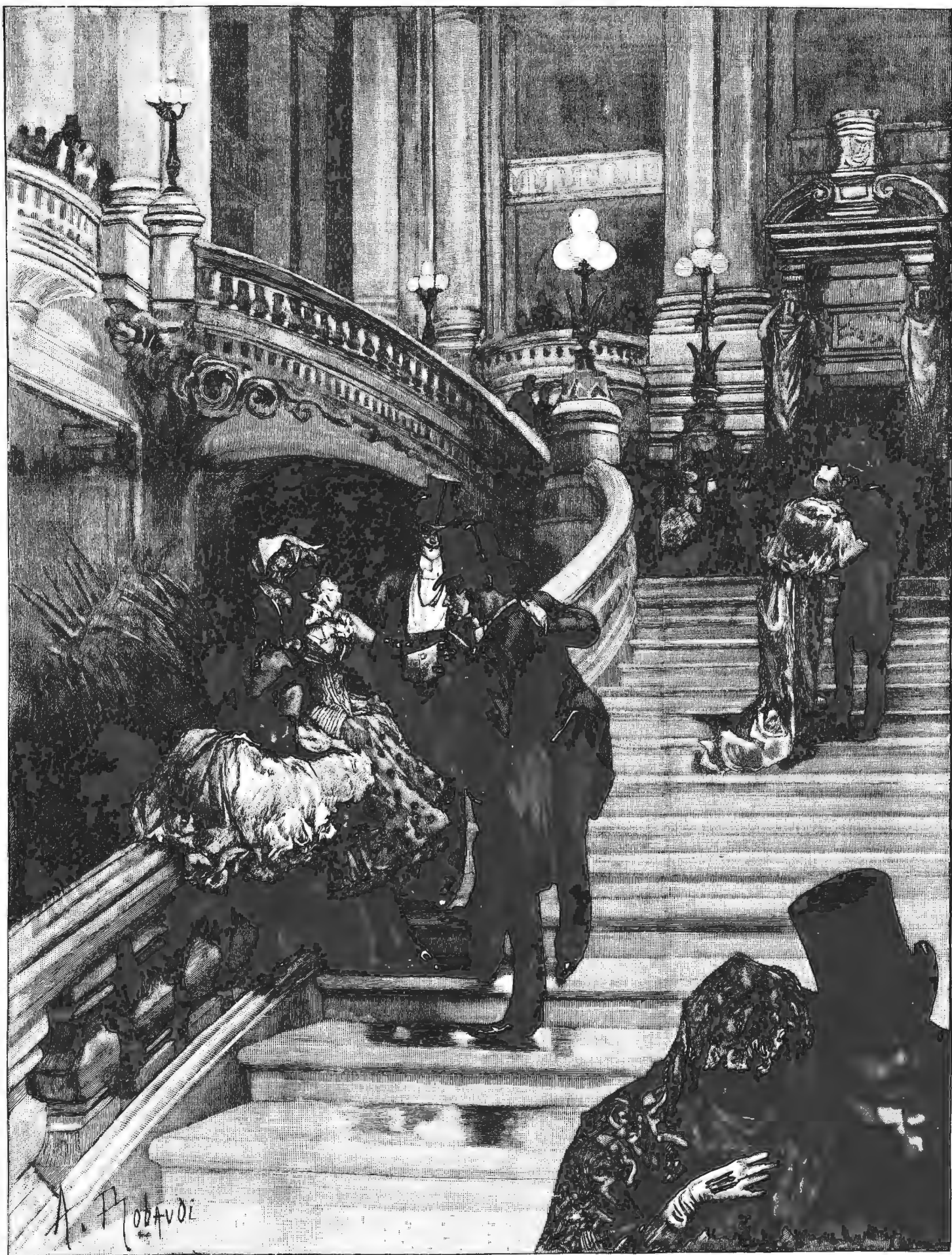
— Ну, нѣтъ, братъ! Куманикинское угощеніе и пѣвому языкъ развѣжетъ! замѣтилъ редакторъ мѣстнаго „Листка“, Прохвостовъ.—Послѣ блиновъ и онъ заговоритъ...

Всѣ были веселы и видимо довольны. Даже и Евстигій Кирилъчъ позабылъ о 250 рубляхъ, выброшенныхъ сыночкомъ на проѣзжаго итальянца, и находилъ, что блинное торжество было устроено Евлашей съ большимъ умѣньемъ.

— Евлаша мой, говорилъ онъ, послѣ многихъ возліаній, своему сосѣду-пріятелю,—малый съ головой, и въ люди выйдетъ... Потому новадка у него очень хороша... Опять же и образованность!.. Вѣдь вонъ, поди-жъ ты, Мазиню этого выдумалъ... И всѣмъ занятно—и точно, что и для чувства есть благородство... А другому, поди-ка, и въ голову не пришло-бы!

Наконецъ гости, сытые, отяжелѣвшіе отъ возліаній, охрипнувшіе отъ тостовъ въ честь заѣзжаго дорогого гостя, шумно поднялись и поспѣшили въ гостиную, гдѣ хозяйнѣ уже суетился около рояля.

Вотъ, наконецъ, и Мазини вышелъ на середину комнаты, и Евлаша, граціозно подхвативъ его подъ руку, пошелъ съ нимъ къ роялю. Прежде, чѣмъ сѣсть за рояль, Мазини обернулся къ публикѣ, и съелъ долгомъ отвѣсить ей общій поклонъ, какъ-то особенно некриво встряхивая длинными прядями

Веселые маски. Ориг. рис. А. Рободи, грав. Л. Пети.

Критическое положеніе. С. карт. Э. Шпцера, по фот. Упюнь грав. Іерике.

своих волосъ. Публика приняла въ неописанный восторгъ: заплескивала, закричала „браво!“

Мазини еще разъ поклонился публикѣ и, съѣвъ за роль, взялъ довольно неловкій аккордъ... Евлаша замеръ за его спиной, готовясь переворачивать страницы... Всѣ насторожились, всѣ жаждали услышать дивные звуки голоса знаменитаго пѣвца... Но... произошло нѣчто совсѣмъ необычайное. Мазини вдругъ наклонился къ ногамъ, близко, близко—и захрапѣлъ...

— Позвольте, синьоръ Мазини! крикнулъ въ испугъ Евлаша.

Тотъ вдругъ очнулся, откинулся назадъ, потомъ не совсѣмъ твердо поднялся со своего мѣста и, обращаясь къ публикѣ, проговорилъ:

— Не виновать... Ей-ей, не виновать!.. Это не я обмануль... Это онъ обмануль...

— Кто обмануль? Что такое? воскликнулъ Евлаша, побагровѣвъ отъ злости.

— Атрапанеръ!.. Онъ и лыжи наострилъ,—а мнѣ всего десять рублевъ отустилъ...

И онъ какъ-то безпомощно размахивалъ руками.

— Люди! Люди! Выведите его вонъ! заревѣлъ Евлаша, отскакивая отъ минутаго Мазини, при общемъ хохотѣ гостей...

На другой день, между отцомъ и сыномъ происходило въ кабинетѣ весьма серьезное и секретное совѣщаніе.

— Ну, братъ Евлаша! Угостилъ—нечего сказать! говорилъ сыну расхолодившійся родитель. — Вѣдь я одному Прохвостову 300 рублевъ далъ, чтобы молчалъ объ этомъ въ своемъ *Листкѣ*... Да это что! А вотъ теперича—три года мнѣ губернаторъ навязывалъ площадь передъ соборомъ вымостить, а я все отлынивалъ... А теперь—вымошу! Самъ вызовусь! Ну, а это вѣдь 20,000 пахнетъ... Вотъ тебѣ и чувства облагородилъ! Нѣтъ, это, братъ, по-нашему называется: „первый блинъ да комомъ!“

„Если женщина захочетъ, то поставитъ на своемъ“.

дѣйствующія лица:

Рожанскій, Михаилъ Аркадьевичъ — 35-ти лѣтъ.

Санечка—его сестра, 17-ти лѣтъ, пансіонерка.

Яковъ—слуга.

дѣйствіе въ Петербургѣ, въ квартирѣ Рожанскаго, въ наши дни.

Явленіе I.

Рожанскій, одинъ.

(При поднятіи занавѣсы сидитъ у стола, держитъ въ рукахъ письмо и громко читаетъ).

„Милостивая Государыня! Къ величайшему моему сожалѣнію, я лишены возможности воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ обѣдать сегодня у васъ. Весьма важное дѣло гребуетъ моего присутствія въ Москвѣ, куда я уѣзжаю сегодня вечеромъ, съ курьерскимъ, и откуда, не могу даже опредѣлить, когда вернусь... Примите мои и т. д. Михаилъ Рожанскій.“ (Беретъ конвертъ и подписываетъ адресъ). „Ея Святѣйству Графинѣ Софьѣ Николаевнѣ Муромцевой. Галерная улица, собственнй домъ.“ Вотъ и готово! Отлично! Теперь другое... „Мой дорогой, очаровательный другъ! Не нахожу словъ чтобы благодарить васъ за ваше милое и любезное приглашеніе. Ровно въ семь часовъ буду у васъ и лично скажу вамъ, какъ я всегда счастливъ, когда бываю съ вами...“ (Беретъ конвертъ и подписываетъ). „Еленѣ Александровнѣ Шаторской. Малая Морская домъ № 19, кв. 3. (Взявъ оба письма въ руки, встаетъ и къ публикѣ). Одно—adieu pour toujours; другое—au revoir... до пріятнаго свиданія; въ одномъ—отставка, отказъ въ принятіи прошенія; въ другомъ—возобновленіе контракта!.. Великолѣпное дѣло! (Положивъ письма на столъ, уходитъ на авансцену). Нѣтъ-съ! какова мысль? Меня, понимаете, меня—женить? (пожимая плечами) чистое сумашествіе! Эта мысль пришла въ голову любезнѣйшей моей сестрицѣ! да-съ! а я, былъ такъ слабъ, что чуть было не поддался!.. И кому? просто смѣшно сказать!.. Дѣвчонкѣ семнадцати лѣтъ... Пансіонеркѣ седьмого класса!.. Положимъ, я ее очень люблю... Насъ всего только двое и есть... Пристала ова: женись, да женись! Я, чтобы отвязаться, и говорю: хорошо, хорошо, женюсь! Она дѣло приняла совершенно въ серьезъ, и, вотъ, сегодня мы должны съ ней обѣдать у графини Софьи Николаевны Муромцевой. Она вдова. Послѣ обѣда я долженъ сдѣлать формальное предложеніе! Только я не поѣду обѣдать!.. Мнѣ и такъ хорошо!

Явленіе II.

Рожанскій и Санечка.

Санечка. (Входя съ картинкой въ рукахъ). Здравствуй, Michel! (Цѣлуетъ его въ лобъ

Комедія въ одномъ дѣйствіи И. М. Булацель.

и, отойдя въ глубину, ставитъ картинку на столъ). Ужасно я устала! Цѣлое утро по магазинамъ бѣгала, потомъ зашла къ модисткѣ за шляпкой.

Рожанскій. И опять одна? Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что не люблю, когда ты одна ходишь.

Санечка. Да и не одна, Миша; я съ Лизой ходила. Она меня до модистки проводила; тамъ шляпку еще кончала, я Лизу отпустила къ теткѣ, а сама осталась, чтобы подождать. Меня отгудила проводила Лизина сестра — она старшая мастерица, очень милая дѣвушка, такая скромная, тихая, хорошая... (Бъжитъ къ картинкѣ). А ужъ искусница какая, просто удивленіе! Посмотри, какую она мнѣ шляпку сдѣлала... чудо... восторгъ, что такое!.. Посмотри.

Рожанскій. Очень мило. Но у тебя есть вѣдь совсѣмъ новая шляпка, розовая?

Санечка. Вотъ новости! Шляпка, которую я уже два раза надѣвала къ графинѣ. Это не принято... тѣмъ болѣе, что сегодня званый обѣдъ... (Дѣлаетъ ему глубокой реверансъ). Но вашей милости, господинъ женихъ.

Рожанскій. (При послѣдней фразѣ видимо начинаетъ смущаться). Да, да, все это очень хорошо, но... но только я не знаю... право... какъ быть съ этимъ обѣдомъ?.. У меня, какъ нарочно, сегодня, въ 7 часовъ, очень экстренное и нужное свиданіе... съ моимъ повѣреннымъ по дѣлу...

Санечка. Вашъ повѣренный подождетъ до завтра! Онъ мнѣ надобѣлъ, вашъ повѣренный!

Рожанскій. (Все болѣе смущаясь и становясь нерышительнѣй). Послушай, Санечка, ты такъ-таки не на шутку и непремѣнно хочешь меня женить? Развѣ мы не счастливы съ тобой и такъ, вдвоемъ?

Санечка. Очень счастливы!

Рожанскій. Такъ зачѣмъ же эта страшная фантазія непремѣнно меня женить? Зачѣмъ измѣнять наше положеніе? Не понимаю.

Санечка. Оно ничѣмъ особенно и не измѣнится, наше положеніе. Вмѣсто двухъ, насъ будетъ трое, вотъ и все. Я давно знаю Софи. Она была со мной вмѣстѣ въ пансіонѣ; я только что поступила, а она была уже въ „большихъ“.

Рожанскій. Вы, что же, эту комбинацію вдвоемъ придумали?

Санечка. Конечно вдвоемъ, и, повѣрннй, очень скоро,—въ полчаса!..

Рожанскій. Дѣйствительно, очень скоро... (Садится).

Санечка. Еще въ то время, когда были вмѣстѣ, въ пансіонѣ. Потомъ она вышла замужъ,—мы съ ней долго не видались, я и забыла! Ну, а теперь она овдовѣла; и все это вспомнила, переговорила съ ней, и... и теперь я тебя женю!

Рожанскій. Очень тебѣ благодаренъ! А какъ ты думаешь, не лучше-ли подождать немного? Ты подрастешь, я тебя выдамъ замужъ, и тогда насъ тоже будетъ трое...

Санечка. Глупости! Вотъ еще что выдумалъ! Идти! Не хочу ждать!

Рожанскій. Мой повѣренный тоже того же мнѣнія, онъ тоже говоритъ, что лучше подождать...

Санечка. Вашъ повѣренный ничего не понимаетъ! Я его очень прошу, вашего повѣреннаго, въ мои дѣла не вмѣшиваться... (Подходитъ къ нему). Ты выслушай меня, Мишель! Мнѣ теперь семнадцать лѣтъ, слѣдовательно, ранѣе двухъ или трехъ лѣтъ, мнѣ нечего и думать о томъ, чтобы выйти замужъ, нельзя же прямо изъ пансіона подъ вѣнецъ, это не принято; между тѣмъ тебѣ теперь 35, ты, какъ говорится, въ самой порѣ; ну, а черезъ три года, когда тебѣ будетъ 38, ты уже будешь... (Останавливается въ нерешимости).

Рожанскій. Что буду?

Санечка. Какъ тебѣ сказать?.. Ты будешь... ну... того... немножко пересѣпый.

Рожанскій. Что такое?.. Пересѣпый? Да что я, дыня, что-ли? (Встаетъ и начинаетъ ходить).

Санечка. Посмотри, у тебя уже теперь совсѣмъ сѣдые виски, да и волосы тоже начинаютъ сѣдѣть...

Рожанскій. Пустяки! Волосы можно выкрасить...

Санечка. Нѣтъ! Этого никакъ нельзя! Я обѣщала Софи мужа въ полномъ порядкѣ, безъ всякой фальсификаціи.

Рожанскій. Да, тебя слухая, можно подумывать, что я въ самомъ дѣлѣ ни вѣсть, какъ старѣю?..

Санечка. Если хочешь, чтобы я правду сказала, то да! Повѣрь мнѣ, Michel, пора, даже и очень пора!

Рожанскій. Да для кого пора-то? Для меня, или для тебя? Мнѣ начинать сдаваться, что въ твоей настойчивости кроется какой-то умыселъ.

Санечка. Когда на то пошло, — ты не ошибся. У меня нѣтъ отъ тебя секретовъ, у меня, дѣйствительно, есть маленькій умыселъ.

Рожанскій. Ну такъ и зналъ!

Санечка. Ты поминишь, я очень часто разсказывала тебѣ про мою пансіонскую подругу, Вѣрочку Соңеву?

Рожанскій. Ну, помню!

Санечка. У нея есть братъ...

Рожанскій. А!

Санечка. Я познакомилась съ нимъ на одномъ изъ нашихъ пансіонскихъ баловъ, танцевала съ нимъ, и онъ сдѣлалъ мнѣ черезъ сестру свою предложеніе... Это было два года назадъ.

Рожанскій. Молодецъ! Время даромъ не тратить... Сколько ему лѣтъ?

Санечка. Въ сентябрѣ будетъ 19. Онъ въ нынѣшнемъ году кончаетъ курсъ въ нажескомъ корпусѣ и выходитъ офицеромъ въ гвардію, въ гусары. Онъ сказалъ своей сестрѣ, что находитъ меня вполне comme il faut, что я ему очень нравлюсь, что онъ любитъ меня, и что ни на комъ другомъ не женится, кромѣ меня...

Рожанскій. Главное: категорично и ясно. Дальше!

Санечка. Дальше? Дальше... Какъ тебѣ сказать? Я отвѣтила ему, тоже черезъ его сестру, что принимаю его предложеніе, но прошу подождать, пока выйду изъ пансіона...

Рожанскій. Также очень категорично и ясно. Ну-съ?

Санечка. Потому онъ навелъ о насъ справки... но остался ими не вполне доволенъ.

Рожанскій. (Удивленно). Какъ не вполне?

Санечка. Да, только на половину. На мой счетъ справки, конечно, оказались вполне удовлетворительными, но вотъ, на твой счетъ,—не совсѣмъ.

Рожанскій. Скажите пожалуйста! Что же такое?

Санечка. Ему сказали, что ты во всѣхъ отношеніяхъ прекраснѣйшій человекъ, добрый, честный, любишь меня и заботишься обо мнѣ, но...

Рожанскій. Что не? Ну, говори-же!

Санечка. Но... слишкомъ серьезенъ, слишкомъ занятъ своими дѣлами и интересами, вслѣдствіе чего постоянно сидишь у своего повѣреннаго,—въ Малой Морской...

Рожанскій. (Въ сторону). Гмъ! Вотъ оно что!

Санечка. Ты понимаешь отлично, что я защищала тебя, какъ только могла, передъ его сестрой, которой, между прочимъ, ты очень нравишься... и вотъ мы съ ней пришли къ тому заключенію, что тебѣ необходимо жениться и какъ можно скорѣй. Теперь женишься ты, а черезъ два года моя очередь!..

Рожанскій. Прекрасно придумано. Устраняя мои дѣла, ты, какъ я вижу, устраняешь свои собственные...

Санечка. Если хочешь, невозможно!

Рожанскій. Невозможно! А, по-моему, такъ это черезчуръ! Нѣтъ, я-то, я-то хорошо, воображалъ, что она обо мнѣ хлопочить, для меня старается!.. Ну, нѣтъ, навини! Я на это не согласенъ! Пока дѣло касалось меня одного, куда ни шло; но разъ отъ моей женитьбы зависѣть будетъ и твое будущее, позволь мнѣ серьезно подумать! Онъ еще мальчишъ, школьникъ...

Санечка. Да я и не тороплюсь. Мы съ нимъ можемъ подождать, но... вотъ тебѣ больше ждать нельзя. Ты уже въ такихъ лѣтахъ.

Рожанскій. (Разсердившись, горячо). Въ какихъ такихъ лѣтахъ? Что ты пристала ко мнѣ съ лѣтами? И какое тебѣ, наконецъ, дѣло до моихъ лѣтъ? То я переисѣлять, то—какія-то лѣта!.. Нѣтъ-съ, я вижу ясно, что далъ вамъ слишкомъ много воли, да-съ, а потому, съ сегодняшняго дня разомъ положу всему этому конецъ! (Строго). Вы употребили во зло мою къ вамъ снисходительность, а потому, въ наказаніе, позвольте сегодня же отравиться назадъ, въ пансіонъ. А я уйду вечеромъ въ Москву!

Санечка. Ты уѣдешь въ Москву? Какъ же объѣдъ у Софи?

Рожанскій. Очень просто, не поѣдемъ! Дома можете пообѣдать!

Санечка. Но, это невозможно!

Рожанскій. А я тебѣ докажу, что возможно! (Идетъ къ столу). Куда ты дѣвала мой сургучъ?

Санечка. (Грустно поникнувъ головой, тихо). Мнѣ кажется, я видѣла его въ моей комнатѣ. (Рожанскій уходитъ).

Явленіе III.

Санечка. (Одна). Вотъ и понаслась! (Задумывается). Что это значитъ? Тутъ дѣло что-то не такъ... Имѣть сургучъ... Значитъ,—писалъ. Кому? (Подбѣгаетъ къ письменному столу). Два письма... (Читаетъ адресъ). Софья Николаевна Муромцева! Посмотримъ, что онъ ей пишетъ? (Читаетъ). Такъ и знала! Не хотѣлъ ѣхать и всю эту сору нарочно устроилъ, чтобы придаться!.. (Беретъ другое письмо). Это кому? Еленѣ Александровнѣ Шаторской,

въ Малой Морской, домъ № 19, кв. 3. (Въ сторону). Это его повѣренный!.. (Читаетъ). Свиданіе на сегодняшній вечеръ... На его языкѣ это называется въ Москву ѣхать, по важному дѣлу... Что же мнѣ дѣлать? (Посылъ короткаго раздумья). Скорѣй въ кампінъ! (Идетъ къ камину, но на полпути останавливается). Вотъ дура! Въдъ онъ другія паншетъ!.. Что же мнѣ дѣлать? (Задумывается, пауза). Нашла! Нашла! (Перелетнѣвъ конверты у писемъ, кладетъ ихъ на мѣсто и быстро отходитъ на другую сторону сцены). Идетъ!..

Явленіе IV.

Санечка, Рожанскій, потомъ Яковъ.

Рожанскій. Такъ и зналъ! Опять ты сургучъ унесла въ свою комнату!

Санечка. (Смирено). Виновата!..

Рожанскій. Тысячу разъ просилъ и твердилъ: у меня на столѣ ничего не трогать! Гдѣ спички?

Санечка. (Предупредительно зажмиваетъ свѣчу и подаетъ ему). Вотъ!

Рожанскій. (Печтливо письма, въ сторону). Она оторчена!.. Кажется, я слишкомъ круто... но нельзя! Нельзя воли давать! Только поддайся! (Звонитъ, отдаетъ письма входящему Якову). Отнеси оба письма по адресамъ и скорѣй!..

Санечка. Да, да, скорѣй! (Опомнѣвъ, сразу замолкаетъ. Но уходитъ Яковъ, посылъ паузы, тихо подходитъ къ Рожанскому). Когда прикажете, господинъ, сердитый онекувъ, ѣхать въ пансіонъ? Сейчасъ, или послѣ обѣда?

Рожанскій. (Не глядя на нее). Послѣ обѣда! Я тебя вовсе не намѣренъ наказывать, оставилъ безъ обѣда... (Въ сторону). Ага! Смирилась. Вѣдьяжка! (Мяче). Ты должна сама понимать, Саля, что я не могу допустить, чтобы ты...

Санечка. (Замысливъ, что онъ смутился). Вы эгоистъ, вы деспотъ, вы тиранъ; но я не уступлю!.. Если такъ, то мы будемъ съ вами судиться!..

Рожанскій. Хорошо, будемъ судиться!

Санечка. Да, и не надо мнѣ адвоката или повѣреннаго. Я сама буду защищаться!.. (Быстро вскакиваетъ на стулъ). Господа судьи и господа... господа присяжные засѣдатели! Вы видите предъ собою несчастную, беззащитную жертву братскаго деспотизма!.. Позвольте мнѣ спросить у васъ, въ какой это у васъ книгѣ законовъ запрещается молодой дѣвухнѣ любить молодого человека и обѣщать выйти за него замужъ? Не правда-ли, господа, такого закона нѣтъ нигдѣ, ни въ какой книгѣ? (Вскакивая со стула на столъ). Господа, вы тоже были молоды, тоже любили, тоже хотѣли выйти замужъ за любимаго человека, а потому вы меня поймете. Усмирите же этого тирана, дайте ему урокъ, накажите его примѣрно и присудите его, немедленно и безъ всякой кассации—жениться!.. (Сходитъ со стола и садится на стулъ). Уф! Устала!..

Рожанскій. Bravo, bravo, bravo! (Смѣется).

Санечка. Не смѣйтесь, пожалуйста. Смотрите, чтобы потомъ не плакать! (Быстро, какъ будто что-то вспоминая). Тебѣ однако нужно хоть послать сказать Софи, что мы не будемъ, извиниться!..

Рожанскій. Не беспокойтесь, все сдѣлаю. Письмо сейчасъ при тебѣ послано съ Яковомъ!..

Санечка. Какъ? Такъ вотъ оно что! Такъ это до моего прихода еще вы порѣшили!.. А, впрочемъ, ты отлично сдѣлалъ!..

Рожанскій. (Озадаченный). Какъ-акъ? Что такое?

Санечка. Слушай! Я тебѣ сейчасъ все объясню! Ты знаешь, что твое счастье мнѣ дороже всего на свѣтѣ, лишь бы устроить тебя, какъ нельзя лучше! Мнѣ все равно, на комъ ты женишься, лишь бы ты ее любилъ! Скажи же мнѣ, откровенно, Michel, ты любишь другую женщину?

Рожанскій. Я? И не думаю! Съ чего это ты взяла?

Санечка. Съ чего? А Малая Морская, д. № 19, кв. 3?

Рожанскій. Ты почему знаешь?

Санечка. Какъ будто такъ трудно догадаться! Твои постоянныя и частыя свиданія по важнымъ и экстреннымъ дѣламъ съ повѣреннымъ стали, наконецъ, мнѣ очень подозрительны. Мнѣ захотѣлось тебя проверить, и узнавъ адресъ повѣреннаго, я послала спросить, какъ его фамилія, и узнала, что никакого повѣреннаго тамъ нѣтъ, а въ квартирѣ № 3 живетъ нѣкая Елена Александровна Шаторская, кордебалетная танцовщица.

Рожанскій. (Горничась). Какъ, ты смѣла?..

Санечка. Конечно смѣла! И когда узнала все это, мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, ты любишь эту женщину больше, чѣмъ Софи, и будешь съ ней счастливѣе! Я рѣшила тогда, что откажусь отъ своихъ плановъ и, если нужно будетъ, то сама, первая, буду просить ее, эту мадамъ Шаторскую, выйти за тебя замужъ!.. Видишь, кака я добрая дѣстра!

Рожанскій. Я никогда и не сомнѣвался!.. Но...

Санечка. Пожалуйста, безъ вѣжкихъ но!.. Дай мнѣ прежде кончить! Затѣмъ думала я, надо во что бы то ни стало увидѣть ее, и переговорить съ ней!..

Рожанскій. Что такое?

Санечка. Да перестань же перебивать! Я хотѣла переговорить съ нею, конечно, такъ, чтобы она не знала, что это я... Къ счастью, случай выручилъ меня. Я прямо отъ нея. (Встаетъ).

Рожанскій. Что? Ты была у ней?

Санечка. Да! и говорила съ ней!..

Рожанскій. Да ты съ ума сошла! Это ужъ черезчуръ!

Санечка. Очень можетъ быть, что черезчуръ, но когда дѣло касалось тебя!..

Рожанскій. (Быстро шагая по комнатѣ).

Это чортъ знаетъ что такое! Это не дѣвушка... это... это какой-то сорванецъ-кадетъ! (Останавливается противъ нея). Какъ ты смѣла рѣшиться на такой шагъ?

Санечка. Успокойся. Она меня не знаетъ. Я пришла въ предосторожности, чтобы она не узнала, кто я!..

Рожанскій. Какъ же это ты сдѣлала?

Санечка. (Подходя къ нему). А, вотъ какъ!

Я пошла утромъ къ модисткѣ и должна была подождать у ней, нога будетъ готова моя шляпка. Горничную я отпустила къ теткѣ на весь день, такъ какъ провозитъ до дому меня вызвалась ее сестра, старшая мастерица. Вотъ идемъ мы съ ней, я ей и говорю, что мнѣ совѣстно утрудить ее; а она мнѣ и говоритъ: „ничего, мнѣ все равно пужно быть въ вашей сторонѣ и отнести шляпку въ Малую Морскую, одной дамѣ, госпожѣ Шаторской“. Я, какъ услышала фамилію, уни и наворотила!.. Видишь, случай, чисто случай! Какой, говорю, Шаторской? Извѣстной танцовщицѣ? Да, говоритъ, танцовщицѣ, только кака я она извѣстна? Такъ гдѣ-то у воды танцуетъ, въ заднихъ рядахъ.

Рожанскій. (Горячо вступаясь). И вретъ! Все не у воды!.. и не въ заднихъ рядахъ! (Спохватывается и умоляетъ).

Санечка. Ну, я этого не знаю, и даже не понимаю, что такое у воды!.. Вотъ я и говорю ей, что мнѣ смерть какъ хочется увидѣть вблизи настоящую танцовщицу!.. Что-же, говоритъ, пойдете со мной и увидите!.. Я скажу, что вы моя помощница, которая ей шляпку дѣлала!..

Рожанскій. Часть отъ часу не легче! Въ модистки записалась, шляпки развозить!.. только этого не доставало!

Санечка. (Продолжая). Я, конечно, обрадовалась и согласилась. Вотъ, приходимъ мы, звонимъ, намъ отворяютъ и вводятъ насъ въ столовую. Подождите, говоритъ горничная, сейчасъ доложу. Мы ждемъ. Только черезъ нѣсколько минутъ выхо-

дичь горничная и зоветъ насъ въ другую комнату — въ будуаръ... Хорошенькій такой, весь голубымъ кретономъ обитъ, и въ немъ такая низенькая, мягкая мебель... Предель какой будуаръ, чистая бомбоньерка!.. Ну, вотъ, мы вошли, а она лежитъ на козеткѣ въ бѣломъ пеньюарѣ, въ такой граціозной позѣ... Постой, я тебѣ сейчасъ покажу какъ... (*Бѣжитъ къ козеткѣ, Рожанскій ее останавливаетъ*).

Рожанскій. Нѣтъ ужъ, пожалуйста, не показывай!

Санечка. Не хочешь? Ну, не надо... Только мы вошли, поклонились, впереди она, мастерица, а я сзади, и въ рукахъ держу картонку, съ моею шляпкой. Здравствуйте, говоритъ, принесли шляпку? Покажите. Тутъ она увидѣла меня... Это, говоритъ, что за дѣвочка? Это, отвѣчаетъ мастерица, моя помощница. Хорошенькая, говоритъ она, и такъ ласково... а я все стою, молчу и размагтриваю ее. Она хорошенькая, Мишель, только глаза подкрашены уже слишкомъ!.. Вотъ стала она примѣрять шляпку, зеркало велѣла себѣ подать, любитесь въ него на себя, какъ вдругъ звонокъ, — дверь отворилась, и въ комнату вошелъ гусарскій офицеръ...

Рожанскій. (*Быстро*). Гусарскій офицеръ?..

Санечка. Да, молоденькій такой, съ черными усиками и въ рѣс-пез. Подошелъ къ ней, поцѣловалъ ей руку и сѣлъ на табуретку. А, говоритъ она, — это ты, Борисъ? Здравствуй! Дай-ка мнѣ напроску! Взяла она напроску, закурила и все шляпкой любитесь... и спрашиваетъ его: хороша моя шляпка? Да, говоритъ онъ, очень хороша! Ну, когда такъ, говоритъ она, а сама такъ хитро ему улыбается, когда такъ, то заплати за нее! Ну, онъ поморщился, однако, все-таки, сейчасъ полъзъ въ карманъ и вынулъ деньги... Сколько? спрашиваетъ Семьдесятъ рублей! говоритъ мастерица. Онъ сейчасъ и отдалъ, а она ему руку протянула, и онъ ее поцѣловалъ. Это ей братъ, Мишель, да? Вѣрно, братъ. Она ему все „ты“ говорила, и онъ за шляпку заплатилъ? Братъ, да?

Рожанскій. (*Живо*). Да, да, братъ! Конечно, братъ... двоюродный!.. (*Стискиваетъ зубы*) братъ!

Санечка. Ну, я такъ и думала! А потомъ она спросила, что у меня въ картонкѣ. Заказъ, говорю, шляпка для mademoiselle Рожанской, говорю.

Рожанскій. Ты сказала свое имя?

Санечка. Да, сказала! Что-жъ тутъ такого? А что, спрашиваетъ, хорошенькая эта Рожанская?.. Хорошенькая, говорю... Да, вѣдь, она еще учится въ пансіонѣ, зачѣмъ ей такая шляпка? Нарочно, говорю, заказывали, для свадьбы своего брата.

Рожанскій. (*Всплеснувъ руками*). Какъ? Такъ и сказала?

Санечка. Сказала!.. Ея брата? спрашиваетъ... Какого брата? А сама вся такъ и встрепенулась. Это, говоритъ, невозможно! Глаза у ней такъ и забѣгали, такъ и забѣгали... Вы, говоритъ, ошибаетесь!.. Нѣтъ, говорю, не ошибаюсь, я ихъ отлично знаю, постоянно на барышню работаю... Нѣтъ, говоритъ, это невозможно! Это навѣрное другой! Который ему годъ? Да срокъ пять лѣтъ, должно быть, говорю...

Рожанскій. (*Быстро*). Что ты врешь! Какія 45 лѣтъ. Мнѣ только будетъ 35.

Санечка. Да постой, не перебивай! Срокъ пять? говоритъ, ну, значитъ, это не онъ! Михаилу Аркадьевичу только 28... (*Рожанскому*) Мишка, Мишка, это ты нарочно молодился, семь лѣтъ себѣ сбавлялъ!.. Увѣрю васъ, сударыня, говорю, что 45, сама барышня мнѣ говорила... Нѣтъ, говоритъ, это невозможно! Да вы его въ лицо знаете? Знаю! Узнаете его портретъ? Узнаю! Она это сейчасъ подбѣжала къ письменному столу, взяла съ него портретъ въ голубой плюшевой рамкѣ и подаетъ мнѣ.

Онъ? спрашиваетъ. Они-ст, говорю! только здѣсь они гораздо моложе кажутся!.. Какъ я сказала это, она какъ визгнетъ на всю комнату, какъ кинетъ портретъ твой на полъ, и ну его топтать. Ахъ, онъ обмащиваетъ, злодѣй! И чего, чего только ни наговорила. Борисъ, говоритъ, — это гусару-то, понимаешь? — отомсти за меня, слышишь, застрѣли его!.. Ахъ!.. умираю, умираю! и упала на отоманку. Знаешь, Мишель, какъ она хорошо умираетъ! такъ естественно, такъ естественно... И тебѣ сейчасъ покажу... (*Бѣжитъ къ козеткѣ*).

Рожанскій. Не надо, не надо! Ради Бога, ничего мнѣ не показывай! (*Въ сторону*) Двадцать тысячъ разъ самъ видѣлъ! Сама мнѣ показывала. Посмотрѣлся, довольно съ меня! Что-же дальше? (*Оттираетъ лицо*).

Санечка. (*Обмахиваясь платкомъ, садится на козетку*) Устала! Дай отдохнуть!

Рожанскій. (*Вставая, въ сильно разстроенномъ состояннн*). Надѣюсь, однако, что ты сейчасъ-же ушла, не осталась ждать, пока она воскреснетъ?

Санечка. Мы сейчасъ-же уѣзжали!.. Я только успѣла поднять съ пола твой портретъ, — вотъ онъ. На, посмотри, какъ она тебя хорошо отдала! (*Вынимаетъ изъ кармана фотографическую карточку, сильно помитую, и подаетъ ему*).

Рожанскій. (*Съ призывомъ къ удивленію*). Въ самомъ дѣлѣ, моя карточка! Какъ она къ ней попала? Удивляюсь, право! Я ее далъ моему повѣренному, на память!

Санечка. Твоему повѣренному? Съ такой собственноручной надписью? (*Вырываетъ изъ рукъ и читаетъ на оборотѣ*): „Прелестной и обворожительной найдѣ отъ обожающаго ее рыбака“. Странно! Это твой повѣренный — наядъ?

Рожанскій. (*Видимо сильно сконфузившись*). Ничего нѣтъ страннаго... ровно ничего... Я подарилъ эту карточку... дочери моего повѣреннаго... моей крестницѣ!.. и ее всегда называю наядой... Ну, понимаешь? (*Въ сторону*). Кажется, я заврался, совсѣмъ заврался!

Санечка. Да? Вотъ какъ! Можетъ быть! Во всякомъ случаѣ, я очень довольна сегодняшнимъ днемъ: я видѣла вблизи настоящую тащовщицу.

Рожанскій. (*Строго*). Довольно! Я долженъ тебѣ сказать, что нахожу твое поведеніе неприличнымъ! Слышишь: неприличнымъ!..

Санечка. (*Дѣлая жалостливую мину и складывая руки*). Понимаю, сознаюсь и никогда больше не буду!

Рожанскій. Надѣюсь!

Санечка. Ты меня простишь? Не сердись?

Рожанскій. Но въ пансіонѣ все-таки ты отпраившись сегодня..

Санечка. (*Жалобно*). Какъ? Сегодня-же въ пансіонѣ?

Рожанскій. (*Нѣсколько подумавъ*). Не сегодня, а завтра утромъ! (*Въ сторону*). Сегодня мнѣ некогда, надо скорѣе ѣхать направлять дѣло! Могу сказать... разодолжила!

Санечка. (*Въ сторону*). Слава Богу! Сегодня я еще на волѣ... Посмотримъ еще, чья возьметъ!

Яковъ. (*Входя*) Графиня Софья Николаевна приказали кланяться и сказать, что будутъ ждать кушать, а за барышней сами въ четыре часа зайдутъ кататься.

Рожанскій. (*Въ недоумѣнн*). Что такое?

Санечка. Хорошо, хорошо, Яковъ! Ступай!

Рожанскій. (*Въ сторону*). Ничего не понимаю! Писалъ, что уѣзжаю въ Москву, а она... (*Громко Якову*). А на второе письмо отвѣтъ есть?

Яковъ. Никакъ нѣтъ-ст! Сказали, что не будетъ!

Рожанскій. Хорошо, ступай! (*Идетъ въ глупину за шляпкой*). Прощай, Саня. Я уѣзжаю... Мнѣ нужно съѣздить, по дѣлу...

Санечка. (*Въ сторону*). За отвѣтомъ! (*Громко*). Что же мнѣ дѣлать, Michel, когда Софи прѣдетъ?

Рожанскій. (*Торопясь*). Ну и поѣзжай съ нею, куда хочешь!.. Прощай!..

Санечка. (*Подбѣгая къ нему и обнимая его*). Милый, добрый, хороший! Ты, значитъ, согласишь? Да? Ну, дай мнѣ слово, что прѣдешь обѣдать къ Софи? Прѣдешь? Говори!

Рожанскій. И не думаю даже! Мнѣ некогда! Ты извинись за меня... скажи, что я... очень огорченъ, но что дѣла... очень важны... что хотѣлъ ѣхать сегодня въ Москву... но что ѣду завтра...

Санечка. (*Перебивая*). Вотъ и прекрасно! Завтра поѣдешь въ Москву, а сегодня можешь прѣхать обѣдать къ Софи... это будетъ прощальный обѣдъ...

Яковъ. (*Входитъ. Въ рукахъ у него большой, красный воздушный шаръ на веревочкѣ, а въ другой рукѣ приличныхъ размеровъ конвертъ. Подаетъ все Рожанскому*). Изъ Малой Морской.

Рожанскій. (*Съ недоумѣннмъ смотритъ то на шаръ, то на пакетъ*). Что это такое? (*Яковъ уходитъ*).

Санечка. (*Въ сторону*). Отвѣтъ! Все пропало! (*Подходитъ къ Рожанскому и, взявъ шаръ за веревку, начинаетъ то опускать, то поднимать его*). Какъ это мило!

Рожанскій. (*Распечатываетъ конвертъ и вынимаетъ изъ него большого картоннаго полишинеля. Изъ конверта выпадаетъ записка*). Вотъ тебѣ и разъ! Это что значитъ?

Санечка. (*Бросаетъ шаръ, бѣжитъ къ брату, выхватываетъ у него полишинеля и начинаетъ его дергать за веревочку*). Рожанскій поднимаетъ записку, и, прочитавъ ее, стоитъ молча. Санечка вырываетъ изъ его рукъ записку и, отойдя, громко читаетъ).

„Милостивый Государь! Посылаю вамъ, по случаю вашего отъѣзда, воздушный шаръ, на которомъ вы можете отірваться по вашимъ глупымъ дѣламъ. Посылаю вамъ также ваше изображеніе, которое можете подарить вашей невѣстѣ. Елена Шаторская“. Воскресла! А я думала, что она умерла!

Рожанскій. (*Разведя руками*). Могу сказать: тонко!

Яковъ. (*Входя*). Графиня Софья Николаевна прѣехали и ожидаютъ барышню въ каретѣ!

Рожанскій. (*Разомъ встрепенувшись*). Что? Кто? Графиня?

Санечка. (*Якову*) Хорошо, сейчасъ! Скажи, что сейчасъ! (*Яковъ уходитъ*). Мишель, ты меня проводишь до кареты?

Рожанскій. (*Сердито*). И одна дойдешь.

Санечка. Какъ же это? Ты самъ говоришь, что молодой дѣвушкѣ одной не слѣдуетъ выходить.

Рожанскій. Ну, что прикажете мнѣ съ нею дѣлать? Она всегда права! Идемъ!

Санечка. (*Быстро бѣжитъ за шляпкой и, возвратясь, бросается къ нему на шею*). Ну, идемъ же! Спасибо тебѣ. Ты вѣдь съ нами поѣдешь, да?

Рожанскій. (*Рышительно*). Поѣду, поѣду! (*Беретъ шляпу*). Только слышишь, съ уговоромъ: по Малой Морской не ѣхать!

Санечка. Хорошо, хорошо! по Большой поѣдемъ!.. Идемъ же! (*Надѣваетъ шляпку и идетъ къ дверямъ*).

Рожанскій. (*Надѣвъ шляпу*). Идемъ! (*Останавливается на авансценѣ, къ публикѣ*). Изволили видѣть? А? Что прикажете дѣлать? Женщина... А ужъ если женщина рѣшила...

Санечка. (*Отходящая было къ дверямъ, снова возвращается на авансцену, беретъ его подъ руку и доканчиваетъ фразу*). Такъ не поставишь на своемъ! Идемъ! (*Уводитъ его къ средней двери. Оба уходятъ. Занавѣсъ*).

К О Н Е Ц Ъ .

Развязавшийся башмачокъ. Съ карт. I. Вейзера, грав. Гедапъ.

Къ рисункамъ.

Масляница. (Рис. на стр. 101, 104, 105, 109, 112, 113 и 117).

Широкая Масляница, — честная и веселая боярыня, — всегда была любезною гостью у русского народа, который ее чествуетъ дѣлюю седмицу.

Въ доброе старое время, въ воскресенье передъ Масляницей, совершалось „дѣйство страшнаго суда“. Передъ выходомъ на дѣйство, государь поутру обходилъ богадѣльни, тюрьмы и приказы, щедро раздавая милостыню престарѣлымъ, немощнымъ и заключеннымъ. „Дѣйство“ происходило въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ, или на площади за алтаремъ собора, гдѣ строились особия мѣста для царя и патриарха. Противъ патриарха возвышался на особомъ помостѣ или возгѣ, обитомъ краснымъ сукномъ, большой нагой съ иконою Богородицы и св. Евангелиемъ, столъ для освященія воды и особо икона „Страшнаго суда“. Самое дѣйство состояло изъ ибны стихиря, освященія воды и чтенія Евангелія, послѣ чего патриархъ отиралъ губкою изображеніе Страшнаго суда и другія иконы. Оканчивалось дѣйство окропленіемъ святою водою окружающіхъ и осѣненіемъ ихъ крестомъ.

На другой день справлялась встрѣча Масляной. До сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣти выходятъ съ утра на улицу и строятъ снѣжныя горы, заывая Масляницу. Тогда они выжугъ изъ соломы чучело и втаскиваютъ на гору. Когда горы устроены, дѣти сбѣгаютъ съ горы съ крикомъ: „Пріѣхала Масляница“. Взрослый людъ справлялъ встрѣчу посыланіемъ родныхъ, при чемъ сговариваются, какъ проводить время въ слѣдующіе дни, кого звать въ гости, гдѣ веселиться. Въ старину не погнѣбается въ широкую Масляницу значило жить въ горькой бѣдѣ и жизнь худо окончить. Съ этого дня въ богатыхъ домахъ начинаютъ печь блины, во многихъ мѣстахъ до сего времени сопровождается приготовленіе ихъ особыми обрядами и причитаіями.

Вторникъ Сырой недѣли въ народѣ величается „запгрышамъ“. Въ этотъ день молодые люди, парни и дѣвчцы приглашаются покушать блиновъ и покататься съ горъ, при чемъ молодые высматриваютъ себѣ невѣсты, а дѣвчкы суженыхъ.

Въ среду, называемую „лакомками“, тещи приглашаютъ зятя въ на блины. Угощеніе зятя тещею поется во многихъ мѣстахъ, въ этотъ день распеваемыхъ на вечерникахъ холодахъ, при чемъ содержаніе пѣсни передается въ лицахъ, и наряженный медвѣдь играетъ главную роль.

Въ широкій четвергъ начинается настоящій масляничный разгулъ. Съ этого дня и бѣдный людъ печетъ блины и гуляетъ... На улицахъ происходятъ катанье и кулачные бои. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраиваютъ шествія: возятъ мужика съ виномъ и казачами, корабль на саняхъ съ ларусами и снастями, разукрашенное бубенцами и лентами дерево и проч.

Пятница носитъ названіе „тещины вечерни“ и на нихъ зятя угощаютъ тещу. Для почета, приглашеніе дѣлаетъ накануне зять лично и поутру, въ пятницу, присылаетъ особыхъ позыватовъ.

Въ субботу, въ „золоткины посидѣлки“, молодая невѣста приглашаетъ къ себѣ гостей.

Въ воскресенье происходятъ проводы Масляницы, которые справлялись въ старину съ разными обрядами. Въ этотъ день побывавшіе въ гостяхъ отдариваютъ радушныхъ хозяевъ, у которыхъ они веселились на Масляной. Въсѣтъ съ тѣмъ, въ виду наступающаго поста, просятъ прощенья другъ у друга, отчего и самый день называется „прощеньемъ“.

Въ городахъ на широкую Масляницу строятся балаганы, качели, горы. Погулять на нихъ любятъ не одинъ простой народъ; въ старину Пётръ Великій вмѣстѣ съ офицерами качался на качеляхъ.

Въ Петербургѣ балаганы строились на Невѣ, противъ крѣпости. Съ начала нынѣшняго столѣтія балаганы стали строить на площади у Большаго театра. Лѣтъ черезъ тридцать они были перевесены на Адмиралтейскую площадь, гдѣ нынѣ разбитъ садъ. Тутъ дважды были страшные пожары. Одинъ въ 1837 г., когда сгорѣлъ балаганъ Лемава, при чемъ погибло много людей, и въ другой разъ ночью, въ 1872 году, на Святой недѣлѣ. Послѣ того балаганы строятся на Царицыномъ лугу, вдоль Лебяжьяго канала. Нашъ рисунокъ на стр. 104 изображаетъ неструю толпу у балагана на этомъ мѣстѣ.

Кромѣ увеселеній у балагановъ, устраиваются маскарады, которые, впрочемъ, по примѣру заграничному, бывають во всю зиму. Въ XVIII вѣкѣ на Масляной Москва помнитъ нѣсколько маскарадовъ, изъ которыхъ особеннымъ великолѣпиемъ отличались маскарады по случаю Нимфадтекаго мира въ 1722 году и послѣ коронованія императрицы Екатерины.

За границей особенно часто бывають маскарады въ концѣ карнавала, который начинается въ день св. Епифанія, 6-го января, и оканчивается во вторникъ первой недѣли Великаго поста. Маскарады эти не только происходятъ внутри зданій, но во многихъ городахъ Италіи, Франціи и Южной Америки въ концѣ карнавала они устраиваются на улицѣ. Грандіозныя процессіи съ тысячами масокъ, оживленные битвы цвѣтовъ, confetti, тоссои составляютъ непремѣнную принадлежность ихъ. Въ Парижѣ особеннымъ оживленіемъ и своеобразіемъ отличаются маскарады въ Большой Оперѣ, гдѣ съ бѣлаго утра веселая толпа проводитъ время. Тутъ порою можно видѣть, какъ послѣ долгихъ упрасиваній граціозная маска соглашается снять маску, и удивленный ухаживатель, при словахъ „это я“, узнаетъ въ таинственной незнакомкѣ свою жену. Въ другомъ мѣстѣ, въ укромномъ уголкѣ, любительница потанцовать торопливо завываетъ банмачокъ, чтобы снова пуститься въ плясъ, до той поры, когда объявятъ, что маскарадъ кончился, и надо отправляться домой. Не мало горькихъ минутъ приходится пережить всѣмъ, кто веселился, а быть-можетъ придется пережить и въ будущемъ, если случится такая-же бѣда, какал постигла запоздалую риженую, дѣйствительно, критическое положеніе которой передано на рисунокѣ на стр. 113.

Птичьи горы въ Лапландіи. (Рис. на стр. 120).

Скальные берега Лапландіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляютъ изъ себя, если можно такъ выразиться, громадные птичьи садки. Тысячи, сотни тысячъ птицъ сидятъ на всѣхъ площадкахъ, выступкахъ, во всѣхъ расщелинахъ и углубленіяхъ; вокругъ нихъ дѣлая облака пернатыхъ слетаютъ сверху внизъ, или поднимаются къ облакамъ, кружатся и рѣютъ въ воздухѣ; другія плаваютъ по водяной поверхности или ныряютъ въ холодныхъ волнахъ, вылавливая рыбу, которая водится въ изобиліи у береговъ. Среди пернатыхъ попадаются гагары чистки, разные виды кайръ и множество другихъ представителей полярныхъ птицъ. Разумѣется, такая богатая добыча не можетъ оставаться неприкосновенною. Наибольшимъ преслѣдованіемъ полярныя птицы подвергаются со стороны человѣка. Птицы истребляются огнестрѣльнымъ оружіемъ или ловятся живыми, при чемъ человѣкъ предостерегаетъ невообразимыя препятствія. По чуть замѣтнымъ выступамъ вѣбраваются ловцы по отвислымъ скаламъ и спускаются на канатахъ, при чемъ, чтобы достигнуть вожделѣннаго мѣстечка и выбрать оттуда яйца или птенцовъ, ловецъ раскачивается на веревкѣ футовъ въ 50. Иногда послѣ сильнаго мороза птицъ попросту спугиваютъ выстрѣлами, и онѣ, бросаясь камнемъ со скалы въ воду, разбиваются о ледъ. Кромѣ людей, птицъ преслѣдуютъ и другіе хищники: вороны, чайки и большія рыбы. Но, несмотря на всѣ преслѣдованія и хищническое истребленіе, количество птицъ, повидимому, не уменьшается, и прибрежныя скалы, по-прежнему, покрываются тучами птицъ.

Человѣкъ съ необычайно длинной бородой.

(Рис. на стр. 121).

Въ природѣ все имѣетъ свой порядокъ, подверженный строгому закону, но и тутъ, какъ всегда, бывають исключенія. Помимо такъ-называемаго „уродства“, исключенія эти представляютъ часто феномены, въ которыхъ нѣтъ ничего, собственно, безобразнаго, но, тѣмъ не менѣе, они замѣчательны по своей необычности.

Къ числу такихъ феноменовъ принадлежитъ, между прочимъ, появившійся во Франціи Л. Кулонъ, у котораго длина бороды доходитъ до изъ ряду вошъ выходящихъ размѣровъ. Когда ему было четырнадцать лѣтъ, борода у него отросла на тридцать сантиметровъ, и онъ тогда ужъ казался „старикомъ“. Черезъ шесть лѣтъ она достигла метра. Въ настоящее время Л. Кулону 66 лѣтъ, и размѣръ его бороды 2,32 метра, такъ что онъ свободно можетъ обмотать ее два раза вокругъ шеи, какъ это показано на нашемъ рисунокѣ.

Пантомимическія представленія.

Очеркъ А. Л.-Н.

Въ прѣжнее время, лѣтъ двадцать тому назадъ, однимъ изъ палюбленныхъ представленій у насъ на Масляной, на балаганахъ, была пантомима. Теперь это вывелось почему-то; а — жалъ! — Право невпныя проказы пѣро и ловкіе прыжки арлекина были гораздо занимательнѣе тѣхъ лубочныхъ сценъ, которыя разыгрываются теперь на балаганахъ. Замѣнивъ собою пантомиму, имѣющую свою исторію и традиціи, современные балаганныя зрѣлища не дали рѣшительно ничего взамѣнъ ея.

Родиною пантомимическихъ представленій считается древній Римъ. У грековъ пантомима была только ассессуаромъ танцевъ и никогда не достигала самостоятельнаго значенія. Советѣвъ иначе развивалась она въ Римѣ.

Громадность амфитеатра, на ступеняхъ котораго помѣщались десятки тысячъ зрителей, была первой побудительной причиной къ упраздненію, такъ сказать, словъ. Ихъ все равно могли слышать только тѣ, которые сидѣли близъ сцены,

остальные же вынуждены были догадываться о томъ, что говорится на ней. Слова были замѣнены своего рода либретто, которыми, правда, пользовалась только римская аристократія. Народная же толпа довольствовалась монологомъ хора, на обязанности котораго лежало разъясненіе сценическаго дѣйствія. Актеры превращены были въ пантомимистовъ: лица ихъ были закрыты маской, имъ пришлось приложить все старанія, чтобы ихъ позы и жесты были, по возможности, краснорѣчивы и выразительны. Пантомимическія представленія векоръ сдѣлались любимѣйшимъ зрѣлищемъ римскаго народа. Актеры-пантомимисты стали пользоваться особеннымъ почетомъ толпы, ихъ побиравались, у нихъ заискивали даже и знатные богачи. Изъ числа такихъ сценическихъ дѣятелей громкою славою пользовались, въ царствованіе Августа, Пилатъ и Батилій, первый—трагикъ, второй—комикъ. Римъ раздѣлился на двѣ партіи: одна признавала главой пантомимическаго искусства Пилата, другая—Батилію. Съ первыхъ же дней эти двѣ партіи поклонниковъ стали враждовать между собою. Эта вражда стала принимать все болѣе и болѣе острый характеръ съ тѣхъ поръ, какъ Пилатъ и Батилій основали каждый свою пантомимическую школу. Страстные ученики одной школы, конечно, съ презрѣніемъ относились къ представителямъ другой. Ссоры, начинаемые учениками, привлекали къ себѣ родителей, вспыхивалъ рукопашный бой, и весь Римъ раздѣлялся на два враждебные лагеря, не останавливавшіеся даже передъ пролитіемъ крови своихъ собственныхъ гражданъ. Эти непрерывныя побоища такъ надобли императору, что въ одинъ прекрасный день Батилій былъ подвергнутъ изгнанію изъ Рима. Тѣмъ не менѣе пантомима еще довольно долго оставалась въ модѣ у римлянъ. Они очень любили угощать своихъ гостей послѣ сытнаго обѣда такого рода представленіями. Съ упадкомъ Римской имперіи, пантомима, то глубоко-серьезная и поучительная, то веселая и сатирическая, начинаетъ, подъ влияніемъ общихъ условій, терять свой разумный характеръ и постепенно становится все болѣе и болѣе распушенной, цинично-грязной и разжигающей грубые животныя инстинкты толпы.

Когда Римская имперія распалась, стало распространяться христіанство, пантомима на время замерла, но въ ней сплкнулось много было здоровыхъ зачатковъ, чтобы она могла окончательно исчезнуть съ лица земли. Черезъ нѣсколько столѣтій она снова возродилась, появилась въ балаганахъ ярмарокъ, на сценахъ маленькихъ театровъ, всюду привлекая къ себѣ толпы зрителей. Въ Италіи пантомима, такъ сказать, окристаллизовалась въ своего персонажа. Добродушный и болтливый простакъ Кассандръ, его дочь, наивная и нѣжная Колумбина, затѣмъ влюбленный въ нее Арлекинъ, самонадѣянный Полишинель, веселчакъ Пьеро и иногда докторъ,—вотъ постоянный составъ персонажа всѣхъ возможныхъ итальянскихъ пантомимъ. Въ такомъ составѣ пантомима изъ Италіи перекочевала во Францію, вмѣстѣ съ труппою актеровъ итальянцевъ. Это было въ 1577 году. Сначала актерамъ, между которыми былъ знаменитый Скарамушъ, пришлось завоевывать себѣ симпатіи публики. Только черезъ столѣтіе пантомимическіе спектакли вошли въ моду и стали любимымъ развлеченіемъ толпы. Самое слово „пантомима“ еще было ново въ 1670 году, когда Мольеръ впервые поставилъ свою пьесу „Amants magnifiques“; въ ней Мольеръ нашелъ нужнымъ дать опредѣленіе этому слову.

Итальянская пантомима векоръ была, конечно, замѣнена французской, но составъ персонажа остался все тотъ же. Понятно, что французъ придавалъ каждому изъ этихъ дѣйствующихъ лицъ свой національный отпечатокъ. Особенно видоизмѣнились Пьеро. Онъ сталъ злодѣемъ, способнымъ на всевозможныя преступленія; пѣтъ порока, которымъ онъ не владелъ бы. Изъ веселаго онъ сталъ мрачнымъ, изъ наивнаго — лукавымъ, изъ добраго малаго—злымъ, коварнымъ, низкимъ, жаднымъ, лакомкой. Полишинель также потерялъ значительныя измѣненія въ своемъ характерѣ. „Когда я хожу, то земля дрожитъ и звѣзды трясутся“, говоритъ французскій Полишинель; это воплощеніе самонадѣянности, самохвальства и пустого тщеславія. Въ его фигурѣ многое измѣнилось до неузнаваемости: выросло два горба, туловище изъ тонкаго стало толстымъ, одинъ только носъ, наминающій загнутый птичій клювъ, остался нетронутымъ. Менѣе другихъ подверглись переработкѣ типы Арлекина и Колумбины.

Куда бы итальянская пантомима ни перекочевала, всюду она становилась собственностью народа, который передѣлывалъ ее соотвѣтственно со своимъ національнымъ характеромъ. Полишинель Англіи отразилъ въ себѣ, конечно, въ угрированномъ видѣ, нѣкоторыя изъ характерныхъ чертъ Донъ-Жуана Байрона; въ концѣ концовъ самое имя Полишинеля передѣлалъ до неузнаваемости (Punch). Въ Германіи вмѣсто Полишинеля явился Гансвурстъ, разжирѣвшій нѣмецъ, съ пухлыми носомъ и лукавыми глазами, и т. д.

Въ XVIII столѣтіи, въ эпоху увлеченія классиками, въ Парижѣ имѣлся мнѣологическій балетъ, въ которомъ танцовали и играли въ маскахъ. Роль обозначалась характернымъ костюмомъ. Такъ, наприимръ, Ложь носила платье съ маской, одна нога у нея была деревянная, а въ рукахъ она держала темный фонарь; Вѣтеръ—платье съ перьями, на головѣ вѣтряная мельница и раздувательный мѣхъ въ рукѣ, и т. д.

Когда основана была въ Парижѣ Академія Музыки и французскій театръ началъ свои представленія, то изъ желанія дать этимъ учрежденіямъ особыя преимущества, могущія обезпечить ихъ существованіе, всѣмъ другимъ маленькимъ театрамъ ярмарки и бульваровъ запретили на сценахъ распѣвать и говорить. Конечно, это дало сильный толчокъ къ развитію пантомимы. На сценахъ шло нѣкое представленіе, а на особяхъ ярлыкахъ вывѣшивалось описаніе того, что не могло быть выражено мимикой.

Изъ числа пантомимическихъ актеровъ громкою извѣстностью пользовался Дебюро, затѣмъ Шарль Дебюро и Поль Лепрандъ. Подъ влияніемъ усилій этихъ-то трехъ лицъ, персонажъ итальянской пантомимы и потерялъ такую серьезную переработку. Извѣстный Шамфлёрн составилъ для нихъ цѣлый рядъ пантомимъ съ замысловатымъ и сложнымъ дѣйствіемъ. Таковы: „Пьеро въ Африкѣ“, „Пьеро — слуга смерти“, „Повѣщенный Пьеро“ и т. д.

Со смертью этихъ выдающихся артистовъ пантомима стала падать. Несмотря на это, въ настоящее время при англійскомъ дворѣ существуетъ еще труппа пантомимистовъ, а въ прошломъ году въ Парижѣ была сдѣлана попытка, имѣвшая мѣсто и на нашей негербургской, французской, сценѣ—вообщить пантомимическія представленія. Такимъ образомъ, интересъ къ упавшей было пантомимѣ, повидимому, возбуждается снова.

Разныя извѣстія.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,
данный на Имя Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича.
Ваше Императорское Высочество.

Прибывъ, послѣ дальняго плаванія, въ предѣлы земли Русской, Вы, согласно повелѣнію Моему, положили во Владивостокъ, въ 19-й день мая 1891 года, начало сооруженія предначертаннаго Мною сплошнаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути.

Нынѣ, назначая Васъ Предсѣдателемъ комитета сибирской желѣзной дороги, Я поручаю Вамъ привести это дѣло мира и просвѣтительной задачи Россіи на Востокъ къ концу.

Да поможетъ Вамъ Всевышній осуществить предпріятіе, столь близко принимаемое Мною къ сердцу, совмѣстно съ тѣми предположеніями, которыя должны способствовать заселенію и промышленному развитію Сибири. Твердо вѣрую, что Вы оправдаете надежды Мои и дорогой Россіи.

На подлинномъ Собственною Ею Императорскаго Величества рукою написано:

Искренно и отъ всей души любящій Васъ
АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ,
14-го января 1893 г.

— 18 января, утромъ, вернулся изъ-за границы Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ.

— 19 января въ Зимнемъ дворцѣ состоялся первый въ нынѣшнемъ сезонѣ большой балъ.

— Въ *Правит. Вѣстн.* опубликованъ тарифъ для перевозки сахара рафинада и сахарнаго песку отъ портовъ Чернаго моря до станціи Закавказской жел. дороги черезъ Багумъ.

— Дѣйствіе временныхъ правилъ, касающихся организаціи переселенія въ Южно-Уссурийскій край, съ 1893 года продолжено еще на 5 лѣтъ, въ теченіе которыхъ отъ казны ежегодно будетъ отпускатся для вспоможенія переселенію по 128,200 р.

— Въ виду того, что нѣкоторые банкирскіе дома и другія учрежденія коммерческаго кредита въ Россіи участвовали въ биржевой игрѣ на курсъ кредитнаго рубля, Министерство Финансовъ, 16 января, циркулярно запретило подобную биржевую спекуляцію подъ страхомъ закрытія для виновныхъ въ томъ учрежденій всякихъ счетовъ въ Государственномъ Банкѣ, а, въ крайнемъ случаѣ, и болѣе рѣшительныхъ мѣръ.

— Министерство Внутреннихъ дѣлъ выписало изъ-за границы запасъ кристаллической карболовой кислоты для снабженія этимъ

средствомъ для дезинфекціи правительственныхъ и общественныхъ учреждений по заготовительной цѣнѣ.

— Министерство Государственныхъ Имуществъ, по ходатайству нѣкоторыхъ епархіальныхъ начальствъ, сдѣлало распоряженіе о безплатномъ отпускѣ дѣсныхъ матеріаловъ изъ казенныхъ дѣсныхъ дачъ на постройку церковей-школъ.

— Всѣ воспитательно-учебныя заведенія въ Прибалтійскомъ крайѣ въ концѣ призрѣваются дѣти старше 8-ми-лѣтняго возраста, подчинены вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Въ Петергофскомъ, Гдовскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ Петербургской губерніи, при церквахъ, не имѣющихъ правильно организованныхъ церковно-приходскихъ попечительствъ, учреждаются братскіе союзы, съ цѣлью оказанія помощи наиболее нуждающимся прихожанамъ.

— Въ Петербургѣ учреждено, на средства частныхъ благотворителей, убѣжище для призрѣнія сиротъ, оставшихся послѣ умершихъ по разнымъ несчастнымъ случаямъ родителей. Убѣжище состоитъ подъ надзоромъ и управленіемъ С.-Петербургскаго градоначальника.

Политическое обозрѣніе.

Прѣбываніе Его Высочества Наслѣдника Цесаревича въ Берлинѣ ознаменовано рядомъ чествованій Высокаго Гостя. 14 января императоръ Германскій и Наслѣдникъ Цесаревичъ присутствовали на карусели, устроенной 1-мъ гвардейскимъ драгунскимъ полкомъ въ казармахъ полка. Во время заключительной картины карусели—прохожденіе всѣхъ кадрили—полковая музыка заиграла русскій народный гимнъ, всѣ присутствующіе встали съ мѣтой, офицеры салютовали, статскіе сияли шляпны. Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ приложили руки къ козырьку и такъ оставались до конца гимна.

Въ тотъ же день Наслѣдникъ Цесаревичъ и посольскій графъ Шуваловъ присутствовали вмѣстѣ съ императоромъ Вильгельмомъ и принцемъ Генрихомъ на завтракѣ офицеровъ гвардейскаго имени Императора Александра полка. Императоръ Германскій провозгласилъ тостъ за Государя Императора, а Наслѣдникъ Цесаревичъ—за здоровье императора Вильгельма. Командиръ полка предложилъ тостъ за Наслѣдника Цесаревича. Императоръ, въ своемъ тостѣ, сказалъ: „Неоднократныя проявленія милости и живой интересъ, который всегда былъ оказываемъ Русскимъ Императоромъ своему полку, а также дружественное участіе въ радостныхъ событіяхъ моего Дома, которое выразилось въ нынѣшнемъ прибытіи къ намъ Наслѣдника Цесаревича, обязываютъ меня выразить самую горячую благодарность. Мы всѣ видимъ въ Русскомъ Императорѣ не только Высочайшаго Шефа полка, не только благороднѣйшаго товарища, но, прежде всего, носителя вѣчныхъ незыблемыхъ традицій, неоднократно доказанной дружбы и тѣсныхъ отношеній къ моимъ высокимъ предшественникамъ, — отношеній, которыя были въ прежнія времена запечатлѣны кровью русскихъ и прусскихъ полковъ на поляхъ битвъ, передъ лицомъ непріятеля. Поднимите бокалы и воскликните отъ всего сердца: „Ура, Его Величество Государь Императоръ!“ Наслѣдникъ Цесаревичъ, поблагодаривъ, вынулъ за здоровье Германскаго императора и гвардейскаго гренадерскаго имени Императора Александра полка.

Относительно этого гостя *Hamburger Nachrichten* замѣчаетъ: „Тостъ этотъ воскрешаетъ въ памяти времена Вильгельма I и притворничье сужденіемъ о Россіи, которыя въ послѣдніе годы высказывались офиціозами, и даже въ высшихъ сферахъ“.

Замѣчательны также тосты, провозглашаемые императоромъ Вильгельмомъ на банкетахъ въ честь герцога Эдинбургскаго.

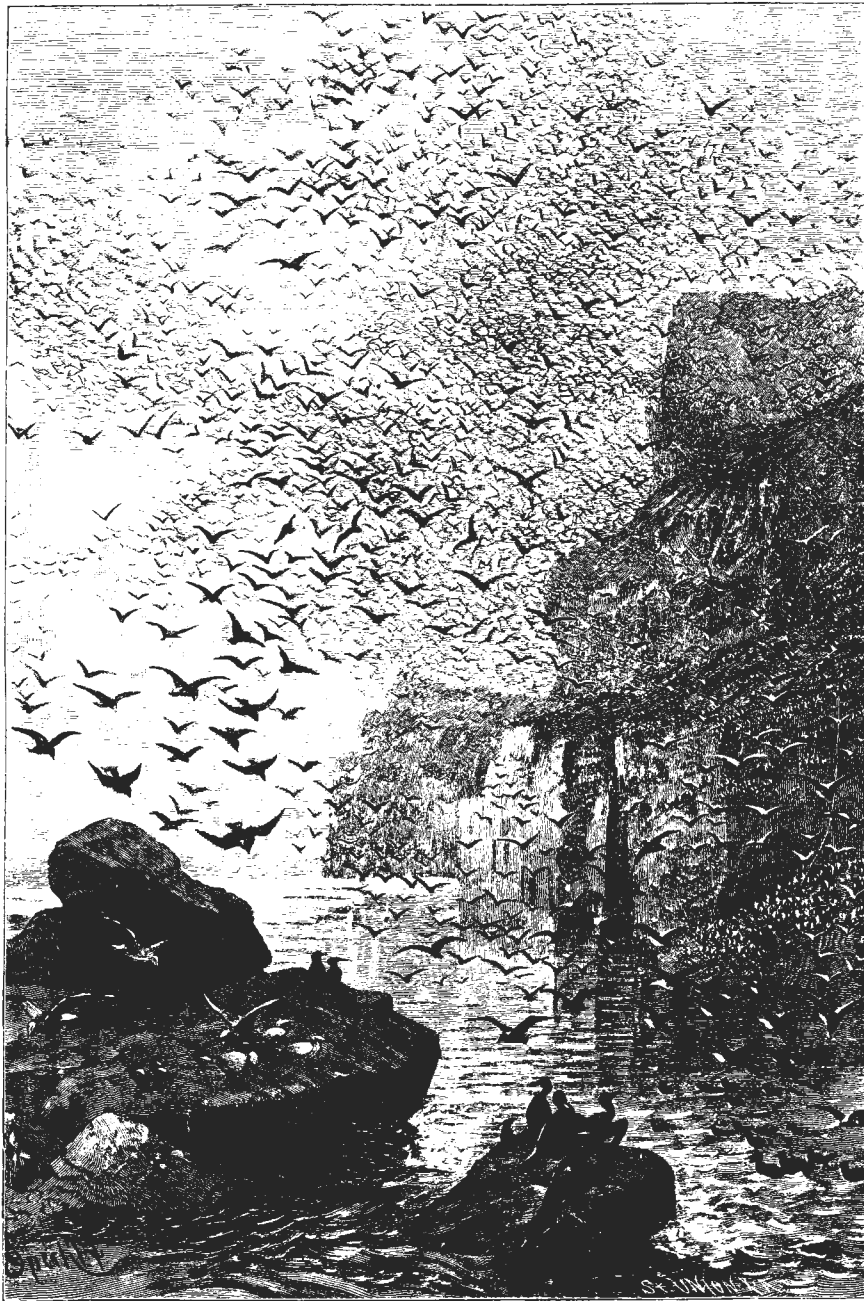
По словамъ *Weserzeitung*, императоръ якобы заявилъ, что: „Англійскій флотъ не только служитъ образцомъ для германскаго флота съ точки зрѣнія технической и ученой, но и герои британскаго флота, Нельсонъ и другіе, служили и будутъ всегда служить путеводными звѣздами для офицеровъ и командъ германскаго флота, который столько же исполнителенъ духа патриотизма, сколько его были исполнены носители этихъ славныхъ именъ. Хотя германскій флотъ предназначается, въ особенности, для обезпеченія мира, онъ, все-таки, если дѣло дойдетъ до войны, сумеетъ исполнить долгъ свой. И если

суждено быть тому, что англійскому и германскому флоту придется сражаться бокъ-о-бокъ съ общимъ непріятелемъ, то знаменитыя слова: „Англія увѣрена, что всѣ и каждый исполнятъ свой долгъ“, сказанныя величайшимъ морскимъ героемъ Англіи передъ Трафальгарскимъ сраженіемъ, отличатся въ патриотическомъ сердцѣ германскаго флота“.

Военная комиссія рейхстага окончила общее обсужденіе военнаго законопроекта. Имперскій канцлеръ заявилъ, что проектъ предназначается вовсе не для противодѣйствія временной и острой опасности, а положенію дѣлъ, которое съ теченіемъ времени можетъ сдѣлаться опаснымъ. Канцлеръ присовокупилъ, что, по убѣжденію союзныхъ правительствъ, страна можетъ выдержать требуемыя отъ нея тяготы.

Твердое и разумное управленіе французскаго министерства починаетъ успѣхи однихъ за другимъ. Бюджеты, бывшіе въ разсмотрѣніи палаты, приняты ею, и внесенныя новыя законоположенія проходятъ вполнѣ благополучно. Изъ послѣднихъ обращаетъ на себя вниманіе законопроектъ о пресѣченіи нападокъ на сберегательныя кассы, предложенный министромъ Буржуа.

Въ Лондонѣ, 19-го января, открытъ парламентъ тронною рѣчью, въ которой сказано, что королева продолжаетъ, по-прежнему, поддерживать дружественныя отношенія ко всѣмъ державамъ, и что заявленія державъ вездѣ благопріятствуютъ сохраненію европейскаго мира. Далѣе сообщается, что рѣшеніе, послать, въслѣдствіе недавнихъ событій въ Египтѣ, большое подкрѣпленіе расположеннымъ тамъ британскимъ войскамъ, не обозначаетъ собою перемѣны ни въ политикѣ относительно Египта, ни въ завѣреніяхъ Англіи объ оккупации этого края. Хедивъ заявилъ, что онъ намѣревается сохранить въ силѣ существовавшее до сихъ поръ обыкновеніе предварительно совѣщаться съ британскимъ правительствомъ о политическихъ дѣлахъ. Затѣмъ тронная рѣчь извѣщаетъ о внесеніи законо-

Птичья горы въ Лапландіи.

проекта, касающагося измѣненія правительственной системы въ Ирландіи, съ цѣлью дать ирландцамъ удовлетвореніе, облегчить британскому парламенту его труды и обезпечить

единство и безопасность государства, а также о внесеніи проекта, направленнаго къ укороченію законодательнаго періода.

Искусство.

Выставка картинъ Л. Ф. Лагоріо.

Вслѣдъ за выставкой И. И. Шишкина (въ Академіи Художествъ) открылась въ помѣщеніи Общества Поощренія Художествъ выставка Л. Ф. Лагоріо. Г. Лагоріо—одинъ изъ старѣйшихъ и, надо прибавить, талантливѣйшихъ нашихъ пейзажистовъ. Въ настоящее время онъ, по прошлогоднему примѣру г. Шишкина, открылъ свою ретроспективную выставку, на которой красуются нѣкоторыя прежнія его картины (счетомъ девять), затѣмъ 58 акварелей и, наконецъ, 319 этюдовъ. Если выставка и не обнимаетъ всей, чрезвычайно плодотворной дѣятельности г. Лагоріо, то она, во всякомъ случаѣ, даетъ очень полное понятіе о характерныхъ особенностяхъ его таланта. Между картинами мы находимъ одну, написанную въ 1849 году,—въ сравнительно ранній періодъ дѣятельности нашего художника. Остальныя картины относятся или къ 1878 году (ба-

писи. На настоящей выставкѣ онъ выступаетъ (на нашъ взглядъ, по преимуществу), какъ акварелистъ, и, надо отдать справедливость, выступаетъ въ чрезвычайно выгодномъ для себя свѣтѣ. Надо внимательно просмотрѣть эти акварели, чтобъ убѣдиться, до какой степени совершенства, тончайшихъ переливовъ свѣта, гармоніи красокъ, прелести рисунка, можетъ дойти акварельная живопись подъ кистью такого пейзажиста, какъ г. Лагоріо. Коллекція его акварелей особенно интересна еще и въ томъ отношеніи, что зритель какъ бы путешествуетъ вмѣстѣ съ художникомъ, который, по мѣрѣ раскрытія новыхъ красотъ сѣверной природы, комментируетъ и объясняетъ ихъ.

Нашъ художникъ почти никогда не гоняется за красочными эффектами, избѣгаетъ яркихъ освѣщеній, необычайныхъ или рѣдко встрѣчающихся переливовъ свѣта и тѣни. Въ его произведеніяхъ нѣжныя, едва замѣтные оттѣнки цвѣтовъ сливаются въ очарова-

Л. Нулонъ, человѣкъ съ необычайно длинной бородой. По фотогр. грав. Тирія.

тальныя картины), или даже къ болѣе позднему времени (большіе пейзажи). Весьма замѣчательная коллекція акварелей, расположенныхъ въ хронологическомъ, если можно такъ выразиться, порядкѣ, представляетъ собою прекрасную, полную разнообразія и интереса иллюстрацію путешествія г. Лагоріо по Финляндіи, Швеціи и Норвегіи; эта коллекція начинается видами города Выборга и кончается нѣсколькими картинами, писанными на вершинѣ Нордкапа. Огромное собраніе этюдовъ масляными красками,—въ большинствѣ случаевъ, очень маленькихъ размѣровъ, имѣетъ, по преимуществу, ретроспективный характеръ и обнимаетъ собою почти всю сорокалѣтнюю художественную дѣятельность маститаго художника.

Коллекція этихъ этюдовъ масляными красками въ высокой степени любопытна и поучительна для исторіи художественнаго развитія г. Лагоріо и тѣхъ творческихъ процессовъ, черезъ которые онъ прошелъ. Въ большинствѣ случаевъ, эти этюды—небольшіе, наскоро писанные наброски, служившіе г. Лагоріо, какъ памятная книжка, въ которой онъ записывалъ, такъ сказать, свои художественныя впечатлѣнія. По разнообразію мѣстностей, изъ которыхъ они взяты, можно приблизительно судить о томъ, какъ серьезно относился г. Лагоріо къ своей художественной дѣятельности, и какъ тщательно и добросовѣстно работалъ, собирая этотъ сырой матеріалъ. Г. Лагоріо, какъ извѣстно,—одинъ изъ лучшихъ и самыхъ талантливыхъ нашихъ маринистовъ (вмѣстѣ съ Айвазовскимъ и покойнымъ молодымъ маринистомъ Судковскимъ); несмотря однако на эту свою спеціальность въ пейзажной живописи, его этюды показываютъ, что онъ чрезвычайно внимательно и подробно изучалъ самую разнообразную сторону природы.

Акварели Лагоріо, расположенныя на выставкѣ послѣдовательно,—уже настоящія, вполне законченныя художественныя произведенія. Наша публика мало знакома съ г. Лагоріо, какъ акварелистомъ. Онъ рѣдко выставивалъ свои акварели и, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, мало, какъ кажется, придавалъ значенія своей акварельной живо-

тельную гармонию и какъ бы охватываютъ весь нѣжной, отчасти грустной, отчасти грандіозной сѣверной поэзіей. Такойъ именно талантъ г. Лагоріо,—робкій, ищущій не сильныхъ эффектовъ, но сильно чувствующій гармонию въ колоритѣ, изучившій до мельчайшихъ подробностей воздушную перспективу и какъ бы отражающій на существенныхъ свойствахъ,—свойства и характерныя особенности сѣверной природы. То же впечатлѣніе, но только въ болѣе полной степени, даютъ зрителю болѣе пейзажи масляными красками, которыхъ, къ сожалѣнію, очень немного на настоящей выставкѣ.

В. Чуйно.

Музына.

Установившійся обычай праздновать Масляницу извѣстнымъ образомъ не однажды вдохновлялъ композиторовъ разныхъ эпохъ и національностей; мы ужъ не говоримъ о маскарадахъ, самой любимой и общепринятой забавѣ во время карнавала всѣхъ временъ; если перебрать все, написанное различными композиторами на тему о маскарадѣ, то пришлось бы, пожалуй, перерыть цѣлыя бібліотеки партитуръ, и мы нашли бы очень много произведеній, тракующихъ музыкально, разумѣется, этотъ предметъ. Но и Масляница, въ тѣсномъ смыслѣ слова, тоже дала обильную пищу для вдохновенія. Нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ произведеніяхъ, но любопытенъ взглядъ на интересующій насъ вопросъ такихъ корифеевъ музыкальной литературы, какъ Шуманнъ, Берліозъ, Свендсенъ, Сѣровъ и Римскій-Корсаковъ, т. е. представителей нѣмецкой, французской, норвежской и русской музыки.

По мнѣнію критика Амброса, только въ двухъ городахъ весело празднуется карнавалъ,—это въ Вѣнѣ и Парижѣ; что же касается Италіи, то тамъ въ настоящее время истиннаго веселья нѣтъ; однако Италіи мы обязаны „Римскимъ карнаваломъ“ Берліоза; „Парижскій“ же „карнавалъ“ Свендсена не можетъ дать яснаго понятія о томъ захватывающемъ весельи, которымъ одержимо

во время Масляницы население современного Вавилона. За то немедкій карнавалъ и, въ особенности, австрійскій обогатили музыкальную литературу замѣчательными произведеніями. Не говоримъ уже о превосходныхъ вальсахъ Штрауса и Ланнера, рисующихъ настроеніе общества въ это веселое время; самъ Шуманъ дважды вдохновился карнаваломъ, и мы его имѣемъ въ двухъ сочиненіяхъ для фортепiano: „Carnaval“ и „Faschingsschwank aus Wien“, въ которыхъ главными дѣйствующими лицами являются всѣмъ извѣстныя фигуры Арлекина, Пьеро, Панталона, Коломбины и пр.

Но Шуманъ былъ однимъ изъ наиболее субъективныхъ, если такъ можно выразиться, композиторовъ; онъ повсюду вноситъ свое „я“, и его личное настроеніе играетъ у него первенствующую роль; и въ этихъ произведеніяхъ,—на сцену выступаютъ самъ авторъ со своими грустными думами; среди общаго веселья онъ ищетъ близкихъ его сердцу героинь („Chiara“ — Клара Викъ, его жена; „Estrella“ — Эрнестина фонъ-Фрикешъ, къ которой онъ питалъ извѣстную страсть до женитьбы и др.). То же находимъ мы и въ его „Faschingsschwank aus Wien“, гдѣ рядомъ съ разными scherzino идетъ intermezzo, полное драматизма и говорящее о меланхолическомъ настроеніи самого композитора. Более объективными являются остальные композиторы, названные выше, и, въ особенности, Берлиозъ, котораго можно назвать созерцателемъ въ звукахъ. Онъ мало увлекается происходящимъ вокругъ него и лишь живописуетъ картины звуками; одна изъ такихъ картинъ — „Римскій карнавал“.

Это народная сцена во второмъ дѣйствіи его оперы „Бенvenuto Челлини“, послужившая увертюрой къ этому акту и исполняемая

отдѣльно отъ оперы. Композиторъ, получившій въ парижской консерваторіи prix de Rome, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Римѣ и имѣлъ возможность присмотрѣться къ итальянскому карнавалу, въ которомъ онъ видитъ разгулъ нестрой толпы и передаетъ ее своимъ слушателямъ, самъ однако нисколько не воодушевляясь этимъ разгуломъ.

Более странное впечатлѣніе оставляетъ „Парижскій карнавал“ норвежскаго композитора Свендсена, представителя суроваго Сѣвера, видимо непонимающаго разгулявшихся южныхъ жителей съ ихъ горячими темпераментами. Это не „парижскій карнавал“, какимъ переживаетъ его населеніе французской столицы, а масляничное время, которое пережилъ во Франціи Свендсенъ, озадаченный происходившей передъ нимъ картиной.

Совсѣмъ не то мы видимъ у русскихъ композиторовъ; Масляница изображена во „Вражьей силѣ“ Сѣрова (драма Островскаго „Не такъ живи, какъ хочется“, сюжетъ которой разыгрывается на Масляной) и въ „Сибгурочкѣ“ г. Римскаго-Корсакова; одинъ рисуетъ намъ почти современное веселье нашего народа, другой переноситъ свое дѣйствіе въ сказочный міръ Берендеевъ (тоже сюжетъ Островскаго); одинъ беретъ самое дѣйствительное, другой поэтизируетъ ее. Но сколько оживленія въ музыкальных картинахъ того и другого; можно пожалуй упрекнуть Сѣрова въ слишкомъ густыхъ краскахъ, накладываемыхъ имъ на выбранную картину; но сцена второго дѣйствія „Широкая масляница“ производитъ всегда поразжающее впечатлѣніе на публику. Не менѣе интересенъ и г. Римскій-Корсаковъ, сцена Масляницы котораго принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ „Сибгурочки“. Мы ограничились, говоря о карнавалахъ, лишь самымъ выдающимся въ музыкѣ. **В. Баскинъ.**

С М Ъ С Ъ .

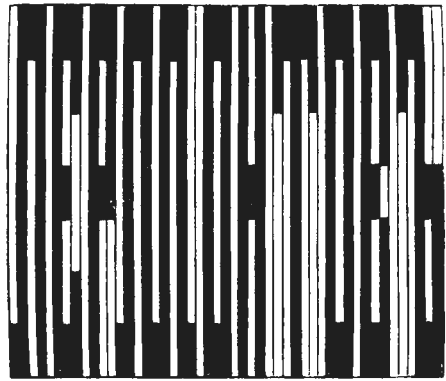
Замѣчательный коверъ. Въ „юстирной“ палатѣ на монетномъ дворѣ въ С.-Франциско ежегодно сжигается коверъ, на который всегда посидая въ комнатѣ золотая пыль садится въ теченіе года въ такомъ количествѣ, что въ нынѣшнемъ году изъ уничтоженной ткани добыли безпримѣрное количество золота, на сумму около 2600 долларовъ. (в.)

Наблюденія надъ движеніемъ облаковъ. произведенныя въ одной американской обсерваторіи (въ штатѣ Массачусетсѣ), привели къ слѣдующимъ выводамъ. Зимой облака плаваютъ обыкновенно ниже, чѣмъ лѣтомъ. Въ кучевыхъ облакахъ замѣчается та особенность, что лѣтомъ основаніе ихъ ниже, чѣмъ зимой, а вершина — наоборотъ. Судя по скорости перемѣщенія облаковъ, слѣдуетъ заключить, что воздухъ движется зимою вдвое быстрее, чѣмъ лѣтомъ. Средняя скорость самыхъ высокихъ облаковъ достигаетъ зимою до 150 верствъ въ часъ, но наблюдали также скорость и въ 330 верствъ въ часъ. Эти цифры, въ сравненіи съ данными нашихъ обсерваторій, даютъ основаніе полагать, что въ Америкѣ воздушныя теченія верхнихъ слоевъ атмосферы обладаютъ большею скоростью, чѣмъ у насъ. Что касается направленія движенія облаковъ, то въ наиболее высокихъ слояхъ воздуха преобладаетъ восточное, а ниже 4000 метровъ высоты въ 90 случаевъ изъ ста облака приходятъ изъ мѣстъ лежащихъ между юго- и сѣверо-востокомъ. Вблизи поверхности земли, а также въ перистыхъ и кучевыхъ облакахъ, господствующее направленіе — сѣверо-восточное, повше — юго-восточное. (г. в.)

Изъ за океана. Корреспондентъ одной изъ столичныхъ газетъ сообщаетъ о сдѣланныхъ нашему извѣстному художнику проф. Айвазовскому ованіяхъ въ Нью-Йоркѣ. Къ привезеннымъ съ собою восьми картинамъ, въ нѣсколько недѣль онъ успѣлъ присоединить уже на мѣстѣ еще 14 оконченныхъ совершенно картинъ, изъ коихъ шесть большихъ размѣровъ. Публика приходитъ въ восторгъ отъ его „Ниагарскаго водопада“ съ радугой, рисующейся изъ-за водяныхъ испареній, вида „Бури на Атлантическомъ океанѣ“; извѣстно, что въ этомъ жанрѣ живописи у него нѣтъ соперниковъ. Выставилъ онъ, сверхъ того, „Первый восходъ солнца послѣ всемірнаго потопа“, съ горой Араратомъ вдали, „Переходъ израильскихъ чрезъ Красное море“, виды Венеціи, Амальфи, Крыма, Кавказскихъ береговъ, Москвы зимою и еще разъ Ниагарскій водопадъ при солнечномъ закатѣ. На банкетѣ, устроенномъ въ его честь, по словамъ того же корреспондента, присутствовали всѣ мѣстныя литературныя и художественныя знаменности, до 500 человекъ.

Новый телеграфный кабель будетъ проложенъ въ скоромъ времени между Европой и Африкой. Онъ соединитъ городъ Марсель съ Ораномъ въ Алжирѣ. (г. в.)

Рѣшеніе задачи № 1 (помѣщенной въ № 1).

Рѣшеніе ребуса № 50 (помѣщеннаго въ № 50 за 1892 г.). „Кто въ нуждѣ не бывалъ, тотъ ее и не знавалъ“.

Рѣшеніе задачи № 51 (помѣщенной въ № 51 за 1892 г.). Начиная съ буквы О (внизу направо воалѣ Е) и отсчитывая каждую 7-ю букву, получимъ слѣдующую пословицу: „Одна пчела не много меду натаскаетъ“.

Рѣшеніе ребуса № 52 (помѣщеннаго въ № 51 за 1892 г.). „Неправдой нажитое въ прокъ не пойдетъ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Джеттатура. Повесть графа Е. А. Салиаса. (Продолженіе). — Изъ восточныхъ мотивовъ. Ученый слонъ. Стих. В. Величко. — Первый блинъ да комомъ. Рассказъ П. Н. Полеваго. — „Если женщина захочетъ, то поставитъ на своемъ“. Комедія въ одномъ дѣйствіи И. М. Булацель. — Къ рисункамъ: Масляница (съ 7 рис.). — Птичьи горы въ Лапландіи (съ рис.). — Человѣкъ съ необычайно длинной бородой (съ 2 рис.). — Пантомимическія представленія. Очеркъ А. Л.-Н. — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Искусство. — Смѣсь. — Рѣшенія задачъ. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марьясъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

САРИНКА И САРИНСКАЯ ЧЕСУЧА
 8-6 **СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ.** П. № 6160
 Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылается по принимаетъ на свой счетъ. требованію **бесплатно.**
 Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ И СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.;
3 за 13 р. 90 к.
ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО
 56-ой ПРОБЫ
 съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ.
 Пересылку наложеннымъ платежемъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20-31.

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.
 Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссенция Жюкей клубъ	Віолетъ де Парма	Бѣлая роза
Букетъ Императрисы	Розеда	Милль-Флеръ
Илангъ-Илангъ	Люби меня	Амалія
Майскій-Ландышъ	Степленъ букетъ	Гладиоль
Вѣлыи геліотропъ.	Ірисъ	Кисель не квинъ
Вѣлая лилія	Эдельвейсъ	Испанская кожа
Сирень перс.	Жасминъ	Самое свѣо
Лаванъ	Олеонакъ	Черемуха
Фіалка	Шипръ	Lilas Heuri
	Букетъ де Цааръ	Lotus.

ПРОБНЫЕ ФЛАКОНЫ ВЫСЛАЮТСЯ НЕ МЕНЬШЕ 10 ФЛАКОНОВЪ ЗА 1 Р. 40 К.; съ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ ГОРОДА РОССИИ. (Иромъ СИБИРИ)

И. № 6178-5

Велосипеды английского завода „Гумберъ и К^о. Лмтд.“
лучше въ свѣтѣ!
предлагаетъ торговый домъ
Г. ЖЕМЛИЧКА и К^о.
Москва, Неглинный просп., домъ Еяниной.
Прейс-курanty—бесплатно.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.
МИНДАЛЬНОЕ № 5914
МЫЛЬНОЕ ТЪСТО
Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.
Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и приятная пѣна, впитывается въ кожу, придаетъ ей мягкость и нежность; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к.
Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Васильевая ул., д. № 2.

ПИАНО МЕЛОДИКО
Новѣйш. механ. INSTR. со струнами 80 р.
Ноты за метр (1 1/2 арш.) по 70 коп.
ОРНЕСТРЪ-МАНОПАНЬ 60 руб.
Ноты по 1 р. 20 к. и дороже.
ГЕРОФОНЫ 25 р. **АРИСТОНЫ** 20 р.
Ноты къ нимъ за каждую пьесу по 50 к.
СЕРАФИНЫ 14 руб. Ноты къ нимъ за каждую пьесу по 35 коп.
АРИСТОНЪ-МАЛЮТКА
безъ пьесъ 6 руб.
Пьесы за каждую по 20 к.
Рекомендуется въ большомъ выборѣ
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, д. Волкова.
Иллюстрир. преис-курanty—бесплатно.
Каталогъ нотъ для механическихъ инструментовъ—бесплатно. Ц. № 6068 3-3

КУЗЬМИЧЕВСКАЯ ТРАВА,
смолистый хвойникъ, въ цвѣтѣ, —имѣется единственно въ складѣ хвойника Н. А. Тетсина въ г. Бузулукѣ, Самар. губ., д. Жуковой. Цѣна за фунтъ 1 руб. Подроб. наставленіе при посылкѣ; высылаю и налож. платежемъ.
ЧТО МОЖЕТЪ СДѢЛАТЬ ИСКУССТВО
для поддержанія жизни и отдаленія смерти? Д-ра медицины А. И. Ильинскаго. Ц. 1 р. съ пересл. № 6204 2-2
Книжный магазинъ
В. А. БОГДАНОВА,
Москва, Петровскія линіи, 5.
Магазинъ высылаетъ всевозмож. рус. книги

Людв. Федоров. Шликэйзенъ
МОСКВА № 6217 5-1
Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ
рекомендуетъ: шародобители, кирпичедѣлательныя и тофляныя машины; прессы для трубъ съ раскрутками, черенцы и брикетовъ; машины для выработки шмота и огнеупорныхъ кирпичей; мѣшадки для растворовъ. Изготавливаетъ планы печей.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 10-6

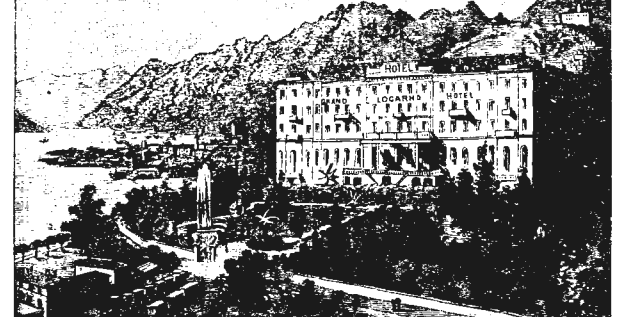
ЗА 5 РУБ. ЗА 10 РУБ.
КРАСИВО ПИСАТЬ выучиваю всякаго **ЗАОЧНО** (посредствомъ лекцій корреспондентій) въ 10 уроковъ. **УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ.** Подробное объясненіе преподаванія высылаю за 3 семикопѣечныя марки. Ш. № 6051 (4)
ДВОЙНОЙ ИТАЛІАНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ обучаю **ИНОГОРОДНЫХЪ** вполнѣ и основательно въ 2-3 мѣсяца. При окончаніи выдаю ученику **СВИДѢТЕЛЬСТВО.** Адресъ: Москва, Покровка, д. церк. Иоанна Предтечи, у Земл. вала. Учит. каллигр. и бухгал. А. С. Шиманскому.

ВАЖНО ДЛЯ МАТЕРЕЙ.
Вновь усовершенствованный профессоромъ **Сонслетомъ** въ Вѣнѣ, аппаратъ для кипяченія и
СТЕРИЛИЗАЦИИ МОЛОКА
есть одно изъ необходимѣйшихъ приобрѣтеній для каждой матери. Онъ служитъ для безусловнаго уничтоженія всѣхъ болезнетворныхъ микро-организмовъ, какъ въ молокѣ, такъ и въ искусственныхъ смѣскахъ, употребляемыхъ для кормленія дѣтей. Печатное подробное описаніе раздается и высылается желающимъ безвозмездно и аппараты продаются по крайне пониженнымъ цѣнамъ
ВЪ ГИГИЕНИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ МАГАЗИНА
8-4 **Р. КЕЛЕРА и К^о, въ Москвѣ.** Ц. № 6177

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ
ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ. В. № 6201 8-2
Страховые билеты Общества „Россія“ выдаются во всѣхъ агентствахъ Общества и также на вокзалахъ Главныхъ станцій желѣзныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣздовъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **БЕРЛИНЪ,** Егерштрассе, 46,
рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшего качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерию
„BOUQUET RUSSE“.
Духи **ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО**
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. Саше.
Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парижскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (21)

PAPIER FAYARD et BLAYN
Пластичная бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требуется съ этикетками Fayard et Blayn. Имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. № 5989 (16-10)

LOCARNO Станція Готтардской ж. д. у Лаго Маджоре наилучшая и ближайшая
ЗИМНЯЯ СТАНЦІЯ
Общепризнанная всѣми медицинскими авторитетами и специально рекомендованная Королев. Бавар. Совѣтникомъ медицины, проф. д-ромъ А. Мартиноу, какъ самая превосходная въ Европѣ зимняя и весенняя станція. № 6199 6-3
Grand Hôtel Locarno.
Открытъ въ продолженіе всего года. — Наилучшимъ образомъ приспособленъ къ проживанію въ немъ зимою. — Лучшее мѣстопробываніе въ Италіанскихъ озерахъ. Самая комфортабельная гостиница на континентѣ, въ замѣчательно красивой мѣстности. Большой паркъ съ роскошной южной растительностью. Зимнія окна, центральное отопленіе, изразцовые печи и камины во всѣхъ 200 номерахъ и залахъ. — Лѣченіе виноградадомъ. — Нѣмецкій врачъ. — Ванны. — Подъемная машина. — Англійская и пѣмецкая церкви. — Сообщеніе на частныхъ пароходахъ и лошадахъ. — Первоклассная кухня и погребъ. — Умѣренныя цѣны. — Проспектъ и описаніе, составленное проф. Мартиноу, высылаются бесплатно владѣльцемъ. Valli.

Желаю купить имѣніе въ черноземной полосѣ Тамбов. губ., обстроенное, близъ ж. д., отъ 200 до 400 дес. Обращаться съ крайними услов. письм. къ Н. А. Герасимову, г. Тамбовъ, Семинар. ул. № 6221

УСОВЕРШЕНСТВ. КЕРОСИНОВЫЕ
ДВИГАТЕЛИ „СЛАВА“
прочной и солидной конструкціи (спеціально для Россіи). Наибыгоднѣйшая эксплуатация. Недорогія цѣны. Прейс-курanty по первому требованію.
В. Б. Жуновскій, С. П. Бургъ. 10-я рота, 16

ЛЕНИНГЪ и ГЮЗНИГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405
Соч. агронома Я. Л. БОРОХОВИЧА.
1) „Рѣпа или Турнепсъ“. — „Зимняя рѣпа (Storrelgrube)“, какъ спасит. средство во время неурожая хлѣбовъ и голода. 1893 г. Ц. 20 к. № 6222
2) Причины регресса льноводства и льняной промышленности въ Россіи. 1892 г. Ц. 60 к.
3) О нашей торгово-промышленной политикѣ (внѣшней и внутрешней) въ связи съ вопросомъ о прогрессѣ и регрессѣ въ дѣлѣ сельскаго и лѣснаго хозяйства. 1893 г. Ц. 60 к.
Складъ изданій у автора: ст. Рудня, Могилев. г. Цѣны означены съ пересылкой. Книгопродавцамъ обычная уступка. Высылаются и налож. платежемъ или по полученіи соответ. колич. почт. марокъ.

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается всѣмъ заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ
у **ПРОФЕССОРА КАЛ. ПИГРАФИН**
А. КОССОДО.
Методъ премированъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 32-2
За 2 семикопѣечныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
АМОСТРОУМОВА
ПРОИЗВЕДЕНІЕ
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УТВЕРЖДЕНО ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
МАРКУ 2113374
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

САМЫЙ
ОБШИРНЫЙ ВЪ РОССІИ
СКЛАДЪ
ПЕРВОКЛАССНОГО
МЫЛА
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Блокъ МОСКВА

Карль Ивановичъ Вагнеръ,
Садовое заведеніе въ Ригѣ,
сими имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
НАТАЛОГИ СЪМЕНАМЪ и пр. на 1893 г.
изданы и пересылаются по требованію бесплатно. № 6205 3-2

ВРАЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ
заведеніе въ Петербургѣ
для перво-болѣзненныхъ и неуспѣвающихъ дѣтей. Науки, ремесла и земледѣіе. Отд. для судорожныхъ. Приемъ въ четвертъ и воскресенье, 1-4 ч. дня. Выб. стор. Александр. 15. № 6225
Врачъ-учредитель **Ив. Малайревскій.**

ЦАРЬ-ДЪВИЦА.
Вс. Соловьева.
Ром. хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пересл. 2 р. 50 коп., въ коллор. перепл. 2 р. 75 к., съ пересл. 3 руб. 25 коп.

Только что вышли из печати:

МАЛЕНЬКИЙ ЛИСТЪ

Новѣйшій сборникъ 63 лекц. н-в. въесъ и танцевъ въ 2 и 4 руки, сост. Ю. Нагель. 1 р. 50 к., въ роск. переплетѣ 2 р. 25 к.

ПОЭТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

(Klavierproesen). Алб. шесть средн. трудности въ 2 руки, сост. А. Шефера, ор. 20. Госк. книж. изд. 1 р. 50 коп.

Имяются у издателя

Юлій Генрихъ Циммерманъ
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40, Москва, Кузнецкій м., д. Захарыина, и во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ.

НОВАЯ КНИГА: СПУТНИКЪ МЕЛЬНИКА-МЕХАНИКА.

Собрание правилъ, таблицъ и практическихъ свѣдѣній для мельниковъ, строителей и владельцевъ мельницъ, монтеровъ и т. д. Сочиненіе С. Нотовича. Цѣна въ кожаномъ переплетѣ 3 руб. 50 к., въ кожаномъ 3 р. 75 к., безъ переплетя 3 р. Нижегородскіе адресуютъ: Въ складъ мельничныхъ машинъ С. Нотовича въ Одессѣ, Базарная, № 66. Книга поступила также въ продажу въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и др.

Ц. № 5933 20 8

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА П. К. Пряннишникова и В. Н. Маракуева

высылаютъ бесплатно каталоги по народной и дѣтской литературѣ, по сельскому хозяйству, техническихъ и научно-популярныхъ книгъ.

Каталоги выходятъ 3—4 раза въ годъ.

Адресъ: Москва, Пятницкій пер., домъ Гурьянова. III. № 6216 3-1

PARFUMERIES aux Violettes de Parme ED. PINAUD

Savon.... aux Violettes de Parme
Essences... aux Violettes de Parme
Huile... aux Violettes de Parme
Poudre de Riz aux Violettes de Parme

37, BOULEVARD de STRASBOURG
PARIS

GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

ПЕШИШКАЯ МАШИНА 25-9

РЕМИНГТОНА № 5

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 5996

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1892 г.

заключ. въ себѣ массу гравюръ и рисунковъ и болѣе 1,500 столбцовъ текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, популярно-научныхъ статей и между прочимъ съблудующихъ капитальныхъ произведеній: „Изъ приключеній Горунина въ Итали“, разск. А. Н. Майкова, „Служитель Бога“, истор. ром. въ 2 част. Гр. Е. А. Салиаса, „Стратонъ Стебельцынъ“, пов. С. Н. Терпигорева (С. Атавы), „На берегахъ Невы и Темзы“, больш. ром. В. П. Желиховской, „Дора“, пов. Вас. И. Немировича-Данченко, „Зѣло до-садительное дѣло“, больш. истор. разск. П. Н. Полевого, „На Сине-морскихъ буграхъ“, ром. В. П. Желиховской, „Юлений островъ“ (дра-ма на морѣ) А. Я. Максимова и проч., и проч.

Къ этому тому бесплатно прилагается:

- 1) Двѣнадцать большихъ книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, научн. статей и между прочимъ слѣдующихъ выдающихся произведеній: очеркъ И. А. Гончарова, повѣсть Д. В. Григоровича, ист. разск. Сизова, разск. Г. П. Данилевскаго, разск. Н. Д. Маслова, разск. Вас. И. Немировича-Данченко, пов. кн. М. Н. Волконскаго, разск. П. Н. Полевого, пов. П. Д. Боборыкина, разск. гр. Е. А. Салиаса, разск. И. Н. Потапенко, разск. Н. С. Лѣскова, разск. И. Щеглова, разск. кн. М. Н. Волконскаго и пр. Стихотворенія: А. Александрова, В. Величко, Д. Мережковскаго, К. Фофанова и др. Научная вѣтхонія, задачи, игры, библиографія, смѣсь и пр.
- 2) Четыре изъ этихъ книгъ заключаютъ въ себѣ полныя собранія сочиненій: И. И. Козлова, А. С. Грибоѣдова, А. И. Полежаева и А. В. Кольцова.
- 3) Каждое собраніе сочиненій выдано въ видѣ отдѣльныхъ, совершенно самостоятельныхъ томовъ, съ портретами авторовъ, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ.
- 4) Художественный альбомъ „ПНВЫ“, заключающій въ себѣ: 10 КАРТИНЪ, исполненныхъ fac-simile по оригиналамъ Айвазовскаго, Бенуа, Боголюбова, Дмитріева-Оренбургскаго, Зихеля, Котляревскаго, Кошелева, Лагоріо, Маковского, Навозова. Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и 7½ вершк. ширины. Картины выдаются въ изящной папкѣ, украшенной авгарелью акад. С. Александровскаго.
- 5) 12 №№ ежемѣсячнаго приложения „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.
- 6) 12 ЛИСТОВЪ ежемѣсячнаго приложения рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 600) и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

Цѣна полному изданию „НИВЫ“ со всеми приложениями 5 р. На пересылку събудетъ прилагать за 22 фунта по почтовой таксѣ. Желающіе имѣть изданіе въ роск. колѣнор. переплетѣхъ, благоволятъ сверхъ этого прилагать за переплетъ тома „НИВЫ“ 1 р. 50 к. и за 7 перепл. на „Сборникъ“ (3 переплетя „Сборника“) и сочиненія Козлова, Грибоѣдова, Полежаева и Кольцова (4 переплетя) 1 р. 75 к. Переплетенныя экземпляры производятся въ лицахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплетенный экземпляръ „НИВЫ“ за 1892 г. со всеми приложениями, въ лицахъ, обойдется 9 р. Пересылка на счетъ заказчика.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Захарыина.

РЕКОМЕНДУЕТЪ ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА
по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ:

Скрипки	отъ 2 до 800 р.	Фисгармоніи лучшихъ американскихъ и французскихъ фабрикъ, а также новѣйшей фабрики Шидмайера, рекомендац. Главачемъ, Гейзельтомъ, Листомъ и другими, отъ 85 до 1.200 руб.
Віолончели	„ 20 „ 500 „	
Мандолины	„ 10 „ 125 „	
Цитры	„ 8 „ 125 „	
Гитары	„ 3 „ 125 „	
Корнеты-а-пистоны	„ 12 „ 250 „	
Флейты	„ 2 „ 160 „	
Кларнеты	„ 6 „ 75 „	

Разные механическіе музыкальные инструменты, играющіе посредствомъ вер-отъ 4 до 60 руб. и въскія отъ 22 до ченя ручки, отъ 6 до 600 руб.

Лучшія въ мірѣ ГАРМОНИИ
І. Ф. КАЛЬБЕ
75 руб.

Прейсъ-курантъ бесплатно.

Выпущено Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ новое изданіе:

УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ ДѢТЬМИ. Д-ра Перье.

Переводъ съ франц. подъ редакціей д-ра А. И. Добровольскаго. Ц. 50 коп. Продается во всѣхъ книж. маг. Главный складъ въ книж. магазинѣ Луковникова (СПБ. Лешуговъ пер., д. 2). М. № 6214

Юный ИМПЕРАТОРЪ Романъ в 5-ти книгахъ ХУІІІ в. Всеволода Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшего англійскаго колѣнорка, съ золотымъ тисненіемъ, печатными красками, на 1892 годъ, по поздравному образцу, 1 р. съ перес. 1 р. 60 к.

БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКІЙ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ самъ себя брить повозобрътвенною безопасною бритвою „СТАРЪ“

употребленіе коей особенно облегчаетъ бритье, а съ гигиенической точки зрѣнія составляетъ дѣйствительно важное изобрѣтеніе, ибо каждый можетъ ею бриться. Бритва „Старъ“ выдана изъ самой чистой шифрованной и магнетизированной новѣйш. патентованной способомъ бланъ стали. При каждой бритвѣ приложено объясненіе способа употребленія. Этого „Старъ“ нашелъ такое громадное распространеніе во всемъ свѣтѣ, что фабрикантъ изобрѣтатель въ „Америкѣ“ не успѣваетъ ихъ заготовлять. Цѣна съ перес. 5 руб.

ПЕРО - ФОНТАНЪ!

Въ перѣ находится стекляннй цилиндръ, который наполненъ чернилами и во время писанія чернила стекаютъ черезъ особенное внутреннее устройство на перо. Кончикъ писанія, на перо надвигаютъ кансоль, чтобы его можно было носить въ бумажникѣ или въ карманѣ. Перо выдвинутое и поэтому не ржавѣетъ. Одного наполненія хватаетъ, если много писать, на два дни. № 6219

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 1 руб.

СТАЛЬНАЯ ЛИНЕЙКА цѣна 1 р. 50 к., очень поправившаяся, вновь полученна. По желанію высылаю прейсъ-курантъ поностей. **Конст. Мальмъ**, Б. Морская, № 34. Отправка налож. платежемъ.

Д-ръ Волицкій лечитъ парижскія, кожные, грудныя болѣзни, ракъ и элискротъ. Невскій, 27, кв. 5 Отд-2-3 и 6 7-е ч. и.

2-ой ВЫИГРЫШ- НЫЙ

заявъ, 1 марта тиражъ, продаетъ на условіяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ № 6223 5-1

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПб.

„НЬЮ-ІОРКЪ“

Общ. Вз. Страх. Жизни.
Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.
Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 декабрь 1892 г. Р. 2.714.072 23.
Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (33)
Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

XXIV г.

№ 6

г. XXIV

1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ НАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИЖЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
 Выдастъ 6 февраля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 страну непарейль (¼ шир.
 стран) въ Глав. Кон. Ред. по
 1 руб.—Загран.: для Франціи
 у Agence Navas по 3 fr., для
 Австр., Герман. и Швейц. у Ri-
 dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петер-
 бургъ. 5 р.

Съ доставкою въ Петер-
 бургъ. 6 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію,
 Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На ¼ года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На ½ года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
 Н. И. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
 рода Россіи. 7 р.

За границу: съ перес. въ Австрію,
 Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На ¼ года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На ½ года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особья приложенія при
 „НИВѢ“ объявленій отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.
 при семъ же прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ „НИВЫ“ ЗА ФЕВРАЛЬ.** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** за ФЕВРАЛЬ
 1893 г. съ 38 рис. и отд. лист. съ 28 черт. выкр. въ натур. велч., 6 архитектурными рисунками печат. красками и
 27 рис. выпильныхъ работъ.

Сандрильона. Съ карт. Гарбургера, грав. Край.

Джеттатура.

Повѣсть графа Е. А. Салиаса.

(Окончаніе).

XVIII.

Покуда вся Венеція—патриціатъ во дворцѣ, а плеба на Пиацеттѣ и по всѣмъ улицамъ и каналамъ, примыкающимъ ко дворцу, торжественно, шумно и радостно принимали рѣдкаго гостя республики, на самыхъ краяхъ города была мертвая тишина и полное безлюдье. Только дѣти да старухи оставались здѣсь дома, ожидая своихъ съ разказами о чудесахъ...

На одномъ изъ дальнихъ кварталовъ-острововъ въ маленькомъ домигѣ, около церкви Анунціаты, сидѣли и бесѣдовали два челоѣка, для которыхъ праздника Венеціи не существовали. Одинъ изъ нихъ, старикъ, хозяинъ дома и священникъ, почти никогда не переступалъ предѣловъ своего прихода. Другой, его гость и давнишній знакомый, уже во второй разъ явился сюда и вслѣдствіе особо важнаго невѣроятнаго приключенія забылъ и думать о Генрихѣ III.

Вчера за полночь просидѣлъ онъ у священника, а сегодня снова пришелъ смущенный, встревоженный и будто больной отъ бессонныхъ ночей и отъ нравственныхъ терзаній.

Это былъ Джіакомо Боббіо, заходившій къ священнику ради утѣшенія и помощи. И лучше выбрать челоѣка было нельзя.

Padre Paolo знала и почитала вся Венеція за его святую жизнь, христіанскія добродѣтели и готовность помочь всякому и словомъ, и дѣломъ. Часто видалъ народъ у пристани, гдѣ стояла маленькая и убогая церковь Анунціаты, не однѣ лишь наемныя, сѣренскія гондолы, а роскошныя гондолы первыхъ и знатнѣйшихъ патриціевъ.

Джіакомо Боббіо, послѣ вторичнаго состязанія съ невѣдомымъ иностранцемъ, окончательно былъ убитъ нравственно, не спалъ, не ѣлъ и былъ близокъ къ умопомѣшательству. Но теперь дѣло шло не о самолюбіи перваго шахматиста всего Анненскаго полуострова...

Джіакомо зналъ и твердо вѣрилъ, что никто не можетъ его обыграть въ шахматы. И за десять лѣтъ этого не случилось.

Теперь загадочный челоѣкъ, собственно никому близко неизвѣстный въ городѣ, сказывающійся—по словамъ Даль-Верма—французомъ, обыгралъ его, Боббіо, четыре раза. И обыгралъ поразительно! Онъ прежде лишалъ его, Боббіо, разума и сознанія и простого пониманія игры въ шахматы и затѣмъ уже обыгрывалъ, какъ взрослый ребенокъ...

А какъ имя этого незнакомца? Какъ самъ онъ назвался?

Страшно вымолвить истинному католику, боящемуся Бога и повинующемуся св. отцу Папѣ...

Это имя сразу поразило его, Джіакомо,—какъ же другіе, никто, не замѣчаютъ, не слышатъ и не чувствуютъ, кто около нихъ?...

„Di-Avoio развѣ не то же, что diavolo?“ невольно думалъ Боббіо, боясь произнести это вслухъ.

И, промучившись, онъ отправился къ знаменитому padre Paolo. И все рассказалъ священнику. Доказательства были ясны... Десять лѣтъ никто не обыгрывалъ Боббіо. А времена, какія наступили на свѣтѣ? А Лютеръ? Личина антихриста... А гугеноты?! А вѣдьма, которую весной поймали и утопили около Болоньи и которая потомъ летала чрезъ Адриатическое море три дня съ одного берега на другой. А колдунъ и черношнникъ Сондоріо, котораго недавно судила Кварантія. Развѣ въ такія времена не можетъ врагъ челоѣ-

чекій дойти до крайней дерзости, благодаря своимъ недавнимъ новымъ побѣдамъ надъ нечестивымъ міромъ.

Padre Paolo, узнавъ все обстоятельно объ этомъ приключеніи, былъ совершенно во всемъ согласенъ съ Джіакомо. Въ одномъ только расходились они. Боббіо считалъ своего соперника въ шахматахъ за самого сатану... Онъ это чувствовалъ, сидя противъ него, всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ.

Padre Paolo утверждалъ, что, благодаря благодати Господней, до этого дѣло на землѣ еще не дошло... Самъ сатана не является такъ, запросто, среди людей и ни въ какія игры играть не станетъ... Но конечно скоро и это будетъ! По мнѣнію священника, побѣдитель Боббіо былъ челоѣкомъ, какихъ особенно много развелось на свѣтѣ. Онъ былъ безбожникъ, продавшій сатанѣ душу и дерзко взывшій даже имя царя тьмы.

Padre обѣщала подумать, разсудить и найти средство не только побѣдить слугу ада, но и отомстить его патрону.

Когда Джіакомо явился теперь къ священнику, старикъ посадилъ его за столъ, а затѣмъ принесъ маленькій ящичекъ и поставилъ его на столѣ.

— Вотъ что я, amico i figlio mio, придумалъ, заговорилъ Padre Paolo.—Давно тому назадъ, въ церкви Анунціаты было небольшое изображеніе изъ мрамора патрона нашего города, Святого Марка... Это изображеніе было боготворимо всей Венеціей и дѣлало чудеса... Однажды, невѣдомо какъ, по грѣхамъ нашимъ, это изображеніе было разбито въ мельчайшіе куски и само Небо откликнулось на это событіе, такъ какъ въ эту же ночь была надъ Венеціей гроза съ грохотомъ и небеснымъ огнемъ, подобныхъ которымъ и девяностолѣтніе старики запомнить не могли.

Вѣрующіе люди, дѣлавшіе богатые вклады въ храмъ, получили право брать себѣ частицы этой реликвіи, и вскорѣ въ храмѣ остались только двѣ или три частицы прежняго изображенія святого. Все это было давно... Теперь въ ризницѣ храма остается только одна священная и чудотворная частица... Вотъ она...

Padre Paolo открылъ ящичекъ и досталъ изъ него маленькую, въ вершокъ, мраморную ручку, всѣ пальцы которой были отбиты. Оставались только указательный палецъ и мизинецъ. Священникъ поцѣловалъ реликвію и передалъ ее Боббіо.

— Возьмите эту ручку... Надѣньте на себя, когда снова пойдете въ кондитерію... Я отвѣчаю вамъ, что слуга сатаны будетъ поспрашивать. Онъ изъ самолюбія снова пойдетъ на состязаніе, но будетъ чувствовать себя униженнымъ, будетъ мучиться и страдать возлѣ васъ, не зная и не понимая, что овладѣло имъ...

Джіакомо Боббіо просіялъ, слезы радости и благодарности наполнили его глаза.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ выходилъ отъ padre Paolo сияющій... и вѣрующій...

Когда шахматистъ явился на площадь Св. Марка, изъ дворца начался уже развѣздъ. Король уже былъ давно во дворцѣ Фоскари... На Ривѣ послѣ отъѣзда всѣхъ дамъ, прокураторовъ и именитѣйшихъ сановниковъ съ женами и дочерьми сажались въ гондолы болѣе молодые и менѣе важные патриціи.

Боббіо, радостный и счастливый, хотѣлъ пройти мимо, но вдругъ остановился, какъ вкопанный. Въ числѣ молодежи, толпившейся у Ривы, онъ увидѣлъ двухъ весело и громко разговаривавшихъ молодыхъ людей, въ красивыхъ костюмахъ французскаго покроя.

— Онъ! вскрикнулъ невольно Джіакомо.

Одинъ изъ собесѣдниковъ былъ дѣйствительно кавалеръ ди-Аволо... Но Боббіо едва узналъ его...

„Слуга сатаны“ будто преобразился... Онъ ликовалъ, онъ сиялъ, онъ торжествовалъ! Что-то новое очевидно приключилось въ аду или съ нимъ.

XIX.

„Il Veronese“ смѣло подошелъ къ кавалеру, ожидая сразу смутить и даже сокрушить его одной своей близостью съ реликвіей на груди.

— А! синьоръ Джакомо! Мой врагъ! воскликнулъ весело кавалеръ и, двинувшись навстрѣчу къ Боббіо, едва не обнялъ его.

— Я къ вамъ съ просьбой, заявилъ Боббіо изумляясь отчасти, что „слуга сатаны“ ничего не чувствуетъ...

И шахматистъ заявилъ кавалеру, что просить дать ему снова возможность отыграться.

— Когда угодно, *carissimo signore*, отозвался кавалеръ.

— Сегодня, въ девять часовъ.

— Это невозможно, отозвался ди-Аволо.—Я такъ усталъ за весь день... И такъ чудно-хорошо себя чувствую, радостно произнесъ онъ,—что непременно проиграю...

„А?! Вотъ оно! Дѣйствуетъ!“ подумалъ Боббіо, понявъ что слуга дьявола, котораго вѣроятно уже начало корчить отъ близости ручки Св. Марка, отбивался, коварно изображая счастье и восторгъ.

— Вы боитесь! сказала Джакомо таинственно.— Вы чувствуете, что теперь... сегодня вы уже не тотъ...

— Да, я боюсь. Правда, синьоръ... Сегодня я дѣйствительно не тотъ человекъ! воскликнулъ кавалеръ.

Графъ Неверъ тоже любилъ шахматы. Узнавъ, что передъ нимъ первый по мнѣнью шахматистъ всей Италіи, и что кавалеръ все-таки обыгралъ его, графъ сталъ упрашивать ди-Аволо не отказать ему въ удовольствіи поглядѣть хотя бы одну игру.

— Ну извольте... согласился этотъ. Но я предупреждаю васъ, что проиграю.

— О, въ этомъ я не сомнѣваюсь! воскликнулъ обрадованный Боббіо.

— Мнѣ теперь не до обдумыванья ходовъ и всякихъ плановъ... весело объяснилъ кавалеръ.

— Это такъ и должно быть! строго сказалъ Боббіо, глядя въ глаза слуги сатаны и прижимая на груди рукою свою реликвію.

Кавалеръ размѣялся.

Черезъ четверть часа *il Veronese*, ди-Аволо, графъ Неверъ и еще два француза изъ свиты Генриха, а за ними десятокъ молодежи изъ патриціевъ были уже въ кондитеріи.

Вѣсть о новомъ состязаніи скоро облетѣла кондитерію и всю площадь... Многие уже слышали наканунѣ объ народившемся у Боббіо соперникѣ... Масса народа весело бросилась на любопытное и даровое зрѣлище.

Партія началась... Джакомо Боббіо сталъ сосредоточенно серьезенъ, но спокоенъ. Кавалеръ радостно глядѣлъ на все и на всѣхъ, кромѣ доски и шахматъ... Партія продолжалась не долго... Боббіо не радовался. Лицо его выражало одно изумленіе... Онъ, Джакомо, не только не старался хорошо играть, онъ подавался, онъ дѣлалъ глупые и пагубные ходы... И все-таки дѣло шло къ мату—его противнику.

Да, кавалеръ ди-Аволо игралъ какъ молодецъ, какъ неучъ, какъ пьяный, какъ безумный...

Всѣ кругомъ смѣялись промахамъ кавалера, а самъ онъ смѣялся громче всѣхъ, смѣялся до слезъ.

И никто не зналъ здѣсь, что это были слезы счастья! И какого счастья?—Съ страшнымъ трудомъ достигнутого, съ отчаянной дерзостью добытого, съ боя взятого у мачихи-судьбы...

Завтра онъ получитъ патентъ изъ рукъ виконта Та-ванна и станетъ каштаномъ французскихъ королевскихъ войскъ... Завтра же вечеромъ онъ войдетъ въ домъ, гдѣ будетъ ждать его она, его возлюбленная. До сихъ поръ онъ видалъ ее лишь на балконѣ и въ окнахъ ея дворца. А завтра, среди таинственного мрака ночи, они будутъ вдвоемъ и одни, благодаря помощи Сильвіи, *La biondissima*, первая красавица Венеціи, дочь героя адмирала и креста, будетъ въ его объятіяхъ, какъ его невѣста...

— Шахъ и матъ! заявилъ Боббіо.

— Вы очень разсѣянно играли, заявилъ Неверъ.

— Онъ вовсе не умѣетъ играть! раздалось въ толпѣ.

— Ступить не умѣетъ!

— Кто же пустилъ по Венеціи эту глупую шутку, что онъ игрокъ и обыгралъ Боббіо...

Кавалеръ ди-Аволо не смутился отъ проигрыша и весело объяснилъ:

— Я говорилъ, что проиграю...

— Еще одну... сурово заявилъ Боббіо.—Я вамъ даю впередъ коѣя.

— Отдайте королеву, Джакомо! раздалось въ толпѣ зрителей.—И все-таки выиграете!

И вся толпа, наполнявшая кондитерію, громко и насмѣшливо расхохоталась.

— Хотите еще одну на этихъ условіяхъ? спросилъ Боббіо, мѣряя кавалера взглядомъ, какъ ничтожество.

— Извольте, размѣялся ди-Аволо.—Но я, право, согласенъ съ тѣмъ, что если вы мнѣ дадите и королеву, то все-таки я проиграю...

Вторая партія началась. Кавалеръ хотѣлъ было постараться играть внимательно и стало-быть освободиться отъ роя своихъ чудно радужныхъ мыслей и своихъ грѣзъ объ завтрашнемъ днѣ и всякихъ мечтаній о будущемъ, но затѣмъ онъ тотчасъ же черезъ три хода вдругъ рѣшилъ вслухъ:

— Ни за что!.. Я хочу проигрывать и проигрывать синьору Джакомо. *Malheureux au jeu, heureux en amour!*...

Партія продолжалась при частыхъ насмѣшливыхъ замѣчаніяхъ зрителей.

Между тѣмъ, *патрицій ди-Аволо*, давно уже выѣхавъ на кораблѣ изъ Венеціи, съ многочисленной свитой секретарей, уже давно въ Парижѣ, въ качествѣ посла Венеціанской республики. Онъ представляется монарху Франціи Генриху, уже пожилому, давно царствующему королю... Монархъ, ради многихъ заслугъ посла, воспользовался этимъ случаемъ. Онъ обнажилъ мечъ и собирается коснуться имъ плеча ди-Аволо... Но вмѣсто sacramentalныхъ словъ посвященія въ рыцари, Генрихъ говоритъ:

— Шахъ и матъ!

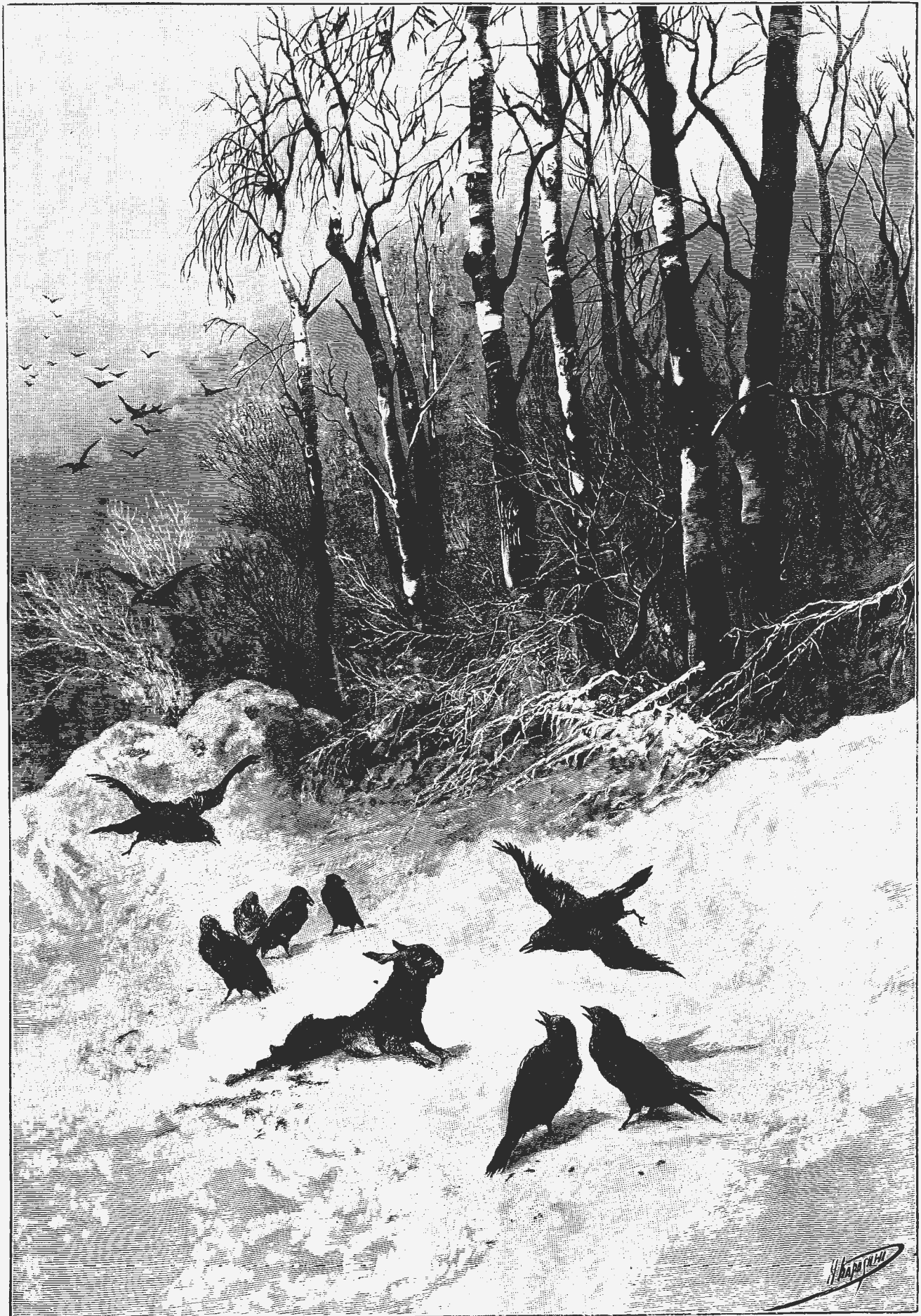
Нѣтъ, это не Генрихъ. Это Джакомо Боббіо.

Погуда кавалеръ ди-Аволо забавлялъ публику въ кондитеріи, играя въ шахматы какъ малый ребенокъ, Анджелина тоже не владѣла собой отъ счастья, прижавшись во всемъ отцу.

Добродушный адмиралъ, обожавшій дочь, былъ смущенъ этою неожиданностью. За всю жизнь ему ни разу не пришло на умъ, что дочь вдругъ соберется замужъ за чужеземца. Вообще, подобнаго рода браки бывали большой рѣдкостью.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Контарини узналъ отъ дочери нѣчто, что подѣйствовало на него и расположило въ пользу неожиданнаго семейнаго событія.

Всѣ венеціанцы, сыны республики, гдѣ существовало только одно званіе патриція, или почетныя званія даваемая должностью, были надки на отличія другихъ государствъ, высоко цѣнили рыцарскіе ордена и стремились принадлежать къ нимъ и равно преклонялись предъ титулами, которыхъ не было въ отечествѣ.

Льсная драма. Ориг. рис. (собетв. „Нивы“) Н Каразина, грав. М. Рашевскій.

Петербургская жизнь. Зимняя сцена. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) в Козачинского, грав. Шпильеръ.

Титуль кавалера у молодого человека, влюбленного въ Анджелину, поколебалъ твердое рѣшеніе адмирала видѣть дочь замужемъ за соотечественникомъ. Общественное положеніе ди-Аволо, какъ любимца Французскаго монарха, дѣлало его тоже ровней знаменитаго рода патриціевъ, къ которому принадлежала адмиралъ. Обь состояніи молодого француза Контарини не думалъ, потому что самъ былъ страшно богатъ.

Объясненіе дочери съ отцомъ привело къ тому, что Анджелина, еще болѣе счастливая, чѣмъ во дворцѣ, пошла спать, восторженно обьяненная...

Спала ли дѣвушка эту ночь, или только грезила и бредила до самаго восхода солнца, она сама не знала. Она готова была поклясться, что снова видѣлась съ кавалеромъ, ѣхала съ нимъ въ гондолѣ, а потомъ шла въ шествіи, рука въ руку, по площади Св. Марка... Ястребиный взглядъ Французскаго монарха преслѣдовалъ ее и пугалъ... Но la biondissima не боялась, потому что „онъ“ былъ около нея, готовый защитить отъ всего на свѣтѣ.

Рапо утромъ Анджелина послала свою любимицу камеристку съ запросомъ къ двоюродной сестрѣ и тотчасъ получила отъ нея отвѣтъ, что мужъ ея въ духѣ и веселъ, собирается вечеромъ, съ другими патриціями, сопутствовать королю въ его вечерней прогулкѣ по городу, ради иллюминаціи, и что поэтому „условленное совершенно возможно“.

Было десять часовъ утра, оставалось цѣлыхъ двѣнадцать часовъ до условленнаго свиданія.

Анджелина не знала, доживетъ-ли до этого мгновенія.

XX.

Дворецъ Даль-Вермэ, какъ и большая часть дворцовъ патриціевъ, выходилъ фасадомъ на широкую „водяную“ улицу или на каналъ, но заднимъ дворикомъ и службами соприкасался съ узенькими переулками-коридорами города. Сами владѣльцы, по принятому обычаю, всегда покидали домъ и возвращались домой исключительно съ параднаго крыльца, омываемаго водами Адриатики. Пѣшкомъ ходить считалось постыднымъ. Можно было только гулять по площади Св. Марка, Пиацеттѣ или на Ривѣ Скіавони. Наоборотъ, прислуга всякаго дворца сообщалась съ городомъ исключительно черезъ дворикъ и переулки.

Въ этотъ вечеръ, когда вся Венеція ждала блестящей иллюминаціи всѣхъ зданій, дворцовъ и храмовъ, всѣхъ улицъ, каналовъ и даже дальнихъ острововъ и лагунъ, городъ, какъ будто отдохавшій за день, вдругъ проснулся и ожилъ при заходѣ солнца.

И вся Венеція загудѣла изъ края въ край, все живое высыпало на улицы и каналы глядѣть потѣшныя огни и видѣть проѣздъ высокаго гостя, Генриха, который, въ сопровожденіи дожа, прокураторовъ и многихъ патриціевъ, долженъ былъ объѣхать весь городъ, блистающій въ его честь.

Едва лишь закатилось солнце, какъ красивая гондола причалила къ дворцу Даль-Вермэ и изъ нея выскочила весело или порхнула какъ птица красивая молодая дѣвушка. Сильвія встрѣтила двоюродную сестру тоже веселая. И каждая заговорила о своей радости. Анджелина рассказала о своемъ благополучномъ объясненіи съ отцомъ и благодарила горячо Сильвію за ея помощь... за то, что сейчасъ произойдетъ... за устроенное свиданіе!

Сильвія была, казалось, не менѣе счастлива, ибо мужъ, незнавасмо странный и зловѣще угрюмый за послѣдніе два-три дня, вдругъ измѣнился, сталъ веселъ, ласковъ съ женой, какъ давно уже не бывалъ, и теперь совершенно довольный отправился во дворецъ Фоскари, чтобы сопутствовать въ своей-же гондолѣ королю въ его прогулкѣ на „Буцентаврѣ“.

— И все-таки я боюсь... прибавила Сильвія.

— Чего? изумилась Анджелина.

— Боюсь,—чего?—не знаю... Я никогда мужа не обманывала.

— Но это не обманъ.

— И ничего никогда не дѣлала безъ его вѣдома, кротко объяснила Сильвія.—Сегодня въ первый разъ... это...

— Свиданіе?.. Но вѣдь оно для меня. Это скорѣе обманъ моего отца, нежели твоего мужа. Наконецъ, черезъ два-три дня — я невѣста...

— Знаю!.. Знаю!.. Но все-таки...

Сильвія однако не долго смущалась. Счастье юной кукли было слишкомъ велико и заразительно, чтобы кто-либо могъ тревожиться около нея. Вскорѣ-же, весело и лукаво смѣясь и перешептываясь, двоюродныя сестры, а съ ними въ заговорѣ и камеристка Лукреція—распустили всю домашнюю прислугу дворца, чуть не выгнали насильно всѣхъ—идти глядѣть иллюминацію. Даже одну хворую старуху, всегда сидѣвшую по вечерамъ у воротъ небольшого дворика, усѣвшуюся и теперь, Лукреція сумѣла выжить вонъ обманомъ.

Это было необходимо, такъ какъ кавалеръ ди-Аволо долженъ былъ, конечно, явиться во дворецъ не въ гондолѣ съ параднаго крыльца, а тайно одинъ, пѣшкомъ и черезъ ворота дворика.

Солнце давно сѣло... Ночная тьма уже спускалась на синія волны и блѣдно-розовые дворцы Венеціи... По городъ гудѣлъ изъ конца въ конецъ и кое-гдѣ начали уже вспыхивать потѣшныя огни.

Скоро вся Венеція пылала, сверкала и искрилась, смотря въ зеркало воды. И въ пучинѣ мимо-бѣгушихъ волнъ былъ свой такой-же праздникъ, въ ней были тоже опрокинутыя башни и дворцы и длинные огненные столпы... И все это обманное, созданное искусствомъ человека, дрожало и колебалось, плыло и тонувало въ пучинѣ.

А развѣ сверкающая Венеція, ея пышно и пестро разодѣтый патриціатъ, сопровождающій короля, и золотой „Буцентавръ“, развѣ гулъ, смѣхъ и говоръ тысячъ народа, толпящихся вокругъ огней и костровъ, развѣ все это не опрокинется, какъ обманъ, и не унесется волною времени? Развѣ все это не потонетъ въ пучинѣ вѣковъ!?

Каждое мгновеніе вѣчно бѣгущаго времени уноситъ что-либо въ эту алчную и ненасытную пасть — ими которой: ничто.

За маленькой дверкой флигеля дворца Даль-Вермэ, въ темномъ сараѣ, гдѣ собранъ всякій хламъ, стоитъ человекъ, который никогда не бывалъ здѣсь.

Его истомила жажда самая мучительная... Жажда смерти... Онъ думаетъ только объ одномъ, какъ сейчасъ утолитъ ее...

И онъ не знаетъ, не чувствуетъ, что колеблющіяся огни Венеціи не успѣютъ еще потухнуть, обманные облики опрокинутыхъ храмовъ и дворцовъ будутъ еще весело дрожать и плыть въ волнахъ, а его уже не будетъ. Онъ не обманъ, не марево, а духъ, плоть и кровь — исчезнетъ прежде нихъ и такъ же быстро и легко, потому что тоже лишь одно мгновенье вѣчно бѣгущаго времени унесетъ его...

Ослѣпленный безумной ревностью, Даль-Вермэ, почти лишенный разсудка и пониманія окружающаго, обманулъ жену въ это утро.

Вѣрный рабъ его, лакей, далматинецъ родомъ, помогалъ ему изо всѣхъ силъ съ той минуты, какъ бессмысленное подозрѣніе запахло ему въ душу.

Одинъ изъ лакеевъ, любимецъ Сильвіи, отлучился въ этотъ день изъ дому утромъ и побывалъ во дворцѣ Джустиніани. Далматинецъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Черезъ часъ послѣ того, какъ клеветъ доложилъ госножѣ своей принесенный имъ устный отвѣтъ, онъ

былъ схваченъ... Онъ сознался. Его послали къ кавалеру ди-Аволо, который будетъ ввечеру у госпожи...

И послѣ вынужденнаго признанія посланецъ Сильвіи исчезъ безслѣдно, какъ ежедневно исчезали въ Венеціи люди, не только плебеи, но часто—патриціи.

Въ тѣ мгновенья, когда Сильвія и Анджелина ждали ди-Аволо въ опустѣвшемъ дворцѣ, Даль-Вермэ стоялъ на стражѣ своей чести, чтобы отомстить и наказать... Ослабленный своей бурной страстью, онъ даже не видѣлъ, не замѣтилъ и не зналъ, что ко дворцу подъѣзжала еще засвѣтло гондола и что жена не одна останется дома, не одна ожидаетъ тайнаго почного гостя.

Наконецъ, среди свѣта и гула по всей Венеціи и почти полной тьмы и тишины на дворикѣ и во дворцѣ Даль-Вермэ—въ воротахъ показалась высокая фигура мужчины въ черномъ плащѣ и маскѣ...

Миновавъ ворота и внимательно оглядѣвшись, вошедшій двинулся къ большому дверямъ, гдѣ мерцалъ свѣтъ.

Но другая мужская фигура выросла на его дорогѣ.

— Ни шагу дальше! глухо произнесъ Даль-Вермэ такимъ сдавленнымъ отъ гнѣва голосомъ, что ди-Аволо сразу не узналъ владѣльца дворца.

Но остановившій его взмахнулъ обнаженной шпагой и крикнулъ:

— Защищайтесь!..

— Стойте!.. Одно слово!.. вскрикнулъ ди-Аволо, вмгъ понявъ недоразумѣніе.

— Защищайтесь или умирайте какъ собака! былъ отвѣтъ.

И шпага Даль-Вермэ слегка вонзилась въ грудь ди-Аволо. Онъ отскочилъ и тоже обнажилъ свою шпагу, чтобы не быть убитымъ тотчасъ.

— Умоляю васъ!.. Одно слово!.. Вы...

Но Даль-Вермэ не хотѣлъ да и не могъ слышать... Скрещенныя шпаги уже звенѣли, будто взвизгивали и будто искрились.

Женскій крикъ раздался въ окнахъ...

Черезъ мгновеніе одинъ изъ бьющихся тоже вскрикнулъ и, опрокинувшись, грузно упалъ на землю... Онъ былъ пронзенъ насквозь...

Когда двѣ женщины, объята ужасомъ, выбѣжали во дворикъ, упавшій уже терялъ сознание и кончался...

А огни Венеціи, колеблемые морскимъ вѣтромъ, еще сверкали, обманные облики дворцовъ еще дрожали, еія въ мимо-идущихъ волнахъ...

XXI.

Прошло два дня...

Французскій монархъ со свитой уѣзжалъ около полудня на „Твердую землю“, соупутствующимъ снова всѣмъ патриціатомъ. Дождь и прокураторы простились съ высокимъ гостемъ на островѣ Лидо.

Народъ проводилъ гостя тѣмъ-же кличемъ:

— Viva Arrigo il Terzo! Viva il Re di Francia e di Polonia!

Но послѣ проводовъ короля, долго шумѣвшая и волновавшаяся Венеція не стихла, а снова волновалась. Толпы народа цѣлые два дня тѣнились на площади Св. Марка и около дворца Дожей отъ зари до зари.

Иного рода обстоятельство, необычайное и невѣроятное, подняло весь городъ на ноги. Прошелъ слухъ, а затѣмъ и подтвердился, что за время пребыванія короля Генриха, былъ въ Венеціи, присутствовалъ при всѣхъ торжествахъ и толкался повсюду среди патриціата и среди плебы, равно и во дворцахъ и на улицѣ...

— Кто-же?

— Оборотень! Слуга сатаны! Колдунъ! Мелкій бѣсъ, хитрый и дерзкій. Самъ царь тьмы и ада — самъ дьяволъ!

Такъ говорилось и передавалось повсюду... Но, разумѣется, молва народная, бѣгая по Венеціи, не могла рѣшиться окончательно—кто-же „онъ“, смутившій теперь всеобщій покой и напугавшій всѣхъ—отъ стариковъ до младенцевъ.

Рѣшить кто „онъ“ — колдунъ или слуга сатаны — дѣло Кварантин или Sant Officio. Но гдѣ-же былъ погубившій себя однимъ невольнымъ ударомъ шпаги?

Выдававшій себя за кавалера ди-Аволо исчезъ безслѣдно. Одни увѣряли, что онъ исчезъ, какъ исчезаетъ всегда нечистая сила, т. е. непостижимо и необъяснимо... Другіе увѣряли, что Di-Avolo или diavolo уничтоженъ или очарованъ реликвіей и поэтому взятъ, какъ простой смертный, заключенъ въ тюрьму и уже судится Судомъ Трехъ.

И за эти дни нашелся одинъ человекъ, уже давно хорошо извѣстный Венеціи и ставшій теперь настоящей знаменитостью... Но всѣ бѣжали къ нему не затѣмъ, чтобы поглядѣть какъ онъ удивительно играетъ въ шахматы, а затѣмъ, чтобы послушать его искреннее, пылкое повѣствованіе о томъ, какъ онъ сокрушилъ дьявола, и посмотрѣть тѣ, чѣмъ онъ сокрушилъ его.

И повсюду, на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ охотно повѣствовалъ Джакомо Боббіо обо всемъ, что съ нимъ приключилось, и набожно показывалъ маленькую мраморную ручку, частицу чудотворнаго изображенія Св. Марка, патрона республики и, стало быть, защитника всякаго венеціанца.

И многое, многое рассказывалъ „il Veronese“ помимо своего собственнаго приключенія.

Онъ первый донесъ Кварантин о присутствіи въ Венеціи слуги сатаны, подъ видомъ чужеземца, француза. И затѣмъ уже оказалось многое, чего и понять нельзя... Истинное дьявольское навожденіе...

Взятый збирами въ кварталѣ Кюджіа и заключенный въ тюрьму, „онъ“ оказался и кавалеромъ, и французомъ, и португальцемъ, и венеціанцемъ, и любимцемъ короля Генриха, и секретаремъ Совѣта Трехъ, и агентомъ именитаго да-Понтэ, и капитаномъ французскихъ войскъ, и любовникомъ синьоры Сильвіи Даль-Вермэ, и женихомъ дочери адмирала Контарини, и гугенотомъ, и евреемъ, и племянникомъ простого ростовщика... И, взявъ съ тѣмъ,—ничѣмъ!.. Да, ничѣмъ!.. Все это было одно навожденіе! Онъ—слуга сатаны или самъ сатана, сокрушенный реликвіей Джакомо Боббіо, и сокрушенный разъ навсегда.

И многіе въ трепетѣ ужаса отъ того, что стало твориться на бѣломъ свѣтѣ, пожелали имѣть если не реликвію, то хотя-бы одинаковое-же изображеніе, вѣрное подобіе этой ручки съ двумя вытянутыми пальцами—указательнымъ и мизинцемъ.

„Онъ“ — смутившій Венецію, дерзновенно явившійся даже съ именемъ diavolo — исчезъ безслѣдно... Только именитый да-Понтэ и еще двое патриціевъ, составлявшихъ Судъ Трехъ за это время, знали кто „онъ“ и какъ кончилъ свои дни...

И затѣмъ все современное этому странному событію также безслѣдно исчезло съ лица земли... Осталась одна Царица Адриатики — красавица Венеція... Но царица только красотой, а не могуществомъ!

И осталось еще въ потомствѣ вѣрное подражаніе ручкѣ Св. Марка, при помощи которой всякій набожный итальянецъ, всегда имѣя ее при себѣ, всегда сокрушить сатану и аггеловъ его!.. Ручка съ двумя вытянутыми пальцами—Джеттатура.

К О Н Е Ц Ъ .

Путешествіе по Йеллоустонскому національному парку.

Очеркъ Павла Линдау. Переводъ Б. К.

Знаете-ли вы, что такое Йеллоустонскій національный парк? Йеллоустонскій паркъ находится въ серединѣ Скалистыхъ горъ, занимая сѣверо-западный уголъ Вайоминга и узкія полосы сосѣднихъ штатовъ Монтана и Идаго. Онъ лежитъ на высотѣ 7,000—8,000 футовъ надъ уровнемъ моря и занимаетъ поверхность въ 9,500 квадратныхъ километровъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ объ Йеллоустонскомъ паркѣ не знали ничего положительнаго, а существовали только сказки и преданія о чудесной странѣ посреди Скалистыхъ горъ, гдѣ на окаменѣлыхъ деревьяхъ, точно плоды, висятъ драгоценные камни, какъ-то: алмазы, рубины, сапфиры, смарагды въ величину грецкихъ орѣховъ, гдѣ высятся дымящіеся спѣговыя горы и разстилаются горячія озера, изъ которыхъ бьютъ въ небеса громадные столбы горячей воды. Такія баснословныя исторіи рассказали впервые одинъ изъ американцевъ, взятый въ плѣнъ индѣйцами и убѣжавшій оттуда. Его сочли за сумасшедшаго и, конечно, не придали значения его рассказамъ.

Десять лѣтъ спустя два авантюриста-золотопроискателя проникли въ неизвѣстную до тѣхъ поръ область теченія рѣки Йеллоустона. Хотя они и вернулись домой съ пустыми руками, за то тѣмъ удивительнѣе были принесенныя ими свѣдѣнія объ этой странѣ чудесъ. Это было въ концѣ шестидесятихъ годовъ. Рассказамъ золотопроискателей придали больше вѣры, чѣмъ обѣщавшему отъ индѣйцевъ плѣннику, и по всей сосѣдней странѣ распространились рассказы о чудесной землѣ. Эти толки дошли до правительства и, заинтересовавшись ими и побуждаемое общественнымъ мнѣніемъ, оно снарядило экспедицію для научнаго изслѣдованія неизвѣстной области, поставивъ во главѣ этой экспедиціи извѣстнаго геолога, профессора Гайдена.

Изслѣдованія этой экспедиціи показали, что толки, ходившіе объ этой странѣ, отнюдь не были вымыслами праздной фантазіи, но заключали въ

Охота съ лассо на медвѣдя.

секаго жилья. Стража, охраняющая Йеллоустонскій паркъ, находится подъ начальствомъ капитана. На этотъ постъ обыкновенно избираются образованные и энергичные офицеры, которымъ даются неограниченныя полномочія. Капитанъ имѣетъ право лично судить и наказывать всѣхъ нарушающихъ статьи закона объ Йеллоустонскомъ паркѣ, какъ-то: схваченныхъ на мѣстѣ преступленія воровъ дичи, браконьеровъ и порубщиковъ, селящихся на территоріи парка и проч.

Число большихъ гейзеровъ Йеллоустонскаго парка — здѣсь разумѣются тѣ, которые выбрасываютъ колоссальныя столбы воды на высоту отъ 50 до 200 футовъ — доходитъ до пятидесяти. Мелкихъ же гейзеровъ — безчисленное количество. Что касается до горячихъ ключей, которые раздѣляются на двѣ группы: съ известковымъ и кремнеземнымъ осадкомъ, то число ихъ колеблется между 5 и 10 тысячами. Цифра эта почти произвольная, ибо до сихъ поръ не существуетъ еще особой спеціальной карты Йеллоустонскаго парка.

Несмотря на то, что паркъ уже двадцать лѣтъ, какъ объявленъ національною собственностью, пути сообщенія съ нимъ находятся въ крайне жалкомъ состояніи, и суммы, ассигнованныя правительствомъ на потребности этой страны, очевидно, потрачены безо всякаго расчета. При открытіи Йеллоустонскаго парка на него возлагали большія надежды, какъ на будущій замѣчательный курортъ, гдѣ соединятся водно и карлсбадскіе источники, и ахенскіе сѣрные ключи, эмскій натръ и швальбахское желѣзо, и кислинская поваренная соль, и другіе цѣлительныя источники и вещества. Надежды эти не оправдались, и вмѣсто сражающаго человѣчества паркъ посѣщаютъ исключительно ученые, да любопытные туристы.

Однако, нельзя сказать, чтобы цѣлительныхъ ключей вовсе не было въ Йеллоустонскомъ паркѣ: свѣдущіе люди говорятъ совершенно противоположное. Конечно, этотъ вопросъ дѣло будущаго, что же касается до удобства путешествія по этой странѣ, то въ этомъ отношеніи много сдѣлала мѣстная администрація. Въ прекрасныхъ экипажахъ, на лошадей съ опытными кучерами можно объѣхать вдоль и поперекъ всю территорію парка. Весь объѣздъ парка продолжается отъ 4-хъ до 8-ми часовъ, смотря по желанію. На мѣстахъ остановокъ воздвигнуты незатѣпливыя отели для туристовъ, не похожіе, конечно, на модные американскіе отели съ концертными балами и т. п., но напоминающіе небольшие деревянные баракы-лавки; столы, конечно, такъ же незатѣпливы, какъ и самыя отели, и часто просто невкусны; но чего же желать большаго въ этомъ пустынномъ уголѣ мѣра, расположенномъ посреди Скалистыхъ горъ. Да, впрочемъ, проголодавшись послѣ долгаго утомительнаго пути, и за то скажешь спасибо, особенно когда доберешься до мягкой постели и слышишь, какъ тамъ за окномъ воетъ вѣтра, а подъ землей идетъ постоянная вулканическая работа съ ея шумомъ, свистомъ и грохотомъ. Право, существующихъ тамъ удобствъ вполне достаточно для того, чтобы считать себя въ такіе минуты самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ.

Я отправился съ нѣсколькими спутниками въ Йеллоустонскій паркъ немного раньше, чѣмъ начинался тамъ обыкновенно объѣздъ туристовъ, запасшись рекомендательными письмами къ тремъ важнѣйшимъ мѣстнымъ лицамъ, именно: къ начальнику стражи капитану Андерсону, содержателю отелей В. Джонсону и владѣльцу экипажей, въ которыхъ совершается путешествіе по всей территоріи парка. Послѣдній обладаетъ тремястами упряжными и шестьюдесятью верховыми лошадьми и тридцатью экипажами, отъ 6 до 20 мѣстъ въ каждомъ. Такимъ образомъ, наше путешествіе было обставлено всевозможными удобствами. Погода, несмотря на раннее время года — мы осматривали паркъ въ маѣ — стояла благоприятная и довольно теплая, только по утрамъ и вечерамъ было довольно свѣжо. Кромѣ насъ, дру-

Скалы изъ обсидіана и бобровое озеро.

тепныя известковыя формации, напоминающія своимъ видомъ ледяныя сосульки, постоянно измѣняющія свой видъ и положенія, съ выходящимъ изъ нихъ теплымъ паромъ, и громадное количество горячихъ ключей и красивыхъ горячихъ озеръ, и гейзеры съ вырывающимся изъ нихъ гигантскими столбами горячей воды и пара, водонады, ущелья — словомъ, все, что рассказывалось объ этой чудесной странѣ, все представилось глазамъ изумленныхъ изслѣдователей. Картина мѣнялась съ каждымъ днемъ: одинъ гейзеръ пропалъ, на мѣсто ихъ являлись новыя, одни ключи и озера высыхали и взамѣнъ ихъ появлялись новыя озера. Все это побудило Гайдена внести на разсмотрѣніе правительства проектъ объявить Йеллоустонскій

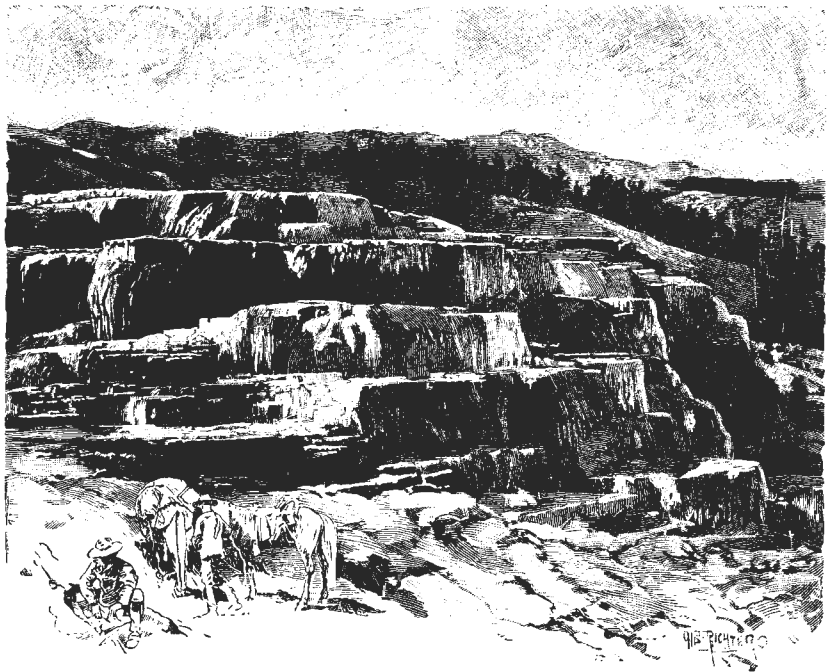
Жена рыбака. Съ карт. Дейролли, грав. Бодъ.

гих путешественников не было, и потому можно себя представить, с каким вниманием принимали нас управляющие отелей, по большей части шведы и норвежцы, в течение восьми месяцев сплывшие здесь, буквально не вида живого человека.

Мы проехали в Йеллоустонский парк с северо-запада, от границы с Канадой, от лесистых берегов Puget-Sound'a, получающего воду из Тихого Океана через проливъ Juan-de Fuca. Мы перешли Каскадные горы и, послѣ долгаго пути по сѣверной части Скалистыхъ горъ, достигли наконецъ рудопосной Монтаны и прибыли на станцію Левингстонъ, лежащую на рѣкѣ Йеллоустонѣ. Отсюда идетъ утомительная дорога на лошадяхъ до самаго сѣвернаго угла Йеллоустонскаго парка.

По мѣрѣ углубленія сѣвера въ Йеллоустонскій паркъ, природа развертываетъ постепенно передъ зрителемъ свои чудеса, передъ нами проходятъ точно въ панорамѣ величественныя картины, поражающія своею оригинальностью. Въ первый день нашего путешествія постепенно представились нашимъ глазамъ Мамонтовы горячіе ключи, обычные вулканическія образования, какія всегда бывають въ странѣ гейзеровъ, маленькія озера и миниатюрные гейзеры, представлявшіе какъ бы крошечныя модели тѣхъ озеръ и гейзеровъ, которыя намъ предстояло увидѣть въ слѣдующіе дни. Такъ, въ кабинетѣ главнаго инженера, на фабрикѣ, мы видимъ маленькія модели фабричныхъ машинъ и затѣмъ уже, войдя на самую фабрику, поражаемся грандіозными размѣрами и грохотомъ работающихъ машинъ. Мы могли совершенно близко подходить къ крошечнымъ гейзерамъ и даже сами, ради забавы, устроили одинъ. Для этого надо было только воткнуть палку въ мягкую теплую почву дюйма на два, не болѣе, и подождать нѣсколько мгновений. Изъ отверстія сначала появлялся паръ, а затѣмъ брызгала струя горячей воды дюйма на два въ вышину. Съ каждымъ шагомъ вглубь парка, объемы озеръ и гейзеровъ увеличивались. Въ Норрисѣ, на широкой равнинѣ мы уже могли видѣть два значительные гейзера, изъ которыхъ подымались большія струи воды на, сравнительно, значительную высоту. На мѣстѣ трегейей остановки, у рѣчки Firehole, находятся замѣчательные по свѣтовой игрѣ своей воды, такъ-называемые, пыльные гейзеры. И, чѣмъ дальше, тѣмъ величественнѣе стали попадаться гей-

Йеллоустонскимъ озеромъ, которое превосходитъ всѣ прочія горячія озера міра чрезвычайною прозрачностью своей воды и красивымъ мѣстоположеніемъ. Оно лежитъ на высотѣ 7,500 футовъ надъ поверхностью моря. Но, благодаря массѣ снѣга, покрывавшаго всѣ дороги, мы должны были отказаться отъ осмотра этого озера. Только такое путешествіе, какое совершили мы по Йеллоустонскому парку, можетъ во всей полнотѣ

Терраса Минервы (Мамонтовы горячіе ключи).

развернуть предъ глазами его свособразныя и чудесныя картины, начиная съ маленькихъ подготовительныхъ эскизовъ и набросковъ и кончая чарующими и величественными въ своей дикой красотѣ пейзажами.

Новый, проектируемый правительствомъ, путь черезъ Йеллоустонскій паркъ съ юга на сѣверъ, послѣ всего описаннаго, можетъ показаться варварствомъ въ глазахъ истиннаго любителя природы. И въ самомъ дѣлѣ, не значило-ли это, прочитавъ художественное поэтическое твореніе, снова начать читать его съ конца? Совершенный же нами путь отъ Монтаны изъ Левингстона черезъ „Райскую долину“ къ Циннабару очарователенъ, и на немъ разсыпано множество чудесъ.

Онъ тянется вдоль тѣнистой и шумливой въ этихъ мѣстахъ рѣчки Йеллоустона черезъ фантастически нагроможденные другъ на друга скалы, составляющія преддверья Grand Canyon'a и образующія въ срединѣ живописную долину, безъ преувеличеній названную „Райской“. Вся долина въ яркихъ зеленыхъ лугахъ и окружена чудною напоромую горъ. Отсюда стоить взглянуть на покрытыя снѣгомъ вершины горъ парка, подымающихся на 10,000 футовъ, на горную Wasyburn, на причудливые пикеты горнаго хребта снѣговыхъ горъ и на гигантскую пирамиду „Электрической горы“.

Путь продолжаетъ идти по зеленымъ берегамъ Йеллоустона, и скалы, попадающіяся на пути, имѣютъ самую разнообразную форму. Вотъ вдаль видѣется одна съ вершиною, положительно напоминающею собою голову сфинкса. И мѣсто остановки близъ этой горы носитъ названіе „Сфинксъ“. Далѣе поднимаются и вырисовываются на небѣ вершины двухъ горъ, чрезвычайно похожія на профили человѣческихъ лицъ. Гайдець назвалъ ихъ: „Giants Face“ и „Old Man of the Mountain“. Еще далѣе высится гора „Devils Stide“, т. е. чортъ катокъ, съ отвѣснымъ ледянымъ скагомъ. Одна гора, благодаря краснымъ полосамъ на ней, названа „Книварною“; подлѣ нея находится маленькое селеніе Циннабаръ, составляющее конечный пунктъ нашего пути.

Педалеко отъ него находится хижина старѣйшаго охотника

Терраса вѣловъ (Мамонтовы горячіе ключи).

зеры, выбрасывающіе со страшнымъ шумомъ и грохотомъ громадные водяные столбы на высоту 200 и болѣе футовъ и окруженные цѣлыми облаками горячаго пара.

Наконецъ, послѣднимъ актомъ этой волшебной драмы природы являются Йеллоустонскіе водонады, именно нижніе, которые низвергаются съ высоты 350 фут. между двумя стѣнами скалы въ неизмѣримую бездну. Бурная и величественная драма заключается идилическимъ и мирнымъ эпизодомъ: громаднымъ

двухъ горъ, чрезвычайно похожія на профили человѣческихъ лицъ. Гайдець назвалъ ихъ: „Giants Face“ и „Old Man of the Mountain“. Еще далѣе высится гора „Devils Stide“, т. е. чортъ катокъ, съ отвѣснымъ ледянымъ скагомъ. Одна гора, благодаря краснымъ полосамъ на ней, названа „Книварною“; подлѣ нея находится маленькое селеніе Циннабаръ, составляющее конечный пунктъ нашего пути.

Педалеко отъ него находится хижина старѣйшаго охотника

этой местности „Янки Джима“. Онъ живеть здѣсь болѣе 30 лѣтъ и поселился здѣсь за 10 лѣтъ до первыхъ изслѣдователей. Это старикъ, 60-ти лѣтъ, съ суровымъ энергичнымъ лицомъ; на видъ онъ кажется старше своихъ лѣтъ. Онъ пользуется славой лучшаго охотника за медвѣдями, горными баранами, буйволами, антилопами и бобрами. Чѣмъ

Видъ гейзера.

Другихъ поселеній, кромѣ небольшихъ домиковъ-гостиницъ, между Левингстономъ и Циннабаромъ нѣтъ. Въ случаѣ наплыва туристовъ, просто разбиваются палатки. Населеніе состоитъ изъ охотниковъ, рыболововъ, погонщиковъ и каменотесовъ, по костюмамъ и правамъ, кажется, недалеко ушедшихъ отъ первобытнаго состоянія. Въ Циннабарѣ намъ дали удобный шарабанъ, и мы направились прежде всего осмотрѣть Мамонтовы горячіе ключи. Тутъ произошелъ забавный случай. Мы говорили съ кучеромъ, безбожно ломаю и коверкая англійскій языкъ, и онъ сначала отвѣчалъ намъ также по-англійски. Затѣмъ онъ заговорилъ чистѣйшимъ вѣмецкимъ языкомъ, чему мы несказанно обрадовались. Оказалось, что родители его нѣмцы, переселившіеся въ Америку. По дорогѣ онъ указалъ намъ на берегу рѣки Gardiner дымящуюся лужу. Здѣсь горячіе ключи и гейзеры очень часто попадаютъ подлѣ холодной воды рѣки. Рѣки изобилуютъ форелями. Къ числу курьезовъ Йеллоустонскаго парка принадлежитъ то, что здѣсь пойманную форель не надо варить въ котлѣ, а стоитъ только опустить въ любую горячую лужу. Такимъ же способомъ варятся здѣсь и яйца, но все, варимое подобнымъ образомъ, получаетъ противный привкусъ сѣры. Нашъ проводникъ, квартирмейстеръ, церемоніймейстеръ и все что угодно, бравый Селлерсъ изъ Такомы, предложилъ намъ показать онытъ съ форелью, но мы отказались.

На полпути попался намъ навстрѣчу молодой человѣкъ, вооруженный, верхомъ на лошади, державшій въ рукахъ порядочный узелокъ. То былъ солдатъ мѣстной стражи. Онъ что-то крикнулъ намъ, и кучеръ остановилъ лошадей. Тутъ мы замѣтили, что изъ мѣшка выглядывало уморительное созданіе — маленький медвѣжонокъ. Оказалось, что солдатъ утащилъ его изъ берлоги, и медвѣдица долго гналась за нимъ. Во время его разсказа медвѣжонокъ строилъ смѣшныя гримасы и порывался кусать всѣхъ, кто его трогалъ. Вскорѣ солдатъ съ медвѣжонкомъ исчезъ за поворотомъ дороги.

Въ полдень мы прибыли на Мамонтовы горячіе ключи. Огелъ, высокій деревянный домъ въ американскомъ стилѣ, съ крытой верандой вдоль всего нижняго этажа, и съ шестиугольной башенкой наверху, былъ еще закрытъ. Мы помѣстились на крошечномъ постояломъ дворѣ, ютившемся подлѣ самаго огеля, и тотчасъ же послѣ обѣда вышли осмотрѣть окрестности. Мы находились въ обширной, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, котловинѣ. Скаты этихъ горъ поросли стройными елями и соснами. Почва котловины поражала своимъ бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ. Прямо передъ нами возвышалась среди этой котловины скала, въ видѣ колонны, напоминающей собою фригійскую шапочку,

отчего, вѣроятно, она и получила названіе „Liberty Cap“, такъ подходящее къ ней. Толщина ея внизу равнялась 20 футамъ, а высота 42. По мѣрѣ движенія впередъ, все яснѣе и яснѣе представляли передъ нами знаменитыя террасы Йеллоустонскаго парка, похожія болѣе на художественное произведеніе великаго архитектора, нежели на прихотливое созданіе природы. Террасы эти представляютъ собою исполненныя другъ надъ другомъ.

На этихъ ступеняхъ образовалось множество водоемовъ различной величины и формы, напоминающихъ собою раковины разныхъ размѣровъ. Одни имѣютъ въ диаметрѣ всего одинъ дюймъ, другіе шесть-восемь футовъ; одни почти совсѣмъ плоски, другіе отъ 2 до 3 дюймовъ глубиной и, наконецъ, самыя большія имѣютъ глубину въ нѣсколько футовъ. Эти водоемы, по большей части, наполнены удивительно прозрачною горячею или теплою водой. Такъ какъ горячій ключъ лежитъ паверху террасы, на самой верхней ступенькѣ, то температура воды въ водоемахъ понижается, по мѣрѣ пониженія ступеней. Такъ, вода въ водоемахъ среднихъ ступеней уже только теплая, а на нижнихъ она уже дѣлается почти холодной, такъ что ее можно пить. Но пить воду въ области Йеллоустонскаго парка изъ его источниковъ надо съ большою осторожностью. Въ Левингстонѣ я встрѣтился съ двумя путешественниками, которые напились воды изъ свѣтлыхъ источниковъ парка. У одного моментально появилась сыпь на всемъ тѣлѣ, другой, напившись воды, содержащей квасцы, почувствовалъ такую боль въ гортани, головѣ и желудкѣ, что едва могъ дышать и два дня пролежалъ въ постели. Источники со здоровою для питья водою отмѣчаются здѣсь, обыкновенно, надписями и стоящими подлѣ нихъ стаканами или ковшами. Изъ воды на верхнихъ ступеняхъ террасы подымается горячій паръ. Въ водоемахъ нижнихъ ступеней вода такъ прозрачна, что, ставъ надъ водоемомъ, можно видѣть все, что происходитъ на днѣ его: тамъ, посреди причудливой формы коралловъ, кишитъ цѣлый міръ маленькихъ полиповъ. Поверхность ступеней такъ отполирована водой и блеститъ на солнцѣ, что если отойти подальше отъ террасы, то кажется будто сверху внизъ струятся безконечныя потоки воды, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Иллюзія водопада — полная!

Но не въ строеніи этихъ террасъ, какъ ни удивительно оно, не въ изяществѣ водоемовъ-раковинъ, стѣнки которыхъ иногда напоминаютъ собою тонкую рѣзную или лѣпную работу, заключается очарованіе, а въ неописуемой красотѣ колорита этихъ террасъ, который поражаетъ пѣжностью блеска и замѣчательною тонкостью переливовъ красокъ, достойныхъ кисти великаго художника. Преобладающими цвѣтами являются яркоблѣзны, розовый, голубой, зеленый и желтый — и все это въ замѣчательномъ сочетаніи между собою.

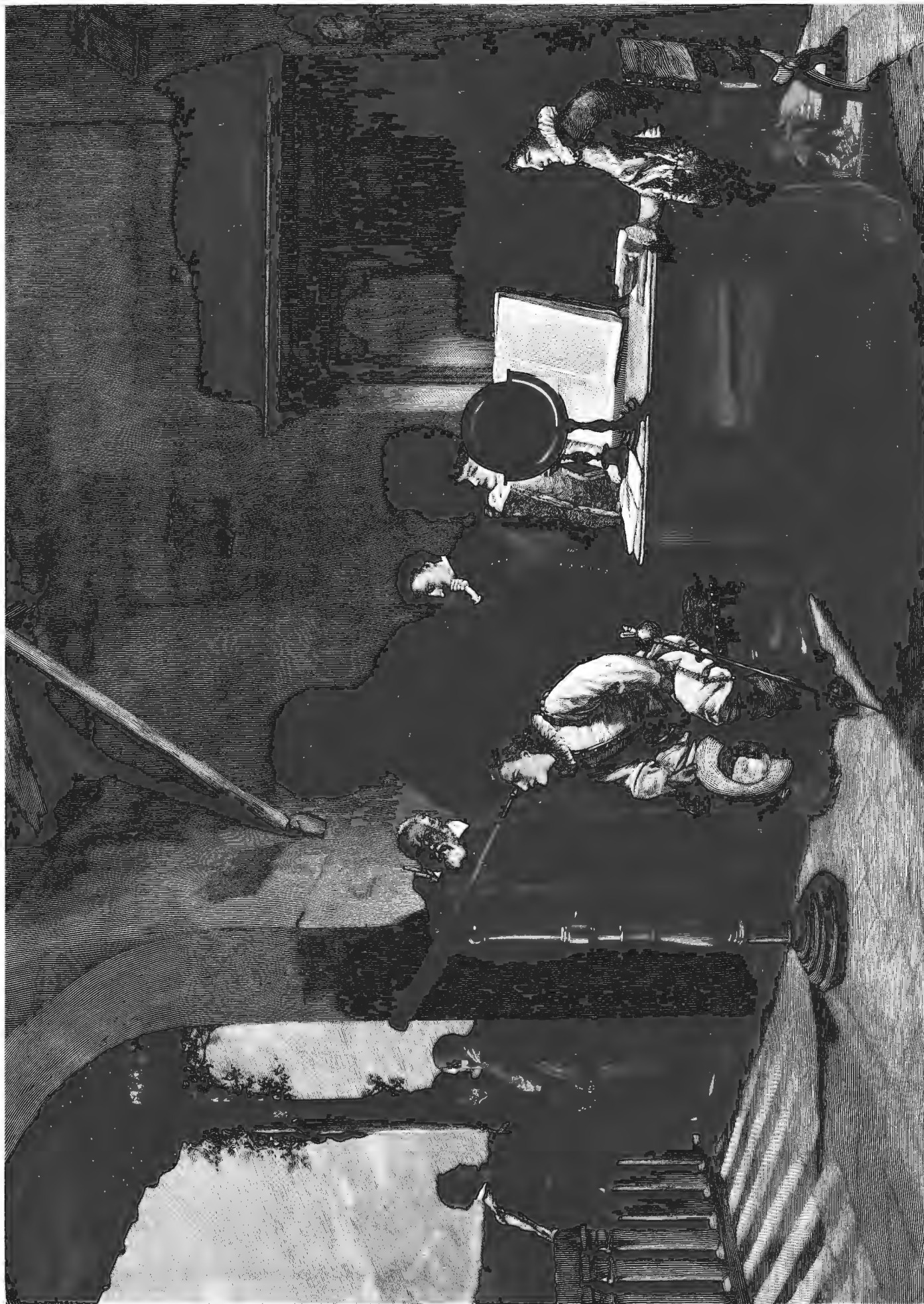
Отсюда мы отправились осматривать первый, лежащій на пути гейзеръ, послѣдній имя перваго суперинтендента парка, полковника Норриса. Онъ

Пещерный гейзеръ въ дѣйстви.

открылъ знаменитый гейзеръ Йеллоустонскаго парка Эксельсиоръ и оказалъ правительству важныя услуги, проложивъ по парку удобныя дороги. Черезъ красивое ущелье, называемое „Золотыя ворота“, мы проникли къ замѣчательнымъ, въ геологическомъ отношеніи, обсерванционнымъ скаламъ и лежащему возлѣ нихъ бобровому озеру. Не останавливаясь здѣсь, мы двинулись дальше, и, послѣ двухчасоваго пути сосновымъ лѣсомъ, передъ нами открылся во всемъ своемъ величій громадный водоемъ Норрисскаго гейзера.

(Оконч. въ слѣд. №).

Мильтонъ у Галилея. Съ карт. А. Гатли, грав. Клоосъ.

Старый ветеранъ. Съ карт. Парл, грав. Бодъ.

Наступленіе Великаго поста.

(Изъ далекаго прошлаго).

А. Аенскаго.

Какъ теперь помню я наступленіе Великаго поста въ нашей семьѣ. Мы жили въ бѣдномъ, малолюдномъ уѣздномъ городкѣ, широко раскинувшемся на просторѣ по обоимъ берегамъ незначительной, но веселой рѣчки, составлявшей радость нашихъ лѣтнихъ дней. Семья наша была совсѣмъ простая, безъ всякихъ претензій на „европейское просвѣщеніе“: она крѣпко держалась „еще всѣхъ старинныхъ пріемовъ и обычаевъ. И Великій постъ производилъ всегда на насъ торжественное и нѣсколько мрачное впечатлѣніе. Наступаетъ, бывало, вечеръ „Прощенаго воскресенья“, и медленное теченіе нашей жизни становится строже и, пожалуй, величественнѣй. На улицѣ, правда, еще масляничны шумъ, звенятъ еще колокольчики и бубенцы (тогда это дозволялось по уѣзднымъ городамъ)—уѣздные люди сѣвшатъ на послѣдкахъ покатаются по снѣжнымъ полямъ, уходящимъ отъ города во всѣ стороны чуть не до краевъ небесны. Положимъ, и завтра найдется въ городѣ не мало охотниковъ поохотиться послѣ масляныхъ бутежей,—обычай откуда-то занесенный и въ нашу глухую городокъ,—но мы хорошо знаемъ, вѣрнѣе—чувствуемъ, что все это—только послѣдніе отголоски веселыхъ дней, а на самомъ дѣлѣ наступаютъ, уже наступили—дни великіе, дни служенія Богу, дни молитвы, покаянія и душевнаго очищенія.

Становится поздно; скоро насъ и спать уложить. И вотъ наша старая-старая няня, хранительница преданій и всякой старины, беретъ насъ, меня и брата, за руки и говоритъ: „Идите прощаться съ папой и мамой“. Мы ужъ знаемъ, что это такое, и давно ждали этой минуты—прощаться и „прощенья“ въ грѣхахъ. Мы еще совсѣмъ малыши: мнѣ лѣтъ десять, брату—девять. Въ настоящее время десятилѣтній мальчикъ, въ большинствѣ случаевъ, уже серьезный резонеръ. Для него, пожалуй, это „прощанье“—„любопытный“, „достойный вниманія“, даже „изученія“, русской „народной“ обычаи, ясное свидѣтельство о которомъ оставилъ знаменитый европеецъ Маржеретъ, посѣтившій въ началѣ XVII вѣка Русь. Этотъ Маржеретъ самъ былъ „очевидецъ“, какъ „русскіе посѣщаютъ другъ друга на Масляницѣ, цѣлуются, прощаются, мирятся, если оскорбили кого-нибудь въ продолженіе года; и, встрѣтись даже на улицѣ, люди, совсѣмъ незнакомые, привѣтствуютъ другъ друга взаимнымъ поцѣлуемъ: „прости меня“, говоритъ одинъ; „Богъ тебя прости“, отвѣчаетъ другой. И современнаго мальчика поучаютъ, что „любопытный“ обычай этотъ, такъ поразившій Маржерета, просвѣщеннаго европейца, собственно, ничего дурного въ себѣ не заключаетъ; напротивъ, можетъ заслуживать нѣкоторой похвалы...

Въ наши дѣтскіе годы, однако, мы ничего этого не знали. Мы идемъ къ отцу съ невольнымъ чувствомъ смущенія, какой-то общей, невѣдомой намъ самимъ, вины передъ нимъ. Мы невольно чувствуемъ, что во многомъ виноваты передъ отцомъ, что онъ не разъ и не два имѣлъ полное основаніе быть недовольнымъ нами. И вотъ мы, съ искреннимъ смиреніемъ и раскаяніемъ, кланяемся отцу, какъ того требуетъ „обычай“ и какъ насъ наставляла няня, въ погн, говоря: „Прости, папа, если мы передъ тобой въ чемъ виноваты“. „Богъ проститъ, дѣтки“, говоритъ онъ, отрываясь отъ книги и глядя на насъ поверхъ очковъ, и потомъ съ ласковой улыбкой цѣлуетъ насъ. „Богъ проститъ; только смотрите, впередъ будьте умны; помните, что отецъ все для васъ дѣлаетъ, чтобы вы хорошими людьми вышли“. Мы, конечно, заранѣе знали, что ничего иного и выйти не могло, и все-таки уходили успокоенные, удовлетворенные, словно съ насъ тяжесть какая спала.

Прощанье съ матерью происходитъ проще. Она не допускаетъ насъ до исполненія всѣхъ подробностей обряда, а просто цѣлуетъ, крѣпко цѣлуетъ насъ. „Какіе у васъ грѣхи противъ матери“, говоритъ она. „Богъ съ вами, дѣтки, идите спать“. Прощаемся мы и съ мамой, и со всѣми домашними, которые уже сами подходятъ къ намъ въ удобную минуту. Но вотъ „прощаніе“ кончено. Мы знаемъ, что и отецъ съ матерью будутъ просить другъ у друга прощенія, и всѣ остальные дѣлаютъ то же. И кажется намъ, что во всемъ нашемъ домѣ, въ каждомъ уголкѣ его наступаютъ какая-то особенная, мирная тишина. Мы идемъ спать какіе-то обновленные, душевно-чистые. Намъ и хорошо, и жутко передъ длиннымъ наступающимъ временемъ, когда намъ придется исповѣдываться и причащаться.

Недалеко отъ нашего дома приходская церковь, и на другой день утромъ, уже довольно поздно, мы просыпаемся отъ колокольнаго звона. Протяжно звучитъ колоколъ, и звукъ его, печальный и однообразный, тянется долго-долго, постепенно ослабѣвая, и наконецъ замираетъ и теряется. Кажется, что онъ улетѣлъ куда-то въ безконечную даль, къ самымъ небесамъ, откуда прилетаютъ къ намъ ангелы-хранители;—а мы съ братомъ твердо вѣруемъ, что у каждого изъ насъ есть свой ангелъ-хранитель, который внушаетъ добрыя мысли и защи-

щаетъ насъ отъ злого духа. Мы знаемъ отлично, что сейчасъ, сію минуту опять прозвонитъ колоколъ, и все-таки намъ кажется, что звукъ улетѣлъ—и не воротится. Но вотъ новый ударъ—мы вздрагиваемъ, словно это что-то необыкновенное, неожиданное.

— А знаемъ, Лѣля, говоритъ мнѣ братъ, садясь на своей постелькѣ,—мнѣ кажется, что колоколъ зоветъ кого-то къ себѣ.

— Что-жъ, разсудительно отвѣчаю я:—онъ, дѣйствительно, зоветъ, чтобы люди шли каяться: на первой недѣлѣ всѣ говѣютъ и причащаются.

— Нѣтъ, не то,—къ себѣ, говорю, зоветъ на колокольно: прозвонитъ—и ждетъ, точно прислушивается, не идетъ ли кто.

Но въ дѣтскую входитъ мать, и разговоръ нашъ прекращается; мы на первой недѣлѣ говѣемъ и должны идти съ нею слушать „часы“—великопостную будничную службу.

И вотъ мы въ церкви.

Мы съ братомъ любилъ ходить въ церковь только въ праздничные дни, когда она наполнялась разряженнымъ, съ веселыми лицами пародомъ, а на клиросѣ такъ хорошо пѣли. Совершенно инныя впечатлѣнія были теперь. Въ черныхъ ризахъ выходилъ священникъ на амвонъ, и строго звучитъ его колѣнопреклопенная молитва: „Господи, Владыко живота моего! духъ праздности, унынія, любозачалія, празднословія не даждь ми“; онъ проситъ для себя и присутствующихъ „духа цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія, любви...“ Мы плохо понимаемъ слова молитвы, но она умиляетъ насъ. И какими преступными, тяжелыми грѣхами представляются намъ „праздность“ и „празднословіе“! Мы ихъ отлично понимаемъ, и такъ хочется, чтобы былъ въ насъ духъ „терпѣнія и любви“. И вся церковь, наполненная людьми, раздѣляетъ наши чувства; самые лица иконъ смотрятъ строже, суровѣе. Помню, не далеко отъ насъ молилась какая-то блѣдная, сухощавая старушка съ измученнымъ лицомъ и съ глазами, полными слезъ; меня поразила она: столько горя, какой-то безграничной печали было въ ея выраженіи и столько покорности и надежды на Того, Кто звалъ къ Себѣ „всѣхъ нуждающихся и обремененныхъ“, что я самъ, къ великому удивленію матери, не знавшей, что дѣлать со мною, горько расплакался... Далекія, но неизгладимыя впечатлѣнія!

Въ концѣ недѣли мы съ братомъ идемъ исповѣдываться. Въ семьѣ нашей были не въ модѣ нравственные разглагоствования: мы не слышали никакихъ наставленій и нравочученій; не знали мы въ ней и наставительныхъ книжекъ, въ которыхъ Дели и Саша, Артуръ и Маргариты получаютъ соответствующія награжденія за добродѣтели и наказанія за пороки. Но въ ней силенъ былъ простой христіанскій духъ, человѣческое отношеніе къ ближнему, покорность Промыслу, особенно же, отсутствіе всякой гордости; напротивъ, всѣ только и говорили о своихъ грѣхахъ, забываясь, чтобы какъ-нибудь не обидѣть кого, и когда ихъ самихъ обижали—на Бога возлагали отплату. „Богъ съ ними“, слышали мы верѣдко, — „а я имъ зломъ платитъ не стану“. Мы были малыя дѣти, росшія довольно одиноко, которыхъ предохраняли отъ всякихъ столкновеній съ окружающею жизнью. Тѣмъ не менѣе, мы считали себя, по примѣру старшихъ, великими грѣшниками, и исповѣдъ не въ шутку боялись. За то какъ же и отградно было намъ, не въ первый разъ, между тѣмъ, убѣдиться, что для насъ въ ней ничего не было страшнаго.

Священникъ нашъ былъ тоже старинный человѣкъ, какихъ теперь и не бываетъ, кажется. Онъ былъ не особенно ученъ, хотя подчасъ любилъ вставить нѣсколько латинскихъ словъ—единственная, кажется, премудрость, уцѣлѣвшая въ его давно поблѣвшей головѣ отъ долголѣтнихъ мытарствъ въ старинной семинаріи. Но онъ былъ очень добрый человѣкъ. Маленькій, худенькій, быстрый въ движеніяхъ, онъ не внушалъ рѣшительно никакого страха. Съ ласковой, серьезной улыбкой встрѣчалъ онъ исповѣдующихся, цѣлою кучею, дѣтей, клалъ на голову перваго понавагоса эпитрахиль и прямо читалъ разрѣшительную молитву, ласково замѣчая, что у дѣтей грѣховъ не бываетъ, а что нужно только слушаться маменьки и отца и не грубить имъ...

Насъ съ братомъ онъ исповѣдывалъ отдѣльно, говорилъ, что знаетъ насъ за хорошихъ дѣтей и очень совѣтовалъ слѣдовать во всемъ примѣру папаша и мамаша, по его словамъ, людей рѣдкихъ. Но изъ этой короткой бесѣды мы выносили гораздо больше, чѣмъ дали бы намъ длинныя наставленія. Съ какимъ свѣтлымъ чувствомъ радости возвращались мы домой!

Съ тѣхъ поръ прошли долгіе годы. Глухой провинціальный уголокъ успѣлъ сильно измѣниться. Черезъ него пролегаетъ большой рельсовый путь, въ немъ царитъ „просвѣщеніе“, возникаютъ и рѣшаются „вопросы“, и старинные обычаи исчезаютъ. Скоро и въ немъ попадобится свидѣтельству Марже-

рета для доказательства, что „встарину“ водился в Россіи обычай прощанія въ последнее воскресенье передъ Великимъ постомъ; и къ посту мы относимся уже съ нѣкоторымъ свободомысліемъ, свойственнымъ „просвѣщенному обществу“ конца XIX вѣка. Но мнѣ жалко нашей доброй старицы, жалко тѣхъ чувствъ и впечатлѣній, которыя испытывались при исполненіи

вѣковыхъ обычаевъ нашего городка. Сколько разъ, умудренный уже наукою и суровымъ опытомъ жизни, въ воспоминаніяхъ о нихъ я находилъ опору противъ зла и тлетворныхъ искушеній житейскихъ!.. И сколько мира, сожалѣнія о заблужденіяхъ людей и сознанія своихъ вишъ передъ ними вносили эти воспоминанія въ мою душу!..

Желаніе дофина.

Страничка изъ негласной исторіи французскаго Двора.

Переводъ Е. Бертенсонъ.

Маркиза Помпадуръ достигла въ то время верха своего могущества. Силою своего ума и неоспоримаго здраваго смысла подчинивъ себя Людовика XV, она властвовала надъ цѣлою Франціей. Ея милости заискивали придворные, министры и вельможи. Паче на себя ея неудовольствіе — значило попасть въ Бастилію или Венсенскую тюрьму, гдѣ томилось много несчастныхъ жертвъ ея произвола, оскорбившихъ всемогущую фаворитку какимъ-нибудь насмѣлкой, злою эпиграммою на ея счетъ, наконецъ просто неосторожнымъ словомъ.

Не склонился передъ маркизой только сынъ короля, дофинъ, Людовикъ Французскій. Строгий къ себѣ и другимъ, онъ обладалъ многими качествами, которыхъ не доставало его отцу.

Король желалъ, чтобы даже принцы крови оказывали маркизѣ почести. Ей было пожаловано „право на табуретъ“, состоявшее въ томъ, что, представленная ко Двору, она могла сидѣть на красномъ бархатномъ табуретѣ возлѣ короля, вмѣстѣ съ молодыми принцессами и старыми герцогинями. Въ первый-же разъ, когда Помпадуръ воспользовалась этимъ правомъ, дофинъ такъ явно выказалъ фавориткѣ свое презрѣніе, что его отецъ пришелъ въ ярость и, на довольно продолжительное время, удалилъ его отъ Двора, сославъ въ замокъ Мёдонъ.

Съ своей стороны, маркиза и вся ея партія, во главѣ которой стоялъ ея братъ, повоспеченный маркизъ де-Марини, сильно опасались дофина: не трудно было предвидѣть, что, въ случаѣ внезапной смерти Людовика XV, ихъ владычеству наступитъ очень быстрый конецъ, что многочисленныя помѣстья, роскошные дворцы, произведенія искусства, драгоценности и милліоны, полученные фавориткой отъ короля, будутъ конфискованы, а она сама, посаженная въ заключеніе, будетъ имѣть достаточно времени на то, чтобы поразмыслить о превратности счастья.

Дофинъ былъ женатъ на Маріи-Жозефѣ, принцессѣ Саксонскаго Дома. 12 сентября 1751 года, къ всеобщей радости подданныхъ, искренно уважавшихъ и любившихъ дофина, у молодой четы родился сынъ — первенецъ, получившій титулъ герцога Бургундскаго.

Въ то время, во Франціи, вслѣдствіе неурожая, была страшная дороговизна. Казна находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ наступилъ голодъ. Бѣдняки шатались хлѣбомъ изъ отрубей съ пригѣсью древесной коры.

Разъ маркизъ д'Аржансонъ обратилъ вниманіе на бѣдственное положеніе народа, но король не желалъ думать о такихъ вещахъ, не желалъ, чтобы жалобы мѣшали ему веселиться, поэтому никто не смѣлъ докучать ему вторично, боясь навлечь на себя его немилость.

Но дофинъ большую часть своихъ доходовъ, довольно впрочемъ ограниченныхъ, расходовалъ на помощь бѣднѣйшему классу населенія.

Между тѣмъ при Дворѣ шла все та же шумная, разгульная жизнь, а народу — по крайней мѣрѣ, прилично одѣтымъ парижскимъ гражданамъ — иногда доставалась, въ видѣ особой милости, честь созерцать дворцовыя церемоніи.

Ежегодно, начиная съ Троицкаго дня, въ пышномъ королевскомъ дворцѣ въ Версалѣ давалось нѣсколько „публичныхъ“ обѣдовъ, то-есть его величество, король, вмѣстѣ съ знатнѣйшими кавалерами и дамами своего Двора, изволилъ кунать въ одной изъ парадныхъ залъ дворца, и добрые граждане имѣли туда доступъ. На приличномъ разстояніи, за рѣшеткой и подъ наблюденіемъ лакеевъ и солдатъ швейцарской гвардіи посѣтители могли смотрѣть, какъ его величество съ анкетникомъ куналъ лакомія блюда, самыя изысканныя, какія только могъ придумать утонченный вкусъ.

Въ Троицкій день 1752 года Версалъ представлялъ еще болѣе любопытное зрѣлище. Парижане пожелали видѣть герцога Бургундскаго, и было рѣшено, въ дни „публичныхъ обѣдовъ“, выставить напоказъ маленькаго принца, чтобы добрый народъ могъ радоваться его цвѣтущему виду.

По окончаніи королевскаго обѣда, желаніе видѣть герцога Бургундскаго были приглашены въ большой залъ дворца. Тамъ, посрединѣ, въ центрѣ круглой позолоченной рѣшетки стояла золоченая колыбель, въ которой на шелковыхъ подушкахъ лежалъ маленькій принцъ, грудной еще младенецъ. Ребенокъ то засыпалъ, то просыпался, то жалобно пищалъ, какъ всѣ дѣти, то весело забавился серебряной погремушкой. По лѣвую сторону колыбели, также за рѣшеткою, сидѣла на табуретѣ

кормилица принца, г-жа Совэ; по правую сторону помѣщалась на стулѣ его „гувернантка“ де-Марсаиль.

У всѣхъ дверей стояли швейцарцы — дворцовая гвардія. Посѣтители — болѣею частью, почтенные буржуа — восторженно любовались красивымъ первенцомъ добраго дофина, желая ему счастья, здоровья, долголѣтія и мечтая о грядущемъ его славномъ правленіи ко благу Франціи.

По уходѣ публики, въ колыбели подъ одѣяльцемъ былъ найденъ запечатанный пакетикъ, адресованный на имя Людовика XV. Печать изображала мертвую голову и двѣ скрещенныя кости.

Когда его вскрыли, внутри оказался ломтикъ хлѣба, которымъ питались въ неурожайныхъ мѣсяностяхъ. При немъ была приложена записка, неизвѣстный авторъ которой увѣщевалъ король измѣнить свой безумно-расточительный образъ жизни въ виду того, что его бѣдные подданные, совершенно разоренные откупщиками и сборщиками податей, голодаютъ и принуждены ѣсть хлѣбъ, подобный присланному образцу.

Анонимное письмо привело Людовика XV и маркизу Помпадуръ въ страшную ярость. Въ такой рѣзкой формѣ еще ничего не осмѣливался высказывать имъ правду. Въ сравненіи съ этимъ письмомъ, всѣ прочіе безчисленные памфлеты и сатиры производили впечатлѣніе невинной шутки.

Для обнаруженія виновника были произведены самыя тщательныя розыскы, но безъ всякихъ результатовъ. Въ Версалѣ пріѣхалъ министръ полиціи, лонкій Беррье. Онъ былъ увѣренъ, что письмо должно было быть положено раньше, такъ какъ никто изъ публики не могъ сдѣлать этого на глазахъ у всѣхъ. Подозрѣніе пало на кормилицу. Г-жа Совэ была женою одного изъ подчиненныхъ министра д'Аржансона. Маркиза Помпадуръ была убѣждена, что исторія съ пакетикомъ направлена, главнымъ образомъ, противъ нея и, по всей вѣроятности, устроилъ ее д'Аржансонъ, которому маркиза не довѣряла и наденія котораго добивалась. Министръ не разъ уже отваживался дѣлать королю представленія по поводу бѣдственнаго состоянія народа.

Совэ была посажена въ Бастилію. Мужу ея также угрожалъ арестъ, но онъ успѣлъ снаестись бѣгствомъ. На допросахъ, веденныхъ опытными судьями, бѣдная женщина запуталась въ показаніяхъ, хотя все время клялась въ своей невинности. По приказу короля и Помпадуръ, несчастная должна была подвергнуться пыткѣ.

Министръ полиціи, Беррье, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, погруженный въ занятія, когда слуга доложилъ ему, что его спрашиваютъ какой-то неизвѣстный.

— Мнѣ кажется, добавилъ нерѣшительно слуга, — что этотъ неизвѣстный очень важное лицо...

Беррье быстро поднялся съ мѣста.

— Можетъ быть самъ его величество король?

— Нѣтъ, не онъ, по тѣмъ, кто за нимъ...

— Дофинъ?

— Я готовъ въ этомъ побожиться, сударь; и его узналъ, хотя онъ и переодѣтъ.

Министръ направился въ переднюю. Тамъ стоялъ молодой человекъ, закутанный въ длинный плащъ съ капюшономъ. Беррье съ почтительнымъ поклономъ провелъ его въ свой кабинетъ.

— Здѣсь насъ никто не услышитъ? спросилъ посѣтитель, осматриваясь.

— Нѣтъ, *вѣше высочество*.

— А, вы уже узнали меня.

— Какъ мнѣ не узнать надежду Франціи?

Принцъ сбросилъ съ себя плащъ. Прекрасное, умное лицо въ то время двадцатилѣтняго дофина было блѣдно, грустно и озабочено.

— Чѣмъ могу служить вашему королевскому высочеству? началъ почтительно Беррье.

— Я тайно явился къ вамъ, чтобы переговорить по дѣлу бывшей кормилицы моего сына, бѣдной м-мъ Совэ, которая теперь въ Бастиліи. Считаете вы ее виновной?

— Я убѣжденъ въ ея виновности, отвѣчалъ, не колеблясь, министръ полиціи.

— А кого вы считаете ея соучастникомъ, инициаторомъ извѣстной исторіи?

— Насчетъ этого лица я до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

— До сихъ поръ? А теперь вамъ кажется, что вы его знаете?

— Мнѣ кажется, что я его угадываю.

— Это правда. Не даромъ вы славитесь проницательностью.. Беррье поклонился.

— Прону ваше высочество оказать мнѣ милость и вполне положиться на мою преданность.

— Бѣдная Совэ, сказала дофинь, помолчавъ,—не должна быть жертвой своей вѣрности и преданности, я не допущу, чтобы ее замучили до смерти. Нельзя ли тайно освободить ее изъ Бастилии?

— Ваше высочество имѣете вліяніе на коменданта?

— Нѣтъ.

— Тогда, къ сожалѣнію, это невозможно.

Принцъ вздохнулъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только одно, пойти къ отцу и во всемъ ему признаться.

— Сказать королю, что..

— Да, я скажу ему правду. Анонимное письмо написалъ я, и по моему приказанію г-жа Совэ положила пакетикъ въ колыбель моего сына. Я надѣялся хоть этимъ путемъ открыть глаза моему отцу, но, къ несчастію, ошибся. И я не хочу, чтобы Совэ еще дольше страдала изъ-за меня.

Беррье задумался. „Нужно помочь ему!“ рѣшилъ онъ. „Если я этого не сдѣлаю, между нимъ и его отцомъ произойдетъ разладъ, который можетъ погубить всю будущность Франціи“.

— Есть средство, заговорилъ онъ,—освободить г-жу Совэ изъ Бастилии такимъ образомъ, что вашему высочеству не будетъ необходимости компрометировать себя и подвергаться опасности.

— Какое средство? спросилъ дофинь.

— Продѣлка съ пакетикомъ должна быть повторена.

— Я васъ не совсемъ понимаю.

— Если подобный маневръ съ точно такимъ же пакетикомъ будетъ выполненъ въ Версаль во второй разъ, т. е. на будущей недѣлѣ, то по всей вѣроятности г-жу Совэ освободятъ.

— Да, разумѣется. Но теперешняя кормилица моего сына слишкомъ глупа и пеловка, а г-жа Марсанъ и не довѣряю. Какимъ же образомъ незамѣтно положить пакетъ въ колыбельку?

— Продѣлка непременно должна имѣть характеръ... или, выражаясь точнѣе, она не должна оставить и тѣни сомнѣнія въ томъ, что выполнена кѣмъ-нибудь изъ посѣтителей.

— Да, и главное, чтобы подозрѣніе не пало на невинныхъ.

— Видите ли, ваше высочество, продолжалъ Беррье,—въ числѣ моихъ тайныхъ агентовъ есть чрезвычайно ловкіе люди, настоящіе мастера въ искусствѣ переодѣванія и во всевозможныхъ продѣлкахъ. Два такихъ субъекта, Бойе и Дидье, изъ нихъ послѣдній бывший фокусникъ, въ совершенствѣ выполнять въ Версаль необходимый маневръ съ пакетикомъ. Одинъ на минуту привлечетъ на себя вниманіе всѣхъ присутствующихъ на церемоніи, другой воспользуется этой минутой, чтобы съ ловкостью жонглера незамѣтно перебросить пакетикъ черезъ рѣшетку въ колыбель маленькаго герцога Бургундскаго..

Дофинь, видимо, почувствовалъ облегченіе, съ души его свалилась тяжесть, сильно мучившая его послѣднее время. Онъ поблагодарилъ министра, пожалъ ему руку и ушелъ, снова закутавшись въ свой плащъ.

Беррье немедленно приказалъ позвать къ себѣ своихъ агентовъ..

Снова въ Версальскомъ дворцѣ давался „публичный“ обѣдъ, и собралось много обывателей Парижа и другихъ мѣсть, посмотреть на блестящую придворную обстановку.

Снова въ большомъ залѣ происходила публичная выставка маленькаго герцога Бургундскаго, и посѣтители пошли любоваться первенцомъ добраго дофина.

По обыкновенію, за порядкомъ наблюдали лакеи, у дверей стояло на часахъ нѣсколько швейцарцевъ; кромѣ того, былъ одинъ гвардейскій офицеръ.

У колыбели, въ которой спалъ принцъ, сидѣла, какъ прежде, г-жа де-Марсанъ, а по другую сторону новая кормилица.

Въ залѣ было около восьмидесяти посѣтителей. Среди нихъ стояло двое мужчинъ, съ виду почтенные буржуа Парижа. Одинъ, уже пожилой, стоялъ влѣво отъ окружавшей колыбель золоченой рѣшетки, другой, помоложе, вправо.

Старикъ вдругъ поперхнулся и раскашлялся, молодой тихо и чрезвычайно натурально чихнулъ. Никому не могло придти въ голову, что это были условный знакъ.

— Тихе, господа! сказалъ офицеръ, понизивъ голосъ.— Не дозволяется нарушать сонъ великаго дитяти Франціи ни чиханьемъ, ни кашлемъ.

Вдругъ послышался стоиъ, какой-то невнятный крикъ... Въ ту же минуту старикъ ушелъ на паркетный полъ, корчась въ сильнѣйшихъ эпилептическихъ конвульсіяхъ.

Этотъ случай, конечно, вызвалъ всеобщее замѣшательство. Г-жа де-Марсанъ и кормилица въ испугѣ поднялись со своихъ мѣсть и подошли къ рѣшеткѣ. Посѣтители, за исключеніемъ чихнувшего молодого человѣка, съ участіемъ столпились около больнаго. Лакеи и швейцарцы также взглянули въ ту сторону. Въ продолженіе секунды сиячій малютка была оставлена безъ надзора.

Никто не замѣтилъ, какъ молодая буржуа поспѣшно что-то вынула изъ своего бокового кармана и, вѣдъ вѣдъ, сдѣлала легкое движеніе правой рукой. Никто не видѣлъ, какъ плоскій четырехугольный пакетикъ ушелъ къ ногамъ принца на мягкія подушки колыбели.

Офицеръ уже собирался потребовать къ больному королевскаго лейбъ-медика, какъ сквозь толпу протѣснился тотъ-же молодой человѣкъ и сказалъ: „Я знаю этого господина. Его припадокъ скоро пройдетъ на свѣжемъ воздухѣ. Предоставьте мнѣ о немъ позаботиться, я цырюльникъ и хирургъ“. Ихъ отпустили..

Г-жа Марсанъ опять нашла въ колыбели герцога Бургундскаго запечатанный и адресованный на имя короля пакетикъ. На этотъ разъ печать изображала гарпію.

Пораженная находкой, она показала офицеру..

— Отыскать больнаго и цырюльника! крикнулъ онъ.—Арестовать обоихъ!

Но ни больнаго, ни цырюльника не было ужъ нигдѣ.—Они ушли вновь превратиться въ Бойе и Дидье, агентовъ министра полиціи..

Это были они, переодѣтые.

Фактъ былъ налицо, исторія не могла остаться втайнѣ, и пакетикъ былъ препровожденъ королю. Въ немъ были опять кусокъ хлѣба и печатный памфлетъ на Помпадуръ.

Полиціи вновь было приказано употребить всѣ усилія для отысканія злодѣевъ. Министръ полиціи и оба сыщика принимали въ этихъ усиліяхъ дѣятельное участіе.

Король приказалъ впредь не показывать народу маленькаго герцога Бургундскаго. Какъ судьи, такъ и король убѣдились, наконецъ, что г-жа Совэ невиновна. Ее освободили. Въ возмездіе за несправедливо причиненную ей обиду, король назначилъ ей довольно значительную сумму, дофинъ съ своей стороны—пожизненную пенсію. Мужъ ея, до тѣхъ поръ скрывавшійся, теперь вернулся, и счастливая чета зажила въ спокойствіи и довольствѣ.

Такъ исполнилъ Беррье желаніе дофина.

Къ рисункамъ.

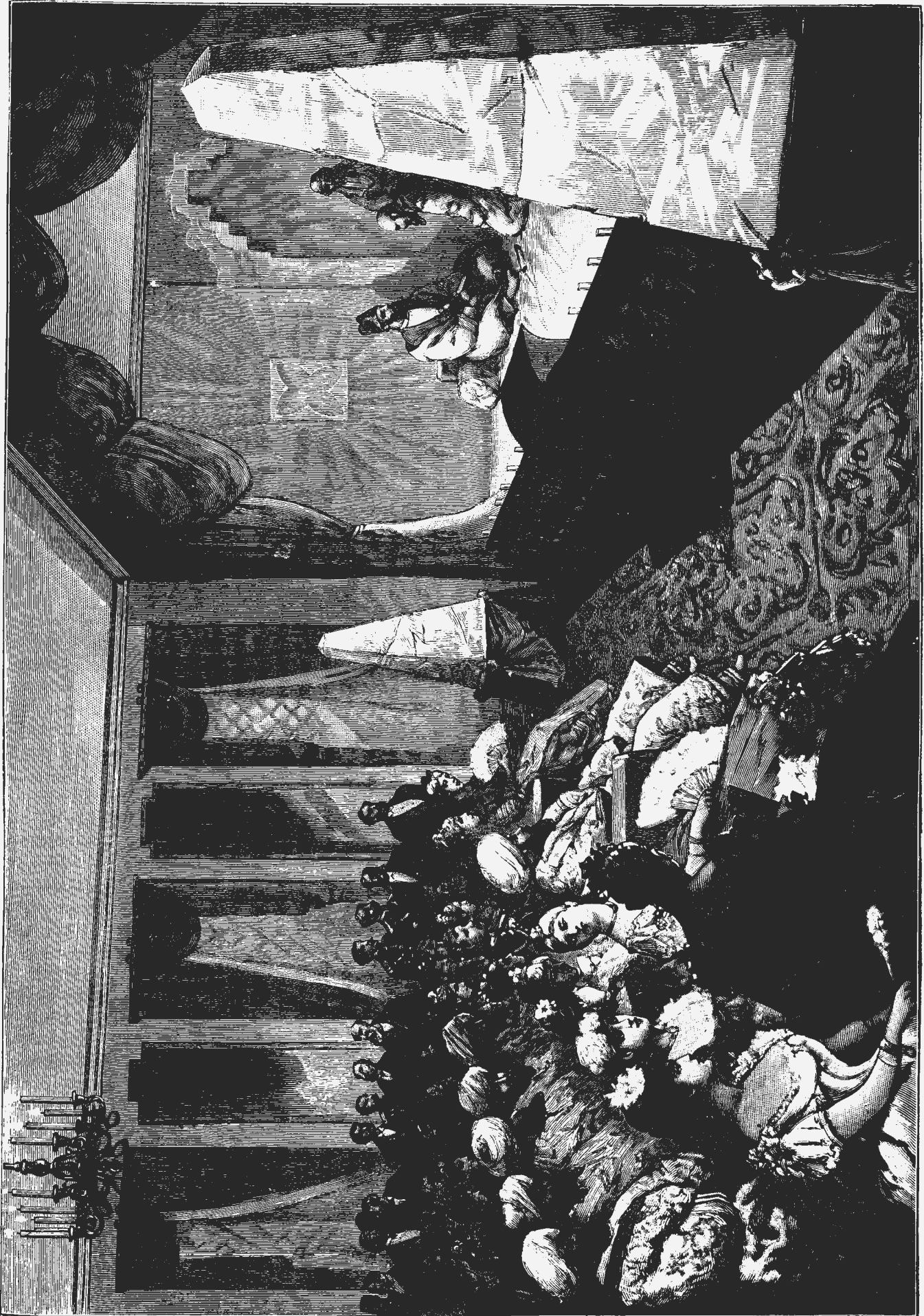
Сандрильона. (Рис. на стр. 125).

Тотъ, кто пожилъ на свѣтѣ и, въ особенности, пожилъ, сознательно наблюдая жизнь, приглядѣвшись къ ней, тотъ долженъ быть замѣтить, что въ жизни этой счастья чередуются съ несчастіемъ въ совершенно равномѣрной пропорціи. На первый взглядъ кажется это какъ будто ошибочнымъ, но вспомните, прослѣдите собственную судьбу, и увидите, что въ ней было совершенно замѣчательное равновѣсіе. Стѣдуетъ только быть безпристрастнымъ. Не судите также по другимъ—въ чужую душу трудно войти; прослѣдите на себѣ,—этого будетъ достаточно. Это старое, давно повѣренное наблюденіе. Въ древнемъ Египтѣ говорили еще, что человѣкъ въ несчастіи является лишь кредиторомъ судьбы, и что она, рано или поздно, если, разумѣется, онъ заслуживаетъ этого,—вернетъ ему свой долгъ. Извѣстный разсказъ о Сандрильонѣ во многомъ обязанъ своей популярностью тому, что въ его основѣ лежитъ эта простая мораль, чтобы не сказать—истина. И часто она повторяется на нашихъ глазахъ, если только мы пожелаемъ замѣтить это. И та бѣдная дѣвушка, которая изображена возлѣ законченнаго

очага на картинѣ Гарбургера, невольно напоминаетъ Сандрильону. Можетъ-быть и для нея настанутъ въ будущемъ дни, болѣе свѣтлые, чѣмъ тѣ, которые она проводила, не зная отдыха, за вѣчной работой у маленькаго окна убогой каморки..

Лѣсная драма. (Рис. на стр. 128).

„Коня положили, да зайца уходили, говоритъ пословица,—не дорогъ конь, дорогъ заяцъ. Цѣна ему двѣ деньги, а бѣжалъ—сто рублей. Пока зайца убьютъ—вола съдѣять“. Такъ шутитъ русскій народъ, характеризуя охоту на зайца. Шутитъ также надъ перебѣдовавшимся человѣкомъ, называя его „подстрѣленнымъ зайцемъ“. Но тому, кто вглядится внимательно въ рисунокъ Н. Каразина, — не придетъ шутка на умъ. Сохраненіе очень просто, собственно говоря: — Раненый заяцъ усилъ счастіемъ отъ преслѣдованія охотниковъ и, забравшись въ лѣсную глушь, изнеможенный ушелъ, чувствуя, что не можетъ дальше двигаться. Охотники, правда, не достигнуть его, но это, все-таки, не спасетъ его отъ близкой смерти, предвѣстниками которой служатъ, между прочимъ, и вороны, слѣтѣвшіяся на готовую добычу..

Пребываніе Бухарскаго эмира въ С.-Петербурѣ. Спектакль на персидскомъ языкѣ въ честь его свѣтлости у А. В. Приселкова.
Ориг. рис. Г. Ерোলлинга. грав. Хемлицкій.

Петербург зимою. (Рис. на стр. 129).

Кто хочет полюбозаваться Петербургомъ, тотъ долженъ въ-брать для этого зиму, когда, опущенный сѣвгомъ, онъ справедливо можетъ назваться столицей Сѣвера. Въ это время жизни въ немъ бьетъ ключемъ. Театры, балы и всевозможныя увеселенія въ полночь ходу. Въ домахъ вечеринки и дружеская бесѣда у огонька; на улицахъ съ утра до ночи оживленіе, чему не мало способствуетъ молодецъ—русскій морозъ. Попи-пывая посы и уши у мужчинъ и поддумывая ярче розъ-щекі прекраснаго пола, онъ невольно заставляеть сѣшнить и торониться. Уличная суета не прекращается и тогда, когда короткій день смѣняется темнотою. На главныхъ улицахъ выплываютъ электричество, изъ магазиновъ, лавокъ польются снопы свѣта на мостовую. На улицахъ стануть замѣтными костры, около которыхъ грѣется окончившій отъ холода людъ. Только конькобѣжцы не замѣчаютъ стужи и ловко выиски-ваютъ везели на поверхности льда, себѣ въ удовольствіе и для потѣхи зрителей.

Жена рыбака. (Рис. на стр. 133).

Молчаливая и спокойная, какъ море въ затишье, приходитъ она, послѣ каждаго улова, въ городъ, откуда, распродавъ то-варь, возвращается домой, со своимъ сокровищемъ—ребенкомъ на рукахъ, для котораго она и живетъ, и работаетъ, и кото-рый улаждаетъ ей тяжелыя минуты ея трудовой жизни...

Мильтонъ у Галилея. (Рис. на стр. 136).

Древній университетъ въ Падуѣ праздновалъ недавно зна-менательный юбилей: трехсотлѣтіе со дня назначенія туда Га-лилея профессоромъ математики. Галилею было тогда 28 лѣтъ отъ роду, но онъ уже пользовался всемірною извѣстностью. Открытія его росли все болѣе и болѣе. Онъ сдѣлалъ новыя наблюденія надъ магнитомъ и, прослышавъ объ открытіи зри-тельной трубы въ Голландіи, самъ изобрѣлъ въ 1609 г. этогоъ инструмента, для изученія небесныхъ тѣлъ. Благодаря этому замѣчательному изобрѣтенію Галилея, былъ данъ широкій просторъ для познанія многого неизвѣстнаго въ явленіяхъ природы и для кореннаго измѣненія научныхъ воззрѣній въ этой, неподдававшейся изученію, области. Галилей былъ на-значенъ Космою II Медичи, въ 1610 году, великогерцогскимъ математикомъ и философомъ и, вслѣдъ за тѣмъ, приглашенъ во Флоренцію. Въ 1633 г. отправился Галилей въ свое по-мѣстье, около Флоренціи, и отсюда, впоследствии, полу-слыной, полу-глухой, мучимый ревматизмомъ, переселился въ Арцетри. Но и здѣсь онъ не тратилъ времени попусту,—масса учени-ковъ и друзей сходилась къ нему, чтобы слушать его научныя, завлекательныя бесѣды. Когда Джонъ Мильтонъ, въ 1638 году, на тридцатомъ году жизни, путешествовать по Франціи и Италіи, онъ не преминулъ посѣтить и домъ знаменитаго астронома. Пашъ рисуюкъ (съ картины А. Гатти) изобра-жаетъ Мильтона, находящагося въ комнатѣ Галилея и поль-зующагося случаемъ наблюдать луну сквозь телескопъ. Певди-данное зрѣлище пронзидитъ на молодого человѣка подавляю-щее впечатлѣніе: спадаетъ таинственная завѣса невѣдѣній, его глазамъ открывается безконечный, неизвѣданный міръ отдаленнаго небеснаго свѣтила, рисующійся смутными очер-таніями горы, колосальные кратеры, таинственныя тѣни... И возлѣ этого гениальнаго юноши, дышащаго молодостью и силой,—70-лѣтній старецъ, дающій ему объясненія всего, что тотъ видитъ чрезъ телескопъ на лунѣ и вообще на всемъ звѣздномъ небѣ... Мильтонъ не можетъ оторвать своихъ восхи-щенннхъ глазъ. Мало-по-малу разрѣшается передъ нимъ таи-ственнага загадка мірозданія... Кто знаетъ, можетъ быть въ эти-то минуты и воспарила фантазія знаменитаго творца „По-теряннаго рая“ для созданія этой дивной, великой поэмы...

Ветеранъ. (Рис. на стр. 137).

Было время, когда онъ былъ виднымъ конемъ и украшені-емъ полка. Въ тѣ чудные дни онъ лихо носился на смотрахъ и ученьяхъ подъ своимъ хозяиномъ—бравымъ офицеромъ, или танцовалъ на мѣстѣ, когда стоялъ въ строю. Нерѣдко тогда раздавались слова похвалы или удивленія статуному коню, и хозяинъ любилъ его за его красоту и добрый нравъ. Въ то время его берегли и холили. Но прошли красные дни: безпо-щадное время состарило красавца. Его отправили въ деревню, гдѣ онъ сперва ходилъ еще подъ верхомъ, а затѣмъ на немъ стали возить дрова и воду. Наконецъ, онъ пересталъ быть годнымъ и на то. Его пустили въ поле, на травѣ доживать свой вѣкъ. Тутъ, какъ-то, шли на маневры войска. Старый конь, слыша конское ржанье и звуки полковой музыки, сперва остановился, какъ вкопанный, а потомъ, точно старал кокетка передъ молодежью, сталъ прихорашиваться, гарни-вать и весело ржать. Но прошла конница, и старый конь снова одряхлѣлъ и осунулся.

Пребываніе эмира Бухарскаго въ Петербургѣ.

(Рис. на стр. 141 и 144).

Его свѣтлость Бухарскій эмиръ во время пребыванія своего

въ Петербургѣ былъ радушно принятъ нашимъ Дворомъ, по призыву котораго и столичное общество отнеслось къ высо-кому гостю съ тѣми горячими симпатіями, которыхъ онъ за-служиваетъ. Въ честь его свѣтлости было устроено нѣсколько празднествъ, и между прочимъ у А. В. Приселкова состоялся, 23 января, спектакль на персидскомъ языкѣ. Была постав-лена комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Визирь хана Ленкоран-скаго“, быстро, въ теченіе одной недѣли разученная и дружно, безъ суфлера, разыгранная слушателями учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ при Азіатскомъ департаментѣ Министер-ства Иностранныхъ дѣлъ.

Содержаніе этой оригинальной персидской комедіи слѣдую-щее. При ханѣ Ленкоранскомъ состоитъ визиремъ мурза Ха-бибъ, облеченный неограниченнымъ довѣріемъ своего повели-теля. У любимой жены визира есть сестра, красавица Ниса, влюбленная въ племянника хана, Теймура (героя пьесы), и любимая имъ взаимно. Мурза Хабибъ, между тѣмъ, чтобы заручиться еще большимъ расположеніемъ хана, прочитъ Нису въ жены хану. Для этого ему нужно уронить Теймура въ гла-захъ Нисы, и вотъ онъ рассказываетъ ей, какъ онъ поборолъ Теймура. Спрятанный за занавѣскою Теймуръ слышитъ это, бросается къ мурзѣ и выдаетъ его на землю. Оскорбленный такимъ насиліемъ, визиръ бѣжитъ съ жалобой къ хану, кото-рый, разгнѣванный, велитъ предать Теймура казни. Стража порывается его схватить, но герой пьесы отбивается отъ нея и убѣгаетъ изъ ханскаго дворца. Ханъ посылаетъ воиновъ въ погоню за бѣглецомъ, а самъ предпринимаетъ прогулку по морю. На этомъ заканчивается третья дѣйствіе. Въ четвер-томъ актѣ Теймуръ явится въ домъ визира, чтобы угово-рить Нису бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. Тутъ наступитъ его по-гоня и хотеть его схватить. Завязывается борьба. Теймуръ защищается. Въ это-то время получается извѣстіе, что ханъ, во время прогулки, утонулъ въ морѣ. Преемникомъ ему народъ провозглашаетъ Теймура, который на радостяхъ забываетъ казни визира, прощаетъ его и женится на Нисѣ.

Герой и героиня пьесы Теймуръ-ага (г. Шербатскій) и сестра любимой жены визира Шаля-Ханумъ (г. Лыткинъ)—Ниса Ханумъ (поручикъ Зундблатъ) талантливо и искусно провели свои трудныя роли. Роль визира съ большимъ умѣн-ьемъ исполнилъ г. Миллеръ. Всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ 19. Исполнители неоднократно удостоивались аплоди-сментовъ.

Всѣ участвовавшіе въ спектаклѣ были представлены эмиру, который благодарилъ каждаго рукопожатіемъ и многими вы-сказывалъ свое удовольствіе. Зрителей было болѣе 100 че-ловѣкъ.

Декорации, костюмы и вообще вся обстановка пьесы, равно какъ и богато убранная въ восточномъ вкусѣ сцена, были изготовлены по спеціальному заказу. Для охлажденія темпе-ратуры зала по обѣимъ сторонамъ сцены были поставлены два ледяныеobeliska, освѣщенные электричествомъ.

Участвующіе въ спектаклѣ студенты удостоились получить отъ эмира по ордену Восходящей Звѣзды второй степени (знакъ ордена—серебряный съ эмалевой надписью по-персидски).

Свободное отъ официальныхъ пріемовъ и выѣздовъ время его свѣтлость посвящаетъ обзору достопримѣчательностей сто-лицы и посѣпалъ различныя казенныя, городскія и обще-ственные учрежденія, получая всюду указанія и объясне-нія отъ самихъ начальствующихъ лицъ означенныхъ учре-жденій.

На нашемъ рисункѣ, на стр. 144, изображенъ эмиръ выхо-дящимъ изъ здания Монетнаго двора, у подъѣзда котораго его свѣтлость ждетъ придворный экипажъ съ выѣзднымъ при-дворнымъ лакеемъ.

28 января, его свѣтлость эмиръ Бухарскій уѣхалъ изъ Пе-тербурга въ Кіевъ. Маршрутъ эмира слѣдующій: Кіевъ, Одесса, Севастополь, Симферополь, Бахчисарай, Ялта, Орландя, Ливадія и Феодосія. Затѣмъ черезъ Черное море на Батумъ, а от-туда на Тифлисъ и Баку. Дальше путь эмира будетъ лежать черезъ Каспійское море до Узунъ-Ада, а затѣмъ уже по За-каспійской ж. д. до Бухары.

Н. В. Воронцовъ. (Портр. на стр. 144).

15 января 1893 г. скончался одинъ изъ самыхъ видныхъ нашихъ ученыхъ и практическихъ дѣятелей, горный инже-неръ Николай Васильевичъ Воронцовъ—директоръ Горнаго института.

Обширная и блестящая дѣятельность Н. В. Воронцова бы-ла трудомъ неустаннаго и талантливаго работника. При чемъ онъ настолько сливался съ дѣломъ, которое велъ, что со-вершенно не имѣлъ времени и охоты выказывать себя пере-дѣ толпою и искать популярности,—симпатичная черта, столь свойственная горнымъ инженерамъ старой закалки, умѣвшимъ безшумно, но въ то же время и безупречно, нести всю жизнь свои служебныя обязанности. Этимъ, вѣроятно, и обусловливается, что имя Воронцова не сдѣлалось избыто-популярнымъ, хотя онъ и занималъ съ 1863 года видныя посты. Будучи назначенъ въ 1863 году строителемъ и на-чальникомъ Пермскаго пунечнаго завода, онъ показалъ,

что Россія можетъ выдѣлывать колоссальныя орудія ничуть не хуже заграничныхъ, бывшихъ долѣ почти недосигаемыми образцами.

Н. В. Воронцовъ родился 7 мая 1835 года въ Кушвинскомъ заводѣ, гдѣ отецъ его былъ артиллерійскимъ приемщикомъ; въ 1845 году, слѣдовательно, ребенкомъ, поступилъ въ Горный институтъ, бывший тогда закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, какъ вышшіе кадетскіе корпуса, и въ 1853 году выпущенъ съ чиномъ поручика.

Первое назначеніе, полученное Воронцовымъ, была командировка на практическія занятія на Златоустовскій оружейный заводъ, гдѣ черезъ годъ Н. В. Воронцовъ былъ сдѣланъ смотрителемъ одного изъ заводскихъ цеховъ. Здѣсь, въ самомъ почти началѣ его дѣятельности, Воронцову сильно повредило руку при случайномъ разрывѣ турбины, но это поврежденіе не имѣло серьезныхъ послѣдствій.—Н. В. Воронцовъ прослужилъ въ Златоустѣ семь лѣтъ и настолько выдвинулся своими способностями, что въ 1860 году получилъ командировку за границу, для изученія практическо-заводской механики.

За границею онъ слушалъ курсы механики у извѣстнаго тогда профессора Реденбахера въ Карлсруэ, и затѣмъ посѣтилъ, изучая свой спеціальнѣйшій предметъ, лучшіе механическіе заводы Германіи, Франціи и Бельгіи.

По возвращеніи въ Россію, онъ былъ командированъ, вмѣстѣ съ покойнымъ П. М. Обуховымъ, въ Златоустъ, для устройства тамъ сталелитейнаго завода; но строители не сходились во взглядахъ на дѣло, и тогдашній директоръ Горнаго департамента В. К. Рашетъ отнесся настолько внимательнѣе къ принципамъ, за которые стоялъ Воронцовъ, что поручилъ ему составить проектъ новаго сталелитейнаго завода—Пермскаго, который, затѣмъ, ему же пришлось выстроить и пустить въ дѣйствіе.

Въ 1866 году появились первыя Воронцовскія стальныя орудія, 4 и 9-фунтовыя, блестящимъ образомъ обнаружившія свои отличныя качества въ 1870 году, когда во время пробъ въ С-Петербургѣ, они оказались способными выдерживать до 200 выстрѣловъ, при чемъ пальба производилась усиленными зарядами: орудія не разрывались, оказываясь гораздо прочнѣе лафетовъ, которые быстро портились при такой стрѣльбѣ, такъ что ихъ приходилось часто перемѣнять. Но отсутствіе на заводѣ тяжелаго молота для проковки большихъ болванокъ не позволяло приступитъ къ выдѣлкѣ орудій крупнѣе калибровъ. Постановкою такого молота Н. В. Воронцовъ озабочился въ 1869 году, и въ 1871 году была ослита, надѣлавшая въ свое время большого шума между специалистами и производившая значительное впечатлѣніе въ Европѣ, 30,000-пудовая наковальня для него.

Теперь выдѣлка большекалиберныхъ орудій стала возможною, и съ 1872 года Пермскій заводъ началъ выпускать также 6—9-дюймовыя пушки, хотя молотъ могъ проковывать болванки даже и для 14-дюймовыхъ орудій.

Въ 1876 году Н. В. Воронцовъ былъ назначенъ членомъ Горнаго Совѣта и Ученаго Комитета, оставивъ Пермскій заводъ въ состояніи полного развитія силъ и въ такомъ видѣ, что онъ могъ считаться безспорно одною изъ лучшихъ практическихъ металлургическихъ школъ, не только въ Россіи, но и на Западѣ.

Переводомъ Н. В. Воронцова въ Петербургъ воспользовался одинъ изъ его старыхъ друзей, извѣстный Н. И. Путиловъ, еще съ начала 70-хъ годовъ звавшій на помощь своему заводу Воронцова.

Прѣхавъ на новое мѣсто своего назначенія, Воронцовъ не имѣлъ основаній отказываться отъ предложенія Путилова и въ этомъ же году принялъ на себя управленіе его заводомъ. Онъ переустроилъ его заново, по-своему, устроилъ бессемерованіе, завелъ прокатку рельсовъ и значительно повысилъ продуктивность завода, доведя, напримѣръ, выдѣлку стальныхъ рельсовъ до 2,000,000 пудовъ.

Въ 1883 году, по ликвидацин дѣлъ Н. И. Путилова, Воронцовъ оставилъ управленіе заводомъ; но, какъ человѣкъ, не могшій жить безъ живого дѣла, онъ увлекся разработкою вопроса о подѣздныхъ и узкоколейныхъ путяхъ, которому и отдавалъ все свое свободное время. Результаты, достигнутые имъ въ этомъ направлеиіи, весьма значительны, хотя далеко не всѣмъ его замысламъ суждено было осуществиться.

Въ 1885 году Воронцовъ былъ призванъ на важный и отвѣтственный постъ директора Горнаго института. Онъ оказался и здѣсь выдержаннымъ и увѣреннѣе хозяйномъ въ-решеннаго ему заведенія. Такимъ образомъ, Н. В. Воронцовъ былъ не только практическимъ дѣятелемъ по своей спеці-

альности, но отличался и какъ опытный администраторъ, и на поприщѣ руководителя образованіемъ молодежи находился на высотѣ задачи.

Умеръ Н. В. Воронцовъ отъ хронической болѣзни, окончившейся параличемъ сердца.

В. Аленицинъ.

Генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи

А. Е. Тимашевъ. (Порт. на стр. 145).

20-го января скончался одинъ изъ старѣйшихъ государственныхъ дѣятелей прошлаго царствованія, бывшій министръ Внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантъ Александръ Егоровичъ Тимашевъ.

Покойный родился 3-го апрѣля 1818 года. Происходя изъ дворян Оренбургской губерніи, онъ принадлежалъ къ древнему роду, представители котораго упоминаются въ официальныхъ документахъ еще XVI вѣка. Окончивъ курсъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ и въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, А. Е. 27-го сентября 1835 г. поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардію Имѣйловскій полкъ, въ коемъ онъ былъ произведенъ 3-го декабря 1836 г. въ подпрапорщики. Затѣмъ, будучи переведенъ въ лейбъ-гвардію Гренадерскій полкъ, 6-го декабря 1837 года, имѣя всего девятнадцать лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ прапорщики. 28-го августа 1840 г. былъ переведенъ въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ, въ которомъ и числился по день своей кончины. Быстро успѣвая по службѣ, за отличіе А. Е. въ 1849 г. былъ уже произведенъ въ полковники. Обладая недюжинными художественными способностями, А. Е. поднесъ, въ томъ же году, въ Возѣ почившему государю императору Николаю I бюстъ покойнаго великаго князя Михаила Павловича, собственной работы, за что въ декабрѣ того же года былъ Высочайше удостоенъ табакерки, украшенной брилліантами съ вензелевымъ изображеніемъ государя императора. 22-го сентября 1855 г. произведенъ за отличіе по службѣ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Въ томъ же году А. Е. назначенъ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ и управляющимъ III отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по званію управляющаго III отдѣленіемъ, назначенъ членомъ Главнаго управленія цензуры. 17-го апрѣля 1859 года А. Е. удостоился быть назначеннымъ генераль-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. 18-го января 1872 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи.

Занимая послѣдовательно съ 1850 г. должности начальника штаба 3-го (впослѣдствіи 2-го) резервнаго кавалерійскаго корпуса, 3-го армейскаго корпуса, А. Е. Тимашевъ, въ 1863 г., вступилъ во временное управленіе Казанскимъ, Пермскимъ и Вятскимъ генераль-губернаторствомъ, а въ 1867 г. получилъ назначеніе министра почтъ и телеграфовъ. Черезъ годъ, въ 1868 г., получилъ высокій постъ министра Внутреннихъ дѣлъ. Пробывъ въ должности министра Внутреннихъ дѣлъ десять лѣтъ, А. Е. былъ назначенъ 27 мая 1878 г. членомъ Государственнаго Совѣта. Покойный принималъ участіе въ кампаніяхъ 1844, 1849 и 1854—1856 гг. А. Е. имѣлъ всѣ высшіе Россійскіе ордена, до Владиміра I степени включительно.

Трудно перечислить количество иностранныхъ орденовъ, украшавшихъ грудь покойнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ почетныя званія члена различныхъ обществъ, почетныя гражданства городовъ, и т. п., бывшія послѣдствіемъ многотрудныхъ и чрезвычайно разнообразныхъ его обязанностей.

Лучшими и полнѣйшими выразителями всѣхъ заслугъ усопшаго должны быть безусловно признаны 2 рескрипта, данныя 18 іюня 1875 г. и 27 ноября 1878 г. на имя А. Е. въ Возѣ почившимъ императоромъ Александромъ II, и рескриптъ, данный 1 января 1888 г. нынѣ царствующимъ Императоромъ Александромъ III, въ сильныхъ и милостивыхъ словахъ обрисовывающіе свыше чѣмъ полувѣковую службу покойнаго А. Е. Престолу и Отечеству.

Послѣдніе дни тяжелой болѣзни Александра Егоровича были озабочены вниманіемъ Государя Императора, не разъ присылавшаго узнавать о ходѣ болѣзни А. Е. Государь Императоръ даже осязательно болного получасовой бесѣдою, при недавнемъ осмѣщеніи. „Страданія мои большія, говорилъ умирающей,—но я ежедневно до слезъ бываю растроганъ тѣмъ вниманіемъ, которое мнѣ оказываютъ Государь и Государыня, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ—прямой Начальникъ мой, и вообще соболѣзнованіе Августѣйшихъ Особъ Императорской Семьи“.

Разныя извѣстія.

— 25 января прибыли изъ-за границы Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна Герцогиня Эдинбургская съ дочерью, ея высочествомъ принцессою Викторіею.

— 20 января Е. И. В. Великій Князь Сергій

Александровичъ давалъ у себя въ генераль-губернаторскомъ домѣ вечеръ для дворянства Московскаго уѣзда; на балу этомъ присутствовалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

— Въ *Практическииномъ Вѣстникѣ* опубликовано Высочайшее распоряженіе съ

позятіи изъ обращенія 25-ти миліоновъ рублей, обезпеченныхъ золотомъ, принадлежащимъ Государственному Банку, кредитныхъ билетовъ, изъ числа 150 миліоновъ, временно выпущенныхъ въ 1891—1892 гг.

— Къ 1 января 1893 г. капиталъ Общества

„Краснаго Креста“, предназначенный исключительно для оказания пособій увѣчнымъ воинамъ, достигъ 126,923 р. 77 к.

— За десятилѣтіе съ 1881 по 1890 г. въ Ригѣ присоединилось къ православію 983 человека, изъ нихъ 457 мужчинъ и 526 женщинъ. До присоединенія 718 человекъ были протестантами, 113 католиками, 88 старообрядцами. Большая часть присоединившихся, а именно 368 чел., крестьяне.

— Дебютировавшіе въ Маріинскомъ театрѣ, въ оперѣ „Риголетто“, супруги Пиккалуга, — она въ партіи Джильды, а онъ — Герцога, — имѣли выдающійся успѣхъ у публики, переполнившей весь театр. О г-лѣ Литвиновой-Пиккалуга можно отнестись болѣе, чѣмъ съ похвалой. Она не только хорошая пѣвица, но и актриса. Мужъ ея, г. Пиккалуга, обладаетъ прекрасной сценической внѣшностью и прекраснымъ голосомъ (теноръ). Дебютантамъ пришлось многое повторять. Оба они будутъ приглашены, вѣроятно, на нашу сцену.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликовано о переименованіи города Дерпта — въ Юрьевъ и города Динабурга — въ Двинскъ.

Директоръ Горнаго Института. Н. В. Воронцовъ († 15 января 1893 г.).
Съ фот. Лоренца, грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

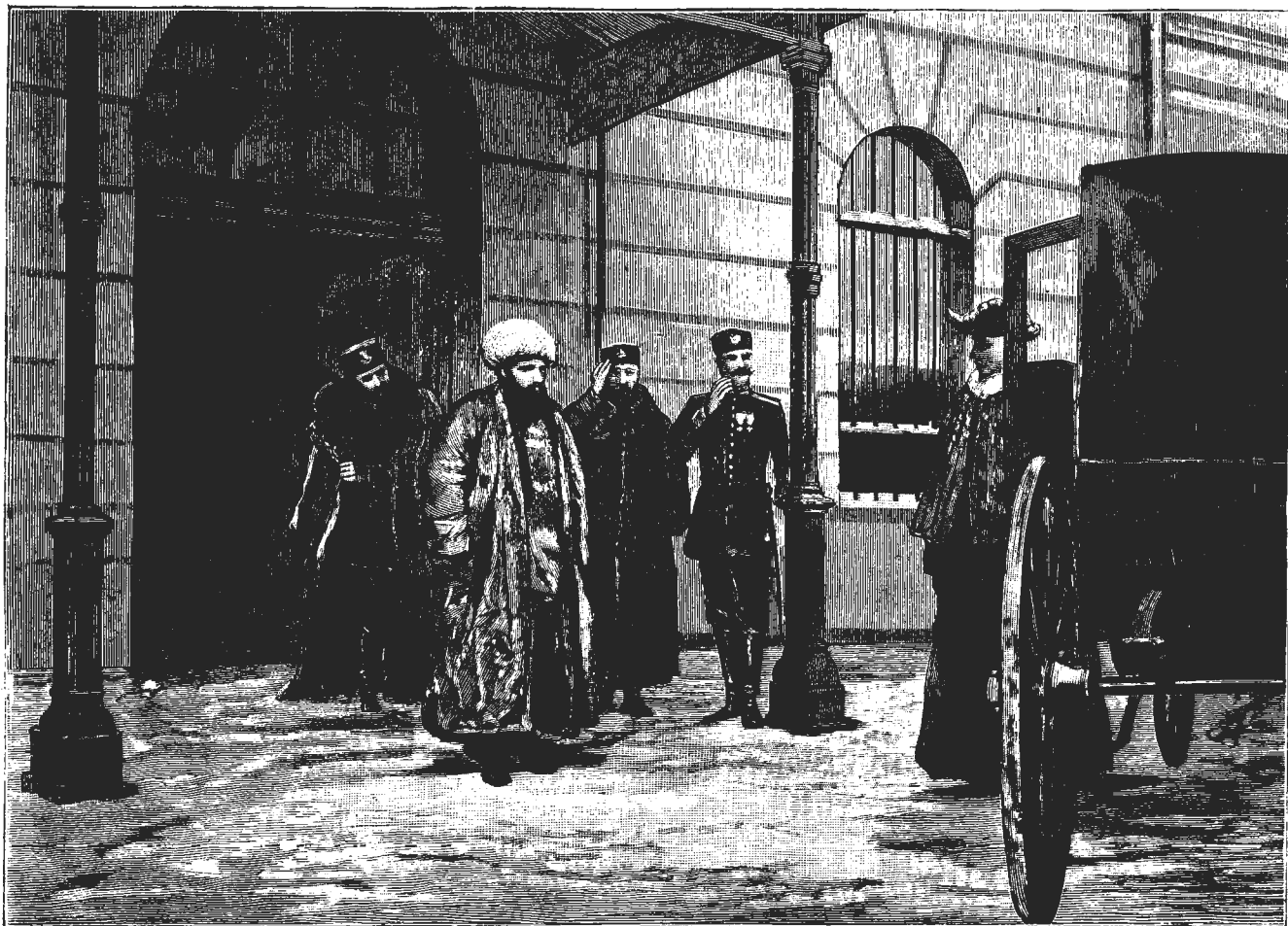
Самую интересною новостью прошлой недѣли было обнародованіе австрійской правительственной программы. По во-

просамъ внѣшней политики въ программѣ этой заявлено относительно тройственного союза и дуализма, что правительство будетъ всѣми средствами сохранять и усиливать ихъ въ смыслѣ той внѣшней политики, которая одобрена также и делегациями. Правительство будетъ также содѣйствовать развитію боевыхъ силъ и настоятъ на томъ, чтобы нынѣшнія отношенія Австріи къ Венгрии были признаны за установленныя окончательно. Въ концѣ программы выражено ожиданіе, что составленіе парламентской коалиціи будетъ достигнуто путемъ учрежденія общаго комитета, который будетъ поддерживать постоянную связь съ правительствомъ.

Нѣмецко-либеральная партія, обсудивъ программу, приняла составленную въ рѣзкихъ выраженіяхъ резолюцію, въ которой прямо отвергаетъ коалицію съ группою, занимающею противное нѣмецкимъ либераламъ положеніе въ основныхъ принципахъ.

Польскій клубъ, обсудивъ объявленную правительствомъ программу, постановилъ: сохраняя главные принципы своей преж-

ней дѣятельности, клубъ принимаетъ къ свѣдѣнію основанную на тронной рѣчи правительственную программу и заявляетъ свою готовность поддерживать правительство въ смыслѣ этой программы. Вносимые же въ рейхсратъ соответствен-

Пребываніе эмира Бухарскаго въ Петербургѣ. Отъѣздъ его свѣтлости изъ крѣпости послѣ осмотра Мона наго двора.
Съ фот. генерала Пасятевича, грав. Рашевскій.

ные законопроекты клубъ предоставляет себѣ право обсуждать и рѣшать объективно.

Клубъ партіи графа Гогенварта принялъ резолюцію, въ которой высказаны серьезные сомнѣнія относительно целесообразности различныхъ пунктовъ правительственной программы. Не имѣя пока никакого повода измѣнить образъ своего дѣйствія, по отношенію къ правительству, клубъ предоставляет себѣ также полную свободу при обсужденіи всѣхъ правительственныхъ проектовъ.

Южно-славянскіе депутаты рейхсрата на собраніи рѣшили отклонить правительственную программу.

Такимъ образомъ, желаемое правительствомъ коалиціонное большинство является отвергнутымъ всѣми партіями.

Газеты указываютъ на неусѣхъ правительственной программы. Либеральные органы подробно и съ особеннымъ удовольствіемъ распространяются объ этомъ и говорятъ, что рѣзкая резолюція, принятая клубомъ Гогенварта противъ названной программы, помѣшаетъ овациямъ правительства по поводу предстоящей 70-ти-лѣтней годовщины рожденія графа Гогенварта.

Пока разбирается въ Германіи новый военный законопроектъ, не безынтересно вспомнить, что Германіей съ 1888 г. построено вновь 4 броненосныхъ корабля, 8 броненосныхъ фрегатовъ, 2 корвета-крейсера, 5 обыкновенныхъ крейсеровъ и 3 вѣстовыхъ парохода. Въ проектѣ морского бюджета на 1893—94 г. требуется ассигновать суммы, необходимыя для постройки еще 1 броненоснаго корабля, 2 броненосныхъ фрегатовъ, 1 корвета-крейсера, 2 обыкновенныхъ крейсеровъ, 2 вѣстовыхъ пароходовъ, 1 миноносца и 8 миноносковъ. На все это, со включеніемъ артиллерійскаго и миногого вооруженія, потребуется 52 милліона марокъ!

По поводу событій въ Египтѣ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Девелль, отвѣчая, 21-го января, въ палатѣ депутатовъ на вопросъ Делафосса, сказалъ, что усиленіе англійскаго гарнизона въ Египтѣ не указываетъ ни на какое измѣненіе политики со стороны Англій и не измѣняетъ сдѣланныхъ ею увѣреній. „Франція—сказалъ министр—не можетъ не интересоваться египетскими событіями. Султанъ и все Европа заинтересованы въ сохраненіи Суэзскаго канала подъ господствомъ хедива. Изъ словъ Гладстона вытекаетъ, что вопросъ объ эвакуаціи Египта можетъ быть подвергнутъ новому обсужденію; Франція согласится на это, подобно Англій, въ дружественномъ духѣ, но Англія, конечно, должна принять во вниманіе то, что если бы это временное положеніе дѣлъ стало стремиться сдѣлаться окончательнымъ, то оно могло бы послужить для Европы источникомъ столкновеній.

Судебныя пренія по Пауамскому дѣлу въ Парижѣ 21 января окончены. Фердинандъ и Шарль Лессенсъ приговорены къ 5-ти-лѣтнему тюремному заключенію; Коттю, Фитованъ, Эйфель — каждый на два года. Кроме того, на всѣхъ ихъ наложенъ штрафъ по 3,000 фр., а на Эйфеля сверхъ того еще 17,000 фр.

Въ Вашингтонѣ, 26-го января, сенатъ утвердилъ заключенный между Соединенными Штатами и Россіей договоръ о выдачѣ преступниковъ.

Искусство.

Музыкальные юбилеи.

За послѣднее время въ музыкальномъ мірѣ пришлось почти подрядъ четыре юбилея: сорокалѣтній—г-жи Леоновой, два двадцатилѣтнія—г-жи Лавровской и г. Мельникова, и одинъ десятилѣтній—г. Архангельскаго.

Г-жа Леонова уже съ 1873 г. на казенныхъ сценахъ не поетъ. Поступивъ въ 1852 г. въ русскую оперу, она въ теченіе двадцати съ лишнимъ лѣтъ была украшеніемъ русской оперной сцены; пѣла въ „Жизни за Царя“ (Ваня), „Русалка“ (Княгиня), „Рогвѣдъ“, „Грозѣ“ (г. Кашперова), „Кроаткѣ“, „Трубадурѣ“, „Пророкѣ“, „Лоэнгринѣ“, „Борисѣ Годуновѣ“, „Вражбей силѣ“ (Спиридоновна; это одна изъ лучшихъ ролей маститой ветеранши русской сцены) и др. Въ свое время г-жа Леонова считалась первоклассной звѣздой, и помняще ее на сценѣ до сихъ поръ съ восторгомъ отзываются о ней, какъ о замѣчательной драматической актрисѣ и пѣвицѣ. Она много концертировала на своемъ вѣку; побывала не только въ Европѣ, но и въ Азіи, и вездѣ производила фуроръ своимъ талантомъ. По возвращеніи изъ своего кругосвѣтнаго путешествія, г-жа Леонова, какъ большинство артистовъ, достигшихъ предѣльнаго возраста для сцены, стала преподавательницей пѣнія. то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ.

Вторая юбилярша ближе къ намъ по времени; г-жа Лавровская (княгиня Цертелева) продолжаетъ восхващать своимъ чуднымъ голосомъ и русскую, и иностранную публику уже двадцать пять лѣтъ, строго говоря, не находясь у дѣла, къ великому огорченію всѣхъ любителей русскаго искусства и всѣхъ многочисленныхъ поклонниковъ ея таланта. Трудно повѣрить, что г-жа Лавровская только четыре года (1868—1872) подрядъ служила на нашей Марининской сценѣ; она потомъ хотя и появлялась, но въ качествѣ гастролерши, на нѣсколько спектаклей, или же въ концертахъ; но собственно репертуара, по господствовавшимъ въ то время условіямъ, она не несла. И въ то время, какъ Европа рукоплескала нашей знаменитой пѣвицѣ, мы не имѣли другой такой артистки на ея амбула. Г-жа Лавровская пѣла Ваню, Рагмира, Фидесъ („Пророкъ“), Орфея, Амперисъ, Морозову („Опричникъ“, Чапковскаго), Княгиню („Русалка“) и др. партіи альтового репертуара и всегда съ колоссальнымъ успѣхомъ.

Артистка эта уже сошла со сцены (хотя она еще недавно пѣла въ московской Большой оперѣ) и

довольствуется дѣятельностью профессорши въ консерваторіи.

Сосель со сцены и другой любимецъ публики, извѣстный баритонъ г. Мельниковъ, нѣдую четверть вѣка украшавшій нашу лирическую сцену. Въ юбилейный спектакль онъ спѣлъ Руслана—свою коронную партію. Впрочемъ, трудно сказать, которая изъ 41 партій его обширнаго репертуара лучшая у него; его Борисъ, Мельникъ, Вольфрамъ, Кочубей („Мазепа“), Фордъ („Виндзорскія кумушки“), Риголетто, Бѣсъ и др.,—все это цѣльные художественные типы, если смотрѣть на его исполненіе хотя бы только съ одной сценической точки зрѣнія; но если къ этому прибавить его превосходный голосъ, конкурировавшій одно время съ голосами европейскіхъ вокальныхъ свѣтилъ, какъ напр. Граціани, Котонья, Надила и др., то совершенно понятна станетъ любовь къ нему публики и восторги ея на его бенефисѣ, который отпразднованъ былъ самымъ блестящимъ образомъ и публикой, наполнившей театръ, несмотря на крайне высокія цѣны, и артистами-товарищами, поднесшими юбиляру подарки, вѣнки, адреса и пр.; даже оркестръ встрѣтилъ г. Мельникова тушемъ.

Праздникъ этотъ останется надолго въ памяти всѣхъ присутствовавшихъ въ театрѣ. Приятно видѣть, когда цѣнятся дѣйствительные таланты, посвѣтившіе всю свою жизнь русскому искусству, работавшіе для него, а не для разовыхъ и для мисированія лишь своего имени; г. Мельникова никогда не писали въ „красную строку“, получалъ онъ содержаніе весьма умѣренное, сравнительно со своими заслугами предъ роднымъ искусствомъ, и всегда отличался своею скромностью, которая дѣлала его чрезвычайно симпатичнымъ членомъ и такимъ же товарищемъ въ трунѣ.

Скромностью отличается и четвертый нашъ юбиляръ, г. Архангельскій, ставшій особенно любимымъ со времени его „историче-

Членъ Государственнаго Совѣта, генераль-адъютантъ, генераль отъ-кавалерій А. Е. Тимашевъ († 20 января 1893 г.). Съ фот. Левинскаго, грав. Шюблеръ.

спеклю концертовъ", которые онъ давалъ со своимъ хоромъ, знакомя публику съ лучшими произведеніями старинныхъ русскихъ и итальянскихъ мастеровъ хорового пѣнія. Десятилѣтній юбилей его состоялся

въ залѣ Дворянскаго Собранія при многочисленной публикѣ, собравшейся послушать приготовленную имъ къ этому дню ораторію Генделя „Израиль въ Египтѣ“ и почтить талантливаго регента.

В. Басинъ.

С М Ъ С Ъ .

Памяти И. А. Гончарова. Въ читальномъ залѣ бібліотеки Историческаго музея въ Москвѣ выставлена въ высшей степени интересная витрина съ вещами, принадлежавшими покойному И. А. Гончарову. Въ витринѣ помѣщены столовые часы, изъ чернаго мрамора, украшенные темными бронзовыми бюстомъ „Мариньки“, одной изъ героинь романа „Обрывъ“. Тутъ же находится небольшая записочка И. А. Гончарова, въ которой онъ свидѣтельствуеетъ, что повѣсти „Май мѣсяцъ въ Петербургѣ“ и „Превратность судьбы“ подарены имъ въ августѣ 1891 года дѣвицѣ Еленѣ Карловнѣ Трейгутъ, для напечатанія, въ ея пользу, сначала въ какомъ-нибудь журналѣ, потомъ въ общемъ собраніи его сочиненій. (Обѣ повѣсти были напечатаны въ *Нивѣ*). Къ этимъ двумъ предметамъ присоединены два серебряные лавровые надгробные вѣнка. Въ самомъ непродолжительномъ времени эта цѣнная коллекція еще обогатится нѣкоторыми бумагами покойнаго писателя, которыя будутъ доставлены душеприказчикомъ усопшаго, М. М. Стасюлевичемъ.

Помимо этой коллекціи, въ архивѣ московскаго коммерческаго училища находится документъ, могущій служить очень цѣннымъ матеріаломъ для біографіи покойнаго И. А. Гончарова.

Документъ этотъ—прошеніе, поступившее въ совѣтъ означеннаго училища въ 1830 г. отъ матери въ то время обучающагося въ этомъ училищѣ знаменитаго писателя, купеческой вдовы Авдотьи Матвѣевны Гончаровой, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что „по разстройству коммерческихъ дѣлъ ея, Гончаровой, она, не въ состояніи будучи продолжать платить пансіонныхъ денегъ за сына своего Ивана Гончарова, проситъ совѣтъ уволить его изъ училища...“

Сердце невольно сжимается при чтеніи этого печальнаго документа... Еще одно безспорное доказательство того, въ какихъ тяжкихъ оковахъ нужды находились въ дѣтствѣ и юности наши лучшія литературныя силы, гордость и слава нашей родины...

Животныя въ качествѣ пациентовъ. Сколько бы мы ни читали и ни слышали о симпатичныхъ чертахъ изъ жизни животныхъ, мы съ тѣмъ же интересомъ встрѣчаемъ каждое новое явленіе, позволяющее заглянуть глубже въ психику нашихъ безсловесныхъ друзей. Д'Обсонвилъ наблюдалъ въ Индіи слона, который былъ раненъ на войнѣ и каждый день ходилъ въ госпиталь за врачебною помощью. Какъ же его лѣчили? Рану каждый день прижигали, чтобы, по возможности, предупредить нагноеніе, особенно опасное въ жаркомъ климатѣ. Животное терпѣливо переносило болѣзненную операцію и позволяло повторять ее каждый день. При этомъ слонъ ни разу не сердился на хирурга, причинявшаго ему жгучую боль; онъ, очевидно, понималъ, что его мучитель вмѣстѣ съ тѣмъ его другъ, и что лѣченіе необходимо для его исцѣленія.

Другой, подобный этому, случай наблюдали у большой человѣкоподобной обезьяны, которая сильно страдала отъ испорченнаго глазнаго зуба. Приглашенный зубной врачъ нашелъ, что больную нужно прежде всего захлороформировать, и съ большимъ трудомъ посадилъ ее въ мѣшокъ по самую шею. Однако это удалось не вполнѣ: кромѣ головы осталась свободной рука, и пронзительный крикъ, жесты и гримасы пациентки чрезвычайно мѣшали врачу. Но, какъ только онъ вскрылъ нарывъ, покрывавшій часть большой челюсти, поведение животного совершенно измѣнилось: обезьяна охотно допустила освидѣтельствовать свой ротъ, спокойно подчиня-

лась выдергиванію больнаго зуба и удаленію еще одного корня, такъ что операція могла обойтись безъ приема наркотическаго вещества.

Изъ этого случая, краснорѣчиво говорящаго о терпѣнн и разсудительности животныхъ, видно еще и то, что они такъ же, какъ люди, подвержены зубной боли. Известно, что этотъ родъ болѣзни существовалъ раньше появленія на землѣ человѣка. Такъ, найдены болѣзные зубы пещернаго медвѣдя (*Ursus spelæus*); животное это существовало задолго до нашего времени и встрѣчается только въ окаменѣломъ видѣ. Какой крикъ ярости долженъ былъ испускать этотъ исполинъ, когда его мучила зубная боль, трудно себѣ и представить.

Одна собака въ дракѣ съ кошками чуть было не лишилась глаза, глазное яблоко вышло изъ орбиты и висѣло лишь на зрительномъ нервѣ и нѣсколькихъ волокнахъ. Приглашенный ветеринаръ сперва нашелъ необходимымъ совѣтъ удалить поврежденный органъ, но, тронутый терпѣніемъ бѣднаго животнаго, рѣшился попробовать вставить глазъ на прежнее мѣсто. Осторожно, чтобы не повредить мускуловъ, взявъ онъ глазное яблоко въ руки, поднявъ верхнее вѣко и помѣстивъ глазъ въ его орбиту; потомъ, соображаясь со здоровымъ глазомъ, безъ большого затрудненія привелъ поврежденный глазъ въ его нормальное положеніе. Животное все время держало, но оно и безъ того оставалось спокойнымъ. Когда, по окончаніи операціи, собака была пущена на свободу, выраженія ея радости не было конца: она бросалась то къ своему хозяину, то къ доктору, и обнимъ лизала руки. Въ настоящее время оперированный глазъ нельзя отличить отъ здороваго, и собака, при встрѣчѣ съ искуснымъ врачомъ, никогда не преминетъ выразить ему свою живѣйшую преданность и благодарность. (в.)

Щедрые покровители науки не переводятся въ Америкѣ. Недавно Томасъ Годкинсъ пожертвовалъ Лондонскому Королевскому институту 500.000 франковъ для содѣйствія научнымъ изслѣдованіямъ, а теперь Смитсонскій институтъ въ Вашингтонѣ получилъ отъ него для той же цѣли цѣлый миллионъ. (г. в.)

Маленькій Листъ. Музыкальной фирмой Юліи Генрихъ Циммерманъ вынужденъ новый сборникъ 63-хъ фортепианныхъ пьесъ и танцевъ для молодыхъ пианистовъ и пианистокъ. Сборникъ этотъ отличается особенно удачнымъ выборомъ пьесъ и не лишень разнообразнаго содержанія. Составленъ этотъ „Сборникъ“ известнымъ педагогомъ, покойнымъ Ю. Нагелемъ. Изданіе изящно; есть и въ роскошномъ переплетѣ.

Температуру лавы удалось наконецъ измѣрить итальянскому профессору Бартоли послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ. Задача была очень трудная, такъ какъ, во-первыхъ, наблюдатель долженъ оставаться на почтительно разстояніи отъ потока лавы, а, во-вторыхъ, невозможно вставить термометръ въ такую густую массу: Бартоли употребили слѣдующій способъ. Онъ беретъ дуло пистолета и распиливаетъ его на двѣ половинны; затѣмъ онъ ихъ снова складываетъ и сбиваетъ въ дуло платиновый брусокъ. Все это укрѣпляется на концѣ длиннаго желѣзнаго шеста и вставляется на пять минутъ въ лаву. Платиновый брусокъ затѣмъ вынимаютъ и бросаютъ въ воду. По степени нагрѣванія послѣдней и заключаютъ, конечно приблизительно, о температурѣ платины, а, слѣдовательно, и накалившей ее лавы. Въ одномъ изъ мѣстъ ея выхода, на глубинѣ одного метра, найдены были температуры въ 1060, 990, 980 и 970 градусовъ. (г. в.)

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Изд. А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры. Цѣна брошюръ 6 руб., съ перес. 7 р., въ колѣноровомъ переплетѣ съ золот. тиснен. и 3-мя красками 7 руб., съ перес. 8 руб. 50 коп.

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи журнала „Нива“: СПБ. Невскій проспектъ № 6; въ отдѣленіе конторы „Нивы“ Н. Н. Печковской, въ Москвѣ, д. Петровскихъ торгов. линий.

Эта книга имѣется также у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Діетатура. Повѣсть графа Е. А. Салиаса. (Продолженіе).— Путешествіе по Геллаустонскому національному парку. Очеркъ Павла Линдзу. Переводъ Б. Н. (съ 6 рис.).— Наступленіе Великаго поста. (Изъ далекаго прошлаго). А. Аенскаго.— Желаніе дофина. Страничка изъ негласной исторіи французскаго Двора. Переводъ Е. Бертенсонъ.— Къ рисункамъ: Сандрильона (съ рис.).— Лѣсная драма (съ рис.).— Петербургъ зимою (съ рис.).— Жена рыбака (съ рис.).— Милтонъ у Галилея (съ рис.).— Ветеранъ (съ рис.).— Прываніе эмира Бухарскаго въ Петербургѣ (съ 2 рис.).— Н. В. Воронцовъ (съ портр.).— Генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи А. Е. Тимашевъ (съ портр.).— Газинъ извѣстия.— Политическое обозрѣніе.— Искусство.— Смѣсь. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія. При семь № прилагается: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за ФЕВРАЛЬ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1893 г. съ 38 рис. и отд. листъ съ 28 черт. выкроекъ въ натур. велич., и 6 архитектурными рис. печ. красками и 27 рис. выильныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волонскій.

**EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE**
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (22)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и въ всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЖЕНЩИНЫ И ДЕВОЧКИ
имеют честь сообщить, что они доставляют черную краску, которую печатается иллюстрированный журнал "Нива". № 2405

ЗОНТИКИ
готовлены в громадном выборе на С.-Петербургской фабрике
В. СЫЖИНА.
Садовая ул., д. № 29. Прейс-курранты высылаются бесплатно. № 6229

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ПРОИЗВОДЯ
А. МОСТРОУМОВА
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УТВЕРЖДЕНО ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
МАРКУ ЗА ИЗДЕЛ.
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ КОЛДАБЛОКЪ.

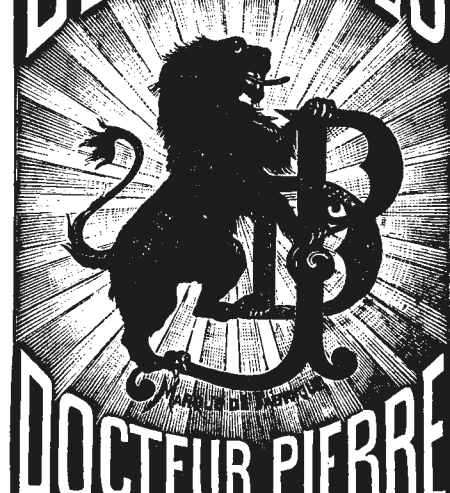
ВИНО
СЕН-РАФАЭЛЬ.
№ 6191
10-3
Вино Сен-Рафаэль превосходно на вкус.
Сохраняется по способу г-на Пастера.
На каждой бутылке находится печать Российской таможни.

"НЬЮ-ЮРКЪ"
Общ. Вз. Страх. Жизни.
Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.
Специальная гарантія для русскихъ страхователей составляет на 1 декабря 1892 г. Р. 2.714.072 23.
Сумма эта хранится въ Госуд. Банкъ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (34)
Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДЕЛОКЪ.
Фирма премиярована на европейскіхъ выставкахъ десятию золотыми медалями и высшими знаками.
БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Для чистоты и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цена банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли антикарскими товарами, Казанск. 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ
въ Гогенгеймѣ. D. № 6234 2-1
Лѣтній курсъ начинается въ понедѣльникъ, 17 апрѣля с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію бесплатно
КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ
Гогенгеймъ, въ январѣ мѣс. 1893 г. Vossler.

EAU, PÂTE, POUDDRE
DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT
№ 6235 13-1

НОВАЯ КНИГА 2-1
(Л. Боровичъ). № 6226
„Фабричные паровые котлы, ихъ устройство и уходъ за ними.“
Ц. 2 р. 75 к. Складъ въ типографіи т.—ва Кушнеревъ и Ко въ Москвѣ. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.
Д-ръ Волицій лечитъ паружилы, коники, грудныя болѣзни, ракъ и электротер. Невскій, 57, кв 5 Оубъ 2-3 и 6 7 2 а в.

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается великій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ
у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ**
А. КОССОДО.
Методъ премірованъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52-3
За 2 семиклѣбныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерibasогскій, д. № 19.

1 р. **НОВОСТЬ** 1 р.
КОРЗИНА-МЕТАМОРФОЗА
Пятичная корзинка, складывающаяся въ 12 хозяйствен. предметовъ, какъ-то: для варки яицъ и овощей, для хлѣба, ламповый абажуръ, тагачишь и проч.
Заказы высылаются немедленно.
Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтений, Невскій 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтений и подарковъ за 10 коп. марку.

№ 6179 8-6

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и Ко. Лмгд.“
лучше въ свѣтѣ!
предлагаетъ торговый домъ
Г. ЖЕМЛИЧКА и Ко.
Москва, Неглинный просп., домъ Ечкиной.
Прейс-курранты—бесплатно.

Къ свѣдѣнію гг. землевладѣльцамъ, экспортерамъ и торгующимъ хлѣбомъ.

На Рязанско-Уральской желѣзной дорогѣ для долгосрочнаго храненія мѣстнаго хлѣба до его отправленія по назначенію и для завоза транзитнаго хлѣба устроены элеваторы и склады.
Мѣстный хлѣбъ до отправленія по назначенію принимается на долгосрочное храненіе въ элеваторы на станціяхъ: Козловъ, Ряжскъ, Лебедянъ и Данковъ, а также въ склады на станціяхъ: Козловъ, Богоявленскъ, Ряжскъ, Александроневская, Кораблино, Никитино, Хрущево, Тамбовъ, Разсказово, Платоновка, Ломовисъ, Краснослободскъ, Кирсановъ, Уметъ, Тамала, Сосновка, Беково, Ртищево, Салтыковка, Екатериновка, Лопуховка, Аткарскъ, Кологривовка и Саратовъ.
Транзитный хлѣбъ принимается на храненіе въ элеваторы на станціяхъ: Козловъ и Ряжскъ, а также въ завозные склады, устроенные на станціяхъ: Козловъ, Александроневская, Богоявленскъ, Ряжскъ, Никитино, Тамбовъ, Разсказово, Платоновка, Ломовисъ, Краснослободскъ, Кирсановъ, Уметъ, Тамала, Сосновка, Беково, Ртищево, Салтыковка, Екатериновка, Лопуховка, Аткарскъ, Кологривовка и Саратовъ.
На ряду съ открытіемъ дѣятельности складовъ и элеваторовъ Обществомъ Рязанско-Уральской дороги организована выдача ссудъ подъ хлѣбные грузы, какъ сдаваемые для непосредственнаго отправленія по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и сложенные въ склады и элеваторы Общества.
Таксы сборовъ и условія пріема хлѣба на храненіе въ склады и элеваторы, а равно правила выдачи ссудъ, опубликованы въ Сборникѣ тарифовъ Росс. жел. дорогъ и отпечатаны отдѣльными брошюрами, высылаемыми, по требованію, бесплатно Правленіемъ Общества (въ С.-Петербургѣ, по Мойкѣ, д. № 40).
Съ открытіемъ указанныхъ операций землевладѣльцамъ, экспортерамъ и хлѣботорговцамъ представляется возможность гужевою подвозки грузовъ въ удобнѣйшее для того время къ станціямъ Рязанско-Уральской дороги для останова ихъ въ складахъ и элеваторахъ въ ожиданіи выгодныхъ для сбыта хлѣба рыночныхъ цѣнъ, пользуясь при этомъ въ теченіе всего времени храненія хлѣба и доставки его по назначенію дешевымъ и скорымъ кредитомъ.
№ 6190 3-3

БИЛЬЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет. № 6236 скаго моста, домъ № 7-2. 26-1
Иллюстрированные прейс-курранты по потребованіямъ высылаются безвозмездно.

Поступило въ продажу у всѣхъ книготорговцевъ новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ПЕРЕДАЧА ЭНЕРГІИ
(передача силы на разстояніе).
Г. Наппа, Перевель съ 8-го англ. изданія Д. Голова. Съ 97 рисунк. Ц. 1 р. 60 к.
Продается у всѣхъ книгопродавцевъ. Главный складъ въ магазинѣ П. Луконникова (СНБ., Лештуковъ пер., 2). Мт. № 6230

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.
ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО
56-ой ПРОБЫ
съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ.
Пересылаю наложеннымъ платежемъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20-31.

Имѣемъ честь извѣстить многоуважаемыхъ гг. покупателей, что съ 1-го февраля 1893 г.
МАГАЗИНЪ Мт. № 6231
МУЖСКОЙ И ДАМСКОЙ ОБУВИ
И. П. ПАРВЛОВА,
въ Большомъ Гостиномъ Дворѣ, по Суконой линіи, изъ № 31
ПЕРЕВЕДЕНЪ въ № 26 по той же линіи.
Съ почтеніемъ Наслѣд. Павловы.

НОВЫЙШЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

играющие посредством веревки ручкой:

ПИАНО-МЕЛОДИКО.

Салонный орган со струнами, играет всевозможные песни, иметъ очень приятный, мелодичный тонъ, сходный съ оркестромъ или мандолиной, и удобенъ, какъ для салонной музыки, такъ и для танцевъ. Цена безъ пьесъ 80 руб., пьесы по 70 к. за метръ (около 1 1/2 аршина).

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ.

Салонный органъ съ голосами, играетъ различные пьесы, иметъ звуочный тонъ и очень удобенъ для танцевъ. Цена 65 руб. Пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Ручной органъ со стальными голосами и круглыми металлическими нотами. Цена 28 руб. Пьесы по 60 коп.

ГЕРОФОНЪ.

Цена 26 руб. Пьесы по 50 коп.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

Усовершенствованный. Цена 22 р. Пьесы по 50 коп.

ДЪТСКИЙ АРИСТОНЪ.

Цена 6 руб. Пьесы по 25 коп.

Иллюстрированный преѣзъ-курантъ и швейцарскіе пьесы высылаются БЕСПЛАТНО.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ

главное депо

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захаркина.

2-ой ВЫИГРЫШНЫЙ

заемъ, 1 марта тиражъ, продаетъ на условияхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ № 6223 5-2

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

№ 9, Невскій, СПб.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (20)

Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. преѣзъ-курантъ по запросу, бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 5808

Карлъ Ивановичъ Вагнеръ,
Садовое заведеніе въ Ригѣ, симъ иметъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что

КАТАЛОГИ СЪЕМАНЪ и пр. на 1893 г. изданы и пересылаются по требованію бесплатно. № 6205 3-3

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ РОССИИ

СКЛАДЪ

ШВЕЙЦАРСКИХЪ МАШИНЪ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

МОСКВА

Поступило въ продажу новое роскошное изданіе А. Ф. Маркса: ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

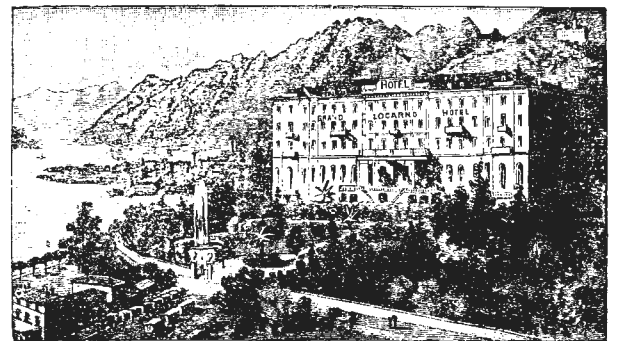
П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и виньетокъ художника **К. В. ЛЕБЕДЕВА.**

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, „НОВОЕ ВРЕМЯ“ говоритъ о книгѣ слѣдующее: „Надо отдать справедливость г. Марксу: онъ издалъ эту книгу очень изящно, съ виньетками и картинками, нарисованными съ большимъ вкусомъ и знаніемъ русскихъ древностей молодымъ художникомъ, г. Лебедевымъ. Историческіе рассказы г. Полеваго отличаются тѣмъ, между прочимъ, отъ цѣлой массы подобныхъ рассказовъ, что въ нихъ соблюдается историческая вѣрность эпохъ, такъ какъ авторъ прекрасно изучилъ ту эпоху, изъ которой черпаетъ свои рассказы. Примѣнительно къ этимъ рассказамъ и рисунки являются не празднымъ измышленіемъ, а служатъ къ нимъ иллюстраціями, гдѣ вѣрно соблюдаются костюмы и другія бытвыя особенности“.

Цена этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большаго 8°) и роскошнаго изданія, назначается нами весьма умеренная: 5 р., съ перес. 5 р. 80 коп.; въ роскошн. перепл. 6 р., съ перес. 7 р.

Для любителей роскошныхъ изданій мы печатали особо „50 нумерованныхъ экземпляровъ“ на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 эстампа на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цена этихъ нумерованныхъ экземпляровъ 25 руб., съ пересылкою 26 руб., въ роскошномъ полушпирецовомъ переплетѣ 28 руб., съ перес. въ ящикѣ 30 руб. Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6.

LOCARNO

Станція Готтардской ж. д. у Лаго Маджоре наилучшая и ближайшая

ЗИМНЯЯ СТАНЦІЯ

Общепризнанная всеми медицинскими авторитетами и спеціально рекомендованная Королев. Бавар. Совѣтникомъ медицины, проф. докторомъ А. Мартинозомъ, какъ самая превосходная въ Европѣ зимняя и весенняя станція. № 6199 6-4

Grand Hôtel Locarno.

Открытъ въ продолженіе всего года.—Наилучшимъ образомъ приспособленъ къ проживанію въ немъ зимою.—Лучшее мѣстопребываніе у Итальянскихъ озеръ. Самая комфортабельная гостиница на континентѣ, въ замѣчательно красивой мѣстности. Большой паркъ съ роскошной южной растительностью. Зимнія окна, центральное отопленіе, изразцовые печи и каминъ во всѣхъ 200 номерахъ и залахъ.—Лѣченіе виноградомъ.—Итальянскій врачъ.—Ванны.—Подземная машина.—Английская и немецкая кухни.—Собореніе на частныхъ пароходахъ и лошадей.—Первоклассные кухни и погреба.—Умеренная цѣна.—Проектъ и описаніе, составленное проф. Мартинозомъ, высылаются бесплатно владѣльцемъ. Balli.

Въ элеваторахъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги на станціяхъ Рязскъ, Данковъ и Лебедянь съ 1 февраля с. г. вводится, по примѣру Козловскаго элеватора, обезличеніе хлѣба съ сортировкой его по сортамъ, установленнымъ Комитетомъ по надзору за сортировкой хлѣба въ элеваторахъ дороги; при чемъ въ документахъ, выдаваемыхъ элеваторами въ принятіи на храненіе хлѣба, указывается сортъ хлѣба по классификаціи.

Классификаціи эти вмѣстѣ съ нормальными образцами хлѣбовъ, установленными тѣмъ же Комитетомъ, выставлены для обозрѣнія въ главнѣйшихъ русскихъ биржахъ и элеваторахъ.

Введеніемъ этой операціи землевладѣльцамъ, хлѣботорговцамъ и экспортерамъ значительно облегчается сбытъ и приобрѣтеніе хлѣба путемъ купли-продажи его по образцамъ и сортамъ, указаннымъ въ документахъ элеваторовъ, съ гарантіей со стороны элеваторовъ въ отпускѣ хлѣба, вполнѣ соответствующаго сорту, указанному въ документѣ. Помимо того, вводимое въ элеваторы обезличеніе и сортировка хлѣбовъ открываетъ возможность заготовленія большихъ партий совершенно однороднаго хлѣба, необходимаго при подрядахъ и поставкахъ для интендантскаго вѣдомства и др.

Подъ сдаваемымъ въ элеваторы хлѣбъ Обществомъ дороги организована выдача, на весьма выгодныхъ для хлѣбовладѣльцевъ условіяхъ, долгосрочныхъ ссудъ, со взысканіемъ ихъ, по желанію владѣльца хлѣба, на станціи окончательнаго назначенія хлѣба, если онъ вывозится изъ элеватора по желѣзной дорогѣ. № 6232 3-1

Подробныя правила и таксы за услуги элеваторовъ, а равно правила выдачи ссуды опубликованы въ Сборникѣ тарифовъ и отпечатаны отдѣльными брошюрами, высылаемыми по требованію бесплатно Правленіемъ Общества (въ С.-Петербургѣ, по Мойкѣ, № 40).

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшаго англійскаго колленора, съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1892 годъ, по показанному образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКІЙ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ самъ себя брить новозобрѣтенною безопасною бритвою

„СТАРЪ“

употребленіе коей особенно облегчаетъ бритье, а съ гигиенической точки зрѣнія составляетъ дѣйствительно важное изобрѣтеніе, ибо каждый можетъ ею бриться. Бритва „Старъ“ выдѣлана изъ самой чистой шифованной и магнетизированной новыя патентованнымъ способомъ блѣдой стали. При каждой бритвѣ приложено объясненіе способа употребленія. Эту „Старъ“ иметъ такое громадное распространеніе во всемъ свѣтѣ, что фабрикантъ и изобрѣтатель въ „Америкѣ“ не успѣваетъ ихъ заготовлять. Цена съ перес. 5 руб.

ПЕРО-ФОНТАНЪ!

Въ перѣ находится стеклянный цилиндръ, который наполненъ чернилами и во время писанія чернила стекаютъ черезъ особенное внутреннее устройство на перо. Кончивши писаніе, на перо надѣваютъ капсюль, чтобы его можно было носить въ бумажникѣ или въ карманѣ. Перо высушенное и поэтому не развѣтветъ. Одного наполненія хватаетъ, если много писать, на два дня. № 6219 (2)

Цѣна 60 коп., съ пересылкою 1 руб. **СТАЛЬНЫЯ ЛИНЕЙКИ**, цѣна 1 р. 50 к., очень поправившіяся, вновь получены. По желанію высылаю преѣзъ-курантъ новостей. Нонст. Мальмъ. В. Морская, № 34. Отправка налож. платежемъ.

Людв. Федоровъ Шликэйзенъ

МОСКВА № 6217 5-2

Мясницкая ул., д. Ермановыхъ

рекомендуетъ: шародробители, кирпиче-дѣлательныя и торфяныя машины; прессы для трубокъ съ раскрубами, черепицъ и брикетовъ; машины для выработки шпатома и огнеупорныхъ кирпичей; мѣшалки для растворовъ. Изготовляются планы печей.

Поставщики Высочайшаго Особого и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.** (основ. въ 1863 г.)

МОСКВА. С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № Колондъ и Екатеринбургъ. 25-10 5982 Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕСПЛАТНО.

ПОВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXIV г. № 7

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV 1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ НАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСН. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 13 февраля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страницу непарейль (1/4 шир.
страницы) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
dolf Mosse по 2 марн 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 10 р.
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 н., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 н., съ перес. иногор. 1 р. 75 н.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 н., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 н., съ перес. иногор. 3 р. 50 н.

ПРИЛОЖЕНІЯ
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Марево.

Среди без-
граничныхъ
пустынь или
на безбреж-
ныхъ вод-
ныхъ про-
странствахъ
замѣчается
иногда осо-
бое явленіе,
извѣстное
подъ назва-
ніемъ марева
или миража.
Въ отдаленіи
появляются
изображенія,
какъ бы на-
ряція въ воз-
духѣ, кото-
рыя затѣмъ
постепенно
исчезаютъ.
Сперва счи-
тали марево
обманомъ
зрѣнія. Ны-
нѣ объясня-
ютъ миражъ
слѣдствіемъ
преломле-
нія лучей
въ воздухѣ,
наполнен-
номъ испаре-
віями, когда
лучи откло-
няются отъ
первоначаль-
наго направ-
ленія, попадая въ воздушную среду иной плотности и отражаясь
въ ней, какъ въ зеркалѣ, предметы, находящіеся внѣ горизонта.

Марево на озерѣ Онтарио. Рис. Мурей, грав. Пенз.

Замѣчатель-
ное марево
наблюдалось
однажды на
одномъ изъ
великихъ
озеръ Сѣвер-
ной Амери-
ки, Онтарио.
Незадолго до
полудня,
близъ берега,
лежащаго къ
сѣверо-во-
стоку отъ го-
рода Освего,
стала появ-
ляться группъ
на кораблей,
которыхъ въ
полдень на-
считали до
13. Располо-
жены они бы-
ли въ рядъ, и
часть ихъ по-
силась въ воз-
духѣ одни
надъ други-
ми, при чемъ
нѣкоторые
были опроки-
нуты мачта-
ми книзу. На
поверхности
озера въ то
время не-
слись льди-
ны, со сто-
роны канад-
скаго берега.
Послѣ полу-

дня марево начало исчезать и около двухъ часовъ совершен-
но прекратилось.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Князь Андрей Николаевичъ.

Несмотря на то, что старый князь Андрей Николаевичъ Проскуровъ, Рюриковичъ по происхожденію, былъ богатъ, знатенъ и, если не болѣе, то во всякомъ случаѣ не менѣе своихъ сверстниковъ обладалъ способностями къ службѣ,—онъ, достигнувъ солиднаго возраста, не сдѣлалъ карьеры. Ему просто не было счастья.

Только что начинала ему улыбаться судьба, какъ являлось непредвидѣнное обстоятельство, разрушавшее всѣ планы и надолго уносившее надежду на достиженіе желанной цѣли. И тѣмъ обиднѣе это было, что сначала ему повезло. Двадцати семи лѣтъ князь Андрей Николаевичъ, покровительствуемый Меншиковымъ, только что достигшимъ апогея своего величія съ воцареніемъ государыни Екатерины I—получилъ чинъ бригадира.

Все улыбалось ему, и онъ почти былъ увѣренъ, что счастье, въ лицѣ всеильнаго Меншикова, навѣки не измѣнитъ ему, лишь бы сумѣлъ угодить временщику.

Князь Проскуровъ и приложилъ къ тому всѣ старанія. Но императрица вскорѣ скончалась, а затѣмъ и Меншиковъ палъ, отправленный въ ссылку. Проскуровъ не былъ замѣшанъ въ его дѣло, но, какъ лицо, которому все-таки покровительствовалъ опальный, долженъ былъ уѣхать къ себѣ въ деревню. Ему намекали объ этомъ, и онъ, изъ боязни навлечь на себя еще болѣе тяжкія бѣды, не заставилъ себѣ повторять намека... Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, просьбъ и искательства, Проскурову удалось вернуться въ Петербургъ, но уже сорокалѣтнимъ бригадиромъ. Чинъ этотъ, завидный въ двадцать семь лѣтъ, теперь казался какъ-будто не совсѣмъ почетенъ, когда сверстники князя давно были уже генералами, а иные даже засѣдали въ кабинетѣ.

Послѣ тринадцати лѣтъ деревенской жизни, Проскуровъ попалъ въ Петербургъ, въ самый разгаръ борьбы Волынскаго съ Бирономъ. Устроившись въ столицѣ, онъ старался осмотрѣться и рѣшить, откуда ждать ему столь желаемыхъ благъ. Биронъ былъ временщикомъ. Проскуровъ, видѣвшій силу Меншикова, который, несмотря на эту силу, все-таки не могъ устоять противъ происковъ враговъ, рѣшилъ, видя теперь всеобщую, хотя скрытую нелюбовь къ Бирону, что и этому временщику не миновать гибели, и примкнулъ къ Волынскому. Князь Андрей Николаевичъ рассчиталъ вѣрно, но не совсѣмъ,—Бирону суждено было пасть, но только не Волынскому предстояло побѣдить его. Волынский самъ палъ, казненный на площади. Проскуровъ не ждалъ на этотъ разъ даже намека, и самъ поспѣшилъ уѣхать поскорѣе въ деревню...

Скончалась императрица Анна Иоанновна. Черезъ три мѣсяца послѣ ея кончины правительницей Анной Леопольдовной сосланъ Биронъ. Проскуровъ снова ожилъ, снова полный надеждъ вернулся въ Петербургъ, нашелъ дорогу къ сильнымъ людямъ, и едва приготовился встрѣтить радостью обращенную будто къ нему на этотъ разъ улыбку счастья, какъ новый ударъ, новое разочарованіе: ноябрьскою темною ночью цесаревна Елисавета Петровна явилась въ казармы Преображенскаго полка и съ тремястами солдатъ арестовала правительницу, провозглашенную самодержавной императрицей... Сильные люди, на которыхъ надѣялся и въ которыхъ вѣрилъ Проскуровъ,—Минихъ, Остерманъ, Головинъ,—сосланы въ дальніе города, а самъ Проскуровъ отправленъ „вѣчнымъ“ бригадиромъ вновь въ свое имѣніе. „И все за то только, что „въ жилу“ не умѣлъ понасть...“ какъ говорилъ онъ.

Съ тѣхъ поръ, т. е. съ воцаренія Елисаветы Петровны, князь Андрей Николаевичъ жилъ уже безвыѣздно въ деревнѣ.

Поселившись однако безвыѣздно въ деревнѣ, онъ все еще въ глубинѣ души надѣялся, что настанетъ, наконецъ, и его время, и ждалъ этого времени, не замѣчая, что годы проходятъ, а самъ онъ старѣется. Въ особенности, это начало старости становилось въ немъ замѣтнѣе по увеличивающейся съ каждымъ годомъ ворчливости и раздражительности.

Барскую усадьбу свою онъ устроилъ въ видѣ замка, окруживъ ее частоколомъ, валами и бойницами; открыто принималъ у себя только такихъ людей, которые бранили современные порядки, не пускалъ къ себѣ лицъ начальствующихъ; и, благодаря его богатству, это сходило ему, а главное—и ѣздили-то къ нему, въ сущности, люди самые смиренные, только прикидывавшіеся передъ княземъ недовольными, чтобы имѣть къ нему доступъ, потому-что всегда находили у него хорошей затракы и отборныя вина. Князь Андрей Николаевичъ только и бывалъ въ духѣ, когда, сидя за столомъ и кивая дворецкому, чтобы тотъ подливалъ вина, слушалъ разговоры о томъ, какія тяжелыя времена, молъ, переживаются теперь.

Тогда Проскуровъ хмурилъ свои нависшія на глаза брови и одобрительно потряхивалъ чубукомъ... Онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ столицѣ, въ особенности же за наградами и повышеніями, и, встрѣтивъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* въ спискѣ награжденныхъ знаковую фамилію, выходилъ обыкновенно изъ себя, комкалъ газету, кидалъ ее, и становился несносенъ для окружающихъ. Иногда онъ старался совладать съ собой, и тогда запирался въ своемъ кабинетѣ. Но ничто не бѣсило его такъ, какъ возвышеніе Разумовскаго. Этого онъ уже никому простить не могъ, и даже въ порицаніи не терпѣлъ ненавистнаго имени.

Одного изъ гостей князь чуть не затравилъ собаками за то, что тотъ заговорилъ при немъ о Разумовскомъ, хотя и неодобрительно.

Андрей Николаевичъ не хотѣлъ примириться съ мыслью, что простой пѣвчій сталъ вдругъ вельможей, когда онъ, князь Проскуровъ, природный Рюриковичъ, сидитъ гдѣ-то у себя въ деревнѣ, съ чиномъ бригадира. Онъ всей душою ненавидѣлъ этотъ свой чинъ и такъ же комкалъ и бросалъ письма, не читая ихъ, если на адресѣ къ титулу было прибавлено „и бригадиру“... Проскуровъ говорилъ всѣмъ, что на чины онъ не смотритъ, и что не зачѣмъ ему имѣть ихъ, когда у него есть неотъемлемый княжескій титулъ прирожденный, котораго пожаловать нельзя. Въ Проскуровѣ, въ усадьбѣ жилъ въ штатѣ князя ученый итальянецъ, специально приглашенный для составленія родословной князей Проскуровыхъ.

II.

Найденышъ.

Къ 1739 году князь Андрей Николаевичъ, въ Петербургѣ, женился по любви, и пока все хорошо шло у него тогда относительно службы, былъ ласковъ съ женою и, казалось, души въ ней не чаялъ. Онъ ждалъ, что первымъ ребенкомъ у нихъ будетъ непременно сынъ,—продолжатель рода Проскуровыхъ, и такъ казался увѣренъ въ этомъ, что только и говорилъ о томъ, какъ онъ назоветъ сына, и какъ будетъ растить его и воспитывать. Родилась дочь. Князь залепся на педѣлю къ себѣ въ комнату, не пожелалъ видѣть ребенка, не пошелъ къ женѣ и отмѣнилъ приготовленное заранѣе угощеніе для дворовыхъ. На крестинахъ

онъ тоже присутствовалъ лишь официально и никакого пира не устроилъ.

Дѣвочку назвали Ольгой.

Съ рожденіемъ дочери, Андрей Николаевичъ вдругъ охладѣлъ къ женѣ. Вскорѣ тутъ пошли служебныя неприятности. Положеніе Волынскаго, у котораго „искалъ“ Проскуровъ, казалось поколебленнымъ. Князя грызло предчувствіе, что онъ опять далъ промахъ.

Княгиня была женщина болѣзненная, худенькая. Она едва перенесла первые роды, и доктора сказали, что врядъ-ли у нея еще будутъ дѣти. Это окончательно сразило Проскурова. Онъ долго не могъ примириться съ мыслью, что долженъ навсегда разстаться съ мечтою о сынѣ.

Отношенія его къ женѣ совершенно испортились. Домъ ихъ раздѣлился на двѣ половины, и князь изъ своихъ комнатъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ не хаживалъ на половину княгини.

Одинъ разъ, рано утромъ (князь Андрей Николаевичъ только-что всталъ съ постели), въ парадныхъ большихъ сѣняхъ раздался крикъ младенца. Это былъ настойчивый, заявлявшій свои права на жизнь, крикъ маленькаго существа, видимо оставленнаго на милосердіе добрыхъ людей. Проскуровъ, сидѣвшій въ это время за сбитнемъ, поднялъ голову, прислушался, сейчасъ же понялъ въ чемъ дѣло и велѣлъ принести къ себѣ ребенка. Было-ли въ этотъ день особенно весело на душѣ Андрея Николаевича, потому-что онъ получилъ наканунѣ добрыя вѣсти о ходѣ борьбы Волынскаго съ врагомъ его, или подкинутому ребенку было суждено найти кровъ въ домѣ Проскурова, но когда князь нагнулся надъ корзиной, гдѣ лежало дитя, то улынулся и проговорилъ:

— У-у, славный какой, да еще мальчикъ!..

Подкинутому мальчику было не больше нѣсколькихъ дней, но онъ словно понималъ, что судьба его зависитъ отъ настоящей минуты, пересталъ кричать и растянулъ свой беззубый ротикъ, широко раскрывъ удивленные, черные большіе глаза.

Князь Андрей Николаевичъ окончательно размѣлся и рѣшилъ оставить мальчика у себя.

Словно въ пику женѣ, онъ устроилъ торжественныя крестины найденышу, далъ ему, въ честь Волынскаго, имя Артемія, и самъ занимался всѣми мелочами необходимой для ребенка обстановки. Велѣлъ полъ въ дѣтской затянуть верблюжьемъ войлокомъ, люльку обить шелкомъ, сдѣлать нѣсколько шелковыхъ же покрывалъ и привезти изъ вотчины кормилицу, здоровую и красивую.

Кормилицу привезли, дѣйствительно, здоровую и красивую, полъ затянули, люльку обили, покрывала дорога сдѣлали, но не сдѣлали многога самаго необходимаго, о чемъ князь не умѣлъ распорядиться—даже свивальниковъ не хватало, но Проскуровъ остался доволенъ. Княгиня, занятая на своей половинѣ дочерью, не интересовалась найденышемъ, но князь иногда призывалъ ее и хвасталъ передъ нею мальчикомъ.

Пока они жили въ Петербургѣ, можно было еще надѣяться, что особенное благоволеніе князя къ найденышу послужитъ мимолетнымъ занятіемъ, развлеченіемъ и пройдетъ впослѣдствіи, какъ одна изъ барскихъ затѣй или прихотей. Но вскорѣ дѣло оказалось гораздо болѣе серьезно. Какъ разъ въ это время случилось паденіе Волынскаго, и Проскуровы, торопливо собравшись, уѣхали въ деревню.

Здѣсь, въ деревнѣ, очутившись безъ занятія, озлобленный неудачею, князь Андрей Николаевичъ единственно съ кѣмъ былъ ласковъ—съ маленькимъ Артеміемъ. Онъ какъ будто радовался, что этимъ дѣлаетъ больно женѣ. Онъ, видѣвшій для себя въ жизни однѣ только неприятности, казалось, готовъ былъ теперь платить всему міру тѣмъ же, а такъ какъ до „всего міра“ ему не достать было, а возлѣ него находилось одно

только существо, способное понять и воспринять горечь обиды—жена, онъ на ней и вымещалъ, должно-быть, всю свою злобу къ человѣчеству.

Однимъ изъ главныхъ орудій тѣхъ мести былъ подкинутый ребенокъ, и князь съ рѣдкимъ терпѣніемъ няньчился, возился съ нимъ и подчеркивалъ свою нелюбовь къ родной дочери и преувеличивалъ нарочно привязанность къ Артемію.

Княгиня принадлежала къ числу тѣхъ странныхъ женскихъ натуръ, которыя по понятной, особенной логикѣ, или, вѣрнѣе, отбросивъ всякую логику, съ необъяснимой, тихой преданностью любятъ именно мужей-мучителей, безропотно покоряются имъ, боятся ихъ, но любятъ безотвѣтною, самоотверженною любовью.

Самые тяжелые годы начались для княгини, когда она должна была съ мужемъ поселиться надолго въ деревнѣ, послѣ воцаренія императрицы Елисаветы.

Проскуровъ попалъ тогда въ прямую опалу, конецъ которой трудно было предвидѣть. Въ иные дни, въ особенности, когда изъ столицы приходили вѣсти о наградахъ сверстниковъ князя, Андрей Николаевичъ доводилъ свою жестокость съ женою до такого нравственнаго варварства, что крѣпостные люди даже жалѣли ее. Княгиня, молча, терпѣла и плакала втихомолку. Проскуровъ не могъ видѣть слезъ и, при видѣ ихъ, приходилъ въ окончательное бѣшенство.

Между тѣмъ время шло, дѣти росли. Андрей Николаевичъ выписалъ учителей и цѣлый ворохъ книгъ для Артемія, и самъ наблюдалъ за его воспитаніемъ. Онъ лично преподавалъ ему математику. Уроки эти послужили первымъ разъединеніемъ князя съ его любимцемъ. Сначала все шло хорошо, но вскорѣ учитель сталъ выказывать нетерпѣніе, а ученикъ съ каждымъ днемъ—увеличивающуюся робость передъ нимъ, вслѣдствіе которой, во время объясненій урока, смотрѣлъ на него лишь испуганными глазами и ничего не понималъ.

Артемій, однако, оказался способнымъ и толковымъ. Остальные учителя были довольны имъ, и самъ князь, когда бывалъ въ духѣ и не запугивалъ мальчика, могъ только хвалить его.

Несмотря на появившіяся теперь относительно Артемія, за неудачные уроки, вспышки гнѣва князя,—князь не переставалъ утрировать свое расположеніе къ нему, то нарочно говоря при женѣ, что вотъ, молъ, онъ не можетъ найти въ родной семьѣ своей утѣшенія, а долженъ искать его въ чужомъ, найденышѣ, то обѣщая послѣ своей смерти, которой, вѣроятно, ждуть не дождутся, оставить все этому найденышу, а „княжну Ольгу“ лишить наслѣдства.

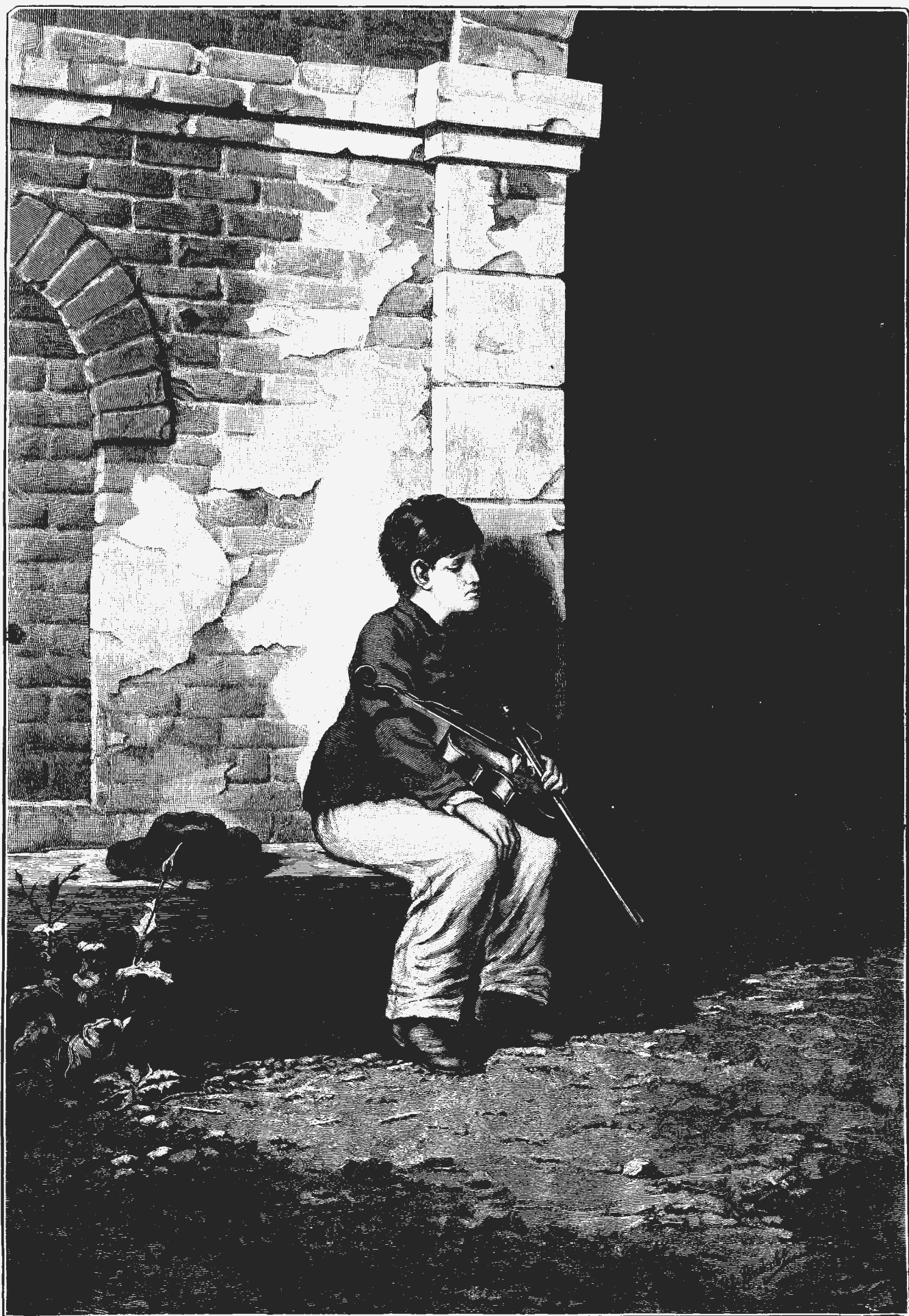
Несмотря на то, что Андрей Николаевичъ старался всяческимъ образомъ унижить дочь передъ Артеміемъ, видя, что это дѣйствуетъ на мать, онъ всегда называлъ ее „княжною Ольгою“, а Артемія „найденнымъ“.

Княгиня невыразимо страдала и отъ непрерывныхъ укаловъ мужа, и отъ того, что не могла или, какъ она думала, не умѣла угодить ему, не спала ночи, хворала постоянно.

Андрей Николаевичъ такъ привыкъ къ болѣзненному состоянію жены, что, кажется, думалъ, иначе она и жить не можетъ, и что все это пустяки, ничего опаснаго нѣтъ, а есть только одно преувеличеніе и мнительность. Княгиня, однако, не только не преувеличивала своего недуга, но, напротивъ, скрывала его, и иногда, чтобы сдѣлать пріятное мужу, черезъ силу выходила къ нему, къ гостямъ, и должна была улыбаться и пить во время тостовъ вино, котораго терпѣть не могла. Она не могла переносить постной пищи,—князю иногда приходила фантазія соблюдать вдругъ самый строгій постъ, и княгиня принуждала себя ѣсть неприятныя для нея блюда... Стоило ей выказать страхъ передъ лошадыю,—на другой же день ее сажали чуть-ли не насильно верхомъ и не спу-

Съ сушеными грибами въ городъ. Ориг. рис. (собетв. „Нивы“) академика Писемскаго. грав. Рашевскій.

Порванные струны. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, грав. Флюгель.

скали съ сѣдла до тѣхъ поръ, пока она не падала изнеможенная. И много было подобныхъ, изводившихъ по каплѣ терпѣніе, энергію и здоровье бѣдной женщины, вещей. Проскуровъ каждый день ухитрялся найти что-нибудь новое.

Княгиня выдержала одиннадцать лѣтъ своей замужней, страдальческой жизни, на двѣнадцатомъ слегла, наконецъ, измученная, больная, и болѣзнь эта была послѣднимъ ея страданіемъ.

III.

Переломъ.

Только тогда опомнился князь Андрей Николаевичъ, когда было уже поздно, и дѣло оказалось непоправимымъ. Княгиня лежала при смерти. Чѣмъ дольше она перемогала свою болѣзнь, чѣмъ упорнѣе боролась съ нею и скрывала ее, тѣмъ сильнѣе эта болѣзнь подступила теперь своимъ послѣднимъ натискомъ и вдругъ сломила такъ долго крѣпившіяся силы измученной женщины.

Въ большой, затянутой штофомъ спальнѣ проскуровскаго дома, на широкой кровати съ шелковымъ бадахиномъ, лежала неподвижная, безъ кровинки въ лицѣ, княгиня.

Со вчерашняго дня, послѣ того, какъ ее отсоборовали и причастили, она не сказала ни слова, и какъ легла на спину, такъ и оставалась, не мѣняя положенія, всю ночь. Никто не зналъ, въ памяти она или нѣтъ, страдаетъ-ли, или уже ощущение притушилось ея, сознаетъ-ли, наконецъ, окружающее, или свѣтлое забытье, предшествующее той величественной тайнѣ, которую люди назвали смертью, охватило ея существо, готовое встрѣтить свой мирный, тихій, непостыдный христіанскій конецъ, потому что много конца и быть не могло у несчастной княгини, искушившей всей своей жизнью предсмертныя свои муки.

Она лежала безъ движенія, и только по чуть замѣтному колебанію ея гофрированной бѣлой кофточки, да по рѣдкому движенію не плотно опущенныхъ вѣкъ можно еще было судить, что угасающая жизнь теплится въ ней.

Князь, не раздѣвавшійся и не ложившійся уже три ночи, стоялъ у постели, боясь, что вдругъ не увидитъ медленнаго движенія ея дыханія, къ которому онъ жадно столько разъ за эти дни прислушивался... Именно потому, что онъ боялся не найти этого дыханія—ему показалось, что его уже нѣтъ и что послѣднее движеніе жизни оставило больную...

Онъ въ ужасѣ,—не крикнувъ только потому, что дорого свела ему горло, — протянулъ руки къ ней и двинулся впередъ...

Она вдругъ подняла вѣки. Большіе черные глаза ея открылись и неподвижно уставились на князя, стоящаго тутъ, противъ, возлѣ...

„Сознаетъ ли она, видитъ ли, понимаетъ, простила она или нѣтъ?“ тревожно и сразу все одновременно пронеслось у князя...

И годами, десятками лѣтъ, цѣлою жизнью показались ему тѣ секунды, пока смотрѣли на него ея черные, осмысленные, безъ словъ говорящіе глаза... Да,—они были осмысленны и говорили безъ словъ, что она сознаетъ все, видитъ, понимаетъ и прощаетъ ему...

Губы ея шевельнулись и рѣзкимъ, внятнымъ, особеннымъ шопотомъ произнесли:

— Дѣвочку... Олю...

Олѣ шелъ уже одиннадцатый годъ. Отъ нея не скрыли болѣзнь матери, но пока думали, что больная въ сознаніи, ребенка увели, стараясь какъ можно сократить тяжелое впечатлѣніе. Оля могла уже понимать...

Кто пошелъ за Олей, когда ее позвала мать, и скоро ли привели ее — Андрей Николаевичъ не сознавалъ; онъ помнилъ только (и на всю жизнь запечатлѣлось въ немъ это воспоминавіе), какъ дѣвочка, серьезная, словно взрослая, безъ слезъ, съ страшно измѣнившимся,

осунувшимся, но красотою похожимъ на мать личикомъ, установилась у высокой постели и упала на колѣни.

Мать сдѣлала слабое движеніе рукою, но рука не слушалась и бессильно упала опять. Князь положилъ ее на голову Оли и заглянулъ въ глаза жены, какъ бы желая узнать, то ли онъ сдѣлалъ, что нужно. Взглядъ черныхъ глазъ отвѣтилъ ему благодарностью...

Потомъ больная долго собиралась съ силами, и, наконецъ, губы ея снова шевельнулись, и чуть внятный на этотъ разъ шопотъ сказалъ:

— Лю...би... ее...

Князь не выдержалъ, закрылъ лицо руками, напрасно сился подавить сухія рыданія безъ слезъ...

IV.

Новая жизнь.

Съ тѣхъ поръ, т. е. со дня смерти княгини, прошло восемь лѣтъ.

Оля изъ ребенка стала взрослою дѣвушкой. Обращеніе съ нею отца послѣ смерти княгини рѣзко измѣнилось. Схороня жену, князь, въ особенности, первое время былъ очень ласковъ и мягокъ со всѣми окружающими. Онъ проводилъ теперь почти цѣлыя дни въ комнатахъ дочери и занимался лишь одною ею. Недавній любимецъ его — Артемій былъ переведенъ во флигель, но учителя сначала остались у него.

Вскорѣ, однако, они разбѣхались, найдя, что условія ихъ жизни въ княжескомъ домѣ теперь стали не выгодны. Новыми ихъ не замѣнили. Такимъ образомъ, Артемій, ровесникъ Ольги, рано оказался предоставленнымъ самому себѣ.

Жизнь мальчика, лишеннаго товарищей, была одинока, и это одиночество спасло его. Если онъ не имѣлъ, благодаря ему, многихъ радостей дѣтства, то не имѣлъ также дурного примѣра. Скука и однообразіе проводимыхъ безвыѣздно въ усадьбѣ князя дней пристрастили его къ чтенію. Онъ рано научился забираться въ бібліотеку большого дома и тамъ, забытый иногда всѣми, просиживалъ часами, не отрываясь отъ книги. Онъ читалъ все, что попадалось ему подъ руку, и дѣтское воображеніе работало въ немъ и дополняло прочитанное и создавало чудныя картины, подъ вліяніемъ описываемыхъ въ романахъ событій или приключеній, разсказанныхъ путешественниками.

Среди книгъ, однако, часто попадались и болѣе серьезные, научныя. Артемій прочитывалъ и ихъ. Такимъ образомъ, когда вошелъ онъ въ юношескій возрастъ, онъ оказался не только не лишеннымъ образованія, но могъ считаться, вполнѣ, человекомъ, знающимъ многое.

Пришлось ему случайно выказать раза два свои познанія передъ княземъ, и Андрей Николаевичъ снова приблизилъ къ себѣ прежняго своего любимца, сталъ поручать ему кой-какія дѣла сначала, потомъ мало-помалу Артемій сдѣлался у него чѣмъ-то въ родѣ домашняго секретаря...

Князь свято исполнялъ завѣтъ умирающей жены — любить дочь, но благодаря его несчастному, испорченному житейскими неудачами, характеру—самая эта любовь являлась иногда тяжелою, деспотическою. И онъ никакъ не могъ наладить свои отношенія къ дочери такъ, чтобы между нимъ и ею существовала та ясность и простота дружбы и то довѣріе, которые служатъ истиннымъ признакомъ истинной любви... Оля боялась отца болѣе, чѣмъ любила. Андрей Николаевичъ видѣлъ это, замѣчалъ, выходилъ изъ себя, дѣлалъ усилія побороть бушевавшую въ немъ желчь; иногда это ему не удавалось, и онъ раздражался вслѣдствіе гнѣва, еще болѣе запугивавшею молодую дѣвушку. Онъ почти всегда въ такихъ случаяхъ все-таки умѣлъ совладать съ собою и приходилъ сейчасъ же къ дочери съ ласкою, но и ласкать не умѣлъ онъ...

Тяжелою была жизнь и для самого Проскурова, и для окружающихъ его.

Чѣмъ болѣе уходило времени со дня смерти княгини, тѣмъ слабѣе, разумѣется, становилось впечатлѣніе ея конца и тѣмъ тяжелѣе дѣлался нравъ Андрея Николаевича.

Но за послѣднее время у него явился новый предлогъ для безпокойства и новая причина для гнѣва. Оля вошла въ тотъ возрастъ, когда дѣвушка можетъ стать невѣстою. Это сразу почувствовалось въ воздухѣ. Старухи дворовыя, вздыхая и охая, по своимъ свѣтелкамъ, шопотомъ заговорили о томъ, что пора-де прискаты жениха красавицѣ-княжнѣ. Сосѣди спрашивали другъ у друга: „за кого же, однако, можетъ выйти замужъ Проскурова“, и не находили ей достойной партіи въ околоткѣ. Толки эти не доходили до князя, но онъ и безъ нихъ не могъ не видѣть, что его Оля не вѣчная жилица въ его домѣ, и что близится то время, когда—не князь, не отецъ,—другой завладѣетъ всецѣло ея сердцемъ, которое (князь чувствовалъ это) и теперь не бьется для него такъ, какъ этого ему бы хотѣлось...

Смерть похитила у него одно любящее существо—и онъ, потерявъ его, только понималъ, какъ оно было дорого ему, а теперь ему грозила разлукою съ другимъ близкимъ, единственнымъ роднымъ существомъ—свадьба, и князь инстинктивно сталъ бояться этой свадьбы пуще смерти.

А между тѣмъ, не только въ домѣ Андрея Николаевича, не только сосѣди въ околоткѣ, но и въ столицахъ вспомнили, что у стараго князя Проскурова есть дочь на возрастѣ—наслѣдница всего его огромнаго состоянія... И вдругъ, у него и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ отыскались пріятели, старыя знакомыя, о которыхъ онъ и помнить забылъ, а теперь они писали ему вѣжливыя письма, спрашивали, какъ живетъ онъ, совѣтовали бросить затворничество въ деревнѣ, пріѣхать въ столицу, и намекали, что теперь-де можно устроить это его возвращеніе, чтобъ онъ только понадѣялся на нихъ и выразилъ бы согласіе, а они уже похлопочутъ и все устроятъ.

Проскуровъ сразу понималъ истинную причину пробужденія этой приязни старыхъ друзей. У каждаго изъ нихъ, какъ нарочно, оказывался взрослый сынъ, и онъ съ тайнымъ злорадствомъ отвѣчалъ на письма, что деревенскимъ житьемъ своимъ онъ доволенъ, что онъ старъ, что трудно ему подниматься на старости лѣтъ всѣмъ домою, а главное—не находитъ онъ нужнымъ тащиться въ столицу, когда ему и въ деревнѣ хорошо.

Какъ въ продолженіе всей жизни, такъ и теперь странно шутила судьба надъ княземъ Андреемъ Николаевичемъ: когда онъ хотѣлъ, желалъ жить въ Петербургѣ—обстоятельства заставляли его уѣзжать; теперь не было сомнѣнія въ томъ, что дорога ему въ столицу откроется свободно,—но онъ уже не имѣлъ охоты стремиться туда, ктому что тамъ пугалъ его призракъ свадьбы дочери, для которой собственно и звали его туда.

Каждый человѣкъ мѣряетъ жизнь по своей собственной, и Проскуровъ не исключительно изъ себялюбиваго страха—остаться одинокимъ—боялся выдать дочь замужъ. Онъ помнилъ свою жену и никогда не переставалъ винить себя, ея мужа, въ ея преждевременной смерти; а если самъ онъ, Проскуровъ, былъ таковъ, то что ожидаетъ его Олю въ замужествѣ?..

Чтобы рѣшиться отдать дочь, — для князя нужно было рѣшить почти невозможную задачу:—найти чловека *лучше самого себя!*.. и, въ силу этого, каждый, кто могъ разсчитывать на взаимность Ольги — становился вдвойнѣ непріятель ему.

Но пока въ письмахъ, получаемыхъ Андреемъ Николаевичемъ, были одни лишь намеки—они только доставляли ему удовольствіе писать язвительные отвѣты, скрытые подъ изысканно-вѣжливую форму.

Вскорѣ, однако, дѣло приняло болѣе серьезный оборотъ. Князь Голицынъ написалъ прямо, что онъ много

слышалъ о красотѣ княжны, что нельзя же дѣвущикѣ жить затворницей, что пора ея отцу подумать о женихѣ для нея, и что онъ, князь Голицынъ, помнить Андрея Николаевича — всегда ему любезнаго, и что у него есть сынъ, обладающій превосходными качествами.

Письмо было составлено, разумѣется, очень гладко, съ незамѣтными переходами, но смыслъ былъ болѣе, чѣмъ ясенъ.

Предложеніе казалось такимъ, надъ которымъ слѣдовало подумать. Сынъ князя Голицына являлся блестящей партіей во всѣхъ отношеніяхъ...

Андрей Николаевичъ отказалъ ему безъ долгихъ разсужденій. Онъ вышелъ изъ себя уже, не распечатавъ еще письма: на адресѣ стояло злополучное „и бригадиру“. Этого было достаточно, чтобы князь отнесся къ письму съ полнымъ предубѣжденіемъ. Узнавъ его содержаніе, онъ окончательно вспылитъ. Желчь разлилась у него. Онъ три дня былъ боленъ...

Но это первое, поставленное ребромъ, приглашеніе расчистило почву для послѣдующихъ, и вскорѣ князь Андрей Николаевичъ долженъ былъ принять у себя, въ Проскуровѣ, чловека, о которомъ ему приходилось рѣшать, лучше ли онъ его самого...

V.

Женихъ.

Баронъ Ульбихъ фонъ-Эйзенбахъ, прожившій на родинѣ у себя послѣднія крохи значительнаго когда-то состоянія, бывшаго у его предковъ, пріѣхалъ въ Россію искать счастья. Здѣсь онъ хотя и нашелъ его, но все-таки это, казалось, не то, что онъ ожидалъ. Какъ бы то ни было, однако, баронъ Эйзенбахъ устроился въ Петербургѣ, женился на русской и прижилъ съ нею сына Карла...

Съ княземъ Проскуровымъ баронъ сошелся по службѣ и, впоследствии, сумѣлъ поддержать дружескія съ нимъ отношенія. Несмотря на то, что князь ссужалъ его даже деньгами иногда,—отношенія эти не испортились. Баронъ оказывался аккуратенъ и день въ день, часъ въ часъ платилъ свои долги.

Съ переѣздомъ князя въ деревню, баронъ находился съ нимъ въ постоянной перепискѣ, при чемъ никогда въ его письмахъ не было ничего, что могло бы раздражить Андрея Николаевича. Въ нихъ сообщались лишь свѣдѣнія всегда пріятныя князю,—который узнавалъ изъ этихъ писемъ о неудачѣ того или другого въ ходѣ пошедшаго лица и видѣлъ, что не одинъ онъ на свѣтѣ терпитъ немилость судьбы.

Всѣ порученія, какія нужно было исполнить для князя въ Петербургѣ, мелкія ли это были покупки или большія тяжбы дѣла — всѣ исполнялись обязательнымъ и аккуратнымъ барономъ, и исполнялись самымъ точнымъ образомъ.

Ни разу ничего не было забыто, ни одной тяжбы не проигралъ Андрей Николаевичъ, при посредствѣ своего пріятеля. Баронъ очень ловко давалъ понимать князю, при случаѣ, что онъ все-таки имѣетъ какое-нибудь значеніе въ столичномъ служебномъ мірѣ и что онъ не кто-нибудь, а потомокъ славнаго дворянскаго нѣмецкаго рода. Князь, благодаря этому, не считалъ его ниже себя, но, напротивъ, относился къ нему, какъ къ пріятелю, которому онъ даже многимъ обязанъ...

Итальянецъ, приглашенный княземъ для составленія родословной, былъ рекомендованъ тоже барономъ, и черезъ этого-то иностранца Эйзенбахъ имѣлъ аккуратно свѣдѣнія обо всемъ, что происходило въ Проскуровѣ.

Не даромъ, разумѣется, баронъ хлопоталъ для князя, держалъ на откупѣ иностранца при немъ и ухаживалъ, въ продолженіе долгихъ лѣтъ, за старикомъ Проскуровымъ. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, на скромныхъ крестинахъ княжны Ольги — баронъ рѣшилъ: „Вотъ будущая жена моему Карлу!“ и съ тѣхъ поръ велъ правильную осаду для завоеванія своему Карлу счастья, гарантированнаго богатымъ приданымъ княжны.

Оль заботился о сынѣ, насколько хватало у него силъ. Карла наградила природа всеѣмъ, чѣмъ только могла,—и умомъ, и молодцоватымъ видомъ, и красивымъ лицомъ. Объ одномъ только жалѣлъ его отецъ, что не можетъ оставить ему крупнаго состоянія—и старался замѣнить этотъ пробѣлъ, приготовивъ ему одну изъ самыхъ богатыхъ невестъ въ Россіи. Само безвыѣздное житье Проскурова въ деревнѣ было на руку барону. Роскошь двора Елисаветы и наличной аристократіи въ Петербургѣ на глазахъ Эйзенбаха сѣдали цѣлыя состоянія, имущество же Проскурова лишь увеличивалось отъ его затворничества въ деревнѣ. Одиночество же этой затворнической жизни лишало барона конкурентовъ въ задуманномъ имъ дѣлѣ, потому что онъ зналъ навѣрное, что на письмѣ никто такъ не сумѣетъ подойти, какъ онъ, къ вбалмошному и своенравному князю.

У Андрея Николаевича была одна склонность, проявившаяся, сравнительно, недавно, но тѣмъ не менѣе съ необычайною силой, какъ всякая прихоть. Онъ любилъ цвѣты, въ особенности розы.

Баронъ долженъ былъ выписать и выслать ему цѣлую партію кустовъ.

Князь остался ими очень доволенъ и цѣлый уголъ проскуровскаго сада отдѣлилъ специально подъ розы. Онѣ разрослись и, покрытыя цвѣтами, представляли, дѣйствительно, прекрасный видъ, производившій всеѣмъ необычайное впечатлѣніе.

Весною того года, когда исполнилось Ольгѣ восемнадцать лѣтъ, князю понадобились еще какіе-то, совсѣмъ особенные сорта. Онъ написалъ объ этомъ барону.

Баронъ отвѣтилъ, что розы достанетъ онъ изъ императорскихъ оранжерей, что по нѣжности ихъ они требуютъ очень тщательной упаковки, а главное, перевозки, и доставить ихъ затруднительно, но, по счастью, сынъ его, Карлъ, намѣревается поѣхать въ Москву и по дорогѣ можетъ, если угодно, завести посылку собственноручно къ князю...

Андрей Николаевичъ былъ поставленъ до нѣкоторой степени втушикъ этимъ письмомъ пріятеля. Въ письмѣ, разумѣется, не было и тѣни намека насчетъ какихъ-либо видовъ барона относительно княжны, однако старый князь сразу отнесся недовѣрчиво къ появленію у себя молодого человѣка. Но отказать было трудно. Проскуровъ понималъ, что нѣтъ причинъ обидѣть стараго и всегда обязательнаго пріятеля. Къ тому же, неизвѣстно еще, каковъ собою этотъ молодой Карлъ фонъ-Эйзенбахъ, можетъ быть и некрасивъ, да и влюбленъ уже въ другую, да вовсе и не думаетъ о княжнѣ Проскуровой,—отчего же ему не пріѣхать?..

И Проскуровъ выразилъ согласіе свое видѣть у себя молодого Карла, который привезетъ ему новые сорта розъ. Тѣмъ не менѣе, сообщивъ старику барону о своемъ согласіи, Андрей Николаевичъ вials на нѣсколько дней въ дурное расположение духа... Молчалъ за обѣдомъ, подолгу ходилъ по саду одинъ и, наконецъ, объявилъ разъ за столомъ, что векорѣ-де къ нимъ пріѣдетъ изъ Петербурга „петиметръ“, — почему уже Проскуровъ заранѣе, не выдавъ его даже, пожаловалъ Карла Эйзенбаха въ петиметры—этого и самъ онъ не зналъ пожалуй вполнѣ основательно... Не зналъ также Андрей Николаевичъ, что главною цѣлью поѣздки барона Карла была не Москва, а именно Проскурово, куда онъ долженъ былъ заѣхать яко-бы по дорогѣ, но, на самомъ дѣлѣ, старый баронъ Эйзенбахъ, денежные дѣла котораго были далеко не въ блестящемъ состояніи, съ большимъ трудомъ собиралъ сына въ эту поѣздку. Проскуровъ не зналъ, какихъ трудовъ стоило его пріятелю найти средства на этотъ случай для сына. Несмотря, однако, на затрудненія, все было сдѣлано съ умѣньемъ не только соблюсти извѣстныя

выѣшнія приличія, но даже съ расчетомъ на нѣкоторое впечатлѣніе.

Карлъ ѣхалъ въ собственномъ весьма удобномъ и изящномъ экипажѣ, съ нимъ былъ запасъ щегольского платья, два лакея. Кромѣ розановъ, онъ везъ въ подарокъ князю бюварь, за который, скрѣпя сердце, старикъ Эйзенбахъ заплатилъ хорошія деньги.

Все это было ставкою опытнаго игрока, рассчитавшаго на почти вѣрный выигрышъ и не жалѣющаго увеличить свой ударный, рассчитанный кушъ.

Эйзенбахъ сильно рассчитывалъ на свадьбу сына съ княжною Проскуровой. Свадьба эта не только могла поправить его дѣла, но позолотить обѣднѣвшій гербъ барона, и позолотить съ честью.

Такимъ образомъ, молодой баронъ Карлъ явился въ Проскурово блестящимъ гостемъ.

Его встрѣтили тутъ съ не меньшимъ достоинствомъ и тактомъ. Сейчасъ по пріѣздѣ, барона отвели во флигель, гдѣ были приготовлены для него комнаты. Почтенный дворецкій съ медлительными и важными движеніями явился къ нему спросить, не угодно-ли будетъ барону откушать у себя, потому что господа уже кончили обѣдъ, и князь Андрей Николаевичъ легли почивать послѣ обѣда. Проснувшись, князь приметъ барона черезъ два часа.

Проговоривъ все это, дворецкій откланялся, и баронъ могъ, если ему было угодно, сдѣлать честь разставленнымъ на кругломъ столѣ блюдамъ на серебряномъ подносѣ. Флигель, отведенный подъ его помѣщеніе, былъ сплошь увитъ ползучими растеніями, вѣтви которыхъ причудливымъ кружевомъ свѣшивались надъ окнами, пропуская сквозь свои тонкія листья лучи солнца, заливавшие широкій цвѣтникъ передъ флигелемъ.

Эйзенбахъ усталъ съ дороги и чувствовалъ голодъ, и съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ принялся за вкусныя блюда...

Онъ ѣлъ, не спѣша, стараясь оглядѣться и оцѣнить ту роскошь, въ которую онъ попалъ теперь, и которая, можетъ быть, станетъ, со временемъ, его собственностью. Ему было пріятно чувствовать вокругъ себя прохладу уютныхъ комнатъ, уставленныхъ штофною мебелью и дорогими вещами; ему было удивительно, послѣ только-что испытанныхъ несприятностей и лишеній дороги, видѣть передъ собою столъ, за которымъ онъ сидѣлъ, отрѣзая золоченымъ ножомъ кусокъ паштета, которому позавидовалъ-бы король Франціи, наливать вино изъ хрустальныхъ графиновъ и чувствовать ароматный, нѣжный, особенно во время ѣды, вкусный запахъ фруктовъ, поставленныхъ передъ нимъ въ хрустальной-же вазѣ, на причудливой серебряной подставкѣ.

„Этотъ князь, соображалъ баронъ, сидя за столомъ,—долженъ быть страшно богатъ, гораздо богаче, чѣмъ мы думали съ отцомъ“...

И онъ еще разъ въ душѣ рѣшилъ, что постарается, по возможности, вести себя умно и дальновидно, не отступая ни на шагъ отъ тѣхъ совѣтовъ, которые давалъ ему предусмотрительный отецъ, при отъѣздѣ.

Вставъ изъ-за стола, Эйзенбахъ началъ одѣваться, чтобы представиться князю. Камзолы, привезенные имъ съ собою и казавшіеся ему въ Петербургѣ довольно богатыми, теперь, послѣ видѣнной имъ въ Проскуровѣ роскоши, были едва только приличными, и самый роскошный нарядъ, про который онъ говорилъ отцу, что едва-ли стоить его дѣлать, ибо передъ княземъ необходима скромность, показался ему совершенно соответствующимъ.

Когда Эйзенбахъ одѣлся со всею тщательностью аккуратнаго человѣка, къ нему снова явился важный дворецкій съ докладомъ о томъ, что князь проснулся и ждетъ къ себѣ молодого гостя.

(Продолженіе будетъ).

Молитва. Рис. Яковачи, грав. Маптолдіо.

Путешествіе по Йеллоустонскому національному парку.

Очеркъ Павла Линдау. Переводъ Б. К.

(Окончаніе).

На громадной равнинѣ, поверхность которой равняется 6 квадратнымъ английскимъ миліамъ, отовсюду поднимается бѣлый горячій паръ. Это и есть Норрійскій гейзеръ. Среди пара, заволакивающего равнину, глазъ различаетъ кое-гдѣ появляющіеся столбы горячей воды, которые, взлетѣвъ на значительную высоту, падаютъ снова въ свои водоемы съ сильнымъ шумомъ. Вся почва ярко-бѣлаго цвѣта и чрезвычайнo похожа на ледяную поверхность, въ моментъ оттепели. Посреди этого огромнаго водоема-гейзера подымается маленькій островокъ, а кругомъ водоема тянутся холмы, покрытые густымъ лѣсомъ. Вдали высятся снѣговья горы Норриса. Въ равнинѣ на каждомъ шагу видны слѣды дѣйствія вулканическихъ силъ, вся она усеяна дырами, трещинами и углубленіями, въ которыхъ стоитъ вода и пѣз которыхъ поднимается паръ. Копыта лошадей оставляютъ въ мягкой почвѣ глубокіе слѣды; въ иныхъ мѣстахъ ихъ тотчасъ же наполняетъ выступившая изъ земли вода. Часто, когда мы приближались къ гейзеру, и вѣтеръ вдругъ начиналъ дуть въ нашу сторону, намъ поневолѣ приходилось принимать души довольно высокой температуры. Проводники отлично знаютъ мѣстность, такъ что объ опасности пожить въ гейзеръ и т. п. нечего и говорить. Конечно, можетъ внезапно появиться новый гейзеръ. Появленію, однако, новаго гейзера предшествуютъ непремѣнно опредѣленные признаки, такъ, сначала начинается все сильнѣе и сильнѣе идти паръ, затѣмъ уровень горячей воды поднимается въ этомъ мѣстѣ, далѣе сначала выбрызгиваютъ мелкія струи воды, и, наконецъ, подымается громадный водяной столбъ. Если къ этому прибавить, что въ опасныхъ мѣстахъ стоятъ надписи „Danger“ (опасность) и „Look out“ (оглянься!), то станетъ понятно, что путешественники совершенно застрахованы отъ опасныхъ случаевъ.

Насколько часто здѣсь появленіе новыхъ гейзеровъ, можно судить по тому, что въ теченіе трехъ недѣль, какъ разъ передъ нашимъ пріѣздомъ, на поверхности въ 10—15 квадратныхъ метровъ образовалось шесть новыхъ гейзеровъ! Одинъ изъ нихъ бьетъ на значительную высоту и находится въ дѣйствіи почти полныя сутки — 20 часовъ. Вокругъ его образовалась твердая насыпь въ $\frac{3}{4}$ фута высоты. И все это дѣло нѣсколькихъ недѣль!

Здѣсь отчетливо слышны подземный шумъ и журчаніе вулканическихъ силъ, порою, переходящія въ страшный ревъ и грохотъ. Если прилечь ухомъ къ землѣ, то услышишь сильные подземные ритмическіе удары, и даже чувствуются ре-

торныхъ зачастую находите гейзеръ, просто сказочна и не поддается никакому описанію. Когда лучъ солнца ударяетъ въ нихъ, то въ водѣ играютъ всѣ цвѣта радуги. Поверхность воды въ этихъ водоемахъ никогда не бываетъ спокойною, она вся дрожитъ, и снизу часто вырываются пузырьки. Вдругъ уровень воды начинаетъ быстро повышаться, она начинаетъ колыхаться, и пѣз водоема взлетаетъ столбъ горячей

Температура воды въ во-
сл между 106 и 198 граду
(41—92 Цельсія). Гайдень
ною температуру 84 градуса

вмѣстѣ съ паромъ
воды.
доемахъ колеблет-
самъ Фаренгейта
принялъ за сред-
Цельсія.

Пещерный гейзеръ въ бездѣйствіи.

Единственными въ своемъ родѣ являются и здѣшніе пыльные гейзеры. Вмѣстѣ съ водой и паромъ они выбрасываютъ размельченные почти въ пыль камни. Все очарованіе этихъ гейзеровъ, какъ и всего остального въ Йеллоустонскомъ паркѣ, состоитъ въ удивительной окраскѣ ихъ водоемовъ и радужномъ блескѣ выбрасываемой ими воды. Окрустность этихъ пыльных гейзеровъ называется „Mammoth Paint Pots“ и представляетъ собою неровную почву, усеянную небольшими пирамидальными холмиками, похожими на кратеры вулкановъ.

Помѣщеніе въ гостиницѣ, на мѣстѣ остановки, намъ очень понравилось. Хозяинъ встрѣтилъ насъ очень радушно и тотчасъ же сталъ неумолчно болтать. Еще бы! бѣднякъ провѣлъ здѣсь всю зиму самъ-другъ со своимъ старымъ котомъ! Надо было видѣть, какъ суетился и хлопоталъ этотъ любезный шведъ (большинство содержателей гостиницъ, какъ я уже замѣтилъ раньше, — шведы) и все-таки въ концѣ концовъ накормилъ насъ не важно.

Когда мы остановились на ночлегъ подлѣ Firehole, полная луна величественно выдѣлывала изъ-за горъ, поросшихъ сосновымъ лѣсомъ. Хозяинъ и мои спутники заснули крѣпкимъ сномъ, а я вышелъ изъ дому. Только огонекъ въ окнахъ гостиницы свидѣтельствовалъ о существованіи людей въ этой грандіозной пустынѣ. Небо было совершенно ясно. Звѣзды слабо мерпали, все небо тонувъ въ лунномъ блескѣ. Firehole, точно длинная серебряная змѣя, вилась по долинѣ и пропадала вдали. Все, казалось, заснуло тихимъ сномъ. Нѣтъ, только казалось... Тамъ, внизу, подземныя силы не знали покоя и ночью, и онѣ одна не дремали въ эту чудную ночь.

Явственно слышались глухое ворчаніе и равномерные удары подъ землею, точно тамъ работали громадныя паровыя машины. То и дѣло вылетали столбы воды и бѣлаго пара, освѣщаемые луной. Стало свѣжо; я вернулся въ гостиницу и, усталый, бросился въ постель. Еще долго не могъ я заснуть, и долго раздавались глухіе подземные удары.

На другой день мы рано двинулись въ путь по берегу рѣки Firehole и, пройдя небольшой хвойный лѣсъ, очутились въ крайне неприкѣтливой мѣстности. Предъ нами тянулась каменистая, сѣраго цвѣта, равнина, на ней нарядка встрѣчалась понавины сюда какъ-то одинокія сосны и ели. Равнину эту кольцомъ окружали снѣговья горы, по скатамъ поросшія лѣсомъ. Пустынная и печальная мѣстность эта носитъ названіе „Hell's Half Acre“ (Адская долина). Тутъ-то находится одно изъ красивѣйшихъ и величавѣйшихъ горячихъ озеръ парка и недалеко отъ него колоссальнѣйшій гейзеръ міра. Озеро называется призматическимъ („Prismatic Spring“) и вполне оправдываетъ свое названіе. Уже падали

Эксцельсиоръ въ полной дѣятельности.

гулриная колебанія почвы, точно гдѣ-то, внизу, въ гигантской кузницѣ, раздаются грозные удары молотовъ исполновъ-циклоповъ, сотрясающіе землю. Надо было торопиться къ мѣсту нашей третьей остановки на берегу рѣки Firehole; теперь мы въѣжали въ настоящую область гейзеровъ.

Какъ чудно хороши горячія озера и пыльные гейзеры въ этой части Йеллоустонскаго парка. Красота водоемовъ, наполненныхъ прозрачною голубой или зеленой водою, на днѣ ко-

нарядка встрѣчалась понавины сюда какъ-то одинокія сосны и ели. Равнину эту кольцомъ окружали снѣговья горы, по скатамъ поросшія лѣсомъ. Пустынная и печальная мѣстность эта носитъ названіе „Hell's Half Acre“ (Адская долина). Тутъ-то находится одно изъ красивѣйшихъ и величавѣйшихъ горячихъ озеръ парка и недалеко отъ него колоссальнѣйшій гейзеръ міра. Озеро называется призматическимъ („Prismatic Spring“) и вполне оправдываетъ свое названіе. Уже падали

надъ шпъ видны цѣлыя облака пара, окрашенныя въ самыя причудливыя цвѣта. По мѣрѣ приближенія, паръ терлетъ свою окраску, зато видѣющаеся уже горячая вода озера сверкаетъ всѣми цвѣтами радуги. За озеромъ сейчасъ-же находится и знаменитый Эксельсиоръ. Изъ глухо шумящаго кратера поднимаются тучи пара. Все, что говорилъ я при описаніи другихъ гейзеровъ,—причудливая форма ихъ, замѣчательная окраска воды,—все соединено здѣсь въ грандіозныхъ, ужасающихъ размѣрахъ. Водоёмъ гейзера представляетъ собою цѣлую бездну въ 330 футовъ длины и въ 220 футовъ ширины. Близко подойти къ нему невозможно, изъ-за сильнаго жара и горячаго пара, но, къ счастью нашему, онъ былъ въ покоѣ, и мы могли заглянуть въ его глубину. Она оказалась не очень значительною, всего 15—20 футовъ. Стѣны водоема изъ сѣраго, точно обледѣлаго, камня были устланы громадными трещинами. Во время изверженія Эксельсиора, цѣлые потоки воды стекаютъ по равнинѣ въ рѣчку Firehole.

Въ 1879 году суперинтендентъ края полковникъ Норрисъ, проѣзжая по долинѣ, услышалъ страшный шумъ и грохотъ. Онъ немедленно поскакалъ на мѣсто шума, и увидѣлъ Эксельсиоръ въ полномъ дѣйствіи. Страшныя изверженія этого гейзера, почти ежедневныя, относятся къ 1880—81 годамъ; съ тѣхъ поръ Эксельсиоръ замолкъ, и изверженія его стали чрезвычайно рѣдки, такъ что лишь немногіе туристы и путешественники послѣднихъ лѣтъ могутъ похвалиться тѣмъ, что видѣли Эксельсиоръ въ дѣйствіи. Судя же по описанію, составленному полковникомъ Норрисомъ, они должны быть грандіозны. Это всего лучше видно изъ сравненія. Большой гейзеръ въ Исландіи выбрасываетъ водяной столбъ въ 7 футовъ толщины на высоту 80—90 футовъ, тогда какъ водяные брызги Эксельсиора поднимаются на высоту 300 футовъ, а на высотѣ 100 футовъ водяной столбъ его просто баснословной толщины. Одинъ американецъ, наблюдавшій изверженіе Эксельсиора, опредѣляетъ толщину водяного столба его въ 25 футовъ, тогда какъ полковникъ Норрисъ, чаще видѣвшій изверженія гейзера, свидѣтельствуешь, что водяной столбъ его имѣлъ въ діаметрѣ отъ 60 до 70 футовъ! При изверженіяхъ Эксельсиоръ выбрасываетъ громадные обломки скалъ, одинъ изъ которыхъ, по словамъ Норриса, вѣсилъ болѣе 100 фунтовъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, изверженія этого гейзера не были безопасны для слишкомъ смѣлыхъ наблюдателей. Зрѣлище изверженія Эксельсиора не имѣетъ себѣ подобныхъ на земномъ шарѣ.

Осмотрѣвъ Эксельсиоръ, мы двинулись въ путь къ другимъ громаднымъ гейзерамъ Йеллоустонскаго парка, расположеннымъ въ бассейнѣ рѣки Firehole. Здѣсь, на просторнѣйшій двухъ квадратныхъ англійскихъ миль, находится до 50 гейзеровъ, уступающихъ Эксельсиору, но далеко оставляющихъ за собою большой Исландскій гейзеръ. Четыре изъ нихъ, меньшіе, „Левъ“, „Львица“, „Вѣрний“ и „Береговой“ гейзеры бьютъ почти на такую же высоту, какъ Исландскій, на 60—80 футовъ, „Гейзеръ-Башня“ бьетъ на высоту 100 футовъ, „Неизмѣнный“ на 150, „Большой Гейзеръ“ на 95—200, „Великанъ“ на 130—200, „Великолѣнный“ на 200, „Улей“ на 200 и „Великанша“ на 250 футовъ! Изверженія ихъ не періодическія, по крайней мѣрѣ, наука еще не установила этого.

Сильнѣйшее впечатлѣніе оставляетъ гейзеръ, названный Гайденомъ „Неизмѣнный“. Черезъ каждыя 55—65 минутъ онъ выбрасываетъ громадный столбъ горячей воды вышѣ съ паромъ. До изверженія гейзеръ этотъ имѣетъ непривлекательный видъ. Сѣрый каменный водоёмъ, и посреди его небольшое возвышеніе блага, какъ снѣгъ, цвѣта съ кратеромъ гейзера, изъ котораго выходятъ струи пара. Но вотъ приближается время изверженія. Раздается глухое ворчаніе, переходящее постепенно въ страшный грохотъ. Изъ кратера вылетаютъ маленькія струи воды всего на нѣсколько футовъ вышины. Черезъ двѣ минуты послѣ этого весь водоёмъ начинаетъ дымиться, и вылетающія струи воды увеличиваются. Затѣмъ

снова пауза минуты въ двѣ, и снова водяной столбъ въ 20 футовъ высоты. Наконецъ, наступаетъ моментъ настоящаго изверженія, продолжающагося 4 минуты. Съ страшнымъ шумомъ и грохотомъ вылетаютъ къ голубому небу гигантскіе столбы горячей воды въ 150 футовъ высотой, окруженные облаками горячаго пара. Но вотъ изверженіе кончилось, и вода въ воронкѣ гейзера приняла чудную голубую, почти стальную окраску. Вся окрестность гейзера сразу перемѣнила свой непривѣтливый видъ. Во всѣхъ маленькіхъ водоемахъ вокругъ гейзера появились небольшие озера выброшенной гейзеромъ воды, ярко блистающія на солнцѣ.

Дальнѣйшій путь къ замѣчательному обрыву Грандъ-Каніонъ и водопадамъ Йеллоустонскаго парка былъ заваленъ массами снѣга, такъ что мы должны были вернуться въ Норрисъ и отсюда двинуться къ Грандъ-Каніону другимъ, окольнымъ, чрезвычайно труднымъ путемъ черезъ горы. По мѣрѣ приближенія къ нему, предъ нами развертывалась дикая, но восхитительная мѣстность.

Между исполинскими скалами свѣтло-желтаго и красноватаго цвѣта, мѣстами голыми, мѣстами поросшими хвойнымъ лѣсомъ, нависаетъ рѣчка, шумливая и бурная; грозно пѣнясь, она прыгаетъ черезъ многочисленныя пороги и подводные камни, образуя громадный водопадъ, низвергающійся съ высоты 350 футовъ. Затѣмъ нѣкоторое время, точно утомленная немощнымъ прыжкомъ, она покойно катится до новаго препятствія, и тутъ снова пѣнится и бунцуетъ, точно разъяренный звѣрь. Чтобы полнѣе понять общее впечатлѣніе этой грандіозной картины, нужно представить себѣ, что надъ водопадомъ еще поднимаются громадныя скалы отъ 1400 до 1500 футовъ высоты.

Жаль было оторваться отъ этого зрѣлища, но впереди ожидало насъ другое подобное. Мы направились къ „Lookout Point“. Это тѣснона, подобная только что описанной. Къ сожалѣнію, закатъ догналъ и наступали сумерки, такъ что рискованно было ѣхать туда по трудному, небезопасному пути. Издали доносились до насъ грозный шумъ водопада. Громадный огненный дискъ солнца постепенно скрывался за горами. На высотѣ 1000 футовъ надъ нами черною точкою парилъ орелъ въ поднебесьи. Мы поспѣшили въ обратный путь, чтобы къ ночи добраться до нашей стоянки.

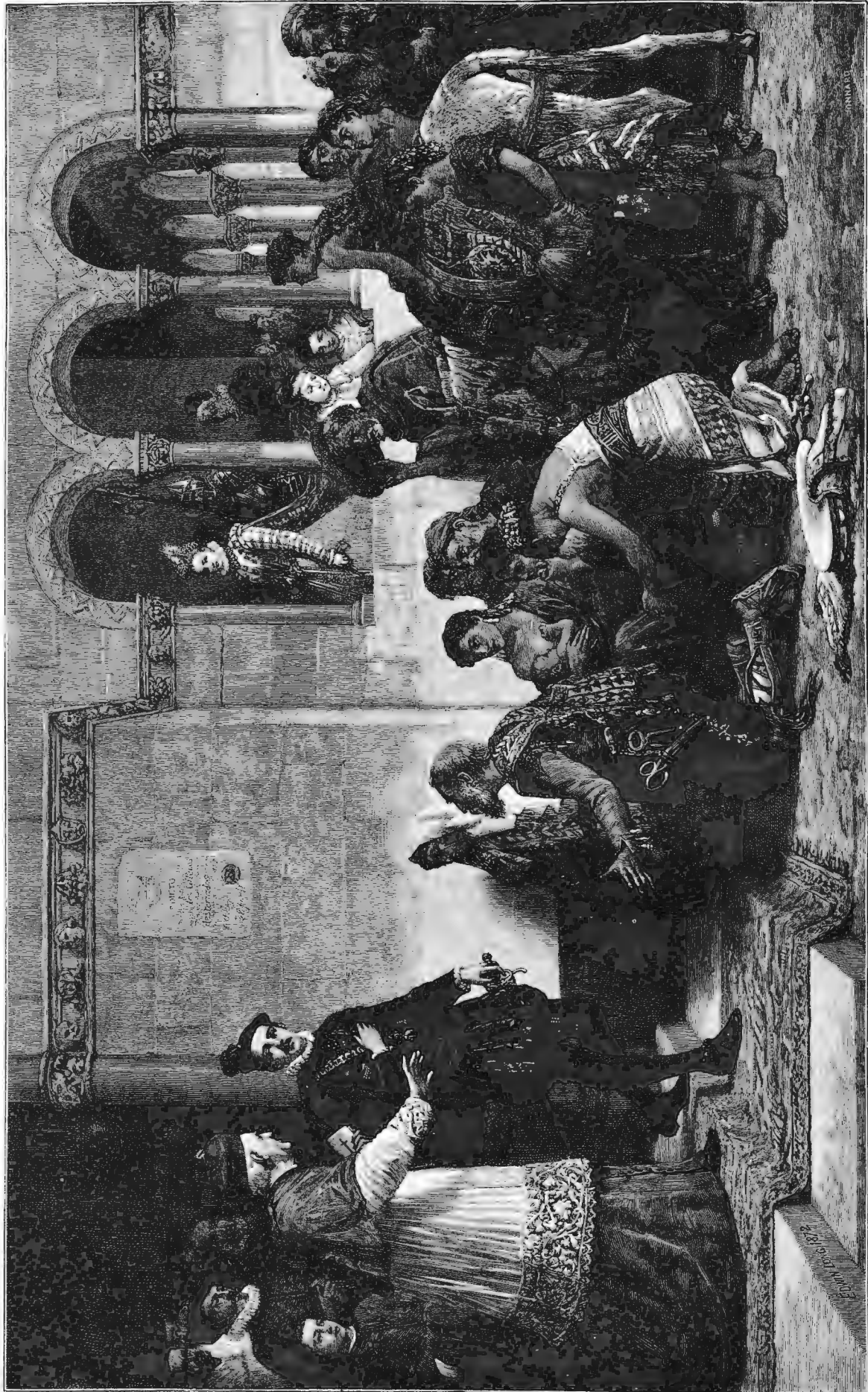
Итакъ, осмотръ Йеллоустонскаго парка былъ оконченъ, мы посвятили ему цѣлую недѣлю. Къ счастью, все

время стояла благоприятная погода, но многое все-таки помѣшали намъ видѣть громадные снѣжные заносы; когда мы обратились въ обратный путь, ихъ уже начинали расчищать, такъ какъ приближалось обычное время путешествій въ Йеллоустонскій паркъ. Обратный путь къ Мамонтовымъ горячимъ ключамъ отъ Грандъ-Каніона, частью, пришлось совершать подъ сильными дождемъ, частью при ослѣпительномъ солнечномъ блескѣ. Уже мы оставили за собою обледенелыя скалы, какъ вдругъ внезапно поднялся буря. Страшный вѣтеръ поднималъ массы снѣга и билъ намъ въ лицо ледяными сосульками. Мы поспѣшили укрыться отъ этого снѣжнаго шторма въ ближайшемъ хвойномъ лѣску. Когда буря кончилась, нашимъ глазамъ представилась безконечная снѣжная равнина, по которой мы двинулись впередъ. Прибывъ въ гостиницу у Мамонтовыхъ горячихъ ключей, мы увидѣли новое величественное явленіе. Громадная дуга радуги сверкала чудными переливами на очистившемся отъ тучъ небѣ.

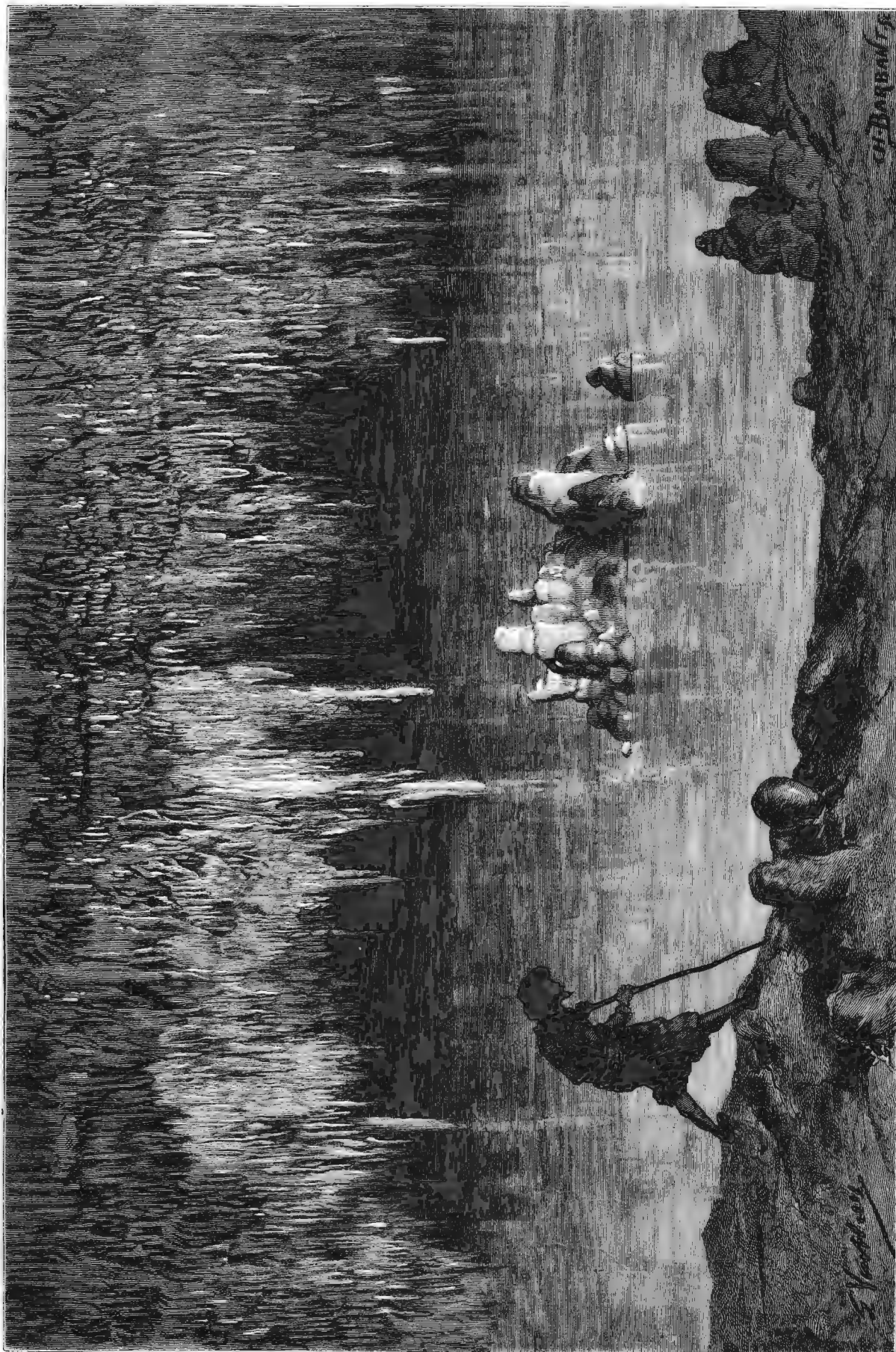
Этотъ павѣстный національный паркъ и зоологическій садъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, пострадалъ нѣсколько рѣже, чѣмъ въ предшествующіе годы. Въ 1891 году продолжавшаяся долго сырая погода удерживала путешественниковъ отъ посѣщенія этихъ мѣстъ, да и въ прошломъ году сезонъ начался очень поздно: отъ сильныхъ ливней дороги стали непроходимы, а причиненныя поврежденія потребовали обширныхъ работъ по ихъ исправленію. Въ настоящее время онъ законченъ, и дороги теперь снова приведены въ хорошее состояніе. Для удобства путешественниковъ не падать трудовъ и заботъ. Поваля

Грандъ-Каніонъ.

Испанскіе цыгане, умоляющіе короля Филиппа III отмѣнить указъ о ихъ изгнаніи. Рис. Е. Лонгъ, грав. Жоонаръ.

Пещерное озеро на Майоркѣ (Балеарскіе острова). Рис. Вюлье, грав. Барбанъ.

гостиница, построенная у верхняго бассейна горячих источников, удовлетворяет самымъ изысканнымъ требованіямъ въ этомъ отношеніи. Въ истекшемъ году опять было въ паркѣ много пожаровъ, но, благодаря принятымъ мѣрамъ предосторожности, они не причинили большого вреда. Число караванныхъ постовъ снова было увеличено, и предполагается даже усилить квартирующія въ паркѣ войска еще одной ротой пѣхоты, для того именно, чтобы за всѣми частями его можно было

установить одинаковый приемотръ. Количество буйволовъ доходить до 490. Въ южной части парка найдено было еще нѣсколько лосей, но такъ какъ они часто переходятъ границы охраняемой территоріи, то слѣдуетъ опасаться ихъ погребленія. Лосей насчитываютъ теперь около 25.000 штукъ, но во время послѣдней суровой зимы погибло ихъ отъ двухъ до пяти тысячъ. Семейство медвѣдей быстро размножается, а также сильно увеличивается и количество антилопъ, бобровъ и многихъ другихъ животныхъ.

Крестьяне.

Карла Ларсена. (Переводъ съ датскаго).

I.

Крестьянинъ Соренъ Енсенъ съ батракомъ Енсомъ рубили деревья на опушкѣ лѣса. На дорогѣ, недалеко, показались, верхомъ, два жандарма. Они ѣхали шагомъ, не сѣша, остановились у стараго дуба, одинъ изъ нихъ слѣзъ и приблизилъ къ дереву листъ красной бумаги. Потомъ они удалились такъ же медленно, какъ подъѣхали.

Крестьяне поняли, что это не къ добру.

— Объявленіе о Гансѣ Пирсенѣ! сказалъ Соренъ, подойди къ дубу и прочитай написанное на прибитомъ листѣ.

— Ишь перешелъ онъ имъ дорогу! Сто кроунъ обѣщаютъ за его поимку.

Батракъ испуганно оглянулся, точно за его спиной стоялъ самъ Гансъ Пирсенъ.

— Да, ну? прошепталъ онъ.

— Ну, я-бъ и за двѣсти кроунъ не пошелъ его ловить! сказалъ опять Енсенъ.—Да и наврядъ ли кто польстится на эти деньги... И кто могъ думать... Онъ служилъ прежде у меня, славный былъ парень.

„Схватятъ они его, навѣрно схватятъ“, подумалъ батракъ.

— Не продержатся ему долго при такой непогодѣ, точно угадавъ его мысль, проворчалъ Енсенъ.

Оба замолчали и снова принялись за работу.

Вернувшись домой, Соренъ Енсенъ рассказалъ обо всемъ женѣ.

— Господи помилуй! испугалась она.

— Ну, чего ты! Намъ онъ худа не сдѣлаетъ, успокоилъ ее Енсенъ.

— Чай онъ злой теперь, какъ въ тюрьмѣ-то посидѣлъ.

— Эхъ, славный былъ малый, сгниулъ... Затравилъ его, со свѣту сжигъ этотъ каналья шведъ. Подѣломъ ему всадилъ Гансъ ножъ въ глотку...

Все это ничуть не успокоило жену Енсена. Ее такъ и трясло отъ страха.

— Смотри, не сболтни дѣвкамъ, да людямъ. Енсу я ужъ наказалъ молчать.

Весь день просидѣла она въ горницѣ, боясь показаться на дворъ.

Подъ-вечеръ залаяла вдругъ цѣнная собака; затѣмъ смолкла. Кто-то прилащивалъ ее.

Жена Енсена вскопала вся блѣдная.

— Ну, чего ты! прикрикнулъ на нее мужъ.

Онъ засвѣтилъ фонарь и вышелъ изъ горницы.

Посреди двора видѣлась темная фигура, и возлѣ терлась собака.

— Добрый вечеръ, хозяйни! послышалась прерывистый, дрожащій голосъ.

— Гансъ? неужто ты? воскликнулъ Соренъ и чуть было не выршилъ изъ рукъ фонаря.

— Да, я... Не бойся, хозяйни, я тебя не обижу...

— Нѣтъ... я... не то... знаешь, иди-ка ты по-добру по-доброму... сказалъ Соренъ.

— Мочи нѣтъ... да и морозъ крѣпкокъ больно, прошепталъ Гансъ.

Забралъ Енсена.

Онъ вошелъ въ горницу къ перенуганной женѣ.

— Ну, смотри, Берта, ни слова. Что бы ни увидѣла—не пугайся... Надо такъ... строго проговорилъ Енсенъ и вышелъ вонъ.

Съ перенугу Берта не знала чтѣ дѣлать. Она бросилась къ окну. На дворѣ было темно, какъ въ могилѣ. Ни зги не видно. Вонъ мелькнула свѣтлая точка. Двигается. Да, это, вѣрно, Гансъ съ фонаремъ. Но куда же это онъ? Къ сараю, кажется. Такъ и есть. Господи, что ему тамъ приспичило въ пустой сарай лѣзть... Прошло нѣсколько мгновений. Вонъ изъ сарая назадъ задвигался фонарь. Въ его колеблющемся свѣтѣ теперь ясно обрисовывалась фигура Сорена. Онъ все приближался и приближался. Вонъ уже слышны его шаги. Онъ вошелъ въ кухню. Что-то шарить тамъ... Опять все стихло. Снова замелькалъ фонарь... Опять къ сараю... Теперь что-то очень ужъ быстро онъ движется... Вотъ и пропалъ.

Ее точно приковало къ мѣсту...

II.

Большой пустой сарай. Посреди столъ, по обѣимъ сторонамъ его скамьи... Въ тренегномъ свѣтѣ фонаря видѣются сидящіе за столомъ Енсенъ и Гансъ.

На столѣ—начатая бутылка водки, ломоть сухого хлѣба.

Гансъ съ жадностью улетаетъ кусокъ мяса, держа наготовѣ въ рукѣ ломоть хлѣба.

— Выпей-ка, предложилъ Енсенъ.

Гансъ, не отвѣчая, продолжалъ торопливо ѣсть. Оба молчали.

Гансъ налилъ себѣ водки.

— На здоровье! сказалъ Енсенъ.

— Спасибо, хозяйни. За все спасибо... Много ты мнѣ добра сдѣлалъ... Много красивыхъ дней видѣлъ я у тебя... Въѣкъ не забуду... Не то что другіе...

И, махнувъ рукою, Гансъ замолчалъ.

Оба задумались. Вѣтеръ вылъ и свистѣлъ на дворѣ. Мертвая тишина.

— Ну, пора на покой! проговорилъ Соренъ.—Вотъ солома, ложись. А завтра чуть свѣтъ—вылѣзай въ окошко, и марши. Понялъ? Доброй ночи!

Гансъ посмотрѣлъ на него.

— Слушай, хозяйни, дай мнѣ съ тобой по душѣ поговорить...

— Тебѣ? Ну, говори... чего тебѣ?...

— Какъ знаешь, не могу... Не могу я больше такъ перебиваться... рѣшительно замѣтилъ Гансъ.

— Ну, вотъ что вздумалъ...

— Какъ же... Вездѣ меня ищутъ жандармы, точно неа бѣшенаяго... Въ Элленрупѣ, я видѣлъ, прибили они объявленіе обо мнѣ... Я сидѣлъ тогда, пригнанннсь, въ двухъ шагахъ отъ нихъ.

— Да, у насъ тоже прибито...

— И ты, хозяйни, видѣлъ его?

Соренъ Енсенъ кивнулъ головой.

— И о наградѣ читалъ?

— Да, Гансъ.

— А вѣдъ сто кроунъ—большія деньги...

Енсенъ молчалъ.

— И, вѣдъ, какъ легко получить ихъ, продолжалъ Гансъ.

— Хочешь выдавать себя, что-ли?

Гансъ не отвѣтилъ. Вдругъ онъ рѣшительно спросилъ:

— Знаешь что, хозяйни. Хочешь получить ихъ?

Тотъ вопросительно взглянулъ на него.

— Вѣдъ это такъ легко, повторилъ Гансъ.

— Нечего чепуху нести, возразилъ Енсенъ.—Ложись-ка лучше, да завтра сизозаранку уходи прочь... Не ровенъ часть, еще меня подведешь...

— Нѣтъ, право слово, хозяйни, хочешь сто кроунъ въ карманъ положить...

— Ничего я не хочу, озлился Енсенъ.

— Помините мнѣ, тебя, хозяйни, всегда зависть разбирала, глядя на тельжку у Енса Андерса... Вотъ заберешь деньги и купишь себѣ тоже такую тельжку... Все равно изловить они меня... Не долго мнѣ гулять...

— И солоно-жь тогда придется тебѣ.

— Все равно... Я думалъ... Ты, хозяйни, добрый, такъ...

Онъ остановился. Соренъ Енсенъ молчалъ.

— Отвези меня завтра къ шмѣ... неожиданно проговорилъ Гансъ.

Енсенъ задумался.

— Ну... если ужъ на то пошло... такъ, твоя правда, лучше я тебя отвезу, чѣмъ кто-нибудь другой...

— Вотъ и ладно... Сговорились... Теперь можно и на покой...

Сосну-ка послѣднюю почку на волѣ... Прощай, хозяйни.

— Прощай, Гансъ.

III.

На слѣдующее утро всѣ на деревнѣ уже знали, что Соренъ Енсенъ ночью поймалъ на дорогѣ Ганса Пирсена.

На дворѣ запрягали тельгу.

Гансъ Пирсенъ съ Сореномъ Енсеномъ сѣли въ нее. На Гансѣ былъ надѣтъ тулунъ Енсена. Для себя Енсенъ взялъ тулунъ и сосъда.

Они выѣхали молча на дорогу.

Лошадь мелкой рысцой бодро бѣжала, потряхивая головой.

Скоро показался городъ.

Вотъ они выѣхали въ него и направились прямо къ ратушѣ.

Изъ ратуши выходилъ въ это время молодой чиновникъ, съ золотымъ позументомъ на фуражкѣ и съ портфелемъ подъ мышкой.

Крестьяне вылѣзли изъ тельги.

Соренъ Енсенъ подошелъ къ молодому чиновнику, снялъ свою мѣховую шапку и смущенно проговорилъ:

— Вотъ я привезъ Ганса Пирсена.

— Какого Ганса Пирсена?... Ахъ, да! Пирсена!

Быстрые молніи пустился онъ по широкой лѣстницѣ ратуши, распахнулъ дверь и закричалъ такимъ громовымъ голосомъ, что было слышно даже на улицѣ:

— Убийца Пирсенъ здѣсь! Пойманъ!
Услышавъ это, изъ ратуши вышли двое какихъ-то господъ въ формѣ.
— Чего онъ такъ заоралъ, точно его змѣя ужалила? обратился Еисенъ къ Гансу.
Тотъ ничего не отвѣтилъ.
Двое господъ приближились къ Гансу.

— Продай, хозяинъ, спасибо, большое спасибо тебѣ за все! сказалъ Гансъ.
— Спасибо и тебѣ, Гансъ! отвѣтилъ Еисенъ и протянулъ ему руку.
Тотъ ее крѣпко пожалъ.
Чиновники переглянулись въ изумленіи, и Гансъ Пирсенъ сталъ подыматься по лѣстницѣ.

Субъективные явленія здороваго зрѣнія.

Очеркъ А. Л.-Н.

Въ природѣ, которая такъ часто плѣняетъ насъ красотою сочетаній свѣта и тѣни, замѣчательнымъ подборомъ то яркихъ, то нѣжныхъ цвѣтовъ и ласкающей гармоніей звуковъ, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни единого луча свѣта, ни полоски краски, ни намека на звукъ. Природа, вся цѣликомъ, погружена въ безпредѣльный мракъ, въ безконечное молчаніе. Въ ней есть только движеніе атомовъ и частицъ матеріи. Это движеніе производить то или другое раздраженіе нервовъ нашихъ органовъ чувствъ, которое дѣятельностью ихъ перерождается въ определенное впечатлѣніе сознанія. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право утверждать, что мы, такъ сказать, собственными руками одѣваемъ мрачную и нѣмую природу въ пышныя, блестящія и разноцвѣтныя одежды и влагаемъ въ уста пробудившейся красавицы беззвучно-веселую или грозно-гнѣвную рѣчь.

Но не станемъ слишкомъ преувеличивать значеніе нашихъ органовъ чувствъ: не забудемъ, что безъ движенія атомовъ и частицъ окружающей насъ вселенной въ нашемъ сознаніи не возникло бы ни одного представленія, т. е. не было бы и самаго сознанія. Тѣ впечатлѣнія, которыя возникаютъ въ насъ, подъ вліяніемъ возбужденій, приходящихъ къ намъ извнѣ, мы будемъ называть объективными. Весьма часто то или другое объективное впечатлѣніе какаго-либо изъ нашихъ органовъ чувствъ сопровождается такими явленіями, для которыхъ внѣ насъ не существуетъ соответствующихъ возбужденій: они только намъ кажутся, ихъ называють субъективными явленіями.

Въ этомъ очеркѣ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о субъективныхъ явленіяхъ, имѣющихъ мѣсто, исключительно, въ области нашего зрѣнія, притомъ нормальнаго, а не больного.

Вообразите темную комнату съ закрытыми ставнями. Въ одной изъ нихъ маленькое отверстіе, черезъ которое проходитъ лучъ свѣта. Если на пути этого луча вы поставите трехгранную призму, т. е. хрустальную подвѣску, которыми такъ любили въ старину украшать люстры и канделябры, то на стѣнѣ или на полу вы увидите цвѣтного „зайчика“, или спектръ изъ радужныхъ цвѣтовъ. Они ложатся полосами другъ за другомъ, края ихъ очерчены не рѣзко: одинъ цвѣтъ постепенно и незаметно переходитъ въ другой. Среди этихъ цвѣтовъ 7 кажутся болѣе яркими, болѣе насыщенными, ихъ называютъ основными цвѣтами спектра. Между ними помѣщается множество промежуточныхъ цвѣтныхъ полосъ, налегающихъ другъ на друга. Это заставляетъ прийти къ заключенію, что каждый лучъ солнечнаго свѣта состоитъ изъ безчисленнаго множества цвѣтныхъ лучей. Ньютоуъ показало, что соединеніе всѣхъ 7 основныхъ цвѣтовъ спектра даетъ бѣлый свѣтъ; соединяя же одну часть спектра въ одинъ цвѣтъ, а другую часть въ другой, онъ нашелъ, что сумма этихъ двухъ цвѣтовъ даетъ намъ тоже бѣлый свѣтъ. Такие два цвѣта, которыя въ суммѣ даютъ бѣлый, названы имъ дополнительными цвѣтами. Красный и зелено-синій цвѣта извѣстнаго оттѣнка дополняютъ одинъ другой; разсматривая бѣлый предметъ сквозь красное, зеленое и синее стекло, сложенные вмѣстѣ, увидимъ этотъ предметъ почти бѣлымъ, но слабѣе освѣщеннымъ. Оранжевый и синій, фиолетовый и желтый и т. п. цвѣта суть дополнительные. Соединяя цвѣтные лучи спектра, Гельмгольдъ пришелъ къ замѣчательному выводу, что бѣлый цвѣтъ можетъ быть составленъ изъ двухъ или трехъ цвѣтныхъ лучей множествомъ различныхъ способовъ.

Задняя поверхность зрительнаго яблока покрыта изнутри, такъ называемою, *сетчатой* оболочкой. Она состоитъ изъ развѣтвленной зрительнаго нерва. Близу средины этой оболочки находится небольшое *желтое* пятно, въ которомъ кончики нервовъ принимаютъ форму, напоминающую колбу, поэтому и называются *колбочками*. Эти-то колбочки и передаютъ нашему мозгу цвѣтныя впечатлѣнія. Обладаетъ-ли колбочка способностью передавать лучи всѣхъ цвѣтовъ, или только нѣкоторыхъ, или же только какаго-нибудь одного цвѣта, такъ что одні колбочки передають, напримѣръ, только красные лучи, другія — зеленые, третьи — синіе и т. д., — это остается пока нерѣшеннымъ. Гипотеза Юнга-Гельмгольда, что въ желтомъ пятнѣ существуютъ колбочки только трехъ родовъ: первая — передающія красные лучи, вторыя — зеленые и третьи — фиолетовые, оказалась далеко не удовлетворяющей всѣмъ научнымъ требованіямъ, хотя и въ высшей степени просто и остроумно объяснила многие факты.

Чтобы понять вполнѣ причины происхожденія случайныхъ явленій зрѣнія, слѣдуетъ рассмотреть два состоянія зрительнаго аппарата. Первое состояніе—это, когда глазъ только-что получилъ свѣтовое впечатлѣніе, или, какъ говорятъ физиологи,

когда сетчатая оболочка сохраняетъ еще положительный свѣтовой слѣдъ. Что дѣйствительно, влѣдъ за прекращеніемъ свѣтового вліянія, возбужденное состояніе зрительнаго аппарата еще продолжается нѣкоторое время, — въ этомъ насъ убѣждаютъ многие факты. Посмотрите на свѣчку, горящую въ темной комнатѣ, затѣмъ быстро закройте глаза рукой, но такъ, чтобы положеніе головы и глазъ не измѣнилось и чтобы рукой не придавливать глазныхъ яблокъ; тогда вы увидите на темномъ фонѣ пламя свѣчки; черезъ нѣсколько мгновений этотъ субъективный образъ исчезнетъ. Продолжительность сохраненія свѣтового слѣда довольно значительна, а именно около 1,4 секунды, по наблюденіямъ Плато. Этими свойствомъ нашихъ глазъ объясняются многія явленія. Мы не можемъ, напримѣръ, видѣть быстро перемѣщающагося предмета; такой предметъ оставляетъ на сетчатой оболочкѣ рядъ положительныхъ слѣдовъ, которые, сливаясь, производятъ впечатлѣніе, какъ бы получаемое отъ сплошной полосы. Если въ темной комнатѣ махать рукой съ кусочкомъ горящаго угля, то мы увидимъ огненные полосы и круги. Но въ томъ случаѣ, когда быстро движущійся предметъ будетъ освѣщаться на очень короткое время, въ теченіе котораго онъ не успеетъ перемѣститься, тогда предметъ покажется остановившимся и ясновидимымъ въ своихъ очертаніяхъ. Курьерскій поѣздъ, мчащійся на всѣхъ парахъ, ночью, при блескѣ молнии, кажется стоящимъ неподвижно, и т. д.

Цвѣтные лучи оставляють слѣды различной продолжительности. Если взглянуть на солнце и затѣмъ закрыть глаза, то на темномъ полѣ зрѣнія выступитъ сначала бѣлый свѣтовой кругъ, затѣмъ цвѣтъ его станетъ зеленовато-голубой, потомъ синій, фиолетовый или розовый и, наконецъ, сѣро-оранжевый. За этимъ періодомъ свѣтовой слѣдъ исчезаетъ окончательно, если глазъ не былъ утомленъ. При утомленіи же зрѣнія положительный свѣтовой слѣдъ смѣняется отрицательнымъ.

Что-же слѣдуетъ понимать подъ словами „утомленіе зрѣнія“? Подъ этими словами понимаютъ пониженіе раздражительности сетчатой оболочки. Когда она перенесла сильное возбужденіе, то, какъ мы видѣли, она сохраняетъ это возбужденіе въ теченіе нѣкотораго времени; затѣмъ, когда проходитъ этотъ періодъ, сетчатая оболочка слабо отвѣчаетъ или даже совсѣмъ не отвѣчаетъ на такое-же раздраженіе, приходящее извнѣ. Тутъ, такъ сказать, наступаетъ короткая и, притомъ, не полная, а односторонняя слѣбота.

Вотъ опыты, которые разъясняютъ сказанное.

Положите передъ собой листъ сѣрой бумаги, а на него маленький кусочекъ (кружокъ, квадратъ и т. д.) бѣлой; смотрите на этотъ кусочекъ одну минуту, затѣмъ пальцемъ сбросьте его съ листа. Тогда вы увидите, что то мѣсто, которое было занято кусочкомъ бѣлой бумаги, теперь окрашено въ темно-сѣрый цвѣтъ, болѣе темный, чѣмъ окружающій его фонъ. Это субъективное явленіе мы можемъ объяснить только утомленіемъ зрѣнія. Сѣрый цвѣтъ бумаги происходитъ отъ того, что она поглощаетъ довольно много свѣтовыхъ лучей, бѣлая-же отражаетъ почти всѣ лучи, падающіе на нее. Когда мы смотрѣли на кусочекъ бѣлой бумаги, то извѣстное мѣсто сетчатой оболочки получало сильное раздраженіе отъ этихъ отраженныхъ лучей, между тѣмъ какъ остальная часть этой оболочки получала только слабое возбужденіе отъ немногочисленныхъ лучей, отражаемыхъ сѣрымъ листомъ. Первая часть оболочки утомилась, остальная нѣтъ. Когда мы сбросили бѣлый кусочекъ съ листа, то теперь на утомленное мѣсто зрительнаго аппарата стало попадать лучей гораздо меньше. Такое раздраженіе въ данному случаѣ является слишкомъ ничтожнымъ, и зрительный нервъ только отчасти передаетъ его мозгу, поэтому-то мѣсто, прежде занятое кусочкомъ бѣлой бумаги, теперь кажется болѣе темнымъ, чѣмъ окружающее его поле.

Если-бы мы на листъ сѣрой бумаги положили не бѣлый кусочекъ, а черный, то, сбросивъ его пальцемъ, увидѣли-бы его мѣсто болѣе бѣлымъ, чѣмъ листъ сѣрой бумаги. Черный цвѣтъ предмета происходитъ отъ того, что онъ поглощаетъ всѣ падающіе на него лучи. Здѣсь утомленной оказалась-бы вся поверхность сетчатой оболочки, за исключеніемъ того мѣста, которое было занято чернымъ кружечкомъ. Остальное попятно.

Въ недавнее, сравнительно, время, въ Петербургѣ, да и въ другихъ городахъ не мало забавлялись рисунками, построенными на такихъ-же началахъ, какъ и выше приведенные опыты. Портреты знаменитыхъ людей: Гамбетты, Бисмарка, Скобелева и друг., рисовались на бѣломъ листѣ бумаги такимъ образомъ, что все то, что на фотографическомъ портретѣ было въ свѣту,

здѣсь покрывалось черной краской, а все тѣневое — оставлялось бѣлымъ. Если на такое изображение смотреть 1—2 минуты и затѣмъ перенести взглядъ на потолокъ, конечно, слабѣе освѣщенный, чѣмъ бѣлая мѣста изображенія, то на потолокъ наблюдатель увидитъ это изображение, но уже съ надлежащимъ распределеніемъ свѣта и тѣни. Чтобы вполне понять это явленіе, замѣтимъ, что слабоосвѣщенный потолокъ здѣсь играетъ ту-же роль, какую выполнялъ въ двухъ предшествующихъ опытахъ листъ сѣрой бумаги.

Но если на такой-же листъ мы положимъ цвѣтной кружочекъ, то, сбросивъ его пальцемъ, увидимъ его мѣсто окрашеннымъ въ дополнительный цвѣтъ. Положимъ, что кружочекъ былъ, напримѣръ, краснаго цвѣта. Въ этомъ случаѣ соответствующая часть сѣтчатой оболочки была утомлена исключительно красными лучами, т. е. въ ней понизилась возбудимость красными лучами. Поэтому, по удаленіи кружка, изъ бѣлаго свѣта, падающаго теперь на всю поверхность сѣтчатой оболочки, утомленное мѣсто послѣдней раздражается всѣми лучами, за исключеніемъ краснаго, т. е. дополнительными къ нему—зелено-голубыми.

Такимъ-же образомъ объясняются, такъ называемые въ физикѣ, субъективные цвѣта, окрашенные тѣни и прочее. Вотъ нѣсколько интересныхъ примѣровъ.

Возьмемъ пурпурово-красный листъ бумаги и на немъ наклеимъ узкую, непременно узкую, полосу свѣтло-сѣрой бумаги. При взглядѣ на такой листъ, мы замѣтимъ, что полоска окрашена дополнительными цвѣтомъ, т. е. зеленымъ. Если же возьмемъ зеленое поле, то сѣрая полоска приметъ розоватый

цвѣтъ, и т. д. Явленіе становится рѣзче, если цвѣтной листъ вмѣстѣ съ сѣрой полоской прикрыть тонкой папирсной бумагой. Мы сказали, что полоска должна быть непременно узкой; если сдѣлать ее широкой, то будутъ окрашены въ дополнительный цвѣтъ только края ея.

Если пропустить свѣтъ свѣчи черезъ красное стекло, поставленное передъ бѣлымъ листомъ бумаги, и принять на нее тѣнь отъ тонкой налочки, то тѣнь покажется не темной, какъ бы слѣдовало ожидать, а зелено-голубой, и проч.

Въ заключеніе укажемъ еще на одно субъективное явленіе, которое, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, остается до сихъ поръ непонятнымъ.

Если смотреть на небо, или на какой-либо другой свѣтлый фонъ, притомъ, по возможности, на одну точку его, и довольно быстро водить передъ глазами рукой съ растопыренными пальцами, то передъ наблюдателемъ въ полѣ его зрѣнія, въ мѣстѣ, соответствующемъ желтому пятну зрительной оболочки, выступаетъ рисунокъ, въ видѣ сѣтки или ячеекъ чепельнаго сота. Этотъ субъективный образъ очерченъ очень слабо, большую часть, въ горизонтальномъ направленіи шире, чѣмъ въ вертикальномъ. Въ срединѣ его особенно ясно видно маленькое кольцо, которое, очевидно, соответствуетъ углубленію, имѣющемуся въ сѣтчатой оболочкѣ. Замѣтимъ, что мерцаніе свѣта не есть необходимое условіе для того, чтобы увидѣть передъ собою внутренность собственного своего глаза. При постоянномъ голубомъ свѣтѣ нѣкоторымъ удавалось видѣть часть желтаго пятна ихъ глаза.

Урожай 1892 года.

Предшествовавшій прошлому году неурожай, столь тяжело отозвавшійся на многихъ губерніяхъ Россіи и державшіій въ состояніи напряженнаго вниманія къ нуждамъ пострадавшихъ русское правительство и общество въ теченіе почти десяти мѣсяцевъ, безспорно долженъ былъ возбуждигъ серьезный интересъ къ тому, какой урожай хлѣбровъ придется на долю слѣдующаго 1892 года и дастъ-ли онъ возможность отдохнуть потерпѣвшему населенію.

Послѣднія официальные данныя показываютъ, что чистый остатокъ всѣхъ хлѣбовъ (кроме картофеля), исключивши сѣмена для 1892 года, въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи (безъ финляндскихъ губерній) опредѣляется въ 1.774.186.500 пудовъ, что составляетъ приблизительно по 21,04 пуда на душу обоого пола сельскаго населенія.

Въ 1891 же г. чистый остатокъ высчитывался въ 1.335.760.800 пудовъ, при чемъ на душу сельскаго населенія приходилось приблизительно по 17,22 пуда.

Стало-быть, остатокъ отъ урожая прошлаго года превышаетъ остатокъ 1891 года на 438.425.700 пудовъ, а остатокъ на душу сельскаго населенія больше на 3,79 пуда.

По отдѣльнымъ полосамъ, которые принято различать въ Европейской Россіи по географическимъ, экономическимъ, отчасти, племеннымъ и пр. отличіямъ, размѣръ чистаго остатка, а стало-быть и положеніе населенія относительно достаточности или недостаточности средствъ къ продовольствію, а также излишекъ хлѣба свыше продовольственной потребности, опредѣляется наглядно слѣдующими двумя таблицами:

Губерніи:	Чистый остатокъ хлѣба на душу въ пудахъ.		Разница относительно 1891 г.
	1891 г.	1892 г.	
Центральныя земледѣльческія (Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская и Воронежская).	11,73	15,46	+3,73
Средневожскія (Саратовская, Сибирская, Пензенская, Казанская, Нижегородская).	9,32	16,16	+6,83
Нижневожскія (Самарская, Оренбургская, Астраханская).	4,77	22,69	+17,92
Новороссійскія (Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская и Область Войска Донскаго).	39,02	42,83	+3,76
Югозападныя (Подольская, Киевская, Волынская).	24,02	20,26	-3,76
Малороссійскія (Харьковская, Черниговская, Полтавская).	20,40	18,12	-2,28
Московско-промышленнаго района (Владимирская, Московская, Калужская, Тверская, Ярославская и Костромская).	16,47	14,80	-1,67
Бѣлорусскія (Могилевская, Минская, Витебская, Смоленская).	16,27	20,60	+4,23
Пріуральскія (Вятская, Пермская и Уфимская).	12,67	22,72	+10,05
Сѣверныя (Вологодская, Архангельская).	13,96	14,90	+0,94
Пріозерныя (Олонецкая, Новгородская, С.-Петербургская и Исковская).	17,61	15,67	-1,94
Литовскія (Виленская, Ковенская и Гродненская).	16,61	17,64	+1,03
Прибалтійскія (Лифляндская, Курляндская и Эстляндская).	23,96	21,23	-2,73
Привислянскія (Варшавская, Калишская, Кѣлецкая, Ломжинская, Люблинская, Петровская, Падика, Радомская, Сувальская и Сѣдлецкая).	18,19	25,92	+7,73

Согласно принятой Центральнымъ статистическимъ комитетомъ нормы необходимаго для продовольствія количества хлѣба въ 13 пудовъ на душу:

Губерніи:	Излишекъ свыше продовольственной потребности въ 1892 г.	
	на душу:	на все насел. въ общемъ:
Центральныя земледѣльческія	2,46 пуд.	31 милл. пуд.
Средневожскія	3,15 "	30 "
Нижневожскія	6,89 "	40 "
Новороссійскія	29,83 "	220 "
Югозападныя	7,29 "	53 "
Малороссійскія	5,18 "	34 "
Московско-промышленн. района	1,90 "	14 "
Бѣлорусскія	7,50 "	39 "
Пріуральскія	9,78 "	74 "
Сѣверныя	1,90 "	3 "
Пріозерныя	2,67 "	8 "
Литовскія	4,64 "	17 "
Прибалтійскія	8,23 "	15 "
Привислянскія	12,69 "	86 "

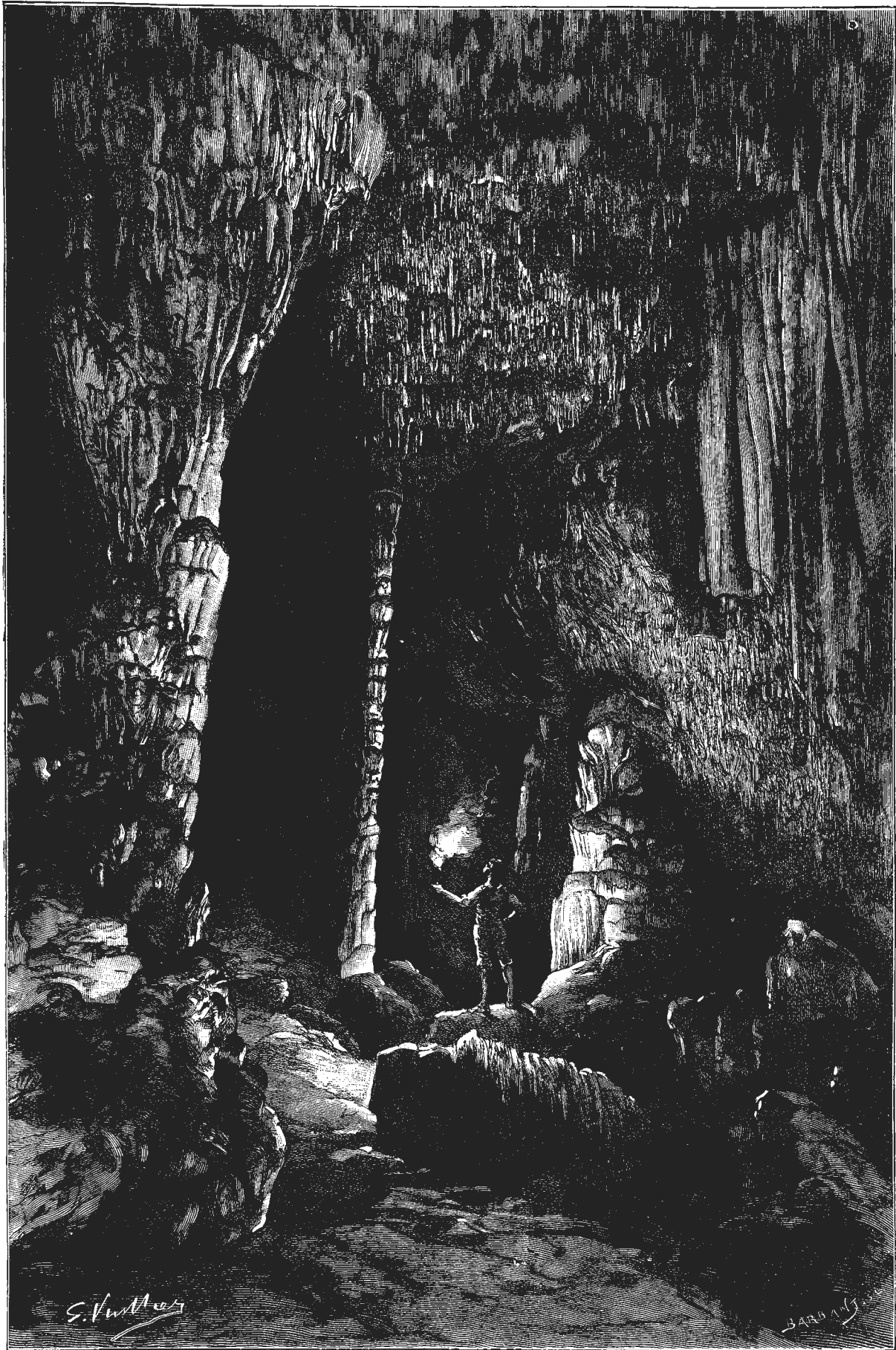
664 милл.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ всего количества хлѣба, необходимаго на обезпеченіе полей и на продовольствіе сельскаго населенія, остается еще на остальныя потребности страны и въ запасъ на будущее время всего 664 милліона пудовъ.

Очевидно, стало быть, что прошлогодній урожай несколько не находитъ своего избытка въ 1891 году, такъ какъ, въ общемъ, хлѣба не только достаточно для обезпеченія полей на слѣдующій годъ и для продовольствія, но, сверхъ того, въ каждой изъ перечисленныхъ полосъ Россіи оказывается болѣе или менѣе значительный свободный остатокъ, могущій идти въ продажу,—при чемъ даже въ сѣверныхъ губерніяхъ онъ составляетъ около 3 милліоновъ пудовъ.

Насколько рѣзко различіе прошлогодняго урожая отъ предъидущаго, это легко представить себѣ, если вспомнить, что въ 1891 году въ губерніяхъ крайняго Сѣвера хлѣба едва доставало на продовольствіе и *недоставало* — въ центральныхъ земледѣльческихъ по 1,27, въ средневожскихъ—по 3,68, въ нижневожскихъ—даже по 8,23 и въ пріуральскихъ по 0,43 пуда на душу, такъ что правительство должно было прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы поддержать населеніе, передвинувши сюда массы хлѣба изъ свободнаго остатка въ Кавказскомъ краѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ югозападныхъ, повороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, урожай былъ очень удовлетворителен,—при чемъ также и въ губерніяхъ московско-промышленнаго района, бѣлорусскихъ, пріозерныхъ, прибалтійскихъ и привислянскихъ хлѣба было не только достаточно для себя, но были и излишки.

Затѣмъ, урожай 1892 года отличается замѣчательною равномерностью распределенія, что составляетъ рѣзкое отличіе его отъ урожая предъидущаго года. Въ 1891 году неправильность распределенія и была характерною особенностью урожая: въ то время, когда сѣверо-западные губерніи Россіи и, отчасти, южныя, имѣли урожай, съ избыткомъ достаточный на нужды продовольствія, бѣдствіе обрушилось на губерніи юго-восточныя. Въ прошломъ же году урожай распредѣлился такъ, что чистый остатокъ на душу отъ 15 до 25 пудовъ приходится на огромное большинство губерній. Исключеніями, въ лучшую сторону, являются еще болѣе благополучныя губерніи: Орен-

Сталактитовая пещера на островѣ Майоркѣ (Балеарскіе острова). Рис. Вюлье, грав. Барбантъ.

бургская, для которой чистый остаток на душу определяется въ 42,63, а свободной—въ 29,63 пуда), Уфимская (чистый остатокъ—26,66, свободной—13,66 пуда), Екатеринославская (чистый остатокъ—59,08, свободной—46,08 пуда), Таврическая (чистый остатокъ—71,99, свободной—58,99 пуда), Херсонская (чистый остатокъ—34,39, свободной—21,39 пуда), Курляндская (чистый остатокъ—26,47, свободной—13,47 пуда), Область Войска Донского (чистый остатокъ—41,83, свободной—28,83 пуда) и семь изъ десяти привислинскихъ губерній (за исключеніемъ Кѣлецкой, Сѣдлецкой и Петроковской), въ которыхъ чистаго остатка причитается отъ 25,61 до 35,70, а стало-быть, свободнаго—отъ 12,61 до 22,70 пуда на душу. Исключенія же въ худшую сторону представляютъ губерніи: Тульская, Рязанская, Воронежская, Казанская, Нижегородская, Астраханская, Владимирская, Московская, Калужская, Архангельская, Олонедкая, С.-Петербургская, Ковенская и Петроковская, гдѣ чистый остатокъ отъ урожая прошлаго года не достигъ 15 пудовъ на душу.

Такимъ образомъ, изъ 60 губерній Европейской Россіи размѣръ чистаго остатка на душу въ 14 губерніяхъ превышаетъ 25 пудовъ, достигая (въ Таврической губерніи) даже свыше 71 пуда, а въ 14 оказывается ниже 15 пудовъ; стало-быть, онъ приходится между 15 и 25 пуд. въ цѣлыхъ 32 губерніяхъ, чѣмъ и выражается болѣе или менѣе отчетливо протяженіе той части Россіи, въ которой достаточный урожай распредѣлился съ правильною равномерностію.

Въ общемъ, стало-быть, прошлый годъ долженъ считаться въ отношеніи сбора хлѣба и обезпеченія продовольствія благополучнымъ, хотя, въ частности, есгь мѣстности, которыя должны вѣдаться съ недородомъ.

Это, именно, губерніи: Тульская, въ коей недочетъ въ чистомъ остаткѣ до 13 пуд. на продовольствіе, составляетъ 1,67 пуда на душу, при 1.364.900 душъ сельскаго населенія обоего пола; Рязанская, гдѣ этотъ недочетъ выходитъ въ 1,40 пуда при 1.832.300 душъ; Воронежская, въ которой недочетъ достигаетъ 2,72 пуда на душу при 2.636.600 душъ населенія, безъ городовъ, и Калужская, гдѣ онъ равняется 2,93 пуда на душу при 1.136.000 душъ сельскаго населенія.

Изъ нихъ въ особенности тяжелымъ должно считаться положеніе трехъ губерній центральной земледѣльческаго района, — Тульской, Рязанской, Воронежской, въ которыхъ неурожай продолжается уже другой годъ сряду и въ которыхъ онъ рѣзко сказывается, какъ относительно, ибо, въ годы, предшествовавшіе 1891-му, хлѣба собралось здѣсь съ избыткомъ достаточно, такъ, въ двухъ изъ нихъ, и абсолютно, потому что недочетъ на продовольствіе на душу и въ 1891 году въ Рязанской до-

стигалъ 3,36, а въ Воронежской—даже огромной цифры 10,93 пуда на душу.

Но имѣя въ виду, съ одной стороны, размѣры свободнаго остатка хлѣбовъ въ Россіи, простирающагося свыше 664 милл. пуд., а при болѣе точномъ вычисленіи свыше даже 675 милл. пуд., съ другой же, что потерянныя отъ недорода губерніи окружены прилегающими къ нимъ мѣстностями, гдѣ урожай вполнѣ удовлетворителенъ и допускаетъ значительный свободный избытокъ,—слѣдуетъ придти къ заключенію, что дѣло помощи нуждающимся губерніямъ,—задача легкая, сравнительно съ тою, какая предстояла правительству въ 1891 году.

Далѣе, недостатокъ въ хлѣбѣ (на продовольствіе) оказывается тоже въ губерніяхъ: Астраханской (по 6,83 пуда на душу), Архангельской (8,14 пуда), Московской (4,12 пуда) и Олонедкой (2,92 пуда). Но эти губерніи вообще производятъ мало хлѣба, такъ что недостатокъ его на собственное продовольствіе для нихъ—явленіе нормальное, почему продовольствіе привознымъ хлѣбомъ здѣсь дѣло установившееся и получившее издавна правильный порядокъ, такъ что въ нихъ вопроса объ урожаѣ или неурожаѣ въ прямомъ смѣслѣ быть не можетъ; онъ сводится къ вопросу лишь о болѣе или меньшей дороговизнѣ хлѣба.

Вотъ существенныя и болѣе крупныя черты, характеризующія нашъ прошлогодній урожай хлѣбовъ, на основаніи цифръ Центрального Статистическаго Комитета. Безъ сомнѣнія, эти цифры даютъ весьма усокопительныя указанія, и смѣслъ положенія дѣла определится еще рѣзче въ томъ же самомъ направленіи, если вспомнить, что когда въ 1891 году свободный остатокъ хлѣба въ Россіи (безъ Кавказскихъ губерній) вычислялся въ 238 милл. пуд.,—въ 1892 году онъ оказался до 675 милл. пуд. слишкомъ, т. е., почти въ 3 раза болѣе.

Въ заключеніе, необходимо упомянуть объ урожаѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя явились въ 1891 году запасною житницей для значительной части страдающей отъ недорода населенія, а именно на Кавказѣ. Статистическое обследованіе Кавказскихъ губерній въ томъ порядкѣ, какой требуется Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, въ видахъ пріданія всѣмъ собираемымъ даннымъ однородности, дѣло пока новое. Позднее прібытіе матеріаловъ позволило Комитету сообщить свѣдѣнія только по губерніямъ Кубанской и Ставропольской и по Терской области. Но и эти указанія даютъ ясное понятіе, что надежды на чрезвычайную хлѣбородность Кавказа не преувеличены: чистый остатокъ всѣхъ хлѣбовъ на душу въ трехъ губерніяхъ вмѣстѣ составляетъ 68,95 пуд., что даетъ свободный остатокъ по 53,95 пудовъ на душу; всего-же около 130 миллионъ пудовъ.

Къ рисункамъ.

Съ сушеными грибами въ городѣ. (Рис. на стр. 152).

Одно изъ не послѣднихъ мѣстъ въ постномъ столѣ занимаютъ грибы, которые у насъ въ Россіи употребляютъ въ пищу съ охотою и въ изобиліи. Сборъ и приготовленіе грибовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напр. Костромской, составляютъ значительную отрасль крестьянскаго хозяйства. Если замѣтить, что сборъ ихъ не труденъ, и стоимость заготовленія въ прокъ незначительна, а цѣна за фунтъ хорошихъ бѣлыхъ грибовъ доходитъ до рубля, то приготовленіе грибовъ должно считаться доходною статью въ крестьянскомъ быту. Нашъ рисунокъ изображаетъ двѣнадцатилѣтнюю девочку, отирающуюся на рынокъ въ городѣ съ сушеными грибами.

Порванные струны. (Рис. на стр. 153).

Жалобно прозвучали струны и разорвались. Въ этомъ звукѣ слышался не то предсмертный вздохъ, не то крикъ сожалѣній о будущей судьбѣ безпріютнаго музыканта. Одинокій, бездомный и неважущій жизнью, онъ сидитъ погруженный въ невеселыя думы, что съ нимъ теперь будетъ, когда единственный источникъ его существованія такъ внезапно перестанетъ существовать...

Молитва. (Рис. на стр. 157).

Блаженъ, кто молится въ минуту счастья,
Кто съ Богомъ сердце такъ сумѣлъ сдружить,
Что Божья мысль свигитъ въ немъ радости и страсти
И можетъ ихъ порывъ безумный укротить!

Графиня Е. П. Растопчина.

Испанскіе цыгане, умоляющіе короля Филиппа III отменить указъ объ ихъ изгнаніи. (Рис. на стр. 160).

Испанскіе цыгане, до настоящаго времени еще упѣтливые въ нѣсколькихъ поселкахъ около Гренады, представляютъ собою расу замѣчательно красивую и отличаются отъ всѣхъ остальныхъ цыганъ Европы замѣчательною правильною чертѣй лица и удивительною стройностію и соразмѣрностію тѣлосложенія. Мѣстные изслѣдователи утверждаютъ, что эти отличительныя черты испанскихъ цыганъ, въ значительной

степени, зависятъ отъ того, что, въ отдаленномъ прошломъ, ихъ предки подчинились ближайшему вліянію испанскихъ мавровъ, часто вступали съ ними въ брачныя союзы. Затѣмъ, когда мавры были побѣждены и изгнаны изъ Испаніи, въ тѣ жестокия времена преобладанія суровой Инквизиціи, — дошелъ наконецъ чередъ и до несчастныхъ цыганъ, кочевавшихъ на всемъ пространствѣ пенанекаго Юга и Юго-Запада. Уже издавна истые испанцы смотрѣли на нихъ съ презрѣніемъ, и само духовенство старалось всѣми силами оправдать и поддержать въ своей частѣ это негуманное чувство; несмотря на то, что они, уже въ XVI вѣкѣ, всѣ были христианами, пенанекая Церковь нашла почему-то нужнымъ отлучить ихъ отъ всякаго общенія съ вѣрующими и, подѣ страхомъ смертной казни, воспретилъ имъ переступать порогъ христианскихъ храмовъ. Наконецъ, въ правленіе слабаго короля Филиппа III, вполнѣ поддававшегося вліянію духовенства и, въ особенности, кардинала Гонзалеса, Инквизиція добилась того, что король подписалъ жестокой указъ объ изгнаніи цыганъ изъ Испаніи. Художникъ набралъ для своей картины тотъ трогательный моментъ, когда король Филиппъ III и кардиналъ Гонзалесъ сходятъ съ крыльца Сапта-Аннунціаты въ Вальядолидѣ, а за ними слѣдуетъ и молодая королева, супруга Филиппа, которая, вмѣстѣ со святой своей, видна вдали, сквозь пролеты вышней галереи, окружающей храмъ. У послѣдней ступени, на выходѣ съ церковной наперти, короля и кардинала встрѣчаетъ нестрай и оживленная группа цыганъ, пришедшихъ умолять короля объ отменѣ жестокаго указа. Одинъ изъ нихъ уже склонился на колѣни, другіе — юноши, старцы, женщины и дѣти — готовы также упасть къ стопамъ своего владыки, во вѣражъ котораго видно колебаніе и нерѣшительность, между тѣмъ какъ кардиналъ Гонзалесъ, непреклонный въ своемъ рѣшеніи, всѣми силами старается склонить короля на свою сторону.

Въ заключеніе не мѣшаетъ замѣтить, что, по увѣренію самаго художника, сохранившемуся въ его „Воспоминаніяхъ“, всѣ историческія лица, участвующія въ картинѣ, описаны имъ съ современныхъ портретовъ, сохранившихся въ Мадридской галереѣ, а типы цыганъ набросаны съ ихъ потомковъ, каковы-то чудомъ уцѣлѣвшихъ донынѣ въ окрестностяхъ Гренады.

П.

Пещеры на островъ Майоркѣ. (Рис. на стр. 161 и 165).

Майорка—самый большой изъ Балеарскихъ острововъ, принадлежащихъ Испаніи. Лежитъ къ востоку этого государства въ Средиземномъ морѣ. Надѣленный прекраснымъ климатомъ, онъ извѣстенъ превосходными плодами, винами, оливковымъ масломъ и свиньями, составляющими главныя отрасли промышленности 180,000 обитателей острова. За последнее время онъ сталъ извѣстенъ замѣчательными подземными пещерами „Дракона“, которыя тянутся на много верстъ, близъ города Манакоръ. Пещеры расположены въ землѣ, принадлежащей дошъ-Хозе Моратеса. Извѣстность ихъ распространилась послѣ того, какъ два испанца изъ Барселоны, въ апрѣлѣ 1878 г., заблудились подъ землей и, только благодаря случаю, были найдены, послѣ шестидесяти-часоваго пребывания подъ землею, трагически-комъ, у котораго они остановились. Мѣсто, гдѣ ихъ нашли, называется и до сихъ поръ „гротъ отдыха заблудившихся“: Cueva del descanso de los extraviados. Кромѣ этого мѣста не мало и другихъ залъ, пещеръ, гротовъ, озеръ носятъ разныя названія и причудливыя прозвища. Такъ, тамъ есть гротъ со-сисокъ (Cueva de los salchichones), озеро султанин (lago de la sultana), входъ въ чистилище (Bajada del Purgatorio) и множество другихъ. Наши гравюры изображаютъ пальмовую залу (Salon de la Palmera), гдѣ посрединѣ спускается громадный сталактитъ, видомъ похожій на пальмовый стволъ, и озеро утѣхъ (Lago de los Delicias) со сводомъ, похожимъ на театральную декорацию. Одинъ изъ туристовъ, чудакъ-англичанинъ, вздумалъ выкупаться въ одномъ изъ подобныхъ озеръ, но вода оказалась настолько холодною, что гордый сынъ Альбиона послѣ купанья былъ, по его словамъ, вынужденъ долго танцевать, чтобы согрѣться.

К. П. Пилкина. (Порт. на стр. 168).

Недавно моряки чествовали, самымъ сердечнымъ образомъ, председателя Морского технического комитета и члена Адмиралтействъ-Совета, вице-адмирала Константина Павловича Пилкина, по случаю полулѣтней службы его въ офицерскихъ чинахъ.

К. П. проеходитъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. Отецъ его, генералъ-майоръ Павелъ Ѳеодоровичъ Пилкинъ, въ свое время былъ также однимъ изъ выдающихся морскихъ офицеровъ и пользовался всеобщею любовью и уваженіемъ. Константинъ Павловичъ родился 21 декабря 1824 года, службу началъ гардемаринномъ въ январѣ 1841 г. и въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ мичманы, а въ 1849 г.—въ лейтенанты.

Во время Крымской войны, находясь на фрегатѣ „Аврора“, въ Тихомъ океанѣ, К. П. принималъ участіе въ отраженіи нападенія англо-французской эскадры на портъ Петропавловскъ, а также участвовалъ въ сраженіи при заливѣ де-Кастро. За отличие въ этихъ дѣлахъ К. П. былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ и произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1857 г. онъ былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на корабль „Константинъ“; съ 1859 г. К. П. постепенно командуетъ уже самъ судами: шхуной „Комнасъ“, клиперомъ „Абрекъ“, на которомъ К. П. совершилъ 5-ти-лѣтнее кругосвѣтное плаваніе, изъ коего уже вернулся, произведеннымъ за отличие, капитаномъ 1-го ранга. Въ продолженіе этого долгаго плаванія К. П. не разъ пришлось выказать свои обширныя познанія въ морскомъ дѣлѣ и проявить свои дарованія. По возвращеніи изъ плаванія, во время Высочайшаго смотра, клиперъ „Абрекъ“ былъ найденъ въ столь блестящемъ состояніи, что К. П. было объявлено Монаршее благоволеніе, а въ слѣдующемъ году пожалована аренда. Въ 1869 г. онъ вновь удостоился Монаршаго благоволенія за чрезвычайно быстрое приведеніе въ боевую готовность и изготовленіе къ плаванію командуемой имъ батареи „Кремль“. Въ томъ же году К. П., еще въ чинѣ капитана 1-го ранга, получилъ выдающееся назначеніе: командующаго отрядомъ судовъ въ Тихомъ океанѣ. По возвращеніи въ 1872 г. въ Кронштадтъ, К. П. опять удостоился Монаршаго благоволенія за отличное состояніе по всѣмъ частямъ судовъ, находившихся подъ его командой. Въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ контръ-адмирала съ назначеніемъ капитаномъ надъ кронштадтскимъ портомъ. На этомъ важномъ и ответственномъ посту, несмотря на то, что не долго занималъ его, К. П. успѣлъ выказать способности

дѣльнаго администратора. Въ 1874 г. онъ былъ назначенъ состоять при управляющемъ Морскимъ Министерствомъ, а въ 1877 году занялъ постъ завѣдующаго миной частью на флотѣ. Съ этого момента начинается наиболее плодотворная дѣятельность маститаго юбиляра, неразрывно связавшая его имя съ исторіей миной дѣла въ Россіи.

Въ 1883 году К. П. былъ произведенъ въ вице-адмирала, а въ 1886 году назначенъ старшимъ флагманомъ балтійскаго флота и получилъ орденъ Бѣлаго Орла. Затѣмъ, командуя практической эскадрой, К. П. въ 1888 году получилъ почетное званіе председателя Техническаго Комитета. Въ 1889 году онъ былъ назначенъ членомъ Адмиралтействъ-Совета, съ оставленіемъ въ должности председателя Техническаго Комитета, и въ томъ же году получилъ орденъ Св. Александра Невскаго.

За время своей долгой и плодотворной дѣятельности Константинъ Павловичъ принималъ участіе въ различныхъ коммисіяхъ, а во время отсутствія въ 1890 и 1892 гг. управляющаго Морскимъ Министерствомъ исполнялъ его обязанности. Имя Константина Павловича пользуется также неизмѣнными любовью и уваженіемъ въ морскомъ обществѣ. Подчиненные уважаютъ въ немъ строгаго, но чрезвычайно справедливаго начальника, близко выходящаго во всякое дѣло и потому умѣющаго оцѣнить по достоинству и заслуги другихъ. А. Х.

Иванъ Рябининъ. (Портр. на стр. 169).

Въ Олопецкомъ краѣ еще сохранился въ народной памяти нашъ стародавній былинны. Въ настоящее время одинъ изъ лучшихъ былинниковъ-сказателей, Иванъ Трофимовичъ Рябининъ, прибылъ въ Петербургъ и сказываетъ и поетъ свои былинны столбной интеллигентной публикѣ, а также и въ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ—крестьянинъ Олопецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, деревни Гарницы, находящейся на берегу Онежскаго озера, въ 60-ти верстахъ отъ Петрозаводска. Онъ сынъ извѣстнаго сказателя Трофима Григорьевича Рябинина, 21 годъ тому назадъ иѣвшаго свои былинны въ Географическомъ и Славянскомъ обществахъ и награжденнаго за иѣвныя серебряной медалью. До 32 лѣтъ Иванъ Рябининъ (ему теперь 48 лѣтъ) жилъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ, отъ котораго и воспринялъ иѣсенный матеріалъ, заключающійся въ 14-ти былинахъ и трехъ духовныхъ стихахъ. Въ настоящее время у И. Т. Рябинина въ семьѣ женатый насынокъ и двое дѣтей; насынокъ и дѣти грамотные (самъ же Рябининъ неграмотный раскольникъ безпоповицкаго секты), но, повидимому, дѣти не пойдутъ по стопамъ отца. Вообще, съ развитіемъ грамотности, у крестьянъ ослабѣваетъ интересъ къ иѣнью былинѣ. Сказатели обыкновенно поютъ былинны тогда, когда илетуть и чинятъ сѣти или когда шиплютъ лучину, при чемъ присутствующіе хранятъ безмолвную тишину. Въ мартѣ 1892 г. И. Т. Рябининъ иѣлъ у бывшаго Олопецкаго губернатора М. М. Веселкина, послѣ чего съ нимъ познакомился преподаватель словесности Олопецкой гимназіи П. Т. Виноградовъ, по желанію котораго Рябининъ иѣлъ свои былинны въ мѣстныхъ мужской и женской гимназіяхъ и затѣмъ въ концертъ П. Т. Виноградовъ, при посредствѣ Т. И. Филиппова, И. П. Хруцова и председателя этнографическаго отдѣла Географическаго общества, В. И. Ламацкаго, выхлопоталъ разрѣшеніе пріѣхать съ И. Рябининимъ въ Петербургъ, куда они и прибыли 30-го минушаго декабря. Здѣсь Рябинина пригласаютъ парасхватъ; конечно, за свое иѣніе онъ всюду получаетъ приличное вознагражденіе, но раскодъ уже усталъ и подумываетъ вернуться въ родную деревню. Питеръ ему не понравился, да и голоса у него не хватаетъ, а главное, съ непривычки ему, по его словамъ, „стѣснительно“. Онъ выходитъ, обыкновенно, съ виду очень спокойный, степенно кланяется, садится за столъ, и медленню, парасиѣвъ, начинаетъ „сказывать“ свои былинны. На слушателей онъ производитъ сильное впечатлѣніе. На нашемъ портретѣ онъ изображенъ именно въ привычной для него при иѣнью позѣ.

Отецъ Рябинина знаетъ больше былинъ. Всѣ онѣ записаны Пав. Пилк. Рыбниковымъ. Сынъ-Рябининъ поетъ иѣкоторыя изъ былинъ иначе и добавляетъ новыя стихи. Иванъ Рябининъ знаетъ наизусть болѣе 6,000 стиховъ. Уже по этому одному можно судить, какую феноменальную память обладаетъ нашъ раскодъ.

А. Хвостовъ.

Разныя извѣстія.

— 29 января прибылъ въ С.-Петербургъ наслѣдныи князь Черногорскій Данилъ.

— 31 января въ Концертномъ залѣ Зимняго дворца состоялся третій балъ, на которомъ присутствовали Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна Герцогиня Эдинбургская съ дочерью, принцессою Викторіею, наслѣдныи князь Данилъ Черногорскій и ихъ высочества герцогъ Юганъ-Альбертъ Мекленбургъ-Шверинскій съ супругою.

— Государь Императоръ, 15 января, Высочайше соизволивъ назначить вице-председателемъ комитета Сибирской желѣзной дороги дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бунге.

— За последнее время состоялся рядъ узаконеній, касающихся переустройства горной части въ Имперіи. Административныя учрежденія по этой части на Уралѣ, въ Кавказскомъ краѣ и въ Сибири преобразованы, а для южной Россіи создано самостоятельное управленіе.

Въ Правительствѣ. Вѣстники оупубликовано Высочайшее распорядженіе о подчиненіи училищъ, состоящихъ при римско-католическихъ церквахъ въ Имперіи, вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Архангельскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ открытъ конкурсъ на соисканіе премія имени русскаго мореплавателя Пахтусова, учрежденной для поощренія частнаго русскаго труда по гидрографіи и развитію русскаго мореходства и промышлен-

ности на Новой Землѣ, въ Карскомъ морѣ и восточнѣе. Премія—400 р.

— 31 января въ Москвѣ происходило освященіе храма во имя Смоленской Божіей Матери.

— Въ виду громадной пользы, приносимой сестрами милосердія страждущему человечеству, Общество „Краснаго Креста“ увеличило число сестеръ милосердія и учредило недавно въ Витебскѣ, Митавѣ и Херсонѣ новыя общины сестеръ милосердія.

— Управление казенныхъ желѣзныхъ до-

рогъ сдѣлало распоряженіе, чтобы съ 10 февраля с. г. лица бѣднаго состоянія, отправляющіяся на пастеровскія станціи для леченія отъ укушенія бѣшеными животными, перевозились по сказаннымъ желѣзнымъ дорогамъ въ вагозахъ III класса за плату со скидкой 75 проц. съ нормальнаго тарифа. Для этого требуется предьявленіе свидѣтельства мѣстныхъ административныхъ властей или земствъ, удостоверяющихъ самый фактъ укушенія и бѣдственное положеніе укушеннаго.

— Съ 15 февраля вступають въ силу два

тарифа: первый — для отправокъ древеснаго угля со всѣхъ станцій Московско-Нижегородской желѣзной дороги въ Москву, второй — для отправки картофельной патоки отъ станціи Ростовъ Московско-Ярославской желѣзной дороги въ Петербургъ, въ размѣрѣ 19,97 съ пуда за все разстояніе.

— Въ Куростровскомъ селеніи, Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи, на родинѣ М. В. Ломоносова, 8 января происходило освященіе новаго зданія Ломоносовскаго сельскаго училища.

Политическое обозрѣніе.

Приговоръ суда надъ панамскою администраціею произвелъ въ Парижѣ громадное впечатлѣніе. Правда, многіе находятъ его суровымъ, особливо, по отношенію къ старнику Лессенсу, но всеобщее недовольство присуще за послѣднее время парижанамъ, не могущимъ разобратся въ неустойчивой газетной травлѣ. Съ недовольствомъ было встрѣчено извѣстіе, что слѣдственная власть освободила отъ судебного преслѣдованія нѣкоторыхъ бывшихъ министровъ и сенаторовъ, заподозрѣнныхъ во взяточничествѣ. „Публика, пишетъ *Presse*, не пойметъ тонкихъ юридическихъ мотивовъ обвинительной камеры, въ силу которыхъ одни лица, замѣшанные въ панамскомъ дѣлѣ, не привлекаются къ судебной отвѣтственности, а другіе привлекаются“.

Недовольство существующимъ порядкомъ вещей вынудило Кавеньяка, 27-го января, сказать правдивое слово, которое было, какъ что-то новое и спасительное, единодушно принято всей палатой. Кавеньякъ говорилъ, что достигнутые результаты недостаточны и не могутъ удовлетворить общественное мнѣніе. Затѣмъ Кавеньякъ внесъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь Рибо заявилъ, что правительство исполнило свой долгъ, какъ ни былъ онъ тяжелъ. Рибо прибавилъ, что онъ думаетъ о необходимости умалить вліяніе финансовой силы во всѣхъ дѣйствіяхъ страны. Рѣчь Рибо также была встрѣчена сильными рукоплесканіями. Рибо заявилъ, что онъ принимаетъ предложенную Кавеньякомъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, которая и принята большинствомъ 446 голосовъ противу 3. При этомъ палата постановила большинствомъ 367 голосовъ противу 102 опубликовать рѣчь Кавеньяка.

Въ Берлинѣ, 2-го февраля, въ засѣданіи рейхстага статъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ Маршалъ заявилъ, что *Kriegzeitung* утверждаетъ, будто появившіяся въ русскихъ, враждебныхъ Германіи, газетахъ статьи пишутся на основаніи свидѣній, получаемыхъ изъ здѣшняго русскаго посольства. „Я не могу не выразить, замѣтилъ Маршалъ, — по этому поводу своего глубокаго сожалѣнія и считаю такое заявленіе лишнею всякаго основанія инсинуаціей и грубымъ нарушеніемъ уваженія къ представителю иностранной державы.“

Гладстонъ внесъ въ палату общинъ билль объ ирландской автономіи, при чемъ, среди необычайнаго энтузіазма своихъ сторонниковъ, произнесъ рѣчь, продолжавшуюся два часа. Гладстонъ началъ съ заявленія, что дѣлъ билля — установить законъ, регулирующий исключительно ирландскія дѣла. Парламентъ будетъ состоять изъ двухъ палатъ: верхней палаты изъ 48 членовъ и нижней палаты изъ 103 членовъ. Члены верхней палаты избираются на восемь лѣтъ, члены нижней на пять лѣтъ. Вице-король, который не долженъ принадлежать ни къ какой политической партіи, назначается на шесть лѣтъ. Далѣе въ билль предлагается учрежденіе исполнительнаго комитета тайнаго совѣта Ирландіи; на дѣлѣ комитета этотъ будетъ кабинетомъ вице-короля. Въ Вестминстерѣ засѣдаютъ будутъ ирландскіе депутаты въ числѣ 81; депутаты эти не могутъ принимать никакого участія въ голосованіяхъ по предложеніямъ и законопроектамъ, касающимся исключительно великобританскихъ дѣлъ. Ныѣшняя полиція въ Ирландіи постепенно упраздняется и замѣняется полиціею, состоящею подъ ирландскимъ управленіемъ. Въ общеперскихъ расходахъ Ирландіи будетъ участвовать на началахъ справедливости. Свою

Вице-адмиралъ К. П. Пилинъ (по поводу 50-лѣтія службы).
Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

рѣчь Гладстонъ закончилъ заявленіемъ, что настоящій билль усилитъ славу, могущество и единство имперіи.

Standard, *Morning Post*, *Daily News* и *Times* осуждаютъ этотъ билль, признавая его непрактичнымъ. Валлійскія газеты ставятъ принятіе билля объ ирландской автономіи въ зависимость отъ принятія билля объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Валлісѣ.

Принцъ Фердинандъ Кобургскій помолвленъ съ принцессою Маріей-Луизой Пармской. Марія Бурбонская считается богатой невѣстой; ея отецъ получилъ, по наслѣдству, все состояніе графа Шамбора. Едва ли, однако, невѣста Фердинанда получитъ большое приданое; у нея 13 братьевъ и сестеръ; отецъ невѣсты, герцогъ Пармскій, обставилъ свое наслѣдство очень подробными и стѣснительными для наслѣдниковъ условіями, во избѣжаніе слишкомъ мелкаго дробленія имущества пармскихъ герцоговъ.

Искусство.

Женскія художественныя произведенія на выставкѣ въ Чикаго.

У нашихъ дамъ возникла прекрасная мысль: устроить на предстоящей всемірной выставкѣ въ Чикаго отдѣлъ женскаго художественнаго труда въ Россіи. Произведенія русскихъ женщинъ, отправляемые теперь въ Чикаго, состоятъ изъ различныхъ крестьянскихъ костюмовъ, вышивокъ, плетеній, кружевъ, ковровъ, стекляннаго производства, работъ изъ кожи и рѣзбы на деревѣ.

Отдѣлъ кружевъ можно считать не только самымъ богатымъ и разнообразнымъ, но и въ то же время и весьма замѣчательнымъ. Тутъ

собраны кружева Маріинской школы кружевницъ въ Петербургѣ, находящейся подъ покровительствомъ Государни Императрицы, затѣмъ кружевные работы, исполненныя подъ руководствомъ А. Н. Нарышкиной, и богатое собраніе кружевъ кустарнаго производства различныхъ губерній, по національнымъ рисункамъ и орнаментамъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ золотое съ жемчужомъ кружево для платья Императрицы, исполненное ученицами Маріинской школы, а также возобновленіе нижегородскаго кружева изъ орловъ, окаймляющее скатерть, выполненную по образцу одной скатерти временъ Алексѣя Михайловича. Весьма замѣчательна коллекція вышивокъ иглой и плетеній г-жи Шабельской по стариннымъ рус-

скимъ рисункамъ; и особенно любопытно украшеніе на дверь, воспроизводящее одинъ барельефъ палатинской капеллы въ Палермо XII вѣка; рисунокъ изображаетъ двухъ павлиновъ, стоящихъ по сторонамъ палмы и протягивающихъ къ ней одну лапу; это—арабскій рисунокъ византійской работы. По части ковровъ особеннаго вниманія заслуживаютъ ковры Маринской школы и А. Н. Нарышкиной; между ними особенно замѣчательны: коверъ Императрицы по золотому фону съ рисункомъ одной заставки московскаго рукописнаго евангелія XVI вѣка и подушка Государа на серебряномъ фонѣ въ древне-русскомъ стилѣ и технику, Г-жа Нарышкина отправляетъ на выставку нѣсколько чрезвычайно любопытныхъ ковровъ, вытканыхъ въ ея сункамъ „Остромирова Евангелія“ и „Святославона Сборника“; третій—по образу черемисскихъ народныхъ вышивокъ Владимірской губерніи, и четвертый—по образцу одной заставки молдавоялахійскаго свангелія XVI вѣка. Изъ числа стекляннхъ предметовъ укажемъ на работы двухъ дамъ: Е. М. Вемъ и Т. В. Сѣмечкиной. Г-жа Вемъ отправляетъ въ Америку цѣлую, довольно разнообразную коллекцію сосудовъ золотистаго цвѣта со старинными русскими орлами. Г-жа Сѣмечкина выставила большое окно для зданія русскаго отдѣла на выставкѣ въ Чикаго. На этомъ окнѣ изображенъ русскій воинъ верхомъ, въ желѣзныхъ доспѣхахъ, а рядомъ съ нимъ—боярыня XVII столѣтія. Рисунокъ этого окна принадлежитъ художнику В. М. Васнецову.

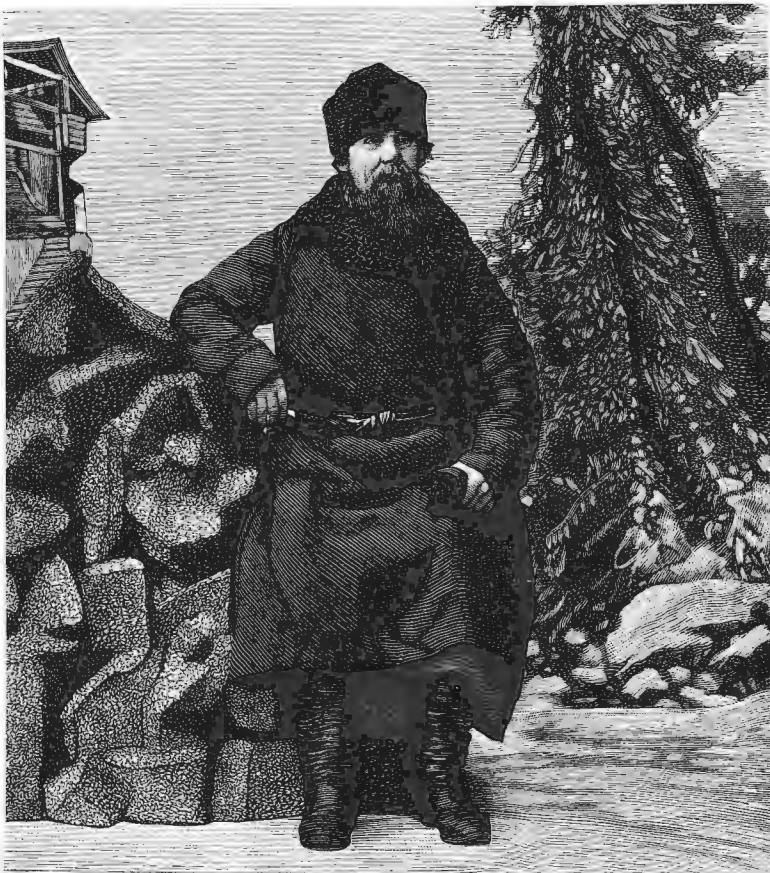
Но самымъ замѣчательнымъ отдѣломъ по своимъ художественнымъ достоинствамъ является бесспорно отдѣлъ рѣзбы на деревѣ. Въ этой отрасли художественно-промышленнаго труда наши художники въ самомъ дѣлѣ достигли большого совершенства и ихъ произведенія—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія—обращать на себя вниманіе американцевъ. Среди этихъ вещей весьма любопытенъ большой шкафъ, выставленный г-жею Сѣмечкиной. Идея шкафа оригинальна: онъ предназначенъ спеціально для сочиненій графа Л. Н. Толстого (на русскомъ и иностранныхъ языкахъ), а поэтому онъ украшенъ снаружи множествомъ портретовъ нашего великаго писателя; всѣ эти портреты выполнены посредствомъ выжиганія по дереву. Въ этихъ превосходныхъ портретахъ Л. Н. Толстой является

въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и въ различныя эпохи своей жизни: молодымъ человѣкомъ, въ мундирѣ артиллерійскаго офицера, человѣкомъ среднихъ лѣтъ, затѣмъ пожилымъ, то въ штатскомъ сюртукѣ, то въ блузѣ рабочаго, то въ крестьянской рубахѣ, пашущимъ въ полѣ съ двумя бѣлыми лошадьми. Между портретами находится, между прочимъ, видъ дома въ Ясной Полянѣ со стороны сада. По самой срединѣ шкафа—большое факсимиле подписи нашего писателя. Изъ другихъ произведеній рѣзбы на деревѣ слѣдуетъ указать на весьма замѣчательныя входныя двери для русскаго отдѣла въ Чикаго; рѣшетка этихъ дверей изображаетъ барельефные орнаменты Юрьевскаго монастыря (XII вѣкъ); она исполнена изъ прорѣзнаго дерева, позолоченнаго червоннымъ золотомъ и выжженнаго,

въ видѣ сплошной массы рисунковъ, г-жами Шабельской, Дубасовой, Олсуфьевой, Польшовой и кн. Е. А. Волконской. Также хороши и замѣчательны церковныя парскія врата изъ дерева, выставленныя г-жею Дурново, въ стилѣ царскихъ воротъ Саввинскаго Звенигородскаго монастыря. Въ этихъ вратахъ особенно интересно то, что г-жа Дурново замѣнила старинную русскую рѣзбу кружевомъ, которое она позолотила, положивъ подъ него, въ качествѣ подкладки, красную фольгу; по сторонамъ—орнаменты изъ олова и позолоченныя. Въ такомъ же родѣ и входныя двери г-жи Васильчиковой.

Эта выставка промышленно-художественнаго женскаго труда обращаетъ на себя особенное вниманіе двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, почти всѣ безисключенія выставленные предметы носятъ на себѣ печать русскаго стариннаго стиля и въ большинствѣ случаевъ воспроизводятъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ древне-русскіе образцы, не только не извѣстные за границей, но мало извѣстные даже въ Россіи. Во-вторыхъ, въ этихъ произведеніяхъ обнаруживается настоящее самобытное творчество, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, безъ малѣйшихъ признаковъ какой-либо подражательности. Старинный стиль послужилъ для этого творчества только художественнымъ матеріаломъ, которымъ наши художники воспользовались широко и свободно, придавая своимъ произведеніямъ характеръ народнаго русскаго искусства.

В. Чуйно.

Сказатель былины Иванъ Трофимовичъ Рябининъ.
Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

С М Ъ С Ъ .

Общества хороваго пѣнія уже давно существовали въ Петербургѣ, но всѣ они были спеціально нѣмецкія, вполнѣ замкнутыя въ себѣ. Таковыми должно признать общество „Liedertafel“, пражное вѣщее уже недавно 50-лѣтіе своего существованія, „St.-Petri Verein“, „Sing-Academie.“

У насъ было учреждено „С.-Петербургское общество хороваго пѣнія“, но занятія въ немъ продолжались не долго.

Нынѣ, на-дняхъ, это общество возобновило въ Петербургѣ свою дѣятельность (въ помѣщеніи Владимірскаго городского училища) и широко открыло двери всѣмъ любителямъ хороваго пѣнія. Два раза въ недѣлю происходятъ въ обществѣ собранія его членовъ, въ которые принимаются лица обоего пола. Помимо того, тамъ производится обученіе чтенія нотъ (сольфеджіо) и церковнаго пѣнія, и, такимъ образомъ, можно надѣяться, что общество, наконецъ, дастъ возможность многимъ свѣжимъ сильнымъ голосамъ получить должную выработку и стать вполнѣ опытными пѣвцами.

Вопросъ, относящійся къ исторіи телефона. Въ 1802-мъ году французскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ былъ генералъ Эдувиль (Hédouville). Нѣкоторыя бумаги, относящіяся къ его дѣятельности въ С.-Петербургѣ въ первое время царствованія императора Александра Павловича, были изданы въ послѣднее время въ XXIX-мъ томѣ „Архива князя Воронцова.“ Между этими бумагами мы встрѣчаемъ письмо французскаго дипломата къ Алек-

сандру Романовичу Воронцову, занимавшему въ то время мѣсто канцлера. Въ письмѣ (стр. 405) идетъ рѣчь о нѣкоторыхъ проектахъ, исполненіе которыхъ французскій дипломатъ предлагалъ русскому правительству. Въ третьемъ пунктѣ письма сказано: „При семъ приложенъ проектъ механизма, посредствомъ котораго представляется возможность бесѣдовать на весьма значительномъ разстояніи“ (Le prospectus d'un cylindre parlant et d'un télélogue domestique, par le moyen desquels on peut se parler à de grandes distances). Очевидно, тутъ говорится о чемъ-то похожемъ на телефонъ. Цѣна снаряда, какъ полагалъ генералъ Эдувиль, составила бы сумму въ тысячу рублей, не считая ящика для упаковки снаряда (sans compter le prix du meuble, qui le renfermerait). Французскій дипломатъ прибавляетъ, что три члена французской академіи (Institut National) составили въ качествѣ экспертовъ записку объ этомъ изобрѣтеніи, одобряя оное, и что изобрѣтатель новаго механизма—сынъ французскаго военнаго инженера, пользовавшагося общимъ уваженіемъ. Спрашивается: каковъ былъ механизмъ, о которомъ говорилъ Эдувиль въ своемъ письмѣ отъ 8 октября 1802-го года? Насколько онъ состоитъ въ связи съ телефономъ новѣйшаго времени? Намъ неизвѣстно, какъ отнесся канцлеръ А. Р. Воронцовъ къ предложенію французскаго дипломата. Было бы любопытно справиться насчетъ этого изобрѣтенія въ архивѣ „Institut National.“ Во всякомъ случаѣ, „механизмъ, посредствомъ

которого можно бесѣдовать на весьма значительномъ разстояніи, явился нѣсколько десятилѣтій позже. Изобрѣтеніе электрическаго телефона происходило въ 1860-мъ году; изобрѣтателемъ былъ Флиппъ Рейсъ въ Фридрихсдорфѣ, близъ Франкфурга-на-Майнѣ; немногимъ позже профессоръ Вейнгольдъ въ Хемницѣ (въ 1870 г.) былъ изобрѣтателемъ, такъ-называемаго, „Bindfadentelephon.“ Затѣмъ воспослѣдовали усовершенствованія, благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ техниковъ, какъ-то: Бель, Ватсонъ, Эдисонъ, Юль (Hughes), Сименсъ, Гельмгольдъ и пр. Практическое примѣненіе этого изобрѣтенія началось не ранѣе, какъ въ 1877-мъ году (въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Германіи). Въ виду усѣбховъ повѣйшаго времени не лишне вспомнить о первой попыткѣ рѣшенія этой задачи въ самомъ началѣ девятнадцатаго вѣка. (А. в.)

къ свѣдѣнію сельскихъ хозяевъ. Во время жестокихъ морозовъ, господствовавшихъ въ концѣ 1891 г. въ Сѣверной Америкѣ и доходившихъ до -18 и 20°, одинъ фермеръ близъ С.-Франциско придумалъ слѣдующій простой и дешевый способъ предохранить свой будущій урожай отъ вліянія такихъ сильныхъ холодовъ. Все поле свое онъ покрылъ трубами, размѣстивъ ихъ въ 6 метрахъ (8,4 аршина) другъ отъ друга. По трубамъ этимъ онъ провелъ поросинъ изъ резервуаровъ, вмѣщающихъ отъ 400 до 500 литровъ (отъ 32 до 40 ведеръ). Въ различныхъ мѣстахъ устроены были желѣзные пріемники, въ которыхъ вливающейся керосинъ и сжигался. (Сильное пламя и густой дымъ, получившіеся при этомъ, повышали тотчасъ же температуру окружающаго воздуха и почвы. Каждый пріемникъ сжигалъ около 4½ литровъ (3½ кружки) въ часъ. Расходъ керосина для нагрѣванія одного гектара (немного больше нашей десятины) земли не превысилъ 70 франковъ (28 рублей по курсу). Все же устройство этихъ приспособленій обошлось въ 250 франковъ (100 рублей) на десятину. (г. в.)

Электрическая желѣзная дорога соединитъ въ скоромъ времени Чикаго съ С.-Луи, главнымъ городомъ сосѣдняго штата Миссури. Будущимъ лѣтомъ одинъ участокъ дороги будетъ уже открытъ для движенія. Скорость поѣздовъ достигнетъ на этой линіи до 150 километровъ (около 140 верстъ) въ часъ. Если, дѣйствительно, удастся ввести въ ходъ такіе быстрые поѣзда, то все сколько-нибудь значительные города слѣдуютъ центромъ множества расходящихся во все стороны электрическихъ дорогъ, которыя дадутъ возможность

горожанамъ проживать постоянно за городомъ, на дачѣ или въ деревнѣ, прѣбывая въ городѣ лишь за совершенія своихъ дѣлъ. Это, конечно, въ высшей степени улучшить невозможныя теперь условія городской жизни. Надо надѣяться, что примѣръ Америки пойдетъ себѣ подражателей и въ нашемъ отечествѣ. (г. в.)

Ребусъ. Задача № 4.

СОДЕРЖАНІЕ: Марево (съ рис.).—Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Кн. М. Н. Волконскаго. Ч. I.—Путешествіе по Геллоустонскому національному парку. Очеркъ Павла Линдау. Переводъ Б. К. (Окончаніе) (съ 3 рис.).—Крестъяне. Карла Ларсена. (Переводъ съ датскаго).—Субъитивныя явленія здороваго зрѣнія. Очеркъ А. Л.-В.—Урожай 1892 года.—Къ рѣшительнѣ: Съ сухими грибами въ городѣ (съ рис.).—Порванные струны (съ рис.).—Молитва (съ рис.).—Испанскіе цыгане, умоляюще короля Филиппа III отнять указъ объ ихъ изгнаніи (съ рис.).—Пещеры на островѣ Майоркѣ (съ 2 рис.).—В. П. Пиннинъ (съ портр.).—Иванъ Рябининъ (съ портр.).—Разныя извѣстія.—Полицейское обозрѣніе.—Искусство.—Смѣсь.—Ребусъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, принимать прежній печатный адресъ и прилагать 2½ коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ИЗЪЯНЫ ВОЛИ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ

Н. Д. МАСЛОВА.

Изданіе А. Ф. Маркса, въ СПб.

Большой, изящно изданный томъ, въ 371 стр., убористой печати, въ красивой обложкѣ, съ виньеткою худож. Р. Штейна, СПб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Настоящ. трава Кузъмича, сам. свѣж., отборн., ради конкуренціи цѣны знач. уменьш.: 1 ф.—50 к.; 5 ф. по 45 коп.; 10 ф.—35 к.; 20 ф.—20 к.; пудъ 6 р.; цвѣт. хв. 1 р. ф. Прил. наст. Пшчу аген. Бузудукъ, Сам. г., гл. скл. хв. пот. поч. гражд. Г. Н. Бутенинскаго.

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій **заочно** (посредствомъ переноски) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФІИ А. КОССОДО.**

Методы преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоены золотой медали. № 6208 52-4
За 2 семиклѣбныя марки высылаютъ пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерibasовская, д. № 19.

САРИПКА И САРИПСКАЯ ЧЕСУЧА
8-7 **СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ.** Ц. № 6160
Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылается по принимаетъ на свой счетъ. Требуется безплатно.
Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

Изданъ Ф. Павленковымъ и поступитъ въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ:
4-Й ТОМЪ ПОЛН. СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ДИККЕНСА.
Въ составъ его входятъ романы: 1) Брошка Дорритъ и 2) Большия ожиданія. Томъ I: Давидъ Копперфильдъ. Томъ II: Домби и сынъ. Томъ III: 1) Холодный домъ и 2) Поѣздъ о двухъ городахъ. Томъ V печатается. Цѣна каждого тома, равная 75 журнальнымъ листамъ,—1 руб. 50 коп. Гл. складъ въ книжномъ магазинѣ И. Луковникова (СНВ. Лентуковъ пер., № 2). Мт. № 6243

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.
ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО
съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ.
Пересылаю полюбознаннымъ платкомъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20-31.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрат. письменно: **Генрихъ Блокъ,** С.-Петербургъ, Невскій, 59. 10-7

СКРИПКИ отъ 2—100 р.
ГИТАРЫ 3—75 р.
БАЛАЛАЙКИ 1—20 р.
МАНДОЛИНЫ 10—75 р.
ЦИТРЫ 8—75 р.
а также все остальные струнные инструменты и принадлеж. реком.
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ, Москва, Петровка, д. Волкова. Требуете иллюстрир. Ц. № 5965 ирейсъ-курантъ. 4-4

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ПРОИЗВОРА
АМОСТРОУМОВА
ПРОИЗВЕД. ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УТВЕРЖДЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
МАРКУ ЗА ПЕРХОТИ
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПЛѢДЛОКЪ.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.
СКРИПКИ, самая лучшая и дешевая въ настоящее время, неподражаемая по тону и качеству, отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ—отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1½—50 мар. Фугляры 3½—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Все духовныя инструменты. Нѣмая скрипка для учителя (собств. изобрѣт.). Мастерскія для поющихъ. Рекомендаци отъ Вильгельми, Саразате, Сорз, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-курантъ безплатно.
Бр. ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ. № 6083 Крейцнахъ. 4-4

Ц. № 6178 8-7

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К°. Лмд.“
лучше въ свѣтѣ! предлагать торговый домъ.
Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.
Москва, Неглинный просп., домъ Евкиной.
Прейсъ-курантъ—безплатно.

2-й г. „ДОМОСТРОЙ“ 2-й г.
Журналъ даетъ въ сжатой и общепонятной формѣ практически-испытанные *советы* по всемъ отраслямъ домоводства, хозяйства, животноводства и охоты, притомъ *совершенно*, когда совѣты эти могутъ получить *немедленное примѣненіе*.
Выходитъ еженедѣльно (50 №№ въ годъ) въ объемѣ 1—2 печатныхъ листовъ, не считая печатныхъ приложений, съ полнѣйшими *чертежами и рисунками*.
При вышедшихъ до 24 янв. 4 №№ разосланы: 1) Отрывной календарь. 2) Панеть съ ярынами. 3) Образцы иглоновъ. 4) Два нуса резины.
Подписная цѣна со всеми приложениями:
на годъ (съ 1-го января) 6 р., на 8 мѣсяцъ 4 р., на 6 мѣс. 3 р., на 4 мѣс. 2 р., на 2 мѣс. 1 р.
Журналъ за 1892 г. можно получить (безъ приложенийъ) за 3 р. съ пересылкой.
Адресъ: Москва, Большая Дмитровка, д. Денисово. Ц. № 6238
Редакторъ-издатель Л. П. Сабанѣевъ.

**2-ой
ВЫГРЫШ-
НЫЙ**
заемъ, 1 марта тиражъ, продаетъ на условияхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ № 6223 5-3
**БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**
59, Невскій, Спб.

ПОТРИТА ПОДПИСАИ!
на 13 годовое издание музыкальнаго журнала для фортепiano
„ЗА РОЯЛЕМЪ“.
Годовое издание содержитъ въ себѣ 12 облож. тетрадей, около 400 страницъ — ежемѣ. по 1-й тетради, и будетъ заключать въ себѣ громадный выборъ хорош. и новыхъ соч. знаменит. авторовъ для фортепiano въ 2 и 4 руки, романсы и танцы. Держась общаго знаменит. авторовъ содѣйствовать въ журналѣ моему, имѣю возможность помѣщать въ немъ самую хорош. пьесы, что мнѣ даетъ надежду вполне удовлетворить желанію моихъ уважаемыхъ подписчиковъ.
Кромѣ огромнаго количества музыкальн. пьесъ, годов. подписчики получаютъ въ концѣ года бесплатную премію — Альбомъ салон. пьесъ или Альбомъ танцевъ или Собраніе романсовъ.
Подис. цѣна за годов. изд. съ премією и пересылкою 6 руб.
Подиска принимается въ конторѣ редакціи „За роялемъ“, Матвѣевская, соб. домъ, въ Ригѣ. № 6244
Редакторъ и издатель **В. ф. Зеценъ.**

**НОВАЯ КНИГА:
СПУТНИКЪ
МЕЛЬНИКА-МЕХАНИКА.**
Собраніе правилъ, таблицъ и практическихъ свѣдѣній для мельниковъ, строителей и владельцевъ мельницъ, монтеровъ и т. д. Сочиненіе С. Нотовича. Цѣна въ коленкоромъ переплетѣ 3 руб. 50 к., въ кожаномъ — 3 р. 75 к., безъ переплета 3 р. Изягодные адресуютъ: въ складъ мельничныхъ машинъ С. Нотовича въ Одессѣ, Базарная, № 66. Книга поступила также въ продажу въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и др.
Ц. № 5933 20-9

№ 4711.
**РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.**
Самое нѣжное глицериновое мыло, **ПРОЗРАЧНОЕ
КАКЪ ХРУСТАЛЬ**
благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, приобрѣло большую извѣстность.
Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, вѣчный запахъ розы — вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.
Издѣлія № 4711 можно получить въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

КУЗЬМИЧЕВСКАЯ ТРАВА
боровая, выше котораго сорта не бываетъ, для лѣченія во всякое время года, 1 руб. фуж. безъ пересылки. Высылаю съ наложеннымъ платежемъ.
Адресъ: г. Бузулукъ, главн. складъ при Публичной бібліотекѣ, Николаю Петровичу Матвѣеву (иниціатору распространенія Кузьмичевской травы). № 6229

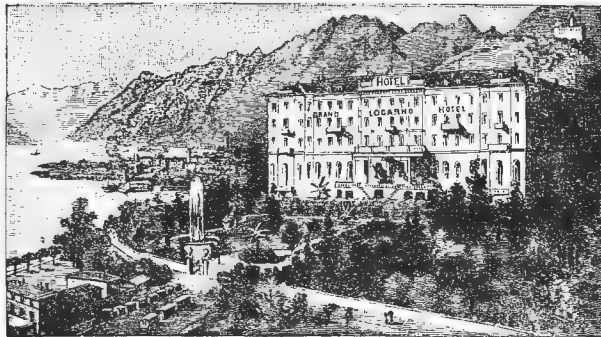
**ГЛИЦЕРИНОВОЕ
МЫЛО** № 593 (6)
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметина А. ЭНГЛУНДЪ.
Для нѣжности лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требуется подписис А. ЭНГЛУНДЪ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

ЛЕВШИНСКІЙ и ГЛОЗИНСКІЙ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЗОНТИКИ
заготовлены въ громадномъ выборѣ на С.-Петербургской фабрикѣ **В. СІВКИНА.**
Садовая ул., д. № 29. Прейсъ-куррантъ высылаются бесплатно. (2) № 6229

**ВИЛЬЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.**
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет-№ 6236 скаго моста, домъ № 7-2. 26-2
Иллюстрированные преісъ-курранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

LOCARNO Станція Готтардской ж. д. у Лаго Маджоре наилучшая и ближайшая
ЗИМНЯЯ СТАНЦІЯ
Общепризнанная въѣмъ медицинскими авторитетами и специально рекомендованная Королев. Бавар. Совѣтникомъ медицины, проф. д-ромъ А. Мартиноу, какъ самая превосходная въ Европѣ зимняя и осенняя станція. № 6199 6-5

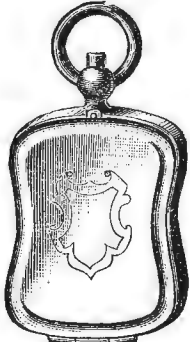
Grand Hôtel Locarno.
Открытъ въ продолженіе всего года. — Наилучшимъ образомъ приспособленъ къ проживанію въ немъ зимою. — Лучшее мѣстопребываніе у Итальянскихъ озеръ. Самая комфортабельная гостиница на континентѣ, въ замѣчательно красивой мѣстности. Большой паркъ съ роскошной южной растительностью. Зимнія окна, центральное отопленіе, электрич. печи и камины во всѣхъ 200 номерахъ и залахъ. — Лѣченіе виноградомъ. — Итальянскій врачъ. — Ванны. — Подъемная машина. — Английская и итальянская церкви. — Сообщеніе на частныхъ пароходахъ и лошадяхъ. — Первоклассные кухни и погребъ. — Умѣренные цѣны. — Проспектъ и описаніе, составленное проф. Мартиноу, высылаются бесплатно владельцемъ. Balli.

**EAU, PÂTE, POWDRE
DENTIFRICES**
DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

Сасимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

ЧИТАЙТЕ!
ЧИТАЙТЕ!
ЧИТАЙТЕ!

МЕДАЛЬОНЪ - ШТЕМНЕЛЬ
Практичная и необходимая вещь для каждого человека!
ИНТЕРЕСНЫЙ, ПОЛЕЗНЫЙ и НЕДОРОГОЙ.

ПОЛЕЗНО!

ПРАКТИЧНО!

Медальоны съ штемнелями можно назвать „прекрасное съ полезнымъ“. Весьма красивы при цѣпочкахъ къ часамъ и содержатъ въ себѣ штемнель имени, отчества, фамилии, мѣстожительства, или званія; дома, въ дорогѣ, на службѣ, въ гостяхъ, гдѣ бы ни быть, имѣя на цѣпочкѣ своихъ часовъ это необходимое украшеніе — медальонъ, легко воспользоваться находящимся въ немъ штемнелемъ, чтобы отпечатать свои письма, конверты, квитанціи, карточки и мног. друг. Штемнель свободно легко вынимается и обратно вставляется; подушка съ краскою для штемнеля тоже всегда находится въ медальонѣ.

Цѣна съ флакономъ краски:
Никел. медальонъ гладкій 1 р.
„ „ съ украш. 1 р. 20 к.
Золоч. съ прелест. отдѣлк. 1 р. 80 к.

Хорошій картонъ, на которомъ можно эгнемъ штемнелемъ самому отпечатать себѣ визитныхъ карточекъ, имѣется цѣною въ 40 и 60 к. за 100 штукъ, которыя по требованію могутъ быть высланы вмѣстѣ съ штемнелемъ.

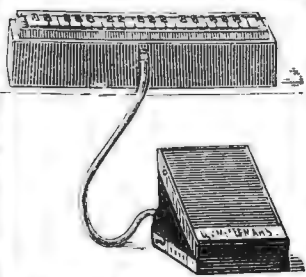
При заказѣ прошу четкимъ почеркомъ написать имя, отчество и фамилію, которая желаютъ помѣстять въ штемнелѣ, и адресъ куда выслать.

Заказы съ деньгами (вмѣстѣ копѣекъ можно высылать почтовыми марками) прошу посылать по адресу: въ гор. **НАРВУ**, Сиб. губ. **КУЩУ**

**ВЕНАМИНУ ДАВИДОВИЧУ
МИХАЙЛОВСКОМУ.**

Примѣчаніе. При одновременномъ заказѣ четырехъ медальонныхъ-штемнелей, пятый таковой высылается бесплатно. № 6243

ЧИТАЙТЕ!
ЧИТАЙТЕ!
ЧИТАЙТЕ!

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ.

Новый общедоступный музыкальный инструмент, заключающий в себя объемъ тональной хроматической гаммы от 2-й и 4-хъ октавъ. Голоса приводятся въ движение вдуваніемъ воздуха на № 3954 протѣ, на № 3956 и 3958 ножкою. Неделью. 3950. въ 2 октавы 5 р. 3956. " 3 октавы, съ ножи. неделю. 17 р. 3958. " 4 " 23 р. Самоучитель Маковского 1 руб. 2 тетради нотъ его же по 1 руб. Иллюстрированный прейс-курантъ всѣмъ инструментами бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарына.

БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКІЙ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ САМЪ СЕБЯ БРИТЬ ПОВЫСОБРЕТЕННОЮ БЕЗОПАСНОЮ БРИТВОЮ „СТАРЪ“

употребленіе коей особенно обдѣлываетъ бритье, а съ гигиенической точки зрѣнія составляетъ дѣйствительно важное изобрѣтеніе, ибо каждый можетъ ею бриться. Бритва „Старъ“ выдѣлана изъ самой чистой шифрованной и магнетизированной стали патентованнаго способа бѣлой стали. При каждой бритвѣ приложено объясненіе способа употребленія. Этого „Старъ“ нашелъ такое громадное распространеніе во всемъ свѣтѣ, что фабрикантъ и изобрѣтатель въ „Америкѣ“ не успѣваетъ ихъ заготовлять. Цѣна съ перес. 5 руб.

ПЕРО - ФОНТАНЪ!

Въ перѣ находится стеклянный цилиндръ, который наполненъ чернилами и во время писанія чернила стекаютъ черезъ особенное внутреннее устройство на перо. Писаніемъ, на перо надвигаютъ наверхъ, чтобы его можно было писать въ букажничъ или въ карманѣ. Перо выдвигается и поэтому не загрязняется. Одного наполненія хватить, если много писать, на два дня. № 6219

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 1 руб.
СТАЛЬНЫЯ ЛИНЕЙНИ, цѣна 1 р. 50 к., очень поразившіяся, вновь получены. По желанію высылаю прейс-курантъ новостей. **Конст. Мальмъ**, Б. Морская, № 34. Отправка налож. платежѣмъ.

Людв. Федоров. Шликэйзенъ
МОСКВА № 6217
Мясницкая ул., д. Ермановыхъ

рекомендуютъ: шародробители, кирпиче-дѣлательныя и торфяныя машины; прессы для трубъ съ раструбами, черенцы и бритвенныя машины для выработки шпата и оглеурированныхъ кирпичей; мѣшалки для расквашиванія. Заготовляются планы печей.

НОВОСТИ!

Бензино-газовая лампа, переносная, горитъ безъ запаха и копоти, яркимъ свѣтомъ. Цѣна безъ лампы 3 р., съ лампою 4 р. Приборъ д. усиленія свѣта любой лампы 2 р. Предохритель отъ догорания фитилей 1 р. Машина д. чистки фитилей 75 к. Также высылаются немедленно. Адресъ: С.Пб., Складъ Новыхъ Изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ (плакатъ) всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6246

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

изданное А. Ф. Марксомъ, подъ редакцію А. И. Венденскаго, съ біографіею и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали Ф. А. БРОКГАУЗОМЪ въ Лейпцигѣ.
Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ извѣстное по рукописямъ или печатному тексту, А МНОГОЕ ВПЕРВЫЕ ПОЯВИЛАСЯ ВЪ ПЕЧАТИ. Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ слова изданіе исправленное, тщательно съ рукописями или съ печатнымъ текстомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній былъ уступленъ самимъ авторомъ. Сочиненія напечатаны на лучшей бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сброшюрованныхъ въ два тома in 8°, объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1264 страницы).
Предлагаемое изданіе по полнотѣ содержанія и изящной внѣшности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій.
Цѣна за экземпляръ полнаго собранія сочиненій 1 р. 50 к., а съ перес. 2 руб. Въ двухъ колѣнкоровыхъ, тисненыхъ красками, переплетяхъ 2 руб., а съ пересылкою 2 руб. 50 коп.
Съ требованіями просить обращаться въ С.Пб., въ контору журнала „Ива“, Невскій, 6.

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Страховые билеты Общества „Россія“ выдаются во всѣхъ агентствахъ Общества и также на вокзалахъ Главныхъ станцій желѣзныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣздовъ.

ВАЖНО ДЛЯ МАТЕРЕЙ.

Вновь усовершенствованный профессоромъ Сохлетомъ въ Вѣнѣ, аппаратъ для кипяченія и

СТЕРИЛИЗАЦИИ МОЛОКА

есть одно изъ необходимѣйшихъ изобрѣтеній для каждой матери. Онъ служитъ для безусловнаго уничтоженія всѣхъ болезнетворныхъ микро-организмовъ, какъ въ молокѣ, такъ и въ искусственныхъ смѣскахъ, употребляемыхъ для кормленія дѣтей. Печатное подробное описаніе раздается и высылается желающимъ безвозмездно и аппараты продаются по крайне пониженнымъ цѣнамъ

ВЪ ГИГИЕНИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ МАГАЗИНА Р. КЕЛЕРА и К^о, въ Москвѣ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46. Егерштрассе. Еерлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ аптекарей Россіи.

PAPIER FAYARD et BLAYN

Патентованная бумага, разработанная Медицинскимъ Департаментомъ. Требуется съ этикетками Fayard et Blayn. Имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. № 584 (16 11)

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОБНЫИ ФЛАКОНЪ 10 КОП.
Парфюмерный магазинъ Г. ПУПА, Пассажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

- Эссенъ букетъ Жюкей клубъ Букетъ Императрицы Илангъ-Илангъ Майскій-Ландышъ Бѣлый геліотропъ. Бѣлая лилія. Сиреней перс. Леской Фіалка
 - Віолетъ де Парма Ресэда Люби меня Стенлей букетъ Iris Эдельвейсъ Жасминъ Опонанкъ Шипръ Букетъ де Царь
 - Бѣлая роза Милль-Флеръ Анація Гиацинтъ Киссъ ме квилъ Испанская кожа Свѣжее сыно Черемуха Lilas Negre Lotus.
- Пробные флаконы высылаются не меньше 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкой во все города Россіи. (кроме Сибиріи)

по вновь открытому колоніальному магаз. и с. Новыишина, уг. Торговой ул. и Театр. пл., въ г. Ельці, — продажа винъ и водокъ, колониальныхъ, гастрономич. и др. товаровъ по удѣлен. цѣнамъ. № 6241

PARFUMERIES IXORA ED. PINAUD
Savon... à l'IXORA
Essences... à l'IXORA
Huile... à l'IXORA
Poudre de Riz à l'IXORA
37, BOULEVARD de STRASBOURG PARIS
GRAND PRIX EXPOSITION-PARIS 1889

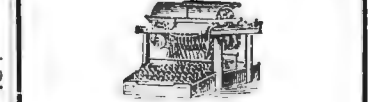
О ШЕЛКОВОДСТВѢ

съ практ. рук. развед. дѣла шелководства, выкорми шелковичнаго червя и размотки шедла. Сост. Ник. Фед. Федоровскій. 3 изд. съ рис. Киевъ 1889. Ц. 45 к. съ перес. Изъ рецензіи Журн. М. Н. Провс. Мартъ 1890. Петерб.

„Брошюра отличается ясностью изложенія предмета. Дѣлами, приводимыми г. Федоровскимъ въ пользу расширенія у насъ этой отрасли хозяйства, весьма убѣдительно, и весьма по согласію съ нимъ, что развитіе шелководства должно отозваться не только въ высокой степени благотворно на матеріальномъ благоденствіи населенія, но особенно также повліять благотворно на его нравъ и обычай.“ № 6242

„Следуетъ пожелать, чтобы прекрасная брошюра г. Федоровскаго получила широкое распространеніе въ нашихъ среднихъ и низшихъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Можно пожелать, чтобы шелководство было введено въ кругъ обученія въ учительскихъ семинаріяхъ и институтѣхъ, а также въ сельскихъ училищахъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ можетъ расцѣсти урѣдкомъ шелководство.“

Его-же. Какъ добываютъ шелко? Съ рис. для дѣтей и крестьянъ. Ц. 12 коп. 1890.

РЕМИНГТОНА № 5 „НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, легкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мною правительствъ и частныхъ учрежд.
Прейс-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются безплатно. № 5993
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

XXIV г.
№ 8

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИСЪ ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 20 февраля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

<p>ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Агенса Navas по 3 фр., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 пр.</p>	<p>ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:</p>		<p>ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.</p>
	<p>Безъ доставки въ Петербургъ. 5 р.</p> <p>Съ доставкою въ Петербургъ. 6 р. 50 к.</p> <p>За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 10 р.</p> <p>На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.</p> <p>На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.</p>	<p>Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лия. 6 р.</p> <p>Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. 7 р.</p>	

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Страшная минута. Съ карт. Рекнагелл, грав. Ротъ.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

VI.

Дипломатическій разговоръ.

Карль Эйзенбахъ былъ введенъ дворецкимъ въ большой кабинетъ стараго князя.

Князь сидѣлъ у окна на креслѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ столикъ, на которомъ въ чинномъ порядкѣ помѣщались очки, табакерка, платокъ, фарфоровая саксонская чашка съ крышкой, стопка золотообрѣзной бумаги и карандашъ.

Князь имѣлъ обыкновеніе вслѣдъ за послѣбѣденнымъ сномъ одинъ оставаться у себя въ кабинетѣ у окна нѣкоторое время, въ продолженіе котораго часто дѣлалъ на отдѣльныхъ листкахъ замѣтки. Часть этихъ замѣтокъ вручалась управляющему и заключала въ себѣ распоряженія по обширнымъ дѣламъ и хозяйству князя, часть переносилась непосредственно со столика въ секретный ящикъ бюро съ тѣмъ, чтобы не быть вынутыми оттуда.

Никто не смѣлъ своимъ появленіемъ нарушать это молчаливое „сидѣніе“ князя у столика, и если въ рѣдкихъ случаяхъ Андрей Николаевичъ звалъ кого-нибудь къ себѣ въ это время, то дѣлалъ это только въ силу важныхъ и исключительныхъ причинъ.

Такимъ образомъ, для Карла Эйзенбаха было нарушено одно изъ обыкновеній. Проскуровъ хотѣлъ поскорѣе увидѣть, каковъ былъ, на самомъ дѣлѣ, сынъ его пріятеля, заранѣе обозванный уже имъ „петиметромъ“, и насчетъ дѣйствительной цѣли посѣщенія котораго можно было догадываться.

И когда показался въ дверяхъ кабинета молодой гость, большіе, строгіе, выпуклые глаза князя остановились на немъ съ любопытствомъ.

Несмотря на то, что Андрей Николаевичъ, умѣвшій часто однимъ словомъ, съ перваго-же взгляда охарактеризовать человѣка, явно смотрѣлъ на Карла Ульбиха фонъ-Эйзенбаха, съ тайнымъ желаніемъ подмѣтить въ немъ какую-нибудь черту для прозвища, — блестящій виѣшній видъ красиваго молодого человѣка не могъ подать ему для этого никакого повода.

Карль былъ высокъ, строенъ, хорошо сложенъ. Его парикъ и платье ловко сидѣли на немъ. Лаковые башмаки съ пряжкой, на красныхъ каблукахъ, красиво облегли узкую ногу. Кружево его манжеть отличалось вкусомъ, хотя было весьма просто. Онъ стоялъ передъ княземъ почтительно, но безъ подобострастной робости. Нельзя сказать, чтобы красивое лицо его съ полными румяными губами казалось съ перваго-же раза симпатичнымъ, но производимое впечатлѣніе было все-таки скорѣе благопріятно.

Карль зналъ это и потому спокойно такъ стоялъ передъ княземъ, хотя это виѣшнее спокойствіе все-таки стоило ему извѣстнаго усилія, чтобы подавить въ себѣ не робость, но нѣкоторое бленіе сердца, при видѣ этого внушительнаго, отдѣланнаго подъ темный дубъ, богатаго кабинета и старика-князя, сурово, строго и испытующе глядящаго на него.

Карль чувствовалъ, что сѣрые глаза князя словно хотятъ заглянуть, пронизавъ его насквозь, въ самый тайникъ его души, и старался не позволить этого, спокойно и почтительно выдерживая обращенный на него взглядъ.

— Ну, познакомимся, проговорилъ наконецъ князь. — Подойди сюда—сядь. Что отецъ, здоровъ?.. а?..

Карль подошелъ, чуть замѣтно улыбаясь. Улыбка эта неволью явилась у него, потому что онъ зналъ теперь, что первый и самый серьезный искусъ выдержанъ: князь не понялъ его...

Онъ отвѣтилъ, не торопясь, объ отцѣ, потомъ сказалъ, что всю дорогу берегъ розаны, доставленные, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ полной неприкосновенности, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Проскурова принять привезенный имъ отъ отца въ подарокъ бюваръ.

Князь благодарилъ, кивая головою. Относительно розановъ онъ сказалъ: — „Спасибо, потомъ пойду посмотрю“, и, принявъ бюваръ, съ удовольствіемъ поглядѣлъ на него.

Мозаиковый бюваръ, сдѣланный на заказъ, съ огромнымъ гербомъ Проскуровыхъ посрединѣ, видимо, очень понравился Андрею Николаевичу.

Старый баронъ зналъ, чѣмъ угодить пріятелю.

Князь положилъ бюваръ рядомъ съ собою на столикъ и, кладя его, замѣтилъ, что онъ словно по мѣркѣ сдѣланы, по тѣмъ листкамъ, на которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе набрасывать свои замѣтки.

Карль сидѣлъ, скромно опустивъ глаза, будто не замѣчая явнаго удовольствія князя, который не считалъ нужнымъ скрывать это удовольствіе.

— Ну, а ты что-же, служишь? заговорилъ опять Андрей Николаевичъ, слегка морщась при словѣ „служишь“...

Карль глубоко вздохнулъ и съ подчеркнутымъ сожалѣніемъ отвѣтилъ, что служитъ.

— И хорошо идешь по службѣ?

— Очень хорошо... Мнѣ вотъ уже третье мѣсто предлагаютъ и повышеніе! опять отвѣтилъ Карль съ прежнимъ спокойствіемъ.

Князь нахмурился, но Эйзенбахъ не смутился. Онъ зналъ, что дѣлалъ.

— Вотъ какъ! отрывисто проговорилъ князь.—А тебѣ и двадцати трехъ нѣтъ еще?

— Двадцать три будетъ въ августѣ...

— Молодой да изъ раннихъ! подхватилъ Проскуровъ.—Что-жъ, при комъ изъ сильныхъ руку имѣешь? Тонъ князя становился съ каждымъ словомъ недовольнѣе.

— Относительно протекціи пожаловаться не могу, но должень сознаться, что и служба мнѣ извѣстна до мельчайшей подробности и, по мѣрѣ силъ, я стараюсь... вотъ, недавно графъ...

— Ну, и дай Богъ вамъ! вдругъ перебилъ Проскуровъ и, нахмутивъ брови, отвернулся къ окну и забарабанилъ по подоконнику пальцами.

Эйзенбахъ молчалъ.

— Въ чины выйдете, пожалуй къ намъ, маленькимъ людямъ, въ начальство попадете, такъ не забудьте вашими милостыями... продолжая глядѣть въ окно, усмѣхнулся князь.

— Я никогда не выйду въ чины! тихо проговорилъ Эйзенбахъ.

Князь быстро взглянулъ на него удивленно.

— Что такъ? спросилъ онъ не столько словами, сколько взглядомъ и всѣмъ движеніемъ своимъ.

— Развѣ на службѣ умѣютъ цѣнить истинныя заслуги? въ свою очередь усмѣхнулся Карль.—Тотъ небольшой опытъ, который я имѣлъ, и тотъ убѣждаетъ меня, что лишь искательство и извѣстная ловкость даютъ возможность подвигаться впередъ, но, могу васъ увѣрить, князь, съ жаромъ вдругъ закончилъ баронъ, что каждый истинно достойный человѣкъ должень бѣжать изъ того омота, который въ столицахъ называютъ службой.

Почти за пятьсотъ верстъ отъ Петербурга, Карль, увѣренный, что начальство, которому такъ недавно еще, уѣзжая, онъ говорилъ совершенно противное, не

услышитъ его, могъ позволить себѣ сказать это, чтобы выпустить передъ княземъ первую ракету хитро обдуманной, вмѣстѣ съ отцомъ, блокады.

Съ перваго-же шагу Карль увидѣлъ, что расчетъ не только оказался вѣренъ, но результаты превосходятъ ожиданія.

Дѣйствительно, не могъ не обрадоваться, видѣвшій одинъ только неудачи по службѣ, князь, словамъ молодого человѣка, который, напротивъ, идетъ блестяще и все-таки убѣжденъ, что служба, не давшаяся Проскурову,—омутъ, его-же долженъ избѣгать всякій достойный человѣкъ!..

Улыбка снова освѣтила лицо князя. Отвѣтомъ барона онъ такъ остался доволенъ, что, взявъ большую шепотъ табаку, подмигнувъ гостю, зажмурился и втянулъ ее.

— Такъ ты говоришь, что служба все равно, что кумовство да дружба? проговорилъ онъ.

Карль, который никогда не говорилъ этого, но который сейчасъ-же замѣтилъ, что князь снова начинаетъ говорить ему „ты“, наклонилъ голову и тоже улыбнулся.

— Ну, а если не служить, такъ что-же дѣлать, а?.. весело снова спросилъ Проскуровъ.

— Я судить объ этомъ не берусь, князь, вообще, но личное мое желаніе при первой возможности ходатайствовать передъ государыней объ увольненіи съ тѣмъ, чтобы, если у батюшки будутъ средства, купить помѣстье и заняться имъ... И вдругъ Карль съ приливомъ везащаго краснорѣчія (везащимъ оно было для князя, потому что Карль всю дорогу обдумывалъ, какъ и что онъ будетъ говорить) сталъ объяснять, что истинное призваніе дворянъ не на службѣ, а именно въ деревнѣ, что не одинъ онъ, но большинство дѣльной современной молодежи уважаютъ тѣхъ людей, которые посвятили свою дѣятельность землѣ, и предъ которыми они преклоняются и хотятъ подражать которымъ... И Эйзенбахъ сейчасъ-же объяснилъ, почему онъ и большинство молодежи такъ думаютъ: — Безъ служилыхъ людей земля просуществовать, а безъ земли служилые люди—нѣтъ!—и что вся гордость и надежда Россіи заключается въ истинныхъ дворянахъ, живущихъ на землѣ и въ гонимую бѣдствій людскихъ на зовъ своего государя, чтобъ нести уже тогда дѣйствительную службу... Вотъ истинно великіе люди, вотъ примѣръ, достойный подражанія...

И долго говорилъ краснорѣчивый Карль фонъ-Эйзенбахъ, приводилъ историческія справки, латинскія цитаты, металъ грома и журчалъ, какъ ручеекъ, постоянно, однако, слѣдя за впечатлѣніемъ, производимымъ на стараго князя.

А Проскуровъ слушалъ, не перебивая. Рѣчь ловкаго барона, словно чарующая музыка, ласкала его слухъ. Согнутая спина его выпрямлялась и голова гордо закидывалась назадъ.

Указъ Петра, относительно обязательности службы для дворянъ, давно пріучилъ общественное сознаніе къ тому, что виѣ этой службы нѣтъ спасенія, и что человѣкъ не служащій—почти ничего не стоитъ. Такъ думали всѣ, такъ думалъ и князь, страдавшій своимъ деревенскимъ житьемъ и ревниво оберегавшій, для виду разумѣется, это страданіе отъ постороннихъ глазъ, но чувствовалъ его тѣмъ сильнѣе.

И вдругъ теперь ему свидѣтельствуютъ, что, напротивъ, вся сила, вся суть въ людяхъ, живущихъ „на землѣ“, что они составляютъ главное, и что уединеніе князя—есть почетное уединеніе, замѣтное даже въ Петербургѣ, и вотъ молодежь желаетъ подражать ему и мечтаетъ не о той карьерѣ, которая не удалась князю, но о жизни, которую онъ ведетъ.

Значить, не одинъ князь завидуетъ другимъ, но есть много людей, которые завидуютъ его положенію. Это

открытіе, это удовлетвореніе, послѣ долгихъ лѣтъ тайнаго упиженія—тайнаго, потому что гордый всегда по виду князь Проскуровъ внутренно лишь раздражался имъ,—не могло не подѣйствовать особенно радостно на старика.

„Такъ вотъ какъ! думалъ онъ, пристально смотря въ ясные и, пожалуй, наивные глаза барона. — Вотъ какъ! Ну, не дуракъ-же ты!.. молодець!..“

И вдругъ легкая тѣнь пробѣжала по лицу князя: Андрей Николаевичъ давно научился не сразу довѣрять людямъ, отыскивая всегда загаченную причину ихъ словъ и дѣствий. Сначала, повидимому, такой причины въ настоящемъ разговорѣ не могло быть у Карла, но потомъ вдругъ у князя мелькнула мысль: а что если „мальчишка“ морочить его, имѣя виды на княжну, его дочь?..

„А вотъ мы это сейчасъ выяснимъ“, подумалъ снова Проскуровъ и ласково обратился къ гостю:

— Ну, я очень радъ былъ познакомиться, милости прошу пожить, завтра дочь мою увидишь.. Ты долго намѣренъ остаться у насъ?

Карль, вполне владѣя собою, отвѣтилъ, что благодарить за честь, но едва-ли ему будетъ возможно представиться княжнѣ, такъ какъ онъ намѣренъ завтра рано утромъ ѣхать дальше, и просить князя позволенія откланяться ему сегодня вечеромъ, а завтра на зарѣ приказать приготовить для него лошадей.

Проскуровъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

Повидимому, у Карла никакихъ заднихъ мыслей не было. Какъ ни странно показалось оно князю, но приходилось вѣрить.

— Ну, очень жаль, сказалъ онъ, — а дочь сегодня уѣхала на цѣлый день со старой своей нянюшкой въ монастырь; ужинать одни будемъ... Такъ завтра, значить, ѣдешь?

И какъ внимательно ни вглядывался Андрей Николаевичъ въ лицо молодого барона, ни одно движеніе мускула этого лица не выдало Карла.

— Да, мнѣ нужно ѣхать завтра рано утромъ, повторилъ онъ.

VII.

Рискованная ставка.

Князь не солгалъ, сказавъ, что Ольги не было дома. Она уѣхала за пять верстъ въ монастырь на цѣлый день. Тамъ была погребена покойная княгиня, и монастырь былъ единственнымъ мѣстомъ, куда отпущала Андрей Николаевичъ свою дочь.

Ужинъ былъ накрытъ въ маленькой семейной столовой князя.

За столомъ, кромѣ хозяина и его гостя, былъ знакомый Карлу, рекомендованный его отцомъ Проскурову, итальянецъ, не подавшій, однако, виду, что существуютъ между нимъ и Эйзенбахами каки-нибудь сношенія, и молодой человѣкъ, съ которымъ князь обращался какъ со своимъ, называя его просто Артемиемъ.

Карль зналъ, что это былъ воспитанникъ князя, а теперь его секретарь, но и съ нимъ познакомился, какъ съ человѣкомъ, совсѣмъ ему неизвѣстнымъ.

Князь Андрей Николаевичъ былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа и такъ весель, какъ давно не виданіи его домашніе.

Онъ, видимо, всѣми силами хотѣлъ показать Карлу, что тотъ имѣлъ полное основаніе считать лучшей участью человѣка на землѣ—жизнь „деревенскаго затворника“ и поэтому и шутилъ, и смѣялся, какъ будто вполне довольный своею судьбою.

Карль, въ свою очередь, игралъ роль неподражаемо. Впрочемъ, онъ могъ отъ души хвалить барское и беззаботное житье Проскурова. Если-бы ему сейчасъ предложили отказаться отъ всякаго служебнаго самолюбія, а взамѣнъ этого дали-бы этотъ роскошный домъ, эту толпу слугъ въ золоченыхъ ливреяхъ и богатство Про-

На дорогѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Шюблеръ.

Законоспаскій монастырь въ Москвѣ. Съ фот. Ошгца, грав. Шлипперъ.

скурова, да лучше этого онъ ничего и придумать не могъ-бы.

И снова два-три намека, сдѣланные во-время, льстивая похвала, сказанная кетати, и наивно, словно случайно вырвавшееся признание барона жить навсегда въ деревнѣ, произвели на князя свое впечатлѣніе и отгмѣтились въ его памяти.

Изъ-за стола всѣ встали веселые и довольные.

Карлъ, прощаясь, благодарилъ князя за гостепримство и ушелъ къ себѣ во флигель съ веселымъ, улыбающимся лицомъ человѣка, у котораго вся душа наружу, чистая и непорочная, какъ мечта дитяти.

Но придя къ себѣ въ спальню, молодой Эйзенбахъ не скрывалъ уже волненія и безпокойства, весь вечеръ тревожившихъ его и искусно скрываемыхъ.

Онъ торопливо раздѣлся, велѣлъ уложить свои вещи, посмотрѣлъ аккуратно-ли сложенъ новый его нарядъ и, отославъ наконѣцъ слугъ и надѣвъ полотняный плафрокъ, сѣлъ было писать отцу, но съ первыхъ же строкъ увидѣлъ, что писать ему еще нечего.

Сегодня день весь былъ очень удаченъ. Карлъ чувствовалъ, что понравился старому князю, и понравился такъ, что не ожидалъ этого. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, что игра, которую онъ велъ, была очень опасная игра, въ продолженіе которой каждую минуту можно было потерять все. И теперь именно Карлъ переживалъ одну изъ такихъ минутъ: положимъ, онъ понравился князю. Тотъ не разгадалъ его. Карлъ велъ себя отлично. Но не извѣстно было — понравился-ли Карлъ князю настолько, чтобы тотъ задержалъ его въ Проскуровѣ, якобы по своей и противъ его, Карла, воли. Баронъ рискнулъ, сказавъ, что ему нужно ѣхать завтра, и попросивъ лошадей рано утромъ. Съ одной стороны, это было отлично и убѣдило князя окончательно, что гость его ни на что никакихъ видовъ не имѣетъ. Но съ другой—этотъ ходъ казался способнымъ сразу разбить всѣ надежды и планы. Если завтра утромъ Карлу дадутъ лошадей — онъ долженъ будетъ уѣхать, и тогда трудно найти предлогъ для возвращенія, и прощай всѣ мечты, расчеты и, главное—расходы, сопряженные съ этой поѣздкой. Но за то, если князь вдругъ пожалѣетъ такъ сразу отпустить пріятнаго себѣ гостя и не прикажетъ давать лошадей, тогда кампанія почти выиграна. Дальнѣйшее пойдетъ какъ по маслу—Карлъ зналъ себя и надѣялся на себя... Онъ думалъ, однако, что князь за ужиномъ скажетъ ему, чтобы онъ остался въ Проскуровѣ и отложилъ завтрашній свой отъѣздъ. Но этого не случилось, и Карлъ, вспоминая, какъ весь вечеръ сегодня онъ ждалъ и вопилъ, не обратится-ли князь къ нему съ предложеніемъ погостить подольше, чувствовалъ, что безпокойство неизвѣстности и сомнѣнія овладѣваетъ имъ все больше и больше... Онъ ходилъ скорыми шагами по комнатѣ, и то ему казалось, что все уже потеряно, и ясно было, что нѣтъ причинъ князю задерживать его, и онъ раскаивался въ своемъ слишкомъ рискованномъ поступкѣ; то, наоборотъ, ему приходило въ голову, что вѣдь каждую минуту одинаково рисковалъ онъ, каждую минуту взбалмошный старикъ-князь могъ разсердиться на него, и просьба о лошадяхъ такой же рискъ, какъ и всякій другой, и все зависитъ отъ судьбы.

Въ то самое время, когда Карлъ не могъ подумать о себѣ у себя во флигелѣ, тревожась и безпокоясь о томъ, что будетъ завтра,—въ угловой комнатѣ большого дома, служившей и кабинетомъ, и спальней князя, Андрей Николаевичъ поворачивался съ боку на бокъ на широкой кровати, тоже страдая бессонницей отъ вереницы мыслей, тѣсившихся въ его головѣ.

Сначала онъ долго думалъ о Карлѣ, и чѣмъ больше думалъ о немъ, тѣмъ больше нравился ему Карлъ.

— Славный, славный малый, бормоталъ князь, имѣв-

шій привычку иногда вслухъ произносить то, что было у него на умѣ.

И онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ, какъ Карлъ умно, смѣло и послѣдовательно доказывалъ, что ненавистная ему до сихъ поръ жизнь въ деревнѣ была лучшимъ удѣломъ избранниковъ счастья.

Тутъ и самолюбіе князя было польщено, и являлось сознание, что не даромъ прожиты имъ годы, долги и скучные.

И Андрей Николаевичъ удивлялся, какъ раньше ему не приходило этого въ голову. Онъ не подозрѣвалъ, что нуженъ былъ для него именно вѣшній толчокъ, свидѣтельство посторонняго лица, чтобы направить его мысль на самоутѣшеніе. И первый разъ въ жизни Проскуровъ, если не почувствовалъ себя вполне счастливымъ, то, во всякомъ случаѣ, примиреннымъ съ судьбою. Это примиреніе было настолько пріятно ему, что онъ, хотя и зналъ, что отъ волненія заснуть не можетъ, все-таки боялся, чтобы сонъ не сомкнулъ ему глазъ, такъ хорошо ему казалось теперь наяву и такъ радовался онъ проявившемуся у него сознанию благополучія.

И Андрей Николаевичъ медленно перевернулся на другой бокъ.

Новыя, совѣзмъ новыя мысли внезапно охватили его, какъ будто, переѣмивъ положеніе тѣла, онъ почувствовалъ внутри себя тоже перевероть, словно въ немъ пробудился другой совѣзмъ человѣкъ, и этотъ другой человѣкъ сталъ разсуждать совершенно неожиданно такимъ образомъ: „я не хочу отдать Ольгу ни за кого замужъ, потому что боюсь ея несчастья и боюсь лишиться ея, чтобы не остаться одному; но почему я до сихъ поръ воображалъ, что нельзя устранить этихъ препятствій? Если найдется человѣкъ молодой, красивый, приличный, съ хорошимъ именемъ, который пожелаетъ остаться въ деревнѣ навсегда, тутъ у меня, на моихъ глазахъ, и составитъ счастье дочери, то развѣ не одну лишь радость принесетъ мнѣ это?.. Я съ нею не расстанусь тогда, и самъ уже буду слѣдить за отношеніями къ ней мужа, лишь бы нашелся такой человѣкъ“.

И князь, не признаваясь себѣ въ этомъ, чувствовалъ, что человѣкъ такой нашелся уже—Карлъ Эйзенбахъ... Онъ былъ красивъ собою, гордъ дворянскимъ именемъ древняго своего рода и казался настолько благоразумнымъ, что могъ, если присматривать за нимъ, явиться идеальнымъ мужемъ.

Князь былъ увѣренъ, что всѣ эти мысли приходятъ ему сами собою, что самъ онъ соображаетъ и дѣлаетъ выводы, и не отдавалъ себѣ отчета, что всѣ его соображенія подсказаны разговорами ловкаго барона, который, благодаря урокамъ отца своего, зналъ, что никогда не нужно убѣждать человѣка прямыми доводами, если это не пустой разговоръ, по въ дѣлѣ серьезномъ нужно направить только его мысли такъ, чтобы самъ онъ пришелъ къ желаемому убѣжденію, и тогда это убѣжденіе будетъ несокрушимо и твердо.

Какъ видно, старый баронъ Эйзенбахъ зналъ слабости человѣческаго сердца.

Карлъ при этомъ оказался понятливымъ ученикомъ, и разсужденія князя невольно катились какъ снѣжный комокъ по подставленной ему плоскости, и комокъ этотъ разрастался и увеличивался. Князь видѣлъ уже себя главою семьи, счастливымъ, окруженнымъ внуками и внучками, которыхъ онъ любитъ, балуетъ, и которые души не чаютъ въ своемъ милромъ дѣдушкѣ.

И при этой мечтѣ ему такъ показался милъ и дорогъ его проскуровский домъ и садъ, такъ захотѣлось ему дожить до тѣхъ поръ, пока онъ увидитъ этотъ скучный и тихій до сихъ поръ домъ оживленнымъ новою жизнью родныхъ, близкихъ ему существъ, что одно уже предвкушеніе этой радости дѣлало его почти счастливымъ.

И съ тихой, радостной улыбкой заснулъ старый князь въ эту ночь. Никогда не спалось ему такъ покойно.

На другой день солнце встало безъ облачка. Утро было прекрасное, тихое.

Карль съ вечера велѣлъ разбудить себя на зарѣ. И только-что человекъ его вошелъ въ комнату — Карль открылъ глаза и первымъ дѣломъ послалъ узнать, готовы-ли лошади.

Человекъ пошелъ исполнять его приказаніе.

Быстро, нетерпѣливо началъ одѣваться Карль, безпрестанно поглядывая на дверь, въ ожиданіи извѣстія.

А что какъ ему скажутъ, что все готово къ его отъѣзду? Что дѣлать тогда, какъ поступить?.. Тогда выхода не будетъ—придется ѣхать...

Наконецъ, въ дверяхъ явился лакей.

„Ну, такъ и есть, мелькнуло у Карла, — все кончено...“

— Его сіятельство, проговорилъ лакей, почтительно склонивъ голову,—просятъ барона пожаловать закусить съ ними на террасу...

— А лошади? спросилъ Карль.

— На конюшнѣ не сдѣлано никакихъ распоряженій...

Лицо Карла озарилось торжествующей улыбкой. Въ ней блеснула радость, смѣнившая его волненіе, радость, настолько же сильная, насколько было сильно это волненіе.

Судьба ему благоприятствовала: рискованная ставка казалась выиграна.

VIII.

Встрѣча.

Пославъ сказать своему гостю, что онъ зоветъ его къ себѣ на террасу, князь Андрей Николаевичъ пошелъ на половину дочери.

Онъ зналъ, что она вернулась вчера послѣ ужина изъ монастыря цѣлою и невредимою.

Ольга встрѣтила его уже причесанная и одѣтая. Князь боялся, что вчерашняя поѣздка утомить ее, но, къ удовольствію своему, увидѣлъ, что на хорошенькомъ личикѣ Ольги не было замѣтно и тѣни утомленія.

Тонкія, дѣвственно очерченныя губы ея такъ же, какъ всегда, улыбнулись ему при встрѣчѣ. Голубые глаза были ясны, и матовый румянецъ игралъ на щекахъ.

— Экая ты у меня красавица, проговорилъ Проскуровъ, взявъ дочь обѣими руками за голову и нѣжно и осторожно цѣлуя ее въ лобъ.

Ольга стала рассказывать ему о вчерашней поѣздкѣ, передала благословеніе и поклонъ игуменни, принесла привезенную князю просфору и, видя, что отецъ въ рѣдко хорошемъ расположеніи духа, разговорилась, рассказывая. Она не могла никогда рассказывать спокойно, быстро увлеклась, щеки ея разгорались и глаза блестяли... Князь всегда любилъ смотрѣть на нее въ такія минуты, но сегодня оживленіе Ольги, которое очень шло къ ней, какъ будто доставляло ему особенное удовольствіе... Онъ любовался ею, не слушая того, что она говоритъ, занятый своими, зародившимися вчера съ вечера у него, мыслями.

— Вы какъ-то, батюшка, говорили, спросила вдругъ Ольга,—что къ намъ долженъ пріѣхать... какъ это называется... петиметръ...

Легкая тѣнь пробѣжала по лицу князя.

— Ну, однако, пойдемъ, проговорилъ онъ вставая и, взявъ дочь за талію, повелъ ее внизъ.

Войдя въ большую залу съ хорами, князь пріостановился и, придерживая дочь, показалъ ей кивкомъ головы на широкое окно, выходившее на террасу.

На установленной тепличными деревьями террасѣ былъ накрытъ столъ для утренняго завтрака, и прямо въ рамкѣ окна, у стола, виднѣлась красивая и бравая фигура Карла Эйзенбаха.

— Ты видишь его? спросилъ князь у Ольги.

Она молча взглянула въ окно, потомъ съ какимъ-то испуганнымъ удивленіемъ перевела глаза на отца.

— Приглядишься къ нему—онъ мнѣ нравится, произнесъ князь отчетливо и ясно, голосомъ, которымъ отдавалъ приказанія.

— Онъ мнѣ нравится, еще разъ повторилъ онъ и вышелъ на террасу.

Тѣмъ Проскуровъ имѣлъ обыкновеніе вставать съ восходомъ солнца, и всѣ домашніе должны были слѣдовать его примѣру.

Вслѣдствіе этого у стола, кромѣ Эйзенбаха, были въ сборѣ и всѣ остальные.

— А хороший денекъ сегодня будетъ! весело говорилъ князь, здороваясь съ ожидавшими его прихода на террасѣ и искоса взглядывая на дочь.

Онъ старался незамѣтно прослѣдить, какъ она встрѣтитъ Карла.

— Олюшка, обернулся онъ къ ней, — это баронъ Карль фонъ-Эйзенбахъ, сынъ стараго моего пріятеля... Ты сюда сидь, сказалъ онъ Карлу, показывая на мѣсто справа отъ себя.

Лакеи отодвинули стулья и подставили ихъ гостямъ.

Ольга сѣла по лѣвую сторону отца, противъ Эйзенбаха. Дальше за столомъ помѣстились Артемій и итальянецъ.

Недавнее оживленіе ея, которымъ только-что любовался Андрей Николаевичъ у нея въ комнатѣ, совершенно вдругъ исчезло, вмѣстѣ съ румянцемъ на ея щекахъ. Она казалась теперь блѣдною и смущенною и сидѣла, опустивъ глаза, словно къ смерти приговоренная.

Князь не могъ не замѣтить этой внезапной переменѣ въ ней.

— Что съ тобою? полутихо спросилъ онъ ее, когда сѣли за столъ.

Ольга вздрогнула и провела рукою по лицу.

По счастью, Карль нашелся. Онъ заговорилъ о красотѣ княжескаго сада, чистосердечно сознаваясь, что никогда въ жизни не видалъ ничего подобнаго.

Проскуровъ обернулся къ нему и заговорилъ.

Эйзенбахъ очень ловко сталъ поддерживать разговоръ, но почти не спускалъ глазъ съ Ольги въ это время.

Когда сегодня его пришли звать на террасу, онъ понялъ, что увидитъ ее, и, подумавъ, сейчасъ же обещалъ, какъ держать себя съ нею.

Итальянецъ писалъ его отцу, что княжна очень красива. Карлу это было извѣстно, но, и зная о красотѣ ея, онъ все-таки былъ удивленъ, когда увидѣлъ ее.

Передъ его глазами была теперь не одна красота, но вся женственная прелесть сосредоточилась въ этой красотѣ, чтобы приковать къ себѣ и взгляды, и мечты человека, у котораго способно еще биться сердце.

Съ перваго же взгляда на князя, Карлу стало ясно, о чемъ тотъ думалъ сегодня ночью и о чемъ можно было уже догадаться по отсутствію приказанія о лошадяхъ на конюшнѣ.

Карль не проронилъ ни одного взгляда князя, ни одного хотя бы легкаго движенія лица его. Онъ видѣлъ и хорошее расположеніе духа Андрея Николаевича, и легкое движеніе его бровей, когда Ольга вдругъ поблѣднѣла, и особенную ласковость къ себѣ Проскурова, — ласковость, сильно увеличившуюся со вчерашняго вечера.

„Все прекрасно!“ подумалъ Карль и рѣшилъ, что онъ можетъ, не обинуясь, выказывать свое восхищеніе передъ Ольгой. Князь этимъ не останется недоволенъ.

И дѣйствительно, князь, разговаривая съ молодымъ гостемъ, все время чувствовалъ направленіе его глазъ, которыхъ тотъ не сводилъ съ княжны.

Андрей Николаевичъ не долженъ былъ сомнѣваться, что она нравится барону, да иначе и быть не могло.

Что касается Ольги, то онъ сначала попробовалъ объяснить ея смущеніе первымъ впечатлѣніемъ новаго знакомства съ чужимъ молодымъ человѣкомъ.

„Вѣдь не броситься же ей ему на шею, мысленно утѣшалъ себя князь. — Что-жь, она, какъ и слѣдуетъ дѣвушка — скромна, вотъ и все...“

Но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то внутри его говорило ему, что въ опущенныхъ глазахъ Ольги и, въ особенности, въ блѣдности, покрывавшей ея лицо, есть нѣчто еще, кромѣ скромности и застѣнчивости: страхъ не страхъ, но во всякомъ случаѣ недружелюбное чувство къ Карлу.

Откуда оно могло появиться?

Но на этотъ вопросъ напрасно старый князь старался отвѣтить себѣ.

Молодой Эйзенбахъ какъ будто ничего не замѣчалъ и, казалось, слова восторга такъ и готовы были сорваться у него съ языка.

Онъ такъ былъ увлеченъ, что не могъ сосредоточить ни на чемъ остальномъ своего вниманія; словно машинально, не замѣчая того, что онъ дѣлаетъ, въ разсѣянности, онъ, кончивъ пѣлую тарелку съ простоквашей, выпилъ стаканъ сливокъ, потомъ наложилъ варенцу; съѣвъ варенецъ, принялся за варенье.

„Ну, аппетитъ!“ невольно подумалъ итальянецъ, слѣдя глазами за Карломъ.

Ольга ничего не ѣла, продолжая сидѣть, опустивъ глаза. Въ ней видимо происходила какая-то необъяснимая тревога.

— Да что ты, устала со вчерашняго? опять спросилъ ее князь.

Она хотѣла отвѣтить, но губы ея задрожали и подбородокъ затрясся...

На этотъ разъ ученый итальянецъ пришелъ ей на помощь.

— Княжна, сказалъ онъ на дурномъ русскомъ языкѣ, — можетъ-быть нездорова...

— Ты нездорова? испуганно переспросилъ ее князь.

— Да... а впрочемъ нѣтъ... такъ... голова...

— Хочешь, Иосифъ Александровичъ принесетъ тебѣ кашли?

Итальянецъ, котораго собственно звали Джузеппе Торичіоли и который въ Россіи привыкъ откликаться на имя Иосифа Александровича, сдѣлалъ движеніе встать. На его попеченіи была домашняя аптека князя.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, поспѣшно проговорила Ольга, и, наливъ себѣ стаканъ воды, выпила его почти залпомъ.

Благодаря этому происшествію съ княжною, за столомъ сидѣли не долго.

Князь поднялся первымъ и, когда всѣ встали сейчасъ же за нимъ, онъ, уже уходя, въ дверяхъ, какъ бы только-что вспомнивъ, обернулся къ Карлу и проговорилъ, улыбаясь:

— А я и забылъ тебѣ сказать, что лошадей не велѣлъ тебѣ закладывать; развѣ въ деревню пріѣзжаютъ гостить на одинъ день?.. Ты говоришь, у тебя дѣла въ Москвѣ?

Карлъ смотрѣлъ на князя въ нерѣшимости, что отвѣтить ему.

Но князь не далъ ему говорить.

— Такъ дѣла подождать, продолжалъ онъ, пригибаясь къ Карлу и взявъ его повыше локтя. — Подождать вѣдь, а?

— Мнѣ-ли не послушаться васъ, князь! отвѣтилъ Карлъ съ такимъ выраженіемъ преданности и покорности, что Андрей Николаевичъ разсмѣялся тихимъ, радостнымъ смѣхомъ и похлопалъ барона по плечу.

— Ну, ну, хорошо, сказалъ онъ, — поживемъ — увидимъ...

И старый князь особенно бодрими и скорыми шагами направился къ себѣ, насвистывая что-то военное.

Въ пріемной, смежной съ кабинетомъ, его уже ждали приказчики, бурмистры и конторщики съ докладомъ, но, прежде чѣмъ позвать ихъ, Андрей Николаевичъ велѣлъ лакею доложить княжнѣ, что онъ проситъ придти ее къ себѣ.

(Продолженіе будетъ).

Лента.

(Изъ петербургскихъ эскизовъ).

О. Чюминой.

I.

— Что намъ дѣлать, Даша, если не найдется лента подъ цвѣтъ платья? сказала Нина Сергѣевна, повернувшись отъ зеркала, въ которомъ она любовалась своимъ изображеніемъ, къ портнихѣ, черноглазой дѣвушкѣ въ модной прическѣ и красиво синтомъ платьѣ. Портниха укладывала въ картонку корсажъ изъ нѣжнаго, блѣдно-голубого фуляра съ бѣлыми цвѣточками.

Нина Сергѣевна была миловидная блондинка, съ большими сѣрыми глазами, и питала особенное пристрастіе къ голубому цвѣту, помня правило: „le bleu c'est le fard des blondes“.

— Да, трудновато будетъ подобрать, цвѣтъ-то ужъ очень нѣжный, отозвалась портниха.

— Теги привезла мнѣ этотъ фуляръ изъ Парижа, у насъ такіе нѣжные цвѣта очень рѣдки. Досадно будетъ.. Я такъ обдумала этотъ костюмъ: платье должно быть совсѣмъ простенькое, genre bébé... совершенно въ духѣ моей роли.

— Нельзя-ли положить, въ случаѣ чего, бѣлую ленту? не смѣло освѣдомилась портниха, но Нина Сергѣевна рѣшительно отвергла это предложеніе: бѣлая лента будетъ похожа со сцены на колденкоръ.

— Такъ жаль, прибавила она, — что я не могу поѣхать сама, боюсь совсѣмъ простудиться передъ спектаклемъ. Я просила Леонида Петровича.

— Ужъ они всѣ французскіе магазинны и весь Гостиный объѣдутъ, улыбнулась Даша съ легкимъ отгѣнкомъ фамильярности, которая показывала ея близость къ дому.

Уложивъ корсажъ, она подошла къ барышнѣ съ заискивающей улыбкой и съ нѣскольکو смущеннымъ видомъ.

— А что, барышня, заговорила она, — нельзя мнѣ посмотреть на вашъ спектакль? Ужъ очень хочется видѣть васъ въ этой роли.

— И въ платьѣ своей работъ? улыбнулась Нина Сергѣевна. — Хорошо, я вамъ пришлю билетъ, спектакль назначенъ окончательно на 19-е. Только постарайтесь.

— Покорнѣйше васъ благодарю, барышня, просіяла Даша, — ужъ вы знаете, я для васъ всегда готова... Вотъ какъ знаменитостью будете, такъ ужъ не придется мнѣ шить вамъ платья.

— Ну, до этого еще далеко, полувздыхнула Нина Сергѣевна. — Да и у васъ самой будетъ къ тому времени свой магазинъ на Морской. Серьезно, Даша, у васъ есть стиль, — онъ рѣдко встрѣчается у русскихъ портнихъ.

— Ужъ не хвалите, засмѣялась Даша. — Такъ я завтра найду. До свиданія, барышня.

По уходѣ Дашин, Нина Сергѣевна подошла къ зеркалу, поправила растрепавшіяся отъ примѣрки волосы и прошла въ сосѣднюю комнату, напѣвая первыя строфы изъ аріи Ленскаго: „Что день грядущій мнѣ готовить“ съ тѣмъ своеобразнымъ, отчетливымъ произношеніемъ гласныхъ, съ той широкой манерой пѣнія, которыми отличался знаменитый теноръ столичной оперы, кумиръ множества меломанокъ. Нина Сергѣевна, посѣщавшая курсы извѣстнаго профессора пѣнія, итальянца, была также изъ числа поклонницъ этого тенора. Ученицы маэстро дѣлились на два лагеря: одні были почитателями тенора, другія восхищались красивымъ баритономъ, дебютировавшимъ недавно съ большимъ успѣхомъ.

Нина Сергѣевна происходила изъ богатой когда-то семьи, подвергнутой съ теченіемъ времени „оскуднѣнію“, и послѣ смерти отца она жила съ матерью на пенсію и на кое-какіе остатки прежняго величія, въ видѣ присылокъ изъ имѣнія. Мать и дочь занимали хорошенькую квартиру въ 5 комнатъ на Николаевской, съ кабинетомъ для Нины Сергѣевны, обставленнымъ нѣобходимымъ блѣдно-голубымъ кретонномъ, съ изящнымъ письменнымъ столикомъ и массою цвѣтовъ. Былъ у нихъ абонементъ въ оперѣ и во французскомъ театрѣ, и сиди въ креслѣ 12-го ряда, Нина Сергѣевна мечтала о томъ времени, когда она будетъ дебютировать на этой самой сценѣ въ партіи Маргариты. Она рѣшила заранѣе, что выступитъ не въ какой-либо иной, а именно въ этой партіи.

Любовь и вѣрность. Съ карт. О. Эрельманъ, по фот. Уніонъ грав. Іерике.

II.

Нина Сергѣевна приѣхала къ столу, чтобы написать записку, но тутъ раздался звонокъ, и черезъ минуту въ комнату вошелъ пожилой, элегантно одѣтый господинъ, съ сѣдыми бакенбардами и золотымъ рѣсе-нез съ носу. Это и былъ Леонидъ Петровичъ, когда-то важный сановникъ, оставшійся не у дѣлъ и будирующій „превосходительство“. Онъ былъ другомъ покойнаго отца Нины Сергѣевны и почтительно ухаживалъ за ней на правахъ стараго знакомаго.

— Здравствуйте, Леонидъ Петровичъ. Ну, что, нашла? встрѣтила его дѣвушка, у которой онъ любезно подѣловалъ руку.

— Я сдѣлала все возможное и не возможное, развелъ руками сановникъ. — Обѣздила всѣ магазины, но не знаю, угодила-ли...

Леонидъ Петровичъ вынулъ изъ свертка и медленно развернулъ широкую блѣдно-голубую ленту, съ изящными серебряными арабесками.

— Прелесть! воскликнула Нина при первомъ взглядѣ на ленту, но тутъ-же лицо ея нахмурилось.

— Не подь цвѣтъ! прибавила она съ сожалѣніемъ, приложивъ къ лентѣ образчикъ фуляра.

— Неужели! смутился Леонидъ Петровичъ. — Она подходила болѣе всѣхъ, и приказчикъ увѣрилъ меня, что это — одинъ цвѣтъ, тотъ-же оттѣнокъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, нетерпѣливо прервала Нина. — Видите, лента гораздо желтѣе.

— Да, да, правда, очень замѣтно, вдругъ согласившись, вторилъ растерявшійся Леонидъ Петровичъ.

— Но это ничего, она пригодится мнѣ къ другому платью, попыталась она утѣшить Леонида Петровича, но онъ не утѣшился и скоро уѣхалъ.

Едва дверь успѣла затвориться за нимъ, какъ раздался снова звонокъ, и въ комнату быстро вбѣжала пріятельница Нины, контраalto, Вара Деметьева, брюнетка съ бойкими карими глазами и вьющимися, коротко остриженными, какъ у мальчика, волосами, будущій Валя и Ратмиръ.

— Что это у тебя лицо, какъ у Травяты въ послѣднемъ актѣ? заговорила она. — Корсажъ сидитъ не хорошо или спектакль отлѣпленъ?

— Ни то, ни другое. Скажи лучше, какъ ты зашла тенерь, когда тебѣ нужно быть на урокъ?

— Не до урока теперь. — Я какъ только узнала — сейчасъ же къ тебѣ...

— Разсказывай же скорѣе. Этакая противная манера тянуть.

— Сейчасъ... Зашла я, возвращаясь отъ маэстро, къ Алябьевымъ — отдать ноты. Заговорили о театрѣ. Вдругъ старшая меня спрашиваетъ, буду-ли я послѣзавтра на „Онѣгиннѣ“. „Конечно, говорю я, вѣдь это за пышнѣйшій сезонъ первый выходъ Дальмера въ „Ленскомъ“. — „А знаете, говоритъ она, что Онѣгина поетъ Леоновъ, и что Савельевы и Крюгеръ подносятъ ему вѣнокъ?“ Подумай только, поднести ему вѣнокъ при Дальмерѣ!.. Я конечно сейчасъ же къ тебѣ... Неужели мы допустимъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! съ живостью прервала ее Нина. — Мы должны также поднести Дальмеру вѣнокъ.

— Я то же самое думаю... Разумѣется, поднесемъ. Какой? Гдѣ заказать?

— Слушай, — Нина выпрямилась и говорила почти вдохновенно, — я еще не могу выходить. Поѣзжай къ Эйлерсу и закажи. Надо что-нибудь особенное... Вѣнокъ долженъ быть громадный, съ его инициалами изъ незабудокъ... Деньги есть? перешла она въ другой топъ.

— Есть; вчера получила 30 р. за уроки.

— У меня тоже есть—вотъ и отлично. Поѣзжай сейчасъ.

— Ленту надо, сказала Вара, уже надѣвавшая шапочку.

— Ленту?! радостно воскликнула Нина. — Я чуть было не забыла... Посмотри — на.

И она развернула передъ восхищенными глазами Вара голубую съ серебряномъ ленту.

— Откуда она у тебя? Вотъ прелесть! воскликнула Деметьева. — Теперь мы убьемъ Савельевыхъ! Никогда они не закажутъ подобнаго вѣнка.

Нина разсказала ей все, и Вара, получивъ ленту, полетѣла въ магазинъ, заранѣе торжественно побѣду надъ врагомъ.

III.

Второй актъ „Евгенія Онѣгина“ только-что окончился. Зала, залитая электричествомъ, представляла блестящую, оживленную картину. Увлеченныя дѣны привлекли, какъ всегда, массу публики; тутъ были и настоящіе любители музыки, и публика бѣль-этажа, являвшаяся сюда не столько для оперы, сколько для того, чтобы показать туалеты отъ Ворга и брильянты; была и такая публика, которая посѣщаетъ оперу только для того, чтобы сказать знакомымъ, не видѣвшимъ „Отелло“:

— Ахъ, какъ хорошо былъ вчера Дальмеръ! Сколько изящества и кака я школа!

Среди наиболѣе заинтересованныхъ спектаклемъ была и Нина съ подругой, обѣ очень паридныя, въ свѣтлыхъ платьяхъ и съ блестящими отъ оживленія глазами.

— Смотри, Нина, Савельевы и Крюгеръ здѣсь, въ восьмомъ ряду налѣво, проментала Вара, сбрасывая рѣсе-нез съ носу.

— Гдѣ, гдѣ? встрепенулась Нина, но едва успѣла она разглядѣть, какъ занавѣсъ поднялся для картины бала у Лариныхъ. Подъ звуки стариннаго, какого-то подыргивающаго вальса по сценѣ кружились пары въ костюмахъ начала пышнѣйшаго столѣтія. Обѣ дѣвушки напряженно слѣдили за представленіемъ... Вотъ Онѣгинъ, то насмѣшливо дорнирующій провинціальное общество, то небрежно напѣвающій любезности Ольгѣ; вотъ Ленскій, который, весь блѣдный отъ ревности, сверкающими глазами слѣдитъ за соперникомъ... Оба артиста были особенно въ ударѣ и видимо каждый изъ нихъ желалъ первенствовать, а публика, какъ нарочно, принимала обоихъ одинаково горячо. Сцена вызова прошла превосходно, и въ отвѣтъ на холодную дерзость Онѣгина, Ленскій кинулъ ему свою фразу: „А вы—безчестный соблазнитель!“ съ такой энергіей, такъ сильно и горячо, что она вызвала взрывъ аплодисментовъ. Когда занавѣсъ опустился, вызовы, крики и рукоплесканія слились въ какой-то хаосъ; несмотря на антрактъ, публика не выходила, напротивъ, она столпилась у барьера, нестово крича и аплодируя. Артисты вышли на вызовъ вмѣстѣ, и въ ту-же минуту въ рукахъ у канельмейстера появился лавровый вѣнокъ, который онъ подалъ просившему отъ торжества баритону. Тенерь, оставивъ его руку, хотѣлъ уйти, но тутъ, надъ сфлерской будкой поднялся другой, громадный, съ инициалами изъ незабудокъ и съ голубой лентой, вѣнокъ. При оглушительныхъ рукоплесканіяхъ публики вѣнокъ этотъ былъ переданъ тенору. Партия его была точно наэлектризована, и большинство публики присоединилось къ ней, тенора вызывали solo; не только мужчины, но и дамы кричали: bravo, grazia, благодарю! Вара и Нина, снявъ перчатки, аплодировали изо всѣхъ силъ; выходя чуть-ли не десятый разъ раскланываться съ публикой, онъ замѣтилъ эти молодцы, сіявшій восторгомъ лица и съ улыбкой поклонился имъ...

— Онъ замѣтилъ насъ, онъ намъ кланяется... шепнула совершенно счастливая Нина подругѣ.

По окончаніи спектакля масса молодежи хлынула къ подѣзду артистовъ; обѣ подруги также были тутъ, и имѣли удовольствіе видѣть тенора, садившагося въ карету, куда лакей подалъ ему и знаменитый вѣнокъ...

IV.

Прошло около двухъ недѣль. Вѣнокъ продолжалъ красоваться на почетномъ мѣстѣ, надъ каминомъ въ роскошной пріемной тенора. Какъ-то утромъ, вставъ нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, онъ, сидя въ креслѣ, прихлебывая чай, пробѣгалъ газету, воспоминавшій ему хвалы, когда ему доложили о пріѣздѣ знакомой гѣщицы. Это была примадонна меццо-сопрано, почтенная мать семейства, извѣстная въ кругу товарищей своими экономическими наклонностями. Поговоривъ о дѣлѣ, за которымъ она пріѣхала, она перевела рѣчь на театральныя новости и тутъ въ первый разъ она замѣтила красовавшійся надъ каминомъ вѣнокъ.

— Кака я оригинальная лента, сказала она и даже встала съ мѣста, чтобы лучше разсмотрѣть ее. — Знаете что? Вѣдь у васъ она даромъ запылится, подарите ее мнѣ. У меня на этой недѣлѣ дѣтскій костюмированный вечеръ, и моей дочери нужна для костюма какъ разъ такая лента.

— Пожалуйта возьмите, сказала тенерь, сдерживая легкую улыбку, — а вѣнокъ пора выкинуть, онъ уже начинаетъ осыпаться.

Примадонна поблагодарила и скоро уѣхала, увозя въ своемъ плюшевомъ сакѣ голубую ленту.

Лента эта произвела большой эффектъ на костюмированномъ вечерѣ. На слѣдующій день, прибирая вещи барышни, бойкая горничная ей Настя замѣтила, что кушакъ былъ залитъ въ двухъ мѣстахъ лимонадомъ и придралась къ этому случаю, чтобы просить его, подъ предлогомъ, что онъ очень пойдетъ къ ея новому голубому камемировому платью. Дѣвочка въ прыжку побѣжала въ залу, гдѣ мать ея была поглощена разучиваніемъ новой партіи, и та нетерпѣливымъ движеніемъ прогнала ее, сказавъ, что она можетъ дѣлать все, что ей угодно, но чтобы только она не смѣла мѣшать... Такимъ образомъ лента перешла въ законное владѣніе Насти, которая обновила ее на именинномъ вечерѣ у своей сестры, бывшей замужемъ за штабнымъ писаремъ. Общество собралось самое избранное; тутъ были, между прочимъ, и молодой франтъ-фельдшеръ, ухаживавшій за Настей, но все еще не рѣшившійся растаться со своею свободой. Появленіе Насти, причесанной по модѣ и нанудреной парижской пудрой ея барыни, въ новомъ платьѣ съ роскошнымъ кушакомъ — произвело сенсацію, и фельдшеръ былъ ослѣвленъ. Онъ дѣнилъ въ женщинахъ вкусъ и „образованность“, и никогда еще Настя не казалась ему такой интересной и похожей на барышню.

— Какія вы паридныя, Настасья Прокофьевна, проговорила съ любезной ужимкой одна изъ дамъ, — и кушакъ какой чудесный... Гдѣ это вы достали?

— Это изъ Парижа, отвѣтила скромно Настя, — барыня мнѣ подарила. Она у меня такая добрая, массу вещей передарила...

— Скажите! протянула гостья.

— Барыня такъ ужъ цѣнитъ меня, что сказать невозможно,

продолжала Настя, но фельдшеръ галантно прервалъ ее. Оперивъ одной рукой на стулъ и небрежно играя свободной рукою цѣпочкой отъ часовъ, онъ сказалъ, низко наклонивъ къ ней свою напомаженную голову:

— Позвольте доложить вамъ, Настасья Прокофьевна, что не одна ваша барышня умѣетъ цѣнить и любить столь достойную особу.

— Можно-ли вѣрить кавалерамъ? вздохнула Настя, поправляя свои длинныя, рыжія, прекрасно вычищенные перчатки.

Разговоръ принялъ сентиментальное направленіе, и къ концу вечера фельдшеръ сдѣлалъ предложение; свадьба была назначена на Красную горку, а послѣ праздниковъ Настя промѣняла у знакомой еврейки свой кушакъ на тюль для подвѣвечной фаты. Соціальное положеніе жениха дѣлало необходимымъ вѣнчальный нарядъ со всѣми его аксессуарами.

V.

Въ холодное январское утро, за недѣлю до масляницы, обѣ пріятельницы сидѣли въ кабинеткѣ Нины; между ними шелъ оживленный разговоръ объ оперѣ вообще и о тенорѣ въ особенности, когда горничная доложила о приходѣ еврейки, желающей видѣть барышню.

— Это еще что за знакомство? засмѣялась Варя, — ужъ не деньги-ли ты берешь подъ проценты?

— Не смѣйся, она очень полезная женщина: я покупаю у нея французскія перчатки за половинную цѣну. Мужу ея, служившему когда-то писаремъ, отецъ мой оказалъ какую-то услугу, и она, по старой памяти, заходитъ къ намъ иногда съ товаромъ. Позовите ее, Таия, — обратилась она къ горничной.

Черезъ минуту въ комнату вошла пожилая женщина въ старомодномъ салонѣ, съ умильными глазами и улыбкой. Она держала въ рукахъ большой картонъ.

— Здравствуйте, мадамъ Зальманъ, встрѣтила ее Нина, — есть что-нибудь новое?

— Какъ-же не быть? Гхарошему товару есть для такому гхарошему барышню... Вгодно посмотрѣть? И она, открывъ картонъ, быстро принялась выкладывать изъ него ленты,

цвѣты, кружева, перчатки и проч. Барышни взяли по нѣсколько паръ перчатокъ, но все пересмотрѣли, по свойственной имъ слабости къ такимъ вещамъ.

— А это что такое? спросила Нина, увидѣвъ подъ кускомъ кружевъ что-то голубое.

— А это — лента, очень великолѣпная лента на кушакъ, загоронила еврейка, развернувъ ее передъ глазами подругъ, у которыхъ, при видѣ ея, вырвался одновременно крикъ изумленія.

— Откуда она у васъ? не безъ волненія спросила Нина.

— Ми покупала ее у одного дѣвчиза, камеръ-медхенъ. Ихній барыня, жвѣстная пѣвица aus Orega подарила ей эта лента...

Барышни снова переглянулись, какъ будто желая сказать: „вотъ куда попала наша лента!“ а затѣмъ Нина объявила еврейкѣ, что покупаетъ у нея кушакъ. Получивъ деньги, мадамъ Зальманъ уложила свой товаръ и удалилась съ изъявленіями благодарности.

— Затѣмъ ты купила ее? спросила Вѣра подругу, когда она остались одни.

— И ты спрашиваешь? Хотя онъ ее подарилъ этой неспособной пѣвицѣ, а она — своей горничной, но все-таки она была у него, въ его квартирѣ. Я оставлю ее у себя на память и пріобшю къ прочимъ „реликвіямъ“.

— Интересно, будутъ-ли когда-нибудь сохранять ваши ленты? вздохнула будущій Ратмиръ.

— Постой! воскликнула вдругъ Нина, не обращая вниманія на восклицаніе, — постой, у меня явилась идея! Я разрѣжу эту ленту на куски и завтра-же на курсахъ раздамъ ихъ всѣмъ его поклонникамъ... Не надо быть эгоисткой...

Вѣра пришла конечно въ восторгъ отъ этого намѣренія...

У самой Нины, въ шкатулкѣ ея, вѣстѣ съ прочими „реликвіями“, которыми были фотографія звѣстнаго русскаго артиста въ роли Гамлета, перчатка jeune-premier французскаго театра, цвѣтокъ, брошенный въ толпу итальянскимъ трагикомъ, и тому подобныя драгоценности — хранился и кусокъ ленты, украшавшей вѣнокъ знаменитаго тенора.

Не вспоминай!..

Стихотвореніе А. Луньянова.

Твоею вызвана улыбкой

Моя счастливая слеза...

И миновавшая гроза

Была печальною ошибкой...

Не вспоминай взаимныхъ мукъ:

Не только счастье земное,

Но даже солнце золотое,—

И то измѣнчиво, мой другъ!

Страничка изъ исторіи нашего вѣка.

Вѣна во время конгресса.

(По запискамъ современниковъ).

Конгрессъ первоначально долженъ былъ открыться 1-го августа и продолжиться самое большее два мѣсяца; по обстоятельству совершенно измѣнили эти соображенія, при чемъ не послѣднюю роль играла привлекательность увеселеній. Официально конгрессъ длился съ 20-го сентября 1814 по 10-е іюня 1815 г., то-есть почти девять мѣсяцевъ.

Вѣна въ то время насчитывала въ своихъ стѣнахъ ни болѣе ни менѣе, какъ сто тысячъ иностранцевъ. Два императора — Русскій и Австрійскій, и четыре короля — Прусскій, Баварскій, Виртембергскій и Датскій; множество владѣтельныхъ герцоговъ и князей, и еще больше сановниковъ и знаменитостей, съѣхавшихся сюда въ качествѣ зрителей; все это знатное общество нашло въ столицѣ Австріи самое широкое гостепрійство, — обстоятельство, не мало способствовавшее упроченію за вѣнцами славы „величайшаго радушія“.

Безконечный рядъ празднествъ открылся совмѣстнымъ въѣздомъ Русскаго государя Александра I, съ его супругою и великимъ княземъ Константиномъ, и Прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, съ принцессою Вильгельмою и Августомъ. Императоръ Францъ, въ сопровожденіи всѣхъ эрцгерцоговъ, генералитета и первыхъ государственныхъ чиновъ, пріѣзжавшихъ обоимъ монархамъ на лѣвомъ берегу Дуная, у тогдашняго Таборскаго моста. Тысяча четырехста пушечныхъ салютовъ, звонъ всѣхъ церковныхъ колоколовъ и радостные клики многотысячной толпы народа встрѣтили высокихъ гостей. Если къ этому прибавить блескъ парадныхъ мундировъ князей, сановниковъ и почетнаго конвоя, нестройную толпу, и надъ всѣмъ этимъ блескъ сентябрьскаго солнца, то, дѣйствительно, это было достойное начало великолѣпныхъ торжествъ, которыя въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ не давали перевести духъ вѣнскому обществу.

Все ликовало кругомъ. На променадахъ, газонсахъ и, особенно, на Пратерѣ сновали пѣшеходы и всадники, — дипломаты, министры, военные; казалось, вся Вѣна живетъ въ чадѣ какого-то сплошнаго гигантскаго праздника.

Иностранцы скоро заняли всѣ свободныя помѣщенія въ городѣ. Дамы болѣею частью находили себѣ пріютъ въ женскихъ монастыряхъ; многіе важные сановники должны были жить въ предмѣстьяхъ. Цѣны на квартиры вскорѣ сдѣлались баснословными; лордъ Кэстлри, на примѣръ, одинъ изъ англійскихъ уполномоченныхъ, платилъ за свою квартиру въ одномъ частномъ домѣ 500 ф. стерл. (около 5,000 рублей) въ мѣсяцъ. Соотвѣтственно этому вздорожали жизненные припасы и, вообще, всѣ товары. Въ особенности, поднялась цѣна на топливо, такъ что среди зимы, еще къ тому же необычайно суровой, въ цѣлой Вѣнѣ нельзя было найти дровъ *).

Чиновники должны были получать увеличенное содержаніе, чтобы существовать при всеобщей дороговизнѣ. Отсюда можно себѣ представить, какими переборами было отягчено государственное казначейство. Зато для промышленности это было время небывалаго процвѣтанія.

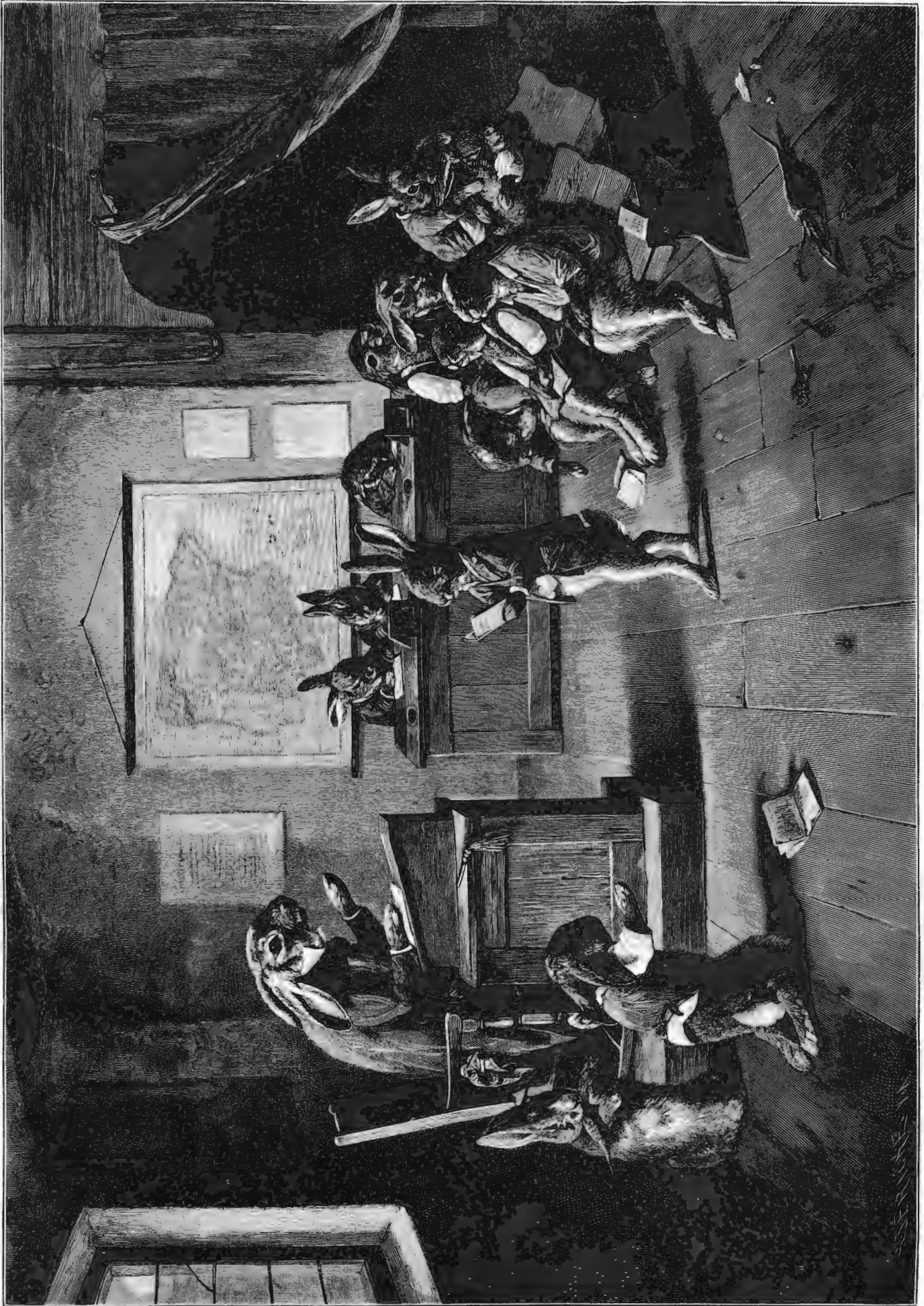
Приблизительное понятіе объ огромныхъ издержкахъ двора можно себѣ составить изъ того, что императорскій столъ въ продолженіе всего конгресса обходился ежедневно въ 50,000 гульденовъ. Императоръ Францъ заказалъ для своихъ гостей ни болѣе, ни менѣе, какъ триста новыхъ экипажей. Придворному вѣдомству конгрессъ стоилъ тридцать милліоновъ гульденовъ. Въ виду такихъ расходовъ, невольно является вопросъ, согласовалась-ли подобная расточительность съ серьезными цѣлями конгресса въ то время, когда ужасныя войны еще такъ недавно требовали величайшихъ человѣческихъ и денежныхъ жертвъ, когда старыя раны еще не зажили, и государство было близко къ банкротству!

Извѣстный своимъ остроуміемъ престарѣлый фельдмаршалъ принцъ де-Линъ сдѣлалъ по этому поводу замѣчаніе, облетѣвшее всю Вѣну: „Европа теперь въ Вѣнѣ. Конгрессъ не идетъ впередъ, а танцуетъ. Что до меня, присутствующаго здѣсь, лишь въ качествѣ добродушнаго зрителя, то я буду для себя“

*) Благодаря этому, въ Вѣнѣ впервые введено отопленіе торфомъ.

Черный и бѣлый. Рис. Э. Жанмарь, грав. Герике.

Заячья школа. Съ карт. Именца, по фот. Уіюнь грав. Герике.

требовать, въ видѣ вознагражденія, только новую шляпу *), такъ какъ моя уже изнасилась отъ безпрестанныхъ поклоновъ высокимъ особамъ, которыхъ дюжинами встрѣчаешь на углу каждой улицы“.

Вопросъ о церемоніалѣ и первенствѣ между монархами былъ единодушно рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что первенство принадлежало старшимъ по возрасту. Говорятъ, это предложилъ императоръ Александръ, и, сообразно съ этимъ, всѣ присутствовавшіе государи распредѣлились въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Виртенбергскій король (родился въ 1754 г.), 2) Баварскій король (1756 г.), 3) Датскій король (1768 г.), 4) Австрійскій императоръ (1768 г.), 5) Прусскій король (1770 г.), 6) Русскій императоръ (1777 г.).

На официальныхъ конференціяхъ государи не являлись лично, но присылали своихъ уполномоченныхъ.

Два первыхъ большія празднества носили, по преимуществу, военный характеръ. Первое торжество было посвящено воспоминанію о Лейпцигской битвѣ 18-го октября. Самой выдающеюся частью этого праздника былъ невоинскій банкетъ, на которомъ пировало 16,000 воиновъ въ обществѣ всѣхъ государей. Прекрасная осенняя погода позволяла оставаться на воздухѣ до поздней ночи; многочисленные зрители по-своему также принимали участіе въ празднествѣ, которое, благодаря этому, сдѣлалось вполне народнымъ.

При совершенно другой обстановкѣ происходило большое *празднество мира*, ареной котораго былъ гласисъ между Замковыми и Шоттенскими воротами. Въ парадѣ участвовалъ весь военный гарнизонъ; на первомъ планѣ—такъ часто отличавшіеся въ послѣднихъ бояхъ полки Шварценберговскихъ уланъ и кирасиры великаго князя Константина. Войска составили карре, на одной сторонѣ котораго помѣстились монархи со своею блестящею свитой. Въ центрѣ была разбита палатка въ видѣ храма, и въ ней великолѣпно разукрашенный алтарь.

Здѣсь совершалъ литургію князь-архіепископъ Вѣны, князь Гогенвартъ, въ сослуженіи всего придворнаго духовенства. Это было, точно, поразительное зрѣлище, когда по сигналу, данному залпомъ артиллеріи, всѣ присутствующіе—монархи, принцы, генералы, солдаты, даже дамы, помѣщавшіеся полукругомъ на возвышенныхъ мѣстахъ передъ палаткой,—всѣ разомъ опустились на колѣни. Въ заключеніе хоръ изъ первыхъ артистовъ города запѣлъ молебень, и къ этому пѣнію безъ всякаго условнаго знака присоединились всѣ присутствующіе. Пушечные залпы и звонъ всѣхъ городскихъ колоколовъ еще болѣе усиливали торжественное впечатлѣніе минуты.

Когда, послѣ недолгой оглушки въ Пешть, монархи снова вернулись, въ императорскомъ дворцѣ былъ данъ маскированный балъ, на который приглашенные должны были явиться въ домино или въ характерныхъ костюмахъ. Вся знать собралась въ залахъ дворца.

На слѣдующій вечеръ то же общество посѣтило Кертигертский театръ, гдѣ была блестяще исполнена ораторія Генделя „Сотвореніе міра“. Отъ партера до галлерей театръ буквально былъ устланъ орденами звѣздами, что дало поводъ генералу Тегтенборну замѣтить: „Когда видишь это множество крестовъ, звѣздъ и лентъ, то можно подумать, что находишься въ присутствіи величайшихъ людей всѣхъ временъ“. Въ отвѣтъ на это французскій дипломатъ Булгаринъ сказалъ: „Выдающіеся отличія растутъ на вершинахъ пирамидъ; достигать ихъ могутъ только два рода существъ: орлы—и ползающіе гады...“

Въ то время театры вообще усердно посѣщались публикою. Императоръ усиленно персоналъ обоихъ придворныхъ театровъ многими иностранными знаменитостями.

Трудно описать всѣ безчисленные празднества, каждое въ отдѣльности. Каждый вечеръ давались балы и спектакли, днемъ же сходились на Бастионъ. Здѣсь можно было видѣть прогуливающимися рука объ руку императора Александра съ его любимцемъ Евгеніемъ Богарне, пасынкомъ Наполеона; славнаго полководца, эрцгерцога Карла, съ принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ, считавшимся образцомъ юношеской доблести (позже—германскій императоръ); виднаго кронпринца Виртенбергскаго съ барономъ фонъ-Штейнъ; кронпринца Баварскаго (позже король-меченатъ Людвигъ I) съ фельдмаршаломъ княземъ Вреде. Здѣсь-же показывался баварскій форстъ-юнкеръ фонъ Дрѣ—на изобрѣтенномъ имъ самокатѣ, названномъ по его имени „дрезиной“,—прототипъ современнаго велосипеда.

Между гуляющими по Бастиону никогда не замѣчали только двухъ особъ: Генца—„правую руку Меттерниха“, и Вильгельма фонъ-Гумбольдта, прусскаго министра. Этому не мало удивлялись, такъ какъ оба эти лица почти никогда не пропускали веселыхъ собраний.

Австрійская императрица любила устраивать въ своихъ апартаментахъ театральныя представленія; особенное пристрастіе она питала къ „живымъ картинамъ“, сюжеты которыхъ заимствовались изъ многоликихъ или романтическихъ сагъ, а постановка сопровождалась исполненіемъ композицій Гайдна.

Изъ всѣхъ придворныхъ увеселеній великолѣпнѣйшими были

безспорно маскированные балы,—такъ называемые „редуты“. Главная ихъ привлекательность состояла въ томъ, что они собирали красивѣйшихъ женщинъ того времени, а въ нихъ, разумеется, недостатка не было.

„Два событія“,—шутливо замѣтилъ де-ла-Гардь,—занимали тогда умы: судьба Саксонскаго королевства и—карусель“, рыцарская игра, которая должна была состояться въ императорскомъ зимнемъ манежѣ. Это празднество должно было быть однимъ изъ самыхъ интересныхъ; дѣлами недѣлями всѣ съ лихорадочнымъ рвеніемъ собирали рисунки и описанія знаменитыхъ каруселей при Людовикѣ XIV, и рѣшено было превзойти великолѣпіемъ самого „Roi-soleil“. Однако, ранніе постановки каруселей, въ императорскомъ дворцѣ были даны такъ называемый „Концертъ-монстръ“. Въ одной изъ самыхъ большихъ залъ, такъ называемой „государственной“, разставлено было болѣе ста роялей, и лучшіе виртуозы сообщно исполняли на нихъ концертныя произведенія. Знаменитый капельмейстеръ придворной оперы, Салзерн, дирижировалъ этимъ неисчислимымъ оркестромъ. По правдѣ сказать, этотъ музыкальный шумъ былъ далекъ отъ музыки; но въ то время выбивались изъ силъ, чтобы придумать какое-нибудь оригинальное и неожиданное развлеченіе. Хорошій вкусъ скоро долженъ былъ притупиться въ этомъ множествѣ развлеченій, одно лучше другого. „Увеселительный комитетъ“, составившійся изъ младшихъ эрцгерцоговъ и поставленный въ затрудненіе необходимостью постоянно придумывать что-нибудь новое, папалъ на мысль устроить соколиную охоту, которая бы соединила гостей конгресса въ императорскомъ увеселительномъ замкѣ въ Лаксенбургѣ. По крайней мѣрѣ, это подходило къ средневѣковому характеру самого замка и его окрестностей.

За этимъ послѣдовалъ народный праздникъ въ Аугартенѣ, удостоенный присутствія монарховъ, которые, разумеется, явились въ сопровожденіи своей обычной блестящей свиты. Ветераны послѣднихъ войнъ, въ числѣ четырехъ тысячъ, получили особое приглашеніе, и имъ было предложено роскошное угощеніе, на счетъ частной императорской кассы. Составленія въ бѣгѣ, восточныя ристалища смѣнялись множествомъ другихъ упражненій въ силѣ и ловкости. Почетный призъ за стрѣльбу по птицамъ, предназначенный самому искусному изъ отряда тирольскихъ стрѣлковъ и состоявшій изъ золотого бокала, достался сыну Андрея Гофера. На особой аренѣ давала представленіе труппа берейторовъ де-Бахъ. Въ заключеніе поднялся огромный воздушный шаръ, которымъ управлялъ аэронавтъ Краскевицъ. Послѣ въ своей лодочкѣ надъ головами многочисленной публики, онъ махалъ флагами флаговъ націй, которыя участвовали въ конгрессѣ. Послѣ нуръ съѣлъ за столъ, и начался пиръ-горой подъ звуки нѣсколькихъ оркестровъ, а затѣмъ въ четырехъ фантастически разубранныхъ палаткахъ исполнялись народныя танцы представителями всѣхъ австрійскихъ національностей. Вечеромъ паркъ освѣтился пятьюдесятью тысячами цвѣтныхъ фонариковъ и былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Праздникъ завершился общимъ баломъ, который продолжался до самаго утра. Вся Вѣна была въ эту ночь иллюминирована и приветствовала шумными овациями монарховъ, возвращавшихся около полуночи пѣшкомъ по оживленнымъ улицамъ города.

25-го ноября Русскій императоръ праздновалъ тезоименитство своей сестры Екатерины Павловны, вдовствующей герцогини Ольденбургской. Торжество происходило во дворцѣ русскаго посланника, князя Разумовскаго. Всѣ высочайшія особы явились сюда принести свои поздравленія. Празднество носило преимущественно русскій характеръ. Особенный успѣхъ имѣла русская пляска, исполненная одною придворною дамою императрицы Елизаветы. Потомъ разыгрывалась лотерея, тогда только-что вошедшая въ моду. Кронпринцъ Виртенбергскій выигралъ драгоцѣнный соболѣй плащъ, и тотчасъ же преподнесъ его царю бала. Герцогиня Ольденбургская отдала его розой, которая была приколотъ къ ея корсажу. Въ тотъ-же вечеръ была объявлена помолвка ея высочества съ кронпринцемъ Виртенбергскимъ. Торжество кончилось лишь на другой день, завершившись роскошно сервированнымъ завтракомъ въ 11 часовъ утра.

Среди вихря удовольствій случилось одно печальное событіе. 13-го декабря скончался восьмидесятилѣтній фельдмаршалъ принцъ де-Линъ,—„послѣдній представитель галаатнаго селѣтія“. За нѣсколько дней до смерти онъ еще остритъ, говоря, что хочетъ доставить пресыщенному всевозможнымъ развлеченіями конгрессу еще одно блестящее зрѣлище—фельдмаршальскихъ похоронъ. И шуточное предсказаніе сбылось. Съ необыкновенною пышностью, въ сопровожденіи 18.000 пѣхоты, тѣло фельдмаршала было перевезено изъ его дома, на Мэльерскомъ бастионѣ, сначала въ Шоттенскую церковь, потомъ въ заранѣе приготовленный имъ самимъ мавзолей въ собственномъ его имѣніи на Каленбергѣ.

Такъ кончился 1814 годъ. Наканунѣ Нового года былъ великолѣпный балъ у графини Цицини. Когда пробило полночь, графиня Пааръ обратилась къ своему кавалеру, императору Александру, съ остроумнымъ поздравленіемъ, въ которомъ выразила стремленіе народовъ ко всеобщему миру. Затѣмъ, при звукахъ туша, исполнявшагося духовыми инстру-

*) Въ противоположность политическимъ требованіямъ вознагражденія со стороны тѣхъ государствъ, которыхъ ограбилъ Наполеонъ.

ментами, и восторженных криках: „ура!“, монархи принимали поздравления остального общества, послѣ чего прерванный поноезд возобновился.

Изъ числа послѣдовавшихъ затѣмъ празднествъ можно еще отмѣтить большой пинокъ въ Аугартенѣ, устроенный по инициативѣ адмирала Сиднея Смита. Устройство обѣда въ великолѣпномъ залѣ Аугартенскаго замка было поручено ресторатору Яну. Цѣна входнаго билета опредѣлена въ три голландскихъ дуката, а билетъ на послѣбѣденный балъ стоилъ десять гульденовъ. Въ пять часовъ начался обѣдъ, въ которомъ принимали участіе монархи и знатнѣйшія особы. Неиздолго до окончанія обѣда случился комическій эпизодъ. Одинъ изъ кельеровъ Яна началъ обходить гостей съ золотой тарелкою, собирая плату за обѣдъ. Русскій императоръ и Датскій король уже заплатили; кельеръ обратился къ королю Баварскому. Максъ-Иосифъ опустилъ руку въ боковой карманъ, потомъ въ другой, обшарилъ все свои карманы, и ничего не нашелъ. Между тѣмъ, неумолимый кельеръ, въ своей выгладательной позѣ, съ протянутою тарелкою, не трогается съ мѣста. Король умоляющимъ взоромъ смотритъ на своего камергера, графа Рехберга; но тотъ на другомъ концѣ стола занятъ разговоромъ съ Гумбольдтомъ и не замѣчаетъ затруднительнаго положенія своего государя. Наконецъ, надъ Баварскимъ королемъ сжалился императоръ Александръ и, при поднявшемся со всѣхъ сторонъ смѣхѣ, къ которому присоединился самъ Максъ-Иосифъ, предоставилъ въ его распоряженіе свой кошелекъ.

Тѣмъ временемъ „конгрессъ“ въ собственномъ значеніи этого слова, двигаясь черепашьимъ шагомъ, пришелъ къ тому, что 3 января 1815 года былъ подписанъ трактатъ, по которому Австрія, Англія и Франція заключали между собою союзъ съ цѣлью взаимной поддержки. „Этотъ союзъ былъ высшимъ пунктомъ всеобщаго напряженнаго состоянія“, пишетъ Берригагенъ фонъ-Энзе въ своихъ запискахъ. Событія вскорѣ показали, что это напряженное состояніе было не напрасно.

Празднества, между тѣмъ, попрежнему слѣдовали одно за другимъ.

Наступилъ карнавалъ, и среди его праздниковъ особенно выдѣлался большой балъ въ залѣ Ангелона—самомъ блестящемъ увеселительномъ помѣщеніи тогдашней Вѣны—балъ, на который монархи и высшіе сановники явились incognito; далье—

необыкновенно блестящая и дорого стоившая санная прогулка въ Шенбруннѣ, гдѣ на льду замковаго пруда состоялся костюмированный балъ; наконецъ, еще одинъ балъ, даный англійскимъ посланникомъ, лордомъ Стюартомъ, въ день рожденія своей королевы. Все участвовавшее явилось на этотъ балъ въ костюмахъ времени королевы Елизаветы.

Такъ веселились до самой весны. Тогда—7 марта—на политическомъ горизонтѣ сверкнула молнія, за которою слишкомъ скоро долженъ былъ послѣдовать громовой ударъ: въ этотъ день въ Вѣну пришло извѣстіе, что 26 февраля Наполеонъ оставилъ островъ Эльбу, и что его видѣли направлявшимся къ северу съ военнымъ отрядомъ изъ шести кораблей. Читая въ дневникѣ Генца объ этомъ знаменательномъ вторникѣ 7 марта, можно подумать, что въ высшихъ кругахъ событію не придали большого значенія. Но, на самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе было чрезвычайное сильное, какъ, разумѣется, легко себѣ представить. Къ полудню извѣстіе уже облетѣло всю Вѣну. Достоинно замѣчанія то обстоятельство, что во всѣхъ слояхъ общества, до самаго низшаго, не только тотчасъ же поняли, что новая война съ Наполеономъ неизбежна, но и обнаружили воинственный пылъ, выраженіемъ котораго явилась извѣстная фраза Гумбольдта: „Превосходно! Это насъ оживитъ!“

10 марта прискакалъ курьеръ изъ Генны съ извѣстіемъ, что Наполеонъ уже высадился во Франціи и побѣдоносно шествуетъ впередъ.

Конгрессъ дѣйствительно оживился.

13 марта опубликовано постановленіе, по которому дѣйствіи Наполеона предавались торжественному осужденію, а самъ онъ объявлялся внѣ закона. 25 марта подписанъ между Австріею, Пруссіею и Россіею договоръ, въ силу котораго эти три державы взаимно обязывались къ войнѣ противъ „генерала Бонапарте“.

Теперь уже конгрессъ снѣшилъ закончить свои занятія. Слѣдовавшія за 7 марта немногія празднества носили характеръ прощальныхъ. Иностранные государи возвращались въ свои резиденціи и къ своимъ арміямъ. Уполномоченные старались на послѣднихъ конференціяхъ придти къ взаимному соглашенію, насколько это было возможно, и наконецъ конгрессъ официально закрылся знаменитымъ союзнымъ актомъ Германіи, 9 июня 1815 года. А для Наполеона уже готовилась историческая драма, которая должна была кончиться кровавымъ днемъ Ватерлоо.

Е. Б.

Мэръ Чампьюнъ-Сити.

(Разсказъ изъ американскихъ нравовъ, Марна Твена).

Творцы и создатели городовъ на дальнемъ Западѣ, какъ извѣстно, народъ удивительно ловкій и умѣлый. Мое первое личное знакомство съ этимъ любопытнымъ типомъ,—и притомъ въ лицѣ одного изъ самыхъ блестящихъ его представителей,—произошло въ конторѣ „Ширококрылаго Орла“, гостиницы пограничнаго городка, посвящаго пышное имя „Центрополиса“. За столомъ, неподалеку отъ меня, сидѣлъ господинъ, занятый серьезной, повидимому, бесѣдой съ молодымъ джентльменомъ, котораго звали, какъ я узнала изъ домовой книги „Ширококрылаго Орла“, Альджеронъ Фитцджеринъ Болбертонъ.

— Жаль, очень жаль, мистеръ Болбертонъ, что у васъ нѣтъ времени, чтобы посѣтить Чампьюнъ-Сити, говорилъ онъ, покачивая головой,—вы-бы сами увидѣли!..

— Да!.. прервалъ его тотъ.—Но что дѣлать! Мнѣ надо сѣсть въ Англію. Я возьму участіе въ нашемъ городѣ и безъ этого... Наконецъ, вы вѣдь мэръ, и вашего слова, надѣюсь, вполне достаточно...

— Это, конечно, такъ. Я—мэръ... Но все же... Черезъ 10 дней у насъ наступаютъ новые выборы, по мое избраніе вполне обезпечено.

Разговоръ между моими собесѣдами продолжался, и я видѣлъ, какъ мэръ Чампьюнъ-Сити передалъ мистеру Болбертону какой-то внушительный на видъ документъ, касавшійся, какъ впоследствии я узнала, сдѣлки о покупке нѣсколькихъ участковъ земли во вновь устраниваемомъ городѣ, Чампьюнъ-Сити. Бесѣда шла вполголоса, и до меня доносились лишь отрывочныя фразы. Но и изъ нихъ можно было получить нѣкоторое представленіе объ изумительно быстромъ ростѣ города. Такъ, между прочимъ, мэръ говорилъ англичанину, что на слѣдующемъ собраніи городского совѣта будетъ разсматриваться вопросъ о водопроводѣ.

— ...Подумайте только, мистеръ Болбертонъ! Городу нѣтъ еще и года,—и уже... водопроводъ!..

— Да!.. пробурчалъ въ отвѣтъ флегматичный британецъ, прихлебывая изъ своего стакана какую-то бурую жидкость.

Десять дней спустя я, оставивъ Центрополисъ, направился дальше и дальше на западъ. Ночь уже давно спустилась на прерію и окутала своимъ темнымъ покровомъ все кругомъ. Я уже давно совершенно потерялъ дорогу и подвигался впередъ наугадъ. Но вотъ вдали привѣтливо заблесталъ какой-то огонекъ. Еще немного,—и мой мулъ наконецъ допоздъ до этого огонька. Я очутился передъ жалкой, наскоро сколоченной, деревянной постройкой, однако торчавшей посреди безграниц-

наго простора преріи. Гостеприимная дверь распахнулась, и я увидѣлъ передъ собою—кого же?—мэра Чампьюнъ-Сити. Онъ не узналъ меня. Съ недоумѣніемъ спрашивалъ я себя, что онъ дѣлаетъ въ этой пустынѣ, вдали отъ города, мэромъ котораго онъ состоитъ. Но задавать ему какіе-нибудь вопросы на этотъ счетъ я считалъ слишкомъ нескромнымъ, а онъ самъ не считалъ нужнымъ разсѣять мое недоумѣніе.

Гуксъ—такое было его имя—оказался прелестнымъ малымъ, и часъ передъ сномъ мы провели чрезвычайно пріятно. Затѣмъ онъ предоставилъ мнѣ одну изъ двухъ комнатъ его публички на курыхъ ножкахъ,—и скоро я заснулъ крѣпкимъ сномъ утомленнаго путника.

Уже подъ утро меня разбудилъ звукъ голосовъ въ сосѣдней комнатѣ, и нѣкоторыя, донесшіяся до моего уха фразы такъ заинтересовали меня своей странностью, что я—грѣшный человекъ—не могъ побѣдить своего любопытства, подкрался къ двери и посмотрѣлъ въ замочную скважину.—Гуксъ былъ одинъ въ комнатѣ.

— Пора, однако, кончать, сказалъ онъ, обращаясь къ самому себѣ.—Мистеръ Гуксъ, потрудитесь подсчитать голоса и сообщить результатъ выборовъ.

Тутъ Гуксъ вынулъ изъ стоявшей на столѣ оловянной кружки листокъ бумаги.

— Мистеръ Гуксъ, сказалъ онъ, опять обращаясь къ самому себѣ,—вы вновь единогласно избрали мэромъ Чампьюнъ-Сити. Поздравляю васъ, сэръ.

И Гуксъ пожалъ себѣ руку.

— Ну-съ, мистеръ Гуксъ, сказалъ онъ послѣ непродолжительной паузы.—Еще одно маленькое дѣльце. Я знаю, что время теперь, для дѣла необычное, но что прикажете дѣлать?—мнѣ нужно завтра рано уѣхать, чтобы успѣть повидѣться съ однимъ изъ покупателей участковъ земли въ нашемъ городѣ. Такъ не себерете-ли вы сейчасъ же городской совѣтъ, чтобы окончательно порѣшить вопросъ о водопроводѣ? А?..

— Прекрасная идея, сэръ! сказалъ мистеръ Гуксъ.—Городской совѣтъ собранъ. Объявлю засѣданіе открытымъ.

Тутъ мистеръ Гуксъ произнесъ краткое, но въ высшей степени убѣдительное резюме аргументовъ въ пользу устройства водопровода и закончилъ его предложеніемъ принять условія, предлагаемыя образовавшимся для веденія этого дѣла синдикатомъ. Оппозиціи не оказалось, и предложеніе было единогласно принято.

— Теперь я посоветовалъ-бы вамъ, мистеръ Гуксъ, про-

должалъ онъ, написать мистеру Болбертону. Сообщите ему о вашемъ избраніи, о рѣшеніи совѣта по вопросу о водопрводѣ и обратите его вниманіе на то, что, если онъ не упуститъ рѣдкаго случая и не замедлитъ отвѣтомъ—со вложеніемъ надлежащаго чека, конечно—вы сможете гарантировать ему желаемое число участковъ по 25 долларовъ за каждый.

Тутъ же было написано письмо, и собраніе было распущено. Мэръ Чампьюнъ - Сити, освободившись, наконецъ, отъ городской дѣлы, зажегъ огонь и поставилъ на него кастрюлю съ добрымъ кускомъ мяса, которое скоро начало соблазнительно шипѣть.

И былъ пораженъ въ высшей степени... Не шипѣніемъ мяса, конечно, а вѣсѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ за стѣною. И былъ, сравнительно говоря, повичкомъ на Западѣ... И не могъ не высказать Гуксу, довольно-таки сдержанно, моего удивленія и негодованія. Немного погодя, Гуксъ позвалъ меня за-втракать.

— Гуксъ! сказала я горячо, предварительно поѣвъ.—Что же это такое? Вѣдь вы, оказывается, мошенникъ!

Мои слова, повидимому, очень мало подѣйствовали на него.

— Можетъ быть, я и мошенникъ, спокойно отвѣчалъ онъ.— Но не лжецъ. Я сказалъ Болбертону только правду. Я—мэръ; я, вѣстѣ съ тѣмъ, и городской совѣтъ, и его предсѣдатель, и синдикатъ. Все это— правда. Это не вся правда,— но и только. Въ двадцать четыре часа населеніе Чампьюнъ-Сити увеличилось на 100%. Вчера я былъ здѣсь одинъ; сегодня—

насъ двое. Надо будетъ прибавить это къ письму. Или итѣ?... Вы, можетъ быть, не останетесь?... Вы, кажется, бойкій паренъ. Мнѣ нуженъ партнеръ; и если вы...

— Всякій, кто присоединился-бы къ вашему мошенническому дѣлу, былъ-бы отъявленнымъ прохвостомъ... перебилъ я грубо.

— Согласны вы быть такимъ прохвостомъ? безъ малѣйшаго смущенія продолжалъ онъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ я.

Мэръ поднялся съ табуретки, на которой сидѣлъ.

— Мистеръ Гуксъ, сказалъ онъ.— Вы были недавно назначены начальникомъ полиціи, для очищенія города отъ всякихъ нежелательныхъ элементовъ. Не правда-ли?—Да, сэръ, отвѣчалъ онъ себѣ, послѣ короткой паузы.— Прекрасно, сэръ, снова заговорилъ онъ, и въ голосѣ его послышалась угрожающая нотка.— Надѣюсь, вы понимаете, что если такіе нежелательные элементы медлятъ убраться изъ вашего города, то ихъ безъ церемоній выкидываютъ за его предѣлы, какъ дохлахъ котятъ; не правда-ли, сэръ?—И начальникъ полиціи началъ снимать сюртукъ и засучивать рукава рубашки, обнаружившіе прекрасно развитые мускулы на его рукахъ... Двѣ минуты спустя я покинулъ единственный домъ Чампьюнъ-Сити и усиленно потогналъ своего лѣшняго мула, желая убраться, какъ можно скорѣе, подальше отъ негостеприимнаго города.

Все населеніе города грозило мнѣ вслѣдъ своимъ единственнымъ кулакомъ.

Во льдахъ.

Миниатюра А. Желѣзнова.

„Вотъ уже полгода, какъ мы затерты льдами. Громады прозрачнаго льда, мѣстами покрытаго снѣгомъ, накренили на-бокъ корабль, и онъ стоитъ, словно надаешь, безпомощно подымая къ небу свои темныя, зашпидившія мачты. Направо видна бѣлая широкая поляна, устланная буграми твердаго снѣга. Налѣво—причудливые узоры высокихъ льдинъ, висящихъ надъ бездною блестящей бахромой, отливающей на солнцѣ яркими алмазами, какъ если фантастическими великанами, стерегущими доступъ къ полюсу. Солнце, съходящее съ горизонта, бѣдно, точно устало. Торжественную, зловѣщую картину представляетъ это зимнее море.“

„Вчера мы покинули корабль. Пошли отыскивать забытую дорогу или заблудившагося эскимоса, или какую-нибудь деревеньку. Вѣтъ больше ничего. Холодъ сковываетъ члены. Смерть грозная, холодная, какъ эти льдины, медленно подступаетъ къ сердцу... Спаситесь!.. Куда?... Всюду безконечная равнина снѣга или стѣны снѣга... Только стаи морскихъ птицъ на льдинахъ оживляютъ вдали эту мертвую землю... Я шагаю еще бодро. Оленья шкура, въ которую я зашптъ, еще не промерзла насквозь. Моя острога рѣжетъ твердую кору снѣга... Я чувствую, что силы мои слабѣютъ. Въ душѣ какое-то непонятное безпокойство... Голодъ...“

„Сегодня, къ вечеру, умерло двое матросовъ. Ихъ похоронили... Тяжелая сцена. Ожесточенные, измученные голодомъ, молча совершили мы печальный обрядъ. Помолчались каждый про себя и разошлись. Никто не плакалъ... Первый разъ въ жизни я испыталъ страхъ смерти... Я понялъ, что снасенъ шптъ. Это сознание хуже самаго конца... Мы набрели на покинутое кочевье эскимосовъ. Слѣды отъ стоянки еще не успѣли сгладиться. Остался ободранная юрта; мѣстами валялись обрывки сѣтей и обломки всякаго хлама... Всю ночь

я писалъ свой дневникъ... Мнѣ такъ много нужно сказать людямъ, и такъ мало, кажется, остается жить...“

„Ночь прошла. Ноги не движутся отъ слабости,—меня везутъ на саняхъ мои спутники... Бѣдные люди. Когда, послѣ смерти, мы встрѣтимся, вы простите мнѣ, что я привелъ васъ къ этой снѣжной могилѣ... Боже Милосердый! Я умираю съ полною вѣрой, что моя смерть не остановитъ другихъ на пути къ грозному полюсу. Друзья! Если Богъ васъ спасетъ изъ этой свободной темницы, и вы увидите мою жецу и дѣтей, передайте имъ мое послѣднее благословеніе... Люди не оставятъ ихъ. Не могу писать больше... Душатъ слезы...“

„У-у!.. Какъ холодно! Сегодня, 11 июня. Тамъ, на землѣ, цвѣтетъ пышное лѣто. Солнце блещетъ на ясномъ небѣ. Голубыя рѣчки таинственно и беззвучно голятъ свои студенныя струи подъ хлѣбными пальмами. Весело и радостно щебечутъ птицы. Въ разросшихся кустахъ прячется кенгуру. На простомъ коврѣ сочныхъ травъ пасутся кони. Молодой рабочий, утомленный, садится обѣдать за деревянный столъ и цѣлуется свою голубоглазую хозяйку. Здоровьемъ и молодостью пышетъ ся улыбающееся, раскраснѣвшее личико... Ахъ, Дженъ, Дженъ! Прощай, моя Дженъ!..“

Въ полдень онъ умеръ. На снѣжномъ бугрѣ навалены черена и кости околѣвшихъ собакъ. Надъ ними поставленъ крестъ изъ обломанныхъ досокъ. Никто не видалъ больше этой могилы... Стерлась-ли она съ лица земли, или все еще блѣдный лучъ солнца тускло глядитъ на пожелтѣвшія кости и сѣверный вѣтеръ сдуваетъ снѣгъ съ обетсалаго креста?..

Въ Лондонѣ, на Ватерлооской площади, стоитъ памятникъ. Плотный морякъ, съ необычайно энергичными чертами лица, безотрадно глядитъ вдали. На каменномъ пьедесталѣ вырѣзана надпись: „Джонъ Франклинъ“.

Къ рисункамъ.

Страшная минута. (Рис. на стр. 173).

Статный и граціозный олень и по сіе время является заманчивою дичью для охотника; только прежде ихъ водилось больше, а теперь рѣдко кому достается насладиться охотою на оленя: его берегутъ для знатныхъ лицъ. Лѣтомъ олень ходитъ преимущественно по возвышенностямъ и только зимою спускается въ долины. Въ это время охота считается самою приятною. Бродя стадомъ, онъ представляетъ легкую цѣль для охотника, и горе ему, если обманетъ его необыкновенное чутье, если надъ его головой просвиститъ неожиданная пуля... Все прошло. Куда только дѣлась его смѣлность, его осторожность... Страхъ, безконечный страхъ за жизнь свою и жизнь семьи овладѣваетъ всѣмъ его существомъ. Настала страшная минута... Спасенья нѣтъ... Бѣжать... И стрѣлой, не зная куда, лишь бы укрыться, мчится прочь вся оленья семья отъ высѣживающаго ее врага-охотника... И ловко скользятъ олени по снѣжнымъ сугробамъ, не разбирая ни шпй, ни обломанныхъ бурей сучьевъ..

На дорогѣ. (Рис. на стр. 176).

Затихъ и заснулъ дремучій лѣсъ. Молчаливо стоятъ высокія деревья, убранныя въ серебро морозомъ. Холодно. Рыклый свѣтъ заоросилъ все кругомъ, и тяжелыя сани глубоко въ немъ вязнутъ. Неожиданное появленіе ихъ неподалеку нару-

шитъ лѣсное безмолвіе: спугнетъ на вѣткѣ бѣлку, которая пробѣжитъ по стволу, осыпая иней, или выгонитъ длинноухаго бѣлика изъ-подъ куста, и онъ понесется черезъ дорогу подальше въ чащу отъ нарушителей лѣснаго покоя.

Законоспасскій монастырь. (Рис. на стр. 177).

Въ нынѣшнемъ номерѣ *Нивы* мы помѣщаемъ изображеніе одной изъ тѣхъ немногихъ обителей Московской Руси, которыя представляютъ собою памятники церковной древности, важной не только по своему значенію въ исторіи русской Церкви, но и по той роли, которую Законоспасская обитель играла въ исторіи русскаго просвѣщенія. Всякій русскій человекъ, когда-либо проживавшій черезъ Москву, конечно, бывалъ на Никольской улицѣ, а потому и не можетъ не знать расположеннаго на самой серединѣ ея Законоспасскаго монастыря, который возвышаетъ высокія округлыя главы своихъ храмовъ надъ крышами низкихъ старинныхъ домиковъ Никольской улицы, въ двухъ шагахъ отъ готическихъ стѣнъ бывшей *Печатной палаты* (нынѣшней синодальной типографіи). Но не всякому, при взглядѣ на эти главы, на обширный монастырский дворъ, обсаженный деревьями, приходило въ голову, что онъ видятъ передъ собою обитель, воспитавшую десятки поколѣній русскаго юношества и, въ томъ числѣ, гениальнаго поэта, Михаила Васильевича Ломоносова.

Вечеръ въ Николаевскомъ Инженерномъ училищѣ. По наброску С. С., авторства Демчинскаго.

Вот краткая история обители. Монастырь Заиконоспасский был основан в 1660 году, по указу царя Алексея Михайловича, бояриномъ княземъ Феодоромъ Феодоровичемъ Волконскимъ. Первоначально, по храму во имя Всемилостиваго Спаса, онъ получилъ название Старога Спасскаго, что на Пескахъ; по впоследствии, по мѣсту расположенія своего за иконойъ *ридомъ* на Никольской улицѣ (считая отъ Кремля), монастырь сталъ называться *Заиконоспасскимъ*.

При патриархѣ Ювѣ сюда, въ стѣны гостеприимной обители, было переведено Ртищевское духовное училище (изъ Андреевскаго монастыря) и здѣсь-же, впоследствии, преобразовано въ Московскую славяно-греко-латинскую академію. Юный царь Феодоръ Алексѣевичъ усиленно заботился о расширеніи и усиленіи этого высшаго (въ тогдашней Руси) учебнаго заведенія, въ которомъ воспитывались дѣти лучшихъ семействъ московскихъ гражданъ и даже сыновья многихъ бояръ. По желанію царя Феодора, преподавателями въ эту академію были вызваны изъ Греціи весьма извѣстные въ то время ученые греки, братья Дихуды (Юанникій и Софроній). Впоследствии, академію управлялъ знаменитый своею ученостью Стефанъ Яворскій. Духовная академія, въ которую прежняя славяно-греко-латинская была преобразована, существовала въ Заиконоспасскомъ монастырѣ до 1814 года, когда она, наконецъ, была переведена въ Троице-Сергиевскую лавру. Съ тѣхъ поръ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ помѣщается Московская духовная семинарія; архимандритъ монастыря есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ректоръ семинаріи.

Здѣсь, въ концѣ первой четверти XVIII вѣка, воспитался и первый русскій ученый академикъ, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Придя въ школу въ Москву, онъ, черезъ какого-то дальняго родственника (со стороны матери), получилъ возможность поступить въ младшій классъ академіи, которую онъ въ своихъ письмахъ и воспоминаніяхъ называетъ просто „Спаскою школою“, прекрасно передавая тягостное положеніе 17-ти-лѣтняго юноши, попавшаго въ кружокъ мальчишекъ, которые дразнили его „великовозрастностью“ и называли „большакомъ“.

Въ настоящее время Заиконоспасскій монастырь находится въ оскуднѣнн. И главный храмъ его, и гробницы погребенныхъ въ немъ именитыхъ людей земли Русской требуютъ давно уже обновленія, на которое обитель, кажется, не имѣетъ средствъ. П.

Любовь и вѣрность. (Рис. на стр. 181).

Привязанность собаки къ человѣку всегдѣ извѣстна. Она стережетъ его домъ и стада и оберегаетъ его самого. Существуетъ множество разказовъ о преданности собаки ей хозяину, котораго она спасала отъ вѣрной гибели. Такой вѣрный другъ изображенъ на картинѣ Эдельманъ, возлѣ своей госпожи. Онъ ласково смотритъ на нее своими умными глазами, въ которыхъ свѣтится безпредѣльная вѣрность, а сама маленькая дѣвочка эта можетъ служить олицетвореніемъ ибъжнаго, чистаго чувства любви.

Черный и бѣлый. (Рис. на стр. 184).

Извѣстная пѣсенка про трубочиста, въ которой поется, что „хоть лицомъ онъ черенъ, но душою чистъ“, можно думать, сложена не про того шалуна, который изображенъ на стр. 184. Безъ стѣненія заусутилъ онъ свой грязный палецъ въ сливочный пирожекъ и съ наслажденіемъ облизываетъ его, къ немалому горю повара и удивленію случайныхъ свидѣтелей недоброй шалости трубочиста.

Заячья школа. (Рис. на стр. 185).

Рисунокъ Ф. Хименеса можетъ быть названъ страницей изъ животнаго эпоса въ картинахъ. Подобно тому, какъ народные наблюдательность и вымыселъ заставляли дѣйствовать животныхъ, какъ людей, въ сказкахъ и басняхъ, или какъ остротный талантъ сатирика изобличаетъ людскіе недостатки и пороки на звѣряхъ, такъ и художники иногда рисуютъ аллегорическія изображенія людей подъ видомъ животныхъ. Каульбахъ, старшій, Гранвилль, Рандоль и не мало другихъ прославились рисунками въ этомъ родѣ, къ которому можно причислить и полную юмора картинку Хименеса.

Вечеръ въ Николаевскомъ Инженерномъ училищѣ. (Рис. на стр. 189).

Каждую зиму въ продолженіе балнаго сезона въ Петербургѣ устраиваются балы и въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Морской корпусъ, Императорскій лицей, Инженерное училище, и въ последнее время Училище Правовѣднія собираютъ въ свои залы петербургское общество, которое очень охотно посѣщаетъ эти вечера, посѣщеніе которыхъ особенный характеръ, благодаря оживленію, вносимому молодыми хозяевами. 4 февраля состоялся одинъ изъ такихъ баловъ въ Николаевскомъ Инженерномъ училищѣ. Прекрасное помѣщеніе юнкеровъ (какъ извѣстно—бывшій дворецъ императора Павла Петровича) было убрано растеніями, статуями и прекрасно исполненными видами русскіхъ крѣпостей.

Танцы происходили въ двухъ залахъ, которые и изобра-

жены на нашемъ рисункѣ. Гости входили по главной лѣстницѣ Инженернаго замка, застланной коврами, черезъ бібліотеку Инженерной академіи и училища, въ которой находятся замѣчательные плафоны. Въ своемъ художественномъ убранствѣ юнкера показали очень много вкуса и большое умѣнье.

Инженерные балы всегда отличаются своей обставкой, весельемъ и радушіемъ своихъ хозяевъ. Освѣщенные электрическимъ свѣтомъ залы, полные веселящейся молодежи, имѣли очень привлекательный видъ. Подъ конецъ бала юнкера поднесли дамамъ на память серебряные жетоны.

Профессоръ Ю. Э. Янсонъ. (Портр. на стр. 192).

31 января, скоропостижно, отъ разрыва сердца, скончался заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета и Александровскаго Лицея, по каюдрѣ политической экономіи и статистики, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, членъ Статистическаго Совѣта Министерства Внутреннихъ дѣлъ, докторъ политической экономіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Юліи Эдуардовичъ Янсонъ.

Покойный родился въ Кіевѣ 5 ноября 1835 года. Блестяще окончивъ курсъ гимназіи, Ю. Э. поступилъ въ Кіевскій университетъ на медицинскій факультетъ. Но занятія въ анатомическомъ театрѣ слишкомъ сильно дѣйствовали на его нервы, и онъ рѣшился перейти поэтому на историко-филологическій факультетъ, который онъ и окончилъ со степенію кандидата въ 1855 г., имѣя всего 20 лѣтъ отъ роду. Но богато даренная натура покойнаго не могла этимъ удовлетвориться. Ю. Э. сталъ изучать математическія науки и увлекся статистикой, разработка которой находилась тогда у насъ еще въ зачаткѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сильно интересовался медициной, великое значеніе которой онъ постоянно признавалъ до конца своей внезапно угасшей жизни. Въ 1860 г. онъ началъ читать лекціи въ Горьковскомъ Земледѣльскомъ институтѣ. Въ 1864 году институтъ этотъ былъ переведенъ изъ Горьковъ въ С.-Петербургъ, и Ю. Э. также былъ переведенъ въ столицу. Тутъ представлялся ему широкій просторъ для развитія его блестящихъ способностей.—онъ занялся научными изслѣдованіями, и черезъ годъ по прибытіи въ Петербургъ уже получилъ степень магистра политической экономіи за представленную имъ въ университетъ и блестяще защищенную диссертацию „Теорія ренты Рикардо“. Своими выдающимися работами Ю. Э. обратилъ на себя вниманіе Русскаго Географическаго Общества, которое въ 1868—69 гг. поручило ему заняться изслѣдованіями по хлѣбной торговлѣ. Возложенное на него порученіе было имъ исполнено со свойственными покойному неутомимымъ усердіемъ и выдающимся талантомъ. Въ 1870 г. Ю. Э. защитилъ въ СПб. университетѣ диссертацию „О направленіяхъ въ научной обработкѣ нравственной статистики“ и былъ удостоенъ степеніи доктора политической экономіи. Съ тѣхъ поръ Ю. Э. весь отдался статистикѣ. По этому, очень еще юному, но имѣющему для человѣчества великое значеніе предмету, онъ выпустилъ цѣлый рядъ капитальныхъ трудовъ, завершившихъ знаменитымъ его сочиненіемъ „Теорія статистики“. Этотъ трудъ произвелъ сенсацію не только у насъ, но и въ Европѣ, и былъ удостоенъ 29 декабря прошлаго года Академіей Наукъ полной преміи имени графа Д. А. Толстого и золотой медали. Ю. Э. преподавалъ статистику въ СПб. университетѣ, Александровскомъ Лицѣѣ, Певномъ институтѣ и на Высшихъ женскихъ курсахъ. Много лѣтъ онъ состоялъ деканомъ юридическаго факультета. Въ 1873 г. Ю. Э. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ, въ 1876 г. произведенъ въ дѣйств. статск. совѣтника.

Покойный Ю. Э. создалъ статистическое отдѣленіе С.-Петербургской Городской Управы и руководилъ имъ вплоть до самой смерти. По особому, выработанному имъ плану, были произведены переписи населенія нашей столицы въ 1881 и 1890 гг.

Это не былъ узкій теоретикъ или кабинетный ученый, знавшійся лишь съ одними цифрами и математическими выкладками. Его цифры—были живыя цифры. Въ стараніи покойнаго ученаго вели лишь къ тому, чтобы воочью цифровыми данными показать все нужды общества, и путемъ все тѣхъ же цифръ находить средства для ихъ удовлетворенія. Неоднократно на своихъ лекціяхъ онъ совѣтовалъ своимъ слушателямъ не пренебрегать статистикой, а вникать поглубже въ ея великую цѣль—служенія на пользу общества, облегченія обществанныхъ нуждъ путемъ ихъ регистраціи. „Статистика есть наука объ обществѣ“, такъ начиналъ свои лекціи покойный профессоръ. Покойный не искалъ популярности ни среди общества, ни среди своихъ слушателей. Его многочисленныя труды, его плодотворная и многотрудная дѣятельность, говоря сами за себя, доставили покойному неувидаемую славу лучшаго русскаго, и даже европейскаго статистика, память о которомъ на долгіе годы сохранится въ душѣ глубоко чтившихъ его товарищей и искренно благодарныхъ его учениковъ.

И. Эйзенъ.

А. Н. Энгельгардтъ. (Портр. на стр. 193).

3-го февраля, въ с. Климовѣ, Вѣльскаго уѣзда, Смоленской

губернии, находящиеся в 30 верстах от ст. Ирцево Московско-Брестской желѣзной дороги, в семейномъ склепѣ похороненъ Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ, скончавшійся 21-го января, в собственномъ имѣннѣ, с. Батищевѣ, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губернии.

А. Н. Энгельгардта знали многие, и многие у него учились. Это былъ одинъ изъ первыхъ пионеровъ, позаботившихся о томъ, чтобы главный источникъ нашего богатства—земля не истощалась, и чтобы земли совершенно безплодныя, такъ-называемыя „подзолы“, удобрить и превратить въ плодородныя нивы.

Совокупность сельско-хозяйственныхъ опытовъ Н. А., изложенныхъ въ его книгѣ: „О хозяйствѣ въ Сѣверной Россіи“, 1888 года; рядъ статей о фосфоритахъ, представляетъ цѣлую систему хозяйства, — систему общую для сѣверной (печерноземной) Россіи. Приблѣненіе фосфоритнаго удобрения растеть съ каждымъ годомъ; создавалась цѣлая отрасль промышленности — производство фосфоритной муки; и можно съ увѣренностью сказать, что этому удобренію суждено играть колоссальную роль въ хозяйствѣ нечерноземной полосы. Значеніе трудовъ А. Н. по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ было признано и отмѣнено при жизни покойнаго.

Императорское Вольно-экономическое общество присудило ему золотую медаль и избрало его въ почетные члены. Министерство Государственныхъ Имуществъ въ 1891 году, въ награду за двадцатипятилѣтніе труды, выдало А. Н. 5,000 руб. и поручило производство опытовъ надъ различными удобрениями. Работалъ надъ отчетами министерству о достигнутыхъ результатахъ, А. Н. и скончался внезапно отъ паралича сердца.

Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода, родился 1-го іюля 1832 года, въ с. Климовѣ. Получивъ прекрасную домашнюю подготовку, онъ былъ опредѣленъ въ Михайловское артиллерійское училище, а затѣмъ поступилъ въ Артиллерійскую академію, гдѣ и прослѣлъ съ успѣхомъ полный курсъ наукъ. Службу свою А. Н. началъ въ Главномъ Артиллерійскомъ управленіи, сперва въ качествѣ штабъ-офицера, завѣдующаго искусствомъ, а затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ былъ главнымъ литейщикомъ при казенномъ заводѣ, продолжая въ то же время изученіе металлургіи и посѣщая съ этой цѣлью лекціи въ корпусѣ горныхъ инженеровъ. Въ 1855 году А. Н. былъ командированъ за-границу, для изученія крупновкаго сталелитейнаго производства; командировка эта дала ему возможность познакомиться съ многими иностранными учеными. Съ этого времени А. Н.

занимался специально химіей. Первые химическія работы были имъ сдѣланы подъ руководствомъ знаменитаго химика Зинина. Занятія химіей навели А. Н. Энгельгардта на мысль объ учрежденіи химической лабораторіи. Его новыя работы и труды по химіи дали ему извѣстность не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Къ этому времени относится изданіе, первое въ Россіи, спеціальнаго *Химическаго Журнала*, издателемъ котораго были А. П. Энгельгардтъ и И. Соколовъ; имъ-же была, на собственные средства, открыта частная химическая лабораторія,—все это имѣло значеніе въ смыслѣ оживленія химическихъ изслѣдованій и распространенія новыхъ воззрѣній на земледѣліе въ Россіи. Въ 1866 г. А. Н. Энгельгардтомъ, во время его командировки въ Орловскую, Курскую и Воронежскую губерніи, для изслѣдованія залежей фосфоритовъ, обнаружены неисчерпаемыя залежи этого драгоцѣннаго минерала. Самые лучшія воспоминанія покойный сохранилъ о пребываніи своемъ, въ качествѣ профессора химіи, въ только что устроенномъ тогда Земледѣльческомъ институтѣ въ Львовѣ. Преподаніе химіи здѣсь было поставлено образцово. Имъ же, по его плану, была устроена при институтѣ лабораторія, которой институтъ можетъ гордиться. Не только устройствомъ лабораторіи институтъ обязанъ А. Н. Энгельгардту, но и въ организаціи по широкому плану самого института, самое дѣятельное и выдающееся участіе принадлежитъ безспорно покойному, — его талантамъ, его энергіи, его умѣнью соединить практическое, житейское дѣло съ глубокой истинно-научной постановкой вопроса.

А. Н. Энгельгардтъ, еще въ началѣ пятидесятихъ годовъ, сталъ печатать въ *Артиллерійскомъ Журналѣ* свои спеціальныя техническія статьи о литѣ орудіи. Затѣмъ, въ 60-хъ годахъ, А. Н. началъ принимать участіе и въ общей литературѣ, помѣщая въ различныхъ журналахъ и газетахъ популярныя статьи по естествознанію и агрономіи. Особенно широкую извѣстность приобрѣли его „Письма изъ деревни“, писанныя имъ изъ с. Батищева, изъ этого заброшеннаго когда-то пустыря, который въ теченіе десяти лѣтъ А. Н. преобразилъ въ цвѣтущее, образцовое имѣніе, обратившееся въ опытную станицу по сельскому хозяйству. Нанимъ глѣбороды постоянно обращались къ А. Н. за совѣтами и указаніями, въ которыхъ покойный никому никогда не отказывалъ; сюда же многие прѣѣзжали учиться, и отсюда вышло немало хорошихъ агрономовъ, разбѣившихъ почти по всему нашему обширному отечеству.

А. Х.

Разныя извѣстія.

— Въ четвергъ, 11 февраля, на первой недѣлѣ поста, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица прѣѣхали для молитвы въ Александровскую лавру, а также посѣтили Петропавловскій соборъ.

— 9 февраля, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великою Княжною Ксенією Александровною, Герцогиня Эдинбургская съ дочерью, принцессою Викторією, Великая Княгиня Марія Павловна и герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій съ супругою посѣтили помѣщающуюся въ Императорской академіи художествъ выставку произведеній профессоровъ Антокольскаго и Шишкина. Государь Императоръ изволилъ приобрести одинъ изъ пейзажей проф. Шишкина.

— 11 февраля, въ 6 часовъ пополудни, наследный князь Давидъ Черногогорскій выѣхалъ по Варшавской желѣзной дорогѣ за границу.

— За прошлый, 1892 годъ, окладныхъ сборовъ по губерніямъ и областямъ Россіи поступило въ Министерство Финансовъ 111.110.000 руб. Въ 1891 году этотъ сборъ равнялся 102.940.000 руб.

— *Привѣтствіе.* Выстпикъ сообщаетъ результаты окончательныхъ университетскихъ испытаній, произведенныхъ особыми комис-

сіями (Общій уставъ университетовъ 1884 г.) въ теченіе 1889, 1890, 1891 и 1892 гг. Въ 6 университетахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Киевскомъ и Новороссійскомъ, результаты эти оказались слѣдующіе:

	Получило 1-й степ.	дипломи: 2-й степ.	Не выдержало экзаменовъ:
1889 г. . .	237	262	148
1890 „ . .	482	560	402
1891 „ . .	658	770	291
1892 „ . .	480	438	433

Наибольшее число экзаменованныхъ приходится на долю С.-Петербургскаго университета. Во всѣхъ университетахъ юрсты занимаютъ по числу первое мѣсто.

— Въ послѣднемъ засѣданіи совѣта С.-Петербургскаго университета избраны почетными членами посѣднлаго высокопреосвященные: Палладій, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій, и Іоанннй, митрополитъ Киевскій и Галицкій.

— Библиотека Московскаго Историческаго музея обогатилась недавно двумя цѣнными подарками: очень рѣдкимъ изданіемъ „Русскій Лицевой Апокалипсисъ“ академика Ф. П. Буслаява, съ альбомомъ, и обширною библиотекой извѣстнаго слависта А. А. Котляревскаго, переданною съномъ покойнаго—И. А. Котляревскимъ.

— Общій валовой доходъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, съ 1-го января по 1-е декабря истекшаго года, сирѣдился въ 258.610,399 руб., менѣе 1891 года на 1.795,562 р., или на 0,7%. Уменьшеніе послѣдовало также и относительно поверстнаго дохода—на 118 р. Наибольшее пониженіе дохода имѣло мѣсто на Юго-Западныхъ дорогахъ—на 4.123.760 р.; наиболѣе замѣтное увеличеніе дохода послѣдовало на Владикавказской желѣзной дорогѣ—1.638,811 руб.

— Въ засѣданіи 10 февраля Тарифнымъ комитетомъ (при Департаментѣ желѣзнодорожныхъ дѣлъ при Министерствѣ Финансовъ) разрѣшенъ весьма важный для сельскаго хозяйства нашего южнаго и юго-западнаго края вопросъ о пониженіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ на перевозку отправляемыхъ за границу черезъ Либавскій портъ овецъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ въ Либаву до 11 коп. съ вагона и версты на большихъ разстояніяхъ (при условіи нагрузки въ одинъ вагонъ, двухъ-ярусный, до 140 штукъ овецъ).

— На островѣ Чельскъ, въ Каспійскомъ морѣ, между Астраханью и Петровскомъ рѣшено организовать каторжныя колоніи для преступниковъ изъ уроженцевъ и жителей Кавказа, Туркестанскаго края и Закаспійской области, не переносящихъ суроваго климата Сахалина.

Политическое обозрѣніе.

Пана Левъ XIII отпраздновалъ 7 февраля пятидесятилѣтній юбилей свой находженія въ епископскомъ санѣ. Въ этотъ день восьмидесятитрехлѣтній пана служилъ утромъ въ соборѣ Св. Петра мессу, на которой присутствовало болѣе 60,000 чело-вѣкъ, горячо привѣтствовавшихъ юбиляра при вступленіи и выходѣ его изъ собора. Пана имѣлъ бодрый видъ и благословить

народъ громкимъ голосомъ. Порядокъ на площади Св. Петра поддерживали королевскія войска въ парадной формѣ.

Русско-германскій торговый договоръ встрѣчаетъ значительное сопротивленіе со стороны аграрной партіи въ Германіи. Протнводѣйствіе произошло въ палату денутатовъ прусскаго сейма и въ рейхстагѣ. Палата, обуреваемая негнцію противъ за-

ключенія русско-германскаго торговаго договора, пришла предложеніе Дзембовскаго о томъ, чтобы правительство повлило въ союзномъ совѣтѣ въ томъ смыслѣ, чтобы при предстоящихъ переговорахъ о торговомъ трактатѣ съ Россіей были широко охранены интересы сельскаго хозяйства, сообразно опыту, сдѣланному при заключеніи торговыхъ договоровъ съ Австріей, Италіей и Швейцаріей.

По толкованіямъ вѣснскихъ газетъ, германская аграрная партія своею оппозиціею противъ торговаго договора съ Россіей намѣрена вынудить у правительства различныя уступки. Неблагоприятные результаты торговаго договора съ Австріей вовсе не обуславливаются невыгоднымъ для Германіи изложеніемъ договора, а общимъ застоемъ въ дѣлахъ.

Министерство Рибо во Франціи едва успѣваетъ отражать направляемыя противъ него нападки, запросы и предложенія. 4 февраля Радикаль Леде сдѣлалъ запросъ объ общей политикѣ кабинета и, между прочимъ, сказалъ: „Существуетъ лига лѣваго центра и присоединившихся къ республикѣ консерваторовъ, имѣющая цѣлью завладѣть властью и измѣнить военныя, школьныя и финансовыя законы“. Послѣ рѣчей радикала Мильрана, упрекнувшаго правительство панамскимъ дѣломъ, и социалиста Лафарга, Кавеньякъ сдѣлалъ разъясненія о своей послѣдней рѣчи, и затѣмъ на трибунѣ появился Рибо. Въ своей рѣчи Рибо напомнилъ, что, вступая въ управленіе, онъ просилъ содѣйствія всѣхъ республиканцевъ. „Благодаря единенію республиканцевъ, говорилъ онъ,—исчезла смѣлость тѣхъ, кто угрожалъ Франціи надеіемъ республики; страна съ довѣріемъ ждала окончанія дѣла, которое послужило предлогомъ къ кампаніи и процессу, имѣющему цѣлью восстановление чести и виоліи необходимому. Теперь отъ насъ требуютъ, чтобы мы разрушили это единеніе“. Далѣе Рибо отвергаетъ предложенное Мильраномъ сближеніе съ социалистами и буланжистами. Рибо отвергаетъ также и сближеніе съ такъ называемыми центрами. „Кабинетъ, говорилъ онъ,—правитъ со всѣми вмѣстѣ; республиканская партія не хочетъ быть въ

пѣни ни у какой группы“. Ораторъ протестуетъ противъ упрековъ въ томъ, будто кабинетъ находится подъ вліяніемъ Клемансо или крайней лѣвой. Въ заключеніе Рибо напомнилъ о томъ, что совершено во Франціи за 15 лѣтъ и что Франція не можетъ не цѣнить, несмотря на недавнюю тучу, которая, впрочемъ, начинается расхлѣдываться. Деруледъ, который говорилъ послѣ Рибо, прямо нападалъ на министра президента, упрекая его въ томъ, что у него собственно нѣтъ никакой политики, и выводилъ отсюда заключеніе о необходимости переимѣнить существующія учрежденія. Членъ лѣваго центра Дешанель жаловался, что страню управляютъ при содѣйствіи крайней лѣвой, которая подаетъ голоса противъ всѣхъ кабинетовъ. Президентъ конституціонной правды, Піу говорилъ въ томъ смыслѣ, что страна выскажется противъ республиканскаго сосредоточенія. При этомъ ораторъ осуждалъ военный и школьный законы и требовалъ либеральной, исполненной терпимости и открытой республики. Затѣмъ внесено было нѣсколько формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, и палата, большинствомъ 315 голосовъ противъ 186, вотировала предложенную Лагомъ и принятую Рибо формулу слѣдующаго содержанія: „Палата, до вѣрши правительства въ дѣлѣ поддержанія демократическихъ законовъ и упроченія чести республиканскаго политикѣ, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Утреннія газеты единогласно заявляли, что засѣданіе несколько не имѣло положенія, да оно и не могло имѣться, такъ какъ для всякаго безпристрастнаго наблюдателя ясно, что царству радикаловъ и оппортунистовъ наступилъ конецъ, и что новая умѣренная республиканская партія возникаетъ сама собою и уже называется именемъ Кавеньяка.

Въ дворцовой церкви въ Шварцау совершено 6 февраля обрученіе принца Кобургскаго съ принцессою Маріей-Луизой,

при чемъ обручальныя кольца были благословлены фросдорфскимъ аббатомъ. По желанію пармской герцогской фамліи, бракосочетаніе состоится, вѣроятно, 29 марта въ Вилла-Шаноре, близъ Виа-Реджіо.

Профессоръ Юлій Эдуардовичъ Янсонъ († 31 января 1893 г.).
Съ фот. Шалиро, грав. Шюблеръ.

Искусство.

Товарищества артистовъ.

Съ наступленіемъ Великаго поста, зимній сезонъ считается окончениымъ, и обыкновенно начинаютъ устраиваться „Товарищества артистовъ“ на лѣтній сезонъ. Но товарищества—товариществамъ рознь; въ этомъ отношеніи нужно рѣзко различать зимнія отъ лѣтнихъ, какъ по характеру, такъ и по составу и добытымъ ими результатамъ. Такъ-называемыя зимнія товарищества въ провинціи представляютъ собою соединеніе людей, немѣющихся матеріальныхъ средствъ, оставшихся безъ ангажемента, за отсутствіемъ у насъ солидныхъ антрепренеровъ. Артисты эти на авось соединяются въ труппу, на авось начинаютъ дѣло и въ большинствѣ случаевъ остаются при этомъ „авось“; будетъ публика посѣщать театръ—будетъ обѣдъ и почлегъ; не станетъ ходить—придется сложить пожитки и искать дальше гдѣ-нибудь пріюта. Такихъ бездомныхъ и безпріютныхъ артистовъ особенно много въ провинціи между драматическими актерами.

Въ большинствѣ случаевъ эти артисты служатъ искусству, чтобы бѣтъ, а не вѣдать—чтобы служить искусству; имъ приходится играть лишь то, что даетъ сборы. Начали, скажемъ, съ Шекспира и Шиллера, публика почему-либо осталась холодна къ классикамъ. Нечего дѣлать, надо вѣзться за оперетку; вчерашній Гамлетъ превращается въ Париса, Король Лиръ въ Калхаса, а Дедемона въ Прекрасную Елену. Не понравилась оперетка—берутся за современную комедію и новѣйшую драматургію; если это не помогло, прибѣгаютъ къ послѣднему якорю спасенія—къ гастролерамъ, а ужъ послѣ нихъ остается только перекочевать въ другой городъ, и тамъ снова начать свои опыты. Смотришь, зимній сезонъ прошелъ, настала Великій постъ, когда играть нельзя, и остается только надѣяться на лѣтній сезонъ; но тутъ новая бѣда, угрожающая еще больше, чѣмъ зимняя пора; гроза идетъ изъ столицъ, гдѣ уже обра-

зовались лѣтнія товарищества артистовъ. Это совсѣмъ другой типъ товарищества.

Это люди сытые, обеспеченные, получающіе круглый годъ жалованье, пріѣзжающіе съ громкимъ для провинціальной публики титуломъ „артистовъ Императорскихъ театровъ“, имѣющимъ свое обаяніе. Они объявляютъ всего пять-шесть спектаклей за мѣсяцъ впередъ; репертуаръ этотъ у нихъ отлично сыгранъ; они не ставятъ того, что можетъ нравиться публикѣ, а то, что у нихъ готово. На худой конецъ они рискуютъ только своими дорожными расходами. Цѣль ихъ поѣздки—не хлѣбъ, имъ этого не нужно, а слава и лишній деньги; деньги даже за то время, которое имъ полагается для отдыха (и за которое они получаютъ жалованье, чтобы отдохнуть), хотя едва-ли слѣдуетъ считать „отдыхомъ“ постоянные разъѣзды, суету, сопряженную съ ними, первое напряженіе во время спектаклей, жизнь въ провинціальныхъ гостиницахъ и проч.

Единственнымъ исключеніемъ, насколько намъ извѣстно, является артистъ нашей драматической труппы, г. Далматовъ, по принципу не вступающій ни въ какія лѣтнія товарищества. Когда является труппа столичныхъ артистовъ въ какой-нибудь городъ, разумѣется, сборы прекрасны, публика въ восторгѣ, артисты, получающіе хорошіе наи на свою долю, счастливы; одни только мѣстные провинціальные актеры, чаявше лѣтомъ какъ-нибудь поправить свои дѣла послѣ зимняго краха, въ отчаяніи отъ нашествія „старшаго брата“, отнявшаго у него кусокъ хлѣба и надежду на него, ибо съ отъѣздомъ „свѣтилъ“ никто ужъ, навѣрное, въ театръ не станетъ заглядывать, что бы тамъ ни давали; да и за мѣсяцъ до ихъ пріѣзда мѣстные обыватели не посѣщаютъ театра въ ожиданіи свѣтилъ. Бѣдный русскій актеръ! Обижаетъ тебя „старшая братія“ лѣтомъ; остается только опять надѣяться на зиму... Печальное существованіе!

В. Басининъ.

На выставках гг. Антокольскаго и Премацци.

Открывшаяся на прошлой недѣлѣ выставка скульптурныхъ произведеній г. Антокольскаго составляетъ,—можно сказать,—художественное событіе въ Петербургѣ. Большинство выставленныхъ нынѣ произведеній не было до сихъ поръ известно въ Россіи и появляется въ первый разъ въ Петербургѣ. Выставка состоитъ изъ семнадцати статуй и бюстовъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ статуи Спинозы, Нестора и Ермака. Сильное впечатлѣніе производитъ мраморная статуя Спинозы (въ натуральную величину). Художникъ для характеристики Спинозы взялъ, по его словамъ, цитату изъ письма философа къ Ольденбургу: „Прохожу мимо человѣческихъ золь потому, что они мѣшаютъ мнѣ служить идеѣ Бога“. И Антокольскій сумѣлъ выразить, насколько это было доступно скульптурѣ, печать философской мысли на лицѣ великаго мыслителя. Гораздо менѣе выразительно лицо Нестора (статуя изъ мрамора), сидящаго въ одеждѣ монаха за столомъ и пишущаго свою лѣтопись. Лицо Нестора выражаетъ безстрастіе монаха, извѣдавшаго жизнь, переставшаго чему-либо удивляться и равнодушно записывающаго событія эпохи; статуя, очевидно, навѣяна знаменитымъ монологомъ Пушкина: „Еще одно послѣднее сказаніе и лѣтопись окупчена моя“. Совершенно въ другомъ родѣ колоссальная бронзовая статуя Ермака. Спокойная самоувѣренность завоевателя Сибири, какое-то неподдѣльное ухарство, смѣлость, сила, съ характеромъ нѣкоторою величія во всей фигурѣ и въ лицѣ, придаютъ особенный интересъ этой колоссальной статуѣ, составляющей положительное украшеніе выставки. Г. Антокольскій въ своемъ „Ермакѣ“ сумѣлъ избѣжать аффектаціи, столь часто встрѣчающейся въ подобнаго рода сюжетахъ, и придать фигурѣ характеръ безыскусственной простоты, при красотѣ линий и позы. Такимъ же выраженіемъ величія и простоты отличается и бронзовый горельефъ Ярослава Мудраго, изображеннаго почти по поясъ и утвержденного какъ бы на пьедесталѣ, на толстой книгѣ „Русской Правды“. Помимо этихъ, если можно такъ выразиться, историческихъ статуй, на выставкѣ г. Антокольскаго есть нѣсколько произведеній, отличающихся въ нашемъ художникѣ глубокаго психолога. Къ такого рода произведеніямъ принадлежатъ: Мефистофель (бронзовая статуя), Офелія (горельефъ изъ мрамора), Ангелъ (надгробный памятникъ ребенку) и „Не отъ міра сего“ (христіанская мученица). Настоящій Мефистофель есть не болѣе, какъ бронзовое повтореніе известной мраморной статуи, находящейся въ Эрмитажѣ. Мнѣ кажется, что въ мраморѣ статуя значительно выигрываетъ, хотя и въ мраморѣ въ статуѣ замѣчается отгѣнокъ преувеличенной злобы, насмѣшливости, ядовитости, поражающихъ своею искусственностью. Удивительно художественно исполненъ надгробный памятникъ ребенку. Ангелъ со спущенными крыльями, полулежа, покоится на опустѣвшей дѣтской кровати; тихое, ясное выраженіе на лицѣ ангела, прелестная, дѣтская грація формъ придаетъ этой статуѣ неизъяснимую прелесть. Также хороша и Офелія, изображенная горельефомъ изъ мрамора; это—граціозная голова мечта-

Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ († 21 января 1893 г.).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

тельной дѣвушки на фонѣ, изображающемъ камыши; какой-то задумчивой позей и грустью вѣетъ отъ этого прелестнаго горельефа. Позейей и красотой выраженія обращаетъ на себя вниманіе другой мраморный горельефъ „Головы Юанна Крестителя“ на блюдѣ.

Желая ознакомить читателей съ новыми произведеніями Антокольскаго, экспонированными на его выставкѣ (прежнія достаточно известны), мы помѣстимъ своевременно на страницахъ *Нивы* нѣсколько снимковъ съ выдающихся статуй его работы послѣдняго времени.

Наибольшій интересъ несомнѣнно представляетъ вторая группа произведеній настоящей выставки, принадлежащая изображенію Христа. Тутъ мы имѣемъ четыре статуи различнаго дотоинства: бронзовая статуя Спасителя для надгробнаго памятника, Христосъ передъ судомъ народа,—редукція известной статуи изъ мрамора, Христосъ, укрощающій бурю на морѣ (изъ гипса, проектъ для малка) и „Послѣдній вздохъ“ (Христосъ на крестѣ). „Христосъ, укрощающій бурю“ нѣсколько театраленъ; „Спаситель для надгробнаго памятника“ мало выразителенъ, но „Послѣдній вздохъ“ представляетъ собой замѣчательное произведеніе скульптуры,—могущее быть однимъ изъ лучшихъ украшеній какого-нибудь художественнаго собранія.—Кромѣ этихъ произведеній, на выставкѣ г. Антокольскаго есть еще два бюста: Н. С. Тургенева (изъ воска) и великаго князя Николая Николаевича Старшаго (изъ гипса). Бюстъ Тургенева, на мой взглядъ, не вполне удаченъ,—сходство сохранено только приблизительно. Впрочемъ, и всѣ другіе бюсты Тургенева, какіе намъ случалось видѣть, тоже неудачны. Лицо Тургенева—одно изъ тѣхъ лицъ, выразительность которыхъ почти неуловима. Зато бюстъ великаго князя можно считать шедевромъ портретной скульптуры.

Общество поощренія художествъ открыло посмертную выставку акварелей Премацци. Въ свое время, въ шестидесятыхъ годахъ, Премацци считался однимъ изъ лучшихъ нашихъ акварелистовъ; онъ пользовался широкой известностью и въ Россіи, и за границей, и постоянно получалъ заказы отъ Членовъ Императорской Фамиліи, отъ Англійской королевы Викторіи и королевы Виртембергской Ольги Николаевны, а также и отъ многихъ аристократическихъ домовъ. Лучшими его акварелями считаются прелестные виды Италіи, Кавказа и Крыма; въ нихъ солнечные эффекты поражаютъ по живописности. Премацци былъ также однимъ изъ талантливѣйшихъ художниковъ по перспективной живописи; его внутренне виды Эрмитажа и нѣкоторыхъ Императорскихъ дворцовъ, виды комнатъ въ домѣ барона Штигица—считаются своего рода шедеврами. Премацци любилъ сильные эффекты нѣсколько на итальянскій манеръ, но едва-ли у него были соперники по части изображенія зданій, освѣщенныхъ солнцемъ. Настоящая выставка его акварелей даетъ достаточно полное понятіе о манерѣ и талантѣ Премацци, хотя она далеко не полна. Устроители выставки, конечно, не могли собрать всѣхъ произведеній художника, который неутомимо трудился въ теченіе своей полувѣковой дѣятельности, и акварели котораго разбросаны по всей Европѣ и Россіи.

В. Ч.

С М Ъ С Ъ.

Скрытыя силы почвы. Свойства почвы во многихъ случаяхъ имѣютъ большое значеніе для людей на ней живущихъ.

Особеннаго интереса заслуживаетъ обезвреживающая сила почвы. Прежнее дѣленіе вредныхъ веществъ, угрожающихъ человѣческой жизни, на минеральные, растительные и животныя яды, уступило мѣсто новому дѣленію на два большіе класса. Прежде всего различаютъ яды *органическіе*,—крошечныя живыя существа, производящія въ нашемъ организмѣ заболѣванія; имъ противопоставляются всѣ раньше известныя ядовитыя вещества подъ общимъ названіемъ *химическихъ* ядовъ, несмотря на то, что одни, какъ напр. мышьякъ, принадлежатъ къ минераламъ, другія, какъ стрихнинъ, получаютъ изъ растений.

Въ настоящее время известно, что почва способна распространяющую живыхъ болѣзнетворныхъ организмовъ известные предѣлы. Слои почвы дѣйствуютъ какъ фильтръ; маленькіе организмы, какъ бактеріи, грибки и тѣсни и инфузоры, застреваютъ въ самыхъ верхнихъ слояхъ почвы. Чѣмъ глубже въ почву, тѣмъ меньше зародышей микроорганизмовъ; уже на глубинѣ одного метра число ихъ очень не велико, а на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ почва обыкновенно

свободна отъ зародышей. Этотъ фактъ имѣетъ несомнѣнно высокое значеніе для гигиены, такъ какъ благодаря фильтрующему процессу, вода очищается отъ вредныхъ веществъ, оздоровляется. Источники и глубокіе колоды болѣею частью доставляютъ здоровую воду для питья, если принять мѣры къ тому, чтобы стоки изъ людскихъ жилищъ туда не изливались. (в.)

Нѣсколько англійскихъ и американскихъ капиталистовъ учредили общество для покупки находящагося въ дѣйствиіи известнаго вулкана Попокатепетля въ Мексикѣ, имѣющаго въ вышину 5400 метровъ (болѣе 5 верствъ). Общество намѣрено приобрести его для эксплуатаціи сѣры, находящейся въ огромныхъ размѣрахъ въ его кратерѣ. Добытая изъ вулкана сѣра помощью электрической дороги будетъ свезена въ долину; равнымъ образомъ, общество поставило себѣ дѣлю добыть и свезти ледъ находящійся на вершинѣ горы. Прежній владѣлецъ этого вулкана, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, но все-таки добывалъ уже изъ него сѣру; новыя же предприниматели начертали грандіозный планъ добыванія сѣры—понятно, если только не будетъ имѣть ничего противъ этого самъ вулканъ Попокатепетль.

Книга Флатё, хранящаяся в Копенгагенской королевской библиотеке, будет перевезена в Чикаго на время всемирной Колумбийской выставки специально предназначенным для того американским военным судном. Это редкое произведение относится к XIV веку и заключается в себе порежеки королевския саги, перемежаемая с песнями. Оно состоит из двух томов и написано на пергаменте замечательно красивым почерком и снабжено искусно, прямо-таки, художественно исполненными заглавными буквами (заглавками). Оно написано, полагаю, между 1370 и 1380 гг., следовательно, болше, чымъ за сто лётъ до открытiя Америки. Авторы его — два исландских пастора, Магнус Торгалльзон и Йон Тодарсенъ, жившие на острове Флатё в Бредефордъ, залитъ в западной части Исландiи. Самое интересное в этомъ древнемъ сочиненiи то, что тамъ въ сагу объ Олафъ Тригвасонъ выдесна сага объ Эрикъ и его сынъ Лейфъ Участвивонъ, впервые открывшемъ Америку. Въ 986 г. отплылъ Эрикъ изъ Исландiи на западъ и открылъ Гренландiю, сынъ же его Лейфъ, впоследствии получившiй прозвище „Участливаго“, снова вернулся въ Исландiю и оттуда направился въ Норвегiю. Тамъ его склонилъ Олафъ Тригвасонъ къ принятию христанства. Лейфъ сталъ христанномъ и ршился отправиться въ Гренландiю для обращенiя ея жителей въ христанство, но на пути туда онъ былъ отброшенъ бурей на югъ отъ Гренландiи, гдѣ онъ открылъ въ 1000 г. неизвѣстную до тѣхъ страну и назвалъ ее Винландiей (нынѣшнiй Лабрадоръ). Такимъ образомъ, Лейфъ открылъ Америку почти за 500 лётъ до того, какъ Колумбъ вступилъ впервые на берегъ этой колоссальной части свѣта. На специальной выставкѣ Колумба, особой отъ Чикагской всемирной выставки, будетъ чествоваться и Лейфъ, какъ первый, открывшiй Америку; для этого-то и будетъ доставлена въ Чикаго означенная книга Флатё. Датское министерство народнаго просвѣщенiя, послѣ того какъ американское правительство гарантировало сохраненiе книги, уже выразило свое согласiе на ея отправку. При этомъ, какъ бы въ видѣ стража, отправится доцентъ Копенгагенскаго университета, Dr. Гудмундсонъ, всѣ издержки котораго по путешествiю взяло на себя американское правительство. На выставкѣ эта книга будетъ помѣщаться въ специально устроенномъ для нея помѣщенiи, у озера Мичиганъ, гдѣ ее днемъ и ночью будетъ охранять особо приставленная стража.

Электрический газъ. Въ Ширингфельдъ, штатъ Массачузетъ (Съверн. Америка) посредствомъ нагреванiя масла приводится въ газообразное состоянiе. Это достигается слѣдующимъ путемъ: чрезъ одинъ изъ металловъ, представляющихъ дурной проводникъ электричества, пропускается электрическiй токъ; металлъ накаливается и будучи приведенъ въ соприкосовенiе съ масломъ, обращаетъ его въ газообразное состоянiе. Огромное преимущество этого новаго способа получения газа заключается въ дешевизнѣ этого газа, цѣна которому колеблется между 26 и 30 коп. за 1000 куб. англ. футовъ. Главнымъ образомъ, электрическiй газъ долженъ быть и, конечно,

будетъ примененъ при производствѣ стали и вообще въ горюмъ дѣлѣ, такъ какъ онъ воишь можетъ захлѣбнуть генераторный газъ.

Металлизациа матерiй. Помимо непромокаемости и негорючости, теперь сделана попытка сообщить тканямъ еще одно очень важное свойство, а именно оберечь шерстяныя и другiя матерiи отъ разрушительнаго влiянiя бактерий. Французскiй ученiй Морлекуръ достигъ этого слѣдующимъ путемъ. Разнаго рода шерстяныя и льняныя матерiи, фланель и т. д. погружаются на часъ времени въ кипящую массу, состоящую изъ четырехъ килограммовъ (9,76 фунта) мѣднаго купороса, 1 килогр. (2,44 фунта) сѣрной кислоты и 1000 литровъ (81,3 ведра) воды. Послѣ этого ткани прессуются или скатываются и подвергаются обсушкѣ. Полученныя такимъ образомъ металлизированныя матерiи мало-по-малу утрачиваютъ свои цѣльныя свойства только отъ спирки, почему и слѣдуетъ ихъ время отъ времени подвергать новой металлизации сквашаннымъ способомъ.

Освѣщенiе земли съ аэростатовъ. Сдѣланныя у насъ испитанiя въ этомъ направленiи оказались очень удачными. Съ высоты 600 метровъ, несмотря на густой туманъ, удалось освѣтить пространство въ 500 метровъ въ диаметръ снопомъ электрическихъ лучей силой въ 5000 свѣтъ. Съ высоты же 150 метровъ можно легко освѣтить цѣлую верету. (г. в.)

ШАХМАТЫ
подъ редакцiей Э. С. Шифферса

Задача № 5.
S. Loyd (New-York).

Задача № 6.
Этьенъ И. Бергера (Граць).

Черные. Черные.

Бѣлые.
Мать въ 2 хода.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Ива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежнiй печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскiе расходы. Гг. же городскiе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ВИЛЬЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкiй пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—2
Иллюстрированныя преисъкурнты по востребованiямъ высылаются безвозмездно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 2-Й ГОДЪ ИЗДАНiЯ
(съ 1-го мая 1893 г. по 1-е мая 1894 г.)
„ВѢСТНИКЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ“
и ГОРНАГО ДѢЛА ВООБЩЕ.

Журналъ имѣетъ выходишь, непременно, 2 раза въ мѣсяцъ, въ раздѣлѣ отъ одного до двухъ печатныхъ листовъ, считая въ томъ числѣ и чертёжи.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:—I. Общее обозрѣнiе.—II. Горное и заводское дѣло.—III. Прикладная минералогiя, геологiя, геополiя.—IV. Исторiя, холмiство и статистика золотопромышленнаго и горнаго дѣла вообще.—V. Механика золотого дѣла.—VI. Горное законодательство.—VII. Указононiя и распоряженiя правительства.—VIII. Новости и пльветiя.—IX. Финансовое положенiе прiеисковъ и золоторуднаго дѣла.—X. Корреспонденцiи.—XI. Почтовый отдѣлъ.—XII. Библиографiя.—XIII. Справочный отдѣлъ.—XIV. Объявленiя. № 62.2

Въ вышеупомянутое содержанiе журнала войдутъ какъ оригинальныя статьи, такъ и рецензiи. Все лучшее, что извѣщено на иностранныхъ языкахъ или могущее повлиять, составитъ, по возможности, необходимый материалъ журнала. Статьи, помѣщаемыя въ журналѣ, будутъ цѣлкомъ общедоступны.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.
Съ пересылкой или доставкой на годъ—7 руб., на полгода—4 руб., на 3 мѣсяца—2 руб. 50 коп., на 1 мѣсяць—1 рубль.

Подписка принимается въ Томскѣ: 1) въ книжномъ магазинѣ П. П. Макушина и 2) въ конторѣ редакцiи журнала (Затѣвскiй переулокъ, домъ Г. И. Камки; въ С.-Петербургѣ—въ главнуй конторѣ Коммиссiонера казенныхъ горныхъ заводовъ, Малая Морская, д. № 9; въ Иркутскѣ—въ редакцiи „Восточнаго Обозрѣнiя“.

Редакторъ-Издатель Горн. Инж. В. С. Реутовскiй.

СОДЕРЖАНiЕ: Воля судьбы. Историческiй романъ въ трехъ частяхъ Нн. М. Н. Волонскаго. Ч. I. (Продолженiе).—Лента. (Изъ петербургскихъ эскизовъ). О. Чюминой.—Не вспоминай! (стих. А. Луинова.—Страничка изъ исторiи нашего вѣка. Вѣна во время конгресса. (По запискамъ современниковъ).—Мэръ Чампльонъ-Сити. (Разсказъ изъ американскихъ правыхъ, Мариа Таена).—Во льдахъ. Миниатюра А. Желѣнова.—Къ рисункамъ: Страшная минута (съ рис.).—На дорогѣ (съ рис.).—Занюсопасскiй монастырь (съ рис.).—Любовь и вѣрность (съ рис.).—Черный и бѣлый (съ рис.).—Заячья школа (съ рис.).—Вечеръ въ Николовскомъ инженерномъ училищѣ (съ рис.).—Ю. Э. Янсонъ (съ портр.).—А. Н. Энгельгардтъ (съ портр.).—Разныя пльветiя.—Политическое обозрѣнiе.—Искусство.—Смѣсь.—Шахматы.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленiя.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Нн. М. Н. Волонскiй.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **БЕРЛИНЪ,**
Егерштрассе, 46,
рекомендуетъ какъ повѣннее производенiе высшего качества и въ богатой упаковке парфюмерiю

„BOUQUET RUSSE“.
Духи
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА.
ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
Сапе.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парижскихъ и у дрогнговъ. № 5505 (22)

Richner's Fettmilde

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Пудра для вечера и дня, незаметная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенiя красоты кожн! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 6258 10—1
Жирная румяна, бѣлiла. Карандаши для бровей.
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россiи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгiйскихъ Императорскихъ театровъ.
Имѣнный складъ для всей Россiи: у В. Ауриха, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ВИНО
СЕН-РАФАЭЛЬ.
№ 6191 10-1

Вино Сен-Рафаэль превосходит на вкус.
Сохраняется по способу г-на Пастера.

На каждой бутылке находится печать Российской таможи.

Вышло новое издание **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И. КАРНО.

Перевод съ франц. под редакціей и съ предисловіем Р. И. Семеновскаго. Около 400 страницъ. Цѣна 1 рубль. М. № 6231

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
АМОСТРОУМОВА
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УТВЕРЖ. ДЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
МАРКА ЗА МАРКУ
ОСТЕРИГАЕТСЯ ПСЕВДОМЪ

СЪМЕНА

хлѣбныя, траваыя, огородиня, цѣботныя, древесныя и проч. лучшаго качества и испытанной всѣхъ-жестей на собственной контрольной станціи.

Полный иллюстрированный каталогъ на 1893 г. съ подробными поясненіемъ и правиломъ культуры оной и цѣнотъ, а также и устройствомъ огородовъ, цѣвниковъ, ларниковъ, теплицъ и проч. строеній, желающимъ получить высылаются бесплатно. Ц. № 6259

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Н. В. ЛИСИЦЫНА Сыновей
Москва: 1) Петровка, д. Пенскаго; 2) Мясницкая, д. Пѣгова.
Нашъ Торговый Домъ никакихъ складовъ и агентствъ въ другихъ городахъ кромѣ Москвы не имѣетъ.

КРАСКА
ДЛЯ ВОЛОСЪ
ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА
АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашивается въ черныи и коричневыи прочныи цвѣтъ, — смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе. № 5924

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Главный складъ А. Зиглаундъ, С.-Петербургъ, Васильевая, № 2. Получить можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Российской Имперіи.

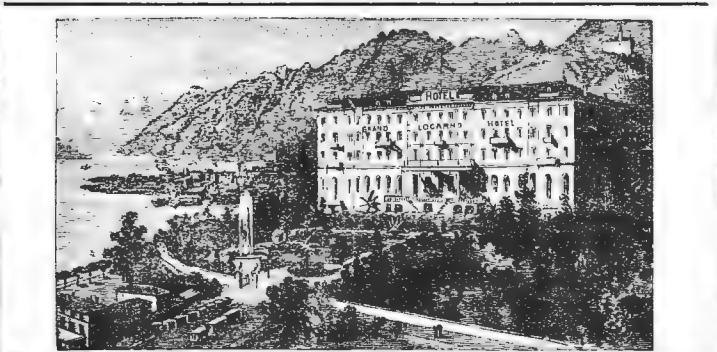
ВЫБОРЪ
изящныхъ
ШЕЛКОВЫХЪ
ТКАНЕЙ,
ВАРХАТА и **ПЛЮША**
въ розничномъ магазинѣ
Бр. С. Г. ШЕЛАЕВЫХЪ
въ Москвѣ.
ПАССАЖЪ СОЛОДОВНИКОВА,
№ № 65, 66.

С. Петербургъ, Гостиный дворъ, Большая Суворовская линия, № 134.
Продажа безъ запроса. Образцы высылаются по 3-2 бесплатно.

НАВОЖДЕНИЕ. Ром. пазъ современн. жизни
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

КАПИТАНЪ
ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.
Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. Изда-
ніе 3-е. СПб. 1886 г. Ц. 2 руб., съ
пересылкой 2 руб. 50 коп.

LOCARNO Станція Готтардской ж. д. у Ла-о Мадниоре
наилучшая и ближайшая
♦ **ЗИМНЯЯ СТАНЦІЯ** ♦
Общепризнанная въѣзныи медицинскими авторитетами и спеціально рекомендованная Коро-
лемъ Бавар. Совѣтникомъ медицины, проф. докторъ А. Мартиниомъ, какъ самая превосхо-
днѣйшая въ Европѣ зимняя и весенняя станція. № 6199 6-6

Grand Hôtel Locarno.
Открытъ въ продолженіе всего года.—Наилучшимъ образомъ приспособленъ къ про-
живанію въ немъ зимою.—Лучшее мѣстопребываніе у Итальянскихъ озеръ.
Самая комфортабельная гостиница на континентѣ, въ замѣчательно красивой мѣсто-
ности. Большой паркъ съ роскошной южной расцвѣтальностью. Зимнія окна, центральное
отопленіе, изразцовыи печи и камины во всѣхъ 200 номерахъ и залахъ.—Лѣченіе вино-
градомъ.—Нѣмецкій врачъ.—Ванны.—Подъдонная машина.—Англійская и нѣмецкая
кухня.—Сообщеніе на частныи пароходахъ и лошадахъ.—Первоклассныи кухня и по-
гребъ.—Умѣренныи цѣны.—Прислать и описаніе, составленное проф. Мартиниомъ, вы-
сылаются бесплатно владѣльцемъ. Ваил.

EAU, PÂTE, POUDRE
DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

№ 6235 13-3

НЬЮ-ГОМЪ
оригинальная, американская усовершенствованная
ШВЕЙНАЯ МАШИНА
Ка „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжѣ (шт. Массачусеттс, Сѣв. Америка) пользуется всемірно извѣстностью; проста, прочна, изящна; отличается: высокими рукавомъ, новымъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-ми нитками шитую строчку; употребляетъ прямоту са-
мостоятельную (безъ мѣрки) иглу; годна для домашнего и ремесленнаго употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей кисеи до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ БЪ ЛЕТЪ.
Прейсъ-куррантъ и описаніе по требованію.
Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовъхъ.
Главный представитель для всей Россіи:
Высоко. утвержд. Товарищество „Работникъ“.
Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ. № 248 10-1

„НИВЪ“ и „ГЛОЗНИГЪ“
имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатаются
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

НОВАЯ КНИГА 2-2
(Л. Боровичъ). № 6226

**„Фабричныи паровыи котлы,
ихъ устройство и уходъ за ними“.**
Ц. 2 р. 75 к. Складъ въ типографіи т—ва Ку-
шнеревъ и Ко въ Москвѣ. Выписывающіи
изъ склада за пересылку не платятъ.

КУЗЬМИЧЕВСКАЯ ТРАВА
Федра Вульгарисъ. Отборная выстигъ
сорты 1 р. Обыкновенная 50 к. фунтъ; съ
прилож. вастаженія. По жел. налогъ платекъ
При требованіи за наличныи деньги 10 ф.—
скидка 40 и 20 к. съ ф. Пудами 6 р.
Въ магазинѣ Н. М. Новикова, г. Бузу-
луць, Сам. г. № 6258
Прочу обращаться закрытыми письмами.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентствъ. За условіемъ
образ. письменно: Генрихъ Блонкъ,
С.-Петербургъ, Пенскій, 59. 10-8

НОВОСТЬ!
Великіи можетъ нымъ бритвыи
безопасною бритвою
„ФЕНИКСЪ.“
Бритва эта изъ лучшей стали и не при-
тупляется. Въ два мѣсяца нами продано
около 2000 штукъ. Цѣна 4 р. Заказы вы-
сылаются немедленно. Единственныи
Агентство: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ
изобрѣтеній, Пенскій 4. Каталогъ (иллю-
стрир.) всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за
10 к. марку. № 6255

ОРУЖЕЙНЫЙ МАСТЕРЪ Алексѣй Тимо-
феевичъ Грязновъ въ Туль. Изготовляетъ
ружья и винтовки всевозможныхъ системъ,
ядвое дѣшевле заграничныхъ, ни въ чемъ
не уступающія, за что удостоены мно-
гихъ наградъ. Точность и добросовѣстность
исполненій съ ружьями. Прейсъ-ку-
рантъ высылаются. № 6203 3-2

Людв. Фодоров. Шлихтэйзель
МОСКВА № 6217 5-4
Мясницкая ул., д. Ермановыхъ
рекомендуетъ: шародробители, кирпиче-
дѣлательныя и торфяныя машины; прессы
для трубъ съ раструбами, черенцы и бри-
кетовы; машины для выработкы шмота и
огнеупорныхъ кирпичей; мѣшалки для рас-
творовъ. Изготовляетъ планы печей.

И. № 6179 8-8

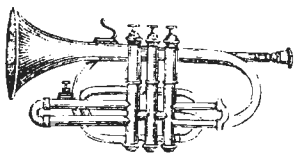
Велосипеды англійскаго завода
„Гумберъ и К°. Лмтд.“
лучше въ свѣтѣ!
предлагаетъ торговый домъ
Г. ЖЕМЪЛИЧКА и К°.
Москва, Неглинный просп., домъ Ежиной.
Прейсъ-куррантъ—бесплатно.

САМЫИ
ОБШИРНЫИ въ **РОССІИ**
СКЛАДЪ
ПЕЩЕРНЫХЪ МАШИИ
ТОРГОВЫИ ДОМЪ

МОСКВА

КОРНЕТЬ-А-ИСТОНЫ

хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 25 и 35 руб.; собственной с-петербургской фабрики въ 50, 60, 75 и 100 р.; знаменитой фабрики Courtois въ 90 р., 150 р. и 250 р. Школа-самоучитель Баганца въ 12 и 25 р.

ФЛЕЙТЫ

хорошей заграничной работы въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб.; собственной с-петербургской фабрики въ 60, 75, 85, 120 и 160 руб. Флейты „модели Циммермана“, находящаяся въ употреблении у первых артистов, по 85 и 120 руб. Школа-самоучитель Келера по 12 и 25 р.

КЛАРНЕТЫ

въ 6 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р. и 35 р. и собственной фабрики въ 45 р., 60 р. и 75 р. Школа-самоучитель Китцера по 25 и 4 р.

Также все другіе музыкальные инструменты и принадлежности въ громадномъ выборѣ.

Иллюстр. прейс-курantz — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

2-ой ВЫГРЫШНЫЙ

заявка, 1 марта 1893 г., продана на условияхъ лотовой и добросовѣстной. № 6223 5-4

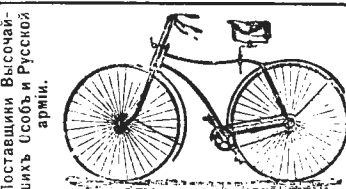
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

59, Невскій, Спб.

РУКОВОДСТВА ДИЛЕТАНТОВЪ

выдаются немедленно: Типография Товара П. Н. Кунинерва и Ко въ Москвѣ. Donjean. Офортъ д. 75 к. ♦ В. Восточная живопись д. 75 к. ♦ Забравскій. Выжиганіе по дереву д. 75 к. ♦ Дубовскій. Живопись по мѣди и глинѣ д. 65 коп. ♦ Bouffier. Живопись по дереву д. 65 к. ♦ Lahnek. Живопись по дереву д. 65 к. ♦ Roux. Живопись по фарфору и стеклу д. 1 рубль. ♦ Colson. Сним. койки съявокъ, способъ д. 60 к. ♦ V.in. Фотоинструменты д. 50 коп. ♦ Simons. Раскрашив. фотограф. картонокъ, фотоинструменты, ф. живописи, ф. акварели д. 50 к.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кроме большинства полныхъ больше 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедомъ. **САМЫЙ ОБШИРНЫЙ ВЕЛОСИПЕДОВЪ** въ Россіи складъ. Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.** (основ. въ 1863 г.) МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, П. № Колпаки и Екатеринбургъ. 25 11 582. Новый каталогъ 80 страницъ. **БЕЗПЛАТНО.**

L'URBAINE

УРБЭНЬ

ОЩЕСТВО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ ВЫСОЧАЙШЕ ДОПУЩЕННОЕ къ дворянству въ Россіи 2-го Іюня 1889 года.

ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО для Россіи, С.-Петербургъ — 13, Невскій, 13. Особая дополнительная гарантія для застрах. въ Россіи.

Агенства во всѣхъ больш. гор. Россіи.

- 1) Залогъ въ 500.000 р. внесенный въ Государств. Банкъ.
- 2) Специальный резервный фондъ, и
- 3) Специальный запасъ капитала, хранящийся исключительно въ Государственномъ Банкѣ.

Издѣлія Общества установились въ торговлѣ фактически брава-тационной котировкѣ. Удѣлимъ участіе въ прибылѣ Общества пропорціально застрахованнымъ каждаго изъ нихъ.

Если болѣе или несчастный случай прерываетъ застрахованному времени НИЖЕ непозволительно къ труду, Общество беретъ на себя уплату пріемъ, а все время болѣе.

Въ случаѣ ПОЛНОЙ неспособности къ труду въ теченіи 2—3 лѣтъ Общество выдаетъ 1/3 застрахов. капитала своему застрахованному ежегодно, а послѣ, если по наступленіи срока договора не наступитъ смерти.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

Россійск. Деркинъ, также Иверскіихъ и Славянскіихъ и злато-отличныхъ подвижн. блаженствія, 2-е изд. 12-ти мѣсяц. 4.150 экз. убог. печ. съ изображ. Сост. А. Н. Муравьевъ. Ц. 8 р. Тоже въ роскошн. золотойн. перел. ц. 12 р. Продается у А. С. Семенова, Симеоновская ул., д. собств. № 9, Вислицынъ, за пересылку не платитъ.

Въ элеваторахъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги на станціяхъ Рязанскъ, Данковъ и Лебедянь съ 1 февраля с. г. вводится, по примѣру Колодецкого элеватора, обезпеченіе хлѣба съ сортировкой его по сортамъ, установленнымъ Комитетомъ по надзору за сортировкой хлѣба въ элеваторахъ дороги: при чемъ въ документахъ, выдаваемыхъ элеваторами въ принятіи на храненіе хлѣба, указывается сортъ хлѣба по классификаціи.

Классификаціи эти вмѣстѣ съ нормальными образцами хлѣбовъ, установленными тѣмъ же Комитетомъ, выставлены для обозрѣнія въ главнѣйшихъ русскихъ биржахъ и элеваторахъ.

Введеніемъ этой операціи землевладельцамъ, хлѣботорговцамъ и экспортерамъ значительно облегчается сбытъ и пріобрѣтеніе хлѣба путемъ купли-продажи его по образцамъ и сортамъ, указаннымъ въ документахъ элеваторовъ, съ гарантіей со стороны элеваторовъ въ отпускѣ хлѣба, вполнѣ соответствующаго сорту, указанному въ документахъ. Помимо того, вводится въ элеваторахъ обезпеченіе и сортировка хлѣбовъ открываетъ возможность изготовленія большихъ партій совершенно однороднаго хлѣба, необходимаго при подрядахъ и поставкахъ для интендантскаго ведомства и др.

Подъ редакціей въ элеваторы хлѣбъ Обществомъ дороги организована выдача на весьма выгодныхъ для хлѣбовладельцевъ условіяхъ, долгосрочныхъ ссудъ, со высказаніемъ ихъ, по желанію владельца хлѣба, на станціи окончательнаго назначенія хлѣба, если онъ вывозится изъ элеватора по желѣзной дорогѣ.

Подробныя правила и таксы за услуги элеваторовъ, а равно правила выдачи ссудъ опубликованы въ Сборникѣ тарифовъ и отпечатаны отдѣльными брошюрами, высылаемыми по требованію бесплатно Правленіемъ Общества (въ С.-Петербургѣ, по Мошкѣ, № 40).

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВЪНЬ

БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКИ МОЖЕТЕ ТЕПЕРЬ САМЪ СЕБЯ БРИТЬ НОВОИЗОБРЕТЕННОЮ БЕЗОПАСНОЮ БРИТВОЮ „СТАРЪ“

употребленіе кой особенно облегчаетъ бритье, а съ гигиенической точки зрѣнія составляетъ дѣйствительно важное изобрѣтеніе, ибо каждый можетъ себѣ бриться. Бритва „Старъ“ выдѣлана изъ самой чистой шифонованной и магнетизированной новѣйш. патентованнаго способомъ бѣлой стали. При каждой бритвѣ приложено объясненіе способа употребленія. Этого „Старъ“ имѣетъ такое громадное распространѣніе во всемъ свѣтѣ, что фабрикантъ изобрѣтатель въ „Америкѣ“ не успѣваетъ ихъ изготовлять. Цена съ перес. 5 руб.

ПЕРО-ФОНТАНЪ!

Въ перѣ находится стеклянный цилиндръ, который наполненъ чернилами и во время писанія чернила стокатся черезъ особенное внутреннее устройство на перо. Копируя писаніе, на перо надвигаютъ канцеляр., чтобъ его можно было носить въ бумажникѣ или въ карманѣ. Перо выключенное и поэтому не ржавѣетъ. Одного наполненія хватаетъ, если много писать, на два дня. № 6219

Цена 60 коп., съ пересылкой 1 руб. **СТАЛЬНЫЯ ЛИНЕЙКИ**, длина 1 р., 50 к., очень поправившіяся, вновь получены. По желанію выслажу прейс-курantz новостей. Конст. Мальневъ, Б. Морская, № 34. Отправка налогъ платежей.

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЪ.

ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. аптекахъ и космет. магазинахъ. Цена фла. содержитъ 120 граммъ 1 р. 50 коп. бѣд. перес. № 6260 (1)

Провизоръ Кинуненъ. Проситъ обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона. Провизоръ Кинуненъ. Главн. складъ: Домиковъ пер., № 1.

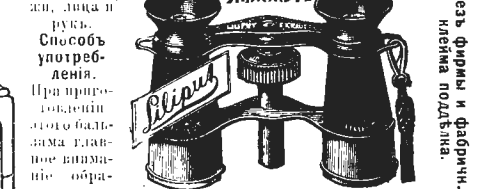
ЗОНТИКИ

заготовлены въ громадномъ выборѣ на С.-Петербургской фабрикѣ **В. СЫВЪХИНА.** Садовая ул., д. № 29. Прейс-курantz высылаются бесплатно. (3) № 6229

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается вслѣдъ заочно (посредств. мѣ. пересылки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ **А. КОССОДО.** Методъ презировавъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ Золотой медали. № 6208 52—5 За 2 семиконечныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дербасовская, д. № 19.

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

Есть формы и фабричныя. **ЛИЛИПУТЪ** со шкур., въ замшевомъ кошелькѣ. 8 р., 50 к. съ пер. въ Европ. Россіи, 9 р., въ Азіат. 9 р., 50 к. „Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мушкетера и шло-нѣ замѣняется, какъ для пох., охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли. 2—1 **Е. КРАУСЪ** и Ко. № 6256 Специальн. фабр. оптич. инструментовъ. Парижъ, Rue de Bondy, 32. **ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ С.-Петербургъ, Мойка, № 42.** Иллюстр. прейс-курantz, оптич. и фотограф. при-б., высл. каждый за семикон. поч. марку.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXIV г.
№ 9

г. XXIV
1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

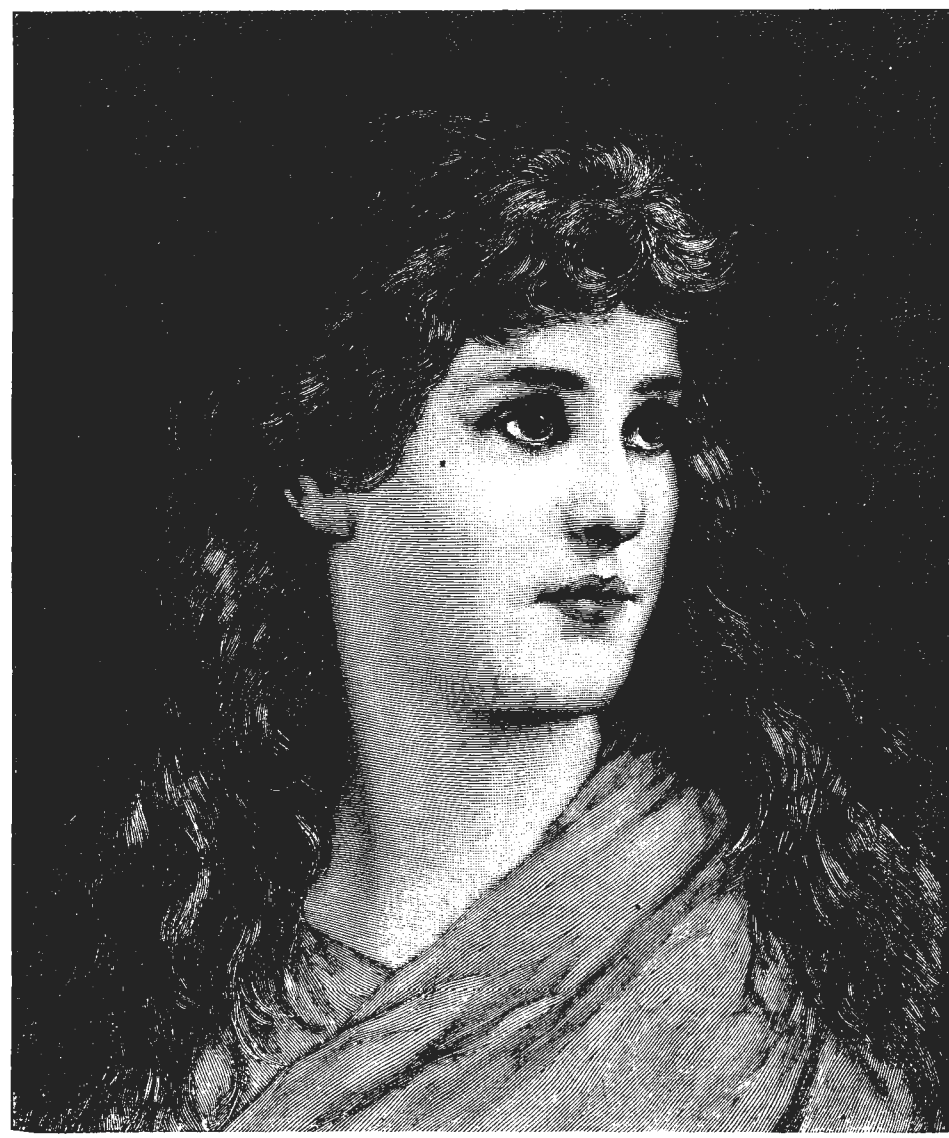
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.)
Выданъ 27 февраля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ дост. въ Петерб.	5 р.	Съ дост. въ Петерб.	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ перес. въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За границу.	10 р.
-----------------------	------	---------------------	------------	--	------	---	------	-------------	-------

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож.. Сборникомъ и пр.

Чистая душа. Рис. Г. Макса, по фот. Альбертъ и К^о грав. Геданъ.

Вы не придете вновь.

(Посв. А. Э. Н.)

Вы не придете вновь, дни радостей минувшихъ,
Минувшей юности завѣтныя мечты;
Такъ, поздней осенью безвременно заснувшихъ
Цвѣтовъ осеннихъ вновь не явятся листы,
Другіе расцвѣтутъ роскошнѣй и милѣе,
И будетъ взоръ ихъ вновь мнѣ душу улаживать,
И будетъ можетъ быть при нихъ мнѣ веселѣе,
Но прежнихъ никогда мнѣ вновь не увидать.

Н. Лонскій.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).

IX.

Что она скажетъ?

Ольга вошла къ отцу, вполнѣ уже оправившись и стараясь казаться попрежнему веселою и беззаботною.

Трудно было понять, откуда и какъ эта, воспитанная въ четырехъ стѣнахъ проскуровскаго дома, дѣвушка могла научиться въ нужную минуту владѣть собою съ тѣмъ особеннымъ, гибкимъ, чисто-женскимъ тактомъ, который способенъ провести самую опытную наблюдательность.

— Ты, правда, нездорова? участливо, нѣжно обернулся къ ней навстрѣчу князь, ходившій по кабинету и ожидавшій ее въ безпокойствѣ.

— Да нѣтъ, батюшка, какъ бы шутя, проговорила Ольга. — Это, должно-быть, отъ цвѣтовъ — слѣшкомъ сильно пахло ими на террасѣ...

— Отъ цвѣтовъ? недоувѣрчиво протянулъ князь и глубоко вздохнулъ.

Онъ опять вспомнилъ о своей покойной княгинѣ, которая, вѣроятно, сумѣла бы разгадать причину тайной тревоги дочери... а онъ вотъ не можетъ...

И это внутренно обидѣло его и вызвало то неприятное стѣсненіе въ груди, которымъ обыкновенно обозначалось у него начало проявленія гнѣва.

— Ну, а баронъ понравился тебѣ? спросилъ онъ опять.

Ольга слегка дрогнула.

Она не отвѣтила.

Князь такъ все хорошо обдумалъ вчера, въ его мечтахъ такую прекрасною слагалась ихъ общая жизнь въ Проскуровѣ, и, главное, ему все это такъ казалось возможно, что онъ какъ-то обходилъ мыслями самое существенное препятствіе, т. е., что если баронъ не понравится Ольгѣ?

Но Андрею Николаевичу столько неудачи было въ расчетахъ его въ продолженіе жизни, что трудно было ждать ужъ и тутъ опять новаго промаха... И вдругъ, съ первыхъ же шаговъ, дѣло имѣло видъ не совсѣмъ ладный...

И отъ одной возможности допущенія ошибки желчь князя начала подниматься.

Глаза его сузились, лобъ сморщился, и онъ, близко подойдя къ стоявшей передъ нимъ, молча, дочери, подставилъ ухо къ самымъ ея губамъ и рѣзко, крикливо проговорилъ:

— Чтѣ ты говоришь, а? Не слышу.

Ольга продолжала молчать. Подбородокъ ея снова затрясся, глаза наполнились слезами. Она готова была разрыдаться.

Андрей Николаевичъ опомнился.

Трудно ему было подчасъ владѣть собою, но на этотъ разъ онъ совладалъ.

Онъ понималъ, что пошелъ напроломъ, силой, тамъ, гдѣ только можно было добиться чего-нибудь лаской, и, круто повернувшись, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, стараясь успокоиться.

— Ну, погоди... дочка... Прости... погорячился... Иди къ себѣ... иди... сказалъ онъ, наконецъ, тихимъ голосомъ, неувѣренно подымая руку, чтобы приласкать дочь.

Эта близость ласки обрадовала Олю. Она, по впечатлѣніямъ дѣтства, помнила припадки гнѣва отца и боялась ихъ какою-то сверхъестественною, неудержимою боязнью, и съ тѣмъ большею радостью и довѣріемъ она готова была теперь обнять его и въ слезахъ, при его рѣдкой для нея ласкѣ, высказать, можетъ-быть, все, чтѣ у нея на душѣ.

Но князь боялся за себя.

— Иди!.. опять крикливо произнесъ онъ. — Иди, говорю тебѣ!..

И, отстранивъ руку рѣзкимъ движеніемъ, онъ опять зашагалъ по кабинету.

Ольга неслышно скользнула изъ комнаты.

Долго въ этотъ день бурмистры и приказчики ждали, пока князь станетъ ихъ звать по одному къ себѣ, и прислушивались изъ пріемной къ мѣрнымъ шагамъ Андрея Николаевича по кабинету...

А онъ ходилъ и соображалъ, ища себѣ успокоенія. И такъ какъ онъ хотѣлъ себѣ найти его, то и доводы приходили ему на умъ утѣшительные.

„Въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ князь, — съ чего мнѣ это пришло въ голову?—(Вотъ что значитъ судьбой не быть избаловану—вездѣ сомнѣваешься).—Да вѣдь если-бы она оставалась равнодушною — такъ вѣдь хуже-бы было... конечно хуже... и развѣ можно было спрашивать такъ прямо; — какая-же дѣвушка скажетъ?.. Ну, первый разъ въ жизни видитъ молодого человѣка... не могла-же она камнемъ сидѣть.. а выказывать радость было-бы неприлично“.

И чѣмъ дольше думалъ Андрей Николаевичъ, тѣмъ болѣе опять, какъ вчера, успокаивался, находя, что рѣшительно не было причинъ ему выходить изъ себя.

Не было сомнѣнія, что Ольга понравилась съ перваго-же взгляда барону. А она?—да чего-же ей еще... Онъ и ловокъ, кажется, и уменъ, и красивъ, и имя имѣетъ... да гдѣ-же сыскать еще такого молодца!..

И, къ своему удивленію, подначальные князя, когда онъ наконецъ призывалъ ихъ къ себѣ, вмѣсто ожидаемаго гнѣвнаго на сегодня приказа, который обыкновенно слѣдовалъ за долгимъ хожденіемъ барина по кабинету,—получили, напротивъ, милостивое разрѣшеніе всѣхъ дѣлъ.

Карлъ, безпрекословно подчинившійся волѣ князя и тѣмъ еще болѣе выигравшій въ его глазахъ, написалъ подробно отцу и остался жить въ Проскуровѣ, ожидая дальнѣйшихъ событій.

Главное препятствіе было пройдено—старый князь оказался на сторонѣ ловкаго и дальновиднаго молодого человѣка. Но въ отношеніи Ольги баронъ положительно не зналъ, какъ ему подойти.

Онъ, выдавшій на своемъ вѣку виды, понималъ, что сразу вступить въ какія-бы то ни было объясненія являлось болѣе чѣмъ опаснымъ. Сначала все должно было если не рѣшиться, то, во всякомъ случаѣ, подготовиться посредствомъ того непереводаимаго языка любви, который при помощи взгляда, выраженія, интонации совершенно обыкновенныхъ, повидимому, словъ, — говорилъ яснѣе всякихъ объясненій, и затѣмъ эти объясненія должны были подтвердить только то, что давно уже жило въ душѣ обѣихъ сторонъ.

Чѣмъ чаще видалъ Ольгу Эйзенбахъ, тѣмъ сильнѣе становилось его вполнѣ искреннее чувство къ ней.

Но, какъ ни старался разгадать онъ задумчиво-грустный взглядъ Ольги—трудно было подмѣтить въ немъ не только отвѣтъ на это чувство, но даже легкій проблескъ надежды, что можетъ явиться этотъ отвѣтъ хоть современемъ.

Ольга была вѣжлива съ гостемъ отца, говорила съ нимъ, но какъ-бы нехотя, и если смотрѣла на него, то тѣмъ холодно-стальнымъ взглядомъ, которымъ умѣютъ смотрѣть женщины на непамятнаго имъ человѣка. Инстинктомъ влюбленнаго Карлъ чувствовалъ весь скрытый смыслъ этого взгляда,—такъ же далекій отъ поэмы любви, какъ далека была Ольга отъ проявленія нѣжности къ красивому барону.

Онъ напрасно ломалъ голову—о томъ, чѣмъ могъ онъ провиниться передъ нею?

Но, съ самаго своего прѣзда, онъ не видѣлъ ни разу на лицѣ ея ни оживленія, ни веселости.

Онъ спрашивалъ у Торичіоли, всегда-ли она такая. Итальянецъ качалъ головою и говорилъ, что за послѣднее время просто не узнаетъ княжны.

Карлъ пробовалъ всѣ средства ухаживанья, не разъ примѣенныя имъ и увѣнчившіяся успѣхомъ: то онъ, какъ въ первый день знакомства ихъ, въ первый день ихъ встрѣчи утромъ на террасѣ,—старался показать, что до того занятъ ею, что не замѣчаетъ ничего кругомъ,—то, напротивъ, прикидывался равнодушнымъ и дѣлалъ видъ, что не обращаетъ на нее вниманія, потомъ заводилъ разговоры умные, горячіе, поэтичныя, рассказывалъ исторіи, полныя страсти, но Ольга слушала его разговоры и исторіи съ видимымъ терпѣніемъ притворной любезности, пугалась, когда онъ подчеркивалъ свое къ ней вниманіе и вздыхала свободнѣе, когда онъ не замѣчалъ ее.

Старый князь, обдумавшій положеніе и успокоившій себя тѣмъ, что рано или поздно дѣвушка не можетъ остаться равнодушной къ исканіямъ честнаго, порядочнаго и красиваго молодого человѣка, удерживалъ у себя влюбленнаго барона и—въ ожиданіи исполненія своихъ грѣзъ—строилъ новые планы будущей жизни, еще заманчивѣе прежнихъ.

Когда сильно желаешь чего-нибудь, то невольно вѣришь, что желаніе сбудется, и невольно готовъ истолковать все въ пользу этого своего желанія. Такъ и князь, ослѣпленный своими мечтами и неспособный къ тому наблюденію посредствомъ инстинкта, которымъ владѣлъ Карлъ, благодаря своему чувству, не видѣлъ холодности Ольги и вѣрилъ, что, напротивъ, она уже начинаетъ интересоваться молодымъ Эйзенбахомъ.

Съ отцомъ Карла онъ поддерживалъ все это время дѣятельную переписку.

Старый баронъ отвѣчалъ ему немедленно и съ вѣрной оказіей. Онъ также писалъ сыну, сообщая ему вкратцѣ, что пишетъ ему князь, и дѣлая наставленія Карлу, какъ держать себя и какъ вести къ благополучному окончанію такъ блестяще начатое дѣло.

Относительно „молодой дѣвушки“, какъ онъ называлъ Ольгу въ своихъ письмахъ, старикъ Эйзенбахъ почти не сомнѣвался: „ты у меня такой славный мужчина, писалъ онъ Карлу, что не только запертую въ захолустѣ княжну, но и петербургскую дѣвицу сумѣешь обуздать и послушною сдѣлать...“ и какъ-бы для того, чтобы придать еще болѣе храбрости Карлу, отецъ добавлялъ, что его отсутствіе въ Петербургѣ замѣтно, и объ немъ скачуютъ нѣкоторыя персоны.

„Славный мужчина“ былъ польщенъ этими похвалами и одобреніемъ, но все-таки не находилъ пути, дабы, по выраженію отца, „запертую княжну обуздать и послушною сдѣлать“.

Наконецъ, черезъ три съ половиною недѣли своего пребыванія въ Проскуровѣ, Карлъ получилъ отъ отца радостное извѣстіе, что старый князь прислалъ въ Петербургъ письмо, въ которомъ дѣлалъ болѣе чѣмъ прозрачныя намеки и звалъ старика барона къ себѣ въ деревню погостить.

Ясно было, что Андрей Николаевичъ затѣвалъ формальное сватовство.

Карлъ понялъ, что долѣе терять времени нечего, и рѣшилъ во что бы то ни стало объясниться съ Ольгой.

X.

Соловьиная пѣснь.

Карлъ сидѣлъ съ письмомъ отца въ рукахъ у окна своего флигеля. Передъ нимъ за разбитымъ подъ окнами цвѣтникомъ виднѣлась часть проскуровскаго сада, устроеннаго княземъ въ первые годы его пребыванія въ деревнѣ.

Садъ этотъ былъ большой, со множествомъ перекрещивающихся дорожекъ и аллей, лабиринтъ которыхъ молодой Эйзенбахъ успѣлъ уже изучить за время своего трехнедѣльнаго пребыванія въ гостяхъ у князя.

Отъ цвѣтника у флигеля, окруженнаго подстриженными на голландскій манеръ деревьями, шли клумбы другого большого цвѣтника, примыкавшаго къ террасѣ главнаго дома.

Дальше виднѣлось начало первой аллеи, терявшейся затѣмъ въ глубинѣ высокихъ липъ. Направо, узкой змѣйкой вилась дорожка, въ самый красивый уголокъ сада, засаженный розанами и кончавшійся обрывомъ у рѣки.

Быль тотъ часъ вечера, когда солнце еще не закатилось совсѣмъ, но сумерки постепенно наплыли уже и сгустили тѣни въ чащѣ деревь. Жаркій день смѣнялся теплымъ вечеромъ. Воздухъ былъ такъ хорошъ, что Карлу жаль казалось отойти отъ окна.

Старый князь сегодня сказалъ за обѣдомъ, что у него много дѣла, и что онъ вилоть до ужина не выйдетъ изъ своего кабинета.

У Карла оставалось свободныхъ часа полтора. Онъ думалъ было пойти погулять, но какой-то внутренній голосъ словно шепталъ ему, что некуда теперь идти, что рано идти и что слѣдуетъ остаться у окна, чтобы дышать этимъ легкимъ, пахучимъ воздухомъ и смотрѣть, какъ медленно лиловыя сумерки охватываютъ все кругомъ, давая предметамъ волшебныя, фантастическія очертанія.

И сегодня это тихое, вечернее погруженіе природы въ сонъ, особенно было нѣжно.

Никогда тѣни не казались такъ глубоко прозрачны, никогда отблескъ потухающихъ лучей не переливался въ высокомъ небѣ такими причудливыми красками и никогда почему-то не дышалось Карлу такъ легко, какъ сегодня.

Вдали, должно быть у рѣки, пѣлъ соловей, и откликъ его пѣсни словно наполнялъ собою дрожащій истомою, влажный, но теплый воздухъ.

И вдругъ Карлъ приподнялся со своего мѣста, и, высунувшись въ окно, внимательно сталъ вглядываться передъ собою... Тамъ, передъ нимъ, отъ большого дома, между клумбъ цвѣтника, шла, не торопясь, спокойною, увѣренной походкою Ольга.

Баронъ сдѣлалъ усиліе, чтобы приглядѣться еще—не обманываютъ-ли его глаза:—нѣтъ—онъ не ошибся, это была, дѣйствительно, она. Она шла опустивъ голову. Онъ узналъ ея голубое платье и косыночку.

Ольга, миновавъ цвѣтникъ, направилась не по главной аллѣ, а по дорожкѣ къ розанамъ. Она была одна. Сама судьба, казалось, давала Карлу возможность переговорить съ нею и при самыхъ подходящихъ условіяхъ. Но выйти изъ флигеля съ тѣмъ, чтобы нагнать ее на дорожкѣ, было рискованно и опасно. Она могла повернуть назадъ, къ дому, и тогда случай былъ-бы упущенъ. Карлъ сейчасъ-же сообразилъ это.

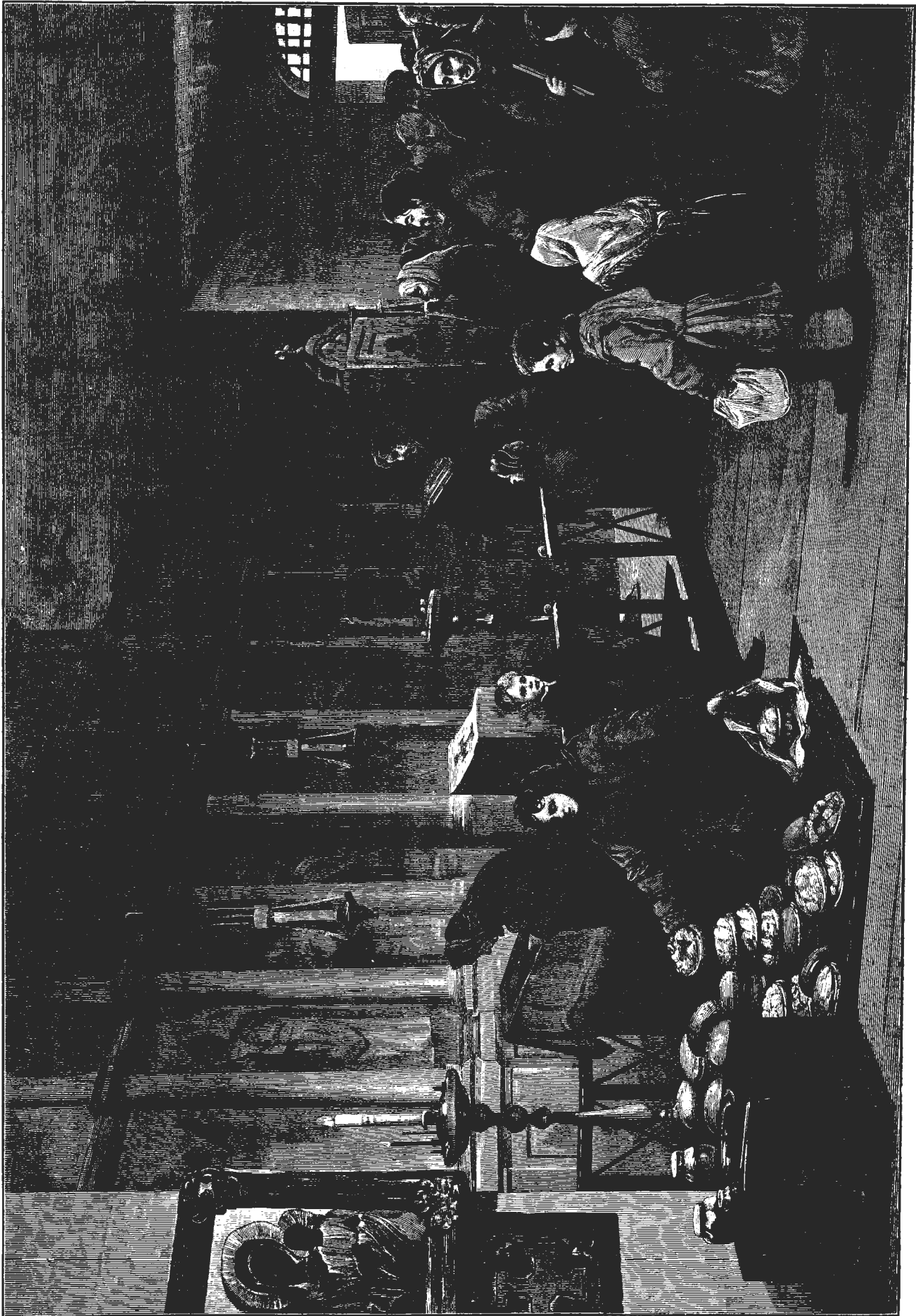
И предусмотрительный даже въ увлеченіи, баронъ немедленно составилъ планъ необходимаго дѣйствія. Самое лучшее было спуститься низомъ и короткой дорогой достигъ обрыва, подняться къ розанамъ и пойти навстрѣчу княжнѣ, сойдясь съ нею, какъ-бы случайно.

И, не теряя минуты времени, Карлъ схватилъ шляпу и почти выбѣжалъ изъ флигеля съ противоположной цвѣтнику стороны его...

Быстрою, увѣренною походкою подвигался Карлъ впередъ, перебираясь по сухимъ отъ росы мѣстамъ. Хотя избранный имъ путь значительно сокращалъ разстояніе, но все-таки нельзя было терять времени, потому что приходилось сторониться отъ кустовъ и выбирать дорогу такъ, чтобы мокрая трава не слишкомъ замочила-бы башмаки и чулки... Неловко было показаться княжнѣ въ неряшливомъ видѣ...

Погребеніе христіанскихъ мучениковъ въ катакомбахъ. Съ карт. Ленеффей, грав. Клоосъ.

Говѣльщики въ ожиданіи духовника. Орлг. рис. (собств. „Нивы“) Ижмевича, грав. Хелмшкій.

Благодаря этому, Карлъ достигъ обрыва позже, чѣмъ онъ думалъ. Если Ольга ускорила-бы шагъ—она могла дойти уже къ розанамъ. Но назадъ Карлу уходитъ не было основанія. Онъ надѣялся къ тому-же, что княжна продолжала идти такъ же медленно, какъ и вначалѣ, когда онъ видѣлъ ее изъ окна.

Достигнувъ кустовъ наверху, онъ остановился. Ему послышалось движеніе за ними. Ольга была здѣсь.

„Скоро однако!“ мелькнуло у Карла.

Теперь ему было-бы неловко прямо выдѣзать изъ кустовъ, и онъ рѣшилъ не слышно пробраться на дорожку и выйти оттуда къ Ольгѣ. Только сначала ему хотѣлось удостовѣриться, она-ли это была здѣсь. Онъ осторожно, чуть дыша, раздвинулъ вѣтки кустовъ... Сладкимъ, густымъ, пахучимъ ароматомъ розановъ пахнуло на него... Небольшая площадка открылась его глазамъ, и, взглянувъ туда, Карлъ замеръ отъ удивленія, неожиданности и вдругъ поднявшейся злобы.

Ему сразу все стало ясно...

На площадкѣ на скамейкѣ сидѣлъ Артемій, молодой воспитанникъ князя; Ольга подходила къ нему, съ трудомъ переводя духъ отъ быстрой ходьбы...

— Долго ждалъ? спросила она, приблизившись къ скамейкѣ, и, привычнымъ движеніемъ любимой и счастливой этою любовью дѣвушки, опустила обѣ руки на плечи Артемія...

Онъ, вмѣсто отвѣта, обхватилъ ее талію, а другой рукой взялъ ее руку и прижалъ къ своимъ губамъ.

— Долго-ли ждалъ? проговорилъ онъ наконецъ,—да теперь мнѣ ужъ казалось, что ты никогда не придешь ко мнѣ...

И снова онъ прижался губами къ ее рукѣ...

Дрожь прибѣжала по спинѣ Карла, въ вискахъ застучала прихлынувшая кровь; одно мгновеніе у него мелькнула сумасшедшая мысль—кинуться впередъ, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и прилегъ къ землѣ, не смущая жадныхъ, завистливыхъ глазъ съ того, что происходило передъ нимъ.

Нужны были почти сверхчеловѣческія усилія, чтобы не выдать себя несчастному Карлу.

— Погоди, сказала княжна,—дай мнѣ сѣсть, я слишкомъ торопилась идти... И она опустилась на скамейку рядомъ съ Артеміемъ.—Ну, отчего-же *теперь* тебѣ показалось, что я не приду...

Артемій вздохнулъ.

— Теперь—другое, Оля!..

— Отчего-же другое, отчего?—я тебѣ говорю, что изъ всего этого ничего не выйдетъ, ничего онъ не добьется отъ меня... ему надоѣсть здѣсь жить, онъ уйдетъ, и все пойдетъ по-старому.

Теперь, когда она сѣла, Карлу было видно въ полъ-оборота ея оживленное счастьею лицо, дышавшее еще невиданной Карломъ прелестью.

Артемій снова вздохнулъ, опустивъ голову:

— И какъ все хорошо было, Оля, до сихъ поръ!

— И потомъ будетъ хорошо... ты увидишь, я знаю... Послушай—мало ему развѣ петербургскихъ красавицъ, ну что ему во мнѣ... развѣ онъ не найдетъ лучше меня...

Артемій улыбнулся и отрицательно покачалъ головою...

„Боже мой, Боже мой, думалъ Карлъ,—какъ она хороша, какъ она хороша!“

И онъ вспомнилъ петербургскихъ красавицъ, про которыхъ говорила Ольга, набѣленныхъ и нарумяненныхъ, и та-же улыбка, что у Артемія, скользнула по его губамъ...

— Ты замѣтилъ, продолжала Ольга,—я дѣлаю все, чтобы казаться ему дурною—и одѣваюсь хуже, и глупости говорю...

Артемій, счастливый этой преданностью любви, разсмѣялся тихимъ смѣхомъ.

— Да развѣ это возможно, сказалъ онъ сквозь смѣхъ,—что бы ты ни дѣлала, ты все-таки останешься красавицей... милая моя, милая...

И Карлъ, стиснувъ отъ бѣшенства зубы, снова увидѣлъ, какъ Артемій взялъ ее за талію, а она прижалась къ нему, видимо желая, если не словами, то лаской разсѣять его безпокойство.

— И потомъ я не знаю, началъ Артемій,—но иногда мнѣ приходится въ голову, что вдругъ...

И онъ заппулся...

— Что—вдругъ? переспросила Ольга.

— Ты—разлюбишь меня...

— И тебѣ это не стыдно думать?... не стыдно тебѣ, а?...

Въ ее голосѣ слышалась шутка, но Артемій дѣлался все серьезнѣе.

— Право, я иногда сравниваю себя съ нимъ и чувствую, что онъ лучше меня.

Теперь, казалось, очередь разсмѣяться была за Ольгою.

— Кто, проговорила она,—кто лучше тебя?—эта петербургская кукла, этотъ баронъ съ вывороченными глазами? Ты замѣчалъ, какъ онъ иногда на меня смотритъ—мнѣ всегда смѣшно, когда онъ начинаетъ вращать бѣлками.

Но, не договоривъ, она вдругъ вздрогнула.

— Что съ тобой? спросилъ Артемій.

Ольга, вытянувъ шею, прислушивалась.

— Нѣтъ ничего,—мнѣ показалось, точно шорохъ, вѣрно птица.

Карлъ чуть не выдалъ себя. Пальцы его сжались судорожно, и онъ сдѣлалъ невольное движеніе впередъ. — Конечно, птица, отвѣтилъ Артемій,—кому-же быть теперь—вѣдь князь сказалъ, что не выйдетъ до ужина, итальянецъ—въ библиотекѣ.

— А петербургскій баронъ?

— Кажется, пишетъ письмо къ родителямъ.

— Ну вотъ, видишь, значитъ, это время наше, мое, и ты мой... Ну что-же, все еще не вѣришь... не успокоился...

— Ахъ, Оля,—вотъ ты сейчасъ назвала барона петербургскою куклой, значитъ, если-бы онъ былъ иной, лучше чѣмъ есть, ты-бы тогда...

„Проклятый мальчишка, найденышъ!“ бѣшено стиснувъ зубы, думалъ Карлъ, которому было слышно каждое слово...

— Ну еще, еще что? перебила Ольга.—Ахъ, какой ты смѣшной и милый... Да будь онъ въ десять разъ лучше, чѣмъ ты представить себѣ можешь—я и тогда не промѣняла-бы тебя... довольно?..

Замолкнувшій соловей, отголосокъ пѣсни котораго слышалъ, выходя изъ дому, Карлъ, снова началъ пѣть гдѣ-то близко, гулко, точно только-что почувявъ возлѣ шопотъ любви и торопясь привѣтствовать его своею пѣснюю.

Это былъ хорошій нотный соловей, чисто продѣланный починъ съ оттолчкой, послѣ котораго онъ сдѣлалъ два колѣна и рассыпался дробью, раскатился, заплелкалъ, протянулъ, перешелъ въ звонкій свистъ, защелкалъ гусачкомъ и разлился безконечною трелью.

Артемій и Ольга притихли. Она положила ему на плечо голову, прислушиваясь къ пѣнію... Эйзенбахъ едва себя сдерживалъ, чтобы не вырваться изъ засады. По счастью, онъ понималъ, что, выскочивъ, онъ ничего не выиграетъ, что, напротивъ, ему нужно притаиться теперь, несмотря на то, что пытка его была невыносима... И онъ, молча, давалъ себѣ клятвы въ томъ, что счастливый Артемій дорого заплатитъ ему за испытываемыя имъ муки...

Время для него казалось теперь вѣчностью.

А они нарочно, словно дразня его, сидѣли счастливые, упоенные своимъ счастьемъ, и соловей дразнилъ его своей пѣснюю, и вечеръ охватывалъ его томною нѣгой.

„Господи, да долго-ли они будут сидѣть такъ?“ думалъ Карлъ, чувствуя, что силы и послѣдній остатокъ благоразумія измѣняютъ ему, и онъ готовъ уже кинуться впередъ, чтобы задушить этого Артемія.

— Ты слышишь, заговорила Ольга,—эту пѣсню?—слышишь, милый?.. Ну, такъ вотъ такъ же, какъ хороша эта пѣсня, такъ же, какъ хорошъ этотъ вечеръ, и мѣръ Божій, и жизнь моя—такъ же мнѣ хорошо съ тобою, и клянусь тебѣ, что или ты, или никто... никого мнѣ не надо, кромѣ тебя одного... я люблю тебя...

И соловей, будто желая засвидѣтельствовать и подтвердить эту клятву, съ особенной силой и прелестью завелъ новую пѣсню...

ХІ.

Отецъ.

Карлъ, шатаясь, вернулся въ своей флигель; но онъ выдержалъ до конца, не выдавъ себя ни однимъ неосторожнымъ движеніемъ и не пропустивъ ни одного слова изъ подслушаннаго разговора Артемія съ Ольгой.

„Такъ вотъ оно что! соображалъ онъ,—такъ вотъ причина ея смущенія при знакомствѣ, вотъ гдѣ тайна ея обращенія со мною!.. Но что-же дѣлать теперь?..“

Карлъ однако чувствовалъ, что немедленнаго отвѣта на этотъ вопросъ онъ дать себѣ не можетъ, и что нужно прежде всего ему успокоиться, чтобы обдумать, какъ поступать дальше.

Голова его горѣла, тѣло дрожало, какъ въ лихорадкѣ, дыханіе прерывалось.

Онъ чувствовалъ, что переживаетъ одну изъ тѣхъ минутъ, когда люди, вполне здоровые и владѣющіе полнымъ разумомъ, способны вдругъ потерять его.

Карлъ рѣшилъ сказатьсь больнымъ и не выходить къ ужину. Онъ, дѣйствительно, былъ совсѣмъ боленъ...

Онъ призвалъ къ себѣ человѣка, чтобы тотъ помогъ ему раздѣться; но явившійся на его зовъ человѣкъ доложилъ, что дворецкій приходилъ изъ большого дома сказать, что князь Андрей Николаевичъ проситъ немедленно барона къ себѣ, какъ только они вернутся съ прогулки.

Карлъ взглянулъ на него недоумѣвающими, разсѣянными глазами.

— Что ты говоришь? спросилъ онъ, поднося руку ко лбу.—Какой князь, куда онъ зоветъ меня?..

— Князь Андрей Николаевичъ, пояснилъ лакей.— Они желаютъ васъ видѣть до ужина, къ себѣ приказали просить.

— Да, къ себѣ... машинально повторилъ Карлъ.

И такъ же машинально взялъ поданную ему лакеемъ шляпу и пошелъ къ князю.

Никогда онъ такъ сильно, какъ теперь, не любилъ Ольгу, т. е. никогда она ему не нравилась такъ, какъ теперь, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ненавидѣлъ ее.

Онъ шелъ по знакомой дорогѣ въ кабинетъ стараго князя, не давая себѣ хорошенько отчета, что идетъ туда. Мысли его были заняты все еще только-что видѣннымъ; передъ затуманившимися глазами были Ольга и Артемій, а въ ушахъ звучала соловьиная пѣснь, подъ которую Ольга произносила свою клятву.

Онъ опомнился нѣсколько тогда лишь, когда увидалъ себя въ кабинетѣ у князя.

Андрей Николаевичъ сидѣлъ у стола, перебирая бумаги.

Онъ, наморщивъ лобъ и пригнувъ слегка голову отъ мѣшавшей ему видѣть въ глубину комнаты зажженной на столѣ восковой свѣчи, всматривался, чтобы разглядѣть, кто вошелъ.

— А, это ты... ласково проговорилъ онъ.—Что, гулять ходилъ?

— Вы меня звали? спросилъ Карлъ, чувствуя, что голосъ измѣняется ему.

Князь опять поглядѣлъ въ его сторону, точно не узнавая его голоса.

Эйзенбахъ постарался остаться въ тѣни.

— Да, я тебя звалъ, началъ князь,—и по очень серьезному вопросу...

Онъ взялъ большую щепотъ табаку и потянулъ его съ тѣмъ особеннымъ удовольствіемъ, которое служило у него признакомъ, что вещи, которыя онъ намѣревается сказать—будутъ пріятныя вещи.

— Вотъ что, мой милый, надобно тебѣ знать, что съ перваго же дня твоего пріѣзда ты понравился мнѣ, и оттого я удержалъ тебя у себя... Теперь узналъ тебя ближе и еще болѣе полюбилъ...

„Боже, какъ я могъ бы быть счастливъ!“ подумалъ, невольно вздохнувъ, Карлъ.

— Ты говоришь что-нибудь? спросилъ князь.

— Нѣтъ, я слушаю.

— Ну, вотъ, такъ задерживалъ я тебя не даромъ. Житье въ Проскуровѣ нравится тебѣ?

— Да, нравится.

— Ты, кажется, не прочь отъ деревенской жизни?

— Нѣтъ, я очень люблю ее.

— И могъ бы не выѣзжать изъ деревни долго?

— Да, чуть слышно подтвердилъ Карлъ.

Онъ понималъ, къ чему клонились эти вопросы князя. Онъ понималъ, что счастье жизни его должно было рѣшиться сегодня, и именно сегодня князь началъ разговоръ объ этомъ, почти сряду послѣ того, какъ Карлъ могъ воочию убѣдиться, что счастье не суждено на его долю. Если бы зналъ Проскуровъ, что испытываетъ теперь Карлъ—онъ не говорилъ бы такъ ласково-спокойно. Эта его ласковость и пріятливость увеличивала только страданія молодого человѣка.

А князь, довольный своими мечтами и довольный тѣмъ, что пора приводить ихъ въ исполненіе, не сѣмша разсказывалъ, что онъ въ перепискѣ съ отцомъ Карла рѣшилъ многое: что старикъ-баронъ выѣдетъ на-дняхъ изъ Петербурга, и что если Карлъ не знаетъ въ чемъ дѣло, то „многое“ это заключается въ сватовствѣ Карла къ княжнѣ, для чего-де и ѣдетъ сюда баронъ Эйзенбахъ.

— Батюшка твой, вѣроятно, писалъ тебѣ о нашихъ предположеніяхъ (со мной можешь говорить безъ обиняковъ), продолжалъ князь.—И едва-ли, я думаю, ты будешь несчастливъ...

Карлъ молчалъ. Князь истолковалъ это молчаніе по-своему.

— Затѣялъ я нашъ разговоръ, сказалъ онъ,—для того, чтобы узнать, отчасти, твои мысли и спросить, каково относится, на твой взглядъ, къ тебѣ твоя будущая невѣста... Я знаю, что дочь моя никогда не выйдетъ изъ моей воли, но, понимаешь, мнѣ бы хотѣлось полного счастья между вами, мнѣ бы хотѣлось услышать отъ тебя самого, что она будетъ счастлива съ тобою, потому-что только тогда я буду спокоенъ окончательно, чтобы прожить остатокъ дней своихъ въ ненарушимой радости.

— Этого быть не можетъ... вырвалось вдругъ у Карла, несмотря на то, что раскаяніе, зачѣмъ онъ сказалъ это, тутъ же охватило его.

И если бы князь призвалъ его къ себѣ завтра, не сейчасъ послѣ сцены въ саду, если бы у Карла было время одуматься, приготовиться, тогда бы князь не услышалъ отъ него ни за что этихъ несчастныхъ словъ. Теперь же Карлъ былъ застигнутъ врасплохъ.

— А почему это, сударь мой? спросилъ вдругъ въ одинъ мигъ измѣнившійся князь.

Онъ, словно оцетинясь, приподнялся на креслѣ и впился въ Карла блестящими, сразу налившимися кровью, глазами.

Гдѣ-то, въ глубинѣ души князь предчувствовалъ, что мечты его не сбудутся, что тяготящая надъ нимъ немилость судьбы не измѣнится и на этотъ разъ, и вотъ, при словахъ Карла „этого не можетъ быть“, со всею

силою вдругъ поднялось у князя это сознание вѣчной неудачи.

Да, и на этотъ разъ расчетъ былъ неосуществимъ, какъ всегда.

Но отчего, кто или что помѣшаетъ ему?

И князь теперь желалъ лишь узнать причину, разбивавшую его надежды.

— Почему это, сударь мой, спрашиваю я васъ? кричалъ князь, не помня уже себя.

Только теперь увидѣлъ Карль, что значили эти страшные припадки гнѣва Проскурова, про которые онъ слышалъ отъ отца. Только теперь увидѣлъ онъ, до чего можетъ дойти человѣкъ, еще за минуту передъ тѣмъ ласковый и спокойный.

— Мнѣ вашъ батюшка писалъ, что вы всѣмъ сердцемъ рады, а теперь, что же это?.. Да говорите же... что-нибудь..

— Я, князь, радъ, заговорилъ вдругъ оробѣвшій Карль. — Я, князь, про себя ничего не говорю, но княжна..

— Ну, ну, что княжна?.. Что княжна?..

— Можетъ-быть у нея найдется другой избранникъ сердца..

Князь упалъ въ кресла и откинулся на спинку.

— Другой, избранникъ сердца!.. Ахъ ты, шутъ гороховый!.. Да откуда же взяться этому избраннику?.. Въ Петербургѣ у васъ дѣвки бѣгаютъ на свободѣ, а здѣсь кого увидитъ княжна Проскурова, кого, спрашиваю я? Итальянца, да Артемія... Что-жъ, она въ Артемія влюбилась что-ли?..

И князь расхохотался

Карль стиснулъ между колѣнъ руки такъ, что пальцы его хрустнули.

Андрей Николаевичъ вдругъ оборвалъ свой смѣхъ, и, словно ужасомъ, пораженный удивленіемъ, обернулся къ Карлу

— А,—тебѣ не смѣшно?.. Что-жъ ты не смѣешься?.. Въ Артемія?.. проговорилъ онъ — Что-жъ, развѣ это мыслимо?..

И, точно догадываясь уже по новому молчанію Карла, что для судьбы ничего нѣтъ немислимаго, князь, ударя въ ладони, закричалъ Артемія.

Онъ зналъ, что тотъ долженъ былъ находиться въ приемной

Дверь отворилась, и на порогѣ показался Артемій.

Онъ былъ блѣденъ, но держался прямѣе обыкновен-

наго. Голова его не склонилась, глаза глядѣли открыто и прямо. Онъ точно выросъ въ эту минуту.

Баронъ сидѣлъ напротивъ, съежившись и втянувъ голову въ плечи.

Старый князь поднялся со стула, большими шагами подошелъ къ Артемію и, схвативъ его за руку, подтащилъ къ барону.

— Скажи ему, что онъ лжетъ! заговорилъ онъ, рѣзко выкрикивая слова.—Онъ говорить, т. е. не говорить онъ, а молчить... думаетъ... подозрѣваетъ, что Ольга... что ты... Пойми ты... скажи ему, что это ложь...

Князь совѣмъ задыхался.

Артемій опустилъ глаза. Онъ долженъ былъ отвѣтить. Онъ не могъ смолчать.

И онъ отвѣтилъ:

— Баронъ говоритъ правду.

Андрей Николаевичъ отскочилъ, точно громовый ударъ разразился надъ нимъ.

Онъ нѣсколько разъ перевелъ съ трудомъ духъ, силась проговорить что-то.

— И... и она? наконецъ проговорилъ онъ.

— Я сегодня, самъ своими глазами видѣлъ, произнесъ баронъ отчетливо и ясно,—какъ этотъ молодой человѣкъ сидѣлъ съ княжною въ саду, гдѣ розы... Я не могъ ошибиться.. И я слышалъ весь ихъ разговоръ...

Злоба, при видѣ Артемія, увлекла его, и онъ снова не могъ удержаться.

Нѣсколько мгновений въ комнатѣ было слышно только рѣдкое и тяжелое дыханіе старика. Онъ сидѣлъ въ неловкой, случайной позѣ на креслѣ, и лишь изрѣдка руки его судорожно вздрагивали.

— И это... заговорилъ онъ наконецъ,—за всѣ мои заботы... за всю ласку мою... За то, что я берегъ ее... берегъ... для того, чтобы найденышъ, безъ роду и племени, осмѣлился... ее... княжну Проскуру... Вонъ! вдругъ закричалъ князь въ сторону Артемія.—Вонъ, и чтобъ на глаза мнѣ не показываться!.. Убью!..

Артемій стоялъ блѣдный, съ затрясшейся нижнею челюстью, но на крикъ князя онъ не выказалъ испуга, покорно повернулся и вышелъ

Князь опять всталъ, подошелъ къ Эйзенбаху, и отвѣсивъ низкій поклонъ, проговорилъ

— Виноватъ, сударь—ваша правда, кажется. Но оставьте теперь меня одного.

(Продолженіе будетъ).

Поѣздъ идетъ!

Разсказъ Міерса.

I.

На дебаркадерѣ среднегерманскаго промышленнаго города К. царилъ необыкновенное оживленіе; повсюду толпились дѣти, занявъ не только всѣ пассажирскія комнаты и платформу, но даже лѣстницы и коридоры вокзала.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ почтенный старикъ, большой другъ дѣтей, оставилъ по завѣщанію довольно значительный капиталъ, на проценты съ котораго каждый годъ долженъ былъ устраиваться дѣтскій пикникъ для всѣхъ школъ города К. на станцію Вальдбергъ, мѣсто рожденія завѣщателя. Тамъ, вблизи вокзала, въ буковомъ лѣсу, предлагалось угощеніе не только дѣтямъ, но и взрослымъ, желавшимъ принять участіе въ прогулкѣ.

Громкій возгласъ станціоннаго служителя и звонъ колокольчика напомнили объ осторожности тѣмъ, кто тѣснился на платформѣ. Вѣхалъ длинный экстренный поѣздъ. Въ минуту онъ былъ осажденъ дѣтьми. Авторитету учителей и учительницъ съ трудомъ удавалось возстановить порядокъ; всѣ вагоны переполнились дѣтьми. Кондукторъ тщательно пробовалъ надежность дверныхъ замковъ, чтобы кака-нибудь дверь дорогомъ не распахнулась. Учителя и учительницы занимали мѣста возлѣ своихъ питомцевъ, нѣкоторые еще стояли у дверей, указывая мѣста опоздавшимъ.

— Фрейлейнъ Агнеса! фрейлейнъ Агнеса! звали изъ одного вагонаго отдѣленія маленькія дѣвочки.—Идите къ намъ, мы оставили для васъ такое хорошее мѣсто, въ самомъ углу!

— Подождите! кивнула имъ молодая дѣвушка лѣтъ двадцати

съ небольшимъ. — Не тѣнитесь такъ у окна, чтобы кто-нибудь изъ васъ не выпалъ. Мнѣ нужно еще кое-о-чемъ позаботиться.

Каріе глаза молодой учительницы, казалось кого-то искали на платформѣ. Вдругъ она подошла къ человѣку, стоявшему у самаго сигнальнаго колокола и мрачно наблюдавшему за веселой суетой. Она протинула ему руку и сказала

— Ты не ѣдешь, Францъ?

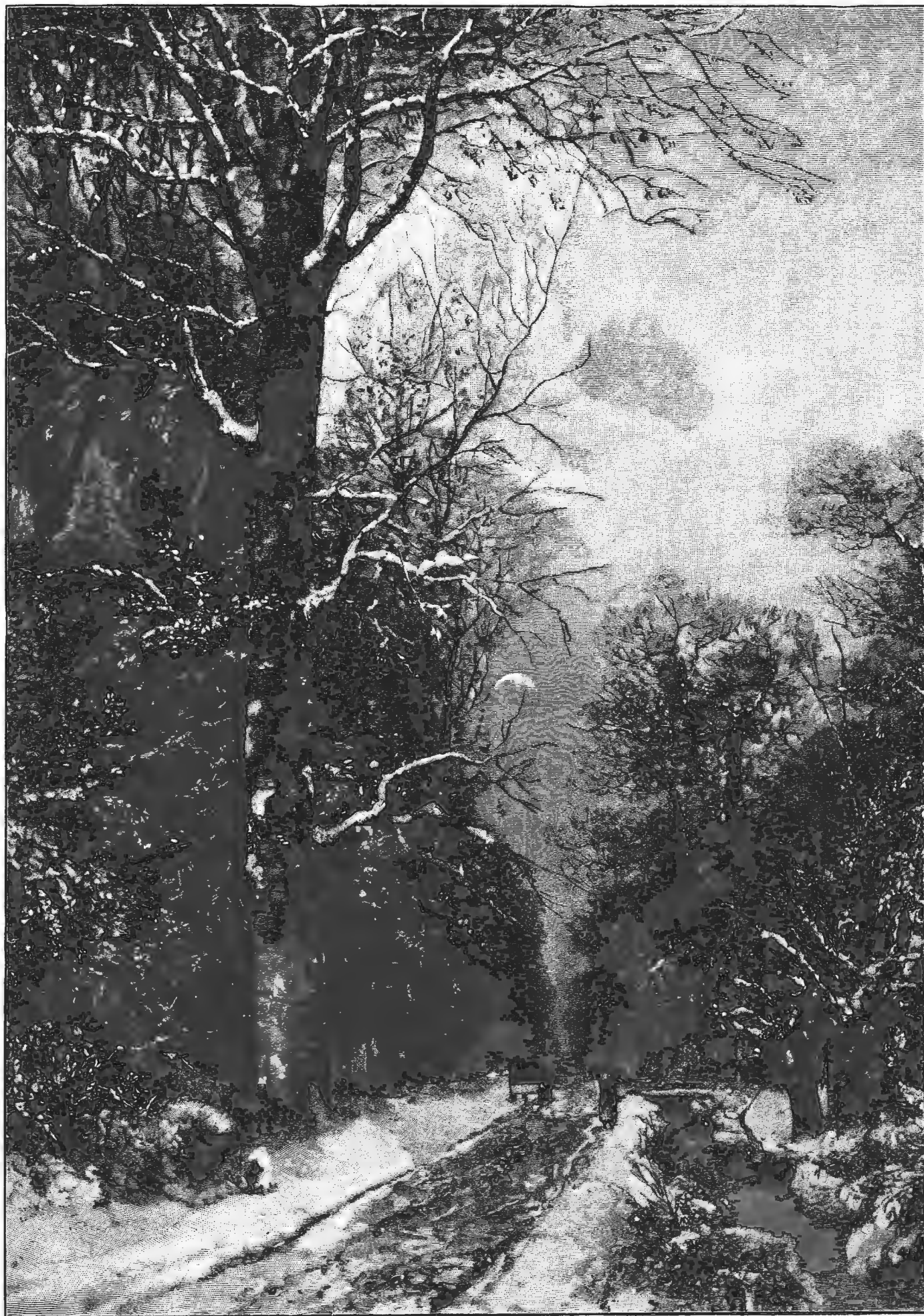
Молодой человѣкъ поднялъ глаза, насмѣшливая улыбка скользнула по его лицу.

— Чему я обязанъ честью говорить съ вами, фрейлейнъ? сказалъ онъ — Будьте осторожны, не то вы повредите себѣ въ глазахъ всѣхъ этихъ почтенныхъ людей и можете, чего добраго, лишиться вашей драгоценной должности. Вы знаете, я отвергнутъ обществомъ, вы сами были такъ любезны, написали мнѣ это третьяго дня.

— Францъ! укоризненно сказала молодая учительница — Зачѣмъ говорить такъ?—Я только предостерегла тебя, считая это своею обязанностью. Ты началъ борьбу, которая тебѣ не по силамъ; но мнѣ и въ голову не приходило утверждать, что ты отверженецъ общества. Если въ письмѣ я употребила обидныя для тебя выраженія, прости меня! намѣреніе у меня было хорошее

Францъ иррижужденно засмѣялся.

— Всѣ они это говорятъ. Удивительно, какъ люди мною интересуются! Лучше-бы ихъ интересовала правда и справедливость. Къ сожалѣнію, не рабская душа у меня, и за свои

Зимній уборъ лѣса. Съ карт. Швейцера, грав. Гейеръ и Кирззе.

права и положить жизнь. И буду бороться, хотя-бы мнѣ это стоило жизни.

— И не жаль тебѣ тѣхъ, кто жалѣетъ тебя? Вѣдь были-жъ у тебя друзья, близкіе...

— Хороши друзья! знаю я ихъ... одинъ только и есть порядочный, да и тотъ пьяница...

— Ну вотъ видишь—и какъ можешь ты, въ самомъ дѣлѣ порядочный человекъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, водиться съ пьяницей...

— И самъ я пьяница теперь, и долженъ его держаться, какъ товарища по несчастью; вѣдь и съ нимъ поступили несправедливо. Онъ по крайней мѣрѣ понимаетъ меня. Мы съ нимъ одного поля ягода...

Раздавшійся въ эту минуту второй звонокъ прервалъ разговоръ молодыхъ людей.

— Я должна садиться! сказала Агнеса. — Ты не поѣдешь, Францъ?

— Что мнѣ тамъ дѣлать? Оставь меня, уйди... ты свободна совсѣмъ. Я вернулъ тебѣ твое слово, потому что теперь, когда мнѣ не повезло въ жизни... я не считаю себя въ правѣ брать на свою отвѣтственность твою судьбу...

И, не договоривъ, онъ отвернулся и быстро зашагалъ по направлению выходной двери вокзала.

Раздался свистокъ, и поѣздъ тронулся.

II.

Францъ Борхартъ по профессіи былъ выдающимся техникомъ, но на службѣ ему не повезло. Начальнику его понадобилось занимаемое Борхартомъ мѣсто для дальняго своего родственника, и онъ удалил его, придравшись къ какой-то бездѣлицѣ.

Францъ попытался доказать неправоту своего начальства. Большинство, въ принципѣ, отдавало ему справедливость; но всѣ какъ-то при этомъ покачивали головой, и никто не рѣшался открыто высказаться въ его пользу. И мало-по-малу отъ него стали сторониться, чтобы не навлечь на себя неудовольствія сильныхъ міра сего, и въ концѣ концовъ, молодой человекъ сталъ совершенно одинокъ. Единственный пріятель его не оставлялъ его, но этого человека Агнеса справедливо называла пьяницей. Онъ прежде служилъ чиновникомъ и за негодностью былъ уволенъ.

Напрасно Агнеса употребляла всѣ успія, чтобы остановить бѣднаго Франца. Молодая дѣвушка знала, что онъ создалъ себѣ невозможное положеніе не только въ городѣ, но во всемъ горномъ округѣ, и потому совѣтовала ему искать должность въ другомъ мѣстѣ, гдѣ его не знали, и тамъ забыть напесенную ему обиду.

Онъ отвѣтилъ ей тѣмъ, что вернулъ ей ея слово, объясняя разрывъ нежеланіемъ вовлечь ее въ свое несчастье. Онъ объявилъ ей въ письмѣ, что они больше не увидятся. Но онъ принялъ-таки сегодня въ вокзалъ, гдѣ — онъ зналъ — встрѣтитъ ее при отходѣ поѣзда. Онъ не надѣялся, что она съ нимъ заговоритъ, и теперь, когда она не побоялась открыто показать ему свою симпатію, его сердце, немыслившее за послѣднее время столько горели, забилось радостію.

Вернувшись домой, Францъ Борхартъ еще разъ перечелъ письмо, полученное отъ Агнесы нѣсколько дней тому назадъ. Въ этомъ письмѣ она повторила свою просьбу оставить безнадѣжную борьбу, и еще разъ совѣтовала ему избрать для своей дѣятельности другое мѣсто и пріятелье за работу, которая одна только способна дать забвеніе прошлому и умиротвореніе; наконецъ, она напоминала, что деньги, на которыхъ онъ жилъ теперь, могутъ придти къ концу.

Опасенія ея были слишкомъ основательны: денегъ было мало. Что будетъ, когда изсякнутъ послѣднія крохи—ему было не ясно. Помощи ждать неоткуда.

III.

Праздникъ на станціи Вальдбергъ кончился. Съ пѣніемъ, въ вѣнкахъ изъ дубовыхъ листьевъ и полевыхъ цвѣтовъ, дѣти толпами возвращались на станцію и размѣшались по вагонамъ. Они были еще веселы и шумливы, тѣмъ утромъ; лички разрумянились, глаза сіяли веселіемъ; радостное настроеніе дѣтей перешло и взрослымъ: всѣ казались веселыми и довольными.

Локомотивъ пыхтѣлъ и шипѣлъ, выпуская палишекъ пара. Кочегаръ подобросилъ въ огонь еще угля и взглянулъ на старшаго машиниста, который стоялъ на платформѣ, разговаривая съ начальникомъ станціи. Повернувшись снова къ машинѣ, кочегаръ печально задѣлъ правымъ плечомъ за рычагъ регулятора, рычагъ подался, паръ со свистомъ ударилъ во всѣ клапаны, и локомотивъ двинулся съ мѣста. Кругомъ закричали. Кочегаръ былъ молодой человекъ, почти мальчикъ... Онъ растерялся, бросился на платформу, машинистъ кинулся къ локомотиву, но поздно—никѣмъ не управляемый поѣздъ помчался на всѣхъ парахъ со станціи...

Начальникъ станціи рѣшилъ отправить вдогонку запасной локомотивъ. Но прежде чѣмъ локомотивъ этотъ былъ переведенъ съ запаснаго пути на главный, учащійся поѣздъ былъ уже на такомъ разстояніи, что догнать его оказалось невысказимо. Онъ шелъ полнымъ ходомъ. Котель былъ полонъ воды,

на огонь подброшены свѣжіе угли; поѣздъ могъ безостановочно мчаться по крайней мѣрѣ три четверти часа. Продолжая идти тѣмъ же ходомъ, онъ могъ достигъ станціи К. въ двадцать минутъ; но К. была конечною станціей пути. Такимъ образомъ, если не удастся поймать поѣздъ, катастрофа была неизбежна.

Единственное, что могли сдѣлать на станціи отправления, это телеграфировать въ К. и на два промежуточные полустанка, что поѣздъ идетъ безъ машиниста, и что нужно во что бы то ни стало его задержать.

Телеграмма произвела въ К. потрясающее дѣйствіе. Напрасно тамошній начальникъ станціи старался скрыть правду: въ нѣсколько минутъ оно распространилось въ толгѣ, ожидавшей на платформѣ и въ залахъ прибывающихъ близкіхъ. У каждаго изъ этихъ людей было въ злополучномъ поѣздѣ дорогое существо—ребенокъ, жена, сестра, братъ или невеста.

Сначала сотни собравшихся на станціи точно застыли въ безмолвномъ ужасѣ, но молчаніе тотчасъ же смѣнилось безпорядочными криками о помощи, плачемъ, дикой бѣготней и суетой. Между тѣмъ изъ города продолжали прибывать, для встрѣчи поѣзда, новыя лица; узнавая ужасную новость, они присоединялись къ общему отчаянію. Немногіе, сохранившіе присутствіе духа, бросились въ станціонное бюро, чтобы спросить начальника станціи, что онъ намѣренъ предпринять.

Влѣдній отъ ужаса, чиновникъ, не успѣвая отвѣчать на вопросы, съ трудомъ пробрался сквозь толпу наиврававшихъ на него людей и бросился къ платформѣ, остальные служачіе невольно столпились вокругъ своего начальника; они точно должны были составить одинъ твердый пунктъ, одну опорную группу, въ этомъ хаосѣ людей, обезумѣвшихъ отъ ужаса. Даже при условіи освобожденія всѣхъ рельсъ отъ запасныхъ вагоновъ и слѣдованія поѣзда по самой длинной „глухой вѣтви“ рельсоваго пути, задержать поѣздъ было невозможно. Онъ долженъ былъ всею своею тяжестью слетѣть по откоосу внизъ къ вокзалу и, достигнувъ насыпи въ концѣ пути, разбиться въдребезги.

— Слышите песокъ! раздавался вдругъ чей-то возгласъ.

Никто не зналъ, откуда шло приказаніе, но сотни рукъ уже протянулись за пескомъ, устилавшимъ промежутки между шпалами; всѣ бросились сыпать песокъ на рельсы. Если удастся покрыть рельсы слоемъ песку на протяженіи нѣсколькихъ сотъ метровъ, это затормозитъ ходъ поѣзда и, быть можетъ, остановить его. Но эта коготливая работа требовала времени, а времени было мало. Со второго промежуточного полустанка уже пришла депеша: „Экстренный поѣздъ, безъ машиниста, прошелъ полнымъ ходомъ. Задержать!“

— Хорошо имъ телеграфировать: „задержать!“

Хотя извѣстіе на этотъ разъ было не ново, оно, тѣмъ не менѣе, вызвало новый взрывъ отчаянія. Женщины попадали на колѣни; кричали, плакали, суетились...

Вдругъ на платформѣ появился человекъ съ топоромъ въ рукахъ; это былъ Францъ Борхартъ. Онъ бросился къ бочкамъ, сложеннымъ въ концѣ платформы. Въ этихъ бочкахъ былъ запасъ американскаго топленнаго сала.

— Посуду сюда! крикнулъ Францъ.—Жиръ на рельсы, это единственное средство задержать поѣздъ!

Онъ уже выбилъ дно у нѣсколькихъ бочекъ. Его примѣру слѣдовали сначала недоувѣрчиво, но потомъ работа закипѣла...

Однако, Францъ Борхартъ, повидимому, самъ не надѣялся на удачу и не вѣрилъ усилію. Онъ вдругъ исчезъ незамѣтно.

IV.

Никто не видѣлъ, какъ онъ бросился бѣжать вверхъ по откоосу отъ станціи. Онъ бѣжалъ, едва переводя духъ, мысли его путались, онъ, казалось, сошелъ съ ума, но на самомъ дѣлѣ онъ зналъ, что дѣлать:—

Нѣсколько выше того мѣста, гдѣ кончался откоосъ, рельсы шли по прорытой для уменьшенія подъема горы ложбинѣ, и надъ ними былъ пѣшеходный мостикъ. Подъ нимъ долженъ былъ сейчасъ пройти злополучный поѣздъ, и Францъ рѣшился прыгнуть съ этого мостика на локомотивъ. Не было почти никакихъ вѣроятій, что это удастся ему—онъ шелъ на вѣрную смерть. Но что значила для него теперь жизнь! Единственно дорожное для него существо, то, чѣмъ еще красна могла быть эта жизнь, должно погибнуть!..

Все быстрѣе и быстрѣе мчится Францъ. Ему виденъ уже мостъ, но мѣстѣ съ тѣмъ вдали клубится ужъ дымъ приближающагося поѣзда. Послѣднее усиліе—и Францъ влетѣлъ по ступенямъ мостика, перешагнувъ черезъ перила и повисъ на рукахъ.

Онъ съ трудомъ перевелъ дыханіе; онъ слышитъ шумъ колесъ, чувствуетъ, какъ дрожитъ земля. Еще мгновеніе,—горячій дымъ изъ трубы локомотива ударилъ ему въ лицо... Францъ соскользнулъ съ моста. Тяжело рухнуло его тѣло на угли тендера, словно тысячи искръ брызнули вдругъ передъ его глазами, и онъ потерялъ сознание...

На станціи К. съ платформы завидѣли поѣздъ.

— Сойдите съ рельсъ! раздались голоса.—Поѣздъ идетъ!..

Но смятеніе было такъ велико, что люди, стоявшіе сами на рельсахъ, кричали громче всѣхъ и не двигались съ мѣста. Ихъ нужно было силою тащить долой.

На вершинѣ откоса былъ виденъ ужъ локомотивъ. Поѣздъ все ближе и ближе... Вотъ онъ несется по откосу внизъ, по направленію къ станціи, навстрѣчу неизбежной гибели. Она близка, эта гибель, неминуема, ужасна и неизбежна...

И вдругъ — молчаніе, толпа затихла, какъ-бы пораженная ударомъ молніи...

Провзвѣтный свистокъ локомотива... Стало-быть на машинѣ есть кто-то, кто овладѣлъ ею и можетъ справиться. Слышенъ скрипъ туго натягиваемыхъ тормазовъ; все медленно спускается по откосу тяжелая масса поѣзда, и, достигнувъ обмозанныхъ жиромъ рельсовъ, останавливается...

На площадкѣ тендера стоялъ весь въ дыму и копоти, съ окровавленнымъ лицомъ, Францъ Борхартъ.

Тысячеголосный крикъ радости огласилъ воздухъ. Всѣ бросились къ поѣзду. Начались объятія, слезы, поцѣлун. Никто уже не надѣялся встрѣтить прижившихъ живыми.

V.

Францъ Борхартъ лежалъ въ глубокомъ обморокѣ. Сотрясеніе мозга и раны на головѣ и лицѣ были гораздо тяжелѣе, чѣмъ можно было думать въ первую минуту. Только нечеловѣческое напряженіе силъ, только сознаніе, что отъ его энергій зависѣло предотвращеніе несчастья, придали ему силъ,

и онъ остался въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній на ногахъ, чтобы совершить дѣло спасенія.

Онъ лежалъ навзничъ, и его окровавленная голова почти, безъ признаковъ жизни, покоилась на колѣняхъ мертво-блѣдной Агнесы; вокругъ нихъ суетилось два врача. Часъ спустя Францъ Борхартъ, все еще безъ сознанія, былъ доставленъ въ больницу. Повидимому, онъ долженъ былъ поплатиться жизнью за свой безумно-отважный поступокъ.

Но молодость и крѣпость сложенія Франца взяли свое. Ему еще суждено было испытать въ жизни счастье.

Во всемъ городѣ не было семьи, которая-бы не была ему обязана жизнью кого-нибудь изъ близкихъ. Онъ предотвратилъ несчастье, спасъ сотни человѣческихъ жизней, избавилъ множество людей отъ горя, заботъ и страданій.

Общественное настроеніе въ К. круто повернулось въ пользу Борхарта. Даже управляющій горнымъ округомъ, отнюдь не расположенный къ уступчивости, призналъ себя виноватымъ. Рождественника своего онъ не выгналъ, но Борхарту объялъ предоставить, когда онъ выздоровѣетъ, мѣсто лучше прежняго.

Общее ликование встрѣтило золотую медаль, присланную Францу изъ резиденціи „за спасеніе“; но настоящимъ торжествомъ была свадьба Франца и Агнесы. На этой свадьбѣ присутствовали весь городъ.

Молитва.

Съ вѣрой воскресшею, съ чистымъ моленіемъ,
Прежней горячей мольбой
Я приклоняюся съ благоговѣніемъ
Передъ иконой святой.

Господи! часто въ безумныхъ волненіяхъ,
Въ вихрѣ позорныхъ суетъ
Я забывалъ о святыхъ окрovenіяхъ,—
Мракомъ казался мнѣ свѣтъ...

Господи! часто сомнѣнія смутныя
Душу тревожатъ мою,
Часто кумиры,—кумиры минутныя
И на землѣ создаю...

Господи! часто мечты вдохновенныя,—
Отблескъ небесныхъ огней,
Я расточалъ за порывы презрѣнныя
Необходимыхъ страстей!.

Но я молю, мнѣ прости заблужденія,
Ропотъ неволи моей,—
Все за священный порывъ умиленія
Передъ святыней Твоей!

Самъ же Ты мысль мнѣ вложилъ непокойную.
Сердце наполнилъ огнемъ,
Душу любовью и страстію знойною
Съ грезой о счастьѣ мною...

Такъ погаси это пламя сомнѣнія,
Сердца порывы смирн,—
И я почувю тогда возрожденіе
Въ отблескѣ новой зарн!

И предъ святыней Твоей величавою
Ничь упаду я во прахъ,
И не смѣю уже пѣснью лукавою
Звукн молитвъ на устахъ!

Ведоръ Заринъ.

Попытки хронологіи евангельскихъ событій.

(По Ф. Фаррару, Е. Станферу, Мунку, Кипперту и др.).

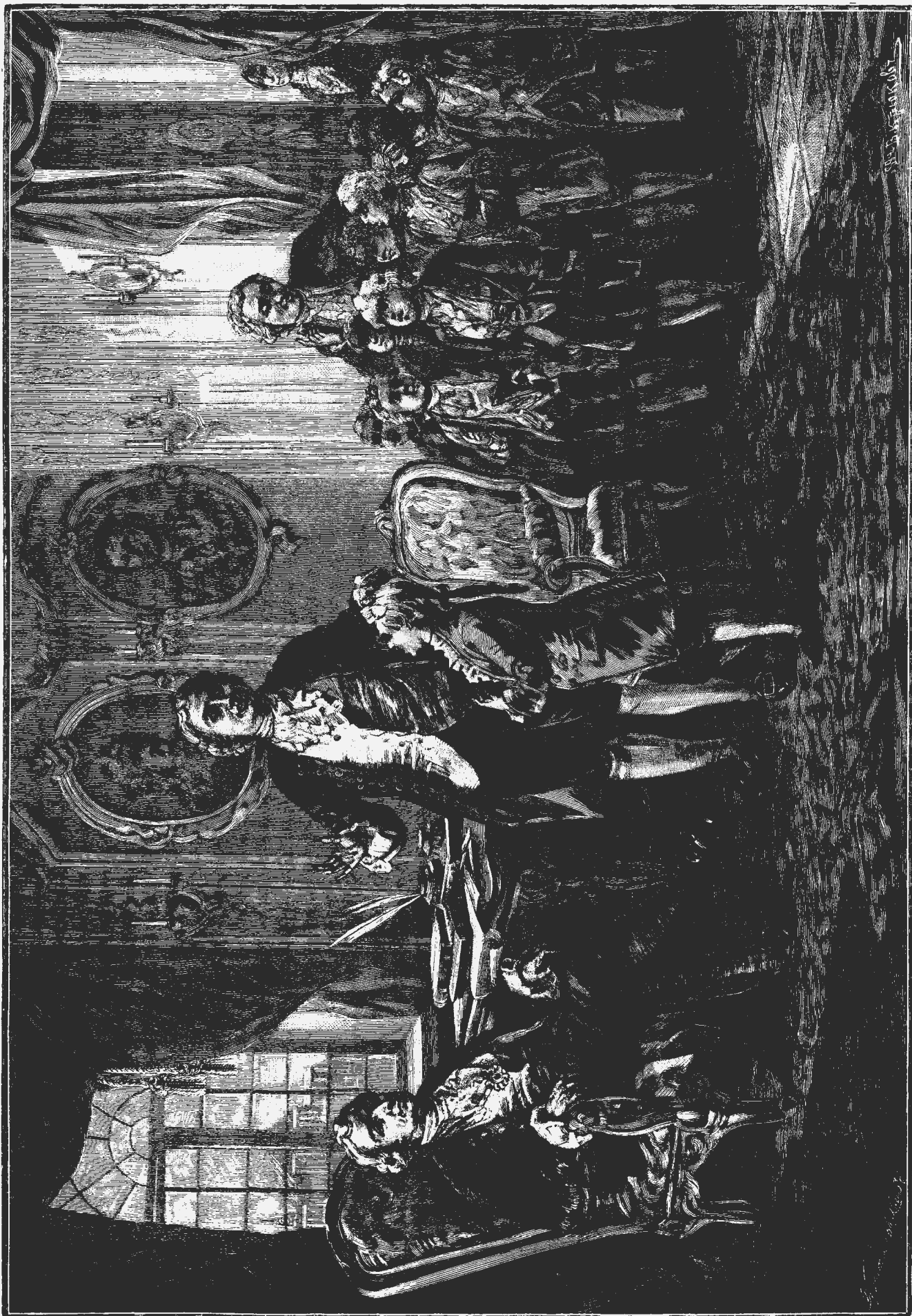
Старога Паломника. (Карта на стр. 212).

Было бы легкомыслиемъ предполагать, что благовѣстующимъ евангелистами событія не имѣютъ внутренней связи и составляютъ явленія случайныя, зависящія отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, встрѣчавшихся на жизненномъ пути Великаго Учителя. Дѣло посланничества Сына Божія не могло совершаться иначе, какъ по предначертанію премудраго Провидѣнія, и направлялось по божескому плану къ цѣли искупленія рода человѣческаго мученической смертію на Крестѣ. Забота о систематическомъ изложеніи великихъ событій должна была казаться далеко не существенною первымъ избранныкамъ Иисусовымъ. Недоступныя дотогѣ уму человѣческому истины представлялись имъ величайшею гранью между царствомъ мрака и началомъ царства вѣчнаго Свѣта, воссіявшаго надъ человѣчествомъ. Такія указанія времени, какъ: „во дни Ирода“, или „случилось Ему въ субботу“, или „приближался праздникъ опръсноковъ“, „за шесть дней до Пасхи“ и т. п. считались достаточными для цѣли ихъ повѣствованій. Если сами ученики и апостолы, жившіе въ непосредственномъ общеніи съ Иисусомъ, только исподволь проникались Его ученіемъ и только около послѣдняго времени земной Его жизни стали осваиваться и познавать всю глубину Его проповѣдей, то другіе современныя писатели, язычники, находившіеся внѣ страны, освясненной стопами Богочеловѣка (кромѣ развѣ Іосифа Флавія, какъ іудея родомъ) и до конхъ околными путями, можетъ-быть, доходили смутныя вѣсти о необычайномъ явленіи челоука и совершаемыхъ имъ дѣлахъ въ ничтожной провинціи Малой Азіи, — могли лишь инстинктивно судить о значеніи совершавшагося въ Иудеѣ, такъ или иначе высказывать свои взгляды и не видѣть надобности заносить въ анналы числа, мѣсяцы и годы того или другаго событія, долетавшаго до ихъ слуха.

Поэтому, почти двѣ тысячи лѣтъ спустя, въ наше время, хронологія ихъ и послѣдовательность только составляютъ

предметъ изслѣдованій, задачу, на которую окончательный отвѣтъ вперед, въ будущемъ болѣе или менѣе отдаленномъ. Но ученые изслѣдователи начинаютъ приходить къ заключенію, что рѣшеніе вопроса достижимо, и прилагаютъ къ тому не мало успѣй.

Народъ іудейскій жилъ двойною жизнью: религіозною и гражданскою, и ихъ годъ религіозный отличался отъ года гражданского. Первый начинался весной, второй шесть мѣсяцевъ спустя, или первый мѣсяцъ левитовъ былъ седьмымъ гражданского и назывался *нисанъ* (Исх. XII, 1, 2): „И сказалъ Господь Моисею и Аарону въ землѣ Египетской, говоря: мысль эту да будетъ у васъ началомъ мѣсяцевъ, первымъ да будетъ онъ...“ *Нисанъ* соответствовалъ половинѣ марта и первой половинѣ апрѣля (приблизительно). Вотъ названія слѣдующихъ: 2-й церковный и 8-й гражданскій былъ *іаръ* (апрѣль-май), 3—9 *сиванъ* (май-іюнь), 4—10 *тамузъ* (іюнь-іюль), 5—11 *абъ* (іюль-августъ), 6—12 *элулъ* (августъ-сентябрь), 7—1 *тишри* (сентябрь-октябрь), 8—2 *мисхиванъ* (октябрь-ноябрь), 9—3 *кислевъ* (ноябрь-декабрь), 10—4 *тебетъ* (декабрь-январь), 11—5 *шебатъ* (январь-февраль) и 12—6 *адаръ* (февраль-мартъ). Всѣ они были лунные, продолжались 29 съ половиною дней (29 дней 12 часовъ 44 минуты и 3 секунды), слѣдовательно короче нашихъ. Кто первый замѣчалъ лунный серпъ въ лучахъ заходящаго солнца—спѣшилъ донести синедриону; синедрионъ, по установленному обряду, провозглашалъ съ этого момента первый день новаго мѣсяца. При тучахъ или ненастьи новолуніе могло быть не замѣчено, тогда кончавшійся мѣсяцъ длился тридцатый день, вечеромъ коего уже обязательно начинался первый новаго мѣсяца, ибо наблюденіе за появленіемъ новолунія было въ безцѣльно. Въ первомъ случаѣ мѣсяцъ считался *неполнымъ* (печетнымъ), во второмъ *полнымъ* (четнымъ). Мѣсяцы и сутки, слѣдовательно, начинались вечеромъ и двадцать четыре часа дни считались отъ захода солнца

Юноша Фонвизинъ встрѣчается у И. И. Шувалова съ Ломоносовымъ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Крюкова, грав. Мультановскій.

„Прощай!“ Съ карт. А. Гиллу, по фот. Брауна, грав. Доши.

до захода, а не от двѣнадцати ночи, какъ у насъ. Годъ состоялъ, значитъ, изъ 12 мѣсяцевъ въ 29 или въ 30 дней; такъ, какъ у насъ, въ 31 день, не было. Оказывался въ концѣ года недочетъ, который пополнялся синедріономъ искусственно, по изображеніи съ состояніемъ температуры и времени жатвы. Слѣдуетъ замѣтить, что, по закону Моисея, праздники пріурочивались, такъ сказать, къ земледѣльческимъ періодамъ; такъ, Пасха должна была совпадать съ началомъ жатвы, Пятидесятница съ ея окончаніемъ, праздникъ Кушей начинался по собраніи плодовъ и всякихъ сельскихъ произведеній. По Талмуду, со второй половины *тишири* (сентябрь-октябрь) въ течение двухъ мѣсяцевъ производились посѣвы, слѣдующіе два мѣсяца (т. е. со второй половины *кислева*, весь *тебетъ* и первая половина *шебатъ*) считались зимними, дальѣ, тѣмъ же порядкомъ, два слѣдующихъ — концомъ зимы, затѣмъ два мѣсяца проходила жатва, два мѣсяца — лѣто и два послѣднихъ канікулы, отдохновеніе. Ячмень созрѣвалъ прежде другихъ хлѣбовъ, поэтому первый церковный мѣсяцъ писанъ долженъ былъ совпадать съ началомъ жатвы ячменя; если же въ концѣ послѣдняго церковнаго мѣсяца, *адара*, по года стояла холодная, ячмень не созрѣлъ, жатву приходилось жатъ около мѣсяца — синедріонъ прибавлялъ къ году тринадцатый мѣсяць — *есадаръ* (второй адаръ); тогда число дней въ году достигало иногда 384. Ясно теперь, сколько представляется трудностей для сравнительнаго времяисчисления.

Пасха, по закону, должна была начинаться непременно 15-го писана, праздновалась семь дней. Пятидесятница — въ пятидесятый день послѣ 16 писана. Если этотъ мѣсяць и слѣдующій, *іаръ*, были неполные, то Пятидесятница падала на седьмое число *сивана*; если оба были полные — на пятое, если одинъ полный, другой неполный — на шестое. Очевидно, все зависѣло отъ случайности, а это составляетъ разумѣется страшную путаницу для исчисленій. Прибавимъ еще, что сутки дѣлились, какъ нынѣ, на двадцать четыре часа. Ночь дѣлилась на четыре части: 1-я отъ 6 до 9 час. — вечеръ, 2-я отъ 9 до 12 — глубокая ночь, 3-я отъ полуночи до 3 — пѣние пѣтуха, *алектрофотіе*, 4-я отъ 3 до 6 — утро, *прои*; нашъ седьмой часъ вечера считался первымъ ночью, седьмой утра — первымъ днемъ; девять утра — третьимъ днемъ. „*Быль часъ третій и распяли Его*“ (Марк. XV, 25). Полдень — шестымъ часомъ: „*Въ шестомъ же часу настала тѣма и продолжалась до часа девятого*“ (Марк. XV, 33), т. е. до трехъ пополудни.

Принимая во вниманіе, что евангелистъ Іоаннъ болѣе другихъ останавливается на послѣднемъ времени жизни Иисуса, и усматривая большую точность въ изложеніи событій, послѣдователи приходятъ къ заключенію, что опредѣленіе времени кончины Его представляется болѣе легкимъ, чѣмъ другихъ событій, и оно можетъ служить исходною точкою для исчисленія времени сихъ послѣднихъ.

Изъ передаваемого тремя евангелистами слѣдуетъ, что Иисусъ распятъ былъ въ самый день Пасхи, изъ словъ же евангелиста Іоанна — наканунѣ сего дня: „*Но какъ тогда была пятница, то иудеи, дабы не оставить тѣла на крестѣ въ субботу*“ (XIX, 31). Слѣдовательно, какъ Пасха, мы знаемъ, праздновалась 15 писана, то числомъ кончины Иисуса было или 14, или 15 писана. Если у четырехъ евангелистовъ не одинаковы утвержденія въ этомъ отношеніи, то все они единогласно повѣствуютъ, что распятіе совершенно въ пятницу, а воскресеніе было на третій день (послѣ пятницы, или въ первый день недѣли, по-нашему — въ воскресный). И такъ, кончина Иисуса послѣдовала или 14, или 15 писана, но, безъ всякаго сомнѣнія, въ пятницу.

Въ теченіе длиннаго періода лѣтъ той эпохи (по точнымъ астрономическимъ вычисленіямъ) изъ тѣхъ годовъ, въ концы эти числа падали на пятницу, можно остановиться на 30-мъ или 33-мъ нашей эры. Обращаясь къ одной изъ такихъ пятницъ ранѣе 30-го года, пришлось бы заключить, что Иисусъ былъ распятъ на двадцатомъ году жизни, а послѣ 33-го года мы удалились бы настолько, что распятіе приходилось бы на сорокалѣтній возрастъ Иисуса. И такъ, достовернѣйшими годами должны быть признаны 30-й или 33-й. Если примѣнить календарь XIX вѣка къ тому времени, то въ 30-мъ смертная казнь Иисуса падаетъ на пятницу 7 апрѣля н. ст., а въ 33-мъ на пятницу 3 апрѣля.

Пытливые умы идутъ дальѣ, стараются опредѣлить, который изъ этихъ двухъ годовъ ближе къ дѣйствительности.

У ев. Іоанна (II, 20) иудеи говорятъ: „*Сей храмъ строился сорокъ шесть лѣтъ*“. Постройка храма, какъ извѣстно, была окончена лишь нѣскольکو лѣтъ спустя, слѣдовательно эти слова нужно понимать такъ, что работы постройки начались 46 лѣтъ тому назадъ. По свидѣтельству Іосифа Флавія, онъ начаты были Иродомъ въ восемнадцатый годъ его царствованія. Воцарился же онъ весною 717 г. отъ осн. Рима (37 до Р. Хр.). 18-й годъ царенія поэтому начался въ 734 и кончился въ 735 (19-й до Р. Хр.). Прибавивъ къ этому 46 лѣтъ, получимъ 781-й годъ (28 по Р. Хр.), совпадающій съ началомъ Иисусовой мессіанской дѣятельности, годъ первой иудейской пасхи, на которую „*пришелъ (Иисусъ) въ Иерусалимъ и нашелъ, что въ храмъ продавали...*“ (Іоан. II, 13, 14). Второю за тѣмъ пасхою, на коей присутствовалъ Иисусъ, была упоминаемая тѣмъ же еван-

гелистомъ въ VI гл. ст. 4, слѣдовательно на 29 году нашей эры и, наконецъ, *третья*, на которую указывается Іоанномъ въ XIII гл. ст. 1, была въ 30 году, т. е. падаетъ на одинъ изъ двухъ вышеозначенныхъ годовъ, признанныхъ болѣе близкими къ истинѣ.

Къ такому же рѣшенію приводитъ и сопоставленіе стиховъ 23-го съ 1-мъ въ третьей главѣ ев. Луки: „*Иисусъ, начиная свое служеніе, былъ лѣтъ тридцати*“. Когда? на это отвѣчаетъ ст. 1-й: „*въ пятнадцатый же годъ правленія Тиберія-Кесаря, когда Понтий Пилатъ начальствовалъ въ Иудеѣ*“. Этотъ 15-й годъ былъ именно 781-мъ отъ Рима или 28-й нашей эры. Проконсулъство же Пилата продолжалось съ 26 по 36 годъ.

Все это доказываетъ, что богословы идутъ прямымъ и вѣрнымъ путемъ въ своихъ изысканіяхъ.

Годъ Рождества Христова пока опредѣляется тоже приблизительно. Если, по словамъ ев. Луки, было „*около 30 лѣтъ*“ Иисусу въ 28 г. христіанской эры, то Онъ долженъ былъ родиться *около* двухъ лѣтъ ранѣе начала нашего лѣтосчисленія, т. е. въ 751 году отъ осн. Рима. Затѣмъ, какъ по еван. Матѣю и Лукѣ, такъ и по Талмуду, Рождество Христа относится къ концу царствованія Ирода Великаго. Современный историкъ Іосифъ Флавій, къ сожалѣнію, относитъ смерть Ирода то къ 756, то къ 752 и даже къ 753 годамъ. Сомнѣніе увеличивается, по большинству ученыхъ, на основаніи имѣемыхъ данныхъ, пріурочиваетъ смерть Ирода къ первому изъ этихъ годовъ.

Время народной перенесенія въ правленіе Сирію Сульпиція Квиррина, о которой упоминаетъ ев. Лука, также представляетъ трудности для точнаго опредѣленія года Рождества Спасителя. Изъ дѣяній Апостоловъ (V, 37) и словъ Іосифа Флавія слѣдуетъ, что народная перенесенія была произведена въ 760 году. Хотя евангелистъ и именуется ее первою въ правленіе Квиррина (Луки II, 2), но есть предположеніе, что Квирринъ былъ два раза легатомъ Сиріи, и первый разъ около 750—752 годовъ; упоминаемая Лукою могла быть первою въ этотъ періодъ времени. Слѣдовательно, Рождество Христово можно, съ большимъ вѣроятіемъ, отнести къ 749 или 750 годамъ; а изъ этого будетъ уже слѣдовать выводъ, что Иисусъ родился тремя четвертями годами ранѣе начала нашего лѣтосчисленія и распятъ на тридцать третьемъ году жизни.

На основаніи этихъ данныхъ опредѣляется приблизительно время другихъ евангельскихъ событій. Служеніе человечеству Иисуса Христа продолжалось около двухъ съ половиною лѣтъ, отъ конца 27-го по апрѣль 30-го года. Мы вѣе извѣстна, что оно ограничивалось однимъ только годомъ, опровергается многими мѣстами евангелій, — изъ свидѣтельства ев. Іоанна (II, 23, VI, 4 и XIII, 1) является очевиднымъ, что Иисусъ бывалъ въ Иерусалимѣ послѣдовательно на трехъ праздникахъ иудейской пасхи.

Итакъ, хронологія евангельскихъ событій представляется почти несомнѣнною въ слѣдующемъ порядкѣ: Въ 749 или 750 г. отъ осн. Рима, рождается въ Вифлѣмѣ Иисусъ, *Иешуа* — по еврейски, *Ἰησοῦς ὁ Ναζωραῖος* — въ Евангеліяхъ, *Раваи Иешуа Наззарѣ*, какъ позже именуется Его ученики. Иродъ Великій умираетъ, мѣсяць спустя — по однимъ источникамъ, три года позже — по другимъ. Младенецъ живетъ въ Назаретѣ у родителей. Ему уже девять лѣтъ при изложеніи Архелая и назначеніи прокураторовъ въ Иудею. При первомъ прокураторѣ Копоніи двѣнадцати-лѣтній отрочекъ присутствуетъ первый разъ въ Иерусалимскомъ храмѣ.

781 годъ отъ осн. Рима или 28-й нашей эры считается началомъ Его учительской дѣятельности. Къ концу 27-го года или къ первымъ мѣсяцамъ 28-го слѣдуетъ отнести Крещеніе, сорокадневное искушеніе и первое и второе чудо въ Канѣ Галилейской. Послѣ краткаго пребыванія въ Капернаумѣ, Иисусъ направляется въ Иерусалимъ къ Пасхѣ 781 года (для болѣея наглядности путешествій Иисуса въ Палестинѣ помѣщаемъ ниже карту путей Его). Къ этому пребыванію во святомъ градѣ относится очищеніе храма и ночная бесѣда съ Никодимомъ. На лѣто Онъ возвращается въ Галилею и пребываетъ въ Назаретѣ. Въ концѣ лѣта, вѣроятно, въ сентябрѣ, Онъ снова являлся въ Иудеѣ на праздникъ Кушей. Позже, въ декабрѣ, направляется обратно въ Галилею черезъ Самарію. Бесѣда съ самаритянкою у колодца Іакова, очевидно, происходила зимою: „*Не говорите ли вы, что еще четыре мѣсяца и наступитъ жатва*“, а жатва обыкновенно начиналась въ концѣ апрѣля. Съ прибытіемъ въ Назаретъ, наступаетъ нѣкоторое затихеніе въ Его посланнической дѣятельности. Онъ отдается домашнимъ занятіямъ среди близкихъ родныхъ. Въ марѣ слѣдующаго (782-го) года Иисусъ во святомъ градѣ на праздникъ Пуримъ (14—15 адара). Пуримъ въ этомъ году приходился на четвергъ 17-е или пятницу 18-е, если предыдущій мѣсяць былъ *неполный*, или на пятницу 18—субботу 19, если тотъ былъ *полный*. Испѣленіе разслабленнаго у Вноезды совершенно въ субботу, 19 марта. По возвращеніи въ Галилею, Онъ оставляетъ Назаретъ и поселяется въ Капернаумъ, большомъ городѣ на пути каравановъ изъ Египта въ Сирію, на сѣверо-западномъ берегу Тиверіадскаго озера. Изъ Назарета въ Капернаумъ восемь-девять часовъ прямого пути, но Иисусъ направляется черезъ Магдалу, лежащую южнѣе, на западномъ берегу озера. Переночевавъ тутъ, рано утромъ онъ шествуетъ чрезъ Вно-

саиду въ Капернаумъ. На пути у берега Онъ призываетъ къ Себѣ Симона и Андрея, нѣсколько далѣе Иакова Заведеева и Иоанна. Два дня спустя по оставленіи Назарета Онъ въ окрестности Капернаума. На другой день была суббота, слѣдовательно изъ Назарета Онъ выбылъ въ четвертъ, а въ пятницу призвалъ Симона и первыхъ учениковъ. Въ субботу проповѣдывалъ въ синагогѣ капернаумской. Къ этому времени относятся: исцѣленіе теици Симона и многихъ страдавшихъ различными болѣзнями (Марка I, 30—34, Луки IV, 38—41, Мате. VIII, 14—17). На другой день (въ воскресенье) *утромъ, оставъ весьма рано, вышелъ и удалился въ пустынное мѣсто и тамъ молился* (Марка I, 35—38). Всю слѣдующую недѣлю Онъ посѣщаетъ разные мѣстности Галилеи, *уча въ синагогахъ и проповѣдуя Евангеліе* (Мате. IV, 23). *„И пошелъ о Немъ слухъ по всей Сиріи“* (ст. 24). Онъ окруженъ нѣсколькими преданными Ему учениками. Власть іерусалимскія смущаются предвидимою опасностью, учреждается зоркій надзоръ за Нимъ. Мытари совѣщаются съ галилейскими фарисеями, Его уже видѣвшими и знавшими. Зарождается въ умахъ обвиненіе Иисуса въ нарушеніи закона Моисеева.

Если вѣрно заключеніе ученыхъ богослововъ, что упоминаемая ев. Лукою (VI, 1) *„суббота, первая по второму дню“*, есть суббота, на которой мы остановились, то она падаетъ на 9 апрѣля; предыдущая слѣдовательно была 2-го. Слѣдуетъ за тѣмъ недѣля, исполненная великаго значенія въ жизни Спасителя міра. Въ первый день, послѣ молитвы на горѣ, Онъ избираетъ двѣнадцать Апостоловъ (Марка III, 13 и слѣд.), произноситъ изумившую весь народъ проповѣдь о блаженствахъ. Сіе происходило, вѣроятно, къ сѣверо-западу отъ Капернаума, гдѣ и теперь нѣкогда зеленѣющихъ холмовъ, и происходило въ теченіе нѣсколькихъ дней, что явствуетъ изъ повѣствованій о семъ евангелистами. Впервые зарождается идеалъ основанія Церкви, коей столпами должны быть двѣнадцать Апостоловъ. Вскорѣ за тѣмъ Онъ *„проходитъ по городамъ и селамъ“* (Луки VIII, 1—3) Галилеи, сопутствуемый Апостолами и *„нѣкоторыми женонами, Марією Магдалиною, Иоанною, женою Хузы“* и др., посылаетъ Апостоловъ проповѣдывать царствіе Божіе (Луки IX, 2). Являются къ Нему два ученика отъ Иоанна съ вопросомъ: *„Ты ли тотъ, который долженъ прійти?“* (Мате. XI, 3). Вскорѣ до Иисуса доходитъ вѣсть объ убійствѣ Предтечи, и о томъ, что Иродъ Антипа повелѣлъ слѣдить за Нимъ. Переплывъ озеро, Онъ удаляется въ окрестности Внесаиды Юліевой. Народъ слѣдуетъ за нимъ и хочетъ провозгласить Его Царемъ. Онъ велитъ Апостоламъ оставить его и отплыть обратно въ Капернаумъ. На другой день прозвнесена Имъ въ синагогѣ длинная проповѣдь о хлѣбѣ жизни (Іоан. VI.).

Наступилъ наконецъ моментъ разительнаго перелома Его учительскихъ усилій. Народъ какъ-бы отрекается отъ Него. Онъ окруженъ только двѣнадцатю. Чувствуется неумолкаемая невозможность мученической кончины. Иисусъ категорически о томъ говорить Апостоламъ и удаляется на сѣверъ. На пути къ Кесаріи Филипповой, Онъ ставитъ Петру два вопроса: что думаетъ о Немъ народъ и что думаютъ они, апостолаы? До сего момента Онъ проповѣдывалъ Царствіе Божіе, теперь Онъ называетъ Себя ученикамъ Своимъ Именемъ. Продолженіе ученія въ Галилеѣ стало уже невозможнымъ, слѣдовало избѣгать главныхъ центровъ. Онъ направляется въ страны Тирскія и Сидонскія, хотя окончателная встрѣча съ злоумышляющими Его врагами неизбежна, такова воля Отца, — и Онъ возвращается въ Іерусалимъ на праздникъ Куцей. Въ этомъ году праздникъ падалъ на 15-е тишри, по нашему календарю на вторникъ 11 октября (29-го года), а послѣдній великій день праздника (Іоанн. VII, 37) на 19 или 20 октября. Во всякомъ случаѣ суббота 15-го была среднимъ днемъ праздника, и въ этотъ именно день *вошелъ Иисусъ во храмъ и училъ* (Іоан. VII, 14).—Ко времени между праздниками Куцей и праздникомъ Обновленія относятся нѣкоторые событія и дѣянія Иисуса, приводимыя ев. Лукою, напр.: *избраніе семидесяти учениковъ*, и посланіе ихъ *по два предъ лицемъ своимъ во всякій городъ и мѣсто, куда Самъ хотѣлъ идти* (X, 1). По оставленіи Капернаума, когда народъ отчуждался Его, Иисусъ въ послѣднее полугодіе земной жизни посѣтилъ многие города и мѣстечки. Все, повѣствуемое ев. Лукою въ главахъ X, XI, XII и XIII происходило, вѣроятно, осенью 29-го года до дней праздника Куцей. Когда же приближались дни взятія Его отъ міра, Онъ восхотѣлъ идти въ Іерусалимъ (Лука IX, 51).

Праздникъ Обновленія, о которомъ говоритъ ев. Іоаннъ (X, 22), длился восемь дней, начинаясь 25 кислева (въ 29 году отъ 19—20 декабря по 27—28). Событія, имѣвшія мѣсто отъ октября до апрѣля, сообщаются евангелистами Іоанномъ и Лукою.

Послѣ сего праздника Иисусъ удаляется въ страну Заіорданскую. Нѣтъ свѣдѣній о происходившемъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 30-го года. Изъ главы XI ев. Іоанна узнаемъ о кратковременномъ Его пребываніи въ Виваніи, потомъ Онъ шествуетъ въ Ефронъ или Ефраимъ близъ Вефилы, на границѣ Іудей и Самаріи, возвращается въ послѣдній разъ въ Галилею и, простясь наконецъ съ нею, направляется по Перевѣ окончательно въ Іудею, чрезъ Іерихонъ, гдѣ происходитъ встрѣча съ Закхеемъ мытаремъ, и снова посѣщаетъ Виванію. Вечера,

приготовленная Ему въ домѣ Лазаря, Мары и Маріи была *за шесть дней до Пасхи* (I, XII, 1) и именно въ субботу 1-го апрѣля 30-го года (9 день нисана).

Наступаетъ, такъ правильно именуемая пятъ, Страстная седмица. Въ воскресенье 2 апрѣля совершается торжественный въездъ въ Іерусалимъ; вечеромъ Иисусъ возвращается въ Виванію въ сопровожденіи двѣнадцати (Марк. XI, 11). Въ этотъ день 10-й нисана по закону Моисея избирался особый агнецъ для закланія его во храмъ, въ день 14-й вечеромъ (Исходъ XII, 3—6). Не имѣется никакихъ данныхъ, на основаніи коихъ можно было-бы сказать, что то или это происходило въ понедѣльникъ 3 или во вторникъ 4 апрѣля, по нѣтъ сомнѣнія, что тѣ дни Онъ проводилъ во храмѣ, а когда время было позднее (Марк. XI, 11) удалялся въ Виванію или въ одно изъ уединенныхъ мѣстъ горы Елеонской. Повидимому, въ эти послѣдніе дни нѣкоторые мѣры предосторожности считались Имъ нужными. *Сказавъ сіе, Иисусъ отошелъ, и скрылся отъ нихъ* (I, XII, 36), т. е. отъ вопрошавшаго его народа. Онъ не мыслитъ стремиться къ избавленію отъ смерти, въ такомъ случаѣ Онъ посѣднѣ-бы возвратился въ Галилею или куда-нибудь далѣе, но не желалъ и ускорять конца, отдавался добровольно и преждевременно въ руки враговъ.

Надобно полагать, что именно во вторникъ вечеромъ, всѣдая на Елеонской горѣ и взирая на блестящія златомъ кровли и шпицы храма, озареннаго алыми лучами заходящаго солнца, Онъ произнесъ вѣщія слова о кончнѣ міра и разрушеніи Іерусалима! Всю среду Онъ пожелалъ провести въ Виваніи между членами излюбленнаго Имъ семейства и Апостолами. Направляясь туда, Онъ, по выраженію одного изъ краснорѣчивѣйшихъ англійскихъ проповѣдниковъ,—шелъ въ глубокомъ молчаніи, которое превыше всякой рѣчи, окруженный учениками... Полный мѣсяцъ поднимался изъ-за горы и заливалъ своимъ серебромъ зелень и листву древесную, яркорожевый вечерній свѣтъ съ каждою минутою блѣднѣлъ, переливался въ мертво-серебристый ночного свѣтла. Такъ точно блѣднѣлъ въ тѣ мгновенія яркій полдень Его учительской жизни, уступая передъ властно-надвигающеюся черною тучею мученичества и постыдной смерти разбойника!

Четвертъ 13 или 14 нисана (6 апрѣля 30) былъ послѣднимъ днемъ Его служенія человечеству. Онъ посылаетъ Петра и Иоанна въ Іерусалимъ приготовить Пасху. По предположеніямъ нѣкоторыхъ указанъ былъ домъ Іосифа Аримафейскаго или Марка. Послѣ полудня, когда прибылъ туда Иисусъ, все было готово. Происходила-ли Вечера 13 или 14 числа, по указанной выше причинѣ, остается вопросомъ неразрѣшимымъ. По текстамъ Евангелій Матея, Марка и Луки слѣдовало-бы предположить 14-е. Но тогда является предположеніе, что смертная казнь совершена 15, т. е. въ самый день великаго праздника; въ столь торжественный день исполненіе смертнаго приговора и допустить невозможно. Призвавъ же болѣе достойнымъ 13-е число по указанію ев. Іоанна, съ коимъ сходится и составители Талмуда, встрѣчаемъ другое неразрѣшимое сомнѣніе; въ такомъ случаѣ Пасха Иисусова предшествовала двадцатью четырьмя часами іудейскую. Установленіе Иисусомъ христіанской пасхи прежде ветхозавѣтной вполнѣ возможное предположеніе, но заблаговременное приготовленіе ея двумя учениками рѣшительно не мыслимо потому, что необходимое для сего закланіе агнца во храмѣ 13-го числа, 24 часами раиѣ срока, установленнаго закономъ для всего народа, было-бы такимъ святотатственнымъ дѣяніемъ, на которое никогда не рѣшился-бы священникъ. Поэтому изъ этой диллемы представляется исходъ болѣе возможный такой, что Иисусъ былъ распятъ 15-го, въ первый день ветхозавѣтнаго праздника. При страстной ожесточенности и ослѣпленіи Его враговъ, это предположеніе болѣе возможно, чѣмъ публичное, явное нарушеніе закона Моисеева во храмѣ.

По установленіи Евхаристіи, происходитъ послѣдняя поучительная бесѣда съ учениками, которую читаемъ въ гл. XIV, XV, XVI и XVII у ев. Іоанна.—Около полнотчи Иисусъ, сопутствуемый ими, пройдя по улицамъ усиленнаго города къ Овчинъ воротамъ, сходить къ Кедронскому потоку и останавливается у подножія Елеонской горы. Тутъ въ Геосманскомъ саду несутываются Имъ мученическая скорбь и тяжкія душевныя страданія, вызывающія такое необычайное явленіе, какъ кровавый потъ на истомленномъ челѣ Его! Онъ—въ рукахъ враговъ, Его ведутъ въ жилище бывшаго нервосвященника Анны, номинально сохранявшаго этотъ титулъ; домъ его тутъ же по близости на горѣ, и затѣмъ къ Каіафу. Ночью въ снѣдронѣ составляется приговоръ, а въ пятницу, 7 апрѣля, рано утромъ Онъ приведенъ уже къ Пилату, въ молчаливую залу преторіи; прокураторія помѣщалась близъ башни Автоныи, остатки фундаментовъ которой видны по настоящее время; потомъ Онъ веденъ къ Ироду Антипѣ, прибывшему по обыкновенію на еврейскій праздникъ въ Іерусалимъ и жившему, вѣроятно, въ Цезарейонѣ или Агриппейонѣ, одномъ изъ роскошнѣйшихъ дворцовъ, построенныхъ Иродомъ Великимъ. Наступаетъ исполненіе безчеловѣчнаго приговора. Его ведутъ за городскія стѣны на сѣверо-западъ отъ города. Тутъ въ углу, почти примомъ, образуемымъ древцею городскою стѣною и построенною позже Ездрую и Неемію по возвращеніи изъ

плѣна Вавилонскаго,—находится какъ черепъ голый, небольшо- шой холмъ или каменная глыба, окруженная садами, между конми вблизи находился и садъ Иосифа изъ Аримаѳеи съ вновь насѣченнымъ скелетомъ для членовъ его семейства. Распятый въ девять часовъ утра, Онъ испускаетъ духъ въ три пополудни.

Въ шесть вечера Пречистое Тѣло снято со креста и положено въ означенной усыпальницѣ.

Слѣдующія за тѣмъ событія евангельскія опредѣляются безъ труда: Воскресеніе Христово—на 9 апрѣля, Вознесеніе—на 18 мая, первая христіанская Пятидесятница—23 мая 30 года.

Къ рисункамъ.

Чистая душа. (Рис. на стр. 197).

Габріэль Максъ, извѣстный нѣмецкій художникъ, хорошо извѣстенъ въ Рос- сии, въ особенно- сти своимъ „Неру- котвореннымъ обра- зомъ“. Его кар- тины отличаются, помимо мягкаго, ровнаго письма, всегда интерес- нымъ названіемъ и выраженіемъ фи- гуръ, обыкновенно женскихъ. Лица ихъ, очень нѣжны и прозрачны, провѣнаны ка- кою-то грустью и задумчивостью. Эти- же свойства присущи и его карти- нѣ „Чистая душа“, тонкая гра- вюра съ которой украшаетъ первую страницу настоящаго номера.

Погребеніе христіанскихъ мучениковъ.

(Рис. на стр. 200).

То было страш- ное время для хри- стіанъ. Среди же- стокихъ гоненій росло страстно- терное воинство Христова, безро- потно неся свой крестъ во имя Иису- шителя. Послѣдова- тели новой вѣры были недружелюб- но встрѣчены при- верженцами суще- ствавшей рели- гии и ихъ ученіе было объявлено не- дозволённымъ и преступнымъ. Какъ застѣли, они преда- вались всяческому нападкамъ и гоне- ніямъ: заключались въ темницы, были осуждены на крестную смерть или отдавались звѣрямъ на съѣде- ніе въ циркахъ. Первое ужасное го- неніе подъялъ на нихъ Неронъ, обви- няя христіанъ въ пожарницѣ Рима. Ихъ подвергали страшнымъ муче- ніямъ и надруга- тельствамъ: зашпи- вали въ звѣринныя шкуры и травили псами, какъ рассказываетъ Тацитъ, или, обливъ смолою, прива- зывали къ крестамъ и зажигали вмѣсто факеловъ. Больше трехъ вѣковъ продолжались преслѣдованія, и въ эти времена христіа- не, гонимые со свѣта, въ Римѣ и другихъ мѣстахъ, искали спасе- нія подъ землею, во мракѣ катакомбъ. Тамъ скрытно собирались они, справляли свои требы во славу Бога живого, тамъ-же и хоронили своихъ братьевъ, которыхъ не мало глѣбо за вѣру.

До сего времени подземныя кладбища этихъ мучениковъ посѣ- щаются и въ одномъ Римѣ ихъ насчитываютъ болѣе 25-ти.

Въ ожиданіи духовника.

(Рис. на стр. 201).

Настала Великій постъ. Наступило время молитвы и покаянія. Церкви переполнены го- вѣльщиками, кото- рые въ горячихъ молитвахъ скор- бять о грѣхахъ сво- ихъ. Только „мно- гими скорбями по- добаетъ вйти въ царствіе небесное“ (Дѣян. 14, 22), и дѣйствительно, сколько раскаяній и печали можно прочесть на лицахъ многихъ, когда они отправляются на исповѣдь. Придутъ пораньше въ цер- ковь, подадутъ, что могутъ, отъ средствъ своихъ на церковный причтъ и терпѣливо ожи- даютъ выхода ду- ховника, со стра- хомъ за свои прегрѣшенія и съ на- деждою на проще- ніе ихъ Всеблагимъ Отцомъ Небеснымъ.

Зимній уборъ лѣса.

(Рис. на стр. 205).

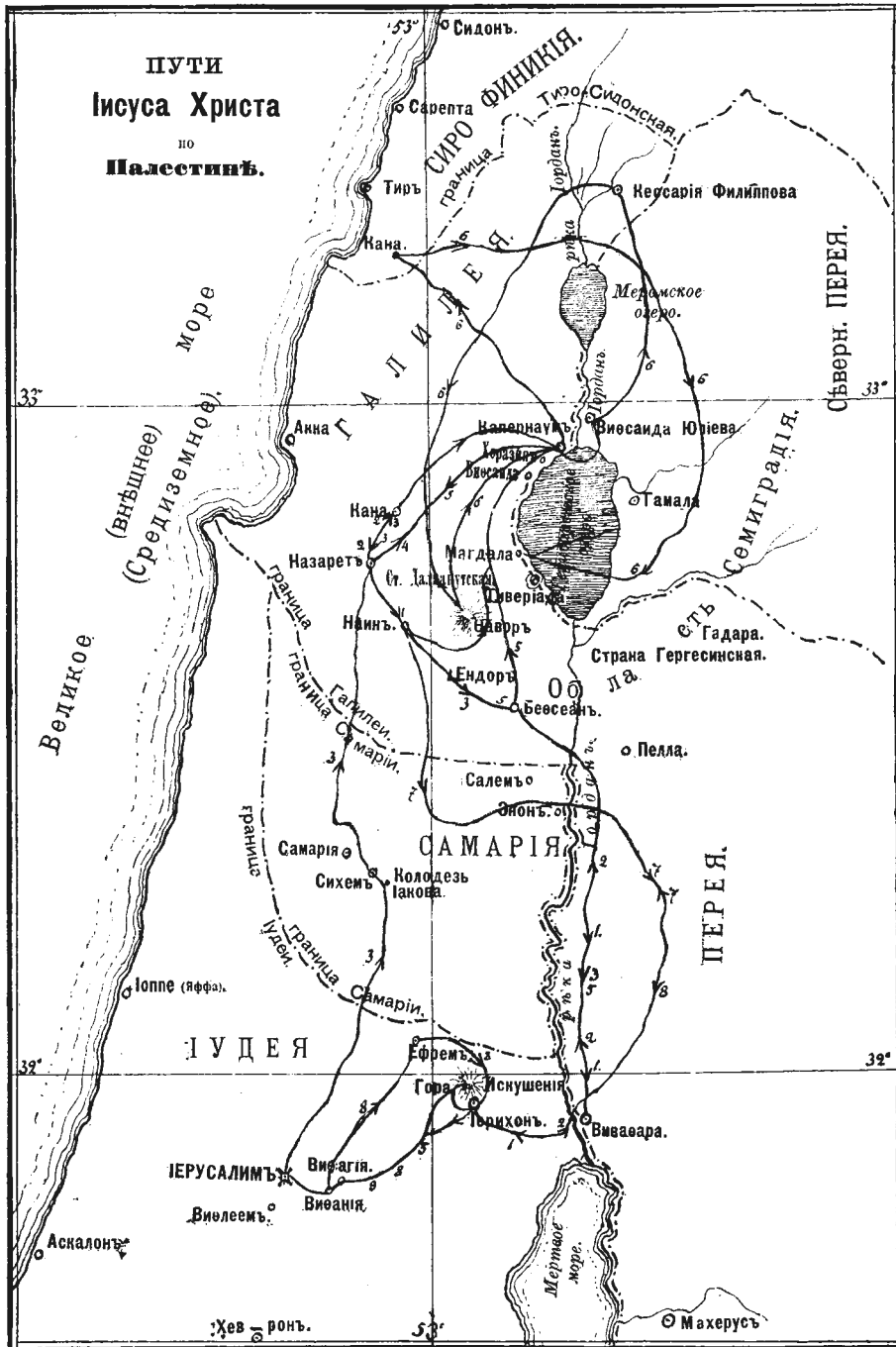
При взглядѣ на эту, исполненную поэзіи картину, не- вольно воспомина- ются стихи Тют- чева:

Чародѣйкою зимою
Околдованъ лѣсъ
Стоитъ—
И подъ снѣжной
бахромой,
Неподвижною, нѣ-
момою,
Чудной жизнью онъ
блеститъ.
И стоитъ онъ,
околдованъ,
Не мертвецъ и не
живой—
Сномъ волшебнымъ
очарованъ,
Весь опунанъ, весь
окованъ
Легкой цѣпью пу-
ховой.
Солнце зимнее-ли
мещетъ
На него свой лучъ
косой—

Въ немъ ничто не затрепещетъ—
Онъ лишь вспыхнетъ и заблещетъ
Ослѣпительной красой.

Юноша Фонвизинъ встрѣчается у И. И. Шувалова съ Ломоносовымъ. (Рис. на стр. 208).

„Въ бытность мою въ университетѣ, пишетъ Фонвизинъ въ

1 и 2 пути: Назаретъ, Вивавара, пустыня, обратно: Вивавара, Кана, Капернаумъ, Назаретъ. 3. Къ первой пасхѣ: Назаретъ, Іерусалимъ, обратно: по Іудеѣ и Самаріи (Самаритянка у колодца Іакова), Кана и Назаретъ. 4. Въ окрестн. Капернаума: Назаретъ, Капернаумъ и въ его окрестностяхъ. 5. Къ праздн. Пуримъ: Капернаумъ, Назаретъ, Наинъ, Виванія, Іерусалимъ; обратно въ Капернаумъ. 6. Въ отдаленныхъ странахъ Галилеи: Капернаумъ, Вивсаида Юліева, Капернаумъ, Страны Тиросидонскія, Область десятиградія, страна Далманутская, Вивсаида Юліева, Несарія Филиппова, г. Авортъ, Капернаумъ. 7. Капернаумъ, граница Самаріи, Іерусалимъ, обратно чрезъ Перею. 8. Перея, Іерусалимъ, Виванія, Ефремъ и Іерихонъ. 9. Последняя пасха и Крестная казнь: Іерихонъ, Виванія, Іерусалимъ.

своих записках, — учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣтность, а съ другой стороны нерадѣніе и пьянство учителей. Арифметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; по голову имѣлъ преострую и, какъ латинскій, такъ и русскій языкъ зналъ очень хорошо...

„Тогдашній нашъ директоръ вздумалъ ѣхать въ Петербургъ и везти съ собою нѣсколько учениковъ для показанія основателю университета плодовъ сего училища... Я не знаю, какимъ образомъ попалъ я и братъ мой въ сіе число избранныхъ учениковъ. Директоръ съ своею супругою и человѣкъ десять насъ, малолѣтнихъ, отравились въ Петербургъ зимою...“

Это было первое, по словамъ Фонвизина, путешествіе его. По прѣѣздѣ въ Петербургъ остановились они съ братомъ въ домѣ дяди. Черезъ нѣсколько дней Фонвизинъ съ товарищами былъ представленъ куратору университета (И. И. Шувалову, гдѣ встрѣтился съ Ломоносовымъ.

„Онъ спросилъ меня, говоритъ Фонвизинъ, — чему я учился? „По-латыни“, отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ...“

Прощай!

(Рис. на стр. 209).

Тихо и привѣтливо сверкало море подъ золотыми лучами солнца, когда рыбацья лодка, подгоняемая попутнымъ вѣтеркомъ, отошла отъ берега. Въ ней сидѣли отецъ съ сыномъ, котораго онъ недавно сталъ брать съ собою и приучать своему ремеслу. Но вѣтеръ крѣпчалъ, солнце скрылось за тучи, налетѣлъ шквалъ, и заходили бѣшенныя волны. Сильнымъ порывомъ вѣтра опрокинуло лодку, но долго, держась за нее, боролись съ волнами несчастные. Подъ конецъ, силы ихъ стали слабѣть, и въ безнадежномъ усиліи привлекъ къ себѣ отецъ свое дѣтище, чтобы въ послѣднемъ лобзаніи сказать „прощай“ на вѣчную разлуку.

Н. П. Семеновъ.

(Портр. на этой стр.).

Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 6 февраля 1843 года, поступилъ на государственную службу, въ Министерство Юстиціи, Николай Петровичъ Семеновъ, нынѣ сенаторъ, тайный совѣтникъ.

Н. П. принадлежитъ къ старинному роду дворянъ Рязанской губерніи. Родился онъ въ апрѣлѣ 1823 года. Получивъ домашнюю подготовку подъ наблюденіемъ матери, онъ поступилъ въ Царскосельскій лицей. По выходѣ изъ лицея, поступивъ на службу, онъ, въ то же время, слушаетъ курсы естественныхъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ, въ особенности, интересуясь ботаникой. Въ 1846 году онъ получилъ назначеніе въ Ярославль исправлять должность товарища предѣдателя Уголовной Палаты и, спустя нѣсколько лѣтъ — губернскаго прокурора. Къ концу сороковыхъ годовъ (въ декабрѣ 1849) онъ пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера. Въ

январѣ слѣдующаго года Н. П. переведенъ въ Вильну на должность губернскаго же прокурора. Здѣсь Н. П. занялся изученіемъ края и его языка. Въ 1885 году вышелъ сборникъ его переводовъ нѣкоторыхъ произведеній Мицкевича („Брымскіе советы“, первыя четыре главы „Конрада Валленрода“ и другія). Трудъ этотъ удостоенъ Академіей Наукъ Пушкинскою преміи. Въ маѣ 1853 года Н. П. назначенъ въ Правительствующій Сенатъ за оберъ-прокурорскій столъ, и затѣмъ, съ іюля 1857 по 1868 годъ, занималъ должность оберъ-прокурора. Въ 1868 году (21 августа) Н. П. возведенъ въ званіе сенатора, въ которомъ онъ состоитъ и по сіе время; въ послѣднее время онъ присутствуетъ въ первомъ общемъ собраніи. Къ періоду отъ 1857 по 1868 годъ, относится плодотворная полоса государственной дѣятельности Николая Петровича: онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ по „освобожденію крестьянъ“. Н. П. напечаталъ обширный трудъ по этому предмету („Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій

по крестьянскому дѣлу“). На Н. П. Семенова было возложено веденіе дневника комиссій по работамъ освобожденія, въ который входило все, что происходило, что говорилось, какъ первая мысль, какъ предположеніе и какъ ясно созрѣвшее убѣжденіе въ засѣданіяхъ членовъ этихъ комиссій; сюда же вошло все то, что не вносилось, въ печатные и официальные журналы. Вотъ изъ этихъ-то дневниковыхъ записей и составились томы обширнаго труда нашего автора. О томъ, что ведутся эти записи, было извѣстно покойному императору, и государь поощрилъ этотъ трудъ, желая видѣть его продолженіе вплоть до окончанія великаго дѣла.

Кромѣ занятій государственныхъ, Н. П. посвящалъ также время занятіямъ научнымъ. Изучивъ флору Виленской, Московской, Ярославской и Рязанской губерній, онъ собралъ большой гербарій, который оказалъ великую услугу профессору Цингеру при его трудѣ „Сборникъ свѣдѣній о флорѣ средней Россіи“ (1886 года, М.). Види неудобство не имѣть подъ рукою ботаническаго словаря по отечественной флорѣ, въ своемъ чтеніи въ Обществѣ Садоводства о „О значеніи и задачахъ ботаническаго словаря, каталоговъ и прейсъ-курантовъ“, Н. П. возбудилъ вопросъ о необходимости создать русскую ботаническую номенклатуру, установивъ родовыя и видовыя названія растений на русскомъ языкѣ. Въ скоромъ времени послѣ этого чтенія Николай Петровичъ издалъ большой трудъ: „Русская номенклатура наиболее извѣстныхъ въ нашей флорѣ и культурѣ и нѣкоторыхъ общепотребительныхъ растений“ (Изд. Имп. Росс. Общ. Садоводствъ 1878. СПб.).

Перу Николая Петровича принадлежитъ масса статей, имѣющихъ частью практическое значеніе, частью теоретическое.

Д. М.—въ.

XXI-я передвижная выставка.

Вопреки обычаю, установившемуся уже довольно давно, на открывшейся недавно XXI передвижной выставкѣ русской пейзажъ играетъ значительно менѣе выдающуюся роль, чѣмъ онъ игралъ прежде, зато жанръ преобладаетъ. Пейзажъ не богатъ количествомъ, но среди произведеній пейзажной живописи настоящей выставки, безъ сомнѣнія, не мало найдется картинъ, заслуживающихъ серьезнаго вниманія. Нельзя, напримѣръ, не отмѣтить картинъ одного изъ лучшихъ нашихъ маринистовъ, г. Боголюбова. Его „Екатерининскій каналъ вечеромъ“ изображаетъ намъ извѣстный уголокъ Петербурга въ такомъ чудесномъ поэтическомъ освѣщеніи, какое

рѣдко приходится наблюдать петербуржцамъ; къ счастью, истинные художники имѣютъ божественный даръ видѣть то, что рѣдко могутъ видѣть простые смертные. Въ этомъ именно и заключается одна изъ важнѣйшихъ заслугъ искусства. Эта мысль пришла мнѣ въ голову, когда я стоялъ передъ картиною г. Свѣтославскаго и любовался его превосходнымъ пейзажемъ „Москва, Василій Блаженный“. Г. Боголюбовъ изобразилъ намъ поэтическій уголокъ Петербурга, г. Свѣтославскій сдѣлалъ еще лучше: онъ намъ далъ удивительно характерный и, пожалуй, еще болѣе поэтическій уголокъ Москвы. Представьте себѣ мостъ на Москвѣ-рѣкѣ съ разно-

шерстной, живописной толикой зимой; къ мосту примыкает одна из узких московских улиц, — нѣчто въ родѣ кривою переулка, обставленнаго невзрачными домами, составляющими, какъ кажется, исключительную принадлежность Москвы. Надъ этими домами высятся другіе, цѣлой громадой, теряющейся вдаль, — а надъ ними, въ утрепнѣ туманѣ виднѣются причудливо-характерныя главы живописнаго Василя Блаженнаго. Повстинѣ волшебное зрѣлище, переданное на полотнѣ талантливаго художника въ чудесныхъ гармоническихъ тонахъ. Съ такимъ же удовольствіемъ, я могу указать и на пейзажъ г. Дубовскаго: „Видъ монастыря“. Тема — самая простая: два монаха; вырвавшіеся изъ пыльных келій монастыря, отправились на берегъ моря и, усѣвшись на камнѣ, предаются созерцанію морской, необъятной шири. Въ пейзажѣ главную роль, разумѣется, играетъ чудесно написанное море, съ его величавымъ спокойствіемъ, съ его безконечнымъ разнообразіемъ, съ волшебнымъ переливомъ красокъ и свѣта. И г. Волковъ, въ шести пейзажахъ, находящихся на выставкѣ, обнаружилъ обычный свой талантъ, столь хорошо извѣстный нашимъ любителямъ. Въ особенности, хорошъ, по поэтическому чувству, его „Листопадъ“; это умирание природы, повстинѣ, величаво и обаятельно. Также хорошъ и пейзажъ г. Степанова, „Лѣсной переваль“. Присланные на этотъ разъ пейзажи г. Ендогуровымъ менѣе удачны, чѣмъ прежнія его работы; но и среди нихъ найдутся картины, достойныя вниманія, напримѣръ, „Въ заливѣ Алячю“ или „Вечеръ“. Не могу также не обратить вниманіе читателей на пейзажъ г. Холодовскаго: „На всѣхъ парахъ“. Но всего не перечислимъ.

Между многочисленными произведеніями жанровой живописи, разумѣется, на первомъ мѣстѣ стоятъ работы г. В. Маковского. На нынѣшней выставкѣ экспонировано пять его картинъ, изъ которыхъ двѣ — портреты; остальные три — прелестны по характернымъ типамъ, изображеннымъ художникомъ. Изъ нихъ лучше слѣдуетъ считать небольшую картинку „За щелой“, но она, очевидно, не окончена и представляется не болѣе, какъ начатымъ эскизомъ. Г. Мясоедовъ выступилъ съ картиной довольно большихъ размѣровъ, со множествомъ фигуръ и съ нѣсколькими загадочнымъ названіемъ „Новыя истины“. Картина изображаетъ большую комнату вечеромъ — очень элегантную. У дивана, на которомъ расположились дамы (между которыми есть очень хорошенькія), стоитъ небольшой круглый столикъ съ лампой, слабо освѣщающей комнату; за столикомъ сидитъ молодой бѣлокурый человѣкъ и читаетъ рукопись; вокругъ, въ живописныхъ группахъ, сидятъ слушающіе; внимательно всматриваясь въ лица этихъ слушающихъ, не трудно узнать въ нихъ многихъ изъ нашихъ художниковъ и ученыхъ; я, по крайней мѣрѣ, узналъ гг. Менделѣва, Ге, Ярошенко и еще нѣсколькихъ. Эти портреты сдѣланы прекрасно, да и вообще картина отличается пріятнымъ колоритомъ и мягкими тонами. Но какія „новыя истины“ изрекаетъ, по рукописи, молодой человѣкъ — неизвѣстно. Я боюсь, конечно, ошибиться, но, судя по нѣкоторымъ признакамъ, думаю, что не далеко буду отъ правды, если скажу, что „новыя истины“ г. Мясоедова — не болѣе, какъ очень старая и давно извѣстная истина, проповѣдуемая графомъ Л. Н. Толстымъ. Въ данномъ случаѣ, такую истину можетъ быть, напримѣръ, послѣдняя статья Л. Н. — озаглавленная „Первая ступень“. Изъ картинъ другихъ извѣстныхъ художниковъ слѣдуетъ упомянуть о картинѣ г. Ярошенко „Похоронны“. Г. Ярошенко изобразилъ заглохшее деревенское кладбище зимой; изъ-за свѣта кое-гдѣ торчатъ кусты; по дорожкѣ идетъ женщина съ гробикомъ въ рукахъ, рядомъ съ нею — пожилой мужчина съ открытой головой, нѣсколько поодаль, за ними, сторожъ съ лопатой. Несмотря на эту сентиментальную обстановку, картинка производитъ мало впечатлѣнія. Гораздо съ большимъ дра-

матизмомъ написана картина г. Касаткина „Тяжело“. „Весна“ г. Клодта обращаетъ на себя вниманіе тихой грустью молодой женщины, стоящей у открытаго окна; въ этой картинѣ много поэзии и правды. Нельзя не упомянуть также и картину г. Лебедева „Въ опочивальнѣ“, по красивому рисунку и пріятному колориту; и другія картины, доставленныя г. Лебедевымъ на выставку: „Старикъ“ и „Вдова“, заслужать, конечно, одобренія публики. Очень хорошо „Прошеніе“ г. Кишиневскаго: въ простонародномъ трактирѣ, за грязнымъ столомъ, старый отставной солдатъ пишетъ прошеніе для стоящей тутъ-же бабы; вдаль — прилавокъ съ напитками. Въ томъ же родѣ: „Письмо отъ сына“ г. Загорскаго, „Лихая свекровь“ г. Максимова, „Письмо отъ кормильца“ г. Зоценко. Къ маленькимъ вещамъ, но прекрасно написаннымъ, принадлежатъ также: г. Бодаревскаго „Малороссійская дѣвочка“ и г. Горохова „Дѣти“. Первая представляетъ прекрасную головку южнаго типа, а вторая — дѣтскую идиллію безъ затѣй, но талантливо схваченную. Вообще, нельзя сказать, чтобы наши жанристы были богаты „идеями“: въ большинствѣ случаевъ, они берутъ сцены или совершенно бессодержательныя, или же слишкомъ обыкновенныя, мало интересныя. Кого, напримѣръ, можетъ заинтересовать „Урокъ музыки“ г. Головина, или „Въ катакомбахъ“ г. Бѣльева, или, наконецъ, „Дебютантка“ г. Пастернака; къ тому-же, послѣдняя картина не только плоха по композиціи, но и плохо выполнена. На мой взглядъ, однако, лучшая изъ жанровыхъ картинъ нынѣшней выставки принадлежитъ кисти г. Архипова: „Пѣтапамъ“, при очень сочной, широкой, эскизной техникѣ, талантливый художникъ даетъ намъ цѣлый рядъ очень характерныхъ, правдивыхъ типовъ арестантовъ и солдатъ, съ той непосредственной и жестокой правдой, которая составляетъ, какъ кажется, отличительную черту нашего художественнаго реализма.

Картины на болѣе высокія темы даютъ намъ только два художника: г. Суриковъ выставилъ „Испѣваніе слѣпому Иисусомъ Христомъ“, и г. Нестеровъ — „Слава въ вышнихъ Вогу и на землѣ миру, въ человѣчѣхъ благоволеніе“ (эпизодъ изъ юности преп. Сергія Радонежскаго). Едва-ли можно назвать картину г. Сурикова удачною; торжественности евангельскаго момента не чувствуется въ картинѣ; ликъ Христа мало выразителенъ, а испѣляемый, на колѣняхъ передъ Христомъ, изображаетъ на своемъ лицѣ нѣчто въ родѣ восторженнаго удивленія, замѣтивъ, что отъ простого прикосновенія руки Спасителя къ его глазамъ онъ прозрѣлъ. Къ тому-же, живопись груба и краски не приведены въ гармонію. Не лучше и картина г. Нестерова: преп. Сергій стоитъ среди сада въ состояніи экстаза, у ногъ его лежитъ волкъ; и садъ, и фигура святаго лишены своеобразной красоты и написаны слабо, какъ по рисунку, такъ и по колориту.

Портреты (ихъ много) принадлежатъ кисти гг. Бодаревскаго, Ге, Кузнецова, В. Маковского, Ярошенко, Перова, Сѣрова и Рѣпина. Лучшіе портреты: портретъ П. А. Костычева и Н. П. Петрункевича, работы г. Ге; П. И. Чайковскаго — Кузнецова, А. А. Ауэрбаха — Ярошенко и, въ особенности, Рѣпина: портреты Великаго Князя Константина Константиновича, Спасовича и два женскихъ портрета: „Осенній букетъ“ и „На охотѣ“. Г. Спасовичъ изображенъ во фракѣ со значкомъ присяжнаго повереннаго въ петлицѣ, произносящимъ рѣчь передъ судомъ; поза нѣсколько натянутая, но живопись прекрасна по силѣ и выразительности.

Вообще, настоящая передвижная выставка, не представляя особенно выдающихся предметовъ искусства, свидѣтельствуетъ, что художественный уровень русской живописи продолжаетъ быстро подыматься и совершенствоваться. Между нашими художниками, правда, мало замѣчается исканія новыхъ художественныхъ идеаловъ, но, надѣмся, и это придетъ современемъ.

В. Чуйко.

Разныя извѣстія.

— Государь Императоръ и Государыня Императрица говѣли на первой недѣлѣ Великаго поста и въ субботу, 13-го февраля, Ихъ Величества причащались Св. Христоваыхъ Таинъ, въ церкви Собственнаго Его Императорскаго Величества дворца.

— 15-го февраля Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица повѣстили для поздравленія ея высочество герцогиню Елисавету Мекленбургъ-Шверинскую, по случаю дня ея рожденія.

— 18-го февраля Ихъ Величества и Особы Императорской Фамиліи присутствовали на панихидѣ по въ Бозѣ почивающимъ Императорамъ Николаѣ I и Александрѣ II въ Петропавловскомъ соборѣ.

— Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, сооруженъ и открытъ 19-го февраля бюстъ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II передъ зданіемъ

городской Александровской больницы, въ память 19-го февраля 1861 года.

— На основаніи Высочайше утвержденаго, 13-го ноября 1892 года, положенія Комитета Министровъ, окончательнымъ срокомъ для обмѣна государственныхъ кредитныхъ билетовъ прежнихъ образцовъ 50 р., 25 р., 10 р., 5 р., 3 р. и 1 р. достоинствъ, выпущенныхъ на основаніи Высочайшаго Указа 13-го февраля 1868 года, а равно и 25 р. билетовъ, выпущенныхъ на основаніи Высочайшаго Указа 20-го октября 1880 года назначено 1-е мая 1894 года. По истеченіи этого срока, кредитные билеты прежнихъ образцовъ не будутъ приниматься въ казенныя платежи и необязательны къ обращенію между частными лицами.

— Въ 1891 году Государственный Банкъ съ девятью конторами, 81 постояннымъ и шестью временными отдѣленіями, произвелъ

по всѣмъ своимъ финансовымъ операціямъ оборотовъ на сумму 29.144.262,863 р. 12 к. Къ 1-му января 1891 года, государственныхъ кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи состояло на сумму 1.046.295,384 руб. Въ теченіе года выдано кредитныхъ билетовъ, взаменъ поступившихъ, на 1.229.599,895 р.; временно выпущено кредитныхъ билетовъ образца 1866 года на сумму 75.000,000 р. и къ 1-му января 1892 г. оставалось въ народномъ обращеніи кредитныхъ билетовъ на сумму 1.121.295,384 руб.

— Пулковская обсерваторія приступала къ печатанію каталога свыше 5,000 звѣздъ, составленнаго г. Ромбергомъ по наблюденіямъ съ 1874 по 1880 г.

— Въ Симбирскѣ, во второй половинѣ января состоялось открытіе безплатной народной бібліотеки-читальни, имени П. А. Гончарова.

Политическое обозрѣніе.

Въ Парижѣ и за предѣлами его всеобщее вниманіе обращено на новаго президента сената, на мѣсто престарѣлаго Леруайе, Жюль Ферри.

Вступая въ должность президента, онъ произнесъ 15 февраля рѣчь, въ которой выразилъ сенату благодарность за оказанную избраніемъ честь. „Этимъ, сказалъ Ферри, поло-

женъ конецъ моему долгову испытанію". Далѣе онъ высказалъ похвалу парламентской республикѣ, которая, по его словамъ, приобрѣла въ Европѣ могущественныхъ и цѣнныхъ друзей. Франціи пужна гармонія, а не столкновенія между властями. Затѣмъ Ферри упоминалъ о примирительной роли сената, сказавъ, что сенатъ никогда не станетъ ни орудіемъ раздора, ни ретрограднымъ органомъ. Республика, заключилъ Ферри, должна быть открыта для всѣхъ. Умѣренныя республиканскія газеты одобряютъ рѣчь Ферри. Умѣренность этой рѣчи свидѣлствуетъ, что Ферри вернулся къ политической дѣятельности съ примирительными намереніями и съ желаніемъ не дѣлать изъ сената ни рычага дѣйствія, ни орудія розни. Даже *Radical* и *Pigaro* находятъ что Ферри говорилъ благоразумно. Радикальныя газеты упрекаютъ Ферри въ томъ, что онъ не обнаружилъ своей политики и что онъ падитъ монархистовъ и *rallies* и остается попрежнему вождемъ политики сопротивленія. Консервативныя органы полагаютъ, что особаго значенія рѣчь не имѣетъ. Ферри торжествуетъ свою побѣду скромно, онъ еще боится общественнаго мнѣнія. Даже противники хвалятъ прекрасную и умѣренную рѣчь Ферри, изобилующую возрѣвными дѣйствительнаго государственнаго человека. Особенно указываютъ на фразу, что республика не составляетъ собственности какой бы то ни было секты или группы, хотя бы состоящей изъ ея основателей, а существуетъ для того, чтобы принимать въ свои ряды всѣхъ благонамеренныхъ людей.

Въ Берлинѣ, 16 февраля, при обсужденіи въ рейхстагѣ бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ, социалистъ Бебель возбудилъ вопросъ о рѣшеніи судьбы Эльзасы-Лотарингіи международнымъ третейскимъ судомъ. Имперскій канцлеръ возразилъ, что если бы такой судъ постановилъ, что Германія должна возвратить имперскую область, то германскій народъ ни за что такому рѣшенію не подчинился бы, а скорѣе пролилъ бы послѣднюю каплю крови. Затѣмъ графъ Мирбахъ

обсуждалъ вопросъ о торговыхъ договорахъ, при чемъ настаивалъ на видѣ, что обязательство сохранять въ силѣ пониженные таможенныя пошлины въ теченіе двѣнадцати лѣтъ можетъ имѣть крайне роковыя послѣдствія. Въ виду этого онъ проситъ правительство охранить сельское хозяйство отъ пониженныхъ пошлинъ по отношенію къ Россіи. Имперскій канцлеръ указалъ на различныя противорѣчивыя заявленія Мирбаха по этому дѣлу, вслѣдствіе чего онъ не считаетъ возможнымъ руководствоваться ими при мѣропріятіяхъ правительства.

Агентство Гаваса сообщило, что 16-го февраля болгарское правительство получило по телеграфу извѣстіе отъ депутатовъ тырновскаго округа, что население, раздраженное образомъ дѣйствій митрополита Климента и словомъ его, произнесеннымъ въ день рожденія принца Фердинанда, заключило митрополита въ монастырь и требуетъ теперь замѣны его другимъ лицомъ.

Совершенно иначе это событіе передаетъ агентство Рейтера. По его телеграммѣ, послѣ службы, во время которой митрополитъ Климентъ сказалъ слово, къ квартирѣ митрополита отправилась депутация отъ жителей, чтобы протестовать противъ его заявленій. Климентъ, обратившись къ собравшейся передъ его квартирою большой толпѣ народа, сказалъ, что онъ рѣшилъ продолжать агитацію. Вслѣдъ затѣмъ Климента арестовали и отправили въ Петро-Павловскій монастырь. Нѣсколько членовъ собранія и бургомистры Тырнова и другихъ городовъ подписали телеграмму къ Стамбулу, въ которой просятъ правительство считать Климента окончательно смѣщеннымъ.

На другой день послѣ этого печальнаго событія болгарскій министръ иностранныхъ дѣлъ Грековъ подписалъ съ представителемъ юридическихъ интересовъ герцога Пармскаго договоръ о бракѣ принца Фердинанда Кобургскаго съ принцессою Марією-Луизой. Бракный договоръ этотъ будетъ представленъ на утвержденіе великаго народнаго собранія, которое должно принять постановленіе объ измѣненіи конституціи.

Искусство.

К. Ю. Давыдовъ.

14 февраля исполнилось чetyре года со дня смерти бывшаго директора Петербургской консерваторіи, одного изъ первыхъ виолончелистовъ въ Европѣ и весьма выдающагося русскаго композитора, К. Ю. Давыдова. Племянникъ его, небезызвѣстный дирижеръ, г. Давыдовъ, взявъ на себя управленіе концертомъ, составленнымъ, главнымъ образомъ, изъ произведеній Давыдова (кромѣ нихъ, исполненъ былъ рѣдко у насъ даваемый „Requiem“ Шумана); сборъ съ концерта долженъ идти въ пользу стипендіи имени покойнаго композитора. Изъ солистовъ здѣсь выступили: ученикъ Давыдова, пользующійся большими симпатіями публики, г. Вержбиловичъ, извѣстная артистка г-жа Раабъ, нѣкоторые ученики консерваторіи и баритонъ г. Л. Я. Вечеръ этотъ, состоявшійся въ залѣ Дворянскаго Собранія, какъ по программѣ, такъ и по цѣли своей, является выдающимся и даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ о Давыдовѣ, да кстатіи и почтигъ намъять его.

К. Ю. Давыдовъ много потрудился на пользу развитія русскаго музыкальнаго дѣла, въ особенности, за время его директорства въ консерваторіи, кромѣ того, что онъ образовалъ цѣлый рядъ блестящихъ виолончелистовъ и оставилъ себя нѣсколько музыкальных произведеній, имѣющихъ большую цѣнность. Писанію онъ, конечно, могъ удѣлять лишь рѣдкіе досуги, послѣ безчисленныхъ занятій, въ качествѣ главы музыкальной *almae matris*, профессора по классу виолончели и исторіи музыки, профессора по классу *d'ensemble*, одно время дирижера симфоническихъ собраній Русскаго Музыкальнаго Общества, частныхъ уроковъ и пр. Разумѣется, что много сочинять онъ не могъ, но и оставленное имъ въ разныхъ жанрахъ писаніе свидѣлствуетъ о безспорномъ его талантѣ, о всестороннемъ музыкальномъ образованіи, о художественномъ вкусѣ.

Карлъ Юльевичъ родился въ Курляндской губерніи и получилъ высшее образованіе въ Московскомъ университетѣ по математиче-

скому факультету. Страстную любовь къ музыкѣ онъ обнаружилъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ. На виолончели онъ учился у извѣстнаго въ то время Шуберта, а для усовершенствованія поѣхалъ, по окончаніи курса наукъ, къ Гауптману въ Лейпцигъ, гдѣ и былъ скорѣй приглашенъ профессоромъ въ мѣстную консерваторію. Артистическое путешествіе по Европѣ было цѣлымъ рядомъ триумфовъ для этого первокласснаго артиста и доставило ему имя одного изъ первыхъ европейскихъ виолончелистовъ. Съ образованіемъ консерваторіи у насъ, въ 1862 г., Давыдовъ былъ приглашенъ профессоромъ по исторіи музыки, а потомъ и по классу виолончели. Въ 1875 г. онъ былъ избранъ директоромъ консерваторіи и состоялъ въ этой должности до 1887 г.; за это время К. Ю. образовалъ пріютъ для бѣднѣйшихъ ученицъ и содѣйствовалъ основанію вспомогательной кассы музыкальныхъ художниковъ. Этотъ человекъ дѣлалъ добро всякому, кто къ нему только обращался за чѣмъ-либо.

Но память о немъ, какъ о человѣкѣ рѣдкой доброты и объ артистѣ, могутъ сохранить лишь тѣ, которые непосредственно приходили съ нимъ въ столкновеніе или слышали его игру; для потомства остаются лишь доброе имя его и произведенія. Изъ послѣднихъ въ программѣ концерта, о которомъ мы говоримъ, вошли: романсы, оркестровыя вещи и отрывокъ изъ четвертаго концерта для виолончели съ оркестромъ; въ каждомъ произведеніи его, будь это романсъ,—маленькаго объема вещца, или сюита (изъ пяти частей), виденъ музыкантъ, живущій своими, т. е. музыкальными, идеалами; онъ нигдѣ не стремится къ оригинальничанію, замѣняющему многимъ современнымъ композиторамъ вдохновеніе; кромѣ того, нужно прибавить, что всѣ его пьесы проникнуты какою-то особенной мягкостью и теплотой. Основательно изучивъ корифеевъ музыкальной литературы, Давыдовъ въ своихъ произведеніяхъ не является подражателемъ ихъ, а лишь ставитъ ихъ, какъ образецъ. Особенный интересъ представляютъ его виолончельные концерты (ихъ четыре), которые должны считаться вкладомъ въ эту литературу.

В. Басинъ.

Смѣсь.

Подарки папѣ Льву XIII. Президентъ Французской республики, г. Карно, подарилъ папѣ Льву XIII, по случаю его юбилея, двѣ великолѣпныя севскія вазы, вышиною въ 1 метръ 10 сантиметровъ, исполненныя въ стилѣ XV вѣка, весьма изящныя и художественныя. На темно-голубомъ фонѣ этихъ вазъ, у подножія и сверху, золотые бордюры, по бокамъ золотые листья и лиліи. У подножія каждой вазы красуется надпись: „Карно, президентъ Французской республики, его святѣйшеству Льву XIII“. Эти вазы украсятъ соборъ ватиканскую бібліотеку, гдѣ уже находятся подобныя же вазы Карла X (Льву XII), Макъ-Магона и Гревъ (Шю IX). (х.)

Косметики въ Вѣнѣ. Одинъ вѣнскій торговецъ косметиками высчиталъ, что въ Вѣнѣ ежегодно потребляется прекраснымъ помолъ 73,730 килограммъ пудры (килограммъ равенъ 2 фунтамъ 42 золотникамъ), 42,705 килограммъ румянъ и бѣлизъ, 23,356 килограммъ чернаго фиксажура для бровей, 18,250 килограммъ губной

номады, 10,865 килограммъ глицерина и 5,775 килограммъ козь-крема. Жаль очень, что не высчитано, сколько всѣ эти косметики стоятъ, сколько въ Вѣнѣ женщинъ и сколько приходится каждой изъ нихъ ежегодно расходовать денегъ на румяна и бѣлизу. (х.)

СОДЕРЖАНІЕ: Вы не придете вновь. Стих. Н. Лонскаго. — Вѣла судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волконскаго. Ч. I. (Продолженіе). — Поѣздъ идетъ!. Разсказъ Мieras. — Молитва. Стих. В. Зарина. — Попытки хронологіи евангельскихъ событій. Старога Паломнина (съ картинкой). — Къ республкамъ: Чистая душа (съ рис.). — Погребеніе христіанскихъ мучениковъ (съ рис.). — Въ ониданіи духовника (съ рис.). — Зимній уборъ льса (съ рис.). — Юноша Фонвизинъ встрѣчается у И. И. Шувалова съ Ломоносовымъ (съ рис.). — Прощай! (съ рис.). — Н. П. Семеновъ (съ портр.). — XXI-я передвижная выставка. — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Искусство. — Смѣсь. — О подпискѣ на Сказки, собранныя братьями Я. и В. Гриммами. — Объявленія.

Объявление о подпискѣ на новое роскошное изданіе:
„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ (1893) БУДЕТЬ СОДЕРЖАТЬ

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. Н. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. ГРОТЪ-ЮГАННА.

24 выпуска, каждый—въ роскошной обложкѣ; по одному выпуску черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

еликій русскій поэтъ Пушкинъ, слушая, уже въ зрѣломъ возрастѣ, сказки своей няни, восхищался ими и говорилъ: „Что за прелесть эти сказки—каждая изъ нихъ есть поэма!“ И въ то же самое время, въ письмѣ къ брату, добавлялъ: „по вечерамъ слушаю сказки, и тѣмъ дополняю недостатки моего воспитанія!“—Слѣдовательно, самъ Пушкинъ признавалъ не только совершенство формы народной сказки, но и ея глубокое воспитательное значеніе.

Послѣ русскихъ сказокъ, неисчерпаемо-богатыхъ, наши сосѣди-германцы обладаютъ наиболѣе изобильною сокровищницею сказокъ, которая нашла себѣ превосходныхъ собирателей, въ лицѣ знаменитыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, братьевъ Якова и Вильгельма Гриммовъ

Дѣйствительно, не многія книги пользовались всюду такимъ громаднымъ и постояннымъ успѣхомъ, какъ этотъ классическій сборникъ произведеній народного творчества. И не удивительно! Едва заглянемъ въ него и перевернемъ нѣсколько

страницъ, какъ уже передъ нами начинаютъ нескончаемую вереницею проноситься легкіе и высоко-поэтическіе образы „Спящей красавицы“, „Снѣгурочки“, беззавѣтно-преданнаго Юганна, чудодѣевъ-карликовъ и грозныхъ великановъ, игривыхъ фей и русалокъ, величаво-важныхъ сказочныхъ королей и королевъ... И мы поддаемся обаянію сказокъ, мы углубляемся въ чтеніе,—мы оторваться не можемъ отъ книги!

Другою важною стороною такой книги, какъ сборникъ братьевъ Гриммовъ, является ея общепонятность, общедоступность для всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ общества, всѣхъ состояній... Ихъ съ одинаковымъ удовольствіемъ будетъ читать и простолюдинъ, и знатный, и бѣднякъ, и богачъ, и юноша, и старецъ... А въ смыслѣ семейнаго, домашняго чтенія—это настоящій кладъ, особенно по тому „воспитательному“ значенію народныхъ сказокъ, на которое такъ опредѣленно указываетъ Пушкинъ. Нравственная основа сказокъ безукоризненно-чиста; мораль ихъ проста и немного-сложна: истина, добродѣтель, прилежаніе, вѣрность чувству долга—всегда торжествуютъ; порокъ, лѣнь, неправда—всегда несутъ заслуженное наказаніе. Вотъ почему эти сказки и навѣваютъ на насъ такой освѣжающей, ободряющей духъ, что и самая жизнь наша, со всѣми ея невзгодами, начинаетъ казаться намъ болѣе привлекательною. Великая мудрость народная, одинаково просвѣчивающая въ основѣ всѣхъ сказокъ сборника братьевъ Гриммовъ, учитъ насъ не желать многого, не стремиться за счастіемъ вдаль, а находить его у себя подъ рукою—у своего семейнаго очага...

Въ виду такого значенія „Сказокъ, собранныхъ братьями ГРИММАМИ“, нами принято нынѣ это

НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ,

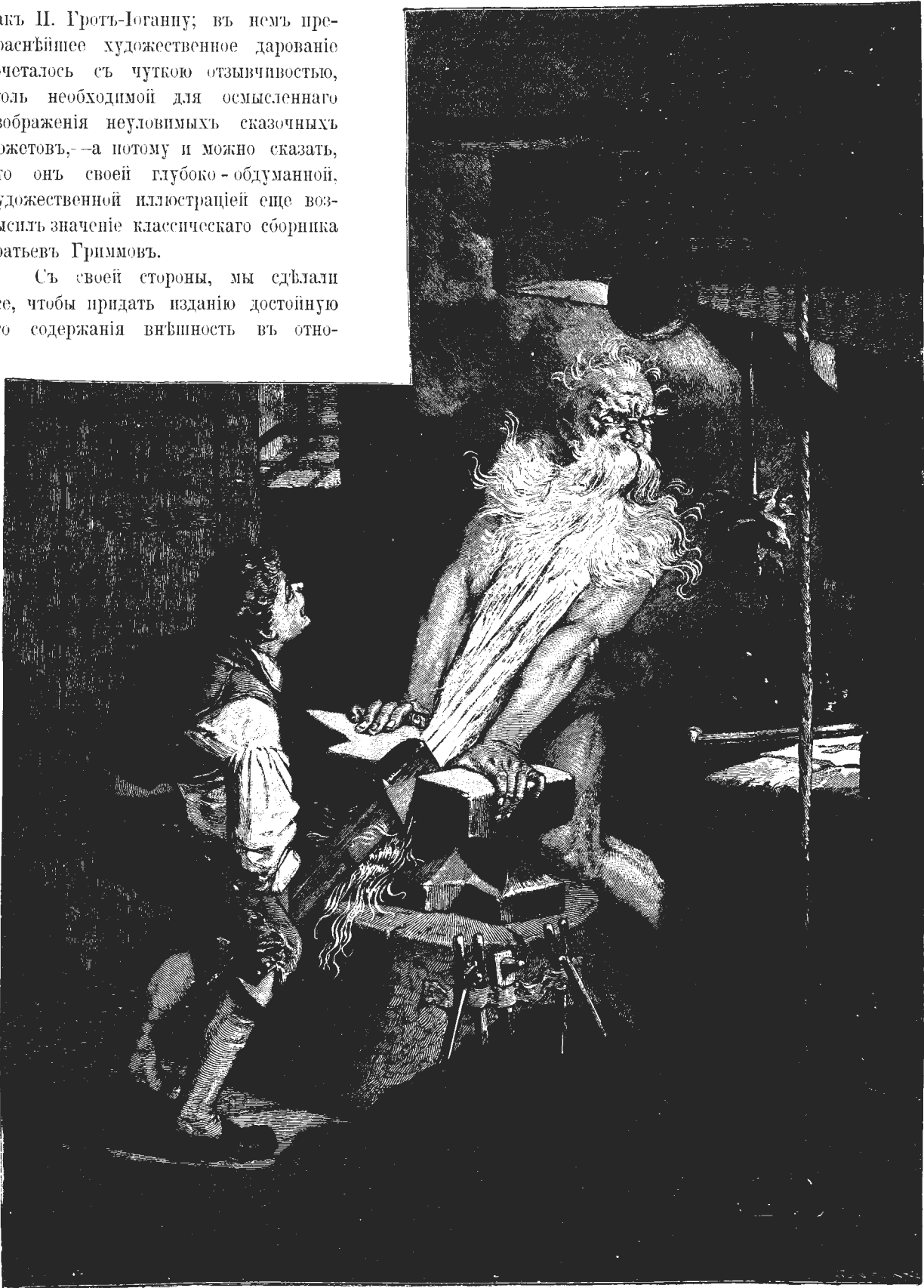
переполненное массою рисунковъ талантливаго художника П. Гротъ-Юганна.

Многіе художники и до него пытались воспроизвести сказочные образы этой сокровищницы, но никому доселѣ не удавалось проявить въ иллюстраціи къ сказкамъ такого богатства фантазіи, такой даровитости и силы,

Сбразецъ иллюстраціи въ текстѣ.

какъ Ш. Гротъ-Юганну; въ немъ прекраснѣйшее художественное дарованіе сочеталось съ чуткою отзывчивостью, столь необходимой для осмысленнаго изображенія неуловимыхъ сказочныхъ сюжетовъ,—а потому и можно сказать, что онъ своей глубоко-обдуманной, художественной иллюстраціей еще возвысилъ значеніе классическаго сборника братьевъ Гриммовъ.

Съ своей стороны, мы сдѣлали все, чтобы придать изданію достойную его содержанія внѣшность въ отно-

Сказка о добромъ молодцѣ, который страха не зналъ.

«... Парень схватилъ топоръ, раскололъ однимъ ударомъ наковальню и защемилъ въ нее бороду старика...»

шении шрифта, бумаги и т. д. а назначенъ умеренной цѣны, какъ мы полагаемъ, мы сдѣлали это роскошное издание вполне доступнымъ для каждаго.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Наше иллюстрированное роскошное издание сборника Сказокъ братьевъ Гриммовъ выйдетъ въ свѣтъ въ 24-хъ изящно-брошюрованныхъ выпускахъ.

Стоимость каждаго выпуска—50 коп., а съ перес. 70 коп.

Подписная цѣна на все издание: безъ доставки 12 р., съ доставкой и пересылкою 14 р.

Для удобства гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ, мы открываемъ подписку на это роскошное издание съ разсрочкою платежа на три, четыре и шесть сроковъ.

На три срока:			На четыре срока:			На шесть сроковъ:		
	безъ доставки	съ перес.		безъ доставки	съ перес.		безъ доставки	съ перес.
при подпискѣ . .	4 руб.	5 руб.	при подпискѣ . .	3 руб.	4 руб.	при подпискѣ . .	2 руб.	3 руб.
черезъ 2 мѣсяца .	4 "	5 "	черезъ 2 мѣсяца .	3 "	4 "	черезъ 2 мѣсяца .	2 "	3 "
" 4 "	4 "	4 "	" 4 "	3 "	3 "	" 4 "	2 "	2 "
" 6 "			" 6 "	3 "	3 "	" 6 "	2 "	2 "
" 8 "			" 8 "	3 "	3 "	" 8 "	2 "	2 "
" 10 "			" 10 "	3 "	3 "	" 10 "	2 "	2 "

Для гг. служащихъ допускаются еще болѣе льготныя условія, при коллективной подпискѣ за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ. За подробностями просимъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“.

Приблизительно черезъ каждая двѣ недѣли будетъ выходить въ свѣтъ по одному выпуску.

Подписка на это издание принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПБ., Невскій, № 6, и во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ.

Только что вышедшій первый выпускъ высылается каждому, кто желаетъ ознакомиться съ этимъ прекраснымъ изданіемъ, за 50 коп. почтовыми марками.

А. Ф. МАРКСЪ, Издатель журнала „НИВА“.

ЛЕПШИНСЪ И ГЮЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придаютъ неправильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, высылаются за 1 р. 10 к. шт. съ наложен. платежемъ. Адр.: въ Москву У. Ильицъ

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ описываетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софьи. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

Отъ Главнаго Склада

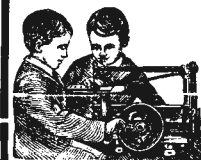
ЛѢкарственной травы „КУЗЬМИЧА“.

Высокій сортъ трава Кузьмича, смолесто-бальзамическаго свойства. Цѣна 1 руб. за фунтъ. При травѣ подробное наставленіе.

Адресъ: г. Бузулукъ, Самарской губерц., въ складѣ хвойника, Сергѣю Зиновьевичу Орлову. Посылаю и налож. платеж. № 6280

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

8 Р. КЪ ПАСХЪ. 8 Р.

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ВЗРОСЛЫХЪ!

Новый вышивальн. станокъ по дереву и металлу. Вышивальн. часть легко повернута вертикально, а потому м. б. управлѣемъ и вужьющимъ. Заказы высылаются немедленно. Единствен. производство: С.-Петербургъ, Невскій, 4. Складъ новыхъ изобрѣтений. Высылаются налож. платежомъ. Каталогъ (иллюстр.) всѣхъ изобрѣтений и подарковъ за 10 к. марку.

и вужьющимъ. Заказы высылаются немедленно. Единствен. производство: С.-Петербургъ, Невскій, 4. Складъ новыхъ изобрѣтений. Высылаются налож. платежомъ. Каталогъ (иллюстр.) всѣхъ изобрѣтений и подарковъ за 10 к. марку.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА Ш. К. ПРЯНИШНИКОВА И В. Н. МАРАКУЕВА

высылаетъ бесплатно каталоги по народной и дѣтской литературѣ, по сельскому хозяйству, техническимъ и научно-популярнымъ книгамъ. Каталоги выходятъ 3—4 раза въ годъ. Адресъ: Москва, Ильинскій пер., домъ Гуськова. III. № 6216 3—2

„КАПРИЗЪ НЕВЫ“

ДУХИ — „Капризъ Неви“
О-ДЕ-КОЛОНЪ — „Капризъ Неви“
МЫЛО — „Капризъ Неви“

„Мюскъ“ Духи послѣднія новости „Мюскъ“ Мыло
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ и О-де-колонъ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются прекрасными достоинствами и изготовлены для выставки въ ЧИКАГО. Ц. № 6281 15—1

СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9. Невскій, 69.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ

Крючки изъ бронзы-алюминія, въ пять разъ крупнѣе стальныхъ, образцы высылаются за двѣ 7-ми коп. марки, въѣсть съ подробнымъ прейсъ-курantomъ. Доставка Моск. Рыбол. Общ. Н. Газауновъ. Москва, Столешниковъ пер., д. № 8.

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ

100 разлнчн. мар.—30 к., 150 р. м.—50 к., 200 р. м.—1 р., 255 р. м.—1 р. 50 к., 300 р. м.—2 р. 25 к., 500 р. м.—5 р., 1000 р. м.—20 р.—Марки на выборъ. Принимаю заказы. № 6263 Англійскій магазинъ 3—1
Р. НЕШЕЛЬ. Вознесенскій пр., 10, между Большой и Малой Морской. С.-Петербургъ.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. III. № 6271 14—1

Вышло фототипическое изданіе Н. П. Собно: № 6277

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ XXI-й передвижной выставки“.

Цѣна за 50 фототипій 1 р. 75 коп., съ пересылкой 2 руб.

Цинкографическіе катал. прежн. передвижн. выставокъ по 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к

КУРОРТЪ И МОРСКОЕ КУПАНИЕ ШЕРНОВЪ

Лифляндской губерціи.

Сезонъ съ 20 мая по 31 августа.

Подробнѣйшія свѣдѣнія бесплатно черезъ Купальную Комиссію.

№ 6276 4—1

PAPIER FAYARD et BLAYN

Пластырная бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Трѣбовать съ этикетками Fayard et Blayn. Имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. № 5983 (16—12)

Иодисто-соляное **КУПАНИЕ ГАЛЛЬ.** Верхняя Австрія.

Самая крѣпкая іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и специальныхъ болѣзней, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лечебнымъ средствомъ. Превосходныя лечебныя приспособленія (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Вѣсьма благоприятныя климатическія условія. Жельандорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунай. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября.

Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаются бесплатно. R. № 6273 4—1 Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахи во рту. № 5421 (23)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, трѣбовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе. Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ГАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

для взрослых и детей 12-14
звучивает добросовѣстно, дешево и
коро. Переговоры до 12 ч. дня.
Загородный просп., д. № 26, кв. № 41.

РУКОВОДСТВА

И. № 6249 ДЛЯ 2-2
ДИЛЕТАНТОВЪ

высылают немедленно: Типография Товар.
П. Н. Кушнеревъ и Ко въ Москвѣ.
Donjean. Офортъ ц. 75 к. ♦ „В“. Восточная
живопись ц. 75 к. ♦ Забранный. Выжиганіе
по дереву ц. 75 к. ♦ Дубовскій. Живопись
по малаюкѣ и глинян. ц. 65 коп. ♦ Bouffier.
Рисование настольн. ц. 50 к. ♦ Lahnek. Жи-
вопись по дереву ц. 65 к. ♦ Roux. Травление
металловъ (фотогр.) ц. 65 к. ♦ Kilmke. Жи-
вопись по фарфору и стеклу ц. 1 рубль. ♦
Colson. Сним. копій свѣтов. способ. ц. 60 к. ♦
Bill. Фотоминиатора ц. 50 коп. ♦ Simons.
Раскрашив. фотогр. карточекъ, фотомини-
атора, ф. живопись, ф. акварель ц. 50 к.

Фирма премирована на европейскихъ
выставкахъ десятью золотыми ме-
далями и высшими знаками.
Косметические спермацетовые,
личныя № 6808

УТИРАЛЬНИКИ.

Косметина А. ЭНГЛУНДЪ.
При употребленіи спермацетовыхъ
утиральниковъ, кожа лица дѣлается
чистою. Удобное средство въ дорогѣ,
гдѣ лицо особенно подвержено влія-
нію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда
имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп.,
съ перес. не менѣе двухъ пач.
2 руб., 4 пачки съ перес. 3 руб.
Для предупрежденія поддѣлокъ, про-
шу обратитъ вниманіе на подпись
А. Энглундъ—красными чернилами и
марку С.-Петербургской Косметиче-
ской Лабораторіи. Получать можно
въ Высочайше утвержденномъ рус-
скомъ обществѣ торговли аптекар-
скими товарами, Казанская ул., № 12
и во всѣхъ известныхъ аптекарскихъ
и парфюмерныхъ торговыхъ Рос-
сійской Имперіи.—Главный складъ
для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Пе-
тербургъ, Васильевая ул., д. № 2.

И. Г. КАРЛСОНЪ ВЪ ВОРОНЕЖѢ. СКЛАДЪ СЪМЯНЪ

превосходнаго качества и безукоризненной
всхожести.

ОБШИРНЫЙ ДРЕВЕСНЫЙ ПИТОМНИКЪ.

По заявленіи высылаются немедленно:
1) большой иллюстрированный каталогъ
всякаго рода сѣмянъ, 2) иллюстриванный
каталогъ теневыхъ, оранжевыхъ и
бюбнатныхъ растений безплатно и 3) за
25 коп. почт. марками самый большой,
богатый и обстоятельный въ Россіи, издан-
ный иллюстрированный въ текствѣ множествомъ
рисунковъ, каталогъ плодовыхъ и декоратив-
ныхъ деревьевъ и кустарниковъ.
Произведенія фирмы удостоены множе-
ствомъ наивысшихъ наградъ на большихъ
Россійскихъ и Международныхъ выставкахъ.
При заказахъ прилагается безплатно руко-
водство по культурѣ огородныхъ и цвѣ-
точныхъ растений. № 6268

СГУЩЕННАЯ ЭССЕНЦИЯ ВЪ ПОРОШКАХЪ Н. С. БАРОМЕНСКАГО

Для приготовления изъ очищен. воды домашнимъ
простымъ способомъ разныхъ напитковъ
замѣчательныхъ по вкусу и дешезизнѣ

- 1. Англійская горькая на 1 бут. 10 л.
- 2. Жезудочная 10
- 3. Анисовая 10
- 4. Травяная 10
- 5. Подьянная (абсентъ) 15
- 6. Хинная 15
- 7. Померанцевая 15
- 8. Еропейск. (старин.) 30
- 9. Мятная 15
- 10. Лимонная } Новость 15
- 11. Рябиновая наливка 15
- 12. Вишневая наливка 15

Для приготовления джидеровъ замѣняющихъ
по вкусу лучшія заграничныя марки:

- 51. Бенедиктинъ (Монахоръ) за бан. 75 к.
- 52. Розов., бан. 75 к. 55. Чайный, бан. 75 к.
- 53. Мараскинъ. 75 к. 56. Абрикотинъ. 75 к.
- 54. Шартрезъ. 75 к. 57. Ванильный. 75 к.

Продажа и предств. при копторѣхъ аптек.
и кондит. привалдъ-жн. П. Н. Виноградова,
Москва, Рождественка, домъ
№ 2. Выписывающъ на 5 р.
и болѣе въ Европ. Россіи,
за пересылку не платятъ.

**НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
ДРА ЛЕНГИЛА
въ ВѢНѢ**
для БѢЛЫХЪ, СМЯГЧЕНІЯ
И ЧИСТОТЫ
КОЖИ, ЛИЦА
и РУКЪ

Придастъ Кожи Совѣтской Визъ,
рекомендуется какъ
Хорошее Туалетное Мыло
НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ
ВАСИЛИЯ АУРИХЪ въ С.-ПЕТУРГѢ

ЕДИНСТВЕННАГО АГЕНТА
для Россіи.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ПИАНИНО
на которыхъ руками можно играть какъ на обыкновенн.
пиаино, а также посредствомъ вертени ручки исполнять
артистически всѣ танцы, русскія пѣсни и оперныя пьесы.
цѣною въ 600, 650, 750, и 850 руб., рекомендуетъ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ, 4-4
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Требуйте иллюстрированный прейсъ-курантъ. Ц. № 5970

НЬЮ-ГОМЪ
оригинальная, американская усовершенствованная
ШВЕЙНАЯ МАШИНА
Кю „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжъ (шт. Массачусеттс, Сѣв.
Америка) пользуется всемірною извѣстностью; проста,
прочна, изящна; отличается: высокими рукавомъ, новымъ
удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Рабо-
тается легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную,
2-мя нитками шитую строчку; употребляетъ прямую само-
устанавливающуюся (безъ мѣрки) иглу; годна для домашняго
и ремесленнаго употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей
кисеи до толстѣшаго сукна.

ГАРАНТИЯ БЪ ЛѢТЪ.
Прейсъ-курантъ и описаніе по требованію.
Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.
Главный представитель для всей Россіи:
Высоч. утвержд. Товарищество **„Работникъ“.**
И. № 6248 Москва, Петербургъ, Киевъ и Ташкентъ. 10-2

САРИШКА И САРИШСКАЯ ЧЕСУЧА
8-8 **СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ.** Ц. № 6160
Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылаются по
принимаетъ на свой счетъ. требованію безплатно.
Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажд.

Людв. Федоров. Шликэйзентъ
МОСКВА № 6217 5-5
Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ
Рекомендуетъ: шародробители, кирпиче-
дѣлательныя и торфяныя машины; прессы
для трубовъ съ раструбами, черепицъ и бри-
кетовъ; машины для выработки шмота и
огнеупорныхъ кирпичей; мѣшалки для рас-
творовъ. Изготавливаетъ планы печей.

**НОВАЯ КНИГА:
СПУТНИКЪ
МЕЛЬНИКА-МЕХАНИКА.**
Собраніе правилъ, таблицъ и
практическихъ свѣдѣній для мель-
никовъ, строителей и владѣль-
цевъ мельницъ, монтеровъ и т. д.
Сочиненіе С. Нотовича. Цѣна въ
коленкоровомъ переплетѣ 3 руб.
50 к., въ кожаномъ — 3 р. 75 к.,
безъ переплета 3 р. Изящное
адресуютъ: Въ складъ мельнич-
ныхъ машинъ С. Нотовича въ
Одессѣ, Базарная, № 66. Книга
поступила также въ продажу въ
книжныхъ магазинахъ „Новаго
Времени“ и др.
Ц. № 5933 20-10

**ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ПРОИЗВОДА
А. МОСТРОУМОВА**
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УТВЕРЖЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
МАРУ ЗА № 2379
ВЪ СЛОЖЪ № 10
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

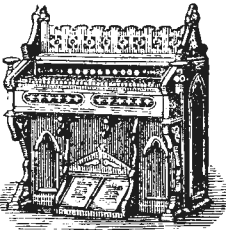
**ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ!
КАУЧУКОВЫЙ
МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЪ
Д. ВЕРГГОЛЬЦА.**
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ,
аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ.
Главное депо: Невская аптека магистр
А. Берггольца. Невскій проспектъ 68, въ
С.-Петербургѣ. № 6262 11-1
Цѣна коробки 40 коп.

**2-ой
ВЫГРЫШ-
НЫЙ**
заемъ, 1 марта ти-
ражъ, продаетъ на
условіяхъ дешевыхъ
и добросовѣстныхъ № 6223 5-5
**БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**
59, Невскій, СПБ.

№ 4711.
**РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.**
Самое нѣжное глицериновое мыло,
**ПРОЗРАЧНОЕ
КАКЪ ХРУСТАЛЬ**
благодаря своимъ отличнымъ качествамъ,
пріобрѣло большую извѣстность,
Высокое содержаніе глицерина, эконо-
мія вслѣдствіе обилія пѣны, нѣжный за-
пахъ розы—вотъ качества, отличающія
это мыло въ высокой степени.
Издѣлія № 4711 можно получать въ
лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ
магазинахъ Россіи и за границей.
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

**EAU, PÂTE, POUDDRE
DENTIFRICES**
DOCTEUR PIERRE
DE LA
**FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS**
EN VENTE PARTOUT

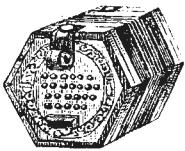
ФИСГАРМОНИИ

лучших французских, американских фабрик и фабрики Шидмайера, рекомендованный Главачемъ Гензельтомъ и др.

Самочитель для фисгармоний 2 рубли. Играть на фисгармонии можно выучиться легко.

АНГЛІЙСКОЕ КОНЦЕРТИНО.

небольшой инструментъ очень пріятнаго тона съ полною хроматической гаммою, на которомъ можно легко выучиться играть.

СОПРАНО 48-тонная въ 24, 30, 40, 55, 70, 100, 125, 140 руб. и 56-тонная въ 200 и 225 р. и дороже.

БАРИТОНЫ 48-тонные въ 85, 160 и 225 руб.

Самочитель Ротштейна 2 руб. Иллюстрир. прейсъ-курантъ — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 49. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

Рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Вазелиновое туалетное мыло . . . кус. 30 к.
Вазелиновая жирная нудра . . . кор. 60 к.
Вазелиновый колыбель-кремъ . . . бан. 35 к.
Вазелиновая помада . . . бан. 35 к.
Ландышевое молоко . . . фл. 1 р.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи. Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. Сиб.

Парфюмеръ I. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

КРАСИВО ПИСАТЬ выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ

A. КОССОДО.

Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52 - 6

За 2 семиконечныя марки высылаются пробное письмо и условия. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ЗОЛ. МЕДАЛИ, благодарности коллегамъ и др. Въ 6 уроковъ выучивая писать красиво и скоро заочно. За двѣ 7 коп. марк. высылаю условия и пр. письма. Одесса, проф. № 6261 кат. Кошидарисъ. 6-1

ПИСАЮЩАЯ МАШИНА 25-11

РЕМИНГТОНА № 5

„новѣйшая изъ всѣхъ существующихъ системъ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 5996 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

Поступило въ продажу новое роскошное изданіе А. Ф. Маркса: ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВѢСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и виньетокъ художника К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, „НОВОЕ ВРЕМЯ“ говоритъ о книгѣ слѣдующее: „Надо отдать справедливость г. Марксу: онъ издалъ эту книгу очень изящно, съ виньетками и картинками, нарисованными съ большимъ вкусомъ и знаніемъ русскихъ древностей молодымъ художникомъ, г. Лебедевымъ. Историческіе рассказы г. Полевого отличаются тѣмъ, между прочимъ, отъ цѣлой массы подобныхъ рассказовъ, что въ нихъ соблюдается историческая вѣрность эпохъ, такъ какъ авторъ прекрасно изучилъ ту эпоху, изъ которой черпаетъ свои рассказы. Примѣненные къ этимъ рассказамъ и рисунки являются не празднымъ измышленіемъ, а служатъ къ нимъ иллюстраціями, гдѣ вѣрно соблюдаются костюмы и другія бытвыя особенности“.

Цѣна этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большаго 8го) и роскошнаго изданія, назначается нами весьма умеренная: 5 р., съ перес. 5 р. 80 коп.; въ роскоши. перепл. 6 р., съ перес. 7 р.

Для любителей роскошныхъ изданій мы печатали особо „50 нумерованныхъ экземпляровъ“ на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 страницы на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цѣна этихъ нумерованныхъ экземпляровъ 25 руб., съ пересылкою 26 руб., въ роскошномъ полушпательномъ переплетѣ 28 руб., съ перес. въ ящикѣ 30 руб. Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6.

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Страховые билеты Общества „Россія“ выдаются во всѣхъ агентствахъ Общества и также на вокзалахъ Главныхъ станцій желѣзныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣздовъ.

ВАЖНО ДЛЯ МАТЕРЕЙ.

Вновь усовершенствованный профессоромъ Сонлетомъ въ Вѣнѣ, аппаратъ для кипяченія и

СТЕРИЛИЗАЦИИ МОЛОКА

есть одно изъ необходимѣйшихъ приобретеній для каждой матери. Онъ служитъ для безусловнаго уничтоженія всѣхъ болезнетворныхъ микро-организмовъ, какъ въ молокѣ, такъ и въ искусственныхъ смѣскахъ, употребляемыхъ для кормленія дѣтей. Печатное подробное описаніе раздается и высылается желающимъ безвозмездно и аппараты продаются по крайне пониженнымъ цѣнамъ.

ВЪ ГИГИЕНИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ МАГАЗИНА Р. КЕЛЕРА и К^о, въ Москвѣ. П. № 6177

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

ЗА РАМПОЙ. п. п. Гнѣдича. Новѣсть. Ц. 1 р. 50 к. М. № 6270

СЕМНАДЦАТЬ РАЗСКАЗОВЪ. Его-же. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ. Его-же. Два тома. Ц. каждого 1 р.

СКАЗКИ ДѢЙТЕЛЬНОСТИ. Вас. Немировича-Данченко. Цѣна 2 руб.

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА ПРОВНІЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП. Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА, Пассаждъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссенъ Букетъ	Віолетъ де Парма	Бѣлая роза
Жюкей клубъ	Розода	Милль-Фаръ
Букетъ Императрисы	Люби меня	Амисъ
Илангъ-Илангъ	Степелъ букетъ	Гладиолъ
Майскій-Ландышъ	Ірисъ	Вилль-де-Виль
Бѣлый гелотропъ	Эдельвейсъ	Испанскій роза
Бѣлая лилія	Жасминъ	Свѣжее сѣно
Сирень перс.	Олеонаксъ	Черемуха
Лавкой	Шипръ	Лілас Невъ
Фіалка	Букетъ де Цааръ	Lotus.

Пріятные флаконы высылаются не менѣе 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкой во весь городъ Россіи. (Пром. Сибирія)

БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКІЙ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ САМЪ СЕБЯ БРИТЬ НОВОИЗОБРЕТЕННОЮ

БЕЗОПАСНОЮ БРИТВОЮ

„СТАРЪ“

употребленіе коей особенно облегчаетъ бритье, а съ гигиенической точки зрѣнія составляетъ дѣйствительно наилучшее изобрѣтеніе, ибо каждый можетъ ею бриться. Бритва „Старъ“ выдѣлана изъ самой чистой шлифованной и магнетизированной новыимъ патентованнымъ способомъ бѣлой стали. При каждой бритвѣ приложено объясненіе способа употребленія. Этотъ „Старъ“ нашелъ такое громадное распространеніе во всемъ свѣтѣ, что фабрикантъ и изобрѣтатель въ „Америкѣ“ не успѣваетъ ихъ заготовлять. Цѣна съ перес. 5 руб.

ПЕРО-ФОНТАНЪ!

Въ перѣ находится стеклянный цилиндръ, который наполненъ чернилами и во время писанія чернила стекаютъ черезъ особенное внутреннее устройство на перо. Кончивши писаніе, на перо надѣвають калъсъ, чтобы его можно было носить въ бумажникѣ или въ карманѣ. Перо выключенное и поэтому не ржавѣетъ. Одною наполненіемъ хватаетъ, если много писать, на два дня. № 6219

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 1 руб.

СТАЛЬНЫМЪ ЛИНЕЙКЪ, цѣна 1 р. 50 к., очень поправившіяся, вновь получены. По желанію высылаю прейсъ-курантъ новостей. Конст. Мальмъ. Б. Морская, № 34. Отправка налож. платежамъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (1) Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 проф. Имп. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 6288

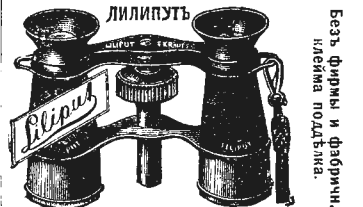
КНИЖКИ

всего возможныхъ, русскихъ, высыл. немедленно Книжный магазинъ

Ө. А. БОГДАНОВА.

Москва, Петровка, Петровскія дѣли № 5. Принимается подписка на всѣ рус. журналы и газеты по цѣн. редакцій. № 6274 18-3

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

со шкур. въ замшевомъ кошелькѣ. 8 р. 50 к. съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. „Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполне замѣляетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли. 2-2

Е. КРАУСЪ и К^о. № 6256 Специальн. фабр. оптич. инструментовъ Парижъ, Rue de Bondy, 32.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Иллюстр. прейсъ-кур. оптич. и фотогр. приборъ высл. каждый за семикоп. пом. марку.

PARFUMERIES aux Violettes de Parme ED. PINAUD Savon.... aux Violettes de Parme Essences... aux Violettes de Parme Huile... aux Violettes de Parme Poudre de Riz aux Violettes de Parme 37, BOULEVARD de STRASBOURG PARIS GRAND PRIX EXPOSITION-PARIS 1889

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXIV г.
№ 10

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО. №№ с 6—10 РИС. ВЪ НАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЪ ПРИЛОЖ. 12 КНИЖЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдаётъ 6 марта 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖЪ ВЫКРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № безъ „Сборника“ 20 к., съ пер. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

<p>ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строку нонпарейль (¼ шир. стр.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. — Загран.: для Франціи у Agence Navas по 3 fr., для Австр., Герман. и Швейц. у Ru- dolf Messe по 2 марки 50 pf.</p>	<p>Безъ доставки въ Петер- бургъ. 5 р.</p>	<p>Безъ дост. въ Москвѣ чр. конг. объявл. И. И. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.</p>	<p>ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложения при „НИВѢ“ объявленны отъ тор- говыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.</p>
	<p>Съ доставкою въ Петер- бургъ. 6 р. 50 к.</p>	<p>Съ пересылкой въ Москву и другіе го- рода Россіи. 7 р.</p>	
<p>За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 10 р.</p>			
<p>На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к. На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.</p>			

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.
при семъ же предлагаются: 1) **СБОРНИКЪ „НИВЫ“ ЗА МАРТЪ.** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** за МАРТЪ 1893 г.
съ 34 рис. и отд. лист. съ 25 черт. выкр. въ натур. велич. и 37 рис. руководѣльныхъ работъ.

Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ.

Въ Шателъро, во Франціи, скончался 18-го января сего года оберъ-гофмейстеръ Высочайшаго Двора князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ, бывший въ 60-хъ годахъ вице-президентомъ Императорской Академіи Художествъ. Покойный пользовался извѣстностью, какъ исследователь византійской живописи и архитектуры и основатель древне-христианскаго музея въ Академіи Художествъ.

Князь Г. Г. родился 29 апрѣля 1810 г. Дѣтство свое до 13-лѣтняго возраста онъ провелъ при родителяхъ въ Римѣ, гдѣ отецъ его былъ посланникомъ, и Парижѣ. Затѣмъ онъ былъ номѣщенъ въ Collegio Tolomei въ Сиеннѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1826 г.

Тутъ онъ много рисовалъ съ природы, работалъ, между прочимъ, и подъ руководствомъ знаменитаго Брюллова, и приобрѣлъ привычку,

Бывшій вице-президентъ Имп. Академіи Художествъ, князь Г. Г. Гагаринъ † 18-го января 1893 г.). По фот. Денъера, грав. Шюблеръ.

ставшую впоследствии — заносить всѣ свои впечатлѣнія на бумагу. Въ 1832 году князь Гагаринъ пріѣхалъ въ Россію и поступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ.

Вѣрный своему обыкновению, какъ передаетъ сынъ покойнаго, — онъ однажды сталъ рисовать обійей видъ Петропавловской крѣпости; въ увлеченіи онъ не замѣтилъ, что это занятіе показалось поллици подозрительнымъ. Вдругъ онъ увидать себя окруженнымъ командою солдатъ: подъ коновое повелѣніе отца къ коменданту крѣпости и подвергли допросу. Недоразумѣіе выяснилось и отца тутъ же выпустили на свободу. Векоръ его причислили къ посольству въ Константинополь. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ мечети Ай-Софій, впервые поразившей его величіемъ византійскаго искусства, онъ страстно предается изученію этого стили, отыскивая въ окрестностяхъ Царь-Града слѣды прежнихъ

греческих храмов. Чувствуя непреодолимое влечение къ искусству и желая всецѣло предаться изученію древнихъ памятниковъ, имѣющихъ сродство съ византійскими, отецъ не разъ предпринималъ верхомъ путешествія по Малой Азии. Затѣмъ онъ получилъ назначеніе въ Мюнхенъ, откуда, по значному желанію государя Николая Павловича, былъ переведенъ въ Петербургъ. Но столичная жизнь его не удовлетворяла, и онъ огорчился сопровождать барона Гана на Кавказъ. Новый край, новыя впечатлѣнія. Всюду онъ заглядывалъ, всюду рисовалъ. Однажды въ Дагестанѣ завязалась перестрѣлка между нашими и чеченцами. Подъ прикрытіемъ горной батареи отецъ сталъ набрасывать картину стычки. Въ увлеченіи работой, онъ не замѣтилъ, что батарея снялась съ позиціи и что онъ очутился совершенно одинъ. Вдругъ увидѣлъ онъ, что предводитель чеченцевъ, съ поднятымъ княжаломъ и гиканьемъ, набѣгаетъ на него. Едва успѣвъ сложить походный альбомъ, схватилъ онъ винтовку и мѣткимъ выстрѣломъ въ лобъ уложилъ горца. Это произошло на глазахъ у всѣхъ. Подбѣжали солдатики и стали его качать, а начальство донесло объ этомъ государю Николаю Павловичу. „Такому молодцу стыдно не носить военного мундира“, сказалъ государь и велѣлъ записать его поручикомъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Такимъ образомъ, отецъ *совершенно случайно* сдѣлался военнымъ.

„Состоя затѣмъ при военномъ министрѣ, князѣ Чернышевѣ, онъ сопровождалъ его при ревизіи Кавказа. Здѣсь онъ принялъ участіе въ схваткахъ съ горцами и собралъ массу рисунковъ изъ военного быта, которые отчасти вошли въ составъ „Caucase Pittoresque“. Третье пребываніе на Кавказѣ продолжалось съ 1849 до 1856 года. Тутъ онъ занялся изученіемъ церкви Грузинъ, которыя заинтересовали его сродствомъ съ византійскими памятниками. Всѣ эти работы тоже вошли въ составъ „Caucase Pittoresque“. Въ то же время имъ были разукрашены стѣны Сионскаго кафедральнаго собора фресковою живописью и внутренность городского театра въ Тифлисѣ. Для послѣдняго онъ завелъ маленькую фабрику палье-манеъ, гдѣ формировались арабо-мавританскіе орнаменты, помощью которыхъ онъ превратилъ зрительную залу въ родъ Гренадской Альгамбры. Въ своемъ описаніи Кавказа Дюма-отецъ го-

воритъ, что нигдѣ не видѣлъ болѣе красиваго театра. Нынѣ этотъ театръ болѣе не существуетъ: онъ сгорѣлъ въ семидесятыхъ годахъ. Къ той же эпохѣ относятся планы, составленные отцомъ, для строящихся на Кавказѣ штабныхъ церквей. Отецъ оставался на Кавказѣ до окончанія крымской войны, принимая живое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ то время въ Карской области.“

За свои военные подвиги на Кавказѣ князь Г. Г. получилъ многія отличія: былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, произведенъ въ чинъ ротмистра, и затѣмъ полковника и былъ награжденъ орденами св. Анны 2 ст. съ короною и св. Владимира 4 ст. съ бантомъ. Въ 1855 г. князь Гагаринъ былъ назначенъ состоящимъ при президентѣ Академіи Художествъ, великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, покойный занялся украшеніемъ дворца Августѣйшаго президента (нынѣ зданіе Государственнаго Совѣта). До сихъ поръ живопись замѣчательно сохранилась во дворцѣ и вызываетъ невольное удивленіе всѣхъ, кто хотя разъ осматривалъ зданіе Государственнаго Совѣта. Въ 1858 г. Г. Г. былъ произведенъ въ генераль-майоры свиты Его Величества. Будучи съ 1859 г. по 1872 г. вице-президентомъ Академіи Художествъ, князь Гагаринъ особенно заботился о томъ, чтобы художники историческихъ картинъ пріобрѣтали археологическія и историческія знанія, а архитекторы знакомились съ византійскимъ и древне-русскимъ стилемъ. Покойному принадлежатъ роскошное хромолитграфическое изданіе „Изображеній изъ св. Евангелія“, нѣсколько другихъ художественныхъ изданій и сочиненіе подъ заглавіемъ „Русскимъ строителямъ о родникѣ русскаго искусства“, написанное къ первому съѣзду русскихъ зодчихъ. Въ 1849 г. покойный былъ избранъ въ дѣйствительные члены Общества поощренія художниковъ, а въ 1872 г.—въ почетные члены Академіи Художествъ.

Портретъ, помѣщаемый нами, относится ко времени назначенія князя Г. Г. Гагарина вице-президентомъ Академіи Художествъ.

Покойный похороненъ 25-го января въ своемъ имѣніи Карачаровѣ, при церкви села Сучковъ, Корчевскаго уѣзда Тверской губерніи. Церковь эта очень красива и украшеніемъ своимъ обязана покойному князю.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

ХІІ.

Сеньоръ Торичіоли.

Вѣсть о княжескомъ гнѣвѣ съ быстротою молніи разнеслась по усадьбѣ, и дворовые, по опыту знавшіе, каковъ бывалъ разсерженный князь, притаились и притихли, запрятались по своимъ конурамъ, чтобы хоть случайно не попасть на глаза грозному барину. Дворецкій, давно не видѣвшій гнѣва Андрея Николаевича и знавшій, что припадокъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше былъ свѣтлый промежутокъ, дрожалъ заранѣе, въ ожиданіи, когда господа выйдутъ ужинать.

На его счастье, никто не явился къ столу. Въ этотъ вечеръ некому было вспомнить о тѣдѣ въ Проскуровѣ.

Карль, придя къ себѣ, легъ на кровать, не раздѣваясь, и, заложивъ руки за шею, долго лежалъ такъ, съ усиліемъ стараясь разобрать спутавшіяся нити мыслей и придти въ себя послѣ свалившихся такъ неожиданно на его голову несчастій.

Только-что происшедшее объясненіе съ княземъ было у него какъ въ туманѣ. Хотя онъ и обвинялъ себя за излишнюю, можетъ быть, горячность, но обсуждая теперь дѣло со всѣхъ сторонъ, приходилъ къ убѣжденію, что трудно было поступить иначе. Все равно, рано или поздно, истина должна была выйти наружу, и то, что произошло сегодня—неминуемо произошло бы тогда...

Долго лежалъ у себя Карль, пока, наконецъ, въ дверяхъ показалась голова лакея.

— Иосифъ Александровичъ проситъ барона, можетъ-ли онъ войти къ нему?.. доложилъ лакей.

— Т. е. онъ ко мнѣ пришелъ? переспросилъ Карль.

— Да, онъ здѣсь...

— Просите.

Итальянецъ являлся теперь въ Проскуровѣ чело-
вѣ-

комъ, котораго болѣе всѣхъ остальныхъ желательно было видѣть Эйзенбаху.

Торичіоли вошелъ. Карль поднялся ему навстрѣчу.
— Вы знаете, что случилось? спросилъ Карль по-нѣмецки.

Торичіоли владѣлъ этимъ языкомъ довольно свободно.
— Слышалъ, отвѣтилъ онъ. — Если бы вы видѣли, что тамъ происходило...

И итальянецъ качнулъ головою въ сторону большого дома.

— А что?

— На половинѣ княжны. Князь отправился къ ней, и въ бѣшенствѣ была минута, что онъ чуть не убилъ ее. Я тамъ былъ съ каплями. Я его удержалъ прямо за руку.

— А она что?

— Она молчитъ. Сѣла въ уголокъ и застыла, не дрогнетъ...

Карль прошелся по комнатѣ.

— Плохо дѣло, сеньоръ Торичіоли, проговорилъ онъ.

Итальянецъ вздохнулъ.

— Да, баронъ, не хорошо.

— Я думаю, что все кончено. Выхода нѣтъ... Нужно уѣзжать.

— Значитъ, всѣ ваши хлопоты и мои пропадутъ даромъ? возразилъ итальянецъ.

— А вамъ сколько обѣщано отцомъ въ случаѣ, если свадьба состоится?

Торичіоли вздохнулъ:

— Пять тысячъ одновременно и пенсія отъ вашего имени, проговорилъ онъ.

— Вознагражденіе хорошее, улыбнулся Карль.—Ну, теперь придется вамъ забыть о немъ.

— А развѣ вы хотите бросить дѣло, это ваше окончательное рѣшеніе?

Карль, на ходу, остановился перед итальянцем.
— А как же поступить иначе? спросил онь.
— Нужно поискать сначала какого-нибудь исхода...
— Ищите.

И Карль опять заходилъ по комнатѣ.

— Припадокъ гнѣва князя пройдетъ скоро, началъ разсуждать Торичіоли, — тогда онъ будетъ къ вамъ опять ласковъ... Вы не виноваты ни въ чемъ. Нужно побѣдить молодую дѣвушку—вотъ вся задача.

— Побѣдить, побѣдить!.. процѣдилъ сквозь зубы Карль.—Легко сказать это—побѣдить...

Нужно было видѣть Карла въ эту минуту, чтобы судить, каковъ былъ этотъ человекъ, когда маска добродушія спадала съ него. Лицо его рѣзко измѣнилось, движенія были отрывисты, бѣшенство горѣло въ глазахъ. Казалось, онъ готовъ былъ на все рѣшиться, чтобы достичь желанной цѣли.

— Нужно стараться, проговорилъ итальянецъ.

Карль нетерпѣливо взмахнулъ руками.

— Развѣ я не старался, развѣ я не дѣлалъ все отъ меня зависящее въ продолженіе этихъ трехъ недѣль?.. Можно провести старика-отца, но чувства дѣвушки не обманешь...

— Эхъ, вздохнулъ вдругъ Торичіоли,—если бы былъ я свободенъ дѣйствовать...

Видно было, что ему и хотѣлось, и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось говорить то, что онъ думалъ.

Искра надежды мелькнула въ глазахъ Карла.

— Вы имѣете какой-нибудь планъ? живо спросилъ онъ.—Слушайте: если княжна будетъ моею—кромѣ пяти тысячъ и пенсіи, я общаю вамъ заемное письмо въ пятьдесятъ тысячъ.

— Пятьдесятъ тысячъ! повторилъ Торичіоли.—Пятьдесятъ тысячъ!..

— Да, и цѣнный подарокъ въ день свадьбы еще... Говорите, что вы придумали?..

— Средство довольно старое, но тѣмъ не менѣе всегда дѣйствительное...

Карль сѣлъ по другую сторону стола и внимательно уставился на итальянца.

— У насъ, въ Итали, продолжалъ тотъ,—есть много секретовъ... Когда-то я занимался кое-чѣмъ... Можно молодой дѣвушкѣ дать нѣсколько капель...

Карль рѣзко всталъ и махнулъ рукою, не желая дольше слушать.

— Я думалъ, у васъ есть что-нибудь болѣе серьезное, сказалъ онъ разочарованно.

И снова заходилъ.

Тонкія губы итальянца растянулись въ улыбку.

— Неужели баронъ думаетъ, что я ему говорю про тѣ эликсиры, корешки и нашептыванія, которые якобы способны приворожить дѣвушку къ кому-нибудь или заставить ее полюбить?.. Нѣтъ, баронъ, Джузеппе Торичіоли никогда не занимался шарлатанствомъ... Ему извѣстны рецепты болѣе дѣйствительные и знанія болѣе точныя...

— Что-же это, ядъ, что-ли? переспросилъ Карль, становясь снова серьезнымъ.

— Зачѣмъ ядъ, разсмѣялся Торичіоли,—нѣтъ, напротивъ, самый жизненный напитокъ... Въ нашихъ интересахъ, чтобы молодая дѣвушка жила и благоденствовала, а молодого человека, который намъ мѣшаетъ, и безъ того, не медля, ушлютъ куда-нибудь очень далеко... Послѣ случившагося сегодня, онъ намъ не опасенъ...

— Ну, такъ я не понимаю, перебилъ Карль.

— Очень просто. Молодого человека ушлютъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться, и вы останетесь хозяиномъ положенія, вы будете одни здѣсь, и тогда-то нѣсколько капель извѣстной мнѣ настойки могутъ оказать свое дѣйствіе...

— Да что же это за настойка?.. нетерпѣливо пере-

билъ Карль.—Что же, заставивъ ее выпить ваши капли, вы вольете въ ея сердце любовь ко мнѣ?..

Торичіоли снова улыбнулся.

— Любовь, отвѣтилъ онъ,—пожалуй—да, но именно къ вамъ—нѣтъ, этого сдѣлать я не въ силахъ, хотя довольно и того, что мои капли возбуждаютъ въ ней такую страсть, такое желаніе страсти, что никто не уберезетъ ее, и сама она побороетъ себя не будетъ въ силахъ, а такъ какъ кромѣ васъ никого она болѣе подходящаго возлѣ себя не увидитъ, то и рада будетъ кинуться вамъ на шею.

— Вотъ оно что! протянулъ Карль.—Но это ужасно!.. Вѣдь это все равно, что украсть ея сердце.

— Но зато это вѣрно, спокойно проговорилъ Торичіоли.

Карль задумался.

— Да, ужасно, но вѣрное средство—это правда, сказалъ онъ, наконецъ, произнося вслухъ то, что было у него на умѣ.

И онъ заходилъ по комнатѣ.

— Но если я, заговорилъ онъ опять,—составлю ея счастье, я сдѣлаю все, чтобы она видѣла въ жизни одну только радость... Сеньоръ Джузеппе, я говорю вамъ, что она не раскается въ потерѣ этого безроднаго найденыша... Я люблю ее...

— Тѣмъ лучше, подтвердилъ сеньоръ Джузеппе, понимая вполне эгоистическую самоувѣренность барона.

Всѣ влюбленные на одинъ ладъ. И всѣ они думаютъ, что рай только въ ихъ шалашѣ.

— И у васъ есть готовымъ этотъ эликсиръ?

Торичіоли поморщился.

Въ душѣ его, видно было, промелькнуло что-то неприятное, словно тяжелое воспоминаіе, какой-то призракъ прошлаго, которому онъ не хотѣлъ позволить возродиться.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—нѣтъ, у меня нѣтъ готовыхъ капель, ихъ нужно сдѣлать... а главное, вспомнить пропорцію, снова вычислить ее... Сегодня которое число?

— Девятое іюня, кажется...

— Странно, какъ бы говоря самъ съ собою, произнесъ итальянецъ поводя плечами,—ровно девятнадцать лѣтъ тому назадъ я въ послѣдній разъ долженъ былъ примѣнить свое искусство... Много времени прошло съ тѣхъ поръ...

Но Карль былъ занятъ своими соображеніями и воспоминанія сеньора Джузеппе его не интересовали.

— А много времени вамъ понадобится, опять спросилъ онъ,—чтобы составить капли?

— Если найду всѣ необходимые матеріалы, то недѣли двѣ—самое большее три...

— Долгій срокъ! сказалъ Карль.

— Какой вы нетерпѣливый!

— Тутъ дѣло не въ нетерпѣннн, а въ томъ, что разсерженному князю вдругъ можетъ придти фантазія завтра велѣтъ мнѣ приготовить лошадей... Теперь я вижу его характеръ.

— Скажитесь больнымъ, лягте въ постель—я буду дѣлать видъ, что лѣчу васъ. И вы только выиграете въ глазахъ князя тѣмъ, что такъ потрясены, что даже заболѣли.

— Сеньоръ Торичіоли, вы умный человекъ! проговорилъ Карль, улыбаясь.

— Господинъ баронъ, вы очень любезны! въ тонъ ему отвѣтилъ итальянецъ.

— Значитъ, по рукамъ?

На лицѣ сеньора Джузеппе еще разъ явилась его особенная улыбка. Онъ улыбался всегда одними губами, глаза у него оставались серьезны,—какъ это бываетъ у людей или очень несчастныхъ, или на совѣсти которыхъ лежитъ какой-нибудь упрекъ за прошлую жизнь.

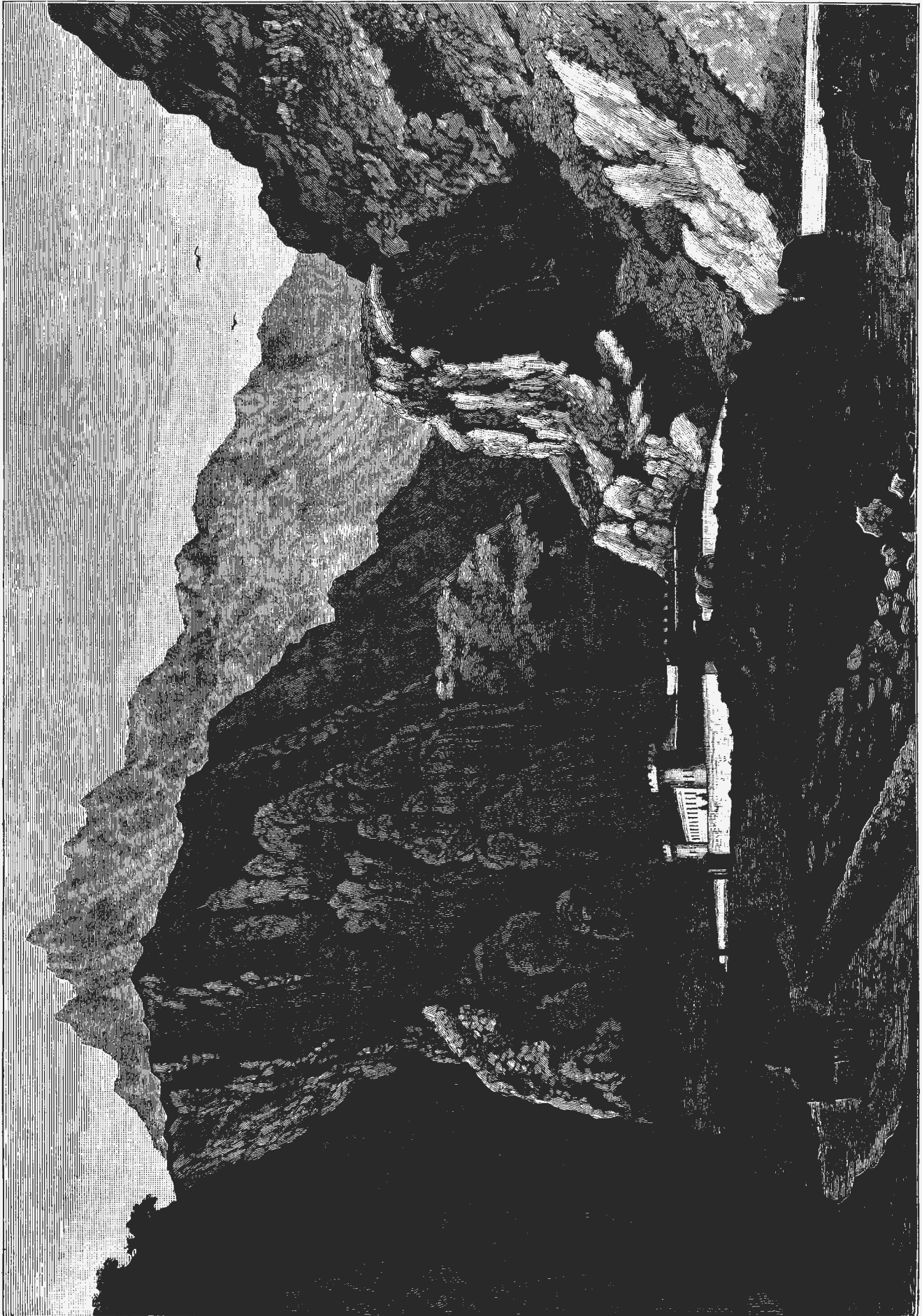
XIII.

Suum cuique.

— Нѣтъ, господинъ баронъ, не совѣмъ еще по ру-

Св. Сергій отназывается принять игуменство. Ориг рис. (собств. „Нивы“) акад. Шаховского, грав. Шюблеръ.

Дарьяльська крѣпость. Съ акварелл В. Червинскаго, грав. М. Рашевскій.

камъ, остановилъ Торичіоли Карла, когда тотъ для заключенія условія протянулъ ему руку.

— Въ чемъ-же дѣло? удивился Карль.

— Дѣло въ томъ, что вознагражденіе, которое вы мнѣ предлагаете, слишкомъ мало.

— Слишкомъ мало!? вамъ мало пятидесяти тысячъ?..

— Вотъ, видите-ли, съ разстановкой проговорилъ итальянецъ,—я рискую ужъ слишкомъ многимъ.

Карль пожалъ плечами.

— На мой взглядъ—рѣшительно ничѣмъ. Никто не можетъ узнать. И въ моихъ, и въ вашихъ интересахъ хранить тайну, а никому кромѣ насъ она не извѣстна.

— Да, но... вотъ тутъ что: я долженъ нарушить одно обѣщаніе... больше обѣщанія—клятву...

— Какую клятву, сеньоръ Джузеппе?

— Данную мною ровно девятнадцать лѣтъ тому назадъ...

— Ну, это эпизодъ, значить, изъ древней исторіи; можно легко забыть то, что было девятнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Согласитесь, однако, баронъ, что изъ-за пятидесяти только тысячъ нарушить клятву...

— Сеньоръ Торичіоли, вы, разумѣется, рассказываете мнѣ сказки про ваши клятвы.

— Которымъ вы можете вѣрить или нѣтъ, подхватилъ итальянецъ, но вѣдь вы должны получить за княжнюю около милліона,—неужели вамъ жаль увеличить мою долю?

— Этотъ аргументъ болѣе рационаленъ, сказалъ, подумавъ, Карль;—но капли уже будутъ поднесены вами, я ни во что не вмѣшиваюсь... Сколько приемовъ вы должны дать?

— О! достаточно одного—въ пять или шесть капель.

— Вотъ дорогой напитокъ, улыбнулся Карль, — но двадцати тысячъ капля... Что-же вамъ угодно, заемное письмо?

— Простую записку, которую вы подпишете.

И условіе было заключено.

Прошло три дня. Старый князь сидѣлъ, запершись, у себя въ кабинетѣ и никого не пускалъ къ себѣ, кромѣ камердинера. По словамъ этого камердинера, Андрей Николаевичъ не ложился вовсе, проводя все время въ креслахъ у окна. Онъ не спалъ и ничего не ѣлъ.

Страшная сцена, происшедшая въ комнатѣ Ольги, когда старый князь явился туда послѣ разговора съ барономъ, такъ подѣйствовала на Ольгу, что она слегла.

Отецъ ни разу не спросилъ о ней. Онъ безпокоился только о себѣ и о новомъ ударѣ, которымъ поразила его судьба.

И ударъ этотъ былъ чувствительнѣе всѣхъ прежнихъ для себялюбиваго князя. Князь Проскуровъ, весь вѣкъ свой гордившійся своимъ титуломъ, потому что кромѣ этого нечѣмъ было гордиться ему, князь Проскуровъ, высокомерно отвергнувшій предложеніе князя Голицына и другихъ завидныхъ жениховъ, долженъ былъ сознать, что найденышъ завладѣлъ сердцемъ его дочери! Это, поистинѣ, казалось ужаснымъ.

Но Ольга не была виновата въ томъ, что полюбила Артемія. Чувству не прикажешь, и когда любовь ея перестала быть тайной, когда разсерженный отецъ грозилъ ей монастыремъ, упрекалъ въ неблагодарности и клялся сжить со свѣту негоднаго мальчишку—она твердо вынесла всю сцену, но затѣмъ не выдержала. Здоровье ея всегда было плохо. Слабенькая, рожденная отъ болѣзненной матери, проведенная свое дѣтство въ вѣчномъ страхѣ передъ отцомъ—она выросла нервнымъ, впечатлительнымъ ребенкомъ. Ей случалось жаловаться на грудь: она не могла, не задыхаясь, двигаться скоро... Пока отецъ берегъ ее, она чувствовала себя хорошо, но достаточно было перваго-же сильнаго нравственнаго потрясенія, чтобы некрѣпкія силы ея надломились.

Артемій сидѣлъ, по приказанію князя, въ своей ком-

натѣ, подъ ключемъ, безвыходно. Участь его была рѣшена. Его отправляли въ дѣйствующую армію солдатомъ.

Одинъ Торичіоли еще надѣялся, что все уладится, лишь-бы поскорѣе послали Артемія.

Перспектива ста тысячъ придавала ему бодрости, и онъ не хотѣлъ допустить и въ мысляхъ, что это, опьянившее его уже заранѣе, богатство ускользнетъ отъ него.

Онъ горячо взялся за свое дѣло. Вытащилъ запыленные книги, къ которымъ давно не прикасался, сдѣлалъ выкладки, отыскалъ на днѣ своего сундука коробку съ засохшими корешками и къ удовольствію своему убѣдился, что все, что нужно ему, было налицо. Осталось набрать розовыхъ лепестковъ для эссенціи.

Мнимо-больной Карль лежалъ у себя во флигелѣ, скучая своимъ положеніемъ и отчасти раскаиваясь уже, что представился больнымъ, такъ казалось несносно проводить весь день у себя въ неволѣ.

Онъ спрашивалъ у Торичіоли, нельзя-ли ему выдоровѣть, говорилъ, что ему скучно, но тотъ принесъ ему изъ бібліотеки груды книгъ для развлеченія и сказалъ, что выдоровливать рано, потому что самое лучшее сдѣлать это днемъ позже того, какъ старый князь, отсидѣвшись у себя въ кабинетѣ, выйдетъ отсюда, тѣмъ болѣе, что къ тому времени и Артемія ушли уже, по всей вѣроятности.

Карль проклялъ въ несчетный уже разъ Артемія и остался лежать, попробовавъ утѣшить себя книгами, которыхъ вообще не долюбливалъ.

Ему попался подъ руку одинъ изъ безнравственныхъ романовъ, довольно многочисленныхъ въ литературѣ XVIII вѣка, и онъ сталъ читать его не безъ интереса.

Въ этомъ случаѣ онъ дѣлалъ только то, что дѣлало почти все общество его времени.

Романъ подходилъ къ развязкѣ, и Карла очень занимало, женится въ концѣ концовъ герой или нѣтъ, когда вдругъ, на самомъ интересномъ мѣстѣ, раздались въ сосѣдней съ спальнею Карла комнатѣ быстрые шаги и, распахнувъ широко дверь, вбѣжалъ растерянный и самъ на себя не похожій Торичіоли. Онъ былъ безъ шляпы, парикъ сбился слегка у него на-бокъ... и дрожащими руками онъ силился растегнуть камзолъ на груди...

— Что такое, что съ вами? проговорилъ Карль, приподымаясь на постели.

Итальянецъ махнулъ рукой и, въ изнеможеніи, не опустился, но просто упалъ на нопавшійся ему стулъ и испуганными, широко открытыми глазами уставился на Карла.

Онъ тяжело дышалъ, точно ему пришлось бѣгомъ пробѣжать цѣлую версту.

— Это невѣроятно, непостижимо, это выше моего пониманія, но, между тѣмъ, я видѣлъ его... я видѣлъ собственными глазами...

Карль испугался: Торичіоли, казалось, съ ума сошелъ.

— Да вѣдь какъ видѣлъ, вотъ не дальше пяти шаговъ, продолжалъ, все еще едва переводя духъ, итальянецъ.— Мнѣ нужны были розаны... я рвалъ ихъ и вдругъ вижу онъ идетъ по дорожкѣ... Онъ, это онъ былъ, я не могъ не узнать его,—за девятнадцать лѣтъ лицо его не измѣнилось нисколько, какъ будто время совсѣмъ не оставило на немъ слѣдовъ... и какъ разъ теперь, когда я чуть было не нарушилъ...

— Да кого вы видѣли? возвышая голосъ, перебилъ Карль, которому невольно передавался ужасъ Торичіоли, видимо, потерявшаго голову.

— Да, я видѣлъ... Вотъ, возьмите назадъ, я не слуга вамъ... нѣтъ, не надо... возьмите вашу записку... рвите ее... я ни за что, ни за какія деньги... Ахъ, баронъ... баронъ!..

И, говоря это, итальянецъ растегивалъ свой камзолъ, досталъ висѣвшій на груди у него полотняный мѣшечекъ и, выхвативъ изъ него расписку Карла, бросилъ ее ему.

— Что съ вами, кого вы видѣли, наконецъ, дьявола что-ли? разсердился баронъ.

— Не знаю, можетъ-быть... можетъ-быть... но только это почти сверхъестественно... Я наклонился надъ кустомъ, подымаю голову... и вижу...

Торичіоли не договорилъ. Онъ замеръ почти на полусловъ, остановивъ глаза на окнѣ.

Эйзенбахъ взглянулъ за нимъ туда-же. Сквозь частую сѣтку оконной рамы виднѣлся цвѣтникъ; между подстриженными деревьями, по дорожкѣ, на которой видѣлъ Карлъ въ памятный ему вечеръ Ольгу, шель теперь къ большому дому человѣкъ не высокаго роста, коренастый, мускулистый, бодрою и твердою походкой.

Онъ шель увѣренно, просто, исполнѣ владѣя тѣмъ, что называютъ „видной осанкой“.

Одѣтъ онъ былъ, скорѣе, скромно, но коричневый кафтанъ его прекрасно сидѣлъ на немъ, ноги, обутыя въ башмаки дешевой кожи, казались не велики, — признакъ породы, — и широкополая шляпа красиво отбѣняла его выразительное, нѣсколько смуглое лицо. Парика онъ не носилъ, и черные волосы его темнѣли издали.

— Кто-же это? спросилъ опять Карлъ.

Но Торичіоли не слыхалъ этого вопроса, и снова не отвѣтилъ.

Карлъ не сталъ настаивать долѣе.

Мало-по-малу, медленно, Торичіоли пришелъ въ себя. Онъ вышилъ воды, отеръ платкомъ блѣдный свой лобъ и глубоко вздохнулъ.

— Т. е. если, заговорилъ онъ, — за минуту передъ тѣмъ мнѣ-бы сказали, клянусь всѣми святыми... голову свою заложить... я-бы не повѣрилъ, что это могло случиться... Откуда ему попасть сюда?..

Эйзенбахъ повернулся на кровати.

— Ну, постойте, сказалъ онъ наконецъ, видя, что теперь можно говорить съ итальянцемъ, — чего-же вы такъ испугались? Что случилось особеннаго въ томъ, что вы увидѣли этого господина—воскресъ онъ что-ли? Были вы увѣрены, что онъ умеръ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ что-жъ тогда? Это вашъ соотечественникъ, какъ его зовутъ?

— Comte Soltikoff.

Карлъ пожалъ плечами.

— „Comte Soltikoff“, повторилъ онъ,—это русская фамилія „графъ Солтыковъ“, по всей вѣроятности, прѣзжій или, можетъ-быть, новый сосѣдъ здѣшній, подѣхалъ къ княжескому парку и вышелъ погулять... Вы давно знакомы съ нимъ?

— Да... да... все еще разбѣянно повторялъ Торичіоли,—да, тутъ нѣтъ ничего особеннаго, все это можетъ быть очень просто... Soltikoff — русская фамилія... но девятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Генуѣ, и теперь вдругъ здѣсь... Нѣтъ, это очень странно...

— Значитъ, это вашъ давнишній знакомый, вы пойдете къ нему?

Торичіоли испуганно глянулъ въ лицо Карлу.

— Per vasso, баронъ! Я останусь лучше съ вами, отвѣтилъ онъ и спустилъ на окнахъ, яко-бы отъ солнца, шторы.

XIV.

Новый гость.

Только-что Торичіоли успокоился немного, выразивъ намѣреніе остаться въ комнатѣ Карла, какъ появился лакей. Итальянецъ съ новымъ испугомъ взглянулъ на него.

— Тамъ васъ спрашиваетъ дворецкій, доложилъ лакей, обращаясь къ Торичіоли.

„Такъ и есть!“ подумалъ итальянецъ. Но дѣлать было нечего, онъ вышелъ къ дворецкому.

Дворецкій, Иванъ Пахомычъ, угождавшій князю съ самаго поселенія его въ деревнѣ и очень гордившійся

этимъ, былъ человѣкъ весьма обстоятельный, спокойный и не лишенный своего рода такту.

— Иосифъ Александровичъ, началъ онъ, когда къ нему вышелъ Торичіоли,—тамъ иностранный господинъ пришелъ и проситъ доложить о немъ князю, а вы сами изволите знать, какія обстоятельства теперь,—къ князю подойти невозможно... Я на себя не могъ взять рѣшенія...

Дворецкій Иванъ Пахомычъ говорилъ съ тою полупочтительною фамильярностью, съ которою имѣеть обыкновение обращаться высокопоставленная прислуга не къ господамъ, но къ людямъ, стоящимъ близко къ нимъ.

Торичіоли, давно привыкшій къ этой фамильярности, не обратилъ на нее вниманія, тѣмъ болѣе теперь, когда мысли его всецѣло были заняты совершенно другимъ.

— Надобно вамъ сказать, Иосифъ Александровичъ, продолжалъ Иванъ Пахомычъ, разводя руками,—что этотъ господинъ явился—съ черезъ садъ, довольно странно...

— Положимъ, тутъ можетъ и не быть ничего страннаго, сказалъ Торичіоли, невольно повторяя то, что только-что ему говорилъ Карлъ,—этотъ господинъ, вѣроятно, или прѣзжій или новый сосѣдъ князя — гулялъ... зашелъ въ садъ...

И Торичіоли замлся, потому что изъ показавшагося сначала правдоподобнымъ соображенія Карла, теперь, какъ-то не выходило ничего убѣдительнаго.

— Онъ сказалъ свою фамилію, фамилія его русская? спросилъ итальянецъ.

— Нѣтъ, иностранная.

— Иностранная?

— Онъ говоритъ, что онъ докторъ.

— Докторъ? Какъ-же онъ назвалъ себя?

— Докторъ Шѣнингъ.

Торичіоли вздохнулъ свободнѣе. Онъ понялъ, что человѣкъ, котораго онъ зналъ въ Генуѣ подъ именемъ графа „Soltikoff“, не желаетъ, чтобы его узнавали здѣсь.

„Тѣмъ лучше“, подумалъ итальянецъ.

— Вы сказали ему, что князя нельзя видѣть? спросилъ опять онъ.

— Да, но онъ проситъ остаться въ домѣ. Я ему говорю, что безъ князя нельзя. А онъ говоритъ: такъ доложите князю!

И Иванъ Пахомычъ снова развелъ руками.

— Я ужъ и не знаю, какъ быть, Иосифъ Александровичъ? добавилъ онъ.—Какъ угодно, а вы выйдите, поговорите съ нимъ, я на себя одного не могу взять этого дѣла.

Торичіоли остановился въ нерѣшимости. Онъ чувствовалъ, что долженъ идти, что скрыться все равно некуда, и что трудно будетъ выпроводить внезапнаго гостя, если онъ захочетъ остаться.

И Торичіоли быстро взвѣсилъ всѣ обстоятельства за и противъ.

Строго говоря, бояться ему было нечего. Человѣкъ, явившійся подъ именемъ доктора Шѣнинга, не желаетъ быть узнаваемъ; условіе, заключенное съ Карломъ, нарушено. Въ продолженіе девятнадцати послѣднихъ лѣтъ своей жизни Торичіоли не можетъ упрекнуть себя ни въ чемъ.

И итальянецъ рѣшился.

— Я сейчасъ! сказалъ онъ и вернулся въ комнату Эйзенбаха.

Карлъ лежалъ попрежнему на кровати и ждалъ возвращенія итальянца, уставившись на дверь нетерпѣливыми глазами. Любопытство его было задѣто.

Торичіоли только высунулся въ дверь и быстрымъ шопотомъ проговорилъ:

— Такъ помните, баронъ, что я не слуга вамъ

больше, что между нами нѣтъ никакого условія и что я вернулъ вамъ вашу записку.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ снова исчезъ.

Докторъ Шеннингъ ждалъ въ большихъ парадныхъ сѣняхъ, когда вернется дворецкій, сказавшій ему, что пойдетъ посоветоваться относительно его просьбы.

Онъ спокойно стоялъ у окна, и во всей фигурѣ его было столько самоувѣренности въ томъ, что онъ дѣлалъ, что становилось понятно, почему Иванъ Пахомычъ не отказалъ ему сразу, а нашелъ удобнымъ посоветоваться съ итальянцемъ, какъ ему поступить.

Торичіоли вошелъ съ крыльца въ сѣни. Докторъ обернулся къ нему. Глаза ихъ встрѣтились. Но ни одинъ мускулъ неподвижнаго лица доктора не тронулся, онъ бровью не шевельнулъ, и его остановленный на итальянца взглядъ не выражалъ ничего, кромѣ ожиданія.

Казалось, онъ не только не узналъ его, но просто никогда не видѣлъ до сихъ поръ и не подозрѣвалъ, откуда явилось это смущеніе Торичіоли, и что значить его растерянный, тревожный видъ.

„А можетъ-быть это просто сходство, можетъ-быть, радостно подумалъ Торичіоли, — память обманываетъ меня... и въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ не можетъ сохраниться такъ въ продолженіе девятнадцати лѣтъ... да, конечно“...

И онъ смѣлѣе поглядѣлъ на доктора

— Я имѣю удовольствіе говорить съ управляющимъ князя? спросилъ тотъ на ломаномъ русскомъ языкѣ

„Голосъ какъ будто тотъ“, снова мелькнуло у итальянца

— Нѣтъ, я живу у князя, отвѣтилъ онъ по-нѣмецки, — не въ качествѣ управляющаго. Но, что вамъ угодно?

— Я прошу гостепримства въ этомъ богатомъ домѣ. Мнѣ сказали, что это домъ князя Проскурова; я прошу гостепримства князя.

— Но князь никого не можетъ принять теперь.. его нельзя беспокоить .

— Я и не желаю беспокоить князя, но прошу лишь, чтобы мнѣ было позволено отдохнуть.

— Это невозможно!

Докторъ улыбнулся.

— Развѣ обычное въ Россіи радушіе чуждо дому князя?

Иванъ Пахомычъ стоялъ важно и серьезно, переводя глаза съ доктора на итальянца, какъ будто стараясь узнать смыслъ непонятнаго разговора на чуждомъ ему языкѣ.

Онъ видѣлъ, что докторъ что-то сказалъ итальянцу такое, что тотъ замаялся.

— Иванъ! вдругъ раздался голосъ стараго князя, — кто это такой и что ему нужно?

Князь Андрей Николаевичъ стоялъ на верхней ступенькѣ спускавшейся въ сѣни внутренней лѣстницы.

Онъ первый разъ, послѣ случившагося три дня тому назадъ, шелъ гулять въ садъ.

XV.

Докторъ Шеннингъ.

Вѣроятно это было слѣдствіемъ трехъ бессонныхъ ночей и перваго утомленія князя Андрея Николаевича, но съ нимъ случилась очень странная вещь:

Когда онъ, намѣреваясь пойти гулять, вышелъ на лѣстницу и наткнулся въ сѣняхъ на иностраннаго доктора, просящаго гостепримства, — онъ, должно быть, заговорилъ съ нимъ и пригласилъ идти за собою, потому что полное и ясное сознаніе окружающаго вернулось къ нему только въ саду, когда онъ шелъ по дорожкѣ, по которой имѣлъ обыкновеніе ходить. Рядомъ съ нимъ шелъ докторъ Шеннингъ. Они разговаривали.

Какъ это случилось, что вотъ они очутились вмѣстѣ, въ саду, разговаривая, этого старей князь отчетливо не помнилъ, хотя и понималъ, что особенно удивитель-

наго тутъ ничего не было: онъ вышелъ сегодня первый разъ изъ кабинета, утомленный физически и нравственно. Весьма естественно, въ первую минуту онъ могъ почувствовать нѣкоторую слабость, затменіе, и не помнить, что и какъ говорилъ. Потомъ свѣжій воздухъ отрезвилъ его, и онъ пришелъ въ себя.

Какъ бы то ни было, но докторъ былъ рядомъ съ нимъ и держалъ себя такъ увѣренно и просто, какъ будто такъ и слѣдовало тому быть.

Князь повѣрилъ его убѣжденному виду и подумалъ только про себя, что „плохо дѣло, — старость приходитъ, если ужъ онъ забываетъ сталь“...

Разговоръ у нихъ шелъ по-нѣмецки...

— Прекрасно у васъ здѣсь, хвалилъ докторъ князя его садъ и цвѣтникъ, видимо доставляя этимъ большое удовольствіе Андрею Николаевичу, который былъ въ сущности очень радъ поговорить теперь съ лицомъ совершенно постороннимъ. Докторъ, случайно заброшенный въ Проскурово и, конечно, совершенно чуждый всему, что здѣсь произошло три дня тому назадъ, являлся вполне такимъ лицомъ. Кромѣ того — бывають люди, въ обществѣ которыхъ чувствуешь себя лучше, сильнѣе и крѣпче, словно они электризуютъ васъ исходящими отъ нихъ симпатическими токами. И докторъ Шеннингъ былъ именно такимъ человѣкомъ, и въ его обществѣ Проскуровъ чувствовалъ себя лучше.

Онъ, стараясь отвлечь свои мысли отъ надвинушагося на него и заполонившаго его безпокойства, показывалъ доктору цвѣтникъ и дѣлалъ предположенія, какъ онъ разобьетъ клумбы въ будущемъ году, и какъ это будетъ еще красивѣе, чѣмъ теперь...

— Да, согласился докторъ, — при желаніи, разумеется, все можно сдѣлать, хотя ваши клумбы такъ хороши теперь, что едва ли мыслимо распланировать еще лучше. .

Князь пріостановился и взглянулъ на доктора изъ-подъ своихъ сѣдыхъ нависшихъ бровей.

Какъ это всегда бываетъ, когда человѣкъ поглощенъ чѣмъ-нибудь — ему кажется, что разговоръ затрогиваетъ именно его большое мѣсто; такъ и теперь князь видѣлъ, что, несмотря на его стараніе говорить о совѣмъ постороннихъ его горю вещахъ, все-таки сейчасъ же дѣло зашло о „неисполнимои желаній“, т. е. о томъ, что составляло самую суть его несчастья

— Да, но вотъ говорить, что если сильно желаешь чего-нибудь, то оно непременно сбудется.. отвѣтилъ Андрей Николаевичъ. Онъ говорилъ уже не о цвѣтникахъ, но о томъ, о чемъ мучительно думалъ въ продолженіе трехъ послѣднихъ дней.

Докторъ, въ свою очередь, пристально поглядѣлъ на него.

— Дѣло въ томъ, улыбнулся онъ, — что нужно *умѣть* желать, нужно знать, какимъ путемъ направить свою волю, и тогда это замѣчательное наблюденіе опыта — явится непреложною истиной, — въ противномъ случаѣ произойдетъ совершенно обратное, и человѣкъ вѣчно будетъ встрѣчать все идущее въ разрѣзъ его желаній, и никогда они не удовлетворятся. . Муки Танталя не простой, бессмысленный мифъ, не сказка, придуманная для забавы дѣтей, — нѣтъ, это можетъ быть одна изъ аллегорій важнѣйшаго откровенія. . Человѣкъ, не способный управлять своей волей, — обреченъ на то, что вода будетъ сама, какъ у Танталя, убѣгать отъ его горячихъ, жаждущихъ, воспаленныхъ губъ...

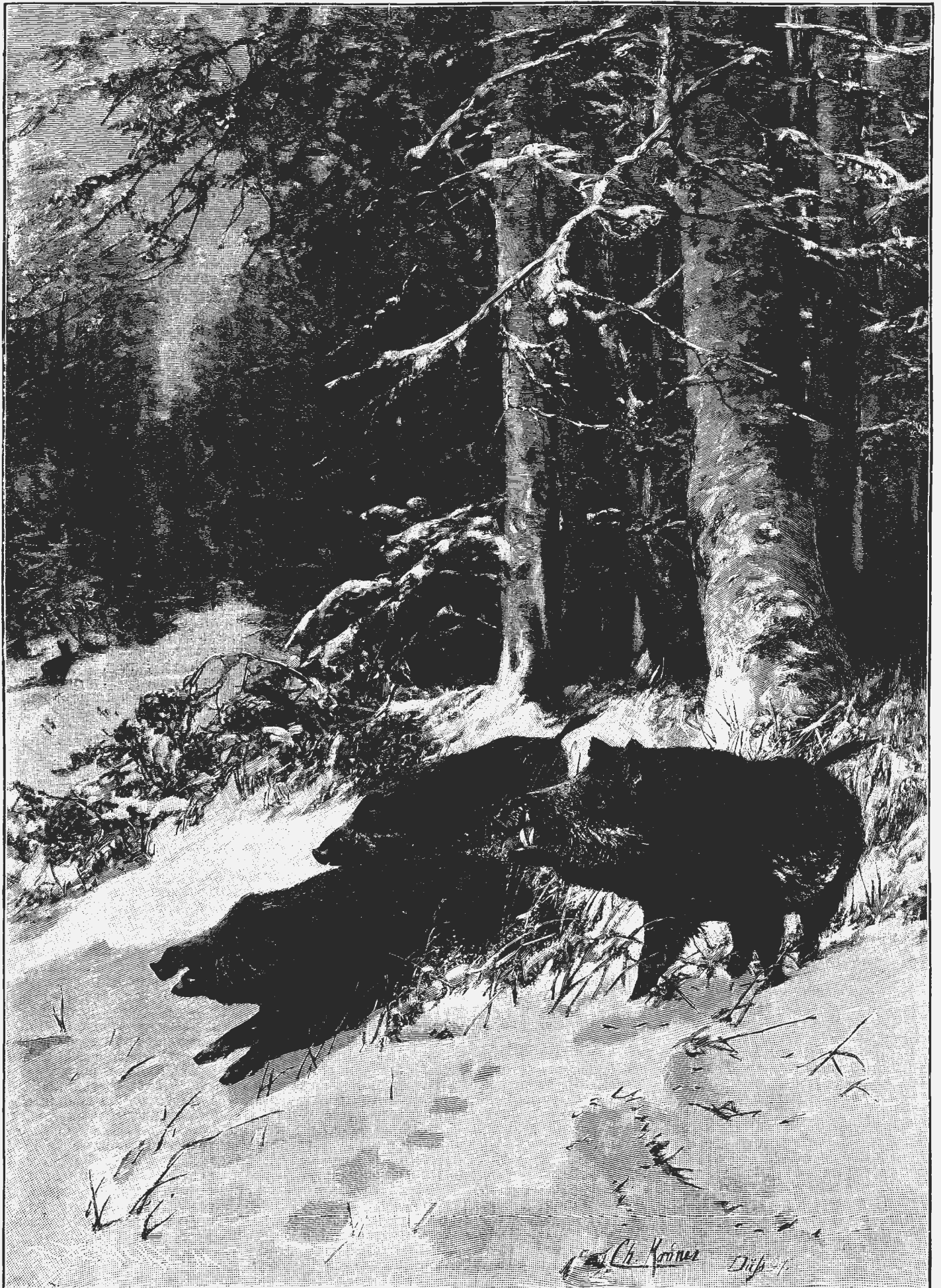
Волненіе снова охватило князя, но онъ съ радостію ощутилъ, что это не было волненіе гнѣва.

— Умѣть желать, умѣть желать! повторилъ онъ, — но хорошо сказать это, а какъ выполнить? — какъ научиться этому?

— Жизнь научить.

— Ну, а если есть люди, которые въ продолженіе всей жизни не могли научиться этому...

— Значить, въ ихъ жизни не было ничего такого,

Кабаны. Ориг. рис. Хр. Креперъ, по фот. Берл. Общ. грав. Герике.

чего бы имъ слѣдовало *желать* по-настоящему, значить, судьба все сдѣлала, чтобы они были счастливы, и желанія ихъ были излишни, не нужны... себялюбивы...

Это послѣднее слово Шеннинга, какъ каленнымъ желѣзомъ, обожгло Андрея Николаевича, но, къ его удивленію, этотъ ожогъ имѣлъ цѣлебное, успокаивающее свойство...

— А развѣ могутъ быть желанія не себялюбивыя? спросилъ онъ...

— Не только могутъ, но они должны быть, отвѣтилъ докторъ.

Князь задумался.

„Да, словно заговорилъ въ немъ какой-то внутренній, вдругъ только-что пробудившійся голосъ, — неожиданность измѣнить твои расчеты, и судьба разрушить твои планы — если не положить конецъ страстямъ, конецъ себялюбію... Ты вѣришь въ свою силу, а, глядишь—камешекъ, попавшійся на твоей дорогѣ, сильнѣе тебя... и такъ во всемъ...“

И этотъ тайный голосъ—былъ результатомъ всей жизни князя. Онъ это почувствовалъ теперь.

Они продолжали идти молча, обходя во второй уже разъ большой цвѣтникъ... Флигель, гдѣ жилъ Карлъ,

былъ направо отъ нихъ. Они подошли къ флигелю. Князь вспомнилъ про Карла и вспомнилъ, что ему сказали, что молодой человѣкъ боленъ.

— У меня тутъ больно, сказала онъ, указывая на флигель,—видимо желая дать понять доктору, что хочеть его оставить на нѣкоторое время, чтобы зайти къ больному.

— Можетъ быть я могу быть полезенъ? спросилъ Шеннингъ.

Князь недовѣрчиво поглядѣлъ на него.

— Такъ вы... вы, дѣйствительно, докторъ? рѣшился онъ спросить...

Шеннингъ опять улыбнулся той увѣренной улыбкой, которая такъ шла къ его непоколебимому спокойствію, выдержанной, исполненной достоинства, манерѣ держаться себя.

— Съ какой же стати я бы говорилъ вамъ неправду, отвѣтилъ онъ и назвалъ извѣстную нѣмецкую академію, давшую ему ученую степень.

Имя академіи окончательно убѣдило князя.

— Въ такомъ случаѣ — зайдемте вмѣстѣ, пригласилъ онъ.

(Продолженіе будетъ).

Африканскій родственникъ.

Разсказъ Карла Ганнемана. (Переводъ съ нѣмецкаго).

I.

— Можете говорить, что хотите, а я утверждаю, что безъ денегъ нашъ братъ представляетъ полное ничтожество, жалкій нуль, и больше ничего... говорилъ молодой коммерсантъ Эмиль Дюбуа своимъ пріятелямъ, зашедшимъ къ нему послѣдѣть вечеромъ.

Пріятели эти были—писатель Генрихъ Гольмъ и живописецъ Августъ Шольцъ. Всѣ трое были сверстники и приближались къ тридцати годамъ.

— Развѣ мы не видимъ, продолжалъ ораторствовать Дюбуа,—тысячи бѣдняковъ, не только имѣющихъ желаніе разбогатѣть, но стремящихся къ богатству съ болѣзненной энергіей, и имъ, все-таки, не удается достигнута завѣтной цѣли...

Генрихъ Гольмъ, который былъ писатель, сидѣлъ, задумчиво устремивъ передъ собою неподвижный взглядъ. Бесѣдовали, собственно, Дюбуа съ Шольцемъ.

— Нѣтъ, вдругъ заключилъ Дюбуа,—знаете, чѣмъ увеличивать собою число нищихъ, я лучше покончу разомъ со всей этой канителью—по крайней мѣрѣ—пулю въ лобъ и готово... Вотъ мое послѣднее слово...

И онъ съ такой силой стукнулъ стаканомъ, что ножка стакана отлетѣла, и пунишъ расплескался по столу.

— Ну, ну, не такъ сердито! сказалъ писатель, вызванный изъ задумчивости.—Если ужъ ты дошелъ до такого отчаянія, такъ у меня есть средство помочь тебѣ встать на ноги.

— Что-жъ это за средство? переспросилъ Дюбуа недовѣрчиво.

— А вотъ пусть одинъ изъ насъ выдастъ себя за богача и ведеть себя такъ, какъ будто это правда.

— Глупости! воскликнулъ Шольцъ.

— Но какая же цѣль въ этомъ? сказала Дюбуа.

— Какъ какая? Ты же самъ говоришь всегда, что богатство открываетъ доступъ въ свѣтъ. Напримѣръ, кругленькое наслѣдство сейчасъ придастъ человѣку значеніе, а все остальное придетъ само собою.

— Я не понимаю, къ чему ты ведешь? Развѣ у тебя есть наслѣдство въ виду? проговорилъ насмѣшливо художникъ.

— У меня нѣтъ, но, можетъ-быть, найдется у кого-нибудь изъ васъ?

— Ну, что до меня касается, возразилъ художникъ, — то я не имѣю въ этомъ отношеніи и тѣни какой-нибудь надежды; иначе, я бы уже давно надѣлалъ долговъ. Къ несчастію, судьба не позаботилась снабдить меня „американскимъ“ дядюшкой.

— Значить, остается Дюбуа, котораго я, впрочемъ, и имѣю въ виду съ самаго начала, заключилъ Гольмъ.

— А знаешь-ли, вѣдь ты на этотъ разъ попалъ въ точку, проговорилъ тотъ. — Мнѣ въ дѣтствѣ приходилось слышать, правда, не о дядюшкѣ, а о кузенѣ, который, если не ошибаюсь, отправился въ Трансвааль къ бозрамъ и съ тѣхъ поръ такъ и спинулъ.

— Ну, чего же лучше! воскликнулъ Гольмъ, смѣясь.—Этого только и нужно для нашей комедіи. Этотъ кузенъ, богатый трансваальскій фермеръ и старый холостякъ, умретъ у насъ и оставитъ тебя единственнымъ наслѣдникомъ своего состоянія, достигающаго полумилліона марокъ.

— Гм, недурно! замѣтилъ Шольцъ.

— Но, однако... началъ было Дюбуа.

— Никакихъ *но*, сдѣлай милость! перебилъ Гольмъ. — Ты плакала на свою бѣдность, а мы постараемся стряхнуть ее съ тебя. Тебѣ остается только смириться.

— Я согласенъ съ Гольмомъ! рѣшилъ художникъ.

— Ну, какъ хотите! Если это вамъ доставляетъ удовольствіе, такъ я не хочу препятствовать. Но я все-таки не понимаю, какая будетъ моя роль въ этой исторіи?

— Твоя? Никакой! сталъ объяснять Гольмъ.—Сиди только спокойно и не мѣшай намъ дѣйствовать. Ты будешь маріонеткой, которую мы будемъ дергать за ниточки.

— Благодарю за комплиментъ, сказалъ Дюбуа, но разсмѣялся.

— Тамъ комплиментъ или нѣтъ, а ты у насъ будешь наслѣдникомъ. И тогда можешь доказать на дѣлѣ, сумѣешь-ли ты воспользоваться благоприятнымъ случаемъ и стать на ноги. Значить,—рѣшено?

— Рѣшено!

Молодые люди весело смѣялись своей выдумкѣ; отъ души чокнулись за трансваальскаго кузена, существовавшего только въ ихъ фантазіи. Они разошлись поздно вечеромъ, не увѣренные, въ самую дѣлѣ, хорошенко, останетса-ли ихъ затѣя шуткой, или изъ нея выйдетъ что-нибудь.

II.

Было уже около десяти часовъ, когда Дюбуа проснулся на слѣдующее утро, точно послѣ пріятнаго сна, въ которомъ онъ видѣлъ себя наслѣдникомъ богатаго кузена, и съ весьма непріятнымъ сознаниемъ сильной головной боли.

Одѣваясь, онъ глянулъ случайно на небубранную миску отъ пушша и пустые стаканы, и лучъ сознанія мелькнулъ въ его головѣ.

— Да, сталъ припоминать онъ, — вчера были Гольмъ съ Шольцомъ и навязали мнѣ какого-то африканскаго кузена...

Въ это время послышался изъ передней голосъ хозяйки:

— Дома-то они дома, а только не вставали! Вѣдь они вчера нигуда и не уходили, а до самаго утра просидѣли съ пріятелями. Все шло за здоровье стараго, богатаго родственника моего-то молодого барина; онъ, знаете-ли, умеръ скоростипно. Такъ ужъ баринъ-то, конечно, немного разстроился и потому спитъ еще. А впрочемъ, если ужъ вамъ очень желательно повидать его и поздравить, такъ войдите, ничего.

Вслѣдъ затѣмъ постучали въ дверь, и на несомѣнно любезное „войдите“, появилось шестеро человѣкъ. Они пришли поздравить молодого человѣка съ неожиданнымъ полученіемъ богатаго наслѣдства, при чемъ каждый старался перешеголать другого въ сердечности и искренности поздравленій. Всѣ шестеро были давнишними знакомыми Дюбуа.

Въ первую минуту онъ смотрѣлъ на нихъ въ полномъ недоумѣніи, забывъ о давномъ пріятелямъ обѣщаніи встрѣчать спокойно все, что случится.

Онъ сталъ было говорить, что не сомнѣвается въ искренности поздравленій и пожеланій, и сердечно благодарить за нихъ, но долженъ признаться, что вся эта исторія съ наслѣдствомъ крайне ему непріятна...

— Неприятна? перебилъ его одинъ изъ посѣтителей.—Конечно, въ извѣстномъ смыслѣ, я съ вами согласенъ. Но, прошу васъ вѣрить, что ни одинъ изъ насъ не имѣетъ въ виду

злоупотребить тѣмъ, что ему стало известно ваше новое положеніе.

— Еще бы, подтвердилъ другой,—вы можете быть увѣрены, что мы далеки отъ мысли воспользоваться вашимъ кредитомъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ.

— Во всякомъ случаѣ, мы постараемся молчать объ этомъ дѣлѣ, вмѣшался третій,—чтобы вы не могли упрекнуть насъ, что наша болтовня навлекла на васъ цѣлый градъ просительныхъ писемъ.

— Да, право-же, господа, вы ошибаетесь, не утерпѣлъ Дюбуа,—увѣряю васъ, что это наследство...

— Виновать, перебилъ его одинъ изъ посѣтителей, довольно пожилой господинъ,—но я прекрасно помню вашего уважаемаго родственника. Онъ былъ небольшого роста, худощавый, съ большими бакенбардами и едва замѣтной лысиной и всегда носилъ синіе очки.

Дюбуа оставалось только пожать плечами.

Но когда двое другихъ гостей объявили тутъ же, что присутствовали при самомъ отплытіи пресловутаго кузена въ Африку, Дюбуа долженъ былъ признать, что отрицать смерть родственника и полученіе наследства было бы напраснымъ трудомъ. Онъ сложилъ оружіе.

Шестеро знакомыхъ, наконецъ, удалились. Дюбуа бросился на диванъ и громко расхохотался. Головная боль прошла у него совершенно.

— Ну, и заварили же кашу милые пріятелі! говорилъ онъ.—Погодите, придите только, я заставлю васъ самихъ расхлебывать ее!

Но пріятелі не появлялись. Въѣсто нихъ явился совсѣмъ иной посѣтитель, и вовсе не пріятный даже посѣтитель,—портной, которому Дюбуа оставался долженъ за послѣднюю, сшитую имъ пару 65 марокъ.

Дюбуа принялъ его, какъ всегда принимаютъ портныхъ, которымъ должны, т. е. очень любезно, и просилъ подождать, разумеется, уплаты долга...

— Помилуйте, господинъ Дюбуа, заговорилъ тотъ,—стѣнь-ли вспоминать о такихъ пустякахъ.—Я вовсе не за тѣмъ пришелъ, чтобы напомнить вамъ о долгѣ, а просто думаю себѣ: г. Дюбуа навѣрное понадобится теперь черная пара?

— Черная пара? Зачѣмъ это? спросилъ Дюбуа. Онъ забылъ въ эту минуту о наследствѣ.

— Да по случаю траура по вашему родственникѣ.

— Увѣряю васъ, г. Леманъ, это ошибка.

— Гм, мы знаемъ, что знаемъ, отвѣчалъ портной, хитро улыбаясь.—Совершенно понятно, что вы не желаете разглашать дѣла, боясь приставаній просителей, и потому не будете больше говорить объ этомъ, а позвольте снять съ васъ мѣрочку.

И на этотъ разъ не помогли никакія возраженія.

Черная пара была заказана.

Дюбуа рѣшилъ обѣдать дома, боясь натолкнуться въ ресторанѣ на новыя поздравленія. Изъ той же боязни,—онъ написалъ своему принципалу, что вынужденъ уѣхать по семейнымъ обстоятельствамъ и просилъ извинить его недѣльное отсутствіе.

Написавъ и отославъ письмо, онъ взялся за книгу, чтобы разогнать какъ-нибудь то состояніе неловкости, въ которомъ онъ чувствовалъ себя съ утра.

Но не тутъ-то было. Вскорѣ явилась хозяйка съ извѣстіемъ, что какой-то господинъ желаетъ его видѣть.

Дюбуа велѣлъ выпустить господина.

Господинъ оказался хозяиномъ дома, гдѣ они жили.

— Милостивый государь, началъ онъ, расшаркиваясь,—прежде всего позвольте вамъ отрекаться отъ моего имени. Мое имя Блокъ. До меня дошли слухи, что вы располагаете большими капиталами и намѣрены приобрести домъ. Я же, между тѣмъ, вынужденъ обстоятельствами продать свой и отдаю его почти даромъ, за 60,000 марокъ. Сосѣдъ мой, г. Дѣрингъ, велѣ уже со мною переговоры, но еще не далъ рѣшительнаго отвѣта; и же не имѣю возможности ждать, я долженъ имѣть въ рукахъ навѣнную сумму не позже, какъ черезъ двѣ недѣли, хотя бы не наличными, а надежными векселями. Для васъ 60,000 марокъ ничего не составляютъ; купите у меня домъ?..

Дюбуа нѣсколько мгновеній растерянно смотрѣлъ на посѣтителя, какъ бы недоумѣвая, не лишился ли тотъ разсудка; потомъ громко расхохотался:

— Да въѣдъ это чушь, г. Блокъ! Вы смѣгаетесь надо мной!

— Нисколько, г. Дюбуа, нисколько, серьезно возразилъ домовладѣлецъ.—Я говорю совершенно серьезно и, какъ ни странно кажется вамъ мое предложеніе...

— Дѣйствительно, странно, перебилъ Дюбуа.—Мнѣ, купить вашъ домъ! Да у меня нѣтъ никакого желанія покупать домъ! вдругъ сказалъ онъ.

— Но въѣдъ вы можете перепродать его, подхватилъ Блокъ.—Домъ стоитъ несравненно больше. Вы сдѣлаете выгодную аферу.

Дюбуа задумался; въ немъ проснулся коммерческій духъ. Блокъ былъ правъ: 60,000 марокъ за такой прекрасный домъ—это даромъ. Онъ съ радостью далъ бы за него 80,000, если бы только имѣлъ ихъ.

Что за заманчивая перспектива открывалась передъ нимъ! Будь у него только 60,000 марокъ!

А Блокъ продолжалъ, между тѣмъ, убѣждать его. Онъ, какъ въ чаду, плохо сознавалъ, что, собственно, говорилъ ему этотъ Блокъ, и что онъ отвѣчалъ ему, но когда Блокъ ушелъ,—Дюбуа помнилъ, что они пришли къ какому-то заключенію.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! проговорилъ себѣ вслухъ Дюбуа, проводивъ хозяина дома.—Это ужъ ни на что не похоже...

Ему больше всего хотѣлось выместить свой гнѣвъ на тѣхъ, кто затѣялъ эту глупую шутку. Но, что съ нихъ взять?

Дюбуа былъ увѣренъ, что они теперь просто-на-просто отречутся ото всего. Онъ, дѣйствительно, вѣдъ оказался маріонеткой въ ихъ рукахъ. Они разгласили эту исторію о наследствѣ. Правда, онъ со своей стороны честно сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы разоблачить мистификацію, и вина не его, если никто не хочетъ вѣрить ему...

И вотъ снова стучатся въ дверь, появляется хозяйка, со слезами на глазахъ и краснымъ отъ волненія лицомъ.

— Господинъ Дюбуа, начинается она плаксиво причитывать,—нечего сказать, хорошія вещи приходится объ васъ слышать! Вы получаете наследство въ нѣсколько милліоновъ...

Дюбуа тяжело вздохнулъ лишь:—полмилліона марокъ уже вырости въ нѣсколько милліоновъ!

— Потомъ, хотите купить у Блока домъ и выѣхать отъ меня! Отъ меня, когда я васъ любилъ, какъ родного сына, и все для васъ дѣлала, ровно мать!..

Дюбуа по опыту знаетъ, что краснорѣчіе хозяйки неудержимо, и не пытается остановить его.

— Я и не думалъ получать никакого наследства, говоритъ онъ только.

— Что такое? Господинъ Дюбуа, вы, кажется, прежде не имѣли привычки лгать!

— Я и теперь не лгу, г-жа Шюгцъ. Вся эта исторія съ наследствомъ не болѣе, какъ шутка моихъ...

— Вы меня не проведете, г. Дюбуа, это потерянный трудъ. Мнѣ еще покойный старикъ говаривалъ: „Катерина, я знаю, что тебѣ не проведешь; у тебя глаза на мѣстѣ!“ Такъ и вамъ меня не провести, г. Дюбуа...

Дюбуа чувствовалъ себя, какъ въ бреду...

III.

Обрадованный скорой продажей дома, Блокъ, по всей вѣроятности, не замедлилъ подѣлаться счастливымъ новостью съ сосѣдомъ, Дѣрингомъ, торговавшимъ у него домъ. По крайней мѣрѣ, сосѣдъ этотъ не замедлилъ лично явиться къ Дюбуа.

И онъ казался очень сердитымъ, когда его впустили.

— Господинъ Дюбуа, началъ онъ, заранѣе ужъ раздражаясь,—какимъ образомъ это могло случиться, что вы приобрѣли домъ, такъ сказать, у меня изъ-подъ носу и оставили меня между двухъ стульевъ?

„Ага! вздохнулъ съ облегченіемъ Дюбуа.—Слава Богу, дѣло идетъ не о наследствѣ, а о покупке дома... и сейчасъ же разъярю, что эта покупка существуетъ только въ пылкой фантазій Блока“.

Но ему не понравилась нежножко грубая манера Дѣринга, и онъ съелъ нужнымъ возразить:

— Я долженъ прежде всего спросить васъ...

— Извините, г. Дюбуа, перебилъ его тотъ,—если мои слова покажутся вамъ не совсѣмъ вѣжливыми; но я человѣкъ прямой... Къ тому же внезапная продажа дома, естественно, поразила меня. Положимъ, я самъ виноватъ, потому что предлагалъ Блоку только 50,000 марокъ, расчитывая, что онъ уступитъ. Мнѣ этотъ домъ просто необходимъ. Видите-ли, я намѣренъ перестроить его для фабрики, соединивъ съ моимъ собственнымъ домомъ. Мнѣ онъ необходимъ, во всякомъ случаѣ, и такъ какъ, по словамъ Блока, онъ уже принадлежитъ вамъ, то я предлагаю переуступить мнѣ его за 80,000 марокъ. Согласны вы отдать мнѣ его за эту цѣну?

Дюбуа невольно схватился за ручки кресла. У него въ глазахъ зазеленѣло. Заработать 20,000 марокъ, сидя на мѣстѣ и не пошевеливъ пальцемъ, когда онъ, въ качествѣ конторщика и коммивояжера, при усиленной работѣ, получалъ не болѣе 1,500 марокъ въ годъ! Перспектива была, поистинѣ, заманчива, и вся исторія съ наследствомъ представилась ему въ другомъ, лучшемъ свѣтѣ. Онъ вдругъ сталъ серьезенъ.

— Извините меня, господинъ Дѣрингъ, заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья,—если я не дамъ вамъ сейчасъ рѣшительнаго отвѣта. Это дѣло требуетъ зрѣлаго обсужденія...

И онъ просилъ Дѣринга подождать отвѣтомъ до завтра—восемью часамъ утра...

— Я явлюсь, господинъ Дюбуа, явлюсь непременно, и надѣюсь получить ваше согласіе, говорилъ тотъ, прощаясь и очень какъ-будто даже довольный...

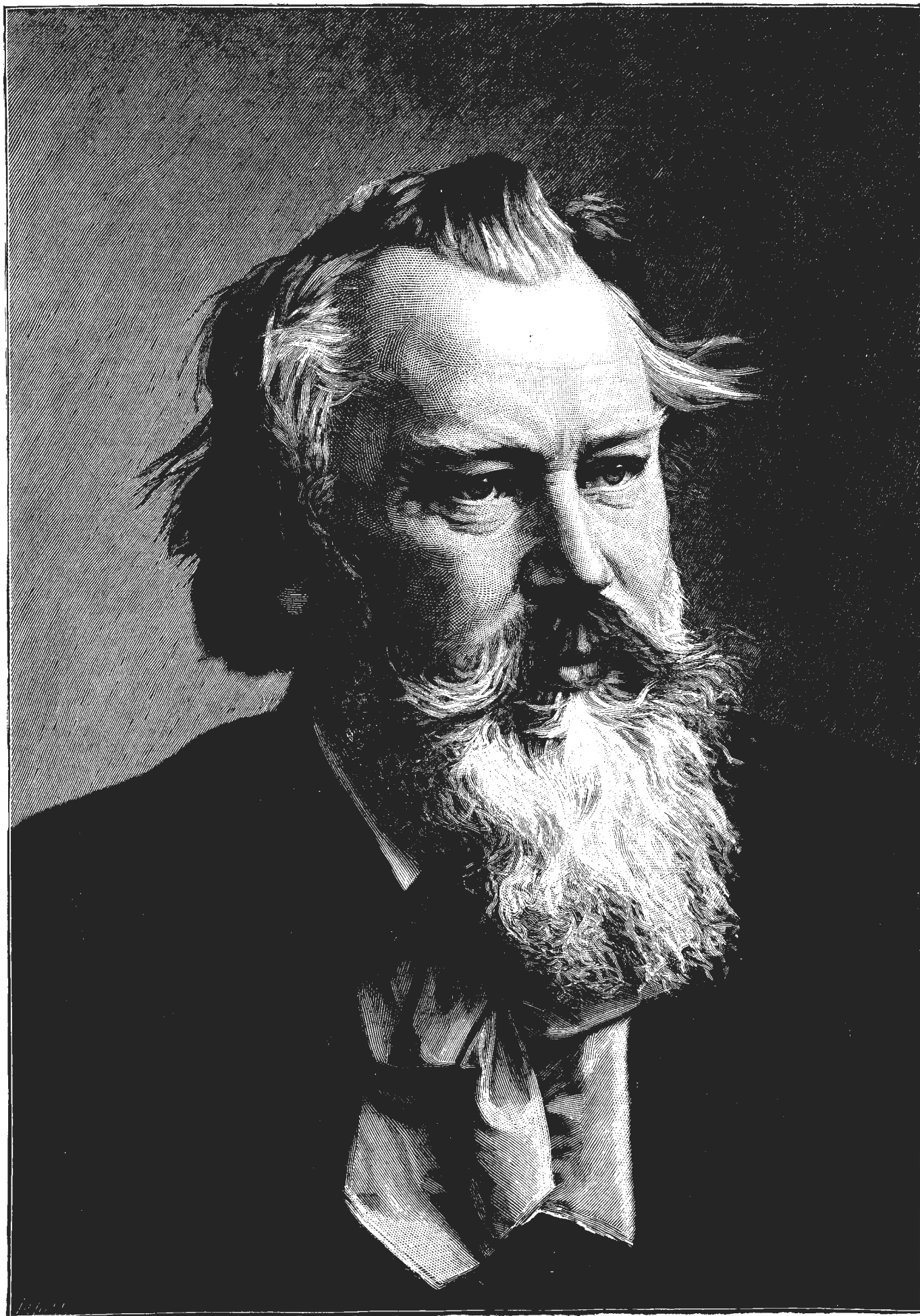
Настроеніе молодого человѣка совершенно измѣнилось. Онъ громко разсмѣялся и сталъ барабанилъ пальцами какой-то маршъ по расписаннымъ морозомъ оконнымъ стекламъ...

Ровно въ восемь часовъ на другое утро явился къ нему Дѣрингъ.

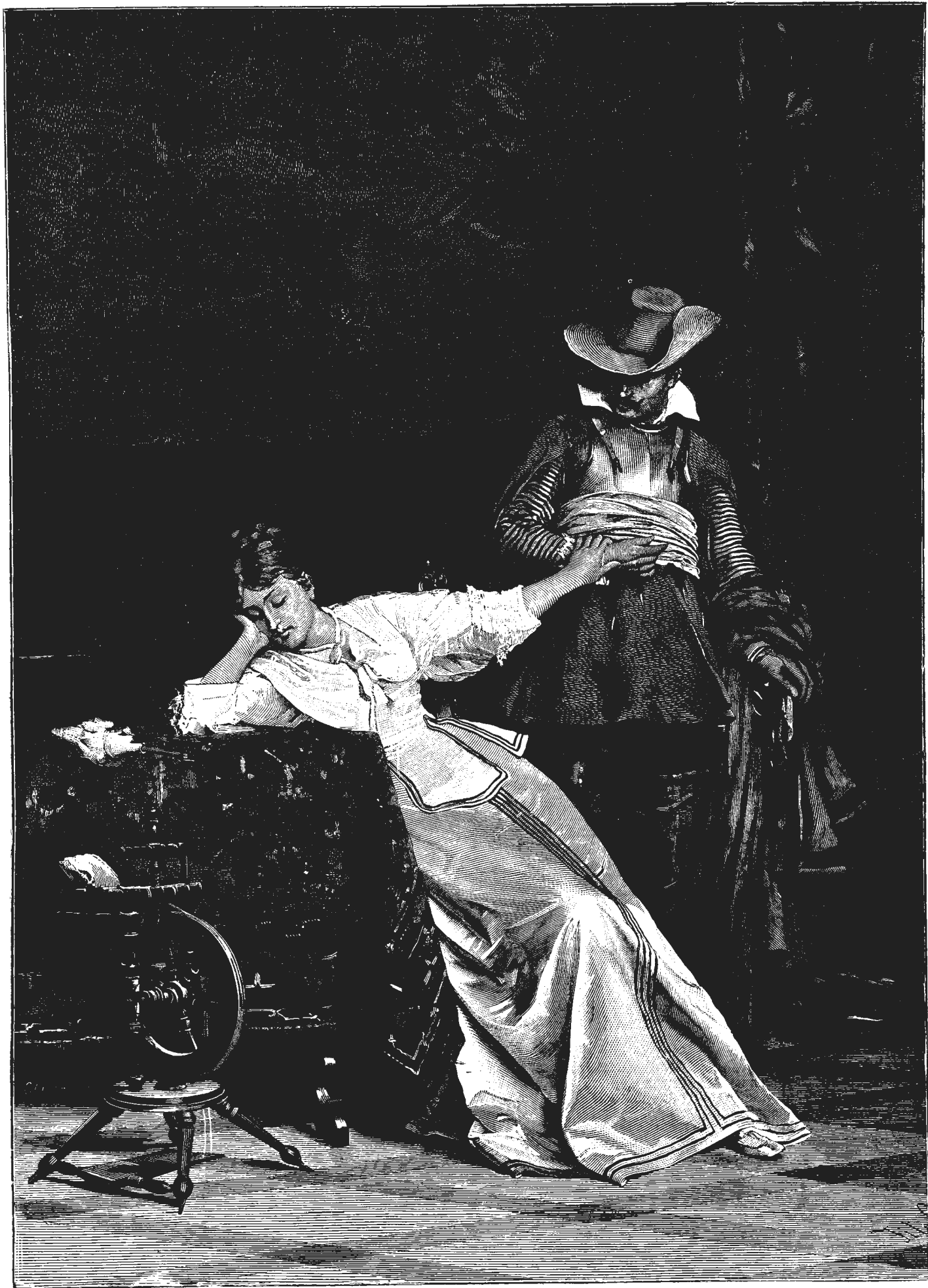
— Ну, что? былъ его первый вопросъ.—Могу я надѣяться?

Дюбуа, какъ бы раздумывая, почесалъ себѣ голову.

— Гм, проговорилъ онъ нерѣшительно,—я долженъ сказать

Композиторъ Юганъ Брамсъ (по поводу 60-лѣтія его рожденія). Съ фот. грав. Пѣнэ.

Мечъ и прялка. Съ карт. Т. Копти, грав. Кантагалли.

вамъ, г. Дёрнигъ, что, въ сущности, вовсе не имѣлъ намѣренія покупать домъ ради тѣхъ неурядностей, которыя часто приходится имѣть съ жильцами; но г. Блокъ такъ усиленно просилъ меня, что я, наконецъ, согласился и купилъ его домъ. Перепродать его теперь мнѣ было бы не совсѣмъ приятно: скажутъ, пожалуй, что я занимаюсь спекуляціей. Начиная уже съ самого г. Блока...

— Имѣть, имѣть, никто этого не скажетъ, г. Дюбуа, съ живостью перебилъ его Дёрнигъ.—А г. Блокъ мнѣ, чѣмъ кто-либо, потому что вамъ имѣть никакой надобности сообщать ему о нашемъ соглашеніи. Въдь вы только оказываете мнѣ одолженіе, и въ благодарность за то, къ 20,000 марокъ я готовъ накинуть еще 1,000. Согласны вы?

— Ну, дѣлать нечего, возразилъ Дюбуа со вздохомъ, хотя въ душѣ былъ въ восторгѣ отъ выгодной аферы.—Я принимаю ваше предложеніе.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ, а потому захватилъ съ собою и кучую. Будьте добры подписать ее. Что же касается до денегъ, то я выдамъ вамъ вексель на банкирскую контору Опенгеймера во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, и онъ будетъ покрытъ въ теченіе трехъ дней.

Молодой человѣкъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и подписалъ купчую на домъ, владѣльцемъ котораго онъ еще не былъ, такъ какъ не скрѣпилъ свою-то покупку, какъ слѣдуетъ. Чтобы обезпечить себя въ этомъ отношеніи, онъ тотчасъ по уходѣ Дёрнига отправился къ Блоку, который уже ждалъ его съ нетерпѣніемъ, и совершилъ всѣ формальности по покупке дома.

— Такъ какъ я въ настоящее время не располагаю требуемою суммой, сказалъ онъ небрежно при прощаніи,—то будьте добры получить эту бездѣлицу въ недѣльный срокъ по моему ордеру на банкирскую контору Опенгеймера во Франкфуртѣ.

Блокъ поклонился въ знакъ согласія. Человѣкъ, называвшій 60,000 марокъ бездѣлицей, вынулъ ему невольное уваженіе.

IV.

— Вотъ такъ штука! раздумывалъ Дюбуа, вернувшись въ свою квартиру и съ удовольствіемъ потирая руки.—Вотъ это я называю аферой! 21,000 марокъ!.. Мнѣ и во снѣ никогда не снилось, чтобы я могъ когда-нибудь располагать подобною суммой! Все дѣло не въ томъ, что мы есть, а въ томъ, чѣмъ кажемся! Надо только умѣть пускать людямъ пыль въ глаза...

Онъ сѣлъ къ письменному столу и въ раздумьи опустилъ голову на руки.

Черезъ нѣсколько времени онъ взялся за перо и написалъ письмо банкиру Крузе во Франкфуртѣ, отъ котораго имѣлъ получить 200 марокъ, все свое состояніе, завѣщанное какой-то отдаленной родственницей. Онъ просилъ у банкира совѣта, какимъ образомъ выгоднѣе ему помѣстить нѣкоторые фонды. Не далѣе какъ черезъ день пришелъ слѣдующій отвѣтъ:

„Милостивый государь!

„Мы получили ваше уважаемое письмо въ ту минуту, когда заканчивали выпускъ испанскаго займа. Такъ какъ эти бумаги въ настоящее время сильно повышаются,—сегодня курсъ на нихъ 105,75,—то мы, поставивъ себя правиломъ преслѣдовать выгоду нашихъ кліентовъ, удержали часть за вашъ счетъ, на сумму 5,000 дуро (21,000 марокъ). Ожидая вашихъ дальнѣйшихъ распоряженій, мы приносимъ вамъ наши искреннія поздравленія по случаю извѣстнаго вамъ счастливаго событія. Примите увѣренія въ глубокомъ почтеніи, съ которымъ имѣемъ честь быть.

Ф. Крузе и Комп.“

Письмо это, какъ громомъ, поразило молодого человѣка, и онъ невольно выпустилъ его изъ рукъ. Хотя Дюбуа уже нѣсколько свыкъ со своимъ новымъ положеніемъ, онъ вовсе не хотѣлъ рисковать такимъ образомъ суммой, полученной только благодаря счастливой случайности. И какъ могло придти Крузе въ голову, что онъ располагаетъ такими деньгами? Онъ немедленно написалъ банкиру, что не имѣетъ такихъ денегъ, такъ какъ ничего не получилъ изъ Трансваала. Отвѣтъ не заставилъ себя ждать.

„Усматривая съ сожалѣніемъ изъ вашего уважаемаго письма, что вы не имѣете довѣрія къ предложеннымъ нами бумагамъ, мы немедленно продали половину вашихъ акцій. Такъ какъ эти бумаги усѣли между тѣмъ сильно подняться въ курсъ, то продажа дала на вашу долю 16,000 марокъ прибыли. Въ виду того, что повышеніе продолжается, мы, разсчитывая на ваше согласіе, рѣшили удержать для васъ оставшіяся акціи. При семъ прилагаемъ списокъ нѣмецкихъ фондовъ, въ которые вы наиболѣе выгодно можете помѣстить свое состояніе. Относительно вашего наслѣдства, мы позволимъ себѣ замѣтить, что необходимы въ этомъ случаѣ формальности всегда требуютъ много времени, а потому мы вполне готовы открыть вамъ кредитъ на тѣ суммы, которыя могутъ вамъ понадобиться.“

У Дюбуа закружилась голова. Вотъ еще 16,000 марокъ, которыя онъ получаетъ, не двинувшись съ мѣста. Онъ уже чувствовалъ себя богатымъ человѣкомъ. Со всѣхъ сторонъ его осыпали поздравленіями, со всѣхъ сторонъ ему предлагали кредитъ.

Чтобы съ одной стороны набавиться отъ излишнихъ разговоровъ, а съ другой, желая привести въ ясность свое дѣйствительное положеніе, онъ поѣхалъ во Франкфуртъ къ своему

банкиру, который принялъ его съ величайшей предупредительностью.

— Будьте такъ добры сказать мнѣ, г. Крузе, обратился онъ къ банкиру,—какую сумму составятъ теперь купленные на мою долю бумаги?

— Это не трудно вычислить, отвѣтилъ Крузе.—5,000 дуро по семидесяти, считая дуро въ 4 марки 30 пфенниговъ—это составитъ отъ 84 до 100,000 марокъ. Вы могли-бы получить значительно больше, если-бы не отнесли такъ холодно къ испанскому займу. Я позволю себѣ замѣтить, что вы поступили въ этомъ случаѣ не по-коммерчески. Въдь вы не могли предположить, что мы предложимъ вамъ сомнительныя бумаги!

— Извините меня, возразилъ Дюбуа,—это было сдѣлано не по недовѣрію, а изъ принципа, въ силу котораго я неохотно спекулирую на иностранныхъ бумагахъ.

— А между тѣмъ ваше наслѣдство заключается не только въ иностранныхъ, но даже въ не европейскихъ бумагахъ, замѣтилъ банкиръ съ улыбкой.

— Гм... поэтому я и не считаю его вѣрнымъ, возразилъ молодой человѣкъ. И чтобы не останавливаться на неудобномъ для него предметѣ разговора, онъ поспѣшно прибавилъ:—Вы писали мнѣ объ одномъ банкѣ, акціи котораго, какъ видно изъ сегоднешняго бюллетеня, идутъ на повышеніе.

— Да, но онѣ не могутъ дать вамъ большой прибыли.

— Это все равно.

— Конечно, конечно; при вашемъ состояніи!..

— Во всякомъ случаѣ я желалъ-бы образовать изъ этой суммы небольшой капиталъ и помѣстить его куда-нибудь. Не можете-ли вы посоветовать мнѣ что-нибудь въ этомъ отношеніи?

— Съ удовольствіемъ. Я рекомендую вамъ наннн пятипроцентныя, которыя приносятъ въ настоящее время семь процентовъ. Это составитъ вамъ годовой доходъ въ 16,000 марокъ. Вы можете получить бумаги завтра-же, если пожелаете довѣрить намъ эту операцію.

— Само собою, г. Крузе, вы знаете, что я илѣю къ вашему дому величайшее довѣріе.

Банкиръ поклонился.

— А пока у меня есть къ вамъ еще одна просьба, г. Крузе! проговорилъ Дюбуа, краснѣя, и остановился.

— Что такое? привѣтливо спросилъ банкиръ.—Вѣроятно, вамъ предстоитъ какой-нибудь платежъ, и вы не располагаете въ данную минуту требуемою суммой?

— Вотъ именно, г. Крузе. Я имѣю, положимъ, векселя на Опенгеймера, но имѣю срокъ только черезъ три дня.

— Мы совершенно къ вашимъ услугамъ, какъ я уже имѣлъ удовольствие замѣтить. Сколько вамъ будетъ угодно? 10, 20, 50 тысячъ марокъ?

— О, нѣтъ! Въ такой суммѣ я пока не нуждаюсь. 5,000 марокъ въ банковыхъ билетахъ будетъ совершенно достаточно.

— Вы ихъ получите тотчасъ-же.

Банкиръ велѣлъ позвать кассира и, поручивъ ему выдать названную сумму, проводилъ Дюбуа до дверей съ любезными поклонами.

V.

Съ достопамятнаго дня, когда Дюбуа сталъ такъ внезапно наслѣдникомъ несуществовавшего кузена, прошло двѣ недѣли. Онъ уже нанялъ себѣ просторную квартиру, омеблировалъ ее съ большимъ вкусомъ, нанялъ лакея и рѣшилъ завести экипажъ.

Закуривъ сигару, и сигару хорошую, гаванскую, и удобно расположившись въ мягкомъ креслѣ, Дюбуа съ улыбкой перебиралъ въ головѣ событія послѣднихъ дней.

„Право, думалъ онъ, самодовольно улыбаясь,—если вспомнить все, что случилось, можно подумать, что это сказки изъ „Тысячи и одной ночи!““

Но его размышленія были прерваны приходомъ лакея, который доложилъ, что два господина, называющіе себя Гольмомъ и Шольцомъ, желаютъ видѣть господина Дюбуа.

— Проси, проси, Фридрихъ! воскликнулъ съ живостью Дюбуа.—Наконецъ! продолжалъ онъ, вставая навстрѣчу приятелямъ и пожимая имъ обѣимъ руки.—Наконецъ-то я васъ вижу.

— Ты прости, голубчикъ, заговорилъ писатель нѣсколько сконфуженно.—До насъ дошли слухи о послѣдствіяхъ нашей глупой шутки, и мы сдѣлали все возможное, чтобы разоблачить ее, но никто намъ не вѣрилъ. Мы боялись уже, что причинили тебѣ неурядности.

— Неурядности! разсмѣялся Дюбуа.—Однако, садитесь и не стойте такъ у дверей.

Писатель только тутъ оглядѣлъ комнату.

— Однако ты не дурно устроился!

— Какъ видишь! возразилъ Дюбуа.—А во всемъ виноватъ африканскій родственникъ! Да, старикъ во-время приказалъ долго жить!

— Перестань врать глупости! воскликнулъ Шольцъ.—Мы и безъ того жалѣли, что выдумали эту плоскую шутку, а ты теперь, кажется, самъ ей вѣришь!

— Да, почти. Въ сущности, я только сумѣлъ воспользоваться ея послѣдствіями. Но я расскажу вамъ все это за стаканомъ вина, если вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе отобѣдать со мной.

Кстати, Генрихъ, я уже говорилъ съ однимъ книгопродавцемъ. Онъ согласенъ издать твой романъ. И о тебѣ, Августъ, я похлопоталъ; ты скоро получишь нѣсколько заказовъ.

— Вотъ за это спасибо, воскликнулъ писатель, а художникъ, какъ настоящей пѣмцы, съ чувствомъ обнялъ пріятеля.

Во время обѣда Дюбуа разсказалъ молодымъ людямъ, какія послѣдствія имѣла ихъ шутка съ африканскимъ родственникомъ.

— Во всякомъ случаѣ, тебѣ повезло; тысячи другихъ ничего-бы не сдѣлали на твоёмъ мѣстѣ! сказалъ Гольмъ.

— Какъ-бы то ни было, замѣтилъ Шольцъ, — вѣдь скоро должно открыться, что африканскій родственникъ былъ только героемъ хорошо придуманной басни.

— Пускай себѣ! Все, что я имѣю теперь—мое. И все это, только благодаря рекламѣ и тому, что я казался богатымъ человекомъ, заключилъ Дюбуа.

— Да, мнѣ принадлежитъ королю глупцовъ. Шиллеръ былъ правъ, сказавъ это, со вздохомъ проговорилъ писатель.—Только ты, пожалуйста, не принимай это на свой счетъ.

— Я и не думаю!

— А все-таки тебя будутъ называть проходимцемъ и рыцаремъ наживы, засмѣялся художникъ.

— Пускай себѣ! Что мнѣ за дѣло до людскихъ толковъ. Совѣсть моя ни въ чемъ меня не упрекаетъ, и, что бы ни говорили, я все-таки буду пользоваться въ обществѣ уваженіемъ, какъ человекъ получающій 20,000 марокъ годового дохода. А мнѣ больше ничего и не надо.

Пріятели разошлись въ самомъ пріятномъ расположеніи духа.

Какъ и слѣдовало предполагать, правда скоро открылась. Но это нисколько не помѣшало ничему. Напротивъ того.

— Ему посчастливилось! говорили одни.

— Онъ спекулировалъ на глупость толпы! замѣчали другіе.

— Онъ проходимецъ! говорили завистники. — Но, надо отдать справедливость, искусно повелъ дѣло...

— Онъ гений, говорили дѣльцы,—и далеко пойдетъ!.. (С.)

Нѣсколько свѣдѣній о всемірной выставкѣ въ Чикаго.

Въ Чикаго, въ Джексонъ-паркѣ, на всемъ протяжении котораго будетъ помѣщаться всемірная выставка, шли въ теченіе всей зимы, несмотря на стоявшіе тамъ холода, дѣятельныя приготвленія, продолжающіяся и до сихъ поръ съ чисто-американской энергіей. Точно по маговенію волшебнаго жезла явились изъ земли колоссальныя зданія, настоящіе дворцы, поражающіе своими размѣрами и разнообразными характерами стилей. Въ настоящее время давно уже построены всѣ выставочныя зданія, предназначенныя для того, чтобы вмѣстѣ подъ своей причудливой кровлей главныя отдѣлы выставки. Съ каждымъ днемъ работы дѣлаются все снѣпше и снѣпше, такъ какъ до открытія выставки, назначеннаго на 1 мая, остается сравнительно не много времени. Высказывается даже сомнѣніе въ томъ, что работы будутъ окончены къ сроку. Но главный директоръ выставки Дависъ не отчаивается и обѣщаетъ открыть выставку въ-время. Американцы хотятъ оправдать знаменитыя слова кардинала Ришелье: „никогда не говори: нельзя!“ и доказатъ, что нѣтъ ничего невозможнаго...

Распредѣленіе экспонатовъ по отдѣламъ давно уже началось и вмѣстѣ съ этимъ уже изготовляется officialный каталогъ выставки.

Если работы въ отдѣлахъ и затянулись, то во многомъ виноваты сами экспоненты: своимъ опаздываніемъ и несвоевременнымъ доставленіемъ заведующимъ отдѣлами всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, они парализуютъ быстрый ходъ ихъ работъ.

Теперь уже окончательно рѣшенъ одинъ изъ самыхъ важныхъ выставочныхъ вопросовъ — о присужденіи наградъ. Сформировано жюри изъ 659 членовъ, раздѣленное на 13 отдѣловъ. Каждый отдѣлъ будетъ присуждать по большинству голосовъ награды по своей спеціальной отрасли и состоятъ среднимъ числомъ изъ 50 членовъ. Недовольные рѣшеніемъ жюри, экспоненты могутъ апеллировать къ особымъ выборнымъ, которые должны будутъ производить дознаніе о сдѣланной оцѣнкѣ экспонатовъ недовольныхъ и постановить окончательное рѣшеніе. Въ отдѣлѣ женскаго труда, который обѣщаетъ быть на выставкѣ очень богатымъ, женщины войдутъ въ составъ соответствующаго жюри.

Что касается внѣшнихъ и внутреннихъ декоративныхъ украшеній выставочныхъ зданій, то и въ этомъ американцы умудрились сдѣлать не только большой, но прямо-таки необычайный шагъ впередъ. Въ то время, какъ художники, пишущіе фрески на стѣнахъ выставочныхъ зданій, ревностно работаютъ надъ созданиемъ цѣлыхъ аллегорическихъ картинъ, маляры прибѣгаютъ къ поистинѣ замѣчательно остроумному и простому способу для исполненія своихъ вѣлгныхъ работъ.

На страшной высотѣ они должны покрыть потолокъ колоссальныхъ выставочныхъ зданій масляной краской. Для этой цѣли они устроили подвижную помостъ, на которомъ помѣщается двое маляровъ. Вмѣсто обычной кисти, въ рукахъ у нихъ конецъ длиннѣйшаго рукава (въ родѣ пожарнаго), на которомъ насажено сверху ситко, какъ у лейки. Краска наливалась внизъ въ бочку и насосомъ, помощью электрической силы, накачивается по рукаву въ недостижимую высъ и брызжетъ цѣлымъ снопомъ мелкихъ струй въ потолокъ зданія. Опытная рука маляра водить этой импровизированной кистью. Когда окрашено известное пространство,—помость перекатывается, опять приводится въ дѣйствіе электрической двигатель, и работа возобновляется.

Такимъ образомъ, въ сравнительно очень короткое время, самое незначительное число рабочихъ безъ всякихъ усилій совершаетъ этотъ поистинѣ исполинскій трудъ.

Каждый день желѣзная дорога привозитъ цѣлые ряды вагоновъ съ предметами экспонатовъ выставки. Пока трудно еще разобраться во всей этой массѣ, но разборка идетъ непрерывно день и ночь.

На выставкѣ будутъ фигурировать между прочимъ цѣльныя

историческія реликвіи. Къ числу ихъ принадлежатъ: знамя, подъ сѣнью котораго побѣдоносно шествовали черезъ Перу войска Пизарро и мечъ завоевателя Мексики, Кортеса.

Въ своемъ желаніи выдѣлить Колумбійскую выставку изъ ряда ея всемірныхъ предшественницъ, въ неуклонномъ своемъ стремленіи къ тому, чтобы привлечь къ себѣ весь міръ, американцы вполне оправдали свою славу „практичныхъ янки“. Для этой цѣли они прибѣгли къ слѣдующему способу:—

Кассонъ, заведующій „бюро публичнаго комфорта“, издалъ, на время выставки, таблицу таксированныхъ цѣвъ за комнату и столъ. Составлена эта таблица слѣдующимъ путемъ: выставочнымъ управленіемъ было учреждено названное бюро, съ цѣлью оберечь пріѣзжихъ на выставку отъ дороговизны. Тысячамъ гражданъ Чикаго, отдающимъ въ наемъ комнаты, разослано бюро циркуляры съ требованіемъ обозначить цѣвы, которыя тѣ намірены взимать за комнаты въ предстоящее лѣто. Получивъ со всѣхъ концовъ города огромное количество цѣвъ, бюро смогло установить среднія и объявило слѣдующую таксу:

	Въ день.	
	Долл.	Пенс.
Небольшая комната на 1 челов.	1	35
Побольше " " 1 "	2	12
" " 2 "	2	70
" " 3 "	4	15
" " 4 "	5	50

Благодаря этой таксѣ, исчезаетъ всякая возможность обмана и эксплуатанціи пріѣзжихъ, при сдачѣ комнатъ. Понятно, такса не распространяется на большіе гостиницы и отели. Помимо того, то же бюро для удобства публики устраиваетъ на выставкѣ разнаго рода салоны для дамъ, туалетныя комнаты, парикмахерскія, помѣщенія для хранения багажа, для чистки сапогъ, кіоски для продажи газетъ, почтовой бумаги и марокъ, телеграфныя и телефонныя бюро, цѣлый штатъ стенографовъ и писцовъ на пишущихъ машинахъ и т. д.

Телеграфное дѣло въ Америкѣ сосредоточено въ рукахъ частныхъ лицъ и агенты ихъ постоянно находятся при прибѣгнѣ пароходовъ, предлагая принять на себя за 1½—2 руб. отpravку телеграммы къ вашимъ родичамъ о благополучномъ нашемъ переездѣ черезъ океанъ.

Изъ Нью-Йорка идутъ четыре желѣзнодорожныхъ пути въ Чикаго, по которымъ слѣдуетъ масса разныхъ скорыхъ, почтовыхъ и другихъ поѣздовъ. Въ гостиницѣ есть агенты этихъ желѣзныхъ дорогъ, у которыхъ можно покупать билеты.

Отъ Нью-Йорка до Чикаго 36 часовъ ѣзды. Только поѣзда-молнии идутъ 25 часовъ. Цѣна за поѣздъ 26 долл.—52 руб. Довѣрчивость американцевъ просто изумительна. На вокзалѣ, напр., не взвѣшиваютъ пассажирскаго багажа, а прямо записываютъ его вѣсъ, по указанію самихъ пассажировъ.

Въ самомъ Чикаго можно остановиться въ гостиницѣ, но, помимо дороговизны (3—5 и болѣе долл. въ день), это еще не выгодно потому, что каждый, занимающій комнату, обязанъ обѣдать въ гостиницѣ-же. Поэтому лучше всего снѣтъ за 1—1½ долл. въ день лишнѣ помѣщеніе въ меблированныхъ домахъ, пансіонахъ (Boarding-houses) и частныхъ квартирахъ, тѣмъ болѣе, что весь день пріѣзжій будетъ, понятно, проводить на выставкѣ. Всѣ эти недорогія помѣщенія можно найти въ южной части Чикаго, близъ выставки.

Вообще, въ Чикаго не слѣдуетъ стѣсняться разстояніемъ. Поѣздъ на разнаго рода конныхъ, канатныхъ, электрическихъ желѣзныхъ дорогахъ стоитъ баснословно дешево.

Въ Чикаго разбросано по городу болѣе 6000 ресторановъ, въ которыхъ, болѣею частью, можно за недорогую плату получить хорошую и сытную пишу. Кстати, у американцевъ относительно нищи свособразное раздѣленіе дня: первый завтракъ, второй завтракъ, полдникъ, обѣдъ и, наконецъ, ужинъ. Вотъ, собственно, какъ слѣдуетъ провести день:—

Въ квартирѣ своей или въ отелѣ вы требуете себѣ утрепнее кофе. Затѣмъ отправляетесь къ стоящему на ближайшемъ углу чистильщику сапогъ (въ Америкѣ ни на частной квартирѣ, ни въ гостиницѣ не чистятъ сапогъ). Затѣмъ уже на выставкѣ или гдѣ-нибудь въ ресторанѣ, за 25 сент. (50 к.), вы сможете получить сытный, горячій завтракъ, а за 50 сент. вамъ подадутъ завтракъ, способный удовлетворить самый изысканный вкусъ. Позавтракавъ, можно смѣло, безъ всякаго голода, дожидаться обѣда въ 5—6 ч. Онъ стоитъ 50 сент.—1 дол. Нанятки зато тамъ очень дороги.

Нужно при этомъ замѣтить, что въ Америкѣ деньги имѣютъ другую цѣнность, чѣмъ у насъ. Это происходитъ оттого, что тамъ единицей монетной приняты долларъ, вдвое превышающій нашъ рубль. Поэтому тамъ относительно все вдвое дороже.

Призракъ

Опытъ современной баллады Р. Н.—ы.

Онъ рѣшилъ кончить съ этою жизнью, исполненной тревогъ, лишений и страданій. Онъ ничего не нашелъ въ ней, въ этой жизни. Онъ видѣлъ вокругъ себя много богатыхъ людей, а самъ былъ бѣденъ. Онъ такъ желалъ быть счастливымъ, но счастье не давалось ему. И онъ рѣшился умереть, чтобы кончить съ этою жизнью, исполненной тревогъ, лишений и страданій.

Все было готово. Ему казалось, онъ обдумалъ малѣйшую подробность. Смерть должна была наступить мгновенно, безъ боли, безъ страха, охватить его, словно тихій и счастливый сонъ, дать ему первую минуту счастья въ жизни, потому что она будетъ и послѣднею минутой его горестной жизни. Ему казалось, что все было готово, и онъ обдумалъ малѣйшую подробность.

Но въ самый этотъ мигъ, котораго онъ ждалъ и дождался, наконецъ, сѣрый туманъ окуталъ все кругомъ, и прямо противъ него, у шкапа, на томъ стулѣ, гдѣ—онъ помнилъ—лежали высокой грудой книги химіи,—показался лиловый безформенный образъ, очертаній котораго онъ не могъ разобрать, потому что сѣрый туманъ окуталъ все кругомъ въ самый тотъ мигъ, котораго онъ ждалъ и дождался наконецъ.

Это былъ призракъ, настоящий призракъ, прозрачный и безтѣлесный. Ни на стѣнѣ, ни на полу, куда падала тѣнь отъ стула, на которомъ сидѣлъ этотъ призракъ, не было видно его тѣни, какъ будто на стулѣ у шкапа никого не было.

— Напрасно ты думаешь, что умерь, потому что видишь меня. Я являюсь передъ смертью всѣмъ, рѣшившимъ покончить съ собою, и пришелъ за тобой, сказалъ призракъ, настоящий призракъ, прозрачный и безтѣлесный.

По даннымъ нами свѣдѣніямъ можно составить приблизительный расчетъ, что собственно будетъ стоить жизнь, т. е. самое необходимое, на выставкѣ, разумеется, не считая покупокъ. Что же касается самаго пути, то въ этомъ отношеніи можно воспользоваться услугами пароходныхъ обществъ, специально устраивающихъ свои рейсы для лицъ, отправляющихся на выставку.

Лучшіе быстроходные океанскіе пароходы принадлежатъ линіи Гамбургъ—Нью-Йоркъ. Каюта на такомъ пароходѣ съ полнымъ содержаніемъ стоитъ на одного около 700 руб. Но въ ней можетъ помѣститься до четырехъ человекъ. Если брать вчетверомъ, то придется доплатить еще около 150 р.; такимъ образомъ, каюта на четверыхъ стоитъ 850 руб. или 212 р. 50 к. съ человека.

Призракъ не глалъ: онъ, дѣйствительно, былъ живъ еще, потому что вдругъ проблескъ сознанія явился у него, и онъ подумалъ, а что если счастье суждено ему именно на тотъ остатокъ жизни, котораго онъ хочетъ лишиться себя?—онъ полагалъ, что въ жизни ничего не осталось ему, но, на самомъ дѣлѣ, оставалась надежда. Онъ медлил и задумался. Призракъ не глалъ: онъ, дѣйствительно, былъ живъ еще, потому что могъ *идти*.

— Что-жъ ты медлишь? сказалъ опять призракъ, — право, каждый мигъ у меня на счету. Или ты вызвалъ меня понапрасну? Вотъ уже двѣ минуты, какъ ждешь меня другой такой же несчастный, какъ ты...

Но онъ ничего не отвѣтилъ, и призракъ сказалъ ему опять.

— Что-жъ ты медлишь?

Тогда захотѣлось ему узнать, кто былъ этотъ другой несчастный. Онъ не сомнѣвался, что это былъ такой же, терпѣвшій въ жизни лишения бѣднякъ, какъ самъ онъ.

— Итъ, это не бѣднякъ, сказалъ призракъ, — меня ждешь человекъ, которому все было дано въ жизни, все, что онъ желалъ только, но все-таки ему показалось мало этого, и онъ пришелъ къ тому же, что и ты. Вотъ кто этотъ несчастный, о которомъ желаешь узнать ты...

„Неужели это правда? сталъ думать онъ.—Неужели все несчастье мое заключается не въ лишенияхъ, и земныя блага не могутъ утѣшить человека?“

И призракъ поблѣднѣлъ въ глазахъ его и исчезъ, а онъ остался жить и узналъ, что несчастье его заключалось вовсе не въ лишенияхъ, и понималъ, что земныя блага не могутъ утѣшать человека.

Къ рисункамъ.

Святой Сергій отказывается принять игуменство.

(Рис. на стр. 224).

Кто изъ православныхъ съ ранняго дѣтства не слышалъ имени великаго Святого старца, прославленнаго Господомъ. Кто въ разныхъ, столь неизбежныхъ въ земной жизни бѣдствіяхъ и скорбяхъ, кто не обращался къ его молитвенной помощи? Его Святое Имя, какъ великаго молитвенника и заступника земли Русской, Имя Преподобнаго Сергія Игумена Радонежскаго и всея Россіи Чудотворца пронеслось по всему необъятному пространству нашей родины.

Тамъ, гдѣ былъ прежде дремучій лѣсъ, наполненный звѣрями, въ настоящее время красуется знаменитая Свято-Троицкая Сергіевская лавра, основанная Преподобнымъ, не мало помогавшая своимъ молитвами, а также и матеріальными средствами въ годныя народныхъ бѣдствій.

Началомъ этихъ великолѣпныхъ храмовъ и многочисленныхъ построекъ обители была срубленная убогая деревянная церковь во Имя Св. Животочащихъ Троицы и келья, срубленная руками Угодника Божія Преподобнаго Сергія. И вотъ теперь изъ конца въ конецъ земли Русской стала павѣсна обитель Преподобнаго Сергія. Къ негнѣнымъ мощамъ Угодника Божія стекаются сотни тысячъ православныхъ, ищущихъ его благодатныхъ молитвъ.

Глубоко чтили Преподобнаго Сергія и его современники, такъ—за счастье считали бесѣдовать съ нимъ и московскіе первосвятители Алексій и Кипріанъ; даже самъ великодержавный князь Дмитрій Ивановичъ не рѣшился выступить противъ почитанія Мамаевыхъ, не испросивъ благословенія смиреннаго старца. Но ни почести царскія, ни милости первосвятителей московскихъ не давали гордости веселиться въ кроткую душу Преподобнаго. Онъ, какъ истинный Слуга Христовъ, хранилъ завѣщаніе Спасителя ученикамъ, когда тѣ спорили о томъ, кому почитать бѣднѣмъ изъ нихъ. Помнилъ то, что Господь сказалъ имъ: „цари господствуютъ надъ народами, и

владыкиши ими благодѣтелями называются. А вы не такъ, кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій, и намѣстующій, какъ служащій“ (отъ Лк. 22 гл., 25 и 26 ст.).

На нашемъ рисункѣ представленъ тотъ моментъ, когда Преподобный Сергій, къ удивленію всѣхъ, отказывается отъ предлагаемаго ему Св. Алексіемъ, митрополитомъ Московскимъ, сана игумена въ основанной имъ обители

А. Зыбинъ.

Дарьяльская крѣпость. (Рис. на стр. 225).

На всемъ, болѣе чѣмъ тысячеверстномъ, протяженіи главнаго Кавказскаго хребта находится цѣлый, почти непрерывный рядъ котловинъ и высочайшихъ горъ съ вершинами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. Есть въ немъ всего лишь два прохода съ сѣвернаго склона на южный, чрезъ ущелья Дарьяльское и Гурзумское. Первый идетъ отъ Владикавказа до Тифлиса, а второй отъ Ардона до Кутаиса. Послѣдній отысканъ только лѣтъ тридцать тому назадъ, а проходъ чрезъ Дарьяльское ущелье павѣстенъ уже сотни лѣтъ, и въ 1767 году Грузинскій царь Ираклій II первый разъ провелъ тутъ нашъ отрядъ, шедшій на помощь Имеретинскому царю Соломону, воевавшему тогда съ турками. Событіе это имѣло въ понятіяхъ всего закавказскаго населенія роковое для него значеніе, такъ какъ среди него держалось повѣрье, что народъ, перешагнувшій чрезъ Кавказскій хребетъ, сдѣлается повелителемъ всего Востока; осуществленію же такого пророчества никто не вѣрилъ. Правда, слышно было, что между Владикавказомъ и Анапуромъ, гдѣ живутъ осетины, существуетъ сообщеніе, сначала тропинками по карнизу, высѣченному на скалистомъ и обрывистомъ берегу Терека, а потомъ чуть-ли не по отвѣсному подъему Гудаура до перевала на южный склонъ, и что нутъ этотъ переходили только выдающіеся смѣльчаки да охотники за тумомъ, такъ какъ кромѣ опасности, созданныхъ природою, нужно было еще и остерегаться нападенія лезгинъ. Зная все это, никто и не вѣрилъ, чтобы такой проходъ, нашедшійся во владѣніяхъ царя Грузинскаго

и ему лишь известный, могъ служить ключемъ къ Кавказу. Но царь Ираклій, доведенный до отчаянія напоромъ мусульманъ, грозившихъ его царству и соседнему съ нимъ имеретинскому насильственнымъ обращеніемъ въ исламъ, указалъ на этотъ проходъ графу Тотлебену, а тотъ, съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ, воспользовавшись имъ, блистательно доказалъ на дѣлѣ, что для русскихъ войскъ нѣтъ ничего невозможнаго. Отрядъ шелъ почти цѣлый мѣсяцъ, преодолевая немовѣрные трудности; люди во многихъ мѣстахъ на рукахъ своихъ несли пушки. Этотъ походъ былъ чудомъ для населенія Закавказья, а намъ онъ послужилъ трасомъ, по которому пошли съ нашими войсками Бурнашевъ, Лазаревъ, Гуляковъ и другіе; когда же Грузія окончательно сдѣлалась съ Россіей, мы стали постепенно устранять тутъ Военно-Грузинскую дорогу, и въ настоящее время она представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ сооружений инженернаго генія и искусства. Дарьяльская крѣпость, изображенная на нашемъ рисункѣ, была построена во времена Кавказской войны съ горцами и служила оплотомъ Военно-Грузинской дороги отъ ихъ нападешій на проѣзжающихъ; въ настоящее время въ ней расположена казачья сотня, отбывающая полицейскую службу по охраненію пути черезъ

Свиты Его Импер. Величества генераль-майоръ В. А. Шереметевъ, командиръ Собственнаго Его Имп. Велич. конвоя († 17 февраля 1893 г.). Съ фот. Ясвина, грав. Шюблеръ.

бываетъ очень опасенъ, когда на него нападаютъ.

Иоганнъ Брамсъ. (Портр. на стр. 232).

Иоганну Брамсу, знаменитому германскому композитору,

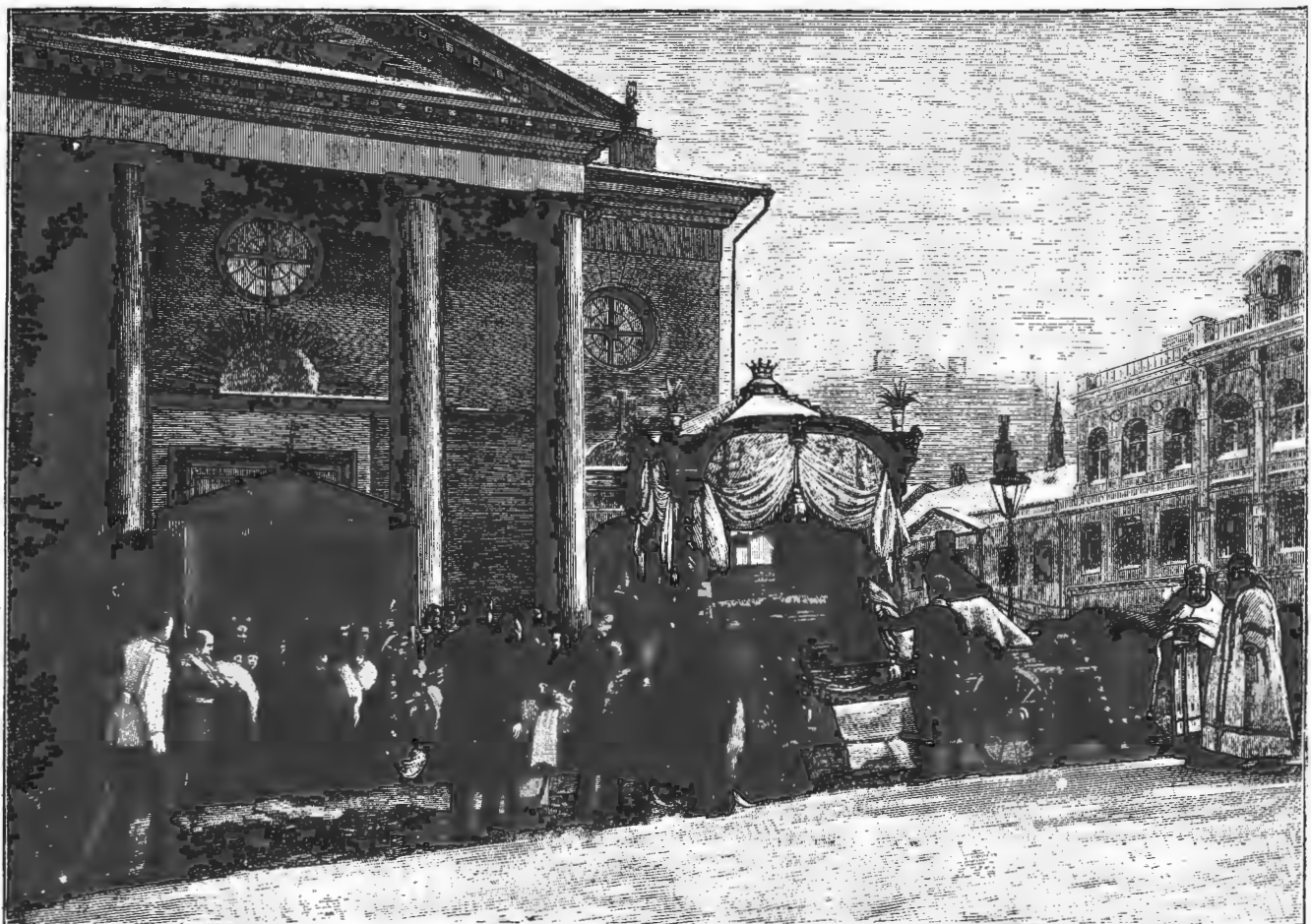
Дарьяльское ущелье отъ бродяжническаго элемента.

Кабаны.

(Рис. на стр. 229).

Кабанъ, къ огорченію охотниковъ, но къ немалому удовольствію сельскихъ хозяевъ, постепенно исчезаетъ въ Европѣ. Сѣвернѣе 55° широты онъ уже болѣе не попадаетъ. Въ Германіи прѣдка и поодинокіе встрѣчаются кабаны на Шварцвальдѣ и Исполнскихъ горахъ. Часто можно встрѣтить кабака въ южной Россіи, Привислянскомъ краѣ, Галиціи, Венгріи, Греціи и Испаніи. Въ Азіи кабанъ попадается въ умѣренной полосѣ Сибири и въ Китаѣ до Гималая. Также часто кабанъ встрѣчается въ Сѣверной Африкѣ.

Длиною взрослый кабанъ бываетъ до 6 футовъ, а вышина его у загривка 3 фута. Всюду попадаются кабаны до 13 пудовъ. Обыкновенно, цвѣтъ этихъ животныхъ черный, а стрѣе, рыжіе, бѣлые или пестрые кабаны считаются рѣдкостью. Осторожный и бдительный, кабанъ является заманчивою дичью для охотника. Не трогая человека, когда тотъ проходитъ мимо него, кабанъ

Выносъ тѣла В. А. Шереметева изъ Сергіевскаго всей артиллеріи собора. По фотогр. генер. Насвѣтевича, грав. Хелмацкій.

исполняется въ этомъ мѣсяцѣ шестьдесятъ лѣтъ, — периодъ, когда художникъ можетъ считать свою карьеру сдѣланной; по всей вѣроятности, въ Германіи, гдѣ его обожаютъ, будутъ устроены разные музыкальные фестивали по этому случаю. У насъ Брамсъ хотя не пользуется такою популярностью, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ, чтобъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Онъ родился въ Гамбургѣ въ 1833 году; музыкальное образование получилъ у Марксена въ Альтонѣ; въ 1847 году впервые выступилъ, въ качествѣ пианиста, но безъ особеннаго успѣха; первая попытка сразу ему показала, что онъ не виртуозъ *par excellence*. На двадцатомъ году жизни онъ познакомился съ Шуманомъ, которому почти всецѣло и обязанъ своей музыкальной репутацией; Шуманъ первый заговорилъ о немъ въ своемъ журналѣ *Neue Zeitschrift für Musik*, назвавъ его своимъ „прямымъ преемникомъ“. Этотъ лестный отзывъ, конечно, обратилъ на Брамса вниманіе всѣхъ музыкантовъ.

Но такъ какъ у самого Шумана была масса враговъ въ музыкальномъ мірѣ, то вражда эта перенесена была и на автора „Нѣмецкаго рѣквиема“, „Венгерскихъ танцевъ“ и другихъ произведеній, — и Брамсу пришлось довольно долгое время прозябать въ невѣстности, пока, наконецъ, названный сейчасъ „Requiem“ не заставилъ публику и даже враждебныхъ ему музыкантовъ увѣривать въ его выдающійся композиторскій талантъ. Тогда только обратились къ прежнимъ его произведеніямъ и стали ихъ, мало-по-малу, продуцировать въ квартетныхъ и симфоническихъ собраніяхъ; такимъ образомъ, постепенно завоевывала эстраду за эстрадой, Брамсъ добился той извѣстности, которая остается неоспоримой за нимъ въ настоящее время въ Германіи. Но первоначальныя его шаги на композиторскомъ поприщѣ мало обрадовали на себя вниманіи, хотя нѣкоторыя его произведенія (фортепианныя вещи и романсы) были ужъ напечатаны въ Лейпцигѣ еще въ 1854 г., чрезъ годъ послѣ знакомства съ Шуманомъ. Знакомству его съ извѣстнымъ венгерскимъ скрипачемъ Ремені еще въ 1849 г. Брамсъ обязанъ своимъ лучшимъ произведеніемъ — „Венгерскими танцами“, мотивы которыхъ онъ у него позаимствовалъ; Брамсъ въ Венгріи никогда не жилъ; въ 1862 г. онъ пріѣхалъ въ Вѣну для исполненія своихъ камерныхъ произведеній и съ тѣхъ поръ здѣсь поселился. Между 1872 и 1874 гг. онъ явился дирижеромъ концертовъ „Gesellschaft der Musik-Freunde“; но потомъ и отъ этой публичной дѣятельности отказался, посвятивъ все свои досуги композиторскимъ занятіямъ.

Онъ культивируетъ преимущественно камерную и симфоническую музыку, хотя большимъ успѣхомъ пользуются также въ Германіи его оперы. За оперу онъ не принимался. У него есть секстеты, квинтеты, квартеты, трио, симфоніи, увертюры, концерты для фортепиано съ оркестромъ, концерты для скрипки, романсы и пр.

Но во всемъ этомъ у него техника дѣла беретъ верхъ надъ фантазіей, творчествомъ. Тѣмъ не менѣе, Брамсъ, воспитанный на традиціяхъ Бетховена, въ настоящее время имѣетъ такую же извѣстность въ Германіи, какъ Верди — въ Италіи. Сентъ-Сансъ — во Франціи, Рубинштейнъ и Чайковский — въ Россіи.

В. Б.

Мечъ и прылка. (Рис. на стр. 233).

Въ доброе старое время, когда мужъ, ополсанный мечемъ, уходилъ на войну, жена занималась хозяйствомъ и прыла на прылкахъ. Мечъ былъ необходимъ мужчинамъ, а безъ прылки не могла обойтись ни одна хозяйка. Отсюда до сего времени въ геральдикѣ мечъ означаетъ мужской родъ, а прылка — происхожденіе по женской линіи. На нашемъ рисункѣ представлено прощаніе молодого воина со своей убитой горемъ женой, позабывшей въ отчаяніи про свою прылку.

В. А. Шереметевъ. (Портр. и рис. на стр. 237).

17-го февраля скончался скоропостижно, отъ разрыва сердца, командиръ Собственнаго Его Императорскаго Величества кон-

вой, Свѣты Его Величества генераль-майоръ Владиміръ Алексѣевичъ Шереметевъ. Еще въ этотъ день, за часъ до смерти, покойнаго видѣли на улицѣ; вернувшись домой, онъ почувствовалъ боль въ рукѣ и въ груди; явился приглашенный докторъ и посоветовалъ ввести морфій, но пока ходили за медикаментами Владиміръ Алексѣевичъ скончался. Покойный, послѣ крушенія Царскаго поѣзда, 17-го октября, былъ сильно нервно потрясенъ, и боль въ рукѣ у него осталась еще съ того времени. Покойный былъ вѣрный и преданный слуга Царевъ, и смерть его сильно огорчила всѣхъ Членовъ Императорской Фамиліи. Въ 4 часа 20 минутъ дня скончался В. А. Шереметевъ, а въ 5 часовъ того же дня Ихъ Императорскія Величества Государыня и Государыня и Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великая Княжна Ксенія Александровна постигли вдову покойнаго; въ 6 1/2 часовъ, во время первой семейной панихиды, присутствовали въ домѣ покойнаго Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Владиміръ Александровичъ съ супругой Великой Княгиней Маріей Павловной, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ сыновьями, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна Герцогиня Эдинбургская съ дочерью, Герцогиней Лейхтенбергскіе. Въ 10 часовъ вечера въ домѣ покойнаго прибыли вторично Ихъ Императорскія Величества.

Женаты покойный былъ на графинѣ Еленѣ Строгоновой, дочери покойной Великой Княгини Маріи Николаевны; у него отъ этого брака осталось двое дѣтей — сынъ и дочь. Смерть В. А. Шереметева вызвала искреннее сожалѣніе въ обществѣ. Покойный былъ всегда щедрымъ благотворителемъ; ежедневно доверенный его человекъ развозилъ отъ него пособія бѣдному люду, ютящемуся на окраинахъ столицы. На всѣхъ панихидахъ, которыя служились въ квартирѣ покойнаго у его гроба, а также на отиѣваніи и заупокойной литургіи въ Сергеевскомъ всей артиллеріи соборѣ присутствовали Высочайшія Особы. По окончаніи отиѣванія, Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья, министръ Императорскаго Двора и лица Свѣты, принявъ гробъ, вынесли его изъ собора. Государь Императоръ поддерживалъ гробъ съ правой стороны у изголовья. При звукахъ „Коль славень нашъ Господь въ Сионѣ“, гробъ былъ поставленъ на печальную колесницу. (Моментъ этотъ изображенъ на нашемъ рисункѣ, стр. 237).

Смертные останки покойнаго В. А. Шереметева провожали прылкомъ до вокзала Николаевской желѣзной дороги Его Императорское Высочество Князь Евгенийъ Максимилановичъ Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій и Ихъ Высочества Принцы Александръ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе. По прибытіи на вокзалъ, была отслужена придворнымъ духовенствомъ литія, и гробъ, залитый цинкомъ, поставленъ въ траурный вагонъ; къ отходу поѣзда прылкъ на дебаркадеръ Николаевского вокзала Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Для преданія тѣла землѣ, въ имѣніе, село Покровское, за Москвой, уѣхали вдова покойнаго Елена Григорьевна Шереметева съ сыномъ и депутація отъ конвоя. Тѣло покойнаго В. А. сопровождалъ по Николаевской желѣзной дорогѣ Его Высочество Принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій.

А. Х.

Торжество мира. (Рис. на стр. 240).

Среди общественныхъ костюмированныхъ баловъ за нынѣшній сезонъ въ Петербургѣ особенно выдѣлился балъ, устроенный въ залѣ Дворянскаго Собранія, въ пользу недостаточныхъ учениковъ Императорской Академіи Художествъ, и названный „торжествомъ мира“. Торжество мира выражалось въ декоративной обстановкѣ зала и въ большой эффектной процессіи, поставленной художникомъ А. А. Чикинымъ.

Общій характеръ украшенія зала, самой процессіи и костюмовъ публики подробно передаетъ нашъ рисунокъ, помещенный на стр. 240.

Академическая выставка.

Нынѣшняя Академическая выставка въ настоящемъ году особенно богата количествомъ, но и качественно она представляетъ значительный интересъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Пейзажъ, какъ и всегда, преобладаетъ. Изъ девяти выставленныхъ г. Клеверомъ пейзажей, пять или, даже, шесть написаны въ обычной его манерѣ зимняго пейзажа съ вѣчнымъ краснымъ закатомъ солнца; другія его картины, на лѣтніе мотивы — гораздо интереснѣе, въ особенности, одна: „Водяныя лиліи“. И г. Мещерскій, въ свою очередь, не мало потрудился для нынѣшней выставки; между нѣсколькими картинами, выставленными имъ, нѣкоторыя, какъ напр. „Въ полдень“, „Отъ берега“, довольно обращаютъ вниманіе красотой мотивовъ и совершенствомъ техники. „Сумерки наступаютъ“ г. Крачковскаго написаны въ обычной манерѣ этого художника, но прекрасны по исполненію. Картины г. Крыжидкаго менѣе удачны на этотъ разъ. Очень миленькая картинка г. Ционглискаго „Въ тѣни березъ“. Но пейзажный перлъ нынѣшней выставки, безспорно, принадлежитъ г. Айвазовскому; его „Средиземное море“ — превосходно.

Г. А. Свѣдомскій, попрежнему, разрабатываетъ мотивы изъ древнеримской жизни; его „Ворота Вольтерры въ Этруріи“ обращаютъ на себя вниманіе прекрасно скомпанованной группой лѣтнихъ рабовъ, проходящихъ черезъ ворота Вольтерры; многія фигуры этой группы очень характерны и типичны. Менѣе удачна другая его картина „На развалинахъ дворца Нерона въ Анциумѣ“. Его братъ, г. П. Свѣдомскій, выставилъ „Ярилину ночь у древнихъ славянъ“. По свѣтовымъ контрастамъ эта картина заслуживаетъ вниманія; это — нѣчто въ родѣ хоровода дѣвизъ, пляшущихъ вокругъ пылающаго огня; нѣкоторыя фигуры очень граціозны, но, вообще, картина написана довольно небрежно. Г. Бакаловичъ прислалъ одну картину „Пари за гладиатора“; нѣкоторыя фигуры гладиаторовъ очень удачны.

Болѣе содержательна и болѣе значительна картина г. Маймана „Арестъ богатаго марана во время совершенія имъ обряда ветхозавѣтной Пасхи“. Это эпизодъ изъ временъ инквизиціи въ Испаніи. Мараны, официально исповѣдующіе католическую вѣру, тайнѣй продолжали придерживаться вѣры отцовъ. Картина изображаетъ

одно из таких празднеств ночью; во время празднования, сбирки инквизиции врываются в комнату и арестуют присутствующих. Другая картина, обращающая на себя внимание публики, принадлежит молодому художнику, г. Котляревскому; она называется „Раннее утро за городом“: мы видим широкую сибирскую поляну, с одной стороны окаймленную густым лесом; раннее утро только что брезжит; по дороге мчится лихая тройка, возвращающаяся, конечно, из какого-нибудь загородного гулянья, между тем как плохо одетая баба плетется пешком в город, вбродно, за заработком. Контраст очень удачно схвачен; кроме того, и пейзаж картины прекрасен. К „зимним“ картинам слѣдует отнести также нѣсколько очень талантливых картин г. Сверткова, между которыми особенно хороша картина, названная имъ „Морозъ въ 25°“. Очень характерны также маленькія картинки г. Нестерова и картина г. Степанова „Ширь у Лауры“ изъ пушкинскаго „Каменнаго гостя“. Менѣе удачна другая картина г. Степанова—аллегорическая. Изъ жанровыхъ картинъ большого размѣра слѣдуетъ въ особенности указать на картину г. Саксена „Компрометированный“. По композиціи, это одна изъ лучшихъ картинъ нынѣшней выставки: въ ярко освѣщенной лампами комнатѣ, за столомъ, на которомъ разбросаны игральныя карты, сидятъ нѣсколько человѣкъ и смотрятъ на господина во фракѣ, стоящаго у стола со склоненнымъ и злымъ лицомъ, который смотритъ на уходящую даму. Это — столь хорошо всѣмъ извѣстная „Карточная драма“. Также интересна картина г. Корзухина „Бабушкинъ праздникъ“. Личо священника, только что окончившаго молебенъ и теперь сидящаго на диванѣ съ почтенной старушкой, очень симпатично. Вообще, группировка фигуръ прекрасна и общій колоритъ картины пріятенъ. Очень миленькая и прекрасно написанная картинка „Изъ прошлаго“ г. Коренева: солдатъ-нищий рассказываетъ мальчику, лежащему передъ нимъ на травѣ, о своихъ военныхъ подвигахъ. Картина г. Наумова „У камеры мирового“ очень недурна по композиціи, но краски рѣзки и тѣны довольно шаблонны. „Молодые“ г. А. Маковского мало представляютъ интереса, но молодой художникъ, повидимому, обѣщаетъ быть хорошимъ колористомъ. Очень типична и хороша по замыслу картина г. Винцмана „Возвращеніе

на родину“; въ характерныя фигуры своей картины г. Винцманъ сумѣлъ вложить много истиннаго, хотя и сдержаннаго чувства. Къ такимъ же талантливымъ жанрамъ слѣдуетъ отнести и „Сельскую школу“ г. Киселева.

Большая картина г. Карелина „Алеша Поповичъ“ мало удачна по техникѣ и очень условна; этотъ условный родъ живописи едва ли имѣетъ будущее; а въ данномъ случаѣ условность заключается въ томъ, чтобы изобразить сказочный характеръ народнаго героя; этотъ сказочный характеръ изображается художникомъ довольно странными приемами техники, въ которыхъ нѣтъ рельефа и хоть сколько-нибудь яркаго колорита. Значительно лучше и по техникѣ, и, въ особенности, по композиціи картина г. Шаховскаго „Утро Великаго Воскресенія“ (на молитву „Ангелъ вопіише“). Это, какъ кажется, единственная картина со строго выдержаннымъ религиознымъ содержаніемъ, въ строгомъ и благородномъ стилѣ.

Нынѣшняя выставка не отличается богатствомъ новыхъ и батальныхъ картинъ. Къ нимъ принадлежатъ картины гг. Ковальскаго, Блинова, Лебедева, Дмитріева-Оренбургскаго и Розена. Картина г. Розена „Штурмъ Гонсентала 24 сентября 1790 года“ очень талантлива и производитъ сильное впечатлѣніе; это одинъ изъ эпизодовъ перехода Суворова черезъ Альпы. Но миниатюрныя картинки изъ военнаго быта наполеоновской эпохи г. Виллевальде, какъ всегда, и на нынѣшній разъ первенствуютъ и обращаютъ на себя вниманіе чудесной техникой и характерными типами. Между нѣсколькими картинками г. Виллевальде особенно хороши: „Богъ съ нимъ, отпусти“ и „Вотъ онъ, Наполеонъ“. Можно удивляться неистощимой фантазіи г. Виллевальде.

Очень симпатична, какъ всегда, головка г. Платонова „Цыганка“ и, въ особенности, „Татарка съ ребенкомъ“. Портретовъ на нынѣшней выставкѣ не много; лучшій изъ нихъ принадлежитъ кисти г. Липгардта и г-жи Зарудной-Кавось. Въ скульптурномъ отдѣленіи особенное вниманіе обращаютъ на себя: „Весна“ г. Баха (статуя изъ гипса) и портретная статуэтка г. Гинцбургга: В. В. Верещагина, генерала Струкова, Н. А. Римскаго-Корсакова и композитора П. И. Чайковскаго.

В. Чуйно.

Политическое обозрѣніе.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано правительственное сообщеніе, въ которомъ говорится: „Императорское Правительство неоднократно имѣло случаи заявлять о взглядахъ своихъ на совершившіяся въ болгарскомъ княжествѣ перевороты, и на тѣ начала, коими руководствуются въ своей политической дѣятельности софійскіе правители со времени захвата принцемъ Кобургскимъ княжеской власти. Нынѣ, по возвращеніи принца Фердинанда изъ заграничной поѣздки, вышеупомянутые правители предпринимаютъ приступить къ созванію великаго народнаго собранія, для измѣненія 38-й статьи тырновскаго устава, обезнечивающей принадлежность къ Православной вѣрѣ князя Болгарскаго и его потомства, за исключеніемъ лишь перваго избраннаго князя. Такимъ образомъ подготавливается посягательство на одну изъ основъ, присущихъ болгарской національной жизни—посягательство противъ народной вѣры, коей болгаре столькимъ обязаны въ своемъ прошедшемъ“.

Указавъ затѣмъ, что среди населенія самой Болгаріи попытка эта вызываетъ энергичскіе протесты, а экзархъ болгарскій обратился съ представленіями въ Софію, правительственное сообщеніе продолжаетъ:

„Въ виду вышеизложеннаго, Императорское Правительство выражаетъ искреннее желаніе, чтобы возвысившіяся голоса болгарскаго духовенства и благомыслившихъ гражданъ послужили предостереженіемъ для всѣхъ болгаръ, безъ различія партій, и устранили опасность, которая грозитъ всякому народу, готовому вступить на путь отреченія отъ вѣковыхъ и самыхъ священныя своихъ преданій. Императорское Правительство убѣждено, что задуманный нынѣ поворотъ въ духовной и политической жизни княжества не можетъ сопровождаться благоприятными результатами и ведетъ лишь къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ въ будущемъ, путемъ внутренняго разлада и глубокихъ нравственныхъ недоразумѣній“.

Въ Парижѣ началось въ судѣ съ присяжными дѣло о подкупѣ должностныхъ лицъ компаніей Панамы.

На бывшемъ 17 февраля парадномъ банкетѣ бранденбургскаго провинціального сейма и въ этомъ году императоръ Вильгельмъ произнесъ застольную рѣчь. „Наше время, сказалъ императоръ, любитъ обращать взгляды на прошедшее и дѣлать сопоставленія съ существующимъ, часто къ невыгодѣ послѣдняго. Тѣ, кто имѣетъ возможность озираться назадъ на такое славное прошлое, какъ наше, хорошо поступаютъ, если вывести изъ этого поученіе. Надежды мои направлены къ росту и упроченію отечества внутри и къ уваженію его извнѣ. Тогда мы спокойно сможемъ сказать: „Мы, нѣмцы, бонсимъ Бога и больше никого въ мірѣ“.

20-го февраля въ Капитоліи Вашингтона состоялась церемонія водворенія новаго преиздента. Кливлендъ произнесъ рѣчь, въ которой выставилъ на видъ, что устойчивость и постоянство валюты имѣютъ для Америки чрезвычайно важное значеніе. Онъ надѣется, что по этому предмету будутъ издаваемы мудрыя и полезныя законы. Тѣмъ временемъ правительство сдѣлаетъ все возможное, чтобы поддерживать кредитъ страны и предупредить финансовыя бѣдствія. Кливлендъ высказался затѣмъ противъ премій и субсидій и заявилъ, что несправедливости, заключающіяся въ тарифной системѣ, должны быть устранены, и что должно быть дозволено устанавливать налоги, лишь въ случаѣ необходимости увеличить доходы казны.

Изъ Занзибара сообщаютъ, что 21 февраля, вечеромъ, умеръ отъ водяной занзибарскій султанъ. На берегъ тотчасъ же были высажены 250 британскихъ матросовъ, которые и поставлены карауломъ у дворца. Сынъ султана Калиль, успѣвъ проникнуть во дворецъ заднимъ ходомъ, пытался закрыть изнутри дворцовыя ворота, однако, по требованію британскаго консула, сдался и отведенъ подъ конвоемъ въ собственный его домъ. Британскій консулъ провозгласилъ сутаномъ Гамиду Банъ-Твайна, двоюроднаго племянника Баргаша, умершаго въ 1888 году.

Разныя извѣстія.

— Въ Именномъ Высочайшемъ указѣ г. Министру Финансовъ, отъ 22-го января сего года — указано: „Признавъ полезнымъ, по представленію вашему, въ Особомъ Комитетѣ разсмотрѣнному, усилить наличность Государственнаго Казначейства, сократившущая, вслѣдствіе удовлетворенія нуждъ, вызванныхъ неурожаемъ 1891 года, а равно обезнечить средства, необходимыя для покрытія предусмотрѣннаго по росписи на 1893 годъ превышенія расходовъ надъ доходами, повелѣваемъ произвести для указанной цѣли внутренній заемъ на нарицательный капиталъ

въ сто милліоновъ (100.000.000) рублей кредитныхъ“.

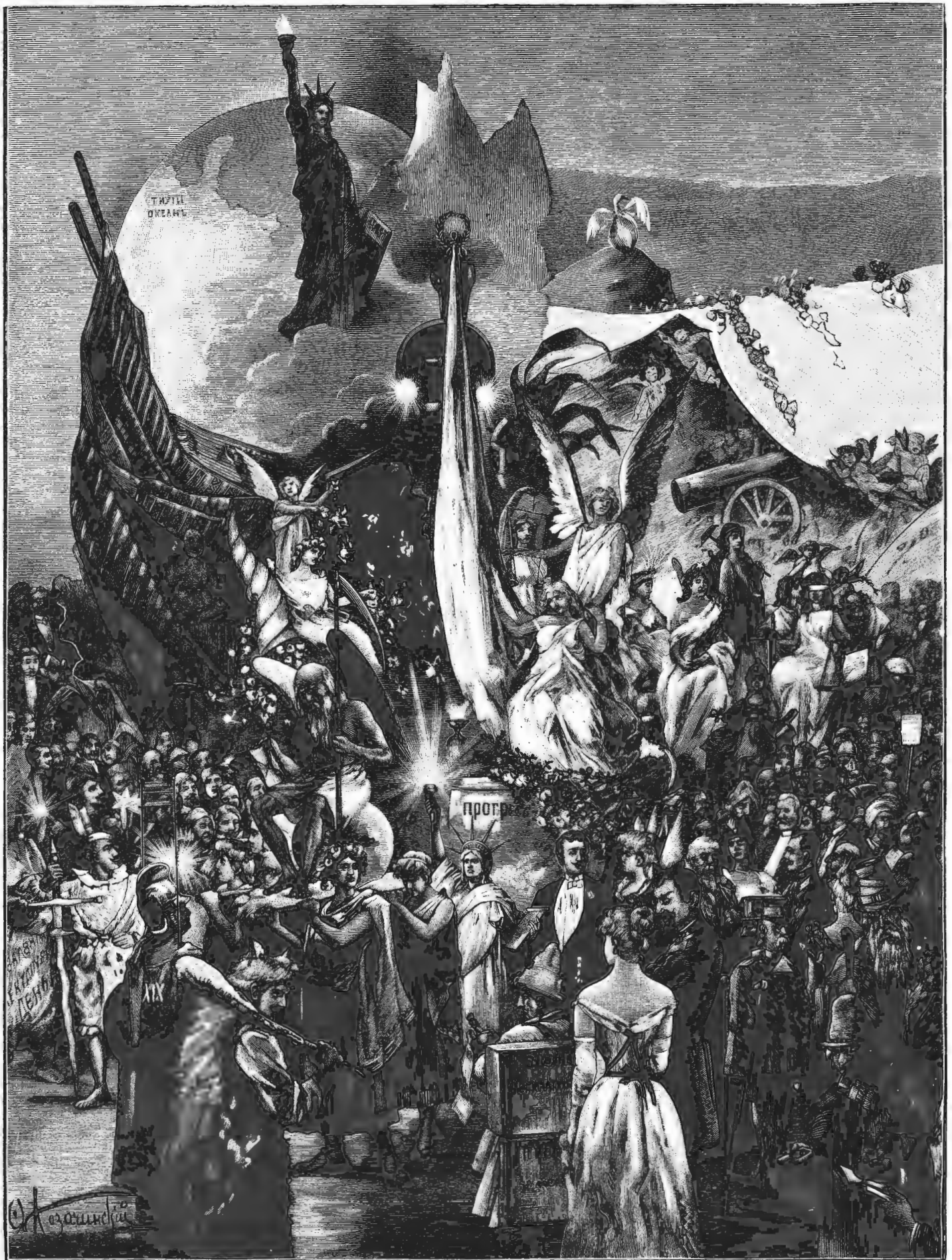
— 26-го февраля, въ день Рожденія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Александровича, въ Исаакіевскомъ кафедральномъ соборѣ была отслужена божественная литургія, а послѣ литургіи было совершено благодарственное молебствіе.

— 24-го февраля, Ихъ Императорскія Величества посѣтили выставку картинъ въ Императорской Академіи Художествъ.

— 23-го февраля, на Дворцовой и Развод-

ной площадяхъ состоялся парадъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и 1-й и 2-й бригадамъ 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи, а 25-го февраля, въ одиннадцать часовъ утра — военно-учебнымъ заведеніемъ, и остальнымъ находящимся въ Петербургѣ войскамъ.

— Объявлена благодарность отъ Августѣйшаго Ея Императорскаго Величества Имени протоіерею кронштадтскаго Андреевскаго собора отцу Іоанну Сергіеву, за благотворительное усердіе его на пользу елабужскаго Александринскаго дѣтскаго пріюта.

„Торжество мира“ — балъ, устроенный въ пользу недостаточныхъ учениковъ Императорской Академіи Художествъ. Ориг. рис. (собетв. „Нивы“) Ж. Козачинскаго, грав. Шюблеръ.
Библиотека "Руниверс"

— Учебная часть Внутренней Киргизской орды подчинена вѣдѣнію Казанскаго учебнаго округа.

— Съ нынѣшней весны въ Крыму устраи-

вается лѣчебная станція для слабыхъ здоровѣемъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ.

— 20-го февраля, исполнилось 10 лѣтъ со-

дня основанія въ Петербургѣ „Общества nocturnыхъ домовъ“. Въ домахъ общества за 10 лѣтъ имѣли ночной приютъ 1.960,452 чело- вѣка.

Искусство.

Петербургъ посѣтилъ пользующійся въ Италіи и Америкѣ большою извѣстностью трагикъ г. Эммануэль; артистъ этотъ выступилъ у насъ въ роляхъ Гамлета, Фигаро, Отелло, Лира и Ромео. Наибольшій успѣхъ имѣлъ онъ въ роляхъ Лира и Отелло, и, въ особен- ности, въ послѣдней.

Г. Эммануэль пользуется заслуженной репутацией уже лѣтъ двадцать пять. Что отличаетъ г. Эммануэля отъ другихъ его сотоварищей, пріѣзжавшихъ къ намъ,—это ансамбль и обстановка. Обыкновенно гастролеры набираютъ самую жалкую труппу для того, чтобы самими выдѣляться; у г. Эммануэля, судя по ансамблю въ „Свадьбѣ Фигаро“,—все артисты очень хороши; особенно выдѣлялась между ними милостивая и талантливая г-жа Рейтеръ, исполнительница Офелии, Сюзанны, Дездемоны, Горделии и Джульетты; она также имѣла у насъ успѣхъ, и выдающейся въ первыхъ двухъ роляхъ. Кроме того, прекрасна обстановка пьесы; костюмы не только приличны, но роскошны. Г. Эммануэль отправляется, какъ намъ передавали, въ Москву и въ Варшаву, а отсюда въ Берлинъ.

Въ февралѣ (23 числа) исполнилось двадцать пять лѣтъ артистической дѣятельности директора Московскаго филармоническаго общества и „Музыкально-драматическаго училища“ при немъ, П. А. Шостаковскаго; юбилей этотъ очень торжественно отпразднованъ музыкальными кружками нашей первопрестольной, помнящей юбиляра, когда онъ только-что начиналъ свою дѣятельность въ

1867 г. Окончивъ свое музыкальное образованіе, начатое въ Петербургской консерваторіи, въ Берлинѣ, подъ руководствомъ славившагося въ то время Куллака, г. Шостаковскій былъ приглашенъ покойнымъ Н. Г. Рубинштейномъ профессоромъ по классу фортепiano въ Московскую консерваторію. По выходѣ изъ нея, онъ вступилъ въ число директоровъ „Общества любителей музыкальнаго и драматическаго искусства“, дававшее время отъ времени свои концерты, которыми и дирижировалъ нынѣшній юбилляръ; въ то же время онъ открылъ свою собственную музыкальную школу.

Въ 1883 г. насталъ для этого общества весьма благоприятный моментъ: оно перешло подъ покровительство великаго князя Николая Николаевича, получило новый уставъ, въ силу котораго оно переименовано въ „филармоническое“ и взяло въ свое вѣдѣніе школу г. Шостаковскаго. Съ этого, именно, времени начинается особенно плодотворная дѣятельность юбиляра на почвѣ развитія музыкальнаго дѣла въ Москвѣ; общество это, мало-по-малу, становится конкурентомъ русскому музыкальному обществу, его собранія посѣщаютъ публикой не менѣе чѣмъ симфоническія, а „Музыкально-драматическое училище“ является прямо соперникомъ консерваторіи. Значеніе этого училища, во главѣ котораго стоитъ г. Шостаковскій, еще больше увеличилось, когда въ 1886 г. оно получило права, сравняшія его съ правами консерваторіи во всѣхъ подробностяхъ. Все это достигнуто было неутомимымъ трудомъ, энергіей и талантомъ его директора. **В. Басинъ.**

Смѣсь.

Примѣненіе открытія Пастера къ шелководству. Въ Бруссѣ (въ Малой Азіи) и окрестностяхъ ея шелководство за послѣдніе два года достигло большого развитія. Обязано оно этимъ замѣчательному открытію Пастера, который нашелъ способъ отличать здоровыхъ шелкопрядовъ отъ больныхъ и указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что дальнѣйшее распространеніе болѣзни шелкопрядовъ червей, даже такой, которая десять лѣтъ тому назадъ грозила совершеннымъ уничтоженіемъ шелководству, можетъ быть задержана, если употреблять въ дѣло исключительно яички здоровыхъ бабочекъ. Оригинальное впечатлѣніе производитъ на посѣтителя училище шелководства въ Бруссѣ. Повсюду надъ микроскопами сидятъ простые крестьянскіе мальчики и рассматриваютъ яички шелкопрядовъ. Въ одномъ углу комнаты лежитъ куча маленькихъ мѣшочковъ изъ тонкой хлопчатобумажной матеріи; въ каждомъ изъ нихъ находится мертвый шелкопрядъ вмѣстѣ съ положенными имъ яичками. Работающіе въ школѣ мальчики бросаютъ такую мертвую бабочку въ ступку и растираютъ ее съ небольшимъ количествомъ воды. Возьвъ оттуда каплю, они помѣщаютъ ее на стеклышко и съ помощью микроскопа разсматриваютъ въ ней черныя яичка, производящія болѣзнь шелкопрядовъ. Для полученія шелка отбираютъ яичка только такихъ бабочекъ, которыя послѣ микроскопическаго изслѣдованія оказались совершенно здоровыми. Со времени открытія школы въ 1886 году уже около 40 крестьянъ купили себѣ микроскопы и теперь проводятъ свои вечера за выборкой яичекъ, годныхъ для шелководства. Такимъ образомъ, открытіемъ ученаго пользуются теперь въ практической жизни многіе бѣдные люди, большая часть которыхъ не умѣетъ даже читать и писать.

Успѣхъ не заставилъ себя долго ждать. Торговля шелкомъ въ Бруссѣ теперь снова достигла прѣжшаго состоянія. А еще недавно погибшія тутовья деревья считались тысячами, и затѣвать поныя насажденія никому и въ голову не приходило, пока крестьяне не научились пастеровскому способу въ Брусской школѣ. Теперь же шелкопряды червь до того размножились, что уже не хватаетъ для ихъ выкорма листьевъ шелковичныхъ деревьевъ, и грузы этихъ листьевъ закупаются въ настоящее время по цѣнѣ, въ десять разъ превышающей прѣжнюю. Успѣхи производства явствуютъ лучше всего изъ слѣдующихъ чиселъ: въ 1888 году собрано было 710.000 кило шелка, въ 1891-мъ—808.700, а въ истекшемъ сборъ превысилъ 2.700.000 кило. Въ окрестностяхъ Бруссы, а также въ другихъ мѣстахъ Малой Азіи, посажено вновь много тутовыхъ деревьевъ, и тысячи людей занялись теперь шелководствомъ. Заслуга въ этомъ благомъ дѣлѣ принадлежитъ управляющему департаментомъ государственныхъ делъ въ Константинополѣ, англичанину Кайларду, стараніемъ котораго была устроена въ Бруссѣ школа шелководства. (г. в.)

Оригинальное зданіе. Въ Чикаго строится теперь громадная гостиница, которая будетъ имѣть форму слона. На крышѣ этого зданія, рассчитаннаго на помѣщеніе 700 пріѣзжихъ, на высотѣ 70 метровъ отъ поверхности земли, будетъ устроена обсерваторія.

Австралійскія селды. Одинъ англійскій естественновѣдъ нашелъ недавно въ нѣкоторыхъ рѣкахъ Новаго Южнаго Валлиса (въ Австраліи) прѣсноводныхъ селдей со слѣдующей интересной особенностью. На спинѣ у нихъ помѣщается такой же рядъ пла- стинокъ, какой встрѣчается только у ископаемыхъ селдей давно

минувшихъ время мѣлового и нижне-третичнаго періода: ните- ресный случай выживанія очень древней формы животнаго.

(г. в.)

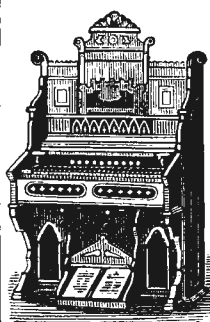
Кружевной кустарный промыселъ весьма распространенъ по русскимъ деревнямъ. Во многихъ селеніяхъ, особенно зимою, все почти поголовно женское ихъ населеніе, начиная чуть ли не съ 8—10-лѣтняго возраста, и большая часть мальчиковъ (въ прошедшій зиму плело не мало и мужиковъ) сидятъ надъ кружевными подушками и плетутъ кружева. При существующихъ нынѣшнихъ условіяхъ сбыта (прежде чѣмъ попасть въ магазины столицъ и большихъ городовъ, кружева проходятъ черезъ цѣлую систему скупщиковъ-комиссіонеровъ, викакъ не менѣе 3—4, начиная съ деревенскихъ торговко-ростовщицъ, кулаковъ-лавочниковъ, и каждый изъ нихъ беретъ себѣ не малый барышъ) и цѣнахъ, только самыя опытныя и искусныя кружевницы, просидѣвъ, не разгибаясь, цѣлый день за далеко не легкою работою, съ трудомъ выработываютъ копеекъ 6, при чемъ керосина еще сожгутъ копейки на 2; менѣе же опытныя часто не выработываютъ и цѣну нитокъ, употребленныхъ на летеніе; чаще всего нитки берутся въ долгъ за баснословно высокую цѣну у тѣхъ же деревенскихъ торговко-ростовщицъ, въ счетъ будущаго кружева, которое потомъ берется ими же буквально за безцѣнокъ, съ зачетомъ еще цѣны взятыхъ нитокъ, а часто и другого товара, забраннаго въ ихъ лавочкахъ.

Но теперь, мало-по-малу, эти ненормальныя условія встрѣчаютъ, къ счастью, противодѣйствіе. Такъ, въ Елецкомъ уѣздѣ устроена П. А. Огаревой школа кружевницъ, подъ руководствомъ опытнаго и интеллигентнаго лица. При школѣ производится пріемъ на наличныя деньги отъ окрестныхъ, исключительно, недостаточныхъ и бѣдныхъ кружевницъ только вполне хорошаго кружева по самымъ разнообразнымъ, очень красивымъ стариннымъ и современнымъ образцамъ, розданнымъ имъ отъ школы. Это доброе дѣло не осталось безъ послѣдствій, и много лицъ петербургскаго хорошаго общества обращаются къ посредству школы для полученія кружевъ, изъ первыхъ, такъ сказать, рукъ. Сравнительно недорогая цѣна кружевъ, по ихъ достоинству, дѣлаетъ то, что кружева вмѣстѣ съ расходами на пересылку обходятся дешевле, чѣмъ можно купить ихъ по рыночной цѣнѣ. Желаящіе ближе ознакомиться съ этимъ дѣломъ могутъ обратиться за свѣдѣніями къ завѣдующей Паленскимъ училищемъ кружевницъ, Александрѣ Богдановнѣ Паничъ, г. Елецъ, село Пальна. Все нужная свѣдѣнія, а равно образцы кружевъ и прейсъ-курранты ихъ высылаются безплатно по первому требованію.

СОДЕРЖАНІЕ: Нязъ Григорій Григорьевичъ Гатаринъ (съ портр.)—Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Кн. М. Н. Волконскаго (Продолженіе).—Африканскій родственникъ. Разсказъ Карла Ганнемана. (Переводъ съ нѣмецкаго).—Нѣсколько свѣдѣній о всемирной выставкѣ въ Чикаго. — Призракъ. Опытъ современной баллады Р. Н.—ы.—Къ рисункамъ: Святой тергіи отъзвываетъ принятъ игуменство (съ рис.)—Дарьяльскія крѣпость (съ рис.).—Набаны (съ рис.).—Иоганнъ Брамсъ (съ портр.).—Мечъ и прялка (съ рис.).—В. А. Шереметьевъ (съ портр. и рис.).—Торжество мира (съ рис.).—Анадемическая выстав. а.—Поли- тическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Искусство.—Смѣсь.—Объявленія.

При семь № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за МАРТЪ; 2) „ПРИНЦИПІА МО„Ы“ за МАРТЪ 1893 г. съ 34 рис. и отд. листъ съ 23 черт. вы- кроекъ въ натур. велич. и 37 рис. рукодѣльныхъ работъ.

ФИСГАРМОНИИ

лучших французских, американских фабрик и фабрики Шидмайера, рекомендованная

Главачемъ Гезельгому. Листомъ и др. въ 85, 100, 125, 130, 140, 150, 160, 170, 180, 190, 200, 225, 250, 275, 300, 325, 350, 400, 450, 500.

550, 600, 700, 900, 1000 рублей и дороже. Самоучитель для фисгармоний 2 р. Играть на фисгармонии можно выучиться легко.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ

100 различн. мар.—30 к., 150 р. м.—50 к., 200 р. м.—1 р., 256 р. м.—1 р. 50 к., 300 р. м.—2 р. 25 к., 500 р. м.—6 р. 1000 р. м.—20 р.—Марки на выборъ. Принимаю заказы. № 6263 Английскій магазинъ 3—2 Р. НЕШЕЛЬ. Вознесенскій пр., 10, между Больш. и Малой Морской. С.-Петербургъ.

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придающа неправильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, высылаются за 1 р. 10 к. шт. съ накладн. платежемъ. Адр.: въ Москву У. Пильца.

КНИГИ

всёвозможная, русскія, высыл. немедленно Книжный магазинъ

Ө. А. БОГДАНОВА.

Москва, Петровка, Петровскія ливн. № 5. Принимается подписка на всё рус. журналы и газеты по цѣн. редакцій. № 6274 18—4

И.И.КАРПОВЪ
(оставляетъ руководства)
СКЛАДЪ
ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
С.П.Б. ЗАГОРОДНЫЙ ПР. Д. 2.

254 401 307 503 358 323

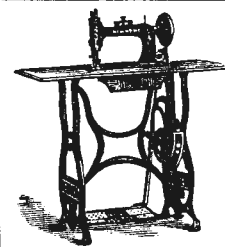
ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ
искусственными **БРИЛЛИАНТАМИ:**

превосходными **БАЗАРЪ МАРОКЪ**
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20—31.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВЪНЪ.
го влияния на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ; Опонмада (лучше кольцо-крема) 1 р. Улаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазин. и аптекахъ Россіи.

НЬЮ-ГОМЪ
оригинальная, американская усовершенствованная **ШВЕЙНАЯ МАШИНА**
Кю „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжъ (шт. Массачусетъ, Сѣв. Америка) пользуется всемірною извѣстностью; проста, прочна, изящна; отличается высокимъ рукавомъ, новымъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-мя иголками шитую строчку; утюгъ обладаетъ прямою самовставляющеюся (безъ мѣрки) иглу; годна для домашнего и ремесленного употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей кисеи до толстѣйшаго сукна.
ГАРАНТИЯ 5 ЛѢТЪ.
Прейсъ-курантъ и описаніе по требованію.
Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ. Главный представитель для всей Россіи: Высоч. утвержд. Товарищество „Работникъ“. П. № 6248 Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ. 10—3

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. II. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ДЕШЕВЕЕ И ИЗЯЩНЕ.
Элегантнымъ особамъ къ празднику Пасхи роскошный скорпизъ въ футлярѣ яицъ послѣдня ПARIЖСКАЯ новості: брошь, браслетъ и серьги изъ накладн. золота съ поддѣльн. брилліант., не мнѣющимися своего вида и имѣющими блескъ настоящ. брилліант.; въ три вещи выставляются за 4 р., 6 р., 8 р., 10 р. и 15 р., тоже золоты за 25 р. по почтѣ съ наклад. платежемъ при получении задатка въ 20% стоимости. Перес. и упак. на счетъ заказчика. Съ требов. просить обращаться въ Торг. Домъ АЛЕНСАНДРЪ и К°, поставщ. арт. Имп. Театровъ, СПб., Пассаажъ, № 36.

Поставщикъ Высочайшаго Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ **ВЕЛОСИПЕДОВЪ.**
Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.** (основ. въ 1863 г.)
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № Кокаидъ и Екатеринбургъ. 25—12 5882 Новый каталогъ 80 страницъ. **БЕЗПЛАТНО.**

новѣйшіе **РОМАНСЫ**
Ю. Блейхмана
автора любим. ром. „Ты поминишь ли?“, „Цѣль весны“ и др. Только что вышли изъ печати: № 11) Мелодія.—60 к. № 12) Мнѣ силнее.—50 к. № 13) Я не знаю тебя.—50 к. № 14) Какъ давно не дышалъ я прокладой полей.—50 к.
Всѣ для средняго голоса. № 11 и 12 кромѣ того и для высокаго голоса.
Всѣ романы Чайковского, Губинштейна, Кюи, Друсского, Шефера и пр.
ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарына. Высылка немедленно.

ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ДУХИ: „ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“
„ЛЮБИ МЕНЯ“
„КОРИЛОПСИСЪ“
„ИСПАНСКАЯ КОЖА“
„КОНЕЦЪ ВЪКА“.
НОВОСТЬ! Прелестная туалетная вода „О-де-БРОКАРЪ“
ФАБРИКИ **Броккаръ и К°.**
Невскій, д. 30, СПб. № 6287 8—1

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
СРЕДСТВО
для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. III. № 6271 14—2

ИЗВЪЩЕНІЕ.
Правленіе **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержд. **ТОВАРИЩЕСТВА** табачной фабрики
А. Н. БОГДАНОВЪ и К°.
имѣтъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что производство фабрики, сокращенное вслѣдствіе бывшаго въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ пожара, съ 20-го сего февраля **ВНОВЬ ВОЗСТАНОВЛЕНО**
въ прежнихъ размѣрахъ и всѣ заказы исполняются безъ замедленія.
При этомъ Правленіе присовокупляетъ, что имъ приняты всѣ мѣры къ постоянному улучшенію вырабатываемыхъ издѣлій, изъ коихъ особому вниманію Гг. курящихъ
№ 6285
рекомендуются:
ПАПИРОСЫ: Альфа, Директорскія и Принцесса. 10 шт. 10 к.
Турецкія, Гостинныя и Дюбекъ 10 " 6 "
Спортъ, Восточныя, Василень и Калачъ 10 " 5 "
Пальма, Элегантныя, Славянскія и Дсронныя. 10 " 3 "
ТАБАКЪ: Барскій въ 48 и ф. Трапезонъ въ 1 р. Самсонъ въ 1 р. 20 к.
Кремъ, Султанскій и Самсонъ отборн. въ 1 р. 44 к. Персичанъ и Халисъ въ 2 руб. Босфоръ и Халисъ въ 2 р. 20 к.
Дюбекъ въ 2 р. 40 к. и выше до 10 р. за фунтъ.
СИГАРЫ: Трабукосъ—1 р. за 100 шт. Кабаносъ—1 р. 20 к. за 100 шт.
Пушки—2 руб. за 100 шт. Гладіаторъ—3 руб. за 100 шт.
Реформъ—4 р. за 100 шт. и выше до 10 руб. за 100 шт.

САМОУЧЕТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВЪ ДОХОДА
 въ 2-хъ частяхъ, съ 2-мя табл. чертеней.
 Руководство въ быстрой самообученіи безъ учителя любому изъ 14 различн. занятій № 6284
ПРИНОСЯЩИХЪ на каждое лицо **ЕЖЕМЪСЯЧНО**
отъ 50 до 250 р.
 не требующихъ капитала, быстро изучаемыхъ, легкихъ, доступныхъ всякому возрасту и полу.
СОЧ. А. МИХАЙЛОВЪ.
 Цѣна съ пересылкой: За марки и налог. плат. не высылаю.
 Денегами 50 к.
 Требования адресовать: въ Харьковъ, Кулевский пер. д. Исаичева, у лавки подполковника Александрѣ Дмитріевичѣ Золотницкой.

КРАСИВО ПИСАТЬ
 изучается великій заочно (посредствомъ переноски) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ А. КОССОДО.**

Методъ препоиранъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52-7
 За 2 семикопѣечныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
ЖЕНЕВЪ КОФЕ
 ТВЕРСКАЯ, ПРЕЖДЕ ЗАВЕРЕНАГО ПО ДВЪ РЪБЯ
 А. ИПТИУСЪ, КОФЕ ПО ДИКОМУ ПУТИ ТРЕКОМЪ ВЪ МАСКЪБЪ. ТРИСЪ КРАТНЫМЪ СЪЗНАТО
Л. ФОРШТРЕМЪ
 ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖИЙ

ЛЕВИШИГЪ и ГЮЗИНИГЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается въ иллюстрированн. журналѣ "Нива". № 2405

ЛУЧШИЙ ПОДАРОКЪ КЪ НАСХЪ:

ТОЛЬКО 5 руб.
 Высылается настоящий фотографическій аппаратъ съ треножникомъ, не игрушка, коимъ каждый, даже ребенокъ, можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч., съ пробными снимками и руководствомъ. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій пр., 4. Занавы немедленно. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 10 к. марн. № 6266
 Высылается наложеннымъ платежемъ.

Фирма премиривана на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.
 (7) **МИНДАЛЬНОЕ** № 5914
МЫЛЬНОЕ ТѢСТО
 Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.
 Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокъ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная кѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей эластичность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к.
 Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ известныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

Въ элеваторахъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги на станціяхъ Рязанскъ, Данновъ и Лебедянь съ 1 февраля с. г. вводится, по примѣру Козловскаго элеватора, обезличеніе хлѣба съ сортировкой его по сортамъ, установленнымъ Комитетомъ по надзору за сортировкой хлѣба въ элеваторахъ дороги; при чемъ въ документахъ, выдаваемыхъ элеваторами въ принятіи на храненіе хлѣба, указывается сортъ хлѣба по классификаціи.

Классификаціи эти вмѣстѣ съ нормальными образцами хлѣбовъ, установленными тѣмъ же Комитетомъ, выставлены для обозрѣнія въ главнѣйшихъ русскихъ биржахъ и элеваторахъ.

Введеніемъ этой операціи землевладельцамъ, хлѣботорговцамъ и экспортерамъ значительно облегчается сбытъ и приобрѣтеніе хлѣба путемъ купли - продажи его по образцамъ и сортамъ, указаннымъ въ документахъ элеваторовъ, съ гарантіей со стороны элеваторовъ въ отпускѣ хлѣба, вполнѣ соответствующаго сорту, указанному въ документѣ. Помимо того, вводимое въ элеваторахъ обезличеніе и сортировка хлѣбовъ открываетъ возможность заготовленія большихъ партій совершенно однороднаго хлѣба, необходимаго при подрядахъ и поставкахъ для интендантскаго вѣдомства и др.

Подъ сдаваемымъ въ элеваторы хлѣбъ Обществомъ дороги организована выдача, на весьма выгодныхъ для хлѣбовладельцевъ условіяхъ, долгосрочныхъ ссудъ, со взскаченіемъ ихъ, по желанію владельца хлѣба, на станціи окончательнаго назначенія хлѣба, если онъ вывозится изъ элеватора по желѣзной дорогѣ. № 6232 3-3

Подробныя правила и таксы за услуги элеваторовъ, а равно правила выдачи ссуды опубликованы въ Сборникѣ тарифовъ и отпечатаны отдѣльными брошюрами, высылаемыми по требованію бесплатно Правленіемъ Общества (въ С.-Петербургѣ, по Мойкѣ, № 40).

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
 Бѣлая и розовая вода для бѣлонурыхъ, желтая вода для брюнетокъ.
 Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрозгистовъ Россіи. № 5420 (25)

БИЛЬЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
 С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет. № 6236 скаго моста, домъ № 7-2. 26-3
 Иллюстрированные преисъ-курanty по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

EAU, PÂTE, POUDRE DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE
 DE LA FACULTÉ DE MEDECINE DE PARIS
 EN VENTE PARTOUT

ПЕРВЫЙ Ревельскій Разсадникъ
 домашней птицы

предлагаетъ **ЯЙЦА ДЛЯ ВЫСВѢЖИВАНІЯ**
 всѣхъ породистыхъ домашнихъ птицъ, причѣмъ замѣняетъ неоплодотворенныя яйца бесплатно на свѣжія.
 Для болѣе близкаго ознакомленія съ моимъ разсадникомъ домашней птицы, прошу немедленно требовать "Новый иллюстрированный каталогъ", который снабженъ 70-ю иллюстраціями въ текстѣ и представляетъ собою, по полнотѣ содержанія и точному выполнению рисунковъ, единственный до сего времени существующій въ мирѣ каталогъ, когда либо издававшійся при разсадникахъ домашней птицы.

Выслана и доставка каталога производится бесплатно.

Евгеній Юльевичъ Блокъ,
 Ревель. Ц. № 6277

Д-ръ Волицкій лечитъ наружныя, кожныя, грудныя болѣзни, ракъ и электротер. Невскій, 57, кв. 5. Отъ 2-3 и 6-7 1/2 ч. в.

ВИНО СЕН-РАФАЭЛЬ.
 № 6191 10-5
 Вино Сен-Рафаэль превосходно на вкусъ.
 Сохраняется по способу г-на Пастера.
 На каждой бутылкѣ находится печать Россійской таможни.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО ПРОФИЗОРА
АМОСТРОУМОВА
 ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
 УТѢРАЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВАМЪ
 СЪЗДАНО ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
 ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ КЪ ДѢЛЮКЪ.

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЫ
 въ 12 р., 15 р., 20 р. и до 100 р.
ФЛЕЙТЫ
 отъ 2 до 60 руб.
 и всѣ другіе духовые инструменты
 реком. въ большомъ выборѣ и по умѣрен. Ц. № 6006
 нымъ цѣнамъ 4-4
І. Ф. МОЛДЕРЪ.
 Москва, Петровка, д. Волкова.
 Иллюстрированный преисъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—бесплатно.

Объявление о подпискѣ на новое роскошное изданіе:
„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ (1893) БУДЕТЪ СОДЕРЖАТЬ

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. Н. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. ГРОТЪ-ІОГАННА.

24 выпуска, каждый—въ роскошной обложкѣ; по одному выпуску черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Великій русскій поэтъ Пушкинъ, слушая, уже въ зрѣломъ возрастѣ, сказки своей няни, восхищался ими и говорилъ: „Что за прелесть эти сказки—каждая изъ нихъ есть поэма!“ И въ то же самое время, въ письмѣ къ брату, добавлялъ: „по вечерамъ слушаю сказки, и тѣмъ дополняю недостатки моего воспитанія.“—Слѣдовательно, самъ Пушкинъ признавалъ не только совершенство формы народной сказки, но и ея глубокое воспитательное значеніе.

Послѣ русскихъ сказокъ, неисчерпаемо-богатыхъ, наши сосѣди-германцы обладаютъ наиболѣе изобильною сокровищницею сказокъ, которая нашла себѣ превосходныхъ собирателей, въ лицѣ знаменитыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, братьевъ Якова и Вильгельма Гриммовъ.

Дѣйствительно, не многія книги пользовались всюду такимъ громаднымъ и постояннымъ успѣхомъ, какъ этотъ классическій сборникъ произведеній народнаго творчества. И не удивительно! Едва заглянемъ въ него и перевернемъ нѣсколько страницъ, какъ уже передъ нами начинаютъ нескончаемою вереницею проноситься легкіе и высоко-поэтическіе образы „Спящей красавицы“, „Снѣгурочки“, беззавѣтно-преданнаго Іоганна, чудодѣевъ-карликовъ и грозныхъ великановъ, игривыхъ фей и русалокъ, величаво-важныхъ сказочныхъ королей и королевъ... И мы поддаемся обаянію сказокъ, мы углубляемся въ чтеніе,—мы оторваться не можемъ отъ книги!

Другою важною стороною такой книги, какъ сборникъ братьевъ Гриммовъ, является ея общепонятность, общедоступность для всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ общества, всѣхъ состояній.. Ихъ съ одинаковымъ удовольствіемъ будетъ читать и простолюдинъ, и знатный, и бѣднякъ, и богачъ, и юноша, и старецъ... А въ смыслѣ семейнаго, домашняго чтенія—это настоящій кладъ, особенно, по тому „воспитательному“ значенію народныхъ сказокъ, на которое такъ опредѣленно указываетъ Пушкинъ. Нравственная основа сказокъ безукоризненно-чиста; мораль ихъ проста и немногосложна: истина, добродѣтель, прилежаніе, вѣрность чувству долга—всегда торжествуютъ; пороки, лѣность, неправда—всегда несутъ заслуженное наказаніе. Вотъ почему эти сказки и навѣваютъ на насъ такой освѣжающей, ободряющей духъ, что и самая жизнь наша, со всѣми ея невзгодами, начинаетъ казаться намъ болѣе привлекательною. Великая мудрость народная, одинаково просвѣчивающая въ основѣ всѣхъ сказокъ сборника братьевъ Гриммовъ, учитъ насъ не желать многого, не стремиться за счастьемъ вдаль, а находить его у себя подъ рукою—у своего семейнаго очага...

Въ виду такого значенія „Сказокъ, собранныхъ братьями ГРИММАМИ“, нами предпринято нынѣ это

НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ,

неполненное массою рисунковъ талантливаго художника П. Гротъ-Іоганна.

Многіе художники и до него пытались воспроизвести сказочные образы этой сокровищницы, но никому доселѣ не удавалось проявить въ иллюстраціи къ сказкамъ такого богатства фантазіи, такой даровитости и силы, какъ П. Гротъ-Іоганну; въ немъ прекраснѣйшее художественное дарованіе сочеталось съ чуткою отзывчивостію, столь необходимой для осмысленнаго изображенія неуловимыхъ сказочныхъ сюжетовъ,—а потому и можно сказать, что онъ своей глубоко-обдуманной, художественной иллюстраціей еще возвысилъ значеніе классическаго сборника братьевъ Гриммовъ.

Съ своей стороны, мы сдѣлали все, чтобы придать изданію достойную его содержания вѣрность, въ отношеніи шрифта, бумаги и т. д., а назначеніемъ умѣренной цѣны, какъ мы полагаемъ, мы сдѣлали это роскошное изданіе вполне доступнымъ для каждаго.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Наше иллюстрированное роскошное изданіе сборника Сказокъ братьевъ Гриммовъ выйдетъ въ свѣтъ въ 24-хъ издѣлкахъ-сброшюрованныхъ выпускахъ.

Стоимость каждаго выпуска—50 коп., а съ перес. 70 коп.

Подписная цѣна на все изданіе: безъ дост. 12 р., съ доставкою и перес. 14 р.

Для удобства гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ, мы открываемъ подписку на это роскошное изданіе съ разсрочкою платежа на три, четыре и шесть сроковъ.

На три срока:			На четыре срока:			На шесть сроковъ:		
	безъ доставки	съ перес.		безъ доставки	съ перес.		безъ доставки	съ перес.
при подпискѣ . .	4 руб.	5 руб.	при подпискѣ . .	3 руб.	4 руб.	при подпискѣ . .	2 руб.	3 руб.
черезъ 2 мѣсяца .	4 "	5 "	черезъ 2 мѣсяца .	3 "	4 "	черезъ 2 мѣсяца .	2 "	3 "
" 4 "	4 "	4 "	" 4 "	3 "	3 "	" 4 "	2 "	2 "
" 4 "	4 "	4 "	" 6 "	3 "	3 "	" 6 "	2 "	2 "
" 4 "	4 "	4 "	" 6 "	3 "	3 "	" 8 "	2 "	2 "
" 4 "	4 "	4 "	" 6 "	3 "	3 "	" 10 "	2 "	2 "

Для гг. служащихъ допускаются еще болѣе льготныя условія, при коллективной подпискѣ за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ. За подробностями просимъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“.

Приблизительно черезъ каждыя двѣ недѣли будетъ выходить въ свѣтъ по одному выпуску.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПб., Невскій, № 6, и во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ.

Только что вышедшій первый выпускъ высылается каждому, кто желаетъ ознакомиться съ этимъ прекраснымъ изданіемъ, за 50 коп. почтовыми марками.

А. Ф. МАРКСЪ, Издатель журнала «НИВА».

При этомъ № прилагаются 2 объявленія: 1) для гг. иногородн. подписчиковъ (за исключ. Московскихъ) прейсъ-курантъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ; 2) для гг. городскихъ подписчиковъ (получающихъ журналъ черезъ почту) объявленіе отъ дирекціи водопада „Иматра“.

НИВА

XXIV г.
№ 11

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ* (отъ 30 до 40 модн. рис. и Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.)
Выдаѣт 13 марта 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну непарейль (1/4 шпр.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Agence Navas по 3 фр.; для
Астр., Герман. и Швейц. у Rudolf
Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 25 к., съ перес. иногор. 1 р. 25 к.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

Екатерина Романовна, дочь генераль-аншефа Р. И. Воронцова, родилась 17-го марта 1743 года въ С.-Петербургѣ, въ началѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны, и, подобно всѣмъ дѣвицамъ тогдашняго высшаго круга, получила домашнее образование весьма поверхностное (какъ она сама о томъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ). Отецъ выдалъ ее замужъ очень рано: едва только минулъ ей 16-й годъ, какъ уже ей представленъ былъ женихъ ея, князь М. И. Дашковъ. Въ замужествѣ, однакоже, ей пришлось быть недолго: въ 1761 году она овдовѣла (слѣдовательно, на 18-мъ году) и рѣшилась посвятить себя воспитанію своего единственнаго сына. Но ея горячая, энергическая и сильная натура не могла еще довольствоваться скромною домашнею дѣятельностью молодой матери: — вынужденная, по своему положенію, бывать при Дворѣ, она невольно увлеклась тою борьбою придворныхъ партій, которая въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія приняла очень рѣзкій характеръ, и стала одною изъ сторонницъ Екатерины.

Екатерина, вступивъ на

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (по поводу 150-лѣтія со дня ея рожденія). По старинному портрету грава. Шюблеръ.

престолъ, наградила орденомъ св. Екатерины и сдѣлала ее статсъ-дамою своего Двора. Однакоже, положеніе Екатерины Романовны при новомъ Дворѣ, въ скоромъ времени, поколебалось. Въ 1769 году княгиня покидаетъ Петербургъ и въ теченіе трехъ лѣтъ, до 1772 года, странствуетъ по Германіи, Франціи и Англій. Всюду останавливаясь надолго и основательно изучая языкъ и нравы страны, княгиня Дашкова, въ эти годы, полагаетъ прочную основу своему весьма обширному, разнообразному и солидному образованію.

Не надолго возвратившись въ Россію въ 1772 году, княгиня, держась постоянно вдали отъ Двора и почти не заѣзжая въ Петербургъ, прожила въ отечествѣ не болѣе трехъ лѣтъ, и въ 1775 году снова выѣхала за границу для окончанія воспитанія своего сына, который окончилъ, по желанію матери, полный курсъ наукъ въ Эдинбургскомъ университетѣ (1779 г.), при чемъ и сама Екатерина Романовна находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ и перепискѣ со всѣми современными учеными знаменитостями Англій и Франціи. Въ теченіе семи

лѣтъ, проведенныхъ, во время этого второго путешествія, въ Европѣ, княгиня успѣла по нѣскольку лѣтъ прожить въ Лондонѣ и Парижѣ, и посѣтила мимоходомъ Швейцарію и Италію. Только уже въ 1782 году она окончательно возвратилась въ Россію и рѣшилась даже поселиться въ Петербургѣ, гдѣ должна была озаботиться о дальнѣйшей судьбѣ и служебной карьерѣ своего сына.

Въ этотъ разъ, прїѣздъ Екатерины Романовны въ Россію былъ какъ нельзя болѣе кстати для императрицы Екатерины, которая искала около себя и не находила дѣятеля, достаточно образованнаго и надежнаго для занятія одного важнаго и отвѣтственнаго поста. Умна и тонко-образованная Екатерина, вѣдшіе въ разрѣшеніе нѣкоторыхъ литературно-научныхъ вопросовъ и постоянно интересующая изученіемъ русской словесности и языка, въ то же самое время не могла не видѣть, что именно съ этой стороны Академіи Наукъ оказывается чрезвычайно-слабою и дѣлаетъ весьма немного. Постоянно и зорко слѣдя за своимъ бывшимъ другомъ во время ея многолѣтнихъ странствованій, Екатерина видѣла и знала, какой огромный запасъ свѣдѣній княгиня Дашкова прїобрѣла за это время и захотѣла дать ей такое почетное положеніе, о которомъ княгиня не могла и мечтать. Въ 1783 году, императрица назначила Екатерину Романовну *директоромъ* Академіи Наукъ и сверхъ того *председателемъ* особой „Россійской Академіи“ (21 октября), которая предназначалась специально для всесторонняго изученія русскаго литературнаго языка и слога.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова горячо принялась за свое новое дѣло. Она, при открытіи Россійской Академіи, привѣтствовала молодое, зарождающееся учрежденіе блестящею рѣчью (21 октября 1783 г.). Въ этой рѣчи она изложила широкія задачи, предлежащія къ исполненію Россійской Академіи, и намѣтила свою долю участія въ ея будущихъ работахъ. Какъ какъ вскорѣ послѣ этого Академіей былъ выработанъ весьма обстоятельный планъ обширнаго „Словари Россійской Академіи“, а самыя работы по словарю были распределены между членами Академіи, то и сама Екатерина Романовна взяла на себя нѣкоторую долю этихъ работъ и исполнила ее весьма добросовѣстно. Сверхъ того, во время управленія Академіей (въ 1783 и 1784 гг.), Дашкова успѣла издать шестнадцать томовъ журнала „Собесѣдникъ любителей Россійской словесности“. Дашковой удалось даже и императрицу Екатерину привлечь къ сотрудничеству въ „Собесѣдникѣ“. Но вся эта полезная и спокойная дѣятельность, опять-таки благодаря неосторожности самой Екатерины Романовны и ея нежеланію сообразоваться съ обстоятельствами—была вдругъ нарушена самымъ неожиданнымъ образомъ. Княгиня Дашкова допустила печатаніе при Академіи извѣстнаго произведенія княгини: „*Вадима*“. Эта трагедія (исторія ея слѣшкомъ извѣстна, и потому мы не станемъ повторять ее здѣсь) навлекла страшный гнѣвъ императрицы на автора и на Дашкову, которая, по мнѣнію Екатерины, могла не допустить появленія ея въ свѣтъ. Дашкова, покинувъ свой постъ при Академіи, уѣхала изъ Петербурга и поселилась въ Москвѣ, гдѣ, мало-малу, собрался довольно обширный кружокъ лицъ, недо-

вольныхъ современными порядками. Здѣсь проводила Екатерина Романовна зиму, а потомъ жила въ своей подмосковной, селѣ Троицкомѣ. Такъ прожила она, среди уединенія и любимыхъ своихъ занятій чтеніемъ и литературныхъ упражненій, до самой кончины Екатерины, съ которой Дашкова, послѣ вторичнаго разрыва, никогда болѣе уже не выдалась.

По вступленіи на престолъ императора Павла I, Дашкову постигла въ Москвѣ неожиданная опала. Екатерина Романовна въ 1796 году была лишена званія статсъ-дамы и пожалованнаго ей ордена, и въ то же время ей былъ воспрещенъ въѣздъ въ обѣ столицы и приказано жить безвыѣздно въ деревнѣ, но не въ подмосковной, а въ одной изъ глухихъ и отдаленныхъ деревень ея сына, въ Новгородской губерніи. Княгиня сама пожелала, до нѣкоторой степени, увѣковѣчить память о своей ссылкѣ, и, по ея желанію, нарисованъ былъ ея портретъ-картина, на которой она сама изображена въ темномъ платьѣ и высокомъ чепцѣ за занятіями у столика, въ простой избѣ, съ рѣшетчатыми окнами. Этотъ портретъ-картина, распространенный въ видѣ гравюры на мѣди, пользуется извѣстностью между нашими собирателями произведеній русскаго гравировальнаго искусства.

Суровая опала и ссылка, въ наиболѣе рѣзкой своей формѣ, продолжалась однакоже не особенно долго; императрицѣ Маріи Теодоровнѣ удалось, наконецъ, уговорить своего супруга, чтобы онъ дозволилъ княгинѣ переселиться сначала изъ новгородской деревни въ одну изъ калужскихъ вотчинъ, а потомъ—и въ Москву. Здѣсь княгиня Дашкова прожила еще лѣтъ двѣнадцать, и постоянно занимала первенствующее положеніе въ средѣ высшаго московскаго общества. Княгиня Е. Р. Дашкова въ Москвѣ и скончалась, 4 мая 1810 года.

Литературная дѣятельность Екатерины Романовны довольно обширна. Кромѣ непосредственнаго участія въ трудахъ по *Словари Россійской Академіи* и въ *Собесѣдникѣ любителей Россійской словесности* (о которомъ мы упоминали выше), княгиня Дашкова помѣщала свои статьи, оригинальныя и переводныя, въ слѣдующихъ журналахъ: въ *Невинномъ упражненіи* (1762—1763 гг.), въ *Опытѣхъ Трудовъ волезнаго Россійскаго собранія* (1784 г.), въ *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* (1786—1796 гг.), въ *Другѣ Просвѣщенія* (1804—1806 гг.). Между прочимъ, въ бумагахъ ея сохранилась и одна комедія, подъ заглавіемъ „*Токсікоковъ или человекъ безхарактерный*“, въ которой комментаторы видятъ намеки на ея непріязненные отношенія къ Л. А. Нарышкину. Въ послѣдніе годы жизни, живя въ деревенской глуши и въ Москвѣ, княгиня озаботилась о составленіи своихъ мемуаровъ. Эти мемуары, довольно неслѣдовательныя и неравнобѣрные въ изложеніи, Екатерина Романовна разсказывала и отчасти даже диктовала одной изъ своихъ приближенныхъ—англичанкѣ г-жѣ Вильмовъ, съ которой жила неразлучно въ послѣдніи 10—15 лѣтъ жизни. Англичанка увезла ихъ съ собою въ Англію, и тамъ англійскій подлинникъ ихъ былъ напечатанъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Мемуары заключаютъ въ себѣ много любопытнаго и важнаго для характеристики типа русской свѣтской женщины прошлаго вѣка. П.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

XVI.

Мнимо-больной.

Карлъ со своей постели мнимаго больного видѣлъ черезъ окно, какъ противъ его флигеля остановился старый князь вмѣстѣ со страннымъ гостемъ, появленіе котораго такъ напугало Торичіоли, вернувшаго ему его расписку и вдругъ отказавшагося отъ задуманнаго плана. Карлъ видѣлъ также, какъ они поговорили съ княземъ и потомъ вмѣстѣ повернули во флигель.

„Зачѣмъ онъ ведетъ его ко мнѣ?“ удивился Карлъ, въ первую минуту рѣшившій было поскорѣе одѣться, чтобы выйти къ князю, но сейчасъ же передумалъ это, потому что лучше было, если Андрей Николаевичъ воочью убѣдится, что онъ, дѣйствительно, боленъ и лежитъ. И Карлъ постарался придать лицу какъ можно больше унынія и грусти, полузакрывъ глаза, натянулъ на себя одѣяло и, въ знакъ своей слабости, склонилъ голову на сторону.

Едва успѣлъ онъ принять соответствующую позу, какъ дверь отворилась и вошелъ старый князь.

— Лежите? проговорилъ онъ,—мнѣ сказали, что вы больны, значитъ, серьезно больны?..

Андрей Николаевичъ опять говорилъ Карлу „вы“.

„Плохой знакъ!“ подумалъ тотъ.

Князь вошелъ очень храбро, но, войдя, замѣтно сожалѣлъ уже, зачѣмъ пришелъ сюда, потому что, собственно, не имѣлъ ничего сказать Карлу. Онъ понималъ однако, что встрѣча ихъ все-таки необходима, и пошелъ къ Карлу...

— Благодарю васъ, князь, слабымъ голосомъ отвѣтилъ баронъ,—мнѣ Торичіоли давалъ лѣкарство—онъ находитъ, что это пройдетъ...

Карлъ говорилъ одно, а думалъ совершенно другое: онъ думалъ о томъ, какую имѣетъ связь этотъ графъ, какъ его называлъ итальянецъ,—Soltikoff—и старый князь, разглаголюющій съ нимъ по саду, и самъ, наконецъ, Торичіоли... Карлъ находился еще подъ впечатлѣніемъ появленія и ухода перебѣдовавшагося итальянца...

— Итальянецъ—не докторъ, отвѣтилъ князь,—не посылать ли за настоящимъ?

— О, нѣтъ, не надо! послѣшно перебилъ Карлъ.

— Отчего же? а то вотъ проѣзжай есть... говорить, онъ тоже докторъ—пусть посмотритъ...

И князь вернулся къ двери и впустилъ въ комнату Шёнинга.

Онъ распорядился, какъ хозяинъ, потому что привыкъ считать хозяиномъ въ Проскуровѣ только себя...

Удивленіе Карла росло. Тотъ, кого князь называлъ „докторомъ“ и впустилъ сейчасъ, — былъ только-что итальянцемъ показанъ Карлу подъ именемъ графа Soltikoff...

„Что за чепуха?“ недоумѣвалъ баронъ...

Но Шёнингъ, или тотъ, кого называли такъ, быстро приблизился къ его постели, окинулъ его сосредоточеннымъ, внимательнымъ взглядомъ и посмотрѣлъ прямо въ самые глаза его. Карлъ невольно опустилъ вѣки. Казалось, ему заглянули въ самую душу и поняли всѣ его помыслы...

— Цвѣтъ лица—прекрасный, сказалъ Шёнингъ.

Онъ попробовалъ голову Карла, тронулъ его руку— Карлъ растерялся такъ отъ того тона, которымъ докторъ сказалъ, что у него прекрасный цвѣтъ лица, что не успѣлъ опомниться и высказать сопротивление осмотру...

— Да онъ здоровъ, проговорилъ вдругъ Шёнингъ.

— Какъ здоровъ? переспросилъ князь.

— Совершенно здоровъ, могу васъ увѣрить, даже излишней мнительности нѣтъ,—это простое притворство...

Карлъ вскочилъ на постели. Рѣзкія слова доктора взорвали его.

— Что-жъ я лгу, что-ли? почти крикнулъ онъ.

Куда дѣвались его слабость, его безсильный голосъ; кровь прихлынула къ его щекамъ, и по всей его энергичной фигурѣ теперь сразу могъ всякій убѣдиться, что онъ, дѣйствительно, совсѣмъ здоровъ.

Докторъ молча обернулся къ князю, какъ бы приглашая его оцѣнить эту метаморфозу въ больномъ.

— Но съ чего-жъ бы ему притворяться? проговорилъ князь.

— Я не знаю, отвѣтилъ докторъ, пожавъ плечами,— я не знаю даже, кто этотъ молодой человекъ, но не могу не сказать того, что вижу... Поищите: вѣроятно, есть причина, зачѣмъ ему нужно притворяться...

— Я баронъ Карлъ фонъ-Эйзенбахъ, бѣшено, не помня себя, продолжалъ Карлъ,—меня, слава Богу—знаютъ... и я не позволю какому-нибудь проходивцу, назвавшемуся чужимъ именемъ, оскорблять меня... Вы не больше, какъ проходимецъ — неизвѣстно откуда взявшійся... Слышите, и убирайтесь вонъ отсюда...

Князь едва сдерживалъ себя, чувствуя уже приступъ своего гнѣвнаго припадка и стѣсненія въ груди...

Онъ не сомнѣвался уже, что болѣзнь Карла была мнимая, и смутно даже понималъ, зачѣмъ баронъ разыгрывалъ комедію... и если это было (какъ пришло въ голову князю) для того, чтобы разжалобить Ольгу, то онъ могъ, пожалуй, допустить это, но чтобы въ его присутствіи молодой человекъ, почти мальчишка, заблудился до того, что осмѣлился оскорблять человека — этого онъ не могъ допустить...

— Извольте, государь мой, замолчать... рѣзко проговорилъ онъ.

Карлъ опомнился слегка.

Шёнингъ оставался, попрежнему, невозмутимъ и спокоенъ.

— Напрасно вы меня оскорбляете, тихо проговорилъ онъ,—вы не знаете сами, что дѣлаете, и змѣя укуситъ не меня, а васъ...

Это невозмутимое спокойствіе Шёнинга и тихій, но отчетливый, голосъ подѣйствовали на Карла, какъ масло на огонь.—Онъ затрясся отъ злости...

Съ перваго же взгляда этотъ таинственный докторъ сталъ антипатиченъ ему.

— Вы меня извините, князь, обратился онъ къ Андрею Николаевичу,—но если я, по мнѣнію этого господина, мнимый больной, то я могу засвидѣтельствовать, что

онъ—онъ мнимый докторъ, да... Торичіоли мнѣ показывалъ его въ окно, когда онъ проходилъ по саду и называлъ графомъ Солтыковымъ, котораго онъ зналъ девятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Генуѣ...

Ни одна черта не двинулась въ лицѣ доктора. Онъ остался, какъ и былъ, и лишь въ глазахъ промелькнула у него искра, когда Карлъ назвалъ его „Солтыковымъ“, но этой искры не могли замѣтить ни Карлъ, ни старый князь... Онъ стоялъ, опершись рукою на спинку кровати Карла, и глядѣлъ поверхъ его головы, какъ будто то, что говорилъ Карлъ, не касалось его вовсе...

— Меня могли назвать какъ угодно—но это еще ничего не доказываетъ... опять пожалъ онъ плечами.

Андрей Николаевичъ поднялся со своего мѣста.

— Милости прошу, обратился онъ къ Шёнингу, и, не сказавъ ни слова Карлу и даже не взглянувъ на него, вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ докторомъ.

Карлъ схватился за голову.

Такъ хорошо начатое имъ дѣло—кончилось такимъ постыднымъ посрамленіемъ.

„А все этотъ Торичіоли, подумалъ онъ,—и нужно было связываться съ нимъ... да и я не выдержалъ... глупо... теперь все кончено...“ И вдругъ, къ ужасу своему, Карлъ замѣтилъ, что записка, которую ему бросилъ, убѣжавъ, Торичіоли, и которую онъ забылъ спрятать, лежала на столикѣ у самой кровати, повернутая кверху надписанной стороной...

Съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ князь, прочесть текста, казалось, было немислимо, — это Карлъ сейчасъ же сообразилъ и успокоился; но этотъ докторъ—онъ могъ ли видѣть?

И Карлъ быстро спустилъ ноги, вдѣлъ ихъ въ туфли и, подойдя къ спинкѣ кровати, оперся на нее рукою, совершенно такъ же, какъ это дѣлалъ докторъ. Только что онъ всталъ на мѣсто, какъ ему прямо бросилось въ глаза то, что было написано на этомъ несчастномъ клочкѣ бумаги:

„Обязуюсь внести сеньору Джузеппе Торичіоли сто тысячъ рублей, если княжна Ольга Андреевна Проскурова станетъ баронессой фонъ-Эйзенбахъ“...

И Карлъ съ отчаяніемъ вспомнилъ, какъ онъ кричалъ, что онъ самъ баронъ фонъ-Эйзенбахъ,—этому доктору, который въ ту самую минуту, можетъ быть, читалъ эту записку...

И не теряя долѣе времени, баронъ схватилъ со стола трутъ и огниво, высѣкъ огонь, раздулъ, приложилъ сѣрничку, зажегъ свѣчу и, скомкавъ бумагу, поднесъ ее къ пламени.

Бумага, корчась и чернѣя, вспыхнула синимъ пламенемъ и медленно превратилась въ пепель...

„Ну, теперь пусть доказываетъ!“ успокоился Эйзенбахъ.

Выйдя отъ Карла вмѣстѣ съ докторомъ, князь Андрей Николаевичъ пошелъ въ большой домъ съ такимъ видомъ, какъ бы предлагая Шёнингу слѣдовать за собою.

„Призвать итальянца, сдѣлалъ онъ въ умѣ какъ бы выкладку,—и свести ихъ съ докторомъ; если бароновскія слова правда—выгнать“...

„А можетъ, баронъ и вретъ!“ пришло ему также въ голову...

И придя наверхъ, онъ попросилъ Шёнинга подождать въ приемной, а самъ прошелъ въ кабинетъ и велѣлъ позвать къ себѣ Торичіоли.

Обстановка кабинета, въ которую вернулся Проскуровъ, и которая, особенно, за послѣдніе три дня, опротивѣла ему—не произвела на него удручающаго впечатлѣнія. А этого онъ боялся. Напротивъ,—прогулка, видимо, принесла ему пользу. Онъ чувствовалъ себя бодрѣе...

Торичіоли явился приниженнымъ и смущеннымъ.

Соколь, бующій лебедя. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Карзина, грав. Раплевскій.

Литературный альбомъ. „Сказка о царѣ Салтанѣ“, А. С. Пушкина. Превращеніе лебеди въ царевну.
Ориг. рис. (собств. „Иивы“) С. С. Соломко, грав. Шюблеръ.

Чтобы попасть въ кабинетъ князя, ему нужно было пройти черезъ пріемную, гдѣ находился докторъ.

— Вы видали когда-нибудь этого доктора? спросилъ князь.

Итальянецъ заморгаль глазами и, дѣлая всевозможные отрицательные жесты и головою, и руками, поспѣшно отвѣтилъ:

— Никогда я раньше не видалъ доктора, — никогда...

— А баронъ Эйзенбахъ говоритъ, что вы указывали на него, какъ на вашего знакомаго въ Генуѣ... и тамъ онъ, будто бы, носилъ другую фамилію.

Итальянецъ задержался сильнѣе.

— Ахъ, нѣтъ! господинъ князь, — я не говорилъ этого, продолжая убѣдительно размахивать руками, заговорилъ Торичіоли, — я только сказалъ, что зналъ девятнадцать лѣтъ тому назадъ — дѣйствительно, въ Генуѣ — человѣка, очень похожаго на доктора Шеннинга, — но это былъ не онъ...

— Вы увѣрены въ этомъ...

— О, да! — тѣмъ болѣе, что тотъ господинъ былъ, приблизительно, на видъ тѣхъ же лѣтъ, что теперь докторъ...

— Ну, хорошо, такъ подите проведите доктора въ одну изъ комнатъ, предназначенныхъ для гостей... Андрей Николаевичъ приостановился немного и затѣмъ вдругъ скороговоркой добавилъ: — а потомъ, велите завтра утромъ приготовить лошадей для молодого барона. Онъ завтра ѣдетъ...

И движеніемъ бровей князь показалъ итальянцу, что онъ можетъ идти, и что возражать ему нечего...

Торичіоли вышелъ въ пріемную и, согнувшись и извиваясь, сталъ просить „господина доктора“ слѣдовать за нимъ.

Но тотъ, прежде чѣмъ сдѣлать это, вынулъ изъ карманнаго портфеля сложенную вчетверо бумагу и сказалъ, подавая ее итальянцу:

— На всякій случай, будьте добры, показать это князю...

Проводивъ доктора до избранной для него комнаты и оставшись одинъ, Торичіоли немедленно развернулъ данную ему для князя бумагу.

Это оказалась засвидѣтельствованная русскими властями копія и переводъ съ диплома академіи, выданнаго на имя доктора Шеннинга...

XVII.

Двѣ дѣвушки.

Большая Оля сидѣла у себя въ комнатѣ. Она сильно переѣбилась. Блѣдныя щеки ея ввалились, глаза неподвижно останавливались на первой попавшейся точкѣ. Она не могла плакать, хотя слезы принесли бы ей утѣшеніе.

Первый разъ третьяго дня отецъ напомнилъ себя ей такимъ, каковъ онъ былъ во времена ея дѣтства, когда она жила въ вѣчномъ страхѣ и за себя, и за мать.

Смерть почти замученной на ея глазахъ матери стояла теперь передъ нею во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ своего леденящаго кровь ужаса.

Неужели и ей суждено было такъ же умереть? Неужели она должна будетъ проститься съ этой мілою для нея до сихъ поръ жизнью и со своимъ дорогимъ, радостнымъ чувствомъ любви? Ей запрещали любить — значитъ, не хотѣли, чтобъ жила она, потому что она не могла жить и не любить.

Она полюбила человѣка, котораго знала съ дѣтства, который самъ любилъ ее, и они были такъ счастливы, такъ чисто, безгранично счастливы до сихъ поръ.

Они не думали и никогда не говорили между собою о будущемъ, они никогда не строили плановъ: настоящее казалось имъ такъ прекрасно, что нечего было уходить отъ него даже въ мысляхъ... И вдругъ все это оборвалось такъ грубо, неумолимо, безповоротно... Оля

чувствовала и понимала, что выхода нѣтъ изъ ея положенія, что нечего и думать о благополучномъ исходѣ.

Черезъ горничную свою — Дуняшу — она знала уже о томъ, что Артемія отправляютъ... Она знала нравъ отца и не сомнѣвалась, что рѣшенія его нельзя измѣнить...

Но и въ себѣ, въ своемъ самочувствіи, она не могла ошибиться тоже... Въ ней, во время гнѣвнаго припадка отца, словно оборвалось что-то, и, помимо нравственнаго страданія, она заболѣла физически, силы ея упали... Она была очень плоха...

Дуняша, принимавшая горячее участіе въ своей госпожѣ и служившая ей съ тою особенною, безграничною преданностью, которая свойственна только людямъ, съ дѣтства привязаннымъ, — ухаживала за Олей, не спала ночи и, казалось, умереть была готова для нея...

Оля, несмотря на свою слабость, не лежала въ постели, но проводила дни въ креслѣ, беспомощно облокотясь на его спинку и инстинктивно, по-часту и подолгу, останавливая свои широко открытые глаза на окнѣ, выходявшемъ въ садъ... Она ждала, что Артемій, можетъ-быть, пройдетъ мимо, можетъ-быть ей удастся если не сказать съ нимъ нѣсколько словъ, то хоть увидѣть его...

Потомъ ей сказали, что его заперли; но она, уже по привычкѣ, все продолжала смотрѣть въ окно... Дуняша понимала этотъ упорный, молчаливый, но, тѣмъ не менѣе, краснорѣчивый взглядъ своей княжны, и въ тотъ день, когда старый князь, „отсидѣвшись“, какъ называли въ домѣ, вышелъ, наконецъ, изъ своего кабинета, она, принеся въ комнату Ольги подносъ съ обѣдомъ, остановилась въ отдаленіи, ожидая, пока княжна заговорить съ нею.

— Нѣтъ, не хочу... проговорила Ольга, отстраняя слабымъ движеніемъ руки подносъ отъ себя. — Что ты, Дуняша?

— Да что, барышня, — сердце надрывается, на васъ гляючи... Бѣдная вы мол... И въ голосѣ беззаботной въ дни веселья черноглазой Дуняши, первой затѣйницы въ хороводахъ и играхъ, сводившей съ ума первостатейныхъ кавалеровъ дворни, слышались теперь неподдѣльныя слезы. — Барышня мілая... вотъ что я придумала... завтра попроситесь на балконъ, внизъ, посидѣть, — такъ, будто воздухомъ подышать, а я тѣмъ временемъ раздобуду ключъ отъ комнаты Артемія Андреича; когда, послѣ обѣда, все успокоится, Артемій Андреичъ и можетъ спуститься въ садъ... поняли?..

Не улыбка, но тѣнь улыбки мелькнула по блѣднымъ губамъ Ольги. Эта заботливость расторопной Дуняши, эта внимательность, выразившаяся въ пониманіи того, что было нужно Ольгѣ, — приласкала ее, а ей такъ нужна была ласка въ эти тяжелые дни...

— Какъ же ты достанешь ключъ? спросила Ольга.

— Ужъ это мое дѣло. Онъ у Ивана Пахомыча. Ивану Пахомычу князь приказали соблюдать Артемія-то Андреича и такъ настрого, — чтобъ ни-ни-ни... Ну, а Иванъ Пахомычъ вчера съ Сергѣя посылалъ вмѣсто себя обѣдъ относить Артемію Андреичу, потому что мы всѣ его на смѣхъ подняли (я нарочно это завела), что, молъ, на старости лѣтъ, изъ дворецкихъ въ острожные сторожа попалъ, въ родѣ, то-есть, тюремщика. Ему это обидно показалось. Ну, вотъ онъ и препоручилъ Сергѣю. Если завтра то же сдѣлаетъ, такъ Сергѣй, уходя, двери-то не запереть... Я ему ужъ объ этомъ говорила...

— А Сергѣй не выдастъ? спросила княжна.

Дуняша увѣренно, самодовольно усмѣхнулась, опустивъ глаза...

— Сергѣй-то!.. да не жить ему послѣ этого на свѣтѣ, если онъ такое сдѣлаетъ...

И яркій румянецъ покрылъ ея щеки.

Ольга вспомнила, что ей давно было извѣстно,

что молодой буфетчикъ Сергѣй заглядывается на ея Дуняшу.

И невольно пришла ей въ голову параллель между собою и этой преданной ей дѣвушкой, счастливой еще теперь такъ же, какъ была счастлива сама Ольга такъ недавно.

И Ольга тяжело и глубоко вздохнула.

— Полноте, барышня, проговорила Дуняша, какъ бы понявъ вздохъ княжны и извиняясь за свое ненарушенное счастье,—полноте... Все, Богъ дастъ, къ лучшему устроится... Все хорошо будетъ...

— Нѣтъ, Дуняша, нѣтъ... быстро перебила Ольга,—и не говори... Это только хуже... чему-жъ тутъ устроиться...

Но Дуняша продолжала говорить:

— Нѣтъ, барышня, говорила она,—съ чего же быть не по-нашему—за что на вашу долю напасти пойдутъ... Слава Богу, вы никого не обидѣли, за что же Господь васъ обижать станетъ... И посмотрите, пройдетъ время, и какъ еще заживетъ-то...

Несмотря на то, что слова Дуняши были самыми обыкновенными, избитыми словами утѣшенія, и Ольга не хотѣла слушать ихъ, ей все-таки доставили они хотя минутную долю спокойствія.

Хоть на минуту она забыла о гнѣвѣ отца; но это была именно только минута.

„Не бывать тебѣ за найденышемъ, не бывать этому сраму; ты осрамила родъ князей Проскуровыхъ!..“ снова зазвучали въ ушахъ Ольги гнѣвныя рѣчи князя, которыми напугалъ онъ ее третьяго дня...

Ольга вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— А что батюшка? спросила она.

— Сегодня вышли первый разъ изъ кабинета. Въ саду гуляли... заходили *во флигель*... а потомъ приказали итальянцу велѣть лошадей къ завтраму приготовить... баронъ петербургскій уѣзжаютъ...

Ольга не выказала къ этому извѣстію никакой радости. Теперь для нея было рѣшительно все равно,—останется ли Карлъ здѣсь, или уѣдетъ.

— Теперь у насъ новости, начала опять Дуняша.—Докторъ иностранный явился, — вѣрно, васъ лѣчить будетъ.

И Дуняша стала рассказывать княжнѣ про доктора.

XVIII.

Болѣзнь Ольги.

На другой день, рано утромъ, Карлу, предупрежденному уже итальянцемъ о необходимости его отъѣзда, подали лошадей, и онъ, не откланявшись князю, уѣхалъ.

Андрей Николаевичъ извинился передъ нимъ возобновившимся яко-бы нездоровьемъ и приказалъ Торичіоли передать барону, что весьма сожалѣеть, что не можетъ видѣть его.

Передъ отъѣздомъ Карлъ попробовалъ попытаться вывѣдать у итальянца причину, почему онъ такъ испугался этого доктора, котораго уже самъ онъ, Карлъ, ненавидѣлъ всей душой, и узнать все-таки, кто онъ,—Soltikoff или другой кто-нибудь, но Торичіоли упорно настаивалъ, что въ первую минуту ошибся, обманулся сходствомъ, и тщательно избѣгалъ разговора объ ихъ условіи относительно капель, какъ будто этого условія и не бывало между ними.

Карлъ, въ свою очередь, скрылъ отъ него свою неосторожность съ запиской, которую, по всѣмъ вѣроятіямъ, прочиталъ странный докторъ.

Они разстались довольно холодно, но, разставшись съ итальянцемъ, Карлъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, заключавшееся въ сознаніи, что онъ во-время былъ удержанъ обстоятельствами отъ поступка, способнаго лечь упрекомъ на его совѣсть.

Проходя изъ флигеля въ большой домъ, чтобы выйти

на крыльцо къ экипажу, Карлъ взглянулъ на окна комнаты Ольги. Они были завѣшаны шторами.

— Больна? переспросилъ князь Андрей Николаевичъ, когда на сдѣланный имъ въ первый разъ за три дня вопросъ объ Ольгѣ, подававшій ему одѣваться камердинеръ отвѣтилъ, что княжна нездоровы.

„Штуки... штуки...“ сейчасъ же пришло въ голову князю,—„вздоръ все...“

— А петербургскій—уѣхалъ? спросилъ онъ опять отрывисто.

— Уѣзжаютъ, доложилъ камердинеръ, изучившій уже лаконическій разговоръ барина и понявшій, что его спрашиваютъ о баронѣ.

Проскуровъ кивнулъ головой въ знакъ того, что все идетъ, какъ нужно.

Но извѣстіе о болѣзни Ольги все-таки обезпokoило его. Ему было, какъ будто, немножко стыдно за то, что онъ не догадался осведомиться о ней раньше. Она могла, пожалуй, дѣйствительно, захворать, но такъ какъ тогда бы этотъ стыдъ былъ вполне справедливымъ, онъ сейчасъ же постарался себя увѣрить, что она притворяется.

Онъ поднялъ голову и, глянувъ на лакея, снова проговорилъ:

— Докторъ, что?

— Давно уже встали и гулять ушли... отвѣтилъ камердинеръ.

— Вернется—ко мнѣ позвать.

Докторъ Шёнингъ понравился вчера князю.

Онъ понравился ему главнымъ образомъ тѣмъ, что не шарлатанилъ вчера, не сталъ лѣчить здороваго Карла съ тѣмъ, чтобы потомъ похвалиться своимъ искусствомъ, а какъ увидѣлъ, что человекъ здоровъ, такъ и сказалъ.

Такого доктора еще князь не видывалъ.

„Молодецъ, подумалъ онъ,—во всякомъ случаѣ, если она притворяется—то онъ узнаетъ. Это все, что нужно...“

И, въ ожиданіи доктора, онъ сѣлъ писать въ Петербургъ, для того чтобы ускорить отіавку Артемія въ солдаты.

Къ нему пришли спросить, можетъ-ли княжна, которой хочется воздуха, выйти на террасу?

Онъ поднялъ голову и пожалъ плечами:

— Конечно, можетъ—я ее не запираю.

Лично онъ не шелъ къ дочери, опасаясь себя самого и новой вспышки гнѣва.

Докторъ Шёнингъ, который, видимо, имѣлъ обыкновеніе вставать очень рано, вышелъ, какъ доложилъ лакей князю, гулять, но не въ садъ, а направился по дорогѣ, ведущей къ большому петербургско-московскому тракту, находившемуся верстахъ въ пяти отъ усадьбы князя Проскурова.

При соединеніи дороги съ трактомъ, стояла проскуровская деревня.

Баронъ Эйзенбахъ, выѣхавшій изъ Проскурова, видѣлъ черезъ окно своей кареты, какъ шелъ этотъ человекъ легкою, привычною къ ходьбѣ, походкою, опираясь на свою высокую палку. Карлъ узналъ доктора Шёнинга и пожелалъ отъ всей души провалиться ему сквозь землю. Поровнявшись съ докторомъ, онъ нарочно откинулся въ глубину кареты и закрылъ глаза.

Но Шёнингъ не обратилъ никакого вниманія на обгоняющую его карету, продолжая идти впередъ.

Прогулка его продолжалась довольно долго. Часа черезъ три только вернулся онъ въ Проскурово, такъ что этого времени было достаточно ему, чтобы дойти до деревни и вернуться назадъ.

Несмотря однако на разстояніе, довольно значительное, которое ему пришлось сдѣлать, утомленія не было замѣтно въ немъ, и онъ бодро и мѣрно, не замедляя шага, вернулся въ усадьбу черезъ садъ.

Миновавъ цвѣтникъ, Шѣнингъ приблизился къ ступенямъ террасы, на которой сидѣла уже Ольга, пользуясь благоприятнымъ, теплымъ днемъ.

Она сидѣла въ креслѣ, окруженная подушками. Матовая блѣдность ея милого, дѣвственно-прекраснаго лица почти не отдѣлялась отъ бѣлизны полотна подушки. Голова, закинутаая назадъ, не шевелилась. Ротъ полуоткрылся, руки безсилно и безжизненно опустились.

Она сидѣла съ открытыми глазами, но, казалось, передъ ними для нея было совсѣмъ другое,—не терраса, не садъ, а образы безпокойной, мучившей ее грѣзы.

— Бѣдное дитя! вырвалось у Шѣнинга, при видѣ Ольги,—бѣдное... Неужели и у ней есть уже горе?

Онъ сразу своимъ опытнымъ глазомъ увидѣлъ, что передъ нимъ одна изъ тѣхъ нервныхъ, рѣдко впечатлительныхъ натуръ, всякое ощущеніе которыхъ какъ бы удваивается живущимъ въ ихъ душѣ огнемъ, и если это ощущеніе сильно, внезапно, то вспышка этого внутренняго огня можетъ быть смертоносна.

Ольга страдала,—это было ясно безъ словъ. Шѣнингъ понялъ, что передъ нимъ была княжна, дочь князя Прокурова.

На шумъ его шаговъ Ольга подняла голову и, увидѣвъ передъ собою чужого, незнакомаго человѣка, сдѣлала невольное движеніе къ распущеннымъ своимъ волосамъ, чтобы закрыть ихъ руками.

— Не бойтесь меня, не бойтесь, внушительно, тихо, но поспѣшно проговорилъ Шѣнингъ.—Званіе доктора позволитъ мнѣ видѣть васъ такъ, какъ вы есть... Я не сдѣлаю вамъ зла.

И онъ протянулъ къ ней руку.

Спокойный видъ Шѣнинга, улыбка, съ которою онъ смотрѣлъ на нее,—вызывали въ Ольгѣ невольное довѣріе къ этому доктору, о которомъ она слышала уже черезъ Дуняшу.

— Такъ это вы—пріѣзжій докторъ? спросила она.

Шѣнингъ поднялся по ступенькамъ террасы.

— А вы,—княжна? спросилъ онъ въ свою очередь.

Ольга улыбнулась ему въ отвѣтъ.

Ей казалось, что ея горе такъ велико, такъ всеобъемлюще, что все и всѣхъ наполняетъ собою, и что всякій человѣкъ, съ которымъ приходится говорить ей—долженъ непремѣнно знать обо всемъ, или, по крайней мѣрѣ, при одномъ взглядѣ на нее, догадаться, чтѣ происходитъ въ ея измученной тоскою душѣ.

А докторъ смотрѣлъ на нее такъ кротко, съ такою ласкою, съ такимъ участіемъ, словно преданный другъ, способный не только сказать ей слово облегченія, но и облегчить ея тоску. И потому-то она улыбнулась ему довѣрчиво и почти радостно. Отецъ, самый близкій для нея по крови человѣкъ, никогда такъ не смотрѣлъ на нее.

— Вы нездоровы, вы больны? спросилъ опять Шѣнингъ,—скажите мнѣ,—можетъ быть, я помогу.

Ольга слабо покачала головой.

— Нѣтъ, вамъ не помочь мнѣ, — будь вы самый искусный докторъ... Такъ я здорова, кажется — но боль моя здѣсь, глубоко, глубоко...

Она крѣпко прижала свою маленькую руку къ груди...

— Всѣ наши физическія боли, или большинство ихъ, отвѣтилъ Шѣнингъ,—имѣютъ причиной нравственное страданіе... У васъ было какое-нибудь горе?

Ольга молчала.

Докторъ внимательно слѣдилъ за нею. Вдругъ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и поднялъ правую руку. Ольга испуганно обернулась къ нему, не понявъ его внезапнаго и немножко рѣзкаго движенія.

„Боже, онъ что-то хочетъ дѣлать со мною!“ тревожно мелькнуло у ней, и ей также вдругъ стало страшно быть наединѣ съ этимъ чужимъ, совсѣмъ чужимъ человѣкомъ, потерявшимъ уже свою первоначальную ласко-

вость и ставшимъ строгимъ, непреклоннымъ, подчиняющимъ себѣ ея волю. Въ особенности глаза его казались страшны и строги.

Онъ зачѣмъ-то медленно проводитъ рукою—все ближе и ближе къ ней, сверху внизъ. Дуняша пошла обѣдать—не вернется. Ольга одна. Позвать, крикнуть!.. Но она не можетъ ни позвать, ни крикнуть—языкъ ея нѣмбеть... А онъ что-то дѣлаетъ надъ нею, и она не можетъ противустоять ему.

— Не бойтесь... слышитъ она успокоительный шопотъ.—Вѣрьте, не боритесь со мною, слушайте меня.

И онъ настойчиво, неотступно дѣлаетъ свои странныя движенія рукою. Но онъ, во всякомъ случаѣ, не злой—онъ добрый, да... Ольгѣ хорошо становится... Теплота разливается по ея тѣлу, вѣки сами собою закрываются. И вдругъ, словно она въ воду канула—ее охватилъ тихій, нѣжный сонъ. Шѣнингъ сдѣлалъ надъ нею еще нѣсколько пассовъ, потомъ наклонился. Ольга спала. Теперь она была въ полной власти Шѣнинга, въ полномъ его подчиненіи. Онъ оглянулся кругомъ. Они были одни.

Лицо Ольги, за минуту передъ тѣмъ измученное тоскою и тревогой—казалось спокойнымъ, тихимъ. Она недвижно лежала, закинувъ голову на подушку, словно наслаждаясь охватившимъ ея земное, тѣлесное существованіемъ.

Шѣнингъ снова нагнулся къ ней.

— Вы слышите меня? спросилъ онъ.

Онъ зналъ, что она должна его услышать, но ему нужно было, чтобы она отвѣтила.

И она отвѣтила:

— Да!

— Вѣрите-ли вы мнѣ, что я не хочу вамъ зла, что для вашего блага, и только для него, я сдѣлалъ то, что сдѣлалъ.

Улыбка явилась на губахъ Ольги.

— Да, да... отвѣтила она.

— Ну, теперь отвѣчайте. Можете вы видѣть свою бользнь, причину ея?

— Я знаю ее... я знаю... я и на-яву ее знаю.

— Можетъ-быть вамъ въ питьѣ дали какія-нибудь капли—припомните...

Она слегка качнула головой.

— Нѣтъ, мнѣ ничего не давали.

— Тѣмъ лучше, — значитъ причина другая, какая-жъ она?

— Я люблю, сказала Ольга...

— Дальше?

— Я вижу отца. Какой онъ строгій. Онъ бѣдный. Онъ не знаетъ, что, запрещая мнѣ счастье, онъ губитъ меня. Но онъ не измѣнитъ своей воли... Ахъ!.. Что я вижу!.. Мнѣ жаль себя!.. Я вижу гробъ, бѣлый, глазетовый... И я лежу въ немъ... Цвѣты... Всѣ плачутъ... И онъ плачетъ, а сдѣлать уже ничего нельзя. Ничего. Нѣтъ, я хочу жить... За что?.. Развѣ жизнь не хороша... Я люблю жизнь. Не надо этого гроба...

На безстрастномъ лицѣ Шѣнинга промелькнула тѣнь состраданія.

— Такъ ищите средства, сказалъ онъ.

— Его нѣтъ. Если не дадутъ мнѣ счастья... только оно одно спасетъ меня.

— Ищите. Постарайтесь найти.

— Нѣтъ.

Шѣнингъ опустилъ голову...

Ему жаль было ея молодости и красоты, ея первой дѣвственной любви, свидѣтельство силы которой онъ только что видѣлъ, и онъ захотѣлъ помочь, по мѣрѣ своихъ силъ, этой дѣвушкѣ, душевную драму которой случайно узналъ онъ, попавшій въ домъ ея отца, вовсе не для того, чтобы входить въ тѣсную жизнь этого совсѣмъ сторонняго для него дома.

— Вы хотите спросить меня еще что-то? проговорила Ольга.

Столѣтіе присоединенія Волыни и Подолія къ Россіи. Объявленіе генераломъ Кречетниковымъ манифеста императрицы Екатерины II. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна. грав. Шубертъ

Шёнингъ глянулъ ей въ лицо.

— Вы, значить, можете слѣдить за моею мыслью?..

— Конечно... отвѣтила Ольга съ новой улыбкой, какъ будто ее спрашивали о вещахъ, о которыхъ совсѣмъ не слѣдовало спрашивать.

— Хорошо. Тогда говорите, что вы видите?

— Я вижу дорогу... поля по сторонамъ... Пойдите, я знаю эту дорогу—она наша. Она ведетъ въ Проскуровскую деревню на тракть... вотъ деревня... тракть... я вижу много народу... Что это?.. солдаты верхомъ... офицеры... кареты... одна, другая, третья... Какъ онѣ

красивы!.. какія дамы сидятъ въ нихъ... какъ скоро ѣдутъ опѣ... сколько золота блеститъ на солнцѣ... вскачь, вскачь все... Но вотъ первая карета останавливается...

Но докторъ не далъ договорить ей. Времени терять ему было некогда.

Черезъ нѣсколько минутъ Ольга проснулась на террасѣ одна. Она помнила, что познакомилась съ докторомъ, что онъ на нее произвелъ отличное впечатлѣніе, но, какъ она заснула и что видѣла во снѣ— этого она уже не знала.

(Продолженіе будетъ).

Незнакомка.

Поля Бурже. (Переводъ съ французскаго).

Въ чемъ разгадка этого маленькаго романа? Я его скорѣ прочувствовалъ, чѣмъ прослѣдилъ. Его, пожалуй, создала моя фантазія. *Chi lo sa?*.. И все-таки я часто думаю о немъ, чаще даже, чѣмъ о событіяхъ своей собственной жизни, особенно, когда на дворѣ темно, какъ теперь, когда хмурая осень застилаетъ небо и проникаетъ въ сердце, для котораго тоже есть и своя лазурь, и свои тучи... Я помню тогда ясно, точно это вчера было, первую изъ трехъ встрѣчъ, послужившихъ канвою моему смѣлому воображенію...

Я ѣхалъ въ Германію слушать оперы Рихарда Вагнера. Времени у меня было много, и я рѣшилъ не торопиться. Первая моя остановка была въ Нанси. Тамъ находится знаменитая картина Делакроа, изображающая смерть Карла Смѣлаго. Налюбовався я на картину, осмотрѣлъ затѣмъ музей и, проходя чрезъ красивую, безмолвную площадь съ ея дворцами, фонтанами, статуей, золочеными рѣшетками, я завернулъ въ густой, зеленый садъ, который примыкалъ къ ней; въ знойный лѣтній день это былъ живительный оазисъ, полный тѣни и прохлады. Въ немъ почти не было гуляющихъ, но если бы они и толпились подъ густыми, развѣсистыми деревьями, вдоль зелени аллей, то и тогда, мнѣ кажется, я замѣтилъ бы *изъ*. Я слѣдилъ за ними съ тѣмъ особеннымъ интересомъ, какой бываетъ, обыкновенно, связанъ въ нашей памяти только съ близко знакомыми лицами. Да и въ самомъ дѣлѣ... Развѣ эти лица—особенно, одно изъ нихъ—не были мнѣ давно знакомы?—Да, безусловно, да—не разъ они являлись мнѣ въ часы моихъ долгихъ мечтаній...

Она, нѣжная и граціозная брюнетка, была одѣта въ одинъ изъ тѣхъ дорожныхъ костюмовъ, которые съ перваго взгляда обнаруживаютъ общественное положеніе ихъ обладательницы. Есть какое-то искусство утонченной простоты, которое всегда будетъ доступно только свѣтской женщинѣ, пока будутъ свѣтскія женщины. На ней былъ костюмъ изъ англійской клѣтчатой матеріи и короткій, стального цвѣта, лифъ, едва обрисовавшая ея стройный станъ. Ея прямой воротничокъ, длинный галетукъ, вышитыя перчатки и тонкіе лакированные башмаки очень шли къ ней, несмотря на то, что не совсѣмъ соответствовали своей серьезностью чисто женственной прелести ея глазъ и улыбки...

О, эти чудные глаза, — въ нихъ однихъ заключался цѣлый романъ, страстный и таинственный! То были глаза любящей женщины, и они заставили меня, противъ моей воли, слѣдить за ними. Это были глаза, полные жизни. Я не помню ихъ цвѣта, я видѣлъ лишь ихъ взглядъ. Они были отуманены счастьемъ. И лицо сіяло этимъ счастьемъ, и счастье свѣтлосъ въ блаженно-нѣжной улыбкѣ... Она опиралась на его руку, и замѣтно было, какъ каждое ея движеніе обдавало ее нѣжнымъ волненіемъ. Она не была молода, и хотя красота ея сохранилась вполнѣ, одно выраженіе ея лица обнаруживало разницу приблизительно лѣтъ на десять между нею и тѣмъ, съ кѣмъ шла она теперь и кого, повидимому, любила такъ сильно и страстно. Ему на взглядъ можно было дать около 25 лѣтъ. Тонкій, немного блѣдный, онъ, казалось, весь дышалъ радостью. Его движенія были мягки, любящій взоръ некалъ ея взора, его ласковая улыбка отвѣчала ея улыбкѣ.

Они шли, и я слѣдилъ за ними, желая угадать, что за тайное свиданіе привело ихъ сюда, въ этотъ провинціальный садъ. По звуку ея голоса, урывками доносившагося до меня, ее легко было привясть за англичанку.

Они шли, то ускоряя, то замедляя шагъ, поглощенные своей бесѣдой и не замѣчая невольнаго интона, который неотступно слѣдилъ за ними и завидовалъ, отъ всей души завидовалъ ей, этой незнакомкѣ, за то безграничное счастье, которое она испытывала... Да, это была зависть, но зависть честная...

* * *

Прошло четыре года съ тѣхъ поръ, четыре года, въ теченіе которыхъ я наблюдалъ не мало человѣческихъ лицъ и копался въ дитинной жизни многихъ. Меня подстрекало къ этому странное любопытство къ чужому чувству, любопытство, которое не успокаивается съ годами, а все увеличивается и увеличивается.

Однажды вечеромъ—это было лѣтомъ—я сидѣлъ въ креслахъ одного парижскаго театра и смотрѣлъ въ бинокль на публику. Шло пятое представленіе модной въ то время оперетки, и я не могъ найти во всей этой людной залѣ ни одного знакомаго лица, которое улыбнулось бы мнѣ встрѣчною улыбкой...

Вдругъ я, какъ-то невольно, обратилъ вниманіе на ложу, въ которой сидѣло двое: мужчина—лѣтъ пятидесяти, тяжелый, плотный, съ жесткимъ, не въ мѣру серьезнымъ, лицомъ, и дама... Гдѣ я видѣлъ эту красивую головку, опирающуюся на руку, затянутую въ перчатку? Гдѣ я видѣлъ эти чудные глаза, эти густые, темные волосы? Но въ этихъ волосахъ мѣстами серебрилась сѣдина, синева окаймляла уже ея глаза и рѣзко очерченный разрѣзъ рта не складывался въ улыбку счастья, какъ тогда, когда зеленый садъ древняго города ласкалъ ее своею тѣнью... Да, это была она, и, несмотря на годы, несмотря на выраженіе усталости во всѣхъ ея чертахъ, я узналъ подъ закрытой шляпой лицо той женщины, за которой я слѣдилъ когда-то спокойнымъ, добродушнымъ и умленнымъ взглядомъ.

Съ кѣмъ же она была теперь здѣсь, на пятомъ представленіи оперетки? Какъ тогда я не сомнѣвался, что она гуляла подъ-руку съ тѣмъ, кому принадлежали всѣ ея мысли и чувства, такъ не сомнѣвался я теперь, что она успѣла выйти замужъ и была около своего мужа. Съ особымъ любопытствомъ, серьезно всматривался я въ этого человѣка. Ея причесаніе возлѣ него ничуть, повидимому, не трогало его. Хладнокровно, какъ-то безразлично опершись обоими локтями на красивый бархатный барьеръ ложи, онъ тоже осматривалъ залу и время отъ времени дѣлалъ свои замѣчанія; затѣмъ, откинувшись на спинку кресла, зѣвалъ, не давая себѣ даже труда приложить ко рту свою широкую и крѣпкую руку. Никто не заходилъ въ ихъ ложу во время антрактовъ; очевидно, они были иностранцы.

Она была такъ печальна, казалась такой усталой, была такъ чужда всякой радости, она, которую я видѣлъ сіяющей и восторженной, что я невольно подумалъ о молодомъ человѣкѣ, котораго она, повидимому, когда-то любила. Гдѣ онъ? Что съ нимъ теперь? Умеръ, или уѣхалъ, или замѣнилъ? Разлучила-ли ихъ неизбежная могилка, или оторвала ихъ другъ отъ друга воля судьбы, еще болѣе неизбежная, неумолимая? Нѣтъ, не она первая бросила его. Она не была въ томъ возрастѣ, когда покидаютъ, ея душа не была способна на это.

Я сталъ вспоминать романъ, который родился когда-то въ моемъ воображеніи. Предо мной мелькнули послѣднія главы его, гдѣ наступаютъ разрывъ, гдѣ все, что было сердцу радостнаго, превращается въ источникъ непрерывныхъ страданій. Мнѣ удалось вѣрно освѣтить тѣ уясныя минуты, когда женщина то падается, то отчаивается, а милый ея сердцу человѣкъ не можетъ ни обнаружить, ни скрыть перемены въ своемъ чувствѣ.

* * *

Наблюдательность имѣетъ свои счастливыя и несчастныя случайности—чаще счастливыя, потому что тотъ, кто хочетъ видѣть, — видитъ много мелочей, незамѣтныхъ большнству. Много времени потратилъ я, сидя за столкомъ ресторана, забившись въ уголь вагона или стоя на панели улицы, словомъ, всюду, гдѣ только можно было наблюдать; не мало убилъ я часовъ, раздумывая и дѣлая заключенія о характерѣ и судьбѣ людей только по особой красотѣ въ ихъ лицѣ или складкѣ ихъ улыбающихся губъ, по манерѣ прищуривать глаза или по звуку ихъ голоса, по жестамъ, костюму... Иногда мнѣ это удавалось, иногда нѣтъ.

Я ѣхалъ въ Англію. Палуба корабля уже напоминала мнѣ лондонскіе вокзалы по оригинальности костюмовъ и по багровому цвѣту лица нѣкоторыхъ пассажировъ. Не мало, вѣрно, стакановъ португвину опорожнили эти подданные ея британскаго величества. Около одного изъ такихъ джентльменовъ я замѣтилъ и сразу узналъ молодого человѣка того, котораго встрѣтилъ я въ Нансійскомъ паркѣ съ моей несчастною незнакомкой. Онъ почти не замѣнился. Только усы его сдѣлались немного гуще... Возлѣ него сидѣла женщина, совсѣмъ молодая, блѣлокурная и хорошенькая, по ея красота была

красота юности, из-за которой уже видѣлась грядущая жесткость и сухость лица. Глаза ея были голубые, а голубые глаза, какъ бы они ни были полны изъясности и ласки, все-таки всегда холодны, леденяще холодны. Вряд-ли коснется когда-либо этихъ глазъ и отразится въ нихъ свѣтлая волна чувства. Она не обращала почти никакого вниманія на него, но въ каждомъ его движеніи было замѣтно желаніе поправиться ей. По всѣмъ признакамъ, она была его женой.

Я не могъ знать ни его имени, ни его жизни, ни даже его родины, но я зналъ навѣрно, что любимъ онъ былъ тогда, въ Нанси, а не теперь. Онъ, видно, и не подозревалъ этого. Впрочемъ, если онъ, дѣйствительно, любилъ это холодное и

красное дитя, то счастливы-ли онъ около нея, чѣмъ возлѣ той, которая любила его болѣе, чѣмъ могъ ее любить онъ? И вотъ о ней, объ этой любившей его когда-то женщицѣ, я начинаю думать всегда въ холодные, темные дни. Хотѣлось бы мнѣ еще разъ въ жизни встрѣтиться съ нею, чтобы она открылась мнѣ въ томъ, что никому, безъ сомнѣнія, она не могла высказать, и что я бы выслушалъ съ затаеннымъ волненіемъ, даже съ благоговѣніемъ. Я знаю, — я никогда ихъ не услышу, но долго я буду дружелюбно, ласково относиться къ тѣмъ страданіямъ, которыя я могъ бы понять и, быть можетъ, успокоить. Безвѣстный другъ неизвѣстной подруги, которая никогда его не узнаетъ!..

Въ вѣчномъ городѣ.

(По поводу пятидесятилѣтняго юбилея папы Льва XIII).

Пятый рядъ великолѣпныхъ празднествъ, начавшихся въ Римѣ 19-го февраля и долженствующихъ окончиться только въ маѣ мѣсяцѣ, празднество по случаю пятидесятилѣтняго посвященія папы Льва XIII въ епископскій санъ, придаетъ въ настоящее время особенный интересъ „вѣчному городу“. Десятки тысячъ богомольцевъ стекаются туда теперь со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра, и это стеченіе будетъ увеличиваться съ каждымъ днемъ, по крайней мѣрѣ, до первыхъ дней Страстной недѣли, потому что, по случайному совпаденію, самый разгаръ юбилея папы приходится на Страстную недѣлю, празднованіе которой въ столицѣ католическаго міра отличается необычайнымъ торжествомъ и привлекаетъ въ Римъ всегда огромное количество католическихъ богомольцевъ. Государя всего міра принимаютъ торжественное участіе въ этомъ праздникѣ-юбилеѣ, желая выразить такимъ образомъ особенное вниманіе и глубокое почтеніе папѣ Льву XIII отъ своего имени и отъ имени управляемыхъ имъ націй. Германскій императоръ послалъ въ Римъ отъ своего имени генерала Лоэ. Представителемъ англійской королевы Викторіи на юбилей папы является одинъ изъ католическихъ кардиналовъ-англичанъ. Франція участвуетъ на юбилей въ лицѣ своего представителя, г. Лефевр де-Бегена, французскаго посла при Ватиканѣ; кромѣ того, по случаю юбилея, прибылъ въ Римъ парижскій архіепископъ, кардиналъ Ришаръ и графъ де-Мэнъ. Представителю Россіи было поручено вручить папѣ отъ имени своего правительства подарки и передать поздравленіе. Уже и теперь Римъ сдѣлался какимъ-то страннымъ, международнымъ городомъ, на улицахъ котораго говорятъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Стеченіе публики такъ велико, что цѣны, напримѣръ, на квартиры вздорожали до неслыханности; многие изъ туристовъ поселяются въ окрестностяхъ Рима или въ ближайшихъ городахъ, предпочитаютъ чуть ли не ежедневно ѣздить по желѣзной дорогѣ въ Римъ и возвращаться оттуда, лишь бы только не платить баснословныхъ цѣнъ за всякую мелочь.

Все это тѣмъ болѣе понятно, что для европейскаго туриста, привыкшаго къ комфорту, Римъ, за весьма малыми исключениями, представляетъ мало привлекательнаго. Римъ и вообще разочаровываетъ человѣка, являющагося туда въ первый разъ. Мы такъ много съ дѣтства слышали о вѣчномъ городѣ, о его памятникахъ древности, о церкви Св. Петра, о Ватиканѣ, объ искусствѣ Возрожденія, что въ нашемъ воображеніи, мало-по-малу, возникаетъ совершенно особенный, идеальный Римъ, имѣющій весьма мало общаго съ настоящимъ, дѣйствительнымъ Римомъ. И тѣмъ не менѣе, несмотря на это первое, непріятное впечатлѣніе, производимое вѣчнымъ городомъ на новичка, въ скорѣи привыкаете, любопытство беретъ верхъ надъ усталостью, вы не только примиряетесь съ Римомъ, но и увлекаетесь имъ. Римъ, несомнѣнно, довольно грязный и мрачный городъ, но въ немъ нѣтъ ничего вульгарнаго и пошлаго. Величіе и истинная красота, какъ и вездѣ, рѣдки въ Римѣ, но почти все, что вы видите — достойно кисти живописца, и, въ концѣ концовъ, шатаясь по узкимъ и грязнымъ улицамъ, вы забываете буржуазную посредственность даже такихъ „столицъ міра“, какъ Парижъ.

Римъ построенъ на холмахъ, что придаетъ улицамъ необыкновенное разнообразіе и тишиность: смотря по той или иной наклонности, дома различнымъ образомъ освѣщаются на фонѣ голубого неба. Затѣмъ, почти всѣ предметы, встрѣчаемые вамъ, носятъ на себѣ печать энергии и силы; церкви, монастыри, обелиски, колоннады, фонтаны, статуи, — все это является симптомомъ интенсивной, усиленной жизни; тутъ все — или матеріальная, или умственная побѣда. На римскомъ монахѣ точно отражается ослабленный отблескъ среднихъ вѣковъ. Римская статуя рѣшительно не подходитъ къ вкусамъ современнаго буржуа. Церковь, — даже іезуитская церковь, бьющая на вишній эффектъ и слащавую декорацию, — все-таки является какъ бы символомъ грозной корпорации. Тѣ, которые создали и монаха, и статую, и церковь, очевидно, оставили неизгладимый слѣдъ въ исторіи, слѣдъ аскетизма или могущества. Съ другой стороны, контрасты этого единственнаго въ своемъ родѣ города безконечны и разнообразны: выходя изъ бойкой, оживленной улицы, вы вступаете въ грязный переулочекъ, съ растущей травой по сто-

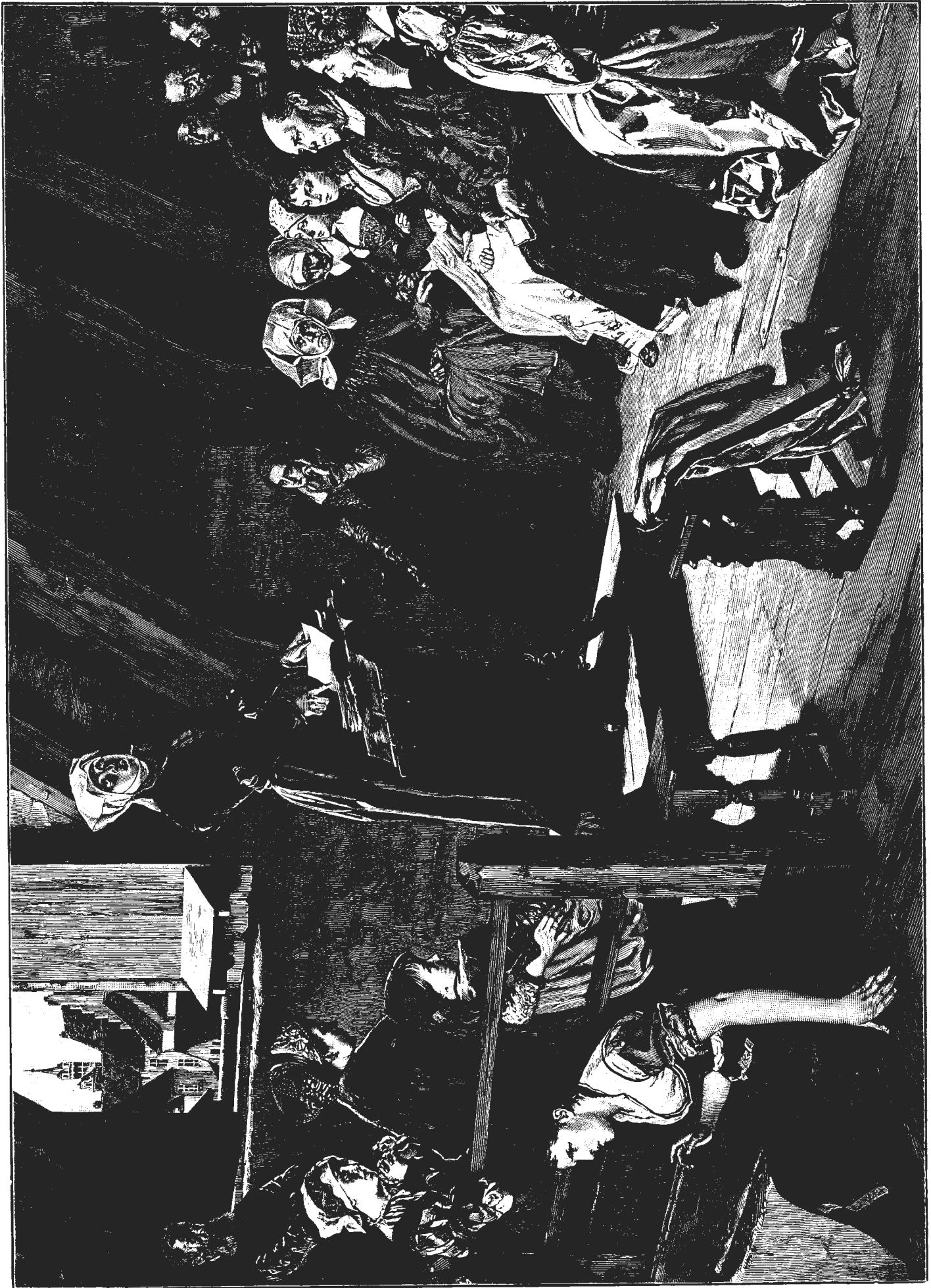
ронамъ, почти лишенный домовъ и окаймляемый длинной, чуть ли не въ четверть версты, стѣной, покрытой мхомъ; отъ времени въ видѣе желѣзную дверь подъ низкимъ каменнымъ навѣсомъ: это — секретный входъ въ огромный садъ, составляющій принадлежность какого-нибудь дворца. Вы поворачиваете навѣс и попадаете въ грязную улицу, переполненную лавочками со всякой ветошью и дрянью, гдѣ кишатъ оборванные продавцы и покупатели, между которыми индуряютъ голодные собаки, высккивая что-нибудь съѣстного въ кучахъ мусора. Этотъ грязный переулочекъ, обыкновенно, оканчивается рѣзнымъ порталомъ церкви. Затѣмъ, опять тишина пустынныхъ улицъ, мрачныя и грязныя. И вдругъ, сквозъ открытую дверь или ворота вы видите цѣлую рощу лавровъ, столѣтнихъ дубовъ, множество статуй среди бьющихъ фонтановъ. Базаръ, гдѣ продаютъ овощи и фрукты, окружаетъ великолѣпную античную колонну; баракъ съ навѣсомъ изъ краснаго зонта пріютился у фасада разваливъ древняго храма, затѣмъ — рядъ великолѣпныхъ построекъ и церквей, съ цѣлыми полянами роскошной зелени. Въ общемъ, Римъ можно было бы сравнить съ мастерской художника, того старика-художника, въ оборванномъ балахонѣ, съ длинной, нечесанной шевелюрой, который нѣкогда, въ дни своей юности, обладалъ великимъ талантомъ, а теперь бранится со своими кредиторами.

И въ самомъ дѣлѣ, отличительный характеръ „вѣчнаго города“ — это характеръ художественнаго заустынія. Едва-ли можно представить себѣ то огромное количество величайшихъ произведеній искусства, которыми заполненъ Римъ. Безконечный рядъ громадныхъ залъ Ватикана наполненъ античными статуями; то же самое вы встрѣчаете въ Кантоліи. Множество дворцовъ римской знати образуютъ галереи, въ которыхъ собраны произведенія величайшихъ мастеровъ живописи и скульптуры. Произведенія Рафаэля находятся тутъ же, въ этомъ старомъ Ватиканѣ, который со стороны площади Св. Петра кажется почти безформенной, но громадной и величественной, каменной массой. Вы входите во дворъ, окруженный самыми разнообразными зданіями, со множествомъ маленькихъ оконъ, придающихъ зданію видъ теллицы. Затѣмъ подымаетесь по дѣстницамъ, утомляетесь и, наконецъ, вступаете въ громадную залу, расписанную фресками. Ихъ такъ много, этихъ фресокъ, что глазъ не находить на чемъ ему остановиться. Вотъ „Сраженіе Константина“, скопированное Рафаэлемъ, но выполненное красками его ученикомъ Джулио Романо; краски поблекли и пожелтели. Вы идете по длинному портику, гдѣ должны быть арабески Рафаэля: отъ сырости онѣ почти совсѣмъ исчезли. И такъ почти во всемъ...

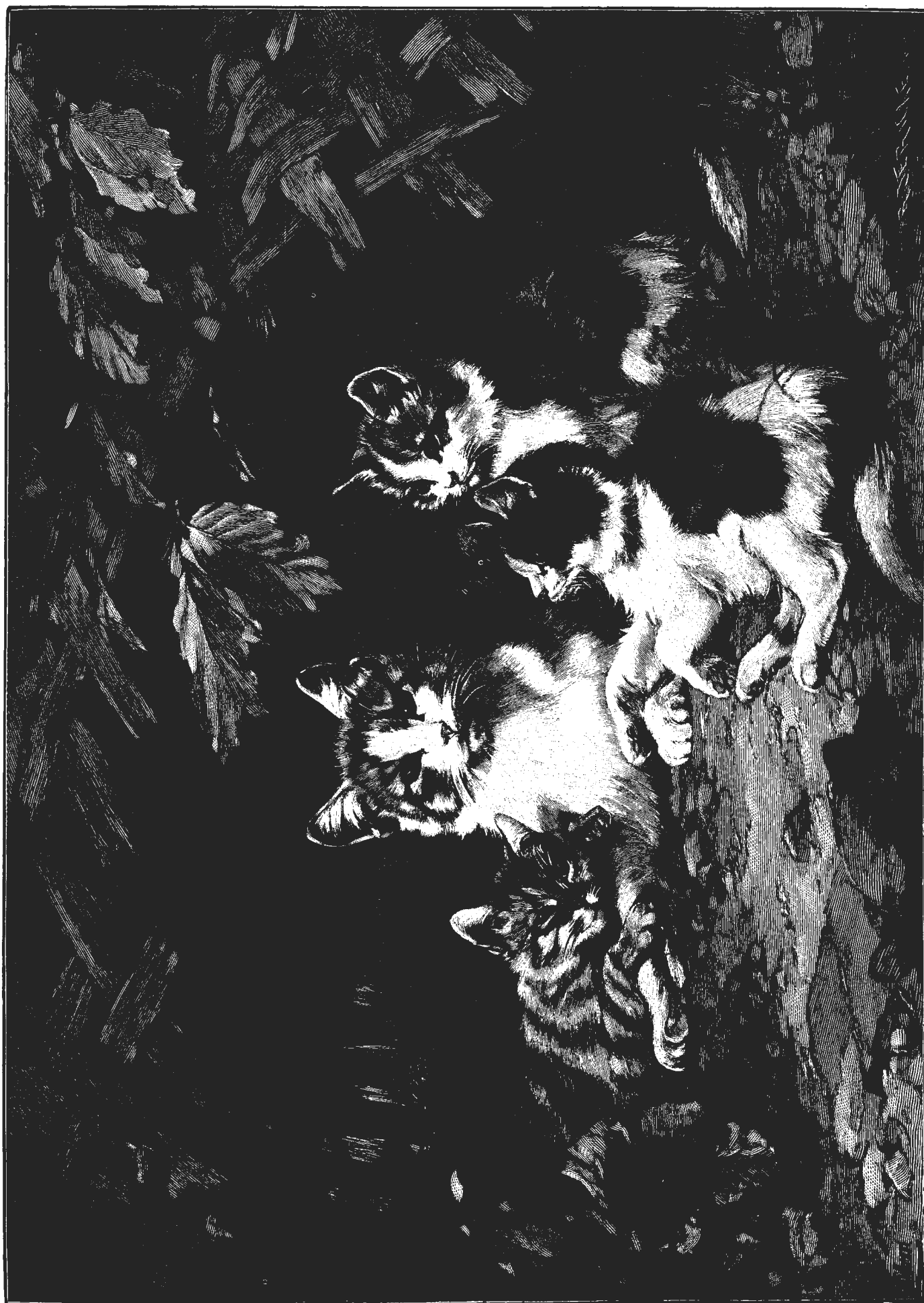
Въ настоящее время, ради празднествъ папскаго юбилея, Римъ почиется и, такъ сказать, приободрился. Со всѣхъ концовъ Италіи, изъ Германіи, Австріи, Венгріи, Франціи и даже изъ Ирландіи прибыли пилигримы на эти празднества. Всѣ отели, пансіоны, меблированныя комнаты и частныя квартиры оказались переполнены пріѣзжими. Движеніе въ городѣ началось съ пяти часовъ утра въ первый день празднествъ, хотя богослуженіе должно было начаться всего лишь въ девять часовъ. Около восьми закрыли двери собора, потому что больше нельзя было впускать туда народъ. Полиція распорядилась прекрасно. Порядокъ на Тибрскомъ мосту и на Пиаццѣ передъ соборомъ былъ соблюденъ образцовый. Несмотря на весьма незначительную ширину улицъ, движеніе экипажей все время шло по нимъ безпрерывно. На площади Петра полиція пропускала къ собору только лицъ, имѣвшихъ билеты.

Внутренность собора была богато украшена красными и золотыми тканями, покрывавшими пилестры, нерла и трибуны. Направо отъ главнаго входа былъ поставленъ высокій барьеръ, за которымъ возвышались мѣста для народа. Мужчины пріѣзжали въ фракахъ или въ мундирахъ, дамы — въ черныхъ платьяхъ безъ шляпъ. Было выдано 50,000 билетовъ, собственно, для публики, а если прибавить къ этому почетныя приглашенія, да еще свиту папы, служащихъ въ Ватиканѣ и панскую гвардію, то можно смѣло сказать, что соборъ вмѣстилъ въ себя въ этотъ день около 70,000 человѣкъ.

И вся эта толпа ждала съ напряженіемъ появленія процессіи изъ соединяющаго соборъ съ Ватиканомъ особаго

Тайная проповедь. Съ карт. В. Гестель, грав. Реддеръ.

Материнская гордость. Сь карт. Юл. Адама, грав. Герике.

хода. Эту процессию должна была начать церемония. Наступило наконец девять часов, половина десятого, и вдруг, как волна, из края в край толпы пронесся оглушительный грохот аллодисментов — обычное выражение приветствия на Западе. Папу несли на золотом кресле. Облаченный в парчу, в тиару на совершенно белой голове, Лев XIII величественно выдвигался над всею толпою. Его осыпали огромными опахалами из белых страусовых перьев. У алтаря папа снял тиару и надел епископскую митру. Во время богослужения, он все время оставался на виду у всех. Хоры, по обычаю католического служения, сопровождалась музыкой. Хор панских певчих помещался за главным алтарем. Музыканты и ученики монастырских школ находились на галереях, опоясывающей купол. Несшие с высоты пение и музыка производили удивительное впечатление.

Когда папа, кончив богослужение, двинулся в процессию обратно в Ватикан, снова раздались оглушительные привѣ-

ствия и крики: „e viva, e viva il papa re“ („да здравствует папа царь“).

Среди этих восторженных проявлений народных чувств, произвел один из самых торжественных моментов появления папы перед народом — благословение вбрующихся. Папа поднял руки вверх, все смолкло, и затѣл трехкратное „amen“ пронеслось по толпе, и новый взрыв рукоплесканий и криков „e viva“...

Разъезд почетных гостей тоже представлял интересное зрѣлище. Кардиналы в своих красных мантиях, монахи в ризах, черных, коричневых, синих, фиолетовых и ярко-красных, монахини в длинных вуалях и белых плерезах, друг за другом, последовательно, оставляли собор, увозя приспешенные ими хоругви и знамена. На дорогих черных бархатных туалетах дам сверкали брильянты. Пандские гвардейцы, в своих блестящих, шитых золотом, мундирах, стройными рядами направлялись в Ватикан, а за ними шли привратники с алебардами... Картина была по-истинѣ великолѣпная.

Сто лѣтъ назадъ.

Присоединение Волыни и Подолии къ Россіи отъ Польши.

Историческая справка. (Рис. на стр. 253).

Положение Россіи въ послѣдніе годы, предшествовавшіе второму раздѣлу Польши, было болѣе, чѣмъ затруднительное. Съ одной стороны нескончаемые войны съ Турціею, которую Англія и Франція постоянно травили на Россію изъ своихъ узкихъ, корыстныхъ видовъ; съ другой стороны, развившееся на Западѣ революціонное движеніе, страшно напугавшее всѣхъ европейскіхъ монарховъ и находившее себя кое-какіе отголоски въ разрозненной, разслабленной и обезображенной внутренними несогласіями Польшѣ. Съ третьей — внутренней неурядицы и страшные недочеты въ финансахъ, вызываемые необходимостью постоянно содержать наготовѣ большія арміи, разбросанныя вдоль всей южной, юго-западной и западной границы Россіи. Притомъ, императрица Екатерина выдѣла, что Польша и поляки, и даже посаженный ею на польскій престолъ Станиславъ - Августъ Полятовскій, завѣряя императрицу въ своей преданности и уваженіи, въ то же время, при первомъ удачномъ случаѣ, готовы всѣми силами вредить Россіи и играть „въ руку“ ея завистливымъ соседямъ — Австріи и Пруссіи. Принявъ все это въ соображеніе, императрица Екатерина рѣшилась дѣйствовать и принять на себя инициативу въ дѣлѣ, которое составляло дѣлъ всѣхъ вождѣв Пруссіи. Чтобы развязать себя руки для свободнаго дѣйствія въ Польшѣ, императрица рѣшилась, какъ можно скорѣе, закончить затлывшуюся Турецкую войну — и вотъ 17 января 1792 года въ Варшавѣ была получена страшная вѣсть о подписаніи въ Яссахъ мирнаго договора между Россіей и Турціей. Вся — важная отъ короля и до послѣдняго шляхтича — поняли, что замѣренье съ Турціей дастъ полную возможность Россіи дѣятельно вступить въ польскія дѣла и положить конецъ тому дикому и разнузданному безначалію, которое царило во всей Польшѣ, раздираемой борьбою политическихъ партій. Но никто не ожидалъ тамъ, что дѣло пойдетъ такъ быстро, какъ оно пошло.

Грозныя вѣсти о военныхъ успѣхахъ революціонной Франціи и твердое убѣжденіе въ невозможности успокоить Польшу собственными средствами, вотъ что побудило Екатерину пріобрѣсть себя въ Прусскомъ королѣ союзника для войны съ Франціею, вознаградивъ его заранѣе за эту войну частью Польскихъ владѣній, смежныхъ съ Пруссіей. Въ ноябрѣ 1792 года, прусскій посолъ въ С.-Петербургѣ, графъ Гольцъ представилъ карту Польши, гдѣ отмѣченъ былъ участокъ, желаемый Пруссіею. „Тогда Ея Величество (по свидѣтельству очевидца) противула черту на картѣ Польской, для показанія того удѣла, который предназначался къ Всероссийской Имперіи, и изволила утвердить оную своеручно подписью“.

Черта была проведена отъ восточной границы Курляндіи, мимо Пинска, черезъ Волынь къ границамъ австрійской Галиціи. Черта была проведена не наобумъ: Екатерина послѣднее время усердно занималась древне-русской исторіей. Она даже неоднократно выражала сожалѣніе, что не всѣ неконно-русскія области войдутъ въ составъ Россіи, что въ чужихъ рукахъ останутся даже многіе стольные города знаменитыхъ Русскихъ князей; но она не скрывала надежды на то, что современемъ ихъ можно будетъ вымѣнить у Австріи на Турецкія области.

Окончательно выработавъ планъ раздѣла, Екатерина представила исполненіе его тонкому и весьма искусному дипломату — Сиверсу, который утѣлъ самую неприятную дѣла обработать къ обоюдному удовольствію. Въ весьма энергичномъ рескриптѣ, отправленномъ Сиверсу, государыня заявила, что „по испытанности прошедшаго и по настоящему расположенію вещей и умовъ въ Польшѣ, т. е. по нестоянству и вѣтрости сего народа, но доказанной его злобѣ и ненависти къ нашему, а особливо по извѣвающейся въ немъ склонности къ разврату и нестоянству французскимъ, мы въ немъ никогда не будемъ имѣть ни спокойнаго, ни безопаснаго сосѣда,

иначе какъ приведемъ его въ сущее безсиліе и немогущество“, — а посему, заручившись особымъ соглашеніемъ съ Пруссіей — рѣшились на дѣло, которому началось и концомъ предпологаемъ избавить земли и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоземниками ея заселенные и созданные и единую въру съ нами исповѣдающіе, отъ соблазна и угнетенія, имъ угрожающихъ“.

Основанную на этомъ рескриптѣ декларацию Россіи Сиверсъ подалъ на сеймѣ 1793 года въ Гродно. Онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, тѣмъ болѣе, что прусскія войска были готовы вступить въ смежныя польскія области, а русскими войсками Польша была перенюлена. На этомъ сеймѣ послѣдовало то знаменитое *молчаніе* засѣданіе, на которомъ депутаты Рѣчи Посполитой думали, что сумѣютъ „отмолчать“ свои земли. Но Сиверсъ объявилъ, что не выпуститъ изъ залы ни депутатовъ, ни короля, пока они не заговорятъ. Пробыло полночь — молчаніе; пробило три часа утра — молчаніе. Наконецъ, одинъ догладливый депутатъ, Анквичъ изъ Кракова, крикнулъ: „молчаніе есть знакъ согласія“. Сеймовый маршалъ Бѣлинскій, конечно, обрадовался такому неожиданному обороту дѣла и трижды повторилъ вопросъ: „уполномочиваетъ-ли сеймъ сеймовую комиссію на безусловное подписаніе договоровъ о раздѣлѣ съ Пруссіей и Россіей?“ — Отвѣтомъ было опять гробовое молчаніе. Тогда Бѣлинскій объявилъ, что „рѣшеніе состоялось единогласное“. И 25 сентября договоръ былъ окончательно подписанъ.

Но, въ сущности, самое присоединеніе отошедшихъ отъ Польши земель къ Россіи совершилось гораздо ранѣе этого знаменитаго „цѣлаго“ засѣданія и его дѣтскихъ пріемовъ для защиты цѣлости Польскихъ владѣній. Уже 27 марта, на основаніи распоряженій, присланныхъ изъ Петербурга, въ станѣ русскихъ войскъ при мѣстечкѣ Полонномъ, былъ торжественно прочитанъ манифестъ генераль-аншефа Кречетникова „о присоединеніи польскихъ областей къ Россіи, по Высочайшему повелѣнію“. Въ этомъ манифестѣ, который приказано было прочесть во всеуслышаніе во всѣхъ церквахъ и всюду „въ подлежащихъ мѣстахъ“ выставить для всенароднаго чтенія, отчетливо и ясно были опредѣлены и указаны всѣ поводы, побудившіе Россію ко второму раздѣлу Польши. Не менѣе отчетливо, точно и ясно были указаны и предѣлы того пространства, которое „Государыня соизволяетъ выиѣ брать подъ державу свою и присоединить на вѣчныя времена къ Имперіи своей“.

Далѣе, Кречетниковъ, „какъ учрежденной надъ овими отъ Ея Величества генераль-губернаторъ“, обнадѣживалъ всѣхъ новыхъ вѣрноподанныхъ Ея Величества „ея священнымъ именемъ и словомъ“ въ полной свободѣ вѣроисповѣданія и въ полной общественной безопасности. Въ свою очередь, „всѣ и каждый, начиная отъ знатнѣйшаго дворянства, чиновниковъ и до послѣдняго крестьянина“, обязывались принести императрицѣ торжественную присягу въ вѣрности. Тому, кто-бы не захотѣлъ присягать и принимать русскаго подданства, давался трех-мѣсячный срокъ на продажу имущества и добровольный въездъ „въ границѣ“. Духовенство „вышнее и нижнее“ обязывалось присягнуть первое, для примѣра остальныхъ, и, со дня принятія присяги, должно было ежедневно поминать при богослуженіи „Ея Императорское Величество и дражайшаго ея сына и наслѣдника“.

„Такъ произвелъ второй раздѣлъ Польши“, — замѣчаетъ нашъ историкъ Соловьевъ, — „доказавшій прежде всего, что въ Польшѣ не было народа... Оказались слѣдствія того, что въ продолженіе вѣковъ народъ молчалъ, а шумѣлъ только шляхетскій сеймъ, говорившій краснорѣчивыя рѣчи...“

Мы скажемъ болѣе: народъ молчалъ и охотно подчинялся новымъ русскимъ порядкамъ, предвидя, что онъ, наконецъ, успокоится и вздохнетъ свободно отъ польской неурядицы подъ мощнымъ скипетромъ Россійскаго Государства.

Женскіе клубы Новаго Свѣта.

(Корреспонденція „Нивы“ изъ Америки В. Манъ-Гаханъ).

Въ одной изъ Нью-Йоркскихъ воскресныхъ газетъ появилось недавно слѣдующее интересное сообщеніе изъ далекаго Санъ-Франциско: „Здѣсь устраивается женскій клубъ совершенно новаго характера: клубное помѣщеніе напято въ дѣловой, торговой части города, и число членовъ ограничено 200-ми женщинами. Въ клубѣ этомъ не предполагается ни литературныхъ митинговъ, ни дебатовъ на высеренныя темы, ни дамскихъ завтраковъ, а просто членамъ будетъ предоставлено нѣсколько помѣстительныхъ уютныхъ комнатъ, обставленныхъ покойною мебелью, шканими и столами съ книгами и журналами, для того чтобы туда можно было зайти посидѣть, отдохнуть и провести часть-другой въ знакомомъ обществѣ.

Устройство такого клуба въ Санъ-Франциско рѣзко и сразу показываетъ разницу между женщинами западныхъ и восточныхъ штатовъ. На Западѣ женщины смѣютъ устраниваться, какъ имъ удобно. Совершенно иное пропеходитъ на Востока. Тамъ женщину всецѣло поглощаетъ прямое стремленіе, во что бы то ни стало сдѣлаться интеллигентной, или хотя-бы казаться такою. Попадаются, правда, блестящія исключенія—женщины, увѣренно и неуклонно пробивающія себѣ дорогу къ извѣстной цѣли, на пути-ли филантропін или служенія интересамъ ихъ болѣе слабыхъ сестеръ; но эти исключенія являются лишь подтвержденіемъ общаго правила. Какихъ только мукъ не выноситъ американка, чтобы имѣть право похващаться только „интеллектуальными стремленіями“—intellectual pursuits!.

На первыхъ порахъ американки Востока способны русскаго человека пораить своимъ прилежаніемъ и любознательностью. Чѣмъ только досужія эти женщины ни задаются! какихъ только программъ себѣ ни выдумываютъ, стремясь къ вождѣльному идеалу „интеллектуальности“!

Во Франціи, гдѣ еще не совсемъ утрачено искусство de faire la conversation, женщинамъ есть возможность, не проявляя никакой къ тому подготовки, блистать умомъ, остроуміемъ и даже знаніемъ въ свѣтскихъ гостинныхъ, гдѣ такой разговоръ всегда найдетъ себѣ въ собесѣдникахъ поддержку.

Но въ американской жизни этой рамки не найти. Faire la conversation здѣсь совершенно не умѣютъ и даже рѣдкій человѣкъ знаетъ, что это такое. Американскіе мужчины, за самыми рѣдкостными исключеніями, ничего рѣшительно не читаютъ, кромѣ газетъ и журналовъ. Они разговариваютъ почти исключительно о политическихъ и экономическихъ злобахъ дня и вѣчно объ одномъ и томъ-же: никому въ голову не приходитъ прочесть проглядной нумеръ журнала, какія-бы интересныя статьи въ немъ ни были. Женщины читаютъ гораздо болѣе мужчинъ; но, страшное дѣло, прочитанное отнюдь не волнуетъ ихъ, не возбуждаетъ ихъ воображенія, а просто занумеровывается и складывается въ памяти ихъ для справки на будущія времена.

„Интеллектуальность“, какою она проявляется въ Америкѣ, не только не обуславливаетъ увлеченія, хотя-бы, идей, но, напротивъ, идетъ въ разрѣзъ со всякимъ увлеченіемъ.

Ареною для наиболее виднаго проявленія интеллектуальности американокъ служатъ ихъ клубы. Женскіе эти клубы въ восточныхъ штатахъ всегда ставятъ себѣ цѣлью умственное совершенствованіе, возможно обширное и возможно удобовоспринимаемое.

Въ простѣйшей своей формѣ клубъ есть ни что иное, какъ кружокъ женщинъ, которыя собираются для изученія того или другаго литературнаго или историческаго предмета. Берутъ, напримеръ, сочиненія Шекспира, Исторію Англіи Елизаветинской эпохи, произведенія Толстого, Ибсена. Собираются въ нарочно устроенномъ для того помѣщеніи или попеременно у членовъ кружка, въ извѣстные дни или вечера. Случается, что кружокъ задается мыслью просвѣтиться насчетъ странъ заграничныхъ, и, въ такомъ случаѣ, назначаетъ себѣ темами Китай, Францію, Англію, Россію, Италію и инія страны.

Предположимъ, напримеръ, что клубъ задаетъ мыслью изучать Ибсена. Предсѣдательница читаетъ клубу спискокъ переводныхъ произведеній Ибсена, спрашивая, кто что предпочитаетъ изучать. На изученіе полагается срокъ въ двѣ-три недѣли, по истеченіи-же этого срока, члены клуба поочередно представляютъ на собраніяхъ своего кружка докладъ о прочитанномъ. Такъ какъ каждая дама добросовѣстнѣйшимъ образомъ изучаетъ лишь ей одной порученное произведеніе Ибсена, то ей и въ голову не приходитъ оснаивать какія-бы то ни было заявленія другияхъ членовъ: собранія проходятъ въ примѣрномъ мирѣ и согласіи, и, въ концѣ концовъ, всѣ предаются благодушному сознанію того, какъ много оныхъ приобрѣли свѣдѣній въ пенюверно-короткій срокъ, и какъ мало стоило имъ это труда: всего одну-другую книжку прочесть, да за нѣсколько собраній докладъ другияхъ слушать...

Въ иныхъ кружкахъ или клубахъ женщины каждое собраніе ознаменовывается чтеніемъ какого-нибудь мемуара или болѣе или менѣ претенціознаго очерка, а не то и поэмы, написанной для даннаго случая кѣмъ-либо изъ членовъ; декорумъ

тутъ царитъ леденящій—не зѣваетъ никто, а многія, какъ это ни странно, находятъ удовольствіе въ слушаніи этой жестокой писательской „любительской“ стряпни.

Гораздо интереснѣе другияхъ представляются мнѣ женскіе клубы, доставляющіе себѣ роскошь путешествія (мысленнаго) по различнымъ частямъ свѣта, не выѣзжая изъ роднаго города или поселка. Достигаются эти чудесные результаты слѣдующимъ образомъ: надумывается, скажемъ, клубъ совершить путешествие по Россіи, и пойдутъ жаркіе сборы. На созваніемъ предварительномъ собраніи миссисъ А** беретъ на себя пропеходженіе и исторію русскаго народности; миссисъ В** обѣщаетъ изучить русскую литературу; В**—географическое положеніе Россіи; Г**—экономическія условія страны; Д**—народные предразсудки и обычаи; Е** и нѣкоторыя другія—русскіе города; остальные-же обѣщаютъ вышкнутъ въ сущность *русской* религіи и т. д. Численность отдѣловъ ограничивается, въ сущности, лишь числомъ членовъ клуба.

Второй фазисъ сборовъ въ путешествіе состоитъ въ томъ, что каждая дама бѣгаетъ по библиотекамъ, собирая матеріалъ для изученія порученнаго ей изслѣдованію отдѣла, читаетъ соответственныя книги, разспрашиваетъ о Россіи всѣхъ, кто что-либо можетъ о пей знать, — и всѣ эти сообщенія и свѣдѣнія складываютъ въ помѣстительной памяти своей или записываютъ въ книжку на черныи день — или, бишь, на тотъ день умственного просвѣтленія клуба насчетъ Россіи, который назначенъ черезъ нѣсколько недѣль.

Мнѣ самой не одинъ разъ пришлось выдерживать набѣги и осады по всѣмъ правиламъ искусства со стороны любознательныхъ дамъ, одержимыхъ рвеніемъ сбора свѣдѣній о Россіи. Набѣги эти тѣмъ ужаснѣе, что производятся они сообща тремя-четырьмя членами клуба, которые, поочередно, осмѣляютъ васъ просьбами и вопросами, какъ каргечью, не давая вамъ даже передохнуть: „Дорогая миссисъ М., мы къ вамъ съ просьбою: расскажите намъ все, что можете о Россіи, — мы собираемъ всѣ свѣдѣнія о вашей странѣ къ нашему заведенію, которое состоится черезъ недѣлю въ четвергъ...“— „Но, о чемъ-же, собственно, вамъ надо меня разспросить?“— „Да обо всемъ рѣшительно: расскажите намъ все, что сами знаете о Россіи. Сколько тамъ провинцій?... Правда-ли, что люди, проѣзжая мимо церквей, выходятъ изъ экипажей и колятся и становятся передъ церковью на колѣни?... А сколько миллионновъ рабовъ освободилъ вашъ царь?... Вѣдь въ этомъ оупъ примѣру Линкольна послѣдовалъ?... Но какъ-же это ихъ не задавать провѣщающіе, если они на колѣняхъ на улицѣ стоятъ?... Скажите намъ хоть нѣсколько словъ по-русски: мы постараемся прислушаться, къ какой семьѣ языковъ вашъ языкъ принадлежитъ... Какъ русскую печатъ читаютъ, справа лѣво?... Неужели иѣтъ? я думала, всѣ восточные языки такъ читаются... А кака я русскія національная кухни?... Страшно, что у васъ совсемъ не еврейскій типъ... Знали-ли вы въ Россіи Толстого?... Скажите, пожалуйста, какъ-бы вы вкратцѣ опредѣлили экономическое положеніе Россіи?... Будетъ-ли и въ этомъ году голодъ?... О, небо! безъ пяти четыре, въ половинѣ пятого поѣздъ отходитъ въ Оранжъ, а намъ еще надо будетъ переодѣться и поспѣть на обѣдъ общества Осушенія болотъ... До свиданія, до свиданія, дорогая миссисъ М**! вы намъ доставили вашей бестѣдой величайшее удовольствіе, а клубу безконечную пользу!.. Смотрите-же, не забудьте: первый вечеръ поѣздки по Россіи назначенъ черезъ недѣлю въ четвергъ, въ восемь часовъ вечера — ждемъ васъ непременно“.

Наступаетъ, наконецъ, вождѣльный вечеръ „путешествія“; обыкновенно, путешествіе по такой обширной, малозвѣстной и своеобразной странѣ, какъ Россія, распределяется вечера на два, а не то и на три. При докладахъ, обыкновенно, показываютъ соответствующія туманныя картины.

Размѣры настоящаго очерка не позволяютъ мнѣ вдаваться въ описаніе многочисленныхъ профессиональныхъ, политическихъ или филантропическихъ клубовъ и ассоціаций американокъ Востока: они-же притомъ и не подходятъ подъ рубрику описываемыхъ кружковъ умственного саморазвитія, которому имѣютъ возможность предаваться одиѣ досужія женщины.

Не мѣшаетъ, однако, сказать нѣсколько словъ о *первомъ*, по возникновенію и по утѣху, клубѣ женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ, о Нью-Йоркскомъ Sorosis, который года три-четыре тому назадъ праздновалъ свое совершеннолѣтіе—21-ю годовщину своего основанія. Вначалѣ клубъ этотъ былъ тоже клубомъ самосовершенствованія и самоуслажденія талантами своихъ собственныхъ членовъ. Но съ теченіемъ времени клубъ этотъ разросся чрезвычайно, и въ настоящее время насчитываетъ много сотенъ членовъ, въ числѣ которыхъ много актрисъ, авторовъ и, въ особенноти, просто богатыхъ женщинъ: принадлежатъ къ Sorosis сѣбитъ значительныхъ денегъ. Главная и самая выдающаяся для постороннихъ людей функція Sorosis состоитъ въ торжественныхъ завтракахъ по подпискѣ, на которые зачастую собираются члены, пригласена на нихъ

капихъ-либо именитыхъ заѣзжихъ иностранцевъ или капихъ-нибудь свѣтлыъ мѣстнаго артистическаго міра. Помимо этихъ немногихъ приглашенныхъ, присутствуютъ одиъ только женщины; завтраки эти всегда происходятъ въ отдѣльныхъ залахъ самыхъ дорогихъ ресторановъ, вина за ними никакого никогда не допускается, но все-же завтраки обходятся не дешевле рублей одиннадцати или двѣнадцати съ куверта; длится они три-четыре часа и заключаются серіей спичей, занимаемыхъ сельтерской водой Apollinaris и заѣдаемыхъ массою дорогихъ сластей и фруктовъ.

Клубъ Sorosis дѣятельно занимается филантропіей за свой счетъ; при немъ учреждены постоянные комитеты: комитетъ по благотворительности, комитетъ по литературѣ, по искусству, по хозяйственной части, по распространенію трезвости, комитетъ изысканія средствъ, комитетъ по приемамъ, комитетъ увеселеній и проч. — всѣхъ не стоить и перечислять. Члены всѣхъ этихъ комитетовъ, опять-таки, все женщины до-

сужія и богатія, дѣлаютъ массу дѣла. вѣчно что-то псалѣдуютъ, устраиваютъ; но все это какъ-то никогда ничѣмъ не проявляется на ходѣ окружающей ихъ жизни; правда, что спичи, произносимые на завтракахъ Sorosis, передаются газетамъ, но серьезныхъ обсужденій они отнюдь не вызываютъ, развѣ только какой-нибудь юмористъ, репортеръ газетъ, потѣшитъ читателей добродушно-забавнымъ отчетомъ о высокихъ стремленіяхъ, которыя краснорѣчиво высказываются элегантными дамами Sorosis послѣ вкуснаго завтрака, отнявшаго у нихъ полдня драгоцѣннаго ихъ времени. Ни одинъ, притомъ, репортеръ не преминетъ въ разсказѣ своемъ упомянуть о фашѣ шляпокъ и костюмовъ членовъ и гостей Sorosis, какъ о самомъ краснорѣчивомъ и основательномъ доводѣ противъ злостныхъ инсинуацій ихъ недоброжелателей, утверждающихъ, будто Sorosis представляетъ собою сборище „спичихъ чулковъ“.

Нью-Йоркъ. Февраль 1893 г.

Благость.

Акрстихъ въ прозѣ.

(Къ рис. на стр. 261).

Великій царь, древній пророкъ, Соломонъ говорилъ: Ышь съ веселіемъ хлѣбъ твой и пей вино твое въ радости сердца, когда Богъ благоволитъ дѣламъ твоимъ, а мы, совершенно забывая душу свою, въ суетѣ мірской, Недовольные земными благами, словно увѣрены, что ангелъ небесный сможетъ сохранить помимо насъ эту душу, сохранить ее отъ грѣха и соблазна, которые обемлютъ неразумныхъ, не понимающихъ словъ пророка: живые знаютъ, что умрутъ, а мертвые ничего не знаютъ, доброму и злomu участь одна: зло въ сердцѣ ихъ, въ жизни, а послѣ того они отходятъ къ умершимъ.

Все это не значитъ, что обѣщана намъ жизнь, полная наслажденій, что мы должны беречь плоть свою. Нѣтъ, онъ велитъ трудиться въ потѣ лица не съ озлобленіемъ, не съ негодованіемъ, а съ радостью, съ удовольствіемъ. Когда человѣкъ радостенъ — онъ удовлетворенъ, и къ ближнимъ ласковъ и добръ, и счастье емъ озаряетъ ихъ умиленные души.

Блаженны ходящіе въ Богѣ и благоговѣнно внемлющіе Святому велѣнью, — быть довольными и счастливыми, ибо есть счастье: три слова, три понятія чудотворныя даютъ Миръ и Благость. Нужно найти ихъ.

Къ рисункамъ.

Соколы, бьющій лебедя. (Рис. на стр. 248).

Не та дичь и не тѣ картины грезились охотнику въ былыя времена. Онъ поровилъ не бекасовъ, дупелей и тетеревятъ пощелкивать; нѣтъ, онъ мечталъ, конечно, о томъ, какъ на борзомъ конѣ съ добрымъ соколомъ онъ выйдеть полевая, — гусей, бѣлыхъ лебедей, да сѣрыхъ утицъ, журавлей и цапель бить. И вотъ ѣдетъ онъ на своемъ „борзомъ“, и соколъ, въ клубочекъ убранный, на рукѣ сидитъ, — ѣдетъ онъ и полями, и перелѣсками, и порослями... Птичій гвалтъ слышится и съ недалекой рѣки, и изъ дрема, полнаго разныхъ ямъ, рытвинъ, озерковъ и лузъ: слышны и криканье селезней, и куличій свистъ; изрѣдка налетитъ откуда-то будто гоготъ стада гусинаго. Но чуткое ухо давно отличило въ этомъ гвалтѣ музыкально-звенящій, поющій, мелодическій звукъ, похожій по переливамъ, но не по нѣжности, на звукъ трубы. Лебеди! И дѣйствительно, изъ-за перелѣска на фонѣ безоблачной лазури выдѣлилась бѣлая фигура, и скользнула по небу, медленно и плавно взмахивая могучими крыльями. Ближе! Скорѣй долой клубочекъ съ сокола. Зорко оглянувъ ясными глазами опытный хищникъ твердь небесную и, почувши свободу, азартно рванулся, описывая круги, къ лебедю. Увидала и гордая птица опасность грозную, торопливѣе ударила крыльями, начала забирать все болѣе и болѣе вверхъ. Но бывалый соколъ въ нѣсколько приемовъ достигъ ее, подъ крыло ударилъ съ размаху, и, кувиркался и опрокидываясь, заскользилъ лебедя на землю...

Литературный альбомъ. „Сказка о царѣ Салтанѣ“,

А. С. Пушкина. (Рис. на стр. 249).

Кто не читалъ этой прекрасной сказки Пушкина и кто не узнаетъ сцены, изображаемой на рисункѣ С. С. Соломо: — „Князь у синя моря ходитъ, съ синя моря глазъ не сводитъ; глядь — поверхъ текучихъ водъ лебедь бѣлая плыветъ: — „Здравствуй, князь ты мой прекрасный, что-жъ ты тихъ, какъ день ненастный? опечалился чему?“ Говоритъ она ему... Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ: „Грусть-тоска меня съѣдаетъ — люди жевается; гляжу, не женатъ лишь и хожу“... Далѣе князь говоритъ, что есть на свѣтѣ царевна, и описываетъ ее красоту. Лебедь отвѣчаетъ: „Да, такая есть дѣвица, но жена не рукавица: — съ бѣлой ручки не спрячешь и за поясъ не заткнешь; услугу тебѣ совѣтомъ — слушай: обо всемъ объ этомъ пораздумай ты пугемъ, не раскаяться-бъ потомъ.“ Но князь божится, что все обдумалъ и готовъ идти хотъ за тридевять земель за царевной. Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко, молвила: — „за чѣмъ далеко? — Знай, близка судьба твоя, вѣдь царевна эта — я!“ Тутъ она, взмахнувъ крылами, полетѣла надъ волнами и на берегъ съ высоты опустилася въ кусты, встрепенулася, отряхнула и царевной обернулася...

Тайная проповѣдь. (Рис. на стр. 256).

Женщина — первая въ жизни проповѣдница. Какъ мать, она съ первымъ лепетомъ ребенка научаеъ его молиться и при первомъ разумнѣнн внушаеъ догматы вѣры. Чѣмъ искреннѣе вѣруетъ она, чѣмъ горячѣе любитъ свое дитя, тѣмъ глубже западаютъ сѣмена вѣры въ чуткое сердечко малютки, у котораго вносѣдствіи съ любовью преподанная вѣра окрѣпнетъ и умножится. Какъ жена — женщина научитъ мужа въ минуты жизненныхъ невзгодъ перенести съ кротостью и терпѣніемъ удары судьбы и надѣяться на милость Отца Небеснаго; а въ минуты счастья и отрады она вмѣстѣ съ мужемъ поблагодаритъ въ горячей молитвѣ Всеблагаго Творца. Въ трудныя годы гоненій за вѣру, женщина перѣдко своимъ примѣромъ поддерживаетъ слабовѣрныхъ и смущаетъ гонителей. Она съ настойчивостью и упорствомъ хранитъ въ себѣ свою вѣру и на зло противникамъ ученія распространяеъ свѣтъ его. Одною изъ выдающихся проповѣдницъ, понесшей страданія и смерть за свои убѣжденія, была Анна Энско (Aynscough), жившая въ царствованіе Генриха VIII Англійскаго, въ началѣ XVI вѣка. Въ эту пору въ Англію стало проникать Лютерово ученіе, встрѣтившее прежде всего яраго противника въ лицѣ самого короля, который написалъ сочиненіе противъ него.

Анна Энско, увлеченная этимъ новымъ ученіемъ, приняла усердно распространять тезисы Лютера. Схваченная и посаженная въ тюрьму, она, послѣ продолжительныхъ истязаній, была сожжена; вмѣстѣ съ нею были казнены и ближайшіе ея сподвижники: пасторъ Николой Вельманъ, придворный Джонъ Лафельскъ и портной Джонъ Адамсъ. Одну изъ проповѣдей Анны Энско представилъ на своей картинѣ фламандскій живописецъ Виллемъ Геетсъ, гдѣ вдохновенную проповѣдницу окружаетъ большая толпа слушателей, на лицахъ которыхъ можно прочесть различныя впечатлѣнія тайной проповѣди. Какъ видно, на убогий и непривѣтливый чердакъ собралось, не стѣняясь различіемъ званія, и простолюдины, и придворные, и монахи, чтобы послушать краснорѣчивую проповѣдницу. У входа на лѣстницѣ сидитъ дѣвушка, на сторожѣ, прислушиваясь, не идетъ-ли кто посторонній.

Материнская гордость. (Рис. на стр. 257).

У Юлія Адама, прованнаго Рафаэлемъ кошекъ, нѣтъ плохихъ и неинтересныхъ картинокъ. Любое изъ его произведеній, хотя въ нихъ встрѣчаются кошки, и только кошки, невольно привлекаеъ къ себѣ и заставляеъ залюбоваться тѣмъ искусствомъ, съ какимъ художникъ передаетъ этихъ граціозныхъ и лукавыхъ животныхъ. На нашей гравюрѣ — старая корзина подъ деревомъ, и въ ней кошка съ тремя котятами. Но какъ прелестны эти шаловливые вѣрки около своей матери, въ глазахъ которой ясно свѣтится гордость своимъ потомствомъ.

Благодѣ:
Вѣра, Любовь, Надежда. Библиотека "Руниверс"
Съ карт. Пюкгорстѣ, грав. Шанписерѣ.

Академикъ Ю. К. Траппъ. (Портр. на стр. 264).

24 февраля сего года праздновалось пятидесятилѣтне учено-учебной и служебной дѣятельности академика и заслуженнаго профессора, магистра фармаціи, совѣщательнаго члена медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ дѣлъ, непрѣмьнаго члена Военно-медицинскаго ученаго комитета, тайнаго совѣтника Юлія Карловича Траппа.

Ю. К. родился въ г. Мариамполѣ, Сувалкской губерніи, 8 сентября 1814 г. въ семьѣ аптекаря, и получил первоначальное образование въ Тильзитской гимназіи. Окончивъ курсъ гимназіи, онъ посвятилъ себя фармацевтической дѣятельности. Съ этой дѣлью онъ прошелъ курсы фармаціи въ Варшавскомъ врачебномъ управленіи и затѣмъ поступилъ въ Императорскую медико-хирургическую академію, гдѣ и окончилъ съ отличіемъ курсъ со степенью провизора 1-го отдѣленія. 24 февраля 1843 г. Ю. К. опредѣлился на службу въ Медико-хирургическую академію, въ качествѣ лаборанта химіи. По прошествіи пяти лѣтъ, онъ получилъ степень магистра фармаціи и назначенъ исправлять должность адъюнкта-профессора фармаціи и химіи, въ каковой должности и былъ утвержденъ въ слѣдующемъ году. Въ 1836 г. Ю. К. уже получилъ званіе ординарнаго профессора фармаціи, фармацевтической химіи и фармакогнозіи. Предметы эти, несмотря на свою нѣкоторую сухость, въ талантливомъ и живомъ изложеніи Ю. К. интересовали и привлекали не только обязательныхъ, но и многихъ необязательныхъ слушателей. Выдающаяся его педагогическая дѣятельность была увѣнчана въ 1868 г. почетнымъ званіемъ академика и въ 1873 г. — заслуженнаго профессора. Педагогическое поприще Ю. К. оставилъ въ 1877 г. и въ томъ же году былъ избранъ непрѣмьнымъ членомъ военно-медицинскаго комитета. Съ 14 июня 1858 г. онъ состоитъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта.

Ученые труды Ю. К. Траппа, выдающіеся по своей научности, извѣстны и высоко цѣнятся не только у насъ, въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Своими работами по анализу ядовъ онъ приобрѣлъ себѣ почетное и слабое имя во всемъ научномъ мѣрѣ. За всѣ свои многочисленныя (до двадцати) труды Ю. К. былъ удостоиваемъ многократно избраніемъ въ почетныя члены болѣе чѣмъ двадцатью русскими и 6 иностранными научными обществами. Кенigsбергскій университетъ призналъ Ю. К. докторомъ естественныхъ наукъ. Въ теченіе своей полулѣтней учено-служебной дѣятельности онъ былъ награждаемъ многими знаками отличія до ордена Св. Александра Невскаго включительно.

Профессоръ музыки Ѳ. Ѳ. Штейнъ. (Портр. на стр. 264).

Наша консерваторія понесла большую утрату: 24 февраля умеръ одинъ изъ старѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ профессоровъ ея, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Штейнъ, состоявшій слиткомъ двадцать лѣтъ сначала преподавателемъ, а потомъ и профессоромъ первой степени по классу фортепіано. Ѳ. Ѳ. Штейнъ умеръ на 74 году жизни и большую половину ея провелъ въ Россіи, куда онъ впервые прибылъ въ 1836 г. Исключая рѣдкія поѣздки за границу, гдѣ онъ концертировалъ въ разныхъ городахъ Европы, покойный все время жилъ въ Россіи, проявляя свою художественную дѣятельность на поприщѣ виртуозномъ и, главнымъ образомъ, педагогическомъ. Онъ преподавалъ не только въ консерваторіи, гдѣ его классъ считался первымъ, но и въ Смольномъ институтѣ и въ Ивановскомъ дѣвичьемъ училищѣ, гдѣ онъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ былъ инспекторомъ музыкальныхъ классовъ.

Покойный Штейнъ родился въ Альтонѣ, около Гамбурга, въ 1819 г.; отецъ его состоялъ органистомъ въ мѣстной церкви. Забѣгивъ въ мальчикѣ рѣдкія музыкальныя способности, отецъ сталъ заниматься съ нимъ на роялѣ. Восьми лѣтъ Штейнъ уже путешествовалъ по Европѣ съ отцомъ, давая концерты въ Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ, Гамбургѣ и другихъ городахъ и приводя въ восторгъ своихъ слушателей. О немъ, какъ объ особенно даровитомъ мальчикѣ, писалъ самъ Шуманъ въ своей „Neue Zeitschrift für Musik“, гдѣ онъ, преимущественно, отмѣчалъ въ немъ импровизаторскій талантъ. Закончилъ Штейнъ свое музыкальное образование у извѣстнаго органиста Вейса въ тридцатыхъ годахъ въ Коненгагенѣ, у котораго онъ

учился на средства Датскаго короля Фридриха VI; онъ неоднократно бывалъ приглашаемъ къ двору на дѣтскія игры, устраивавшіяся ея королевскимъ высочествомъ принцессою Каролиной (впоследствии королева).

Въ 1836 году Ѳ. Ѳ. Штейнъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сразу обратилъ на себя вниманіе тогдашняго музыкальнаго міра, какъ виртуозъ и импровизаторъ; но климатъ не позволилъ ему тогда остаться въ Петербургѣ; тяжкая болѣзнь заставила его переселиться въ Ревель. Здѣсь онъ организовалъ общество камерной музыки, въ вечерахъ котораго онъ принималъ самое дѣятельное участіе; кромѣ того, онъ здѣсь основалъ свои фортепіанныя классы. Между 1846 и 1847 гг. онъ жилъ въ Стокгольмѣ, гдѣ также продолжалъ свою артистическую дѣятельность рядомъ съ педагогической. Въ 1855 г. онъ концертировалъ то въ Парижѣ, то въ Гамбургѣ; годъ одинъ онъ жилъ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью, какъ артистъ и прекрасный человѣкъ; затѣмъ съ 1872 г. былъ приглашенъ профессоромъ нашей консерваторіи, и съ этого времени безвыѣздно находился въ Петербургѣ.

Въ продолженіе своей, слиткомъ двадцатилѣтней педагогической дѣятельности, Ѳ. Ѳ. Штейнъ выпустилъ цѣлый рядъ выдающихся артистовъ, изъ которыхъ многие пользуются прекраснымъ реоменомъ въ нашемъ музыкальномъ мѣрѣ; таковы, напр., г. Дубасовъ, получившій премію на международномъ конкурсѣ, устроенномъ у насъ А. Г. Рубинштейномъ, г. Блаumenфельдъ, состоящій въ настоящее время старшимъ преподавателемъ въ консерваторіи; пианисты гг. Николаевъ (получилъ при окончаніи курса въ видѣ преміи рояль), Листовицкій, Штейнъ, Миклашевскій, или г-жи Шмеманъ, Махарина и др. Покойный имѣлъ право считать своихъ учениковъ и ученицъ въ разныхъ школахъ, гдѣ онъ давалъ уроки, сотнями. Штейнъ за послѣднее время ужъ рѣдко выступалъ, въ качествѣ солиста, но игра его всегда отличалась замѣчательною чистотою, мягкостью, тонкостью фразировки. Особенно хорошо игралъ онъ сочиненія классиковъ: Баха, Генделя, Скарлатти, Бетховена, Моцарта и др. Слыхавшій его, какъ импровизатора, отзываются съ восторгомъ и объ этой сторонѣ дарованія покойнаго профессора нашей консерваторіи.

Насколько онъ пользовался любовью своихъ учениковъ и уваженіемъ товарищей по консерваторіи и, вообще, по искусству, можно было судить по панихидѣ; квартира его до того была переполнена почитателями, что многимъ пришлось стоять на лѣстницѣ и на улицѣ; весь нашъ музыкальный мѣрѣ былъ тутъ налицо. На похоронахъ было народу еще больше; между прочими можно было замѣтить члена Государственнаго Совѣта, сенатора Н. И. Стояновскаго, начальника Юридической академіи генералъ-лейтенанта Бобровскаго и многихъ другихъ, занимающихъ важныя посты, кромѣ представителей артистическаго міра. Пасторъ французской реформатской церкви, г. Кроттэ, сказалъ надъ прахомъ покойнаго прекрасное слово, въ которомъ охарактеризовалъ почетную дѣятельность усопшаго труженика на пользу искусства, упомянувъ при этомъ о Штейнѣ, какъ о человѣкѣ замѣчательно гуманномъ, отзывчивомъ и очень добромъ. „Почившій оставилъ, закончилъ проповѣдникъ, — свѣтлое, ничѣмъ незамѣтное имъ работникомъ, артиста и человѣка; вся его жизнь можетъ служить примѣромъ, какъ должно работать человѣку, желающему принести пользу обществу, и какъ должно относиться къ своимъ обязанностямъ“.

Масса вѣнковъ была возложена на печальную колесницу; тутъ были вѣнки: „отъ дирекціи Петербургскаго Русскаго музыкальнаго общества“, „отъ Московскаго отдѣленія Русскаго музыкальнаго общества“, „отъ товарищей по Петербургской консерваторіи“, „отъ благодарныхъ ученицъ Ивановской дѣвичей школы“, „отъ Петербургской музыкальной школы“, „отъ учащихся въ консерваторіи“ и цѣлая масса вѣнковъ съ лентами отъ частныхъ его учениковъ и ученицъ. Въ день похоронъ Ѳ. Ѳ. Штейна занятій въ консерваторіи не было. Всѣ, знавшіе покойнаго, сохраняютъ о немъ самыя лучшія воспоминанія, какъ о человѣкѣ рѣдкой доброты, какъ о замѣчательномъ педагогѣ, образовавшемъ цѣлую плеяду талантливыхъ пианистовъ, и какъ о выдающемся виртуозѣ.

В. Басинъ.

Политическое обозрѣніе.

Дѣло о подкупахъ панамскою компаніею производить удручающее впечатлѣніе.

Изъ лицъ, получившихъ деньги отъ Панама и нынѣ судимыхъ, бывший министръ Банго сознался, что взыскъ взятку въ 375,000 франковъ. Другіе подсудимые, Бераль, Дюгэ-де-ля-Фонкерри, Гоброль, Густъ не отрицаютъ того, что они получали деньги отъ Панамаго общества, но объясняютъ эти полочки не въ смыслѣ взятки. Шарль Лессене въ своихъ показаніяхъ старался разъяснить хищеніе панамскихъ денегъ, при чемъ оказались замѣшанными въ этомъ дѣлѣ Флокэ, Клемансо, Равкъ и даже Фрейсина. Не малое впечатлѣніе произвело показаніе жены одного изъ обвиняемыхъ и администра-

торовъ злополучнаго общества, Коттю. Она говорила на судѣ, что начальникъ сыскной полиціи, Суанури, пригласилъ ее къ себѣ, стараясь отъ нея получить показанія противъ депутата въ правотѣ. Эти дѣйствія Суанури, которыя, впрочемъ, нынѣ опровергнуты, заставили выйти въ отставку министра юстиціи Буржуа, и, вообще, панамское дѣло вызвало не мало запросовъ и едва не послужило причиной министерскаго кризиса, если-бы палата, большинствомъ 297 голосовъ противъ 228, не вотировала принятую правительствомъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ: „Палата, принявъ рѣшеніе предоставить правосудію дальнѣйшій ходъ дѣла, одобряетъ заявленія правительства и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Это заседание палаты 2 марта, продолжавшееся до 8½ час., было особенно оживленным. Кризис удалось предотвратить, несмотря на горячие нападки правой и буланжистов. Буржуа много аплодировали; Рибо постоянно прерывали; Кавеньяк пытался повторить свою первую рѣчь, но, оставленный центромъ, онъ смѣшался и скомпрометировалъ свое положение; словомъ, республиканское единение еще разъ восторжествовало.

Въ Берлиѣ 24-го февраля рейхстагъ окончилъ второе чтение бюджета морского вѣдства. Всѣ кредиты, испрашивавшіеся на постройку новыхъ судовъ, вычеркнуты рейхстагомъ согласно предложеніямъ, сдѣланнымъ на этотъ счетъ парламентскою комиссіей.

Черезъ два дня военная комиссія рейхстага отклонила подавляющимъ большинствомъ голосомъ второй параграфъ военного закона, т. е. ту часть его, которая касается сформирования пѣхоты, полевой артиллеріи и обоза; остальная часть параграфа отклонена была точно также. Затѣмъ отвергнуты были и параграфы первый, относящійся къ численности арміи по штатамъ мирнаго времени.

Вслѣдъ за нападками на русско-германское торговое соглашение, стали раздаваться голоса въ пользу него. Такъ, за договоръ высказались Мюнхенская, Кассельская, Кенгсбергская и Билефельдская торговые палаты.

Изъ Бухареста телеграфируютъ: „Во время рѣзкихъ преній въ палатѣ депутатовъ о церковной политикѣ, депутатъ Асбогъ

утверждалъ, что Тисса въ свое время просилъ дипломатическимъ путемъ наняты, чтобы онъ предписалъ католическому духовенству Венгріи поддерживать его. Тисса, министръ юстиціи, дѣйствительно, тогдашніе парламентскіе выборы дали Тиссѣ крупное большинство. Коломанъ Тисса съ негодованіемъ опровергалъ обвиненіе, но убѣдительныхъ противъ нихъ доказательствъ привести не могъ.

Извѣстіе, будто султанъ отвѣтилъ на письмо принца Фердинанда съ извѣщеніемъ объ его помолвкѣ — невѣрно. Султанъ, несмотря на обращенія къ нему просьбы, отказался отвѣчать.

Въ Вѣнѣ появилась небольшая брошюра, подъ заглавіемъ: „Кое-какія критическія замѣтки на изданные въ Софін тайные документы“. Въ брошюрѣ приводятся нѣсколько ошибочныхъ историческихъ датъ, что и подтверждаетъ подложность документовъ. Между прочимъ, въ сборникѣ напечатано письмо г. Зиновьева къ русскому консулу въ Рущукѣ, отъ 20 февраля 1884 г., гдѣ о графѣ Шуваловѣ говорится, какъ о послѣ при берлинскомъ дворѣ, тогда какъ графъ былъ назначенъ на этотъ постъ лишь въ апрѣлѣ 1885 года. Затѣмъ встрѣчается письмо г. Зиновьева къ г. Хитрово отъ 2-го мая (ст. ст.) 1888 г., въ которомъ сообщается, что русскій посолъ въ Берлинѣ извѣстилъ статсъ-секретаря Гирса о рѣшеніи императора Вильгельма II пріѣхать въ Россію, а извѣстно, что императоръ Фридрихъ III скончался 15 июня 1888 г. По этимъ ошибкамъ можно судить о стряпнѣ Якобсона.

Разныя извѣстія.

— 1 марта, въ день кончины въ Бозѣ почивающаго императора Александра II, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великія Княгини, Великая Княжна и Великіе Князья слушали заупокойную литургію въ Петропавловскомъ соборѣ.

— 2 марта, въ день празднованія восшествія на Всероссийскій Престолъ Его Императорскаго Величества, въ Исаакіевскомъ соборѣ, послѣ Божественной литургіи, было совершено благодарственное молебствіе. Въ соборѣ присутствовали на богослуженіи Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья.

— 3 марта Ихъ Императорскія Величества послѣдили помѣщающіеся въ залахъ Императорскаго общества поощренія художествъ выставку картинъ общества русскихъ акварелистовъ.

— 2 марта, въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, послѣдовало открытіе новаго управленія промышленными училищами, въ

которомъ вѣдаются всѣ дѣла, касающіяся хозяйственно-административной, учебной и воспитательной части высшихъ, среднихъ, низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ и мореходныхъ классовъ.

— 1 марта отбыли по Варшавской желѣзной дорогѣ ихъ высочества герцогъ Іоганнъ-Альбертъ Мекленбургъ-Шверинскій съ супругою герцогинею Елисаветою.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликовано Высочайше утвержденное 24 февраля с. г. положеніе о комитетѣ Сибирской желѣзной дороги.

— Въ № 27 *Сборника узаконеній и распоряженій Правительства*, 27 февраля 1893 года, напечатано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ измѣненіи постановленій устава о воинской повинности, касающихся призывнаго возраста новобранцевъ, времени ихъ призыва и разверстки призываемыхъ.

— Распоряженіемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ по почтовой части отъ 12 февраля

сего года разрѣшено выдавать заказныя отправления, денежные и пѣнные пакеты и посылки по предъявленіи повѣстокъ, на которыхъ личность получателей, неизвестныхъ учрежденію почтово-телеграфнаго вѣдства, засвидѣствована не исключительно полиціей или начальствомъ лицъ, служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ требовалось до сего времени, но и нотаріусомъ, мировымъ судьей, земскимъ начальникомъ, волостнымъ правленіемъ и прочими правительственными или общественными учрежденіями и должностными лицами, съ приложеніемъ присвоенной имъ по закону печати не только сургучной, какъ было до сихъ поръ, но и мастичной.

— Въ засѣданіи Императорскаго вольноэкономическаго общества, 25 февраля, золотая медаль имени А. Ф. Погосскаго единогласно присуждена г. Мамину-Сибиряку за представленный имъ въ комитетъ грамотности беллетристическій рассказъ „Зимовье на Студеной“.

Искусство.

Японская выставка въ Парижѣ.

Несмотря на значительный интерес къ японскому искусству въ Европѣ, до сихъ поръ не было еще ни одной японской выставки, и только на-дняхъ такая выставка открылась въ Парижѣ (въ залѣ галереи Дюрюль-Рюэля), благодаря инициативѣ и дѣятельности г. Бинга,—одного изъ восторженныхъ поклонниковъ японцевъ.

На выставкѣ этой экспонированы только произведения эстампной живописи, да и то не въ ея чѣлости и историческомъ развитіи, а лишь двухъ японскихъ художниковъ—Утамару (1754—1806) и Гирошигэ (1797—1858). Но несмотря на эту крайнюю неполноту, едва-ли дающую хотя-бы слабое представленіе объ японскомъ искусствѣ, выставка имѣетъ значительный не только специально-художественный интересъ, но и общій.

Утамаро — жанристъ, отчасти, въ стилѣ французскаго жанра XVIII вѣка, и что въ родѣ японскаго Грѣза, только значительно болѣе разнообразный. Онъ восторженный поклонникъ женщины и посвятилъ себя почти исключительно ея изображенію. Въ его цвѣтныхъ эстампахъ поразительнѣе всего глубокое пониманіе женской граціи, эlegantности, въ которой существенную роль играетъ богатство и красота матеріи, гармонія драпировокъ, красота фигуры. Это,—если можно такъ выразиться,—необыкновенно талантливое примѣненіе законовъ декоративнаго искусства къ формамъ человѣческаго тѣла.

Въ то время, какъ Утамаро — почти исключительно жанристъ, Гирошигэ можно назвать, по преимуществу, пейзажистомъ. Но оба художника такъ разнообразны, что всѣ подобныя рубрики и классификаціи къ нимъ мало примѣнимы. У Гирошигэ, напримѣръ, пейзажъ преобладаетъ, но во всѣхъ его пейзажахъ всегда видны фигуры,—иногда цѣлыми массами; хотя эти фигуры крошечны, — но въ нихъ такъ много художественной правды, онѣ такъ типичны, что перестаютъ быть аксессуаромъ пейзажа и выступаютъ на первый планъ. Въ его цвѣтныхъ эстампахъ вы то и дѣло встрѣчае-

тесь съ людьми всевозможныхъ сословій, богатыхъ и бѣдныхъ, красивыхъ и уродливыхъ, и у cadaго изъ нихъ онъ отличаетъ опредѣленную индивидуальность и характеръ. Художникъ показываетъ намъ ихъ на улицахъ Еддо, передъ блестяще освѣщенными театрами, въ баркахъ на рѣкѣ или въ морѣ, по пустыннымъ дорогамъ. Въ особенности, Гирошигэ замѣчательнъ въ сценахъ, гдѣ на первый планъ выступаютъ массы, толпа; но временамъ, въ его эстампахъ вы видите сотни, тысячи различныя фигуры, но детали сохранены съ поразительной точностью, безъ малѣйшаго ущерба общей гармоніи и цѣлому.

В. Ч.

Боккерини.

Въ прошломъ мѣсяцѣ исполнилось сто - пятьдесятъ лѣтъ со дня рожденія Луиджи Боккерини, одного изъ первыхъ виолончелистовъ своего времени и автора цѣлой литературы квартетной и камерной музыки.

Достаточно сказать, что Боккерини написалъ 43 трио, 91 квартетъ, 112 квинтетовъ и много другихъ сочиненій для смычковыхъ инструментовъ, чтобы убѣдиться, прежде всего, въ плодovitости этого музыкальнаго писателя; плодovitость, по словамъ Шумана, первый признакъ таланта, — и все же ему пришлось, какъ Моцарту и Шуберту вносѣдствіи, испытать нужду, голодъ и холодъ, и, въ концѣ концовъ, даже не пользоваться той извѣстностью у современниковъ, какой онъ, во всякомъ случаѣ, заслуживалъ, и какъ передовой человѣкъ своего времени, и какъ представитель искусства. На Боккерини смотрѣли, какъ на человѣка, способнаго забавлять музыкой; музыканты въ то время составляли принадлежность знатныхъ дворовъ и стояли на одномъ уровнѣ съ поварами, лакеями, шутами и прочей челядью, необходимой для вышшаго блеска. Нашъ герой занималъ, по тогдашнимъ понятіямъ, наимыгоднѣйшее мѣсто, — онъ служилъ при дворѣ испанскаго короля Карла IV и пользовался милостью даже королевы.

Несмотря на итальянскую свою фамилію, онъ почти весь вѣкъ

свой проведъ въ Мадридъ, а жилъ онъ съ 1743 г. по 1805 годъ. Такимъ образомъ, Боккерини является современникомъ Гайду, Моцарту и Бетховену, хотя онъ о нихъ не зналъ, какъ и они объ его существованіи. Тогда не было еще никакихъ музыкальныхъ собраний, гдѣ исполнялись бы произведенія разныхъ композиторовъ; пути сообщенія находились въ первобытномъ состояніи, разъѣзжающихъ аргистовъ и профессиональныхъ концертантовъ не было; такъ, Гендель попалъ въ Лондонъ и весь вѣкъ свой прожилъ тамъ; такимъ же образомъ и Боккерини, понавъ въ Мадридъ и обративъ на себя вниманіе своей чудной игрой на виолончели и въ качествѣ композитора, способнаго доставить удовольствіе своей музыкой въ минуты пріятнаго отдыха сильныхъ міра, остался здѣсь до конца жизни, несмотря на то, что послѣдняя далеко не была сладка; судьба была довольно-таки жестока къ нему.

Достаточно привести слѣдующій характерный фактъ изъ его жизни, чтобы составить себѣ понятіе о ней и о тѣхъ нравахъ, которые господствовали въ высшихъ слояхъ тогдашняго общества. Король Карлъ IV самъ любилъ музицировать и игралъ на скринкѣ. Известно, что онъ отличался рѣдкой физической силой. Разъ какъ-то разыгрывался новый квартетъ Боккерини, при чемъ король игралъ первую скрипку, а авторъ—виолончельную партію; король нѣсколько разъ ужъ высказался, что партія его слишкомъ трудна; дрожащій авторъ молчитъ, не смѣя возразить ни слова; наконецъ, король вскричалъ: „Какая отвратительная музыка! Самый дурной ученикъ можетъ лучше писать.“ Оскорбленный композиторъ не вытерпѣлъ и виолончелью замѣтилъ: „Чтобы судить объ этомъ, надо, по меньшей мѣрѣ, быть музыкантомъ“. Вскочивъ въ бѣшенствѣ, король схватываетъ несчастнаго автора за воротъ и тащитъ къ окну, чтобы вышвырнуть его на улицу,—и Боккерини навѣрно попалъ бы въ жизнь, если бы не вступилась за него присутствовавшая при этомъ королева: „Во имя религіи и изъ уваженія къ вашему сану—не убивайте этого несчастнаго!“ Король опомнился и бросилъ его въ другой уголъ комнаты. Вотъ при какихъ условіяхъ иногда приходилось работать такимъ талантамъ, какъ Боккерини, произведенія котораго до сихъ поръ продолжаютъ увлекать публику и вызывать восторгъ музыкантовъ-спеціалистовъ.

Смѣсь.

Лошадь - воздухоплаватель. Въ знаменитомъ въ Германіи циркѣ Корти-Альтгоффъ въ программу представленій входитъ теперь интересный номеръ — поднятіе лошади на воздушномъ шарѣ. Происходить это слѣдующимъ образомъ. Съ потолка цирка спускается прикрѣпленный особымъ образомъ сверху воздушный шаръ, къ которому привѣшена гондола. Въ гондолу, опираясь на переднія ноги, садятся выдрессированная лошадь; для большей надежности ее привязываютъ за трензеля къ краямъ гондолы. Спокойно смотря на зрителей и какъ бы ожидая поднятія шара. Нѣсколько человѣкъ, находящихся на аренѣ цирка, натягиваютъ проволочные канаты, и шаръ, мѣрно и плавно колеблясь въ воздухѣ, начинаетъ подниматься вмѣстѣ со своимъ четвероногимъ воздухоплавателемъ. Для большаго эффекта двое прикрѣпленными къ гондолѣ канатами раскачиваютъ ее еще болѣе. Живоное сохраняетъ полнѣйшее спокойствіе. Въ заключеніе, къ шару, увѣшанному патронами съ бенгальскимъ огнемъ, приближаютъ шесть съ горящимъ фитилемъ. Бенгальскій огонь вспыхиваетъ и опоясываетъ весь шаръ разноцвѣтнымъ пламенемъ, ничуть, понятно, его не ка-

саюсь. Несмотря на всю свою выдрессированность, лошадь, при видѣ этого, приходитъ въ сильное волненіе, раздуваетъ ноздри, настораживаетъ уши, глаза ея принимаютъ лихорадочный блескъ, и она ждетъ — не дождется окончанія этого оригинальнаго представленія. При громкихъ рукоплесканіяхъ публики опускаютъ шаръ, но воздухоплаватель не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на эту овацію и съ радостнымъ ржаньемъ крупную рысью направляется въ свою конюшню.

Ребенокъ, оставленный въ поѣздѣ Царскосельской желѣзной дороги, прибывшемъ въ Павловскъ 28 февраля, вечеромъ, встрѣтилъ сочувствіе къ своей печальной судьбѣ въ чужихъ ему людяхъ—служащихъ Павловскаго вокзала. Дѣло произошло такимъ образомъ. Когда всѣ пассажиры уже разошлись, и когда, по заведенному обычаю, кондукторъ, передъ тѣмъ какъ перевести поѣздъ на запасный путь, сталъ обходить вагоны, вдругъ, въ одномъ изъ вагоновъ третьяго класса, онъ услышалъ какой-то пискъ... Его это страшно поразило, — онъ сталъ внимательно осматривать вагонъ. Пискъ раздавался снова... Онъ пошелъ на него, и замѣтилъ въ углу вагона свертокъ, въ которомъ что-то барахталось. Оказалось, что въ немъ лежалъ двухнѣдѣльный младенецъ мужского пола, бурно проявлявшій признаки жизни и настойчиво предъявлявшій на нее свои человѣческія права... Растерявшійся кондукторъ препроводилъ свою находку въ контору вокзала. Тамъ приняли въ ребенкѣ сердечное участіе. Первымъ долгомъ его напоили молокомъ, а затѣмъ сдали на ночь въ мѣстную больницу. Служащіе въ Павловскомъ вокзалѣ выразили желаніе воспитать ребенка на общій счетъ и возмѣстить ему своими заботами и попеченіями хотя бы нѣсколько то, чего онъ былъ такъ безжалостно лишень бросившими его на произволъ судьбы родителями, и наименовали его „сыномъ Павловскаго вокзала“.

Сѣверное сіяніе необычайной силы наблюдалось въ Архангельскѣ 23-го февраля сего года. Оно началось въ 7 часовъ 35 минутъ вечера при слабомъ южномъ вѣтрѣ и при температурѣ—12° Ц., появившись въ сѣверо-восточной четверти горизонта, въ видѣ двухъ дугъ, изъ которыхъ первая, въ самой верхней части, поднималась на 12 градусовъ выше горизонта, вторая — на 35 градусовъ; между этими дугообразными блѣдыми, фосфоресцировавшими полосами вскорѣ стали появляться отдѣльные лучи. Эти лучи, сначала рѣдкіе, дѣлались чаще, загорались сильнѣе и сильнѣе, выше поднимались къ зениту, и затѣмъ какъ бы выстрѣливали, быстро двигаясь за зенитъ, и обратно. Затѣмъ картина сразу переѣбилась, получилось зрѣлище, невиданное не только здѣсь, въ Архангельскѣ, но ни на Нордкапѣ, ни въ Гаммерфестѣ, ни въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, ни у Карскаго моря.

Появились блѣдныя, чаще ярко-розовые языки, какъ бы огненные, со всѣхъ сторонъ небосклона, вспыхивавшіе и быстро, волнообразно, поднимавшіеся отъ горизонта къ зениту, словно подъ земною поверхностью былъ разложенъ исполнскій костеръ, и пламя, вырываясь изъ-за краевъ горизонта, окружило со всѣхъ сторонъ землю. Ночь была безоблачная, лунная, но сила сѣвернаго сіянія

затмевала, по временамъ, даже сіяніе луны, которая въ такія мгновенія казалась блѣднымъ дискомъ. На другой день сіяніе повторилось и продолжалось до часа ночи 24-го февраля, когда получило новое явленіе, тоже крайне рѣдкое въ этихъ мѣстахъ, видѣнное только разъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, и то въ несравненно слабѣйшей формѣ. Сѣверное сіяніе появилось только въ

Академикъ Ю. Н. Траппъ (по поводу пятидесятилѣтія ученой дѣятельности). По фот. грав. Шюблеръ.

Профессоръ музыки О. О. Штейнхильберъ († 24 февраля 1893 г.). По фот. грав. Шюблеръ.

зенитъ въ видѣ исполненной буквы **К**, обращенной однимъ концомъ на сѣверо-западъ, другимъ—на востокъ, и изъ этой буквы пойдутъ лучи и полосы свѣта. Полосы эти и лучи отличались сильнымъ блескомъ, но были слабо окрашены, рѣдко слегка розоваты, болѣе же желтоваты, а въ зенитѣ имѣли ржавчато-коричневый цвѣтъ. Явленіе продолжалось до 2-хъ часовъ ночи.

Состязаніе въ ѣздѣ. По случаю всемірной выставки въ Чикаго,

тамъ состоится состязаніе въ ѣздѣ верхомъ на дистанцію 1,400 англійскихъ миль (2,100 верстъ). Участниками этого состязанія будутъ пастухи изъ Небраски и Дакоты, въ числѣ трехсотъ человекъ. Состязаніе начнется изъ Дидвуда, города въ южной Дакотѣ, а окончится у дворца штата Небраски, на выставкѣ въ Чикаго. Призы назначены на сумму въ 1,500 долларовъ; кромѣ того, будетъ выдана золотая медаль. Начало состязанія назначено на 15-е мая. (х.)

2 внутр. съ выигр. заемъ 1866 г.

54 тиражъ 1-го марта 1893 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.			
52	1	500	2728	46	500	4766	29	8000	7650	19	1000	9911	1	500	12562	23	500			
1 0 48	500	2742	40	500	4799	34	500	7745	10	500	9960	21	500	12614	27	500	14259	37	500	
410	44	500	2768	15	500	4815	50	500	7750	38	500	10156	18	500	12630	29	500	14288	7	500
427	5	500	2842	43	500	4818	43	500	7792	18	500	10239	25	500	12637	21	500	14308	25	25000
536	35	500	3004	16	500	4988	23	500	7798	16	500	10261	40	500	12661	1	1000	14336	47	500
717	39	500	3022	12	500	5066	34	5000	7896	30	500	10403	13	1000	12689	14	500	14483	5	500
764	19	500	3034	14	500	5173	46	500	7939	7	10000	10483	42	500	12703	50	500	14513	19	1000
817	24	500	3096	5	500	5185	2	500	7946	37	500	10820	47	1000	12734	33	500	14591	38	500
944	34	500	3134	13	500	5241	32	500	8060	25	5000	10845	27	5000	12761	45	500	14592	21	8000
1148	8	500	3262	46	500	5386	34	500	8142	15	1000	10950	26	500	12806	41	500	14713	25	500
1219	48	5000	3276	43	500	5667	1	500	8153	35	500	11041	37	500	13033	49	500	14819	24	500
1245	32	500	3305	21	500	5797	39	500	8235	40	500	11133	30	500	13052	21	500	14968	48	500
1811	35	500	3313	27	500	5810	41	500	8301	18	500	11256	49	500	13064	9	500	15000	2	500
1854	13	500	3381	34	500	5983	12	500	8325	23	500	11273	26	500	13089	3	500	15016	22	500
1857	21	500	3527	7	500	6096	40	500	8532	31	500	11576	25	500	13158	34	500	15064	31	500
1535	16	500	3542	22	500	6132	10	500	8546	8	500	11587	38	500	13188	19	500	15146	41	500
1538	21	500	3632	7	500	6152	4	500	8748	48	500	11595	8	1000	13205	13	500	15262	39	1000
1591	16	500	3723	16	1000	6371	25	500	8755	6	500	11601	28	500	13270	41	500	15272	31	500
1704	35	500	3747	6	500	6477	32	500	8756	31	500	11635	17	500	13294	1	500	15305	2	500
1734	35	500	3768	10	500	6599	1	500	8766	19	500	11648	6	500	13316	43	40000	15491	10	1000
1748	37	500	4059	22	500	6623	1	500	8771	7	500	11657	33	500	13396	41	500	15569	12	500
1764	13	500	4065	17	500	6685	8	500	8778	8	500	11742	45	500	13543	6	500	15687	22	500
1774	23	500	4111	11	500	6761	48	500	8790	49	500	11748	40	1000	13634	15	500	15817	32	500
1894	22	500	4121	32	500	6762	18	500	8809	22	500	11758	41	500	13704	27	8000	15933	9	1000
1973	44	500	4186	48	8000	6788	15	500	8897	15	500	11803	8	500	13743	2	500	15950	3	500
2022	35	500	4191	18	5000	6791	31	500	8953	19	1000	11932	37	500	13759	28	10000	16200	35	500
2031	25	5000	4309	48	500	6802	12	500	8964	38	500	12061	4	500	13764	28	500	16227	46	1000
2063	49	500	4413	38	500	6827	15	500	9032	26	500	12090	41	500	13772	29	500	16278	50	500
2124	12	500	4531	7	500	6863	40	500	9092	11	500	12111	46	500	13816	44	500	16281	23	1000
2185	6	500	4551	48	500	6992	16	500	9093	27	500	12194	15	1000	13836	8	500	16343	32	500
2202	41	500	4588	16	500	7002	28	500	9166	37	500	12199	10	1000	13887	43	500	16371	40	200000
2365	32	500	4603	9	500	7033	33	500	923	21	500	12216	35	500	13901	41	500	16653	13	500
2421	25	500	4614	48	500	7225	15	500	9293	9	5000	12253	12	500	13957	14	500	16687	31	500
2434	10	1000	4642	20	500	7404	2	500	9536	48	500	12329	9	500	14037	8	500	16802	47	500
2568	35	500	4663	11	500	7412	22	500	9575	37	500	12329	9	500	14082	16	1000	16841	4	500
2659	20	500	4690	47	500	7419	35	500	9678	45	500	12409	12	500	14161	41	500	16871	5	500
2714	23	800	4741	41	500	7444	2	500	9840	12	500	12532	38	500	14179	28	500			
2715	13	500	4758	40	500	7524	36	500	9859	21	500									

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

137, 373, 468, 611, 649, 1524, 1533, 2057, 2189, 2490, 2498, 2532, 2737, 3037, 3289, 3333, 3514, 3536, 3567, 3785, 3842, 4349, 4951, 4976, 5063, 5251, 5273, 5487, 6411, 6788, 6896, 6973, 7256, 7875, 7879, 7835, 8123, 8176, 8187, 8307, 8497, 8823, 8843, 8952, 9290, 9477, 9602, 9816, 9905, 10544, 10562, 10625, 11301, 11464, 11798, 11826, 11833, 12023, 12049, 12096, 12321, 12388, 12726, 12840, 12982, 13005, 13107, 13470, 13511, 13830, 14143, 14210, 14391, 14504, 14747, 15064, 15187, 15415, 15689, 15745, 15815, 16055, 16413, 16585, 16686, 16695, 16718, 16977, 17359, 18062, 18088, 18331, 18352, 18383, 18407, 18553, 18744, 19362.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Нягиня Енаторина Романовна Дашкова (съ портр.).— Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).— Незнакомка. Поля Бурне. (Переводъ съ французскаго).— Въ вѣчномъ городѣ. (По поводу пятидесятилѣтняго юбилея папы Льва XIII).— Сто лѣтъ назадъ. Присоединеніе Волыни и Подолія къ Россіи отъ Польши. Историческая справка (съ рис.).— Женские клубы Новаго свѣта. (Корреспонденція „Нивы“ изъ Америки В. Манъ-Гананъ).— Благодать. Акrostихъ въ прозѣ (съ рис.).— Къ рисункамъ: Соколъ, бьющій лебедя (съ рис.).— Литературный альбомъ. „Сназна о царѣ Салтантѣ“, А. С. Пушкина (съ рис.).— Тайная проповѣдь (съ рис.).— Материнская гордость (съ рис.).— Академикъ Ю. К. Траппъ (съ портр.).— Профессоръ музыки П. Ф. Штейнъ (съ портр.).— Политическое обозрѣніе.— Разныя извѣстія.— Искусство.— Тиражъ выигранныхъ въ Государственномъ Банкѣ.— О перемѣнѣ адреса.— Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Нн. М. Н. Волконскій.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ

100 различн. мар.—30 к., 150 р. м.—50 к., 200 р. м.—1 р., 265 р. м.—1 р. 50 к., 300 р. м.—2 р. 25 к., 500 р. м.—5 р. 1000 р. м.—20 р.—Марки на выборъ. Принимаю заказы. № 6263. Англійскій магазинъ 3—3, Р. НЕШЕЛЬ. Вознесенскій пр., 10, между Больш. и Малой Морской. С.-Петербургъ.

И. № 6302 12-1

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К^о. Лмтд.“
лучше въ свѣтѣ!
предлагаетъ торговый домъ
Г. ЖЕМЛИЧКА и К^о.
Москва, Неглинный просп., домъ Еукиной.
Прейсъ-куррантъ—бесплатно.

ЛЕВИНГЪ и ГЮЗИНГЪ ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. CXVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ ея войдутъ биографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Къ биографіямъ путешествіевииковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты. Ежегодно выпускается 4 книжки.

До 25 февр. 1893 г. вышли слѣдующія 100 биографіи: Андерсена, Аристотеля, Байрона, Бэкона, Бѣлинскаго, Беранже, НАРЛА БЭРА, Боккаччо, Бомарше, Боткина, Джордано Бруно, Рих. Вагнера, ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ, Волкова (основателя рус. театра), Нордонцовыхъ, Галилея, Гарвея, Гарибальди, Гаррина, Гегеля, Гейне, Гете, Гладстона, Глинки, Говарда, Гоголя, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гунгенберга, Гюго, Даламбера, Данте, Дарвина, Демидовыхъ, Дефо, Дженнера, Дикенса, Достоевскаго, Кальвина, Каразина (основателя харьк. университета), Карлейля, Келлера, Колумба, Конфуція, Кольцова, Коперника, Крамского, Крылова, Кювье, Лавуазье, Лангса и Эйлера, Лермонтова, Лессинга, Линкольна, Линнея, Лолыа, ЛОНИ, ЛОМОНОСОВА, ЛЯЙБЕЛЯ, Мейера, Микель-Анджело, Милля, Мицкевича, Моцера, Томаса Мора, Моперта, Ньютона, Новикова, Ньютона, Паскаля, ПЕ. ТАЛОЦЦИ, ПИРГОВА, ПОТЕМКИНА, Пружальскаго, Прудона, Пушкина, РАБЛЕ, Рафаэля, РИШЕЛЬЕ, Сакки-Муни (Будды), Салтыкова, Сивифа, Сенковского, В. Скотта, Сперанскаго, Стелли, Теккерея, Уатта, Фарадея, Фовизина, Франклина, Цвингли, Шиллера, Шопенгауэра, Шонена, ШУМАНА, Эдисона и Морзе, Джорджъ-Элиота.

Жирными главными буквами обозначены Биографіи, вышедшія за послѣдніе мѣсяцы. Главнй складъ изданія въ книж. магазинѣ П. Луковникова (Сиб. Лестуковъ пер., 2). Вышедшія книжки продаются по 25 коп. во всѣхъ книжныхъ магазинахъ безразлично.

ГУТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ,
Егерштрассе, 46,
рекомендуетъ какъ повѣщее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерию

„BOUQUET RUSSE“.
Духи
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА.
Сапе.
ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парижскихъ и у Дрогистовъ.
№ 5505 (23)

PARIS

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré, renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON d'ÉTÉ, sur demande affranchie adressée à

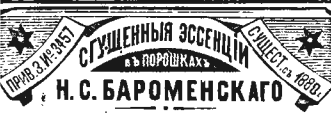
MM. JULES JALUZOT & Cie PARIS.

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue.

INTERPRÈTES DANS TOUTES LES LANGUES

Для приготовления из очищенной воды домашнюю простую способом разрыхлить напиток замечательный по вкусу и дешевизне

- 1. Английская горькая на 1 бут. 10 к.
- 2. Желудочная 10
- 3. Анисовая 10
- 4. Травяная 10
- 5. Помянная (абсент) 15
- 6. Хинная 15
- 7. Померанцевая 15
- 8. Ерозеяч (старин.) 30
- 9. Мятная } Новость 15
- 10. Лимонная } 15
- 11. Рябиновая наливка 15
- 12. Вишневая наливка 15

Для приготовления дивергов замещающих по вкусу лучших заграничных марок:

- 51. Бенедиктин (Монахор) за бан. 75 к.
- 52. Розов., бан. 75 к. 55. Чайный, бан. 75
- 53. Мараскинъ. 75 к. 56. Абрикотинъ. 75
- 54. Шартрезъ. 75 к. 57. Ванильный. 75

Продажа и представ. при конторѣ аптеки и кондит. принадлежи. П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2. Выписывающъ на 5 р. и больше въ Европ. Россіи, за пересылку не платятъ.

Фирма премиривана на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

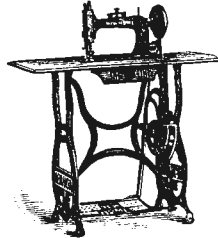
БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты и свежести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цена банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупреждения поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ известныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Пластичная бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требовать съ этикетками Fayard et Blayn. Имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. № 598 (16-13)

НЬЮ-ГОМЪ

оригинальная, американская усовершенствованная

ШВЕЙНАЯ МАШИНА

Кю „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжъ (Шт. Массачусетс, Сѣв. Америка) пользуется всемірною извѣстностью; проста, прочна, изящна; отличается: высокими рукавомъ, новымъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную. 2-ми нитками шитую строчку; употребляетъ прямую саво-ставляющуюся (безъ мѣрки) иглу; годна для домашнего и ремесленного употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей кисеи до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ ВЪ ЛѢТЪ.

Прейсъ-курантъ и описаніе по требованію.

Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ. Главный представитель для всей Россіи: Высоч. утвержд. Товарищество „Работникъ“.

П. № 6248 Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ. 10 4

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

П. № 6271 14 3

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

В. № 6201 8-5

Страховые билеты Общества „Россія“ выдаются во всѣхъ агентствахъ Общества и также на вокзалахъ Главныхъ станцій желѣзныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣздовъ.

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незаменима на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! Жирная румяна, бѣла. Карандаши для бровей.

В. № 6258 10-2

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ. Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

SINAPISME RIGOLLOT

Горчичники РИГОЛЛО или Горчичная Бумага.

ПРИНЯТЫ ВО ВСЕЛѢ СВѢТѢ. — Требовать подписи изобрѣтателя Р. RIGOLLOT, отпечатанной краснымъ цвѣтомъ на каждомъ листѣ и на каждой коробкѣ. № 6303 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. 10-1

Продается оптомъ Р. RIGOLLOT et Cie, 24, avenue Victoria, Парижъ.

„КАПРИЗЪ НЕВЫ“ ДУХИ — „Капризь Невы“ О-ДЕ-КОЛОНЪ „Капризь Невы“ МЫЛО — „Капризь Невы“

„Мюсъ“ Духи послѣднія новости „Мюсъ“ Мыло С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ и О-де-колонъ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются прекрасными достоинствами и изготовлены для вы-

Ц. № 6281 СТАВКИ ВЪ ЧИКАГО. 15-2

СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9. Москва, Никольская, д. Шереметева. Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

PARFUMERIES

IXORA ED. PINAUD

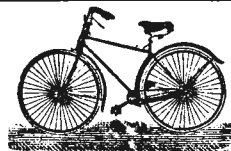
Savon... à l'IXORA
Essences... à l'IXORA
Huile... à l'IXORA
Poudre de Riz à l'IXORA

37, BOULEVARD de STRASBOURG PARIS

GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

КАТАЛОГЪ въ 1893 г.

РЕСТАВРАТОРЪ.

АНГЛІЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

старѣйшей фабрики компании РУДЖЪ Ковентри съ новостями на 1893 годъ. Представители для всей Россіи Ц. № 6240 торговый домъ АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ. Москва, Мясницкая, д. Сытова.

Казачье охот. № 1 и 20 руб. Киргизское 30 р. Черкесское 25 руб. и 40 руб. Английское 25 и 30 руб. Дамское замш. 35 и 40 руб. свиной кожи 50 руб.

СЪЕДА ФАБРИКИ М. и И. МАЛЫШЕВЫХЪ въ САРАТОВѢ.

Всѣ съѣда съ уздечками и остальн. полн. прибор. Всѣ съ укупокъ 30 и 40 ф. Пр-Кур. илл. ЗАДѢВЪ 7к. марки.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДЪЛОКЪ!

КАУЧУКОВЫЙ МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЪ А. БЕРГГОЛЬЦА.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ. Главное депо: Невская аптека магистра А. Берггольца, Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 6262 11-2 Цѣна коробки 40 коп.

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придающіе неправильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, вынимаются за 1 р. 10 к. шт. съ наложи. платежѣмъ. Адресъ: въ Москву У. Шильдъ.

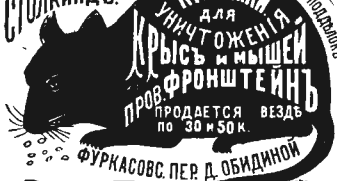
Къ Пасхѣ!

ПРАКТИЧНЫЕ ПОДАРИКИ:

Аппаратъ для прѣрѣзанія и обметыванія петель 3 р. ♦ Штопальный аппаратъ 1 р., шитье чулки, полотен. матерію и пр. ♦ Всѣмирная книжка, содержащая 6 необходимыхъ предметовъ, 1 р. 50 коп. Единств. Агентство: СИБ. Складъ новыхъ изобрѣтений, Невскій, 4. Заказы исполняются немедленно. Каталогъ (иллюстр.) всѣхъ изобрѣт. и подарковъ за 10 коп. марку.

ГЛАВ. СКЛАДЪ МОСКВА УЛ. Д. Я. СТОЛКИНА.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ по 30 и 50 к. ФУРКАСОВС. ПЕР. Д. ОБИДИНОВЪ

ИЗДАТЕЛЬ А. Д. СТУПИНА
 МОЯ ЖИЗНЬ
 ВО ХРИСТЕ

или минуты духовного превращения и созерцания, благоговяющего чувства, душевного исправления и покоя в Божь. Известные из Дневника протестера ЮЗЕНА СЕРВЕНТА (КРОД-ПЕНДЖАКТО). Изд. 3-е с прибавл. СЕРВЕНТА, указ. с факсимиле и портр. автора. Вк. 2-х. том. М. 92 г. Цена за 2 т. 2 р. 50 к., вл. кореш. пер.—3 руб., вл. кореш. пер.—3 р. 50 к.

Его же. Слово о зерни пшеницы, на съ порт. авт. Изд. 2. М. 92 г. На 1 р. выс. 40 экз., на 2 р.—100 экз.

ЖИТИЯ СВЯТЫХ
 кратко напечатаны по рукописи Чехова-Миней, сост. А. Н. Вазюева, съ прибав. оза, сионий гласных пророковъ Права, церков. и св. твор. с. (около 300 рис). Отпечатаны на лучшей бумаге, большого формата, больше 1500 стр. М. 86 г. Цена за весь к. 6 руб., въ пакт съ пер. 7 р. 50 к., вл. кореш. пер.—4 кн.—7 р. ТОЖЕ (съ 13 рис.) мал. форм., на обложк. сул. Одоб. Уч. К. Н. Пр. и Уч. К. Св. Сн. 12 кн. 12-е изд. М. 91 г. Цена 1 р. 80 к., вл. пер. в 3 книги 3—р. въ кореш. переплетк.—4 рубля.

Эта книга напечатана съ той целью, чтобы дать всякому христианину богородное чтение въ праздн. Читатели увидятъ въ ней высокия прикаты въри, любви къ Богу и ближнимъ, терпимыя сроки скорби и страданій и полной покорности и предан. воли Божией.

ЖИТИЯ СВЯТЫХЪ
 (ПОЛНѢЙШИЯ ЧЕТЫРЬ МІНЕИ НА ГРАЖДАНСКОМЪ ЯЗЫКѢ)

чтимахъ Прав. Греко-Рос. церк., южно-славянск. грузинск. и ижемо-чумахъ въ Россіи. Сост. Д. И. Протопоповъ. 12 том. (всленскіи). 5380 стр. Убожитого и чистого шрифта. М. 85 г. Цена 16 р., въ пер.—18 р. Въ краснцахъ, прочныхъ кожаныхъ и шпательныхъ переплеткахъ, въ футлярахъ, цѣна 23 р. Трудъ этотъ, прекрасно состав. на основаніи извест. Четвѣхъ-Миней св. Дмитрія Ростовск. и др. авторитет. источниковъ, но полнотѣ свѣдѣній о святыхъ Прав. церкви (2720 именъ) и объ ихъ подвѣдахъ описаніи всевозм. праздн., св. мощей и чудотв. ии., а также множи. статей научно-реалист. содержания, значительно превосходитъ многія подобныя ему изданія, служить прекраснымъ украшеніемъ церковно-приходскимъ библиотекъ и необходимымъ, какъ настольная книга, для всякаго православнаго христианина. Въ су въ книгахъ 20 фун.

АНАФИСТЫ МАЛАГО ФОРМАТА:

Авраамію Ростовскому.
 Александрю Невскому.
 Алексію человеку Божію.
 Ангелу хранителю.
 Ангилъ священнику.
 Антонію и Феодосію Печ.
 Аргенто Вервольск. чуд.
 Благовѣщенію Пр. Бог.
 Боголюбской ик. Б. М.
 Владимирской ик. Б. М.
 Нарыаръ великому.
 Воскресенію Христову.
 Георгію Побѣдоносцу.
 Дмитрію Ростовскому.
 Еккатеринѣ великом.
 Живоносному прору.
 Знаменію Пр. Б.
 Иисусу Христу.
 Иппократію Иркут.
 Искусу Христу.
 Иоанну Воину.
 Иоанну Крестителю.
 Иоанну Крестителю.
 Иоанну Обручн.
 Кавказской ик. Б. М.
 Кириллу Беловоронскому
 Кириллу Беловоронскому
 Цѣна за каждый эк. въ кореш. пер. по 60 к., съ пер. по 60 к., вл. 10 эк. Разожи за предл. не впадать.

АНАФИСТЫ БОЛЬШОГО ФОРМАТА:

Алексѣю чад. Божію.
 Антонію и Феодосію Печ.
 Антонию, Иоанну и Ефрема Вилеионск. чуд.
 Микиту Архангелу.
 Митрофану св. вор.
 Меодію Печешскому.
 Неонал. кун. ик. Б. М.
 Невнал. кун. ик. Б. М.
 Покрову Пр. і оторо.
 Прокропу Устюжскому.
 Почаевской ик. Б. М.
 Стефану великому.
 Стефану св. перискому.
 Стрателю Христовому.
 Савѣ Сторожевскому.
 Тодской ик. Б. М.
 Троицк. Пресвѣтой.
 Троицку Клаужскому.
 Троицку св. воровск.
 Угояи моя глады ик. Б. М.
 Успенію Пр. Богородици.
 Феофору и Иоанну Сузгал.
 Ц. каждому эк. въ перен. по 85 к., съ пер. по 1 р. 10 к.

ЗЕМЛЯ ЖИЗНИ, УЧЕНИЕ И ЧУДЕСА ИСУСА ХРИСТА
 Цѣна за каждый эк. въ кореш. пер. по 60 к., съ пер. по 60 к., вл. 10 эк. Разожи за предл. не впадать.

ПРАВИТЕЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО
 для священно-служителей при совершеніи св. таинъ обожаніи, покаяніи и таинствъ. Сост. магистр. богослов. наукъ Др. Златоустовъ. Бол. т. 1 р. 4 к. мала. 3 р., въ перепл.—4 р. Сост. на основаніи церковно-каноническихъ, ист. духовн. и гражданск. законовъ, новѣйшихъ правит. постановл. и прат. опыта трудъ о. Златоуста являетъ необходимымъ и полезнымъ настольное книтою для каждаго священно-служителя.

Современный календарь Ступина, на 98 Г. Ц. 15 к.
 На почтовую пересылку прошу прилагать 20 к. на рубль.

№ 6 0.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“
 Франнфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургъ).
 Специальная фабрика знаменитыхъ 24—1
 велосипед. „Орель“.
 На всемирной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
 Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
 ДРА ЛЕНГИЛЯ
 въ ВѢВЬ
 для ВѢЛИКОГО СМЯГЧЕНІЯ
 и ЧИСТОТЫ
 КОЖИ, ЛИЦА
 и РУКЪ

Придаетъ Кожи Совѣтній Видъ,
 рекомендуется какъ
 Хорошее Туалетное Мыло
 Настоящее только за подписью
 Василия Аурихъ въ С.Петербургъ
 Единственнаго Агента
 для Россіи.

EAU, PÂTE, POWDRE
DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE
 DE LA
 FACULTÉ DE MEDECINE
 DE PARIS
 EN VENTE PARTOUT

ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ДУХИ: „ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“
 „ЛЮБИ МЕНЯ“
 „КОРИЛОПСИСЬ“
 „ИСПАНСКАЯ КОЖА“
 „КОНЕЦЪ ВЪКА“.

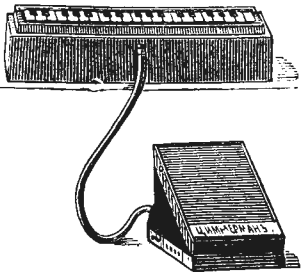
НОВОСТЬ! Прелестная туалетная
 вода „О-де-БРОКАРЪ“
 ФАБРИКИ
Броккаръ и К^о.
 Невскій, д. 30, СПБ. № 6287 3—2

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ
 искусственными
превосходными БРІЛЛІАНТАМИ:

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
 № 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6289 10—2
 № 358. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.
 № 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
 № 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
 № 503. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ
 С.-Петербургъ,
 Невскій просп., № 20—31.

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ.

Новѣйшій общедоступный музыкальный инструментъ, заключающъ въ себѣ объемъ тоновъ полной хроматической гаммы о 2, 3 и 4-хъ октавахъ. Голоса приводятся въ движение вдуваніемъ воздуха на № 3950 протомъ, на № 3956 и 3958 можно педалью. 3950. въ 2 октавы 5 р. 3956. „ 3 октавы, съ ножн. педалью. 17 р. 3958. „ 4 „ „ „ 23 р. Самочинитель Маковского 1 руб. 2 тетради нотъ его же по 1 руб. Иллюстрированный прейсъ-курантъ въемъ инструментамъ безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
музыкальных инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (2)
Специалистъ хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр. № 52
прот. Им. Публ. Библиотеки.
Подробный пластр. прейсъ-
курантъ по востреб. безплатно.
Пересылка на счетъ ма-
газина. Ручательство на 2 года. № 6283

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается всѣмъ заочно (посредствомъ
перечиски) въ 15 уроковъ
у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ**
А. КОССОДО.

Методъ преподаванія на Парижской все-
мирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ зо-
лотой медали. № 6208 52 - 8
За 2 семиклѣбныя марки высылаются
пробное письмо и условія. Адресъ: Про-
фессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ
Одессѣ, Дерibasовская, д. № 19.

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЪ.
ЭЛЕОПАТЬ Кинунена выходящая для продажи во всѣхъ больш. аптек. и космет. магазинах. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р. 50 к. безъ перес. № 6280 (2)

Провизоръ Кинуненъ.

Просятъ обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона. Провизоръ Кинуненъ.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

ПИСУЩАЯ МАШИНА 25-12

РЕМИНГТОНА № 5

„новѣйшая изъ всѣхъ существующихъ системъ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ. и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылаются безплатно. № 5999
Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

**ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ
новаго роскошнаго геріодическаго изданія, подъ названіемъ:
„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.**

ГОДЪ ПЕРВЫЙ (1893) СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ П. П. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 выпуска, каждый — въ роскошной обложкѣ; по одному выпуску черезъ каждыя дѣтъ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 руб., а съ пересылкою иногороднымъ 14 руб.

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

На три ерока:		На четыре ерока:		На шесть ерочковъ:	
безъ доставки	съ перес.	безъ доставки	съ перес.	безъ доставки	съ перес.
при подп. .	4 р. 5 р.	при подп. .	3 р. 4 р.	при подп. .	2 р. 3 р.
черезъ 2 м.	4 " 5 "	черезъ 2 м.	3 " 4 "	черезъ 2 м.	2 " 3 "
" 4 "	4 " 4 "	" 4 "	3 " 3 "	" 4 "	2 " 2 "
		" 6 "	3 " 3 "	" 6 "	2 " 2 "
				" 8 "	2 " 2 "
				" 10 "	2 " 2 "

Для гг. служащихъ допускаются еще болѣе льготныя условія, при коллективной подпискѣ за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ. За подробностями просимъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПб., Невскій, № 6, и во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ.

Только что вышедшій первый выпускъ высылается каждому, кто желаетъ ознакомиться съ этимъ прекраснымъ изданіемъ, за 50 коп. почтовыми марками.

КУРОРТЪ И МОРСКОЕ КУПАНЬЕ

ПЕРНОВЪ Лифляндской губерніи.
Сезонъ съ 20 мая по 31 августа.

Подробнѣйшія свѣдѣнія безплатно чрезъ

Купальную Комиссію.

№ 6276 4-2

Поступила въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ изданная Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ

ИСТОРИЯ

НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Скабичевскаго. Мт. № 6298

2-е изданіе, исправленное и дополненное, и. 2 руб.

ВАЖНО ДЛЯ МАТЕРЕЙ.

Вновь усовершенствованный профессоромъ Сохлетомъ въ Вѣнѣ, аппаратъ для книженія и

СТЕРИЛИЗАЦИИ МОЛОКА

есть одно изъ необходимѣйшихъ приобретеній для каждой матери. Онъ служитъ для безусловнаго уничтоженія всѣхъ болѣзнетворныхъ микро-организмовъ, какъ въ молокѣ, такъ и въ искусственныхъ смѣскахъ, употребляемыхъ для кормленія дѣтей. Печатное подробное описаніе раздается и высылается желающимъ безвозмездно и аппараты продаются по крайне пониженнымъ цѣнамъ.

ВЪ ГИГИЕНИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ МАГАЗИНА

Р. КЕЛЕРА и К^о, въ Москвѣ. Ц. № 6177

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
АМОСТРОУМОВА
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УТВЕРЖДЕН ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
МАРКА ЗА КРЕСТЬЯ
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДЪЛЖЕКЪ

Агентъ англ. зав. „КВАДРАНТЬ“, Орловскій, СПб., 181, Фонтанка. Велосипедъ отъ 131 р. Дюлопъ отъ 169; дружин. отъ 176 (проѣхать изъ СПб. въ Одессу безъ починки. Журн. „Велосипедъ“ 92 г.); дамск. 188, гоночн. 201, трекколейс. мужскіе и дамскіе 1-2-3-хъ мѣси. Въсѣ принадлежи. Теперь по курсу 5% дешевле. Каталоги высыла. безплатно.

12 ЯИЦЪ ИЗЪ МЫЛА

различныхъ цвѣтовъ въ изящныхъ коробкахъ

отъ 50 к. коробка.

Большой выборъ разныхъ новостей

А. Сіу и К^о.

16, Невскій пр., 16 (рядомъ съ магазиномъ Тонетъ).

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ высокаго достоинства
ПРОВОНЪ ФЛАКОНЪ 10 КОП.
Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассаажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Звѣзъ Букетъ	Віолетъ де Парма	Бѣлая роза
Жюкей клубъ	Ресэда	Милль-Флеръ
Букетъ Императрицы	Люби меня	Арація
Илангъ-Илангъ	Степелъ Букетъ	Гиацинтъ
Майскій-Ландышъ	Iris	Киссъ ме кивкъ
Бѣлый геліотропъ	Эдельвейсъ	Испанская ножа
Бѣлая лилія	Жасминъ	Свѣжее сѣно
Сирень перс.	Жаспонакъ	Черемуха
Левкой	Шипръ	Lilas Neuri
Фіалка	Букетъ де Царь	Lotus.

Провонныя флаконы высылаются не менѣе 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкою во всѣ города Россіи. (Кромъ Сибиріи)

„НОВОСТЬ“
практично-экономическія
ГАЗОВЫЯ СВѢЧИ
„КОЛУМБЪ“
Даютъ бѣлое яркое пламя и сильный свѣтъ — въ 4 газ. рожка; горятъ втрое свѣтлѣ старинныхъ и вдвое дешевле ихъ, сжигая малое колич. бензина; кладь — въ домашн. экономію.
Всѣ др. свѣчи въ сравненіи съ газовыми — ничтожи. Газов. свѣчи вставл. въ любой под-свѣчникъ и при роскоши никел. составл. — изящное украшеніе въ домѣ, а по разнообразію: на туалеты, панино, писемъ и ломб. столы и др. по эфек. — незамѣнимы. — Пара свѣчей съ перес. лишь 3 р. Адр.: Варшава, Хладная — 17. Съ требов. просимъ обрац. къ Г. Афанасеву.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 12 Марта 1898 г.

Артистич. завод. А. Ф. Марса, Ср. Подъяческ. № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXIV г.
№ 12

г. XXIV
1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. ПРИЛОЖ. 12 книжекъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСН. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и 1 листъ 20 марка 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. стр.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. — агрин: для Франціи у Адессе Navas по 3 fr.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марк 50 pf.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин.	6 р.
Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи	7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд.			
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.			
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.			

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

„Свѣте Тихій!..“ Съ карт. Г. Макса, грав. Пенз.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

XIX.

Правда донтора.

Шёнингъ прошелъ отъ Ольги прямо къ князю, который встрѣтилъ его очень любезно, усадилъ противъ себя и протянулъ ему табакерку. Но докторъ отказался отъ табаку.

— Я просилъ васъ придти, сказалъ князь, — имѣя въ виду просьбу къ вамъ. У меня дочь больна.

— Да, я знаю, отвѣтилъ Шёнингъ. — Я только что видѣлъ княжну на террасѣ и осмотрѣлъ ее... она не хороша...

„Ой—вреть!“ подумалъ князь.

— То-есть, чѣмъ-же не хороша, государь мой?..

— Болѣзнь ея можетъ перейти въ сухотку. Я не имѣю права скрывать этого передъ вами.

Князь безпокойно задвигался на мѣстѣ.

— Въ сухотку, вы говорите, въ сухотку... такъ, вѣдь, это... можетъ чѣмъ-же кончиться—это, значить, серьезно?

— Да, это серьезно! подтвердилъ докторъ.

— Что-же нужно дѣлать, въ Москву, въ чужіе края везти ее... лѣчить?..

— Нужно уничтожить причину, корень ея болѣзни. У нея было какое-нибудь нравственное потрясеніе?

Князь рѣзко двинулъ плечомъ и забарабанилъ пальцами по ручкѣ кресла.

Шёнингъ ждалъ отвѣта.

— А что мнѣ докажетъ, государь мой, что слова ваши справедливы, и что это вѣрно? вдругъ, оборачиваясь, рѣзко спросилъ князь, глянувъ въ упоръ на доктора.

— Т.-е., что вѣрно? переспросилъ тотъ.

— А то, что болѣзнь княжны, моей дочери, такъ опасна?

Шёнингъ поднялся со своего мѣста.

— Княжна, отчеканивая каждое слово, произнесъ онъ, — не вынесетъ своей болѣзни, если не уничтожить той нравственной причины, отъ которой происходитъ ея недугъ. И это такъ же вѣрно, какъ то, что черезъ полчаса къ вамъ придетъ извѣстіе о томъ, что сегодня сюда, въ этотъ домъ, будутъ великая княгиня съ великимъ княземъ.

Андрей Николаевичъ, какъ былъ — такъ и привскочилъ со своего мѣста.

Онъ еще не могъ разобрать, не насмѣшка-ли это надъ нимъ.

Но Шёнингъ былъ серьезнѣе обыкновеннаго.

— Та-акъ-съ, протянулъ старый князь, — ну, на этой штукѣ меня не поймаете-съ... не таковскій... рассчитали, государь мой, но плохо—плохо рассчитали, говорю я вамъ... И Андрей Николаевичъ, пригибаясь впередъ, отчеканилъ, роняя слово за словомъ: — Намъ, помѣщикамъ, извѣстно, что великій князь съ супругою изволятъ прослѣдовать сегодня по тракту въ Москву — но нигдѣ они останавливаться, окромя путевыхъ дворцовъ государыни императрицы, не будутъ въ дорогѣ, и никакихъ встрѣчъ дѣлать не дозволено. А посему они сегодня пройдутъ мимо. Да и никогда у частныхъ персонъ Высокія особы не останавливаются — все-съ это предусмотрено, и существуютъ особые дворцы. Вотъ и все-съ... извините, что потревожилъ васъ... простите — тутъ вотъ дѣла у меня.

И князь, поклонившись, опустился на кресло и взялся за бумаги въ знакъ того, что считаетъ разговоръ оконченнымъ, и продолжать онаго не намѣренъ.

Докторъ все съ тѣмъ-же, свойственнымъ ему, невозмутимымъ спокойствіемъ тихо повернулся и вышелъ.

Судя по словамъ, которыми князь заключилъ свой разговоръ съ Шёнингомъ, не было сомнѣнія, что доктору этому немедля подадутъ лошадей для выѣзда изъ Проскурова.

И дѣйствительно, Андрей Николаевичъ, окончивъ свои занятія въ кабинетѣ, готовъ былъ призвать дворецкаго, чтобы приказать ему заложить лошадей для Шёнинга. Но каково-же было удивленіе князя, когда взволнованный дворецкій почти бѣгомъ влетѣлъ къ нему и, торопясь и глотая слова, сталъ докладывать, что верхомъ пріѣхалъ съ тракта офицеръ, для того, чтобы предупредить князя Проскурова, что къ нему придутъ сейчасъ великій князь, княгиня и свита. Съ колесъ у кареты великой княгини соскочила шина, а потому время, которое необходимо, чтобы поправить ее — высокіе гости проведутъ въ усадьбѣ князя, находящейся, по счастливой случайности, вблизи мѣста происшествія.

Это извѣстіе такъ поразило само по себѣ Андрея Николаевича, что онъ не имѣлъ даже времени удивиться еще болѣе поразительному предупрежденію доктора Шёнинга, только что имъ полученному.

Богатый домъ Проскурова, съ цѣлымъ рядомъ всегда готовыхъ комнатъ для гостей, съ кладовыми, полными всякихъ запасовъ, съ оранжереями заморскихъ плодовъ, набитый многочисленною прислугою, — былъ однимъ изъ тѣхъ барскихъ русскихъ домовъ, въ которыхъ не приходилось, въ случаѣ нужды, вино курить и пиво варить — всего было вдоволь.

И, словно по волшебству, вытянулся въ большой залѣ длинный столъ, покрытый голландскою скатертью, уставленный винами въ серебряныхъ жбанахъ и вазами съ фруктами.

Забѣгали разодѣтые въ яркіе кафтаны лакеи. На кухняхъ застучали ножи.

Все поспѣло во-время, и князь Андрей Николаевичъ въ шитомъ золотомъ кафтанѣ встрѣчалъ съ непокрытой головою своихъ гостей на крыльцѣ.

Князь чувствовалъ себя точно во снѣ. Тихая до сихъ поръ усадьба его вдругъ наполнилась блестящею толпою, способною ослѣпить и привычнаго къ ней человека своими камнями, шелкомъ, перьями, кружевами...

Все было весело, смѣялось, шутило, было исполнено радости.

Только великая княгиня, Екатерина Алексѣевна, казалась грустною, и благодаря-ли этой своей грусти или иному чему, но рѣзко выдѣлялась изъ всей этой блестящей толпы. На ней было платье менѣе роскошное, чѣмъ у остальныхъ, но никто ловчѣе ея не носилъ своего платья... Она была не высока ростомъ, но всѣ остальные какъ-то уничтожались передъ нею, казались ниже ея. Красивое лицо ея привлекало къ себѣ не только красотой, но на немъ лежала печать несомнѣннаго ума и энергіи — качества, которыхъ не было замѣтно въ маловыразительномъ, суживающемся къ подбородку, лицѣ ея мужа. Выдавшіеся впередъ, словно онъ испугался когда-то и застылъ въ этомъ выраженіи, глаза его, — черные, большіе, казались безжизненны и не притягивали къ себѣ. Взглядъ великой княгини, напротивъ, проникалъ въ самую душу, и чуть замѣтная складка между бровями служила признакомъ развитія мысли и раннихъ думъ.

Когда сѣли завтракать, сразу можно было увидѣть, что въ великокняжеской семьѣ существуютъ два совершенно противоположные лагеря. Это было ясно и по разговорамъ, и по привычкамъ.

Молодая Екатерина Алексѣевна, прежде чѣмъ сѣсть за столъ, обратилась въ передній уголъ и набожно сдѣлала крестное знаменіе; великій князь, хочоча и шута, подскочилъ къ своему стулу и, какъ-то сбоку перешагнувъ черезъ него, сѣлъ и тотчасъ-же принялся ѣсть и пить, наливая себѣ вина полные стаканы.

Князь Проскуровъ не садился за столъ и, въ качествѣ хозяина, переходилъ, наблюдая за угощеніемъ.

Завтракъ у князя Проскурова былъ хорошъ, вина вкусны, общество многочисленно, и разговоръ завязался, поэтому, интересный.

— Нѣтъ, что касается меня, говорилъ великій князь, — то, конечно, я не вѣрю, но много есть на свѣтѣ страннаго... Я вотъ самъ скажу про себя, со мною была исторія..

И онъ началъ рассказывать исторію, которую, обыкновенно, повторялъ послѣ выпитаго вина, о томъ, какъ онъ, будучи восьмилѣтнимъ мальчикомъ, былъ посланъ отцомъ, герцогомъ Гольштинскимъ, противъ банды цыганъ и какъ побѣдилъ ихъ чудеснымъ образомъ.

На всѣхъ лицахъ играла скрытая улыбка въ продолженіе этого невѣроятнаго рассказа, слышаннаго большинствомъ присутствующихъ уже много, много разъ.

Екатерина низко опустила голову и потупилась. Краска нѣсколько разъ яркимъ румянцемъ заливала ея щеки... Какъ ни старалась она скрыть это, но замѣтно было, что ей и больно, и обидно за мужа.

Но Петръ Ѳеодоровичъ, красный отъ выпитаго вина, блестя влажными глазами, продолжалъ свой рассказъ, не обращая вниманія ни на общую неловкость присутствующихъ, ни на сконфуженный видъ жены.

Только, когда онъ кончилъ и водворилось непріятное молчаніе, онъ какъ будто понялъ, что что-то не совсѣмъ ладно, и обратился къ хозяину дома, какъ къ человѣку новому и не слышавшему еще никогда исторіи о цыганахъ:

— Князь, а князь... какъ васъ зовутъ тамъ?

— Проскуровъ... подсказалъ Андрей Николаевичъ.

— А!—ну, все равно, что вы скажете о моемъ рассказѣ?

Князь развелъ руками.

— Удивительно, ваше высочество, но сегодня мнѣ трудно удивляться чему-нибудь — послѣ того, что случилось со мною.

Всѣ обернулись въ его сторону.

Великая княгиня подняла на него глаза.

— Это интересно, сказалъ кто-то.

— Что-же съ вами случилось? спросилъ великій князь, довольный, что, въ пику женѣ, которая, по его мнѣнію, всегда вела себя такъ, чтобы поставить его въ неловкое положеніе, онъ вовсе не конфузится и держитъ себя молодцомъ.

— Счастіе высокаго пощенія, отвѣтилъ Проскуровъ, — которымъ я удостоенъ сегодня, благодаря случаю — было предсказано мнѣ утромъ.

— Что-жъ, это добрый пророкъ, подхватилъ великій князь, — я-бы желалъ, чтобы у насъ почаще ломались шины, чтобы имѣть такой пріемъ, завтракъ, а главное, вино... у васъ славное вино, князь... заключилъ Петръ Ѳеодоровичъ и налилъ себѣ еще полный стаканъ шипучаго.

— Вы слишкомъ милостивы ко мнѣ, государь, поклонился князь низкимъ, ниже поясного, поклономъ.

— Кто-же этотъ пророкъ? спросилъ, сдвигая брови, Чоглоковъ, жена котораго была приставлена къ великой княгинѣ императрицею, и который тоже наблюдалъ и самъ за „малымъ дворомъ“.

— Докторъ, поспѣшилъ отвѣтить князь, — его фамилія Шеннингъ.

— Славная фамилія! замѣтилъ великій князь, — а гдѣ-жъ онъ?

Князь старался предупредить желанія своего высокаго гостя.

— Прикажете позвать его, ваше высочество? живо спросилъ онъ.

— Ахъ, да, прикажите, сказала одна изъ фрейлинъ, — это, вѣроятно, очень интересно. Говорятъ, въ Германіи эти союзы тайные есть — я убѣждена, что онъ членъ такого союза, а я никогда не видѣла ихъ...

Андрей Николаевичъ кивнулъ дворецкому, тотъ, понявъ съ полуслова, побѣжалъ за докторомъ.

Дверь раскрылась, и на порогѣ появился докторъ Шеннингъ. На немъ былъ тотъ-же, что и вчера, коричневый кафтанъ, та-же простая обувь, и такъ-же, какъ вчера и, очевидно, какъ всегда, былъ спокоенъ его видъ... Казалось, подъ этимъ простымъ и скромнымъ одѣяніемъ являлся не бѣдный докторъ предъ лицо владѣтельныхъ особъ, но одинъ изъ сильныхъ міра сего входилъ въ общество, знакомое ему и привычное. Въ немъ не было замѣтно и тѣни волненія, охватившаго всѣхъ въ Проскуровѣ, не исключая и стараго князя, съ минуты пріѣзда гостей. Онъ приближался, не ускоряя шага, и, подойдя къ столу, сдѣлалъ почтительный поклонъ, исполненный достоинства.

Но только великая княгиня улыбкой и наклоненіемъ головы отвѣтила на этотъ поклонъ. Остальные, и въ особенности, великій князь, смотрѣли на вошедшаго, какъ на предметъ любопытства, словно онъ былъ не человѣкъ, а вещь изъ кунсткамеры.

Петръ Ѳеодоровичъ перегнулся, закинувъ руку за спинку стула, и, полураскрывъ ротъ, точно очень удивился, что докторъ такой-же, какъ и всѣ остальные люди.

— А что-же, онъ ничего... вслухъ проговорилъ онъ, не стѣсняясь.

Великая княгиня закусила губу. Съ ея природнымъ тактомъ распознаванія людей, она увидела сразу въ докторѣ достойнаго человѣка.

И мужъ ея уже оскорбилъ этого человѣка ни за что, ни про что своимъ обращеніемъ.

— Вы, говорятъ, предсказатель, магъ, волшебникъ? продолжалъ Петръ Ѳеодоровичъ, обращаясь къ доктору.

Старый князь смотрѣлъ въ это время на Шеннинга, сверкая глазами, будто всѣмъ существомъ своимъ хотѣлъ сказать ему:

„Посмѣй у меня только быть не почтительнымъ — такъ я тебя въ щепки изломаю“.

Но докторъ, не теряя своего хладнокронія, тихо отвѣтилъ:

— Я ни то, ни другое, ни третье, ваше высочество.

— Ну, а все-таки нашъ пріѣздъ, случай съ нами предсказали?

— Да.

— Какимъ-же образомъ?

— Вамъ угодно испытать?

Петръ Ѳеодоровичъ расхохотался.

— Я не настолько глупая голова, чтобы вѣрить вашимъ дурацкимъ бреднямъ.

— Но все-таки это интересно, сказала Екатерина, чтобы смягчить послѣднія слова великаго князя.

— Да вотъ, подхватилъ опять тотъ, — это совсѣмъ по женской части... намъ, мужчинамъ, разумѣется, интереснѣе выпить стаканъ добраго вина... ну, а имъ заниматься гаданьемъ. Вы можете поворожить моей женѣ?

Шеннингъ взглянулъ на Екатерину.

Вся эта сцена, видимо, была непріятна ей.

— Да, пожалуйста, проговорила она.

— Если ея высочеству угодно будетъ, отвѣтилъ докторъ, — въ такомъ случаѣ я попрошу ея высочество пройти со мною въ сосѣднюю гостиную. Я могу только исполнить ея волю безъ постороннихъ свидѣтелей.

Екатерина поднялась со своего мѣста.

— Я готова, сказала она и добавила, обращаясь къ Чоглокову, вполголоса по-французски: — я думаю, вы не будете ничего имѣть противъ, если я избавлю

Погребение Христа. Съ карт. Г. Тиши, грав. Фрюгауфъ.

этого человека отъ любезностей великаго князя, а насъ всѣхъ отъ неприятной сцены.

Чолоковъ поклонился, въ знакъ согласія.

— Только я попрошу ваше высочество оставаться не долго, проговорилъ онъ.

Екатерина сдѣлала знакъ Шёнингу слѣдовать за ней.

Остальные, когда встала великая княгиня, тоже поднялись изъ-за стола и перешли на террасу, гдѣ уже были приготовлены сласти и наливки, и Петръ Ѳедоровичъ, несмотря на присутствіе дамъ, потребовалъ себѣ трубку и закурилъ свой кнастеръ..

Войдя въ гостиную, Екатерина быстро обернулась къ Шёнингу и, смягчая свои слова ласковой улыбкой, проговорила ему:

— Я надѣюсь, что вы удовольствуетесь тѣмъ, что я увела васъ, чтобы избавить отъ неприятнаго разговора, и не станете, въ самомъ дѣлѣ, играть передо мной комедіи съ какими-нибудь предсказаніями..

— Если я рѣшился обезпокоить ваше высочество, отвѣтилъ докторъ, тономъ своего голоса извиняясь, что перебилъ рѣчь великой княгини, — то, повѣрьте, имѣлъ къ тому болѣе серьезныя причины.

И, говоря это, онъ досталъ изъ грудного кармана своего камзола сложенное и запечатанное письмо и подалъ его Екатеринѣ.

Несмотря на то, что они были совсѣмъ одни, она невольно оглянулась по сторонамъ, несмѣло протянула руку къ письму и недовѣрчиво осмотрѣла его.

На печати она узнала гербъ принцессы Антгальтъ-Цербтской, а въ почеркѣ адреса—руку своей матери.

И, не сомнѣваясь болѣе, она быстро распечатала и начала читать.

„Графъ Симонъ де-Сенъ-Жерменъ, писала ей мать по-французски,—передать тебѣ это письмо и рассказать, какъ обо мнѣ, такъ и обо всемъ, чего не успѣю я досказать тебѣ въ этомъ письмѣ. Довѣрься ему. Онъ не только преданный другъ мнѣ, но и тебѣ можетъ быть вѣрнымъ и добрымъ помощникомъ..“

Екатерина, пораженная неожиданностью, подвела глаза на стоящаго передъ ней человека, молва о которомъ изъ Парижа глухо уже дошла до Петербурга, и о которомъ ей приходилось уже слышать дивныя вещи.

— Такъ вы, сказала она,—графъ..

— Симонъ де-Сенъ-Жерменъ, снова поклонился онъ.

— И вы для меня пріѣхали изъ Парижа?

— Исключительно для васъ, ваше высочество. Принцесса, ваша матушка, говорила мнѣ о тѣхъ затрудненіяхъ, которымъ подвергается ваша переписка съ нею, о томъ надзорѣ, подъ которымъ держатъ здѣсь ваше высочество... какъ въ замкѣ..

— Хуже замка—я окружена согладатаями, за каждымъ движеніемъ моимъ слѣдятъ. Я не могу сдѣлать, буквально, шагу... Императрицы не видно мѣсяцами... И достаточно, чтобы въ комъ-нибудь замѣтили преданность ко мнѣ, дружбу, даже въ людяхъ—сейчасъ ихъ удаляютъ отъ меня... Вблизи меня нѣтъ друзей..

— Но это не значитъ, чтобы ихъ не было вовсе, сказалъ графъ, подчеркивая свои слова.

— Я это вижу, улыбнулась Екатерина,—и, кажется, узнала одного изъ нихъ сегодня.

Она протянула ему руку, которую графъ поднесъ къ своимъ губамъ.

— И въ котораго вы можете вѣрить, ваше высочество, сказалъ онъ.

— Благодарю васъ, я вѣрю... Представьте себѣ, мнѣ даже не позволяютъ переписываться съ матушкой. Письма къ ней составляются въ иностранной коллегіи, и я могу лишь ставить на нихъ свою подпись; мнѣ запрещено дѣлать какую-нибудь приписку... Мнѣ сказано, что канцлеръ Бестужевъ лучше знаетъ, о чемъ и какъ должна писать великая княгиня. Но они забываютъ, что этотъ

ихъ канцлеръ не можетъ знать, какъ хотѣла бы писать дочь къ матери..

Имя Бестужева было произнесено такъ, что графъ спросилъ:

— А ваше высочество считаете канцлера своимъ врагомъ?

— И однимъ изъ самыхъ непреклонныхъ.

— Не отдавайтесь этому чувству вражды. Оно ошибочно.

Брови Екатерины сдвинулись.

— Какъ, вы хотите, чтобы я не имѣла ничего противъ Бестужева, отъ котораго я терплю, можетъ быть, больше, чѣмъ отъ другихъ... Вы этого не знаете, а я тутъ это чувствую.

— Вѣрьте, ваше высочество, что въ Парижѣ хорошо освѣдомлены обо всемъ, что касается вашего положенія здѣсь. Канцлеръ временно дѣлаетъ вамъ притѣсненія, чтобы показать свою силу и выгоду союза съ нимъ. Но онъ слишкомъ уменъ и дальновиденъ, чтобы не стать на вашу сторону, если вамъ угодно будетъ выказать къ тому желаніе.

Екатерина задумалась. Ей весело было и пріятно сознавать, что она, за минуту еще передъ тѣмъ чувствовала тамъ, за столомъ, себя совершенно покинутой, среди людей, съ которыми ничего не имѣетъ общаго,—вдругъ видитъ, что гдѣ-то далеко, въ Парижѣ, заботятся о ней, знаютъ мельчайшія подробности отношеній къ ней окружающихъ и думаютъ за нее.

— Да, сказала она, — мнѣ этого не приходило въ голову—попробую. Можетъ быть. А то бываютъ минуты, что теперешняя жизнь просто невозможна дѣлается..

— Если будетъ очень тяжело, продолжалъ Сенъ-Жерменъ,—обратитесь къ императрицѣ и попросите ее отпустить васъ домой. Она этого не сдѣлаетъ, но къ вамъ станетъ относиться ласковѣе... Впрочемъ, обо всемъ этомъ вамъ принцесса пишетъ въ письмѣ—старайтесь только, чтобы его не увидали у васъ.

— О! объ этомъ будьте покойны! увѣренно произнесла Екатерина.—Но какъ же вы пробрались сюда, почему вы знали, что мы будемъ здѣсь... или это одна изъ тайнъ графа Сенъ-Жермена?

Онъ весело улыбнулся.

— Повѣрьте, ваше высочество, что все, что я дѣлаю, очень просто и, главное, естественно. Оно не похоже только на то, къ чему привыкла толпа. И она удивляется тому, чего не знаетъ... Вотъ и все. Я долженъ былъ перемѣнить имя, чтобы явиться въ Россію. Я ѣхалъ въ Петербургъ, но на дорогѣ узналъ, что вы отправляетесь въ Москву, и свернулъ по проселкамъ на перерѣзъ вамъ. Я рассчиталъ, что мы должны съѣхаться въ имѣніи здѣшняго князя. Вашъ кучеръ былъ заранѣе подкупленъ для того, чтобы сказать въ условленномъ мѣстѣ, что лопнула шина, и дальше ѣхать нельзя. Сегодня утромъ я былъ въ деревнѣ и распорядился относительно условленнаго знака... Не было сомнѣнія, что вы остановитесь въ усадьбѣ..

— И увижу васъ, чтобы высказать вамъ свою благодарность, добавила Екатерина.— Но я боюсь, что наше „гаданье“ покажется тамъ (она кивнула на террасу) слишкомъ продолжительнымъ. Увижу-ли я васъ еще?..

— Я долженъ ѣхать завтра утромъ назадъ.

— Въ такомъ случаѣ, все-таки, до свиданія.

Онъ отвѣтилъ ей новымъ поклономъ.

Она направилась къ двери.

— Графъ! вдругъ остановилась она, и легкая краска смущенія зарумянила ея щеки.—Простите мнѣ одинъ вопросъ—вамъ дорого стоило подкупить кучера?

— Ваше высочество, зачѣмъ вамъ знать это?

— Чтобы вернуть вамъ расходы..

Новая улыбка явилась на лицѣ графа.

Онъ опустилъ руку въ карманъ своего бѣднаго коричневаго камзола и досталъ оттуда цѣлую горсть брильянтовъ.

— Вы видите, что у меня еще хватить на подкупъ не одного только кучера... Желаю вамъ счастья, ваше высочество...

Про графа Сенъ-Жермена говорили, что онъ обладаетъ тайной искусственно воспроизводить брильянты чистѣйшей воды.

Екатерина вспомнила это.

И не сказавъ больше ни слова, но еще разъ кивнувъ, съ особенною, только ей свойственной, улыбкой, своему новому другу, она вышла изъ комнаты.

XX.

Неожиданный пріемъ, оказанный Проскуровымъ великому князю и свитѣ, вышелъ столь блестящимъ, что Андрею Николаевичу оставалось только самому удивиться, какъ это все было хорошо. Самый придиричивый человѣкъ не могъ бы сдѣлать никакого замѣчанія. Гости были очень довольны пріемомъ.

Великій князь и великая княгиня благодарили хозяина. Но все-таки Андрей Николаевичъ могъ свободно вздохнуть только тогда, когда вся эта блестящая толпа съѣла въ экипажи и лошади тронулись. До самаго конца нельзя было ручаться, что непривычная ко Двору прислуга Проскурова не сдѣлаетъ какой-нибудь неловкости, или мало-ли что можетъ произойти, но за-то, когда все кончилось, вздохъ довольства и радости вырвался изъ груди стараго князя, долго стоявшаго на крыльцѣ и не спускавшаго глазъ съ удалявшагося поѣзда.

Кузовъ послѣдней кареты исчезъ изъ виду, и князь повернулся, чтобы идти въ домъ.

Часы, которые онъ пережилъ, были такъ хороши, такъ лстливы его болѣзненному самолюбію, что онъ, нарочно подымаясь тихими шагами по лѣстницѣ къ себѣ наверхъ, медлилъ, чтобы продолжить удовольствіе вынесенныхъ впечатлѣній и не сейчасъ окунуться снова въ ту разладицу, которая явилась теперь въ его домѣ и которая должна охватить его, едва лишь войдетъ онъ въ кабинетъ.

Тамъ онъ снова изъ чарующаго міра блеска и двора очутится въ мірѣ неприятностей, гдѣ этотъ неблагоприятный Артемій, большая дочь и неудавшееся сватовство ея съ сыномъ стариннаго пріятели...

Но не успѣлъ онъ дойти до кабинета, какъ уже долженъ былъ сводить свои счеты съ этимъ міромъ.

Въ пріемной его ждалъ тотъ, кого онъ зналъ подъ именемъ доктора Шеннинга.

— Вѣрите-ли вы теперь моимъ словамъ? встрѣтилъ докторъ князя вопросомъ.

Князь крѣпко провелъ рукою по лбу.

— Ну, да, государь мой. Что же вы хотите?..

— Я говорю о вашей дочери...

— Да, да... Все это очень удивительно, заговорилъ Андрей Николаевичъ съ разстановкой.—Да... И великая княгиня назвала васъ удивительнымъ человѣкомъ... Да—вы говорили, что болѣзнь Ольги серьезна?..

— Очень серьезна, князь.

Андрей Николаевичъ хмурился съ каждымъ словомъ.

— Но она все-таки молода, натура ея можетъ выдержать... я надѣюсь, проговорилъ онъ.

— Натура ея слишкомъ впечатлительна, и въ этомъ все несчастіе—причина болѣзни ея нравственная. Она любитъ. Только свадьба съ любимымъ человѣкомъ можетъ спасти ее... Я это повторяю вамъ, какъ отцу, который, вѣроятно, не захочетъ смерти единственной своей дочери.

Руки князя, помимо его воли, начали конвульсивно сжиматься.

— Да знаете-ли вы, что вы говорите? вдругъ подступилъ онъ.—Знаете-ли вы, что она выдумала... Она, дочь князя Андрея Николаевича Проскурова, выду-

мала заразиться амурнымъ сумасшествіемъ къ найденшю, къ человѣку безъ роду, безъ племени, за котораго нельзя отдать ее...

Онъ съ трудомъ перевелъ духъ...

Докторъ пожалъ плечами.

— Вамъ приходится, въ такомъ случаѣ, выбирать между самолюбіемъ и жалостью къ дочери, жизнь которой въ вашихъ рукахъ, возразилъ онъ спокойно.

Князь чувствовалъ, что это спокойствіе, съ которымъ говорили съ нимъ—дѣйствуетъ на него внушительно.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ему приходилось выбирать между жизнью и смертью дочери?..

И вдругъ ему такъ ясно, такъ отчетливо-правдиво вспомнились послѣднія минуты жены, какъ она, блѣдная, лежала неподвижно на кровати, и какъ онъ слѣдилъ за чуть замѣтнымъ колебаніемъ ея гофрированной сорочки, боясь не увидѣть его... И Оля, дочь его Оля... такъ же угаснетъ на его глазахъ... И начнутся тѣ страшныя муки отчаянія и горя, которыя онъ пережилъ уже однажды.

И старѣй князь, тяжело дыша, безсильно опустился на одинъ изъ стульевъ, вытянутыхъ въ струнку по стѣнѣ пріемной.

— Да развѣ другого исхода быть не можетъ? почти съ мольбою въ голосѣ спросилъ онъ.

Докторъ, внимательно слѣдившій за внутренней борьбою князя, отвѣтилъ, сжавъ брови:

— Ни въ какомъ случаѣ не можетъ!..

Андрей Николаевичъ закрылъ лицо руками.

— Ну, хорошо! вдругъ, вставая, проговорилъ онъ, какъ человѣкъ твердо рѣшившійся.—Хорошо, если ей суждено умереть—пусть, но имени своего она не опозорить... Не одинъ князь Проскуровъ умиралъ за честь этого имени и встрѣчалъ, не дрогнувъ, свою смерть. Если ей суждено—пусть... До сихъ поръ наше княжеское имя носилось съ достоинствомъ, для котораго жертвовали жизнью наши предки... Пусть и она пожертвуетъ—значить, такова судьба...

Голосъ его былъ слабъ; руки его дрожали, и челюсть ходила изъ стороны въ сторону.

— И это ваше послѣднее слово, князь? спросилъ докторъ.

— Да, послѣднее. Оставьте меня...

— Но вы позволите еще разъ мнѣ пройти въ комнату больной?

— Ахъ, идите, куда хотите, хоть къ...

И не договоривъ, князь взялся за голову и бросился въ кабинетъ, съ силой хлопнувъ за собою дверью.

Весь этотъ день, за исключеніемъ времени, проведеннаго ею на террасѣ, Ольга просидѣла въ своей комнатѣ, куда къ ней изрѣдка доносился отдаленный гулъ великокняжескаго пріема.

Дуняша, въ отчаянной борьбѣ между собственнымъ любопытствомъ и преданностью своей барышнѣ, то бѣгала внизъ посмотрѣть на небывалыхъ гостей, то являлась къ Ольгѣ съ разказами.

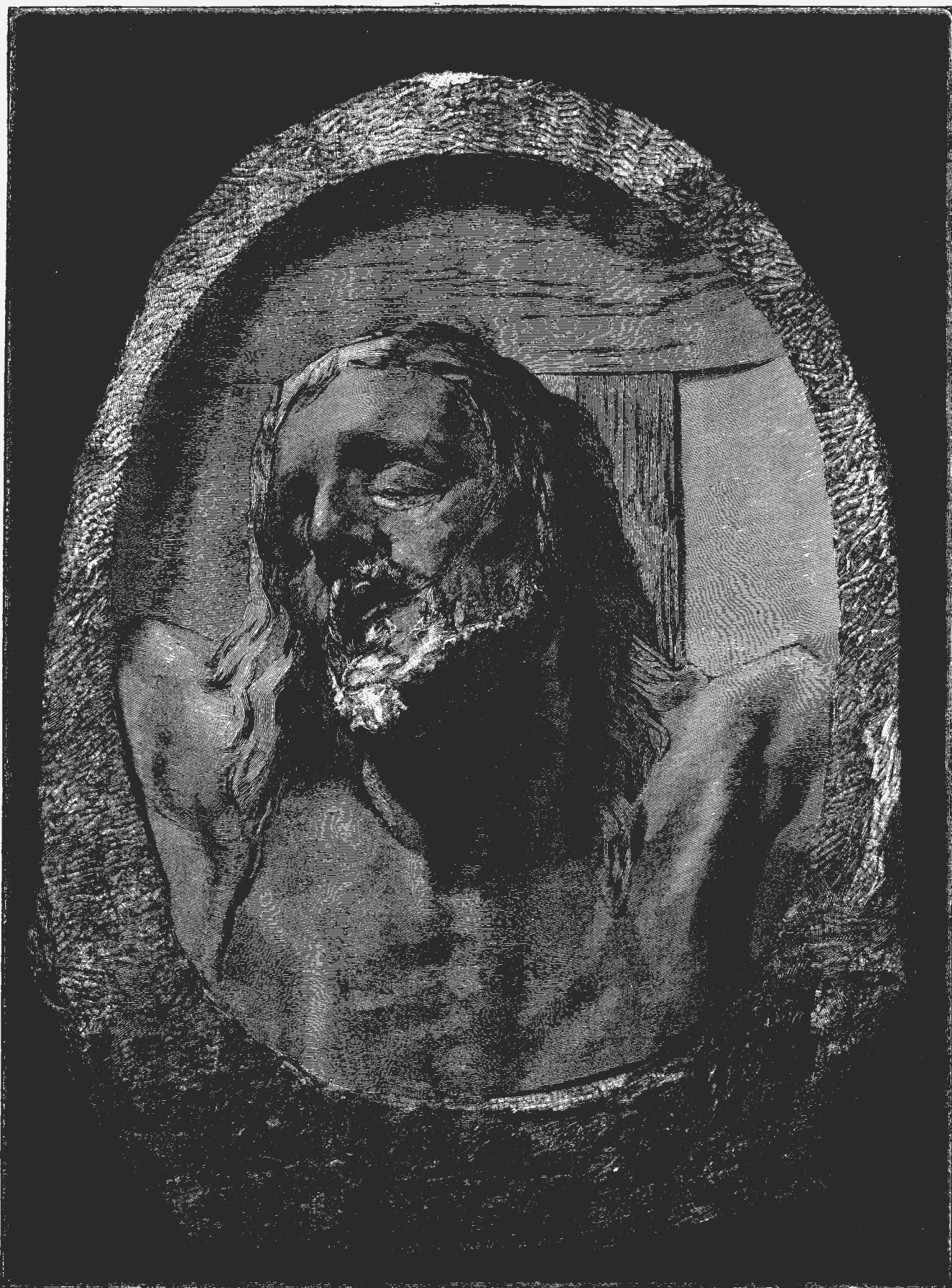
Ольгѣ казалось временами, что гдѣ-то, когда-то, какъ будто она видѣла эти кареты и все тѣ, о чемъ передавала ей Дуняша; но гдѣ, какъ и когда—она не могла себѣ дать рѣшительно никакого отчета, хотя все-таки ей чудилось, что это было ужъ какъ-то.

Среди своихъ разказовъ, однако, Дуняша не забывала о самой Ольгѣ. Она сообразила, что поднимаясь въ домъ суматоха болѣе чѣмъ удобна для свиданія Артемія съ Ольгой, и старалась добыть завѣтный ключъ, подъ которымъ сидѣлъ молодой человѣкъ.

Но всѣ люди, и дворецкій, и буфетчикъ-Сергѣй сбились съ ногъ и забыли объ Артеміи.

Только когда гости уѣхали, вспомнили, что съ утра никто не былъ у заключеннаго, хотя Дуняша и напоминала о немъ, но ея не слушали.

Наконецъ она, пугнувъ буфетчика Сергѣя вѣчною

Послѣдній вздохъ. Горельефъ проф. Антокольскаго, по фотогр. грав. Мульташовскій.

2

мѣсяцы. Но съ приближеніемъ іерусалимскаго сезона, или, говоря правильнѣе, мѣсяцевъ паломничества (съ половины сентября по конецъ пасхальной недѣли) городъ точно отъ тяжелаго сна пробуждается, толпа на улицахъ растетъ и къ Великому посту становится, особенно, въ базарные дни, такъ значительна, что несчастью паломнику, волею-неволею, приходится работать больше локтями, чѣмъ ногами, чтобы прощипать гогочущую на всѣхъ нарѣчьяхъ, орущую полудикую пародную массу. Если вѣрить историкамъ, во время земной жизни Іисуса Христа, въ теченіе мѣсяца писана, къ еврейской пасхѣ въ Іерусалимъ стекалось отовсюду изъ отдаленнѣйшихъ странъ болѣе миллиона народа. Конечно, такой незначительный, по пространству, городъ, каковъ всегда былъ Іерусалимъ, не могъ вмѣщать этихъ массъ. Прибывшіе располагались лагеремъ внѣ городскихъ стѣнъ, на Елеонѣ и прилегающемъ къ нему холмѣ съ сѣвера (лагерь Наворесы или Малаи Галилея), вдоль сѣверной стѣны около Іереминной пещеры и Дамасскихъ воротъ (бав-эль-Амудъ), на пыльномъ „русскомъ пустырьѣ“, и на западѣ между двумя громадными водовмѣстителями биркетъ-эль-Султанъ и биркетъ-Мамила. Теперь большинство прѣзжихъ, само собой, христіанскіе паломники, а между ними — русскій православный людъ. Меньшинство является для торговли; еюзанимаются пре-

Армянская женщина.

усердіе малыхъ сихъ, нужно прослѣдить шагъ за шагомъ, начиная съ момента сборовъ и добыванія увольнительнаго паспорта, въ пути по нашимъ отечественнымъ пространствамъ, иногда изъ самыхъ сѣверныхъ губерній, часто изъ Сибири, по четыремъ морямъ, въ удивливомъ трюмѣ, до Яффы. Сколько труда, усталости, терзанія, неправды, насилія выносятся ими... ради чего? Ради души, обвятой святою вѣрою! Присмотритесь къ русскому крестьянину на іерусалимскихъ базарахъ. Турецкій полицейскій — застѣй — въ длинномъ синемъ сюртукѣ и ушитомъ позументомъ нижнемъ платьѣ, съ ятаганомъ, работаетъ гнѣбною бамбуковою палкою направо и налево, но едва прикрытымъ плечамъ арабскъ и полуголыхъ мальчишекъ, оставляя на память о себѣ полосы, какъ отъ раскаленнаго желѣза; тотъ же застѣй снисходительно смотритъ на нашего мужика или бабу; рѣдко перенатереть отъ нихъ бакшишъ-таричка, но онъ, при случаѣ, всегда имъ услужитъ или укажетъ, что нужно. И на базарѣ овечьемъ тулуну или какой-нибудь мотуникъ (отъ мотаться, мотается), преимущественно передъ другими, скорѣе удался выторговать, хоть грошикъ... Говорю не о тѣхъ восточныхъ базарахъ, обязательно привлекающихъ иностранцевъ, какъ константинопольскій въ Стамбулѣ, а о двухъ площадяхъ у Яффскихъ и Дамасскихъ воротъ, куда три раза въ недѣлю

Продавщица цвѣтовъ

имущественно арабы и греки, а отчасти жители близлежащаго Виллема. Всѣ эти арабы, эти греки — штомцы католическихъ іезуитскихъ и протестантскихъ благотворительныхъ учебныхъ заведеній Сиріи, Палестины и другихъ частей Малой Азии. Они лакированы quasi-европейской цивилизаціей, одѣты по-европейски, говорятъ, кромѣ своего природнаго, съ грѣхомъ пополамъ, на французскомъ языкѣ и англійскомъ, иногда даже снисходительно отвѣчаютъ по-русски... но мысль у нихъ одна — спустить грошовую вещь за полтину.

Какъ вообще на Востоку, и въ Іерусалимѣ вся жизнь — на улицахъ. Прожившему долгіе лѣтніе и зимніе мѣсяцы, какъ внѣ города, такъ и по соседству съ храмомъ Воскресенія, такъ сказать, на самой площадке у входа въ этотъ храмъ, присутствовавшему почти на всѣхъ религиозныхъ и національныхъ празднествахъ, процессіяхъ и великихъ обрядахъ, не трудно было взглянуть на всевозможные типы, начиная отъ вездѣшлаго, чопорнаго идеала европейца-англичанина до голаго чернобронзоваго абиссинца.

Но общее вниманіе, расположеніе и симпатію, безспорно, привлекаютъ простые русскіе паломники. Въ Іерусалимѣ значеніе ихъ и сила не въ подавляющей ихъ численности, среди другихъ христіанскихъ иновѣрцевъ, а въ несокрушимой силѣ вѣры ихъ простыхъ сердецъ, къ нимъ влекущей туземцевъ. Чтобы понять

Дѣвушка изъ Виллема.

загородные феллахи и оседлые бедняки привозят всякую живность, огородные овощи: цветную капусту, лукъ, картофель, артишоки, бобы, салатъ, огромные безкостные огурцы и, смотря по времени года,—абрикосы, персики, арбузы, дыни; наконецъ, апельсины, лимоны, гранаты, виноградъ, нижирь (вишняя ягода), сахарный тростникъ и пр., гдѣ наваливаются возы топлива, въ видѣ корей, отслужившихъ службу виноградныхъ лозъ, шеничныхъ отрубей для корма ословъ, словыхъ и сосновыхъ шишекъ для растопки и т. п. Съ восходомъ солнца тутъ подымается крикъ, гамъ, сущій Содомъ... изъ-за копейки между продавцомъ и покупателемъ идетъ та-

Слѣпой нищій.

кая беспощадная брань, что со стороны можно принять, что дѣло идетъ о кровномъ оскорбленіи; но деньги уплачены, товаръ принятъ, и оба расстаются, какъ давнишніе друзья. Все, что заваливаетъ эти площади, доставляется въ города на спинахъ двухъ существъ: осликовъ и женщинъ. Въ то время, какъ у насъ департаментскій писарь, сопровождающій свою даму, считаетъ своей священной обязанностью нести какой-нибудь ея узелокъ, свертокъ, или даже зонтикъ, тутъ встрѣчаются въ базарныхъ утра цѣлыя вереницы женщинъ, съ страшными визанками хворосту или мѣшками за спиной, съ тяжеловѣсными кувшинами на головѣ, босая, въ длинныхъ синихъ рубахахъ и грязныхъ полотняныхъ покрывалахъ, съ лицами, изуродованными аляповатой татуировкой. Рядомъ съ этимъ, поистинѣ, вьючнымъ животнымъ, идетъ величаво, размахивая праздными руками и полосатымъ балахономъ, ея сундукъ; на немъ если не сапоги, то широкія красныя туфли-шлепанцы, бѣлая рубаха, съ засунутымъ за кушакъ книжадомъ, или съ подвѣшеннымъ пожомъ и какими либо иными металлическими значками, на головѣ—пестрая, желтая, а иногда и зеленая чалма. У феллаха черты лица благообразны, иногда красивы; они смуглы, почти оливковаго цвѣта, борода, брови — черныя, глаза маленькіе, но блестящіе, прощываются. Странный, отвратительный контрастъ имъ—сидящіе у городскихъ воротъ цѣлыми группами прокаженные. Человѣкъ съ канатами, вмѣсто нервовъ, способенъ содрогнуться отъ ужаса при видѣ этихъ несчастныхъ.

Женскую красоту славятся—вплеемекій типъ и, изъ армянской—преимущественно, обитательницы Яффы. Дѣйствительно, нельзя не любоваться симпатичнымъ, открытымъ взглядомъ молодой вполеемлянки, этого олицетворенія жизнерадостности, чистоты душевной, правды. Все это читается въ чертахъ ея лица, въ ясномъ, улыбающемся взглядѣ черныхъ, какъ уголь, большихъ глазъ. Одѣты онѣ съ нѣкоторымъ даже кокетствомъ, очень красиво: на замужней—высокій кокошикъ или, скорѣе, клубокъ, покрытый длиннымъ бѣлымъ покрываломъ, спускающимся съзади до стѣпа колѣнъ. На лбу и на шеѣ тяжеловѣсными ожерелья серебряныхъ рублевиковъ и австрійскихъ старинныхъ талеровъ; все онѣ славятся, можно сказать, евангельскую правдивостью. Красота армянской женщины—никого рода. У нея правильныя черты лица, большіе глаза, съ длинными рѣсницами, классическій носъ и развѣвъ рта; но все это производятъ впечатлѣніе чего-то недосказаннаго, затаеннаго, неодушевленнаго, какъ прекрасное изваяніе, вышедшее изъ мастерской древняго греческаго художника. Ихъ костюмъ изысканъ, безвкусенъ, точно рассчитанъ на эффектъ; на состоятельныхъ всегда наизана и навшена цѣлая масса золотыхъ съ драгоценными камнями ожерелий, фероньерокъ, браслетовъ, брошекъ и т. п. Особенно охотно шеголяютъ онѣ, являясь, въ праздники, въ храмъ Воскресенія, гдѣ откупаютъ мѣста, устраиваютъ себѣ ложи на возвышенныхъ и видныхъ мѣстахъ, между массивными пиластрами, поддерживающими великолѣпный чугунный куполь надъ ротондой кувукліи (часовня гроба Господня). Вотъ гдѣ, особенно, въ великіе праздники: въ день Православія (первое воскресенье Великаго поста), въ Вербное воскресенье, въ субботу Страстной недѣли и въ великую ночь Христова Воскресенія собираются всевозможные восточные типы Аравіи, Синаи, Іемена, Мессапотаміи, Сиріи, Арменіи, Курдистана... и невѣсть откуда... Тутъ уже не до молитвы!

А вотъ когда:

Бьетъ одиннадцатъ. Бросаю на интересной главѣ Фаррара, сѣбѣ, одѣваюсь. Я опоздалъ... а потому—иду одинъ. Выхожу на Яффское шоссе. Боже, что за прелесть—іерусалимская ночь!

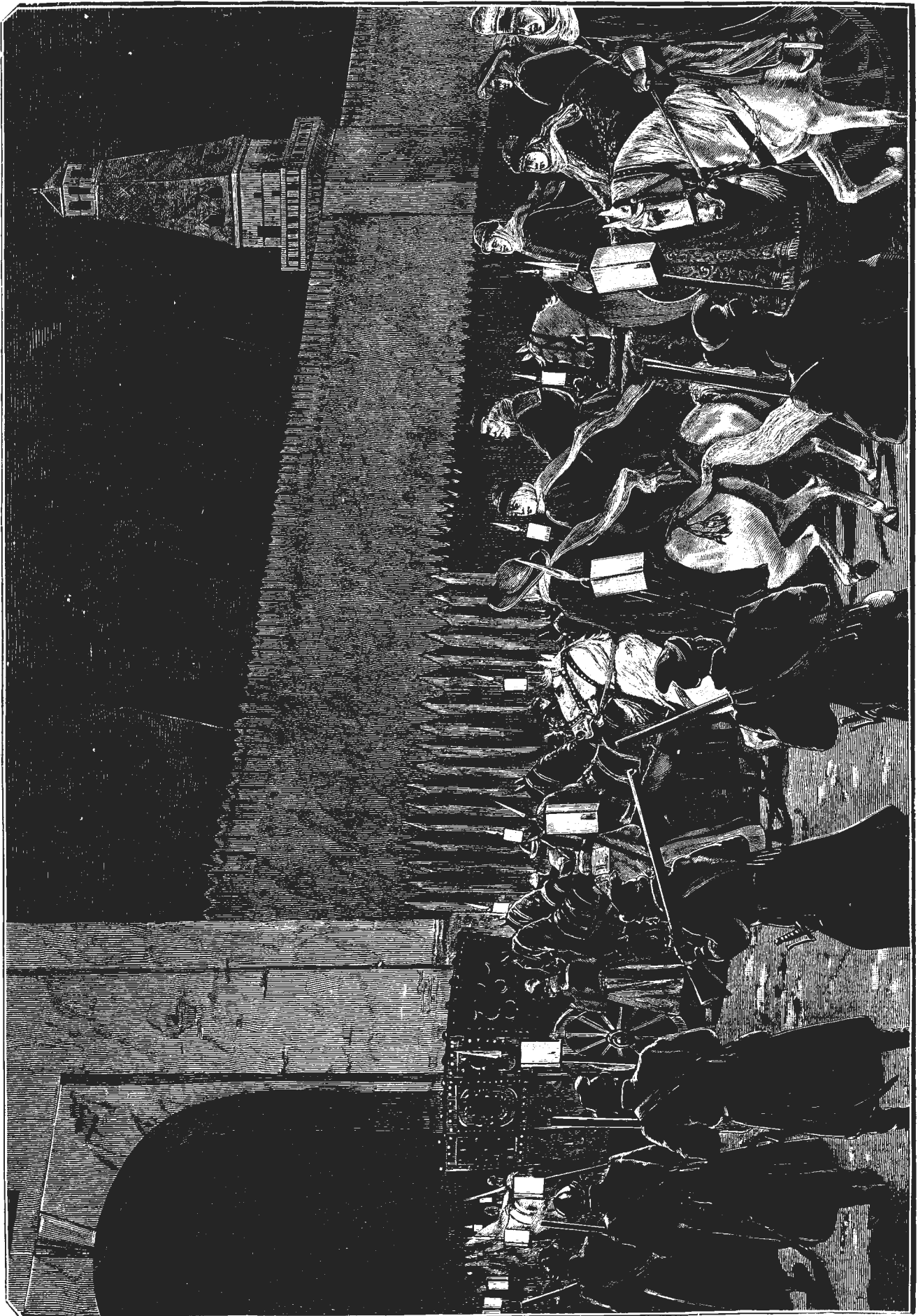
Какъ легко дышится, что за раздолье для легкихъ! Тихо, не шелеститъ листвъ на деревьяхъ, пусто... Ночь непроглядная. Черная нелена горитъ яхонтами и рубинами. Миріады звѣздъ. Поперекъ, во весь воображаемый куполь, стелется бѣлесоватый, точно взрытый, млечный путь. Вотъ нашъ русскій Стожарь, совсѣмъ уже легъ на сѣверѣ, точно какой-то опрокинутый тронъ, рядомъ Малая Медвѣдница, съ едва видящейся Полярной звѣздой; вотъ своеобразный Сатурнъ, блестящій Юпитерь... Бездна необъятной вселенной—развѣ это не подготовленіе, не настроеніе къ предстоящей молитвѣ. Поворотъ въ Яффскихъ воротахъ, два-три тусклые фонаря плохо освѣщаютъ путь. Тихонько спускаюсь по отлогимъ ступенямъ харетьэль-Халиль. Мѣстность такъ знакома, что темнѣе не помѣха. Вотъ тутъ, въ стѣнѣ, знаю, ниша, въ которой едва вытянуться можетъ ночной сторожъ; звонко раздастся его храпъ... спускаюсь, поворачиваю, подъ своды Патриархіи... наконецъ,—площадь храма. Врата на замкѣ, и ключъ давно въ карманѣ власти публичныхъ. По власти здѣсь и бакшиши. Патриаршіи кавальеръ, гремя булавою по мраморнымъ плитамъ, проводитъ ко входу въ кувуклію. Зав-

Турецкій полицейскій.

Говѣльщики изъ дальней деревни на пути въ село. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Нарзина, грав. М. Раппевскій.

Поѣздъ Московской царицы, возвращающейся въ Кремль съ богомолья.
По старинной гравюрѣ, рис. (собств. „Нивы“) Сафонова, грав. Флюгель.

тра всёх русскимъ памятное 2-е марта. На высококъ золотомъ тронѣ, противъ входа, маслѣтый патріархъ Никодимъ; у мраморныхъ скамей, вдоль помоста ко входу,— консулъ и свита въ парадныхъ мундирахъ, нѣсколько дамъ...

Пробираюсь мимо, къ самому входу. Слава Богу,—не совѣтъ опоздалъ. Раздается: „Благослови, блаженнѣйшій Владыко!“—начинается литургія... Царскій праздникъ и литургія Воскресенія!.. Вотъ часъ искренней, душевной молитвы...

Скорбная верба.

Историческій набросокъ П. Н. Полевого.

Мартовскій, яркій и довольно теплый денекъ свѣтилъ и сиялъ надъ Москвою Бѣлокаменною; съ крышъ текло и капало; большія темныя лужи всюду стояли на улицахъ; мутныя ручьи бѣжали съ холмовъ къ Цеглинной, къ Москвѣ и Яузѣ, и ихъ неумолкаемое журчанье, вмѣстѣ съ веселымъ чиликаньемъ воробьевъ подъ стрѣхами и въ садахъ, должно было всёхъ москвичамъ напоминать о наступленіи весны, столь желанной послѣ морозовъ суровой и продолжительной зимы 1611 года. Но и весна красная не радовала, послѣ всёхъ тяжкихъ испытаний и грозныхъ событій послѣдняго времени.

— Что дѣлать заведемъ? Безголовье всёхъ насъ одолѣло! толковали москвичи, толпясь на торжахъ и базарахъ. — Безъ царя и Дума боярская не много сдѣлаетъ!

— Да еще и Дума-то какова! Кромѣ Мстиславскаго, да еще двоихъ-троихъ бояръ, всё силошъ измѣнники, предатели, королю Польскому да чорту Думу продали! Не даромъ же свѣтлѣйшій отецъ, патріархъ Ермогенъ, отъ этой Думы, какъ отъ нечисти сторонится!

— Ужъ это вѣстимо: „блаженъ мужъ иже не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ“.

— А правда-ли, братцы, будто свѣтлѣйшаго патріарха Ляхи проклятыя за присявы взяли?

— Сказываютъ, будто правда... Потому ужъ очень злы на него за тѣ грамоты, что онъ велѣлъ честь по церквамъ... Ну, вотъ будто бы и не допускають къ нему ни мирянь, ни духовныхъ...

— Да какъ же смѣють они? Какъ смѣють-то! раздавались въ толпѣ голоса.—Кто имъ волю далъ?

— Кто волю далъ? пояснялъ толпѣ старый, сѣдой торговецъ, почтенной наружности. — Измѣнники волю дали! Внустили нана Госѣвскаго, вмѣстѣ съ гетманомъ, въ Москву, дали ему занять польскими да нѣмецкими наемниками и Кремль, и всё башни Бѣлаго города—ну, вотъ они надъ нами падаютъ и стали! Патріархъ имъ не любъ—не въ ихъ руку гнѣтъ—они его за присявы... Изъ бояръ кто не угодитъ—и его куда-же...

— Да долго-ли же намъ это терпѣть! замутила толпа на разные лады.—Вѣдь мы не Госѣвскому съ гетманомъ присягали, а польскому королевицу Владиславу, да и то, коли онъ православье приметъ!..

— Ну, это, братцы, еще улита ѣдетъ, когда-то будетъ!.. Мы королевицу присягали, а король Жигимонтъ отъ своего имени указы шлетъ и бояръ похвѣстками жалуетъ...

— Чего съ ними разговаривать!.. Перебить ихъ всёхъ, какъ собакъ—и вся недолга!.. завоняло нѣсколько голосовъ въ толпѣ около почтеннаго, сѣдого торговца.

— Нѣтъ, братцы, безъ отца-патріарха, да безъ его приказа, мы ихъ нечистой крови пролить не дерзнемъ!.. Вотъ, Богъ дастъ, послѣзавтра, въ Вербное Воскресенье, какъ онъ послѣдуетъ на ослики изъ Кремля къ Покровскому собору, такъ тутъ его увидимъ и умолимъ,—пусть намъ укажетъ, какъ намъ быть, пусть намъ развяжетъ руки... Пусть благословитъ управиться съ врагами Церкви Христовой!.. Тогда иное дѣло!

— Вѣрно, вѣрно говоритъ дядя Семенъ! слышались болѣе спокойныя возгласы. — Тутъ, на всенародномъ-то множествѣ, во время шествія съ verboю, пусть только слово скажетъ отецъ-патріархъ—отъ Ляховъ и праху не останется! Вѣдь въ этотъ великій день не токма-что вся Москва въ Кремль, да на Красную площадь сбѣжится, а еще изъ всёхъ деревень подмосковныхъ почтайтъ столько же народу въ городъ сбегается... Вотъ тогда-то...

Рѣзкій звукъ трубъ и барабановъ, раздавшійся за поворотомъ улицы, заставилъ толпу смолкнуть. Изъ-за угла, выступая стройными рядами на торговую площадь, съ барабаннымъ боемъ и музыкой, шли два полка польскихъ ратниковъ. Закованные въ желѣзо, вооруженные съ ногъ до головы, подобранные молодецъ къ молодцу, усатые польскіе воины сурово смотрѣли на разступившуюся передъ ними толпу народа, бросая на нее недобрые взгляды изъ-подъ своихъ шишаковъ. Солнце играло на стволахъ ихъ мушкетовъ, вскинутыхъ на плечо; весенній вѣтерокъ игралъ ихъ рваными знаменами, и звяканье оружія вторило ихъ мѣрному, тяжелому шагу.

— Сторджливы, собаки! слышались голоса въ толпѣ. — Раза по два въ день со своими хоругвями по городу-то ходятъ!..

— И спать въ доспѣхахъ, не раздѣваясь, не покладая оружія... Боятся, чтобы враслохъ ихъ не застали!..

— Ну, вотъ посмотримъ, что-то Вербное Воскресенье намъ принесетъ?

Слухъ о томъ, что въ городѣ замѣтно сильное броженіе, что къ торжественному празднованію Вербнаго Воскресенія гото-

вится въ народѣ что-то недоброе—странно переположило пана гетмана и его военныхъ товарищей. Долго толковали они между собою, какъ имъ поступить, что предпринять, ради предосторожности? Огнѣннѣе церковный обрядъ—значило озлобить москвичей; запереть доступъ въ Китай и Бѣлый-городъ, занявъ ворота ихъ сильною стражею—было небезопасно, потому что сразу могло вызвать волненіе, и тогда отряды польской стражи очутились бы между двухъ огней, потому что население Бѣлаго-города и Китай-города могло подняться, какъ одинъ человекъ... Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, которые продолжались далеко за полночь, съ субботы на воскресенье, паны-братья порѣшили, что имъ слѣдуетъ сосредоточить всё свои силы въ Кремль и на Красной площади—главныхъ мѣстахъ дѣйствія священной процессіи.

— Ни въ Кремль, ни на Красную площадь не слѣдуетъ допускать ни одного человека! рѣшено было на совѣтѣ. — Улицы, выходящія на площадь, загородить полками и въ каждую направить по двѣ пушки. Такъ же точно окружить войсками—пѣхотой и конницей соборъ Покровскій и спускъ на Москворѣкку, а всё ворота въ Кремль запереть, кромѣ Фроловскихъ, и со стѣнъ Кремля на площадь направить всё орудіе!

Согласно этому рѣшенію, уже на разсвѣтѣ, нѣмецкія и польскія дружины обширнымъ кругомъ охватили громадную площадь, Покровскій соборъ и всё подступы къ Кремлю. Орудія, обращенныя жерлами вдоль улицъ и готовые разить наступающія толпы, грозно выдвигались изъ густыхъ рядовъ пѣхоты и конницы, обставленные группами пушкарей и затинщиковъ, державшихъ въ рукахъ зажженные фитили. У конницы сабли были на-голубъ; у пѣхоты мушкеты, опертые дуломъ на желѣзные рожки, готовы были къ огневому бою... Всѣ были на мѣстахъ, когда началась въ Кремлевскихъ соборахъ перезвонъ, предшествовавшій выходу шествія изъ Успенскаго собора.

Вотъ изъ соборнаго храма, съ великимъ трудомъ, патріарше слуги и стольники вынесли большое дерево, украшенное зелеными бумажными листьями и такими же разноцвѣтными цвѣтами, увѣшанное яблоками, пахомомъ, смеквами и финиками. Вынесли, укрѣпили его въ крестовинѣ, обмотанныя цвѣтнымъ сукномъ, и поставили на двои сани, раззолоченныя, разукрашенныя, запряженныя шестерикомъ бѣлыхъ коней, въ богатомъ уборѣ. Подъ деревомъ стояли пять отроковъ въ бѣлой одеждѣ. За санями размѣстились хоры соборныхъ пѣвчихъ и причты различныхъ церквей въ праздничныхъ ризахъ, съ кадильницами, хоругвями и иконами. Вотъ, наконецъ, отвязали отъ рѣшетки и осли (т. е. лошадь, прикрытую попоной и наголовной каптурой изъ бѣлой матеріи) и подвели къ соборному крыльцу, куда, опираясь на посохъ и на руку своего боярина, сходилъ самъ государь-патріархъ—высокій, суровый, маслѣтый старецъ.

Окинувъ съ крыльца пламеннымъ взглядомъ ряды духовенства и небольшую кучку бояръ, отвѣшавшихъ ему низкіе поклоны, онъ произнесъ громкогласно:

— Гдѣ царь вашъ, бояре, который еще въ прошломъ году велъ осли мое подъ-узды?

Князь Гундуоровъ, который набранъ былъ боярами вести осли патріаршее, приблизился къ старцу съ поклономъ и почтительно принялъ поводъ изъ рукъ патріарша боярина.

— Гдѣ же народъ, гдѣ вѣрніи мои, гдѣ толпы меня при-вѣтствующія, яко Христа, и ликующія, и веселящіяся празднику Ваи?

Онъ опять обвелъ своимъ суровымъ и вопрошающимъ взглядомъ безмолвныхъ бояръ, грустно понурившихъ головы, и, какъ бы отвѣчая самъ на свой вопросъ, добавилъ:

— Вижу только предателей, продавшихъ душу дьяволу, а Церковь Христову латинянамъ!

Тутъ онъ занесъ ногу въ стремя, сѣлъ, по обычаю, въ сѣдло бокомъ,—и шествіе двинулось, оглашая пустыя улицы Кремля пѣвчимъ священными пѣснопѣи. Въ Фроловскихъ воротахъ пришлось шествію протѣсниться сквозь густые ряды польско-литовской пѣхоты, которая молча и съ усмѣшкой поглядывала на чуждый, незнакомый церковный обрядъ.

Патріархъ Ермогенъ, выѣзжая изъ-подъ воротъ на площадь, думалъ хоть здѣсь увидѣть народъ: опираясь лѣвою рукою на златокованное Евангеліе, онъ правою приготовлялся благословлять толпу, всегда шумною волною окружавшую шествіе въ былые годы. Но ожиданія его обманулись: и онъ, и все духовенство очутились среди пустой площади, обставленной всюду по краямъ живою стѣной иноземной рати, закованной въ желѣзо. Нигдѣ, даже въ улицахъ, примыкавшихъ къ площади, не видать было ни души: грозныя приготовления Ляховъ всёхъ внушили опасенія; москвичи боялись ихъ коварства и сидѣли по домамъ. Городъ словно вымеръ весь...

Опустивъ свою благословляющую десницу, маститый старецъ грустно поникъ головою.

— Некого и благословить миѣ, некому раздать вѣтви освещенной Ваи!

Но уныніе не надолго овладѣло мощною душою Ергогена. Возвращаясь обратно отъ Покровскаго собора въ Кремль, патриархъ обратился къ князю Гундуру:

— Иду подъ затворы, и положу храненіе устамъ моимъ. Но скажи отъ меня вѣрнымъ моимъ, да не оскудѣваютъ духомъ, да соединятся душами и тѣлами на борьбу съ невѣрными!

Римскій центуріонъ.

Эклога К. Маривъ.

Его ввели внутрь двора. Было часовъ около 10 утра. Весь судъ производился съ изумительною, неестественною поспѣшностью. Во дворѣ суда собрали солдатъ. Безъ нихъ нельзя было обойтись при совершеніи казни, и эти солдаты, подкупленные и подзадориваемые еврейскими князьями и старѣйшинами, стали бить Осужденнаго.

Такъ же, какъ и ночью во дворѣ первосвященника, Его били по головѣ, плевали на Него, надѣли на голову Его вѣнокъ изъ терновника и ударили тростью по вѣткамъ, чтобы шипы крѣпче впивались Ему въ голову. Такъ же, какъ и ночью, римскіе солдаты смѣялись падъ Нимъ, называя Его царемъ, и, становясь на колѣни, кланялись Ему, повторяя лишь то, что ночью дѣлали іудейскіе аристократы.

Но послѣ этого истязанія (въ теченіе послѣднихъ 13 часовъ Его били три раза) Онъ такъ ослабѣлъ, что далѣе терзать Его было не безопасно.

Когда Его повели на казнь, Онъ еле могъ идти, силы измѣнялись Ему, а крестъ нести, какъ хотѣли заставить Его, — было немислимо... Онъ пронестъ его нѣкоторое время и усталъ подъ его тяжестью... и крестъ пришлось нести Симону Киринеянину.

Народъ, забывъ, что завтра великая суббота, а сегодня день молитвы, кричалъ и бѣжалъ за Нимъ.

Тутъ были и враги Его, и люди, равнодушные лично къ Нему; были и такіе, которые жалѣли Его, одинъ просто, какъ человѣка, другіе, какъ праведника, третьи, — какъ пророка. Были въ толпѣ и торжествующіе князья, и старѣйшины іудейскіе, и тамъ же люди униженные, сердца которыхъ разрывались и все же разорваться не могли, — Его ученики и послѣдователи...

Его распяли. Но и тутъ заправили этой казни, іудейскіе аристократы, не пожалѣли Его, но ихъ понятіямъ, уже безсильнаго. Они мстили Ему, имъ было не до жалости, и, зная, какъ насмѣшка дѣйствуетъ, вообще, на человѣка, они собирались въ группы и говорили: „другихъ спасать, а Себя не можетъ спасти...“

Имъ хотѣлось, какъ можно болѣе, отягчить Его послѣднія минуты, и, казалось, они достигли своего желанія. Онъ вдругъ проговорилъ: „Боже Мой, за что оставилъ Ты Меня?“

Аристократы ликовали, и народъ еврейскій — глумил, грубая чернь, видя примѣръ своихъ учителей и ученыхъ, ликовала вмѣстѣ съ ними, и римскіе солдаты, на которыхъ все еще дѣйствовали еврейскіе деньги, тоже...

Но между ними, этими солдатами, были и такіе, которые не одобряли совершающейся казни.

Центуріонъ, котораго звали Логгинъ, съ тяжелымъ чувствомъ состраданія, тоски и порицанія наблюдалъ за Распяемымъ, Его послѣдователями, Его Матерью, пробравшеюся къ самому кресту, за своими подчиненными и еврейскою толпою.

Человѣкъ богатый, имѣвшій помѣстья воевъ Каппадокіи, хорошо образованный, онъ былъ лично извѣстенъ кесарю и славился въ высшихъ и низшихъ слояхъ общества, между своими и покоренными, необычайной честностью, неподкупностью и прямою.

Стоя напротивъ креста, онъ старался теперь помнить лишь одно, что главное достоинство воина — безпрекословное повиновеніе начальству — и, погуму, молча, не запрещая и не останавливая, смотрѣлъ на то, какъ солдаты бросали жребій, дѣлили одежды и поносили Распятаго. Но онъ зналъ, что двое изъ его подчиненныхъ, такъ же, какъ и самъ онъ, съ возмущеннымъ духомъ присутствовали тутъ, при этой казни, и, чѣмъ долѣе стоялъ онъ, чѣмъ внимательнѣе наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ, тѣмъ болѣе росло у него что-то въ душѣ, что-то сложное, тревожное и, вмѣстѣ, новое, широкое, благородное и прекрасное, открывавшее какіе-то неизвѣданные доселѣ просторы. Когда, въ полдень, настала тьма и не прошло до трехъ часовъ пополудни, а въ три часа сдѣлалось землетрясеніе, и Распятый испустилъ духъ, въ душѣ язычника слышалось просвѣтленіе.

Теперь уже онъ не могъ молчать, никакая военная дисциплина не могла удержать его, и онъ, съ двумя подчиненными, громко исповѣдалъ начало и суть того, что воислѣдствіи стало вѣрою многихъ народовъ. Онъ называлъ Казненнаго Сыномъ Божиимъ *).

*) Еванг. Марка, гл. 15, ст. 39.

Скажи имъ: аще не Господь хранитъ градъ, все трудяются стругуніи.

— Скажу! Все скажу, государь-патриархъ! прошепталъ глухо-тронутый князь Гундурувъ.

Два дня спустя, 19 марта, вся Москва, какъ одинъ человѣкъ, возстала противъ поляковъ, и, при помощи подоспѣвшаго ополченія Лянунова, осадила ихъ въ Кремль и Китаѣ-городѣ: началось великое дѣло освобожденія Москвы и всей Руси отъ наглыхъ пришельцевъ и насильниковъ.

Между тѣмъ іудейскіе старѣйшины не дремали. Смерть на крестѣ часто наступала на вторыя, третьи и четвертыя сутки и происходила не столько отъ самой казни, сколько отъ соединенныхъ съ ней страданій и голода — и старѣйшины пришли просить правителя, чтобы искусственнымъ образомъ ускорить смерть казненныхъ. На слѣдующій день была великая суббота — память освобожденія евреевъ отъ рабства египетскаго, и не годилось, чтобы видъ казненныхъ портилъ впечатлѣніе праздника.

Правитель согласился. У римлянъ было въ обычаѣ ускорять, изъ состраданія, крестную смерть, прозвая мечемъ сердце казненныхъ, и на этотъ разъ прокураторъ не увидѣлъ въ просьбѣ евреевъ ничего предосудительнаго.

Заручившись разрѣшеніемъ, торжествующая іудейская знать послала еще воиновъ *) на мѣсто казни съ приказаніемъ перебить голени у распятыхъ.

Воины исполнили приказаніе, пошли за-городъ и, придя на Лобное мѣсто, передали приказаніе центуріону. Тотъ безпрекословно велѣлъ привести приказаніе въ исполненіе, и солдаты стали перебивать голени у мучившихся и стонавшихъ разбойниковъ. Лишивъ жизни сначала одного, потомъ другого, они подошли подъ конецъ къ безмолвному Иисусу и, къ удивленію своему, замѣтили, что Онъ висѣлъ на крестѣ тихо, недвижно, потому что былъ уже мертвъ.

Надобности перебивать голени, т. е. уродовать тѣло, не оказывалось, но все же необходимо было исполнить приказаніе начальства, убѣдиться, что Онъ уже мертвъ, чтобы живымъ не снять Его со креста.

И вотъ, во исполненіе военного долга, одинъ изъ воиновъ, кто говоритъ, самъ Логгинъ, мечемъ пронзилъ ему ребра. Брызнула кровь и вода, и одна изъ капель попала на глаза центуріона...

Наступалъ вечеръ, все было совершенно: насхальный Агнецъ принесенъ въ жертву, и люди, не вѣдавшие того, что они сотворили, стали спѣшить домой, чтобы ѣсть, какъ повелѣлъ Моисей, — одѣтыми по-дорожному, препоясанными, — неорочныхъ ягнятъ, съ горькими травами.

Логгинъ тоже вернулся въ Іерусалимъ. Тамъ, у крестовъ, остались только тѣ, которые должны были хоронить тѣла казненныхъ...

Хоронили ихъ, обыкновенно, очень поспѣшно сами-же совершавшіе казнь, т. е. наемники правительства, и потому Иосифъ изъ Аримаѳеи, узнавъ, что Онъ уже умеръ, поторопился просить, какъ милости, чтобы ему позволили честно похоронить тѣло Распятаго. Какъ членъ еврейскаго совѣта, т. е. человѣкъ знатный, онъ имѣлъ болѣе надежды на успѣхъ своего ходатайства передъ прокураторомъ и, дѣйствительно, добился исполненія своей просьбы. Правитель сначала только не повѣрилъ, что Онъ уже умеръ, но, призвавъ къ себѣ центуріона Логгина и узнавъ отъ него подробности смерти Иисуса, онъ разрѣшилъ уважаемому члену еврейскаго совѣта взять тѣло Казненнаго...

Настала суббота — день отдыха отъ всѣхъ дѣлъ; но еврейская знать не отдыхала. Узнавъ объ Иосифѣ Аримаѳейскомъ, который до сихъ поръ скрывалъ, что онъ послѣдователь Иисуса, аристократы не могли быть спокойными. Всякія подозрѣнія и козни рождались въ ихъ умахъ, и, несмотря на день седьмой, посвященный Господу Богу, они пошли вновь тревожить правителя своими опасеніями.

Выслушавъ ихъ, прокураторъ прогнѣвался. Они съ раннего утра лютинцы не давали ему покоя, заставили его сдѣлать то, за что совѣсть упрекаетъ его вторыя сутки, воспоминаніе о чемъ — онъ знаетъ это — всю жизнь будетъ теперь преслѣдовать его, и онъ съ досадою отвѣтилъ имъ: „Вы имѣете стражу,“ т. е. — „я со вчерашняго еще дня предоставилъ ее вамъ, въ ваше распоряженіе, дѣлайте, какъ хотите, какъ знаете, оставьте меня“.

И вновь удовлетворенная еврейская знать приказала легионерамъ, отъ имени правителя, стеречь тѣло Иисуса, чтобы ученики не украли Его, приказала имъ идти скорѣе, торопиться къ саду Иосифа Аримаѳейскаго.

Центуріонъ отиравился исполнять свою сторожевую обязанность — на него, особенно, было возложено порученіе охранять садъ до третьяго дня.

*) Еванг. Іоанна, гл. 19, ст. 32.

Солдаты могли еще быть подкуплены, могли пропустить Его учеников в пещеру, и тогда могли выйти всякія осложненія, но на Логгина нельзя было подумать этого. Онъ былъ самъ богатъ, и честность его стояла выше подобныхъ подозрѣній, и іудей, во многихъ словахъ растолковавъ ему, въ чемъ дѣло и чего надо опасаться, просилъ его неукоснительно исполнить свой долгъ. Логгинъ слушалъ, не говоря ни слова. Съ нимъ за это время произошло нѣчто необычайное.

Онъ долго страдалъ глазами, и вотъ теперь, послѣ того, какъ кровь Распятаго попала ему на глаза, онъ чувствовалъ, что прошла боль, исчезло воспаление.

Но онъ самъ, по человечеству, сомнѣвался въ пропешедшемъ, молчалъ о немъ, стараясь приписать исцѣленіе какимъ-нибудь другимъ причинамъ, и только упорно и внимательно слушалъ наставленія и объясненія старѣйшинъ. Онъ чувствовалъ, что ему предстоитъ великое дѣло, онъ самъ хотѣлъ превратить себя и все видѣнное, и рѣшился, не ради іудейской знати, но ради того, что происходило у него на душѣ, неусыпно стеречь и садъ, и пещеру, и печать, возложенную на камень...

Прошла суббота, и не случилось въ этотъ день ничего неожиданнаго. Въ саду было тихо и пусто. Наступилъ разсвѣтъ перваго дня недѣли, и вдругъ сдѣлалось великое землетрясеніе *). Логгинъ и солдаты пали отъ страха на землю, но они, единственно, они — язычники, видѣли это воскресеніе.

Сами ученики и послѣдователи Христа не знали о немъ, даже не ожидали его **), какъ не знали они и того, что еврейскіе начетчики и первосвященники, изучившіе писаніе, ожидали чего-то, и поставили римскихъ воиновъ охранять пещеру, гдѣ лежало тѣло Распятаго, которому надлежало воскреснуть, если Онъ былъ Мессія. Не слышала и Марія Магдалина ничего о центуріонѣ и стражникахъ и, выйдя ночью изъ дома, какъ только миновала суббота, всю дорогу отъ города до сада Иосифа безноклалась о томъ, кто поможетъ ей отвалить камень отъ гроба. Ей, женщицѣ, немисливо было сдѣлать это одной. И вотъ, когда увидѣла она, что камень отъ гроба отваленъ—она подумала, что враги похитили тѣло Распятаго, и, заливаясь слезами, побѣжала назадъ въ городъ. Между тѣмъ центуріонъ и солдаты съ великой поспѣшностью пошли въ Иерусалимъ и тамъ стали рассказывать и во дворцѣ, и евреямъ о случившемся.

Іудей ужаснулись. Такъ вотъ Онъ Мессія, не могущей повелитель міра, какъ хотѣлось народной гордости, тиеславію и сребролюбію, а Царь другого Міра, Распятый на крестѣ! Путь, путь, это не можетъ быть, не должно быть! Этого нельзя допустить! И они стали давать еще денегъ римскимъ солдатамъ, а Логгина и двухъ легіонеровъ, отказавшихся брать деньги, возненавидѣли, какъ Самого Распятаго...

„Воскресъ Христосъ, воскресъ! Я это, ми это видѣли! съ восторженностью очевидно твердилъ Логгинъ,—какъ же вы хотите, чтобы я молчалъ?“ И вокругъ центуріона собралась толпа, слушала его и начинали вѣрить.

Христосъ, между тѣмъ, сталъ являться своимъ ученикамъ. Молва о Его воскресеніи все болѣе распространялась. Еврейская аристократія несподобовалась. Она собиралась, обсуждала мѣры, какія можно предпринять, чтобы задумитъ въ началѣ религиозное, всенародное, всесловное движеніе. Напуганный, слабодушный, сбитый съ прямого пути прокураторъ принималъ участіе въ іудейскихъ совѣщаніяхъ. Ему растолковали старѣйшины и еврейскіе ученые, что вѣра въ Распятаго и Воскресшаго грозитъ такимъ переворотомъ, передъ которымъ не устоятъ ни одинъ земной царь и правитель. Всѣ будутъ стерты, смыты съ лица земли, и прокураторъ повѣрилъ, такъ какъ факты, казалось, подтверждали эти опасенія.

Центуріонъ Логгинъ, уважаемый до сихъ поръ всѣми, какъ честный солдатъ, ласкаемый кесаремъ, достигшій высокаго военнаго достоинства, вдругъ оказался чѣмъ-то въ родѣ измѣнника.

Послѣ 16 марта онъ сложилъ съ себя военное званіе, и вмѣстѣ съ двумя подчиненными, также покинувшими легіонъ, стала вести уединенную жизнь, отказываясь отъ общенія съ прежними знакомыми.

За нимъ и его товарищами начали слѣдить... Оказалось, они вошли въ сношеніе съ учениками Распятаго и, принявъ отъ нихъ крещеніе, собрались куда-то. Дѣйствительно, бывший центуріонъ отправился въ Каппадокію проповѣдникомъ. Тогда еврейская аристократія стала убѣждать прокуратора избавиться отъ Логгина. Но евреямъ было легко сказать „избавиться!“ На самомъ дѣлѣ, какъ было избавиться отъ человѣка, не сдѣлавшаго ничего предосудительнаго и лично извѣстнаго кесарю? Вѣдь, это былъ не безправный іудей!..

Однако, напуганный еврейскими учеными, напуганный собственными наблюденіями, прокураторъ рѣшился успѣть надзоръ за Логгиномъ. Логгинъ тѣмъ временемъ проповѣдывалъ въ Каппадокіи, и проповѣдь его, какъ очевидца, была такъ искренна, горяча и вдохновлена, что въ скоромъ времени почти вся Каппадокія приняла новую вѣру. Тогда гнѣву еврейской аристократіи не стало границъ.

*) Еванг. Матвѣя, гл. 28, ст. 2. Есть основаніе предполагать, что слова эти занесены въ Евангеліе Апостоломъ со словъ самого Логгина.

**) Еванг. Іоанна, гл. 20, ст. 9.

Старѣйшины и архіереи негодовали на прокуратора за то, что онъ допускаетъ проповѣдь, собирались, кляли, носили его за малодушіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ они чувствовали, что это малодушіе даетъ надежду на возможность подкупа.

Нужно было только не скуниться, и іудейскіе аристократы, какъ ни дорого могло это стоить имъ, рѣшились жертвовать своими личными средствами для достиженія цѣли.

Прокураторъ не устоялъ... Прошло нѣкоторое время, и донось, написанный подъ диктовку іудеевъ, былъ посланъ Тиверію.

Бывшій центуріонъ обвинялся въ государственной измѣнѣ, обвинялся въ томъ, что онъ царемъ не признаетъ Римскаго императора, а нашель себѣ какого-то иного Царя и старается привлечь къ Нему народъ.

Тиверію, послѣ возстанія противъ него рейнскихъ и дунайскихъ легіоновъ, особенно былъ строгъ къ „вольнодумцамъ“ въ войскѣ, и іудей рассчитали вѣрно, посылая подобный донось.

Пришелъ отвѣтъ съ мрачной, окруженной рифами, скалы, гдѣ заточился кесарь, и еврейская знать вздохнула свободно. Тиверію велѣлъ отрубить голову государственному измѣннику, еврей же убѣдилъ правителя, что голову эту послѣ казни необходимо привезти въ Иерусалимъ для удостоверенія. Въ Каппадокію отправлены были легіонеры, бывшіе подчиненные Логгина, съ приказаніемъ отсѣчь ему голову мечемъ, если онъ не отречется отъ своего Царя и не принесетъ жертвы народнымъ божествамъ.

Бывшій центуріонъ въ это время жилъ въ имѣніи своего отца, безсознательно готовясь постомъ и молитвою къ участи, которая не замедлила послѣдовать...

Перемѣна жизни такъ же, какъ и перемѣна одежды, сильно отозвалась на его внѣшности. Мало кто могъ бы въ немъ теперь узнать прежняго воина. И дѣйствительно, посланные за нимъ солдаты не узнали его. Онъ же, получивъ открытіе, что ему предстоитъ мученическая кончина, съ свѣтлымъ челою и ласковой улыбкой, пошелъ навстрѣчу легіонерамъ. Не зная, гдѣ именно живетъ ихъ бывший начальникъ, солдаты, встрѣтивъ его, обратились къ нему съ просьбой указать имъ домъ Логгина. Наступалъ вечеръ, и Логгинъ, видя утомленіе воиновъ, шедшихъ изъ Иерусалима, вмѣсто отвѣта, просилъ ихъ зайти въ его домъ отдохнуть, обѣщалъ имъ на утро указать жилище того, кого они ищутъ. Воины согласились. Логгинъ ввелъ ихъ въ домъ своего отца и приказалъ слугамъ устроить для гостей ующеніе. Весь вечеръ провели солдаты за роскошной трапезой. Вино развѣвало имъ языки, и они рассказали радужному хозяину, зачѣмъ они посланы, но, тотчасъ спохватившись, молили его хранить тайну... Логгинъ кротко улыбался. Узнавъ же отъ солдатъ, что, кромѣ него, имъ повелѣно казнить и двухъ друзей его, онъ вышелъ изъ-за трапезы и, тайно отъ гостей, послалъ гонца за сподвижниками своими.

Настала ночь, и солдаты, утомленные дорогой, заснули. Тогда Логгинъ началъ молиться. Духъ его свѣтлѣлъ; ни страха, ни жалости расстаться съ жизнью онъ не испытывалъ. Напротивъ, душа его рвалась изъ тѣсной, земной темницы, неземной восторгъ наполнялъ ее, и когда, поутру, слуги доложили ему, что тѣ, за которыми онъ посылалъ ночью, тутъ, что они пришли, онъ вышелъ къ нимъ и, обнявъ, привѣтствовалъ ихъ: „Радуйтесь! сказалъ онъ,— наступилъ часъ веселія вашего и моего, и нашего освобожденія. Сегодня мы вмѣстѣ предстанемъ предъ Господомъ нашимъ, передъ Христомъ, смерть Котораго, и погребеніе, и воскресеніе мы видѣли! Радуйтесь!“ Затѣмъ онъ передалъ имъ все слышанное отъ легіонеровъ и ввелъ ихъ въ домъ свой, гдѣ воины, проснувшись, уже ожидали хозяина, обѣщавшаго указать имъ Логгина, и собралась въ путь. Велико было удивленіе этихъ воиновъ, когда апостоль указалъ имъ на себя, сказавъ, что онъ и есть тотъ центуріонъ, сложившій съ себя свое военное званіе, котораго они ищутъ.

Они не хотѣли вѣрить, чтобы это былъ ихъ бывший начальникъ, и, смущенные неожиданностью, смущенные, что имъ придется лишиться жизни того, кто накормилъ, пріютилъ, обогрѣлъ и обласкалъ ихъ, они рѣшили отказаться исполнить данный имъ приказъ; но Логгинъ воспротивился этому. Онъ раскрылъ передъ ними душу свою, рассказалъ, какъ онъ съ друзьями видѣлъ воскресеніе Христа; рассказалъ, какъ они возлюбили Воскресшаго всей душою и молилъ *послать* его скорѣе къ Господу, Котораго давно онъ жаждетъ видѣть.

„Вы ничѣмъ болѣзнями, лучшимъ не можете отплатить мнѣ за мое гостеприимство“, твердилъ Каппадокійскій проповѣдникъ.

Воины колебались, но Логгинъ съ друзьями одѣлся въ бѣлыя, погребальныя одежды призвалъ домашнихъ, поговорилъ съ ними, велѣлъ похоронить тѣло свое на холму, недалеко отъ дома, простился со всѣми, и, преклонивъ колѣна, подставилъ голову подъ мечъ. Друзья его послѣдовали его примѣру.

Головы ихъ скатились на землю. Воины взяли голову своего бывшаго начальника, положили ее въ мѣшокъ и принесли въ Иерусалимъ.

Еврейскіе князья и старѣйшины съ нетерпѣніемъ ждали ихъ возвращенія. Убѣдившись, что принесенная ими голова

„Верба-хлёсть, бей до слезь!“ Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Пастушкевичъ.

дѣйствительно—Логгина, они выбросили ее въ сорное мѣсто за городомъ, куда свозились нечистоты. Долгое время голова эта лежала тамъ, засыпанная мусоромъ и грязью, и только впоследствии обрѣла ее вѣтлинною—одна слѣбая, несчастная, испытанная горемъ вдова, которой Логгинъ явился во снѣ *).

Слѣбая собственными руками разрыла кучу, нашла голову, тихонько приложила ее къ устамъ и получила исцѣленіе, какъ

физическія, такъ и нравственныя своихъ страданій. Съ этого дня ее покинула тоска по незабвеннымъ ей усоншимъ. Она вдругъ поняла, какъ самъ Логгинъ, что эта жизнь только переходъ, дорога къ другому, лучшему существованію, поняла, что самыя горести посылаются часто людямъ не въ наказаніе, а, какъ сказалъ Христовъ про слѣпорожденного: „чтобы на нихъ явилась милость Божія“, чтобы они познали Истину...

Къ рисункамъ.

Свѣте Тихій! (Рис. на стр. 269).

Кто внимательно вслушивался, стоя въ церкви, въ напѣвъ и слова православныхъ молитвъ, того не можетъ не поразить удивительное соответствіе этого напѣва и этихъ словъ съ душевнымъ настроеніемъ молящагося. Кажется, лучше выраженія для охватывающаго человѣческую душу въ эти минуты чувства—будь то радостный или печальный обрядъ,—и придумать нельзя. Кто не испытывалъ, напримѣръ, до слезъ иногда входящаго умиленія, при торжественно-прекрасномъ пѣніи „Свѣте Тихій!“ Пѣніе это одно изъ олицетвореній, если можно такъ выразиться, молитвы въ словахъ и музыкѣ, точно такъ же, какъ полная выраженія картина Макса можетъ до вѣкоторой степени служить олицетвореніемъ въ живописи молитвеннаго настроенія.

Положеніе во гробъ Иисуса Христа.

(Рис. на стр. 272 и 273).

Подробное воспоминаніе о дняхъ страданія на землѣ Господа нашего Иисуса Христа читатели найдутъ въ помѣщаемой, въ настоящемъ номерѣ, эклогѣ „Римскій центурионъ“,—Иосифъ Аримаѳейскій, узнавъ о смерти Спасителя и выпросивъ у Пилата отдать ему тѣло Искушителя для погребенія, носившимъ кунитъ длинный кусокъ тонкаго полотна и снявъ тѣло Христа съ креста. Къ нему присоединился въ этомъ святомъ дѣлѣ Никодимъ, и они убрали полотно смиреню и алоемъ. Мѣстомъ погребенія была усыпальница, высѣченная въ скалѣ Иосифомъ въ своемъ саду. Туда, слѣва окончивъ все до заката солнечнаго, и положили благоговѣнно тѣло Спасителя, омывъ Его и уснастивъ благовоніями, а истерзанные члены обвивъ пеленами.

Это и изобразилъ съ большимъ чувствомъ въ своей картинѣ Гансъ Тинш.

Послѣдній вздохъ. (Рис. на стр. 277).

Ни въ какой другой отрасли искусства художникъ не стѣсненъ такъ при творествѣ своимъ матеріаломъ, какъ въ скульптурѣ. Скульптура исключительно можетъ воспроизводить только линіи и формы, и вся задача скульптора заключается въ красивомъ сочетаніи этихъ линій и формъ. Поэтому въ скульптурѣ наиболѣе употребительны или одиночныя фигуры, или же составленныя изъ нихъ группы. Составить сцену изъ отдѣленныхъ другъ отъ друга фигуръ для скульптуры возможно лишь въ барельефѣ, но *барельефъ*, вслѣдствіе своей плоскости, не можетъ дать простора художественному творчеству, и потому относится скорѣе къ такъ-называемымъ „орнамантамъ“, чѣмъ къ истиннымъ произведеніямъ искусства. *Горельефъ*, т. е. такое скульптурное произведеніе на плоскости, фигуры на которомъ значительно выдаются впередъ, даетъ болѣе простора, разумѣется, для художника, хотя и имъ пользуются сравнительно рѣдко. Г. Антокольскій, однако, весьма счастливо воспользовался своею темой для горельефа. По гравюрѣ, помѣщенной на стр. 277, можно судить о самой техникѣ исполненія и экспрессіи этой новой работы нашего скульптора, экспонировавшаго свои произведенія на особой выставкѣ въ Петербургѣ, о которой мы дали уже подробный отчетъ въ свое время и передачу лучшихъ образцовъ которой мы начинаемъ нашею гравюрой въ настоящемъ номерѣ...

Говѣльщики на пути въ село. (Рис. на стр. 280).

Въ жизни русскаго человѣка каждый годъ бываетъ знаменательною недѣля говѣнья. Въ теченіе ея онъ всецѣло отдается молитвѣ и раскаянію о содѣянныхъ грѣхахъ. Особенно замѣтно такое усердіе въ крестьянскомъ быту. Въ немъ, если вѣтъ въ деревнѣ престола, говѣльщики отправляются въ ближайшее село и тамъ, иногда цѣлою семьей, говѣютъ всю недѣлю, исповѣдаются и причащаются. На нашемъ рисункѣ изображено такое цереселеніе говѣльщико въ ближайшее село.

Возвращеніе царицы съ богомолья. (Рис. на стр. 281).

Поѣздки царицъ и царевенъ на богомолье по московскимъ и подмосковнымъ обителямъ не даромъ носили на официальномъ языкѣ XVII вѣка названіе „походовъ“. Это были, дѣйствительно, цѣлые *походы*, для выполнения которыхъ приходилось поднимать на ноги массу всякаго служилаго люда, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, снаряжать огромный штатъ придворныхъ, состоявшій изъ мужскаго и женскаго персонала, назначать опредѣленный путь по такимъ-то и такимъ-то улицамъ города

или по такой-то дорогѣ, и, въ послѣднемъ случаѣ, назначать для царицы или царевны поѣзда особые *стабы* (т. е. мѣста остановокъ). Какъ въ этихъ *стабахъ*, такъ и по всему пути, принимались весьма тщательныя мѣры предосторожности, главнымъ образомъ, съ тою цѣлю, чтобы ни одинъ посторонній (въ особенности мужской) глазъ не могъ ѣдущихъ на богомолье видѣть. Ради достиженія этой цѣли, поѣзды царицъ и царевенъ ограждали не только многочисленною женскою свитою, сопровождавшею тяжелыя царскія колымаги верхами, но и весьма сильною военною охраною, состоявшею изъ стрѣльцовъ и *жильцовъ* (особый придворный стражъ), которые окружали поѣздъ со всѣхъ сторонъ непроницаемою стѣною. Но и этого казалось мало: при остановкахъ поѣзда въ селахъ или въ стѣнахъ обителей, царевны и царицы, при выходѣ изъ повозокъ, проходили въ предназначенное имъ жилие помѣщеніе позади особыхъ тяжелыхъ (большую частью красныхъ) суконныхъ прикрытій или занавѣсовъ, которые раскидывались на ихъ пути и поддерживались руками царицной или царевниной служки. Точно такъ же и, присутствуя при богослуженіи, царицы и царевны стояли въ церкви, никому незримыя, подъ балдахинами, съ трехъ сторонъ прикрытымъ сукномъ.

Женская свита, сопровождавшая царицъ и царевенъ, состояла изъ ихъ постельницъ и комнатныхъ боярышень, подъ непосредственнымъ начальствомъ и надзоромъ старшихъ, ближнихъ боярынь, завѣдывавшихъ и казною царскою. Между тѣмъ какъ старыя боярыни ѣхали въ повозкахъ, молодыя боярыни и боярышни гарцовали кругомъ ихъ на коняхъ, сѣди верхомъ по-мужски, на обыкновенныхъ черкесскихъ сѣдлахъ. Такъ рассказываютъ намъ очевидцы, изъ иноземцевъ, долго жившихъ въ Москвѣ по торговымъ или посольскимъ дѣламъ. При этомъ иноземцы прибавляютъ, что свита царицъ и царевенъ состояла изъ женщинъ очень красивыхъ и миловидныхъ, хотя и значительно вредившихъ своей красотѣ слишкомъ обильнымъ употребленіемъ румянъ и бѣлизъ. Иноземцы описываютъ намъ даже довольно подробно оригинальный костюмъ этой женской свиты, состоявшій изъ широкаго верхняго плаща и круглой (войлочной) шляпы съ большими полями, которая подвязывалась у подбородка цвѣтными лентами, поверхъ убруса, окутывавшаго голову.

Художникъ изобразилъ на основаніи вышеуказанныхъ данныхъ возвращеніе царицына поѣзда съ богомолья въ то время, когда онъ въѣзжаетъ въ Кремлевскія ворота. Тутъ и царицына карета, уже въѣзжающая подъ тяжелыя своды воротъ, и колымага старой боярыни-казначей, и веселая свита молодыхъ боярынь—окруженная густою цѣпью стрѣльцовъ съ ружьями и фонарями. Бытовая картинка, напоминающая о давно-минувшемъ...
П.

„Верба-хлѣсть — бей до слезъ!“ (Рис. на стр. 285).

Старинный обычай будить спящихъ, утромъ въ Вербное воскресенье, вѣтками вербы, соблюдается у насъ по всей Россіи, начиная отъ дворца и кончая бѣдною деревенскою хаткою.

Всюду въ этотъ день дѣти слѣзая раньше встать, одѣться скорѣе другихъ и идти приговаривать, похлестывая осторожно вербой: „верба-хлѣсть — бей до слезъ“ или „верба красна — бьетъ напрасно, верба бѣлая — бьетъ за дѣло“... И сколько шума, веселья и возни вызываетъ это, въ особенности, въ беззаботной дѣтской жизни...

Нашъ художникъ на своемъ рисункѣ изобразилъ одну изъ такихъ сценъ. Старшей сестрѣ удалось встать раньше другихъ, и вотъ она, къ общему удовольствію, будитъ младшихъ братьевъ, а старушка-няня смѣется, можетъ быть вспоминая и свое далекое, невозвратное дѣтство.

Н. А. Алексѣевъ. (Порт. на стр. 288).

Въ Москвѣ скончался, 11 марта, московскій городской голова, почетный гражданинъ Николай Александровичъ Алексѣевъ.

Покойный погибъ отъ руки убійцы. 9-го марта, за два часа передъ выборами, новохонерскій мѣщанинъ Андриановъ, психически больной, явившись въ приемную городского головы, въ качествѣ просителя, на вопросъ Н. А., что ему нужно, выхватилъ изъ кармана револьверъ и, выстрѣливъ два раза въ Н. А., тяжело ранилъ его въ животъ. Н. А. Алексѣевъ, несмотря на искусно сдѣланную ему проф. Склифасовскимъ операцію, несмотря на тщательныя старанія лучшихъ московскихъ врачей и заботливый уходъ окружавшихъ его, въ страшныхъ мученіяхъ, но съ полнымъ сознаніемъ скончался на

* Житіе Святого, 16-го октября, „Четьи Миненъ“.

руках своей семьи и преданных и чтивших его близких друзей и сослуживцев. Покойный умер на 41 году жизни.

Перед зданием Думы, где покойный находился все время, стояли с раннего утра и до позднего вечера толпы народа.

Всемъ лѣтъ управлялъ Н. А. городскимъ хозяйствомъ Москвы. Благодаря, главнымъ образомъ, его стараніямъ, Москва обогатилась многими капитальными сооружениями, возведенными за время его дѣятельности. При немъ введена была улучшенная система водоснабженія, совершенно измѣнившая къ лучшему санитарныя условія Москвы. Благодаря покойному, были сооружены въ Москвѣ городскія бойни, перестроены заново торговые ряды. Путемъ долгихъ, упорныхъ стараній, Н. А., наконецъ, удалось провести проектъ канализаціи Москвы. Много труда вложилъ покойный на развитіе дѣла начальной образованія. Помимо того, что онъ способствовалъ открытію и преобразованію болѣе 30 городскихъ училищъ, Н. А. пожертвовалъ для Рогожскаго городского училища образцовое, благоустроенное зданіе. Покойный сдѣлалъ массу преобразованій и въ медицинской части, значительно имъ улучшенной. Краснорѣчивымъ доказательствомъ этого служатъ устроенные при немъ, и благодаря ему, хирургическій баракъ при первой городской больницѣ, Серпуховское отдѣленіе для секретныхъ болѣзней, психіатрическая лѣчебница, а также и,

въ Москвѣ, на дачѣ Ноева, лѣчебница для душевнобольныхъ, построенная, благодаря особенно горячему содѣйствию Н. А., на частныя средства. То, чего не могли сдѣлать въ теченіе десятка лѣтъ, было сдѣлано Н. А. въ очень короткое время. Онъ досталъ необходимыя средства и, спустя двѣ недѣли, лѣчебница уже могла открытъ свои двери для больныхъ. Когда, въ 1887 г., городскому самоуправленію, вслѣдствіе уничтоженія приказа общественаго призрѣнія, были переданы больницы и богадѣльни, въ которыхъ лѣчилось и призывалось болѣе 5000 человекъ, покойный, съ больною личною заботливостью, сумѣлъ быстро упорядочить ихъ. Кроме того, его энергичная дѣятельность проявилась и въ отношеніи другихъ частей городского хозяйства.

Въ ознаменованіе заслугъ покойнаго, Московская дума единогласно постановила принять похороны Алексѣева на счетъ Москвы, ходатайствовать о разрѣшеніи совершить отпѣваніе въ храмѣ Христа Спасителя, возложить серебряный вѣнокъ, присутствовать на похоронахъ въ полномъ составѣ думы, поставить въ залѣ засѣданія думы портретъ Н. А. Алексѣева, во весь ростъ, выразить вдовѣ и матерѣ покойнаго глубокое соболѣзнованіе и, съ цѣлью увѣковѣченія памяти покойнаго, ассигновать изъ городскихъ суммъ 200,000 рублей на дѣла благотворенія.

Разныя извѣстія.

— 8 марта, Ихъ Императорскіи Величества изволили посѣтить Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, С.-Петербургскій вдовій домъ и С.-Петербургскій Александровскій институтъ, а 10-го марта—Николаевскій сиротскій институтъ.

— 9 марта, Его Величество Государь Императоръ изволилъ принимать, въ торжественной аудіенціи, испанскаго посланника, графа де-Виллагонзало маркиза де-ла-Скала, который имѣлъ честь вручить Его Величеству знаки испанскаго ордена Золотого Руна, пожалованнаго Испанскою королевой-регентшею Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владиміру Александровичу.

При аудіенціи, во время которой Государь Императоръ Собственнолично изволилъ возложить на Его Императорское Высочество Великаго Князя Владиміра Александровича знаки ордена Золотого Руна, изволилъ нахо-

диться кавалеръ сего ордена Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ.

— 6 марта, Августѣйшая Покровительница перваго дамскаго художественнаго кружка, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Теоодоровна посѣтила открывающуюся 7 марта выставку кружка, въ Николаевскомъ дворцѣ.

— Начальникъ штаба Московскаго военнаго округа, генераль-лейтенантъ Духовской назначенъ пріамурскимъ генераль-губернаторомъ, командующимъ войсками пріамурскаго военнаго округа и войсковымъ наказнымъ атаманомъ пріамурскихъ казачьихъ войскъ.

— Министерствомъ Финансовъ, по соглашенію съ главнымъ управленіемъ почтъ и телеграфовъ, сдѣлано распоряженіе объ открытіи съ апрѣля сберегательныхъ кассъ

при почтово-телеграфныхъ конторахъ въ Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ.

— Въ текущемъ 1893 году выставки верховыхъ лошадей, 4—6 лѣтъ, будутъ происходить въ г. Елисаветградѣ 25 апрѣля, въ Великокняжеской станицѣ, области Войска Донскаго, съ 31 августа по 2 сентября, въ Вильнѣ 5 сентября и въ Тифлисѣ 1 мая.

— Въ теченіе Великаго поста въ шести волостныхъ сходахъ С.-Петербургской губерніи установлены штрафы за пьянство. Штрафы эти должны быть обращены въ пользу мѣстныхъ церквей и на улучшеніе содержанія церковно-приходскихъ школъ.

— Петербургъ увѣковѣчилъ память М. И. Глинки наименованіемъ одной изъ своихъ улицъ „Глинкинскою“ и постановкою мраморной доски на домѣ въ Эртелевомъ переулкѣ, въ которомъ провелъ послѣдніе дни своей жизни творецъ „Жизни за Царя“ и „Руслана“.

Политическое обозрѣніе.

Жюль Ферри скончался 5 марта въ 6½ часовъ вечера отъ болѣзни сердца, которою страдалъ со времени покушенія на его жизнь въ январѣ 1888 г. Тогда револьверная пуля сплюснулась у ребра, контузивъ нижнюю часть сердца. Смерть этого важнаго политическаго дѣятеля произошла не менѣе впечатлѣніе, какъ и внезапное набраніе Ферри въ президентъ сената.

Совѣтъ министровъ предложилъ палатамъ, чтобы похороны Ферри состоялись на государственный счетъ, и палата, большинствомъ 296 противъ 170, ассигновала на этотъ предметъ 20,000 фр. Противъ проекта говорилъ только членъ правой Бодри д'Ассонъ. Затѣмъ палата рѣшила, что въ день похоронъ Ферри засѣданія не будетъ. Въ сенатѣ вице-президентъ Меланъ произнесъ короткую похвальную рѣчь въ память Ферри.

Дѣло о подкупахъ панамскою компаніею окончено. Присяжные вынесли, 9 марта, утвердительный отвѣтъ относительно виновности Блондена, Лессепа и Байо и отрицательный относительно Фонтана, Савлеруа, Берали, Люге де-ла-Фоконверн, Гоброна и Тру. Вслѣдствіе такого рѣшенія присяжныхъ Лессепъ и Блондъ, въ виду смягчающихъ ихъ вину обстоятельствъ, приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ; Лессепъ на одинъ годъ, а Блондъ на два года; Байо приговоренъ къ лишенію гражданской чести, къ заключенію въ тюрьмѣ на пять лѣтъ и къ 750,000 фр. штрафа. Сверхъ того, Байо, Блондъ и Лессепъ приговорены, по требованію гражданскихъ истцовъ, къ возмѣщенію убытковъ, размѣръ которыхъ будетъ установленъ государствомъ, и къ уплатѣ 375,000 франковъ ликвидатору панамской компаніи Мошкуру. Прочіе подсудимые оправданы. Въ бесѣдахъ съ газетными корреспондентами, Андриэ и Делагэ заявили, что вчерашнимъ приговоромъ суда положенъ панамскому дѣлу конецъ. Республиканскія газеты отзываются о вердиктѣ присяжныхъ съ одобреніемъ, находѣ, что онъ выгораживаетъ изъ этого дѣла республику, прекращаетъ слухи и свидѣтельствуетъ, что общественному мнѣнію надобно устроители политическихъ скандаловъ.

Нѣкоторые изъ газетъ признаютъ, однако, что оправданіе парламентскихъ дѣятелей возлагаетъ отвѣтственность на правительство, которое обязано объяснить, на какомъ основаніи оно требовало возбужденія преслѣдованія противъ нихъ. Радикальные органы говорить, что теперь слово должно быть предоставлено избирателямъ. Консервативныя газеты вообще порицаютъ вердиктъ, признавая его, во всякомъ случаѣ, какъ бы неудачею для правительства.

Въ военной комиссіи германскаго рейхстага окончено 5-го марта второе чтеніе военнаго законопроекта. Центръ внесъ контръ-предложеніе къ правительственному законопроекту; въ предложеніи этомъ численность мирнаго состава арміи, установленная правительственнымъ проектомъ въ 492,068 человекъ, низводится, на срокъ до 30-го октября 1898 года, до 420,031 человекъ. Беннгсенъ предложилъ опредѣлить численность мирнаго состава въ 462,000 человекъ и постановить, чтобы кадры 123 батальоновъ были сформированы лишь на то время, пока будетъ дѣйствовать двухлѣтній срокъ службы въ пѣхотѣ. Имперскій канцлеръ заявилъ, что предложеніе центра принято быть не можетъ, а предложеніе Беннгсена, хотя и сходится съ основною мыслью правительства, но не удовлетворяетъ военнымъ требованіямъ. Что касается покрытія издержекъ, прибавилъ канцлеръ,—то правительство приметъ и другія предложенія на этотъ счетъ изъ среды парламента. По окончаніи чтенія, военная комиссія отвергла военный проектъ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ шести, принадлежавшихъ консерваторамъ. Затѣмъ комиссія отвергла всѣ прочія предложенія.

Младочехи внесли, 5-го марта, въ рейхстагъ предложеніе о введеніи въ Австріи общаго избирательнаго права. По вычисленію *Народныхъ Листовъ*, въ виду преобладанія славянскихъ народностей въ Австро-Венгріи, указанные въ предложеніи 400 депутатовъ должны состоятъ отнынѣ изъ 245 славянъ, 145 нѣмцевъ и 11 итальянцевъ. Славянскіе депутаты распределяются такъ: 92 чеха, 63 поляка, 52 русскихъ, 21 словенецъ, 12 сербо-хорватовъ и 4 румына.

Искусство.

Итальянская опера.

Для наших итальяноманов Великий постъ, равно какъ и для иностранныхъ артистовъ, является настоящей масляницей; каждый годъ въ это время они могутъ вдоволь насладиться звуками Беллини, Доницетти, Верди первого періода его творчества и пр., и притомъ въ исполненіи первоклассныхъ артистовъ, въ родѣ г-жи Зембрихъ и г. Маркони, Котоши и др. Въ нынѣшній сезонъ выдвинулись еще г-жа Дарклэ и, въ особенности, г. Батистини, превосходный баритонъ, пользующійся большимъ реңоме въ Италіи. О старыхъ знакахъ говорить не станемъ, а скажемъ два слова о новыхъ, чтобы перейти къ репертуару. Г-жа Дарклэ—хорошая пѣвица, къ сожалѣнію, злоупотребляющая сценической игрой. Мы слишкомъ привыкли къ человѣческой, естественной передачѣ и остаемся обыкновенно холодными ко всему увеличенному, шаржированному. Но голосъ ея хорошій, который производитъ выгодное для артистки впечатлѣніе. Г. Батистини—настоящій представитель искусства *bel canto* и по художественнымъ приемамъ напоминаетъ весьма часто Мазини; то же безконечное дыханіе, та же манера давать звукъ, такой же громадный голосъ, одинаково ласкающій слухъ въ *forte*, какъ и въ *piano*; словомъ, это пѣвецъ, способный вскружить голову многимъ поклонникамъ, — что и случилось у насъ. Въ „Гамлетѣ“, въ которомъ онъ дебютировалъ, онъ менѣе понравился, чѣмъ въ „Маріи де-Роганъ“, гдѣ онъ имѣлъ колоссальный успѣхъ, — что совершенно понятно: здѣсь главная задача не въ созданіи типа, а въ иѣнн, въ мастерской вокализаци. Мы назвали сейчасъ „Марію-де-Роганъ“; такими новинками изобилуеетъ весь репертуаръ дававшихся оперъ, за исключеніемъ, впрочемъ, „Гугенотовъ“, которые невозможно были поставлены въ театрѣ „Акваріума“ (во многихъ отношеніяхъ), и „Донъ-Себастьяна“ Доницетти, шедшаго въ Петербургъ въ первый разъ.

„Донъ-Себастьянъ“ написанъ 50 лѣтъ тому назадъ и трактуеетъ эпизодъ изъ жизни этого Португальскаго короля, павшаго въ войнѣ съ магометанами въ Африкѣ, при Альказаръ-Квивирѣ. Но въ оперѣ, конечно, онъ влюбленъ въ африканку Зайду, которая спасаетъ его отъ смерти въ благодарности за то, что онъ ее освободилъ отъ смертной казни; конечно, знаменитый авторъ „Луизіады“, поэтъ-солдатъ Камонсъ, въ дѣйствительности, облагодѣтельствованный этимъ королемъ, обожавшимъ поэта, превращенъ въ молодого цвѣтущаго здоровежъ солдата (по исторіи Камонсъ потерялъ зрѣніе въ одномъ изъ сраженій въ Индіи); конечно, Себастьянъ не умираетъ на полѣ сраженія, а отъ руки злого регента, строящаго козни королю, отъ которыхъ всячески старается спасти его вѣрный Камонсъ, подготовляющій бѣгство Себастьяну вмѣстѣ съ Зайдой; словомъ, мы тутъ имѣемъ оперное либретто со всеми атрибутами *grand spectacle*'я.

Если, однако, примемъ во вниманіе время созданія этой оперы для парижской Большой сцены, — если вспомнимъ, что это было время, когда такіа произведенія, какъ „Вильгельмъ Телль“ Россини, „Робертъ-Дьяволъ“ Мейербера и „Жидовка“ Галеви, — положили новое начало опернымъ требованіямъ, — если мы все это сообразимъ и прибавимъ, что для Доницетти задача была далеко не изъ легкихъ, то нужно будетъ признать, что авторъ „Себастьяна“ показалъ себя здѣсь въ совершенно новомъ фазисѣ и, во всякомъ случаѣ, съ выгодной для себя стороны. Въ „Донъ-Себастьянѣ“ оркестру отведено

уже гораздо больше мѣста, чѣмъ въ другихъ его операхъ; здѣсь много эффектныхъ сценъ (похороны короля); участіе народа значительно больше; введены танцы и балеты; опера написана въ пяти дѣйствіяхъ вмѣсто обычныхъ трехъ и пр. Опера, однако, для нашего времени уже устарѣла.

В. Баскинъ.

Выставка Общества акварелистовъ.

Только что открывшаяся выставка Общества акварелистовъ составляетъ тринадцатую очередную выставку и доказываетъ, что общество акварелистовъ растетъ и мало-по-малу пріобрѣтаетъ несомнѣнно важное значеніе въ русскомъ искусствѣ. За послѣднее время это одна изъ самыхъ богатыхъ, количественно, выставокъ, бывшихъ въ Петербургѣ; кромѣ того, она весьма замѣчательна въ художественномъ отношеніи. Обозрѣвая массу художественныхъ произведеній (522) настоящей выставки, нельзя не видѣть, что наша

Московскій городской голова Н. А. Алексѣевъ († 11 марта 1893 г.).
Съ fotogr. Конарскаго, граф. Шюбертъ.

акварель (въ различныхъ своихъ видахъ) расширяется по содержанію и примѣняетъ самыя разнообразныя типическія приемы, благодаря обогащенію акварельной палитры новыми красками и веществами. Само собой разумѣется, что пейзажъ составляетъ главную часть, — и притомъ, лучшую, — настоящей выставки. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ; акварель особенно удобна для выраженія мягкихъ свѣтовыхъ эффектовъ, прозрачности воздуха, иѣжной игры свѣта и тѣни, влажности паровъ. Но кромѣ пейзажа, настоящая акварельная выставка интересна еще (я бы сказалъ: по преимуществу) нѣкоторыми прекрасно исполненными портретами.

На нынѣшній разъ г. Бенкендорфъ, между множествомъ другихъ произведеній своей кисти, выставилъ двѣ прекрасныя копіи большихъ размѣровъ: копію съ картины Мурильо „Св. Антоній Падуанскій“ (съ оригинала Берлинскаго музея) и копію съ фресокъ „*Tie pollo*“ (оригиналъ въ Palazzo Labbio въ Венеціи); обѣ копіи замѣчательны вѣрностью въ передачѣ оригиналовъ и прекраснымъ колоритомъ. Изъ довольно многочисленныхъ портретовъ слѣдуетъ указать на портреты гг. Александровскаго, Шарланда, Соломки (его портретъ Сарры Бернаръ—очень характеренъ и эффектенъ), Боброва, г-жи Бемъ (портретъ г. Искова), А. Соколова и нѣкоторые другіе. Самые удачныя портреты принадлежатъ безспорно г. Александровскому, между которыми особенно выдается совершенствомъ техники, сходствомъ и прекраснымъ, мягкимъ колоритомъ портретъ Его Имп. Выс. Великаго Князя Владиміра Александровича (во весь ростъ). Акварельный жанръ настоящей выставки не отличается ни разнообразіемъ, ни интересомъ сюжетовъ; среди нашихъ акварелистовъ мало найдется жанристовъ по темпераменту и по свойствамъ таланта; большинство ихъ ограничивается „этюдами“, а въ особенности „головками“; чуть-чуть сложный сюжетъ, въ нѣсколько фигуръ, представляется большою рѣдкостью.

Нѣтъ никакой возможности перечислить всѣ выдающіеся пейзажи настоящей выставки. Въ этомъ родѣ на выставкѣ встрѣчаются работы вполне замѣчательныя, способныя украсить какую угодно выставку. Вообще, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что акварельная выставка настоящаго года является несомнѣннымъ доказательствомъ того, что наша акварельная живопись стоитъ на ряду съ французской и англійской, въ особенности, въ отдѣлѣ пейзажа.

В. Чуйно.

С М Ъ С Ъ.

Метеорологическая обсерваторія университета Св. Владиміра предприняла рядъ изслѣдованій грозъ и осадковъ въ губерніяхъ, прилегающихъ къ Днѣпру и его притокамъ, и обращается къ лицамъ, имѣющимъ въ означенныхъ губерніяхъ по-

стоянное жителство, съ просьбою не отказать въ своемъ участіи этому полезному дѣлу производствомъ наблюденій. Наблюденія надъ грозами и осадками тѣмъ удобнѣе, что не требуютъ приборовъ. Исключеніе представляетъ опредѣленіе количества выпавшаго

дождя, снѣга, града и прочихъ осадковъ, дѣлаемое помощью особаго прибора, называемаго дождемѣромъ, стоимость котораго, впрочемъ, очень не велика. Наблюдения надъ грозами очень не сложны. Главное, на что надо обращать вниманіе при наблюденіи, это — опредѣленіе во вѣрныхъ часахъ (въ часахъ и минутахъ) времени перваго грома (начало грозы), ближайшаго разстоянія грозы отъ мѣста наблюденія и послѣдняго грома (конецъ грозы), а также были-ли дождь или градъ во время грозы или нѣтъ. Слѣдуетъ также отмѣчать силу молніи, грома, дождя и грома (по впечатлѣнію, на наблюдателя производимому), обозначая ее тремя баллами: 0 (очень слабо), 1 (умѣренно) и 2 (очень сильно). Грозою называется явленіе лишь въ томъ случаѣ, когда молнія сопровождается громомъ; молніи безъ грома относятъ къ зарницамъ, надъ которыми также желательнѣе производить наблюденія. Для теоріи и статистики грозъ важно, чтобы отмѣчалась каждая гроза, бывшая въ мѣстѣ наблюденія. Никакъ не слѣдуетъ также пропускать первой грозы, которая въ нашихъ странахъ бываетъ въ мартѣ и апрѣлѣ. Наблюдения надъ осадками также крайне не трудны. Слѣдуетъ ежедневно отмѣчать видъ и продолжительность осадка (начало и конецъ) въ часахъ и минутахъ, а также помощью дождемѣра каждый день утромъ измѣрять количество выпавшихъ въ теченіе предыдущихъ сутокъ осадковъ. Обсерваторія высылаетъ всѣмъ желающимъ подробныя правила производства наблюденій и бланки для записыванія ихъ. Наполненные записями бланки, по прошествіи каждаго мѣсяца, возвращаются въ обсерваторію для обработки. Сотрудники сѣти получаютъ бесплатно всѣ изданія обсерваторіи, а также, отъ времени до времени, по мѣрѣ надобности, и другія статьи и книги, касающіяся изслѣдуемыхъ явленій. Адресъ: Кіевъ, метеорологическая обсерваторія университета.

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Ив. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе). — Страстная седмица. Стихотвореніе Сергія Сафонова. — Типы современнаго Иерусалима. Изъ записной книжки Стараго Паламника (съ 5 рис.). — Скорбная верба. Историческій набросокъ П. Н. Полевого. — Римскій центурионъ. Эклога Н. Марива. — Въ рвущинахъ. Свѣте Тихій! (съ рис.). — Положеніе во гробъ Иисуса Христа (съ рис.). — Послѣдній вздохъ (съ рис.). — Говѣльщикъ на пути въ село (съ рис.). — Возращеніе царицы съ богомолья (съ рис.). — Верба хлѣстъ — бей до слезы! (съ рис.). — Н. А. Алексѣевъ (съ портр.). — Разныя извѣстия. — Политическое обозрѣніе. — Искусство: Итальянская опера. Выставка Общества акварелистовъ. — Смѣсь. — Шахматы. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ив. М. Н. Волконскій.

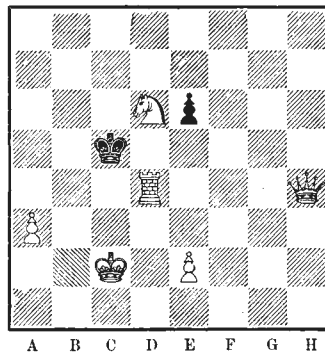
ШАХМАТЫ

подъ редакціей Э. С. Шиффера.

Задача № 7.

H. Gottschall (Halle).

Черные.

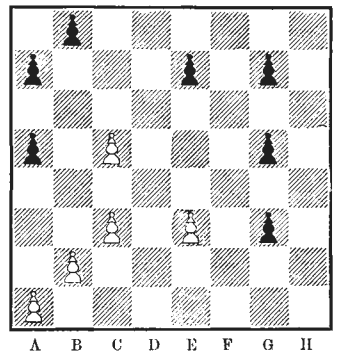
Бѣлые.

Мать въ 3 хода.

Задача № 8 (шашечная).

Изъ „Daheim“.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ выигрывать.

Рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ № 3 за 1893 г.

№ 2. L. N. De Jong (Utrecht). Мать въ 3 хода.

1. Л. g5-g3, Кр.: g3; 2. Т.: h6; 3. Т.: f4.

1. . . ., Кр. h1, 2. Л. d1; 3. Т. С+.

№ 3. C. Dunham (Washington). Мать въ 2 хода.

1. С. с5-a7; 2. Мать различными способами.

Вѣрныя рѣшенія прислали: обѣихъ задачъ: Л. Лидскій (Люблинъ); В. Н. Покровский (Москва); А. П. Сусликовъ, Е. В. Бородаевскій (Харьковъ); А. А. Ильинъ (Нижегородъ); Ф. Горрь (м. Калюсъ, Подольск. губ.); Б. Л. Меркуловскій (ст. Пясуся Варшав. ж. д.); Д. А. Гофманъ (Синферополь). № 2. — А. Меньшиковъ (СНВ).

№ 3. — Ш. Баумштейнъ (Придуки, Полтавск. губ.); Н. Филипповъ (Темиръ-Ханъ-Шура); И. Ф. Вельць (Кіевъ).

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-4
Иллюстрированные прейсъ-курanty по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ
въ Гогенгеймѣ. Д. № 6234 2-2
Лѣтній курсъ начинается въ понедѣльникъ, 17 апрѣля с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію безплатно
КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ
Гогенгеймъ, въ мартѣ мѣс. 1893 г. Vossler.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.
Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія. При приготвленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ оного вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Бензойное мыло 35 к. и 50 к. кусокъ; Оплошадъ (лучше колыдь-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главнй складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18-19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ
Искусственными БРИЛЛІАНТАМИ:
превосходными

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6289 10-3
№ 358. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 49 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ
С.-Петербургъ,
Невскій просп., № 20-31.

МАГАЗИНЪ
БРИЛЛІАНТОВЫХЪ
№ 6321
ЗОЛОТЫХЪ
ВЕЩЕЙ
ХР. БЮЛЕРЪ
преемникъ К. Бокъ.
С.-Петербургъ,
Большая Морская,
д. № 9.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.
И. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и во всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцамъ.

НОВАЯ КНИГА:
Полное собраніе сочиненій
Т. Н. ГРАНОВСКАГО
бронзу г. Нарганскаго, открывшаго Кузнецкую траву, по которой можно опредѣлить цѣлебную траву отъ негодной. Брошюра прилагается въписывающимъ траву непосредственно изъ склада Ивана Игнат. Матвѣева въ Бузулукъ, Сам. губ. Продается цѣлѣбный четыре рубля.
Къ требованіямъ обращаться къ г. Шен-сортъ по 1 руб. фунтъ съ прилож. подроб. книгу (Москва, Историческій музей, у Иверъ-наставленія. Не смѣш. съ однофамильцами. скихъ воротъ). II. № 6311 Представители склада за границей.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“
Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24-2
велосипед. „Орель“.
На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Иллюстр. прейсъ-курantz за 10 коп. марку.

НЬЮ-ГОМЪ
оригинальная, американская усовершенствованная
ШВЕЙНАЯ МАШИНА
Къ „НЬЮ-ГОМЪ“ въ Оранжъ (Шт. Массачусеттс, Сѣв. Америка) пользуется всемірною извѣстностью; проста, прочна, изящна; отличается высокимъ рукавомъ, новымъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-мя нитками шитую строчку; употребляетъ прямую самовставляющуюся (безъ мѣрки) иглу; годна для домашняго и ремесленнаго употребленія; пьетъ все: отъ тончайшей киселю до толстѣйшаго сукна.
ГАРАНТІЯ БЪ ЛѢТЪ.
Прейсъ-курantz и описаніе по требованію.
Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Ситовыхъ.
Главный представитель для всей Россіи:
Высоч. утвержд. Товарищество „Работникъ“.
Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ.

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.
 За половину цены, именно вместо 4 р. 80 к. за 2 руб. 40 коп., с перес. 3 руб.
 24 раскрашенные картины для нагляд-
 № 6314 наго обучения. 2-1
 заключающія въ себѣ около 600 предметовъ,
 съ названіями на 5-ти языкахъ; въ пакѣтъ
 3 руб 20 коп., въ колескорѣ съ золот.
 оттисками и наклеюй картинъ на картонъ
 4 руб., перес. 80 коп. Высылаютъ за налич-
 ныи или съ наложен. платеж. книжи. магаз.
 3. Нолинскаго въ Варшавѣ, Маршалл. 122.

КАТАЛОГИ
на 1893 г.

БЕСПЛАТНО

АНГЛІЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
 старѣйшей фабрики
 компани **РУДЖЪ** Ковентри
 съ новостями на 1893 годъ.
 Представители для всей Россіи
 Ц. № 6249 торговый домъ
АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ.
 Москва, Мясницкая, д. Сытова.

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ
ЛИЛИПУТЬ

Безъ фирмы и фабрики.
 Клиента подѣлки.

со шнурк. въ замшевомъ кошельк. 8 р. 50 к.
 съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к.
 „Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ
 жилета или между пуговицами мундира и впол-
 нѣ закрываетъ, какъ для поил. охоты, путеше-
 ствія или театра, большіе и тяжелые бинокли.
 2-1 **Е. КРАУСЪ и К^о.** № 6310
 Специальн. фабр. оптич. инструментовъ
 Парижъ. Rue de Bondy, 32.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКАДЪ ДЛЯ РОССІИ
 С.-Петербургъ, Мойна, № 42.
 Пилотур. прейс-кур. оптич. и фотогр. при-
 бор. высл. каждый за семп-коп. поч. марку.

КРАСИВО ПИСАТЬ
 выучивается всякій заочно (посредствомъ
 переписки) въ 15 уроковъ.
 у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ**
А. КОССОДО.
 Методъ премированъ на Парижской все-
 мирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ зо-
 лотой медали. № 6208 52 - 9
 За 2 семпкопечныя марки высылаются
 пробное письмо и условія. Адресъ: Про-
 фессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ
 Одессѣ, Дерibasовская, д. № 19.

Поставщики Высочай-
 шихъ Сибир. и Русской
 армій.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
 Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офи-
 церовъ пользуются этими велосипедами.
САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
 Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**
 (основ. въ 1863 г.)
 МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
 Ц. № Кокандъ и Екатеринбургъ. 25-13
 5982 Новый каталогъ 80 страницъ.
БЕСПЛАТНО.

Страхованіе отправляющихся въ г. Чикаго НА ВСЕМИРНУЮ ВЫСТАВКУ или ѣдущихъ вообще въ Сѣверную Америку.

Страхованія путешественниковъ въ Сѣверную Америку отъ всякаго рода несчастныхъ слу-
 чаевъ, могущихъ приключиться на морѣ и на сушѣ, принимаются въ Правленіи Страховаго Общества
 „Россія“ (С.-Петербургъ, Большая Морская, 37) и во всѣхъ его агентствахъ.

Примѣръ. За страхованіе на 4 мѣсяца въ 10,000 рублей на случай смерти и 10,000 рублей
 на случай нивалидности страховой взносъ составляетъ 47 рублей. 2-1

Страхованія этого рода можно заключать на суммы отъ 1,000 до 100,000 рублей. В. № 6322

**EAU, PÂTE, POUDRE
 DENTIFRICES**

DOCTEUR PIERRE
 DE LA
**FACULTÉ DE MEDECINE
 DE PARIS**
 EN VENTE PARTOUT

№ 6235 13-7

ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ДУХИ: „ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“
 „ЛЮБИ МЕНЯ“
 „КОРИЛОПСИСЪ“
 „ИСПАНСКАЯ КОЖА“
 „КОНЕЦЪ ВЪКА“.

НОВОСТЬ! Прелестная туалетная
 вода „О-де-БРОКАРЪ“
 ФАБРИКИ
Броккаръ и К^о.
 Невскій, д. 30, СПБ. № 6287 3-3

**ТОВАРИЩЕСТВА
 „ГИГИЕНА“
 ЛИЗОЛИНЪ
 ДЕЗОДОРИЗАЦІОННАЯ**

Жидкость
 Разр. СІБ. Врачеб.
 Управ. Прод. въ лучш.
 аттек. магаз.
 Оптов. продажа въ
 С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ
 СІБ. площ. Александриск. театра, 9.
 Москва, Никольская, д. Шереметьева.
 Варшава, Новый Свѣтъ. 37. 8-1

ГЛАВ. СКАДЪ, МОСКВА
 у Л. Я.
СТОЛКИНДЪ.

КРУПНИКІИ
 ДЛЯ
УНИЧТОЖЕНІЯ
КРЫШЪ И МЫШЕЙ
ПРОВОДНИКЪ
 ПРОДАЕТСЯ ВЪЗДЪ
 по 30 и 50 К.
 ФУРКАСОВС. ПЕР. Д. ОБИДИНОЙ

◆ НОВОСТЬ ◆
 необходимал каждой семьѣ:
 ◆ Аппаратъ для прорѣзанія и обме-
 тыванія петель 3 руб. ◆ № 6315
 Заказы выслаются немедленно,
 можно и наложеннымъ платежемъ.
 Единственное Агентство: СІБ. Складъ
 Новыхъ Изобрѣтеній. Невскій, 4. Ка-
 талогъ всѣхъ изобрѣтеній и подар-
 ковъ за 10 коп. марку.

ТЕЛЕГРАММА!
 Парижъ (22-го февраля 1893 г.)
 Беконне побилъ всемирный рекордъ
 Г. Пашо 116 миль (174 версты) въ
 6 часовъ на велосипедѣ
 Компани РУДЖЪ въ Ковентри.

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ „ЕСТУЖКЪ“

НАХОДЯТСЯ
 ВО ВСѢХЪ
 ГОРОДАХЪ
 РОССІИ.

ПРЕДОБРАЖАЮЩАЯ
 НАШЕЯ
 МАРКА

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
СРЕДСТВО
 для смягченія кожи рукъ и лица.
 Цена 35 коп.
 Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-
 мерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14-4

**EAU DENTIFRICE
 BALSAMIQUE DE LOHSE**
 БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
 Средство для полосканія рта, уничтожаетъ
 запахъ во рту. № 5421 (24)
 Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ под-
 дѣловъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ
 и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

PARIS

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré, renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON d'ÉTÉ, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie PARIS.

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde. Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue.

INTERPRÈTES DANS TOUTES LES LANGUES

Рѣ. № 6306 3-3

Велосипеды английского завода "Гумберъ и К^о. Лмд." лучше въ свѣтѣ! предлагаетъ торговый домъ Г. ЖЕМЛИЧКА и К^о. Москва, Неглинный просп., домъ Ечкиной. Прейсъ-курантъ—бесплатно.

ВЫБОРЪ ИЗЯЧНЫХЪ ШЕЛКОВЫХЪ ТКАНЕЙ, БАРХАТА и ПЛЮША въ розничномъ магазинѣ БР. С. Г. ШЕЛАЕВЫХЪ въ МОСКВѢ. ПАССАЖЪ СОЛОДОВНИКОВА, № 65, 66. С.-Петербургъ, Постный дворъ, Большая Стуровская линия, № 134. Продажа безъ запроса. Образцы высылаются III. № 6209 бесплатно. 3-3

Казачье охот. № 1-й 20 руб. Киргизское 30 р. Черкесское 25 руб. и 40 руб. Английское 25 и 30 руб. Дамское замш. 35 и 40 руб. свиной кожи 50 руб.

СЪ ДЛА ФАБРИКИ М. и И. МАЛЫШЕВЫХЪ въ САРАТОВѢ.

Вся сѣдла съ уздечками и остальн. полн. прибор. Въсь съ укорор. 30 и 40 ф. Пр.-Кур. илл. за двѣ 7к. марки.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО

АМОСТРОУМОВА

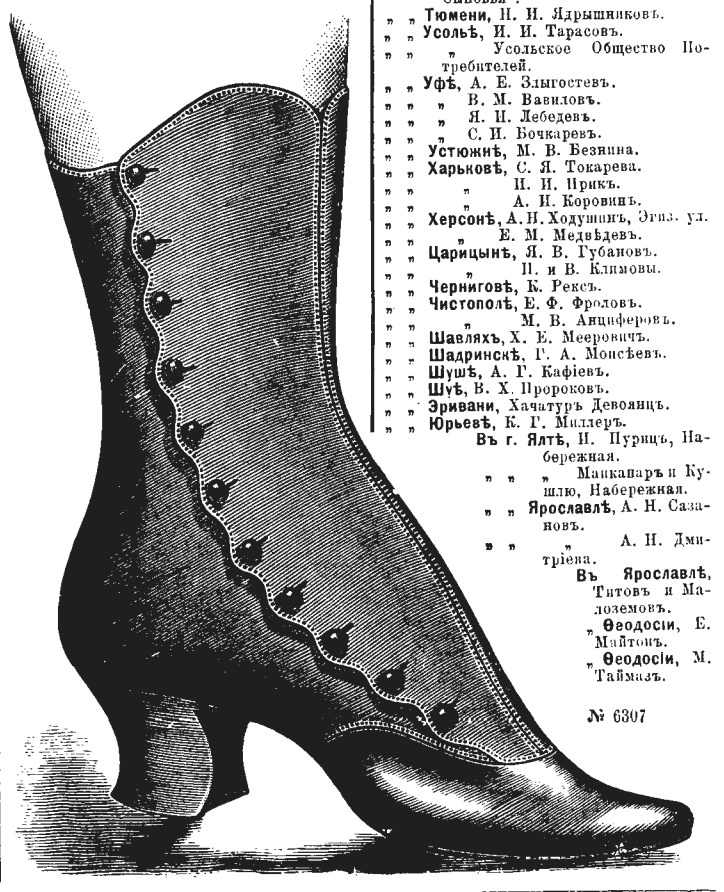
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

УТВЕРЖДЕН ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

ОСТЕРГЕНСКОЕ ПЕРЛОКЪ.

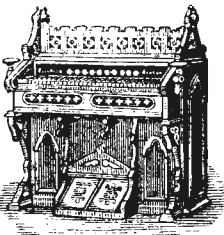
Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви доводитъ до всеобщаго свѣдѣнiя, что обувь производства его фабрики имѣють слѣдующіе торговцы и въ слѣдующихъ городахъ:

<p>Въ г. Александровскі, Г. Д. Ольховскій.
Армавирѣ, С. П. Аксентовъ.
" " " " Братья Назаровы.
" " " " С. П. Меснянинъ.
Архангельскѣ, М. П. Аресонъ.
Астрахани, С. Ф. Трёмбанскій.
" " " " И. Г. Степановъ.
" " " " Н. Н. Постниковъ.
" " Торг. д. "Братья Гантшеръ".
Бану, Х. А. Сааковъ, въ пассажѣ.
Барнаулѣ, Е. А. Жернаковъ.
" " " " Г. Д. Маштаковъ.
Батумѣ, Х. Поладопуло, набережн.
Д. Зильбермейстеръ.
Бахмутѣ, Насл. А. И. Абрамовича.
Бердянскѣ, С. К. Левензонъ, Го-
стный дворъ.
" " " " М. И. Бабаджанъ.
Благовѣщенскѣ, П. Я. Чуринъ и Ко.
Богородицѣ, Н. В. Рудневъ.
Богословскомъ заводѣ, Прокофій
Матвѣевичъ Шадринъ.
Борисоглѣбскѣ, Василій Андреевичъ
Черномашецковъ.
Брянскѣ, К. Т. Бриллиантовъ.
Бузулукѣ, Г. М. Киселевъ.
Вейсенштейнѣ, Г. Лейбергъ.
Вильнѣ, Л. М. Залкиндъ.
Владивостокѣ, У. Р. Лангелитъ.
Владикавказѣ, Е. С. Зиполоваснговъ.
" " " " Братья Н. и В. Богдасаровы.
" " " " П. И. Лукьяновъ, на базарѣ.
" " " " Д. А. Никитинъ.
" " " " Сергій Эммануилъ Терзиевъ.
Воронежѣ, Д. Н. Поповъ.
" " " " Братья М. и Л. Поповы.
Воронцовѣ (Стар. губ.), Степанъ
Родионовичъ Корниловъ.
Воткинскомъ заводѣ, Г. С. Пьянковъ.
Вѣжинѣ, Н. Рабиновичъ.
Гельсингфорскѣ, Марія Ландросъ,
Александровская ул., 11.
" " " " О. Ленбекъ, противъ
Эспланады.
Георгиевскѣ, Е. М. Кузьминъ.
Грозномъ, Е. М. Зиполоваснговъ.
Гурьевѣ (Урал. Обл.), В. В. Ларинъ.
Двинскѣ, С. А. Кликинъ.
Дубовкѣ (Сарат. губ.), Александръ
Христофоровичъ Граубергеръ.
Евпатори, Н. Я. Бозаджиевъ.
Ейскѣ, И. С. Карлашевъ.
Екатеринбургѣ, братья Макаровы.
Екатеринодарѣ, И. М. Шапошниковъ.
" " " " Бр. Шевцовы, Красная ул.
" " " " Н. В. Котляровъ.
" " " " Е. С. Михалева.
Екатеринославѣ, Х. Л. Будильовъ.
" " " " В. А. Стрѣлянный.
" " " " В. О. Гусевъ.
" " " " В. Г. Заморцевъ.
Елисаветградѣ, Х. С. Олинская.
" " " " Г. Д. Меерсонъ.
" " " " Я. Л. Межеровскій.
Енисейскѣ, И. Н. Захаровъ.
" " " " С. В. Козьминныхъ.
Есентуки, Е. С. Зиполова снмновля.
Житомирѣ, С.-Петербургскій мага-
зинъ О. А. Эйленбергъ.
Зейской пристани на Амурѣ, Н. А.
Опаринъ.
Зѣиногородскѣ, П. В. Воробьевскій.
Иваново-Вознесенскѣ, Александръ
Бенедиктовичъ Шудровъ.
Иркутскѣ, П. П. Фаунштейнъ.
Казани, М. В. Катковъ.
Калугѣ, Яковъ Григ. Кушинниковъ.
" " " " В. М. Добровольскій.
Каменецъ-Подольскѣ, Г. Гилдъ.
" " " " З. Гилдъ.
Карасубазарѣ, М. Тумановъ.
Касимовѣ, И. О. Петько.
Кашинѣ (Тверск. губ.), Федоръ Фе-
доровичъ Черепинъ.
Керчи, Д. Н. Дидманъ, Воронц. ул.
" " " " Х. С. Михайловъ.
" " " " С. Филдштинеръ.
" " " " Я. М. Хачатуровъ.
Кизели, Кизелевское Общ. Потреб.
Кинешмѣ, М. П. Новикова.
Кирсановѣ, Н. Е. Егоровъ.
Кіевѣ, А. И. Шабардинъ.
Козловѣ, В. Н. Никифоровъ.
Кольвани, Е. А. Жернаковъ.
Коротоякѣ, И. В. Андреевъ.
Ностромѣ, Ф. Ф. Настуховъ.
" " " " А. С. Козинъ.
" " " " М. П. Чернышева.
Красноярскѣ, Николай Герасимо-
вичъ Гадаловъ съ снмновлями.
Кременчугѣ, Я. М. Бабажди.
Кронштадтѣ, Л. К. Марковъ.
Кузнецкѣ (Томск. губ.), Леонидъ
Никандровичъ Емельяновъ.
Кургандѣ, А. В. Хлызовъ.
Курскѣ, магазинъ СНБ. Мех. обуви,
Московская ул. д. Александрова.
Кутаисѣ, Г. О. Кемулларовъ.
" " " " В. Габунія.
" " " " П. В. Габунія.
Майкопѣ, О. Н. Сермакешева.
Маргеланѣ, Д. Н. Захо.
Мариуполѣ, Б. Н. Берюшевъ.</p> | <p>Въ г. Мариуполѣ, В. Н. Томазовъ.
" " " " С. М. Сахаровъ.
" " " " Минусинскѣ, Н. А. Смирновъ.
" " " " Митавѣ, А. Хомзе.
" " " " Мелитополѣ, С. М. Сахаровъ.
" " " " А. М. Косой.
" " " " Михайловѣ (станція по Закавказ-
ской ж. д.) Н. В. Апоповъ.
" " " " Могилевѣ губериск. О. М. Эберлинъ.
" " " " Подольск. Флексеръ и Эй-
дельманъ.
" " " " Ю. Г. Брауде.
" " " " Моздокѣ, Н. Г. Кожовниковъ.
" " " " Моршанскѣ, И. М. Мушинъ.
" " " " Ф. Н. Барановъ.
" " " " Невьянскомъ заводѣ, А. М. Фи-
лаповъ.
" " " " Нерчинскѣ, Ф. И. Рифъ.
" " " " Нижне-Уральскѣ, Е. С. Стуловъ.
" " " " " " " " Н. Д. Богдановъ.
" " " " Нижнемъ - Новгородѣ, Митрофанъ
Никаноровичъ Смирновъ.
" " " " А. М. Мокшевъ.
" " " " Николаевскѣ на Амурѣ, Джаманъ и К.
" " " " Николаевѣ, Я. Ага, Соборная ул.
" " " " Никольскомъ Орѣховѣ, Общ. Потреб.
" " " " Новоросекѣ, Г. Н. Шумовъ.
" " " " Новочеркасскѣ, Е. Д. Титченко.
" " " " " " " " И. Н. Моноцковъ.
" " " " " " " " С. К. Корнѣевъ.
" " " " " " " " Н. Г. Милюковъ.
" " " " Нѣжинѣ, А. Я. Золотницкій.
" " " " Оберлаленѣ, К. Ф. Лейбергъ.
" " " " Одессѣ, С. Нейманъ, Ришельевск. ул.
" " " " " " " " К. М. Яковенко, Алексан-
дровская ул.
" " " " " " " " К. М. Яковенко, Соборн. пл.
" " " " " " " " З. Филоринъ, Рыбная площ.
" " " " " " " " Л. Филоринъ, въ городскомъ
домѣ на старомъ базарѣ.
" " " " Омскѣ, Козьминъ и Деровъ.
" " " " Оренбургѣ, А. П. Мокшовъ.
" " " " " " " " О. И. Грабовскій.
" " " " Орлѣ, Братья А. Я. и В. Щечкины.
" " " " Павлодарѣ, Козьминъ и Деровъ.
" " " " Пензѣ, М. П. Карташовъ.
" " " " " " " " К. П. Карташовъ.
" " " " " " " " А. Н. Семеновъ.
" " " " Перми, П. Г. Гавриловъ.
" " " " " " " " Продоольственный отдѣлъ
Уральск. ж. д.
" " " " Петровскѣ, И. П. Николаевъ.
" " " " Пинежѣ, Братья Володина.
" " " " Потаевѣ, С. Я. Токарева.
" " " " Потѣ, М. Г. Алхазовъ.
" " " " Пошехонѣ, И. Л. Сивинниковъ.
" " " " Прилукахъ (Полтавск. губ.), И. С.
Литвиненко снмновля.
" " " " Пятигорскѣ, С. А. Бураковъ.
" " " " " " " " В. С. Зиполовъ.</p> | <p>Въ г. Пятигорскѣ, Братья Лейзеровичъ.
" " " " Ревель, К. Юргенсонъ.
" " " " Ригѣ, А. Хомзе и Ко.
" " " " Ростовѣ на Дону, П. И. Ильинъ.
" " " " " " " " Братья А. и О.
" " " " Бахчисарайцевъ.
" " " " " " " " П. М. Троякинъ.
" " " " " " " " Ярославскомъ, Титовъ и
Малоземовъ.
" " " " Рыбинскѣ, Н. В. Батыревъ.
" " " " Рыльскѣ, П. В. Дураковъ.
" " " " Рязани, А. М. Попомаревъ.
" " " " Салаирскомъ рудникѣ, Е. М. Смир-
новъ.
" " " " Самарѣ, К. П. Поповъ.
" " " " " " " " Ю. В. Христененъ.
" " " " Самаркандѣ, Д. Н. Захо.
" " " " Саратовѣ, П. Г. Бестужевъ.
" " " " " " " " А. П. Болдиревъ.
" " " " " " " " А. П. Полозова.
" " " " Севастополѣ, П. И. Грязновъ, На-
химовскій просп.
" " " " " " " " А. Чаушъ.
" " " " " " " " П. И. Вазовъ.
" " " " Семипалатинскѣ, Козьминъ и Деровъ.
" " " " " " " " Ф. П. Плетцевъ.
" " " " Серпуховѣ, Е. Я. Фирсанова съ сн-
новлями.
" " " " Симферополѣ, Л. Я. Бозаджиевъ,
Полц. ул.
" " " " " " " " Я. Ф. Гусиковъ.
" " " " " " " " И. М. Баласный.
" " " " Симбирскѣ, И. М. Беринцъ.
" " " " Снопинѣ, В. С. Фадѣевъ.
" " " " Славянскѣ, Братья Чеботаревы.
" " " " Смоленскѣ, Б. А. Гринцевичъ.
" " " " " " " " А. В. Апанѣевъ.
" " " " Сумахѣ, В. Г. Софроновъ.
" " " " Тавризе, Багдасаръ Джаниевъ.
" " " " Таганрогѣ, П. И. Ильинъ.
" " " " " " " " Тацѣвъ и Хаспековъ.
" " " " Тальсентѣ, Г. В. Бергеръ снмновля.
" " " " Тамбовѣ, М. А. Афанасевъ.
" " " " " " " " П. И. Гринцевъ.
" " " " Ташкентѣ, Д. Н. Захо.
" " " " Твери, М. П. Жукъ.
" " " " Тифлискѣ, А. С. Гиршдовъ, Дворцо-
вая ул.
" " " " " " " " С. Г. Алавердовъ.
" " " " " " " " И. В. Абовианцъ, Эрван-
ская ул.
" " " " " " " " А. Шарбеговъ.
" " " " Тобольскѣ, Н. А. Ершовъ.
" " " " " " " " Н. И. Корсукова.
" " " " Томскѣ, И. П. Малыхъ.
" " " " " " " " И. И. Колосовъ.
" " " " " " " " Е. М. Головановъ.
" " " " Торжкѣ, М. М. Луквиновича.
" " " " Тулѣ, П. И. Ксенофонтовъ.
" " " " " " " " Н. И. Шеральдовъ.
" " " " " " " " Торговый Домъ "Селезнева
Снмновля".
" " " " Тюмени, П. И. Ядрышниковъ.
" " " " Усольѣ, И. И. Тарасовъ.
" " " " " " " " Усольское Общество По-
требителей.
" " " " Уфѣ, А. Е. Злыгостевъ.
" " " " " " " " В. М. Вавиловъ.
" " " " " " " " Я. И. Лебедевъ.
" " " " " " " " С. П. Бочкаревъ.
" " " " Устюжнѣ, М. В. Безяина.
" " " " Харьковѣ, С. Я. Токарева.
" " " " " " " " П. И. Прикъ.
" " " " " " " " А. И. Коровинъ.
" " " " Херсонѣ, А. И. Ходушинъ, Эгна. ул.
" " " " " " " " Е. М. Медвѣдевъ.
" " " " Царицынѣ, Я. В. Губановъ.
" " " " " " " " П. и В. Климовы.
" " " " Черниговѣ, К. Рекель.
" " " " Чистополѣ, Е. Ф. Фроловъ.
" " " " " " " " М. В. Андиферовъ.
" " " " Шаляхѣ, Х. Е. Меерсонъ.
" " " " Шадринскѣ, Г. А. Моисѣевъ.
" " " " Шушѣ, А. Г. Кафиѣвъ.
" " " " Шуѣ, В. Х. Пророковъ.
" " " " Эрвани, Хачатуръ Девоянцъ.
" " " " Юрьевѣ, К. Г. Миллеръ.
Въ г. Ялтѣ, И. Пурницъ, На-
бережная.
" " " " " " " " Манкапаръ и Ку-
шлю, Набережная.
" " " " Ярославѣ, А. Н. Саза-
новъ.
" " " " " " " " А. Н. Дми-
триѣва.
Въ Ярославлѣ,
Титовъ и Ма-
лоземовъ.
" " " " Феодосіи, Е.
Майтовъ.
" " " " Феодосіи, М.
Таймазъ.</p> |
|---|--|--|

№ 6307

ФИСГАРМОНИИ

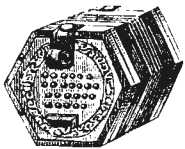

американ- ских, фран- цузских и фабрики Шидмай- ра, реко- мендуемая Главачемъ Гензель- томъ, Ли- стомъ и др. въ 85, 100, 110, 125, 130, 140, 150, 160, 170, 180, 190, 200, 225, 250, 275, 300, 325, 400, 450, 500, 550, 600, 700, 800, 1000 руб. и дороже.

Самоучитель для фисгармоніи Шахе 2 р. Играть на фисгармоніи можно выучиться легко.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ фис- гармоній—бесплатно.

АНГЛІЙСКОЕ КОНЦЕРТИНО,

небольшой ин- струментъ очень приятнаго тона съ мягкой хро- матической гаммою, на которомъ очень легко выучить- ся играть.

СОПРАНО 48-тонный въ 24, 30, 40, 55, 70, 100, 125, 140 руб. и дороже, 56-тонный въ 200 и 225 р.

БАРИТОНЫ 48-тонные въ 85, 160 и 225 руб.

Самоучитель Ротштейна 2 руб.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

ЛЕЙНИНГЪ и ГЮЗНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля- ютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

ЗОЛ. МЕДАЛИ, благодарность ко- торой Эллиновъ и др. Въ 6 уроковъ выучиваютъ писать красиво и скоро заочно. За двѣ 7 коп. марк. вы- сылаю условия и пр. нисема. Одесса, проф. № 6261 кал. Кочидарисъ. 6—2

Только что вышли изъ печати и разсланы подписчикамъ **ВТОРОЙ И ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ** новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ: **„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.**

ГОДЪ ПЕРВЫЙ (1893), СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ П. П. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 выпуска, каждый — въ роскошной обложкѣ; по одному выпуску черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 руб., а съ пересылкою иногороднымъ 14 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ (въ Конторѣ П. П. Печковской) — 13 руб.

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

На три ерока:		На четыре ерока:		На шесть ерочковъ:	
безъ доставки	съ перес.	безъ доставки	съ перес.	безъ доставки	съ перес.
при подп. . 4 р.	5 р.	при подп. . 3 р.	4 р.	при подп. . 3 р.	4 р.
черезъ 2 м. 4 „	5 „	черезъ 2 м. 3 „	4 „	черезъ 1 м. 2 „	3 „
„ 4 „ 4 „	4 „	„ 4 „ 3 „	3 „	„ 3 „ 2 „	2 „
		„ 6 „ 3 „	3 „	„ 5 „ 2 „	2 „
				„ 7 „ 2 „	2 „
				„ 9 „ 1 „	1 „

Для гг. служащихъ допускаются еще болѣе льготныя условія, при коллективной подпискѣ за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ. За подробностями просимъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПБ., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжны и эстампныхъ магазинахъ.

Желающимъ ознакомиться съ изданіемъ, 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылается за 50 коп. почтовыми марками.

Каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

ПОДАРКИ НА ПАСХУ.

Изданія А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ, вишнестокъ и 24 мя эстампами на мѣди художника К. В. Лебедева, извѣстнаго иллюстратора и знатока русской старины.

Авторомъ книги, П. Н. Полевымъ, въ этой книгѣ собраны лучшіе изъ его историческ. разсказовъ и повѣстей, живописующихъ домашній бытъ, нравы, обычаи и семейную жизнь нашихъ предковъ.

Книга представляетъ собою большой изящно изданный томъ (болѣе 450 стр. in 8°), на лучшей вѣтеновой бумагѣ. СПб. 1893 г. Ц. 5 р., съ пересылкой 5 р. 80 к., а въ роскошномъ колѣнковомъ перепл. 6 р., съ перес. 7 р.

То же изданіе, отпечатанное на лучшей голландской бумагѣ (эстампы на киевской бумагѣ) 25 р., съ перес. 28 р., въ полушарен. перепл. 23 р., съ перес. 30 р.

съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій посл. № 6, въ СПБ.

Большое роскошно иллюстрированное изданіе ГЁТЕ „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 182-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

АНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,

исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплѣтѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., для подписчиковъ „Нивы“ 35 р., пересылка за 35 фунт. по разсрочкѣ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 р., съ перес. 7 р.; въ колѣнк. переплѣтѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы“ 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ пер. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

ОРУЖЕЙНЫЙ МАСТЕРЪ Алексѣй Тимофѣевичъ Грязновъ въ Тулѣ. Изготовляетъ ружья и винтовки всевозможныхъ системъ, вдвое дешевле заграничныхъ, на въ чемъ имъ не уступающа, за что удостоены многими наградами. Точность и добросовѣстность исполненій съ ручательствомъ. Прейсъ-курантъ высылается. № 6202 3—3

НАИЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ. Фирма существуетъ съ 1848 г. БЕРТИГЕ ВАШИ ГЛАЗА!

Экономія съ изяществомъ. Очки и пенсе въ оправкахъ изъ настоящаго накладнаго золота (Double d'or). Оправы эти, сильно отличающіяся въ цѣнѣ отъ массивныхъ золотыхъ, имѣютъ видъ настоящей массе золотой изящной работы.

Цѣна съ перископическими (Periscopique) стеклами, высшаго качества, шлифованными согласно научнымъ вычисленіямъ, съ повѣренными правильнымъ фокусомъ, укряпляющими зрѣніе, съ пересылкой 4 руб. Оправа изъ французскаго золота 3 руб., изъ чистаго никеля 2 р. 50 к.

При заказахъ обозначать, какія требуются стекла, для близорукана или дальнозоркана, на какомъ разстояніи заказчикъ ясно разобрать предметы, употреблялись-ли имъ уже раньше стекла, то какой № и сколько лѣтъ? Адресъ: Я. Вурцельдорфъ, оптикъ-механикъ, г. Варшава, Королевская ул., № 49-48. Высыл. наложен. платежемъ. Прейсъ-курантъ бесплатно. № 6319

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

№ 6274. НОВАЯ КНИГА: ВОСПОМИНАНІЯ ЮРІЯ АРНОЛЬДА. 18—5 3 вып. съ портрет. автора, ц. 5 руб. с. Въ извѣстн. кн. магазинахъ. Складъ въ нижн. выемомъ магаз. Ф. А. БОГДАНОВА, Москва, Петровка, Петровскія линіи, 5. Магаз. выс. вѣсозможн. русск. книги.

Вино Сен - Рафаэль превосходно на вкусъ. Сохраняется по способу г-на Пастера.

На каждой бутылкѣ находится печать Россійской таможи.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни В. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

XXIV г.
№ 13

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и Выданъ 27 марта 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
страни) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер- **5 р.**
бургъ || Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. **6 р.**
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин.
Съ доставкою въ Петер- **6 р. 50 к.** || Съ пересылкой въ Москву и другіе го- **7 р.**
бурги || рода Россіи
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **10 р.**
На 1/4 года безъ дост. **1 р. 25 к.**, съ дост. въ П.-бургъ **1 р. 75 к.**, съ перес. иногор. **1 р. 75 к.**
На 1/2 года безъ дост. **2 р. 50 к.**, съ дост. въ П.-бургъ **3 р. 50 к.**, съ перес. иногор. **3 р. 50 к.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говъхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всё уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всіми прилож., Сборникомъ и пр.

Пасхальный огонь. (Свѣтильникъ на кровлѣ Исаакіевского собора въ С.-Петербургѣ).
Ориг. рисун. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Мультиановскій.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Нн. М Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

XXI.

Графъ.

Цѣль, для которой явился въ Проскурово, подъ именемъ доктора Шеннига, пріѣхавшій изъ Парижа, графъ Сень-Жерменъ—была достигнута имъ вполне.

Онъ видѣлся съ дочерью принцессы Ангальтъ-Цербстской—великою княгиней, передалъ ей письмо отъ матери, говорилъ съ нею. Это было все, что ему нужно.

Но, попавъ въ усадьбу князя Андрея Николаевича, онъ паткнулся здѣсь на совершенно постороннюю ему драму любви молодой княжны, которая не могла не вызвать въ немъ чувство живѣйшаго состраданія.

И онъ сдѣлалъ все, что могъ, для этой дѣвушки. Зная по опыту, что такія исключительныя натуры, какъ она, приведенныя въ состояніе искусственнаго сомнамбулизма, никогда не ошибаются относительно своей болѣзни и средствъ, которыя могутъ излѣчить ихъ,—онъ не могъ сомнѣваться, что княжна, дѣйствительно, не переживетъ насилія надъ своимъ чувствомъ.

Онъ говорилъ съ отцомъ, предупреждалъ его, но встрѣтилъ въ старомъ князѣ или разительный примѣръ болѣзненнаго самолюбія, или же, несмотря ни на что—недовѣріе къ своимъ словамъ.

Нельзя было, однако, оставлять несчастную дѣвушку безпомощною.

Но что же оставалось дѣлать?

Графъ явился къ ней въ комнату и, оставшись съ нею одинъ, возобновилъ утренній сеансъ, такъ легко ему давшійся. На этотъ разъ Ольга впала въ забытье еще скорѣе.

Когда онъ заставилъ ее говорить,—она уже предчувствовала его намѣреніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, слабо проговорила она, — не надо этого...

Онъ былъ серьезенъ и сосредоточенъ—отвѣтственность, которую онъ бралъ на себя въ эту минуту, была громадна.

— Когда вы будете разбужены, проговорилъ онъ своимъ особеннымъ, внятнымъ и раздѣльнымъ голосомъ,—вы должны забыть свое чувство.

Она тяжело вздохнула.

— Слышите-ли?

Казалось, вся сила воли его была въ этомъ „слышите-ли“. Тутъ звучало и приказаніе, и просьба, и повелѣніе.

Въ лицѣ ея ясно отражалась происходившая въ ней борьба.

— Это единственный выходъ, продолжалъ онъ.— Вѣдь, вы знаете, это единственный выходъ...

Губы ея задвигались и задрожали.

— Лучше... лучше... прошептали онѣ.

Онъ понялъ, что она хотѣла сказать „лучше смерть“.

Дальше продолжать ея мученіе казалось жестоко.

Онъ нагнулся надъ нею и дунулъ ей въ лицо.

Теперь она была внѣ опасности. Она не любила, не смѣла любить больше...

Другого исхода, кромѣ этого, нельзя было найти.

Изъ комнаты Ольги графъ прошелъ прямо къ себѣ, долга не могъ дозваться дворецкаго, и когда тотъ, наконецъ, пришелъ къ нему—просилъ передать князю свою благодарность за гостепріимство, щедро наградилъ слугъ и, взявъ свою трость и шляпу, направился черезъ садъ, какъ пришелъ.

За садомъ, черезъ небольшое поле, начинался лѣсокъ, на противоположной опушкѣ котораго должна была ждать графа его карета.

Графъ прошелъ садъ, пересѣкъ поле и вошелъ въ лѣсокъ, прохладный отъ вечерней свѣжести, спускавшейся уже на землю...

Онъ оглянулся, чтобы послѣдній разъ посмотреть на красивую усадьбу князя Проскурова, и вдругъ остановился: внутренній голосъ словно шепнулъ ему, что онъ не исполнилъ всего до конца въ Проскуровѣ, что ему оставалось еще что-то...

Прямо на него не то бѣжалъ, не то шелъ молодой человекъ, безъ шапки, безъ трости... видъ его былъ растеряный, и шаги не тверды, но нервно-быстры...

Онъ, словно, или догонялъ кого-то, или самъ хотѣлъ уйти отъ погони.

Сначала, Сень-Жерменъ думалъ, что это посланный за нимъ почему-нибудь, но сейчасъ же увидѣлъ свою ошибку...

Молодой человекъ быстро приближался къ нему; лицо его было искажено внутреннимъ страданіемъ, глаза, широко открытые, какъ будто, не видали того, что было передъ ними...

По платью и, главное, по манерамъ онъ не былъ похожъ на простолюдина,—но среди господъ графъ тоже не видѣлъ его у князя... Онъ слышалъ, однако, о „найденшій“, о томъ, кого любила Ольга, и догадался, кто этотъ молодой человекъ.

Артемій, дѣйствительно, шелъ прямо на него и почти столкнулся съ нимъ...

Графъ схватилъ его за руку...

Артемій вздрогнулъ и, увидѣвъ передъ собой чужого, незнакомаго человека, взглянулъ на него, будто, спрашивая, врагъ онъ ему или другъ. Онъ готовъ былъ обрадоваться, если встрѣтился съ врагомъ.

— Что съ вами? спросилъ Сень-Жерменъ...

Въ голосѣ его прозвучало участіе. Артемій понялъ, что ему не хотятъ зла, и дернулъ руку.

— Пустите меня... пустите... что вамъ за дѣло...

— Что съ вами, что вы дѣлаете? переспросилъ графъ.

Артемій стиснулъ зубы и, напрасно стараясь освободиться отъ крѣпкихъ тисковъ, въ которыхъ была его рука—самъ не зная того, что говорить,—отвѣтилъ:

— Гуляю...

Графъ улыбнулся.

— Такъ не гуляютъ, сказалъ онъ,—посмотрите, на что вы похожи... зачѣмъ этотъ ножикъ у васъ въ рукѣ?..

Артемій какъ бы удивленно поглядѣлъ на свою руку, сжимавшую судорожно небольшой складной ножикъ.

— Что вы затѣяли? продолжалъ графъ,—вы сумасшедшій,—вѣдь, не попадѣсь я вамъ на дорогѣ—вы готовы были кончить съ собою...

Артемій злобно дернулся весь.

— Ну, и пусть—вамъ-то какое дѣло,—вѣдь, себя, не васъ...

— Если бы вы знали, возразилъ Сень-Жерменъ, покачивая головою,—тѣ, что вы говорите! Милый мой,—самоубійство совѣмъ не то, совѣмъ не то великое таинство, которое мы называемъ смертью... Знаете ли вы, что человекъ, насильно превратившій свое тѣло въ трупъ, не кончитъ съ земною жизнью. Смерть нельзя заставить притти по собственному желанію... Большаго я не могу вамъ сказать, но вѣрьте мнѣ, вѣрьте...

Не столько эти слова, странныя по своему таинственному смыслу, но убѣжденіе, съ которымъ они были сказаны, подѣйствовало на Артемія... онъ не тѣ, что опомнился, нѣтъ, скорѣе былъ ошеломленъ еще болѣе, но растерянные мысли его направились въ другую сторону, и онъ оказался застигнутымъ врасплохъ...

На его блѣдномъ лѣбѣ выступили крупныя капли пота, въ глазахъ потемнѣло, и ножикъ выпалъ изъ рукъ...

— Смерть, смерть, говорилъ, между тѣмъ, Сень-Жермень, — она есть освобожденіе, котораго мудрый, конечно, желаетъ скорѣе для своего духа, но нужно заслужить его, это освобожденіе, нужно перенести назначенное испытаніе земное—тогда она придетъ во-время, лучезарная и свѣтлая, и не испугаетъ своимъ ужасомъ...

Отчетливо, ясно, слово за словомъ, Артемій не понималъ того, что говорили ему, по общее впечатлѣніе этой, звучащей сознаниемъ правды, рѣчи—невольнo оставалось въ немъ...

На мгновение онъ какъ бы одумался и удивленно глянулъ въ лицо графу прямо въ упоръ, но потомъ рванулся опять и еще съ большею силой...

— Да пустите меня, крикнулъ онъ,—что вамъ отъ меня нужно, кто вамъ далъ право, — кто вы... почему вы знаете, что будетъ со мною... а если и будетъ что-нибудь, то какъ бы оно страшно ни было—все-таки лучше, чѣмъ здѣсь...

И между ними завязалась борьба, въ продолженіе которой Артемій, со стиснутыми зубами, съ налившимися кровью глазами и краснымъ отъ вздутыхъ жилъ лицомъ, напрасно силился освободить свои руки. Графъ успѣлъ взять его и за другую руку. Артемію казалось, что этотъ человѣкъ обладаетъ сверхъестественною, жельзною силой... Онъ надрывался изъ послѣдняго, онъ бился, какъ только могъ, но его держали, словно шутя, безъ малѣйшаго напряженія, и, несмотря на это—не было возможности ему вырваться...

Графъ твердо и неумолимо держалъ его, не поддаваясь, зная, что физическое утомленіе служить самымъ лучшимъ средствомъ для того, чтобы утихло нравственное страданіе, и онъ ждалъ, пока бившійся въ его рукахъ Артемій выбьется изъ силъ...

— Пустите, снова заговорилъ Артемій, чувствуя, что ослабѣваетъ, и въ голосъ его вмѣсто угрозы зазвучала просьба,—пустите, ради Бога,—если вы когда-нибудь любили, если вы чувствовали хоть разъ въ жизни состраданіе, пустите меня, я никому не хочу зла... пустите...

Онъ едва уже могъ двигаться—эта неравная борьба отняла у него послѣднія силы...

— Я пушу васъ, услыхалъ онъ въ отвѣтъ,—если вы терпѣливо захотите меня выслушать... потомъ... потомъ вы будете свободны дѣлать, что вамъ угодно...

Ноги Артемія подкашивались уже, благодаря усталости и перенесенному имъ душевному потрясенію...

Онъ тяжело дышалъ, и вдругъ, подчиняясь, какъ послушный ребенокъ, позволилъ провести себя нѣсколько шаговъ и усадить на попавшійся большой камень, обросшій мохомъ.

Графъ сѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Духъ возмущенія, началъ онъ, — духъ злобы и безпорядка силенъ—кто противъ этого,—но на то человѣку и дана воля, чтобы онъ могъ руководить собою. Жизнь не можетъ состоять изъ одного лишь пріятнаго—хотя бы ужъ потому, что, не будь ничего ему противоположнаго — нельзя бы было различить и эту пріятность. Уничтожьте долины, и не будетъ горъ. И до тѣхъ поръ свѣтъ будетъ способенъ производить впечатлѣніе на глазъ, пока будетъ существовать соотвѣтствующая ему тѣнь. У васъ есть горе — побѣдите его, но не будьте настолько малодушны, чтобы дать ему побѣдить себя. Человѣку, собственно, все дано для счастья, но онъ долженъ заслужить его, долженъ завоевать. Мы несчастны тогда лишь, когда сами создаемъ себѣ наше несчастье. Всякое же горе, незаслуженное, какъ испытаніе, поразившее насъ—это кредитъ судьбы, въ силу котораго она щедро заплатитъ впоследствии счастьемъ. Но нужно заслужить его. Мы ни-

чего не получимъ, если сдѣлаемъ къ тому усилія. Испытаніе—вотъ великое слово жизни!—Жизнь—это змѣя, вѣчно чреватая и вѣчно сама себя пожирающая...

Артемій слушалъ, опустивъ голову, крѣпко сжавъ усталыя руки между колѣнъ и, почти не моргая, уставившись внизъ...

— Да, проговорилъ онъ,—но когда все противъ васъ, когда все противодѣйствуетъ вамъ...

Тихая улыбка промелькнула на губахъ графа.

— Только и можно, отвѣтилъ онъ,—опереться тогда, когда вы встрѣчаете противодѣйствіе, и чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ тверже должны вы стать...

Артемій вдругъ поднялъ голову и не только съ удивленіемъ, но съ чувствомъ близко подходящимъ къ восхищенію посмотрѣлъ на этого человѣка, съ которымъ такъ же трудно было бороться на словахъ, какъ побѣдить его въ борьбѣ физической...

— Послушайте, заговорилъ онъ,—я не знаю, кто вы и откуда, но, можетъ быть, потому мнѣ и легче сказать вамъ все, что я не зналъ васъ до сихъ поръ и, вѣроятно, никогда не увижу—послушайте: я люблю дѣвуху... въ ней для меня была вся жизнь, все счастье... Я съ дѣтства не имѣлъ существа мнѣ близкаго. У каждаго человѣка есть отецъ, мать, родные... у меня не было никого—тотъ, кто якобы замѣнялъ мнѣ отца, на самомъ дѣлѣ, занимался мной, какъ игрушкой; его отношенія ко мнѣ были прихотью,—да, только прихотью. Я рано понялъ это. Я рано понялъ, что у меня нѣтъ самаго необходимаго для ребенка — любви ко мнѣ... И вотъ, послѣ долгихъ лѣтъ одиночества, я ощутилъ, наконецъ, свѣтъ и теплоту этого незнакомаго мнѣ чувства. До тѣхъ поръ меня некому было и мнѣ было некому — любить... И этотъ свѣтъ дала мнѣ моя жизнь, моя радость, та, о которой не смѣлъ я думать. Ей стало жаль меня...

Артемій говорилъ, самъ не зная, откуда у него берутся слова. И ему было легко, и ему хотѣлось теперь говорить...

Онъ рассказалъ подробно всю исторію своей любви съ Ольгой, ихъ случайныя, потомъ условленныя встрѣчи, ихъ объясненіе, счастье, планы и мечты, и потомъ, какъ эти планы рушились, какъ ему жестко и сурово напомнили, что онъ ничто; оскорбили, заперли, и какъ, наконецъ, сегодня онъ вырвался изъ своей тюрьмы, чтобы увидѣться съ нею...

— Сидя взаперти, продолжалъ Артемій,—мнѣ нѣсколько разъ приходило въ голову кончить все, кончить съ собою; но я отгонялъ эту мысль. Я вспоминалъ про нее, и ея чувство удерживало меня. Я былъ любилъ и любилъ ее, и надежда не оставляла меня... Я долженъ былъ жить для нея... Сегодня мы увидѣлись въ первый разъ послѣ разрывшейся надъ нами грозы. И сегодня я уже не нашелъ въ ней и тѣни прежняго ея чувства. Что произошло, что съ нею сдѣлали—не знаю, но только прежняго для нея не существуетъ теперь, она дѣлаетъ видъ, что не помнитъ ничего—какъ будто я былъ для нея всегда чужимъ человѣкомъ.

— А-а! сдѣлалъ Сень-Жермень,—вы недавно, вы сейчасъ только что видѣлись съ нею?..

— Да, и думалъ, что, выбѣжавъ отъ нея, я уйду отъ жизни, въ которой мнѣ ничего больше не остается... но вы меня удержали...

Артемій схватился за голову. Опять въ немъ поднялось, закипѣло, разрослось и охватило его всего съ новымъ, неожиданнымъ приливомъ отчаяніе, когда онъ, рассказывая, вспомнилъ то, что только-что происходило въ комнатѣ Ольги...

— Зачѣмъ вы меня удержали! вскочивъ, почти крикнулъ онъ,—зачѣмъ... все равно, мнѣ не жить, я не могу жить теперь...

Графъ зналъ, что косвенной, невольной, именно ро-

Одинокій. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **В. Козачинского,** грав. Шюблерь.

На колокольнѣ въ Свѣтлую недѣлю. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижаневича, грав. Шюблеръ.

ковой причиной отчаянія этого человѣка былъ онъ самъ, но онъ не могъ иначе поступить съ Ольгой, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не долженъ былъ оставить погибнуть того, любить котораго онъ запретилъ ей.

— Нѣтъ, вы будете жить! сказалъ онъ Артемію и снова насильно посадилъ его рядомъ съ собою.

XXII.

Исторія графа.

Если больному человѣку рассказать о томъ, какъ испытывали такую же, какъ у него, боль—другіе люди, то ему, по свойственной нашей природѣ слабости, не то что станетъ легче, но, во всякомъ случаѣ, боль эта покажется ему менѣе острою.

Графъ Жермень, обладавшій, кажется, ключемъ не только всѣхъ слабостей, но и силы человѣческой,—зналъ, какимъ образомъ слѣдуетъ говорить съ людьми, находящимися въ положеніи подобномъ Артемію.

— Вы думаете, обратился онъ къ нему,—что горе ваше таково, что и нѣтъ ему равнаго, и что нѣтъ ему другого исхода, кромѣ того, что вы придумали въ своемъ сумасшествіи... да, въ сумасшествіи, потому что вы опьянены теперь страстью и, можетъ быть, погибли бы, не случись того препятствія, которое вы считаете для себя безысходнымъ горемъ. Вотъ что было со мною:—я тоже сумасствовалъ, или почти сумасствовалъ, и былъ, можетъ-быть, наканунѣ погибели... и я любилъ такъ же, какъ вы...

Артемію успѣлъ немного приглядѣться къ своему собесѣднику, который ужъ казался ему выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ людей. Это былъ человѣкъ, точно, лишенный страстей, лишенный житейскихъ желаній, человѣкъ, въ устахъ котораго признаніе въ испытанной имъ когда-то любви было тѣмъ болѣе странно, что оно совсѣмъ не подходило къ нему...

„Да, я долженъ, мелькнуло у Сень-Жермена,—сдѣлать это признаніе—я все-таки должникъ теперь этого человѣка...“

— Я думаю, моя любовь, продолжалъ онъ,—вѣрнѣе то, что мы называемъ этимъ именемъ, была не менѣе сильна, чѣмъ ваша, и свиданія, и улыбки казались не менѣе прекрасны... Я пользовался полной взаимностью... Она была вдова, слѣдовательно, совершенно свободна. Казалось, не было никакого препятствія. Ему неоткуда было явиться. Въ одинъ вечеръ все измѣнилось. Обманомъ ее опоили, и человѣкъ, оповившій ее, опозорилъ. Между нами легъ ея позоръ, наше чувство было осквернено. Она не могла относиться ко мнѣ по-прежнему и, въ отчаяніи, хотѣла наложить на себя руки. Мнѣ удалось спасти ее, но любви нашей нельзя было очистить,—и этого она не могла простить себѣ и, несмотря ни на что, уѣхала на свою далекую родину...

— Но вы могли найти все-таки своего оскорбителя... сказалъ Артемію.

— Я и нашелъ его. Я зналъ его. Это былъ несчастный молодой человѣкъ, сынъ богатыхъ, но разорившихся родителей,—молодой человѣкъ, стоявшій на дорогѣ къ гибели...

— Вы могли отомстить, значить!..

Графъ опустилъ голову и задумался.

— Местъ, местъ, проговорилъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія,—местъ есть удовольствіе, которое мы доставляемъ себѣ, сдѣлавъ зло человѣку, который намъ сдѣлалъ злое... Но есть удовольствіе большее: направить на добро злого и потеряннаго человѣка...

Уже не удивленіе, но какой-то страхъ удивленія охватилъ Артемію.

— Неужели вы могли простить, неужели вы имѣли полную возможность мести и простили...

— Я не простилъ, спокойно отвѣтилъ графъ,—но я предпочелъ большее удовольствіе меньшему... Отомстить я имѣлъ возможность, можетъ-быть, болѣе и сильнѣе, чѣмъ кто-нибудь, но я былъ въ силахъ за-

ставить злого человѣка вернуться на путь истинный и постарался сдѣлать это...

— И что же, вернулся онъ, сталъ онъ лучше?..

— Я думаю, что да. Впрочемъ, вамъ объ этомъ можно знать лучше меня...

Артемію раскрылъ большіе глаза.

— Мнѣ? переспросилъ онъ.

— Да, вы знаете этого человѣка — онъ вамъ извѣстенъ. Это Джузеппе Торичіоли.

— Торичіоли?!—этотъ скромный и тихій итальянецъ, нашъ итальянецъ, который живетъ теперь у князя?

— Да, вашъ итальянецъ, который живетъ теперь у князя...

— Но развѣ онъ былъ способенъ на такой поступокъ?

— Какъ видите—былъ способенъ. Впрочемъ, тогда, въ Генуѣ, онъ былъ на девятнадцать лѣтъ моложе и чувствовалъ себя совсѣмъ иначе... Тогда онъ жилъ, не трудясь, проживая послѣднія крохи своего наслѣдства...

— Торичіоли, Торичіоли! качая головой, проговорилъ Артемію,—кто бы могъ ожидать этого!.. Сколько лѣтъ я знаю его, и могу васъ увѣрить, что ничего не замѣчалъ за нимъ дурного...

— Ну, вотъ видите ли... значить, я былъ правъ. Онъ могъ начать новую жизнь, выйдя изъ той обстановки, въ которой былъ. Я поставилъ ему условіемъ удаленіе изъ Италіи...

— Да, да—онъ сталъ другимъ человѣкомъ, подтвердилъ Артемію.

— Можетъ быть, не совсѣмъ еще, улыбнулся графъ,—но теперь, навѣрное, уже станетъ...

— Да, да, повторялъ растерянно Артемію,—мысли его окончательно путались и съ поразительной быстротой мѣнялись одна за другою...

Графъ всталъ со своего мѣста.

— То, что я вамъ сказалъ, проговорилъ онъ,—не должно быть извѣстно никому. Когда почувствуете особенно сильный приливъ своего горя, вспомните о моемъ разказѣ. Ваше несчастье еще очень поправимо. Она жива, она не принадлежитъ никому и можетъ снова полюбить васъ. Терпите—будущее вознаградитъ васъ...

И онъ простился съ Артеміемъ, который, пораженный, продолжалъ сидѣть неподвижно на своемъ камнѣ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Семилѣтняя война.

Зиму 1758 года король Пруссій провелъ въ новыхъ, напряженныхъ и дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ продолженію войны, которая для него была почти вопросомъ жизни или смерти.

Правда, его главнѣйшій врагъ — Австрія была уже истощена неудачами прежнихъ двухъ лѣтъ, и императрица Марія-Терезія тайно желала мира. Но Франція, боясь остаться одинъ на одинъ противъ Англій и Пруссіи, снова разожгла самолюбіе честолюбивой монархини.

Въ Россіи господствовало два противоположныя теченія:—наслѣдникъ престола явно выказывалъ свои симпатіи къ Фридриху II; императрица-же Елизавета Петровна питала къ нему неизмѣримую ненависть.

Ухудшившееся, одно время, здоровье государыни поправилось, и военныя дѣйствія Россіи были возобновлены.

Такимъ образомъ, къ веснѣ 1758 года противъ Фридриха готовы были двинуться съ трехъ разныхъ сторонъ три союзныя арміи, далеко превышавшія своею численностью его собственную.

Но, несмотря на это, все-таки для Пруссака короли было много преимуществъ на его сторонѣ: — австрійскіе корпуса, набранные изъ молодыхъ солдатъ различныхъ національностей, не имѣли единства въ своихъ нижнихъ чинахъ, — что-же касается высшихъ, то тамъ этого единства было еще менѣе, благодаря

вѣчными интригамъ отдѣльныхъ начальниковъ и воспанаго совѣта.

Разладица была полная.

О французской арміи графъ Клермонъ, назначенный ея главнокомандующимъ, являясь на мѣсто своего назначенія, писалъ Людовику XV:— „Я нашелъ войска вашего величества раздѣленными на три весьма различныя части:—первая находится на землѣ и состоитъ изъ воровъ и разбойниковъ, покрытыхъ рубищемъ,—вторая зарыта въ землю и, наконецъ, третья—лежитъ въ госпиталяхъ. Ожидая повелѣнія, не отвести-ли мнѣ первую часть за Рейнъ, прежде нежели она присоединится къ двумъ послѣднимъ частямъ?...“

Русская армія, страдавшая отъ отсутствія провіанта, одежды и обуви, была вѣрена начальству генерала Фермора, полководца,—не талантливаго и не очень осмотрительнаго.

Самый же существенный недостатокъ у насъ ощущался въ офицерахъ, о присылкѣ которыхъ въ дѣйствующую армію то и дѣло просили главнокомандующіе.

Несмотря, однако, на лишенія и трудности, облегчить которыя генералъ Ферморъ оказался не въ силахъ, наша армія пошла снова занимать восточную Пруссію, чтобы обратить ее, согласно данному ей предписанію, въ русскую провинцію.

Генералъ Ферморъ еще въ январѣ вступилъ въ Кёнигсбергъ, и прусскія правительственныя мѣста этого города присягнули на вѣрнопопданство Россіи.

Кампанія началась, и русскіе со свойственнымъ имъ терпѣніемъ, настойчивостью и твердостью шли впередъ. Пруссія осталась за нами.

Графъ Дона былъ отгѣсненъ за Одеръ.

Въ августѣ самъ Фридрихъ двинулъ свои полки противъ русскихъ, оказавшихся противниками болѣе серьезными, чѣмъ онъ предпологалъ.

Говорятъ, что человѣкъ, рѣшившійся однажды на самоубійство, въ случаѣ неудачи, никогда къ нему не возвращается. Исключенія, разумѣется, бываютъ, но на этотъ разъ Артемій не составилъ такого исключенія...

Загадочныя слова незнакомаго человѣка, понавшагося ему на дорогѣ, когда онъ хотѣлъ сдѣлать свой послѣдній шагъ въ жизни,—заставили его задуматься... Кромѣ того, его послали на войну, почти на вѣрную смерть, и оставалось только идти ей навстрѣчу. Артемій пошелъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ онъ не пытался болѣе увидѣться съ Ольгой.

Старому князю не трудно было устроить записку въ полкъ бывшаго своего воспитанника, и Артемій, подъ фамиліей Проскуровскаго, былъ записанъ въ армейскій Тарасовскій пѣхотный полкъ.

Самъ Андрей Николаевичъ отправлялъ его и, призвавъ къ себѣ на прощанье, постарался казаться ласковымъ.

— Вотъ, на возьми,—Богъ съ тобой... сказалъ онъ Артемію, сунувъ ему въ руку набитый кошелекъ,—пригодится...

Въ кошелькѣ оказалось двѣсти рублей...

Но все это: прощанье съ княземъ, кошелекъ его, отъѣздъ изъ Проскурова—прошло для Артемія, какъ въ туманѣ, какъ во снѣ... Очнулся онъ лишь, когда очутился въ совершенной новой, непривычной ему обстановкѣ военной жизни.

Онъ сразу попалъ въ самую кипень походной, тревожной дѣятельности, и дѣятельность эта волей-неволей всецѣло поглотила его.

Роту велъ капралъ, старый человѣкъ, обстрѣлянный и опытный, выдавшій еще при Ставучанахъ турецкія пули. Офицеръ, ротный командиръ, въ началѣ кампаніи получилъ повышеніе, и замѣнить его, кромѣ капрала,—было некому...

Съ появленіемъ въ ротѣ Артемія,—онъ сразу былъ замѣченъ. Образованный, смѣлый, исполнительный Артемій, разумѣется, выдѣлился среди остальныхъ солдатъ очень скоро. Сначала, онъ былъ тихъ и молчаливъ, не сходясь ни съ кѣмъ, но потомъ мало-по-малу втянулся въ походную жизнь и по-походному, въ буквальный смыслъ слова, получилъ повышеніе.

На одномъ изъ переходовъ сержантъ ихъ роты заболѣлъ и слегъ. Артемій сталъ на его мѣсто. Сержантъ не возвратился, и должность осталась за Артеміемъ.

Никто въ ротѣ не зналъ его прошлаго, никому онъ не рассказывалъ своихъ горестей, но все видѣли, что молодой ихъ товарищъ перенесъ въ жизни многое, и что, какъ ни скрываетъ онъ это,—трудно ему тянуть солдатскую ляжку, и не къ такой обстановкѣ привыкъ онъ.

И солдаты, и капралъ жалѣли его и любили. Часто у Артемія навертывались слезы отъ простой и чистой-сердечной, заботливой ихъ ласки. Но чѣмъ ласковѣе обходились съ нимъ, тѣмъ строже относился онъ къ себѣ и къ своимъ обязанностямъ...

Подъ Кюстриномъ Тарасовскій полкъ стоялъ въ задней линіи, далеко отъ города. Русскіе, на пути къ Берлину, обложили Кюстринъ и вели его осаду безпощаднымъ бомбардированіемъ. Осажденные вылазокъ почти не дѣлали, и на передней позиціи у насъ были расположены только войска, необходимыя для прикрытія артиллеріи. Тарасовцы не попали въ прикрытіе.

Была середина августа, начиналась осень, и дожди выпадали чаще. Палатка, въ которой жилъ Артемій, то и дѣло промокала насквозь, но онъ не обращалъ на это вниманія.

Сколько разъ капралъ совѣтовалъ ему приказать солдатамъ устроить себѣ землянку (самъ капралъ жилъ въ землянкѣ), но Артемій отвѣчалъ, что ему ничего не нужно.

На седьмой день сидѣнія у Кюстрина, Артемій лежалъ на своей, сколоченной изъ двухъ досокъ койкѣ, въ палаткѣ, полотно которой промокло до того, что нельзя было притронуться къ нему. Артемій по опыту зналъ, что если задѣть его—то такъ и полетѣтъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ задѣлъ, цѣлая струя воды. И онъ лежалъ, стараясь не ворочаться и не двигаться. Цѣлую недѣлю они ничего не дѣлали, только жили въ мокрыхъ палаткахъ. Для солдатъ эта недѣля была отдыхомъ, но для Артемія она казалась гораздо тяжелѣе похода... Внутренность палатки мало-по-малу темнѣла. Спустился вечеръ. Дождь пересталъ капать. Съ правой стороны палатки слышались знакомые голоса солдатъ, сосѣдей Артемія. Онъ давно изучилъ ихъ. Одинъ бравый, молодой, краснолицый солдатъ, Фѣдоръ, никогда и нигдѣ не унывавшій, предлагалъ разложить костеръ.

Остальные не соглашались. Это было каждый вечеръ такъ. Собственно, никто не хотѣлъ идти за хворостомъ, хотя Фѣдоръ и не просилъ никого этого дѣлать, но протестующіе противъ костра—боялись все-таки, что онъ можетъ попросить идти. Дѣло кончалось, обыкновенно, тѣмъ, что Фѣдоръ шелъ самъ за хворостомъ, и костеръ все-таки зажигали. Такъ было и на этотъ разъ... Фѣдоръ уходилъ, потомъ вернулся, потомъ слышалась подъ его шутки возня солдатъ надъ сваленнымъ хворостомъ;—высѣкли огонь, и пламя затрещало, осветивъ одну сторону палатки колеблющимся, сначала, не увѣреннымъ, но быстро покраснѣвшимъ, какъ зарево пожара, свѣтомъ.

— Вотъ важно! слышался веселый голосъ Фѣдора, какъ будто все его счастье зависѣло отъ того, что загорится костеръ или нѣтъ, и онъ былъ теперь вполне счастливъ, потому что костеръ загорѣлся...

Артемій грустно улыбнулся. Чего-бы онъ ни далъ теперь, чтобы быть такимъ же вотъ, какъ Фѣдоръ, и радоваться вмѣстѣ съ нимъ.

За что, въ самомъ дѣлѣ, изъ него сдѣлали съ дѣтства

полубарина, развили, научили понимать и чувствовать — для чего? — для того, чтобы он мог больнее ощутить страдание своего горя... и тѣхъ лишений, которые прихотилось переносить ему...

Одинъ... онъ былъ одинъ на свѣтѣ, т. е. снова одинъ, и это казалось еще ужаснее, потому что судьба, какъ на зло, чтобы дразнить его, дала отвѣдать ему счастья съ тѣмъ, чтобы потомъ рѣзко и грубо отнять даже всякую надежду на это счастье...

Сколько разъ въ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ онъ ждалъ и искалъ, чтобы одна изъ жужжавшихъ вокругъ него пуль задѣла его и покончила съ нимъ; но ему даже и тутъ не везло. Бывало, онъ нарочно высовывался, нарочно лѣзъ впередъ, въ самую горячую схватку — ни разу непріятельскій штыкъ не тронулъ его, ни одна пуля не задѣла.

Солдаты считали его отчаяніе храбростью, и ему было стыдно, когда онъ видѣлъ на ихъ лицахъ граничащее съ восхищеніемъ одобреніе къ себѣ... Если-бы они знали, что онъ чувствовалъ тогда! — если-бы кто-нибудь могъ знать, что онъ чувствовалъ теперь, лежа въ своей палаткѣ и, почти, безмысленно слѣдя за мерцаніемъ краснаго пламени костра!..

— Ну, сударикъ, — а я къ тебѣ съ новостью!.. послышался голосъ капрала, который, наклонясь, входилъ въ палатку.

Съ этимъ ласкательнымъ прозвищемъ „сударикъ“ — произносимымъ съ отгѣнкомъ какой-то жалостливой пѣжности, — всѣ въ ротѣ обращались къ Артемію.

Капралъ вошелъ, и сейчасъ-же случилось то, чего боялся Артемія: — капралъ задѣлъ головою за полотно, и оно протекло.

— Экъ, вѣдь, говорилъ тебѣ, пусть ребята землянку выкопаютъ, такъ нѣтъ-же...

Это опять бывало каждый вечеръ. Капралъ входилъ, задѣвалъ полотно и начиналъ говорить про землянку. Но сегодня новость, съ которою онъ пришелъ, видимо, была, дѣйствительно, новостью важною, потому что онъ, не договоривъ, присѣлъ къ Артемію и началъ медленно набивать свою трубку.

— Что? или отступаемъ? спросилъ Артемія.

— Это новость старая — отступить мы должны, потому что король Фридрихъ на насъ двинулся, отвѣтилъ старикъ съ такою важною, словно не генералъ Ферморъ, а онъ самъ командовалъ русскими войсками...

— Ну, такъ что-жъ еще?..

— А то, что поздравляю васъ, сударикъ, съ новымъ ротнымъ командиромъ... вотъ что...

И капралъ, раскуривъ трубку, зажалъ ее зубами и отвернулся....

Артемія приподнялся со своего мѣста.

— Какъ-же это такъ, какъ ротный командиръ?.. откуда?..

Онъ до того уже усилъ сжиться съ маленькимъ міромъ своей роты, такъ, какою она была, со старымъ капраломъ, котораго всѣ, какъ его „сударикомъ“, — звали „дядей“, до того этотъ міръ сталъ для него своимъ, близкимъ, нераздѣльнымъ, что всякое новшество казалось невозможнымъ въ немъ. И первое чувство, охватившее Артемія при извѣстїи, сообщенномъ ему, было чувство горькой обиды за себя и за всю роту. То-же самое, видимо, чувствовалъ и капралъ, то-же почувствуютъ завтра и солдаты, когда узнаютъ, что у нихъ теперь новый, помимо „дяди“, — начальникъ...

— Съ чего-же это назначили вдругъ? снова спросилъ Артемія, онъ хотѣлъ добавить — развѣ не довольны ротой? но не добавилъ.

— Приѣхалъ изъ Питербурха, изъ гвардіи — молодчикъ, проговорилъ капралъ, — нужно-же куда-нибудь, ну вотъ и назначили — только не долговѣченъ онъ. Я такъ думаю, что до перваго настоящаго дѣла...

— Отчего-же такъ?

— Да ужъ по всѣмъ примѣтамъ — штука парадная — нашей жизни не выдержитъ... а, можетъ, и уходится... заключилъ вдругъ капралъ, махнулъ рукою и замолчалъ.

— Вы какъ-же это узнали, видѣли что-ли?..

— Писарь прибѣжалъ, сказывалъ давеча, и что офицеръ къ намъ объявился новый, а потомъ самого меня на ферму позвали...

Въ каменномъ домѣ брошенной пѣмцами, хозяевами, фермы и ея службахъ помѣщался полковой командиръ съ офицерами.

— Что-же, говорили съ нимъ?

— Говорилъ. Велѣлъ завтра чѣмъ свѣтъ на ученые роту собрать... маршировать, должно, учить будетъ... Прощель бы съ наше — тогда-бы и учились... шутка сказать, ученье...

— А какъ зовутъ его?..

— Кого, офицера-то? — фамилія нѣмецкая... въ прошломъ вотъ году пруссакъ побѣду одержалъ...

— При Лейтенѣ, сталъ вспоминать Артемія. — Росбахъ...

— Росбахъ, не Росбахъ, а какъ-то похоже...

— Ужъ не Эйзенбахъ-ли? переспросилъ Артемія.

— Эйзенбахъ и есть... Онъ самый... а ты что-же, сударикъ, знаешь его что-ли, что такъ удивился...

Артемія долго оставался, молча и неподвижно опершись на руку, въ неловкой и случайной позѣ, какъ привсталъ...

Извѣстіе оказывалось еще болѣе страннымъ и неожиданнымъ...

— Одного Эйзенбаха я знаю... проговорилъ онъ, наконецъ. — Черный онъ, глаза черные!

— Черные... вѣрно, онъ и есть... ну, дѣла! — что-жъ твой-то, котораго ты знаешь, хороши онъ?..

Артемія не отвѣтилъ. Онъ не слышалъ вопроса.

Еще когда только капралъ сказалъ, что къ нимъ назначенъ новый ротный командиръ, ему словно что-то кольнуло въ сердце, и гдѣ-то глубоко мелькнуло предчувствіе, не Карлъ-ли это... Теперь Артемія не сомнѣвался.

— Ну, дѣла! повторилъ капралъ, видя, что странное происходитъ съ его „сударикомъ“. — Что-же, али у васъ раньше съ нимъ какія непріятности были?..

Но Артемія вдругъ приподнялся и быстро заговорилъ:

— Вотъ что, дядя, заговорилъ онъ, — нужно людямъ сказать, что завтра смотръ, нужно, чтобы приготовились... вы бы распоряженія сдѣлали...

Старикъ понялъ, что лучше оставить Артемія одного.

— Да чего смотрѣть-то — смотрѣть, вѣдь, нечего... близокъ свѣтъ — исходили, а тутъ, на вотъ, на парадъ выходи... курамъ на смѣхъ... сказалъ онъ, поднимаясь. — Ну, до свиданья, сударикъ...

И онъ, не торопясь, вышелъ изъ палатки.

Артемія тихо опустился на сырое и жесткое свое изголовье. Костеръ пылалъ, попрежнему, и красный свѣтъ его съ пробѣгавшими тѣнями дыма дрожалъ на просвѣчивающемъ полотнѣ. Солдаты, слышавшіе, должно быть, разговоръ въ палаткѣ пачальства, притихли и шептались...

Мало-по-малу шопотъ ихъ сталъ затихать — они улеглись. Вѣроятно, долго лежалъ такъ Артемія, но сознание времени исчезло для него, потому что онъ думалъ все объ одномъ и томъ-же, и все та же мысль возвращалась къ нему: — Эйзенбахъ, тотъ самый Карлъ Эйзенбахъ, который приѣхалъ, перевернулъ и нарушилъ тихое счастье Артемія — снова долженъ былъ столкнуться съ нимъ и стать теперь его начальникомъ. Что онъ былъ врагомъ Артемія — это казалось несомнѣнно. И Артемію вспомнились слова, сказанныя ему въ лѣсу — въ тотъ день, когда онъ чуть не копилъ съ собою: „Местъ есть удовольствіе; но существуетъ другое, высшее удовольствіе — постараться сдѣлать изъ злого человѣка — добраго...“ И вспомнился ему ясно, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, этотъ

Весенній цвѣтокъ. Съ карт. П. Тумана, грав. Кезсбергъ.

день, жаркій, лѣтній, и трава, на которую уронилъ онъ свой ножикъ, и камень, на которомъ они сидѣли — и такъ это было далеко-далеко... и какъ теперь все другое... и сырость кругомъ, и мокреть...

— Федоръ, а Федоръ! слышался за палаткой голосъ одного изъ замолкшихъ солдатъ.

Федоръ зашевелился.

— А? спросилъ онъ соннымъ голосомъ.

— А вѣдь Фридрихъ-то по-русски Федоръ будетъ, сказывали, и выходить, братецъ, что, какъ настоящаго въ полонъ заберемъ—такъ тебѣ первое мѣсто... потому ты тоже Фридрихъ...

Федоръ обидѣлся.—

— Толкуй тоже—мало, что говорятъ... И, гротко зѣвнувъ, онъ задвигался и снова затихъ.

„Да, думалъ Артемій,—изъ злого сдѣлать добраго...

но вѣдь онъ только врагъ мнѣ, но неизвѣстно еще злой-ли онъ человѣкъ... Что-жъ, онъ полюбилъ ее (а ее нельзя не полюбить), вотъ и все... это такъ понятно... И какъ это странно—тутъ-же гдѣ любовь—тамъ и злоба... Какъ это все вмѣстѣ идетъ... Сплетается...

И ему хотѣлось, чтобы Карлъ непременно оказался злымъ по отношенію къ нему, чтобы онъ, Артемій, могъ изъ него постараться сдѣлать добраго человѣка — и тутъ же онъ внутренно смѣялся надъ собою, сознавая себя ничтожнымъ подчиненнымъ, лишеннымъ всякой возможности сдѣлать что-нибудь человѣку, въ рукахъ котораго онъ всецѣло находился...

Но молодое воображеніе его все-таки играло, и онъ, волнуясь, долго не могъ заснуть, ожидая завтрашняго утра, когда произойдетъ ихъ встрѣча съ Карломъ.

(Продолженіе будетъ).

Пасхальная ночь.

Фантазія

А. Аенскаго.

Весь охваченный впечатлѣніями пасхальной заутрени вернулся я домой, не думая никуда идти и ничего не ожидая отъ себя. Въ моемъ воображеніи съ живостью ясновидѣнія еще блестятъ тысячами огней огромный храмъ; величавая фигура митрополита, въ золотыхъ ризахъ, передъ открытыми царскими вратами, благословляла народъ, кругомъ—радостныя лица, и на всѣхъ устахъ: „Христосъ воскресъ!“ Я былъ утомленъ, наскоро раздѣлся и легъ спать. Но въ окно моей комнаты чуть-чуть брезжилъ сквозь опущенную штору предутренній полусвѣтъ, съ улицы слышалось шумное движеніе—и мнѣ не спалось. Какое-то странное какъ бы предчувствіе томилъ меня, расшевеливая первыя смутныя, широкія картины развертывались въ воображеніи. Возбужденіе во мнѣ росло, росло... Я не выдержалъ и всталъ. Меня тануло вонъ изъ дому, опять въ ту же ликующую толпу, какъ море, глухо волновавшуюся въ храмѣ и вокругъ него.

Не помню, какъ очутился я на улицѣ,—но передо мной былъ не Петербургъ. Вмѣсто каменныхъ громадъ, сияющихъ окнами, и шумной толпы, я видѣлъ кругомъ себя мертвую бѣлую пустыню, уходящую во всѣ стороны въ сумракъ глухой безлунной ночи, а надо мною торжественно раскидывалось молчаливое небо, ярко блестящее звѣздами, и, чуть-чуть мерцая въ далекой мглѣ, склонялись почти къ самому горизонту „стожары“. „Что за странность!“ промелькнуло у меня; „вѣдь, они въ это время года въ полночь уже заходятъ,—неужели же вѣтъ еще 12 часовъ?“ И точно, полночи еще не было. Гдѣ-то вдали, на краю бѣлой равнины, показались огоньки, и при ихъ свѣтѣ слабо обрисовывались формы, должно быть, какой-нибудь деревенской колокольни. То горѣли, очевидно, по обыкновенію, плашки на окнахъ ея.

Я чувствовалъ себя необыкновенно легко, какъ будто былъ ужъ не тяжелое и грубое тѣлесное существо, а свободный духъ, не стѣсненный ни временемъ, ни пространствомъ. Во мнѣ вспыхнуло вдругъ страстное желаніе быть въ это мгновение не здѣсь, не въ этомъ, какъ мнѣ казалось, незнакомомъ мнѣ, но близкомъ, родномъ уголкѣ коренной Россіи, а гдѣ-нибудь далеко-далеко, на краю свѣта. „Вотъ,“ думалъ я, „хорошо бы улетѣть теперь за всю обширную Сибирь, на берега Великаго океана, гдѣ, однако, живутъ все тѣ же родные русскіе люди и слышится наша же родная рѣчь, гдѣ простираются къ небесамъ золотыя главы наши же православныя церкви и сегодня, въ эту торжественную ночь, какъ и у насъ въ Петербургѣ, освѣщенные тысячами огней, оглашаются величественнымъ пасхальнымъ пѣніемъ. Но кака-то невѣдомая сила, повидимому, старалась предупреждать мои желанія. Я вдругъ услышалъ грозный шумъ морского прибоя вдали, и вѣдя за первой, замѣченной мною, колокольней, освѣтилась другая, третья...

Вываво отъ меня, къ востоку, простиралось безграничное водное пространство, почти подо мною лежалъ большой городъ, мелькавшій огнями; къ нему съ запада несли свои волны вскрывавшаяся многоводная рѣка, и близъ устья ея тѣснились къ берегамъ корабли. Я ноялъ, что это океанъ, что рѣка эта—Амуръ, и городъ—Николаевскъ. Я невольно сталъ смотрѣть на востокъ, туда, гдѣ за широкимъ проливомъ, Татарскимъ, лежитъ островъ Сахалинъ, по русскому народному названію—Соколинный, мрачное мѣсто суровой каторги. И тамъ, думалъ я, среди отверженцевъ общества, руки которыхъ обгренены кровью ближняго, сегодня проглаголетъ радость. Но востокъ сверкалъ въ ночной тьмѣ только грозными валами вѣчно безпокойнаго моря, и я ничего больше не увидѣлъ...

Стожары спрятались уже наполовину за горизонтъ, и вдругъ, разрывая рожотъ прибоя, бухнулъ въ воздухъ цушечный вы-

стрѣлъ. И маленькія съ той высоты, на которой я находился, фигурки людей, со свѣчами въ рукахъ и съ торжественными возгласами, стали появляться навъ всѣхъ церквей города. Я не только видѣлъ, но и слышалъ въ смутной дали звонъ колоколовъ и пѣніе „Христосъ воскресъ!“ Весь городъ, казалось, сливался въ одномъ великомъ чувствѣ радости и безконечной благодарности къ Творцу вселенной.

Но городъ мелькнулъ передо мною и съ страшною быстротою помчался отъ меня къ востоку. Звѣзды остановились въ своемъ медленномъ теченіи. Прямо на сѣверѣ неподвижно мерцали пять ясныхъ звѣздъ Кассіопей, какъ огромная, растянутая, французская буква W, и, сколько разъ я потомъ ни взглядывалъ на нихъ, очу оставались неизмѣнно все на томъ же мѣстѣ. А подо мною, внизу, быстро проходила твердая земля, представляя мнѣ повсюду все одну и ту же величавую сцену людской жизни. Необозримые лѣса и огромныя равнины дикихъ полей прерывались, во временахъ, человѣческими жилищами, и тамъ, гдѣ была церковь, торжественно звучали колокола, восторженное пѣніе „Христосъ воскресъ!“ Христосъ воскресъ!“ мимолетными, отрывочными звуками долетало до меня, и на церковной паперти видѣлись люди съ свѣчами и хоругвями.

Проходили минуты, часы. Равнодушная природа жила своей обычной жизнью. Небо закрывалось, по временамъ, тучами, падалъ мокрый свѣтъ, моросилъ мелкій весенній дождь. И снова звѣзды появлялись на небѣ, и такъ же неподвижно, какъ прежде, сверкали на сѣверѣ пять яркихъ звѣздъ Кассіопей. Туманъ застилалъ дѣля мѣстности. Рѣки съ шумомъ несли зимній покровъ къ морю или бурно текли туда же, къ далекому Сѣверу, уже свободныя, заливая поля, разрушая плоды человѣческихъ успѣй и одновременно оплодотворяя нивы къ предстоящему лѣту. Огромныя сибирскія озера шумно вздымали черныя волны, подчиняясь напору разгуливавшегося вѣтра, или тихо, едва колеблясь, лѣниво лежали въ свопъ берегахъ, какъ бы съ любовью прислушиваясь къ призыву звону весеннихъ ручейковъ, оговсюду несшихъ въ нихъ бурливой воды. Но вся жизнь природы, ея тишина и буря, ея пахмуренное или, наоборотъ, веселое лицо, были безсилны противъ человѣка, и сцена повсюду представлявшаяся мнѣ пасхальнаго торжества казалась столь же непоколебимой, какъ бы неподвижной, какъ неподвижны оставались надо мною, предо мною и повсюду кругомъ величавыя очи небесныя,—звѣзды.

Не знаю, сколько часовъ пробылъ я въ моемъ созерцаніи. Но мнѣ, въ концѣ концовъ, захотѣлось къ людямъ изъ моего воздушнаго уединенія. И я тотчасъ же очутился передъ бѣдной, промерзшей лачужкой, съ окнами, которыя были открыты еще ледяными цвѣтами. Въ избушкѣ я услышалъ скорбный женскій плачь, горькій, полный отчаянія, и дѣтскій крикъ. Сквозь стекло я увидѣлъ тамъ умирающаго человѣка, быть-можетъ, кормильца и единственную опору семьи. Въ другомъ, столь же бѣдномъ, жилищѣ я услышалъ стоны: тамъ приходилъ въ нашъ грѣшный и печальный міръ новый человѣкъ... Да, міръ оставался, попрежнему, полнымъ скорбей и относительныхъ радостей. Пѣтъ, лучше въ эту великую ночь смотрѣть на него съ высоты, какъ смотрятъ на него вѣчныя звѣзды. И я мгновенно опять былъ высоко въ воздушномъ пространствѣ. И снова замелькали мимо меня разнообразныя картины земной поверхности, снова холодная природа приняла меня въ свои безучастныя объятія. На сѣверѣ теперь сіялъ огромный прекрасный кругъ свѣта, изъ котораго, какъ ланы хищнаго звѣря, тянулись кверху огромныя свѣтлые столбы, то вытягиваясь до высоты столицихъ надо мною

звѣздъ, то снова сокращалась. Величавое, роскошное сѣверное сияніе было предо мною. На землѣ, среди людского міра, сцена измѣнялась. Въ тѣ нѣсколько минутъ, которыя я пробылъ въ глухой сибирской деревенькѣ, полночь ушла отъ меня на востокъ, и я присутствовалъ уже не при выходѣ торжественныхъ процессій изъ храма; онѣ успѣли уже обойти вокругъ церкви и приближались къ паперти, чтобы снова вступить въ нихъ. Но все такъ же торжественно звучали колокола и слышались тѣ же слова въ людскихъ устахъ: „Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!“ Быстро проходили эти картины на Востокъ, и тѣмъ болѣе приближался я къ роднымъ мѣстамъ, къ Европейской Россіи, тѣмъ села становились чаще, и процессіи мелькали предо мною почти непрерывной чередой. Я мысленно сталъ называть города, которые мнѣ хотѣлось бы видѣть, и рядъ ихъ свѣтлой полосой скользилъ мимо.

Болѣе шести часовъ смотрѣлъ я съ высоты на огромныя пространства Русской земли. И вотъ, мимо меня прошла длинная полоса горъ, тянувшихся прямо съ юга на сѣверъ, къ тѣмъ пяти звѣздамъ, которыя, прихотливо мерцавъ въ холодномъ воздухѣ, неподвижно смотрѣли мнѣ прямо въ лицо. „Уральскій хребетъ!“ подумалъ я. Начинаясь Европейская Россія. Видъ земной поверхности все болѣе и болѣе измѣнялся. Теперь уже видѣлись не отдаленныя села, а вся безконечная равнина, безъ перерыва, заливалась свѣтомъ пасхальныхъ огней, и рядъ процессій, при быстромъ движеніи земли, сливался въ моихъ глазахъ въ одну непрерывную картину. Города отбѣгали только болѣею скученностью свѣта. Куда я ни обращалъ взоръ,—на сѣверъ, югъ, западъ и востокъ,—всюду мелькали предо мною скученныя полосы людей, обходящихъ храмы. Для моего изощреннаго уха пѣніе

превратилось въ непрерывный звукъ, могучій и величественный и безконечно огромный, какъ сама Святая Русь. Непрерывный звонъ несся со всѣхъ сторонъ, наполняя торжественными звуками всю вселенную. Казалось, вся родная земля встала, какъ одинъ человѣкъ; казалось,—это не было простое собраніе единичныхъ существъ, соединенныхъ исторіею въ одно великое государство, а какое-то единое, великое существо, дышащее одною мыслію и силою.

Москва... И Москва въ торжественномъ блескѣ говорила со мною своими „сорока-сороками“ мѣдныхъ голосовъ. Но вотъ, наконецъ, мелькнули послѣдніе звучащіе храмы, подомной начали проходить въ мертвомъ молчаніи города, съ ярко-освѣщенными улицами.

Я вспомнилъ, что за границей въ этомъ году празднованіе Пасхи—не одновременно съ празднованіемъ ея въ Россіи...

„Домой!“ подумалъ я,—„въ Исаакіевскій соборъ“.

И я очутился снова въ многолюдной толпѣ, только-что вошедшей въ великолѣпный храмъ за крестнымъ ходомъ. Въ соборѣ пѣлъ огромный стройный хоръ; но звуки его сливались въ моей душѣ съ торжественнымъ пѣніемъ всего безконечнаго великаго Русскаго царства, были только продолженіемъ той вереницы звуковъ, которая прошла предо мною отъ конечныхъ восточныхъ предѣловъ его...

— Николай Васильчичъ! Николай Васильчичъ! кто-то звалъ меня.

Я оглянулся; но никто не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія во всемъ соборѣ.

— Николай Васильчичъ! Господинъ пришелъ, васъ спрашиваютъ, кто-то снова настойчиво приставалъ ко мнѣ.

Я снова оглянулся и—проснулся.

СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ НА ПОЗИЦІИ.

Быль изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 г. Ив. Вѣрунина.

Разбитая наголову армія Сулеймана-пашы разсыпалась по разнымъ направленіямъ—къ Адрианополю, Константинополю и Босфору. Небольшая часть оставшихся башибузукковъ ушла въ Радонскія горы, гдѣ разбросано много „помакскихъ“ *) деревень; засѣла тамъ и, по окончаніи войны, произвела возстаніе въ средѣ помаковъ. Но извѣстіе объ этомъ возстаніи передавалось пока только, какъ слухъ, не основанный ни на какихъ фактическихъ данныхъ.

Въ то время балканская весна 1878 года стояла въ полномъ разгарѣ: сады, поля, Радонскія вершины и долины—все было покрыто яркою зеленью. Благодатная теплыня вызывала радостное настроеніе въ предчувствіи Великаго праздника. Былъ Страстная четвергъ!

Нашъ стрѣлковый батальонъ стоялъ въ городѣ Станимакѣ, противъ главнаго ущелія Радонскихъ горъ. Въ то время, мы отдыхали послѣ тяжелой войны и ничего не дѣляли. И офицеры, и солдаты были совершенно свободны отъ боевыхъ трудовъ.

Мы (офицеры) рѣшили пойти въ греческую церковь и помолиться. Но греческое богослуженіе, сходное съ нашимъ по обрядности, все-таки для насъ было малопонятнымъ. Душа и сердце болѣзненно сжимались отъ скорби и жалости, что мы не въ Россіи и обречены встрѣтить Свѣтлое Христово Воскресеніе—во время начавшейся оккупациі!.. Вдругъ командира нашего батальона внезапно вызвали изъ церкви. Говорятъ—казакъ пріѣхалъ съ донесеніемъ и, кромѣ того, съ какимъ-то сообщеніемъ прібыли изъ подгорной деревни болгарскіе гонцы. Вскорѣ и насъ всѣхъ попросили въ квартиру батальоннаго командира. Оказалось, что горцы и башибузуки, ровно въ 12 часовъ ночи подѣ „Великденъ“, **) общались напастъ на село Тавлытахъ, съечь его и вырвать всѣхъ братушекъ, жевъ ихъ и дѣтей. Это общаніе свое горцы выразили въ прокламаціи, наклеенной тайно на церковныя ворота. Ужасъ обуялъ братушекъ, и вотъ они отправили въ нашъ отрядъ посельныхъ съ просьбою о немедленной помощи. Казакъ, въ свою очередь, привезъ изъ пикета донесеніе, что одиночные люди замѣнены на ближайшихъ Радонскихъ вершинахъ, окаймляющихъ главное ущелье.

На маленькомъ „военномъ совѣтѣ“, въ квартирѣ начальника, было рѣшено—одной ротѣ стрѣлковъ немедленно-же выступить въ село Тавлытахъ, лежащее у подножія горъ, въ 12-ти верстахъ отъ города Станимака. Бросилъ жребій—и рѣшилась боевая участь первой роты. Собрались мы въ походъ почти по тревогѣ и съ тревожными думами двинулись въ невеселый путь.

Тяжелая ночь! Не видно ни зги. Въмѣсто обычныхъ приговлѣній къ празднику—мы готовились, въ случаѣ надобности, костьми лечь на бранномъ полѣ.

Съ разсвѣтомъ мы вступили въ болгарское селеніе. Вос-

торгамъ и радости жителей не было конца: они плакали отъ умиленія

„Освѣтивъ“ мѣстность, т. е. принявъ всѣ мѣры наружнаго охраненія, мы расположились на новой стоянкѣ боевымъ бивакомъ.

Въ селѣ болгары готовились къ празднику. Для нашихъ стрѣлковъ привезли изъ Станимака вина, водки, пироги, иницъ и какое-то подобіе пасхи. Прибылъ и взводъ артиллеріи, т. е. два орудія, подѣ командою безусаго прапорщика, и полсотни казаковъ. Составился небольшой отрядецъ изъ трехъ родовъ оружія, подѣ общимъ начальствомъ нашего капитана; капитанъ былъ уполномоченъ на самостоятельныя военныя дѣйствія, въ зависимости отъ обстановки и боевыхъ условій. Но о бунтовщикахъ не было никакихъ свѣдѣній: они нигдѣ не появлялись. Только передъ вечеромъ, съ ближайшаго пикета доставили въ Тавлытахъ двухъ братушекъ, убитыхъ турками по дорогѣ въ Станимакъ. Рассказывали, что казаки погнались было за разбойниками, но тѣ скрылись въ заросшихъ густымъ кустарникомъ горныхъ буеракахъ. Братушки были застрѣлены крупною дробью „волчатникомъ“. Потомъ оказалось, что горцы охотились на болгаръ, выслѣживая изъ кустовъ свою добычу. Они и не грабили братушекъ, а только „уничтожали“ ихъ.

Приближалась полночь. Темень страшная, хоть на небѣ и вызвѣдало. Болгары не спятъ: женщины готовятъ праздничныя яства, а мужчины приготавлиются къ самозащитѣ: осматриваютъ старинныя свои кремневыя „пучки“ (ружья), ятаганы, ножи, пистолеты. Русскихъ нѣтъ на бивакѣ: они всѣ на позиціи и на сторожевыхъ постахъ, пикетахъ и секретяхъ. Всѣ приготвились къ бою. Орудія заранѣе были наведены на ближайшіе пути наступленія. Для успокоенія братушекъ—рѣшили: ровно въ 12 часовъ ночи произвести три боевые свѣшенно-салютаціонныя орудійныя выстрѣла: дать знать, что „Христосъ воскресъ“. Болгарская церковь была заперта и темна со всѣхъ сторонъ. Мы посмотрѣли на часы—ровно 12.

— Дѣвѣнадцать, господа! сдавленнымъ голосомъ пробасилъ капитанъ.

— Да, дѣвѣнадцать... беззвучно какъ-то повторили и мы, и сразу почувствовали, какъ у cadaго слово что-то шевельнулось въ груди.

— Первое! громко скомандовалъ артиллерійскій прапорщикъ.

Грянулъ густой орудійный выстрѣлъ и эхомъ загрохоталъ по Радонскимъ вершинамъ. На одной изъ нихъ ярко вспыхнула какъ-бы крупная звѣзда, и свѣжее эхо отвѣтило оттуда объ удачномъ разрывѣ гранаты. Мы сняли шапки и перекрестились.

— Второе! скомандовалъ артиллеристъ.

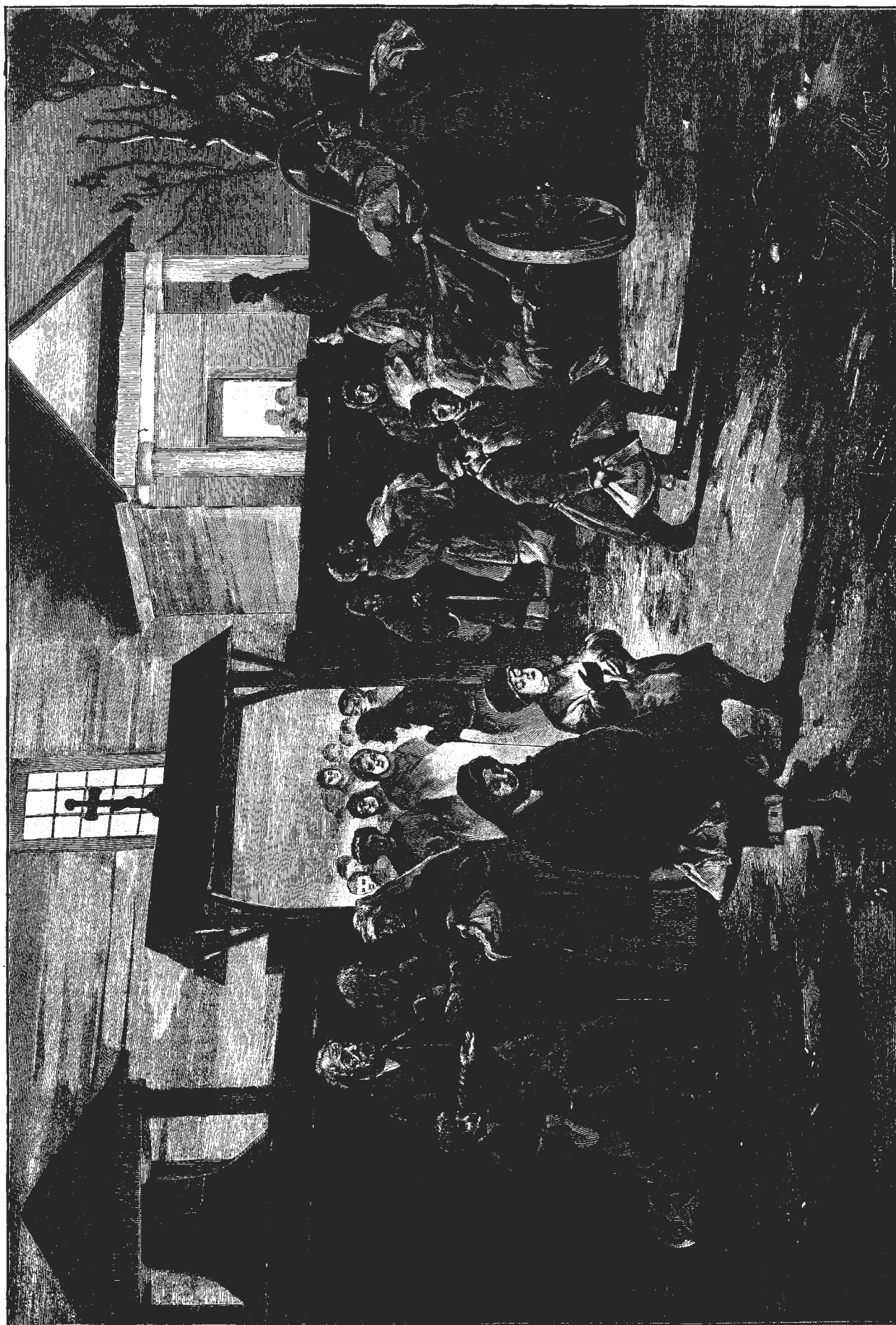
Снова вся окрестность дрогнула, и снова загудѣла орудійная граната. Волною повторило эхо нашъ привѣтъ православной странѣ.

— Первое! снова раздалась команда.

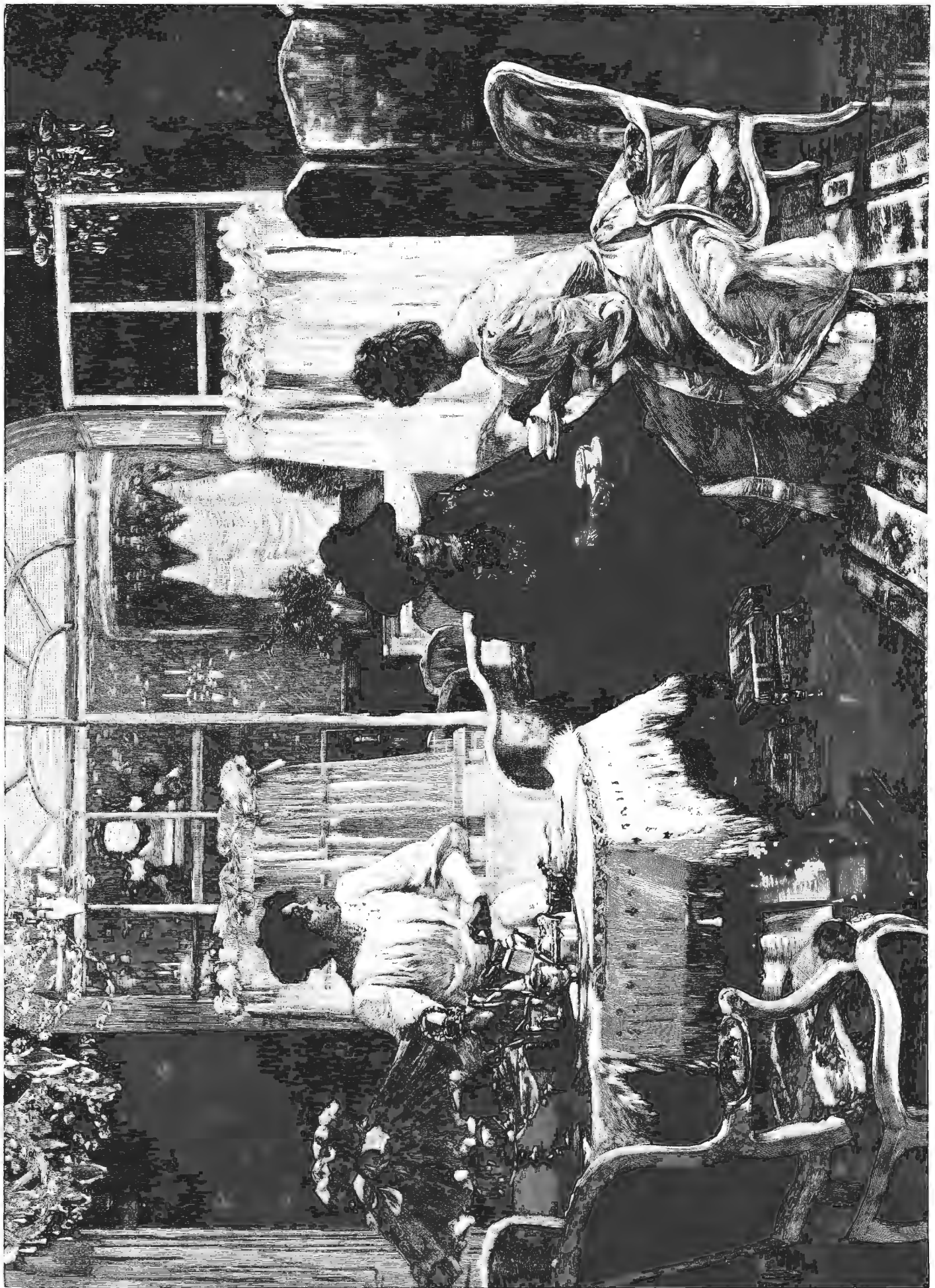
И третья граната понеслась по Радонскому ущелью, и разорвалась въ густомъ сумракѣ ночи.

*) „Помаки“—омусульманившіеся болгары, приверженцы ислама.

**) Такъ болгары называютъ Свѣтлое Воскресеніе.

Святая ночь. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Иманевича, грав. Шюблеръ.

Съ визитомъ. Съ карт. Гельбана, грав. Божъ.

— Христос воскрес! сняв фуражку, торжественно проговорил капитанъ. И всѣ мы похристосовались.

-- Христосъ воскрес, братцы! обратился капитанъ въ ту сторону, гдѣ были солдаты. Въ густой темнотѣ послышался шорохъ, и оттуда раздалось: „Вонстину воскрес, ваше вскорodie!“

— Похристосуйтесь, братцы, между собою! громко приказалъ начальникъ, и въ темнотѣ снова задвигались, зашептались и раздалися троекратныя лобзанія „сѣрыхъ“.

Такъ, на боевой позиціи наступилъ Свѣтлый праздникъ. Вокругъ все было спокойно. Ни съ казачьихъ пикетовъ, ни со сторожевыхъ пѣхотныхъ постовъ—никакихъ донесеній не было: значить, впереди все обстояло благополучно. Только къ утру, казачій разъѣздъ нагнулся въ ущелья на одного вооруженнаго турка, какъ видно, желавшаго съ разсвѣтомъ тайно высмотрѣть наши силы и боевое расположеніе. Турокъ этотъ заявилъ на допросъ, что въ Радопскихъ горахъ идетъ „форменное“ возстаніе горцевъ, ничего не знающихъ о заключеніи мира: султанъ не присылалъ имъ еще „копѣй“ со своего ультиматума, освященнаго печатью правобѣрныхъ.

Подъ казачьимъ конвоемъ пѣхотнаго отряда въ Станпмакъ, а оттуда его препроводили опять въ горы и отпустили на всѣ четыре стороны. Говорятъ, что турокъ съ умилениемъ благодарилъ препровождившаго и потомъ освободившаго его казачьяго сотника, на добрыя намѣренія котораго онъ вовсе не рассчитывалъ. Турку отдали даже все его вооруженіе!

До утра мы всѣ были, что называется, на чеку: авось, вѣтъ-нѣтъ, да и нагрянутъ азіаты! Но утро настало ясное, доброе и теплое. Тишина кругомъ—невозмутимая. Видно, въ Свѣтлое Воскресеніе и природа ликовала вмѣстѣ съ успокоившимися братушками!

— Искусъ выдержали всѣ порядочный! громко сказалъ начальникъ отряда.

— Слава Богу, что благополучно окончилось все! отвѣтили мы. Солдатки сняли шапки и стали креститься.

— Вотъ такъ это личко на Великдень. Такого у насъ дома никогда не бывало! произнесъ одинъ изъ нихъ.

Показавшееся изъ-за Радопскихъ горъ солнышко мягко и нѣжно освѣтило, словно лаская, всю нашу долину, глубокое дефиле, лежавшее впереди, и болгаръ, собравшихся на площади, суетившихся около выставленныхъ праздничныхъ столовъ. Изъ церковной ограды, съ крестомъ и святою водою, вышелъ священникъ; на площади воцарилась мертвая тишина.

По окончаніи богослуженія, къ „галемому капитану“ (на-

чальнику отряда) прибыла денуцатія, испрашивавшая разрѣшенія—допустить солдатамъ и всѣмъ „капитанамъ“ вмѣстѣ съ ними разговѣться.

Сняли лишніе пикеты и сторожевые посты, оставивъ только необходимые; возстановили дневную очередь боевого служебнаго наряда, — и всѣ свободные отъ службы отправились на болгарское разговѣнье.

Разныхъ яствъ было приготовлено много. Тамъ были и жареные бараны, и поросята, составлявшіе рѣдкость, такъ какъ турки не терпѣли свиней,—и куры; сыръ, молоко, яйца, сметана, блины (сладкій пироги) и все, чѣмъ кто богатъ. Но пасхи не было ни у кого. Краснаго и бѣлаго вина нашлось въ ямахъ предостаточно.

Раздѣлившись по семействамъ, наши солдатки стали христосоваться съ братушками: и братушки просто бросались къ нимъ съ радостными объятіями. Усѣлись въ кругъ по-турецки наши стрѣлки, размѣстились артиллеристы и казаки, сѣли и сами братушки.

Въ два часа дня началось въ церкви торжественное богослуженіе. Церковь не вмѣстила всѣхъ молящихся, и ихъ много стояло на дворѣ, въ церковной оградѣ. Болгары плакали, плакали отъ радости... Молились и наши солдатки о благополучно проведенной ночи подъ Свѣтлымъ праздникомъ!

Богослуженіе продолжалось не болѣе часу. Странно было слышать праздничный благовѣстъ: вмѣсто обычнаго у насъ колокольнаго звона, съ болгарской церковной колокольной раздалась частые удары по деревянной доскѣ—что-то въ родѣ набата. Турки запрещали братушкамъ имѣть на церквахъ колокола (разрѣшалась только деревянная или чугунная доска). По окончаніи богослуженія въ церкви, всѣ жители вышли на нашу боевую позицію и просили показать имъ стрѣльбу изъ орудій. Начальникъ отряда велѣлъ сдѣлать три шрапнельные выстрѣла, и орудія загромыхали. Толпа болгаръ вздрогнула... Но потомъ, смѣясь, вернулась опять на площадь, гдѣ затѣяли ужъ народный болгарскій плясъ „коло“ (въ родѣ нашего хоровода, но только не замкнутымъ кругомъ—а въ одну линію) подъ музыку—двухъ, такъ называемыхъ, „козъ“.

Братушки веселились до поздняго вечера. На ночь мы опять выступили на боевую позицію, и такъ продолжалось ровно три ночи. Затѣмъ, насъ смѣнили другіе стрѣлки. Мы отслужили свое...

Такъ провели мы Свѣтлое Христово Воскресеніе на боевой позиціи!..

Утро Свѣтлаго праздника.

Разсказъ А. Желтзнава.

Принцъ Людовикъ Бонапартъ Конде былъ арестованъ 16-го октября 1860 года. Его вмѣстѣ съ Шатильонами, покровителями протестантовъ, замалили на собраніи генеральныхъ чиновъ, и здѣсь онъ открыто принялъ сторону гонимыхъ протестантовъ, былъ схваченъ и заключенъ въ Орлеанскую тюрьму. Его обвиняли теперь въ участіи въ заговорѣ Амбуаза, то есть въ покушеніи на жизнь Гизовъ и на низложеніе самого короля... Напрасно онъ, зная, что нѣтъ противъ него никакихъ уликъ, оправдывался и защищался.

Самъ маршалъ, тотъ самый маршалъ Сентъ-Андре, котораго Людовикъ считалъ другомъ, доброжелателемъ, покровителемъ, предалъ его въ руки враговъ. Положимъ, ему нельзя было пойти противъ всѣхъ, онъ не могъ послушаться Гизовъ, исконныхъ противниковъ протестантства, и предалъ несчастнаго Людовика.

Все преклонилось передъ ними, торжество было на ихъ сторонѣ... Можетъ быть—не будь этого недавняго друга, Сентъ-Андре, ставшаго такъ неожиданно врагомъ—не было бы и этой тюрьмы, одиночества и униженія... Но тогда не было бы, можетъ быть, для Людовика и той радости и счастья, которыя единственно поддерживали его силы здѣсь, гдѣ онъ былъ, казалось, забытъ всѣми, одинокій, оставленный...

Но самъ онъ, въ душѣ, не чувствовалъ и не сознавалъ этого одиночества—съ нимъ жила любовь его, чистая, святая, воспоминаніе о которой заставляло забыть все окружающее. Онъ любилъ и зналъ, что любилъ,— между ними было давно сказано все, они понимали другъ друга, и Людовикъ вѣрилъ, что они раздѣлены для того только, чтобы сойтись вновь, для того только, чтобы свиданіе ихъ было еще радостнѣе первой ихъ встрѣчи. Все равно, пусть это свиданіе будетъ здѣсь, въ этомъ мірѣ, исполненномъ лжи, предательства и неправды, или въ томъ, другомъ, лучшемъ, загробномъ мірѣ, о которомъ говоритъ религія устами краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ— все равно, они встрѣтятся, и эта встрѣча будетъ радостна и прекрасна. Онъ вѣрилъ въ этотъ будущій міръ и вѣрилъ, что, если здѣсь придется пострадать ему за правое, чистое, честное дѣло—тамъ для него, въ этомъ мірѣ, въ который онъ вѣрилъ, будетъ уготована радость, будетъ уготованъ свѣтъ и тишина, какъ и для нея, которая прекрасна и недорочна, какъ ангелъ на землѣ... и она станеть и тамъ его чистымъ, милымъ ангеломъ...

Онъ любилъ дочь человѣка, предавшаго его, маршала Сентъ-

Андре,—Анну. Ненависти, злобы не было у него къ этому человеку, не потому, что это былъ отецъ любимой имъ дѣвушки, но потому, что онъ никоимъ образомъ не могъ ненавидѣть, онъ слишкомъ любилъ свою Анну и любовь эта всецѣло поглотила его...

Былъ первый день Свѣтлаго праздника. Весеннее, радостное солнце едва проникло сквозь узкое окошко тюрьмы, пробитою такъ высоко въ стѣнѣ, что въ него не было видно ничего, кромѣ маленькаго кусочка синяго, безоблачнаго неба... Но это небо было такъ же свѣтло и ясно, какъ свѣтло и ясно было на душѣ Людовика. Вчера ночью, въ двѣнадцать часовъ, онъ не спалъ и думалъ о ней, объ Аннѣ. Онъ слышалъ, какъ на колокольнѣ тюремной церкви звонили, особеннымъ, торжественнымъ, праздничнымъ благовѣстомъ... И ему пріятно было думать о ней въ эту минуту, и пріятно сознавать то, что она тоже, вѣрно, думаетъ о немъ и мысленно радуется вмѣстѣ съ нимъ Свѣтлому празднику...

И теперь, въ это свѣтлое весеннее утро, когда не только люди, но и природа торжествуютъ великій праздникъ обновленія, онъ былъ увѣренъ, что она, какъ вчера у пасхальной заутрени, вспоминаетъ о немъ, и тюрьма, и заключеніе его не могутъ раздѣлить ихъ.

Кругомъ было тихо въ тюрьмѣ. Рано утромъ безмолвный сторожъ, все тотъ же, всегда одинаковый, не пріодѣвншійся даже для праздника и даже для праздника не измѣнившій своего вѣчно угрюмаго выраженія (лицо его всегда было словно каменное), принесъ въ оловянной чашкѣ какое-то мѣсиво, котормъ кормили арестованныхъ, и къ которому Людовикъ не притронулся сегодня, и когда дверь на своихъ ржавыхъ петляхъ затворилась за сторожемъ съ обычнымъ скрипомъ— все смолкло, какъ всегда... Толстыя стѣны тюрьмы не пропускали даже звуковъ.

Но Людовикъ радъ былъ этой тишинѣ. Благодаря ей, ему легче было унести далекъ, далекъ своими мыслями... Онъ сидѣлъ неподвижно на соломѣ своей койки, и только, когда случайно сорвавшаяся капля отъ натекашей на сводчатомъ потолкѣ сырости падала на плиты каменнаго пола, Людовикъ безсознательно вздрагивалъ и снова погружался въ свою задумчивость.

И вдругъ онъ поймалъ себя почти на сумасшедшей мысли,— ему захотѣлось сейчасъ, сію минуту, имѣть доказательство того, что Анна помнитъ и любитъ его попрежнему, такъ-же, какъ онъ помнитъ и любитъ ее.

Онъ загадалъ — если сейчасъ, сію минуту, какая-нибудь птица, что бывало иногда, прилетитъ и сядетъ на его окошко и прочликаетъ ему (онъ думалъ, что для него, ради него чирикали птицы, прилетавшія на его окошко), тогда... тогда Анна помнитъ и любитъ его...

Но, какъ онъ ни прислушивался — все было тихо по-прежнему.

Вдругъ у двери, или за дверью раздался какой-то непривычный шумъ. Первую минуту Людовикъ подумалъ, что это мыши; но звукъ повторился и яснѣе, — желѣзо стукнуло — отодвигали засовы. Щелкнулъ замокъ, и въ рамкѣ неожиданно распахнувшейся двери появился, вмѣсто тюремщика — молодой, красивый, блестящій офицеръ королевской стражи.

Людовикъ, въ своей тюрьмѣ, успѣлъ уже отвыкнуть отъ этого блеска оружія и галуновъ, хотя сравнительно такъ недавно еще эти-же самые мундиры преклонялись передъ нимъ на балахъ и празднествахъ. И именно потому, что онъ зналъ это преклоненіе — онъ понялъ, что явившійся теперь къ нему офицеръ пришелъ не съ извѣстіемъ о свободѣ, не для того, чтобы выпустить его изъ тюрьмы.

Офицеръ стоялъ гордо и прямо на высокомъ порогѣ двери и протягивалъ что-то Людовикъ.

Тотъ, какъ сидѣлъ, не вставая, взглянулъ на офицера, взглянулъ на то, что протягивали ему — это былъ зелѣный бархатный пакетъ, обвязанный золотымъ шнуромъ съ кистями.

„Письмо!.. мелькнуло у Людовика, — письмо, неужели отъ нея письмо... неужели ради Свѣтлаго праздника она добилась разрѣшенія написать мнѣ... Больше никому мнѣ писать... никому, кромѣ нея...“

И онъ вскочилъ со своего мѣста, и, самъ не зная какъ, подошелъ къ офицеру, почти выхватилъ у него пакетъ и дрожащими руками сталъ развязывать шнуръ.

Офицеръ не проронилъ ни слова, онъ улыбнулся только, и медленно повернувшись, сошелъ съ порога.

Дверныя петли опять зашумѣли, дверь стукнула, и послышалась возня задвигаемыхъ засововъ, но Людовикъ забылъ и объ офицерѣ, и обо всемъ; онъ не сомнѣвался теперь, что письмо было отъ Анны — онъ сразу узналъ ея духи — отъ зеленого бархатнаго пакета такъ и пахнула Анной, молодостью, радостью и прелестью. Онъ разорвалъ бархатъ. Письмо было написано ея рукою.

И вдругъ, прочтя первыя строки, онъ безвольно опустился, почти упалъ на свою койку. Онъ не хотѣлъ вѣрнѣ глазами, но глаза не обманывали его. Въ своемъ письмѣ Анна писала:

«Я вамъ советую, принцъ Людовикъ, приготовиться къ смерти, для васъ ужъ не можетъ быть средствъ къ защитѣ. Вѣрите мнѣ: всѣ желающіе вашей смерти друзья государства. Всѣ заговорщики вмѣстѣ взятые, не больше виноваты, чѣмъ вы. Я знаю, что тѣ, которые изъ истинной, похвальной преданности нашему королю обвинили васъ въ этомъ гнусномъ преступленіи, всѣ люди извѣстные мнѣ своею честностью и не могутъ быть подкуплены. Смѣло говорю, что слишкомъ привязана къ престолу и не могу не раздѣлять общаго презрѣнія къ вамъ, для того, чтобы рѣшиться долѣе скрывать отъ васъ то, что вы заслуживаете. Ваша казнь не составляетъ тайну теперь. Будьте увѣрены, принцъ, что всѣ негодяи, какъ вы, вѣроятно, называете въ душѣ честныхъ людей, которые васъ обвинили, посадивъ въ тюрьму, достойны высшей награды и похвалы; вы-же, измѣнникъ, достойны смерти, которую вамъ готовятъ. Я понимаю вполне: ваша безконечная гордость утѣряетъ васъ, что одна ваша честность только породила такое множество враговъ, а не ужасные, гнусные и тяжелье пороки и преступленія, которые виною вашей гибели. О, — не признавайтесь если хотите, но все-таки никакъ не избѣгнете обвиненія

въ участіи въ заговорѣ. Никто не въ состояніи — думаете вы, какъ безумный, въ порывѣ самоуверенности, обличить васъ въ этомъ. Не забывайте, принцъ, помните — правосудіе скоро отомститъ вамъ за насъ всѣхъ и за меня. А. Сентъ-Андре.

И она, она была противъ него! — И она поддалась влиянію отца, и ее успѣли убѣдить и поставить въ число враговъ его... Большую казнь, большую пытку трудно было придумать. — Лучше было бы, если-бъ жили ему вытягивали и жгли на угольяхъ, — онъ перенесъ бы эту пытку, которую онъ давно ждалъ, удивляясь, почему палачи щадятъ его, но оказалось, что они щадили для того, чтобы подвергнуть пыткамъ еще болѣе сильной, мучительной, безжалостной и безчеловѣчной... У нихъ, очевидно, давно было заготовлено это письмо, давно они задумали свое истязаніе, но ждали, нарочно ждали дня Свѣтлаго праздника, и въ этотъ день прислали ему это письмо... И съ страшнымъ, необъяснимымъ свойствомъ чловѣка, испытывающаго нравственное страданіе, Людовикъ читалъ и перечитывалъ это письмо, словно, чѣмъ болѣе, чѣмъ обиднѣе кололо оно его, тѣмъ было лучше ему, пріятнѣе... Онъ точно на злю кому-то растравлялъ свою душевную боль и страданіе... Мысли его путались... голова горѣла... въ ушахъ и въ вискахъ стучало, словно молотомъ... А онъ смотрѣлъ на письмо, и точно что-то подговаривало его: „еще, еще и еще...“ И онъ еще разъ читалъ и перечитывалъ... Должно быть, такъ люди сходятъ съ ума, такъ люди дѣлаются сумасшедшими... Не можетъ радость смѣнить такъ внезапно отчаяніе и горе... или, въ самомъ дѣлѣ, въ жизни радость сменяется неразрывно съ горемъ и страданьемъ... Людовикъ понялъ истинный смыслъ письма и, понявъ его, вдругъ удивился, какъ могъ онъ, любящій и любимый, сомнѣваться въ своей Аннѣ, въ милой, радостной, ненаглядной Аннѣ... Письмо слѣдовало читать черезъ строку и тогда все было ясно: „И вамъ советую, принцъ Людовикъ, писала Анна на самомъ дѣлѣ, — приготовиться къ защитѣ. — Вѣрите мнѣ: всѣ желающіе вашей смерти болѣе виноваты, чѣмъ вы. Я знаю, что тѣ, которые обвинили васъ въ этомъ гнусномъ преступленіи, всѣ подкуплены. Смѣло говорю, что слишкомъ привязана къ вамъ, для того, чтобы рѣшиться долѣе скрывать отъ васъ тайну теперь. Будьте увѣрены, принцъ, что всѣ негодяи, которые васъ обвинили, посадивъ въ тюрьму, достойны смерти, которую вамъ готовятъ. Я понимаю вполне: ваша честность только породила такое множество враговъ, которые виною вашей гибели. О, — не признавайтесь въ участіи въ заговорѣ. Никто не въ состояніи обличить васъ въ этомъ. Не забывайте, принцъ, помните меня. А. Сентъ-Андре“.

И снова и жизнь, и радость, и счастье вернулись къ бѣдному Людовикъ... Никогда ему не приходилось, да и едва-ли кому-нибудь кромѣ него случалось — пережить болѣе счастливое, болѣе радостное утро Свѣтлаго праздника.

Анна Сентъ-Андре, не имѣя возможности проникнуть въ тюрьму къ принцу и зная, что для его спасенія необходимо было, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не признавался въ своемъ участіи въ заговорѣ Амбуаза, написала ему свое письмо, составленное, на первый взглядъ, такъ, что люди, заключившіе принца, съ охотою передали ему это письмо.

Послѣ полученія письма, Конде упорно заперся во всемъ окончательно, процессъ его затянулся на долгое время, пока, наконецъ, со смертью Франциска IV, герцога де-Гизъ потерялъ прежнее свое значеніе и могущество.

На престолъ вступилъ братъ покойнаго короля, малолѣтній Карлъ IX. Подъ влияніемъ новыхъ вѣяній, дѣло Конде приняло совершенно иной оборотъ. Правившая государствомъ мать короля, Екатерина Медичи, въ душѣ ярая католичка, ради того, чтобы освободиться отъ давленія Гизовъ, временно перешла на сторону Бурбоновъ, и, благодаря этому, былъ прощенъ, между прочимъ, и принцъ Людовикъ Конде. Онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы на волю, гдѣ его ждала не только свобода, но и завоеванное незаслуженными страданіями счастье...

Пасхальные обряды, обычаи и повѣрья.

„Праздниковъ праздникъ“, день, когда христіане вспоминаютъ „Воскресеніе изъ мертвыхъ Спасителя міра“, освобожденіе Имъ чловѣчества отъ власти грѣха, возрожденіе надежды на вѣчное спасеніе, на будущее вѣчное райское блаженство, потерянный грѣхонаденіемъ перваго чловѣка, — этотъ день не могъ не оразить сильно и глубоко на жизни и обычаяхъ народовъ. По предстаніямъ русскаго народа, пасхальная недѣля — время радости не только для живыхъ, но и для душъ умершихъ. Народъ вѣрнѣ, что, на всѣ дни Святой недѣли, „отецъ лжи и грѣха“, сатана лишается всей своей власти надъ людьми: связанный онъ лежитъ въ аду, въ то время какъ Христосъ сходитъ на землю и невидимо присутствуетъ при торжествѣ вѣрующихъ въ Него; души грѣшниковъ,

содержимыя до послѣдняго суда въ темныхъ и мрачныхъ мѣстахъ, на пасхальные дни выводятся изъ нихъ и испытываютъ временную радость. Радость и торжество живыхъ выражается въ христосованіи. Встрѣчаясь другъ съ другомъ, вѣрующіе обмѣниваются великою вѣстью, напоминая другъ другу, что „Христосъ воскресъ“, обнимаютъ другъ друга и цѣлуютъ, забывая всѣ взаимныя обиды, и мѣняются эмблемою, вѣщимъ знакомъ надежды на будущее воскресеніе изъ мертвыхъ.

Обычай мѣняться крашеными яйцами восходитъ до глубочайшей древности. Яйцо, какъ результатъ жизни въ такой „мертвой“, неподвижной формѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ обмѣняющій возстановеніе изъ себя новой жизни, есть, дѣйстви-

тельно, самая подходящая эмблема воскресения: сегодня он мертв, но в нем таятся скрытые жизненные силы. Во времена темного язычества и всяческих предрассудков, лицо почти у всех народов было как-бы изображением творящей силы природы, или мѣсяца и они при различных торжествах и употребляли при религиозных обрядах; вся вселенная представлялась некоторым из них вышедшей из лица. Христианскія преданія говорятъ, что обычаи христосоваться яйцами восходятъ и въ Церкви Спасителя къ первымъ вѣкамъ: есть, напримѣръ, легендарное сказаніе, что Марія Магдалина, являсь къ римскому императору Тиверію, прежде чѣмъ начать проповѣдь христіанства, поднесла ему яйцо, какъ эмблему, поясняющую ея ученіе. Первому, полученному на Пасхѣ, освященному яйцу народъ придаетъ особенное значеніе, называетъ его „наисвященнѣйшимъ“ и сохраняютъ цѣлый годъ, до новаго христосованья. Вѣрятъ, напримѣръ, что если такое яйцо перекинуть черезъ заторѣвшійся овинъ или избу, то пожаръ потушить. По мѣстамъ, существуетъ также повѣрье, что съ этимъ яйцомъ въ первый день праздника, во время заутрени, можно отличить колдуню: онъ будетъ казаться стоящимъ спиною къ алтарю. Вѣра въ освобожденіе, въ пасхальные дни, душъ умершихъ, даже грѣшныхъ, отъ темной, враждебной человечеству силы, поленяетъ обычаи христосоваться съ покойниками. Въ некоторыхъ мѣстахъ нашего отечества понынѣ соблюдается обычай — въ первый или второй день Святой недѣли ходить на могилы родственниковъ и зарывать на этихъ могилахъ пасхальные, освященные яйца; умершимъ на Святой недѣлѣ кладется, въ некоторыхъ мѣстахъ, яйцо въ руку.

Всю Святую недѣлю, съ обѣдн до вечерень, раздастся со всехъ колоколенъ торжественный звонъ; звонять, конечно, кто пожелаетъ. Но въ представленіяхъ народа торжествуютъ

не только люди, а и природа вся принимаетъ участіе въ радости человечества. Не у одного русскаго народа, а, напр., и у престолюдиновъ Ирландіи существуетъ убѣжденіе, что въ Свѣтлое Христово Воскресеніе *солнце играетъ* на небѣ при восходѣ. Взрослые мужчины поднимаются на колокольни, женщины и дѣти идутъ на пригорки или влѣзаютъ на крыши домовъ, чтобы видѣть этотъ торжественный и радостный восходъ солнца. Удрученный вѣчною нуждою и заботою о хлѣбѣ насущномъ, крестьянскій ищетъ въ этомъ сочувствіи къ себѣ природы — предзнаменованій будущаго. Если солнце появляется на чистомъ небѣ и *играетъ*, то нахарь ждетъ хорошаго лѣта, обильнаго урожая и счастливыхъ свадебъ. Не прочь онъ съ помощью обрядовъ и привлечь къ себѣ счастье при столь удобномъ случаѣ. Старушки, при появленіи солнца въ Свѣтлый праздникъ, умываются съ золота, серебра и съ краснаго личка, въ надеждѣ разбогатѣть и помолодѣть; старики-же расчесываютъ свои посѣдлыя волосы, причитая: „сколько на головѣ волосковъ, столько-бы было и вичуть“.

Было-бы излишне говорить здѣсь о пасхальныхъ кушаньяхъ, довольно всемъ извѣстныхъ, стоящихъ въ связи съ пасхальнымъ агнецомъ и опрѣсноками еврейской пасхи. Но укажемъ на любопытную особенность обычая, распространеннаго, главнымъ образомъ, въ Бѣлоруссіи, а также въ Болгаріи, — зарывать въ пашню кости теленка, ягненка, поросенка или птицы, освященныхъ на Пасху, съ цѣлюю предохранить засѣянный хлѣбъ отъ града.

Проспать заутреню въ Свѣтлый праздникъ считается дѣломъ совѣмъ пехоронимъ. Провпившихся такимъ образомъ, по обычаю, въ понедѣльникъ или во вторникъ Святой недѣли, обливаютъ холодной водою или купають; самое утро вторника въ некоторыхъ мѣстахъ носитъ поэтому названіе „купалица“.

N.

Къ рисункамъ.

Пасхальный огонь. (Рис. на стр. 293).

Настала ночь наканунѣ Свѣтлаго праздника. Затихшій было, съ наступленіемъ сумерекъ, городъ около полуночи ожилъ: по улицамъ пѣшкомъ и въ экипажахъ слышать богомольцы въ храмы Божіе услышать давно-жданнаго слова „Христосъ воскресъ“. Въ ожиданіи этой торжественной минуты, городъ принарядился, повсюду выставлены флаги, зажжены плошки. На четырехъ углахъ крыши Исаакіевского собора вспыхнули громадные свѣточки, единажды въ годъ зажигающіеся въ торжественную Пасхальную ночь.

Одинокій. (Рис. на стр. 296).

Прошло семь недѣль Великаго поста. Наступилъ Свѣтлый праздникъ, и каждый съинитъ подѣлиться съ близкими и знакомыми радостною вѣстью. „Христосъ воскресъ!“ говорятъ одинъ, и имъ отвѣчаютъ: „Восстину воскресъ!“ Тяжело бываетъ людямъ, которымъ въ одиночествѣ не съ кѣмъ подѣлиться этими словами, и имъ недостатокъ и довольство не могутъ замѣнить радости подѣлиться своими чувствами въ такіе дни.

На колокольнѣ сельской церкви въ Пасхальную недѣлю. (Рис. на стр. 297).

У всехъ православныхъ народовъ существуетъ обычай проявлять свою радость въ праздникъ Воскресенія Христова тѣмъ или инымъ видимымъ способомъ. У насъ на Русь древле эта радость проявляется колокольнымъ звономъ при нашихъ церквяхъ въ продолженіе всей Пасхальной недѣли. Двери колоколенъ открыты въ продолженіе цѣлой недѣли для стараго и малаго, не только въ нашихъ сельскихъ церквяхъ, но и въ городскихъ и столичныхъ — всякому открытъ туда свободный доступъ.

На нашемъ рисункѣ и изображенъ тотъ моментъ, когда на колокольню сельской церкви, во время Пасхальной недѣли, забралась дѣти, молодцы и молодцы, чтобы позвонить въ колокола. И нужно видѣть, съ какимъ усердіемъ и радостью работаютъ это юные звонари. Одинъ мальчуганъ старается звонить въ большой колоколъ и, какъ видно, напрягаетъ все усиліе, чтобы ударить въ тактъ другому юнцу, старающемуся стройно перезванивать въ другіе, меньшіе колокола. Но стройный звонъ имъ не удается, какъ видно они звонятъ — кто въ глѣсъ, кто по дровамъ... Одной молодци такъ непріятенъ и огулшителенъ этотъ безтактный перезвонъ, что она зажала себѣ уши руками, чтобы только не слышать эту музыку. На паробка же, стоящаго рядомъ съ ней, перезвонъ этотъ производитъ, какъ видно, противоположное впечатлѣніе: онъ, видимо, съ удовольствіемъ слушаетъ и съ улыбкою на лицѣ слѣдитъ за стараніями добровольцевъ-звонарей; у одного изъ нихъ отъ нашиннаго усердія свалилась даже шапка съ головы. Тутъ-же, возлѣ звонарей, сидитъ на полу молодца, и мальчишка, съ улыбкою на лицѣ, слѣдитъ за стараніемъ своихъ товарищей, а другимъ юнцамъ, какъ видно, уже надоѣло слушать безтол-

ковый звонъ, и они, уходя съ колокольни, оборачиваются и смотрятъ на колокола, какъ-бы опасаясь за ихъ цѣлость.

Вообще, на рисункѣ характерно и наглядно представлена колокольня сельской бѣдной церкви въ Пасхальную недѣлю, съ ея даровыми звонарями-любителеми и ихъ прележными слушателями и слушательницами.

A. 3.

Весенній цвѣтокъ. (Рис. на стр. 301).

Павель Тумашъ извѣстенъ не въ одной только Германіи, какъ высокодаровитый художникъ. Снимки съ произведеній его многими тысячами расходятся по бѣлу свѣту.

Тумашъ родился въ Чаксдорфѣ въ Лауницѣ въ 1834 году. Первые уроки рисованія преподавалъ ему отецъ, бѣдный сельскій учитель. Но скудные его средства лишили возможность дать сыну должное художественное воспитаніе. На пятнадцатомъ году мальчикъ былъ отданъ работать въ картографическое заведеніе Флемминга въ Глогау. Здѣсь черезъ цѣлый рядъ лишений удалось Туману скопить кой-какія деньжонки и на нихъ отправиться въ 1853 г. въ Берлинъ и поступить въ академію. Вскорѣ молодой художникъ покинулъ Берлинъ и переселился въ Дрезденъ, гдѣ онъ посѣщалъ профессора Э. Гюбнера. Зарабатывая себѣ средства къ жизни литографскими работами и изготовленіемъ рисунковъ на деревѣ для иллюстрированныхъ изданій, Тумашъ достигъ въ нихъ большого совершенства. Его иллюстраціи къ Молитвѣ Господней, къ „Пѣснямъ Гейне“ и Шампесо и множество другихъ рисунковъ составили прочную извѣстность художнику. Не меньшею извѣстностью пользуются его картины, всегда прекрасно и мягко написанныя, съ красивыми фигурами, часто изъ античной жизни. Къ числу удачныхъ его работъ должна быть отнесена и его картина „Весенній цвѣтокъ“, гравюру съ которой читатель найдетъ на стр. 301.

Святая ночь. (Рис. на стр. 304).

Какое пріятное, радостное чувство даетъ каждому вѣрующему христіанину Святая пасхальная ночь! Съ ранлаго дѣтства до глубокой старости эта ночь воспоминанія Воскресенія Спасителя міра пробуждаетъ и оживотворяетъ душу каждого и, какъ бы отдѣляя отъ всего тлетворнаго, земного, соединяетъ всехъ, даже и недруговъ, въ одно общее единеніе любви и мира. Чье сердце не пробудится при торжественномъ цѣношнѣи: „и другъ другъ обьмемъ, речемъ: братіе! и ненавидящихъ насъ простимъ вся воскресемъ?“ И дѣйствительно, посмотримъ вокругъ, какъ объединяетъ эта Святая ночь и богатаго, и бѣднаго, знатнаго и незнамнаго, князя и простолюдина во что-то одно неразрывное цѣло. Не даромъ предъ страданіями Своими за жизнь міра Господь молился Отцу Своему Небесному: „да будутъ все едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я во Тебѣ, такъ и они да будутъ во Насъ едино; да уверуютъ міръ, что Ты послалъ Меня“ (Еванг. Іоанна 17 гл., 21 ст.). Какимъ примпреніемъ дышатъ слова вселенскаго отца и учителя Церкви Іоанна Златоуста: „И такъ, всѣ войдите въ радость Господа Нашего; и первые и вторые получите награду; богатые и бѣдные ликуйте другъ съ другомъ; воз-

Праздниковъ праздникъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляревскаго, грав. Шюблеръ.

держные и нерадивые почтите этотъ день; постившіеся и непостившіеся веселитесь иныѣ. Трапеза обильна, насыщайтесь всѣ; телець великъ, никто пусть не ухидитъ голоднымъ; всѣ наслаждайтесь иршествомъ въры; всѣ пользуйтесь богатствомъ благодсти. Никто пусть не жалуется на бѣдность, ибо открылось общее царство“. И дѣйствительно, эта ночь даетъ радость каждому...

На нашемъ рисункѣ представленъ моментъ, какъ, по окончаніи пасхальной литургіи, изъ сельской церкви, при занимающейся угренной зарѣ, народъ расходится по домамъ. Посмотришь на эти радостныя и довольныя лица, невольно сердце переносится въ дѣтство, когда приходилось жить въ деревнѣ, среди этихъ простыхъ людей, на которыхъ особенно какой-то радостный отпечатокъ кладетъ пасхальная ночь.

А. Зыбинъ.

Съ визитомъ. (Рис. на стр. 305).

Праздники. Хорошіе знакомые навѣщаютъ другъ друга, дѣлаютъ визиты, но дѣлаютъ ихъ съ такою обрядностью и торжественностью, что иногда узнать тѣхъ же лицъ, когда они бывають другъ у друга запросто, невозможно. На нашемъ рисункѣ бесѣдуютъ двѣ подруги, но видно бесѣда мало интересуетъ обѣихъ, и гостѣ такъ и хочется поскорѣе уйти, быть можетъ, опять дѣлать скучныя и чопорныя визиты...

Праздниковъ праздникъ. (Рис. на стр. 309).

„Праздниковъ праздникъ, торжество есть торжество“ поетъ клиръ при пасхальномъ богослуженіи, и дѣйствительно—великій праздникъ Пасхи, праздникъ духовнаго обновленія, совпадающій съ днями радостной, свѣтлой весны, является и самъ радостенъ и свѣтелъ, какъ весна... Радуются и старъ, и младъ, и старъ, и младъ привѣтствуютъ другъ друга, говоря „Христосъ воскресъ“, каждому „дорого личко въ Христовъ день“, и каждый старается разговѣтаться освященною у заутренн пасхой и куличемъ. Города и селенія оживаютъ, и праздничное

веселіе особенно становится радостнымъ въ этотъ день праздника праздниковъ...

Открытие памятника императору Александру II.

(Рис. на стр. 312).

Въ память 19 февраля 1861 г., состоялось въ Петербургѣ освященіе и открытіе памятника въ Божѣ почившему императору Александру II, сооруженнаго С.-Петербургскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ и поставленнаго передъ фасадомъ Александровской больницы. Въ болыинчюй церкви было совершено Никандромъ, епископомъ Нарвскимъ, въ сослуженіи съ многочисленнымъ духовенствомъ, молебствіе. Передъ началомъ богослуженія преосвященный Никандръ произнесъ глубоко прочувствованное слово, въ которомъ въ яркихъ чертахъ обрисовалъ свѣтлый, незабвенный образъ въ Божѣ почивающаго Царя-Освободителя и высказалъ, что, въ цѣломъ ряду благодѣлній народу императора Александра II, Александровская больница для крестьянъ и рабочихъ неразрывно связана съ его именемъ. Во время богослуженія цѣлъ извѣстный хоръ Архангельскаго. Смольни торжественные звуки „Тебѣ Бога хвалимъ“, и все духовенство, въ бѣлыхъ ризахъ, съ крестами и хоругвями, въ сопровожденіи всѣхъ присутствовавшихъ, направилось къ памятнику. Здѣсь была отслужена литія. Преосвященный обонелъ памятникъ при пѣніи: „Спаси, Господи, люди Твоя“. Затѣмъ была сдернута завѣса, и глазамъ присутствовавшихъ предсталъ бюстъ Царя-Освободителя. Бюстъ вылитъ изъ бронзы по прввосходной модели проф. Лаврецькаго и помѣщенъ на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ, на трехъ сторонахъ котораго сдѣланы слѣдующія надписи: на лицевой—„Императору Александру II, основателю больницы;“ на правой—„сооруженъ городскимъ общественнымъ управленіемъ въ 1892 г.“ и на лѣвой—„больница основана въ память 19 февраля 1861 г.“ Преосвященный окропилъ памятникъ св. водою. Массы народу любовались издали на эту живописную и торжественную картину.

Разныя извѣстія.

— 15-го марта, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица посетили Казанскій соборъ, гдѣ молились у чудотворной иконы Божіей Матери; отсюда Ихъ Величества пробѣжали въ Петропавловскій соборъ, гдѣ поклонились гробницамъ въ Божѣ почивающихъ Родителей. На другой день, 16-го марта, Ихъ Величества, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Михаила Александровича и Великихъ Князей Ксеніи Александровны и Ольги Александровны, изволили отбыть изъ Петербурга на югъ Россіи. Ихъ Величества въ путешествіи сопровождають: фрейлины Государыни Императрицы, г-жа Озерова и графини Голенищевы-Кутузовы, министр Императорскаго двора генераль-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, командующій Императорскою главною квартирою генераль-адъютантъ Рихтеръ, генераль-адъютантъ Черевинъ и лейбъ-хирургъ Его Величества Гиршъ.

— По повелѣнію Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, изъ состоящихъ въ его распоряженіи остаточныхъ суммъ Особаго комитета передано въ учрежденный по Высочайшему повелѣнію при статъ-секретаріатѣ Великаго Княчества Финляндскаго комитета для сбора пожертвованій въ пользу обывателей восточныхъ губерній Финляндіи, пострадавшихъ отъ неурожая, 50,000 рублей на благотворительную помощь нуждающимся, вслѣдствіе неурожая минувшаго года въ Великому Княжествѣ Финляндскомъ.

— Въ „*Правительственномъ Вѣстникѣ*“ опубликовано Высочайшее повелѣніе о расширеніи на Юрьевскій учебный округъ общихъ узаконеній о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Въ № 35-мъ „Собранія узаконеній“ опубликовано постановленіе объ изытаніи изъ обращенія еще 25 милліоновъ рублей кредитныхъ билетовъ изъ числа 150 милліоновъ, временно выпущенныхъ въ 1891 и 1892 гг.

— Учебное заведеніе въ Новой-Александріи преобразовано въ высшее учебное заведеніе, подъ названіемъ „Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства“. Курсъ 4-лѣтній. Институтъ заключаетъ въ себѣ два отдѣленія: сельскохозяйственное и лѣсное. Плата за ученіе опредѣлена въ 25 рублей за полугодіе. Окончившіе курсъ института съ отличіемъ получаютъ званіе агронома или лѣсовода 1 разряда, другіе — 2 разряда. Въ составъ института входятъ: директоръ, 11 профессоровъ, 11 адъюнктовъ, 11 ассистентовъ и 4 преподавателя.

— Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ разрѣшено, по ходатайству одесской управы, открыть ей общественныя работы для нуждающагося населенія, съ направленіемъ этихъ работъ весной на истребленіе сусликовъ.

— Петербургъ обогатился новымъ, весьма симпатичнымъ по своимъ цѣлямъ и задачамъ, благотворительнымъ обществомъ, подъ названіемъ „Ясли“. Общество поставило себѣ цѣлью открывать въ разныхъ частяхъ го-

рода убѣжища для малолѣтнихъ дѣтей бѣдныхъ жителей столицы, преимущественно, рабочаго класса, въ то время, когда родителей заняты подневными работами внѣ дома.

— 13-го марта объявленъ тарифъ для отправокъ рабы красной и частиковой ислкой, кромѣ соленой и упакованной въ склянки и банки, отъ Ростова до С.-Петербурга, въ поѣздахъ большой скорости, въ размѣрѣ 56,27 копѣйки съ пуда за все разстояніе, безъ взиманія государственнаго сбора.

— Недавно появился первый номеръ „Ученыхъ записокъ Императорскаго Юрьевскаго университета“.

— Комиссія по изысканію мѣръ къ предупрежденію въ Россіи слѣпоты постановила организовать легучіе отряды съ врачами во главѣ; эти отряды должны будутъ отыскивать больныхъ съ цѣлью оказанія имъ врачебной помощи. На первое время будутъ сформированы 4 такіе отряда. Они начнутъ свою дѣятельность предстоящимъ лѣтомъ.

— Въ ночь на 15-е марта (въ 11 час. 40 м.) скончался всѣми любимымъ и уважаемымъ маститый представитель Даніи въ Петербургѣ генераль Кьеръ. Занимая такое выдающееся мѣсто, какъ постъ датскаго посланника въ Петербургѣ, онъ держалъ себя всегда чрезвычайно просто и относился ко всѣмъ съ рѣдкимъ добродушіемъ. Смерть эта произвела глубокое впечатлѣніе въ петербургскомъ обществѣ. Вдова покойнаго была удостоена личнымъ посѣщеніемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ Копенгагѣшѣ, 17-го марта, депутація отъ датскаго „общества мира“ поднесла королю адресъ за подписью 244,118 лицъ, въ томъ числѣ 94,000 избирателей въ риксдагъ. Ораторъ депутаціи напомнилъ, между прочимъ, королю, что въ 1863 и 1870 гг. онъ былъ противъ войны. Король высказалъ въ своей отвѣтной рѣчи, что онъ раздѣляетъ желаніе, чтобы войны прекратились и чтобы споры разрѣшались третейскимъ судомъ, но считаетъ очень труднымъ достигнуть этого. „Поэтому — прибавилъ король — было-бы бесполезно, если-бы я взялъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. Если-бы во главѣ этого движенія стала великая европейская держава, то король и правительство Даніи непременно пошли-бы за нею слѣдомъ“.

Въ засѣданіи французской палаты депутатовъ, 11-го марта, раздался послѣдній раскатъ грома панамской бури, и можно думать, что послѣ того наступитъ затишіе. Въ этотъ день об-

суждался запросъ Мильвуа по панамскому дѣлу, въ которомъ требовались объясненія о Герцѣ и о дѣйствіяхъ Клемансо, Флокэ и Фрейсино по дѣламъ панамской компаніи. Буржуа отвѣчалъ, что онъ исполнилъ печальный долгъ, требуя возбужденія судебного преслѣдованія противъ извѣстныхъ членовъ парламента, возвращеніе которыхъ въ палату онъ съ радостью привѣтствуетъ. Министръ присовокупилъ, что всѣ мѣры къ арестованію Артона уже приняты; что же касается выдачи Герца, то состояніе его здоровья не позволяетъ вызвать его въ англійскій судъ. Буржуа оспариваетъ основательность доказательствъ, приводимыхъ въ обвиненіе навѣстныхъ политическихъ дѣятелей, и говоритъ, что ничего, собственно, не доказано противъ нихъ. Противники республиканцы стремятся поддерживать агитацію до выборовъ, но республиканцы сумѣютъ разстроить эти проники. Простой переходъ

къ очереднымъ дѣламъ, принятый правительствомъ, вопро- ванъ поднятиемъ рукъ.

Вслѣдъ затѣмъ, членъ правой Казеновъ де-Прадннъ прочелъ въ палатѣ проектъ резолюціи, требующей распущенія палаты, при чемъ потребовалъ, чтобы обсужденіе резолюціи было при- знано неотложнымъ. Рибо заявилъ, что республиканцы не боятся идти навстрѣчу странѣ, счета будутъ сведены въ свое время, и правая нисколько не потеряетъ, если подождетъ, потому что страна понимаетъ дѣлъ панамской агитаціи. Па- лата предварительнымъ вопросомъ отвергла, большинствомъ 314 голосовъ противъ 200, проектъ резолюціи.

Совершенно неожиданно, 18 марта, разразился во Франціи министерскій кризисъ. Причиной этого былъ измѣненный се- наторомъ проектъ бюджета на 1893 г. Дѣло приняло рѣшитель- ный оборотъ, благодаря требованію Рибо выдѣлить въ особый законопроектъ налогъ на напитки и выразить довѣріе па- латы къ министерству. Палата большинствомъ пяти голо- совъ (247 противъ 242) отклонила выдѣленіе налога на на- питки. Тогда Рибо заявилъ, что министерство выходитъ въ отставку. Отставка министерства была принята президентомъ. Палата ассигновала одинъ временный кредитъ.

На мѣсто умершаго Жюли Ферри въ президенты француз- ского сената выбранъ 15 марта, большинствомъ 172 голосовъ, Шальмель-Лакуръ. Этому другу Гамбетты нынѣ 66 лѣтъ. Началъ онъ свою дѣятельность профессурою; при Наполеонѣ подвергся изгнанію. Публика его хорошо знаетъ, какъ одного изъ глав- ныхъ сотрудниковъ „Revue des Deux Mondes“. Онъ былъ за- тѣмъ депутатомъ, посланникомъ въ Швейцаріи, министромъ иностранныхъ дѣлъ (въ 1883 г.) и вице-президентомъ сената. Недавно онъ былъ избранъ въ члены французской академіи. Вступая въ отправление должности президента сената, Шаль- мель-Лакуръ долго говорилъ съ похвалою о Ферри, потомъ распространялся о роли сената и о приносимой имъ пользѣ, признаваяемой всѣми просвѣщенными республиканцами. „Фран- ція — присовокупила ораторъ — ждетъ отъ сената еще боль-

шаго, она надѣется, что сенатъ, внимательно слѣдя за не- ремѣнами въ экономическихъ и нравственныхъ условіяхъ общества, воспользуется своимъ богатымъ опытомъ для того, чтобы, по соглашенію съ правительствомъ, приступить къ раз- рѣшенію настоятельныхъ вопросовъ.

15 марта въ Лондонѣ состоялся совѣтъ либеральныхъ чле- новъ парламента, на которомъ Гладстонъ высказался по поводу затрудненій, встрѣчаемыхъ имъ со стороны его противниковъ, точно предчувствуя ихъ нападенія. Въ заклю- ченіе Гладстонъ сказалъ, что признаетъ невыгоды того, что либеральною партіей руководитъ такой старикъ, какъ онъ, но остается на своемъ посту въ виду того, что опирается на со- дѣйствіе преданныхъ совоарищей. Онъ опасается, что силы его уже почти совсѣмъ исчерпаны, однако, ради исполненія долга, будетъ дѣлать все, что можетъ. И дѣйствительно, на другой день, въ палатѣ общины, бывший консервативный ми- нистръ по ирландскимъ дѣламъ Бальфуръ предложилъ выра- зить правительству порицаніе за его ирландскую политику, особенно, за освобожденіе преступниковъ. Гладстонъ возра- зилъ, что приведенные доводы отнюдь не оправдываютъ по- добнаго предложенія. Палата, большинствомъ 319 голосовъ противъ 272, отвергла предложеніе Бальфура. Такое голосо- ваніе говорить за успѣхъ будущихъ предпріятій Гладсто- на, и „можно предвидѣть, говоритъ „Journal de S.-Peters- bourg“, что эта побѣда усилитъ смѣлость престарѣлаго премьера, который, несмотря „на упадокъ своихъ силъ“, какъ самъ онъ выразился, примется, вѣроятно, съ новымъ подъе- момъ духа за исполненіе того, что онъ считаетъ своимъ дол- гомъ“.

Въ засѣданіи австрійскаго рейхсрата, 10 марта, младочехъ Вамагый сказалъ, что ускореніе постройки желѣзныхъ до- рожекъ въ Восточной Галиціи и Подоліи является легкомыслен- нымъ вызовомъ по адресу Россіи. Вамагый постоянно упоми- налъ въ своей рѣчи о „галицкихъ русскихъ“, при чемъ полкии всякій разъ прерывали его криками „русны!“

Искусство.

Ораторія Гайдна.

Ораторія Гайдна „Семь словъ Спасителя на Крестѣ“ никогда не исполнялась въ Петербургѣ, и мы знакомствомъ съ нею обязаны г. Архангельскому, поставившему ее въ бенефісъ своего хора, состоявшаго въ залѣ Кредитнаго общества. Изъ пяти ораторій Гайдна, написанныхъ имъ подъ влияніемъ ораторій Генделя, съ которыми Гайднъ познакомился во время вторичнаго своего пребы- ванія въ Лондонѣ, наибольшей популярностью пользуются: „Сотво- реніе міра“ и „Времена года“; остальные три: „Авраамъ и Исаакъ“, „Возращеніе Товія“ и „Семь словъ Спасителя“ гораздо рѣже исполняются, — въ особенности, послѣдняя, дающаяся, обыкновенно, въ четвергъ на Страстной. Она была вызвана въ свѣтъ слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Одинъ каноникъ въ Кадиксѣ, въ концѣ XVIII вѣка, объявилъ конкурсъ за лучшую ораторію на слова Спасителя на Крестѣ; она должна была состоять изъ семи частей и соответствовать семи от- дѣльнымъ произведеніямъ, изъ которыхъ каждое выражало бы чувства Распятаго на Крестѣ. Одинъ только Гайднъ удовлетворилъ требо- ваніямъ конкурса и написалъ музыку для солистовъ (сопрано, альтъ, теноръ и басъ), хора и оркестра въ семь частей: „Отче, прости мнѣ бо не вѣдають, что творятъ“, „Поистинѣ тебѣ реку, ты нынѣ же будешь со Мною въ раю“, „Жено, жено, се Сынъ Твой, а Ты, се Матерь Твоя“, „Боже, Боже, всюкую оставилъ Мя еси“, „Жажду“, „Свершилось, свершилось“ и „Отче, въ рудѣ Твои предаю духъ Мой“. Но Гайднъ къ нимъ прибавилъ послѣднюю часть „И нѣтъ Христа“ и предпослалъ два оркестровыхъ вступленія къ двумъ частямъ, на которыя распадается вся ораторія.

Гайднъ, строго говоря, не чувствовалъ особеннаго призванія къ духовной музыкѣ, — что онъ и самъ прекрасно сознавалъ, хотя онъ и былъ искренно набожнымъ католикомъ и, обыкновенно, не начи- налъ писать своихъ произведеній безъ обычнаго произнесенія: „In nomine Domini“. Когда ему, однажды, сдѣлали замѣчаніе, что его церковная музыка не заключаетъ въ себѣ глубокаго настроенія, онъ отвѣтилъ: „Я не умѣю иначе. Какъ чувствую, такъ и пишу. Когда я думаю о Богѣ, сердце мое такъ полно радости, что ноты сами собой бѣгутъ съ пера моего. И если Богъ далъ мнѣ такой ясный духъ, то Онъ, вѣроятно, проститъ мнѣ, что я Ему служу въ этомъ самомъ духѣ“. Въ этихъ словахъ сказалось все духовное міросоз- зерданіе великаго автора „Сотворенія міра“; онъ, дѣйствительно, смотрѣлъ на все жизнерадостно, съ полной душевной благодар- ностью Создателю за все, ниспосланное ему на землѣ.

Вотъ причина, почему его духовныя произведенія носятъ скорѣе праздничный характеръ, чѣмъ глубоко-религіозный, скорѣе благо- дарственный, чѣмъ страдальческій. И въ разсматриваемой ораторіи въ болѣе значительной степени чувствуется драматическое и лири- ческое настроеніе, чѣмъ духовное; музыка очень красива, отлично звучитъ, мѣстами есть сила и выразительность, но въ ней мало патетическаго, мало того, что будитъ религіозное чувство. Совер- шенно другимъ характеромъ отличается послѣдняя часть, приба- вленная Гайдномъ къ предложенной задачѣ: „И нѣтъ Христа“, текстъ которой трактуетъ: „О, содрогнись, Голгова, Онъ умеръ

тамъ, на высотахъ твоихъ. Затмися солнце, восстанте мертвецъ; земля, гдѣ спите вы, вся кровью облита, и пр.“ Но въ музыкѣ, иллюстрирующей эти раздирающія душу слова, Гайднъ какъ бы ра- дуется за избавленіе Спасителя отъ мукъ земныхъ, — и въ этомъ нельзя не видѣть подтвержденія къ приведеннымъ выше его сло- вамъ, въ которыхъ виденъ скорѣе музыкантъ-симфонистъ, чѣмъ такой авторъ церковной музыки, какъ Бахъ или Гендель.

Во всякомъ случаѣ, знакомство съ этимъ капитальнымъ произве- деніемъ Гайдна, — къ тому же мало кому извѣстнымъ, — было очень интересно, и въ этомъ болыная заслуга г. Архангельскаго, относя- щагося съ любовью къ своему дѣлу; тѣмъ болѣе это было умѣстно, что ораторія „Семь словъ Спасителя“ и по времени какъ разъ подошла, — предъ Страстной недѣлей. Исполненіе было очень тща- тельное, — и какъ хоръ съ его регентомъ во главѣ, такъ и соли- сты, — г-жи Груничъ и Бертенсонъ и гг. Демченко и Матчинскій, — имѣли большой успѣхъ.

В. Басинъ.

Выставка дамскаго художественнаго кружка.

Настоящая выставка раздѣлена, по примѣру прежнихъ лѣтъ, на три отдѣла. Въ первомъ помѣщены работы по фарфору, дереву, шелку, назначенныя въ продажу; во второмъ — вещи, назначенныя въ лотерею; наконецъ, въ третьемъ — картины и рисунки, назначен- ные въ продажу. На выставкѣ дамскаго кружка царствуютъ необыч- ное оживленіе, не бывающее на другихъ выставкахъ. На ней — очень мало предметовъ, на которыхъ не выставлена цѣна, т. е. непродавшихся.

Первый отдѣлъ, самый интересный и лучший. Нѣкоторыя худо- жественныя работы по шелку, дереву, фарфору достойны внима- нія. Наши дамы, какъ кажется, особенно прилежно занимаются подобнаго рода работами и, надо отдать справедливость, въ нихъ онѣ обнаруживаютъ талантъ. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ, при- надлежащихъ г-жамъ Гревеницъ (шпаль съ цвѣтами и живописью), Винклеръ (этажерка), Флигъ („Мечты“, копія съ Кюзеля), Тишиной, Кельчевской (стиликъ съ живописью по фарфору), Паскевичъ, Розенъ (нано съ птицами), Соломйрской (ящикъ Vernis Martin), Во- хиной, Штрамъ, — прекрасны и достойны украшать собой гостиную.

Второй отдѣлъ представляетъ необычайную пестроту. Тутъ встрѣчаются и корзины, и рисунки, и акварели, и выжиганіе, и живопись по фарфору, и даже скульптурные опыты. Въ этомъ отдѣ- лѣ участвуютъ, кромѣ дамъ, и мужчины, напр. Лагоріо, Дмитріевъ- Гавказскій, Алексѣевъ, Овсянниковъ, Верещанинъ (академикъ), Бобровъ, Крыжидкій, Егорновъ, Костинъ, Кошелевъ, Чехъ и другіе. Большинство рисунковъ и акварелей этихъ художниковъ, между которыми встрѣчаются и громкія имена, являются, разумеется, очень интересными, но такъ какъ этотъ отдѣлъ состоитъ изъ вещей, специально назначенныхъ въ лотерею, то не мудрено, что господа художники, желая участвовать въ добромъ дѣлѣ, жертво- вали то, что находилось у нихъ подъ руками, т. е. этюды, эскизы, наброски и проч. мелочи, имѣющія только относительное худо- жественное значеніе. Большаго вниманія достойны произведенія дамъ. Г-жа Куріаръ, напримѣръ, выставила интересный пейзажъ, г-жа Константинова — двѣ хорошенькія акварели, г-жа Самокишъ-

Судковская—женскую головку, г-жа Блашке—видъ монастыря оригитковъ близъ Ревеля, баронесса Врангель—эту же женской головки, княгиня Империнская—живопись по фарфору, г-жа Семечкина—прелестнаго мѣсника, г-жа Баранова—хорошенькую вазочку.

Третій отдѣлъ исключительно посвященъ живописи масляными красками и акварелью. Онъ очень не великъ по размѣрамъ и помѣщается въ одной комнатѣ. Г-жа Куріаръ — председательница кружка, имѣющая вполнѣ заслуженную извѣстность, какъ талантливая пейзажистка, — участвуетъ на выставкѣ многими своими работами. Г-жа Куріаръ экспонировала дѣляхъ одиннадцать картинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ — неоконченныя наброски, за то другія достойны таланта художницы и обращаютъ на себя вниманіе. Между этими послѣдними произведеніями нельзя не отмѣтить или по выполненію или по сюжету „Изображеніе Лурдской Богоматери въ Бретани“, „Возвращеніе съ рыбной ловли“, „Охотники“, „Старая улица въ Сали-де-Беарнъ около Биаррица“, „Видъ Нанта“. Всѣ эти произведенія прекрасны по колориту. Г-жа Константинова тоже усердно поработала для настоящей выставки. Ея „Осень“ — очень кра-

сивый пейзажъ, недурна также, по замыслу и по выполненію, картинка, которую талантливая художница назвала „Какъ бываетъ лѣтомъ“. „Гумно“ г-жи Блашке обращаетъ на себя вниманіе мастерскимъ выполненіемъ. Изъ восьми пейзажей баронессы Врангель самыми удачными и талантливыми, по нашему мнѣнію, оказываются: „Кузница“, „Мельница въ Бретани“, „Берегъ Финляндіи“. Г-жа Ламанская выставила прекрасный портретъ Великой Княжны Ксении Александровны; это — миниатюра на слоновой кости. Г-жа Паше выставила нѣсколько мелкихъ, но талантливыхъ работъ. Нѣкоторые пейзажи г-жи Розенбахъ, и въ особенности „Загнѣше“, „Крымъ“, „Въ Лужскомъ уѣздѣ“, обращаютъ на себя вниманіе приятной техникой. Не дуренъ портретъ А. В. Моллера работы г-жи Срезневской. Если не ошибаюсь, на выставкѣ нѣтъ ни одного жанра; историческая и религиозная живопись тоже отсутствуют; затѣмъ, по временамъ встрѣчаются „этюды“ и „головки“, потомъ — два портрета, много изображеній цвѣтовъ и фруктовъ, а все остальное пейзажи. Дамы, повидному, специализируются въ пейзажѣ. Это, какъ кажется, та именно область живописи, къ которой онѣ имѣютъ наибольшую склонность, и которая больше всего отвѣчаетъ ихъ таланту. Во всякомъ случаѣ, русскія дамы въ живописи, несомнѣнно, начинаютъ играть роль, которая, слѣдуетъ надѣяться, будетъ все больше и больше расти. Вотъ почему нельзя не пожелать, чтобы дамскій художественный кружокъ расширялся и сдѣлался бы, въ концѣ концовъ, центромъ, вокругъ котораго наши художницы могли бы группироваться. Первые шаги въ такомъ дѣлѣ, конечно, трудны, но они принесутъ свои плоды.

В. Чуйко.

СМѢСЬ.

Установленіе пасхалии было сдѣлано на Никейскомъ Вселенскомъ Соборѣ, до котораго Пасха праздновалась различно. Восточные христіане праздновали Пасху въ тотъ день, на который приходилась Пасха еврейская; западные же — отложили этотъ праздникъ до слѣдующаго воскресенья. Никейскій соборъ положилъ, что пасхальное торжество должно имѣть мѣсто въ первое воскресенье послѣ новолунія, слѣдующаго за 20-мъ марта. Такимъ образомъ, Пасха не можетъ быть ранѣе 22-го марта, т. е. когда новолуніе приходится на 21 число, а на другой день — воскресенье, — и не позже 25-го апрѣля, т. е. въ томъ случаѣ, когда новолуніе приходится на 20 марта. Христіанская Пасха, промѣ того, не должна совпадать съ еврейской.

День воскресенія. Замѣчательно, что съ самой глубокой древности и до нашего времени седьмой день считался священнымъ у большинства народовъ. Различныя причины, религиозныя, историческія и т. д., вносили, разумѣется, особенности въ характеръ самаго празднованія этого дня, но самая суть, т. е. всеобщая потребность отличія седьмого дня отъ прочихъ, осталась неизмѣнною. Число семь для опредѣленія послѣдовательности дней взято, какъ извѣстно, не случайно; оно получило отъ раздѣленія луннаго двадцати-восьми-дневнаго мѣсяца на четыре части, по четвертямъ луны, и соответствовало въ древности числу планетъ, числу цвѣтовъ спектра и числу тоновъ гаммы. По астрологич. каждый день президировалъ особою планетой: понедѣльникъ — Луной, вторникъ — Марсомъ, среда — Меркуріемъ, четвергъ — Юпитеромъ, пятница — Венерой, суббота — Сатурномъ. Воскресенье было посвящено Солнцу. Во французскихъ названіяхъ дней недѣли до сихъ поръ сохранилась эта связь дней съ планетами. Для христіанскихъ народовъ съ седьмымъ днемъ недѣли связано воспоминаніе о величайшемъ событіи — Воскресеніи Христовомъ. Установленіе въ этотъ день молитвенныхъ собраний для вѣрующихъ относится къ самому раннему времени христіанства. Со временъ Апостольскихъ христіане стали собираться для общей молитвы по воскресеньямъ. Самыя древнія обычай, собственно, празднованія воскресенія, были довольно просты: — вѣрующіе сходились для чтенія священнаго писанія и назидательныхъ бесѣдъ, проводили нѣкоторое время въ этомъ благочестивомъ занятіи, и затѣмъ каждый шелъ къ своей работѣ. Въ 321 году, императоръ Константинъ ввелъ болѣе строгое соблюденіе праздника. Онъ запретилъ въ воскресные дни занятія всякими дѣлами, юридическими, коммерческими и служебными. Только земледѣльцы могли продолжать свои работы въ полѣ, если это было для нихъ необходимо. Позднѣйшій законъ 425 года запрещалъ по воскресеньямъ всякія представленія и зрѣлища. Наконецъ, къ восьмому вѣку мало-помалу требованія различныхъ узаконеній относительно воскресенія дошли до того, что день этотъ сталъ для христіанъ тѣмъ же, чѣмъ суббота для евреевъ. Въ наше время такое строгое соблюденіе воскресенья практикуется

Открытие памятника императору Александру II у Александровской больницы въ память 19 февраля. Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Шюльеръ.

только у англичанъ. Ничего нѣтъ скучнѣе и мрачнѣе, какъ извѣстно, англійскаго города въ воскресный день. Не только магазины и лавки, но даже рынки, гдѣ продается провизія, закрыты. На улицахъ народу почти не замѣтно. Всѣ сидятъ по домамъ. Оживленія никакого. До чего доходитъ щепетильность англичанъ въ этомъ отношеніи, можетъ служить доказательствомъ фактъ, происшедшій въ Глазгоу въ 1853 году: — священники отказались крестить ребенка одного кондуктора при омнибусѣ, который поддерживалъ сообщеніе между Глазгоу и Биллестонемъ, потому только, что кондукторъ не оставлялъ своего дѣла по воскреснымъ днямъ...

Изображеніе Воскресенія Христова. Пользуясь безусловной свободой, парящей въ европейскомъ искусствѣ, современные художники въ картинахъ религиознаго содержанія часто позволяютъ себѣ болѣе или менѣе значительныя отступленія отъ текста Св. Писанія. Это бываетъ, по преимуществу, съ картинами, имѣющими предметомъ Воскресеніе Христово. Въ виду этого обстоятельства, лѣтъ десять тому назадъ въ Римѣ было издано нѣчто въ родѣ наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ, съ точки зрѣнія католической Церкви, изображать Воскресеніе. Это печатное наставленіе называется „Analecta juris pontificis“. „Тѣло Иисуса, — говорится въ этомъ наставленіи, — должно отличатся совершеннѣйшей красотой, лучезарной и возвышенной. Необходимо избѣгать полной наготы; можно прикрыть, напримѣръ, тѣло красной мантией. Точно такъ же слѣдуетъ непремѣнно изображать раны, причиненныя гвоздями и копьемъ. Кто не видѣлъ изображеній Воскресенія, въ которыхъ, въ то время какъ Иисусъ возносится на небо, воины хватаются за оружіе? Изображали даже лающую собаку! Другая

ошибка — изображают гробъ, похожій на наши могилы, съ опрокинутой плитой; Иисусъ выходитъ изъ гроба, ставя одну ногу вѣ его. Евангеліе и святые отцы учатъ насъ, что Иисусъ Христосъ, воскресая изъ мертвыхъ, не имѣлъ нужды опрокидывать плиту; онъ вышелъ, не трогая плиту и безъ малѣйшаго шума. Плита-же была отодвинута потомъ ангеломъ. По временамъ изображаютъ вонюновъ спящими около гроба: это не правдоподобно, ибо строгость римской дисциплины не допускала этого. Не слѣдуетъ точно такъ же изображать Богоматерь среди женъ, пришедшихъ ко гробу: Евангеліе ничего объ этомъ не упоминаетъ, а Отцы Церкви формально опровергаютъ это". — Подобнаго-же рода ограниченія существуютъ и въ Православной Церкви: Кіево-Печерская лабра обнародовала изображеніе, должствующее служить руководствомъ и образцомъ для художниковъ, при изображеніи Воскресенія Христа.

Съ другой стороны, еще въ XVIII вѣкѣ, знаменитый энциклопедистъ Дидро, разбирая картину художника Брена, писалъ: „Эта картина плохо скомпонована, и ея тусклый колоритъ не эффектенъ и не представляетъ сильныхъ контрастовъ. Развѣ это блестящій и лучезарный колоритъ Бога, выходящаго изъ гроба, побѣдившаго смерть и грѣхъ?... Когда предметъ изображенія сверхъестественъ, ему слѣдуетъ оставить все то, что въ немъ есть чудеснаго“...

Орудія страстей Господнихъ обыкновенно изображаются у насъ на пасхальныхъ яйцахъ. Изображенія эти выскабливаютъ ножичкомъ на окрашенномъ въ красную краску яйцѣ. Въ новѣй-

шее время стали украшать пасхальные яйца. различными способами, цвѣтами и картинками, но прежде для такого украшенія считались приличными исключительно слѣдующія изображенія:—крестъ, плать съ нерукотвореннымъ образомъ, конь, цѣпи, трость съ губной, терновый вѣнецъ, связка прутьевъ, чаша, дискъ (въ воспоминаніе сребрениковъ Іуды), мечъ апостола Петра, лѣстница, твояди, молотокъ, вервие, фонарь (Іоанна 18, 3), клещи, надпись „INRI“ и раскрытая рука (Іоанн. 19, 3).

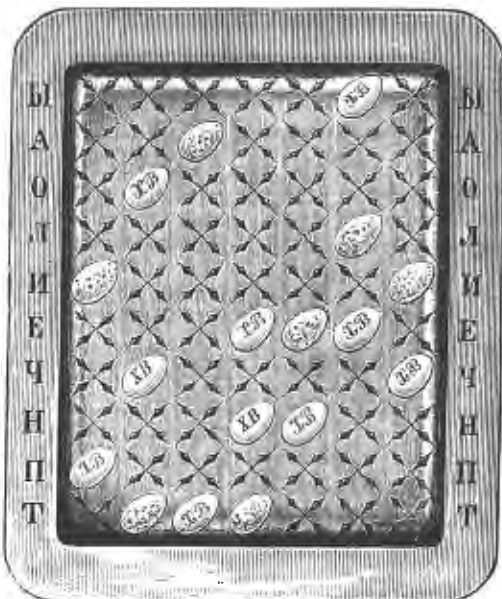
Православный соборъ въ Варшавѣ. Недостатокъ въ православныхъ храмахъ въ Царствѣ Польскомъ ощущается уже давно, и давно принимаются мѣры къ постройкѣ тамъ новыхъ церквей, на что правительствомъ ассигнуется ежегодно соответствующая сумма. Нынѣ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра Внутреннихъ Дѣлъ, разрѣшены и добровольныя пожертвованія на сооруженіе православнаго собора въ Варшавѣ. Вслѣдствіе сего, департаментомъ Государственнаго Казначейства сдѣлано распоряженіе по всемъ казначействамъ Имперіи о безпрепятственномъ приемѣ пожертвований, которыя будутъ вноситься на вышеозначенный предметъ.

Народныя загадки и присловья о яйцѣ. „Въ одной кашнѣ двѣ прислѣшки“. „Бочечка безъ обручика, въ ней пиво да вино не смѣшаются“. „Полна бочка вина—ни клепокъ, ни дна“. „Катится бочка—вѣтъ на ней ни сучка“. „Подъ ледкомъ—ледкомъ сонитъ чашечка съ медкомъ“. „Даль дураку яичко—что покатыл, то и разбилъ“. „Краденое яйцо школяру слаще“. „Хитрый чело-вѣкъ изъ варенаго яйца живого цыпленка добудеть“. „Курица яйцо снесла, да кудахъ-тахъ-тахъ!“...

Пасхальная задача—криптограмма № 9.

Н. В. П.

Требуется прочесть привѣтствіе, привѣвъ во вниманіе форму, положеніе иищъ и буквъ, разставленныхъ на краяхъ подноса.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подлинныя билеты.

Пасхальная задача № 10.

- Уловилъ. 5. 10. 2. 4. 8.
- Хищный звѣрь. 1. 6. 13. 14. 12. 16.
- Городъ въ Мекленбургѣ-Шверинѣ. 2. 10. 4. 5. 6. 12. 8.
- Рядъ силлогизмовъ. 15. 6. 13. 3. 5. 16.
- Игра. 4. 14. 13. 15. 10.
- Подземное млекопитающее. 12. 2. 10. 5. 8.
- Тайна. 11. 14. 12. 2. 14. 5. 16.
- Снарядъ для процѣживанія. 7. 3. 5. 10.
- Городъ Ярославской губ. 13. 6. 11. 5. 10. 9. 8.
- Политическая партія въ Англии. 5. 6. 13. 3.
- Жезлъ Бахуса. 5. 8. 13. 7. 8.
- Мужское имя. 9. 3. 12. 5. 6. 2. 16.
- Часть свѣта. 9. 6. 15. 5. 10. 12. 8.
- Учитель краснорѣчія. 13. 8. 5. 10. 2. 16.
- Поле битвы сѣрбовъ съ турками въ 1389 г. 12. 10. 7. 11. 10. 9. 6.
- Отвага. 13. 8. 15. 12. 8.
- Одинъ изъ царей персидскихъ. 12. 3. 2. 16.
- Богъ древнихъ германцевъ. 5. 6. 13. 8.
- Мужнинъ отецъ. 4. 9. 14. 12. 10. 2. 16.
- Архитектурный стиль. 2. 6. 12. 10. 12. 12. 6.
- Вѣчно зеленый кустарникъ. 9. 14. 2. 14. 11. 12. 8.

1	16	15	14	13	12	11	10	9	10	11	12	13	14	15	16	1
16	15	14	13	12	11	10	9	8	9	10	11	12	13	14	15	16
15	14	13	12	11	10	9	8	7	8	9	10	11	12	13	14	15
14	13	12	11	10	9	8	7	6	7	8	9	10	11	12	13	14
13	12	11	10	9	8	7	6	5	6	7	8	9	10	11	12	13
12	11	10	9	8	7	6	5	4	5	6	7	8	9	10	11	12
11	10	9	8	7	6	5	4	3	4	5	6	7	8	9	10	11
10	9	8	7	6	5	4	3	2	3	4	5	6	7	8	9	10
9	8	7	6	5	4	3	2	1	2	3	4	5	6	7	8	9
10	9	8	7	6	5	4	3	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	10	9	8	7	6	5	4	3	4	5	6	7	8	9	10	11
12	11	10	9	8	7	6	5	4	5	6	7	8	9	10	11	12
13	12	11	10	9	8	7	6	5	6	7	8	9	10	11	12	13
14	13	12	11	10	9	8	7	6	7	8	9	10	11	12	13	14
15	14	13	12	11	10	9	8	7	8	9	10	11	12	13	14	15
16	15	14	13	12	11	10	9	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	16	15	14	13	12	11	10	9	10	11	12	13	14	15	16	1

- Знаменитый бактериологъ. 12. 6. 1. 16.
- Городъ въ Болгаріи. 7. 3. 11. 5. 10. 9. 6.
- Карточная игра. 9. 3. 15. 5. 16.
- Древній Финикійскій городъ. 5. 3. 2. 8.
- Вино. 1. 14. 13. 14. 4. 16.
- Вѣтеръ въ Италіи. 15. 3. 13. 10. 12. 12. 6.
- Трагедія Сумарокова. 1. 10. 2. 14. 9. 8.

По нахожденіи означенныхъ словъ, слѣдуетъ въ помѣщенной выше таблицѣ замѣнить цифры соответствующими имъ найденными буквами. Затѣмъ, начиная съ центральной клетки (цифры 1) нужно читать буквы въ послѣдовательномъ порядкѣ цифръ по какому угодно направленіямъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).— Пасхальная ночь. Фантазія А. Аенскаго.— Свѣтлый праздникъ на позиціи. Вѣкъ изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 г. Ив. Вѣрунина.— Утро Свѣтлаго праздника. Разсказъ А. Желѣзнаго.— Пасхальные обряды, обычаи и повѣрья.— Ель рисункамъ: Пасхальный огонь (съ рис.).— Одинокій (съ рис.).— На колокольнѣ сельской церкви въ Пасхальную недѣлю (съ рис.).— Весенній цвѣтокъ (съ рис.).— Святая ночь (съ рис.).— Съ визитомъ (съ рис.).— Праздниковъ праздникъ (съ рис.).— Открытіе памятника императору Александру II (съ рис.).— Разныя извѣстія.— Политическое обозрѣніе.— Искусство: Ораторія Гайдна. Выставка дамскаго художественнаго кружка.— Сибѣ.— Задачи.— О перемѣнѣ адреса.— Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ, и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6371 14-5

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлонурыхъ, желтая вода для brunetовъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (26)

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Илэстърная бумига, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требовать съ этикетками Fayard et Blayn. Имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. №5980 (16-14)

Казачье охот. № 1-й 20 руб.
Киргизское 30 р. Черкесское 25 руб.
и 40 руб. Английское 25 и 30 руб.
Дамское замш. 35 и 40 руб.
свиной кожи 50 руб.

СЪЕДА
ФАБРИКИ М. И. МАЛЫШЕВЫХ
ВЪ САРАТОВѢ.

Всѣ съѣда съ уздечками и остальн.
полн. прибор. Вѣсъ съ уколор. 30 и
40 ф. Пр.-Кур. илл. за двѣ 7к. марки.

СТАНКИ
для ВЫПИЛИВАНІЯ

рукою и ногою, по дереву и металлу, съ принадлежностями. ♦ Деревянные 3 р. ♦ Желѣзные 5 р. ♦ Также съ заховымъ колесомъ, новѣйшей конструкции, 8 р. ♦ Английскіе, ножные (New Rogers) 15 р. ♦ Заказы выслаются немедленно, можно наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6329

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.
За половину цѣны, именно вмѣсто 4 р. 80 к. за 2 руб. 40 коп., съ перес. 3 руб. 24 раскрашенные картины для нагляд. № 6314 наго обученія, 2-22 заключающія въ себѣ около 600 предметовъ, съ названіями на 5-ти языкахъ; въ пакѣтѣ 3 руб. 20 коп., въ колѣнокорѣ съ золот. отисками и наклеятой картинѣ на картонѣ 4 руб., перес. 80 коп. Высылаютъ за наличн. или съ наложен. платеж. книжн. магаз. Э. Колинскаго въ Варшавѣ, Маршалк. 122.

Рекомендуемъ новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Шведскій зубной эликсиръ . . . фл. 80 к.
Шведскій зубной порошок . . . кор. 50 к.
Шведская зубная паста . . . кус. 80 к.
Шведская амисконовая вода . . . фл. 75 к.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. СПБ.
Парфюмеръ І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ЛЕННИНГЪ и ГИЗНИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ "Нива". № 2450

ЭЛЕОПАТЬ
Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЪ.
ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. аптек. и космет. магазинахъ. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р. 50 к. безъ перес. № 6260 (3)

Провизоръ Кинуненъ.
Проситъ обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона. Провизоръ Кинуненъ.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ
ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ. В. № 6201 8-6

Страховые билеты Общества „Россія“ выдаются во всѣхъ агентствахъ Общества и также на вокзалахъ Главныхъ станцій желѣзныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣздовъ.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ
искусственными **БРИЛЛІАНТАМИ:**
превосходными

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Цара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6289 10-4
№ 358. Золотыя серьги на винтахъ. Цара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20-31.
Товаръ пересылаю наложеннымъ платежемъ.

НАШЕ КЛЕЙМО

ФАБРИЧНОЕ.

Имѣемъ честь обратить вниманіе уважаемой публики на то, что въ продажѣ встрѣчается обувь, имѣющая на подошвѣ клеймо очень сходное съ нашимъ. Такъ какъ мы отвѣчаемъ только за обувь нашего производства, то намъ желательно ближе познакомить публику съ нашимъ фабричнымъ клеймомъ, утвержденнымъ Департаментомъ Мануфактуръ, которое помѣщаемъ выше, и

дѣла
ПОДДѢЛЬНЫЯ,

которыя были помѣщены на обуви чужого производства. Клейма эти очень схожи съ нашимъ, почему мы и просимъ, каждаго покупающаго нашъ товаръ, обращать вниманіе на разницу таковыхъ. № 6337

Товарищ. СПБ. Механ. Производ. Обув.

ЗАВОДЪ огнеуп. кирпича для доменныхъ, ваграночныхъ, коксовыхъ, домовыхъ и др. печей. Экспортъ огн. глины и шамота. Пр.-Кур. вмс. немедленно. Ст. Часовъ-Нуръ Донецкой ж. д. Владиміру Плещееву. № 6328 2-1

КТО желаетъ имѣть для своихъ глазъ очки съ хорошими стеклами, которыя укрѣпляютъ зрѣніе, рекомен. отяж. маг. Я. Вурцельдорфа, Варшава, Королев. ул., № 49/8.

ПО СЛУЧАЮ
продается имѣніе въ Крыму вблизи Чернаго моря, виноградникъ, фруктовый садъ, хлѣб. домъ съ хорошей мебелью, экипажи и всѣ постройки, за 25.000 руб. № 6330
Узнать: Москва, Кудрино, д. Молчанова, кв. 44.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (3)
Специалистъ хронометровъ. СШБургъ, Невскій пр. № 52 проф. Имп. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ маг. газина. Ручательство на 2 года. № 6283

Английскіе велосипеды завода **Зингеръ и Н°**, рекомендуютъ **ГЕНРИХЪ ЖЕМЛИЧКА.**
Москва, уголь Тверской и Старого Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, маг. № 19. Высылаются прейсъ-курантъ. (1)

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ А. КОССОДО.**

Методъ премированъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52-10

За 2 семиклассныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ПРОИЗВОДА **АМОСТРОУМОВА**
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УТВЕРЖЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
ВЪ РУССКОМЪ ЦАРСТВѢ
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ КЛЕЙМОКЪ.

ТЕЛЕГРАММА!
Парижъ (22-го февраля 1893 г.)
Беконне побилъ всемирный рекордъ
Г. Пашо 116 миль (174 версты) въ 6 часовъ на велосипедѣ

Компаніи РУДЖЪ въ Ковентри.

ВЕЛОСИПЕДЫ разные. Кресла на колесахъ для больныхъ; исправленіе, новыя части и принадлежности для велосипедовъ.
Спеціальное велосипедное заведеніе **І. А. ЦИММЕРМАНЪ.**
По Мойкѣ, домъ Вейдле, № 49, во дворѣ, у 2-1 Полицейскаго моста. Ц. № 6327
Лѣтомъ: Въ Царскомъ Селѣ, Отдѣленіе.

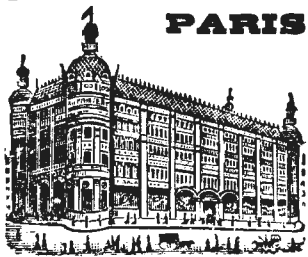
УДОЧКИ
и всѣ вообще принадлежности для рыбной ловли получены изъ Англии въ большомъ выборѣ въ маг. С. И. Дойникова Невскій просп., № 27. Милутиный рядъ, С.-Петербургъ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылаются безплатно.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“
Франкфуртъ и/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24-3 велосипед. „Орель“.
На всемирной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83. Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
В. № 6331 6-1
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственнаго фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ВАЖНО ДЛЯ МАТЕРЕЙ.
Вновь усовершенствованный профессоромъ Сонслетомъ въ Вѣнѣ, аппаратъ для кипяченія и **СТЕРИЛИЗАЦИИ МОЛОКА**
есть одно изъ необходимѣйшихъ изобрѣтеній для каждой матери. Онъ служитъ для безусловнаго уничтоженія всѣхъ болезнетворныхъ микро-организмовъ, какъ въ молокѣ, такъ и въ искусственныхъ смѣскахъ, употребляемыхъ для кормленія дѣтей. Печатное подробное описаніе раздается и высылаются желаніемъ безвозмездно и аппараты продаются по крайне пониженнымъ цѣнамъ **ВЪ ГИГИЕНИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ МАГАЗИНА Р. КЕЛЕРА и Н°**, въ Москвѣ. Ц. № 6177

НЬЮ-ГОМЪ
оригинальная, американская усовершенствованная **ШВЕЙНАЯ МАШИНА**
К° „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжѣ (Шт. Массачусетс, Сѣв. Америка) пользуется всемирною извѣстностью; проста, прочна, изящна; отличается: высокимъ рукавомъ, новымъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-мя нитками шитую строчку; употребляетъ прямую саов-вещающуюся (безъ шьрки) иглу; годна для домашняго и ремесленнаго употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей кисеи до толстѣйшаго сукна.
ГАРАНТИЯ 5 ЛѢТЪ.
Прейсъ-курантъ и описаніе по требованію Склада и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовъ. Главный представитель для всей Россіи: **„Работникъ“**. Высоч. утвержд. Товарищество „Работникъ“. Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ. Ц. № 6248 10-6

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré, renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON d'ETE, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Ce
PARIS.

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue.

INTERPRÈTES DANS TOUTES LES LANGUES

КУРОРТЪ И МОРСКОЕ КУПАНИЕ

ШЕРНОВЪ

Лифляндской губернии.
Сезонъ съ 20 мая по 31 августа.
Подробитѣйшія свѣдѣнія бесплатно чрезъ
Купальную Комиссію.

№ 6276 4-3

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

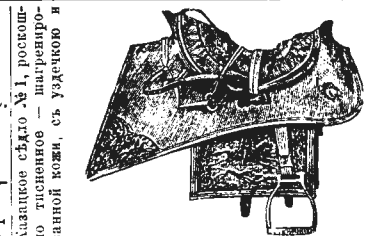
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.

Невскій просп. № 42. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Рекомендуетъ часы собственнаго производства ПРУССКОЙ СИСТЕМ.

Лицамъ которымъ точный и вмѣстѣ съ тѣмъ недорогой измѣритель времени, составляетъ существенную необходимость, ручательство за вѣрность хода и прочность механизма на четыре года.

ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙС-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Казанское сѣдло № 1, раскошное по лицевому — накрепко привинчено к седлу, съ удержкою и остальн. полн. приборомъ 20 р. Также № 2 — 16 р. Пересылка по ж. д. 2 руб. Почтою за 30 фунт. Фабрика М. и И. МАЛЫШЕВЫХЪ, Саратовъ. Преис.-курант. выс. за дѣл 7 к. марки.

П. № 6302 12-3

Велосипеди англійскаго завода „Гумберъ и К^o. Лмтд.“ лучше въ свѣтъ! предлагаетъ торговый домъ **Г. ЖЕМЛИЧКА и К^o.** Москва, Неглинный просп., домъ Ежиной. Преис.-куранты — бесплатно.

„КАПРИЗЪ ДУХИ — „Капризъ Невы“
НЕВЫ“ О-ДЕ-КОЛОНЪ „Капризъ Невы“
МЫЛО — „Капризъ Невы“

„Мюскъ“ Духи ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТИ „Мюскъ“ Мыло
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются прекрасными достоинствами и изготовлены для вы-
Ц. № 6281 ставки въ ЧИКАГО. 15-3

СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9. Невскій, 69.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

КРАСКА

ДЛЯ ВОЛОСЪ

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашиваетъ въ черной и коричневый прочный цвѣтъ, — смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе. № 5924

Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 50 к.

Главный складъ А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Басейная, № 2. Получить можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ известнѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. № 6326 В. ГЕНА въ Вѣнѣ 8-1

изъ грецкихъ орѣховъ.

Безвредное средство для быстрого окрашивания волосъ и бороды въ черный, русый, темно и свѣтло-каштановый цвѣтъ. Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ МАРКА.

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придающіе неправильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, высылаются за 1 р. 10 к. шт. съ наложн. платежемъ. Адр.: въ Москву У. Шильдъ.

КАТАЛОГИ на 1893 г. **БЕСПЛАТНО**

АНГЛІЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ старѣйшей фабрики компани **РУДЖЪ** Ковентри съ новостями на 1893 годъ. Представители для всей Россіи Ц. № 6299 торговый домъ **АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ.** Москва, Мясницкая, д. Сытова.

EAU, PÂTE, POUDDRE DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE

DE LA FACULTÉ DE MEDECINE DE PARIS

EN VENTE PARTOUT

№ 6285 13-8

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ УДОСТОЕННЫЙ СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛИ НА ВЕРСКОМОСКОМЪ ВЫСТАВЛЕНЪ 1889 г.

А. СІУЧКО

ПАРФЮМЕРА

ВЫСШАГО КАЧЕСТВА МОСКВА.

ПРЕЙС-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА **П. К. Прянишниковъ и В. Н. Маракуева**

выслагаетъ бесплатно каталоги по народнои и дѣтской литературѣ, по сельскому хозяйству, техническимъ и научно-популярнымъ книжкѣ

Каталоги выходятъ 3 — 4 раза въ годъ. Адресъ: Москва, Пятъевскій пер., домъ Гуськова. Ш. № 6216 3-3

ГЛАВ. СКЛАДЪ МОСКВА У Л. Д. СТОЛКІНДЪ.

ОСТЕГЕТСЯ ПОДРОБНО

КРУПНИКІИ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ КРЫСЪ и МЫШЕЙ

ПРОВ. ФРОНШТЕЙНЪ

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ по 30 и 50 к.

ФУРКАСОВС. ПЕР. Д. ОБИДИНОИ

НОВОСТЬ! СИМФОНИИ

Музыкал. листки съ пережѣвлющ. нотами

Малые ручные безъ пьесъ 16 р.
заводные. 16 р.
Ноты къ нимъ по 35 коп.
Большіе 60-ти-тонные безъ пьесъ 30 р.
84-хъ 45 р.
Sublime Harmonie 80 р.
Ноты къ нимъ по 60 коп., 75 коп. и 1 руб.
Иллюстриров. преис.-курантъ и каталогъ 4-4 ить — бесплатно. Ц. № 6335

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, домъ Волкова.

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.

Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассаажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссенъ букетъ	Вioletъ де Парма	Бѣлая роза
Жаски клубъ	Розеда	Милль-Флеръ
Букетъ императрисы	Люби меня	Акація
Илангъ-Илангъ	Стеялль букетъ	Гіацинтъ
Майскій-Ландышь	Iris	Киссъ ме вивіе
Бѣлый гелотропъ	Эдельвейсъ	Испанская роза
Бѣлая лилія	Жасминъ	Свѣжее свио
Сирень перс.	Олопанакъ	Черемуха
Левкой	Шипръ	Lilas Heuri
Фіалка	Букетъ де Цааръ	Lotus.

ПРОБНЫЕ флаконы высылаются не меньше 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкой во весь городъ Россіи. (кром. Сибиріи)

№ 6131 (9)

ШОКОЛАТЬ

ФАБРИКИ СЕСТУКЪ

ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ

НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ

МАРКА

ПОДАРКИ НА ПАСХУ.

Изданія А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ, виньетокъ и 24-мя эстампами на мѣди художника К. В. Лебедева, извѣстнаго иллюстратора и знатока русской старины.

Авторомъ книги, П. Н. Полевымъ, въ этой книгѣ собраны лучшіе изъ его историческ. разсказовъ и повѣстей, живописующихъ домашній бытъ, нравы, обычаи и семейную жизнь нашихъ предковъ.

Книга представляетъ собою большой изданный томъ (болѣе 450 стр., in 8°), на лучшей веленовой бумагѣ. СПб. 1893 г. II. 5 р., съ пересылкой 5 р. 80 к., а въ роскошномъ коленкоров. перепл. 6 р., съ перес. 7 р.

То же изданіе, отпечатанное на лучшей голландской бумагѣ (эстампы на кляшевой бумагѣ) 25 р., съ перес. 26 р., въ полушпирен. перепл. 23 р., съ перес. 30 р.

съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій посл. № 6, въ СПБ.

Большое роскошно иллюстрированное изданіе

ГЕТЕ

„ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

АНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРЦА,

исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ,

Альгейеромъ, Зигле и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., для подписчиковъ „Нивы“ 35 р., пересылка за 35 фунт. по разсчету.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. Н. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 480 прекрасно исполн. гравюрами — копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 р., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы“ 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ пер. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

ФИСГАРМОНИИ

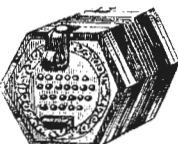
американскія, французскія и фабрики Шидмайера, рекомендованная Главачемъ Гензельтомъ. Листомъ и др. въ 85, 100, 110, 125, 130,

140, 150, 160, 170, 180, 190, 200, 225, 250, 275, 300, 325, 400, 450, 500, 550, 600, 700, 800, 1000 руб. и дороже.

Самочитель для фисгармоній Пахе 2 р. Играть на фисгармоніи можно выучиться легко.

Иллюстрированный прейс-курантъ фисгармоній — безплатно.

АНГЛІЙСКОЕ КОНЦЕРТИНО,

небольшой инструментъ очень пріятнаго тона съ полной хроматической гаммою, на которомъ можно легко выучиться играть.

СОПРАНО 48-тонны въ 24, 30, 40, 55, 70, 100, 125, 140 руб. и дороже, 56-тонны въ 200 и 225 р.

БАРИТОНЫ 48-тонны въ 85, 160 и 225 руб.

Самочитель Ротингеина 2 руб.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо

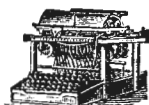
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:

С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.

Москва Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

№ 6274 **НОВАЯ КНИГА:** 18—6
ВОСПОМИНАНІЯ ЮРІЯ АРНОЛЬДА.
3 вып. съ портрет. автора, п. 5 руб. с. Въ извѣсти, кн. магазиннахъ. Складъ въ нижнемъ магаз. Ф. А. БОГДАНОВА, Москва, Петровка, Петровскія линіи, 5. Магаз. выс. всевозможн. русск. книги.

ШИПУЦАЯ МАШИНА 25—13

РЕМИНГТОНА № 5

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и много правительствъ и частныхъ учрежд. Прейс-курантъ, содерж. многочисленные отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 5999. Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

Только что вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ

ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ

новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

переводъ подъ редакціею П. Н. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 выпуска, каждыи—въ роскошной обложкѣ; по одному выпуску черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается и каждыи новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 руб., а съ пересылкою иногороднымъ 14 руб. Безъ доставки въ Москвѣ (въ Конторѣ Н. П. Печковской)—13 руб.

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—4 руб., къ 1-му мая—2 р., къ 1-му іюня—2 р., къ 1-му іюля—2 руб., къ 1-му августа—2 руб., къ 1-му сентября—1 руб. и къ 1-му октября—1 рубль.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПБ., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магазинахъ.

Желающимъ ознакомиться съ изданіемъ, 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылается за 50 коп. почтовыми марками.

ДЛЯ УХОДА ЗА ЗАРАЗНЫМИ БОЛЬНЫМИ

имѣю честь рекомендовать слѣдующіе предметы:

Грѣлка для желудка наполняется кипяткомъ, резиновая 5 р., металлическая 2 р. 50 к.

ПОВЯЗКА ДЛЯ НИВОВА

изъ толстой байки 1 р., изъ двойн. байки 2 р.

Для согревающихъ компрессовъ

батистъ покрытый резиновымъ дешетомъ за аршинъ 1 р. 50 к.

Готовый согревательный компрессъ

съ войлокомъ Присница для желудка 4 р. 50 к.

ЖЕЛУДОЧНЫЙ ЗОНДЪ

изъ полированной резины для выскоихъ клистировъ 1 р. 50 к.

КРУЖКА ЭСМАРКА

съ книшкою и гарнитуровъ, эмалиров. 3 р. 75 к.

стеклянная 2 р., складн. резинов. 3 р. 75 к.

НАБОРЪ Д-РА ОШЕНГЕЙМА

состоящій изъ всѣхъ предметовъ для вливанія жидкостей подъ кожу и выскоихъ клистировъ 8 р.

НАБОРЪ Д-РА КОБЫЛИНА 5 р.

СТЕКЛЯННЫЙ ШПРИЦЪ

съ иглами, для впрыскиванія подъ кожу, большой 5 р., малый 1 р. 50 к.

МАКСИМАЛЬНЫЙ ТЕРМОМЕТРЪ

для измѣренія температуры тѣла, достаточно 5 минутъ, 1 р. 50 к.

ГЕРМЕТИЧЕСКІЙ КЛОЗЕТЪ

легко переносимый 12 р.

ГЕРМЕТИЧЕСКОЕ ВЕДРО

для испраженій, съ эмалиров. внутр. 9 р.

для грязнаго бѣлья противъ заразы 6 р.

ПОДКЛАДНОЕ СУДНО

фарфоровое 1 р. 25 к., эмалиров. 2 р. 50 к.

ПУЛЬВЕРИЗАТОРЪ-ДЕЗИНЕФЕКТОРЪ

для дезинфекціи комнатнаго воздуха, обмыванія стѣвъ, потолковъ, мебели, кроватей и пр., большой съ 6-ю рожками для больницы, казармы и пр. 33 р.; средней съ 4-ми рожками для пріютовъ и пр. 10 р.; малый съ 1-мъ рожкомъ для домаши. употребленія 3 р.

Рожки у этихъ пульверизаторовъ переставляются по надобности, отъ самой тонкой выли до крупной струи.

РЪЧНОЙ ГИДРОУЛЬТЪ

для обмыванія стѣвъ и потолковъ и проч. мѣдный 10 р., цинковый 2 р. 50 к.

НАБОРЪ ДЛЯ АПТЕКИ НА ФАБРИКАХЪ И МАСТЕРСКИХЪ,

составленный согласно обязательному постановленію СПБ. Столичнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія 8 р.

РЕЗИНОВОЕ ПОЛОТНО

для подстилки на кровать 1 р. 50 к. и 1 р. за аршинъ.

ПЕРЕДНИКЪ РЕЗИНОВЫЙ

съ рукавами, длинный 8 р., безъ рукав. 3 р.

СКЛАДНЫЯ НОСИЛКИ

на ножкахъ 12 р., безъ ножекъ 10 р.

Респираторъ Куршмана 3 р.

Колпакъ резиновый для головы 50 к.

Перчатки резиновыя 1 р. 50 к. за пару.

Щетка носовая для растираній 75 к.

Перчатка со щеткою для растираній 1 р. 75 к. за штуку.

Повязка для санитаровъ и фельдшеровъ

съ красивымъ крестомъ 1 р. 50 к.

ПОРОШОКЪ ЗОТОВА

безъ запаха, уничтожаетъ всякое зловоніе, 25 к. за фунтъ.

Приборъ для домашняго приготовленія паровой ванны,

при помощи котораго каждыи можетъ во всякое время у себя въ комнатѣ, на своей постели, быстро довести себя до сильнѣйшей испарины, 25 р.

Каждъ и всѣ прочіе хирургическіе и перелазочные предметы. № 6138

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ.

Складъ резиновыхъ товаровъ

БОЛЬШАЯ МОСКВА, № 34. Господамъ иногороднымъ отправляю съ положеннымъ платежмъ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
Д-РА ЛЕНГИЛЯ
въ ВѢНѢ
для БѢЛЫХЪ, СМЯЧЕННЫХЪ
и ЧИСТОТЫ
КОЖИ, ЛИЦА
и РУКЪ

Тридцать Жожжъ Свежей Визъ,
рекомендуется какъ
Хорошее Туалетное Мыло

НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ
ВАСИЛИЯ АУРИХЪ въ С.-ПЕТУРГѢ
ЕДИНСТВЕННАГО АГЕНТА
для Россіи.

XXIV г.
№ 14

г. XXIV
1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ НАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСН. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и Выданъ 3 апрѣля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Ц. этого № безъ Сборника 20 к., съ пер. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

въ „НИВЪ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 3 fr.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петер-

бургъ 5 р.

Съ доставкою въ Петер-

бургъ 6 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.

Н. Н. Печковской, Невроиск. Торг. лин. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе го-

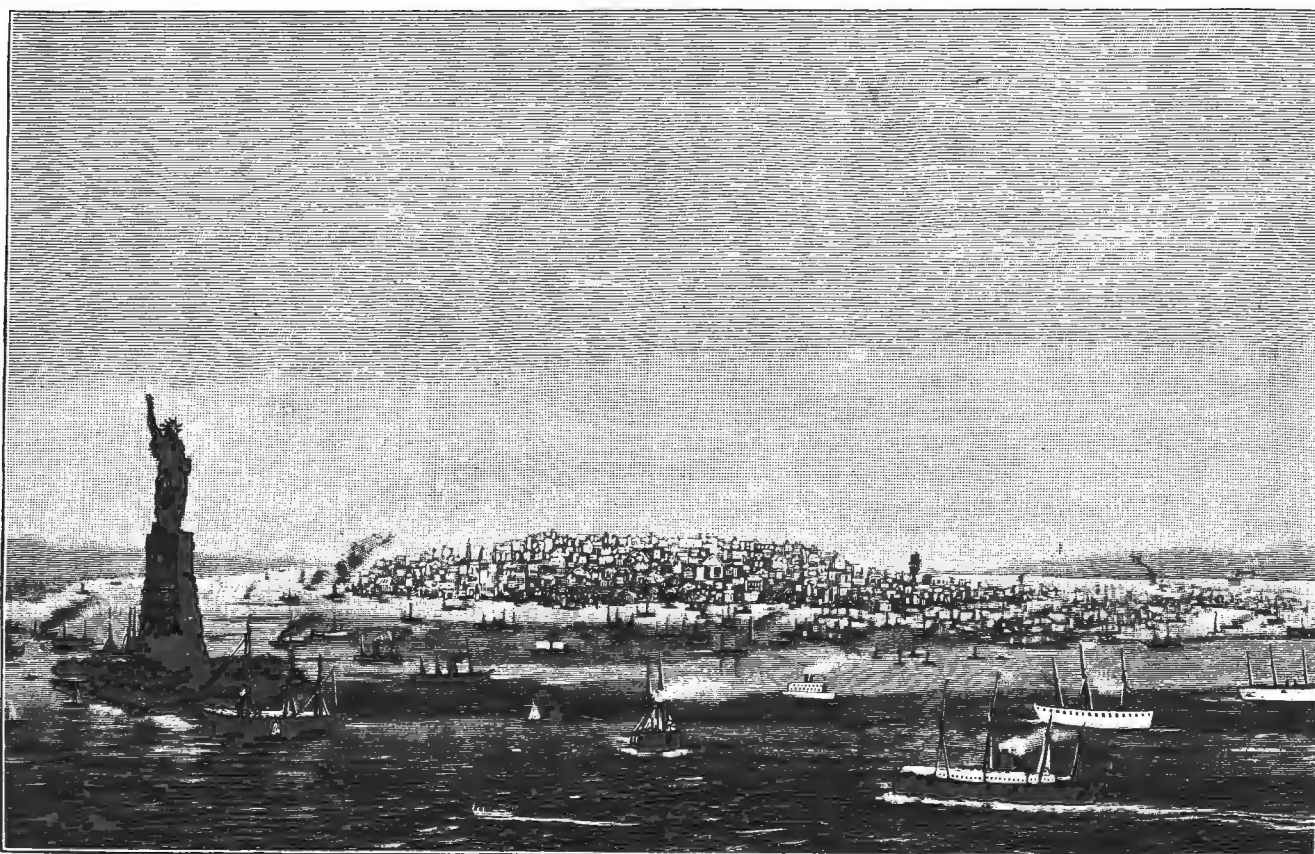
рода Россіи 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при „НИВЪ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА АПРѢЛЬ (СОЧИНЕНІЯ ЛОМОНОСОВА)**; 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** за АПРѢЛЬ 1893 г. съ 26 рисунками и отд. лист. съ 28 чертеж. выкр. въ натур. величину и 22 рис. вышивальныхъ работъ.

Выставка картинъ проф. И. К. Айвазовскаго. „Статуя Свободы и гавань въ Нью-Йоркѣ.“ Съ фот. грав. Рашевскій.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).

II.

Ротный командиръ.

Пусть всякій замѣтитъ и прослѣдитъ на себѣ, какъ судьба сталкиваетъ, обыкновенно, человѣка, при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ жизни, все съ тѣми-же самыми людьми, словно ему заранѣе отмежеванъ извѣстный кругъ общества, въ которомъ онъ долженъ вращаться. И во встрѣчахъ этихъ нѣтъ ничего страннаго, напротивъ, онѣ неизбѣжны, такъ должно быть со всѣми, такъ было съ Артеміемъ и съ Карломъ.

Карль фонъ-Эйзенбахъ, вернувшись изъ Проскурова съ полною неудачей относительно своего сватовства, поразилъ неожиданнымъ прїѣздомъ своимъ отца, совсѣмъ уже готоваго лично отправиться въ путь, въ имѣнье князя. Старикъ Эйзенбахъ былъ такъ удивленъ, вдругъ увидѣвъ сына, что въ первую минуту не повѣрилъ своимъ глазамъ.

Когда-же онъ узналъ причину возвращенія Карла и увидѣлъ, что на свадьбу его съ княжною надѣются нечего — онъ пришелъ въ отчаяніе настолько, насколько можетъ, однако, придти въ отчаяніе солидный человѣкъ, какимъ былъ старый баронъ фонъ-Эйзенбахъ.

— Ты знаешь, милый Карль, сказалъ онъ наконецъ сыну послѣ долгаго обсужденія, — что нѣтъ такого случая, изъ котораго нельзя было бы выйти... И я нашелъ выходъ...

Карль всегда вѣрилъ мудрости отца, и потому сейчасъ же выказалъ полную готовность повиноваться.

Старый баронъ объяснилъ свой планъ, который заключался въ томъ, что Карль долженъ былъ ѣхать въ дѣйствующую армію, гдѣ можно, казалось, легко выдѣлаться, потому что офицеровъ было мало. Къ тому же, Карль изъ гвардіи сразу могъ быть назначенъ ротнымъ командиромъ.

Разъ рѣшеніе было принято, приведеніе его въ исполненіе не откладывалось. Баронъ принялся хлопотать. Хлопоты оказались не трудными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Карль не особенно торопился ѣхать. Положеніе молодого, цвѣтущаго и виднаго (онъ сталъ снова въ глазахъ окружающихъ молодымъ, цвѣтущимъ и виднымъ) офицера, отправляющагося на войну, нравилось ему. Постигшая его неудача сразу же забылась, когда стало извѣстно, что онъ ѣдетъ въ дѣйствующую армію. Наконецъ онъ уѣхалъ.

Только подъ Кюстриномъ нагналъ онъ русскую армію. Его назначили въ Тарасовскій полкъ. И вотъ, явившись на мѣсто новой своей дѣятельности, онъ намѣревался ретиво приняться за нее...

Онъ уже заранѣе обѣщалъ себѣ, что тамъ покажетъ имъ, какъ это все нужно сдѣлать.

Его интересовала рота. И онъ приказалъ капрану на другой день собрать роту, чтобы посмотреть ее и познакомиться съ нею.

Приказаніе было исполнено. Люди надѣли мундиры, вычистили амуницію, и въ то время, когда остальные роты собирались къ котламъ, откуда уже несся паръ разваренной каши — выстроились въ ряды, въ ожиданіи новаго ротнаго командира.

Ровно въ назначенный часъ появился Карль фонъ-Эйзенбахъ, блестя своею новою, почти съ иголки, формою, эполетами и ботфортами.

Онъ сразу хотѣлъ завести строжайшую дисциплину, и потому нарочно назначилъ такой часъ для смотра, въ который солдаты, обыкновенно, ѣли.

„Дядя“ скомандовалъ „смирно“. Карль подошелъ къ фронту, поздоровался и оглядѣлъ людей. Разумѣется, они всѣ стояли совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ: ни

стойки, ни даже порядочнаго равенія... Тотъ старый капранъ распустилъ роту — сержантъ ничего не дѣлаетъ... И Карль взглянулъ на сержанта.

Артемій стоялъ, вытянувшись и прямо глядя передъ собою. Онъ узналъ Карла еще издали, видѣлъ, какъ тотъ обвелъ ихъ всѣхъ глазами, какъ взглянулъ на него, и видѣлъ тотъ мигъ, когда Карль узналъ его.

Карль, дѣйствительно, сейчасъ же узналъ Артемія, лицо котораго вѣдалось въ его памяти. Какъ ни поразительна, какъ ни неожиданна была эта встрѣча, но чувство весьма понятнаго удивленія въ Карлѣ быстро уступило мѣсто другому чувству, и это другое чувство было не совсѣмъ, но почти радостью или, вѣрнѣе, какимъ-то радостнымъ удовлетвореніемъ. Изъ-за этой одной минуты ихъ неожиданной встрѣчи стоило прїѣхать въ дѣйствующую армію.

Еще вчера, когда Карль узналъ, что сержанта его роты зовутъ по фамиліи Проскуровскій, его поразило это, но онъ подумалъ, что тутъ просто совпаденіе.

Но теперь онъ видѣлъ передъ собою живого Артемія — такимъ, каковъ онъ былъ, и какимъ онъ видѣлъ его тогда, въ саду, среди благоухающихъ розъ, счастливаго свиданіемъ съ Ольгой, когда эти же розы безпощадно кололи своими острыми шипами его судорожно сжимавшія ихъ руки, когда соловей пѣлъ и дразнилъ его, и разрывалъ ему сердце на части.

И это воспоминаніе со всею болью еще живого оскорбленія охватило Карла, и вся злоба поднялась въ немъ. Глаза ихъ встрѣтились, и словно искра пробѣжала между ними.

Карль сдѣлалъ большой шагъ впередъ, прямо на Артемія.

— Какъ стоишь? крикнулъ онъ, подступая. — Голову... плечи... Рано въ сержанты пональ... молодъ еще, такъ я тебя выучу...

И говоря это, Карль чувствовалъ, что его такъ и подмывало говорить дальше.

Артемій стоялъ, не шелохнувшись.

И какъ бы для того, чтобы показать, что онъ знаетъ самъ, что спрашиваетъ, потому что знаетъ службу, онъ продолжалъ:

— Уставъ извѣстенъ тебѣ, а?.. Помнишь, что въ немъ про сержанта сказано?.. — И, забравъ глубоко грудью воздухъ, онъ отчеканилъ, словно по писанному: „На немъ лежитъ зѣло многое дѣло въ ротѣ; того ради нужно, чтобы онъ дослуженъ былъ отъ нижняго чина, дабы знати могъ всѣ свои надлежащія поступки...“

„А самъ-то ты дослуженъ?“ подумалъ Артемій.

И вдругъ ему стало неудержимо смѣшно, потому что онъ подумалъ о томъ, какъ сегодня вечеромъ солдатъ Фридрихомъ, котораго „обижали“ Фридрихомъ, будетъ представлять эту сцену и вертѣть таліей, такъ же вотъ, какъ баронъ, и говорить, грубо, но похоже подражая его голосу.

Эйзенбахъ видѣлъ въ лицѣ Артемія насмѣшку и, чувствуя угрюмо устремленный на себя взглядъ остальныхъ людей, тупо смотрѣвшихъ на него, какъ на человѣка, который хочетъ ихъ учить чему-то, когда они знаютъ уже самое главное въ жизни, т. е. какъ люди умираютъ, — какъ будто понялъ, что его щеголеватый мундиръ, а главное — не менѣе мундира щеголеватая горячность, не совсѣмъ-то умѣстны здѣсь; но это было лишь минутное просвѣтленіе, которое онъ счелъ за слабость и поспѣшилъ заглушить въ себѣ.

Онъ глянулъ опять на Артемія.

Въ глазахъ Артемія такъ и свѣтилась улыбка.

Отступившая было злоба Карла снова нахлынула и съ большею еще силою, потому что был перерывъ. Сердце забилося у него, дыханіе сперлось, въ глазахъ потемнѣло...

— Ты... задыхаясь, сквозь зубы, проговорилъ онъ, — ты смѣяться надо мной...

И рука его съ сжатымъ кулакомъ поднялась наотмашь.

Щеки Артемія вдругъ стали совсѣмъ бѣлыя, бѣлыя, какъ мѣль.

Рука Карла опустилась. Онъ опомнился.

Злобный порывъ прошелъ, но не прошла ревность Карла къ службѣ... Онъ заставилъ солдатъ маршировать, и нашелъ, къ своему ужасу, что они совсѣмъ этого дѣлать не умѣютъ, а просто идутъ въ ногу, путемъ опыта выработавъ положеніе для тѣла самое удобное на ходу и совсѣмъ не такое, какое требовалось при маршировкѣ съ поднятіемъ въ три приема ноги на гвардейскихъ парадахъ.

Онъ сталъ учить, какъ слѣдуетъ дѣлать маршировку въ три приема.

Остальныя роты—пообѣдали, убрали уже котлы, а седьмая, которою командовалъ Карлъ, все еще ходила по счету, подымая какъ можно выше ногу. Люди повиновались, но ихъ озлобленныя, голодныя лица, съ зло поджатыми губами, не предвѣщали ничего добраго для своего начальника.

Звукъ-ли барабана, отъ котораго Карлъ успѣлъ отвыкнуть за время дороги, или доносившійся грохотъ ядеръ бомбардировки Кюстрина, или желаніе заглушить свою злобу, или все это вмѣстѣ—возбуждали Карла къ усиленной дѣятельности, и онъ изъ кожи лѣзъ, обучая голодныхъ солдатъ и вообразая, что этимъ сразу забираетъ роту въ руки, потому что показываетъ, какой онъ есть, на самомъ дѣлѣ, строгій начальникъ.

Выстрѣлы со стороны Кюстрина становились все чаще и чаще; наши, принявшись за дѣло, не уставали, и эти гулки, доносившіеся издали, выстрѣлы, къ которымъ привыкло уже ухо солдатъ, какъ мельникъ къ стугу жернова,—были для Карла первыми, слышанными имъ, *настоящими* выстрѣлами, т. е. такими, которые посылались не для того, чтобы разрушить искусственную цѣль, а для того, чтобы убить какъ можно больше людей.

Но Карлъ не видалъ этихъ убитыхъ людей, и потому отдаленный грохотъ ядеръ, бой барабана и бряцаніе оружія солдатъ были для него полными поэзіи звуками войны и дѣйствовали возбуждающе.

Онъ командовалъ, горячился, показывалъ, и забылъ же о времени.

По его расчету еще много надо было „поработать“ надъ ротою, чтобы привести ее въ болѣе или менѣе приличный видъ, какъ вдругъ ему пришлось скорѣе, чѣмъ онъ думалъ, убѣдиться, чѣмъ была, на самомъ дѣлѣ, его рота.

Съ фермы прискакалъ адъютантъ, съ приказаніемъ немедленно сниматься и идти.

Адъютантъ казался сильно взволнованъ, и на лицѣ его была уже замѣтна та тѣнь внушительной серьезности, которая является у военныхъ передъ началомъ настоящаго дѣла, и серьезность эта сейчасъ же перedalась окружающимъ.

„А, что — сраженіе, мы идемъ въ сраженіе?..“ блеся глазами и, какъ новичокъ, радуясь, думалъ Карлъ и, вѣроятно, спрашивалъ объ этомъ у адъютанта, потому что тотъ отвѣтилъ ему:

— Нѣтъ, пока еще не идемъ, а отступаемъ.

— Да, отступаемъ, согласился Карлъ и оглянулся на капрала.—Я думаю, люди успѣютъ пообѣдать еще? нѣсколько сконфуженно спросилъ онъ.

Капралъ махнулъ рукою и отвѣтилъ только:

— Эхъ, ваше высокоблагородіе!.. Но въ этомъ отвѣтъ

было сказано многое: „Мы васъ потѣшили, говорилъ этотъ отвѣтъ, — голодные промаялись, все сдѣлали по вашему, не мѣшайте же теперь и намъ...“

И, словно получивъ отъ ротнаго командира приказаніе, капралъ сталъ дѣлать распоряженія.

Въ постоянной борьбѣ походной жизни, у этихъ людей выработались совсѣмъ иные приемы команды, болѣе простые и ясные, чѣмъ это требовалось уставомъ.

Карлъ, всегда гордившійся своимъ знаніемъ устава, которое ставилось въ примѣръ другимъ, обыкновенно,—увидѣвъ теперь вдругъ передъ своими глазами такое, чего онъ никакъ-бы не могъ предполагать; солдаты его роты вдругъ разбѣжались съ крикомъ и шумомъ, произошла какая-то сумятица, кажущаяся безтолковщина, хотя старый капралъ все время распоряжался и, должно быть, все понималъ,—и вдругъ, какъ-бы по волшебству, всѣ палатки исчезли, куда-то спрятались, и люди снова выравнялись въ ряды... со всѣхъ сторонъ кругомъ шли и двигались солдаты, и не успѣвъ Карлъ опомниться, какъ мѣсто, занятое только что лагеремъ, опустѣло, и самъ онъ, Карлъ, съ своей ротой шелъ уже въ рядахъ выбравшагося на дорогу полка.

„Однако они вѣдь не ѣли“, подумалъ онъ снова и, поглядѣвъ на солдатъ, удивился ихъ бодрому и выносливо покорному виду, съ которымъ они шли, забывъ, разумѣется, наставленія размѣреннаго, считаннаго шага.

III.

Первое дѣло.

Выступленіе застало Карла врасплохъ, и послѣ перваго-же перехода онъ не могъ уже разобрать, куда дѣвались его вещи... Денщикъ его куда-то исчезъ. Карлу сказали, что онъ, вѣроятно, въ обозѣ. Эйзенбахъ рѣшилъ потерпѣть до завтра, но на другой день ихъ опять повели, они шли лѣсомъ, перебрались черезъ овраги и, наконецъ, остановились. Карлъ узналъ, что они располагаются на позиціи, что король Фридрихъ соединился съ графомъ Дона противъ нихъ, что пруссаки, вѣроятно, будутъ атаковать, и что вещи его находятся въ обозѣ, отправленномъ къ Клейнъ-Камину и расположенномъ тамъ вагенбургомъ.

Названіе „Клейнъ-Камина“ знали, но, гдѣ именно былъ онъ, указывали различно.

Карлъ „пока“ рѣшилъ обойтись какъ-нибудь безъ вещей, потому что не хотѣлъ оставлять роты безъ себя. Состояніе этого „пока“ было истиннымъ выраженіемъ его теперешняго положенія. Такъ же, какъ онъ рѣшилъ вещи оставить пока, рѣшилъ онъ не приводить *пока* въ ясность отношеній своихъ къ Артемію, своему подчиненному.

Эйзенбахъ въ первый разъ еще чувствовалъ себя „наканунѣ сраженія“ — и не понималъ, что всѣ, которые окружали его, чувствовали себя такъ не только сегодня, но давно уже привыкли къ этому, потому что въ продолженіе похода всегда находились наканунѣ дѣла.

Двадцать четвертаго августа новаго стиля, съ девяти часовъ утра, послышались первые выстрѣлы съ неприятельской стороны.

Седьмая рота тарасовцевъ, которою командовалъ Карлъ, пришла на мѣсто ночью, и, когда разсвѣло, очутилась на небольшомъ возвышеніи—мѣстность кругомъ была болотистая. Сзади виднѣлся большой лѣсъ; впереди было селеніе, занятое неприятелемъ.

Карлъ, увѣрявшій, что любить все дѣлать обстоятельно, постарался узнать у адъютантовъ и прочихъ офицеровъ нашу позицію. Оказалось, что мы ночью перемѣнили фронтъ, что войска наши расположены продолговатымъ четверугольникомъ, и что такая позиція выработана практикой нашихъ войскъ съ Турціей... Одни говорили, что все это очень хорошо, другіе, напротивъ, упрекали Фермора, зачѣмъ онъ не помѣшалъ обходному движенію Пруссака короля, влѣдствіе чего намъ пришлось снѣшно мѣнять фронтъ, и позиція на-

Выставка картинъ проф. И. К. Айвазовскаго. „Въ океанѣ“. Съ фот. грав. Рашевскій.

Выставка картинъ проф. И. К. Айвазовскаго. „Ниагарскій водопадъ“. Съ фот. грав. Пастушковича.

ша оказалась разрѣзанною двумя оврагами. Карлъ узналъ также, что Тарасовскій полкъ находится на правомъ крылѣ. Все это ему казалось очень важно, и онъ, съ своей стороны, высказалъ адъютанту соображенія относительно позиціи. Онъ думалъ также, что ему придется воодушевлять или поддерживать духъ своей роты, но сейчасъ же почувствовалъ, что тутъ и безъ него все пойдетъ ладно. Онъ почувствовалъ это, хотя не желалъ показать, и въ душѣ удивлялся, какъ спокойно, съ задумчивыми, серьезными и рѣшительными лицами, солдаты и ихъ старый капралъ устраивались, не заботясь объ остальномъ, на томъ мѣстѣ, которое было отведено имъ, можетъ быть, для того, чтобы найти смерть.

Съ Артеміемъ онъ не сказалъ ни слова, но все время, куда бы ни смотрѣлъ, видѣлъ его и слѣдилъ за собою, стараясь показать, что онъ не труситъ, что онъ такъ же храбръ, какъ этотъ счастливый соперникъ его, съ которымъ „потомъ“ онъ будетъ еще имѣть время свести свои счеты. Карлъ сердился на себя за свою выходку и горячность подъ Кюстриномъ. Онъ понималъ, что произвелъ дурное впечатлѣніе на роту. Но если бы онъ зналъ, что они такъ скоро двинутся, развѣ поступилъ бы такъ? И онъ былъ увѣренъ, что сегодня на дѣлѣ докажетъ противное, доказавъ свою храбрость имъ.

На линіи непріятельскихъ огней чаще и чаще вспыхивали клубы сѣраго дыма и съ страннымъ, совѣмъ другимъ, чѣмъ на ученыхъ и экзерциціяхъ, гуломъ подымались кверху; тамъ вдругъ видѣлся высоко, точно повѣшенный на мгновенье въ небо, черный дискъ ядра, и потомъ все исчезало, и снова съ раскатомъ, какъ изъ огромной трубки, вылетали сѣро-молочные клубы... Наши отвѣчали откуда-то съ боковъ и снизу.

Карлъ, волнуясь, нетерпѣливо ходилъ, чувствуя, что началось, и ожидая, когда же очередь дойдетъ до нихъ, до него, потому что значеніе этихъ гулкихъ, дымныхъ ударовъ ему не было еще совѣмъ ясно.

Тамъ, подъ Кюстриномъ, они были совершенно понятны: мы бомбардировали городъ; но вѣдь тутъ города нѣтъ, тутъ сраженіе,—гдѣ же врагъ, гдѣ непріятель, съ которымъ ему нужно будетъ „схватиться“?

„Вѣрно, еще рано“, успокоивалъ себя Карлъ, поглядывая, съ какимъ равнодушіемъ курилъ свою коротенькую трубочку капралъ, присѣвшій на попавшійся ему камень.

Немолчный грохотъ нашихъ и непріятельскихъ орудій не только продолжался, но и усиливался все болѣе и болѣе. Уже добрыхъ полчаса, не уставая, стоялъ этотъ гулъ, волненіе Карла росло. Онъ разъ двадцать обошелъ расположеніе своей роты и, казалось, уже такъ изучилъ, такъ запомнилъ всѣ подробности этого мѣста, и камень, гдѣ сидѣлъ капралъ, и помятый кустъ, который сначала ему не нравился, потомъ понравился, и опять успѣлъ надѣсть. Карлу надобно ждать.

„Да что же это долго такъ будетъ?“ нетерпѣливо спрашивалъ онъ. Ни адъютанты, ни начальство, показывавшіеся изрѣдка сначала, не пріѣзжали больше. Казалось, седьмую роту забыли тутъ, на холмикѣ.

Эйзенбахъ готовъ былъ идти на врага, жертвовать жизнью, отчего-жъ его никто не посылалъ впередъ, отчего же никто не идетъ на него. Такъ глупо—стоять и не знать, что дѣлать. И хуже всего было то, что Карлъ чувствовалъ, что капралъ, и Артемій, и солдаты даже откровенно знали, что имъ дѣлать. Это-то и было обидно, но Эйзенбахъ скорѣе далъ бы разрубить себя на части, чѣмъ спросить у капрала: „что же это?“ И онъ продолжалъ ходить, съ сознаниемъ полнаго своего достоинства, гордо закинувъ голову, какъ бы говоря: погодите, дойдетъ дѣло до *настоящаго*, увидимъ, — онъ или я. Подъ этимъ „онъ“ подразумѣвался, разумѣется, Артемій.

„Онъ или я... онъ или я...“ мысленно повторялъ Карлъ, когда вдругъ, совершенно неожиданный для него и новый звукъ гдѣ-то близко, близко потрясъ воздухъ, что-то шлепнуло тяжело, словно ухнуло... и запахъ перемешанной селитры, смѣшанный съ испареніемъ нагрѣтаго металла, сдѣлался ощутительнѣй.

— Нацѣлилъ! сказалъ чей-то голосъ и капралъ пошелъ къ Карлу.

— Ваше высокоблагородіе, нужно людямъ сказать лечь,—на насъ навели... проговорилъ онъ.

— Да, да, нужно лечь, согласился Карлъ, не сознавая хорошенько всего ужаса спокойныхъ словъ капрала „на насъ навели“.

Солдаты легли, но Карлъ, молодцовато оправляя шарфъ и мундиръ, ходилъ между ними, словно не желая понимать того, о чемъ говорили ядра, шлепнувшія два раза очень ужъ близко отъ роты.

— Ваше высокоблагородіе, сказалъ ему капралъ, — вамъ бы тоже прилечь...

Карлъ нетерпѣливо дернулъ полу мундира.

— Молчать, не разговаривать!.. вдругъ, совершенно неожиданно для себя выкрикнулъ онъ, и тутъ же подумалъ: „глупо, очень глупо сердиться...“ Но все-таки онъ сердился и, главнымъ образомъ, на себя за то, что все еще никакъ не могъ наладить своихъ отношеній къ ротѣ...

Въ это время откуда-то справа къ зычному гулу, утомившему уже съ утра ухо, присоединилась вдругъ мелкая перекатная трескотня, точно груды тонкихъ досокъ повалили въ яму...

„Что это?“ опять удивился Карлъ, не узнавая ружейнаго огня...

Въ воздухѣ зажужжали протяжно, жалобно и весело быстрыя, словно пчелы, беспокойныя, пули...

„Только не кланяться, только не кланяться...“ повторялъ себѣ Карлъ, дѣлая усиліе подавить всякое поползновеніе нагнуться...

„Пора и намъ начинать“, рѣшилъ онъ, наконецъ, и подалъ команду.

Онъ весь былъ въ волненіи. Солдаты, напротивъ, дѣлали свое дѣло съ какимъ-то непонятнымъ спокойнымъ трудолюбіемъ, съ тѣмъ самымъ выраженіемъ, съ которымъ мужикъ наваливается на соху и ворочаетъ ее всѣмъ существомъ своимъ.

Дѣло разгоралось, но было еще въ самомъ началѣ. Врагъ, очевидно, подходилъ, но изъ-за застилавшаго теперь все кругомъ дыма ничего и ничего не было видно...

„Ну, поскорѣй бы ужъ, поскорѣй!“ повторялъ себѣ Карлъ, сознавая свое бездѣйствіе и готовый умереть отъ нетерпѣнія...

Съ непривычки, отъ запаха порохового дыма, отъ безсонной ночи, отъ треска и грохота жаркаго дѣла, отъ радости такъ быстро и неожиданно попасть въ сраженіе и, главное, отъ того, что онъ съ утра ничего не ѣлъ и не пилъ, Карлъ, мало-по-малу, пришелъ въ состояніе, близкое къ опьянѣнію, когда голова начинаетъ кружиться, и мысли путаются, и всякое движеніе захватываетъ духъ...

Онъ совершенно ужъ бессмысленно твердилъ теперь свое: „поскорѣй бы ужъ...“ ходилъ, кричалъ, поднимая руки, воображая, что ободряетъ солдатъ, и не замѣчалъ, что старикъ-капралъ сталъ уже относиться къ нему опять съ тѣмъ же дѣловитымъ презрѣніемъ, съ которымъ онъ сказалъ ему предъ самымъ выступленіемъ:

— Эхъ, ваше высокоблагородіе!..

— Эй, сударикъ, что у васъ спятъ тамъ! покрикивалъ капралъ.

И какой-то голосъ отвѣчалъ ему, но Карлъ не узнавалъ уже, что это былъ голосъ главнаго его врага—Артемія. Онъ пересталъ слѣдить за нимъ и за собою...

Онъ все еще думалъ, что все, что пронесло вокругъ него—не сраженіе, а такъ, начало, прелюдія, и ждалъ, когда же будетъ настоящее, ждалъ каждую минуту и каждую минуту обманывался. Но пьяный восторгъ его не становился отъ этого меньше. Ружейные залпы трещали, гулъ стоялъ въ воздухѣ отъ пушечныхъ выстрѣловъ, солнце поднялось высоко, и осеннее, сырое утро смѣнилось жаркимъ, почти лѣтнимъ днемъ. Карлъ привыкъ уже къ свисту и жужжанію пуль и не думалъ о томъ, чтобы „не нагибаться“. Волненіе его настолько усилилось, что онъ не замѣчалъ этого свиста и не замѣтилъ, какъ одинъ изъ солдатиковъ, будто по своей надобности, отдѣлился отъ строя и убрѣжалъ, сильно махая рукою.

Это былъ раненый.

И самъ Карлъ тоже взмахнулъ рукою, какъ это часто онъ дѣлалъ уже сегодня, и вдругъ почувствовалъ, что на этотъ разъ ему машется особенно благоприятно. Рука у него, словно сама собою, такъ легко заходила вверхъ и внизъ и потомъ изъ стороны въ сторону, что онъ придержалъ невольно ее другою, лѣвою рукою, и пальцы этой лѣвой руки попали во что-то мокрое, склизкое и теплое... Карлъ оглядѣлъ пальцы. Они были въ крови.

„Гдѣ-жъ я могъ выпачкаться?“ мелькнуло у него—и сейчасъ же прошло, потому что онъ понималъ, что онъ раненъ—и какъ только онъ понималъ это,—страшная боль защемила ему руку.

Онъ чувствовалъ уже потерю крови, чувствовалъ, что она отливаетъ отъ его вдругъ похолодѣвшихъ щекъ и отъ сердца; сердце словно захлопнулось, ноги подкосились, и, блѣдный, онъ ушалъ на согнутыя колѣни...

Когда онъ открылъ опять глаза—то же горячее солнце свѣтило сквозь облако сѣраго, вонючаго порохового дыма, и тотъ же трескъ и гулъ, который былъ и прежде, стоялъ кругомъ.

Карлъ не только узналъ этотъ трескъ и гулъ, но, ему казалось теперь, что съ самаго рожденія, съ дѣтства, всю жизнь вокругъ него немолчно такъ гудѣло и трещало. Кто-то наклонился надъ нимъ.

„Я умираю“, рѣшилъ Карлъ и хотѣлъ сказать объ этомъ тому, кто наклонился надъ нимъ, но узналъ Артемія. Артемій хлопоталъ возлѣ него, сдѣлалъ ему перевязку и привелъ въ чувство. Тяжелѣе этой встрѣчи для Карла трудно придумать, трудно найти было что-нибудь. Заботливость Артемія не тронула его. Напротивъ, новый приливъ бѣшенства охватилъ его и, стиснувъ зубы, онъ силился сказать:

— Пошелъ, пошелъ...

Артемій дѣлалъ видъ, что не слышитъ, а можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ, не слышалъ, что ему говорили, потому что, склоненный на одномъ колѣнѣ надъ Карломъ, онъ все время слѣдилъ за тѣмъ, что происходитъ тамъ, въ рядахъ его роты, распознавая ходъ дѣла своимъ привычнымъ уже къ перестрѣлкѣ ухомъ и чутко слѣдя по этому, насколько было необходимо его присутствіе среди солдатъ.

Въ тотъ самый мигъ, когда Карлъ открылъ глаза, Артемій почувствовалъ, что теперь онъ тамъ болѣе нуженъ, чѣмъ здѣсь, возлѣ Карла, и быстро поднялся. Солдаты уже вскочили на ноги и скрывались въ дымъ, бросившись внизъ съ возвышенія на показавшагося, очевидно, непріятеля. Артемій кинулся къ нимъ. Эйзенбахъ видѣлъ, какъ онъ вдругъ оставилъ его, и, съ трудомъ поднявшись на здоровую руку, постарался глянуть ему вслѣдъ; но когда онъ поднялся, на мѣстѣ, гдѣ лежали солдаты, никого уже не было... дымъ... дымъ—кругомъ вездѣ былъ дымъ, застилавшій все,—и небо, и землю, и самую жизнь...

Und dann Punctum... вспомнилъ почему-то Карлъ слова, которыми обыкновенно кончалъ ему диктовку учитель въ дѣтствѣ, и снова, обезсиленный, упалъ на землю...

IV.

Полковое знамя.

Фридрихъ II, лично предводительствовавшій своими войсками, успѣлъ произвести подробную рекогносцировку и положилъ атаковать правое наше крыло съ главными своими силами. Онъ выдвинулъ впередъ свои батареи, и онѣ открыли огонь, чтобы приготовить атаку.

Въ полдень прусскій авангардъ, подъ начальствомъ Мантейфеля, двинулся на русскихъ. Движеніе это сначала было успѣшно; но, по мѣрѣ наступленія, авангардъ слишкомъ отдѣлился отъ остальной массы батальоновъ, а русскіе ударили на Мантейфеля съ фронта и фланга, заставивъ отступить съ большими потерями.

Въ это время кавалерія пруссаковъ обошла въ тылъ русскимъ и, въ свою очередь, нанесла имъ значительный вредъ. Пѣхота наша была окружена со всѣхъ сторонъ. Ферморъ былъ увлеченъ отступленіемъ кавалеріи и только вечеромъ примкнулъ снова къ арміи, которая оставалась, такимъ образомъ, безъ настоящаго главнокомандующаго. Но и въ прусскихъ рядахъ происходило не малое расстройство. Нѣсколько разъ самъ король, не безъ труда, собиравъ вернувшіяся изъ линій огня безпорядочныя толпы своихъ солдатъ и, восстановивъ порядокъ, снова вводилъ ихъ въ дѣло. Въ серединѣ дня на правомъ нашемъ крылѣ сами пошли въ атаку. Пруссаки, не дождавшись удара, побѣжали. Сраженіе опять казалось проиграннымъ для Фридриха, но снова спасла его кавалерія. Она была подъ предводительствомъ знаменитаго Зейдлица. Говорятъ, онъ самъ понесся вдоль фронта, когда, въ началѣ своего движенія, конные его полки засуетились было, встрѣченные русскою картечью... Уставшія лошади ихъ едва могли идти галопомъ. Но отвага генерала дала такой подъемъ духу солдатъ, что они, несмотря ни на что, врѣзались въ ряды русской пѣхоты, и тутъ произошла одна изъ тѣхъ рукопашныхъ свалокъ, которыя еще разъ доказали, что русскихъ можно истребить, но побѣдить нельзя. Въ отвратительной позиціи или, вѣрнѣе, безъ всякой позиціи, окруженные непріятелемъ, не на своей, а на чужой землѣ, изъ-за которой приходилось имъ драться, лишенные главнаго начальника, русскіе дрались до смерти, до послѣдней капли крови. И только наступившая вечерняя мгла прекратила кровопролитіе.

Всѣ эти движенія, атаки и отступленія были, разумѣется, восстановлены впоследствии, когда по отдѣльнымъ рассказамъ, болѣе или менѣе правдоподобнымъ, составили, какъ обыкновенно составляются такіа описанія,—приблизительный контуръ битвы, расцвѣтивъ его, можетъ быть, и произвольными красками. Для самихъ участниковъ все дѣло представлялось совершенно иначе.

Для нихъ, для этихъ участниковъ, не могло быть послѣдовательности и порядка тамъ, гдѣ главнымъ основаніемъ, самую суть являлось наиболѣе безпорядочное, идущее въ разрѣзъ со всякою законною послѣдовательностью жизни, дѣло—убійство себѣ равнаго.

Для того, чтобы рѣшиться на это, нужно извѣстнаго рода помѣшательство, омыпаніе, а когда дѣйствуетъ человекъ помѣшанный, или пьяный, то не можетъ быть, само собою, никакого порядка.

Этотъ необычный, ненормальный безпорядокъ губительства, разрушенія, убійства и смерти, для котораго необходимо приведеніе себя въ восторженное, сумасшедшее, омыпанное состояніе отваги, начался для седьмой роты тарасовцевъ, главнымъ образомъ, съ того момента, когда они, увидѣвъ передъ собою, сквозь потянувшійся по вѣтру пороховой дымъ, синіе прусскіе мундиры, побѣжали на нихъ, а Артемій, оставивъ раненаго Карла, кинулся за ними.

Это была первая атака авангарда Мантейфеля, отбитая русскими.

Тарасовцы показали себя. Но не успели они оправиться, не успели оглядеться и увидать, что они сдвинулись сами, и что сдвинулись с ними,—как на них, откуда-то сзади, налетела неприятельская конница, и они стали отбиваться от конницы.

В эту минуту для Артемия, у которого давно пересохло во рту, и который от усталости не чувствовал уже ног и рук, не существовало ни войны, ни сражения, ни общих движений, для него все сосредоточилось в наскочившем на него кирасирском офицере, который хотел его растоптать лошадей или убить палашом, и он, Артемий, увлеченный, что пошел искать для себя смерти, все-таки не позволил этого сдвигать и, вращая ружьем, уходил и кирасира, и его лошадь. Это было не первое уже убийство, которое он делал на войне, но, несмотря на некоторую привычку,—в первую минуту проблеск сознания готов был проявиться у него.

— Молодца, сударикъ... услышал он ободряющий голос дяди-капрала, и этот голос снова опьянил его, и он снова кинулся вперед, очертя голову.

Пригорок, на котором с утра была расположена рота, и где остался раненым молодой офицерик-командир, — был потерян давно. Весь вид местности изменился от разбросанного по ней оружия, валявшихся зарядных ящиков, колес... и главное — неподвижно, в различных и самых невозможных позах, лежащих людей, искаженных и изуродованных.

Артемий помнил, что ему вдруг пришло на мысль, зачем это они лежат так? Но он, не отвлекая, сейчас же постарался прогнать этот вопрос от себя.

Потом его ужасно поразил солдат Федор, которого в рот дразнили „Фридрихом“. Этот Федор, раненый в голову, вернулся с перевязкой снова в ряды и очень весело объяснил, что „не вытертль“... душа его не стергла.

— Пруссаки нынче очень обозлились, говорили солдаты,—много народу попортить.

И, несмотря на то, что они сами и были тем народом, которого должен был „попортить“ пруссаки, они все-таки не унывали, сбивались в кучу на зов сигнала и отбивались от неприятеля.

Это было совсем уже к вечеру. Остатки Тарасовского полка, сильно пострадавшего за день, держались вместе. Напряжение боя стало ослабевать, канонада артиллерии звучала дробнее. Почти на каждом шагу нога скользила, попадая в замаслившуюся человеческою кровью грязь. И к ободряющим, дерзким звукам выстрелов присоединились стоны раненых.

По этой изменившейся, ужасной в своем своеобразии музыке сражения опытное ухо старых служаек чувствовало уже, что в людях начинает наступать отрезвление, и дело близится к концу.

И тут только почти у каждого из оставшихся в живых зашевелился вопрос, кто вышел победителем?

Несмотря на то, что тарасовцев осталась десятая часть,—они твердо были уверены, что если победа не на их стороне, то, во всяком случае, она и не на стороне врага.

Дело шло к концу, но оно еще не кончилось, и все зависело от последнего натиска, последнего решающего удара.

И начальствующие, и солдаты, и старый капрал, и Артемий понимали это. И вот снова показались перед ними синие мундиры прусской пехоты.

Раздалась команда. Все, как один человек, по-

чувствовали, что нельзя подпустить к себе пруссаков, ждать их, но нужно самим идти навстречу и натиском ответить на их натиск. Но потому-ли, что команда раздалась неуверенно (офицеры боялись, послушают ли ее солдаты), или усталость превозмогла сознание необходимости двинуться вперед, но в первую минуту что-то похожее на замешательство произошло в рядах. Это была, однако, именно только одна минута. Известный всему полку Василий Карпов, тот самый Василий Карпов, который на походе, когда солдаты, изнемогая, вязли по колено в грязи,—выскакивал вперед, надвигая на себя два ранца, один на грудь, другой на спину, и с этою двойною тяжестью начинал впереди пуссенов, прицеливаясь, выбирать присядку, так что остальные наперерыв начинали лезть вперед, чтобы посмотреть на него,—этот Василий Карпов выскочил теперь первым туда, к синим мундирам, и за ним бросились тарасовцы, энергия и сила которых притупилась было, как притупилось оружие их.

Никогда еще не выпадало на их долю столько рукопашных свалок, как сегодня.

Артемий ничего уже не помнил и, потеряв всякое сознание, отмахивался и дрался, как будто бы отмахивался и дрался совсем не он, а совсем другой человек, а сам он был где-то далеко, далеко. Опять кровь, опять крики, опять кирасир, как утром, который хочет растоптать его. И вдруг Артемий опомнился, словно он никак не мог сообразить, откуда перед ним взялся опять кирасир, когда они бросились за Василием Карповым на пехоту, и когда он утром убил уже кирасира.

Но кругом, со всех сторон, торчали лошадиные морды и блестящие латы немецких всадников, пробравшихся сквозь интервалы своей пехоты.

Артемий, среди свалки, ясно представилось дорогое, честное знамя их полка, высоко поднятое кверху там, где дрались всего ожесточеннее. Верх знамени покачнулся, как макушка срубленного дерева, и оно рухнуло, быстро склонившись.

„Вот оно!“ мелькнуло у Артемия, — „все пропало... все...“

И то, что за весь день ему не приходило в голову, то есть, что он до сих пор только чудом остается в живых, теперь схватило его за сердце, и он перестал сомневаться, что давно желанный конец близок, что все кончено... И как только он решил это—страшный, безошадный удар в голову сшиб его с ног, и в глазах потемнело...

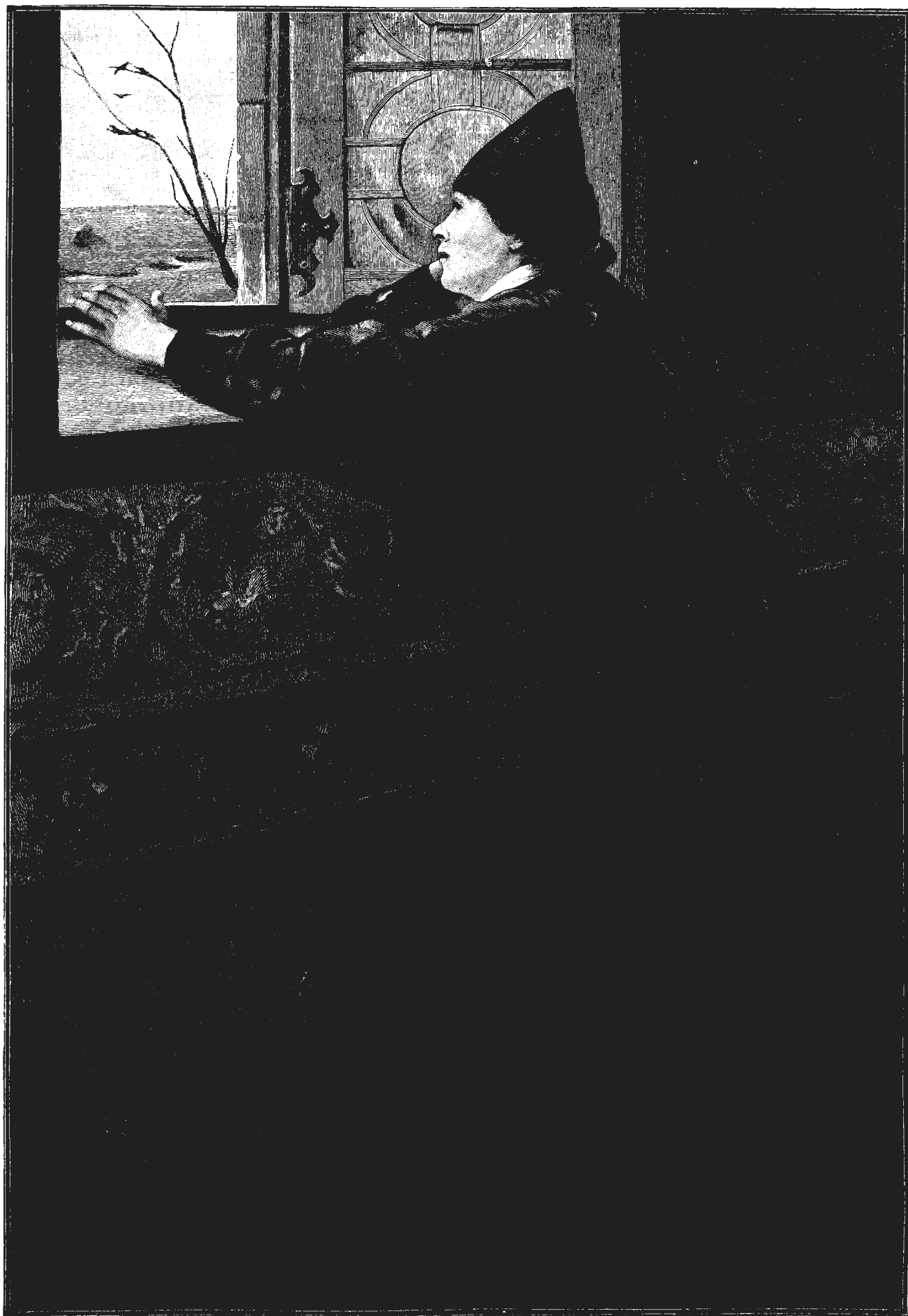
Тарасовцы могли выдержать последний приступ вражеской пехоты, но когда ее сменила кавалерийская атака, им осталось только умереть возле своего знамени.

Противиться долее было сверх человеческих сил.

Небольшое селение Цорндорф, расположенное к северо-востоку от Кюстрина, по дороге в Сольдин, и решительно ничем не замечательное до 25 августа 1758 года, мирно и честно вешее торговлю с окрестными городами и местечками, вдруг получило, после этого числа, историческую известность. Вокруг него легло около пятнадцати тысяч русских и немцев.

Упорный бой этот при Цорндорфе не принес победы ни той, ни другой стороне. Ночью, с 26 на 27 число, Фермор обошел левый фланг пруссаков и соединился со своим обозом у Клейн-Камина. Фридрих расположился у Тамселя. В этом расположении обе армии оставались до 31 августа. Затем Фермор отступил к Ландсбергу, а Фридрих возвратился в Саксонию.

(Продолжение будет).

XXI передвижная выставка. „Весна“. Сь карт. Бар. М. П. Клодта (искл. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

Опоздалъ.

Разсказъ Уилькинсъ. (Переводъ съ англійскаго).

Мѣстечко Лейденъ состояло, по преимуществу, изъ коттеджей, и каждый изъ этихъ коттеджей былъ построенъ по одному и тому же образцу. Впрочемъ, строго говоря, тутъ замѣчалось два, нѣсколько различныя, типа. Въ одномъ—входная дверь помещалась съ правой стороны и выходила на галлерею, покрытую общей крышей съ домикомъ и занимающую третью его часть; въ другомъ—галлерея тянулась по фасаду дома, и входная дверь была посрединѣ.

Все коттеджи были вымазаны бѣлой краской и украшены ярко-зелеными ставнями. Передъ каждымъ изъ нихъ былъ разбитъ цвѣтникъ. Клумбы были обсажены буксомъ и имѣли причудливую форму сердецъ, треугольниковъ и розетокъ. Любимыми и наиболѣе красивыми цвѣтами считались въ Лейденѣ анютины глазки, розовая и турецкая гвоздика.

Много лѣтъ тому назадъ, нѣкто Айрамаъ Строунгъ возвелъ въ этомъ мѣстѣ три фабричныя зданія, для производства грубой обуви, которую носятъ американскіе рабочіе. Онъ и не подозревалъ, что въ то же время кладеть основаніе новому городку. Онъ выбралъ это мѣсто для своей фабрики, единственно вълѣдствіе близости желѣзной дороги и удобнаго сообщенія съ городомъ, отстоящимъ на шестьдесятъ миль отсюда. Сначала рабочіе прѣбывали изъ сосѣднихъ мѣстечекъ по желѣзной дорогѣ, но потомъ это надоѣло имъ, и они, одинъ за другимъ, стали строить собственные домики,—вблизи фабрики. Такъ возникъ Лейденъ. А. построилъ коттеджъ по образцу В., а Б. по образцу Г. Все они выкрасили свои постройки въ бѣлую краску, привѣсили ставни ярко-зеленаго цвѣта и разбили передъ домиками садикъ, а за домиками—огороды. Мало-по-малу появилась и церковь, и лавка, и почтовая контора, и Лейденъ сталъ настоящимъ, вполнѣ округлившимся, городкомъ.

Это было очень давно. Съ тѣхъ поръ фабрика успѣла перейти въ руки наслѣдниковъ Айрама, а самъ онъ жилъ только въ памяти потомковъ. Дѣло шло теперь не такъ ходко, какъ прежде. Работали не торопясь, потихоньку, исподволь, безъ прежняго шума и суеты, и рабочіе имѣли досугъ и побаловать, и побалагурить на свободѣ. Впрочемъ, обстоятельство это нисколько не уменьшало ни довольства, ни благоденствія лейденцевъ. Заработка хватало на удовлетвореніе ихъ скромныхъ потребностей, и они жили въ свое удовольствіе. Только случилось какъ-то, что и на самомъ характерѣ лейденцевъ отразилась медленность и вялость ихъ работы. „Не торопливъ, какъ лейденецъ“, стали говорить въ сосѣднихъ, болѣе дѣятельныхъ мѣстечкахъ. Тѣмъ не менѣе, каждый день, въ семь часовъ утра, изъ заднихъ дверей коттеджей выходило, отъ стараго до малаго, все мужское населеніе городка, и съ каждымъ днемъ глубже протаптывало и безъ того хорошо протоптанныя тропинки, къ зданіямъ фабрики.

Мужчины мирно и тихо трудились цѣлыми днями въ мастерскихъ, а женщины, оставаясь дома, содержали въ чистотѣ бѣленькіе коттеджи, стирали объѣдъ, мыли бѣлье и шили. Въ часы отдыха, мужчины ходили на галлерею, у лавки Баркера, гдѣ сплетничали и толковали о политикѣ, а женщины переговаривались съ сосѣдками черезъ заборъ.

И въ Лейденѣ, какъ и вездѣ, люди умирали. Были коттеджи, изъ заднихъ дверей которыхъ хозяинъ давно уже не выходилъ больше на протоптанную тропинку.

Въ одномъ изъ такихъ домиковъ жила вдова Марта Брустеръ съ дочерью Маріей. Ихъ коттеджъ принадлежалъ къ тому типу, въ которомъ галлерея шла по переднему фасаду. Каждое лѣто онѣ обивали ее трехцвѣтными вьюнками и садили въ своемъ садикѣ палубенныя лейденцами цвѣты. Чистое и веселіе брустерскаго не было домика во всемъ мѣстечкѣ. Вдовѣ Брустеръ было почти восемьдесятъ лѣтъ, а дочери ея, Маріи, около шестидесяти. Онѣ жили вдвоемъ, съ тѣхъ поръ какъ Джакобъ Брустеръ умеръ и пересталъ ходить на фабрику. Это случилось лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Покойный глава семейства оставилъ имъ бѣленькій коттеджъ и кругленькій капиталецъ въ сберегательной кассѣ, потому что вся семья Брустеровъ работала и копила деньги всю свою жизнь:—женщины брали обшуровывать ботинки на домъ, мужчины работали на фабрикѣ, и ни одинъ центъ не издерживался безъ предварительнаго зрѣлаго обсужденія.

Когда умеръ старикъ Брустеръ, общее мнѣніе въ Лейденѣ было таково, что Давидъ Эммонсъ женится на Маріи. „Давидъ можетъ отдать свой домъ внаймы и жить съ Маріей и ея матерью“, говорили лейденцы, съ предупредительной заботливостью вмѣшиваясь въ чужія дѣла. Но Давидъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Какъ и за двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ, онъ каждое воскресенье, ровно въ восемь часовъ вечера, направлялся къ дому Маріи Брустеръ, одѣтый въ свое лучшее платье, въ туго накрахмаленномъ бѣломъ галстукѣ и съ букетикомъ въ петлицѣ; но на этомъ дѣло и оканчивалось. Онъ не выказывалъ ни малѣйшаго намѣренія привести въ исполненіе остроумный планъ лейденцевъ, клонящійся къ его и Маріи счастью.

Сама Марія, повидному, ничуть не тяготилась тѣмъ, что осуществленіе ея надеждъ откладывалось въ такой долгій щиктъ, и лейденцы, по совѣсти, не могли пойти повода жалѣть ее за такую медлительность ея обожателя. Трудно было встрѣтить болѣе веселую и довольную женщину. Веселость у ней такъ и была ключомъ.

Вдова Брустеръ была слѣшкомъ стара и слаба, но Марія, попрежнему, обшуровывала ботинки для фабрики; а Давидъ Эммонсъ, которому стукнуло уже всѣ шестьдесятъ, работалъ на фабрикѣ, какъ и въ дни своей юности. Онъ былъ высокой старикъ, съ добродушнымъ лицомъ и бахромой сѣрвато-желтыхъ волосъ вокругъ подбородка; голова его была совсѣмъ плѣшивая. Въ прежніе годы, онъ былъ, говорятъ, красивъ, но почему-то надъ нимъ всегда слегка подсмѣивались, хотя и любили его. „Ужъ это самый неторопливый изъ неторопливыхъ всѣхъ“, говорили въ околоткѣ. Всеѣмъ извѣстная острота гласила, что онъ ходитъ часъ до дому своей возлюбленной и принужденъ выходить изъ своего дома ровно въ семь часовъ, чтобы поспѣть къ вѣсьи.

Давидъ зналъ, конечно, объ этихъ насмѣшкахъ, но принималъ ихъ добродушно. Онъ самъ готовъ былъ смѣяться надъ собой вмѣстѣ съ остальными, но было что-то трогательное въ томъ, какъ бы извиняющемся, тонѣ, съ которымъ онъ говорилъ: „я право не знаю, почему это такъ выходитъ. Должно быть, я ужъ отъ роду лишень способности дѣлать что-нибудь во-время. Придется кому-нибудь ходить за мной и подталкивать меня садѣ“.

Давидъ имѣлъ собственный коттеджъ,—одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ галлерея была съ правой стороны. Онъ жилъ совершенно одинъ. Позади его домика было съ полъ-акра земли, на которой онъ разбилъ огородъ. До и послѣ фабричной работы, въ роспѣтыя утра и вечера, онъ прилежно копался въ своихъ грядкахъ, среди зелени кукурузы и бобовъ. Если Давидъ Эммонсъ отличался медлительностью, то этого отнюдь нельзя было сказать о возвращаемыхъ имъ злакахъ. Ни одинъ огородъ въ Лейденѣ не могъ похвалиться болѣе роскошной растительностью. Кукуруза у него колосилась и картофельныя грядки одѣвались бѣлымъ цвѣтомъ нисколько не хуже, а, пожалуй, лучше, чѣмъ у другихъ.

Его можно было назвать почти вегетарианцемъ, такъ какъ пишу его составляли, по преимуществу, произведенія собственнаго огорода. Огородъ Давида поставлялъ также все необходимое количество овощей для его возлюбленной и ея матери. Нѣсколько разъ въ недѣлю, сосѣди видѣли, какъ Давидъ Эммонсъ, съ корзинкой зелени на рукѣ, медленнымъ шагомъ направлялся къ коттеджу Брустеровъ.

Но и Марія не оставалась въ долгу,—каждую субботу, на кухонномъ столикѣ Давида появлялось изрядное количество хлѣба и пироговъ, тщательно прикрытыхъ чистымъ, бѣлымъ полотенцемъ. „Вотъ идетъ Марія съ печеньями къ Давиду“, говорилъ весь Лейденъ, глядя изъ окна, какъ она осторожно шла съ корзинкой по улицѣ.

Среди молодого, не останавливающегося ни передъ чѣмъ, населенія Лейдена не мало было толковъ и предположеній о томъ, въ какой формѣ выражается двадцатипяти-лѣтнее ухаживаніе старыхъ влюбленныхъ. Въ ходу ли между ними обычныя проявленія любви—поцѣлуй, нѣжныя рукопожатія?

Нѣкоторые, особенно безшабашныя, головы позволяли себѣ даже явное неприличіе: подсматривать въ окна брустеровской гостиной. Но они всегда видѣли Давида, чопорно и чинно сидящимъ на сколькомъ волосяномъ диванѣ, а Марію—у стола, медленно покачивающеюся въ плетеной качалкѣ. Но, можетъ быть, случалось, что Марія вставала съ качалки и садилась на сколькій волосяной диванъ, ближе къ Давиду? Вопросъ этотъ такъ и оставался нерѣшеннымъ; но мы можемъ сказать утвердительно, что этого никогда не бывало. Было что-то глубоко комичное и, въ то же время, трогательное во времяпровожденіи двухъ влюбленныхъ. Все внѣшнія условія церемоннаго сидѣнія въ гостяхъ соблюдалось такъ же строго, какъ и двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда Давидъ Эммонсъ впервые бросилъ застѣнчивый, влюбленный взглядъ своихъ добрыхъ голубыхъ глазъ на краснощекую, живую Марію. Каждое воскресенье зпмло, вечеромъ, въ гостиной Брустеровъ загоралась лампа—лампа, какъ только смеркалось, закигалась круглый годъ—и Марта Брустеръ уходила пораньше спать, чтобы не мѣшать „молодымъ людямъ поспѣть вдвоемъ“. Съ годами бесѣды эти становились все короче. Нѣжное чувство не въ состояніи уже было бороться со сномъ, и, самое позднее, въ десять часовъ лампа въ гостиной Маріи потухала, и Давидъ направлялъ свои стопы къ дому.

Лейденцамъ очень хотѣлось узнать, договаривался ли когда-нибудь Давидъ до чего-нибудь рѣшительнаго, или его природная медлительность брала верхъ и дѣлѣ, какъ во всемъ дру-

гомъ. Долго это составляло неразрѣшимую загадку, но вдова Брустеръ, съ лѣтами, стала болѣе и однажды призналась сосѣдкѣ, зашедшей къ ней посидѣть, въ отсутствіе дочери, что „Давидъ еще не сдѣлалъ предложенія“. Она предполагала, что рано или поздно это должно случиться, и, по ея мнѣнію, оно было бы лучше; хотя, съ другой стороны, Марія нисколько не сокрушалась объ этомъ, и, въ сущности, можетъ быть, хорошо и такъ; только, по временамъ, она бонтается, что не доживетъ до свадьбы, если „молодые люди не поторопятся немного“. Потомъ старуха намекнула на какое-то свѣтло-сѣрое шелковое платье, которое Марія купила очень выгодно, по случаю, лѣтъ двадцать тому назадъ, когда изъ нѣкоторыхъ словъ Давида она заключила, что онъ намѣренъ произнести рѣшительное слово; даѣе, старуха проговорила, что платье было передѣлано заново, лѣтъ десять тому назадъ, когда Марія снова показало, что дѣло идетъ къ желаемому концу. Сосѣдка ушла домой, не помня себя отъ восторга, такъ какъ, благодаря искуснымъ манерамъ, ей удалось даже взглянуть однимъ глазкомъ на самое свѣтло-сѣрое платье.

И дѣйствительно, Марія не принимала слишкомъ близко къ сердцу медлительность Давида въ этомъ важномъ дѣлѣ. Она была слишкомъ веселаго характера, слишкомъ занята и слишкомъ поглощена всеневными заботами, чтобы тосковать и волноваться. Сентиментализмъ былъ мало присущъ ея натурѣ, и чувство ея къ Давиду было чисто практическое. Представительница слабаго пола, она тѣмъ не менѣе была сильнѣе характеромъ своего поклонника, и въ ея привязанности къ нему было скорѣе что-то материнское. Если ее и оторвало нѣсколько такое долгое ухаживаніе и откладываніе свадьбы, то именно ради той покровительствующей заботливости, которая составляла основную черту ея любви. Подожми, когда давно-давно, прощаясь въ одно изъ воскресеній, Давидъ произнесъ нѣсколько несвязныхъ словъ, заставившихъ Марію предположить, что близится рѣшительная минута, сердце ея радостно забилося. Тогда-то она и купила знаменитое сѣрое платье.

Много лѣтъ спустя, сердце ея снова забилося, но уже не съ прежнею силою! На этотъ разъ, въ одинъ изъ воскресныхъ вечеровъ, Давидъ почти сдѣлалъ ей предложеніе. Это было, когда она передѣлала платье заново.

По временамъ, она доставала это платье, чтобы полюбоваться имъ; иногда она даже примѣривала его передъ зеркаломъ, стараясь представить себя рядомъ съ Давидомъ, ново-брачной, улы, нѣсколько увидшей, но тѣмъ не менѣе горячо любимой и счастливой...

Она и теперь любовалась иногда своимъ вѣнчалнымъ платьемъ, но уже съ нѣкоторымъ отѣнкомъ грусти, съ тѣхъ поръ, какъ стала все болѣе и болѣе овладѣвать ею увѣренность, что ей никогда не придется надѣть его. Грусть эта, попрежнему, относилась не столько къ ней самой, сколько къ Давиду. Она замѣчала, что онъ становится старъ, и его одинокая жизнь, безъ теплаго участія любящей женщины, наполняла сердце ея состраданіемъ и печалью. Она уже не ограничивала своихъ заботъ о немъ суботными приношеніями, но ежедневнѣе чистила и приводила въ порядокъ его маленькій домикъ и чинила его бѣлье.

Когда, въ одно изъ воскресеній—она замѣтила на праздничномъ сюртукѣ Давида большую дыру, принявшую такіе размѣры, вслѣдствіе отсутствія заботливой женской руки, она, по уходѣ его, залилась горькими слезами. И это разорванное воскресное платье на ея ухаживательнѣ почему-то сильнѣе и чувствительнѣе поддѣйствовало на нее, чѣмъ всѣ долгіе годы собственнаго тоскливаго ожиданія.

По мѣрѣ того, какъ время шло, Марія все чаще и чаще съ грустью провожала глазами жалкую фигуру старика, еще медленнѣе прежняго возвращавшагося къ своему жилищу. Она съ недоумѣніемъ, но всегда съ искреннимъ сочувствіемъ, думала о томъ, какимъ образомъ онъ можетъ предпочитать свою уединенную, безотрадную жизнь, свой неирѣсливый, безмолвный уголокъ тѣмъ заботамъ и попеченіямъ, которыми онъ могъ бы быть окруженъ на старости лѣтъ. Она была глубоко убѣждена, что единственная причина тому — неисправная медлительность ея поклонника, какъ въ этомъ, такъ и во всемъ остальномъ. Въ любви его она не сомнѣвалась ни минуты. Другія на ея мѣстѣ, можетъ быть, поцѣпались бы сами ускорить дѣло; но Марія, съ той деликатностью, которая нѣрѣдко болѣе свойственна практическимъ, нежели пылкимъ натурамъ, потеряла бы всякое уваженіе къ себѣ, если бы рѣшилась на что-нибудь подобное.

И такъ, она продолжала спокойно и весело относиться къ жизни, попрежнему общуровывала башмаки, хотя пальцы ея утратили былую гибкость,—угрожала старухѣ-матери, которая съ каждымъ днемъ слабѣла и впадала въ младенчество, и дѣлала все, что могла, для благоденствія своего бѣднаго, нѣрѣслительнаго поклонника.

Когда Давиду исполнилось семьдесятъ лѣтъ, а ей шестьдесятъ восемь, она подарила свое свѣтло-сѣрое шелковое платье

одной бѣдной невѣстѣ, дочери ея двоюродной сестры. Молодая дѣвушка была красива, любима и счастлива, но, при своей бѣдности, не могла и помышлять о такомъ великолѣпнѣ, какъ шелковое вѣнчалное платье.

Отсылая свое сокровище, Марія съ любовью погладила шуршащій шелковый складки и пролила нѣсколько слезъ о себѣ и Давидѣ. Но когда одна слезинка упала на блестящую, свѣтлую матерію, она тотчасъ же перестала плакать; лицо ея приняло заботливое выраженіе: она стерла посовымъ платкомъ предательскую слезу и подержала матерію передъ свѣтомъ, чтобы убѣдиться, не осталось-ли пятна.

Почему-то случилось, что Марія нѣсколько иначе стала относиться къ Давиду послѣ того, какъ подарила свое вѣнчалное платье. До сихъ поръ она невольнѣ чувствовала нѣкоторое смущеніе передъ нимъ, которое вызывало излишнюю сдержанность и осторожность въ обращеніи, въ особенности, при постороннихъ. Но, когда платье было подарено, всякая мысль о замужествѣ исчезла, а вмѣстѣ съ нею и всякая недовольность и смущеніе. Марія была необычайно крѣпка и здорова для своихъ лѣтъ; на видъ, между нею и Давидомъ можно было предположить гораздо большую разницу. Теперь она не довольствовалась уже суботными хлѣбами и пирогами, но открыто, не стѣнялась, весла Давиду нѣрѣдко и цѣлый горячій обѣдъ. Каждый день, приведа собственный домъ въ порядокъ, она шла прибираться домъ Эммонса. Она рѣшила, что онъ будетъ нѣтъ, въ послѣдніе дни своей жизни, весь необходимый ему комфортъ. А что насущнаи, дѣйствительно, послѣдніе дни — было очевидно. Давидъ кашлялъ и двигался такъ медленно отъ слабости и болѣзни, что остряки выражали сомнѣніе, успѣетъ-ли онъ дойти до Маріи Брустеръ раньше поедѣльника вечеромъ.

Въ одно изъ воскресеній, онъ остался у Маріи немного дольше обыкновеннаго. Часы пробили десять. Тогда онъ поднялся съ мѣста и сказалъ, какъ говорилъ каждое воскресенье, въ теченіе столькихъ лѣтъ: „кажется, мнѣ пора и домой, Марія!“

Она помогла ему надѣть пальто и застегнула воротникъ. Противъ обыкновенія, Давидъ остановился на минуту въ дверяхъ, точно собираясь сказать что-то, но не рѣшаясь.

— Марія!

— Что, Давидъ?

— Я становлюсь старъ, какъ вы видите. Въ знаете, что я всю жизнь отличался медлительностью. Я никогда не могъ побороть этого свойства. Есть вещи, до которыхъ я такъ и не успѣлъ договориться...

И разбитый голосъ старика дрогнулъ отъ волненія.

— Да, Давидъ, я все знаю. Я знаю, что вы не могли побороть себя. Но я на вашемъ мѣстѣ не стала бы мучить себя изъ-за этого.

— Вы ни въ чемъ не упрекаете меня, Марія?

— Нѣтъ, Давидъ.

— Прощайте, Марія.

— Прощайте, Давидъ. Я принесу вамъ завтра чего-нибудь горяченькаго къ обѣду.

На слѣдующее утро она торопилась кончить свои дѣла по хозяйству, чтобы скорѣе идти къ Давиду,—она словно предчувствовала что-то недоброе,—какъ вдругъ громко послышались въ дверь. Марія отворила и увидѣла запыхавшагося мальчика, сына ближайшихъ сосѣдей Давида.

— Мистеръ Эммонсъ заболѣлъ и желаетъ васъ видѣть, сказалъ мальчикъ.—Я бѣжалъ за молокомъ, когда онъ послушалъ въ окно. Отецъ мой и мать уже тамъ, и докторъ тоже. Мать велѣла сказать вамъ, чтобы вы шли какъ можно скорѣе.

Новость быстро облетѣла все мѣстечко. Всѣ знали уже, куда стѣшить Марія, когда увидѣли, какъ она бѣжала по улицѣ, съ непокрытой головой и развѣвающимися по вѣтру сѣдыми прядями волосъ. Какая-то женщина даже вслакнула.

— Бѣдняжка, проговорила она, всхлипывая,—бѣдняжка!

Возлѣ коттеджа Давида уже успѣла собраться толпа. Марія быстро прошла черезъ кухню и вошла прямо въ небольшую спальню Давида. Въ комнатѣ находился докторъ и нѣсколько чужихъ сосѣдей. Увидѣвъ Марію, Давидъ протянулъ ей руку и слабо улыбнулся. Потомъ онъ умоляюще взглянулъ на доктора и перелевъ глаза на остальныхъ. Докторъ поналъ его; онъ сказалъ нѣсколько словъ присутствующимъ, и всѣ, одинъ за другимъ, вышли изъ комнаты. Тогда старикъ обернулся къ Маріи.

— Поскорѣе, прошепталъ онъ.

Марія наклонилась къ нему.

— Дорогой Давидъ! проговорила она, и морщинистое лицо ея дрогнуло.

Онъ взглянулъ на нее съ какимъ-то недоумѣвающимъ выраженіемъ своихъ помутнившихъ глазъ.

— Марія, сказалъ онъ жалкимъ, хриплымъ голосомъ, похрипымъ скорѣе на шепотъ вѣтра по сухой рѣжѣ, — Марія, я... умираю, но... я всю жизнь собирался... просить... вашей руки.

(С.)

Выставка скульптурныхъ произведеній профессора Антокольскаго. „Несторъ“, мраморная статуя.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

XXI передвижная выставка. „Тяжело“. Сь карт. Н. Касаткина (исключ. право воспр. принадл. „Нивъ“), грав. Пущь.

Стихотвореніе

Ф. Червинскаго.

Я помню утро: вихрь неожиданный,
Волной нахлынувъ безуханной,
Срывая вѣтви и листы,
Влачилъ ихъ вдаль—въ пыли, во прахѣ—
И нѣкли хилые цвѣты
Къ сырой землѣ, въ тоскѣ и страхѣ.
И вихрь, натѣшившись, затихъ.
Покровы неба заблестали,

Лѣсъ ожилъ.—Изъ могилъ своихъ
Цвѣты измятые не встали...
Что мнѣ неожиданный твой привѣтъ?—
Часъ пробить,—и померкъ твой свѣтъ,
И не властна ты надо мною...
И рѣчи пѣжныя твои
Не оживятъ цвѣтовъ любви:
Они повержены грозой.

Носъ.

Гигиеническій очеркъ Э. А. Нидергерфера.

Несмотря на поразительные успѣхи врачебнаго искусства, сдѣланные въ послѣдній десятилѣтіи, — мы еще очень далеки отъ его послѣдняго слова. Попробуемъ, наука безпечна въ цѣломъ рядѣ болѣзней, не поддающихся пока врачеванію.

Краснорѣчивымъ примѣромъ этого можетъ служить система современнаго лѣченія водоболзни.

Не мало писали за и противъ прививки по способу Пастера, а въ итогѣ, пока, оказывается мало пользы отъ такого способа лѣченія. Изъ письма одного миссіонера, жившаго въ дѣбряхъ Африки, и случайно вычиталъ, напримѣръ, что готепоты успѣшно исцѣляютъ подобныхъ больныхъ селезенкою бѣшенаго звѣря, которую укушенный долженъ съѣсть въ сыромъ видѣ. То же самое, впрочемъ, совѣтуется уже въ Талмудѣ. Наконецъ, и у насъ нѣкоторые знахари лѣчатъ успѣшно отъ водоболзни внутренностями убитаго бѣшенаго животнаго, главнымъ образомъ, селезенкою, которая для этой цѣли сушится, а затѣмъ растирается въ порошокъ.

Въ настоящее время избрали особый, новый путь лѣченія; безцѣльное и къ тому безплодное лѣченіе на-авось все болѣе оставляютъ. Стараются сперва найти причины болѣзни, а затѣмъ уже ихъ искоренить, или, по крайней мѣрѣ, облегчить. Успѣхъ этого способа лѣченія уже даетъ себя чувствовать. Въ видѣ примѣра этому, укажемъ на лѣченіе одышки. Вѣроятно, кто-либо изъ читателей, къ сожалѣнію, самъ страдаетъ одышкою или наблюдаетъ у другихъ внезапные припадки ея. Эта болѣзнь, ужасная уже потому, что до послѣдняго времени почти не знали средствъ для борьбы съ ней, — теперь во многихъ случаяхъ поддается вполнѣ излѣченію.

Одышка, по причинамъ, ее вызывающимъ, бываетъ двухъ родовъ. Иногда причиною ея бываетъ заболѣваніе грудныхъ частей; такого рода одышку удавалось излѣчивать и прежде. Чаще же причины ея были неизвѣстны и до послѣдняго времени не поддавались выясненію, а потому если и исцѣлялись отъ нея, то лишь случайно. При такихъ обстоятельствахъ сваливали все на „нервы“, и называли этотъ родъ одышки нервной. Въ новѣйшее время открыли истинную причину первой одышки, — это, именно, нашъ носъ.

На носъ смотрѣли, пока, только, какъ на украшеніе нашего лица. Въ остальномъ на носъ не обращали вниманія, пока онъ не причинялъ какой-либо боли. Теперь убѣдились, наконецъ, что онъ причина не только первой одышки, — онъ считается теперь виновникомъ и массы другихъ болѣзней.

Само собою, разумѣется, что носъ намъ данъ не только для красоты; его обязанности въ жизни человѣка, въ отправленіяхъ нашего тѣла — весьма разнообразны. Для легкихъ онъ представляетъ то же, что ротъ для желудка. Носъ дѣлаетъ удобовоспринимаемымъ для легкихъ — воздухъ, составляющій ихъ необходимое питаніе. Прежде всего носъ очищаетъ вдыхаемый воздухъ. Для этой цѣли остовъ носа животныхъ и человѣка состоитъ изъ хрящевидныхъ и костныхъ частей, формой своей напоминающихъ нѣсколько раковину и называющихся потому „носowymi раковинами“. Вся носовая полость выстлана слизистой оболочкой, въ которой лежатъ обонятельные нервы. Для полученія въ этомъ узкомъ пространствѣ большей поверхности соприкосновенія съ воздухомъ, слизистая оболочка непременно должна имѣти, и дѣйствительно, имѣетъ, множество складокъ. Послѣднія, во побѣжаніе могущаго произойти отъ ихъ перемѣщенія нѣкотораго, а подчасъ и полного заслоненія пути воздуха, при выдыханіи и выдоханіи удерживаются посредствомъ костныхъ подпорокъ — носовыхъ раковинъ. Слѣдуетъ еще прибавить, что новорожденные дѣти долгое время, исключительно, дышатъ (вдыхаютъ и выдыхаютъ воздухъ) носомъ; то же самое наблюдается у вполнѣ развитыхъ животныхъ, особенно, во время сна; напримѣръ, у собакъ. Носъ поглощаетъ въ огромномъ количествѣ попадающаго въ воздухъ пыли. Слѣды ея вы увидите на нашемъ носовомъ платкѣ, если высморкаться утромъ послѣ сна, послѣ бала, или, наконецъ, послѣ поѣздки по пыльной, грунтовой дорогѣ. Вдыхаемый носомъ воздухъ, проходя по извилинамъ носовыхъ раковинъ, очищается отъ примѣсей твердыхъ

частицъ, осаждающихся въ облакахъ пыли и осѣдающихъ на слизистой оболочкѣ. Пыль же для легкихъ — то, что для желудка плохо пережеванная пища.

Въ носу затѣмъ воздухъ увлажняется и нагревается, почти до температуры тѣла, съ тѣмъ болѣею силой, чѣмъ болѣе разница между температурой воздуха и тѣла. Сухой и холодный воздухъ тоже вреденъ для легкихъ; поэтому дышащіе лишь ртомъ все страдаютъ простудными болѣзнями горла или легкихъ; пѣвцы, напримѣръ, избегаютъ говорить на улицѣ, особенно зимою, чтобы не вдыхать холоднаго воздуха ртомъ; при сильномъ насморкѣ, т. е. при заслоненіи дыхательныхъ путей носа, и спаніи съ открытымъ ртомъ, утромъ, послѣ сна, трудно отхаркивать мокроту. Нашъ органъ обонанія, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ исполняетъ нѣсколько функций: очистительную, воздухонагревательную и увлажнительную. Представимъ себѣ теперь, что произойдетъ, если пройдетъ въ поздыряхъ сужень, благодаря заростамъ (полипамъ) или разбухавшю слизистой оболочкой, составляющему первую стѣнень постоянного, хроническаго насморка, — или если пройдетъ этотъ чрезмѣрно расширенъ исчезновеніемъ (атрофированіемъ) слизистой оболочки (вторая стѣнень хроническаго насморка).

Въ томъ и другомъ случаѣ результатъ тотъ же: въ первомъ — застываетъ мѣсто носа — ротъ, а во второмъ — воздухъ притекаетъ въ легкія непосредственно. Стало-быть, оба раза легкія получаютъ недостаточно подготовленный воздухъ, что подчасъ вызываетъ въ нихъ сильное раздраженіе.

Одно изъ явленій такого раздраженія и представляетъ, такъ называемая, первая одышка. Притомъ все дѣло въ отраженіи, рефлективномомъ движеніи, т. е. безсознательномъ, невольномъ сокращеніи мышцъ, которое было вызвано какимъ-нибудь возбужденіемъ. Подобныя движенія дѣлаемъ мы по-многому ежедневно. Когда насъ, напримѣръ, во снѣ безсонкоитъ муха (раздраженіе кожи — органа осязанія), мы безсознательно ее отгоняемъ. Когда ярый свѣтъ вдругъ коснется нашихъ глазъ (раздраженіе чувства зрѣнія), мы невольно мгновенно ихъ закрываемъ. Еще примѣръ: если какое-либо ѣдкое вещество (напримѣръ, табакъ) раздражитъ чувство обонанія, или если чѣмъ-нибудь пощекотать слизистую оболочку нашего носа, то неминуемо, несмотря на все усилія, это должно вызвать у насъ сотрясеніе грудобрюшной преграды, что въ общепринятій называется чиханіемъ. Припомнимъ при этомъ, что нѣкоторые весьма легко отчихиваются, а другіе — довольно трудно. У многихъ людей дѣятельность рефлекса вызывается, вообще, весьма легко и по поводу такихъ даже раздраженій, которыя на другихъ не оказываютъ ровно никакого вліянія. Такъ, многие, страдающіе болѣзнь носа, страдаютъ также судорожнымъ и весьма мучительнымъ кашлемъ, при которомъ всякаго рода способы лѣченія, особенно излюбленное смазываніе горла, не даютъ ровно никакого облегченія. Совершенно нине результаты получались тогда, когда въ такихъ случаяхъ принимались за лѣченіе носа: по мѣрѣ выздоровленія этого органа, и кашель самъ собою постепенно прекращается; поэтому его правильно называли рефлективнымъ кашлемъ. Нѣкоторые не переносятъ запаха розъ, фіалокъ и, по преимуществу, свѣжаго сѣна; у нихъ послѣ этого появляются головная боль, кашель, даже припадки сильнѣйшей одышки (сѣнное удушье). Перечисленные примѣры говорятъ въ пользу того, что этотъ родъ одышки является причиною болѣзни носа.

Нѣкоторые ученые усматривали здѣсь чисто-механическую причину; затрудненное или даже вполнѣ прекращенное дыханіе носомъ, при чемъ ротъ временно выполняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отправленія носа. Другіе предполагали расширение воспаления слизистой оболочки носа по зѣву и горлу до тончайшихъ развѣтвленій дыхательныхъ путей въ легкихъ. Но ни то, ни другое объясненіе не сходитъ съ новѣйшими открытіями. Многочисленными опытами доказана тѣсная связь между нервами слизистой оболочки носа и тѣми нервами, которые управляютъ дыхательною дѣятельностью легкихъ. Первопричиною, такимъ образомъ, опять-таки являются нервы. У многихъ лицъ, при раздраженіи слизистой оболочки носа, напр.

помощью введения зонда, наблюдалось одновременное сокращение мышц, какъ дыхательнаго горла, такъ и легкиихъ грудно-брюшной преграды. Если вспомнимъ, что въ легкихъ мышцы обхватываютъ тончайшія развѣтвленія дыхательныхъ путей, то намъ станетъ понятнымъ, что ихъ сокращеніемъ вызывается нѣчто въ родѣ припадка удушья. Впрочемъ, въ сущности, это явленіе не что иное, какъ болѣе усиленное чиханіе. То, что въ опытахъ искусственно достигается зондомъ, при дѣйствительныхъ заболѣваніяхъ обуславливаютъ—хроническій насморкъ или носовые полипы, постоянно раздражающіе слизистую оболочку носа и вызывающіе время отъ времени припадки удушья. Захватываніе духа, слѣдовательно, является здѣсь лишь слѣдствіемъ замедленнаго, или, точнѣе—продленнаго чиханья. Одно только утѣшеніе: къ счастью, при массѣ подобныхъ носовыхъ болѣзней, сравнительно мало сопровождается ихъ отдышкою. Можно лишь предположить, что въ этихъ случаяхъ имѣется расположеніе и вмѣстѣ съ нимъ извѣстная восприимчивость ко всякаго рода раздраженію. И дѣйствительно, членовья данныя многихъ специалистовъ подтверждаютъ, что подобнымъ припадкамъ одышки подвержены особенно нервные и пегеричные люди.

Для многихъ другихъ случаевъ, однако, данное объясненіе неправильно, или, по крайней мѣрѣ, недостаточно. Причиной является опасное отравленіе угольною кислотою. Какъ извѣстно, человекъ вдыхаетъ кислородъ и выдыхаетъ другой газъ—углекислоту. Изъ легкихъ кислородъ попадаетъ въ кровь, которая его разноситъ по всему тѣлу. Проникая, такимъ образомъ, во все тѣло и соединяясь съ ихъ составными веществами, окисляя ихъ—онъ сообщаетъ имъ жизнеспособность. Какъ негодное вещество, выдѣляется при этомъ углекислота, которая скопляется въ легкихъ и оттуда выталкивается при выдыханіи. Какъ проникновеніе кислорода, такъ и выдѣленіе углекислоты совершаются равномерными переходами духа. Разъ нарушится эта правильность, является недостатокъ въ воздухѣ; но это не столько зависитъ отъ недостаточнаго количества кислорода, сколько отъ накопленія углекислоты. Такъ, напримѣръ, печка, очищенная отъ золы, топится лучше и долѣе, даже если тяга, т. е. притокъ воздуха (кислорода), значительно уменьшена, чѣмъ сильно засоренная печка, при полной тягѣ—въ послѣдней огонь плохо горитъ и скоро тухнетъ. Углекислота—сильный ядъ для животной жизни: отъ ея накопленія въ тканяхъ неминуемо

должно постѣдовать отравленіе. Последнее болѣе сильно обнаруживается въ головѣ, въ мозгу,—центрѣ всѣхъ жизненныхъ отравленій. Углекислота направляетъ свое губительное дѣйствіе отъ мозга на сердце. Удары его замедляются. Накопленіе останавливается при страшныхъ судорогахъ. Наступаетъ мгновенная смерть. Такъ безжалостно, стремительно, къ счастью, не поступаетъ, болѣею частью, природа; напротивъ, она не разъ предупреждаетъ человека разными признаками, предоставляя ему, такимъ образомъ, возможность своевременно принять мѣры къ защитѣ.

При накопленіи углекислоты въ большомъ количествѣ въ мозгу, напримѣръ, при скоромъ бѣгѣ, раздражается именно дыхательный центръ, т. е. то мѣсто, гдѣ берутъ начало нервы, поддерживающіе дыханіе. Такое раздраженіе сильнѣе напрягаетъ эти нервы, и это сказывается въ усиленномъ, или, иначе говоря,—въ болѣе глубокомъ дыханіи. Благодаря сему, уравнивается снова объемъ газовъ, вслѣдствіе выдыханія углекислоты въ болѣеомъ количествѣ. Не трудно вывести изъ этого обратное заключеніе: извѣстныя обстоятельства могутъ вызвать припадки удушья, а именно, когда будутъ существовать безпрестанно дѣйствующія условія для накопленія углекислоты. Понятно, если дыханіе носомъ долго задерживается, переводъ духа долженъ стать неправильнымъ. Вначалѣ воли страждущаго будетъ этому стараться воспротивиться, постепенно, однако, она будетъ ослабѣвать; тогда наступитъ не полный объемъ газовъ,—накопленіе углекислоты, слѣдствіемъ чего будутъ, какъ выше изложено, припадки одышки.

Все эти немногосложныя данныя составляютъ цѣнный результатъ долгихъ, многолѣтнихъ трудовъ выдающихся специалистовъ по этому предмету. Понятно, они вызвали цѣлый переворотъ въ лѣченіи одышки. Въмѣсто безцѣльнаго употребленія старыхъ и новыхъ средствъ, прибѣгаютъ теперь къ оперированію носа. Дѣйствительно, вниманіе носового полипа даетъ подчасъ просто поразительные результаты: пропадаетъ гнусливость, прекращается насморкъ, дѣлаются совершенно неощутимы головныя и глазныя боли (при хроническихъ носовыхъ катарихъ—насморкахъ—вслѣдствіе необходимости болѣе продолжительнаго лѣченія, послѣдствія этого способа лѣченія проявляются не сразу). Къ тому, открыли въ кокаинѣ вещество, которое дѣлаетъ боли при подобныхъ операціяхъ почти нечувствительными. При этомъ полипы, обыкновенно, срѣзаются почти мгновенно раскаленной платиновой проволокой (гальванокаустикой).

Шляпа.

Монологъ.

..Я женатъ. И женился я недавно, благодаря странной, даже очень странной причинѣ. Хотите знать причину эту?—Отгадайте!—Шляпа... Да, простая шляпа, которая ничѣмъ не отличалась отъ другихъ шляпъ, купленныхъ въ хорошемъ магазинѣ... самая простая шляпа... Дѣло было въ томъ, что получилъ я приглашеніе на вечеръ. Хозяйка мнѣ прислала премилую записку, на которую нельзя было отвѣтить отказомъ. Я собрался. Пріѣзжаю:—множество гостей; меня встрѣчаютъ привѣтствіемъ, очень миломъ, и къ этому привѣтствію хозяйка добавляетъ:—

—Надѣюсь, сегодня вы не поскучаете у насъ. Я ручаюсь вамъ за это...

Я радъ не скучать вечеръ,—иду, здороваюсь со знакомыми, иду комнаты, гдѣ поставлены карточные столы. (Намѣтъ хозяйки ясенъ—она приготовила для меня интересную партію). Но карточныхъ столовъ нигдѣ нѣтъ, и нѣтъ надежды, что ихъ поставятъ... Впечатлѣніе испорчено. Я начинаю сомнѣваться въ томъ, что мнѣ будетъ весело. По слова хозяйки все-таки интересуютъ меня. Я жду и вижу, что все остальные тоже ждутъ, всѣхъ интересуетъ та-же тайна, что и меня. Очевидно, каждому изъ гостей шепнули то же самое. Мы ходимъ и стараемся улыбаться, не заводимъ длинныхъ разговоровъ ни объ искуствѣ, ни о политикѣ, словомъ, стараемся показать, что готовы для воспріятія того удовольствія, которое ожидаетъ насъ... Наконецъ, загадка разъясняется... Все гости толпятся въ залу. Я за ними... Въ залѣ—крышка у рояля поднята, у клавишей сидятъ дѣва „уважаемыхъ“ лѣтъ и, видимо, ждетъ чего-то... Неужели будутъ танцовать?—Но я давно, я никогда не танцую...

Нѣтъ—танцовать не будутъ. По залѣ пробѣгаютъ замѣтный ропотъ:—„музыкально... музыкально-литературный вечеръ...“ Хозяйка въ восторгѣ. Она открыла тайну, объявила „сюрпризъ“ и очень весело улыбается. Все лица возлѣ нея тоже улыбаются, но совсѣмъ не такъ, какъ она, а неестественно, дѣлanno; а тѣ, кто стоитъ подалѣе—корчатъ гримасы. Я тоже корчу гримасу, потому что стою далеко, у самой притолки двери... Дѣва у клавишей беретъ аккордъ—ничего, довольно смѣло.. Неужели она играть будетъ?... Впрочемъ, отчего-жъ ей и не играть, въ самомъ дѣлѣ?... У рояля появляется, однако, другая—не дѣва, а дѣвица, молоденькая, хорошенькая, съ черненькими глазами и розовымъ дѣвственнымъ ротикомъ... Она, не конфуясь, оглядываетъ публику и увѣренно начинаетъ пѣть... Она, право, поетъ недурно,—и голо-

сокъ у ней есть; но вдругъ мнѣ дѣлается невыразимо смѣшно... ужасно смѣшно. Я не виноватъ, что дѣвица вмѣсто „л“ произноситъ „р“, а вмѣсто „р“—„л“...

„То было ланною весной...“ поетъ она, а мнѣ смѣшно... Я стараюсь удержаться, боюсь взглянуть на кого-нибудь... Боюсь, что тутъ, возлѣ меня, стоитъ близкій знакомый, родственникъ поющей дѣвицы... Я стараюсь не слушать, но въ ухахъ такъ и звучитъ:

Въ тѣни берѣзъ то было...
Глуба пастушка поутру
Еще не пѣра звонко...

Дѣвица поетъ и жеманится... Я чувствую, что не выдержу, и, не ожидая ничего добраго отъ вечера, хочу уйти, какъ можно скорѣе, совсѣмъ уйти... Пѣніе, однако, подходитъ къ концу... „Рюбрю тебя... рюбрю...“ выводитъ дѣвица. Я не выдерживаю, фыркаю, но, по счастью, раздаются аплодисменты (все рады, что она кончила)—и мой смѣхъ заглушается, и я громко кричу „браво“, даже не „браво“, а „бравва“—и аплодирую вмѣстѣ съ другими... Я боюсь одного,—чтобы кто-нибудь не крикнуть „бисъ“, и чтобы дѣвица не начала новую пѣсню... Но, видимо, счастье не совсѣмъ оставило меня—дѣвица стремительно бросается въ объятія хозяйки, и ихъ окружаютъ, шаркаютъ и, очевидно, говорятъ комплименты. Вмѣсто дѣвицы у рояля появляется столъ, на столѣ—графинъ, стаканъ и свѣчи. Начинаю смотреть на эти предметы, какъ на орудія пытки. Говоръ въ залѣ умолкаетъ. Къ столу подходитъ высочій господинъ, плѣшивый, сухой... на носу очки... Боюсь спросить, кто это такой, чтобы не выказать своего невѣжества, если вдругъ господинъ окажется знаменитостью... Впрочемъ, это какой-нибудь профессоръ. Я не ошибся—онъ, дѣйствительно, профессоръ... Онъ говоритъ что-то, и до меня долетаетъ слово „лекція“. Начинать ненавидѣть профессора и рѣшительно хочу уходить. Стараюсь вспомнить только, куда дѣлъ свою шляпу... Я положилъ ее на колонку въ углу залы, противоположномъ тому, гдѣ стою... Теперь я помню это. Смотрю, какъ пробраться туда,—оказывается, это трудно, невозможно: около колонки, какъ нарочно, усѣлись барышни плотною стѣной,—однѣ только барышни,—пробраться нельзя, неловко; попросить передать—тоже... Профессоръ принимается читать... Я смотрю на мою шляпу. Она лежитъ на колонкѣ слегка въ бокъ; кажется, достать только ее—и я свободенъ, я счастливъ... Но это невозможно...

„Индивидуальность, читаетъ профессоръ,—конкретнаго слу-

чая...“ Мнѣ грустно... Напрасно силюсь я, сдерживая зѣвоту, думать о чемъ-нибудь другомъ, веселомъ... Въ голову назойливо, неотвязно дѣлаетъ мысль о шляпѣ, и глаза невольно останавливаются на ней... „По отношенію ко всемъ модальностямъ...“ продолжаетъ профессоръ тѣмъ самымъ голосомъ, какимъ читальщикъ читаетъ неспирь по покойникѣ. Первый разъ въ жизни я начинаю не пытаться соблазнить воспользоваться чужой собственностью... Взять, украсть чужую шляпу; но боюсь, что поймають, уличатъ, и, все равно, одинъ скандалъ только выйдетъ... И снова смотрю на мою шляпу, какъ влюбленный только можетъ смотрѣть на предметъ своихъ загаженныхъ грѣш и мечтаній...

Если-бы могъ я въ эту минуту стать безплотнымъ духомъ и невидимкою пробраться туда, гдѣ лежитъ она, моя шляпа, съ какой бы радостью, съ какимъ восторгомъ я схватилъ бы ее, и какъ бы счастливъ былъ этимъ!—Я никогда не любилъ своей шляпы такъ, какъ въ эту минуту...

„Тамъ, на улицѣ“, думалъ я подъ мѣрный голосъ профессора, все еще пѣвший про „индивидуальность конкретного случая“—тамъ хорошо, и воздухъ весенній чистъ, напоенъ пѣжымъ запахомъ распустившихся почекъ; тамъ свобода, тамъ жизнь, тамъ нѣтъ ни профессора, ни барышень, загордившихъ проходить къ моей шляпѣ... а она, голубушка, все попрежнему лежитъ, наклоненная немного въ бокъ, не шелохнется, словно ей и дѣла нѣтъ до тѣхъ мученій, какія я испытываю...

Не знаю, долго-ли читалъ профессоръ, но мнѣ казалось—ужасно долго... Наконецъ онъ кончилъ... Ну, думаю, встануть, сдѣлають перерывъ, и тогда я свободенъ... Но барышни не шелохнулись, точно превратившись въ сиящихъ сказочныхъ дѣвъ, умирно охранявшихъ мою шляпу. Да и всѣ остальные сидѣли на своихъ мѣстахъ... Я взглянулъ на часы. — половина десяти—о Боже!—всего лишь полчаса прошло съ тѣхъ поръ, какъ начался этотъ „вечеръ“, а мнѣ казалось, что давно было за полночь...

Послѣ чтенія профессора, дѣва, аккомпанировавшая дѣвицѣ, снова подошла къ роялю и играла что-то длинное, предлинное и очень скучное—оказалось свое сочиненіе: потомъ вышелъ юноша, очень взволнованный, блѣдный, въ бѣломъ галетукѣ съ широкими концями, и все хотѣлъ хорошеенько наладить—прочтеть: „Вотъ и фонтанъ...“ но много разъ сбивался и снова съ выраженіемъ повторялъ: „Вотъ и фонтанъ, вотъ и фонтанъ...“ Многие дѣлали видъ, что это ничего не значитъ, но я... я смотрѣлъ на мою шляпу...

Я понималъ вполне теперь, что значили танталовы муки... нѣтъ, впрочемъ, никогда Танталъ не испытывалъ ни голода, ни жажды, равныхъ моему желанію—достать теперь мою шляпу!..

Но и профессоръ, и дѣва, и дѣвица, и молодой человекъ оказались еще ничѣмъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что послѣдовало послѣ нихъ:—самъ хозяинъ дома сталъ читать второе дѣйствіе пьесы драмы, собственно имъ написанной... Это второе дѣйствіе должно было служить „гвоздемъ“ вечера... Тоска моя по шляпѣ дошла до крайнихъ предѣловъ... Была минута, когда я хотѣлъ кинуться къ ней на проломъ... и все-таки не кинулся... и продолжалъ лишь смотрѣть на нее...

Я былъ разбитъ, уничтоженъ: воздухъ залы давилъ меня, дышать было нечѣмъ. И вдругъ, о радость—кругомъ меня зашумѣли, встали, заговорили, музыкально-литературный вечеръ кончился—хозяинъ дома дочиталъ второе дѣйствіе своей драмы... Я вздохнулъ съ облегченіемъ, я дождался, наконецъ, минуты, когда могъ добраться до своей шляпы... Но тутъ, неожиданно, подошелъ ко мнѣ усатый полковникъ, почтенный, свирѣпый на видъ, видимо не любивший шутокъ и обаянный вечеромъ, и, сдвинувъ брови, строго спросилъ меня по-французски:

— Милостивый государь мой, я слѣдилъ за вами весь вечеръ, и весь вечеръ вы не спускали глазъ съ моей дочери... Я оробѣлъ.

— Съ какой... дочери... почему дочери?... невольно переспросилъ я.

— Ну, да, съ моей дочери, которая сидѣла тамъ, вонъ у колонны, а вы въ упоръ смотрѣли на нее... Кто вамъ далъ поводъ компрометировать такъ молодую дѣвушку?..

Я поглядѣлъ еще разъ въ ту сторону, гдѣ была моя шляпа: тамъ у колонны, дѣйствительно, сидѣла прехорошенькая барышня съ измученнымъ скукою личикомъ.

— Извините, заговорилъ я,—это шляпа... простая... шляпа... — Какая тамъ шляпа!.. при чемъ тутъ шляпа... я вамъ говорю, моя дочь...

Полковникъ горячился, я видѣлъ, что возраженія напрасны сегодня, и общалъ пріѣхать завтра къ нему съ объясненіями.

На другой день я сдержалъ слово—поѣхалъ къ нему, повторилъ свой визитъ, поговорилъ еще... еще... и вотъ теперь я женатъ... и счастливъ: у меня премилая жена, которую я люблю, и премилый тесть, богатый, добродушный, со связями и положеніемъ, и вдобавокъ ко всемъ своимъ достоинствамъ—вдовецъ!..

Къ рисункамъ.

Выставка картинъ И. К. Айвазовскаго.

(Рисунки на стр. 317, 320, 321).

Профессоръ живописи И. К. Айвазовскій настолько извѣстенъ по своему таланту, что говорить въ настоящее время о талантѣ этомъ значило-бы повторять давно и много разъ сказанное. Обративъ на себя вниманіе своими художественными способностями въ раннемъ возрастѣ, И. К. Айвазовскій быстро завоевалъ себѣ мѣсто среди выдающихся художниковъ не одной только Россіи—и съ тѣхъ поръ неутомимо продолжаетъ трудиться на поприщѣ горячо любимого имъ искусства. Несмотря на свои годы (ему теперь около 76 лѣтъ), И. К. обладаетъ полною силой своего таланта, и обычная энергія его не унадеваетъ до сихъ поръ, доказательствомъ чему служатъ не только постоянное участіе маститаго профессора на ежегодныхъ академическихъ выставкахъ, но и самостоятельныя выставки, устраиваемыя имъ, время отъ времени, для своихъ картинъ.

Одна изъ такихъ выставокъ недавно привлекла къ себѣ петербургскую публику въ залы Николаевскаго дворца.

Выставка эта, состоящая изъ пяти картинъ, представляла тѣмъ большій интересъ, что мастерскою кистью нашего художника были переданы на полотнѣ впечатлѣнія послѣдней поѣздки его въ Америку, изъ которой онъ только что возвратился. Мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ гравюры съ трехъ изъ этихъ пяти картинъ: „Гавань Нью-Йорка“ (стр. 317), „Въ океанѣ“ (стр. 320) и „Ниагарскій водопадъ“ (стр. 321). „Гавань Нью-Йорка“ съ неподражаемой правильностью передаетъ впечатлѣніе вида, открывающагося на огромный городъ съ моря и на широкій водный просторъ, усеянный парходами и океанскими судами, вѣчно сующими, мѣняющимися, какъ стеклышки въ кафедральной, вокругъ неподвижно-величавой, колоссальной статуи Свободы—одного изъ чудесъ Новаго Свѣта... Это впечатлѣніе шири, жизни и движенія, поражающихъ всякаго подъѣзжающаго къ Нью-Йорку, передано мастерски и составляетъ главное достоинство картины.

Видъ Ниагарскаго водопада много разъ служилъ темою для художественныхъ произведеній, и много художниковъ бралась за этотъ сюжетъ. Гому съ дѣтства не знакомъ этотъ водопадъ, но многочисленнымъ снимкамъ и гравюрамъ, появившимъ въ учебники и географическіе атласы, но можно смѣло сказать, что всѣ эти снимки и даже большинство прежнихъ картинъ не даютъ и тѣни намека на то художественно-реальное изо-

браженіе, которое сумѣлъ дать въ своей картинѣ И. К. Айвазовскій. Главный эффектъ онъ, какъ видно и по нашей гравюрь, основалъ на удивительно схваченіемъ и подмѣченіемъ своеобразномъ рисункѣ облаковъ водяныхъ брызгъ, поднимающихся на страшную высоту, словно паръ ключомъ kloпочущаго котла. Если долго и пристально смотрѣть на картину—впечатлѣніе получается похожее на оптичскій обманъ: начинается кажется, что эта масса бѣлой пѣны и брызгъ оживаетъ, движется, рыбитъ въ глазахъ, что передъ вами не мертвыя краски и полотно, но движущаяся панорама, или сама дѣйствительность.

Что касается „океана“, то тутъ нашъ художникъ вполне, всецѣло, такъ сказать, въ своей сферѣ и, сколько разъ онъ ни брался за кисть, чтобы изобразить дивную картину морскихъ волнъ, всегда умѣлъ въ нихъ находить новыя красоты и новыя сочетанія абрисовъ и красокъ. Свѣлый, дивный розмахъ, движеніе и жизнь, удивительные переливы свѣта и тѣни, прозрачность и чистота красокъ—вотъ отличительные признаки художественныхъ твореній Айвазовскаго, давно заслужившаго по праву названіе величайшаго „поэта моря“.

Весна. (Рис. на стр. 325).

Талантливый живописецъ баронъ Михаилъ Петровичъ Клодтъ, сынъ извѣстнаго скульптора П. Клодта, уже шестой годъ къ ряду украшаетъ своими произведеніями передвижную выставку. На ней двѣ его картины. Одна, небольшого размѣра, „Забота“, пріобрѣтена Ея Величествомъ Государынею Императрицею и изображаетъ молодую труженицу съ груднымъ ребенкомъ; другая, значительно больше,—молодую монахиню, залюбовавшуюся изъ окна чуднымъ весеннимъ днемъ. Въ голубомъ небѣ звенитъ жаворонокъ, свѣжая изумрудная зелень ковромъ стелется по землѣ и бахромой унизываетъ вѣтви деревьевъ, въ прозрачной тѣни которыхъ еще прохладно, но привольно. И улетѣла она мыслями далеко-далеко отъ темной кельи, и, быть можетъ,

...Сердце билось живѣй,
При видѣ солнца и полей...“

„Несторъ“. (Рис. на стр. 328).

По отзывамъ всѣхъ знатоковъ искусства, статуя Нестора особенно удалась г. Антокольскому. Спокойное, почти безстрастное лицо нашего перваго лѣтописца, углубленное въ размышленія о „дѣлахъ давно минувшихъ дней“, изображенное

Новый президент Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Кливлендъ. По фот. грав. Рюдокъ.

безъ малѣйшей аффектаціи, съ удивительной простотой, представляя собой лучшій образецъ „исторической“ скульптуры. Г. Антокольскій, видимо, много размышлялъ надъ этимъ труднымъ сюжетомъ и выразилъ необыкновенно удачно характеръ монаха-лѣтописца, съ его старческой фигурой и чудеснымъ вдумчивымъ лицомъ.

„Тяжело“. (Рис. на стр. 329).

Художникъ намъ очень удачно задумалъ свою картину: молодой мастеровой повредилъ себѣ руку и частью голову. Въ лицѣ его еще замѣтно страданіе; его выпустили изъ больницы не вполне оправившимся. Работать онъ не можетъ, пока не зажиетъ рука, а работать нужно для того, чтобы жить... Сестра его, повидимому, сама труженица-мастерица, напрасно утѣшаетъ его тѣмъ, что готова подѣлаться съ нимъ зарабатываемыми ею грошами: но онъ знаетъ, что грошей этихъ едва-едва хватаетъ на ея собственное прокормленіе... Лица въ картинѣ некрасивы, но художникъ сумѣлъ выразить въ нихъ то „человѣческое“, которое лучше всякой красоты придаетъ смыслъ и значеніе человѣческому лицу.

Гроверъ Кливелендъ. (Портр. на стр. 333).

4 марта Гроверъ Кливелендъ сталъ во главѣ управленія Соединенныхъ Штатовъ. Мы сообщили біографическія свѣдѣнія о немъ прошлой осенью, когда стало извѣстнымъ, что онъ будетъ избранъ въ президенты страны. Кливелендъ—во второй разъ президентъ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ—замѣнилъ Гаррисона, который, въ свою очередь, четыре года тому назадъ, былъ президентомъ послѣ Кливеленда. Вашингтонъ, гдѣ совершается торжество передачи власти, еще задолго до 4 марта наполнился тысячами прѣзжикъ. Наканунѣ этого дня новый президентъ прѣехалъ въ Вашингтонъ съ женою и ребенкомъ и остановился въ гостиницѣ. 4 марта, къ 12 часамъ, въ большой залѣ сената, въ Капитолѣ, собрались члены дипломатическаго корпуса, верховный судъ, члены сената и палаты, а галлерей наполнились публикою, среди которой замѣчались больше дамы. Послѣ 12 часовъ, когда въ залѣ всѣ мѣста были заняты, за исключеніемъ одного мягкаго краснаго кресла, такого же, на какомъ воалѣ сидѣлъ Гаррисонъ,—предѣлатель сената, вице-президентъ Моррисонъ, ступилъ молоточкомъ и произнесъ: „Вновь избранный президентъ идетъ“, и при громѣ рукоплесканій вошелъ Кливелендъ въ залу. Послѣ обычной церемоніи, Кливелендъ и Гаррисонъ уѣхали въ Бѣлый домъ, откуда, послѣ завтрака, Гаррисонъ отправился на родину, въ Индианополисъ, а Кливелендъ присутствовалъ при прохожденіи войска, милиціи и депутацій на площади у Капитолія. Парадъ продолжался 4 часа, и, несмотря на отвратительную погоду, Кливелендъ пробылъ на трибунѣ до конца его. Вечеромъ въ Pension-Office состоялся балъ, и тѣмъ и закончилась перемѣна правительства въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Академикъ живописи Константинъ Александровичъ Трутовскій. (Портр. на стр. 336).

Съ кончиной академика живописи Константина Александровича Трутовскаго, послѣдовавшей 18 сего марта, журналъ нашъ лишился одного изъ самыхъ цѣнныхъ и талантливыхъ сотрудниковъ по художественному отдѣлу. К. А. по праву считался однимъ изъ первыхъ русскихъ жанристовъ-реалистовъ, и смѣло можно сказать, что его картины, неоднократно помѣщавшіяся въ нашемъ журналѣ, извѣстны нашимъ читателямъ и не разъ приводили навѣрное многихъ изъ нихъ въ восхищеніе, помимо художественнаго выполненія, своей неподдѣльной простотой и задушевностью.

К. А. родился 28 января 1826 года въ Курскѣ; дѣтскіе же годы провелъ онъ въ отцовскомъ имѣніи въ Харьковской губ., Ахтырскаго уѣзда, въ деревнѣ Поповкѣ-Семеновкѣ. Покойный принадлежалъ къ старинному дворянскому роду. Склонность свою къ рисованію онъ проявилъ въ раннемъ дѣтствѣ и приобрѣлъ ее, повидимому, по наслѣдству отъ отца, который, въ свободное отъ военной службы время, любилъ заниматься живописью и поощрялъ сына къ тому же. Въ 1839 г. К. А. былъ опредѣленъ въ Николаевское Инженерное училище. Въ училищѣ всѣ свои досуги отъ занятій онъ посвящалъ рисованію. Случай заставилъ начальство училища обратить вниманіе на его выдающіяся способности къ художественному творчеству. На одномъ изъ экзаменовъ К. А., сидя на задней скамьѣ, набросалъ карикатурные портреты директора и экзаменаторовъ. Инспекторъ училища замѣтилъ это и тутъ же представилъ эти рисунки самому директору. Тотъ былъ такъ восхищенъ исполненіемъ и вѣрностью этихъ портретовъ, что, вмѣсто ожидаемаго должнаго возмездія, послѣдовало приказаніе инспектору обратить вниманіе на несомнѣнный талантъ К. А. и предложить ему въ распоряженіе всѣ принадлежности, нужныя для рисованія. По окончаніи курса въ училищѣ, К. А. остался при немъ въ качествѣ рететора и получилъ, такимъ образомъ, возможность посѣщать въ то же время Академію Художествъ. Онъ сначала, какъ и всѣ тогда въ Академіи, занимался историческою, классическою живописью, но вскорѣ

посвятилъ себя исключительно изображенію сценъ народнаго быта. Этому жанру онъ остался вѣренъ до послѣднихъ дней своихъ. Посѣщеніе въ 1849 г. Малороссіи, вызванное смертью его матери, было главной причиной того, что онъ сталъ жанристомъ-реалистомъ и, почти исключительно, народнымъ, малороссійскимъ. Вскорѣ послѣ того, выйдя въ отставку, онъ поселился въ деревнѣ Яковлевкѣ, Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи. Въ 1853 г. отецъ написалъ три картины „Уѣздная лавочка“, „Коробочка“ и „Стѣнной музыкантъ“ и нѣсколько акварелей. Онѣ имѣли большой успѣхъ въ Москвѣ, куда привезъ ихъ К. А., и доставили ему званіе свободнаго художника. Въ 1858 г. К. А. прѣехалъ въ Петербургъ, былъ сочувственно и радушно принятъ членами художественнаго собранія, сталъ выставлять свои картины на академической и передвижной выставкахъ. Въ 1861 г. за выставленную имъ на академической выставкѣ картину „Хороводъ“ онъ получилъ званіе академика. Въ 1857 г. К. А. былъ избранъ членомъ королевскаго бельгійскаго общества акварелистовъ. Въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1871 по 1881 г., покойный состоялъ инспекторомъ училища живописи, ваянія и зодчества въ Москвѣ. По оставленіи этой должности, К. А. поселился въ деревнѣ, гдѣ онъ и скончался на 68 году отъ роду.

Покойный написалъ огромную массу картинъ, акварелей и рисунковъ. Картины его стали до того извѣстны, такъ близки были народному духу, что снимки съ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщены даже на ситцахъ... Картины покойнаго фигурировали на выставкахъ въ Парижѣ, Антверпенѣ и на всероссійской выставкѣ въ Москвѣ. Имѣются и его литературные труды,—это литературныя воспоминанія, помѣщенные въ *Художественномъ журналѣ* (1882 г.) и воспоминанія о О. М. Достоевскомъ—въ *Русскомъ Обзорникѣ* (1893 г.).

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. (Портр. на стр. 336).

20 сего марта исполнилось тридцать пять лѣтъ литературной и публицистической дѣятельности Алексѣя Сергѣевича Суворина. А. С. родился 11 сентября 1834 г., въ селѣ Коршевѣ, Воронежской губерніи, Бобровскаго уѣзда. Когда былъ открытъ въ Воронежѣ Михайловскій кадетскій корпусъ, 8 ноября 1845 г., однимъ изъ первыхъ поступилъ въ него А. С. Получивъ въ немъ свое первоначальное воспитаніе, А. С. опредѣлился въ спеціальные классы Дворянскаго полка, откуда онъ вышелъ, окончивъ курсъ, въ 1853 г. Тутъ въ немъ проснулись его литературныя наклонности, выразившіяся въ самомъ началѣ, въ неудержимой страсти къ чтенію. Затѣмъ у него явилась мысль составить словарь выдающихся людей. Для этого ему пришлось ознакомиться съ сочиненіями цѣлаго ряда авторовъ, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, такъ что, хотя онъ и не довелъ своего словаря до конца, но все-таки весь этотъ трудъ привнесъ ему неоцѣненную услугу въ отношеніи его литературнаго образованія. По выходѣ изъ училища, А. С. рѣшилъ осуществить свое завѣтное желаніе—поступить въ университетъ, и подать прошеніе объ увольненіи изъ военной службы. Получивъ увольненіе, онъ, однако, за недостатокъ средствъ, вынужденъ былъ вмѣсто поступленія въ университетъ, отправиться въ свое родное село, къ своимъ родителямъ, кое-какъ перебивавшимся на незначительную пенсію. Тамъ А. С., выдержавъ экзаменъ на учителя уѣзднаго училища, поступилъ въ Бобровское уѣздное училище преподавателемъ исторіи и географіи. Къ этому времени принадлежатъ его первые литературные опыты. Съ 1858 г. онъ начинаетъ посылать свои беллетристическія произведенія въ разные изданія; такъ, произведенія его были помѣщены въ *Модь, журналъ для свѣтскихъ людей*, затѣмъ въ *Леселицкѣ*. Въ 1860 г., перейдя учителемъ въ Воронежъ, А. С. сблизился съ извѣстными поэтомъ И. С. Никитинымъ, и благодаря этому онъ еще ревностнѣе занялся литературой. Онъ состоялъ сотрудникомъ въ *Русской Рѣчѣ*, до ея прекращенія. Въ 1863 г. въ *Отечественныхъ Запискахъ* были напечатаны два его произведенія: „Отверженный“ и „Аленка“. Съ 1863 г. А. С. сталъ постояннымъ сотрудникомъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* В. О. Корша, въ которыхъ онъ и составилъ себѣ громкую извѣстность своими талантливими фельетонами, разсказами и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. С. сотрудничалъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* и съ 1869—1872 г. въ *Вѣстникѣ Европы*. Съ 1872 г. А. С. началъ издавать свой „Русскій календарь“. Въ 1876 г. А. С. приобрѣлъ вмѣстѣ съ В. И. Лихачевымъ право на изданіе газеты *Новое Время*, а въ концѣ 1878 г. сталъ издавать эту газету единолично. Въ 1880 г. началъ онъ издавать журналъ *Историческій Вѣстникъ*. Кроме того, вмѣстѣ съ переходомъ *Новаго Времени* въ исключительную собственность А. С., былъ имъ основанъ и книжный магазинъ *Новаго Времени*. А. С. издалъ цѣлый рядъ цѣнныхъ и полезныхъ изданій, классическихъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ.

Виды Петербурга. Новый временной Троицкій мость.

(Рис. на стр. 337).

Въ виду того, что городское управленіе съ Высочайшаго соизволенія постановило замѣнить существовавшій деревянный

плашкотный Троицкий мостъ черезъ Неву—железнымъ, означенный мостъ былъ разведенъ. Но для того, чтобы не лишитъ обывателей Петербургской стороны и Каменного острова прямого сообщенія съ центромъ города, было рѣшено временно навести разведенный Троицкий мостъ въ другомъ, ближайшемъ мѣстѣ набережной Невы. Работы по сооруженію

замедлились вслѣдствіе того, что, за измѣненіемъ мѣста, пришлось мостъ удлинить и значительно сдѣлать выше.

На нашихъ рисункахъ изображены видъ самаго моста и главная его часть у Петропавловской крѣпости. Потемкинская Нева готова уже вскрыться,—вѣрный признакъ наступающей весны въ Петербургѣ.

Политическое обозрѣніе.

Новый французскій кабинетъ сформированъ окончательно въ слѣдующемъ составѣ: Дюпон—президентъ совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, Девелль—министръ иностранныхъ дѣлъ, Петраль—финансовъ, Гарень—юстиціи, Пуанкарре—народнаго просвѣщенія и исповѣданій, Луазильонъ—военный, Риенье—морской, Виетъ—общественныхъ работъ, Террис—торговли, Виже—земледѣлія, Делькассе—колоній.

23-го марта (4-го апрѣля), вечеромъ, новые министры собрались въ первый разъ на совѣщаніе въ помѣщеніи министерства народнаго просвѣщенія. Послѣ этого совѣщанія Дюпон отправился въ Елисейскій дворецъ для доклада президенту Карно о составѣ кабинета.

Въ Вѣнѣ, 17-го марта, совѣтъ общеперскихъ министровъ, подъ предѣлательствомъ императора, окончательно установилъ редакцію всѣхъ законопроектовъ, подлежащихъ внесенію въ делегацию. Въ военномъ бюджетѣ на будущій годъ расходы на пѣхоту, кавалерію и артиллерію рѣшено оставить въ той же нормѣ, какъ и въ нынѣшнемъ году.

Въ Лондонѣ опубликована Бѣлая Книга, въ которой встрѣчаются интересные документы о недавней вспышкѣ самостоятельности въ Египтѣ. Такъ, въ ней содержится депеша лорда Розберри къ лорду Кроммеру отъ 16-го февраля. Резюмируя новѣйшія событія въ Египтѣ, лордъ Розберри говоритъ, что если бы представленіи Англіи противъ образа дѣйствій хедива оказались безуспѣшными, то такой образъ дѣйствій имѣлъ бы дальнѣйшія и притомъ болѣе серьезныя послѣдствія. Послѣдствія эти были предупреждены тѣмъ, что хедивъ

взялъ обратно свое рѣшеніе, но все-таки нельзя слишкомъ рѣшительно предполагать, что всякая опасность затрудненій въ будущемъ устранена. Отзывать британскія войска невозможно; мѣра эта могла бы подвергнуть опасности европейцевъ, и страна сдѣлалась бы вновь театромъ смуты, что привело бы къ новому вмѣшательству, о формѣ котораго безполезно пока разспрашивать. Вотъ почему Англія должна держаться и впредь нынѣшней политики. Могутъ наступитъ событія, вслѣдствіе которыхъ будетъ признано цѣлесообразнымъ взвесить—слѣдуетъ ли приступить къ новымъ совѣщаніямъ съ союзникомъ и великими державами. Въ настоящее же время безполезно обсуждать, какія предложенія придется сдѣлать въ такомъ случаѣ. Безусловно вѣрно только то, что Египетъ не можетъ освободиться отъ европейскаго контроля, который можетъ даже оказаться строже и несправедливѣе нынѣшняго.

Въ Бернѣ національный совѣтъ предложилъ союзному совѣту заняться обсужденіемъ вопроса о томъ, не слѣдуетъ-ли Швейцаріи взять на себя починъ въ созывѣ международной конференціи по вопросу объ охраненіи въ военное время зданій, предназначенныхъ для цѣлей народнаго образованія и богослуженія, а также для храненія научныхъ и художественныхъ коллекцій.

1-го апрѣля новаго стиля, въ день рожденія князя Бисмарка, бывшій канцлеръ въ Фридрихсруэ принималъ много депутацій, явившихся съ поздравленіями, и получилъ множество телеграммъ, въ томъ числѣ отъ великаго герцога Мекленбургскаго и принца-регента Баварскаго.

Разныя извѣстія.

— 19-го марта, въ 9 часовъ утра, Императорскій поѣздъ благополучно прибылъ въ Севастополь, гдѣ Ихъ Величество встрѣтилъ Великій Князь Георгій Александровичъ. Государь Императоръ, Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Георгій и Михайлъ Александровичи и Великія Княжны Ксенія и Ольга Александровны перешли на пароходъ „Эрикликъ“, который въ 10 часовъ снялся со швартововъ и направился въ Ялту, куда и прибылъ того же 19-го марта въ 5 ч. 10 м. пополудни.

— Государственныхъ доходовъ съ 1-го января 1892 по 1-е января 1893 г. поступило внутри Имперіи и за границею: обыкновенныхъ 968.537,000 и чрезвычайныхъ 195.596,000,

а всего 1.164.133,000 руб. За тотъ же періодъ времени произведено государственныхъ расходовъ: обыкновенныхъ 598.466,000 руб. и чрезвычайныхъ 150.320,000 руб.; на платежи по займамъ израсходовано 242.048,000 руб.

— Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ утверждены уставы восьми вновь учреждаемыхъ потребительныхъ обществъ въ городахъ губерній: Новгородской, Костромской, Московской, Лифляндской, Петроковской, Саратовской и Екатеринбургской.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Святейшаго Синода, Высочайше соизволилъ, 6-го февраля сего года, на распространеніе узаконенія,

7-го августа 1851 года, объ охранительномъ, при сельскихъ церквяхъ, звонѣ, и на церкви, находящіяся по берегамъ морей и озеръ Ладожскаго и Онежскаго, съ тѣмъ, чтобы звонъ на колокольняхъ сихъ церквей производился не только въ метели и вьюги, но и во время тумановъ и всякой насмурности, закрывающей морской берегъ.

— Несостоятельный должникъ А. А. Зингеръ, содержавшій банкирскую контору подъ фирмою „А. Зингеръ и К^о“, признанъ конкурсомъ злостнымъ банкротомъ.

— При раскопкахъ, вызванныхъ ремонтными работами въ Бахчисарайскомъ дворцѣ, открыты двѣ подземныя комнаты древнѣйшихъ хахскихъ временъ.

Библиографія.

Очерки Кавказа. I. Поѣздка на Кавказъ осенью 1888 г. Съ 41 рисунк. В. С. Кривенко. Спб. Тип. А. С. Суворина. 1893. Ц. 2 р.

Книга В. С. Кривенко принадлежитъ къ тѣмъ, которыя составляютъ пріобрѣтеніе для литературы соответствующаго предмета. Путевыхъ „замѣтокъ“ и „впечатлѣній“ выходитъ, въ настоящее время особенно, не мало, но среди нихъ книга г. Кривенко *отъко выдѣлается своимъ серьезнымъ смысломъ*, ничего не теряя отъ того въ увлекательности и красотѣ описанія. Это—не описаніе только встрѣченнаго на пути,—красоты природы, мимолетныхъ встрѣчъ и наблюдений. Авторъ разсматриваемыхъ очерковъ смотритъ на все, что подпадало подъ его наблюдение, глазами серьезнаго человѣка, отлѣчиваетъ государственное значеніе странъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, знакомитъ съ ихъ исторіей и географическими своеобразностями, указываетъ ихъ нужды общественныя и т. д.; а рядомъ съ этимъ передъ вами возникаютъ и художественно обрисованныя мѣстности, своеобразная жизнь населенія, типы, поражающіе оригинальностью, мѣстные костюмы. Прекрасно

исполненные рисунки дополняютъ яркое впечатлѣніе, которое даетъ уже одно описаніе.

Поѣздки автора на Кавказъ совпали, къ тому же, съ пребываніемъ на этой окраинѣ Царственной Семьи, и ему пришлось увидѣть явленія жизни исключительныя. „Богатое прошлое, интересное настоящее (странь Кавказа) и, наконецъ, рядъ торжествъ по поводу пріѣзда Царской Семьи, все это даетъ столько разнообразнаго матеріала, что у путешественника... кавказскія впечатлѣнія просятся на бумагу“, говоритъ авторъ, и книга его вполне соответствуетъ этимъ словамъ. „На главномъ листѣ своей книги“, заключаетъ авторъ въ предисловіи, „я ставлю I, предполагая выпустить впоследствии вторую часть, въ которой постараюсь сгруппировать историческія данныя о Кавказѣ.“ Нужно искренно пожелать, чтобы доброе намѣреніе автора не осталось проектомъ, тѣмъ болѣе, что исторія Кавказскихъ странъ богата поэтическими и величавыми страницами, и въ умѣлыхъ рукахъ г. Кривенко она несомнѣнно получитъ высокой интересъ для читателей.

Искусство.

Художники-символисты.

Символическое движеніе въ искусствѣ возникло, по крайней мѣрѣ, въ опредѣленныхъ формахъ, сравнительно, недавно, — съ прошлаго года, если не ошибаюсь,—когда была устроена въ Парижѣ выставка скульптуры и живописи эстетическаго общества „Розень Крейцеровъ“ (Rose+Croix). Инициаторомъ этого эстетическаго движенія оказался Сартъ Пеладанъ, извѣстный писатель, мистикъ.

Онъ основалъ въ прошломъ году въ Парижѣ „Эстетическое Розень-Крейцерство“ и выставку картинъ художниковъ-символистовъ. Но что такое символисты въ искусствѣ?—Художники-реалисты (т. е. все искусство, начиная съ Рафаэля) изображаютъ предметъ такимъ, какимъ онъ имъ кажется, т. е. съ точки зрѣнія идеалистовъ, они изображаютъ не дѣйствительность (по существу предмета), а ту иллюзію, которую онъ въ насъ вызываетъ. Но если это такъ,—говорятъ символисты,—

то искусство находится на ложной дорогѣ; истинное искусство должно изображать ту сущность, которая скрыта под иллюзіей, — сущность, которая, по Платону, есть истинная дѣятельность, а все остальное — не больше, какъ иллюзія, тѣнь. Другими словами, истинное искусство (символизмъ), должно быть вышними, чувственными или этого, конечно, нужна особенная способность, нѣчто въ родѣ ясно-видѣнія, или таинственнаго проникновения въ самую сущность предмета, минуя внѣшность. Такія организациі рѣдки, но онѣ есть, — утверждаютъ символисты. Съ этой точки зрѣнія, предметы, т. е., говоря отвлеченно, различныя комбинаціи линий, плановъ, тѣней, пѣвтовъ образуютъ какъ бы особаго рода мистическій языкъ. Въ такомъ искусствѣ цѣлью является не прямое воспроизведеніе предмета, а его идеи (въ платоновскомъ смыслѣ), какой-либо субъективной мечты, какой-либо абстрактной мысли. Такое произведеніе искусства есть совершенно *новое существо*, безусловно живое, потому что оно является результатомъ дѣятельности души художника, и даже больше — двухъ душъ: души художника и души природы. Понятно, что созерцаніе такого произведенія искусства, если оно, разумеется, принадлежит талантливому художнику, должно въ зрителѣ произвести извѣстнаго рода эмоцію, вызвать въ немъ извѣстныя чувства, идеи, соответствующія чистотѣ и глубинѣ его собственной души.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, теорія художественнаго символизма, которому посвятила себя цѣлая группа молодыхъ французскихъ художниковъ, возмущенныхъ реалистическимъ искусствомъ. Еще раньше, Моро, Пюви де-Шаванъ и англійскіе до-рафаэлисты работали единично въ этомъ направленіи, утверждая, что истинная традиція была извращена Рафаэлемъ, что, слѣдовательно, надо вернуться къ традиціямъ Перуджино, Джотто, Фра-Анжелико. Современные символисты идутъ еще дальше, — они прямо ведутъ свое происхожденіе художественное отъ художниковъ Ассиріи, Египта, Индіи, Японіи и среднихъ вѣковъ. Первымъ инициаторомъ этого движенія былъ Поль Гогенъ (Gauguin), — живописецъ, рѣзчикъ на деревѣ, орнаментистъ, керамистъ. Это, несомнѣнно, очень талантливый человекъ, хотя чрезвычайно эксцентричный; его произведенія — это какъ бы застывшая мечта съ какими-то дикими порывами, иногда совершенно непонятными. Описаніе его картинъ и скульптурныхъ произведеній — совершенно невозможно: ихъ надо видѣть, чтобы имѣть понятіе. Впрочемъ, такова участь и всѣхъ символистовъ. Можно только сказать, что впечатлѣніе, производимое этими произведеніями, чрезвычайно глубоко, хотя современный зритель ощущаетъ какую-то неловкость, видя, до какой, почти невѣроятной, степени эти художники пренебрегаютъ техникой и намѣренно искажаютъ формы. Другимъ инициаторомъ символизма былъ Одилонъ Редонъ; его литографіи производятъ въ зрителѣ какой-то кошмаръ; онъ точно разрываетъ передъ нами завѣсу всѣхъ тѣхъ типовъ, которые мы скрываемъ въ душѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ намъ страшныя, мрачныя, безформенныя загадки существа и, точно, говорить намъ, что слѣдствіе всякаго человѣческаго знанія есть ужасъ безконечной ночи.

Вокругъ этихъ двухъ художниковъ группируется теперь цѣлая школа символистовъ.

Смѣсь.

Отчего облака парятъ? — Новѣйшими изслѣдованіями несо-

мнѣно установлено, что туманъ состоитъ не изъ пузырьковъ, но изъ водяныхъ шариковъ или капелек. Эти послѣднія рассмотрѣны въ микроскопъ и измѣрены. Англичанинъ Дайнсъ нашелъ, что непроницаемый лондонскій туманъ состоитъ изъ капелекъ, имѣющихъ въ диаметрѣ отъ 0,016 до 0,127 миллиметра; между тѣмъ нѣмецъ Асмусъ на Брокенѣ опредѣлялъ величину диаметра одной такой

капельки въ 0,008 — 0,033 миллиметра. Изъ подобныхъ-же, то меньшихъ, то большихъ капелекъ состоятъ и носящіяся надъ нами тучи. Австрійскій метеорологъ А. фонъ-Франкъ, во время переходовъ по горамъ, часто находился въ поясѣ облаковъ и говоритъ, что эти водяныя капельки онъ могъ различать простымъ глазомъ, даже на разстояніи двадцати сантиметровъ, откуда выводитъ величину ихъ диаметра въ 0,023 мм. Всѣхъ одного такого водяного шарика нѣсколько превышаетъ одну десятиллионную грамма. Какъ эти шарики ни микроскопичны, они все-таки тяжелѣе воздуха. Почему-же они не опускаются всегда къ землѣ, почему они такъ часто и подолгу носятся въ воздухѣ и даже, отъ времени до времени, поднимаются въ высъ? А. фонъ-Франкъ объясняетъ это явленіе въ *Метеорологическомъ Журналь* тѣмъ, что каждая изъ этихъ водяныхъ капелекъ окружена слоемъ водянаго пара, а такъ какъ паръ легче воздуха, то онъ поднимаетъ каплю и удерживаетъ ее въ висачемъ положеніи. Когда солнце нагреетъ облака, слой пара вокругъ каждой отдѣльной капельки увеличивается, балластъ становится меньше:

облака поднимаются въ высъ. Напротивъ того, слѣдствіе охлажденія, они опускаются, такъ какъ тогда паръ, сгущаясь, образуетъ жидкую воду. Сообразно съ этимъ объясненіемъ, водяныя шарики не что иное, какъ крошечныя аэролаты, а тучи представляютъ собою скопленія такихъ безконечно малыхъ аэролатовъ, которыхъ цѣлыя сотни тысячъ въ одномъ кубическомъ метрѣ облака.

Вспомнимъ при этомъ одинъ историческій фактъ. Когда братья Монгольфьеры, болѣе ста лѣтъ тому назадъ, хотѣли изобрѣсть воздушный шаръ, они старались образованіемъ дыма и другими способами подражать облакамъ и изобрѣли — *монгольфьеръ*, первый аэролатъ; природа тучъ осталась имъ неизвѣстна. Какъ странно, что черезъ сто лѣтъ наука пытается объяснить наречіе тучъ существованіемъ безчисленнаго множества крошечныхъ аэролатовъ!

Сбереженія. — Несмотря на то, что французы въ знаменитомъ Панамскомъ дѣлѣ и въ другихъ случаяхъ потеряли напрасно груды денегъ, склонность къ бережливости въ нихъ, повидимому, еще не угасла. Теперь и правительство начало ее поощрять, впрочемъ, нѣсколько своеобразно: въ школахъ лучшимъ ученикамъ, въ видѣ награды, даютъ уже не хорошія книги, какъ прежде, а книжечку сберегательной кассы со вкладомъ въ нѣсколько франковъ. (в).

Телеграфное движеніе. — Въ 1891 году въ Европѣ было переслано 207.595,000 телеграммъ, въ остальныхъ частяхъ свѣта 88.422,000; въ общей сложности 296.017,000. Для доставки этихъ депешъ работало въ Европѣ 102,050 аппаратовъ, на другихъ континентахъ 71,000, итого 171,050. Соответственно этому каждый европейскій аппаратъ пересылалъ въ среднемъ 2,054 депеши, каждый не европейскій — только 1,245 телеграммъ. Въ теченіе вышеприведеннаго года въ Европѣ при телеграфѣ занималось 67,465 человекъ, въ остальныхъ частяхъ свѣта 31,000, въ общей сложности 98,465. (в).

Туркестанскія пословицы. Не выбирай жену въ праздникъ,

Академикъ живописи Н. А. Трутовскій († 18 марта 1893 г.).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

А. С. Суворинъ (по поводу 35-лѣтія литературно-публицистической дѣятельности). По фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

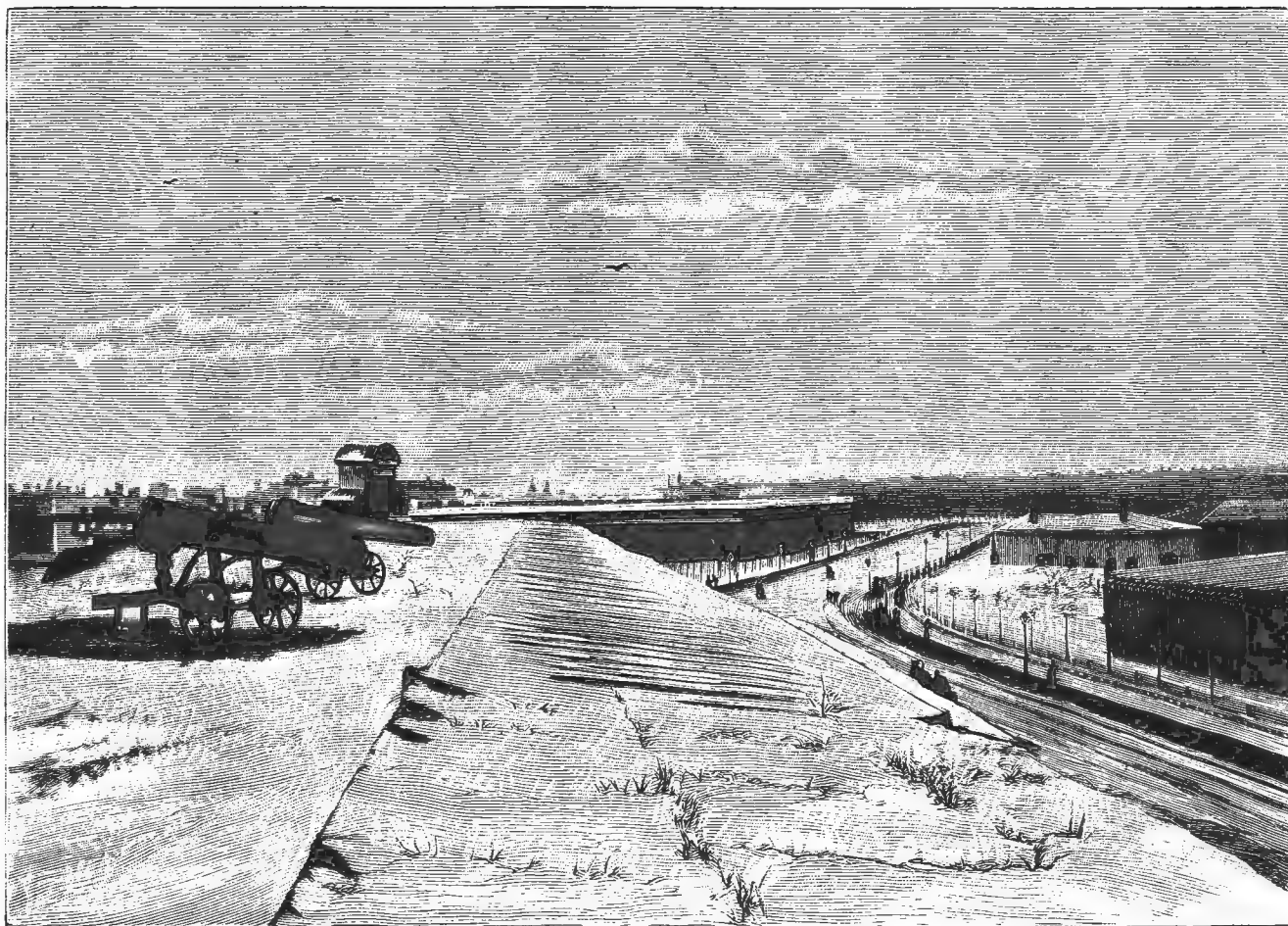
а лошадь во время дождя.—Два ножа не помѣщаются въ однихъ ножнахъ, двѣ любви—въ одномъ сердцѣ.—Не покупай коня по совету его хозяина, а жену по отзыву холостяка.—Когда бѣднякъ покупаетъ яйца, онъ не находитъ въ нихъ желтка.—Не тотъ врачъ,

бываетъ.—Послѣ того, какъ непріятельское войско удалилось, число героев вдругъ возрастаетъ.—Рана отъ меча заживаетъ, отъ языка—никогда.

Новое топливо. Одна лондонская фабрика въ настоящее время

Виды Петербурга. Временной Троицкой мостъ. Съ фот. генерала Насвѣтевича, грав. Рашевский.

Виды Петербурга. Временной Троицкой мостъ. Дополнительная его часть у крепостного вала. Съ фот. генерала Насвѣтевича, грав. Рашевский.

кто вытѣчиваетъ, но скорѣе тотъ, кто уже самъ хвораетъ.—Завязывать знакомства легко, прекращать ихъ трудно.—Дѣлай, что мудрецъ говоритъ, но не дѣлай того, что онъ дѣлаетъ.—Не захлопывай за собою въ сердцахъ дверь того дома, гдѣ ты еще намѣреваешься

изготавливать изъ приведенной въ твердое состояніе нефти кирпичики, которые годятся для частнаго употребленія и для промышленныхъ цѣлей. Этотъ новый продуктъ, какъ слышно, горитъ въ пять разъ жарче каменнаго угля и обходится на 10%о дешевле;

такъ напримеръ, корабль, запасавшийся для известнаго плаванія тысячу тоннъ угля, пройдетъ то же пространство, имѣя въ трюмѣ только 200 тоннъ нефтяныхъ кирпичиковъ. Нефть обрабатывается въ соединеніи съ известными химическими веществами, составляющими 15% всей массы. (б.)

Лакомства у разныхъ народовъ. Говорятъ, о вкусахъ не спорятъ, и въ самомъ дѣлѣ, для иныхъ является лакомствомъ то, что другіе и бѣтъ не станутъ. Такъ, напримеръ, туземцы Новаго Южнаго Валлиса лакомятся кашею и жаркимъ изъ ибкаторыхъ видовъ ночныхъ бабочекъ; у непривычныхъ кушанье это вызываетъ страданія, но впоследствии желудокъ привыкаетъ къ нему, и человекъ начинаетъ бѣтъ бабочекъ съ наслажденіемъ. На берегахъ Спенсровскаго залива распространено жеваніе сухой травы съ

сидящими на ней живыми личинками и куколками муравьевъ известной породы. Индѣйцы Британской Гвіаны наслаждаются разными гусеницами и личинками, жуками, червями, муравьями, мясомъ крысъ, обезьянъ и крокодиловъ. Тегулки въ Пагагоніи и туземцы Сандвичевыхъ и Маршалльскихъ острововъ съ величайшимъ удовольствіемъ ѣдятъ насѣкомыхъ. Жители Золотого Берега ставятъ выше всего на свѣтъ полугнившую рыбу. Арабскіе беднунъ вынуждаютъ за завтракомъ по чашкѣ расплавленного коровьяго масла. Гренландцы очень любятъ гнидую оленину, толченну и загнившій китовый хвостъ. Бонго въ Центральной Африкѣ охотно ѣдятъ разложившіеся остатки отъ львиной добычи, находимые въ чашѣ львовъ; наконецъ, наши европейскіе гастрономы, какъ известно, очень любятъ рябчиковъ, загнившихъ... (х.)

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подлинные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе). — **Оплодаль.** Рассказъ Умлякинъ. (Переводъ съ англійскаго). — Стихотвореніе Ф. Червинскаго. — **Носъ.** Гигиенической очеркъ Э. А. Нидергерфера. — **Шляпа.** Монологъ. — **Къ рисункамъ: Выставка картинъ И. К. Айвазовскаго (съ 3 рис.). — Весна (съ рис.). — „Несторъ“ (съ рис.). — Тяжело (съ рис.). — Гроверъ Кливелендъ (съ портр.). — Академикъ живописи К. А. Трутовскій (съ портр.). — А. С. Суворинъ (съ портр.). — Виды Петербурга. Новый временной Троицкій мостъ (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Библиографія. — Искусство. — Смѣсь. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.**
При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за АПРѢЛЬ (СОЧИНЕНІЯ ДОМОНОСОВА); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1893 г. съ 26 рис. и отд. лист. съ 28 черт. выпр. въ натур. велич. и 22 рис. выпилныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

Англійскіе велосипеды завода **Зингеръ и №.** рекомендуетъ **ГЕНРИХЪ ЖЕМЛИЧКА.** Москва, уголь Тверской и Старого Разетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, мар. № 19. Высылается прейсъ-курантъ. (2)

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ
придающіе неправильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, высылаются за 1 р. 10 к. шт. съ наложен. платежемъ. Адр.: въ Москву У. Пильцъ.

ЗОЛ. МЕДАЛИ, благодарность ко- роля Эллиновъ и др. Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво и скоро заочно. За двѣ 7 коп. марк. выслать условія и пр. письма. Одесса, проф. № 6261 кал. Конидарисъ. 6—3

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

Используется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ оного вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Белое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ; Олономада (лучше гольдъ-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

ДУБОВЫЙ ПАРКЕТЪ
съ настлѣшкою: наклеивая отъ 20 руб., „масивный“ отъ 15 руб. квад. с. Лѣс. и парк. зав. на Волгѣ, Казан. губ. С. С. Замятинъ. Контора: Москва, Мясницкая ул., Фурнасовск. пер., д. Рахманова. Доставка и установка во всѣ города Имперіи. № 6342

КУМЫСЪ СТЕПЕКОВЫЛЬНЫЙ
15 коп. бут., на хуторѣ Алексѣя Тихоновича Елисѣева, въ 10-ти вер. отъ ст. Гамалѣева, Оренбургской ж. д. За подробностями прошу обращаться письменно. № 6345

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ.
го вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Белое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ; Олономада (лучше гольдъ-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

5 Р. КРАСИВО ПИСАТЬ выучиваю всякаго ЗАОЧНО (по- денній) въ 10 уроковъ. ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ. Подробное объясненіе преподаванія высылать за 3 семикопѣечныя марки. № 6341 26—1

10 Р. ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ обучаютъ ИНОГОРОДНЫХЪ вполнѣ и основательно въ 2—3 мѣсяца. При окончаніи выдаю ученику СВИДѢТЕЛЬСТВО. Адресъ: Москва, Покровка, Учит. кал. и сукъ. А. С. Шиманскому.

НЬЮ-ГОМЪ
оригинальная, американская усовершенствованная ШВЕЙНАЯ МАШИНА
К. „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжѣ (Шт. Массачусеттс, Сѣв. Америка) пользуется всемірною известностью; проста, прочна, изящна; отличается: высокимъ рукавомъ, новымъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-мя нитками шитую строчку; употребляетъ прямую сако- вставляющуюся (безъ шприца) иглу; годна для домашняго и ремесленнаго употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей кисеи до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ 5 ЛѢТЪ.
Прейсъ-курантъ и описаніе по требованію.
Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ. Главный представитель для всей Россіи: Высоч. утвержд. Товарищество „Работникъ“. П. № 6248 Москва, Петербургъ, Кіевъ и Тамбовъ. 10—7

Юдисто-соляное КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ. Верхняя Австрія.
Самая крѣпкая юдистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и специалныхъ болѣзней, при которыхъ юдь служитъ важнымъ лѣчебнымъ средствомъ. Превосходныя лѣчебныя приспособленія (купальня и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефиръ).
Весьма благоприятныя климатическія условія. Жѣлѣзнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунай. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября.
Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылать безплатно
К. № 6273 4—2
Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

Гейрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“ Франкфуртъ и/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—4
велосипед. „Орель“.
На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ
искусственными бриллиантами:
превосходными **БРИЛЛИАНТАМИ:**
№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6289 10—5
№ 358. Золотыя серьги на винтахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.
БАЗАРЪ МАРОКЪ
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20—31.
Товаръ пересилаю наложеннымъ платежемъ.

Leichner's Fettjunder
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Пудра для вечера и дня, незаметная на кожѣ! Косметическое средство для усиленія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль! В. № 6258 10—3
Театральная гримировка!
Жирная румяна, бѣлила. Нарандаши для бровей.
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
СРЕДСТВО
для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14 6

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
Невскій просп. № 42. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Рекомендуетъ часы собственнаго производства ПРУССКОЙ СИСТЕМЪ.
Лицамъ которымъ точный и вѣрнѣйшій съ тѣмъ недорогой измѣръ РИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ, составляетъ существенную НЕОБХОДИМОСТЬ, Ручательство за вѣрность хода и прочность механизма на четыре года.
ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякий заочно (посредством переписки) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ А. КОССОДО.**

Методъ премириванъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ 30-й золотой медали. № 6208 52-11
За 2 семиклѣбныя марки высылаются пробное письмо и условия. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Дессе, Дерibasовская, д. № 19.

ВИНО

СЕН-РАФАЭЛЬ.

Вино Сен-Рафаэль превосходно на вкусъ.

Сохраняется по способу г-на Пастера.

На каждой бутылкѣ находится печать Россійской таможи.

АНГЛИЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

старѣйшей фабрики компании **РУДЖЪ** Ковентри съ новостями на 1893 годъ. Представители для всей Россіи П. № 6299 торговый домъ **АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ.** Москва, Мясницкая, д. Сытова.

Фирма премиривана на европейскіяхъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками. Косметическіе спермацетовые, личныя № 5898

УТИРАЛЬНИКИ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ. При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліанію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна напки 60 коп., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 руб., 4 пачки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ** — красными чернилами и марку **С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.** Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская ул., № 12 и во всѣхъ известнѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главнѣйшій складъ для всей Россіи **А. Энглундъ,** С.-Петербургъ, Васильевая ул., д. № 2

ВЕЛОСИПЕДЫ разныя. Кресла на колесахъ для больныхъ; исправленіе, новыя части и принадлежности для велосипедовъ. Специальное велосипедное заведеніе **І. А. ЦИММЕРМАНЪ.** По Мойкѣ, домъ Вейдъ, № 49, во дворѣ, у 2-9 Подийскаго моста. П. № 6327. Лѣтомъ: Въ Царскомъ Селѣ, Отдѣленіе.

ЗАВОДЪ огнеуп. кирпича для доменныхъ, ваграночныхъ, коксовыхъ, доменныхъ и др. печей. Экспортъ оги. глинъ и шмота. Прокур. выс. немедленно. Ст. Часовъ-Яръ Донецкой ж. д. **Владиміру Плещеву.** № 6328 2-2

L'URBAINE
(УРБЭНЪ)
ОБЩЕСТВО СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ
ВЫСОЧАЙШЕ
допущенное къ дѣятельности въ Россіи 2-го Іюня 1889 года.
ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО
для Россіи,
С.-Петербургъ. — 13. Невскій, 13.
Особая досовѣстная гарантія для застрах. въ Россіи.
Агентство во всѣхъ больш. гор. Россіи.
1) Залогъ въ 500.000 р. внесенный въ Государств. Банкъ.
2) Специальный резервный фондъ, и
3) Специальный запасъ капиталъ, хранящийся исключительно въ Государственномъ Банкѣ.
Надъ дѣятельн. Общества установленъ постоянный фактический управленческій контроль.
Всѣмъ участіи въ прибыляхъ Общества предоставляется застрахованнымъ следующія льготы:
Клиентъ болѣе или менѣе частый случай получаетъ экстраординарные прѣимущества по мере возможности въ ту или иную мѣру, а именно: 1) право брать на себя плату премій, во все время болѣзни.
2) въ случаѣ полной неспособности къ труду въ теченіи 2-3 лѣтъ Общество выдаетъ 1/4 застрахов. капитала самому застрахованному ежегодно, а послѣдующее 1/4 по истеченіи срока договора — все время болѣзни.
Въ случаѣ полной неспособности къ труду въ теченіи 2-3 лѣтъ Общество выдаетъ 1/4 застрахов. капитала самому застрахованному ежегодно, а послѣдующее 1/4 по истеченіи срока договора — все время болѣзни.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **БЕРЛИНЪ,** Егерштрассе, 46,
рекомендуется какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ болѣе изысканной парфюмеріи

"BOUQUET RUSSE".
Духи **ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО**
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. **Саме.**
Можно получить во всѣхъ лучнѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парижскихъ и у дистрибуторовъ. № 5305 (24)

EAU, PÂTE, POUDDRE
DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
DE LA **FACULTÉ DE MEDECINE**
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За условіями образ., письменно: **Генрихъ Блокъ,** С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12-1

ЛЮБИМЦЫ и ГОЗНИЦЫ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ "Нива". № 2450

Гумберъ и К^о. Лмтд.
лучше въ свѣтъ!
предлагаетъ торговый домъ **Г. ЖЕМЛЮЧКА и К^о.** Москва, Неглинный просп., домъ Ечкиной. Прейс-курантъ — безплатно.

ФАБРИКА и СКЛАДЪ
МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ
ТОКАРНЫХЪ СТАНКОВЪ
СКАВРОНСКАГО
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СПАССКАЯ СОБСТВ. Д. № 27. ПРЕСЬ-КУР. ЗА 14 К.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ПРОИЗВОДЪ
АМОСТРОУМОВА
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УТВЕРЖЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
МАРКУ ЗА № 374
КУСОКЪ 50 К. ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕНЫЙ КОФЕ
Тверскій, прѣдѣль Варшавскаго шоссе въ Москвѣ.
Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖИЙ.

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ **С. СТУЧКА**
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ.
ПРЕДУПРЕЖДАЕМЪ НАШЕИ МАРКИ

3-й ВЫГРЫШНЫЙ
(Дворянскій) заемъ. 1 мил. тиражъ, продается на условіяхъ дешовыхъ и добросовѣстныхъ **БАНКИРСКІЙ ДОМЪ**
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ, 59, Невскій, СПб.
1 марта с. г. на билетъ П займа сер. № 6311 № 25, купленный въ Банк. Домъ съ задаткомъ 20 руб., нать выигрышъ въ 5000 рублей.

НОВЫЙШЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ,

играющие посредством верчения ручки:

ПИАНО-МЕЛОДИКО. Салонный органъ съ голосами, играетъ всевозможныя пьесы, имѣетъ очень пріятный, мелодичный тонъ, сходный съ оркестромъ изъ мандолинъ, и удобенъ какъ для салонной музыки, такъ и для танцевъ. Цѣна безъ пьесъ 80 руб., пьесы по 70 к. за метръ (около 1 1/2 аршина).

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ. Салонный органъ съ голосами, играетъ различныя пьесы, имѣетъ звучный тонъ и очень удобенъ для танцевъ. Цѣна 65 руб. Пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ. Ручной органъ съ голосами и круглыми металлическими нотами. Цѣна 28 руб. Пьесы по 60 коп.

ТЕРОФОНЪ. Цѣна 26 руб. Пьесы по 50 коп. Списки пьесъ высылаются **БЕЗПЛАТНО.**

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

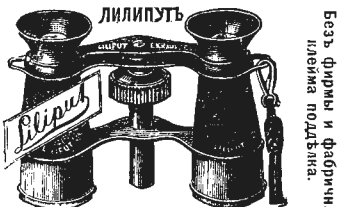
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ. ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ

для кожи лица и рукъ. При покупкѣ настоящаго вазелиноваго мыла Голлелндера, просимъ обращать вниманіе на утвержденную Правительствомъ фабричную марку и подписи Г. Голлелндеръ и требовать всегда мыло Голлелндеръ. Цѣна 30 к. Вазелиновая жирная пудра . . . кор. 60 к. Вазелиновый колдъ-кремъ . . . бан. 35 к. Вазелиновая помада . . . бан. 35 к. Ландышевое молоко . . . фл. 1 р. Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

НАРФОМЕРНЫЯ ЛАБОРАТОРІЯ Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ. № 6340 С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, № 1. Продажа въ нарфомерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

МИНИАГЮРН. АХРОМАТИК. БИНОКЛЬ

со шпуръ, въ замшевомъ чехликѣ. 8 р. 50 к. съ перъ, въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. **„Лилипутъ“** удобно помѣщается въ карманъ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для полев. охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли. 2—2 **В. ГРАУСЪ И К°.** № 6310 Специальн. фабр. оптич. инструментовъ. Парижъ. Rue de Bondy, 32. **ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ С.-Петербургъ, Мойна, № 42.** Иллюстр. прейсъ-кур. оптич. и фотогр. прибор. высл. каждый за семи-коп. поч. марку.

Вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ

ТРЕТИЙ ВЫПУСКЪ

новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ: **„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.**

годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

переводъ подъ редакціею П. П. ПОЛЕВОГО. Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 выпуска, каждый — въ роскошной обложкѣ, по одному выпуску черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 руб., а съ пересылкою иногороднымъ 14 руб. Безъ доставки въ Москвѣ (въ Конторѣ Н. Н. Печковской) — 13 руб.

Допускается рассрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ — 4 руб., къ 1-му мая — 2 р., къ 1-му іюня — 2 р., къ 1-му іюля — 2 руб., къ 1-му августа — 2 руб., къ 1-му сентября — 1 руб. и къ 1-му октября — 1 рубль.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“: въ СПБ., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магазинахъ.

Желающимъ ознакомиться съ изданіемъ, 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылается за 50 коп. почтовыми марками.

Вышелъ изъ печати СЕДЬМЫМЪ изданіемъ

„СПРАВОЧНИКЪ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ“

составленный по „Руководству“ Академіи наукъ В. Зелинскимъ, преподавателемъ методики русскаго языка. Выпускъ I.

Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

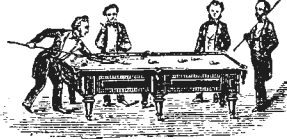
Примѣчаніе. Эта книга, выдержавшая въ короткое время семь изданій, обнимаетъ всѣ этимологическіе случаи правописанія. Она состоитъ изъ орфографическихъ правилъ, орфографическаго словаря и списка *сѣвъ* словъ съ буквою ѣ. Назложеніе ея алфавитное, почему она полезна даже незнакомымъ съ грамматикой. Справляется по ней очень просто: при помощи приложеннаго „Указателя“ открывается страница на букву, которая служитъ предметомъ затрудненія, и тутъ въ указанномъ § читается отвѣтъ. Легкость и быстрота справки упрощается тѣмъ, что справляться можно и подъ буквами, которыя слѣдуетъ писать въ данномъ случаѣ, и подъ буквами, которыя только предполагаются въ томъ же случаѣ, а равно и подъ буквой, начинающей данное слово. Какъ, напр., написать: *извозчикъ*, *извощикъ*, *извощицъ* или *извозицъ*? Справляется подъ любой изъ сомнительныхъ буквъ: з, с, ч, щ, а также и подъ буквой и — и здѣсь получается отвѣтъ. По отзывамъ преподавателей русскаго языка, эта книга весьма полезна учащимся при исполненіи ими письменныхъ работъ не только дома, но и въ классѣ, такъ какъ при небольшомъ навыкѣ, приобритываемомъ менѣе чѣмъ въ часъ, справка по ней дѣлается въ нѣсколько секундъ.

Того же автора раньше вышли изъ печати: 1. „Справочникъ по русскому правописанію“. Выпускъ II. *Указатель* (систематическій и алфавитный) *при росстановкѣ знаковъ приписанія*. Ц. 50 к., съ пер. 60 к. 2. *Курсъ русскаго языка*. Приложение къ „Справочнику по русскому правописанію“. Ц. 50 к., съ пер. 60 к. Складъ изданій В. Зелинскаго: Москва, Патриаршій прудъ, в. Молжегина. Высылающіе назъ склада болѣе одной книги за пересылку не платятъ. За наложенный платежъ 10 к. Мелочъ можно почт. марками, но въ заказныхъ письмахъ.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, доулъ № 7—2. 26—5 Иллюстрированныя прейсъ-курanty по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ДЛЯ УХОДА ЗА ЗАРАЗНЫМИ БОЛЬНЫМИ

имѣю честь рекомендовать слѣдующіе предметы:

Грѣлка для желудка наполняется кипяткомъ, резиновая 5 р., металлическая 2 р. 50 к.

ПОВЯЗКА ДЛЯ ЖИВОТА изъ толстой байки 1 р., изъ двойн. байки 2 р. Для согревающихъ компрессовъ батиствъ покрытыхъ резиновымъ цементомъ за аршинъ 1 р. 50 к.

Готовый согревательный компрессъ съ войлокомъ Приница для желудка 4 р. 50 к.

ЖЕЛУДОЧНЫЙ ЗОНДЪ изъ полированной резины для высокыхъ клистировъ 1 р. 50 к.

КРУЖКА ЭСМАРКА съ книшкою и гарнитурою, эмальров. 3 р. 75 к. стеклянная 2 р., складн. резинов. 3 р. 75 к.

НАБОРЪ Д-ра ОПЕНГЕЙМА состоящій изъ всѣхъ предметовъ для вливанія жидкостей подъ кожу и высокихъ клистировъ 8 р.

НАБОРЪ Д-ра КОБЫЛИНА 5 р.

СТЕКЛЯННЫЙ ШПИРИЦЪ съ иглами, для всасыванія подъ кожу, большой 5 р., малый 1 р. 50 к.

МАКСИМАЛЬНЫЙ ТЕРМОМЕТРЪ для измѣренія температуры тѣла, достаточно 5 минутъ, 1 р. 50 к.

Герметическій клеозетъ легко переносимый 12 р.

Герметическое ведро для неграженій, съ эмальрою, внутр. 9 р. для гризнаго бѣлья противъ заразы 6 р.

ПОДКЛАДНОЕ СУДНО фарфоровое 1 р. 25 к., эмальпрон. 2 р. 50 к.

ПУЛЬВЕРИЗАТОРЪ-ДЕЗИНФЕКТОРЪ для дезинфекціи комнатнаго воздуха, обмыванія стѣнъ, потолковъ, мебели, кроватей и пр., большой съ 6-ю рожками для больницы, казармъ и пр. 33 р.; средней съ 4-ми рожками для пріютовъ и пр. 10 р.; малый съ 1-мъ рожкомъ для домащн. употребленія 3 р. Рожки у этихъ пульверизаторовъ переставляются по надобности, отъ самой тонкой ины до крупной струи.

ручной гидрозультъ для обмыванія стѣнъ и потолковъ и проч. мѣдный 10 р., цинковый 2 р. 50 к.

НАБОРЪ ДЛЯ АПТЕКИ НА ФАБРИКАХЪ И МАСТЕРСКИХЪ,

составленный согласно обязательному постановленію С.П.Б. Столичнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія 8 р.

РЕЗИНОВОЕ ПОЛОТНО для подстилки на кровати 1 р. 50 к. и 1 р. за аршинъ.

ПЕРЕДНИЙ РЕЗИНОВЫЙ съ рукавами, длинный 8 р., безъ рукав. 3 р.

СКЛАДНЫЕ НОСИЛИКИ на ножкахъ 12 р., безъ ножекъ 10 р.

Респираторъ Куршмана 3 р.

Колпачъ резиновый для головы 50 к.

Перчатки резиновыя 1 р. 50 к. за пару.

Щетка коносовая для расчистанія 75 к.

Перчатки со щеткою для расчистанія 1 р. 75 к. за штуку.

Повязка для санитаровъ и фельдшеровъ съ краснымъ крестомъ 1 р. 50 к.

ПОРОШОКЪ ЗОВОТА безъ запаха, уничтожаетъ вездѣ злое запахи, 25 к. за фунтъ.

Приборъ для домашняго приготовленія паровой ванны, при помощи котораго каждый можетъ во всякое время у себя въ комнатѣ, на своей же постели, быстро довести себя до сильнѣйшаго испарина, 25 р.

Какъ и всѣ прочіе хирургическіе и переносные предметы. № 6338

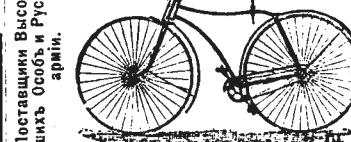
КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ.

Складъ резиновыхъ товаровъ **БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ, № 34.**

Господамъ иногороднымъ отправляю съ наложеннымъ платежемъ.

Д-ръ Волицкій лечитъ наружныя, кожныя, грудныя болѣзни, ракъ и электротер. Невскій, 57, кв. 5 Отъ 2—3 и 6—7 1/2 ч. в.

Поставщикъ Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**

(основ. въ 1863 г.) **МОСКВА.** С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № Кокальдъ и Екатеринбургъ. 25—14

5982 Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

Страхованіе отправляющихся въ г. Чикаго

НА ВСЕМИРНУЮ ВЫСТАВКУ

или ѣдущихъ вообще въ Сѣверную Америку.

Страхованія путешественниковъ въ Сѣверную Америку отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться на морѣ и на сушѣ, принимаются въ Правленіи Страховаго Общества „Россія“ (С.-Петербургъ, Большая Морская, 37) и во всѣхъ его агентствахъ.

Примѣръ. За страхованіе на 4 мѣсяца на 10,000 рублей на случай смерти и 10,000 рублей на случай инвалидности страховой вѣсъ составляетъ 47 рублей.

Страхованія этого рода можно заключать на суммы отъ 1,000 до 100,000 рублей. В. № 6322

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирскаго Конторы Генриха Блокъ въ СПБ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рисъ въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
 Выдавъ 10 апрѣля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЖЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 строку непарейль (1/4 шир.
 строкъ) въ Глав. Кон. Ред. по
 1 руб. — Загран.: для Франціи
 у Agence Havas по 3 fr., для
 Австр., Герман. и Швейц. у Ri-
 doif Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петер-
 бургъ. **5 р.**
 Съ доставкою въ Петер-
 бургъ. **6 р. 50 к.**

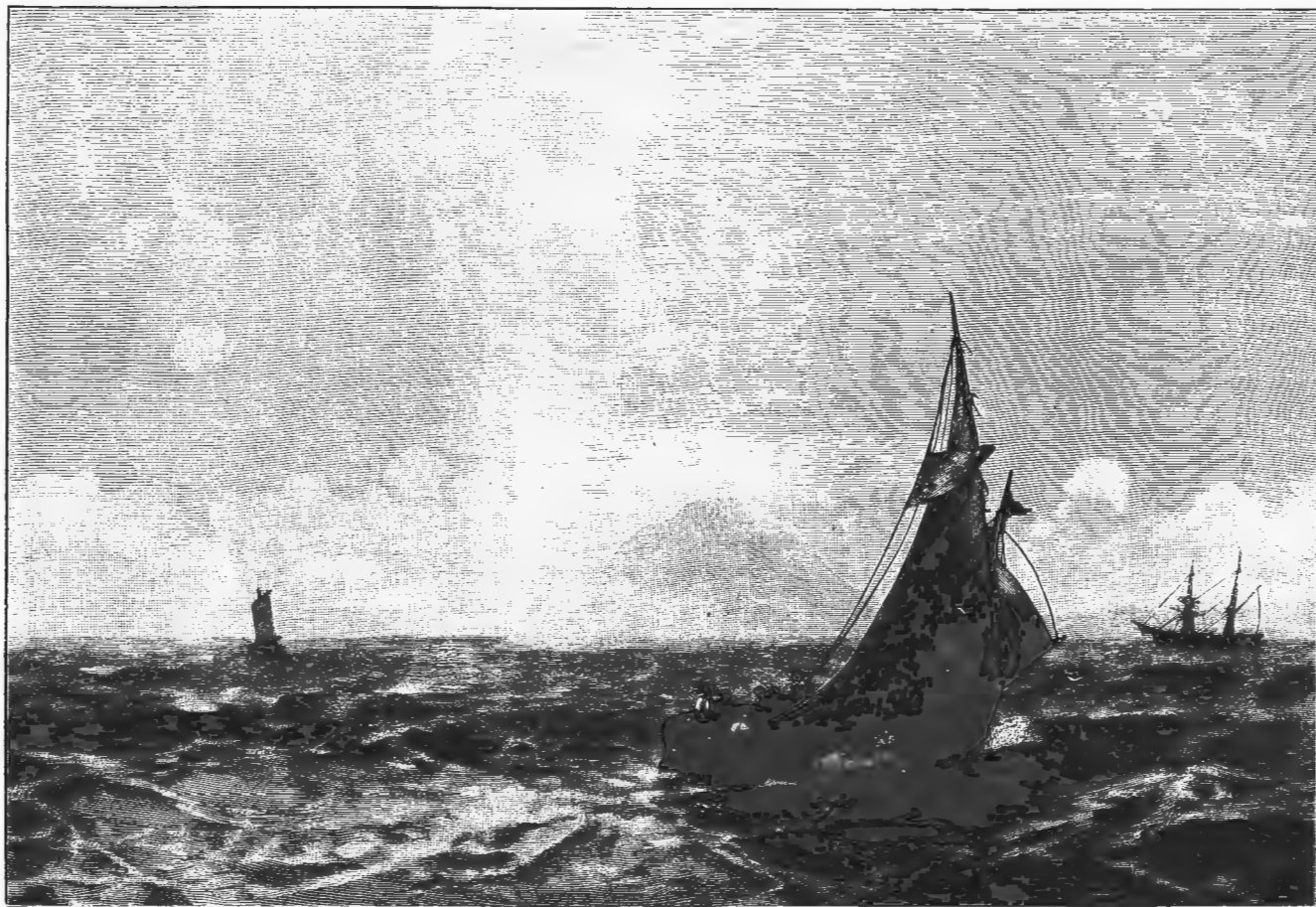
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
 Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лия. **6 р.**
 Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
 рода Россіи. **7 р.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
 „НИВѢ“ объявленій отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. **10 р.**
 На 1/4 года безъ дост. **1 р. 25 к.**, съ дост. въ П.-бургъ **1 р. 75 к.**, съ перес. иногор. **1 р. 75 к.**
 На 1/2 года безъ дост. **2 р. 50 к.**, съ дост. въ П.-бургъ **3 р. 50 к.**, съ перес. иногор. **3 р. 50 к.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Выставна въ Импер. Анад. Художествъ. „Средиземное море“. Съ карт проф И. Н. Айвазовскаго, грав. Флюгель.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе)

V.

Вдали военныхъ стонровъ.

Принцесса Иоганна-Елизавета Ангальтъ-Цербстская, выдавъ свою дочь за наследника Русскаго престола, думала сначала, что будетъ играть роль при дворѣ императрицы Елизаветы; но ожиданія ея не оправдались. Государыня скоро была восстановлена противъ нея, и въ этомъ были виноваты отчасти придворныя интриги, а отчасти и сама принцесса. Какъ-бы то ни было, но она должна была покинуть Россію. Положеніе ея дочери тоже становилось тяжелѣе съ каждымъ днемъ. Онѣ могли сноситься только при помощи окольныхъ, иногда очень рискованныхъ, путей.

За послѣднее время великая княжна примирилась съ канцлеромъ Бестужевымъ, прежнимъ врагомъ своимъ, и онъ, какъ предупреждалъ ее, при ихъ странномъ свиданіи, графъ Сень-Жермень, дѣйствительно, оказался для нея преданнымъ другомъ.

Принцесса Елизавета, думая, что это она устроила бракъ своей дочери, во что бы то ни стало хотѣла и дальше играть политическую роль. Маленькій Цербстъ казался слишкомъ тѣсенъ для этого. Въ Петербургѣ ей не повезло, и она поселилась въ Парижѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что должна была бѣжать изъ охваченной губительной войною Германіи.

Несмотря на то, что въ этой войнѣ гибла французская армія, а государственная казна едва выдерживала сумасшедшіе расходы короля, король этотъ „le bien-aimé“, какъ его называли, Людовикъ XV, окруженный блестящимъ дворомъ и еще болѣе блестящими женщинами, проводилъ дни въ свое удовольствіе.

И сезонъ 1758 года начинался въ Парижѣ такъ же весело, какъ и въ предыдущіе годы.

Въ старинной залѣ, построенной ровно семьдесятъ лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ Обрѣ, начались представленія французской комедіи.

Все было изящно и дышало уважаемой стариной въ этой залѣ, гдѣ ложи передавались по наследству, какъ родовая собственность.

И актеры, которые играли тамъ, были уважаемые, солидные актеры, и пьесы ставились солидныя, принадлежавшія перу авторовъ съ громкимъ именемъ.

У принцессы Иоганны, разумѣется, была своя ложа въ театрѣ. Она вела широкую, барскую жизнь въ Парижѣ, хотя средства ея были далеко не велики, но они покрывались кредитомъ, которымъ пользовалась принцесса, какъ мать русскоѣ великой княжны.

На первомъ представленіи давали „Цинну“ Корнейя. Весь Парижъ стѣхался сюда, не столько ради интереса къ самой пьесѣ, восхищаться которою было уже принято, сколько ради того, что ѣхали въ театрѣ всѣ, чтобы показать себя и доказать свой вкусъ и пониманіе литературныхъ произведеній.

Принцесса сидѣла въ своей, отдѣланной наподобіе маленькой гостиной, ложѣ и гордо оглядывала изъ ея амбразуры полную блестящею толпою залу.

Мужчины, въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ, блестя брильянтами, въ числѣ прочихъ, искали глазами и ея ложу, чтобы издали привѣтствовать поклономъ принцессу.

Она отвѣчала медленнымъ наклоненіемъ головы и снова застывала въ красивой, изученной передъ зеркаломъ, позѣ.

Принцесса принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, на которыхъ годы не имѣютъ вліянія, и которыя, кажется, никогда не могутъ состарѣться. Она умѣла

одѣться и, главное, умѣла съ искусствомъ, достойнымъ большого художника, пользоваться модою употребленія бѣлизилъ и румянъ...

И до сихъ поръ напудренные маркизы двора Людовика XV встрѣчали съ удовольствіемъ ея выразительные, искусно подведенные, глаза, но на всѣхъ ихъ эти глаза смотрѣли одинаково строго и холодно.

И вдругъ равнодушное выраженіе принцессы измѣнилось слегка:—къ удивленію своему, она увидѣла въ залѣ рѣдко показывавшагося въ театрѣ графа Сень-Жермена.

Его нельзя было не увидѣть и не замѣтить даже среди той блестящей толпы, которая его окружала. Спокойная, невысокая, но сильная и мужественная фигура его рѣзко выдѣлялась. Какъ ни были богаты наряды остальныхъ, но ни у кого не былъ кафтанъ расшитой богаче, ни у кого не блестѣли такъ брильянты, какъ у него, и никто не держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, чѣмъ этотъ извѣстный и вмѣстѣ съ тѣмъ неизвѣстный „всему“ Парижу таинственный человекъ.

И онъ, подобно другимъ, сталъ оглядывать ложи, одну за другою, и почти ни одной не пропустилъ безъ поклона.

Принцесса ждала, когда онъ обернется въ ея сторону. И когда графъ поклонился ей, она быстро нѣсколько разъ махнула къ себѣ раскрытымъ вѣеромъ. На условномъ языкѣ того времени это значило, что она приглашаетъ графа къ себѣ въ ложу. Онъ почти-точно опустилъ ниже голову, въ знакъ покорности.

— Чѣмъ мы обязаны видѣть въ театрѣ сегодня такого рѣдкаго гостя, какъ вы, встрѣтила принцесса входящаго въ ея ложу Сень-Жермена.—Надѣюсь, вы останетесь у меня въ ложѣ весь вечеръ?

— Я на это рассчитывалъ, принцесса, улыбнулся графъ, опускаясь на бархатную табуретку, съ видомъ человека, который находится въ дружескомъ, пріятномъ ему обществѣ.

Они говорили по-французски.

Въ французскомъ произношеніи графа, владѣвшаго въ совершенствѣ почти всѣми европейскими языками, чуть замѣтно слышался нѣмонтскій акцентъ, вслѣдствіе чего думали, что онъ тамошній уроженецъ, и даже называли отцомъ его нѣкоего Ротондо, сборщика податей въ Санъ-Джермано, въ Савойѣ. Другіе считали графа Сень-Жермена за португальскаго маркиза Бетмара, и за испанскаго іезуита Аймара, и за эльзасскаго еврея Симона Вольфа, и даже, наконецъ, за побочнаго сына вдовы Испанскаго короля Карла II.

Но, на самомъ дѣлѣ, никто никогда не могъ узнать ни происхожденія, ни настоящихъ лѣтъ таинственнаго графа. Самъ онъ никогда не говорилъ ни о своемъ рожденіи, ни объ условіяхъ, въ которыхъ воспитался.

Несмотря однако на неизвѣстность и таинственность, которыми окружалъ себя Сень-Жермень, а, можетъ быть, именно вслѣдствіе этой неизвѣстности, совершенно непроницаемой, онъ не только былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ Парижа, но и при дворѣ, былъ лично извѣстенъ королю Людовику XV, и не одному ему—самъ Фридрихъ II относился къ нему, какъ къ человеку необыкновенному.

Въ гостиной принцессы Цербстской графъ былъ принятъ, какъ свой, какъ лицо, оказавшее ей не одну дружескую услугу.

Въ Парижѣ онъ жилъ, не стѣняясь въ средствахъ, и обладалъ такимъ множествомъ драгоценныхъ камней,

как будто владѣлъ секретомъ произвольнаго ихъ воспроизведенія.

Но зачѣмъ онъ жилъ тутъ, иногда вдругъ исчезая на нѣкоторое время и появляясь потомъ вновь, что дѣлалъ, какія его были цѣли,—оставалось такою же тайною, каковъ былъ каждый шагъ его, и каково было, между прочимъ, появленіе его въ театрѣ, удивившее принцессу.

Она нѣсколько разъ взглядывала на него въ продолженіе дѣйствія, желая узнать, какъ относится онъ къ пьесѣ, но, какъ всегда, ничего не могла прочесть на его неподвижномъ, словно каменномъ, лицѣ.

— Вамъ не нравится Корнель? спросила она въ антрактѣ.

— Нѣтъ, напротивъ, отчего же,—очень забавно, отвѣтилъ графъ, не улыбаясь.

— Забавно, протянула принцесса,—вамъ забавенъ Корнель?

— Ну, разумѣется. Прежде всего эти костюмы очень смѣшны,—римляне, настоящіе римляне сидятъ у себя дома, запросто, въ торжественныхъ позахъ,—добро-бы еще у нихъ было что-нибудь особенное, ну, я не знаю—полный атриумъ гостей, что-ли... а то такъ, запросто, за портикомъ. Право, пройдетъ лѣтъ сто, и насъ на сценѣ будутъ изображать за утреннимъ завтракомъ, сидящими вотъ въ этакихъ кафтанахъ, съ орденами, звѣздами и драгоценными камнями, какъ рисуютъ насъ на портретахъ.

Принцесса размѣялась.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала она,—это, должно быть, забавно будетъ.

— И потомъ, продолжалъ графъ, морщась, какъ будто неприятное воспоминаніе коснулось его,—Цинна было однимъ изъ самыхъ антипатичныхъ людей.

Юганна взглянула на него.

Про графа Сень-Жермена рассказывали, что будто онъ живетъ уже нѣсколько вѣковъ и былъ свидѣтелемъ событій, происходившихъ задолго до Рождества Христова, что вызывало во многихъ суевѣрный страхъ къ нему.

— Вы говорите, графъ, перебила она,—иногда о людяхъ, жившихъ очень давно, словно были знакомы съ ними—мнѣ всегда жутко это слышать.

Графъ пожалъ плечами.

— Я никогда не утверждалъ, принцесса, что видѣлъ Цинну, или что-нибудь подобное, отвѣтилъ онъ серьезно.

— Да, но вы все-таки говорите такъ, что становится жутко—повторяю вамъ. Будемте лучше говорить о другомъ.

И какъ бы для того, чтобы переменить разговоръ, она облокотилась на барьеръ ложи, оглядѣла залу и проговорила, качнувъ головою:

— Какая толпа!

И по тому, какъ она произнесла эти слова, видно было, что ей доставляло удовольствіе смотрѣть на эту толпу и чувствовать, что на нее самое тоже смотреть.

— Вамъ нравится? спросилъ графъ.

— То есть, что нравится—это общество, театр?

— Да, вдругъ заговорилъ онъ,—это общество,—театръ... А между тѣмъ, подумайте, въ то время, какъ мы сидимъ съ вами здѣсь, сколько народу испытываетъ самую вопіющую нужду—цѣлая Германія объята войной,—тамъ люди гибнутъ.

— О, о! перебила принцесса,—вы начинаете говорить банальныя вещи, дорогой графъ.

— Банальныя!—пусть, но согласитесь—онѣ справедливы.

— Можетъ быть; однако, противъ вашей философіи существуетъ другая,—философія маркизы (и принцесса понизила голосъ, какъ всѣ понижали его, когда гово-

рили о маркизѣ Помпадуръ)—„послѣ насъ—хоть потопъ!“ пояснила она.

— Да,—и будетъ потопъ, помяните мое слово—и потопъ ужасный, кровавый.

— Кстати о войнѣ, сказала принцесса,—оттуда получены очень радостныя вѣсти: дѣла фельдмаршала Дауна идутъ отлично. Французская армія, послѣ того какъ Клермонъ сдалъ начальство Контаду, оказываетъ чудеса, и русскіе, если не разбили, то почти разбили самого короля при Цорндорфѣ, или что-то въ этомъ родѣ.

— Радостныя вѣсти! повторилъ Сень-Жермень,—какъ будто съ войны могутъ приходиться радостныя вѣсти! Тамъ, гдѣ есть побѣдитель, есть и побѣжденный, и у обоихъ ихъ нѣсколько тысячъ убитыхъ!

Эти возраженія графа, возраженія, поставленные довольно рѣзко, начинали немножко сердить принцессу, и она, съ чисто-женскою способностью сводить разговоръ на личности, поспѣшила замѣтить ему:

— Однако, графъ, несмотря на свою проповѣдь, вы же сами явились сегодня въ театрѣ.

Сень-Жермень скосилъ слегка губы въ сторону, какъ будто онъ ждалъ этого замѣчанія и былъ доволенъ теперь, что не ошибся, что оно будетъ сдѣлано.

— Ахъ, принцесса, сегодня я въ театрѣ, завтра—на войнѣ, смотря гдѣ мое присутствіе необходимо, отвѣтилъ онъ.

— А!—значитъ, вы даже въ театрѣ являетесь по дѣлу.

— Не я одинъ, принцесса.

— Ну, и это дѣло, для котораго вы явились сегодня сюда?..

— Вамъ хочется узнать?

— Да, я хочу знать, зачѣмъ, несмотря на то, что люди, можетъ быть, *гибнутъ* теперь, и вся Германія *объята* войной,—графъ Сень-Жермень все-таки явился въ театрѣ, проговорила съ легкой насмѣшкой принцесса.

— А хотя бы для того, чтобы показать ея свѣтлости принцессѣ Юганнѣ, отвѣтилъ графъ, не замѣчая подчеркнутыхъ словъ,—вонъ того старика, который пробирается между креселъ.

— Вы не шутите, графъ? уже серьезно переспросила принцесса, взглядываясь въ того, на кого ей указывали.

Это былъ совсѣмъ разслабленный, едва двигавшійся, старикъ, судя по одѣянію, болѣе чѣмъ богатый, а по манерамъ принадлежавшій видимо къ обществу, которое принцесса Юганна знала наперечетъ въ Парижѣ, и тѣмъ болѣе была удивлена, что до сихъ поръ не встрѣчалась съ этимъ старикомъ.

— Вы его знаете? обернулась она къ Сень-Жермену.—Вѣрно, онъ недавно здѣсь,—должно быть, это иностранецъ?

— Да, онъ иностранецъ,—итальянскій маркизъ и принадлежитъ къ извѣстной въ Италіи фамиліи Каулучи. Его судьба довольно странная. Въ молодости онъ имѣлъ огромное состояніе, которое очень скоро прожилъ,—потомъ бѣдствовалъ большую половину жизни и, наконецъ, подъ старость, пережилъ болѣе молодыхъ своихъ родственниковъ и снова соединилъ въ своихъ рукахъ значительное богатство.

Графъ, оставивъ прежній полшутливый тонъ, говорилъ теперь совершенно серьезно, и принцесса внимательно слушала его.

— Онъ женатъ? спросила она.

— Вдовецъ, и теперь совсѣмъ одинокъ.

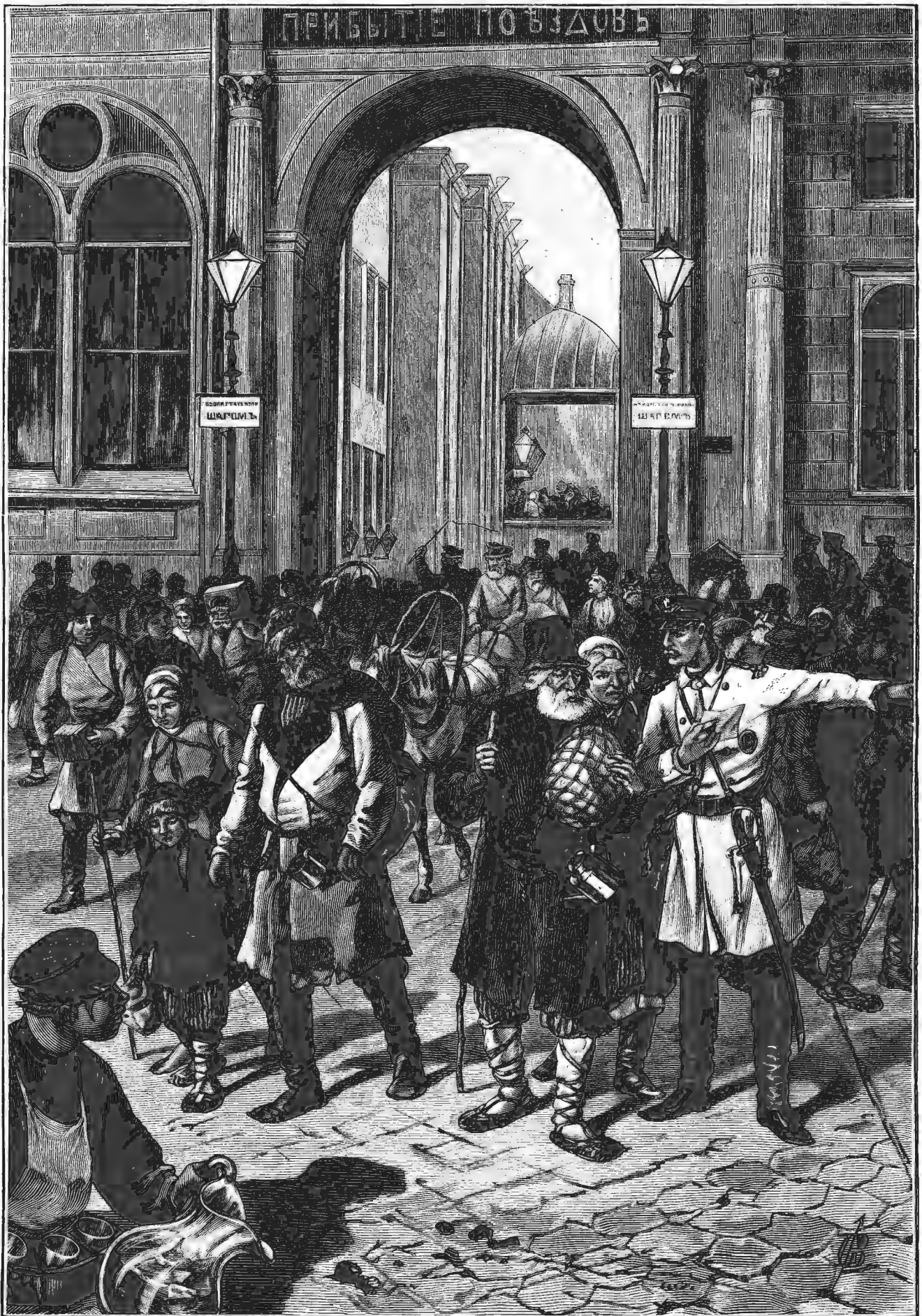
— Куда же онъ дѣваетъ свои деньги, онъ скушъ и копшъ ихъ, или его обворовываютъ?

— Ни то, ни другое. Онъ хочетъ еще жить и пользоваться удовольствіями жизни...

— И онъ явился въ Парижъ, чтобы здѣсь прожить остатокъ дней такъ, какъ умѣютъ это дѣлать только въ Парижѣ? улыбнулась принцесса.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Вотъ онъ—Наполеонъ!“ Съ карт. проф Г. Виллевалде, грав. Шюблеръ.

Рабочіе, прїѣхавшіе по поѣзду съ удешевленнымъ тарифомъ въ СПБ., по Никол. жел. дорогѣ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Броллинга, грав. Флюгель.

— Онъ явился сюда, отвѣтилъ, тоже улыбаясь, Сень-Жермень,—чтобы увидѣть меня и купить секретъ восстановления молодости и долгой жизни. Ему сказали, что я владѣю этимъ секретомъ.

Въ это время занавѣсъ поднялся, и началось слѣдующее дѣйствіе, но разговоръ слишкомъ интересовалъ принцессу Иоганну, чтобы прекратить его ради пьесы.

— Знаете, графъ, сказала она, отходя въ глубину ложи,—я тоже слышала много разъ, что вы обладаете этимъ секретомъ, но никогда не рѣшалась спросить васъ,—неужели это правда?

Графъ пожалъ плечами.

— До нѣкоторой степени, принцесса; если не вполне могу я восстановить молодость человѣка, то, во всякомъ случаѣ, пожалуй, въ состояніи удвоить года его жизни.

Глаза Иоганны блеснули.

— Неужели,—такъ это правда? поспѣшно повторила она, не замѣчая, что отъ волненія безцеремонно беретъ графа за локоть.—Какой же это секретъ, какая цѣна ему?

— Цѣна тѣхъ усилій, которыя самъ человѣкъ будетъ дѣлать для достиженія цѣли. Если меня спросить: какъ удвоить года жизни? я отвѣчу:—бросьте городъ, бросьте его соблазны, ѣшьте, только чтобы утолить голодъ, и пейте, только чтобы утолить жажду; ступайте въ поле, работайте мускулами, вставайте рано поутру, умывайтесь каждый день ключевою водою, содержите въ самой строгой опрятности себя, свое платье и свое жилище и имѣйте настолько силы воли, чтобы стать выше мелкихъ житейскихъ несприятностей и не волноваться ими. Не дѣлайте зла.

— И только? спросила принцесса.

— О, это очень много, отвѣтилъ графъ.

Иоганна отвернулась и замолчала. Все это она знала, что говорилъ Сень-Жермень, и все это было не то, чего она хотѣла. Она и теперь не вѣрила, что онъ говоритъ искренно. Она была убѣждена, что у графа есть рецептъ эликсира, или состава, способнаго сразу, черезъ нѣсколько пріемовъ, вернуть человѣку молодость, но только онъ не желаетъ сообщить ей объ этомъ.

— Да, наконецъ протянула она, качая головою,—но это слишкомъ просто, слишкомъ просто.

— Это просто, перебилъ графъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно,—въ мірѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго. И зачѣмъ искать другого, если не хочется испытать этого простого средства.

— И что же, вы и этому старому маркизу Каулучи пропишете то же средство, графъ?

— Я ему, вѣроятно, ничего не пропишу, потому что едва ли мнѣ придется увидѣться съ нимъ.

— Вы уѣзжаете?

— Сегодня въ ночь.

— Значить, вы пришли проститься со мною?

— Да, принцесса. И еще для того, повторяю, чтобы показать вамъ здѣсь стараго маркиза.

Принцесса опять помолчала.

— Что же, этотъ маркизъ можетъ быть нуженъ зачѣмъ-нибудь мнѣ или Лотти? доврчиво спросила она, окончательно уже примирившись съ мыслью, что графъ не хочетъ сообщить ей своего секрета.

Лотти было имя, которымъ она привыкла звать дочь, ставшую уже теперь великою княжною Екатериною Алексѣевою, но для нея, матери, оставшуюся все-таки прежнею Лотти.

— Нѣтъ, возразилъ графъ,—на этотъ разъ это услуга или помощь, которую я жду отъ васъ, принцесса. Мнѣ необходимо уѣхать сегодня. А между тѣмъ, очевидно, дни этого старика сочтены. Желая продолжить ихъ, онъ, несомнѣнно, попадетъ въ руки шарлатановъ,

и они ускорятъ его смерть. Онъ едва ли будетъ живъ, когда мнѣ можно будетъ вернуться въ Парижъ.

— При чемъ же тутъ я, и что я могу сдѣлать, не понимая еще ничего, но, видимо, готовая заранѣе исполнить просьбу графа, отвѣтила Иоганна.

Она знала, что этотъ человѣкъ не можетъ попросить о чемъ-нибудь дурномъ.

Сень-Жермень вынулъ изъ бокового кармана своего кафтана сложенную вчетверо бумагу.

— Больше ничего, принцесса,—взять эту бумагу и хранить ее у себя пока. Можете прочесть ее, если хотите.

— А потомъ? спросила она.

— А потомъ—ждать случая, когда старикъ Каулучи подпишетъ ее. Онъ долженъ это сдѣлать.

— Ну, а если такого случая не представится?

— Тогда въ томъ не будетъ вашей вины, принцесса. Но будьте увѣрены, что случай такой будетъ.

И графъ, вставъ со своего мѣста, низко и почти-тельно поклонился принцессѣ, прощаясь съ нею.

Она взяла его бумагу.

— Куда же вы ѣдете теперь, графъ? спросила она,—или это тоже тайна?

— Туда, гдѣ люди *шбнутъ*, отвѣтилъ онъ, въ свою очередь, подчеркивая теперь это слово, и, поклонившись еще разъ, онъ вышелъ изъ маленькой ложи принцессы.

VI.

Въ Кѣнигсбергѣ.

Наступленіе русскихъ войскъ на Берлинъ было оставлено сраженіемъ при Цорндорфѣ, и Ферморъ отступилъ къ Кольбергу, подъ которымъ, осаждая его, провѣлъ около мѣсяца, но безуспѣшно.

Затѣмъ, приближеніе графа Доны заставило насъ вернуться въ Пруссію и Польшу, гдѣ, въ виду близкихъ уже холодовъ, мы расположились на зимнія квартиры.

Сосредоточіемъ нашей арміи сталъ, какъ и въ прошломъ году, богатый, старинный Кѣнигсбертъ, превратившійся въ русскій военный городъ.

Здѣсь распоряжались русскіе генералы, русскіе часовые несли службу въ замкѣ и у городскихъ воротъ; на готическихъ домахъ постройки ганзейскихъ временъ появились русскія надписи тамъ, гдѣ были наши полковые дворы. Въ числѣ ихъ былъ одинъ и Тарасовскаго полка. Но самый полкъ, послѣ Цорндорфа, существовалъ только по инерціи. Убитыхъ и раненыхъ было гораздо больше, чѣмъ оставшихся въ живыхъ.

Многихъ и храбрыхъ, и честныхъ товарищей потеряли тарасовцы, но (и это было самое главное) они потеряли также свое полковое знамя.

И остались послѣ отчаяннаго Цорндорфскаго боя—полковой командиръ, нѣсколько человѣкъ офицеровъ, не болѣе полусотни солдатъ, и это былъ уже не полкъ, а остатки *бывшаго* Тарасовскаго полка, потерявшаго свое знамя и съ честію легшаго костью возлѣ него. Тѣ, которые остались, остались случайно, и никто не сомнѣвался, что и они готовы были бы лучше умереть, чѣмъ пережить своихъ товарищей и стать случайными людьми, которыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, расформируютъ по другимъ полкамъ.

Ходили слухи, что новаго знамени прислано не будетъ, что на мѣсто тарасовцевъ изъ Россіи придетъ другой полкъ, а ихъ комплектовать больше не стануть.

Но пока ничего еще не было извѣстно опредѣленнаго. Полковой писарь приладилъ двѣ комнаты подъ канцелярію, вывѣсилъ надпись, что здѣсь, молъ, полковой тарасовскій дворъ, и готовая уже прекратиться жизнь полка билась еще здѣсь ослабѣвающимъ съ каждымъ днемъ пульсомъ. Полковой командиръ продолжалъ, правда, писать рапорты по начальству и получать на нихъ отвѣты, но все чувствовалъ, что это продолжится

не долго, и что тарасовцевъ оставляютъ пока въ покоѣ потому, что есть дѣла болѣе неотложныя, по устройству и размѣщенію войскъ въ городѣ на зиму.

Наконецъ, когда войска были расквартированы и устроена походная церковь, въ первое же воскресенье было приказано явиться туда всѣмъ начальствующимъ и офицерамъ.

Пятое сентября, день именинъ государыни, войска провели въ походѣ, и поэтому должны были теперь служить царскій молебенъ.

Полковые писаря знали уже, что изъ Петербурга наканунѣ были получены предписанія съ курьеромъ, и что, вѣроятно, послѣ обѣдни, стануть извѣстны интересныя новости.

Большинство, кромѣ тарасовцевъ, ждало награды, отличій и повышеній.

Старый дядя, капралъ седьмой роты, не пошелъ въ церковь.

— Не могу идти на люди, душа болитъ, объяснилъ онъ Ѳедору, занявшему послѣ Артемія мѣсто сержанта.

— Эка, дядя, отвѣчалъ тотъ, — въ церковь-то... Нешто это на люди?..

— А то какъ-же, — всѣ тамъ будутъ. Лучше одинъ дома помолюсь.

И, недовольный упрекомъ Ѳедора, дядя покачалъ головою:

— Всѣмъ ты хорошъ, Ѳедоръ, а все-таки далеко тебѣ до сударика. Жаль бѣднягу. Вотъ будь онъ — онъ бы понялъ, почему даже въ церковь тяжело идти нашему брату... а ты сомнѣваешься.

Ѳедоръ взглянулъ на капрала исподлобья и, чтобъ доказать, что онъ тоже понимаетъ, отвѣтилъ:

— Да что-жъ, я вѣдь чувствую... и Артемія Андренча тоже жалѣю.

— Ты не его, себя съ нами жалѣй. Ему, можетъ, лучше, чѣмъ намъ съ тобою теперь, такъ-то.

И капралъ, крѣпко закусивъ на сторону свою коротенькую трубочку, отвернулся, съ видомъ, что и говорить-то не стоить.

Въ церковь онъ не пошелъ, но въ воскресенье утромъ, до конца обѣдни, явился на полковой дворъ, предчувствуя, что сегодня должна рѣшиться судьба полка.

Тарасовцы занимали домъ разореннаго войною нѣмецкаго купца. Въ самомъ дому были отведены квартиры для полкового командира, адъютанта, старшаго офицера и канцеляріи, а для солдатъ устроили казарму въ бывшемъ при домѣ товарномъ складѣ.

На дворѣ, у крыльца командира, стоялъ денежный ящикъ, и возлѣ него мѣрно прохаживался часовой. Дворъ былъ вычищенъ и усыпанъ пескомъ. Дежурный вѣстовой вертѣлся возлѣ дверей канцеляріи; у импровизированныхъ казармъ устроили скамеечки; словомъ, дворъ имѣлъ вполне военный видъ, но только на немъ не производили ученій, и, по вечерамъ, у казармъ не слышно было пѣсенъ.

Дядя-капралъ, выйдя на дворъ, присѣлъ на скамеечку, безпокойно поглядывая на ворота, откуда должно было прийти изъ церкви начальство.

Октябрьскій день не казался холоднѣе, несмотря на то, что по ночамъ бывали ужъ заморозки, но, къ полудню, не потерявшее еще свою силу солнце нагрѣвало воздухъ настолько, что можно было надѣвать верхнее платье нараспашку.

Первыми пришли адъютантъ и два молодые офицера, при взглядѣ на которыхъ у капрала невольно мелькнуло воспоминаніе о ротномъ командирѣ, прѣхавшемъ подъ Кюстриномъ изъ Петербурга и такъ скоро окончившемъ свое боевое поприще.

Карла Эйзенбаха такъ же, какъ Артемія, считали въ числѣ убитыхъ.

Офицеры остановились посерединѣ двора, громко разговаривая. Они были сильно взволнованы.

— Неизвѣстность хуже всего, говорилъ одинъ, сильно размахивая руками. — Я понимаю, ужъ если думать раскассировать, такъ пусть и раскассируютъ.

Видимо, ему это слово правилось, и онъ повторялъ его.

— Я положительно теряюсь, возразилъ адъютантъ, — неужели изъ Петербурга такъ-таки и нѣтъ ничего относительно насъ?..

— Можетъ быть, замѣтилъ другой офицеръ, — генералъ не хотѣлъ, сряду послѣ награды, сообщать неприятныя вѣсти.

— А ты замѣтилъ полкового командира? На немъ лица не было все время. Я думалъ, одну минуту, что онъ свалится.

— Да, онъ не хорошъ, и измѣнился какъ...

— Но все-таки генералъ былъ съ нимъ любезенъ.

— Эхъ!.. Да любезность эта хуже сердца. Словно милостыню подастъ, Христа ради.

Къ этимъ первымъ тремъ стали подходить остальные, возвращавшіеся изъ церкви, и тоже высказывали свои впечатлѣнія.

Дѣло было въ томъ, что генералъ, послѣ молебна, поздравлялъ счастливецъ, получившихъ награды, съ монаршею милостью, относительно же тарасовцевъ не обмолвился ни словомъ, какъ будто ихъ и не было вовсе. Офицеры видѣли, правда, какъ онъ поздоровался съ ихъ полковымъ командиромъ, но, повидимому, и ему не сказалъ ничего, такъ какъ командиръ не далъ приказанія собираться имъ. Собрались же они на полковой дворъ сами собою, потому что идти одному къ себѣ домой каждому изъ нихъ не хотѣлось. Въ такія минуты, которыя они переживали теперь, необходимо было быть вмѣстѣ, въ своей, еще не распавшейся, но готовой уже распасться, полковой семьѣ.

И они пришли къ себѣ на дворъ и, такъ какъ идти дальше было некуда, остановились здѣсь въ ожиданіи полкового командира.

Мало-по-малу образовалась вокругъ нихъ толпа старыхъ солдатъ, которые не разъ бывали съ ними въ неприятельскомъ огнѣ и потому чувствовали ту общую близость, которая устанавливается между людьми, дѣлившими вмѣстѣ опасность.

Эта близость позволяла теперь, не нарушая дисциплины, подойти и слушать имъ.

Подошелъ тоже и дядя.

Ждали полкового командира.

— Идетъ... идетъ... слышалось, наконецъ, въ толпѣ.

И видный полковникъ, съ сдѣвными большими усами, показался въ воротахъ. Знакомая тарасовцамъ, обыкновенно, прямая, видная фигура его, съ гордо и смѣло закинутою головою, казалась теперь сгорблена, и взгляды недавно еще быстрыхъ и оживленныхъ глазъ вслѣдъ за нимъ потухъ. Полковникъ шелъ тихими, короткими шагами. Онъ былъ блѣднѣе еще, чѣмъ всѣ послѣдніе дни.

Увидѣвъ собравшихся на серединѣ двора полковыхъ, видимо, ожидавшихъ его прихода, онъ сморщился, какъ отъ новой физической боли, и направился къ нимъ, словно нехотя, подчиняясь необходимости сдѣлать это.

„Ну что-жъ, и эту тяжесть вынесу еще“, говорилъ онъ всѣмъ существомъ своимъ, и видомъ, и взглядомъ, — „все равно, рано или поздно, необходимо мнѣ сказать вамъ“.

И по одному этому его виду всѣмъ стало ясно то, что онъ долженъ сказать имъ.

— Все кончено, проговорилъ упавшимъ голосомъ полковой командиръ, подходя, — генералъ получилъ предписание. Послѣ обѣдни онъ призвалъ меня къ себѣ, чтобы сказать, что новаго знамени не будетъ намъ прислано. Въ Петербургѣ и самимъ генераломъ не дозволены, и награды были даны такъ ужъ.

Полковой командиръ замолчалъ: молчали и всѣ остальные, потому что сказать было нечего.

Участь Тарасовскаго полка рѣшилась.

Наступила та тяжелая, давящая тишина, которая вдругъ охватываетъ людей въ первую минуту извѣстiя о кончинѣ любимаго и близкаго человѣка.

Всѣ опустили голову, притаивъ дыханiе, и только теперь, когда уже нельзя было сомнѣваться въ томъ, что случилось всѣми какъ будто ожидаемое, почувствовали, что до этой минуты они все-таки надѣялись на что-то, все-таки ихъ не покидала мысль о возможности много исхода.

— Эхъ, не то больно, заговорилъ вдругъ снова полковой командиръ, и голосъ его снова дрогнулъ,—не то больно, что придется разстаться намъ другъ съ другомъ и искать, какъ бездомнымъ, пристанища по другимъ полкамъ; не то больно, что это безпримѣрный случай,—но такова воля государыни, а то больно, что наше знамя, свитыня наша попала въ чужiя, вражескiя руки. Кончится война, плѣнныхъ вернуть, а не вернуть нашего знамени. Повѣсятъ его куда-нибудь на показъ, на позоръ намъ, и хранить будутъ, и десятки лѣтъ пройдутъ—внукамъ и правнучкамъ нашимъ показывать его будутъ: на, вотъ, смотрите,—у насъ, въ нѣмецкой землѣ, есть русское знамя. А чье оно, кто не уберечь его?—тарасовцы... Вотъ что больно.

И полковникъ не могъ договорить, губы его дрожали, и онъ закрылъ рукою глаза.

Въ заднихъ рядахъ толпы въ это время произошло какое-то странное движенiе, и послышался говоръ, рѣзко нарушившiй тишину.

Полковникъ поднялъ голову.

Ряды военныхъ разступились передъ нимъ, и прямо къ нему выходилъ изъ-за нихъ кто-то, въ совершенно непонятномъ нѣмецкомъ платьѣ, почти въ лохмотьяхъ. Блѣдный, худой, дрожащiй отъ холода, онъ трисущи-мися руками разбиралъ свои лохмотья на груди и доставалъ что-то, и доставъ, подавалъ ему.

Вредъ это былъ или дѣйствительность, но то, что подавали полковнику,—было оторванное отъ древка полковое знамя. Онъ, не вѣря глазамъ своимъ, не понимая, не ожидая этой радости, больше, чѣмъ радости, больше всякаго счастья,—взялъ его въ руки. Да,—это было ихъ знамя...

— Вотъ оно, вотъ оно... повторялъ блѣдный чело-

вѣкъ въ лохмотьяхъ,—не безплотный, благодѣтельный духъ или генiй, но совѣмъ живой, хотя, правда, едва державшiйся на ногахъ отъ усталости и болѣзни чело-вѣкъ.

— Кто ты, откуда? выговорилъ, наконецъ, полковникъ.

— Артемiй Проскуровскiй, сержантъ седьмой роты, отвѣчалъ тотъ.

Многие свои узнали его раньше, несмотря на страшную переимѣну, происшедшую въ немъ. Но въ первый мигъ смотрѣли не на него, а на то, что онъ спасъ и принесъ какимъ-то чудомъ.

И всѣ, отъ полковника до послѣдняго солдата, чувствовали, какъ вдругъ забилось ихъ сердце новой, неожиданной жизнью, словно воскресъ въ немъ мертвецъ, котораго они готовы были уже похоронить.

И чѣмъ сильнѣе было ихъ горе передъ тѣмъ, тѣмъ сильнѣе казалась ихъ радость.

— Что-жъ ты раньше, раньше? спрашивалъ полковникъ, но сейчасъ же понявъ, по виду Артемiя, что тотъ только теперь, очевидно, добрался до Кѣнигсберга и прямо явился на полковой дворъ, почувствовать, что невольный упрекъ его неумѣстенъ и, безъ дальнихъ словъ, обнялъ и поцѣловалъ Артемiя. Но едва онъ разжалъ свои руки, какъ шею Артемiя обхватили другiя, крѣпкiя, старческiя объятия.

— Голубчикъ, сударикъ, родной мой, силится выговорить сквозь слезы старый капралъ, обнимая своего сержанта.—А мы думали, что тебя и въ живыхъ нѣтъ, голубчикъ.

Капралъ, какъ только появился Артемiй, протискался къ нему и ждалъ этой минуты, когда онъ обниметъ своего сударика.

И отъ одного къ другому сталъ переходить, счастливый ласкою столькихъ людей, Артемiй, и всѣ находили ему новое ласковое слово, и каждый по-своему выражалъ свою радость.

„Что они съ ума сошли!“ подумалъ невольно, приостановившись, вошедшiй случайно на тарасовскiй дворъ, молодой артиллерiйскiй офицеръ, не понимая, что случилось.

Но когда и ему, постороннему, рассказали, въ чемъ дѣло, онъ подошелъ къ Артемiю и крѣпко пожалъ его руку.

(Продолженiе будетъ)

Вечеръ.

Стихотворенiе А. В. Бобрищева-Пушкина.

Посмотри, какъ солнце тихо
Гаснетъ, прячась, за горою,
Какъ подернулась рѣка вся
Зыбью, точно чешуею;
Какъ прозраченъ воздухъ чистый,
Въ вѣтеркѣ какая влага...
Какъ ползутъ лѣсные духи
Изъ глубокаго оврага...

Какъ вверху, въ сосновой рошѣ,
Все полно волшебной мглою,
Какъ вдали костры рыбацки
Загорѣлись надъ рѣкою.
Посмотри, какъ наша лодка
Пролагаетъ слѣдъ волнистый,
Какъ съ небесъ въ рѣчную бездну
Смотрить мѣсяцъ серебристый...

Лодъ розовымъ блескомъ.

Разсказъ Е. Дубровиной.

Снова настала весна, снова жизнь воцарилась на улицахъ города, и кровь быстрѣй побѣжала по жиламъ, и въ сердцахъ проснулась жажда любви, счастья, радости.

Стоя у окна своей хорошенькой комнатки, чистой и бѣлой, какъ то облако, что бѣжитъ по лазурному небу, Вѣрочка Тѣнишева смотритъ въ садъ, наблюдая пробужденiе природы. Въ комнату врывается смолистый ароматъ развернушагося тополя; полуодѣтыя лины тихо киваютъ другъ другу нарядными верхушками и шепчутъ что-то неясное, нѣжное, какъ первый, робкiй шопотъ любви. Мглистыя, темныя сумерки ласково окутываютъ землю, и розовый блескъ зари ложится на бархатистый зеленый лугъ.

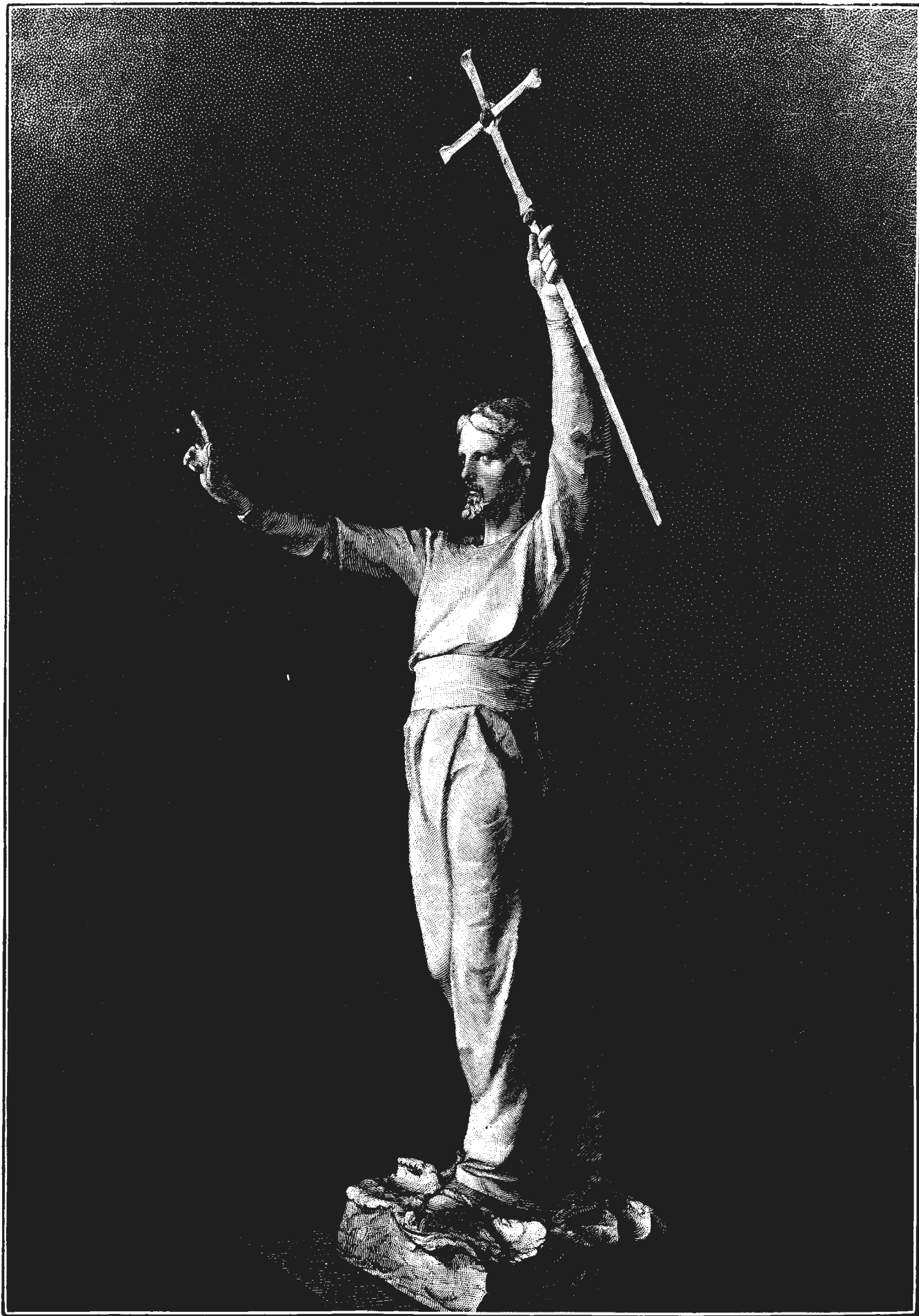
Сердце Вѣрочки тихо, тихо сжимается; къ глазамъ подступаютъ жгучiя, скорбныя слезы. Ей хочется дать имъ волю,

но не хочется, чтобы ихъ видѣлъ кто-нибудь, а, въ особенности, старушка-няня: встревожится, начнетъ разспрашивать, утѣшать. Утѣшать! Точно можетъ утѣшить что-нибудь, когда впереди ничего нѣтъ свѣтлаго, ничего такого, чѣмъ бы машила жизнь.

Накинувъ на плечи теплый платокъ, Вѣрочка вышла въ садъ и, почувствовавъ себя на свободѣ, дала волю и слезамъ, и думамъ, вызвавшимъ эти слезы.

Прошлое воскресло... Незабвенное, милое прошлое!

Точь-въ-точь такъ же и тогда розовѣла зари, и тѣ-же длинныя тѣни распозвались по влажной, пахучей землѣ. Прозрачныя облака розовѣли перламутровымъ блескомъ, и блѣдно-лиловое небо опрокинулось надъ пробуждавшейся отъ долгой спячки землей...

Выставка скульптурных произведений проф. М. М. Антокольскаго. „Христосъ“.
Съ фот. грав. Флюгель.

Все, все так-же, какъ было тогда. Только она сама измѣнилась, да такъ измѣнилась, какъ будто не годъ, а годы пропеселись надъ ея головой. Тогда въ душѣ пробуждались, а теперь засыпали надежды, и радость, улетѣвъ за звучимъ хоромъ перчаткахъ, не вернулась съ ними обратно съ благословеннаго Юга.

Поцѣлуй, клятвы, восторги! Куда ушло это все?

Такъ-же ярко горитъ закатъ, какъ годъ тому назадъ, но не прежняя, счастливая улыбка, а горькая усмѣшка лежитъ на поблѣднѣвшихъ губкахъ.

Годъ прошелъ. Только годъ! Жизнь заканчивается, едва начавшись. Вѣрочка слыхала, что любовь приходитъ не одинъ разъ, что въ девятнадцать лѣтъ нельзя ставить крестъ надъ собою. Но она чувствуетъ всею своимъ молодымъ существомъ, что такъ, какъ Гришу, она уже никого не полюбитъ, никому не повѣритъ такъ, какъ ему вѣрила.

Ей хочется смерти, потому что у нея смерть въ душѣ. „Гриша!.. Гришенька!“ звучитъ и внутри, и кругомъ ея, слышится ея вездѣ и всегда. Высокая, мужественная фигура молодого человѣка склоняется къ ней свою красивую, черную голову, и горячія алія губы снова прижимаются къ ея губамъ. Какъ тогда... ну, совсѣмъ, совсѣмъ, какъ тогда, въ тотъ вечеръ, въ этомъ самомъ саду, въ этотъ самый часъ.

О, какъ помнитъ она тотъ вечеръ! Все помнитъ, все, до послѣдняго взгляда его, до послѣдней улыбки. Годы пройдутъ, десятки лѣтъ, а она все будетъ помнить его, тотъ первый и послѣдній вечеръ ея блаженнаго, чуднаго счастья.

Какъ неожиданно оно подошло, такъ и ушло неожиданно!

Вѣрочка давно любила его; всегда любила, какъ казалось ей. Еще совсѣмъ маленькая дѣвочка, въ пансіонѣ m-elle Спиклеръ, она нетерпѣливо ждала субботы, чтобы ѣхать домой со старушкой няней, которую мать всегда присылала за нею, и—увидѣть съ Гришей, приходившимъ домой изъ юнкерскаго училища. Онъ былъ нахлѣбникомъ у ея матери и много рассказывалъ Вѣрочкѣ о своей семьѣ, богатыхъ помѣщикахъ, на югѣ Малороссіи. Онъ рисовалъ Вѣрочкѣ пирамидальные тоноли, которыхъ она никогда не видала, читалъ ей Гоголя, пугалъ ее „дядей Виель“ и называлъ ее, въ шутку, своей невестой.

— Когда ты вырастешь, говорилъ онъ,—я буду уже офицеромъ, и свезу тебя къ моей мамѣ. Ты увидишь наши бѣлыя мазанки съ вишневыми садиками, послушаешь наши хохлаткія ибѣны. Хочешь, я спою тебѣ „Гриця“? Это, вѣдь, меня такъ зовутъ: „Грицю“—значитъ—Гриша. Когда ты будешь больная, то непременно влюбишься въ меня, будешь меня ревновать къ нашимъ „дивчонамъ“ и споешь мнѣ такую ибѣсенку.

И онъ пѣлъ ей „Ой не ходи, Грицю“, переводя непонятныя для нея мѣста. Вѣрочка приходила въ ужасъ отъ такой ревности, которая идетъ даже на убійство, и серьезно говорила, что она этого не могла бы.

— Развѣ можно убивать того, кого любишь? вопросомъ отвѣчала она. — Мнѣ кажется, я бы тебѣ все могла извинить, Гришенька.

Онъ презрительно вздергивалъ губу, на которой чернѣли пробивающіеся усики, и обрывалъ ее убійственно-холоднымъ разговоромъ.

— Дѣвочка! говорилъ онъ.—У васъ, петербургскихъ барышень, въ жилахъ течетъ не кровь, а вода. Нѣтъ, я не хочу такой жены. Наши украинки—огонь! Глаза—какъ вишни сѣблы, губы алія, лица смуглыя, румянецъ такъ и горитъ во всю щеку. Она и сама умреть, и другого убьетъ за любовь! Вотъ какая женщина мнѣ нужна, а не кисло-сладкая столбичная барышня.

Привезенный въ Петербургъ десятилѣтнимъ, Гриша и въ глаза не видѣлъ этихъ „укранокъ“; но ему хотѣлось пустить пыль въ глаза Вѣрочкѣ, стать въ ея глазахъ мужчиной,—и онъ цеголялъ фразами, и съ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ блѣднѣло личико дѣвочки отъ его хвастливыхъ рѣчей, и слезы навертывались на милыхъ, кроткихъ глазкахъ.

Три года тому назадъ Вѣрочка кончила курсъ пансіона, и мать отправила ее за-границу съ одной родственницей для изученія языка. Гриша безъ нея вышелъ въ офицеры и, надѣвая свой новенькій, блестящій мундирчикъ, вздохнулъ о томъ, что Вѣрочка не увидитъ его.

„И пуговицы, и погони, пожалуй, потемнѣютъ до ея пріѣзда“, съ сожалѣніемъ подумалъ онъ.

Когда они встрѣтились, Гриша былъ уже вполне ожившимся офицеромъ. Вѣрочка не узнала его, онъ не узналъ ее. Любовь всыпнула сразу, вдругъ, пробѣжала, какъ по пороховой ниткѣ, отъ одного сердца къ другому—и мгновенно зажгла ихъ. Въсего прежнихъ, дѣтски-свободныхъ, отношеній, возникли шовья, робкія, смущенныя. Оставаясь вдвоемъ, молодые люди молчали, инстинктивно чувствуя, что о пустякахъ говорить стыдно, да и не хочется, а о томъ, что ихъ напечтывало чувство, говорить нельзя. Оба были рады, когда tête-à-tête ихъ прерывался, и оба досадовали, что не воспользовались имъ для того, чтобы высказаться.

Любовь свѣтилась въ ихъ глазахъ, въ ихъ улыбкахъ. Щеки вспыхивали румянцемъ. Къ сердцамъ приливая кровь, ускоряли ихъ биеніе. Но уста молчали, какъ скованныя...

И вотъ настала, наконецъ, день прощанья: Гриша получилъ отгулъ и ѣхалъ повидаться съ родными.

Какъ помнила Вѣрочка этотъ день! Помнила даже платье, которое надѣла для него, зная, что онъ любить это платье, хорошенкое платьице изъ бѣлаго батиста, съ сиреневыми мушками и бантиками.

— Грустно мнѣ расставаться съ вами, Катерина Григорьевна, сказалъ Гриша матери Вѣрочки, разлѣнно мѣшая ложечкой въ стаканѣ давно уже растаявшій сахаръ.

При этомъ онъ такъ выразительно поглядѣлъ на Вѣрочку, что она поняла: съ ней ему было грустно расставаться.

— Не надолго расстаемся, Григорій Васильевичъ...

— Нѣтъ, ради Бога, не величайте меня! Для васъ—я всегда останусь Гришей.

И опять Вѣрочка поняла, что это для нея онъ всегда будетъ „Гришей“, и, наскоро выпивъ свой чай, предложила ему—пройтись съ нею по саду.

Онъ быстро всталъ пзъ-за стола, обрадованный, взволнованный, умилился передъ ея рѣшимостью, мысленно возводя эту рѣшимость чуть не въ геройство. Она хотѣла проститься съ нимъ безъ свидѣтелей, она давала ему возможность вылить передъ нею такъ долго молчавшее, такъ утомявшееся молчаніемъ сердце!

„Умница моя! Умница!“

И вотъ тутъ, у этой самой рѣшѣтки, гдѣ она стояла теперь такая грустная, блѣдная, тогда было впервые сказано все между ними... Первые слова вырвались трудно, смущенно, скованныя цѣпью привычной сдержанности. Но тѣ, что полились за ними, уже не знали удержа, и смѣнились клятвами въ вѣчной вѣрности, въ вѣчной любви, поцѣлуями.

Заря догорала въ свѣтло-лиловомъ небѣ, когда они вернулись къ матери, держась за руки...

— Давно ужъ благословила васъ, милые, и не разъ молилась за васъ обоихъ влѣстѣ, отвѣчала Катерина Григорьевна.— Еще когда оба вы были дѣтьми, я рѣшила, мысленно, что вамъ не уйти другъ отъ друга. Ужъ такіе друзья были, такіе друзья!

И любовь, и материнское благословеніе, „навѣки нерушимое“, все рухнуло, задавленное временемъ, разлукой и—огненными глазами какой-нибудь „украинки“, въ жилахъ которой течетъ „кровь, а не вода“.

Вѣрочка такъ и рѣшила, что тутъ не обошлось безъ украинки. Бывали минуты, когда она начинала понимать смыслъ хохлатой ибѣсенки, гдѣ дѣвушка отравляетъ „Гриця“ за то, что онъ полюбилъ другую.

„Ой не ходи, Грицю,
На вечерницю,
Бо на вечерницю,
Дівки чарівниця“,—

предупреждаетъ она своего милого; а потомъ варитъ зелье, которымъ отравляетъ его.

„Отъ тобі, Грицю, такая заплата:
Четыре доски гробовыя,
Да темная хата.
Нехай винъ знае, нехай вѣдае,
Нехай двухъ разомъ Гриця не кохає“,—

пѣла Вѣрочка, и слезы выступали на ея глазахъ, а въ добромъ сердечкѣ зарождалось совсѣмъ новое чувство, глухой, безосознательной злости и ревности.

— Полно тебѣ убиваться, Вѣруня, говорила ей мать.—Вѣдь, еще ничего не извѣстно... мало ли что можетъ мѣшать ему пріѣхать?... Дѣла какія-нибудь... Наконецъ, можетъ быть, родители не желаютъ вашего брака...

— Ахъ, мама, какъ ты странно защищаешь его! Неужели онъ такая тряпка, что даже написать мнѣ не можетъ? Нѣтъ, онъ просто забылъ меня... а, можетъ быть, даже и увлекся тамъ кѣмъ-нибудь... Ну, что-жь,—Богъ съ нимъ! Съ чего ты взяла, что я убиваюсь? Неспрятно, конечно, быть отставной невестой, но, чтобы убиваться... Нѣтъ, ты меня не знаешь, мама,—я слишкомъ горда и самолюбива, чтобы тосковать о человѣкѣ, который могъ такъ легко и скоро забыть меня.

Она всѣми силами скрывала свою тоску отъ матери; ее обижало, что мать легко относится къ ея горю. Это, въ самомъ дѣлѣ, было странно: такая любящая, заботливая, ласковая, Екатерина Григорьевна Твиншева, какъ будто, не понимала, что должна чувствовать дочь, оскорбленная въ своемъ лучшемъ, первомъ чувствѣ. Иногда она даже, какъ будто, дразнила ее, говоря, что, можетъ быть, все поправится, что нечего отчаиваться, пока она не получитъ отъ него письма, гдѣ онъ самъ скажетъ, что не вернется къ ней, что разрываетъ со своимъ прошлымъ. Одинъ только разъ Вѣрочкѣ показалось, что мать страдаетъ съ нею вмѣстѣ; но и это было какъ-то странно, загадочно, и Вѣрочка не знала, какъ ей понять и слова, и чувства матери.

Это было такъ: Вѣрочка вернулась отъ одной пріятельницы, бывшей въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Гришей, и, не раздѣваясь, прошла въ комнату матери. Лицо ея было блѣдно и взволновано; глаза—красны отъ только что пролитыхъ слезъ.

— Ну, вот, мама, теперь уже нет больше никаких сомнений, возбужденно сказала она, и голос ее звучал, как надтреснутый. — Я была у Мани Левинной, и она рассказала мне, что Григорий Васильевич бросил службу, поступить в земство, и сватается к какой-то богатой помещице. Мани говорит, что его родители окончательно разорены, и потому он не мог жениться на такой бедной девушке, как я.

Губы Вѣрочки конвульсивно подергивались; казалось, вот-вот слезы брызнут из ее глаз. Мать посмотрела на нее, и на лице ее выразилась борьба: она как будто хотела что-то сказать, даже открыла рот для этого, но вместо этого только крѣпко закусила себя губу...

— Я бы, на твоём месте, не вѣрила никаким слухам, пока любимый мною человек сам не написал бы мне, что женится. А ты всему вѣришь, кто бы что ни сказал тебе. Удивляюсь я вам, современным девушкам! Любите вы не умеете, не умеете вѣрить так, как мы вѣрили нашим женщинам и мужьям.

В голосе Екатерины Григорьевны звучало раздражение и, вместе с ним, легкая, чуть слышная насмѣшка.

— Мама! встрепенулась Вѣрочка. — Ты что-то знаешь о Грише?

Мать посмотрела на нее, усмѣхаясь.

— Как же не знать, когда я от тебя слышу, что он негодяй, что он разлюбил тебя, изменил давнему слову, женится на другой... Вот только это я знаю.

— Но ты, сама, почему-то не вѣришь, чтобы он мог это сделать?

— Я только ему повѣрю, когда он напишет.

Мать говорила таким загадочным, таинственным тоном и была так спокойна сама, что в Вѣрочке снова воскресали какия-то надежды. Но дни шли за днями, не принося ни писем, ни вѣстей. Вѣрочка давно уже знала на-память единственное письмо Гриши, написанное им с дороги, полное любви, ласки, золотых надежд на счастье с нею.

Куда ушло это все? Как могло так скоро уйти?

«Он человек безхарактерный, ушла себе Вѣрочка. — Родители не согласились на его брак с бедной девушкой, и постигли женить его, чтобы оградить от меня. Оттого он и не пишет, что ему трудно сознаться в своем безволии. Но он любит меня, я увѣрена, и тоскует, бедный, не меньше, чѣм я тоскую».

Объяснение было правдоподобно, и все-таки нѣсколько утѣшало. С матерью Вѣрочка больше не говорила об этом; ее раздражала усмѣшка матери и упорное нежелание смотреть в глаза истины. Она выѣзжала, принимала у себя подруг, даже в любительских спектаклях участвовала, но тоска ее не проходила; напротив, она как будто крѣпла с течением времени.

Къ веснѣ эта тоска доросла до страшного напряжения. Природа пробуждалась, птицы запѣли веселым пѣсней, заискрилось синее небо в просвѣты листвы. Этот ужас контраста убивал Вѣрочку. Все труднее ей было скрывать свою тоску от матери.

И вот наступило 9-е мая, день, когда Гриша простился с нею и впервые открыл ей свое сердце. Это был день именин покойного отца Вѣрочки; къ дорогой маме присоединилась теперь другая память, другая тризна.

Не сомкнув глаз всю ночь, Вѣрочка заснула только къ утру и, проснувшись, узнала, что мать на весь день отправилась в Колпино, служить нахихиду по мужу.

— Отчего же она меня не разбудила? спросила Вѣрочка свою старую няню.

— Она видѣла, что у тебя всю ночь огонь горѣлъ. «Пушай, — говорить, — поспишь; в другой раз с ней съезжу».

«Милая мама! Она помнить, какой это день, и нарочно оставила меня одну, чтобы я могла выплакаться», догадалась Вѣрочка.

Она воспользовалась своей свободой: заперлась в своей комнатѣ, и плакала так, что у нея опухли глаза и съ худѣвшего личика сбѣжал послѣдний румянец.

Запѣвшая заря прогнала ее в сад.

«Скоро мама вернется. Надо освѣжиться, чтобы не поразить ее убитым видом моим. О, Гриша, Гриша! Что ты сделаешь со мной!»

Она вздрогнула от громкого звонка в передней и быстро сбѣжала со ступенек террасы, на бѣгу кричавши: «Никого дома нет, няня!»

«Еще чужой кто-нибудь... Занимать... разговаривать... Нет, не могу!»

Птицы рѣяли в воздухе, купались в розовом блеске зари, и оглашали сад своим звонким перекликами. Еще час — и замолкнут их пѣсни, потухнет заря, и серебряный рог мѣсяца засвѣтит на блѣдно-оранжевом небѣ. За часом пройдет другой час, за сутками — другие сутки, — и воцарится весна-красна, дая все новые наряды землѣ, все новые радости птицам, насекомым, букашкам, червям... Только

человек, вѣнец мірозданія, еще сильнее почувствует свою скорбь в этом окружающем его блеске природы, и не даст она ему ни утѣхи, ни радости, не вернет счастья, разбитого житейской грозой.

Вот она, та самая рѣшетка, у которой он сказал ей, что любит ее, и обнялъ, и цѣловал так, что она и теперь чувствовала на своем лице прикосновение его горячих губ.

Облокотившись на рѣшетку, Вѣрочка закрыла руками лицо; слезы бѣжали из глаз, скатывались по тонким пальчикам и терлись в ткани платка.

«Ой не ходи, Грицю,
Ты на вечернюю» —

раздалась гдѣ-то вдали знакомая пѣсня.

Вѣрочка вздрогнула... выпрямилась...

«Что это? Галлюцинация слуха?»

Пѣсня затихла.

«Я начинаю сходиться с ума», подумала Вѣрочка, и громче зарыдала от жалости къ самой себя.

— Вѣрусь!.. Голубочка!

Две сильные руки оторвали ее от рѣшетки и прижали къ горячей груди, гдѣ радостно билось любящее, вѣрное сердце.

— Гриша!.. Ты?..

Слезы горя смѣшались слезами радости. Оторвавшись от своего жениха, Вѣрочка увидела мать, стоявшую поодаль и вытиравшую катившіяся по щекам слезы.

— Мама! Вернулся! Любить!

— Да онъ никуда и не уходил, Вѣруня. Это мы все его воронились... Иначе его отец не соглашался на вашъ брак.

— И ты... ты согласилась меня мучить, мама?

— Мне не оставалось ничего другого. Съ меня взяли честное слово ничего не говорить тебе. Я дам тебе прочесть письмо его отца. И онъ правъ, Вѣруня: только то хорошо, что хорошо кончается. Пока они провѣряли тебя, я провѣряла Гришу, и теперь за твое счастье не боюсь.

— А за мое, мама? спросил Гриша, обнимая старушку.

— Ну, за твое-то я никогда не боялась, зная мою дѣвочку.

Они вернулись домой счастливые, радостные. За чаем, на крыльях на террасѣ, как тогда, Екатерина Григорьевна отдала дочери письмо отца Гриши.

«Если вы желаете своей дочери прочного счастья, писал старик, — вы согласитесь на мое предложение — отложить на годъ ея свадьбу съ моимъ сыномъ. Гриша слишкомъ молодъ, чтобы можно было на него положиться, и я назначаю этотъ искусь столько же для него, сколько для нея. Я ждалъ мою жену шесть лѣтъ, уѣхалъ на службу в Сибирь и даже не переписывался съ нею за этотъ длинный промежутокъ времени. Когда мы женились, ей было 25 лѣтъ, мне — 30. И дай Богъ нашимъ дѣтямъ такого счастья, какое вышло мне долю. Я человекъ крикливый и на вѣтеръ словъ не бросаю. Чтобы удержатъ здѣсь Гришу, я советую ему бросить военную карьеру, поступить на службу в земство, учиться сельскому хозяйству и обратиться в дѣльнаго помещика. Имѣнье у насъ — золотое дно и обезпечит не только ихъ, а и дѣтей ихъ. И такъ, сударыня, выбирайте.

«Вашъ слуга

Василій Драготинъ».

— Какое чудное письмо, мама! Я понимаю, почему ты согласилась мучить меня. О, Гриша, какъ я полюблю твоего отца! восторженно говорила Вѣрочка, и счастливые, благодарные слезы бѣжали по ее щекамъ, разгорѣвшимся прежнимъ румянцемъ.

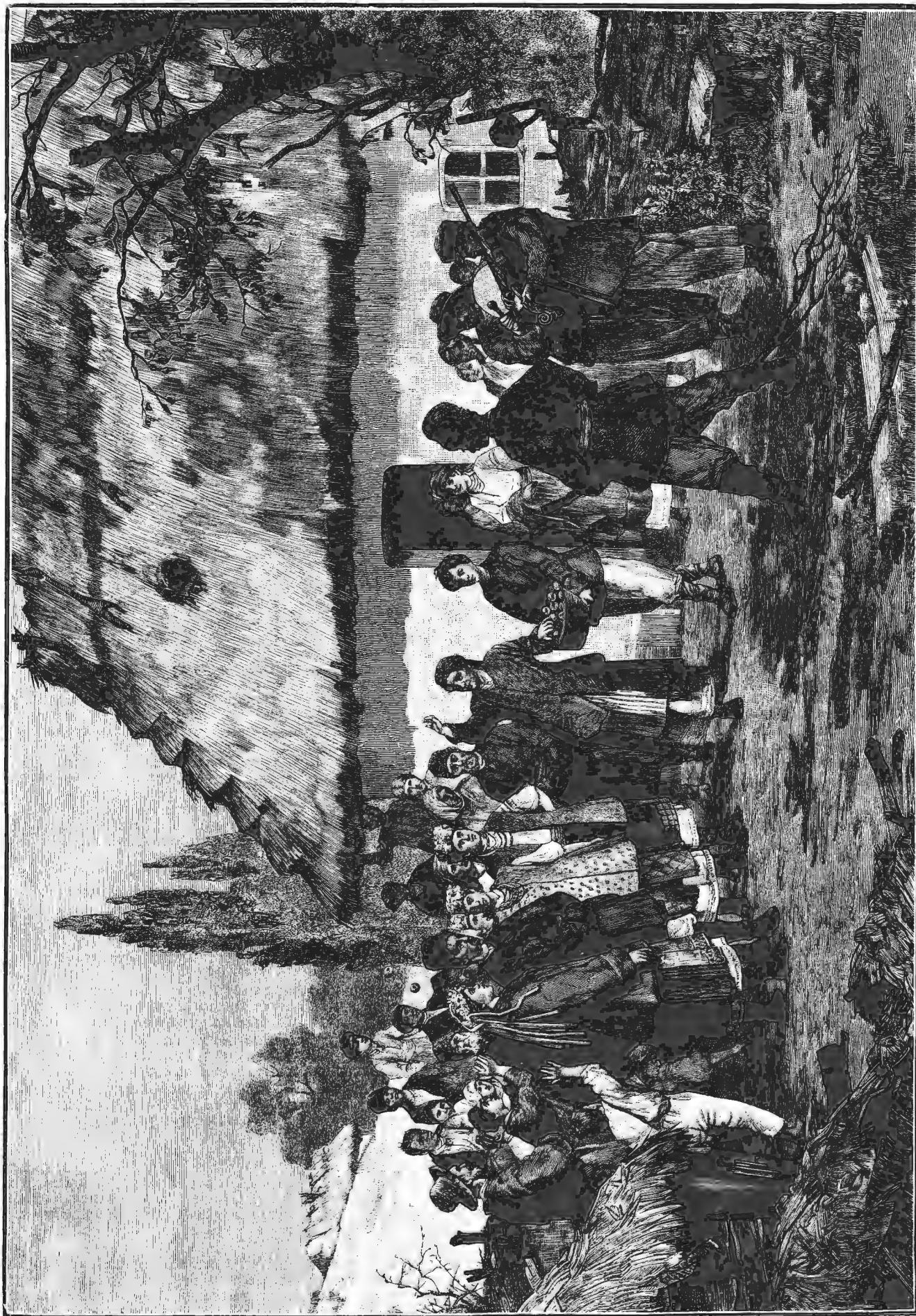
Послѣ чаю они вышли в садъ. Заря погасла, и серебряный рог мѣсяца плыл по чистому небу, озаря своимъ волшебнымъ свѣтомъ садъ. По аллеямъ распозались длинные тѣни.

— Какъ тогда, Гришенька, совѣтъ, совѣтъ, какъ тогда, шептала счастливая дѣвушка, склоня къ плечу жениха утомленную волнениемъ и радостью головку.

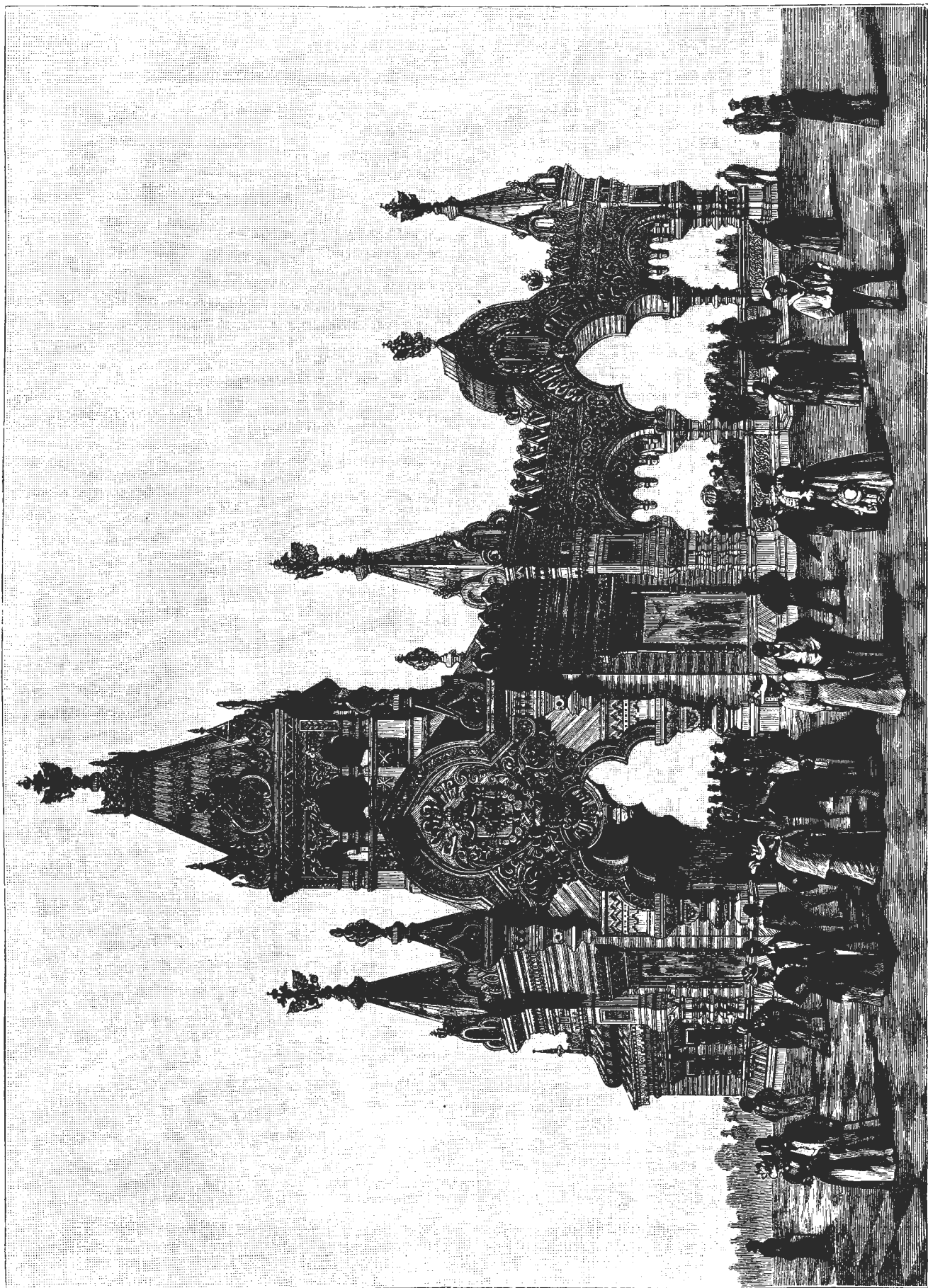
— Нетъ, лучше, чѣмъ тогда, милая! А впереди-то сколько у насъ такихъ вечеровъ и ночей! Наше счастье зачалось подъ розовымъ блескомъ зари; пусть оно уберетъ намъ всю жизнь розами, Вѣрочка.

Черезъ недѣлю они вѣнчались в скромной приходской церкви, окруженной зеленой оградой изъ березъ и пахучихъ тополей. Приданое Вѣрочки, и даже ея подвѣчное платье, было уже готово у предусмотрительной матери, твердо вѣрившей, что женихъ ждать себя не заставитъ — долгие опредѣленные дни.

Они вѣнчались послѣ вечера, в часъ заката, когда вся церковь тонула в томъ веселомъ розовомъ блескѣ, подъ которымъ и зародилось, и возвратилось, и увѣнчалось на всю жизнь ихъ молодое, розовое счастье.

На красную горку. Свадебные подарки. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижачевича, грав. Флюгель.

Всемирная Колумбийская выставка въ Чикаго. Главный входъ Русскаго отдѣла, по проекту архитектора Ролета.
Рис. Григорьевъ. Грав. Галевскій.

Ипполитъ Тэнъ.

Очеркъ.

Французская литература понесла двѣ значительныя, невознаградимыя потери въ сравнительно незначительный промежутокъ времени: въ октябрѣ прошлаго года умеръ Ренанъ, а въ мартѣ нынѣшняго Франція хоронила Тэна. Каковы бы ни были оговорки, которыя можно было бы сдѣлать относительно идей, проповѣдываемыхъ этими мыслителями,—одно остается несомнѣннымъ: это были писатели, въ истинномъ смыслѣ слова, великіе,—великіе своими выдающимися, первоклассными дарованиями, своею преданностью наукѣ и высшимъ интересамъ человѣчества, своими каннигальными трудами, совершенными переворотъ въ исторической наукѣ, своимъ громаднымъ влияніемъ, своимъ возвышеннымъ, хотя, можетъ быть, и одностороннимъ, возрѣніемъ.

Какъ мыслитель, Тэнъ имѣлъ огромное (хотя не всегда благотворное) влияние на современную французскую литературу, науку, философію. Его можно считать виновникомъ новаго направленія, принятаго французскимъ искусствомъ; онъ чрезвычайно сильно вліялъ на французскую литературу,—до такой степени, что представители современнаго реализма, съ Зола во главѣ, считаютъ его,—не сомнѣвъ, впрочемъ, справедливо,—своимъ духовнымъ отцомъ. Самъ Зола признаетъ, что именно Тэну онъ обязанъ идеей, что всякое существо есть не болѣе, какъ продуктъ среды, въ которой оно живетъ. Известно, что Зола построилъ на этой идеѣ всю серію своихъ романовъ „Rougon-Macquart“. Но Тэнъ находилъ пѣлинымъ такое примѣненіе его философскихъ взглядовъ и всегда относился проницательно къ натуралистическому роману. Вслѣдствіе этого онъ былъ главнымъ противникомъ кандидатуры Зола въ „безсмертные“. Тэнъ, вообще, относился очень скептически къ продуктамъ современной французской литературы, и поэтому не писалъ никогда о писателяхъ, находящихся въ живыхъ.

Съ появленіемъ Тэна, даже самый синригуализмъ пересталъ коситься на естествознаніе. Исторія обязана ему новымъ методомъ, психологическимъ, который съ успѣхомъ начинаетъ примѣняться къ философій исторіи не только во Франціи, но также въ Германіи, Италіи и Англии. Собственно, въ философіи онъ примыкаетъ къ позитивизму и синиозизму. Во многомъ онъ раздѣляетъ идеи Джона Стюарта Милля и въ своей книгѣ „Объ умѣ и познаниі“ (переведенной по-русски г. Стреховымъ) онъ чрезвычайно удачно примѣняетъ результаты и выводы англійской школы экспериментальной психологіи къ самымъ запутаннымъ и загадочнымъ вопросамъ философіи. Въ этой книгѣ онъ изложилъ главнѣйшія свои философскія возрѣнія. Но, конечно, истинное значеніе Тэна не столько въ его философскихъ идеяхъ, хотя и онѣ представляютъ много оригинальнаго и своеобразнаго. Для насъ онъ особенно интересенъ своимъ литературнымъ талантомъ. Его умъ отличается необыкновенной ясностью; это чисто французскій умъ, ясный, послѣдовательный, съ блестящимъ воображеніемъ, богатый выводами, нѣсколько пристрастный къ метафорическимъ выраженіямъ, къ цвѣтисости, но, во всякомъ случаѣ, увлекательный, не теряя при этомъ своей серьезности и глубины. Тэнъ—болѣе содержательнѣе, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ европейскихъ писателей. Въ своей эстетикѣ, на основаніи многочисленныхъ, чрезвычайно удачно выбранныхъ, примѣровъ, Тэнъ старается выдѣлить все то, что есть общаго во всѣхъ произведеніяхъ искусства, и все то, что ихъ отличаетъ другъ отъ друга, и отъ всѣхъ другихъ произведеній человѣческаго ума. Дѣлаетъ онъ это для того, чтобы прійти къ ясному пониманію сущности искусства. Онъ приходитъ къ заключенію, что произведеніе искусства имѣетъ цѣлью ярко обнаружить существенный характеръ предмета. Указывая затѣмъ на мѣсто искусства въ человѣческой жизни, онъ признаетъ, что оно одновременно и возвышенно, и популярно, что оно обнаруживаетъ все высокое, и выражаетъ это понятно для всѣхъ. Переходя затѣмъ къ условіямъ возникновенія произведенія искусства, Тэнъ говоритъ, что произведеніе искусства опредѣляется общимъ состояніемъ умовъ и нравовъ окружающей среды. Тэнъ въ искусствѣ не знаетъ идеаловъ (хотя и говорить о нихъ), но крайней мѣрѣ, не знаетъ идеаловъ въ платоновскомъ смыслѣ; искусство для него есть психологическій результатъ жизни человѣчества, и оно тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ глубже оно воспроизводитъ психическую жизнь извѣстной эпохи, народа, расы, человѣчества. Такимъ образомъ, возникаетъ сама собой классификація произведеній искусства. Въ примѣненіи къ литературѣ, ее можно выразить слѣдующей лѣстницей: на самой низшей ступени находится карикатура, пародія, модная литература; далѣе идетъ романъ эпохи романтизма,—онъ выразилъ собою психическое состояніе общества за нѣсколько десятковъ лѣтъ; далѣе, мы встрѣчаемъ такіа имена, какъ Эврипидъ, Кальдеронъ. Расшивъ, въ которыхъ олицетворяется цѣлая эпоха; потомъ мы видимъ Эсхила, Данте, Шекспира, въ произведеніяхъ которыхъ выразилась цѣлая національность и вся національная культура; наконецъ, на высшей ступени находятся Гомеръ, Данте, Библия, Нибулаунгъ и

тотъ же Шекспиръ, какъ выразители самыхъ глубокихъ основъ человѣческой природы.

Не разъ пробовалъ Тэнъ примѣнять этотъ взглядъ на дѣлѣ. Самое блестящее, однако, примѣненіе его было имъ сдѣлано въ „Исторіи англійской литературы“. Это замѣчательное сочиненіе не есть книга, которую читаешь, чтобы познакомиться съ фактическими данными предмета, это, въ точномъ смыслѣ слова, философія въ дѣйствіи, тѣмъ болѣе интересная и значительная, что она открываетъ совершенно новые горизонты уму. Тэнъ обнаруживаетъ тутъ поразительное знаніе англійской литературы, огромную эрудицію, удивительное воображеніе, широкій синтезъ, сильную логику, языкъ точный и сильный. Самъ Тэнъ считалъ это сочиненіе не столько исторіей, въ собственномъ смыслѣ слова, или собраніемъ біографій писателей, сколько примѣненіемъ новаго метода, который онъ подробно и обстоятельно изложилъ въ „введеніи“. Въ этомъ введеніи онъ задался цѣлью сдѣлать изъ исторіи положительную науку. Съ этою цѣлью онъ не удовлетворяется тѣмъ, что изучаетъ писателей и поэтовъ извѣстной исторической эпохи. Онъ идетъ далѣе. „Существуетъ,—говоритъ онъ,—извѣстная система въ чувствахъ и идеяхъ человѣческихъ, и эта система имѣетъ своей основной дружиной нѣкоторыя общія черты, извѣстный складъ ума и сердца, общій людямъ одной расы, вѣка или страны. Въ минералогіи, какъ бы различны ни были кристаллы, все-таки они происходятъ отъ нѣкоторыхъ простыхъ формъ; точно такъ же и въ исторіи,—какъ бы ни были различны цивилизаціи, онѣ все-таки происходятъ отъ нѣкоторыхъ простыхъ формъ. Однѣ объясняются первичнымъ геометрическимъ элементомъ, другія—первичнымъ психологическимъ. Для того, чтобы схватить общность минералогическихъ породъ, необходимо сперва изучить вообще твердое вещество, его углы и грани, и замѣтить всѣ безчисленныя измѣненія, на которыя оно способно. Точно такъ же, если вы хотите проникнуть въ общность историческихъ видоизмѣненій, разсматривайте сначала душу человѣческую вообще, въ ея двухъ или трехъ основныхъ свойствахъ; вы замѣтите тѣ главныя формы, которыя она можетъ представить“. Тэнъ очень точно и ясно намѣтилъ тѣ пункты, которые необходимы для изслѣдованія въ этомъ смыслѣ извѣстнаго дѣятеля или извѣстнаго народа. Принимаясь изучать того или иного поэта, онъ прежде всего изучаетъ три главныя причины, которыя болѣе всего на него вліяли: расу, среду и эпоху. По его мнѣнію, человѣкъ не только создаетъ событія, но и самъ создается событіями. Къ этимъ тремъ главнымъ причинамъ присоединяются, кромѣ того, и другія, точно такъ же остающіяся своей опечаткой на нравственной и умственной физиономіи поэта,—религія, искусство, философія, государство, семья,—элементы, которые образуютъ въ системѣ Тэна то, что онъ называетъ „взаимной зависимостью“. Легко представить себѣ, какой интересъ представляетъ собою исторія литературы, написанная съ этой точки зрѣнія.

Эту же самую точку зрѣнія Тэнъ примѣнилъ къ исторіи французской революціи въ обширномъ сочиненіи, которое было его послѣднимъ трудомъ и которое, къ несчастію, онъ оставилъ неоконченнымъ, „Origines de la France contemporaine“. Разсмотрѣвъ общій характеръ французской исторіи, зависящій отъ національнаго характера, взвѣсивъ роль въ XVII столѣтіи дворянства, духовенства и буржуазіи, показавъ на блестящихъ примѣрахъ, какъ быстро разлагалась французская монархія Бурбоновъ, и какія были причины этого разложанія, онъ переходитъ къ революціи, какъ къ неизбежному слѣдствію всего прошлаго. Онъ показываетъ, какимъ путемъ восемнадцатый вѣкъ, благодаря своей социальной философіи, своему строю общества, своимъ гуманитарнымъ стремленіямъ, привелъ голодающій народъ къ восстанію. Затѣмъ начинается, собственно, психологія революціи. Эту психологію Тэнъ представляетъ, какъ повальное безуміе, вскормленное вѣками, какъ хаотическое броженіе несознанныхъ народныхъ элементовъ, которое рубитъ съ плеча, безъ толку, безъ смысла, вѣковыя учрежденія и водворяетъ въ обществѣ анархическій хаосъ, который печенетъ только тогда, когда всѣ составныя части этого хаоса другъ друга уничтожатъ. Нѣсколько лѣтъ тому, профессоръ Герье далъ превосходное резюме этого сочиненія въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ томъ видѣ, въ какомъ я только что высказалъ основную мысль Тэна, она можетъ показаться, на первый взглядъ, странной и голословной. Но въ нѣсколькихъ словахъ нельзя резюмировать цѣлое историческое сочиненіе, наполненное подробностями и имѣющее глубокую философскую подкладку. Виолнѣ этого не достигъ даже г. Герье въ цѣломъ рядѣ большихъ статей, посвященныхъ этой книгѣ. Ее необходимо читать въ подлинникѣ, слѣдить за аргументаціей автора, видѣть, какъ одна картина, воспроизводящая жизнь эпохи съ необыкновеннымъ блескомъ, сдѣлается другою, не менѣе блестящею, затѣмъ третьей, четвертой и т. д.; нужно слѣдить за характеристиками главныхъ

дѣятели революціи: Людовика XVI, Марин-Антуанеты, Кекера, Мирабо, Мара, Дантона, Робеспьера, Таллена; нужно прислушаться къ философскимъ выводамъ автора, который резюмируетъ лишь то, что онъ разсказалъ раньше... Это сочиненіе, при своемъ появленіи, вызвало, однако, цѣлую бурю во французской печати. На первыхъ порахъ не было замѣчено важное значеніе научнаго метода, — совершенно новаго, — метода необычайной сложности и трудности. За то всѣхъ поразили выводы Тэна, и, надо признаться, поразили неправильно: Тэна стали обвинять въ отступничествѣ отъ прежнихъ политическихъ убѣжденій, которыхъ, онъ, однако, никогда не высказывалъ; монархисты оказались недовольны тѣмъ, что Тэнь сваливаетъ на монархію Бурбоновъ вину революціи, находя, что именно монархія Бурбоновъ своимъ режимомъ ускорила катастрофу; республиканцы были оскорблены тѣмъ, какъ отзывался Тэнь о ихъ дѣятеляхъ, Мара, Робеспьерѣ, Кутонѣ и др.; наконецъ, и бонапартисты были возмущены той характеристикой Наполеона, которую Тэнь сдѣлалъ въ послѣднемъ своемъ томѣ.

Принцесса Матильда, которая, во времена второй имперіи, покровительствовала Тэну и была съ нимъ дружна, послѣ появленія его характеристики Наполеона I, послала ему свою карточку съ надписью: Р. Р. С. (pour prendre congé). Тэнь былъ некротично огорченъ тѣмъ, что принужденъ былъ разойтись съ принцессой Матильдой и, однажды, выходя изъ заведенія академіи вмѣстѣ съ Ренаномъ, сказалъ ему объ этомъ. „Что дѣлать, отвѣчалъ Ренанъ, — я принужденъ былъ поговорить съ еще болѣе знатной дамой“. — Съ кѣмъ? — Съ католическою церковью“.

Альфонсъ Доде, желая дать понятіе о терпѣнн и проникаемости Тэна, разсказываетъ, что однажды, во время прогулки въ одномъ публичномъ саду, Тэнь встрѣтилъ мальчика, который бѣжалъ, раскрывъ руки и протянувъ ихъ къ заходящему солнцу, кричалъ: „Voulu, soucou! Voulu, soucou!“ Тэнь остановился въ раздумьи, стараясь объяснить значеніе этихъ восклицаній. Онъ долго думалъ, но все-таки нашелъ объясненіе: мальчикъ думалъ, что солнце было bon Dieu; онъ игралъ съ нимъ въ прятки и кричалъ на своемъ несовершенномъ дѣтскомъ языкѣ: „Bon Dieu, soucou! Bon Dieu, soucou!“

Тэнь былъ не только свѣтскій человѣкъ, но и блестящій собесѣдникъ, — когда хотѣлъ. Но его разговоръ имѣлъ особенный отблескъ и походилъ на своеобразный допросъ. Онъ ставилъ каждому изъ своихъ собесѣдниковъ опредѣленные вопросы насчетъ вещей, въ которыхъ считалъ ихъ болѣе всего свѣдущими. Онъ доводилъ такой вопросъ до возможныхъ предѣловъ, пока ему не удавалось получить извѣстную сумму свѣдѣній, вполнѣ обстоятельныхъ и совершенно ясныхъ. Тогда

онъ группировалъ ихъ и извлекалъ изъ нихъ съ необыкновенной легкостью какое-нибудь общее заключеніе, часто неожиданный и глубокое. Большую же часть дня онъ проводилъ въ безусловномъ уединеніи въ своемъ кабинетѣ или въ саду, читалъ книги, очень извѣстныя и мало волнующія, какъ напримѣръ, „Комментаріи“ Цезаря. Его безпрерывное дознаніе обнимало всѣ факты, всѣ вопросы. А такъ какъ онъ самъ держался строгой нескренности въ малѣйшемъ своемъ словѣ, то никогда не заподозривалъ ничего чистосердечія, даже тогда, когда отвѣты имѣли страшный и даже мало правдоподобный характеръ. Такое отсутствіе недовѣрія доходило порой до наивности. Онъ питалъ какое-то особенное пристрастіе къ мемуарамъ, принимая ихъ, каковы бы они ни были, за неоспоримые документы. Такимъ образомъ, онъ входилъ, во временахъ, въ заблужденія, почти трогательныя; нельзя, напримѣръ, не удивляться той важности, которую Тэнь приписывалъ извѣстнымъ мемуарамъ Бенвенуто Челлини. Точно такъ же, изучая Наполеона, онъ не распознавалъ качества тѣхъ мемуаровъ, которые пользовался: онъ замѣствовалъ у Бурienne или у г-жи Ремиза множество чертъ, подлинность которыхъ сомнительна, или которыя просто-на-просто сочинены.

Взамѣну этого, онъ находилъ, что слѣдуетъ провести демаркаціонную линію между человѣкомъ и писателемъ; одинъ отдаетъ свои книги на судъ публики, другой хочетъ сохранить себя для своихъ близкихъ, для немногихъ друзей и для самого себя. Репортеровъ онъ держалъ отъ себя въ сторонѣ съ ревнивой заботливостью. Одинъ только разъ Тэнь отступилъ отъ своей обычной сдержанности: онъ принялъ одного изъ репортеровъ и, въ его присутствіи, неосторожно обозвалъ Виктора Гюго: „національнымъ гвардейцемъ въ бреду“. Это милое словечко подняло такую бурю, что Тэнь вынужденъ былъ самъ встать за перо и заявить, что онъ признаетъ себя отвѣтственнымъ только за статьи, снабженныя его подписью.

Всѣ друзья Тэна необыкновенно цѣнили въ немъ человѣка. Воюя, между прочимъ, говорить о немъ: „Моя жизненная карьера ставила меня не разъ лицомъ къ лицу съ титулованными особами, передъ которыми я склонялся, согласно требованіямъ этикета, не всегда увлекаемый, однако, къ тому силою моея независимой воли. Но передъ Тэномъ, этимъ скромнымъ профессоромъ, и его нехудой фигурой, я впервые почувствовалъ мощную силу уваженія, заставляющую преклонить предъ нимъ голову ниже, чѣмъ онъ того желаетъ; передъ нимъ я ощутилъ впервые неизъяснимый и сладкій трепетъ, какъ передъ такимъ человѣкомъ, который возвышаетъ своего собесѣдника уже тѣмъ однимъ фактомъ, что онъ съ нимъ разговариваетъ“.

Къ рисункамъ.

„Средиземное море“. (Рис. на стр. 341).

Картина проф. И. К. Айвазовскаго „Средиземное море“ явилась однимъ изъ украшеній послѣдней выставки въ Императорской Академіи Художествъ. Картина эта служитъ еще разъ новымъ подтвержденіемъ того, что мы говорили въ прошломъ номерѣ по поводу произведеній нашего маститаго художника, талантъ котораго не только не ослабѣваетъ, но, напротивъ, съ каждымъ разомъ, съ каждою новою картиною, проявляется все съ большею и большею силой. При взглядѣ на эту картину, невольно приходишь на память стихотвореніе Майкова:

„Какое утро! Стихли громы,
Широко летятъ солнца лучи,
Горятъ серебряные комы
За горы уходящихъ тучъ...
Какое утро!.. Море снова
Пріемлетъ свой зеркальный видъ,
Хотя вдоль лона голубого
Тяжелый вѣдохъ еще бѣжитъ“.

„Вотъ онъ — Наполеонъ!“ (Рис. на стр. 344).

Заслуженный профессоръ академіи Б. И. Виллевалде родился въ 1818 году, и, такимъ образомъ, дѣтство его и юность прошли подъ впечатлѣніемъ, если можно такъ выразиться, живыхъ, свѣжихъ воспоминаній объ эпохѣ Наполеоновскихъ войнъ. Поэтому весьма понятно, что нашъ художникъ часто обращается за сюжетомъ къ этой исполненной необычайнаго интереса эпохѣ и, надо отдать ему справедливость, передаетъ эти сюжеты съ неподражаемою тщательностью и искусствомъ. На этотъ разъ онъ взялъ весьма оригинальную тему. Русскіе солдаты, — перенесшіе страшную тягость похода, участвовавшіе, можетъ быть, не въ одномъ сраженіи — и знавшіе, что они дерутся противъ Наполеона, который представлялся имъ или какимъ-то лицомъ собирательнымъ, или сказочно-мифическимъ существомъ, и котораго, какъ разсказываетъ солдатикъ у Толстого въ „Войнѣ и мирѣ“, „Платовъ два раза бралъ. Слова не знаетъ. Возьметъ, возьметъ: вотъ на те въ рукахъ перебинуется итацией и улетитъ...“ эти самые солдаты, дойдя дограничнаго городка, видятъ гипсовый бюстъ Наполеона и съ

любопытствомъ разглядываютъ его, говоря: „Такъ вотъ онъ — Наполеонъ... ишь тоже вѣдь человѣкомъ смотреть...“

Въ картинѣ очень хороша экспрессія лицъ, какъ самихъ солдатъ, такъ и окружающихъ ихъ дѣтей, въ свою очередь, разсматривающихъ невиданныхъ ими русскихъ людей...

Прибытіе рабочаго поѣзда. (Рис. на стр. 345).

Съ конца марта и начала апрѣля каждый годъ въ Петербургѣ стекается рабочій людъ на лѣтнія занятія. Большинство изъ тѣхъ, кого мы видимъ лѣтомъ въ городѣ, настилающими мостовыя, строящими дома, нагружающими и разгружающими суда, — пришлый народъ изъ деревень, который, съ наступленіемъ холодовъ, вновь отправляется на родину. Такъ какъ такихъ рабочихъ пріѣзжаетъ много множество по Николаевской желѣзной дорогѣ, то ихъ перевозятъ въ особыхъ поѣздахъ, гдѣ берутъ удешевленную плату за проѣздъ, $\frac{3}{4}$ копейки съ версты. Прибытіе рабочаго поѣзда въ столицу представляется изъ себя картину, какую не встрѣтишь при приходѣ другихъ поѣздовъ. Нашъ художникъ г. Броллинъ зарисовалъ пеструю и шумную толпу такихъ пассажировъ, добравшихся до столицы на заработки въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ.

„Христось“. (Рис. на стр. 349).

Проф. Антокольскій назвалъ новую свою статую, гравюру съ которой мы помѣщаемъ на стр. 349, „Христось, укрощающій бурю“. — Христось, какъ видно, идетъ во волнамъ съ крестомъ въ поднятой рукѣ. Само собою разумѣется, что на первый взглядъ кажется это несообразнымъ, потому что идея о крестѣ, какъ эмблемѣ христіанства, могла явиться только послѣ крестныхъ страданій Христа. Но несообразность эта, однако, кажущаяся лишь. Дѣло въ томъ, что тутъ намъ представлена, въ лицѣ Христа, аллегорія христіанства, помощью креста укрощающаго бурю страстей человеческихъ. Нужно замѣтить при этомъ, что крестъ, освѣщенный страданіями Христа и ставшій символомъ христіанства, и раньше служилъ одною изъ священныхъ эмблемъ. Египетскіе мудрецы для разъясненія таинственной загадки египетскаго иероглифа эмблему, въ которой заключался ключъ этого разъясненія. Весьма зна-

менательно, что эта эмблема, это основание всей мудрости древнего Египта, имѣла изображеніе, весьма сходное съ крестомъ. У евреевъ кабалистовъ буква Т (тау), форму которой получить крестъ, если снять съ него прибитую въ головкахъ надпись, имѣла существенное значеніе въ ихъ наукѣ. Какъ эмблема, крестъ часто изображается въ христіанской живописи въ рукахъ Іоанна Крестителя.

На красную горку. (Рис. на стр. 352).

„Красною горкой“ называется Ооминъ пошедѣльникъ, мѣстами вторникъ, а мѣстами и вся Оомина недѣля или цѣлыя двѣ и три недѣли послѣ Пасхи. Собственно „красная горка“ — пора поминковъ родителей, но у насъ давно ужъ съ этимъ временемъ соединилось представленіе о свадьбахъ, наиболѣе многочисленныхъ на „красную горку“ послѣ долгаго перерыва поета. На нашемъ рисункѣ изображена одна изъ свадебныхъ сценъ въ Малороссіи, когда, по обычаю, родители брачующихся одаряютъ народъ, сообразно, разумѣется, своимъ средствамъ.

Главный входъ русскаго отдѣла на Колумбійской выставкѣ.

(Рис. на стр. 353).

Весь русскій отдѣлъ размѣщается въ 12 различныхъ павильонахъ, раскинувшихся по берегу озера Мичигана. Въ главномъ изъ нихъ, мануфактурномъ (внутри), устроенъ прилегаемый фасадъ входа въ русскій отдѣлъ.

Фасадъ своею лицевою стороною выходитъ на главную (среднюю) аллею павильона, имѣющую въ своемъ сводѣ до 30 саж. вышины. Съ угла устроенъ входъ или вестибюль, перекрытый расписными по золотому фону сводами, съ двумя расписными спайными стеклами. Одно изображаетъ боярина и воеводу на конѣ, другое — молодыхъ боярина и боярыню. Живопись работы художницы Т. Б. Сѣмечкиной. Съ лѣвой стороны вестибюля помещается комната для бюро генеральнаго комиссара, выходящая своими двумя расписными, орнаментальными и спайными окнами на примыкающую поперечную аллею павильона. Надъ вестибюлемъ возвышается башня (около 8½ саж.), съ открытою въ ней галлерею. Средняя арка лицевого строения также служитъ входомъ въ отдѣлъ.

Весь этотъ фасадъ, по рисункамъ архитектора И. Ропета, исполненъ отдѣльными частями здѣсь въ Петербургѣ плотничнымъ мастеромъ Евграфомъ Никаноровымъ. Несмотря на невѣроятно короткій срокъ (начали работу въ послѣднихъ числахъ декабря прошлаго года), весь фасадъ, со всеми его безчисленными рѣзными колонками, карнизами, кокошниками, гребешками, былъ оконченъ, разобранъ и доставленъ на сборно-пріемный пунктъ къ 5 февраля 1893 г. Для сборки его на мѣстѣ, въ Чикаго отправлены 10 чел. плотниковъ, большею частью тѣ же, которые ѣздили въ Коненгагенъ для сборки и постановки на мѣстѣ фасада русскаго отдѣла выставкѣ 1888 года.

Стоимость постройки и постановки на мѣстѣ фасада со всеми его декораціями около 18—20 тысячъ рублей.

Ипполитъ Тэнъ. (Портр. на этой стр.).

Мы посвящаемъ въ настоящемъ номерѣ отдѣльный очеркъ этому замѣчательному чловѣку Франціи, здѣсь же сопровождаемъ портретъ его слѣдующими биографическими подробностями:

Ипполитъ-Адольфъ Тэнъ (Taïne) родился въ Вузье (Арденскій департаментъ) 21-го апрѣля 1828 года. Влестящимъ обра-

зомъ окончивъ Lycée Bonaparte въ 1847 г., онъ въ слѣдующемъ, однимъ изъ первыхъ, поступилъ въ Нормальную школу. Его первоклассныя способности, его оригинальный, серьезный умъ, его обширныя знанія и, наконецъ, его нравственный характеръ до такой степени выдѣляли его изъ среды учащихся, что профессора, обращаясь къ нему, называли его не иначе, какъ „monsieur Taïne“. Въ школѣ Тэнъ выбралъ своею спеціальностью философію, но для профессора философіи онъ не считался достаточно правотѣрнымъ. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился конкурировать на степень доктора словесности, и для своей диссертациіи выбралъ сюжетомъ философію басенъ Лафонтена. Выбравъ съ другой диссертацией, — „De personis Platonis“, это были два первые литературные труда Тэна. Каковы въ Парижѣ онъ, однако, не получилъ и нѣкоторое время, — дѣтъ пять или шесть, — принужденъ былъ довольствоваться скромною педагогическою дѣятельностью въ провинціи. Эта дѣятельность слишкомъ мало удовлетворяла его, — онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Парижѣ и посвятилъ себя

литературѣ. Изъ первыхъ его трудовъ наиболѣе характерной является книга „Les philosophes français du XIX siècle“. Это — рядъ чрезвычайно остроумныхъ и ѣдкихъ этюдовъ о французскихъ эклектикахъ, къ которымъ Тэнъ относится вполне отрицательно. Другое сочиненіе Тэна, доставившее ему громкую известность, было „Опытъ характеристики Тита Ливія (Essai sur Tite Live)“, оно было увѣнчано французскою академіей. Въ 1864 году, благодаря покровительству принцессы Матильды, Тэнъ былъ назначенъ профессоромъ исторіи искусства и эстетики въ школѣ изящныхъ искусствъ. Съ тѣхъ поръ его жизнь текла самымъ мирнымъ путемъ, укладываясь по образцу большинства французскихъ ученыхъ, въ тихой семейной жизни, среди ученыхъ работъ и рѣдкихъ выѣздовъ въ свѣтъ. Онъ работалъ постоянно и неутомимо, публикуя свои новыя труды и никогда не участвуя, даже косвенно, въ полемикѣ, которая неизмѣнно возникала по поводу каждого изъ этихъ трудовъ, лишь по прivityч-

Ипполитъ Тэнъ († 21 февраля 1893 г.). По портр. І., грав. Шюблеръ.

къ и по обязанности посѣщая засѣданія французскаго института (академіи наукъ по отдѣлу словесности), дѣйствительнымъ членомъ котораго (однимъ изъ сорока, такъ называемыхъ „бессмертныхъ“) онъ былъ избранъ, послѣ смерти Ломени, въ 1878 году. Какъ бы ради отдохновенія отъ своихъ ученыхъ, спеціальныхъ трудовъ, Тэнъ отъ времени отъ времени писалъ большіе критическіе этюды, посвященные французскимъ или иностраннымъ великимъ писателямъ и печатавшиеся въ *Revue des deux Mondes*. Эти этюды въ отдѣльномъ изданіи составили два тома его „Essais de critique“. Его лекціи по исторіи искусства и эстетики не были изданы цѣликомъ, но вышли въ сокращенномъ пересказѣ, сдѣланномъ самимъ Тэнъ, подъ заглавіемъ „Философія искусства“ и „Объ идеаль въ искусствѣ“. Капитальнѣйшими его трудами остаются: „Объ умѣ и познаніи“ (два тома), „Исторія англійской литературы“ (пять томовъ) и пять большихъ томовъ „Origines de la France contemporaine“. Это послѣднее сочиненіе, къ сожалѣнію, не окончено. Тэнъ умеръ отъ сахарной болѣзни 21 февраля 1893 г.

Опоссумъ и земляная бѣлка. (Рис. на стр. 357).

Опоссумъ или сумчатая крыса (*Didelphus virginiana*) водится въ густыхъ лѣсахъ Сѣверной Америки, начиная отъ Мексики до Пенсильваніи и до большихъ Канадскихъ озеръ. Его неприятный, сильно напоминающій крысу, видъ, его жесткая сѣрая шкура и длинный голый цѣпкій хвостъ производятъ невольное отталкивающее впечатлѣніе. Кроме того, это животное, ради своей защиты, испускаетъ въ минуту опасности отвратительный, въ родѣ чесночнаго, запахъ и наноситъ

Опоссумъ и земляная бѣлна. По эскизу Ф. Шнехта, рис. А. Шнехтъ, грав. Шрейберъ.

большой вред похищением домашней птицы. Опоусумъ, подобно всемъ животнымъ своего рода, ведетъ уединенную, отшельническую жизнь и рыщетъ за добычей больше по ночамъ. Птицы и птицы яйца составляютъ его излюбленную пищу. Лѣтомъ въ густомъ, почти непроходимомъ, лѣсу въ изысканьи находитъ онъ себѣ добычу; иное дѣло зимой. Тихо и осторожно пробирается онъ по талому снѣгу, обнюхивая землю, не попадетъ ли какой-нибудь живности. Вотъ онъ попалъ на свѣжій слѣдъ тетерева или бѣлки; подвѣлъ рыло кверху и фыркаетъ, наконецъ, рѣшился и снѣжить по избранному пути съ немовѣрной быстротою. Вотъ онъ остановился, шпцетъ и, очевидно, находится въ нерѣшимости, куда идти, такъ какъ предметъ его преслѣдованія сдѣлалъ значительный прыжокъ или задалъ кобыно прежде, чѣмъ опоусумъ попалъ на свѣжій его слѣдъ. Онъ выпрямляется, на минуту приподымается на задніи лапы, оглядывается, нюхаетъ и нукается рысцою дальше. Вотъ онъ остановился у ствола большого дерева. Онъ обходитъ вокругъ огромнаго ствола, по покрытымъ снѣгомъ корнямъ... Вдругъ онъ замѣчаетъ между ними отверстіе. Одинъ шагъ, и онъ проскальзываетъ въ него. Проходить нѣсколько минутъ. Наконецъ, онъ является—въ зубахъ у него задушенная бѣлка. Онъ лѣзетъ съ ней на дерево. Медленно поднимается онъ; вотъ онъ уже минуетъ первыя вѣтви—это будетъ слишкомъ на юру; онъ лѣзетъ поэтому выше, чтобы укрыться въ густыхъ вѣтвяхъ. Здѣсь онъ спокойно усаживается, цѣпляется хвостомъ за вѣтку и раздираетъ острыми зубами несчастную бѣлку, придерживая ее всегда передними лапами...

Земляная бѣлка или бурундукъ (*tamias*) меньше обыкновенной бѣлки и вмѣстѣ со своимъ четырехдюймовымъ хвостомъ, величиной около десяти дюймовъ. Бурундукъ чисто дневное животное—всю ночь онъ проводитъ въ норѣ. Но сонъ его очень чутокъ. Почувявъ, благодаря своему сильно развитому обонянію, врага, онъ прибѣгаетъ къ своей ловкости и своимъ острыми зубамъ и никогда не продаетъ дешево своей жизни. На нашемъ рисункѣ талантливаго Фр. Шпехта можно также замѣтить, какъ рыно защищала свою жизнь бурундукъ по включенной шерсти опоусума.

Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ. (Портр. на стр. 360).

Вновь назначенный Управлюющій министерствомъ Государственныхъ Имуществъ Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ родился въ 1847 г. въ городѣ Тифлисѣ. По окончаніи курса въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, А. С. поступилъ слушателемъ въ бывшій С.-Петербургскій земледѣльческій институтъ, откуда вышелъ въ 1870 году со степенію кандидата сельского хозяйства. Въ институтѣ А. С. Ермоловъ работалъ въ химической лабораторіи, подъ руководствомъ проф. А. П. Энгельгардта, преимущественно надъ изслѣдованіемъ фосфоритовъ. Къ этому времени относятся первые литературные труды его, помѣщенные въ журналѣ „Сельское хозяйство и лѣсоводство“, „О добычѣ и переработкѣ и употребленіи кругляковъ: фосфорнокислой извести (фосфоритовъ) во Франціи“ (1867 г.) и „Новыя изслѣдованія фосфоритовъ“ (1870 г.); послѣдняя статья заключала въ себѣ результаты изслѣдованія подробно изученныхъ авторомъ залежей фосфоритовъ въ губерніяхъ Тамбовской и Воронежской. Затѣмъ имъ помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей по разнымъ вопросамъ сельского хозяйства въ журналѣ „Сельское хозяйство и лѣсоводство“, въ „Земледѣльческой газетѣ“, въ „Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества“ и т. п., а также переведено на русскій языкъ извѣстное сочиненіе Жюль Вилла „Химическія удобренія“. Въ началѣ семидесяти годовъ А. С. Ермоловъ составилъ подробную программу теоретическихъ и практическихъ испытаній для рѣшенія вопроса объ удобреніи почвъ, которая послужила основаніемъ для производства опытовъ удобренія въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, и помѣстилъ въ „Земледѣльческой Газетѣ“ рядъ писемъ „Съ черноземной полосы“, въ которыхъ сообщалъ о своихъ наблюденіяхъ и результатахъ своей практической сельскохозяйственной дѣятельности въ Воронежской губерніи. Къ тому же времени относится изданная имъ брошюра „О высшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи въ Россіи, въ его отношеніяхъ къ сельско-хозяйственному дѣлу“. Въ 1873 г. А. С. Ермоловъ составилъ, по порученію Министерства Государственныхъ Имуществъ, для Вѣнской всемірной выставки, брошюру на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Recherches sur les gisements de phosphate de chaux fossile en Russie“, а по окончаніи выставки надалъ (въ 1875 г.) подробное описаніе сельско-хозяйственнаго ея отдѣла, подъ заглавіемъ „Сельско-хозяйственное дѣло Европы и Америки на Вѣнской всемірной выставкѣ 1873 г. и въ эпоху ея“. Въ службу вступилъ А. С. Ермоловъ сперва причисленнымъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ въ 1867 году, оттуда перешелъ въ Министерство Финансовъ въ 1871 году, съ этого времени А. С. Ермоловъ опубликовалъ рядъ работъ, преимущественно, по вопросамъ различныхъ сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ, а именно „О винокуреніи изъ стеблей кукурузы“, „О воздѣлываніи свекловичны въ Россіи“, „О различныхъ системахъ взиманія налога на сахаръ въ Европѣ“, „О развитіи картофельнаго винокурения въ Россіи“, „О кавказскомъ винодѣліи“ и т. д. Въ 1878 году, для Парижской всемірной

выставки, А. С. Ермоловъ составилъ, по порученію Министерства Государственныхъ Имуществъ, брошюру на французскомъ языкѣ „Notice sur les céréales de la Russie“, а для бывшаго въ томъ же году въ Парижѣ международнаго сельско-хозяйственнаго конгресса, на которомъ онъ присутствовалъ, въ качествѣ представителя Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, систематическое описаніе Россіи подъ заглавіемъ: „Mémoire sur la production agricole de la Russie“. Въ 1879 году А. С. Ермоловъ былъ сдѣланъ старшимъ редакторомъ статистическаго отдѣла департамента земледѣлія и сельской промышленности Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ то же время оставаясь на службѣ по Министерству Финансовъ, гдѣ, по департаменту неокладныхъ сборовъ, онъ съ 1871 года послѣдовательно проходилъ должности ревизора, начальника отдѣленія, вице-директора и директора. Въ 1881 году А. С. Ермоловъ былъ назначенъ членомъ ученаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, каковую должность занималъ до октября 1892 года, когда былъ назначенъ на постъ товарища министра финансовъ. Въ 1880 г. на А. С. Ермолова было возложено главное руководство экспедиціею для изслѣдованія овцеводства въ Россіи, въ которой принимали участіе, кромѣ него, гг. Филбертъ, Левшинъ, Глѣдичъ, Левитскій, Цехъ и проф. Бомъ. Результаты этого изслѣдованія послужили главнымъ матеріаломъ для выпущеннаго затѣмъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ изданія въ VIII томахъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Изслѣдованія состоянія овцеводства въ Россіи“; главная редакція этого изданія также была возложена на А. С. Ермолова. Въ 1879 году имъ составленъ капитальный трудъ „Организація полевого хозяйства“, вышедшій въ 1891 году вторымъ изданіемъ, въ значительнo переработанномъ и дополненномъ видѣ. Съ 1890 г. А. С. Ермоловъ ведетъ сельско-хозяйственную хроніку въ журналѣ *Русское Обозрѣніе*; первая серия его этуловъ, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ, вышла въ 1891 году отдѣльнымъ изданіемъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Современные сельско-хозяйственные вопросы“. Съ назначеніемъ директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ, А. С. Ермоловъ поставилъ себѣ задачею, по возможности, возстановить нарушенную связь между винокурениемъ и земледѣліемъ; опубликованный въ 1890 году законъ о мѣрахъ къ поддержанію сельско-хозяйственнаго винокурения является результатомъ его стремленій въ этомъ направленіи. Съ 1886 по 1888 годъ, А. С. Ермоловъ состоялъ вице-президентомъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества. Въ началѣ семидесятихъ годовъ, А. С. Ермоловъ былъ земскимъ гласнымъ и почетнымъ мировымъ судьей Бобровскаго уѣзда Воронежской губерніи. А. С. Ермоловъ состоитъ почетнымъ членомъ обществъ: Императорскаго Вольно-Экономическаго, Императорскаго Московскаго сельскаго хозяйства, Полтавскаго, Воронежскаго и другихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Въ 1892 году вышла книга „Неурожай и народное бѣдствіе“, отпечатанная безъ обозначенія имени автора; она принадлежитъ перу А. С. и въ свое время была отмѣчена критикой съ самой лестной стороны. Въ 1892 году ученый комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ присудилъ А. С. Ермолову большую золотую медаль за особые заслуги по сельскому хозяйству, а въ 1880 году такую же медаль А. С. получилъ отъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества; отъ французскаго правительства А. С. имѣлъ за свою сельско-хозяйственную дѣятельность орденъ „Médaille agricole“.

Такимъ образомъ, вся предшествующая государственная дѣятельность и многочисленные ученые-литературные труды Алексѣя Сергѣевича даютъ право твердо надѣяться, что онъ, облеченный новымъ довѣріемъ Монарха, явится исполнѣмъ достойнымъ избранникомъ на своей высокой постѣ.

Печенгскій монастырь на Мурманѣ.

(Рис. на стр. 361).

Дальше всѣхъ русскихъ монастырей ушла на Сѣверъ Печенгская обитель, и стоитъ она въ самой глуши Лапландіи, на окраинѣ русскаго государства, у „Студенаго моря“, близъ Норвежской границы, почти на 70° с. ш.

Въ XVI вѣкѣ уроженецъ г. Торжка, сынъ священника, по имени Митрофанъ, въ иночествѣ Трифонъ, пришелъ въ дикую Лопъ. Черезъ пять лѣтъ къ нему приходилъ сюда инокъ Θεодоритъ, знавшій лопарскій языкъ и имѣвшій, вполнѣ, довольно важное значеніе при Московскомъ дворѣ. Они совѣстно предприняли великое дѣло обращенія лопарей въ христіанство, при чемъ каждый беретъ себѣ отдѣльную часть Лапландіи: Θεодоритъ просвѣщаетъ Кольскихъ лопарей, а Трифонъ идетъ дальше на западъ. 20 лѣтъ употребили великіе подвижники на просвѣщеніе лопарей, живя между ними „въ прегорчайшей пустынѣ“, какъ говоритъ Курбскій, „питающіе кореньями и зельемъ“. Проповѣдываніе слова Божія дикарямъ стоило не малыхъ трудовъ пр. Трифону. Его проповѣдь все болѣе и болѣе привлекала слушателей, но проповѣдникъ не могъ крестить новообращенныхъ, ибо самъ не имѣлъ священническаго сана. Вмѣстѣ съ Θεодоритомъ отправился онъ въ Новгородъ къ архіепископу Макарію, который постригъ Трифона въ мо-

нашество, а Феодорита рукоположилъ въ санъ іерея и благословилъ ихъ на постройку деревя въ Лапландіи и на крещеніе новообращенныхъ. Собравъ пожертвованія благочестивыхъ людей на святое дѣло, возвратились они въ свою пустыню и на берегу р. Печенги основали монастырь во имя Пресвятыя Живоначальной Троицы. Вслѣдъ за тѣмъ они крестили разомъ 2,000 лопарей съ женами и дѣтьми въ одинъ день. Печенгская обитель быстро росла и крѣпла. Уже въ 1572 году мы находимъ свидѣтельства иностранцевъ о томъ, что въ то время въ Печенгѣ было 50 человекъ братіи и до 200 богомольцевъ. Къ монастырю съѣзжались богомольцы и кунцы изъ Холмогоръ, Каргополя и Шун.

Одновременно съ основаніемъ Печенгской обители, весь нашъ дальній Сѣверъ получаетъ первенствующее значеніе въ глазахъ Московскаго правительства. Москва собирала всѣ свои силы, чтобы пробиться къ морю, искала доступа на всемірный рынокъ, свободнаго пути для сношеній съ Западною Европой, а тутъ вдругъ, неожиданно, чрезъ далекій, малозвѣстный Сѣверъ открывается самъ собою естественно и свободно этотъ желаемый, несомнѣнный путь. Кому неизвѣстны обстоятельства экспедиціи Чепелера?

Несмотря на личное вниманіе и заботы государей Московскихъ, монастырю грозила тяжелая участь. 15 декабря 1583 года скончался его основатель пр. Трифонъ, а черезъ 7 лѣтъ и самая обитель была сожжена, разграблена и разрушена до основанія норвежскими разбойниками, умертвившими всѣхъ иноковъ обители. Послѣ разгрома монастырь былъ переведенъ въ Колу; но здѣсь онъ терять свое значеніе, идетъ къ упадку и закрывается, по указу императрицы Екатерины II, въ 1764 г.

Краткая, но богатая знаменательными для Россіи событиями исторія монастыря и сохранившаяся о немъ въ народѣ память навели на мысль, при празднованіи трехсотлѣтія г. Архангельска въ 1883 году, возобновить Печенгскую обитель; въ Архангельскѣ былъ открытъ комитетъ для сбора пожертвованій. Государь Императоръ соизволилъ послать въ монастырь священ-

ническія одежды, русское правительство оказало дѣятельную поддержку, дѣло постройки было передано Соловецкому монастырю, и обитель въ 1885 году возникла.

Прежде того надъ мошами пр. Трифона стояла ветхая приходская церковь, построенная въ годъ Полтавы, въ 1709 году, и домикъ священника. Построены монастырскія службы, кухня, погребъ, скотный дворъ, корпусъ для братіи, разведены огороды. Монастырь стоитъ верстахъ въ 40 отъ моря. Вслѣдствіе этого въ Лодейной бухтѣ, гдѣ весной останавливается пароходъ, выстроены деревянный домъ для пріюта богомольцевъ, для пріема клади и почтовой корреспонденціи. Отъ этого дома, на разстояніи 14 верстъ, уже проложена конная дорога къ монастырю, по которой лѣтомъ перевозятся богомольцы и кладъ въ колесныхъ экипажахъ. Въ настоящее время братіи и богомольцевъ проживаетъ въ обители 43 человека. Обитель устроила кирпичный заводъ, имѣя въ виду предпринять постройку каменнаго храма. Въ близлежащихъ колоніяхъ монастыремъ открыта школа.

Въ настоящее время въ хозяйственномъ при Святейшемъ Синодѣ управленіи, съ разрушенія г. Синодальнаго оберъ-прокурора, принимаются пожертвованія на сооруженіе храма и друія настоятельныя нужды Трифоно-Печенгской обители.

Желающіе могутъ направлять свои пожертвованія и помощи хозяйственному управленію, адресуя письма и посылки въ г. Колу, Архангельской губерніи, для передачи настоятелю Трифоно-Печенгскаго монастыря.

Нужды новоустроеннаго Трифоно-Печенгскаго монастыря велики и разнообразны, а наличныя средства малы и скудны. Но смиренныя инокѣ не поддаютъ духомъ, обогрѣвая себя твердою надеждою, что на святой Руси, крѣпкой вѣрою, благочестіемъ, любовію къ храмамъ Божиимъ и святымъ обителямъ и ревностію о ихъ благоустройствѣ и благоукрашеніи, найдутся работники о пустынной и бѣдной, на дальнемъ Сѣверѣ, обители преподобнаго Трифона и потянутся оказать ей посильную помощь во имя Христа Спасителя нашего и Его угодника преподобнаго Трифона.

Разныя извѣстія.

1 апрѣля, въ Ливадіи, была принята Ихъ Императорскими Величествами и приглашена къ Высочайшему завтраку Сербская королева Наталиа.

— Статсъ-секретарь, сенаторъ, временно-управляющій Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, тайный совѣтникъ Вешняковъ назначенъ 28 марта с. г. членомъ Государственнаго Совѣта и произведенъ, за отличіе, въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ оставленіемъ въ званіяхъ статсъ-секретаря и сенатора.

— Статсъ-секретарь, управляющій Кабинетомъ Его Величества, тайный совѣтникъ Петровъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря.

— Военный министръ призналъ необходимымъ, въ видахъ воспитательно-педагогическихъ, для огражденія воспитанниковъ военныхъ заведеній, при проѣздѣ ихъ по же-

лѣзнымъ дорогамъ, отъ вреднаго вліянія публики, проѣзжающей въ вагонахъ III класса, разбѣить означеннымъ воспитанникамъ, въ томъ числѣ инкерамъ всѣхъ военныхъ училищъ, камеръ-пажамъ и пажамъ специальныхъ классовъ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, при переѣздахъ на собственный счетъ, помѣщаться въ вагонахъ II класса.

— Министерство Юстиціи обратилось циркулярно ко всѣмъ предсѣдателямъ окружныхъ судовъ съ предложеніемъ принять мѣры къ точному соблюденію нотаріусами ст. 2167, ч. 1, т. X св. зак., запрещающей заключеніе договоровъ на поставку въ извѣстный срокъ желѣзнодорожныхъ акцій.

— Морское ведомство, по примѣру прежнихъ лѣтъ, сдѣлало въ текущемъ году заказъ кустарямъ на желѣзныя и стальные вѣдѣлыя для Кронштадтскаго порта, Кронштадтскаго пароходнаго завода, адмиралтей-

скихъ и ижорскихъ заводовъ и Ревельскаго и Владивостокскаго портовъ.

— Въ Св. Синодѣ состоялось постановленіе объ открытіи въ Сибири двухъ новыхъ самостоятельныхъ епископскихъ кафедръ, въ Акмолинской и Забайкальской областяхъ; онѣ будутъ выдѣлены изъ предѣловъ нынѣшнихъ Томской и Иркутской епархій.

— На капиталъ 50,000 рублей, пожертвованный П. А. Газадаевымъ дворянству С.-Петербургской губерніи, рѣшено учредить шесть стипендій въ Екатерининскомъ дворянскомъ воспитательномъ заведеніи. Стипендіямъ этимъ будетъ испрошено разрѣшеніе именоваться воспитанниками Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

— Въ Казанскомъ соборѣ въ Великую Субботу и въ Пасхальную утрени изъ свѣчныхъ ящиковъ выдано было всего 33,092 свѣчи, въ томъ числѣ 10,843 трехкопѣечныхъ и 50 рублевыхъ.

Научныя и техническія новости.

— Въмѣсто магніа при моментальныхъ снимкахъ фотографіи предлагаютъ сжигать мелко истолченный порошокъ алюминія (такъ называемую алюминіевую бронзу) въ смѣси съ сѣрнистой сурьмою и бертолетовой солью (въ пропорціи 21,7 : 13,8 : 64,5), что гораздо дешевле: фунтъ порошка магніа стоитъ около 12 рублей, алюминіевая же бронза около 5 рублей.

— Попытки ученыхъ и техниковъ приготовить чистый алмазъ искусственнымъ путемъ увѣнчались, кажется, успѣхомъ. Муассану (Moissan) удалось получить нѣсколько мелкихъ кристалликовъ алмаза, помѣщая сжатый въ желѣзномъ цилиндрѣ уголь въ расплавленное при 3000° желѣзо и, затѣмъ, быстро охладя всю эту жидкую массу въ водѣ, а потомъ на воздухѣ. Уголь, отвердѣвая подъ страшнымъ давленіемъ также отвердѣвающаго и потому сильно сжимающагося желѣза, кристаллизуется въ видѣ крупинокъ настоящаго алмаза.

— Новое тщательное изслѣдованіе табачнаго дыма, сдѣланное недавно двумя вѣскими профессорами химіи, опровергло высказанное ранѣе предположеніе, что въ табачномъ дымѣ содержится пара синильной кислоты, очень сильнаго яда. Опытъ сдѣланный надъ 200 гаганскими сигарами, дымъ пропускался чрезъ рядъ флаконовъ, наполненныхъ жидкостями, которыя должны были поглощать различныя составныя части дыма. Синильной кислоты анализомъ не обнаружено.

— Въ Южной Америкѣ, у верховьевъ рѣки Ориноко, открыты теперь громадныя лѣса каучуковыхъ деревьевъ. Добываемый изъ нихъ каучукъ гораздо лучше привозимаго изъ Бразиліи.

— Для бронзирования гипсовыхъ фигурокъ предлагаютъ слѣдующій способъ. Надо распустить 50 граммовъ салнаго мыла въ 200 грамммахъ теплой воды и прибавить туда растворъ 15 граммовъ мѣднаго купороса въ 50

граммахъ теплой воды. Получающійся при этомъ осадокъ слѣдуетъ промывать водой, высушить и смѣшать съ терпентинной эссенціей. Покрытая этимъ составомъ гипсовая фигурка дѣлается совсѣмъ похожими на бронзовую.

— Нѣмецкій профессоръ Сляби изобрѣлъ способъ накаивать и плавить желѣзо, не прибѣгая къ дѣйствию жара. Онъ беретъ кусокъ желѣза щипцами, которые соединены проволокой съ электрической батареей, и опускаетъ его въ растворъ поташа. Электрической токъ разлагаетъ поташъ, появляется пламя загорающагося водорода, а желѣзо раскаляется до краснаго и бѣлаго каленія.

— Въ Дрезденѣ засѣдаетъ теперь международная санитарная конференція по вопросу о борьбѣ съ холерной эпидеміею. Представителями отъ Россіи командированы тайный совѣтникъ Юнвицъ и директоръ Медицинскаго департамента Министерства Внутреннихъ дѣлъ А. Р. Рагозинъ.

Политическое обозрѣніе.

Изъ Бѣлграда, 2 апрѣля, телеграфъ привнесъ слѣдующее извѣстіе: вечеромъ регенты и министры приглашены были во дворецъ ужинать. Въ концѣ ужина король Александръ, поблагодаривъ регентовъ за труды, объявилъ, что отнынѣ онъ беретъ власть въ свои руки. Регенты протестовали, но маршалъ двора пригласилъ регентовъ и министровъ въ сосѣдній залъ, гдѣ они задержаны. Народъ ликуетъ; передъ дворцомъ громадные оваціи; король Александръ благодарилъ съ балкона за преданность и объявилъ, что отнынѣ онъ будетъ блюстителемъ конституціи и народныхъ правъ. Король отправился въ соборъ, сопровождаемый народомъ. Войска, которымъ приказано было не отлучаться изъ казармъ, приведены были къ присягѣ; къ домамъ регентовъ и бывшихъ министровъ приставлены военные караулы. Составъ кабинета: Докичъ—министръ-президентъ и министръ просвѣщенія, Франасовичъ—военный, Вуичъ—финансовъ, Милославлевичъ—внутреннихъ дѣлъ, Андра Пиколичъ—иностранныхъ дѣлъ и управляющій министерствомъ юстиціи, подполковникъ Станковичъ—публичныхъ работъ, Раша Милосевичъ—торговли.

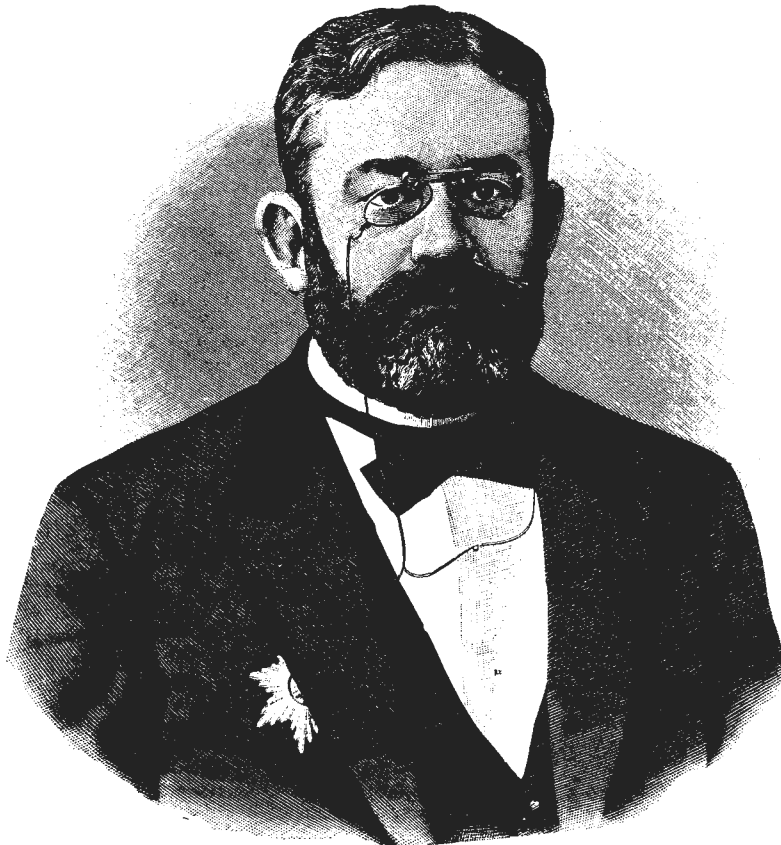
Интересныя свѣдѣнія приводитъ *Temps* объ англійскомъ управленіи въ Египтѣ, со словъ арабской газеты *Аль-Моайодъ*, издаваемой въ Каирѣ. Газета эта приводитъ цѣлый рядъ случаевъ, доказывающихъ, на основаніи судебныхъ приговоровъ, что съ тѣхъ поръ, какъ полиція въ Египтѣ перешла въ руки чиновниковъ-англичанъ—при полицейскихъ дознаніяхъ, по поводу разныхъ дѣлъ, постоянно прибѣгаютъ къ разнообразнымъ пыткамъ: такъ, напр., подозреваемого въ совершеніи чего-либо преступнаго (не исключая воровства) распинаютъ на крестѣ, вытягивая руки и ноги помощью веревокъ, и при этомъ поджариваютъ руки и ноги горящими углями. Самые факты пытки безусловно и бесспорно доказаны на судѣ, но виновники пытокъ—англичане—остаются безнаказанными, и судъ безсиленъ противъ нихъ. Напротивъ, одно изъ орудій пытки—*la courbache*, по-арабски „курбахъ“—ремешная плеть, изъ кожи гиппопотама—введенная англичанами въ египетскую армію, получаетъ, при британскомъ управленіи, все большее и большее употребленіе во всѣхъ родахъ ихъ административнаго управленія.

Новое французское министерство, составленное частью изъ прежнихъ членовъ наваго кабинета, отчасти изъ новыхъ людей, повсюду считается временнымъ, переходнымъ. Изъ четырехъ новыхъ людей, вошедшихъ въ составъ кабинета

Дюкинъ, только одинъ былъ прежде министромъ, а именно Петраль, который завѣдывалъ финансами въ кабинетѣ Флокэ. Петраль принадлежитъ къ умѣренной фракціи радикальной партіи. Новый министръ народнаго просвѣщенія Пуанкарре еще молодой человекъ—ему всего 32 года. По профессіи онъ адвокатъ, по политическимъ убѣжденіямъ—умѣренный республиканецъ. Несмотря на свою молодость, Пуанкарре слыветъ въ политическихъ кругахъ за весьма талантливаго человека, и, вообще, ему прочатъ блестящую карьеру. Министру торговли Терриѣ лѣтъ подѣ сорокъ. Онъ принадлежитъ къ радикальной партіи, былъ прежде податнымъ инспекторомъ, затѣмъ сталъ заниматься журналистикою въ Дре, попалъ въ генеральный совѣтъ департамента и всего два года тому назадъ тѣмъ же департаментомъ избранъ былъ въ депутаты. Въ началѣ Терриѣ приобрѣлъ извѣстность, преимущественно, по ричностью, съ которою онъ отстаивалъ протекціонистскія начала. Министръ юстиціи Герэнъ хотя и состоитъ уже довольно давно сенаторомъ, но до сихъ никакою извѣстностью, какъ политическій дѣятель, не пользовался. Герэнъ—умѣренный республиканецъ, и по профессіи—адвокатъ изъ Карнаутра.

Программу будущихъ дѣйствій новое министерство объявило въ деклараціи, прочитанной въ палатѣ и въ сенатѣ, 25 марта: „Правительство сознаетъ затруднительность положенія дѣлъ, но не питаетъ опасеній въ виду того, что въ странѣ господствуетъ полное спокойствіе и непрерывное довѣріе къ республикѣ. Недавнія событія, вопреки усиліямъ завѣстныхъ группъ, не коснулись ни республиканскаго строя, ни отечества и не нарушили издавна установившейся за ними репутаціи честности и чести.“ Далѣе въ деклараціи министерство проситъ палату немедленно вопроводить бюджетъ и выражаетъ надежду, что между

обѣими палатами состоится соглашеніе и, что удастся избѣгнуть ассигнованія новаго временнаго кредита, при чемъ правительство будетъ имѣть возможность во-время внести бюджетъ на 1894 годъ. Эта декларація была выслушана довольно сочувственно въ палатѣ, но очень холодно въ сенатѣ. Къ коллегѣ своему Герэну, новому министру юстиціи, которому поручено было чтеніе деклараціи, сенаторы отнеслись даже враждебно. Это видно изъ того, что только пятеро изъ нихъ послали Герэну свои визитныя карточки, всѣ прочіе воздержались.

Тайный совѣтникъ А. С. Ермоловъ, управляющій Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. Съ фотогр. грав Шюблеръ.

обѣими палатами состоится соглашеніе и, что удастся избѣгнуть ассигнованія новаго временнаго кредита, при чемъ правительство будетъ имѣть возможность во-время внести бюджетъ на 1894 годъ.

Эта декларація была выслушана довольно сочувственно въ палатѣ, но очень холодно въ сенатѣ. Къ коллегѣ своему Герэну, новому министру юстиціи, которому поручено было чтеніе деклараціи, сенаторы отнеслись даже враждебно. Это видно изъ того, что только пятеро изъ нихъ послали Герэну свои визитныя карточки, всѣ прочіе воздержались.

Искусство.

Новая опера Леонкавалло.

„Паццы“—новая опера Леонкавалло, поставленная у насъ впервые послѣ ея большаго успѣха за границей (Вѣна, Берлинъ, Дрезденъ, Лейпцигъ и др.) и у насъ—въ Варшавѣ и Москвѣ. Мы видѣли эту оперу въ Миланѣ, во время ея перваго появленія на сценѣ театра Dal-Verme, гдѣ она, строго говоря, имѣла только *succès d'estime*, несмотря на участіе въ ней знаменитаго Мореля. „Паццы“ (*Pagliacci*) имѣютъ уже свою „исторію“: опера написана четыре года тому назадъ и подана авторомъ на конкурсъ, устроенный извѣстнымъ музыкальнымъ издателемъ Сондзоньоло; музыкальное жюри долгое время колебалось, кому изъ двухъ композиторовъ,—Леонкавалло или Маскани,—отдать первую премію; многие были на сторонѣ автора „Паццовъ“; но „Сельская честь“ Маскани болѣе удовлетворяла

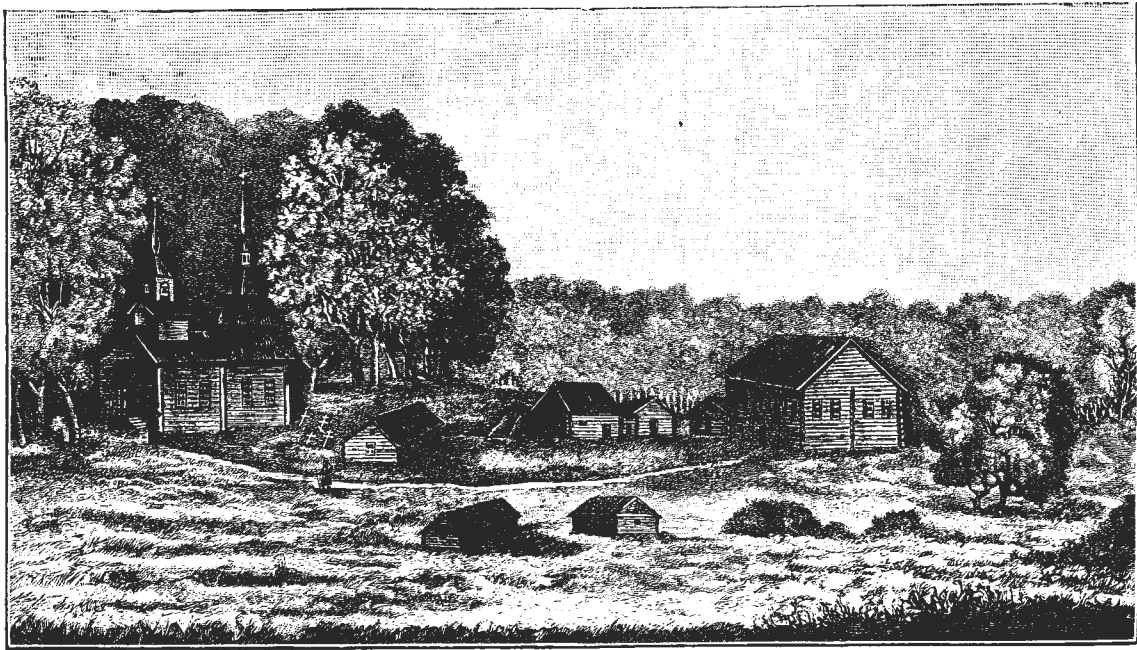
главному требованію конкурса,—опера должна была быть одноактная; произведеніе же Леонкавалло состоитъ изъ двухъ дѣйствій съ прологомъ. Такимъ образомъ, этотъ авторъ получилъ вторую премію на конкурсѣ. Сюжетъ оперы не новъ, но все-таки интересенъ. Прологъ разъясняетъ идею пьесы, состоящую въ томъ, что и актеръ человекъ,—любящій, страдающій, ревнующій и пр. Либретто написано самимъ композиторомъ, и, какъ утверждаютъ, въ основу фабулы положенъ фактъ, случившійся въ Калабріи въ 1865 г. Дѣйствіе и происходитъ въ Калабріи, во время праздника Успенія. Народъ ожидаетъ пріѣзда странствующей труппы комедіантовъ. Послѣдніе появляются. Въ повозкѣ сидятъ Недда, жена пацца Каньо, играющая Коломбину; кромѣ ея мужа, находятся здѣсь Тоньо и Пене. Тоньо, любящій Недду, хочетъ помочь ей выйти изъ повозки, но получаетъ отъ мужа пощечину. На шутки толпы по этому поводу Каньо

заявляет, что только на сценѣ онъ наказываетъ Арлекина падкой, когда застаётъ его у Коломбины, но что въ жизни онъ расплывается иначе.

Эти слова производятъ свое дѣйствіе на Недду. Тоньо продолжаетъ преслѣдовать Недду, но она награждаетъ его хлыстомъ, за что Тоньо обѣщаетъ ей отомстить при первомъ случаѣ, который тутъ же и представляется. Недда дожидается Сильвіо; эту сцену подсматриваетъ Тоньо и приводитъ мужа, который бросается съ ножомъ сперва на Сильвіо, но тотъ успѣваетъ скрыться, а потомъ на жену. Его удерживаетъ однако Тоньо, советуя узнать прежде имя возлюбленнаго. Пеле заявляетъ, что пора начать представленіе, и взбѣшенный Каньо, ненавидящій въ эту минуту театръ, гдѣ онъ долженъ за деньги забавлять толпу, убѣгаетъ на сцену. Во второмъ актѣ на глазахъ зрителей происходитъ самая драма: мужъ (на сценѣ, во время представленія комедіи) требуетъ отъ жены имени счастливаго соперника, Недда, конечно, не хочетъ назвать его; Каньо входитъ все въ большую и большую ярость; толпа аплодируетъ за реальную, естественную игру. Наконецъ, дошедши до изступленія,

на⁴, заявляетъ со сцены Тоньо.

На этотъ сюжетъ Леонкавалло написалъ и музыку, въ которой временами проглядываетъ неподдѣльное чувство; не будучи широкимъ мелодистомъ, композиторъ находитъ иногда подходящія краски для выраженія того или другого настроенія; его стиль пока—если только можно говорить о собственномъ стилѣ по одному произведенію,—аріозно-речитативный; но у него есть увлеченіе; таковы обѣ пѣсенки, или, вѣрнѣе, монологи Каньо, и въ особенности, въ первомъ актѣ въ заключительной сценѣ („Смѣйся, палецъ“). Лиризмъ Леонкавалло проявляется въ немногихъ мѣстахъ, но, видимо, авторъ къ нему не чувствуетъ особеннаго влеченія; такова *ballata* Недды, воспоминающей о матери; впрочемъ, сюжетъ настолько сжатъ, что и мѣста мало для лирическихъ излияній. Стремленіе къ драматическому выраженію посредствомъ речитативовъ—преобладающая пока черта въ данной работѣ этого композитора. Аріозо, и очень недурныя, есть въ партіяхъ Сильвіо, Пеле и Тоньо. Хорамъ авторъ старается придать оживленный характеръ; моменты для этого выбраны весьма удачны: праздничное время, представленіе комедіи

Трифно-Печенгскій монастырь на Мурманѣ. По старинной гравюрѣ грав. факсимиле Флюгель.

Каньо закалываетъ жену на сценѣ; изъ толпы вырывается Сильвіо на сцену, чтобъ спасти ее; мужъ узнаетъ въ немъ человѣка, котораго любила его жена, и заодно убиваетъ и его. „Комедія конче-

и пр. Въ оркестровкѣ видно вліяніе Вагнера, да и героямъ своимъ Леонкавалло придаетъ характеристики въ видѣ *Leitmotiv*’овъ.

В. Басининъ.

С М Ъ С Ъ .

Крысы. „Незадолго до гибели шведскаго парохода „Готенбургъ“ близъ острова Ст.-Мэри, у берега Португальскаго, пишетъ одинъ очевидецъ, „я вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами отправился на это несчастное судно. Когда мы къ нему приближались, намъ казалось, будто оно въ полномъ порядкѣ выходитъ изъ гавани, съ тою только разницею, что на палубѣ не было видно ни души. На самомъ дѣлѣ, судно давно уже было покинуто людьми и близилось къ своему концу. Едва мы успѣли взобраться на палубу, какъ подверглись такому нападенію, что одни изъ насъ посѣдѣли укрыться въ такелажѣ, другіе прыгнули обратно въ лодку. Крысы во множествѣ, какого я не видѣлъ во всю свою жизнь и никогда болѣе не хотѣлъ бы видѣть, толпы большихъ голодныхъ крысъ жадно бросились къ намъ навстрѣчу; у многихъ были уже отъѣдены хвосты. Ихъ были дѣлныя тысячи, а изъ глубей дряхлаго судна продолжали выходить все новыя и новыя. Визгъ этихъ отвратительныхъ животныхъ раздиралъ уши. Наконецъ, мы себѣ отрѣзали по куску каната, завязали ихъ узлами, и какъ бѣшеные начали хлестать по нападавшимъ на насъ звѣркамъ; только такимъ образомъ намъ удалось пробиться сквозь нихъ въ лодку къ остальнымъ товарищамъ. Но крысы, казалось, предчувствовали свою близкую гибель; онѣ сотнями взбирались на свѣшившіяся съ палубы канаты, стараясь прыгнуть за нами въ лодку, такъ что мы съ трудомъ избѣжали ихъ нашествія. Когда мы отчалили и плыли по открытому морю, страшный визгъ и пискъ долго еще раздавался намъ вслѣдъ. Постѣ этого, повидимому, нѣтъ основанія предполагать, что голодные крысы пожираютъ другъ друга, иначе сильнѣйшія могли бы утолять голодъ мясомъ болѣе слабыхъ, чего изъ вышеприведеннаго случая не видно.“ (В.)

Средство отъ нервнаго сердцебіенія. Одинъ французскій врачъ сообщаетъ въ „Journal de Santé“ средство, какъ почти мо-

ментально остановить слишкомъ сильное сердцебіеніе: нужно низко нагнуть голову и безсилно свѣсить руки, чѣмъ вызывается мгновенный, но скоропреходящій приливъ крови къ верхнимъ частямъ тѣла. Во всѣхъ случаяхъ чисто нервнаго сердцебіенія это движеніе восстанавливаетъ нормальныя функціи сердца. Дѣйствіе указаннаго средства будетъ еще вѣрнѣе, если при этомъ задержать дыханіе. (В.)

Цѣна земли въ центрѣ Лондона. На-дняхъ въ такъ-называемомъ Лондонскомъ Сити, близъ Англійскаго государственнаго банка, продавались съ аукціона нѣсколько участковъ земли, и на нихъ взбита была столь необычайно высокая цѣна, что сами англійскія газеты выразили по этому поводу удивленіе. За сравнительно небольшіе участки платили по 150,000 и 200,000 фунтовъ стерлинговъ или, какъ вычислятъ мѣстные газеты, по 50 фунтовъ стерлинговъ за квадратный футъ и по 2 милліона фунтовъ стерлинговъ за акръ. Въ переводѣ на русскія деньги и русскую мѣру, за десятицу выходитъ 51,000,000 рублей. Цѣна, дѣйствительно, грандіозна, но вокругъ того же Лондона раскинута нѣсколько парковъ съ чудными рощами, называемыми „легкія Лондона“, т. е. то, чѣмъ Лондонъ дышитъ; эти рощи не продаются ни за какіе милліоны.

Одну изъ самыхъ богатыхъ общинъ составляютъ обитатели острова Джекиль (близъ Нью-Йорка). Этотъ островъ, населенный исключительно милліонерами, былъ приобретенъ клубомъ нью-йоркскихъ, бостонскихъ и филадельфійскихъ капиталистовъ, бѣднѣйшій изъ которыхъ имѣетъ около 80,000 рублей годового дохода. (В.)

Нѣмой торгъ. Приводимъ интересный рассказъ Геродота о существовавшемъ въ древности на западномъ берегу Африки жѣновомъ торгѣ, происходившемъ безъ личныхъ сношеній торговцевъ: „Карвагеняне—какъ извѣстно, значительная торговая нація—разсказываютъ объ одномъ африканскомъ племени по ту сторону Герку-

лесовых Столбовъ (Гибралтарскаго пролива), что когда они привѣзжали съ товарами въ страну этого племени, то, по выгрузкѣ товаровъ на берегъ, они немедленно возвращались на свои корабли и производили сильный дымъ. На этотъ сигналъ на берегъ являлись туземцы, клали возы привезенныхъ кораблей столько золота, сколько имъ казалось соответственнымъ, и удалялись. Снова приходили кароагениане и сморгъли, покрываетъ ли золото стоимость ихъ товаровъ; если количество золота казалось имъ удовлетворительнымъ, они забирали его и садились на свои корабли, въ противномъ случаѣ, не трогали его до тѣхъ поръ, пока африканцы не прибавляли еще золота. Достойна вниманія при этомъ нѣкомъ торгѣ обоюдная честность продавцевъ и покупателей: негры не уносили товаровъ раньше, чѣмъ были удовлетворены, бытъ можетъ, очень большія требованія кароагенианъ; эти послѣдніе не скрывались вмѣстѣ со своими товарами и золотомъ."

По сообщенію одного путешественника этотъ замѣчательный видъ торговыхъ сношеній существовалъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Судана и Суматры. (В.)

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Оренбургъ, Ф. П. Кор—нову. Интересующій васъ свѣдѣнія о Массонахъ можете найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Б. Опочининъ. „Нѣсколько историческихъ свѣдѣній о Франк-Массонахъ“. СПб. 1883 г. (небольшая брошюра, но тщательно составленная съ указаніями на литературу предмета); М. Логиновъ—„Новиковъ и Шварцъ“ М. 1888 г. и „Новиковъ и Московскіе Мартинисты“; М. Пашинъ—„Материалы для исторіи Массонскихъ ложъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1872 г.).—С. Ешевскій „Московскіе Массоны, 1780—1789 г.“ („Русскій Вѣстникъ“ 1884—85 г.). П. Пекаревичъ „Дополненія въ исторію Массонства въ Россіи XVIII ст.“ СПб. 1889.

Москва, Шелепановскому. У васъ есть чувство и, повидимому, природная способность къ стихосложенію. Будьте очень осторожны въ выборѣ книгъ для чтенія. Читайте Пушкина, Кольцова, Никитина, Мей, Майкова, Полонскаго, Алексѣя Толстого... Одно изъ вашихъ стихотвореній будетъ напечатано.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №.№. „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).—Вечеръ. Стихотвореніе А. В. Бобринцева-Пушкина.—Подъ розовымъ блесномъ. Разсказъ Е. Дубровиной.—Ипполитъ Тэнъ. Очеркъ.—Къ рисункамъ: „Средиземное море“ (съ рис.).—„Вотъ онъ — Наполеонъ!“ (съ рис.).—Прибытіе рабочаго поѣзда (съ рис.).—„Христосъ“ (съ рис.).—На красную гору (съ рис.).—Главный входъ русскаго отдѣла на Колумбійской выставкѣ (съ рис.).—Ипполитъ Тэнъ (съ портр.).—Опосумъ и земляная бѣлка (съ рис.).—А. С. Ермоловъ (съ портр.).—Печенгскій монастырь на Мурманѣ (съ рис.).—Разныя извѣстія.—Научныя и техническія новости.—Политическое обозрѣніе.—Искусство. Новая опера Леонавалло.—Смѣсь.—Заявленіе.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по В. Дубинскъ, № 8, противъ Кузнецкаго моста. **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

В. № 6331 6-2

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“ Франнфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ). Специальная фабрика знаменитыхъ 24—5 велосипед. „Орель“. На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83. Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

SINAPISME RIGOLLOT

Горчичники РИГОЛЛО или Горчичная Бумага. ПРИНЯТЫ ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ.—Требовать подписъ изобрѣтателя Р. RIGOLLOT, отпечатанной краснымъ цвѣтомъ на каждомъ листѣ и на каждой коробкѣ. № 6303 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. 10—2

Продается оптомъ Р. RIGOLLOT et Cie, 24, avenue Victoria, Парижъ.

НЬЮ-ГОМЪ

оригинальная, американская усовершенствованная ШВЕЙНАЯ МАШИНА

Къ „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранже (Шт. Массачусетс), Сѣв. Америка) пользуется всемірною извѣстностью; проста, прочна, изящна; отличается высокимъ рукавомъ, новымъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-мя нитками широкую строчку; употребляетъ пряжу самотаствующуюся (безъ мѣрки) нгу; годна для домашнего и ремесленнаго употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей кисеи до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ 5 ЛѢТЪ. Прейсъ-курантъ и описаніе по требованію. Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ. Главный представитель для всей Россіи: Высоч. утвержд. Товарищество „Работинскъ“. П. № 6248 Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ. 10—8

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО

ДРА ЛЕНГИЛЯ

въ ВѢНѢ

для БѢЛЫХЪ, СМЯГЧЕНІЯ И ЧИСТОТЫ КОЖИ, ЛИЦА И РУКЪ

Придаетъ Кожи Свежей Видъ, рекомендуется какъ Хорошее Туалетное Мыло

НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ Единственнаго Агента Василія Аурихъ въ С.-Пбурѣ для Россіи.

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придающие неправильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, высыпаются за 1 р. 10 к. шт. съ налогомъ платежа. Адр.: въ Москву У. Пильцъ.

Обмѣнъ дуплетовъ монетъ. Адресъ: П. В. Калугинъ, Алапаевскъ, Пермской губерніи. № 6351

НОВОУРОЖЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

КУРОРТЪ И МОРСКОЕ КУПАНЬЕ ПЕРНОВЪ

Лифляндской губерніи. Сезонъ съ 20 мая по 31 августа. Подробнѣйшія свѣдѣнія безплатно чрезъ Купальную Комиссію.

№ 6276 4—4

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (25)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

„КАПРИЗЪ НЕВЫ“

ДУХИ — „Капризъ Невы“ О-ДЕ-КОЛОНЪ — „Капризъ Невы“ МЫЛО — „Капризъ Невы“

„Москскъ“ Духи послѣднія новости „Москскъ“ Мыло С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ и О-де-колонъ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются прекрасными достоинствами и изготовлены для выставки въ ЧИКАГО. 15—4

СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9. Невскій, 69. Москва, Никольская, д. Шереметева. Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ высокаго достоинства

ПРОВЪНЪ ФЛАКОНЪ 10 КОП.

Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссъ букетъ Жюкей клубъ	Віолетъ де Парма	Бѣлая роза Милль-Флёръ
Букетъ Императрисъ	Резеда	Акація
Илангъ-Илангъ	Любий меня	Гіацинтъ
Майскій-Ландышъ	Стенлей букетъ	Киссъ ме квикъ
Вѣлый геліотропъ.	Iris	Испанская ножа
Бѣлая лилія	Эдельвейсъ	Свѣжее сѣно
Сирень перс.	Жасминъ	Черемуха
Левкая	Олопоманкъ	Lilas Heuri
Фіалка	Шилпръ	Lotus.
	Букетъ де Цааръ	

Прѣсные флаконы высылаются не меньше 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкой во весь городъ Россіи. (иномъ: Сибиріи)

3-й ВЫИГРЫШ-НЫЙ
(Дворянский) заем, 1 мая тираж, продается на условиях дешевых и добросовестных **БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,**
59, Невский, СПб. (4-2)
1 марта с. г. на билетъ II займа сер. 02031 № 25, купленный въ Банк. Домъ съ задаткомъ 20 руб., иалъ выигрываетъ въ 5000 рублей.

Английскіе велосипеды завода **Зингеръ и №.** рекомендуютъ **ГЕНРИХЪ ЖЕМЛИЧКА.**
Москва, уголь Тверской и Старого Газетного пер., д. Фадеевъ-Фейли, маг. № 19. Высылается прейсъ-курантъ. (3)

КРАСИВО ПИСАТЬ изучивается вслѣдъ заочно (посредствомъ переноски) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФІИ А. КОССОДО.**

Методъ претириванъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52-12
За 2 семиконечныя марки высылается пробное письмо и условия. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерibasовская, д. № 19.

ПРИГЛАШАЮТЪ дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрац. письменно: **Генрихъ Блоккъ,** С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12-2

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО ПРОИЗВОДЯ **АМОСТРОУМОВА** ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ УТВЕРЖДЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ МАРКУ ЗА № 3374. УДОЖЬ 30, 50, 100. ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДАБЛОКЪ.

ГЛАВ. СКЛАДЪ, МОСКВА у д. Я. **СТОЛКІНА**. **КРУПНИКИ Я** УНИЧТОЖЕНІЯ **КРЫСЪ И МЫШЕЙ** **ПРОВ. ФРОНСТЕИНЫ** ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ по 30 и 50 к. **ФУРКАСОВЪ, ПЕР. Д. ОБЫДНОЙ**

КАТАЛОГЪ на 1893 г. **БЕСТАЛНО.**
АНГЛИЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ старѣйшей фабрики компани **РУДЖЪ** Ковентри съ новостями на 1893 годъ. Представители для всей Россіи Ц. № 6299 торговый домъ **АБАЧИНЪ И ОРЛОВЪ.** Москва, Мясницкая, д. Сытова. 8-5

ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ УДОСТОВЕРЕННЫЙ СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛІЮ НА ВСЕРОССІЙСКОМЪ ВЫСТАВЛѢ 1882 г. **А. СІУЧКО** ПАРФЮМЕРІЯ ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА МОСКВА. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ. В. № 6201 8-7

Страховые билеты Общества „Россія“ выдаются во всѣхъ агентствахъ Общества и также на вокзалахъ Главныхъ станцій желѣзныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣздовъ.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ искусственными **БРИЛЛАНТАМИ:**
№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6289 10-6
№ 358. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20-31.
№ 503. Золотая булава. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.
Товаръ пересылаю наложеннымъ платежомъ.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица. Цѣна 35 коп. Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14-7

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Пастирная бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требуемая съ этикетками Fayard et Blayn. Имѣются во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. № 5980 (16-15)

EAU, PÂTE, POUDDRE DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
DE LA FACULTÉ DE MEDECINE DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

№ 6295 18-10

УПРАВЛЯЮЩІИ № 6350 имѣишемъ, хорошій земледѣлецъ, специалистъ по лѣвничеству, огородничеству и садоводству (счетоводъ), ищетъ соответствующее мѣсто. Есть аттестаты. Адр.: М. Эрманы. Петерб. стор. Казенно-остр. пр. 13, кв. 9. СПб.

УДОЧКИ и всѣ вообще принадлежности для рыбной ловли получены изъ Англіи въ большомъ выборѣ въ маг. С. И. Дойникова **№ 27.** Невскій просп., Милютинъ рядъ, С.-Петербургъ. **№ 27.** Иллюстрированный прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается бесплатно.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ В. № 6326 В. ГЕНА въ Вѣнѣ 8-2

изъ грецкихъ орѣховъ. Безвредное средство для быстрого окрашивания волосъ и борды вл. черной, русой, темной и свѣтло-каштановой цвѣт. Цена за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главн. складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ. Колокольная, 18. **ОХРАНИТЕЛЬНАЯ МАРКА.**

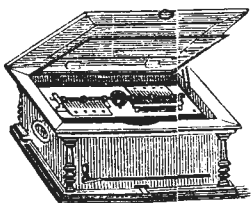
ТОВАРИЩЕСТВА „ГИГИЕНА“ **ЛИЗОЛИНЪ** ДЕЗОДОРИЗАЦІОННАЯ жидкость Разр. СПб. Врачеб. Управ. Прод. въ лучш. аптек. магаз. Оптов. продажа въ **С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ** СПб. площ. Александровск. театра, 9. Москва, Никольская, д. Шереметьева. Варшава, Новый Свѣтъ, 37. 8-2

Фирма претиривана на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками. **(8) МЫЛНОЕ ТѢСТО** № 5914 Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ. Мыльное мыльное тѣсто на березовомъ сокъ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная лѣна, впитывалась въ кожу, придаетъ ей мягкость и нежность; употребляется какъ мыло. Цена за кусокъ 35 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лаборатории. Получить можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главн. складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2. **ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАБЛОКЪ.**

PARFUMERIES IXORA ED. PINAUD Savon... à l'IXORA Essences... à l'IXORA Huile... à l'IXORA Poudre de Riz à l'IXORA 37, BOULEVARD de STRASBOURG PARIS **GRAND PRIX** EXPOSITION-PARIS 1889

СИМФОНІОНЫ.

По тону подходят къ швейцарскимъ музыкальнымъ пианулкамъ; вмѣсто вала у нихъ стальныя нотныя листы, которые легко мѣняются.

Съ ручной, безъ нотъ, 6 р. Ноты по 35 к.
Заводной, безъ нотъ, 6 р. Ноты по 35 к.
Заводной, 60 тонн., безъ нотъ, 30 руб. Ноты по 60 коп.
Заводной, 84 тонн., безъ нотъ, 45 руб. Ноты по 75 коп.
Заводной, 84 тонн. „Sublime Harmonie“ безъ нотъ, 80 р. Ноты по 1 руб.
Заводной, 100-тонной, „Sublime Harmonie Piccolo“, безъ нотъ, 125 р. Ноты по 1 р. 50 коп.
Новости! Часы съ музыкой (съ механизмомъ 100-тоннаго симфоніона), безъ нотъ, 250 руб. Ноты по 1 р. 50 коп.

Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарына.

№ 6302 12-5

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К^о. Лмд.“ лучшіе въ свѣтѣ. Предлагаемъ торговый домъ **Г. ЖЕМЛІЧКА и К^о.** Москва, Неглинный просп., домъ Ечкиной. Прейсъ-курантъ—бесплатно.

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КИНУНЕНЪ

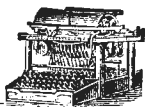
ДЛЯ ВОЛОСЬ.
ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. аптекахъ и космет. магазинахъ. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р. 50 к. безъ перес. № 6260 (4)

Провизоръ Кинуненъ.

Простѣе обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона. Провизоръ Кинуненъ.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

ПИСАЮЩАЯ МАШИНА 25-14

РЕМИНГТОНА № 5

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей во свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 5996 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

Только что вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ **ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫПУСКЪ**

новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ: **„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.**

годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

переводъ подъ редакціею П. Н. ПОЛЕВОВАГО.

Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 вып., каждый—въ розк. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р. Безъ доставки въ Москвѣ (въ Конторѣ Н. П. Печковской)—13 р. Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—4 руб., къ 1-му мая—2 р., къ 1-му іюня—2 р., къ 1-му іюля—2 руб., къ 1-му августа—2 руб., къ 1-му сентября—1 руб. и къ 1-му октября—1 рубль.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПБ., Невскій, № 6: въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. П. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магаз.

Желающимъ ознакомиться съ изданіемъ, 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылается за 50 коп. почтовыми марками.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.:

СОЧИНЕНІЯ

М. В. ЛОМОНОСОВА

Подъ редакціею А. И. Введенскаго. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ Ломоносова, гравированнымъ на стали П. Ф. Дейнигеромъ въ Мюнхенѣ. Изданіе изданный томъ in 8° (352 стр.) на лучшей бумагѣ. СПБ. 1893 г. Ц. 1 р., а съ пересылкою 1 р. 30 к., въ роскошномъ колѣнкор. переплетѣ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ полное собраніе исключительно литературныхъ произведеній Ломоносова, въ которыхъ онъ является творцомъ русскаго литературнаго языка.

Тексты произведеній Ломоносова, которые были начатаны при его жизни, тщательно сверены по послѣднему при немъ изданію 1757 года, внимательно исполненному имъ самимъ.

Съ требованіями на книгу слѣдуетъ обращаться въ СПБ.—г., въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Чтобы дать возможность покупателямъ яснѣе познакомиться съ обувью нашего производства, мы рѣшили выпустить

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ,

который съ конца апрѣля мѣсяца и будемъ высылать покупателямъ по требованію бесплатно.

Въ мѣстности, гдѣ нашей обуви въ продажѣ не имѣется, мы выслаемъ руководство для сниманія мѣрки.

Фабричное клеймо.

ТОВ. СПБ. МЕХ.

ПРОИЗВ. ОБУВИ.

С.-Петербургъ.

Обводн. кап. 134.

№ 6349

ДЛЯ УХОДА ЗА ЗАРАЗНЫМИ БОЛЬНЫМИ

имѣю честь рекомендовать слѣдующіе предметы:

Грѣлка для желудка наполняется кипяткомъ, резиновая 5 р., металлическая 2 р. 50 к.

ПОВЯЗКА ДЛЯ ЖИВОТА изъ толстой байки 1 р., изъ двойн. байки 2 р. Для согрѣвающихъ компрессовъ батистъ покрытый резиновымъ дементомъ за аршинъ 1 р. 50 к.

Готовый согрѣвательный компрессъ съ войлокомъ Приенна для желудка 4 р. 50 к.

ЖЕЛУДОЧНЫЙ ЗОНДЪ изъ полированной резины для высокіихъ клистировъ 1 р. 50 к.

КРУЖКА ЭСМАРХА съ книшкою и гарнитуромъ, эмальиров. 3 р. 75 к. стеклянная 2 р., складн. резинов. 3 р. 75 к.

НАБОРЪ Д-ра ОПЕНГЕЙМА состоящій изъ всѣхъ предметовъ для двинанія жидкостей подъ кожу и высокіихъ клистировъ 8 р.

НАБОРЪ Д-ра БОВЛИНА 5 р. **СТЕКЛЯННЫЙ ШПИЦЪ** съ иглами, для впрыскиванія подъ кожу, большой 5 р., малый 1 р. 50 к.

МАКСИМАЛЬНЫЙ ТЕРМОМЕТРЪ для измѣренія температуры тѣла, достаточно 5 минутъ, 1 р. 50 к.

Герметическій флюэетъ легко переносимый 12 р. **Герметическое ведро** для испраженій, съ эмальиров. внутр. 9 р.

для гравіаго бѣлья противъ заразы 6 р. **ПОДЪГЛЯДНОЕ СУДНО** фарфоровое 1 р. 25 к., эмальиров. 2 р. 50 к.

ПУЛЬВЕРИЗАТОРЪ-ДЕЗИНФЕКТОРЪ для дезинфекціи комнатнаго воздуха, обмыванія стѣнъ, потолковъ, мебели, кроватей и пр., большой съ 6-ю рожками для больницы, казармы и пр. 33 р.; средній съ 4-мя рожками для privato и пр. 19 р.; малый съ 1-мъ рожкомъ для домашн. употребленія 3 р.

Рожки у этихъ пульверизаторовъ переставляются по надобности, отъ самой тонкой выли до крупной струи.

РУЧНОЙ ГИДРОИЗЛЪТЬ для обмыванія стѣнъ и потолковъ и проч. мѣднй 10 р., цинковый 2 р. 50 к.

НАБОРЪ ДЛЯ АПТЕКИ НА ФАБРИКАХЪ И МАСТЕРСКИХЪ, составленный согласно обязательному постановленію СПБ. Столичнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія 8 р.

РЕЗИНОВОЕ ПОЛОТНО для подстилки на кровати 1 р. 50 к. и 1 р. за аршинъ.

ПЕРЕДНИЙ РЕЗИНОВЫЙ съ рукавами, длинный 8 р., безъ рукав. 3 р. **СКЛАДНЫЕ НОСИЛКИ** на ножкахъ 12 р., безъ ножекъ 10 р.

Респираторъ Куршмана 3 р. **Колпачъ резиновый для головы** 50 к.

Перчатки резиновыя 1 р. 50 к. за пару. **Щетка коносовая для расстиранія** 75 к.

Перчатки со щеткою для расстиранія 1 р. 75 к. за штуку.

Повязка для санитаровъ и фельдшеровъ съ краснымъ крестомъ 1 р. 50 к.

Порошокъ зотова безъ запаха, уничтожаетъ всякое зловоніе, 25 к. за фунтъ.

Приборъ для домашняго приготовленія паровой ванны, при помощи котораго каждый можетъ во всякое время у себя въ комнатѣ, на своей же постели, быстро довести себя до сильнѣйшей испарины, 25 р.

Какъ и всѣ прочіе хирургическіе и первозачные предметы. № 6338

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ. Складъ резиновыхъ товаровъ **БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ, № 34.** Господамъ иногороднымъ отправляемъ съ наложеннымъ платежомъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ **Г. ВАЛЬТЕРЪ (4)** Специалистъ хронометровъ. СпБбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имл. Публ. Библіотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 6283

ЛЕННИНГЪ и ГЮЗНИГЪ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДЪБЛОКЪ! **КАУЧУКОВЫЙ МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЪ** **Д. ВЕРТГОЛЬЦА.**

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ.

Главное депо: Невская аптека магистра А. Берггольца. Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 6262 11-3 Цѣна коробки 40 коп.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXIV г.
№ 16

г. XXIV
1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

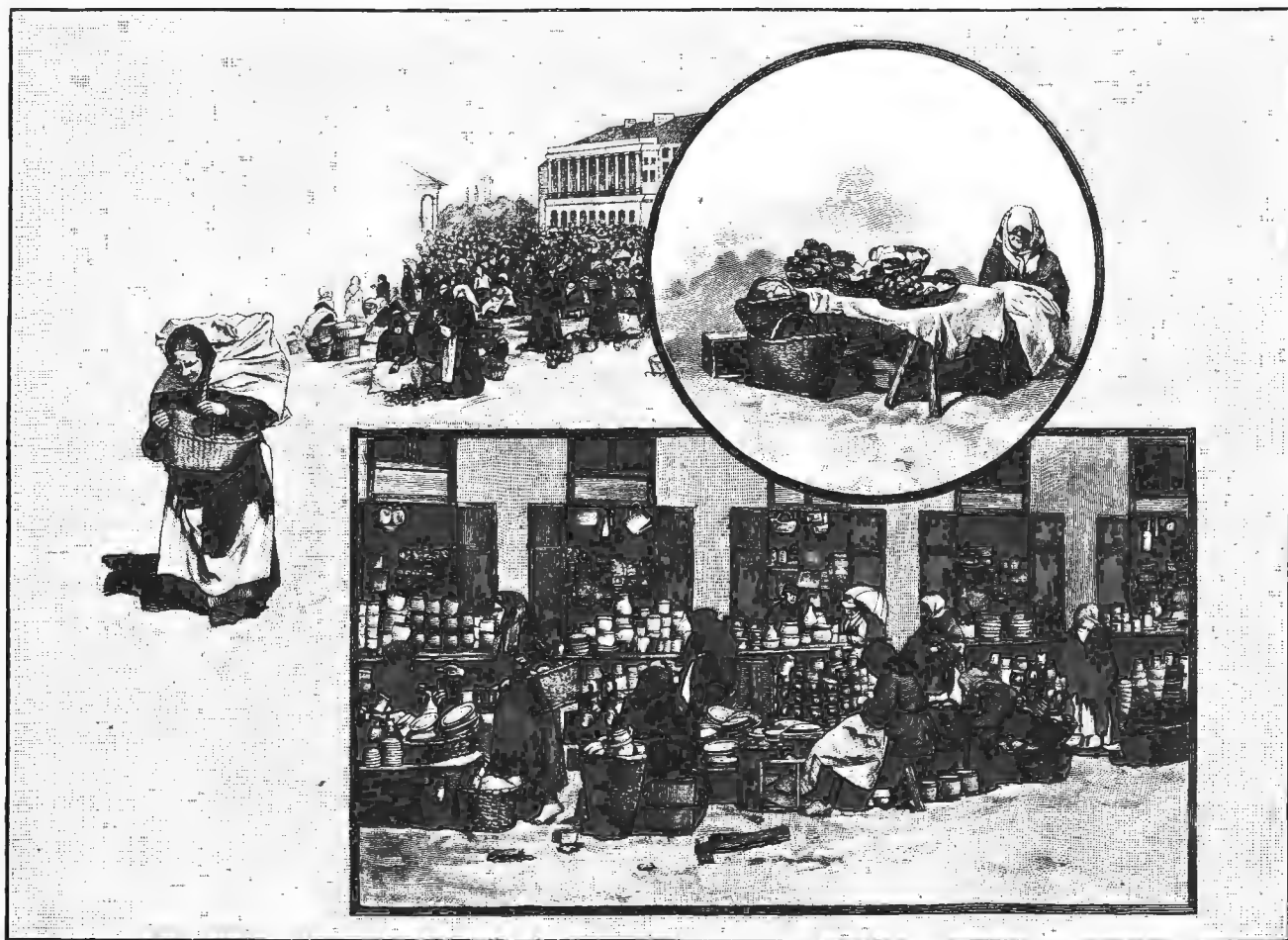
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСН. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и Выдать 17 апрѣля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ пер 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr.; для Австр., Герман. и Швейц., у Ru- dolf Mosse по 2 марки 50 pf.	ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“: Безъ доставки въ Петер- бургъ 5 р. Съ доставкою въ Петер- бургъ 6 р. 50 к.		ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ тор- говыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.
	Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р. Съ пересылкой въ Москву и другіе го- рода Россіи 7 р. За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.		
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к. , съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к. , съ перес. иногор. 1 р. 75 к. На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к. , съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к. , съ перес. иногор. 3 р. 50 к.			

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Рынокъ за „Желѣзною Бравою“ въ Варшавѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Е. Малышцаго, грав. Флюгель.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

VII.

Старый знакомый.

На другой день всеобщую новостью дня было спасеніе знамени Тарасовскаго полка сержантомъ седьмой роты. Весь Кёнигсбергъ только и говорилъ объ этомъ, рассказывая цѣлыя исторіи, какъ все это случилось, какъ, будто бы, во время битвы, Артемій, раненный въ голову, прикрылъ знамя своимъ тѣломъ и тутъ же потерялъ сознание, потомъ, придя въ себя, снялъ знамя съ дровка и допоздъ съ нимъ до стога сѣна, въ которомъ спрятался и провелъ въ немъ около двухъ дней безъ пищи, боясь выйти, чтобы не встрѣтить неприятельскій развѣздъ. Потомъ онъ снялъ съ убитаго нѣмецкаго солдата мундиръ и, переодѣтый, явился въ Цорндорфъ. Благодаря знанію его нѣмецкаго языка, это переодѣванье удалось ему. Здѣсь онъ смѣнилъ мундиръ на лохмотья и, подъ видомъ нищаго, разореннаго войной крестьянина, сталъ пробираться къ Кёнигсбергу, заболѣвъ по дорогѣ, слегъ, но, лишь только былъ въ силахъ идти дальше,—пошелъ, полубольной, и явился въ свой полкъ какъ разъ въ ту минуту, когда полковой командиръ объявилъ своимъ подчиненнымъ полученное изъ Петербурга извѣстіе. Онъ спасъ не только знамя, но и весь полкъ. Главное основаніе, канва этихъ слуховъ была, разумѣется, справедлива, но подробности передавались различно, и, благодаря этимъ прибавкамъ и дополненіямъ, подвигъ Артемія росъ въ устахъ щедрой на преувеличеніе, какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону, молвы. Въ данномъ случаѣ нельзя ничего было найти дурного, и имя Артемія окружили ореоломъ славы героя... Наиболѣе близкіе къ нему люди, товарищи по полку, не знали, чѣмъ отблагодарить его, и старались всѣми силами своею заботливостью показать ему, какъ они цѣнятъ то, что онъ сдѣлалъ для нихъ, для себя, для всего полка. Рѣшили, что въ казармѣ больному Артемію будетъ неудобно, а въ госпиталь—еще хуже, выхлопотали ему разрѣшеніе помѣститься на частной квартирѣ, прискакали комнату у благородной нѣмецкой вдовы, фрау Зонненширмъ, и устроили тамъ Артемія. Всѣ расходы на его содержаніе офицеры приняли на свой счетъ. Самъ генераль прислалъ ему доктора. Кромѣ того, стали было собирать по подпискѣ деньги въ его пользу, но отъ этого Артемій отказался наотрѣзъ. Въ полковомъ денежномъ ящикѣ хранились его сто восемьдесятъ три рубля, сданные имъ, при прибытіи въ полкъ, изъ двухсотъ, полученныхъ отъ князя, при отъѣздѣ изъ Прокскурова. Онъ просилъ только выдать ему, на всякій случай, половину этихъ денегъ.

Какъ только Артемій очутился въ жарко-натопленной комнатѣ фрау Зонненширмъ, легъ на чистое бѣлье широкой, мягкой и удобной кровати, получилъ возможность ѣсть каждый день, не стѣняясь, обѣдъ и завтракъ, приготовленный искусными руками доброй нѣмки,—словомъ, вошелъ болѣе или менѣе въ тѣ обычныя для него когда-то условія, въ которыхъ жилъ съ дѣтства и которыхъ былъ лишенъ столько времени,—перенесенныя имъ лишенія сейчасъ же дали себя знать, и болѣзнь его перешла въ форму кризиса. Онъ слегъ и находился нѣсколько дней въ безпамятствѣ, въ бреду, но молодость, крѣпкая натура и старательный уходъ взяли свое, и Артемій началъ поправляться.

Старый капраль былъ при немъ неотлучной сидѣлкой. Выздоровленіе шло, однако, довольно медленно. Заботы и ласки, которыми теперь окружали Артемія, радовали его, потому что онъ видѣлъ теперь, что не

весь ему свѣтъ чужой все-таки, и есть люди, есть цѣлая даже семья, полковая семья, которой онъ близокъ. Но могло ли это вознаградить его за понесенную имъ потерю Ольги? Она, она одна нужна была ему, онъ все еще любилъ, мало того,—онъ любилъ больше прежняго, и съ каждымъ днемъ тоска его росла. Онъ проводилъ безсонныя ночи, ворочаясь съ боку-на-бокъ на своей постели и перевертывая на разные лады свою жаркую подушку, и въ продолженіе этихъ почей все думалъ и думалъ объ ней, объ одной лишь ней. Иногда становилось ему такъ тяжело, такъ безвыходно, что онъ хотѣлъ искусственно обратить свое выздоровленіе на ухудшеніе, сдѣлавъ что-нибудь противъ предписаній доктора: не принималъ лѣкарствъ, не ѣлъ, что, впрочемъ, ужасно огорчало фрау Зонненширмъ, воображавшую, что это она не умѣетъ угодить своему постояльцу...

Разъ какъ-то, когда ему особенно было не по себѣ, душевно не по себѣ, онъ рѣшилъ открыть окно, чтобы его охватило свѣжимъ, холоднымъ воздухомъ, ибо докторъ предписывалъ ему именно не простудиться.

Но только-что онъ хотѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, какъ въ дверь его комнаты постучали.

— Войдите, отвѣтилъ Артемій, быстро отскакивая отъ окна, увѣренный, что это или дядя, или кто-нибудь изъ полковыхъ пришелъ навѣстить его.

Но дверь отворилась, и на ея порогѣ, вмѣсто капрала, появилась тоже знакомая Артемію, хотя и сильно измѣнившаяся, фигура Торичіоли.

— Вы узнаете меня? проговорилъ онъ.

Артемій сейчасъ узналъ итальянца, хотя тотъ сильно опустился, похудѣлъ; а главное—теперь глаза его безпрестанно перебѣгали съ одного предмета на другой, какъ бы боясь встрѣтить взглядъ человѣка, съ которымъ онъ говорилъ.

Артемій много, много разъ въ мечтахъ своихъ перебиралъ случаи, при которыхъ онъ имѣлъ бы возможность получить хоть какое-нибудь свѣдѣніе объ Ольгѣ, и мечты эти были иногда очень сложны и фантастичны, но никогда ему не приходило въ голову, что онъ можетъ встрѣтиться съ Торичіоли. Онъ какъ-то, въ этихъ своихъ мечтахъ, совершенно забылъ объ итальянцѣ.

Но теперь, когда тотъ стоялъ передъ нимъ, сумасшедшія надежды зашевелились въ душѣ Артемія. Ему, испытавшему такъ недавно удачу, увѣнчавшуюся такимъ блестящимъ образомъ, казалось уже, что чудеса счастья непрерывно посылаются на его долю (такъ всегда бываетъ), и что ничего немыслимаго нѣтъ:—Ольга вспомнила о немъ, упросила отца, князь простилъ, князь согласенъ и послалъ Торичіоли разыскивать его.

— Вы... ко мнѣ... сюда? задыхаясь отъ волненія, заговорилъ Артемій, протягивая обѣ руки навстрѣчу гостю.

Торичіоли, видимо, тронутый его радостью, и принимая ее за свой личный счетъ, съ грустною улыбкою покачалъ головою.

— Ну, идите же сюда, садитесь, продолжалъ Артемій, все еще радуясь и блеста глазами.

Торичіоли вошелъ неуверенно, какъ человѣкъ, привыкшій къ отказу, къ недружелюбію, будто не вѣря, что его посѣщеніе можетъ быть кому-нибудь пріятно.

Артемій удивленно посмотрѣлъ на него, тутъ только замѣчая, до чего измѣнился старый его знакомый.

— Что съ вами?.. Вы больны были?.. Вы теперь больны? спросилъ онъ опять.

— Ахъ, что со мною и не спрашивайте, отвѣтилъ Торичіоли.

„И голосъ измѣнился какъ!“ съ новымъ удивленіемъ подумалъ Артемій.

— Да и вы сильно измѣнились, сказалъ итальянецъ, въ свою очередь.

— Да... я боленъ... но это ничего... вы изъ Проскурова, вы отъ князя... вы давно уѣхали, долго искали меня?..

Торичіоли вздохнулъ.

— Я уѣхалъ изъ Проскурова почти вскорѣ послѣ вашего отъѣзда, а потомъ ни разу туда не возвращался. Я былъ далеко...

И Артемій неожиданно точно упалъ на землю съ неба, куда, было, занесли его вдругъ возникшія надежды.

— Значитъ, вы... ничего... не можете сообщить мнѣ... что княжна... что тамъ всѣ?... упавшимъ голосомъ произнесъ онъ, не сознавая хорошенько того, что говорить.

Торичіоли опустилсѣ на стулъ.

— Я не знаю ничего рѣшительно о нихъ, отвѣтилъ онъ,—когда я уѣзжалъ, она еще больна была—я думалъ, напротивъ, что вы имѣете какія-нибудь свѣдѣнія, и зашелъ къ вамъ узнать.

Но по той неестественности, съ которою онъ сказалъ это, видно было, что пришелъ онъ вовсе не для того, чтобы узнать о Проскуровѣ, о которомъ, видимо, и думать забылъ вовсе. Онъ самъ замѣтилъ это и замолчалъ.

Артемію и обидно стало, и стыдно самому передъ собою, зачѣмъ онъ вдругъ обрадовался такъ сначала, чтобы еще болѣе внезапно быть разочарованному.

„И съ чего это я взялъ, съ чего взялъ?“ мысленно повторялъ онъ себѣ, глядя уже на итальянца, какъ на чужого человѣка совсѣмъ.

— Ахъ, если бы вы знали, началъ тотъ, и въ голосѣ его послышалась уже искренность,—какъ вы сейчасъ чуть не сдѣлали меня совсѣмъ счастливымъ! Я думалъ, что это вы *мнѣ* обрадовались такъ. Послушайте: я вчера, случайно, заговорилъ съ однимъ изъ русскихъ солдатъ, спросилъ его—не знаетъ-ли онъ что-нибудь о васъ. Это оказался солдатъ вашего полка, и онъ показалъ мнѣ, гдѣ вы живете. Я сегодня шелъ къ вамъ, я думалъ, я ждалъ, что, авось, хоть вы, по старому знакомству, здѣсь, на чужой сторонѣ, примете меня съ радостью, и, въ первую минуту, я думалъ, что не ошибся, но теперь вижу, что вы думали: не привезъ ли я вамъ какихъ-нибудь извѣстій... и готовы были обрадоваться имъ, а не мнѣ.

Краска покрыла щеки Артемія. Онъ вовсе не хотѣлъ обидѣть итальянца, а между тѣмъ разочарованіе его было слишкомъ сильно, чтобы могъ онъ скрыть его, и ему стало жаль Торичіоли.

— Нѣтъ, что-же... замаялся онъ, не зная, что отвѣтить.—А вы, видно, послѣ Проскурова, много потерѣли... испытали тяжелого...

Торичіоли быстро поднялъ голову.

— Неужели *вы* не знаете, какъ тяжело быть одному! проговорилъ онъ.

До этой минуты Артемій все еще смотрѣлъ на Торичіоли такъ, какъ привыкаютъ люди смотрѣть на кого-нибудь съ самаго дѣтства. Артемій съ тѣхъ поръ почти, какъ начиналъ себя помнить, помнилъ „ученаго“ итальянца, именно какъ ученаго, имѣвшаго свои опредѣленные занятія въ домѣ князя; чистаго, довольно аккуратнаго и всегда одинаковаго. И вдругъ, теперь, словно новость, открылось ему, что, вѣдь, и этотъ человѣкъ не машина, а человѣкъ, способный чувствовать совершенно такъ же, какъ самъ онъ, Артемій, и еще болѣе несчастный, чѣмъ онъ, потому что впереди у него не было ничего,—ни надежды, ни желаній.

И совершенно другимъ уже голосомъ, голосомъ, въ которомъ звучало участіе, Артемій спросилъ:

— А вы давно въ Кёнигсбергѣ, какъ-же вы попали сюда?..

— О! какъ я попалъ сюда—это еще ничего, но я не знаю, какъ я выберусь отсюда... Однако я помѣшалъ вамъ, кажется, обѣдать? добавилъ вдругъ Торичіоли, кивнувъ на поставленные на столѣ фрау Зонненширмъ супъ и жареную говядину, къ которымъ Артемій не притрогивался.

— Нѣтъ, мнѣ не хочется, отвѣтилъ онъ,—а, можетъ быть, я могу предложить вамъ?..

Торичіоли согласился такъ быстро, какъ это можетъ сдѣлать человѣкъ только очень голодный. Онъ придвинулъ къ себѣ тарелку, налилъ супу и началъ ѣсть не только съ удовольствіемъ, но почти съ жадностью.

— Ну, какъ я радъ все-таки, заговорилъ онъ, вдругъ повеселѣвъ и чуть-ли не одновременно поднося ко рту одною рукою ложку съ супомъ, а другою—хлѣбъ,—какъ я радъ, что нашелъ васъ, а то никого,—ни души... Вы говорите, что нездоровы, но это пройдетъ, о, это пройдетъ...

— Но какъ-же вы попали въ Кёнигсбергъ? опять переспросилъ Артемій.

Тарелка съ супомъ быстро пустѣла.

— Какъ я попалъ сюда?

— У васъ развѣ вышли непріятности съ княземъ, какъ-же онъ отпустилъ васъ послѣ столькихъ лѣтъ службы...

— Да, и непріятности были... вообще, у меня пошло все вверхъ дномъ послѣ того, какъ... какъ явился въ Проскурово этотъ докторъ... да... это до вашего еще отъѣзда было... впрочемъ, вы, вѣроятно, не видѣли его...

Торичіоли замаялся, не зная, какъ сказать о томъ, что Артемій былъ подъ замкомъ въ то время.

Но тотъ сразу понялъ все. Онъ узналъ уже, что итальянецъ называетъ „докторомъ“ того самаго человѣка, имя котораго было неизвѣстно Артемію, но тайную повѣсть любви котораго и участіе въ ней Торичіоли онъ зналъ.

— Ну? сказали Артемій съ нескрываемымъ интересомъ.

— Говорить все? вдругъ спросилъ Торичіоли, положивъ ложку.

Артемій смотрѣлъ на него добрымъ, соболѣзующимъ взглядомъ.

„Неужели долгіе года вполне безупречной жизни не могутъ изгладить сдѣланнаго когда-то промаха!“ думалъ онъ, глядя на Торичіоли. И странно—чѣмъ дольше онъ глядѣлъ на него, тѣмъ жалче казался ему этотъ человѣкъ, и, помимо всего, онъ чувствовалъ, что испытываетъ теперь къ итальянцу какую-то особенную жалость.

„Ничего нѣтъ мудренаго—я знаю его съ дѣтства“, заключилъ Артемій.

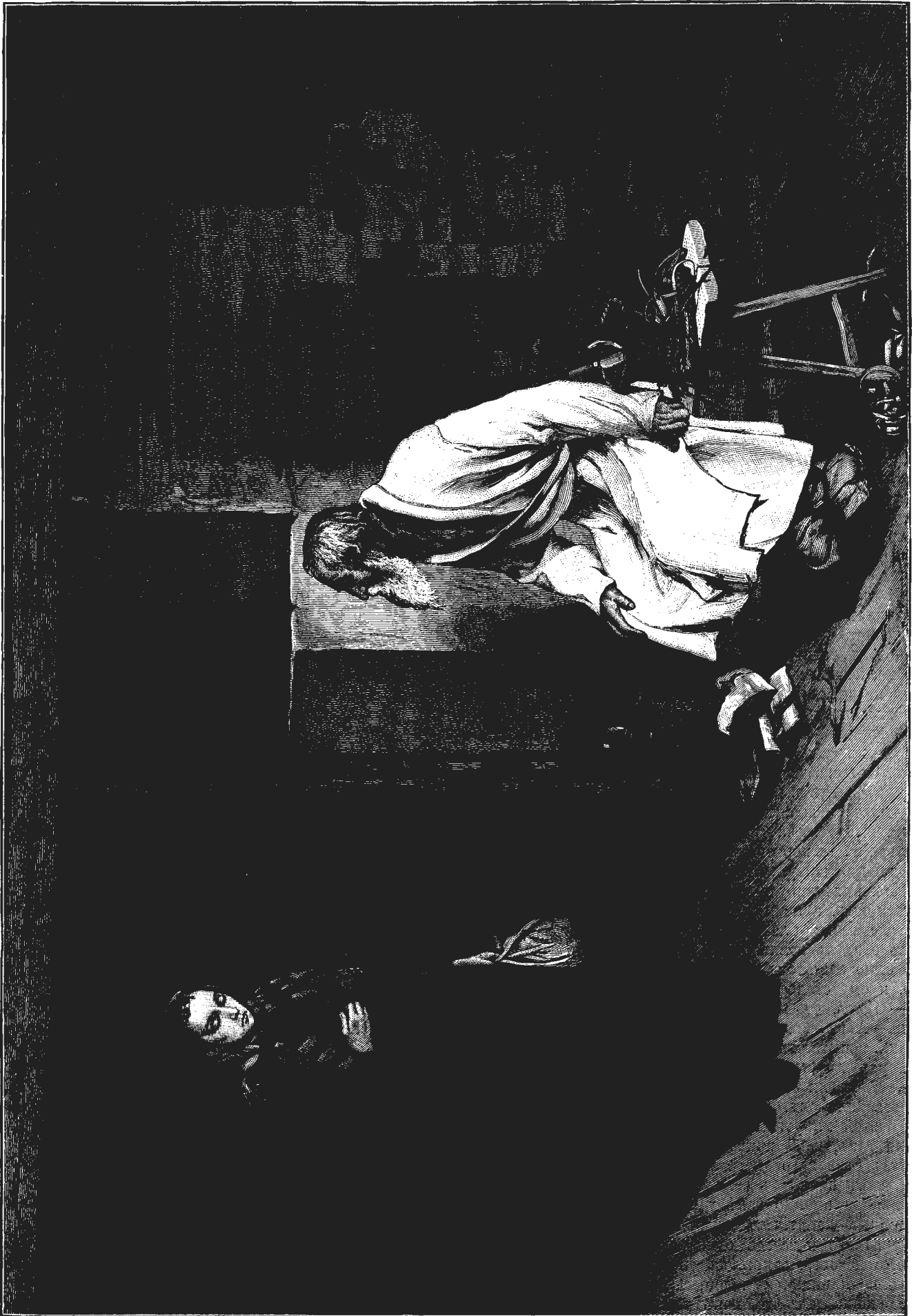
Торичіоли рѣшительно качнулъ головою.

— Да, я расскажу вамъ все... началъ онъ.—Слушайте—вы думаете, я даромъ жилъ у князя Проскурова, въ его имѣніи, именно у этого князя, а не у другого... нѣтъ, тутъ длинная, запутанная исторія... но я вамъ расскажу ее... я вамъ расскажу, потому что молчать больше не въ силахъ...

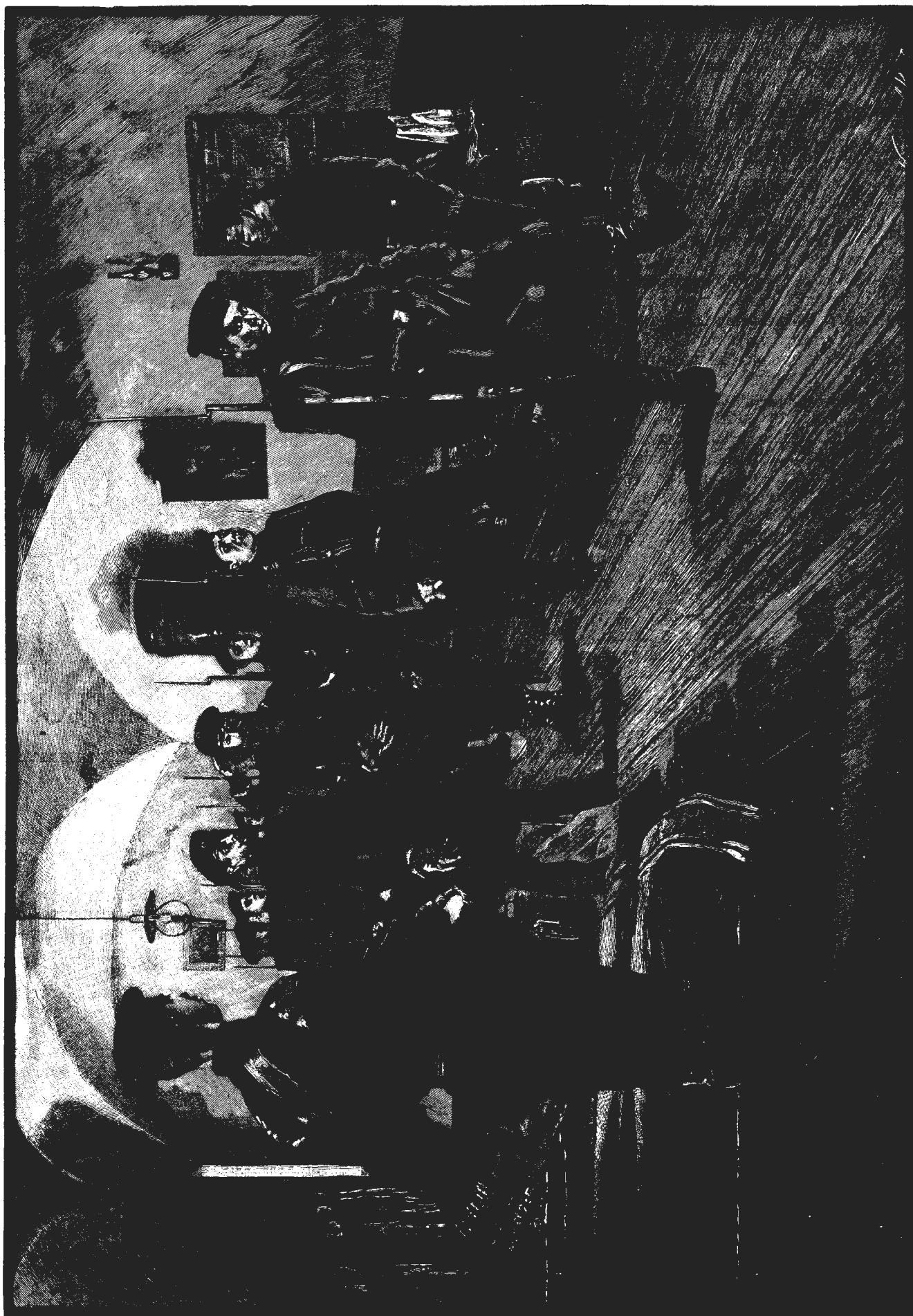
„Я знаю ее!“ чуть не сорвалось у Артемія.

Торичіоли пріостановился, какъ-бы ожидая, что Артемій хочетъ ему сказать что-то, но тотъ продолжалъ хранить молчаніе.

— Вотъ, видите-ли, я долженъ вамъ сказать, что въ Генуѣ, въ Италіи я любилъ одну русскую... нѣтъ, это слишкомъ тяжело, перебилъ онъ самъ себя,—довольно вамъ знать, что и она, и я должны были разстаться... она не любила меня... Мы развѣхались. Но я узналъ, что у нея родился ребенокъ, мой ребенокъ... мальчикъ

Выставка въ Импер. Анад. Художествъ. „Возвращеніе на родину“. Съ карт. О. Винциана, грав. Цуцъ.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Маршировка новобранцевъ“. Съ карт. Банмансона, грав. Мультигановскій.

или дѣвочка,—я не зналъ и до сихъ поръ не знаю... Но, странное дѣло, я люблю этого ребенка, люблю больше всего на свѣтѣ... Да это не мудрено: кромѣ него, никого у меня нѣтъ, родители мои отказались отъ меня, о нихъ я не могъ имѣть никакихъ свѣдѣній. По всѣмъ вѣроятіямъ, они умерли. Родственниковъ я никогда не зналъ. Женщина, которую я любилъ, не любила меня...

„Да, а меня *когда-то* любили“, съ болью въ сердцѣ мелькнуло у Артемія.

— Но я, продолжалъ Торичіоли,—я поѣхалъ отыскивать ее, для того, чтобы увидѣть, узнать своего ребенка... Когда я явился въ Россію, я послѣ долгихъ хлопотъ нашелъ мать моего ребенка оставившею свѣтъ: она постриглась въ монастырѣ. И знаете, каковъ этотъ монастырь былъ?—Торичіоли нагнулся почти къ самому уху Артемія, боясь, что стѣны услышатъ его слова.—Этотъ монастырь былъ тотъ самый, въ который ѣздила молодая княжна Ольга такъ часто, тотъ самый, который расположенъ недалеко отъ Проскурова. Вотъ почему я нанялся къ князю въ библиотекари, и вотъ почему я жилъ столько лѣтъ въ Проскуровѣ...

Торичіоли перевелъ духъ, но сейчасъ-же, какъ-бы боясь остановиться, продолжалъ:

— Но, несмотря на то, что я былъ такъ близко отъ нея, въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ, несмотря на всѣ мои просьбы, мольбы, заклинанія, письма и подсылы—она никогда не соглашалась не только сообщить мнѣ, гдѣ находился мой, т. е. *нашъ* ребенокъ, но даже видѣть меня не хотѣла, ни говорить со мною... Я ее видѣлъ разъ въ монастырской церкви, она прошла мимо въ своемъ черномъ одѣяніи. Послѣ этого она прислала мнѣ сказать, что если я еще разъ осмѣлюсь явиться въ церковь, или, вообще, сдѣлаю хотя какой-нибудь ложный шагъ—она обратится къ императрицѣ, и меня вышлютъ изъ Россіи. Я зналъ, что она была въ силахъ добиться этого, и долженъ былъ повиноваться. Я однако надѣялся, что она сжалится надо мною; но эта надежда оказалась вполнѣ напрасною. Приходилось искать самому... Я-бы давно это сдѣлалъ, но для этого требовались деньги, и большія деньги, а ихъ у меня совсѣмъ не было. Я копилъ свое жалованье, но это казалось каплею въ морѣ... и вдругъ тамъ, въ Проскуровѣ, явился одно обстоятельство...

Торичіоли снова пріостановился. Онъ, въ продолженіе всего разказа, ни разу не взглянулъ въ лицо Артемія. Теперь онъ опустилъ совсѣмъ глаза.

— Артемій Андреичъ! сказалъ вдругъ Торичіоли, первый разъ въ жизни называя его такъ.—Я, можетъ быть, виноватъ передъ вами, или, вѣрнѣе, могъ быть виноватъ... Но тогда мнѣ вдругъ предлагали сумму, при помощи которой я могъ начать свои самостоятельные поиски... Я чуть было не рѣшился... но какъ разъ въ то время пріѣхалъ тотъ человѣкъ въ Проскурово, странный, во власти котораго я нахожусь всецѣло. Я чувствую, что онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ. Онъ явился подъ другимъ именемъ, чѣмъ я зналъ его, онъ встрѣтился со мною, какъ съ незнакомымъ, казалось, онъ ничего не сдѣлалъ противъ меня, но послѣ его появленія жизнь моя рѣзко измѣнилась. Съ княземъ пошли непріятности одна за другою, я долженъ былъ оставить его домъ. Но я оставилъ домъ князя, правда, съ нѣкоторою надеждой—въ день отъѣзда мнѣ прислали изъ монастыря записку: вотъ она. Я зналъ, что и этого было много, что большаго, какъ-бы я ни добивался, не сообщать мнѣ.

И онъ досталъ сложенную записку и подалъ ее Артемію.

Твердою рукою па ней было написано: „Тотъ, кого вы ищете, находится въ Германіи. Если захотите, то нападете на его слѣды“.

— И вы нашли его? спросилъ Артемій.

Торичіоли опять отрицательно покачалъ головою.

— Я добрался сюда, могъ существовать, пока у меня оставались еще сбереженія отъ жалованья... потомъ попалъ въ Кенигсбергъ, и теперь сижу здѣсь безъ ничего... продалъ все, что возможно...

— Но за всѣ года, возразилъ невольно Артемій,—что вы провели у князя, у васъ должна была образоваться порядочная сумма... можетъ быть, она ушла на поиски?

— Да, на поиски, вздохнувъ, отвѣтилъ Торичіоли, какъ-то загадочно.—И если-бы, добавилъ онъ вдругъ,—вы сегодня не накормили меня, то я былъ-бы вторые сутки не ѣвши...

— Неужели? удивился Артемій.—Что-же вы прямо мнѣ не сказали. Если вамъ такъ нужны деньги, я могу вамъ ссудить немного.

Вся исторія бѣднаго итальянца и, въ особенности, его признаніе въ своемъ голодѣ,—не самое признаніе, но видъ искренности, съ которою онъ сдѣлалъ его, сильно подѣйствовали на Артемія, и онъ отъ души теперь желалъ помочь ему, чѣмъ могъ.

Онъ всталъ со своего мѣста, подошелъ къ кровати, вынулъ изъ-подъ подушки киску съ деньгами и, раздвинувъ кольца, высыпалъ въ горсть золотыя монеты.

— У васъ есть деньги! заговорилъ Торичіоли съ какимъ-то особеннымъ оживленіемъ.—У васъ столько есть денегъ! О, дайте ихъ мнѣ, дайте ихъ мнѣ всѣ, я вамъ черезъ недѣлю верну въ десять разъ больше.

Артемій болѣе чѣмъ удивленно взглянулъ на него, какъ-бы недоумѣвая, шутить надъ нимъ Торичіоли, за минуту передъ тѣмъ говорившій, что ему ѣсть нечего, или онъ просто рехнулся.

— Вы смѣтрите на меня, заговорилъ тотъ опять,—и думаете, можетъ быть, что я съ ума сошелъ. Нѣтъ, это вѣрно, что я говорю вамъ. Вотъ, видите-ли, мнѣ для моего дѣла нужны деньги; вы понимаете, что мнѣ много денегъ нужно, и достать мнѣ необходимо ихъ... и я ищу... Вамъ я скажу, если вы дадите мнѣ теперь свое золото... при его помощи я dokonчу опыты, которые несомнѣнно уже удадутся на этотъ разъ, и тайна философскаго камня будетъ въ нашихъ рукахъ... Понимаете?

Теперь Артемію стало ясно, на какія изысканія и поиски ушли сбереженія Торичіоли.

VIII.

Камень философъ.

„Бѣдный, бѣдный человѣкъ!“ думалъ Артемій, глядя на итальянца, который такъ и уставился жадными, разгорѣвшимися глазами на его золото.

— И неужели вы думаете, что это возможно? спросилъ онъ, не скрывая своей недовѣрчивой улыбки.—Неужели вы думаете, что возможно все-таки найти этотъ сказочный камень?

— Не только думаю, но увѣренъ въ томъ, отвѣтилъ Торичіоли, улыбаясь, въ свою очередь, какъ человѣкъ, удивляющійся слѣпотѣ и неразумію другого.

Артемій снова сѣлъ къ столу и положилъ деньги передъ собою.

Ему хотѣлось и помочь, и образумить бѣднаго итальянца.

— Вспомните, Іосифъ Александровичъ, началъ онъ,—сколько людей сошли на этомъ съ ума, сколько жизней было загублено даромъ и потрачено труда; это слишкомъ старая штука, чтобы въ наше время пойматься на нее.

У Торичіоли было готово уже возраженіе:

— Слишкомъ старая штука! Много потрачено труда! Вы думаете, я не знаю этого, я ничего не читалъ, не изучалъ ничего? Нѣтъ, именно потому-то, что я знаю предыдущія ошибки, я и не могу впасть въ нихъ вновь. Я нашелъ истинный путь, и, понимаете мое положеніе, теперь, еще одинъ только опытъ, еще одно успіе, и

завтра я богатѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Завтра мнѣ все доступно. У меня все готово, все предвидѣно, только-бы достать денегъ на этотъ послѣдній опытъ, который, клянусь вамъ, долженъ удался. Онъ не можетъ не удался!

Артемій пристально смотрѣлъ на итальянца, невольно удивляясь тому непоколебимому убѣжденію, съ которымъ говорилъ тотъ.

— Вотъ видите-ли, продолжалъ Торичіоли, придвигаясь къ столу и кладя на него обѣ руки.—Вотъ видите-ли: прежніе алхимики настоящее и истинное превращеніе металловъ искали въ разныхъ противныхъ самой природѣ металловъ вещахъ. Разумѣется, это было сумасшествіе... они думали найти его въ человѣческой крови, въ птичьихъ яйцахъ, перьяхъ; другіе брали для этого ядовитыхъ животныхъ, третьи хотѣли добыть философскій камень изъ растений и изъ вина при помощи дигерировки его... Все это вздоръ. Дѣйствительное превращеніе заключается въ двухъ вещахъ: въ сѣрѣ (сульфурѣ) и ртути. Они, соединенные вмѣстѣ, составляютъ основное существо всѣхъ металловъ, и изъ нихъ, если совершить послѣдовательно и аккуратно шесть степеней работы, выйдетъ чистое золото.

— Меркурій—это ртуть? спросилъ Артемій, который, вслѣдствіе-ли болѣзненной своей слабости и впечатлительности, или цѣлаго ряда волненій, испытанныхъ сегодня и до, и послѣ прихода Торичіоли, чувствовалъ, что не можетъ относиться къ его словамъ съ тѣмъ хладнокровнымъ равнодушіемъ, какъ вначалѣ.

— Да, подхватилъ итальянецъ,—меркурій есть духъ и тѣло. Никакой металлъ нельзя привести въ солнце (такъ мы называемъ золото) безъ помощи ртури, но самый меркурій можно привести и въ золото, и въ серебро безъ помощи другихъ металловъ, но все дѣло зависитъ отъ чистоты работы... и чтобы въ ней не было ошибки...

— И вы думаете, что ваша работа безошибочна?

— Я довелъ ее до шестой, послѣдней степени. Я говорю вамъ: въ томъ-то и дѣло, что нужно еще одно усиліе; понимаете—послѣднее. Если вы придете ко мнѣ, я покажу вамъ все и объясню подробности. Дайте только мнѣ возможность кончить, и тогда вы тоже будете обладать великою тайной.

Артемій молчалъ.

— Артемій Андреевичъ! (въ голосѣ Торичіоли послышались и мольба, и упрекъ, и настойчивое требованіе). Артемій Андреевичъ! Подумайте только. Чего вамъ недостаетъ до полного счастья въ жизни? Вы любите дѣвушку. Я знаю это и жалѣю васъ. Такимъ, какъ вы есть теперь, можете-ли вы рассчитывать на то, чтобы сбылись ваши тайныя желанія и надежды? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ, потому что за васъ не отдадутъ ее. Ну, а представьте себѣ, если вы будете обладать несмѣтными сокровищами, если золото—сыпте его горстями—никогда не будетъ переводиться у васъ, тогда вамъ станетъ все доступно. Вы можете по болѣзни (съ деньгами все возможно) освободиться отъ военной службы, уѣхать въ Италію, тамъ у насъ можно купить хоть графскій титулъ, и явиться въ Россію блестящимъ эчеленца — человѣкомъ равноправнымъ князю Проскурову...

Артемій глубоко вздохнулъ. Перспектива, которую рисовалъ Торичіоли, была слишкомъ заманчива. Она могла поколебать кого угодно.

„А что если попробовать! подумалъ онъ. — Что-жъ, куда мнѣ эти деньги... А вдругъ и въ самомъ дѣлѣ!“

— Вы подумайте! подхватилъ Торичіоли, замѣтивъ колебаніе Артемія. — Подумайте только, я хочу васъ сдѣлать счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ, а вы сомнѣваетесь. Я, помню васъ, можетъ быть, найду возможность кончить свои опыты, и тогда... Что вы будете

чувствовать тогда? Пожалѣвъ эти несчастныя деньги теперь, вы теряете въ будущемъ свое счастье.

— Я денегъ не жалѣю. Что-жъ деньги... проговорилъ Артемій.

— Ну, такъ тогда дайте, дайте мнѣ ихъ! Я вамъ говорю, что ваше счастье зависитъ теперь отъ васъ самихъ, и если вы упустите случай...

Артемій всталъ со своего мѣста и заходилъ по комнатѣ.

Мысли его безпорядочно бѣжали въ головѣ одна за другою. „Неужели, дѣйствительно, было возможно то, что сулилъ Торичіоли... это сумасшествіе; но съ другой стороны—развѣ даромъ столько людей, и въ числѣ ихъ были люди умные, ученые,—занимались этимъ открытіемъ... И вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, секретъ въ рукахъ итальянца!“

— Да, возьмите! рѣшилъ вслухъ Артемій.—Возьмите эти деньги, мнѣ не жаль ихъ!

Торичіоли затрясся отъ радости.

— О! воскликнулъ онъ.—Я не благодарю васъ, потому что завтра, самое большое послѣзавтра вамъ придется благодарить меня; вы это увидите, вы это увидите...

И говоря это, итальянецъ поспѣшно, словно боясь, что Артемій раздумаетъ и измѣнитъ свое рѣшеніе, забралъ деньги, схватилъ шляпу и выбѣжалъ изъ комнаты.

Послѣ его ухода, Артемій долго стоялъ неподвижно, напрасно сисясь привести въ порядокъ свои спутанныя мысли.

Прежде всего его поражала одна странность: второй разъ въ жизни, въ самый тотъ моментъ, когда онъ рѣшался на отчаянный шагъ—какъ тогда въ лѣсу и какъ теперь, когда онъ подошелъ къ окну, чтобы открыть его и высунуться на холодный воздухъ,—явилась передъ нимъ неожиданная помѣха, и помѣха эта была связана съ исторіею Торичіоли... Это было странно, но онъ не останавливался, впрочемъ, долго на этой странности. Артемій не могъ понять, что ни у кого не работаетъ воображеніе такъ, какъ у влюбленныхъ. А самъ онъ былъ влюбленъ и только что натолкнутый на новый путь мечтаній неудержимо понесся своимъ воображеніемъ, которому, чтобы разыграться, нужно было лишь прицѣпиться къ чему-нибудь. А тутъ было на чемъ фантазировать. А вдругъ и, правда, онъ будетъ обладать такими сокровищами, что цѣлый міръ можно купить на нихъ... Вѣдь это могущество, огромное могущество... да, тогда все возможно... и какъ этотъ итальянецъ вдругъ такъ хорошо придумалъ, купить графскій титулъ, явиться въ Россію... Нѣтъ, быть этого не можетъ... А отчего не можетъ быть... вѣдь, спасъ-же онъ знамя... и всѣ его полюбили и всѣ любятъ его. И Артемій любилъ себя въ эту минуту и свою Ольгу, и въ мечтахъ его она любила, и они были счастливы...

Навѣстившій вслѣдъ за тѣмъ Артемія докторъ нашелъ, что здоровье его значительно улучшилось, и велѣлъ ему принять еще приемъ послѣдняго лѣкарства, которому онъ, разумѣется, приписалъ перемѣну здоровья своего пациента, не подозрѣвая, что больному стало лучше оттого, что нравственное состояніе его измѣнилось. Артемій, дѣйствительно, повеселѣлъ потому, что ему была дана теперь надежда, хотя, правда, безумная, почти сумасшедшая, но все-таки надежда.

На другой день онъ ждалъ Торичіоли съ нетерпѣніемъ. Но тотъ не явился. Прошелъ еще день. Итальянецъ не приходилъ. Артемій началъ беспокоиться. Онъ поздно вспомнилъ о томъ, что не спросилъ у Торичіоли, гдѣ его можно найти. Теперь приходилось ждать—и только. Ожиданіе это становилось несносно. На третій день, наконецъ, утромъ принесли записку, въ которой итальянецъ сообщалъ свой адресъ и говорилъ,

что все идетъ превосходно, и чтобы Артемій не беспокоился. Артемій упросилъ доктора выпустить его, и въ первый-же выходъ свой, обманувъ дядю, который хотѣлъ придти, чтобы проводить его на прогулку, отправился одинъ къ Торичіоли.

Когда онъ попалъ къ итальянцу, когда тотъ показалъ свою комнату, превращенную въ лабораторію, показалъ ему результаты первыхъ опытовъ, развернулъ книги и, все время рассказывая, читалъ изъ нихъ выдержки, когда, наконецъ, передъ глазами Артемія воочию затеплился огонекъ подъ реторгой, въ которой должно было совершиться таинственное превращеніе — мысли его, при видѣ всего этого, окончательно спутались, и онъ оказался побѣжденнымъ, совсѣмъ перешедшимъ на сторону алхиміи.

Съ этихъ поръ, сжигаемый лихорадкой нетерпѣнія, онъ каждый день сибѣшилъ въ лабораторію, помогалъ, чѣмъ могъ, толокъ, растиралъ и слушалъ уже слова Торичіоли, какъ слова оракула.

Удивительно, откуда брались у него силы, но онъ чувствовалъ себя уже бодрымъ и почти здоровымъ. Особенное дѣйствіе произвели на него книги. Тамъ казалось все такъ правдоподобно, ясно изложено, хотя и очень туманнымъ языкомъ, но все-таки ясно, если только найти ключъ къ пониманію. Артемій съ нѣсколькихъ словъ Торичіоли уже считалъ себя обладателемъ этого пониманія. Первыхъ денегъ, данныхъ имъ для опытовъ, разумѣется, не хватило. Шестая степень работы оказалось самою сложною. Для нея понадобился особенный сосудъ и еще, и еще расходы. Артемій (нѣ прошло и десяти дней занятій его алхиміей) снова обратился съ просьбою о выдачѣ ему изъ его денегъ пятидесяти рублей. Но теперь это его уже не смущало. Торичіоли поддерживала въ немъ, какъ огонь подъ своей реторгой, увѣренность и надежду на золотыя горы въ будущемъ.

Дѣло шло къ концу октября. Снѣгъ еще не выпалъ, но становилось уже холодно. Артемій шелъ вечеромъ домой отъ Торичіоли, кутаясь въ свой теплый плащъ и тревожимый тѣмъ-же чувствомъ ожиданія, которое жило въ немъ все послѣднее время, ожиданіемъ, — что, можетъ быть, завтра появится въ ретортѣ обѣщанный книгами сипій дымокъ, такъ нетерпѣливо ожидаемый и долженствующій служить признакомъ окончанія работы.

Артемій самъ не замѣтилъ, какъ быстро заразился онъ своимъ увлеченіемъ, и какіе глубокіе корни оно

пускало въ немъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

Вернувшись домой, онъ засталъ фрау Зонненширмъ, противъ обыкновенія, не спящую. Въ ея комнатѣ горѣлъ огонь. Она, очевидно, слышала, какъ пришелъ онъ, и сейчасъ-же постучала къ нему въ дверь.

— Я васъ ждала, отвѣтила она на вопросъ Артемія, отчего она не легла и здорова-ли она.—О, да, я совсѣмъ здорова, продолжала фрау Зонненширмъ,—я васъ только ждала.

— Что-же, есть какія-нибудь новости?

— О, нѣтъ! господинъ капралъ заходили и очень жалѣли, что васъ опять дома нѣтъ... но, главное: вамъ письмо принесли.

— Какое письмо? Кто принесъ, господинъ капралъ принесъ?

— О, нѣтъ — господинъ капралъ раньше были, а письмо принесъ совсѣмъ другой человекъ. Онъ былъ совсѣмъ закрытъ своимъ плащомъ, и я лица не видѣла его.

— Гдѣ-же это письмо?

— Вотъ оно, вотъ оно...

И фрау Зонненширмъ достала изъ кармана передника сложенную въ письмо бумагу.

Артемій прочелъ адресъ, написанный совершенно незнакомой рукою. Тѣмъ не менѣе это былъ его адресъ, и полное его имя и даже воинское званіе были обозначены совершенно ясно на нѣмецкомъ языкѣ. Письмо было запечатано странною печатью, на которой видѣлось кольцо, образованное изъ змѣи, кусающей свой хвостъ, а въ срединѣ кольца — была пентаграмма съ обращенною кверху вершиной.

Фрау Зонненширмъ, отдавъ письмо, заявила, что пойдетъ теперь спать, потому что ей это очень хочется, и ушла.

„Отъ кого-бы это могло быть?“ подумалъ Артемій, распечатывая.

Письмо заключало въ себѣ всего нѣсколько строкъ:

„Если хотите,—было написано въ немъ на нѣмецкомъ языкѣ,—увидѣться съ человекомъ, съ которымъ бесѣдовали вы нѣсколько времени тому назадъ въ Проскуровскомъ лѣсу, то будьте $\frac{3}{14}$ будущаго ноября, къ восьми часамъ вечера, по слѣдующему адресу“.

И вмѣсто адреса на письмѣ былъ изображенъ планъ улицы, гдѣ жилъ Артемій, и отъ его дома стрѣлкою показанъ путь, куда ему слѣдовало идти.

Вмѣсто подписи стояли три латинскія буквы: С. S. G.

(Продолженіе будетъ).

Мертвое поле.

Вѣютъ знамена,

Копья трещать,

Съ моря и Дона

Стрѣлы летятъ.

Воины смѣлы,

Грозенъ ихъ вождь.

Падаютъ стрѣлы

Съ шумомъ, какъ дождь.

Всеслодъ ярый

Вихремъ летитъ,

Сыплетъ удары,

Шлемы дробить.

Гдѣ ударяетъ

Буй-туръ мечемъ—

Горе летаетъ

Алчнымъ орломъ.

Хмурятся тучи:

Всеслодъ палъ,

Витязь могучій.

Мутенъ Каяль.

Надъ берегами

Сонной рѣки

Птицы крылами

Кроютъ полки.

Смерть новоселье

Правитъ средь нихъ:

Мрачно веселье

И пиръ ся тихъ.

Взрыты копытомъ,

Смяты поля—

И по убитымъ

Плачетъ земля!

І. Ясинскій.

Искусство укрощенія и дрессировки животныхъ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Всѣмъ намъ со школьной скамьи знакомъ трогательный разсказъ о римскомъ рабѣ Андроклѣ, убѣжавшемъ отъ своего жестокаго господина и скрывшемся въ одной пещерѣ Ливійской пустыни, гдѣ онъ столкнулся со львомъ, страдавшимъ отъ занозы въ ногѣ. Андроклѣ вынулъ ему занозу, заживилъ рану, и съ этихъ поръ левъ не только сдѣлался его защитникомъ, но раздѣлялъ съ нимъ въ теченіе трехъ лѣтъ свою добычу, а когда рабъ былъ пойманъ и, отданный на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, по волѣ случая, очутился на аренѣ цирка передъ тѣмъ же львомъ, животное тотчасъ же узнало своего благодѣтеля и легло у его ногъ. Эта трогательная исторія можетъ считаться однимъ изъ древнѣйшихъ и наиболее блестящихъ доказательствъ искусства укрощенія звѣрей.

Черезвычайно счастливымъ укротителемъ животныхъ былъ извѣстный въ древности Орфей, звуками кифары заставлявшій самыхъ свирѣпыхъ хищниковъ по-

слушно ложиться у своихъ ногъ; къ числу выдающихся мастеровъ на этомъ поприщѣ можетъ быть причисленъ Генрихъ Левъ, за которымъ прирученный имъ на Востокѣ левъ слѣдовалъ до самаго Брауншвейга. Левъ этотъ умеръ на гробѣ своего господина голодной смертью.

Такимъ образомъ, искусство укрощенія животныхъ существовало еще въ древности, и современные укротители могутъ со справедливой гордостью оглянуться на цѣлый рядъ всемирно извѣстныхъ предшественниковъ и учителей, мастеровъ своего дѣла, въ жилахъ которыхъ текла кровь нѣвцовъ и князей.

Искусство укрощенія животныхъ—стоявшее въ древности на такой высокой степени развитія, что львы и тигры были домашними животными императорскихъ дворцовъ—за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ воскресло съ новою поразительною силою и сдѣлало такіе успѣхи, что не можетъ не интересоваться каждымъ.

Обыкновенно предполагаютъ, что укротитель—особенно, если онъ имѣетъ дѣло съ большими хищными животными—долженъ быть Геркулесомъ по сложенію и мускульной силѣ. Этотъ взглядъ совершенно невѣренъ: маленький, незначительный, слабосильный человѣкъ въ данномъ случаѣ можетъ сдѣлать то же самое, что и великанъ, такъ какъ для укрощенія дикихъ животныхъ пужна не физическая сила, но, главнымъ образомъ, терпѣніе—безконечное, невообразимое, неслыханное терпѣніе, настоящее ангельское терпѣніе, и рядомъ съ нимъ тщательное изученіе характера всей породы и cadaго отдѣльнаго животного. Грубая сила ничего не достигнетъ, и тѣ господа, которымъ удается посредствомъ страха на нѣсколько минутъ ошеломить животное и принудить его къ слѣпому повиновенію, никогда не могутъ быть увѣрены въ своей безопасности. Напротивъ того, для настоящаго искуснаго укротителя, добившагося своей цѣли, всѣ самыя свирѣпыя и свирѣпѣйшія животныя, за исключеніемъ несчастныхъ случайностей, почти безопасны. Такой укротитель умѣетъ обращаться съ животными, они къ нему привязаны и держатъ себя относительно него, какъ дѣти; дѣйствительно, какъ въ странномъ это звучитъ, животныя по характеру и поступкамъ живо напоминаютъ дѣтей. При такомъ положеніи вещей, казалось бы, укрощать животныхъ очень не трудно; на самомъ дѣлѣ, однако,—это какъ разъ наоборотъ. Укрощеніе чрезвычайно трудно по той причинѣ, что для него не существуетъ никакихъ правилъ, предписаній, никакихъ теоретическихъ приемовъ, даже самой большой опытности не достаточно; укротитель долженъ съ каждымъ отдѣльнымъ экземпляромъ, такъ сказать, начинать сънова, создавалъ особую примѣнительную къ нему систему воспитанія. Если-бъ намъ пришлось съ кафедры читать лекцію объ искусствѣ укрощенія животныхъ, мы начали бы такъ: „Искусство укро-

тителя, добившагося своей цѣли, всѣ самыя свирѣпыя и свирѣпѣйшія животныя, за исключеніемъ несчастныхъ случайностей, почти безопасны. Такой укротитель умѣетъ обращаться съ животными, они къ нему привязаны и держатъ себя относительно него, какъ дѣти; дѣйствительно, какъ въ странномъ это звучитъ, животныя по характеру и поступкамъ живо напоминаютъ дѣтей. При такомъ положеніи вещей, казалось бы, укрощать животныхъ очень не трудно; на самомъ дѣлѣ, однако,—это какъ разъ наоборотъ. Укрощеніе чрезвычайно трудно по той причинѣ, что для него не существуетъ никакихъ правилъ, предписаній, никакихъ теоретическихъ приемовъ, даже самой большой опытности не достаточно; укротитель долженъ съ каждымъ отдѣльнымъ экземпляромъ, такъ сказать, начинать сънова, создавалъ особую примѣнительную къ нему систему воспитанія. Если-бъ намъ пришлось съ кафедры читать лекцію объ искусствѣ укрощенія животныхъ, мы начали бы такъ: „Искусство укро-

Слонъ-гимнастъ.

щения животных распадается на два отдела: первый — приручение, второй — дрессировка. При приручении нужно сообразоваться больше всего с характером животного; при дрессировке играет главную роль его смелость; приручить можно почти всех зверей, дрессировать — лишь немногих...“ Вот все, что можно сказать с точки зрения теории.

Но каким же образом делать ручными таких хищников, как, напр., лев, тигр? На это даст ответ рассказ одного знаменитого укротителя о самом блестящем успехе всей его карьеры; я позволю себе привести здесь мою встречу с знаменитым укротителем Мартини за год до его смерти.

Мартини, француз по происхождению, жил тогда богатым рантье в Оверши, близ Амстердама. Я застал его за прививкою роз в саду его виллы. Старик имел вид отставного английского полковника, пятакутого и важного Краснощекая горничная-голландка, в крылатом блязом чепце, подвела меня к нему.

— Господинь Мартини? начал я.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Я приступлю къ дѣлу безъ обиняковъ, сударь: я прѣхалъ сюда специально съ тѣмъ, чтобы узнать отъ васъ нѣкоторыя интересныя приключенія изъ вашего замѣчательнаго прошлаго. Не скрою, что мое желаніе подѣлиться ими съ читателями газеты ***, корреспондентомъ которой я состою.

— Очень жаль, но это невозможно, отвѣчалъ очень сдержанно старый джентльменъ, — очень жаль.

— Невозможно?

— Совершенно невозможно. Я въ настоящее время пишу свою биографію, въ этомъ году она уже будетъ кончена, и я бы не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь другой выбралъ у меня изъ пирога всѣ изюминки и преподнесъ ихъ публикѣ. Умные черные глаза сѣдовласаго господина при этомъ очень проницательно смотрѣли на меня сбоку. — Вы это поймете, сударь.

— Я совершенно хорошо понялъ и не стану больше утруждать васъ. Мое обѣщаніе, повидимому, настроило старика на болѣе дружескій ладъ.

— Разрѣшите мнѣ, однакоже, продолжать я, — задать вамъ одинъ вопросъ, который давно меня интересуетъ. Какіе при-

емы существуютъ для того, чтобы приручить, напримеръ, дикаго тигра и выдрессировать его?

— Да, если-бъ я могъ сказать это, я зналъ-бы очень много.

— Но, вѣдь, вы достигли знаменитости, именно благодаря прирученію тигровъ. Вообще, вы первый занялись этимъ дѣломъ, до васъ никому не удавалось приручать тигровъ.

— Тигровъ во множественномъ числѣ — это невѣрно, съ горячностью возразилъ старикъ, — я дрессировалъ одного тигра.

— Какими же средствами вы пользовались?

— Я вошелъ съ нимъ въ дружбу, и это произошло такъ: въ то время я былъ еще совсемъ молодымъ человѣкомъ, волтижеромъ по призванію, и мой маленькій балаганъ стоялъ какъ разъ рядомъ съ большимъ звѣринцемъ Ванъ-Акена въ Раумбургѣ на Заалѣ. У меня было очень много свободнаго времени, я дѣльный день слонялся въ звѣринцѣ Ванъ-Акена и забавлялся со звѣрями; въ особенности, мнѣ нравилась одна обезьяна, которую я часто кормилъ винными ягодами.

„Однажды, — продолжалъ рассказывать Мартини, повидимому, совершенно забывъ, что я корреспондентъ, — я только что протянулъ къ обезьянѣ руку съ парой ягодъ, какъ вдругъ изъ стоявшей рядомъ клѣтки послышалось злобное ворчанье, и огромный королевскій тигръ замахнулся на меня своєю исподлинскою лапой, незамѣтно просунувъ ее сквозь рѣшетку; онъ неминуемо опрокинулъ бы меня на землю, стой я на одинъ дюймъ ближе къ клѣткѣ. Страхъ, испытанный мною при этомъ, такъ меня раздосадовалъ, что я изъ всей силы сталъ бить тигра свинцовымъ наблюдатчикомъ моею трости и побилъ его такъ основательно, что онъ съ воемъ и ревомъ отскочилъ отъ рѣшетки и сталъ бѣсноваться, какъ безумный. Можетъ быть, и не ударилъ бы его, если-бъ въ тотъ самый день не испыталъ большого волненія. Дѣло въ томъ, что я по уншъ влюбился въ дочь Ванъ-Акена

Собравшись съ духомъ, я отправился къ нему, приодѣвшись, какъ могъ, чтобы просить руки m-lle Ванъ-Акенъ. Богатый Ванъ-Акенъ смѣрялъ меня глазами съ головы до ногъ. „Любезный другъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ, „Ванъ-Акенъ не отдастъ своєю дочери за канатнаго плясуна, единственная собствен-

ность котораго — ящикъ съ мишурными нарядами и десять локтей полотна для палатки. Выпейте стаканъ воды, молодой человѣкъ, это вамъ будетъ полезно“. Съ этими словами гордый господинъ меня оставилъ.

„Я выпилъ стаканъ воды и пошелъ искать развлечения въ звѣринцѣ. На другой день послѣ моего столкновения съ тигромъ, я опять утромъ былъ въ звѣринцѣ, далъ обезьянѣ лакомство, и снова, какъ въ прошлый разъ, тигръ, вѣроятно, изъ зависти, замахнулся на меня лапой; я далъ ему

Обезьяна — канатный-плясунъ.

Ученый медвѣдь.

Смѣшанное общество.

тотъ-же урокъ, что и наканунѣ. Выраженіе глазъ его, съ которымъ онъ уставился на меня, начало необыкновенно интересоваться мною. Я въсколько дней не ходилъ въ звѣринецъ и потомъ подошелъ прямо къ клеткѣ тигра, чтобы узнать, помнитъ-ли онъ меня. Тигръ, повидимому, уже зналъ мои шаги, его глаза засверкали, какъ только я появился передъ клеткой; онъ бѣшено хлесталъ хвостомъ о деревянныя стѣны, согблъ и испускалъ потрясающій ревъ. Тутъ внезапно пришла мнѣ странная мысль приручить этого тигра, тщеславное желаніе подчинить себѣ этого заклятаго дикаго врага. Въѣбгъ съ тѣмъ мнѣ захотѣлось показать Ванъ-Акену, что я умѣю не только жонглировать шарами и танцовать на бутылкахъ; рисовались въ моемъ воображеніи и другія картины, — картины счастья, смѣло достигнутыхъ цѣлей. Главный сторожъ звѣринца, старый швейцарецъ — его звали Нардусъ — былъ моимъ пріятелемъ; благодаря чему я имѣлъ свободный доступъ въ звѣринецъ. Такимъ образомъ, я являлся туда каждое утро и приучалъ тигра къ своей наружности, желая заставить его забыть побой; это удалось мнѣ поразительно быстро. Я цѣлыми часами говорилъ съ нимъ самымъ мягкимъ, вроткимъ тономъ, приносилъ ему отъ времени до времени, въ видѣ лакомства, кусочки мяса, и въ три мѣсяца — все это время я слѣдовалъ со своимъ балаганомъ за звѣринцемъ Ванъ-Акена — успѣхи были такъ велики, что тигръ, завидѣвъ меня, ласково ворчалъ и бралъ изъ моихъ рукъ мясо. Скоро я уже могъ почесать ему голову, а когда я дружески говорилъ съ нимъ, онъ закрывалъ глаза и ложился у самой рѣшетки, точно желая быть какъ можно ближе ко мнѣ. Теперь я уже началъ считать возможнымъ большой, послѣдній шагъ.

— Нардусъ, сказалъ я въ одно прекрасное майское утро — мы были тогда въ Майнцѣ, недалеко отъ Рейнскихъ садовъ — окажите мнѣ одну большую услугу и общайте, что ни одна душа ни слова не узнаетъ изъ того, что я предпринимаю!

— Если вы не потребуете отъ меня ничего дурного, почему бы мнѣ и не исполнить вашей просьбы? сказалъ старикъ — Но, прежде чѣмъ сказать „да“, я долженъ знать, что вы отъ меня требуете?

— Вы должны пустить меня какъ-нибудь въ клетку тигра.

— Нардусъ даже отскочилъ отъ меня.

— Вы, должно быть, сошли съ ума, Мартини! Любовь лишила васъ разсудка! испуганно воскликнулъ старый сторожъ. — Если вы во что бы то ни стало хотите лишиться себя жизни, бросьтесь лучше въ Рейвъ и не подведите меня, старика! Я посѣдѣлъ и состарѣлся между этими звѣрями, но еще никто при мнѣ не затѣвалъ такого безумія. Тигръ растерзаетъ васъ въ первую же минуту.

— Онъ этого не сдѣлаетъ, Нардусъ. Я его приручилъ къ себѣ, и совершенно въ немъ увѣренъ. Теперь нужно только вооружиться мужествомъ, и если вы меня не пустите въ клетку, я войду туда силою, что, конечно, можетъ быть для меня очень опаснымъ.

— Долго пришлось мнѣ уговаривать сторожа, пока онъ, наконецъ, согласился отворить дверь въ задней стѣнѣ клетки и впустить меня. Бѣдняга дрожалъ отъ страха, какъ онъ потомъ мнѣ рассказывалъ, и стоялъ по ту сторону деревянной выдвижной двери, держась одной рукою за засовъ, чтобы тотчасъ же открыть дверь, если я позову на помощь; въ другой рукѣ онъ имѣлъ, на всякій случай, тяжелый желѣзный пруть. Старикъ не могъ видѣть того, что происходило въ клеткѣ.

— Когда я, быстро открывъ дверь, вошелъ въ клетку, тигръ очень испугался, забился въ уголъ и оттуда пристально смотрѣлъ на меня. Я, повидимому, совершенно беззаботно прислонился къ двери. Теперь тигръ глухо ворчалъ и весь насторожился, словно ожидая врага. Онъ присѣлъ для прыжка, но не прыгалъ. Такъ какъ я продолжалъ спокойно стоять, то и онъ оставался въ своемъ углу, не покидая оборонительнаго положенія, сердито ворча и оскаливъ зубы. Черезъ нѣсколько секундъ я тихо стукнулъ въ стѣнку, и Нардусъ быстро выпустилъ меня. Старикъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и вытиралъ со лба холодный потъ.

— Видите, тигръ [ничего мнѣ не сдѣлалъ, спокойнѣе обратился я къ нему.

— Сторожъ только покачалъ головой и ушелъ.

— Черезъ двѣ недѣли я повторилъ свое посѣщеніе клетки; тигръ велъ себя враждебно, какъ въ первый разъ. Послѣ этого я ежедневно зачастилъ въ клетку, и уже отваживался

Бѣлый медвѣдь — стрѣлокъ.

ласково заговаривать съ животнымъ. Тигръ съ каждымъ момътъ поощреніемъ становился спокойнѣе и довѣрчивѣе. Послѣ десяти визита я зашелъ такъ далеко, что тигръ, по моему приказанію, ложился на полъ; тогда я рискнулъ, въ награду за послушаніе, дать ему кусочекъ мяса. Это возымѣло превосходное дѣйствіе, тигръ, при моемъ появленіи, уже ложился у моихъ ногъ, чтобы получить свою награду, и не хотѣлъ вставать, пока я не давалъ ему мяса. Я увидѣлъ себя вынужденнымъ отъ времени до времени лишать его этого лакомства. Вначалѣ у насъ съ нимъ возникали изъ-за этого большія неприятели, такъ какъ животное, въ случаѣ отказа, дѣлалось раздражительнымъ и непослушнымъ. При помощи большого терпѣнія, ласковаго уговариванія и почесыванія за

ушами, я, наконецъ, пришелъ и здѣсь къ цѣли: скоро тигръ слѣдовалъ за мною, какъ собака, безо всякой награды. Я обращался съ нимъ, какъ съ большимъ, неуклюжимъ, легко раздражающимся и такъ же легко успокаивающимся ребенкомъ, и, въ концѣ концовъ, достигъ всего.

„Въ продолженіе всего времени дрессировки, Нардусъ стоялъ по ту сторону глухой стѣны клѣтки, держась рукою за задвижку.

„Однажды я велѣлъ ему задвинуть дверь вполноту на засовъ и подойти къ клѣткѣ со стороны рѣшетки. Я уже довелъ тигра до того, что онъ ложился на полъ и позволялъ мнѣ на себя садиться.

„Когда Нардусъ это увидѣлъ, онъ испустилъ крикъ ужаса

и въ величайшемъ волненіи поспѣшилъ къ семейству Акенъ, которое, обыкновенно, поутру сидѣло въ столовой за кофе. Старикъ въ ужасѣ крикнулъ присутствовавшимъ: „Скорѣй, скорѣй къ тигру! Господинъ Мартинъ въ клѣткѣ тигра!“ Ничего болѣе онъ не могъ выговорить.

„Всѣ въ ужасѣ вскочили съ мѣстъ, думая, что случилось несчастіе, и бросились къ клѣткѣ; въ числѣ прибѣжавшихъ была и м-ше Ванъ-Акенъ.

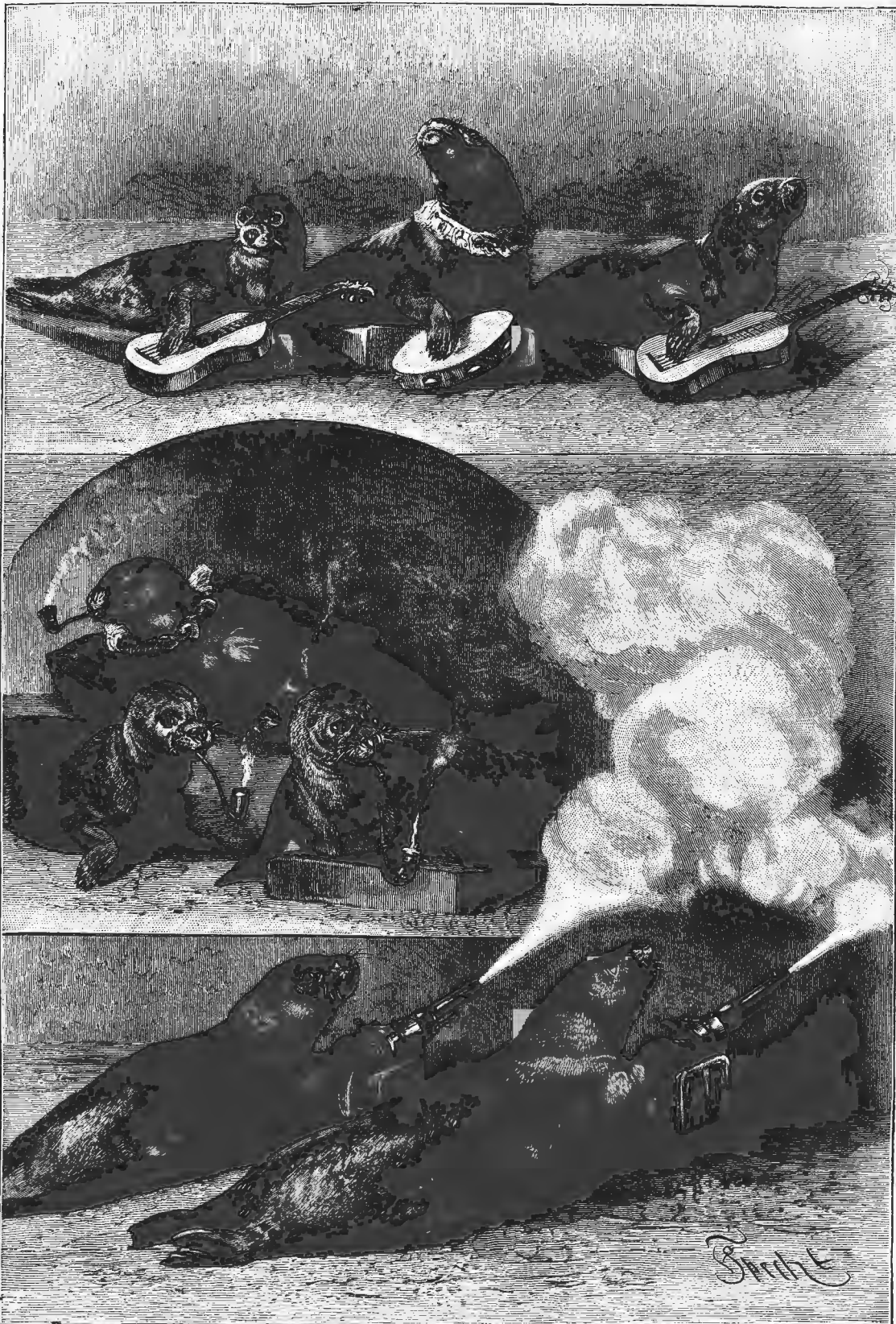
„Они остановились, какъ вкопанные, видя меня сидящимъ на тигрѣ. Ихъ удивленію не было предѣловъ, когда я началъ играть съ страшнымъ хищникомъ, какъ съ собакой.

„— Думаете-ли вы теперь, господинъ Ванъ-Акенъ, что я въ состояніи прокормить жену и дѣтей? обратился я ко все еще безмолвствовавшему содержателю звѣринца.

„Въ результатѣ было то, что полгода спустя я женился на м-ше Акенъ. Видите, сударь, вотъ какъ приручаютъ тигровъ, то-есть такъ я приручилъ одного изъ нихъ. Выводить изъ этого какое-либо правило нельзя, для другого кого-нибудь эта исторія могла бы плохо кончиться“.

Я поклонился съ легкой улыбкой

— Ловко однако! воскликнулъ, смѣясь уже, Мартинъ, — я и не замѣтилъ, что все рассказалъ вамъ, теперь вы мою болтовню отгадываете въ печать, и моя книга будетъ только повтореніемъ!.. А все оттого, что я не умѣю держать языкъ за зубами!

Дрессированные тюлени.

Медвѣжонок на вальсѣ.

Мы кое-как это уладили и разстались друзьями.

Вотъ какимъ образомъ приучаютъ тигровъ; то же можно сказать и обо всѣхъ остальныхъ животныхъ. Сила и фигура атлета тутъ ни при чемъ; это доказываютъ многочисленные укротительницы, въ большинствѣ случаевъ, дѣвушки пѣснаго сложенія, достигающія необычайныхъ успѣховъ въ дѣлѣ укрощенія дикихъ животныхъ, безъ сомнѣнія, въ силу того, что женщины, вообще, имѣютъ больше терпѣнія и кротости, — послѣднюю, по крайней мѣрѣ, въ голосѣ. — чѣмъ мужчины. Нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что укротительницы животныхъ слѣ-

дуютъ своему призванію лишь въ возрастѣ между семнадцатью и тридцатью годами, стало-быть, въ расцвѣтѣ молодости и красоты. Къ почтеннымъ матронамъ тигры, львы, медвѣди и гіены не настолько любезны, чтобы дать себя приручить. Для укротителей возрастъ не имѣетъ значенія. Мартини, Дагезель, Фиамоли, почти шестидесяти лѣтъ, еще давали блестящія доказательства своего искусства.

Волковъ и гіенъ приучать, относительно, не трудно, при всемъ томъ съ ними укротитель никогда не можетъ быть увѣренъ въ своей полной безопасности: при случаѣ, эти животные всегда готовы укусыть такъ же, какъ подвергающіяся дрессировкѣ большія собаки. Подобныя необъяснимыя выходы этихъ послѣднихъ происходятъ, по всей вѣроятности, отъ ихъ очень живого темперамента и большой нервности.

Слонъ очень податливъ и позволяетъ себя приручить въ теченіе нѣсколькихъ дней; дрессировка слоновъ, при большомъ умѣ и замѣчательномъ усердіи этихъ животныхъ, относительно, легка. Подозрительна у этихъ умныхъ толстокожихъ только легко возбудимая мстительность — совсѣмъ особенная черта характера слоновъ.

Домашнія и ручныя животные, также обезьяны, верблюды и сурки, разумѣется, не имѣютъ надобности въ укрощеніи, ихъ только дрессируютъ; безконечное терпѣніе здѣсь всегда приноситъ желанные плоды. Во всѣхъ породахъ животныхъ есть умные и глупые, понятливые и тупые субъекты. Дикія животные прежде всего должны быть сдѣланы ручными; послѣ этого укротитель можетъ перейти къ дрессировкѣ. Между ними онъ натѣкаетъ на такіе дикіе, не поддающіеся укрощенію, экземпляры, что, во избѣжаніе потери времени и труда, ихъ приходится оставлять въ покоѣ.

Существуетъ ходячее

На велосипедѣ.

Опасная эквилибристика

Специалисты этого дѣла различаютъ два рода дрессировки хищныхъ животныхъ—дикую и ручную. Первая происходитъ въ узкой клеткѣ; здѣсь животное только гоняютъ изъ одной стороны тѣсной клеткѣ въ другую, при чемъ оно, по необходимости, прыгаетъ черезъ обручи, кнутовища, шести и т. п. При такой дрессировкѣ часто играетъ большую роль страхъ передъ проволоочной плетью; укротитель среди подобнымъ образомъ дрессированныхъ животныхъ никогда не чувствуетъ себя безопаснымъ, остается въ клеткѣ короткое время и свой уходъ долженъ, обыкновенно, прикрывать выстрѣломъ изъ пистолета, что каждый разъ оглушаетъ и запугиваетъ звѣрей. Этотъ родъ дрессировки обратя по искусству считаютъ ниже „ручного укрощенія“.

Дѣйствительно, высшая степень укрощенія достигается только при ручной дрессировкѣ, когда укротитель безъ всякаго оружія, желѣзныхъ шестовъ и проволоочныхъ плетей, совершенно спокойно и дружелюбно общается со всевозможными дикими и ручными животными въ общей ихъ клеткѣ, напоминающей, по размѣрамъ, цѣлый рѣшетчатый домъ, среди этой толпы животныхъ возится съ тиграми, львами, собаками, медвѣдями, позволяетъ животнымъ играть другъ съ другомъ, а самъ только присматриваетъ за четвероногими „дѣтьми“, какъ учитель за учениками. Одинъ изъ величайшихъ мастеровъ въ дѣлѣ укрощенія животныхъ—Августъ Мерманъ, совладѣлецъ цирка Гагенбекъ.

Мерманъ, какъ извѣстно, показываетъ въ одной испанской клеткѣ львовъ, тигровъ, сѣрыхъ медвѣдей, собакъ, одного бѣлаго медвѣдя и леопардовъ; въ рукѣ онъ держитъ только маленькій хлыстикъ. Каждое животное имѣетъ свое отдѣльное сидѣнье; Мерманъ вызываетъ животныхъ поочередно съ ихъ скамеечекъ и заставляетъ ихъ продѣлывать пзумительныя штуки; такъ, догъ и тигръ вмѣстѣ ѣздитъ на велосипедѣ, черный медвѣженокъ бѣгаетъ на вальскѣ, королевскій тигръ на шарѣ, леопардъ и тигръ вмѣстѣ качаются на качеляхъ, бѣлый медвѣдь стрѣляетъ изъ пистолета и т. п. Мерманъ расхаживаетъ между опасными жонглерами, какъ будто это кролики и овечки, и свирѣбые звѣри повинуются ему, по малѣйшему знаку хлыста. Они держатъ себя такъ удивительно спокойно, даже флегматично, что не разъ уже давали многимъ поводъ утверждать, будто до начала и во время представления имъ даютъ скрытый въ кускахъ мяса опиумъ, или дѣлаютъ имъ подкожныя инъекціи морфія.

Разумѣется, это—сказка, выдуманная совершенными профанами, такъ какъ подобное омыненіе животныхъ могло бы имѣть для нихъ настолько роковыя послѣдствія, что въ непродолжительномъ времени они бы погибли, и потому это средство во всѣхъ отношеніяхъ было бы невыгодно. Кромѣ того, омыненное такимъ образомъ животное заблудо бы все, чему его учили, и въ своемъ возбужденномъ состояніи могло бы быть чрезвычайно опаснымъ для укротителя. Мерманъ громко разсказывалъ, когда я разсказалъ ему объ этомъ слухѣ. Я выразилъ желаніе познаться со способомъ его сношеній съ животными, и укротитель пригласилъ меня сначала присутствовать на представленіи, а потомъ придти на другой день рано утромъ въ циркъ, когда передъ релетицей звѣри могли играть другъ съ другомъ, подъ его наблюденіемъ.

Я послѣдовалъ приглашенію. Представленіе состояло изъ вышеоименованныхъ нумеровъ и было очень интересно. Но игры звѣрей между собою и обращеніе съ ними Мермана было замѣчательнѣе всего, что я когда-либо видѣлъ.

Огромные тигры, львы, леопарды, одинъ за другимъ были выведены имъ за ошейники изъ своихъ одиночныхъ клетокъ и пущены въ общую. Животныя вели себя, дѣйствительно, какъ играющія дѣти, веселыя, добродушныя, лишь, отъ времени до времени, проявляя въ своихъ движеніяхъ свойственную имъ мощь. Всѣ они отлично ладили другъ съ другомъ—чрезвычайно трудная задача искусства укрощенія—гонялись одинъ за другимъ, какъ сумасшедшіе, прыгали другъ черезъ друга, описывая огромныя дуги, опрокидывали другъ друга, или съ разбѣга присѣдали для прыжка, нѣкоторымъ образомъ готовились къ нему и—прыгали мимо. При этомъ они нѣрѣдко сталкивались въ воздухѣ и съ оглушительнымъ шумомъ падали на дощатый полъ; случалось, что какой-нибудь левъ или тигръ, подкарауливъ двухъ другихъ, врывался въ самую середину играющихъ,

и тогда возникала невообразимая и очень забавная возня; въ концѣ концовъ, видѣть былъ только какой-то клубокъ изъ хвостовъ, лапъ и головъ. Все это происходило совершенно мирно, никто не кусался, не царапался; Мерманъ спокойно стоялъ въ клеткѣ, руководя бѣшеной игрою и только остерегался, чтобы кто-нибудь не налетѣлъ и не опрокинулъ его, такъ какъ это опасно. Если безпорядокъ переходитъ за предѣлы дозволеннаго, или гдѣ-нибудь послышится сердитое ворчаніе, Мерманъ тотчасъ же вмешивается и различаетъ задорныхъ, разумѣется, осторожно пробираясь между ними, чтобы не получить случайнаго удара лапой. Онъ отыскиваетъ среди общей сумятицы самаго необузданнаго или того злоумышленника, который затѣялъ драку не на шутку, и нѣсколько секундъ водитъ его за ошейникъ, послѣ чего тотъ, обыкновенно, приходитъ въ себя; если же онъ и послѣ этого не успокаивается, Мерманъ на нѣсколько минутъ привязываетъ его къ рѣшеткѣ. Однако эта послѣдняя мѣра наказанія рѣдко бываетъ необходима; въ общемъ, Мерманъ обращается со страшными хищниками такъ добродушно и обходительно, словно это веселая толпа дѣтей, пользующаяся своею рекреацией между уроками въ школѣ. Конечно, когда приближается время ихъ кормленія,—звѣрей тогда разлучаютъ и каждого отдѣльно привязываютъ къ рѣшеткѣ на его всегдашнемъ мѣстѣ—имъ бросаютъ на завтракъ большой кусокъ мяса съ костями, добродушіе только что весело игравшіе между собою животныя исчезаютъ съ быстротою молнии, и у рѣшетки передъ вами дикіе, необузданные, бѣшено рвущіеся съ цѣпи хищники. Мерманъ остерегается тогда подходить къ нимъ слишкомъ близко. Они ворчатъ, режутъ и, пожирая мясо, бросаютъ вокругъ себя злобные взгляды. „Это зависть къ пицѣ“, сказалъ мнѣ Мерманъ,—„и при этомъ животныя, подобно людямъ, становятся очень несимпатичны; зато въ другое время они совершенныя дѣти, легкомысленныя, задорныя дѣти, охотно играющія и не очень-то охотно работающія. Смотрите“, прибавилъ укротитель, стройный, худощавый, болѣе красиво, чѣмъ крѣпко, сложенный господинъ,—„всего этого я достигъ терпѣливостью, снисходительностью и любовью, а также самымъ тщательнымъ изученіемъ характера каждаго отдѣльнаго животного. Никогда еще со мною не случилось чего-либо опаснаго, и, вѣроятно, не случится. Я боюсь, развѣ, только слишкомъ большой любвиности животныхъ. Однажды одинъ левъ вздумалъ со мной поиграть и лапой очень нѣжно и дружелюбно ударилъ меня по плечу; я отлетѣлъ впередъ шаговъ на шесть. Ударъ, самъ по себѣ короткий и слабый, нанесенный мягкою частью лапы, потрясъ меня, какъ сильный электрическій токъ; я чувствовалъ его довольно долго. Другой разъ одинъ тигръ, прыгая, задѣлъ мою ногу, и я долженъ былъ нѣсколько дней пролежать въ постели; благодаря неловкости тигровъ, я какъ-то получалъ еще одну или двѣ царапины, которыя трудно заживали и довольно сильно болѣли, такъ какъ когти ихъ велики и остры. Укушенъ я былъ только одинъ разъ, при дрессировкѣ дятельныхъ догговъ. Это все, что я могу сообщить о пережитыхъ мною опасностяхъ. Въ прошломъ году у меня окопали отъ дурнаго мяса почти всѣ дрессированныя животныя; въ десять мѣсяцевъ я выдрессировалъ этихъ новыхъ звѣрей такъ, какъ вы видите. Когда понимаешь дѣло, оно совсѣмъ не такъ трудно“, кончилъ онъ съ улыбкою.

— Да, когда его понимаешь, повторилъ я.—Не каждый можетъ выучиться этому дѣлу?

— Нѣтъ, только немногіе, подтвердилъ скромный Мерманъ,—и это, собственно говоря, удивительно. Мнѣ всегда казалось, что оно должно удаваться каждому; однако, когда люди, занимающіеся укрощеніемъ,—а такихъ очень много,—должны показать результаты, тогда оказывается, что они ничего не достигли.

— Слѣдовательно, искусство укрощенія животныхъ, видимо, требуетъ особаго таланта?

— Таланта?—Мерманъ покачалъ головою.—Можетъ быть, сказалъ онъ,—но гораздо болѣе, какъ мнѣ кажется, мягкаго, рѣшительнаго характера, большого, не легко приобретаемаго, знанія животныхъ—и прежде всего ангельскаго терпѣнія.

Такъ кончилось мое посѣщеніе цирка Гагенбекъ, во время рекреаций животныхъ,—посѣщеніе, давнее мнѣ возможность видѣть самое большее, что до сихъ поръ достигнуто въ области этого искусства, и этимъ мы закончимъ нашъ маленькій очеркъ укрощенія и дрессировки животныхъ.

Констанцій Гиньаръ.

Разсказъ Ришпена.

Супруги Гиньаръ, женатыя по любви, страстно желали имѣть сына. Какъ будто это маленькое, столь желанное существо хотѣло сдѣлать родителей сюрпризъ—оно явилось на свѣтъ на мѣсяцъ ранѣе положеннаго срока. Роды стоили матери жизни; а отецъ, не въ силахъ перенести этой потери, съ отчаянія повѣсилъся.

*

Констанцій Гиньаръ былъ примѣрнымъ, но несчастнымъ ребенкомъ. Въ школѣ онъ, то и дѣло, переносилъ наказанія, имъ не заслуженныя, получалъ удары, предназначенныя дру-

гимъ, заболѣвалъ случайно въ дни самыхъ серьезныхъ экзаменовъ. Къ концу курса, за нимъ, неизвѣстно, почему, установилась репутація хавяги и убогаго. На выпускныхъ экзаменахъ онъ выручилъ товарища, давъ ему списать свой латинскій переводъ, но, получая этотъ переводъ обратно, былъ пойманъ, признанъ виновнымъ въ списываніи и уволенъ изъ заведенія.

*

Такіе печальные дебюты въ жизни очень дурно отразились на дожинной натурѣ. Но Констанцій Гиньаръ обладалъ

возвышенной и честной душою и, убежденный въ томъ, что добродѣтель рано или поздно вознаграждается, рѣшилъ побѣдить свою несчастную судьбу даже геройствомъ.

Онъ погнулъ въ одну бакирскую контору, которая сгорѣла на другой же день. Во время пожара, видя своего хозяина въ полномъ отчаяніи, Гиньбаръ бросился въ огонь, чтобы спасти кассу. Спаливъ волосы, изранивъ руки, онъ, съ опасностью жизни, добрался до шкафа, взломалъ его и вытащилъ оттуда всѣ цѣнные бумаги.

По огонь сжегъ ихъ тутъ же, въ его рукахъ. А когда онъ выскочилъ изъ огня, два полицейскихъ схватили его за воротникъ. Черезъ мѣсяць судъ приговорилъ его къ пяти годамъ тюремнаго заключенія, за покушеніе на кражу, во время пожара, цѣнныхъ бумагъ, не подвергавшихся никакой опасности въ несгораемомъ шкафу.

*

Въ центральной тюрьмѣ, гдѣ его помѣстили, произошелъ бунтъ. Желая спасти тюремнаго сторожа, онъ остановилъ его во время бѣгства, но такъ неудачно, что сторожъ тутъ же былъ убитъ преслѣдовавшими его арестантами. За это Гиньбара сослали на двадцать лѣтъ въ каторжныя работы. Но, сильный своей невпечальностью, онъ бѣжалъ съ мѣста ссылки, вернулся во Францію подъ другимъ именемъ, и, думая, что ему удалось побѣдить судьбу—принялся снова дѣлать добро.

*

Однажды, на какомъ-то гуляньѣ, онъ увидалъ, какъ лошади, запряженныя въ карету, понесли. Карета непременно пошла бы въ оврагъ, но Гиньбаръ бросился передъ лошадьми; ему сломало ребро и ногу, размогло кисть правой руки—но надежде акишажа было предотвращено. Только лошади повернули въ сторону гулявшей публики и, пока остановились, раздавили старика, двухъ женщинъ и трехъ дѣтей. Въ каретѣ-же никого не было.

*

Этотъ случай отбилъ у Констанція Гиньбара охоту къ подвигамъ, и онъ рѣшилъ дѣлать добро скромно, помогая неимѣющимъ бѣднякамъ. Но деньги, которыя онъ получалъ отъ матерьяла, пропивались ихъ мужьями въ кабакахъ; фуфайки и куртки, которыя онъ раздавалъ рабочимъ, привыкшимъ къ холоду, развили между ними только простуду; брошенный щенокъ, котораго онъ пріютилъ, взбѣлелъ и искасалъ на улицѣ шесть человѣкъ; рекрутъ, котораго онъ нанялъ, чтобы освободить отъ военной службы много-обѣщавшаго молодого человѣка, продалъ неприятелю планы трехъ укрѣпленій.

*

Тогда Констанцій Гиньбаръ рѣшилъ, что деньги дѣлаютъ больше зла, чѣмъ добра, и что, вмѣсто развѣсна филантропіи на мелочъ, лучше ее сосредоточить на одномъ существѣ. Онъ усыновилъ молоденькую сиротку, некрасивую собой, но съ кроткимъ и добрымъ сердцемъ, и воспиталъ ее съ вниманіемъ и прѣклонностью настоящаго отца. Увы! онъ былъ къ ней такъ добръ, такъ самоотверженъ, такъ ласковъ, что въ одинъ прекрасный день она бросилась къ нему на шею съ самымъ страстнымъ признаніемъ въ любви. Онъ попробовалъ убѣдить ее въ томъ, что, относясь къ ней все время, какъ къ дочкѣ, онъ смелъ бы самымъ ужаснымъ преступленіемъ уступить искушенію, которое она ему предлагала. Онъ отечески указалъ ей, что она принимается за любовь простое пробужденіе чувствъ, и обѣщать немедленно отыскать ей мужа, достойнаго ея.

На слѣдующій день онъ нашелъ ее у порога своей комнаты, съ ножомъ въ сердцѣ.

*

Послѣ этого Констанцій Гиньбаръ отказался отъ роли благодѣтеля и повліялся, что впредь, вмѣсто того, чтобы дѣлать добро, онъ будетъ только препятствовать другимъ дѣлать зло.

За нѣсколько времени до этого, онъ случайно узналъ про преступленіе, задуманное однимъ изъ его друзей. Онъ могъ бы довести на него; но предпочелъ помѣшать преступленію, не выдавая преступника. Для этого онъ вмѣшался въ дѣло, ознакомился со всѣми самыми сокровенными его штиями и ждалъ окончательнаго момента, чтобы все разтропить. Но негодяй, котораго онъ беретъ, все понялъ отлично и обставилъ дѣло такъ, что преступленіе было совершено, преступникъ спасся, а Констанцій Гиньбаръ арестованъ.

*

Рѣчь прокурора противъ Констанція Гиньбара была шедевромъ краснорѣчія и логики. Онъ припомнилъ всю жизнь обвиня-

маго, его жалкое дѣтство, его наказанія, исключеніе изъ школы, дерзость перваго покушенія на кражу, отвратительное соучастіе въ бунтѣ центральной тюрьмы, побѣгъ съ каторги, возвращеніе во Францію подъ чужимъ именемъ. Особенно, начиная съ этого мѣста, прокуроръ достигъ высшей степеніи судебного краснорѣчія. Онъ заклеивалъ этого лицемера добродѣтели, этого развратителя честныхъ семействъ, который, чтобы воспользоваться женами, посылалъ мужей въ кабакъ пропивать его деньги; этого ложнаго благодѣтеля, который домогался, посредствомъ вредныхъ подарковъ, создать себѣ дешевую популярность; это чудовище, скрытое подъ маской филантропа. Онъ съ ужасомъ указалъ на уточненную неспорченность этого негодяя, давшаго пріютъ бѣшеннымъ собакамъ, чтобы потомъ выпускать ихъ на народъ; этого демона, любившаго зло для зла, готового себя изувѣчить, оставивъ взбѣлвшихъ лошадей, и для чего?—чтобы съ адскою радостью видѣть, какъ эти лошади несутся въ толпу людей и давить стариковъ, женщинъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей! О, такой извергъ на все способенъ! Безъ сомнѣнія, онъ совершилъ много преступленій, которыхъ мы не знаемъ и никогда не узнаемъ. Есть тысячи основаній думать, что онъ былъ сообщникомъ этого предателя солдата, панятаго имъ, для того, чтобы продать Францію. Что касается до этой бѣдной сиротки, которую онъ воспиталъ, и которую нашли однажды убитой у его двери—кто другой, кромѣ его самого, могъ ее зарѣзать? Это убійство было, навѣрно, кровавымъ эпилогомъ одной изъ этихъ гнусныхъ драмъ, полныхъ позора, распутства и гризи,—драмъ, которыя даже страшно шевелить! Послѣ столькихъ подвиговъ, не зачѣмъ даже настаивать на послѣднемъ преступленіи. Здѣсь, несмотря на безстыдныя отрицанія обвиняемаго, улики налицо. Поэтому нужно осудить этого человѣка со всей строгостью законовъ. Всякое наказаніе будетъ здѣсь недостаточно. Помните, что вы имѣете дѣло не съ обыкновеннымъ преступникомъ, а съ гениемъ преступленія, съ однимъ изъ тѣхъ чудовищъ лицемерія и лукавства, которыя заставляютъ почти сомнѣваться въ добродѣтели и отчаиваться за человѣчество!

*

Послѣ такой рѣчи, защитникъ Гиньбара могъ только селаться на безуміе. Онъ старался, сколько могъ, указывать на различныя патологическія аномаліи, много говорилъ о „невровѣ зла“, представилъ своего кліента невѣроятнымъ манерамъ и кончилъ рѣчь тѣмъ, что подобнымъ преступникамъ мѣсто въ больницѣ, а не на эшафотѣ. Констанцій Гиньбаръ былъ единогласно приговоренъ къ смертной казни.

*

Добрые люди, сдѣлавшіеся свирѣбыми отъ ненависти къ преступленію, были вѣдъ себя отъ радости и встрѣтили приговоръ аплодисментами.

*

Смерть Констанція Гиньбара была, какъ и его дѣтство, примѣрная, но несчастная. Онъ взомель на эшафотъ безъ страха и щегольства, съ лицомъ не менѣе спокойнымъ, чѣмъ совѣсть, съ покорнымъ видомъ мученика—пріятымъ всѣмъ за отупѣніе скота. Въ роковую минуту, зная, что палачъ былъ человѣкъ бѣдный и многосемейный, Гиньбаръ тихоенько шепнулъ ему, что онъ сдѣлалъ его наследникомъ всего своего состоянія; благодаря этому, растроганный палачъ, лишь послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ, отрубилъ голову своему благодѣтелю.

*

Три мѣсяца спустя, одинъ изъ друзей Констанція Гиньбара узналъ, вернувшись изъ дальняго путешествія, о печальномъ концѣ этого честнаго человѣка, достоинства котораго ему одному были хорошо извѣстны. Чтобы исправить, насколько было въ его силахъ, несправедливости судьбы, онъ выхлопоталъ дозволеніе, заказалъ великолѣпный мраморный памятникъ и написалъ эпитафію своему другу. На слѣдующій же день онъ умеръ отъ разрыва сердца. Но такъ какъ заказъ уже былъ оплаченъ заранѣе, то памятникъ былъ поставленъ. Только рабочій, вырѣзавшій эпитафію, взялся исправить одну букву, плохо написанную въ рукописи. И честному бѣдняку, столько вытерпѣвшему при жизни, пришлось и послѣ смерти лежать съ такой рекомендаціей:

Здѣсь погребенъ

*Констанцій Гиньбаръ,
ничтожный человѣкъ*).*

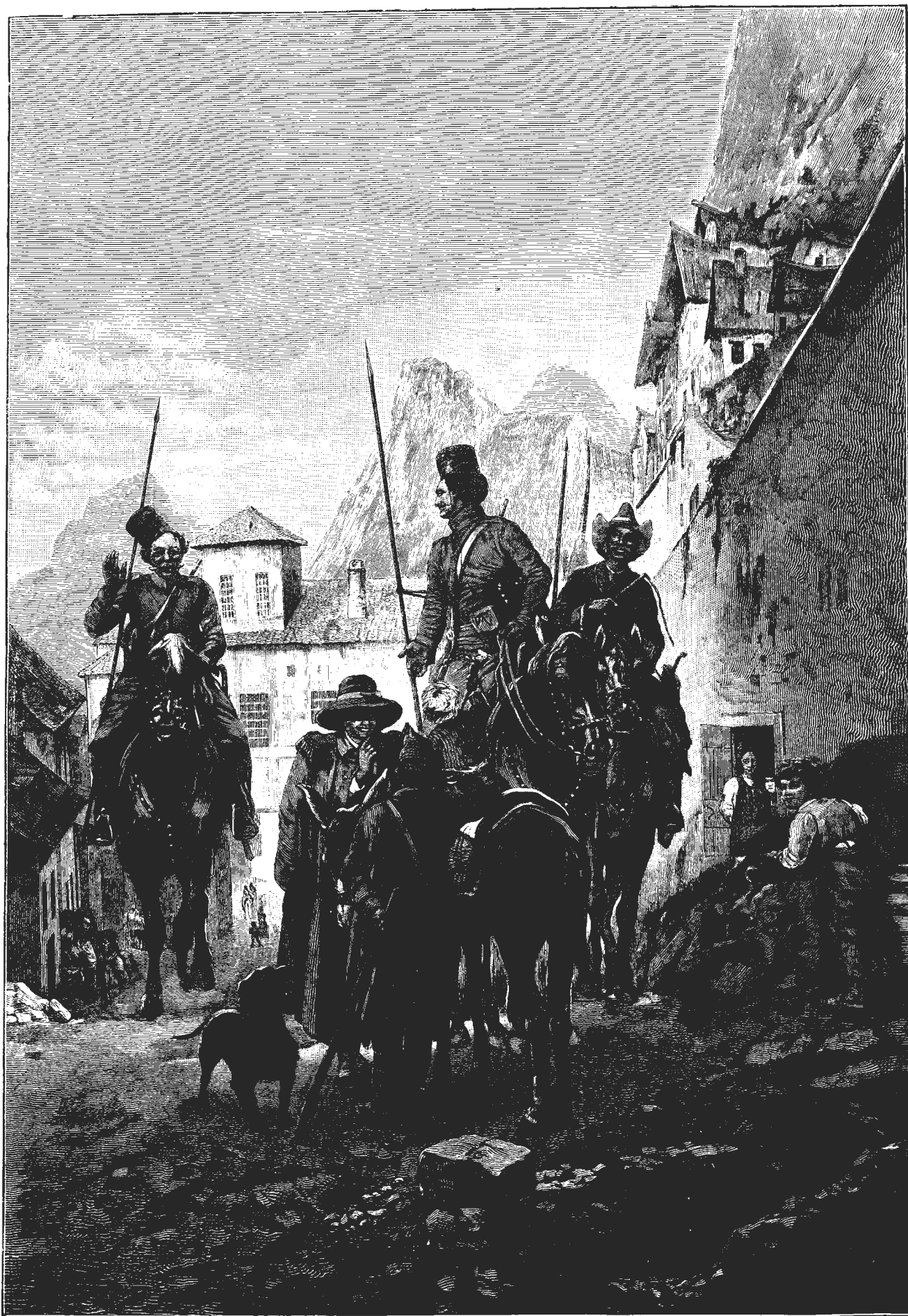
Къ рисункамъ.

Рынокъ за „Желѣзной Брамой“. (Рис. на стр. 365).

Рынокъ за „Желѣзной Брамой“ въ Варшавѣ представляетъ изъ себя чрезвычайно своеобразную и оживленную картину, какой не встрѣтитъ въ другихъ русскихъ городахъ. Расположенный на площади, на которую выходитъ главная аллея Саксоискаго сада, онъ носитъ названіе за „Желѣзными воро-

тами“ или „Брамой“, хотя самихъ воротъ уже не существуетъ. Площадь окружена лавками и лавочками, въ которыхъ торгуютъ евреи, а на среднюю ея собираются торговцы, преимущественно изъ мѣстныхъ поселенцевъ, со всякою живностью. Эта нестрай и подвижная толпа живо изображена художникомъ Малышевскимъ на его рисункѣ.

*) „Homme de rien“ вмѣсто „homme de bien“.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Богъ съ нимъ—отпусти!“ Съ карт. проф. Г. Виллевалде, грав. Шлиперъ.

Возвращение на родину. (Рис. на стр. 368).

Не веселы думы вызывает картина Винманна, где только и лицъ, что старикъ-крестьянинъ и молодая, блѣдная дѣвушка. Быть-можетъ, потихоньку отъ родныхъ ушла она въ шумный городъ, въ погоню за счастьемъ; быть-можетъ, кромѣ горя, ничего ей не пришлось испытать, а теперь, съ разбитымъ сердцемъ и несбытими надеждами, воротилась она подъ родной кровъ. Но не веселъ ей приходъ,— матери нѣтъ: она умерла съ горя по пропавшей дочкѣ; старикъ-отецъ одряхлѣлъ, и теперь, всматриваясь въ блѣдную женщину, едва можетъ признать въ ней свою дочь.

Маршировка новобранцевъ.

(Рис. на стр. 369).

При проходѣ изъ одной залы въ другую въ Академіи Художествъ неуютно помѣстилась небольшая картинка Бакмансона „Маршировка новобранцевъ“, которую и не всякій замѣтитъ, благодаря ея невыгодному мѣсту; но, замѣтивъ ее, невольно передъ нею останавливаешься. Нельзя не улыбнуться, глядя на неуклюжія фигуры молодых новобранцевъ, а, быть-можетъ, и призадуматься надъ тѣми усміянами и трудомъ, послѣ которыхъ изъ неуклюжихъ мужиковъ выходятъ brave и видные солдаты.

„Богъ съ нимъ, отпусти!“

(Рис. на стр. 380).

Въ pendant къ картинѣ маститаго баталиста В. П. Виллевалде „Вогъ онъ—Паололи“, помѣщенной въ № 15, мы даемъ въ настоящемъ номерѣ другую его картину „Богъ съ нимъ, отпусти!“, гдѣ съ обычно нашему художнику тщательностью изображены казаки и башкиры, забравшіе въ плѣтъ безобиднаго непріятеля, котораго одинъ изъ нихъ предлагаетъ отпустить.

Евдонія Яковлевна Головачева.

(Портр. на этой стр.).

30-го марта тихо скончалась въ преклонномъ возрастѣ одна

Евдонія Яковлевна Головачева (Станицій) († 30 марта 1893 г.). Съ фот. Лауфферта, грав. Шюблеръ.

изъ талантливыхъ писательницъ, сотрудница нашего журнала, Евдонія Яковлевна Головачева.

Родители покойной, оба артисты Александринскаго театра, Яковъ Григорьевичъ и Анна Матѣевна Брянскіе, имѣли обширныя знакомства въ литературномъ мѣрѣ, и Е. Я. само собою стала вращаться въ этомъ мѣрѣ и настолько сроднилась и сближилась съ нимъ, что, подобно сестрѣ своей, вышедшей за Андр. Ал. Краевскаго, избрала себѣ въ мужа тоже литератора, а именно, извѣстнаго писателя Ив. Ив. Панаева. Еще болѣе предалась Е. Я. литературнымъ занятіямъ съ 1848 г., когда мужъ ея вмѣстѣ съ поэтомъ Н. А. Некрасовымъ стали издавать имѣвшій въ свое время такое огромное значеніе журналъ *Современникъ*. Тутъ ей пришлось сталкиваться съ такими крупными силами нашей литературы, какъ Тургеневъ, Григоровичъ, Добролюбовъ, Огаревъ, Герценъ, В. Сѣлицовъ и друг., и для всѣхъ она находила радужное слово, всякаго она умѣла согрѣть своимъ привѣтливымъ обращеніемъ. На литературное поприще впервые выступила она романомъ „Семейство Тальниковыхъ“, послѣдній характеръ воспоминаній и представлений върную картину ея дѣтства. Романъ этотъ помѣстила она въ *Иллюстрированномъ альманахѣ* 1848 г., приложенномъ при *Современникѣ*, подъ псевдонимомъ „Н. Ставицкій“. Бѣлинскій очень сочувственно отзывался о первомъ ея трудѣ; обществу романъ этотъ также очень понравился. Послѣ того были напечатаны въ *Современникѣ* еще два романа: „Три страны свѣта“ и „Мертвое озеро“, написанные ею въ сотрудничествѣ съ Н. А. Некрасовымъ, при чемъ въ „Мертвомъ озерѣ“ сотрудничество Некрасова ограничилось лишь составленіемъ самаго плана. Въ позднѣйшее время она выпустила еще нѣсколько весьма интересныхъ романовъ: „Домашній адъ“ и „Романъ въ Петербургскомъ полусвѣтѣ“, и дѣльный рядъ рассказовъ, изъ которыхъ въ *Нивѣ* помѣщены были: въ 1888 году — „Исторія одного таланта“, въ 1889 — „Дворничка“, въ 1891 — „Пѣтухъ“ и въ цыбншемъ году — „Сп-

сотрудничествѣ съ Н. А. Некрасовымъ, при чемъ въ „Мертвомъ озерѣ“ сотрудничество Некрасова ограничилось лишь составленіемъ самаго плана. Въ позднѣйшее время она выпустила еще нѣсколько весьма интересныхъ романовъ: „Домашній адъ“ и „Романъ въ Петербургскомъ полусвѣтѣ“, и дѣльный рядъ рассказовъ, изъ которыхъ въ *Нивѣ* помѣщены были: въ 1888 году — „Исторія одного таланта“, въ 1889 — „Дворничка“, въ 1891 — „Пѣтухъ“ и въ цыбншемъ году — „Сп-

1 центъ. Темно-голубая. Колумбъ у новаго материна. (По В. Поуэлю).

2 центъ. Темно-лиловая. Высадка Колумба на материкъ (По Вандерлингу. Въ ротондѣ Капитолія въ Вашингтонѣ).

3 центъ Зеленая. Адмиральское судно Колумба. (По испанской гравюрѣ).

4 центъ. Голубая. Каравеллы Колумба „Св. Марія“, „Пинта“ и „Нина“ (По испанской гравюрѣ).

5 центовъ. Коричневая. Колумбъ, излагающій свое ходатайство передъ Изабеллой (По Брожику въ Нью-Йоркскомъ Метрополитанскомъ музеѣ)

6 центовъ. Лиловая. Встрѣча Колумба въ Барселонѣ. (По барельефу Р. Роджерса на бронзовыхъ дверяхъ въ Капитоліи въ Вашингтонѣ)

10 центовъ. Черно-коричневая. Колумбъ представляетъ динарей королю. (По Т. Грегоріи).

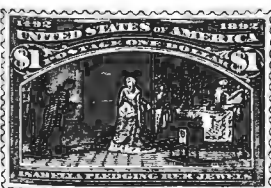
15 центовъ Темно-зеленая. Разсказъ Колумба о своемъ путешествіи и (По Р. Балокъ въ Мадридѣ).

30 центовъ Красно-коричневая. Колумбъ въ Ла-Рабидѣ. (По Р. Мозо).

50 центовъ Темно-синяя. Отозваніе Колумба. (По А. Г. Гитону въ Капитоліи, въ Вашингтонѣ),

1 долларъ. Киричная. Изабелла закладываетъ Драгоценности (По М. Дергея въ Мадридѣ).

2 долларъ. Коричнево-красная. Колумбъ въ цѣ яхъ. (По Лейде).

3 долларъ. Желто-зеленая. Колумбъ послѣ третьяго путешествія (По Ф. Товеръ).

4 долларъ Карминъ. Портреты Колумба и Изабеллы.

5 долларовъ Черная. Медаль съ профилемъ Колумба между аллегорическими изображениями Америки и Свободы

Юбилейныя почтовые марки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатсвъ.

роты". Въ *Историческомъ Вѣстникѣ* нѣсколько лѣтъ тому назадъ были помѣщены воспоминанія Евд. Як., вышедшія затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Юбилейныя почтовые марки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. (Рис. на стр. 381).

По случаю празднованія 400-лѣтія открытія Америки, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты выпустили въ свѣтъ особыя почтовые Колумбовы марки, которыя будутъ дѣйствительны въ теченіе всего 1893 года, а съ 1 января 1894 г. онѣ будутъ снова замѣнены прежними обыкновенными марками.

Другія американскія государства также издали марки въ честь Колумба; такъ, между прочимъ, Аргентина выпустила такія марки дѣйствительныя лишь на 1 день (12 октября 1892 г.). Но марки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ далеко превосходятъ всѣ остальные во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣхъ марокъ 15, разныхъ цѣнностей, отъ 1 цента до 5 долларовъ. Марки эти являются изумительными по своей художественности миниатюрными гравюрами съ знаменитыхъ картинъ, воспроизводящихъ главные моменты жизни и дѣятельности Колумба и находящихя, большей частью, въ бѣломъ домѣ (дворцѣ президента) въ Вашингтонѣ. Помимо своего значенія для собирателей марокъ, эти Колумбовы марки имѣютъ значеніе для всѣхъ желающихъ сохранить воспоминаніе о великомъ праздествѣ 400-лѣтія открытія Америки. Упоминая помянутому поэту тотъ колоссальный успѣхъ, который встрѣтилъ эти марки при ихъ появленіи. Въ первый день въ одномъ только городѣ Чикаго было продано болѣе миліона марокъ въ 1 центъ и около 800.000 марокъ въ 2 цента.

Г-жа Адель Борги и г. Маттіа Батистини.

(Портр. на стр. 384).

Г-жа Борги года два тому назадъ жила въ Петербургѣ и оставила прекрасное о себѣ впечатлѣніе, какъ образцовая исполнительница партіи Карменъ въ оперѣ Визе того-же названія. Петербургъ перевидѣла много Карменъ, не исключая и Ферри-Джермано, но такого законченнаго типа, какой даетъ г-жа Борги, шикто изъ ея предшественницъ не давало: это ибчто своеобразное, самостоятельное, выдержанное отъ начала до конца.

Многіе не соглашались съ ея толкованіемъ этой героини, ниге находили Карменъ отгаликующей, не имѣющей въ себѣ ниче симпатичнаго; и дѣйствительно, ея Карменъ такова; но надо видѣть съ какимъ мастерствомъ, съ какимъ артистическимъ увлеченіемъ и съ какой законченностью во всѣхъ деталяхъ исполняетъ ее г-жа Борги; каждое движеніе ея, каждый жестъ, каждый взглядъ говоритъ о Карменъ; болѣе художественной отдѣлки трудно и требовать отъ актрисы; для такого созданія нужны первоклассный сценическій талантъ, громадная опытность и творческая жилка; всѣми этими данными и обладаетъ г-жа Борги. Темперамента она горячаго, южнаго; вышность волея подходить къ данному типу; мимика выработана превосходно; танцуетъ она прекрасно, передавая малѣйшіе оттѣнки національных испанскихъ танцевъ, такъ какъ она долгое время жила въ Испаніи, гдѣ, собственно говоря, и сценическую карьеру сдѣлала.

Г-жа Борги не изъ тѣхъ пѣвицъ, вся слава которыхъ зиждется только на голосѣ, какъ, напримѣръ, Патти, Зембрихъ, Мазини и др.; она скорѣе принадлежитъ къ типу артистовъ, которыхъ надо брать цѣлкомъ, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками; у нея талантъ беретъ верхъ надъ голосомъ, въ которомъ есть недостатки, напримѣръ, нѣкоторая сплюска, но она умѣло имъ владѣетъ, да и недостатокъ этотъ не такъ бросается въ глаза при ея исполненіи Карменъ. Въ другихъ роляхъ (напр., въ „Мишонъ“), гдѣ требуется прежде всего пѣвица, г-жа Борги нѣсколько теряетъ.

Г. Батистини обладаетъ чуднымъ баритономъ и чрезвычайно легко продѣлываетъ своимъ голосомъ такіа-же чудеса,

какъ Мазини своимъ теноромъ; дыханіе г. Батистини такъ же безконечно, и владѣетъ онъ своимъ громаднымъ голосомъ въ совершенствѣ: баритонъ его изъ высокихъ, а тембръ его—ласкаетъ слухъ. Вотъ и причина его огромнаго успѣха у насъ и вездѣ, гдѣ онъ ни пѣлъ, и гдѣ онъ ни будетъ пѣть; у насъ онъ выступилъ въ „Гамлетѣ“, „Марин-де-Рогаши“ и „Эрнани“. Для казенной сцены, гдѣ ему данъ дебютъ, онъ избралъ роли въ „Риголетто“ (тутъ ужъ можно будетъ судить и о драматическомъ его дарованіи), „Фаустѣ“ и въ „Севильскомъ цирюльницѣ“.

В. Басинъ.

Гравюра Гёте. (Рис. на стр. 384).

Таланты часто сопутствуютъ другъ другу, или, вѣрнѣе, бываетъ, что талантъ стремится вылиться не по одному, а по нѣсколькимъ путямъ, при чемъ, обыкновенно, одинъ изъ нихъ и становится настоящимъ для данной личности, тогда какъ другіе гложутъ или являются побочными. Такъ, поэты обнаруживаютъ иногда, рядомъ со способностью къ поэтическому творчеству, значительныя способности къ живописи и музыкѣ, философы бывають въ то же время поэтами и т. д. Перѣдко эта особенность таланта является причиною того, что личность въ молодости направляется въ своей дѣятельности вовсе не по той дорогѣ, которая оказывается впоследствии дѣйствительнымъ ея путемъ. Естественно, если мы встрѣчаемъ такое явленіе и у столь крупной силы, какъ Гёте, — особенно, когда веномнымъ кипучую живость его неутомимой природы, требовавшей непрерывнаго и разнообразнаго дѣла.

Въ „Wahrheit und Dichtung“ творецъ „Фауста“ указываетъ самъ, что онъ „и рисоваль, и гравироваль“. На Гётевской выставкѣ въ Лейпцигѣ, въ 1849 году, были поставлены также двѣ его гравюры, и еще въ 1828 году, при жизни поэта, Карлъ Бухеръ писалъ о Гёте, какъ о граверѣ.

Недавно въ Лейпцигѣ сдѣлана случайно важная находка въ этомъ направлеіи: двѣ прекрасныя сохранившіяся мѣдныя доски, гравированныя Гёте, которыя отыскались въ наслѣдствѣ одного частнаго лица; наслѣдники передали ихъ въ бібліотеку города Лейпцига.

Это — два небольшіе надна, гравированные съ пейзажемъ Александра Тиле. Одинъ изъ нихъ Гёте посвятилъ своему отцу, а другой — своему другу, доктору Христиану Готфриду Герману. Они исполнены въ 1768 году, такъ какъ Гёте увлекался гравированіемъ и учился ему, въ бытность свою студентомъ въ Лейпцигѣ. Въ его письмѣ къ одному изъ друзей, Берину, писанномъ въ послѣдній годъ его студенчества (26 апрѣля 1768 года), прямо сказано: „Вотъ тебѣ пейзажъ, — первый памятникъ моего имени и первый опытъ въ этомъ искусствѣ“. Тилевскими оригиналами Гёте пользовался, вѣроятно, въ галлерей Сахтера, двери дома котораго были гостеприимно открыты для лицъ занимавшихся искусствомъ.

Оттисковъ съ досокъ было сдѣлано, по всей видимости, не много, ибо даже у самого Гёте въ послѣдніе годы были оттиски только одного изъ этихъ пейзажей, именно — посвященнаго Герману.

Несмотря на небольшое умѣнье 18-ти-лѣтняго гравера владѣть грабнитхелемъ, пейзажи Гёте съ перваго же взгляда обнаруживаютъ въ авторѣ большой вкусъ и умѣнье художественно трактовать предметъ, — особенно, посвященный отцу, который болѣе удаченъ: свѣтъ и тѣнь противопоставляются другъ другу гармонически; манера передавать скалы обнаруживаетъ глазъ, ясно выдающій характерныя особенности предметовъ; партіи деревьевъ легки и отчетливо отдѣлены, на водѣ перваго плана чувствуется зеркальность и зыбь. Изображенія людей удовлетворительны гораздо менѣе; хотя расположеніе свѣтовъ на стоящемъ передъ водопадомъ человѣкѣ эффектно и правильно, но зато сидящая фигура показывается, что молодому граверу пейзажъ приходился несравненно болѣе по вкусу и по средствамъ, чѣмъ человѣческія фигуры.

Нашъ рисунокъ представляетъ снимокъ-факсимиле съ того изъ наднаовъ, который былъ посвященъ Гёте-отцу. В. А.

Разныя извѣстія.

— 6-го апрѣля, въ Большомъ Ливадійскомъ дворцѣ состоялся Высочайшій завтракъ, къ которому снова была приглашена Сербская королева Паталя со свитой.

— Изъ Императорскія Высочества Великой Князь Владиміръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна отправились 4-го апрѣля за границу.

— Наказуиъ праздника Св. Пасхи, Его Величество Государь Императоръ пожертвовалъ на поддержаніе народной столовой и чайной въ Ялтѣ 300 руб.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министромъ Финансовъ ходатайства директора Императорской Публичной бібліотеки, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ей средства изъ суммъ Государ-

ственного казначейства на покупку собранія рукописей, принадлежавшаго академику С. И. Буслаяву и извѣстнаго всѣмъ занимающимся нашею древнею литературою, какъ изъ многочисленныхъ трудовъ самого бывшаго владыка, такъ и изъ сочиненій и изданій другихъ лицъ.

— Въ *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ* напечатано письмо о. Иоанна Сергіева (Кронштадтскаго), въ которомъ онъ опровергаетъ приписываемую ему молитву, появившуюся въ обращеніи во многихъ мѣстахъ Россіи. Молитва эта заканчивается слѣдующими словами: „Кто сію молитву имѣетъ, долженъ передать ее 9-ти человѣкамъ и хотя разъ въ день долженъ читать ее съ вѣрою, и тогда избавленъ будетъ отъ всякаго зла и бѣдствія. —

и если не исполнитъ, то подвергнутъ будетъ злу и бѣдствіямъ“. „Объявлено, пишетъ о. Иоаннъ Сергіевъ, — что эта молитва недостойная своего названія — не моя молитва, а прозвѣденіе невѣжественнаго, и ужъ никакъ не богословскаго ума, потому что обращеніе къ Святой Троицѣ въ ней относится къ одному лицу Христову. Эта молитва одна изъ тѣхъ апокрифическихъ, отреченныхъ, невѣжественныхъ произведеній темнаго люда, которыя обращаются съ давнихъ поръ въ средѣ его, въ томъ родѣ, какъ „Сонъ Богородицы“ и сказаніе о святѣ небесномъ, найденномъ въ камнѣ, упавшемъ съ неба въ св. градѣ Іерусалимѣ. Отрицаю всякую солидарность съ этой фальшивой, безголовой молитвой“.

— Администрація лютеранскій школы

нѣмецкихъ колоній циркулярно объявлено, что назначеніе и увольненіе учителей этихъ школъ предоставлено исключительно вѣдѣнію мѣстныхъ директоровъ народныхъ училищъ (до сихъ норъ это зависѣло отъ настоящихъ и приходскихъ совѣтовъ).

— 1-го апрѣля Балтійская желѣзная дорога перешла въ казну. Завѣдываніе эксплуатациею дороги поступаетъ въ управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Мѣстное управленіе дороги остается на станиці Балтійской желѣзной дороги.

— Съ 1-го (13-го) апрѣля текущего года

вступили въ силу новыя тарифы для отправки: льна, кудели, пеньки, канатной пряжи, льняной и пеньковой пакли, конопатки, костриги, костры, обмеля и оческовъ льняныхъ и пеньковыхъ — со станиці русскихъ желѣзныхъ дорогъ до главнѣйшихъ станицій дорогъ нижеслѣдующихъ государствъ: Бельгіи, Франціи, Нидерландовъ, Австріи и Германіи. Изданные новыя тарифы замѣняютъ дѣйствующіе тарифы русско-нѣмецко-бельгійско-французскаго и русско-австрійскаго товарныхъ прямыхъ сообщений.

— Въ послѣднее время крестьянки нѣко-

торыхъ приходоѡвъ Полтавской губерніи начали особенно охотно посѣщать въ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ сельскія школы, для усвоенія, какъ религіозныхъ, такъ и другихъ полезныхъ въ крестьянскомъ быту знаний, а также для участія въ церковномъ иѣніи. По праздникамъ въ помѣщеніяхъ школъ собирается по 200 чел. и ведутся чтенія и бесѣды, подъ наблюденіемъ законоучителей.

— Въ продолженіе года въ Петербургѣ совершено, какъ видно изъ подлѣйскихъ отчетовъ, 196 самоубійствъ, изъ нихъ 160 приходится на долю мужчинъ и 36—на долю женщинъ.

Политическое обозрѣніе.

Бѣлградскій переворотъ поразилъ всѣхъ своею неожиданностью, но въ то же время былъ единственнымъ исходомъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое Сербію повергла борьба партій.

Переворотъ совершился въ ночь на 2 апрѣля. 1 апрѣля, вечеромъ, регенты и министры приглашены были во дворецъ ужинать. Въ концѣ ужина король Александръ, поблагодаривъ регентовъ за труды, объявилъ, что отнынѣ онъ беретъ власть въ свои руки. Регенты протестовали, но маршалъ двора пригласилъ регентовъ и министровъ въ соседній залъ, гдѣ они были задержаны. Объявивъ себя совершеннолѣтнимъ, король Александръ тотчасъ образовалъ министерство подъ предводительствомъ Докича. Войска, которымъ приказано было не отлучаться изъ казармъ, приведены были къ присягѣ; къ домамъ регентовъ и бывшихъ министровъ приставлены военные караулы. Народъ ликуетъ; утромъ передъ дворцомъ громадная овація; король Александръ благодарилъ съ балкона за преданность и объявилъ, что отнынѣ онъ будетъ блюстителемъ конституціи и народныхъ правъ.

По поводу этихъ событій *Journal de St. Pétersbourg* пишетъ: «Нами получены изъ Бѣлграда очень неожиданныя извѣстія. Извѣстно, до какой степени положеніе Сербіи стало смутнымъ и неопредѣленнымъ. Регентство, которое, согласно конституціи, должно было состоять изъ трехъ членовъ, состояло всего изъ двухъ. Скупщина, гдѣ было почти столько же либераловъ, сколько радикаловъ, благодаря крайнему избирательному давленію, составлена была, послѣ выхода радикаловъ, извѣстными уже образомъ и извѣстными средствами. Радикалы оставили столицу и вернулись въ свои округа, предварительно протестовавъ противъ нарушенія конституціи, а либералы собрались приступить къ законодательству въ собраніи, состоявшемъ изъ нихъ исключительно, и которое, будучи сформировано такимъ образомъ, не представляло собою ни пожеланій, ни интересовъ совокупности націи. Вражда партій достигла апогея, неудовольствіе было общее, и среди возбужденныхъ такимъ образомъ страстей можно было опасаться взрыва серьезныхъ смутъ.

«Въ виду такихъ, болѣе чѣмъ шаткихъ, условий, его величество король Александръ рѣшился на актъ силы и мудрости, который внезапно положилъ конецъ столько же прискорбному, сколько опасному порядку вещей. Король провозгласилъ себя совершеннолѣтнимъ и взялъ власть въ свои руки. Оба регента, гг. Ристичъ и Белларковичъ, были устранены, и либеральное министерство Авакумовича замѣнено кабинетомъ подъ предводительствомъ г. Докича, президента государственнаго совѣта, при чемъ въ составъ кабинета вошли нѣсколько бывшихъ министровъ, испытанныхъ уже на дѣлѣ. Скупщина рас-

пущена королевскимъ указомъ, гласящимъ, что она не могла быть составлена соотвѣтственно постановленіямъ конституціи. Общія выборы назначены на 18-е мая, а новое собраніе соберется 1-го іюня.

«Вся эта важная эволюція произошла совершенно спокойно, изъ чего можно вывести заключеніе, что она отвѣчаетъ желаніямъ народа и принесетъ пользу интересамъ страны. Армія съ энтузіазмомъ присягнула на вѣрность юному королю, и населеніе Бѣлграда горячими оваціями привѣтствовало „благое починѣ“ его величества. У насъ, въ Россіи, гдѣ за свободнымъ внутреннимъ развитіемъ Сербіи, въ смѣслѣ мира и прогресса, слѣдятъ съ такою сильною симпатіею, не могутъ, конечно, не питать искренняго желанія, чтобы, подъ игомъ юнаго государя, явившаго нынѣ актъ мудрой и мужественной рѣшимости, вчерашнее событіе содѣйствовало успокоенію и благоденствію соплеменнаго народа, обязаннаго нашей имперіи своимъ освобожденіемъ и своею независимостью».

30-го марта, въ Брюсселѣ, учредительное собраніе, большинствомъ 165 голосовъ противъ 26, отвергло предложеніе Эмансона о введеніи всенароднаго голосованія. Затѣмъ палата отклонила различныя предложенія, относящіяся къ пересмотру конституціи, и отложила засѣданіе.

Постановленіе это вызвало сильное возмущеніе по всей странѣ, поощряемое сторонниками всеобщаго голосованія. Въ столицѣ Бельгіи шайки бунтовъ бродили по улицамъ, учиня всяческія безчинства. Въ провинціяхъ, во многихъ мѣстахъ, рабочіе забастовали и открыто сопротивлялись властямъ. Не обошлось безъ дракъ, кровопролитія и динамитныхъ взрывовъ. Возмущеніе стало понемногу утихать, только послѣ принятія собраніемъ, большинствомъ 119 голосовъ противъ 14, предложенія депутата Писсена, по которому вводится всеобщая подача голосовъ, съ распространеніемъ на всѣхъ несопороченныхъ по суду бельгійскихъ гражданъ, достигшихъ 25-ти-лѣтняго возраста, съ тѣмъ, чтобы извѣстныя категоріи этихъ гражданъ пользовались не однимъ, а нѣсколькими голосами (по своему семейному и имущественному положенію).

Пріемъ Степана Стамбулова Австрійскимъ императоромъ толкуется на разные лады заграничными газетами. *Neue Freie Presse* доказываетъ въ передовой статьѣ, что пріемъ Стамбулова въ Вѣнѣ вовсе не имѣетъ значенія демонстраціи противъ кого-бы то ни было, а просто представляетъ собою интересный эпизодъ, свидѣтельствующій, что Австро-Венгрія относится съ неизмѣннымъ доброжелательствомъ къ самостоятельному развитію Болгаріи. „Уже однимъ тѣмъ— говорить газета— что Стамбуловъ явился на пріемъ не въ парадной формѣ, а въ обыкновенномъ платьѣ, устраненъ былъ даже и съ виѣшней стороны всякій демонстративный характеръ пріема“.

Научныя и техническія новости.

— Для предохраненія желѣза отъ ржавчины предложена теперь краска подъ названіемъ „Lender's Paint“. Силнать желѣза толкутъ въ мельчайшій порошокъ, разводятъ его льнянымъ масломъ и прибавляютъ лаку. Полученное тѣсто, когда надо его употребить въ дѣло, превращаютъ въ жидкую смѣсь, разбавляя его льнянымъ же масломъ; небольшая примѣсь глета способствуетъ скорѣйшему высыханію состава. Составу этому, подмѣшивая въ него краску, можно придать любой цвѣтъ. Смазывая этой краской листовое желѣзо, можно предохранить его отъ дѣйствія холодной и горячей воды, щелочныхъ и кислотныхъ жидкостей, амміако-сѣрнистаго водорода и даже соляной кислоты.

— Девару въ Лондонѣ удалось получить впервые значительныя количества *желатина кислоторода*. Жидкость эта прекраснаго голубого цвѣта.

— Американецъ Генри сдѣлалъ *часы* исключительно изъ бумаги. Ходъ ихъ замѣчательно

правильный: въ теченіе двухъ лѣтъ ошибка не составляла и одной минуты въ мѣсяцъ.

— Если растворъ коллодія въ смѣси спирта и эфира смѣшать въ извѣстной пропорціи съ рициновымъ масломъ и канадскимъ бальзамомъ, а затѣмъ полученную смѣсь высушить на стекляннй пластинкѣ въ токъ нагрѣтаго до 50° воздуха, то получается вещество, которое, по словамъ изобрѣвшаго его недавно г. Эбштейна, имѣетъ всѣ свойства стекла (твердость, прозрачность, стойкость противъ дѣйствія солей, щелочей и кислотъ), обладая въ то же время гибкостью. Если прибавить къ этому *гибкому стеклу* окиси цинка, то получается родъ искусственной слоновой кости.

— Для полученія *флуоресцирующей бумаги* предлагаютъ слѣд. рецептъ: 500 граммовъ бѣлаго чистаго желатина растворяютъ въ 2 литрахъ горячей воды, прибавляютъ 1,5 килограмма смѣси сѣрнистаго кальция (это то и есть флуоресцирующее вещество) съ

небольшимъ количествомъ висмута и, наконецъ, 50 граммовъ глицерина. Въ теплую еще жидкость опускаютъ бумагу два раза и выставляютъ ее на солнце на нѣсколько секундъ. Послѣ того бумага свѣтитъ прекраснымъ фиолетовымъ свѣтомъ въ теченіе 40 часовъ. Высохшій составъ хорошо покрытъ лакомъ.

— Людямъ, у которыхъ *руки* всегда *потныя*, совѣтуютъ вытирать ихъ по три раза въ день слѣдующимъ составомъ: борной кислоты—5 граммовъ, буры и салициловой кислоты—по 15 граммовъ, спирта—30 граммовъ. Все это—вещества, дезинфицирующія кожу.

— Въ сельскомъ хозяйствѣ найдено средство для *искорененія чертополоха*: поле надо глубоко перекопать и засѣять обыкновеннымъ клеверомъ, повторяя эту процедуру 2 или 3 года.

— Американецъ Пайпъ рекомендуетъ, въ качествѣ *приправы къ корму* свиней и лошадей

смѣсь древесной золы съ обыкновенной солью въ пропорціи 3 къ 1; это, по его утверженію, предохраняетъ животныхъ отъ заболѣванія.

— Опыты, произведенные въ одномъ изъ

помѣстій Сѣвернаго департамента Франціи, доказали, что колючій *терновникъ* такъ же хорошо подготавливаетъ почву къ посѣву хлѣбовъ, какъ люцерна, клеверъ и тому подобныя растенія: подобно имъ это дикорастущее, ни-

чего не стоящее растеніе обогащаетъ почву, на которой оно растетъ, и воздухъ, въ которой оно находится, большимъ количествомъ азота, самаго необходимаго вещества для злаковъ.

Искусство.

Художественныя драгоценности Малороссіи.

19 марта г-жа Половцова прочитала нѣчто въ родѣ лекціи о

ловцова сказала нѣсколько словъ о такъ-называемомъ „Мазепиномъ городкѣ“, около Батурина. Въ настоящее время на мѣстѣ Мазепина городка, вмѣстѣ съ остатками сильнаго укрѣпленія, находится боль-

Маттіа Батистини. Съ фот. Монтабоне, грав. Шюблеръ.

Адель Борги. Съ фот. Бр. Карбини, грав. Шюблеръ.

малоизвѣстныхъ художественныхъ уголкахъ Малороссіи, при чемъ иллюстрировала свое изложеніе туманными картинами. Читеніе г-жи Половцовой было, дѣйствительно, интересно, тѣмъ болѣе, что почтенная лектриса познакомила петербургскую публику съ такими художественными драгоценностями, которыя были до сихъ поръ не только мало извѣстны, но даже почти совсѣмъ неизвѣстны.

Прежде всего, г-жа Половцова показала фотографическій снимокъ развалинъ такъ-называемой, „Юрьевской божницы“, выстроенной, какъ извѣстно, въ XII вѣкѣ Юріемъ Долгорукомъ въ г. Остра, Черниговской губерніи. Уцѣлѣлъ фундаментъ божницы и нѣкоторыя другія части. „Божница“ представляетъ прекрасный образецъ стариннаго византійскаго стиля, но главный ея интересъ заключается въ стѣнной живописи и орнаментахъ, прекрасно сохранившихся и — что рѣдко случается — не попорченныхъ неумѣлымъ реставрированіемъ. Г-жа Половцова во время своего чтенія выставила снимки со стѣнной живописи „божницы“, сдѣланные очень тщательно на калькѣ. Докладчица пришла къ выводу, что живопись „божницы“ не только однородна съ живописью и мозаиками Кіево-Софійскаго собора, но мѣстами даже превосходитъ ее своимъ художественнымъ исполненіемъ. Вообще, „божница“ сохранилась довольно хорошо, а если пострадала, то только вслѣдствіе хищничества окрестныхъ жителей, которые въ теченіе многихъ лѣтъ таскали изъ нея кирпичи, потому что — какъ говорятъ они — на этихъ кирпичахъ особенно удачно пекутся блины. Затѣмъ, г-жа По-

шой прекрасный садъ, съ фруктовыми деревьями, и двѣ ямы, составляющія отверстія подземныхъ ходовъ, соединявшихъ городокъ съ Батуриномъ. Что же касается до самаго Батурина, то въ настоящее время эта бывшая столица малороссійскихъ гетмановъ

представляетъ большое село съ двумя церквами. Въ прежнее время онъ былъ сильно укрѣпленъ. Въ одной изъ церквей Батурина, г-жа Половцова разыскала старинное, очень интересное евангеліе, которое, какъ утверждаетъ докладчица, было принесено въ даръ однимъ изъ ея предковъ, Симеономъ Половцемъ, въ одинъ изъ храмовъ мѣстечка Вѣлой Церкви, Кіевской губерніи. На одной изъ первыхъ страницъ этого евангелія жертвователю сдѣлалъ надпись — не отдавать этого евангелія никому, а если кто его возьметъ, то будетъ ему „анаема“. По мѣстному преданію, Мазена нарушилъ этотъ завѣтъ и приказалъ перенести евангеліе въ Батуригъ. Строка объ „анаемѣ“, по его же приказанію, была тщательно выскоблена, но, какъ видно, это обстоятельство не спасло Мазену отъ анаемы. Въ Батуригѣ же находится въ большомъ запустѣнн дворцѣ послѣдняго гетмана, графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Дворецъ этотъ и теперь еще поражаетъ своимъ великолѣпіемъ, но особеннаго художественнаго интереса онъ не имѣетъ. Бѣльшаго вниманія стоить надгробный памятникъ графа Разумовскаго, скопчавшагося, какъ извѣстно, въ 1803 году. Онъ похороненъ подъ мавзолеемъ прекрасной работы; но, къ сожалѣнію, неизвѣстно, кто изъ тогдашнихъ скульпторовъ исполнилъ этотъ мавзолей.

Фансимиле съ собственной гравюры Гёте. Фотогипія Демчискаго.

Самую интересную, впрочем, частью доклада г-жи Половцовой была история статуи князя Иосифа Понятовского, работы знаменитого Торвальдсена. В настоящее время эта большая конная статуя стоит перед замком князя Паскевича-Эриванскаго, в маленьком еврейском городке Гомель, Могилевской губернии. Как попало это замечательное художественное произведение в Гомель? Вот задача, которую г-жа Половцова старалась разрешить. По поводу этой истории ходит множество легенд; так, например, немецкий историк Трейчке рассказывает в своей „Исторической истории XIX века“ (т. IV, стр. 91), будто бы князь Паскевич велел замкнуть в ней голову Понятовского своею собственною. По другой легенде, эта статуя будто бы изображает не князя Иосифа Понятовского, маршала французской армии, а Станислава-Августа Понятовского, Польского короля. Наконец, третья легенда, которую принимают и г-жа Половцова, рассказывает, что эта замечательная статуя работы Торвальдсена уцелела почти чудесным образом. Дело в том, что она первоначально хранилась в Модлине (Ново-Георгиевской крепости), в подвалах, в нескольких огромных ящиках, которые, после польского восстания, были конфискованы в одном богатом польском поместьи. Офицер, случайно нашедший эти ящики, вскрыл их и увидел складные части конной статуи. Об этом было доложено императору Николаю I-му, который приказал „разбить и бросить“ статую. Почему-то приказание это не было исполнено: статуя попрежнему хранилась в ящиках. Уже впоследствии князь Паскевич попросил подарить ему эту статую. Император исполнил желание князя, который поставил ее около своего дворца в Гомель. Такова легенда, рассказанная г-жею Половцовой. По оказывается, что она не заслуживает доверия. Действительно, статуя, во время

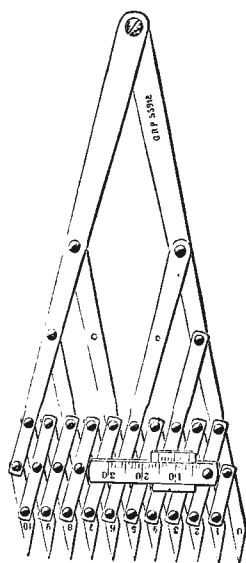
польского восстания 1830—31 годов и долго, впоследствии, хранилась в разобранном виде в крепости Модлин. Князь Паскевич, узнав об этом, приказал ее собрать к приезду в Модлин императора Николая. Но государь вовсе не приказал ее разбить, а подарил ее князю. Она была отправлена в гомельское поместье князя Паскевича водой, при чем по рѣкамъ и каналамъ плыла цѣлыхъ два года. Въ Гомель она прибыла только въ 1846 году и была поставлена въ саду, противъ замка, гдѣ находится и въ настоящее время. Статуя, такимъ образомъ, стоитъ около 50 лѣтъ на томъ же самомъ мѣстѣ, и она изображаетъ маршала въ томъ видѣ, въ какомъ его представилъ Торвальдсенъ, т. е. на манеръ конной статуи императора Марка Аврелія, находящейся въ Капитолинѣ въ Римѣ.

Статуя князя Понятовского была заказана Торвальдсену родственниками князя и, какъ кажется, предназначалась для одной площади въ Варшавѣ. Восстание 30 года помѣшало осуществленію этого проекта, и статуя, въ разобранномъ видѣ, попала въ Модлинъ. Торвальдсенъ исполнилъ эту статую въ Копенгагенѣ, послѣ своего приѣзда изъ Рима, въ 1820 году, — въ тотъ самый годъ, когда онъ создалъ статую Коперника (находящуюся въ Варшавѣ), мавзоль графа Потоцкаго для кафедральнаго собора въ Краковѣ и знаменитую вѣшную и внутреннюю декорацию церкви Богоматери въ Копенгагенѣ. Черезъ два или три года послѣ этого, всѣ эти произведенія были выставлены самимъ Торвальдсеномъ въ Римѣ. Между скульптурными памятниками, конная статуя князя Понятовскаго считается однимъ изъ лучшихъ произведеній знаменитаго датскаго скульптора. Рисунокъ этой статуи, между прочимъ, помѣщенъ въ книгѣ Эжена Пюна: „Thorwaldsen, sa vie et son oeuvre“ (1867 г.).

В. Чуйно.

Новое изобрѣтеніе.

Г. Гольдшмидтъ изобрѣлъ новый геометрический инструментъ, циркуль-дѣлитель, весьма интересный, какъ простотою своего устройства, такъ и своею практичностью. Удобство

Циркуль-дѣлитель.

употребленія, математическая точность производимыхъ имъ дѣлений прямыхъ линий, при экономіи времени — несомнѣнные его достоинства. Циркуль основанъ на механизмѣ, такъ называемыхъ, нюрнбергскихъ ножницъ. Къ двумъ ножкамъ циркуля приделаны на шарнирахъ различной длины стальные пластинки, изъ которыхъ нижнія заострены. По мѣрѣ произвольнаго сближенія или разнесенія ножекъ, нижнія пластинки совершенно равномерно сдвигаются и раздвигаются, и концы ихъ остаются неизмѣнно на одной прямой линіи. Для опредѣленія желаемой цифры дѣленія приспособлена небольшая скала, соответствующая нѣсколькимъ сантиметрамъ; къ ней приравнены такъ называемый *ноннусъ*, способствующій дѣленію сантиметра на желаемыя подраздѣленія. Скала эта служитъ специально масштабомъ.

Чтобы сдѣлать этимъ циркулемъ какое-нибудь измѣреніе, нужно на одной изъ крайнихъ точекъ даннаго разстоянія помѣстить ножку циркуля, обозначенную 0, а на другой — обозначенную цифрою 10. Полученное на скалѣ число миллиметровъ нужно умножить на 10, и это послѣднее количество будетъ выражать величину измѣряемаго разстоянія въ сантиметрахъ. Дѣленіе какой-нибудь линіи, напр. АВ, при помощи этого циркуля, тоже не представляетъ никакой трудности. Пусть линія АВ равняется 13 сантим., и нужно раздѣлить ее на 9 равныхъ частей. Для этого стоитъ лишь ножку 0 поставить въ точкѣ В и ножку 9 въ точкѣ А, и все разстояніе раздѣлится на 9 частей, первая часть будетъ равна $\frac{1 \times 13}{9}$ см., вторая — $\frac{2 \times 13}{9}$ см. и т. д. Циркули эти дѣлаются двойкой величинами: раздѣленные на 10 и на 20 частей, съ большимъ или меньшимъ числомъ дѣлений. Ихъ употребленіе особенно представляется практичнымъ при преподаваніи геометріи, для географическихъ чертежей и т. п. Патентъ на это изобрѣтеніе взятъ фирмой Иосифъ Фридманъ въ г. Байрейтѣ (Баварія). Этотъ циркуль издается въ продажѣ въ магазинѣ Рихтера въ Петербургѣ.

Смѣсь.

Изъ мемуаровъ Вернера фонъ-Сименса. Въ то время, какъ Сименсъ былъ занятъ установкой перваго телеграфа между Бервье и Кельномъ (1850), къ нему явилась дама съ заплаканными глазами и сказала, что его телеграфъ совершенно погубилъ предприятие ея мужа, который до этихъ поръ очень успѣшно содержалъ голубиную почту между Ахеномъ и Брюсселемъ, а теперь, въ виду печальной перспективы разоренія, впалъ въ настоящую меланхолю. Сименсъ посоветовалъ молодой четѣ спокойно зажарить своихъ голубей и общать имъ свою поддержку, если они переселятся въ Лондонъ и откроютъ тамъ новое справочное агентство. Молодой человекъ, разумеется, согласился; это былъ Рейтеръ, основатель известнаго телеграфнаго бюро, носящаго его имя. (в.)

Во время послѣднихъ путешествій по Центральной Африкѣ сдѣлано было наблюденіе, что туземцы вмѣсто поваренной соли употребляютъ, въ качествѣ приправы къ кушанью, выпаренный до-суха водный растворъ *зола нѣкоторыхъ растений*. Зола эта оказалась смѣсью хлористыхъ и сѣрнокислыхъ солей калия, которыя, несмотря на предполагаемую ядовитость ихъ, никакого вреда потребляющимъ ихъ дикарямъ не причиняютъ. (г. в.)

Французы Де и Дибо (Dex et Dibos) сочинили проектъ изслѣдованія *внутренней Африки* съ помощью *воздушнаго шара*. Они полагаютъ, что, пользуясь направлениемъ господствующихъ тамъ вѣтровъ и воздушныхъ теченій, можно пролетѣть съ одного конца Африки до другого въ нѣсколько недѣль, при чемъ стоимость каждаго такого путешествія не превыситъ 200,000 рублей. (г. в.)

„Lucania“, новый гигантскій пароходъ, построенный для плаванія между Европой и Америкой, имѣетъ въ длину 88,25 сажень, въ ширину 9,25 сажень, въ глубину 6,2 сажень и подымаетъ 7.750,000 пудовъ груза. Его машины развиваютъ 20,000 лошадиныхъ силъ и, какъ надѣются, должны дать „Lucania“ ходъ со скоростью 22 узла въ часъ.

„Парижъ проваливается“ — такъ заявилъ недавно одинъ французскій геологъ, пришедшій къ такому безотрадному заключенію послѣ сравненія опредѣленія высотъ различныхъ точекъ топографическаго рельефа Франціи, сдѣланныхъ много лѣтъ тому назадъ Бурдалуэ, съ результатами недавнихъ нивелировочныхъ работъ инженера-топографа Лаллемана. Изъ этого сравненія выходитъ, что Югъ Франціи и преимущественно часть ея материка, прилегающая къ Пиренейскому хребту, постепенно возвышается надъ уровнемъ морской поверхности, тогда какъ Сѣверъ Франціи, отъ побережья до внутреннихъ провинцій, осѣдаетъ изъ года-въ-годъ. Лаллеманъ выяснилъ, что подъ Парижемъ почва опускается безъ малаго на 16 миллиметровъ въ годъ (милл.=0,72 линіи). При такомъ безостановочномъ пониженіи материка сѣверной половины Франціи, по расчету того же Лаллемана, черезъ 3,000 лѣтъ вода Лааманскаго канала дойдетъ до того мѣста, гдѣ находится теперь соборъ Парижской Богоматери.

Дамскіе шлейфы, разносители холеры. Такъ какъ дамы, гуляя на улицѣ, захватываютъ шлейфами массу пыли, которую

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №.№. „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озоботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

радиосгъ и по своимъ знакомымъ, и къ себѣ домой, въ свое семейство, а, какъ извѣстно, въ пыли, въ холерное время, находится масса холерныхъ занятахъ, то во многихъ заграничныхъ городахъ, по постановленію санитарныхъ совѣтовъ, рѣшено воспретить дамамъ ношение шлейфовъ на улицѣ. (х.)

Ребусъ. Задача № 11.

Ренавъ и цырюльникъ. Противъ квартиры Ренана открылась новая вырвало. Ренавъ пошелъ туда побригаться и въ хозинъ ея встрѣтилъ скромнаго и предупредительнаго человека. Когда этотъ послѣдній узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ попросилъ знаменитаго постыгателя написать ему какой-нибудь девизъ, который можно было бы поставить на его вывѣскѣ. Ренавъ съ минутой подумалъ, потомъ вынулъ изъ кармана карточку и написать на ней по-гречески слѣдующее: „Я брею хорошо и, кромѣ того, держу языкъ за зубами“. Вывѣску съ этой надписью можно видѣть еще и теперь въ улицѣ де-Турновъ въ Парижѣ. (б.)

Въ Парижѣ вышелъ переводъ стариннаго латинскаго сочиненія гениальнаго итальянскаго врача Жерома Фракастора о заразѣ, заразныхъ болѣзняхъ и ихъ лѣченіи. За 300 лѣтъ до Пастера (1546 г.) Фракасторъ, никогда не видѣвшій микробовъ, составилъ поразительно правильную теорію о сущности заразныхъ болѣзней, основанную на признаніи невидимыхъ тѣлецъ, въ качествѣ носителей заразнаго начала. Теорія эта была совершенно забыта, и теперь Meunier напомнилъ о ней своимъ переводомъ, изданнымъ подъ заглавіемъ „Les Trois livres de Jérôme Fracastor“. (г. в.)

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Казань, Л. Фир—ву. Мелкія статьи и стихотворенія, признанныя неудобными для печати, уничтожаются въ редакціи.

Псевдониму. Рукописи, не подписанныя полнымъ именемъ и фамиліей лицъ, обращающихся съ ними въ редакцію, не принимаются къ разсмотрѣнію.

Москва, баронессѣ Ц. Не вида рукописи, ничего сказать не можемъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Нн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе). — Мертвое поле. Стих. І. Ясинскаго. — Искусство укрощенія и дрессировки животныхъ. Переводъ съ нѣмецкаго (съ 8 рис.). — Константи́нъ Гиньяръ. Разсказъ Ришлена. — Изъ рисунковъ: Рынокъ за „Жельзной Брамой“ (съ рис.). — Возвращеніе на родину (съ рис.). — Маршировка новообранцевъ (съ рис.). — „Богъ съ нимъ, отпусти!“ (съ рис.). — Е. Я. Головачева (съ портр.). — Юбилейныя почтовые марки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (съ 15 рис.). — Г-жа Адель Борги и г. Маттѣя Баттистини (съ 2 портр.). — Гравюры Гѣте (съ рис.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Научныя и техническія новости. — Искусство. Художественныя драгоцѣнности Малороссіи. — Новое изобрѣтеніе е. (съ рис.). — Сибирь. — Завлеченіе. — Ребусъ. — Почтовый ящикъ. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

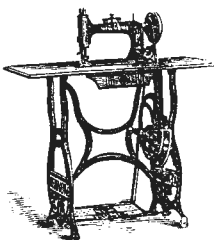
Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Нн. М. Н. Волконскій.

Новая американская скоропишущая машина **„ГАЛЛЬ“**. № 6228 (1)
Лучшая пишущая машина въ мірѣ. Одна и та же машина пишетъ на всѣхъ языкахъ, каждый языкъ по десяти и болѣе различныхъ шрифтовъ. Цена машины 75 р., каждаго шрифта 3 р. Единственный представитель для всей Россіи Торговый домъ Э. ШТЕЙНЛЕ въ Одессѣ.

Описание и пробныя шрифты безплатно. Приглашаются агенты во всѣхъ городахъ.

НЬЮ-ГОМЪ
оригинальная, американская усовершенствованная ШВЕЙНАЯ МАШИНА

Къ „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжъ (Шт. Массачусетс), Сив. Америка пользуется всемірною извѣстностью; проста, прочна, изящна; отличается: высокимъ рукавомъ, новымъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-мя нитками шпунтовую строчку; употребляетъ прямую са-оставляющуюся (безъ мѣрки) нитку; годна для домашнего и ремесленнаго употребленія; шьетъ все; отъ тончайшей кисеи до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТІЯ 5 ЛѢТЪ.
Прейсъ-курантъ и описаніе по требованію.

Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовскихъ. Главный представитель для всей Россіи: Высоч. утвержден. Товарищество „Работникъ“. Москва, Петербургъ, Кіевъ, и Ташкентъ.

П. № 248

10-9

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ

искусственными **БРИЛЛІАНТАМИ:**

- № 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
- № 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
- № 358. Золотыя серьги на вингикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.
- № 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
- № 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
- № 303. Золотая булава. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20—31.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
Невскій просп. № 42. С.-Петербургъ.
Рекомендовать часы собственнаго производства прусской системы лицамъ, которымъ точный и вмѣстѣ съ тѣмъ недорогой измѣритель времени составляетъ существенную необходимость. Ручательство за вѣрность хода и прочность механизма на четыре года. Иллюстриров. преисъ-куранты высылаются безплатно.

Р. Глезеръ въ Ригѣ ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ

фабрика карандашей, грифель и т. п. Вс. С. Соловьева.

Прейсъ-курантъ высылается безплатно, коллекціи образцовъ за 1 рубль марками. Самые дешевыя фабричныя цѣны.

ТАВЛИЦЫ СТОИМОСТИ ФУНТОВЪ (раздѣлочная книжка).

Необходимае пособие для хозяйствъ, торговыхъ учреждений, бухгалтеровъ, инженеровъ, архитекторовъ и конторщиковъ въ пѣтяхъ. Составилъ Е. Кобозевъ. Цена 50 к. Трѣбованія адресовать: Пис. Цѣхановъ, Лом. губ. Е. Кобозеву. Высылаются съ надлежащимъ платежемъ.

КРАСИВО ПИСАТЬ научивается вѣжливъ заочно (посредствомъ першени) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФІИ **А. КОССОДО.**

Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 32-13. За 2 семилѣтнихъ марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣльныхъ агентовъ. За условіями обрат. письменно: Генрихъ Блюнкъ, С.-Петербургъ, Цевскій, 50. 12—3

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ
придающие неправильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, высылаются за 1 р. 10 к. пт. съ надложен. платежомъ. Адресъ въ Москву У. Шильдъ.

ЛЕПНИГЪСЪ и ГЮЗНИГЪ
имѣютъ честь сообщать, что они доставляютъ черную краску, которую печатается на пострѣванный журналъ „Нива“. № 2450

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

Упомянуется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія. При употребленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ вошла бы незначительная порція першени, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цена флакону 1 р. 65 к.; безплатно высылаются 35 к. и 50 к. флаконъ. Опыты (душистый лѣдъ-крема) 1 р. Указана и перш. въ Европ. Россіи 7) к. въ Америк. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у **В. АУРЪХА**, въ С.-Петербургѣ, Колодецкая, № 18-19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВЪНЪ.

КАТАЛОГ
за 1893 г.

АНГЛИЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
старѣйшей фабрики
компаніи **РУДЖЪ** Ковентри
съ новостями на 1893 годъ.
Представители для всей Россіи
Ц. № 6299 торговый домъ **АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ.** 8-6
Москва, Мясницкая, д. Сытова.

ГЛАВ. СКЛАДЪ МОСКВА
У Л. Я. **СТОЛКІНДЪ.**

КРУПНИКЪ
ДЛЯ
УНИЧТОЖЕНІЯ
КРЫСЪ и МЫШЕЙ
ФРОНШТЕИНЪ
ПРОДАЕТСЯ «ВЕЗДЕ»
по 30 и 50 К.
ФУРКАСОВЪ, ПЕР. Д. ОБИДНОЙ

ШОКОЛАДЪ
ФАБРИКИ **ЕСТУЖКЪ**
НАХОДИТСЯ
ВО ВСѢХЪ
ГОРОДАХЪ
РОССІИ.

ПРЕДОСТАВЛЯЕМЪ
ВЪ ПОДАРОКЪ
НАШЕЙ
МАШИНЫ

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни.
Вс. Соловьева, Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

EAU, PÂTE, POUDDRE
DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

№ 6285 13-11

Вышло новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНОВА:**
ПО ВОЛНАМЪ
БЕЗКОНЕЧНОСТИ.
Астрономическая фантазія **Н. ФЛАММА-РІОНА.** Переводъ съ франц. В. Раичева.
350 страницъ съ портретомъ автора. **Цѣна 80 коп.** Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ **П. Луконникова** (С.-Петербургъ, Ленгутовъ пер., д. 2). М. № 6358

Д-ръ **Волицій** лечитъ наружныя, кожныя, грудныя болѣзни, ракъ и электротер. Невскій, 57, кв. 5. Отъ 2-3 и 6-7 2 ч. в.

ТОЛЬКО ЗДѢСЬ
Кузьмичевская трава **Федра** събѣлая, сухая, отборная боровая по 3 руб. за ф., стеновая по 1 р. за ф. безъ пересылки; вынимающіе болѣе 5 ф. боровой за пересылку не платятъ. Кто вынимаетъ 3 ф. боровой или 5 ф. стеновой прилагается брошюра съ рисунками эфедры безплатно.
Адресъ: г. Бузулукъ, Самар. губ., снѣцкая торговля эфедрой **П. П. Гурова.**

НА ЛЬТО

ТОЛЬКО 5 руб.
Выдается настоящий фотографическій аппаратъ съ треножникомъ, не играющій, коимъ каждый, даже ребенокъ, можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч., съ пробными снимками и руководствомъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій пр., 4. Заказы немедленно. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 10 к. марку. № 6361
Высылается наложеннымъ платежемъ.

НОВАЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ КНИГА
У ЗЕМСКАГО
издана въ Россіи по центральномъ книжномъ магазинѣ, въ Москвѣ, въ зданіи «Славянского Базара», на Никольской улицѣ, только что вышла и поступила въ продажу замѣчательно важная новая книга въ общепонятномъ и въ опроверженіе доктринъ невѣрія. Окончательное доказательство о вѣчно-вѣчной жизни и о вѣчно-вѣчной жизни.

ВѢКОВЫХЪ ТАЙНЪ
О ТОМЪ,
БУДЕМЪ-ЛИ МЫ ЖИТЬ ВЪ ЗАГРВНОМЪ МІРѢ
ПОСЛѢ НАШЕЙ КОНЧИНЫ?

Эти окончательные вопросы о дѣйствительной и вѣчно-вѣчной жизни **ЧЕЛОВѢКА ЗА ГРОВОМЪ,** разрѣшенные по неопровержимымъ выводамъ, на основаніи Св. Писанія и ученія Св. Духа, съ указаніемъ на мнѣнія и древнихъ мудрецовъ. Объясненіе о состояніи души, что она не умираетъ, слышитъ и видитъ вокругъ себя въ тотъ страшный моментъ, когда она уходитъ изъ тѣла и куда и въ какія мѣста переселяется. Книга составлена по историческимъ, богословскимъ сочиненіямъ и по научнымъ трактатамъ великихъ древнихъ и новыхъ философовъ, Иоанномъ Архангельскимъ. Изданная трудами **Алекса. Земскаго.** Москва. Цѣна съ пересылкой 2 руб., въ роскошномъ переплетѣ 3 р. № 6359

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.
КРАТКОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Великая тайна безсмертія. Голосъ истины изъ загробнаго міра. Начало вѣчности во вселившей и появленіе въ ней злыхъ душъ и ихъ тайная година изъ пренесенной. Мировой вопросъ, въ которомъ лежитъ глубокая тайна смерти и жизни отъ начала творенія вѣровъ въ отношеніи человеческихъ душъ, безъ различія племенъ и религіозныхъ вѣрованій. Неопровержимыя доказательства о томъ, что человекъ послѣ своей смерти, то есть по отходѣ въ міръ загробный, продолжаетъ жить духовно и вполне сознательно жизнью. Тайна первой великой религіи отъ созданія міра и въ чемъ она проявилась въ началѣ. Какъ живутъ души великихъ преступниковъ и души проклятыхъ, и души обыкновенныхъ грѣшниковъ. Гдѣ находятся души отверженныхъ и души проклятыхъ великихъ преступниковъ. Надежда этихъ душъ и ихъ воззваніе, посредствомъ великихъ и неустанно-бесспрерывныхъ молитвъ передъ Богомъ. Вступленіе въ первый періодъ загробной жизни. Вступленіе праведныхъ въ жизнь небесную. Вѣчная жизнь и райское блаженство. Общее состояніе грѣшныхъ душъ и въ какихъ мѣстахъ онѣ пребываютъ до страшнаго суда. Мнѣнія древнихъ великихъ мудрецовъ и великихъ философовъ о дѣйствительномъ существованіи душъ въ загробномъ мірѣ и неопровержимое доказательство по сему предмету и всѣхъ знаменитыхъ древнѣйшихъ философовъ и христіанскихъ писателей. Чудныя факты и историческія сказанія известныхъ лицъ, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію. Божьи молитвы, но въ особенности молитвы церкви о душахъ усопшихъ. Предсмертныя предсказанія многихъ людей, которые предсказывали свою кончину; факты эти несомнѣны, какъ основанные на историческихъ данныхъ. Неопровержимыя доказательства о существованіи демоновъ по книгамъ Святаго Писанія. Загадка и рѣшеніе этой великой тайны о сознаніи человеческихъ душъ, на основаніи выводовъ изъ священнаго Писанія, гдѣ находится вѣчная истина и великая тайна сей премудрости. Что ожидаетъ въ загробной жизни тѣхъ людей, которые отрицаютъ свѣтлыя, небесныя и вѣчныя истины, возбѣщаютъ насъ наше безсмертіе. Какія сомнѣнія иногда закрадываются въ нашу душу, въ отношеніи вѣры въ будущую загробную жизнь. Какія доказательства предлагаютъ пугающіе атенеты къ отрицанію загробной жизни. Среди мрака и пагубнаго невѣрія. Неостыжмая тайна молитвы. Жертвы погибели и сѣти коварныхъ темныхъ силъ. Великая вѣра въ божество-божественные догматы. Чрезвычайно интересное и замѣчательное заключеніе. Книга продается, какъ указано выше, въ книжныхъ магазинахъ **Земскаго.** Отъ Московскаго духовно-цензурнаго комитета печатаніе дозволяется. Цензоръ протоіерей **Симеонъ Шишиковъ.** Москва, 20-го февраля 1893 года.

АГЕНТЫ ТРЕБУЮТСЯ
въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціи для продажи галантерейныхъ товаровъ.
Предложенія адресовать: Варшана, Почтовая контора, **Ю. Г.** до востребованія. На отвѣтъ прислать семикопѣчную марку. № 6357

5 Р. КРАСИВО ПИСАТЬ выучившая всякого **ЗАОЧНО** (по-средствомъ лекцій) коррекцион-детей въ 10 уроковъ. **ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ.** Падѣльное объясненіе преподаванія высылаетъ за 3 семикопѣчныя марки. № 6341 26-2

10 Р. ДВОЙНО ИТАЛЬЯНСКОЕ БУХГАЛТЕРІИ обучая **ИНОГОРОДНЫХЪ** вноси въ основательно въ 3 мѣсяца. При окончаніи выдаю ученику **СВИДѢТЕЛЬСТВО.** Адресъ: Москва, Покровка, Учитель. Илл. и Сух. **А. С. Шиманскому.**

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Енгельскаго моста, домъ № 7-2. 26-6
Иллюстрированные прейсъ-курранты по востребованію высылаются безвозмездно.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокорыхъ. желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46. Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (27)

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
СРЕДСТВО
для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна **35 коп.**
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14-8

Заказы из провинции исполняются немедленно и аккуратно.

По получении выписки приблизительно 1/3 стоимости заказа требуется высла- дается с надлежащим платежом на остальную сумму.

СКРИПКИ

по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., 1 1/2 р., 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
Футляры для скрипки по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.
Струны, канюль и все другие принадле- жности.
Скрипки 3/4, 1/2 и 1/4 величины для детей по 7 руб. — 15 руб. как и больше.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ

хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 25 и 35 руб., собственной С.-Пе- тербургской фабрики въ 50, 60, 75 и 100 р. Знаменитой фабрики Courtois въ 90 руб., 150 руб. и 250 руб.

ФЛЕЙТЫ

хорошей заграничной работы въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб., собственной С.-Петербургской фабрики въ 50, 75, 85, 120 и 160 р. Флейты „модели Циммермана“ находившаяся въ употреблении у первых артистовъ по 85 и 120 руб.

Иллюстриров. предъ-курантъ — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ

главное депо

музыкальных инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

УДОЧКИ

и все вообще принадлежности для рыб- ной ловли получены изъ Англiи въ боль- шомъ выборѣ въ маг. С. И. Дойнинова Невскiй просп., № 27. Милютинъ рядъ, С.-Петербургъ, № 27. Иллюстрированный предъ-курантъ ры- боловныхъ принадлежностей высылается бесплатно.

PARFUMERIES

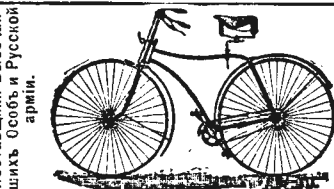
Violettes de Parme
ED. PINAUD

Savon.... aux Violettes de Parme
Essences... aux Violettes de Parme
Huile.... aux Violettes de Parme
Poudre de Riz aux Violettes de Parme

37, BOULEVARD de STRASBOURG
PARIS

GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

Поставщик Высочай- шихъ Особъ и Русской Армии.
Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офи- церовъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОВШИРНЫЙ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**
(основ. въ 1863 г.)
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
Ц. № Ковалевъ и Екатеринбургъ. 25—15
5982 Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданiе
А. Ф. МАРКСА въ СПБ.:

СОЧИНЕНIЯ

М. В. ЛОМОНОСОВА

Подъ редакцiей **А. И. Введенскаго.** Съ биографическимъ очеркомъ и портретомъ Ломоносова, гравированнымъ на стали П. Ф. Дейни- геромъ въ Мюнхенѣ. Изданiе изданный томъ in 8° (352 стр.) на лучшей бумагѣ. СПб. 1893 г. Ц. 1 р., а съ пересылкою 1 р. 30 к., въ роскошномъ коленкор. переплетѣ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Настоящiй томъ заключаетъ въ себѣ полное собранiе исключи- тельно литературныхъ произведенiй Ломоносова, въ которыхъ онъ является творцомъ русскаго литературнаго языка.

Тексты произведенiй Ломоносова, которыя были напечатаны при его жизни, тщательно сверены по послѣднему при немъ изданiю 1757 года, внимательно исполненному имъ самимъ.

Съ требованiями на книгу слѣдуетъ обращаться въ СПБ.—гь, въ Контору журнала „Нива“ (Невскiй, 6).

Вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫПУСКЪ

новаго роскошнаго періодическаго изданiя, подъ названiемъ:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

годъ первый (1893), содержащiй въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями **Я. и В. ГРИММАМИ.**

переводъ подъ редакцiею **П. Н. ПОЛЕВОГО.**

Иллюстрацiи **П. Гротъ-Юганна.**

24 вып., каждыи—въ роск. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданiе **А. Ф. МАРКСА** въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается и каждыи новый подписчикъ

получаетъ изданiе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданiе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р.

Безъ доставки въ Москвѣ (въ Конторѣ Н. Н. Печковской)—13 р.

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условiяхъ:

при подпискѣ—4 руб., къ 1-му мая—2 р., къ 1-му юнiя— 2 р.,

къ 1-му юли—2 руб., къ 1-му августа—2 руб., къ 1-му сен-

тября—1 руб. и къ 1-му октябрю—1 рубль.

Подписка на это изданiе принимается въ главной конторѣ

журнала „Нива“, въ СПБ., Невскiй, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ

Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магаз.

Желающимъ ознакомиться съ изданiемъ, 1-й выпускъ „Сказокъ“

высылается за 50 коп. почтовыми марками.

ИСУСЪ ЦАРЬ-ДѢВЦА.

Вс. Соловьева.

(сынъ Навина). Новѣвостан. изд. библейск. Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обни- вредитъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА.** Перев. съ нѣм. знаеть эпоху правленiя и изложенiя Царевича; съ 58-ю грав. въ текетѣ, по рис. художн. Софи. Надъ 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. А. Земцова. С.-Петербургъ 1890 г. Ц. 2 р., 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 2 руб. 25 коп.

Новое роскошное изданiе А. Ф. МАРКСА:

ИСТОРИЧЕСКIЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и вышетокомъ художника **К. В. ЛЕБЕДЕВА.**

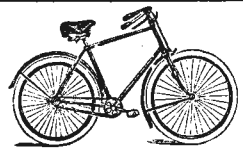
Появленiе въ свѣтъ настоящаго изданiя было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, „**НОВОЕ ВРЕМЯ**“ говоритъ о книгѣ слѣдующее: „Надо отдать справедливость г. Марксу: онъ издалъ эту книгу очень изыщно, съ вышетоками и картинками, нарисованными съ большимъ вкусомъ и знанiемъ русскихъ древностей молодымъ художникомъ, г. Лебеде- вымъ. Историческiе разсказы г. Полеваго отличаются тѣмъ, между прочимъ, отъ цѣлой массы подобныхъ разсказовъ, что въ нихъ со- блюдается историческая вѣрность эпохъ, такъ какъ авторъ пре- красно изучилъ ту эпоху, изъ которой черпаетъ свои разсказы. Примѣненные къ этимъ разсказамъ и рисунки являются не празд- нымъ измышлениемъ, а служатъ къ нимъ иллюстрацiями, гдѣ вѣрно соблюдаются костюмы и другiя бытоваыя особенности.“

Цѣна этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большого 8°) и роскошнаго изданiя, назначается нами весьма удручнелъ: **5 р.,** съ перес. **5 р. 80 коп.;** въ роскошн. перепл. **6 р.,** съ перес. **7 р.**

Для любителей роскошныхъ изданiй мы печатали особо „50 нумерованныхъ экземпляровъ“ на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 эстампа на мѣди отпечатаны на китай- ской бумагѣ. Цѣна этихъ нумерованныхъ экземпляровъ **25 руб.,** съ пересылкою **26 руб.,** въ роскошномъ полушажре- невомъ переплетѣ **28 руб.,** съ перес. въ ящикѣ **30 руб.**

Съ требованiями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскiй, № 6.

ЗОЛ. МЕДАЛИ, благодарность ко- др. Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво и скоро заочно. За двѣ 7 коп. марк. вы- сылаю условiя и пр. письма. Одесса, проф. № 6361 кат. Кочидарисъ. 6—4

Знаменитые велосипеды

„ДАНА“ и друг.

предлагаетъ торговый домъ

ПОПОВА и К°.

Москва, Знаменка, домъ № 17-й.

Ильинка, д. Троицкой Лавры.

Прѣсь-курантъ высылается бесплатно. 2-1

ВИНО

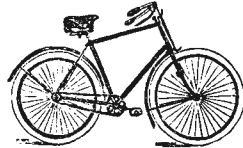

СЕН- РАФАЭЛЬ.

Вино Сен-Рафа- эль превосходно на вкусъ.

Сохраняется по способу г-на Пастера.

На каждой бутылкѣ находится печать Россiйской таможи.

Велосипеды англiйскаго завода

„Гумберъ и К°“ Лмтд.

лучше въ свѣтѣ!

предлагаетъ торговый домъ

Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.

Москва, Невлинный просп., домъ Елсиной.

Прѣсь-курантъ — бесплатно.

3-й ВЫИГРЫШ- НЫЙ

(Дворянскiй) заемъ, 1 мая тиражъ, про- даетъ на условiяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ

БАНКИРСКIЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

59, Невскiй, СПБ. (4—3)

1 марта с. г. на билетъ II займа сер. 02031 № 25, купленный въ Банк. Домъ съ задаткомъ 20 руб., надо выиграть въ 5000 рублей.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика **А. ЭНГЛУНДЪ.**

Для вѣжностн и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предуредженiя подѣлокъ, прошу обратитъ вниманiе на подписи **А. Энглундъ** красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметиче- ской Лаборатори. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ рус- скомъ обществѣ торговли аптекар- скими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ торговляхъ Россiй- ской Имперiи.—Главный складъ для всей Россiи **А. Энглундъ,** С.-Петер- бургъ, Васильевая ул., д. № 2.

Фирма премпрована на европейскiхъ выставкахъ десятью золотыми меда- лями и высшими вышками.

ОСТАРЕГАТЬСЯ ПОДЪБЛОКЪ.

№ 6135 10—4

Поставщик Высочай- шихъ Особъ и Русской Армии.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офи- церовъ пользуются нашими велосипедами.

БЕЗПЛАТНО.

XXIV г.
№ 17

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИСЪ ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдавъ 24 апрѣля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 3 fr., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петербургъ.

5 р.

Съ доставкою въ Петербургъ.

6 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд.

10 р.

На 1/4 года безъ дост.

1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На 1/2 года безъ дост.

2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конг. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин.

6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи.

7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленіи отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногород. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всеми прилож., Сборникомъ и пр.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

Во время экзамена. Карт. Жоффруа, грав. Калій.

* * *

Тетрадка старая—бумага и чернила

Въ ней выцвѣли давно, но въ памяти моей

Она былые дни и горе воскресила,

И то, какъ плакалъ я надъ ней!—

Какъ плакалъ я тогда надъ каждою ошибкой,

И неутѣшною казалась мнѣ печаль...

И я вздохнулъ съ невольною улыбкой—

И дѣтскихъ слезъ мнѣ стало жаль!...

Р. Н.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

IX.

3-го ноября.

„Если хотите видѣть человѣка, съ которымъ бесѣдовали вы...“ повторялъ себѣ Артемій, не сомнѣваясь въ томъ, что онъ безусловно, непремѣнно хочетъ увидѣть этого человѣка, и радуясь, что можетъ увидѣть его... Помимо того, что свиданіе это, само по себѣ, было заманчиво, но была еще возможность узнать, можетъ быть, что-нибудь объ Ольгѣ... Этотъ человѣкъ былъ тогда въ Проскуровѣ, значитъ, онъ могъ быть тамъ и впоследствии, и недавно, и, пожалуй, очень недавно.

„Не нужно увлекаться... не нужно увлекаться“, тутъ же останавливала себя Артемій, помня появленіе Торичіоли. Во всякомъ случаѣ, письмо не возбудило въ Артеміи никакихъ подозрѣній, ни сомнѣній, что это, можетъ быть, ловушка ему—онъ сразу рѣшилъ, что все, на самомъ дѣлѣ, такъ, какъ оно есть... Его таинственный покровитель (въ душѣ почему-то Артемію представлялся его незнакомецъ таинственнымъ покровителемъ) просто пріѣхалъ въ Кенигсбергъ, узналъ такъ же, какъ Торичіоли, гдѣ онъ живетъ, и прислалъ ему приглашеніе.

Проще этого быть ничего не могло.

Конечно, вѣрише всего, что онъ только-что пріѣхалъ въ Кенигсбергъ—потому что, если-бы онъ жилъ здѣсь давно, онъ не назначилъ-бы пріидти Артемію только черезъ нѣсколько еще дней—3-го ноября... Да, онъ пріѣхалъ, по откуда?—очевидно, изъ Россіи, потому что сообщеніе съ Германіей было прервано непріятельскими войсками. Непосредственно оттуда почти было невозможно попасть... Значитъ, онъ явился изъ Россіи и могъ быть въ Проскуровѣ... и былъ тамъ—безъ сомнѣнія, былъ, потому что монастырь, гдѣ пострижена эта русская, которая была когда-то дорога и ему и Торичіоли—расположенъ возлѣ.

Всѣ эти соображенія сильно занимали Артемія. Къ тому-же, докторъ посадилъ его опять дня на три дома безвыходно, найдя, что такъ часто нельзя еще бывать ему на воздухѣ, пока совсѣмъ не оправится. И Артемій его послушался. Онъ покорно высидѣлъ три дня дома, взявъ только съ Торичіоли обѣщаніе, что тотъ пришлетъ ему сказать, если будутъ какія-нибудь новости въ ретортѣ. Новостей однако никакихъ не оказалось, и Торичіоли ничего не прислалъ. Когда докторъ выпустилъ снова Артемія,—Артемій первымъ дѣломъ отправился не къ итальянцу, какъ этого слѣдовало ожидать, по туда, куда показывала стрѣлка на планѣ въ письмѣ. Ему хотѣлось хоть посмотреть самый домъ, сначала, куда его звали, и онъ пошелъ, питая однако тайную надежду, что вдругъ по дорогѣ или у двери онъ какъ-нибудь случайно можетъ встрѣтиться со своимъ незнакомцемъ.

Домъ, который отыскивалъ теперь Артемій, находился на островѣ, посреди Прегеля, въ самой старинной части Кенигсберга—Кнейпгофѣ, и былъ однимъ изъ тѣхъ узенькихъ семиэтажныхъ домовъ, которые вполнѣ сохраняли на себѣ средневѣковый характеръ. Найти его было не трудно по ясному обозначенію стрѣлки на планѣ. Нужно было миновать соборъ, пройти зданія университета и свернуть въ улицу, стѣпенную, какъ тискама, строгими каменными старцами подъ острокопечными кровлями, похожими на поднятой капюшонъ капудина... Все въ этомъ кварталѣ дышало преданіемъ и стариной... Артемій нашелъ домъ и довольно долго оставался передъ нимъ, ожидая, не выйдетъ-ли кто-нибудь или не войдетъ-ли въ него... Но маленькая дубовая дверь оставалась безмолвно запертою,

и никакого признака обитаемости не было замѣтно въ домѣ. Любопытство Артемія было задѣто. Онъ рѣшилъ постараться навести какія-нибудь справки. На противоположной сторонѣ улицы, подъ качающеюся ржавою желѣзною вывѣской, была лавочка. Артемій обратился туда. Толстый лавочникъ въ бумажномъ колпакѣ оказался очень словоохотливымъ добрымъ нѣмецемъ и готовъ былъ рассказать, не утаивая, все, что зналъ, но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія его были довольно ограничены. Онъ могъ сообщить лишь, что домъ этотъ принадлежитъ доктору Шёпингу, что самъ докторъ не живетъ въ Кенигсбергѣ и бываетъ очень рѣдко тутъ, и что въ настоящее время—онъ это знаетъ на вѣрное—докторъ не пріѣзжалъ еще.

— Но есть все-таки кто-нибудь, кто живетъ въ этомъ домѣ, вѣдь, не пустой же онъ стоитъ все время? спросилъ Артемій.

Лавочникъ опять очень обстоятельно объяснилъ, что, насколько ему извѣстно, въ домѣ живетъ старый слуга, который почти никогда не выходитъ—развѣ въ церковь по праздникамъ—и который, по всему, долженъ быть очень почтеннымъ человѣкомъ, хотя и не покупаетъ ничего въ его лавкѣ; впрочемъ, въ другихъ лавкахъ онъ тоже никогда ничего не покупаетъ, знакомства ни съ кѣмъ не заводитъ, у себя никого не принимаетъ и самъ никуда не ходитъ, даже въ пивной погребокъ, гдѣ собирается лучшее общество околотка и ведется всегда очень интересная бесѣда о политикѣ. Больше лавочникъ ничего не зналъ, а потому и сообщить ничего не могъ. Все это очень мало подвинуло Артемія впередъ.

„Да и Торичіоли называлъ *его* тоже докторомъ“, соображалъ онъ, возвращаясь домой, и это все-таки немного успокоило его. О томъ, что получилъ письмо, онъ никому не сказалъ—ни каиралу, ни Торичіоли. Итальянецъ замѣтилъ, однако, что молодой его ученикъ какъ будто охладѣлъ къ ихъ опытамъ алхиміи, но думалъ, что это временно, и что причиной этому нездоровье Артемія. Артемій между тѣмъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда наступитъ 3-е число.

Наканунѣ онъ опять заходилъ въ лавочку узнать, не пріѣхалъ-ли докторъ, но ничего положительнаго лавочникъ не могъ сказать. Наконецъ, ожидаемый день наступилъ, и Артемій задолго до восьми часовъ слѣдилъ уже за стрѣлками на большомъ, висѣвшемъ въ его комнатѣ, пиферблатѣ. Ему казалось, что онѣ двигались очень медленно. Было еще четверть восьмого, когда Артемій рѣшилъ, что пора, потому что въ письмѣ было сказано не „въ восемь часовъ“, а *къ восьми*. Онъ зналъ уже наизусть это письмо. Онъ закутался въ свой плащъ и необыкновенно скорыми шагами, чуть-ли не бѣгомъ, добрался по знакомой уже дорогѣ до дома доктора Шёпинга. Онъ долго впоследствии помнилъ то охватившее его вдругъ чувство, съ которымъ онъ, съ сильно бьющимся сердцемъ, брался за молотокъ у маленькой дубовой двери. Она отворилась совсѣмъ безъ шума, чего вовсе нельзя было ожидать, судя по ея ржавымъ, на первый взглядъ, петлямъ. На порогѣ явилась длинная, худая фигура старика-слуги, о которомъ рассказывалъ лавочникъ. Слуга держалъ въ рукѣ, приподнявъ ее, масляную лампу, освѣщавшую его худое, продолговатое лицо. Каріе, живые глаза старика такъ и впились, казалось, въ Артемія.

— Дома... можно видѣть? спросилъ Артемій, избѣгая, однако, называть имя того, кого ему пужно, потому что не былъ увѣренъ въ немъ.

— Вы пришли къ доктору Шёнингу? спросили его, именно спросили, потому что голосъ старика казался такъ тихъ, словно другой кто-то и гдѣ-то далеко спрашивалъ за него.

— Да... т. е. я не знаю, замялся опять Артемій. — У меня вотъ письмо...

И онъ вынулъ письмо изъ кармана.

Старикъ бѣгло глянулъ на печать.

— Пойдемте, сказалъ онъ, и повелъ Артемія вверхъ по каменной лѣстницѣ. Дверь какъ бы сама собою захлопнулась за ними.

И вдругъ, когда захлопнулась эта тяжелая дверь, Артемію стало жутко, и сердце его сжалось. Несмотря на то, что они шли не внизъ, а вверхъ по лѣстницѣ, ему казалось, что они точно спускаются въ подземелье. Воздухъ былъ сухъ и сжатъ и пропитанъ какимъ-то совѣмъ особеннымъ запахомъ, не похожимъ на куреніе, но, несмотря на это, скорѣе приятнымъ, чѣмъ нѣтъ.

„Спросить его, или не спросить?“ думалъ Артемій, медленно перебирая ступени за старикомъ.

Онъ чувствовалъ неудержимое желаніе заговорить.

— А что докторъ, рѣшился спросить онъ, — пріѣхалъ?

„А вдругъ если онъ не отвѣтитъ!“ мелькнуло у него, и это показалось еще болѣе жуткимъ.

— Графа нѣтъ еще въ Кенигсбергѣ, вдругъ отвѣтилъ старикъ.

Артемій остановился.

— Какого графа? невольно вырвалось у него.

Онъ не зналъ теперь, идти-ли ему дальше.

Старикъ, не спѣша, обернулся къ нему, все попрежнему высоко держа свою лампу. И Артемій опять услышалъ его сдавленный, тихій голосъ.

— Вы въ домѣ, сказалъ этотъ голосъ, — графа Сень-Жермена. Для тѣхъ, кто тамъ (онъ показалъ на улицу), графъ — докторъ Шёнингъ; для тѣхъ, кто можетъ войти сюда, — онъ графъ Сень-Жермень.

Артемій понялъ теперь значеніе латинскихъ буквъ C. S. G., стоявшихъ на подписи письма.

„Но какъ же я пойду дальше, если его еще нѣтъ въ Кенигсбергѣ?“ сообразилъ онъ.

— Графъ пріѣдетъ въ девять часовъ, отвѣтилъ старикъ, какъ бы понявъ его мысли, и, миновавъ еще нѣсколько ступеней, открылъ дверь въ освѣщенную комнату, гдѣ послышался сдержанный говоръ.

„Тамъ есть кто-то!“ удивился Артемій, и мимо оставившагося старика смѣло вошелъ въ комнату.

Въ этой, убѣгавшей вверхъ своими готическими сводами, комнатѣ, освѣщенной семью восковыми свѣчами въ стоявшей на столѣ канделябрѣ, вокругъ этого стола, на старинныхъ тонкихъ деревянныхъ стульяхъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ молодыхъ русскихъ военныхъ.

Этого Артемій никакъ уже не ожидалъ. Онъ готовился встрѣтить здѣсь все, чтò угодно, но только не тѣ русскія лица и русскіе мундиры, которые онъ увидѣлъ здѣсь. И ошеломленный, ничего не понимающій, Артемій остановился въ нерѣшимости, подойти ему къ столу или нѣтъ. Онъ былъ сержантъ, остальные — офицеры. Офицеры замолкли, при его появленіи. Они, казалось, были удивлены не менѣе его. Наконецъ, одинъ изъ нихъ всталъ, подошелъ къ Артемію и, взявъ его за локоть, подвелъ къ столу.

— Это тотъ самый сержантъ седьмой роты Тарасовскаго полка, проговорилъ онъ, улыбаясь, при чемъ такъ и сверкнули жемчугомъ его ровные, бѣлые зубы, — тотъ самый сержантъ, который спасъ полковое знамя...

И онъ, потянувъ слегка локоть Артемія, заставилъ его тоже сѣсть.

„Гдѣ я видѣлъ его?“ вспоминалъ Артемій, взглядываясь въ красное, съ высокимъ, умнымъ лбомъ и яс-

ными глазами, лицо офицера. Осанистая фигура его дышала здоровьемъ и силою. Ее, казалось, увидавъ разъ, трудно было забыть.

И Артемій сейчасъ же вспомнилъ, что это былъ тотъ артиллерійскій офицеръ, который подошелъ къ нему съ привѣтствіемъ на полковомъ дворѣ, когда ему посчастливилось вернуть знамя.

Кромѣ артиллериста, къ которому уже Артемій почувствовалъ безграничную и безотчетную симпатію, онъ зналъ изъ всѣхъ присутствующихъ, и то только по фамилии, одного Пассека, бывшаго начальника дядькашрала, который относился всегда къ нему съ крайнимъ уваженіемъ. Остальные все были незнакомые.

Артемій скромно прісѣлъ къ столу. Офицеры заговорили снова.

Изъ ихъ разговора сейчасъ же стало ясно, что они находились въ совершенно такомъ же почти положеніи, какъ Артемій, т. е. извѣстно имъ было тутъ немногимъ больше, чѣмъ ему.

— Да, и никакъ я не ожидалъ, заговорилъ Пассекъ (голосъ его былъ удивительно вятенъ и звучалъ раздѣльно-приятно), — никакъ я не ожидалъ, чтобы докторъ Шёнингъ, тотъ самый докторъ Шёнингъ, съ которымъ мнѣ приходилось такъ часто бесѣдовать въ прошлый его пріѣздъ сюда, оказался знаменитымъ графомъ Сень-Жерменомъ.

„А-а! подумалъ Артемій, — онъ знаменитый, вотъ какъ!“

И ему хотѣлось ужасно узнать скорѣе, чѣмъ былъ знаменитъ этотъ странный человѣкъ, у котораго они всѣ сидѣли пока въ гостяхъ безъ хозяина, но онъ не рѣшился спросить.

— А ты бывалъ у него здѣсь? обратился къ Пассеку артиллерійскій офицеръ.

— Нѣтъ, собственно, у него въ домѣ я въ первый разъ, потому-то я и говорю, что никакъ не ожидалъ: мнѣ только на лѣстницѣ сейчасъ этотъ старикъ съ тихимъ голосомъ сказалъ, что я въ домѣ графа Сень-Жермена.

„Вотъ какъ, и мнѣ тоже!“ опять подумалъ Артемій.

— И мнѣ, отвѣтилъ артиллеристъ, — тоже только сегодня этотъ старикъ, когда я пришелъ сюда, сказалъ, что я въ домѣ графа Сень-Жермена, а не доктора Шёнинга, какъ я думалъ прежде.

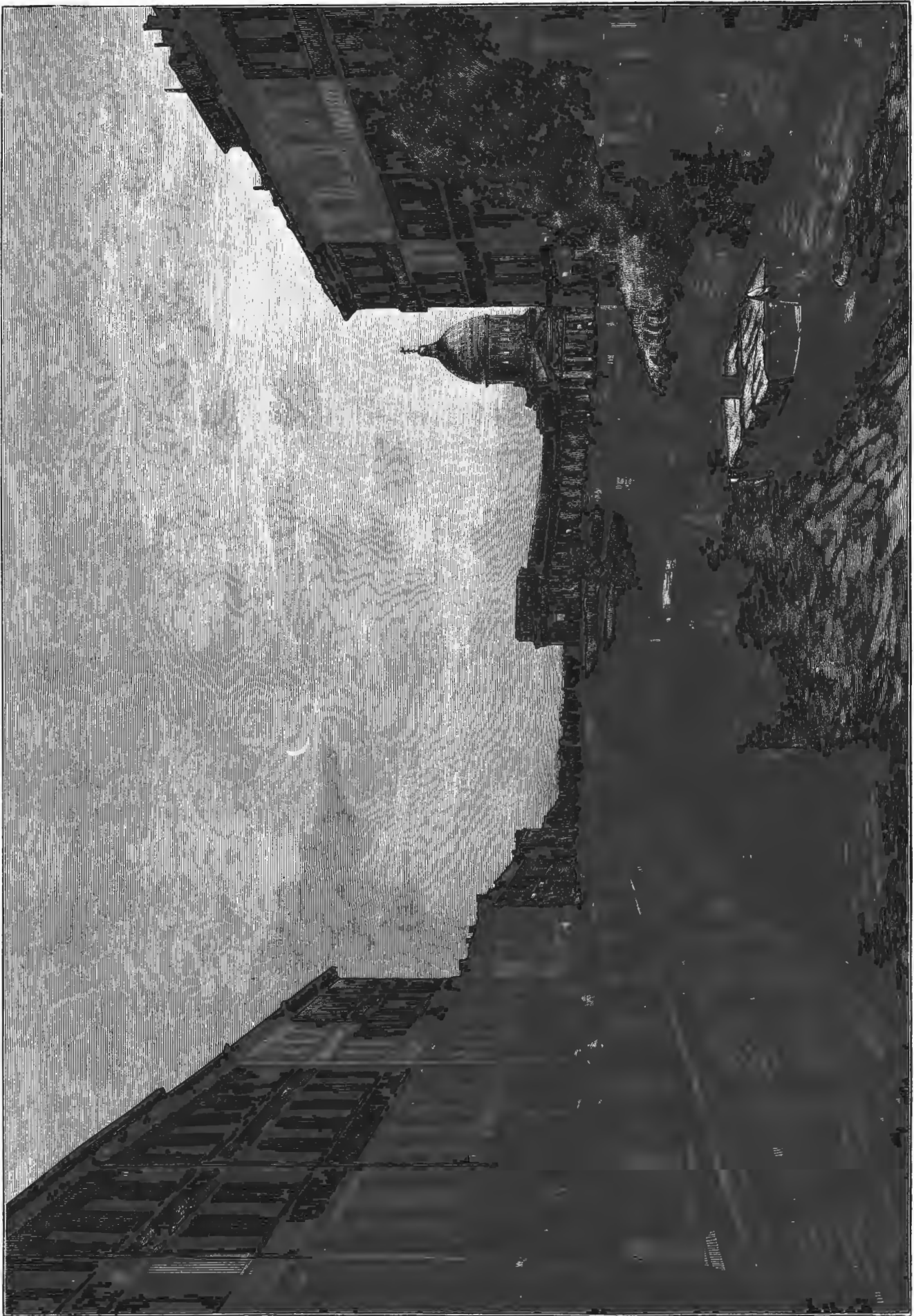
— А ты какъ-же съ нимъ познакомился?

— Ахъ, это цѣлая исторія!... Я только знаю, что я многимъ обязанъ этому человѣку, почти жизнью обязанъ...

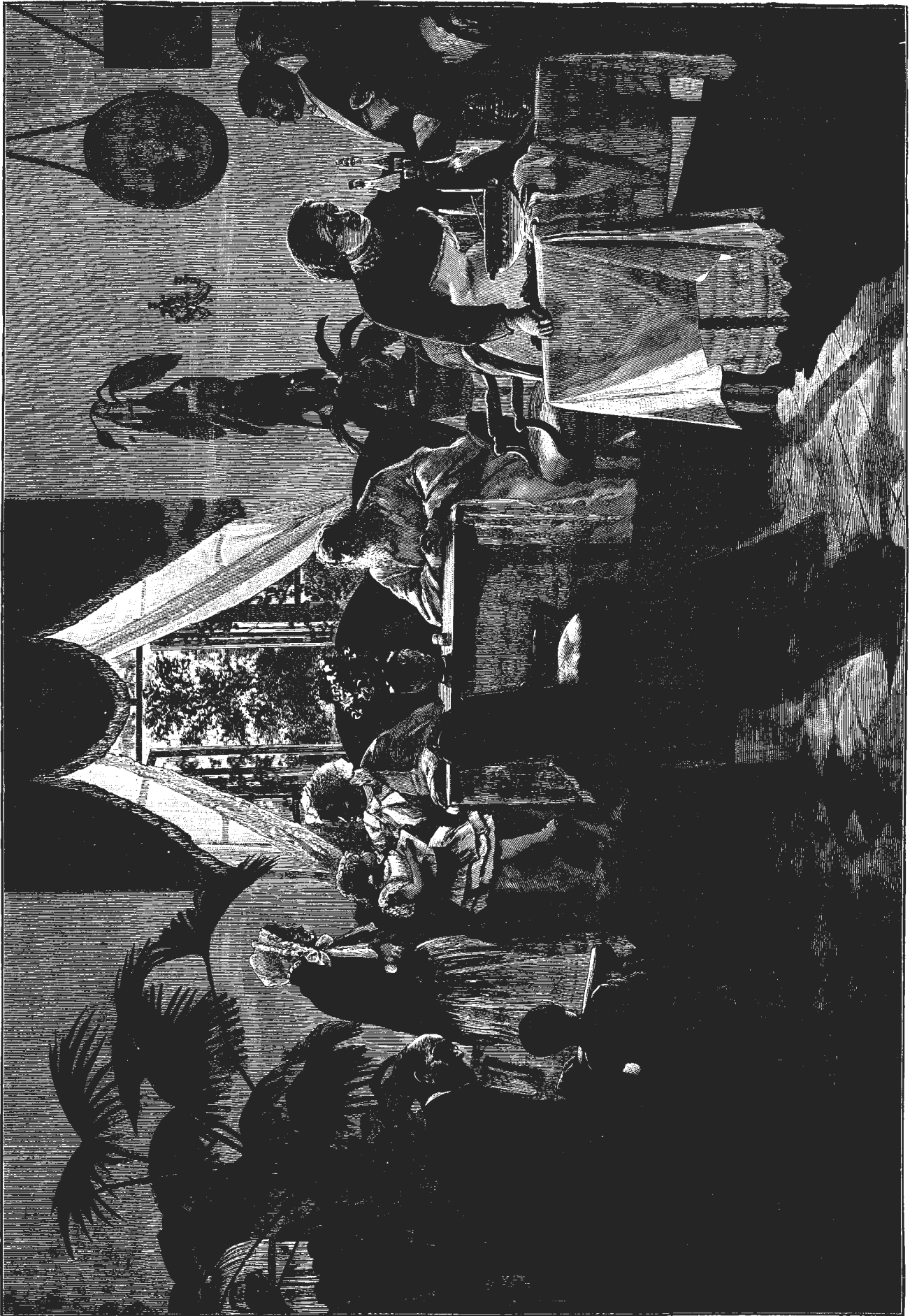
— Ты однако никогда не говорилъ объ этомъ, замѣтилъ Пассекъ.

— И никогда не скажу — довольно того, что говорю только, что чего-бы онъ отъ меня ни потребовалъ — кажется, все сдѣлаю для него...

— И я, и я, все сдѣлаю, заговорилъ, вдругъ воодушевляясь, еще одинъ изъ присутствующихъ, — что-жъ? Я могу рассказать — разъ мы всѣ здѣсь соединены однимъ и тѣмъ-же человѣкомъ, одинаково для насъ симпатичнымъ. — Въ прошломъ году (мы стояли тоже здѣсь, въ Кенигсбергѣ) — скучица была страшная: дѣлать нечего; по-нѣмецки я только теперь кое-какъ говорить научился, а тогда просто дѣваться было некуда — все свои да свои полковые... Повалился я тогда ходить въ кости играть. Одинъ изъ товарищей по полку свелъ. Въ игорный домъ, должно быть, мы съ нимъ попали. Началъ я, разумѣется, по маленькой. Потомъ больше и больше. Сначала выигрывалъ, — сдѣлалъ ставку покрупнѣе, сорвали ее у меня; я еще — и еще сорвали, а потомъ и пошло... всѣ деньги, какія были у меня, проигралъ — вещи продавать началъ... Нѣтъ счастья, да и все тутъ. Какъ на грѣхъ пришлось мнѣ замѣнить казначея въ полку... ну, тутъ рискнулъ я изъ денежнаго ящика попробовать, рискнулъ и ахнулъ, что я

XXI передвижная выставка. „Екатерининскій каналъ“. Съ карт. проф. А. Боголюбова, грав. Флюгель.

Выставка въ Импер. Анад. Художествъ. „Бабушкинъ праздниѣ“. Съ карт. А. И. Корзухина, грав. Хемлицкій.

надѣлать... Ну, думаю, все равно пропадать—авось отыграюсь... Отыгрался—как-же!—Мнѣ на другой день кассу сдавать, а въ ней всего одна сотня осталась... Никогда въ жизни не забуду, что я тогда пережилъ... одно оставалось—зарядилъ пистолетъ—другого выхода не было... Только дай, думаю, послѣднюю ужъ сотню снесу—и понесу. Это ужъ я зналъ, что проиграю, такъ и шелъ съ тѣмъ и надежды даже на выигрышъ не имѣлъ... Ну, разумеется, и послѣдняя сотня къ остальнымъ пошла... Вышелъ я на улицу—чувствую лица на мнѣ пѣть—въ вискахъ стучить, голова кружится... Домой возвращаться и думать нечего... заряженный пистолетъ со мною... Ну, тутъ я первый разъ и встрѣтился съ докторомъ, то-есть съ графомъ... Онъ слѣдилъ за мной, подошелъ—это на улицѣ-то,—заговорилъ,—Богъ его знаетъ, откуда все уже известно ему было,—и взялъ съ меня слово, что я никогда въ жизни больше, если останусь въ живыхъ, играть не буду. А какъ я могъ въ живыхъ остаться?—денегъ, говорю, ни отъ кого не возьму, ни отъ васъ, ни отъ кого, чтобъ за меня другой внесъ въ кассу, а самому мнѣ платить нечѣмъ... Онъ, однако, ничего не отвѣтилъ, повелъ меня назадъ въ игорный домъ этотъ. Тамъ игра въ полномъ разгарѣ шла, словно никто и не замѣтилъ моей-то гибели... золото грудами на столахъ лежитъ, дымъ отъ трубокъ—не продохнешь; свѣчи догорѣли, и воску на нихъ натекло,—а лица кругомъ красныя, изуродованныя выраженіемъ этимъ особеннымъ, когда человѣкъ въ азартъ войдетъ, и глаза у него кровью нальются—словомъ все, какъ будто я и не проигрывалъ и не уходилъ вовсе... Съѣли мы. Я смотрю, что дѣлать будетъ мой Шеннингъ... Сидитъ онъ, молча, а глаза такіе страшные—все на столъ смотреть. Какъ увидѣлъ я опять, какъ это золото, звеня, изъ рукъ въ руки переходитъ, такъ сердце у меня и захолонуло: Господи, думаю, и зачѣмъ я вернулся, повѣрилъ какому-то встрѣчному—ничѣмъ онъ мнѣ не поможетъ, а вотъ поставитъ-бы... оглянулся, а встрѣчный-то мой—ужъ не на столъ, а на меня глядитъ, и глаза все такіе-же,—кажется, въ самую душу смотреть... Вспомнилъ я слово свое, и стало мнѣ легче... Такъ выдержалъ онъ меня до конца вечера. Трудно мнѣ было побороть себя, однако я совладать, началъ трезвѣть, банккометъ ко мнѣ раза два обратился—не желаю-ли я поставить?—я промолчалъ. Только вижу одинъ отъ стола ушелъ—проигралъ, другой... Было тутъ нашихъ немного—остальные нѣмцы, молодые все, студенты больше... Всѣ проиграли... я-то ужъ зналъ, по себѣ, каково имъ теперь. Наконецъ, почти всѣ ушли—остались мы двое, банккометъ, да еще двое игроковъ. Мнѣ со стороны замѣтно уже было, что они ни въ чью сыграли... Банккометъ опять спрашиваетъ: „что-жъ, говорить, счастья не хотите попытать—можетъ быть, отыграетесь?“... Я смотрю на Шеннинга. А онъ раньше уже у меня спросилъ, сколько я проигралъ.—Подошелъ онъ къ столу—идеть, говорить, восемьсотъ шестьдесятъ талеровъ...“ Банккометъ ротъ разинулъ. Попросилъ деньги на столъ. Шеннингъ, не поморщившись, вынулъ, заставилъ, однако и банккомета положить. Я сижу чуть живой, ужъ мнѣ и свѣтъ не миль—только свой пистолетъ крѣпче сжимаю... Кинулъ онъ кости, вышло четыре и три... Семь очковъ—шансы есть... Банккометъ поблѣднѣлъ слегка, когда взялъ кости въ руки, бросилъ ихъ въ стаканчикъ—одна мимо ушла, онъ ее поднялъ, опять положилъ—перевернулъ стаканъ... смотрю шесть и пять—одиннадцать... И все у меня спуталось, въ глазахъ потемнѣло... Вдругъ слышу ударъ—Шеннингъ по костямъ кулакомъ ударилъ и раскололъ одну. Такой силы я въ жизни не видывалъ... раскололась кость—а внутри ея свинцовый уломокъ... это меня на фальшивыхъ костяхъ обыграли... Въ первую минуту остолбенѣли всѣ... потомъ и банккометъ, и эти два игрока, оставшіеся—кинулись къ Шеннингу...

Я только тогда понялъ, что игроки эти все одна компанія... Ну, онъ такъ отшвырнулъ ихъ отъ себя, что больше не полѣзли... Велѣлъ онъ мнѣ банккометовскія деньги взять—„онѣ ваши, сказалъ, потому что были у васъ украдены“, а своей ставки со стола не тронуть... Такъ и ушли мы...

Артемій слушалъ и невольно вспоминалъ свою исторію, вспоминалъ, какъ самъ тоже былъ спасенъ, но только спасенъ, правда, для того, чтобы продолжился его мученіе...

Когда рассказчикъ кончилъ, заговорили другіе, и у всѣхъ у нихъ была своя исторія, и всякій изъ нихъ былъ, такъ или иначе, обязанъ графу Сень-Жермену, который являлся къ нимъ подъ именемъ доктора Шеннинга... Оказалось также, что всѣ получили за нѣсколько дней передъ тѣмъ, подобно Артемию, такіе-же, какъ и онъ, письма—прийти къ восьми часамъ, и каждому старикъ-слуга говорилъ, что въ девять придетъ графъ, котораго еще пѣть въ Кенигсбергѣ...

Въ комнатѣ, въ простѣнкѣ между двумя окнами, висѣли устроенные въ видѣ фигурной, готической башни часы. Ихъ узорныя стрѣлки подходили уже къ назначенному сроку.

— Однако скоро девять, сказалъ Пассекъ,—я не знаю, придетъ-ли графъ...

— Да и вообще, если его пѣть въ Кенигсбергѣ, то довольно странно назначать такъ время, замѣтилъ кто-то,—тутъ и въ днѣ можно ошибиться, когда именно придетъ, а ужъ въ часѣ... и подавно... Шутка-ли сказать, изъ Парижа сюда приѣхать!

— А развѣ онъ въ Парижѣ?

— Кто?—графъ Сень-Жермень—конечно. Онъ тамъ играетъ видную роль въ обществѣ.

— Ну, тогда немисливо, чтобы онъ явился сегодня—нужно, вѣдь, ему черезъ непріятельскую армію проѣхать, потомъ къ намъ... Нѣтъ, это почти невозможно... намъ придется разойтись сегодня—вы увидите...

— Да, но этотъ человѣкъ, сказалъ опять Пассекъ,—половъ загадочности; это именно въ его духѣ... и мнѣ кажется, если онъ сказалъ...

— Да, но вѣдь противъ обстоятельствъ не пойдешь, нужно имъ подчиниться.

— Ну, въ этомъ отношеніи, кажется, не онъ подчиняется обстоятельствамъ, а они ему...

Въ это время вошелъ старый слуга поправить огонь, привѣтливо теплившійся въ большомъ каминѣ.

— Спросить развѣ его? продолжалъ Пассекъ, кивнувъ на присѣвшаго у камина слугу.

— Развѣ онъ скажетъ!—онъ имѣетъ видъ какой-то машины и кажется далеко не разговорчивъ... Да, все равно, вѣдь, не мыслимо приѣхать... смотрите, пять минутъ осталось только...

Они говорили по-русски, увѣренные, что копошившійся у огня человѣкъ не понимаетъ ихъ.

— Графъ будетъ ровно въ девять часовъ, отвѣтилъ вдругъ онъ, не поднимаясь,—хотя и съ трудомъ, но на правильномъ русскомъ языкѣ.

Всѣ переглянулись и притихли.

Одинъ только старый слуга продолжалъ попрежнему возиться у камина, какъ будто дѣло вовсе не касалось его, и не онъ совсѣмъ произнесъ свою русскую фразу.

Мѣрно и гулко раздался первый ударъ часовъ—и съ этимъ первымъ ударомъ послышался на улицѣ грохотъ подѣхавшей на полныхъ рысяхъ кареты и потомъ стукъ молотка въ наружную дверь.

„Быть не можетъ!“ мелькнуло у всѣхъ разомъ.

Но старикъ слуга спокойно поднялся и, не ускоряя шага, пошелъ открывать дверь.

Только-что смолкли мѣрные удары часовъ,—на порогѣ комнаты стоялъ графъ Сень-Жермень...

X.

Выздоровленіе.

Никогда за послѣднее время не чувствовалъ себя Артемій такъ хорошо, какъ послѣ вечера, проведеннаго у графа Сень-Жермена. Онъ вернулся домой почти совершенно другимъ человѣкомъ. И главное, ничего не произошло особеннаго въ этотъ, тѣмъ не менѣе, знаменательный для Артемія вечеръ. Они сидѣли и разговаривали просто, какъ пріятели, давно знавшіе другъ друга, хотя многіе здѣсь встрѣтились въ первый разъ. Графъ очень умно распорядился, пригласивъ ихъ раньше своего пріѣзда: пока они сидѣли одни и говорили о немъ,—они успѣли настолько сблизиться уже, что когда пріѣхалъ онъ—не могло явиться того неестественно напряженнаго состоянія, которое бываетъ, обыкновенно, у людей передъ незнакомыми имъ до тѣхъ поръ гостями... Несмотря на свою вѣроятную усталость послѣ дороги, графъ былъ такъ-же спокоенъ и веселъ, какъ будто онъ ѣздилъ лишь кататься по городу. Впрочемъ, онъ ничего не рассказывалъ о себѣ—ни откуда, ни какъ онъ пробрался въ Кенигсбергъ. Кто-то мелькомъ спросилъ его объ этомъ, онъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ... Графъ былъ очень пріятливымъ, милымъ хозяиномъ, принявшимъ своихъ гостей съ особенною вѣжливостью, которою отличались люди, если не выросшіе, то, по крайней мѣрѣ, вполнѣ обжившіеся въ условіяхъ парижскаго двора. Онъ угостилъ ихъ простымъ, но вкуснымъ ужиномъ, накрытымъ въ концѣ вечера на томъ-же столѣ, вокругъ котораго они сидѣли. И они разошлись сытые, довольные, ощущая въ себѣ сознаніе прекрасно проведеннаго времени.

О чемъ именно говорили они такъ послѣдовательно—Артемій не могъ помнить. Разговоръ былъ общій. Всѣ говорили. Но все было не только очень интересно, но, главное, искренно, правдиво и душевно... Большинство были такіе-же молодые, какъ Артемій, люди. Они ему всѣ очень понравились, но особенно симпатиченъ показался молодой артиллеристъ, назвавшій Артемія остальнымъ, когда тотъ пришелъ только и не зная, какъ ему быть. И когда уходили отъ графа—Артемій постарался не выпустить изъ виду офицера, и на улицѣ, догнавъ его, робко и нерѣшительно спросилъ его имя, чтобы познакомиться ближе. Офицеръ добродушно взглянулъ на него и, нисколько не стѣсняясь его сержантскимъ мундиромъ, отвѣтилъ со своею пріятною улыбкой:

— Зовутъ меня Орловъ—Григорій Григорьевичъ... будемте знакомы...

И онъ протянулъ Артемію руку.

Только вернувшись къ себѣ, Артемій мало-по-малу сталъ припоминать отрывки разговора и приводить ихъ въ ясность. Цѣлый вечеръ онъ ждалъ удобной минуты, чтобы спросить потихоньку у графа, не имѣетъ-ли онъ какихъ-нибудь свѣдѣній изъ Проскурова, но въ продолженіе всего вечера Сень-Жермень ни разу ни съ кѣмъ не заговорилъ отдѣльно, все время чрезвычайно искусно ведя общій разговоръ и всегда обращаясь ко всѣмъ вмѣстѣ сразу. О своемъ, о частномъ дѣлѣ Артемію заговорить было неудобно...

Теперь, когда казавшіяся сначала отрывочными, рѣчи графа вспоминались Артемію и комбинировались,—у него создавалась стройная система совершенно новыхъ для него положеній: „Богъ создалъ человѣчество, такъ говорилъ Сень-Жермень, или, вѣрнѣе, такъ вспоминалъ его рѣчи Артемій,—но каждое отдѣльное существо въ этомъ человѣчествѣ должно *создать само себя*... Создать само себя!—вотъ сущее призваніе человѣка, но для этого созданія необходима побѣда надъ тѣлесною природою своею... Умѣй побѣдить ее, и ты будешь владѣть всѣмъ, чѣмъ захочешь... Страсти человѣка ведутъ его къ гибели, но на то данъ ему ра-

зумъ, чтобы онъ побѣдилъ ихъ, и тогда онъ послужать ему путемъ къ благу. Страсти эти даны намъ не на погибель, а на благо, поэтому не говори: я человѣкъ, а человѣкъ слабъ, и ему свойственно увлеченіе—нѣтъ; удовлетвореніе страстей своихъ пріятно, но оно грѣховно, и не для того тебѣ въ жизни данъ соблазнъ, чтобы ты, удовлетворивъ его,—получилъ пріятность и впалъ въ грѣхъ, а для того, чтобы ты устоялъ противъ него, выдержалъ-бы испытаніе и сталъ лучше. Не будь у людей этого испытанія, не было-бы у нихъ пути къ самоусовершенствованію, къ тому, чтобы они могли стать лучше, чтобы они дѣлали хорошее. А если-бы человѣкъ лишенъ былъ возможности дѣлать хорошее, то не былъ-бы въ состояніи достигъ блага“...

„Все это хорошо“, думалъ Артемій, но все-таки ему ужасно хотѣлось узнать хоть что-нибудь объ Ольгѣ...

Графъ Сень-Жермень долженъ былъ имѣть свѣдѣнія объ ней. Увѣрился въ этомъ Артемій, еще когда собирався идти къ нему, и теперь эта увѣренность не оставила его... Но что-же было дѣлать, если, какъ нарочно, словно угадывая его желаніе, но не желая его исполнить, графъ избѣгалъ заговорить съ кѣмъ-нибудь отдѣльно. Артемій успокаивалъ себя тѣмъ, что время однако не ушло, и что можно будетъ пойти къ графу, постараться застать его одного и спросить прямо и откровенно обо всемъ. Это было и просто, и вполнѣ возможно. И Артемій долго не могъ заснуть въ эту ночь, обдумывая, какъ и когда пойти лучше къ графу...

„А вдругъ онъ уѣдетъ?“—словно молотомъ ударило его...

„Нѣтъ, нечего откладывать—завтра-же, рано поутру, какъ встану, пойду къ нему“. И онъ, въ сущности, остался очень доволенъ, что нашелъ причину, чтобы, не откладывая, удовлетворить свое нетерпѣніе...

На другой день утромъ, только-что вставъ, Артемій быстро одѣлся и такъ-же, какъ вчера, отправился въ узкую улицу за Прегель... Когда онъ шелъ и когда, придя къ знакомому дому, стучался въ его дверь—онъ боялся одного—а вдругъ Сень-Жермень уѣхалъ уже сегодня въ ночь?... Но вчерашній старикъ открылъ ему дверь и, нисколько не удивившись его приходу, потому что, казалось, ничему не удивлялся въ жизни—объявилъ ему, что графъ у себя, провелъ его не въ верхній этажъ, какъ вчера, а ниже, въ небольшую комнату, обшитую дубовыми, почернѣвшими отъ времени, досками, и сказалъ, чтобы Артемій подождалъ здѣсь.

Старикъ ушелъ беззвучными, такими-же, какъ его говоръ, шагами, и Артемія охватила та особенная внутренняя тишина, которая царитъ, обыкновенно, въ старинныхъ домахъ, не пропускающихъ сквозь свои толстыя стѣны никакихъ звуковъ извнѣ. И вдругъ въ этой тишинѣ послышался голосъ, который Артемій сейчасъ-же узналъ. Это говорилъ графъ Сень-Жермень.

— Какія-же еще новости у васъ? спрашивалъ онъ.

Артемій, оглядѣвшись, понявъ, что направо отъ него, вмѣсто стѣны, деревянная переборка, и что говорили по ту ея сторону.

— Еще есть свѣдѣнія объ итальянцѣ, который интересуется васъ, отвѣчалъ за переборкой чей-то совсѣмъ незнакомый Артемію голосъ.

— Торичіоли? спросилъ Сень-Жермень.

— Да.

Артемій вздрогнулъ. Ему ужасно было интересно знать, что они будутъ говорить про Торичіоли, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувство стыда, что онъ, хотя невольно, но все-таки подслушиваетъ то, чего, можетъ быть, при немъ и не говорили-бы,—заглушало въ немъ его любопытство.

Онъ двинулся и кашлянулъ нарочно громче, чтобы дать знать о себѣ.

— Такъ какія-же свѣдѣнія? продолжалъ графъ, видимо, не обративъ вниманія, на кашель Артемія, не слышать котораго не могъ онъ, очевидно.

— Онъ третій мѣсяць уже въ Кенигсбергѣ...
 — Чѣмъ онъ занимается?
 — Все тѣмъ-же...
 — Составленіемъ эликсировъ?
 — Нѣтъ, теперь пошелъ дальше... вдался въ алхимию...

— Понимаетъ что-нибудь?
 — Не болѣе тѣхъ сумасшедшихъ, которые въ средніе вѣка теряли здоровье, состояніе и самую жизнь въ поискахъ философскаго камня... Онъ доведенъ теперь до полной нищеты—но, по всей вѣроятности, не образумится: такое сумасшествіе развивается, обыкновенно, прогрессивно и перейдетъ въ форму совершенной некротантіи, а тогда дни его сами собою будутъ сочтены...

Артемій почувствовалъ капли холоднаго пота у себя на лбу,—Ториціоли сумасшедшій... значить, и онъ самъ, тоже чуть было не увлекшійся,—на дорогѣ къ полумію!...

За переборкой водворилось молчаніе.

— Онъ долженъ жить... какъ-бы послѣ нѣкотораго раздумья протянулъ голосъ Сень-Жермена, — онъ въ душѣ человекъ не дурной—только неспособный владѣть своими страстями... при этомъ у насъ есть съ нимъ личные счеты. Я долженъ спасти его...

Теперь уже Артемій чуть дышалъ, весь обратился въ слухъ и во вниманіе.

— Что-же дѣлать съ нимъ? спросилъ тотъ, другой, незнакомый голосъ—и въ немъ слышалась полная готовность повиноваться.

— Мнѣ нужно, чтобы обстоятельства Ториціоли поправились, и чтобы онъ черезъ нѣкоторое время уѣхалъ въ Петербургъ; тамъ уже будутъ даны инструкціи, какъ задержать его...

— И скоро онъ долженъ быть тамъ?

— Все равно, хотя-бы къ концу этой зимы...

— Вы мнѣ дадите приказаніе, какъ дѣйствовать, или я долженъ буду самъ найти путь?

— Нѣтъ—Ториціоли прежде всего долженъ излѣчиться отъ своего безумія. Вы найдете возможность внушить ему это. Потомъ онъ можетъ сдѣлать открытіе новаго взрывчатаго вещества для примѣненія его къ военнымъ дѣламъ. Я вамъ дамъ неизвѣстный еще никому рецедъ, который составитъ это открытіе Ториціоли... Со своимъ секретомъ онъ обратится здѣсь въ канцелярію главнокомандующаго, чтобы получить привилегію и деньги. Его отошлютъ въ Петербургъ, гдѣ затянется разсмотрѣніе его проекта настолько, насколько мнѣ нужно...

И вслѣдъ за этимъ, за переборкой послышалось, какъ звякнулъ полный монетами кошелекъ.

— Это на расходы по этому дѣлу, добавилъ Сень-Жермень.

— А относительно молодого сержанта? спросилъ другой голосъ.

— Объ немъ я позабочусь самъ... впрочемъ, онъ рядомъ, — и, вѣроятно, слышалъ все, что ему слѣдовало...

Эта послѣдняя фраза, относившаяся уже непосредственно къ Артемію, имѣла на него дѣйствіе свалившейся вдругъ передъ нимъ бомбы. Голова его закружилась, и въ мысляхъ потемнѣло. Должно-быть, собесѣдникъ графа спросилъ его еще что-то, потому что онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ,—во-первыхъ, онъ не расскажетъ, я знаю его; а во-вторыхъ, если-бы онъ и сталъ рассказывать, — самъ Ториціоли будетъ слишкомъ доволенъ *своимъ* открытіемъ, и не повѣритъ ему; а тамъ, гдѣ нужно, сочтется это сплетней... И голоса замолкли.

Артемій стоялъ, не двигаясь, какъ поднесъ руку ко лбу, закрывъ ею глаза, когда услышалъ такой увѣренный приговоръ себѣ и Ториціоли о сумасшествіи, такъ

и остался недвижимый. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собою усилие, увѣривъ себя, что, вѣдь, ничего онъ еще дурнаго и постыднаго не сдѣлалъ, онъ отнялъ руку и открылъ глаза.

Передъ нимъ стоялъ графъ Сень-Жермень.

— Я понимаю ваше теперешнее состояніе, проговорилъ онъ,—но вотъ вамъ еще хотя и маленькое, но все-таки испытаніе—наука умѣть владѣть собою... Постарайтесь прийти въ себя, постарайтесь не поддаваться никакому рѣзкому впечатлѣнію, будь это удивленіе или что-нибудь другое... удивительнаго на свѣтѣ ничего нѣтъ—сверхъестественнаго не бываетъ... Нельзя идти *противъ* природы и ея законовъ, но нужно лишь изучить эти законы, чтобы управлять природой...

Ласковость, съ которою говорили съ Артеміемъ, дѣйствовала на него ободряюще. Первая его мысль была сначала: „Господи, зачѣмъ это, и зачѣмъ я пришелъ!“ — но теперь онъ уже не думалъ такъ.

— Ну, вотъ сядемте и поговоримъ, продолжалъ графъ.—Неужели вы думали, что такъ вдругъ, только потому, что вамъ захотѣлось, вы возьмете да и откроете всѣ тайны?..

Онъ сѣлъ, положилъ ногу на ногу съ видомъ, что торопиться ему некуда, и что у него есть еще время. Артемій остался, стоя.

— Да, но все-таки я же читалъ, вѣдь, занимался... наконецъ, я, вѣдь, никому не хотѣлъ зла...

— Не хотѣть никому зла — этого еще очень мало. Нужно, кромѣ того, желать добра. Вы какія книги читали?

— Изъ новыхъ: Исаака Голланда, Рената,—потомъ Раймонда Люлля, — и „Пламенѣющую звѣзду“ барона Чуди...

— А!—эта книга написана по копіи, которую Сендивогіусъ снялъ съ рукописи Парацельза, хранящейся въ Ватиканѣ... если бы вы могли понимать дивныя слова безсмертнаго Парацельза!

— Однако я читалъ очень внимательно и, кажется, дѣлалъ буквально все такъ, какъ тамъ сказано...

Графъ улыбнулся, какъ улыбается человекъ, которому приходится встрѣчаться съ чѣмъ-нибудь давно знакомымъ и извѣстнымъ.

— Въ томъ-то и дѣло, возразилъ онъ,—что вы, и почти всѣ такіе, какъ вы, всегда принимаютъ буквально то, что написано. Книги, которыя вы читали — опасныя книги. Онѣ ведутъ или къ сумасшествію, или, дѣйствительно, къ величайшему познанію... Нетвердый, неопытный умъ принимаетъ за чистую монету все, что тамъ сказано, увлекается, и тогда нѣтъ ему спасенія. Онъ самъ ведетъ себя къ погибели, какъ это случилось съ тысячами людей уже, и, вѣроятно, еще случится... Но, милый мой, неужели вы думаете, что тѣ величайшія познанія, о которыхъ идетъ рѣчь, будутъ достигнуты такъ легко, сразу, по прочтеніи нѣсколькихъ книгъ?—нѣтъ, дѣло въ томъ, что нужно научиться прежде *понимать* эти книги — нужно искать и найти ихъ аллегорію—и тогда станетъ понятенъ вамъ настоящій ихъ смыслъ... Вы искали философскій камень и мѣшали соль съ сѣрой и съ ртутью... бѣдные, слѣбые люди!—Да вѣдь „соль“, о которой читали вы, не та, что сыплютъ себѣ въ супъ за обѣдомъ,—„соль“ — означаетъ мудрость, а ее нельзя достать въ лавочкѣ за нѣсколько мѣдныхъ денегъ... Вы приготовляли соль, мѣшая ее съ водою и спиртомъ; а, на самомъ дѣлѣ, „приготовить соль“—это—стать мудрымъ, а тутъ нужны и вода другая совсѣмъ, и спиртъ другой... Вы искали камень философъ и не вдумались даже въ самое названіе это, легковѣрно отдавшись баснямъ, достойнымъ пониманія и разума черни... Камень философъ!—нужно, значить, прежде всего стать философомъ, чтобы обладать имъ. Камень есть основаніе. Найдите его. Я помогу вамъ. Есть два пути, чтобы удовлетворить свои желанія.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Татарка съ ребенкомъ“.
Съ карт. Х. П. Платонова (исключ. право воспроизведенія принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Хелмицкій.

Одинъ, — тотъ, который избирають неразумные, почти сумасшедшіе... Они ищутъ какого-то внѣшняго средства, чтобы имѣть, при его помощи, все, чего имъ хочется, и никогда не найдутъ. Другой путь, настоящій, заключается въ работѣ надъ самимъ собою; нужно уничтожить желаніе не потворствомъ ему, не удовлетвореніемъ, а силою воли, другими словами — достигните того, чтобы не имѣть желаній вовсе, и у васъ не будетъ неудовлетворенныхъ желаній, и вы станете счастливыми, т. е. будете обладателемъ настоящаго философскаго камня...

Артемія слушалъ, и, словно, повязка упала съ его глазъ. Какъ это все было просто, ясно, и какъ правиломъ ему этотъ новый міръ, въ который вводилъ его теперь таинственный графъ.

— Но есть желанія, сказалъ онъ, — которыя почти невозможно побороть, есть чувства...

— Есть желанія, перебилъ графъ, — которыя нельзя удовлетворить, но нѣтъ такихъ желаній, которыя нельзя бы было побороть...

— Чувство любви, продолжалъ Артемія, — неужели я долженъ и его уничтожить въ себѣ?..

Графъ опять улыбнулся.

— Любовь — великое слово! отвѣтилъ онъ, — но не та чувственная любовь, которую подразумѣваете вы... Любовь къ женщинѣ законна, но только къ одной, разъ навсегда избранной женщинѣ, какъ подругѣ этой жизни...

Артемія не могъ удержаться, чтобы не сказать, что онъ любитъ одну только *ее*, и никого на свѣтѣ не полюбилъ никогда.

— Да, но слѣдуетъ быть не рабомъ, а господиномъ этой любви. Не слѣдуетъ терять разсудка въ оцѣненіи своею страстью... и тогда вы увидите, какъ все само собою поидетъ лучше, чѣмъ вы могли бы даже сами придумать... Человѣкъ самъ строитель своего счастья, и оно зависитъ отъ него самого...

— Да, но что же сдѣлать для этого?..

— Научиться ждать, терпѣть, владѣть собою... и не идти по той дорогѣ, на которую вы чуть было не попали, такъ, что, можетъ быть, и вернуть васъ было бы поздно... Помните вы одинъ романъ Апулея?..

Артемія не замѣтилъ, какъ уже во время разговора онъ сѣлъ, облокотился на столъ и, не спуская глазъ со своего собесѣдника, жадно слушалъ, словно впитывая въ себя каждое его слово...

Это вниманіе нравилось графу.

— Какой романъ? спросилъ Артемія.

— Римлянинъ Люцій путешествуетъ въ Эссалию, гдѣ встрѣчается съ могущественной волшебницей... Онъ хочетъ достигнуть самъ ея тайныхъ знаній, но,

вмѣсто труда и работы, посредствомъ которыхъ она готова преподать ихъ ему, онъ подкупаетъ ея рабыню съ тѣмъ, чтобы та выдала тайну своей госпожи. Рабыня хочетъ раскрыть Люцію составъ, посредствомъ котораго волшебница можетъ обращаться въ птицу, но ошибается ящикомъ, беретъ не тотъ порошокъ, и Люцій превращается въ осла. Неловкая сообщница его утѣшаетъ однако тѣмъ, что стоитъ ему съѣсть розу, и онъ снова станетъ человѣкомъ... Но на дворѣ почъ. Темно. Трудно найти розу. Нужно ждать разсвѣта, и до него рабыня отводитъ осла въ конюшню. Являются воры, уводятъ его, и съ тѣхъ поръ — нѣтъ ему возможности даже приблизиться къ заветному цвѣтку. Розаны не для того, чтобы ихъ ѣлъ оселъ, и садовники гонятъ безжалостно его прочь...

— Ну! сдѣлалъ Артемія, какъ дѣти, когда они слушаютъ интересную сказку.

— Ну, вотъ вамъ полная аллегорія того, что чуть было не случилось съ вами... и вы хотѣли не достигнуть знанія, а похитить его и, вмѣсто птицы, т. е. вмѣсто того, чтобы возвысить свой умъ, были обращены въ грубое животное, и васъ чуть было не похитили воры, и вамъ было необходимо коснуться розы. Роза — цвѣтъ истиннаго знанія, а я тотъ садовникъ, который, вмѣсто того, чтобы отогнать васъ прочь, готовъ дать вамъ это знаніе...

— Да, я хочу его, хочу этого знанія, блестя глазами заговорилъ Артемія, — вы мнѣ дадите его...

— Для этого работайте, главное, сами и работайте сами надъ собою... вынесите съ достоинствомъ главное испытаніе жизни, испытаніе любви...

Артемія глубоко вздохнулъ, какъ будто вдругъ у него не хватило воздуха...

— Боже, проговорилъ онъ, — а я пришелъ къ вамъ съ надеждою узнать хоть что-нибудь про нее... вы знаете, о комъ я говорю, вы все знаете... вы, вѣрно, имѣете свѣдѣнія оттуда — скажите мнѣ хоть что-нибудь о ней, и тогда я уже начну...

Графъ съ новой улыбкою покачалъ головой.

— Ничего вы не начнете тогда, потому что будетъ сдѣлано уже плохое начало — любите *ее*, но владѣйте этой любовью...

— Но, можетъ быть, она умерла... я оставилъ ее больную... можетъ быть, она и здорова, можетъ быть, вспоминаетъ обо мнѣ, или забыла совсѣмъ...

Графъ всталъ со своего мѣста и положилъ руку на плечо Артемія.

— Повторяю вамъ, учитесь подчинять себѣ свою страсть, и вы будете счастливы, сказалъ онъ, какъ бы ставя точку ихъ разговору на сегодня...

(Продолженіе будетъ.)

Литературныя бесѣды.

„Дворянское гнѣздо“, ром. Тургенева.

Среди произведеній Тургенева, „Дворянское гнѣздо“, быть можетъ, самое великое и многозначительнѣйшее. Въ немъ нѣтъ какихъ-либо спеціальныхъ типовъ, какъ Рудинъ и Базаровъ, но каждое лицо есть типъ, исполненный съ величайшею точностью и тонкостью. Единственный романъ, который можетъ быть противопоставленъ ему изъ всего написаннаго Тургеневымъ, это — „Отцы и дѣти“. Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ развертывается общая внутренняя картина тогдашней дворянской среды, и картина подробная, съ многообразными элементами, входящими въ нее. Тургеневъ писалъ этотъ романъ при такомъ настроеніи, въ которомъ звучали чисто-русскія струны; русскіе типы и русскіе идеалы занимали его въ то время, увлекали его, и въ этомъ смыслѣ многими страницами и образами, какъ увидимъ, онъ становился въ нѣкоторое противорѣчіе съ другими, и болѣе ранними, и позднѣйшими произведеніями своими. И кто знаетъ? быть-можетъ, именно художественное созерцаніе русской жизни и русскихъ бытовыхъ характеровъ, выведенныхъ въ романѣ, и создало это настроеніе, довело его до высшаго развитія, неожиданно для самого художника.

Каждое лицо романа настолько типично и полно значенія,

что заслуживаетъ пристальнаго вниманія. Главное лицо его, его герой, Лаврецкій представляетъ типъ чисто-русскаго человѣка, смѣшеннаго просвѣщеніемъ, со всѣми его достоинствами и тѣневыми сторонами. Это самый простой и обыкновенный человѣкъ. Присмотритесь-же къ его дѣйствіямъ, къ его душевнымъ основамъ. Ему помѣняетъ жена; мало того, она, по общепринятому возрѣнію, позоритъ его, становясь „притчею во языцехъ“ почти въ буквальномъ смыслѣ, предметомъ скандальной хроники въ Парижѣ. А онъ? Нечего и говорить, что онъ страдаетъ страшно; и тѣмъ не менѣе, ни бѣшеныхъ порывовъ, ничего кричащаго и громкаго: свои страданія онъ оставляетъ про себѣ. Онъ не зараженъ маніей теорій, не думаетъ о „свободѣ женщины“, о ея „правахъ“ — и тѣмъ не менѣе, сколько мягкости и справедливости въ его отношеніяхъ къ этой женѣ, разрушившей всю его жизнь. Конечно, онъ оставляетъ *ее*, но не мститъ ей; ея несправедливость не даетъ ему и мысли о возможности и съ его стороны несправедливости; возвращая ей всѣ свои права на нее, онъ, однако, не торгуется своими обязанностями и, какъ женѣ, отдаетъ ей то, что ей принадлежитъ по ея законнымъ отношеніямъ къ нему. И даже болѣе: когда онъ уже любитъ другую и надѣется еще

поправить свою жизнь, послѣ того, что получилъ вѣсть о смерти жены, а эта жена съ театральнымъ пафосомъ и внутреннимъ холодомъ является неожиданно къ нему просить „прощенья“, — и тогда онъ не помнитъ своей роли. Зналъ, что жизнь его теперь уже безвозвратно разбита, хорошо понимая всю „театральность“ поступковъ жены, онъ, однако, не считаетъ себя въ правѣ быть орудіемъ ея дилетантской безпорядочной жизни, открываетъ ей путь возвращенія къ благородной и честной жизни, принимаетъ ее. Конечно, жена его, этотъ ядовитый дѣвотокъ типичной петербургской жизни, скоро возвратилась къ своимъ страстямъ и распушенности; но онъ не ускорилъ этого момента и пережилъ свою новую мучительную любовь, молча и безъ ропота, не допуская возможности поставить любимую дѣвушку въ фальшивое и тяжелое положеніе, не допуская и мысли о томъ. Эта вѣрность своему долгу, это отрѣшеніе отъ своей личности — чисто-русскія величавыя черты, неизмѣримо превосходящія ту заботу главнымъ образомъ о себѣ, отстаиваніе непремѣнно своихъ правъ, которое возводится въ идеалъ. Времена измѣнились, впрочемъ; но тогда русскій благородный человекъ не могъ и не долженъ былъ поступать иначе: самъ онъ былъ виноватъ въ неосмотрительномъ выборѣ жены, самъ разбилъ свою жизнь, и уже не имѣлъ ни малѣйшаго права рисковать счастьемъ и спокойствіемъ другихъ. Склонность видѣть въ Лаврецкомъ одного изъ тѣхъ русскихъ слабыхъ людей, которыхъ такъ часто изображалъ Тургеневъ, не имѣетъ за себя никакихъ серьезныхъ основаній; твердость воли познается не въ умѣнныи во что бы то ни стало достигнуть удовлетворенія своихъ страстей, а въ умѣнныи откаться отъ нихъ — это сказано давно и останется вѣчно истиной.

Рядомъ съ Лаврецкимъ передъ нами Лиза. Это опять существо совершенно простое, обыкновенное, съ крупными русскими чертами, необыкновенно симпатичное, именно, въ этой простотѣ, не ей одной принадлежащей, а русской натурѣ. Полная чистой вѣры, сознанія своихъ обязанностей въ мѣрѣ, — обязанностей простыхъ и ясныхъ для совѣсти и разума, она идетъ въ жизни терпимымъ путемъ, не отказываясь отъ личнаго счастья, насколько оно возможно безъ нарушенія счастья другихъ, но и не посягая съ нимъ, не выставляя своей личности, какъ что-то такое, чему счастье непремѣнно должно быть дано. Полюбивъ всею душою Лаврецкаго, между прочимъ, прямо за его незаслуженныя страданія, она отдалась своему чувству навѣки, не понимая возможности отнестись къ нему иначе, какъ къ священному долгу, наложенному на нее судьбою. Жизнь ея стала было расцвѣтать въ тѣ немногіе дни, когда Лаврецкій могъ думать, что онъ свободенъ. Но вотъ появляется на сцену жена Лаврецкаго, и Лиза первая, съ внутреннимъ тяжелымъ горемъ, но съ твердостью и сознаніемъ своего долга, требуетъ отъ него, чтобы онъ не закрывалъ для своей жены выхода на путь чести. О себѣ, о своихъ правахъ, о своемъ счастьи она не думала, не ставя ихъ святоотечественно выше долга, какъ она его понимала. Но чувству своему она не измѣнила; Богъ не судилъ ей счастья съ любимымъ человекомъ, — и она ушла въ монастырь. Такова простая, безхитростная исторія душевной жизни чистой дѣвушки, полной самоотверженнаго сознанія своихъ обязанностей.

Мы видимъ, что въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургеневъ отозвался поэтически на тѣ чувства, которыя лежали издавна въ основѣ русской жизни, столь часто осуждаемой. И не въ однихъ главныхъ лицахъ романа выказалъ Тургеневъ такое отношеніе къ русской жизни; оно послѣдовательно проведено чрезъ все произведеніе. Старушка-бабушка Лизы, проникнутая тѣми же, что и она, идеями, вѣрише: учительница Лизы въ этой сферѣ идей — существо немножко ворчливое, но кругомъ нея расцвѣтаетъ жизнь, и каждое лицо становится радостнѣе.

Казненный Ибрагимъ.

Турецкій рассказъ.

I.

Никогда никто не видѣлъ посланія, подобнаго полученному султаномъ Селимомъ III сто лѣтъ тому назадъ отъ Карскаго пашы.

Это странное посланіе состояло изъ восьми знаковъ, составлявшихъ два слова, полныя ужаснаго значенія, и, читая его, султанъ пришелъ въ страшную ярость. Эти два слова были произнесены утромъ, при восходѣ солнца, нашою Карса, а вечеромъ, въ тотъ часъ, когда лучи заходящаго солнца золотили верхушки минаретовъ и мечетей Стамбула, побѣдоносный Селимъ со страхомъ повторилъ ихъ въ своемъ дворцѣ.

Утромъ, по приказанію пашы, часовой, неподвижно стоявший на зубцѣ крѣпости Карса, взявъ обѣими руками свой длинный черный плащъ и махнулъ имъ по воздуху. Солдатъ на слѣдующемъ сторожевомъ посту сдѣлалъ то же самое, и на протяженіи всей горной цѣпи и равнины Кизиль-Ирмакъ до самаго Скутари развѣвались въ воздухѣ черные плащи. Писарь султана, стоявшій на самой высокой башнѣ сераля и внимательно смотрѣвшій на горизонтъ, увидя этотъ сигналъ, написалъ на пергаментѣ букву Б. Затѣмъ часовой Карса, вы-

Между тѣмъ мать Лизы, женщина болѣе позднего поколѣнія, съ претензіями на европейское просвѣщеніе, скорѣе зло разливаетъ вокругъ себя, чѣмъ добро; съ ней жить не легко. Но особенно характерно выразилось настроеніе Тургенева въ изображеніи Панина, „просвѣщеннаго“ петербургскаго чиновника, человекъ „западническихъ“ убѣжденій, благороднѣйшихъ на видъ представлений о „свободѣ“ человеческой и, конечно, познанаго полупрезрительнаго отношенія къ русской жизни, на почвѣ которой онъ возвращаетъ свои либеральныя убѣжденія. И Тургеневъ, самъ „западникъ“, заставляетъ Лаврецкаго вступить въ споръ съ этимъ просвѣщеннымъ европейцемъ, теоретикомъ либерализма и прогресса, — и разбить его на всѣхъ пунктахъ, къ великому удовольствію бабушки. Но и не въ этомъ одномъ Тургеневъ выражаетъ свое отношеніе къ Панину. Оставаясь вполнѣ правдивымъ художникомъ, изображая психологически совершенно понятный и вѣрный самому себѣ характеръ, онъ надѣляетъ Панина далеко не возбуждающими симпатій чертами. Панинъ, въ сущности, добрый малый, человекъ очень не глупый, вполнѣ приличный. Но онъ — теоретикъ, какъ и подобаетъ быть послѣдователю теоретическихъ построений, не свѣренныхъ съ живою жизнью, и, въ качествѣ такового, отпачается, какъ это всегда бываетъ съ теоретиками, замѣчательною сухостью сердца. Естественно, что при черствости сердца и преобладаніи надъ всѣмъ теоретической мысли, онъ мало склоненъ признать право на существованіе за благороднѣйшими чувствами, разъ они не подхотятъ подъ теорію, признаваемыя имъ неподлежащими сомнѣнію. Изъ всѣхъ этихъ элементовъ получается замѣчательный субъектъ, посягающій въ себѣ типическія черты всѣхъ ему подобныхъ: онъ прежде всего эгоистъ и, какъ эгоистъ-теоретикъ, на первомъ планѣ держитъ знамя своихъ собственныхъ страстей. И вотъ, въ то время, какъ страдаетъ и Лиза, бывшая временно предметомъ его мечтаній, но лишившая его всякой надежды на взаимность, и Лаврецкій, устроившій свои дѣла съ женою на условіи ея постоянной жизни въ деревнѣ, что могло приучить ее къ порядочности, — въ это самое время, съ полнымъ забвеніемъ вглубинней порядочности, Панинъ появляется постояннымъ гостемъ у распушенной женщины въ упомянутой деревнѣ. Тамъ эти отпрыски сухой петербургской почвы, сразу появивше другъ друга и принадлежность свою къ общей имъ средѣ, сошлись на любви къ музыкѣ и на расцвѣтаніи дуэтовъ. Кончается все это, конечно, тѣмъ, что жена Лаврецкаго, нарушая всѣ условія съ мужемъ, уѣзжаетъ въ Петербургъ, куда уѣхалъ и Панинъ еще раньше, по истеченіи срока своего отпуска.

Тургеневъ не часто выражалъ въ поэтическихъ образахъ свое отношеніе къ не русскимъ людямъ. Но, напр., въ повѣсти „Два пріятели“, онъ выставилъ французскаго офицера въ чрезвычайно не симпатичномъ свѣтѣ, сухимъ и черствымъ, и безъ внутренней порядочности. Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ есть тоже нѣчто подобное. Француженка, горничная Лаврецкой, является здѣсь въ крайне рѣзкомъ, несимпатичномъ освѣщеніи, и, къ удивленію читателя, и Лаврецкая, и Панинъ, представители идей европейскаго просвѣщенія, имѣютъ какъ-бы нѣчто общее съ этой представительницей народа просвѣщенной европейской страны. Но зато вѣмецъ-музыкантъ, идеалистъ съ младенческой душой и умомъ мужа, является рѣшительнымъ сторонникомъ Лизы и Лаврецкаго, этихъ представителей простой и безхитростной, безъ теоретической подкладки, русской нравственности.

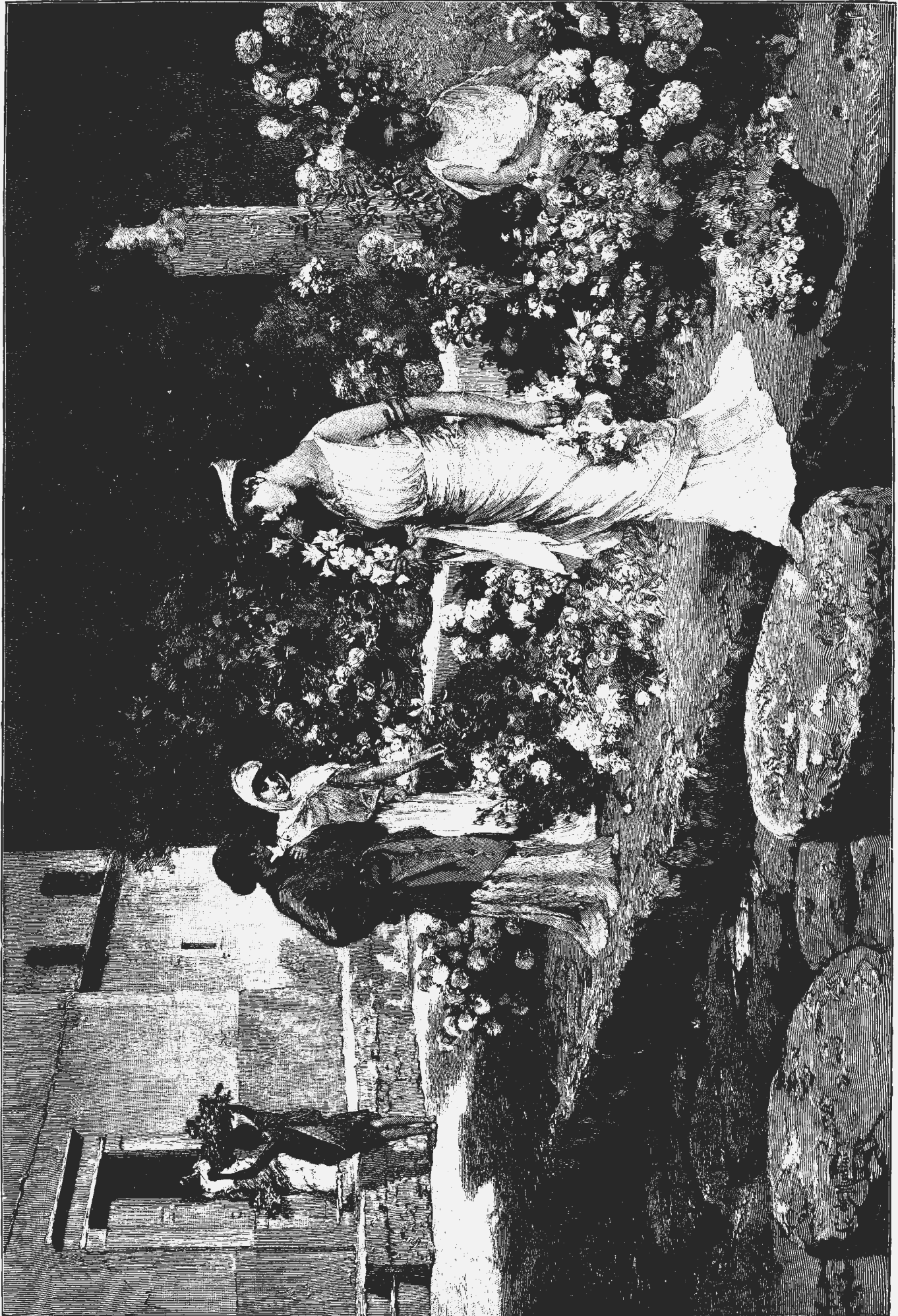
Изъ всего вышеназложеннаго ясно, какое значеніе имѣетъ „Дворянское гнѣздо“ въ общемъ ходѣ умственной жизни русской. Характеренъ и фактъ, что именно этотъ романъ положилъ въ свое время главное основаніе поэтической славы Тургенева.

А. Введенскій.

вернуть свой плащъ, махнулъ въ воздухѣ ярко-красной подкладкой. На разстояніи Кавказа до Золотога Рога сотни красныхъ плащей взвились въ воздухѣ, и слуга султана, видя этотъ знакъ, написалъ на своемъ пергаментѣ букву А. Въ продолженіе дѣлаго дня, на горныхъ вершинахъ продолжали развѣваться то красные, то черные плащи, слѣдуя условіямъ этой оригинальной азбуки. Муэдзинны уже сзывали правоверныхъ на молитву, когда писарь Селима написалъ на своемъ пергаментѣ послѣднюю букву летучаго посланія Карскаго пашы. „Барутъ жокъ“ — порохъ вышелъ — сообщеніе пашы. Извѣстіе было чрезвычайно важно; если Карскій паша не имѣлъ больше пороха, то какимъ образомъ удастся ему отразить нападеніе русскихъ? Значитъ, ему придется сдаться, и Карсъ, этотъ ключъ Кавказа, очутится въ рукахъ солдатъ Екатерины Великой. Бѣдный секретарь Селима съ ужасомъ думалъ о послѣдствіяхъ этого извѣстія, направляясь медленными шагами въ покои своего повелителя. И не даромъ боялся онъ, несчастный писарь; взглянувъ на пергаментъ, султанъ пришелъ въ страшную ярость и, первымъ дѣломъ, приказалъ дать писарю сорокъ палочныхъ ударовъ, по пяти съ каждой буквы. Вѣр-

Другъ въ нуждѣ. Съ карт. К. Рейхерга, грав. Герике.

Продавщица цвѣтовъ въ Помпеѣ. Съ карт. Марлини, грав. Терикс.

шый слуга былъ по природѣ философъ, и, потирая плечи, утѣшалъ себя, весьма основательно разсуждая: большое счастье для меня, что Карескій паша писалъ телеграфическимъ слогомъ; напиши онъ по формѣ, требуемой этикетомъ, мнѣ навѣрно пришлось бы распрощаться съ жизнью... Наказаніе секретаря не смирило гнѣвъ султана, и онъ велѣлъ позвать своего великаго визиря.

Великій визирь назывался Ибрагимъ; онъ былъ человѣкъ старый, некрасивый, но очень умный. Вошелъ онъ, согнувшись, съ безчисленными поклонами, требуемыми этикетомъ, и милостивый падишахъ, въ видѣ привѣтствія, бросилъ ему въ голову свою туплю.

Подобие начало не предвѣщало ничего хорошаго; Ибрагимъ сталъ кланяться еще ниже.

— Имамъники! съ чувствомъ воскликнулъ падишахъ;—такъ-то ты заботишься о славѣ моей арміи! Какъ могло случиться, что начальникъ такой важной крѣпости, какъ Карсъ, ощущаетъ недостатокъ въ порохѣ?

— Это, вѣроятно, происходитъ отъ того, что онъ изстратилъ послѣдній зарядъ, остроумно замѣтилъ визирь, не смѣя поднять головы.

— Ты говоришь вздоръ, Ибрагимъ, возразилъ Селимъ. — Если у Карскаго паша нѣтъ пороха, значитъ, онъ не имѣетъ достаточно денегъ, чтобы его купить, а потому завтра съ восходомъ солнца ты пошлешь ему тысячу кошельковъ золота.

Визирь задумался:

— У меня есть, конечно, сказалъ онъ, — тысяча кошельковъ, но откуда я возьму золота, чтобы наполнить ихъ?

— Это до меня не касается, и ты не даромъ мой великій визирь, сказалъ Селимъ.

— Да будетъ исполнена ваша воля, могущественный повелитель, отвѣтилъ съ покорностью Ибрагимъ. — Завтра тысяча кошельковъ будутъ отправлены въ Карсъ.

II.

Очень довольный тѣмъ, что отдѣлался дешево, великій визирь, выйдя изъ дворца, направился къ жилищу Гассана, у котораго надѣялся занять нужные ему тысячу кошельковъ. Гассанъ, хитрый персиянинъ, отличался большою предусмотрительностью и никакую сумму не выдавалъ изъ своей кассы, не вычтя предварительно двадцать процентовъ. Подъ расписку въ тысячу кошельковъ, Гассанъ выдавалъ только восемьсотъ; это уже вошло у него въ привычку.

Великій визирь, не моргнувъ и ни мало не колеблясь, далъ расписку на двѣ тысячи кошельковъ и получилъ подъ нее тысячу шестьсотъ. Придя къ себѣ, вѣрный Ибрагимъ взялъ шестьсотъ лишникъ кошельковъ и спряталъ ихъ въ диванъ. Послѣ того онъ, призвавъ казначей, поручилъ ему отправить деньги по назначенію. Ибрагимъ представлялъ типъ настоящаго турецкаго чиновника, заботящагося о сохраненіи хорошихъ обычаевъ.

Онъ поглядѣлъ на кошельки и сказалъ себѣ: „Неужели этому золоту предназначено обратиться въ порохъ, который будетъ истребленъ пушками?.. И я ничего не сдѣлаю, чтобы помѣшать этому варварству! Если я не могу спасти всѣхъ кошельковъ, я спасу хотя нѣкоторые изъ нихъ“.

И въ одну минуту пятьсотъ кошельковъ присоединились къ шестистамъ, спрятаннымъ въ диванъ.

Странное дѣло! Какъ только казначей получилъ деньги, ему пришла въ голову мысль, походя на размышленія визиря:

„Клянусь Аллахомъ, подумалъ онъ, — если Карескій паша не дуракъ, то онъ сумѣетъ сберечь свои военные припасы. Въ-место того, чтобы пускать заряды на далекомъ разстояніи, онъ долженъ ближе поддуться врагу; при такихъ условіяхъ зарядъ, уменьшенный на половину въ объемѣ, произведетъ достаточно разрушеніе. Зачѣмъ же я помѣшаю этому славному нашѣ доказавъ свою храбрость и остроуміе? Я даже считаю своимъ долгомъ помочь ему въ этомъ. Двѣсти пятьдесятъ кошельковъ я оставлю у себя, и двѣсти пятьдесятъ честно отошлю ему“.

Начальникъ каравана, въ свою очередь, разсудилъ такимъ образомъ:

„Двѣсти пятьдесятъ кошельковъ слишкомъ тяжелая ноша для одного верблюда и слишкомъ легкая для двухъ. Какъ вѣрный послѣдователь Пророка, я не смѣю мучить животныхъ, Коранъ это запрещаетъ; а, какъ догадливый слуга, я не долженъ напрасно брать двухъ верблюдовъ моего повелителя тамъ, гдѣ можетъ идти одинъ. Слѣдовательно, мой долгъ раздѣлить эту сумму пополамъ“.

Такъ и было сдѣлано.

Янычаръ, сопровождавшій съ нѣсколькими солдатами верблюда, нагруженнаго ста двадцатью пятью кошельками, нашелъ лишнимъ утрудять свой умъ принципіальнымъ предлогами, и, не долго думая, взялъ себѣ половину и безъ того уже сильно уменьшившагося сокровища.

Приѣхавъ въ Карсъ, онъ положилъ къ ногамъ паша шестьдесятъ два съ половиною кошелька, жалкіе остатки, уцѣлѣвшіе среди превратностей путешествія.

Спустя восемь дней, наша Карса послала султану Селиму новое законическое и ужасное посланіе. Въ этотъ разъ плащи часовыхъ недолго завѣвались между вершинами Кавказа и бан-

нею Стамбула. Нѣсколькихъ знаковъ оказалось достаточно, чтобы сообщить повелителю правѣрныхъ роковое извѣстіе: „взять... Карсъ былъ взятъ“.

III.

Несчастнаго пашу немедленно вытребовали въ Константинополь и, заковавъ въ цѣпи, посадили въ тюрьму. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ имъ въ своей мрачной темницѣ, прежній начальникъ Карса успѣлъ выкинуть въ свое положеніе и приготовить къ защитѣ; когда въ одинъ прекрасный день его потребовали къ султану, паша былъ готовъ и не испугался. Онъ, не сморгнувъ, а главное, не возражая ни слова, выслушалъ потокъ брани и упрековъ; затѣмъ, когда нашелъ, что первые порывы гнѣва прошли, онъ началъ защищаться храбро и откровенно:

— Ты говоришь, повелитель, что послалъ мнѣ тысячу кошельковъ для покупки военныхъ снарядовъ. Конечно, если-бы я ихъ получилъ, то могъ-бы заимстѣ пороховъ и нанести поражение русскимъ. Карсъ былъ-бы еще въ твоей власти; но, клянусь Кораномъ, я получилъ только шестьдесятъ два съ половиною кошелька. Тутъ скрывается тайна, могущая съ перваго взгляда показаться необъяснимой, но, подумавъ немного, легко найти разгадку, и если ты позволишь твоему вѣрному слугѣ объяснить, то увидишь, что онъ не виноватъ. Ты, дѣйствительно, приказалъ выдать тысячу кошельковъ, но до меня дошли только шестьдесятъ два съ половиною; это произошло отъ того что первоначальную сумму четыре раза дѣлили пополамъ. Другими словами — тебя обокрали четыре раза, могущественный падишахъ. Теперь, если ты хочешь знать воровъ, то это очень легко. Это тѣ, черезъ руки которыхъ прошли деньги. Первый, навѣрно, великій визирь, взявшій пятьсотъ кошельковъ; второй — казначей, утаившій двѣсти пятьдесятъ; третій — начальникъ каравана, и, наконецъ, четвертый — янычаръ ковола, оставившій при себѣ шестьдесятъ два съ половиною кошелька. Видишь, могущественный повелитель, какъ все это просто!..

Во время всего разсказа, спокойнаго и точнаго, султанъ Селимъ оставался неподвиженъ. Зная буйный характеръ султана, можно было подумать, что онъ придетъ въ страннѣйшій гнѣвъ, заставлявшій дрожать всѣхъ окружающихъ; — нисколько. Одна изъ странностей этого державнаго государя заключалась въ томъ, что онъ страшно сердился на-за пустяковъ, а въ важныхъ случаяхъ сохранялъ все свое хладнокровіе. Совершенно спокойнымъ голосомъ Селимъ сказалъ:

— Хорошо, Али, ты хороший солдатъ, вѣрный слуга и честный человѣкъ, еще не научившійся лгать. Ты опять войдешь ко мнѣ въ милость, и я тебѣ возвращу всѣ твои прежнія привилегіи. Что-же касается этого Ибрагима, перваго и крупнейшаго вора изъ всѣхъ четьрехъ, то онъ дорого заплатитъ за свой безчестный поступокъ. Я ему покажу, что дѣлаетъ султанъ Селимъ съ великимъ визиремъ, обрадовающимся своему повелителю. Ты пойдешь къ нему сегодня вечеромъ до наступленія часа молитвы и передашь ему отъ меня этотъ красный шнурокъ. Онъ пойметъ. Иди!

IV.

Въ своемъ роскошномъ дворцѣ, сады котораго спускались террасами къ морю, отдыхалъ великій визирь Ибрагимъ, сидя на пяткахъ на грудѣ подушекъ и перебирая свои четки. Въ стоявшей передъ нимъ чашѣ тлѣла смѣсь угольевъ алая и махны, распространяя въ комнату чудное благовоіе. Другъ тяжелая занавѣсъ, скрывавшая дверь, поднялась, и на порогѣ показался Али-паша. При появленіи того, кого онъ считалъ погребеннымъ на много лѣтъ въ темницѣ, у Ибрагима явилось мрачное предчувствіе.

— Желаю, чтобы твой послѣдній часъ окончился хорошо, торжественнымъ голосомъ проговорилъ Али.

Ибрагимъ не ошибся въ смыслѣ этихъ словъ; онъ зналъ, что входящій къ нему и привѣтствовавшій его такимъ образомъ могъ только быть исполнителемъ смертнаго приговора; въ складкахъ его кафтана долженъ скрываться этотъ ужасный красный шелковый шнурокъ, — обычное для нашей орудіе справедливости султана. Однако ни одинъ мускуль не шевельнулся въ лицѣ Ибрагима; только въ его глазахъ вспыхнулъ какой-то странный огонекъ. Медленно провелъ онъ по бородѣ своей бѣлой рукой.

— Да будетъ воля Алаха! хладнокровно сказалъ онъ. — Аллахъ могущественъ, и мы передъ нимъ лишь презрѣнныя черви. Окажи мнѣ услугу въ послѣдній разъ и позволи докончить мои молитвы и омовеніе. Ты слишкомъ хороший мусульманинъ, чтобы отказать мнѣ въ этой послѣдней просьбѣ; ты знаешь, Магометъ сказалъ, что послѣдняя просьба умирающаго священна.

— Прости меня, отвѣтилъ Али рѣшительнымъ голосомъ. — Полученныя мною приказанія должны быть исполнены въ точности. Я не смѣю покинуть тебя ни на одну минуту. Да, впрочемъ, если даже ты и выйдешь изъ этой комнаты, то тебѣ это не поможетъ. Посмотри въ окно: болѣе тысячи янычаръ окружаютъ твой дворецъ; это стражи его величества, занявшіе всѣ залы и выходы. Теперь ты видишь, что не стоитъ стараться убѣжать.

— Я объ этомъ совсѣмъ и не думаю, возразилъ Ибрагимъ, —

хотя тяжело разватоаться съ жизнью, не простившись съ женой и дѣтьми. Успокойся, Али, тебѣ не долго придется ждать; будь такъ добръ присѣсть на минуту.

Онъ три раза хлопнулъ въ ладоши. Два раба изъ Нубіи явились на этотъ зовъ; ихъ черныя лица стали пелензными отъ страха. Дрожа всѣми членами, они принесли кувшинъ, тазь и коврикъ для молитвы. Тогда Ибрагимъ снялъ свой плащъ и медленно принялся за омовеніе. Видя его такимъ спокойнымъ, никто-бы не сказалъ, что черезъ нѣсколько минутъ роковой шнурокъ стянеть его бѣлую шею, по которой теперь прозрачными каплями ступилась вода.

Въ городѣ уже раздавалась съ высокихъ минаретовъ монотонная пѣснь муэдзиновъ, призывавшая правовѣрныхъ къ молитвѣ. Въ ту минуту, какъ великій визирь оцуналъ свою голову въ чашу, Али вытаскивалъ изъ кафтана шнурокъ и передалъ его одному изъ нубійцевъ. Рабъ молча склонился; онъ не нуждался въ объясненіяхъ.

V.

Великій визирь, окончивъ свое омовеніе, направился тихими шагами къ молитвенному коврику и сталъ на него. Онъ медленно поднялъ руки, закрылъ уши ладонями. Его можно было принять за статуу размышленія, такъ прямо и неподвижно стоялъ онъ. Одинъ его черные глаза, съ пронзительнымъ и чарующимъ взглядомъ, странно блестѣли въ темнотѣ, казавшейся еще гуще, благодаря закрытымъ окнамъ. Глаза его устремлялись на Али-пашу, и бѣдный мусульманинъ не зная, чему приписать эту странную позу. Почему приговоренный къ смерти не молился, какъ всѣ хорошіе мусульмане? Почему не слѣдовалъ онъ предписаніямъ Корана и не молился по направленію къ Меккѣ? „Зачѣмъ, спрашивалъ себя Али,—глаза его такъ пристально устремлены на меня?“

Бѣдный паша не долго оставался въ недоумѣніи; мало-помалу странное блаженство охватывало его; ему казалось, что его умъ и сердце отдѣляются отъ всего земного и витали въ пространствѣ, тихо качиваемыя благовоющимъ дуновеніемъ вѣтерка. Глаза его медленно закрылись и голова склонилась на грудь; онъ спалъ глубокимъ сномъ. Ибрагимъ попрежнему стоялъ на молитвѣ; долго еще его суровый, сосредоточенный взглядъ покоился на сняшемъ шагѣ. Наконецъ, онъ подошелъ къ посланному султана и приподнял ему вѣки; глазъ представлялся совершенно мертвеннымъ, безъ жизни и выраженія.

— Онъ спитъ, радостно воскликнулъ великій визирь.

Затѣмъ, сѣвъ на диванъ противъ своей жертвы и не спуская съ нея глазъ, началъ говорить медленнымъ голосомъ, очевидно, желая, чтобы слова врѣзались въ памяти его слушателя:

— Когда я ему сообщилъ роковое извѣстіе, онъ началъ совершать свое омовеніе и затѣмъ долго молился, обратившись лицомъ къ Меккѣ. Окончивъ свою молитву, онъ сѣлъ на диванъ и взявъ веревку изъ рукъ раба, самъ сдѣлалъ петлю и надѣлъ себѣ на шею. Посмотрѣвъ на меня послѣдній разъ, онъ скрестилъ руки на груди и подалъ знакъ рабамъ; они схватили концы веревки и стали тянуть изъ всѣхъ силъ. Картина была ужасная: лицо его распухло, сперва сдѣлалось краснымъ, а потомъ приняло лиловатый оттѣнокъ; глаза, выкатившіеся изъ орбиты, продолжали смотрѣть на меня; изо рта высовывался черный, неподвижный языкъ. Рабы удвоили усилія; можно было подумать, что душа этого преступника не хотѣла разстаться со своей земной оболочкой. Наконецъ, послѣднее содроганіе, послѣднія конвульсія, голова опрокинулась, руки безжизненно опустились... все было кончено... Одинъ изъ рабовъ развязалъ шнурокъ. Какую ужасную черную полосу оста-

вилъ онъ на бѣлой шеѣ. Трупъ накрыли плащомъ. Ваша справедливость удовлетворена, могущественный султанъ!

Окончивъ свои слова, Ибрагимъ растянулся на землѣ, губицы накрылъ его плащомъ и, подойдя къ Али, дуцнулъ ему два раза въ лицо. Проснувшись, паша обвелъ комнату мутнымъ взоромъ, какъ человѣкъ, не понимающій, въ чемъ дѣло. Рабъ, низко склонившись передъ нимъ, подалъ ему красный шелковый шнурокъ. Это совершенно огрезвило посланнаго султана; взявъ съ отвращеніемъ шнурокъ, онъ его спряталъ за кушакъ. Вставъ, онъ мелькомъ взглянулъ на человѣческую фигуру, лежавшую на полу, и поспѣшно направился къ двери.

— Прости, господниъ, сказалъ старый негръ, удерживая пашу за полу его одежды,—развѣ ты не хочешь на него взглянуть?

— Ни за что, воскликнулъ Али,—я способенъ лишиться сна на всю жизнь.

Онъ вышелъ и отпустилъ офицера съ солдатами, сказавъ, что смерть не нуждается въ стражѣ. На площади Али встрѣтилъ начальника янычаръ и велѣлъ ему вернуться во дворецъ, а самъ, вскочивъ на лошадь, помчался къ султану.

— Миръ ему, сказалъ Селимъ, выслушавъ донесеніе своего вѣрнаго слуги о смерти великаго визиря.

— И ты говоришь, что агонія была тяжелой, продолжалъ надиршахъ.

— Ужасная, мой повелитель; казалось, что онъ обладалъ, по крайней мѣрѣ, семью душами, ни за что не хотѣвшими разстаться со своей земной оболочкой. Великій повелитель, прибавилъ Али,—я твой вѣрный рабъ и готовъ умереть для тебя. Скажи одно слово,—и я, не дрогнувъ, пойду навстрѣчу смерти, но умоляю тебя, не давай мнѣ больше подобныхъ порученій.

— Успокойся, мой вѣрный Али, я исполню твою просьбу; я возложилъ на тебя это тяжелое порученіе, увѣренный, что могу положиться на моего вѣрнаго слугу. Кто знаетъ, можетъ быть, другой позволилъ бы ему убѣжать, такъ какъ, между нами будь сказано, онъ порядочный мошенникъ. Да будетъ надъ нимъ милосердіе Аллаха, прибавилъ Селимъ, въ видѣ надгробнаго слова.

VI.

Въ 12 часовъ ночи, когда луна уже скрыла за горы своей посеребренный дискъ, легкая таргана съ темными царусами быстро и безшумно скользила по тихимъ волнамъ Босфора.

На палубѣ, окруженный своими женами и дѣтьми, сидѣлъ бывший великій визирь Ибрагимъ.

— Сознайся, моя добрая Кадилѣ, сказалъ Ибрагимъ,—что съ моей стороны было бы очень глупо умереть изъ-за какихъ-то пятисотъ кошельковъ. Положительно я сдѣлалъ хорошее дѣло, купивъ тебя на рынкѣ въ Каирѣ; по крайней мѣрѣ, ты мнѣ открыла тайну египтянокъ, благодаря которой можно однимъ взглядомъ усыпить человѣка. Это совсѣмъ не трудно, и я удивляюсь, что такъ мало людей владѣютъ этимъ секретомъ. Усыпить этого бѣднаго Али съ его большими глупыми глазами не представляло для меня никакого затрудненія. Меня однако очень интересуетъ, какого рода казнь придумаетъ для него султанъ, когда они завтра откроютъ, какую я сыгралъ съ ними шутку. Бѣдный Али! Жаль, что онъ такой честный, а то бы и взялъ его съ собой.

Съ этими словами, полный радужныхъ мечтаній, Ибрагимъ растянулся на циновкахъ и заснулъ сномъ праведника..

Рассказъ этотъ былъ записанъ однимъ французомъ со словъ одного муэдзина и служитъ доказательствомъ, что опыты гипнозама, интересующіе въ послѣднее время европейское общество, далеко не безызвѣстны у турокъ.

Новыя наблюденія въ области самозащиты животныхъ.

Очеркъ Г. С. Вольте.

Если насильственно удалить у живого рака (морского или рѣчного) одну изъ его клешней, какъ давно извѣстно, то, по прошествіи нѣкотораго времени, на мѣстѣ отнятой конечности вырастаетъ новая, которая отличается отъ прежней лишь меньшими размѣрами.

Наблюденіе это провѣрено было на опытѣ однимъ изъ выдающихся французскихъ ученыхъ еще прошлаго вѣка—Реомюромъ (его именовали названа, между прочимъ, изобрѣтенная имъ скала термометровъ). Онъ взялъ нѣсколько живыхъ раковъ и у каждаго оторвалъ по клешнѣ; затѣмъ онъ пустилъ ихъ плавать въ рыбный садокъ. Когда, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Реомюръ навѣстилъ своихъ пациентовъ, то ни одинъ изъ раковъ не обнаруживалъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ причиненнаго ему увѣчья. Ничѣмъ инымъ, какъ повымъ образованіемъ утерянныхъ членовъ, пельзя, конечно, объяснить этого явленія.

Понятно само собою, что вновь выросшая клешня не можетъ сразу принять размѣры старой клешни, и этимъ объясняется, что у всѣхъ раковъ обѣ переднія конечности нѣсколько разнятся между собою по величинѣ, у крабовъ же и омаровъ разница эта даже очень сильно бросается въ глаза. Въ то время, какъ одна клешня—массивная, сильная, усѣ-

льная крупными бугорками, другая часто представляетъ слаборазвитую конечность съ небольшими зубцами.

Эта легкость, съ которою восстанавливается утраченная конечность у рака, дѣлаетъ то, что онъ, въ случаѣ грознейшей его жизни опасности, охотно разстается со своей клешней, если только этой жертвой онъ можетъ спасти себя отъ гибели.

Полагали сначала, что все дѣло здѣсь въ слабости связи, существующей между тѣломъ рака и его конечностью, и что достаточно животному сильно потянуть въ сторону, обратную той, куда тащить его врагъ, чтобы связь эта порвалась. Но опыты, произведенные надъ растяжимостью связокъ у мертвыхъ раковъ, показали, что предположеніе это не правильно. Если тянуть за ногу мертваго рака съ силою, превышающею вѣсъ всего его тѣла во *сто* разъ, то разрыва все-таки не происходитъ. Требуется употребленіе для этого еще болѣе значительное усиліе, между тѣмъ какъ, въ случаѣ правильности указаннаго мнѣнія, надо было бы привѣсить къ ногѣ тяжесть, равную вѣсу живаго.

Наблюдается еще одно существенное различіе. При опытахъ надъ растяженіемъ конечностей мертваго рака разрывы происходятъ въ самыхъ различныхъ мѣстахъ ноги, тогда какъ при естественныхъ условіяхъ, то есть, если схватить живого

рака за клешню пальцами, или, еще лучше, щипцами, то она *всегда* отрывается въ одномъ и томъ же мѣстѣ, на уровнѣ перваго или основнаго членика ноги.

Въ настоящее время, при внимательномъ наблюденіи за движеніями такого пойманнаго за ногу омара, удалось подмѣтить слѣдующее: основаніе ноги подводится подъ острый край лапцыря, съ силою прижимается къ нему, послѣ чего и происходитъ переломъ въ этомъ мѣстѣ, какъ бы отъ удара обь остріе. Такимъ образомъ, омаръ самъ, какъ-бы по своей инициативѣ, умышленно производитъ операцію, отгѣзая себѣ часть ноги, чтобы оставить ее ради своего спасенія въ рукахъ врага. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ цѣлесообразнымъ актомъ животнаго, съ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, на видъ совершенно сознательныхъ и разумныхъ, движеній, которыя совершаютъ всѣ животныя при испытываемыхъ ими внѣшнихъ раздраженіяхъ. Это такого же рода актъ, какой мы замѣчаемъ у лягушки, когда ущемляемъ ея лапку между пальцами, или смазываемъ ее ѣдкой кислотой: въ первомъ случаѣ лягушка отдергиваетъ раздражаемую лапку въ сторону, какъ бы стараясь уйти отъ врага, во второмъ же приближаетъ ее къ тѣлу, точь-въ-точь, какъ будто она хочетъ обтереть мокрую лапку и, такимъ образомъ, избавится отъ раздражающей ее жидкости.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что въ этихъ цѣлесообразныхъ движеніяхъ проявляется сознательная, обдуманная воля животнаго. Напротивъ, здѣсь нѣтъ и слѣдовъ сознания, а тѣмъ болѣе мысли. Весь актъ отъ начала до конца есть чисто механической рефлексъ, какъ называютъ ученые подобныя безсознательныя движенія. Въ тѣлѣ животнаго оказывается заложенымъ механизмъ, дѣйствующій, какъ автоматъ, всякій разъ, когда его выведутъ изъ состоянія покоя. Раздражаемый органъ, какъ и вся внѣшняя поверхность тѣла животнаго, связанъ опредѣленнымъ нервнымъ волокномъ (оно называется чувствительнымъ нервомъ) съ однимъ изъ нервныхъ узловъ спинного мозга, а отъ этого послѣдняго отходитъ въ другую сторону второй нервъ, направляющійся къ тому же самому органу (называется онъ двигательнымъ). Раздраженіе, испытанное клешней рака, передается по чувствительному нерву въ спинной мозгъ, а оттуда, нѣсколько видоизмѣненное, оно бѣжитъ обратно уже по двигательному нерву и, достигнувъ мускула той же ноги, вызываетъ въ немъ соответственное сокращеніе. Различныя раздраженія вызываютъ и различныя мускульныя сокращенія.

Но какъ убѣдиться въ томъ, что всѣ движенія совершаются вполне безсознательно, безъ всякаго участія головного мозга

животнаго? Для этого имѣются нѣсколько способовъ. Одинъ изъ нихъ заключается въ томъ, что вырѣзываютъ весь головной мозгъ животнаго. Животное остается въ живыхъ и можетъ даже совершать разнообразныя движенія, но не по собственной инициативѣ и желанію, а лишь подъ вліяніемъ привнесенныхъ возбужденій и раздраженій. Напримѣръ, птицу, лишенную большихъ полушарій мозга, вы можете кормить, насильно впикивая ей пищу въ ротъ, но сама она, если ее не трогать, останется неподвижно на томъ же мѣстѣ и умретъ съ голоду. Лягушка съ вырѣзаннымъ головнымъ мозгомъ отвѣчаетъ на всѣ раздраженія точно такъ, какъ и до операціи. Другой способъ проверки изложенной теоріи состоитъ въ томъ, что животное подвергаютъ дѣйствію нѣкоторыхъ сильно ядовитыхъ веществъ, которыя лишаютъ его сознания. Результаты получаются тѣ же. Такъ, если вы омара усыпите хлороформомъ, который вызываетъ немедленно остановку всѣхъ сознательныхъ движеній, то онъ все-таки отгѣзетъ себѣ ногу, какъ только вы причините ей сильное раздраженіе. Самое лучшее для этого отгѣзать ножницами кончикъ клешни. То же произойдетъ, если очень сильно сдавить его.

Рефлекторныя акты присущи всѣмъ живымъ существамъ. И мы совершаемъ ихъ чуть ли не ежеминутно. Миганіе глаза, вѣханіе носа, подвѣшеніе внезапнаго свѣта, быстро придвинутаго къ нему предмета или, вообще, угрожающаго удара, есть такой же чистый рефлексъ, какъ переломъ клешни омара.

Въ заключеніе упомянемъ, что не одни только раки умѣютъ жертвовать своими членами для спасенія всего организма. То же самое давно замѣчалось у нѣкоторыхъ пресмыкающихся (лищерицъ, змѣй), пауковъ и наѣдокъ. Кому приходилось охотиться за мѣдвяницей или ящерицей, тѣ не разъ испытывали досаду, когда пойманное за хвостъ животное нигде не исчезало, въ рукахъ охотника оставляя одинъ только хвостъ.

Еще болѣе знакомый всѣмъ примѣръ представляютъ стрекозы и кузнечики. Если быстро схватить наѣдкомое за одну изъ ея большихъ ножекъ, то никогда не удастся поймать его: лапка отрывается и остается между пальцами, а стрекоза улетаетъ. До сихъ поръ только не имѣли достаточнаго объясненія этого всѣмъ извѣстнаго факта, но теперь, благодаря наблюденію надъ производимой омаромъ надъ собою операціей, можно видѣть въ этой способности животныхъ къ отгѣзѣ собственныя членовъ, для спасенія всего организма,—одно изъ проявленій вѣчной и вездѣсущей борьбы за существованіе, одно изъ тѣхъ средствъ, которыми природа одарила слабые существа для сохраненія своей жизни среди множества угрожающихъ имъ отовсюду опасностей.

Къ рисункамъ.

Екатерининскій каналъ. (Рис. на стр. 392).

Небольшихъ размѣровъ, но замѣчательная по выполненію картина маститаго профессора живописи Алексѣя Петровича Боголюбова привлекала къ себѣ вниманіе всѣхъ посѣтителей послѣдней Передвижной выставки. Одни останавливались передъ нею, любуясь неувядаемымъ талантомъ художника, другіе засматривались на эту мѣстность Петербурга, мало привлекательную для обитателей столицы, хотя она и находится у самаго Невскаго проспекта, близъ Казанскаго собора. Но, главнымъ образомъ, картина эта являлась воочію доказательствомъ, что для таланта нѣтъ плохихъ и некрасивыхъ сюжетовъ. Екатерининскій каналъ, грязный и непривлекательный, подъ кистью Боголюбова, благодаря удачному освѣщенію и воздушной перспективѣ, сталъ точно другимъ, и являлся однимъ изъ лучшихъ пейзажей на выставкѣ.

Бабушкинъ праздникъ. (Рис. на стр. 393).

Академикъ живописи Алексѣй Ивановичъ Корзухинъ преимущественно останавливается въ своихъ картинахъ на разныхъ явленіяхъ повседневной русской жизни. Посѣтителямъ выставокъ хорошо памятна его „Помпикъ на кладбищѣ“, „Передъ исповѣдью“, „Разлука“, „Въ монастырской гостиницѣ“, „Петрушка идетъ“ и множество другихъ, всегда интересныхъ картинъ. На послѣдней Передвижной выставкѣ была его картина „Бабушкинъ праздникъ“, гравюру съ которой можно найти на стр. 393. Бабушка именница. Въ гостинию только что отслужили молебень, и близкіе, и гости спѣшатъ поздравить дорогую старушку съ торжественнымъ днемъ. На ея колѣняхъ сидятъ внучка и лелечетъ въ стихахъ поздравленіе, въ то время, какъ внукъ болязливо приближается съ подаркомъ къ строгой бабушкѣ, которая порою его бранитъ за шалости. Но въ этотъ день у ней только радость на душѣ, она всѣмъ довольна и весела, и ничто не нарушаетъ этого довольства.

Татарка. (Рис. на стр. 397).

Смуглая красавица Юга—малороссянки, болгарки, жидовочки, цыганки,—точно живыя, выступаютъ изъ рамъ на картинахъ Харитона Платоновича Платонова. Въ нынѣшнемъ году на Академической выставкѣ въ числѣ другихъ его работъ,

была картина изображающая татарку, одну изъ тѣхъ татарокъ или цыганокъ, которыхъ нѣрѣдко можно встрѣтить на южномъ берегу Крыма, расчесанныхъ во множество косичекъ красновато-рыжаго цвѣта, въ синеватыхъ шальварахъ, съ полуоткрытою грудью и чулками на босую ногу, нѣрѣдко съ ребенкомъ на загорѣлыхъ рукахъ или за спиною.

Другъ въ нуждѣ. (Рис. на стр. 400).

Дворовый песъ Барбосъ забрелъ какъ-то на парадное крыльцо, гдѣ на него набросилась цѣлая свора комнатныхъ баловней хозяйки. Сильное, добродушное животное даже испугалось, и не знало бы, что ему дѣлать, если бы на выручку не явилась одна изъ самыхъ маленькихъ собачекъ, которая по-своему бранитъ своихъ товарокъ за нерадушный приемъ сородича, какъ-бы сконфуженнаго своей неловкостью и неуловкостью въ томъ блестящемъ обществѣ, въ которое онъ попалъ.

Продавщица цвѣтовъ. (Рис. на стр. 401).

Былъ городъ цвѣтущій, населенный, благоустроенный, все въ немъ дышало роскошью и красотой,—не только храмы и дворцы были прекрасны, но каждый частный, маленькій домикъ отличался художественнымъ стилемъ своей постройки; тамъ даже подъ очагами, въ кухняхъ, стѣны расписывались фресками... И вотъ наступилъ страшный день, дохнулъ своимъ огненнымъ дыханіемъ Везувій, и потоки лавы залили и зажгли погребли чудный, роскошный городъ, и все погибло... Въ одинъ день было уничтожено многовѣковое сооруженіе рукъ человеческихъ!.. Невольно приходятъ эти мысли, при взглядѣ на помѣщаемую на стр. 401 картину Маргина, воскресшаго на своемъ полотнѣ одинъ изъ самыхъ поэтическихъ, жизневадныхъ уголковъ древней Помпеи:—Рынокъ цвѣтовъ... Молодая цвѣтощица разложила свой благоуханный товаръ и искоса смотритъ на богатую покущицу, которая, можетъ быть, не торгуясь, кинула ей дорогую монету за ничтожный цвѣтокъ,—и въ ея сердцѣ невольно шевелится сожалѣніе, зачѣмъ и она, вмѣсто того, чтобы, продавая цвѣты, проводить цѣлый день на жаркомъ солнцѣ, не можетъ придти сюда лишь для того, чтобы бросить не жалѣя дорогую монету за ничтожный цвѣтокъ... Картина полна движенія и жизни, и эта жизнь еще болѣе заставляетъ вспомнить о неожиданной гибели цвѣтущаго города...

Серебряная свадьба Итальянской королевской четы.

Король Гумбертъ I. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Королева Маргарита. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Итальянскій король Гумбертъ I и королева Маргарита. (Портр. на этой стр.).

21 апрѣля новаго стилия въ Римѣ начался дѣльный рядъ торжественныхъ и пышныхъ празднествъ по поводу серебряной свадьбы Итальянской королевской четы. Отъ Имени Государя Императора привѣтствовали короля Гумберта и королеву Маргариту Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна. Германскій императоръ Вильгельмъ съ императрицею Августой сами прибыли въ Римъ, чтобы принести свои искреннія поздравленія. Австрійскимъ представителемъ былъ эрцгерцогъ Рейнеръ, англійскимъ — эрцгер-

цогъ Йоркскій, греческимъ — принцъ Георгъ Греческій, черноморскимъ — наследный принцъ Данилъ... Всѣ державные и высокіе гости были приняты въ высшей степени радушно и горячо. Народъ всюду съ энтузіазмомъ встрѣчалъ своего любимого короля и королеву и сердечно, радостно привѣтствовалъ ихъ дорогихъ гостей. Съ утра до полудня этого памятнаго для Италіи дня происходили представленія королю пословъ иностранныхъ державъ. Затѣмъ состоялись въ Капеллахъ, въ 9 верстахъ отъ Рима, скачки. Самое мѣсто скачекъ поражаетъ своей живописностью. Огромная равнина, окаймленная античными водопроводами, Албанскими горами и величественными Аппенинами, и надъ всѣмъ гордо тянется къ небу ослѣпительныя снѣжныя вершины Монте-Саррато...

Видъ города Занте до землетрясенія. По рис. I. Z. грав. Рашевскій.

При тихой, ясной погодѣ, подъ золотыми лучами солнца, вся эта равнина съ безкопечной вереницей тянувшихся къ ней по *via Arria* блестящихъ экипажей и пѣшеходовъ въ яркихъ праздничныхъ костюмахъ, представляла, поистинѣ, очаровательное зрѣлище. На скачкахъ присутствовало около 70,000 человекъ. Король и королева и царственные гости были восторженно встрѣчены собравшимися итальянцами. Возвращеніе со скачекъ черезъ Латинскія ворота было не менѣе эффектнымъ. Вечеромъ былъ данъ народный спектакль въ театрѣ Аргентина. Шла новая опера Верди „Фальстафъ“. Въ театрѣ былъ снова сдѣланъ рядъ овацій королю и иностраннымъ гостямъ. По итальянскому обычаю, они были привѣтствованы олушительными аплодисментами. Всѣ эти оваціи, все это празднество заставляють невольно перенестись въ прошлое, за двадцать пять лѣтъ.

22 апрѣля 1868 г. въ древнемъ пьмонтскомъ городѣ Туринѣ, при радостныхъ кликахъ народа, состоялось бракосочетаніе старшаго сына короля Виктора-Эмануила II, наследнаго принца Гумберта съ его юной, семнадцатилѣтней дворянкой сестрой Маргаритой Савойской. Принцу Гумбергу было тогда 24 года. Принцесса Маргарита—дочь покойнаго брата короля Виктора-Эмануила, Фердинанда, герцога Генуэзскаго, и бывшій здравствующей Елисаветы, дочери Саксонскаго короля Югана. 11 ноября 1869 г. въ Неаполѣ, ихъ первой резиденціи, родился у нихъ сынъ, нареченный Викторомъ-Эмануиломъ-Фердинандомъ. Принцъ Викторъ-Эмануиль, единственный сынъ бывшійшей королевской четы, резиденціей своей имѣетъ также Неаполь. До вступленія своего на престолъ, состоявшася 15 лѣтъ тому назадъ, принцъ Гумбертъ велъ тихую, скромную жизнь. Сознавая всю трудность, важность и отвѣтственность той роли, которую ему придется играть послѣ смерти своего великаго отца, онъ готовился къ этому старательно, исподволь. И дѣйствительно, вскорѣ по вступленіи его на престолъ, несмотря на разныя сильныя политическія волненія въ странѣ, народъ убѣдился, что король Гумбертъ представляетъ для Италіи идеаль монарха, вѣчно пекущагося о благѣ своихъ подданныхъ, принимающаго очень близко къ сердцу ихъ нужды и интересы, отзывчиваго на ихъ справедливыя требованія и желанія. Истинный сынъ своего великаго отца „объединителя Италіи“, выдѣлившійся еще въ юные годы своей храбростью и воинственными заслугами, во время войны съ Австріей въ 1866 г., твердо и умѣло державшій бразды правленія въ то время, когда Италія еще не была окрѣпшею, король Гумбертъ все время служилъ и служитъ оплотомъ своей родной страны, оцѣнившей и цѣнящей его по его безчисленнымъ заслугамъ. Королева Маргарита своимъ участливымъ отношеніемъ къ своему народу, своей заботливостью и благотворительностью повѣстна въ каждой итальянской хижинѣ. Королева считается одной изъ самыхъ рьяныхъ поборницъ женскаго высшаго образованія. Сама она посѣщала лекціи высшихъ наукъ для женщинъ. Скромно занимъ, бывало, мѣсто посреди другихъ слушательницъ, она внимательно, съ тетрадкой въ рукахъ, слѣдила за лекціями. Строгалъ, нѣсколько суровая вышность короля скрываетъ за собой сострадательное, нѣжное, любящее сердце. Королева, это—олицетвореніе доброты и милосердія, это идеаль жены, матери и благотворительницы. Въ годины бѣдствія своего народа, королевская чета проявляла трогательную о немъ заботливость, не жалѣя ни силъ, ни средствъ. Населеніе постигло несчастье—цѣлый островъ пострадалъ отъ землетрясенія—король лично ѣдетъ на мѣсто бѣдствія, распорядается оказаніемъ помощи, жертвуетъ денежныя средства, подымаетъ своей энергіей духъ населенія. Цѣлыя мѣстности объята холерой, среди жителей страшная паника, отчего эпидемія усиливается еще болѣе. Король спѣшитъ въ самое гнѣздо заразы, ободраетъ здоровыхъ, посѣщаетъ больныхъ. Королева ничуть не отстаетъ на этомъ славномъ поприщѣ отъ своего царственнаго супруга. Подъ ея покровительствомъ состоитъ безчисленный рядъ благотворительныхъ и общепользныхъ учрежденій, въ интересъ и судьбы которыхъ она входитъ самолично. Масса среднихъ и высшихъ учебныхъ, главнымъ образомъ, женскихъ, заведеній весьма часто, даже періодично, удостоиваются высокой чести посѣщенія своей державной покровительницы. Всѣ свои дни королева только и проводитъ въ заботахъ о „малыхъ сихъ“—нуждающихся, бѣдныхъ, увѣчныхъ, сиротахъ; вдовахъ, имъ она посвятила всю свою жизнь, всѣ свои силы... Чему же удивляться, что видящій и чувствующій все это, народъ такъ громко ликуетъ, такъ радостно празднуетъ теперь „серебряную свадьбу“ своего дорогого короля и королевы...

Землетрясеніе на островѣ Занте.

(Рис. на стр. 405).

Островъ Занте или, по греческому названію, Закинѣтъ, одинъ

изъ самыхъ живописныхъ и плодороднѣйшихъ острововъ Ионическаго моря.

Блага его богатой южной природы обезпечивали бы его жителямъ вѣчно пенарушимое безоблачное счастье, если-бы не происходило тамъ часто, слишкомъ даже часто, вулканическихъ изверженій. Эти гибельныя изверженія, главнымъ образомъ, происходятъ въ окрестностяхъ мыса Кіери. Вся почти почва острова тамъ глубокими трещинами, изъ которыхъ время отъ времени бьютъ ключи жидкой смолы.

Самый островъ, со своими высокими скалистыми берегами, круто-обрывающимися къ тихому, задумчивому Ионическому морю, представляетъ собой площадь въ 438 кв. километровъ. На немъ 44.070 жителей. На восточномъ его берегу, на холмѣ, амфитеатромъ раскинулся главный городъ острова—Занте. По своему торговому значенію онъ считается лучшимъ городомъ Ионическихъ острововъ. Довольно густо населенный (16.250 жителей), онъ служитъ резиденціей греческаго архіерея и вмѣстѣ съ тѣмъ католическаго епископа.

Не разъ колебали Занте землетрясенія. Въ началѣ февраля 1642 и 1746 гг., а также въ предпоследній разъ въ 1840 г. происходили на островѣ сильныя колебанія земли, но ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться по своимъ результатамъ, по тѣмъ опустошеніямъ и несчастьямъ, которыя они причинили несчастнымъ жителямъ, съ двумя землетрясеніями, случившимися въ текущемъ году. 31 января, новаго стиля, въ 5 ч. 34 м. утра, послѣдовалъ сильный подземный ударъ, потрясшій весь островъ. Нижняя часть города, состоявшая почти сплошь изъ крохотныхъ строеній, въ одинъ мигъ обратилась въ развалины; да и въ остальной части города ни одного дома не осталось не поврежденнымъ.

Въ 2 часа утра, ударъ повторился, и все, что еще казилось чудомъ уцѣлѣло отъ прежнихъ колебаній почвы, попало и разрушилось. На слѣдующую ночь произошелъ новый ударъ, еще сильнѣе прежнихъ. Колебанія земли стали не только вертикальными, но и волнообразными. Это уже окончательно разрушило все—городъ, этотъ „перлъ Леванта“ (какъ называютъ островъ Занте итальянцы), представлялъ одні руины, безформенныя кучи обломковъ. Во многихъ мѣстахъ зіяли глубокия расщелины, улицы совершенно исчезли, гавань тоже не избѣгла общей участи. Масса историческихъ, древнихъ, венеціанскихъ построекъ были превращены въ груду камней.

Въ послѣдующіе дни подземные толчки возобновлялись нѣсколько разъ, но въ болѣе слабой степени, а 7 и 8 февраля снова усилились. Къ тому-же еще присоединились въ эти дни сильныя градъ и продолжительный проливной дождь. Болѣе 3000 домовъ разрушено до основанія, во всемъ городѣ не было ни одного дома, гдѣ можно было бы поселиться. Не обошлось и безъ человѣческихъ жертвъ. Въ самомъ городѣ насчитывается пятеро убитыхъ и нѣсколько сотъ раненыхъ; что-же касается окрестностей и другихъ селеній, то число человѣческихъ жертвъ довольно значительно.

Главнымъ пунктомъ землетрясенія, повидимому, былъ большой горячій источникъ Нафта, находящійся въ юго-восточной части острова, близъ мыса Кіери. Пять богатыхъ деревень, которыя были расположены въ его окрестности, стерты съ лица земли и представляютъ голый, обезображенный руинами, пустырь.

Но утверждаютъ также, что главный ударъ послѣдовалъ въ пяти миляхъ на востокъ отъ острова.

Убытки отъ землетрясенія равняются почти 1.500.000 драхмъ. Около 40.000 человекъ остались безъ крова и пищи, въ ужасающей нуждѣ. Греческій король Георгъ самъ прибылъ на островъ и учредилъ въ Аѳинахъ вспомогательный комитетъ.

Государь Императоръ Всемилостивѣе раарышилъ открыть повсемѣстную подписку въ пользу пострадавшихъ занятію.

Всѣ эти благія мѣры и довольно значительный притокъ пожертвованій дали жителямъ возможность выйти изъ безвыходнаго положенія нищеты и безпомощности. Снова мало-по-малу закинула работа, изъ развалинъ стали воздыматься жилища. Жители начинали мало-по-малу выходить изъ своего подавленнаго состоянія... И вдругъ, 17 апрѣля (новаго стиля), въ 7 ч. 6 м. утра, весь островъ веколеало снова сильнѣйшее, ужаснѣйшее землетрясеніе. Была тихая и ясная погода. На лазурномъ небѣ не было ни одного облачка. Колебаніе продолжалось со страшной силой цѣлую почти минуту. Въ юго-восточной части острова, бывшей главнымъ пунктомъ послѣдняго землетрясенія, отъ всѣхъ строеній не осталось камня на камнѣ, тамъ падаются разсѣлены въ 2 фута ширины. Землетрясеніе началось почти съ того же мѣста, что и въ прошлый разъ, и послѣдовало, какъ и тогда, ровно черезъ 8½ часовъ послѣ ряда предупредительныхъ толчковъ.

Бѣдность и нищета населенія до того сильна, что половинѣ жителей, безъ крова и пищи, придется волей-неволей удалиться съ острова. Теперь пока многотысячное населеніе ютится на холмахъ подъ открытымъ небомъ...

Государственный переворотъ въ Сербіи.

(Портреты на стр. 408).

Въ 1889 году Сербскій король Миланъ отрекся отъ короны въ пользу своего тринадцатилѣтняго сына, который и всту-

пилъ тогда на престолъ, подъ именемъ Александра I. Вслѣдствіе несовершеннолѣтія юнаго короля было учреждено въ

Сербии регентство, начавшее править отъ его имени.

Европейское и, въ особенности, русское общество съ живѣйшимъ интересомъ и участіемъ слѣдило за дальнѣйшею судьбою царственнаго отрока, оставленнаго, въ силу разнообразныхъ политическихъ и частныхъ, семейныхъ причинъ, на попеченіи хотя не чуждыхъ, но все-таки чужихъ ему людей. Кому не известна скорбная, печальная исторія разлада родителей Александра I, — Милана Обреновича и супруги его, королевы Наталин, и кто изъ истинно-русскихъ людей не скорбѣлъ душою вмѣстѣ съ несчастною королевой, безжалостно разъединенной со своимъ единственнымъ, горячо любимымъ и дорогимъ ей сердцу сыномъ! — Теперь окончилось это ненормальное положеніе: — Миланъ и Наталин — гсзорятъ газетныя извѣстія — послано по телеграфу уведомленіе объ отъѣздѣ королевы Александры въ Сербію. Эта новость, съ которою пріявшеі нынѣ въ свои руки власть юный король Сербіи возвращаетъ въ отечественную страну изгнанныхъ политическихъ партіями родителей своихъ, составляетъ одну изъ самыхъ трогательныхъ подробностей происшедшаго въ Сербіи событія.

Не менѣе трогательна, какъ говорятъ, была также минута, когда король Александръ съ горячностью и, какъ будто, демонстративно, публично и въ присутствіи Панича, главы кабинета, выславшаго Наталию изъ Сербіи, благодарилъ Гарапанича за защиту его и единомыслящихъ съ нимъ королевыхъ матери. Возстановляя миръ въ своей семьѣ, юный король, будемъ надѣяться, возстановитъ миръ и среди окружающаго его политическихъ партій, разлада котораго довела Сербію до такого положенія, что только совершившійся нынѣ переворотъ можетъ умиротворить ее.

День перваго апрѣля наступилъ въ Бѣлградѣ, какъ обыкновенно, и въ теченіе его не было замѣтно ничего особеннаго. Вечеромъ въ городскомъ театрѣ шель „Ревизоръ“. Тутъ показало многомъ нѣсколько страннымъ отсутствіе, противъ обыкновенія, въ театрѣ министровъ. Ни одного изъ нихъ не было въ зрительномъ залѣ. Стали поглядывать, шептаться, спрашивать, что это значитъ, и головы всѣхъ чаще и чаще поворачивались къ министерской ложѣ. Вдругъ, сидѣвшей въ этой ложѣ женѣ перваго министра Авакумовича подали записку; она встала и сейчасъ же оставила театръ... Къ одиннадцати часамъ почти всѣ уже въ городѣ знали, что случилось что-то изъ ряду вонъ выходящее: у дворца, у домовъ Ристича и Рибарица стояли войска... Новая ли это выходка Ристича, или Миланъ тайно вернулся въ Сербію, — или еще что-нибудь — никто не могъ сказать ничего опредѣленнаго... Ночь прошла въ тревогѣ, въ неизвѣстности. Почти никто въ городѣ не ложился спать. Во второмъ часу пополудни, разнесся слухъ, что король ѣдетъ, что его „увозятъ“... Началось волненіе, готовое уже перейти въ бунтъ... Но оно быстро смѣнилось радостью, когда стало извѣстнымъ, что коляска короля остановилась у казармы, гдѣ солдаты приносятъ ему ужъ прирису; толпы народа бросились туда, другіе — ко дворцу, — и скоро улицы Бѣлграда огласились дружнымъ, восторженнымъ канкомъ, сопровождавшимъ экипажъ возвращающагося изъ казармы короля: „Живіо, краль Александръ, живіо!“

Случилось, на самомъ дѣлѣ, вотъ что:

Капитанъ Милутинъ Митковичъ, командиръ одного отряда артиллерійской унтеръ-офицерской школы, явился около 8 часовъ вечера 1-го апрѣля въ большую казарму, въ которой помещается названная школа, и приказалъ, чтобы ему отобрали 28 человекъ и привели ихъ въ канцелярію. Когда они явились, Митковичъ объявилъ, что имъ предстоитъ въ этотъ вечеръ совершить блестящій подвигъ во славу короля и отечества.

Затѣмъ онъ велѣлъ имъ молчать, раздалъ каждому по 30 боевыхъ патроновъ и велѣлъ взять ружья и собраться въ одномъ пунктѣ. Оттуда онъ провелъ ихъ форсированнымъ маршемъ по улицамъ, мимо военной больницы, въ королевскій дворъ и затѣмъ въ дворцовый садъ, гдѣ всѣ остановились у водопровода. Передавъ начальство старшему послѣ себя, Митковичъ прошелъ во дворецъ, получилъ инструкціи отъ королевскаго адъютанта Кузрича и, затѣмъ, провелъ весь свой отрядъ по одному человѣку въ старый дворецъ и поставилъ его въ комнату, отдѣляющей кабинетъ короля отъ столовой, въ которой ужинали регенты и министры (за исключеніемъ отсутствовавшего по болѣзни министра полиціи). Въ это время ужинъ уже подходилъ къ концу. Когда все было готово, адъютантъ короля Чиричъ вошелъ въ столовую и сказалъ королю: „Все готово!“

Черезъ нѣсколько минутъ король всталъ, взявъ въ руки бокалъ съ виномъ и сказалъ:

— Господа, благодарю васъ за услуги, оказанныя престолу и отечеству. Но я недоволенъ нынѣшнимъ управленіемъ и хочу положить ему коонецъ. Отнынѣ я беру королевскую власть въ свои руки.

Регенты Ристичъ и Белларковичъ выразили протестъ, но король, не слушая ихъ, прошелъ изъ столовой къ себѣ въ кабинетъ. Регенты и министры хотѣли послѣдовать за нимъ, но ихъ не пустили. Задержанные въ столовой, они черезъ нѣсколько времени подписали принесенныя имъ прошенія объ отставкѣ. Первымъ подписалъ министръ юстиціи Величковичъ.

Когда все было кончено, пришелъ Докичъ (теперешній министр-президентъ), который до 12½ часовъ совѣщался съ королемъ и его адъютантами. Послѣ совѣта, король въ коляскѣ поѣхалъ въ казармы, гдѣ войска присягнули ему. Около 3-хъ часовъ пополудни регенты и министры были отведены въ новый дворецъ, гдѣ имъ были приготовлены постели для ночлега. Каждого вели поодиночкѣ, вперед и назадъ ихъ шли конвойные съ обнаженными пиками. Утромъ Богичевичъ пытался выйти изъ дворца, но это ему не удалось.

Одновременно съ происходившимъ во дворцѣ, майоръ Раничъ занялъ комендантское управленіе, арестовалъ градоначальника и всѣхъ полицейскихъ приставовъ, занявъ въ десятомъ часу ночи телеграфъ и въ 11 часовъ послалъ письмо начальнику государственной типографіи вмѣстѣ съ текстомъ королевской прокламаціи къ народу для пачатанія, а типографію окружилъ часовыми, послѣ ареста регентовъ; прежній народъ на этотъ вечеръ былъ замѣненъ народомъ „король и отечество“.

На другой день, 2 апрѣля, въ 11½ часовъ утра, министры и регенты были водворены въ ихъ домахъ, къ которымъ были приставлены часовые.

Городъ былъ украшенъ флагами и иллюминированъ, въ теченіе трехъ вечеровъ, 2, 3 и 4 апрѣля.

Рядъ городскихъ празднествъ по поводу радостнаго для Сербіи событія закончился спектаклемъ въ бѣлградскомъ національномъ театрѣ, въ которомъ давалась въ этотъ день, въ присутствіи короля, историческая драма „Милошъ Обреновичъ“. Громкія рукоплесканія, оваціи и крики не разъ прерывали представление, но общій восторгъ достигъ высшаго предѣла, когда началась сцена, въ которой князь Милошъ наказываетъ тѣхъ изъ своихъ совѣтниковъ, которые попирали права народа. Прервавъ ходъ пьесы, весь театръ всталъ, какъ одинъ человекъ, и непритомленные, вылившіеся неволью у каждаго изъ присутствующихъ, торжественные звуки сербскаго гимна огласили залу. Всѣ пѣли, всѣ радовались, восторгъ былъ всеобщій...

Разныя извѣстія.

— Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на то, что въ текущемъ году день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, 15-го мая, падаетъ на субботу, наканунѣ Троицына дня, когда совершается торжественное всеноечное бдѣніе. Между тѣмъ, въ день коронаціи повсюду устраиваются вечера иллюминаціи, гулянья съ музыкою, балаганы и т. п. увеселенія, доущеніе которыхъ въ этомъ году, когда всѣ церкви наполнены молящимися, крайне неудобно. Въ виду этого, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы гражданское начальство сдѣлало распоряженіе о перенесеніи въ настоящемъ году всѣхъ увеселеній, устраиваемыхъ 15-го мая, на понедѣльникъ 17-го мая.

— Проживающая въ Петербургѣ итальянская колонія торжественно праздновала 10 апрѣля день серебряной свадьбы короля и королевы Итальянскихъ,

— Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія издано распоряженіе о переходѣ всѣхъ училищъ, находящихся при римско-католическихъ церквахъ въ Имперіи, въ вѣдѣніе означеннаго Министерства.

— Отецъ Іоаннъ Сергіевъ (кронштадтскій) устраиваетъ нынѣшнимъ лѣтомъ у себя на родинѣ, въ Архангельской губерніи, богадельню, народную читальню и школу на 20 бѣдныхъ дѣтей.

— 8 апрѣля выѣхалъ въ Тобольскую губернію командированный отъ Медицинскаго департамента на переселенческіе пункты, первый санитарный отрядъ.

— Пароходныя общества, совершающія рейсы по Волгѣ и ея притокамъ, рѣшились, по примѣру желѣзныхъ дорогъ, понизить тарифъ на 50% во всѣхъ трехъ классахъ, для проѣзда воспитанниковъ учебныхъ заведеній на канікулярное время.

— Съ 1 мая устанавливается льготный

тарифъ на проѣздъ пассажировъ всѣхъ трехъ классовъ, отирающихся на кавказскія минеральныя воды отъ всѣхъ станцій Владикавказской желѣзной дороги и обратно. Съ 1 мая же по 10 сентября установленъ будеть тарифъ для лицъ, отирающихся на кумысо-лѣчебныя заведенія, расположенныя близъ станціи Самара.

— Съ 6 по 8 апрѣля непрерывно бушевала сѣбная буря на линіи Рязанско-Уральской желѣзной дороги. Послѣдствіемъ ея на участкахъ Остапово-Козловъ и Ртищево явились громадные сѣбные заносы, сильно замедлившіе движеніе пассажирскихъ поѣздовъ и почти остановившіе движеніе товарныхъ. На линіи Ярославско-Вологодской желѣзной дороги сѣбная метель образовала также такіе заносы, что одинъ изъ товарныхъ поѣздовъ стоялъ на линіи въ снѣгу до тѣхъ поръ, пока не былъ взятъ вспомоgetельнымъ паровозомъ.

Политическое обозрѣніе.

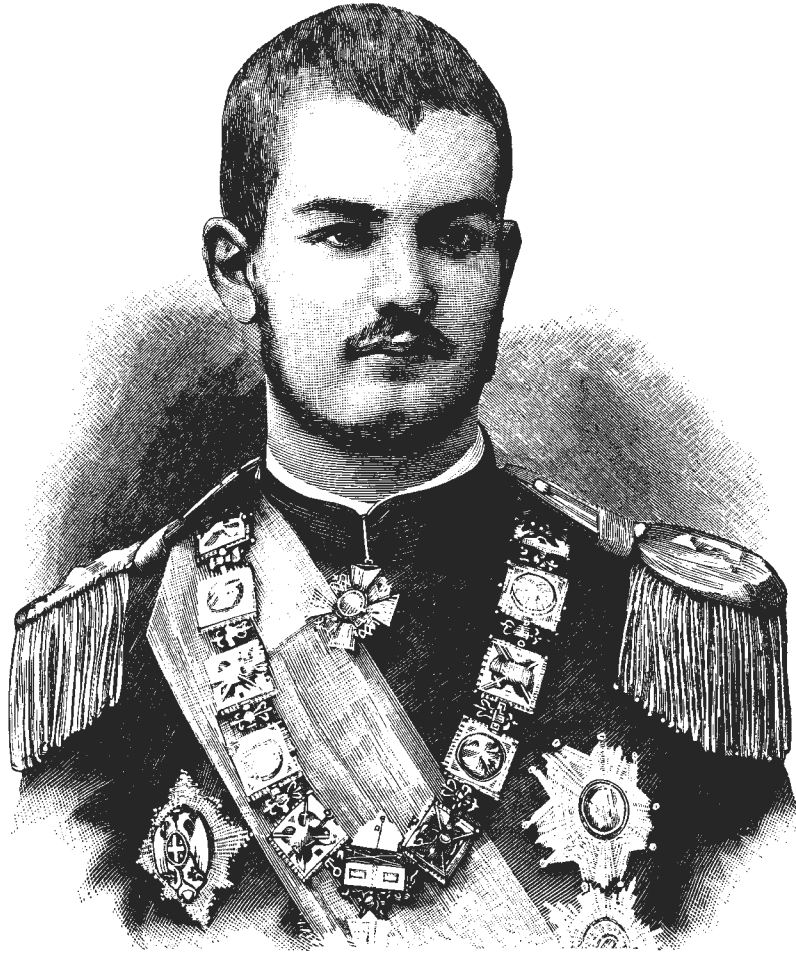
11-го апрѣля, нашъ министръ Иностранныхъ дѣлъ, статъ-секретарь П. К. Гирсъ послѣ Лобановымъ-Ростовскимъ и всѣмъ посольствомъ. На другой день, въ полдень, министръ намѣревался выѣхать въ Петербургъ, но вслѣдствіе усталости отъ дороги отложилъ отъѣздъ на одинъ день. 12-го апрѣля, въ 5 часовъ, императоръ Австрійскій посетилъ статъ-секретари Гирса въ „Grand Hôtel“. Визитъ императора статъ-секретарю Гирсу, продолжавшійся двадцать минутъ, большая часть газетъ считастъ за доказательство дружественныхъ отношеній между Австро-Венгеріей и Россіей, за выдающійся мирный символъ, за непосредственное отличіе, оказанное русскому государственному дѣятелю. Вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія здоровья, статъ-секретарь Гирсъ никакихъ визитовъ не дѣлалъ, тогда какъ всѣ послы и посланники оставили у него свои карточки. Министръ былъ только у графа Кальноки и вечеромъ на обѣдѣ, данномъ въ его честь княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ.

Ирландскій билль Гладстона принятъ палатою общинъ во второмъ чтеніи большинствомъ 347 голосовъ противъ 304. Всего членовъ въ палатѣ 670, слѣдовательно на чтеніе члены палаты общинъ, какъ на генеральное сраженіе, собрались почти въ полномъ составѣ. Оппозиція приложила послѣднія, отчаянныя, усилія, чтобы не дать восторжествовать Гладстону, и главнымъ противникомъ его въ этомъ достопамятномъ засѣданіи, затянувшемся далеко за полночь, былъ Бальфуръ.

Въ германскомъ рейхстагѣ, 13-го апрѣля, обсуждалось предложеніе антисемита Альвардта о назначеніи комиссіи для проверки внесенныхъ имъ документовъ, касающихся различныхъ злоупотребленій. Альвардтъ утверждаетъ, что нынѣшній министръ финансовъ Микель, будущи директоромъ Disconto-Gesellschaft, принималъ участіе въ дѣлахъ, вслѣдствіе чего германскій народъ потерялъ убытокъ въ нѣсколько милліоновъ. При учрежденіи германскаго инвалиднаго фонда тоже произошли злоупотребленія, но по этому дѣлу у него нѣтъ никакихъ документовъ, зато онъ располагаетъ документами, касающи-

мися другихъ дѣлъ. Микель оспаривалъ заявленіе Альвардта и сказалъ, что виѣ рейхстага онъ возбудитъ судебное преслѣдованіе по поводу всѣхъ вводимыхъ на него обвиненій. Германскій статъ-секретарь казначейства Мальцанъ выразилъ убѣжденіе, что требуемая Альвардтомъ комиссія послужитъ лишь къ доказательству лживости его заявленій. Рихтеръ сказалъ, что комиссія сдѣлаетъ Альвардта передъ рейхстагомъ и общественнымъ мнѣніемъ невозможнымъ человѣкомъ и выразитъ ему отвращеніе. Дальнѣйшія иренія имѣли очень оживленный характеръ, но предложеніе Альвардта о назначеніи двадцатиподчленной комиссіи для рассмотрѣнія его документовъ было такъ принято.

8-го апрѣля утромъ, въ домовою церкви герцога Пармскаго на виллѣ Паланоре совершенно бракосочетаніе принца Фердинанда Кобургскаго съ принцессою Маріей-Луизой Бурбонскою. Бракосочетаніе совершалъ архіепископъ Люккашъ. Присутствовали принцесса Клементина Кобургская, восемь другихъ родственныхъ обимъ брачующимся принцевъ и принцессъ, Стамбуловъ и 16 другихъ болгаръ. Повообрачная получила подарки, которые оцѣниваются въ 2 милліона франковъ, въ томъ числѣ отъ супруга драгоцѣнную корону Маріи-Антуанеты. Черезъ день принцъ Фердинандъ съ принцессою сѣли въ Сиедціи на пароходъ австрійскаго „Ллойдъ“ „Амфитрида“, для возвращенія въ Болгарію чрезъ Константинополь, гдѣ — по словамъ заграничныхъ газетъ — принцъ будетъ принятъ султаномъ. Полагаютъ, что происходившее 10-го апрѣля совѣщаніе графа Кальноки со здѣшнимъ турецкимъ посломъ Зибеемъ, длившееся нѣсколько часовъ, касалось этого вопроса. По словамъ *Нового Времени*, продолжительность путешествія принца Кобургскаго расчитана такъ, чтобы принцъ могъ прибыть въ Варну и ступить на болгарскую почву уже послѣ принятія большинствомъ тырновскимъ собраніемъ проектированныхъ измѣненій въ конституціи — и пребываніе въ Константи-

Александръ I, король Сербіи. Съ фот. Пиру, грав. Шюблеръ.

нумъ отъ супруга драгоцѣнную корону Маріи-Антуанеты. Черезъ день принцъ Фердинандъ съ принцессою сѣли въ Сиедціи на пароходъ австрійскаго „Ллойдъ“ „Амфитрида“, для возвращенія въ Болгарію чрезъ Константинополь, гдѣ — по словамъ заграничныхъ газетъ — принцъ будетъ принятъ султаномъ. Полагаютъ, что происходившее 10-го апрѣля совѣщаніе графа Кальноки со здѣшнимъ турецкимъ посломъ Зибеемъ, длившееся нѣсколько часовъ, касалось этого вопроса. По словамъ *Нового Времени*, продолжительность путешествія принца Кобургскаго расчитана такъ, чтобы принцъ могъ прибыть въ Варну и ступить на болгарскую почву уже послѣ принятія большинствомъ тырновскимъ собраніемъ проектированныхъ измѣненій въ конституціи — и пребываніе въ Константи-

М. Ристичъ.

Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Генераль Белимарновичъ.

Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Бывшіе регенты Сербіи.

полкъ, какъ ожидается, должно оказать впечатлѣніе на рѣшеніе собранія. Въ Тырново принцъ прибудетъ ко дню закрытія собранія.

Научныя и техническія новости.

— Для полученія фотографическихъ снимковъ въ прямомъ видѣ, совѣтуютъ употреблять пластины изъ слюды или целлюлозы, по-

крытыя на одной сторонѣ слоемъ порошка чувствительной къ свѣту краски. Если такую пластинку повернуть къ свѣту задней сторо-

бумагу, которое не надо уже переводить на бумагу.

— Чтобы приготовить обыкновенныя чернила, надо растворить въ 1000 вѣсовыхъ частяхъ (напр., граммовъ) воды 6 частей (граммовъ) анилиновой краски „метиль-волеетт“ ВВВ, 15—20 частей сахара и 10 капель соляной кислоты. Стоить только въ этомъ рецептѣ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, а именно, анилиновой краски взять 10 частей, а сахару—30 ч., чтобы получить превосходныя копировальныя чернила.

— Индѣйская конопля, покрытая осадкомъ дубильно-кислаго (чернильно-кислаго) желѣза, оказывается отличнымъ средствомъ для очистки воды: пройдя черезъ такой фильтръ, вода освобождается отъ вредныхъ примѣсей и становится годной для питья.

— Петролеумъ и другія минеральныя масла можно консервировать слѣдующимъ образомъ. На 600 частей масла прибавляютъ 300 ч. расплавленной и растворенной соды, 10 ч.

кѣпка раствора хлористаго кальція и 90 ч. смолы. Смѣсь эту нагрѣваютъ и затѣмъ даютъ остыть въ формочкахъ. Послѣ того, какъ она отвердѣетъ, получаютъ консервы петролеума, въ видѣ плитокъ.

— Опубликованы результаты производимыхъ въ Финляндіи уже много лѣтъ измѣрній поднятія береговъ Ботническаго и Финскаго заливовъ Балтійскаго моря. Оказывается, что нѣкоторыя мѣста поднялись изъ воды въ теченіе столѣтія слишкомъ на 10 саженъ.

— Свекловичну, поступающую на сахарныя заводы, можно хорошо сохранять въ теченіе долгаго времени, если ее сейчасъ же заморозить, выставивъ на холодъ при температурѣ нѣсколькихъ градусовъ ниже 0°, а затѣмъ поддерживать въ помѣщеніи, гдѣ она сложена, постоянно температуру въ +2°.

— Французскій физикъ Жаннетъ, съ по-

мощью изобрѣтеннаго имъ новаго прибора для измѣренія твердости разныхъ тѣлъ, открылъ, что, вопреки общепринятому до сихъ поръ мнѣнію, мѣдь оказывается тверже цинка.

— Въ одной мѣстности штата Огейо, въ Сѣв. Америкѣ, нѣсколько дней, при совершенно ясной погодѣ, шелъ дождь, образованный искусственно при слѣдующихъ условіяхъ: недавно устроены тамъ были нечи для обжиганія кирпичей; произведенныя при этомъ громадныя количества водянаго пара унесены были вѣтромъ по направленію къ горному хребту, откуда спустились холодныя воздушныя теченія. Отъ встрѣчи паровъ съ этими послѣдними и образовался дождь.

— Крупнѣе сталъ изготовлять теперь пушки изъ никелированной стали. Результаты испытаній оказались очень благоприятными введены новаго металла въ артиллерійское дѣло.

Искусство.

С.-Петербургская консерваторія.

Вышелъ отчетъ петербургскаго отдѣленія Русскаго Музыкальнаго Общества и консерваторіи за прошедшій 1891—92 годъ; въ немъ много любопытнаго для интересующихся состояніемъ нашей музыкальной альмаe matris. По кончинѣ Великаго Князя Константина Николаевича, подъ Высокимъ покровительствомъ котораго находились вышеозначенное Общество и консерваторія, главная дирекція ходатайствовала предъ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгиней Александрой Гюсифовной, состоявшей, во время болѣзни Великаго Князя, въ званіи замѣстительницы предсѣдателя, о принятіи званія предсѣдателя и покровительницы консерваторіи, на что послѣдовало милостивое согласіе, при чемъ Ея Высочеству угодно было разрѣшить отпустить и на будущее время назначавшихся покойнымъ Великимъ Княземъ денежныхъ пожертвованій.

Измѣненіе, и крупное, произошло и во внутреннемъ управленіи консерваторіи: директоръ ея, знаменитый А. Г. Рубинштейнъ, находившійся въ 11-ти-мѣсячномъ отпуску, къ глубокому прискорбію дирекціи, не нашелъ возможнымъ долѣе оставаться въ этой должности, вслѣдствіе чего исправлявшій его обязанности, профессоръ 1-й степени Ю. И. Югансовъ (о дѣятельности его было говорено въ № 4 Нивы за прошлый годъ, по случаю его 25-ти-лѣтняго юбилея), былъ утвержденъ директоромъ. Почетными членами Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества избраны: Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михайловна, вице-предсѣдатель Общества, т. с. Н. И. Стояновскій, министръ Внутреннихъ дѣлъ, д. т. с. Н. И. Дурново, и композиторъ Верди, по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея его композиторской дѣятельности. Отдѣленіе состояло изъ 23 почетныхъ членовъ, 21 пожизненнаго, 51 дѣйствительнаго и 1,057 посѣтителей, кромѣ 5 почетныхъ членовъ консерваторіи.

Симфоническими собраніями, которыхъ было 10 абонементныхъ и 2 экстренныя, дирижировалъ профессоръ скрипичнаго класса г. Ауэръ, за исключеніемъ шестого вечера, который прошелъ подъ управленіемъ А. Г. Рубинштейна; въ девятомъ участвовалъ въ качествѣ дирижера, П. И. Чайковскій. Квартетныхъ собраній было восемь (двѣ серіи по четыре) и общедоступныхъ концертовъ въ циркѣ, во воскресеньяхъ, пять. Дирекція, принимая во вниманіе неудовлетворительное денежное положеніе отдѣленія, вынуждена была прибѣгнуть къ сокращенію нѣкоторыхъ расходовъ, которые, къ сожалѣнію, пали на предметы, не только не требующіе по существу сокращенія, но даже увеличенія расходовъ, если бы это только было возможно. Напр., сочли необходимымъ пересмотрѣть установленныя правила вознагражденія русскихъ композиторовъ, съ цѣлью значительно сократить выдачи денегъ впредъ до улучшенія финансоваго положенія дѣла.

Еще болѣе печальнаго свойства фактъ распушенія своего оркестра, въ виду постояннаго дефицита, который онъ давалъ; даже въ раз-

сматриваемомъ году, когда контракты съ членами его были заключены на одну лишь зиму, дефицитъ дошелъ до 9 съ лишнимъ тысячъ рублей. Такое веденіе дѣла въ Петербургѣ, гдѣ вовсе нѣтъ частныхъ организованныхъ оркестровъ, говоритъ только за отсутствіе тактичности въ тѣхъ, кто руководилъ завѣдываніемъ оркестра. Это тѣмъ болѣе жаль, что, за отсутствіемъ собственнаго оркестра, Музыкальное Общество вынуждено обращаться за таковымъ для симфоническихъ собраній къ дирекціи театровъ, что, въ свою очередь, не можетъ не вліять, и къ худшему, на художественныя задачи этихъ собраній, на программы концертовъ, на выборъ пьесъ; такимъ образомъ, вносится сюда посторонній элементъ личныхъ симпатій и антипатій, что мы, впрочемъ, видѣли при обзорѣ симфоническихъ концертовъ за истекшій сезонъ.

Отчетный годъ былъ 30-й съ основанія консерваторіи. Обучавшихся было 547 лицъ: 232 ученика и 315 ученицъ. Въ оркестровомъ отдѣлѣ было 150 человекъ (137—мужскаго пола и 13 женскаго); въ отдѣлѣ пѣнія 80 (14 учениковъ и 66 ученицъ); въ отдѣлѣ игры на фортепіано—262 (34 и 228); по классу органа—12 (11 и 1); въ отдѣлѣ теоріи композиціи—43 (36 и 7); платныхъ учащихся было 434 человекъ и безплатныхъ 113.

В. Басинъ.

Рѣшеніе пасхальной задачи № 10

(помѣщ. въ № 13 „Нивы“).

Торсь. Хорекъ. Ростокъ. Сорить. Серсо. Кротъ. Сокреть. Сито. Ростовъ. Тори. Тирсь. Викторъ. Востокъ. Ригоръ. Косово. Рискъ. Киръ. Торъ. Свекоръ. Роккок. Верескъ. Кохъ. Ситово. Винтъ. Тиръ. Хересъ. Сирокко. Хоревъ.

!	ь	с	е	р	ь	к	с	о	в	о	с	к	р	е	с	ь	!				
ь	с	е	р	ь	к	с	о	в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с			
с	е	р	ь	к	с	о	в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с				
е	р	ь	к	с	о	в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с					
р	ь	к	с	о	в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с						
к	с	о	в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с								
с	о	в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с									
о	в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с										
в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с											
о	в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с										
к	с	о	в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с								
р	ь	к	с	о	в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с						
е	р	ь	к	с	о	в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с					
с	е	р	ь	к	с	о	в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с				
!	ь	с	е	р	ь	к	с	о	в	ь	с	ь	в	о	с	к	р	е	с	ь	!

„Христось воскресъ!“

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16

Рѣшеніе пасхальной задачи-криптограммы № 9

(помѣщ. въ № 13 „Нивы“).

Ліица съ буквами Х. В. (Христось воскресе) расположены на ліиіяхъ буквъ: п, о, ч, т, е, и, н, ѣ, е, ч; остальные же—на ліиіяхъ буквъ: н, т, а, г, е, л, н.

„Христось воскресе, почтенные читатели!“

Въ Конторѣ изданій А. Ф. МАРКСА, въ СПБ. продаются слѣдующія народныя иллюстрированныя изданія сочиненій

Н. В. ГОГОЛЯ:

1. Коляска.	10 к.	8. Тарась Бульба.	25 к.
2. Вечеръ накануне Ивана Купала.	10 к.	9. Пропашая грамота	10 к.
3. Вій	20 к.	10. Ночь предъ Рождествомъ.	20 к.
4. Майская ночь или утопленница.	15 к.	11. Женитьба (соверш. невѣроятное событіе)	20 к.
5. Сорочинская ярмарка.	15 к.	12. Шнелъ	15 к.
6. Ночь	10 к.	13. Заколдованное мѣсто	10 к.
7. Страшная мѣсть.	20 к.	14. Ревизоръ	40 к.

Выписывающіе отъ 1—3 брошюръ прилагаю за перес. заназн. бандеролью 15 коп. „ 4—8 „ „ „ „ „ 25 „ „ 9—13 „ „ „ „ „ „ 40 „

Выписывающіе одновременно не менѣе 14 непосредственно изъ КОНТОРЫ ИЗДАНИЙ А. Ф. МАРКСА, СПБ., Невскій, 6,— за пересылку не платятъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Заявленіе.—Стихотвореніе Р. Н. (съ рис.).—Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).—Литературныя бесѣды. „Дворянское гнѣздо“, ром. Тургенева.—Названный Ибрагимъ Турецкій разсказъ.—Новыя наблюденія въ области самоубійствъ животныихъ. Очеркъ Г. С. Вольте. —Къ рисункамъ: Енатерининскій каналъ (съ рис.).—Бабушкинъ праздникъ (съ рис.). — Татарія (съ рис.). — Другъ въ нуждѣ (съ рис.).—Продащица цвѣтовъ (съ рис.).—Итальянскій король Гумбертъ I и королева Маргарита (съ 2 портр.).—Землетрясеніе на островѣ Занте (съ рис.).—Государственный переворотъ въ Сербіи (съ 3 портр.).—Разныя извѣстія.—Политическое обозрѣніе.—Научныя и техническія новости.—Искусство. С.-Петербургская консерваторія.—Рѣшенія задачъ. Объясненія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

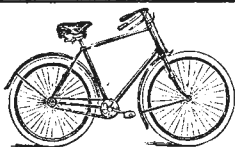

Гейрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“
Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—6
велосипед. „Орель“.
На всемірной вл гавкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Иллюстр. прейс-курантъ за 10 коп. марку.

Вышло новое издание Ф. ПАВЛЕНКОВА:

УСТАЛОСТЬ.

Популярно-научная бесѣда Профес. А. МОССО. Перев. съ итальянскаго М. Манассеиной. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к. Продаётся во всѣхъ книжн. магазинахъ. Главн. складъ въ книжн. магазинѣ П. Луконникова (СНБ), Лешукъ пер., д. № 2). Мт. № 6374

Знаменитые велосипеды

„ДИАНА“ и друг.

предлагаютъ торговый домъ

ПОПОВА и К°.

Москва, Знаменка, домъ № 17-й.

Ильинка, д. Троицкой Лавры. 2-2

Прейс-куррантъ высылается безплатно.

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придающие неправильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, вынимаются за 1 р. 10 к. шт. съ наложен. платежемъ. Адр.: въ Москву У. Пильца.

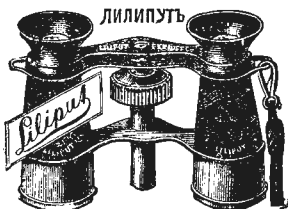
КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФІИ А. КОССОДО.

Методъ премированъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52-14

За 2 семикопѣечныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

МИНИАТЮР. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

Безъ френъ и фарнъ. Клейма подлинныя.

со штурк. въ замшевомъ кошелкѣ. 8 р. 50 к. съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. „Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманъ жилета или между пуговицами мундира и нисколько не мешаетъ, какъ для похода, охоты, путешествія или театра, больше и тяжелѣе бинокли. 2-1

Е. КРАУСЪ и К°.

Специальн. фабр. оптич. инструментовъ Парижъ. Rue de Bondy, 32. Единственный складъ для Россіи С.-Петербургъ, Мойна, № 42. Иллюстр. преис-кур. оптич. и фотогр. прибор. высл. каждый за семи-коп. поч. марку.

4711

О-ДЕ-КОЛОНЪ.

СЪ ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫМЪ ЯРЛЫКОМЪ 2 1

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

Требовать: ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫЙ ЯРЛЫКЪ.

!!ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛЮКЪ!!

НОВАЯ КНИГА У ЗЕМСКАГО,

книгопродавца, въ Россійскомъ центральномъ книжномъ магазинѣ въ Москвѣ, въ зданіи „Славянскаго Базара“, на Никольской улицѣ.

НОВАЯ ВЕСЬМА РѢДКАЯ И ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ КНИГА.

Книга эта одна изъ тѣхъ рѣдкихъ, крайне важныхъ и полезныхъ книгъ, въ которую положены великіе трактаты жизненныхъ началъ глубинныхъ истинъ и вопросовъ, съ которыми приходится всѣмъ и каждому сводить итоги и постоянно считаться съ ними въ отношеніи высшихъ нравственныхъ цѣлей, подъ названіемъ:

ВЕЛИКІЕ ПРИНЦИПЫ

И ТРАКТАТЫ О ВАЖНЫХЪ ВОПРОСАХЪ И О КОПЕННЫХЪ ИСТИНАХЪ И НАЧАЛАХЪ МУДРОСТИ.

ВЫСШІЙ И НРАВСТВЕННЫЙ ВЕЛИКІЙ ПУТЬ

КЪ УМУ, ЭНЕРГІИ И ГЕНІАЛЬНОСТИ.

Мысли великихъ писателей,

Сильная воля, Твердость характера, Непокосимость долга, Высшая справедливость, Даръ слова и Практическая высокая способность, Гражданскіе подвиги, Нравственная начала, Мудрые совѣты отъ МУДРЫХЪ.

Соч. Тайлоръ, Смайльсъ, Спенсеръ, Вольтеръ, Руссо, Рабле, д'Израэли, Бэнъ, Гладстонъ, Сидней, Смитъ, Карлейль, Мишлэ, Миль, Паскаль, Боня, Дарвинъ, Нэри, Прудонъ, Дреперъ и Льюисъ.

Собран. и издан. трудами А. М. ЗЕМСКАГО, подъ редакц. Бострема, 4-е изданіе съ большими дополненіями. № 6368
Цѣна МОСКВА, 1892-93. 2 руб.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
ДРА ЛЕНГИЛЯ
въ ВѢНѢ
для БЛИЗКИХЪ СМЯГЧЕНІЯ
и ЧИСТОТЫ
КОЖИ, ЛИЦА
и РУКЪ

Придаетъ Кожи Свежей Видъ,
рекомендуется какъ
Хорошее Туалетное Мыло

НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ
ВАСИЛИЯ АУРИХЪ въ С.ПБургѣ
ЕДИНСТВЕННОГО АГЕНТА
для Россіи.

L'ILLUSTRATION EUROPÉENNE

Journal international de la famille 16 pages grand format. Deux N-ос colories de 24 pages (Eté et Noël) par an. Abonnement 6 roubles par an pour la Russie. Le meilleur moyen d'entretenir l'usage de la langue française dans les familles. N-о specimen contre envoi d'un timbre de 10 kopecks à l'Éditeur, Bruxelles, Belgique. № 6363

ЗА ГРАНИЦУ!

Въ книжн. магазинахъ продается: **РУССКІЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ.** Слова и разговоры на русск., англійск., франц. и нѣмецкомъ яз. 11-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЪ.

ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. англ. и кестер. магазинахъ. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р 50 к. безъ перес. № 6260 (5)

Провизоръ Кинуненъ.

Просятъ обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона. Провизоръ Кинуненъ.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Н. АНИЧКОВОЙ.

Всеса. Въ провинціи, Дѣдушка Павелъ, Крестынская семья. Продаются во всѣхъ книжн. магазинахъ (С.-Петербурга, во всѣхъ большихъ городахъ Россіи и по всѣмъ станціямъ желѣзн. дорогъ. Ц. 1 рубль.

ГЛАВ. СКЛАДЪ МОСКВА
у Л. Я. СТОЛКІНА.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛЮКЪ

КРУПНИКЪ
для УНИЧТОЖЕНІЯ
КРЫСЪ и МЫШЕЙ
ПРОФ. ФРОНШТЕЙНЪ
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
по 30 и 50 к.

ФУРКАСОВС. ПЕР. Д. ОБИДИНО

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОДЪ
УДОСТОЕННЫЙ
СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛОЮ
НА ВСЕРОСС. МОСКОВС. ВЪСТАВЛ. 1892

А.С.У.К.О.
ПАРФЮМЕРІЯ
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
МОСКВА.

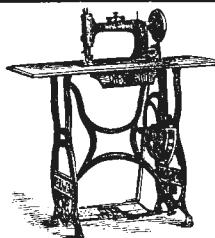
Прейс-куррантъ высылается безъ платно.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14-9

НЬЮ-ГОМЪ

оригинальная, американская усовершенствованная

ШВЕЙНАЯ МАШИНА

къ „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжъ (Шт. Массачусетс, Сѣв. Америка) пользуется всемирною извѣстностью; проста, прочна, изящна; отличается: высокими рукавомъ, новымъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-мя итками шпую строчку; употребляетъ прямоту (а о-вставляющуюся (безъ мѣрки) иглу; годна для домашняго и ремесленнаго употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей кисеи до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ 5 ЛѢТЪ.

Прейс-куррантъ и описаніе по требованію. Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовъ. Главн. представитель для всей Россіи: Высоч. утвержд. Товарищество „Работникъ“. Ш. № 6248 Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ. 10-10

„КАПРИЗЪ НЕВЫ“ ДУХИ — „Капризъ Неви“ О-ДЕ-КОЛОДЪ „Капризъ Неви“ МЫЛО — „Капризъ Неви“

„Мюсъ“ Духи ПОСЛЕДНІЯ НОВОСТИ „Мюсъ“ Мыло С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ И О-ДЕ-КОЛОДЪ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются прекрасными достоинствами и изготовлены для выставки въ ЧИКАГО. Ц. № 6281 15-5

СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9. Москва, Никольская, д. Шереметева. Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46,

рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе вышшаго качества и въ богатой уа-ковъ парфюмеріи

„BOUQUET RUSSE“.

Духи ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. ТуАЛЕТНОЕ МЫЛО Сапе.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парижскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (25)

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году.

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26-1

въ особенности на ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ

право пользования которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

**3-й
ВЫГРЫШ-
НЫЙ**
(Дворянскій) заемъ,
1 мал тиражъ, про-
даетъ на условіяхъ
дешевыхъ и добросовѣстныхъ

**БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**

59, Невскій, С.П.Б. (4-4)

1 марта с. г. на билетъ II займа
сер. 02031 № 25, купленный въ Банк.
Домъ съ задаткомъ 20 руб., палъ
выиграться въ 5000 рублей.

КАТАЛОГЪ
на 1893 г.
АНГЛИЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
старѣйшей фабрики
компаніи **РУДЖЪ** Ковентри
съ новостями на 1893 годъ.
Представители для всей Россіи
Ц. № 62-9 торговый домъ 8-7
АБАЧИНЪ И ОРЛОВЪ.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.

**ГЛИЦЕРИНОВОЕ
МЫЛО** № 593
(8)
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для избѣжности лица. Цѣна 50 ноп. Остере-
гаться поддѣлокъ. Требовать под-
писи **А. ЭНГЛУНДЪ** красными черни-
лами. Подучать можно во всѣхъ извѣст-
ныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ
торговляхъ Россійской Имперіи.

**EAU, PÂTE, POUDDRE
DENTIFRICES**

DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

КУЗЬМИЧЕВСКАЯ ТРАВА.

Смолистый хвойникъ, по 1 р. ф. Отборная,
съ корнями по 2 р. ф. безъ пересылки. На-
ставленіе при посылкѣ палож. плат. Складъ
хвойника Инк. А. Тетюхина, въ Бузулукѣ,
Сам. губ. Ницу агентовъ. № 6370 иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

ЖЕНЩИНЫ и ДЮЗНИИ
имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которою печатается

**ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (5)**
Специалистъ хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр. № 52
прот. Имп. Публ. Библиотекъ.
Подробный иллюстр. прейсъ-
курантъ по востреб. безплат-
но. Пересылка на счетъ ма-
газина. Ручательство на 2 года. № 6383

КУЗЬМИЧЕВСКАЯ ТРАВА.
Смолистый хвойникъ, рѣдкость, съ выгодой по
2 р. ф. Боровая, майскаго сбора по 1 р. ф.
безъ перес.; съ подробн. наставл.; лудами
уступка. Бузулукъ, Самарской губ. Г. А.
Хохловой. Высылаю и палож. платежей.

УДОЧКИ
и всѣ вообще принадлежности для рыб-
ной ловли получены изъ Англій въ боль-
шомъ выборѣ въ маг. С. И. Дойнинова
Невскій просп., № 27.
Милотинъ рядъ, № 27.
С.-Петербургъ.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ ры-
боловныхъ принадлежностей
высылается безплатно.

**PARFUMERIES
aux
Violettes de Parme
ED. PINAUD**

Savon.... aux Violettes de Parme
Essences... aux Violettes de Parme
Huile... aux Violettes de Parme
Poudre de Riz aux Violettes de Parme

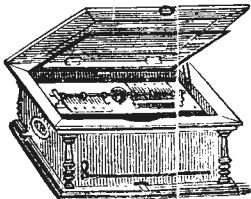
37, BOULEVARD de STRASBOURG
PARIS

GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

СИМФОНІОНЫ.

То тону подходить къ швейцарскимъ музыкальнымъ инструментамъ; вмѣсто вады у нихъ стальные нотные листы, которые легко мѣняются.

Съ ручной, безъ нотъ, 6 р. Ноты по 35 к.
Заводной, безъ нотъ, 16 р. Ноты по 35 к.
Заводной, 60 тонн., безъ нотъ, 30 руб.
Ноты по 60 коп.
Заводной, 84 тонн., безъ нотъ, 45 руб.
Ноты по 75 коп.
Заводной, 84 тонн., „Sublime Harmonie“, безъ нотъ, 80 р. Ноты по 1 руб.
Заводной, 100-тонный, „Sublime Harmonie Piccolo“, безъ нотъ, 125 р.
Ноты по 1 р. 50 коп.

Новости! Часы съ музыкой (съ механизмомъ 100-тоннаго симфоніона), безъ нотъ, 250 руб. Ноты по 1 р. 50 коп
Каталоги нотъ для этихъ инструментовъ и иллюстрированный прейсъ-курантъ — курантъ безплатно.

Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.
По получении заказа приблизительно 1/3 стоимости заказа требуемое высылается съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Leichner's Fettwunder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль! В. № 6258 10—4

Театральная гримировка!
Жирная румяна, бѣлѣла. Карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Страховые билеты Общества „Россія“ выдаются во всѣхъ агентствахъ Общества и также на вокзалахъ Главныхъ станцій желѣзныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣздовъ.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, „ло В. Лубянкъ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

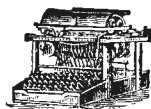
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Шведскій зубной эликсиръ . . . фл. 80 к.
Шведскій зубной порошокъ . . . кор. 50 к.
Шведская зубная паста . . . кус. 30 к.
Шведская амиссовая вода . . . фл. 75 к.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.
Главный складъ: Демядовъ пер., № 1. С.ПБ.

Парфюмеръ І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ПИСУЩАЯ МАШИНА 25-13

РЕМИНГТОНА № 5

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 5999
Единственный складъ для всей Россіи:

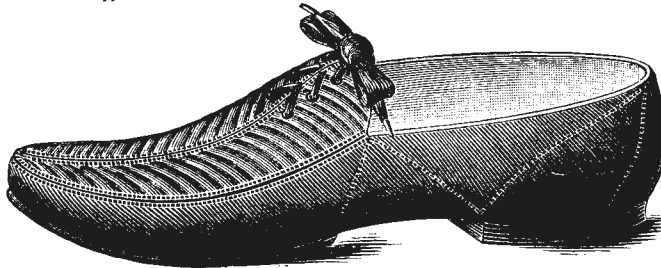
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрац. письменно: Генрихъ Блюнкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12—4

Введенныя нами въ продажу лѣтнія полуботинки „ЛЕГКІЕ СКОРОХОДЫ“

ЧЕРНЫЕ, КОРИЧНЕВЫЕ И ЛАКИРОВАННЫЕ ДЛЯ МУЖЧИНЪ, ДАМЪ И ДѢТЕЙ

заслужили неожиданное одобреніе, а также и громадный спросъ на нихъ со стороны публики не далъ намъ возможности удовлетворить всѣхъ торговцевъ и поэтому много желающихъ имѣть эту превосходную для лѣта обувь должны были остаться безъ таковой; вслѣдствіе чего мы просимъ заказывать оную заблаговременно, потому что заказы будутъ нами изготовляемы по очереди ихъ вступленія, такъ что

кто поздно закажетъ, — поздно получитъ.

Благодаря особенностямъ постройки, соответствующимъ новѣйшимъ возрѣніямъ на счетъ механики движенія суставовъ стопы, полуботинки предлагаемаго образца соединяютъ въ себѣ всѣ преимущества, какъ по отношенію къ требованіямъ, дающимъ возможность нѣшеходу совершать болѣе продолжительные переходы, безъ ущерба для себя, такъ и для дѣлности обуви. „Легкіе Скороходы“ предохраняютъ ноги въ жаркое время отъ потѣнія, не жмутъ, даютъ имъ возможность нормально развиваться и не теряютъ фасонъ.

„Легкіе Скороходы“ рекомендованы всѣмъ любителямъ удобной обуви.
№ 6371 ТОВ. С.ПБ. МЕХ. ПРОИЗВОД. ОБУВИ.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ ИСКУССТВЕННЫМИ БРИЛЛІАНТАМИ:

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6289 10—8
№ 358. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к. **БАЗАРЪ МАРКЪ**
№ 503. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к. С.-Петербургъ,
Товаръ пересылаю наложеннымъ платежомъ. Невскій просп., № 20—31.

PAPIER FAYARD et BLAUN

Иластрир. бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требовать съ этикетками Fayard et Blau. Имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. №5983 (16—16)

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА ПРОВОЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.

Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссъ букетъ Желтой клубъ	Віолетъ де Парма	Бѣлая роза
Букетъ Императрицы	Резеда	Милль-Флеръ
Илангъ-Илангъ	Люби меня	Акація
Майскій-Ландышъ	Степелъ букетъ	Гладиоль
Бѣлая геліотропъ.	Ірисъ	Кіоссъ ме нивіа
Бѣлая лилія	Эдельвейсъ	Испанская роза
Сирень перс.	Жасминъ	Свѣжее сыно
Левкой	Онопонакъ	Черемуха
Фалана	Шипръ	Lilas Henri
	Букетъ де Царь	Lotus.

Пробные флаконы высылаются не менѣе 10 флаконовъ за 1р. 40к. съ пересылкой во весь городъ Россіи. (кром. Сибіри.)

Р. Глезеръ въ Ригѣ

фабрика карандашей, грифель и т. п. Прейсъ-курантъ высылается безплатно, коллекція образцовъ за 1 рубль марками. Самая дешевая фабричная цѣна.

АГЕНТЫ ТРЕБУЮТСЯ

въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціи для продажи галантерейныхъ товаровъ.

Предложенія адресовать: Варшава, Почтовая контора, „О. Г.“ до востребованія. На отвѣтъ присылать семикопѣечную марку.

Schlesischer Obersalzbrunnen

Первоклассный алыкалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылается по почтѣ безплатно.
Контора отправки нѣмецкихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ.
ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10—1 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 6873

П. № 6302 13—7

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К°. Лмтд.“ лучше въ свѣтѣ!
предлагаетъ торговый домъ **Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.**
Москва, Неглинный просп., домъ Ечкиной.
Прейсъ-курантъ — безплатно.

XXIV г.

№ 18

г. XXIV

1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и листъ чертѣж. ВЫКРОЕЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № безъ Сборника 20 к., съ перъ 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

<p>ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строну нонпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. — Загран.: для Франціи у Agence Navas по 3 fr.; для Австр., Герман. и Швейц. у Ri- dolf Mosse по 2 марки 50 pf.</p>	<p>Безъ доставки въ Петер- бургъ 5 р.</p>	<p>Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.</p>	<p>ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ тор- говыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію</p>
	<p>Съ доставкою въ Петер- бургъ 6 р. 50 к.</p>	<p>Съ пересылкой въ Москву и другіе го- рода Россіи 7 р.</p>	
<p>За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.</p>			
<p>На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.</p>			
<p>На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.</p>			

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА МАЙ.** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** за МАЙ 1893 г. съ 36 рис. и отд. лист. съ 30 черт. выкр. въ натур. велич. и 45 рис. руководѣльных работъ.

Пейзажъ. Карг. Ольдъ-Кромъ, автотипія Ангерера и Зигель.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

XI.

Factum — fatum est.

Около двухъ мѣсяцевъ провелъ Сень-Жерменъ въ Кенигсбергѣ, и, въ продолженіе этого времени, не только измѣнилась самая жизнь Артемія, но и внутреннее его состояніе стало инымъ. Онъ словно росъ съ каждымъ днемъ, съ каждою новою бесѣдой съ этимъ удивительнымъ человѣкомъ, взявшимъ его подъ свое покровительство.

Они видались часто, и съ истиннымъ удовольствіемъ ходилъ Артемій каждый разъ въ маленькій домъ за Прегелемъ.

Здоровье его окончательно поправилось, опять-таки благодаря графу, который самъ давалъ ему лѣкарство.

Объ расформированіи Тарасовскаго полка не было и рѣчи послѣ того, какъ зпаня его было найдено.

Напротивъ, теперь тарасовцы комплектовали свой полкъ подходящими изъ Россіи новобранцами. Артемій вмѣстѣ съ дядей-капраломъ усердно занимался подготовленіемъ и обученіемъ ихъ, распредѣляя занятія по службѣ между чтеніемъ книгъ, которыя давалъ ему Сень-Жерменъ, и бесѣдами съ графомъ.

Мало-по-малу изъ тѣхъ незнакомыхъ прежде Артемію молодыхъ людей, которыхъ онъ увидѣлъ первый разъ, въ день пріѣзда графа въ Кенигсбергъ, составилъ тѣсный кружокъ, связанный взаимною дружбой, и центромъ этого кружка сталъ, разумѣется, Сень-Жерменъ. Благодаря своему образованію, Артемій, несмотря на свой сержантскій мундиръ, былъ тутъ вполне равноправнымъ...

Впрочемъ, со-дня-на-день ждали его производства въ слѣдующій, капральскій чинъ.

Болѣе другихъ Артемій сошелся съ Орловымъ, и болѣе другихъ сожалѣлъ поэтому, когда стало извѣстно, что Орловъ вмѣстѣ съ Зиновьевымъ будетъ сопровождать въ Цесербургъ взятаго въ плѣнъ въ сраженіи при Цорндорфѣ адъютанта Прусскаго короля — Шверина.

Торичіоли тоже совсѣмъ измѣнился. Артемію невольно стало смѣшно, когда итальянецъ, не знавшій, разумѣется, чьихъ рукъ это дѣло, и не подозревавшій даже о присутствіи въ Кенигсбергѣ графа Сень-Жермена, пришелъ съ извѣстіемъ, что онъ разочаровался въ своихъ опытахъ.

— Но вы не безпокойтесь относительно вашихъ денегъ, сказалъ онъ Артемію, — я вамъ верну ихъ — будьте совсѣмъ, совсѣмъ спокойны — подождите немного, и я стану все-таки очень богатымъ человѣкомъ...

„Ну, вотъ онъ сейчасъ станетъ говорить про свое открытіе...“ подумалъ Артемій, и не ошибся.

— Вы знаете, продолжалъ Торичіоли, — я перешелъ отъ алхиміи на чистую химію и сдѣлалъ одно весьма важное открытіе... Теперь вся штука въ томъ, чтобы добиться привилегіи на него отъ русскаго правительства, и тогда мое состояніе обезпечено... Тогда я примусь за исполненіе своего плана..

— Вы думаете добиться этого здѣсь? спросилъ Артемій, напередъ уже зная, что ему отвѣтятъ.

— Не думаю. Придется, вѣроятно, ѣхать въ Петербургъ. На это дѣло я достану хоть сейчасъ средства...

„Такъ, такъ и есть!“ опять подумалъ Артемій, и странно было ему слышать такой близкій и до смѣшного вѣрный откликъ расчетовъ графа.

„Боже мой, какъ люди просты, удивлялся онъ, — и какъ легко управлять ими...“

Съ нескрываемымъ восхищеніемъ рассказалъ онъ графу свой разговоръ съ Торичіоли.

— Васъ это удивляетъ? равнодушно спросилъ тотъ.

— Теперь — нѣтъ, но если бы это было раньше, конечно, оно показалось бы мнѣ поразительнымъ.

— Нужно умѣть, отвѣтилъ графъ, — сдѣлать расчетъ такъ, чтобы онъ совпадалъ съ необходимыми слѣдствіями фактовъ, и тогда нельзя ошибиться. Нужно изучить логику событій, которыя слѣдуютъ одно за другимъ въ вѣчной и неизмѣнной послѣдовательности. Я не про Торичіоли, разумѣется, говорю — расчетъ относительно его былъ слишкомъ ясенъ и простъ. Но во всемъ одинъ высшій разумъ направляетъ все. Каждый случившійся фактъ неизбѣженъ, какъ предопредѣленіе, но это предопредѣленіе — слѣдствіе законовъ высшаго разума...

Артемій давно уже научился понимать, или, вѣрнѣе, отгадывать скатый языкъ своего учителя, но слова Сень-Жермена о предопредѣленіи смутили его, и онъ невольно подумалъ о фатализмѣ.

— Нѣтъ, это не фатализмъ, сказалъ графъ, имѣвшій способность, которую Артемій зналъ и любилъ въ немъ — отвѣчать во время разговора не только на слова, но и на мысли своего собесѣдника. — Нѣтъ, это не фатализмъ. Фатализмъ былъ бы въ томъ случаѣ, если-бъ человѣку, при его рожденіи, заранѣе опредѣлялась судьба, отступитъ отъ которой онъ не имѣетъ возможности, какъ вѣрятъ магометане... На самомъ дѣлѣ, человѣкъ вполне способенъ сдѣлать изъ своей жизни все, что онъ вздумаетъ, но высшій, всевѣдущій разумъ предвидитъ заранѣе его дѣянія. Вотъ и все. Если кто-нибудь сказалъ бы про васъ, когда вы вдали въ свою алхимію, что вы сойдете съ ума, потому что вы на пути къ тому — и, дѣйствительно, вы лишились разсудка... Значило бы это, что вы лишились разсудка потому именно, что про васъ сказали такъ?.. Нѣтъ. Но про васъ сказали такъ потому, что вы стояли на пути къ сумасшествію. Справедливость не есть то, чего желаетъ Господь, но Господь желаетъ только того, что есть справедливость...

Пробывъ въ Кенигсбергѣ два мѣсяца, графъ Сень-Жерменъ простился съ новыми своими друзьями. Онъ сдѣлалъ все, что ему нужно было сдѣлать тутъ, и ѣхалъ обратно въ Парижъ.

Графъ всегда путешествовалъ одинъ, и никто не зналъ, какимъ образомъ совершаются эти его значительныя путешествія съ одного мѣста въ другое, но никогда онъ не пропустилъ назначеннаго имъ срока, и никогда не бывалъ въ дорогѣ дольше, чѣмъ нужно было для самаго скорого переѣзда.

И на этотъ разъ Сень-Жерменъ явился въ Парижъ ровно черезъ столько времени, которое оказалось необходимымъ, чтобы пара лошадей, нигдѣ не останавливаясь, провезла его карету отъ Кенигсберга до столицы Франціи, словно ни несприятельской арміи, ни дорожныхъ случайностей, ни дорожныхъ преградъ для него вовсе не существовало...

Въ Парижъ пріѣхалъ онъ въ двѣнадцать часовъ, а въ половинѣ перваго сидѣлъ уже въ гостиной принцессы Цербтской, безъ тѣни усталости въ лицѣ, веселый, разодѣтый, блестя брильянтами и кружевами, какъ будто часа три, по крайней мѣрѣ, былъ уже занятъ сегодня своимъ туалетомъ.

— И неужели, графъ, говорила принцесса, обрадованная пріѣздомъ его, — неужели вы, только что кончивъ ваше длинное путешествіе, чувствуете себя такъ же хорошо и бодро, какъ мы, другіе, не можемъ себя чувствовать даже послѣ вечера или бала, проведеннаго наканунѣ?..

— Какъ видите, принцесса...

— Ну, я очень рада васъ видѣть. Хотите знать парижскія новости?.. Я сейчасъ расскажу вамъ ихъ.

— Главная из нихъ, принцесса, та, что маркизь Шуазель занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ?

— Вы знаете это?

— Я думаю, и другія, менѣе важныя, тоже... извѣстны мнѣ... Вы, конечно, знаете послѣдній разговоръ маркизы...

Принцесса открыла большіе глаза.

— Какой разговоръ? спросила она.

И графъ съ обычною своею спокойною улыбкою сталъ рассказывать ей весь разговоръ, который она, бывшая все время въ Парижѣ, не знала еще.

— Ну, я вижу, протянула она,—что вамъ не только извѣстно то, что и мнѣ, но даже больше... Положительно, вы необыкновенный человѣкъ!..

— Развѣ такъ необыкновенно знать, чтѣ случается въ столицѣ міра, какъ называютъ Парижъ?.. отвѣтилъ графъ.

— Нѣтъ, но оно, конечно, досадно... Я думала сама удивить васъ... Впрочемъ, у меня есть для васъ вещь, которая, можетъ быть, поразитъ васъ... Помните, бумага, которую вы мнѣ дали передъ вашимъ отъѣздомъ въ ложѣ, въ театрѣ?..

— Я никогда ничего не забываю, принцесса.

— Да, ее долженъ былъ подписать этотъ богатъ, старая развалина, маркизь Каулуччи... Такъ вы просили?..

— И онъ подписалъ ее?..

— Вы и это знаете?

— Нѣтъ, принцесса, но предполагаю только—это зависѣло отъ васъ, а я увѣренъ, что если вы пожелаете, то все будетъ такъ, какъ вы захотите...

— На этотъ разъ ваша любезность справедлива, графъ,—бумага подписана... Маркизь Каулуччи давалъ намъ балъ, онъ, дѣйствительно, ведетъ въ Парижѣ широкую жизнь... Онъ долженъ быть страшно богатъ...

И, говоря это, она встала со своего мѣста, подошла къ письменному столу со шкапиками розоваго дорогаго, съ инкрустаціями, дерева, достала оттуда сложенную бумагу и протянула ее графу.

— Вотъ она, и надпись маркиза красуется на ней, добавила она.—Довольны-ли вы мной, графъ?

— Я не знаю, какъ благодарить вашу свѣтлость, тѣмъ болѣе, что случилось то, что я предполагалъ—самъ бы я не могъ добиться этого.

— А что?

— Маркизь Каулуччи сегодня умеръ въ ночь.

Принцесса остановилась пораженная.

Это была уже вторая новость, которую ей сообщалъ этотъ только что пріѣхавшій въ Парижъ человѣкъ.

— Ахъ, это ужасно! проговорила она.—Я его вчера только видѣла...

И она грустно задумалась, ощущая то особенно неприятное чувство, которое испытываетъ человѣкъ при извѣстіи о внезапной смерти кого-нибудь, съ кѣмъ говорилъ и кого видѣлъ наканунѣ.

Графъ замѣтилъ это ощущеніе и, чтобы отвлечь его, спросилъ принцессу, какимъ образомъ была подписана бумага.

— Вы мнѣ столько оказали услугъ, графъ, отвѣтила она,—что мнѣ было пріятно постараться исполнить вашу просьбу—и я ее исполнила. Какъ?—не все-ли вамъ равно... Случай помогъ мнѣ... вотъ и все. Но какой случай—пусть останется моею тайной...

Графъ не разспрашивалъ дальше. Онъ умѣлъ уважать чужія тайны.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Давнишніе пріатели.

Конецъ весны 1762 года стоялъ надъ Петербургомъ не только теплый, но жаркій, какой часто бываетъ здѣсь, когда солнце, словно предчувствуя, что спрячется лѣтомъ за сѣрыя облака дождливыхъ дней, сѣ-

шить нагрѣтъ наступившій за зиму воздухъ и порадовать людей своими ласковыми, теплыми лучами.

— Ишь денекъ какой для пріѣзда выдался свѣтлый! говорилъ князь Андрей Николаевичъ Проскуровъ, расхаживая по не совсѣмъ еще оконченнымъ устройствомъ комнатамъ новаго своего дома на рѣкѣ Фонтанной.

И этотъ свѣтлый день, какъ счастливое предзнаменованіе, радовалъ его, не нарушая внутренняго довольства, которое онъ испытывалъ теперь, а, напротивъ, соответствуя ему... Доволенъ былъ князь и новымъ домомъ своимъ, и Петербургомъ, сильно измѣнившимся къ лучшему, отстроившимся за тѣ долгіе годы, въ продолженіе которыхъ онъ не былъ здѣсь; пріятно было ему сознание оконченной длинной дороги, но самое важное, почему было весело и хорошо теперь на душѣ князя Андрея Николаевича, заключалось въ томъ, что, наконецъ, онъ, проведшій такъ много времени въ деревнѣ, въ глуши, былъ призванъ теперь въ столицу...

И, главное, онъ никого не просилъ объ этомъ, ни къ кому не обращался, а продолжалъ себѣ смирно сидѣть въ своемъ Проскуровѣ, и вотъ дождался наконецъ...

„Да, да, наступили свѣтлые дни!“ думалъ онъ, поглядывая и тоже радуясь тому, какъ дворня, подъ предводительствомъ стараго Ивана Пахомыча, ловко и споро работаетъ надъ устройствомъ его будущаго жилища, и жилище это быстро принимаетъ видъ роскоши, достойной для пріема не только кого угодно, но даже самого государя.

„Даже самого государя!“ самодовольно улыбнулся Проскуровъ, нарочно долѣе останавливаясь на этой мысли, какъ бы смакуя ее.

Теперь, въ своихъ занесшихся мечтахъ, онъ помышлялъ уже о пріемѣ у себя государя.

И все это оттого только, что его неожиданно вернули въ Петербургъ, со вступленіемъ на престолъ молодого императора Петра III, того самаго, котораго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, удалось князю Андрею Николаевичу принять въ своемъ Проскуровѣ.

Проскуровъ, разумѣется, не зная, что его возвращеніе случилось гораздо проще, чѣмъ онъ думалъ:

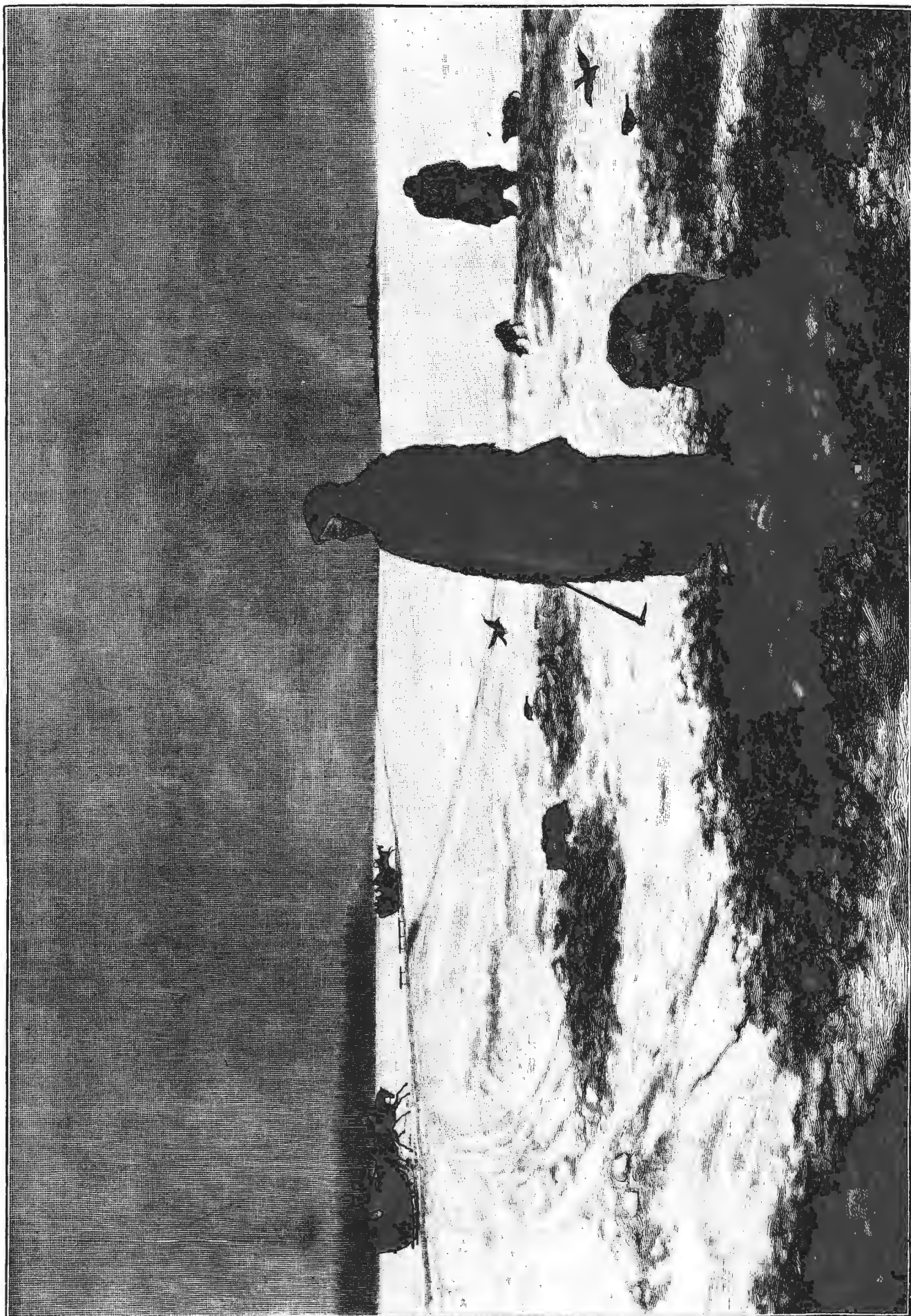
Императрица Елисавета Петровна скончалась 24 декабря 1761 года, и на другой же день рѣзко опредѣлился характеръ новаго царствованія: иностранцы Биронъ, Минихъ и Лестокъ тотчасъ же возвращены изъ ссылки. Единственно замѣтный изъ истинно-русскихъ людей, сосланныхъ, Бестужевъ-Рюминъ, сначала врагъ Екатерины, потомъ другъ, пострадавшій, главнымъ образомъ, изъ-за нея, остался не возвращеннымъ.

Но совѣтники новаго императора, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствовалъ, и не въ интересахъ которыхъ было помилованіе Бестужева, человѣка совсѣмъ противнаго имъ направленія, понимали, что имена Бирона, Миниха и Лестока слишкомъ неприятно звучатъ для русскаго слуха, чтобы ограничить милости новаго царствованія одними ими... Нужны были еще какіе-нибудь пострадавшіе, но такіе, однако, которыхъ возвращенія бояться было бы нечего.

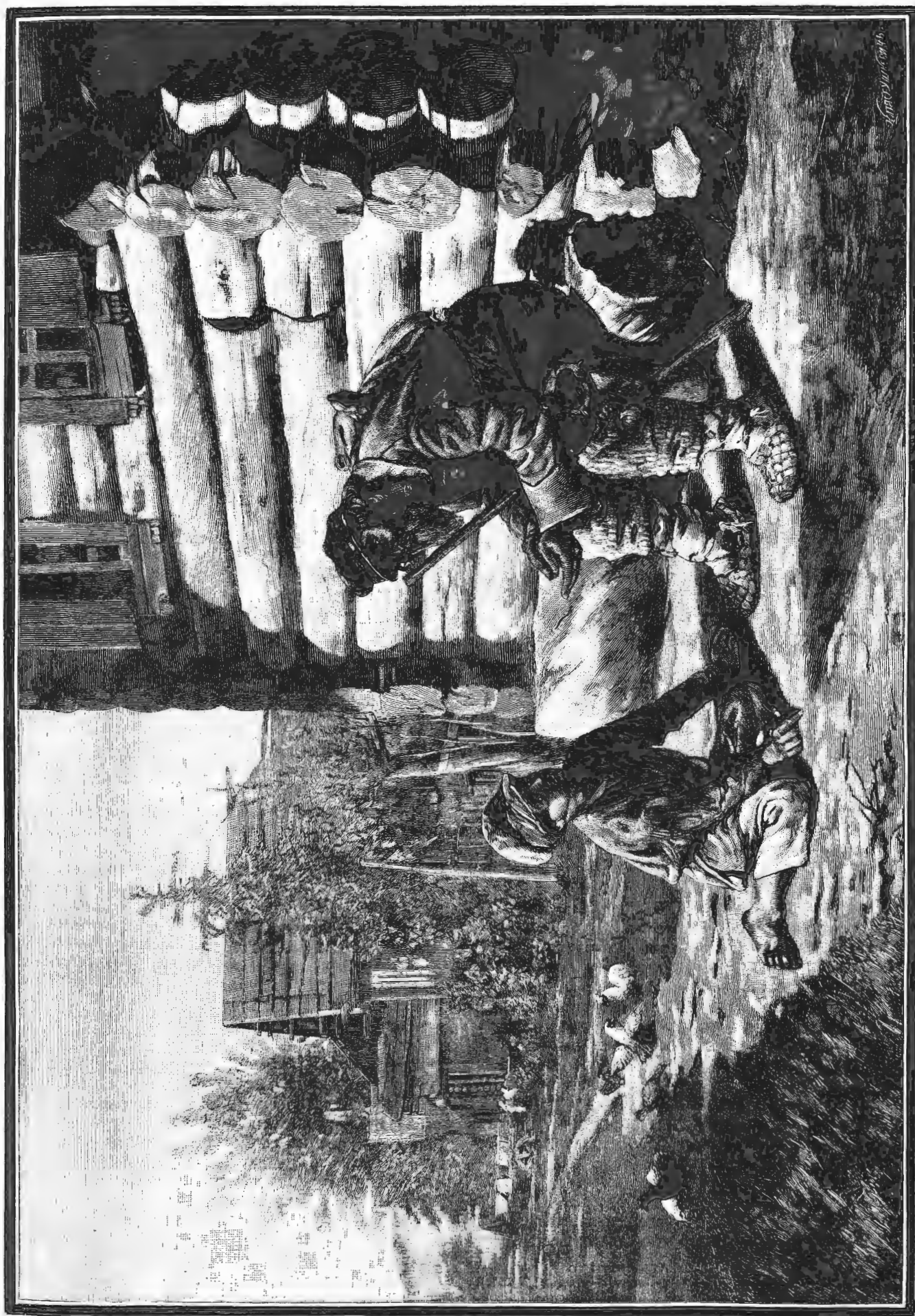
Князь Проскуровъ, вѣчный бригадиръ, вполне подходилъ подъ условія, и между прочими подобными ему вспомнили о немъ и послали указъ въ деревню князя.

Но тамъ, въ этой деревнѣ, указъ произвелъ совершенно иное впечатлѣніе.

Князь Андрей Николаевичъ рѣшилъ, разумѣется, что государь, вѣроятно, вспомнилъ о своемъ посѣщеніи Проскурова, вспомнилъ о немъ, старикѣ, и, нуждаясь въ опытныхъ совѣтникахъ (такъ думалъ старый князь), призвалъ его для дѣятельности, какъ человѣка, столько лѣтъ проведшаго въ провинціи и потому изучившаго ея нужды.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Раннее утро за городомъ“.
Съ карт. А. Котляревскаго (исключительное право воспроизведенія принадлежить „Нивѣ“), грав. Рашевскій.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Изъ прошлаго“.
Съ карт. П. Коренева (исключительное право воспроизведенія принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Пястуневичъ.

И какъ каждый мѣряетъ все на свой аршинъ, такъ и князь Проскуровъ ждалъ уже отъ новаго царствованія невѣдомыхъ благъ для Россіи, потому что самому ему, князю Проскурову, было хорошо теперь.

Перваго, кого пожелалъ видѣть князь по прїѣздѣ въ Петербургъ, былъ старикъ Эйзенбахъ.

Онъ тогда еще, узнавъ о смерти Карла на войнѣ, написалъ письмо старому барону, которое возстановило между ними прежнія отношенія.

Теперь князь Андрей Николаевичъ, призванный въ Петербургъ, думалъ, что у него сейчасъ же явятся здѣсь болѣе серьезныя, чѣмъ баронъ Эйзенбахъ, связи, что онъ будетъ представленъ государю, познакомится съ лицами, близкими ему, но на первыхъ порахъ баронъ являлся очень удобнымъ человѣкомъ, чтобы узнать отъ него поподробнѣе, какъ отъ столичнаго старожила, въ какомъ положеніи, собственно, находятся дѣла, кто имѣетъ нынче силу, кого слѣдуетъ сторониться и съ кѣмъ дружить.

И Проскуровъ, не теряя времени, въ день же своего прїѣзда послалъ сказать Эйзенбаху, что ждетъ его къ себѣ.

Положеніе барона было далеко не цвѣтущее. Разстройство денежныхъ дѣлъ и смерть сына сильно повліяли на него. Онъ опустился, постарѣлъ и пересталъ относиться къ жизни съ прежнею энергіей, чувствуя, что теперь не для кого ему стараться: тѣхъ крохъ, которыя остались у него, довольно было, чтобы кончить вѣкъ со старухой-женою, до сихъ поръ не забывшей еще потерю своего Карла, а больше этого, т. е. вотъ чтобы дотянуть остатокъ дней, баронъ ничего не желалъ.

Но извѣстію о прїѣздѣ Проскурова обрадовался онъ все-таки очень. Все-таки пріятно ему было повидать давнишняго пріятели своего и посмотреть, какимъ онъ теперь сталъ, и Эйзенбахъ поспѣшно отправился къ князю.

— Ну, здравствуй, старый, встрѣтилъ его тотъ съ распростертыми объятіями.—Ты меня извини, не прибрано еще, ну, да для друзей ничего...

Они обнялись и крѣпко поцѣловались.

Князь Андрей Николаевичъ, въ особенности, въ сравненіи со старикомъ-барономъ, казался такимъ молодцомъ, что тотъ невольно удивился, глядя на его полныя, румяныя щеки и цвѣтущій, довольный видъ.

— Какимъ ты молодцомъ, однако, князь, сказалъ онъ, покачивая головою.—Ну, княжна что, здорова?

Целовко было не спросить про княжну, хотя при воспоминаніи о ней у Эйзенбаха снова, въ одинъ мигъ, поднялось все горе, которое онъ пережилъ послѣ неудачнаго сватовства сына. За этимъ сватовствомъ вѣдъ послѣдовалъ его отъѣздъ въ армію, потомъ смерть и всѣ несчастія.

Князь замѣтилъ это.

— Спасибо, голубчикъ, ничего, здорова, тоже прїѣхала, она на своей половинѣ разбирается, отвѣтилъ онъ вскользь, боясь хотя бы чужимъ горемъ разстроить свѣтлое свое настроеніе.

Онъ взялъ барона подъ руку и провелъ черезъ нѣсколько комнатъ.

— Ну, вотъ, сядемъ здѣсь, сказалъ онъ,—тутъ намъ не помѣшаютъ. Ну, рассказывай, что новаго?

— Да что, князь, отвѣтилъ, садясь, Эйзенбахъ,—вотъ прежде всего тебя поздравить надо.

Князь Андрей Николаевичъ улыбнулся.

— Да, батюшка, наконецъ-то мы дождались царствованія благого, справедливаго и мудраго; наконецъ-то мужская рука взяла Россійскій скипетръ!

Баронъ угрюмо молчалъ, видимо, относясь вовсе не такъ ужъ восторженно къ этому новому царствованію, какъ Проскуровъ.

Ему было нечему радоваться теперь. Всѣ радости

его заключались въ сынѣ, котораго отняла отъ него служба, и съ тѣхъ поръ онъ ничѣмъ не могъ быть доволенъ.

— Что же, продолжалъ Проскуровъ,—молодой государь блестяще началъ: уничтожилъ тайную канцелярію, свободу вѣры объявилъ, теперь указъ о вольности дворянской...

Эйзенбахъ вздохнулъ.

— Ты чего вздыхаешь? спросилъ, готовый уже вспыхнуть, Проскуровъ.

Баронъ зналъ и помнилъ эти его вспышки, но теперь, когда ему рѣшительно уже было все равно и онъ не нуждался ни въ чемъ, онъ не боялся болѣе этихъ вспышекъ.

— Конечно, протянулъ онъ,—*намъ* теперь лучше будетъ житься: возлѣ государя стоятъ умные нѣмецкіе люди. Король Фридрихъ—другъ ему, но въ томъ-то и бѣда, что трудно ручаться за то, что удержится все хорошее, что они сдѣлаютъ...

— Какъ трудно ручаться?

— А у насъ такъ идетъ: что сдѣлаютъ сегодня, то раздѣлаютъ завтра... Совсѣмъ, какъ говорится, славны бубны за горами.

Несмотря на долгое пребываніе Эйзенбаха въ Россіи и несмотря на его довольно правильную русскую рѣчь, въ этой рѣчи все-таки проскакивали значительныя промахи. Такъ, онъ прилагательное „тучный“ примѣнялъ только къ „небу“, когда оно бывало покрыто тучами; называлъ иногда комнату „безнечною“, если въ ней не было печки, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень любилъ, хотя и не всегда кетати, употребить чисто-русскія пословицы.

— Вотъ, продолжалъ Эйзенбахъ,—указъ о вольности дворянской: ты знаешь, какъ онъ былъ написанъ? Говорятъ, самъ государь въ сенатѣ сказалъ: „я хочу объявить вольность дворянамъ“. Сенатъ сказалъ: „хорошо“. Генераль-прокуроръ Глѣбовъ предложилъ поставить золотую статую новому императору. Сенатъ сказалъ: „хорошо“, и пошелъ съ докладомъ о золотой статуѣ. Онъ получилъ въ отвѣтъ громкую фразу, что памятника не нужно—самыя дѣла будутъ памятникомъ... А о дѣлѣ и забыли. Прошелъ мѣсяць. Императоръ пожелалъ скрыть отъ Елизаветы Воронцовой, что по ночамъ онъ кутитъ...

— Отчего именно отъ Елизаветы Воронцовой?

— Какъ отчего? а ты не знаешь? она-же первое лицо теперь...

— Вотъ какъ! Что-жъ, хороша собою?

— Графа Романа Илларионовича дочь. Нисколько не хороша и не умна вовсе.

— Такъ какъ-же это такъ?

Эйзенбахъ пожалъ плечами только:

— Ну, вотъ онъ пожелалъ отъ нея скрыть и сказалъ, что пойдетъ заниматься важными дѣлами, а самъ ушелъ кутить и заперъ Волкова, тайнаго секретаря, въ комнатѣ, вмѣстѣ съ датскою собакой, сказавъ ему, чтобы къ утру онъ сочинилъ какой-нибудь важный указъ... Ну, вотъ Волковъ сидитъ, собака на него рычитъ, а онъ думаетъ, о чемъ-же онъ будетъ писать? Думалъ, думалъ и написалъ о вольности дворянской...

— Ну, можетъ, это все и врутъ... возразилъ Проскуровъ, которому не хотѣлось вѣрить этому разсказу.

— Нѣтъ, это правда. Штелинъ, Яковъ,—рассказывалъ мнѣ, что онъ, увидѣвъ бывшаго своего воспитанника, т. е. императора нынѣшняго, за пивомъ и съ трубкой, очень удивился, а тотъ ему отвѣтилъ: „чему ты удивляешься, глупая голова! развѣ ты видѣлъ хоть одного, настоящаго офицера, который-бы не пилъ и не курилъ?“ И это постоянно: англійское пиво и вино,—вино и англійское пиво...

Князь Андрей Николаевичъ покачалъ, въ свою очередь, головою.

— Но, вѣдь, все-таки дѣла-то идутъ, сказалъ онъ.— Пока, вѣроятно, другіе дѣлаютъ... ну, а потомъ онъ образумится, въ лѣта войдетъ...

— Однако ему тридцать третій пошелъ!.. и нельзя сказать, чтобы онъ не вмѣшивался—изъ-за этого-то и идетъ такая безтолковщина, что никто въ завтрашнемъ днѣ не увѣренъ!.. Было рѣшено перевести мануфактуръ-коллегію изъ Москвы въ Петербургъ, а потомъ опять указъ: оставить коллегію въ Москвѣ. Возьми еще: 9 января уничтожены полицеймейстеры въ городахъ, а 22 марта они возстановлены, и такъ много очень... И недовольныхъ много. Духовенство и черное, и бѣлое. Черное недовольно тѣмъ, что вотчины у монастырей отняты, а бѣлое—что сыновей священниковъ забираютъ въ военную службу...

— Да, конечно—это мѣра опасная, согласился старый князь,—но что-жъ, найдутся совѣтники, которые смогутъ воздержатъ... выйдутъ новые люди...

Подъ этими совѣтниками, которые „смогутъ воздержатъ“, и новыми людьми онъ, видимо, разумѣлъ себя...

Эйзенбаху ясно было это...

— Ну, нынче и это трудно. Нынче на стариковъ иначе смотрятъ—прежде всего, всякій желающій служить долженъ идти въ военную службу... Это, говорю, чтобы на виду быть... А въ военной службѣ все на Голштинскій манеръ заведено... Не угодно-ли въ строю служить и маршировкой заниматься...

— То-есть учить, ученья производить, поправилъ князь Андрей Николаевичъ.

— Нѣтъ, самому маршировать, батюшка... Вонъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, сенаторъ, и тотъ преисправно во всѣхъ орденахъ, съ лентою, въ мундирѣ съ золотыми нашивками, со своимъ эспантономъ маршируетъ наравнѣ съ молодыми, мѣситъ грязь передъ солдатами...

— Можетъ-ли это быть? опять удивился князь.

— Да на что ужъ гетманъ—младшій Разумовскій, Кирилл—долженъ теперь держать на дому у себя молодого офицера, который учить его новой прусской экзерциціи...

Призадумался князь Андрей Николаевичъ, а что какъ вдругъ и его, стараго, то же заставить продѣлывать? и его хорошее расположеніе духа быстро стало измѣняться...

Онъ уже не съ прежнимъ удовольствіемъ, какъ началъ, продолжалъ разспрашивать о новыхъ порядкахъ, и, чѣмъ больше рассказывалъ ему баронъ, тѣмъ грустнѣе становилось на сердцѣ—по всему было видно, что время переживается переходное, что такъ, какъ прожили со дня смерти покойной императрицы, жить нельзя долго, и что держава русская находится не въ рукахъ мужа, какъ думалъ сначала Проскуровъ, но въ рукахъ тридцати-трехъ-лѣтняго ребенка, неспособнаго никогда стать не только истинно-русскимъ правителемъ, но, вообще, сдержатъ на своихъ слабыхъ плечахъ тяжелое бремя власти...

— Куда-же ты? посиди еще... сталъ удерживать князь Эйзенбаха, когда тотъ, наконецъ, всталъ, чтобы проститься.

Эйзенбахъ просилъ извинить его и отказался отъ обѣда.

— Нѣтъ, пояснилъ онъ,—мнѣ домой пора, видишь-ли—мнѣ сказали, что на-дняхъ долженъ пріѣхать изъ арміи офицеръ того самаго полка...

И баронъ не договорилъ, чаще заморгавъ глазами. Андрей Николаевичъ понялъ, что дѣло шло о полку, въ которомъ служилъ Карлъ...

— Ну, такъ вотъ, подхватилъ Эйзенбахъ, стараясь овладѣть собою,—мнѣ обѣщали прислать его ко мнѣ... и я тороплюсь, можетъ быть, онъ пріѣхалъ... до сихъ поръ я не имѣю никакихъ еще подробностей...

Эйзенбахъ заторопился, и, несмотря на уговоры князя, быстро ушелъ. Онъ и то уже засидѣлся слишкомъ долго...

II.

Мать и отецъ.

Офицеръ, о которомъ старикъ-баронъ говорилъ князю Проскурову и котораго онъ ждалъ со-дня-на-день, чтобы узнать, наконецъ, хоть что-нибудь о смерти сына, потому что до сихъ поръ, несмотря на всѣ старанія, это оказывалось невозможнымъ,—былъ присланный курьеромъ изъ арміи Артемій Проскуровскій, но Эйзенбахъ не зналъ, что это онъ, тотъ самый воспитанникъ князя Проскурова, изъ-за котораго разошлась свадьба Карла съ княжною.

Въ военной канцеляріи было извѣстно только, что теперь очередь пріѣхать одному изъ чиновъ Тарасовскаго полка, о чемъ и сообщили барону; знакомый Эйзенбаху начальникъ обѣщаль прислать курьера къ нему—вотъ все, что онъ зналъ, и до самого офицера ему никакого, собственно, дѣла не было.

Главнымъ лицомъ, черезъ кого старикъ баронъ имѣлъ постоянныя справки изъ военной канцеляріи и даже изъ самого только что образованнаго военного совѣта, былъ нѣкогда рекомендованный имъ князю Проскурову итальянецъ Торичіоли.

Теперь Торичіоли, въ продолженіе трехъ лѣтъ возившійся въ правительственныхъ мѣстахъ, чтобы провести проектъ своего усовершенствованія взрывчататаго вещества, имѣлъ въ военныхъ кругахъ нѣкоторыя связи. Дѣло откладывалось съ мѣсяца на мѣсяцъ, но Торичіоли не особенно даже беспокоился этимъ. Видимо, онъ устроился отлично и подъ шумокъ, такъ сказать, своего дѣла обдѣлывалъ разныя дѣла, получая съ нихъ извѣстный доходъ. Положеніе его въ Петербургѣ было настолько хорошо, что Эйзенбахъ удивлялся измѣнчивости судьбы. Давно-ли, кажется, этотъ итальянецъ искалъ его протекціи, когда хотѣлъ попасть къ князю Андрею Николаевичу, и вдругъ теперь барону приходится самому обращаться къ нему съ просьбами. Но не только это, и матеріальное обезпеченіе Торичіоли было, по-видимому, благодаря его ловкости, гораздо лучше теперь, чѣмъ Эйзенбаха.

Одѣтъ онъ былъ всегда прекрасно, имѣлъ возможность бывать въ томъ-же обществѣ, гдѣ и баронъ бывалъ, и главное—умѣлъ стать необходимымъ сильнымъ людямъ.

— Теперь я, говаривалъ онъ,—живу со-дня-на-день, но когда проектъ мой будетъ утверждень—тогда уже стану я богатымъ человекомъ...

Съ перемѣною, происшедшею со вступленіемъ на престолъ Петра III, хитрый итальянецъ устроился еще лучше, и хотя проектъ его все-таки утверждень еще не былъ,—но деньги уже завелись у него, и довольно большія...

Никто не зналъ, откуда онъ.

Когда Эйзенбахъ вернулся отъ князя домой—оказалось, что онъ не даромъ торопился, потому что почти вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ Торичіоли.

— Ну, что, есть извѣстія? встрѣтилъ его баронъ.—Вы не знаете, явился въ Петербургъ курьеръ изъ арміи?

Торичіоли сказалъ, что явился.

— Тарасовскаго полка?

— Да.

— Что-же, пріѣдетъ онъ ко мнѣ?..

— Вотъ видите-ли, началъ Торичіоли,—когда я сегодня утромъ пришелъ въ канцелярію (слово это онъ произнесъ съ видимымъ пренебреженіемъ, какъ человекъ привычный), то сказали мнѣ, что курьеръ пріѣхалъ, но имя его Артемій Проскуровскій...

— Ну что-жъ изъ этого?

— А то, что это тотъ самый Артемій Проскуровскій, который былъ воспитанникомъ князя, и изъ-за котораго произошла вся исторія тогда...

Старый Эйзенбахъ опустил голову.

— Вотъ оно что! протянулъ онъ.—Ну и что-жъ, онъ не хотѣлъ пріѣхать ко мнѣ...

— Нѣтъ, я отправился къ нему. Мы, вѣдь, потомъ еще встрѣчались съ нимъ въ Кенигсбергѣ — нѣ я отправился, собственно, для васъ, потому что думалъ, что вамъ едва-ли будетъ приятно в дѣть его...

— Ну? сдѣлалъ баронъ.

— Ну, и онъ мнѣ былъ очень благодаренъ. Ему уже приказали поѣхать къ вамъ, и онъ не зналъ, какъ это сдѣлать... онъ мнѣ все разсказалъ...

У двери въ это время послышалось шуршаніе женскаго платья, и старуха-баронесса, не выдержавъ, просунула въ комнату голову... Она не знала, можно-ли войти ей...

— Войди, Луиза, войди, тихо сказала ей мужъ, — вотъ Іосифъ Александровичъ привезъ извѣстіе...

Онъ, видимо, хотѣлъ подбодрить и себя, и жену, и какъ-то косо улыбнулся.

Отъ этой улыбки лицо его стало еще грустнѣе.

Баронесса вошла и, не поздоровавшись даже съ итальянцемъ, чтобы не задерживать его разсказа, чуть слышно опустила на стулъ у самой двери.

Она такъ и впиалась своими красными отъ слезъ глазами въ Торичіоли.

Торичіоли сталъ передавать то, что разсказалъ ему Артемій.

Странно, при ихъ короткомъ, впрочемъ, сближеніи въ Кенигсбергѣ, они никогда не говорили о Карлѣ. Артемій словно избѣгалъ этого.

Но теперь онъ подробно разсказалъ все, что зналъ, нарочно выставляя въ самомъ лучшемъ свѣтѣ храбрость Карла и поведеніе его подъ пулями.

Торичіоли, передавая разсказъ, разумѣется, въ свою очередь, не жалѣлъ красокъ.

— Скажите! не утерпѣлъ баронъ, — онъ былъ сержантомъ въ его ротѣ?.. Какъ это странно, какъ это странно!.. и онъ уже офицеръ теперь?..

— О, да, онъ тоже очень храбрый молодой человекъ и вполне заслужилъ свой чинъ, сказалъ Торичіоли, какъ-бы заступаясь за Артемія.

„А все не храбрѣй нашего Карла!“ подумали старики Эйзенбахи.

— Герой, герой.. шопотомъ повторялъ баронъ про сына, слушая Торичіоли.

Но когда тотъ дошелъ до того мѣста, когда Артемій увидѣлъ, какъ упалъ Карлъ и бросился къ нему — крѣпившійся до сихъ поръ Эйзенбахъ не выдержалъ и, закрывъ лицо руками, заплакалъ, какъ ребенокъ.

Баронесса не плакала. У нея слезъ не было. Она только осталась все въ той-же случайной и неловкой позѣ на стулѣ, какъ сѣла, и, казалась, забыла теперь все... забыла, что люди могутъ плакать, могутъ выразить, облегчить свое горе — только мускулы лица ея судорожно тряслись и изрѣдка вздрагивали ея худыя, тонкія руки.

Торичіоли казался тоже расчувствованнымъ и тронутымъ.

Но у него волненія хватило именно на столько времени, пока онъ сидѣлъ у Эйзенбаховъ. Долго оставаясь ему было у нихъ некогда. Онъ окончилъ свой разсказъ, сказалъ нѣсколько словъ утѣшенія, и затѣмъ, вдругъ принявъ изъ грустнаго дѣловой видъ, поднялъ брови и началъ прощаться.

Каждый часъ у него былъ теперь расчитанъ, и онъ, сдѣлавъ, какъ онъ думалъ, для Эйзенбаховъ „все, что могъ“ — поспѣшилъ дальше. Было безъ четверти два, а ровно въ два онъ уже долженъ былъ увидѣться съ однимъ изъ земляковъ своихъ, пьемонтцемъ Одаромъ, бывшимъ прежде личнымъ секретаремъ новой императрицы и теперь управлявшимъ небольшою, принадлежавшею ей, мызой въблизи Петербурга.

Торичіоли всюду умѣлъ пробраться.

(Продолженіе будетъ).

Казаки и ихъ тактика.

Послѣ разгрома Россіи монголо-татарами и въ первое время ея собиранія восточная часть южно-русскихъ степей представляла изъ себя обширную необитаемую степь, покрытую густой и высокой, въ ростъ человека, травой; но ней бродили только стада дикихъ животныхъ, а богатство почвы и всѣ дары природы этой благословенной страны лежали негронутыми. Иногда видны были тамъ шайки свирѣпыхъ татаръ, прокрадывавшіяся волчьими тропами къ намѣченной мѣстности многострадаальной русской окраины. Какъ стеной ураганъ, налетали онѣ на села и деревни русскія и, послѣ дѣлага ряда убійствъ и грабежей мирнаго населенія, отягощенные добычей и массой плѣнниковъ и плѣнницъ, возвращались къ своимъ кочевьямъ. Тяжелыя на подъемъ русскія княжескія дружины, большею частью, не успѣвали предупредить внезапнаго набѣга этихъ степенныхъ хищниковъ, которые на своихъ быстрыхъ коняхъ легко скрывались безслѣдно, распродала потомъ свой живою товаръ на рынкахъ Малой Азіи и даже Африки. Русскіе князья всѣми мѣрами старались оградить страну отъ подобныхъ опустошительныхъ набѣговъ, но трудно было бороться съ этимъ вседѣущимъ и неуловимымъ врагомъ, и потому княжескія дружины оказывались въ подобныхъ случаяхъ совершенно несостоятельными.

Очевидно, что многочисленный, храбрый и способный русскій народъ не могъ мириться съ положеніемъ такого рода и онъ нашелъ для сего средство, создавъ *казачество*. Самою силою вещей должны были выдвинуться впередъ совершенно новые элементы для борьбы съ татарами, ибо того требовали насущнѣйшіе интересы нашего отечества. Казачество создавалось и выдвинулось на политическую сцену само-собою, вслѣдствіе жизненнаго запроса даннаго періода времени.

Приволье и богатство южныхъ степей давно уже манило къ себѣ смѣлыхъ людей, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не могли усидѣть на родинѣ. Въ этомъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, самое трудное было положить начало.

Есть темныя преданія, сохранившіяся въ пѣсняхъ, что начало Донскому казачеству положено было повгородской вольницей — ушкуйниками, но это представляется сомнительнымъ.

Какъ-бы то ни было, но первый „станъ“ казачій былъ основанъ въ Раздорахъ (нынѣшняа Раздорская станица), и послужилъ ядромъ для первоначальнаго сложенія казачества. Казаки кое-какъ укрѣпили Раздоры и счастливо отбили первый нападенія татаръ, а вслѣдъ за симъ и сами стали повемногу

дѣлать набѣги. Вскорѣ молва о привольномъ и удаломъ житиѣ въ Раздорахъ стала привлекать со всѣхъ сторонъ толпы смѣльчаковъ, и поселеніе быстро возросло и окрѣпло. Казаки не были особенно требовательны въ отношеніи пришельцевъ и не справлялись о прошлой ихъ жизни, ставя непремѣнно одно только условіе — исповѣданіе православной вѣры.

Первый сильный толчокъ росту и усиленію казачества дали запорожцы-черкасы, пришедшіе изъ Запорожской сѣчи въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ и основавшіе особый городокъ Черкасскъ, неподалеку отъ татарскаго оплота — крѣпости Азова.

Это переселеніе запорожцевъ вызвано было преслѣдованіями поляковъ и введеніемъ Уши и имѣло рѣшающее вліяніе на послѣдующее развитіе и укрѣпленіе Донскаго казачества. Основавъ Черкасскъ, запорожцы начали дѣлать отчаянно смѣлые набѣги на татаръ, и вскорѣ слухи объ ихъ молодечествѣ и богатой добычѣ, которую они привозили съ собой изъ набѣговъ, стали собирать къ нимъ толпы удалцевъ и головорезовъ, исавшихъ волн и добычи. Черкасы были безшабашные гуляки и люди буйные; при безбрачій, которое они принесли изъ Запорожья, они прокучивали въ попойкахъ всю награбленную добычу, и потому въ Черкасскѣ установился веселый и воинственный образъ жизни. Молодежь, скучая суровой и строгой жизнью въ Раздорахъ, толпами устремилась въ веселый Черкасскъ и поступала въ запорожскія дружины. Казачество, видимо, начинало тяготѣть къ этому новому стану, который вскорѣ и сдѣлался средоточіемъ всей войсковой жизни.

Вторымъ сильнымъ толчкомъ къ увеличенію и укрѣпленію казачества послужило закрѣпощеніе крестьянъ на Руси. Всѣ не мирившіеся съ установившимся порядкомъ вещей, вся безпкойная и буйная молодежь, привлекаемая молвой о богатствѣ и удалой жизни казаковъ, хлынула на Донъ, входя въ образовавшіяся общества или основывая самостоятельные станы. Постепенно заселилось среднее теченіе Дона и его притоковъ съ преобладаніемъ великорусскаго племени; на нижнемъ теченіи явственно замѣчалась примѣсь малороссійскаго типа.

Низовые казаки, послужившіе ядромъ для образованія казачества, третировали нѣсколько свысока верховцевъ, называя ихъ пренебрежительнымъ „чига“.

Каждая станица управлялась атаманомъ, котораго выбирали

Юный лѣсъ, въ зеленый дымъ одѣтый,
 Теплыхъ грозъ нетерпѣливо ждетъ,
 Все весны дыханіемъ согрѣто,
 Все кругомъ и любить, и поеть....

Гр. А. Толстой.

Весенній день. Рис. Г. Нестель, грав. Гензлингеръ.

2

въ кругу, а для выбора войскового атамана ежегодно соби-
рались войсковою кругъ, гдѣ часто буйные казаки устраивали
кровавыя расправы другъ съ другомъ. Казаки занимались ры-
боловствомъ и охотой, а земледѣліе находилось въ пренебре-
женіи, и первоначально существовали даже постановленія „бить
батожемъ“ казаковъ, которые имъ занимались.

Не имѣя достаточно женщинъ въ своихъ военныхъ обще-
ствахъ, казаки приводили много плѣнныхъ татарокъ, и потому
въ нѣкоторой части низового казачества, и особенно, по жен-
ской линіи, долго сохранялись типическія черты монгольской
расы.

Казачество, постепенно окрѣпшее и сложившееся въ полу-
независимую военную республику, представляло отличный
онологъ для Россіи отъ воровскихъ набѣговъ крымцевъ. Эта
возникшая, наподобіе татарской, конница могла соперничать
съ татарами и, превосходя ихъ военными дарованіями, вскорѣ
распространила свои набѣги въ самое сердце Крымской орды.
Это была безпощадная ежедневная борьба, сопровождаемая
убійствами и грабежомъ, и потому казакъ долженъ былъ по-
стоянно находиться на сторожѣ, постоянно предупреждать
военныя хитрости врага и, въ свою очередь, возможно скрыт-
но и внезапно производить свои набѣги.

Казаки непрерывно посылали въ степь развѣзды и искали
слѣды татаръ—сакму, и развѣзды были выслѣжены, они
подвергались неминуемому уничтоженію. Вся жизнь казака
проходила на конѣ, словно онъ срастался съ нимъ, какъ цен-
тавр; постоянная же опасность закаляла его характеръ
и выработала изъ него опаснаго и смѣлаго воина въ одиноч-
номъ бою.

Вскорѣ казаки, не довольствуясь борьбой съ крымцами и
турками на сушѣ, перенесли свою дѣятельность и на море.
На небольшихъ лодкахъ, въ 10 паръ весель, они смѣло пуска-
лись въ море и грабили непріятельскія коммерческія суда, и не
задумываясь нападать даже на большіе, вооруженные артил-
леріей, военные корабли. Казачья флотилія, завидя издали
непріятельское судно, и сама не будучи видима по малымъ
размѣрамъ лодокъ, слѣдила все время за врагомъ и держалась
въ отдаленіи до наступленія ночи. Затѣмъ казаки незамѣтно и
безшумно подплывали къ судну, брали его на бордажъ, и съ
шанками въ рукахъ штурмовали судно; добычу забирали съ со-
бой, а корабль со всѣмъ въ немъ находящимся пускали ко дну.
Смѣлые набѣги свои казаки простирали до береговъ Малой
Азіи и не разъ громили Трапезундъ, Синопъ и опустошали
окрестности Константинополя. Всю захваченную добычу
вели въ войско, и здѣсь уже „дуванили“ въ общественномъ
кругу.

Эта безпощадная борьба на сушѣ и на морѣ, представляв-
шая непрерывную малую войну, глубоко повліяла на вы-
работку типическихъ чертъ характера казака и дала ему столь
оригинальный обликъ. Физическая сила и ловкость, лихое
наѣздничество, безумная, не знающая препонъ, отвага, мастер-
ское владѣніе оружіемъ и крѣпкій духъ товарищества были
отличительными свойствами прежнихъ казаковъ. Вседневная
опасность и необходимость сторожить и развѣдывать о непрі-
ятелѣ, наощрили зрѣніе и слухъ казака и сдѣлали изъ него
отличнаго сторожа и развѣдчика. Главныя основанія нынѣ
существующаго устава развѣдывательной и сторожевой службы
въ нашей арміи заимствованы отъ казаковъ.

Среди этого суроваго воинственнаго общества часто выдвигались
люди энергичные, съ сильнымъ характеромъ, и, соби-
рая вокругъ себя шайки головорѣзовъ, отправлялись грабить
на Волгу и Каму, какъ на богатые торговые пути.

Въ царствованіе Ивана Грознаго шайки эти до того размножились,
что на Волгѣ не было ни проходу, ни проѣзду, и вы-
нудили царя послать воеводъ для ихъ поимки. Одинъ изъ
такихъ атамановъ, Ермакъ, казакъ Качалинской станицы (нынѣ
станція Грязе-Царицынской желѣзной дороги), скрываясь отъ
царскихъ войскъ, пошелъ вверхъ по Камѣ и поступилъ на
службу къ Строгановымъ.

Мы не станемъ описывать великаго завоеванія имъ Сибири,
хорошо извѣстнаго изъ исторіи, скажемъ только, что его дру-
жина положила основаніе *Сибирскому казачьему войску*.
Успѣхъ быстрога завоеванія Сибири, помимо военныхъ да-
рованій Ермака и его казаковъ, кроется въ томъ, что они
были вооружены *огнестрѣльнымъ оружіемъ*, неизвѣстнымъ
тогда туземцамъ. Строгановъ снабдилъ Ермака 3 пушками и
выдалъ казакамъ ружья съ 3 фунтами пороху и свинцу на
каждаго.

Одновременно съ уходомъ Ермака въ Сибирь, въ концѣ
XVI столѣтія, спасаясь отъ царскихъ воеводъ, ушли съ Волги
и другіе казачьи атаманы. Такъ, атаманъ Гушнѣ со своей
шайкой двинулся на Янкъ и положилъ основаніе Янцкому,
нынѣ Уральскому, казачьему войску.

Другіе атаманы со своими сподвижниками осѣли на бере-
гахъ Терека, и положили основаніе Гребенскому, нынѣ Тер-
скому, казачьему войску.

Съ размноженіемъ казачества на новыхъ мѣстахъ и усиле-
ніемъ ихъ численности, казаки по своей воинственной, неуспѣ-
чивой натурѣ начинаютъ цѣлый рядъ набѣговъ въ сосѣд-
нія страны.

Какъ примѣръ безумно смѣлыхъ набѣговъ казаковъ, можетъ
служить походъ, который предприняли въ 1605 году янцкіе
казаки, въ количествѣ всего 1,000 человекъ, на Бухару. Пре-
одолевая страшныя трудности, они, наконецъ, добрались до
Бухары, взяли столицу приступомъ, перебили массу народа и
награбили богатую добычу; но на обратномъ пути, преслѣ-
дуемые доведеннымъ до отчаянія непріятелемъ, они всѣ по-
гибли отъ голоду и жажды въ безводныхъ пустыняхъ Сред-
ней Азіи.

Остальныя казачьи войска образовались значительно позже,
большею частью, по инициативѣ правительства.

Таковы, въ общихъ чертахъ, условія, при которыхъ возникло
казачество и жило въ теченіе многихъ вѣковъ. Что касается
самой системы ихъ военныхъ дѣйствій, которую они заим-
ствовали отъ монголо-татаръ, то для ея выясненія необходимо
сдѣлать небольшое отступленіе.

Греки и римляне имѣли немного кавалеріи въ своихъ ар-
міяхъ и мало ею пользовались; всѣ великія завоеванія послѣд-
нихъ были произведены, преимущественно, пѣхотой. Но послѣ
паденія Западной Римской имперіи, когда на историческую
сцену явились новые варварскіе народы, въ ихъ арміяхъ на-
чинаетъ созидаться особый видъ тяжелой кавалеріи. Продол-
жая совершенствоваться, эта конница вылилась въ оконча-
тельную формѣ въ видѣ рыцарской кавалеріи, гдѣ всадники
были прикрыты тяжелыми панцирями и щитами и сдѣлали
на громадныхъ коняхъ, тоже покрытыхъ предохранительнымъ
вооруженіемъ. Главную силу своихъ боевыхъ дѣйствій эта ка-
валерія видѣла въ стремительномъ натискѣ на врага плотнымъ
фронтомъ, дабы опрокинуть его паноромъ своихъ коней, такъ
называемымъ *шокомъ*. Терпѣливая регулярная кавалерія есть
прямой потомокъ этой рыцарской конницы, конечно, значи-
тельно видоизмѣненный и уклонившійся отъ своего перво-
образа, сообразно современному состоянію военного искусства.
Въ то время, какъ на Западѣ развивался и совершенствовался
вышеуказанный типъ конницы, на Востокѣ, преимущественно,
въ Азіи, господствовалъ совершенно другой типъ ея — легкая,
естественная конница. Всадники, не имѣя тяжелаго предо-
хранительнаго вооруженія, сдѣлали на быстрыхъ и выно-
сливыхъ лошадяхъ и были вооружены метательнымъ ору-
жіемъ — луками и стрѣлами, а впоследствии ружьями и пи-
столетами.

При столкновеніяхъ рыцарской конницы съ легкой во-
сточной побѣда, большею частью, оставалась на сторонѣ
этой послѣдней, употреблявшей противъ рыцарей особый
способъ дѣйствій, возникшій въ Средней Азіи во времена
Чингисъ-Хана.

Этотъ гениальный варваръ охоту называлъ школою войны и
проводилъ эту идею въ жизнь съ неуклонною энергіей. При-
давая охотамъ огромное воспитательное значеніе въ дѣлѣ под-
готовки войскъ къ бою, Чингисъ-Ханъ постоянно практико-
валъ свои войска въ этомъ отношеніи, такъ что охоты въ его
арміи имѣли значеніе современныхъ маневровъ. Выходя на
охоту, монголы окружали цѣнью всадниковъ какого-либо круп-
наго звѣря, напримѣръ, медвѣдя, и начинали пускать въ него
стрѣлы съ криками „лау, лау“. Если звѣрь бросался противъ
части всадниковъ, они ускакивали отъ него, а другіе наѣ-
дали, продолжая обсыпать его стрѣлами. Когда звѣрь былъ до-
статочно замученъ и израненъ, монголы разомъ бросались на
него съ копьями, при чемъ честь перваго удара предоставля-
лась начальнику.

Эти охоты послужили зародышемъ особаго способа воен-
ныхъ дѣйствій, доставившаго Чингисъ-Хану и его преемникамъ
столько военныхъ успѣховъ и распространившагося по всему
Востоку.

Не будучи въ состояніи противостоятъ плотному фронту тя-
желой рыцарской кавалеріи, восточная конница разсѣивалась
поодиночкѣ, обсыпая атакующихъ рыцарей массою стрѣлъ, и,
пользуясь быстротой своихъ коней, она легко уклонялась отъ
ихъ ударовъ. Тяжелые рыцари на громадныхъ коняхъ скоро
утомлялись въ погонѣ за этимъ неуловимымъ врагомъ, окру-
жавшимъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и сильно терпѣли отъ стрѣлъ.
Когда рыцари были измучены, и многіе лошади выведены изъ
строга вслѣдствіе полученныхъ ранъ, мусульмане вдругъ устре-
млялись на врага и кончали съ нимъ рукопашной схваткой.
Кромѣ того, восточные народы прибѣгали на войнѣ ко всевоз-
можнаго рода хитростямъ; они часто обращались въ притвор-
ное бѣгство и устраивали засады.

Изъ этого мы видимъ, что монгольская конница въ основу
своихъ боевыхъ успѣховъ клала доведенную до высшей сте-
пени подвижность каждая всадника, подготовку атаки мета-
тельнымъ оружіемъ и различнаго рода маневры, съ цѣлью за-
мучить и извести своего противника.

Совершенно очевидно, что наше казачество принадлежитъ
ко втораго рода конницѣ, такъ какъ главныя основанія отбыва-
ванія имъ военной службы передъ государствомъ таковы же,
какъ и въ давно прошедшія времена. Что касается способа
боевыхъ дѣйствій казаковъ, то они были совершенно торже-
ственны съ только что описанными дѣйствіями монгольской
конницы, ибо казачество складывалось подъ сильнымъ влія-
ніемъ монголо-татаръ. Эта возникавшая новая конница — ка-

закл, не имѣя своей собственной тактики и испытывая на своих плечах силу таковою и своего врага, быстро переняла ее, усовершенствовала и окончательно формулировала въ видѣ *лавы*, означающей и сихъ совокупность всѣхъ вышеуказанныхъ боевых дѣйствій на полѣ сраженія. Самое слово *лава*, какъ кажется, монгольскаго происхожденія. Принимая во вниманіе съ одной стороны, что слово *лава* сильно походитъ по созвучію на тѣ крики, которыми монголы пугали звѣря на охотахъ, а съ другой, что способъ военныхъ дѣйствій, означаемый этимъ словомъ, пришелъ къ казакамъ тоже отъ монголо-татаръ, сдѣланное нами предположеніе получаетъ довольно большую вѣроятность; если же это такъ, то и слово „облава“ тоже монгольскаго происхожденія.

Съ того времени, когда казачество органически вошло въ составъ нашего отечества, казаки появляются въ составѣ нашихъ армій на западно-европейскихъ театрахъ войны, гдѣ они встрѣчаются съ регулярной кавалеріей противника.

Они и здѣсь противъ новаго своего врага продолжаютъ употреблять съ успѣхомъ свой обычный способъ дѣйствій. Самой блестящей страницей дѣятельности казачества въ составѣ нашихъ вооруженныхъ силъ является Отечественная кампанія, во время которой они буквально извели французскую регулярную кавалерію. Всѣ выдающиеся участники *) войны 1812 года единогласно свидѣтельствуя, что казаки были страшнѣе для Наполеоновской кавалеріи и дѣйствовали противъ нея по монгольскому образцу. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ о казакахъ Моранъ, одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ генераловъ армій Наполеона:

„Движеніе великой французской арміи было замедлено казаками; отрѣзавъ ее отъ всякой помощи, они безпрестанно съ остервенѣніемъ нападали на ея фланги, подобно разсвирѣпѣвшимъ пчеламъ, безчисленные уколы которыхъ замучиваютъ льва“. И далѣе:

„Какое чудное зрѣлище представляла эта европейская кавалерія, раскинувшая свои линіи на берегахъ Нѣмана, блестящая сталью и золотомъ на солнечныхъ лучахъ июнскаго дня и сіяющая пыломъ и храбростью! Какое горькое воспоминаніе оставили по себѣ тѣ безполезныя, истощившія ее маневрированія, которыя она употребляла противъ казаковъ, прежде презираемыхъ, но сдѣлавшихъ для спасенія Россіи болѣе, чѣмъ всѣ арміи этой имперіи; ежедневно показывались они на горизонтѣ, растянувъ свою линію на громадномъ пространствѣ, а ихъ ловкіе наѣзники смѣло подѣзжали чуть не къ самымъ нашимъ шеренгамъ; мы строились, шли на эту линію, но, когда уже совсѣмъ подходили къ ней, она исчезала, и на горизонтѣ видѣлись однѣ березы да сосны; но, часъ спустя, когда лошадямъ уже заданъ былъ кормъ, атака началась снова,—черная ихъ линія опять появлялась, и снова повторялись тѣ-же маневры, приводившіе къ тѣмъ-же результатамъ. И такимъ образомъ, самая лучшая, самая храбрая кавалерія была замучена и изнурена людьми, которыхъ она считала недостойными для себя противниками, но которые, между тѣмъ, одни могли спасти государство, нашедшее въ нихъ истинную опору и единственныхъ освободителей. Къ довершенію нашего огорченія, нужно прибавить, что *наша кавалерія была многочисленнѣе казаковъ*, что она была поддержана самой легкой и доблестной артиллеріей и т. д. И, несмотря на это, казаки возвратились покрытые славой, съ богатой добычей, на плодородные берега Дона, между тѣмъ какъ поля Россіи были

усыяны трупами и оружіемъ нашихъ воиновъ, столь доблестныхъ и неустрашимыхъ и столь преданныхъ славѣ нашего отечества. Вотъ что значить организація, *вотъ съ чѣмъ заключается тайна побѣды Чингисъ-хана*“ и т. д.

Широкое развитіе партизанскихъ дѣйствій въ Отечественную войну доставило казакамъ возможность во всю ширь развернуть всѣ неоцѣнимыя боевыя качества, пріобрѣтенныя ими въ долгой и кровавой войнѣ съ татарами. Славныя имена нашихъ знаменитыхъ партизановъ: Дениса Давыдова, Фигнера, Сеславина, князя Вадбольскаго и др. неразрывно связаны съ дѣятельностью казаковъ.

Послѣ Отечественной войны наступилъ долгій мирный періодъ времени, боевыя традиціи казаковъ стали постепенно замирать и гложуть, а прежній способъ военныхъ дѣйствій началъ постепенно забываться, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ регламентированъ какими-либо уставами или наставленіями. Съ развитіемъ среди казачества гражданственности и интересовъ мирной жизни, при отсутствіи какихъ-либо руководствъ для обученія казаковъ, военное образованіе въ казачьихъ полкахъ начало приходить въ упадокъ. Старослужилые казаки, учившіе молодыхъ казаковъ на собственномъ примѣрѣ, съ сокращеніемъ общихъ сроковъ службы, выбыли изъ рядовъ полковъ, между тѣмъ какъ военное дѣло, со введеніемъ наръзнаго оружія, быстро двинулось впередъ по пути развитія и усовершенствованія.

Составившееся въ старину мнѣніе, что казаки, какъ народъ и воинственный, и военный, сами должны знать, какъ дѣйствовать на войнѣ, смѣнилось убѣжденіемъ въ настоятельной необходимости обучать ихъ на службѣ такъ-же, какъ и прочіи войска.

Истинныя представленія о казачьей тактикѣ исчезли даже изъ казачьей среды, и потому не мудрено, что не знали, какъ и чему надо учить казаковъ на службѣ, тѣмъ болѣе, что военное министерство прошлаго царствованія всецѣло было поглощено крупными военными реформами и устройствомъ регулярной арміи на новыхъ началахъ всеобщей воинской повинности.

Въ виду вышеуказанныхъ причинъ, въ началѣ 70-хъ годовъ рѣшено было ввести казачьи полки въ составъ кавалерійскихъ дивизій и обучать ихъ такъ-же, какъ регулярную кавалерію. Такимъ образомъ, естественная конница со всѣми ея особенностями стала усваивать боевыя приемы конницы совершенно противоположнаго типа. Не говоря уже о многихъ другихъ условіяхъ, а принимая во вниманіе только мелкій сортъ казачьихъ лошадей, позволительно предположить, что наши казачьи полки будутъ поставлены въ весьма затруднительное положеніе въ борьбѣ съ регулярной кавалеріей нашихъ сосѣдей, сидящей на рослыхъ, отлично выѣзженныхъ, лошадяхъ, подобранныхъ въ расчетъ на извлеченіе наибольшей силы удара при атакахъ сомкнутомъ строемъ, по рыцарскому образцу. Естественно, что казачьи полки, по многимъ причинамъ, не могутъ развить такого сильнаго шока и стремительнаго удара въ сомкнутомъ строю, какъ регулярная кавалерія.

Въ настоящее время ненормальность такого положенія вещей сознается высшими компетентными военными кругами, и потому поднятъ вопросъ о необходимости вернуться къ прежнимъ способамъ веденія боя казаками.

В. Миткевичъ.

Дипломатическое сочинительство.

Истинное происшествіе.

I.

Это было еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Князь Талейранъ, бывшій въ то время французскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, сидѣлъ у себя въ рабочемъ кабинетѣ и писалъ донесенія своему правительству. Вспыхнувшее въ это время, подъ влияніемъ июльской революціи, возстаніе бельгийцевъ, противъ Нидерландскаго короля, причинило государственными людямъ и дипломатамъ великихъ державъ не мало хлопотъ. Въ Лондонѣ засѣдала конференція для мирнаго улаженія Бельгійскаго вопроса. Англичанамъ очень не нравилось, что принцъ Леопольдъ Кобургскій, въ качествѣ новоизбраннаго Бельгійскаго короля, просилъ руки дочери Французскаго короля Людовика-Филиппа. Они надѣялись, что континентальныя великія державы не допустятъ этого брака, изъ опасенія чрезмѣрнаго усиленія французскаго вліянія. Талейранъ, въ своемъ донесеніи, совѣтовалъ правительству крѣпко держаться брачнаго проекта, такъ какъ возраженія англичанъ не имѣли поддержки у другихъ державъ.

Легкій стукъ въ дверь прервалъ тишину рабочаго кабинета, и въ комнату вошелъ господинъ, лѣтъ тридцати пяти. Это былъ начальникъ французской посольской канцеляріи, помѣщавшейся въ одномъ этажѣ съ кабинетомъ князя.

— Что скажете, милѣйшій Бергенъ? спросилъ Талейранъ, всегда относившійся ласково къ своимъ подчиненнымъ.

*) Наполеонъ, Моранъ, Де-Бракъ и друг.

— Ваша свѣтлость послали меня вчера въ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ, началъ Бергенъ,—для переговоровъ по дѣлу о взысканіи съ этого министерства. Чинювникъ, съ которымъ я велъ переговоры, по окончаніи ихъ, объявилъ мнѣ, что его начальникъ, лордъ Сеймуръ, желаетъ меня видѣть.

— Лордъ Сеймуръ, спросилъ Талейранъ,—правая рука лорда Пальмерстона?

— Тотъ самый, ваша свѣтлость. Лордъ Сеймуръ былъ одинъ, когда я вошелъ къ нему. Очевидно, онъ желалъ говорить со мной безъ свидѣтелей, можетъ быть, для того, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ надобности, отречься отъ своихъ словъ. Сдѣлавъ нѣсколько совершенно ненужныхъ замѣчаній по поводу нашего взысканія, онъ сразу перешелъ къ дѣлу, видимо, интересовавшему его гораздо болѣе взысканія. Онъ потребовалъ, чтобы я доставилъ ему копіи со всѣхъ писемъ, которыя ваша свѣтлость писали за послѣднія недѣли прусскимъ и русскимъ государственнымъ людямъ, а также съ подученныхъ на нихъ отвѣтовъ. Онъ обѣщалъ уплатить мнѣ по 200 фунтовъ стерлинговъ за каждое письмо.

— Какая легкомысленная манера бросать деньги! воскликнулъ Талейранъ.—Что-же вы отвѣтили?

— Я долженъ сознаться, ваша свѣтлость, что въ первую минуту не могъ выговорить ни слова. Потому мнѣ пришлось въ голову, не давать пока лорду рѣшительнаго отвѣта, и я сказалъ ему, что долженъ прежде обдумать его предложеніе. Онъ

Выставка скульптурныхъ произведений проф. Антокольскаго. „Ермакъ, покоритель Сибири“.
Съ фот. грав. Хельницкій.

XXI передвижная выставка. „Малороссійская дѣвочка“.
Съ карт Н. К. Бодаревскаго (исключительное право воспроизведенія принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Мультановскій.

выразилъ согласіе и присовокупилъ, что если я на-дняхъ принесу ему копій, онъ приметъ меня съ-глазу-на-глазъ у себя въ кабинетъ и тотчасъ же выплатитъ мнѣ деньги. Я пришелъ къ вашей свѣтлости, чтобы вы сами рѣшили, какъ поступить въ этомъ случаѣ.

Такъ какъ Талейранъ отвѣтилъ не сразу, Бертенъ прибавилъ нерѣшительно:

— Не слѣдуетъ-ли намъ предать дѣло гласности и поднять шумъ въ газетахъ?

— Вы сами на половину принадлежите къ дипломатин, милѣйшій Бертенъ, сказалъ Талейранъ и разсмѣялся.— Настоящій дипломатъ никогда не поднимаетъ шума, развѣ только если хочетъ скрыть собственное пораженіе. А въ сущности, г-нъ Бертенъ, отчего-бы вамъ не войти въ сдѣлку съ лордомъ Сеймуромъ?

Бертенъ взглянулъ на своего начальника, словно онъ бѣвалъ отъ удивленія.

— Вы хотите сказать... что... началъ онъ, заикаясь. — Вы не хотите сказать... что я, дѣйствительно, долженъ продать копій...

— Разумѣется, хочу сказать именно это, милѣйшій мой! проговорилъ князь совершенно спокойно.— Приходите завтра ко мнѣ въ этотъ самый часъ. Я уѣду кататься, но кабинетъ мой будетъ не запертъ, точно такъ же, какъ и этотъ ящикъ въ письменномъ столѣ. Вы возьмете въ ящикѣ рукопись, которую тамъ найдете, перепишете ее и отнесете копию послѣзавтра лорду Сеймуру. Въ рукописи будетъ пять писемъ, и вы получите за нихъ тысячу фунтовъ стерлинговъ. Скоро ваша свадьба; такъ вамъ и вашей молодой женѣ придется очень кстати на обузавденіе лишняя 1000 фунтовъ стерлинговъ. Никогда не надо мѣшать англичанну бросать деньги!

— Но, ваша свѣтлость, возразилъ Бертенъ, — вѣдь, это недобросовѣстно. Я десять лѣтъ служу въ англійскомъ посольствѣ и не хотѣлъ бы, чтобы меня считали человѣкомъ, котораго можно подкупить.

— Успокойтесь, г-нъ Бертенъ, сказалъ князь.— Я принимаю всѣ послѣдствія на себя. Такихъ людей, какъ лордъ Сеймуръ, надо побивать ихъ собственнымъ оружіемъ. И такъ вы поняли и запомнили, чего я отъ васъ желаю?

— Такъ точно, ваша свѣтлость.

Посланикъ снова взялся за перо. Бертенъ подылся съ мѣста, молча поклонился и вышелъ изъ комнаты.

II.

Окончивъ донесеніе, Талейранъ взялъ нѣсколько лежавшихъ передъ нимъ сшитыхъ листовъ бумаги и написалъ на первой страницѣ крупнымъ, четкимъ почеркомъ: *„Тайный обменъ писемъ между французскимъ посланникомъ, княземъ Талейраномъ, и графомъ Арнимомъ, прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Секретно“*. Затѣмъ, начавъ со второй страницы, онъ сочинилъ письмо, какъ-бы написанное Арнимомъ шесть недѣль тому назадъ, въ весьма враждебномъ Франціи духѣ, какъ могъ написать въ то время прусскій министръ. На него слѣдовалъ отвѣтъ самого князя. Талейранъ писалъ, въ качествѣ перваго дипломатическаго совѣтника короля Людовика-Филиппа, и не уступалъ прусскому министру въ рѣзкости тона. Далѣе слѣдовало второе письмо Арнима и второй отвѣтъ Талейрана, и, наконецъ, третье письмо Арнима, которое, сохраняя свой частный характеръ, было тѣмъ не менѣе написано въ такомъ тонѣ, который, обыкновенно, предшествуетъ у дипломатовъ разрыву дипломатическихъ сношеній. Окончивъ всѣ пять писемъ, Талейранъ положилъ рукопись въ указанный имъ начальнику канцеляріи ящикъ письменнаго стола.

Два дня спустя, Бертенъ снова пришелъ въ кабинетъ своего начальника.

— Ваша свѣтлость, доложилъ онъ,—сдѣлка съ лордомъ Сеймуромъ приведена къ концу, и я получилъ обѣщанныя деньги.

— Очень хорошо, отвѣтилъ князь.— Теперь остается только посоветовать вамъ, чтобы выгоднѣе помѣстить эти деньги, взять индійскій заемъ. Это очень вѣрныя бумаги и приносятъ пять процентовъ.

Прошло еще нѣсколько дней. Талейранъ приказалъ позвать къ себѣ младшаго секретаря посольства, графа Куронеля, который въ то же время былъ его частнымъ секретаремъ.

— Любезный графъ, началъ Талейранъ, попросивъ Куронеля садиться, — вѣдь, вы также получили приглашеніе отъ лорда и лэди Сеймуръ провести начало будущей недѣли у нихъ въ Марлигоузъ?

— Совершенно вѣрно, ваша свѣтлость.

— Такъ мы поѣдемъ вмѣстѣ въ Марлигоузъ, и, на время нашего пребыванія тамъ, я имѣю къ вамъ маленькое секретное порученіе.

Талейранъ рассказалъ графу о переговорахъ лорда Сеймура съ Бертеномъ, о продажѣ писемъ, и затѣмъ далъ нѣсколько указаний молодому дипломату, который тотъ выслушалъ съ внимательной улыбкой, готовый въ точности исполнить.

Въ Марлигоузъ, загородномъ домѣ лорда и лэди Сеймуръ, собралось блестящее общество, состоящее изъ дипломатовъ, высокопоставленныхъ иностранцевъ, знатныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ, членовъ парламента, высшихъ должностныхъ лицъ и офицеровъ. Нѣкоторые изъ приглашенныхъ

уѣхали въ тотъ-же день, другіе остались дольше. Совершенно англійскому обычаю, каждый проводилъ время, какъ умѣлъ и какъ хотѣлъ, и только къ вечеру всѣ собирались къ обѣду, за которымъ была хозяйкою сама лэди Сеймуръ.

Оба французскіе дипломата, пріѣхавшіе въ Марлигоузъ въ понедѣльникъ, намѣревались вернуться въ Лондонъ тотчасъ послѣ обѣда, въ среду. Лордъ Сеймуръ былъ въ этотъ день особенно любезенъ съ ними. Встрѣтивъ утромъ Талейрана въ паркъ, онъ взялъ его подъ руку и заговорилъ конфиденціально:

— Скажите мнѣ, любезный другъ, съ той откровенностью, которая должна существовать между друзьями, какія въ настоящее время ваши отношенія къ Пруссіи?

— Къ Пруссіи? повторилъ князь самымъ невиннымъ тономъ.— О, превосходныя!

— Серьезно? спросилъ Сеймуръ.

— Совершенно серьезно, подтвердилъ Талейранъ.— Съ тѣхъ поръ, какъ Людовикъ-Филиппъ вступилъ на престолъ, мы никогда не были въ лучшихъ отношеніяхъ съ Пруссіей, точно такъ-же, впрочемъ, какъ и съ Австріей, и съ Россіей.

Лицо Сеймура приняло самодовольное выраженіе, и Талейранъ не хотѣлъ нарушать его пріятнаго настроенія. Сеймуръ былъ, очевидно, убѣжденъ, что онъ видитъ карты Талейрана, и собирался воспользоваться выгодами своего положенія.

„Ты меня не проведешь, думалъ онъ.— Мы не допустимъ свадьбы вашей принцессы съ Бельгійскимъ королемъ, развѣ, что узнали изъ твоихъ собственныхъ писемъ, что вы порвали сношенія съ Пруссіей, и вамъ угрожаетъ война со священнымъ союзомъ“.

„Посмотримъ, — кто будетъ смѣяться послѣднимъ“, думалъ между тѣмъ Талейранъ.

И французскій дипломатъ, перебивъ разговоръ, началъ непринужденно расхваливать красоты парка.

III.

За обѣдомъ князь Талейранъ и графъ Куронель занимали почетныя мѣста, вблизи хозяйки. Лэди Сеймуръ была сама любезность. Когда она вышла изъ-за стола, оставивъ гостей однихъ, Куронель, согласно данному ему Талейраномъ указанію, ловкимъ маневромъ придалъ разговору извѣстное направленіе. Онъ повелъ рѣчь о сочинительствѣ, и Сеймуръ съ величайшей готовностью поддержалъ этотъ разговоръ, такъ какъ любилъ блеснуть своими литературными познаніями.

— Не находите-ли, милордъ, замѣтилъ Куронель,—что творческой талантъ и талантъ въ практической дѣятельности не совмѣстимы въ теоріи и никогда не соединяются въ дѣятельности?

Сеймуръ началъ возражать, доказывая, что есть много примѣровъ того, что практическіи одаренные люди писали прекрасныя литературныя произведенія, и съ другой стороны— выдающіеся писатели отличались на государственномъ, научномъ или промышленномъ поприщѣ.

— О, милордъ! воскликнулъ Талейранъ, какъ-бы случайно вмѣшиваясь въ разговоръ.— Я совершенно принимаю вашу сторону, противъ графа Куронеля. Сейчасъ видно, милордъ, что вы знатокъ этого дѣла. Мнѣ самому, несмотря на то, что я такой прозаическій человѣкъ, случалось давать волю своей фантазіи и даже замечательнѣе ее на бумагѣ.

Въ гостиной произошло движеніе:

— Творенія князя Талейрана! воскликнулъ лордъ Сеймуръ.— Князь Талейранъ-писатель—это ново...

— А! князь пишетъ... Стихотворенія князя Талейрана! Это интересно... Ваша свѣтлость, вѣроятно, не откажете намъ... послышалось со всѣхъ сторонъ.

Талейранъ улыбнулся счастливой, сконфуженной улыбкой.

— Если-бы я не боялся, началъ онъ съ непривычнымъ ему смущеніемъ,— жестоко разочаровать такого знатока, какъ лордъ Сеймуръ, и остальныхъ, то я прочелъ-бы маленькое дипломатическое сочиненіе, недавно мною написанное; оно наверху, у меня въ комнатѣ.

Всѣ въ одинъ голосъ стали снова просить его, и Талейранъ поднялся съ мѣста.

— Я сейчасъ принесу рукопись, сказалъ онъ,—дѣло въ томъ, что я плохо читаю. Могу я просить васъ, милордъ, прочесть эту маленькую игру моей фантазіи?

Лордъ Сеймуръ, разумѣется, согласился, и пока Талейранъ ходилъ къ себѣ въ комнату, приказалъ лакею приготовить въ столовой особый столикъ со свѣчами и кресломъ. Гости повернули свои стулья, такъ что могли со своихъ мѣстъ удобно видѣть тѣца. Талейранъ вскорѣ возвратился, передалъ Сеймуру рукопись и сѣлъ на свое мѣсто.

Сеймуръ помѣстился у маленькаго стола, развернулъ рукопись и прочелъ: *„Тайный обменъ писемъ между французскимъ посланникомъ, княземъ Талейраномъ, и графомъ Арнимомъ, прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ“*.

Сеймуръ замолчалъ. Блѣдный и растерянный, онъ откинулся на спинку кресла. Гости молчали, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Почему вы не читаете дальше, милордъ? спросилъ Талейранъ любезнымъ тономъ.

Сеймуръ поднялся съ мѣста.

— Князь, вы умѣете метить! сказали онъ и вышелъ изъ комнаты.

Талейранъ взялъ свою рукопись, потомъ, вмѣстѣ съ Куро-недемъ, поклонился гостямъ, простился съ лэди Сеймуръ, такъ какъ самъ лордъ больше не показывался, и оба дипломата въ тотъ-же день вернулись въ Лондонъ.

Лорду Сеймuru ничего не оставалось дѣлать, какъ рассказать на другой день, за обѣдомъ, еще оставшимся гостямъ о своей попыткѣ подкупить Бертена и всѣхъ ее послѣдствійхъ.

— Да, господа, заключилъ онъ,—князь Талейранъ одержалъ надо мной рѣшительную побѣду. Я только-что получилъ отъ

него съ особымъ посланнымъ записку, которую сейчасъ прочту вамъ:

„Милордъ! Какъ своему другу, я желаю сообщить вамъ первому о томъ, что свадьба нашей принцессы съ королемъ Леопольдомъ Бельгійскимъ состоялась въ прошлый поведѣльникъ. Вамъ, конечно, не безынтересно будетъ узнать, что и нашъ общій знакомый, начальникъ канцеляріи Бергенъ, также вступилъ въ бракъ. Онъ находилъ и раньше, что можетъ прокормить семью, но теперь въ особенннсти, съ тѣхъ поръ какъ ему открылся новый источникъ дипломатическихъ доходовъ. Весь вашъ Талейранъ“.

Въ архипелагѣ Лиу-Киу.

Къ сѣверо-востоку отъ большого острова Формозы и къ югу отъ Японіи поднимается изъ моря архипелагъ Лиу-Киу, мало извѣстный и мало посѣщаемый вслѣдствіе своей незначительности для мировой торговли. Въ немъ 36 острововъ, распадающихся на три группы. Населеніе—около 200,000 душъ—на половину китайскаго, на половину японскаго происхожденія и исповѣдуетъ буддѣйскую религію.

На главномъ островѣ, называемомъ Большой Лиу-Киу, живетъ великій мандаринъ, правящій страной острововъ самымъ патриархальнымъ образомъ, повидимому, довольно независимо, какъ отъ японскаго, такъ и отъ китайскаго правительствъ, которые заявляютъ притязаніе на господство надъ этими островами и получаютъ съ нихъ ничтожную дань. Уже 350 лѣтъ, какъ островитяне извѣстны съ самой выгодной стороны и по праву могутъ называться самыми добродушными, гостеприимными и услужливыми людьми на всемъ земномъ шарѣ.

Первый мореплаватель, сообщившій о нихъ подробныя свѣдѣнія, былъ извѣстный португальскій искатель приключеній Фернандъ-Мендець Пинто. Въ августѣ 1545 года онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе близъ Большого Лиу-Киу. Съ нимъ было тридцать человекъ экипажа. Когда они выбрались на берегъ, народъ бѣжалъ къ нимъ толпами и, видимо, былъ искренно тронутъ ихъ печальнымъ положеніемъ; женщины и дѣвушки громко плакали.

Пинто и его спутникамъ дали на островѣ убѣжище. Случилось такъ, что въ это время въ главную гавань Большого Лиу-Киу зашелъ съ четырьмя джонками одинъ китайскій купецъ, котораго португальцы однажды ограбили до-чиста. Этотъ китаецъ выступилъ обвинителемъ противъ потерявшихъ кораблекрушеніе и наговорилъ о нихъ столько зла, что мѣстный трибуналъ, состоявшій изъ старыхъ мудрыхъ мужей, составилъ себѣ о нихъ самое дурное мнѣніе и осудилъ ихъ на смерть.

Потерпѣвшіе крушеніе тщетно пытались оправдаться, утверждая, что не они, а другіе португальцы ограбили китайскаго купца. Наконецъ, когда они уже потеряли всякую надежду вымолить себѣ пощаду, спасеніе совершенно неожиданно пришло къ нимъ черезъ добрыхъ, сострадательныхъ женщинъ острова; его самыхъ уважаемыхъ изъ нихъ соединились и отпразднвали матери великаго мандарина слѣдующее замѣчательное прошеніе: „Священная жемчужина, найденная въ величайшей и прекраснѣйшей раковинѣ глубокой океана; огнемъ сверкающая ослѣпительная звѣзда; золотой, переплетенный розами, доконъ волосъ! Мы, жалкіе муравьи въ твоей кладовой, причушіеся въ забытыхъ тобою хлѣбныхъ крошкахъ; мы, женщины и дѣвушки, здѣсь подивившіе свои имена, обращаемся къ тебѣ съ просьбой. Въ страхъ молимъ мы тебя, какъ голодные младенцы свою мать, чтобы ты попросила своего сына сжалиться надъ этими чужеземцами и простить ихъ преступленіе“.

Это ходатайство, дѣйствительно, имѣло желанный успѣхъ. Пѣнные португальцы были освобождены; болѣе того, великій мандаринъ—или, какъ Пинто его называетъ, король Лиу-Киу—подарилъ имъ хорошо снаряженную джонку и въ поспѣшилъ свабдилъ ихъ съѣзными припасами, такъ что они могли отплыть немедленно. Они благополучно достигли Малакки и прибыли къ своимъ соотечественникамъ, которые имѣли тамъ большія факторіи.

Рассказъ Пинто о его въ высшей степени необычайныхъ путешествіяхъ и приключеніяхъ прежде долгое время считался вымышленнымъ; вслѣдствіемъ, однако, выяснилось, что его описанія отнюдь не уклоняются отъ истины. Такимъ образомъ, описаніе добросердечія и великодушія островитянъ Лиу-Киу вполне правдиво и согласно съ позднѣйшими отзывами другихъ терпѣвшихъ крушеніе у этихъ береговъ и точно такъ же радушно принятыхъ ими.

Со времени приключенія Пинто на Большомъ Лиу-Киу, прошло 226 лѣтъ. Въ августѣ 1771 года въ водахъ архипелага Лиу-Киу появился небольшой трехмачтовикъ съ флагомъ, какого ни до того, ни послѣ того не видѣли на морѣ. Это былъ флагъ польской конфедераціи. Командиръ судна, графъ Морницъ-Августъ-Аладаръ Бенжовскій, не менѣе извѣстный искатель приключеній, чѣмъ нѣкогда Фернандъ-Мендець Пинто, былъ храбрымъ генераломъ конфедератовъ въ Польшѣ, попалъ

въ плѣнъ къ русскимъ и былъ сосланъ въ Камчатку. Тамъ, въ приморскомъ городкѣ Большевскѣ, онъ очень скоро сошелся съ другими ссыльными, по большей части, русскими, организовалъ заговоръ и, ставъ во главѣ восьмидесяти или девяностидесяти человекъ, разбилъ высланный противъ него отрядъ, послѣ чего сдѣлался хозяиномъ городка. Онъ овладѣлъ трехмачтовикомъ, стоявшимъ на якорѣ въ гавани, нагрузилъ его богатымъ запасомъ соборныхъ, лѣсныхъ и горностаевыхъ мѣховъ, взятыхъ имъ изъ государственныхъ магазиновъ, и устрелился въ море вмѣстѣ съ другими бунтовщиками. Сначала буря отбросила трехмачтовикъ „Св. Петръ и Павелъ“ на сѣверъ, по направленію къ Алеутскимъ островамъ. Потомъ, поднявъ флагъ польской конфедераціи, графъ Бенжовскій направилъ свой путь къ югу, все время ведя борьбу съ различными невзгодами—бурами, голодомъ, недостаткомъ воды для питья, наконецъ, съ безнокойнымъ экипажемъ, не разъ возмущавшимся противъ своего командира. Послѣ долгихъ усилій достигъ онъ береговъ Японіи и былъ дружелюбно принятъ японцами. На дальнѣйшемъ пути онъ былъ застигнутъ жестокимъ тайфуномъ, судно получило течь, мачты сломались. Чтобы какъ-нибудь спасти жизнь, неопытные въ мореходномъ искусствѣ пекатели приключеній посадили судно на мель близъ одного изъ острововъ архипелага Лиу-Киу.

Островитяне чрезвычайно радушно приняли бѣглецовъ съ Камчатки. Въ числѣ русскихъ былъ одинъ, имѣвшій нѣкоторыя познанія въ японскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, они могли нѣсколько объясняться другъ съ другомъ.

Во время своего пребыванія на островахъ Лиу-Киу, Бенжовскій сумѣлъ приобрести такое вліяніе на туземцевъ, что они умоляли его остаться съ ними навсегда, предлагая дать ему и его товарищамъ земельныя владѣнія и построить для нихъ красивые дома. Онъ могъ выбрать себѣ въ жены прекраснѣйшую изъ молодыхъ островитянокъ. Но графъ отклонилъ всѣ предложенія, говоря, что ему необходимо вернуться въ Европу. Тогда японцы усердно принялись снаряжать своихъ гостей въ дорогу, помогли спастъ судно съ мели и починить его, изготовили новыя мачты и реи, законатаили всѣ щели и свабдили судно провизіей и водою для продолжительнаго плаванія, все это самымъ безкорыстнымъ образомъ. Во время этихъ приготовленій, каждый день, послѣ дневныхъ трудовъ, давались большіе пиры и устраивались празднества въ честь чужеземцевъ.

Когда Бенжовскій оставилъ островъ съ тѣмъ, чтобы плыть сначала къ Формозѣ, потомъ въ Макао, онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „Добросердечіе этого народа навсегда останется въ моемъ воспоминаніи, я всегда буду жалѣть о томъ, что не могъ набрать своимъ постояннымъ мѣстопробываніемъ этихъ острововъ, гдѣ еще неизвѣстны европейскіе пороки и преступленія, и гдѣ форма правленія имѣетъ въ основѣ истинную гуманность“.

Какую ошибку сдѣлалъ польскій авантюристъ, не оставшись на островѣ у добрыхъ людей! Онъ не кончилъ бы такъ трагически пятнадцать лѣтъ спустя на Мадагаскарѣ, подъ пулями французскихъ солдатъ.

Снова прошло сто лѣтъ. Въ іюлѣ 1873 года нѣмецкая шкуна „Р. I. Робертсонъ“, управляемая капитаномъ Эдуардомъ Гернегеймомъ, сдѣлалась жертвою тайфуна между Формозой и архипелагомъ Лиу-Киу. Море пѣнилось и ревѣло, волны съ страшною силою перекатывались черезъ судно, срывая на пути мачты и гакелажъ и производя другія опустошенія. Многие изъ экипажа были смыты волнами за бортъ и погибли; другіе, въ томъ числѣ самъ капитанъ, отдѣлались ранами и ушибами. Наконецъ, вѣтеръ началъ понемногу стихать, но ярость волнъ не унималась, все такъ же дико вздымалъ онъ свои пѣнящіеся хребты, и съ непреодолимой силой гнали судно къ видѣвшейся на горизонтѣ темной массѣ берега, о которую бѣшено хлесталъ прибой. Всѣ усилія спасти шкуну отъ гибели были тщетны, крушеніе было неизбежно, и прекрасное судно, съ грузомъ чая, цѣнностью въ 20,000 фунтовъ стерлинговъ, неминуемо должно было пойти ко дну. Къ счастью, доски корабельнаго кузова еще нѣсколько времени держались, а на берегу уже были видны туземцы въ японской одеждѣ, ласково махавшіе несчастнымъ въ видѣ ободренія своими нестрыми зонтиками. Когда буря немного стихла, островитянамъ удалось, съ боль-

шимъ трудомъ и опасностью, на нѣсколькихъ челнокахъ пробраться черезъ береговой бурунь къ остову разбитаго корабля и благополучно доставить на берегъ весь экипажъ, не исключая тяжело раненныхъ. Вскорѣ послѣ этого, засѣвшая на подводныхъ скалахъ шкуна была совершенно разрушена волнами.

Потерѣвшихъ крушеніе на берегу встрѣтили съ вѣжливыми поклонами и торжественными привѣтствіями нѣкоторыя саповныя лица острова. Для подкрѣпленія силъ имъ былъ поданъ горячій чай превосходнаго качества и теплая ишенная каша; вѣтъ пришлось сидѣть на цыновкахъ. Хозяева и гости могли объясняться лишь съ большимъ трудомъ. Капитанъ узналъ, что находится на островѣ Тинтинсанъ, самомъ восточномъ островѣ группы Майоко, самой южной изъ трехъ группъ, составляющихъ архипелагъ Лиу-Киу.

Европейцамъ былъ предоставленъ для жилья просторный домъ, окруженный каменной стѣною. Полъ устланы соломенныя цыновки, деревянныя столбы поддерживали потолокъ. Высокая остроконечная крыша была изъ тростника. Внутреннее пространство раздѣлялось перегородками изъ цыновокъ на три отдѣленія. Обстановка состояла изъ нѣсколькихъ жаровенъ съ углемъ для зажиганія трубокъ — островитяне страстно куряли трубки и употребляютъ маленькія китайскія трубки съ мѣдными головками, — большой плевальницы, каменной чашечки съ тушью и принадлежащими къ ней кисточками для письма, и японскаго бумажнаго фонаря. Въ небольшомъ флигелѣ находилась кухня съ очагомъ, сложенымъ изъ камней.

Впрочемъ, европейцамъ совсѣмъ не приходилось заботиться о приготовленіи пищи, они ее получали уже готовою. Всегда лучшаго качества, какъ богатые и знатные острова: обыкновенно, рисъ съ жиромъ, мясо и рыбу. Собственно, народъ — т. е. низшія касты, ремесленники и кули или рабочіе — питается, главнымъ образомъ, ишеномъ, потребляя его въ огромномъ количествѣ.

Просо, какъ замѣтилъ капитанъ во время своихъ случайныхъ экскурсій по острову, дѣйствительно, является главнымъ произведеніемъ Тинтинсана; вмѣстѣ съ тѣмъ воздѣлываютъ и ишенду, ячмень, сладкій картофель, бобы, дыни, очень хорошій табакъ и коноплю; рисъ — въ незначительномъ количествѣ, и недостатокъ его восполняется подвозомъ съ другихъ

острововъ. Большихъ деревьевъ на островѣ мало, почти исключительно кустарникъ. Островитяне бѣдны, при этомъ очень трудолюбивы и довольствуются малымъ. Вся земля, годная для воздѣлыванія, тщательно обработана. Источниковъ и ручьевъ на островѣ не существуетъ, ихъ замѣняютъ цистерны изъ известняка, куда собирается дождевая вода.

Въ теченіе послѣдующей недѣли многое съ разбитаго корабля было выброшено волнами на берегъ; все это было испорчено и совершенно негодно къ употребленію. Тѣмъ не менѣе островитяне принялись неутомимо собирать приплывавшіе предметы и складывать ихъ въ особый запасной магазинъ, предназначенный въ распоряженіе европейцевъ. Всѣ увѣренія капитана, что это напрасный трудъ, такъ какъ чай въ разбитыхъ и поврежденныхъ ящикахъ подмоченъ морскою водою и совершенно испорченъ, не привели ни къ чему: добрые люди продолжали собирать и тащить въ магазинъ все, что выбрасывало море. Надсмотрщики вели счетъ вещамъ и записывали своими кисточками для письма каждую мелочь, измѣряли до точности каждый выловленный изъ воды обрывокъ каната. Такая, нѣсколько даже преувеличенная, добросовѣстность и заботливость по отношенію къ чужой собственности рѣзко отличается отъ такъ-называемаго „берегового права“ во многихъ другихъ странахъ, гдѣ прибрежные жители, какъ разбойники, бросаются на выбрасываемые моремъ предметы, считая ихъ своею собственностью.

Потерѣвшихъ крушеніе оставались на островѣ 34 дня, въ продолженіе которыхъ ласковое обращеніе съ ними островитянъ не измѣнилось ни на йоту; по прошествіи этого времени, капитану сообщили, что представитель высшей власти на островѣ рѣшилъ подарить ему и его командѣ небольшую джонку, годную для морскаго плаванія и снабженную провiantомъ и всѣмъ необходимымъ, на которой они могутъ добраться до Китая, а оттуда ѣхать въ свое отечество.

Такимъ образомъ, съ потерѣвшихъ крушеніе экипажемъ нѣмецкаго судна случилось совершенно то же самое, что 328 лѣтъ тому назадъ на другомъ островѣ того же архипелага съ португальцемъ Пинто и сто лѣтъ тому назадъ съ полякомъ Бежовскимъ, рассказы которыхъ подтверждаются свидѣтельствомъ капитана Гервсейма.

Къ рисункамъ.

Одинокій дубъ. (Рис. на стр. 413).

Когда смотришь на этотъ пейзажъ Крома, невольно хочется спросить: — а помните стихи Фета?—

Смотри! сибѣя, другъ за другомъ
Какимъ широкимъ полукругомъ
Уходятъ правнучки твои.
Зачѣмъ же тѣню благотворной
Все кружишь ты, старикъ упорный,
По рубежамъ родной земли.
Все дальше, дальше съ каждымъ годомъ
Вокругъ тебя, незримымъ ходомъ,
Ползетъ просторъ твоихъ корней,
И въ ихъ кривые промежутки,
Гнѣздясь, съ пригорка забудки
Глядятъ смѣлѣ въ даль стеной.

Когда-же водъ взломавъ оковы,
Весенній вѣтръ несетъ въ дубровы
Твои побликіе листы,
Съ нимъ вѣсти на просторъ широкой,
Что живъ ихъ пращуръ одинокой,
Ко ввукамъ посылаешь ты...

Раннее утро за городомъ. (Рис. на стр. 416).

Картина Котляревскаго, которую воспроизводитъ наша гравюра, заставляла останавливаться передъ ней посѣтителей Академической выставки, какъ по своему исполненію, такъ и по полному глубокаго смысла содержанію: бѣдняки, достигнутые врасплохъ наступившею зимою, чуть свѣтъ вышли въ поле, чтобы выбрать послѣдній картофель. Трудятся они, не замѣчая мороза, посреди тишины ранняго утра, и вдругъ тишина эта нарушается рѣзкимъ звономъ бубенцовъ веселой тройки, на которой возвращаются люди, прошедшіе ночь за городомъ и, можетъ быть, истратившіе за эту ночь столько денегъ, что ихъ хватило-бы на прокормленіе бѣднякамъ на цѣлый годъ. Контрастъ слишкомъ разительный, чтобы говорить о немъ еще...

Изъ прошлаго. (Рис. на стр. 417).

Молодымъ парнемъ ушелъ онъ въ солдаты и много лѣтъ служилъ вѣрой и правдой Царю и Отечеству. Когда вышелъ въ чистую, онъ вернулся было на родину, но тамъ уже никого не было въ живыхъ изъ родныхъ и близкихъ сердцу. Тѣ, кто оставался въ живыхъ, непривѣтливо встрѣтили пришельца: лишній человекъ и отвыкшій отъ мужицкаго дѣла работникъ. И пошелъ изъ роднаго села бродить старый служивый по лицу земли родной. Какъ птица небесная, не знаетъ онъ крова и

питается, чѣмъ Богъ послалъ. Правда, русскій человекъ гостеприименъ и радъ гостю, особенно такому бывалому, какъ старый русскій солдатъ. И за это рассказываетъ онъ, и старымъ, и молодымъ, про свои походы, сраженія и всевозможныя приключенія, которыми такъ богата боевая жизнь. Типъ такого солдата, рассказывающаго свои исторіи мальчугану, повидимому тоже мечтающему, когда и онъ самъ пойдетъ, какъ этотъ „дяденька-служивый“, на войну — превосходно переданъ на картинѣ П. Коренева, бывшей на послѣдней Академической выставкѣ и воспроизводимой на нашей гравюрѣ.

Ермакъ, покоритель Сибири. (Рис. на стр. 424).

Бронзовая статуя „Ермака“, сдѣланная по заказу Государя Императора проф. Антокольскимъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ произведеній нашего скульптора и была экспонирована на послѣдней выставкѣ его работъ, съ которыми читатели знакомы по снимкамъ, помѣщеннымъ въ предыдущихъ номерахъ „Нивы“. Статуя чрезвычайно типична и со стороны художественной, разумѣется, не оставляетъ желать ничего лучшаго, но люди военные дѣлаютъ одинъ упрекъ только въ томъ отношеніи, что Ермакъ у проф. Антокольскаго не имѣетъ ружья, тогда какъ огнестрѣльное оружіе составляло весьма важный элементъ въ успѣхѣ завоеванія Сибири. Для дополненія характеристикъ историческаго личности Ермака необходимо было дать ему ружье, если не въ руку, то, по крайней мѣрѣ, на перевязи, за спиной, какъ носили казаки свои ружья въ походахъ. Несмотря, однако, на это, статуя производитъ несомнѣнное впечатлѣніе, о ней говорятъ и ею любятъ.

Въ самомъ дѣлѣ, теперь, когда наша Сибирь перестаетъ уже быть какимъ-то невѣдомымъ краемъ, когда желѣзнодорожная сѣть въ близкомъ будущемъ охватитъ все это „золотое дно“ однимъ стальнымъ кольцомъ, — теперь какъ-то особенно дорого становится воспоминаніе объ удачѣ Ермака, съ его сподвижникомъ Кольцомъ и другими, покорившемъ намъ это драгоценное „Бучумово царство“...

Малороссійская дѣвочка. (Рис. на стр. 425).

Николай Корнеліевичъ Бодаревскій, членъ товарищества художественныхъ передвижныхъ выставокъ, на ряду съ портретами, охотнѣ всего посвящаетъ свою кисть изображеніямъ того края, „гдѣ все обильемъ дышетъ“. На послѣдней, XXI передвижной выставкѣ находились его малороссійскіе пейзажи и одна, едва-ли не самая привлекательная его картина „Малороссійская дѣвочка“, гравюру съ которой можно найти на стр. 425. Черноокая и миловидная, она живо напоминаетъ тѣхъ красавицъ, которыми славится наша Малороссія

„Царь Эдипъ“, трагедія Софокла, разыгранная на греческомъ языкѣ учениками Николаевской Царскосельской гимназіи на сценѣ Китайскаго театра въ Царскомъ Селѣ. По ориг. рис. съ натуры Г. Бролинга, грав. Мульгашовскій.

Хоръ.

Общій видъ зрительной залы.

Старый пастухъ передъ Эдипомъ.

Жертвоприношеніе на „Универс“

Появленіе слѣпого Эдипа со своими дочерьми Антигоной и Исменой.

„Царь Эдипъ“. (Рис. на стр. 429).

„Царю Эдипу“ предшествует (до начала драмы у Софокла) цѣлая легенда, безъ которой непонятенъ глубокой трагизмъ положенія главнаго героя. Отцу Эдипа, оиванскому царю Лаю предсказано умереть отъ руки сына; когда родился Эдипъ отъ жены его Иокасты, Лай велѣлъ проколоть ему ноги и отвести на гору Киберонъ; рабъ сжалился надъ ребенкомъ и отдалъ его пастуху, котораго, въ свою очередь, огнесъ его коринѣскому царю Полибу, неимѣвшему дѣтей отъ жены своей Меропы. Здѣсь Эдипъ и воспитывался; однажды кто-то его назвалъ подкидышемъ, и, чтобы узнать истину, онъ отправился къ дельфійскому оракулу, предсказавшему, что ему суждено убить своего отца и жениться на своей матери. Считая своими родителями Полиба и Меропу, онъ обратно не возвратился и жившій ему добрый. По пути ему попался старикъ, не уступивъ Оивы тѣмъ временемъ, онъ сгоряча убилъ его.

Полу-женщина, полу-зверь, страшное чудовище, Сфинксъ дывалъ предложенной имъ пожравшее всѣхъ, кто не отгадаетъ загадки всѣ загадки, и Эдипъ единственный бросился въ море. Въ награду за изреченное имъ чудовище бѣдствія, народъ и правившій страной браггродъ отъ этого Лая, Креонтъ, предложили юности царство и руку дари Иокасты. Такимъ образомъ, исполнилось предсказаніе. Пятнадцать лѣтъ Эдипъ правилъ счастливо, будучи любимъ и уважаемъ всѣми; въ теченіе этого времени у него родилось четверо дѣтей, но убійство Лая не было отомщено: боги, наконецъ, вняли мольбамъ разгнѣванной души его и послали на Оивы чуму. Съ этого момента, такъ сказать, съ самой средины дѣйствія, начинается трагедія Софокла, обыкновенно, сразу вводя зрителя въ трагическое положеніе своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Народъ приноситъ жертвы богамъ, Эдипъ сообщаетъ, что онъ послалъ Креонта къ дельфійскому оракулу; появляется Креонтъ и увѣдомляетъ, что Аполлонъ велѣлъ казнить или изгнать убійцу Лая. Совѣтъ старцевъ предлагаетъ обратиться къ прорицателю Терезію; послѣдній отказывается назвать убійцу; Эдипъ настоятельно проситъ его имени для избавленія народа отъ постигшаго бѣдствія; тогда Терезія называетъ его, Эдипа. Послѣдній думаетъ, что онъ подослалъ Креонту, желающимъ занять престолъ. Въ объясненіе между ними вышисывается Иокаста и, въ доказательство живности прорицаній, рассказываетъ, что и Лаю предсказано было умереть отъ руки сына, а между тѣмъ его убили разбойники. Этотъ рассказъ напоминаетъ Эдипу о совершенномъ имъ убійствѣ старика; изъ подробностей онъ узнаетъ, между прочимъ, что одинъ изъ бывшихъ спутниковъ Лая живъ, и отъ него можно узнать истину. Иокаста тѣмъ временемъ приноситъ жертвы богамъ, и молить о прощеніи за высказанныя кощунственные слова по отношенію къ оракуламъ.

Появляется гонецъ, сообщающій о смерти коринѣскаго царя и о намѣреніи народа провозгласить Эдипа своимъ царемъ. Эдипъ, боясь предсказанія, что онъ долженъ жениться на матери и считая таковою Меропу, отказывается отъ престола и уже готовъ тоже смѣяться надъ прорицаніями, какъ разболтавшійся гонецъ успокаиваетъ Эдипа, сообщивъ, что онъ самъ нѣкогда принесть младенца къ Полибу и Меропѣ; Эдипъ убѣждается, что онъ не сынъ ихъ, а Иокаста узнаетъ въ немъ своего роднаго сына. Пастухъ же, передавшій гонцу ребенка, можетъ все рассказать, ибо онъ и былъ спутникомъ Лая, бѣжавшимъ послѣ убійства послѣдняго. Сцена съ пастухомъ, изъ которой Эдипъ узнаетъ, кто онъ, — самая сильная во всей трагедіи; истина обнаруживается во всемъ своемъ ужасѣ. Древне драматурги не допускали на сценѣ ничего не эстетичнаго, и поэтому никакихъ убійствъ на глазахъ зрителей не происходило; о развязкахъ трагедій, обыкновенно, извѣщалось кѣмъ-либо изъ дѣйствующихъ лицъ.

Такъ и тутъ, домохозяецъ рассказываетъ о несчастіяхъ, постигшихъ царскій домъ: Иокаста повѣсплась между постелями своихъ двухъ мужей, а Эдипъ ослѣпилъ себя. Слѣдой Эдипъ появляется со своими дочерьми, Антигоной и Исменой. Царемъ становится Креонтъ, а Эдипъ, лишенный всего — царства, богатства, почестей, — умоляетъ Креонта позаботиться о дѣтяхъ и удаляется въ горы; хоръ, сочувствующій печальной судьбѣ столь славнаго и мудраго царя, высказываетъ, сопровождая удаляющагося Эдипа, извѣстную мораль пьесы: „никто до смерти не можетъ считаться счастливымъ.“

Эта знаменитая трагедія Софокла, за напоминаніе содержанія которой читатели, надѣмся, не посягутъ, была дана нѣсколько разъ на греческомъ языкѣ учениками Императорской Николаевской Царскосельской гимназій въ Китайскомъ театрѣ, при огромномъ стеченіи публики, въ теченіи мѣсяца. Разучена была трагедія съ музыкой къ ней Мендельсона, Пэна, Дюкче и г. Петрова подъ управленіемъ гг. Цыбульскаго и Петрова. Сцена, конечно, не могла быть приспособлена къ древне-греческимъ требованіямъ, тѣмъ не менѣе впечатлѣніе полученное въ общемъ прекрасное: ученики отлично знали свои роли, хороводы, жертвоприношенія, шествія и церемоніи были прекрасно срепетованы; исполнители главныхъ дѣйствующихъ лицъ очень це-

дурно играли; не мало труда выпало на долю исполнителя женской роли Иокасты. Костюмы и обстановка вполне соответствовали эпохѣ. Нашъ рисунокъ воспроизводитъ видъ самой зрительной залы и главнѣйшія сцены трагедіи.

В. Баскинъ.

С. М. Духовской. (Портр. на стр. 432).

Наша восточная окраина, въ самый разгаръ своего культурнаго и экономического развитія, Высочайшею волею поручена заботамъ и руководителству просвѣщеннаго государственнаго дѣятеля, какимъ является вновь назначенный Приамурскій генералъ-губернаторъ, командующій войсками приамурскаго военнаго округа и войсковою наказной атаманъ приамурскихъ казачьихъ войскъ, генералъ-лейтенантъ Духовской. Воспитанный въ боевой школѣ графа Евдокимова, извѣстнаго кавказскаго героя, Сергѣй Михайловичъ Духовской принадлежитъ къ семейству кавказскихъ героев-волякъ. Почти 20 лѣтъ своей службы С. М. провелъ на Кавказѣ, куда онъ переведенъ былъ, по окопчаніи Академіи Генеральнаго штаба, въ 1862 году. Тогда же по прибытіи въ кавказскую армію, онъ былъ командированъ въ Дагестанъ для послѣдованія нагорной части вновь покореннаго края и собранія на мѣстѣ статистическихъ данныхъ, при чемъ со своимъ ковоемъ былъ однимъ изъ немногихъ русскихъ, проникшихъ въ глубь завоеванной страны до Ардійскаго койсу. Въ 1864 году С. М. Духовской, въ качествѣ начальника Даховскаго отряда, дѣйствовавшаго на южномъ склонѣ Даховскихъ горъ, подъ начальствомъ генерала Геймана, принималъ особенное активное участіе въ усмиреніи непокорныхъ черкесовъ. Славными дѣйствіями этого отряда завершился послѣдній актъ 60-ти-лѣтней кавказской войны. Оказавшій С. М. Духовской мужество и храбрость въ этотъ періодъ его службы отмѣченъ чачалствомъ, и за жаркій бой на берегу Чернаго моря, у развалинъ православнаго монастыря и у каштановаго дѣса, 18-го мая 1864 года въ сраженіи съ убыхами (черкесское племя) онъ награжденъ орденомъ Св. Князя Владиміра 4-ой степени съ мечами и бантомъ. Начавшееся еще ранѣе переселеніе черкесовъ въ Турцію послѣ этого славнаго дѣла еще болѣе усилилось, а къ концу года послѣднее гнѣздо горцевъ на западномъ Кавказѣ, наиболѣе склонныхъ къ грабежамъ и разбоямъ — было разсѣяно.

Въ декабрѣ 1864 года капитанъ Духовской былъ назначенъ начальникомъ штаба 14-й пѣхотной дивизіи, расположенной въ Херсонской губерніи, а въ апрѣлѣ 1865 года — произведенъ въ подполковника, со старшинствомъ за отличіе при покореніи западнаго Кавказа съ 1864 года. Съ 1867 по 1870 гг. С. М. Духовской былъ на Кубани; въ чинѣ полковника онъ сначала назначенъ начальникомъ штаба войскъ Кубанской области, а потомъ, по упраздненіи должности командующаго войсками, начальникомъ войскового штаба Кубанскаго казачьяго войска. Въ 1870 г., С. М. назначенъ помощникомъ начальника штаба Кавказскаго военнаго округа. Въ 1872 году онъ былъ назначенъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, главнокомандующемъ кавказскою арміей, при чемъ С. М. Духовскому поручено было завѣдываніе частью Генеральнаго штаба. Въ 1873 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-майора, а въ 1876 году, во время послѣдней турецкой войны, былъ назначенъ начальникомъ штаба отдѣльнаго дѣйствовавшаго корпуса на кавказской границѣ, подъ начальствомъ графа Лорисъ-Меликова. Участвуя во всѣхъ дѣлахъ этого корпуса, С. М. Духовской, 4 мая 1877 года, выказалъ особое мужество и храбрость, проведя блестящую рекогносцировку крѣпости Ардагана, съ большою опасностью, подъ выстрѣлами съ укрѣпленій; 5 мая, во время вѣтвля открытымъ штурмомъ крѣпости Ардагана, когда нашими трофеями были 98 орудій и нѣсколько тысячъ пѣхотныхъ, одной изъ штурмовыхъ колоннъ командовалъ С. М. Духовской (другими двумя — генералы Гейманъ и Девель). За эти дѣла С. М. Духовской получилъ по двумъ статьямъ статута ордена Св. Георгія 4-й степени. Въ ноябрѣ 1877 года, С. М. командированъ былъ въ Сагалаяскій отрядъ дѣйствующаго корпуса для командованія Хныскимъ отдѣльнымъ отрядомъ въ верховьяхъ Евфрата; отряду этому предстояло быть авангардомъ, на случай могущей возгорѣться войны въ Курдистанѣ, а въ февралѣ мѣсяцѣ 1878 года С. М. Духовской былъ назначенъ председателемъ особо учрежденной демаркаціонной комиссіи, на которую возложено было, совместно съ такою же комиссіей отъ оттоманскаго главнокомандующаго, составленіе подробныхъ условій перемирія на мало-азіатскомъ театрѣ войны, проведеніе демаркаціонныхъ линій и установленіе порядка очищенія Эрзерума турецкими войсками и занятія его войсками русскими. Велѣдъ затѣмъ С. М. Духовской состоялъ военнымъ губернаторомъ Эрзерумской области.

Въ это время въ Эрзерумской области свирѣпствовала страшная тифъ.

Развитіе болѣзненности въ войскахъ усложнило задачу администраціи до крайнихъ предѣловъ, какъ по обезпеченію больныхъ всѣмъ необходимымъ, такъ и по ихъ размѣщенію и эвакуаціи, при чемъ требовались необыкновенныя усилія для преранія эпидеміи и ассенизаціи зараженныхъ ея мѣстностей. Въ это-то время правдивой поддержкой, ближайшей со-

трудницей и помощницей Сергѣя Михайловича въ Эрзерумѣ явилась его супруга, Варвара Федоровна Духовская, рожденная княжна Голицына, бывшая главной поначительницей о больных и раненныхъ и бытоисчислительницей времени пребывания русскихъ въ Эрзерумѣ. Записки ея, напечатанныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, затѣмъ вышли отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Изъ дневника русской женщины въ Эрзерумѣ, во время военнаго занятія его въ 1878 году“, изданной въ пользу средствъ Кавказскаго окружнаго управления общества „Краснаго Креста“; книга написана интересно, живо и представляетъ прекрасную характеристику пережитого. По сдѣлѣ Эрзерума обратно туркамъ, С. М. Духовской возвратился къ мѣсту службы — состоятъ при Великомъ Князѣ Главнокомандующемъ. Наградами за участіе С. М. Духовскаго въ войнѣ 1877—1878 года, кромѣ ордена Св. Георгія 4 степени, были Именное Монаршее благоволеніе и ордена: Св. Анны 1 степени съ мечами и Св. Владиміра 2 степени съ мечами, а Турецкимъ султаномъ пожалованъ орденъ Меджидіе созвѣзду.

Въ 1879 г. С. М. Духовской назначенъ начальникомъ штаба Московскаго военнаго округа. Въ 1883 году С. М. Духовской былъ представителемъ нашей арміи въ Италіи на большихъ маневрахъ, начавшихся въ Сѣверной Италіи, въ долину рѣки По, у городка Пьяченца, и окончившихся въ Александріи. Въ 1885 году, по предложенію С. М. Духовскаго, въ нашей арміи впервые были применены на практикѣ *подвижные сборы*, въ конхъ приняли участіе 35 тысячъ войскъ Московскаго военнаго округа; сборы эти окончились большимъ маневромъ у Бородина 26 августа, въ день празднованія годовщины знаменитой битвы. При С. М. Духовскомъ впервые также была произведена въ Московскомъ округѣ опытная боевая стрѣльба всѣхъ родовъ оружія въ Клементьевскомъ лагерѣ.

Князь Ал. М. Дондуковъ-Корсаковъ.

(Портр. на стр. 432).

15 апрѣля скончался въ своемъ имѣніи, Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда, членъ Государственнаго Совѣта, генераль-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ.

Князь Александръ Михайловичъ родился 12 сентября 1820 года. Высшее образованіе покойный получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету. По окончаніи курса въ немъ, со степенью кандидата правъ, А. М. поступилъ въ январѣ 1841 г. на военную службу въ лейбъ-гвардіи кирасирскій Наслѣдника Цесаревича полкъ. Въ 1844 году, имѣя чинъ поручика, А. М. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій къ командовавшему тогда отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ генералу Нейдгардту, а съ 1845 г. къ замѣнившему Нейдгардта князю Воронцову. Подъ начальствомъ послѣдняго А. М. участвовалъ во многихъ дѣлахъ противъ горцевъ въ составѣ чеченскаго и дагестанскаго отрядовъ. За участіе въ Дагнискій экспедиціи онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст. съ бантомъ и золотой саблей „за храбрость“. Въ 1847 г. снова за боевыя отличія въ дѣлахъ противъ горцевъ онъ получилъ орденъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ 1848 г. за блестящее выполненіе порученія, съ которымъ онъ былъ командированъ въ Персію, А. М. удостоился получить орденъ Св. Анны 2 ст. Въ 1850 г. онъ произведенъ былъ въ ротмистры, а въ слѣдующемъ году въ полковники.

Во времени Крымской кампаніи князь А. М. появился въ первыхъ рядахъ нашихъ войскъ, сражавшихся противъ турокъ на мало-азіатскомъ театрѣ войны. Въ началѣ войны, въ 1854 г., назначенный командиромъ второго дивизиона Нижегородскаго драгунскаго полка, А. М. отличился въ курюкаринскомъ сраженіи и былъ тяжело раненъ. За это сраженіе ему былъ пожалованъ орденъ Св. Георгія 4 ст. Въ 1855 г., командуя 44 драгунскимъ Нижегородскимъ полкомъ, онъ выказалъ чудеса храбрости при блокадѣ и штурмѣ крѣпости Карса, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3 ст. съ мечами и получилъ чинъ генералъ-майора. Въ 1857 г., за доблестное участіе въ дѣлахъ чеченскаго отряда, удостоился получить орденъ Св. Станислава 1 ст. съ мечами. Съ 1858 по 1863 г. А. М. занималъ должность начальника штаба войска Довскаго, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1 ст. съ мечами и въ 1867 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Сверхъ того, за введеніе крестьянской реформы на Дону, онъ получилъ знакъ за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Страданія отъ полученныхъ ранъ вынудили его на время оставитъ службу. Съ 1868 г. А. М. опредѣленъ вновь на службу по армейской кавалеріи, съ причисленіемъ къ Министерству

Внутреннихъ дѣлъ. За цѣлый рядъ блестящихъ выполненіихъ порученій означеннаго министерства, онъ былъ удостоенъ ордена Владиміра 2 ст. съ мечами. Черезъ годъ А. М. былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ высокое назначеніе на постъ кievскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора и таковымъ оставался до послѣдней Русско-турецкой войны.

За все это время ему были жалуеты награды одна за другою. Въ 1872 г. ему былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла, въ 1873 г. объявлена ему Высочайшая благодарность, въ 1875 г. онъ былъ удостоенъ ордена Св. Александра Невскаго, и ему была снова объявлена Высочайшая благодарность. Въ 1877 г. онъ получилъ въ командованіе 13 армейскій корпусъ. Въ февралѣ слѣдующаго года онъ былъ назначенъ командующимъ восточнымъ отрядомъ и произведенъ въ генералъ-отъ-кавалеріи. Послѣ окончанія послѣдней Русско-турецкой войны, въ апрѣлѣ 1878 г., по кончинѣ князя Черкаскаго, онъ получилъ высокой постъ Императорскаго комиссара въ Болгаріи. За труды по введенію гражданскаго управления въ Болгаріи онъ былъ удостоенъ Высочайшаго рескрипта, награжденъ орденомъ Св. Владиміра 1 ст. и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Затѣмъ, въ продолженіе 1880—1881 годовъ, А. М. послѣдовательно занималъ должности командующаго войсками Харьковскаго и Одесскаго военныхъ округовъ. 1 января 1882 г. онъ получилъ назначеніе главноначальствующаго гражданскаго частію на Кавказѣ и командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа, а въ 1885 г. — войскаго наказнаго атамана казачьихъ войскъ. А. М. оставался въ этихъ должностяхъ до 3 июля 1890 г., когда болѣзнь заставила его оставить этотъ ответственный постъ. Такимъ образомъ, покойный закончилъ свою активную службу въ томъ краѣ, въ которомъ онъ началъ ее 50 лѣтъ тому назадъ. За время своего управленія Кавказскимъ краемъ, А. М. былъ награжденъ брильянтовыми знаками Св. Александра Невскаго и орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, и занесенъ въ списки Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ.

Ю. Ив. Симашко. (Портр. на стр. 433).

Скончавшійся 14 апрѣля въ С.-Петербургѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Юліанъ Ивановичъ Симашко снискалъ себѣ большую извѣстность и популярность, главнымъ образомъ, на педагогическомъ поприщѣ.

Ю. И. родился въ Варшавѣ 21 марта 1821 г. и происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Киевской губерніи. Получивъ образованіе въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, покойный 4 октября 1838 г. занялъ уже мѣсто учителя математики въ Шлиссельбургскомъ уѣздномъ училищѣ, а въ 1844 году былъ назначенъ преподавателемъ естественной исторіи въ Павловскій кадетскій корпусъ. Тутъ онъ оказался вполне въ своей сферѣ; помимо службы, онъ посвящалъ все свое время занятіямъ естественными науками и въ теченіе 1845—47 гг. помѣстилъ массу своихъ статей въ бюллетеняхъ московскаго общества испытателей природы и Императорской Академіи Наукъ. Затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ выпустилъ въ свѣтъ первое свое крупное сочиненіе „Русская фауна“. Слѣдующимъ его трудомъ былъ учебникъ зоологіи для гимназій, составленный имъ по порученію Министерства Народнаго Просвѣщенія. Послѣ того, три года, съ 1854 по 1857 г., Ю. И. проработалъ надъ своимъ знаменитымъ атласомъ всеобщей географіи. Тѣмъ не менѣе, онъ за все это время продолжалъ свою плодотворную преподавательскую дѣятельность въ первомъ и второмъ Павловскомъ кадетскихъ корпусахъ, въ школахъ гвардейскихъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ. Кромѣ того, въ Лѣсномъ институтѣ покойный читалъ спеціальныя курсы лѣсной энтомологіи и орнитологіи. Съ 1856 по 1863 гг. и вторично съ 1869 по 1874 гг. Ю. И. состоялъ членомъ ученаго комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Покойному Ю. И. принадлежала инициатива учрежденія Энтомологическаго общества. Неустанно заботясь о правильной и дѣлсообразной постановкѣ у насъ первоначальнаго обученія, покойный, подъ исевдонимомъ Я. Фоссъ, выпустилъ болѣе 400 задачъ по этому предмету. Бывшій начальникъ военно-учебныхъ заведеній, покойный генералъ-адъютантъ Исаковъ, во вниманіе къ этимъ его трудамъ, поручилъ ему устройство педагогическаго музея. Съ 1870 по 1878 гг. покойный работалъ надъ своимъ журналомъ *Семья и Школа*. Послѣ того онъ получилъ назначеніе окружнаго инспектора по надзору за занятиями малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ и занималъ эту должность до 1884 г. Въ послѣднее время онъ исключительно занимался описаніемъ русскихъ метеоритовъ.

Разныя извѣстія.

— 17 апрѣля, въ день семидесятилѣтняго рожденія въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II, въ Петропавловскомъ соборѣ совершена заупокойная литургія и панихида.

— Его Императорское Высочество Наслѣд-

никъ Цесаревичъ, въ память путешествія на дальній Востокъ, пожаловалъ каждому изъ офицеровъ, плававшихъ на эскадрѣ подъ флагомъ Его Императорскаго Высочества, по золотому жетону.

— Въ теченіе прошлаго года во всѣхъ

церквахъ Петербурга, согласно официальнымъ даннымъ, совершено 6460 браковъ лицъ разныхъ исповѣданій.

— Департаментъ таможенныхъ сборовъ циркуляромъ отъ 19 апрѣля разрѣшилъ таможеннымъ учрежденіямъ, производящимъ до

смотреть заграничных почтовых посылок, принимать от адресатов письменные заявления о производстве такового досмотра в их присутствии и выдачу посылок из таможен во всякое время года.

— В половине мая открывается в Петербурге Всероссийская гигиеническая выставка, устраиваемая Русским Обществом охранения народного здоровья. Число заявленных экспонатов настолько велико, что под выставку заняты Михайловский манеж и прилегающие к нему сады.

— В последнее время среди индустров Каневского уезда, Киевской губернии, замѣтно движение в пользу возвращенія в лоно православія. Многие изъ этихъ сектантовъ, раскаявшись, повидимому, в своихъ заблужденіяхъ, снова стали посѣщать церкви и исполнять церковныя требы.

— По свѣдѣніямъ, собраннымъ о профессиональномъ образованіи, в Россіи существуетъ 1500 школъ, съ устроенными при нихъ учебными мастерскими.

— Въ некоторыхъ епархіяхъ пресвященные предислали приходскимъ священникамъ, на случай появления въ городахъ и селеніяхъ эпидемическихъ болѣзней, послѣ каждаго богослуженія читать и разъяснять народу наставленія, изданныя Медицинскимъ департаментомъ, о мѣрахъ предохраненія отъ этихъ болѣзней и способахъ подаванія первой помощи.

Политическое обозрѣніе.

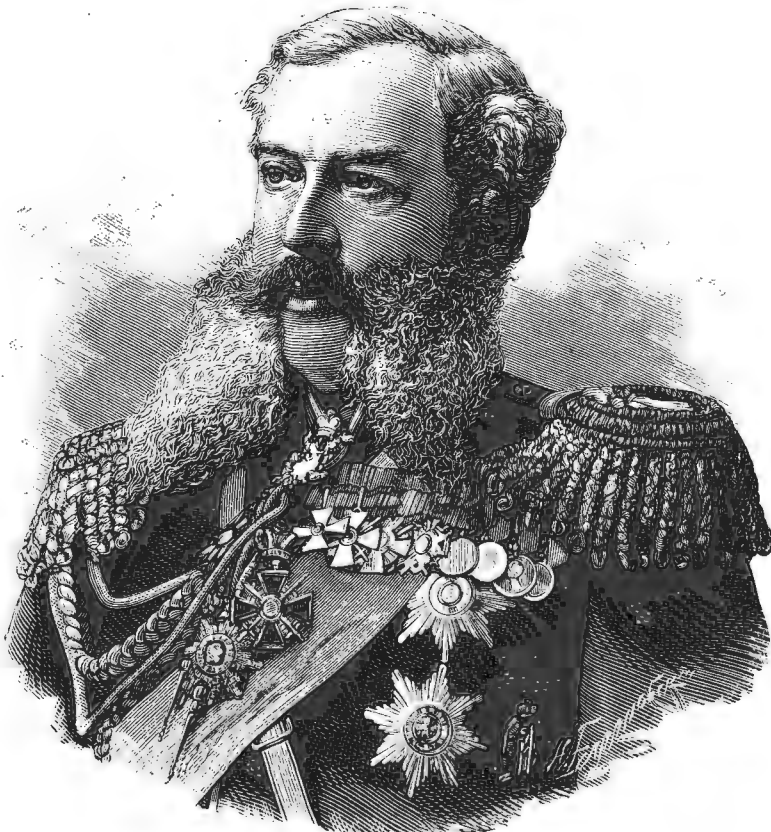
19 апрѣля или 1 мая, по новому стилю, послѣ на Западѣ названіе праздника рабочихъ и всегда внушаетъ тамъ мирнымъ гражданамъ безпокойства. Къ счастью, возбужденіе, которое замѣчалось у лицъ, праздновавшихъ этотъ день, постепенно уменьшается и проявляется еще или въ мѣстахъ большого скопленія ихъ, или въ новыхъ мѣстностяхъ, гдѣ смутьяны могутъ иногда найти широкое поприще для своихъ агитацій.

Въ этомъ году 1 мая почти повсюду прошло, сравнительно, очень спокойно.

Германская императорская чета нѣсколько ранѣ срока вернулась на родину, ко дню второго чтенія военнаго законопроекта въ рейхстагѣ. На пути, въ

Генераль-губернаторъ Примурскаго края, генераль-лейтенантъ С. М. Духовской. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Князь Ал. М. Дондуковъ-Корсаковъ († 15 апрѣля 1893 г.). Съ фот. грав. Барановскій.

Швейцаріи, была оставлена, съ торжественной встрѣчей и обмѣномъ добрыхъ пожеланій со стороны императора Вильгельма и президента союза. Ко дню возвращенія своего государя, рейхстагъ окончилъ съ предложеніемъ Альвардта. 16 апрѣля коммисія, обсуждавшая это предложеніе, представила свой докладъ, въ которомъ говорится, что представленный Альвардтомъ матеріалъ нисколько не доказываетъ основательности его обвиненій. Это по большей части кони съ писемъ, изъ нихъ многія безграмотны и съ помарками. Вслѣдствіе такого заключенія, 20 апрѣля, рейхстагъ, не включая присутствовавшихъ на засѣданіи антисемитовъ, единогласно принялъ резолюцію коммисіи, что представленныя Альвардтомъ документы не содержатъ доказательства взыскимыхъ имъ на многихъ членовъ рейхстага и союзнаго совѣта обвиненій въ подкупности. Докладчикъ коммисіи предлагалъ Альвардту взять назадъ свои обвиненія, если только въ немъ сохранилась частица чести. Альвардтъ выразилъ готовность взять назадъ свои обвиненія, но протестовалъ противъ обращенія коммисіи съ нимъ и объявилъ, что приговору ея онъ не подчинится.

На другой день, по случаю второго чтенія военнаго законопроекта, рейхстагъ собрался въ такомъ сильномъ составѣ, какъ никогда не бывало въ теченіе нынѣшняго законодательнаго періода. Графъ Каприви сказалъ рѣчь, въ которой выразилъ, что дѣло идетъ о чести, существованіи и будущности Германіи. Отклоненіе военнаго законопроекта ухудшило бы политическое положеніе. „Даже дипломатическій гений князя Бисмарка, единственный за нѣсколько столѣтій, — продолжалъ канцлеръ, — считалъ усиленіе арміи необходимымъ. Пусть считается первичнымъ вопросомъ о томъ, достаточно ли наша армія въ настоящее время хотя бы только для стратегическихъ и оборонительныхъ цѣлей противъ одной только Франціи; все-таки участь нашихъ пограничныхъ областей въ случаѣ войны для насъ не безразлична. Народъ хочетъ сохранить Эль-

заст. Лотариппю. Въ день мобилизаціи наполненная патронная сумка дороже полного кошелька. Отклонение законопроекта произвело бы за границею впечатлѣніе слабости.

Новому французскому министерству удалось провести въ палатѣ депутатовъ бюджетъ 1893 года, правда, подправивъ, отчасти, тѣми измѣненіями, на которыя указалъ сенатъ, и принятіе которыхъ палатою нѣсколько времени тому назадъ рѣшило участь прежняго министерства.

Въ венгерскій сеймъ правительство внесло, 14 апрѣля, два церковно-политическіе законопроекта, которые касаются веденія метрическихъ записей о рожденіи гражданскими чиновниками и признанія еврейскаго вѣроисповѣданія, которому приравниваются все права, принадлежащія исповѣданіямъ христіанскимъ; такимъ образомъ, допускается также и переходъ христіанъ въ іудейство.

Искусство.

В. Любке.

Наука объ исторіи искусства понесла невознаградимую потерю. 5 апрѣля (нов. ст.) умеръ широко извѣстный своими трудами въ этой области Вильгельмъ Любке. Онъ родился 17 января 1826 года въ Дортмундѣ. Отецъ его былъ учителемъ народнаго училища, почему Любке съ дѣтства предназначался для преподавательской дѣятельности и поступилъ сначала на филологическій факультетъ въ Боинскій университетъ, гдѣ подъ вліяніемъ Кинкеля въ немъ и опредѣлился вкусъ къ его послѣдующей спеціальности. Послѣ того, онъ учился у Куглера, Гуля, Шнассе, Ваагена, — и исторія искусства стала дѣломъ его жизни. Работы Любке, литературная дѣятельность котораго началась съ 1853 года, представляютъ въ основаніи двѣ группы: спеціальныя труды по изученію памятниковъ нѣмецкаго искусства и труды по всеобщей исторіи художествъ. „Исследование о памятникахъ средневѣковаго искусства въ Вестфалии“, „Всеобщая исторія архитектуры“, „Исторія нѣмецкаго ренессанса“ и „Основы исторіи искусства“, суть капитальные труды ученаго съ обширною эрудиціею и большимъ талантомъ; первыя три изъ нихъ пользуются высокою репутаціею въ спеціальныхъ кружкахъ, а послѣднее и въ средѣ образованной публики. Затѣмъ „Исторія пластика“, „Ренессансъ во Франціи“ и масса небольшихъ спеціальныхъ работъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ изъ области исторіи искусства остаются послѣ него, какъ памятники его неутомимой дѣятельности. Въ числѣ послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть, въ частности, мемуаръ о картинахъ Микель-Анджело въ сикстинской капеллѣ и текстъ къ гравюрамъ Альбрехта Дюрера. Онъ много писалъ въ *Deutsches Kunstblatt*, *Zeitschrift für bildende Kunst*, *Nord und Süd* и др., а въ послѣднее время былъ постояннымъ сотрудникомъ мюнхенской *Allgemeine Zeitung*. Кроме того, Любке былъ выдающимся профессоромъ исторіи искусства въ теченіе 36 лѣтъ (съ 1857 г.) — сперва въ Берлигѣ, въ строительной академіи, потомъ въ Цюрихѣ, въ политехникумѣ, и, наконецъ, въ Карлсруэ, гдѣ онъ несъ также обязанности главнаго директора великогерцогскихъ художественныхъ собраний. Въ качествѣ сотрудника въ периодическихъ изданіяхъ, Любке писалъ иногда о литературѣ и музыкѣ, а отъ поры до времени отзывался и по современнымъ политическимъ вопросамъ.

Юліанъ Ивановичъ Симашко († 14 апрѣля 1893 г.).
Съ фот. Левинскаго, грав. Шюблеръ.

Научныя и техническія новости.

— Американецъ Муръ предлагаетъ новую систему воздухоплаванія. Аэростаты снабжаются электрическими двигателями и передвигаются вдоль воздушныхъ проволокъ, наподобіе электрическихъ трамваевъ, но на высотѣ отъ 5 до 14 саж.

— Въ городѣ Вольсвардѣ въ Голландіи 7 (19) іюля 1893 г. открывается выставка керосина и различныхъ приборовъ, дающихъ возможность употреблять его для освѣщенія, отопленія и полученія двигательной силы.

— Александръ Франкъ-Мичель изобрѣлъ очень остроумный и дешевый двигатель: полое внутри колесо, раздѣленное перегородками на нѣсколько отдѣленій, при чемъ каждая двѣ противоположныя камеры сообщаются между собою; весь же приборъ герметически запечатанъ. Въ камеры налита вода или какаляно другая испаряющаяся жидкость, къ которой прибавлено иногда летучее вещество.

Если подвергнуть какую-нибудь часть окружности колеса дѣйствію солнечныхъ лучей или пламени маленькой газовой горѣлки, а то и просто теплоты руки, то этого совершенно достаточно, чтобы привести колесо въ движеніе: происходящее отъ нагрѣванія измѣненіе въ давленіи жидкостей или газовъ, заключенныхъ въ камерахъ, заставляетъ колесо вращаться съ силою, пропорціональною разницѣ между нормальной температурой воздуха и температурою источника тепла. Небольшое количество налитой жидкости можетъ поддерживать движеніе колеса въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

— Поразительное по простотѣ средство открыли теперь въ Америкѣ для предохраненія плодовитыхъ деревьевъ отъ вредящихъ имъ червей: нужно только вбить въ каждое дерево по подложницѣ желѣзныхъ гвоздей. По всей вѣроятности, при этомъ происходитъ окисленіе желѣза сокомъ растущаго дерева и про-

никновеніе образующагося соединенія во всѣ части растенія.

— Ракъ плодовитыхъ деревьевъ, производимый микроскопическимъ грибомъ и проявляющийся въ отмираніи коры, слѣдуетъ лечить такимъ образомъ: вся побурѣвшая, т. е. пораженная ткань должна быть вырѣзана, а поверхность сдѣланной раны замазана камениугольной смолой, которая совершенно убиваетъ всѣ проникшія въ ткань дерева нити грибка. Послѣ операціи рану надо хорошо дезинфицировать, вымывъ его въ чистомъ спиртѣ.

— Найдено прекрасное средство для сохраненія картофеля: надо вымочить его въ водѣ, къ которой прибавлено отъ 1,5 до 2 частей обыкновенной сѣрной кислоты на 100 частей воды. Прилѣ сохранивъ такимъ способомъ картофель въ теченіе полугода года, при чемъ этотъ картофель не потерялъ нисколько своихъ питательныхъ свойствъ.

С М Ъ С Ъ.

Открытие всемірной выставки въ Чикаго состоялось, какъ было обѣщано ея устроителями, 1 мая новаго стиля. Выставка открыта президентомъ Кливлендомъ въ присутствіи несметной толпы

жителей. Всего собралось на это выдающееся международное торжество около 300,000 человекъ. Самое открытіе состоялось при необычной обстановкѣ. Президентъ ровно въ назначенный часъ на-

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ полчается ими „Нива“.

жалт киоку электрическаго аппарата и моментально съ свѣтомъ и грохогомъ завертѣлись всѣ машины и распустились всѣ колосальные флаги, украшающіе зданіе выставки.

Замѣчательно богатый золотой песокъ найденъ на островѣ Лешкоекъ, лежащемъ близъ Огненной Земли (въ Южной Америкѣ). Приходящія отсюда извѣстія просто баснословны: одинъ золотонискатель въ теченіе одного только дня добылъ 27 фунтовъ золота, стоимостью до 26.000 доллароевъ.

Статистика землетрясеній обнаружила интересный фактъ, что 60% всѣхъ землетрясеній приходится на зимніе мѣсяцы, при чемъ максимумъ падаетъ на январь, минимумъ же приходится на іюль. Въ области Средиземнаго моря число землетрясеній, случающихся въ декабрь, январь и февраль, относится къ числу лѣтнихъ землетрясеній (іюнь, іюль и августъ), какъ 5 къ 2.

Изь жизни Россини. Россини прѣѣхалъ однажды въ Неаполь; пѣвственный импрессаріо Барбайя предложилъ къ его услугамъ весь свой домъ и предоставилъ ему приглашать къ себѣ друзей, однимъ словомъ, жить въ свое удовольствіе на его средства съ тѣмъ лишь, чтобы Россини написалъ оперу. Россини съ удовольствіемъ согласился на это, приглашалъ и угощалъ своихъ друзей, но объ оперѣ и не помышлялъ. Барбайя сталъ напоминать ему объ этомъ. Тогда Россини принужденъ былъ водворить съ нимъ условіе, обязывавшее его написать оперу въ шесть мѣсяцевъ. Прошло еще пять мѣсяцевъ. Россини и не начиналъ оперы. Въ началѣ шестого мѣсяца Барбайя не вытерпѣлъ, и въ одинъ прекрасный день заперъ знаменитаго композитора въ комнату и заявилъ, что онъ его не выпуститъ, пока тотъ не напишетъ оперы. Никакія просьбы и увѣренія не помогли. Пришлось сѣсть за работу и исполнить обязательство. Къ вечеру перваго дня Барбайя получилъ уже увертюру къ новой оперѣ „Огелло“. Тотчасъ она была исполнена на роялѣ тутъ же, въ домѣ импрессаріо, и вызвала общій восторгъ. На слѣдующій день Россини написалъ первый актъ, а черезъ три дня была скопанована вся опера. Барбайя былъ въ восхищеніи. Черезъ восемь дней опера уже была съ успѣхомъ поставлена на сценѣ. Въ пылу восторга, отъ избытка чувствъ, Барбайя кинулся съ объятіями на композитора, но Россини вѣжливо уклонился отъ этого. На слѣдующій день Россини исчезъ изъ Неаполя, а вмѣстѣ съ нимъ и примадонна Барбайи, Кольбранъ. Барбайя былъ виѣ себя отъ гнѣва и успокоился тогда только, когда ему сообщили, что Кольбранъ стала женой Россини. „Ну, по крайней мѣрѣ, я отомщенъ!“ воскликнулъ съ облегченіемъ Барбайя.

Визитныя карточки изъ алюминія. Во Франціи съ недавняго времени начали изготовлять изъ алюминія визитныя карточки, превосходящія бумажныя своей изящностью, изумительной легкостью, отчетливо и ясно выступающимъ на нихъ шрифтомъ и т. д. Онѣ могутъ служить также для благотворительныхъ цѣлей, такъ какъ имѣютъ свою цѣковую цѣнность, которой онѣ не теряютъ, понятно,

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Одинъ изъ нашихъ подписчиковъ, приступающій къ собранію отечественныхъ пословицъ и поговорокъ, проситъ лицъ, которыя пожелаютъ содѣйствовать ему въ этомъ, сообщать ему всякаго рода мѣстныхъ пословицъ, поговорки, присловья, скороговорки, сказки, побасенки, реченія, иносказанія, и всякаго рода другія выраженія и обороты устной рѣчи по слѣдующему адресу: Волгава. Д. Ст. С. П. П. Тимофѣеву. Собственный домъ.

Портрѣтъ В. И. Рубинштейна Цукерторга можетъ выписываться черезъ любой книжный магазинъ. Портрѣтъ его у Veit & Co Leipzig.
С. Наволоки. М. С. Одна задача годится.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. инородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

и послѣ своего употребленія. Сотня такихъ карточекъ въ продажѣ стоитъ во Франціи отъ 4 до 5 франковъ. Тысяча же старыхъ карточекъ можетъ доставить собравшему ихъ два и, пожалуй, даже три франка.

Новѣйшія изслѣдованія ископаемыхъ животныхъ Черноморскаго бассейна, произведенныя Ванъ Бенедеккомъ, обнаружили присутствіе всѣхъ организмовъ, свойственныхъ нѣмъ водамъ океана. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что къ концу миоценоваго періода вся центральная Европа перерѣзана была многочисленными морскими заливами, а Черное море доходило до Вѣны и даже до Констанцкаго озера. Къ концу же предшествовавшаго современному третичнаго періода, вслѣдствіе значительныхъ поднятій суши, образовался Босфоръ, а воды Средиземнаго моря сосредоточились въ бассейнѣ, имѣвшемъ первоначально соединеніе съ Ледовитымъ океаномъ. Всѣ эти измѣненія способствовали появленію новой фауны, мало-по-малу вытѣснившей прежнюю. Только въ Каспійскомъ морѣ, которое отдѣлилось и замкнулось раньше, чѣмъ успѣли развиться новыя формы, сохранилось много видовъ прежней фауны, и въ немъ насчитываютъ до 45 видовъ рыбъ, не существующихъ ни въ Черномъ, ни въ Аральскомъ морѣ, и только шесть видовъ оказываются общими для этихъ морей.

Ребусъ. Задача № 12.

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Н. М. Н. Волонскаго. (Продолженіе).—Назани и ихъ тактика.—Весенній день (рис.).—Дипломатическое сочинительство. Истинное происшествіе.—Въ Архипелагѣ Липу.—Къ рисункамъ: Одинокій дубъ (съ рис.).—Раннее утро за городомъ (съ рис.).—Изь прошлаго (съ рис.).—Ермакъ, покоритель Сибири (съ рис.).—Малороссійская дѣвочка (съ рис.).—„Царь Эдипъ“ (съ рис.).—С. М. Духовской (съ портр.).—Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ (съ портр.).—Ю. И. Симашко (съ портр.).—Разныя извѣстія.—Политическое обозрѣніе.—Искусство. В. Любке.—Научныя и техническія новости.—Смѣсь.—Завѣщеніе.—Ребусъ.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

При семь № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за МАЙ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1893 г. съ 36 рис. и отд. листъ съ 30 чертеш. выкр. въ натур. велич. и 45 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Н. М. Н. Волонскій.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

В. С. СОЛОВЬЕВА.

Историческая повесть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русск. исторіи XVI в. Тѣмъ отъ украинца. 20 рис. художника П. С. Панова. Изданіе III. СПб. 1885 г. II. 2 р., съ перс. 2 р. 50 к., въ колѣнк. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 50 к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
Невскій просп. № 42. С.-Петербургъ.
Рекомендуетъ часы собственнаго производства прусской системы.
Лицамъ которымъ точный и вмѣстѣ съ тѣмъ недорогой измѣнчивый РИТЕЛЪ ВРЕМЕНИ составляетъ существенную необходимость, Ручательство за вѣрность ода и прочность механизма на четыре года.
Иллюстриров. Прейсъ-куранты высылаются бесплатно.

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; въ кол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (26)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУ ТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ. придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Кавказскій и крымскій коньякъ Н. Д. ШУСТОВА съ С-мп.

Москва, Ермолаевская-Садовая, собств. домъ.

№ 63-5

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ
искусственными
превосходными БРИЛЛИАНТАМИ.

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6289 10-9
№ 358. Золотыя серьги на винтиках. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.
БАЗАРЪ МАРКЪ
С.-Петербургъ,
Невскій просп., № 20—31.

Иодисто-соляное КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ. Верхняя Австрія.
Самая крѣпкая Іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и специальныхъ болѣзней, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лечебнымъ средствомъ. Превосходныя лечебныя приспособленія (купанья и минеральная вода, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефиръ).
Весьма благоприятныя климатическія условія. Железнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунай. **СЕЗОНЪ** съ 15-го мая по 30-е сентября.
Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаютъ бесплатно
К. № 6273 4—3 Лечебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

74-Й ПѢХОТНЫЙ СТАВРОПОЛЬСКІЙ ПОЛКЪ
присутствію къ составленію полкового альбома для офицерскаго собранія, проситъ всѣхъ гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, классныхъ чиновниковъ и лицъ духовнаго званія, когда-либо служившихъ въ семь полку, прислать свои фотографическія карточки съ надписью на нихъ времени служенія въ семь полку, въ г. Балту, Подольской губ. № 6382 3—1

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

27 1/2 версты въ 12 часовъ.
Англійскіе велосипеды заводовъ:
Зингеръ и Ко. и Компан. „Триумфъ“.
Представитель:
Генрихъ Георгиевичъ ЖЕМЛИЧНА.
Москва, уголъ Тверской и Газетнаго переулка, домъ Фальцъ-Фейна, маг. № 19.

КРАСКА
ДЛЯ ВОЛОСЪ
ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА
АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ
окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣтъ,—смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе. № 5924
Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
Главный складъ А. Энгельдъ, С.-Петербургъ, Басейная, № 2. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

КАТАЛОГЪ на 1893 г. **РЕСТАВРАНО.**
АНГЛІЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
старѣйшей фабрики
компаніи **РУДЖЪ Ковентри**
съ новостями на 1893 годъ.
Представители для всей Россіи
Ц. № 6299 торговый домъ 8—8
АВАЧИНЪ И ОРЛОВЪ.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. № 6326 В. ГЕНА въ Вѣнѣ 8—3
изъ грецкихъ орѣховъ.
Безвредное средство для быстрого окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно и свѣтло-каштановый цвѣтъ. Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ МАРКА.

ИЗЪЯНЫ ВОЛИ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ

Н. Д. МАСЛОВА.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большой, изящно изданный томъ, въ 371 стран. убористой печати, въ красивой обложкѣ, съ виньеткою худож. Р. Штейна. СПб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

Употребляется для мытья лица и рукъ. Способъ употребленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Benzoeвое мыло 35 к. и 50 к. кускомъ; Опонмада (душе вольды-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к. въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазинах. и аптекахъ Россіи.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

5 Р. КРАСИВО ПИСАТЬ выучивъ всякаго **ЗАОЧНО** (по-средствомъ лекцій корреспондентіи) въ 10 уроковъ. **ЗАУСПѢХЪ ГАРАНТІЯ.** Подробное объясненіе преподаванія высылаю за 3 семимѣсячныя марки. № 6341 26—3
10 Р. ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ обучаю **ИНОГОРОДНЫХЪ** вполнѣ и основательно въ 2—3 мѣсяца. При окончаніи выдаю ученику **СВИДѢТЕЛЬСТВО.** Адресъ: Москва, Покровка, Учит. нал. и бух. А. С. Шиманскому.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
СРЕДСТВО
для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14—10

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрат. письменно: **Генрихъ Блокъ,** С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12—5

ГЛАВ. СКЛАДЪ МОСКВА
У Л. Я. **СТОЛКИНДЪ.**
КРУПНИКЪ
ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ КРЫСЪ И МЫШЕЙ
ПРОВ. ФРОНШТЕЙНЪ
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ ПО 30 И 50 К.
ФУРКАСОВС. ПЕР. Д. ОБЪЕДИНОЙ

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕНЫЙ КОФЕ
ТВЕРСКАЯ.
Д. ГИРЯСЬ
ВЪ МОСКВѢ.
КОФЕ И ПИИОНЪ
ИЗЪ ВЪСЬХЪ ПИИОНОВЪ
ИЗЪ ВЪСЬХЪ ПИИОНОВЪ
ИЗЪ ВЪСЬХЪ ПИИОНОВЪ
Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖИЙ.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ПРОВИЗОРЪ
АМОСТРОУМОВА
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТЫ
УТВЕРЖАЕН ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
МАРКУ ЗА № 337
ОСТЕРИГАЙТЕСЯ ПСЕВДОЛКЪ.

НОВОСТЬ!
ДИАМАНТИНЪ.
Гравированіе на стеклѣ.
Всякій, даже ребенокъ, можетъ гравировать, при посредствѣ простаго писма, обмыснутаго въ эголь составъ, на любомъ стеклѣ, стеклянной и другой посудѣ, всякія инициалы, рисунки и т. п. Составъ расходуетсѣ по каплѣ, цѣна флакона 1 р. 50 к. Единственное агентство: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. Заказъ высылаются немедленно; можно и наложеннымъ платежемъ. № 6379

ШОКОЛАТЬ
ФАБРИКЪ **ЕСТУКЪ**
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РУССІИ
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
ОТЪ ПОДЪИМАНІЯ
НА ШЕЛЪ
МАРКИ

EAU, PÂTE, POUDDRE
DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

№ 6285 13—13

ПИАНО-МЕЛОДИКО.

Механический музыкальный инструмент со струнами, оригинально звучащий тоном, похожий на тоны оркестра из мапюлинга. Цена без нот 80 р. Ноты по 70 коп. за метр (= 1 1/2 арш.).

Каталог и нрсь для пиано-мелодико и пиано-рирорван. прейс-курант бесплатно. Заказы из провинции исполняются немедленно и аккуратно.

По получении задатка приблизительно 1/3 стоимости заказа требуется высылается с надлежащим платежом на оставшую сумму.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкий мостъ, д. Захарьина.

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ. ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ

для кожи лица и рукъ. При покупке настоящего вазелинового мыла Голлендера, просимъ обращать внимание на утвержденную Правительствомъ фабричную марку и подпись Г. Голлендеръ и требовать всегда мыло Голлендеръ. Цена 30 к. Вазелиновое жирное мыло . . . кор. 60 к. Вазелиновое мыло-кремъ . . . бан. 35 к. Вазелиновое мыло . . . бан. 35 к. Ландышевое мыло . . . фл. 1 р. Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи. ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ. (2) № 6340 С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, № 1. Продажа въ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

ЗОЛ. МЕДАЛИ, благодарности ко двору, роля Эдлинговъ и др. Въ 6 уроковъ выучивая писать красиво и скоро заочно. За двѣ 7 коп. марк. высылка условия и пр. письма. Одесса, проф. № 6261 кат. Конидарисъ. 6-5

УДОЧКИ и всѣ вообще принадлежности для рыбной ловли получены изъ Англии въ большомъ выборѣ въ маг. С. И. Дойнинова Невскій просп., Милютинъ рядъ, С.-Петербургъ. № 27. Иллюстрированный прейс-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается бесплатно.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА. Первый и самый обширный въ Европѣ питомникъ породистыхъ собакъ. ЦЕНА въ Германіи. Прейс-кур. на нѣм. и франц. яз. бесплатно.

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи. Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными. **САМЫЙ ОВШИРНЫЙ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.** Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ**, (основ. въ 1863 г.) МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, П. № Кокандъ и Екатеринбургъ. 25-16 5982 Новый каталогъ 80 страницъ. **БЕЗПЛАТНО.**

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac-simile по оригиналамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно:

- 1) Профессора И. К. АЙВАЗОВСКАГО: „Лунная ночь на берегу Чернаго моря близъ Сухумъ-Кале“.
- 2) Академика А. Н. БЕНУА: „Вечеръ“.
- 3) Профессора А. П. БОГОЛЮБОВА: „Морской каналъ въ С.-Петербургѣ“.
- 4) Профессора Н. Д. ДМИТРИЕВА-ОРЕНБУРГСКАГО: „У колодца“.
- 5) Натаніеля ЗИХЕЛЯ: „Фатма“.
- 6) А. М. КОТЛЯРЕВСКАГО: „Спяталася“. (Сцена изъ малоросс. жизни).
- 7) Профессора Н. А. КОШЕЛЕВА: „Изъ дѣтства Петра Великаго“.
- 8) Профессора Л. Ф. ЛАГОРЮ: „Близъ Ай-Петри въ Крыму“.
- 9) Профессора К. Е. МАКОВСКАГО: „Бояринъ“.
- 10) В. И. НАВОЗОВА: „У яблоковъ“.

Картины заключены въ роскошную папку (10 вершк. длины и 8 вершк. ширины; той-же величины и картины), украшенную акварелью акад. С. Ѳ. Александровскаго. Каждая картина въ альбомѣ печатана 15—20 красками, на лучшей бѣлой бристольской бумагѣ, и представляеть сама по себѣ отдѣльное художественное произведеніе, такъ что желающій видѣть ту или другую акварель у себя на стѣнѣ въ рамѣ—можетъ для этой цѣли вынуть изъ альбома сколько угодно листовъ. На особомъ листѣ помѣщенъ объяснительный текстъ къ картинамъ и краткая характеристика ихъ авторовъ.

Цена 3 р. съ пер., для гг. подписчиковъ „Нивы“ 2 р. съ пер. Требования просить адресовать въ СПБ.—гг. въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

изданное А. Ф. Марксомъ, подъ редакціею А. И. Введенскаго, съ биографіею и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали Ф. А. БРОКГАУЗОМЪ въ Лейпцигѣ.

Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ извѣстное по рукописямъ или печатному тексту, А МНОГОЕ ВПЕРВЫЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ВЪ ПЕЧАТИ. Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ слова изданіе исправленное, тщательно сверенное съ рукописями или съ печатными текстами въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній былъ установленъ самимъ авторомъ. Сочиненія напечатаны на лучшей бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сброшюрованныхъ въ два тома въ 80, объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1264 страницы).

Предлагаемое изданіе по полнотѣ содержанія и изящной внѣшности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій.

Цена за экземпляръ полнаго собранія сочиненій 1 р. 50 к., а съ перес. 2 руб. Въ двухъ колѣнкорывыхъ, тисненыхъ красками, переплетахъ 2 руб., а съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ СПБ., въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

Д-ръ Волицкій лечитъ наружныя, кожныя, грудныя болѣзни, ракъ и электротер. Невскій, 57, кв. 5. Отъ 2—3 в 6—7 1/2 ч. в.

ЛЕННИНГЪ и ГРОЗНИГЪ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

КРАСИВО ПИСАТЬ выучивается всякій заочно (посредствомъ переноски) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ А. КОССОДО.

Методъ премированъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52—15 За 2 семикопѣечныя марки высылается пробное письмо и условия. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ПАВЕЛЬ БУРЕ поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнечскаго моста. **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. прейс-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ. С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Елѣнцскаго моста, дозъ № 7—2. 26—7 Иллюстрированные прейс-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ЖИРНАЯ ПУДРА

лучшая для кожи лица и рукъ. При покупкѣ просить обращать вниманіе на утвержд. фабрич. марку:

№ 4711. ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛЪОКЪ! Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за-границы. Ц. № 6377

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К^о. Лмтд.“ лучше въ свѣтѣ! Предлагаеть торговый домъ **Г. ЖЕМЛИЧЕВА и К^о.** Москва, Пестинскій просп., дозъ Елѣнкой. Прейс-куранты—бесплатно.

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придающіе неперильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, высылаются за 1 р. 10 к. шт. съ налогомъ. Иллюстр. Адр.: въ Москву У. Пилыцъ.

ВЕЛОСИПЕДЫ

съ повѣвшими усовершенствованіями лучшихъ заграничныхъ фабрикъ предлагаетъ по удешевленнымъ ценамъ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **РОБЕРТА ГЕТЦЪ.** С.-Петербургъ, уголь Садовой и Гороховой, домъ ВОДЕНИКОВА. Оптовый складъ по 11 ротѣ Исаиловскаго полка, въ собственномъ домѣ, № 6. Тутъ-же и продажа въ розницу. № 6376 Каталогъ высылается бесплатно.

НОВОЕ УПРАВЛЕНІЕ

Высочайшимъ указомъ призна-ны имѣющими общественное значеніе. **СТОЛЫПИНСКАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА И ГРЪЗНИ КУМЬСОУВЕННИКА.** Под-робио-сти поч-тов. Адр.: Самарская губ., Почтов. Отдѣл. Криво-лучье, въ контору Столып. мин. водъ. Сезонъ съ 25 мая по 10 августа.

XXIV г.
№ 19

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и Выдаѣт 8 мая 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЦЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (¼ шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Agence Navas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Ri-
dolf Mosse по 2 марн 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.
На ¼ года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
На ½ года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Весна. Рис. Л. Перро, грав. Бодь.

Поле зыблется цвѣтами...
Въ небѣ льются свѣта волны...
Вешнихъ жаворонковъ пѣнья
Голубыя бездны полны.

Взоръ мой тонеть въ блескъ полдня...
Не видать пѣвцовъ за свѣтомъ...
Такъ надежды молодая
Тѣшатъ сердце мнѣ привѣтомъ...

И откуда раздаются
Голоса ихъ, я не знаю...
Но, имъ внемя, взоры къ небу,
Улыбаясь, обращаю.

А. Н. Майковъ.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

III.

Русскіе люди.

— Да, такъ вотъ какія дѣла... говорили Орловъ кенигсбергскому другу своему Артемію, сидя съ нимъ въ своей, довольно скромной, холостой квартирѣ. Былъ пятый уже часъ ночи, но ни тому, ни другому не хотѣлось спать.

Артемію, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, первымъ долгомъ отыскалъ Орлова, что, впрочемъ, не трудно было сдѣлать ему.

Орловъ пользовался большою популярностью среди военныхъ, и почти всякій изъ нихъ зналъ домъ у Поллицейскаго моста, гдѣ жилъ Григорій Григорьевичъ.

Измѣнились Артемію за годъ своей военной жизни—измѣнились не много. Онъ окрѣпъ только, возмужалъ и развился. Въ глазахъ его появилось теперь что-то особенное. Они глядѣли сосредоточеннѣй, задумчивѣй, точно онъ въ душѣ зналъ уже нѣчто такое, что ставило его выше остальныхъ людей.

Григорій Орловъ былъ для него человѣкомъ своимъ, близкимъ, знавшимъ то-же, что зналъ самъ онъ, и духовно-развитымъ, можетъ быть, даже больше его самого, благодаря своей щедро одаренной судьбою природы.

Утромъ Артемію не засталъ Орлова. Ему сказали, что онъ вернется домой лишь къ вечеру. Артемію пріѣхалъ къ нему вечеромъ и засидѣлся до позднихъ часовъ.

— Такъ ты говоришь, продолжалъ спрашивать Орловъ,—что тамъ у васъ не довольны перемиріемъ?..

Артемію взмахнулъ руками.

— Да какъ-же быть довольнымъ!—ты представь себѣ пять лѣтъ лишений, труда, войны и страшныхъ усилій—и вдругъ, послѣ всего этого, вчерашній нашъ врагъ, который былъ уже почти въ нашихъ рукахъ, разбитъ, уничтоженъ—становится съ нами за напирата, нашимъ союзникомъ; мы, побѣдители, словно побѣжденные, отдаемъ ему всѣ завоеванныя области, отдаемъ Пруссію и сами являемся чуть-ли не на послышкахъ у него...

Орловъ кивалъ головою почти на каждое слово Артемія.

Слова эти были отголоскомъ, дѣйствительно, подымавшегося неудовольствія въ заграничной нашей дѣйствующей арміи противъ заключеннаго нами вдругъ неожиданно мира съ Пруссіей на равныхъ условіяхъ. Миръ этотъ былъ результатомъ единственно безграничной преданности Петра III Фридриху и его восхищенія передъ нимъ. На другой-же день послѣ смерти Елизаветы Петровны было послано приказаніе о прекращеніи военныхъ дѣйствій.

— Да, ужасно, ужасно! подтвердилъ Орловъ, въ свою очередь.—О войнѣ кто говоритъ!—ее можно было прекратить—но намъ нуженъ былъ почетный миръ, Фридрихъ-бы согласился на всякія условія и даже былъ-бы радъ имъ,—а тутъ на-вотъ, поди!.. Мы-же и извиняемся, что побѣдили, мы просимъ прощенія... Скажи, пожалуйста, за что-же мы съ тобой рисковали жизнью, за что ты былъ раненъ, за что было убито столько нашихъ?..

Орловъ, разгораясь, всталъ со своего мѣста и, блестя своими красивыми большими глазами, сжимая свои сильныя руки, говорилъ быстро и гнѣвно.

— Да, я, признаюсь, не пойму ничего уже... возразилъ Артемію.—Слышалъ я про государя многое, но вѣрить боялся; онъ, говорятъ, совѣмъ точно не въ своемъ умѣ...

Орловъ заходилъ по комнатѣ.

— Не одинъ миръ этотъ! продолжалъ онъ, занятый своими мыслями и не слушая того, что говоритъ Артемію,—ты посмотри, что у насъ тутъ дѣлается!.. Недавній мой арестантъ Шверинъ, котораго я привезъ сюда послѣ Цорндорфа—является съ полномочіями, какъ важное лицо,—и ты знаешь, кто теперь главный распорядитель судебъ нашей родины, нашей Россіи?—Нѣмецкій офицеръ—двадцати-шести-лѣтній Гольцъ, присланный сюда Фридрихомъ... Онъ пьетъ умѣетъ англійское пиво, да кнастеръ курить, и, среди чада этого пьянства и табачнаго дыма, полновластно хозяйничаетъ у насъ!..

— Быть не можетъ! не удержался Артемію.

— Да—учредили верховный совѣтъ, и въ немъ за-сѣдаютъ: его высочество герцогъ Георгъ-Людовигъ Голштинскій, его свѣтлость принцъ Голштейнъ-Бекскій и Минихъ... хорошо?.. Затѣмъ военная коммисія: опять герцогъ Георгъ, принцъ Бекскій и тутъ уже Унгернъ, генераль-адъютантъ... а надъ всѣми ими все-таки Гольцъ... и опять Гольцъ... Я и противъ нѣмцевъ не былъ-бы,—отчего-же?—между ними есть умные парни—и у насъ были Остерманъ, тотъ-же Минихъ, Биронъ даже,—всѣ они блюли русскіе интересы, по-своему, можетъ быть—это статья особая, но все-таки блюли по своему разумѣнію честно выгоды страны, которою управляли... А теперь что-же это?—интересы чужихъ государствъ, Пруссіи и Голштиніи, ставятся выше нашихъ! Мы идемъ въ лакеи къ пруссакамъ и молимъ ихъ ига, какъ заслуженнаго счастья... мы согласны на позорный для Россіи миръ, чтобы вмѣстѣ съ Фридрихомъ идти отвоевывать у датчанъ клочокъ Голштинской земли...

— Какъ идти отвоевывать! развѣ новая война предположена?..

— Да, съ Даніей, изъ-за Голштиніи... развѣ у васъ не было извѣстно этого?

— Можетъ быть, въ штабѣ, а отъ строя держать это въ секретѣ—пока. Такъ что-же, для этой новой войны и несчастный миръ этотъ заключенъ?..

— А ты думалъ какъ-же иначе?..

— Ну, ужъ меня тамъ не будетъ—нѣтъ, довольно...

— Пошлютъ, такъ пойдешь...

— Нѣтъ, не пойду... не бывать этому...

Орловъ вздохнулъ, улыбаясь.

— И не только „этому бывать“, вѣроятно, проговорилъ онъ,—но и хуже будетъ...

— Что-же еще?

— А то, что вѣру нашу перемирятъ.—Уже велѣно иконы изъ церквей вынести, священникамъ бороды обрить и платье носить такое, какъ у иностранныхъ пасторовъ. Начало хорошее. Дальше пойдутъ скоро...

Артемію тоже привсталъ. Онъ обѣими руками оперся на столъ и, вытянувъ шею, глядѣлъ на Орлова, словно вмѣсто него видѣлъ передъ собою смертельнаго врага. Лицо его было красно, жилы посинѣли и вздулись.

— Велѣно?—ты говоришь: велѣно... кому?.. вздоръ все это... быть не можетъ... проговорилъ онъ, едва переводя духъ.

По мѣрѣ все возрастающаго волненія Артемія, Орловъ, напротивъ, становился все спокойнѣе.

— Кому велѣно? отвѣтилъ онъ.—Дмигрію Сѣчену, Новгородскому архіерею...

— Ну и что-жъ онъ?

— Да пока еще ничего, Сѣчену, вѣроятно, не согласится—его смѣнять, и если не найдутъ право-

славнаго, который пойдет на это—призовутъ иностраннаго...

Артемій дѣлалъ напрасныя усилія совладать съ собою.

— Такъ нѣтъ-же, не бывать этому, не бывать!.. крикнулъ онъ и ударилъ по столу кулакомъ.

Орловъ вдругъ тихо засмѣялся, какъ-бы раззадоривая его этимъ смѣхомъ еще больше.

— Эхъ, милый мой! напрасно горячишься: здѣсь-то ты очень сердито по столу стучишь,—ну, а подумай, на самомъ дѣлѣ, что ты, маленький офицеръ, можешь подѣлать?..

Артемій провелъ рукою по лицу.

— Я не знаю, что я могу подѣлать, но увѣренъ, что не я одинъ чувствую то, что происходитъ теперь у меня въ душѣ,—вѣрно, каждый русскій человѣкъ чувствуетъ такъ...

Орловъ скрестилъ руки на груди и долго пристально смотрѣлъ прямо въ лицо Артемію.

— Но кто-же изъ истинно-русскихъ людей пойдетъ противъ своего государя?.. проговорилъ онъ, наконецъ, отчеканивая каждое слово.

Артемій оставался нѣкоторое время неподвиженъ, точно слова Орлова не сразу достигли его слуха, и потомъ безсильно снова опустился на стулъ...

— Да, но, вѣдь, другого выхода нѣтъ!..

Орловъ, попрежнему, смотрѣлъ на него.

— И ты-бы могъ идти, проговорилъ онъ опять,—ты, истинно-русскій человѣкъ, офицеръ, носящій съ честью свой честный, омытый и твоею кровью, и кровью товарищей, мундиръ?—Ты-бы могъ стать на ряду съ бунтовщиками, достойными висѣлицы!..

Артемій взялся за голову.

— Да, по что-же дѣлать, что-же дѣлать!.. повторялъ онъ.

— Только не бунтъ, только—не насиліе и не зло...

Артемій вдругъ поднялъ голову и, въ свою очередь, взглянулъ на Орлова. Нѣчто въ родѣ надежды блеснуло въ немъ.

— Послушай, Григорій Григорьевичъ, у тебя, вѣрно, готовъ уже выходъ изъ этого положенія— иначе ты слишкомъ спокоенъ...

Орловъ сталъ серьезенъ. Брови его сдвинулись, онъ подошелъ почти вплотную къ Артемію.

— Да, ты угадалъ, отвѣтилъ онъ, невольно понижая голосъ,—да, выходъ есть, есть надежда на спасеніе,—и не все еще пропало, пока жива государыня... и пока не заточена она въ монастырь... (Голосъ его дрогнулъ). Дѣло поставлено такъ, что надъ нею чуть-ли не издѣваются теперь, ее хотятъ заточить, чтобы промѣнять ее на другую, жалкую, недостойную, и тогда—тогда для насъ погибнетъ всякая надежда, потому что *противъ* государя мы не поидемъ, а поидемъ за государыню,—не на насиліе разчитываемъ мы, но на призывъ лица, которое имѣетъ право носить императорскую корону, на призывъ государыни, которая одна можетъ спасти Россію!..

— Да, но, вѣдь, она тоже иностранка, не сразу отвѣтилъ Артемій.

Орловъ всыхнулъ.

Была минута, что онъ, казалось, не въ силахъ былъ сдержатъ себя.

— Иностранка! почти крикнулъ онъ,—ты не видишь того, чего не знаешь...

Но онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и вернулся къ Артемію болѣе спокойнымъ.

— Ты знаешь, какая она иностранка? когда ее привезли для свадьбы въ Москву—она заболѣла тамъ. Ей пускали кровь. Въ обморокъ, разумѣется, не упала она—и спокойно смотрѣла, какъ производили ей операцію... Къ ней подошла императрица Елизавета и спросила, не больно-ли ей,—она улыбнулась и отвѣтила, что пусть течетъ эта ея, чуждая новой ея родинѣ, кровь, чтобы можно было ей здѣсь обновить ее и стать русскою... И

это были не слова, а истинная правда—государыня Екатерина захотѣла и стала... Нужно совѣмъ не знать ее, какъ ты не знаешь, чтобы не удивляться ей...

Православную вѣру она приняла по убѣжденію твердому и ясному, понявъ величіе и дѣльность нашего православія... ты поиди какъ-нибудь (я проведу тебя) въ дворцовую церковь, посмотри, какъ она молится...

И долго говорилъ Орловъ, рассказывая Артемію про государыню, и слова его дышали восторгомъ, невольнымъ передававшимся его слушателю...

IV.

Екатерина.

Въ то время, какъ тридцати-трехлѣтній Петръ Ѳедоровичъ, словно ребенокъ, дорвавшійся до свободы дѣйствовать по своему, дѣтскому капризу, предавался съ утра до ночи и съ ночи до утра всякаго рода излишествамъ,—Екатерина скромно жила на своей половинѣ во дворцѣ,—рѣдко являлась на людяхъ и показывалась лишь въ церкви, да на официальныхъ приемахъ. Она носила глубокой трауръ по покойной государынѣ и, казалось, ни во что не вмѣшивалась, ничего не дѣлала—жила совѣмъ въ сторонѣ...

Петръ Ѳедоровичъ не только не любилъ ее, но, видя въ ней живой и молчаливый укоръ своимъ поступкамъ, старался или избѣжать, или, при встрѣчѣ, доказать, что онъ выше ея, сильнѣе. Но силу эту онъ умѣлъ проявить только грубостью, не понимая, что она унижаетъ его самого и въ глазахъ прочихъ возвышаетъ его преслѣдуемую жену-государыню.

Разница между нимъ и ею была скоро понята. Довольно было видѣть ихъ въ церкви во время богослуженія, чтобы сразу опредѣлить, каковъ былъ онъ, громко разговаривавшій, смѣющийся со своими нѣмцами во время совершения таинства,—и она, тихая, прекрасная, величественная, не спускавшая глазъ съ иконы.

Капризное своеволие Петра съ каждымъ днемъ разгоралось сильнѣе, и жизнь Екатерины становилась тяжелѣе. Онъ уже дошелъ до того, что публично, на обѣдѣ въ честь заключенія мира съ Пруссіей, назвалъ ее „дурой“... Слово „монастырь“ не разъ срывалось съ его губъ, когда онъ говорилъ о женѣ...

Между тѣмъ народное недовольство беспорядочными распоряженіями новаго царствования росло. Всѣ понимали, что долго продолжаться такъ не можетъ.

Наслѣдникъ престола былъ еще ребенкомъ. Взоры всѣхъ невольно обращались къ государынѣ.

Но она, попрежнему, жила тихо и уединенно на своей половинѣ, переносила оскорбленія, и, новидимому, ничего не предпринимала.

Люди близкіе къ Петру, въ прямой выгодѣ которыхъ было заботиться о немъ, т. е., главнымъ образомъ, о сохраненіи за нимъ власти, которая была ихъ властью,—слѣдили за Екатериной...

Но, судя по всему, безпокойство было напрасно.

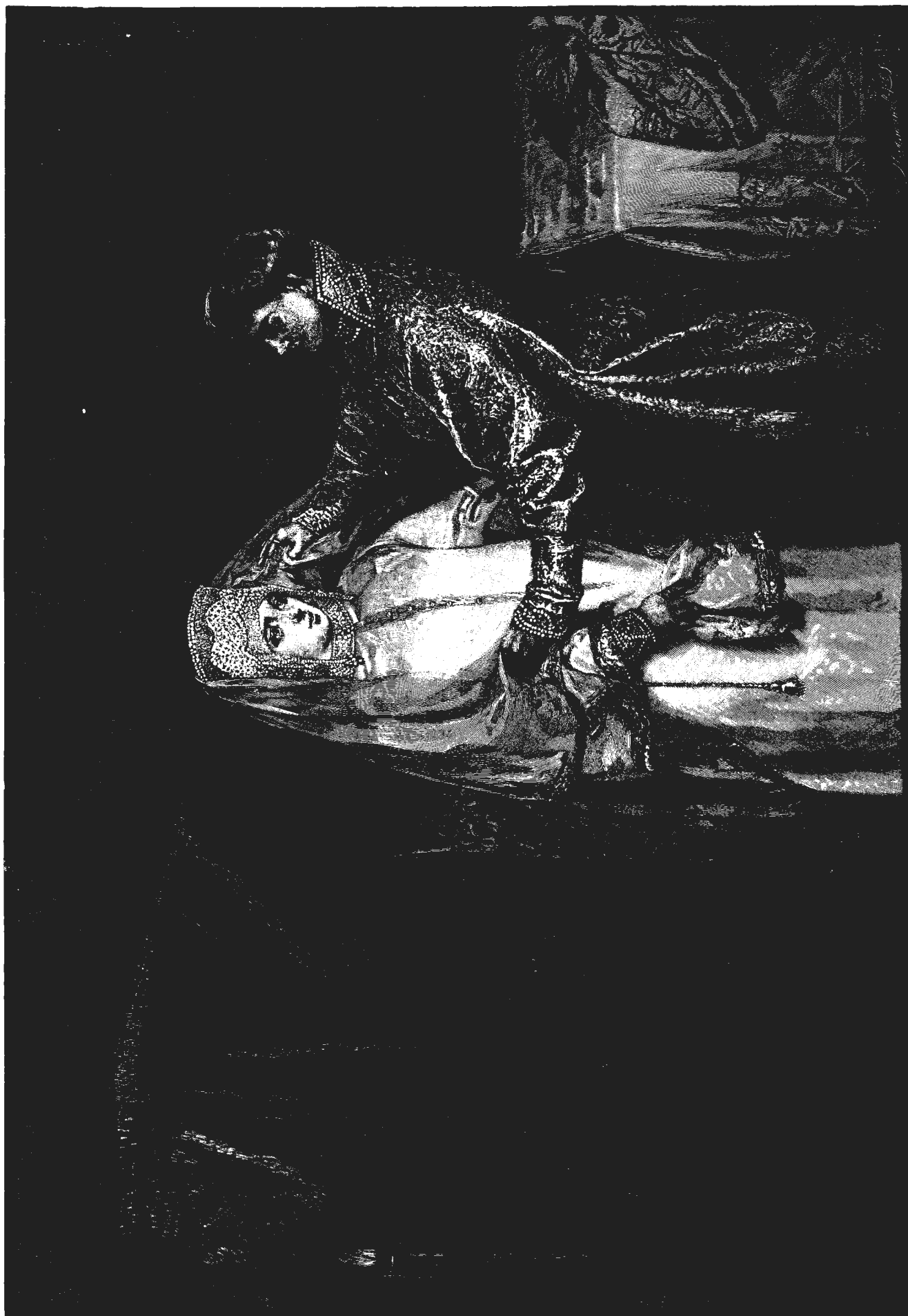
Кромѣ лицъ самыхъ близкихъ, государыня никого не видала, ни съ кѣмъ не разговаривала. Уединеніе ея было у всѣхъ на виду. Она жила или въ Петербургѣ, или въ Петергофѣ, да изрѣдка ѣздила на пригородную мызу свою, гдѣ былъ управляющимъ пьемонтецъ Одаръ.

Хоть онъ казался человѣкомъ незначительнымъ вполнѣ, но все-таки, на всякій случай, наблюденіе за нимъ было поручено земляку его, итальянцу Торичіоли, вертѣвшемуся въ военной канцеляріи со своимъ дѣломъ.

Торичіоли, не скупясь, давали деньги, и думали, что все, значитъ, сдѣлано и обстоитъ благополучно, разъ открытъ кредитъ на такой-то предметъ, и есть человѣкъ, который его получаетъ.

Впрочемъ, Торичіоли доносилъ, что ничего пока не замѣтно тревожнаго,—да и что могъ сдѣлать какой-то пьемонтецъ, не знавшій ни слова по-русски?..

Боялись Шувалова, Мельгунова, которые были близки самому Петру, но не были иностранцами.

XXI передвижная выставка. „Въ опочивальнѣ“.
Съ карт. К. В. Лебедева (исключ. право воспроизведенія принадлежить „Нивѣ“), грав. Мульгановскій.

Выброшенный на берег кашалот, окруженный песцами. Рис. Ф. Шлехт, грав. А. Шлехт.

А между тѣмъ гроза близилась и работа шла тайно, но дѣятельно, и именно тамъ, гдѣ ея вовсе не ожидали.

Одаръ являлся съ докладомъ къ государынѣ каждую недѣлю, прѣзжалъ для этого въ Петербургъ, каждый разъ съ нимъ видѣлся Торичіоли, разговаривалъ и все болѣе и болѣе убѣждался, что, рѣшительно, это мало-способный человѣкъ. Онъ даже находилъ пьемонтца глупымъ, но деньги тѣмъ не менѣе получалъ изъ канцеляріи исправно...

На другой день, послѣ того какъ Торичіоли видѣлся по долгу службы со своимъ пьемонтцемъ, поѣхавъ къ нему отъ Эйзенбаха, — Одаръ рано утромъ явился съ докладомъ къ государынѣ.

Онъ былъ уже своимъ человѣкомъ на ея половинѣ и, войдя въ небольшую, скромно-обставленную, приемную, велѣлъ доложить о себѣ.

Старый камердинеръ поклонился ему, какъ знакомому посѣтителю, и прямо открылъ дверь въ слѣдующую комнату, кабинетъ молодой государыни.

Екатерина ждала Одаря. Она сидѣла у стола, положивъ на него локти и опираясь подбородкомъ на сложенные руки... Здѣсь, у себя дома, она вовсе не имѣла того смиреннаго, покорнаго вида, который должна была принимать на той половинѣ дворца до поры, до времени. Ея умные глаза подъ нахмуренными бровями казались гнѣвны, и въ этомъ гнѣвѣ сквозила энергія, не свойственная, обыкновенно, женщинѣ.

Губы ея были сжаты, и гордая рѣшимость свѣтилась во всемъ ея молодомъ, прекрасномъ лицѣ...

— Садитесь, проговорила она Одару, поздоровавшись съ нимъ, — нѣтъ, — знаете, долѣе продолжаться такъ не можетъ... Я не въ силахъ болѣе терпѣть...

И по тому, какъ встрѣтила Екатерина своего управляющаго, какъ заговорила съ нимъ, и какъ онъ съѣлъ на ея приглашеніе — сразу было видно, что связываютъ ихъ не незначительныя дѣла по хозяйству маленькой пригородной мызы, но есть между ними что-то болѣе серьезное и значительное.

Одаръ наклонился слегка.

— Нужно рѣшиться вашему величеству, отвѣтилъ онъ, какъ-бы продолжая не разъ уже повторявшійся разговоръ между ними.

Екатерина улыбнулась и этою улыбкой яснѣе словъ сказала, что не недостатокъ рѣшимости удерживаетъ ее.

— Рѣшиться! — рѣшиться не трудно; но трудно привести въ исполненіе это рѣшеніе... Въ душѣ я знаю, что дѣло мое правое, что оно должно совершиться, именно потому, что правда на моей сторонѣ. Я не иду противъ власти, и тѣхъ, кто послѣдуетъ за мною, не поведу на бунтъ и на беззаконіе, нѣтъ — онъ своимъ поведеніемъ, своими поступками, своимъ пренебреженіемъ не только къ обычаямъ и вѣрованіямъ страны своей, но даже къ прямымъ и справедливымъ интересамъ ея — онъ идетъ самъ противъ царской власти своей, потому что потеряетъ ее и для себя, и для своего потомства... Я должна сдѣлать все, чтобы сохранить ее. Нѣтъ, я иду за власть, за сохраненіе моей второй родины, которую научилась уже любить и уважать, потому что иначе власть эта погибнетъ, а съ нею вмѣстѣ и великая страна... Да, я пойду съ сознаниемъ полной правоты своей и поведу за собою другихъ... я готова, во мнѣ нѣтъ колебанія... но теперь еще рано, а завтра, можетъ быть, будетъ поздно, — поздно потому, что каждую минуту могутъ отвезти силою меня въ монастырь — а рано потому, что нѣтъ еще вокругъ меня достаточно людей, во главѣ которыхъ должна стать я...

Одаръ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на эту женщину, каждое слово которой дышало умомъ, и видно было, что все, что говорила она — было не только мучительно продумано, но перечувствовано ею.

— Я знаю, продолжала она, — въ гвардіи есть у меня надежные слуги — тамъ Орловы, Пассекъ, Потем-

кинъ работаютъ умно, дѣльно и толково, большинство молодежи на моей сторонѣ, но, къ несчастію, именно все это молодежь. Довѣряться ей, одной ей — безразсудно. Правда, много недовольныхъ и въ народѣ, и среди духовенства, и среди высшихъ чиновъ, но все это недовольства отдѣльныя, не сплоченныя; нужно связать ихъ, — а какъ это сдѣлать? Самой — невозможно. Каждый шагъ мой наблюдается. Вы, иностранецъ, — должны, въ большинствѣ случаевъ, быть посредникомъ между мною и моими друзьями... Какія извѣстія о старикѣ Разумовскомъ?

Гетманъ Разумовскій, любимый гвардіей, былъ лицомъ, привлеченіе котораго на свою сторону казалось весьма важнымъ.

Алексѣй Орловъ, братъ Григорія, нѣсколько времени тому назадъ сдѣлалъ попытку обратиться къ нему съ намеками, осторожными и отдаленными, но гетманъ сразу понялъ ихъ, и посоветовалъ Орлову ѣхать „къ другому“, сказавъ: „онъ умнѣе насъ“, потушилъ свѣчи и пожелалъ своему гостю покойной ночи.

— Тогда, отвѣтилъ Одаръ, — молодой Орловъ слишкомъ поспѣшилъ. Нужно было взять гетмана съ другой стороны. Теперь онъ нашъ.

— Правда? вамъ это поручили мнѣ передать... Какимъ же образомъ это вышло?.. съ радостнымъ, нескрываемымъ удивленіемъ переспросила Екатерина.

— Нужно было дѣйствовать черезъ любимца гетмана Теплова. Это былъ единственный путь, и мы достигли.

Екатерина вздохнула свободнѣе.

— Это очень важное извѣстіе, очень важное!.. проговорила она.

— Михаилъ Никитичъ Волконскій на нашей сторонѣ.

— Племянникъ Бестужева, — начальникъ конной гвардіи?

— Да.

— Объ немъ я думала и раньше. Черезъ Дашкову я имѣю тоже свѣдѣнія о Панинѣ.

— Ваше величество довѣряетесь ей безусловно?

— Кому?.. Дашковой?.. Вы думаете, что она съ сестрой имѣетъ что-нибудь общее?

Екатерина Романовна Дашкова, рожденная графиня Воронцова, была родною сестрой графинѣ Елизаветѣ Романовнѣ.

— О, нѣтъ! Я увѣренъ, что она предана вашему величеству, но, вѣдь, ей всего девятнадцать лѣтъ!

— Это другое дѣло, и, повѣрьте, я знаю, что сказать ей и что скрыть. Всего ей знать не годится. Все, что идетъ черезъ васъ — остается для нея неизвѣстнымъ.

Но извѣстіе объ участіи Разумовскаго въ переговорахъ интересовало Екатерину болѣе разговора о Дашковой.

— Да, продолжала она, — гетманъ Разумовскій, Волконскій, Панинъ, — это уже извѣстная сила. Но все-таки никто изъ нихъ не согласится взять въ свои руки всѣ нити, связать все, а безъ такого ума дѣло невысказано. Орловы! — они много дѣлаютъ, но боюсь я ихъ молодости. Сама я?.. Но боюсь тоже подчасъ своей самоувѣренности; къ тому же я связана по рукамъ и по ногамъ... Это-то меня и мучитъ... Нужно ждать отъѣзда въ армію, когда начнется война съ Даніей. Но до этого времени могутъ меня отослать въ монастырь. Если выдать приказъ сегодня, — нужно сегодня же дѣйствовать, нужно знать минуту, нужно, чтобы былъ человѣкъ, способный дать во-время сигналъ, по которому двинулось бы все...

— И только это затрудняетъ ваше величество? спросилъ Одаръ.

— Только это! Развѣ это „только“?.. Да, вѣдь, въ этомъ все... въ этомъ все дѣло...

— Такой человѣкъ есть къ услугамъ вашего величества.

Екатерина быстро подняла голову.

— Вы говорите, есть? Кто же онъ, кто? съ видимымъ интересомъ произнесла она.

Одаръ улыбнулся.

— Вспомните, ваше величество, черезъ кого вы имѣли до сихъ поръ главнѣйшія свѣдѣнія; вспомните—у кого собираются нужные вамъ люди, кто вамъ докладывалъ всегда, что сдѣлано то или это, не говоря о томъ, кѣмъ оно сдѣлано; вспомните, наконецъ, кто постоянно вѣритъ въ вашу будущность и говорить вамъ о ней...

Обрадовавшаяся было Екатерина грустно опустила голову! Явно было, что пьемонтецъ намекалъ на себя самого. Правда, все, что онъ говорилъ, было справедливо—онъ дѣлалъ многое, но Екатеринѣ казалось, что этотъ скромный, рекомендованный ей Дашковой, иностранецъ, способенъ дѣйствовать только подъ чьимъ-нибудь руководствомъ. Она даже не могла ожидать отъ него такой самоувѣренности и не могла думать, что онъ заговорить теперь о себѣ. Ей нуженъ былъ не известный никому, маленький, но преданный управляющій, подчиненный ей, а человѣкъ съ авторитетомъ, въ который могли бы не только повѣрить остальные, но и она сама. И самоувѣренность Одаря не понравилась ей.

— Вы говорите о себѣ, отвѣтила она,—я вамъ очень благодарна, цѣню ваши услуги и способности, но неужели вы думаете, что пьемонтецъ Одаръ—простите меня, дѣло слишкомъ важно, чтобы не говорить о немъ откровенно—можетъ исполнить ту роль, о которой я говорю.

Пьемонтецъ не обидѣлся на эти, можетъ быть, немного жестокія слова, хотя и соответствовавшія смѣлости, которую онъ взялъ на себя.

— Неужели, ваше величество, не узнаете меня? сказалъ онъ только, но уже не на томъ ломанномъ французскомъ нарѣчьи, на которомъ объяснялся до сихъ поръ, а на чистомъ французскомъ языкѣ, лишь съ едва замѣтнымъ пьемонтскимъ акцентомъ.

И, сказавъ это, онъ снялъ свои темныя очки, скинулъ парикъ, изъ-подъ котораго рассыпались черныя, какъ смоль, волосы, и далъ своему, до сихъ поръ растянному, рту нормальное положеніе.

Теперь, передъ смутившейся въ первую минуту этой перемены Екатериной, стоялъ не пьемонтецъ Одаръ, ея управляющій, а известный, испытанный, давно преданный другъ ея покойной матушки—графъ Сень-Жерменъ, имя котораго повсемѣстно пользовалось громкою известностью.

Екатерина сдѣлала невольное движеніе впередъ.

— Графъ, это вы, проговорила она,—неужели это вы!

— Ваше величество усомнились въ способностяхъ Одаря, можетъ быть, повѣрите болѣе графу Сень-Жермену, сказалъ онъ, низко опуская голову передъ нею.

Не вѣрить ему Екатерина не могла. Она помнила ихъ свиданіе во время дороги, принесшее ей много пользы, потому что ей указанъ былъ тогда Бестужевъ, котораго она считала врагомъ, а впоследствии оказалось противное. Она не могла не вѣрить общей молвѣ, создавшей таинственному графу такую громкую славу, и, главное, не могла не вѣрить письмамъ матери, въ которыхъ та всегда отзывалась о Сень-Жерменѣ, какъ о человѣкѣ, котораго она уважаетъ.

— Но зачѣмъ же тогда, снова заговорила Екатерина,—зачѣмъ же тогда не сразу, давно вы не сказали мнѣ, кто вы,—зачѣмъ это имя Одаря? Сколько времени вы при мнѣ, и я не знаю, что такъ часто вижу съ человѣкомъ, близко видѣвшимъ кончину матушки. О ея смерти я знаю лишь по письмамъ и донесеніямъ.

Всегда спокойная и необыкновенно ровная, несмотря на всѣ тревоги, которыя она переживала, Екатерина взволновалась теперь и говорила быстро, нервно.

— Не все ли равно вашему величеству, отвѣтилъ Сень-Жерменъ,—кто я и что я,—докторъ Шеннингъ, Жерменъ или Одаръ, а, можетъ быть, ни то, ни другое и ни третье; но я человѣкъ, который общалъ вашей матушкѣ, передъ ея смертью, притти вамъ на помощь, по мѣрѣ моихъ силъ, когда вы будете нуждаться въ людяхъ, и я пришелъ, чтобы сдѣлать, что можно. Ни подъ именемъ графа Сень-Жермена, ни подъ другимъ какимъ-нибудь, я не могъ явиться ко двору. Это было бы слишкомъ явно и замѣтно,—теперь уже ищутъ именно среди придворныхъ того, чего тамъ нѣтъ; боятся Шувалова, ни въ чемъ неповиннаго; но это скрываетъ настоящія слѣды. Мнѣ пужно было получить скромное мѣсто управляющаго.

— Но вамъ могли не дать его.

Сень-Жерменъ пожалъ плечами.

— Что должно сдѣлаться, то всегда дѣлается, сказалъ онъ.—Передъ вашимъ величествомъ я скрываю себя до сихъ поръ потому, что было преждевременно сказать, кто я, а потому я взялъ имя Одаря,—пусть скажетъ вамъ Орловъ или Пассекъ.

— Они знаютъ васъ? удивилась Екатерина.

— Давно, ваше величество.

— Знаютъ васъ, какъ графа Сень-Жермена?

— И не одни они, а большинство друзей вашихъ. Простите, что я долженъ былъ скрывать отъ васъ, но и сегодня я не открылся бы, если я не замѣтилъ бы вашему величеству колебанія.

— Колебанія! повторила Екатерина,—о, нѣтъ, теперь я не колеблюсь. Теперь я вѣрю вамъ и, въ доказательство моего довѣрія, ни съ кѣмъ не скажу никогда ни слова о нашемъ разговорѣ. Вы для меня останетесь прежнимъ Одаромъ до тѣхъ поръ, пока сами не захотите объявить своего имени.

Сень-Жерменъ поклонился.

— Я бы не хотѣлъ никогда объявлять его, ваше величество.

— Отчего же никогда?

— Пусть въ этомъ дѣлѣ не будетъ известно, какое участіе принималъ въ немъ графъ Сень-Жерменъ.—Я служу вамъ,—потому что служу правдѣ—и большаго мнѣ не нужно. Пройдутъ года,—имя Одаря можетъ быть попадетъ въ чьи-нибудь записки, но на немъ будущій историкъ не остановится долго, и пропуститъ его, а имя Сень-Жермена слишкомъ громко, какъ...

— Какъ что? спросила Екатерина.

— Какъ шарлатана, ваше величество, досказалъ, понижая голосъ, графъ.—Такъ пусть рассказываютъ про меня разныя нелѣпности, а настоящее дѣло останется неизвѣстнымъ.

Екатерина вполне уже овладѣла собою.

— Но, во всякомъ случаѣ, отвѣтила она съ тою особенною своею улыбкою, которая притягивала къ себѣ каждого,—во всякомъ случаѣ, для меня вы останетесь другомъ принцессы, моей матушки,—расскажите же мнѣ о ней.

И Сень-Жерменъ сталъ рассказывать о послѣднихъ дняхъ принцессы Юанны, скончавшейся два года тому назадъ, въ маѣ 1760 года, въ Парижѣ.

V.

Поѣздка на мызу.

Послѣ разговора своего съ Орловымъ, Артемій оказался всей душою преданнымъ императрицѣ, чего, впрочемъ, вполне и ожидалъ Орловъ.

Онъ былъ увѣренъ въ молодомъ человѣкѣ, котораго зналъ давно и зналъ также, что онъ принадлежитъ къ кружку, образованному Сень-Жерменомъ въ Кенигсбергѣ, слѣдовательно и теперь, въ Петербургѣ, долженъ примкнуть къ нимъ. Поэтому онъ прямо сказалъ Артемію, что отвезетъ его на другой же день на мызу, недалеко отъ Петербурга, гдѣ собираются люди, одинаково мыслящіе съ ними.

Въ назначенное время Орловъ заѣхалъ за Артеміемъ, и они, сѣвъ на лошадей, верхомъ поѣхали за городъ, какъ будто на прогулку.

Они ѣхали совсѣмъ рядомъ, по мягкому, обросшему кое-гдѣ травкой, берегу рѣки Фонтанной, минуя красовавшіеся по сторонамъ барскіе дома, съ ихъ садиками и широкими дворами за нарядными рѣшетками.

— Посмотри,—не дурна! толкнулъ локтемъ Орловъ Артемія и кивкомъ головы показалъ на садившуюся въ карету у одного изъ домовъ дѣвушку.

Артемій посмотрѣлъ... и невольно осадилъ лошадь.

Въ карету сѣдлась Ольга.

Онъ, казалось, княжну Проскурову узналъ бы не только такъ вотъ, какъ увидѣлъ ее,—прямо въ лицо, но если бы пришлось ему хоть за версту взглянуть на нее, онъ и тогда бы безъ ошибки сказалъ, что это она.

Но Ольга не могла его видѣть. Она слишкомъ скоро, не смотря въ его сторону, сѣла въ карету, гусары вскочили на запятки, и карета быстро укатилась, подхваченная четверкою рослыхъ коней.

Это была минута страшнаго испытанія для Артемія.

Сколько долгихъ, мучительныхъ лѣтъ онъ не только не видѣлъ ее, но даже не слышалъ о ней ничего—здорово ли она, жива ли, что съ ней, гдѣ она... И вотъ, наконецъ, судьба сталкиваетъ ихъ опять, и она жива и здорова, и все такъ же прекрасна, какъ и прежде; нѣтъ—она лучше прежняго, еще прекраснѣе.

Первое чувство, охватившее Артемія, была радость.

Радость эта заключалась, во-первыхъ, въ томъ, что онъ видѣлъ ее здоровою, во-вторыхъ—что онъ, просто, видѣлъ ее и, наконецъ, и это было главное, въ томъ, что онъ любилъ ее попрежнему.

Да, онъ любилъ ее попрежнему, но научился теперь владѣть своимъ чувствомъ. Будь это три года тому назадъ, онъ не зналъ, что могло произойти съ нимъ; но теперь, придержавъ только лошадь, онъ сжался весь, и ни одинъ мускулъ лица его не тронулся, ни одно движеніе не выдало его,—только сердцу не могъ приказать онъ не забиться сильнѣе, и оно застучало, забилось, какъ пойманная птица въ клеткѣ.

Карета укатилась.

Орловъ спокойно повернулъ и подѣхалъ къ воротамъ, у которыхъ осталась прислуга, провожавшая княжну. Все это были люди новые для Артемія. Онъ ихъ не помнилъ по Проскурову, но узналъ на нихъ ливрею князя.

— Послушай - ка, красавецъ писанный, обратился Орловъ къ высокому рыжему парню въ веснушкахъ и съ попорченнмъ осною лицомъ,—чей это домъ, а?

Артемій издали слушалъ.

— А вамъ что собственно? переспросилъ парень, обидѣвшійся на „писанаго красавца“, потому что названіе это вызвало улыбку на лицахъ остальныхъ.

— Домъ этотъ князя Проскурова, съ важностью отвѣтили изъ толпы, оробѣвъ, должно быть, передъ важною, барскою осанкой молодого Орлова, поистинѣ, писанаго красавца.

— А это что же—княжна или княгиня будетъ сама?

Сердце Артемія забилось еще сильнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, Ольга могла выйти замужъ безъ него, и онъ, притаивъ дыханіе, какъ невинно судимый ждетъ оправданія или приговора, ждалъ отвѣта на сдѣланный Орловымъ вопросъ.

— А это княжна, дочь князя Андрия Николаевича, отвѣтили опять, и свѣтъ, и жизнь вернулись къ Артемію.

Орловъ засунулъ руку въ карманъ, вытащилъ горсть мѣдныхъ денегъ и, кинувъ ее въ толпу, толкнулъ ногою лошадь.

— Чтѣ съ тобою? спросилъ онъ, подѣхавъ къ Артемію.

„Ага, все-таки замѣтно!“ мелькнуло у того.

— Ничего.... Послѣ расскажу какъ-нибудь, отвѣтилъ онъ спокойно.

Орловъ еще разъ обернулся въ ту сторону, куда исчезла карета, и они поѣхали дальше.

„А отчего *посмь*, зачѣмъ *посмь*? думалъ Артемій, — рассказать ему сейчасъ... да, конечно...“

— Да я сейчасъ расскажу тебѣ, проговорилъ онъ вслухъ.—Ты знаешь ли, эта дѣвушка, которую мы видѣли сейчасъ... ну, словомъ, княжна Проскурова...

И онъ, не торопясь, передалъ Орлову всѣ свои, связанные съ княжною Проскуровой, воспоминанія, самъ радуясь имъ и съ любовью останавливаясь на каждой мелкой подробности.

Орловъ слушалъ его, не перебивая.

— Это бываетъ у женщинъ иногда, сказалъ онъ наконецъ, отвѣчая на главное, т. е. на то, что должно было составлять самую причину страданія Артемія,—внезапную переменъ въ Ольгѣ при послѣднемъ ихъ свиданіи,—женщины, въ особенности дѣвушки,—такъ „капризны“, какъ называютъ это французы (вотъ у насъ подходящаго слова нѣтъ), что никогда не знаешь, какъ съ ними обходиться... и это ничего не значитъ, что княжна приняла тебя такъ послѣдній разъ... А хороша она, хороша... можно тебя поздравить—очень хороша...

— Ну, поздравлять еще не съ чѣмъ!.. перебилъ Артемій.

— Все устроится! протянулъ Орловъ,—дай только кончить наше дѣло, и тогда княжна будетъ твоею... я ручаюсь за это...

„А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ!“ чувствуя, какъ, словно отъ удара молніи, встряхнулось все въ немъ, мысленно согласился Артемій,—„въ самомъ дѣлѣ“...

И соображеніе Орлова показалось ему настолько вѣроятнымъ вдругъ, что онъ боялся продолжать говорить о немъ.

— Ну, и хорошо, ну и не будемъ говорить объ этомъ, произнесъ онъ вслухъ. Ты сказалъ, какъ фамилія того управляющаго, къ которому мы ѣдемъ?..

— Одаръ... коротко отвѣтилъ Орловъ.

— А какъ онъ пишетъ свою фамилію этотъ Одаръ? спросилъ опять Артемій.

Орловъ глянулъ ему прямо въ глаза и назвалъ латинскія буквы: O, d, a, r, t.

Артемій снова задумался.

„Odart!“—наоборотъ выходило—„trado“, т. е. отдаю, передаю, вручаю... У Плавта гдѣ-то сказано—„trado tibi regnum“,—передаю тебѣ царство... Мало того, Артемій зналъ, какая сила носить таинственное названіе „od“ (первая часть имени) и что значитъ остальное—art. Онъ умѣлъ уже читать это слово въ таинственномъ его смыслѣ... И вдругъ его поразило еще новое: если отъ пяти буквъ имени „Odart“, взять одну „d“, т. е. четвертую, священную букву алфавита, то останется „Oart“ или, при перестановкѣ, выйдетъ „taro, tora, rato, orat“, и еще болѣе таинственное значеніе этихъ четырехъ словъ было также извѣстно ему.

Но кто-же могъ носить такое имя, невольно долженствовавшее поразить всякаго посвященнаго. Простая случайность едва-ли тутъ могла быть?—Нѣтъ, это имя могъ избрать себѣ человѣкъ, знавшій то, что онъ дѣлалъ, а такимъ человѣкомъ могъ быть только одинъ.

— Григорій Григорьичъ, вдругъ воскликнулъ Артемій,—„Odart“—вѣдь, это онъ!..

Орловъ опять посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и утвердительно кивнулъ головою, съ улыбкой...

— Да? переспросилъ Артемій,—ну, такъ скорѣе къ нему!..

Они дали лошадямъ шпоры и тѣ, наскучивъ идти шагомъ, крупною рысью пустились по дорогѣ.

(Продолженіе будетъ).

Виставка 1-го дамского художественнаго кружка. „Возвращеніе рыбаковъ съ ловли въ Нормандіи.“
Съ карт П. П. Куріаръ (собственность Е. И. В. Вел. Кн. Маріи Павловны), грав. Шлиперъ.

Учебные столы и скамьи.

Очеркъ профессора Харьковскаго университета А. Ө. Брандта.

Съ тѣмъ-же правомъ, съ какимъ мы склонны признавать справедливость поговорки „нѣтъ худа безъ добра“, мы могли бы признать справедливость и противоположнаго положенія: нѣтъ добра безъ худа. На самомъ дѣлѣ, частицы яда скрываются зачастую и въ самыхъ роскошныхъ цвѣткахъ; даже солнце, источникъ свѣта и жизни въ окружающей насъ природѣ, и оно не безъ темныхъ пятенъ. Приобрѣтеніе знанія, этого высшаго изъ земныхъ благъ, къ которымъ стремится человѣчество, омрачается на каждомъ, можно сказать, шагѣ разнообразными лишеніями и горестями; мало того, оно неизбежно отражается невыгодно на здоровьѣ людей, въ особенности, въ дѣтствѣ и отрочествѣ. Усиленная дѣятельность мозга уже сама по себѣ отвлекаетъ кровь отъ остальныхъ органовъ и тѣмъ самымъ наноситъ ущербъ ихъ правильному, гармоническому развитію. Лишеніе учащихся въ теченіе многихъ часовъ свободныхъ движеній на свѣжемъ воздухѣ составляетъ, хотя и неизбежное, но большое зло. Послѣдствіемъ разлада между требованіями физической природы развивающагося организма и требованіями цивилизаціи является цѣлая группа весьма распространенныхъ болѣзней. Сюда причисляются: головныя боли, малокровіе, расстройство пищеварительныхъ и другихъ органовъ и, какъ особенно типичныя, близорукость и искривленія позвоночника. Задача школьной гигиены, иныѣ разросшейся въ цѣлую науку, заключается въ указаніи на всѣ эти опасности и въ выработкѣ тѣхъ правилъ и пріемовъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться родителямъ и воспитателямъ для умаленія физическаго вреда, сопряженнаго съ обученіемъ. Тяжко и горестно хилѣть всю жизнь, да и общество и государство нуждаются въ крѣпкихъ, здоровыхъ, а потому энергичныхъ дѣятеляхъ.

Въ низшіе классы училищъ почти всѣ дѣти поступаютъ съ глазами здоровыми, тогда какъ въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній близорукость можетъ сдѣлаться чуть-ли не поголовною. Это доказано многочисленными изслѣдованіями, какъ за границей, такъ и у насъ въ Россіи. Близорукость, въ свою очередь, предрасполагаетъ къ серьезнѣйшимъ глазнымъ болѣзнямъ, даже ведущимъ къ слѣпотѣ, а потому всегда является угрожающимъ симптомомъ. Относиться легкомысленно къ близорукости учащихся прямо непростительно для родителей и воспитателей.

Что касается причинъ порчи зрѣнія при школьныхъ занятіяхъ, то онѣ сводятся къ неправильному и недостаточному освѣщенію классной комнаты и затѣмъ, въ особенности, къ неправильной посадкѣ учащихся, сопряженной съ чрезмѣрнымъ приближеніемъ къ глазамъ книгъ и тетрадей и съ неодинаковымъ относительно послѣднихъ положеніемъ обонхъ глазъ.

Кособокость, сутуловатость и другія формы искривленія позвоночника (сколіоза) называются *Вирговыми* прямо болѣзнями развитія школьнаго возраста. Что школа фактически является главнѣйшимъ рассадникомъ сколіоза, это уже давно было дознано ортопедистами. Въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства, по наблюденіямъ доктора А. С. *Виреніуса*, не менѣе трехъ четвертей учащихся одержимы неправильностями туловища. Стѣсненное дыханіе и надавливаніе на внутренности со всѣми ихъ послѣдствіями — вотъ главнѣйшій вредъ, наносимый организму искривленіями. Несомнѣнною причиною послѣднихъ завѣдомо являющаяся продолжительныя неправильныя позы дѣтей во время классныхъ занятій.

Въ виду всего сказаннаго вопросъ объ устройствѣ учебныхъ столовъ и скамей или, такъ называемыхъ, „партъ“ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду вопросовъ, касающихся физическаго воспитанія.

Главною причиною дурной позы учащихся по справедливости считаются парты со *слишкомъ значительнымъ разстояніемъ между лавкой и конторкой*. Если ученикъ сѣлъ на такую парту какъ слѣдуетъ, т. е. прямо, то можетъ отчетливо видѣть шрифтъ книги или кончикъ пера не иначе, какъ напрягая зрѣніе. Поэтому онъ невольно подается на передній край лавки и наклоняется впередъ всѣмъ корпусомъ. Разъ онъ это сдѣлалъ, его туловище и голова оказываются уже не подпертыми въ центрѣ тяжести, и ихъ приходится удерживать

въ неустойчивомъ равновѣсіи усиленнымъ напряженіемъ мускуловъ спины и затылка. Въ первую минуту или долю минуты это удается, но вслѣдъ за тѣмъ мускулы устаютъ, ослабляются, и тѣло какъ бы валится на конторку.

При нормальной позѣ (рис. 1 и 3) туловище ученика находится въ отвѣсномъ положеніи и достаточно поддерживаетъ отвѣсную же или слегка наклоненную голову. Оно опирается въ лавку тазовыми буграми и затѣмъ бедрами. Послѣднія, стелся горизонтально по лавкѣ, изображаютъ собою какъ-бы дополнительную подставку туловища, и, въ свою очередь, при посредствѣ голени и ступни, находятъ опору на полу. Углы, образуемые туловищемъ съ бедрами, бедрами съ голеними (колѣнные) и голеними со ступнями (пяточные), должны быть прямыми. Вспомогательными подпорами туловища, для болѣе устойчиваго его равновѣсія, служатъ далѣе: сзади спинка, а спереди край конторки, въ который упираются предплечія.

Пронтекающія отчасти уже изъ только что сказаннаго требованія, концы должны удовлетворять парты, суть слѣдующія.

- а) Высота лавки должна равняться длинѣ голени вмѣстѣ съ пяткой и коблукомъ ученика.
- б) Ширина (глубина) лавки должна, по возможности, приближаться къ длинѣ бедра.
- в) Ближайшій къ ученику край конторки *долженъ заходить за передній край лавки* на нѣсколько (отъ 3—5) сантиметровъ (т. наз. *отрицательное разстояніе*).
- г) Тотъ же край конторки долженъ, далѣе, находиться настолько выше уровня лавки, чтобы ученикъ могъ класть предплечія на конторку удобно и свободно, т. е. не приподнятая плечъ (какъ при слишкомъ высокой) и не горбя спины (какъ при слишкомъ низкой конторкѣ). Край этотъ долженъ лежать на нѣсколько, примѣрно пять, сантиметровъ выше уровня опущенныхъ локтей, такъ какъ предплечія, надвигаясь, ради опоры, на конторку, влекутъ за собою локоть по восходящей дугѣ. — При соблюденіи требованій, выраженныхъ въ пунктахъ в. и г., глаза ученика оказываются отъ книгъ и тетрадей на разстояніи нормальнаго наилучшаго видѣнія.

11 дециметровъ надъ уровнемъ пола.

Уровень пола.

На среднее учебное заведеніе желательно имѣть не менѣе восьми форматомъ или номеровъ партъ, при чемъ въ каждомъ изъ классовъ должны находиться парты, по крайней мѣрѣ, трехъ изъ этихъ форматомъ. По мѣрѣ роста ученика, приходится ежегодно не менѣе одного раза замѣнять парту слѣдующимъ, высшимъ номеромъ, что крайне дорого въ домашнемъ быту, или же пользоваться механическою партою.

Для размѣщенія учениковъ по партамъ сообразно роста, парты удобно приставлять къ намѣченному на стѣнѣ или дверяхъ масштабу, дѣленія котораго обозначены цифрами, соответствующими номерамъ партъ. Темя ученика прямо указываетъ потребный ему номеръ. Пользуясь такимъ простымъ пріемомъ, за какихъ-нибудь пять минутъ можно отмѣтить въ классномъ журналѣ подлѣ каждой фамиліи ученика соответственный номеръ парты. Составленіе такою масштаба весьма не трудно (рис. 2). Такъ, напр., примѣнительно къ форматамъ,

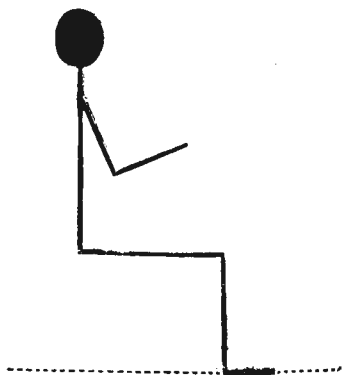

Рис. 1. Оси и углы тѣла при нормальномъ сидѣніи.

Рис. 2. Масштабъ для опредѣленія потребныхъ ученикамъ номеровъ партъ.

установленным доктором *Шписомъ*, проводить по стѣнѣ на 11 дециметровъ выше пола горизонтальную черту, а начиная отъ нея, откладываютъ кверху 8 отдельныхъ дециметровъ, кон разграничиваютъ одинъ отъ другого чертами и обозначаютъ

экземпляровъ каждого номера необходимо заказать, во избежаніе, съ одной стороны, недостатка, а съ другой, избытка и сопряженныхъ съ нимъ переплатъ. Эти затрудненія напередъ устранимы лишь въ томъ случаѣ, если устроитель школы останавливается на партахъ механическихъ или универсальныхъ, т. е. удобоприспособляемыхъ ко всякому росту. Къ сожалѣнію, многочисленныя предложенныя до сихъ поръ, универсальныя парты, по своей сложности, дороговизнѣ или недостаточной прочности, примѣняются лишь въ семьяхъ, въ школахъ же распространеныя получить не могли; мало того, нѣкоторые изъ лучшихъ знатоковъ, педагоговъ и врачей, высказывались неоднократно въ смыслъ неразрѣшимости самой задачи создать цѣлесообразный, пригодный также и для школы типъ такой парты. Последнее обстоятельство, признаюсь, послужило для меня стимуломъ испытать собственную изобрѣтательность, когда мнѣ пришлось, по обязанности члена правленія Харьковского общества распространенія грамотности въ народѣ, заняться вопросомъ объ улучшеніи классной мебели въ школахъ этого общества.

Сущность конструкціи моей парты (рис. 3) можетъ быть передана въ немногихъ словахъ. Представимъ себѣ деревянныя столбы, укрѣпленные въ отвѣсномъ положеніи. Черезъ столбы продѣты болты, на которые надѣваются конторка и стулъ. Эти двѣ существенныя части могутъ скользить вверхъ и внизъ по столбу и быть фиксированы на немъ помощью гаекъ на любой высотѣ. Ширина (глубина) лавки и высота спинки регулируются одновременно тѣмъ, что спинка обладаетъ подвижностью по наклонной плоскости. — После этого краткаго общаго описанія, рассмотримъ каждую изъ упомянутыхъ частей парты въ отдельности. Столбъ (а) состоитъ изъ конца толстой доски и привинчивается къ подставкѣ или же прямо къ полу классной комнаты помощью металлическихъ (чугунныхъ или желѣзныхъ) уголниковъ (b). Онъ замѣняетъ собою сложную стойку обыкновенныхъ партъ. Болтъ для нацѣпленія конторки или стула, или же (въ школѣ) обѣихъ частей одновременно (рис. 4) проходитъ близъ верхняго конца столба. Въ составъ стула входятъ: какъ существенная часть, лавка или доска для сидѣнья (c) и, какъ части вспомоgetельныя, два кронштейна (d) и связующая ихъ средняя или соединительная доска (e). Последняя прилегаетъ къ столбу и имѣетъ вертикальный прорѣзъ, служащій для нацѣпленія стула на упомянутый выше болтъ. Гайка съ шейбою служитъ для укрѣпленія стула на

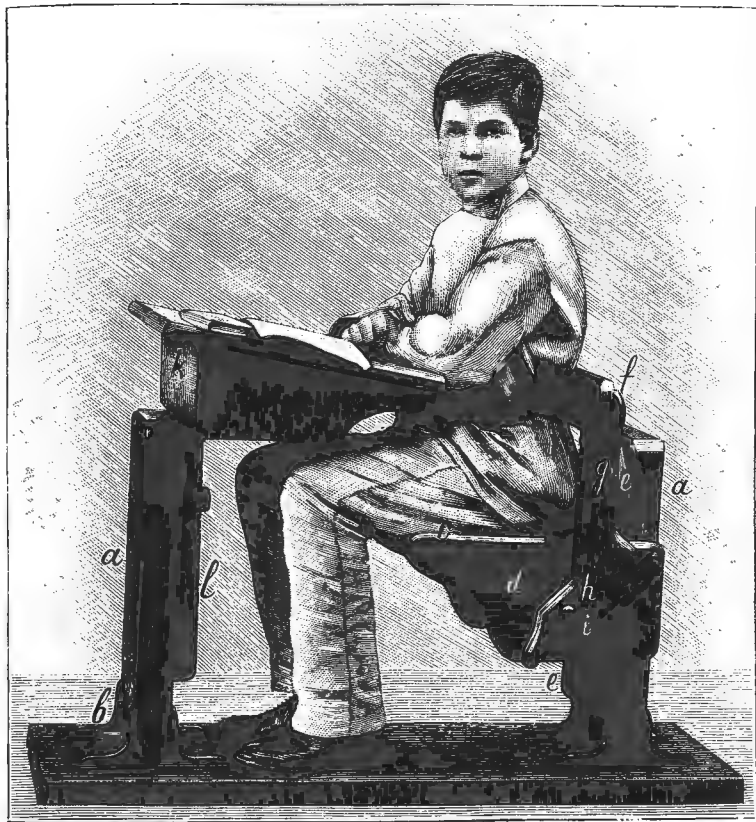

Рис. 3 Универсальная парта для домашняго употребленія.

последовательно снизу вверхъ цифрами отъ 1 до 8. Эти цифры и соответствуютъ номерамъ партъ названнаго автора. Аналогичные масштабы легко составить и примѣнительно къ форматамъ проф. *Эрисмана*, док. *Виреніуса* и другихъ авторитетовъ. Въ домашнемъ быту, при одномъ или, вообще, при немногихъ ученикахъ, потребныя для нихъ размѣры скамей могутъ быть найдены и безъ масштабовъ, на основаніи сказаннаго выше о нормальной позѣ.

Фактическое пользованіе каждымъ изъ учениковъ соответствующею его росту классною мебелью достигается проще всего при партахъ однолѣстныхъ. Онѣ-го и должны быть приняты наиболѣе цѣлесообразными и желательными, несмотря на большую свою стоимость. Будучи сдвинуты между собою по двѣ, онѣ вмѣстѣ занимаютъ точно такое же пространство, какъ и двулѣстные.

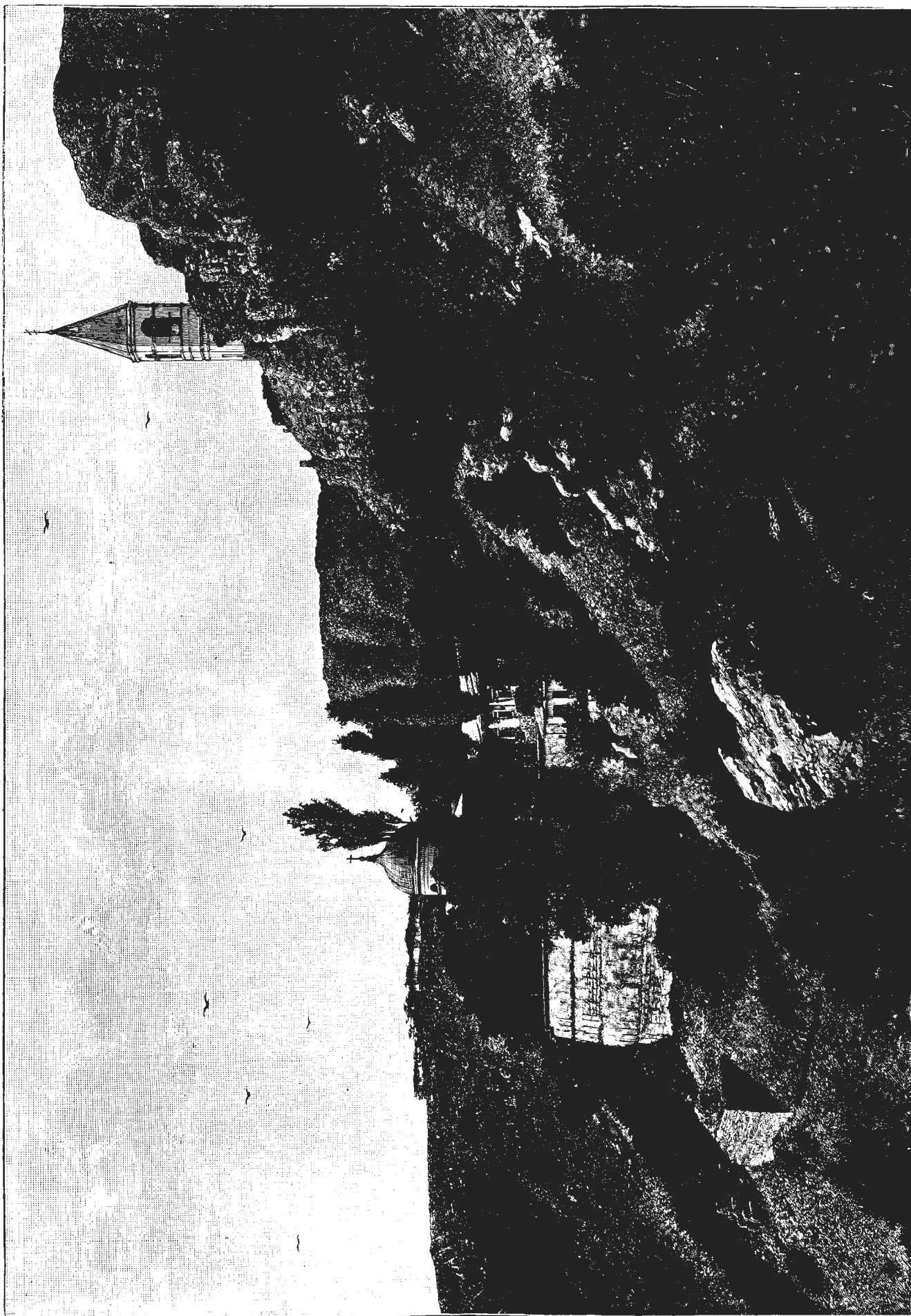
Постройка разныхъ форматовъ партъ и ихъ распредѣленіе по классамъ рѣшительно затрудняютъ завѣдующихъ училищами. Даже добывъ литературныя источники съ указаніемъ размѣровъ отдельныхъ номеровъ партъ, устроитель школы не можетъ предугадать, по сколько

Рис. 4. Универсальныя парты въ школѣ.

Видъ азіатской части города Самарканда (по поводу 25-лѣтія взятія его русскими войсками, 2-го мая 1868 г.).
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) п. я. Лиссакаго. грав. Флюгель.

Видъ Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря въ Крыму. Съ фот. Миткина, грав. Рашевскій.

требуемой высотѣ. Для опредѣленія этой высоты въ соединительной доскѣ вдоль прорѣза вытиснены цифры отъ 1 до 8, соответствующія основнымъ форматамъ парты. Спинка стула состоитъ изъ существенной части, т. е. горизонтальной планки (f) и двухъ стоекъ (g). Последняя оканчивается снизу ланамъ (h), наклоненнымъ къ горизонту подъ угломъ въ 45°. Ланы скользятъ по планочкамъ-шпугамъ (i), запущеннымъ подъ тѣмъ же уклономъ въ крошечной части стула. Параллельно верхнему краю этихъ планочекъ-шпугъ въ крошечныхъ прорѣзахъ по щели, сквозь которыя проходитъ болты для закрѣпленія ланъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей спинки, на требуемой высотѣ. Конторка (k) имѣетъ стержень (l) съ такимъ же вертикальнымъ и служащимъ для той же цѣли прорѣзомъ, какъ и соединительная доска стула. Вдоль прорѣза на соответственныхъ разстоянїяхъ опять-таки вытиснены цифры отъ 1 до 8. Для устраненія шатаванія изъ стороны въ сторону, какъ у стержня конторки, такъ равно и у соединительной доски стула, вдѣлано ниже прорѣза по клинообразному шипу, который ходитъ въ особомъ отвѣсномъ желобкѣ столба. Почти само собою разумѣется, что конторка снабжена чернильницею, желобкомъ для карандашей и перьевъ и, снизу, полкою для раида или книгъ. О видѣ парты для домашнего употребленія рис. 3 даетъ достаточно отчетливое представленіе; что же касается постановки парты въ школахъ, то столбы ихъ привинчиваются непосредственно къ полу комнаты, а въ случаѣ желанія беречь, по возможности, паркетные полы, къ длиннымъ доскамъ, въ свою очередь, лишь тамъ и сямъ прихватываемымъ къ полу винтами. Какъ показываетъ рис. 4, въ школѣ столбы устанавливаются продольными рядами, при чемъ каждый изъ нихъ—за исключеніемъ лишь передняго и задняго—на одномъ и томъ же сквозномъ болтѣ держится спереди стула, а сзади конторку. Такимъ образомъ достигается сбереженіе въ количествѣ столбовъ.

Особая комиссія, назначенная Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія изъ директоровъ и врачей среднихъ учебныхъ заведеній для оцѣнки пригодности описанной парты, вполнѣ

одобрила ея цѣлесообразность и соответствіе требованіямъ гигиены и дешевизны. Вслѣдствіе чего парта рекомендована для учебныхъ заведеній.

На педагоговъ, обыкновенно, возлагается и безъ того столько нелегкихъ постоянныхъ обязанностей, что желательно какъ можно меньше затруднять ихъ непривычными новыми. Поэтому размѣщеніе парты по классамъ и приспособленіе ихъ къ росту каждого изъ учениковъ должны быть, по возможности, упрощены. Это соображеніе послѣднее было принято во вниманіе при конструкціи парты. Она не требуетъ никакихъ ежегодныхъ переносокъ изъ класса въ классъ и никакихъ коренныхъ видоизмѣненій по отдѣльнымъ классамъ. Столбы устанавливаются и привинчиваются развѣ всегда во всѣхъ классныхъ комнатахъ на одинаковыхъ разстоянїяхъ, которыя завѣсятъ отъ величины принятаго въ заведеніи разстоянїя между стуломъ и конторкой. Классныя комнаты меблируются, лишь сообразно своей площади, большимъ или меньшимъ числомъ скамей, совершенно независимо отъ того, въ которой изъ комнатъ будутъ сидѣть ученики перваго, втораго или какого-либо другаго класса. Ежегодно, безъ всякаго затрудненія, каждому изъ классовъ отводится то помѣщеніе, которое ему подходитъ по числу наличныхъ мѣстъ. Затѣмъ, съ помощью упомянутого выше масштаба, передъ началомъ каждого полугодія опредѣляются нумера, на которые должны быть установлены отдѣльныя парты соответственно росту учениковъ. Остальное предоставляется уже сторожу. Выметаніе сора, мытье или натирка пола совершаются достаточно удобно и подъ партами, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни подножекъ, ни пороговъ, а вся стойка состоитъ изъ изолированныхъ столбовъ. При ремонтѣ класса, хотя бы и съ покраскою пола, прибираются одни лишь стулья и конторки, столбы же остаются на своихъ мѣстахъ. За неимѣніемъ особаго зала, и классная комната, несмотря на привинченные къ полу столбы, легко можетъ быть приспособлена къ публичному акту или какому-нибудь собранію: стоитъ только удалить одиѣ конторки, чтобы имѣть готовые, достаточно удобные стулья.

Въ горахъ, на поѣздѣ.

Ночью звѣздной
Цѣпью горной
Мы надъ бездною
Мчимся черной.
Издаля
Гуль потока
Къ намъ несется;
Вонъ онъ вьется,
Низвергаясь

Межъ скалами,
Разсыпаясь
Жемчугами.
Тщетно дали
Ищутъ взоры—
Горы, горы
Путь сковали...
Все блѣднѣе,
Все короче

Тѣни ночи;
Ярче грѣзы...
И ясныѣ
Видитъ око,
Какъ съ востока
Сквозь туманы
Сыплетъ розы
Фебъ румяный.

Ф. Червинскій.

Наше движеніе на востокъ.

(По поводу 25-лѣтія взятія Самарканда русскими войсками).

Движеніе русскихъ на востокъ, начавшееся непосредственно послѣ паденія Казанскаго царства, зависитъ отъ весьма многихъ географическихъ, политическихъ, экономическихъ и другихъ причинъ. Обширная російская низменность, сливаясь съ неизмѣримыми степями и пустынями Средней Азіи, нѣкогда была ареной передвиженія народовъ съ востока на западъ; со времени же расселенія по ней русскаго племени и образованія могущественнаго государства, тѣ же географическія условія влекутъ насъ къ расширенію сферы нашего вліянія вплоть до хребтовъ Гиндукуша и пустынь Центральной Азіи. Мелкіе народы и племена, кочевавшіе за Ураломъ, постепенно подчинились нашему господству, обращаясь къ намъ за покровительствомъ и защитой отъ нападенія сильныхъ сосѣдей. Безпрерывныя вторженія этихъ дикихъ народовъ на нашу территорию заставляли Россію предпринимать походы въ глубь киргизскихъ степей и строить тамъ укрѣпленія для обузданія хищныхъ кочевниковъ. Съ другой стороны, экономическіе интересы нашей страны давно заставляли обращать вниманіе на богатія страны Востока для сбыта нашихъ товаровъ. Въ началѣ наступательнаго движенія на востокъ выдающуюся роль играла наша казачья воляница, а со времени Петра Великаго началась періодъ нашихъ правильныхъ походовъ въ Среднюю Азію. Быстрога нашего движенія на востокъ и прочность завоеванія зависитъ не столько отъ нашего военнаго могущества, сколько отъ особенностей нашего народнаго характера, отличающагося мягкостью и терпимостью, въ чемъ, собственно, и заключается великая ассимилирующая сила русскаго народа, всосавшаго и поглотившаго столько племенъ и народностей. Всѣмъ покореннымъ племенамъ Средней Азіи мы давали и

даемъ, взаимнѣ жестокаго деспотизма и произвола, правосудіе и покровительство мирному производительному труду.

Въ серединѣ 60-хъ годовъ мы уже прочно утвердились въ Туркестанѣ и заняли Ташкентъ. Мусульманское населеніе Туркестана, фанатизированное муллами, глухо волновалось, особенно, подъ вліяніемъ эмира Бухарскаго, не мирившагося съ нашими послѣдними завоеваніями и разсѣлаваго по всѣмъ направленіямъ возбуждающія прокламаціи. Въ 1867 году туркестанскій генераль-губернаторъ и командующій войсками генераль-адъютантъ Кауфманъ, видя, что со стороны бухарцевъ дѣлаются непрерывныя нападенія на наши границы, началъ готовиться къ походу на Самаркандъ, гдѣ эмиръ формировалъ армію. Весна 1868 года началась тревожно. Эмиръ объявилъ газаватъ (священная война) и успѣлъ свои нападенія. Вскорѣ вооруженныя скопища бухарцевъ появились по всѣмъ направленіямъ, такъ что почти приходилось отправлять при сильныхъ конвояхъ; волненіе въ народныхъ массахъ росло, и наше положеніе во вновь завоеванномъ краѣ становилось опаснымъ. Къ счастью для насъ, генераль-адъютантъ Кауфманъ былъ столь же искуснымъ военачальникомъ, какъ и способнымъ администраторомъ. Совершенно правильно разсудивъ, что для обороны обширнаго края у насъ войскъ недостаточно, онъ рѣшился дѣйствовать наступательно; быстрый ударъ на бухарцевъ былъ единственнымъ средствомъ спасти наше дѣло. Въ виду этого у Джизака было собрано 25 ротъ шхоты, 7 сотенъ казаковъ и 16 орудій, всего 3500 человекъ; 1-го мая отрядъ двинулся въ Зарышанскую долину. Бухарская армія въ количествѣ 40—50 тысячъ человекъ при 150 орудіяхъ была расположена на Чанана-

тиских высотех у Самарканда. Позиці бухарцевъ прикрывалась съ фронта быстрой и многоводной рѣкой Зарявшанъ съ тонкими берегами, перерѣзанными множествомъ арыковъ. Отрядъ нашъ выступилъ съ ночлега, сталъ приближаться къ полудню къ рѣкѣ Зарявшанъ и былъ встрѣченъ непріятелемъ въ садахъ, которые тянутся по обоимъ берегамъ этой рѣки; наши стрѣлковыя цѣпи постепенно тѣснили бухарцевъ и подвигались впередъ съ небольшою перестрѣлкой. Въ это время въ нашъ отрядъ явился парламентаръ, но генералъ Кауфманъ заявилъ ему, что остановить свои войска только на бивакѣ на той сторонѣ рѣки. Подойдя къ Зарявшану и увидя массы бухарцевъ, расположенныхъ на горѣ и, повидимому, рѣшившихся защищать переправу, командующій отрядомъ приказалъ сообщить черезъ присланнаго парламентаря, что если эмиръ не отдастъ свои войска черезъ часъ, то русскіе возьмутъ позицію штурмомъ.

Между тѣмъ на нашемъ правомъ флангѣ собирались массы бухарцевъ, такъ что генералъ Кауфманъ принужденъ былъ послать полковника Штрайдмана съ 4 сотнями казаковъ и 4 орудіями, чтобы разсѣять ихъ. Не взирая на орудійный огонь съ противоположныхъ высотъ, казаки лихо атаковали бухарцевъ, сбили и гнали ихъ нѣсколько верстъ.

Уже прошло болѣе 2-хъ часовъ, а посоль эмира не возвращался съ отвѣтомъ, и не видно было никакихъ приготовленій со стороны бухарцевъ къ отступленію. Напротивъ того, они открыли огонь изъ орудій и начали стягивать свои войска для ближайшей защиты переправы черезъ р. Зарявшанъ. Тогда генералъ Кауфманъ двинулъ наши войска впередъ двумя колоннами: генералъ-маіора Головачева и полковника Абрамова. Подъ сильнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ, угрожаемымъ къ тому же атаками съ фланговъ, обѣ колонны перешли по грудь въ водѣ нѣсколько рукавовъ рѣки Зарявшанъ и отважно пошли на приступъ непріятельской позиціи, которая вслѣдствіи была траншеями для стрѣлковъ.

„Странный видъ представляли эти горсточки нашихъ солдатъ“, читаемъ въ „Обзорѣ войнъ“ *), „окруженные и разединенные тучами бухарскихъ всадниковъ, все подвигавшіеся къ позиціи, признававшейся неприслупной и занятой въ десять разъ сильнѣйшимъ противникомъ. Но такова сила духа, такова незнающая невозможнаго отвага русскихъ войскъ, что уже одно это безостановочное движеніе впередъ нашихъ колоннъ поколебало сердца бухарцевъ, стало представляться имъ неотразимымъ. Дѣйствительно, когда наши войска, перейдя послѣдній притокъ, съ крикомъ „ура“ бросились на длинныя линіи бухарцевъ въ штыки, все бѣжало, оставивъ намъ 21 орудіе и массу оружія“.

Потери наши были крайне незначительны, всего до 40 человекъ убитыми и ранеными. Жители Самарканда не цустили бѣжавшія бухарскія войска въ городъ и сдали на слѣдующій день, 2-го мая, свою священную столицу безъ выстрѣла.

Въ тѣсной связи со взятіемъ Самарканда находится его героическая защита нашими войсками противъ бухарцевъ, окончательно закрѣпившая за нами этотъ важный городъ.

Для упроченія нашего положенія въ долинѣ Зарявшана, генералъ Кауфманъ отправилъ въ разныя мѣста отряды для разбитія бухарскихъ скопищъ и для овладѣнія нѣкоторыми укрѣпленными пунктами. Наконецъ, и самъ командующій войсками принужденъ былъ двинуться 30 мая противъ эмира, оставивъ въ Самаркандѣ небольшою отрядъ.

Между тѣмъ, взятіе священнаго города дало новый сильный толчокъ мусульманскому фанатизму. Составили обширный заговоръ съ цѣлью произвести поголовное возстаніе мусульманъ въ нашихъ владѣніяхъ тотчасъ же послѣ отобранія Самарканда обратно отъ русскихъ. Однако въ самомъ Самаркандѣ не видно было приближенія собиравшейся грозы. Жизнь въ городѣ съ перваго же дня его занятія стала принимать свой прежній характеръ; лавки открылись, и между русскими и городскими жителями, повидимому, начали устанавливаться добрыя отношенія.

Но, съ уходомъ генерала Кауфмана, жители Самарканда, видя малочисленность оставленнаго гарнизона, легко поддались агитаціи муллъ. Уже утромъ 1 июня жители города приняли угрожающее положеніе; на улицахъ видны были горожане съ батиками **), перебѣгавшіе изъ сакли въ саклю; на базарѣ шумѣла толпа и легли въ русскіхъ съ крышъ камини, а за городскими стѣнами собирались огромныя скопища непріятеля, число котораго, какъ потомъ оказалось, простиралось до 65 тысячъ человекъ.

Въ Самаркандѣ остались 4 роты пѣхоты, одна рота саперъ, 2 орудія и 2 мортиры. Гарнизонъ состоялъ подъ командою маіора Штемпеля и представлялъ силу въ 658 штыковъ, считая въ томъ числѣ сильныхъ и слабыхъ, не взятыхъ генераломъ Кауфманомъ съ собой. Самаркандъ окруженъ былъ полуразвалившейся глинобитной стѣной въ 3—4 сажени вышиной, которая шла вокругъ города, въ видѣ неправильнаго многоугольника. Внутри городской огады, въ сѣверо-западномъ концѣ ея, на возвышенномъ мѣстѣ стояла цита-

дель, съ такими же глинобитными стѣнами, находившимися тоже въ полномъ разрушеніи. Въ цитадель вели двое воротъ: бухарскія и самаркандскія. Къ стѣнамъ цитадели близко подходили городскія постройки, и потому впереди ихъ не было свободнаго пространства. Внутри цитадели находился дворецъ, представлявшій довольно большія выгоды для обороны, какъ послѣдній оплотъ.

Не имѣя возможности защищать городъ по незначительности своихъ силъ, маіоръ Штемпель отступилъ въ цитадель и распорядился приведеніемъ ея въ оборонительное положеніе. Въ цитадель удалились множество еврейскихъ семействъ и наши купцы, принимавшіе дѣятельное участіе въ ея оборонѣ, какъ-то Хлудовъ, Трубочниковъ, Исаковъ и другіе, а также нашъ извѣстный художникъ Верещагинъ.

2-го іюля непріятель, потрясая воздухъ дикими криками, при звукѣ зурнъ и барабановъ, ворвался въ городъ и разлился по всемъ направленіямъ; кое-гдѣ видѣлись разбѣжавшіеся значки начальниковъ. Вскорѣ непріятель, не взирая на нашъ огонь, огромными толпами бросился на стѣны цитадели, цѣпляясь за нихъ желѣзными кошками *).

Особенно стремительное нападеніе произведено было на самаркандскія ворота, которыя удалось непріятелю поджечь; въ благодарность энергіи прапорщика Мамика и мужеству русскихъ, удалось отбить нѣсколько штурмовъ. Главныя успѣхи непріятеля обращены были противъ бухарскихъ воротъ, которыя тоже были подожжены съ помощью брошенныхъ подъ нихъ двухъ мѣшковъ съ порохомъ. Прибывшій на этотъ опасный пунктъ полковникъ Назаровъ, оставшійся по болѣзни отъ похода, напелъ ворота и прилегающія постройки въ огонь; горящіе угли перебрасывало на камышевыя крыши соседнихъ саклей. Для тушенія горящихъ воротъ вызваны были охотники.

„Нельзя было надивиться этому, поетниці молодецкому подвигу“, пишетъ очевидецъ, поручикъ Черкасовъ. „Осыпанные градомъ пуль, охваченные пылающимъ огнемъ, охотники успѣли снать ворота, бросить на землю и, такимъ образомъ, потушить ихъ. Между тѣмъ орудіе наше, поставленное позади воротъ, почти неутомимо дѣйствовало картечью по толпамъ непріятеля, бросавшагося въ ворота“.

На глазахъ непріятеля съ страшными усилиями и потерями была устроена передъ воротами баррикада изъ земляныхъ мѣшковъ, и орудіе помѣщено за ней для лучшаго обстрѣливанія улицъ города. Надо замѣтить, что множество непріятельскихъ труповъ, обгорая въ огнѣ зажженныхъ городскихъ саклей, издавали невыносимое зловоніе, такъ что съ трудомъ можно было оставаться на баррикадѣ. Не прерывавшіеся въ теченіе цѣлаго дня штурмы, прекратились съ наступленіемъ темноты, и ночь прошла спокойно. Для удѣмленія генерала Кауфмана объ отчаянномъ положеніи осажденныхъ ночью было послано одинъ преданный намъ джигитъ, который для этого переодѣлся нищимъ.

На слѣдующій день съ разсвѣтомъ опять начались тѣ же отчаянныя приступы и тѣ же успѣхи непріятеля раздавить горсть русскихъ людей, но ненюбѣдная энергія и стойкость защитниковъ вновь спасли дѣло. Ожесточенные штурмы продолжались до 3 часовъ, но безъ всякаго успѣха. Къ защитѣ воротъ и брешей въ стѣнѣ привлечены были больные и раненые. Многие, перевязавъ свои раны, добровольно вновь вращались назадъ, многие, получившіе по нѣсколько ранъ и залитые кровью, не хотѣли покидать своихъ товарищей и оставались въ рѣдахъ. Вечеромъ, около 6 часовъ, штурмы возобновились. Комендантъ, маіоръ Штемпель, рѣшилъ, въ случаѣ необходимости, отступить во дворецъ, который поэтому дѣятельно приводился въ оборонительное положеніе. При невозможности устоять передъ напоромъ непріятеля и въ этомъ послѣднемъ оплотѣ, рѣшено было, по общему согласію, взорвать все на воздухъ, для чего въ ночь на 4-е іюня во дворецъ свезенъ былъ весь порохъ и снаряды. 4, 5 и 6 іюня непріятель хотя и предпринималъ частныя приступы, но энергія его, видимо, ослабѣла. Въ виду этого нашъ храбрый гарнизонъ сталъ самъ дѣлать вылазки и жечь городскія сакли.

7 іюня отъ генерала Кауфмана было получено извѣстіе о томъ, что онъ идетъ на выручку форсированнымъ маршемъ. Тотчасъ же эта радостная вѣсть облетѣла многострадальный гарнизонъ; громовое „ура“ раздавалось по всей цитадели, и защитники поздравляли другъ друга съ благополучнымъ окончаніемъ осады.

8 іюня непріятель сталъ посильно очищать, и послѣднія его толпы были атакованы гарнизономъ цитадели. Вскорѣ позакзались передовые казаки, а за ними генералъ Кауфманъ съ отрядомъ вошелъ въ городъ и горячо благодарилъ храбрый гарнизонъ, потерявшій болѣе трети своего состава, за героическую защиту цитадели.

Въ наказаніе жителей приказано было сжечь городскія базары, какъ главную часть города. Такъ кончилась эта славная страница исторіи русской военной славы и доблестей русскаго офицера и солдата.

В. М.

*) „Обзоръ войнъ“ подъ редакціей Е. Л. Леера, ч. III, кн. 2.

**) Палка съ чугунною шарообразною головкой съ выступами.

*) Видѣланная изъ желѣза остроконечья, подобіе руки.

Къ рисункамъ.

Въ опочивальнѣ. (Рис. на стр. 440).

К. В. Лебедевъ, талантливый изобразитель русской старины, на послѣдней передвижной выставкѣ, между прочимъ, выставилъ небольшой холстъ, служащій какъ-бы продолженіемъ его известной картины, находящейся въ Москвѣ, въ галлерей Третьякова, „Боярская свадьба“. Въ повой картинѣ, носящей названіе „Въ опочивальнѣ“, только два лица—„князь съ княгиней“, т. е. женихъ съ невестою. Ихъ шумная толпа гостей проводила до опочивальни, сваха осыпала хлѣбомъ, дружки—хлѣбнымъ зерномъ, благословили иконою и теперь они одни. Неторопливо, какъ-бы замедляя желанную минуту, приблизился новобрачный къ своей суженой и приподнимаетъ фату, изъ-за которой съ потупленными очами видѣется лицо его стыдливой и покорной молодой супруги.

Кашалотъ и песцы. (Рис. на стр. 441).

Среди морскихъ млекопитающихъ, китовъ, выдающееся по величинѣ мѣсто занимаетъ кашалотъ. Несмотря на значительную опасность охотиться за нимъ, громадное животное все-таки преслѣдуется изъ-за богатой добычи изъ него жира, цѣнной амбры и ворвани. Въ противоположность гренландскому киту, который робѣетъ передъ своими преслѣдователями и безъ сопротивленія допускаетъ себя умертвить, кашалотъ мужественно сопротивляется и даже бросается на враговъ своихъ, опрокидывая или разбивая ихъ судно. Сила животного соответствуетъ величинѣ; взрослый самецъ достигаетъ 14 сажень въ длину при 5½ саженьяхъ въ обхватѣ. Главное отличие кашалота отъ кита заключается въ формѣ его головы, у которой нижняя челюсть относительно чрезвычайно мала. Въ видѣтвѣ опасности, сопряженной съ приближеніемъ къ кашалоту, необходимо плавающему въ открытомъ морѣ, нѣтъ точныхъ свѣдѣній объ его образѣ жизни. Наблюденія ограничивались надъ животными, заброшенными бурей на берегъ, гдѣ они и погибали. Такой трупъ бываетъ на долгое время лакомымъ блюдомъ для птицъ и хищныхъ животныхъ. Особенно жадностью и хищничествомъ отличаются полярныя или каменные лисицы или песцы, близкій родичъ нашихъ хищниковъ. Обитая въ полярныхъ странахъ Старого и Нового Свѣта, они хорошо известны изслѣдователямъ этихъ странъ. Меньше ростомъ нашей лисицы, они бывають лѣтомъ земляного или скалистого цвѣта, который замѣняется зимою бѣлымъ или коричнево-сѣрымъ. Эти хищники пожирають все живое, съ чѣмъ они могутъ справиться, но и не брезгаютъ также никакой мертвечиной. Такъ какъ море выбрасываетъ на берегъ не мало труповъ, то у этихъ животныхъ нѣтъ недостатка въ лакомствѣ, изъ-за котораго они верьдко вступаютъ въ кровавую драку. Замѣчательна дерзость, съ какою они нападаютъ на приставища путешественниковъ: у нихъ, во время сна, песцы пожирають даже оленьи шкуры, на которыхъ путешественники спятъ.

Пещерный храмъ въ Георгіевскомъ Балаклавскомъ монастырѣ.
Съ фот. Миткина, грав. Пястуншевичъ.

Возвращеніе рыбаковъ съ ловли въ Нормандіи.

(Рис. на стр. 445).

Пелагея Петровна Куріаръ, предсѣдательница первого дамскаго кружка, одна изъ самыхъ даровитыхъ русскихъ художницъ, кромѣ картинъ, передающихъ сѣверную природу, иногда выставляетъ картины изъ нормандской жизни. Въ этомъ году ею выставлена была работа, изображающая лодки нормандскихъ рыбаковъ, возвращающихся съ рыбной ловли домой. Заходящее солнце золотитъ тихую поверхность моря, по которому, точно усталыя, едва движутся эти лодки.

Видъ города Самарканда. (Рис. на стр. 448).

Посвящая въ настоящемъ номерѣ отдѣльную статью воспоминанію о взятіи Самарканда 25 лѣтъ назадъ русскими вой-

сками, мы даемъ на стр. 448 видъ части этого города съ остатками Тамерлановскихъ построекъ.

Самаркандъ—древній городъ Бухарскаго ханства (или Трансъ-Оксаніи, т. е. За-Аму-Дарьинскаго государства *),—былъ его вторымъ главнымъ пунктомъ, такъ какъ владѣтели ханства, или эмиры, имѣли свою резиденцію городъ Бухару. И только знаменитый эмиръ Тимуръ, или Тимуръ Ленкъ (хромой Тимуръ), называемый въ Европѣ Тамерланомъ, полюбилъ Самаркандъ, въ которомъ и жилъ всегда, когда не бывалъ въ своихъ военныхъ походахъ.

Хотя съ того времени прошли пять вѣковъ, но имя его до сихъ поръ, можно сказать, ежедневно раздается на улицахъ Самарканда и въ его окрестностяхъ, гдѣ остались какіе-либо памятники этого знаменитаго азіатскаго полководца-завоевателя и не менѣ знаменитаго покровителя наукъ и искусствъ. Эта-то его любовь къ изящному и выразилась въ многочисленныхъ великолѣпныхъ зданіяхъ, какими онъ украсилъ свою столицу, и между которыми самыми величественными, по размѣрамъ, красотѣ и роскоши, являются три духовныя академіи, расположенныя по тремъ сторонамъ площади, называемой Ригистанъ.

Эти великолѣпныя зданія академій, стоящія и понынѣ, до сихъ поръ обитаемы: въ нихъ живутъ студенты и профессора, для чего они и были воздвигнуты по желанію и волю упомянутаго средне-азіатскаго мецената. Неподалеку отъ нихъ возвышаются развалины также нѣкогда величественнаго зданія—дворца любимой жены Тамерлана, Биби-Ханымъ.

Потребовался-бы цѣлый томъ, съ множествомъ раскрашенныхъ иллюстрацій, для того, чтобы дать понятіе объ этихъ памятникахъ древне-иранскаго зодчества, хотя-бы въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся теперь.

На рисункѣ-же, представляющемъ общій видъ Самарканда, какъ онъ открывается глазамъ зрителя, стоящаго на окраинѣ русскаго города, можно видѣть лишь относительно небольшое расположеніе, размѣры и общія очертанія этихъ зданій, возвышающихся надъ остальной массой однообраз-

ныхъ глиняныхъ домиковъ съ плоскими крышами, какіе вообще характеризуютъ города Бухарскаго ханства.

Цитадель, въ которой такъ храбро защищались русскіе, находится тутъ же и цѣла до сихъ поръ. Часть ея видна въ лѣвой сторонѣ рисунка. Въ правой-же его сторонѣ, за деревьями проходитъ, такъ называемая, Ригистанская улица, соединяющая Сартовскій Самаркандъ съ русскимъ городомъ того-же имени. И на углу этой улицы, на разостланныхъ подъ тѣнью деревьевъ войлокахъ, коврикахъ или циновкахъ въ теченіе цѣлаго дня собираются сарты (или бухарцы) отдохнуть, попить чаю изъ русскаго *самовара* (такъ они произносятъ это слово), поѣсть лепешекъ изъ пшеничной муки (чурекъ) или орѣховъ и фруктовъ, продающихся здѣсь мѣстными бродячими торговцами.

Георгіевскій монастырь. (Рис. на стр. 449 и 452).

Георгіевскій Балаклавскій монастырь расположенъ на морскомъ берегу Крыма, близъ знаменитаго мыса Оюлентъ, на которомъ въ древности былъ построенъ знаменитый храмъ Дианы-Таврополійской. Здѣсь морской берегъ представляетъ совершенно неприступныя, почти отвѣсныя скалы, край которыхъ образуетъ самую высокую часть мѣстности (2000—2500 футовъ).

Первый краеугольный камень этому монастырю былъ положенъ Св. Андреемъ Первозваннымъ, такъ какъ известно—говоритъ Макарій **,—что св. Апостолы направлялись съ про-

* Аму-Дарья называлась въ древности Оксусъ или Оксъ.
** „Исторія церкви до Владимира“.

повѣдью Св. Евангелія преимущественно въ прославленные центры языческаго міра; а историкъ Метафрастъ до-бавляетъ, что послѣ вдохновенной проповѣди апостольской, по 500 и болѣе душъ въ день крестилось въ Крыму язычниковъ, и число христіанъ до того умножилось, что для нихъ было устроено *) 75 церквей, конечно, самыхъ малыхъ; церкви эти были устроены въ горахъ, лѣсахъ и вертепахъ земныхъ — для избѣжанія преслѣдованія язычниковъ. Первая-же изъ нихъ была устроена Св. Апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ въ полугорѣ, рядомъ съ мысомъ Оюлентомъ. Въ это время — дополняетъ новѣйшій изслѣдователь Крыма, пр. Брунъ — было разрушено и капище дѣвственной богини, посвященное Діанѣ Таврополійской. На мысѣ Оюлентѣ — разсказываютъ старожилы-монахи — видны были пьедесталы нѣсколькихъ колоннъ, которые увезены въ Крымскую войну французами и сардинцами.

До 1814 года, пещерная церковь Георгіевскаго монастыря была хорошо сохранена, но въ указанномъ году, при сооружеіи храма, одна часть пещерной церкви была уничтожена, а другая заложена камнемъ.

Въ 1891 году настоятель монастыря, игуменъ Никандръ, приготовляясь праздновать тысячелѣтіе существованія монастыря, началъ расчищать остатки пещерной церкви (при этой работѣ было найдено, подъ однимъ камнемъ, 75 штукъ серебряныхъ мелкихъ монетъ неизвѣстнаго происхожденія). Въ настоящее время, благодаря энергіи игумена Никандра, —

Директоръ Археологическаго института А. Н. Труворовъ (по поводу 50-лѣтія служебной дѣятельности). Съ фот. грав. Шюблеръ.

монастырь находится въ 12 верстахъ отъ Севастополя.

А. Н. Труворовъ.

(Портр. на этой стр.)

Въ маѣ мѣсяцѣ исполнится ровно полвѣка полезной и плодотворной служебной дѣятельности, сперва на педагогическомъ поприщѣ, а затѣмъ въ области археологическихъ изслѣдованій, иныишняго директора Археологическаго института тайнаго совѣтника А. Н. Труворова.

Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ, получивъ домашнее образованіе, преимущественно самоучкой, пристрастился къ живописи и посѣщалъ Московскій художественный классъ (нынѣ Училище живописи и ваянія). Затѣмъ уѣхавъ изъ Москвы и 24 марта 1843 года *) поступилъ на государственную службу учителемъ рисованія и черченія въ Кузнецкое уѣздное училище. Въ концѣ 1847 года, А. Н. отправился въ Казань и въ тамошнемъ университетѣ выдержалъ общеспеціальное испытаніе въ наукахъ, послѣ чего былъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ Сердобское уѣздное училище. По

окончаніи въ этомъ училищѣ обязательной 10-ти-лѣтней службы по Министерству Народнаго Просвѣщенія, Труворовъ, по единогласному постановленію Сердобскаго дворянства, набранъ на должность дворянскаго засѣдателя Сердобскаго уѣзднаго суда, съ 10 января 1855 г., на слѣдующее трехлѣтіе, въ которое постоянно исправлялъ должность уѣзднаго судьи, отсутствовавшаго все трехлѣтіе. Служба эта, ознакомивъ Труворова съ юридическими познаніями дореформеннаго судопроизводства, оказала ему, впоследствии, важную услугу при изданіи въ свѣтъ пер-

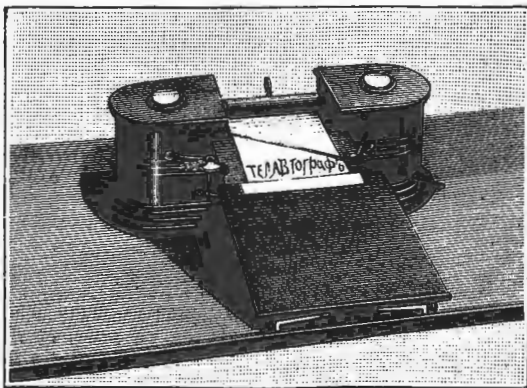

Рис. 1. Аппаратъ „отправитель“.

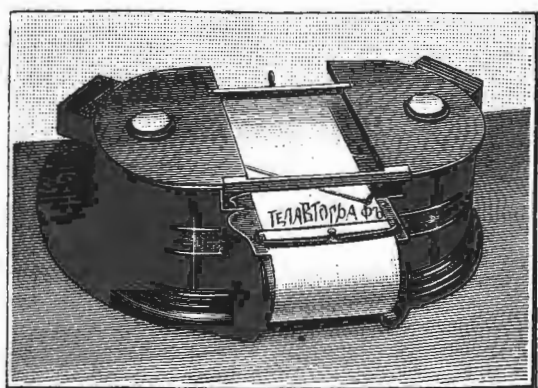

Рис. 2. Аппаратъ „приниматель“.

Новое изобрѣтеніе: Телавтографъ, передающій письмо на разстояніе.

пещерная церковь возобновлена, со строгимъ удержаніемъ первоначальнаго характера архитектуры. 29 апрѣля сего года совершено ея освященіе. Въ шесть часовъ утра вышелъ изъ Севастополя крестный ходъ, установленный съ развѣшенія Св. Синода въ память чудеснаго избавленія Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича отъ грозившей опасности во время путешествія (въ Японію). Ходъ этотъ былъ встрѣченъ въ Георгіевскомъ монастырѣ преосвященнымъ Мартиномомъ, епископомъ Таврическимъ. По освященіи храма, была предложена богомольцамъ братская трапеза въ монастырѣ. Георгіевскій

*) Описаніе Таврической епархіи, М. Родіонова.

Телавтографъ. Рис. 3.

Образецъ письма:

Подлинный текстъ.

Текстъ, переданный аппаратомъ.

ваго, уцѣлѣвшаго въ письменности, политическаго процесса о злоумышленіяхъ околыничаго и начальника Стрѣлецкаго Приказа Ѳедора Шаковитаго съ сообщниками. Та же служба познакомила Труворова съ сердобскимъ помѣщикомъ Николаемъ Василевичемъ Калачовымъ, извѣстнымъ русскимъ археографомъ, поощрившимъ Труворова къ юридическимъ помѣщикомъ Николасюмъ и литературнымъ занятіямъ, послѣдствіемъ чего явились корреспонденціи его изъ Сердобска въ *Московскія Видомости*, а затѣмъ была составлена имъ статья „Свадебные обряды крестьянъ Сердобскаго уѣзда“, начатая

*) Около двухъ мѣсяцевъ А. Н. былъ въ отпускѣ, поэтому пятидесятилѣтіе приходится на май мѣсяць.

танная Н. В. Калачовымъ въ третьей книгѣ *Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи* 1861 года. Онъ же, Н. В. Калачовъ, посоветовалъ Труворову переселиться въ С.-Петербургъ, гдѣ А. С. Поровъ опредѣлилъ его, 24 іюня 1858 года, въ сотрудники Археологической комиссіи; затѣмъ Труворовъ былъ приглашенъ въ число членовъ Высочайше утвержденной 6 декабря 1865 года комиссіи для приведенія въ ясность и порядокъ дѣлъ Синодальнаго Архива, а 2 мая 1870 года Археологическая комиссія избрала Труворова въ число своихъ членовъ. Археологическій институтъ, принявъ во вниманіе заслуги Труворова въ области археографіи, избралъ его, 2 января 1885 года, въ почетные члены. По кончѣ директора Археологическаго института Ив. Еф. Андреевскаго, совѣтъ и правленіе института, въ засѣданіи 24 мая 1891 года, избрали Труворова закрытою баллотировкой единогласно кандидатомъ на должность директора Археологическаго института, на что, въ 28-й день іюня того года, воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Юридическіе, археологическіе и литературные труды Труворова пользуются весьма широкою извѣстностью, и намъ остается только пожелать почтенному юбиляру продолжать ихъ еще долгіе и долгіе годы.

Телавтографъ. (Рис. на стр. 453).

Въ нашъ вѣкъ новѣйшія изобрѣтенія идутъ такими быстрыми шагами, что далеко опережаютъ практику. Не успѣли мы освоиться съ телефономъ, не успѣли онъ получить еще достаточно широкое примѣненіе, какъ ему на смѣну является новостъ— въ видѣ изобрѣтеннаго знаменитымъ физикомъ Элизэ Грессемъ, телавтографа. Дѣло въ томъ, что телавтографъ этотъ даетъ возможность въ точности воспроизводить всякое письмо на разстояніи. Идея воспроизведенія письма на разстояніи, блестяще разрабѣтанныя Грессемъ, занимала умы многихъ его знаменитыхъ предшественниковъ. Телеграфы Кавелли, Ленуара и Мейера являлись въ этомъ направленіи попыткою далеко, впрочемъ, неудачною. Въ настоящее время удалось вполнѣ разрѣшить эту задачу Грею. Телавтографъ его состоитъ, какъ и телеграфъ, изъ двухъ аппаратовъ: „отправителя“ и „принимателя“. Какъ видно на рисункѣ (рис. 1), у „отправителя“ приклеиваютъ шпигеръ, на которомъ помѣщается бѣлый листъ бумаги. На этой бумагѣ воспроизводить долженствующее быть переданнымъ на разстояніи письму, помощью штифтика, свободно двигающагося на шарнирѣ надъ бумагой. На „приниматель“ (рис. 2) имѣется тоже штифтикъ, который съ математическою точностью повторяетъ движенія штифта „отправителя“ и воспроизводитъ письмо на самодвижущейся лентѣ бумаги. О точности передачи можно судить по данному у насъ образцу (рис. 3), изображающему оригиналъ письма и видъ его послѣ передачи. Вся разница заключается лишь въ нѣкоторомъ утолщеніи. Самый механизмъ аппаратовъ составляетъ секретъ автора, который пока не желаетъ раскрыть его, сознавая всю важность своего изобрѣтенія. Телавтографъ, дѣйствительно, является изобрѣтеніемъ столь же важнымъ, какъ телефонъ и фонографъ. Въ смыслѣ скорости сношенія, онъ не можетъ, правда, замѣнить телефонъ, передающій, какъ извѣстно, живую рѣчь, за то все переданное имъ остается на бумагѣ и не проходитъ безслѣдно. Для сношеній при помощи телавтографа не требуется присутствія у аппарата лица, которому вы хотите сообщить что-нибудь. Если вашего корреспондента нѣтъ дома и вы лишены такимъ образомъ возможности говорить съ нимъ по телефону, вы пишете ему записку телавтографомъ, и онъ находитъ ее по своему возвращеніи. Пользоваться телавтографомъ можно и на большихъ разстояніяхъ чрезъ посредство промежуточныхъ станцій. Подобнаго рода попытка уже была, въ мартѣ нынѣшняго года, сдѣлана между Нью-Йоркомъ и Чикаго. На всемірной Колумбійской выставкѣ рѣшено ввести телавтографъ въ употребленіе. Въ Нью-Йоркѣ организовалась громадная компанія капиталистовъ для эксплуатаціи телавтографа.

Герцогъ Карль-Теодоръ Баварскій и принцесса Софія. (Портр. на стр. 456).

Герцогъ Карль Теодоръ Баварскій одинъ изъ самыхъ милосердныхъ людей нашего времени. Изучивъ медицину, онъ посвятилъ себя врачеванію глазныхъ болѣзней, и личными трудами и заботами приноситъ громадную пользу и облегченіе страдающему человечеству. Имъ основаны три лѣчебницы для лицъ, страдающихъ глазами болѣзнями: одна въ Мемлѣ, другая у Тегернзе, гдѣ славный окулистъ проводитъ большую часть года, а третья въ Мюнхенѣ. Доступъ къ нему открытъ всякому: бѣдному и богатому, и платы, конечно, никакой не взимаются: кто пожелаетъ, можетъ опустить носильную ленту въ кружку у дверей, и деньги изъ нея идутъ на благотвореніе. Герцогъ, вышедъ въ чинѣ генерала баварской арміи, родился въ 1839 году и приходится роднымъ братомъ Австрійской императрицѣ Елизаветѣ, сунругѣ императора Франца-Иосифа. Въ 1874 году герцогъ Карль вторично вступилъ въ бракъ съ принцессой Браганцскою Маріей-Иозефой, которая не мало помогаетъ своему супругу въ его благотворительно-

сти. Его старшая дочь отъ этого супружества, принцесса Софія, также много помогаетъ отцу своему и является его главнымъ ассистентомъ. Съ 7 часовъ утра царственный врачъ начинаетъ принимать больныхъ, при чемъ всегда присутствуетъ принцесса Софія. Число сдѣланныхъ герцогомъ-операций весьма значительно. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ 2,000 операций снятія бѣльма.

В. Г. Басаргинъ. (Портр. на стр. 456).

Въ ночь на 16-е апрѣля, скончался въ г. Ялтѣ флагъ-капитанъ Его Императорскаго Величества, генералъ-адъютантъ Владиміръ Григорьевичъ Басаргинъ. За всю свою службу покойный, начиная съ мичмана до вице-адмирала, почти не сходилъ съ палубы военныхъ кораблей, сдѣлавъ на нихъ безконечное число миль по морямъ и океанамъ. Множество современныхъ моряковъ прошли черезъ школу В. Г. Басаргина, вынеся изъ нея наилучшія воспоминанія и глубокое уваженіе и любовь къ своему учителю.

В. Г. Басаргинъ, сынъ извѣстнаго моряка Григорія Гавриловича Басаргина, родился въ 1838 году. Окончивъ блестяще курсъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, В. Гр. вступилъ въ службу въ 1854 году и въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ мичманы; ему тогда минуло всего 18 лѣтъ. Выдающіяся способности молодого офицера обратили на В. Г. вниманіе начальства, и уже черезъ 7 лѣтъ службы и черезъ два года по производствѣ въ лейтенанты, В. Г. Басаргинъ командовалъ корветомъ *Рында* въ отрядѣ судовъ Тихаго океана, подъ флагомъ контръ-адмирала А. А. Попова. По возвращеніи въ 1865 году въ Россію и производствѣ въ томъ же году въ капитанъ-лейтенанты, В. Гр. плавалъ на новомъ броненосномъ фрегатѣ „Севастополь“, въ должности старшаго офицера, и вскорѣ былъ назначенъ командиромъ строившагося броненоснаго фрегата „Князь Пожарскій“, а затѣмъ въ теченіе 20 лѣтъ послѣдовательно командовалъ фрегатомъ „Князь Пожарскій“, броненоснымъ кораблемъ „Петръ Великій“ и фрегатомъ „Дмитрій Донской“, проводя большую часть своего командованія въ заграничныхъ водахъ.

Въ 1885 году, въ чинѣ капитана 1-го ранга, В. Г. Басаргинъ командовалъ учебно-артиллерійскимъ отрядомъ и, наконецъ, въ слѣдующемъ 1886 году, съ производствомъ въ контръ-адмирала, получилъ назначеніе на постъ флагъ-капитана Его Императорскаго Величества. Въ этой должности адмиралъ удостоенъ былъ назначенія въ свиту Его Величества, а по производствѣ 1-го января 1892 года въ вице-адмирала, 15-го мая того же года, въ день священнаго коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ, назначенъ генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. Во время семилѣтняго пребыванія своего въ должности флагъ-капитана Его Величества, В. Гр. командовалъ ежегодно отрядами Императорскихъ яхтъ и другихъ судовъ, сосредоточивающихся на Петергофскомъ рейдѣ и въ гавани, во время пребыванія здѣсь Императорской Фамиліи. Почти ежегодно В. Г. Басаргинъ сопровождалъ Государя Императора и Августѣйшее Семейство во время плаванія по ихерамъ и за границу, а въ 1890 и 1891 гг.—Государя Наслѣдника Цесаревича во время дальняго плаванія Его Императорскаго Высочества на Востокъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года, генералъ-адъютантъ Басаргинъ совершилъ свое послѣднее плаваніе, сопровождалъ Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшимъ Семействомъ при переходѣ по Черному морю отъ Севастополя въ Ялту, и, какъ передаютъ, во время этого перехода, стоя на мостикѣ парохода въ одномъ шюртукѣ, простудился, такъ какъ было въ этотъ день очень холодно и шелъ снѣгъ; заболѣвъ инфлюэнцою, В. Г. Басаргинъ, страдая еще съ прошлаго года болѣзнью печени, слегъ въ постель, а въ ночь на 16-е апрѣля его не стало.

На портретѣ нашемъ генералъ-адъютантъ Басаргинъ изображенъ въ штатскомъ платьѣ, съ лучшей его карточкой, снятой во время пребыванія его въ Ниццѣ.

Сербскій министръ-президентъ Лазаръ Докичъ.

(Портр. на стр. 457).

Новый сербскій министръ-президентъ, д-ръ Лазаръ Докичъ, окончивъ медицинскій факультетъ въ Вѣнскомъ университетѣ, занялся врачебной практикой въ Бѣлградѣ. Вскорѣ онъ былъ приглашенъ въ бѣлградскую высшую школу занять кафедру естественныхъ наукъ и физиологій. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ назначенъ воспитателемъ къ юному наслѣднику престола, нынѣ Сербскому королю Александру I. Онъ преподавалъ ему естествознаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлалъ за ходомъ общаго его образованія.

Однажды, какъ-то, маленькій Александръ за обѣдомъ, послѣ нѣкотораго раздумья, спросилъ свою мать, у всѣхъ-ли дѣтей имѣются Докичи. Получивъ отъ королевы утвердительный отвѣтъ, принцъ со вздохомъ замѣтилъ: „Нечего дѣлать, я долженъ буду подчиниться этому“.

Послѣ 6-го марта 1889 года—дня отреченія отъ престола короля Милана, Докичъ получилъ назначеніе председателя государственнаго совѣта, и въ его распоряженіе были предоставлены всѣ имуществы юнаго короля.

До этого времени Докичъ не вмѣшивался въ политику и велъ уединенную, спокойную жизнь ученаго естествоиспытателя. Теперь, послѣ происшедшаго въ Сербіи переворота, онъ

назначенъ министромъ-президентомъ и, ставъ во главѣ государственнаго управленія, заявилъ себя ревностнымъ сторонникомъ радикальной партіи. Докичу теперь 49 лѣтъ.

Разныя извѣстія.

— 16-го апрѣля, Ихъ Императорскія Высочества со всею Августѣйшею Семьею посѣтили Массандру. Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Великою Княжною Ольгою Александровною изволили слѣдовать черезъ городъ Ялту въ коляскѣ, которую верхами сопровождали Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Георгій и Михаилъ Александровичи и Великая Княжна Ксения Александровна.

— 30 апрѣля Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна

изволили возвратиться изъ-за границы.

— По Высочайшему повелѣнію, крѣпость Динамонде переименована въ крѣпость Усть-Двинскъ.

— Въ Кіевѣ разрѣшено открыть въ текущемъ году, съ 1 по 10 августа, всероссійскій съѣздъ лѣсовладѣльцевъ и лѣсохозяевъ.

— Согласно циркуляру Министерства Народнаго Просвѣщенія, разрѣшено пользоваться льготнымъ проѣздомъ по желѣзнымъ дорогамъ каждому учащемуся не болѣе трехъ разъ въ годъ.

— Главнымъ управленіемъ Россійскаго

общества „Краснаго Креста“ роздано двѣнадцать медалей, съ надписью „за усердіе“, для поощенія на груди, сестрамъ милосердія казанскаго отдѣла общества, въ награду за ихъ самоотверженную дѣятельность во время борьбы съ холерой и тифозной эпидеміей.

— 25 апрѣля состоялось открытіе учрежденнаго при Императорской Военно-медицинской академіи Антропологическаго общества.

— Въ 25 верстахъ отъ Самарканда, близъ деревни Ибрагимъ-Огла, открыто третье въ Средней Азій мѣсто нахождения бирюзы.

Политическое обозрѣніе.

Военный законопроектъ въ Германіи, видоизмѣненный въ предложеніи депутата центра Гюне, потерпѣлъ неудачу, и рейхстагъ, по волѣ императора, распущенъ. Въ *Имперскомъ Указѣ* напечатанъ императорскій указъ о назначеніи новыхъ выборовъ въ рейхстагъ на 3 (15) іюня. Повсюду въ Германіи, даже внѣ ея, эти событія произвели сильное впечатлѣніе; особенно въ Австріи они вызвали настоящій переломъ, и газеты съ тревогой высказываются, что берлинскій кабинетъ либо начнетъ настаивать, чтобы Австро-Венгрія успила свои вооруженія, либо попытается войти въ особу дружественныя отношенія съ Россіей, что тотчасъ же стало бы замѣтно по отношенію къ восточному вопросу. Ихъ угѣшаетъ та мысль, что новый рейхстагъ иначе посмотритъ на военный законъ. Того же мнѣнія держится правительство въ Берлинѣ. Въ подтвержденіе послѣдняго предположенія можно привести извѣстіе *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, которая сообщаетъ, что, по окончаніи пропущеннаго 27 апрѣля военнаго смотра, императоръ сказалъ собравшимся генераламъ и штабъ-офицерамъ, что онъ, съ сожалѣніемъ, обманулся въ надеждѣ, что военный законопроектъ будетъ принятъ рейхстагомъ. Онъ надѣется, однако, что будущій рейхстагъ вотинуетъ законопроектъ, но если и на этотъ разъ надежды его окажутся тщетными, то онъ сдѣлаетъ все возможное для достиженія цѣли, такъ какъ онъ слишкомъ убѣжденъ въ необходимости военнаго законопроекта для сохранения мира. Онъ не думаетъ, чтобы въ этомъ вопросѣ народъ допустилъ ввести себя въ заблужденіе. Ему, императору, извѣстно, что онъ составляетъ въ военномъ вопросѣ одно неразрѣшимое цѣлое съ германскими государями, народомъ и войскомъ.

Итальянскій король послалъ 24-го апрѣля министру-президенту слѣдующій рескриптъ: „Любезный Джулиитти! Двадцатипятилѣтняя годовщина моей свадьбы представила Италіи случай явить моему дому новое доказательство преданности. Королева и я глубоко тронуты, и радость наша успилась при видѣ великодушнаго соревнованія въ дѣлахъ благотворительности, кои страна присоединила къ нашему семейному празднику, а также вслѣдствіе почестей, оказанныхъ ею августѣйшимъ гостямъ и посланъ иностранныхъ державъ. Посугная такъ, страна показала, что всѣ итальянцы одинаково исполнены чувствъ благотворительности и патриотизма. Я желаю, чтобы нація было извѣстно, что меня радуетъ все то, и что я горжусь всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано въ эти дни итальянскимъ народомъ и его правительствомъ съ высокою цѣлью престижа націи. Прошу васъ быть выразителемъ моихъ чувствъ передъ страной и, особенно, передъ Римомъ, оказавшимся на высотѣ своихъ традицій и своихъ новыхъ судебъ.“

Въ Рио-Жанейро 21-го апрѣля открылся бразильскій конгрессъ. Президентъ республики заявилъ въ своей рѣчи о существованіи хорошихъ отношеній между Бразиліей и иностранными государствами и сказалъ, что предположается предпринять обширныя работы, съ цѣлью развитія переселенія иностранцевъ въ Бразилію. Финансовое положеніе республики, — прибавилъ президентъ, — улучшилось. Вслѣдъ затѣмъ въ *New-York-Herald* телеграфируютъ изъ Вальпарайсо, что, по полученнымъ тамъ изъ Монтевидео свѣдѣніямъ, между урагвайскими и бразильскими войсками произошло на границѣ стычка, въ которой убиты 43 бразильца и 12 урагвайцевъ.

Научныя и техническія новости.

— Иегеръ нашелъ особую бактерію *заразной желтухи* (Вейлевская болѣзнь) и полагаетъ, что болѣзнь эта распространяется въ видѣ эпидеміи тамъ, гдѣ люди купаются въ водѣ, загрязненной болыными птицами. У послѣднихъ встрѣчается иногда тотъ-же микробъ, который причиняетъ заразную желтуху у людей.

— Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ полезнымъ усовершенствованіемъ является недавно изобрѣтенный и уже испытанный на практикѣ автоматическій смазчикъ колесъ Mollerup Drevdal. Изъ этого прибора стекаетъ масло лишь тогда, когда нужно, при чемъ управляетъ дѣйствіями смазчика сама машина, съ механизмомъ которой приборъ находится въ извѣстномъ соединеніи. Опасность пожара отъ загорѣвшейся оси теперь почти совсѣмъ устранена.

— Открытый Бернардомъ въ Ликской об-

серваторіи (въ Калифорніи) новый спутникъ Юпитера теперь уже окончательно изученъ. Спутникъ этотъ гораздо меньше нашей луны: діаметръ его не превышаетъ тысячи километровъ, тогда какъ луна имѣетъ въ діаметрѣ 3.484 километра. Находится онъ на разстояніи 108.000 километр. отъ поверхности Юпитера и вращается вокругъ него со скоростью 26.400 метровъ въ секунду. Полный оборотъ вокругъ планеты спутникъ этотъ совершаетъ безъ малаго въ 12 часовъ, т. е. вдвое скорѣе нашей луны.

— *Известковая накипь*, образующаяся, обыкновенно, на стѣнкахъ паровыхъ котловъ, можетъ быть совершенно удалена, если насытить холодную воду, налитую въ котелъ, жидкой углекислотой: углекислая известь, главная составная часть накипи, растворяется, а на дно осажается гипсъ, также присутствующій въ накипи.

— Американецъ Куртене усовершенствовалъ автоматически *звучащій буй* такимъ образомъ, что болышая или меньшая чистота подаваемыхъ имъ свистковъ зависитъ отъ высоты омывающаго приборъ волни. Новый аппаратъ предупреждаетъ, слѣдовательно, и о размѣрѣ волненія. Такой буй поставленъ уже въ гавани Амстердама.

— Предложено новое средство *мнченія дифтерита*. Флаго (Flahaut) примѣнялъ его во Франціи съ большимъ успѣхомъ. Всѣ 40 человекъ, заболѣвшихъ въ городѣ, выздоровѣли, и эпидемія, по прошествіи 15 дней, прекратилась. Кисточки опускаютъ въ неочищенную нефть и слегка встряхиваютъ, чтобы капли жидкости не попали въ дыхательные пути, и затѣмъ каждый часъ или черезъ два часа смазываютъ ею дифтеритныя пленки, которыя въ концѣ концовъ растворяются въ нефти. Операция эта совершенно безболѣзненна.

Библиографія.

Вѣстникъ иностранной литературы пчеловодства. Редакторъ-издатель Г. П. Кондратьевъ. Годъ первый. 1892—1893. С.-Петербургъ. Выходитъ восемь разъ въ годъ (съ 1-го сентября по 1 апрѣля). Цѣна съ дост. и перес. 1 рубль.

Пчеловодство съ давнихъ поръ составляло любимую и не безвыгодную статью въ Россіи, которая, однако, въ послѣднія десятилѣтія, въ деревняхъ нашихъ не развивается, а скорѣе падаетъ. Между тѣмъ, въ тѣ же послѣднія тридцать лѣтъ, въ Европѣ и въ Америкѣ пчеловодство получило широкое развитіе, доказавшее, между прочимъ, что помимо своей привлекательности, занятіе нѣмъ можетъ имѣть большое значеніе, чисто коммерческое. Въ эти годы возникла цѣлая наука пчеловод-

ства, изучая характеръ и образъ жизни пчелъ, наиболѣе выгодныя условія ихъ существованія, изобрѣтались улы новыя устройства и т. д. Это движеніе не осталось чуждо и русскимъ людямъ. Цѣлый рядъ личностей, какъ покойный профессоръ Вагнеръ, Г. П. Кондратьевъ, священникъ Долиновскій, Вербицкій, Юшковъ, Успенскій и пр. явились дѣятелями на этой почвѣ. Всѣ эти обстоятельства дали страстному и искусному пчеловоду, извѣстному артисту Г. П. Кондратьеву, счастливую мысль издавать журналъ, въ которомъ отражались бы развитіе здравыхъ понятій о пчеловодствѣ, совершающемся за границей, — и предъ нами первый годъ этого изданія. Редакторъ-издатель является совершенно безкорыстнымъ дѣятелемъ, въ

своей сферѣ: о чемъ, какъ нельзя лучше, свидѣтельствуетъ ничтожная дѣна журнала, одинъ рубль за 8 годовыхъ номеровъ: онъ руководствуется исключительно „желаніемъ принести дѣду развитію пчеловодства у насъ въ Россіи посильную помощь“. Въ русскомъ народѣ есть повѣрье, что пчелы хорошо ведутся только у людей честныхъ, и что къ занятію пчеловодствомъ можетъ приступать только человекъ совершенно чистый. Обращая на этотъ фактъ вниманіе г. Кодратьевъ не безъ основанія говоритъ о нравственномъ значеніи и вліяніи развитія этой отрасли домашняго хозяйства, и взываетъ къ священникамъ, къ учителямъ и другимъ близко стоящимъ къ народу людямъ, приглашая ихъ стать „проводниками“ пчеловодства въ народѣ. Нельзя не пожелать изданію г. Кодратьева возможно большаго распространенія среди лицъ, которыя занимаются или могли бы заняться пчеловодствомъ, какъ нельзя не пожелать, чтобы эта отрасль деревенской дѣятельности получила у насъ въ Россіи широкое развитіе.

Герцогъ Карлъ-Теодоръ Баварскій, окулить-благодѣтель. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Даже такой слабый сюжетъ, какъ „Cosi fan tutte“, могъ вдохновить этого бессмертнаго гения. Вотъ на чемъ вращается драматическій интересъ пьесы: два молодые офицера держатъ пари съ однимъ изъ своихъ друзей, что невѣсты ихъ, сестры Фьордализе и Дорабелла, сохранятъ имъ вѣрность даже въ томъ случаѣ, если ихъ подвергнуть разнымъ искушеніямъ. Они будто бы отправляются на войну, а на самомъ дѣлѣ, являются переодѣтыми къ своимъ невѣстамъ и начинаютъ за ними ухаживать. Невѣсты послѣ нѣкотораго колебанія сдаются и готовы выйти замужъ за своихъ новыхъ поклонниковъ. Молодые сначала огорчаются и хотятъ ужъ покинуть ихъ, но потомъ прощаютъ своихъ нареченныхъ и женятся на нихъ, а другъ утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что „все онѣ таковы“. Нѣкоторые изъ исполнителей-учениковъ кончаютъ въ этомъ году консерваторію; къ нимъ относятся г-жа Бауллина и г. Ершовъ (сопрано и теноръ), дебютировавшіе въ Маринскомъ театрѣ, — первая въ партіи Татьяна въ „Евгений Онегинъ“, съ успѣхомъ, а вторая — въ партіи Фауста.

Принцесса Софія Баварская, дочь герцога Баварскаго. Съ фот. грав. Шюблеръ.

В. Баскинъ.

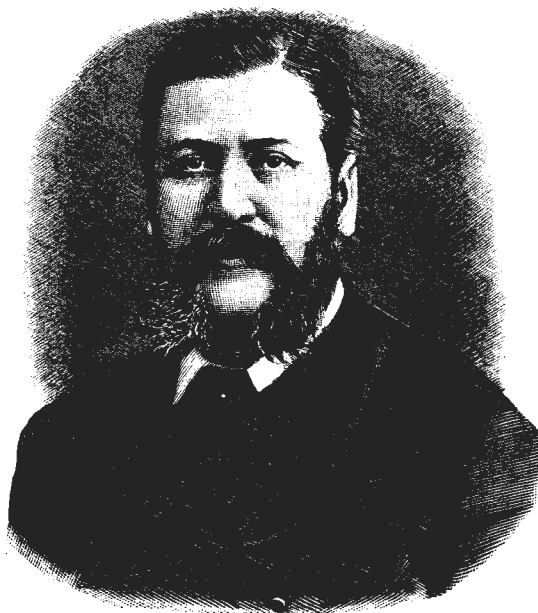
Искусство.

Консерваторскій спектакль.

Для второго ученическаго спектакля консерваторія поставила никогда не пранную по-русски въ Петербургѣ оперу Моцарта „Cosi fan tutte“; опера эта по „Хроникѣ театровъ“ Вольфа шла на итальянскомъ языкѣ въ Большомъ театрѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Опера разучена была прекрасно и прошла съ ансамблемъ; ученики не путались, знали свои мѣста, держались свободно на сценѣ и пѣли очень мило. Словомъ, спектакль произвелъ очень благоприятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ въ Александринскомъ театрѣ, гдѣ „Cosi fan tutte“ и была представлена 25 апрѣля, днемъ.

Замѣчательно, что опера эта до сихъ поръ никогда и нигдѣ особеннаго успѣха не имѣла; такіе добросовѣстные биографы Моцарта, какъ Ульбришевъ (два тома „Новой биографіи Моцарта“ его вышли ужъ въ русскомъ переводѣ, — третій и послѣдній печатается), Ниссенъ, Поль и др. утверждаютъ, что она нигдѣ не правилась и, главнымъ образомъ, потому, что сюжетъ крайне нелѣпый, растянутъ на восемь картинъ и требуетъ превосходныхъ исполнителей-вокалистовъ, а таковыхъ въ настоящее время все меньше и меньше.

По свидѣніямъ однихъ, сюжетомъ для „Cosi fan tutte“ послужилъ случившійся въ Вѣнѣ фактъ съ двумя офицерами, настолько понравившійся по своей смѣшной подкладкѣ императору, скептически относившемуся къ женщинамъ, что онъ поручилъ написать оперу Моцарту на эту фавулу. Вѣрифе намъ думается, однако, что сюжетъ этой оперы, иначе называемой „Школой влюбленныхъ“ (La scuola degli amanti) заимствованъ либреттистомъ изъ какой-нибудь старинной испанской комедіи въ духѣ Лопе-де-Руэда или позднѣйшихъ испанскихъ писателей, любившихъ прибѣгать къ разнымъ travesti, qui pro quo и прочимъ приемамъ легкихъ пьесъ, забавлявшихъ и веселившихъ уличную массу. Эта опера можетъ послужить, между прочимъ, новымъ подтвержденіемъ тому, что либретто въ оперѣ не играетъ первенствующей роли, какъ это пытаются доказать многие современные композиторы. Для Моцарта въ музыкѣ заключалась вся цѣль оперы; вотъ чѣмъ слѣдуетъ объяснить присутствіе въ данной оперѣ такой массы хорошей музыки, которой хватило бы на двѣ оперы современныхъ композиторовъ.

Владиміръ Григорьевичъ Басаргинъ († 16 апрѣля 1893 г.). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Смѣсь.

Глаза перувианскихъ мумій. Въ августѣ 1868 г. берега Перу были страшно опустошены сильнѣйшимъ землетрясеніемъ и сопровождавшимъ его необычнымъ приливомъ. Проходившій въ 300 верстахъ отъ этихъ мѣстъ американскій пароходъ „Kearsarge“ послѣдшилъ пристать къ берегу, чтобы оказать пострадавшему населенію посильную помощь. Однажды, по окончаніи обычныхъ занятій, офицеры этого парохода отправились на берегъ посмотреть результаты недавней катастрофы и, кстати, собрать интересныя въ научномъ отношеніи коллекціи. И, дѣйствительно, среди развалинъ удалось имъ отыскать очень интересныя вещи, но самой важной изъ всѣхъ ихъ находокъ оказались впервые открытыя здѣсь, перувианскія муміи. Ужасный прилив сорвалъ потолокъ съ пещеры, гдѣ онѣ находились, и, такимъ образомъ, вынесъ ихъ на свѣтъ Божій. И въ этомъ замѣчательномъ открытіи, какъ и во многихъ другихъ, случай сыгралъ главную роль.

Муміи эти, какъ извѣстно, сдѣланы иначе, чѣмъ египетскія: никакихъ искусственныхъ способовъ для предохраненія тѣла отъ гніенія здѣсь не примѣнено: трупы просто были высушиваемы подобно тому, какъ это дѣлается въ С.-Бернардской обители и нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ Италіи.

Большую часть мумій найдены были въ сидячемъ положеніи, при чемъ подбородокъ касается колѣнъ, и руки обхватываютъ послѣднія. Вокругъ покойника, обыкновенно, расположены разныя предметы, очевидно, самые дорогие для даннаго лица: глиняная посуда, драгоценности, украшенія—возлѣ богатыхъ, орудія производства—возлѣ бѣднѣе. Смотря по профессіи покойника, встрѣчаются то хлѣбныя зерна и земледѣльческія орудія, то рыболовныя сѣти и удочки. Верстено и неоконченная еще работа, очевидно, та, надъ которой сидѣла умершая въ послѣдній день своей жизни, а также нѣкоторыя принадлежности туалета и украшенія лежатъ около женщинъ, и, наконецъ, игрушки—возлѣ дѣтей.

Но самое интересное въ этихъ муміяхъ, это—такъ называемые, глаза иголки.

Когда снимаютъ повязку съ головы перувианской муміи, то при этомъ выпадаютъ изъ нея два твердыя тѣла овальной формы, на одномъ концѣ сплюснутыя, радужнаго цвѣта: состоятъ они изъ

несколько концентрических слоев, расположенных вокруг центрального ядра, и легко разсыпаются. Это и есть глаза инков, которые, повидному, положены были уже послѣ смерти на вѣки покойника, В. С. Миллеръ, исследовавъ эти глаза, предположилъ сначала, что они сдѣланы изъ какого-нибудь смолистаго вещества, но вскорѣ онъ самъ же отказался отъ этого предположенія: гистологическое изученіе размяченнаго въ глицеринѣ разрывъ глаза показало ему, что онъ имѣетъ здѣсь дѣло съ хрусталикомъ глаза животнаго. Но какого животнаго? Случай помогъ отвѣтить и на этотъ вопросъ. Несколько кусочковъ глаза оставлены были какъ-то въ дистиллированной водѣ, и здѣсь они пролежали день или два. Когда ученый вспомнилъ о забытыхъ имъ объектахъ и подошелъ къ сосуду съ водой, то пораженъ былъ запахомъ моря и морского животнаго, который приобрѣла вода. Такимъ образомъ, стало ясно, что загадочные глаза принадлежатъ не кому другому, какъ животному морскому, а затѣмъ дознались, что хозяиномъ ихъ былъ головоногий моллюскъ. Если подвергнуть исследованію замѣчательно развитый и превосходно устроенный глазъ этихъ животныхъ, то можно различить въ немъ двѣ чечевичы, изъ которыхъ одна очень

Новый Сербскій министр-президентъ Лазаръ Доничъ.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

объемистая и имѣетъ полушаровидную форму, очень напоминающую глаза инковъ.

Головоногіе моллюски въ изобиліи встрѣчаются у береговъ Перу, и по этому можно вполне согласиться съ Миллеромъ, что древніе жители Перу вырывали глаза у этихъ животныхъ, чтобы помѣстить ихъ,—съ какою цѣлью, конечно, неизвестно,—на лицѣ покойниковъ.

Автографы Колумба, указы испанскихъ монарховъ о возложенныхъ на него порученіяхъ, подлинный договоръ его съ ними, заключенный передъ отправленіемъ въ первое путешествіе, и еще нѣкоторые другіе драгоценные для исторіи документы будутъ вскорѣ доставлены на всемірную выставку въ Чикаго. Въ эти реликвіи, привезенныя недавно изъ Испаніи на особо откомандированномъ съ этой цѣлью пароходѣ американскаго флота, повезетъ изъ Нью-Йорка, гдѣ онъ теперь находится, въ Чикаго особый специальный поѣздъ.

Причина самопроизвольнаго загорания травы, повидному, открыта г. Каномъ изъ Бреслави. Виновникомъ этого оказывается паразитный грибокъ, *Aspergillus fumigatus*, извѣстный вредомъ, который онъ причиняетъ прорастанію ячменя развиваемой имъ теплою. Теллота, производимая дѣятельностью этого грибка, вызываетъ также и загораніе травы.

5% съ выигр. заемъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 г.

7-й тиражъ 1 мая 1893 г.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.
30	12	500	2486	42	500	3888	16	500	5811	12	500	7911	39	500	9979	18	500
47	37	500	2488	19	500	3990	44	500	5825	37	500	7915	37	500	10010	25	500
113	37	500	2490	46	500	4021	1	1000	5829	43	1000	7954	18	500	10053	28	1000
179	45	5000	2628	47	500	4136	25	500	5851	24	500	7995	28	500	10081	32	500
199	9	500	2638	11	500	4142	50	500	5864	43	8000	8045	42	500	10099	11	500
271	16	500	2662	37	500	4243	50	500	5866	6	5000	8097	39	500	10133	38	500
325	43	500	2693	10	500	4342	34	500	5919	17	500	8367	36	500	10138	25	500
358	29	500	2699	25	500	4348	20	500	5929	34	500	8395	40	500	10193	19	5000
363	14	500	2715	36	500	4396	15	1000	5980	37	500	8599	20	500	10300	50	500
365	35	8000	2776	2	1000	4538	47	500	6049	26	500	8617	32	500	10352	10	75000
445	22	500	2851	33	500	4539	41	500	6052	29	500	8712	22	500	10405	14	500
531	17	500	2955	16	500	4540	40	500	6061	37	500	8732	40	500	10432	44	500
587	27	8000	2962	44	500	4542	50	500	6081	37	500	8772	14	500	10460	50	500
635	22	500	2962	50	500	4615	32	500	6290	11	500	8781	32	500	10473	48	1000
663	11	1000	2976	36	500	4656	6	500	6348	33	500	8808	48	500	10651	40	500
673	49	500	2990	15	500	4694	37	500	6361	42	500	8940	20	500	10748	41	500
723	45	500	3030	13	500	4742	38	500	6603	23	500	8947	48	500	10813	2	500
736	2	500	3057	23	500	4820	24	500	6750	34	500	9000	1	1000	10844	49	500
788	35	500	3080	14	1000	4842	15	500	6878	23	500	9134	9	500	10990	13	5000
821	7	500	3108	16	500	4868	12	500	6929	32	500	9159	24	500	10997	3	500
863	9	500	3111	36	500	4890	50	500	6970	16	1000	9169	14	500	11050	10	500
896	40	500	3164	26	1000	4909	3	500	7019	34	500	9184	3	500	11065	48	500
906	44	500	3174	39	1000	4914	2	500	7081	25	500	9266	9	500	11126	36	500
940	49	500	3204	45	500	4941	37	500	7131	18	500	9321	3	8000	11209	48	500
1245	1	1000	3251	48	1000	4993	19	500	7152	2	500	9356	10	500	11263	9	500
1319	7	500	3283	32	1000	5134	37	500	7162	44	25000	9397	22	500	11358	34	500
1321	16	500	3331	16	500	5162	50	500	7205	11	500	9571	35	500	11740	23	500
1322	20	500	3362	4	500	5311	36	500	7275	31	500	9573	39	500	11523	28	10000
1324	41	5000	3371	25	500	5312	44	500	7281	33	500	9614	27	500	11573	21	500
1406	47	500	3417	20	40000	5413	4	500	7376	45	500	9633	19	500	11581	2	500
1779	2	500	3488	36	500	5433	15	500	7380	4	500	9700	6	500	11630	27	500
1818	25	500	3542	9	500	5458	31	500	7458	34	500	9731	17	500	11653	50	500
1867	14	500	3564	17	500	5466	23	500	7509	37	500	9745	30	500	11681	26	500
1871	47	500	3570	49	500	5513	42	5000	7509	49	1000	9781	40	500	12299	45	500
1914	10	500	3690	19	500	5612	40	500	7530	50	500	9878	28	500	12347	31	500
2058	12	500	3717	29	500	5676	21	500	7552	12	500	9894	14	1000	12360	33	500
2199	32	1000	3830	44	500	5679	45	5000	7565	28	500	9938	7	500	12387	45	500
2404	47	500	3873	41	500	5688	19	500	7805	16	500						

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

СОДЕРЖАНІЕ: Весна. Стих. А. Н. Майнова (съ рис.).—Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волонскаго. (Продолженіе).—Учебные столы и снамяи. Очеркъ проф. Харьковскаго университета А. Ф. Брандта (съ 4 рис.).—Въ горахъ, на поѣздѣ. Стих. Ф. Червинскаго.—Наше движеніе на востокъ. (По поводу 25-лѣтія взятія Самарканда русскими войсками).—Къ рисункамъ: Въ опочивальнѣ (съ рис.).—Кашалотъ и песцы (съ рис.).—Возвращеніе рыбаковъ съ лова въ Нормандіи (съ рис.).—Видъ города Самарканда (съ рис.).—Георгиевскій монастырь (съ 2 рис.).—Н. А. Труворовъ (съ портр.).—Телавтографъ (съ 3 рис.).—Герцогъ Карлъ Баварскій и принцесса Софія (съ 2 портр.).—В. Г. Басаргинъ (съ портр.).—Сербскій министр-президентъ Лазаръ Доничъ (съ портр.).—Разныя извѣстія.—Политическое обозрѣніе.—Научныя и техническія новости.—Библиографія.—Искусство. Консерваторскій спектакль.—Смѣсь.—Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ.—Заявленіе.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волонскій.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

ПРУШИНСКИЙ Спб., Невский, 20.
высылаются за одних руб.
ВСЕ СЕКРЕТЫ КРАСИВАГО ПОЧЕРКА

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За условіями
обращ. письменно: Генрихъ Блонкъ,
С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12—6

Искусственные жернова
фабрики I. Траппа
не требуютъ ковки; въ
2—3 раза производи-
тельнѣе друг. жернов.
Главный представитель
В. Б. Жуновскій.
СПБ. 10-я рота, д. 16

ЛЕННИНГЪ и ГЛОЗНИГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

ГЛАВ. СКЛАДЪ, МОСКВА
У Д. Я.
СТОЛКИНДЪ.
КРУПНИКИ
для
УНИЧТОЖЕНІЯ
КРЫСЪ и МЫШЕЙ
ФРОНШТЕИНЪ
ПРОДАЕТСЯ БЕЗЪ
ПО 30 и 50 К.
ФУРКАСОВС. ПЕР. Д. ОБИДИНОЙ

27 1/2 версты въ 12
часовъ.
Англійскіе велоси-
педы заводовъ:
Зингеръ и №. и
Компан. „Трумфъ“.
Представитель:
Георгій Георгіевичъ ЖЕМЛИЧНА.
Москва, уголъ Тверской и Газетнаго пе-
реулка, домъ Фальцъ-Фейль, маг. № 19.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
УДОСТОВЕРЕННЫЙ
СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛЛЮ
НА ВСЕРОССИЙСКОЙ
ВЫСТАВКѢ 1882 г.
А. СІУИКО
ПАРФЮМЕРІЯ
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
МОСКВА.
ПРЕССЪ КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДЪЛОКЪ!
КАУЧУКОВЫЙ
МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЪ
Д. ВЕРГГОЛЬЦА.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ,
аптекарскихъ и развозныхъ магазинахъ.
Главное депо: Невская аптека магистра
А. Берггольца. Невскій проспектъ 68, въ
С.-Петербургѣ. № 6262 11—4
Цѣна коробки 40 коп.

№ 4711
РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
Самое нѣжное глицериновое мыло,
ПРОЗРАЧНОЕ
КАКЪ ХРУСТАЛЬ
благодаря своимъ отличнѣйшимъ качествамъ,
приобрѣло большую известность.
Высокое содержаніе глицерина, эконо-
мическое въ употребленіи, нѣжный за-
пахъ розы—вотъ качества, отличающія
это мыло въ высокой степени.
Издѣлія № 4711 можно получать въ
лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ
магазинахъ Россіи и за границей.

„КАПРИЗЪ ДУХИ — „Капризъ Невы“
НЕВЫ“ О-ДЕ-КОЛОНЪ — „Капризъ Невы“
МЫЛО — „Капризъ Невы“
„Мюскъ“ Духи послѣднія новости „Мюскъ“ Мыло
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ и О-де-нолонъ
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются пре-
красными достоинствами и изготовлены для вы-
ставки въ ЧИКАГО. 13—6
Ц. № 6281
СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9.
Невскій, 69.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

SINAPISME RIGOLLOT
Горчичники РИГОЛЛО или Горчичная Бумага.
ПРИНЯТЫ ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ.—Требовать подписъ
изобрѣтателя Р. RIGOLLOT, отпечатанную краснымъ
цвѣтомъ на каждомъ листѣ и на каждой коробкѣ.
№ 6303 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. 10—3
Продается оптомъ Р. RIGOLLOT et Cie, 24, avenue Victoria, Парижъ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 5120 (28)

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
СРЕДСТВО
для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-
мерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14—11

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы и у издательницы А. Гр. До-
стоевской (Спб., Николаевская, уголъ Свѣтлаго пер. д. 47, кв. 4) продается
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Ф. М. ДОСТОВЕВСКАГО.
Четвертое, дешевое изданіе,
состоящее изъ двѣнадцати томовъ. Содержаніе ихъ слѣдующее: I. Повѣсти и рассказы.
Краткая биографія Ф. М. Достоевскаго, съ приложеніемъ портрета.—II. Повѣсти и рас-
сказы.—III. „Записки изъ мертваго дома“. Повѣсти и рассказы.—IV. „Униженные и
оскорбленные“. Рассказы „Вѣрный мужъ“.—V. Романъ „Преступленіе и наказаніе“.—
VI. Романъ „Идіотъ“.—VII. Романъ „Бѣсы“.—VIII. Романъ „Подростокъ“.—IX. „Дневникъ
писателя“ за 1873 г.—X. „Дневникъ писателя“ за 1876 г.—XI. „Дневникъ писателя“ за
1877 г.—XII. Романъ „Братья Карамазовы“.
Цѣна за всѣ двѣнадцать томовъ двѣнадцать руб. съ перес.—четырнадцать руб.
Лица, желающія приобрести „Поли. собр. соч. Ф. М. Достоевскаго съ разсрочкою
платежа, платятъ первый взносъ два рубля, затѣмъ ежемѣсячно по рублю, причѣмъ за
каждый рубль получаютъ одинъ томъ.
Гр. служащие могутъ подписываться съ разсрочкою по 1 рублю въ мѣсяцъ, при ру-
чительствѣ гг. казначеевъ, причѣмъ получаютъ при подпискѣ восемь томовъ, остальные же—
по мѣрѣ полученія взносовъ.
Приобрѣтать съ разсрочкою платежа можно лишь у издательницы А. Гр. Дос-
тоевской, только до 1-го Юлія сего 1893 года. № 6388

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“
БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.
Въ составѣ ея войдутъ биографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая
книжка объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Изъ биогра-
фіймъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты,
снимки съ картинъ и ноты. Ежемѣсячно выпускается 4 книжки.
До 20 апрѣля 1893 г. вышли слѣдующія 110 биографій: Аларксена, Аристотеля, Бай-
рона, БЕРНЕ, Бокана, Бѣзискаго, Карла Бара, Беранже, БЕХОВЕНА, Боккаччо, Бо-
марше, Боткина, Джордано Бруно, Рих. Вагнера, Леонардо да Винчи, Волкова (основа-
тель рус. театра), Воронцовыхъ, Галилея, Гарвея, Гарибальди, Гаррика, Гегеля, Гейне,
Гете, Гладстона, Глинки, Говарда, Гоголя, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гутен-
берга, Гюго, ДАГЕРРА и НІЦША, Даламбера, Данте, Дарвина, Демидовыхъ, Дефо,
Джоннера, Диккенса, Достоевскаго, Кальвина, КАННИНА, Карамзина (основатель харьк.
университета), Карлейля, Келлера, Колумба, Конфуція, Кольцова, Конерника, Крамского,
Крылова, Кюве, Лануазе, Лапласа и Эйлера, ЛЕЙБНИЦА, Лермонтова, Лосинга,
Линнуса, Линкольна, Линной, Лойоля, Локка, Ломоносова, Либелла, Мейербергера,
Микель-Анджело, Милли, Мицкевича, Моцера, МОНТЕСКИЕ, Томаса Мора, Моцарта,
НИКИТИНА, Никола, Ловина, Ньютона, Паскала, Песталоцци, Пирогова, Потемкина,
Пржевальскаго, Прудона, Пушкина, Рабле, Рафаэля, Ринелле, Сакія-Муни (Будды), Салтыко-
ва, Свинфа, Сенковскаго, В. Скотта, Сперанскаго, СТЕФЕНСОНА и ФУЛЬТОНА, СТРУВЕ,
Стюартъ, Теккерея, Уатъ, Фардосъ, Фовиньяна, Франклина, Девингилл, Шиллера, Шопен-
гауэра, Шопена, Шумана, Эдисона и Морзе, Джорджъ-Элиота, ЮМА. М. № 6388
Ирными заглавными буквами обозначены биографіи, вышедшія за послѣдніе 2 мѣсяца.
Главный складъ изданія въ книжн. магазинѣ П. Луковникова (Спб. Лештуковъ пер. 2).
Вышедшія книжки продаются по 25 коп. во всѣхъ книжныхъ магазинахъ безразлично.

Фирма премирована на европейскихъ
выставкахъ десятию золотыми ме-
далями и высшими знаками.
Косметическіе спермацевитовые,
личные № 5898
УТИРАЛЬНИКИ.
Косметина А. ЭНГЛУНДЪ.
При употребленіи спермацевитовыхъ
утиральниковъ, кожа лица дѣлается
чистою. Удобное средство въ дорогѣ,
гдѣ лицо особенно подвержено вла-
жною или вѣтра. Ихъ удобно всегда
имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп.,
съ перес. не менѣе двухъ пач.
2 руб., 4 пачки съ перес. 3 руб.
Для предупрежденія поддѣлокъ, про-
шу обратить вниманіе на подписи
А. Энглундъ—красными чернилами и
марку С.-Петербургской Косметиче-
ской Лабораторіи. Получать можно
въ Высочайше утвержденномъ рус-
скомъ обществѣ торговли аптекар-
скими товарами, Казанская ул., № 12
и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ
и парфюмерныхъ торговыхъ Рос-
сійской Имперіи.—Главный складъ
для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Пе-
тербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

ЧТО
МОЖЕТЪ
БЫТЬ
ДЕШЕВЛЕ?
За два только руб.
высылаю во всѣ мѣста Россійской им-
періи всѣ нижеперечисленные необ-
ходимыя для каждого вещи:
1) механическій нинелированный
штемпель (изъ настоящаго каучука)
съ именной, отчетливою и фамиліей
заказчика (по желанію и съ короною).
2) Механическій карандашъ. 3) Меха-
ническое перо. 4) Флаконъ штемпель-
ной краски. 5) 100 листовъ почтовой
бумаги. 6) 100 штук конвертовъ для
писемъ. 7) 25 штук перьевъ сталь-
ныхъ. 8) 25 листовъ почтовой бума-
ги съ пословницами. 9) 3 ручки для
перьевъ. 10) 3 карандаша. 11) 3 по-
дравительныхъ нарточичи. 12) 2 ин-
тересныхъ фокуса; всѣ вышеперече-
снутыя вещи
ЗА ДВА ТОЛЬКО РУБЛЯ
(за пересылку уплачивается по полу-
ченіи посылки).
По желанію, рѣшитель можетъ
быть изготовлена и сургучная печать
съ инициалами заказчика, за что слѣ-
дуетъ при заказѣ приложить 6 штукъ
7-нолѣточныхъ почтовыхъ марокъ.
При требованіяхъ прошу высылать
деньги и обозначать имя, отчетливо и
фамилію, которыя желаютъ получить
въ штемпель, и указать точный адресъ
для высылки вещей почтою.
Требованія и деньги прошу высылать
по слѣдующему адресу:
въ гор. НАРВУ С.-Петербургской
губ., купцу Веніамину Давидовичу
Михайловскому.
Примѣчаніе: При заказѣ вышеперече-
снутыхъ вещей сразу онымъ
прилагается еще каждому по одному
портсигару БЕЗПЛАТНО.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обни-
маетъ эпоху правленія и низложенія Царевны
Софьи. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р.
50 коп.; въ холандск. перепл. 2 р. 75 к.,
съ перес. 3 руб. 25 коп.

254 401 307 503 358

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ
превосходными искусственными БРИЛЛИАНТАМИ:

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
 № 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6289 10—10
 № 358. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 49 к.
 № 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
 № 807. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
 № 508. Золотая булава. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ
 С.-Петербургъ,
 Невскій просп., № 20—31.
 Товаръ пересылаю наложеннымъ платежемъ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
ДРА ЛЕНГИЛА
 въ ВѢНѢ

для БѢЛЫХЪ СМЯЧЕНІЙ
и ЧИСТОТЫ
КОЖИ, ЛИЦА
и РУКЪ

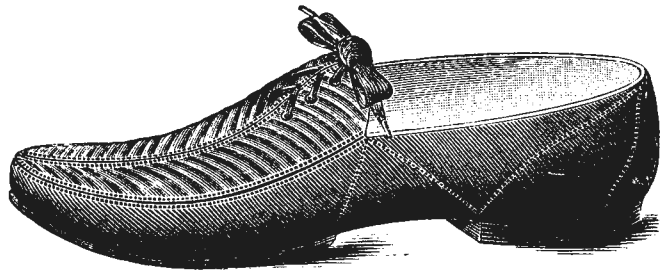
Придаетъ Кожи Свежій Видъ,
 рекомендуется какъ
Хорошее Туалетное Мыло
 Настоящее только за подписью
 Василия Аурихъ въ С.-Пбурѣ

ЕДИНСТВЕННАГО АГЕНТА
 для Россіи.

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г.
 Анализъ и подробности объ источникѣ высылаемъ по почтѣ безплатно:
 Контора отправки нѣмецкихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ.
ФУРБАХЪ и СТИБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
 10 - 2 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 6373

НАШИ СКОРОХОДЫ.

Въ виду громаднаго спроса на нихъ, во многихъ мѣстностяхъ были поддѣлываемы и снабжаемы клеймомъ очень схожимъ съ нашимъ, какъ мы уже извѣщали публику въ № 15 журнала „Шива“.

Наши скороходы изобрѣтены и введены въ продажу повсемѣстно въ Россіи только нами.

Имѣя одни лишь хорошія качества, они приобрѣли въ Россіи вниманіе публики и вмѣстѣ съ тѣмъ большой спросъ, что доказываютъ многочисленныя письма отъ частныхъ лицъ изъ всѣхъ мѣстностей Имперіи.

Наши скороходы пригодны для всякаго возраста, очень удобны, прочны и изготовлены изъ самаго лучшаго матеріала.

Не желая, чтобы покупатели, приобретающіе гдѣ нибудь поддѣльные скороходы, считали что таковыя нашего производства, мы еще разъ просимъ обращать **особенное вниманіе** на наше фабричное клеймо, помѣщенное на подошвѣ каждаго башмака, и сравнивать его съ напечатаннымъ въ нашемъ прейсъ-курантѣ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ наши скороходы не имѣются въ продажѣ, мы высылаемъ по желанію покупателей нашъ иллюстрированный прейсъ-курантъ и руководство для сниманія мѣрки—безплатно.

Фабричное клеймо.

№ 6399

ТОВ. СПБ. МЕХ. ПРОИЗВОД. ОБУВИ.

74-Й ПѢХОТНЫЙ СТАВРОПОЛЬСКІЙ ПОЛКЪ

присутствуя къ составленію полковаго альбома для офицерскаго собранія, проситъ всѣхъ Гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, классныхъ чиновниковъ и лицъ духовнаго званія, когда-либо служившихъ въ семь полку, прислать свои фотографическія карточки съ надписью на нихъ времени служенія въ семь полку, въ г. Валу, Подольской губ. № 6382 3—2

ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26—2

въ особенности на ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ

право пользованія которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXIV г.
№ 20

г. XXIV
1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИСЪ ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 15 мая 1893 г. ЦѢНА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЖЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) ЦѢНА ЭТОГО № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строну непарейль (1/4 шир.
стран) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Agence Navas по 3 fr., для
Австр., Герман. и Швейц. у
Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ. 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ. 6 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 10 р.
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
И. Н. Печковской, Петровск. Торг. лян. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи. 7 р.
7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говьихъ домовъ принимаются
для иногород. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Предательская шутка. Рис. Гуго Кауфмана, грав. Кнезингъ.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

VI.

Агентъ.

Графъ Сень-Жерменъ, выйдя изъ кабинета императрицы и снова преобразившись въ управляющаго пьемонтца, подъ парикомъ котораго никто не былъ-бы въ состояніи узнать его,—отправился прямо на мызу, гдѣ къ вечеру ждалъ къ себѣ гостей.

Онъ уѣхалъ въ одноколку, какъ и долженъ былъ это дѣлать скромный управляющій, и по дорогѣ заѣхалъ даже въ лавки за кой-какими покупками для хозяйства.

Добравшись до своей мызы, онъ остановился у кузницы, поговорилъ съ кузнецомъ, насколько тотъ могъ понимать знаки и мимику не говорившаго ни слова по-русски иностранца-управляющаго, потомъ внимательно оглядѣлъ возвращавшеся съ поля стадо и только тогда уже подѣхалъ къ маленькому, низенькому домику въ двѣ комнаты подъ соломенною крышей, гдѣ жилъ онъ.

Остановивъ свою лошадь у чистенькаго, дубоваго крылечка домика, графъ вышелъ изъ одноколки, поджидая, что ему навстрѣчу выбѣжитъ служившій у него человѣкъ, который долженъ былъ слышать стукъ подѣхавшаго экипажа.

Но онъ не появлялся.

— Петручіо! крикнулъ графъ.

Петручіо былъ нѣсколько дней тому назадъ поступившій къ нему слуга-итальянецъ, завезенный какими-то русскимъ баринномъ изъ Италіи и скитавшійся безъ мѣста по Петербургу.

Своего человѣка Сень-Жермену пришлось отправить слѣзно съ порученіемъ за границу, и онъ взялъ на время безпріютнаго Петручіо.

Графъ позвалъ его еще разъ, но опять напрасно.

Это казалось подозрительнымъ.

Сень-Жерменъ, оставивъ лошадь, быстрыми шагами вошелъ на крылечко, миновалъ крошечную прихожую и отворилъ дверь въ первую комнату, служившую ему и пріемной, и кабинетомъ.

Первое, на что онъ взглянулъ, войдя въ комнату,—былъ стоявшій въ углу дубовый крѣпкій шкафъ, окованный желѣзными полосами.

Первая, наружная дверца этого шкапа запиралась простымъ замкомъ.

„Такъ и есть“, улыбнулся Сень-Жерменъ.

Эта дверца была открыта настежь. Но за нею была еще доска на секретномъ механизмѣ съ двумя мѣдными скобами, къ которымъ были проведены изнутри проводы отъ сильно заряженной лейденской банки, такъ что человѣкъ, не знавшій, въ чемъ дѣло, но пожелавшій проникнуть въ шкафъ, долженъ былъ взяться руками за скобы,—потому что иначе нельзя было открыть,—и, взявшись,—получить сильный электрическій ударъ, соединивъ собою цѣпь и разряжая влѣдствіе этого банку.

Сень-Жерменъ досталъ, такъ называемый, „разрядчикъ“, приложилъ его къ скобамъ,—искры не оказалось. Банка была уже разряжена.

Сомнѣнія не было больше, что Петручіо, пользуясь отсутствіемъ графа, пытался забраться въ его шкафъ, и получилъ весь зарядъ электричества.

Сень-Жерменъ не могъ удержать новой улыбки, представивъ себѣ, что сдѣлалось съ любопытнымъ итальянцемъ въ первую минуту, когда его тряхнуло, и какую онъ скорчилъ, вѣроятно, при этомъ гримасу, сочтя полученный ударъ за сверхъестественную силу.

— Петручіо! крикнулъ онъ опять.

Но отвѣта опять не было.

— Петручіо! повторилъ Сень-Жерменъ, и на этотъ разъ голосомъ, въ которомъ слышалась такая сила приказанія несокрушимой воли, что, казалось, прикажи онъ двинуться этимъ голосомъ стѣнѣ, и она-бы двинулась.

Въ каморкѣ за прихожей послышалось неувѣренное движеніе.

„А, наконецъ!“ подумалъ Сень-Жерменъ.

На порогѣ показался блѣдный, словно въ воду окупнутый, Петручіо.

Онъ не только боялся войти въ комнату теперь, но даже взглянуть въ тотъ уголъ, гдѣ стоялъ нанугавшій его шкафъ.

Онъ втянулъ голову въ плечи и не поднималъ опущенныхъ глазъ.

— Петручіо, приказалъ спокойно графъ, какъ будто не произошло ничего особеннаго,—закройте, пожалуйста, эту дверцу у шкапа...

Петручіо ничего не отвѣтилъ, но и не двинулся.

— Закройте, я вамъ говорю!..

Петручіо покосился въ уголъ. Судорожная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, какъ будто онъ еще разъ коснулся этихъ заколдованныхъ скобокъ.

— Я не могу этого сдѣлать, сеньоръ! чуть слышно прошепталъ онъ.

— А, значить, вы пробовали уже, что такъ увѣренно говорите, что не можете...

— Нѣтъ... я ничего не пробовалъ... нѣтъ, я ничего не дѣлалъ... я рег basso не виноватъ, сеньоръ, клянусь вамъ своимъ патрономъ...

— Кто-же отворилъ дверцу, если не вы?

Петручіо вдругъ всплеснулъ руками.

— Сеньоръ, заговорилъ онъ неожиданно быстро,—дверца эта была уже отворена, она не была заперта; я подошелъ и хотѣлъ только почистить эти блестящія, мѣдныя скобки, и вдругъ со мной случилось что-то такое особенное, словно всѣ внутренности перевернулись во мнѣ, и страшный ударъ въ грудь оттолкнулъ меня... О, не подходите къ этому шкапу—въ немъ поселился духъ, вѣроятно, не подпускающій къ себѣ. Мы живемъ въ заколдованномъ домѣ...

Но Сень-Жерменъ на глазахъ Петручіо подошелъ къ шкапу, взялся обѣими руками за скобы и попробовалъ, крѣпко-ли держится доска на своемъ механизмѣ.

— Вы видите, обернулся онъ къ Петручіо,—что, кто подходитъ безъ дурныхъ цѣлей, того духъ этого шкапа не трогаетъ...

Онъ оглядѣлъ наружную дверцу. Въ ея замкѣ оказался поддѣльный ключъ, забытый тутъ, съ перенугу, Петручіо.

— Ну, а ключъ этотъ тоже далъ вамъ духъ, или, можетъ быть, онъ заранѣе открылъ дверцу? спросилъ Сень-Жерменъ.

Теперь уже совсѣмъ не зналъ Петручіо, что отвѣчать ему.

Онъ былъ окончательно пойманъ.

Графъ близко подошелъ къ нему.

— Откуда у васъ ключъ, Петручіо?..

Тотъ все еще мялся, но затѣмъ вдругъ тряхнулъ головою и, словно рѣшившись, заговорилъ такъ, что слова потекли у него, точно вода изъ прорванной плотины.

— Сеньоръ, заговорилъ онъ,—въ этомъ ужъ я—свя-

тая сама Мадонна свидѣтельница — не виновать... Ключъ я получилъ отъ одного сеньора, который, какъ бѣсъ, — будь ему не хорошо на томъ свѣтѣ — соблазнилъ меня... Сеньоръ, простите, сеньоръ, но я бѣдный человѣкъ, сеньоръ... и вдругъ мнѣ дали большую сумму...

— Чтобы вы слѣдили за мною?..

— Вы это знаете, сеньоръ? удивился Петручіо.

Сень-Жерменъ пожалъ плечами.

— Мало-ли что я знаю; я знаю, можетъ быть, и имя того, кто нанялъ васъ... Хотите, я вамъ назову его?

— О, сеньоръ!..

— Васъ нанялъ тоже вашъ соотечественникъ, Джузене Торичіоли... проговорилъ графъ.

Петручіо вновь вздрогнулъ, какъ будто новая электрическая искра пронизала его тѣло...

Онъ не только съ испугомъ, но съ какимъ-то подострастнымъ ужасомъ взглянулъ теперь на своего господина.

— Вы все знаете, сеньоръ, едва выговорилъ онъ, — вы все знаете и все можете... Сначала я удивлялся тому сеньору, сеньору Торичіоли, откуда у него отъ вашего шкапа ключъ, который онъ далъ мнѣ, а теперь я удивляюсь вамъ... простите меня...

Простодушіе Петручіо поправилось графу.

— Ключъ онъ досталъ очень просто. Когда онъ былъ у меня послѣдній разъ, онъ, воображая, что я не вижу этого — сдѣлалъ воскомъ слѣпокъ съ замка и заказалъ ключъ по этому слѣпку... вотъ и все... Ну, а какую сумму вамъ обѣщала платить сеньоръ Торичіоли?..

— Двадцать рублей въ мѣсяць...

Презрительная улыбка скользнула по губамъ Сень-Жермена.

— Я вамъ дамъ, раздѣльно произнесъ онъ каждое слово, — сто рублей въ мѣсяць, если вы сейчасъ-же отправитесь къ Торичіоли, скажете ему, что я прогналъ васъ за то, что вы разбили что-нибудь у меня, скажете, что вамъ некуда дѣваться, и попроситесь служить у него хоть даромъ, лишь-бы имѣть кровъ, а сами аккуратно будете мнѣ доносить все, что дѣлаетъ сеньоръ Торичіоли...

Глаза Петручіо широко открылись.

— Сто рублей! проговорилъ онъ, — четыреста лиръ — вѣдь, это цѣлое состояніе...

— Оно будетъ ваше... но помните, что вы видѣли, что мнѣ извѣстно многое, и если малѣйшее уклоненіе будетъ съ вашей стороны — берегитесь духа...

— О, сеньоръ — я буду служить вамъ, я буду служить вамъ...

— Еще одно условіе. Всякому, кто покажетъ вамъ на своей рукѣ этотъ перстень — вы будете повиноваться, какъ мнѣ самому...

И онъ показалъ Петручіо большой агатовый перстень, на камнѣ котораго была вырѣзана змѣя, пентаграмма и буквы С. S. G.

— Да, я буду повиноваться... подтвердилъ Петручіо.

А черезъ полчаса онъ, получивъ отъ господина Одара десять червонцевъ въ задатокъ за свою службу, — халъ уже въ городъ въ той-же самой одноколкѣ, въ которой вернулся Одаръ на мызу...

VII.

Совѣщаніе.

Едва успѣлъ графъ отправить Петручіо, какъ на мызу къ нему съ разныхъ сторонъ стали свѣзжаться по-одиночкѣ и по нѣскольку за разъ гости, которыхъ онъ ждалъ къ себѣ.

Артемій съ Орловымъ явился позже другихъ, когда всѣ почти были въ сборѣ. Къ удивленію своему, онъ увидѣлъ себя здѣсь окруженнымъ людьми, большинство которыхъ было извѣстно ему по Кёнигсбергу: это оказался тотъ-же, хотя и разившійся съ тѣхъ поръ, кружокъ, знакомый Артемію три года тому уже назадъ.

Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ связь кружка не только не сдѣлалась слабѣе, но, напротивъ, окрѣпла и развилась.

Графъ Сень-Жерменъ не забывалъ дома въ узенькой старинной улицѣ Кёнигсберга. Онъ наѣзжалъ туда, каждый разъ, заранѣе назначая время своего прибытія и никогда не опоздывая ни на минуту противъ назначеннаго срока.

Артемій видѣлся съ нимъ и изрѣдка писалъ ему (всегда однако по одному и тому-же адресу — въ Парижъ) и получалъ отвѣты. При послѣднемъ свиданіи ихъ въ Кёнигсбергѣ, графъ сказалъ ему: „До свиданья, до Петербурга теперь“...

— Какъ до Петербурга? удивился Артемій, думая, что онъ ослышался.

— Да, до Петербурга, повторилъ Сень-Жерменъ, — мы встрѣтимся съ вами уже въ Петербургѣ...

Можетъ быть, прежде Артемій поразила-бы той увѣренности, съ которой это было сказано. Что графъ, свободный, видимо, вполне человѣкъ, могъ поѣхать въ русскую столицу, когда ему вздумается, это не могло показаться невѣроятнымъ, но какъ могъ туда понасть самъ Артемій — этого онъ не умѣлъ придумать.

Удивляться, однако, давно онъ уже разучился во всемъ, что касалось его руководителя и наставника, таинственнаго графа. Онъ привыкъ ему вѣрить.

Разъ было сказано, что такъ будетъ, — значитъ, оно и должно быть такъ...

И дѣйствительно, все случилось теперь, какъ по писанному: Артемія, совершенно неожиданно для него самого, послали курьеромъ въ Петербургъ, и почти немедленно по пріѣздѣ сюда онъ долженъ былъ отправиться съ Орловымъ къ пьемонтцу Одару, подъ именемъ котораго ему легко было узнать по значенію составлявшихъ это имя буквъ, — графа Сень-Жермена.

Гостей своихъ, заключенныхъ въ нравственной цѣпи, главнымъ звеномъ которой являлся онъ самъ, — Сень-Жерменъ не боялся принимать, выходя къ нимъ не подъ парикомъ Одара, а такъ, какъ они привыкли его видѣть ранѣе...

Очутившись на мызѣ среди знакомыхъ, своихъ лицъ, Артемію показалось, что онъ все еще въ Кёнигсбергѣ сидитъ у ихъ ласковаго хозяина, когда они, бывало, собиравшись къ нему по вечерамъ. Только обстановка комнаты была нѣсколько иная, и лица теперь, не исключая самого графа, были серьезнѣе и сосредоточеннѣе...

Въ окна глядѣли прозрачныя, сѣверныя сумерки, позволявшія не зажигать въ комнатахъ свѣчей и наполнившія ее таинственной полутьмой, въ которой всѣ лица и предметы казались силуэтами.

Отсутствие свѣчей, впрочемъ, было одной изъ предосторожностей на случай внезапнаго пріѣзда какого-нибудь нежеланнаго гостя, хотя, правда, гости такіе на отдаленную ферму почти не заглядывали.

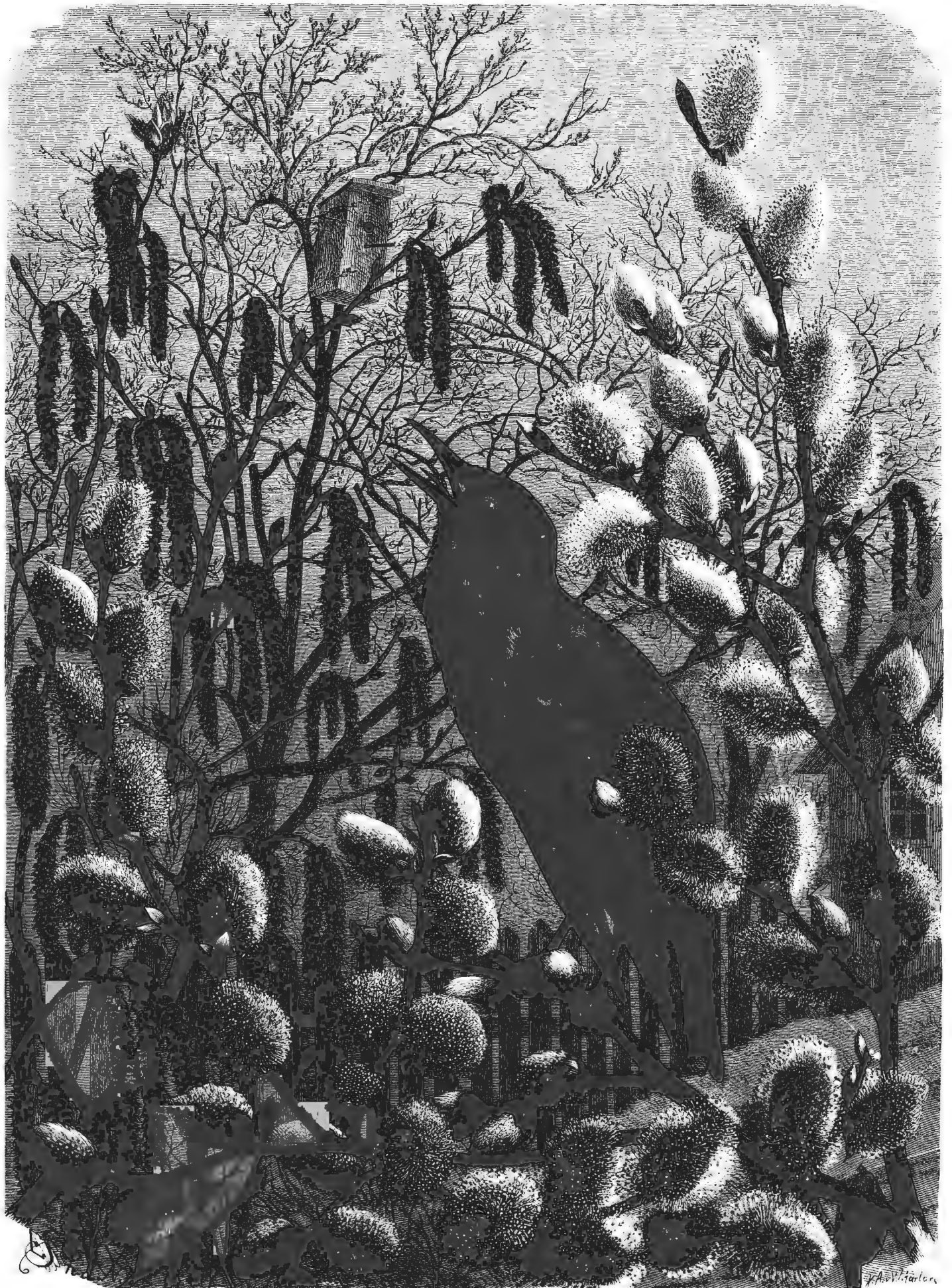
Ради предосторожности-же сидѣли не въ первой комнатѣ, выходящей окнами къ крыльцу, а въ слѣдующей, расположенной со стороны сада. Садъ былъ обнесенъ заборомъ, и калитка его заперта на ключъ.

У круглаго стола между оконъ сидѣлъ графъ. Возлѣ него было нѣсколько человѣкъ, остальные разговаривали, стоя. Орловъ съ братомъ сидѣлъ на низенькомъ подоконникѣ.

Артемій, какъ пріѣзжій, не могъ ничего рассказать новаго — развѣ только о недовольствѣ, господствовавшемъ въ арміи, откуда онъ пріѣхалъ; но разговоръ шелъ объ императрицѣ, и Артемію было любовытнѣе слушать, чѣмъ рассказывать самому. Онъ отошелъ въ сторону и остановился въ углу, прислонясь къ печкѣ. Отсюда ему была видна вся комната и всѣ находившіеся въ ней. Всѣ они казались взволнованы настолько, однако, насколько можно было быть взволнованнымъ въ присутствіи графа, этого желѣзнаго, какъ казалось,

Съ открытіемъ навигаціи. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Х. Скорнякова, грав. Шюблеръ.

Скворецъ на весеннемъ привольѣ. Рис. Шмидтъ, грав. Арландъ.

человѣка, никогда ничѣмъ не волновавшагося и сообщавшаго свое удивительное спокойствіе всѣмъ, находившимся въ его обществѣ.

Сень-Жерменъ передалъ подробности своего сегоднешняго доклада у императрицы, положеніе которой во дворцѣ становилось все хуже и хуже съ каждымъ днемъ...

— Представьте себѣ, говорилъ преобразенецъ, останавливаясь среди комнаты и привлекая общее вниманіе, — Петръ открыто, не стѣсняясь, выражаетъ теперь свое благоволеніе къ Воронцовой, которая позволяетъ себѣ прямо относиться съ высокоуміемъ неизбѣжимымъ къ государынѣ...

— Да, подтвердили у стола, — вы знаете, что на-дняхъ она прямо сказала Дашковой, что лучше ей держать сторону сестры своей...

— Хуже этого: вотъ дословно его обращеніе къ Дашковой (это при мнѣ было): „Будьте къ намъ, сказалъ онъ, немножко повнимательнѣй. Ваши интересы требуютъ, чтобъ вы изучили мысли сестры своей и старались снискать ея покровительство!“ И говорившій это всталъ и постарался передать слышанныя имъ слова съ тою-же интонаціей, съ какою они были сказаны Петромъ...

— *Ея покровительство!* послышалось кругомъ. — Это ужасно, просто ужасно!..

— А вы знаете подробности, заговорилъ еще кто-то, — объ обѣдѣ въ честь мира съ Пруссіей?..

Орловъ повернулся на подоконникѣ и сталъ угрюмо смотрѣть въ окно. Въ рукахъ онъ нервно вертѣлъ палку, которою подпирали раму, когда она бывала поднята...

— Когда пили за здоровье императорской фамилии, продолжалъ начавшій разговоръ, — то послѣ тоста Петръ велѣлъ стоящему за креслами Гудовичу спросить императрицу, отчего она не встала при тостѣ... Долженъ же онъ былъ знать, однако, что — государынѣ вставать и не приличествовало, разъ она принадлежитъ сама къ императорской фамилии... или она не считаетъ, что она принадлежитъ; но когда Гудовичъ передалъ отвѣтъ императрицы, которая объяснила, что не встала согласно этикету, то она крикнула ей черезъ весь столъ: „дура“...

Палка крякнула въ рукахъ Орлова и сломалась пополамъ... Онъ не могъ слышать равнодушно разговоръ объ этомъ эпизодѣ, который былъ извѣстенъ ему уже ранѣе во всѣхъ подробностяхъ... Но въ числѣ присутствующихъ были и такіе, между прочимъ Артемій, которые ничего не слышали еще...

— Да, что-жъ это! заговорили опять всѣ сразу. — Когда-же это кончится... дольше не можетъ-же это продолжаться... вѣдь, она, наконецъ, не вынесетъ всего этого... это въ гробъ уложить ее... или въ монастырь сошлеть... Нужно рѣшиться, наконецъ... нужно дѣйствовать... что-же мы сидимъ, разговариваемъ...

— Нужно дѣйствовать, графъ, рѣшительно поднимая голову и отбрасывая въ сторону куски сломанной палки, обратился Орловъ къ Сень-Жермену.

Сень-Жерменъ до сихъ поръ хранилъ свое молчаливое спокойствіе.

За Орловымъ и остальные обратились къ нему.

— Да, графъ, нужно дѣйствовать, нужно начать, пора. Всеобщее возбуденіе росло.

Сень-Жерменъ, одинъ оставшійся, попрежнему, спокойнымъ, провелъ рукою по лицу.

— Нѣтъ, не пора еще, еще вы слишкомъ всѣ готовы разгорячиться.

— Да что мы! снова послышался голоса, — о насъ нечего говорить, теперь не о насъ рѣчь...

— Да, но отъ васъ зависитъ успѣхъ дѣла. Малѣйшая неосторожность, малѣйшая горячность погубитъ его...

— Затѣмъ губить! громче остальныхъ проговорилъ Орловъ, — но нужно вспомнить только, каково ей!.. ей-то каково!.. и горы, кажется, двинутся ей на помощь, должны двинуться, по крайней мѣрѣ...

— О, — не слишкомъ, не слишкомъ! остановилъ разгорячившагося, было, совѣмъ Орлова Сень-Жерменъ движеніемъ руки. — Вотъ видите — вы забыли главное.

— Что главное?.. переспросилъ Орловъ.

— То, что, чѣмъ хуже ей теперь — тѣмъ лучше... Ничего въ жизни не бываетъ случайно: случай — это неожиданность; но то, чего не ожидаетъ незнающій — то предвидитъ мудрый.

Сень-Жерменъ заговорилъ тѣмъ особенно музыкальнымъ своимъ голосомъ, слушать который такъ любилъ Артемій, и въ звукахъ котораго онъ съ радостью узнавалъ снова знакомую ему интонацію, такъ и льющуюся въ душу, умиротворяющую и успокаивающую.

И вдругъ, подъ влияніемъ этого голоса, стихло все кругомъ.

— Все, что происходитъ, продолжалъ графъ, — какъ все, что имѣетъ форму, — вытекаетъ изъ стеченія, или равновѣсія извѣстныхъ силъ, — и силы эти можно выразить просто цифрами, посредствомъ которыхъ разсчитать — что должно случиться... Всякая рѣзкость — уравновѣшивается равной съ нею реакціей; смѣхъ влечетъ за собою слезы, и наоборотъ — слезы смѣняются радостью, а униженіе — возвышеніемъ. Бойтесь, когда вамъ весело, и предчувствуйте радость, когда вы плачете!.. Такъ, сегодня Навуходоносоръ объявляетъ себя равнымъ Богу, а завтра преобразуется въ безсмысленное животное... Сегодня торжествующій Александръ Великій входитъ побѣдителемъ въ Вавилонъ, и на алтаряхъ ему зажигается ладанъ, но наступитъ завтра — и онъ умретъ, упоенный виномъ и униженный своимъ невоздержаніемъ... Будущность заключена въ прошедшемъ, и прошедшее въ будущемъ... Когда человѣкъ предвидитъ — онъ вспоминаетъ только!.. Но вы знаете, что человѣкъ своею волей можетъ измѣнить цѣль причинъ, вызывающихъ событія, и поступайте сообразно этому... Дѣло наше должно имѣть исходъ благоприятный, какъ выводъ изъ всего, что происходитъ теперь, но вы должны дѣйствовать не какъ слѣпцы, пробирающіеся ощупью, но какъ люди обладающіе свѣтлымъ и яснымъ зрѣніемъ... Когда слѣпецъ захочетъ сдѣлать хорошо — у него, въ большинствѣ случаевъ, выйдетъ дурно. Дыханіе невѣжды можетъ быть смертельно, — дыханіе мудраго — живительно!.. Когда страдаетъ незнающій — онъ заставляетъ страдать другихъ, но мы... мы знаемъ, что это страданіе принесетъ великіе плоды...

Сень-Жерменъ поднялся со своего мѣста. Глаза его блеснули совершенно особеннымъ блескомъ, онъ поднялъ голову.

— Помните, заговорилъ онъ опять, — что не долго то время, когда вы будете сильными міра сего, васъ ждутъ возвышеніе, почести, награды... на васъ посыплются милости вашей новой, любимой, прекрасной и мудрой императрицы Екатерины, но не забывайте прожитого вами времени до сихъ поръ — времени, когда вы были неизвѣстными, маленькими людьми, — тогда къ вамъ придутъ за вашей помощью другіе маленькіе люди, голодные будутъ просить накормить ихъ и холодные — согрѣть ихъ, — не оттолкните отъ себя этихъ людей!.. Христосъ отдалъ свое тѣло палачамъ и напоилъ землю своею кровью... Стремитесь къ Нему, старайтесь дѣлать доброе во имя Его, и тогда счастье не оставитъ васъ... Ну, а теперь къ дѣлу — будьте готовы по первому-же призыву дѣйствовать. Время окончанія нашего дѣла близится и наступитъ, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ вы думаете... а пока я каждому изъ васъ отдѣльно скажу, что нужно предпринять теперь...

И съ этими словами графа разговоръ принялъ уже вполне характеръ дѣловаго совѣщанія...

VIII.

Блаженны плачушіе!

Не прошло недѣли съ тѣхъ поръ, что Торичіоли былъ у стариковъ Эйзенбаховъ, чтобы передать имъ разсказъ Артемія,—какъ онъ снова явился къ нимъ, будто для того, чтобы провѣдать.

На дворѣ стоялъ жаркій солнечный день, вполне лѣтній. Войдя въ гостиную Эйзенбаховъ, Торичіоли не могъ не замѣтить теперь отсутствія въ ней того изящества чистоты, которымъ всегда отличалось жилище барона. До сихъ поръ все блестѣло въ этой гостиной, далеко не роскошной, но сохранившей еще нѣсколько дорогихъ вещей, какъ остатокъ прежняго величія барона: передъ диваномъ стоялъ столъ корельской березы, съ потолка спускалась мѣдная люстра съ стеклянными подвѣсками, въ простѣвкѣ висѣло большое зеркало, составленное изъ трехъ квадратовъ,—все это были вещи хорошія и дорогія... Но теперь зеркало потускнѣло отъ легкаго слоя пыли, сѣвшаго на него, столъ былъ сдвинутъ,—на одномъ изъ оконъ забыта опущенная штора съ разрисованнымъ на ней рыцаремъ, похожимъ на пастуха, или пастухомъ, похожимъ на рыцаря... Вообще, по этой измѣнившейся обстановкѣ сразу было видно, что хозяйскія руки баронессы Луизы опустились...

Торичіоли пришлось подождать немного. Онъ долженъ былъ нѣсколько разъ, по крайней мѣрѣ, пройти по комнатѣ, пока, наконецъ, вышелъ къ нему баронъ.

— Вы насъ извините, заговорилъ онъ растерянно,— у насъ не прибрано... знаете, послѣ того дня... какъ... вы были у насъ, жена и я... очень дурно себя чувствуемъ... впрочемъ, садитесь.

Несчастный видъ барона, его небритая борода, растерянный говоръ и даже внезапныя слова „впрочемъ, садитесь“ вполне соответствовали всему окружающему.

Ясно было, что до подробнаго разсказа о томъ, какъ именно былъ раненъ и упалъ ихъ сынъ—старики Эйзенбахи еще надѣялись... теперь всякая надежда оставила ихъ.

Торичіоли сѣлъ. Баронъ опустился на стулъ противъ него.

— Да... началъ, было, онъ опять, но тутъ уже не выдержалъ, глаза его заморгали чаще, и слезы закали изъ нихъ.

— Вы все о сынѣ, о Карлѣ своемъ! проговорилъ Торичіоли очень-очень нѣжно и склонилъ голову на сторону.

Эйзенбахъ, сляясь удержать непослушныя слезы, глянулъ сквозь нихъ на итальянца, какъ будто говоря этимъ взглядомъ: „а развѣ я могу, развѣ мы съ моею Луизой можемъ думать теперь о комъ-нибудь другомъ?“ Торичіоли вздохнулъ.

— Но знаете, баронъ, иногда извѣстія, въ особенности, съ войны, бываютъ ложны, сказалъ онъ вдругъ.

Баронъ махнулъ рукою:

— Думали мы такъ... пробовали думать, но нѣтъ. Это вѣрно. Не утѣшайте напрасно... Вы, вѣдь, говорили, что тотъ молодой человекъ самъ видѣлъ...

— Но вашего сына могли непріатели поднять въ числѣ раненыхъ и держать затѣмъ, какъ плѣннаго.

Глаза старика барона, широко открытые, остановились на Торичіоли, онъ смотрѣлъ уже на него тѣмъ неподвижнымъ взглядомъ, какимъ смотрятъ люди, готовые помѣшаться.

— Да, продолжалъ неумолимо итальянецъ,—теперь плѣнные возвращаются, можетъ быть, и вашъ сынъ...

— Послушайте, вдругъ сорвавшимся голосомъ перебилъ баронъ,—то, что вы говорите—очень жестоко... послушайте, замолчите,—это только хуже мучить.

— Я только говорю, что теперь постоянный идетъ разбѣнъ плѣнныхъ... государь на другой-же день послѣ восшествія на престолъ написалъ королю Фридриху:

„Не умедлить я нимало потребныя указы отправить, дабы плѣнные, въ моей державѣ находящіеся, немедленно освобождены и возвращены были“.

Торичіоли цитировалъ по памяти письма Петра III, словно чувствуя потребность говорить, но, не зная, какъ это сдѣлать, говорилъ словами письма.

Баронъ закрылъ лицо руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, перебилъ онъ снова,—тогда-бы онъ давно вернулся... отчего ему было не вернуться давно... о, я знаю Карла, онъ все-бы сдѣлалъ, чтобы не замедлить ни минуты.

— Да, но, можетъ быть, его задержало выздоровленіе.

Такая настойчивость Торичіоли—начала казаться странною.

— Да что вы знаете что-нибудь—вамъ извѣстно?.. съ сердцемъ, точно относясь къ смертельному врагу своему, спросилъ баронъ у итальянца.

— Т. е. видите-ли, началъ тотъ,—я, собственно, т. е. я хочу только сказать, что все можетъ случиться.

Въ это время отъ двери прямо къ Торичіоли кинулась незамѣтно вошедшая старушка-баронесса.

Материнское сердце ея скорѣе и вѣрнѣе отца угадало истину.

— Онъ живъ, живъ мой Карлъ, крикнула она,—да—вы пріѣхали сказать намъ объ этомъ, вы пріѣхали...

Дальше—дыханія у нея не хватило, она не могла говорить, покачнулась... но баронъ во-время успѣлъ подержать ее.

— Да скажите-же ей, обернулся онъ къ Торичіоли,— что нѣтъ, что это неправда, что этого быть не можетъ, если это, въ самомъ дѣлѣ, не правда, а если... правда... то говорите... говорите...

Торичіоли молчалъ.

— Нѣтъ, не говорите... замахала руками старушка,— нѣтъ, не надо... сердце разорвется... Да что-же вы молчите, Негг Джузепе... Негг Джузепе... милый вы мой, милый... онъ живъ, вѣдь?.. да? я угадала... я знаю, что онъ живъ... Гдѣ онъ?.. Иосифъ... Иосифъ Александровичъ?

Она въ своемъ волненіи никакъ не могла наладить имени Торичіоли и, понавѣ, наконецъ, на настоящее, пріостановилась.

Впрочемъ, ей было не до именъ теперь...

„А Негг Джузепе“ стоялъ на этотъ разъ, дѣйствительно, умиленный, и губы у него дрожали, и подбородокъ трясся.

— Да, вы угадали... силился произнести онъ.

— Угадала!.. болѣзненно-радостнымъ стономъ вырвалось изъ груди старушки, и частыя рыданія заглушили ея голосъ.

Баронъ почему-то крѣпко держалъ ее за локти вмѣсто того, чтобы посадить, и усиленно шамкалъ губами, двигая ими во всѣ стороны.

Но онъ понималъ, что слезы жены—ся спасеніе въ настоящую минуту, и что испугъ неожиданной радости, чуть на мѣстѣ не убившій ее, пройдетъ вмѣстѣ съ этими слезами...

— Она *пляштитъ*, она *пляштитъ*, плаклетъ... проговорилъ онъ, потерявъ въ этотъ мигъ способность русской рѣчи и забывая слова, какъ баронесса забыла имя итальянца...

Но все-таки онъ опомнился первый...

Онъ усадилъ, наконецъ, жену, велѣлъ принести для нея уксусу; но все это было дѣломъ одной минуты, меньше минуты.

— Такъ у васъ есть письмо, есть извѣстія? вы знаете что-нибудь изъ военной канцеляріи?.. сталъ спрашивать онъ, стараясь теперь скрыть свою радость, какъ за минуту передъ тѣмъ старался скрыть свое горе, и боясь произнести имя сына, чтобы опять не впасть въ новое безуміе своего слишкомъ большого счастья...

— Да, я имѣю свѣдѣнія, отвѣтилъ Торичіоли,—но ради Бога успокойтесь... Я и боялся, что извѣстіе произ-

ведеть на васъ такое впечатлѣніе... по что-же будетъ, если онъ вернется...

— Онъ вернется!.. вы говорите, онъ вернется?.. такъ это мыслимо?.. о, да благословить васъ Богъ за одни эти слова... Ну, теперь ничего... теперь ничего, говорите, что знаете... стали молить баронъ, привыкнувъ уже къ своей радости и, дѣйствительно, овладѣвая ею...

— А что бы было, я спрашиваю только, продолжалъ Торичіоли, — что бы было, если-бы онъ уже вернулся? — свѣдѣнія мои настолько достовѣрны, что вы можете считать, какъ будто онъ уже вернулся...

Баронесса сложила на груди руки и шептала молитву... Она чувствовала уже, какъ передъ тѣмъ угадала, что ея сынъ живъ, что Торичіоли долженъ сказать о его пріѣздѣ...

Какъ ни былъ опытенъ итальянецъ въ сношеніяхъ съ людьми, но невозможно было, чтобы его сбивчивыя все-таки рѣчи не были угаданы матерью...

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ?.. спрашивала она.

— Онъ близко отъ васъ... отъ Петербурга... т. е. онъ подъѣзжаетъ... можетъ быть, подъѣхалъ... пріѣхалъ... т. е. пріѣхалъ со мною...

Голосъ Торичіоли дрогнулъ...

— Вотъ онъ! могъ только добавить онъ.

И дверь изъ прихожей открылась, и Карлъ, живой и невредимый, быстрыми шагами ворвался въ комнату. Баронесса ахнула и упала въ раскрытыя широко его объятія... она припала къ нему и прижалась головой, охвативъ его шею, и дрожащими руками начала перебирать по его спинѣ, словно мало ей было видѣть его, нужно было еще чувствовать, трогать...

Худое, измученное тѣло ея колыхалось отъ все не унимавшихся рыданій.

Сегодня утромъ Карлъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, явился въ военную канцелярію по начальству, и боясь испугать своимъ внезапнымъ возвращеніемъ мать и отца, рѣшился найти какого-нибудь общаго знакомаго, съ тѣмъ, чтобы тотъ предупредилъ его стариковъ и подготовилъ ихъ.

Въ канцеляріи онъ встрѣтился съ итальянцемъ Торичіоли, лучше котораго, казалось, нельзя было найти для нужнаго Карлу дѣла. И они прямо изъ канцеляріи поѣхали домой...

Карлъ остался въ живыхъ тѣмъ самымъ естественнымъ путемъ, о которомъ говорилъ уже Торичіоли. Пруссаки подняли его послѣ Цорндорфской битвы, раненаго, и, какъ офицера, отправили въ лазаретъ... Послѣ своего выздоровленія онъ долженъ былъ остаться въ числѣ плѣнныхъ... Дать знать о себѣ онъ никакъ не могъ, потому что всѣ сообщенія съ Россіей были прерваны...

Въ то самое время, когда въ домѣ стараго Эйзенбаха происходила радостная встрѣча Карла, — у князя Андрея Николаевича, въ его богатомъ дворцѣ, удача смѣнилась неприятною.

Давно-ли, кажется, полный надеждъ и самыхъ радужныхъ плановъ, князь принималъ у себя Эйзенбаха и боялся, чтобы тотъ не разстроилъ его хорошаго расположенія духа, и теперь это расположеніе, не прорвавшееся и недѣлю, смѣнилось самымъ мрачнымъ...

Проскуровъ снова ходилъ изъ угла въ уголокъ по своимъ отдѣльнымъ и устроеннымъ комнатамъ, но теперь ничто уже не радовало его, и все казалось отвратительнымъ и гадкимъ.

— И нужно было сотни верстъ киселя ѣсть... нужно было очень пріѣзжать... вотъ невидаль!.. какъ меня, князя Проскурова, принять такъ!.. ворчалъ онъ и опять ходилъ, и опять ворчалъ...

На немъ былъ его бригадирскій мундиръ, который онъ разстегнулъ только, но забылъ снять, только что вернувшись изъ дворца.

Дѣло было въ томъ, что государь принялъ его не только совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ этого Проскуровъ, но даже такъ, какъ и предположить онъ себѣ не могъ вовсе.

Прежде всего Петръ совсѣмъ не узналъ его. Онъ рѣшительно не помнилъ своего посѣщенія имѣнья князя, когда завтракалъ у него.

Князь увидѣлъ, что надѣялся напрасно на то, что это самъ государь приказалъ вернуть его изъ деревни.

Разговоръ затѣмъ у нихъ произошелъ самый странный. Петръ, подойдя къ Проскурову (это была не отдѣльная аудіенція, а общее представленіе), остановился передъ нимъ и, видимо, затруднился, что бы ему такое сказать?..

Сердце князя сильно билось. Онъ уже видѣлъ по манерѣ, съ которою къ нему подошли, что нельзя ждать ничего добраго.

Петръ измѣнился мало съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Николаевичъ видѣлъ его у себя. Тѣ же выпученные глаза, то же продолговатое лицо, и то же выраженіе на немъ застыващаго испуга.

„Вѣрно, въ дѣтствѣ испугали его!“ подумалъ князь, ничуть не удивляясь той смѣлости, съ которою онъ думаетъ про государя, стоя передъ нимъ... Но Петръ производилъ впечатлѣніе далеко не внушительное, напротивъ, въ немъ было замѣтно что-то слабое, болѣзненное, разстроенное, неестественно-жалкое.

— Ты курить умѣешь кнастеръ? вдругъ спросилъ онъ Проскурова, совершенно неожиданно для того.

Князь смутился этимъ вопросомъ.

— Нѣтъ, ваше величество, т. е. я... я не знаю... не вдругъ отвѣтилъ онъ...

— Ахъ, глупая голова! — развѣ ты не знаешь, что всякій человекъ долженъ курить кнастеръ, чтобы не быть бабой...

Князь, овладѣвъ собою, закурилъ губу, боясь отвѣтить, потому что отвѣтъ, который можно было дать ему, и который чуть не сорвался съ его языка, — могъ повлечь за собою еще большія неприятели.

Петръ все еще стоялъ передъ нимъ, слегка покачивая ногою.

— Ну, а службу на новый образецъ знаешь? а, знаешь?..

Проскуровъ вспомнилъ рассказъ барона про маршировку Трубецкого.

Кровь прилила ему въ голову — несчастный гнѣвный припадокъ готовъ былъ овладѣть имъ... Но онъ крѣпился изъ всѣхъ силъ, чтобы сдержать себя...

Онъ смотрѣлъ прямо въ глаза Петра, стараясь не словами, но этимъ взглядомъ отвѣтить ему.

Тотъ не понялъ ни этого взгляда, ни выраженія лица князя...

— Да что-же онъ молчитъ? обернулся онъ къ стоявшему за нимъ тонкому и длинному придворному, совсѣмъ еще юношѣ. — Онъ совсѣмъ глупая голова!

И съ этими словами онъ повернулся и пошелъ дальше.

Все это произошло на глазахъ многихъ, на глазахъ стариковъ и молодежи...

— Видалъ я бироновскія времена, но эти еще хуже, злобно процѣдилъ сквозь зубы князь, и, не дождавшись конца приема, вышелъ изъ залы.

Не были-ли слышны его слова, или не поняли ихъ, но, къ удивленію князя Проскурова, никто не остановилъ его, никто не удержалъ, какъ-будто все такъ и быть должно, и какъ-будто приемъ происходилъ не во дворцѣ русскаго императора, а въ казармѣ...

Такое впечатлѣніе именно казармы и вынесъ князь Андрей Николаевичъ изъ своего посѣщенія дворца.

Въ одномъ онъ только былъ утѣренъ, что больше никогда не поѣдетъ туда.

(Продолженіе будетъ).

Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ III.

Сапфиръ Мирикѣвичъ.

Сказка Нота Мурлыки.

I.

— Съ юга вѣтерокъ — ласковій дружокъ; съ сѣвера снѣжокъ — строгій старичокъ... Такъ-то, мой паренекъ... Шагай, шагай, не заглядывайся!..

И бабушка сама шагала по талому снѣжку и по крѣпкому сизому черену. Гдѣ настъ обледенился, застеклянился, а гдѣ грязный снѣжокъ, какъ зола, насыпалъ. Почернѣлъ сердечный, туго ему пришлось, скоро въ землю провалится. А лужи, лужи! вездѣ, по дорогѣ, по полю... Съ деревьевъ слезы каплютъ... И грачи, мокры-мокрѣшеньки, всюду каркають. Весна! Весна пришла!..

— Бабушка, спрашиваетъ внучекъ: — а ты мнѣ скажи, родненькая, отчего масляна разъ въ году бываетъ, и весна отчего разъ въ году приходитъ?..

— Шагай, шагай, дружокъ... Видишь, какъ всѣ заморилась... Зимой и на югѣ злое горе пируетъ. Вѣтры студеные, вихри снѣжные, стужа злобая... Натерпелся, намаются, наплачутся Божьи люди... И всѣ ихъ слезы несетъ весной къ намъ... Заплачутъ небеса, заплачетъ земля, и отъ этихъ теплыхъ слезъ и снѣжокъ весь пообжигъ, распухнетъ и въ землю уйдетъ... Всѣ наши грѣхи въ землю уйдутъ... Загѣмъ, что снѣжку ужъ не мѣсто, пришла его пора. Отлужовала зима. Шабанъ ей! Идетъ весна-красна, теплая... Ворочается съ юга солнце горячее, къ намъ накатываетъ, съ каждымъ днемъ ближе и ближе подходитъ, выше и выше по небу ползаетъ... Такъ-то, мой милый паренекъ!.. Шагай, шагай, не задумывайся!

— Бабушка! Да ты мнѣ скажи, почему не весь круглый годъ масляна... Мы каждый бы день ходили къ кумѣ Алени, и каждый день она бы насъ блинами съ масломъ и сметаной пошговала, угощала... — Сегодня блины, завтра блины, послѣзавтра блины. Катятся, какъ сыръ въ масле, круглый Божій годъ, безъ передышки!.. Ахъ, ты, радостная кроха моя... Все Божье дѣло! Вездѣ передышка нужна... А то безъ толку и въ масле потонешь, и сметаной захлебнешься... И порядокъ тоже нуженъ. Безъ порядка никакъ нельзя быть, никакъ невозможно... Коли бы безъ порядка, такъ все бы переѣшалось въ одну кучу... И весна, и зима, и лѣто, и осень, все бы вмѣстѣ свалилось, и не разберешь, гдѣ одно, гдѣ другое... — А развѣ, бабушка, не бываетъ зима среди лѣта? — Ни, ни! Николи не бываетъ.

— А какъ же въ прошломъ-то году у насъ въ Духовъ день снѣжокъ выпалъ? Помнишь? — Да это такъ себѣ, какой ши на ествъ шальной выискался, да и пошелъ... И тутъ же себѣ капутъ приключилъ... Все его сѣбло солнышко теплое... А ты шагай, шагай, торопись, дай мнѣ рученьку! — Нѣтъ, бабушка... Я самъ... — Да ты самъ ножками-то дѣйствуй, а мнѣ дай рученьку хорошую. Она, вѣдь, ничего не дѣлаетъ... на счастье... Ну! Не упрямясь, дай!.. Видишь, ты не разбираешь, гдѣ сухо, гдѣ мокро, все по лужамъ шагаешь. Гляди-ка, какъ сапожки-то... мокреть-мокрѣшеньки. Дай! Дай, хороший, рученьку, а то я и сказку не буду говорить.

И внучекъ сейчасъ же протянулъ ручонку, какъ только услышалъ эту угрозу.

— Видишь, весь носикъ обмерзъ, покраснѣлъ, и глазки лены покраснѣли.

И бабушка вытерла платочкомъ и носикъ, и глазки. А внучекъ смотрѣлъ на бабушку этими ясными, голубыми глазами и ждалъ, скоро ли баба милая сказку начнетъ.

А кругомъ теплымъ вѣтеркомъ подуваетъ, словно со сна, и бороздитъ, рябитъ воду въ лужахъ. И голыя рожи стоятъ, краснѣютъ, точно чего-то ждутъ не дождутся... И кучка мокрыхъ воробьевъ вдругъ налетѣла съ гамомъ, чириканьемъ, посѣла на снѣжокъ, на дорожку, и опять вспорхнули всѣ и улѣтели... А въ небѣ высоко-высоко черныя кряквы летятъ, кричатъ, крыльями хлопають... — Ну, что же, бабушка? Сказку... И бабушка, не выпуская изъ своей костлявой, шероховатой руки маленькую ручонку внука, начала свою сказку.

II.

«По низовьямъ низамъ хмары стелются, ползутъ, тащатся тучки Божьи, кому горе, кому радость, кому хворь и боль, кому кладъ и богатство, все и всѣмъ несутъ и дарятъ тучки Божьи. По низовьямъ низамъ студеные туманы клубятся, кому красу, кому бѣдноту, кому уродство несутъ. Всякому люду отъ Бога доли дана. Кому каждый день масленица, кому цѣлый вѣкъ великій постъ.»

«За дальними морями, низыми туманами, въ славномъ царствѣ могучаго царя Бендерей было дѣло великій грѣхъ... Одна была дочка у царя, чудо-юдо, краса невиданная и неслыханная, и неписанная, чернованная, и звали ее царевна Милена душа, свѣтлый Божій день... Чего, чего не было у царевны прекрасной... И дворцы-терема, съ переходами, и сады, садки съ цвѣтниками махровыми, и деревцы изумрудныя съ зо-

лотыми яблочками, и птички хохлатыя, хвостатыя, сладко-гласныя. Цѣлый день по кустикамъ порхаютъ, по садочкамъ летаютъ, поютъ пѣсни звонкія, Милену-душу тѣшатъ, потѣшаютъ. Бѣгутъ ручки студеные, серебряныя, съ высокихъ горъ катятся. Играетъ музыка невидимая, всѣ красу прекрасной царевны славятъ, а царевна душа, Милена краса, ходитъ хмурая, да не веселая... И не знаетъ царь-бабушка, чѣмъ свою доченьку развеселить, чего недостаетъ ей. Велитъ онъ своимъ скоморохамъ-шутамъ царевну потѣшать. Пляшутъ, кувиркаются передъ ней шуты потѣшные, кричатъ голосами звѣринными, кто пѣтухомъ, кто по-песью лаетъ, кто журавлемъ курлычетъ, представляютъ пригичи и комедіи. Не могутъ развеселить, утѣшить царевны Милены... Зоветь-кличетъ царь Бендерей мудрецовъ съ дальнихъ и ближнихъ странъ, заставляетъ ихъ думать думу глубокую, чѣмъ развлечь, распотѣшить его дочурочку прекрасную. Одна у него она, какъ персть единая, утѣха и радость въ жизни сей скорогечной. И засѣли думать мудрецы вѣще думу могучую. Думали, думали, но много, не мало, цѣлыхъ тридцать три дня безъ трехъ часовъ. Одинъ мудрецъ говоритъ, надо царевну въ заморскія царства взять, зую тоску по морямъ, по горамъ размыкать-страхнугъ, другой говоритъ, надо царевну три дня на зарѣ утромъ въ студеной водѣ кунать, и всю хмару тоску смоетъ Божья вода. Третій мудрецъ ничего не сказалъ. Онъ слушалъ изъ саду пѣсно птици Кохлыги. Маленькая птичка, а голосъ куда звонче, лучше соловья. Въ окошечко косячатъ солнышко свѣтить, улыбаются, зелена роца глядитъ, и поетъ такъ сладко Кохлыга, птичка Божья. И вотъ говоритъ третій мудрецъ, а звали его Сапфиромъ Мирикѣвичемъ Мудрымъ. Былъ онъ моложе всѣхъ, и была ключомъ въ немъ кровь горячая. „Слушайте“, говоритъ: „братья мудрые. Знаю я, чего не хватаетъ царевнѣ молодой, мнѣ это птица Кохлыга повѣдала. Много кругомъ ея всякихъ утѣхъ, много золота, серебра, каменной самоцвѣтныхъ, много уборовъ нарядовъ парчевыхъ, дорогихъ, кружевъ серебряныхъ, много теремовъ-дворцовъ съ переходами, зелены сады кругомъ съ цвѣточками махровыми, птички Божьи порхаютъ, славятъ царевны красу. А ей все нудно да скучно кажется, холодно на сердцѣ. Выросло сердце царевны души, проситъ оно ласки отвѣтной отъ друга милаго, проситъ оно горячей любви.“

„И только что сказалъ, пронзешъ молодой мудрецъ, прекрасный Сапфиръ Мирикѣвичъ, свой совѣтъ мудрый высказалъ, какъ всѣ мудрецы на него накинулись, руками замахали, загникали. „Что ты, дурень безутный, придумалъ, выдумалъ“, кричатъ: „за такой совѣтъ всѣхъ насъ царь-государь велитъ казнить смертью лютою“. А царь-государь тутъ какъ тутъ. Все время онъ стоялъ позади дверей, все слушалъ, что великіе мудрецы думаютъ, совѣтуютъ объ его дорогой доченькѣ... Распахнулись двери створчаты, появился царь, появилась съ нимъ стража грозная. „Спасибо“, говоритъ царь: „тебѣ, молодой мудрецъ Сапфиръ Мирикѣвичъ, спасибо, что всѣхъ старыхъ надоумилъ ты. Давно ужъ я самъ домекалъ, чего, чего недостаетъ моей доченькѣ. Ты уразумѣлъ твоей мудрой прозорливостью...“ И тотчасъ же велѣлъ царь-государь по всей землѣ кличь великій кликати, свывать, созывать всѣхъ принцевъ, королевичей, всѣхъ витязей, князей и царевичей. И вотъ ѣдутъ гости званые со всѣхъ четырехъ концовъ, съ сѣвера, съ полдня, съ восхода и запада, собираются на широкой царскій дворъ. Уставили слуги дворъ столами широкими, устлали ихъ скатертями самобранными. Въ тѣ поры какъ разъ была масленица. Посѣли гости по чинамъ, по рядамъ. Выходитъ царь Бендерей, выводитъ за ручку Милену красу. „Вотъ тебѣ, доченька“, говоритъ: „гости честные, гости званые, королевичи, принцы, царевичи, князья, витязи, рыцари удалые. Кого осчастливишь выборомъ, который тебѣ поглянется, того я своимъ сыномъ назову, а твоимъ суженымъ. Всѣ поклонились ей низко-низехонько. Посмотрѣла Милена на всѣхъ, глазами окинула. Помотала она головкой.

— Тотъ мнѣ милъ, говоритъ: — кто можетъ за одинъ присѣсть сотню блиновъ съѣсть со сметаной.

„Удивились гости, ахнули. А царь Бендерей:

— „Что-жъ, доченька, говоритъ: — мужъ-то у тебя будетъ обжора, россамаха ненасытная.“

„Но твердо стоитъ Милена на желаніи своемъ. А слуги стоятъ съ блинами и ждутъ, кому велеть подавать. Встали многие гости, разгнѣвались, пошли, не простясь, съ ширя царскаго. „Что же“, говорятъ: — „намъ здѣсь дѣлать нечего; пусть царь Бендерей зоветь, кличь кличетъ, со всего царства обѣдѣлъ, обжиралъ собираетъ въ женихи къ своей дочкѣ насѣдннцѣ-падѣвицѣ, а мы къ ней въ пздѣвку идти не хотимъ“. И пошли гости со двора царскаго. Слуги имъ дорожку смазали маслицомъ.

„Другіе поглядѣли на царевну Милену. Смерть она мила показалась имъ. „Ну, была не была“, думаютъ: „съѣмъ не съѣмъ сотенку блиновъ... Авось одолѣю, попробую“. А слуги сейчасъ же и подаютъ имъ блиновъ. Съѣли гости первый десятокъ, не-

подавились... Глядят, подумывают. Налили имъ слуги меду крѣпикаго, а царевна Милена потчуетъ, угощаетъ:

— Покушайте, гости дорогие, покушайте блинковъ масляныхъ.

— Ради тебя, кричатъ: — царевна прекрасная! — И подали имъ слуги другой десятокъ, по на этомъ десяткѣ честные гости споткнулися, молча, вышли изъ-за стола и пошли втихомолочку. А слуги, вершники, присѣбнники имъ дорожку маслицемъ смазали и слѣдъ ихъ сметанкой замели, затерли, загладили.

— Съ Богомъ! молъ. Проваливайте!

Одинъ за однимъ уходили гости честные вопъ съ шпра царскаго... Рѣдѣли ряды, опустѣлъ царскій дворъ. Остался одинъ королевичъ Меркитѣй Мерепонтовичъ. Наградилъ его Богъ и ростомъ, и дородствомъ. Девяносто восемь блиновъ прѣбѣлъ, на девяносто девятомъ споткнулся. Сидитъ, глаза выпучилъ и дохнуть не можетъ. Такъ его слуги вѣрные бережненько принесли и въ дальній теремъ вѣжливенько отравили.

— Ну, вотъ, говоритъ царь Бендерей: — полюбуйся, доченька, милая! Всѣ женихи твои разошлись, разбѣжались. Никто не хочетъ быть объѣдаломъ, обжорою.

— Объѣдалъ и обжоръ, говоритъ царевна: — мнѣ не надобно. Найдемъ мы, можетъ-быть, себѣ жениха по сердцу. Поглядимъ, милый батюшка, кто это тамъ стоитъ у воротъ, возлѣ столба высокаго.

Поглядѣлъ Бендерей и говоритъ: «Эго тотъ, кто указалъ, велѣлъ мнѣ кличъ кликати и жениховъ ко двору сзывать. Эго молодой мудрецъ Сапфиръ Мирикевичъ.»

А молодой мудрецъ стоитъ, глядитъ очами черными. Черные кудри по плечамъ вьются. Глядитъ онъ прямо на прекрасную Милену, дочь Бендерей царя.

— Позови его ко мнѣ, царь-батюшка, мнѣ, говоритъ: — надо слова два перемолвить съ нимъ.

И велѣлъ царь слугамъ кликнуть мудреца Сапфира Мирикевича, кликнуть позвать къ царевнѣ Миленѣ душѣ. Пошла Милена въ горницу высокую. Привели къ ней Сапфира Мирикевича.

— Гой! вы, говоритъ царевна Милена душа: — уйдите всѣ вы, слуги вѣрные, оставьте насъ вдвоемъ и стойте у дверей, никого не пускайте къ намъ. Мнѣ надо молвить Сапфиру мудрецу слово великое.

И поклонились, ушли слуги вѣрные, одну царевну съ Сапфиромъ Мудрецомъ оставили.

Какъ возговоритъ царевна Сапфиру Мудрецу: «Ты скажи мнѣ, скажи, мудрый мудрецъ, отчего не свѣтитъ всегда солнце ясное, отчего не всегда на сердцѣ весело, отчего сладкая пища прѣбдается, отчего звонкая пѣсня припѣвается, и нарядное платье глазамъ оносладѣетъ. Скажи мнѣ, мудрецъ, отчего тоска, скука пожеетъ сердце человѣческое?»

Призадумался мудрецъ, думалъ, гадалъ, какъ отвѣтъ Миленѣ держать.

— Оттого, говоритъ: — перво-на-перво, что плоть человѣческая — брешная — персть земли...»

— А что это такое, бабушка, допросилъ внучекъ: — брешная персть земли?

— А это плоть, тѣло наше... Изъ земли взято и въ землю обратится. А ты слушай дальше хорошоохонько.

— Оттого, говоритъ мудрый мудрецъ Сапфиръ Мирикевичъ: — что коли бы да солнце постоянно свѣтило, то всѣ бы мы отъ его свѣта почернѣли, какъ араны черные. Оттого, что плоть человѣческая не можетъ стерпѣть вѣчной радости. Отъ того, что сердце наше къ землѣ влечетъ, ко всему смертному, преходящему тлится, а все преходящее, смертное насъ вводитъ въ ложь и обманъ. Отрекись, говоритъ: — царевна прекрасная, отъ ложныхъ утѣхъ... На брешной землѣ все здѣсь прахъ и ничтожество, все, какъ смачный блинъ: ѣшь его, — вкусно, а съѣшь — тяжело и горько... Всякая радость сама въ себѣ отраву несетъ. Звонкая пѣсня припѣвается, сладкій медъ припивается, и вертится здѣсь бѣдный человѣкъ, какъ въ дурманномъ снѣ, хватается за утѣхи земныя, чтобы ему было не скучно и не тоскливо жить...

Задумалась прекрасная Милена, глядитъ на мудраго мудреца Сапфира. А мудрый мудрецъ стоитъ передъ ней, очи въ землю опустилъ, а перстами смиренно перебираетъ лѣстовку.

— Сапфиръ Мирикевичъ, говоритъ царевна Милена душа: — есть одна радость земная, и она никогда не прискучитъ намъ, ибо радость эта вѣчная, съ земли на небо мостомъ тянется. Это любовь человѣческая... Богъ создалъ человѣка и всякаго вѣбра парю, Богъ благословилъ союзъ человѣческой... Сапфиръ Мирикевичъ, Сапфиръ мудрый!.. Въ сердцѣ людскомъ вѣчнымъ свѣтомъ горитъ свѣтъ небесный, и все передъ нимъ прахъ, смерть и ничтожество, а свѣтъ любви нескончаемый.

Задумался мудрецъ, а сама Милена глазки прекрасные въ землю потупила, и бѣлая грудь ея тяжело воздымается... На глазкахъ слезинки блестятъ, на щечкахъ румянецъ горитъ, и вся она, ровно горланка низая, ровно яблочко румяное.

— Сапфиръ Мирикевичъ, говоритъ она шопотомъ тихимъ да ласковымъ. — Сапфиръ Мирикевичъ, мудрецъ прекрасный. Если бы царевна, дочь царская, предъ тобою бы сердце открыла и посулила бы тебѣ жизнь радостную и любовь ва

землѣ и въ небесахъ вѣчную. Отвернулся ли бы ты отъ нея, презрѣлъ бы ты ее ради вѣчной радости?

Вздригнулъ весь Сапфиръ Мирикевичъ, руки и ноги задрожали, взглянулъ онъ на царевну Милену, долго пристально посмотрѣлъ своими очами черными, и весь поблѣднѣлъ болѣе пламу бѣлаго.

— Не искушай меня, говоритъ: — царевна прекрасная. Знаю и вѣрю я, что любовь твоя сладка и радостна. Но всякая любовь есть страсть и вѣга, сердца трепетъ, а я ищу и жажду покоя вѣчнаго, холоднаго и безстрастнаго. Любовь земная проходитъ, какъ сельный цвѣтъ, сгораетъ, какъ свѣча воску яраго, блеснетъ звѣздочкой, потѣшимымъ огнемъ и погаснетъ, исчезнетъ; одинъ лишь неветъ холодный останется.

— Сапфиръ Мирикевичъ, говоритъ царевна прекрасная: — не погаснетъ любовь истинная. До гробовой доски горитъ она, ровнымъ свѣтомъ телится; а за гробомъ она тихой небесной радостью горитъ, слава Божьей радуется.

Покачалъ головой Сапфиръ Мирикевичъ: покачалъ и стоитъ передъ царевной, опустивъ голову, кожаную лѣстовку перебираючи. Вздохнулъ тяжело молодой мудрецъ, вздохнувши, промолвилъ такъ:

— Все это сказка пустая, царевна прекрасная. Далека она отъ правды святой, отъ истины.

— Нѣтъ, вскричала царевна прекрасная: — вѣрши ли ты въ Бога Создателя, вѣрши ли ты въ любовь Его, въ Сына Божія, вѣрши ли въ Духа Его святого, великаго... А я вѣрю въ жизнь вѣчную, въ жизнь загробную. Есть на небесахъ и трепетъ, и радости. Нѣтъ тамъ покоя смерти холоднаго, нѣтъ тамъ смерти, ибо Богъ тамъ, Богъ живыхъ, а не мертвыхъхъ.

И говоритъ тутъ Сапфиръ Мирикевичъ:

— О! пусть же вѣра въ твоемъ сердцѣ горитъ, царевна Милена прекрасная, пусть согрѣваетъ она молодое сердце, ласковое. Въ каждой порѣ есть свои утѣхи и радости... А я отживу здѣсь свой срокъ, отсградаю и вкушу покоя сладостнаго.

Удивилась царевна Милена прекрасная, ужаснулась она и горемъ тяжкимъ взгоревала, заплакала.

— Охъ! ты гой еси, говоритъ она: — Сапфиръ Мирикевичъ. Нѣту въ сердцѣ твоемъ правды, истины. Ты не любишь жизни, Богомъ дарованной. Ты не вѣршишь въ жизнь вѣчную. Поди, спроси бѣлъ горючъ камень Алатырь, хочетъ ли онъ жить жизнью вѣчною.

Поклонился Сапфиръ Мирикевичъ царевнѣ Миленѣ, намель онъ бѣлъ горючъ камень Алатырь и говоритъ ему:

— Камень ты, камень Алатырь, лежишь ты здѣсь 3330 лѣтъ, лежишь ты безмятежно, безтрепетно. Сладокъ ли твой покой, и не хочешь ли ты дышать и двигаться, и не хочешь ли ты жить жизнью человѣческой?

Говоритъ камень Алатырь, отвѣчаетъ Сапфиру человѣческимъ голосомъ:

— Охъ, ты, неразумный мудрецъ, Сапфиръ Мирикевичъ. Ты спроси воду быструю въ ручьѣ или въ свѣтлой рѣчечкѣ, что бѣжитъ по чистымъ камешкамъ, хорошо ли ей зимой подолдомъ лежать. Не играетъ вѣтерокъ ея струйками, не блестятъ въ нихъ солнце и мѣсяцъ серебромъ и золотомъ. Ты поди, мудрецъ, къ дубу заморскому, что стоитъ на кручѣ горы крутой 330 лѣтъ, безъ пяти день съ половиною. Ты спроси его, хорошо ли ему жить на горѣ крутой.

И пошелъ мудрецъ Сапфиръ Мирикевичъ. Пошелъ онъ къ дубу зеленому, что большимъ шагромъ раскинулся, разошелся вѣтвями во всѣ стороны. Допросилъ его Сапфиръ Мирикевичъ:

— Ты скажи, скажи, дубъ могучій, мнѣ, не довольно-ль ты пожилъ на своемъ вѣку, посохли ужъ твои корни старые, покривились твои сучья корявые, понагнулись до земли сырой. Видно, хотятъ они въ землѣ нашей матушкѣ вкусить покоя сладостнаго.

Вознумѣлъ дубъ вѣтвями могучими, возговорилъ дубъ человѣчнымъ голосомъ:

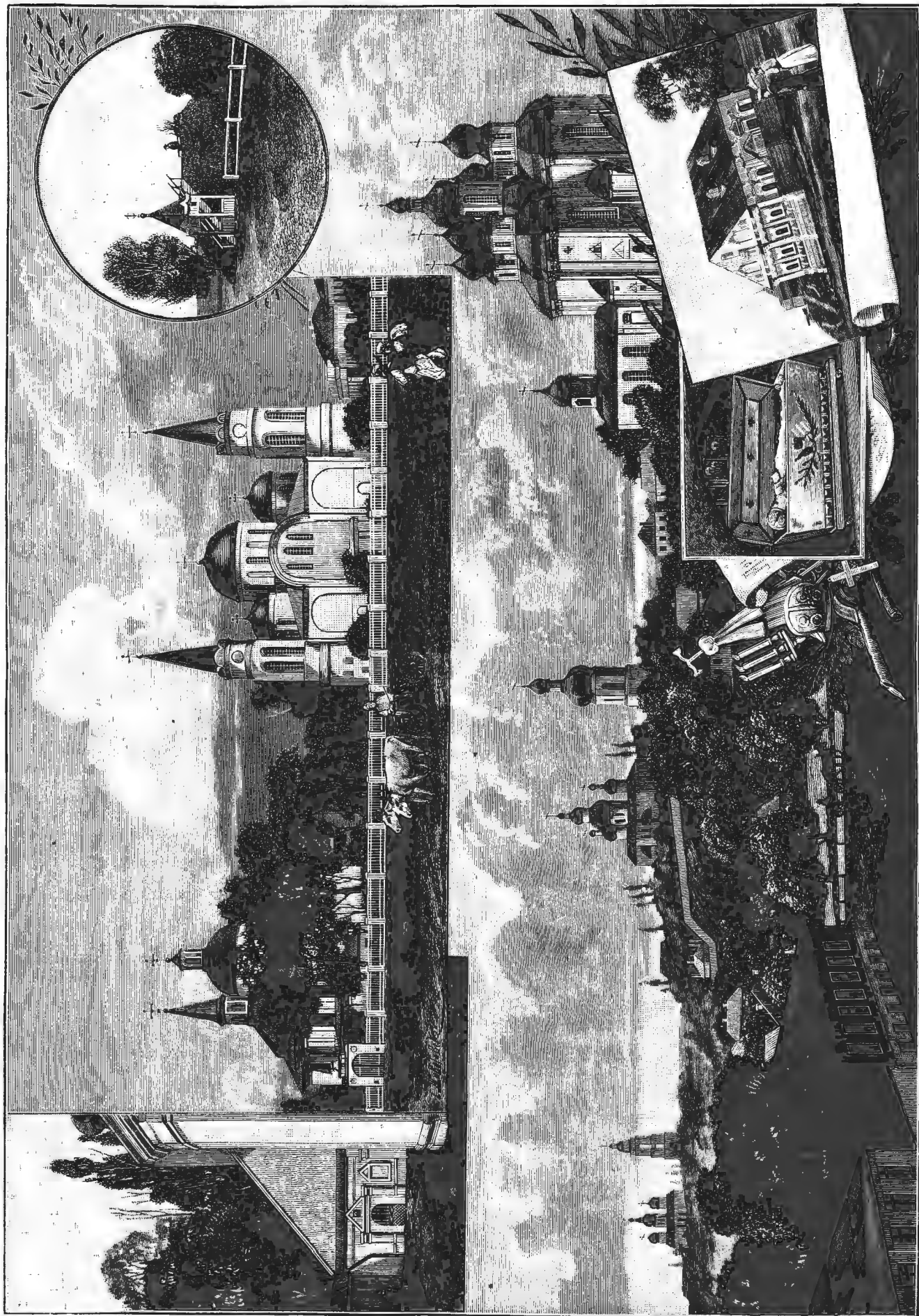
— Охъ, ты неразумный мудрецъ, Сапфиръ Мирикевичъ. Кому жизнь не мила, кому смерть не страшна. Не моя воля привязала меня къ кручѣ крутой корнями крѣпкими; коли-бъ воля была моя, не стоялъ бы я здѣсь, о судьбѣ своей жалючи, ожидалъ каждый мигъ смерти лютыя; коли-бъ моя была воля, вспорхнулъ бы я легкой птиачекой, полетѣлъ бы я и вослѣлъ, прославилъ Творца моего, въ воздушныхъ тельныхъ струяхъ купаючись. Ты поди, неразумный мудрецъ, спроси птицу Кохлыгу голосистую, мила ли ей жизнь многоцѣнная.

И послушалъ дуба, пошелъ Сапфиръ Мирикевичъ, допросилъ онъ птицу Кохлыгу хохластую, птицу заморскую:

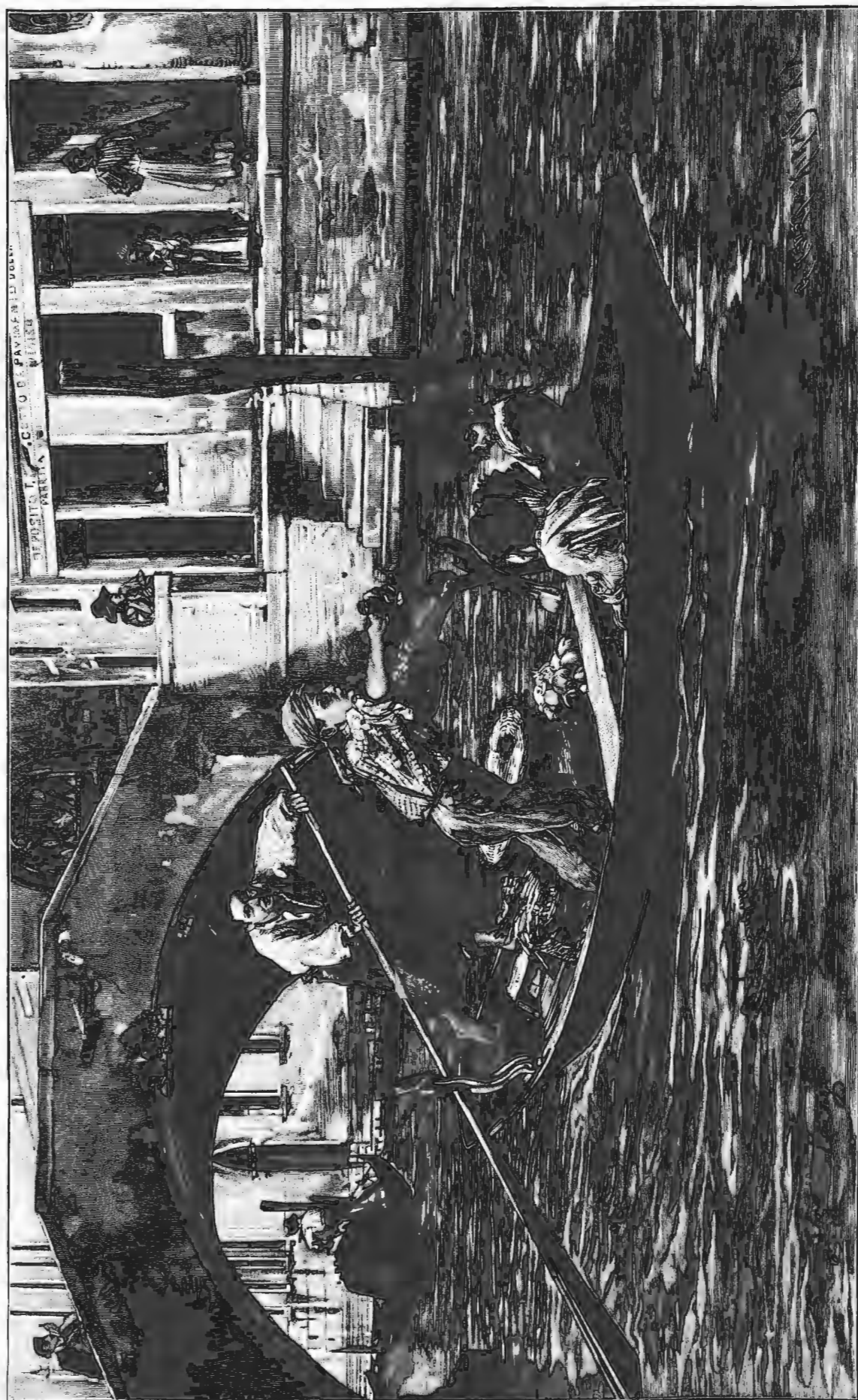
— Ты скажи мнѣ, скажи, птица сладкогласная, мила ли тебѣ жизнь на свѣтѣ семь, и не желаешь ли ты покоя безмятежнаго, покоя вѣчнаго.

Какъ возговоритъ ему птица Кохлыга человѣчнымъ голосомъ:

— Гой, ты, неразумный мудрецъ, Сапфиръ Мирикевичъ! Ты вывь, изми изъ меня сердце горячее. Ты вложи, мудрецъ, въ грудь мою золотистую кусочекъ льда студенаго и тогда меня спрашивай. А до тѣхъ поръ, пока во мнѣ сердце трепещется, хочу я вѣчнаго трепета. Валечу я на кручѣ крутой горы, слду я на древо высокое, поднимусь я на крыльяхъ

Входъ въ пещеры Св. Антонія
 Печерскаго.
 Троицко-Ильинскій монастырь.
Святны Чернигова. Къ предстоящему празднованію 900-лѣтія Черниговской епархіи. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. Животовскаго, грав. М. Рашевскій.
 Елецкій монастырь.
 Спасо-Преображенскій соборъ 1024 г.
 Курганъ-могила князя Чернаго и его дочери.
 Екаторининская церковь.
 Дворецъ Мазелы, нынѣ Архивъ.
 Мощи Св. Феодосія Углицкаго.

Венеціанські разносчики. Рис. А. Пассипи, по фот. Уїонга, грав. Кирязе.

быстрыхъ на высь страшную, далеко, далеко мѣръ Божій подо мною разстилается. Надо мною горитъ солнце яркое, опрокинуто небо синее, и мнится, что тамъ, въ этомъ небѣ сапфирномъ, плая жизнь, иной трепеть, иной желанія. Сердце рвется туда, но нѣтъ у него крыльевъ ангельскихъ, полетѣтъ къ источнику жизни и свѣта и вѣчнаго трепета.

„И вспорхнула птица Кохлыга, затрепетала крыльями бѣлыми, и вспомнилась Сапфиру Миркиевичу царевна Милена прекрасная. Въ груди его сердце встрепенулось, потянуло его къ царевнѣ Миленѣ красавицѣ, потянуло его къ любви, жизни и трепету.

„Идетъ онъ свѣтлый и радостный, всѣ жилики его трепещутъ, дрожатъ. Воздухъ къ нему ласково ластится, солнышко грѣетъ привѣтливо, трава мурава зеленѣетъ параднымъ ковромъ, цвѣты махровы, лазоревы цвѣтутъ, благоухаютъ жизнерадостно. И птицы небесныя поютъ, заливаются, славословятъ жизнь и Творца ея. Остановился мудрецъ, заслушался. Въ груди у него сердце растетъ, поднимается, вся душа его радостью, блаженствомъ переполняется. И слышитъ онъ, какъ трава растетъ, слышитъ онъ, какъ жемчугъ въ морѣ далеко перекатываются, какъ цвѣты цвѣтутъ, и вся мать сыра-земля, и солнце, и луна, и звѣзды свѣтлыя славятъ Бога Творца. Заслушался Сапфиръ Миркиевичъ... А дни идутъ, идутъ, ползутъ, все мимо да мимо его проходятъ. Проходятъ года, проходятъ и тысячи лѣтъ... Все стоитъ, слушаетъ мудрый мудрецъ... И вдругъ проснулся Сапфиръ Миркиевичъ. Подулъ съ юга теплый вѣтерокъ, ласковый дружокъ, и очнулся, узрѣлъ и услышалъ Сапфиръ Миркиевичъ; оглянулся кругомъ и видитъ: стоитъ онъ среди пустыни пустой. Кругомъ его песокъ и камни нагромождены, навалены. Идетъ онъ, шатается, бредетъ, спотыкается. Дошелъ до маленькой лужицы, испить захотѣлъ. Нагнулся онъ къ лужицѣ, посмотреть, глянуть, что тамъ, въ чистой

водѣ какой-то старецъ съдой глядитъ на него... Очнулся, оглянулся Сапфиръ Миркиевичъ. Отшатнулся онъ отъ воды-зеркала. Всталъ, дрожить, идетъ, шатается. „Куда я зашелъ, куда я попалъ?“ думу думаетъ. И встрѣлся ему на дорогѣ настухъ, такой же древній, какъ и онъ.

„— Повѣдай ты мнѣ, добрый человекъ, говоритъ ему Сапфиръ Миркиевичъ:— что здѣсь за страна, и гдѣ, далеко ли престольный градъ царя Бендерей?

Глядитъ на него старецъ-настухъ.

„— Нѣтъ, говоритъ:— у насъ никакого царя Бендерей, а отъ старыхъ древнихъ старцевъ я слышалъ, что были такой давнымъ-давно, и вотъ теперь видны развалины тамъ, гдѣ градъ его престольный стоялъ.

„Оглянулся Сапфиръ Миркиевичъ и, точно, увидалъ одиѣ развалины. И жалостью все сердце его наполнилось, и вспомнилъ онъ такъ живо и ярко дворцы, терема съ переходами. Вспомнилъ онъ и царевну Милену душу. И сердце въ немъ тоскою горькою всплакалось, ноженки его подкосились, опустился онъ на землю сыру, и чуетъ онъ, что смерть подходитъ къ нему.

„Солнце садится низехонько. Темная ночь за нимъ по пятамъ идетъ. Взглянулъ онъ на тихій закатъ, туда, гдѣ солнце ярко горитъ, и взмолился; заплакала его душевка.

„— Господи! говоритъ:— не дай мнѣ смерти вкусить. Я жить хочу. Дай мнѣ жизни, вѣчнаго трепета въ вѣчныхъ селеніяхъ твоихъ, тамъ, гдѣ не заходитъ солнце славы твоей!“

— Бабушка! Бабушка! вскричалъ влучекъ, — смотри-ка, солнышко!

И, дѣйствительно, блѣдное, точно больное солнце глянуло сквозь тучи, и все заблестѣло, обрадовалось свѣту Божьему; засверкали лужицы, забѣлѣлъ свѣтъ, и тихо, тихо съ юга тянулся, летѣлъ журавль, звонкую пѣсню курлыкаютъ. Идетъ, грядетъ весна жизнерадостная!

Къ предстоящему празднованію 900-лѣтія Черниговской епархіи.

(Рис. на стр. 472).

Городъ Черниговъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ русскихъ и, по своему значенію археологическому, можетъ быть смѣло поставленъ наравнѣ съ Кіевомъ, Новгородомъ, Полоцкомъ, Ростовомъ и Переяславемъ, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ этими городами, упоминается уже и въ Несторовой лѣтописи, и въ торговомъ договорѣ Олега съ Греками (около 907 года).

Не вдаваясь въ мелкія частности историческаго прошлаго города Чернигова, упомянемъ только, что до половины XIII вѣка Черниговъ былъ столицей самостоятельнаго удѣльнаго княжества; съ половины XIII вѣка вошелъ въ составъ княжества Брянскаго, а затѣмъ, въ XIV вѣкѣ, подпалъ подъ власть Литвы и Польши, и только уже въ половинѣ XVII вѣка былъ присоединенъ къ городамъ Малороссійскимъ, отданнымъ по волѣ польскаго короля во власть Малороссійскаго гетмана, и сталъ мѣстопробываніемъ Черниговскаго казачьяго полка. Отъ всѣхъ этихъ различныхъ историческихъ эпохъ, пережитыхъ Черниговомъ, въ немъ остались слѣды и памятники, начиная отъ эпохи языческой, неизвѣстной въ исторіи, до эпохи казачества, такъ обильно проливавшего здѣсь кровь въ защиту русской народности и православной вѣры. Отъ эпохи языческой сохранились отдѣльные громадные курганы, въ родѣ, напр., того кургана-могилы, который находится въ саду Елецкаго монастыря и по преданію называется могилою „князя Чернаго и его дочери“—будто-бы основаніемъ самый городъ Черниговъ. Къ тому-же періоду относится, вѣроятно, и огромная группа могил-кургановъ, сохранившаяся на Болдиныхъ горахъ, близъ Троицкаго-Ильинскаго монастыря. Къ первымъ временамъ христіанства принадлежитъ такой драгоценный памятникъ, какъ пещера преподобнаго Антонія Печерскаго, ископанная имъ въ Болдиныхъ горахъ и упоминаемая Несторомъ въ его лѣтописи подъ 1074 годомъ (см. рис. на стр. 472). Ко временамъ удѣльныхъ князей Черниговскихъ относятся монастыри—Троицкій-Ильинскій (въ самомъ Черниговѣ) и Елецкій-Успенскій (близъ города), а также и городскіе соборы: Борисо-Глѣбскій и Старо-Преображенскій, представляющій собою одинъ изъ драгоценнѣйшихъ памятниковъ нашей церковной старины. Наконецъ, о временахъ казачества и гетманства напоминаютъ: Екатерининская церковь, построенная въ XVII вѣкѣ, при архіепископѣ Лазарѣ Барановичѣ (см. рис. на стр. 472) и домъ архива губернскаго правленія (см. рис. на стр. 472), построенный въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка, многими называемый (совершенно неправильно) дворцомъ Мазепы и несомнѣнно вмѣщавшій въ себя нѣкогда канцелярію Черниговскаго полка. Скажемъ подробно о тѣхъ монастыряхъ и соборахъ, которые упомянуты нами выше и пріобрѣтаютъ особое значеніе по поводу предстоящаго празднованія 900-лѣтія Черниговской епархіи. Прежде всего сообщимъ важнѣйшее о Спасо-Преображенскомъ соборѣ, наиболѣе замѣчательномъ по древности и построенномъ въ началѣ XI вѣка. Онъ заложень въ княженіе Мстислава Тмутараканскаго (родного брата Ярослава Мудраго), въ 1024 году, и законченъ при князѣ Святославѣ Черниговскомъ въ 1054 г. Основатель собора былъ погребенъ въ

храмѣ, который онъ началъ строить, и который былъ доведенъ имъ, по выраженію лѣтописца, до такой высоты, „какъ можно достать рукою, стоя на конѣ“. Этотъ памятникъ церковнаго достоянія, воздвигнутый строителями, принадлежшими изъ Византіи, сохранился въ удивительной неприкосновенности. Стѣны собора чрезвычайно толсты и состоятъ изъ слоевъ тонкаго (греческаго) квадратнаго кирпича, которые перемежаются рядами огромныхъ камней, залитыхъ древнимъ цементомъ, который такъ окрѣпъ отъ времени, что его и ломъ не беретъ. Внутри храма сохранились восемь мраморныхъ колоннъ, поддерживающихъ своды хоровъ или „церковныхъ полатей“; другія восемь колоннъ, на хорахъ, поддерживаютъ своды храма. Мраморъ колоннъ красноватаго, а капители и базы желтаго цвѣта. Высота отъ пола храма до середины купола равняется 15-ти саженьямъ. Одна изъ острроверхихъ башенъ, украшающихъ фасадъ собора, существовала при немъ съ основанія храма и, вѣроятно, вмѣщала въ себя лѣтвицу, которая вела на хоры или полати; другая пристроена въ концѣ прошлаго вѣка, при реставраціи собора „для симметріи“(!). Въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ покоились нѣкогда мощи Св. князя Михаила Черниговскаго, замученнаго въ Ордѣ, вмѣстѣ съ бояриномъ своимъ Феодоромъ (20 сент. 1246 г.); но въ 1572 году царь Іоаннъ IV приказалъ перенести ихъ въ Москву. Древній храмъ много претерпѣлъ на своемъ долгомъ вѣку всякихъ разореній, пожаровъ и грабежей, а потому въ ризницѣ его не сохранилось никакихъ древностей; самыя старинныя утвари и предметы церковнаго обихода, хранящіеся въ ризницѣ, не восходятъ далѣе конца XVII вѣка.

Борисо-Глѣбскій соборъ, стоящій недалеко отъ Спасо-Преображенскаго, построенъ около 1120 г., княземъ Давидомъ Святославичемъ, который здѣсь и погребенъ (княжилъ отъ 1090—1123 г.). Въ концѣ XIII вѣка соборъ возстановленъ митрополитомъ „всѣя Руси“ Максимомъ, который при немъ устроилъ мужской монастырь. Въ началѣ XVII вѣка полики обратили храмъ и монастырь въ доминиканскій костель, ограбили его драгоценности и передали доминиканцамъ его имѣнія и земли. Только уже при Богданѣ Хмельницкомъ доминиканцы, въ свою очередь, были изгнаны изъ собора, который былъ вновь возвращенъ православію. Въ соборѣ почиваютъ подлудомъ мощи преподобнаго Феодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго († 1695 г.). Въ числѣ достопримѣчательностей собора нельзя не упомянуть о серебряныхъ царскихъ вратахъ, построенныхъ въ 1702 году лѣтвицею гетмана Мазепы. Часть этихъ вратъ сдѣлана изъ серебра, найденнаго въ древнемъ кладѣ, при рытѣ фундамента для Спасской колокольни.

Елецкій-Успенскій монастырь (см. рис. на стр. 472), по первоначальной постройки своей, относится къ первой половинѣ XI вѣка. Сначала онъ назывался просто *Богородицкимъ*, а *Елецкимъ* сталъ, по преданію, называться только съ 1069 года, когда на мѣстѣ нынѣшняго монастырскаго Успенскаго храма явилась икона Божіей Матери, на ели.

Ильинскій-Троицкій монастырь, близъ города Чернигова и неподалеку отъ Елецкаго-Успенскаго, также относится, по пре-

данію, къ XI вѣку. Въ 1237 году монастырь былъ разрушенъ татарами, болѣе 400 лѣтъ стоялъ въ запустѣніи, и только уже въ XVII вѣкѣ его возобновилъ одинъ изъ Черниговскихъ полковниковъ, иѣкто Пободайло. Въ соборномъ храмѣ монастыря хранится чудотворная икона Ильинской Божьей Матери, пи-

санная въ 1658 году. Монастырь въ близое время славился своею типографіею, въ которой много было напечатано разныхъ духовныхъ книгъ.

Празднованіе 900-лѣтія Черниговской епархіи предстоить въ августѣ текущаго года. П.

Литературныя бесѣды.

«Наканунъ», ром. Тургенева.

Истинный и великій художникъ, Тургеневъ вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ до той или другой степени не отдать дань своему времени увлеченіями въ сторону идей, господствовавшихъ, или вѣрнѣе, начинавшихъ властно входить въ русское общество. Романъ „Наканунъ“ былъ именно такою давнью, пріятною современникамъ, но которую потомки могутъ цѣнить уже по-своему. Тургеневу, какъ правдивому художнику, не свойственно было изображать тенденціозно выдуманные образы, односторонне собирать и соединять въ своемъ произведеніи факты и явленія, имѣющіе доказать пзвѣстную автору заранее мысль, и все персонажи романа „Наканунъ“ проникнуты жизненною правдою; съ этой стороны онъ остался истиннымъ художникомъ. Но эти живые, полные правды, образы, говорящіе сами за себя гораздо болѣе, чѣмъ могъ бы сказать словами, а не изображеніемъ, самъ авторъ, не свободны отъ извѣстнаго идеальнаго колорита, наложеннаго авторомъ именно словами, показывающими отношеніе къ нимъ съ его стороны.

Болгаринъ Инсаровъ, центральная фигура романа, имѣетъ значеніе почти идеала. Въ сопоставленіи съ нѣсколькими русскими людьми, по обыкновенію, у Тургенева слабыми волею и мало дѣятельными, хотя и очень талантливыми, какъ напр. художникъ Шубинъ, Инсаровъ представленъ мощною фигурою, полною страшной энергіи и беззаветной преданности какой-то идее. Но въ томъ-то и состоитъ великое значеніе художественнаго образа, что онъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ истину, что бы авторъ ни говорилъ о немъ, въ какія бы краски онъ его ни облекалъ. И если мы взглянемъ въ личность Инсарова, впечатлѣніе получить отъ него нѣсколько иное, чѣмъ то, которое навѣваетъ романъ. Въ числѣ положительныхъ свойствъ Инсарова несомнѣнно нужно назвать замѣчательную энергичность. Но энергія его имѣетъ своимъ источникомъ не одну его натуру, но и страшную, безпредѣльную ненависть къ притѣснителямъ его страны, кровавые подвиги которыхъ онъ съ дѣтства видѣлъ своими собственными глазами; ненависть эту впиталъ онъ въ себя съ молокомъ матери и въ ней нашелъ свой патріотизмъ, свою любовь къ родинѣ, т. е., собственно, страстное желаніе выгнать изъ нея ненавистныхъ притѣснителей, — а это, нужно замѣтить, далеко еще не та святая любовь къ родинѣ, полная безкорыстія и преданности къ ней, которую можно идеализировать, это еще не преданность идеѣ родины. Вообще, неотразимо представляется вопросъ, возможно ли еще, чтобы изъ такого злого источника, какъ ненависть, могли возникать незанятныя чувства и идеи. Естественно скорѣе отрицательный отвѣтъ, и личность Инсарова оправдываетъ это предположеніе. Онъ суровъ и безопаденъ, несомнѣнный деспотъ — и даже эгоистъ, въ томъ смыслѣ, что передъ его чувствомъ ненависти все должно преклоняться, онъ все ей подчиняетъ, и не признаетъ ничего, что пошло бы противъ нея. Съ тѣхъ поръ, какъ написанъ романъ Тургенева, успѣло много уйти воды въ море жизни, и мы теперь знаемъ, что такое эти суровые и безопадные „освободители Болгаринъ“; современная исторія этой страны даетъ хорошіе комментаріи и къ личности Инсарова, къ тѣмъ свойствамъ ея, о которыхъ мы сказали. А затѣмъ, что же мы видимъ въ немъ? Да, кромѣ этого — ничего. Въ романѣ Тургенева онъ прикрываетъ со всѣхъ другихъ сторонъ таинственнымъ покрываломъ: мы не узнаемъ ни свойствъ его ума, ни направленія его мысли, ни свойствъ его сердца и настроенія душевнаго, — ничего, что такъ важно въ характеристикѣ человѣка, чѣд и составляетъ „типъ“. Можно, вѣдь, ненавидѣть притѣснителей родины, вслѣдствіе этого быть энтузіастическимъ приверженцемъ освобожденія ея — и оставаться звѣремъ, способнымъ принести той же родинѣ неизмѣримо больше печали, чѣмъ радости. И можно ли этого человѣка возводить въ идеалъ въ странѣ, люди которой съ такимъ безавѣтнымъ самоотверженіемъ, въ годъ Отечественнаго войны и позже на крымскихъ берегахъ, жертвовали своею жизнью, кровью и имуществомъ, исключительно, въ силу священнаго долга передъ родиной, и умѣли въ то же время проявлять чувство жалости и справедливости, какъ къ побѣжденному, такъ и къ побѣжденному врагу. Каждый русской солдатъ могъ бы служить Инсарову примѣромъ болѣе возвышенныхъ чувствъ безстрашія и самоотверженности. И какой смѣлъ можетъ имѣть сопоставленіе Инсарова съ художникомъ Шубиннымъ, напримеръ. Положенія ихъ совершенно различны, и дѣятельности ихъ не совпадаютъ. Если бы Шубинъ облачить въ тѣ же свойства, какія имѣлъ Инсаровъ, дать ему безпредѣльную ненависть къ чему либо, убоорную единственную идею, онъ казался бы среди мирной своей обстановки просто малякомъ, въ лучшемъ случаѣ — лицомъ комическимъ. И если въ немъ, дѣйствительно, присутствуютъ и слабость воли, и чрез-

мѣрная русская уступчивость, и вѣчное недовѣріе къ своему же собственному дѣлу, и слишкомъ мирное, рядомъ съ этимъ, увлеченіе своимъ художествомъ, то какое же все это имѣетъ отношеніе къ Инсарову съ его идеями? Елена, конечно, могла отвергиваться отъ подобныхъ ему и предпочитать Инсарова, — это ея дѣло, но правда не на сторонѣ Инсарова и Елены.

Елена — другая центральная фигура романа. Ею авторъ какъ бы говоритъ, что женская любовь, которая почитается такимъ счастьемъ, дается не тому, кто мирнымъ обывателемъ, среди маленькаго дѣла, проводитъ свою жизнь, а герою, какъ Инсаровъ, хотя геройство этого послѣдняго она видѣла близко, по правдѣ сказать, только въ сценѣ съ пьянымъ нѣмцемъ, котораго герой блистательно повергъ въ воду. Дѣло идетъ, притомъ, о любви такой женщины, которая можетъ составить предметъ безпредѣльнаго чувства и дать рѣдкое счастье. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по всему смыслу романа.

Елена, дѣйствительно, принадлежитъ къ идеальнымъ русскимъ натурамъ, носящимъ на себѣ въ существенномъ многія тѣ же типическія черты, чѣд и Лиза „Дворянскаго гнѣзда“. Основная черта ея характера все та же безграничная преданность долгу, уничтоженіе передъ нимъ своей личности. Разъ придя къ ясному пониманію, чему она можетъ отдать свою любовь и всю жизнь свою, она, не колеблясь уже, вступаетъ на тотъ путь, который открывается передъ ней. Но только выросла она среди теченія другихъ, новыхъ идей, принадлежитъ другому времени и другому направленію, и, главнымъ образомъ, высшія черты ея жизни тѣмъ измѣняются до неузнаваемости. То было время стремленій къ „дѣятельности“ въ обществѣ, выростали идеалы „новыхъ людей“, которые кореннымъ образомъ должны были отличаться отъ людей обыкновенныхъ. На почвѣ идеализированныхъ представлений о политической жизни Европы, каждый человѣкъ начиналъ считать себя призваннымъ ставить и рѣшать общественныя „вопросы“, и не только рѣшать ихъ теоретически, но и требовать пракческаго примѣненія своихъ измышлений. Нѣсколько позже уже не было даже никого изъ „политически развитыхъ“ людей, кто бы не считалъ себя въ правѣ и въ возможности принять на себя управление государствомъ по министерствамъ и внутреннимъ, и высшимъ дѣламъ, и финансамъ, и проч., и для всего этого требовалось немного болѣе, чѣмъ поступленія на первый курсъ высшаго учебнаго заведенія. „Идеальная стремленія“ этого рода создали совершенно особые отношенія къ жизни, къ дѣйствительности. Человѣкъ въ тѣсной сферѣ личной жизни, какъ бы ни была полезна для общества его дѣятельность, уже не считался дѣятелемъ общественнымъ, — для послѣдняго необходимы были публичность и широкое, видное для всѣхъ поприще. Это была эпоха широкихъ замысловъ, необъятныхъ задачъ. „Развитые люди“ носили въ своихъ головахъ не подлежащія сомнѣнію и критикѣ сѣмена „счастія всего человѣчества“, и только наиболее благоразумные соглашались ограничить свои задачи „счастіемъ“ своего отечества, родной страны. Когда писалось „Наканунъ“, это направленіе еще только назрѣвало, но Тургеневъ, съ обычной своей чуткостью, уже угадалъ его наступленіе. И Елена является въ романѣ уже съ печатью своеобразности особенностей новѣйшихъ идеаловъ и новѣйшей нравственности.

Инсаровъ былъ, повидимому, именно такой человѣкъ, который олицетворялъ собою „новаго“ человѣка, общественнаго дѣлателя, казался героемъ. Сфера его дѣятельности была для Елены областью неизвѣстною, частности этой дѣятельности были для нея закрыты, и эта таинственность именно должна была вліять особенно обаятельно, вводила въ область какъ бы „чистой идеи“. Будь Инсаровъ волюнтеръ отъкрытымъ, со всѣми своими практическими, частными приемами борьбы, въ которыхъ много было, конечно, элементовъ интриги, вражды, соперничанія и т. п., и въ которыхъ ясно выразился бы для наблюдателя характеръ героя, какъ просто человѣка, — ореолъ чистаго борца за свободу, украшавшій его чело, могъ бы значительно потускнѣть. Но ничего этого не было — и Елена отдала Инсарову безповоротно свое чистое сердце. Былъ тутъ, въ этой любви, и чисто женскій элементъ, допускающій оближеніе Елены съ Наташей въ „Рудинѣ“; она смѣшивала „идеи“ и стремленія человѣка съ самой личностью его, тогда какъ можно увлекаться идеями, и совершенно не увлекаться личностью человѣка, исповѣдующаго ихъ; она, конечно, не знала, что можно проповѣдывать съ полной искренностью и стойкимъ убѣжденіемъ превосходныя идеи, и быть въ то же время человѣкомъ лично дурнымъ и тяжелымъ, неспособнымъ составить ничье счастье. И Еленѣ, если бы Инсаровъ остался

жить, — кто знает? — может быть, пришлось бы перенести горькія разочаранія.

Увлечение Елены исходило из источника чистаго. Можно сказать, что она отдавалась идеалисту и его идеямъ, а не человѣку, и Тургеневъ подчеркнул это обстоятельство, заставивъ ее, послѣ смерти мужа, отдаться дѣлу, которому, по ея представленіямъ, онъ служилъ всю свою недолгую жизнь. И такъ и слѣдовало по новому кодексу нравственности, входившему тогда въ моду среди „развитыхъ“ и „новыхъ“ людей. По тому же кодексу, носившему печать полнѣйшаго космополитизма и учений о „свободѣ“ человѣка, она безъ сожалѣнія

и безъ борьбы оставила домъ, родину и все, чѣмъ жила до тѣхъ поръ, въ пользу дѣла, въ которое она вѣрила. Къ сожалѣнію, Тургеневъ ничего не говоритъ намъ, насколько дѣйствительность оправдала ея вѣру; мы, однако, знаемъ, что той самой родинѣ Елены, которую она бросила, не найдя въ ней удовлетворенія своимъ стремленіямъ, пришлось пожертвовать жизнью и кровью тысячъ своихъ сыновъ за это самое дѣло, столь дорогое для нея — и снести черную неблагодарность. Такъ исторія опровергла *идеализацию* жизненнаго и съ художественною правдою изображеннаго явленія, столь увлекательнаго Тургенева и его современниковъ.

Арсеній Введенскій.

Въ память исполнившагося десятилѣтія Коронаванія Государя Императора Александра III.

15-го мая 1883 года совершилось въ Москвѣ Священное Коронаваніе нынѣ-благополучно царствующаго Императора Всероссийскаго Александра III. Ликованія древней первопрестольной столицы, собравшей въ стѣнахъ своихъ, ко дню этого торжества, избранныхъ гражданъ со всей Россіи, наши себѣ, въ ту пору, горячій и глубоко-почувствованный откликъ въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей, на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ нашего громаднаго отечества. Не было храма, въ которомъ, въ день этого многознаменательнаго торжества, не возносились-бы теплыя молитвы Всевышнему за здравіе, благоденствіе и долгодѣіе Царя, возлагавшаго на себя Россійскую Императорскую корону, и твердою рукою принимавшаго державу и скипетръ!.. Не было семьи, въ которой-бы не вспоминали съ восторгомъ о томъ, что совершалось въ Москвѣ, къ великому счастью и благу всей Россіи!.. Не было хижинъ, въ которой не радовались тому, что Государь Императоръ возлагаетъ на себя Вѣнецъ Царствія предковъ и принимаетъ Св. Мвропомазаніе, освящающее великій обѣтъ Царскаго званія!

Нынѣ исполнилось 10 лѣтъ съ того многознаменательнаго и торжественнаго дня! *Десять лѣтъ, прожитыхъ*

Россією мирно, спокойно, благополучно, въ постоянной внутренней работѣ, обновляющей жизненныя силы государства и направляемой Державною Волею къ единой цѣли—благу и процвѣтанію нашего дорогого отечества... *Десять лѣтъ*, въ теченіе которыхъ Всемогущая Десница Божія великимъ чудомъ избавляла Монарха нашего отъ неминуемой опасности, грозившей Ему и Августѣйшей Семьѣ Его, какъ бы указывая въ Немъ излюбленнаго Избранника Божія!.. *Десять лѣтъ*, въ теченіе которыхъ Монархъ нашъ поднималъ на мощныя плеча свои столько тяжелыхъ трудовъ, столько отеческихъ заботъ о насущныхъ нуждахъ своего народа, и привелъ его къ положенію исключительно-благоприятному по отношенію ко всѣмъ иноземнымъ державамъ, которыя, высоко цѣня миролюбіе Императора Всероссийскаго, считаютъ его лучшимъ залогомъ общеевропейскаго мира!

Вспоминая все свершившееся на глазахъ нашихъ въ теченіе этихъ лѣтъ по волѣ и предначертаніямъ нашего Державнаго Вождя, мы можемъ только отъ всей души молить Бога о томъ, чтобы благоденственное и мирное царствованіе обожаемаго Монарха продолжалось еще много и много лѣтъ, къ Его славѣ и къ процвѣтанію горячо любимой Имъ Русской Земли!

Къ рисункамъ.

Предательская шутка. (Рис. на стр. 461).

Живописецъ Гуго Кауфманъ, вмѣстѣ со многими другими выдающимися представителями нѣмецкаго искусства, Фр. Дефрегеромъ, К. Раупомъ, М. Шмидтомъ, Эберле и другими, останавливается въ своихъ произведеніяхъ надъ изображеніемъ жизни обитателей Тироля и сосѣднихъ съ нимъ мѣстностей. Тонкій наблюдатель и превосходный рисовальщикъ, г. Кауфманъ всегда занимателенъ и по чувству, и, особенно, по безобидному юмору нерѣдко превосходитъ перваго изъ упомянутыхъ мастеровъ и едва-ли не лучшаго живописца современной Германіи. Избѣгая драматическихъ сюжетовъ, онъ больше останавливается на обычныхъ явленіяхъ своеобразной жизни тирольцевъ или нѣмецкихъ бюргеровъ, дѣлая галерею которыхъ имъ изображена въ карандашныхъ рисункахъ. Въ своей картинѣ „Предательская шутка“ онъ изобразилъ, какъ подгулявшій дровосѣкъ выливаетъ изъ кружки пиво въ трубу бродячаго музыканта, задремавшаго въ деревенскомъ кабацкѣ.

Съ открытіемъ навигаціи. (Рис. на стр. 464).

Пришла весна, пришла красна: съ полей стаялъ снѣгъ, и подъ теплыми солнечными лучами рѣчка сбросила ледяные покровы. Запертая въ четырехъ стѣнахъ дѣтвора въ долгіе зимніе мѣсяцы высыпала на улицу, и каждый устраиваетъ потѣху на свой ладъ. Вотъ мальчуганъ, быть можетъ, будущій мореходъ, строитъ изъ ланта корабль, чтобы спустить его въ блистающей на солнцѣ рѣчкѣ.

Скворецъ на весеннемъ привольѣ. (Рис. на стр. 465).

Кто не знаетъ скворца, эту небольшую черноватую птичку, вѣчно подвижную и покрикивающую на разные голоса. Самою раннею весною прилетаютъ они съ юга, часто въ то время, когда еще лежитъ глубокій снѣгъ, и селятся обществами, по возможности, въ сырватыхъ мѣстахъ или въ „скворешницахъ“, которыхъ, въ видѣ небольшихъ домиковъ, выставляетъ заботливый хозяинъ на шесть или высоко на деревѣ. Привлечъ эту птичку не трудно и крайне полезно, такъ какъ скворецъ въ изобиліи истребляетъ вредныхъ улитокъ, червей и насѣкомыхъ. По расчету натуралиста Ленца, пара старыхъ скворцовъ ежедневно должна истребить до 140 улитокъ, а къ концу лѣта, когда ихъ семья увеличится, число уничтоженныхъ слиз-

ней и т. п., должно дойти до 840 за день. Поэтому не удивительно, что во многихъ мѣстахъ охотно привлекаютъ скворцовъ, и, благодаря ихъ плодовитости, число этихъ полезныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ птицъ увеличивается значительно. Такъ, въ герцогствѣ Готскомъ и по Тюрингенвалду за 3—4 года ихъ развелось до 180,000 штукъ, которые истребляли, по крайней мѣрѣ, ежедневно 12,600,000 улитокъ, червей и насѣкомыхъ.

Въ цеволѣ скворецъ легко приручается и доставляетъ не мало развлеченія своею подвижностью, смысленностью и умѣньемъ перенимать всякіе звуки, даже человѣческую рѣчь. Тотъ же натуралистъ пишетъ: „будучи мальчикомъ, я имѣлъ скворца, который наиввалъ двѣ пѣсенки, перемѣшавъ ихъ собственнымъ пѣніемъ и разными звуками и прерывалъ иногда ясно произносимымъ словомъ „мошеникъ!“ Когда его загоняли въ уголъ и дразнили, онъ приходилъ въ настоящую ярость, поднимался, нестесно клевалъ во всѣ стороны, свистала изъ всей мочи или бранился: „мошеникъ, мошеникъ!“ Если я игралъ на дугу, скворушка была со мною и кушала, гдѣ только могъ, или помогала отыскивать дождевыхъ червей; вальзала-ли и на вишневое дерево, скворушка садилась рядомъ и работала безъ усталости. Онъ, точно собака, повсюду былъ со мною, смотрѣлъ мнѣ въ лицо и понималъ мои слова..“

Венеціанскіе разносчики. (Рис. на стр. 473).

Каждое новое произведеніе знаменитаго акварелиста Лудвига Пассени, о жизни и произведеніяхъ котораго читатели „Нивы“ найдутъ обстоятельный очеркъ въ № 35 за 1890 годъ, расходится во множествѣ гравюръ и отписковъ по бѣлу-снѣгу, украшая страницы иллюстрированныхъ журналовъ. На его картинѣ „Венеціанскіе разносчики“ съ большимъ искусствомъ изображены два подростка, которые развозятъ на лодкѣ „венеціанскіи“ овощи и провизію, захвативъ съ собою маленькаго братишку и сестренку, которая уже умѣетъ обмахиваться вѣтромъ, лукаво поглядывая на берега. Въ теченіе цѣлаго дня раздается ихъ звонкій голосъ, и поздно вечеромъ возвращаются они домой въ то время, когда

По каналамъ посребреннымъ
Опрокинулись дворцы,
И блестя вѣселою безсоннымъ
Запоздалые гребни.

Высокопреосвященный Феоно́сть, архіепископъ Новгородскій.

(Портр. на этой стр.).

Высочайшею Волею, 21 ноября 1892 года, на старѣйшую кафедру Новгородскую назначенъ архіепископомъ Феоно́сть, бывшій епископъ Владимірскій и Суздальскій. Высокопреосвященный замѣчательнъ своею административно-педагогическою дѣятельностью въ нашемъ духовномъ мірѣ. Высокопреосвященный Феоно́сть — уроженецъ Тверской губерніи, Бѣжецкаго уѣзда, села Замытѣ, сынъ священника, въ мірѣ носилъ имя Георгія Лебедева. Родился въ 1830 году. Образование получилъ въ Тверской духовной семинаріи, а затѣмъ въ С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ окончивъ курсъ со степенію магистра, принялъ монашество и посвятилъ себя педагогической дѣятельности. Первоначально онъ былъ смотрителемъ духовныхъ училищъ Кирилловскаго (Новгородской губ.) и Петербургскаго; затѣмъ инспекторомъ Новгородской духовной семинаріи и ректоромъ Орловской и Подольской семинарій. Въ 1866 году онъ былъ назначенъ епископомъ Балтскимъ, викаріемъ Подольской епархіи; въ 1870 году былъ самостол-

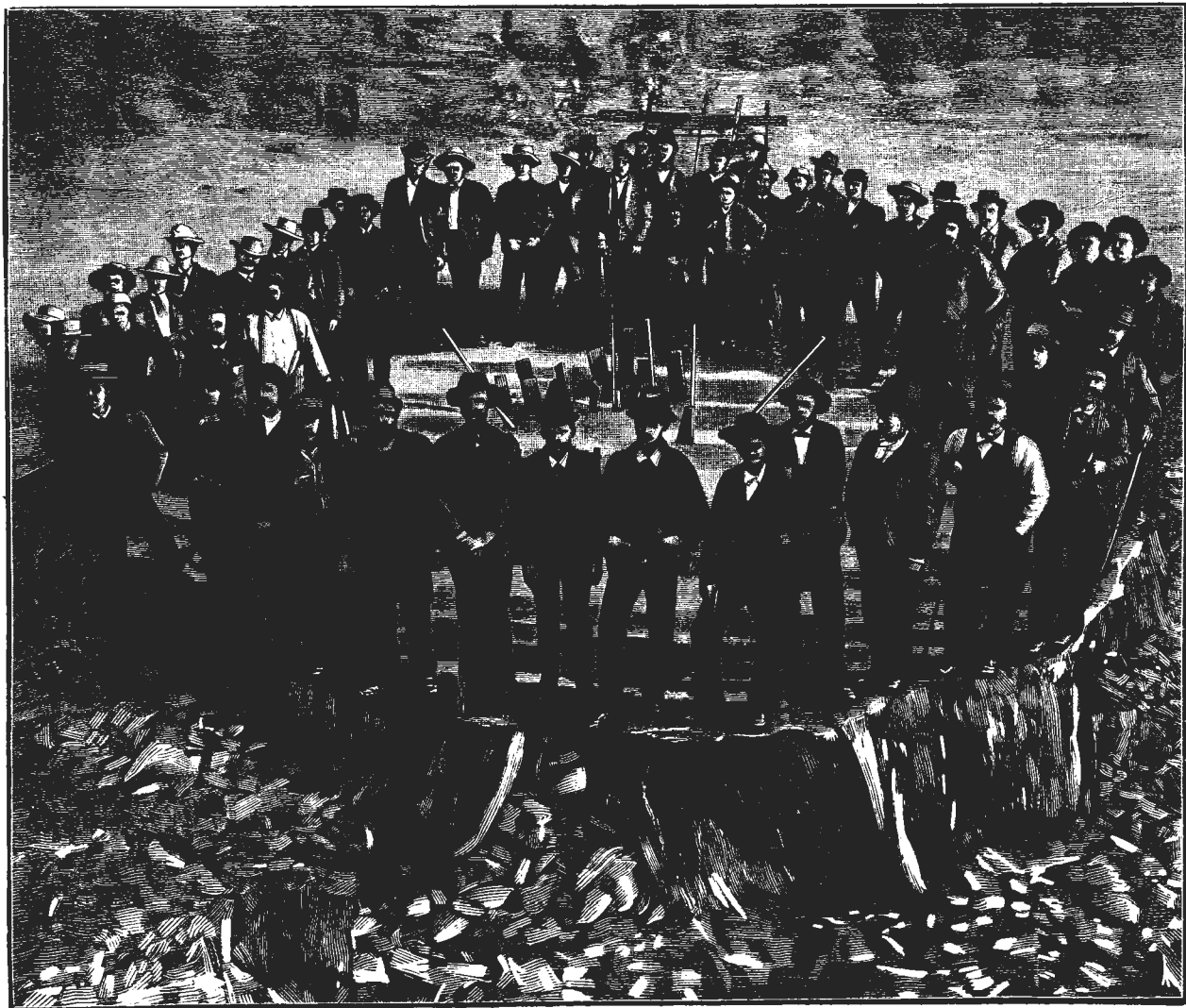
Архіепископъ Новгородскій и Старорусскій Феоно́сть.
Съ фот. Эдобнова, грав. Шюблеръ.

тельнымъ епископомъ въ Астрахань; въ 1874 г. въ Подольскѣ, а въ 1878 г. онъ былъ назначенъ во Владиміръ.

Высокопреосвященный удостоенъ многими наградами: между прочимъ, орденомъ Св. Александра Невскаго, брилліантовымъ крестомъ на клобукъ и неоднократно вызываемъ былъ для присутствованія въ Святейшей Синодѣ.

Плоды дѣятельности высокопреосвященнаго ярко свѣтятся передъ глазами всѣхъ. Такъ, въ бытность свою во Владиміръ, онъ основалъ неоломаническіе классы съ обученіемъ чтенію и пѣнію, а также братство во имя Св. Александра Невскаго, на средства котораго учреждены въ епархіи 317 церковно-приходскихъ школъ, двѣ школы иконописи. Учредилъ также школу ичеловодства, братскую бібліотеку съ отдѣленіемъ книгъ противораскольническаго направленія и близко принималъ къ сердцу дѣятельность миссіонеровъ. Какъ человекъ, высокопреосвященный Феоно́сть въ высшей степени добрый и гуманный. Такъ, для обезличенія бѣднаго духовенства во Владиміръ имъ учреждены пріюты для престарѣлыхъ и больныхъ лицъ духовнаго званія, почти на собственный капиталъ.

Нельзя также не упомянуть и о реставраціи Успенскаго со-

Пень гигантскаго дерева *Sequoia gigantea*, по окружности котораго свободно помѣщается 50 человекъ. Съ фот. грав. Флюгель.

бора во Владимирѣ (XII вѣка), сдѣланной стараниями высокопреосвященнаго.

Итакъ вновь возстановленная древняя кафедра Новгородская имѣетъ достойнаго преемника въ лицѣ высокопреосвященнаго Феофоста, право правящаго и исполняющаго на дѣлѣ истины ученія Христова.

А. А. Зыбинъ.

Гигантское дерево (*Sequoia gigantea*).

(Рис. на стр. 477).

Рисунокъ нашъ на стр. 477 представляетъ колоссальный пень американскаго *Sequoia gigantea*, по одной окружности котораго можетъ помѣститься до 50 человекъ. Секвойя, на ряду съ австралийскимъ эвкалиптовымъ деревомъ, считается самымъ большимъ деревомъ въ мѣрѣ. Эти изумительные великаны достигаютъ перѣдко высоты Кельнскаго собора, и толщина ихъ ствола доходитъ до 40 футовъ въ диаметръ.

Секвойя, называемая также велинготонией или ванингтонией, была открыта впервые въ 1850 г. англійскимъ путешественникомъ Лаббомъ въ калифорнійской Сьеррѣ-Невадѣ. Специальныхъ рошъ или дѣсовъ исключительно изъ этихъ деревьевъ не обнаружено до сихъ поръ никѣмъ; секвойя встрѣчается среди другихъ хвойныхъ породъ разбросанная въ одиночку; чаще всего попадаются секвойи меньшихъ размѣровъ—*Sequoia redwood* и лишь гораздо рѣже—*Sequoia gigantea*. Разница между ними очень значительна. Въ то время, какъ стволъ первой породы даетъ среднимъ числомъ 75.000 досокъ въ квадратъ футъ, изъ ствола второй—можно добыть до 400.000 такихъ же досокъ. Такимъ образомъ, одно такое великанъ-дерево можетъ на долгое время доставить работу дѣлому лѣсопильному заводу. Къ сожалѣнью, совсемъ не замѣчается новыхъ, молодыхъ деревьевъ этой породы, могущихъ явиться на смѣну старымъ великанамъ, доживающимъ, по мнѣнью нѣкоторыхъ изслѣдователей, второе тысячелѣтне, и потому, по всѣмъ вѣроятіямъ, эта дивная порода исчезнетъ совершенно въ слѣдствіи нещадно вырубаемыми старыми своими экземплярами.

Юлій Ивановичъ Феддерсъ. (Портр. на стр. 480).

Профессоръ пейзажной живописи Юлій Ивановичъ Феддерсъ родился 7-го іюня 1838 года въ Лифляндіи. Первоначальное общее образованіе онъ получилъ въ Рижской гимназіи, а потомъ въ частной гимназіи пастора Бергмана. Несмотря на раннія проявленія художественнаго своего таланта, Ю. И. готовился сначала къ занятіямъ на медицинскомъ поприщѣ; но таившееся въ глубинѣ его души непреодолимое стремленіе къ искусству взяло, наконецъ, верхъ, и онъ, согласно своему

влеченію, направился въ Академію Художествъ, куда и поступилъ въ 1856 году.

Въ академіи онъ оставался шесть лѣтъ. Въ 1862 г., несмотря на усилѣнный ходъ его занятій и на полученныя имъ за свои работы двѣ серебряныя медали, Ю. И. долженъ былъ по домашнимъ обстоятельствамъ оставить академію, такъ какъ отецъ его скончался и матеріальное положеніе Ю. И. значительно измѣнилось. Вынужденный добывать средства къ существованію собственнымъ трудомъ, Ю. И. принялъ мѣсто учителя рисованія въ Митавскомъ реальномъ училищѣ.

Принявъ, однако, это мѣсто, онъ не оставилъ палитру и кисти, продолжалъ усердно работать, и въ маѣ 1863 года получилъ первый академическій дипломъ. Такимъ образомъ, въ текущемъ году исполняется ровно тридцать лѣтъ его официально, такъ сказать, признанной художественной дѣятельности. Но на выставкахъ, собственно, онъ участвуетъ съ 1862 г.

Въ 1872 году Ю. И. Феддерсу было присуждено званіе класснаго художника 2-й степени, въ 1875 г. — то же званіе 1-й степени, а въ 1880 г. званіе академика. Въ нынѣшнемъ году, въ тридцатилѣтнюю годовщину своей дѣятельности, Ю. И. Феддерсъ получилъ званіе профессора.

Специальностью профессора Феддерса является пейзажная живопись, но онъ писалъ и портреты, которые также весьма художественны и могли бы составить сами по себѣ имя художнику. Академіей Художествъ для музея приобретены семь его картинъ и множество этюдовъ—для пейзажнаго класса.

Въ 1874 г. на Лондонской всемірной выставкѣ Ю. И. былъ удостоенъ именной медали за картину „Смерчъ“ (собств. шаха Персидскаго). Картины его были выставлены въ 1882 г. на Всероссийской выставкѣ, на Берлинской юбилейной академической выставкѣ въ 1886 г. и на всемірной Парижской выставкѣ 1889 г.

Фотообюсты. (Рис. на стр. 481).

Одинъ изъ помѣщенныхъ на стр. 481 рисунокъ передаетъ точную копію съ женскаго портрета въ видѣ бюста. На другомъ рисунокѣ наглядно изображено, какъ снимаются такіе портреты. Фотографируемое лицо помѣщается позади пустой колонны или пьедестала изъ крашенаго дерева. Задранировавъ модель въ бѣлую фланель или покрывъ ей голову каскою или другимъ какимъ-нибудь головнымъ уборомъ изъ бѣлаго картона, осыпаютъ ей волосы и лицо рисовою пудрою. Позади модели помѣщаютъ фонъ изъ чернаго бархата. Получивъ негативъ, на немъ выцарапываютъ ножичкомъ всѣ тѣ части, которыя не должны быть видны, и затѣмъ на позитивѣ получается бѣлый бюстъ на черномъ фонѣ.

Разныя извѣстія.

— 6 мая, въ день рожденія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, въ Псаакіевскомъ соборѣ, въ присутствіи Высочайшихъ Особъ, высокопреосвященнѣйшимъ Палладіемъ совершена была торжественная литургія.

— Въ *Правит. Вѣстникѣ* опубликовано Высочайшее повелѣніе о соединеніи въ одну линію Самаро-Златоустовской и Оренбургской жел. дорогъ, съ присвоеніемъ соединенной линіи наименованія „Самаро-Златоустовская жел. дорога съ Оренбургскою вѣтвью“.

— Древнѣйшій Софійскій соборъ въ Новгородѣ рѣшено реставрировать, и всѣ художественныя и техническія работы поручены академику архитектуры В. В. Суслову.

— Въ № 59 *Собранія узаконеній и распоряженій Правительства* напечатаны правила о призывѣ прапорщиковъ запаса въ учебные сборы 1893 года и о предоста-

вленіи названнымъ лицамъ права, въ случаѣ призыва въ учебные сборы съ государственной гражданской службы, сохранять за собою должности по означенной службѣ и все присвоенное имъ по симъ должностямъ содержаніе.

— Колоссальный нашъ крейсеръ „Витязъ“, стоившій около 6.000.000 р. и посланный для надзора за котиковымъ промысломъ, съел на камень въ бухтѣ Лазаревъ, у острова Завалишина. Несмотря на оказанную своевременно изъ Владивостока помощь, вслѣдствіе свирѣпствовавшей непогоды, крейсеръ спасти не удалось. Большую зыбь, при свѣжемъ вѣтрѣ, „Витязъ“ жестоко било и помало о камни; носъ крейсера до машины затопило. Никто изъ экипажа ничуть не пострадалъ, всѣ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, совершенно здоровы.

— Очень многіе значительные заводы и фабрики, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, устраи-

ли въ нынѣшнемъ году, согласно доношеніямъ фабричныхъ инспекторовъ, колыбельни и пріюты, предназначенные для вскармливанія и первоначальнаго воспитанія малолѣтнихъ дѣтей фабричныхъ рабочихъ.

— По послѣднимъ опубликованнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ по всѣмъ губерніямъ и областямъ Россіи, въ теченіе прошлаго года совершены 2.401 убійство, 1.736 самоубійствъ и 763 дѣтубійства.

— Профессоръ С.-Петербургскаго университета Ф. Ф. Мартенсъ избранъ въ члены королевской бельгійской академіи, на мѣсто покойнаго французскаго писателя Эмиля де Лавела. Несмотря на то, что конкурентомъ почтеннаго профессора на это почетное званіе былъ знаменитый англійскій ученый Джонъ Леббокъ, большинство голосовъ оказалось на сторонѣ популярнаго за-границей своимъ ученымъ авторитетомъ Ф. Ф. Мартенса.

Политическое обозрѣніе.

18 мая, въ Герлицѣ, въ Пруссіи, состоялось торжественное открытіе конной статуи императора Германскаго Вильгельма I. При открытіи былъ и державный вуюкъ его, императоръ Вильгельмъ II, который на данномъ по этому случаю парадномъ банкетѣ произнесъ рѣчь, при чемъ высказалъ, что нынѣ дѣло идетъ объ обезпеченіи будущности отечества. „Для этого наши вооруженныя силы нуждаются въ укрѣпленіи. Я, — говорилъ императоръ, — приглашаю націю ассигновать нужныя на это средства; этотъ серьезный вопросъ, отъ котораго зависитъ существованіе нашей родины, стоитъ впереди всѣхъ другихъ вопросовъ. Пусть будетъ отброшено все, что развѣдываетъ германскій народъ и что увлекаетъ личные взгляды на различныя пути. Такъ какъ дѣло касается будущности отечества, то пусть Лаузицъ, равно какъ и другія части монархіи, вѣрою послужатъ династіи“.

Въ газетахъ, за нѣсколько дней до этого событія, появилось

извѣстіе, что якобы принцъ-регентъ Брауншвейгскій возбудилъ предъ императоромъ Вильгельмомъ вопросъ о приглашеніи Бисмарка къ открытію въ Герлицѣ статуи императора Вильгельма, но получивъ отказъ. По поводу этого извѣстія лица, находящіеся въ близкихъ отношеніяхъ къ Бисмарку, заявляютъ, что бывшій канцлеръ совершенно отказался отъ великой мысли о дѣятельной политической роли, и что нельзя представить себѣ никакой случайности, никакого положенія или оборота, которые побудили бы князя нарушить необходимый для него покой.

Въ Вѣнѣ британскому послу Пэдджету, который уѣзжаетъ оттуда, англійская колонія поднесла, на прощанье, адресъ. Пэдджетъ, благодаря подносителей, произнесъ рѣчь, въ которой, въ деликатной формѣ, призналъ стремленіе англійской политики пользоваться Австрією для защиты британскихъ интересовъ на Востокѣ; онъ заявилъ, что главную задачу политики Англій составляетъ поддержаніе серьезной дружбы съ

сл „естественнымъ союзникомъ“—Австро-Венгріей, и указала на одинаковость восточной политики обоихъ государствъ.

Почти одновременно съ г. Пэджетомъ покидаетъ Вѣну и нашъ военный агентъ, полковникъ Зуевъ. По этому случаю, корпусъ офицеровъ квартирующаго въ Вѣнѣ пѣхотнаго имени Императора Александра полка давалъ прощальный обѣдъ полковнику Зуеву. Командиръ полка полковникъ Баласъ провозгласилъ „hoch“ въ честь Государя Императора. Тостъ, при звукахъ русскаго народнаго гимна, былъ многократно и восторженно привѣтствованъ офицерами. Затѣмъ, полковникъ Зуевъ провозгласилъ тостъ въ честь императора Франца-Иосифа, при чемъ въ своей заздравной рѣчи говорилъ о рыцарскихъ чувствахъ австрійскихъ офицеровъ, которые, будучи только воинами, а не дипломатами, не обращали вниманія на мимолетныя политическія теченія и относились къ нему, только какъ къ товарищу по оружію. Въ заключеніе полковникъ Зуевъ поднялъ бокалъ за пѣхотный имени Императора Александра полкъ и послѣдніе слова рѣчи произнесъ на венгерскомъ языкѣ (полкъ рекрутируется въ Венгрію), что вызвало шумный восторгъ.

Во Францію возвратился изъ Дагомен генералъ Доддсъ. Встрѣча его превышаетъ всякія ожиданія; въ Марселіи генерала привѣтствовали такъ, какъ привѣтствовали войска, возвращавшіяся послѣ итальянской кампаніи. Городъ и портъ убраны были флагами, путь генерала осыпали цвѣтами, народъ былъ въ себя отъ восторга. Во время „пунша“, на которомъ присутствовало 1,500 офицеровъ, въ томъ числѣ 16 генераловъ, исполненъ былъ русскій гимнъ, встрѣченный восторженно.

Французскія газеты предостерегаютъ публику отъ неомѣрныхъ увлеченій, выставя на видъ, что, при безпорныхъ военныхъ способностяхъ, Доддсъ все-таки не Тюренъ и не Бонапарте, а также не слѣдуетъ въ немъ видѣть новаго Буланже.

Принцъ Кобургскій съ молодою супругою прибылъ въ Болгарію. Въ Константинополѣ ему не привелось побывать и представить султану свою жену, и онъ, послѣ нѣсколькихъ дней плаванія, высадился въ Австрію, чрезъ которую и прибылъ въ Болгарію.

Египетскій вопросъ вступаетъ въ новый фазисъ, если вѣрять *Mémorial Diplomatique*. По свѣдѣніямъ этой газеты:—предполагаются весьма энергичныя усилія, направленные къ тому, чтобы склонить лондонскій кабинетъ къ отозванію британскихъ войскъ съ береговъ Нила. По этому поводу обнаруживались опасенія насчетъ образа дѣйствій Порты при такихъ обстоятельствахъ. Турецкое правительство глубоко убѣждено въ томъ, что лордъ Розберри склоненъ еще болѣе своего предѣстника, лорда Салисбери, къ сохраненію британской оккупации Египта, и въ Константинополѣ полагаютъ, что потребуются не малая энергія для устраненія препятствій, встрѣчаемыхъ со стороны Foreign Office. Ни отъ единаго изъ своихъ правъ султанъ не отрется; онъ, напротивъ, исполненъ рѣшимости требовать ихъ возстановленія и прогнупоставлять все ту же стойкость систематическимъ отказамъ Англій. Порта намѣрена, попрежнему, обнаруживать твердость и не отступаться ни отъ малѣйшей части своихъ требованій относительно Египта.

Библиографія.

Исторія 13-го Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка за 250 лѣтъ. М. О.—А. III. 1642—1892. Съ портретами, рисунками, изображеніями, картою походовъ въ Россію и прочіихъ странахъ, картою Кавказа и планами нѣкоторыхъ сраженій. Составилъ по архивнымъ документамъ и другимъ первоисточникамъ Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ П. О. Бобровскій. Часть третья. Егерь (1786 — 1816). 1893. Цѣна (тома) 10 руб.

На сравненіяхъ нашего журнала уже говорилось о названномъ превосходномъ трудѣ генерала П. О. Бобровскаго, представляющемъ собою высокоцѣнное ученое сочиненіе. Третья часть, лежащая передъ вами, обнимаетъ эпоху жизни старѣйшаго полка русской арміи—необходимо и интересно. Съ переводомъ на Кавказъ, онъ служитъ святому дѣлу защиты

родины сначала подъ начальствомъ Суворова; затѣмъ, во время долговременной персидской войны, 1803—1813 г., во главѣ его является знаменитый герой-предводитель Котляревскій, и съ нимъ полкъ совершаетъ дѣла изумительной доблести и самоотверженія, которыя останутся навѣки въ памяти русской военной исторіи, какъ величавые примѣры для отдаленнѣйшихъ потомковъ. Подвиги Корягина, Лисаневича, Котляревскаго и многихъ другихъ настолько величавы по своему смыслу и значенію, что авторъ, при описаніи ихъ, не оставляя почвы строго научнаго изслѣдованія, невольно воодушевляется, и изложеніе его становится краснорѣчивымъ и увлекательнымъ. Въ военной литературѣ трудъ генерала Бобровскаго займетъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ.

Научныя и техническія новости.

— Изъ трепела (кремнистой накипи или инфузурной земли), крахмала и ѣдкой щелочи можно приготовить *превосходный матеріалъ для построекъ* плить, стѣнъ и пр. На 76 частей воды прибавляютъ 16 частей картофельнаго крахмала и 8 частей ѣдкой щелочи. При смѣшеніи этихъ веществъ получается желатиноподобная масса, оказывающаяся отличнымъ цементомъ для скрѣпленія рыхлаго трепела. Послѣдняго прибавляютъ къ цементу до тѣхъ поръ, пока получится масса такой консистенціи, которая годится для пресовки и формовки. Она очень скоро высыхаетъ и образуетъ твердый камень, отличающійся большою легкостью и ничтожною теплопроводностью; онъ непроницаемъ для воды и сырости и отлично выдерживаетъ большія давленія.

— Для предохраненія стнъ отъ сырости совѣтуютъ обмазывать ихъ слѣдующимъ составомъ. На литръ воды (0,08 ведра) прибавляютъ 500 граммовъ (1,2 фунта) желатина и 50 граммовъ (0,12 ф.) двуххромистаго калія. То же самое получится, если въ шубномъ клѣѣ растворить 3% двуххромистаго калія. Подъ влияніемъ этого послѣдняго, клей или желатинъ, выставленный на солнце, дѣлается нерастворимымъ въ водѣ. Средство

это годится, слѣдовательно, только для стѣнъ, которыя въ теченіе дня освѣщаются солнцемъ; въ мѣстахъ же темныхъ, напримѣръ, погребкахъ и пр., оно не имѣетъ силъ.

— Въ бромистомъ аммоніи найдено отличное средство противъ морской болѣзни. Принимать его надо три раза въ день по 10—15 гранъ на приемъ.

— Въ Соединенныхъ Штатахъ изобрѣтенъ приборъ, которымъ можно пользоваться въ военное время для охраны береговъ отъ неприятельскихъ судовъ, а въ мирное для предохраненія кораблей отъ угрожающей имъ опасности. Приборъ этотъ названъ *гидрофономъ* и состоитъ въ сущности изъ долазаннаго колокола, снабженнаго микрофономъ. Движеніе, производимое въ водѣ винтомъ плавучаго парохода или торпедной лодки, уже на разстояніи полумили сообщается микрофону и вызываетъ сигналъ въ видѣ ли колокольнаго звона или выстрѣла.

— Открытымъ недавно свойствомъ *парафиннаго воска* растворять при 100—110° Ц. гуттаперчу и каучукъ успѣли уже воспользоваться для приданія разнымъ тканямъ *непроницаемости для воды*. Достаточно смазать матерію растворомъ 15% каучука въ

парафиновомъ воскѣ, чтобы получить непроницаемое для воды платье.

— На сѣверномъ берегу Норвегіи жители употребляютъ въ качествѣ *штукатурки* — *ворвань наваги*, которая стоитъ тамъ очень дешево. На 120 вѣсовыхъ частей ворвани прибавляютъ 20 частей скипидара, 200 частей цинковой окиси (бѣлой цинковой краски), 13 частей желтой охры. Сдѣланные недавно опыты доказали, что составомъ этимъ очень полезно обмазывать деревянные дома для предохраненія ихъ отъ разрушительнаго дѣйствія сырой погоды.

— Простой кузнецъ изъ Квебека (въ Канадѣ) сдѣлалъ замѣчательное открытіе въ техникѣ. Ему удалось найти секретъ *закалки бронзы*. Искусство это было извѣстно еще въ глубокой древности: его знали уже строители пирамидъ — древніе египтяне. Но когда желѣзо и сталь начали вытѣснять бронзу, то мало-по-малу забылось и искусство закалки этого металла. Прошло нѣсколько тысячелѣтій, пока кузнецъ Аллардъ снова напалъ на эту мысль. Въ настоящее время онъ приготовляетъ бронзовые топоры и другія острія орудія, не уступающія по твердости самой лучшей стали.

Искусство.

Проекты новаго театра.

Въ Обществѣ Поощренія Художествъ была недавно открыта выставка проектовъ зданія театра въ Иркутскѣ по конкурсу. Выставка эта любопытна во многихъ отношеніяхъ, но, главнымъ образомъ, она интересна тѣмъ, что даетъ наглядное и, въ общемъ, довольно полное понятіе о художественной сторонѣ современной русской архитектуры, по преимуществу монументальной. Всѣхъ проектовъ театра, какъ оказывается, было прислано тридцать восемь, или

около того,—цифра, конечно, не большая, но если принять во вниманіе, что въ конкурсѣ, какъ это само собой разумѣется, приняла участіе наши лучшія архитектурныя силы, то эта цифра окажется довольно значительной и многознаменательной. Я, разумѣется, говорю здѣсь исключительно о художественной сторонѣ дѣла, а вовсе не о строительныхъ и техническихъ подробностяхъ и приспособленіяхъ, могущихъ интересовать лишь специалистовъ.

Задача заключалась въ томъ, чтобы представить проектъ театра средней величины, — на 800 зрителей, — вѣроятно, недорогого по

сметѣ, вмѣстительный, удобный, въ техническомъ отношеніи соответствующій климату, а въ художественномъ — соответствующій общему характеру города. Но большинство проектов, присланныхъ на конкурсъ, созданы въ большей или меньшей степени по типу петербургскаго Мариинскаго театра. Болѣе самостоятельнымъ оказывается проектъ подъ девизомъ „16“, — тоже нѣчто въ родѣ цирка, на который похожъ Мариинскій театръ, — но только съ острокопечными башенками русскаго стиля, на главномъ, лицевомъ фасадѣ. Такихъ проектовъ съ башенками есть нѣсколько; каждый изъ нихъ имѣетъ свои оригинальныя черты, но временамъ, довольно своеобразныя, но едва-ли вполнѣ удовлетворяющія художественное чувство. Проектъ подъ девизомъ „Mens agit at molem“ очень своеобразенъ; это нѣчто въ родѣ многоэтажнаго американскаго дома, четвероугольнаго, сильно вытянутаго вверхъ, напоминающаго собою болѣе зданія въ Чикаго новѣйшей постройки. Можетъ, со временемъ наша Сибирь и будетъ представлять нѣчто въ родѣ нынѣшней промышленной Америки, но навѣрное можно сказать, что до сихъ поръ она этого характера не имѣетъ, такъ что и зданія по американскому типу пока совершенно не соответствуютъ практическимъ и художественнымъ потребностямъ страны. Еще болѣе оригинальнымъ представляется проектъ подъ девизомъ „Ермакъ“; въ боковомъ своемъ фасадѣ, это — очень длинное, притиснутое сверху зданіе съ крышей въ родѣ громадныхъ трубъ. Лучшими являются проекты подъ девизомъ „В“, „Opus N. 1893“, „Amico“ и треугольника съ красивымъ кружкомъ внутри.

Общее впечатлѣніе, выносимое зрителемъ при внимательномъ осмотрѣ всѣхъ этихъ проектовъ сводится, въ общемъ, къ тому, что наши архитекторы избѣгаютъ извѣстныхъ стилей и даже извѣстныхъ типовъ; отъ стиля Renaissance они сохраняютъ только подробности; но больше всего увлекаются смѣшанными формами, отчасти, напоминающими средневѣковья зданія, отчасти пользуясь тѣмъ или другимъ типомъ древне-русскаго стиля, но больше всего — антихудожественностью американскихъ грандіозныхъ построекъ, не имѣющихъ никакого *raison d'être* у насъ. В. Чуйко.

„Другъ Фрицъ“.

Петербургъ познакомился недавно со второй оперой Масканьи „Amico Fritz“, которую ловкій издатель Сондоньо также старался раздуть въ геніальное произведение, но которая уже даже въ Италіи не имѣла успѣха. Мы видѣли эту оперу въ „Opernhaus“, во время пребыванія на художественной театрално-музыкальной выставкѣ въ Вѣнѣ, и мѣстная публика, вообще, очень пристрастная къ названному композитору, довольно-таки равнодушно слушала эту скучную новинку. Повидимому, русская печать болѣе была справедлива, не признавая въ Масканьи по одной одноактной оперѣ „Сельская честь“, „намѣстника Верди“, „новаго свѣтила“, „генія Италіи“ и пр.; такими эпитетами щедро наградила италіянская печать и извѣстная часть вѣнской творца „Cavalieria rusticana“, благодаря неслыханнымъ рекламамъ его издателя.

На основаніи двухъ его оперъ (мы еще третьей — „Братья Раццау“ — не знаемъ, но иностранные отзывы о ней довольно-таки неопредѣленны) можно уже рѣшительнѣе высказаться о степени дарованія этого новоявленнаго кумира. Уже по „Сельской чести“ мы вынуждены были отмѣтить бѣдность мелодической изобрѣтательности у многошумнаго Масканьи; мы и тамъ не видали того родника вдохновенія и мелодіи, который способенъ обѣщать нѣчто выдающееся въ начинающемъ композиторѣ. Но вотъ проходитъ полгода, въ теченіе котораго Масканья работаетъ надъ „Фрицомъ“, а реклама не перестаетъ трубить о выходящемъ изъ ряду воиъ новомъ произведеніи. Полгода для маленькой трехактной оперы слишкомъ громадный срокъ для композитора, котораго прямо объявили геніемъ и замѣстителемъ Верди. Настоящіе геніи лишутъ шедевр въ нѣсколько недѣль; вспомнимъ хотя бы „Севильскаго Цырюльника“ Россини, написаннаго, оркестрованнаго и поставленнаго на сцену въ теченіе *тринадцати дней*.

Конечно, полгода покажется ничтожнымъ временемъ, если сравнимъ его съ періодомъ въ двадцать лѣтъ, который употребилъ Вагнеръ для „Колца Нибелунговъ“ или нашъ покойный Бородинъ для „Князя Игоря“ (восемнадцать лѣтъ); но и для генія полгода серьезной и исключительной работы для трехактной, небольшой по объему, партитуры, каковую является „Другъ Фрицъ“ — за глаза довольно и, если-бы у Масканьи былъ, дѣйствительно, выдающийся талантъ, онъ-бы за это время далъ произведение, которое затмилъ-бы первую оперу; на самомъ-же дѣлѣ, случилось нѣчто обратное: „Фрицъ“ доказываетъ, что „Сельская честь“ куда лучше его; слѣдовательно, таланта его хватило только на одинъ актъ и то съ грѣхомъ пополамъ, такъ какъ

лучшія мѣста первой оперы весьма близки къ народнымъ мотивамъ, если не прямо заимствованы. Такъ или иначе, но слава Масканьи значительно пала послѣ второй оперы, знакомство съ которой было, однако, очень интересно и желательно.

Сюжетъ „Друга Фрица“, вѣроятно, всѣмъ извѣстенъ по талантливой повѣсти Эркмана-Шатриана или по сценической пьесѣ того же названія. Фрицъ и Сюзель, добродушный раввинъ Давидъ, имѣющій слабость всѣхъ женить, друзья Фрица — вотъ герои. Но что хорошо въ разсказѣ, то не всегда годно для сцены, требующей прежде всего дѣйствія; послѣдняго именно и нѣтъ, а разъ нѣтъ дѣйствія, — есть, что хотите, — талантливая жанровая картина, болѣе или менѣе удачный этюдъ, — но не драма. Иллюстрировать такое произведение музыкальнорискованный шагъ со стороны композитора, обладающаго сценическимъ чутьемъ, — и Масканьи напрасно рискнуть сдѣлать изъ этого оперу: въ первомъ дѣйствіи разговариваютъ о любви, во второмъ тоже и въ третьемъ тоже; понятно, что разговоры должны, наконецъ, надобность, что, дѣйствительно, и случается уже послѣ перваго акта, — ибо *музыки* почти совсѣмъ нѣтъ въ этой оперѣ; все речитативы и речитативы, и притомъ безталанныя, — безцвѣтныя, неотвѣчающіе характерамъ героевъ.

Въ этой массѣ нумеровъ едва ли наберемъ четыре, болѣе или менѣе интересныхъ; сюда надо причислить скрипичное соло (за кулисами) въ первомъ актѣ, любовный дуэтъ во второмъ, напоминающій таковой въ опереткѣ „Маскота“, и ариозо Фрица въ послѣднемъ. Старался еще авторъ охарактеризовать цыгана, но это ему мало удалось. Изъ оркестровыхъ нумеровъ назовемъ интересное къ послѣднему дѣйствію. Этого, во всякомъ случаѣ, не много для второй еще только оперы композитора, котораго такъ вознесли до небеза болѣе или менѣе удачную первую попытку.

В. Баскинъ.

Смѣсь.

Электрическое освѣщеніе съ воздушныхъ шаровъ. Одинъ изъ нью-йоркскихъ электрическихъ журналовъ сообщаетъ, что нѣкто Смитъ изъ С.-Франциско составилъ проектъ освѣщенія городовъ сверху, а именно — электрическими лампами, привѣшенными къ воздушнымъ шарамъ. Авторъ проекта употребляетъ въ своихъ опытахъ шары изъ алюминія, имѣющіе форму сигары, шириною въ 12 метровъ, 4,5 метра въ діаметрѣ. Такой шаръ выдерживаетъ тяжесть шести лампочекъ съ дугою. Можно употребить также лампочки накаливанія съ рефракторами, отражающими свѣтъ книзу. Источникъ электричества находится на землѣ.

Въ германской арміи производится уже опыты въ этомъ направленіи, но только съ настоящими воздушными шарами, управляемыми человекомъ, и во время ближайшихъ маневровъ предполагаютъ освѣтить съ высоты 600 метровъ, силой свѣта въ 5000 свѣтъ, пространство въ 500 метровъ въ діаметрѣ.

Основатель Чикагскаго университета, знаменитый американскій милліонеръ Джонъ Д. Рокфеллеръ принесъ въ даръ означенному университету еще милліонъ долларовъ. Такимъ образомъ, сумма его пожертвованій въ пользу этого университета равняется теперь 3.600.000 долларовъ. Директора университета обратились къ нему съ просьбой объ этомъ послѣднемъ пожертвованіи, въ виду настоятельной необходимости огромной суммы для развитія своихъ колоссальныхъ плановъ и предначертаній. Въ числѣ этихъ плановъ проектируется устройство морскаго училища. Всего за время годового существованія Чикагскаго университета принесено ему въ даръ разными лицами около 7.000.000 долларовъ. Въ немъ насчитывается 600 студентовъ. Учебный персоналъ состоитъ изъ 119 профессоровъ и преподавателей. Такимъ образомъ, своимъ огромнымъ богатствомъ этотъ юный университетъ далеко превосходитъ своихъ даже древнѣйшихъ собратьевъ въ Европѣ. Джонъ Рокфеллеръ, по его словамъ, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ пожертвовалъ для воспитательныхъ, образовательныхъ и благотворительныхъ цѣлей болѣе 5.000.000 долларовъ.

Просьба о помощи для спасенія людей отъ слѣпоты. Слепота есть великое несчастіе въ жизни человѣка, между тѣмъ въ Россіи есть множество бѣдныхъ людей, которыхъ посредствомъ во-время слѣпанной операціи или иного рода лѣченія можно бы спасти отъ слѣпоты; но у насъ такъ мало специалистовъ по глазнымъ болѣзнямъ, что такая помощь доступна лишь весьма немногимъ, а большинство гибнетъ навсегда, теряя зрѣніе.

Понечительство о слѣпыхъ, сознавая весь ужасъ этого положенія, желало бы приступить къ образованію лѣтучихъ отрядовъ, составленныхъ изъ молодыхъ окулистовъ, и командировать ихъ въ разныя мѣстности Россіи, для подачи нужной помощи страдающимъ глазными болѣзнями; но, не имѣя на это свободныхъ средствъ, Поне-

Профессоръ живописи Ю. И. Федереръ.
По фот. грав. Шюблеръ.

чительство обращается къ частнымъ благотворителямъ съ просьбою оказать ему свое доброе содѣйствіе къ спасенію людей отъ слѣпоты. Приношенія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ Канцеляріи Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (Большая Конюшенная, № 1, кв. 24), у Предѣдателя Совѣта Статсъ-Секретаря Грота, въ томъ же домѣ, и у члена Совѣта Николая Павловича Забугина (Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ).

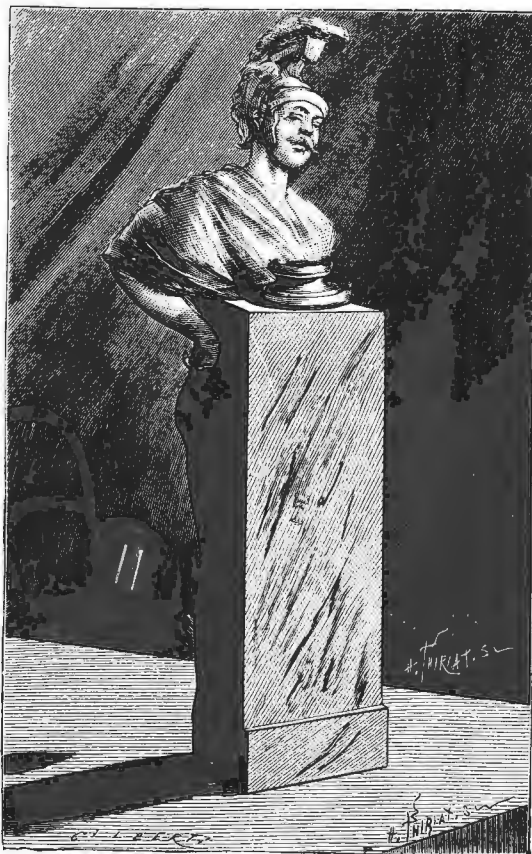
Изученіе политическаго дѣленія земли привело Опшеля къ слѣдующимъ результатамъ: 4 милліона квадратныхъ верстъ представляютъ территорію не населенную или никому не принадлежащую, 13 милліоновъ кв. верстъ лишены правильнаго государственнаго устройства, громадное же пространство въ 117 милліоновъ кв. верстъ организовано въ видѣ 65 государствъ, изъ которыхъ 18 занимаютъ 87% всей земной поверхности, остальные же очень малы.

Сѣть телеграфныхъ проволокъ вокругъ всего свѣта. Телеграфная сѣть обрывается въ настоящее время на западныхъ берегахъ Америки и восточныхъ Азій и Австраліи; телеграфные кабели проложены только по дну Атлантическаго океана, между

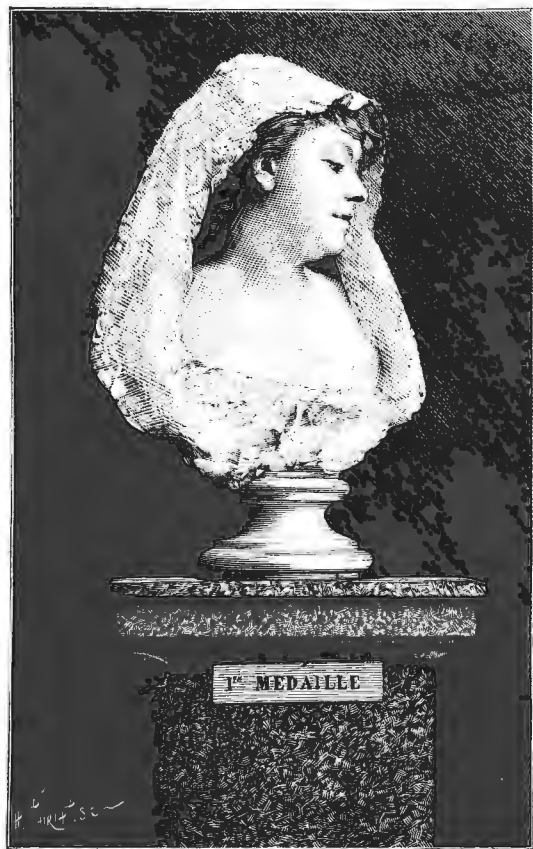
этогъ устраняетъ всякую возможность поддѣлки, если составъ красящаго раствора будетъ сохраненъ въ тайнѣ. Сущность дѣла въ томъ, что бумага, опущенная въ смѣсь разныхъ красящихъ веществъ, пронитывается ими не одновременно и не съ одинаковою быстрою. Поэтому капля определенной смѣси, помещенная въ центрѣ билета, расплывется постепенно въ видѣ ряда концентрическихъ разноцвѣтныхъ круговъ различной, но определенной для каждой цвѣта величины. (г. в.)

Память по И. С. Тургеневѣ. Въ нынѣшнемъ году, 22 августа, исполнится десять лѣтъ со дня смерти И. С. Тургенева. По странному совпаденію, на нынѣшній же годъ приходится 75-ти-лѣтіе дня его рожденія (28 октября 1818 г.) и 50-ти-лѣтіе появленія первой повѣсти его „Параша“, вышедшей отдѣльною книжкою въ началѣ 1843 г. Обращая вниманіе на такое совпаденіе, полагаемъ, что оно не пройдетъ незамѣченнымъ въ интеллигентномъ обществѣ и въ нашемъ литературномъ мірѣ, который, вѣроятно, предприметъ что-нибудь по этому поводу.

Сила воды. Убѣдительное доказательство силы воды представляеть слѣдующій интересный опытъ, произведенный недавно въ одномъ

Способъ сниманія.

Образецъ снимка.

Фотобюсты. Съ фот. грав. Тирія.

Европой и Америкой; въ Тихомъ-же океанѣ кабелей нѣтъ. Вслѣдствіе этого жители Америки лишены были до сихъ поръ прямого телеграфнаго сообщенія съ Азіей, Африкой и Австраліей. Чтобы послать телеграмму изъ Санъ-Франциско въ Пекинъ, Сидней (въ Австраліи) или Капштадтъ (въ Африкѣ), приходится телеграфировать въ Европу и просить о передачѣ денеши въ другую часть свѣта. Сопряженія съ такимъ порядкомъ затрудненія и непріятное чувство зависимости отъ старушки Европы заставили гордыхъ лини взяться за устройство непрерывной телеграфной линіи отъ восточныхъ береговъ Тихаго океана къ Сандвичевымъ островамъ, Новой Зеландіи и Австраліи. Начатые уже давно переговоры между американцами и австрайлійскими колоніями о совмѣстномъ участіи въ расходахъ предіриятія близятся теперь къ концу, и есть надежда, что и по дну Тихаго океана будетъ вскорѣ проложенъ кабель, и тогда вся земля опутается непрерывной сѣтью телеграфныхъ проволокъ.

Новый способъ приготовленія банковыхъ билетовъ предложилъ баварскому правительству нѣмецкій физикъ Бибра. Способъ

изъ восточныхъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ. Посѣтители одной гостиницы заспорили и, наконецъ, побились объ закладъ въ томъ, что даже очень сильный человѣкъ не въ состояніи выдержать, если ему на руку, приблизительно, съ высоты одного метра, станутъ лить по каплѣ кварту (около 1 1/8 лигъ) воды. Одинъ коренастый сильный господинъ согласился на предложенное пари въ полной увѣренности, что подобная бездѣлица его нисколько не затруднитъ; однако, онъ выдержалъ лишь паденіе 500 капель и затѣмъ отдернулъ руку, говоря, что не въ состояніи довести опытъ до конца. Каждая капля, казалось ему, разможила его руку. На рукѣ образовался большой пузырь. (в.)

Международный словарь. Въ Берлинѣ вышелъ недавно словарь нѣмецкаго, англійскаго, французскаго и итальянскаго языковъ. Удобство его заключается въ томъ, что всѣ слова этихъ языковъ размѣщены въ одномъ алфавитномъ порядкѣ, такъ что нѣмецкія слова идутъ попеременно съ французскими, англійскими и итальянскими. Вслѣдствіе этого словаремъ этимъ могутъ пользоваться съ

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

одинаковым удобством люди всѣхъ указанныхъ четырехъ народностей, но особенно полезенъ онъ можетъ быть тѣмъ, кому приходится заниматься переводами со всѣхъ этихъ языковъ.

Цивилизація въ Сіамѣ. 14 января 1893 г. жители Сіамскаго королевства впервые увидѣли движущійся желѣзнодорожный поѣздъ. Въ этотъ день открыто было сообщеніе на первомъ участкѣ строящейся желѣзной дороги отъ Банкока на Коратъ. (г. в.)

Международная гонка вельботовъ и катеровъ состоялась недавно въ Америкѣ, въ Нью-Йоркѣ, на „North-River“. Въ гонкѣ принимали участіе команды всѣхъ національностей съ судовъ, стоящихъ на рейдѣ. Интересъ былъ всеобщій, потому что, какъ у самихъ участниковъ, кромѣ собственнаго ихъ самолюбія, работало самолюбіе національное, такъ и у всѣхъ зрителей невольно билось сердце—чья возьметъ?—На призъ, состоявшій, однако, изъ 70 долларовъ (140 р.), шито, разумеется, не обращалъ вниманія, и никто не думалъ о немъ... Наши русскіе моряки не выдали себя! Честъ победы на этомъ международномъ состязаніи принадлежитъ имъ. **Первый призъ** лихо взялъ вельботъ съ русскаго крейсера „Генераль-Адмиралъ“. Второй и третій призы взяли вельботы съ англійскихъ судовъ „Blake“ и „Australia“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Вл. Ал. Тр—ву.

„Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой, Какъ извы бойся вдохновенія“...

Тифлисъ—подписнику. Какъ извѣстно, моль заводится обыкновенно въ теченіе двухъ недѣль. Поэтому для сохраненія отъ нея мѣховыхъ вещей, необходимо уложить ихъ (возможно плотно) въ хорошо сколоченный, чистый ящикъ или сундукъ и затѣмъ каждыя двѣ недѣли тщательно выколачивать мѣхъ. Вотъ единственное средство отъ моль, которымъ пользуются мѣховщики-спеціалисты.

Л. Н. И. (Харьковъ). Ваша задача будетъ помѣщена въ Сборникъ за Іюль.—Собщите Вашъ адресъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ОБРАЗЦЫ И ФОРМЫ ДѢЛОВЫХЪ БУМАГЪ

(письма, прошенія, договоры, обязательства, судопроизв. бумаги, сирочич. свидѣнія). Сост. Н. Мартыновъ. 1893 г. 50 к., въ колѣн. переплетѣ, съ тисненіемъ 75 к. **НОВЫЙ ЗАКОНЪ О ДѢТЯХЪ УЗакОНЕННЫХЪ И УсыНОВЛЕННЫХЪ** съ разъясн. и образцами прошеній. Сост. Н. Мартыновъ. 1891 г. 40 к. **ПОЛОЖЕНІЕ О НАЗЕН. ПОДРЯДАХЪ И ПОСТАВКАХЪ**, съ дополн. и разъясн. Сената. Сост. членъ Суд. Пал. А. Гауеръ. 1892 г. 60 к., въ кол. перепл. 80 к. **ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЯ СУД. СЛѢДОВАТЕЛЯ.** Разсказъ В. Волжина. 1892 г. 50 к. Выписывающіе изъ Юрид. кн. магазина Н. Н. Мартынова (СПБ., Б. Морская, 28) не платятъ за пересылку, кромѣ расхода на пошл. платежъ. № 6413

Новая книга во всѣхъ книжн. магазинахъ:

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ
истор. романъ изъ эпохи открытія Америки
Евгенія Шрекнига,
въ 2-хъ частяхъ (312 стр.). Цѣна 2 руб.
Иногородные, выписывающіе изъ склада изданій П. П. Сопкина, СПб. Вознесенскій пр., № 47, за пересылку не платятъ.

938 верстъ сдѣлано въ 42 часа на велосипедѣ Руджъ.

Представители Ю. Руджъ Абачинъ и Орловъ.

Москва, Мясницкая, домъ Ситова. Ц. № 6393 3—2

Станки и машины

для разнообразной обработки дерева завода Крумрейнъ и Нацъ. **В. В. ЖУКОВСКІЙ.** С.-Петербургъ, 10 рота, 16.

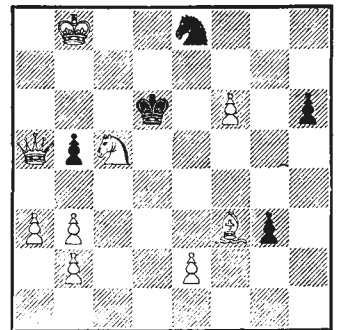
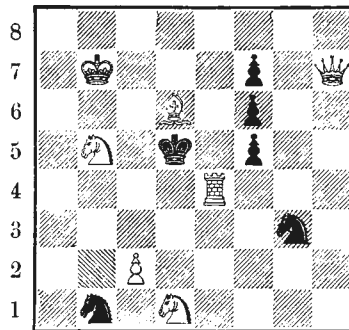
Вышли изъ печати 2-мъ изданіемъ: 1) т. о. поземельн. устр. крестьянъ, А. Скорова. Ц. 4 р. 1 т. Горнаго устава, А. Скорова. Ц. 4 р. За всѣми изданіями адресоваться въ Москву, Мясницкая 14, Александру Флегонтовичу Скорову. Тамъ-же можно получать и 1 т. 3 изд. Крестьяне и ихъ закононенія. Ц. 5 р. Печатаются 2-е изд. Устава о частн. золотопром. Ц. 3 р. 50 к.

ШАХМАТЫ.

подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 13.
1. Kотр (Прага).
Черные.

Задача № 14.
K. Стай (+) (Гётеборг).
Черные.

Вѣлье.

Мать въ 2 хода.

Рѣшенія задачъ № 8 „Нивы“ за 1893 г.

№ 5. Loyd (New-York). Мать въ 2 хода.
1. Ф. b2—d1, ♚; Ф, Л ♚. Правильныя рѣшенія прислали: И. Ф. Вельцъ (Кіевъ); А. П. Сусликовъ, Л. К. Истоминонъ (Харьковъ); А. Косоодо (Одесса).
№ 6. Этюдъ И. Бергера (Грацъ). Вѣлье начинаютъ и выигрываютъ.
1. Л h5—h2 ♠, Кр. d1 a3 (если Кр. b3, то 2. К d2 ♠ и т. д.); 2. К e3 ♠, вc; 3. Кр. d3 и т. д. a1. 1 . . . , Кр. e1; 2. К e5 и т. д.
Рѣшилъ Л. К. Истоминонъ (Харьковъ).

СОДЕРЖАНІЕ. Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Ив. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).—Сапфиръ Мириневичъ. Сказка Нота Мурлыки.—Нъ предстоящему празднованію 900-лѣтія Черниговской епархіи (съ рис.).—Литературныя бесѣды. „Наканунъ“, ром. Тургенева.—Въ память исполнившагося десятилѣтія Коронованія Государя Императора Александра III.—Къ рисункамъ: Предательская шутка (съ рис.).—Съ открытіемъ навигаціи (съ рис.).—Скворецъ на веселнѣмъ привольѣ (съ рис.).—Венецянскіе разносчики (съ рис.).—Высокопреосвященный Феогностъ, архіепископъ Новгородскій (съ портр.).—Гигантское дерево (Sequoia gigantea) (съ рис.).—Ю. И. Феддерсъ (съ портр.).—Фотобюсты (съ 2 рис.).—Разная извѣстия.—Полицейское обозрѣніе.—Библиографія.—Научныя и техническія новости.—Искусство. Проектъ новаго театра. „Другъ Фрицъ“.—Смѣсь.—Заявленіе.—Почтовый ящикъ.—О перемѣнѣ адреса.—Шахматы.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ив. М. Н. Волконскій.

Въ Конторѣ изданій А. Ф. МАРКСА, въ СПб.

продаются слѣдующія народныя иллюстрированныя изданія сочиненій

Н. В. ГОГОЛЯ:

1. Коляска	10 к.	8. Тарась Бульба	25 к.
2. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала	10 к.	9. Пропавшая грамота	10 к.
3. Вій	20 к.	10. Ночь предъ Рождествомъ	20 к.
4. Майская ночь или утопленница	15 к.	11. Женитьба (соверш. невѣроятное событіе)	20 к.
5. Сорочинская ярмарка	15 к.	12. Шинель	15 к.
6. Носъ	10 к.	13. Занолдованное мѣсто	10 к.
7. Страшная мѣсть	20 к.	14. Ревизоръ	40 к.

Выписыв. отъ 1—3 брошюръ прилаг. за перес. заказн. бандер. 15 к.
" " 4—8 " " " " " " " " 25 "
" " 9—13 " " " " " " " " 40 "
Выписывающіе одновременно не менѣ 14 книжекъ непосредственно изъ КОНТОРЫ ИЗДАНИЙ А. Ф. МАРКСА, СПб., Невскій, 6,— за пересылку не платятъ.

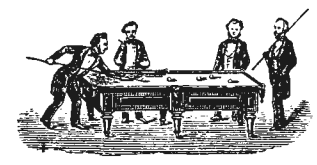
5 Р. КРАСИВО ПИСАТЬ выучиваю всякаго ЗАОЧНО (по-денцій) въ 10 уроковъ. ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ. Средствомъ лекцій корреспондаванія выслеваю за 3 семикопѣечныя марки. № 6341 26—4

10 Р. ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ обучую ИНОГОРОДНЫХЪ вполнѣ и основательно въ 2—3 мѣсяца. При окончаніи выдаю учепску СВИДѢТЕЛЬСТВО. Адресъ: Москва, Покровка, Учмт. кал. и бухг. А. С. Шиманскому.

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—8

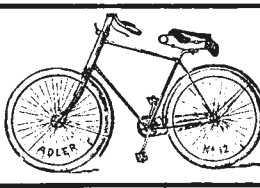
Иллюстрированныя преісъ-курранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ: Въ послѣднее время появились въ продажъ искусственныя воды подъ названіемъ „ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“, почему покорѣйше просимъ при покупкѣ нашей натуральной воды, обращать вниманіе на ярлыкъ съ короной.

Диренція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“ въ Будапештѣ. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграниціи. Дирекція въ Буда-Пештѣ.

Гейрихъ Клейеръ, велосипеды „Орелъ“ Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ). Специальная фабрика знаменитыхъ 24—8 велосипед. „Орелъ“. На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83. Иллюстр. преісъ-куррантъ ва 10 коп. марку.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.

НЕВСКІЙ ПРОСП. № 42. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Рекомендуетъ часы собственнаго производства ПРУССКОЙ СИСТЕМЪ Лицамъ которымъ точный и вмѣстѣ съ тѣмъ недорогой измѣритель времени, составляетъ существенную необходимость. Ручательство за вѣрность хода и прочность механизма на четыре года. ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕІСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Рекомендуем гг. фотографамъ и любителямъ фотографіи:

Извѣстныя чрезвычайно чувствительныя бромо-желатинныя ПЛАСТИНКИ ЛЮМЬЕРА. НОВУЮ БУМАГУ ЛЮМЬЕРА СЪ ЛИМОННО-КИСЛЫМЪ СЕРЕБРОМЪ для получения прямыхъ отпечатковъ (въ особенности для гг. любителей). НОВЫЙ энергичный скорый проявитель ДИАМИДОФЕНОЛЬ Люмьера.

ЕДИНСТВЕННЫЕ ГЛАВНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

для всей Россіи СЕГАЛЬ СЫНОВЬЯ, С.-Петербургъ,

№ 114, внутри Гостинаго двора, № 114.

Продажа произведеній фабрики А. Люмьера съ сыновьями во всѣхъ складахъ фотографическихъ принадлежностей. Мт. № 6408

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14-12

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ,

Егерштрассе, 46, рекомендуетъ какъ повѣщее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерию

„BOUQUET RUSSE“.

Духи
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. Туалетное мыло
Саше.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (26)

Не проходить недѣли, чтобы мы не имѣли случая наблюдать подражанія нашихъ „Скоруходовъ“, доказывающія лишь, что введенная нами въ Россію обувь встрѣтила всюду и скоро общее одобреніе, иначе ей не старались-бы подражать, но такъ какъ всѣ подражанія, которыя нами были до сихъ поръ встрѣчены, должны, къ сожалѣнію, подорвать всеобщее одобреніе, то мы и находимъ необходимымъ указать на недостатки встрѣчающіеся въ подобной обуви не нашего производства:

1. Колодка не соответствуетъ своему назначенію, что каждый изъ покупателей замѣтитъ уже при примыркѣ и сравненіи съ нашими „Скоруходами“.
2. Передки либо жестки, либо слишкомъ пористы. Въ первомъ случаѣ они сильно жмутъ и скоро ломаются, въ последнемъ — не прочны.
3. Въ большинствѣ случаевъ для передковъ вмѣсто юфты употреблена баранья кожа, которой посредствомъ окраски и лака придаютъ видъ юфты.

Желаящій приобрести пару нашихъ образцовыхъ „Скоруходовъ“ долженъ обращать въ особенности вниманіе на фабричное клеймо, помѣщенное на подошвѣ каждого башмака, которое мы и приводимъ здѣсь для свѣдѣнія публики.

Фабричное клеймо.

ТОВ. СПБ. МЕХ. ПРОИЗВ. ОБУВИ. С.-Петербургъ, Обводн. кан. 134.

№ 6403

В. № 6331 6-6

ПАВЕЛЬ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста. БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

АНГЛИЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.

Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссенъ букетъ Жюкей клубъ	Виолетъ де Парма	Бѣлая роза
Букетъ Императрицы	Резеда	Милль-Флёръ
Илангъ-Илангъ	Люби меня	Акація
Майскій-Ландышъ	Стенлей букетъ	Гіацинтъ
Бѣлый геліотропъ.	Ігіс	Киссъ ме квинъ
Бѣлая лилія	Эдельвейсъ	Испанская кожа
Сирень перс.	Жасминъ	Сѣвнее сано
Лавкой	Олеонаксъ	Черемуха
Фіалка	Шипръ	Lilas Heuri
	Букетъ де Цааръ	Lotus.

ПРОБНЫЕ ФЛАКОНЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕ МЕНЬШЕ 10 ФЛАКОНОВЪ ЗА 1Р. 40К. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ ГОРОДА РОССІИ. (ИРОМ: СИБИРИ.)

ОРИГИНАЛЬ ВЪ НАТУРЪ. ВЕЛИЧІННЪ. № 6131 (12)

Leichner's Fettwunder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для утѣшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ. Главный складъ для всей Россіи: у В. АУРИХА, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

В. № 6258 10-5

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Безводное мыло 35 к. и 50 к. пудокъ. Ополосада (лучше козьій-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18-19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазин. и аптекахъ Россіи.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

Р. № 6412

Лучшіе велосипеды по самымъ дешевымъ цѣнамъ „СТРЕЛА“.

Первый спеціальный маг. велосипедовъ въ С.-Петербургѣ, Невскій пр. 26. Каталогъ за 15 к. марган.

2712 версты въ 12 часовъ.

Англійскіе велосипеды заводовъ: Зингеръ и Ко. и Компан. „Триумфъ“.

Представитель: Генрихъ Георгіевичъ ЖЕМЛИЧНА. Москва, уголъ Тверской и Газетнаго переулка, докъ Фальцъ-Фейнъ, маг. № 19.

ВИНО СЕН-РАФАЭЛЬ.

№ 6191 10-10

Вино Сен-Рафаэль превосходно на вкусъ.

Сохраняется по способу г-на Пастера.

На каждой бутылкѣ находится печать Россійской таможи.

НА ЛѢТО

ТОЛЬКО 5 руб.

Выдается настоящій фотографическій аппаратъ съ треножникомъ, не игрушка, комъ каждый, даже ребенокъ, можетъ снимать съ натуръ портреты, виды, ландшафты и проч., съ пробными снимками и руководствомъ. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій пр., 4. Заказы немедленно. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 10 к. марку. № 6400. Высылается наложеннымъ платежемъ.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
НАЧИНАЯ СЪ 12 РУБ. ДО 500 РУБЛЕЙ

СОБСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ,
УМЕРЕННЫЯ ЦѢНЫ,
ИЛЛ. ПРЕЙС-КУРАНТЬ ЗА ЧЛК. МАР.
СМѢТЫ БЕЗПЛАТНО.

БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К^о
С. ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР. Ч. 25-А.
ОПТ. СКЛАДЪ. ФАБРИКА ФОТОГР. БРИКЪ.

КРАСИВО ПИСАТЬ
изучается великій заочно (посредствомъ перепиши) въ 15 уроковъ у профессора КАЛЛИГРАФИИ **А. КОССОДО.**

Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ 30-й золотой медали. № 6208 52-16
За 2 семикопеечныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Дессель, Керлибасовска, д. № 19.

Фирма преподавана на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

МИНДАЛЬНОЕ № 5914
МЫЛЬНОЕ ТѢСТО

Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.
Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокъ, котораго обильная, освѣжающая и приятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей бѣлоснежность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к.
Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получить можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговля аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ известныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

„НОВОСТИ ДНЯ“
X годъ изданія

ежедневная газета: кромѣ общегазетной программы ежедневно даетъ прекрасно исполненные портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей на злобу дня.

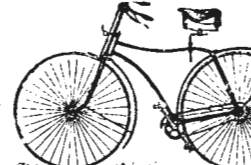
ПО СЛУЧАЮ
Колумбійской выставки въ ЧИКАГО
помѣщаетъ портреты главныхъ дѣятелей ея.

Подписная цѣна съ 1-го мая текущего года по 1-ое января 1894 года, съ доставкой въ Москву 6 руб., на города — 6 руб. 50 коп. Москва, Мясницкая, контора ежедневной газеты Ц. № 6404

„НОВОСТИ ДНЯ“

ЗАИКАНИЕ
ЛѢЧИТЬ УСПѢШНО **К. ЭРНСТЪ.**
Проспектъ безвозмездно.
СПБ., Симеоновская, 5. Учибиств. 3 руб.

Поставили Высочайшій Особой и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ больше 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**
(основ. въ 1863 г.)
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № Кокандъ и Екатеринбургъ. 25-17 5982
Новый каталогъ 80 страницъ.
БЕЗПЛАТНО.

Вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ **ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ**
новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:
„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.
годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:
СКАЗКИ,
собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.
переводъ подъ редакцію **П. Н. ПОЛЕВОГО.**
Иллюстраціи **П. Гротъ-Юганна.**
24 вып., каждый — въ розк. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.
Изданіе **А. Ф. МАРКА** въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р. Безъ доставки въ Москвѣ (въ Конторѣ Н. П. Печковской) — 13 р. Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

безъ дост. съ пер.	безъ дост. съ пер.
при подпискѣ. 4 руб. 5 руб.	къ 1-му августа. 2 р. 2 р.
къ 1-му іюня. 2 " 2 "	къ 1-му сентября. 1 " 2 "
къ 1-му іюля. 2 " 2 "	къ 1-му октября. 1 " 1 "

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“ въ СПБ., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магаз. Желаящимъ ознакомиться съ изданіемъ, 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылаемъ за 50 коп. почтовыми марками, каковая сумма при подпискѣ на все изданіе засчитывается, по желанію подписчика, въ счетъ подписной платы.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЫ
хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 25 и 35 руб., собственной С.-Петербургской фабрики въ 50, 60, 75 и 100 р. Знаменитой фабрики Courtois въ 90 руб., 150 руб. и 250 руб.

СКРИПКИ
по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дорожн. Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р. Футляры для скрипки по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.
Струны, канцелярск. и всѣ другія принадлежн.

Скрипки 3/4, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей по тѣмъ-же цѣнамъ какъ и большія.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

По полученіи заказа приблизително: 1/2 стоимости заказа требуемое время доставки съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 44. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,
изданное **А. Ф. Марксомъ**, подъ редакцію **А. И. Введенскаго**, съ биографіею и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали **Ф. А. БРОНГАУЗОМЪ** въ Лейпцигѣ.

Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ известное по рукописямъ или печатному тексту, А МНОГОЕ ВПЕРВЫЕ ПОВЛЯЕТСЯ ВЪ ПЕЧАТИ. Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ слова изданіе исправленное, тщательно сверенное съ рукописями или съ печатнымъ текстомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній былъ установленъ самимъ авторомъ. Сочиненія напечатаны на лучшей бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сброшюрованныхъ въ два тома (в 8), объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1264 страницы).

Предлагаемое изданіе по полнотѣ содержанія и изящной внѣшности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій.

Цѣна за экземпляръ полнаго собранія сочиненій **1 р. 50 к.**, а съ пересл. **2 руб.** Въ двухъ колонковатыхъ тисненыхъ краскахъ; переплетъ **2 руб.**, а съ пересылкою **2 руб. 50 коп.**

Съ требованіями просить обращаться въ СПБ., въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

ЛЕННИНГЪ и ГЛОЗНИГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрат. письменно: **Генрихъ Блокъ**, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12-7

Вышло новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА: ПЕССИМИЗМЪ.**
Сочиненіе Сели. Мт. № 6406

Популярный обзоръ всѣхъ пессимистическихъ ученій. Пер. съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ В. Яковенко. Ц. 1 р. 50 коп. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (СПБ. Лезинговъ пер., д. № 2).

МИРКОСКОПЪ
увеличив. въ 400 разъ, съ душою. Цѣна съ перес. во все города Россіи 1 р. Каталогъ съ 189 иллюстраціями новостей: карманныхъ часовъ и украшеній ц. 10 коп. Все за наличныя деньги русскими почтовыми марками. № 6407 **D. Clecner, Zürich.**

МОИНАКСКОЕ ГРЯЗЕЛЪЧЕБНОЕ И ЛИМАННОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
въ городѣ Евпаторіи.
Открывается съ 29 мая по 29 августа. За подробностями просить обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губерніи, г. доктору С. П. Кедренскому или доктору С. П. Ходжану. № 6402

ТРЕБУЮТЪ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО ПРОФИЗОРА
АМОСТРОУМОВА
ПРОТИВЪ ОСТРОЙ ПЕРХОТИ
УТВЕРЖАЕН ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОНДѢЛКЪ.

И. № 6302 12-10

Велосипеды англійскаго завода **„Гумбертъ и К^о. Лмтд.“** лучше въ свѣтѣ! предлагаетъ торговый домъ **Г. ЖЕМЛЮЧКА и К^о.** Москва, Неглинный просп., домъ Ежикной. Прейс-куррантъ — бесплатно.

ГЛАВ. СКЛАДЪ МОСКВА
У Л. Я. СТОЛКИНА.
КРУПНИКИ УНИЧТ. ОЖЕНІЯ ДЛ. КРЫСЪ И МЫШЕЙ ПРОВ. ФРОНШТЕЙНЪ
ПРОДАЕТСЯ ВЪЗДѢ ПО 30 И 50 К.
ФУРКАСОВЪ, ПЕР. Д. ОБИДИНОЙ

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАМЕРЫ
въ громад. выборѣ. Нов. иллюстр. прейс-куррантъ высылаются. **МОМЕНТАЛЬНЫЯ ПЛАСТИНЫ „БЕРНАРТЪ“.**
При складѣ имѣется лабораторія и разл. аятели при покупкѣ безвозмездно. 10-2

К. И. Фреландтъ.
С.-Петербургъ, у Казанскаго моста, д. № 30.16. Москва, Мясницкая, д. Соколова. Харьковъ, Московская ул., д. Штейфанъ.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. № 6326 В. ГЕЦА въ Вѣнѣ 8-4

изъ грецкихъ орѣховъ. Безвредное средство для быстраго окрашенія волосъ и бороды въ черный, русый, темный и свѣтло-каштановый цвѣтъ. Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ С. СТУНКЕ
НАХОДИТЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РУССІИ
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
ВЪ ПОРЯЖАНІИ
НАШЕ И
МАРКИ

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXIV г.
№ 21

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и Выдаѣтъ 22 мая 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВЪ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
 Безъ доставки въ Петербургъ **5 р.**
 Съ доставкою въ Петербургъ **6 р. 50 к.**
 За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **10 р.**
 На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
 На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. **6 р.**
 Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи **7 р.**
 За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **10 р.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особые приложенія при „НИВЪ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Уличный гаеръ въ древнемъ Римѣ. Съ карт. Чифоня, грав. Фрюгауфъ.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

IX.

Забота Ольги.

Весь домъ уже знали, что князь Андрей Николаевичъ вернулся изъ дворца сердитымъ, такимъ сердитымъ, какимъ давно его не видали за послѣднее время.

Мелкая дворня попрыталась, какъ это обыкновенно водилось, по угламъ. Иванъ Пахомычъ ходилъ въ буфетной, совершенно такъ-же, какъ это дѣлалъ князь, ходя по залѣ и гостинимъ, и лишь изрѣдка пробирался въ столовую, чтобы послушать, не утихъ-ли князь и нѣтъ-ли надежды, что гроза уляжется.

Но надежды этой, повидимому, не было. Князь все ходилъ и ходилъ, и Иванъ Пахомычъ качалъ головою, вздыхалъ и на цыпочкахъ возвращался въ буфетную.

— Что, батюшка вернулся уже? услышалъ онъ голосъ княжны, когда, по крайней мѣрѣ, въ двадцатый разъ подходилъ къ дверямъ, ведшимъ изъ столовой въ залу.

Иванъ Пахомычъ закачалъ головою и заговорилъ чуть слышнымъ шопотомъ:

— Вернулся, но такимъ, что лучше, княжна, ваше сіятельство, и не ходите къ нимъ...

Княжна нахмурила брови.

— И не ходите!.. повторилъ Иванъ Пахомычъ.— Ужъ сколько годовъ не видѣлъ я ихъ такими,— оборони Богъ, теперь, какіе сердитые!.. Не подступиться!..

Но дѣло, съ которымъ княжна шла къ отцу, было, видимо, слишкомъ для нея серьезнымъ дѣломъ, чтобы вернуться назадъ.

Она не испугалась предупрежденія дворецкаго, и прошла мимо него въ залу.

Иванъ Пахомычъ боязливо пропустилъ ее въ дверь, и поспѣшилъ сейчасъ-же закрыть эту дверь.

Войдя въ залу, Ольга услышала сердитые шаги отца, приближавшагося ей навстрѣчу. Она остановилась въ ожиданіи. Старый князь показался въ дверяхъ.

Странныя отношенія установились между ними послѣ разыгравшагося въ Проскуровѣ происшествія. Ольга скоро оправилась отъ своей болѣзни, не подозревая, разумѣется, причины этого выздоровленія, — причины, которая оставалась неизвѣстна никому, но которая имѣла, кромѣ благотворнаго вліянія на здоровье Ольги, еще и другое, вполне дѣйствительное послѣдствіе: она забыла о своемъ чувствѣ къ Артемію, забыла такъ, какъ будто чувство это исчезло въ ней вмѣстѣ съ болѣзью. Она нигдѣ, ни съ кѣмъ не заговаривала о любившемъ ее молодомъ человѣкѣ: ни съ Дуняшей, ни съ отцомъ, словомъ, рѣшительно ни съ кѣмъ. Князь Андрей Николаевичъ замѣтилъ эту ея особенность, не могъ понять, отчего это происходитъ, не могъ объяснить себѣ ни быстро исчезновенья болѣзни дочери, ни внезапной ея перемѣны въ отношеніи къ „найденшю“ и, наведя обстоятельное слѣдствіе, могъ убѣдиться лишь, что начало всего этого какъ разъ совпадаетъ со вторичнымъ посѣщеніемъ Ольги доктора Шеннига.

И онъ первый разъ въ жизни согласился, что доктора что-нибудь да понимаютъ.

Но съ Ольгой онъ тоже никогда не говорилъ объ Артеміи, и, мало того, старался избѣгать всякаго намека, такъ или иначе, касающагося этого больного мѣста въ сердцѣ дочери, какъ онъ думалъ.

Вслѣдствіе того, что былъ у нихъ предметъ, который они обходили въ разговорѣ, и происходили тѣ странныя отношенія, которыя установились между ними.

Искренности полной и чистосердечной никогда и прежде не бывало между княземъ и его дочерью, но теперь выраженіе этой искренности еще болѣе уменьшилось.

Съ другой стороны, однако, прибавилось, съ выздоровленіемъ Ольги, спокойствія князю. Спокойствіе это заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что всѣ исканія Ольгиной руки, словно по волшебству, прекратились, ихъ какъ рукой сняло.

Такъ прожилъ князь послѣдніе года съ дочерью въ деревнѣ. Она почти никого не видала, и единственнымъ утѣшеніемъ для нея оставались поѣздки въ монастырь, которыя она и прежде любила.

Несмотря, однако, на свое уединеніе, Ольга не жаловалась на скуку и довольно равнодушно подчинялась ей. Когда отецъ сказалъ, что они ѣдутъ въ Петербургъ, она приняла это извѣстіе безъ радости, но и безъ сожалѣнія къ деревнѣ, которую должна была оставить.

Князь Андрей Николаевичъ, напротивъ, увозилъ ее въ Петербургъ съ собою, не безъ тайнаго намѣренія подыскать ей въ столицѣ блестящую партію.

Теперь, послѣ представленія государю, рушились однако всѣ надежды князя.

Остановившись въ дверяхъ, старый князь взглянулъ, изъ-подъ своихъ нависшихъ бровей, прямо въ упоръ на Ольгу, и все теперь не понравилось ему въ ней: и новый петербургскій нарядъ, сдѣланный у лучшей портнихи, которымъ онъ любовался еще вчера, и красивое, напоминавшее покойную княгиню, лицо ея, и, вообще, весь ея видъ, смиренно-прѣстый, но полный достоинства.

— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ.

— Мать Серафима пріѣхала изъ нашего монастыря, отвѣтила Ольга.

Князь дернулъ плечомъ.

— Какая мать Серафима?

— Изъ нашего монастыря. Она, по порученію обители, явилась сюда хлопотать о монастырскихъ земляхъ,—ихъ, говорятъ, у нихъ отнимаютъ...

— Ну такъ что-жъ, мнѣ-то какая печаль?

Князю теперь было рѣшительно все равно, хоть что угодно отнимай, и у кого угодно.

— Она теперь у меня сидитъ. Она пріѣхала прямо къ намъ и проситъ позволенія у насъ остановиться... Я уже распорядилась, но все-таки пришла спросить твоего разрѣшенія...

Князь быстро вскинулъ на нее глаза, и Ольга видѣла, какъ кровь хлынула ему въ голову, и какъ почти пурпурная краснота стала разливаться у него отъ затылка.

— Я уже распорядилась! крикливымъ голосомъ передразнилъ князь дочь, хватаясь обѣими руками за грудь.

Онъ, съ самаго своего пріѣзда изъ дворца, искалъ повода какого-нибудь, чисто внѣшняго предлога, чтобы вылить свое сердце, и точно обрадовался первому понашедшемуся, и спѣшилъ разсердиться.

— Распорядилась! повторилъ онъ.—Ну, если вы, государыня моя, знаете лучше меня, что дѣлать, и распоряжаетесь, а ко мнѣ приходите для формы одной, ну, такъ и дѣлайте, какъ знаете, но только вотъ вамъ,

на этот раз, доказательство, что всегда вы своим умом напутаете.. вы распорядились, а мать Серафима вапа въ пустомъ домѣ сидѣть тутъ будетъ...

— Какъ въ пустомъ домѣ? удивилась Ольга, ничего не понимая.

— А такъ, что завтра мы уѣзжаемъ опять въ деревню—намъ здѣсь больше дѣлать нечего... понимаете! снова возвысилъ голосъ князь.—Намъ здѣсь дѣлать нечего...

Подобная вспышка гнѣва, которая охватила теперь князя, не повторялась съ нимъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ, взбѣшенный, приходилъ въ Проскуровъ на половину дочери, въ день, когда узналъ о ея любви къ Артемію.

Но у Ольги, вмѣстѣ съ самымъ чувствомъ, исчезло и воспоминаніе всего, что могло такъ или иначе относиться къ нему.

Теперь она глядѣла на отца, и что-то непонятное происходило въ пей. Она нерѣдко замѣчала въ себѣ это. Ей не то что казалось, что все это было когда-то, но вмѣстѣ съ тѣмъ она сознавала, что отецъ кричалъ на нее и совершенно вотъ такъ-же, какъ теперь, совсѣмъ такъ-же даже. Это чувство было мучительно, но отдѣлаться отъ него было нельзя. Словно въ настоящемъ оказывалось помимо воли Ольги какое-то прошедшее, но, что именно—она не могла уловить.

Теперь она видѣла, что не даромъ предупреждалъ ее Иванъ Пахомычъ.

Она стояла, втянувъ голову въ плечи, словно грозилъ ей чисто-физическій ударъ.

Старый князь въ своемъ бѣшенствѣ, видимо, ничего не сознавалъ.

Онъ тяжело перевелъ дыханіе, и новые потоки обидныхъ словъ готовы были вырваться у него, но дверь отворилась, и появившійся на порогѣ Иванъ Пахомычъ, съ лицомъ, которое бываетъ у людей, когда они рѣшаются броситься въ холодную воду—громко, гораздо громче обыкновеннаго, доложилъ:

— Докторъ Шеннингъ...

При другихъ условіяхъ онъ ни за что бы не рѣшился войти съ докладомъ къ князю во время его гнѣвнаго припадка, зная, что за это можетъ грозить такое наказаніе, которое можно было лишь придумать своему правному господину для своего крѣпостнаго, но теперь, помня болѣзнь княжны послѣ подобной-же исторіи, онъ, не колеблясь, пожертвовалъ собою, чтобы спасти ее и перевести грозу на себя.

— Какой тамъ докторъ... началъ, было, князь, обернувшись къ дворецкому, какъ тотъ и ожидалъ этого, но не договорилъ и, взявшись снова за грудь, закрылъ глаза.

Иванъ Пахомычъ сдѣлалъ рукою знакъ Ольгѣ, чтобы она воспользовалась удобной минутой и ушла.

Не подвернись тутъ лакей съ лѣстницы, приближавшій сказать, что тамъ докторъ Шеннингъ проситъ доложить о немъ, Иванъ Пахомычъ вошелъ-бы съ чѣмъ-нибудь другимъ, но то обстоятельство, что доложилъ онъ именно о докторѣ, спасло его.

Князь остановился. И вдругъ, при имени доктора Шеннинга, передъ нимъ ясно пронеслось все происшедшее въ Проскуровѣ, когда являлся туда этотъ человѣкъ.

Вспомнилъ онъ тотъ припадокъ гнѣва свой, вспомнилъ, какъ заболѣла дочь, и, главное, вспомнилъ, что она опять теперь передъ нимъ, и что снова онъ рискуетъ ея здоровьемъ!

И словно варомъ обдало стараго князя.

Да что, въ самомъ дѣлѣ, врагъ онъ своей Ольгѣ, палачъ ея, что-ли?..

Ну, тогда она была виновата еще, но за что-же теперь кричитъ онъ на нее?..

И вдругъ онъ отнялъ руки, открылъ глаза и совсѣмъ инымъ, новымъ и свѣжимъ голосомъ, приказалъ:

— Просить!—ты прими его, сказалъ онъ Ольгѣ,—это тотъ докторъ....

Но, не докончивъ фразы, онъ повернулся и пошелъ къ себѣ.

Иванъ Пахомычъ съ удивленіемъ поглядѣлъ ему вслѣдъ, потомъ глянулъ на образъ и перекрестился.

— Такъ прикажете просить, ваше сіятельство? спросилъ онъ у Ольги...

— Да, батюшкѣ угодно, чтобы я приняла... отвѣтила она и прошла въ гостиную.

— Вы узнаете меня, княжна? спросилъ Сень-Жермень, входя и здороваясь съ Ольгой.

Ольга не могла не узнать его. Лицо его нисколько не измѣнилось. На немъ былъ совершенно такой-же коричневый кафтанъ, такіе-же черные чулки и башмаки грубой работы, какіе видала Ольга, когда онъ являлся къ нимъ въ Проскурово. Она ясно помнила доктора, но какъ, при какихъ условіяхъ и почему онъ былъ у нихъ въ деревнѣ—этого она рѣшительно не могла возстановить въ своей памяти...

Вѣроятно, усиліе, съ которымъ она старалась это сдѣлать, было замѣтно, потому что докторъ поспѣшилъ загворить съ нею.

Онъ подробно сталъ спрашивать ее о здоровьи, не чувствуетъ-ли она по временамъ слабости, головныхъ болей или головокруженія... Ольга отвѣчала, что особенно—нѣтъ, но по временамъ бываетъ съ ней нѣчто странное, безпокойство какое-то, иногда безпричинное, а иногда изъ-за какого-нибудь пустика...

Докторъ слушалъ очень внимательно и серьезно.

Этотъ подробный разспросъ его тянулся очень долго. Очевидно, онъ интересовался состояніемъ здоровья Ольги. Нѣсколько разъ въ глазахъ его мелькнула даже тѣнь безпокойства... Но для Ольги ихъ затянувшаяся бесѣда вовсе не казалась длиною. Напротивъ, она съ большимъ удовольствіемъ отвѣчала этому человѣку, который, несмотря на то, что былъ совсѣмъ ей чужой, говорилъ съ нею съ такою ласкою, теплою и участіемъ, какъ будто она была ему близкою. Онъ говорилъ съ ней и любовался, потому что ею нельзя было не любоваться—и это-то именно инстинктивно нравилось ей, хотя она и не сознавала того, что ей нравилось.

— Вы и сегодня какъ будто настроены? спросилъ, наконецъ, Сень-Жермень, внимательно въ нее вглядываясь.

Она затруднилась отвѣтомъ.

— Да,—я немножко встревожена... была передъ вашимъ приходомъ, все-таки отвѣтила она.

Докторъ глазами спросилъ объясненія причины тревоги.

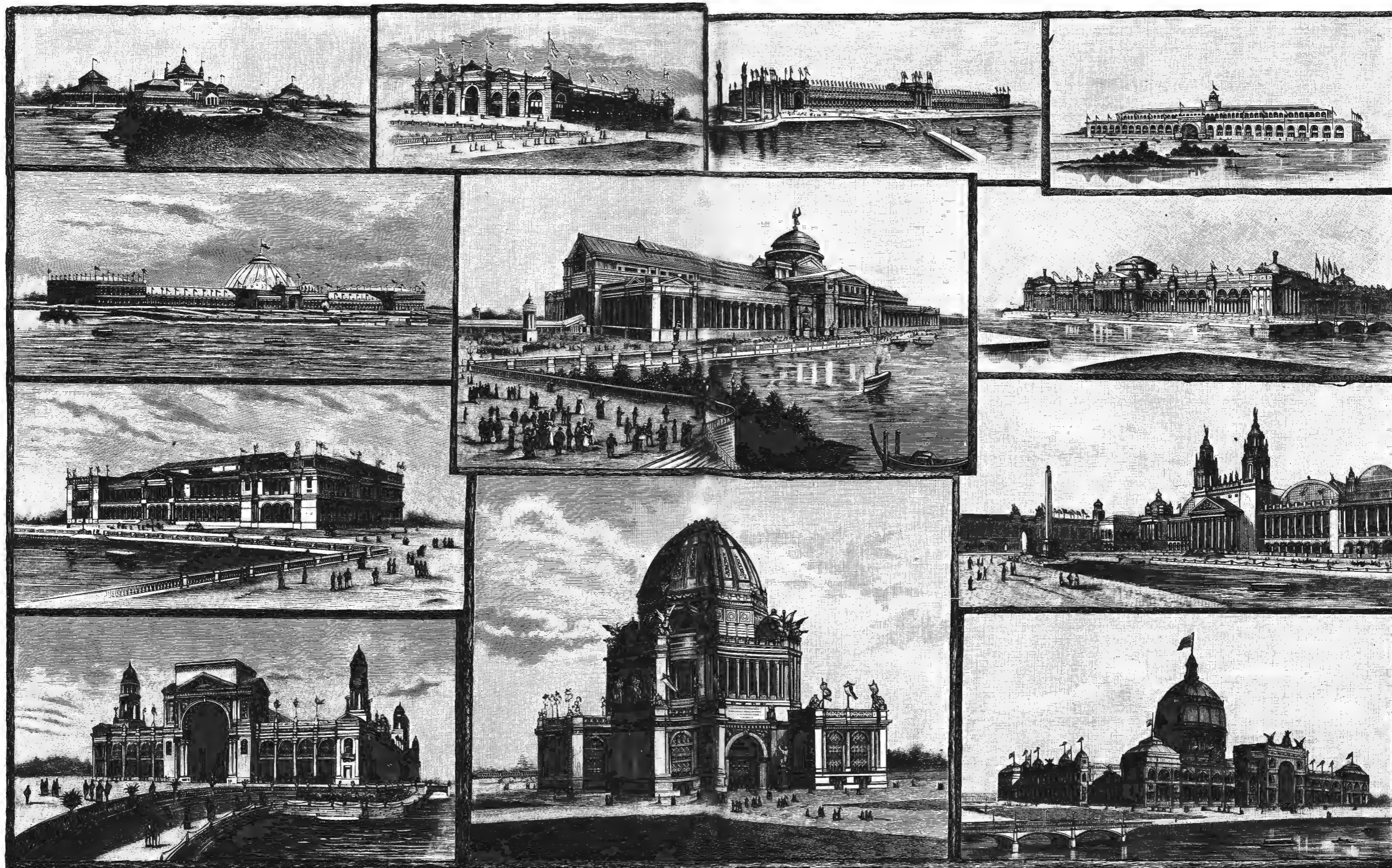
„Отчего однако не сказать? подумала Ольга.—Что-жъ, хуже отъ этого не будетъ“...

— Я была поставлена въ ужасно неловкое положеніе, пояснила она.—Возлѣ нашей утчины есть монастырь, и я туда, живя въ деревнѣ, часто ходила къ одной монахинѣ, матери Серафимѣ.—Когда мы собирались въ Петербургъ, то я знала, что ей нужно будетъ тоже пріѣхать сюда (ее монастырь посылалъ)—и пригласила ее нецеремѣнно остановиться у насъ... Сегодня она пріѣхала, а батюшка говоритъ, что мы вдругъ ѣдемъ, можетъ-быть, завтра обратно въ Проскурово. Я этого никакъ не могла подозрѣвать... Выходитъ ужасно неловко... я не знаю теперь, какъ вернуться къ себѣ на половину и какъ сказать... Мать Серафима рассказывала мнѣ, что давно бывала въ Петербургѣ, когда-то жила въ немъ (по всему видно, что она была въ лучшемъ обществѣ), но теперь у ней нѣтъ здѣсь такихъ близкихъ лицъ, у кого-бы она могла остановиться...

Сень-Жермень задумался.

— Хотите, княжна, проговорилъ онъ вдругъ,—я помогу вашему горю?

Ольга никакъ не ожидала этого.

Отдѣлъ рыболовства и рыбоводства.
 Отдѣлъ садоводства.
 Отдѣлъ женскаго труда.
 Отдѣлъ электротехники.

Горный отдѣлъ.

Отдѣлъ изящнаго искусства
 Зданіе администраціи выставки

Отдѣлъ промышленности.

Отдѣлъ перемѣщенія и транспортовъ.
 Отдѣлъ сельскаго хозяйства и земледѣлія.
 Машинный отдѣлъ.
 Отдѣлъ правительственныхъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ.

Колумбійская всемірная выставка въ Чикаго. Зданія выставки. Съ фот. грав. Рашевскій.

— Вот как! — вы, значит, хотите оказывать помощь не только здоровью ваших пациентов, но помогать имъ и въ дѣлахъ... улыбаясь, сказала Ольга, увѣренная, что докторъ шутить.

— Я говорю серьезно, княжна, — самъ я здѣсь проѣздомъ, — и, вѣроятно, завтра тоже уѣду, но у меня есть здѣсь пріятель — пьемонтецъ одинъ, Одаръ, — онъ служитъ управляющимъ въ имѣннн, небольшой мызѣ, государыни... Ея величество, насколько мнѣ извѣстно, весьма набожна и принимаетъ близко къ сердцу дѣла, касающіяся церкви... Можно попросить Одара, онъ человѣкъ почтенный и не только устроитъ здѣсь вашу гостю, но можетъ даже быть полезенъ ей въ дѣлахъ, если она пріѣхала сюда отъ монастыря...

Ольга протянула доктору руку.

— Благодарю васъ... и передамъ... да, она будетъ очень благодарна... но только съ какой стати вы сдѣлаете ей это одолженіе?...

— Я сдѣлаю его вамъ, княжна, по праву званія вашего доктора, а, вы знаете, доктора — это до нѣкоторой степени — домашнія животныя...

— Такія, какъ вы, поправила Ольга, — служить друзьями... такъ я буду вамъ очень благодарна... и мать Сефама тоже.

— Не забудьте только, княжна, съ разстановкой произнесъ Сенъ-Жерменъ, — сказать ей, что докторъ Шеннингъ рекомендуетъ ей господина Одара.

Х.

Списокъ.

Послѣ посѣщенія графа на мызѣ, Артемій всецѣло предался одному желанію, одному стремленію — способствовать, по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, благополучному окончанію задуманнаго „дѣйства“. — Онъ ждалъ въ себѣ, сильно сироталъ всѣ остальные чувства и желанія. Запретилъ себѣ думать пока объ Ольгѣ, именно только „пока“, потому что зналъ, что близится то время, когда придутъ въ исполненіе лелѣянные столько лѣтъ мечты. Почему-то онъ былъ увѣренъ, что все устроится, что все будетъ хорошо, лишь-бы имъ окончить начатое дѣло. Ольга не могла въ дѣйствительности разлюбить его. Чтò съ нею было тогда — онъ не зналъ, но можно было предположить, что это произошло отъ болѣзни ея, безпокойства. Но главное — она была не замужемъ, и Артемій нашелъ цѣлую вереницу вполне послѣдовательныхъ доводовъ, чтобы успокоиться.

И онъ успокоился и запретилъ себѣ думать объ Ольгѣ.

Его тянуло однако проѣхать хоть одинъ еще разъ мимо дома, гдѣ жила она, чтобы попытать счастья, не увидитъ-ли онъ ее опять.

„Одинъ разъ — не бѣда,“ рѣшилъ онъ и все-таки поѣхалъ.

И чуть было не пришлось ему раскаяться въ этомъ, чуть было онъ не надѣлалъ глупостей. На бѣду его, прямо передъ нимъ подъѣхала къ дому князя Проскурова изящная карета. Карета была безъ гусаръ и гайдуковъ — очевидно, это была не княжна, а кто-нибудь изъ мужичинъ.

И сердце снова забилося у Артемія, — кто могъ пріѣзжать такъ къ князю Андрею Николаевичу — ужъ не какой-ли нибудь молодой человѣкъ, искатель руки Ольги, счастливый соперникъ его, Артемія.

Карета остановилась, и изъ нея вышелъ графъ Сенъ-Жерменъ.

Это было какъ разъ въ тотъ день, когда графъ, подъ именемъ доктора Шеннинга, пріѣхалъ къ Проскуровымъ и засталъ разыгравшуюся между отцомъ и дочерью сцену.

Артемію, сейчасъ же узнавшему графа, стало стыдно за свою тревогу.

И чего было волноваться ему. Развѣ и помимо графа не могъ пріѣхать къ старому князю кто-нибудь по дѣлу

или, вообще, какъ знакомый, вовсе не имѣя никакихъ видовъ на княжну. А тутъ являлся графъ, человѣкъ далекий, какъ казалось Артемію, отъ всякихъ подозрѣній.

И ему стало такъ стыдно, что онъ имѣлъ слабость не выдержать характера и ѣхать подъ окна Ольги, что онъ быстро повернулъ лошадь и, какъ отъ погони, поскакалъ прочь, чтобы не встрѣтиться съ графомъ, который сейчасъ же пойметъ, въ чемъ дѣло.

Но зачѣмъ графу было пріѣзжать къ Проскуровымъ и притомъ не подъ видомъ Одара, а такимъ, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и какимъ Артемій зналъ его въ Кенигсбергѣ?

Вопросъ этотъ мелькнулъ въ умѣ Артемія, но онъ сейчасъ же заглушилъ его. За три года своего знакомства съ Сенъ-Жерменомъ, онъ долженъ былъ привыкнуть къ дѣйствіямъ этого человѣка, иногда казавшимся на первый взглядъ страннымъ, но всегда имѣвшимъ строго разсчитанную причину и, вполнѣдствіи, объяснявшимся рѣдкимъ предвидѣніемъ и расчетомъ графа.

Съ графомъ Сенъ-Жерменомъ нельзя было ничему удивляться: разъ онъ дѣлалъ что нибудь — значитъ, такъ было нужно, и Артемій давно уже убѣдился въ этомъ.

И онъ постарался уничтожить въ себѣ свои сомнѣнія, постарался отогнать отъ себя даже пришедшую тоже въ его голову мысль: а что если графъ навѣщаетъ домъ Проскурова, работая въ его, Артемія, пользу!..

„Все будетъ, все будетъ хорошо! повторилъ себѣ Артемій, — лишь-бы устроилось наше главное, общее дѣло, а тогда и всѣ личныя дѣла придутъ къ желанному окончанію...“

И съ этихъ поръ онъ уже не безпокоился о себѣ, стараясь думать и безпокоиться только объ „общемъ ихъ дѣлѣ“.

Во время совѣщанія на мызѣ было положено, что Григорій Орловъ составитъ окончательный списокъ военныхъ, готовыхъ принять участіе въ этомъ ихъ дѣлѣ. Нужно было подвести итогъ, на кого имѣли они возможность разсчитывать, если-бы вдругъ понадобилось дѣйствовать спѣшно и неожиданно.

Предполагалось, собственно, воспользоваться отъѣздомъ Петра въ дѣйствующую армію для войны съ Даніей, которую онъ затѣвалъ изъ-за Голштиніи и въ которой лично желалъ предводительствовать войсками, „чтобы, какъ писалъ онъ Фридриху II, покрыть себя передъ коронаціей славой военныхъ подвиговъ“.

Изъ-за такого, не совсѣмъ скромнаго предположенія, Россія, и безъ того уже отягощенная пятилѣтнею борьбою съ пруссаками — борьбою, не принесшею вслѣдствіе заключеннаго мира никакихъ, кромѣ стыда, результатовъ, — должна была вступать въ новую борьбу.

Объ отправленіи въ армію Петра говорили уже, какъ о событіи рѣшенномъ, и имъ-то и хотѣли воспользоваться друзья Екатерины. Но она находилась сама въ такомъ положеніи, что не могла ручаться за завтрашній день. Каждая минута грозила ей заточеніемъ въ монастырь, и нужно было быть готовыми, слѣдовательно, каждую минуту.

Орловъ пользовался въ городѣ репутаціей кутилы и человѣка, любившаго пожить на широкую ногу, но не способнаго на что-нибудь серьезное... Отъ него и отъ его компаніи менѣе всего можно было ожидать какихъ либо „дѣйствъ“, но въ этомъ-то и заключалась самая суть, т. е., что ударъ готовился оттуда, откуда его совсѣмъ не ждали.

Добродушный, хлѣбосольный, веселый, Орловъ подерживалъ эту репутацію и, подъ видомъ кутежа и пирушки, вербовалъ сторонниковъ государыни.

Вся гвардія знала и любила его. Это былъ лихой офицеръ, обладавшій буквально геркулесовскою силой, всегда веселый, по виду безпечный; съ нимъ было пріятно проводить время, и всѣ охотно шли къ нему.

Для того, чтобы составить свой списокъ, чтобы испытать, такъ сказать, тѣхъ изъ офицеровъ, на которыхъ онъ могъ разсчитывать,—Орловъ прибѣгъ къ давно испытанному средству, т. е. устроилъ у себя товарищеское, офицерское „пьяное сидѣніе“, какъ это называлось въ то время.

Собралось, разумѣется, много народу, все военные, молодые люди, офицеры. И Орловъ съ ближайшими помощниками своими, между которыми былъ и Артемій,— усердно пилъ самъ, но заставлялъ пить и другихъ, подливая имъ вина и слѣдя между тѣмъ за ходомъ общаго разговора.

Говорили, разумѣется, о военныхъ, всѣмъ одинаково близкихъ, дѣлахъ, которыя шли теперь такъ, что кроме недовольства ничего не могли вызвать.

Орловъ все время внимательно прислушивался къ выраженію этого недовольства, стараясь подбодрить его и наблюдая за тѣмъ, кто и что говоритъ, и можно-ли положиться на каждаго изъ собравшихся у него гостей.

Всѣ они, возбужденные виномъ и горячимъ разговоромъ, казалось, высказывались совершенно искренно, и съ удовольствіемъ можно было видѣть, что нѣтъ тутъ людей колеблющихся, но, напротивъ, готовы они хоть въ огонь и въ воду идти за императрицу.

А тутъ собрались представители отъ всѣхъ полковъ, отъ всѣхъ родовъ оружія — почти вся гвардія была, значить, на сторонѣ Екатерины...

Говорили объ уничтоженіи старой елизаветинской лейбъ-компаніи, — одномъ изъ первыхъ распоряженій новаго царствованія. Само по себѣ уничтоженіе этой „гвардіи въ гвардіи“ не могло вызвать еще неудовольствія, если-бы на ея мѣсто не была заведена новая голштинская, иностранная гвардія, явно отличаемая отъ русской, къ которой относились съ пренебреженіемъ. Говорили о томъ, что русскими офицерами и заслуженными генералами самовольно распоряжался иностранный принцъ Георгъ, не отличившійся еще никакими заслугами; повторяли слухъ о томъ, что и вовсе уничтожатъ русскую гвардію, распредѣливъ ее по армейскимъ войскамъ. Говорили про ненужную перемѣну формы, про частыя ученія и шагистику по прусскому образцу. Говорили объ унизительной, непопулярной приверженности Петра ко всему прусскому, а въ особенности, къ королю Фридриху, портретъ котораго постоянно Петръ носилъ при себѣ въ перстнѣ.

— Да, вѣдь, это поклоненіе, кричалъ одинъ, — передъ вчерашнимъ нашимъ врагомъ — доходить до фетишизма какого-то, это фетишизмъ — положительно...

— Помилуйте, подхватывалъ другой, — *онъ* (такъ называли, обыкновенно, въ обществѣ Орлова Петра III), онъ съ прелекою радостію хвастался передъ гетманомъ Разумовскимъ, что произвелъ Фридрихомъ въ генералъ-майоры прусской службы!... каково это, а?..

— Ну, что-жъ гетманъ?

— Да что, вы знаете гетмана — за словомъ въ карманъ не полѣзеть, — онъ ему и отвѣтилъ, что вы, дескать, ваше величество, можете *отомстить* съ лихвою королю Прусскому: — произведите его въ русскіе фельд-маршалы!

И много подобныхъ разсказовъ было передано у Орлова.

Гости засидѣлись до поздняго часу. Наконецъ, проводивъ послѣдняго гостя, совершенно пьяный Орловъ, какимъ онъ казался въ концѣ вечера, вдругъ отрезвѣлъ, поправилъ свои растрепанные курчавые волосы, провелъ рукою по лицу, и пьяные блуждающіе глаза его засвѣтились обычнымъ имъ выраженіемъ ума, доброты и ласковой мягкости.

Онъ отлично умѣлъ, когда нужно, казаться пьянымъ, но, на самомъ дѣлѣ, никогда не терялъ головы отъ вина.

Онъ вернулся изъ прихожей въ опустѣвшую комнату, гдѣ у стола, заставленнаго посудой, пустыми флягами

и бутылками, сидѣлъ Артемій, котораго Орловъ просилъ остаться.

Артемій въ теченіе всего вечера дѣлалъ видъ только, что пьетъ, но почти совсѣмъ не пилъ.

— Уфъ, душно! проговорилъ Орловъ, вздохнувъ съ облегченіемъ, — онъ подошелъ и поднялъ окно...

Ранняя, лѣтняя петербургская заря уже забрезжилась на востокѣ, и синеватый свѣтъ ея былъ настолько уже силенъ, что передъ нимъ теряло свою яркость по-краснѣвшее пламя догорѣвшихъ и оплывшихъ свѣчей, — двойная тѣнь легла отъ всѣхъ предметовъ.

Орловъ потушилъ свѣчи.

— И безъ нихъ будетъ видно, сказалъ онъ опять. — Ну, теперь къ дѣлу... Достань, братъ, у меня тамъ бумагу и чернила — нужно записать сегодня-же.

Артемій, съ видомъ своего, близкаго у Орлова чело-вѣка, прошелъ къ нему въ спальню, досталъ письменный приборъ и, отодвинувъ съ угла стола рюмки и стаканы, расположился на немъ, чтобы писать.

— Завтра утромъ — мнѣ некогда будетъ, снова заговорилъ Орловъ, — такъ ужъ тебѣ придется отвезти этотъ списокъ къ графу на мызу... ты свободенъ?

— Да мнѣ что-жъ дѣлать, отвѣчалъ Артемій, — конечно, свободенъ... ну, говори, что писать?

— Сначала, Преображенскій — пиши: Бредихинъ, капитанъ - поручикъ, — Баскаковъ, Протасовъ, Черковъ... Ступишинъ, кажется, всѣ...

— А Дубянский, Захаръ... сказалъ Артемій.

— Да, пиши Дубянскаго... Теперь Измайловскій... Рославлевы два брата, Всеволожскіе, Голицынъ...

— Князь?

— Ну, да, Петька Голицынъ, Петръ Алексѣевичъ, Похвистневъ, Вырубовъ... Кто еще?..

Орловъ сталъ припоминать.

Артемій, облокотясь на руку, съ перомъ въ рукахъ, задумался...

— Кажется, всѣ, продолжалъ Орловъ, — пиши теперь конную гвардію... Что-жъ ты заснул? сиропилъ вдругъ онъ, видя, что Артемій не двигается.

— Нѣтъ, знаешь... отвѣтилъ тотъ, — этотъ арапъ у меня изъ головы не выходитъ.

— Какой арапъ?

— Развѣ ты не слышалъ: сегодня Несвицкій разсказывалъ...

— Ахъ, вотъ Несвицкаго забыли — запиши его... Да, такъ что-жъ онъ разсказывалъ, я выходилъ, должно быть, — не слышалъ.

— У Петра арапъ есть, Нарцисъ...

— Знаю... процѣдилъ сквозь зубы Орловъ.

— Ну, и этотъ Нарцисъ напился пьянъ и подрался съ палачомъ на улицѣ — такъ это, видишь-ли, сочли безчестіемъ для пьянаго арапа и захотѣли его реабилитировать... Въ сѣни принесли знамена и покрыли ими арапа... Понимаешь, — полковья знамена — вѣдь, это ужасъ!..

— Быть не можетъ? проговорилъ Орловъ, военное сердце котораго забилось при разсказѣ о такомъ оскорбленіи полковой святыни.

— Все это у Загряжскихъ въ сѣняхъ происходило, и самъ Петръ тутъ былъ.

— Ну, нечего сказать... э... да что, тутъ все равно ничего не подѣлаешь — пиши дальше.

И Артемій, съ стиснутыми отъ новаго прилива злобы губами, наклонился опять надъ бумагой. Перо его вновь заскрипѣло.

Орловъ сталъ припоминать дальнѣйшихъ сторонниковъ императрицы, и чѣмъ больше припоминали они съ Артеміемъ, тѣмъ больше росъ ихъ списокъ, становившійся очень внушительнымъ по своимъ размѣрамъ.

Звонили уже къ ранней обѣдѣ, когда, наконецъ, ушелъ Артемій отъ Орлова съ готовымъ спискомъ въ карманѣ, чтобы на другой день отвезти его къ графу на мызу.

XI.

Двѣ встрѣчи.

На другой день Артемій, почти не спавший всю ночь, велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и поѣхалъ на мызу.

Чтобы не обращать на себя лишняго вниманія, онъ старался держаться не большихъ улицъ, а задворковъ.

Онъ пересѣкъ Невскую перспективу и свернулъ не прямо по Фонтанной, а нѣсколько дальше, позади садовъ, примыкавшихъ къ барскимъ домамъ, выходявшимъ фасадомъ на набережную Фонтанной.

Здѣсь, справа отъ него, потянулись пустынные заборы этихъ садовъ; прохожіе попадались рѣдко, а проѣзжихъ совсѣмъ не бывало...

„Вотъ, должно быть, садъ князя Проскурова“, подумалъ онъ, глядя на деревянную, съ каменными столбами, рѣшетку, окопанную свѣжей канавой.

Утро было такое чудное, ясное; зелень, еще не успѣвшая потемнѣть и покрыться лѣтнею пылью, дышала полною жизнью и свѣжестью; городъ съ его каменными и деревянными, тѣснившимися другъ къ другу, домами остался далеко позади.

Что-то давно знакомое, милое, деревенское схватило за сердце Артемія... Онъ невольно пустил свою лошадь шагомъ... „Что это?“ остановился вдругъ Артемій, невольно обернувшись въ сторону рѣшетки—тамъ стоялъ кто-то въ бѣломъ платьѣ,—и Артемій сейчасъ же узналъ, кто былъ этотъ кто-то...

Ольга стояла, опершись руками на рѣшетку, и, положивъ на нихъ подбородокъ, смотрѣла прямо на него. Глаза ихъ встрѣтились. Артемій видѣлъ, что она узнала его...

Ихъ отдѣляла только одна не широкая канава, часть дороги и рѣшетка.

Артемій видѣлъ, что она узнала его, и что ему было дѣлать. Онъ снялъ шляпу и поклонился...

Она, весело улыбувшись, отвѣтила ему, наклонивъ голову.

— А я васъ узнала сейчасъ... проговорила она своимъ звонкимъ, милымъ голосомъ,—голосомъ, котораго Артемій не слышалъ столько лѣтъ,—я помню васъ по Проскурову, добавила она, видимо, обрадовавшись Артемию, какъ старому знакомому, но только, какъ знакомому—не больше...

„Забыла—все забыла!“ пронеслось въ головѣ Артемія—и, несмотря на то, что онъ чувствовалъ, что не слѣдуетъ этого дѣлать, онъ притянулъ къ себѣ поводья и остановилъ окончательно лошадь.

— А вы... проговорилъ онъ, въ свою очередь, не узнавая звука своего голоса,—хотя вы и очень *измѣнились*, но я тоже узналъ васъ сію минуту.

Онъ нарочно подчеркнулъ слово *измѣнились*, слѣдя, какое это произведетъ дѣйствіе на Ольгу; но она словно и не замѣтила этого...

— Неужели я перемѣнилась?—говорятъ, напротивъ... а вы уже офицеръ, и мундиръ къ вамъ очень идетъ... вы давно въ Петербургѣ?..

— Нѣтъ, недавно, а вы?

— Мы тоже недавно—почти только что пріѣхали, и теперь вдругъ, нѣсколько дней тому назадъ, батюшка велѣлъ снова укладываться... и мы опять собираемся въ деревню...

— Какъ,—только-что пріѣхали и опять назадъ?

— Такъ угодно батюшкѣ...

— Когда-же вы ѣдете?..

— Не знаю, на-дняхъ—можетъ быть, завтра, можетъ, послѣзавтра...

„Боже!—какъ это глупо“, думалъ между тѣмъ Артемій, чувствуя, что они ведутъ какой-то нелѣпый, нескладный разговоръ, когда они послѣ долгихъ, послѣ столькихъ долгихъ лѣтъ разлуки оная наединѣ, и когда ему такъ много, много хочется сказать ей!..

Но онъ не могъ сказать ей такъ сразу всего, что

ему хотѣлось, и что поглощало все его мысли теперь, а думать о другомъ онъ тоже не могъ и потому говорилъ, что на языкъ приходило.

— А вамъ *понравился* Петербургъ? спросилъ онъ.

Слова его однако спрашивали: „Вамъ понравился Петербургъ?“ а выраженіе ихъ говорило:—„а у васъ нѣтъ здѣсь никого, у васъ здѣсь нѣтъ ничего, что бы притягивало васъ къ Петербургу, или, напротивъ, манило назадъ въ деревню?“

— Нѣтъ, не понравилось мнѣ здѣсь, отвѣтила Ольга совсѣмъ просто,—въ этомъ городѣ душно какъ-то... ужасно душно... Я вотъ люблю сюда къ задней рѣшеткѣ сада приходиться—тутъ больше на деревню похоже... нѣтъ, я люблю деревню больше города...

— А у васъ этотъ садъ большой?

— Да, но все-таки меньше Проскуровскаго, зато онъ почти весь тутъ цвѣтами усаженъ...

„Нѣтъ, не могу я дольше говорить такъ!“ рѣшилъ Артемій и, несмотря на это рѣшеніе свое, все-таки не сказалъ прямо, что думалъ, а спросилъ:

— Розаны... розаны есть здѣсь у князя?..

На высокомъ, красиво округленномъ лбу Ольги между бровей появилась складка, которая служить у человѣка признакомъ извѣстнаго напряженія и усилія, когда онъ съ трудомъ вспоминаетъ что-нибудь, хочет и не можетъ припомнить...

Она помнила Артемию по Проскурову, какъ сказала она ему, но, помимо этого, она еще чувствовала, что должна была помнить еще что-то, но, что именно—она не знала и не могла дать въ томъ себѣ полного отчета.

Теперь, при звукѣ его голоса и, въ особенности, когда онъ сказалъ о розахъ—въ головѣ у ней, словно молнія, мелькнуло какое-то неясное, болѣзненное воспоминаніе; но это было именно болѣзненное, страшно тяжелое ощущеніе, которое исчезло, промелькнувъ, и снова она ничего не знала и не могла ничего вызвать изъ прошедшаго, кромѣ того, что такъ помнила.

— Да, какъ въ Проскуровѣ... отвѣтила она опять съ прежнею простотою на вопросъ Артемія о розахъ.

Онъ взглянулъ на нее такъ, что казалось: жизнь его зависитъ отъ того, какъ она посмотритъ на него теперь; но она смотрѣла невинными и ясными глазами прямо ему въ лицо, и глаза эти ничего не выражали особеннаго.

Что-жъ это было?—насмѣшка, рѣзкій и подчеркнутый-опредѣленный намекъ на то, что преждее все забыто, что окончательно оно вычеркнуто изъ памяти, но тогда было проще сразу уйти и не отвѣчать на поклонъ и не разговаривать...

За что-же такъ безжалостно мучить и казнить человѣка?..

„А если такъ, подумалъ Артемій,—то, что-жъ теперь дѣлать?—Уйти, скорѣе уйти... иначе съ ума сойти можно, если хоть мигъ, хоть секунду продолжится эта пытка!..“

И, какъ утопающій инстинктивно ловить воду руками, сжимая ихъ, чтобы спастись, онъ невольно, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ—толкнулъ лошадь шпорами. Она двинулась впередъ. Артемій, не ожидавшій этого движенія, качнулся на сѣдлѣ и, чтобъ не свалилась его треугольная шляпа, схватился за нее рукою. Разъ она была у него въ рукѣ, онъ поднялъ ее для поклона...

— До свиданья!.. сказалъ ему голосъ Ольги.

Онъ крѣпче всадилъ свои шпоры и, справившись съ затоптавшеюся лошадью, поѣхалъ вскачь впередъ по поросшей травой дорогѣ, чувствуя, что глаза Ольги смотрятъ ему вслѣдъ.

Лошадь, не чувствуя дальнѣйшихъ поужденій, скоро перешла изъ размашистаго галопу въ рысь и потомъ въ шагъ. Артемій не замѣтилъ этого.

Опомнился онъ только у городской рогатки, и то по-

XXI передвижная выставка. „Дети“. Съ карт. И. Л. Горехова (исключ. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

тому, что солнце начало его сильно грѣть, и онъ, замѣтивъ, какъ высоко успѣло подняться оно—сообразилъ, что потерялъ слишкомъ много времени и что опоздаетъ на мызу, гдѣ можетъ не застать уже графа.

Все только-что случившееся было у него какъ во снѣ, словно онъ былъ теперь не наяву, а въ грезѣ; по страху не исполнить во-время порученія—отрезвилъ его.

Времени оставалось слишкомъ мало, чтобы принять обыкновенную предосторожность, соблюдавшуюся при поѣздкахъ на мызу, т. е. взять направленіе не по прямой дорогѣ, гдѣ могутъ быть неудобныя встрѣчи, а ѣхать окольнымъ путемъ. Артемій рѣшилъ ѣхать прямо по дорогѣ, и погналъ лошадь во всю скачь...

Полпути онъ не давалъ ей вздохнуть. Она стала

ослабѣвать. Артемій почувствовалъ, что не рассчиталъ ея силы и не соразмѣрилъ ихъ съ разстояніемъ.

Нужно было во что бы то ни стало сдѣлать остановку.

Онъ зналъ, что тутъ близко долженъ быть ѣзжій дворъ, и рассчитывалъ на него.

У двора, когда подѣхалъ къ нему Артемій, стояла сломанная одноколка.

„А! подумалъ онъ,—тутъ есть проѣзжій кто-то—отлично. Я узнаю у него, можетъ быть, который теперь часъ...“

И онъ соскочилъ съ лошади, крикнувъ дворника...

Проѣзжій, у котораго намѣревался Артемій узнать, который часъ—былъ итальянецъ Торичіоли...

(Продолженіе будетъ).

Лѣченіе сплина.

(Шутка. Переводъ съ нѣмецкаго).

I.

Въ передней знаменитаго американскаго врача Бустера, свѣтила медицины, стояли два мавра въ нестрыхъ лифвахъ. Ихъ невозмутимыя лица были до того безжизненно спокойны, что, при первомъ взглядѣ на нихъ, брало сомнѣніе, живые это люди или искусно сдѣланные восковые манекены. Въ такомъ сомнѣніи былъ и вошедшій въ переднюю молодой человѣкъ. Къ нему живо подскочилъ изящный камердинеръ, истый маркизъ по манерамъ и элегантности, и помогъ ему снять пальто.

Когда пальто было снято, камердинеръ отдалъ его одному изъ мавровъ. Не успѣвъ онъ это сдѣлать, какъ другой мавръ уже держалъ наготовѣ приемный очередной номерокъ.

Пациентъ пренебрежительно взглянулъ на номерокъ и коротко замѣтилъ:

— Я не желаю ждать.

Камердинеръ только плечами повелъ.

— Серъ, возразилъ онъ,—самому даже президенту Соединенныхъ Штатовъ я и то могъ бы только вручить № 48.

Молодой янки вынулъ изъ кармана горсть долларовъ и подалъ ихъ камердинеру. Это произвело надлежащее дѣйствіе.

— А, такъ! воскликнулъ тотъ и въ одинъ мигъ спряталъ золотые.

Нетерпѣливый пациентъ чрезъ минуту очутился въ библиотечномъ залѣ доктора Бустера. Несмотря на доллары, его, все-таки, не ввели сразу къ самому доктору. Разъ пациентъ не ждетъ приема, онъ не можетъ питать довѣрія къ врачу. Бустеръ, знаменитый Бустеръ давно постигъ эту тайну. Понятно, догадливый камердинеръ пригласилъ этого важнаго пациента не въ большой приемный залъ, убранный съ изумительной роскошью и силою увѣшанный саженными, дорогими картинами, а ввелъ его именно въ высокій, немного мрачный даже, библиотечный залъ. Ученостью несло отъ каждаго уголка этой комнаты. Всѣ стѣны были уставлены массивными темными шкафами, изъ-за стеколъ которыхъ угрюмо глядѣли огромные латинскіе, ни разу не раскрывавшіеся, фолианты... Цѣлыя фалаги томовъ... Если бы не понадавшиеся мѣстами, въ промежуткахъ между шкафами, блестяшіе бѣлые скелеты людей и животныхъ, не на чемъ было бы отдохнуть глазу... На двухъ мраморныхъ столахъ были симметрично расположены остро-отточенные стальные инструменты въ прозрачныхъ стеклянныхъ футлярахъ и приводили въ невольный трепетъ своимъ холоднымъ безстрастнымъ блескомъ. Все это производило такое подавляющее впечатлѣніе, что невѣроятно повышало сумму вознагражденія за просвѣщенный совѣтъ доктора, имѣвшаго такую внушительную обстановку. Бустеръ былъ знаменитый врачъ и... отличный психологъ.

Пациентъ нашъ не обратилъ однако ни малѣйшаго вниманія ни на что и нетерпѣливо зашагалъ по комнатѣ.

Вдругъ тихо и беззвучно отворилась обитая коврами дверь изъ кабинета.

— Пожалуйста! произнесъ докторъ Бустеръ.

Пациентъ вошелъ и опустился въ глубокое, мягкое кресло, какъ разъ противъ доктора. Бустеръ сидѣлъ спиной къ окну, весь свѣтъ падалъ на краснощекое, здоровое, обрамленное густой бородой, лицо пациента. И пациентъ этотъ проговорилъ:

— Докторъ, исцѣлите меня, — я плачу вамъ десять тысячъ долларовъ гонорара.

Бустеръ сдѣлалъ легкое движеніе рукой, точно отмахиваясь отъ чего-то. Движеніемъ этимъ онъ какъ бы хотѣлъ сказать: „я готовъ помочь всякому, если онъ только богатъ или хотя бы состоятеленъ“, но можно было объяснить то-же движеніе и въ такомъ смыслѣ: „мнѣ случалось получать и большій гонораръ“... Онъ прислонился къ спинкѣ своего рѣзного кресла, полузакрывъ глаза и спросилъ:

— Чѣмъ вы страдаете?

— Ничѣмъ!

— Ого! Бустеръ пристально посмотрѣлъ на своего пациента.— „Что это—дуракъ или шутникъ?“ подумалъ онъ невольно.

Но тотъ спокойно выдержалъ его взглядъ, и Бустеръ понялъ, что пациентъ не дуракъ и не шутникъ.

— Объяснитесь, пожалуйста, опредѣлениѣ, произнесъ онъ уже болѣе мягко. — Только какъ можно короче.

— Буду кратко, докторъ. Я долженъ рассказать вамъ исторію моей жизни.

— Съ ума вы сошли?.. Меня ждутъ въ приемной сорокъ семь человѣкъ.

— Удѣлите мнѣ пять минутъ — каждая минута, слѣдовательно, принесетъ вамъ двѣ тысячи долларовъ.

Докторъ вынулъ свои часы.

— Ну, рассказывайте!

— Когда я родился, у моего отца было состояніе ровно въ миллионъ долларовъ. Онъ заработалъ его на подтяжкахъ.

— На подтяжкахъ...

— Да. Ново-изобрѣтенныя мои отцомъ подтяжки. Вамъ, вѣрно, извѣстны подтяжки Виндаллъ...

— Да я ихъ самъ ношу.

— Такъ вотъ я Джонъ Хвакукъ Виндаллъ — сынъ изобрѣтателя.

Докторъ спряталъ часы въ карманъ.

— Съ этимъ миллиономъ, продолжалъ Виндаллъ-сынъ, отправился мой отецъ въ Чикаго и занялся откармливаніемъ свиней. На этомъ дѣлѣ онъ заработалъ тридцать миллионъ долларовъ и умеръ. Я остался единственнымъ наследникомъ.

— Очень радъ... Теперь, будьте столь добры, о вашей болѣзни, мистеръ Виндаллъ.

— Виновать, позвольте. Мнѣ тридцать лѣтъ, я свободенъ, богатъ, здоровъ, какъ быкъ, физически, по крайней мѣрѣ. И все-таки жизнь мнѣ въ тягость, въ невыносимую тягость. Съ отвращеніемъ провожу я день за днемъ. Все мнѣ надоѣло. Я скажу, какъ двадцать два англійскихъ лорда взятые вмѣстѣ. Однимъ словомъ — силнѣ. Есть у васъ средство отъ этого — дайте мнѣ его. Если же нѣтъ, то отвѣчайте прямо, и это будетъ смертельнымъ мнѣ приговоромъ. Въ томъ и другомъ случаѣ вы получите ваши десять тысячъ долларовъ.

— Такъ-то, такъ, милый мой, но мнѣ нужно знать, что за средства употребляли вы раньше, до прихода ко мнѣ?

— Извольте. Все я испробовалъ: путешествія, самыя опасныя, самыя рискованныя, охота, игры, вино, удовольствія, развлечения.

— Вы сказали, что свободны. Всегда были вы свободны?

— Нѣтъ, одно время былъ я обрученъ съ чуднымъ, неземнымъ созданіемъ, миссъ Липланъ Слидъ, дочерью барона Слидъ. Она любила меня чистою, безкорыстной любовью, — она была на 7—8 миллионъ богаче меня... Она отказала даже молодому Вандербилту, искавшему ея руки. Меня она обожала. Я поклялся ей.

— Это почему?

— Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, какъ-то разъ, сидѣли мы въ ея паркѣ, стѣнахъ болѣе 3 миллионъ долларовъ. Сидѣли мы на каменной террасѣ передъ замкомъ... Былъ лѣтній вечеръ... Ахъ, впрочемъ, я ужъ говорилъ. Гдѣ-то, въ кустахъ, пѣлъ соловей... Воздухъ былъ свѣжъ и душистъ... Свѣтилъ мѣсяцъ — и мнѣ стало скучно, невразимо скучно съ ея любовью и съ ея миллиономъ. Я всталъ и заявилъ ей, что я держу большое пари, и завтра утромъ поэтому долженъ уѣхать немедленно въ Сибирь, въ Иркутскъ. Она меня поняла, — подала мнѣ съ нѣжнымъ вздохомъ свою бѣлую руку, которую я прижалъ на прощанье къ губамъ. И такъ я отправился въ Иркутскъ. Когда я вернулся, она еще была не замужемъ. Она и теперь еще не замужемъ, хотя и знаетъ, что на меня ей рассчитывать нечего. Для меня она слишкомъ красива, чрезвычайъ добродѣтельна и богата. Однимъ словомъ: слишкомъ совершенна. Нѣтъ ничего тягостнѣе совершенства.

— Совершенно вѣрно, мистеръ Виндалль. Но, вѣдь, существуютъ, кажется, женщины нѣсколько далекія отъ совершенства...

— Знаю. Этихъ опять-таки я ненавижу, еще больше ненавижу, чѣмъ совершенныхъ.

— Да, плохо дѣло, мистеръ Виндалль. Вы, понятно, пробовали заниматься и тяжелымъ физическимъ трудомъ.

— И это я дѣлалъ.

— Ну, да, это старое средство отъ силлина.

— И все это не помогаетъ, докторъ! Цѣлые мѣсяцы, въ бурю и непогоду, пасъ я самъ своихъ свиней. Одно время работалъ я въ англійскихъ каменноугольныхъ копяхъ. Кашлять сталь, а скуки, силлина не разогналъ. То, что всѣхъ радуетъ, меня не трогаетъ ничуть. Вы видите, такимъ образомъ, докторъ, у меня самая тяжелая форма силлина.

— Совершенно вѣрно, мистеръ Виндалль, совершенно вѣрно.

— Вотъ изъ-за этого же совершенства пришлось мнѣ и бѣдность познать.

— Ахъ, тоже старое средство... Ну, и, понятно, успѣха никакого?

— Ни малѣйшаго. Въ бытность свою въ Иркутскѣ, получилъ я извѣстie, что по несчастному стеченiю обстоятельствъ, изъ-за разныхъ банкротствъ и т. д., все мое состоянiе пошло прахомъ. Но и это не отрезвило меня, не придало энергiи. Я продолжалъ хандрить. Возвратившись, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ Америку, я узналъ, что все это была наглая ложь. Какъ разъ наоборотъ — состоянiе мое еще увеличилось. Можете представить мое удивленiе.

— Кому же это пришло въ голову сыграть съ вами такую штуку?

— Миссъ Диланъ Слэдъ. Она хотѣла этимъ избавить меня отъ моей хандры. Она и придумала такое, чтобы меня за сердце хватили.

— Чисто по-женски.

— Ну, такъ вотъ, докторъ, я обращаюсь къ вамъ. Если и у васъ нѣтъ для меня средства, то ужъ, какъ хотите, не жалея и болѣе на бѣломъ свѣтѣ.

— Ну, къ чему такiе страхи... Вотъ что, мистеръ Виндалль, есть у меня средство для васъ...

— И поможетъ?

— Безусловно.

— Хорошо, если слова ваши оправдаются, кромѣ гонорара, вы получите еще цѣнный подарокъ.

Бустеръ сдѣлалъ прежнiй жестъ и пропнешъ:

— Приходите завтра въ 1 часъ въ мою лѣчебницу Maiden Lane 12. Къ этому же времени приготовьте и принесите мнѣ документъ, въ коемъ вы удостовѣрите подписью своею и двухъ свидѣтелей, что все, что будетъ мною завтра съ вами дѣлано, все это будетъ съ вашего желанiя и согласiя.

Виндалль, улыбувшись, замѣтилъ на это:

— Вы, видимо, считаете меня неизлѣчимымъ и придумали мнѣ сладкую смерть.

— Я васъ выдѣчу, спокойно возразилъ Бустеръ. — На всякiй случай не мѣшаетъ все-таки вамъ приготовить духовное завѣщанiе — васъ, надѣюсь, это не испугаетъ.

— Нисколько.

— Значитъ, завтра?

— Ровно въ часъ.

Бустеръ всталъ.

— Ахъ, да, мистеръ Виндалль... Вы принесете съ собою и чекъ на десять тысячъ долларовъ.

— Неуремѣнно.

Джонъ Виндалль въ нерѣшительности остановился у дверей.

— Вотъ что, докторъ... Ну, а если средство ваше не подѣйствуетъ, все равно пропадаютъ мои десять тысячъ.

— Понятно.

— Ну, а кто мнѣ порукой за этотъ опытъ?

— Мое имя! пропнешъ спокойно и величественно выпрямившись Бустеръ, и, пренебрежительно отворивъ дверь прiемной, кривнулъ:

— Нумеръ второй!..

Виндалль, уничтоженный, пробормоталъ только:

— Я буду завтра.

И исчезъ.

II.

Ровно въ часъ, на слѣдующiй день, явился Хаваукъ Виндалль въ лѣчебницу на Maiden Lane 12. Тотчасъ отвели его въ операционную комнату. Тамъ его уже ждали Бустеръ съ двумя своими ассистентами и съ двумя служителями.

— Все въ порядкѣ, Виндалль?

— Все, докторъ. Вотъ требуемый документъ, а вотъ чекъ.

— Отлично... Мистеръ Джонъ Хаваукъ Виндалль — мистеръ Гамъ и мистеръ Эггъ — мои ассистенты. Мистеръ Виндалль, удостовѣрьте, пожалуйста, этимъ джентльменамъ, что вы, по своей доброй волѣ, ввѣряете себя моему пользованiю. У удостовѣрьте имъ, что вы, какъ совершеннолѣтнiй гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, изъявляете полное свое согласiе на все, что я съ вами сдѣлаю.

— У удостовѣряю! пропнешъ рѣшительно Виндалль.

— Ну, отлично. Раздѣньтесь!

Джонъ Хаваукъ быстро раздѣлся. Здоровьемъ и силой вѣяло отъ его мощной фигуры.

— Ложитесь сюда, на столъ! скомандовалъ Бустеръ.

Виндалль мигомъ исполнилъ его приказанiе.

— Губку! крикнулъ докторъ.

Ему подали губку, намоченную въ эфирѣ. Бустеръ поднесъ ее ко рту и къ носу Виндалля. Черезъ нѣсколько мгновений послѣднiй заснулъ.

Бустеръ сейчасъ же обратился къ своему помощнику и пропнешъ повелительнымъ тономъ:

— Отнимите ему правую ногу!

Гамъ поклонился.

— Всю? спокойно спросилъ Эггъ.

— До колѣна!.. Мнѣ нужно вѣхать къ больнымъ. Я ужъ на васъ надѣюсь. Чтобы чисто было мнѣ сработано, какъ слѣдуетъ. Отрѣзанную ногу положите въ спиртъ. До свиданiя!

— До свиданiя! отвѣтили Гамъ и Эггъ.

Первое, что почувствовалъ Джонъ, это невыносимую, ужасную боль въ правомъ колѣнѣ. Глаза у него еще были закрыты, но онъ стоналъ немовѣрно. Сначала ему показалось, что это во снѣ все. Но страшная боль слишкомъ была ощутительна и ни на минуту не унималась... Онъ взглянулъ себѣ на ноги и обмеръ отъ ужаса... Моментадно стало ему все ясно. Бустеръ лишилъ его ноги.

На счастье, Гаму вздумалось наклониться какъ разъ въ эту минуту къ Виндаллю, чтобы посмотреть, проснулся-ли онъ уже. Взбѣшенный Джонъ закатилъ ему со всего размаху пощечину.

Мистеръ Эггъ, видя это, глубокомысленно и хладнокровно записалъ въ больничнiй листокъ:

„Ущадка силъ у пациента не обнаружено“.

Мистеръ Гамъ, молча, отошелъ въ сторону. Онъ тотчасъ сообразилъ, что эта пощечина сильно улучшить его материальное существованiе. Дѣйствительно, обидя и боль были ему возмѣщены вполне — онъ получилъ за это 2.000 долларовъ. Виндаллю не хотѣлось доводить этой исторiи до суда. Куда денеже обогатился ему шинокъ ногой, которымъ онъ награждалъ одного изъ служителей. Черезъ часъ послѣ исторiи своей съ Гамомъ, Виндалль спросилъ служителя тихо и, видимо, хладнокровно:

— Душегубы, будьте вы трижды прокляты! Куда дѣли вы мою ногу?

— Напрасно вы беспокоитесь, господинъ, вѣжливо отвѣтилъ ему служитель. — У насъ ничего не пропадетъ. Вотъ здѣсь ваша нога!..

Онъ показалъ на огромную бутылку со спиртомъ. Служитель благоразумно держался въ приличномъ отдаленiи отъ мощныхъ рукъ пациента, которымъ тотъ недавно далъ столько воли; но онъ вовсе не принялъ въ расчетъ лѣвой ноги пациента, и, дѣйствительно, сильный шинокъ не замедлилъ послѣдовать со стороны искалѣченнаго. Шинокъ этотъ причинилъ только легкое поврежденiе, и Виндаллю удалось поэтому умиловитивъ служителя сравнительно дешево, 300 долларами.

Гдѣ же былъ Бустеръ?

Въ первый день, когда Джонъ Хаваукъ рвалъ и металъ (волей-неволей пришлось его связать), великiй врачъ совсѣмъ не показывался. Когда его извѣстили, что пациентъ успокоился нѣсколько, онъ посѣтилъ его.

Навстрѣчу американской знаменитости посыпался самый отборный словечки...

— Ты, шакаль, плотояднiй коршунъ, я отрѣжу тебѣ оба уха, и распорю тебѣ твой животъ.

Но докторъ былъ спокоенъ:

— Когда вы придете вполне въ себя, и будете вести себя, какъ истый джентльменъ, тогда я готовъ съ вами и бесѣдовать, тихо проговорилъ онъ, и направился къ выходу.

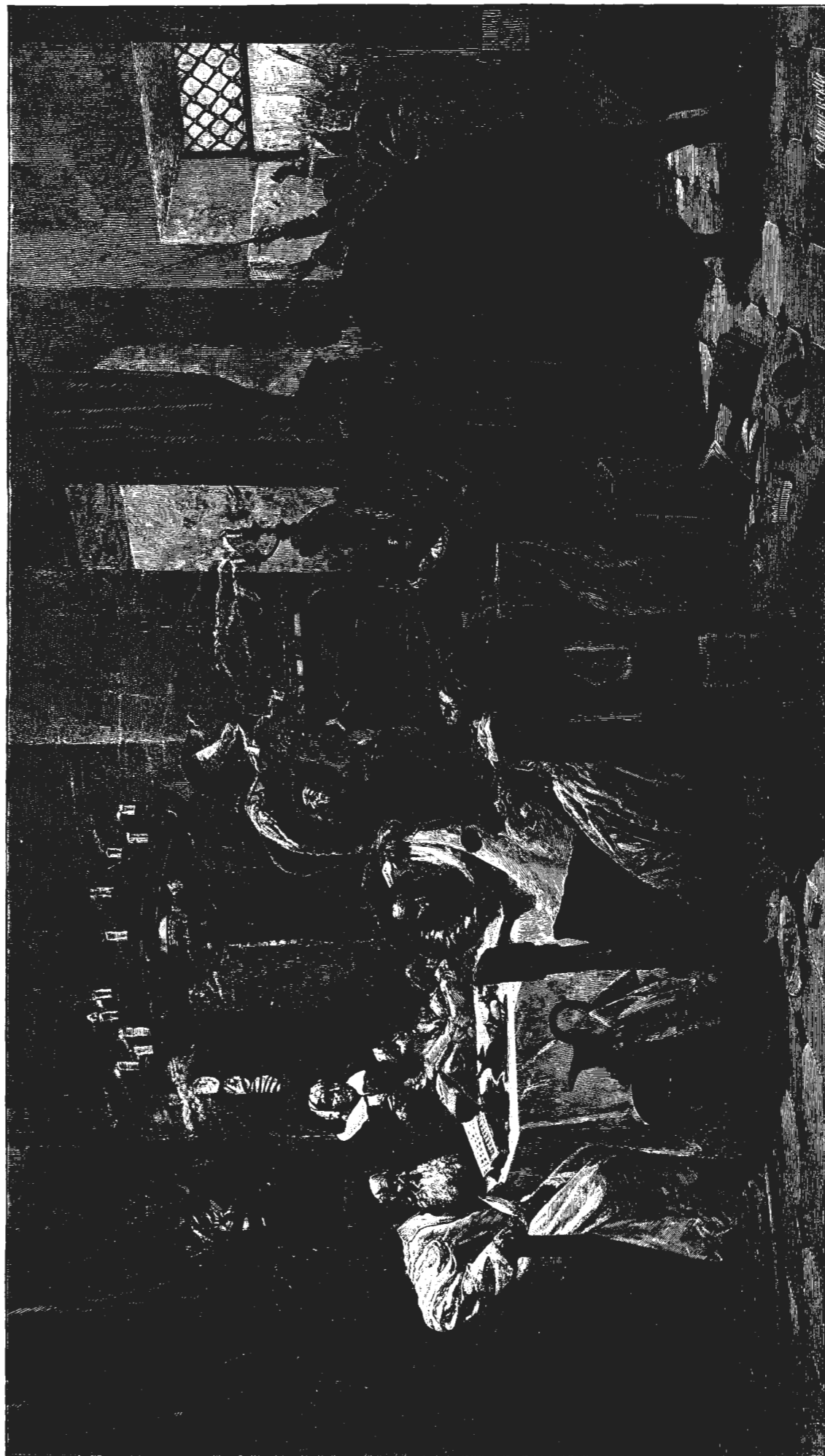
Вдогонку ему посыпалось градомъ безконечное количество зоологическихъ и иныхъ терминовъ.

Прошли цѣлыя три недѣли до того времени, пока Джонъ Хаваукъ Виндалль сталъ вести себя по-джентльменски. У него была очень крѣпкая натура. Но онъ все-таки поддавался, наконецъ. Его вынудила къ этому тоска. Да, тоска, но не та тоска, которая мучила его прежде. Нѣтъ, это была тоска по жизни, по ея радостямъ и удовольствiямъ, это была тоска заключеннаго, томимагося по свободѣ, мечтающаго о лазурномъ свѣтломъ небѣ, о просторѣ полей, о шумной, веселой городской жизни, кишучей дѣятельности... Съ жадностью накидывался онъ на газеты, на отдѣлы спорта, въ которыхъ трактовалось о разныхъ состязанiяхъ въ крокеты и знаменитую игру въ мячъ „lawn-tennis“.

Разныя свѣдѣнiя изъ Skating-Ring, сообщенiя объ имѣющихся быть танцевальныхъ вечерахъ, приводили его въ страшное возбужденiе. Съ какой радостью готовъ былъ бы онъ побывать тамъ, но тамъ нужны здоровыя, крѣпкiя ноги. Эта грустная мысль довела его до того, что онъ написалъ вѣжливое, въ самомъ жалостномъ тонѣ, письмо доктору Бустеру, съ просьбой посѣтить его.

Знаменитый врачъ явился.

И горькимъ, тихимъ голосомъ спросилъ его Виндалль:

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Арестъ богатаго марана во время совершения имъ обряда ветхозавѣтной пасхи.“ Съ карт. М. Маймана, грав. Ольшескій.

Лисица въ своей семьѣ. Карг. М. Корреджіо, грав. Терике.

— Так-то вы мнѣ скрасили жизнь — вы меня сдѣлали на вѣки калѣкой.

— Мой юный другъ, возразилъ Бустеръ, — жизнь — прекрасна, но каждому въ ней должно недоставать чего-либо. Вотъ къ какому убѣжденію я пришелъ...

— И вы лишили меня самого моего любимого: танцевъ, верховой ѣзды и бѣга взапуски.

— Мистеръ Джонъ, мы любимъ только то, чего имѣть не можемъ... Впрочемъ, я уже вошелъ въ переговоры съ однимъ замѣчательнымъ механикомъ. Онъ уже изготовляетъ теперь для васъ искусственную ногу, которая избавитъ васъ совершенно отъ костылей. Это будетъ чудо искусства. Никому никогда и въ голову не можетъ придти, что это у васъ не настоящая нога. Цѣна ей 8700 долларовъ.

— Нельзя сказать, чтобы дешево! сказалъ про себя Джонъ. Наступила пауза.

Джонъ на минуту задумался, и вдругъ спросилъ Бустера:

— А Диланъ Слidy знаетъ про мое убѣжество?

— Ни одна душа во всемъ Нью-Йоркѣ не знаетъ этого, кромѣ, понятно, моихъ молчаливыхъ ассистентовъ и служителей. Все полагаютъ, что вы у вашихъ свиней въ Чикаго. Механикъ мой надеется, что мѣсяца черезъ два, какъ вы привыкнете, вы сможете смѣло танцевать, ѣздить верхомъ, и даже на конькахъ кататься.

Слова доктора оправдались вполнѣ. Нога, сработанная замѣчательнымъ механикомъ, оказалась чудомъ искусства.

Черезъ полгода мистеръ Виндалъ обвинчался съ миссъ Диланъ Слidy. Онъ былъ радикально вылѣченъ отъ силна.

И. Э.

Добываніе золота и серебра изъ морской воды.

Очеркъ Г. С. Вольте.

О томъ, что вода морей и океановъ содержитъ въ растворѣ различныя соединенія металловъ, извѣстно было уже давно. Открытіе это, подобно множеству другихъ открытій, сдѣлано было совершенно случайно. У береговъ Чили, въ Тихомъ океанѣ, потонуло судно. Когда, по прошествіи многихъ лѣтъ, обломки его были извлечены изъ глубины морской, то на мѣдной обшивкѣ его кузова замѣтили значительныя количества осѣвшего на ней серебра. Тогда же сдѣлали примѣрное вычисленіе, что общее содержаніе серебра во всѣхъ морскихъ бассейнахъ земли должно простираться до 12 билліоновъ пудовъ.

Долгое время, однако, сокровища эти лежали вгубѣ, такъ какъ не могли сообразить, какимъ способомъ можно овладѣть ими. Было придумано и предложено множество способовъ для извлечения драгоценнаго металла изъ морской воды, но все они казались превосходными только въ теоріи; на практикѣ же оказывались нигде не годными уже по одному тому, что расходы, необходимые на покрытие издержекъ производства, превышали количество возможной добычи. Такова была, на примѣръ, идея получать серебро путемъ испаренія воды. Можете себѣ представить, сколько надо было бы сжечь топлива для выпариванія воды, чтобы разыскать на днѣ котла нѣсколько крупиннокъ блестящаго металла среди массы морскихъ солей.

Все дѣло, собственно, въ томъ и состоитъ, чтобы изъ громадныхъ массъ воды дешевымъ способомъ, не требующимъ большихъ затратъ, добывать содержащуюся въ нихъ въ ничтожномъ количествѣ хлористыя соединенія золота и серебра*). Процентное содержаніе золота въ морской водѣ опредѣляютъ въ 0,0000005 ‰. Это значитъ, что надо выпарить 1 билліонъ пудовъ воды, чтобы добыть пять пудовъ золота. Если бы въ золотой росинки содержалось такое ничтожное количество золота, то ни одинъ предприниматель даже не взглянулъ бы на нее, считая безумной затѣей промычку такихъ массъ неску.

Что касается серебра, то теперь находятъ выгоднымъ разрабатывать руды, содержащія всего 0,023 ‰ серебра, но такое производство требуетъ все-таки громадныхъ затратъ и сопряжено съ огромными трудностями. Послѣ этого станетъ понятнымъ, какую трудную задачу предстояло разрѣшить техникѣ, когда возникло желаніе добывать драгоценныя металлы изъ морской воды.

Надо къ тому еще имѣть въ виду, что соединенія золота и серебра, подобно другимъ металламъ и минераламъ, не равномерно распредѣлены по воднымъ бассейнамъ земли: одни моря содержатъ ихъ въ большемъ количествѣ, другія — въ меньшемъ.

Въ этомъ трудномъ дѣлѣ, казавшемся уже совершенно безнадежнымъ, явилось вдругъ на помощь всемогущее и теперь вездѣсущее электричество.

Если бы люди сумѣли сразу понимать все новыя явленія, замѣчаемыя ими въ природѣ, то мысль о призмѣннн электричества къ добычѣ золота изъ воды явилась бы имъ еще тогда, когда они увидѣли серебряный налетъ на мѣдной обшивкѣ затонувшаго у береговъ Чили парохода. Объяснить это явленіе можно было лишь предположеніемъ, что мѣдъ обшивки, вступая въ соединеніе съ соленой водой, произвела электрическій токъ, разлагавшій воду и содержавшійся въ ней вещества на ихъ составныя части. Совершился, слѣдовательно, тотъ же процессъ, какой мы видимъ въ каждой гальванической батареѣ, въ каждомъ гальваническомъ элементѣ. Такимъ-то путемъ и хлористое серебро морской воды разложилось на газообразный хлоръ, растворившійся въ водѣ, и серебро, осѣвшее въ видѣ крупиннокъ на мѣди. Въ сущности это такая же операція, какая продѣлывается при искусствѣнномъ золоченіи или серебряніи предметовъ: ихъ кладутъ въ растворъ золотой или серебряной соли, погружаютъ туда электроды гальванической батареи и сейчасъ же изъ жидкости начинается равномерно выдѣляться чистое металлическое золото или серебро, плотнымъ и ровнымъ слоемъ покрывающее лежащій въ растворѣ предметъ.

*) Морская вода изобилуетъ различными соединеніями хлора и близкимъ ему веществамъ съ металлами: таковы хлористый натръ (поваренная соль), хлористый калий и др.

Оказывается, что и сама природа занимается гальвано-пластикой (какъ называютъ описанную выше операцію), съ той лишь разницей, что источникомъ электричества служатъ здѣсь самъ погруженный въ воду металлъ, въ мѣстѣ соприкосновенія съ омывающимъ его соленымъ растворомъ дающій начало электрическому току.

Ассистентъ металлургической лабораторіи въ Христианіи, стодилъ Норвегій, К. Мунстеръ догадался подражать природѣ. Система производства, которую онъ въ настоящее время рекомендуетъ, въ сущности своей представляетъ лишь практическое примѣненіе изложенныхъ выше принциповъ. Вдоль норвежскаго берега между двумя островами, находящимися въ 60 метрахъ*) другъ отъ друга, на особомъ фундаментѣ или подмосткахъ, подъ угломъ въ 30° къ морскому теченію, должны быть установлены 60 параллельно соединенныхъ между собою гальваническихъ элементовъ. Элементы эти состоятъ изъ желѣзныхъ досокъ, длиною въ 3 метра и шириною въ 2 метра, и такой же величины угольныхъ брусковъ, покрытыхъ дегтемъ и графитомъ. Черезъ нихъ пропускается электрическій токъ силою въ 300 амперовъ при 1,3—2 вольтахъ**). Токъ развивается динамомашинною, которая приводится въ движеніе керосиновымъ двигателемъ въ $\frac{1}{2}$ —1 лошадиную силу. Можно, однако, воспользоваться и какимъ-либо даровымъ двигателемъ, какъ напр. силою теченія воды или вѣтра.

Если пропустить такимъ способомъ черезъ воду токъ силою въ одинъ амперъ, то находящійся въ растворѣ хлористыя соединенія золота начнутъ разлагаться, а золото и серебро осаждаются на положительномъ полюсѣ батареи (анодѣ), а именно по 0,6815 миллиграмма***) золота и 1,125 миллиграмма серебра въ каждую секунду.

Въ виду того, что изъ 300 амперовъ силы тока на осажденіе золота потребуются, по расчету Мунстера, лишь 88 амперовъ, а остальные 212 амперовъ будутъ израсходованы на извлеченіе серебра, то каждую секунду должно получаться 60 миллиграммовъ золота и 240 миллиграммовъ серебра.

Принимая скорость морского теченія равною 4 метрамъ въ секунду, а ширину теченія — 60 метрамъ, Мунстеръ вычислилъ, что при такихъ условіяхъ мимо каждой пары элементовъ будетъ протекать въ секунду 12 кубическихъ метровъ воды, и въ теченіе года удастся извлечь изъ нея 1880 килограммовъ (113 пудовъ) золота и 7520 килограммовъ (451 пудъ) серебра. Добычу эту можно оцѣнить почти въ 2 милліона рублей золотомъ или 3 милліона рублей кредитныхъ (по нынѣшнему курсу).

Допустимъ, что Мунстеръ сильно увлекся въ своихъ расчетахъ, и предположимъ, что получится всего только сотая часть того, что онъ обѣщаетъ. Все-таки валовой доходъ производства опредѣляется и тогда въ 20.000 рублей золотомъ, а за вычетомъ издержекъ, которыхъ предпологается не болѣе 5.000 рублей, должно остаться въ видѣ чистой прибыли 15.000 рублей золотомъ. И это не малая сумма для одного предпріятія, дѣйствующаго на такомъ небольшомъ пространствѣ (какъ мы сказали выше — 60 метровъ или менѣе 30 саженъ) и съ такимъ слабымъ двигателемъ (менѣе одной лошадиной силы). Если мы вспомнимъ, что золото это будетъ получаться изъ ничего не стоящей морской воды, то значеніе сдѣланнаго Мунстеромъ открытія предстанетъ предъ нами во всей своей силѣ.

Мунстеръ довольствуется однимъ теоретическимъ вычисленіемъ: онъ желаетъ въ самомъ непродолжительномъ времени испробовать свое открытіе на опытѣ. Съ этою цѣлью онъ заложилъ у норвежскаго берега описанные выше гальванические элементы. Избранная имъ для опытовъ мѣстность какъ нельзя лучше соответствуетъ необходимымъ для успѣха ихъ условіямъ. Море здѣсь перекрещивается многочисленными

*) Метръ = 1,4 аршина.

**) Вольтомъ называется принята въ практикѣ единица мѣры электровозбудительной силы; она почти равна электровозбудительной силѣ гальваническаго элемента Даниеля. Амперомъ же условились называть единицу мѣры гальваническаго тока, а именно такой токъ, который получается при одномъ вольтѣ и сопротивленіи проволоки, также равномъ единицѣ (Омъ).

***) Миллиграммъ = 0,022 доли, обозначается мг.

течениями, въ числѣ которыхъ находится мощный Гольфстромъ. Такимъ образомъ, теченіями этими приносятся постоянно все новыя и новыя массы воды и происходитъ довольно быстрое удаленіе матеріала, уже разложеннаго дѣйствующими гальваническими элементами, и такая же быстрая замѣна его свѣжимъ.

Если предпринимаемые Мунстеромъ опыты оправдаются надежды изобрѣтателя и докажутъ, что предпріятія такого рода могутъ дать значительные доходы, то, конечно, капиталы не замедлятъ направиться на это дѣло, и повсюду возникнутъ многочисленныя пріиски золота и серебра въ водѣ морей и океановъ. Такъ какъ серебра будетъ добываться гораздо больше, чѣмъ золота, то на немъ рѣзче всего обнаружится переворотъ, который должно произвести на мировомъ денежномъ рынкѣ новое открытіе.

Первымъ послѣдствіемъ его будетъ быстрое обезцѣненіе серебра. Второе, еще гораздо болѣе важное, — громадный прогрессъ техники. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ высокая цѣна этого металла не давала возможности пользоваться имъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ для цѣлей технической промышленности. Между тѣмъ серебро обладаетъ многими неоцѣненными свойствами, напримѣръ, сильнѣе всѣхъ прочихъ металловъ отражаетъ свѣтъ, лучше всѣхъ ихъ проводитъ электричество и теплоту и пр.

Серебру предстоитъ, слѣдовательно, въ недалекомъ будущемъ, замѣнить во многихъ случаяхъ мѣдь. Количество послѣдней на мировомъ промышленномъ рынкѣ окажется скоро недостаточнымъ, такъ какъ мѣдь потребуетъ теперь въ громадныхъ размѣрахъ для различныхъ цѣлей электротехники, а когда начнутъ воздвигать повсюду обширныя центральныя электрическія станціи, то спросъ на нее станетъ еще болѣе широкимъ. Тогда-то дешевое серебро и явится человѣчеству на помощь. Что вопросъ этотъ, дѣйствительно, очень серьезный, доказываетъ лучше всего примѣръ недавняго мѣднаго кризиса, когда мѣдь стала сильно повышаться въ цѣнѣ, и многіе предприниматели должны были потерпѣть громадные убытки.

Отчего же въ такомъ случаѣ не попытаться и мѣдь добывать изъ морской воды. Правда, соединенія мѣди также, какъ и марганца, кобальта и никкеля, содержатся въ морской водѣ въ незначительныхъ количествахъ. Добываніе-же этихъ металловъ гораздо труднѣе, чѣмъ полученіе золота и серебра. Для послѣдней цѣли требуются не особенно сильныя электрическія токи, тогда какъ для осажденія другихъ металловъ, въ томъ числѣ и мѣди, необходимо пустить въ ходъ токи такого громаднаго напряженія, что вмѣсто металлическихъ соединеній начнутъ разлагаться сама вода. Къ тому же станутъ осаждаться одновременно самыя различныя составныя части морской воды, а отдѣлить потомъ эти вещества другъ отъ друга будетъ очень трудно.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о возможномъ влияніи новаго производства на народное хозяйство. Прежде всего, конечно, страшно подымется цѣна прибрежной земли, и народы, владѣющіе наиболѣе длинною береговою линіею, приобретутъ еще одно важное преимущество предъ государствами континентальными.

Но, съ другой стороны, ядовитое газообразное вещество — хлоръ, который будетъ выдѣляться при этомъ производствѣ въ громадныхъ количествахъ и поглощаться окружающею водою, не замедлитъ оказать самое страшное, губительное влияние на всю окрестную растительность моря, на весь подводный міръ животныхъ. И тамъ, гдѣ еще недавно подымались съ морского дна роскошныя растенія, гдѣ жили тысячи рыбоекъ, и множество птицъ сновало вокругъ, — тамъ водворится глубокая тишина, мракъ смерти, и весь воздухъ наполнится удушливыми выдѣленіями миллионныя разлагающихся организмовъ. А на берегу человѣкъ съ лихорадочною жадностью будетъ собирать осѣвшія на электродахъ крупицы блестящаго металла. И по мѣрѣ того, какъ смерть будетъ все дальше и дальше разливаться вокругъ, все больше и больше будутъ расти на берегу груды добываемаго изъ воды золота.

Десять минутъ.

(Изъ монологовъ Коклена старшаго).

Хотя я не завидую счастливымъ, но имѣю полное на это право! И все мое несчастье, собственно, такіе пустяки, о которыхъ говорить не стоитъ, но, тѣмъ не менѣе, оно преслѣдуетъ меня, это несчастье...

Я родился 31-го декабря черезъ десять минутъ послѣ полуночи, слѣдовательно, официально мое рожденіе записано 1-го января. И вотъ, благодаря этому, я и съ совершеннолѣтіемъ, и съ воинской повинностью, и со всею жизнью опаздываю на годъ! — И всю жизнь меня преслѣдуютъ эти несчастныя десять минутъ...

Въ школѣ, каждый разъ, когда меня вызывалъ учитель — я вспоминалъ то, что долженъ былъ отвѣчать, только черезъ десять минутъ послѣ того, какъ учитель ставилъ мнѣ единицу, т. е. когда другой вызванный отвѣчалъ урокъ...

Стоитъ мнѣ поѣхать куда-нибудь — всегда та-же исторія: опоздаю, всего на десять минутъ опоздаю. — Явлюсь въ театръ за билетомъ — послѣдній билетъ непременно взять десять минутъ тому назадъ!..

Хочу я посмотреть что-нибудь, — всегда закрыто десять минутъ тому назадъ — и я не могу явиться раньше — попробовалъ разъ: все равно, шина сломалась у извозчика!..

Я влюбился... Она была прекрасна, воспитана, мила... Родил-

тели ее принимали меня очень любезно. Я, разумеется, каждый разъ опаздывалъ къ нимъ на десять минутъ къ обѣду, но это ничего не значило...

Насъ оставляли вдвоемъ, мы могли разговаривать, сколько хотѣли, но я все какъ-то не рѣшался высказаться... Однажды я рѣшился поцѣловать ее руку — она назвала меня „уродомъ!“ — это было восхитительно!.. На другой день я сдѣлалъ формальное предложеніе ей отцу...

— Ахъ, жаль, очень жаль, качая головой, отвѣтилъ онъ, — мы давно ждали, давно... мы замѣчали вашу привязанность... но потомъ рѣшили, что это простая дружба. Къ сожалѣнію, г-нъ X. повсватался за нашу дочь, и я ему только-что далъ слово, — онъ сейчасъ былъ у меня... десять минутъ тому назадъ...

Я былъ огорченъ, я былъ вѣдъ себя, я не зналъ, что мнѣ дѣлать... Но вотъ проходитъ мѣсяць, я съ отчаяніемъ дѣлаю предложеніе другой, женюсь и узнаю потомъ, что за десять минутъ до моей свадьбы — г-нъ X. хватилъ ударъ!..

Десять минутъ! — Вѣчно тѣ-же самыя десять минутъ!.. Я увѣренъ, что перестану опаздывать только черезъ десять минутъ послѣ своей смерти, но тогда это будетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно!..

Къ рисункамъ.

Уличный гаеръ въ древнемъ Римѣ.

(Рис. на стр. 485).

Сила и ловкость въ древности, особенно, въ античной Греціи, гдѣ физическое развитіе человѣка стояло на недостижимой высотѣ совершенства, пользовались непонятнымъ для насъ уваженіемъ и восхищеніемъ. Даже гаеры, фигляры и другіе потѣшники, и тѣмъ иногда воздавались особенныя почести; за то и искусство ихъ, по словамъ современниковъ, превосходило все, что мы видимъ въ наше время. Несмотря на то, что атлетизмъ былъ присущъ древности, все-таки попадались въ то время силачи, которые обращали на себя вниманіе современниковъ. Такъ, Плиніи старшій рассказываетъ, что нѣкто Сальвій, съ тяжестями по 220 фунтовъ въ каждой рукѣ и на каждой ногѣ и грузомъ въ 400 фунт. на шею, подымался по лѣстницѣ. При Марціалѣ великанъ Линъ послѣ во время своихъ представленій по 7—8 мальчиковъ на каждой рукѣ. Иногда, вмѣстѣ съ силою, такіе искусники проявляли не мало ловкости. Напримѣръ, атлетъ Мастіонъ ставилъ себѣ на лобъ бревно, которое, по словамъ Златоуста, стояло незбылемо, „какъ дерево, крѣпко и глубоко устившее корни, — и на верхушкѣ бревна два мальчугана боролись. Еще замѣчательнѣе были разные ловкачи, которые и кружились, какъ птицы, въ воздухѣ, и строили изъ своихъ тѣлъ цѣлыя крѣпости“. По мнѣнію астрологовъ, такіе *petauristae* или *petaminarii* могли

рождаться только подъ созвѣздіемъ Дельфина. Для своихъ упражненій они употребляли нѣчто въ родѣ современнаго тѣла или река, подъ названіемъ *petauron*, который иногда походилъ и на тѣ приборы, какіе мы видимъ у современныхъ акробатовъ, летающихъ въ воздухѣ. Не меньшое удивленіе вызывали и танцоры на канатѣ или струнѣ (*neurobates*), которые, судя по рисункамъ на вазахъ, или по стѣнной живописи въ Помпей, работали безъ шеста и продѣлывали невозможныя головоломныя штуки. Особенно замѣчательными были такъ-называемыя „бѣгуны“, или, скорѣе, ползуны по стѣнамъ. Этимъ искусствомъ пользовались также воры, и про одного изъ нихъ, Еврибата, рассказываютъ, что во время заключенія въ тюрьмѣ, онъ, по просьбѣ стражи показать свою ловкость, для чего былъ освобожденъ отъ оковъ, влѣзъ по стѣнѣ на домъ, и когда достигъ крыши, то на глазахъ у всѣхъ и былъ таковъ. Жонглеры или *ventilatores* и *pirarii*, по словамъ Квинтилиана, все, что ни бросали, вновь ловили руками или заставляли падать тамъ, гдѣ желали. Они употребляли шары, козца, мечи и другіе предметы. Такъ, сохранилось извѣстіе, какъ фиглярка, танцующая, играла одновременно 12 кольцами, бросая ихъ вверхъ и снова ловя.

Эти немногія указанія краснорѣчиво говорятъ о совершенствѣ древнихъ фигляровъ, и лучшею иллюстраціею тому можетъ служить гравюра на стр. 485.

Всемирная Колумбийская выставка в Чикаго. Здания главных отделов выставки.

(Рис. на стр. 488 и 489).

Достаточно сказать, что нынешняя всемирная выставка в Чикаго занимает больше пространства, чѣмъ Парижская 1889, Филадельфійская 1876 и Вѣнская 1873 годовъ, вмѣстѣ взятыя, чтобы опредѣлить ея размѣры. Эта выставка, дѣйствительно, обшачаетъ быть чудомъ конца XIX вѣка. Одни выставочные дворцы, вмѣщающіе въ себѣ разные главные отдѣлы выставки, поражаютъ своей колоссальностью и изящностью. Архитектурный гений американцев сумѣлъ придать этимъ громадамъ легкость, поэзію... Искусство подало руку ремеслу и явило, буквально, чудо невиданное, неслыханное... Это выставка труда во всѣхъ его стадіяхъ, на всѣхъ поприщахъ...

Лучшій примѣръ тому зданіе отдѣла промышленности и свободныхъ искусствъ. Не уступая по красотѣ ни одному изъ зданій прежнихъ всемирныхъ выставокъ, оно поражаетъ своими неповторимыми размѣрами. Обращенное фасадомъ къ озеру Мичиганъ и отдѣленное отъ него широкой ротондой, оно имѣетъ въ длину 1687 и въ ширину 787 футовъ. Центральная его галлерея, вся изъ одного желѣза, представляетъ огромное пространство въ 1280 футовъ длины и 380 футовъ ширины, увѣчанное однимъ сплошнымъ стальнымъ сводомъ. Высшій пунктъ этого изумительно искусно построеннаго свода отстоитъ отъ земли на 201 футъ. Крышу зданія поддерживаютъ остальные 22 купола, каждый 125 тоннъ (2.500.000 амер. фунт.) вѣсомъ. На всѣ эти купола израсходовано болѣе 5000 тоннъ стали. Однимъ словомъ, зданіе отдѣла промышленности и свободныхъ искусствъ въ три раза превосходитъ знаменитый соборъ Петра въ Римѣ.

Самымъ красивымъ, стильнымъ зданіемъ на выставкѣ считается зданіе администраціи выставки, построенное архитекторомъ Гунтомъ. Площадь этого зданія 250 квадратныхъ футовъ. Красивый куполъ, увѣчивающій всю его среднюю часть, въ 250 футовъ вышины, имѣетъ около 120 футовъ въ диаметръ. На четырехъ концахъ зданія высятся четыре павильона. Въ нижнемъ этажѣ перваго павильона помѣщается бюро пожарной команды и полиціи; втораго — врачебное управленіе, амбулаторіи, врачи, аптеки и проч.; нижній этажъ третьяго предназначенъ для банковскаго бюро и, наконецъ, четвертаго — занимаетъ ресторанъ. Въ верхнемъ же этажѣ помѣщаются приемныя комнаты президента выставки Томаса Пальмера и генераль-директора Георга Дависа и огромное количество различныхъ бюро управленія выставки. Надъ зданіемъ администраціи выставки помѣщено на нашемъ рисункѣ зданіе отдѣла изящныхъ искусствъ, вполне гармонирующее своимъ увѣчнымъ видомъ съ тѣмъ, что оно предназначено въ себѣ вмѣщать, и выходящее фасадомъ на озеро. Оно состоитъ изъ трехъ корпусовъ, снабженныхъ разнаго рода украшениями. Главный корпусъ имѣетъ крестообразную форму и увѣчанъ массивнымъ куполомъ. Налѣво надъ нимъ помѣщено у насъ, возведенное съ большимъ художественнымъ вкусомъ, зданіе горнаго отдѣла. Направо отъ отдѣла промышленности и свободныхъ искусствъ — тянется вдоль озера длинное красивое зданіе отдѣла перемѣщенія и транспорта. Подъ нимъ помѣщено одно изъ самыхъ выдающихся, какъ по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ, такъ и по значенію, — зданіе отдѣла сельскаго хозяйства и земледѣлія. Ниже его — выдѣляется огромное зданіе машиннаго отдѣла, занимающее площадь въ 17½ акровъ и имѣющее 850 фут. длины и 500 фут. ширины. Все зданіе увѣчивается тремя большими куполами, каждый 130 фут. въ диаметръ и 50 фут. высоты. Стѣны его опоясаны снаружн широкими, длинными галлереями. Передъ нимъ на площади возвышается колоссальный обелискъ. Наконецъ, еще ниже, справа, высятся построенное наподобіе Вашингтонскаго капитолія — зданіе правительственныхъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ. Надъ его куполомъ гордо развѣвается національный американскій звѣздный флагъ.

Налѣво отъ зданія выставочной администраціи помѣщается монументальное зданіе электротехническаго отдѣла. Надъ нимъ возвышается рядъ красивыхъ башенокъ. По своимъ размѣрамъ оно далеко уступаетъ другимъ — въ немъ лишь 690 футовъ въ длину и 345 фут. въ ширину. Надъ зданіемъ отдѣла электротехники въ послѣдовательномъ порядкѣ идутъ: зданіе отдѣла женскаго труда, садоводства, рыболовства и рыбоводства. Живописно расположенное на берегу озера зданіе отдѣла садоводства, съ своимъ красивымъ фасадомъ, съ выдѣляющеюся впередъ центральной частью, съ огромнымъ стекляннымъ куполомъ посрединѣ, поражаетъ своей грандіозностью и красотой. Передъ нимъ разбитъ полукругомъ гигантскій цвѣтникъ, посреди котораго бьетъ колоссальный фонтанъ. Возведенныя въ два этажа боковыя части зданія предназначены для тропическихъ растений. Передъ зданіемъ, на искусственно образованномъ среди озера островкѣ насаждено около 500.000 корней разныхъ растений, для нагляднаго ознакомленія съ флорой всего земнаго шара. Зданіе отдѣла рыболовства и рыбоводства заслуживаетъ вниманія не столько по своимъ размѣрамъ, сколько по изяществу своей постройки, а также и благодаря мелкимъ искусно сдѣланнымъ украшениямъ, кото-

рыми испещренъ весь его фасадъ. Оно поражаетъ также своимъ красивымъ высокимъ двѣнадцатиграднымъ куполомъ, отстоящимъ отъ земли на 152 фута.

Наконецъ, единственнымъ въ своемъ родѣ и поистинѣ небывалымъ должно быть признано зданіе отдѣла женскаго труда. Зданіе это, очень красивое и монументальное, построено по проекту американскихъ женщинъ-архитекторовъ; всѣ его художественныя украшенія — творенія исключительно женскихъ рукъ. Отдѣлъ предназначенъ для предметовъ лишь женскаго труда и искусства и весь находится исключительно подъ управленіемъ и завѣдываніемъ женщинъ. Женщины, такимъ образомъ, на правахъ равноправныхъ членовъ, вошли въ число администраціи выставки. И американскія женщины очень гордятся этой своей побѣдой...

Дѣти. (Рис. на стр. 493).

Иванъ Лаврентьевичъ Гороховъ, художникъ изъ Можайска, въ первый разъ въ настоящемъ году, выставилъ свою работу на судъ публики на 21-й передвижной выставкѣ. Его картина „Дѣти“ правдиво передаетъ грустные фигурки двухъ крестьянскихъ дѣтей, въ плохой одеждѣ, ожидающихъ, быть-можетъ, подалня.

Арестъ богатаго марана. (Рис. на стр. 496).

Большая картина молодого талантливаго художника М. Л. Маймана, гравюра съ которой помѣщена у насъ на стр. 496, была однимъ изъ самыхъ крупныхъ произведеній на академической выставкѣ этого года и доставила своему автору почетное званіе академика.

Картина эта переноситъ насъ въ средніе вѣка, къ концу XVI вѣка, въ Испанію. Она раскрываетъ одну изъ позорнѣйшихъ страницъ всемирной исторіи вообще и Испаніи въ особенности. Передъ нами встаетъ эпоха безжалостной инквизиціи, творившей во имя Бога, во имя Христа убійства, грабежи, изгонявшей неповинныхъ людей безъ различія пола и возраста лишь за то, что они родились евреями, маврами... Не словами святыхъ евангельскихъ истинъ возмуждали они въ сердцахъ людей свѣточъ христіанства, — нѣтъ: они кощунственно призывали имя Спасителя, угрожали смертью и изгнаніемъ, равнослынымъ смерти, тѣмъ, кто не желалъ отречься отъ вѣры отцовъ своихъ... Безчисленное множество евреевъ и мавровъ, лишенныхъ денегъ и имущества, было отправлено изъ Испаніи на корабляхъ въ море и тамъ потоплено. Но были и такіе евреи, которые рѣшились уступить силѣ, они приняли христіанство, но въ душѣ остались преданными своей религіи. Многие изъ нихъ занимали почетныя государственныя должности, были врачами, даже придворными врачами, учеными. И вотъ они рѣшили подчиниться. Они надѣялись, что, сохранивъ свои почетныя должности, они доставятъ своимъ соплеменникамъ разрѣшеніе вернуться назадъ на свою родину. Всѣ они втайнѣ исповѣдывали свою религію, исполняли всѣ ея обряды. Такого рода лютые переиначенія въ христіанство евреевъ называли маранами. За образомъ жизни марановъ инквизиція зорко слѣдила. Особенно усиливалась ея подозрительность, когда приближались годовые еврейскіе праздники, главнымъ образомъ, Пасха.

На картинѣ Маймана изображена, именно, сцена ареста богатаго марана, окруженнаго своей многочисленной семьей и справляющаго еврейскую Пасху. Въ укромномъ подземелье, освѣщенномъ массивными люстрами, врывающіе инквизиторы въ своихъ черныхъ каюшонкахъ, сопровождаемые воинами. Общее чтеніе молитвъ нарушено. Всѣ вскочили изъ-за стола въ странномъ испугѣ. Всѣ знаютъ, что ихъ ждетъ и смертельнымъ ужасомъ дышатъ ихъ лица. Одни изъ нихъ столпились у дверей. Они видятъ уже лезвія шпагъ, блестящія въ мрачномъ полусвѣтѣ фонарей. Одна изъ женщинъ лежитъ безъ чувствъ на креслѣ. Другая, повидимому, мать, прижимаетъ инстинктивно къ себѣ своихъ двухъ маленькихъ дѣтей. Ея ямутокъ, видимо, все еще надѣется скрыть слѣды своего преступленія и пытается сорвать скатерть и сбросить вмѣстѣ съ ней молитвенники. Другой, въ испугѣ, схватилъ канделябръ со свѣчами, желая, вѣроятно, потушить ихъ. Старуха съ молитвенникомъ въ рукахъ застыла въ ужасѣ. А самъ съдой глава семьи, въ бѣломъ праздничномъ балахонѣ, отвергъ глаза отъ молитвенника и молчаливо спокойно ждетъ рѣшенія своей участи.

Лисья семья. (Рис. на стр. 497).

Насколько жизнь взрослой лисы хорошо извѣстна всѣмъ сельскимъ жителямъ, настолько скудны свѣдѣнія о первыхъ мѣсяцахъ жизни этого хищника. Извѣстно, что лисята появляются на свѣтъ въ самомъ отдаленномъ мѣстѣ лисей норы, и первые дни, слѣдые, остаются подъ призоромъ матери, которая ихъ почти совсѣмъ не покидаетъ, такъ какъ пищу приносятъ самцы. Черезъ мѣсяцъ маленькіе красно-сѣрые звѣрьки, хорошенькіе и подвижные, рѣзвятся и грѣются на солнцѣ. Пищу, въ видѣ мышей, птицъ, лягушекъ и т. и., родители приносятъ имъ иногда еще живьемъ и учатъ будущихъ хищниковъ, какъ ихъ ловить и ѣсть. Любовь стариковъ къ своему потомству необычайна, и при первой опасности лисята уносятся своихъ дѣтей во рту на далекое разстояніе отъ опаснаго мѣста.

Принцесса Виктория-Марія Тэкъ, невѣста герцога Йоркскаго.
По фот. грав. Шюблеръ.

Принцъ Георгъ, герцогъ Йоркскій, сынъ наслѣдника Англійскаго престола, принца Уэльскаго. По фот. грав. Шюблеръ.

Принцъ Георгъ, герцогъ Йоркскій, и его невѣста, принцесса Виктория-Марія Тэкъ. (Портр. на этой стр.).

Недавно состоялась помолвка будущаго наслѣдника Англійскаго престола, сына принца Уэльскаго, принца Георга-Фридриха-Эрнста-Альберта, герцога Йоркскаго, съ принцессой Викторіей-Маріей Тэкъ, бывшей невѣстой покойнаго брата принца Георга, принца Альберта-Виктора, неожиданно скончавшагося послѣ кратковременной болѣзни въ полномъ расцвѣтѣ молодости и силъ.

Принцъ Георгъ родился 3-го іюня 1865 г. Все свое дѣтство онъ провелъ вмѣстѣ со своимъ братомъ подъ руководствомъ гофмейстера Дальтона, въ Саундингамѣ, имѣніи ихъ отца, и въ Лондонѣ во дворцѣ Мальбру. Для того, чтобы приучить принцевъ къ морской службѣ, отецъ ихъ, принцъ Валлійскій, опредѣлилъ ихъ кадетами въ экипажъ судна „Британія“ въ Дартмъзѣ. Имъ было отведено на кораблѣ отдѣльное небольшое, незатѣйливое помѣщеніе на шканцахъ; въ остальномъ-же оба принца несли всѣ тяготы военно-морской службы и дисциплины. Изрѣдка и только на какое-либо особое торжество, напримеръ, на раздачу наградъ и призовъ за силу, ловкость, проворство и усердную службу, корабль посѣщали августѣйшіе родители принцевъ. Въ 1879 г. принцы отправились на кораблѣ „Бакхантъ“ въ дальнее плаваніе, продолжавшееся три года. За это продолжительное время принцъ Георгъ со своимъ покойнымъ

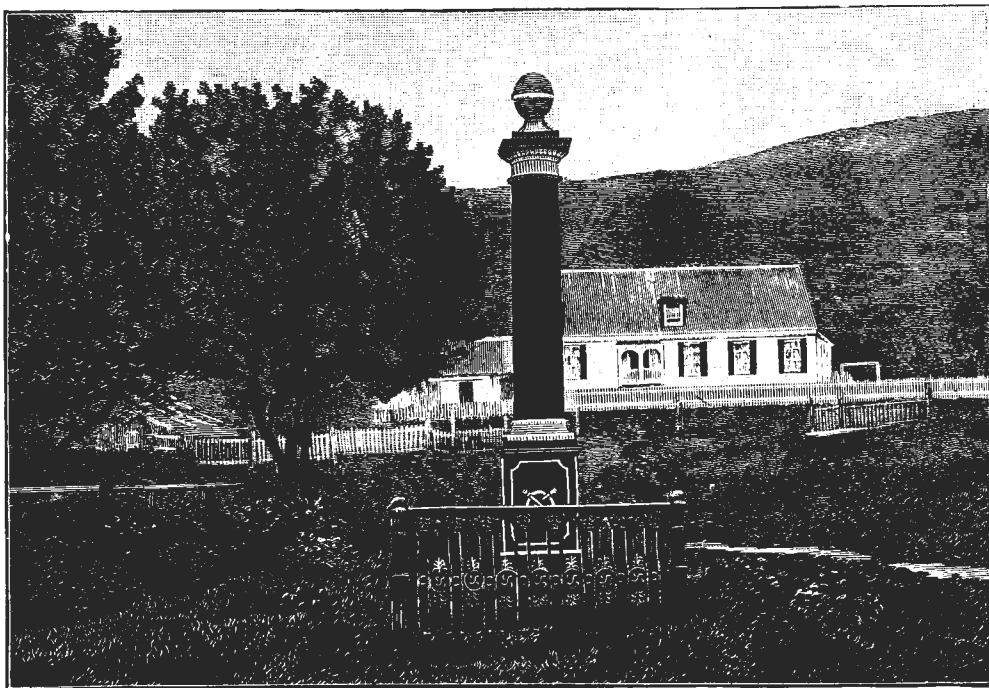
старшимъ братомъ въ совершенствѣ изучили морское дѣло, подъ руководствомъ лорда Шарля Скотта и спеціально приглашенныхъ для обученія принцевъ преподавателей и морскихъ офицеровъ—лучшихъ знатоковъ своего дѣла.

Во время путешествія принцы вели дневникъ, вышедшій впоследствии въ свѣтъ подъ заглавіемъ „The Cruise of H. M. S. Bacchante 1879“, подъ редакціей и съ примѣчаніями гофмейстера Дальтона. Послѣ этого кругосвѣтнаго плаванія, принцъ

Георгъ совершилъ цѣлый рядъ другихъ морскихъ путешествій и изучилъ непосредственно и тщательно весь ходъ государственной жизни Англій и Индіи. Онъ пользуется огромной популярностью и любовью во всей Англій, вообще, и среди моряковъ, въ частности. Особенно сильно сказалось это во время его тяжелой болѣзни (тифа), которую онъ счастливо перенесъ въ ноябрѣ 1891 г.

Принцесса Виктория - Марія, называемая и принцессой Майей“.— дочь Маріи - Аделаиды, принцессы Кэмбриджской и

герцога Франца Тэкъ, сына герцога Виртембергскаго Александра, и его морганатической супруги графини Клодины фонъ-Гогенштейнъ, рожденной графини фонъ-Редей. Принцесса Майя родилась 26 го мая 1867 года въ Кенсингтонскомъ дворцѣ, въ Лондонѣ. Въ высшихъ придворныхъ кругахъ она занимаетъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ, благодаря необыкновенной, прирожденной остротѣ ума, веселому, энергичному характеру, своей широкой и неутомимой благотворительной

Памятникъ командору Берингу и домъ Товарищества котиковыхъ промысловъ въ г. Петропавловскѣ (Приморской области). Съ фот. грав. Шиннеръ.

дѣятельности. Принцесса обладает недюжинными музыкальными способностями и очень мило рисуетъ. Помимо того, она умѣетъ отлично ѣздить верхомъ и править лошадьми и, вообще, по англійскому обычаю, хорошо знакома со всеми отраслями спорта...

Помолвка эта была встрѣчена въ Англии очень сочувственно, даже съ энтузіазмомъ.

Бракосочетаніе принца Георга и принцессы Майн назначено на 2 іюля пов. стили.

Памятникъ Берингу. (Рис. на стр. 501).

Какъ часто, чуть-ли не каждый день приходится повторять старый вопросъ, умѣемъ-ли мы чтить достойно память людей, оказавшихъ несомнѣнные заслуги не только своему народу, но и всему человѣчеству! Быть смѣлымъ, отважнымъ мореплавателемъ Берингъ, родомъ датчанинъ, въ 1728 году поступившій на русскую службу. Онъ, какъ извѣстно, открылъ носящій его имя проливъ между двумя частями свѣта. По счастью, съ нимъ не повторилось того, что было съ Колумбомъ, открытая которымъ часть свѣта названа не по его имени, а по имени другого путешественника, Америго Веспуччи. Имя Беринга осталось, по крайней мѣрѣ, связаннымъ съ открытымъ имъ проливомъ и моремъ. Да еще на далекомъ Сѣверѣ, на окраинѣ, въ г. Петропавловскѣ, поставили незамысловатый ему памятникъ—колодку съ шаромъ. Мы нарочно помѣщаемъ снимокъ (стр. 501) съ этого сооруженія. Но самая могила Беринга, скончавшагося отъ скорбута на одномъ изъ острововъ Берингова моря, была долгое время вовсе неизвѣстна. Мы уже имѣли случай упомянуть въ „Нивѣ“ о томъ, что только недавно офицерами русскаго транспорта „Алеутъ“ была найдена эта могила, и на собранную между ними подписку сооруженъ на ней памятникъ...

Да кому въ сущности изъ обыкновенныхъ, занятыхъ повседневными мелочами людей и нужно вспоминать о томъ, что жила когда-то Берингъ, именемъ котораго названо какое-то далекое, невѣдомое море на холодномъ Сѣверѣ? Но жизнь, сама жизнь, однако, не даетъ намъ забываться, то и дѣло напоминаетъ о забытомъ! Въ настоящее время названіе Берингова моря почти у всѣхъ на языкѣ по поводу вопроса о котикахъ. У насъ этотъ вопросъ является нѣсколько уже дѣтъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ и насущныхъ вопросовъ всей нашей дальней сѣверной окраины. Выгодность этихъ промысловъ была причиной того, что нѣсколько компаний и

товариществъ, въ томъ числѣ русская и американская, наперерывъ добивались полученія отъ нашего правительства, за значительное вознагражденіе, права производить убой котиковъ въ Беринговомъ морѣ и на прибрежныхъ Командорскихъ островахъ. Промыселъ котиковый настолько оказывается выгоднымъ, что, на ряду съ законнымъ пользованіемъ имъ, существуетъ особый родъ пиратства американскихъ и англійскихъ вольныхъ людей, воровски охотящихся въ русскихъ водахъ и истребляющихъ до 20.000 котиковъ въ годъ. Несмотря на то, что для преслѣдованія этихъ хищниковъ нашимъ правительствомъ посылается ежегодно нѣсколько крейсеровъ („Алеутъ“, „Забѣлка“, потерѣвшій недавно аварію „Витязь“), все-таки многіе изъ пиратовъ умудряются избѣгать отъ преслѣдованій и преспокойно продолжаютъ обогащаться своимъ хищническимъ промысломъ.

Нивѣ снова поднять вопросъ объ этомъ и проектируются мѣры борьбы съ этимъ зломъ, и въ томъ числѣ указывается на необходимое усиленіе малочисленной (30 чел.) береговой стражи на Командорскихъ островахъ. Вопросъ этотъ очень важный, такъ какъ касается всего бѣднаго населенія сѣвернаго побережья, только и поддерживающаго свое существованіе морскими звѣриными промыслами.

Въ Америкѣ тоже теперь живо интересуются котиковымъ вопросомъ, только нѣсколько съ иной точки зрѣнія. Америка ведетъ ожесточенный споръ съ Англійей, защищающей интересы Канады, о правѣ производить ловлю котиковъ въ томъ же Беринговомъ морѣ. Соединенные Штаты, приобретшіе въ 1867 г. отъ нашего правительства Аляску, граничащую съ Беринговымъ моремъ, заявили преимущественное право на котиковые промыслы, ссылаясь на то, что Берингово море есть „mare clausum“ (закрытое море). Англія же утверждаетъ, что Берингово море есть море открытое, и на него распространяются всѣ постановленія междунаrodnаго права. Кроме того, Англійское правительство заявило, что и Россія, преемница собственности Аляски, никогда прежде такого рода претензіи не заявляла. Обѣ спорящія стороны представили каждая съ своей стороны рядъ подтверждающихъ ихъ домогательства актовъ и документовъ. Дѣло это передано на рѣшеніе третейскаго суда, при чемъ третейскимъ судьей избрана Франція. Въ Парижѣ открыла по этому дѣлу 4 апрѣля новаго стили свои засѣданія особая конференція, подъ предѣлительствомъ графа Курсея. Представителемъ интересовъ Америки является на ней Джемсъ Кэртгеръ, а Англии — сэръ Чарльзъ Россель.

Открытие Колумбійской всемірной выставки.

(Корреспонденція „Нивы“).

Чикаго, 1-го мая 1893 г.

Сегодня, въ 10½ часовъ утра, началась церемонія открытия выставки. Передъ главнымъ фасадомъ зданія Администраціи, „Administration Building“, — на особой трибунѣ размѣстились: президентъ Кливлэндъ, герцогъ Верагуа (потомокъ Колумба) и члены администраціи выставки. Тутъ же находились и представители дипломатическихъ миссій, между которыми были и русскій посланникъ, князь Каптакузевъ, съ секретаремъ, Г. Боткинскимъ, и нашъ консулъ въ Чикаго—г. Таль. Русскіе комиссары и делегаты присутствовали на открытіи въ полномъ составѣ, съ своимъ генеральнымъ комиссаромъ, камергеромъ П. И. Глуховскимъ, во главѣ.

Всѣмъ присутствующимъ была роздана программа церемоніи открытія. Отпечатана она на листкѣ (in 8°) гладкой, бѣлой, но очень толстой бумаги, и на лицевой сторонѣ ея, въ величину нашего серебрянаго рубля, круглый медальонъ съ прекрасно выгравированнымъ профилемъ Колумба. Подъ нимъ, обыкновенною черною прописью отпечатано: *Всемирная Колумбійская Выставка, церемонія открытія 1-го мая 1893 г.*

На внутреннѣхъ двухъ страничкахъ помѣщены нумера программы торжества, слѣдующаго содержанія.

ЦЕРЕМОНИАЛЬ

въ день открытія
Всемирной Колумбійской выставки,
1-го мая 1893 г.

На главной площади, съ восточной стороны зданія Администраціи.

Генераль-директоръ явится церемоніею-гостемъ торжества по слѣдующей программѣ:

1. Музыка. — Колумбовъ маршъ и гимнъ. — Джона К. Пэна.
2. Молитва. — Его препод. В. Г. Мильбернъ, д-ръ богословія.
3. Поэма. — „Пророчество“, — В. Д. Кроффта, прочтетъ миссъ Джесси Кутун.
4. Музыка. — увертюра для оркестра „Риенци“, — Вагнера.
5. Рѣчь генераль-директора Всемирной Колумбійской выставки.
6. Рѣчь и открытіе Всемирной Колумбійской выставки президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.
7. Машинъ приводятся въ движеніе.

Национальный салютъ.

8. Официальный приемъ президента Соединенныхъ Штатовъ и представителей Всемирной Колумбійской комиссіи иностранныхъ комиссаровъ въ зданіяхъ: мануфактурномъ и свободныхъ искусствъ.

На послѣдней страницѣ напечатанъ только списокъ лицъ, вошедшихъ въ составъ *Совѣтвенной комиссіи церемоніала*.

По исполненіи четырехъ нумеровъ этой программы и послѣ

рѣчи генераль-директора, полковника Дэвиса, въ которой онъ охарактеризовалъ прогрессъ Новаго Свѣта, вообще, всталъ съ своего мѣста президентъ Соединенныхъ Штатовъ Кливлэндъ. Онъ произнесъ прекрасную, краткую рѣчь, въ концѣ которой подалъ сигналъ къ приведенію въ дѣйствіе всѣхъ машинъ выставки, валавъ золотую кнопку электрическаго, сигнальнаго звонка со словами: „подобно тому, какъ этимъ прикосновеніемъ приводятся въ дѣйствіе машины, дающія жизнь этой громадной выставкѣ, подобнымъ образомъ да сольются наши вышншія надежды и стремленія въ силу, которая бы создала благосостояніе, достоинство и свободу человѣчеству“.

По открытіи выставки, состоялся завтракъ, радушно предложенный американской администраціей комиссарамъ и прочимъ приглашеннымъ. Послѣ этого завтрака президентъ прослѣдовалъ въ Мануфактурный отдѣлъ, а отсюда по средней, „Колумбовой“ аллеѣ, направился дальше, останавливаясь у фасада cadaго отдѣла иностранныхъ державъ, находя для cadaго изъ его представителей то дружескій „shake-hands“, то ласковое слово. Затѣмъ, въ красивой гондолѣ, Кливлэндъ объѣхалъ кругомъ выставки по ея многочисленнымъ каналамъ и посѣтилъ женскій отдѣлъ „Women's Building“, гдѣ дамы привѣтствовали его рѣчами. Безусловно, одной изъ лучшихъ была рѣчь нашей соотечественницы—княжны М. Шаховской.

Торжество открытія затянулось до 5-ти часовъ дня. Публика несмѣтными толпами наводнила обширное пространство „Jackson-Park'a“, занимающее болѣе 3-хъ квадратныхъ верстъ, — несмотря на то, что многіе отдѣлы не только не закончены устройствомъ, но даже только еще начинаютъ устраниваться. Въ виду чрезвычайнаго наплыва народа, сегодня же открыта новая электрическая „воздушная“ (elevated) желѣзная дорога объѣзжающая всѣ отдѣлы выставки.

Генеральный комиссаръ Русскаго отдѣла на выставкѣ, П. И. Глуховской, далъ парадный обѣдъ въ честь князя Каптакузена. Кроме посольства и консула, комиссаровъ и делегатовъ, на обѣдѣ присутствовали представители американской администраціи выставки во главѣ съ Уокеръ Ферномъ (Walker Fearn), начальникомъ иностраннаго отдѣла выставки. Вскорѣ послѣдуетъ цѣлый рядъ подобныхъ обѣдовъ и раутовъ, какъ со стороны американцевъ, такъ и ихъ иностранныхъ гостей—генеральныхъ комиссаровъ европейскихъ державъ.

Политическое обозрѣніе.

Вслѣдъ за Греціей, гдѣ министерство г. Трикуписа, влѣдствие финансовъ затрудненій, вышло въ отставку и замѣнено новымъ министерствомъ, съ г. Сотироуло во главѣ, и въ Италіи недовольство палаты, главнымъ образомъ, финансовою стороною управления, вызвало частный министерскій кризисъ, послѣ отклоненія палатою бюджета министерства юстиціи. Но король не принялъ прошеній всѣхъ министровъ объ отставкѣ, а согласился только на отставку Боначчи и министра финансовъ Грималди, при чемъ поручилъ министру-президенту Джиолитти указать лицо для пополненія кабинета. Сенаторъ Эйла согласился принять портфель министерства юстиціи, а сенаторъ Гальярдо—портфель министерства финансовъ.

Въ чешскомъ сеймѣ, 5-го мая, когда должно было начаться обсужденіе вопроса объ учрежденіи нѣмецкаго окружного суда въ Траутенау, младочехи устроили чрезвычайно шумную сцену: стали колотить деревяжками по столамъ, не давая ораторамъ говорить и пр. Когда оберъ-ландмаршалъ подозвалъ стенографа къ докладчику, чтобы тотъ продиктовалъ ему, среди общаго шума, свое предложеніе, чехи подбѣжали къ бюро, разорвали начатую стенографическую записку, доскутки ея стали швырять въ оберъ-ландмаршала, при чемъ перебили чернильницы и избирательную урну, осыпали угрозами докладчика. Ландмаршалъ вынужденъ былъ тотчасъ же закрыть засѣданіе. Младочехи собрались на совѣщаніе, чтобы обсудить, какъ поступать далѣе и какъ предотвратить насиліе чешскаго народа нѣмецкими депутатами и партіею крупныхъ землевладѣльцевъ. Этотъ небывалый въ лѣтописяхъ парламентарской жизни скандалъ указываетъ на угнетенность тѣхъ, чьи представители не остановились даже предъ упомянутымъ насиліемъ. Совѣтъ министровъ посвятилъ нѣсколько засѣданій обсужденію положенія Чехіи; но вопреки догадкамъ нѣмецкихъ газетъ, правительство не желаетъ возбуждать судебного преслѣдованія противъ младочешскихъ депутатовъ, устроившихъ скандалъ въ послѣднемъ засѣданіи сейма. Большинство вѣдшихъ газетъ заявляютъ, что судебное преслѣдо-

ваніе только обратило-бы младочешскихъ депутатовъ въ политическіе мученики! Совѣтъ министровъ предполагаетъ снова созвать чешскій сеймъ осенью, и, въ видахъ окончательнаго рѣшенія этого вопроса, въ Вѣну вызванъ намѣстникъ Чехіи, который и прибылъ въ Вѣну 12 мая.

Насколько возбуждены противники прландской автономіи въ Англии, указываетъ печальный случай, происшедшій съ главою нынѣшняго англійскаго министерства, маститымъ Гладстономъ, при посѣщеніи имъ, по приглашенію принца Уэльскаго, недавно открытаго Императорскаго института. „Какъ только Гладстонъ, въ сопровожденіи первого лорда адмиралтейства, лорда Сенсера, показался въ центральной галлерей, — телеграфировать въ *Times*, — раздался крикъ и свистки, къ которымъ примѣшивались, правда, кое-какія рукоплесканія. Премьеръ съ высоко поднятою головою шелъ твердымъ шагомъ, но лицо его нервно подергивало. Публика состояла изъ членовъ института или ихъ друзей, и вотъ эти господа такъ поступили съ восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, занимающимъ въ четвертый разъ постъ первого министра! Даже на иностранца сцена эта произвела удручающее впечатлѣніе, что-же испытывали тѣ изъ присутствующихъ англичанъ, которыхъ не ослѣпляютъ политическія страсти“. По этому случаю замѣчаетъ *Times*, что, какъ-бы тамъ ни было, инцидентъ все-таки должно признать прискорбнымъ, потому что г. Гладстонъ былъ, въ концѣ концовъ, гостемъ принца Уэльскаго. Къ тому-же, даже въ такомъ враждебномъ его нынѣшнимъ идеямъ обществѣ, какъ общество, проникнутое имперской идеей, онъ имѣлъ право на уваженіе, подобающее столь выдающемуся старцу.

Изъ Рио-ди-Жанейро телеграфируютъ, что между національными войсками генерала Джеллеса и инсургентами, которыми командовалъ генералъ Таварезъ, произошло близъ Пуччо-Верде сраженіе, завершившееся пораженіемъ первыхъ. Артиллерія, военные припасы и обозъ достались въ руки инсургентамъ, которые идутъ на Бадже.

Разныя извѣстія.

— Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Георгій Александровичъ и Михаилъ Александровичъ, Великія Княжны Ксенія Александровна и Ольга Александровна, 8-го мая, въ 10 час. утра, отбыли изъ Ливадіи въ Ялту, откуда на броненосцѣ „Синюкъ“, въ сопровожденіи судовъ эскадры черноморскаго флота, въ 11 ч. 30 мин., направились въ Севастополь, куда прибыли 8-го мая въ 4 ч. 30 м.

— Ихъ Величества, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Михаилъ Александровичъ и Алексѣй Александровичъ и Великія Княжны Ксенія и Ольга Александровны прибыли въ Спассовъ скитъ 11-го мая, въ 5 ч. пополудни. Посѣтивъ скитъ, строящійся въ немъ храмъ и часовню, Ихъ Величества и Высочества отбыли въ Москву, куда изволили благополучно прибыть 12 мая.

— 13 мая, въ 11 ч. утра, послѣдовала изъ

внутреннихъ покоевъ Большого Кремлевскаго дворца Высочайшій выходъ въ Успенскій соборъ. Послѣ Богослуженія, Ихъ Величества возвратились во внутренніе покои, а въ 1½ часа дня выѣхали изъ Кремля и присутствовали при освѣщеніи Казаковскаго пріюта въ Поварской улицѣ; отсюда Государь Императоръ, Государыня Императрица и Наслѣдникъ Цесаревичъ прослѣдовали въ Троицкое подворье, гдѣ посѣтили Московскаго митрополита. Вечеромъ Ихъ Величества присутствовали на спектаклѣ въ Маломъ театрѣ.

— Высочайше повелѣно переименовать лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ (такъ называемый „Катковскій“) въ „Императорскій лицей въ память Цесаревича Николая“.

— Въ № 64 *Собранія узаконеній и распоряженій Правительства* напечатано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ обложеніи вывоза и ввоза русскихъ кредитныхъ билетовъ таможенною пошлиною.

— По поводу исполнившагося 25-лѣтія Сла-

вянскаго благотворительнаго общества, Чернигорскій князь Николай I удостоилъ орденъ нашихъ маститыхъ поэтовъ А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго, протопресвитера А. А. Желобовскаго, протоіерея В. Я. Михайловскаго, священ. Поповичаго и проф. П. С. Пальмова. Король же Сербскій Александр I по тому же случаю пожаловалъ орденъ Такова академику Бестужеву-Рюмину, В. П. Аристову, гг. Салергинскому и Платоновичу.

— 6 мая, въ Одессѣ, на Куликовомъ полѣ, состоялась закладка зданія судебныхъ учреждений. На сооруженіе зданія Министерствомъ Юстиціи ассигновано 400,000 р. Вся постройка должна быть закончена къ 1894 г.

— Недавно скончался въ Римѣ, 71 года, знаменитый физиологъ, профессоръ римскаго университета, сенаторъ Яковъ Моленотъ.

— Генералъ-адъютантъ К. Н. Посыетъ избранъ единогласно почетнымъ председателемъ французскаго общества спасанія на водахъ въ Перакѣ.

Сооруженіе соборнаго храма въ Варшавѣ.

Въ № 13 „Нивы“ мы своевременно помѣстили извѣстіе о Высочайше разрѣшенномъ сборѣ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе соборнаго храма въ Варшавѣ. Въ настоящее время, на основаніи такого разрѣшенія, Варшавскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Гурко сдѣлалъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* слѣдующее

Воззваніе.

Его Императорское Величество Государь Императоръ, въ Своей постоянной отеческой заботливости и попеченіи объ удовлетвореніи истинныхъ нуждъ Своихъ вѣрноподданныхъ, во всеподданнѣйшему докладу министра Внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшему въ слѣдствіе моего ходатайства, Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе по всей Имперіи сбора добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе новаго православнаго соборнаго храма въ Варшавѣ, во имя Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго.

Такое мое ходатайство было вызвано тѣмъ печальнымъ и безвыходнымъ положеніемъ, въ какомъ находятся нынѣ православные русскіе люди въ Варшавѣ, громадное большинство коихъ лишено возможности удовлетворить свои религіозно-духовныя потребности въ храмахъ Божіихъ, вслѣдствіе крайняго недостатка ихъ въ этомъ городѣ.

Недостатокъ этотъ такъ великъ, что во всѣхъ варшавскихъ приходскихъ, домовыхъ и временныхъ военныхъ православныхъ церквахъ, по точному измѣренію ихъ внутреннихъ размѣровъ, можетъ помѣститься молящихся всего лишь отъ 5-ти до 7-ми тысячъ душъ, между тѣмъ какъ русскаго православнаго населенія въ Варшавѣ, состоящаго, по преимуществу, изъ служащихъ здѣсь военныхъ и гражданскихъ лицъ съ ихъ семьями, числится 43 тысячи. Такимъ образомъ, въ праздничные дни и, вообще, при каждомъ церковномъ богослуженіи отъ 36-ти до 38-ми тысячъ проживающихъ въ Варшавѣ православныхъ русскихъ лишены возможности присутствовать и возносить свои молитвы въ храмахъ Божіихъ.

Но и существующія въ Варшавѣ православныя приходскія церкви (всего 4) таковы, что, за исключеніемъ одной, на предметъ города—Прагъ, имѣющей наружный видъ православнаго храма, видѣть ихъ обидно и больно для религіознаго и національнаго чувства русскаго человѣка. Нынѣшній соборъ передѣланъ изъ упраздненнаго католическаго монастырскаго зданія и скрытъ между жилыхъ домовъ въ прямую линію улицы, а остальныя двѣ, устроенныя въ домахъ, внутри дворовъ,—тѣсныя, темныя, убогія и бѣдныя церковною обстановкою, не имѣютъ даже никакихъ наружныхъ признаковъ церквей, тогда какъ рядомъ съ ними красуются громадные, старыя и новыя, католическіе костелы и лютеранскія кирки.

Можно поэтому судить каково здесь положение родителей, желающих воспитать детей своих в духе и обрядах своей родной, православной веры, и как тяжело, вообще, для верующаго русскаго человека на этой окраинѣ, вдали от родины, не только лишение нравственнаго успокоенія и утѣшенія въ божественной службѣ и въ церковной молитвѣ, но и обидное чувство приниженія господствующей въ Русскомъ государствѣ православной религіи предъ другими иновѣрными исповѣданіями этимъ крайнимъ недостаткомъ и этимъ убожествомъ православныхъ церквей въ этомъ центральномъ городѣ здѣшняго края.

Такова насущная, настоятельная нужда въ сооруженіи новаго православнаго соборнаго храма въ Варшавѣ, и я глубоко вѣрую и твердо уповаю, что православная Россія поможетъ намъ создать здѣсь новый соборный храмъ, достойный величія и могущества русскаго народа, и къ настоящему воззванію сочувственно отзовутся и принесутъ свои посильныя пожертванія всѣ истинно русскіе люди — и православное духовенство, и благородное дворянство, и именитое купечество, и люди ученые и образованные, и простой русскій народъ, всегда отзывчивый на всякое доброе дѣло и общее благо, всѣи каждый по мѣрѣ своихъ средствъ и возможности.

Денежныя пожертванія могутъ быть высланы или непосредственно на мое имя въ Варшаву, или вносима во всѣ мѣстныя губернскія и уѣздныя казначейства, или же препровождаемы въ тѣ

редакціи столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, которыя извѣщаютъ на то согласіе и опубликуютъ объ этомъ; пожертванія-же вещами для внутренняго украшенія храма и предметами, необходимыми для церковныхъ богослуженій, какъ-то: иконы, лампады, Евангелія, на престольные кресты, чаши, церковныя облаченія и тому подобныя, должны быть пересылаемы исключительно на мое имя.

Отчетъ о поступившихъ пожертвованіяхъ будетъ публиковаться во всеобщее свѣдѣніе въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ и наиболѣе распространеныхъ столичныхъ газетахъ два раза въ годъ, въ январѣ и юлѣ.

Покорнѣйше прошу редакціи всѣхъ русскихъ газетъ столичныхъ и провинціальныхъ перепечатать настоящее воззваніе и не отказать въ своемъ содѣйствіи къ наиболѣе широкому оглашенію его и распространенію среди своихъ читателей и подписчиковъ.

Отъ имени всѣхъ православныхъ русскихъ въ Варшавѣ

Варшавскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ *Гурко*,
1-го мая 1893 года.
г. Варшава.

Вслѣдствіе вышеприведеннаго воззванія, редакція „Ивива“, въ полной увѣренности, что русскіе люди отзовутся съ горячею посильностью на предпринимаемое благое дѣло построенія храма, открыла въ своей конторѣ приемъ пожертвованій, которыя жертвователи благоволятъ высылать по слѣдующему адресу: „Контора журнала „Ивива“, Невскій № 6, для пересылки на сооружаемый храмъ въ городѣ Варшавѣ“.

О пожертвованіяхъ, принятыхъ редакціею, будутъ опубликовываться, по мѣрѣ ихъ поступления, подробные отчеты.

Председатель Славянскаго благотворительнаго общества графъ Н. П. Игнатьевъ (по поводу 25-лѣтія со дня основанія общества). Съ фот. грав. Барановскій.

25-ти-лѣтіе Славянскаго благотворительнаго общества.

Во время „шестидесятыхъ“ годовъ, въ то знаменательное время движенія политической мысли на Руси, представленіе о которомъ ясно въ умѣ каждаго интеллигентнаго современнаго человека, и которое, тѣмъ не менѣе, почти не поддается отчетливому, вполнѣ точному опредѣленію — потому что трудно сказать, было ли это время только увлеченія, броженія, неустойчивое и переходное, или оно послужило, наоборотъ, крѣпкой основой нашей дальнѣйшей жизни и дѣятельности, — въ это время среди русскихъ англомановъ, либераловъ и западниковъ явился небольшой кружокъ людей, не робѣвшихъ высказывать свои взгляды, шедшіе якобы въ разрѣзъ съ господствовавшимъ тогда, моднымъ общимъ стремленіемъ. Стремленіе это было страстное, горячее, не терпѣвшее противорѣчій. И всякое критическое отношеніе къ нему считалось чуть ли не святотатственнымъ отверженіемъ священныя идеи культуры и прогресса. На А. С. Хомякова, братьевъ Кирѣевскихъ, Ю. О. Самарина, Тютчева, Аксаковыхъ и П. Я. Давилевского, являвшихся главными дѣятелями кружка, со всѣхъ сторонъ сыпались всевозможныя обвиненія, глумленія, даже преслѣдованія... Ихъ прозвали сначала въ обиду и въ насмѣшку „славянофламы“, но впоследствии это названіе осталось за ними, какъ почетное имя честныхъ, искреннихъ и славныхъ дѣятелей! Простыя, ясныя до очевидности теперь намъ мысли „славянофиловъ“ тогда не были поняты, ихъ слушать не хотѣли... Англоманы, поклонявшіеся всему англійскому и наивно подражавшіе обычаямъ англичанъ, рабски копируя ихъ, не разумѣли убѣжденій славянофиловъ, которые говорили, что

истинное подражаніе англичанамъ должно заключаться въ приверженности не къ чужому англійскому, но къ своему родному, русскому, и что для того, чтобы быть похожимъ на идеальный типъ англичанина, нужно любить свои русскіе обычаи и свою родную землю такъ же, какъ англичанинъ любитъ свои обычаи и свою старую Англію. Либералы, провозглашавшіе свободу по отживавшимъ образцамъ западно-европейскихъ учрежденій, не хотѣли понять, что славянофилы вовсе не противники свободы, но что они хотятъ сказать только, что у насъ есть свои историческіе образцы проведенія ея въ жизнь. Наконецъ, западники, видѣвшіе только и свѣта, что въ „прорубленномъ окнѣ въ Европу“ Петромъ Великимъ, объявляли славянофиловъ чуть ли не отверженцами общества за то, что они говорили, что мы должны перенимать у Запада только то, что есть тамъ хорошаго, а не преклоняться безусловно передъ всѣмъ заграничнымъ, какъ лакеи передъ господскою волей... Съ тѣхъ поръ прошло не много времени, и вотъ мы съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія являемся свидѣтелями торжественнаго, открытаго празднества двадцатипятилѣтня дѣятельности „Славянскаго благотворительнаго общества“, унаслѣдовавшаго свои идеи и принципы дѣятельности отъ непонятаго въ свое время кружка славянофиловъ.

Основаніемъ этому обществу послужилъ учрежденный въ Москвѣ Славянскій благотворительный комитетъ, съ М. П. Погодинымъ во главѣ, и славянскій съѣздъ 1867 года.

Когда въ Петербургѣ узнали тогда о предстоящемъ прїѣздѣ славянскихъ гостей, то въ небольшомъ кружкѣ петербургскихъ

членовъ Московскаго славянскаго благотворительнаго комитета явилось желаніе принять мѣры для достойнаго приѣма славянскихъ представителей. Былъ устроенъ для этого благотворительный комитетъ, который, спустя годъ, былъ преобразованъ, по мысли В. И. Ламанскаго, въ с.-петербургскій отдѣлъ Московскаго славянскаго благотворительнаго комитета. Отдѣлъ, учрежденный въ 1868 г., просуществовалъ подъ этимъ именемъ до 1877 г. Затѣмъ онъ получилъ болѣе прочное устройство и определенный уставъ и началъ свою дѣятельность, подъ именемъ „С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества“. Главный характеръ дѣятельности общества оставался благотворительнымъ, чуждымъ всякой такъ называемой „политики“. Оно направляло и продолжаетъ направлять главный свои заботы на поддержаніе и развитіе дружественныхъ и миролюбивыхъ, духовныхъ и литературныхъ связей Россіи со всеми славянами, на распространеніе научныхъ свѣдѣній у славянъ о Россіи и въ Россіи—о славянахъ, заботилось объ облегченіи знакомства соплеменниковъ съ русскимъ языкомъ и литературой, помогало и помогаетъ матеріально достойнымъ молодымъ славянамъ, прѣзжающимъ въ Россію для полученія высшаго образованія, и т. п. Для достиженія своихъ цѣлей, съ 1883 года общество стало издавать „Извѣстія С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества“. Изданіе велось до 1889 года. Сверхъ періодическаго органа, общество имѣло много отдѣльныхъ капитальныхъ трудовъ.

Въ теченіе 25-ти лѣтъ своего существованія общество затратило на благотворительныя цѣли *два съ половиною милліона* рублей. Все-же, считая съ расходами по изданіямъ, общество израсходовало 2,403,379 руб. Приходъ его за 25-ти-лѣтіе составлялъ 2,629,247 руб. Въ настоящее время основной капиталъ общества равенъ 103,695 руб. и запасный 104,165 рублей. Оно имѣетъ 30 почетныхъ членовъ, 70 пожизненныхъ и 360 дѣйствительныхъ.

Свое 25-ти-лѣтіе общество праздновало 11-го мая, въ день Свв. Кирилла и Меодія, первоучителей славянскихъ. Торжество началось богослуженіемъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Была отслужена литургия, послѣ которой на молебень вышли: высокопреосвященнѣйшій Палладій, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій, Антоній, архіепископъ Финляндскій, Николай, епископъ Гдовскій, Германъ, членъ Святѣйшаго Синода, и многочисленное духовенство. Вечеромъ состоялось торжественное засѣданіе въ большомъ залѣ дворянскаго собранія. Хоръ г. Архангельскаго исполнилъ тропарь Свв. Кириллу и Меодію, и предсѣдатель общества, гр. Н. П. Игнатьевъ, открылъ собраніе рѣчью, въ которой охарактеризовалъ значеніе дня и празднество событія и сообщилъ краткій очеркъ дѣятельности общества за 25 лѣтъ. Были прочитаны также темы сочиненія на прѣміи имени Гильфердинга въ 3 тысячи и въ 1,000 рублей.

Затѣмъ начались рѣчи. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи

было отдано бывшему предсѣдателю общества, академику Бестужеву-Рюмину, который по болѣзни лично не могъ явиться въ засѣданіе, и рѣчь его была прочитана секретаремъ общества, Аристовымъ. Въ рѣчи этой почтенный дѣятель общества указалъ и напомнилъ заслуги бывшихъ дѣятелей—перваго предсѣдателя общества, проф. Гильфердинга, выдающагося ученаго, даровитаго писателя и—главное—человѣка идей, А. Б. Иванickaго, А. И. Фрейганга, Ор. Ф. Миллера, Н. А. Кирѣева, геройскою смертию доказавшаго свою преданность идею славянства, М. О. Кояловича и, наконецъ, „одного изъ великихъ учителей русской земли“, Ф. М. Достоевскаго.

Затѣмъ графъ Н. П. Игнатьевъ въ немногихъ словахъ упомянулъ о нѣшѣ здравствующихъ дѣятеляхъ, много сдѣлавшихъ для славянства, вообще, и для Слб. славянскаго благотворительнаго общества, въ частности. Графъ Игнатьевъ говорилъ о дѣятельности проф. В. И. Ламанскаго, имя котораго извѣстно всему славянскому міру, академика Б. Н. Бестужева-Рюмина, П. П. Дурново, высокопреосвященнѣйшихъ Іоанникія, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, и Леонтія, митрополита Московскаго и Коломенскаго, высокопреосвященнаго Θεοφoста, архіепископа Нижегородскаго, протопресвитера Янышева, В. К. Саблера, князя П. А. Васильчикова, М. А. Домонтовича, М. П. Островскаго, А. Ф. Бычкова, графа И. Д. Деянова, Я. К. Грота, П. И. Стояновскаго, его высочества Николая, князя Черногорскаго, митрополита Михаила Сербскаго, М. Г. Черныева (ему была устроена при этомъ весьма присутствовавшими шумная овация); въ заключеніе Н. П. говорилъ о заслугахъ неугомиаго секретаря совѣта общества, В. И. Аристова.

Изъ послѣдовавшихъ затѣмъ рѣчей особенно глубокою впечатлѣніе произвела рѣчь сербскаго посланника при Русскомъ Дворѣ, г. Алимпія Васильевича. Онъ говорилъ отъ имени Сербскаго народа, засвидѣтельствовавъ, что самая трудная дѣятельность Славянскаго общества проявилась, именно, въ Сербіи 16 лѣтъ тому назадъ, когда маленькое Сербское княжество, въ союзѣ съ еще меньшимъ княжествомъ Черногорскимъ, объявило войну Турціи за независимость. Сербія вовсе не была тогда подготовлена къ войнѣ: вооруженіе ея было самое плохое: лишнихъ припасовъ не было и, что всего важнѣе, не было денегъ. Турція обложила тогда Сербію почти со всѣхъ сторонъ. Казалось, Сербія должна была быть черезъ нѣсколько дней поработана. Но явилась сильная братская помощь со стороны Славянскаго общества, которое посылало въ Сербію добровольцевъ, врачей, сестеръ милосердія и деньги.

„Славянское благотворительное общество“, заключилъ свою рѣчь сербскій представитель, „явилось въ эпоху священной борьбы великою братскою силою. Въ эту торжественную минуту приношу ему отъ имени сербскаго народа благодарности за его великія братскія услуги. Да здравствуетъ Слб. славянское благотворительное общество! Да здравствуетъ его славное дѣло!“

Научныя и техническія новости.

— Краковскій врачъ Адамкевичъ предлагаетъ *лечить ракъ*, считавшійся до сихъ поръ неизлѣчимою болѣзью, подкожными впрыскиваніями *канкрона*. Жидкость эту онъ получаетъ, растирая свѣжую еще ткань самого рака съ дистиллированной и обезжележенной водою и фильтруя затѣмъ получающуюся при этомъ жидкую кашлицу. По свойствамъ своимъ канкронъ очень сходенъ съ тропичнымъ ядомъ и невриномъ, продуктомъ распада бѣлковыхъ веществъ. Если нейтрализовать неврингъ лимонною кислотою и затѣмъ растворить въ карболовой кислотѣ, то получающаяся жидкость соответствуетъ вполне канкрону. Въ изслѣдованіяхъ своихъ Адамкевичъ исходилъ изъ того предположенія, что клѣточки раковой опухоли не что иное, какъ самостоятельные живые организмы, а именно паразиты изъ рода *Coccidium*. Они названы сарколитами. Выдѣляемый ими ядъ и служитъ причиною заболѣванія и смерти человѣка. Но этимъ же ядомъ, впрыснутымъ подъ кожу больного, можно убить и самихъ виновниковъ болѣзни—

производящихъ ее паразитовъ—и тѣмъ остановить дальнѣйшее развитіе страданія. Сдѣланные до сихъ поръ опыты увѣнчались успѣхомъ.

— Изобрѣтенный электрикомъ Тавернье *термостатъ* даетъ возможность больничному врачу слѣдить изъ своего кабинета за повышеніемъ температуры каждаго лихорадящаго больного, подъ мышкой котораго помѣщенъ измѣрительный приборъ. Передача совершается съ помощью электрическаго тока по проволокамъ, проведеннымъ къ клавишамъ съ нумерами кроватей больныхъ.

— Въ Германіи производятъ теперь опыты съ новымъ *материаломъ*, предложеннымъ для изготовленія *телефонныхъ проволокъ*: алюминиевой бронзой, покрытой мѣдной бронзой. Преимущество такой проволоки заключается въ малой сопротивляемости, оказываемой ею прохожденію электрическаго тока, и въ то-же время въ ея прочности.

— Клеммонъ даетъ легкій способъ *осаждать золото и серебро* изъ раствора золотыхъ и серебряныхъ солей, употребляемыхъ

для фиксированія и окрашиванія фотографическихъ негативовъ. Надо только сильно подкислить растворъ соляною кислотою и опустить туда кусочекъ алюминія. Сейчас же появляются пузырьки, и вся жидкость приходить въ состояніе кипѣнія. На алюминіи же осаждается золото, въ видѣ бурого порошка. Мягкой кисточкой его сбрасываютъ на дно сосуда. Серебро осаждается въ видѣ хлористой соли.

— Къ преимуществамъ *американскихъ виноградныхъ лозъ* предъ европейскими (онѣ не подвергаются нападенію филлоксеры) слѣдуетъ причислить еще одно: по новѣйшимъ наблюденіямъ онѣ превосходно выдерживаютъ холодъ даже въ 27° ниже ноля; французскія же лозы отъ этихъ опытовъ совсѣмъ погибали.

— Хорошимъ средствомъ противъ *мигрени, нервныхъ страданій* (неврастеній) и *надутей болѣзни* оказывается, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ доктора Смирнова, давно уже употребляемый въ народѣ отваръ лисьеваго растенія калуфера (*Mentha romana*).

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

С М Ъ С Ъ.

Фабрика искусственного льда из перегнанной воды открывается в Варшавѣ, по образцу городов Западной Европы. Городъ постановилъ отвести подъ фабрику землю, со слѣдующими условіями: производство льда должно находиться подъ надзоромъ города и достигать не менѣе 1.000 пудовъ въ сутки; стоимость льда съ доставкой на домъ не должна превышать 25 коп. въ сутки.

Кстати прибавить, что въ Петербургѣ ледъ можно получить во всякое время въ ангекахъ.

Самымъ маленькимъ взрослымъ человѣкомъ въ мірѣ слѣдуетъ признать мистера Роберта Гуджа, негра съ острова Аугвила, близъ британской Вестъ-Индіи. Ростъ Гуджа—28 дюймовъ (на 3 дюйма менѣе роста знаменитаго карлика Тома Тумба), а вѣсъ его 46 1/2 фунтовъ. Онъ пользуется отличнымъ здоровьемъ и приглашенъ на выставку въ Чикаго.

Имперскій институтъ Великобританіи, ея колоній и индійскихъ владѣній, торжественно открытъ недавно въ Лондонѣ, предназначается для коллекцій естественныхъ продуктовъ всѣхъ частей Британской имперіи и образчиковъ предметовъ торговли и промышленности ея колоній. Въ институтѣ, кромѣ того, будутъ происходить собранія и лекціи. Огромное зданіе его, стоимее около 3.000.000 рублей, можетъ вмѣстить въ себѣ 4.000 чел. Управление институтомъ ввѣрено комитету изъ 125 лицъ.

Замѣчательный маякъ сооруженъ недавно въ Англіи, на Чаманской отмели, недалеко отъ устья р. Темзы. Маякъ представляетъ правильную усѣченную пирамиду, образуемую восемью стальными столбами, въ 4 вершка толщины каждый, установленными наклонно другъ къ другу и увѣшанными площадкой, на которой устроено помѣщеніе для служащихъ. Вверху виситъ огромный маячный фонарь и подъ нимъ привѣшенъ колоколь для подачи сигналовъ въ туманную погоду.

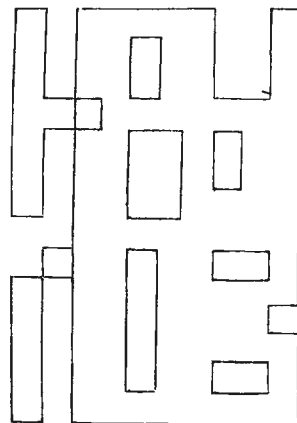
Для изслѣдованія высухшихъ точекъ воздушнаго пространства, въ Парижѣ, 21 марта, подъ руководствомъ известнаго математика Эрмита, былъ спущенъ „Union aerophile“ воздушный шаръ безъ воздухоплавателей, снабженный само-регистрающими барометромъ и термометромъ. Шаръ вмѣщалъ въ себѣ 113 куб. метровъ газа. Два года тому назадъ былъ пущенъ подобнаго рода шаръ, достигшій почти 14.000 метр. высоты; на этотъ разъ Эрмитъ думалъ достигъ 20.000 метр. высоты. Шаръ, пробывъ въ воздухѣ 6 ч. 35 м., тихо опустился у р. Юнны, притока Сены. Судя по полученнымъ показаніямъ, шаръ достигъ крайней высшей

точки—15.500 метровъ, и температура въ этой точкѣ была 21 марта—50° Ц. Метеорологическія наблюденія на высотѣ 15.500 метровъ сдѣланы Эрмитомъ впервые. До него крайній высшій пунктъ, котораго могли достигъ, былъ 11.272 метра. На этой высотѣ получилъ свои наблюденія Глезеръ при своемъ знаменитомъ полетѣ 5 сентября 1862 г.

Первый пневматическій проводъ для передачи почты былъ открытъ недавно въ Филадельфій. Онъ соединилъ главный почтамтъ города съ однимъ изъ почтовыхъ отдѣленій, находящихся на разстояніи полумили. Письма и посылки кладутся въ одинъ конецъ трубы и посредствомъ давленія накачиваемаго въ трубу воздуха выталкиваются въ другой конецъ. Первую посылку опустить самъ генераль-почтмейстеръ Соединенныхъ Штатовъ. Это была библія, завернутая въ американскій флагъ. На посылкѣ сдѣлана была имъ слѣдующая надпись: „Первое употребленіе, которое сдѣлано было въ Соединенныхъ Штатахъ съ первымъ пневматическимъ почтовымъ проводомъ, состояло въ пересылкѣ экземпляра Священнаго Писанія, самаго возвышеннаго посланія, которое міръ когда-либо получалъ. Оно завернуто въ американскій флагъ—эмблему свободы 65 милліоновъ счастливыхъ людей“.

Задача № 15.

Раздѣлить фигуру четырьмя прямыми линиями такъ, чтобы получились буквы, составляющія фамилію одного известнаго писателя.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волонскаго. (Продолженіе).—Лѣченіе сліна. (Шутка. Переводъ съ нѣмецкаго).—Добываніе золота и серебра изъ морской воды. Очеркъ Г. С. Вольте.—Десять минутъ. (Изъ монологовъ Коклена старшаго).—Къ рисункамъ: Уличный гаеръ въ древнемъ Римѣ (съ рис.).—Всемирная Колумбійская выставка въ Чикаго. Зданія главныхъ отдѣловъ выставки (съ рис.).—Дѣти (съ рис.).—Арестъ богатаго марана (съ рис.).—Лисья семья (съ рис.).—Принцъ Георгъ, герцогу Гюркскій, и его невѣста, принцесса Викторія-Марія Тѣкъ (съ 2 портр.).—Памятникъ Берингу (съ рис.).—Открытие Колумбійской всемірной выставки. (Корреспонденція „Нивы“).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Сооруженіе соборнаго храма въ Варшавѣ.—25-лѣтіе Славянскаго благотворительнаго общества (съ портр.).—Научныя и техническія новости.—Заявленіе.—Смѣсь.—Задача.—О перемѣнѣ адреса.—

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волонскій.

Вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ

ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ

новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ. Переводъ подъ редакцію П. Н. ПОЛЕВОГО. Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 вып., каждый—въ роск. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р. Безъ доставки въ Москвѣ (въ Конторѣ Н. Н. Печковской)—13 р. Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

безъ дост.	съ пер.	безъ дост.	съ пер.
при подпискѣ.	4 руб.	5 руб.	къ 1-му августа.
къ 1-му іюня.	2 "	2 "	къ 1-му сентября.
къ 1-му іюля.	2 "	2 "	къ 1-му октября.
			1 " 1 "

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПб., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магаз. Желающимъ ознакомиться съ изданіемъ, 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылается за 50 коп. почтовыми марками, каковая сумма при подпискѣ на все изданіе засчитывается, по желанію подписчика, въ счетъ подписной платы.

938 верстъ сдѣлано въ 42 часа на велосипедѣ Руднѣ.

Представители Кн. Руджъ Абачинъ и Орловъ.

Москва, Мясницкая, домъ Сытова. Ц. № 6393 3-3

27 1/2 версты въ 12 часовъ.

Англискіе велосипеды заводоу: Зингеръ и №. и Компан. „Триумфъ“.

Представитель: Генрихъ Георгиевичъ ЖЕМЛИЧНА.

Москва, уголъ Тверской и Газетнаго переулка, домъ Фальцъ-Фейль, виг. № 19.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО

АМОСТРОУМОВА

ОБЪЕДЛОВИНОЙ ПЕРХОТЪ

УВѢЖАЕМЪ ОПРАВИТЕЛЬНОСТЬЮ СЪ ПЕРХОТЪ

КУРСКЪ № 11 ВЕТЕРИНАРНАЯ АКАДЕМІЯ

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ

ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА

составленный

Л. П. СЕРГѢЕВЫМЪ.

ИЗДАНІЕ 2-е, дополненное новыми рисун. Цѣна въ лигроф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 коп. Съ требованіями обращаться въ СПб., въ контору журн. „Нива“, Невскій, д. № 6.

УДОЧКИ

и всѣ вообще принадлежнсти для рыбной ловли получены изъ Англіи въ большомъ выборѣ въ магазинѣхъ С. И. Дойникова въ СПб.-гѣ, Невскій пр., Милютинъ рядъ, д. Лѣсниковой

№ 27—18, и въ Гостиномъ дворѣ № 73 по Садовой. Иллюстр. прейс-курранты рыб. принадлежностей высылаются бесплатно.

Новая американская скоропишущая машина

„ГАЛЛЬ“. № 6228 (2)

Лучшая пишущая машина въ мірѣ. Одна и та же машина пишетъ на всѣхъ языкахъ, каждый языкъ по десяти и болѣе различныхъ шрифтовъ. Цѣна машины 75 р., каждаго шрифта 3 р. Описание съ изображеніемъ машины въ натуральную величину и пробные шрифты бесплатно. Единственный представитель для всей Россіи Торговій домъ Э. ШТЕМПЕЛЬ въ г. Одессѣ. Приглашаются агенты во всѣхъ городахъ.

1865. ТОВАРИЩЕСТВО 1870.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26-8

въ особенности на **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ**

право пользования которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
ДРА ЛЕНГИЛЯ
 въ ВѢНѢ
 для БѢЛЫХЪ, СМЯГЧЕНІЯ
и ЧИСТОТЫ
КОЖИ, ЛИЦА
и РУКЪ
 Придаетъ Кожи Свѣжій Видъ,
 рекомендуется какъ
 Хорошее Туалетное Мыло
 Настоящее только за подписью
 Единственнаго Агента
 Василия Аурихъ въ С.-Петербургѣ.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.
 Цѣна 35 коп.
 Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-
 мерныхъ магазинахъ. III. № 6271 14-13

4711

О-ДЕ-КОЛОНЪ.

СЪ ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫМЪ
ЯРЛЫКОМЪ 2 2
 Ц. № 6369
 Продается во всѣхъ лучшихъ
 аптекарскихъ и парфюмерныхъ
 магазинахъ Россіи.
 Требуется ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫЙ ЯРЛЫКЪ.
ПОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛЮКЪ!!

EAU DENTIFRICE

BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
 Средство для полосканія рта, уничтожаетъ
 запахъ во рту. № 5421 (27)
 Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ под-
 дѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ
 и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

„КАПРИЗЪ НЕВЫ“ ДУХИ — „Капризъ Невы“
 О-ДЕ-КОЛОНЪ — „Капризъ Невы“
 МЫЛО — „Капризъ Невы“
 „Мюсъ“ Духи | послѣднія новости | „Мюсъ“ Мыло
 С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ | и О-де-колонъ |
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
 Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются пре-
 красными достоинствами и изготовлены для вы-
 Ц. № 6281 | ставки въ ЧИКАГО. | 15-7
 СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9.
 Невскій, 69.
 Москва, Никольская, д. Шереметева.
 Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ
 Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е издание.
 Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

XXIV г.
№ 22

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выданъ 29 мая 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются са-
 строку непарейль (1/4 шир.
 стран) въ Глав. Кон. Ред. по
 1 руб.—Загран.: для Франціи
 у Agence Navas по 3 fr., для
 Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
 dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

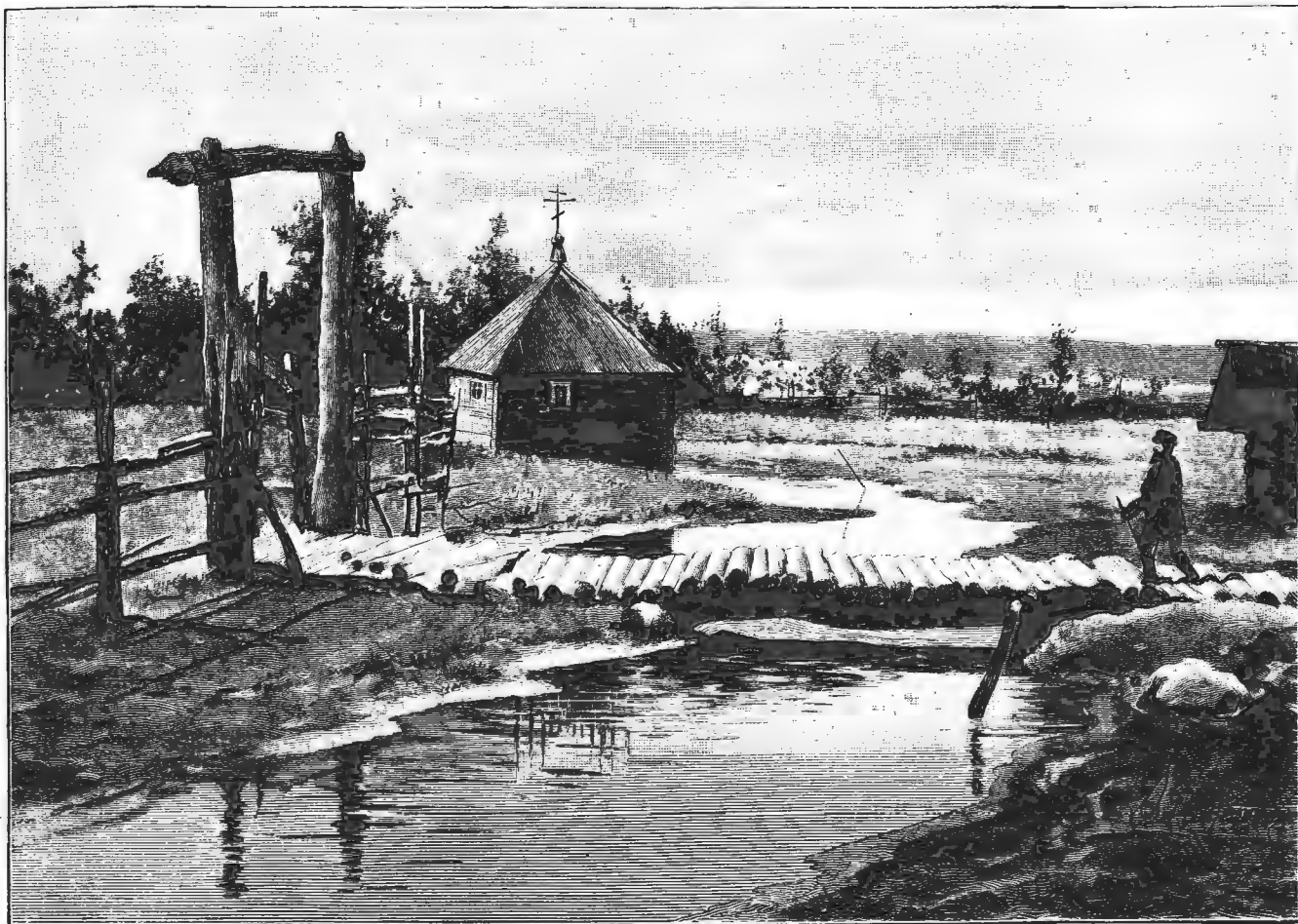
Безъ доставки въ Петер-
 бургъ **5 р.**
 Съ доставкою въ Петер-
 бургъ **6 р. 50 к.**

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конг. объявл.
 Н. И. Печковской, Петровск Торг. лин. **6 р.**
 Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
 рода Россіи. **7 р.**

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **10 р.**
 На 1/4 года безъ дост. **1 р. 25 к.**, съ дост. въ П.-бургъ **1 р. 75 к.**, съ перес. иногор. **1 р. 75 к.**
 На 1/2 года безъ дост. **2 р. 50 к.**, съ дост. въ П.-бургъ **3 р. 50 к.**, съ перес. иногор. **3 р. 50 к.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особія приложенія при
 „НИВѢ“ объявленія отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Истокъ Волги близъ деревни Волговерховье. Ориг. рис (собств. „Нивы“) А. Рябушина, грав. Рашевскій.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

XII.

Неосторожность.

— А!.. вотъ кого я вижу, встрѣтилъ Торичіоли Артемія, который входилъ, нагибаясь, въ низкую дверь при- давленной потолокомъ горницы заѣзжаго двора.

Итальянецъ сидѣлъ въ почетномъ углу у чистаго, выскребленнаго липоваго стола, на которомъ стояла передъ нимъ крынка съ молокомъ и лежалъ большой кусъ хлѣба.

— Вотъ давно не видались, продолжалъ онъ,— съ самага прїѣзда, съ вашего... ну, гдѣ вы и что вы, какъ устроились въ Петербургѣ, какъ живете?..

Торичіоли, у котораго сломалась одноколка, обреченный судьбою волей-неволей на то, чтобы пробыть на заѣзжемъ дворѣ, пока не починятъ ему экипажа, про- бовалъ, было, развлечься, спросивъ себѣ крынку молока, но теперь для него, въ лицѣ Артемія, явилось еще болѣе интересное развлеченіе, и онъ ему очень обра- довался.

Но Артемій довольно холодно отвѣтилъ на его при- вѣтствіе. Ему, вообще, было неприятно въ томъ состоя- нии, въ которомъ онъ находился, встрѣтиться съ кѣмъ- нибудь, а еще болѣе со знакомымъ.

Нужно будетъ разговаривать съ нимъ, отвѣчать на его вопросы, а именно Артемію хотѣлось, чтобы его оставили въ покоѣ и не трогали-бы его.

— А Эйзенбахъ-то, Карль, продолжалъ Торичіоли, котораго мы съ вами считали мертвымъ—помните, еще рассказывали мнѣ подробности,—живъ, вѣдь, оказался. Онъ вернулся въ числѣ возвращенныхъ плѣнныхъ... старички родители его такъ были рады.

— Да? равнодушно сдѣлалъ Артемій—и, пройдя мимо стола, сѣлъ не къ нему на лавку, а дальше, въ про- тивоположный уголъ.

„Онъ сердится, сообразилъ Торичіоли,—зачѣмъ я до сихъ поръ не отдалъ ему его денегъ... съ самага, съ Кенигсберга... вотъ оно что...“ Но сейчасъ-же онъ посиѣ- шилъ себя успокоить тѣмъ, что теперь он не можетъ онъ отдать своего долга, но что отдастъ, какъ только смо- жетъ.

И съ видомъ тоже вполне равнодушнымъ онъ при- нялся ѣсть круглою, деревянною ложкой свое молоко.

— Который часъ, Іосифъ Александровичъ? спросилъ Артемій,—у васъ есть часы?..

Торичіоли, не слѣша, вынулъ часы и сказалъ, кото- рый часъ.

Было вовсе не такъ поздно, какъ думалъ Артемій; прямою дорогой и быстрою ѣздой—онъ наверсталъ на- столько времени, что могъ уже не торопиться.

Это успокоило его по отношенію къ поѣздкѣ, но не могъ онъ, конечно, успокоиться совсѣмъ!.. Въ глазахъ его все время стояла Ольга. Она казалось ему такою прекрасной, какою онъ даже въ мечтахъ не помнилъ ее... Сегодня она особенно была хороша—и какъ бѣ- лое платье шло къ ней, и какъ красиво облокотилась она на рѣшетку, и зеленъ кругомъ, и самая рѣшетка эта, и все было красиво.

Въ виски Артемія стучало, кровь прилила у него къ головѣ. Онъ самъ усталъ отъ своей бѣшеной скачки; солнце такъ пекло,—что потъ съ него лилъ градомъ; мундиръ его былъ покрытъ толстымъ слоемъ пыли; въ низенькой горницѣ было жарко и душно.

Артемій и вошелъ-то сюда, чтобы вымыться только и освѣжить себя, помочивъ голову, но чего тутъ си- дѣлъ Торичіоли?..

— Отчего вы на воздухѣ не остались? спросилъ онъ опять итальянца.

Тотъ отвѣтилъ, что тамъ еще хуже, потому что нѣтъ совсѣмъ тѣни и сѣсть некуда, а на солнцѣ просто не- возможно оставаться...

— Сегодня такая жара, продолжалъ онъ,—что я жа- лѣю, что выѣхалъ; мнѣ хотѣлось навѣстить тутъ одного земляка—Одара—онъ управляющимъ на мызѣ... да вотъ одноколка сломалась—послалъ за кузнецомъ... А вы куда ѣдете?..

Странная вещь произошла теперь съ Артеміемъ: послѣ разговора своего съ Ольгой, онъ потерялъ со- всѣмъ внутреннее свое равновѣсіе. Самообладаніе ис- чезло въ немъ, и онъ чувствовалъ, что не можетъ вла- дѣть собою настолько, чтобы скрыть то, что происхо- дитъ въ душѣ у него...

Когда Торичіоли назвалъ Одара, онъ невѣльно взгля- нулъ на него, не успѣвъ скрыть удивленія въ своемъ взглядѣ.

— А вы тоже къ нему? подхватилъ тотъ.

И Артемій не имѣлъ силы не отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Да, отвѣтилъ онъ,—я тоже къ Одару.

Онъ потому отвѣтилъ такъ прямо, что чувствовалъ, что Торичіоли все равно понялъ уже, что они ѣхали къ одному и тому же лицу, и что, если бы онъ далъ неопредѣленный отвѣтъ, то отвѣтъ этотъ еще хуже выдалъ бы его.

Къ тому же они могли встрѣтиться и у самага Одара потомъ.

— Вотъ какъ! протянулъ итальянецъ,—значитъ, намъ по дорогѣ... я и не зналъ, что вы знакомы съ нимъ... Гдѣ-же вы познакомились и по какому поводу?..

— У меня—порученіе къ нему изъ Кенигсберга— тамъ одинъ докторъ просилъ передать ему письмо.

Въ это время чухонецъ-работникъ принесъ ведро хо- лодной колодезной воды, глиняный тазъ и ручникъ.

— Та воду-то ринесь... заявилъ онъ, разставляя тазъ и ведро на лавку.

Артемій покосился на Торичіоли.

— Ахъ, пожалуйста—мойтесь при мнѣ, поспѣшилъ предупредить тотъ, понявъ, что молодой человекъ стѣ- сняется при немъ.

Артемій не заставилъ повторить приглашенія.

Онъ скинулъ мундиръ, засучилъ рукава и, ощущая освѣжающее прикосновеніе студеной воды, съ удоволь- ствіемъ опустилъ въ нее руки и сталъ плескать себѣ въ лицо.

Въ дверь просунулась бородатая голова дворника.

— Ваше благородіе, баринъ милый,—съ лошадкой-то вашей что-то неладное... проговорилъ онъ Артемію.

Артемій поднялъ, нагнувшись надъ тазомъ, голову и обернулся къ двери.

— Я говорю, лошадка ваша... того... повторилъ дворникъ.

— Что того? нетерпѣливо сдѣлалъ Артемій и, ви- димо, безпокоясь о лошади, схватилъ ручникъ и, ути- раясь на ходу,—пошелъ, какъ былъ, въ одномъ камзолѣ, смотрѣть, что сдѣлалось съ нею.

Торичіоли въ избѣ остался одинъ.

Сильно его занимало—зачѣмъ Артемій, молодой офи- церъ, человекъ военный, ѣдетъ къ пьемонтцу Одару, управляющему собственной мызой императрицы.

Объясненіе относительно доктора казалось ему по- дозрительнымъ.

Брошенный на скамейку мундиръ Артемія сильно соблазнилъ его.

Нѣсколько секундъ онъ просидѣлъ въ нерѣшимости. Артёмій медлилъ возвращеніемъ.

Торичіоли всталъ, и на цыпочкахъ, точно его движенія могли быть слышны тамъ, на дворѣ, подкрался къ скамейкѣ. Осторожно, двумя пальцами приподнялъ онъ мундиръ и, перевернувъ его, бросилъ такъ, что лѣвый рукавъ высунулся наружу. Потомъ онъ прислушался, не идутъ-ли назадъ въ избу.

Ему послышались шаги. Онъ отскочилъ назадъ и подошелъ къ двери. Пріотворивъ ее, заглянулъ онъ на дворъ.

На противоположной сторонѣ двора, подъ навѣсомъ, стоялъ у лошади Артёмій съ дворникомъ и что-то объяснялъ ему.

Чухонецъ-работникъ тащилъ охапку сѣна. Видимо, всѣ были заняты.

Торичіоли закрылъ дверь, быстро вернулся къ скамейкѣ, ошупалъ обшлагъ у рукава (тамъ ясно чувствовалась бумага) и, не теряя ни минуты времени, отстегнулъ пуговицы обшлага.

Бумага, лежавшая тамъ, оказалась вовсе не письмомъ. Это былъ сложенный вчетверо листъ.

— Впрочемъ, мелькнуло у Торичіоли,—если бъ тутъ было что-нибудь важное—онъ не оставилъ бы мундира.

И — былъ одинъ мигъ — онъ хотѣлъ сунуть бумагу обратно, боясь, что придутъ сейчасъ... но онъ держалъ ее въ рукахъ, и любопытство превозмогло.

Торичіоли развернулъ бумагу, длинный рядъ фамилій стоялъ на ней, — однѣхъ фамилій съ поименованіемъ полковъ — и только. Но этого „и только“ было больше, чѣмъ довольно, для Торичіоли. Онъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

Одаръ — управляющей императрицы... офицеръ везетъ къ нему списокъ военныхъ, изъ разныхъ полковъ... Не даромъ, значитъ, доносили въ канцелярію о недовольствѣ въ гвардіи... вотъ оно что... теперь все ясно... а главное, ясно, что въ этомъ списокѣ заключается цѣлое состояніе, цѣлое богатство, въ видѣ награды тому, кто сумѣетъ воспользоваться имъ.

И Торичіоли, сунувъ бумагу къ себѣ въ карманъ, трясушимися отъ волненія пальцами сталъ застегивать обшлагъ.

XIII.

Несчастіе.

Когда Артёмій вернулся въ избу, Торичіоли, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ у стола и равнодушно смотрѣлъ въ окно.

— Ну, что ваша лошадь? спросилъ онъ, какъ будто и, въ самомъ дѣлѣ, интересовался лошадыю, а не тѣмъ, чтобы поскорѣе уѣхалъ Артёмій.

— Ничего — пустяки, отвѣтилъ тотъ, — она устала и дрожитъ — я велѣлъ обтереть ее водкой, и на ней хоть сейчасъ можно будетъ ѣхать дальше.

— Такъ вы ѣдете, значитъ?

— Да, я думаю...

И, говоря это, Артёмій поспѣшно надѣлъ мундиръ, простился съ Торичіоли и вышелъ изъ горницы.

— Передайте, пожалуйста, Одару, что, вѣрно, я ужъ не попаду къ нему сегодня, сказалъ вслѣдъ ему итальянецъ.

Черезъ нѣсколько времени, онъ съ облегченнымъ сердцемъ увидѣлъ въ окно, какъ Артёмій верхомъ выѣхалъ изъ воротъ, и какъ потомъ по дорогѣ залубилась пылъ подъ ногами его лошади.

Артёмій ѣхалъ и все думалъ объ Ольгѣ. Что сдѣлалось съ нею, отчего она была такая? — Комедіи она играть не могла, но и не могла она забыть, въ самомъ дѣлѣ, всего, что было между ними, — такъ забыть, чтобы и слѣда не оставалось въ ней; а между тѣмъ только при такомъ условіи могла она вести себя такъ...

Но что же это значило?..

И Артёмій въ сотый разъ и на сотый ладъ переби-

ралъ всѣ обстоятельства, всѣ причины, въ силу которыхъ можно было объяснить поведеніе Ольги, но ни одна изъ этихъ причинъ не выдерживала мало-мальски серьезнаго обсужденія и сейчасъ же рушилась сама собою.

Артёмій терялся въ догадкахъ и не могъ найти выхода изъ ихъ лабиринта.

„Посоветоваться развѣ съ графомъ, пришло ему въ голову, — рассказать ему?“ Но и эту мысль, на которой онъ остановился, было, въ первую минуту съ удовольствіемъ, — онъ тотчасъ-же отогналъ.

Ему показалось не только неудобнымъ, но и совершенно неумѣстнымъ лѣзть теперь со своимъ чисто личнымъ дѣломъ, въ то время, когда они, общими силами, работали надъ другимъ, болѣе важнымъ, конечно, не для Артёмія, но для всѣхъ ихъ, дѣломъ...

„Да, потомъ, потомъ, повторялъ онъ себѣ, — потомъ, когда все устроится, тогда...“

Но тогда — она уже уѣдетъ, вѣроятно?..

„Ахъ, Боже мой — что-же дѣлать, что дѣлать тутъ!..“ съ отчаяніемъ почти думалъ уже Артёмій, подѣзжая къ мызѣ.

Онъ засталъ графа въ одеждѣ, парикѣ и очкахъ Одаря; онъ сидѣлъ у себя за письменнымъ столомъ первой комнаты и занимался, повидимому, счетами и книгами по хозяйству.

— Привезли? обернулся онъ къ Артёмію, видя, что тотъ отстегиваетъ обшлагъ.

— Да, привезъ... отвѣтилъ Артёмій, и вдругъ измѣнился въ лицѣ... Отстегнувъ пуговицы, онъ запустилъ за обшлагъ руку. Тамъ бумаги не было...

Онъ растерянно сталъ ошупывать себя... Глаза его остановились въ нѣмомъ ужасѣ... Потерять списка или выронить его было немисливо — слѣдовательно... Кто-нибудь вынулъ его, растегнувъ обшлагъ... но кто?..

— Торичіоли! вдругъ громко крикнулъ Артёмій... и, пошатнувшись, схватился за стулъ, чтобы не упасть...

Графъ поднялся со своего мѣста.

Въ этомъ растерянномъ и пораженномъ ужасомъ испуга молодомъ человѣкѣ онъ не могъ узнать прежняго ученика своего, Артёмія, кажется, до сихъ поръ понимавшаго его уроки и вдругъ дошедшаго до того, чтобы потерять всякое самообладаніе.

— Что съ вами? опомнитесь! проговорилъ онъ, подходя къ Артёмію.

— Графъ... графъ... повторялъ тотъ внѣ себя, — все потеряно... все пропало... все кончено... это несчастіе... я несчастный человѣкъ... я погубилъ все... этотъ списокъ, который я везъ... гдѣ были записаны всѣ...

— Ну?

— Онъ у Торичіоли! крикнулъ опять Артёмій, не только не владея собою, но не владея даже своимъ голосомъ, который то спалъ, то повышался у него теперь помимо его воли.

Графъ нахмурилъ брови.

— Пройдемте сюда, сказалъ онъ и провелъ Артёмія въ слѣдующую свою комнату, дверь которой заперъ, войдя, на ключъ.

— Сядьте и рассказывайте все по порядку, приказалъ графъ.

Для Артёмія, какъ только онъ не нашелъ за обшлагомъ несчастнаго списка, все стало ясно въ ту-же минуту. Онъ помнилъ и отлично зналъ, что не забылъ его дома; но онъ помнилъ тоже, что имѣлъ неосторожность оставить мундиръ въ избѣ, когда выходилъ осматрѣть лошадь...

И въ краткихъ, едва понятныхъ и связанныхъ между собою, словахъ рассказалъ онъ самую суть дѣла.

— Графъ, заговорилъ онъ, не успѣвъ кончить разсказа, — ради Бога, поѣдемте сейчасъ вмѣстѣ, вы можете еще помочь... вы, все можете... я знаю... Я готовъ на все — возьмите жизнь мою... я отдамъ ее... только верните этотъ списокъ...

Его Императорское Высочество Великий Князь Владиміръ Александровичъ.

Съ фот. Левицкаго, грав Шюблеръ

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна

Съ фот. Левницкаго, грав. Шюблеръ.

Графъ, молча, не торопясь, но и не теряя времени, снялъ, слушая Артемія, свой парикъ, очки и платье, досталъ коричневый суконный кафтанъ изъ шкапа, черные чулки и башмаки, и не успѣлъ опомниться Артемій, какъ Сень-Жерменъ изъ Одара превратился въ доктора Шенинга.

— Мы ѣдемъ, мы ѣдемъ сейчасъ, мы догонимъ его на дорогѣ... съ проблескомъ радости воскликнулъ Артемій.—Я силой, понимаете, силой отниму у него.

Графъ подошелъ и положилъ руку ему на плечо.

— Прежде чѣмъ мы поѣдемъ, тихимъ голосомъ сказалъ онъ,—скажите мнѣ, что случилось съ вами?.. ваша неосторожность такъ несообразна, что я не могу допустить, зная васъ, что она была безъ какой-нибудь причины... и очень, вѣроятно, серьезной причины... Скажите мнѣ ее...

— Я не знаю, началъ было Артемій,—я понять не могу, но я потерялъ голову...

— Причину, причину, однимъ только словомъ... перебилъ его графъ, не отымая руки съ его плеча и трянувъ головою.

Артемій зналъ способъ того лаконическаго разговора, который любилъ графъ, и который былъ возможенъ только съ нимъ, понимавшимъ иногда не съ намека даже, а просто читавшимъ въ мысляхъ своего собесѣдника... и онъ чуть слышно отвѣтилъ ему однимъ словомъ:

— Ольга!..

— Вы видѣли ее?

— Да.

— Говорили?

— По дорогѣ у рѣшетки сада...

— А! сдѣлалъ графъ, и первый разъ въ жизни Артемій замѣтилъ въ немъ отдаленный намекъ на тревогу...

Странно было это. Онъ остался совершенно какъ всегда, спокоенъ, при извѣстїи о пропажѣ сниска и вдругъ теперь—что-то случилось съ нимъ...

— И что-жъ она?.. спросилъ онъ снова.

Артемій пояснилъ, какова ему показалась Ольга—и что онъ чувствовалъ послѣ разговора съ ней.

Сень-Жерменъ закрылъ на минуту глаза.

— Да, проговорилъ онъ,—причина серьезна, и, можетъ быть, въ ней виноватъ я больше, чѣмъ вы... ѣдемте...

Черезъ четверть часа они уже сидѣли на свѣжихъ, осѣдланныхъ лошадяхъ и крупною рысью ѣхали по дорогѣ въ городъ.

Артемій думалъ, что они поскачутъ съ мѣста. Ему хотѣлось вихремъ понестись въ догоню Торичіоли, но графъ держалъ все время рысь, и Артемій долженъ былъ слѣдовать за нимъ.

Они ѣхали, молча, не сказавъ другъ другу больше ни слова вилоть до заѣзжаго двора на половинѣ дороги.

У этого двора Артемій, къ радости своей, увидѣлъ сломанную одноколку Торичіоли, стоящую еще тамъ...

XIV.

Старые счеты.

Артемій обрадовался, увидѣвъ у заѣзжаго двора одноколку Торичіоли, потому что счетъ это признакомъ того, что итальянецъ еще не уѣхалъ...

— Онъ здѣсь!.. сказалъ онъ графу,—онъ здѣсь еще... видите это,—его сломанный экипажъ.

Но графъ, не отвѣчая, ѣхалъ дальше, не укорачивая и не прибавляя шагу своей лошади...

— Графъ!—Торичіоли здѣсь... повторилъ Артемій.

Отвѣта не было.

Артемій одинъ повернулъ ко двору.

Но Сень-Жерменъ и на этотъ разъ, какъ всегда, оказался правъ: нужно было ѣхать впередъ, не останавливаясь.

Артемію объяснилъ дворникъ, что господинъ, кото-

рый прїѣхалъ въ одноколку, сказалъ, что ждать ему надоѣло, и тотчасъ-же по отъѣздѣ Артемія,—вымѣнялъ у него, дворника, охотничье сѣдло на одноколку, велѣлъ осѣдлать лошадь и шибко поскакалъ въ городъ.

„Да, все кончено! снова ужаснулся Артемій,—все кончено, если онъ не поможетъ!“...

Единственная надежда его теперь была на графа.

И онъ, догнавъ его на дорогѣ, послушно уже поѣхалъ за нимъ, ожидая лишь приказанія, что дѣлать, и рѣшивъ оставить всякую личную инициативу въ сторонѣ...

„Боже мой, думалъ, слѣдуя за графомъ, Артемій,—и зачѣмъ я поѣхалъ по этой дорогѣ, зачѣмъ я остановился на этомъ дворѣ, зачѣмъ встрѣтился съ Торичіоли!.. Да, не имѣй я слабости остановиться у забора Проскуровскаго сада—ничего-бы этого не было, можетъ быть... Конечно, не будь этой причины,—все-бы обстояло благополучно... Но онъ назвалъ эту причину серьезной... Онъ сказалъ, что тутъ, можетъ быть, и его вина“...

И Артемій рѣшительно уже не могъ понять, какимъ образомъ Ольга могла по винѣ графа забыть его, Артемія, т. е. свое чувство къ нему...

Жаръ начиналъ спадать, когда они подѣхали къ Петербургу.

Только у самой рогатки Сень-Жерменъ обернулся къ Артемію.

— Поѣзжайте сейчасъ къ Орлову, сказалъ онъ ему, и ждите меня тамъ...

Сказавъ это, графъ повернулъ куда-то въ сторону и скоро исчезъ изъ глазъ Артемія.

Артемій опустилъ голову и тихо поѣхалъ къ Орлову.

Разставшись съ Артеміемъ, Сень-Жерменъ быстро сталъ поворачивать изъ одного закоулка въ другой, ни разу не сбившись въ путаницѣ заборовъ и домовъ, между которыми были, въ этой отдаленной отъ центра части Петербурга, не улицы, а проѣзды неправильные и случайные. Но онъ пробирался между ними, словно ѣхалъ по родному ему, давно знакомому, городу, твердо зная направленіе, котораго слѣдовало ему держаться...

Вотъ онъ миновалъ, наконецъ, этотъ лабиринтъ закоулковъ, миновалъ небольшую рошу—остатокъ непроходимого когда-то лѣса, покрывавшаго сравнительно недавно—лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, эту часть Петербурга, и очутился на сравнительно отдаленномъ берегу рѣки Фонтанной... Здѣсь, за высокими, деревянными заборомъ, среди густой зелени стоялъ новый деревянный домикъ подъ тесовою, блестящею, какъ серебро, на солнцѣ крышею.

Подѣхавъ къ калиткѣ, графъ соскочилъ съ лошади и постучался въ кольцо,—черезъ нѣсколько секундъ послышались за калиткой по проложеннымъ къ ней мосткамъ тихіе шаги, засовъ звякнулъ, дверца открылась, и за нею показалась высокая фигура стараго кенигсбергскаго слуги Сень-Жермена...

Онъ поклонился графу и пропустилъ его.

„А что, какъ онъ вдругъ уѣдетъ! пришло внезапно въ голову Артемія, по дорогѣ къ Орлову,—мы выданы теперь, выхода нѣтъ—можетъ быть, теперь уже все извѣстно, и онъ, велѣвъ мнѣ ѣхать къ Орлову, самъ бѣжитъ изъ Петербурга, чтобы спастись самому, а насъ оставитъ на произволъ судьбы!“...

Но это былъ одинъ только мигъ, что у Артемія мелькнула эта мысль про графа, и онъ сейчасъ-же отогналъ отъ себя эту подлую мысль, стыдясь за нее самъ передъ собою...

„Вотъ какъ все-таки гадокъ человекъ! чувствуя, что краска покрываетъ его щеки, продолжалъ думать Артемій,—самъ кругомъ виноватъ—изъ-за меня все происходитъ, и самъ-же думаю про другихъ дурно, потому только, что самъ дурное сдѣлалъ“...

Войдя въ калитку дома, Сень-Жерменъ обернулся къ старику.

— Все-ли у васъ готово—по обыкновению, Иоганнъ? спросилъ онъ его.

— Графъ собирается ѣхать сейчасъ? отвѣтилъ Иоганнъ вопросомъ,—въ такомъ случаѣ, карета, какъ всегда, къ услугамъ вашего сіятельства—и на всѣхъ пунктахъ остановокъ, вплоть до Парижа, ждутъ перемѣнные лошади...

— Да, мнѣ сейчасъ нужна карета, но только не для далекаго путешествія — я ѣду въ городъ, кучера не нужно. Вы сами сядете на козлы...

Иоганнъ, очевидно, давно приученный къ странному образу жизни графа, — не медля, не удивляясь и не расспрашивая—пошелъ исполнять его приказаніе.

Сень-Жерменъ, въ ожиданіи, облокотился на загородку, отдѣлявшую дворъ отъ разбитаго передъ домикомъ палисадника.

Ждать однако пришлось ему не долго.

Почти сейчасъ-же, словно бочка пожарной команды по сигналу, —изъ-за дома выѣхала царная карета съ старымъ Иоганномъ на козлахъ, вмѣсто кучера, а кучеръ бѣжалъ открывать ворота и отвести въ конюшню лошадей, на которой пріѣхалъ графъ.

— Къ Джузеппе Торичіоли, проговорилъ Сень-Жерменъ, садясь въ карету.

Джузеппе жилъ на лучшей улицѣ города, на Невскомъ, вблизи Казанскаго собора. Онъ занималъ очень приличное помѣщеніе, устроенное однако не на манеръ барскихъ жилищъ, а примѣнительно къ вкусамъ и привычкамъ иностранца.

Къ нему можно было попасть съ параднаго крыльца, не останавливаясь у него непременно въ дорогомъ экипажѣ съ гайдуками и гусарами, которые бѣжали докладывать о пріѣздѣ своего барина, встрѣчали на крыльцѣ лакеевъ хозяйна дома, и тѣ, въ свою очередь, шли докладывать пріѣзжему, что его просятъ пожаловать... Такъ водилось у баръ, и добрыхъ полчаса проходило въ этихъ докладахъ, церемоніяхъ и переходахъ... У Торичіоли-же просто, по заграничному образцу, висѣлъ у двери молотокъ, которымъ могъ постучать всякій.

Дверь открылъ Сень-Жермену знакомый ему Петручіо, служившій теперь у итальянца.

Но Петручіо, знавшій графа подъ видомъ Одара, не узналъ его теперь. Онъ никогда не видалъ настоящаго лица Сень-Жермена.

— Вашъ господинъ дома? спросилъ графъ по-итальянски.

Петручіо пожалъ плечами...

— Извините, сеньоръ — но сеньора Торичіоли нѣтъ дома...

— Развѣ онъ не вернулся еще?..

— О, нѣтъ, онъ вернулся, но сейчасъ-же уѣхалъ опять... per basso, сеньоръ, дома нѣтъ его...

До тѣхъ поръ, пока Петручіо не побоялся, было еще сомнѣніе—дома-ли Торичіоли и только не велѣлъ принимать никого, или онъ, дѣйствительно, ушелъ, но теперь, — можно было навѣрное сказать, что онъ дома.

— Сеньоръ Торичіоли, вѣрно, приказалъ лишь сказать вамъ такъ, возразилъ Сень-Жерменъ,—но меня вы можете провести къ нему...

— Per basso... началъ было опять Петручіо, но графъ не далъ говорить ему.

— Вы можете провести меня, повторилъ онъ и поднялъ руку, на которой у него на среднемъ пальцѣ было агатовое кольцо.

Увидавъ кольцо, Петручіо, не возражая больше, молча, поклонился и повелъ Сень-Жермена въ комнаты.

Они прошли небольшую прихожую, потомъ залу, столовую.

— Сеньоръ Торичіоли здѣсь... сказалъ шопотомъ итальянецъ-лакей, показавъ на дверь, ведущую въ слѣдующую комнату, и на цыпочкахъ поспѣшно скрылся.

Графъ взялся за ручку двери и быстро распахнулъ ее. Торичіоли сидѣлъ у бюро и спѣшно переписывалъ что-то... Не трудно было догадаться, что это завѣтный списокъ.

Когда Торичіоли слышалъ звукъ распахнувшейся двери—онъ прежде всего инстинктивнымъ движеніемъ закрылъ бюро и вскочилъ со своего мѣста, закрывъ его собою... Но когда онъ увидѣлъ на порогѣ комнаты Сень-Жермена, т. е. человѣка, съ которымъ у него были такіе давнишніе счеты, и который вторично уже появлялся словно изъ-подъ земли какъ разъ въ тотъ моментъ, когда готовы были исполниться планы его относительно внезапнаго богатства,—онъ вздрогнулъ весь и крѣпче прислонился къ своему бюро, потому что отступить было некуда.

Поразиться—Торичіоли поразился ужасно, но именно вслѣдствіе его необычайнаго испуга, изумленія, словомъ, чувства, охватившаго его,—вышло очень смѣшно все, что онъ сдѣлалъ при появленіи графа.

Руки его опустились, лицо вытянулось и глаза заморгали, словно онъ хотѣлъ смигнуть кажущееся ему виднѣе, въ дѣйствительность появленія котораго не вѣрить.

Но явившійся къ нему человѣкъ заговорилъ, и, услышавъ его голосъ, Торичіоли долженъ былъ убѣдиться, что передъ нимъ не обманчивый образъ, созданный его фантазіей, а вполне реальный человѣкъ.

— Вы узнали меня, конечно... проговорилъ графъ.

„А, подумалъ Торичіоли,—онъ теперь спрашиваетъ меня узналъ-ли я его—конечно, узналъ, еще-бы не узнать!—но только, теперь посмотримъ... выдержи-ли я“...

Теперь Торичіоли былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ въ Проскуровѣ, и положеніе его было совсѣмъ иное.

Тогда онъ вполне зависѣлъ отъ другихъ, жилъ на жалованьи, на чужихъ хлѣбахъ, теперь онъ былъ самостоятеленъ, теперь у него въ Петербургѣ имѣлись знакомства и даже вліятельныя; онъ былъ своимъ человѣкомъ въ военной канцеляріи, его знали многіе, и чуть что — ему было теперь къ кому обратиться и у кого искать защиты и покровительства... Онъ имѣлъ возможность при случаѣ дойти и до самого государя...

Очевидно, что этотъ человѣкъ, врагъ его, врагъ, счастье котораго въ молодости разбилъ Торичіоли, пришелъ теперь къ нему не съ ласковымъ привѣтомъ, но, можетъ быть, даже для того, чтобы свести свои счеты съ нимъ...

— Да, я узналъ васъ! отвѣтилъ онъ, выпрямляясь и съ видимымъ усиліемъ разыгрывая видъ напускной смѣлости.

„Ну, и что-жъ изъ этого! говорилъ этотъ видъ Торичіоли,—ну-ка, попробуй, попробуй—подойди...“

Сень-Жерменъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Я пощадилъ васъ, началъ онъ безъ малѣйшаго признака волненія, — тогда, въ Генуѣ — я думалъ, что вы свой поступокъ,—вы помните его,—загладите послѣдующей жизнью... Это было почти достигнуто... но вы поколебались—помните, въ имѣнни князя Проскурова... Только мое появленіе остановило васъ... тогда лучше намъ было не узнавать другъ друга,—теперь вновь, въ третій разъ, вы на краю гибели... Что вы хотите сдѣлать теперь, а?..

Легче было-бы Торичіоли, если бы упрекали его, грозили ему, проклинали, но этотъ тонъ убѣжденія, какъ голосъ совѣсти, былъ неприятенъ ему... На упрекъ онъ могъ-бы отвѣтить упрекомъ, на угрозы — угрозой, на проклятіе—проклятіемъ, но на суровое убѣжденіе, точно власть имѣющаго судьи, онъ не былъ въ состояніи возразить, потому что не имѣлъ достойнаго возраженія...

„Туда-же, внутренно усмѣхнулся онъ, словно надъ самимъ собою,—туда-же судить меня приходитъ—какъ будто у самого на душѣ нѣтъ ничего; у всякаго чело-

вѣка есть что-нибудь — и въ соборѣ Св. Петра не всѣ колонны правильны... Ну, что-жъ, что и за мною *былъ* грѣхъ, но *теперь* онъ сдѣлать ничего со мною не можетъ... да, не можетъ."

И, закинувъ голову, онъ поднялъ глаза на графа.

— Я все помню, проговорилъ онъ, — ну, и что-жъ изъ этого? — чего-же вы приходите ко мнѣ. Если я дурной, по-вашему, человекъ и снова будто-бы стою на краю гибели, то и пусть, — тѣмъ лучше для васъ, и оставьте меня въ покоѣ... пусть я гибну, что-ли — а вамъ нечего было приходиться ко мнѣ — незванымъ и непрошенымъ, я васъ видѣть не желаю и говорить съ вами не хочу... и уйдите изъ моего дома, и уйдите вонъ, говорю я вамъ...

И слова и видъ Торичіоли были дерзки, но онъ хотѣлъ казаться дерзкимъ, потому что не могъ быть смѣливымъ.

Дерзостью думалъ онъ прикрыть свою трусость.

Обращеніе Торичіоли не произвело никакого дѣйствія однако на графа.

Ни одинъ мускулъ спокойнаго лица его не дрогнулъ, онъ бровью не шевельнулъ.

— Если-бы дѣло касалось васъ, попрежнему, ровно и тихо сказалъ онъ, — можетъ быть, я не остановилъ-бы на этотъ разъ грозившій вамъ ударъ, который вы готовите сами себѣ, но тутъ, помимо васъ, замѣшаны другіе и, наконецъ, совершенно невинный молодой человекъ...

Торичіоли сразу понялъ, что его незваному гостю извѣстна исторія со спискомъ, и что объ ней-то именно онъ и говоритъ теперь.

„И откуда онъ это узнаетъ всегда?“ мелькнуло у него, но сознаваться, разумеется, не было у него ни причины, ни желанія.

— Какой молодой человекъ! какіе тутъ другіе... проговорилъ въ свою очередь Торичіоли.

— Развѣ вы не знаете — у васъ въ рукахъ теперь измѣнной доставшійся вамъ списокъ; вы намѣрены донести, какъ можно скорѣе... Я вамъ скажу: вы на вѣрномъ пути, и доносъ вашъ будетъ очень важенъ, очень... вы извлечете большую пользу изъ него для себя, но только подумайте — какая участь грозитъ тѣмъ, на кого вы донесете, и тому, главнымъ образомъ, у кого вы взяли этотъ списокъ.

„А, охъ, охъ подумалъ итальянецъ, — я на вѣрномъ пути, и могу извлечь себѣ большую пользу — кто же себѣ врагъ“. И дерзче прежняго онъ снова отвѣтилъ:

— Оставьте меня въ покоѣ, повторяю вамъ — никакого списка у меня нѣтъ и ничего я не знаю... и никакого молодого человека, и ничего...

— Подумайте, продолжалъ графъ, — его будутъ пытаться, его возьмутъ, отвезутъ въ крѣпость, и въ то время, какъ вы будете получать деньги за свое предательство — жертву вашу вздернутъ на дыбу, и кости его захрустятъ...

— Да вамъ-то что за дѣло! крикнулъ вдругъ Торичіоли.

Сень-Жерменъ скрестилъ руки на груди и остановилъ на итальянцѣ долгій и пристальный взглядъ.

Какая-то особенная, непонятная улыбка сложилась на его губахъ.

— Джузеппе Торичіоли, проговорилъ онъ, вдругъ измѣнившимся и тоже совсемъ особеннымъ голосомъ, — вы хотите знать, какое мнѣ дѣло до всего этого? — хотите, я вамъ дамъ отвѣтъ...

Торичіоли, подъ этимъ взглядомъ и при звукѣ этого голоса, почувствовалъ словно дрожь во всемъ тѣлѣ, и невольно отвѣтилъ:

— Да, я хочу этого!..

— Хорошо, я отвѣчу вамъ, но только не здѣсь...

„Что онъ говоритъ такое? силится сообразить Торичіоли, — не здѣсь, а гдѣ-же тогда?“

— А гдѣ-же? произнесъ онъ вслухъ.

— Мы сядемъ сейчасъ въ мою карету, и я отвезу васъ туда, куда нужно. Мы поѣдемъ вмѣстѣ...

Итальянецъ усмѣхнулся.

— Съ какой стати, зачѣмъ... вы думаете, я такъ и дамъ въ ловушку?.. почему я знаю, куда вы меня завезете...

Лицо Сень-Жермена выразило презрѣніе.

— Неужели Джузеппе Торичіоли такой трусъ, внятно произнесъ онъ, — что боится поѣхать съ человекомъ, которому онъ, кромѣ зла, ничего не сдѣлалъ, и который до сихъ поръ за это дѣлалъ ему только добро?..

Самолюбіе итальянца было задѣто. Иногда такіе люди, какъ онъ, вдругъ способны получить отчаянную смѣлость, именно, если сумѣтъ задѣть ихъ самолюбіе.

— Я васъ не боюсь, и никого не боюсь, отвѣтилъ онъ, — но если вы готовите мнѣ ловушку, то, вѣрьте, что найдутся люди, которые заступятся за меня... Вамъ сколько угодно времени, чтобъ я далъ въ ваше распоряженіе?

— Часа полтора только...

— Будьте добры тогда подождать рядомъ въ столовой, — теперь безъ четверти четыре, ровно въ четыре часа я буду къ вашимъ услугамъ.

Графъ, удовлетворенный, кивнулъ головою и вышелъ въ столовую.

(Продолженіе будетъ).

Путешествіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Владиміра Александровича и Маріи Павловны за границу.

На торжественныхъ празднествахъ серебряной свадьбы Итальянской королевской четы, на которыхъ сѣхались въ Римъ, какъ извѣстно уже, представители всѣхъ царствующихъ домовъ Европы, при чемъ Германскій императоръ прибылъ лично съ супругою, представительство Россіи было возложено Государемъ Императоромъ на Августѣйшаго брата Своего, Его Императорское Высочество Великаго Князя Владиміра Александровича.

Великій Князь съ Августѣйшей супругою, Великою Княгиней Маріей Павловною, изволили отбыть изъ Петербурга 4 апрѣля, и черезъ три дня, съ вечернимъ поѣздомъ, пріѣхали въ Римъ 7-го числа. Ихъ Высочества были встрѣчены отъ имени короля на вокзалѣ принцемъ Неаполитанскимъ, на слѣдникомъ итальянскаго престола, и всѣмъ составомъ русскаго посольства вмѣстѣ съ русской колоніей.

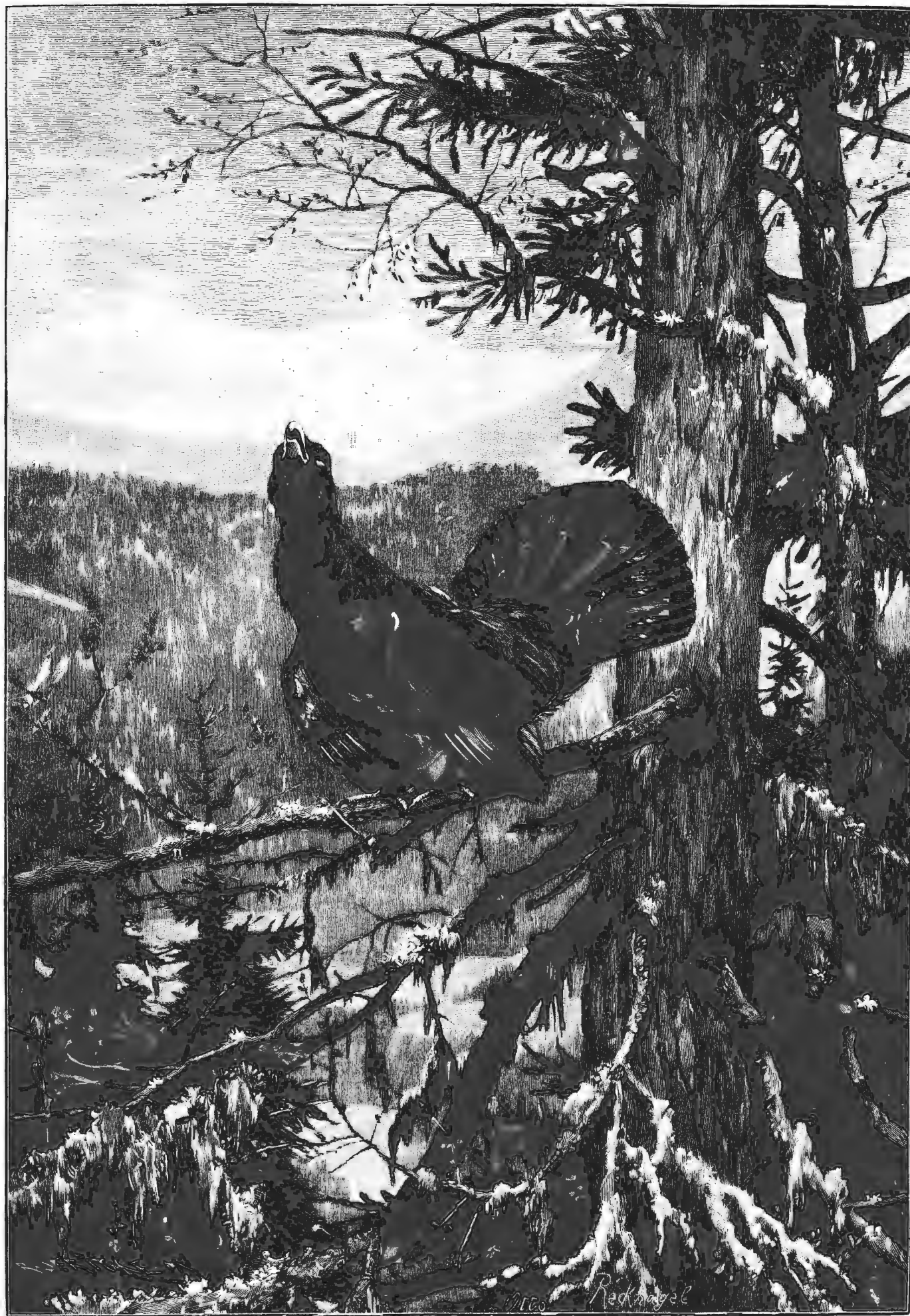
Съ вокзала Ихъ Высочества прослѣдовали въ домъ нашего посольства, гдѣ и изволили остановиться на время своего пребыванія въ Римѣ.

Празднества начались 9 (21) апрѣля, въ день годовщины основанія Рима. Утромъ былъ пріемъ короля, затѣмъ послѣ полудня въ Капанаеллахъ состоялись скачки (королевскій Дерби), на которыхъ народъ, собравшійся въ количествѣ 70.000 человекъ, привѣтствовалъ появленіе своего короля и королевы

съ ихъ Августѣйшими гостями. Королевская трибуна скачекъ представляла, поистинѣ, блестящее зрѣлище; — военные мундиры всѣхъ странъ Европы, дворъ, посольства и великолѣпныя дамскіе туалеты... Императрица Августа была въ фиолетово-зеленомъ платьѣ, королева Маргарита въ свѣтло-желтомъ. Удивительно-красивый, подходящий по цвѣту къ платью королевы, нарядъ нашей Великой Княгини, по единогласному отзыву очевидцевъ, выдѣлялся изъ всѣхъ своимъ изяществомъ и вкусомъ. „Видѣли... вы видѣли русскую Великую Княгиню?“... слышалось въ толпѣ... Вообще, итальянцы очень радушно и тепло отнеслись къ намъ, и итальянскія газеты, служа вѣрными выразителями общественнаго мнѣнія, всѣ единогласно привѣтвовали прибытіе русскаго Великаго Князя и Великой Княгини.

Вечеромъ того-же дня въ театрѣ Аржентина былъ парадный спектакль, для котораго поставили новую оперу Верди „Фальстафъ“.

Собственно, официальные приемы въ Королевскомъ дворцѣ начались 10-го апрѣля. Утромъ этого дня были принесены поздравленія королевской четѣ, а на Квиринальской площади была сдѣлана привѣтственная демонстрація, въ которой участвовало до 500 ассоціацій Рима и провинцій. Затѣмъ во дворцѣ состоялся парадный обѣдъ на 220 кувертовъ По правую руку

Глухарь на току. Рис. О. Рекнагель, грав. Иерике.

отъ короля сѣдѣла императрица Германская и Великій Князь Владиміръ Александровичъ, а по лѣвую руку отъ королевы— эрцгерцогъ Рейнеръ и Великая Княгиня Марія Павловна. За обѣдомъ король произнесъ рѣчь, въ которой благодарилъ Августѣйшихъ гостей своихъ, и провозгласилъ тостъ за всѣхъ государей и главъ государствъ, выраженія привѣтствій которыхъ онъ получилъ.

11-го числа Германская императрица посѣтила Великую Княгиню Марію Павловну.

Въ девятомъ часу утра, 12-го числа, состоялся смотръ войскамъ на „Piazza d'Armi“ въ „Prati di Castello“. Въ парадѣ участвовало двадцать тысячъ человекъ. На всѣхъ улицахъ, ведущихъ къ мѣсту парада, стояли толпы народа, собравшагося, несмотря на покрытое тучами небо, чтобы еще разъ привѣтствовать своего короля и его гостей. Король Гумбертъ ѣхалъ рядомъ съ императоромъ Германскимъ, за ними слѣдовали остальные Высочайшія особы по четыре въ рядъ, причѣмъ въ первомъ ряду были:— принцъ Неаполитанскій, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, герцогъ Рейнеръ и герцогъ Опортскій. Затѣмъ прослѣдовали въ придворныхъ экипажахъ императрица Августа, королева Маргарита, вдовствующая королева Португальская Марія, Великая Княгиня Марія Павловна и принцессы Итальянскаго королевскаго дома.

Парадъ проходилъ на площади, окруженной Тибромъ, Монте Маріо и Монте Пароди. Государя заняли мѣсто среди площади; противъ нихъ помѣстились офицеры, не находящіеся въ строю; послѣднихъ было очень много. Пѣхота проходила шагомъ, берсальеры—бѣглымъ шагомъ, а кавалерія и полевая артиллерія—галопомъ. Главный интересъ возбуждала горная артиллерія, въ которой всѣ орудія разборныя, и возятся они на мулахъ. Парадъ прошелъ вполне блестяще.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ номеровъ программы праздника былъ устроенный на другой день послѣ смотра историческій турниръ, происходившій на Вилла-Боргезе. Въ немъ принимало участіе болѣе трехсотъ всадниковъ, принадлежащихъ къ высшимъ аристократическимъ семьямъ Италіи. Одѣты они были въ историческіе костюмы. Турниръ состоялъ изъ четырехъ отдѣленій, которыми руководили принцы

королевскаго дома: первымъ—герцогъ Аостскій, въ костюмѣ основателя Савойскаго дома, Гумберта; вторымъ—герцогъ Абрुцскій, въ костюмѣ Амедея, герцога Савойскаго, избраннаго въ Базель на папскій престолъ въ 1440 году; третьимъ—графъ Туринскій, изображавшій Виктора-Амедея II, перваго короля Сардиніи; и, наконецъ, четвертымъ—принцъ Неаполитанскій, въ великолѣпномъ бѣломъ съ золотомъ костюмѣ Амедея VI, основателя ордена Анунциаты.

Для королевской четы и высокихъ гостей была устроена особая трибуна.

Публика (было до 20,000 человекъ) привѣтствовала Августѣйшихъ особъ, стоя, махала палачами и оглашала воздухъ догомъ не смолкавшими кликами.

Турниръ кончился въ половинѣ шестого, послѣ чего Августѣйшія особы сѣли въ экипажи и направились къ Квириналу. Ѣхать пришлось шагомъ:—такъ много было народа на пути кортежа. Всѣ участвовавшіе въ турнирѣ, въ томъ числѣ и принцы, слѣдовали верхами, въ костюмахъ турнира.

14-го апрѣля, императрица Германская и Великая Княгиня Марія Павловна осматривали въ Ватиканѣ музеи. Августѣйшія посѣтительницы были встрѣчены папскимъ гофмейстеромъ, въ сопровожденіи камергера di sopra e spada, графа Альбергетти и директора папскихъ музеевъ Висконти. Въ тотъ-же день король Гумбертъ и королева Маргарита сѣдѣлали визитъ Великому Князю Владиміру Александровичу и Великой Княгинѣ. На слѣдующій за тѣмъ день Ихъ Высочества посѣтили папу Льва XIII и были приняты со всѣми почестями, подобающими членамъ царствующихъ домовъ.

По окончаніи празднествъ, Ихъ Высочества посѣтили Тиволи и Субіако. Городъ Субіако былъ убранный флагами и муниципалитетъ встрѣтилъ Ихъ Высочества въ вокзалѣ, гдѣ собрались также прочія мѣстные власти и воспитанники учебныхъ заведеній съ ихъ наставниками. Муниципальный хоръ музыки исполнилъ русскій народный гимнъ.

Ея Императорское Высочество Марія Павловна изволила отбыть изъ Рима въ Венецію 19-го апрѣля, а Великій Князь на другой день—20-го.

30-го апрѣля Ихъ Высочества изволили вернуться въ Петербургъ.

Между жизнью и смертью.

Рассказъ Феликса Лила.

Въ Англіи и въ Шотландіи съ середины прошлаго и до тридцатыхъ годовъ выпѣшняго столѣтія существовали, такъ называемые, „воскресители“, профессиональные похитители труповъ, забравшіеся по ночамъ на кладбища, выкапывавшіе трупы только-что погребенныхъ людей и продававшіе ихъ за хорошую цѣну молодымъ медикамъ, анатомическое рвеніе которыхъ было неважно, несмотря на строгія запрещенія закона. Даже когда извѣстный Вильберфорсъ предложилъ въ пинчей наладить законопроектъ, по которому тѣла казенныхъ преступниковъ отдавались-бы въ распоряженіе медицинскихъ коллегій, парламентъ отклонилъ этотъ проектъ. При такихъ неблагоприятныхъ для науки условіяхъ и процвѣтало такое ремесло воскресителей. Даже самые уважаемые врачи не брезгали вступать въ сношенія съ подобными людьми, чтобы добывать необходимыя для занятій трупы.

Когда въ Эдинбургѣ открылось, что эти таинственные воскресители снабжаютъ трупамъ не только анатомовъ и студентовъ города, но и пересылаютъ ихъ учащейся молодежи въ Оксфордъ, Кэмбриджъ и Лондонъ, тщательно заковывая свои ужасныя посылки въ ящики, населеніе города приняло въ страшное волненіе. Было рѣшено охранять кладбища вооруженною стражей, такъ что воскресителямъ стало почти невозможно заниматься въ Эдинбургѣ своей опасной профессіей.

Двое изъ нихъ, самые отчаянные, Вильямъ Буркъ и Эдвардъ Гаръ, не хотѣли оставлять своего выгоднаго ремесла и пришли къ ужасной мысли: убивать прохожихъ и сбывать ихъ трупы. Они стали выполнять свой звѣрскій планъ, преимущественно, на бѣдныхъ иностранцахъ, заходившихъ въ такъ называемый „Closes“, одинъ изъ тѣсныхъ и грязныхъ переулковъ стараго города. Много итальянскихъ мальчиковъ, маленькихъ уличныхъ музыкантовъ, исчезло загадочнымъ образомъ. Буркъ и Гаръ подстергали ихъ въ темномъ переулкѣ, бросались на своихъ жертвъ, душили ихъ съ помощью смоляной маски и запрягивали въ приготовленные мѣшки.

Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, дѣдъ мой, морякъ, побывавшій во всѣхъ моряхъ свѣта, находился въ гавани Эдинбурга, гдѣ велъ процессъ съ одною торговою фирмою. Его повѣренный, адвокатъ Лионель Вайтъ, былъ суровый, но чрезвычайно любезный человекъ, лѣтъ тридцати двухъ. Какъ разъ въ то время начался знаменитый процессъ Бурка и Гара, о которомъ такъ много толковали всѣ европейскія газеты, и который кончился казною убійцъ. Однажды Вайтъ сказалъ моему дѣду: „я счастливъ, что не мнѣ выпало на долю защищать этихъ безчеловѣчныхъ убійцъ, хотя Буркъ и Гаръ могли-бы смѣло указать на меня пальцами предъ судомъ и сказать:

„смотрите, судьи, если мы и душили десятки бродячихъ музыкантовъ, то вотъ стоитъ человекъ, который обязанъ намъ жизнью!“ И они были-бы правы, потому что безъ нихъ я-бы умеръ самою страшною смертью, какую только можетъ вообразить себѣ фантазія человека“.

Изумленный дѣдъ мой попросилъ его объяснить свои загадочныя слова, и Вайтъ рассказалъ ему слѣдующее:

„Хоть я происхожу изъ знатной и богатой фамиліи, но родители мои, къ сожалѣнію, умерли, когда я былъ еще ребенкомъ, и все состояніе перешло въ руки старшаго брата, который вносѣдствіи выдѣлялъ мнѣ весьма незначительную часть его. Я долженъ былъ самъ пробивать себѣ дорогу, трудомъ зарабатывая хлѣбъ. Изъ всѣхъ наукъ меня привлекала болѣе всего юриспруденція, и я поѣхалъ въ Эдинбургъ, чтобы записаться въ число студентовъ юридическаго факультета. Это было лѣтъ десять тому назадъ.“

„Я былъ молодъ и искалъ наслажденій жизни. Не мудрено, что все свободное время я проводилъ въ обществѣ. Здѣсь на одномъ балу я влюбился въ Юдью Маклеанъ, дочь одной богатой вдовы. Она благосклонно принимала мои ухаживанія, и никто не сомнѣвался, что она скоро будетъ моею женою. Однако случилось нѣчто другое.“

„Со мной пріѣхалъ въ Эдинбургъ товарищъ моего дѣтства Томасъ Парри, избравшій медицинскій факультетъ. Онъ явился моимъ соперникомъ въ любви и былъ еще счастливѣе меня. Правда, счастье свое онъ пріобрѣлъ измѣной. Я получилъ отъ-кавъ въ вѣжливой формѣ. Помолвка ихъ была объявлена.“

„Отчаяніе овладѣло мною. Сильныя потрясенія и глубокая печаль вызвали у меня первую болѣзнь, которая въ концѣ концовъ сказала въ асфиксію или летаргическомъ снѣ. Въ этихъ случаяхъ прекращается вся жизненная дѣятельность, пульсъ перестаетъ биться, утрачивается всякая возможность произвольныхъ движеній, дыханіе ставится незамѣтнымъ, пропадаетъ теплота тѣла, и взаимныя ея приходитъ полное холодное оцѣпенѣніе, какъ у мертвыхъ. Заснувшій летаргическимъ сномъ ничѣмъ не отличается отъ умершаго.“

„Это случилось и со мной. Я лежалъ недвижимъ, утративъ способность говорить и чувствовать; въ моемъ распоряженіи, точно въ наемъ или для усиленія страданій, оставались зрѣніе и слухъ. Глаза были полуоткрыты, и я могъ различать, было-ли темно или свѣтло, ночь или день. Точно также я слышалъ все, чтѣ происходило и чтѣ говорилось вокругъ меня, но не могъ ничего сказать, не могъ даже показать, что я живъ, и это усиливало весь ужасъ моего положенія.“

„Я слышалъ, какъ врачъ произнесъ роковыя для меня слова: „все кончено!““

— Надо извѣстить его знакомыхъ, сказала моя квартирная хозяйка.— Бѣдный молодой человекъ! Кто могъ ожидать это? Я уже написала брату его, и онъ скоро прѣдетъ.

Послѣ этого разговора въ комнатѣ воцарилась тишина и стало мало-по-малу темнѣть. А я все лежалъ, покнутый всѣми, на своемъ печальномъ ложѣ. Въ комнату вдругъ внесли свѣчи, и я услышалъ прерывающійся плачь брата.

Онъ наклонился ко мнѣ и нѣжно приподнял волосы, улавливъ мнѣ на лобъ. Затѣмъ я слышалъ, какъ онъ тихо разговаривалъ съ хозяйкою и давалъ распоряженія относительно похоронъ. Затѣмъ они вышли изъ комнаты, и я вновь остался одинъ, въ безпомощномъ, безсознательномъ положеніи.

Прошли еще день и еще ночь. Утромъ гробовщики принесли гробъ. Меня одѣли въ траурное платье и положили. Братъ мой самъ помѣстилъ мою голову на парчевой подушкѣ. Я лежалъ въ гробу довольно долго. У наголовья горѣли подсвѣчники.

Приходило много моихъ друзей и знакомыхъ. Я слышалъ ихъ тихій шопотъ, почти все отзывалось обо мнѣ въ теплыхъ и задумчивыхъ словахъ. Всѣ жалѣли меня. Только одинъ Томасъ Парри не явился. По крайней мѣрѣ, я не слышалъ его голоса.

Во время этихъ посѣщеній, кто-то замѣтилъ, что въ комнатѣ уже слышенъ трупный запахъ. До такой степени развита у людей сила воображенія! Окна, завѣшанныя бѣлыми льняными покрывалами, кадилый ароматъ, запахъ деревяннаго гроба и, наконецъ, видъ мнимаго трупа—все это могло легко ввести въ заблужденіе и подѣйствовать на воображеніе.

Наступило время торжественнаго выноса. На гробъ положили крышку, и я слышалъ, какъ ее привинчивали. У воротъ съ шумомъ остановился катафалкъ. Гробъ вынесли и поставили. Затѣмъ похоронное шествіе медленно тронулось въ путь. Это было ровно въ 4 часа дня, по дорогѣ я слышалъ, какъ пробили часы на колокольнѣ церкви Св. Эгидія. До меня смутно доносился говоръ провожавшихъ меня людей.

Черезъ четверть часа шествіе прибыло на кладбище. Былъ холодный осенній вѣтеръ, шумѣвшій въ полувисокихъ листьяхъ столѣтнихъ вязы и печальныхъ березъ. Гробъ сняли съ катафалка, и носильщики стали медленно опускать его въ могилу на длинныхъ веревкахъ.

Затѣмъ говорились надгробныя рѣчи, изъ которыхъ я не слышалъ ни слова. Съ глухимъ шумомъ упали на крышку гроба первыя три лопаты земли. За ними послѣдовало еще нѣсколько. Ихъ, очевидно, кидали желавшіе отдать мнѣ послѣдній долгъ. Затѣмъ земля уже посыпалась дождемъ, и скоро все утихло. Вокругъ меня царил непроницаемый мракъ. И я лежалъ, засыпанный землею, въ ненавистномъ гробѣ!..

По моему расчету, я пролежалъ такъ около шести часовъ, именно съ 5 часовъ дня до 11 ночи. Не знаю, какимъ образомъ, но въ гробъ, вѣроятно, прониклъ какъ-нибудь воздухъ, иначе я бы задохнулся. Вѣроятно, мое состояніе было подобно состоянію факировъ, которые велютъ зарывать себя въ землю на извѣстный срокъ, и по истеченіи его встаютъ изъ гроба, какъ ни въ чемъ не бывало.

По истеченіи упомянутаго промежутка времени, я услышалъ легкій порохъ. Мнѣ казалось, будто выкапываютъ изъ могилы землю. До меня скоро донеслись тихіе, подавленные голоса двухъ людей.

— Проворный, Недъ! сказалъ одинъ.— Чортъ возьми этихъ студентовъ, трупу нуженъ имъ къ двѣнадцати часамъ.

— Стараюсь и такъ во все... отвѣчалъ другой.— Ну, и пока-же сегодня, закрой ее наутрѣ! Дождь льетъ какъ изъ ведра. Вѣтеръ... Куда дѣбалась моя фляжка съ ромомъ, не мѣшало бы подкѣрвиться.

— Они вновь принялись за работу.

Я гадался, что это были воскресители, желавшіе похитить мой трупу. Чѣмъ же это должно было кончиться? Новой ли жизнью или ужасною смертью подъ анатомическимъ ножомъ? Къ счастью, въ моемъ тогдашнемъ положеніи я не испытывалъ ни страха, ни ужаса, ни страданій, ни надежды, ни даже любопытства.

Воскресители отвинтили крышку гроба и осторожно ее приподняли. Я замѣтилъ свѣтъ фонаря, вѣроятно, потайного. Дождь хлесталъ въ открытый гробъ на меня и на обонхъ разбойниковъ.

— Эге, да онъ ловко сохранился! проворчалъ одинъ изъ нихъ.— Я лучше закопаю его назадъ, если намъ не дадутъ за него пятнадцати фунтовъ!..

— А ты сторговался на пятнадцать? спросилъ другой.

— Да, только на слѣдующіе раза будемъ брать подороже, трудно жить стало намъ, вотъ что, братецъ!

Они вынули меня изъ гроба и сунули въ большой мѣшокъ. Одинъ вновь заколотилъ гробъ, и они принялись поспѣшно засыпать могилу.

— Ну, сказалъ довольнымъ голосомъ одинъ изъ нихъ, непогода отлично докончитъ наше дѣло, и эти собаки-сторожа ничего не увидятъ. А тамъ пускай ставятъ монументы надъ пустымъ мѣстомъ.

— Онъ ввалилъ мѣшокъ на плечи и вынесъ его за ограду,

гдѣ стояла ручная тележка, на которую они бросили мѣшокъ и повезли по улицамъ города.

Тележка остановилась. Кто-то изъ воскресителей вновь взялъ мѣшокъ на плечи, и мнѣ казалось, что они идутъ по пустому сводчатому коридору, такъ гулко раздавались ихъ шаги. Они остановились у двери и постучались въ нее, положивъ мѣшокъ на-земь.

— А, наконецъ-то, Буркъ и Гаръ! Войдите! раздался знакомый мнѣ голосъ. Я узналъ голосъ Томаса Парри.

— Не опоздали ни капельки, заявилъ Буркъ.— Вотъ, какъ разъ бьетъ двѣнадцать. Деньги готовы у васъ?

— Послышался звонъ монетъ.

Мѣшокъ втащили въ комнату. Воскресители исчезли. Мой мнимый трупу извлекли изъ мѣшка и положили на столъ.

— Ва! услышалъ я чей-то удивленный голосъ.— Да, вѣдь, это Лйонель Вайтъ, нашъ общій другъ!

— Дѣйствительно! воскликнулъ другой.— Непостижимо! Я только сегодня провожалъ его на кладбище.

— Эти негодяи лучше-бы сдѣлали, если-бы доставили намъ другой трупу! сказалъ третій.

— Что-же дѣлать?

— Пренеприятная исторія!

— Надо снова предать землѣ тѣло нашего друга! предложилъ кто-то.

— Но это не мыслимо! вырвалось у многихъ.

— Что толковать! нетерпѣливо прокричалъ Томасъ Парри.— Не даромъ-же бросать деньги. Мы купили его тѣло, и если-бы онъ былъ живъ, то самъ согласился-бы съ этимъ, въ качествѣ юриста. Да и кто узнаетъ, что Вайтъ прямо изъ могилы попалъ подъ анатомическій ножъ?

— Послушай, Томасъ! послышался чей-то голосъ.— Подумавай-ка, что если послѣ твоей смерти и съ тобою выкинуть такую штуку, а?

— Это меня не касается, холодно отвѣчалъ тотъ.— Пока я живъ—ладно, а умру, такъ будетъ все равно, что со мной ни дѣлай; что терять время въ пустыхъ разговорахъ!

— Ну, если ты настаиваешь...

— За работу, господа, за работу!

Студенты окружили меня со всѣхъ сторонъ.

— Давайте-ка, гальванизруемъ трупу! предложилъ одинъ молодой студентъ.— До сихъ поръ мнѣ приходилось дѣлать опыты только съ дохлыми лягушками. А право интересно-бы прослѣдить вліяніе гальваническаго тока на человѣческій трупу.

— Попробуемъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Принесли аппаратъ и привели его въ дѣйствіе, пустивъ въ меня гальваническій токъ.

Случилось то, чего я никакъ не могъ ожидать. Когда токъ проникъ въ мое тѣло, я почувствовалъ, какъ пробуждаются во мнѣ постепенно жизненные силы. Мускулы сократились, и я открылъ глаза.

Теперь я увидалъ себя въ маленькой залѣ, ярко освѣщенной двумя лампами и наполненной молодыми людьми, студентами и врачами.

— Что, каково! съ одушевленіемъ воскликнулъ юноша, предожившій опытъ.— Видите! Опытъ удается на рѣдкость!

— Ну, это обыкновенныя явленія, замѣтилъ другой.

— Безъ всякаго затрудненія я приподнялся на столѣ.

— Это удивительно! воскликнулъ третій студентъ.— Я ничего не видѣлъ подобнаго и думаю, что даже и Вольта, и Гальвани пришли-бы въ изумленіе при этомъ зрѣлищѣ.

— Да это просто сама жизнь! съ отѣнкомъ испуга прошепталъ кто-то.

— Глупости! перебилъ Томасъ Парри.— Лйонель Вайтъ мертвъ, и увѣреть въ томъ, какъ въ своей собственной жизни!

Онъ приблизился ко мнѣ съ анатомическимъ ножомъ въ рукѣ. Тогда я поднялъ правую руку и ударилъ его по лицу, неостово закричавъ: «прочъ, негодяй!»

Охваченный ужасомъ, онъ отскочилъ назадъ. Ко мнѣ-же вновь возвратились и жизненная сила, и движенія, и языкъ. Я былъ спасенъ!

Молодые люди столпились въ странномъ волненіи. Я долженъ сказать, что всѣ эти юноши, жаждавшіе серьезныхъ занятій наукой, первые услышали этотъ мой рассказъ. Они заботились обо мнѣ, проявляя самую искреннюю дружбу.

Вернувшись чудеснымъ образомъ къ жизни, я выздоровѣлъ не сразу. Я заболѣлъ горячкой и долгое время пролежалъ въ постели. Этотъ случай навсегда разстроилъ мое здоровье!..

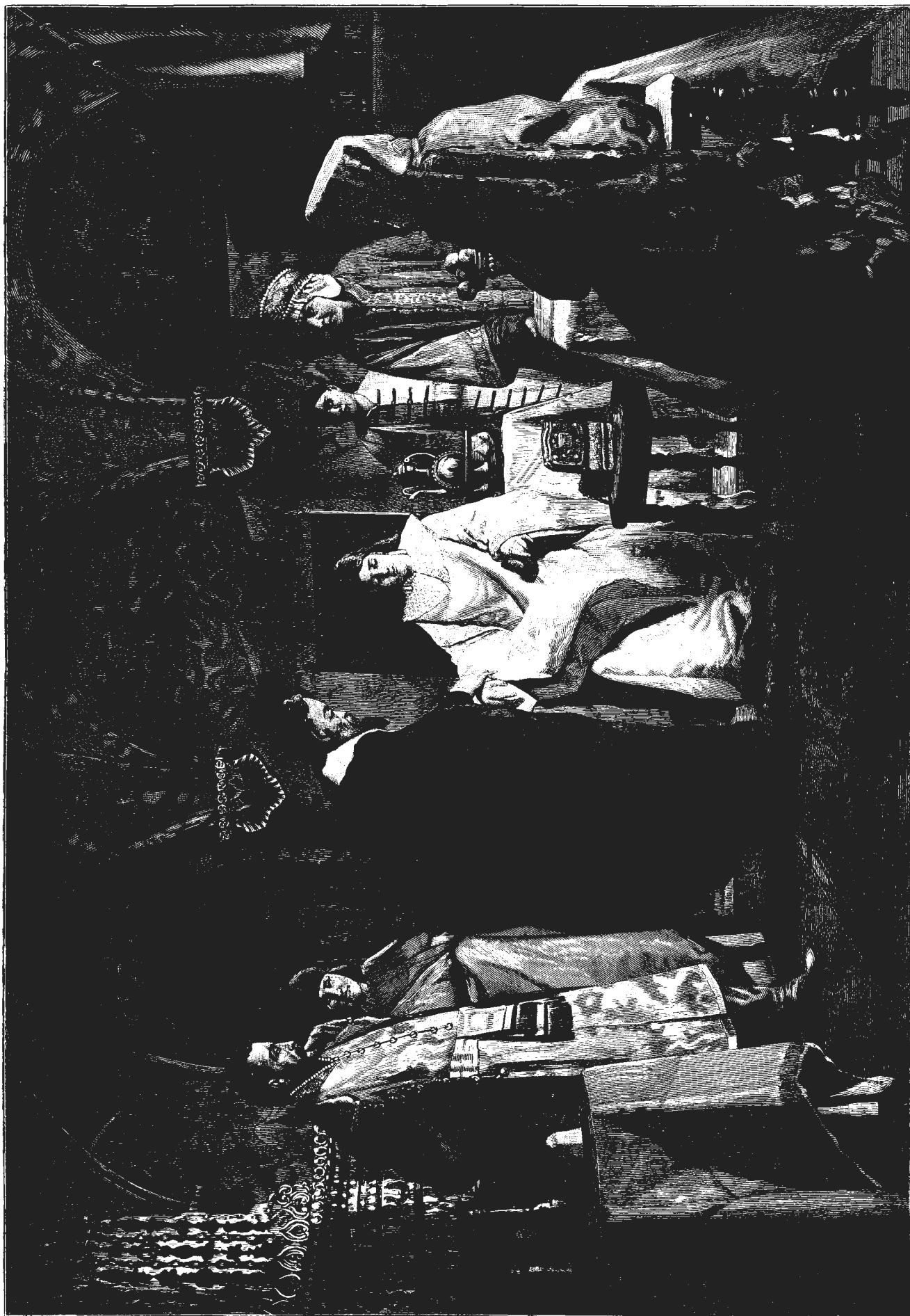
— Что-же случилось съ Юдиною Маклеанъ и Томасомъ Парри? спросилъ мой дѣдъ.

— Они обвѣчались, когда Парри окончилъ курсъ. Ему дали мѣсто госпитальнаго врача въ Индіи. Но корабль не достигъ береговъ ея. Онъ потерялъ крушение въ Бенгальскомъ заливѣ, при чемъ погибли всѣ пассажиры, а въ ихъ числѣ и Парри съ молодою женой. Къ счастью, легаргическій сонъ не повліялъ на мои умственные способности, такъ что я могу заниматься своимъ излюбленнымъ дѣломъ.

И мистеръ Вайтъ доказалъ это, выигравъ дѣду его процессъ съ торговой фирмой.

Литерат. альбомъ. „Ценкъ и Гальціона“, В. Жуковскаго. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, аэрогипш Ангерера.

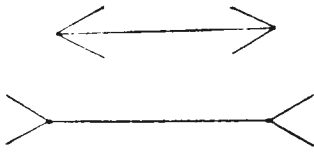

Марія Хлопова, невіста царя **Михайла Теодоровича**, обвинена в чорній немочі.
Съ карт. Н. В. Неврева, грав. Хелмцигіі.

Оптическій обманъ.

Очеркъ.

Если провести двѣ совершенно равныя линіи въ некоторомъ разстояніи одну отъ другой, и на концѣ каждой изъ нихъ помѣстить по углу, обращенному отверстіями въ противоположныя стороны, какъ показано на чертежѣ (фиг. 1), то прямыя перестанутъ казаться равными, хотя длина ихъ не измѣнилась. Та изъ прямыхъ, на которой отверстія угловъ обращены внутрь, будетъ казаться значительно короче той, у которой углы обращены наружу.

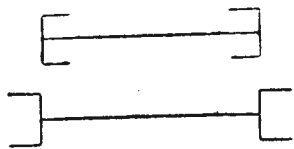
Фиг. 1.

Впервые обратилъ вниманіе на это явленіе Францъ Brentano, вѣнскаго ученаго. Въ журналѣ *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane* онъ дѣлаетъ сводку всѣмъ объясненіямъ явленія. Такъ, предполагали, что въ первомъ случаѣ углы производятъ впечатлѣніе *сжиманія*, а во второмъ — *растяженія* данныхъ прямыхъ.

На это г. Brentano возражаетъ вполне основательно, что, если растягивать или сжимать что-нибудь, дѣйствительно, поддающееся растяженію, оно будетъ казаться длиннѣе или короче, но если производить опытъ надъ чѣмъ-нибудь нерастяжимымъ, то сколько ни стараться, иллюзія никакой не получится.

Къ тому-же, если вмѣсто угловъ поставить дуги — иллюзія сохранится вполне.

Другое объясненіе, по словамъ г. Brentano, заключалось въ томъ, что прибавка угловъ къ концамъ прямыхъ лишаетъ эти концы ихъ опредѣленности, такъ какъ въ одномъ случаѣ глазъ останавливается, не доходя до концовъ этихъ прямыхъ, въ другомъ — выходитъ за ихъ предѣлы.

Фиг. 2.

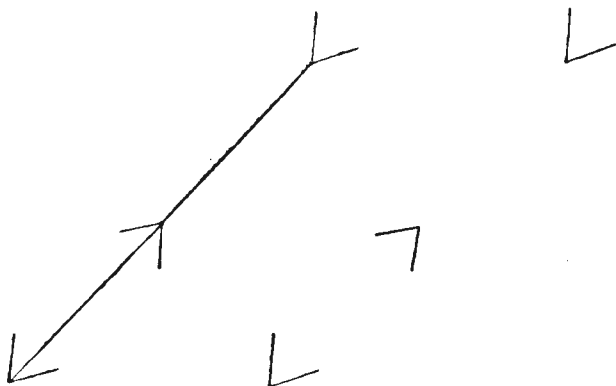
Но г. Brentano отвергаетъ и это объясненіе, доказывая, что иллюзія несколько не измѣнится, если прямыя будутъ устранимы вовсе и замѣнены пустыми промежутками (фиг. 3).

Третье объясненіе состоитъ въ томъ, что глазъ притягивается при помощи угловъ къ срединѣ первой прямой и къ наружнымъ концамъ второй, и потому одна кажется ему меньше, другая — больше.

Г. Brentano не соглашается, однако, и съ этимъ объясненіемъ, доказывая, что если замѣнить данные острые углы тремя линіями, расположенными подъ прямыми углами, иллюзія исчезаетъ совершенно, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабляется (фиг. 2).

Въ концѣ концовъ, г. Brentano предлагаетъ свое собственное объясненіе рассматриваемому оптическому обману. Явленіе это объясняется хорошо извѣстнымъ закономъ, по которому мы склонны, при сравненіи острыхъ и тупыхъ угловъ, преувеличивать величину первыхъ и уменьшать величину вторыхъ.

Чтобы доказать примѣнимость въ данномъ случаѣ названнаго закона, г. Brentano измѣняетъ нѣсколько примѣръ и дѣлаетъ его еще болѣе нагляднымъ, нанеся углы на одну и ту же наклонную прямую, или даже, не проводя прямой, просто, на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого (фиг. 3).

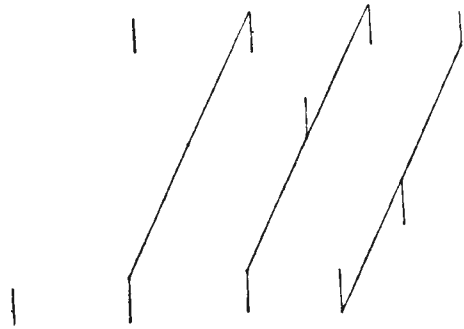
Фиг. 3.

Онъ указываетъ далѣе, что иллюзія сохраняется, хотя въ болѣе слабой степени, если отнять въ каждомъ изъ угловъ по одной сторонѣ (фиг. 4).

Г. Brentano полагаетъ, что такимъ образомъ онъ нашелъ причину иллюзіи; онъ видитъ ее въ прибавленіи наклонной черточки къ какой-нибудь линіи, будетъ-ли она изображена въ видѣ прямой, или въ видѣ обозначающихъ ея направленіе

двухъ точекъ. Эта наклонная черточка сбиваетъ насъ въ нашемъ сужденіи о положеніи одной изъ точекъ, потому что мы не въ состояніи правильно опредѣлить острый уголъ, образуемый линіей, мысленно проведенной между двумя точками и наклонной черточкой.

Это же самое мы видимъ и въ такъ-называемой псевдоскопической Вельнера (фиг. 5). Тутъ двѣ параллельныя линіи, пересѣченныя слочкой расположенныхъ послѣдовательно угловъ, кажутся расходящимися въ сторону вершинъ этихъ угловъ. Впечатлѣніе, дѣйствительно, поразительное, и фигура показываетъ его очень наглядно. Только смѣривъ циркулемъ разстоянія между конечными точками линій убѣждаешься, что разстоянія эти одинаковы, и линіи, дѣйствительно, параллельны. На томъ-же основаніи получается и слѣдующій обманъ: глазъ нашъ не можетъ уловить правильнаго продолженія прерванной

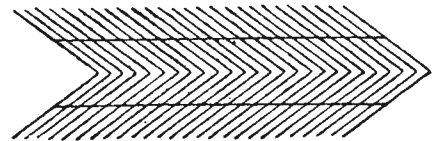

Фиг. 4.

двумя параллельными линіями сѣкущей. Такъ, на фиг. 6, продолженіемъ сѣкущей *abc* кажется не *bc*, какъ это есть на самомъ дѣлѣ, но *de*; и тоже, только приложивъ линейку, можно убѣдиться въ ошибкѣ.

Извѣстный обманъ зрѣнія, представляемый стрѣльчатымъ сводомъ, перерѣзаннымъ колонной, есть не что иное, какъ поразительное видоизмѣненіе того же явленія. Мы видимъ это на фиг. 7, гдѣ стрѣльчатый сводъ замѣненъ двумя парами наклонныхъ параллельныхъ линій. Трудно представить себѣ, чтобы эти пары могли при продолженіи встрѣтиться и сойтись на лѣвой изъ вертикальныхъ линій. Чѣмъ больше разстояніе между параллельными вертикальными, тѣмъ разница замѣтнѣе, въ чемъ не трудно убѣдиться на опытѣ.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, вся суть статьи г. Brentano, обратившей на себя

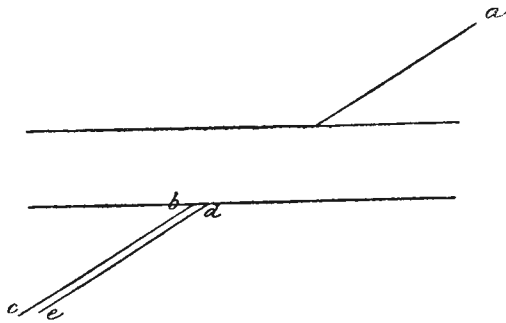

Фиг. 5.

вниманіе очень многихъ заинтересовавшихся этимъ вопросомъ. Извѣстный французскій ученый Дальбеффъ не согласенъ съ мнѣніемъ Brentano и склоненъ скорѣе къ объясненію, аналогичному съ тѣмъ, которое тотъ приводитъ третьимъ въ своемъ опроверженіи. „Это объясненіе сразу пришло намъ въ голову, говоритъ г. Дальбеффъ, при первомъ нашемъ знакомствѣ съ рассматриваемой задачей“.

Въ одной изъ замѣтокъ, написанной Дальбеффомъ болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, онъ пытался объяснить обманъ, — въ который мы впадаемъ при опредѣленіи какой-либо величины, — тѣмъ притяженіемъ, какое оказываютъ на нашъ глазъ линіи, проведенныя на ровной поверхности. Онъ доказывалъ тогда, что посредствомъ прибавленія вспомогательныхъ круговъ, внутреннихъ или внешнихъ, къ двумъ окружностямъ, можно достигнуть того, что онѣ будутъ казаться равными даже въ томъ случаѣ, когда разница въ ихъ діаметрахъ достигаетъ четверти діаметра меньшей окружности (фиг. 8). Наружный кругъ праваго чертежа равенъ внутреннему кругу лѣваго, хотя кажется меньше. Это происходитъ оттого, что глазъ, измѣряя діаметръ окружности, какъ бы задерживается на своемъ пути внутреннимъ маленькимъ кругомъ; въ другомъ же случаѣ, измѣряя діаметръ, онъ какъ бы выходитъ за его предѣлы, привлекаясь внешней окружностью. Надо, впрочемъ, замѣтить, что явленіе уменьшенія менѣе замѣтно, нежели явленіе увеличенія, потому что внутренний кругъ, останавливая глазъ на его пути, заставляетъ его считать разстояніе длиннѣе, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности, и, такимъ образомъ, противодѣйствуетъ противоположной иллюзіи, которая заставляетъ глазъ считать разстояніе меньшимъ.

Дальбеффъ находитъ, что обманъ зрѣнія, составляющей предметъ настоящей статьи, не имѣетъ никакого другого основанія, кромѣ указанного относительно круговъ. Обманъ этотъ обязанъ своимъ существованіемъ тому притяженію, которое

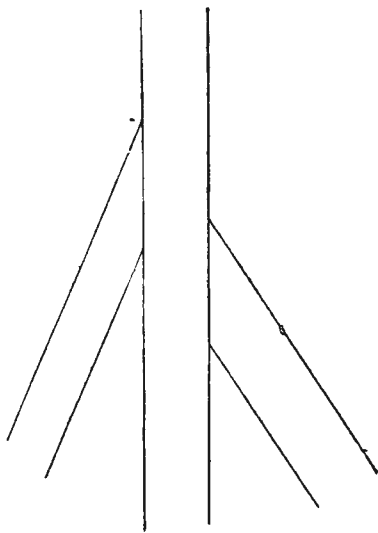
Фиг. 6.

оказываютъ на глазъ фигуры, —какой бы то ни было формы, —расположенныя по концамъ тѣхъ протяженій, которыя глазъ долженъ измѣрять.

Это доказывается до очевидности серіей нижеслѣдующихъ фигуръ:

Фиг. 9, прежде всего, показываетъ намъ, что острый уголъ дѣйствуетъ сильнѣе тупого, такъ какъ съ большей силой притягиваетъ глазъ. Дѣйствительно, намъ кажется, что разница въ кажущемся различіи въ величинѣ линій куда значительнѣе при острыхъ углахъ, чѣмъ при тупыхъ.

Тѣмъ же путемъ, т. е. степенью большаго или меньшаго притяженія, или направленія впечатлѣнія нашего въ ширь или въ узину, если можно такъ выразиться, объясняются и обманы зрѣнія въ вышеприведенныхъ фигурахъ 1, 3 и 4, а также въ фиг. 2, хотя въ этомъ послѣднемъ случаѣ г. Брентано —

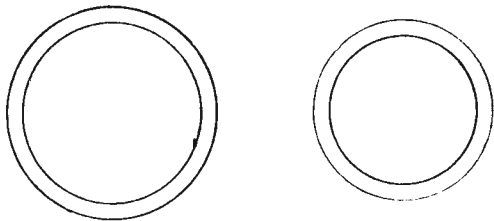

Фиг. 7.

отказывается видѣть подтвержденіе мнѣнія Дальбеффа, такъ какъ впечатлѣніе обмана, хотя значительно и уменьшается, но все-таки остается.

Въ фигурахъ 10 сдѣлано болѣе явственное различіе между сравниваемыми линіями, ибо одна изъ нихъ, *ab*, толще другой, для того, чтобы нельзя было отнести обманъ зрѣнія насчетъ дополнителейныхъ линій.

Главнымъ же образомъ, мнѣніе Брентано съ его отклоненной черточкой не основательно потому, что иллюзія обмана остается во всей своей силѣ, если прибѣгнуть не къ однимъ лишь черточкамъ, но и къ другимъ способамъ искусственна-

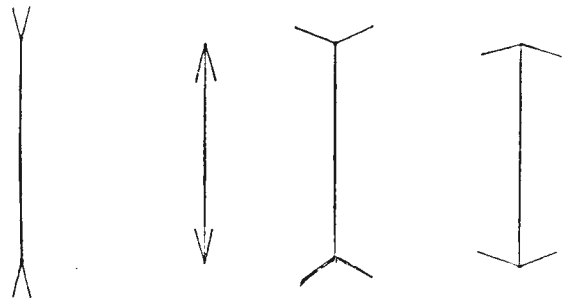

Фиг. 8.

го вызова большаго или меньшаго притяженія, о которомъ говоритъ Дальбеффъ. Такъ, на фигурахъ 11, поразительное впечатлѣніе

тлѣніе обмана получается помощью круговъ, на фиг. 12 — помощью параллельныхъ. Чертежи фиг. 13 представляютъ видоизмѣненія тѣхъ-же фигуръ.

На этихъ послѣднихъ чертежахъ эффектъ, по мнѣнію Дальбеффа, выступаетъ съ наибольшей силой, потому что здѣсь наша воля, заставляющая глазъ измѣрять и сравнивать большее разстояніе между двумя кругами съ правой стороны, и мень-

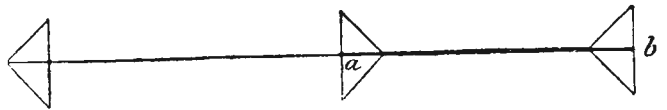

Фиг. 9.

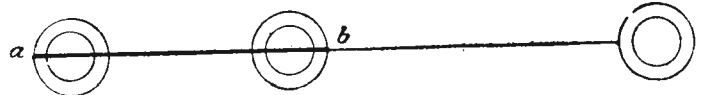
шее—между двумя кругами съ лѣвой—не можетъ заставить его себя повиноваться.

Такова гипотеза, которою Дальбеффъ предлагаетъ замѣнить гипотезу г. Брентано.

Если она справедлива, то изъ этого слѣдуетъ, что глазъ не

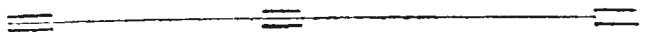

Фиг. 10.

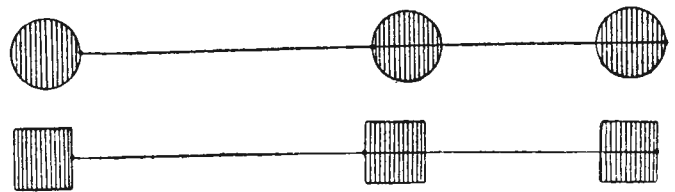
Фиг. 11.

можетъ составить себѣ отчетливаго представленія даже о простѣйшемъ изъ многоугольниковъ, какъ напр., о треугольнике, за исключеніемъ самыхъ правильныхъ формъ. Помимо того, что глазъ склоненъ искажать углы, онъ не можетъ су-

Фиг. 12.

дить правильно о положеніи вершинъ, такъ какъ каждая изъ нихъ въ различной мѣрѣ притягивается двумя остальными.

Фиг. 13.

Трудно, однако, сказать съ увѣренностью, что эта теорія можетъ имѣть обширное практическое примѣненіе. Впрочемъ, можетъ быть, прекрасныя придворныя дамы временъ Людовика XV умѣли инстинктивно примѣнять ее къ дѣлу, наклепывая мушки, чтобы придать характерность фizioноміи или замаскировать неправильности лица. Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе этой маленькой задачи можетъ послужить нѣкоторымъ вкладомъ въ наши знанія, и выяснитъ хотя отчасти причины нашихъ ложныхъ представленій о протяженіяхъ.

Лисьма съ Колумбійской Всемірной выставки.

I. Чикаго, 4 мая.

Несмотря на то, что вотъ уже четыре дня, какъ выставка открыта, что ее посѣщаютъ тысячи народу, многіе отдѣлы ея, въ томъ числѣ и нашъ, русскій, далеко еще не готовы. Судя по ходу работъ, можно однако смѣло надѣяться, что черезъ мѣсяцъ вся выставка будетъ уже въ полномъ блескѣ. Экспонаты съ каждымъ днемъ прибываютъ, одинъ за другимъ.

Въ числѣ экспонатовъ, уже находящихся на выставкѣ, такъ много замѣчательнаго, что сразу даже не знаешь, съ чего начать?

Первое, что привлекаетъ взоры посѣтителя, это громадныхъ размѣровъ зданія и великолѣпныя гигантскія статуи. Первенствующее мѣсто въ глазахъ американца, понятно, занимаетъ колоссальная бронзовая статуя Христофора Колумба. Но замѣчательнѣе ея, въ смыслѣ древности происхожденія, его портретъ, написанный испанскимъ художникомъ Моро и помещенный въ испанскомъ отдѣлѣ выставки. Написанъ онъ въ 1547 году и принадлежитъ монастырю Ла-Бреда (La Breda). Несмотря на то, что краски его потускнѣли, въ одномъ углу

картины можно еще различить подпись „Ch. Colombo“ и внизу, в лѣвомъ углу, подпись художника: „Moro“. Передъ тѣмъ, какъ препроводить портретъ въ отдѣлъ, эксперты выставочной комиссіи, разсматривая его въ луцу, замѣтили на кольцѣ (на рукѣ Колумба) изображеніе цѣлаго герба, который и есть родовою гербъ Колумба; благодаря прекраснымъ увеличительнымъ аппаратамъ, удалось различить даже фигуры на гербѣ.

Для того, чтобы слить воедино нѣсколько памятниконъ старины, чѣмъ бы то ни было связанныхъ съ историческими событиями „страны Колумба“, американцы поручили м-ру Менелли въ Нью-Йоркѣ сдѣлать огромныхъ размѣровъ колоколь; матеріаломъ ему служили всевозможныхъ видовъ, величинъ и достоинствъ золотыя, серебряныя и мѣдные предметы: монеты, пояса, вазы и т. п. Когда „Колумбовъ колоколь“ былъ готовъ, его торжественно проводили изъ Нью-Йорка и торжественно встрѣчали въ каждомъ городѣ и городишкѣ, по дорогѣ его на выставку.

Грандиозна также статуя „Франціи“, изображенной въ видѣ женской фигуры въ сидячемъ положеніи. На ней надѣтъ панцирь; правая рука поднята къ небу, а лѣвая покоится на столѣ. Широкий кушакъ (шарфъ) обвивъ вокругъ талии, и концы его завязаны узломъ на боку. Голова статуи стройна и красива, а надъ простой прической „Франціи“, въ видѣ діадемы, высѣяны три символическія изображенія: Свободы, Равенства и Братства („Liberté, Egalité, Fraternité“). Самая статуя, безъ пьедестала, имѣетъ 1½ сажени въ вышину; пьедесталъ-же, въ 2 саж. вышину, украшенъ различными изображеніями изъ исторіи Французской революціи.

Въ нѣмецкомъ отдѣлѣ вниманіе американцевъ особенно привлекаетъ „Страшилице“, какъ они называютъ гигантское орудіе Круппа. Оно вѣситъ 24 тонны, а снарядъ его—1,600 ф. Длина = 35 калибрамъ, а калибръ = 14 дюймамъ.

Изъ всѣхъ экспонатонъ по желѣзнодорожному дѣлу, безспорно, пальма первенства принадлежитъ Англіи, выставившей полный образцовый поѣздъ Лондонско-Сѣверо-западной желѣзной дороги. Одного взгляда на него достаточно, чтобы признать его превосходство: колеса локомотива имѣютъ 7 футовъ въ диаметрѣ, а конструкция вагоновъ очень легка и удобна.

Сами американцы выставляютъ знаменитое изобрѣтеніе Симса и Эдиссона, „торпедо-рыбу“, надъ которымъ производились опыты въ Виллетъ-Пойнтѣ (Willet-Point), въ Нью-Йоркѣ. „Торпедо-рыба“ имѣетъ въ вышину 4 саж., въ диаметрѣ—5 фут., въ центрѣ, и снабжена стальными остріями, прибавляющими еще въ длину по 1 фут. съ обонхъ концовъ. Это подводное орудіе раздѣлено внутри на 4 отдѣленія. Въ первомъ помѣщается взрывчатый составъ и трубка; во второмъ—свертокъ каната, длиною въ 4 версты, который отматывается, по мѣрѣ удаленія „торпедо-рыбы“ отъ берега; въ третьемъ—динамическій аппаратъ, приводящій орудіе въ движеніе, и, наконецъ, въ четвертомъ—рулевой аппаратъ.

Много любопытнаго представитъ недѣля черезъ двѣ, для любителей астрономическихъ наблюдений, телескопъ Леркса („Yerkes Telescope“); пока еще только идутъ работы по его установкѣ и по устройству обсерваторіи. По величинѣ своей, она не уступитъ и другимъ гигантскимъ сооружеціямъ. Такъ, напримѣръ, желѣзная колонна—подставка телескопа, имѣетъ 40 фут. въ вышину. Длиннѣйшій изъ спектроскоповъ будетъ въ 9 фут. длинн, что составляетъ общую длину инструмента въ 73 фута, т. е. почти 10½ сажени. Способъ управления телескопомъ совершенная новость: всѣ перемѣны въ положеніи всего телескопа или только извѣстной части его будутъ производиться съ помощью электричества. Обсерваторія будетъ состоять изъ большой комнаты—10 саж. въ диаметрѣ; полъ ея съ помощью гидравлическаго приспособленія будетъ произвольно опускаться или подниматься на прострѣствѣ 3-хъ саж. въ вышину. Куполъ надъ телескопомъ будетъ стальной, въ 12 саж. въ диаметрѣ, и, силою электричества, будетъ вращаться въ какомъ угодно направленіи. Съ одной стороны въ куполѣ будетъ отверстіе въ 2 саж. ширины, которое будетъ закрываться или открываться съ помощью электричества.

Къ рисункамъ.

Истокъ Волги. (Рис. на стр. 509).

Весело бываетъ любоваться съ парохода на просторъ широкой красавицы Волги, гдѣ-нибудь подъ Астраханью, когда не знаешь самъ—ѣдешь-ли по рѣкѣ, или по большому озеру, окруженный точно безбрежнымъ, сверкающимъ, воднымъ прострѣствомъ. Но не менѣе приятно побывать и на петокѣ великой рѣки, поклониться ея колыбели, увидѣть ея первые, дѣтскіе шаги, послѣдить, какъ она снаружиается въ дальнюю путь-дорожку, по которой придется ей пройти около трехъ съ половиною тысячъ верстъ.

Родомъ наша красавица изъ Тверской губерніи, Осташковского уѣзда, Залѣской волости, уроженка деревни Волговерховья. Колыбелью ей служитъ деревянный срубъ-колодезь, надъ которымъ поставлена небольшая часовенка. Кругомъ болото, питающее влагою небольшой, поворожденный ручеекъ,

Этотъ экспонатъ, не посѣвший къ открытію выставки, примѣръ далеко не единичный. Ибѣтъ, повторяемъ, ни одного отдѣла, гдѣ бы работы были вполнѣ закончены. И, несмотря на это, несмотря на невообразимый хаосъ, царившій тогда въ Джэксонъ-Паркѣ, публика, еще за нѣсколько недѣль до открытія, осаждала выставку. Достучь на нее былъ разрѣшенъ за скромную сравнительно плату, и народъ толпами загромождалъ вагоны желѣзныхъ дорогъ и паровыхъ или конныхъ *cable-car* овъ, Вопреки ожиданіямъ, цѣна за проѣздъ, на выставку, вполнѣ умѣренная. Такъ, напримѣръ, доѣхать изъ города Чикаго на выставку въ вагонѣ желѣзной дороги,—обыкновенной или „воздушной“,—стоитъ 10—15 центовъ, т. е. 20—30 коп., а на конкѣ—5 цент., т. е. 10 к. Зато павозчиковъ здѣсь почти вовсе нѣбываетъ. Они очень грубы и запрашиваютъ за конецъ въ версту до 10 рублей. Положимъ, есть возможность нѣсколько умѣрить ихъ пылъ къ наживѣ, это доѣхать для полицмана и спросить его, что слѣдуетъ заплатить за такой-то конецъ? Но не всякому пріятно дѣйствовать такимъ образомъ, и потому большинство предпочитаетъ конки или желѣзныя дороги.

Вообщемъ, многое, на взглядъ европейца,—и особенно русскаго,—странно въ этой странѣ эксцентричностей. Странно, что надъ головой нѣшеходовъ катитъ цѣлый поѣздъ, будто висящій въ воздухѣ, и катитъ со скоростью 80 верстъ въ часъ; что дома здѣсь непомѣрной вышину и насчитываютъ до 20 этажей, изъ которыхъ 3—4 расположены подъ землею; что кладовыя, пивныя и другіе склады помѣщаются на крышахъ домовъ; что лѣстницы въ домахъ вовсе нѣтъ, а не переставая движется снизу вверхъ и сверху внизъ подъемная машина... Но это еще лишь тысячная доля тѣхъ мелочей американской жизни, которые удивительны для европейца. Образцомъ, напримѣръ, взаимныхъ отношеній прислугъ и хозяевъ въ странѣ свободныхъ янки можетъ служить самое слово, служащее здѣсь для обозначенія понятія: „прислуга“. „Человѣкъ“ или „дѣвушка“ здѣсь замѣняются общепотребительнымъ словомъ: „help“, т. е. помощникъ, помощница (въ буквальной переводѣ, „help“—помощь). Вѣдь, не деликатно же называть своихъ согражданъ „слугами“? Здѣсь всѣ равны. Но вотъ что наиболее поражаетъ насъ въ отношеніи самыхъ пустыхъ, будничныхъ потребностей,—это ихъ дороговизна. Мы привыкли, у себя дома, часто мѣнить бѣлье, въ Америкѣ же это оказывается затруднительнымъ: стирка крахмальной рубашки стоитъ 1 долл., т. е. на наши деньги 2 руб. сер..

Такъ много было шуму въ Европѣ (да и въ Америкѣ также) о предстоящей дороговизнѣ во время выставки, что большинство отелей рѣшило войти въ соглашеніе между собою—не „грабить“ пріѣзжихъ, т. е. не увеличивать цѣнъ за комнаты противъ обыкновенныхъ.

Продающіеся во всѣхъ отеляхъ билеты „souvenir“, для входа на выставку, раскупаются на расхватъ.

Всѣми дѣлами выставки управляетъ администрація (Administration), подраздѣляющаяся на нѣсколько отдѣльныхъ учрежденій.

Какихъ громадныхъ суммъ стоитъ содержаніе всего этого персонала, можно судить по тому, что на вознагражденіе трудъ только экспертизы предназначено 570.880 дол.

Стряпчий по дѣламъ казны, Ольней, постановилъ, чтобы эти 570.880 дол. считать подлежащими особому назначенію, но огнюды не изыгтыми изъ тѣхъ 2.500.000 дол., которые ассигнованы на заготовленіе монетъ въ память выставки.

Однако, заботы о такихъ крупныхъ суммахъ не мѣшаютъ дѣльцамъ—администраторамъ выставки помнить и о болѣе скромныхъ цифрахъ, которыя, конечно, въ общей сложности, составятъ тоже большія суммы. Возникли долгіе и горячіе споры между американскими экспонентами и администраціей выставки, по поводу несчастныхъ 6 центовъ, которые должны взиматься съ каждой сотни фунтовъ экспоната за услуги при его установкѣ.

Въ концѣ концовъ, несмотря на ярлы протесты со стороны туземныхъ экспонентовъ, рѣшено шестипцентный сборъ оставить въ силѣ.

который скромно пробирается подъ сосѣднимъ пригоркомъ и, сдѣлавъ два-три изгиба, исчезаетъ въ окружающемъ мѣстности лѣсу. Первая постройка на берегу Волги—старая кузница, позади которой, на пригоркѣ, раскинута деревня Волговерховья. Деревня не велика, но расположена довольно живописно.

Выйдя изъ лѣса, Волга принимаетъ въ себя первый притокъ-ручей Персянку, затѣмъ встрѣчаетъ на пути два озера: Малый и Большой Верхиты, за которыми проходитъ цѣлый рядъ большихъ озеръ: Стержь, Овселукъ, Пено и Волгѣ. При выходѣ изъ послѣдняго, она навсегда прощается съ озерною странною и направляется ко Ржеву уже настоящею полноводною рѣкою.

И. Тюменевъ.

Глухарь. (Рис. на стр. 517).

Охотники тѣхъ странъ, гдѣ водятся глухари, хорошо знаютъ этихъ интересныхъ и вкусныхъ птицъ и на ряду съ пагура-

листами способствовали под-
потѣ описаній жизни этой
птицы, въ особенности, во
время тока, — въ то время,
когда охота на нее стано-
вится самою привлекательною.

Токовать весною глухарь
начиная очень рано, правда,
только при благоприятной по-
годѣ, а въ несчастныя ночи
глухарь почти никогда не то-
куетъ. Въ тихую ясную ночь,
при первомъ проблескѣ зари,
слышатся ужъ первыя пощел-
киванія или чмоканья глуха-
ри. При этомъ онъ вытяги-
ваетъ голову, нахохливаетъ
перья на шеѣ и головѣ, и все
чаще и чаще издаетъ звукъ
въ родѣ: „тѣд-тѣд-тѣд... ѣд-ѣд-
ѣд“, заканчивающіеся силь-
нымъ ударомъ, и затѣмъ глу-
харь начинаетъ „точить“.
Звукъ, производимый имъ при
этомъ, не поддается подража-
нію и похожъ на теченіе же-
лѣза. Въ это время хвостъ
подымается и расширяется
вѣрообразно, а крылья опу-
скаются и отстаютъ отъ ту-
ловища. Съ каждымъ звукомъ
глухарь больше и больше горитъ
и забываетъ все окружающее.
Въ своемъ возбужде-
ніи онъ иногда кидается на
людей, клюется, вообще, не
находитъ себѣ мѣста во все
время тока, до самаго раз-
свѣта.

Виленскій генераль-губернаторъ генер.-лейтенантъ сенаторъ Петръ
Васильевичъ Ормовскій. Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

морфозъ“ рассказываетъ о пе-
чальной судьбѣ Трахидскаго
царя Цейкса и его супруги
Гальціоны, дочери бога вѣт-
ровъ Дола. Цейксъ погибъ во
время кораблекрушенія, и
тѣло его было пригнано волна-
ми къ берегамъ родины. Когда
его увидала Гальціона, она

„Съ берега трепетны руки
простерла...“
повѣствуетъ В. А. Жуковскій
въ переводѣ этого „Овидіева
превращенія“.

„Въ томъ мѣстѣ плотина изъ
камня
Брегъ застонала высокой стѣ-
пой отъ приливаго моря,
Въ бурю-же ярость и силу
напорной волны утомляла.
Съ той высокой стѣны въ пу-
чину стремглавъ Гальціона
Бросилась... Что-же? о чудо!
она взвилась, и надъ моремъ
Воздухъ свистящій внезапно-
раздвѣтшимъ крыломъ раз-
бивая,

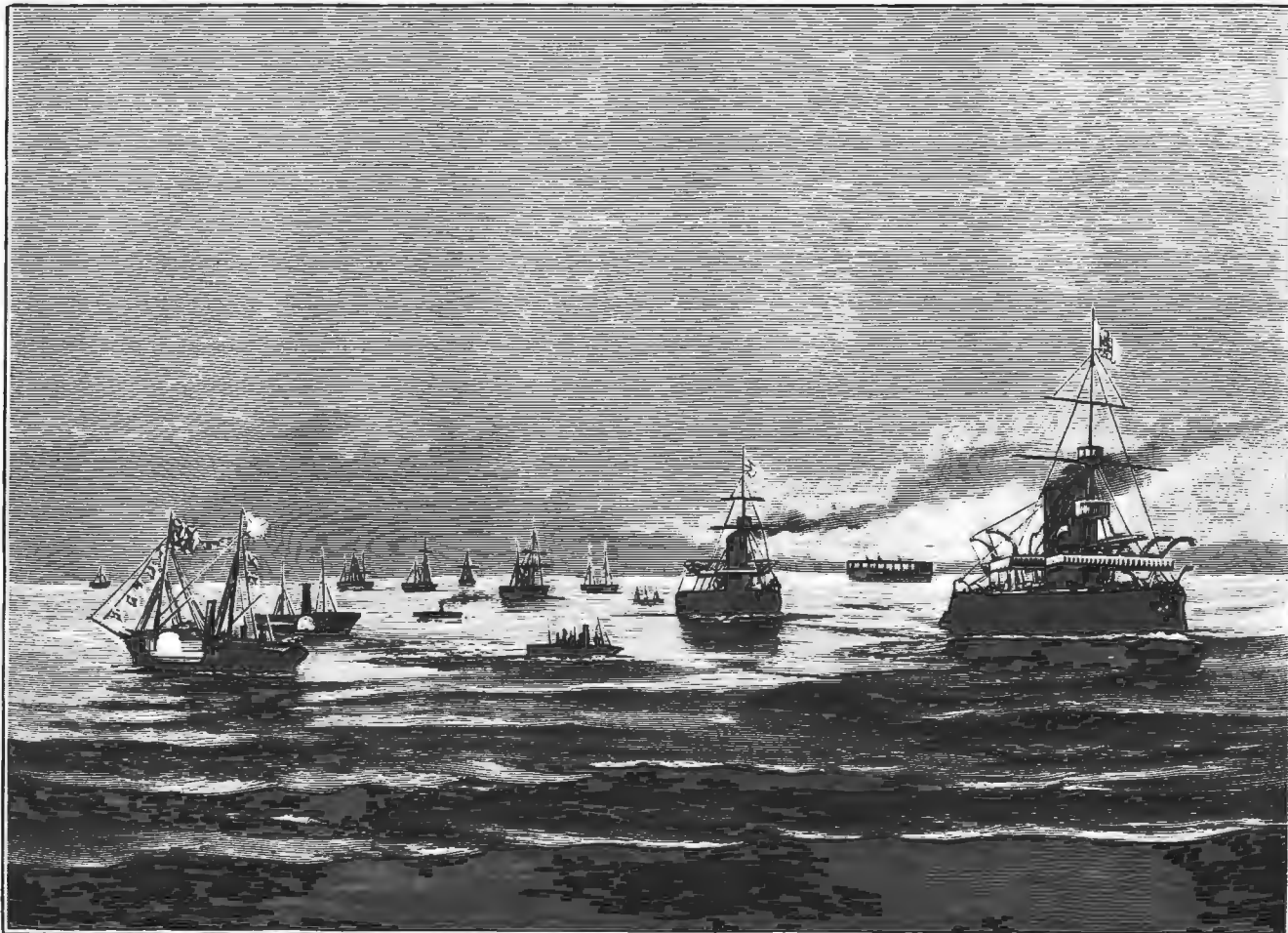
Вдоль по зыбучимъ волнамъ по-
летѣла печальною птицей...“
Безсмертныя боги обратили
ее въ зимородка, а затѣмъ,
сжались надъ ея одиноче-
ствомъ, обратили и Цейкса.

И доншѣ они
„Вѣрны бывалой любви; и пони-
въ ихъ бракъ не разорванъ.
Поздней зимней порою семь
дней безбурныхъ и ясныхъ
Мирно, безъ слега сидятъ на
пловучемъ гнѣздѣ Гальціона;

Море тогда безопасно; Доля, заботясь о внукахъ,
Вѣтры смиряетъ, пловца бережетъ и воды спокойны.“

„Цейксъ и Гальціона.“ (Рис. на стр. 520).

Латинскій поэтъ Овидій Назонъ въ одной изъ своихъ „мета-

Посѣщеніе Государемъ Императоромъ Севастополя. Высочайшій смотръ Черноморскому флоту 9 мая 1893 года.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Протопопова, грав. М. Рашевскій.

Сессія.
(Итальянскій станціонеръ).

Минонска.

Чесма.

Синопь.

Марія Хлопова, невіста царя Михаила Феодоровича. (Рис. на стр. 521).

Маститый жанристъ нашъ, художникъ Н. В. Невревъ, написавшій такъ много и такъ много потрудившійся для воплощенія передъ нами многихъ сторонъ древне-русской жизни, въ этой картинѣ проявилъ все лучшія и наиболѣе симпатичныя стороны своего таланта. Самый выборъ сюжета уже выказываетъ въ художникѣ человека съ тонкимъ, изящнымъ чутьемъ, одареннаго глубокимъ чувствомъ и умѣющимъ оцѣнивать по достоинству извѣстныя намъ явленія нашего прошлаго и умѣющимъ разобраться въ ихъ частности и подробностяхъ.

Дѣйствительно, главное дѣйствующее лицо изображенной художникомъ сцены, Марія Хлопова—первая невіста царя Михаила Феодоровича—является однимъ изъ печальнѣйшихъ примѣровъ глубокаго коснѣнія и грубости нравовъ даже въ высшихъ слояхъ русскаго общества XVII вѣка. Избранная юнымъ царемъ изъ нѣсколькихъ сотъ дѣвицъ, свезенныхъ въ Москву, по его указу и по желанію матери-государыни, Марія Хлопова тотчасъ была объявлена царскою невістою и поставлена въ то особое, привилегированное и строго-замкнутое положеніе, въ которое обычно попадали все подобныя избранницы. Ближайшіе ко Двору боярскіе роды, надѣявшіеся на то, что изъ нихъ будетъ выбрана невіста царю—вознегодовали на выборъ Михаила Феодоровича. Для того, чтобы начать враждебныя дѣйствія противъ ни въ чемъ неповинной дѣвушки, употребили самое простое и немудреное средство:—наряжая ее къ одному изъ выходовъ царскихъ, ей такъ крѣпко закрутили и перетянули ей великолѣпную косу, что съ нею произошелъ обморокъ... Этого было достаточно, чтобы объявить царскую невісту подверженною припадкамъ *черной немочи*, т. е. падучей болѣзни. Потребовалось освидѣтельствованіе болной, будто бы, Маріи Хлоповой, при посредствѣ нѣмца-доктора и всякихъ бабъ-знахарокъ. Хотя врачъ и не нашелъ явныхъ признаковъ страшной болѣзни, однакоже не рѣшился принять на себя отвѣтственность за то, что Марія Хлопова вполне забавлена отъ ея припадковъ. Этого было достаточно для того, чтобы обвинить несчастную дѣвушку и ея родителей въ злобномъ укрывательствѣ завѣдомаго недуга и въ намѣреніи обмануть царское величество. По обычаю времени, невіста и родители ея были преданы строжайшему слѣдствію и суду—и осуждены на ссылку въ Сибирь. Но царь полюбилъ Хлопову и потому всѣми силами старался ее спасти и облегчить участь ея родителей:—нѣсколько времени спустя имъ разрѣшено было переѣхать на жительство въ Нижній. Прошелъ годъ и другой—царь не вступалъ въ бракъ, несмотря даже на все настоянія своей матери, и тайкомъ даже справлялся о здоровьѣ своей бывшей невісты... Но дворская интрига одолѣла; настоянія матери царя усиллись, и бракъ царя былъ всѣми силами ускоренъ, лишь бы поскорѣе изгладить изъ его памяти милый образъ невинно-пострадавшей Маріи Хлоповой.

Виленскій генераль-губернаторъ П. В. Оржевскій.

(Портр. на стр. 525).

1 января текущаго года состоялось назначеніе генераль-лейтенанта, сенатора, Петра Васильевича Оржевскаго на постъ Виленскаго генераль-губернатора. Служебная дѣятельность его давно уже связана съ высшею правительственной администраціей, и потому онъ явился на свой высокий и отвѣтственный постъ, какъ государственный человекъ, умудренный долготѣльнымъ опытомъ прежнихъ своихъ занятій по администраціи. Какъ извѣстно, на П. В., въ бытность его товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, было возложено высшее руководство дѣятельности Департамента полиціи и всѣхъ дѣлъ вѣдѣнія жандармскаго управленія.

Службу свою П. В. началъ въ рядахъ нашей гвардіи, какъ строевой офицеръ. Воспитывался онъ въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ, затѣмъ былъ произведенъ въ 1856 году въ корнеты Кавалергардскаго полка и поступилъ въ военную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1860 году. Въ 1873 г. П. В. Оржевскій былъ назначенъ начальникомъ Варнавскаго жандармскаго округа, а 1882 году былъ призванъ на постъ товарища Министра Внутреннихъ дѣлъ, черезъ два года постъ чего получилъ званіе сенатора. Родился П. В. 11 августа 1839 года.

Высочайшій смотръ Черноморскому флоту.

(Рис. на стр. 525).

Еще сравнительно недавно было то время, когда мы, по обстоятельству, были стѣснены на Черномъ морѣ въ смыслѣ развитія нашихъ военно-морскихъ силъ. Но теперь стѣсненіе это, какъ извѣстно, отошло въ область исторіи и на нашихъ глазахъ съ каждымъ годомъ растетъ и развивается нашъ Черноморскій флотъ, давая надежду этимъ своимъ развитіемъ, что придетъ часъ, когда у насъ явится не Черноморскій и Балтійскій, а единый русскій, нераздѣльный флотъ.

9-го мая состоялся на севастопольскомъ рейдѣ Высочайшій смотръ Черноморскому флоту. На рейдѣ выстроились четыре громадные броненосца, четыре капонерскія лодки, одинъ

крейсеръ, одинъ минный транспортъ, два минные крейсера, нѣсколько военныхъ пароходовъ и 16 миноносцевъ; такимъ образомъ, всего было свыше 30 вымпеловъ. До заранѣе объявленнаго смотра, флагманы и командиры всѣхъ судовъ были очистивлены приглашеніемъ на броненосецъ „Синопъ“ къ Высочайшему завтраку. По окончаніи завтрака, Его Величество Государь Императоръ съ Царскою Семейей и Августѣйшимъ Генераль-Адмираломъ, въ сопровожденіи свиты и начальствующихъ лицъ, позволили на гребномъ катерѣ отбыть съ „Синопа“ на пароходъ „Эрикликъ“, съ котораго и производился Высочайшій смотръ. Стоя на пароходѣ наверху, Его Величество милостиво здоровался съ командами судовъ. Когда „Эрикликъ“ обошелъ все корабли, онъ остановился, и Ихъ Величества съ Ихъ Высочествами пересѣли на катеръ, доставившій Ихъ на минный крейсеръ „Казарскій“, считающійся самымъ быстроходнымъ изъ всѣхъ нашихъ судовъ этого типа. Его Величество, принявъ рапортъ, обходилъ выстроившихся офицеровъ, поздоровался съ командой и внимательно, подробно осматрѣлъ крейсеръ. Послѣ того такъ же былъ осматрѣнъ и минный транспортъ „Бугъ“. Съ него Ихъ Величества перешли на новый броненосецъ „Двѣнадцать Апостоловъ“, на которомъ, послѣ Высочайшаго смотра, была пробита боевая тревога. Затѣмъ Императорскій катеръ отвалилъ отъ броненосца, съ котораго раздался салютъ, миновалъ линію миноносцевъ, повернулъ въ Южную бухту и подошелъ къ „Синопу“. На „Синопѣ“ вскорѣ послѣ этого былъ поднятъ сигналъ: „Изъявлено благодарность“.

Академикъ Г. И. Вильдъ. (Портр. на стр. 528).

Русскій ученый мѣръ, во главѣ съ Императорскою Академіей Наукъ, торжественно чествовалъ 10 мая директора Главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ, Германа Ивановича Вильда, по случаю его двадцатипятилѣтней научной дѣятельности въ Россіи. Торжество заключалось въ поднесеніи фотографическихъ альбомовъ, цѣнныхъ подарковъ и въ многочисленныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ вице-президентомъ Академіи Наукъ, статсъ-секретаремъ Я. К. Гротомъ, академиками Ф. А. Бредихинымъ, Н. Ф. Дубровинимъ, сенаторомъ П. П. Семеновымъ и другими. Ораторы привѣтствовали почтеннаго юбиляра отъ имени разныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ: Академіи Наукъ, Главной физической, Пулковской и Гельсингфорской обсерваторій, Географическаго Общества и пр. Телеграммы и поздравительныхъ писемъ получена юбиляромъ масса изъ Москвы, Кіева, Одессы, Лондона, Парижа, Берна и другихъ городовъ.

Академикъ Г. И. Вильдъ принадлежитъ къ крупнѣйшимъ европейскимъ ученымъ. Его имя извѣстно каждому, занимающемуся оптическими, метеорологическими, магнитными и электрическими наблюденіями и опытами. Его научные труды имѣются на всѣхъ европейскихъ языкахъ, изобрѣтенные имъ инструменты пользуются примѣненіемъ во всѣхъ странахъ свѣта. Большой переворотъ въ области магнитныхъ изслѣдованій произвелъ изобрѣтенный юбиляромъ недавно индукціонный индикаторъ—приборъ для опредѣленія магнитнаго наклоненія. Этотъ приборъ уменьшилъ ошибку въ точности измѣренія съ 30 секундъ до 3 секундъ, т. е. въ 10 разъ. Еще ранѣе Г. И. Вильдомъ изобрѣтены многие цѣнные инструменты, напримѣръ, приборъ для опредѣленія содержанія сахара въ жидкостяхъ, съ помощью оптики (поляристрометръ). Имъ основана образцовая Константиновская магнитная и метеорологическая обсерваторія въ Павловскѣ, на которую привлекаютъ любоваться ученые всего міра, и многія обсерваторіи въ главнѣйшихъ городахъ Европы и Америки построены и до сихъ поръ строятся по образцу Константиновской. Главная физическая обсерваторія Императорской Академіи Наукъ, за время двадцатипятилѣтняго руководства ею Вильдомъ, преобразилась до неузнаваемости. По его инициативѣ было создано нѣсколько международныхъ метеорологическихъ конгрессовъ, и предприняты въ 1882 и 1883 г. международныя изслѣдованія полярныхъ странъ. Послѣднія изслѣдованія обогатили ученіе о магнетизмѣ и прославили президента международной полярной комиссіи Г. И. Вильда. Благодаря усиленной дѣятельности и заботамъ Г. И. въ Россіи организована въ 1884 г. спеціальная сеть дождемѣрныхъ и грозовыхъ станцій, число коихъ въ настоящее время достигло 1156. При Главной физической обсерваторіи учреждено особое дождемѣрное отдѣленіе для обработки наблюденій этихъ станцій.

До Г. И. Вильда обсерваторія производила наблюденія только при 35 метеорологическихъ станціяхъ, къ концу же 1892 г. число ихъ возросло до 560. Въ 1874 г. по инициативѣ Г. И. Главная физическая обсерваторія стала посылать предостереженія о штормахъ въ наши порты Балтійскаго, а съ 1889 г.—Чернаго моря. Съ этого же времени дѣлаются систематическія предсказанія погоды за день впередъ въ бюллетеняхъ, издаваемыхъ обсерваторіей. Каждый желающій можетъ получать изъ обсерваторіи предсказанія по телеграфу, при условіи уплаты отвѣта въ 20 словъ. Съ 1890 г. посылаются обсерваторіей предсказанія сильныхъ вѣтровъ и метелей по линіямъ желѣзныхъ дорогъ.

Юбиляръ родился 17 декабря 1833 года въ Цюрихскомъ кан-

тонъ. Специальнымъ изученіемъ физики и метеорологіи онъ занимался въ Дюрхскомъ и Кенигсбергскомъ университетахъ, и въ некоторое время въ Гейдельбергскомъ, подъ руководствомъ извѣстныхъ профессоровъ Бунзена и Кирхгофа. Въ 1857 году Вильдъ былъ приглашенъ Дюрхскимъ университетомъ читать лекціи по физикѣ, но вскорѣ перевелся въ Бернскій университетъ и получивъ въ завѣдываніе мѣстную физическую обсерваторію. Съ этой неутомимой и энергичной дѣятельности Вильда въ Бернѣ началась его извѣстность, съ каждымъ слѣдующимъ за 1858 годомъ захватывающая все болѣе и болѣе районъ поклонниковъ. Физическая обсерваторія въ Бернѣ была расширена и преобразована Вильдомъ въ метеорологическій институтъ, а съ 1861 г. онъ занимался проверкою мѣръ и вѣсовъ и проверкою и улучшеніемъ измѣрительныхъ приборовъ, въ дѣствіе чего избранъ въ 1870 г. членомъ международной комиссіи метра (Commission internationale de metre). Его работы по оптикѣ уже указаны выше. По электричеству онъ производилъ термоэлектрическія изслѣдованія и сдѣлалъ точное опредѣленіе абсолютнаго сопротивленія (проверка формулы Ома). Значительная часть его метеорологическихъ работъ напечатана въ *Запискахъ Швейцарскаго Общества Естественныхъ Наукъ* и *Извѣстіяхъ Главной физической обсерваторіи*. По инициативѣ и подъ редакціей Г. И. Вильда издается Академіей Наукъ журналъ „Метеорологическій Сборникъ“. Изъ отдѣльныхъ сочиненій Г. И. заслуживаютъ особеннаго вниманія „Температура Россійской имперіи“ и „Осадки Россійской имперіи“. Юбиларъ состоитъ президентомъ имъ основаннаго вмѣстѣ съ лейпцигскимъ профессоромъ Брунсомъ и вѣнскимъ профессоромъ Елизнекомъ постоянного международного метеорологическаго конгресса. Г. И. Вильдъ далеко не старый европейскій дѣятель и несомнѣнно внесетъ еще много цѣнныхъ измѣненій и усовершенствованій въ область метеорологіи и, особенно, въ область земного магнетизма.

Н. Афанасьевъ.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ.

Задолго до двѣнадцатаго мая начала украшаться наша Москва, приготовились къ встрѣчѣ Августѣйшихъ особъ. Въ назначенный день все было готово. Дома покрылись флагами, балконы украсились коврами, появились вензельныя украшенія, транспаранты, черезъ улицы, отъ одного дома къ другому, перекрещивались гирлянды цвѣтовъ, во многихъ мѣстахъ были поставлены триумфальныя арки, украшенныя зеленью, ламіонами, дорогими тканями. Очевидцы говорятъ, что Москва такъ щегольнула своимъ убранствомъ, что едва ли кому прежде приходилось видѣть такое великолѣпіе. Двѣнадцатаго мая, всѣ Москва, и старъ, и младъ, высыпала на улицы, навстрѣчу Царя, Царь и Членовъ Августѣйшаго Семейства. На дебаркадерѣ для встрѣчи былъ выставленъ, со знаменемъ и хоромъ музыкантовъ, почетный караулъ отъ роты Его Величества лейбъ-гренадерскаго Екатеринбургскаго полка. На всемъ пути отъ вокзала до Кремля стояли войска. Ровно въ 5 час. подошелъ Императорскій поѣздъ. Музыка заиграла встрѣчу. Изъ вагона-гостиной вышли Государыня Императрица, а за Ея Величествомъ Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Ксения и Ольга Александровны, Великіе Князья Михаилъ Александровичъ и Алексѣй Александровичъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ и Его Супругой, въѣзжавшимъ навстрѣчу Ихъ Величествъ на станцію „Лопасня“. Великая Княгиня Марія Павловна и Великіе Князья Владиміръ Александровичъ, Павелъ Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ находились на вокзалѣ. Съ вокзала Ихъ Величества и Ихъ Высочества, при кликахъ „ура“ и звонѣ колоколовъ, отбыли въ открытыхъ экипажахъ въ Кремль, при чемъ на пути изволили останавливаться у часовни Иверской Божіей Матери и приложиться къ чудотворной иконѣ. На панерти часовни, устланной краснымъ сукномъ, Ихъ Величества встрѣтили духовенство съ крестомъ и святой водой.

Въ 8 ч. вечера Ихъ Величества съ Августѣйшими Дѣтьми и Великіе Князья и Великія Княгини изволили присутствовать на семейномъ обѣдѣ у Великаго Князя Сергія Александровича. Народъ всюду на пути торжественно выражалъ свои привѣтствія, какъ могъ только. Кляки „ура“ не умолкали. Вечеромъ по всей Москвѣ была зажжена иллюминація. Особенно красиво блестяла Красная площадь: это былъ—цѣлый огненный городокъ съ башнями и навильонами. Триумфальная арка на площади была залита огнями. Около 10 ч. вечера Ихъ Величества отбыли изъ генералъ-губернаторскаго дома при новыхъ немолжаемыхъ, радостныхъ кликахъ. Москва торжествовала, и торжество было трогательное, задумчивое.

На другой день всѣ залы Большаго Кремлевскаго дворца съ 10 ч. утра стали наполняться лицами, имѣющими пріездъ ко Двору, военными и представителями городскихъ сословій. За Владимірской залой, въ Святыхъ сѣняхъ, что предъ Грановитой палатой, выходящихъ на Красное Крыльцо, собралось духовенство: хоругвеносцы кремлевскихъ и московскихъ собо-

Э. И. Эндеръ. (Портр. на стр. 529).

Императорскій Ботаническій садъ недавно, ровно чрезъ годъ послѣ смерти своего знаменитаго директора Э. Д. Регеля, понесъ еще тяжелую утрату. 16 апрѣля скончался скоропостижно отъ паралича сердца старшій садовникъ Ботаническаго сада Эрнестъ Ивановичъ Эндеръ, посвятившій болѣе четверти вѣка этому учрежденію. Э. И. родился 15 (27) января 1837 г. въ г. Гроссенау, близъ Циттау, въ Саксоніи. Съ самаго ранняго возраста интересуясь садоводствомъ, достигнувъ шестнадцати лѣтъ, юноша рѣшился посвятить себя этой специальности. Первые годы своего ученія онъ провелъ въ Планицѣ; въ 1855 году онъ уже былъ приглашенъ знаменитымъ въ свое время придворнымъ садовникомъ Финтльманомъ на Пфауеншнелъ близъ Потсдама. Въслѣдствіи Э. И. посвятилъ ему, въ знакъ благодарности, свой первый трудъ: „Index Aroidarum“. Въ Россію Э. И. прибылъ въ 1861 году. Нѣсколько лѣтъ покойный прослужилъ въ Саратовской губ. старшимъ садовникомъ у одного богатаго помѣщика.

Будучи въ 1865 г. прободомъ въ С.-Петербургѣ, онъ былъ представленъ покойному директору Э. Д. Регелю, который, цѣня его многостороннія знанія и выдающіяся способности въ области садоводства, пригласилъ его на должность старшаго садовника въ Императорскій Ботаническій садъ, куда Э. И. Эндеръ прибылъ 1 мая 1865 г. Покойный состоялъ членомъ, казначеемъ и бібліотекаремъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства и пользовался большимъ уваженіемъ за свои труды. Онъ, кромѣ того, былъ почетнымъ членомъ цѣлаго ряда русскихъ и иностранныхъ ученыхъ Обществъ.

Кромѣ вышеупомянутаго труда Э. И. „Index Aroidarum“, имъ издано нѣсколько трудовъ о культурѣ пальмъ, папоротниковъ и пр. Вмѣстѣ съ д-ромъ Регелемъ покойный составилъ „Всеобщую книгу садоводства“. Къ сожалѣнію, смерть прервала его обширный трудъ: „Index Orchidearum“, которому покойный посвятилъ послѣднія 15 лѣтъ своей трудовой жизни.

ровъ, прогоспесвитеръ и духовенство придворныхъ церквей въ золотыхъ облаченіяхъ.

Ровно въ 11 ч. послѣдовалъ Высочайшій выходъ. Все стихло. Шестіе открывали гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры въ красныхъ мундирахъ по два въ рядъ; за ними шли камеръ-юнкеры, камергеры, церемоніймейстеры и оберцеремоніймейстеры, вторые и первые чины Двора. Затѣмъ слѣдовали Ихъ Величества и члены Царствующаго Дома.

Шестіе замыкали слѣдовавшіе за Ихъ Высочествами придворныя дамы и высшіе сановники. Въ Георгіевской залѣ Ихъ Величествамъ московскій городской голова Рукавишниковъ поднесъ отъ города хлѣбъ-соль на рѣзномъ деревянномъ блюдѣ. Отвѣчая на привѣтствіе московскаго городского головы, Государь Императоръ сказалъ:

„Очень вамъ благодаренъ. Я Самъ радъ быть въ Москвѣ и благодарю ее за радушный приемъ. Счастливы провести опять въ Москвѣ день Моей Коронаціи. Еще разъ благодарю“.

Въ Святыхъ сѣняхъ духовенство поднесло Ихъ Величествамъ хлѣбъ-соль на фарфоровомъ блюдѣ, хоругвеносцы кремлевскихъ соборовъ — большую просфору. Прямо отсюда процессія вышла на Красное крыльцо. Грянулъ колоколъ Ивана Великаго, а за нимъ всѣ кремлевскіе колокола, и раздалось громкое, долгое, дружное „ура“—увидавшей Царя и Царицу толпы. Въ дверяхъ Успенскаго собора Ихъ Величества встрѣтили замѣщающій митрополита епископъ Дмитровскій Александръ съ духовенствомъ. Отслушавъ литургію въ Успенскомъ соборѣ и приложившись къ св. мощамъ митрополита Алексѣя въ Чудовомъ монастырѣ, Ихъ Величества прослѣдовали изъ монастыря внутреннимъ ходомъ въ Николаевскій дворецъ. Въ 2 часа дня Ихъ Величества присутствовали на освященіи дворянскаго Казаковскаго пріюта. Затѣмъ Ихъ Величества изволили навѣстити застигнутаго болѣзнью Московскаго митрополита, высокопреосвященнаго Леонтія.

Вечеромъ Ихъ Императорскія Величества изволили присутствовать на спектаклѣ въ Маломъ театрѣ.

14 мая, при свѣтлой и ясной погодѣ, при звонѣ колоколовъ, орудійныхъ выстрѣлахъ и раскатахъ громоваго „ура“, состоялась закладка памятника въ Бозѣ почившему Императору Александру Николаевичу. На закладкѣ присутствовали Ихъ Императорскія Величества и Императорскія Высочества Великіе Князья и Великія Княгини.

Послѣ завтрака Ихъ Величества посѣтили родовспомогательное заведеніе. Затѣмъ Государь Императоръ изволил осматривать архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, а Государыня Императрица осчастливила Своимъ посѣщеніемъ Николаевскій сиротскій институтъ. Вечеромъ состоялся балъ у Августѣйшаго Генералъ-губернатора.

15 мая, въ десятую годовщину Священнаго Коронаванія Ихъ Величествъ, съ самаго утра раздавался по Москвѣ звонъ колоколовъ; во всѣхъ церквахъ совершались молебствія. Въ 10 часовъ состоялся Высочайшій выходъ въ Успенскій соборъ.

Пресвященный Александр торжественно совершил благодарственное молебствие, прочитал молитву, положенную на день Коронования, и, по возгласу диакона, все преклонили колѣна — Царь съ Семей и весь народъ — и благоговѣнно молились о благополучи царства, Царя и державы Россійскихъ. Затѣмъ два клироса пѣвшихъ зашли „Тебѣ Бога хвалимъ“. Протодиакономъ возгласено многолѣтне Царю и Царствующему Дому. Тотчасъ же загудѣли все кремлевскіе колокола, съ кремлевскихъ стѣнъ завилась ракета и раздались салюты съ Тайницкой башни въ Кремлѣ. Царь и Царская Семья прикладывались ко кресту. Затѣмъ, изъ собора Ихъ Величества, предшествуемые духовенствомъ и сопровождаемые Царской Семей и всей свитой, вышли на площадь и прослѣдовали въ Архангельскій соборъ, поклониться святынямъ. Изъ собора вся процессія двинулась во дворецъ. Торжественно поднималась она по историческому Красному крыльцу. Государь остановился на верхней площадкѣ крыльца и, какъ десять лѣтъ тому назадъ, три раза поклонился народу.

Какъ просто и малозначачи эти слова „поклонился народу“, въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило тамъ, въ московскомъ Кремлѣ, гдѣ каждый уголокъ, каждый камешекъ — историческое воспоминаніе, дорогое русскому сердцу! Нужно быть истинно-русскимъ, чтобы почувствовать весь глубокий смыслъ этого Царскаго поклона, этого высшаго знака сердечнаго единенія Царя со своимъ народомъ — и чтобы оцѣнить вполне слышавшіяся въ это время, среди кликовъ, привѣтствій, сквозь слезы произнесенныя слова: „Царь-батюшка... все... все за Тебя, и жизнь положимъ...“ Въ этомъ единеніи русскаго народа съ своимъ Царемъ —

Директоръ Главной физической обсерваторіи анад. Генрихъ Ивановичъ Вильдъ (по поводу 25-ти-лѣтія научной дѣятельности).
По фот. Классена, грав. Шюблеръ.

Разныя извѣстія.

— Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ и Великими Князьями Ксенією Александровною и Ольгою Александровною, прибыли 17 сего мая, по Николаевской желѣзной дорогѣ, изъ Москвы на станцію Тосно, откуда, по соединительной вѣтви, прослѣдовали въ Гатчину.

— 20 мая, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великою Княжною Ксенією Александровною прибыли изъ Гатчины въ С.-Петербургъ. Ихъ Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами посѣтили Великаго Князя Алексѣя Александровича, по случаю дня Тезоименитства Августѣйшаго Генералъ-Адмирала. Изъ Дворца Великаго Князя Ихъ Величества заѣзжали помолить-

ся въ Казанскій соборъ, а затѣмъ прослѣдовали въ Собственный Его Величества (Аничковъ) Дворецъ. Въ 3 ч. пополудни, Ихъ Величества съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великою Княжною Ксенією Александровною отбыли въ Гатчину.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ назначить „Обществу послѣдователей гомеопатіи“ пять тысячъ рублей въ пособіе на постройку гомеопатической больницы Имени въ Бозѣ почивающаго императора Александра II.

— Святѣйшій Синодъ, во изъявленіе признательности Его Импер. Выс. Велик. Князю Сергію Александровичу и Его Супругѣ за передачу въ вѣдѣніе епархіальнаго начальства трехъ благоустроенныхъ школъ въ имѣніяхъ Его Высочества — селахъ Ильинскомъ и Усовѣ, Звенигородскаго уѣзда Московской губерніи, поднесъ Ихъ Высочествамъ Святыю Библию за подписью высокопреосвященнаго

митрополита С.-Петербургскаго, котораго Его Высочество почтилъ нынѣ милостивымъ рескриптомъ.

— Министерство Народнаго Просвѣщенія приступило къ устройству зданій министерскихъ ремесленныхъ училищъ въ Архангельскѣ, Златоустѣ, Клинцахъ (Черняг. губ.), Павловѣ (Нижегородской губ.) и Петрозаводскѣ.

— Геологическимъ комитетомъ издана недавно геологическая карта Европейской Россіи, на 6 листахъ, въ масштабѣ 60 верстъ въ дюймѣ. Карта эта, являясь послѣднимъ словомъ научныхъ изслѣдованій, имѣетъ 45 отдѣльныхъ обозначеній и нѣсколько меньшее число красокъ.

— Во всѣхъ значительныхъ селахъ Петербургской губерніи нынѣшнимъ лѣтомъ рѣшено впервые устроить летучія бібліотеки изъ книгъ религіозно-нравственнаго содержания.

Въ 11 часовъ утра, на Театральной площади состоялся Высочайшій смотръ войскамъ Московскаго гарнизона. Послѣ парада состоялся большой завтракъ, на который были приглашены придворныя дамы, высшіе чины и сановники Двора, и командиры частей.

Затѣмъ Государь съ Царской Семей присутствовали на семейномъ обѣдѣ у Великаго Князя Сергія Александровича. Государь выходилъ на балконъ, и народъ еще разъ привѣтствовалъ ликующими кликами своего Царя.

16-го мая вся Царская Семья была у обѣдни въ придворной церкви Рождества Богородицы. Затѣмъ во дворцѣ состоялся завтракъ. Въ началѣ третьяго часа Ихъ Величества посѣтили клиники Московскаго университета на Девичьемъ полѣ. Послѣ обзора клиникъ Ихъ Величества и Ихъ Императорскія Высочества отбыли въ Третьяковскую картинную галерею. Въ 6 часовъ во дворцѣ состоялся обѣдъ для высшихъ чиновъ на 170 кувертовъ. Вечеромъ, въ концѣ 9-го часа, Ихъ Величества съ Ихъ Высочествами отбыли изъ Кремля. Весь городъ утопалъ въ огняхъ. Проѣздомъ къ вокзалу Ихъ Величества посѣтили Иверскую часовню и, поклонившись святыѣ, приняли напутственную молитву. Въ 9¼ час. вечера Ихъ Величества простились съ присутствовавшими на вокзалѣ представителями Москвы и вошли въ вагонъ въѣсть съ Августѣйшей Семей. При далеко раскатившемся „ура“ плавно и ровно тронулся Царскій поѣздъ, оставляя осчастливленную пребываніемъ Царя и Царицы Москву.

Политическое обозрѣніе.

Императоръ Францъ-Иосифъ, 15 мая, въ полдень, въ свой приемъ сначала венгерской, потомъ австрійской делегаціи, въ своей тронной рѣчи между прочимъ сказалъ: „Съ искреннимъ удовольствіемъ принимаю увѣренія въ вашихъ вѣрноотданническихъ чувствахъ и приношу вамъ сердечную благодарность. Немного мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы собрались совѣщаться въ делегаціяхъ. Политическое положеніе съ тѣхъ поръ не измѣнилось: наши весьма дружественныя сношенія ко всѣмъ державамъ неизмѣнно продолжаютъ, равно какъ и ослабленія существуютъ, къ нашему удовольствію, и другія обстоятельства, благоприятствующія дальнѣйшему сохраненію мира“.

Австрійская и венгерская делегаціи состоятъ, какъ извѣстно, каждая изъ 60 делегатовъ, избираемыхъ вѣнскимъ и пестемскимъ парламентами; засѣдаютъ онѣ въ отдѣльности, видѣлая изъ своего состава особенныя спеціальныя компе-

сіи — военную, бюджетную и др., и соединяются въ общее собраніе делегаціи только въ случаѣ какихъ-либо разногласій, противорѣчій и при торжественныхъ пріемахъ. Въ австрійской делегаціи министры даютъ объясненія по-нѣмецки, а въ венгерской — по-мадьярски, при чемъ засѣданія комиссіей не-публичны.

За 2 дня до представленія императору, австрійская делегація, въ первомъ своемъ засѣданіи, выбрала въ президенты графа Альфреда Виндширца, а затѣмъ приступила къ избранію комиссій. При чемъ младочешскіе делегаты не понали ни въ одну изъ нихъ. По этому поводу делегатъ Герольдъ произнесъ крайне взволнованнымъ голосомъ рѣчь, въ которой сказалъ, что исключеніе это наноситъ оскорбленіе народу, принесшему монархіи такъ много жертвъ имуществомъ и кровью. Затѣмъ онъ спросилъ военнаго министра, будетъ-ли чешскій народъ, устранившись отъ участія въ совѣщаніяхъ, освобожденъ

также и отъ платежа налоговъ и поставки солдатъ? На это военный министръ пожалъ плечами и указалъ рукою на делегатовъ нѣмецко-либеральной партіи. Пленеръ возразилъ, что младочехи исключены изъ комиссій вслѣдствіе недавнихъ происшествій въ чешскомъ сеймѣ; точно такъ же—прибавилъ онъ—будутъ поступать съ чехами и впредь. Младочешскіе депутаты Гарольдъ, Мазарикъ и Пачакъ разразились горячими рѣчами. Пачакъ заявилъ, что теперь съ нѣмецко-либеральной партіей невозможно уже никакого соглашенія, и остается только драться съ нею на ножахъ. Засѣданіе закрыто было среди величайшаго общаго возбужденія.

15 мая, преобразованное итальянское министерство представилось палатѣ, при чемъ Джюлitti произнесъ рѣчь въ защиту министерства и, въ заключеніе, предложилъ палатѣ заявить—способна-ли она или неспособна управлять страной. Предложенная Фортисомъ и принятая кабинетомъ формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающая довѣріе къ кабинету и и принимающая къ свѣдѣнію заявленія Джюлitti, была вогнана большинствомъ 227 голосовъ противъ 72, притомъ помпаннымъ голосованіемъ; 24 депутата воздержались отъ голосованія, въ томъ числѣ Криппи, Никотера и Соннино.

Французской палатѣ депутаты предъявляютъ новый бюджетъ, для предварительнаго ознакомленія съ которымъ назначена бюджетная коммисія. Въ составъ ея вошли 16 бывшихъ и 17 вновь избранныхъ членовъ, въ томъ числѣ Рувье, Бурдо, Пельтанъ и Жюль Ромш. Въ коммисію выбранъ только одинъ консерваторъ. Коммисія

единогласно признасть необходимость дѣйствовать быстро и исключить изъ бюджета всякіе посторонніе вопросы.

Кабинету Гладстона при проведеніи Ирландскаго билля приходится встрѣчаться со множествомъ препятствій, и силы его и сторонниковъ маститаго главы начинаютъ будто слабѣть. Такъ, 18 мая, палата общинъ, большинствомъ только 259 голосовъ противъ 238, отвергла поправку Уольмерса къ 3 параграфу ирландскаго билля, направленную къ тому, чтобы ирландское законодательное собраніе не могло вопиывать резолюцій по такимъ предметамъ, по которымъ оно не имѣетъ права издавать законовъ. Сокращеніе правительственнаго большинства до 21 члена вмѣсто прежде бывшихъ 47 было привѣтствовано оппозиціей восторженно.

Болгарская конституція, въ измѣненномъ видѣ, принята единогласно въ третьемъ чтеніи. Кромѣ 38 ст. о вѣрноподданіи наследнаго князя, перемѣны произошли и въ слѣдующихъ частяхъ: установленъ новый титулъ для болгарскаго князя, вмѣсто существующаго по конституціи „свѣтлости“, болгарскому князю присвоивается титулъ „высочество“, а теперь „царствующему“ Фердинанду Кобургскому „королевскаго высочества“. Въ Болгаріи устанавливаются не существовавшіе по старой конституціи орденъ и знаки отличія мирнаго времени (за заслуги). Для утвержденія законопроектовъ признается достаточною $\frac{1}{3}$ депутатовъ народнаго собранія, которые по измѣненной конституціи будутъ избираться не на три, а на пять лѣтъ. Число министровъ увеличено, и число депутатовъ народныхъ собраній уменьшено на половину.

Эрнестъ Ивановичъ Зиндеръ († 16 апрѣля 1893 г.).
Съ фот. Вейеръ, грав. Шюблеръ.

Научныя и техническія новости.

— Въ Соединенныхъ Штатахъ стали готовить теперь *зеркала изъ целлюлоида*. Прозрачная целлюлоидная пластинка покрывается съ задней стороны серебромъ или другимъ металломъ, за которымъ помѣщаютъ слой непрозрачнаго целлюлоида. Преимущество новыхъ зеркалъ заключается въ томъ, что они не такъ ломки, какъ стеклянные, и сохраняютъ всегда полированную поверхность, чего нельзя сказать о металлическихъ зеркалахъ, темнѣющихъ со временемъ вслѣдствіе окисленія металла при долгомъ соприкосновеніи съ воздухомъ.

— Изъ цинковаго порошка и личныхъ бѣлковъ приготавливаютъ составъ, который посредствомъ щетки намазывается на обыкновенную бумажную матерію. Высушиваютъ ее перегрѣтымъ паромъ и погружаютъ въ растворъ хлористаго олова. Получается *луженая матерія*, на которой металлическій цинкъ осаждается въ видѣ мельчайшаго порошка. Выполоскавъ затѣмъ и высушивъ матерію, получаютъ красивые узоры.

— Во Франціи открытъ конкурсъ на соисканіе преміи за лучшій проектъ *канала между Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ*. Срокъ представленія проектовъ—31 декабря нынѣшняго года.

— *Лича можно сохранять* вольныя свѣжими

въ теченіе 9—10 мѣс., располагая ихъ слоями въ деревянномъ или металлическомъ сосудѣ и наполняя свободные промежутки между яйцами жидкою смѣсью извести, подсолнечнаго масла и воды.

— *Потемнѣніе* стеклянныхъ колпачковъ въ *электрическихъ лампочкахъ* накаливанія объясняется, по Крамеру, тѣмъ, что платиновая проволока при очень сильномъ токѣ превращается въ паръ, и затѣмъ латина осаждается на внутренней поверхности колпачка въ видѣ тонкаго сѣроватаго слоя, въ значительной степени ослабляющаго прозрачность стекла.

— Французскій помѣщикъ Сарсѣ, на основаніи многолѣтнихъ опытовъ, произведенныхъ въ собственномъ его имѣніи, рекомендуетъ слѣдующій дешевый и простой способъ *оздоровленія и улучшения* низменныхъ, болотистыхъ и торфянистыхъ почвъ. Черезъ каждыя 10—20 сажень, смотря по мѣстоположенію, надо выкопать канавы, глубиною до 1 $\frac{1}{2}$ аршина и такой-же ширины, и обсадить ихъ съ обѣихъ сторонъ царскими тополями. Между деревьями долженъ оставаться промежутокъ приблизительно въ 2 сажени. Канавы должны быть всегда сухи. Благодаря дѣятельности корней, которые поглощаютъ воду изъ почвы, послѣдняя становится плодородной, листья же

тополей, усавная большія количества углекислоты, которой такъ много въ мѣстностяхъ болотистыхъ и торфянистыхъ, очищаютъ тѣмъ самымъ окружающій воздухъ и дѣлаютъ его здоровымъ и годнымъ для живья.

— Очень остроумное приспособленіе къ *компасу* придумалъ одинъ французскій лейтенантъ. Это двѣ маленькія свѣтящіяся стрѣлки, придѣланныя къ компасу Томсона такимъ образомъ, что совпаденіе ихъ указываетъ правильнѣй, согласный съ принятымъ курсомъ путь парохода, а расхожденіе—уклоненіе отъ курса. Свѣтъ фонаря, повѣшеннаго на носу корабля, возлѣ нактоуза, совершенно достаточно для освѣщенія стрѣлокъ. Удобство этого прибора заключается въ томъ, что онъ даетъ возможность слѣдить ночью за курсомъ съ самымъ неограниченнымъ напряженіемъ вниманія, не прибѣгая каждый разъ къ освѣщенію компаса и не разводя постоянного и сильнаго огня возлѣ него, что, въ свою очередь стѣснительно для вахты. Наконецъ, вахтенный офицеръ можетъ постоянно контролировать рулевыхъ, не отдавая имъ никакихъ приказаній, такъ какъ они могутъ теперь сами слѣдить за курсомъ и не нуждаются въ полученіи извѣстній отъ вахтеннаго о всякомъ уклоненіи судна отъ курса.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше просить гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

С М Ъ С Ъ.

Лука, как дезинфекционное и предохранительное средство отъ заразныхъ болѣзней, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Съ этой цѣлью большую луковицу разрезаютъ на двѣ, три или четыре части и кладутъ въ комнату больного на подоконникъ, шкафы и т. д., чрезъ каждыя два дня ихъ слѣдуетъ сжигать и замѣнять новыми. Лица, которымъ приходится соприкасаться съ больными холерой или иными заразительными болѣзнями, могутъ въ значительной мѣрѣ предохранить себя отъ зараженія, натирая себѣ руки и губы сокомъ сырого лука. Еще въ среднѣе вѣка это простое предохранительное средство было извѣстно евреямъ. То же почти чудодѣйное значеніе приписываютъ и чесноку. Многіе народы, въ древности, съ этой же цѣлью натирали себѣ его сокомъ руки, лицо и подошвы ногъ. Эти два благодѣтельные растенія были такъ почитаемы у древнихъ египтянъ, что египтяне клялись ихъ названіемъ.

Молоко, въ качествѣ перевязочнаго средства въ хирургіи, стало съ недавняго времени употреблять извѣстный англійскій врачъ Дале и достигъ блестящихъ, изумительныхъ результатовъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, онъ примѣнилъ его при лѣченіи отъ сильнаго ожога. Онъ сильно смазывалъ полотняный компрессъ молокомъ и смѣнялъ его два раза въ день, утромъ и вечеромъ. На второй день обожженная поверхность была уже на половину заживлена и суха, спустя еще три дня вся рана, въ 14 сантиметровъ длины, совершенно затянулась и почти совсѣмъ зажила. Въ другомъ случаѣ Дале сначала лѣчилъ рану масломъ и мазию, но безуспѣшно, тогда онъ пустилъ въ ходъ перевязку, смоченную въ молоко, и чрезъ нѣсколько дней получились невфройтные, просто, результаты—больной совершенно оправился.

Новый термометръ для измѣренія низкихъ температуръ изобрѣлъ въ Мюнхенѣ баронъ фонъ-Дупинъ. При очень сильномъ холодѣ ртутный термометръ не удовлетворяетъ своему назначенію, такъ какъ при $-39,5^{\circ}$ ртуть замерзаетъ, и ее можно пилить и рѣзать, точно свинецъ. Для измѣренія же болѣе низкихъ температуръ, а также для вывѣрки минимальныхъ термометровъ, служилъ поэтому до сихъ поръ вмѣсто ртутіи спиртъ. Но спиртные термометры страдаютъ, главнымъ образомъ, двумя недостатками: во-первыхъ, расширеніе спиртнаго пара не столь равномерно, какъ расширеніе ртутіи; и, во-вторыхъ, въ трубкѣ спиртнаго термометра, при малѣйшей разницѣ температуры въ ея концахъ, на подобіе перегоннаго куба, выдѣляется отъ спиртнаго столба нѣкоторое количество этой жидкости, переходить въ парообразномъ состояніи въ верхній конецъ трубки и тамъ снова сгущается; вслѣдствіе этого является ошибка въ указаніяхъ такого термометра почти на 3,6 градуса. Этотъ послѣдній недостатокъ нѣкоторымъ образомъ устранялся весьма чувствительнымъ таллоловымъ (метило-бензол-овымъ) термометромъ, но вполне свободенъ отъ него только скандинавскій термометръ Дупина, для показаній котораго служитъ сѣрная кислота. Главное его достоинство, что, согласно очень продолжительнымъ наблюденіямъ, сѣрная кислота совершенно почти не испаряется. Даже при нагреваніи сѣрной кислоты до $50-70^{\circ}$, по даннымъ мюнхенскаго профессора Зонке, испаряемости не замѣчается; если же обложить конецъ трубки льдомъ, то уже чрезъ 12 часовъ сѣрная кислота, сильно всасывающая обратно термья ея при незначительномъ испареніи крохотныя частицы воды, подымается въ трубкѣ снова. Расширеніе въ трубкѣ столба сѣрной кислоты также вполне равномерно. Такимъ образомъ, этотъ термометръ можетъ быть вполне удобно примѣняемъ для измѣренія низкихъ температуръ, вплоть до -80° .

Вліяніе пищи на ростъ волосъ. Англійскій врачъ, д-ръ Малпота, высказываетъ въ „British Medical Journal“ въ томъ смыслѣ, что многіе случаи выпаденія волосъ послѣ инфлуэнци еще болѣе убѣдили его, что причина выпаденія волосъ вслѣдствіе развитія грибовъ и лѣченіе этой болѣзни въ многомъ зависитъ отъ діеты больного. Волосъ содержитъ 5% сѣры, его пепелъ—20% силиція и 10% желѣза съ марганцевой перекисью. Микстуры, содержащія въ себѣ мясной экстрактъ и крахмалъ, даже молоко,—словомъ, все, что предписывается больному при инфлуэнци и другихъ лихорадочныхъ заболѣваніяхъ, не можетъ замѣнить этихъ элементовъ, слѣдствіемъ чего является ослабленіе корней волосъ и выпаденіе самихъ волосъ. Цвѣтъ и крѣпость шерсти у молодыхъ млекопитающихъ не могутъ вырабатываться, пока ихъ пища состоитъ исключительно изъ молока; напротивъ того, влияніе желѣза на ростъ волосъ скоро замѣтно. Наиболее богатые вышеупомянутыми элементами пищевые продукты, это—различныя бѣлковая вещества и овесъ, пепель котораго содержитъ 22% силиція. Подъ условіемъ аккуратнаго употребленія, эти пищевыя вещества могутъ быть рекомендованы и во время лихорадочныхъ болѣзней, когда бѣлокъ является

тою составною частью крови, которая болѣе всего страдаетъ отъ разстройства организма. Д-ръ Малпота часто наблюдалъ, какъ діета, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ овсяной муки и чернаго хлѣба, способствовала росту волосъ, особенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда выпаденіе волосъ предшествовала закупорка и вялая дѣятельность капиллярныхъ сосудовъ. Человѣческія расы, потребляющія наибольшія количества мяса, отличаются самыми густыми волосами. Всѣмъ хорошо извѣстенъ фактъ, что питающіяся мясомъ четвероногія, птицы и змѣи въ зоологическихъ садахъ плохо сохраняютъ свою шерсть, перья или чешую, когда ихъ не кормятъ мясомъ. (В.)

Зебра до сихъ поръ считалась неукротимой и неспособной къ прирученію. Въ Трансвааль пѣкто Жанъ Цеседесбергъ, содержавшій лошадей для почтоваго и пассажирскаго сообщенія между городомъ Преторіей и фортомъ Тули въ Машоналандѣ, сдѣлалъ удачную попытку воспользоваться зебрами для перевозки пассажировъ и товаровъ. Для этой цѣли онъ приобрѣлъ восемь юнхъ зебръ, которымъ было всего 4—5 мѣсяцевъ отъ роду и которыя были пойманы посредствомъ лассо. Зебры эти были совершенно дикіи, и когда Цеседесбергъ накинулъ, было, на нихъ сбрую, онъ съ бѣшенствомъ сбросилъ ее съ себя. Но вскорѣ онъ сталъ узнаваемъ. Четыре изъ нихъ, самыя молодыя, уже отлично и исправно несуть обязанности, въ которыхъ предназначались, на станціи Петерсбергъ въ округѣ Цоутансбергъ. Онѣ спокойно и ровно идутъ въ упряжи, очень выносливы и выказываютъ огромную силу. Одна зебра въ состояніи свести пѣлый экипажъ. Онѣ очень дѣлать и понимаютъ ласковое обращеніе съ ними—самое дѣйствительное средство для ихъ прирученія. Другія четыре зебры хотя еще находятся въ тренировкѣ, но, повидимому, не уступятъ своимъ предшественницамъ въ покорности, силѣ и выносливости. Цеседесбергъ намѣренъ для сказанной цѣли приобрести еще зебръ, такъ какъ, помимо ихъ достоинствъ, содержаніе ихъ требуетъ меньшихъ издержекъ, чѣмъ—лошадей и муловъ. Кроме того, зебры легко переносятъ жаркій климатъ Африки, вредно отзывающійся на мулахъ.

Нить съ вонзеннымъ въ него гарпуномъ былъ недавно пойманъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Послѣ тщательнаго осмотра гарпуна, оказалось, что онъ принадлежалъ старому китобойному судну, болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ прекратившему промышленныя ловлей китовъ.

Число глухонѣмыхъ въ Россіи, согласно послѣднимъ свѣдѣніямъ, достигаетъ 56,000 чел. Такимъ образомъ, на 1800 слышащихъ приходится одинъ глухонѣмой. Замѣчено, что наибольшее число глухонѣмыхъ приходится на гористыя мѣстности.

ШАХМАТЫ

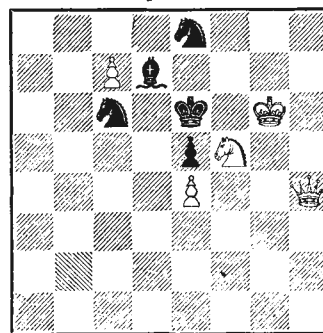
подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 16.

Г. Г. Сундуніанца (въ Тифлисѣ)

изъ „Шахматнаго обозрѣнія“.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

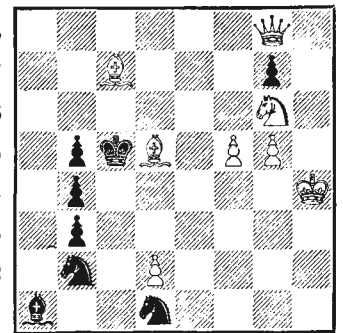
Въ рѣшеніи задачи № 8 (№ 20 „Нивы“) напечатано: 1. Ф. b2—d1, должно быть: 1. Ф. b2—a1.

Задача № 17.

К. Stal (+) (Göteborg).

1-й призъ Нонкурса „Wart Land“.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Буда, Черниговской губ. Порф. Ив. Ас—ну. Относительно свѣдѣній о переработкѣ дегтя (смоля), можно указать на „Руководство по смолокуренію“ К. Вебера. (Изд. Девриена, 1890 г. Ц. 90 к.).

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Кн. М. Н. Волонскаго. (Продолженіе).—Путешествіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Владиміра Александровича и Маріи Павловны за границу (съ 2 портр.).—Между жизнью и смертью. Рассказъ Феликса Лилла.—Оптический обманъ. Очеркъ (съ 13 чертежами).—Письма съ Колумбійской Всемирной выставки. —Къ рисункамъ: Истонъ Воли (съ рис.).—Глухарь (съ рис.).—Цейсъ и Гальциона* (съ рис.).—Марія Хлопова, невеста царя Михаила Ѳеодоровича (съ рис.).—Виленскій генералъ-губернаторъ П. В. Оржевскій (съ портр.).—Высочайшій смотръ Черноморскому флоту (съ рис.).—Академикъ Г. И. Вильдъ (съ портр.).—Э. И. Эндеръ (съ портр.).—Прѣбываніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Москвѣ.—Разная извѣстія.—Полицеское обозрѣніе.—Научная и техническія новости.—Завлеченіе.—Смѣсь.—Шахматы.—Почтовый ящикъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

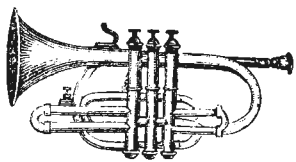
Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волонскій.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

КОРНЕТЬ-А-ПИСТОПЪ

хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 5 и 35 руб.; собственной с.-петербургской фабрики въ 30, 60, 75 и 100 р.; знаменитой фабрики Courtois въ 90 р., 150 р. и 250 р.

Школа-самоучитель Баганца въ 1 1/2 и 2 1/2 р.
Альторны, баритоны, басы и др.

ФЛЕЙТЫ хорошей заграничной работы въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб.; собственной с.-петербургской фабрики въ 60, 75, 85, 120 и 60 руб. Флейты модели Циммермана, находящаяся въ употреблении у первых артистовъ, по 85 и 120 руб.

Школа-самоучитель Келера по 1 1/2 и 2 1/2 р.

КЛАРНЕТЫ въ 6 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р. и 35 р. и собственной фабрики въ 45 р., 60 р. и 75 р.

Школа-самоучитель Нитцера по 2 1/2 и 4 р.

ПИКОЛО-ФЛЕЙТЫ въ 1 р. 50 к., 3 руб., 5 руб., 10 р. и 20 р.

Также все другіе музыкальные инструменты и принадлежности въ громадномъ выборѣ.

Иллюстриров. прейсъ-курантъ — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

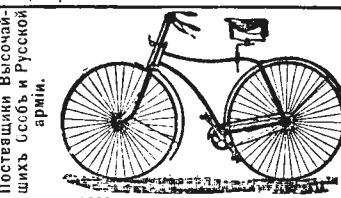
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ. ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ

Для кожи лица и рукъ.
При покупкѣ настоящаго вазелиноваго мыла Голлендера, просимъ обращать вниманіе на утвержденную Правительствомъ фабричную марку и подписи Г. Голлендеръ и требовать всегда мыло Голлендеръ. Цѣна 30 к. Вазелиновое жирная пудра . . . кор. 60 к. Вазелиновый колыбель-кремъ . . . бан. 35 к. Вазелиновая помада . . . бан. 35 к. Ландышевое молоко . . . фл. 1 р. Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.
ПАРФУМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ. (3) № 6340 С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, № 1. Продажа въ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

27 1/2 версты въ 12 часовъ.
Англійскіе велосипеды заводовъ: Зингеръ и Ко. и Компанъ „Триумфъ“.
Представитель: **Георгій Георгиевичъ ЖЕМЛИЧКА.** Москва, уголъ Тверской и Разетнаго переулка, домъ Фальш-Фейнъ, маг. № 19.

Д-ръ Волицкій лечитъ наружные, кожные, грудные болѣзни, ракъ и электротер. Невскій, 57, кв. 5. Отъ 2—3 и 6—7 1/2 ч. в.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными.

САМЫЙ ОВШИРНЫЙ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.** (основ. въ 1863 г.) МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, П. № Кокандъ и Еваторійбургъ. 25—18 5982 Новый каталогъ 80 страницъ. **БЕЗПЛАТНО.**

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ—гг: ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА ДЛЯ ЛѢСНИЧИХЪ и ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ. Составили Ф. Арнольдъ и Э. Нидергерферъ. 2-е дополненное и пересмотрѣнное изданіе.

СПБ. 1893 г. Цѣна въ изящномъ коленкорковомъ переплетѣ 1 руб., а съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Настоящая книжка содержитъ въ себѣ таблицы для опредѣленія площади древесныхъ основаній и кубическаго содержанія какъ цѣльныхъ стволовъ, такъ и частей ихъ; таблицы площадей сѣченія круговъ и объемовъ цилиндра; временныя массовыя таблицы (для сосны, ели, дуба, березы и ольхи) и вообще всѣ тѣ таблицы, которыя необходимо всегда имѣть при себѣ лѣсническому, таксатору, лѣсовладѣльцу и лѣсоторговцу—при устройствѣ лѣсовъ, оцѣнкѣ лѣсовъ, изслѣдованіи полндревесности деревь и соответствующихъ имъ видовыхъ чисель. Изданныя до сихъ норъ подобныя таблицы весьма неудобны по своему большому формату, вслѣдствіе чего ими не всегда можно пользоваться при работахъ, между тѣмъ какъ эта книжка издана въ форматѣ приспособленномъ для ношенія въ карманѣ и можетъ быть постояннымъ спутникомъ лѣсничаго и лѣсовладѣльца.

5 Р. КРАСИВО ПИСАТЬ выучивъ всякаго ЗАОЧНО (по средствамъ лекцій корреспондентій) въ 10 уроковъ. **ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ.** Подробное объясненіе преподаванія высылка за 3 семикопѣчной маркой. № 6341 26—5

10 Р. ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ обучаю ИНОГОРОДНЫХЪ вполнѣ и основательно въ 2—3 мѣсяца. При окончаніи выдаю ученику СВИДѢТЕЛЬСТВО. Адресъ: Москва, Покровка, Улит. кал. и сух. А. С. Шиманскому.

ЛЕННИГЪ и ГИЗНИГЪ имѣютъ честь сообщитъ, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстр. прованскій журналъ „Нива“. № 2450

ПРИГЛАШАЮТЪ дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрат. письменно: Генрихъ Блокъ. С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12—9

**ГЛИЦЕРИНОВОЕ
МЫЛО** № 593 (9)
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Для чистоты лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣловъ. Требовать подписи А. ЭНГЛУНДЪ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ известныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

Только что выпущенная **НОВОСТЬ!**
Мужскіе штилеты и дамскіе сапоги на подобіе „ЛЕГКИХЪ СКОРОХОДОВЪ“ заявлено къ привилегированію.
Сортъ № 182. Мужскіе штилеты изъ юфтовой кожи.
„ № 184. Мужскіе штилеты изъ лайки съ лакированной обшивкой.
„ № 200. Дамскіе сапоги напуговицахъ изъ сафьяна, съ юфтовой обшивкой.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.
ТОВАРИЩЕСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

№ 6422

**МОЙНАКСКОЕ
ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ И ЛИМАННОЕ
ЗАВЕДЕНІЕ
въ городѣ Евпаторіи.**
Открывается съ 20 мая по 20 августа. За подробностями проситъ обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губерніи, г. доктору С. П. Цеценскому или доктору С. П. Ходжашу. № 6402 (3)

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАМЕРЫ

въ громадн. выборѣ. Нов. иллюстр. прейсъ-курантъ высылается. **МОМЕНТАЛЬНЫ ПЛАСТИКИ „БЕРНАРТЪ“.** При складѣ имѣется лабораторія и разлѣшенія при покупкѣ безвозмездно. 10—4

К. И. Фреландтъ.
С.-Петербургъ, у Каназскаго моста д. № 30/16. Москва, Мясницкая, д. Соколова. Харьковъ, Московская ул., д. Штейфана.

ТРЕБУЮТЪ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ПРОИЗВОД. **АМОСТРОУМОВА**
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УТВѢРЖДЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
МАРКУ СМЫЗЪ
МУСОКЪ ВЪ 50
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

И. № 6302 12—13

Велосипедъ англійскаго завода „Гумберъ и Ко. Лмтд.“ лучшее въ свѣтѣ! предлагаетъ торговый домъ **Г. ЖЕМЛИЧКА и Ко.** Москва, Неглинный просп., домъ Ежикной. Прейсъ-курантъ — бесплатно.

**У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ
Ф. А. Югансона въ Кіевѣ**
поступили въ продажу новыя книги:
Мое водолѣченіе. Средство къ излеченію и сохраненію здоровья, основанное на 35-ти лѣтней практикѣ Севастіана Кнеппа. Переиздано съ 41 изданіемъ, съ рисунками. К. 1893 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.
Уходъ за больными и здоровыми дѣтьми со дня рожденія и до юношескаго возраста. Севастіана Кнеппа (автора „Мое водолѣченіе“). К. 1893 г. Ц. 60 коп., съ пер. 80 к.
Лессингъ. Натанъ Мудрый. К. 1893 г. Ц. 25 коп. № 6423
8500 словъ. Словарь иностранныхъ словъ. Изд. 3-е. К. 1893 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.
Сказки русскихъ писателей. Изд. 2-е. Въ сборникѣ вошли сочиненія Аксакова, Гоголя, Достоевскаго, Данилевскаго, Ершова, Одоевского, Тургенева, Толстого и мн. др. К. 1893 г. Ц. 30 коп., съ пер. 45 к.

PARFUMERIES
aux
Violettes de Parme
ED. PINAUD
Savon.... aux Violettes de Parme
Essences... aux Violettes de Parme
Huile.... aux Violettes de Parme
Poudre de Riz aux Violettes de Parme
37, BOULEVARD DE STRASBOURG
PARIS
GRAND PRIX

№ 63 10 6
EXPOSITION-PARIS 1889

ЖИВА

XXIV г.
№ 23

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдавъ 5 июня 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Ц. этого № безъ Сборника 20 к., съ пер. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петербургъ. **5 р.**
Съ доставкою въ Петербургъ. **6 р. 50 к.**
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. **10 р.**
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. **6 р.**
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. **7 р.**
10 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА ІЮНЬ.** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** за ІЮНЬ 1893 г. съ 35 рис. и отд. лист. съ 29 черт. выкр. въ натур. велич., 8 планами построекъ и 26 рис. вышитыхъ работъ.

Первый менуэтъ. Съ карт. І. Энгеля, грав. Пэне.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

XV. Ловушка.

Все, что угодно, но только Торичіоли не хотѣлъ показаться трусомъ передъ человѣкомъ, который былъ врагомъ его. Ему хотѣлось бросить ему, какъ вызовъ, свою рѣшимость ѣхать съ нимъ, куда-бы онъ ни поведъ его; къ тому-же ужъ такого ничего особеннаго сдѣлать съ нимъ не могли: все-таки они жили въ столицѣ, гдѣ не такъ уже легко было исчезнуть такому лицу, какъ Торичіоли. Итальянецъ, вслѣдствіе завязавшихся у него послѣднее время отношеній, считалъ себя „лицомъ“ въ Петербургѣ.

Кромѣ того, онъ зналъ, съ кѣмъ ѣхалъ, и могъ принять нѣкоторыя предосторожности.

Ровно въ четыре часа они вышли съ крыльца и сѣли въ карету. Дверца захлопнулась, и Іоганнъ тронулъ.

Онъ зналъ, куда ѣхать, въ томъ случаѣ, если графъ не давалъ никакого приказанія.

Карета повернула по Невскому.

Торичіоли, чувствуя мягкое покачиванье рессоръ, удобно сидѣлъ въ своемъ углу, испытывая не безъ удовольствія ощущеніе быстрой ѣзды.

— Могу я узнать теперь, куда мы ѣдемъ? спросилъ онъ, наконецъ, послѣ продолжительнаго молчанія.

— Не все-ли вамъ равно, разъ вы рѣшились уже довѣриться мнѣ? спросилъ, въ свою очередь, графъ.

— Это, вѣдь, Фонтанная? продолжалъ итальянецъ, видя, что они поворачиваютъ на набережную.

— Да, Фонтанная...

Разговоръ прекратился.

Хотя Торичіоли и старался показать всѣмъ, чѣмъ могъ, что нисколько не боится, но въ глубинѣ души все-таки мучился неизвѣстностью.

— Однако, обратился онъ снова къ графу, черезъ нѣкоторое время,—я долженъ васъ предупредить, что принялъ извѣстныя предосторожности: въ моемъ кабинетѣ оставленъ пакетъ, и въ этомъ пакетѣ, адресованномъ на имя одного изъ моихъ друзей, между прочими важными бумагами, лежитъ записка о томъ, что я уѣхалъ именно съ вами, и, если я не вернусь ровно черезъ два часа домой, то пакетъ будетъ отнесенъ по назначенію моимъ слугою...

Графъ, молча, продолжалъ смотрѣть въ окно, словно не слыша того, что говорили ему.

Это дѣйствовало на Торичіоли раздражающимъ образомъ.

Онъ кашлянулъ нарочно громко.

— Если вы, опять заговорилъ онъ,—думаете, что одни вы имѣете возможность узнавать чужія тайны, то опять-таки я долженъ предупредить васъ, что мнѣ извѣстно ваше настоящее имя, я знаю, что вы вовсе не графъ Soltikoff, какъ васъ звали въ Генуѣ, и не докторъ Шёнингъ... я знаю ваше настоящее имя...

— Вы знаете мое настоящее имя, подчеркнул графъ,—какое-жъ оно?..

— Графъ Сень-Жермень, торжественно произнесъ Торичіоли,—да, вы тотъ самый и извѣстный въ Парижѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ графъ Сень-Жермень, который является подъ именемъ Шёнинга.

Торичіоли готовилъ, собственно, этотъ ударъ на всякій случай для болѣе удобнаго времени, когда нужно будетъ поразить графа, но не утерпѣлъ и „поразилъ“ теперь.

Расчеты, однако, его не оправдались. Графъ нисколько удивленъ не былъ.

Только глаза его глянули насмѣшливо.

— Ну, хорошо, вамъ не трудно было узнать, что докторъ Шёнингъ и графъ Сень-Жермень одно лицо, это вамъ могъ сказать хоть *пріятель* вашъ, пьемонтецъ Одаръ; но значить-ли это, что извѣстно вамъ мое настоящее имя?..

Оказалось, что Торичіоли, вмѣсто того, чтобы смутить графа, самъ очутился въ неловкомъ положеніи.

Свѣдѣнія свои онъ, дѣйствительно, получилъ отъ Одара, но графу и это было извѣстно даже.

— Во всякомъ случаѣ, заговорилъ итальянецъ,—чтобы выйти изъ неловкости, я говорю только вамъ, что въ моей запискѣ прямо сказано, что я уѣхалъ съ извѣстнымъ графомъ Сень-Жерменомъ, который находится въ Петербургѣ подъ именемъ доктора Шёнинга, и если что случится, то будьте покойны, васъ найдутъ—самъ государь будетъ знать объ этомъ.

Сень-Жермень продолжалъ смотрѣть въ окно. Насмѣшливая улыбка такъ и застыла у него на лицѣ.

— А вы знаете Одара развѣ? не успокоивался Торичіоли.

— Что значить *знаете*? Вы помните старое греческое изреченіе?

— Какое изреченіе?

— „Познай самого себя“—и это невозможно; какъ-же вы хотите, чтобы я *зналъ* Одара...

Больше они не разговаривали.

Карета подъѣхала къ деревянному домику на рѣкѣ Фонтанной, тому самому, откуда поѣхалъ Сень-Жермень къ итальянцу.

Іоганнъ остановилъ лошадей у воротъ и щелкнулъ три раза бичомъ,—ворота отворились. Карета въѣхала въ нихъ.

Графъ вышелъ первый и повелъ Торичіоли на крыльцо дома; оно было не заперто. Въ сѣняхъ оказалось двѣ двери, кромѣ входной вниз, и неширокая, крѣпкая лѣстница вела на верхъ. На первый взглядъ домикъ этотъ былъ самымъ обыкновеннымъ домикомъ, скромнымъ и уютнымъ, какіе строили себѣ въ Россіи помѣщики средней руки.

Торичіоли довѣрчиво слѣдовалъ за графомъ. Тотъ повелъ его вверхъ по лѣстницѣ.

Тамъ наверху, въ мезонинѣ, оказалась одна только комната, подъ самой крышей.

— Милости прошу, проговорилъ графъ, открывая дверь этой комнаты.

Итальянецъ вошелъ. Дверь захлопнулась за нимъ. Онъ кинулся къ ручкѣ ея. Дверь была уже заперта снаружи.

Торичіоли попался въ ловушку.

— Что-же это? вслухъ произнесъ онъ,—ну, конечно... и нужно было ѣхать, нужно было поддаться...

Правда, комната, въ которой его заперли, не имѣла въ себѣ ничего страшнаго, ни угрожающаго.

Ея чистыя, новыя тесовыя стѣны, аккуратно и крѣпко обшитыя досками, не были ничѣмъ покрыты, но все-таки имѣли привѣтливый видъ. Полъ былъ тоже чистый, бѣлый. Изъ мебели только стояло нѣсколько стульевъ и столъ. Въ окна глядѣлись, почти вплотную заслоня ихъ, зеленыя вѣтви деревьевъ.

Торичіоли попробовалъ постучать ручкой и потрясти дверь. Она сидѣла плотно на петляхъ и не поддавалась.

Онъ попытался заглянуть въ окна, но они были такъ малы, что высунуться въ нихъ не представлялось возможности.

Выхода не было.

Торичіоли пришелъ въ отчаяніе.

Запереть его, запереть и оставить,—это было ужасно; главное, хуже всего казалась неизвѣстность. Неужели его завезли, чтобы кончить съ нимъ? Но этого быть не можетъ, этотъ таинственный графъ предупрежденъ, что черезъ два часа пакетъ отнесутъ, и все станетъ извѣстно, и станутъ искать Торичіоли и помогутъ ему.

И, соображая такимъ образомъ, итальянецъ, какъ звѣрь въ клеткѣ, ходилъ изъ угла въ уголокъ, потомъ онъ сѣлъ, потомъ опять заходилъ.

Сначала онъ все соображалъ, потомъ сталъ припоминать дорогу, какъ они ѣхали, и рассчитывать, далеко-ли онъ находится отъ центра города; затѣмъ онъ пришелъ совсѣмъ въ отчаяніе, но нашелъ опять утѣшеніе себѣ; потомъ сталъ молиться.

А время шло, между тѣмъ, и шло. Былъ уже шестой часъ, когда Торичіоли, наконецъ, усѣлся у стола и, положивъ на него часы передъ собою, безмысленно слѣдилъ за тѣмъ, какъ медленно двигались стрѣлки, подходя къ половинѣ, сроку назначенному имъ графу.

Да, если даже сію минуту его выпустятъ, то уже будетъ поздно, онъ не успѣетъ доѣхать, и пакетъ будетъ отданъ.

„Ну, что-жъ, тѣмъ хуже для него!“ рѣшилъ Торичіоли и прислушался.

Ему показалось, что идутъ. Но онъ ужъ за время своего невольнаго заключенія столько разъ прислушивался и обманывался, что, должно быть, и на этотъ разъ было то же самое.

Но на лѣстницѣ ясно теперь уже слышались шаги, и не одного человѣка, а, по крайней мѣрѣ, двоихъ.

Торичіоли притаилъ дыханіе.

Съ лѣстницы подыались совсѣмъ на площадку; тамъ, по ту сторону двери, можно было различить шорохъ.

„Отпрутъ или не отпрутъ!“ съ забившимся сердцемъ подумалъ Торичіоли.

Ему хотѣлось, чтобы отперли; по крайней мѣрѣ, въ продолженіе часа, что онъ сидѣлъ здѣсь, онъ только и желалъ этого; но теперь, когда слышались шаги, а потомъ шорохъ у самой двери—ему стало жутко, и онъ готовъ былъ почти крикнуть, чтобы не отворяли, что не надо, что онъ не хочетъ этого.

— Неужели безъ этого нельзя обойтись,—неужели это необходимо? услышалъ онъ слабый женскій голосъ за дверью.

— Да, это необходимо, отвѣтилъ голосъ Сень-Жермена, и вмѣстѣ съ этими словами графъ раскрылъ дверь, пропуская въ комнату впереди себя женщину въ черномъ монашескомъ одѣяніи.

Торичіоли въ это время стоялъ уже у стола, крѣпко ухватившись за него—прямо лицомъ къ двери.

Первое движеніе его было—защититься, но подышавшая для этого руки его, при взглядѣ на монахиню, вдругъ быстро опустились.

Это была та самая мать Серафима, которая, постриженная въ монастырь вблизи Проскурова, столько лѣтъ запрещала Торичіоли показываться себѣ на глаза,—та самая, которая давнымъ-давно, тамъ, на Югѣ, далеко въ Генуѣ, не носила еще этой черной рясы и въ міру казалась обыкновенною свѣтскою женщиной, русскою аристократкой, т.-е. не совсѣмъ обыкновенною, потому что красота ея сводила всѣ молодыя головы города; та самая, наконецъ, которая была героиней страшной исторіи, разыгравшейся между нею, Торичіоли и графомъ—и которая впоследствии стала матерью ребенка итальянца, ребенка, отыскиваемого имъ до сихъ поръ еще съ прежнимъ рвеніемъ, какъ единственное существо, на кого онъ могъ обратить всю любовь свою.

Давно прошла эта исторія—сильно измѣнились съ тѣхъ поръ и она, и Торичіоли, одинъ графъ, казалось, оставался прежнимъ, но если взглянуть и въ него, то

замѣтно было, какъ измѣнились не черты его лица, а выраженіе, ставшее совсѣмъ бездушнымъ, холоднымъ, застывшимъ.

И вотъ они снова всѣ трое встрѣтились послѣ столькихъ лѣтъ разлуки. А, вѣдь, и разлучились-то они для того, чтобы никогда не встрѣчаться. Но, видно, такъ нужно было, нужно было сойтись имъ еще разъ... зачѣмъ?—это долженъ былъ сейчасъ узнать Торичіоли.

Она вошла и остановилась посреди комнаты съ опущенными руками, сплосъ закрытая своею черною мантией, глядя прямо передъ собою тѣмъ свѣтлымъ, безстрастнымъ взглядомъ, какимъ глядятъ на этотъ вышній „свѣтскій“ міръ люди, отрѣшившіеся отъ него. Но въ ея почти сквозномъ матовомъ лицѣ и, въ особенности, въ этихъ безстрастныхъ глазахъ—оставались еще слѣды той замѣчательной красоты, изъ-за которой Торичіоли пошелъ на преступленіе.

И теперь, глядя на нее, эта прежняя красота ея, какъ живая, воскресла въ памяти итальянца, и онъ смотрѣлъ на нее, и давно уже не бившееся сердце его забило вновь такъ часто, что онъ схватился за него, словно желая остановить его безпокойные удары.

— Вы хотѣли... заговорила она по-итальянски, обращаясь къ Торичіоли; да, она заговорила по-итальянски, на томъ языкѣ, на которомъ онъ шепталъ ей когда-то слова любви, которыхъ она не хотѣла слушать—она не забыла этотъ языкъ.—Вы хотѣли знать, гдѣ... гдѣ... *этотъ* ребенокъ (она занулась, потому что не хотѣла сказать ни *мой*, ни *вашъ*, ни *нашъ* ребенокъ, и сказала просто „этотъ“)—я пришла теперь назвать вамъ его...

Торичіоли кинулся впередъ.

Грудь его часто и неровно подымалась, онъ задыхался совсѣмъ.

— Понялъ я... едва выговаривая слова, перебилъ онъ,—понялъ я... это онъ васъ (онъ показалъ на графа), онъ васъ привелъ сюда и упросилъ, чтобы вы цѣною вашей тайны кушили у меня молчаніе о заговорѣ, въ которомъ онъ, очевидно, принимаетъ участіе... ему нуженъ этотъ списокъ... Я все отдамъ, все... я буду молчать, я согласенъ, если вы скажете мнѣ, гдѣ мое дитя,—для него мнѣ, т.-е. чтобы отыскать его,—мнѣ нужны были эти деньги, эта денежная награда, только для него... Если я буду знать, что мнѣ нужно—я на все согласенъ, и мнѣ тогда ничего не нужно...

Она ждала, не слушая, пока онъ кончитъ, чтобы продолжать свою прерванную рѣчь.

Торичіоли задохнулся и не могъ говорить больше.

— Этотъ ребенокъ, продолжала она,—былъ столько времени возлѣ васъ, вы знали его почти съ самаго дѣтства—и не подозрѣвали этого, живя у князя Проскурова...

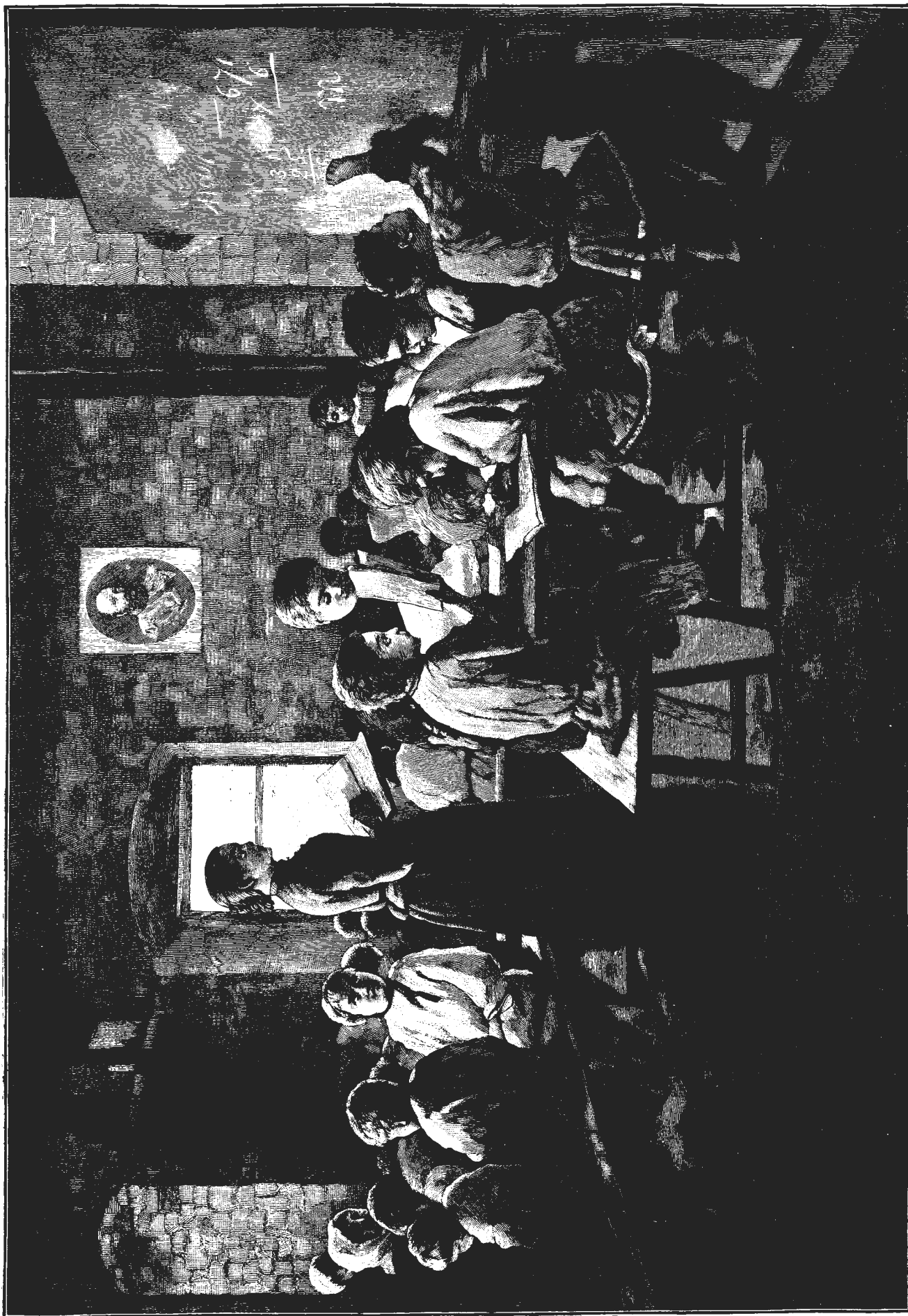
— У князя Проскурова? крикнулъ Торичіоли.— Я зналъ его съ дѣтства... онъ былъ возлѣ меня... кто-же это... Артемій?—воспитанникъ князя... да?..

— Да—воспитанникъ князя.

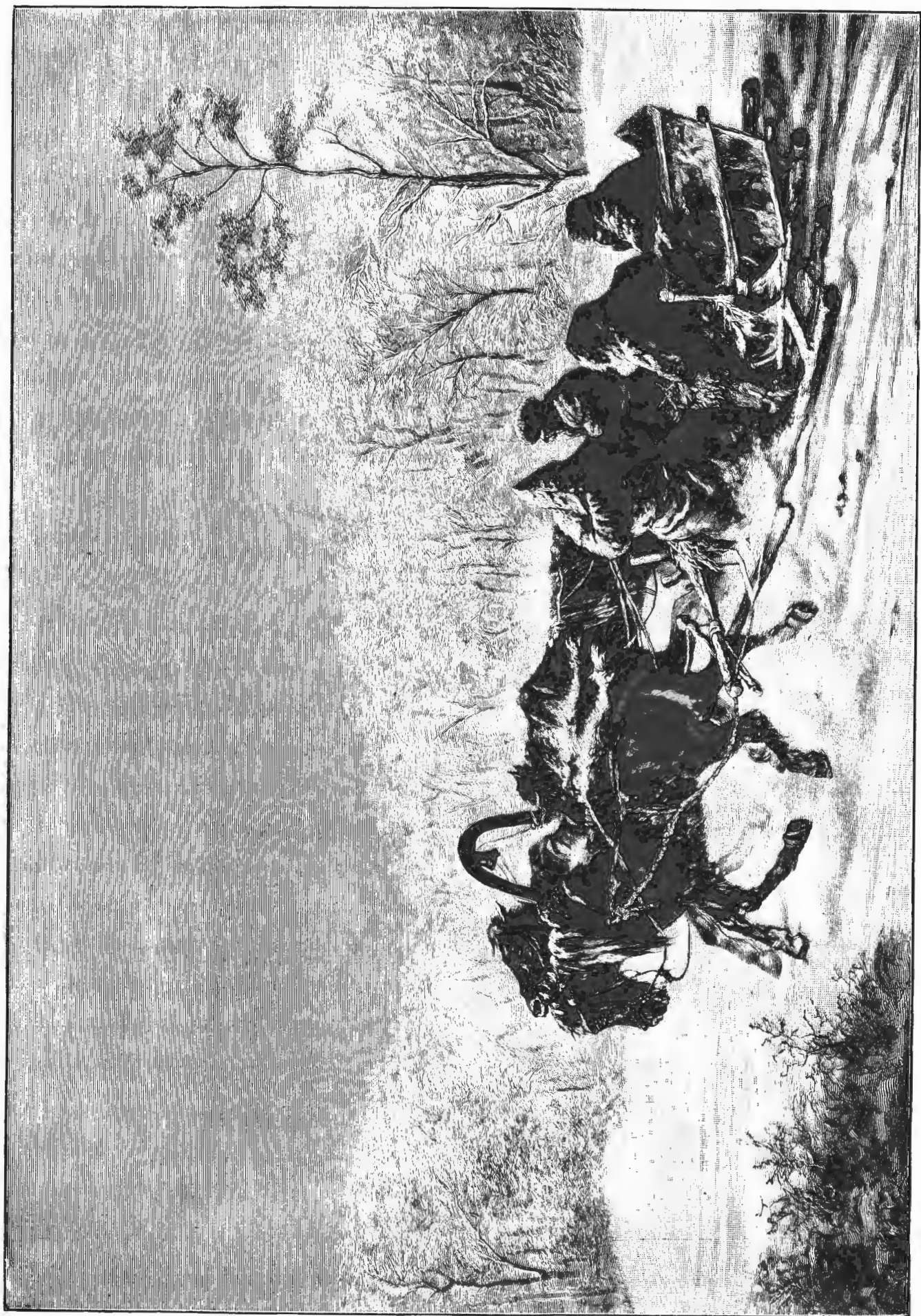
Мать Серафима перевела духъ, видно, и ей тяжело дышать было.

Сень-Жерменъ сдѣлалъ движеніе къ двери, какъ бы показывая этимъ, что теперь все, что просилъ онъ—исполнено, и эта мучительная сцена можетъ прекратиться; но Серафима остановила его.

— Нѣтъ, сказала она ему,—я думала, что мой грѣхъ и умереть со мною, что не придется мнѣ никому, не только вамъ, рассказывать свою исповѣдь,—вижу, однако, это неизбѣжно—нужно кончить, какъ ни тяжело, нужно, нужно сказать... Да, я подкинула своего сына въ богатый княжескій домъ, потому что князь хотѣлъ имѣть мальчика.— Я знала, что ему тамъ хорошо будетъ... сама-же я не могла оставить его у себя—я боялась сплетенъ, я жила въ обществѣ, гдѣ злословіе считается добродѣтелью, и я, ни въ чемъ не повинная, вслѣдствіе болзни своей и малодушія, стала тоже ви-

Выставка в Импер. Акад. Художествъ, „Сельская школа“.
Съ карт. А. А. Киселева (исключит. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Морозъ 25°“.
Съ карт. проф. Н. Е. Сверчкова (исключит. право воспроизв. принадлеж. „Нивѣ“), грав. М. Рашевскій.

новною... Я отдала въ чужой домъ моего сына, и въ этомъ мой грѣхъ... Пока онъ былъ въ Петербургѣ и я жила здѣсь и бывала въ обществѣ—все было скрыто—миѣ еще жилось... Но князь Проскуровъ уѣхалъ въ деревню, и тогда начались мои муки. Сначала я не могла понять, любила-ли я этого ребенка, рожденнаго отъ отца, котораго я должна была ненавидѣть... и только когда окончательно разлучили меня съ нимъ, только тогда я поняла, что люблю его, и какъ дороги миѣ были тѣ мимолетныя свиданія съ нимъ на улицѣ, когда его выносили гулять, и я потихоньку ждала его возлѣ дома... Да, тогда начались для меня мои мученья, и они привели меня въ монастырь...

Она съ трудомъ договаривала слова:

— Онъ былъ въ чужомъ домѣ, брошенный мной, лишенный матери... я не могла принять и взять его обратно—миѣ-бы его не дали и насмѣялись лишь надо мной... Раскаяніе измучило меня—и, постригшись, я взяла на себя послушаніе никогда не пытаться увидѣть его, моего сына, лишь-бы онъ былъ счастливъ... Довольны-ли вы теперь? совѣмъ ослабѣвшимъ голосомъ обратилась она къ графу.

Тотъ почтительно, какъ кланяется только низшій высшему, поклонился ей, и въ этомъ поклонѣ была выражена и благодарность, и просьба о прощеніи за тѣ минуты, которыя онъ заставилъ только что пережить мать Серафиму.

Она повернулась и вышла изъ комнаты.

— Мадонна! крикнулъ Торичіоли и кинулся за нею, но сильная рука графа Сень-Жермена остановила его.

— Не торопитесь, синьоръ Джузеппе, проговорилъ онъ,—теперь мы съ вами одинъ на одинъ...

Торичіоли глянулъ на него въ упоръ совѣмъ безсмысленными глазами, какъ будто не узнавъ его, и рвануль руку, но графъ крѣпче сгиснулъ ее.

— Пустите! выговорилъ, наконецъ, Торичіоли, — вы слышали... мой сынъ... онъ мой сынъ... теперь... теперь...

— Теперь половина шестого уже прошла, оставаясь спокойнымъ, проговорилъ графъ.

Торичіоли сдѣлалъ движеніе къ столу, гдѣ лежали у него часы—Сень-Жерменъ отпустилъ его.

Часы показывали тридцать четыре минуты шестого. Торичіоли схватился за голову.

— Вы не знаете, что вы сдѣлали, въ полномъ отчаяніи закричалъ онъ,—а вы не знаете, что вы сдѣлали!.. вѣдь, въ этомъ пакетѣ, въ этомъ пакетѣ, который теперь остановить нѣтъ возможности, потому что поздно—онъ сейчасъ будетъ въ рукахъ Эйзенбаха, и тогда все потеряно... въ этомъ пакетѣ я донесъ на сына, на Артемія... а... я донесъ на него...

Бѣдный Торичіоли былъ похожъ на сумасшедшаго.

Онъ метался по комнатамъ—кидался то къ столу, къ часамъ, то къ двери.

— Да вы не вѣрите, можетъ-быть, что я говорю правду—клянусь вамъ, что этотъ списокъ у меня, и въ особой записочкѣ названъ Артемій, и рассказано, какъ взять этотъ списокъ.

Сень-Жерменъ стоялъ неподвижно, загоразивая собою дверь, и слѣдилъ за движеніями Торичіоли.

— Я вѣрю вамъ, отвѣтилъ онъ,—я знаю, что вы говорите правду.

— А если такъ, то что же вы стоите, что-же вы... что-же... вѣдь, можетъ-быть, есть еще время... нужно поѣхать... остановить... да пустите-же меня...

И снова Торичіоли хотѣлъ прорваться силой, и снова графъ остановилъ его.

— О, пустите, сталъ просить тогда онъ, — пустите меня,—вѣдь, это ужасно, что вы дѣлаете... Столько лѣтъ и жилъ возлѣ него, не зная, что это онъ; столько лѣтъ я искалъ его... готовъ былъ на все—вѣдь, онъ для меня теперь все въ жизни... все... и вдругъ, въ тотъ самый мигъ, когда я узнаю, что это онъ,—я, я самъ, его

отецъ, дѣлаю на него доносъ... вѣдь, это же ужасно... вѣдь, его возмутьт...

— И не одного его, и другихъ также.

— Да, но отъ этого не легче миѣ—вы сами говорили, что его могутъ взять и отдать въ пытку... въ пытку!.. пожалѣйте же его... пожалѣйте...

— Отчего-же вы не пожалѣли сами?

— Да, но я не зналъ тогда, я не зналъ тогда... помогите миѣ, пустите, я успѣю остановить Эйзенбаха; я поѣду, скажу, что все это ложь, что все это неправда... я все на себя возьму... Что вы дѣлаете со мною!.. это безжалостно, что вы дѣлаете!..

— Безжалостно! повторилъ Сень-Жерменъ,—а вы сами умѣли жалѣть другихъ?..

— Я не умѣлъ!—ну что-жъ, но, вѣдь, въ такомъ положеніи, какъ я теперь, никто не былъ. Подумайте только: единственное существо, которое было для меня въ жизни дорого, единственное, и въ тотъ самый мигъ, когда я могъ назвать его своимъ, сказать ему, что я его отецъ, въ тотъ самый мигъ... вы отнимаете его у меня.

Графъ глубоко вздохнулъ.

— Вспомните, синьоръ Джузеппе, сказалъ онъ,—что сегодня 27-е іюня; вспомните это-же число много лѣтъ тому назадъ, и тогда былъ человекъ, который готовъ былъ тоже любимое имъ существо,— не ребенка, не сына, а женщину, которая для него была все въ мірѣ, назвать своею, и вы въ этотъ день отняли ее у него, отняли обманомъ, преступленіемъ...

Торичіоли остановился и поднесъ руку ко лбу.

— Да... да... невнятно проговорилъ онъ,—правда, сегодня 27-е іюня, то самое число... то самое... Такъ это мѣсть?—это ваша мѣсть... крикнулъ онъ.—Жестокая мѣсть, вы отомстили... но лучше-бы въ меня тогда-же убили... чѣмъ заставить дожидать до сегодня...

— Я не хотѣлъ вамъ мстить—я два раза шадилъ васъ; я сегодня пріѣхалъ къ вамъ, уговаривалъ—вы не хотѣли слушать: вы сами себѣ отомстили.

— Да, но эта мѣсть скверная, ужасная, безчеловѣчная! кричалъ Торичіоли, хотя его голосъ срывался ежеминутно.—Вы миѣ мстите и губите другихъ... вы губите ихъ... васъ убить мало за это... убить!..

И онъ опять кинулся на Сень-Жермена, окончательно потерявъ голову.

Графъ, спокойно улыбаясь, глянулъ въ его остервенѣлые, налитые кровью глаза, и отвелъ его руки отъ себя.

Торичіоли чувствовалъ уже его силу и чувствовалъ также, что силой ничего нельзя сдѣлать съ нимъ.

— Ну, хорошо, заговорилъ онъ, стараясь сдержаться, и въ голосѣ его послышались слезы,—ну, хорошо—вы отомстили миѣ, довольно... но дайте-же возможность, насколько мыслимо, исправить миѣ свою вину... Пустите меня—откройте дверь—пустите... и я вѣкъ свой не забуду вашего благодѣянія; да, какъ на благодѣяніе, я буду смотрѣть на это... Откройте миѣ дверь... можетъ-быть, еще не поздно...

Была минута, казалось, что Торичіоли станеть на колѣни.

— Такъ вы хотите только, спросилъ Сень-Жерменъ,—чтобы я открылъ вамъ дверь?..

— Да... только...

— Ну, хорошо, синьоръ Джузеппе,—я васъ не держу больше.

И онъ открылъ дверь настѣжь.

XVI.

Измѣна.

Петручіо стоялъ у перилъ Полицейскаго моста, спокойно оглядываясь и, видимо, съ нетерпѣніемъ ожидая кого-то. Каждую проѣзжавшую мимо карету онъ оглядывалъ съ нескрываемымъ волненіемъ, и когда она проѣзжала мимо—снова разочарованно возвращался къ своему мѣсту. Волненіе его было настолько сильно, что онъ даже не дѣлалъ вида, что находится тутъ,

такъ, будто случайно, а прямо, не скрываясь уже, ждалъ—совершенно открыто.

Но вотъ, наконецъ, показалась на Певской перспективѣ карета графа Сень-Жермена, теперь уже съ кучеромъ, вмѣсто Юганна, на козлахъ.

Петручіо сталъ вглядываться и въ нее, какъ вглядывался во всѣ проѣзжавшіе мимо экипажи—не тотъ-ли, который ждалъ онъ.

Вѣхавъ на мостъ, карета остановилась. Въ окнѣ ея показалась голова Сень-Жермена.

Его-то и ждалъ Петручіо.

— Насилу-то, синьоръ!.. почти крикнулъ онъ, подскывая къ окну,—я васъ не могу дожидаться.

— Пакетъ у васъ? спросилъ отрывисто Сень-Жермень.

Петручіо взволнованно заговорилъ, торопясь словами и глотая ихъ.

— Синьоръ приказалъ мнѣ принести сюда этотъ пакетъ именемъ синьора Одара — я вѣмъ сердцемъ служу синьору Одару, но я не могъ исполнить вашего приказанія. Клянусь Мадонной, я не могъ исполнить его... Скажите синьору Одару, что я клянусь Мадонной.

Петручіо не только словами, голосомъ и выраженіемъ, но жестами силился подтвердить невозможность исполненія возложеннаго на него порученія.

Онъ сильно размахивалъ руками, присѣдалъ и ворочалъ головою изъ стороны въ сторону.

— Отчего-же вы не могли исполнить приказанія,—значить, пакетъ остался на своемъ мѣстѣ? мягко спросилъ Сень-Жермень.

— О, если-бы онъ остался на своемъ мѣстѣ! воскликнулъ Петручіо,—онъ былъ-бы теперь въ рукахъ синьора. Клянусь святою Мадонной...

Дѣло становилось серьезнымъ.

Брови графа сдвинулись.

— Куда-же могъ дѣваться пакетъ? спросилъ онъ опять.

Петручіо снова замахалъ руками.

— На пакетѣ, синьоръ, былъ написанъ адресъ господину Эйзенбаху. Только что вы уѣхали съ синьоромъ Торичіоли изъ дому, какъ приходитъ молодой Карлъ фонъ-Эйзенбахъ. Онъ пріятель синьору Джузеппе—и бываетъ у него совѣмъ запросто. Я говорю—нѣтъ дома, а онъ мнѣ сказалъ—хорошо, я пройду въ кабинетъ его и напишу ему записку. Я не могъ его задержать, потому что онъ меня и не спросилъ—онъ прошелъ прямо въ кабинетъ и увидѣлъ пакетъ на своемъ имени, тогда онъ взялъ его...

— Нужно было остановить...

— Я останавливалъ — я сказалъ, что этотъ пакетъ мнѣ вѣрно отнести только черезъ полтора часа, но онъ мнѣ возразилъ: „Дуракъ!“—онъ такъ и возразилъ мнѣ: „дуракъ! не все-ли равно черезъ полтора часа или теперь, если этотъ пакетъ мнѣ“.

— И онъ распечаталъ его?

— И онъ его распечаталъ, а когда посмотрѣлъ какія тамъ были бумаги—то схватилъ ихъ и сейчасъ-же убижалъ; онъ сдѣлалъ это очень быстро—мнѣ только оставалось придти сюда съ пустыми руками... Я и пришелъ.

— Вы говорите, что Эйзенбахъ пришелъ почти вслѣдъ за нами? проговорилъ Сень-Жермень.

Голосъ его измѣнился слегка.

— Да, почти сейчасъ-же.

Времени, значитъ, прошло не мало и, если молодой Эйзенбахъ не потерялъ его, то могъ многое уже сдѣлать.

— Синьоръ, продолжалъ Петручіо, — засвидѣтельствуйте синьору Одару, что я не виноватъ.

Но графъ не слушалъ уже его.

— Скорѣе—нальво подъѣзжайте къ дому, сказалъ онъ кучеру, высунувшись изъ окна.

Нальво отъ Полицейскаго моста былъ домъ, гдѣ жилъ Орловъ.

Сень-Жермень выскочилъ изъ кареты на ходу.

Въ дверяхъ онъ встрѣтился съ Орловымъ, — тотъ, взволнованный и встревоженный, обрадовался появленію графа.

— Это вы графъ, — а я хотѣлъ идти къ вамъ на встрѣчу... вы знаете:—измѣна! Мнѣ сейчасъ прибѣжали сказать, что Пассекъ арестованъ.

— Уже арестованъ? проговорилъ Сень-Жермень.

— То-есть какъ „уже“? значить, вамъ извѣстно что-нибудь?

— Мнѣ извѣстно, что мы слишкомъ долго мѣшкали, и что сама судьба толкаетъ насъ дѣйствовать—значить, пора!.. Садитесь сейчасъ въ карету. Вы не знаете, государыня все еще въ Петергофѣ, а Петръ въ Ораніенбаумѣ?

— Да онъ все тамъ, а она въ Петергофѣ.

— Тѣмъ лучше. Садитесь сейчасъ въ мою карету, лошади должны выдержать; отправляйтесь въ Петергофъ и, не медля по пріѣздѣ, доложите государынѣ, что „все готово для ея провозглашенія“.

— Но никто еще не знаетъ ничего — мнѣ первому прибѣжали сказать о Пассекѣ... развѣ вы тутъ поспѣете...

— Въ то время, когда вы скажете государынѣ, что все готово,—будетъ, дѣйствительно, готово все... Садитесь... и не теряйте времени: вамъ нужно вернуться сегодня въ ночь.

Они уже были на крыльцѣ.

— Этовашъкучеръ?спросилъ Орловъ.—Онънадеженъ?

— Да, онъ надеженъ вполне, но все-таки лучше его замѣнить... Сержантъ у васъ?

„Сержантомъ“ продолжали звать въ близкомъ кружкѣ Артемія, несмотря на то, что онъ давно былъ уже офицеромъ.

— Онъ у меня, отвѣтилъ Орловъ,—но съ нимъ творится что-то странное. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ давнымъ-давно, и сказалъ, что нужно ждать васъ; больше я ничего не могъ добиться отъ него—сидитъ, какъ убитый, не ѣстъ ничего... и заладилъ одно, что нужно ждать васъ, и тогда все объяснится.

— Ну, да—зовите его сюда... или нѣтъ, лучше пусть Иеронимъ подымется къ нему... Иеронимъ, обернувшись Сень-Жермень къ своему кучеру,—пройдите въ квартиру... вы спросите тамъ...

И онъ объяснилъ, что долженъ былъ сдѣлать Иеронимъ.

Черезъ нѣсколько времени—не успѣвъ графъ перекинуться нѣсколькими послѣдними нужными словами съ Орловымъ—выбѣжалъ на крыльцо Артемій въ одеждѣ кучера Сень-Жермена. Онъ не спрашивалъ уже, что нужно было ему дѣлать, онъ не разговаривалъ, но, понявъ, что графъ не успѣлъ остановить доноса, и что нужно какъ можно скорѣе приступить къ дѣйствию, послушно и безропотно рѣшилъ повиноваться и исполнять все, что отъ него потребуютъ. Онъ взглянулъ только на Орлова, чтобы узнать, извѣстно-ли тому, кто главной причиною происшедшаго, но по взгляду, который разсѣянно бросилъ на него Орловъ, онъ понялъ, что Сень-Жермень ничего не сказалъ ему.

Это ободрило Артемія.

— Куда ѣхать? спросилъ онъ, садясь на козлы.

— Въ Петергофъ, голубчикъ, за государыней,—съ Богомъ, какъ-то странно сказалъ Орловъ и перекрестился. Артемій тоже сдѣлалъ крестное знаменіе и, едва Орловъ сѣлъ въ карету—тронулъ лошадей.

Когда они двинулись—Сень-Жермена не было уже на крыльцѣ.

Артемій сейчасъ-же сообразилъ, какъ только явился къ нему кучеръ для передѣванья, что ему предстоитъ участіе въ важной поѣздкѣ, но онъ не могъ думать, что за самой государыней поѣдутъ они!

Планъ былъ рискованный, но, вѣроятно, дѣло зашло такъ далеко, что нужно было рисковать... и радость наполнила сердце Артемія — радость загладить свою вину—радость пойти на прямую опасность. Что тамъ происходило теперь въ Петергофѣ, — что ихъ ждало

тамъ?—можетъ-быть, тамъ уже было все извѣстно, и они ѣхали на то, чтобы прямо арестовали ихъ. Но не этого, не за себя, и не за свой арестъ боялся, разумѣется, Артемій,—личная его свобода и даже самая жизнь не дорога была ему, нѣтъ—онъ боялся, что случилось съ императрицей, что съ ней—и поспѣютъ-ли они во-время, прежде чѣмъ туда придетъ распоряженіе изъ Ораніенбаума.

Лошади бѣжали дружно, мѣрною рысью, несмотря на то, что Артемію птицей хотѣлось-бы летѣть теперь въ Петергофъ, онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ, стараясь употребить на то все способности существа своего,—за ходомъ лошадей, чтобы сохранить ихъ силы. По онѣ, видимо, отлично втянуты въ работу и гоньбу, словно понимали, какой имъ предстоитъ сдѣлать копецъ, и понимали тоже, что все зависить отъ того, вынесутъ-ли онѣ или нѣтъ,—и Артемію казалось, что каждый взмахъ ихъ тонкихъ, словно точеныхъ, мускулистыхъ ногъ, говорилъ, что онѣ вынесутъ и не выдадутъ. Онѣ шли, словно разумныя существа, и Артемій не сдерживалъ ихъ и посылалъ впередъ только тогда, когда онѣ просили посылки.

Ночь была тиха; дорога казалась пустыня — и въ этой пустынной тишинѣ слышался только звукъ быстро бѣгущихъ копытъ и вертящихся колесъ кареты.

— Береги лошадей! высунулся Орловъ.

Артемій оглянулся только на него, и Орловъ попятъ, что онъ знаетъ, что ему дѣлать, и дѣлаетъ хорошо.

Ни верховыхъ, ни одноколокъ, ничего похожаго на экстренныхъ посланцевъ не попадалось на дорогѣ: — хорошимъ знакомъ служило это.

Медленно, мучительно медленно тянулось время для Артемія, но, когда онъ оглядѣлся, чтобы сообразить мѣстность, невольно поразился онъ, какъ далеко отѣхали они. Онъ самъ не ожидалъ этого,—хотя слѣдилъ за верстовыми столбами, мелькавшими по правой стороне дороги, но сбился съ ихъ счета... цифры разсмотрѣть было трудно. По мѣстности однако они должны были уже проѣхать трактиръ, стоявшій въ сторонѣ отъ дороги,—и необитаемый домъ, крыша котораго торчала изъ-за зелени, и про который ходили таинственные вымыслы о привидѣніяхъ.

„Неужели это уже монастырская роща?“ удивился Артемій.

Но передъ нимъ, въ самомъ дѣлѣ, вдругъ на сумрачно-призрачномъ, блесоватомъ небѣ сѣврной лѣтней ночи—выплыли золотыя маковки монастырской церкви.

— Монастырь виденъ! сказалъ Артемій въ карету и придержалъ лошадей, чтобы дать имъ вздохнуть.

Переѣздъ отъ монастыря къ Петергофу показался гораздо короче даже, чѣмъ обыкновенно.

Раннее солнце однако взошло уже, и, судя по немъ, былъ пятый часъ утра, когда они вѣхали въ Петергофъ. Онъ спалъ еще. Движенія нигдѣ не было замѣтно... А что во дворцѣ? такъ же-ли тихъ и спокоенъ дворецъ, и не предупреждены-ли тамъ?

Но вотъ и дворецъ—и его длинное одноэтажное зданіе охвачено тѣмъ же безмолвіемъ—только высокія деревья, шурша на утреннемъ вѣтеркѣ съ моря, качаются вокругъ него своими вѣтвями и наклоняютъ другъ къ другу макушки, словно и они въ заговорѣ, и они перешептываются.

— Остановись здѣсь!.. слышитъ Артемій осторожный теперь, тихій голосъ Орлова... и натягиваетъ вожжи, и лошади, перебравъ погами, останавливаются.

Орловъ выходитъ, бережно закрывая за собою каретную дверцу, чтобы не стукнула она, и послѣшно объясняетъ Артемію, куда онъ долженъ стать, въ аллею, и слушать троскратнаго свистка. Артемій слушаетъ его и невольно любитъ его красивой, огромной, дышащей силой фигурой, освѣщенной сегодня еще какимъ-то внутреннимъ огнемъ; но, несмотря на этотъ огонь, несмотря на важность минуты — Орловъ, привычный

ко всякаго рода ночнымъ похождениямъ, имѣетъ рѣшимость шутить еще—„ты не засни, смотри!“ добавляетъ онъ Артемію, улыбаясь, и исчезаетъ куда-то, очевидно, хорошо знакомый со всеми ходами и выходами дворца.

„Совсѣмъ какъ въ романѣ! думаетъ Артемій.—Боже мой, неужели это возможно, неужели мы, дѣйствительно, привеземъ государыню въ Петербургъ, и завтра воцарится новая монархія въ Россіи—Екатерина Вторая!.. да, конечно, она уже будетъ „второю“.. первая была супруга Петра.. Великаго Петра... А какъ странно—этого тоже зовутъ Петромъ.. по, Боже, какая разница!..“

Думая такъ, Артемій ждалъ съ напряженнымъ вниманіемъ условленнаго свистка. Орловъ, исчезнувъ, пропалъ — и Артемій, которому почему-то представилось, что онъ долженъ сейчасъ же вернуться назадъ, никакъ не могъ сообразить, сколько времени прошло Орлову, чтобы, проникнувъ во дворецъ, дать знать государынѣ и дать ей время одѣться, потому что, вѣроятно, она спала еще въ этотъ часъ.

Но какъ проникнуть, какъ дать знать, — когда на каждомъ шагу могли поймать его, ихъ вмѣстѣ, наконецъ—этого Артемій не могъ себѣ представить, и ему казалось уже, что они затѣяли сумасшедшую вещь, что этимъ сумасшествіемъ испортятъ только все... и что Орловъ схваченъ, и сейчасъ придутъ схватить и его... Ну, и пусть схватываютъ—пусть гибнетъ онъ самъ, это все, что ему остается, потому что другого исхода нѣтъ.

Вдругъ раздался въ воздухѣ осторожный, какъ голосъ Орлова, свистъ, повторившійся три раза.

Артемій дрогнулъ и послалъ лошадей.

„Одинъ онъ или нѣтъ?—конечно, одинъ“, рѣшилъ Артемій, выѣзжая изъ аллеи.

Въ тѣни большой, разросшейся сирени стоялъ Орловъ—рядомъ съ нимъ стояла женщина, окутанная въ черную мантилью.

„Спаси ее Господь!“ мелькнуло у Артемія—и онъ чувствовалъ, какъ дрожь пробѣгаетъ по его тѣлу.

Какъ они сѣли, какъ онъ поѣхалъ, какъ выбрались они на Петербургскую дорогу—онъ не помнилъ,—онъ былъ словно во снѣ, словно въ грѣзѣ, и словно не онъ сидѣлъ на козлахъ и правилъ, а кто-то другой, по этотъ другой, однако, отлично слѣдилъ за лошадьми, отъ которыхъ теперь зависѣло все.

Онъ чувствовалъ, что волнение его, точно токъ по проволоцѣ, передавалось и имъ, и онѣ разгорячились и шли уже совсѣмъ не такъ ровно и увѣренно, какъ прежде.

До монастыря еще можно было ѣхать спокойно, но, миновавъ его, Артемій сталъ съ тревогой прислушиваться къ все чаще и чаще повторявшемуся хрипу лошадей (онѣ хрипѣли уже)—и поглядывать на ихъ усталыя, съ замѣтнымъ усиленіемъ двигавшіяся ноги.

— Гони! высунулся Орловъ изъ кареты.

Артемій хлестнулъ бичомъ. Лошади дрогнули, крѣпче влегли въ оловки, но ослабѣвшія силы ихъ снова скоро сказались опять.

Они проѣхали еще нѣсколько верстъ.

И вдругъ, къ ужасу своему, Артемій замѣтилъ, что, несмотря на посылъ, лошади идутъ тише и тише... еще нѣсколько шаговъ, и онѣ остановились.

Бѣдныя, дрожавшія теперь, измученныя животныя сдѣлали все, что могли. Онѣ выбились изъ послѣднихъ силъ и изъ послѣднихъ силъ протацили карету, пока могли только—теперь онѣ остановились, дрожа всѣмъ своимъ тѣломъ; каждый мускулъ, каждая жилка этого обезсиленнаго, покрытаго пѣной тѣла тряслась и билась.

Орловъ высунулся снова изъ кареты, открылъ дверцу, вышелъ.—и, взглянувъ на лошадей, тоже ужаснулся ихъ виду.

Онѣ не могли идти дальше. Онѣ на мѣстѣ патались отъ усталости...

(Окончаніе будетъ).

Задумалась. Съ карт. Бзаазъ, по фот Ангерера, грав. Клосъ.

„Пропашій человекъ“.

(Фактъ).

Жаркимъ июньскимъ днемъ N-я батарея, вытянувшись гуськомъ, двигается по Военно-Грузинской дорогѣ.

Въ воздухѣ совершенно тихо. Пыль, поднятая людьми и лошадьми, такъ и стоитъ цѣлымъ облакомъ и покрываетъ сѣрою дымкой усталыя и потныя лица артиллеристовъ. Сѣрая лента ровнаго, какъ скатерть, шоссе змѣей вьется по уступамъ горъ, забѣгая въ ихъ изгибы. Справа и слѣва уходятъ въ облака громады Кавказскихъ горъ. Терекъ, сдавленный ихъ объятіями, бѣшено рвется, наполняя грохотомъ узкое и дикое ущелье. Дорога взбирается все выше и выше, а горы становятся все страшнѣе и угрюмѣе, какъ будто нарочно загромождавая путь дерзкому человеку, который ползетъ на ихъ сѣбяные хребты. И въ душѣ шевелится тяжелое, щемлящее чувство ничтожества...

— Ваше высокородіе, докладываетъ фельдфебель командиру батареи, толстому полковнику съ жирнымъ лицомъ и заплывшими глазами, — Юрченко только что теперь прибѣтъ; па перекличкѣ не былъ; самый пропашій человекъ. Арестантъ, какъ есть арестантъ. Одинъ конфузъ для батареи...

Но командиръ относится довольно безучастно къ словамъ фельдфебеля. Ему слишкомъ жарко, ему не до Юрченка совсемъ и не до жалобъ на него. Онъ чувствуетъ только, какъ его грузное тѣло, съ уставленными какъ-то впередъ въ стремени коротешкиными ножками, безпомощно качается на сѣдлѣ. Жирная шея выплзла изъ-за воротника, и се горячо припекаетъ солнце. Онъ силится вспомнить про Юрченку и вникнуть въ то, что говоритъ фельдфебель.

Юрченко—балагуръ, забѣвало, гармонистъ и весельчакъ, но несправимый забулдыга и пьяница. Гдѣ Юрченко — тамъ пѣсни, веселье, здоровый раскатистый хохотъ. Эгого Юрченко, такъ и знали всѣ, составлялъ какъ бы поэтической элементъ въ батареѣ среди хлонотъ, усталости и скуки повседневной рутинны солдатской жизни. Онъ крѣпко держался интересомъ своей батареи и всѣхъ людей раздѣлялъ на двѣ категоріи: солдатъ и вольныхъ. По отношенію первымъ онъ соблюдалъ по возможности всѣ требованія солдатской этики, но съ вольными, особенно, съ туземцами, позволялъ себѣ всевозможныя гадости, доходя до крайняго предѣла. Его неукротимая энергія и беззаботное легкомысліе никакъ не мирились со строгимъ режимомъ военной службы, и ни мѣрами строгости, ни кротостью пельзя было добиться отъ него исправнаго поведения. Товарищи его любили за неподдѣльную веселость и врожденный юморъ.

Теперь онъ, приведенный фельдфебелемъ, стоялъ передъ командиромъ батареи, опустивъ глаза, и смотрѣлъ куда-то въ бокъ, забѣгая взглядовъ начальника и переминаясь съ ноги на ногу. Его красное, покрытое веснушками лицо, со вздернутымъ кверху носомъ, съ воспаленными отъ ночного разгула и пьянства глазами, выражало полное равнодушіе и покорность судьбѣ. Жара, головная боль съ похмелья, страшная усталость (ему пришлось бѣгомъ догонять батарею), и предстоящая „раскапанія“ начальства приводили его въ самое отвратительное расположение духа, что случалось съ нимъ очень рѣдко.

— Гдѣ ты былъ, каналья; кто тебѣ позволялъ; гдѣ шатался, бродяга? кричалъ на него командиръ батареи, искусственно напуская на себя свирѣность.

— Такъ точно, ваше высокородіе, загулялъ, мрачно отозвался Юрченко и еще ниже опустил свою рыжую голову.

Полковникъ былъ нѣсколько озадаченъ. Онъ, собственно, ожидалъ отъ Юрченка что-нибудь въ родѣ лжи и заипрательства. Откровенная простота провинившагося окончательно смилчала его, и онъ, безпомощно махнувъ рукой, отбѣхалъ въ сторону. А Юрченко, хитро улыбаясь, отправился на свое мѣсто...

Прошло полтора мѣсяца:—

Батарея участвуетъ въ сраженіи и, расположившись на небольшомъ пригоркѣ, пускаетъ снаряды по перебѣгающимъ турецкимъ колоннамъ. Полковникъ, вспотѣвшій и красный отъ волненія, въ разстегнутомъ сюртукѣ, катается, какъ шаръ на своихъ коротешкиныхъ ножкахъ и кричитъ: „жги его, жари его!“ и потираетъ руки отъ удовольствія, когда снарядъ попадаетъ въ цѣль.

Вотъ отъ третьяго орудія быстро отскочилъ номеръ съ крючкомъ, грохнувъ выстрѣлъ, и орудіе тяжело отпрянуло назадъ.

Командиръ батареи, казалось, замеръ, слится въ одно цѣлое съ биноклемъ, вытягивая свою короткую шею и приподнимаясь даже на цыпочки, чтобы лучше разглядѣть пораженіе, нанесенное снарядомъ.

— А та, та, та! въ самую кучу! въ самую кучу! кричалъ онъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ, весь озаряясь широкой улыбкой.

Юрченко стоялъ ящичнымъ 2-го орудія и подносилъ снаряды и заряды для стрѣльбы, по обыкновенію, пуская остроты и кривляясь на всевозможныя лады. Его веселое настроеніе сообщилося и остальнымъ солдатамъ сосѣднихъ орудій, и они съ шуточками и прибаутками ловко и смѣло исполняли свое дѣло.

Вдругъ неприятельскій снарядъ, съ рѣзкимъ свистомъ прорѣзавъ воздухъ, бухнулся въ Юрченковъ ящикъ; раздались оглушительный трескъ; взрывомъ съ вырваннымъ бокомъ столпалъ на землѣ и сипился приподняться; двѣ лошади были изуродованы, а третья, чудомъ уцѣлѣвшая, дико билась и рвалась изъ пострелокъ.

Со всѣхъ сторонъ люди бросились къ ящику, крича и размахивая руками... Но тутъ же, сейчасъ раздались зловѣщій крикъ: „горитъ, горитъ!“—и людская волна быстро отхлынула назадъ, спасаясь отъ грозящей бѣды.

Изъ открытаго заряднаго ящика, гдѣ было нѣсколько пудовъ пороку и болѣе 50 снарядовъ, бѣжала вверхъ въ разныя мѣстахъ тоненькія струйки дыма и таяли въ спокойномъ и тихомъ воздухѣ. Небольшія искорки пробѣгали кое-гдѣ по поверхности ящика, съ минуты на минуту становясь сильнѣе и чаще. Стрѣльба прекратилась, и всѣ съ искаженными ужасомъ лицами, въ нѣмомъ оцѣпенѣніи остановились и ждали... Страшно, тяжело и безконечно казалось это ожиданіе.

Но вотъ кто-то отдѣлился отъ толпы и бросился къ ящику, на ходу снимая шапку и осыпая себя крестными знаменіемъ...

— Юрченко, Юрченко... раздались испуганные голоса, — пазадъ!..

Но онъ стоялъ уже на оси ящика, наполовину окутанный дымомъ, и пытался заглушить огонь руками, шапкой, наконецъ, легъ всѣмъ корпусомъ на ящикъ.

Еще секунда и изъ ящика полетѣли одинъ за другимъ кожаные мѣшки съ орудійными зарядами. Стиснувъ зубы, отчетливо, не теряя секунды времени, выбрасывалъ ихъ Юрченко, забывъ о себѣ... Опасность миновала, наконецъ. Вся пакля, въ которую были упакованы снаряды, благополучно выгорѣла. Ящикъ былъ спасенъ.

Юрченко, весь черный отъ дыма, въ прожженномъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ мундирѣ, безъ шапки, стоялъ безмолвно около своего ящика, дико озирался вокругъ и не отдавая себѣ отчета во всемъ происшедшемъ. Вдругъ всѣ бросились къ нему, окружили его, и со всѣхъ сторонъ послышался говоръ, шумъ, одобренія и восклицанія, всѣ что-то другу другу говорили, махали руками, показывали на ящикъ... Командиръ батареи волновался и горячился больше всѣхъ. Онъ обнялъ Юрченка и кажется предлагалъ ему деньги, но тотъ упорно откачивался и говорилъ:

— Я должникъ былъ, потому мой ящикъ!

Вскорѣ все приняло въ обычный порядокъ, и стрѣльба продолжалась съ тѣмъ же одушевленіемъ, только Юрченко, герой дня, потерялъ всегдашнюю веселость и былъ до крайности сосредоточенъ, особенно дѣловито и серьезно исполняя свои обязанности. Къ вечеру бой затихъ, и батарея при общемъ наступленіи перемѣнила позицію, оставшись бивакировать на полѣ сраженія.

Нѣжная, теплая южная ночь спустилась на землю. Милліоны звѣздъ засверкали въ бархатно-синемъ небѣ. Въ воздухѣ тихо, только изрѣдка раздаются надъ батареей богатырскій хрипъ какого-нибудь солдатика, измалывающагося за день, да тихій шелестъ сѣна, пережевываемаго лошадьми.

Офицерство, но въ предѣлѣхъ командира батареи, закутывается на травѣ, при свѣтѣ фонаря...

Нѣсколько впередъ батареей собралась кучка солдатъ, и тамъ слышится рѣзкій голосъ снова повеселѣвшаго Юрченка, покрываемый раскатистымъ хохотомъ.

Полковникъ насторожилъ уши.

— Чтѣ тутъ такое, ты опять куда бѣгалъ? спросилъ онъ, подходя съ развалкой къ кучкѣ солдатъ и обращаясь къ Юрченку...

Тотъ, оказалось, уснѣлъ снова накуролесенъ... Отъ него сильно пахло водкой.

— Тыфу, проклятый! ты опять за свое, сталъ бранить его полковникъ, но, не договоривъ, повернулся и отошелъ...

— Арестантъ, какъ есть арестантъ, заворчалъ подошедшій фельдфебель, — три часа былъ какъ слѣдуетъ, а теперь опять за свое! Пропашій человекъ и больше ничего!

Полковникъ вернулся и снова подошелъ къ закускѣ...

А вдаль снова послышался голосъ Юрченка, и одобрительныя восклицанія его остроумно: „Ахъ, чортъ! Ахъ, волкъ ты зашибъ!“ сопровождаемыя здоровымъ солдатскимъ хохотомъ... „Пропашій человекъ“ веселилъ всю компанію...

В. М.

Собственная теплота человеческого тѣла.

Физиологическій очеркъ д-ра Паркнера.

Въ противоположность животнымъ, защищеннымъ отъ вліянія погоды шерстью, перьями или роговымъ покровомъ, человѣкъ долженъ искусственнымъ образомъ прикрывать свое тѣло одеждою, чтобы имѣть возможность примѣняться къ постоянно колеблющейся температурѣ окружающаго воздуха. Хотя назначеніе одежды—предохранять не только отъ холода, но и отъ слишкомъ яркихъ лучей солнца, преимущества ея, если она вполнѣ целесообразна, познаются, особенно, въ холодное время года. Тѣмъ не менѣе, это искусственное согрѣваніе человеческого тѣла было бы далеко недостаточно для предохраненія внутреннихъ органовъ отъ вліянія на нихъ холода, если бы человѣческой организмъ не обладалъ свойствомъ самостоятельно вырабатывать теплоту, которую поэтому называютъ *собственной его теплотой*. Собственная теплота человѣка равняется при обыкновенныхъ условіяхъ отъ 37° до 37,5° Ц. Несмотря на усилія организма поддерживать эту температуру непрерывно, она все-таки испытываетъ постоянныя колебанія, начиная съ того, что различныя части тѣла не имѣютъ совершенно одинаковой температуры. Такъ Т° органовъ нижней части тѣла выше, чѣмъ Т° мозга и легкихъ; въ желудкѣ теплота на полградуса меньше, чѣмъ въ кишечникѣ, который, такъ же, какъ и пузырь, на цѣлый градусъ теплѣе раменной впадины, гдѣ обыкновенно имѣруется температура тѣла. Подъ языкомъ, при закрытомъ ртѣ, *собственная теплота* также почти на полградуса выше, чѣмъ въ раменной впадинѣ. Разница всего замѣтна въ соединительной ткани кожи: Т° этой ткани болѣе, чѣмъ на два градуса, ниже Т° мускуловъ.

Разница температуръ отдѣльныхъ частей тѣла происходитъ частью отъ усиленнаго или ослабленнаго притока къ нимъ крови, частью отъ интенсивности происходящаго въ органахъ обмѣна веществъ. Ясно, что, чѣмъ дѣятельнѣе въ какомъ-нибудь органѣ обмѣнъ веществъ, тѣмъ болѣе органъ работаетъ, тѣмъ болѣе теплоту онъ развиваетъ.

Подобно различнымъ частямъ тѣла, и кровь не всегда имѣетъ одинаковую температуру. Когда она проходитъ черезъ органы съ дѣятельнымъ обмѣномъ веществъ,—какъ напр. печень, почки, слюнные железы, мускулы,—температура ея повышается; напротивъ того, Т° ея ниже средней въ кожныхъ венахъ, такъ какъ кровь уже отдала часть своей теплоты кожѣ. Точно также кровь, возвращающаяся къ сердцу изъ верхнихъ частей тѣла, которые скорѣе охлаждаются, въ сколько менѣе тепла, чѣмъ кровь, поднимающаяся къ сердцу изъ нижней части тѣла. Изъ этого видно, что кровь всегда принимаетъ теплоту тѣхъ органовъ, по которымъ проходитъ, выполняя, такимъ образомъ, очень важную задачу регуляціи собственной теплоты человеческого тѣла въ различныхъ органахъ: охладившись въ какой-нибудь части тѣла, она уже дѣйствуетъ понижающимъ образомъ на болѣе высокую температуру другого органа, и наоборотъ. Это регулированіе тѣмъ важнѣе, что отклоненіе температуры мускуловъ, нервовъ и железъ на нѣсколько градусовъ выше или ниже нормы вызываетъ существенное нарушеніе правильности этихъ функций.

Какъ сказано выше, собственная теплота взрослыхъ равняется отъ 37° до 37,5° С. У новорожденнаго она доходитъ до 37,8°; дѣти между 5 и 6 годами показываютъ 37,2; юноши отъ 12 до 20 лѣтъ—37,3°. Итакъ въ этотъ длинный періодъ развитія организма, несмотря на всѣ совершившіяся въ немъ важныя перемѣны, естественная теплота его не подвинулась хотя бы на полградуса впередъ или назадъ. Если же подобныя значительныя фазы развитія сопровождаются самыми ничтожными измѣненіями температуры тѣла, то, наоборотъ, каждое необыкновенное колебаніе этой послѣдней предполагаетъ какіе-нибудь чрезвычайно важные процессы въ организмѣ.

Въ возрастѣ отъ 20 до 24 лѣтъ собственная теплота равняется 37,2°, отъ 25 до 30 лѣтъ она спускается на 36,8°, потомъ опять поднимается, и въ 40 лѣтъ достигаетъ 37,1°. Отъ 40 до 50 лѣтъ она составляетъ 36,8°, къ 60 годамъ падаетъ на 36,3°, въ 80 лѣтъ еще разъ поднимается до 37,4°. Старческой возрастъ, слѣдовательно, въ отношеніи собственной теплоты опять приближается къ дѣтскому возрасту.

На собственную теплоту человеческого тѣла имѣетъ вліяніе не только составъ и количество, но и время наступленія въ организмѣ пищи. Замѣчено, что температура тѣла повышается непосредственно вслѣдъ за пріемомъ пищи, что она всего ниже ночью, когда желудокъ бездѣйствуетъ, и всего выше въ періодъ послѣобѣденнаго пищеваренія. Изъ этого слѣдуетъ, что питаніе является чуть-ли не самымъ важнымъ источникомъ тепла для собственной температуры тѣла.

Поэтому составъ и количество принимаемой пищи имѣетъ очень большое значеніе для суммы тепла, которую организмъ располагаетъ въ извѣстное время. Чѣмъ хуже составъ пищи, и чѣмъ меньше ея количество, тѣмъ скорѣе человѣкъ расходуетъ собственную теплоту. Отсюда ясно, отчего выродившіяся и старики мерзнутъ скорѣе, чѣмъ здоровые взрослые люди. На основаніи опытовъ дознано, что каждый килограммъ

нашего тѣла, при пищѣ мало питательной, совершенно лишеной бѣлковыхъ веществъ, производитъ въ одинъ часъ 1,198 единицъ тепла, при смѣшанной пищѣ—1,369, и при исключительно мясной пищѣ—1,654 единицы тепла.

Трудъ, какъ умственный, такъ и физическій, также вызываетъ легкія колебанія собственной теплоты. По знаменитымъ изслѣдованіямъ Дэви, усиленная, вслѣдствіе умственныхъ занятій, дѣятельность нервовъ повышаетъ температуру тѣла приблизительно на 0,3°, продолжительное напряженіе мускуловъ повышаетъ ее на 0,7°.

Какъ можно предвидѣть, въ выработкѣ организмомъ тепла не мало значатъ и климатъ. Достаточно питающейся человѣкъ, при умѣренной дѣятельности, располагаетъ подъ тропиками въ теченіе сутокъ слишкомъ 1,800 единицами тепла; въ умѣренномъ климатѣ, при тѣхъ же условіяхъ, организмъ вырабатываетъ 2,500 единицъ тепла, въ холодномъ климатѣ—свыше 4,500. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ вѣшняя температура всего ниже, принятая пища доставляетъ организму наибольшую сумму тепла.

Важныя источники собственного тепла, это дыханіе и обжигъ веществъ. Всѣ жизненные процессы связаны съ разложеніемъ матеріи тѣхъ органовъ, въ которыхъ они происходятъ. Разложеніе само по себѣ есть уже очень важный источникъ тепла, но значеніе его еще усиливается, благодаря тому способу, какимъ организмъ удаляетъ изъ себя продукты разложенія. Извѣстно, что они соединяются съ поступившимъ въ кровь черезъ дыханіе кислородомъ и, обратившись въ воду и углекислоту, выдѣляются изъ организма различными путями, черезъ легкія и кожу. Такъ какъ это превращеніе въ дѣятельности не что иное, какъ медленный процессъ горѣнія, то понятно, что горѣніе является очень значительнымъ источникомъ тепла.

Кромѣ этого, выработкѣ тепла отчасти содѣйствуетъ и треніе, происходящее отъ движеній мускуловъ, натягиванія сухожилій, напора легкихъ на грудныя стѣнки при дыханіи, и отъ движенія кровяной массы въ сосудахъ.

Собственная теплота несравненно легче подчинялась бы вліяніямъ вѣшней температуры, если бы организмъ не обладалъ приспособленіями для поддержанія своей температуры на соответствующей высотѣ. При каждомъ вліяніи на кожу холода, тонкіе кровеносныя сосуды сжимаются и суживаются, вслѣдствіе чего принимаютъ меньше крови. Благодаря этому, кровь болѣе приливаетъ къ внутреннимъ органамъ; эти послѣдніе сильнѣе нагрѣваются и такимъ образомъ избѣгаютъ простуды. Если же охлажденіе идетъ дальше и захватываетъ болѣе глубокіе слои организма, то отпоръ даетъ подкожная клетчатка, болѣе или менѣе снабженная жиромъ. Жиръ не имѣетъ значенія для болѣе важныхъ функцийъ человеческого тѣла, зато онъ представляетъ прекрасную защиту отъ холода. Мы знаемъ по опыту, что тучныя особы гораздо менѣе страдаютъ отъ холода, чѣмъ худощавыя.

Человѣческой организмъ можетъ защищать себя не только отъ холода, но и отъ чрезмернаго жара. Если вѣшняя температура слишкомъ высока, то ближайшимъ слѣдствіемъ сильнаго нагрѣванія кожи будетъ ослабленіе находящихся въ ней кровяныхъ сосудовъ. Они уже не въ состояніи дать должный отпоръ приливающей къ нимъ крови, и эта послѣдняя наполняетъ ихъ въ усиленной степеніи. На взглядъ это обиліе крови проявляется краснотою кожи, для организма же важно то обстоятельство, что, благодаря усиленному притоку крови къ оконечностямъ кровеносныхъ сосудовъ, облегчается охлажденіе, такъ какъ кровь можетъ отдать часть своей теплоты окружающей болѣе низкой атмосферѣ.

Гораздо важнѣе другое слѣдствіе избытка крови. Кровь уже при обыкновенныхъ условіяхъ выдѣляетъ часть заключающейся въ ней воды черезъ кожныя поры. Если же маленькіе кровеносныя сосуды наполнены кровью болѣе обыкновеннаго, то ихъ натянутыя стѣнки дѣлаются тоньше, и отдача воды наружу совершается легче и обильнѣе, при этомъ кожа на ощупь влажна. При содѣйствіи нервовъ, выдѣленіе воды можетъ быть настолько обильно, что поверхность кожи покрывается большими каплями влаги. Мы называемъ это явленіе испариной.

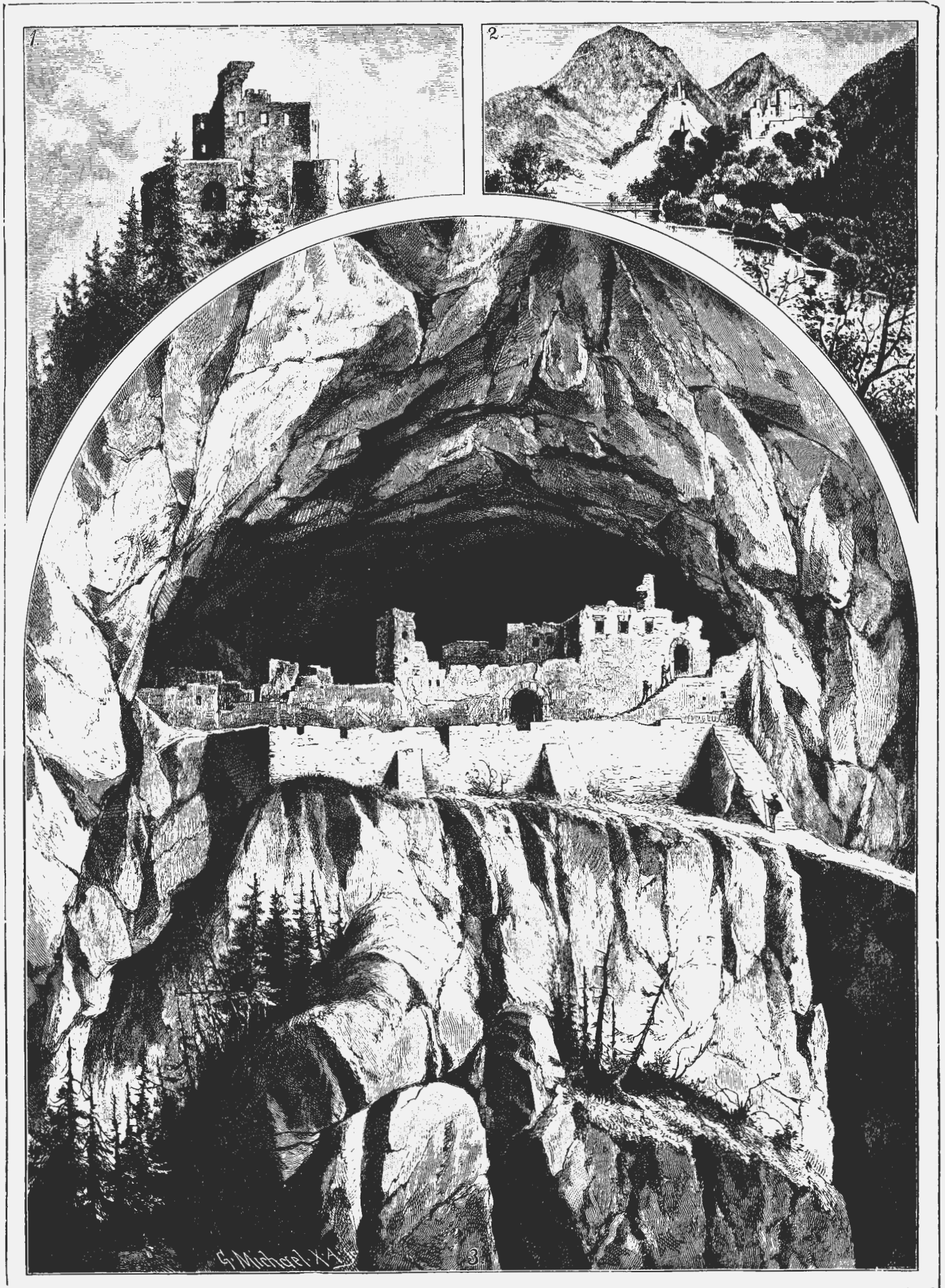
Испаряющаяся изъ крови посредствомъ поръ влага освобождаетъ организмъ отъ излишка собственной теплоты и уравновѣшиваетъ эту послѣднюю. Еще одинъ регуляторъ внутренней теплоты мы имѣемъ въ чувствѣ жажды, удовлетворенія котораго, мы даемъ возможность нашему тѣлу выдѣлять тѣмъ болѣе влаги черезъ кожу и охлаждаться. Такимъ образомъ, между утоленіемъ жажды и охлажденіемъ нашего тѣла существуетъ взаимодѣйствіе. Вотъ причина, почему выдѣленіе испарины усиливается, когда мы пьемъ.

Несмотря на всѣ эти приспособленія, человеческій организмъ не въ состояніи дать отпоръ вредному дѣйствію на него, обыкновенно, низкой или высокой температуры.

Интересно сообщеніе Кэна, путешествовавшаго по поляр-

Рысь, захватившая лося. По ориг. эскизу Домбровского, рис. Ф. Шнехт, грав. А. Шнехт.
Библиотека "Руниверс"

Развалины замка Шаллаунъ въ Штиріи. Рис. Вольшлегерь, грав. Михаэль.

1) Старый Тейфенбахъ.

3) Замокъ Шаллаунъ.

2) Развалины Пукса и Кача.

Библиотека "Руниверс"

нымъ странамъ, о трехчасовомъ переходѣ, совершенномъ имъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ спутниковъ при температурѣ въ 41° ниже нуля. „Я не могу сказать, разсказываетъ Кэмпъ,— сколько времени продолжался нашъ переходъ, такъ какъ мы были въ какомъ-то странномъ оцѣпенѣннн и совершенно не сознавали времени. Мы были не въ полной памяти, и пережитое представляется намъ очень смутно, какъ во снѣ. Мы подвигались впередъ, хорошо не понимая, что вокругъ насъ трепалась медвѣдь и какъ онъ съ ожесточеніемъ рвалъ и тренилъ лежавшую на дорогѣ, напавши оброченную нами мѣховую куртку. Животное, впрочемъ, никакого пзъ насъ не тронуло. Я помню еще мое смутное опасеніе за цѣлость нашей палатки и остававшихся въ ней припасовъ. Мой спутникъ могъ даже видѣть вдали, что медвѣдь обращается съ нашей палаткой такъ же безпощадно. Миѣ казалось, что и я это вижу, но мы были словно въ чадѣ отъ страннаго холода и продолжали спокойно идти впередъ, не умѣряя—сколько миѣ помнится—наши шаги“. Эта всеобщая летаргія— ясный признакъ сильнаго пониженія собственной теплоты. Когда эта послѣдняя падаетъ еще больше, сознание мало-по-малу совершенно теряется, и наступаетъ смерть черезъ замерзаніе.

Замѣтимъ при этомъ, что ходячее мнѣніе, будто алкоголь согрѣваетъ въ холодную погоду, лишено всякаго основанія. Приемъ алкоголя только усиливаетъ сердцебіеніе, вслѣдствіе чего кровь обильнѣе приливаетъ къ сосудамъ кожи, и является временное опущеніе теплоты въ наружныхъ покровахъ, ошибочно принимаемое за согрѣваніе всего организма. На самомъ же дѣлѣ, чѣмъ больше кровь приливаетъ къ кожѣ, тѣмъ меньше ея остается во внутреннихъ органахъ. Кроме того, вмѣстѣ съ усиленнымъ приликомъ крови увеличивается и отдача тепла черезъ кожныя поры такъ, что запасъ собственной теплоты въ тѣлѣ расходуется скорѣе обыкновеннаго. Опытномъ установлено, что даже умѣренные приемы алкоголя

при тѣлесномъ покоѣ и вломѣ желудка понижаютъ собственную теплоту. Этимъ объясняется, почему наибольшій процентъ замерзающихъ въ нашемъ климатѣ даютъ скудно одѣтые и плохо питающіеся ньянцы.

Человѣкъ не выноситъ не только чрезмѣрнаго холода, но и слишкомъ высокой температуры. Правда, при условіи совершенно сухого воздуха люди могутъ въ некоторое время выдерживать 79° Ц. Вергеръ и де-ла-Рошъ оставались въ сухомъ воздухѣ даже отъ 8 до 16 минутъ при температурѣ 100—127°, при чемъ ихъ собственная температура повышалась всего на какой-нибудь одинъ градусъ; но пребываніе въ такой жарѣ возможно только, когда окружающій воздухъ совершенно сухъ, и на кожѣ происходитъ сильное испареніе выдѣляющейся черезъ поры влаги. Если же, напротивъ того, воздухъ насыщенъ водяными парами, то кожа моментально обваривается, какъ въ кипяткѣ.

О дѣйствіяхъ внешней теплоты на собственную температуру человеческого тѣла мы слышимъ каждое лѣто. Въ сильную жару, при работѣ, требующей напряженія мускуловъ, какъ напр. полевыхъ работы или военныхъ маневровъ, въ особенности, когда плотноприлегающая, прогрѣтая солнцемъ, одежда мѣшаетъ отдачѣ тепла черезъ поры,—собственная теплота можетъ усилиться до такой степени, что наступаетъ тяжелое заблѣваніе или смерть отъ удара. Смерти отъ жары, какъ и смерти отъ холода, предшествуетъ общее изнеможеніе и сонливость, потомъ умираютъ нервы, мускулы и кѣтки железъ, наконецъ, загсывають бѣлковыя вещества. Предѣлъ повышенія собственной теплоты человеческого тѣла 42,6° Ц. Дальше смерть.

То обстоятельство, что собственная теплота нашего тѣла не зависитъ отъ состоянія внешней температуры—кроме какихъ-нибудь необычайныхъ измѣненій этой послѣдней—даетъ человеческому роду возможность населять всю землю, иначе тропическія и холодныя страны оставались бы необитаемыми, и распространеніе человечества должно было бы ограничиваться относительно небольшимъ пространствомъ.

Великій изобрѣтатель.

Разсказъ Альберта Родериха.

Во время путешествія м-ра Эдиссона по важнымъ штатамъ Америки, въ одномъ довольно большомъ городѣ, въ которомъ проездомъ онъ остановился, устроены были въ честь его торжественный обѣдъ. Находившійся на этомъ празднествѣ, въ числѣ прочихъ, газетный репортеръ м-ръ Пеннбахъ, вскорѣ послѣ обѣда, обратился къ знаменитому изобрѣтателю съ разспросами, касавшимися его спеціальныхъ занятій, сумѣлъ завлечь его въ разговоръ, и вскорѣ они окружены были цѣлою толпою любопытныхъ.

— Не трудно-ли вамъ было вначалѣ находить покупателей для вашихъ изобрѣтеній? спросилъ м-ра Эдиссона ревностный собиратель газетныхъ матеріаловъ.

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, отвѣтилъ м-ръ Эдиссонъ— мой первый большіи успѣхъ... гм... это, впрочемъ, цѣлая исторія и весьма замѣчательная исторія.

— Разскажите, разскажите ее! раздалось со всѣхъ сторонъ. М-ръ Эдиссонъ улыбулся, немножко подумалъ и началъ свой разсказъ: „Я былъ тогда еще молодой, всего 23 лѣтъ, и успѣлъ уже сдѣлать нѣсколько моделей моихъ изобрѣтеній, но убѣжденію моему весьма важнымъ, но не оказалось ни одного человѣка, который согласился-бы дать миѣ средства для практическаго ихъ осуществленія.—Мои же небольшіи средства на дорожно-стоищіе опыты скоро истощились.—И вотъ, въ такомъ состояніи, упавши духомъ, бродилъ я однажды по улицамъ Нью-Йорка, съ послѣднимъ долларомъ въ карманѣ. Въ это время, на одной изъ лучшихъ улицъ вниманіе мое было привлечено роскошнымъ экипажемъ, остановившимся у одного изъ великолѣпныхъ дворцовъ города, въ который два лакея въ дорогихъ ливреяхъ усадили вышедшую изъ этого дворца чудной красоты молодую даму, одѣтую съ большимъ вкусомъ.—Кто эта дама? спросилъ я у одного изъ лакеевъ.— Тотъ взглянулъ на меня съ какимъ-то невольнымъ удивленіемъ.— „Это миссъ Циннебеллина Смартъ“, отвѣтилъ миѣ, въяго лакея, кто-то изъ прохожихъ, остановившійся, какъ и я, поглазѣть на отбѣздъ молодой леди.— „А здѣсь не живеть-ли м-ръ Іенкинъ Смартъ?“ спросилъ я, указывая на дворецъ.— И миѣ отвѣтили, что „здѣсь“. Я зналъ по газетамъ, да и со словъ знакомыхъ, что м-ръ Іенкинъ Смартъ одинъ изъ первѣйшихъ богачей Нью-Йорка, и что миссъ Циннебеллина была единственною его дочерью.

„Задумавшись на мгновеніе, я поднялся по мраморной лѣстницѣ дворца и скоро пробрался въ кабинетъ, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ м-ромъ Іенкинномъ Смартомъ. Это былъ человекъ лѣтъ 50, высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, съ лицомъ свѣтло-желтымъ, какъ воскъ, и такимъ же спокойнымъ и безжизненнымъ, какъ у восковой фигуры; оно, повидимому, не выражало ни гнѣва, ни тоски, ни досады, ни радости, въ какомъ расноложеніи духа бы онъ ни былъ.

„Только однажды удалось кому-то подмѣтнуть легкую усмѣшку

на этомъ лицѣ, и именно въ тотъ моментъ, когда онъ получилъ извѣстіе о банкротствѣ главнаго его конкурента. Дѣло было такъ: этотъ соперникъ провѣдалъ двумя часами ранѣе его, м-ра Смартъ, о разрѣшенной постройкѣ новой желѣзной дороги, отъ одного маленькаго городка, въ 100 миляхъ отъ Нью-Йорка, и тотчасъ же купилъ вблизи этого городка нѣсколько земельныхъ участковъ на 10 миллионъ долларовъ. Дорога, дѣйствительно, была построена, и участки поднялись въ цѣнѣ до 15 миллионъ долларовъ. Тогда м-ръ Іенкинъ Смартъ купилъ всю дорогу, приостановивъ на ней всякое движеніе на три года. Цѣнность участковъ на четвертый годъ до того уже понизилась, что за нихъ нельзя было выручить и одного миллиона долларовъ, и конкурентъ м-ра Смартъ потерялъ все свое состояніе. И вотъ тогда-то промелькнулъ лучъ усмѣшки на безжизненномъ лицѣ этого человека.

„Первымъ вопросомъ м-ра Смартъ, когда я остановился предъ его конторкою, былъ: „Что вамъ угодно?“— „Иденится на вашей дочери.“— „Вотъ что—кто же вы такой?“— „Изобрѣтатель.“— „Что же вы изобрѣли?“— „Я не могу представить еще ни одной модели моихъ изобрѣтеній, по недостатку къ тому средствъ.“— „Какого же рода ваши изобрѣтенія?“— „Я работаю надъ электричествомъ.“— „Вотъ что.“— У самой конторки стоялъ растворенный настѣжь, металлическій шкафъ, поразившій меня своимъ громаднымъ размѣрами.— „М-ръ Смартъ“, спросилъ я, „считаете-ли вы этотъ шкафъ надежною гарантіею отъ воровъ?“— „О, нѣтъ, нисколько, но крайней мѣрѣ, пока живъ тотъ слесарь, который его сдѣлалъ. Одинъ замокъ стоилъ миѣ 6000 долларовъ, но сдѣла-ли онъ годенъ.— Врывались ко миѣ уже четыре раза.“

— Поэтому вы, м-ръ Смартъ, должны находиться постоянно въ тревожномъ состояніи?— „Едва замѣтная морщинка показала на его восковомъ лицѣ.

— Что вы скажете, м-ръ Смартъ, если я придѣлаю къ вашей кассѣ такой механизмъ, что всякій вломъ окажется невозможнымъ, да и самъ преступникъ, при первомъ покушеніи, тутъ же попадется въ ваши руки.“— „Да, если-бы это было возможно.“— „Я попытаюсь, но въ случаѣ успѣха, отдадите-ли вы за меня вашу дочь?“— „Въ такомъ случаѣ я уйду отъ васъ тысячъ долларовъ.“

— Сожалѣю, но остаюсь при своемъ требованіи.

— Хорошо, сказалъ онъ, наконецъ,— въ случаѣ успѣха я даю мое согласіе на бракъ вашъ съ моею дочерью.

— Превосходно, сегодня же вечеромъ я сдѣлаю вашу кассу вполне недоступною для всякихъ покушеній.

„Въ продолженіе 27 минутъ, послѣ 8 часовъ вечера, устроилъ я свой механизмъ при кассѣ, на глазахъ самого м-ра Смартъ.— На слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, отправился я опять въ его дворецъ и при самомъ входѣ встрѣченъ былъ камердинеромъ, получившимъ приказаніе тотчасъ же провести

меня въ кабинетъ.—„Вашъ господинъ“, сказалъ я этому чловѣку,—„эту ночь, кажется, былъ нездоровъ?“—„Такъ точно, очень нездоровъ и въ безсознательномъ положеніи“.—„А теперь?“—„Теперь онъ совсѣмъ оправился и, по обыкновенію, занимается въ своемъ кабинетѣ“.

„Войдя въ его комнату, я не могъ замѣтить ни въ немъ, ни на восковомъ лицѣ его, ни малѣйшей перемены.—„Какъ вы чувствуете себя, м-ръ Смартъ?“ спросилъ я.—„Благодарю; по почему вы объ этомъ спрашиваете?“—„М-ръ Смартъ, вчера, тотчасъ послѣ моего ухода, въ половинѣ девятого, вы поражены были у вашей кассы электрическимъ ударомъ и ввали въ безчувственное состояніе“.—„Это такъ“.—„А сегодня утромъ, опять въ половинѣ девятого, вы очнулись; не такъ-ли?“—„Все это совершенно вѣрно“.—„И то же самое, м-ръ Смартъ, случится съ каждымъ, кто вздумалъ-бы пробраться къ вашей кассѣ, не зная моей электрической западни“.

—„Но я могъ и совсѣмъ не очнуться?“—„О, насчетъ этого я совершенно спокоенъ, несмотря даже на то, что надъ чловѣкомъ этотъ мой опытъ былъ первымъ“.—„И вы могли знать въ точности, сколько времени продлится такое безчувственное состояніе?“—„Съ математическою точностью. Продолжительность вашего обморока ограничена была моимъ приборомъ на 12 часовъ, и точно такъ же она могла быть установлена на 24

часа, на 9 часовъ и даже на 5 минутъ и 6 секундъ“.—„Отлично“.—„Стало-быть, вы соглашаетесь, м-ръ Смартъ, что обещанное мною въ точности исполнено?“—„Вполнѣ“.—„Позвольте же надѣяться, что и ваше обещаніе будетъ исполнено, и что вы не откажете мнѣ въ рукѣ вашей дочери“.—„Я никогда не измѣню данному слову. Я сказалъ вамъ, что даю свое согласіе на бракъ вашъ съ моей дочерью“.—„Да, такъ какъ же?“—„По моему дочу своего согласія на это не дастъ.—Молодой чловѣкъ, не обижайтесь; я покупаю всѣ ваши изобрѣтенія и выдаю авансомъ сто тысячъ долларовъ“.

„Вотъ, милостивыя государыни и милостивые государи,—такъ заключилъ м-ръ Эдиссонъ свой рассказъ,—та исторія, которой я обязанъ моимъ первымъ успѣхомъ“.

—Интересная, замѣчательная исторія, заговорили со всѣхъ сторонъ слушатели, выражая, вмѣстѣ съ тѣмъ, признательность м-ру Эдиссону за рассказанное.—Прегомонный же газетный репортеръ добавилъ еще вопросъ: продавалъ-ли Эдиссонъ м-ру Смарту послѣ этого дальнѣйшія свои изобрѣтенія?

—Ну, вѣтъ, отвѣтилъ м-ръ Эдиссонъ,—этого я не могъ сдѣлать; я слишкомъ много изобрѣлъ.—Видите-ли, и эту исторію, которая только что мною рассказана...

—Ну?

—И эту исторію я тоже изобрѣлъ...

Къ рисункамъ.

Первый менуэтъ. (Рис. на стр. 533).

Переимчивость дѣтей всѣмъ извѣстна, и игры ихъ въ „большіе“ всегда заняты. Художники нерѣдко выбираютъ эту сторону дѣтской жизни для своихъ картинъ, и такія картины намъ милы и дороги, какъ напоминаніе о лучшей порѣ нашей жизни. У художника Ангеля, на его картинѣ, ребятишки старательно выписываютъ менуэтъ, извѣстный и распространенный тавецъ прошлаго вѣка, подъ непроницаемую музыку одного изъ участниковъ дѣтской затѣи, покинутого своей молодой дамой, быть можетъ, за неудачный реверансъ.

Сельская школа. (Рис. на стр. 536).

Помѣщенная на стр. 536 гравюра, съ замѣченной публикой на послѣдней Академической выставкѣ картины А. А. Киселева, переноситъ насъ въ дальнее село, въ незатѣйливую, полную ребятишекъ, сельскую школу. Подъ умѣлымъ руководствомъ преданной всею душою своему дѣлу учительницы, работа въ школѣ кипитъ, каждый поглощенъ своимъ занятіемъ. И невольно, при взглядѣ на эту тихую, какъ бы незамѣтную дѣятельность вспоминаются слова:

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте!—Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...“

Морозъ 25°. (Рис. на стр. 537).

„Морозъ 25°“ — такъ называется одна изъ послѣднихъ работъ маститаго профессора Н. Сверчкова. И безъ этого названія на зрителя такъ и вѣетъ убійственнымъ холодомъ, при которомъ приходится иногда путникамъ пробираться по снѣжнымъ сугробамъ нашей матушки Россіи, въ ея студенныя долиа зимы.

Задумалась. (Рис. на стр. 541).

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полным-полна;
Ночью онѣ и день, и ночь.
То пѣсенки чудесныя!
Ихъ слушаетъ красавица
И смысла ихъ не вѣдаетъ,
Въ души своей не чувствуетъ,
Что пѣсни тѣ—волшебныя:
Стоитъ она, задумалась,
Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Занала въ грудь любовь-тоска,
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ;
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченка глубока... А. Нольцовъ.

Рысь, захватившая лося. (Рис. на стр. 544).

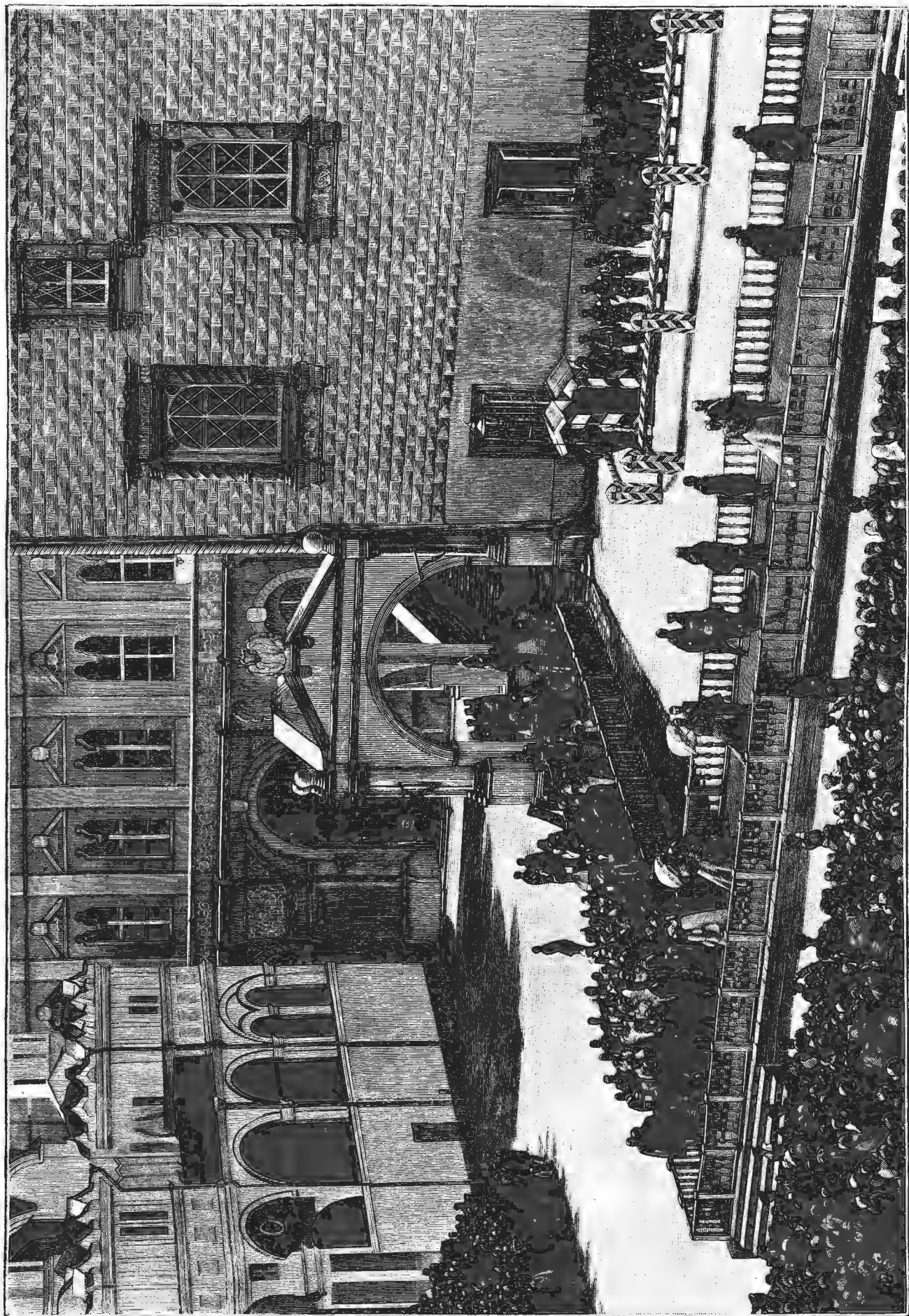
Встрѣчающаяся еще до сего времени въ сѣверныхъ странахъ Европы рысь напоминаетъ по хищности и кровожадности своихъ сородичей, обитающихъ въ теплыхъ странахъ; отличается она отъ этихъ представителей кошачьей породы по вѣншнему виду, главнымъ образомъ, короткимъ хвостомъ и кисточками на ушахъ. Рысь знавала еще въ древнемъ Римѣ, и указанія о ней можно найти у Плинія. Въ то время она водилась въ средней полосѣ Европы: въ Германіи и Швейцаріи она попадалась, но рѣдко, еще въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка. Послѣдняя рысь была убита въ Виртембергѣ въ 1846 году.

Въ Швеціи и Норвегіи, а также и у насъ, въ Россіи, рысь попадается до сего времени въ лѣсахъ, гдѣ она приноситъ не мало вреда дичи. Скрытую въ чащѣ, въ густой травѣ или камышахъ, а гдѣ скалы, то въ ущельяхъ и пещерахъ, ее трудно замѣтить и выслѣдить. Напротивъ, обладая превосходнымъ зрѣніемъ, которое даже вошло въ пословицу, и чутьемъ, которое лучше, чѣмъ у другихъ кошекъ, сама хищница не упуститъ изъ вида ни одной жертвы ея кровожадности. Благодаря своей силѣ и ловкости, рысь можетъ одолѣть не только мелкую дичь, но справляется съ косулями и оленями, и даже лосями, какъ это изображено на нашемъ рисункѣ. Выслѣдивъ, она осторожно къ нимъ подбирается и затѣмъ двумя-тремя прыжками, сажени по 2 каждый, она вскакиваетъ на спину жертвы, запускаетъ свои когти и прокусываетъ шейную артерію. Она сидитъ на животномъ, пока оно не издохнетъ, и остается на немъ, куда-бы оно ни побѣжало отъ страха и боли. Бѣсъ рысь немного, и остатки убитаго животного дождаются лисцы и волки. Только вълѣдствие непомѣрной кровожадности рысь заѣдаетъ столько животныхъ, сколько сможетъ, оттого вредъ, приносимый ею, чрезвычайно великъ, и совершенное истребленіе ея весьма желательно.

Развалины замка Шаллаунъ въ Штиріи.

(Рис. на стр. 545).

Обыкновенно, величественныя развалины замковъ вѣчаютъ горныя вершины. Совершенно своеобразное исключеніе представляютъ изъ себя развалины замка Шаллаунъ въ Пуксовомъ ущельѣ, въ зеленой Штиріи. Развалины расположены недалеко отъ станціи Шейффлингъ, лежащей на желѣзнодорожной линіи, соединяющей Брукъ съ Виллахомъ. Остатки замка, какъ видно на рисункѣ, находятся въ широкомъ входѣ въ пещеру, лежащую на значительной высотѣ въ откосѣ скалы, почти недоступной чловѣку. Въ могучей Пуксовой горѣ, спускающейся къ Муру почти отвѣсною стѣною, на высотѣ нѣсколькихъ сотенъ футовъ надъ долиною, замѣтно углубленіе, подобное громадной черной пасти. Это входъ въ обширную пещеру, углубляющуюся, какъ говорятъ, на цѣлыя часы пути въ глубь горы. Въ этомъ углубленіи рѣзко вырисовываются на темномъ фонѣ пещеры бѣлыя, старыя стѣны замка Шаллаунъ. Собственно, названіе пещернаго замка было когда-то Veste Chalons, но нынѣ онъ болѣе извѣстенъ подъ вышеприведеннымъ именемъ или Ruher Luegg. Безъ сомнѣнія, замокъ нѣкогда служилъ пристанищемъ какому-нибудь рыцарю изъ тѣхъ, кто занимался разбоемъ, и про кого въ народѣ сохранилось не мало страшныхъ рассказовъ. Тѣ, кому удастся добраться до развалинъ, не могутъ удержаться отъ содроганія при взглядѣ сквозь пустыя окна и безжизненные обрамленія въ черную пещеру. По рассказамъ, пещера орошена подземною рѣкою, что, само собою разумѣется, было неопѣнно при осадѣ замка, которымъ и безъ того трудно было овладѣть. Въ незначительномъ отдаленіи отъ замка Шаллаунъ лежитъ еще нѣсколько замковъ и развалинъ. Небольшой рисунокъ № 1 представляетъ живописный видъ на развалины стараго Тейфенбаха, расположеннаго противъ Шаллауна на другомъ берегу Мура. Ниже, въ долинѣ, лежитъ новый замокъ Тейфенбахъ съ селомъ того же имени. Если посмотреть изъ стараго Тейфенбаха къ сѣверо-западу, гдѣ Пуксова гора кончается низкими отрогами, то легко можно замѣтить у самаго Мура вершину, обросшую зеленью. На откосѣ вершины стоитъ церковь, а на вершинѣ развалины. Это Пуксъ, противъ котораго виденъ Качъ, какъ это изображаетъ рисунокъ № 2.

Пробываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ. Десятильтіе священнаго коронованія.
Большой выходъ на Красное крыльцо. Съ фот. К. Фишера, грав. Шюблеръ.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ. Торжественная закладка памятника Императору Александру II, 14-го мая 1893 г. По фот. Г. Фишера, грав. М. Рапповскій.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ. (Рис. на стр. 548 и 549).

Помните стихи Хомякова:

Народомъ полонъ Кремль великій,
Народомъ движется Москва,
И слышны радостные клики,
И звонъ и громы торжества.
Нашъ Царь въ стѣнахъ издревле славныхъ,
Среди ликующихъ сердець...

Сами собою напрашиваются на воспоминаніе стихи эти, когда приходится говорить о послѣднихъ торжествахъ, по случаю десятилѣтія коронаціи, происходившихъ въ Москвѣ, во время пребыванія тамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Членовъ Августѣйшаго Дома. Торжествамъ этимъ мы посвятили въ прошломъ номерѣ „Нивы“ подробную статью; теперь даемъ гравюру (стр. 548) съ чрезвычайно удачно снятаго фотографіей момента большого выхода на Красное крыльцо. Впечатлѣніе передано поразительно вѣрно. Народная толпа и торжественное шествіе по устланному краснымъ сукномъ помосту, а на фонѣ этой залитой солнцемъ картины — величественныя зданія Кремля, все это наглядно представлено на рисункѣ. Подробности самого выхода были описаны въ упомянутой выше статьѣ. На помѣщаемой на стр. 549 гравюрѣ изображенъ моментъ закладки памятника Императору Александру II, происходившей 14 мая, въ Кремлѣ, на Дворцовой площади.

Для закладки на дѣлѣ обширной выемки подготовительныхъ земляныхъ работъ — былъ насланъ полкъ, а на пемъ устроено открытѣй шатеръ. Съ восточной его стороны была установлена глыба гранита, обтесанная и полированная, въ которой сдѣлано углубленіе для закладки. Къ шатру, внизъ, вела лѣстница по пологому скату, гдѣ были устроены мѣста для почетныхъ зрителей. Въ половинѣ одиннадцатаго часа утра съ крестнымъ ходомъ изъ Успенскаго собора пришло духовенство.

Кругомъ, на насыпяхъ выемки и по всему пути отъ входа къ мѣсту закладки выстроены были войска. Внизу, на дѣлѣ выемки, справа отъ помоста вытянулся въ своихъ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ, караулъ роты дворцовыхъ гренадеръ, все великославыя старые ветераны, служившіе при покойномъ Государѣ.

Его Императорское Высочество Августѣйшій генералъ-фельдцейхмейстеръ, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ обходилъ войска и здоровался.

Въ 11 часовъ прибыли Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Ихъ Императорски Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Михаилъ Александровичъ, Великія Княжны: Ксенія Александровна, Ольга Александровна, Великіе Князья: Владиміръ Александровичъ съ супругою Великою Княгинею Маріею Павловною, Кирилъ, Борисъ и Андрей Владиміровичи, Алексѣй Александровичъ, Сергій Александровичъ съ супругою Великою Княгинею Елизаветою Феодоровною, Павелъ Александровичъ. Царская Фамилія, прѣхавъ нѣсколько раньше, встрѣтила Ихъ Величествъ у входа, гдѣ былъ собранъ, съ Августѣйшимъ генералъ-губернаторомъ во главѣ, комитетъ по постройкѣ памятника. Члены комитета поднесли Государынѣ и Великимъ Княгинямъ букеты живыхъ цвѣтотъ.

При прибытіи Ихъ Величествъ, войска взяли на караулъ, заиграли встрѣчу и затѣмъ „Боже, Царя храни“. Ихъ Величества и свита спустились въ шатеръ, и преосвященный Александръ началъ молебствіе, войска взяли на молитву; послѣ чтенія Евангелія и молитвы преосвященный взялъ золоченую закладную доску и прочиталъ вслухъ ея надписи: „Въ лѣто отъ рожденія Бога Слова 1893 г., мая 14-го дня, при державѣ Благочестивѣйшаго Самодержавѣйшаго Великаго Государя Нашего Императора Александра Александровича всея Россіи, при Супругѣ Его Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, Наслѣдникѣ Его

Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ и при Благовѣрномъ Великомъ Князѣ Сергій Александровичѣ, генералъ-губернаторѣ Московскомъ, заложень сей памятникъ, почившему въ Бозѣ, въ лѣто 1881-е, марта въ 1-й день, Великому Государю Нашему Императору Александру Николаевичу всея Россіи, сооруженный добродѣтельнымъ и удивительнымъ русскаго народа въ Кремлѣ Московскомъ, по чертежамъ и подѣ наблюдениемъ художника Павла Жуковскаго и водчаго Султанова“. Затѣмъ преосвященный окропилъ мѣсто закладки, Государь, Государыня и вся Царская Фамилія положили туда монеты, преосвященный прикрывъ доскою, Его Величеству подали на блюдахъ академикъ Опекушинъ (отливающий изъ бронзы стату въ памятникѣ) растворъ извести, художникъ Жуковский — кирпичъ, архитекторъ Султановъ — молотокъ. Его Величество положилъ первый кирпичъ памятника. Съ Тайницкой башни Кремля ударила пушка, и начался салютъ, подѣ громъ котораго въ томъ же порядкѣ продолжали закладку: Государыня Императрица и Члены Царской Семьи. Затѣмъ положили камни: преосвященный Александръ и члены комитета. Архіерей окончилъ молебствіе и протоіакоуиъ возгласилъ вѣчную память Императору Александру II, Государь, все присутствовавшіе ощутились на колѣни.

Торжество закончилось провозглашеніемъ многолѣтія Государю и Царствующему Дому.

Проектъ сооружаемаго въ Кремлѣ памятника Императору Александру II. (Рис. на стр. 552 и 553).

Сооружаемый нынѣ въ московскомъ Кремлѣ памятникъ Императору Александру II будетъ состоять, какъ это видно на помѣщаемыхъ на стр. 552 и 523 рисункахъ проекта, изъ трехъ частей: 1) террасы, или громаднаго постамента, напоминающаго кремлевскую башню и возвышающагося отъ кремлевскаго сада въ высоту до уровня Дворцовой площади; 2) галереи съ арками, окаймляющей верхнюю часть террасы и 3) шатра, или стѣни, подѣ которой помѣщается бронзовое изображеніе въ Бозѣ почившаго Императора, обращенное лицомъ къ кремлевскимъ соборамъ. По обимъ бокамъ террасы устроены лѣстницы, ведущія съ Дворцовой площади въ кремлевскій садъ. Изъ-подѣ галереи будетъ открываться живописный видъ на Замоскворѣчье; ночью, освѣщенная блестями электрическихъ фонарей, галерея будетъ какъ-бы свѣточемъ, возвышающимся надѣ Москвою. Памятникъ будетъ однимъ изъ высочайшихъ зданій столицы, такъ какъ голова орла, вѣнчающаго сѣнъ, будетъ находиться на одной вышинѣ съ вторымъ ярусомъ колоколовъ колокольни Ивана Великаго, то-есть на 81 аршинѣ отъ земли.

Подготовительныя земляныя работы по сооруженію памятника шли три уже года. Наносная почва покрывала глубокіе слои песка и глины, недостаточно устойчивые, чтобы на нихъ основать фундаментъ такого грандіознаго сооруженія, какое задумано, для увековѣченія памяти Императора Александра II. Приходилось врываться глубоко въ землю, чтобы дойти до скалы, служащей основаніемъ Москвы, для чего потребовалось сдѣлать выемку въ восемь саженъ глубины и вырыть около восьми тысячъ кубическихъ саженъ грунта. Теперь на этой основной скалѣ выведены уже своды, на которыхъ будетъ выложенъ фундаментъ.

Во время работъ было найдено множество остатковъ старинны и древнихъ изразцовъ самыхъ оригинальныхъ рисунковъ.

Найдены также черепа и кости на двухъ кладбищахъ, о существованіи которыхъ не имѣлось никакихъ указаній. Часть этихъ останковъ древнихъ обитателей Москвы заключена была въ гробахъ, часть — въ выдолбленныхъ колодахъ, а много остововъ найдено сваленными въ кучи, какъ-бы порабенными во время эпидеміи или послѣ битвы. Описание археологическихъ находокъ готовится строителемъ памятника Н. В. Султановымъ и составитъ отдѣльный томъ подготовляемаго имъ труда — исторіи работъ по постройкѣ памятника Александру II.

Яковъ Карловичъ Гротъ.

† 24-го мая 1893 года.

Въ прошломъ году, въ началѣ сентября, въ № 36 „Нивы“, были помѣщены портретъ и біографія ординарнаго академика, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, вице-президента Императорской Академіи Наукъ, Якова Карловича Грота, по поводу празднованія Академіей 60-ти-лѣтней годовщины вступленія его на поприще литературной и ученой дѣятельности. Несмотря на свои лѣта (81 годъ), маститый ученый нашъ былъ тогда въ полной силѣ и, трудясь съ обычною ему живою энергіей, казалось, заставлялъ забывать свой преклонный возрастъ. Популярная, почтенная дѣятельность его была для насъ, русскіхъ людей, до того плодотворна, до того мы привыкли къ ней, что о возможномъ предѣлѣ ея какъ-то трудно было подумать, а тѣмъ болѣе ожидать, что предѣлъ этотъ близокъ. Еще утромъ 24-го мая Я. К. всталъ совсѣмъ здоровымъ, работалъ по обыкновенію и въ четыре часа, прилегши послѣ

небольшой прогулки отдохнуть, почувствовалъ ознобъ. Послали за докторами. Къ 7 часамъ вечера температура больного поднялась до 40°. Но онъ былъ въ полной памяти и свободно разговаривалъ съ близкими, увѣряя ихъ, что у него ничего не болитъ, и что онъ чувствуетъ себя хорошо. Черезъ часъ онъ скончался тихо и почти безболѣзненно.

На всеподданѣйшемъ донесеніи министра Народнаго Просвѣщенія о кончинѣ Я. К. Грота, Государь Императоръ изволилъ собственноручно начертать: „Меня эта смерть весьма огорчила. Я зналъ Я. К. Грота болѣе 35-ти лѣтъ и привыкъ любить и уважать эту достойную личность“.

Эти слова выражены Царской печалю, по поводу кончины маститаго ученаго, высказали то, что вмѣстѣ съ своимъ Царемъ чувствуетъ все русское общество послѣ понесенной утраты. Всѣмъ извѣстный, всѣмъ уважаемый, Я. К. Гротъ

мною принесъ пользы въ продолженіе своей многолѣтней дѣятельности.

Кончивъ курсъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣ съ золотою медалью, Я. К. предпочелъ открывавшейся ему блестящей административной карьерѣ—ученую и литературную. Поэтъ и литераторъ въ молодые годы, онъ 23 лѣтъ былъ уже облеченъ званіемъ профессора, благодаря своимъ научнымъ трудамъ. И съ этихъ поръ онъ, замѣчательный знатокъ русской словесности, стоялъ, можно сказать, на стражѣ нашего языка, охраняя его чистоту, силу и красоты.

Къ самымъ выдающимся трудамъ покойнаго принадлежатъ его дѣйныя сочиненія, статьи и замѣтки по русской грамматикѣ и лексикологіи, сгруппированныя въ его знаменитыхъ „Филологическихъ разысканійхъ“; затѣмъ его огромный трактатъ „О

спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія“ по праву далъ ему первостепенное мѣсто въ почетныхъ рядахъ русскихъ филологовъ. Извѣстное его руководство „Русское правописаніе“ стало настольною книгою всякаго грамотнаго русскаго человѣка.

Почуенное Я. К. Академію Наукъ и блестяще выполненное имъ изданіе сочиненій Державина, явившееся плодомъ его 20-ти-лѣтнихъ трудовъ, а также и главное редактированіе новаго академическаго изданія „Словаря русскаго языка“, сдѣлали его имя незабвеннымъ въ русской литературѣ. Последняя много ему обязана еще тѣмъ, что онъ ознакомилъ ее съ поэтическими сокровищами шведской и финской литературы и въ то же время открылъ шведамъ и финнамъ широкій доступъ къ изученію нашего языка и литературы. Сочиненія Я. К. переведены на многіе иностранные языки.

Разныя извѣстія.

— 22 мая, Ихъ Императорскія Величества дозволили присутствовать въ Петропавловскомъ соборѣ на заупокойной литургіи, отслуженной по въ Божѣ почивающей Императрицѣ Маріи Александровнѣ.

— Съ Высочайшаго соизволенія учреждено въ Тульской епархіи викариатство, съ наименованіемъ викарія епископомъ Каширскимъ.

— Призывъ новобранцевъ для пополненія арміи и флота опредѣленъ въ нынѣшнемъ году въ 262,000 человѣкъ.

— Въ № 69 „Собр. узак.“ напечатаны Высочайше утвержденныя правила для принятія предупредительныхъ противъ заноса эни-

демическихъ болѣзней мѣръ по морскимъ границамъ Имперіи.

— 15 мая, въ посадѣ Новая-Прага, Александрійскаго уѣзда, Херсонской губ., состоялось открытіе изыщной колонны, сооруженной на средства мѣстнаго земства въ память пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ губерніи, въ 1888 г.

— Попечителемъ Юрьевского учебнаго округа издано распоряженіе объ устройствѣ при всѣхъ народныхъ школахъ Прибалтійскаго края русскихъ учительскихъ библиотекъ.

— 26 іюня открывается въ г. Венденѣ

(Лифляндской губ.) всероссійская выставка скотоводства, птицеводства, пчеловодства, продуктовъ сельскаго и лѣснаго хозяйства, сельскохозяйственныхъ орудій и предметовъ кустарнаго производства. При выставкѣ будетъ устроенъ базаръ племеннаго скота.

— Управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ сдѣлало распоряженіе о бесплатной перевозкѣ рабочихъ по всѣмъ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ въ мѣста появленія са-ранчи.

— 23 мая, въ Рыбнискѣ, въ присутствіи г. министра Финансовъ, праздновалось пятидесятилѣтіе мѣстной биржи.

Политическое обозрѣніе.

Выдающимися событіями истекшей недѣли являются заявленія графа Кальноки, сдѣланныя имъ комиссіи по иностраннымъ дѣламъ, въ венгерской делегаціи.

Въ своей рѣчи министръ иностранныхъ дѣлъ, между прочимъ, высказалъ: „Удивительно, что газеты пустили въ обращеніе лозунгъ о неупоминаніи тройственнаго союза въ тронной рѣчи. Въ союзѣ никакихъ перемѣвъ не произошло, прочность его такая же, какъ прежде, только чувство увѣренности въ сохраненіи мира усилилось. Не должно, однако, упускать изъ виду мѣста тронной рѣчи, относящагося къ преобразованію военной силы имперіи. Преобразование это обуславливается не столько настроеніемъ державъ, сколько общимъ положеніемъ съ военной точки зрѣнія. Должно надѣяться, что чувство увѣренности въ сохраненіи мира окажется долговѣчнымъ. Что касается неупоминанія балканскихъ государствъ въ тронной рѣчи, то если однажды въ тронной рѣчи упомянуто было о Болгаріи—это сдѣлано было потому, что Болгарія стояла на первомъ планѣ, и общественное мнѣніе было нѣсколько встревожено. Перемѣвы въ Сербіи произошли такъ спокойно, и ими народъ такъ доволенъ, что ихъ никакъ нельзя назвать революціей. Партийныя страсти породили въ Сербіи такое настроеніе умовъ, что политика Ристича стала непримѣнимою. Австро-Венгрія политикою въ Сербіи не занимается, она придаетъ значеніе лишь фактическому проявленію дружескихъ чувствъ въ области какъ личныхъ, такъ и торгово-политическихъ сношеній. Въ Италіи громадное большинство населенія высказалось за союзъ, и въ виду лояльнаго образа дѣйствій римскаго правительства „преридента“ не представляетъ значенія. Общее международное положеніе осталось неизмѣннымъ. Особую важность для политики представляютъ отличныя отношенія къ Россіи“. При этомъ министръ счелъ возможнымъ представить увѣреніе въ томъ, „что по отношенію къ Австро-Венгріи, какъ у императора Александра III, такъ и у правительства, преобладаютъ лишь

доброжелательныя намѣренія и, конечно, было бы отрадно, если отношенія къ Россіи, бывшія, впрочемъ, и прежде хорошими, еще улучшатся. Въ будущемъ такія отношенія окажутся однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ къ прекращенію господствующей нынѣ въ Европѣ напряженности военныхъ приготовленій и къ тому, чтобы увеличенію военной силы во всѣхъ государствахъ былъ положенъ конецъ, и чтобы наступили такіе нормальные порядки, какіе мы, стремящіеся лишь къ мирной политикѣ, считаемъ своею цѣлью. Въ этомъ отношеніи имперія дѣйствуетъ съ большою осторожностью, принимая въ особое вниманіе положеніе финансовъ. Создается именно такая организація, которая, во всякомъ случаѣ, останется въ силѣ“.

Отмѣчая эту рѣчь, нашъ *Journal de St. Pétersbourg* пишетъ: „Общественное мнѣніе приметъ съ живымъ удовольствіемъ заявленія, которыя такъ хорошо составлены для его успокоенія и которыя освѣщаютъ нынѣшнія условія общаго положенія дѣлъ“.

Предположенію этому не суждено было оправдаться всецѣло, ибо въ Германіи и въ Англии заявленія графа Кальноки были встрѣчены совѣмъ не дружелюбно.

Такъ, *National Zeitung* прямо злобствуетъ, находя, что мирная рѣчь графа Кальноки и возбужденный делегатомъ Лудвигъ вопросъ о разоруженіи подстрекаютъ оппозицію противъ германскаго военнаго законопроекта. Коль скоро отношенія Австріи къ Россіи такъ прекрасны, говоритъ газета, то ничто не мѣшаетъ Германіи устроить свои отношенія къ Россіи на основаніи взгляда, установившагося въ силу давнишнихъ и только съ 1880 г. прерванныхъ традицій—взгляда, что Германія и Россія—сосѣди, не имѣющіе въ высшей политикѣ никакихъ дѣйствительно противорѣчивыхъ интересовъ. Въмѣсто войны на два фронта, усиленіе арміи въ такомъ случаѣ приведетъ еще къ болѣе дѣйствительному превосходству Германіи передъ Франціей. Да и въ Италіи, вѣроятно, останутся довольны такимъ упрощеніемъ положенія въ Европѣ.

С м ѣ с ь.

Гигантскій мостъ собираются построить англичане между островомъ Цейлономъ и материкомъ для желѣзнодорожнаго пути. Цѣль этой постройки—стратегическая.

Воспитаніе дѣтей въ Японіи. Кормленіе молокомъ продолжается тамъ нѣсколько лѣтъ. Когда у ребенка начинаютъ прорѣзываться зубы, ему даютъ, кромѣ материнскаго молока, еще особую пищу, приготовленную изъ рыбы и маленькихъ раковъ. Цѣловать дѣтей у японцевъ строго запрещено, и это очень разумный обычай, который слѣдовало бы ввести и у насъ. Поцѣлуи дѣтей между собою или съ взрослыми служатъ самымъ частымъ способомъ передачи заразныхъ болѣзней. Интересно, что скарлатина въ Японіи очень рѣдка болѣзнь. Не обладаетъ-ли этотъ народъ особой невосприимчивостью къ этому бичу нашихъ дѣтей?

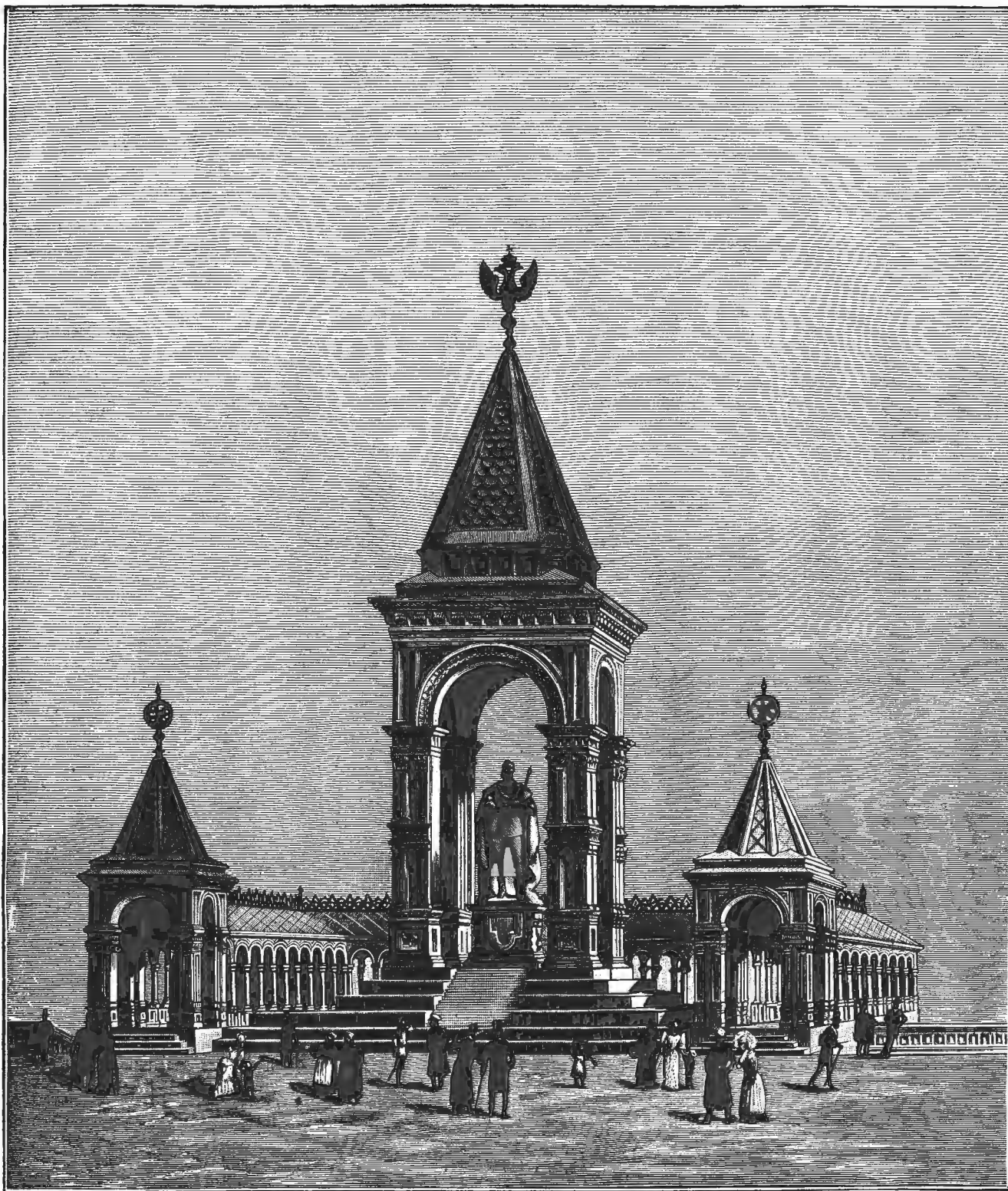
Огромная стерлядь была поймана недавно въ Дунаѣ, близъ венгерскаго города Гѣнгѣ. Она оказалась длиною 1½ сажени, а вѣсомъ 22 пуда. Чучело ея хранится въ Вѣнскомъ музеѣ.

Оливковое масло добывается въ наибольшемъ количествѣ въ Испаніи. Тамъ ежегодное производство этого продукта достигаетъ среднимъ числомъ 2.750.000 литровъ, въ то время какъ въ Италіи добывается его лишь 1.750.000, во Франціи 380.000 и, наконецъ, въ Калифорніи 51.000 литровъ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ четырехъ странъ производства оливковаго масла, Испанія добываетъ болѣе всѣхъ остальныхъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Постоянное электрическое освѣщеніе Атлантическаго океана, на всемъ пути отъ Европы до Сѣверной Америки, собирается устроить образовавшееся для этой цѣли во Франціи общество. Довольно смѣлый проектъ этотъ предполагается привести въ исполненіе въ самомъ узкомъ мѣстѣ океана, а именно, между Ирландіей и Нью-Фаундлендомъ. Въ двухъстахъ английскихъ миляхъ другъ отъ друга поставлены будутъ на якоряхъ десять большихъ пловучихъ маяковъ, въ видѣ башенъ, снабженныхъ гигантскими электрическими рефлекторами.

Зеленая окраска жабр и щупальцев у некоторых устриц происходит, как оказывается из последних исследований, благодаря маленьким зеленым растениям, служащим им в пищу. Красящее начало этих водорослей. — нерастворимая зеленая зер-

ниха в этом городе осветительных проволок с телефонными. Соприкосновение этих проволок вызвало такой сильный ток, что во всех телефонных спайках расплавились предохранители, что и послужило причиной пожара на фабрике.

**Проект сооружаемого в Московском Кремле памятника Императору Александру II.
Лицевая сторона, обращенная к Дворцовой площади.**

По рис. с модели, сделанной по работ. П. Жуковского, Султанова и акад. Опекунина, грав. Хелмицкой.

нышки, — поступаая в кровь устрицы, причиняет, должно быть, вред организму животного, вследствие чего оно стремится удалить их из тела. Кровяная тельца захватывают в себя зеленые зернышки, направляются с ними к жабрам и щупальцам, проникают в самый наружный слой клеток, а оттуда выходят уже наружу, выводя, таким образом, из организма вредное вещество, — явление, вполне аналогичное борьбе фагоцитов (бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ) съ бактеріями въ тѣлѣ высшихъ животныхъ и человека. (г. в.)

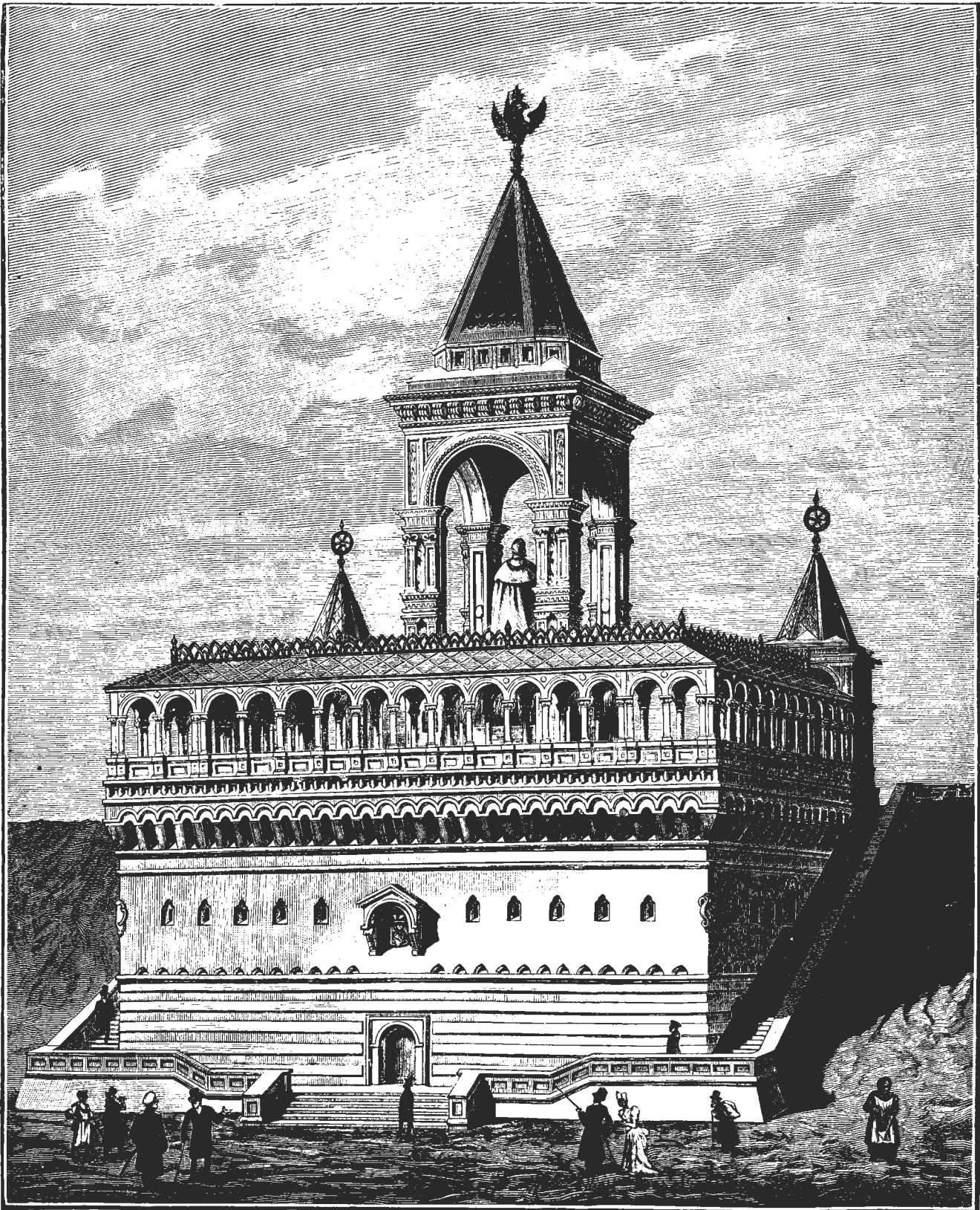
Пожаръ по телеграфу произошел недавно в Америкѣ, на одной фабрике, в 30 миляхъ отъ г. Банханатона, отъ спутав-

Занесеніи туристовъ на островъ Шпицбергенъ организуется этимъ лѣтомъ въ Норвегіи. Островъ, какъ извѣстно, лежитъ всего въ 10 градусахъ отъ сѣвернаго полюса въ Ледовитомъ океанѣ. Уже нанято специальное судно, снабженное всеми желательными удобствами. То, что считалось недавно подвигомъ, теперь становится развлеченіемъ, увеселительной прогулкой любителей.

Убѣжище для обиженныхъ женъ. Законъ Магомета предоставляетъ женѣ, терпящей обиду отъ своего мужа, оставить послѣдняго и избрать себѣ убѣжище, въ которое тотъ не имѣетъ права вступить. Согласно этому велѣнію своего пророка, турчанки

избрали съ этой цѣлью небольшую мѣстность, въ которой каждая обиженная мужемъ жена можетъ найти себѣ пріютъ и спастись отъ его преслѣдованій. Такое почетное назначеніе получило селеніе Мадара, въ 8 километрахъ отъ Шумлы. Въ селеніи этомъ про-

живаеетъ теперь около 2,500 „униженныхъ и оскорбленныхъ“ женъ. Первой явившейся сюда была Фатима, родственница самого Магомета. Выгнанная изъ дому своимъ супругомъ Абубекромъ, она кое-какъ добралась до Болгаріи и поселилась близъ Шумры—нынѣшней

**Проектъ сооружаемаго въ Московскомъ Кремлѣ памятника Императору Александру II.
Терраса и галлерія, обращенныя къ Замоскворѣчью.**

По рис. съ модели, сдѣланной по работ. П. Жуковскаго, Султанаова и акад. Опекушина, грав. Флюгель.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“ Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

Шумлы -- въ одинокой избушкѣ. Въ скоромъ времени къ ней присоединилось еще нѣсколько невинныхъ жертвъ семейной неурядицы... Число членовъ этой женской общины къ вѣщему стыду турецкихъ мужей, все росло и росло... Образовалась цѣлая женская республика, гражданки которой научились даже владѣть оружіемъ на случай нападенія на нихъ болгаръ. Къ началу XIV вѣка община эта, разросшаяся въ селеніе и названная Мадарой, насчитывала около 400 женщинъ. По присоединеніи Болгаріи къ Турціи, вопреки ожиданію, султанъ Магомедъ II издалъ въ 1478 году специальное праде, по которому Мадара и всѣ направляющіяся въ это убѣжище жены, подъ условіемъ вѣрности ихъ исламу, приняты на вѣчныя времена

подъ высокое покровительство падишаха. Кромѣ того, жительницы Мадары совершенно освобождены отъ всѣхъ податей и повинностей и имъ предоставлена полная свобода дѣйствій въ границахъ дозволеннаго кораномъ. Эта привилегія сохранилась за ними до сихъ поръ въ полномъ объемѣ. Онѣ живутъ общиной, не платятъ и теперь никакихъ налоговъ и, несмотря на прямую приверженность исламу, не покрываютъ лица чадрой. Такимъ образомъ, подъ покровительственной сѣнью Мадары ютятся женщины самыхъ разнообразныхъ общественныхъ классовъ и изъ разныхъ мѣстностей Оттоманской имперіи -- всѣхъ ихъ уравниваетъ здѣсь семейное горе. (и. э.)

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подпленные билеты.

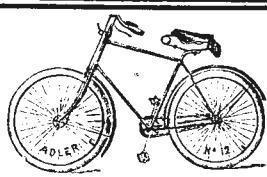
СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Нн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе.). -- Пропавшій человѣкъ. (Фактъ). -- Собственная теплота человѣческаго тѣла. Физиологическій очеркъ д-ра Паринера. -- Великій изобрѣтатель. Разсказъ Альберта Родериха. -- Къ рисункамъ: Первый менуэтъ (съ рис.). -- Сельская школа (съ рис.). -- Морозъ 25° (съ рис.). -- Задумалась (съ рис.). -- Рысь, захватившая лося (съ рис.). -- Развалины замка Шаллаунъ въ Штири (съ рис.). -- Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ (съ 2 рис.). -- Проектъ сооружаемаго въ Кремлѣ памятника Императору Александру II (съ 2 рис.). -- Я. К. Гротъ. -- Разныя извѣстія. -- Политическое обозрѣніе. -- Смѣсь. -- Завлеченіе. -- О перемѣнѣ адреса. -- Объясненія.

При семь № прилагается: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за ІЮНЬ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮНЬ 1893 г. съ 35 рис. и отд. листъ съ 29 чертж. выкр. въ натур. велич., 8 планами построекъ и 26 рис. выпильныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Нн. М. Н. Волконскій.

L'ILLUSTRATION EUROPEENNE
Journal international de la famille 16 pages grand format. Deux N-os colorés de 24 pages (Ete et Noël) par an. Abonnement 6 roubles par an pour la Russie. Le meilleur moyen d'entretenir l'usage de la langue française dans les familles. N-o Spécimen contre envoi d'un timbre de 10 copecks à l'Editeur, Bruxelles. Belgique. № 6363

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“ Франкфуртъ н.М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24-9 велосипед. „Орель“.
На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83. Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (8)
Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 6283

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА
составленный
Л. П. СЕРГѢЕВЫМЪ.
ИЗДАНИЕ 2-е, дополненное новыми рисун. Цѣна въ литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 коп. Съ требованіемъ обращаться въ СІБ., въ контору журн. „Нива“, Невскій, д. № 6.

Leichner's Fettmilde
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!
Театральная гримировка! В. № 6258 10-6
Жирныя румяна, бѣлила. Нарандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольный, № 18. С.-Петербургъ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДЪЛЮКЪ!
КАУЧУКОВЫЙ
МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЪ
А. БЕРГГОЛЬЦА.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ.
Главное депо: Невская аптека магистра А. Берггольца, Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 6262 11-5
Цѣна коробки 40 коп.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За условіемъ образ. письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12-10

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахи во рту. № 5421 (28)
Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЪ А. ЦИМЕРА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ГЛАВ. СК. МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ Д. КОСТЫРЕВОЙ

ЭЛЕОПАТЬ
Пр. КИНУНЕНЪ
ДЛЯ ВОЛОСЬ.
ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. аптек. и космет. магазинахъ. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р. 60 н. безъ перес. № 6260 (8)
Провизоръ Кинуненъ.
Проситъ обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона. Провизоръ Кинуненъ.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ: Въ последнее время появились въ продажѣ искусственныя воды подъ названіемъ „ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“, почему корытѣйше просимъ при покупкѣ нашей натуральной воды, обращать вниманіе на ярлыкѣ съ короной.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“ въ Будапештѣ.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграници. Дирекція въ Буда-Пештѣ.

УДОЧКИ
и всѣ вообще принадлежнсти для рыбной ловли получены изъ Англій въ большомъ выборѣ въ магазинахъ С. И. Дойникова въ СІБ.-г. Невскій пр., Милютинъ рядъ, д. Лесникова
№ 27-18, и въ Гостиномъ дворѣ № 73 по Садовой. Иллюстр. прейсъ-курантъ рыбол. принадлежностей высылаются безплатно.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕННЫЙ КОФЕ
Тверская, д. 11
Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылаются по почтѣ безплатно: Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ. ФУРБАХЪ и СТРЕБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10-4 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 6373

ЗАИКАНИЕ
ЛѢЧИТЬ УСПѢШНО К. ЭРНСТЪ.
Проездить безвозмездно.
СІБ., Симеоновская, 5. Учебникъ 3 руб.

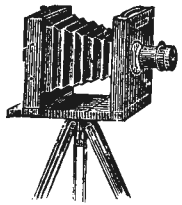
ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ПРОВИЗОРЪ
АМОСТРОУМОВА
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТЫ
УТВЕРЖЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
МАРИИИИСТА
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДЪЛЮКЪ.

ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕ-КОЛОНЪ
УДОСТОВЕРЕННЫЙ СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛЛЮ НА ВСЕРОСС. МОСКОВС. ВЫСТАВКѢ 1892
А. СІУИКО
ПАРФЮМЕРІЯ
ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА
МОСКВА.
РЕЙСЪ КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
№ 12 Р. 629 500 Р.
СОБСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ
БРУНО ЗЕНГЕРЪ
ОБЪЕКТЪ ПРИБОРЪ
ОТЪ СЛАВЪ

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

№ 6414 для Г.г. любителей. 2-2

Вследствие новыиъ изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что вслѣдъ безъ особенн. подготовки, можетъ снимать многиъ хорошия портреты, группы и ландшафты. Цѣна прибора 15, 18, 25, 35, 50 руб. и др. Все привад. отъ 9 р. за наборъ.

Е. КРАУСЪ и К^о

фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32. ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛН РОССИИ въ С.-Петербургѣ, Мойна № 42.

Наставленіе и иллюстр. прейсъ-куррантъ высылаются за семи коп. почт. марку.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО ДРА ЛЕНГИЛА

въ вѣнѣ для БЪЛЫЗНЫ, СМЯГЧЕНІЯ и ЧИСТОТЫ КОЖИ, ЛИЦА и РУКЪ

Придаетъ Кожи Союзной Визъ, рекомендуется какъ Хорошее Туалетное Мыло

НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ ЕДИНСТВЕННОГО АГЕНТА *Aschmann* для Россіи. **Василия Аурихъ въ С.ПЕУРГѢ**

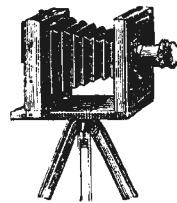
271²/₃ версты въ 12 часовъ.

Англійскіе велосипеды заводовъ: Зингеръ и Ко. и Компан. „Триумфъ“.

Представитель: Генрихъ Георгіевичъ ЖЕМЛИЧКА.

Москва, уголъ Тверской и Газетнаго переулка, домъ Фальцъ-Фейнъ, маг. № 19.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАМЕРЫ

въ громадн. выборѣ. Нов. иллюстр. прейсъ-куррантъ высылаются.

МОМЕНТАЛЬНЫЯ ПЛАСТИНЫ „БЕРНАРТЪ“. При складѣ имѣется лабораторія и разлеченія при покупкѣ безплатно. 10-5

К. И. Фреландтъ. С.-Петербургъ, у Казанскаго моста д. № 30. 16. Москва, Мясницкая, д. Соколова. Харьковъ, Московская ул., д. Штефанъ.

КОНТОРА ЕГОРА МАЙЕРЪ въ Москвѣ

(учрежденная въ 1872 г.)

СТРАХУЕТЪ отъ тиражей погашенія билеты 1-го и 2-го внутренихъ съ выигрыш. займовъ.

Владельцевъ билетовъ, застрахованныхъ въ означенной конторѣ и вышедшихъ въ предшествовавшіе тиражи погашеній, покорнѣе просятъ предъвить неотлагательно (хотя расчетъ по объему производится конторою въ теченіе 10 лѣтъ) чрезъ корреспондентовъ или прямо въ контору въ Москвѣ эти билеты для обмена на другіе, невывшедшіе въ тиражъ. III. № 6427

Порученія изъ провинці исполняются съ обратною почтою. Всякія справки о процентныхъ бумагахъ высылаются немедленно, если на отвѣтъ будутъ приложены четырнадцать коп. почт. марками.

SINAPISME RIGOLLOT

Горчичники РИГОЛЛО или Горчичная Бумага.

ПРИНЯТЫ ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ. - Требовать подписъ изобрѣтателя **P. RIGOLLOT**, отпечатанную краснымъ цвѣтомъ на каждомъ листѣ и на каждой коробкѣ. № 6303 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. 10-4 *Rigollot*

Продается оптомъ **P. RIGOLLOT et Cie, 24, avenue Victoria, Парижъ.**

ДУХИ: „ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“ „ЛЮБИ МЕНЯ“ „КОРИЛОПСИСЪ“ „ИСПАНСКАЯ КОЖА“ „КОНЕЦЪ ВЪКА“ „ЛѢСНОЙ ЛАНДЫШЪ“

НОВОСТЬ! Прелестная туалетная вода „О-де-БРОКАРЪ“

ФАБРИКН Броккаръ и К^о.

Невскій, д. 30, СПБ. № 6423 3-1

КРАСКА

ДЛЯ ВОЛОСЪ

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашивать въ черной и коричневой прочной цвѣтъ, смотря по надобности (9) свѣтлѣе и темнѣе. № 3824

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Главный складъ **А. Энглуида**, С.-Петербургъ, Басейная, № 2. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

1865.

1882.

ТОВАРИЩЕСТВО

1870.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26-4

въ особенности на **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ**

право пользования которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

Новое издание А. Ф. МАРКСА в СПБ.

Только что вышло из печати и поступило в продажу

НОВОЕ, ОДИННАДЦАТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Н. В. ГОГОЛЯ,

ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ,

подъ редакцію академика, профессора Н. С. Тихонравова, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ, съ двумя автографами Гоголя и нѣсколькими его собственноручными рисунками.

Это, по счету одиннадцатое, а по полнотѣ первое, собраніе сочиненій Н. В. Гоголя издано въ пяти большихъ томахъ in 8°, заключающихъ въ себѣ около 170 печатныхъ листовъ, на лучшей бумагѣ, и отпечатано четкимъ красивымъ шрифтомъ.

При редактированіи настоящаго одиннадцатаго изданія было обращено вниманіе на устраненіе главныхъ недостатковъ тѣхъ изданій „Сочиненій Гоголя“, которыя вышли съ 1873 по 1888 годъ включительно, а болѣе всего, на полноту собранія и на правильность печатаемаго текста.

Въ настоящее изданіе вошли всѣ доселѣ напечатанныя „сочиненія“ Гоголя, при чемъ не было сдѣлано никакихъ отступленій отъ плана, начертаннаго самимъ Гоголемъ для полнаго собранія его сочиненій.

Въ настоящее одиннадцатое изданіе вошли не помѣщенные въ прежнихъ изданіяхъ отрывки, наброски и тексты неоконченныхъ произведеній: 1) стихотвореніе „Непогода“, 2) „Отрывокъ изъ неоконченной повѣсти“, 3) „Начало неоконченной повѣсти“, 4) „Дополненіе къ развязкѣ Ревизора“, 5) „Женихи“, 6) „Выдержки изъ карманныхъ записныхъ книжекъ“ и 7) „Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора““.

Сочиненія, вышедшія въ свѣтъ при жизни Гоголя, напечатаны въ настоящемъ изданіи въ окончательныхъ редакціяхъ; тѣ изъ его поэтическихъ произведеній, которыя подверглись коренной, въ теченіе многихъ лѣтъ, переработкѣ, помѣщены въ двухъ редакціяхъ — первоначальной и окончательной. Мелкіе варианты текста, напечатанные въ десятомъ изданіи „Сочиненій Гоголя“, въ настоящее изданіе не включены, но отдѣльныя мѣста, и цѣлыя страницы, передѣланныя или по личнымъ соображеніямъ автора, или по требованію старой цензуры, помѣщены въ „примѣчаніяхъ редактора“.

Цѣна за всѣ 5 томовъ — 6 рублей, съ пересылкою 7 руб. 50 к., а въ пяти роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 8 руб. 50 к., съ пересылкою 10 руб. 50 к.

Требованія и деньги адресовать въ С.-Петербургъ, въ Контору изданій А. Ф. Маркса, Невскій, д. 6.

Въ Москвѣ, у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Изданіе это можно получить также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе
А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.—гѣ:
„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.
Соч. **Ө. К. АРНОЛЬДА**.
ТОМЪ I.

ВТОРОЕ пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе. Большой томъ, отпечатанный на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, изображающихъ лѣсистость — одна Россія, по отдѣльнымъ уѣздамъ, другая — западно-европейскихъ государствъ, также пересмотрѣнныхъ и исправленныхъ.

Первое изданіе этого тома разошлось въ очень короткое время, а между тѣмъ спросъ на него не уменьшается. Такой успѣхъ изданія слѣдуетъ конечно приписать своевременному появленію книги, подробно тракующей о вопросахъ лѣсного хозяйства и лѣсоохраненія.

Въ этомъ томѣ подробно разъясняются новые законы о сохраненіи лѣсовъ и выданные ими административныя распоряженія. Статистическія свѣдѣнія замѣнены подробными данными; усилено вниманіе читателей на санитарное значеніе лѣсовъ; помѣщены вышедшія до мая 1893 г. Циркулярныя предписанія г. Министра Юстиціи и Имуществъ; новыя правила для составленія упрощенныхъ плановъ хозяйства и для снабженія частныхъ лицъ древесными сѣменами и саженцами и проч., и проч., и проч.

Предварительно печатанія 2-го изданія, 1-й томъ „Русскаго Лѣса“ былъ тщательно пересмотрѣнъ. Пользуясь указаніями пяти-лѣтняго опыта примѣненія лѣсоохранительнаго закона, составители признали необходимымъ частью исключить все то, что перешло въ исторію и оказалось излишнимъ въ настоящее время, частью же дополнить и новыми разъясненіями народившіеся новые вопросы, а прежніе обсѣять въ духѣ нынѣ утвердившихся взглядовъ.

Желая по возможности сдѣлать книгу доступною для каждаго, издатель намѣлъ возможнымъ понизить цѣну ея съ 5 р. на 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 к.

Также имѣется въ продажѣ 2-й и 3-й томы „Русскаго Лѣса“. Цѣна за всѣ три тома 14 р. съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Иодисто-соляное **КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ**. Верхняя Австрія.
Самая крѣпкая йодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и спеціальныхъ болѣзней, при которыхъ йодъ служитъ важнымъ лѣчебнымъ средствомъ. Превосходныя лѣчебныя приспособленія (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефиръ).
Весьма благоприятныя климатическія условія. Желѣзнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунай. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября.
Подробная программа на разныхъ языкахъ высылается безплатно
R. № 6273 4-4 Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА

(сущест. съ 1834 г.) С.-Петербургъ, Гороховая, 15.
Гомеопатическія аптечки: дозашніи, карманныя и проч. отъ 3 р. (Противохолерныя съ руководствами—1 р. 50 к., 2 р. 25 к., 3 р. и 7 р.). Главный складъ руководствъ по гомеопатіи на всѣхъ языкахъ. Редакція ежемѣс. популярнаго журн. „Врачъ-Гомеопатъ“ (3 р. въ годъ съ перес.).
Немедлен. и аккуратная отправка заказовъ во всѣ мѣста Имперіи, по желанію нах. платж.

ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ ЛѢЧЕБНИЦА

Гороховая, 15, кв. 4 (надъ центральною гомеопатич. аптекою). № 6429
Пріемъ больныхъ ежедневно, кромѣ субботы, отъ 2½ до 4 час. Плата 30 к.

Лучшаго качества по умѣреннымъ цѣнамъ:
СКРИПКИ
по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., 1½, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
Футляры для скрипки по 3½, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.
Струны, кавиоль и всѣ другія принадлежности.
Скрипки ¾, ½ и ¼ величина для дѣтей по тѣмъ-же цѣнамъ какъ и большія.

КОРНЕТЫ-А-ЛИСТОНЪ
хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 25 и 35 руб., собственной С.-Петербургской фабрики въ 50, 60, 75 и 100 р. Знаменитой фабрики Courtois въ 90 руб., 150 руб. и 250 руб.

Всѣ другіе музыкальные инструменты въ громадномъ выборѣ, лучшаго качества и также по дешевымъ цѣнамъ.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

По полученіи задатка приблизительно по стоимости заказа требуется высылается съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.

Иллюстриров. прейсъ-куррантъ—безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

ВЫИГРЫШЪ И ПРОИГРЫШЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

1-й ВЫИГРЫШНЫЙ
заемъ, 1 июля тиражъ, продается на условіяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПБ. (4—1)
1 марта с. г. на билетъ II займа, сер. 02031 № 25, купленный въ Банк. Домъ съ задаткомъ 20 руб., налѣ выигралъ въ 5000 р. и 1 мая с. г. на билетъ III (Дворянскаго) займа 05418, № 04 выигралъ въ 500 р.

ШИШУИЦАЯ МАШИНА 25—18

РЕМИНГТОНА № 5

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“
признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежденій.
Прейсъ-куррантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются безплатно. № 5998
Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Владивостокъ.

XXIV г.
№ 24

г. XXIV
1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИСЪ ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выданъ 12 июня 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВЪ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стран) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран. для Франціи
у Agence Navas по 3 fr., для
Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ. **5 р.**
Съ доставкою въ Петер-
бургъ. **6 р. 50 к.**

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
Н. И. Печковской, Петровск. Торг. лин. **6 р.**
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи. **7 р.**

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **10 р.**
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВЪ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Лѣто. Рис. Л. Перро, грав. Бодъ.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Окончаніе).

ХVII.

Безвыходное положеніе.

Выпущенный на свободу, Торичіоли кинулся внизъ по лѣстницѣ и, найдя самъ дорогу, выбѣжалъ за ворота; точно боясь погони, которая остановитъ его — онъ выбѣжалъ и безъ оглядки бросился впередъ, подалеже отъ этого дома, гдѣ онъ провелъ нѣсколько ужасныхъ для него часовъ.

Прежде всего ему именно хотѣлось только уйти какъ можно дальше.

На пустынномъ берегу Фонтанной, по которому пришлось ему пробираться—трудно было найти какой-нибудь другой, кромѣ собственныхъ ногъ, способъ передвиженія: извозчики, городскіе, не заѣзжали сюда—и даже попутнаго крестьянина съ возомъ нельзя было встрѣтить.

Торичіоли шелъ сначала бодро, почти бѣжалъ, но скоро ноги его стали ослабѣвать, спотыкаться и подкашиваться.

Волненіе, страхъ, безпокойство, желаніе спасти сына, который по его винѣ можетъ пострадать, отнимало у бѣднаго итальянца энергію, и онъ напрасно силился обдумать, что предпринять ему теперь; всѣ мысли путались у него, какъ у пьянаго, и онъ чувствовалъ, что начинаетъ шататься, какъ пьяный.

Онъ не зналъ уже, сколько времени шелъ онъ, и много-ли ему оставалось еще до самаго города, но чисто физическая уже усталость присоединилась ко всему остальному, и онъ, не отдавая себѣ отчета въ ней, удивлялся лишь, отчего идти ему все труднѣе и труднѣе, и ноги отказываются повиноваться, и подымать ихъ также тяжело, какъ будто къ нимъ привѣшены пудовыя гири.

Но все-таки онъ дѣлалъ почти сверхъестественныя усилія и подвигался впередъ.

Добрался онъ такимъ образомъ уже до барскихъ домовъ, глядѣвшихъ своими щегольскими, одинъ лучше другого, фасадами въ воды тихой рѣчки, и ему стало легче,—значитъ, не далеко уже сравнительно Невскій, значитъ, главный и самый трудный путь пройденъ.

Но это облегченіе оказалось только кажущимся, и, напротивъ, послѣ него-то усталость дала себя знать съ особенною, почти уже несокрушимою силою.

— Глянь-ко—глянь, Митрій, слышалъ онъ чей-то голосъ, — баринъ-то, баринъ идетъ и совсѣмъ пьянъ, пьянехонекъ!

Торичіоли обернулся: нѣсколько человекъ дворовыхъ сидѣли у воротъ на лавочкѣ и показывали на него пальцами.

— Голубчики, обернулся къ нимъ итальянецъ, — дайте воды напиться.

Среди дворовыхъ послышался смѣхъ.

— Чего, того, кого прочаго?.. спросилъ одинъ изъ нихъ, видимо, самый шутникъ и забавникъ, выходя впередъ, подбоченясь на удовольствіе остальной компаніи.

— Напиться, воды... повторилъ Торичіоли.

— Напиться просить! обернулся парень-шутникъ къ своимъ, словно тѣ не слышали, и словно онъ имъ объяснялъ и показывалъ въ Торичіоли заморскаго звѣря.

— А не угодно-ли вашей милости къ рѣчкѣ вотъ приступить, продолжалъ онъ уже къ итальянцу,—оно куда прохладнѣе будетъ... мы подсобимъ...

— Воды!.. вдругъ крикнулъ Торичіоли, побагровѣвъ, — я вамъ дамъ, анаемы!..

И откуда онъ вспомнилъ это слово, и откуда взя-

лась у него еще сила крикнуть, но крикнулъ онъ такъ громко и зычно, что парень, нѣсколько сконфуженный, попятился.

Среди дворовыхъ произошло смятеніе.

— Воды, воды просить... послышался робкій шепотъ.

Но Торичіоли больше ничего не слышалъ, приливъ внезапнаго гнѣва доканалъ его совсѣмъ, и онъ, какъ сношъ, повалился на землю.

Очнулся онъ только поздно ночью. Должно быть, была уже ночь, потому что въ окно, маленькое, съ зелеными бутылочными стеклами, чуть проникалъ мутный сумракъ іюньской петербургской ночи, или, вѣрнѣе, утра, потому что въ это время заря съ зарей сходились.

Помѣщеніе, въ которомъ очнулся Торичіоли, казалось очень страннымъ.

Комната была похожа на чуланъ, съ косымъ потолкомъ, словно она была подъ лѣстницей. Грязныя стѣны пестрѣли тараканами, на полу валялась солома, на которой и лежалъ Торичіоли.

„Санта Лучія, подумалъ онъ,—гдѣ я и что со мною?..“

И онъ началъ съ усиленіемъ припоминать все, что случилось съ нимъ со вчерашняго вечера.

Разговоръ въ этомъ тесномъ домикѣ онъ помнилъ, разговоръ, превосходно—онъ не могъ забыть этого разговора, сколько-бы онъ ни прожилъ теперь... потому... этотъ ужасный переходъ, пѣшкомъ, по берегу рѣчки... потомъ, что-то дерзкіе люди говорили... они приняли за пьянаго... онъ упалъ... да, онъ вспомнилъ ясно, какъ упалъ онъ, и тогда понялъ все:

Его подняли, какъ пьянаго, и отнесли или отвезли въ полицейскій домъ. Онъ запертъ теперь въ полицейскомъ домѣ,—сомнѣнія нѣтъ.

Торичіоли поднялся, оглядѣлъ себя, въ ужасномъ видѣ былъ его кафтанъ, чулки и башмаки. Онъ искалъ шляпы—шляпы не было. Ему захотѣлось посмотреть, который часъ—часовъ въ карманѣ тоже не оказалось, и Торичіоли не могъ припомнить, оставили ли онъ ихъ тамъ на столѣ, въ домѣ, куда его привезъ Сень-Жерменъ, или у него вытащили ихъ потомъ.

Но теперь, въ сущности, ему было не до часовъ и не до шляпы.

Что было дѣлать теперь ему, какъ выбраться?

Стучать, звать кого-нибудь, онъ зналъ, что это напрасно, что все равно его не выпустятъ до утра, т. е. до появленія начальства.

Торичіоли попробовалъ дверь, она была дощатая, еле сколоченная.

„А-а“,—обрадовался онъ, и хотѣлъ было попробовать плечомъ, не поддастся-ли она, но остановился, сообразивъ, что этого сдѣлать нельзя безъ шума.

Онъ осмотрѣлъ щель, которая оставалась, потому что дверь не была приперта плотно. Съ наружной стороны былъ одинъ только засовъ.

Попробовалъ Торичіоли его подвинуть пальцами. Засовъ подался, онъ сдѣлалъ еще нѣсколько движеній, и дверь открылась. Тогда онъ осторожно, на цыпочкахъ, вышелъ въ длинный коридоръ, потому что дверь отворялась туда, и, не соображая еще, что и какъ ему дѣлать, инстинктивно пошелъ, не озираясь, по коридору.

Времени ему терять было некогда, его и такъ ужъ ушло слишкомъ много.

На концѣ коридора дверь оказалась не запертою. Она вела прямо на дворъ.

На дворѣ, у калитки, спалъ съ блаженною улыбкой на лицѣ сторожъ, обхвативъ свою длинную, неуклюжую алебарду. Торичіоли свободно прошелъ мимо него и очутился на улицѣ.

Никто не слыхалъ и не видалъ его побѣга. Только гдѣ-то сзади, на дворѣ, пѣтухъ на нашестѣ, проснувшись, прокричалъ протяжно и громко; на его крикъ откликнулись другіе, и все снова затихло.

Теперь Торичіоли слѣдовало рѣшить, чтѣ дѣлать?

Идти домой? (это первое, что пришло ему въ голову) но до дому было слишкомъ далеко, и онъ былъ въ такомъ видѣ, что ночные сторожа могли принять его за вора и снова взять.

Оглядѣвшись, Торичіоли узналъ мѣстность: тутъ было не далеко до Петергофской рогатки.

Онъ не сомнѣвался, что пакетъ, оставленный имъ на столѣ, былъ, вчера еще вечеромъ, въ рукахъ Эйзенбаха. Слѣдовательно, тотъ далъ знать, вѣроятно, уже куда слѣдуетъ. Государь былъ въ Ораніенбаумѣ, и къ нему, вѣроятно, посланъ уже гонецъ съ докладомъ о заговорѣ. Слѣдовательно, важно теперь быть не въ городѣ, а именно въ самомъ Ораніенбаумѣ, дойти до государя и искать у него спасенья для Артемія.

Объ остальныхъ Торичіоли не заботился.

Рогатка была не далеко. Нужно было идти къ ней, по дорогѣ нанять, за какія угодно деньги, перваго чухонца, ѣдущаго въ городъ, и ѣхать на немъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ были у Торичіоли друзья.

Этотъ планъ составился у него самъ собою.

И онъ, стараясь припомнить мѣстность (онъ часто ѣздилъ по петергофской дорогѣ и зналъ эти мѣста), сталъ пробираться къ рогаткѣ.

Утренняя свѣжесть, разлитая въ воздухѣ, ободрила его. Мѣстность была довольно пустынна, но, по мѣрѣ того, какъ подвигался Торичіоли впередъ, и въ ней начинала просыпаться жизнь.

Раза два уже попались прохожіе, съ удивленіемъ оглянувшіеся на итальянца, истерзанннй видъ котораго не могъ не поразить ихъ; одинъ изъ нихъ такъ остановился даже и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Попался выѣхавшій на промыселъ извозчикъ. Торичіоли обрадовался ему страшно, и сталъ нанимать въ Ораніенбаумъ. Извозчикъ подумалъ, почесалъ затылокъ, зѣвнулъ и потребовалъ деньги впередъ.

Торичіоли сталъ шарить по карманамъ и нашелъ въ нихъ одну только семитку. Извозчикъ махнулъ рукою и поѣхалъ дальше.

Это обезпокоило, было, Торичіоли. Если никто не польстится на его уговоры и откажется везти?

Но онъ почти сейчасъ-же нашелъ себѣ утѣшеніе: только обратиться ему до рогатки, а тамъ можно будетъ объяснить, кто онъ, и потребовать, чтобъ его доставили въ Ораніенбаумъ, къ государю, самому, къ которому онъ имѣетъ важное дѣло.

И ободренный этимъ, Торичіоли, купилъ еще по дорогѣ сайку на свою семитку и съ удовольствіемъ сталъ жевать ея теплое еще, рыхлое и вкусное тѣсто.

Оказалось только, что дорогу онъ вовсе зналъ не такъ хорошо, какъ думалъ.

Онъ запутался въ какихъ-то огородахъ и долго блуждалъ между ними, пока не встрѣтилъ какого-то мужика, который подозрительно оглядѣлъ его, но, какъ пройти къ рогаткѣ, все-таки объяснилъ.

Наконецъ, только послѣ порядочныхъ усилій, Торичіоли вышелъ, куда ему нужно было.

У рогатки стояли солдаты, заграживая путь. Ружья ихъ были составлены, но сами они держались наготовѣ. Два офицера въ полной формѣ прохаживались въ сторонѣ.

На проспектѣ, который начинался тутъ, замѣтно было непривычное движеніе.

Торичіоли сейчасъ-же сообразилъ, чтѣ это значитъ. Иначе и быть не могло.

Видимо, противъ заговора принимались свѣшныя и энергичныя мѣры, были отданы строгія распоряженія за ночь; но Торичіоли думалъ, что для него они не опасны.

Онъ рѣшилъ подойти прямо къ офицеру и, показавъ, что ему извѣстно дѣло, убѣдить его въ своей близости къ тѣмъ сферамъ, о принадлежности къ которымъ нельзя было судить по его костюму.

— Вы меня извините, началъ онъ, приближаясь,—по вѣроятню, вы здѣсь по дѣлу о заговорѣ.

Офицеръ посмотрѣлъ на него, съ ногъ до головы, и нахмурилъ брови.

— А вамъ какой въ томъ интересъ, государь мой? спросилъ онъ.

— А я именно, отвѣтилъ Торичіоли,—по поводу этого дѣла могу доставить императору важныя свѣдѣнія...

— Императору? переспросилъ офицеръ.

— Да, самому его величеству, и прошу васъ дать мнѣ возможность немедленно отправиться въ Ораніенбаумъ, если императоръ тамъ еще...

— Императора, вдругъ проговорилъ офицеръ,—нѣтъ больше, а есть-съ императрица Екатерина Алексѣевна!..

И не успѣлъ Торичіоли опомниться, какъ офицеръ крикнулъ: „Сидоренко! убери-ка мнѣ этого молодчика!“—и дюжій унтеръ, котораго, очевидно, звали Сидоренкой, захватилъ итальянца, протащилъ до караулки и, втолкнувъ его тамъ въ темный чуланъ, засунулъ дверь на засовъ и подперъ ее колышкомъ.

За эти сутки Торичіоли очутился третій разъ подъ запоромъ.

XVIII.

28-е іюня.

Положеніе было ужасно, когда измученныя лошади кареты, въ которой ѣхала Екатерина, остановились среди дороги.

Оставалось всего пять верстъ до Петербурга, только пять верстъ, но теперь онѣ дѣлались неизмѣримымъ уже пространствомъ.

Орловъ и Артемій осмотрѣли лошадей. Надежды не было, что онѣ оправятся. Это было видно и понятно безъ словъ, и Артемій съ Орловымъ ничего не сказали другъ другу. Они только взглянули, какъ-то сразу, такъ что глаза ихъ встрѣтились, и этотъ молчаливый взглядъ казался краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

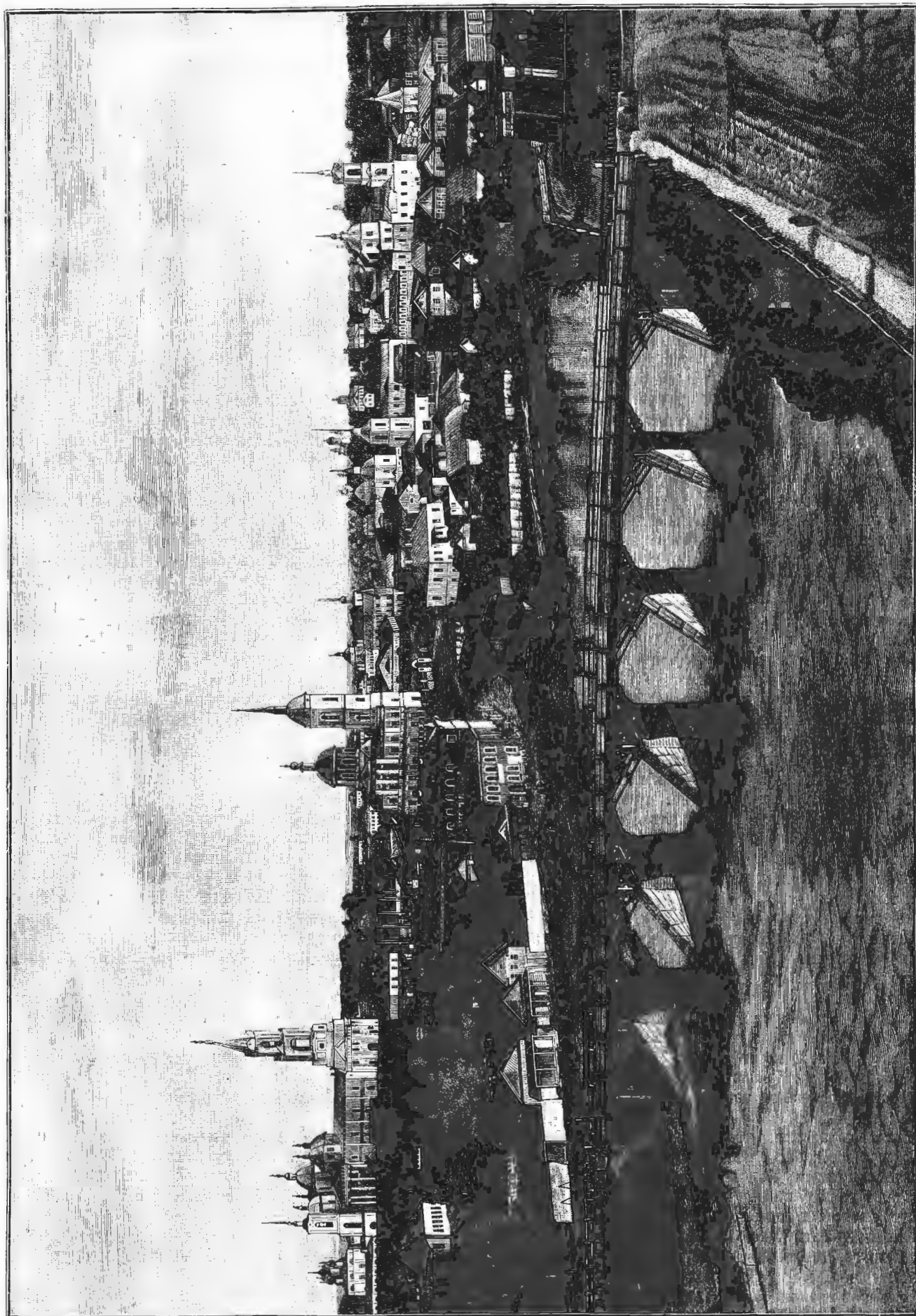
Ѣхать дальше не было возможности,—оставаться тоже было нельзя.

Артемій боялся прямо заглянуть въ карету, гдѣ сидѣла государыня, но онъ только мелькомъ, угломъ глаза посмотрѣлъ на нее.

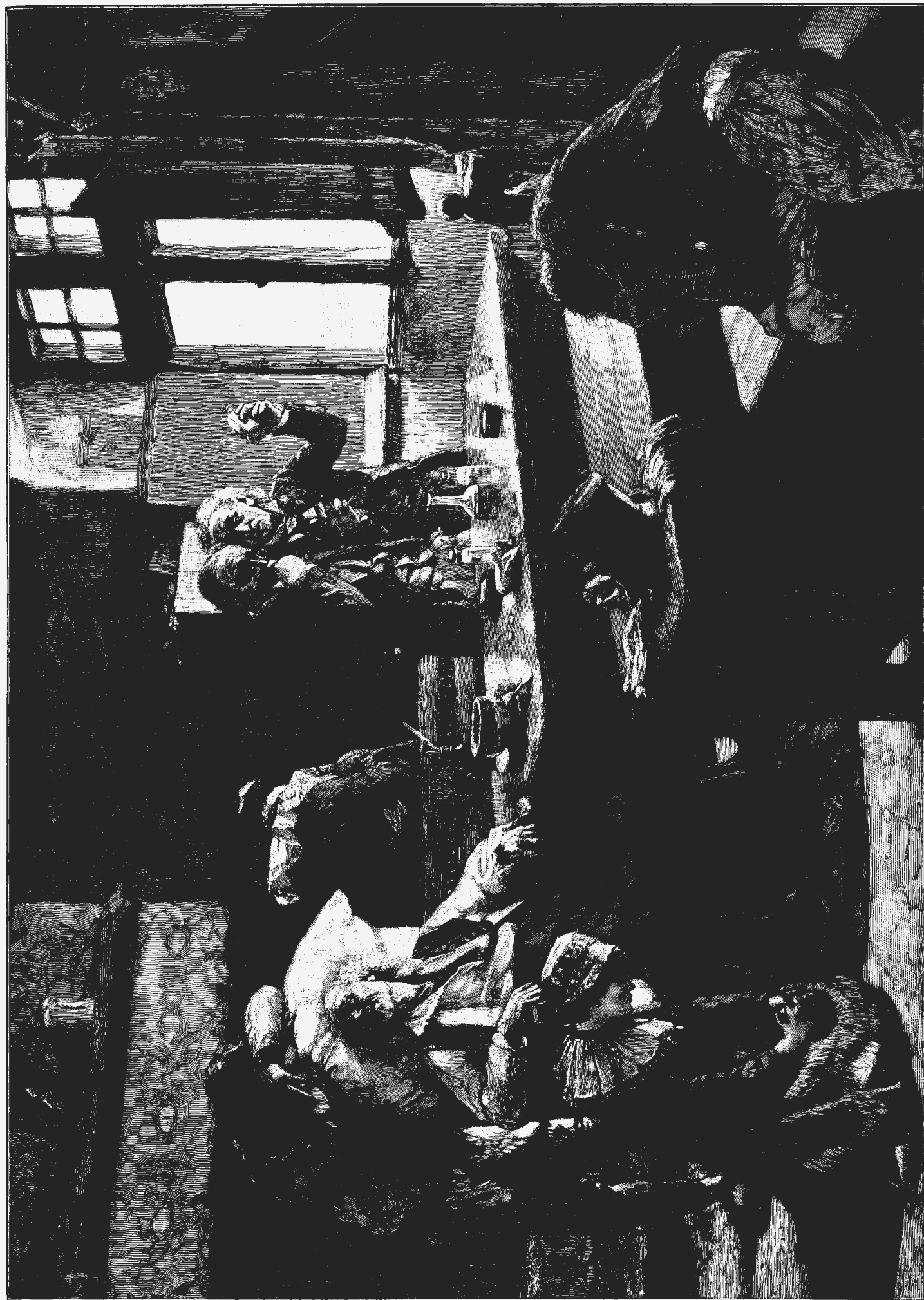
Она сидѣла строгая и прямая, и, казалось, не обращала вниманія на ихъ остановку, словно ей не было до этого никакого дѣла, словно она чувствовала, что время дѣйствовать ей еще не наступило, что скоро наступитъ оно, и тогда она покажетъ себя, а теперь она довѣрилась имъ; они взялись довести ее до города и должны это сдѣлать, какъ?—ей было рѣшительно все равно, но она вѣрила въ нихъ и вѣрила, что они сдѣлаютъ свое дѣло.

Эта величавая увѣренность и спокойствіе могли дать силы кому угодно, не только такимъ людямъ, какъ были Орловъ и Артемій.

— Нужно дать лошадямъ вздохнуть (это было все равно ни къ чему, но нельзя было не сказать этого), сказалъ Орловъ.—Или подождать, не пройдетъ-ли кто, и тогда взять лошадей за деньги или силой.

Видъ города Нашина. Съ фот. Колотильщикова, грав. Шюблеръ.

Послѣднія минуты. Съ карт. Г. Мослера, по фог. Фр. Гауффингеля, грав. Герике.

— Посмотри! вдругъ показалъ Артемій впередъ по дорогѣ.—Видишь?

По дорогѣ прямо на нихъ скакалъ всадникъ. Это былъ офицеръ.

Орловъ весь обратился въ зрѣніе, стараясь узнать, кто это.

— Можетъ быть, это посланный *оттуда*, проговорилъ опять Артемій, — можетъ быть, ужъ за ночь все стало извѣстно, и съ Ораніенбаумомъ завели сообщеніе. Это гонецъ.

Орловъ продолжалъ смотрѣть.

— Тѣмъ лучше, отвѣтилъ онъ,—мы возьмемъ гонца и узнаемъ, что везетъ онъ... Да нѣтъ-же, это Бибиковъ! вдругъ радостно добавилъ онъ, узнавъ скакавшего офицера.

Бибиковъ приблизился настолько уже, что лицо его было видно. Завидѣвъ на дорогѣ карету, онъ пустилъ лошадь быстрѣе.

Орловъ махнулъ ему вверхъ три раза шляпой. Бибииковъ на ходу отвѣтилъ тѣмъ же.

— Слава Богу, все благополучно пока! успокоительно произнесъ Орловъ.

Бибиковъ на полныхъ рысяхъ подѣхалъ прямо къ дверцѣ кареты.

Екатерина глянула на него своими прекрасными, строгими глазами, въ которыхъ видѣлся вопросъ — другъ-ли явился къ ней теперь, или врагъ?

— Приѣхалъ доложить вашему величеству, проговорилъ молодцовато, но все-же съ трудомъ переводя дыханіе отъ быстрой ѣзды, Бибиковъ,—что вслѣдъ за мною навстрѣчу вамъ ѣдетъ другой экипажъ, со свѣжими лошадьми.

Артемій перекрестился.

Почти сейчасъ-же показала на дорогѣ карета, о которой говорилъ Бибиковъ.

Когда она подѣхала, въ ней оказались старшій Алексѣй Орловъ и Барятинскій.

Екатерина пересѣла въ новый экипажъ, и бодрья, свѣжія лошади быстро помчали ее въ столицу.

Въ Петербургѣ она направилась прямо къ казармамъ Измайловскаго полка.

Барабанчикъ пробилъ тревогу. Выбѣжали солдаты къ своей государынѣ, и ихъ радостному восторгу не было выраженій, не было предѣла—они цѣловали руки, ноги императрицы и платье ея.

Двое изъ нихъ вели уже подъ руки священника для присяги.

И Измайловскій полкъ первый присягнулъ императрицѣ Екатеринѣ II.

Потомъ, въ предшествіи священника въ полномъ облаченіи и съ крестомъ, Екатерина отправилась въ Семеновскій полкъ. Онъ вышелъ навстрѣчу съ криками „ура!“

Сопровождаемая измайловцами и семеповцами, государыня отправилась въ Казанскій соборъ.

Здѣсь *ждалъ ее* архіепископъ Дмитрій. Тотчасъ-же начался молебень, на ектеніяхъ котораго провозглашали *самодержавную* императрицу Екатерину Алексѣевну и наслѣдника Павла Петровича.

Между тѣмъ явились преображенскіе.

— Виноваты, что позже пришли, кричали они,—не пускали насъ!..

Явилась и конная гвардія.

А въ ново-отстроенномъ зимнемъ дворцѣ собрался уже синодъ и сенатъ.

Дѣйствительно, *все было готово* уже къ провозглашенію самодержавія Екатерины!..

Въ зимнемъ дворцѣ, куда направилась она изъ собора, были составлены манифестъ и присяга.

Войска окружили дворецъ, и семеповцы заняли караулы.

Канцлеръ Воронцовъ явился, было, съ упрекомъ къ Екатеринѣ — зачѣмъ она оставила Петергофъ, но его повели въ церковь для присяги.

Потомъ приѣхали изъ Петергофа Трубецкой и Шуваловъ. Они хотѣли увѣриться въ расположеніи войскъ, и, если нужно, начать расправу, но и ихъ повели присягать безъ дальнихъ разговоровъ.

Вечеромъ Екатерина, во главѣ гвардіи, сама выступила къ Петергофу.

Она ѣхала съ Дашковой, верхомъ, въ преображенскомъ мундирѣ стараго образца и съ дубовыми вѣтвями на шляпѣ.

Ночью во время пути повстрѣчался гонецъ изъ Ораніенбаума. Петръ III, окруженный полутора тысячею голштинцами въ своемъ Ораніенбаумѣ, прислалъ отреченіе отъ престола, который передавалъ Екатеринѣ.

Артемій хотя не имѣлъ службы, собственно, въ строю, но участвовалъ въ этомъ походѣ.

Въ числѣ прочихъ офицеровъ онъ увидѣлъ тутъ и Карла Эйзенбаха, который ѣхалъ, окруженный молодыми сослуживцами, не бывшими заблаговременно въ заговорѣ и примкнувшими къ нему, по внезапному влеченію, которымъ были охвачены всѣ — и громко, нарочно громко рассказывалъ имъ подробности всего дѣла и называлъ имена участниковъ.

Артемій, слышавшій это издали, видѣлъ, что никакихъ подробностей молодой Эйзенбахъ не знаетъ и говорить, видимо, по догадкамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имена участниковъ онъ называлъ совершенно вѣрно.

Артемій не могъ понять, откуда Карлъ могъ получить эти свѣдѣнія.

Онъ не могъ понять, потому что не зналъ, что списокъ, перехваченный Торичіоли—попалъ къ Эйзенбаху, и что произошло потомъ.

Придя случайно къ Торичіоли и увидя на свое имя пакетъ на его столѣ, Карлъ распечаталъ, увидѣлъ, въ чемъ дѣло, и, захвативъ бумагу,—бросился домой.

Свѣдѣнія были для него слишкомъ цѣнны, чтобы дѣлиться ими съ кѣмъ-нибудь.

Онъ рѣшилъ лично отправиться къ государю, достигъ къ которому можно было найти черезъ кого-нибудь изъ голштинцевъ.

Ѣхалъ сейчасъ было поздно — Эйзенбахъ положилъ подождать до утра.

Но, чтобы кто-нибудь раньше его не сдѣлалъ предупрежденія, онъ написалъ безымянный доносъ коменданту — и отрѣзалъ фестономъ уголь у своей бумаги съ тѣмъ, чтобы, когда дѣло вскроется — придти съ отрѣзаннымъ угломъ и доказать такимъ образомъ, что и эти свѣдѣнія даны имъ.

Но на другое утро оказалось уже поздно. Екатерина была провозглашена императрицей, и Карлъ, видя, что партія Петра III слишкомъ малочисленна, и дѣло его окончательно проиграно, одинъ изъ первыхъ закричалъ у Казанскаго собора „ура!“ самодержавной императрицѣ Екатеринѣ.

Онъ, разумѣется, принялъ тоже участіе въ Петергофскомъ походѣ и здѣсь извлекалъ изъ имѣвшихся у него свѣдѣній всю ту пользу, которую могъ извлечь, то есть дѣлалъ видъ, что былъ однимъ изъ дѣятельныхъ пособниковъ государыни, въ доказательство чего можетъ назвать всѣхъ своихъ остальныхъ товарищей по именамъ.

Эйзенбахъ дѣлалъ собственную свою карьеру и касался политики лишь настолько, насколько могла она касаться его.

XIX.

Розы.

Двадцать девятаго утромъ Екатерина, получивъ отреченіе Петра III, вернулась въ Петербургъ неоспоримой уже распорядительницей судебъ обширной Россіи.

Артемій, не спавшій двѣ ночи подъ-рядъ, едва добрался до дому послѣ похода, упалъ на постель и заснулъ крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ.

Теперь онъ могъ спать спокойно.

Задуманное ими „дѣйство“ совершилось—Россія была спасена отъ добровольнаго иностраннаго ига.

Цѣлый день проспалъ Артемій, не просыпаясь,—но вечеромъ его разбудилъ страшный шумъ и гамъ на улицѣ.

„Что это? вскочивъ и ничего не понимая, подумалъ Артемій,—ужь не пожаръ-ли?“

Онъ прислушался, не слыхатъ-ли набата, но колокола нигдѣ не было слышно.

А на улицѣ гудѣлъ неумолчный гамъ, и стоишь стоялъ отъ криковъ и возгласовъ.

„Боже мой—что случилось?“ забеспокоился Артемій,—времена были безпокойныя, и хотя все казалось хорошо, но трудно было еще ручаться за слѣдующую минуту.

Ни деньщика своего, ни квартирной хозяйки, ни конюха—онъ не могъ дозваться, всѣ они исчезли куда-то.

Артемій вскочилъ и, быстро одѣвшись, вышелъ на улицу.

Причиной шума оказалась толпа, собравшаяся у погребка, гдѣ шло пиршество, — солдаты и солдатки въ неистовомъ восторгѣ носили ушатами вино, водку, пиво и медъ, лили все вмѣстѣ безъ разбору въ кадки и бочки, что у кого случилось.

„Ишь ихъ — радуются!“ успокаиваясь, подумалъ Артемій, и не пытаясь остановить веселья, прошелъ мимо, крикнувъ солдатамъ:—„живете, братцы!“...

— Радъ стараться!..прокричали солдаты.

Артемій пошелъ дальше и вездѣ увидѣлъ повтореніе все тѣхъ-же сценъ. Вездѣ шло веселье и радость. Сначала оно нравилось ему, но, чѣмъ болѣе подвигался онъ, тѣмъ болѣе буйный характеръ принимало это веселье.

Народъ охмѣлѣлъ и сталъ уже разносить кабаки и трактиры.

Показались конные разъѣзды, но они ничего не могли подѣлать.

Буйство разыгрывалось. Стекла звенѣли, ревъ дикихъ пѣсень, хохота, ругани и радостныхъ возгласовъ стоялъ въ воздухѣ.

Такъ великъ оказался произведенный въ этотъ день разгромъ, что впоследствии, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, кушцы били челомъ „о возвращеніи имъ за растащенные, при благополучномъ восшествіи ея императорскаго величества на императорскій престолъ, напитки и вина проторей и убытковъ“...

Но впоследствии можно было вернуть эти протори и убытки, когда оказалось, что кромѣ нихъ ничего не случилось болѣе тревожнаго,—въ самый-же день буйства, трудно было сказать, чѣмъ оно могло кончиться.

Артемію, когда онъ шелъ по улицѣ, пришлось уже нѣсколько разъ сторониться къ стѣнкѣ отъ пьяныхъ, и нѣяные, расхидившіеся солдаты не узнавали въ немъ офицера.

Артемій шелъ, собственно, безъ опредѣленной цѣли, беспокоиться ему было не о чемъ: ни дома, ни добра, которое могли-бы растащить, у него не было; но онъ хотѣлъ пробраться ко дворцу, чтобы посмотреть, что дѣлается тамъ.

На одномъ изъ перекрестковъ онъ увидѣлъ карету. Она не могла пробраться сквозь сгустившуюся въ этомъ мѣстѣ толпу.

Артемій поглядѣлъ, кто сидитъ въ ней, чтобы помочь, если это была женщина, и, заглянувъ, узналъ Сень-Жермена.

Ни особенной радости, ни волненія, не было замѣтно на его лицѣ—онъ оставался, попрежнему, такимъ-же невозмутимымъ, какимъ видалъ его Артемій въ Кенигсбергѣ, и какимъ онъ видѣлъ его вчера, третьяго дня ночью, когда они уѣзжали въ Петергофъ.

— Это вы, сержантъ? узналъ его графъ.—Ну, что, можно поздравить васъ?..

— Да, проговорилъ Артемій,—по эта толпа,—что они дѣлаютъ—это ужасъ...

Графъ улыбнулся своею особенною улыбкой.

— Эта толпа! повторилъ онъ,—а что-же вы бездѣйствуете... если эта толпа разоидется совсѣмъ, то послѣ кабаковъ начнетъ разносить барскіе хоромы...

У Артемія не было барскихъ хоромъ и защищать ему было некого и нечего.

— А Ольга! вдругъ проговорилъ Сень-Жермень,—идите къ ней, можетъ быть, она нуждается въ эту минуту въ помощи... Неужели вы хотите, чтобы другой кто-нибудь помогъ ей...

Словно варомъ обдало Артемія. Ольга!.. онъ забылъ о ней въ эту минуту, онъ, въ чьихъ мысляхъ жила она столько лѣтъ неотлучно, и забылъ именно тогда, когда нужнѣе всего было вспомнить о ней.

И ему живо представилось, въ какомъ она теперь, можетъ быть, положеніи.

Полуныная дворня разбѣжалась, старый князь, вѣроятно, во дворцѣ, никого нѣтъ возлѣ нея—она одна, одна! Богъ знаетъ, что выйдетъ изъ этого пьянства, и если, дѣйствительно, оно приметъ размѣры полнаго уже безпорядка. Да, онъ правъ, какъ всегда онъ правъ—нужно идти къ ней...

— Ну, вотъ видите, подтвердилъ графъ, и, высушившись изъ окна, потому что кучеръ, пользуясь удобной минутой для свободнаго проѣзда, тронулъ лошадей, добавилъ, кивнувъ Артемію:—до свиданія. Если захотите меня видѣть, то найдете въ большомъ дворцѣ съ крайняго подъѣзда.

Но Артемій уже машинально воспринялъ его слова, машинально отвѣтилъ на его поклонъ поклономъ; теперь у него была цѣль, куда идти, и онъ весь отдался этой цѣли.

Рѣшеніе, какъ поступить, у него составилось быстро:

Прямо, съ параднаго крыльца, онъ не пойдетъ къ Проскуровымъ—во-первыхъ, потому, что это будетъ похоже на какой-то, довольно странный визитъ, а во-вторыхъ, просто потому, что двери параднаго крыльца могутъ быть заперты,—нѣтъ, нужно зайти съ другой стороны дома, къ той рѣшеткѣ сада, гдѣ онъ видѣлъ уже Ольгу, и тамъ, въ саду, ждать, если будетъ нужна его помощь; если-же—нѣтъ, то никто не узнаетъ о томъ, былъ онъ или нѣтъ.

Артемій ускорилъ шагъ, и, не чувствуя ногъ подъ собою, шелъ быстро впередъ, чуть-ли не обгоняя экипажи, которые постоянно задерживались толпою.

Онъ вздохнулъ свободнѣе и легче, когда повернулъ въ пустынный проѣздъ, на который выходили заборы садовъ.

Здѣсь не было кабаковъ, не было трактировъ и не было толпы, пьяный гулъ которой доносился теперь лишь издадалека.

Онъ уходилъ отъ этого гула, оставляя его за собою и приближаясь къ знакомой уже рѣшеткѣ Проскуровскаго сада.

Вотъ, наконецъ, и рѣшетка эта. Она стоитъ такъ же безмолвно, какъ стояла и третьяго дня, и густыя вѣтки опустились надъ нею такъ же.

День былъ красный, жаркій, и вечеръ его смѣнилъ удивительный, тихій. На небѣ ни облачка, въ воздухѣ ни малѣйшаго движенія. И тишина эта, вдали того гама, изъ котораго только что вышелъ Артемій, еще болѣе отгнѣнная этимъ гамомъ, казалась полна чарующей, волшебной прелести.

Артемій оглядѣлся. Хорошо было тутъ. Пустынный проѣздъ терялся въ отдаленіи. Ни души не было видно тутъ.

Артемій перескочилъ канаву и легко, словно его подбросилъ кто—перебрался черезъ рѣшетку.

Онъ очутился въ саду... въ ея саду, гдѣ она гуляла, ходила каждый день, гдѣ каждый шагъ долженъ былъ напоминать объ ней.

И онъ, дѣйствительно, напоминалъ—такая святая тишина и прелесть, именно прелесть царила кругомъ!.. Но куда было идти?

Артемій пошелъ наугадъ.

Не расчищенная, заросшая травой аллея вела вглубь сада. Артемій выбралъ ее.

Въ концѣ аллеи оказался розовый цвѣтникъ; одуряющій, сладкій запахъ розановъ такъ и обдалъ Артемія, такъ и напомнилъ ему такой-же цвѣтникъ и такія-же розы въ далекомъ Проскуровѣ, въ далекомъ и миломъ Проскуровѣ, гдѣ онъ провелъ такіе счастливые годы.

Вернется-ли это счастье вновь?..

Да, вернется, словно сказалъ какой-то голосъ въ сердцѣ Артемія, и онъ смѣлѣе вошелъ въ цвѣтникъ.

Тамъ на скамейкѣ сидѣла Ольга.

Она сидѣла, точно ни о чемъ не думая, далекая отъ всѣхъ волненій, ото всего, что происходило тамъ, въ городѣ, далекая, какъ далеко казался и этотъ тихій садъ отъ уличнаго шума и безпорядка.

Она не испугалась и не вздрогнула при появленіи Артемія. Глаза ея остановились на немъ, но остановились безмысленно, безъ всякаго выраженія; въ ней, казалось, что-то страшное, но тихое, страшное происходило внутри, она прислушивалась точно сама къ себѣ, искала чего-то въ себѣ и не могла найти.

Такой взглядъ бываетъ у помѣшанныхъ.

Но Артемій, глянувъ ей въ глаза, могъ замѣтить только одно, что въ нихъ все еще не было того выраженія любви, котораго искалъ онъ. О томъ, что въ нихъ не было никакого выраженія, онъ вовсе и не думалъ.

— Ольга Андреевна... Оля... вдругъ проговорила онъ,—неужели все кончено, все забыто... неужели (онъ приблизился къ пей)... Боже мой, неужели безслѣдно прошли тѣ счастливые часы, которыми мы жили въ Проскуровѣ... Неужели забыла ты, что жизнь моя въ тебѣ одной, въ одной тебѣ, моя прелесть, моя радость.

Колѣно его согнулось само собою, и онъ сталъ, глядя ей прямо въ глаза; голосъ его былъ нѣженъ, тихъ; казалось, онъ не говорилъ, а дышалъ только, и это дыханіе его была она, потому-что въ ней заключалась вся жизнь его.

Розы пахли чуднымъ своимъ одуряющимъ ароматомъ... и вдругъ, какъ нарочно, словно онъ ждалъ этой минуты, гдѣ-то недалеко, вблизи, запѣлъ соловей.

Ольга вытянула шею, прислушиваясь... Эти розы, этотъ влюбленный шопотъ, эта пѣснь соловья напоминали ей что-то, и это что-то было именно то, чего она мучительно никакъ не могла вспомнить... все время не могла и не могла понять, что это и когда это было съ нею, здѣсь-ли въ этомъ-ли мѣстѣ, или когда она еще не родилась и жила, вѣрно, въ иномъ, болѣе счастливымъ мѣстѣ.

Теперь, сегодня это близкое ей, но не разгаданное воспоминаніе такъ и жгло ее...

Она внимательно и долго глядѣла Артемію прямо въ глаза, слушая и не отетраяя его... и вдругъ... вспомнила-ли она, или новое чувство охватило ее, но она, всплеснувъ руками и крикнувъ, упала на грудь Артемію.

Она была спасена—она любила вновь.

XX.

Предательство.

Всѣ участники „дѣйства“ 28-го іюня получили щедрые награды. Орловъ сталъ первымъ лицомъ. Чины, ордена, деньги и пенсіи такъ и сыпались въ первые дни Екатерининскаго царствованія.

Государыня награждала всѣхъ, со всѣми была ласкова.

За старикомъ Бестужевымъ былъ посланъ уже гононецъ для возвращенія его изъ ссылки.

Непосредственные пособники переворота, молодые и старые гвардейцы получали придворныя званія, ленты и звѣзды.

Одинъ Артемій не зналъ еще, какая участь ожидаетъ его.

Онъ не шелъ ни во дворецъ, никуда, онъ не старался найти пріятели своего Орлова, потому-что жилъ теперь отъ вечера до вечера—отъ одного свиданія съ Ольгой до другого.

Да, они теперь видѣлись каждый день, счастливые снова, снова любящіе и радостные, видѣлись украдкой въ саду, но это не мѣшало прелести ихъ свиданій.

И свиданія эти были для Артемія жизнь, а все, что было внѣ ихъ и между ними—казалось сномъ, прозябаніемъ какимъ-то; онъ не могъ еще придти въ себя, не могъ опомниться отъ своего счастья.

Но страшное, однако, мучительное отрезвленіе готовилось ему:

Прійдя, какъ обыкновенно, на свиданіе съ Ольгой, счастливый и радостный Артемій, засталъ ее въ слезахъ... и, плача, она рассказывала ему, что сегодня прислали за отцомъ ея во дворецъ, что его приняла тамъ сама государыня, что она была милостива, обласкала его и вызвалась сама посватать его дочь... Старый князь былъ въ восторгѣ отъ пріема и просилъ лишь императрицу назвать угоднаго ей жениха...

И императрица назвала маркиза Каулуччи...

Это была старинная итальянская фамилія, но при русскомъ дворѣ въ первый разъ еще слышали ее... никого не было тутъ, кто-бы носилъ это имя.

Кто этотъ маркизъ Каулуччи, откуда онъ?.. По старому князю не спрашивалъ заранѣе,—разумѣется, даль свое согласіе...

Какъ сумасшедшій, вернулся Артемій домой, не помня, какъ онъ добрался туда, не помня и не понимая ничего...

Неужели муки его еще не кончились, неужели онъ не заслужилъ еще своего счастья, и неужели это счастье отнимется вновь отъ него и тогда, когда оно было снова такъ близко и возможно...

Мысли Артемія путались, онъ не могъ уже сообразить ничего... онъ былъ словно помѣшанный...

Нужно было пойти къ кому-нибудь, нужно было, чтобы другой кто-нибудь помогъ разобраться, научилъ, что дѣлать... самъ Артемій не могъ думать...

Во всякомъ случаѣ, онъ рѣшилъ, что не отдастъ Ольги никому,—кто-бы ни былъ этотъ неизвѣстно откуда взявшійся маркизъ... но онъ увезетъ ее силой, онъ потихоньку обвиняется съ ней—такъ рѣшили они уже.

Но нужно дѣйствовать скорѣе, нужно дѣйствовать, а силъ нѣтъ... нужно, чтобы помогъ кто-нибудь...

Орловъ?—конечно, онъ поможетъ, но теперь у него все время занято... онъ что-то дѣлаетъ тамъ... у нихъ тамъ какія-то дѣла... государственные... перевороты...

„И какъ они могутъ заниматься всѣмъ этимъ, въ отчаяніи думалъ Артемій,—когда мы погибаемъ!“

Сень-Жерменъ?—графъ?—да, онъ, конечно, долженъ помочь, онъ можетъ все сдѣлать, если захочетъ...

И вдругъ, вспомнивъ о Сень-Жерменѣ, Артемій вскопчилъ, точно каленымъ желѣзомъ коснулись его.

Его поразила вдругъ явившаяся у него мысль:—а что если этотъ неизвѣстный до сихъ поръ маркизъ Каулуччи не кто иной, какъ самъ графъ?..

И, остановившись на этой мысли, соображеніе Артемія стало работать въ ея направленіи...

Прежде всего Ольга была такою прелестью, что всякій долженъ былъ видѣть это и не могъ не полюбить ее, слѣдовательно, и графъ, видѣвшій ее, долженъ былъ полюбить...

Послѣдняя преграда. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Шюблеръ.

А онъ не только видѣлъ ее, но и бывалъ у князя. Артемій помнилъ, какъ онъ собственными глазами смотрѣлъ, какъ Сень-Жермень выходилъ изъ кареты у дома князя Проскурова.

Потомъ, что значили эти слова графа о томъ, что онъ почему-то виноватъ, что Ольга забыла Артемія...

Мало того, онъ послалъ въ день опасности бунта Артемія къ Ольгѣ—ясно, потому, что ему самому было необходимо быть во дворцѣ, а между тѣмъ онъ безпокоился о ней и послалъ вѣрнаго человѣка...

Потомъ онъ просилъ государыню, какъ единственную награду за свое участіе въ дѣлѣ—устроить его свадьбу съ княжною Проскуровою.

Некому и быть другому—что онъ назвался теперь маркизомъ Каулуччи, нѣтъ сомнѣнія—онъ постоянно мѣняетъ имена, и, вѣроятно, устроилъ какъ-нибудь, чтобъ получить эту фамилію...

Все это ясно...

Но неужели графъ, этотъ безупречный до сихъ поръ человѣкъ, способенъ на все это?

А почему нѣтъ?—Какъ знать людей, какъ влѣзть въ ихъ душу—наконецъ, чего не сдѣлаетъ любовь... вѣдь, любилъ-же онъ когда-то, значитъ, могъ вновь полюбить...

„О, если такъ, рѣшилъ Артемій,—я сейчасъ-же пойду къ нему, я узнаю истину, и если только онъ не сознается мнѣ—я убью его, да, я убью его на мѣстѣ—все равно, другого выхода нѣтъ мнѣ...“

И весь разгоряченный, словно боливійся, чтобъ не остылъ его гнѣвъ, Артемій выскочилъ на крыльцо, бросился на перваго попавшагося извозчика и велѣлъ везти себя во дворецъ.

Теперь онъ вспомнилъ, гдѣ графъ велѣлъ искать себя, когда понадобится онъ Артемію.

А еще-бы теперь не нуженъ былъ онъ ему!..

И не помня себя, влетѣлъ Артемій въ подъѣздъ, крикнувъ, чтобъ его сейчасъ провели къ графу... Его не поняли... Онъ вспомнилъ, что нужно спросить Одаря (онъ готовъ былъ уже спросить маркиза Каулуччи), и потребовалъ Одаря...

Его повели по коридору...

— Не надо доклада, крикнулъ онъ опять и, оттолкнувъ лакея отъ двери, вошелъ въ комнату.

Комната, которую занималъ теперь графъ, была очень скромною.

Тутъ-же была постель, тутъ-же было и бюро, у котораго сидѣлъ Сень-Жермень.

— Что за тревога, что за шумъ? спросилъ онъ, поднимаясь навстрѣчу Артемію. — Что съ вами, вы на себя не похожи?..

— Сейчасъ-сейчасъ вы узнаете, что со мной, заговорилъ Артемій.—Маркизь... маркизь Каулуччи—вы, вы?..

— О, не такъ сердито, и, главное, не будемъ торопиться, улыбнулся графъ.

— Я васъ спрашиваю только, вы-ли этотъ Каулуччи... я-то знаю, что вы,—но скажите, да или нѣтъ?..

— Это очень грозно, мой другъ! съ новой улыбкой отвѣтилъ графъ.

— Да, или нѣтъ,—говорю я вамъ...

Сень-Жермень, все продолжая улыбаться, со своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ смотрѣлъ на него.

„Это спокойствіе! бѣшено подумалъ Артемій,—смотреть точно правый, а самъ не говорить!.. ну, такъ вотъ-же—это онъ... да... вотъ-же!“

И окончательно не владея собой, онъ выхватилъ изъ кармана короткій финскій ножъ, попавшійся ему подъ руку передъ отъѣздомъ изъ дому, и, не успѣвъ опомниться—ударилъ въ грудь графа...

Въ глазахъ у него потемнѣло...

Только нанесъ ударъ, онъ опомнился, что онъ сдѣлалъ—но опомнился онъ еще отъ страшной физической боли, съ которою сжимали ему вооруженную руку.

Онъ открылъ глаза. Графъ все такъ же, спокойный, цѣлый и невредимый, стоялъ передъ нимъ и держалъ его руку.

Ножъ скользнулъ по надѣтой на графѣ подъ камзолемъ кольчугѣ и не принесъ никакого вреда.

— Вы хотѣли убить маркиза Каулуччи, проговорилъ графъ,—вы хотѣли убить себя...

Артемій стоялъ, шатаясь...

„Какъ себя?“ подумалъ онъ...

— Да, продолжалъ Сень-Жермень,—потому что сегодня утромъ вы получили имя маркиза Каулуччи...

И отстранивъ руку Артемія, онъ, не снѣша, подошелъ къ бюро, досталъ оттуда синюю, сложенную вчетверо бумагу и подаль ее Артемію...

Бумага эта была та самая, которую графъ три года тому назадъ оставлялъ въ Парижѣ на заботу принцессы Юанны.

Старый маркизь Каулуччи, умершій тогда въ Парижѣ, былъ отецъ Торичіоли.

Но въ бумагѣ имени Торичіоли не было упомянуто,—тамъ было сказано лишь, что маркизь Каулуччи усыновляетъ воспитанника русскаго князя Проскурова, Артемія, и передаетъ ему послѣ смерти все его состояніе.

Отецъ Торичіоли получилъ свой титулъ и богатство послѣ того, какъ сынъ его, Джузеппе, уѣхалъ въ Россію, и они потеряли изъ виду другъ друга.

Теперь завѣщаніе старика маркиза было признано и утверждено правительствами Итальянскимъ и Русскимъ.

Въ дѣлѣ происшедшаго 28-го въ Петербургѣ „дѣйства“ была также заведена переписка „объ опасныхъ и противныхъ царствованію ея императорскаго величества лицахъ“—и въ числѣ ихъ былъ упомянутъ иностранецъ, итальянскій подданный Торичіоли, пытавшійся прорваться, въ знаменательный день, черезъ петергофскую рогатку для сообщенія подозрительныхъ свѣдѣній.

На третій-же день новаго царствованія онъ былъ высланъ изъ Россіи безъ права когда-нибудь вѣхаться сюда.

Артемій, получивъ новый титулъ и богатство, женился на своей Ольгѣ и счастливо прожилъ съ нею въ деревнѣ, куда уѣхалъ немедленно послѣ свадьбы.

Объ отцѣ своемъ онъ не узналъ никогда, и, кто былъ усыновившій его маркизь Каулуччи—для него осталось тайной.

Изъ всѣхъ участниковъ событія 28-го іюня только онъ и графъ Сень-Жермень отказались отъ всякихъ почетныхъ и, вообще, какихъ-нибудь наградъ.

У Артемія въ лицѣ Ольги были самыя высшія награды, и большаго, какъ жить съ нею въ тиши и вдали отъ всякаго шума—онъ не желалъ...

Сень-Жермень-же дѣйствовалъ не ради награды и былъ человѣкомъ, который не нуждался въ ней...

Онъ зналъ, очевидно, нѣчто такое, что было тоже больше всякихъ наградъ, и довольствовался своимъ знаніемъ.

Въ иностранныхъ источникахъ сохранилось свидѣтельство маркиграфа д'Анспахъ о томъ, что, встрѣтившись въ 1772 году вмѣстѣ съ Сень-Жерменомъ въ Нюрнбергѣ съ княземъ Григоріемъ Орловымъ—князь называлъ Сень-Жермена „mio caro padre“ и говорилъ маркиграфу, что этотъ человѣкъ игралъ выдающуюся роль въ дѣлѣ 1762 года...

конецъ.

Улыбка.

Перев. съ франц. В. Карпинской.

I.

Деять часовъ вечера. Театръ „Французской комедии“ ярко освѣщенъ. Сейчасъ поднимутъ занавѣсъ. Идетъ пьеса „Зять г. Пуарье“. Въ залѣ цѣлое собраніе рецензентовъ и критиковъ, собравшихся сегодня сюда, ради дебюта Фредерика де Нантейль въ роли маркиза.

Онъ далеко не веселъ, бѣдный Нантейль, высокій, красивый молодой человѣкъ, лѣтъ 25, съ большими, ленивыми глазами и бѣлокурыми усами. Робко ждетъ онъ въ кулисахъ страшный, жуткій моментъ своего появленія на сценѣ. Напрасно старается онъ овладѣть собой, подавить свое волненіе, которое заставляетъ его сердце усиленно и тревожно биться въ груди.

Какъ-бы радъ онъ былъ увидѣть тамъ, среди публики въ залѣ, старика отца и мать, главное, мать... Пусть-бы они увидѣлись, что не даромъ бились они и работали всю жизнь, чтобы въ одинъ прекрасный день прочитатъ на афишѣ театра „Французской комедии“ имя своего единственнаго любимаго сына, начатанное большими буквами.

Но судьба судила иначе: старая Нантейль больна, около шести недѣль не встаетъ съ постели, страдая полнымъ истощеніемъ силъ, а отецъ молодого человѣка остался подлѣ больной. Было рѣшено, съ общаго согласія, обмѣниваться весь вечеръ телеграммами, увѣдомляющими мать — объ успѣхахъ сына, а сына — о здоровьѣ матери!

Три традиціонные стука... и занавѣсъ поднялся медленно и величественно. Первая сцена пьесы, очень небольшая, шла быстро. Дебютантъ ожидалъ своего выхода.

— Пожалуйте на сцену, г-нъ Нантейль!

И маркизъ появился на сценѣ.

Ронотъ пробѣжалъ по залѣ. Онъ былъ очень красивъ, этотъ молодой дебютантъ, съ симпатичной физиономіей, въ сюртукѣ отъ хорошаго портного. Только легкая дрожь въ голосѣ выдавала его волненіе. Онъ прекрасно провелъ сцену съ Монтмейранъ и ушелъ, уступивъ мѣсто другимъ дѣйствующимъ лицамъ.

Едва Нантейль вошелъ за кулисы, — ему подали телеграмму: „Мать встала. Все идетъ прекрасно. Скушала два яйца“.

Молодой человѣкъ облегченно вздохнулъ, его волненіе исчезло. И зато съ какимъ искусствомъ въ слѣдующей сценѣ подсмѣивался онъ и труппилъ надъ Пуарье, любителемъ картинъ! Лучше и ярче трудно было передать остроумныя выходки и шутки маркиза, довольнаго и веселаго...

Даже „критика“ обмѣнивалась между собой похвальными замѣчаніями. Занавѣсъ опустился.

Дебютантъ получилъ вторую телеграмму: „Матери лучше“. Онъ отвѣтилъ: „Все благополучно“.

Совершенно успокоенный, дебютантъ вполнѣ отдался своей роли. Остальная часть представленія — была для него цѣлымъ рядомъ вполнѣ заслуженныхъ овацій. Онъ не былъ похожъ на зауряднаго новичка.

Эта публика первыхъ представленій, избалованная и лѣнивая, теперь, казалось, заразилась вдохновеніемъ и увлеченіемъ красиваго, молодого дебютанта.

Оглунительныя рукоплесканія раздались послѣ знаменитаго монолога маркиза къ Монтмейрану. Побѣда была одержана, и Нантейль сразу составилъ себѣ имя. Судьба его была рѣшена, и „малышъ“, сынъ торговцевъ изъ улицы Ленникъ, долженъ былъ прославить имя Нантейль, поставить его на ряду съ такими именами, какъ Коклянь, Моне-Сюлли... О, какое счастье! Съ какимъ восторгомъ бросился Нантейль въ объятія своего учителя Делоне, который, самъ растроганный до слезъ, дожидаясь своего ученика, по окончаніи пятаго акта. Съ закрытыми глазами, подишалъ Нантейль ангажементъ, предложенный ему администраціей театра, и, стараясь поскорѣе скрыться отъ вѣхъ этихъ поздравленій и рукопожатій, онъ прыгнулъ въ фаякеръ и крикнулъ кучеру:

— Скорѣе! 43, улица Ленникъ! Сто су на чай, скорѣе.

II.

„Боже! Какъ она будетъ счастлива, бѣдная мама, когда узнаетъ объ этомъ успѣхѣ!“

Молодому Нантейлю ясно представилась маленькая лавочка въ улицѣ Ленникъ: отецъ, согнувшійся надъ своей расходной книгой, высчитывающій цѣлыя столбцы цифръ, и сияющій, когда оказывался хотя маленькій барышъ. И мать, прежде бодрая и здоровая, теперь больная, но выздоравливающая.

„Добрые, честные люди! Сколько часовъ провели они за прилавкомъ, продавая штитки, пуговицы и другую мелочь. Часто выходить изъ дому, чтобы отдохнуть — имъ не приходилось... „Сыннишка“ стоить не дешево... еще бы — артистъ. Ему необходимо было свѣжее, хорошее бѣлье, хорошая обувь, перчатки, карманныя деньги!“

Только теперь онъ вполнѣ созналъ, оцѣнилъ молчаливое самопожертвованіе стариковъ, которые безропотно подчинились своей тяжелой долѣ, ради того, чтобы будущее ихъ единственнаго, любимаго сына, улыбалось ему, было усыпано цвѣтами, окружено ореоломъ славы и извѣстности.

Да, теперь онъ добился этой славы! Онъ является теперь посредникомъ между гениемъ поэтомъ и шумной, непостоянной толпой. Эти любимые публикой авторы, эти могучіе, владычущіе даромъ творчества, умы, полные яркой, прививой фантазіи, теперь они будутъ работать для него, обрисовывая и отдѣлывая роли въ своихъ пьесахъ.

И онъ выступитъ борцомъ за нихъ на первыхъ представленіяхъ, когда ему придется выводить на свѣтъ и поддерживать неизвѣстное еще публикѣ произведеніе.

А потомъ, во время кашпюль, онъ вздохнетъ свободно, увезетъ своихъ стариковъ куда-нибудь подалеже, въ цвѣтущій уголокъ Бретани, къ подножію береговъ утесовъ, гдѣ вѣчно рокочетъ и бурлитъ неугомонное море.

— Улица Ленникъ, 43, мы пріѣхали, раздался голосъ кучера, остававшавшаго экипажъ.

Нантейль выскочилъ изъ коляски, лихорадочно позвонилъ и исчезъ въ темной аллеѣ, ведущей къ дому.

Въ тотъ моментъ, когда онъ взялся за ручку двери, ему почудился глухой, сдержанный стонъ.

III.

Ни души въ столовой. Только тамъ, въ маленькой спальней, его мать, его милая, дорогая, родная, неподвижная, распротертая на своей кровати, лежала, улыбаясь мертвой, застывшей улыбкой.

Уткнувшись лицомъ въ одеяло, старикъ горько рыдалъ возлѣ умершей.

Тогда Нантейлю стало понятно все. Жертва была принесена до конца; телеграммы, присылаемыя ему въ театръ, обманывали его. Покойная, эта чистая, святая душа, до конца довела свое самопожертвованіе... Она желала, чтобы ея сынъ былъ спокоенъ и владѣлъ собой на сценѣ.

Любящая мать побѣдила въ себѣ желаніе увидѣть сына, обнять его въ послѣдній разъ...

Въ то время, какъ Паризъ шумно апплодировалъ ему, она билась въ мукахъ предсмертной агоніи...

Безъ слова, безъ звука, сынъ опустился на колѣни подлѣ усопшей.

Долго, долго смотрѣлъ онъ въ ея милое, бѣдное, словно восковое лицо.

Ему казалось, что улыбка на губахъ усопшей становилась все явственнѣе, все свѣтлѣе и радостнѣе, что ея исхудалое, измученное страданіемъ лицо озарилось выраженіемъ неизъяснимаго счастья.

И мертвая она, казалось, радовалась счастьемъ своего сына, которому отдала всю свою жизнь!

Современная гигиѣна,

представленная на Первой Всероссійской гигиѣнической выставкѣ въ С.-Петербургѣ.

Очеркъ Г. С. Вольке.

Гигиѣна — это добрая нянька, которую наука приставила къ человѣку, чтобы оберегать его жизнь и здоровье отъ всевозможныхъ послѣдствій его собственной безпечности, неосторожности, легкомыслія, пиншиствъ и пр., а также отъ многочисленныхъ угрожающихъ ему извѣдъ разнообразныхъ опасностей. Она становится у изголовья новорожденнаго ребенка, неотступно и зорко слѣдитъ за его развитіемъ, провожаетъ всюду взрослога человѣка, какъ добрый другъ-совѣтникъ, до самой могилы, пока не опуститъ его праха въ землю. Наука была бы, однако, безсильна помочь человѣку, если бы осуществленіе ея совѣтовъ и поставленій не взяли въ свои руки сильные своею властью принужденія, богатые матеріальными средствами и располагающіе многочисленнымъ штатомъ исполнителей организованные союзы человѣческаго обществія: раз-

личные благотворительныя общества, учрежденія общественнаго самоуправленія и, наконецъ, правительственныя, какъ отдѣльныхъ государствъ, такъ и всего международнаго союза. Совокупными силами всѣхъ этихъ могущественныхъ дѣятелей удастся спасти жизнь и здоровье не одной сотнѣ тысячъ безпомощныхъ, обездоленныхъ и невѣжественныхъ людей, которые и не знаютъ, какъ помочь себѣ, и не имѣютъ къ тому никакой возможности.

У бѣдной работницы-поденщицы, тяжелымъ трудомъ зарабатывающей себѣ насыщенный кусокъ хлѣба и часто не имѣющей своего угла для ночлега, долженъ родиться ребенокъ. И вотъ, въ критическую минуту, когда матери нуженъ уходъ, а часто и помощь врача, она находитъ и то, и другое въ благотворительномъ учрежденіи, устроенномъ на государствен-

Цѣнители музыки. Съ карг. М. Шгоксъ, по фот. О. Вейраусъ, грав. Геданъ.

Предложеніе. Съ карт. А. Цехи, грав. Герике

ныя, общественныя или частныя средства какого-либо жертвователя. Посмотрите, какаа чистота, какия удобства, какаа заботливость окружают женщину съ момента ея поступления хотя-бы въ С.-Петербургское Надеждинское родовспомогательное заведение, одно изъ многочисленныхъ Учрежденій Вѣдомства Императрицы Маріи. На Всероссийской гигиенической выставкѣ, въ особомъ павильонѣ, занятомъ этими учрежденіями, имѣется, между прочимъ, также образецъ палаты, со всей ея обстановкой и съ кроватью для поворожденнаго.

Заглянувъ въ одну изъ слѣдующихъ комнатъ того же павильона Учрежденій Вѣдомства Императрицы Маріи, вы увидите тамъ модель замѣчательнаго въ своемъ родѣ учрежденія. Это ясли, устроенныя въ городѣ Керчи. Въ выходящей на улицу стѣнѣ зданія устроены небольшія деревянныя двустворчатыя дверцы. Когда ихъ открываютъ, выдвигается самъ собою наружу небольшая деревянный ящикъ, куда бѣдная мать кладетъ своего ребенка. Дверцы захлопываются, ящикъ вдвигается обратно внутрь, а ребенокъ, нажимая тяжестью своего тѣла на дно ящика, производитъ электрической звонокъ. Тотчасъ же является служащая въ ясляхъ женщина, беретъ ребенка, и тутъ же омываетъ въ ваннѣ приготовленной и всегда находящейся здѣсь ванночкѣ. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и изъ этихъ несчастныхъ дѣтей, уже при самомъ рожденіи своемъ обреченныхъ на смерть, вырастаютъ честныя и полезные труженики на пользу общества. Посмотрите на развѣшанныя подлѣ на стѣнахъ фотографіи. Вы увидите мальчиковъ и дѣвочекъ, принесенныхъ когда-то съ улицы и положенныхъ въ ясли; теперь же они, подъ руководствомъ учителей и учительницъ, обучаются въ школѣ, устроенной при тѣхъ же ясляхъ.

Если вы хотите узнать, какъ устроена жизнь этихъ прирѣваемыхъ благотворительностью младенцевъ, войдите въ отдѣленіе павильона, изображающее комнату С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома. Вы увидите кровать, устроенную спеціально для преждевременно родившихся дѣтей. Это маленькая ванночка съ двойными стѣнками, между которыми наливаются теплая вода, окружающая такимъ образомъ постельку младенца и доставляющая необходимую для его развитія теплоту. Рядомъ чистенькая, хорошенькая кровать другихъ воспитанниковъ Дома и кровать кормилицы. А вотъ и она сама съ ребенкомъ на рукахъ. Манекены восковые сдѣланы такъ удачно, что издалека можно принять ихъ за живыхъ. Подлѣ—вѣсы для взвѣшиванія всѣхъ приносимыхъ въ Воспитательный Домъ дѣтей и столикъ для приготовленія молока тѣмъ дѣтямъ, которыхъ приходится прикармливать изъ рожка. Здѣсь же шкафикъ со всѣми принадлежностями для оспопрививанія, ванна для купанія дѣтей и столъ для чистанія. Изъ учрежденій, посвятившихъ себя уходу и лѣченію дѣтей, страдающихъ хроническими болѣзнями, останавливаетъ вниманіе замѣчательная въ своемъ родѣ „Дѣтская санитарная станція“, устроенная на Хаджибейскомъ лиманѣ Обществомъ попеченія о больныхъ дѣтяхъ города Одессы. Здѣсь содержатся въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ дѣти отъ 2-хъ до 15-ти-лѣтняго возраста, страдающія золотухой, ревматизмомъ, англійской болѣзью, искривленіемъ позвоночника и другими органическими болѣзнями. Средствами лѣченія, кромѣ здороваго, обильнаго питанія и чистаго воздуха, служатъ ранныя ванны, купанье въ лиманѣ, грязевыя ванны. Результаты оказываются въ высшей степени благоприятны: половина всѣхъ перебивавшихъ на станціи дѣтей (562) выздоровѣла совершенно, 38% поправилось.

Къ сожалѣнію, экспонаты выставки далеко не вполне обнимаютъ всю область гигиены ребенка. Гигиена эта представляетъ теперь, правда, слишкомъ обширный, научно разработанный отдѣлъ, который содержитъ массу полезныхъ указаній о всѣхъ подробностяхъ ухода за дѣтьми, о питаніи ребенка, его одеждѣ, обуви... Чрезвычайно полезно было бы продемонстрировать на выставкѣ различные употребительныя въ народѣ и обществѣ суррогаты женскаго молока, съ оцѣнкой ихъ качества, выставить приборы для стерилизаціи и варки молока, а также для изслѣдованія его. Вопросъ о нормальной одеждѣ ребенка, относительно которой такъ грѣшатъ многія матери, больше заботящаяся объ удовлетвореніи капризовъ моды, чѣмъ о здоровьѣ своего ребенка, также вполне заслуживаетъ вниманія устроителей выставки.

Что касается области слѣдующей за дѣтской, школьной гигиены, то здѣсь на первомъ планѣ стоитъ, конечно, забота о правильномъ и согласномъ съ требованіями гигиены обученіи дѣтей. Современное общество создало, наконецъ, ошибку и заблужденія нашихъ отцовъ въ этомъ вопросѣ, и старается ишиѣ устранить, по возможности, причины того зла, которое причиняла учащимся старая школа. Помните сырыя, темныя, холодныя, тѣсныя, душныя и грязныя школьныя помѣщенія добраго стараго времени, розгу воспитателя, ужасную зубристку никому и ни для чего ненужныхъ предметовъ, постоянныя простуды и болѣзни учениковъ, и сравните все это съ новыми роскошными училищными зданіями и классами, гуманное обращеніе съ учениками, раціональную систему преподаванія, заботу о физическомъ и умственномъ здоровьѣ учащихся,—услѣхъ очевидный и несомнѣнный. На выставкѣ множество плановъ, фотографиче-

скихъ снимковъ и моделей, которыми увѣшаны и обставлены стѣны громаднаго павильона Министерства Народнаго Просвѣщенія. Сколько мѣста, воздуха и свѣта въ классахъ, какаа удобная и гигиеническая школьная мебель, какиа обширныя дворы для игръ и физическихъ упражненій дѣтей! На стѣнахъ цѣлыя альбомы видовъ разныхъ министерскихъ и общественныхъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній изъ всѣхъ округовъ—имѣется даже планка изъ Зап.-Сибирскаго учебнаго округа. По водному теперь вопросу о переутомленіи учащихся, Министерство выставило громадныя стѣнныя картограммы, гдѣ графически представлены сравнительныя данныя о числѣ часовъ сна у учащихся дѣтей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ шведскихъ и русскихъ, о числѣ часовъ занятій классныхъ и вѣклассныхъ у дѣтей, учащихся преимущественно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ Россіи, такъ и западныхъ странъ (въ Пруссіи, какъ видно по картѣ, ученики занимаются гораздо меньше, чѣмъ въ Россіи), о распредѣленіи дня у учащихся дѣтей въ Россіи и на Западѣ, и, наконецъ, данныя о степени развитія нервной слабости (нейрастеніи) у учащихся, по наблюденіямъ за трехлѣтіе 1890—92 гг.

Среди многочисленныхъ экспонатовъ отдѣла школьной гигиены особенно интересна модель дѣтней колоніи для дѣтей въ имѣніи Сумскомъ. Громадная модель эта наглядно показываетъ, чѣмъ занимаются дѣти въ этой колоніи. Здѣсь въ полномъ разгарѣ полевыя работы: дѣвочки сгребаютъ граблями сѣно, собираютъ и вилжутъ снопы, мальчики ташатъ ихъ на скирду, а оттуда сверху распорядается работами ихъ старшіи товарищи; тамъ дѣти съ полнымъ рвеніемъ отдаются занятіямъ огородничества, въ другомъ мѣстѣ двое мальчишекъ пилить дрова, другіе перемалываютъ на ручной мельницѣ муку, а вотъ и маленькій плотникъ усердно трудится за своимъ станкомъ.

Дѣти и рабочіе—вотъ о комъ нечется больше всего современная гигиена, главная цѣль которой помочь всѣмъ безпомощнымъ. Модель домовъ для рабочихъ, выставленная фирмою В. Руже и Эндеръ, имѣющей фабрику въ городѣ Пабинцахъ Петроковской губерніи (Лодзинскій районъ), служить иллюстраціей господствующаго вѣдѣ среди самихъ фабрикантовъ стремленія создать для рабочихъ человѣческія условія жизни. Въ желѣзнодорожномъ отдѣлѣ вы найдете свидѣтельствующіе о томъ же стремленіи планы жилищъ для служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ рабочихъ. По особенную заботливость о здоровьѣ и благосостояніи рабочихъ проявляетъ теперь само правительство, какъ въ особомъ фабричномъ законодательствѣ, такъ и въ установленіи системы надзора за фабриками и заводами въ лицѣ особыхъ органовъ— фабричныхъ инспекторовъ,—и что предъявляемая къ фабрикантамъ требованія правительства само добросовѣстно выполняетъ, это лучше всего видно изъ обстоятельныхъ и подробныхъ картограммъ, выставленныхъ Экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. Здѣсь вы найдете свѣдѣнія и о составѣ, температурѣ, влажности воздуха, которымъ дышатъ рабочіе, и о качествахъ потребляемой ими воды, и о питательности предлагаемой ими пищи и, наконецъ, о перенесенныхъ ими болѣзняхъ.

Одну изъ самыхъ существенныхъ задачъ гигиены рабочихъ представляетъ достиженіе такихъ условій и порядковъ производства, при которыхъ число несчастныхъ случаевъ съ рабочими сведено было бы до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. Но что въ этомъ направленіи придется еще много поработать правительству, доказываютъ составленные врачомъ Никольскимъ таблицы, на которыхъ графически обозначены какъ количество всѣхъ бывшихъ за время съ 1872 по 1890 годъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими на горныхъ заводахъ, рудникахъ и промыслахъ въ Россіи, такъ и самыя причины полученныхъ поврежденій.

Не меньшее значеніе имѣетъ организація врачебной помощи для рабочихъ, какъ на самихъ фабрикахъ и заводахъ, такъ и, вообще, въ городахъ и уѣздахъ.

Особенно важно для общественной гигиены, чтобы вслѣдъ за болѣзней какою-либо заразною болѣзью, былъ тотчасъ-же изолированъ отъ общенія съ здоровыми. Задача этой стараются удовлетворить особыя, устраиваемыя теперь повсемѣстно, безплатныя больницы спеціально для заразныхъ больныхъ. Образцомъ такой больницы можетъ служить С.-Петербургская городская больница въ память Водкина, устроенная по новѣйшей барачной системѣ, съ отдѣльными бараками для каждой заразной болѣзни. Модель ея выставлена при самомъ входѣ на выставку, предъ павильономъ С.-Петербургской городской думы. Вообще, больничный отдѣлъ представленъ очень широко на Всероссийской гигиенической выставкѣ. Обзоритель ея можетъ ознакомиться со всѣми новѣйшими усовершенствованіями науки въ этой области по многочисленнымъ моделямъ, какъ въ миніатюрѣ, такъ и въ настоящую величину, по множеству плановъ и фотографій и, наконецъ, по обстановкѣ самыхъ палатъ и другихъ помѣщеній для больныхъ, которая перенесена на выставку и установлена въ томъ самомъ видѣ, какъ она имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Стѣны, полы и мебель выкрашены бѣлой масляной краской, такъ что—малѣйшая пыль, малѣйшее пятно обнаруживается и тотчасъ же удаляется. Постель и одежда больныхъ, костюмы прислуги и врачебнаго персонала, все это тщательно приспособлено къ

тому, чтобы все бывшее в соприсосовеніи съ заразнымъ больнымъ, всякій источникъ зараженія были немедленно удалены или уничтожены.

Чрезвычайно интересную коллекцію больничныхъ кроватей для больныхъ воспитанницъ институтовъ выставило Вѣдомство Учрежденій Императрицы Маріи. Здѣсь наглядно представлена исторія постепеннаго усовершенствованія ихъ, при чемъ вмѣстѣ съ удобствами для больной увеличивалась и гигиеничность кроватей въ смыслѣ мельчайшаго и скорѣйшаго ихъ обеззараживанія.

Мы привыкли думать, что больной или раненый солдатъ или матросъ не пользуется и согою долею той гуманной заботливости и ухода, которыми окружаютъ больныхъ въ больницахъ гражданскаго вѣдомства. Но, посѣтивъ гигиеническую выставку, вы убѣдитесь, что о солдатѣ и матросѣ начальство его заботится не меньше, чѣмъ администрація городской больницы, и дѣлаетъ все, конечно, зависящее, чтобы уменьшить его страданія и улучшить его положеніе. Напримеръ, въ отдѣлѣ Морского вѣдомства имѣется интересная модель, изображающая, какъ матросы спускаютъ въ люкъ своего больного товарища на особые носилкахъ, образецъ которыхъ стоитъ здѣсь же рядомъ, при чемъ, дѣйствительно, переносъ этотъ совершается съ наименьшимъ безпокойствомъ для страдальца. Возлѣ—мачта съ привѣшенной къ ней на веревкахъ больничной койкой, лежа на которой, больной не испытываетъ такой ужасной качки и толчковъ, какіе неизбежны во время сильнаго волненія на морѣ.

Военное вѣдомство и его главный помощникъ во время войны — „Красный Крестъ“ выставили также цѣлую коллекцію приспособленій для лучшаго помѣщенія больныхъ и раненыхъ. На дворѣ выставки выстроены въ натуральную величину различныя типы переносныхъ и разборныхъ барачковъ и палатокъ, сколачиваемыхъ или составляемыхъ наскоро въ походѣ или во время маневровъ. Особенно интересны разнообразныя способы, къ которымъ прибѣгаютъ, чтобы возможно спокойнѣе перевозить больныхъ и раненыхъ солдатъ при самыхъ различныхъ условіяхъ мѣстности. Чаще всего

приходится имѣть дѣло съ вагонами желѣзныхъ дорогъ, и здѣсь изобрѣтательность врачей и санитаровъ имѣла наибольшее примѣненіе. Въ одномъ вагонѣ рядъ коеекъ подвѣшенъ вдоль стѣнъ на веревкахъ или ремняхъ, въ другомъ—на резиновыхъ подпорахъ, въ третьемъ—на пружинахъ; расположеніе самихъ коеекъ тоже очень разнообразно. Далѣе разставлены модели передѣланныхъ и приспособленныхъ для перевозки равныхъ тяжелыхъ южно-русскихъ фуръ, великорусскихъ телѣгъ, двухколесныхъ одноколеекъ и, наконецъ, верблюда пустыни, по обѣимъ сторонамъ котораго подвѣшены больничныя койки. Для водной транспортировки пользуются баржами. Цѣлая серія носилокъ дополняетъ эту картину дѣятельности Краснаго Креста.

Для перевозки по желѣзнымъ дорогамъ больныхъ заразныхъ, холерныхъ и другихъ въ мирное время существуютъ такъ-называемыя санитарныя вагоны. Различныя типы этихъ послѣднихъ представлены подлинными экземплярами такихъ вагоновъ, которые доставлены были на гигиеническую выставку по временно проложеннымъ рельсамъ, которые переносились съ мѣста на мѣсто нѣсколько ночей подрядъ. Когда войдешь внутрь этихъ вагоновъ, то просто поражаешься этой изумительной чистотой, порядкомъ и удобствами, о какихъ еще недавно никто не смѣлъ и мечтать. Во всемъ виднѣсь примѣненіе послѣдняго слова науки и техники.

О дѣятельности желѣзныхъ дорогъ, казенныхъ и частныхъ, спеціально въ холерное время можно составить себѣ довольно отчетливое представленіе по многочисленнымъ экспонатамъ этихъ дорогъ, занявшимъ огромный навальонъ на выставкѣ. Здѣсь вы найдете и поѣздныя холерныя аптечки, и носилки, и кровати для больныхъ, и всевозможныя типы дезинфекціонныхъ камеръ и аппаратовъ въ моделяхъ и чертежахъ, напр., большую модель камеры-вагона для дезинфекціи перегрѣтымъ паромъ, проведеннымъ изъ паровика желѣзнодорожнаго поѣзда, особо устроенный переносный пульверизаторъ для дезинфекціи карболовой кислотой, нефтяную переносную печь для уничтоженія выдѣленія больныхъ и пр.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Лѣто. (Рис. на стр. 557).

...Солнце поднимаетъ
Изъ-за сосенъ шаръ свой. Сильно припекаетъ.
Жатву. Сладко пахнетъ въ воздухѣ гречихой.
По ржаному полю утреннечекъ тихій,
Вѣтерокъ, гуляя, росу огрываетъ,
Быть дождю или ведру—но росѣ гадаетъ,
И шуршитъ соломой, словно безпокоюсь,
И ему колосыя кланяются въ поляхъ...

Я. Полонскій.

Городъ Кашинь. (Рис. на стр. 560).

Городъ Кашинь принадлежитъ къ самымъ древнимъ городамъ Тверской губ. Преданіе относитъ его основаніе ко временамъ языческимъ, даже показываетъ мѣста, гдѣ стояли идолы: одно изъ нихъ находится неподалеку отъ Клобукова монастыря, въ концѣ города, съ восточной стороны, это—недоступный по зыбелю, желѣзистый родникъ; другое—три родника рядомъ, тоже желѣзисто-сѣрыя, съ западной стороны города; третье—тоже содержащій желѣзо родникъ, называемый „Веселево“, верстахъ въ 4-хъ отъ города на сѣверо-западъ, близъ деревни Серьговки и села Странкова. На это Веселево, по старинному обычаю, ведущемуся съ незапамятныхъ временъ, въ день Всѣхъ Святыхъ, жители города и окрестныхъ деревень собираются на гулянье. Такъ какъ день Всѣхъ Святыхъ бываетъ въ началѣ лѣта, то есть основаніе предполагать, что во времена долошкониства, на этомъ мѣстѣ жители древняго Кашиня устраивали празднества въ честь бога любви „Ладо“. Это божество наши предки всегда чествовали въ началѣ лѣта, (отъ 25 мая по 25 июня), вслѣдствіе чего, вѣроятно, и уцѣлѣлъ обычай собираться туда на гулянья именно въ это время.

Въ исторіи названія Кашиня въ первый разъ упоминается въ началѣ XIII вѣка, когда Батый въ 1238 году, одновременно съ Тверью, выжегъ и разорилъ Кашинь. Здѣсь до сихъ поръ хорошо сохранился земляной валъ, служившій, по преданію, укрѣпленіемъ и защитой для жителей города; впоследствии Кашинь подвергался набѣгамъ татаръ, Литвы, поляковъ и ивировъ. Въ 1288 году Кашинь выдержалъ 9-дневную осаду союзныхъ войскъ: Дмитрія Переславскаго, Андрея Городецкаго, Даниила Московскаго, Дмитрія Ростовскаго и повгородцевъ, но не сдался. Во времена княженія Михаила Ярославича Тверскаго Кашинь принадлежалъ Тверскому князюству. Послѣ смерти Св. Благовѣрнаго Князя Михаила Ярославича, замученнаго въ ордѣ ханомъ Узбекомъ въ 1318 году, въ городѣ Кашинѣ сталъ отдѣльно княжить сынъ его Василій Михайловичъ вмѣстѣ со своею матерью Св. Благовѣрною Книгиней Анной, которая впоследствии, сдѣлавшись монахиней,

умерла въ ономъ городѣ. Въ Кашинскомъ Воскресенскомъ соборѣ въ великолѣпно украшенной драгоцѣнной рацѣ покоится ея Св. мощи, почитаемая жителями г. Кашиня, какъ величайшая святыня. Мощи эти были открыты въ царствованіе цари Алексѣя Михайловича и въ присутствіи его были положены въ раку. Съ тѣхъ поръ Св. Преподобная Книгиня Анна стала почитаться жителями, какъ молитвенная помощница и покровительница города.

Самостоятельность Кашинскаго княжества длилась около столѣтій, онъ опять вошелъ въ составъ Тверскаго княжества. Въ 1486 г. Іоаннъ Васильевичъ III, великій князь Московскій, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Кашинь вмѣстѣ съ Тверью. Со времени царствованія Петра I до 1776 года Кашинь былъ городомъ Московской губерніи, Углицкой провинціи, а съ 1776 г. былъ отчисленъ въ уѣздные города Тверскаго намістничества.

Въ Кашинѣ имѣлся свой историческій матеріалъ,—лѣтописи, которыя, къ несчастію, сгорѣли во время одного изъ опустошительныхъ пожаровъ. Въ первый разъ Кашинь сгорѣлъ весь до тла въ 1392 г. Преданіе говоритъ, будто-бы въ прежнія времена въ немъ было до 15 монастырей.

Мѣстоположеніе Кашиня довольно живописно. Мѣстность волнистая, и по ней пробѣгаетъ до причудливости извилистая рѣчка Кашинка со своими четырьмя притоками; двѣ изъ нихъ Маслянка и Вожа впадаютъ въ Кашинку внутри города, остальные двѣ—Печьвара и Кисть за городомъ. Со времени царствованія Николая I до 60-ти-десятихъ годовъ Кашинь славился „выработываемымъ“ чамъ вишамъ.

Въ настоящее время г. Кашинь представляетъ изъ себя маленькій красивый городокъ, занимающій пространство не болѣе 6-ти квадрат. верстъ и разбросанный по холмамъ, ложбинамъ и круглымъ берегамъ тоже маленькой рѣчки Кашинки, которая своими изгибами проходитъ черезъ весь городъ, доставляя воду всѣмъ безъ исключенія жителямъ. Кругомъ центра города Кашинка обтекаетъ колыбомъ такъ, что самый центръ находится какъ-бы на полуостровѣ съ узкимъ перешейкомъ, по которому могутъ разѣхаться не болѣе, какъ двѣ тройки лошадей. Съ остальнымъ городомъ центръ сообщается черезъ рѣку посредствомъ 3-хъ мостовъ и 5-ти мостковъ для пѣшеходовъ. Обиліе воды, даваемое рѣкою и ея притоками, дополняется еще множествомъ прудовъ и колодезей. Кашинцевъ издревле зовутъ должно быть за это „водохлебами“. Въ Кашинѣ насчитывается около 1200 домовъ, изъ нихъ большая часть деревянные, но не мало и каменныхъ. Улицы и площади въ городѣ вымощены камнемъ. Церквей 24—всѣ православныя и содержится съ должнымъ благолѣніемъ.

Кромѣ того, въ городѣ имѣются три монастыря. Два мужскіе съ архимандритами, содержаніе которымъ пожертвовано давно умершей кашинской купчихой А. В. Вошчаковой; и одинъ мо-

настигъ женскій, прекрасно устроенный и имѣющій болѣе 300 сестеръ. Этотъ монастырь находится въ концѣ города, на южной сторонѣ, и занимаетъ высокую мѣстность, а по красотѣ своего большого храма, видимого со всѣхъ концовъ города, можетъ соперничать, по словамъ жителей города, съ какими угодно сооружениями въ этомъ родѣ. Изъ городскихъ церквей самое первое мѣсто по весьма красивой архитектурѣ, по обширности и по мѣстоположенію занимаетъ Воскресенскій соборъ, видимый за 10 верстъ отъ города.

Въ Камниѣ имѣются минеральные источники углекисло-железисто-сѣрнаго свойства; эти источники благотѣльно дѣйствуютъ отъ многихъ болѣзней, сопряженныхъ съ малокровіемъ. При источникахъ сдѣланы прииспособленія для пользующихся. Хочется вѣрить, что со временемъ эти минеральныя воды получатъ должную извѣстность у насъ. Подробное описаніе сдѣлано докторомъ А. В. Алексѣевскимъ („Медицинское Обозрѣніе“ за 1884-й г. № 10). Въ торговомъ отношеніи Камниѣ, главнымъ образомъ, занимается теперь продажей льна, котораго ежегодно вывозится болѣе чѣмъ на миллионъ руб. Жителей въ Камниѣ всего около 8000.

Живописность мѣстоположенія города увеличивается зеленью садовъ, которыхъ въ Камниѣ очень много. Изъ нихъ три общественныя, городскія. Очень красивъ и до нѣкоторой степени оригиналенъ садъ при минеральныхъ водахъ, расположенный по склону горы. Вообще, Камниѣ по всей справедливости можно назвать однимъ изъ красивѣйшихъ уголковъ Россіи; онъ лежитъ въ 125 вер. отъ Твери и 180 вер. отъ Москвы. Въ 12 вер. отъ Кашина находится Сергіевская пристань; тутъ и останавливаются желающіе ѣхать въ Камниѣ. Отъ желѣзной дороги Камниѣ находится въ 55 верстахъ.

Послѣднія минуты.

(Рис. на стр. 561).

Послѣдній минуты! — чело-вѣкъ отходитъ въ вѣчность, прощается съ жизнью, кругомъ него плачутъ, и даже доктора, издавна на своемъ вѣку много умирающихъ, и тѣ стараются заняться ненужными уже теперь больному лѣкарствами, чтобы скрыть свое смущеніе... Но взгляните въ лицо самого умирающаго — какая тихая и ясная улыбка освѣщаетъ его! Онъ, словно уже увидѣвший отблескъ того новаго міра, въ который ему придется вступить сейчасъ, какъ будто удивляется — зачѣмъ плачутъ и горюютъ кругомъ, когда ему такъ хорошо и покойно, когда его безсмертный духъ готовъ уже оставить эту временную, тѣлесную оболочку и, точно изъ тюрьмы, вырваться на свободу. Смерть есть рожденіе въ лучшую, болѣе свѣтлую жизнь, и счастливъ тотъ, кто заслужитъ кончину блаженную, мирную, несомнѣнную, какъ молится Церковь о послѣднихъ часахъ на землѣ своихъ вѣрующихъ сыновъ!..

Послѣдняя преграда. (Рис. на стр. 565).

Рисунокъ Р. Штейна переноситъ насъ въ эпоху среднихъ вѣковъ и представляетъ одну изъ сценъ борьбы славянскихъ воиновъ съ сосѣднимъ какимъ-нибудь нѣмецкимъ рыцаремъ. Сраженіе кончилось. Побѣда была на сторонѣ славянъ. Молодой рыцарь отбилъ отъ своихъ, замедливъ на полѣ битвы для того, чтобы поднять къ себѣ на сѣдо старика-отца, раненаго удачнымъ ударомъ противника. Онъ скакалъ теперь наугадъ, куда глаза глядѣли — лишь бы не попасться во власть побѣдителей. Казалось, это удастся ему; онъ чувствовалъ по храпу лошадей погоню, что онѣ утомлены уже, а его конь былъ полонъ еще силъ и могъ выдержать долго, не измѣняя своего бѣга. Но вдругъ онъ на лету сразу остановился, упершись передними ногами... Пронали всѣ успія: — море, плещущее волнами о каменистый берегъ, преградило имъ дорогу. Это была страшная, роковая, непреодолимая, послѣдняя преграда!.. Враги настигли, съ ними трудно было бороться; но рыцарь не сдался легко: онъ отбивался до тѣхъ поръ, пока не палъ подъ ударами тяжелыхъ мечей... И стало однимъ храбрецомъ меньше среди доблестныхъ рыцарей, но за то одно лишнее славное имя прибавилось къ числу тѣхъ, о которыхъ иѣли народу долго потомъ миннезингеры...

Цѣнители музыки. (Рис. на стр. 568).

Много словъ не надо для этой хорошеющей картинки. Она сама за себя говоритъ и всякій съ удовольствіемъ полюбуется нашими бѣлыми котятками, забавляющимися со скрипкой.

Предложеніе. (Рис. на стр. 569).

Работы современныхъ итальянскихъ художниковъ, въ подлинникахъ или гравюрахъ, только за послѣднее время получили должную извѣстность и начали появляться на страницахъ не итальянскихъ журналовъ, къ печатанію ихъ украшенію. Искусно написанныя до мелочей, онѣ въ то-же время всегда привлекательны въ общемъ. Образцомъ можетъ служить картина А. Чеки, на которой изображено ухаживаніе пзычнаго кавалера за миловидною дѣвушкой въ костюмахъ современныхъ Людовика XIII.

Профессоръ И. Я. Фойницкій. (Портр. на этой стр.).

Перваго іюня исполнилось двадцать пять лѣтъ учено-литературной дѣятельности ординарнаго профессора С. Петербургскаго университета по кафедрѣ уголовного права, Ивана Яковлевича Фойницкаго, имя котораго пользуется общеввропейской извѣстностью. Фойницкій съ первыхъ шаговъ своей ученой дѣятельности высказалъ точный и опредѣленный взглядъ на

Профессоръ Иванъ Яковлевичъ Фойницкій (по поводу 25-ти-лѣтія ученой дѣятельности). Съ фот. грав. Шюблеръ.

уголовное право, какъ на науку о личномъ состояніи преступности въ его выраженіяхъ — преступныхъ дѣяній, въ его условіяхъ — космическихъ (почва, климатъ, раса, питаніе, полъ, возрастъ), общественныхъ (общественныя бѣдствія, война и т. п.) и индивидуальныхъ (особый складъ вольной дѣятельности человека) и въ его послѣдствіяхъ — наказаніяхъ. Этотъ взглядъ, сочувственный вѣтрѣченный лучшимъ европейскимъ юристами, легъ въ основаніе новѣйшихъ и весьма важныхъ направлений въ области философской разработки уголовно-юридическихъ явленій. Разсмотрѣвъ ученіе о наказаніи, Фойницкій высказывается за мѣры индивидуальныя, примѣненіе которыхъ превратило бы негоднаго члена общества въ годнаго и полезнаго для общества. „Охраненіе правопорядка — говоритъ Фойницкій въ своемъ научномъ трудѣ „Ученіе о наказаніи“ — можетъ быть достигнуто или мѣрами объективными, или мѣрами личнаго воздѣйствія, субъективными. Является неизбежный вопросъ: почему же для охраненія правопорядка не довольствоваться мѣрами объективными, наиболѣе совершенными и дѣйствительными? Почему крамрамъ нужно и можно противопоставлять тюрьму и, какъ думали, даже розги, а не устройство въ голодную эпоху народныхъ столовыхъ, не раздачу съѣстныхъ припасовъ, улучшеніе подвоза и т. п. Исторія права уже во многихъ случаяхъ успѣла регистрировать переходъ отъ мѣръ субъективныхъ къ объективнымъ, и такая смѣна есть одинъ изъ крупныхъ признаковъ прогресса“. Высказываясь такимъ образомъ за объективныя мѣры, Фойницкій не довольствуется, однако, ими и требуетъ пополненія ихъ мѣрами индивидуальными, основанными на изученіи личности наказуемаго. „Иѣтъ болѣзней, есть больные“ — было сказано въ медицинѣ, „иѣтъ преступленій, есть преступники“ — провозгласилъ Фойницкій, и выдвинулъ изученіе личности преступника на первый планъ. Въ настоящее время это положеніе захватываетъ себѣ все болѣйшій районъ поборниковъ и несомнѣнно окажется богатымъ значительными послѣдствіями.

Работы по специальному курсу тюремнѣдѣнія, возложенныя на И. Я. Фойницкаго юридическимъ факультетомъ С. Петербургскаго университета, и изслѣдованія въ области института ссылки, открыли Фойницкому архивы Министерства Юстиціи, Государственнаго Совѣта и Сибирскаго комитета и дали ему возможность собрать интересныя данныя для освѣщенія нашей исторіи не только тюрьмы и ссылки, но и смертной казни, а также выяснитъ значеніе многихъ памятниковъ нашего законодательства. Какъ извѣстно, Фойницкій высказывается противъ ссылки, какъ мѣры наказанія, и противъ примѣненія такой тюрьмы, которая не исправляетъ преступника, а скорѣй развращаетъ его. Исправленіе преступника — вотъ что является государственною необходимостью, и это положеніе ученія Фойницкаго подкрѣпляется огромнымъ числомъ рѣдкостей при существующемъ репрессивномъ режимѣ. Наоборотъ, опытъ учреждений для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ показываетъ, что общество выигрываетъ, когда на доставленіе пользы наказуемому и исправленіе его личности дѣйствуютъ рациональныя мѣры.

Иванъ Яковлевичъ Фойницкій родился въ 1847 г., первонач-

чалное воспитание получилъ въ гимназіяхъ Черниговской и Могилевской. Въ 1864 году онъ поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ кончилъ блестяще курсы въ 1868 году и получилъ золотую медаль за сочиненіе „О мѣрахъ пресѣченія обвиняемыхъ способомъ уклоняться отъ слѣдствія и суда“. Послѣ удачной защиты Фойницкимъ магистерской диссертациі, подъ заглавіемъ „Мошенничество по русскому праву“, онъ былъ избранъ въ 1871 году С.-Петербургскимъ университетомъ штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ уголовного права и отправился за границу для усовершенствованія, гдѣ находился до 1873 года. Защитивъ въ 1881 г. блестяще докторскую диссертацию „О ссылкѣ на западъ“, И. Я. занялъ кафедру уголовного права сперва въ качествѣ экстраординарнаго профессора, затѣмъ ординарнаго.

Н. Афанасьевъ.

Донъ Кристобаль Колонъ, герцогъ Верагуа.

(Портр. на этой стр.)

Всемирная Колумбійская выставка въ Чикаго выдвинула на степенъ мировой извѣстности интересующаго теперь весь цивилизованный міръ Стараго и Новаго Свѣта донъ Кристобала Колона, герцога Верагуа, прямого потомка (въ десятомъ поколѣніи) Христофора Колумба. На открытіи выставки ему было предоставлено почетнѣйшее мѣсто рядомъ съ самымъ президентомъ Кливлендомъ. Герцогъ Верагуа явился по приглашенію Америки на мировое празднество и былъ встрѣченъ съ неописуемымъ восторгомъ, почетомъ и радуніемъ.

Въ Нью-Йоркѣ и Чикаго устраивался въ честь него рядъ овацій и торжествъ. Герцогъ Верагуа на открытіи выставки былъ въ адмиральской формѣ. Его стройная, немного художавая фигура, строгая осанка, дѣлаютъ его очень симпатичнымъ. Несмотря на то, что ему за пятьдесятъ лѣтъ теперь, его темнорусые волосы чуть серебрятся сѣдиной, а голубые глаза смотрятъ весело и жизнерадостно. Въ общемъ герцогъ внѣшностью своей скорѣе напоминаетъ англичанина, чѣмъ испанца. Точно такъ же очень мила и симпатична его 18-лѣтняя дочь, герцогиня Марія дель Пиларъ Колонъ Агвилера. Въ Америкѣ она общезвѣстна подъ именемъ миссъ Колумбусъ, и такъ же, какъ и отецъ, своими длинными блокуриными волосами и голубыми глазами напоминаетъ скорѣе дочь Альбіона, чѣмъ испанку.

Внутренній видъ вагона - гостиной на желѣзной дорогѣ изъ Нью-Йорка въ Чикаго.

(Рис. на этой стр.)

На американскихъ желѣзныхъ дорогахъ совсемъ иные порядки, чѣмъ на нашихъ. Тамъ не даютъ ни звонковъ; ни свистковъ; каждый пассажиръ долженъ знать, что пора отойти въ назначенный часъ и, слѣдовательно, къ этому вре-

мени долженъ явиться на вокзалъ и сѣсть въ вагонъ. Во всѣхъ поѣздахъ Мичиганской центральной желѣзной дороги есть особые вагоны первого класса (Wagner Palast Car. Co), удовлетворяющіе самымъ изысканнымъ требованіямъ комфорта, поражающіе своими удобствами и богатымъ убранствомъ. Это дѣлае роскошные салоны, украшенные дорогими смирнскими коврами, шелковыми занавѣсами, уставленные мягкими, уютными подвижными креслами. Для курящихъ имѣется въ вагонѣ курительная комната, затѣмъ — умывальная, бюро, въ которомъ къ услугамъ пассажировъ находится пишущая машинка. Затѣмъ слѣдуетъ, соединенный съ первымъ вагономъ крытымъ ходомъ, вагонъ-столовая и, наконецъ—вагонъ-спальни.

Желѣзнодорожный путь изъ Нью-Йорка въ Чикаго идетъ на значительномъ разстояніи вдоль берега рѣки Гудзона. У города Албани путь пересѣкаетъ эту рѣку и идетъ далѣе по живописной долинѣ Могака. Мѣстность весьма живописна и ею можно любоваться изъ зеркальныхъ оконъ вагоновъ, дѣйствительно, обставленныхъ по-царски.

Политическое обозрѣніе.

Въ Германіи начались выборы въ рейхстагъ. Избирательное движеніе, въ общемъ, прошло спокойно, если не считать нѣсколькихъ случаевъ нарушенія порядка социаль-демократами, послѣдствіемъ чего было закрытіе отдѣльныхъ сходбищъ.

Кассационная камера въ Парижѣ рассмотрѣла дѣло о „панамцахъ“ по ихъ жалобамъ и вынесла постановленіе, въ которомъ сказано, что слѣдствіе и судопроизводство противъ Шарля Лессенса, Фонтана и Эйфели лишены законнаго основанія и не дѣйствительны. Камера находитъ лишнимъ новое разбирательство дѣла другою судебною палатою. Фонтанъ и Эйфель освобождены изъ-подъ стражи, но Шарль Лессенсъ долженъ еще отбыть наказаніе за подкупъ.

Враждебныя толкованія большнхъ германскихъ газетъ рѣчей графа Кальвоки, равно неблагоприятные отзывы значительной части англійской прессы заставили перваго министра Австріи сдѣлать нѣсколько разъясненій своей предшественствующей рѣчи и тѣмъ умалить благоприятное впечатлѣніе, сдѣланное ею на прочнхъ истолкователей ея значенія. По официальному отчету о заявленіяхъ графа Кальвоки въ бюджетной комиссіи австрійской делегаціи министръ сказалъ: „Съ величайшимъ сожалѣніемъ я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ германскихъ газетахъ мои заявленія толкуютъ вовсе несоответственно. На болѣе или менѣе оскорбительныхъ обвиненіяхъ отдѣльныхъ газетъ я останавливаться не намѣренъ, но для того, чтобы относительно нашей политики не могли произойти въ Германіи какія-либо недоразумѣнія, полагаю

Донъ Кристобаль Колонъ, герцогъ Верагуа (прямой потомокъ Христофора Колумба въ десятомъ поколѣніи). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Внутренній видъ вагона-гостиной на желѣзной дорогѣ изъ Нью-Йорка въ Чикаго. Грав. Флюгель.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣе проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

долгом повторить, что союзы наши существуют, непрежнему, въ прочномъ и неизмѣнномъ видѣ. Изъ моихъ заявленій объ упрочившихся надеждахъ на сохраненіе мира и о нашихъ дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи выведенъ былъ антагонизмъ съ точкою зрѣнія берлинскаго кабинета“.

Загбъ министръ повторилъ, что онъ энергично ратовалъ за дальнѣйшее развитіе вооруженныхъ силъ и что въ проведеніи военныхъ мѣръ со стороны германскаго правительства онъ видѣлъ гарантію мира рѣшающаго характера. „Мои заявленія—продолжалъ министр—о нашихъ отношеніяхъ къ Россіи были по непониманію истолкованы, какъ объявленіе о политической перемѣнѣ фронта. Союзныя правительства всегда держались правила, что поддержаніе хорошихъ отношеній къ другимъ державамъ со стороны державъ, участвующихъ въ союзѣ, не исключается. Самъ князь Бисмаркъ, осно-

ватель союза, постоянно говорилъ, что возможно болѣе дружественныя отношенія къ Россіи служатъ лучшему гарантію сохраненія мира. Вотъ почему всѣ шаги берлинскаго кабинета въ этомъ направленіи мы всегда сопутствовали полнымъ до- вѣріемъ и лучшими пожеланіями“.

На сдѣланный ему запросъ по поводу заявленія германскихъ газетъ, что въ военныхъ приговорахъ Австро-Венгрія не идетъ въ погу съ Германіей, графъ Кальнокки отвѣтилъ, что упрекъ этотъ несправедливъ и несостоятеленъ, такъ какъ каждое союзное государство напрягаетъ свои вооруженныя силы соотвѣтственно своимъ финансовымъ средствамъ. Со стороны германскихъ военныхъ авторитетовъ такихъ упрековъ никогда не дѣлалось; къ тому же въ берлинскихъ высшихъ сферахъ не существуетъ по этому предмету никакихъ недоразумѣній.

Разныя извѣстія.

— 3-го іюня, Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшими Дѣтьми, въ 3 ч. 50 м. дня, перѣехали изъ Гатчины на лѣтнее пребываніе въ городъ Петергофъ. Городъ былъ украшенъ флагами, вокзалъ былъ убранъ красной матеріей и гирляндами зелени съ вѣтками сирени. Съ вокзала Ихъ Величества перѣехали на дачу „Александрія“.

— Назначены: ординарный профессоръ, докторъ политической экономіи *А. Антоновичъ*—товарищемъ министра Финансовъ; Московскій губернаторъ, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества, дѣй-

ствительный статскій совѣтникъ *Сипягинъ*—товарищемъ министра Государственныхъ Имуществъ; командиръ 2-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи, генераль-майоръ *Маміевскій*—губернаторомъ Забайкальской области.

— Отъ департамента полиціи объявляется, что, по распоряженію германскаго правительства, русскіе эмигранты въ заокеанскія страны будутъ впредь пропускаться исключительно черезъ Бременскій портъ.

— 30-го мая, въ 3 часа дня, въ Кіевѣ состоялось торжественная закладка каналли-

— При монастыряхъ, въ которыхъ стекаются тысячи богомольцевъ, рѣшено устроить правильно организованна больницы съ постоянными при нихъ врачами.

— По докладу министра Внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на присвоеніе художественной коллекціи П. и С. М. Третьяковыхъ, принесенной ей владѣльцами въ даръ городу Москвѣ, наименованія „Городской художественной галлерей П. и С. М. Третьяковыхъ“. Галлерей въ настоящее время принята въ вѣдѣніе города и въ половинѣ іюля будетъ открыта для публики.

Библиографія.

Сочиненія **Н. В. Гоголя**. Изданіе одиннадцатое. Редакція **Н. С. Тихонравова**. Съ двумя портретами Гоголя, гравированными на стали **Ф. А. Брокгаузомъ** въ Лейпцигѣ, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками Гоголя, Томы I—V. СПб. Изд. А. Ф. Маркса. 1893. Цѣна 6 руб., съ перес. 7 р. 50 к.; въ 5 перепл. 8 р. 50 к., съ перес. 10 р. 50 к.

Только горячимъ привѣтствіямъ можетъ быть встрѣчено это прекрасное изданіе. Несравненный художникъ слова, печать котораго легла на все слѣдовавшее за нимъ движеніе русской литературы, долго не былъ представленъ многочисленнымъ почитателямъ его великаго таланта въ такомъ видѣ, который былъ бы достоинъ его памяти. Въ теченіе почти четырехъ десятилѣтій произведенія его печатались искаженными или старо-цензурно, или произволомъ лицъ, считавшихъ себя въ правѣ „поправлять“ Гоголя, или, наконецъ, небрежностью типографій, а послѣднія изданія „наслѣдниковъ Гоголя“ представляли прогрессивную порчу текста“ ихъ. Въ изданіи, лежащемъ передъ нами, мы имѣемъ Гоголя такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, со всѣми отбѣнками его мысли и душевныхъ движеній. Еще въ 1889—1890 гг. появилось болѣе полное, чѣмъ всѣ предыдущія, изданіе (десятое, нынѣ уже разошедшееся), въ которое знаменитый профессоръ, академикъ **Н. С. Тихонравовъ** внесъ результаты своего огромнаго труда, тщательнаго изученія и проверки съ подлинными рукописями и первоначальными изданіями всѣхъ текстовъ произведеній Гоголя, снабдивъ каждый томъ въ концѣ всевозможными вариантами. Одиннадцатое изданіе и представляетъ точное воспроизведеніе текстовъ десятаго, но съ присоединеніемъ нѣсколькихъ новыхъ, отысканныхъ произведеній Гоголя (именно: въ I-мъ томѣ стихотвореніе „Непогода“ и два отрывка изъ неоконченныхъ повѣстей; въ IV томѣ „Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“; „Сцена, внесенная авторомъ въ печатныя изданія „Ревизора“, и „Женіхи“—первоначальные наброски комедіи „Женитба“; въ V томѣ „Выдержки изъ карманныхъ книжекъ“ и „Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины“).

Какъ и въ десятомъ изданіи, сочиненія, вышедшія въ свѣтъ при жизни Гоголя, напечатаны въ окончательныхъ редакціяхъ, а тѣ, которыя были переработаны позже авторомъ,—въ двухъ редакціяхъ, первоначальной и окончательной, отдѣльными мѣста и цѣлыя страницы, передѣланныя авторомъ, также вошли въ изданіе, въ „Примѣчанія редактора“, а мелкіе варианты, занимавшіе много мѣста, по имѣющему значеніе исключительно для исторіи и критики текста Гоголя, а не для обыкновеннаго чтенія и изученія произведеній творца „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“, исключены, какъ бесполезно для массы читателей увеличивающіе цѣну изданія.

Вѣщность одиннадцатаго изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго. Два прекрасно исполненные портрета представляютъ Гоголя въ два различные періода его жизни: одинъ въ тотъ моментъ, когда онъ отправлялся за границу, а другой, когда уже онъ удручаемъ былъ тяжелымъ недугомъ. Два автографа знакомятъ съ измѣнчивымъ характеромъ почерка Гоголя въ тѣ же моменты. Особенно любопытны и цѣнны новоявляющіеся въ первый разъ въ изданіи три превосходно переданные собственноручные рисунка Гоголя, относящіеся къ послѣдней главѣ „Ревизора“ и изображающіе: первый—весь чиновный міръ городка, взволнованный письмомъ Хлестакова, въ моментъ появленія жандарма, второй—тотъ же чиновный міръ послѣ объявленія жандарма о пріѣздѣ настоящаго ревизора, а третій—Марью Антоновну и Марью Андреевну, пораженныхъ вѣстями о Хлестаковѣ. Каждый томъ для желающихъ облеченъ въ красивый и прочный тисненый переплетъ, и внутреннія бумаги переплета представляютъ прекрасно отпечатанные арабески, съ отдѣльными мѣстами для надписи, кому книга принадлежитъ.

Въ общемъ изящное и весьма дешевое одиннадцатое изданіе сочиненій Гоголя, самое полное изъ всѣхъ существовавшихъ въ отношеніи важныхъ основныхъ текстовъ, вполне достойно памяти великаго писателя и можетъ удовлетворить самаго взыскательнаго читателя.

А. Введенскій.

Научныя и техническія новости.

— Вернонъ-Буа изобрѣлъ приборъ для *фотографирования* на лету ружейныхъ дулъ и *ядеръ*. Весь приборъ состоитъ изъ большого электрическаго конденсатора и лейденской банки, соединенныхъ влажною проволокою. Пролетающій мимо банки снарядъ производитъ разрядъ электричества, при чемъ получается маленькая искра. Эта искра лейденской банки, перескакивая на кругъ большого конденсатора, производитъ сильный разрядъ и яркую большую искру, которая освѣщаетъ ядро. Проникающая же при этомъ по другую сторону тѣни падаетъ на пластинку фотографическаго аппарата, и снимокъ готовъ. Посредствомъ аппарата Буа достигнуто было,

наконецъ, казавшееся до сихъ поръ невозможнымъ соединеніе быстроты и яркости искусственнаго свѣта, необходимыхъ для воспроизведенія быстро движущихся предметовъ.

— Чикаго отапливаютъ теперь *болотнымъ газомъ*, который собираютъ въ 200 верстахъ отъ Чикаго въ мѣстности, гдѣ онъ выдѣляется въ большихъ количествахъ. Газъ этотъ, дающій много тепла, съ помощью насосовъ накачиваютъ въ трубы и, такимъ образомъ, проводятъ его въ дома, мастерскія, заводы и пр. Кубическій метръ этого природою даннаго топлива обходится не дороже 4-хъ копеекъ.

— Жители штата Коннектикутъ въ С.

Америкѣ употребляютъ *жмръ горьковъ*, какъ средство противъ тяжелыхъ формъ крупы, воспаленія легкихъ и ревматическихъ страданій.

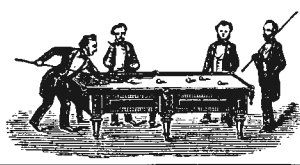
— Американскій инженеръ *Nichorn* придумалъ остроумный способъ *сигнализаци* на морѣ. Спасительная бочка снабжена отверстиями, по которымъ вода проникаетъ въ особый пріемникъ, наполненный фосфористымъ кальціемъ, и разлагаетъ послѣдній. При этомъ образуется фосфористоводородный газъ, который, вырываясь по двумъ трубкамъ наружу, при смѣшеніи съ воздухомъ воспламеняется и даетъ яркое бѣлое пламя, поднимающееся на аршинъ надъ водою.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просит своих гг. много-родных подписчиков, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

5 Р. КРАСИВО ПИСАТЬ выучиваю всякаго ЗАОЧНО (по-средствомъ лекцій корреспон-денцій) въ 10 уроковъ. ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ. Подробное объясненіе преподаванія высылаю за 3 семикопѣечныя марки. № 6341 28-6

10 Р. ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ обучаю ИНОГОРОДНЫХЪ входить и основательно въ 2-3 мѣсяца. При оконча-ніи выдаю ученику СВИДѢТЕЛЬСТВО. Адресъ: Москва, Покровка, Учит. кал. и бухг. А. С. Шиманскому.

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкія пр., близъ Енисет-скаго моста, домъ № 7-2. 26-10
Иллюстрированные прейсъ-курранты по всѣмъ требованіямъ высылаются безвозмездно.

ШОКОЛАТЬ
Фабрики **ЕСТУКЪ**
ПРЕДЛОЖАЮТЪ
НАХОДЯТСЯ
ВО ВСѢХЪ
ГОРОДАХЪ
РОССІИ.

Р. № 6433

Лучше велосипеды
по самымъ дешевымъ цѣнамъ
„СТРѢЛА“.
Первый спеціальный маг. велосипедовъ
въ С.-Петербурѣ, Невскій пр. 26.
Каталогъ за 15 к. марками.

П. № 6432 8-1

Велосипеды англійскаго завода
„Гумберъ и К^о. Лмтд.“
лучше въ свѣтѣ!
предлагаетъ торговый домъ
Г. ЖЕМЛИЧКА и К^о.
Москва, Неглинный просп., домъ Ечкиной.
Прейсъ-курранты — бесплатно.

ТОВАРИЩЕСТВА
„ГИГИЕНА“
ДИЗОЛИНЪ
ДЕЗОДИРИЗАЦИОННАЯ
жидкость
Разр. Спб. Врачеб.
Управ. Прод. въ лучш.
аптекъ магаз.
Оптов. продажа въ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ
СПб. площ. Александринск. театра, 9.
Москва, Никольская, д. Шереметьева.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37. 8-4

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волконскаго. (Окончаніе).—Улыбка. Перев. съ франц. В. Карпинской.—Современная гигиена, представленная на Первой Всероссийской гигиенической выставкѣ въ С.-Петербурѣ. Очеркъ Г. С. Вольте.—Къ рисункамъ: Лѣто (съ рис.).—Городъ Кашинъ (съ рис.).—Послѣднія минуты (съ рис.).—Послѣдняя преграда (съ рис.).—Цѣнители музыки (съ рис.).—Предложеніе (съ рис.).—Профессоръ И. Я. Фойницкій (съ портр.).—Донъ Кристобалъ Колонъ, герцогъ Верагуа (съ портр.).—Внутренній видъ вагона-гостиной на желѣзной дорогѣ изъ Нью-Йорка въ Чикаго (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Заявленіе.—Разныя извѣстія.—Библиографія.—Научныя и техническія новости.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

ЛЕВИНГЪ и ГЮЗИНЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2150

Новое издание Юргенсона.
ОПЕРЫ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО
въ 2 руки.
Новое роскошное издание въ 4-ю д. л.
Цѣна 1 р. 50 коп.
Тангейзеръ, Робертъ, Пророкъ (Іоаннъ Лейденскій), Гугеноты.
Москва, у П. Юргенсона.
СПб. у П. Юргенсона. Варшава—Г. Зене-вальдъ. П. № 6431

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. № 6326 В. ГЕНА въ Виль 8-6

изъ грецкихъ орѣховъ.
Безвредное средство для быстрого окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно и свѣтло-паштановый цвѣтъ.
Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербурѣ, Колокольная, 18.

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ МАРКА.

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылаютъ по почтѣ бесплатно.
Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ **ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ.**
ФУРБАХЪ и СТИБОЛЬ. Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10-5 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. П. № 6373

НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ: Въ послѣднее время появились въ продажѣ искусственныя воды подъ названіемъ „ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“, почему покорнѣе просимъ при покупкѣ нашей натуральной воды, обращать вниманіе на ярлыкъ съ короной.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“ въ Будапештѣ.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграницы. Дирекція въ Буда-Пештѣ.

Гейрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“
Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24-10
велосипед. „Орель“.
На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Иллюстр. прейсъ-куррантъ за 10 коп. марку.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для блѣнокрутыхъ, желтая вода для бронетонкхъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ Дрогистовъ Россіи. № 5420 (30)

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ“

Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.
Основный и запасный капиталы 18.500,000 руб.

Примѣръ. Отецъ семейства, 38-ми лѣтъ отъ роду, страхуетъ 10,000 руб., которые должны быть выданы женѣ и дѣтямъ немедленно послѣ смерти. За такое страхованіе онъ уплачиваетъ трехмѣсячную премію въ 77 руб. 50 коп. и пользуется участіемъ въ прибыляхъ Общества.

Страхованія принимаются на суммы отъ 1,000 до 100,000 руб. на жизнь одного лица. Застрахованный капиталъ выдается и въ случаѣ смерти отъ холеры или другой эпидемической болѣзни.

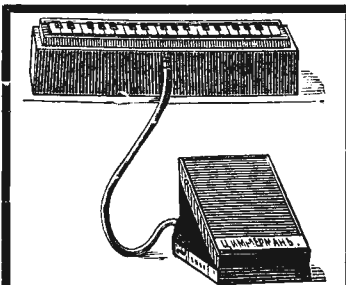
Дивидендъ страхователей за 1892 г.—12%
Первый дивидендъ страхователямъ назначается послѣ третьяго года страхованія.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербурѣ (Большая Морская, собств. домъ № 37) и агентами Общества въ городахъ Имперіи.
№ 6434 8-1

АНГЛІЙСКІЕ
ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.
Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажи № 52.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссенъ Букетъ	Вюлетъ де Парма	Бѣлая роза
Жюкенъ Глубъ	Розода	Милль-Флеръ
Букетъ Императрицы	Лилии меня	Ан-Шля
Илангъ-Илангъ	Стефанъ Букетъ	Гацинтъ
Майскій-Ландышъ	Ілі	Киссъ не квікъ
Вѣный геліотропъ	Эдельвейсъ	Испанская кома
Бѣлая лилія	Жасминъ	Сѣрное сѣно
Сирень перс.	Олеопанкъ	Черемуха
Ливонъ	Шильр	Lilas heuri
Фіалка	Букетъ де Царь	Lotus.

Пренные флаконъ высылаются не менѣе 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкой во всея города Россіи (иромъ Сибірии).
№ 6131 (13)

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ.

Новѣйшій общедоступный музыкальный инструментъ, заключающій въ себѣ обѣи тоновъ полной хроматической гаммы. Голосъ приводится въ движение вдуваніемъ воздуха въ № 3950 ртомъ, на № 3956 и 3958 ножною педалью.

№ 3950 въ 2 октавы 5 р.
№ 3956 „ 3 октавы, съ педалью. 17 р.
№ 3958 „ 4 „ „ „ „ 23 р.

Самуучитель Маковского 1 руб. 2 тетради по 1 руб. Прейс-курantzъ бесплатно. По полученіи заданки приблизительно 1/3 стоимости заказа требуется высылается съ надлежащимъ платежомъ на остальную сумму.

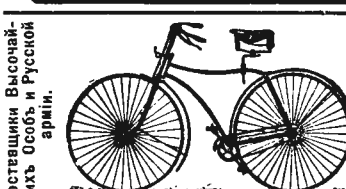
ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ А. ЦИМЕРА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
Гл. Ск. МОСКВА, Мясницкая Д. КОСТЫРЕВО

1-й ВЫИГРЫШНЫЙ
засѣдъ, 1 июля тиражъ, продаетъ на условияхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПб. (4-2)
1 марта с. г. на билетъ II займа, сер. 02031 № 25, купленный въ Банк. Домъ съ задаткомъ 20 руб., паль выигралъ въ 5000 р. и 1 мая с. г. на билетъ III (Дворянскаго) займа 05413, № 04 выигралъ въ 500 р.

Поставщики Высочайшихъ Особ. и Русской Арміи.
Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными.
САМЫЙ ОБШИРНЫЙ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ,**
(основ. въ 1863 г.)
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, П. № Конакъ и Екатеринбургъ. 25-19 5982
Новый каталогъ 80 страницъ. **БЕЗПЛАТНО.**

Новое издание А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.
Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу **НОВОЕ, ОДИННАДЦАТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІИ Н. В. ГОГОЛЯ,**
ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ,
подъ редакцію академика, профессора Н. С. Тихонравова, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ, съ двумя автографами Гоголя и нѣсколькими его собственноручными рисунками.
Это, по счету одиннадцатое, а по полнотѣ первое, собраніе сочиненій Н. В. Гоголя издано въ пяти большихъ томахъ in 8°, заключающихъ въ себѣ около 170 печатныхъ листовъ, на лучшей бумагѣ, и отпечатано четкимъ красивымъ шрифтомъ.
При редактированіи настоящаго одиннадцатаго изданія было обращено вниманіе на устраненіе главныхъ недостатковъ тѣхъ изданій „Сочиненій Гоголя“, которыя вышли съ 1873 по 1888 годъ включительно, а болѣе всего, на полную собранія и на правильность печатаемаго текста.
Въ настоящее изданіе вошли всѣ доселѣ напечатанныя сочиненія Гоголя, при чемъ не было сдѣлано никакихъ отступленій отъ плана, начертаннаго самимъ Гоголемъ для полнаго собранія его сочиненій.
Цѣна за всѣ 5 томовъ—6 руб., съ перемѣлкою 7 руб. 50 коп., а въ пяти роскошныхъ коленкорныхъ переплетахъ 8 р. 50 и, съ перемѣлкою 10 р. 50 и.
Требованія и денги адресовать въ С.-Петербургъ, въ Контору изданій А. Ф. Маркса, Невскій, д. 6.
Въ Москвѣ, у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.
Изданіе это можно получить также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ

6-й и 7-й ВЫПУСКИ
новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:
„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.
годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:
СКАЗКИ,
собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.
ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ П. Н. ПОЛЕВОГО.
Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.
24 вып., каждый—въ роск. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.
Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.
Подписка продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.
Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе

А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.—гѣ:
„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
ВТОРОЕ пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе.
Большой томъ, отпечатанный на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, изображающихъ лѣсистость—одна Россія, по отдѣльнымъ уѣздамъ, другая—западно-европейскихъ государствъ, также пересмотрѣнныхъ и исправленныхъ.
Первое изданіе этого тома разошлось въ очень короткое время, а между тѣмъ спросъ на него не уменьшается. Такой успѣхъ изданія слѣдуетъ конечно приписать своевременному появленію книги, подробно трагующей вопросы лѣсного хозяйства и лѣсоохраненія.
Въ этомъ томѣ подробно разъясняются новые законы о сохраненіи лѣсовъ и вызванныя ими административныя распоряженія. Статистическія свѣдѣнія замѣнены новѣйшими данными; усилено вниманіе читателей на санитарное значеніе лѣсовъ; помѣщены вышедшія до мая 1893 г. Циркулярныя предписанія г. Министра Госуд. Имуществъ; новыя правила для составленія упрощенныхъ плановъ хозяйства и для снабженія частныхъ лицъ древесными сѣменами и саженцами и проч., и проч.
Предварительно печатанія 2-го изданія, 1-й томъ „Русскаго Лѣса“ былъ тщательно пересмотрѣнъ. Пользуясь указаніями пяти-лѣтняго опыта примѣненія лѣсоохранительнаго закона, составители необходимой частью исключили все то, что пережило свою исторію и оказалось излишнимъ въ настоящее время, частью же дополнить новыми разъясненіями народившіеся новые вопросы, а прежніе освѣтить въ духѣ нынѣ утвердившихся взглядовъ.
Желая по возможности сдѣлать книгу доступною для каждаго, издатель нашелъ возможнымъ понизить цѣну ея съ 5 р. на 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 и.
Также имѣются въ продажѣ 2-й и 3-й томы „Русскаго Лѣса“. Цѣна за всѣ три тома 14 р. съ пересылкой.
За требованіями обращаться въ СПБ., въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается вселій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ А. КОССОДО.**
Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52—18
За 2 семиконечныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятию золотыми медалями и высшими знаками.
Косметическіе спермацетовые, личные № 5898 (9)
УТИРАЛЬНИКИ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда носить при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 руб., 4 пачки съ перес. 3 руб.
Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи **А. Энглундъ—красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.** Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговля аптекарскихъ и парфюмерныхъ товаровъ Казанская ул., № 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Басейная ул., д. № 2.

PARFUMERIES IXORA ED. PINAUD
Savon... à l'IXORA
Essences... à l'IXORA
Huile... à l'IXORA
Poudre de Riz à l'IXORA
37, BOULEVARD de STRASBOURG PARIS
GRAND PRIX EXPOSITION-PARIS 1889

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАМЕРЫ
дѣлательныхъ агентствъ. За условіями обрат. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12-11

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАМЕРЫ
въ громади. выборѣ. Нов. иллюстр. преискурantzы высылаются. **МОМЕНТАЛЬНЫЯ ПЛАСТИНКИ „БЕРНАРТЪ“.**
При складѣ имѣется лабораторія и разъясненія при покупкѣ безвозмездно. 0-6
К. И. Фредандтъ.
С.-Петербургъ, у Казанскаго моста д. № 30/16. Москва, Мясницкая, д. Соколова. Харьковъ, Московская ул., д. Штейфанъ.

ЖИВА

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдаеъ 19 июня 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (¼ шир. стран) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 3 фр., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 пф.

Безъ доставки въ Петербургъ. **5 р.**
Съ доставкой въ Петербургъ. **6 р. 50 к.**

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. И. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. **6 р.**
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. **7 р.**

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **10 р.**
На ¼ года безъ дост. **1 р. 25 к.**, съ дост. въ П.-бургъ **1 р. 75 к.**, съ перес. иногор. **1 р. 75 к.**
На ½ года безъ дост. **2 р. 50 к.**, съ дост. въ П.-бургъ **3 р. 50 к.**, съ перес. иногор. **3 р. 50 к.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Зюлейка.

Въ ся чертахъ—
Краса и младость,
И на устахъ—
Улыбки радость;

Огнемъ горить
Взглядъ, полный грѣзы,
Ея ланитъ
Румянецъ—розы...

Станъ—райскихъ
дѣвъ,
Стройна, какъ колось,
Ея напѣвъ—
Небесный голось...

Р. Н.

Зюлейка. Съ карт. I. Понна, грав. Йерике.

СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Романъ К. Орловскаго.

I.

Когда я познакомился съ Семеномъ Андреевичемъ Конотоповымъ, ему было уже за 50 лѣтъ. Случилось это вотъ какъ. Зимой 188* года мнѣ неожиданно пришлось съѣздить въ губернской городъ Т. Я только что получилъ наслѣдство отъ дяди, стараго холостяка, безвыѣздно проживавшаго въ своемъ Т—скомъ имѣніи, и волей-неволей надо было собираться за тридевять земель ради неизбѣжныхъ хлопотъ по судебнымъ мѣстамъ. Я думалъ, впрочемъ, что въ какіе-нибудь три или четыре дня раздѣлаюсь съ неизбѣжными формальностями, да не тутъ-то было. Обнаружилось, что покойный дядюшка, завѣщавшій мнѣ свою родную Подлиповку, самъ никогда не былъ введенъ во владѣніе ею, и мнѣ вдругъ пришлось доказывать не только, что я законный наслѣдникъ дяди, но что самъ этотъ дядя, извѣстный пѣлой губерній куролесникъ и хлѣбосоль, Павелъ Авдѣевичъ Безсоновъ состоялъ ея законнымъ владѣльцемъ.

Провозился я съ этимъ безъ малаго недѣли три и все наталкивался на какія-то негаданныя затрудненія.

Отсылали меня изъ канцеляріи суда къ старшему нотаріусу, а оттуда въ какой-то допотопный архивъ, и толку изъ этого не выходило никакого. „Нельзя-съ, никакъ нельзя“, твердили мнѣ угрюмые чиновники, которымъ я успѣлъ порядкомъ надоѣсть, и, тыкая перомъ въ какую-то бумагу, отворачивались отъ меня съ недовольнымъ видомъ. Нетерпѣніе меня раздражало, и понемногу я ожесточался и противъ „законныхъ“ порядковъ, будто для того только придуманныхъ, чтобы создавать на каждомъ шагу затрудненія, отъ которыхъ пользы нѣтъ никому, и противъ самого покойника дяди, поставившаго меня въ такое тупое положеніе.

Разъ, когда я выходилъ изъ зданія суда, окончательно взбѣшенный и преисполненный самыхъ неблагонамѣренныхъ чувствъ, мнѣ попался на улицѣ давнишній товарищъ, Константинъ Константиновичъ Бурдасовъ, котораго я лѣтъ восемь не видалъ и никакъ уже не рассчитывалъ встрѣтить въ богоспасаемомъ городѣ Т. Онъ тотчасъ меня узналъ.

— Ба, кого я вижу?! накинута оная на меня съ распростертыми объятіями. Бурдасовъ былъ отставной гусарь, и, какъ оно и подобаетъ гусару, всегда отличался необыкновенно порывистымъ нравомъ.

— Откуда и куда? Говори! принялся онъ меня обнимать.—Бдемъ обѣдать, хочешь? Я тебя не выпущу... столько лѣтъ не видались.

Мой видъ показался, должно быть, господину Бурдасову нѣсколько холоднымъ. Я не выказалъ ему особенной радости, да и, въ самомъ дѣлѣ, неожиданная встрѣча меня не восхитила нисколько. По опыту я зналъ, что такія встрѣчи, обыкновенно, кончались просьбою о деньгахъ. Я попробовалъ было отказаться отъ приглашенія, да не тутъ-то было.

— Вотъ еще! Отнѣкиваться вздумалъ. Говорятъ тебѣ, не пушу. Да что ты такимъ кисляемъ глядишь? Или не радъ меня видѣть?

Бурдасовъ меня такъ-таки и не выпустилъ. Часъ спустя за вторымъ блюдомъ онъ былъ уже изрядно пьянъ и успѣлъ выпросить у меня пятьдесятъ рублей. Тѣмъ временемъ онъ мнѣ повѣдалъ, что у него въ Т... ой губерніи есть имѣніе, конечно, разоренное, что хозяйничаетъ онъ безуспѣшно уже пятый годъ, но что все это пустяки, такъ какъ и въ Т. есть славные ребята, съ которыми можно выпить отлично. Разспрашивалъ онъ, разумѣется, и меня, только отвѣчалъ я ему неохотно, такъ какъ вовсе не надѣялся съ его по-

мощью найти исходъ изъ канцелярскихъ дебрей. Тутъ я, впрочемъ, ошибся.

— Ага, вотъ какъ! воскликнулъ онъ, откидываясь на спинку кресла и закуривая десятую изъ своихъ необыкновенно зловонныхъ папиросъ. Изводятъ тебя эти чернильные души? Да оно и понятно: не такъ за дѣло взялся, нашихъ порядковъ не знаешь. Тутъ, братецъ мой, законнымъ путемъ ничего не подѣлаешь. Я тебя выручу, хочешь? Ты съ нашимъ предводителемъ знакомъ, съ Конотоповымъ, Семеномъ Андреевичемъ? Неужели нѣтъ? Вотъ тоже человекъ! Одна изъ первѣйшихъ у насъ головъ... молодецъ, какихъ мало. А онъ про него и не слышалъ. Я тебя съ нимъ сведу, непременно завтра же сведу. У насъ теперь земское собраніе идетъ, ты, конечно, слышалъ?

— А ты гласный? спросилъ я, перебивая.

— Гласный, какъ же, по милости Семена Андреевича, даже одинъ изъ вѣрнѣйшихъ столповъ его партіи. Въ земскомъ дѣлѣ я смыслю, положимъ, немного, — да ну его къ чорту, земство! Я и въ собраніи-то бываю не часто, тогда только, когда Семена Андреевича поддержать надо. Вотъ завтра будетъ такой случай. Идетъ тамъ какой-то вопросъ, важный очень... не знаю хорошенько, въ чемъ дѣло, только противъ Семена Андреевича интрига собирается. Ну, такъ мы съ тобою вмѣстѣ пойдемъ. Послушаешь краснобаевъ нашихъ... Первѣе всѣхъ Семенъ Андреевичъ самъ. Вѣдь, какъ говорить, братецъ мой, какъ говорить! Всѣмъ собраніемъ вертеть. Ну да, я васъ познакомлю... Только ты смотри ужь!..

Бурдасовъ словно вспомнилъ о чемъ-то.

— Скажи, пожалуйста, ты вѣдь тоже здѣшній?..

— Буду здѣшнимъ, размѣялся я,—когда меня въ наслѣдствѣ утвердятъ.

— Ну, вотъ и отлично. Утвердятъ тебя, мой милѣйшій, въ двадцать четыре часа: Семену Андреевичу стоитъ только захотѣть. И непременно ужь дай мнѣ слово—остаться на дворянскіе выборы. Будетъ это черезъ недѣлю. И Семену Андреевичу положи направо. Говорю тебѣ, противъ него интрига.

Бурдасовъ вынулъ залпомъ стаканъ хереса и съ разгорѣвшимся отъ вина лицомъ принялся рассказывать про Семена Андреевича. Рассказывалъ онъ очень нескладно, а я его все-таки заслушался, очень ужь загадочнымъ выходилъ по его описанію Семенъ Андреевичъ. Это былъ, очевидно, человекъ недожиннаго ума, способный на все, въ томъ числѣ и на дѣло, пожалуй, не совсѣмъ чистое. Опытавшій Бурдасовъ не взвѣшивалъ словъ. Его герой оказывался-то благороднѣйшей натурой, необыкновенно щедрой и великодушной, то ловкимъ аферистомъ сомнительной честности. Трудно было разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ, но какъ разъ поэтому стоило поближе узнать этого страннаго человека, умѣвшаго вызвать къ себѣ такую горячую преданность. Мы просидѣли съ Бурдасовымъ слишкомъ до 10 часовъ, и я простился съ нимъ, сговорившись на другой день вмѣстѣ поѣхать въ собраніе.

II.

Въ собраніе мы пріѣхали съ Бурдасовымъ уже въ исходѣ перваго часа, но засѣданіе еще не начиналось. Почтенные земцы не успѣли отзавтракать. Въ провинціи вообще торопиться не любятъ. Длинные зеленые столы, разставленные „покоемъ“, внушительно красовались среди огромной пустой залы. Только на галлерей уныло расхаживали какіе-то господа, вѣроятно, изображавшіе изъ себя публику. Зато въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ находился буфетъ, стоялъ оживленный го-

ворь. Бурдасовъ второпяхъ перезнакомилъ меня съ двумя-тремя изъ мѣстныхъ дѣятелей и поспѣшилъ скрыться за облакомъ табачнаго дыма. Лишь изрѣдка мелькали вдали его длинные усы, да раздавался его громкій басъ: онъ, очевидно, велъ бесѣду съ другими клеветами Семена Андреевича. Да я и не прочь былъ на время отдѣлаться отъ его общества, чтобы на свободѣ производить свои наблюденія. Гласные то попарно, то кучками часто шмыгали мимо стола, гдѣ я усѣлся, таинственно шушукаясь и недовѣрчиво, съ видомъ заговорщиковъ, озираясь вокругъ. За другимъ столомъ четверо господъ, распивая шампанское, чокались бокалами и вполголоса обмѣнивались какими-то зловѣщими тостами. Мои новые знакомые оказались несообщительными, но кое-что я отъ нихъ все-таки разузналъ. Противъ Семена Андреевича, вотъ уже второе трехлѣтне соединявшаго съ предводительствомъ должность председателя управы, поднялась цѣлая коалиція. До сихъ поръ его господства не оспаривалъ никто, да и нельзя было не признать, что велъ онъ земское дѣло блестящимъ образомъ. При немъ всегда была полная касса и порядокъ отмѣнный. Потребуются ли деньги на крупную затрату, онъ всегда найдется, и ницы карманы отъ того даже не пострадаютъ. Благодаря ему, земство приобрѣло просто чудомъ какимъ-то большіе капиталы. Въ прошломъ году еще строитель новой желѣзной дороги отсчиталъ земству цѣлыхъ четыреста тысячъ.

— Вотъ, представьте себѣ, говорилъ одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ, — неблагодарность какая! Изъ-за самыхъ этихъ четырехсотъ тысячъ поднимается теперь противъ Семена Андреевича интрига. Распустили тамъ слухи разные... Ну, да что толковать! Сами увидите... Конечно, интересы земства тутъ одинъ предлогъ. Есть у насъ такіе господа, которымъ просто надоѣло чувствовать надъ собой превосходство Семена Андреевича, и надѣются они спихнуть его съ мѣста, благо у нихъ теперь и вожакъ отыскался — адвокатъ одинъ изъ Москвы — человекъ юркій, говорить умѣть. Только гдѣ ему съ Семеномъ Андреевичемъ тигаться...

— Гдѣ ему?! Разуѣтается... стали поддакивать остальные.

Какъ разъ въ эту минуту за дверями послышался шумъ, и оттуда нахлынуло разомъ нѣсколько человекъ. Впереди всѣхъ шелъ не совѣтъ уже молодой господинъ, полный и рослый, съ тою рѣшительностью на лицѣ и въ движеніяхъ, которую придаетъ долгая привычка властвовать надъ окружающими. Черты его сразу меня поразили: я тотчасъ отгадалъ, что это былъ Конотоповъ. Все въ этихъ чертахъ было выразительно и крупно, и большая голова съ густыми, хорошо обстриженными темными волосами, въ которыхъ едва пробивалась сѣдина, и твердо сложенные, изогнутыя губы, и подбородокъ, немного выдававшийся впередъ, и самый взглядъ большихъ черныхъ глазъ, сосредоточенныхъ и въ то же время спокойныхъ. Сейчасъ было видно, что рѣдко кто бы устоялъ противъ этого взгляда въ такую минуту, когда воспаленный гнѣвомъ онъ метнулъ бы на противника искрами того скрытаго огня, который чувствовался изъ-за этихъ съ виду спокойныхъ глазъ. И глубокая борозда между густыми бровями тоже говорила, что бровямъ этимъ часто приходилось грозно и повелительно сдвигаться.

Въ комнатѣ, гдѣ мы завтракали, всѣ засуетились.

— Господа, пожалуйста въ залу, прошу васъ, мѣрнымъ, низкимъ голосомъ проговорилъ Конотоповъ, проходя мимо.

Всѣ поднялись съ мѣсть и шумно посыпали въ залу. Я хотѣлъ послѣдовать за прочими, какъ вдругъ подбѣжалъ ко мнѣ Бурдасовъ.

— Нѣтъ, братецъ, проговорилъ онъ торопливо. — Никакъ до сихъ поръ не могъ тебя съ нимъ познако-

мить. Занять онъ былъ по горло, да вдобавокъ страшно не въ духѣ, да и есть изъ-за чего...

— Ну, въ такомъ случаѣ онъ мастеръ владѣть собою, отвѣтилъ я.

— Еще бы не мастеръ... Послѣ, во время перерыва улучу минуту... А теперь подожди.

Но дожидаться мнѣ не пришлось. Въ самыхъ дверяхъ залы Семенъ Андреевичъ круто повернулъ назадъ, и всѣ мигомъ передъ нимъ разступились. Онъ подошелъ къ той самой кучкѣ, гдѣ стоялъ я, и обратился къ одному изъ моихъ застольныхъ собесѣдниковъ. Онъ говорилъ необыкновенно отчетливо и въ то же время тихо. Поразительно мягкія, почти ласкающія ноты звучали въ его низкомъ голосѣ, хотя чувствовалось, что голосъ этотъ могъ иногда доходить почти до громовыхъ раскатовъ.

Бурдасовъ толкнулъ меня за локоть.

— Коли хочешь, можно сейчасъ, шепнулъ онъ мнѣ на ухо и тутъ же обратился къ Конотопову. — Семенъ Андреевичъ, позвольте васъ познакомить съ однимъ моимъ пріятелемъ... Роевъ, Николай Филипповичъ, от-рекомендовалъ онъ меня, — тоже изъ „нашихъ“. — Онъ намѣренно сдѣлалъ удареніе на этомъ словѣ. — Имѣніе недавно получилъ въ наслѣдство...

На мигъ глаза Семена Андреевича устремились на меня, пронизывающіе и въ то же время холодные. Онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ съ равнодушной вѣжливостью:

— Вы наслѣдникъ Павла Авдѣевича Безсонова... Я его зналъ хорошо. Надѣюсь, вы къ намъ совѣмъ... намѣрены поселиться здѣсь?

— Не знаю еще, Семенъ Андреевичъ... Пока меня задерживаютъ дѣла.

Улыбка скользнула по губамъ Конотопова.

— Разговоръ нашъ, кажется, задерживаетъ этихъ господъ, сказалъ онъ, еще разъ пожимая мнѣ руку, и движеніемъ головы пригласилъ всѣхъ бывшихъ тутъ перейти въ залу.

Въ немногихъ его словахъ, обращенныхъ ко мнѣ, не было и тѣни задумчивости, а между тѣмъ я почему-то сразу почувствовалъ себя какъ-бы въ плѣну у этого совѣмъ незнакомаго мнѣ человека, до того было что-то обаятельное въ спокойной увѣренности его взгляда, въ самомъ звукѣ его умнаго голоса.

„Да, такимъ голосомъ, подумалъ я, — можетъ владѣть только очень умный человекъ. И какой же онъ долженъ быть мастеръ очаровывать, коли того захочетъ“.

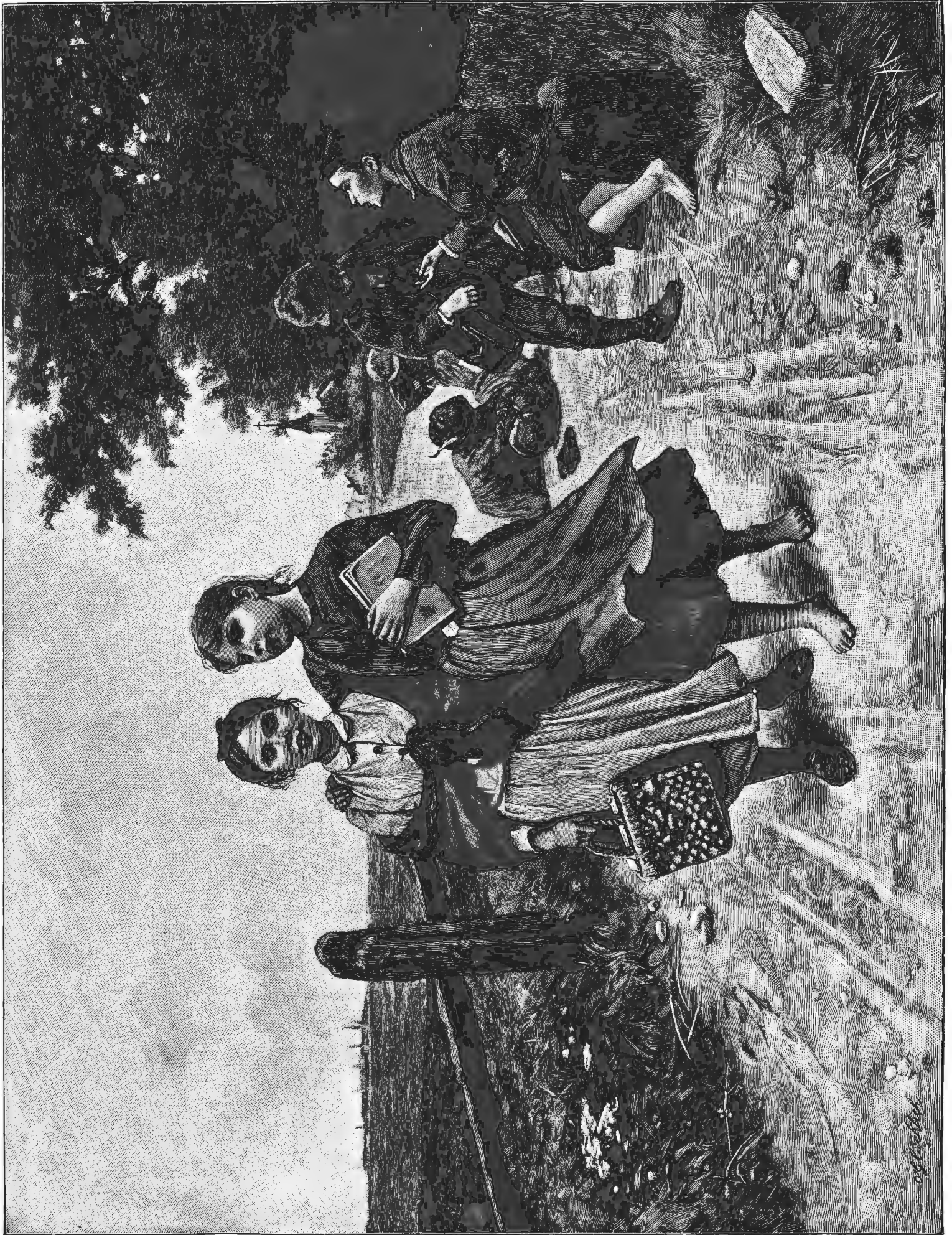
Минуту спустя я занялъ свободное мѣсто въ галлерей и принялся внимательно слушать.

III.

Начало засѣданія, какъ оно всегда и бываетъ, прошло очень скучно. Читали какой-то протоколъ, котораго не слушалъ никто. Въ публикѣ громко разговаривали. Дамы при этомъ выражали нетерпѣніе, точно, пріѣхавъ сюда, онѣ приобрѣли право на ожидаемый скандалъ и могли негодовать на кого-то, потому что скандала не происходило. Но ихъ нетерпѣніе было скоро удовлетворено. Поднялся съ мѣста маленький господинъ съ желтымъ лицомъ и совѣмъ гладкими, точно приклеенными волосами. Это былъ Павелъ Антоновичъ Шмыгаевъ, тотъ самый московскій адвокатъ, про котораго мнѣ говорили за завтракомъ. Его тонкій, пискливый голосокъ очень неприятно, но за то чрезвычайно отчетливо раздавался среди общаго вниманія. Сразу трудно было догадаться, чего собственно добивался этотъ глава оппозиціи. Рѣчь шла о какомъ-то земскомъ банкѣ, учрежденномъ въ прошломъ году по инициативѣ Конотопова, и Шмыгаевъ, повидимому, расточался въ похвалахъ насчетъ этого банка. А между тѣмъ, скрытые намеки на что-то

Фальшивая нота. Съ карт. Мантегача, грав. Волгерманъ.

Возвращение изъ школы. Съ карт. С. Гюблха, грав. Герике.

очень некрасивое слышались изъ-за его одобрительных словъ. И по выраженію лицъ слушающихъ тотчасъ было видно, что намеки эти подхватывались всѣми. Злобное хихиканье раздавалось вокругъ оратора, а на противоположной сторонѣ, гдѣ сидѣла партія Конотопова, читалось на лицахъ гнѣвное, нетерпѣливое возбужденіе. Мнѣ тотчасъ бросились въ глаза внѣшніе признаки различія въ составѣ обѣихъ партій. На сторонѣ Конотопова были все больше люди молодые, притомъ нѣсколько расстрепанные, съ густыми бородами и одѣтые довольно-таки неряшливо. Многіе изъ нихъ, судя по огромнымъ усамъ и по рѣшительной осанкѣ, изобличали оставшихъ военныхъ. Были тутъ и два старика съ густыми сѣдинами, но далеко не почтенные на видъ: не то проигравшіеся шулера, не то закорузлые, не совсѣмъ удачные дѣльцы. Къ другой партіи, напротивъ, принадлежали все люди солидные, одѣтые тщательно, иные съ приличною дородностью, какая пріобрѣтается благодаря спокойной, обезпеченной жизни; другіе, напротивъ, изящно-сухощавые, съ гладко выбритыми подбородками и съ столичными манерами. Цвѣтъ губернін, мѣстные тузы, были, очевидно, не на сторонѣ Конотопова.

— Такъ чего же вы собственно хотите? не выдержалъ, наконецъ, одинъ изъ клеветовъ Семена Андреевича, громко перебивая рѣчь Шмыгаева. — Говорите прямо! А то водите насъ вокругъ да около...

— Я имѣю честь предложить собранію, вполне спокойно отчеканилъ Шмыгаевъ, — выбрать ревизионную комиссію, дабы имѣть возможность вполне сознательно выразить Семену Андреевичу нашу глубокую благодарность.

— Комиссію?!.. Зачѣмъ комиссію?! Просто благодарить... слышалось съ разныхъ сторонъ. — На что намъ ревизію?!

— А на то, господа, чтобы разсѣять всѣ недоразумѣнія и ярко обнаружить безупречность правленія банка.

Тутъ собраніе сразу взволновалось. Потребовали слова сразу двѣнадцать человекъ.

— Комиссію!.. Да, да, обревизовать!.. Не надо!.. Мы и такъ довѣряемъ!.. Стыдитесь, господа!.. одновременно сыпались противорѣчивыя восклицанія.

Я съ любопытствомъ взглянулъ на Семена Андреевича. Онъ сидѣлъ величавый и спокойный, точно дѣло до него и не касалось, и лишь слегка презрительныя искорки мелькали въ его немного прищуренныхъ глазахъ. Минуты двѣ онъ не останавливалъ бушевавшихъ земцевъ. Но вотъ звонокъ его раздался повелительно, и отчетливый его голосъ, покрывая общій гулъ, мѣрно произнесъ:

— Господа, потрудитесь не мѣшать ходу преній. Слово принадлежитъ Ардаліону Пантелѣвичу Недоскокину.

Господинъ Недоскокинъ, лысый брюнетъ съ короткими щетинистыми усами и Георгіевскимъ крестомъ въ петличкѣ, рѣшительно поднялся, заговорилъ бойко, но осѣкся на первыхъ же десяти словахъ и понесъ чепуху невообразимую.

Это былъ одинъ изъ клеветовъ Семена Андреевича, и его неудачная попытка облечь своего патрона, видимо, обрадовала оппозицію. Слѣдующій ораторъ, принадлежавшій къ партіи недовольныхъ, уже совсѣмъ прозрачно намекнулъ на какія-то неблагоприятныя дѣйствія „тѣхъ лицъ“, какъ онъ выразился, „которые за послѣдніе года овладѣли у насъ диктаторскою властью“. Онъ не смѣлъ еще обвинять Конотопова въ единственномъ числѣ.

— Позвольте узнать, закончилъ онъ, — когда мы, наконецъ, добьемся отчета въ суммахъ, полученныхъ отъ строителя желѣзныхъ дорогъ, и когда собраніе узнаетъ, какъ была исполнена смѣта на постройку земской больницы.

Тутъ опять шумъ поднялся неописанный. Громкія, негодующія восклицанія посыпались въ отвѣтъ смѣлочку, а въ рядахъ оппозиціи нѣкоторые уже не стѣснялись произносить имя Семена Андреевича. Странное дѣло, Конотоповъ будто и не слушалъ. Глаза его, все такіе же спокойные, медленно обводили взглядомъ ряды сидѣвшихъ вдоль зеленыхъ столовъ, и какая-то непонятная увѣренность запечатлѣлась на его безстрастномъ лицѣ, точно онъ смотрѣлъ на заволновавшееся собраніе, какъ опытный укротитель оглядываетъ клѣтки ревущихъ звѣрей.

Но вотъ къ предсѣдательскому столу подошелъ какой-то молодой человекъ и съ почтительнымъ видомъ подалъ Конотопову какой-то запечатанный конвертъ.

— Извините, господа, произнесъ Семень Андреевичъ, и пробѣжалъ только-что принесенную бумагу.

Улыбка мелькнула по его губамъ, и, позвонивъ, онъ спросилъ у собранія, желаетъ-ли оно продолжать пренія или рѣшить вопросъ баллотировкой.

— Продолжать, конечно, продолжать! закричали нѣкоторые изъ сторонниковъ предводителя.

Но тутъ Конотоповъ сдѣлалъ совершенно неожиданное заявленіе.

— Господа, сказалъ онъ (и я былъ пораженъ, какъ мгновенно притихло собраніе), — едва ли новыя пренія прибавятъ что-нибудь къ тому, что мы уже слышали, а время наше между тѣмъ дорого. Намъ предстоитъ еще много работы, господа... И я съ своей стороны позволяю себѣ присоединиться къ предложенію гласнаго Шмыгаева. Я прошу васъ, нѣтъ, я требую, господа, — здѣсь онъ неожиданно возвысилъ голосъ, — чтобы вами была выбрана ревизионная комиссія. Побольше свѣта, господа: намъ его нечего бояться. Я, по крайней мѣрѣ, за дѣятельность правленія банка всю отвѣтственность принимаю на себя, и не за это одно я принимаю на себя такую отвѣтственность. Вы будете судьями всей дѣятельности управы. Слагаю съ себя званіе предсѣдателя, такъ какъ на предстоящихъ выборахъ я баллотироваться не стану...

Конотоповъ приостановился на мигъ и громогласное: „Просимъ, просимъ... всѣ обязаны баллотироваться“, грянуло изъ рядовъ его партіи. Но, помолчавъ съ минуту и при этомъ чуть наклонивъ голову, Конотоповъ продолжалъ, какъ будто до его слуха и не дошли эти возгласы:

— Слагая съ себя должность предсѣдателя управы, я хочу, чтобы моя дѣятельность за эти шесть лѣтъ подверглась вашему всестороннему суду. Кто-то заявилъ здѣсь, — отгнѣнокъ пренебреженія вдругъ послышался въ его голосѣ, словно онъ съ какой-то гадливостью упоминалъ про это, — что не представленъ еще вамъ отчетъ о постройкѣ больничнаго дома. Отчетъ этотъ будетъ вамъ представленъ сегодня же, и, надѣюсь, онъ удовлетворитъ васъ. А теперь, господа, передъ избраніемъ комиссіи, предлагаю вамъ сдѣлать перерывъ, чтобы дать вамъ сговориться между собой. Полагаю, это не будетъ лишнимъ.

И не дождавшись выраженія согласія, Конотоповъ быстро поднялся съ мѣста. Прочіе встали тоже. Возражать никто не нашелся. Собраніе, очевидно, все еще находилось подъ его обаяніемъ. Но меня его поступокъ озадачилъ. Мнѣ казалось, что онъ постарался только приличнымъ образомъ прикрыть свое отступленіе. Но ужъ двадцать минутъ спустя, когда засѣданіе возобновилось, я могъ убѣдиться въ своей ошибкѣ. Конотоповъ открылъ его заявленіемъ еще болѣе неожиданнымъ, чѣмъ первое.

— Прежде чѣмъ вы приступите къ избранію комиссіи, началъ онъ, — позвольте вамъ сообщить одно извѣстіе, только что полученное мною. Строитель нашей дороги, г. Литовскій, только что сообщилъ мнѣ письменно, что принимаетъ на своей счетъ устройство и

содержаніе земской ремесленной школы, на которую прошлое собраніе ассигновало по 30000 въ годъ. Такимъ образомъ, безъ новаго обремененія земства удастся выполнить давнишнее ваше желаніе.

Взрывъ рукоплесканій покрылъ слова предсѣдателя, и я не могъ не замѣтить, какъ поразительно сократилось число протестующихъ: хлопало гораздо болѣе половины гласныхъ. Выраженія радости всегда заразительны, но Конотоповъ и тутъ остался равнодушнѣе къ вызванному имъ восторгу и холодно продолжалъ:

— А теперь не угодно ли вамъ будетъ выслушать отчетъ о постройкѣ больничнаго дома.

И сказавъ это, онъ откинулся на спинку кресла, дѣлая видъ, что не слушаетъ вовсе отчета. А съ этимъ отчетомъ вышелъ новый сюрпризъ. Оказалось, что противъ смѣты было сдѣлано сбереженіе въ слишкомъ десять тысячъ. И почтенный членъ управы, деревяннымъ голосомъ докладывавшій про это, казался совсѣмъ растеряннымъ, до того разительнo было произведенное впечатлѣніе.

— Слышите, слышите?! Вотъ онъ отчетъ-то, раздавалось на предводительской сторонѣ.—А не довѣряли, требовали ревизіи... Какая тамъ еще ревизія?!

Оппозиція была посрамлена и уничтожена. Первый разъ я былъ свидѣтелемъ тому, какъ толпа подчиняется охватившему ее неожиданному чувству. Люди, полчаса передъ тѣмъ дышавшіе недовѣріемъ къ Семену Андреевичу, теперь, казалось, готовы были вынести его на рукахъ изъ собранія и тутъ же ему предоставить полную, безконтрольную власть.

Выборы въ комиссію дали блестящій результатъ: въ нее попали одни сторонники Семена Андреевича. Но этимъ не ограничилось торжество Конотопова. Въ томъ же засѣданіи былъ поднятъ другой вопросъ, уже чисто принципиальнаго свойства. И здѣсь, когда Шмыгаевъ попробовалъ вторично блеснуть ораторскими способностями, Семенъ Андреевичъ разбилъ его на голову, доказавъ, что всѣ его доводы неосновательны, всѣ цифры, приведенныя, невѣрны. И свою пространную рѣчь, переполненную фактами, Конотоповъ произнесъ, не споткнувшись ни разу, не заглянувъ даже въ какую-нибудь книгу или записку. Слова текли ровно, легко и убѣдительно.

Пять минутъ спустя послѣ того, какъ онъ замолкъ, его противника не было въ залѣ. Шмыгаевъ незамѣтно скрылся.

И какъ ласково, почти скромно торжествовала свою побѣду Конотоповъ. Во всѣхъ онъ теперь готовъ былъ видѣть какъ бы друзей, всѣмъ пожималъ руки, и я увѣренъ, что многіе изъ его недавнихъ противниковъ въ эту минуту искренно воображали, что сдѣлались его друзьями. Вдругъ, къ моему удивленію, онъ обратился ко мнѣ:

— Николай Филипповичъ Бурдасовъ мнѣ говорилъ про ваше дѣло. Постараюсь его уладить. Черкну словечко представителю суда. И знаете что—онъ весь сіялъ добродушіемъ, говоря это,—пріѣзжайте ко мнѣ отобѣдать сейчасъ вотъ. Такъ, въ холостой компаніи. У меня кое-кто собирается изъ здѣшнихъ. Будете?

Я, разумѣется, согласился и часъ спустя подѣзжалъ къ дому Семена Андреевича, одному изъ наиболѣе красивыхъ домовъ на главной улицѣ города.

IV.

У Семена Андреевича было настоящее разливанное море, и мнѣ сказали, что такъ повторялось у него каждый день, въ особенности, когда въ городѣ онъ проживалъ одинъ безъ семейства. Любовь Петровна Конотопова не была охотницей до пріемовъ, и въ ея присутствіе гостепріимныя наклонности мужа не могли такъ широко развертываться. Теперь она съ дочерью находилась въ деревнѣ.

За столомъ насъ было всего двѣнадцать. Все мѣстные дѣятели, конечно, изъ числа ближайшихъ сторонниковъ Семена Андреевича. Но о томъ, что случилось въ собраніи, у насъ рѣчь не заходила: мое присутствіе было, вѣроятно, тому причиной. Едва заикнулся объ этомъ одинъ изъ гостей, Семенъ Андреевичъ его остановилъ:

— Нѣтъ, ужъ, господа, увольте. Мы здѣсь собрались отвести душу, а не объ дѣлахъ толковать. И такъ, я думаю, намъ всѣмъ это успѣло надобѣсть. Сегодня, кстати, вечерняго засѣданія не будетъ. Такъ давайте же говорить о чемъ угодно, но только не о дѣлахъ. И Николая Филипповича уважить надо—онъ человѣкъ посторонній, наши семейныя дразги его не интересуютъ...

И все время обѣда любезный хозяинъ былъ неистощимъ въ забавныхъ анекдотахъ. Онъ такъ легко и остроумно шутилъ, что, казалось, никакой задней мысли, никакихъ заботъ у него и быть не могло. Приходилось дивиться необыкновенной упругости его натуры, необычайному умѣнію стряхнуть съ себя гнетъ докучливыхъ воспоминаній. Отличное вино, которое намъ усердно подливали, сдѣлало свое дѣло. Подъ конецъ обѣда—пили, чего грѣха таить, очень много—лица разгорѣлись. Голоса стали громче, шутки вольнѣе и смѣялись мы, часто сами хорошенько не зная чему. Не опьянѣлъ одинъ только хозяинъ; и взглядъ его, все такой-же ясный и спокойный, съ чуть-чуть насмѣшливой снисходительностью обводилъ сидѣвшихъ за столомъ гостей.

Едва кончился обѣдъ, принялись, какъ и слѣдуетъ, за карты. Хозяинъ, однако, играть не сталъ и троихъ изъ насъ, въ томъ числѣ меня, увелъ съ собою въ кабинетъ.

— Вы до картъ не охотникъ? спросилъ я Семена Андреевича.

— Вотъ уже лѣтъ десять, какъ въ руки не беру, весело покачалъ онъ головой.—Не денегъ жаль, а времени. Жизнь, впрочемъ, та-же игра, да и ставки въ ней покрупнѣе. А было время...

Онъ задумался на мигъ, и брови у него даже при этомъ насупились. Должно-быть, не совсѣмъ пріятнаго свойства были воскресія передъ нимъ воспоминанія. Но онъ отогналъ ихъ тотчасъ.

— Ахъ, господа, господа! заговорилъ онъ опять, принимаясь крупными шагами ходить по обширной комнатѣ.—Сколько-бы сдѣлать можно въ нашей странѣ, кабы не были мы такими мастерами тратить попусту время! Вѣдь, нигдѣ, какъ у насъ, такого простора нѣтъ, была-бы лишь охота работать. Иной разъ, какъ нахожусь я въ дорогѣ и оглянусь я случайно всю эту нашу ширь да гладь, гдѣ все будто спитъ заколдованнымъ сномъ, просто обидно становится за родную землю. Вѣдь, считаемъ мы себя смышленнымъ народомъ, и не даромъ считаемъ, а посади на наше мѣсто иныхъ людей, хотя-бы нѣмцевъ, надъ которыми привыкли мы трунить, чего, чего-бы ни натворили они... И такъ-бы хотѣлось расшевелить, растолкать эту вѣчную дремоту...

— Да вы многое и сдѣлали, Семенъ Андреевичъ! вставилъ одинъ изъ слушавшихъ.— Чѣмъ была наша губернія прежде, за шесть лѣтъ назадъ, и чѣмъ стала теперь: двѣ новыя желѣзныя дороги, земскій банкъ, да сколько больницъ да школъ. Намъ на косность жаловаться грѣшно.

Говорившій это былъ Викторъ Александровичъ Надеждинъ, мой пріятель еще съ университетской скамьи, нѣкогда горячій энтузіастъ, одинаково способный и къ безудержному кутежу, и къ самымъ восторженнымъ увлеченіямъ, а теперь поостывшій, остепенившійся, должно-быть, оттого, что убылъ и въ деньгахъ, и въ энергіи давала себя чувствовать въ немъ. А наклонность подтрунить надъ собою, да и надъ другими, осталась въ немъ, какъ единственное наслѣдіе минувшихъ кипучихъ годовъ.

Семенъ Андреевичъ повелъ плечами.

— Полноте, возразилъ онъ, — что это за мизерные успѣхи! Ну, а коли я и достигъ чего-нибудь, пустяковъ тамъ разныхъ, много-ли это значить для цѣлой Россіи. Такихъ, какъ я, должны-бы у насъ быть десятки, сотни; да и есть они, есть, только спѣтсыя они не умѣютъ. И два только голоса мы слышимъ вѣчно; одни твердятъ: „давайте намъ починъ сверху, да подачекъ, какъ можно больше подачекъ, вѣдь, это главное“. Привыкли мы на чай себѣ просить. А отъ другихъ только и слышно постоянное безпомощное брюзжаніе, жалобы эти нелѣпныя, то на бѣдность нашу, то на отсталость, то на помѣхи какия-то... Эхъ, господа, господа. Богатъ русскій человѣкъ, и смѣткою, и силой, и терпѣніемъ; однимъ только обдѣлила его природа—умѣніемъ звать, чего онъ хочетъ, идти прямо, не оглядываясь и не отставая на пути.

— А когда у насъ отыщется энергичный человѣкъ, неосторожно замѣтилъ я, — вотъ, какъ вы, напримѣръ, ему помѣхи ставятъ, противъ него интригуютъ, какъ этотъ господинъ Шмыгаевъ сегодня...

Семенъ Андреевичъ остановился, услыхавъ это имя, и такъ и обдалъ меня взглядомъ своихъ воспламенившихся глазъ.

— Шмыгаевъ! воскликнулъ онъ.—Вотъ ужъ, право, нашли мнѣ соперника! Что такое Шмыгаевъ? Болтушка, готовый продать кому угодно свое адвокатское краснбайство... Нѣтъ, не Шмыгаевъ какой-нибудь опасенъ, а тѣ, кто за нимъ стоятъ и кому смѣлости не хватаетъ выступить противъ меня прямо. Ну, да мы и съ ними справимся. Шестъ лѣтъ они молчали и рады теперь, что отыскали подручнаго говоруна. Труссы, жалкіе труссы! Хотѣ-бы бросили они мнѣ прямо въ лицо свои грязныя обвиненія, я-бы смялъ ихъ, уничтожилъ. А то такъ прячутся, намеки исподтишка пускаютъ и ждутъ, какъ-бы наброситься на меня, коли замѣтятъ, что я ослабъ, или готовъ на сдѣлку пойти. Нѣтъ, имъ не дожидаться этого, не дожидаться...

Раздраженіе, конившееся весь этотъ день на душѣ у Семена Андреевича, вырвалось теперь, пробужденное моими неосторожными словами. Но онъ скоро опомнился и овладѣлъ собою. Голосъ вернулъ себѣ обычную ровность, только черные глаза долго еще сыпали безпкойными, гнѣвными искрами.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ лакеемъ, появившимся въ дверяхъ. Онъ нерѣшительно, даже боязливо про что-то докладывалъ Семену Андреевичу.

— Кто, ты говоришь, пришелъ? Кто меня спрашиваетъ? громовымъ голосомъ воскликнулъ Конотоповъ.— Мерзавецъ этотъ Гуричевъ? Что ему надо?!

— Васъ спрашиваютъ, ваше превосходительство. Говорить, что вы...

— Гони его. Сто разъ тебѣ говорилъ—негодяя этого не впускать.

— Не идетъ, ваше превосходительство; Христомъ Богомъ просить, говорить, что послѣдняго хлѣба лишился, и вы не откажетесь помочь... Потому сами знаютъ они, говорить, что по ихъ милости я пострадалъ...

— По моей милости?! Зови его сюда. Скажу ему разъ навсегда... Да ступай...

Лакей вышелъ, а Семенъ Андреевичъ такъ и остался неподвижнымъ передъ дверью, за которою тотъ скрылся. Минуты двѣ спустя дверь растворилась, и вошелъ человѣкъ невысокаго роста съ лицомъ, обросшимъ безпорядочными кочьями волосъ, неровно торчавшими во кругъ подбородка.

— Чего вамъ надо? удивительно спокойно, почти мягко спросилъ Конотоповъ, за мигъ передъ тѣмъ какъ завѣсивъ такимъ разгнѣваннымъ.

Вошедшій заговорилъ не сразу. Онъ обводилъ комнату пугливыми глазами и, казалось, весь сгорбился передъ сокрушающимъ взглядомъ Семена Андреевича.

— Чего вамъ отъ меня надо? повторилъ свой вопросъ Конотоповъ.— Вы знаете, что съ вами у меня счѣты сведены, что, только благодаря мнѣ, васъ не упрятали въ тюрьму.

— Знаю, ваше превосходительство, съ какою-то приниженною и въ то же время злобною радостью проговорилъ Гуричевъ.— И то я знаю, что по вашей милости я хлѣба долженъ былъ лишиться...

— Хлѣба? Да вы должны мнѣ быть вѣчно благодарны, что васъ не отдали подъ судъ, какъ слѣдовало по-настоящему.

— Слѣдовало то или нѣтъ, все съ тѣмъ же принижениемъ ехидствомъ продолжалъ маленькій человѣкъ,— это Богу извѣстно, а со службы вы меня выгнать изволили, Семенъ Андреевичъ. Потому вамъ угодно было внять клеветамъ на безвиннаго человѣка.

— Какъ?! Вы были уличены въ утайкѣ денегъ, поступившихъ въ управу, и вы еще жалуетесь, что васъ уволили?!

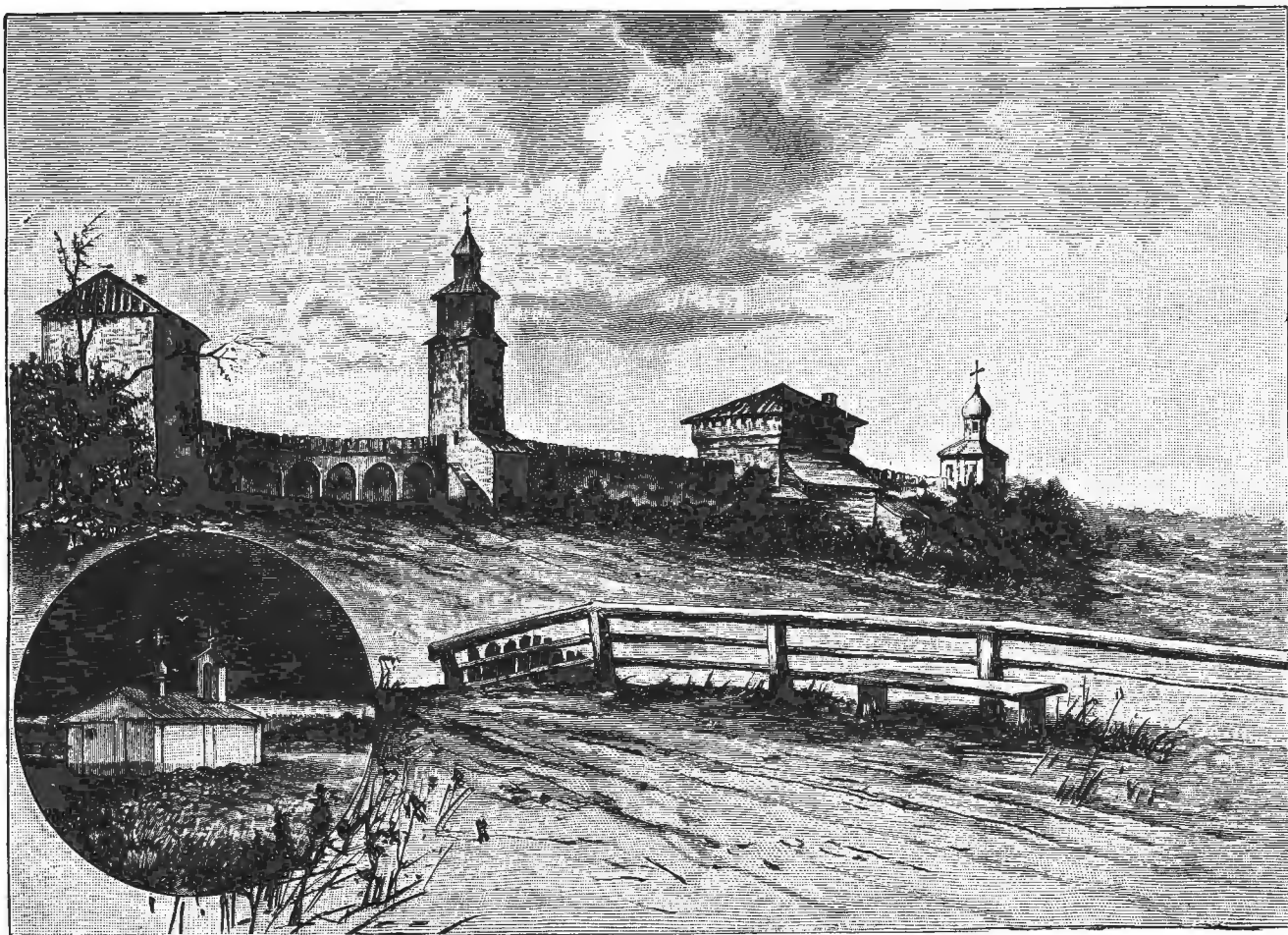
— Да я не жаловаться пришелъ. Жаловаться теперь поздно... да и гдѣ мнѣ, маленькому человѣку, съ вами тягаться. Я пришелъ доложить вамъ, зная щедрость вашу и великодушіе, что бьюсь я вотъ цѣлый годъ, чтобы семью поддержать. Сами знаете, четверо дѣтей, малъ-мала-меньше, да жена больная, да старуха-мать... легкое ли дѣло одному человѣку справиться, да еще человѣку ошельмованному, какъ я вотъ. А тутъ на грѣхъ дѣти у меня заболѣли, одинъ за другимъ. Одного, самаго маленькаго, на кладбище свезли. Слава Богу, однимъ несчастнымъ меньше. Другіе кое-какъ оправились, а теперь вотъ матушка слегла... лѣчить нечѣмъ. Въ больницу хотѣлъ свезти въ земскую: говорятъ, мѣста нѣтъ, не пускаютъ. А дома, вѣрите ли, сегодня куска хлѣба нѣтъ, не то, чтобы доктору платить. А матушкѣ моей за семьдесятъ лѣтъ, хоть ее то пожалѣйте...

И вдругъ маленькій человѣчекъ разомъ такъ и бухнулся на колѣни, поднимая къ Семену Андреевичу свое не то молящее, не то озлобленное лицо. Конотоповъ простоялъ нѣсколько минутъ молча и неподвижно, точно раздумывая что-то, и въ глазахъ его, устремленныхъ на просителя, читалось какое-то странное безпокойство, точно говорили они о происходившей въ немъ борьбѣ. Вдругъ онъ быстрымъ движеніемъ изъ бокового кармана досталъ бумажникъ, развернулъ его и вынулъ оттуда нѣсколько ассигнацій, не считая. Была ихъ, помнится, цѣлая пачка, должно-быть, на довольно таки крупную сумму.

— Ну, вотъ вамъ, берите, глухо проговорилъ онъ, и сунулъ Гуричеву деньги. И сказавъ это, онъ отвернулся, не слушая изъявленій благодарности, въ которыхъ разсыпался проситель.— Ступайте теперь, ступайте, сказалъ онъ только съ отгнѣнкомъ нетерпѣнія, не глядя на Гуричева.

Тотъ поднялся на ноги, поклонился и вздохнулъ. Съ минуту онъ еще простоялъ на мѣстѣ, какъ бы недоумѣвая, потомъ спряталъ въ карманъ скомканную пачку денегъ и вышелъ изъ комнаты, едва держась на ногахъ.

Семенъ Андреевичъ точно преобразился. Сморщенный лобъ сгладился, и опять ровно и весело, какъ за обѣдомъ, потекли его рѣчи. Иногда только, прерывая оживленную бесѣду, онъ взглядывался въ лицо Надеждина, какъ бы высматривая, что за впечатлѣніе произвела на Виктора Александровича только что происшедшая сцена. Никто изъ насъ, разумѣется, объ ней не заикнулся, только на лицѣ третьяго нашего собесѣдника читалось открытое восхищеніе поступку Семена Андреевича съ Гуричевымъ. Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, съ открытымъ, хорошимъ лицомъ, на которомъ быстро и отчетливо всегда отражалось каждое впечатлѣніе. У него были сѣрыя, честные,

Новгородская старина. (Рис. 1) Часть стѣны Новгородскаго дѣтинца съ внутренней стороны. Съ ориг. рис. (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій. Церковь Св. Великомуч. Андрея Стратилата.

Новгородская старина. (Рис. 2) Церковь Двѣнадцати апостоловъ „на пропастяхъ“, въ загородномъ концѣ. Съ ориг. рис. (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій.

легко вспыхивавшіе глаза, прямой носъ и мягко очерченныя губы, немного черезчуръ мягкія, думалось мнѣ, хотя улыбка, часто пробѣгавшая по нимъ, придавала имъ что-то особенно привлекательное. Звали его Борисомъ Павловичемъ Вьюгинимъ, и принадлежалъ онъ къ самымъ горячимъ сторонникамъ Копотопова. Вьюгинъ занималъ должность мирового судьи въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ.

Разговоръ нашъ длился за полночь: мы и не замѣтили, какъ пробѣжало время. Играющіе встали изъ-за ломберныхъ столовъ. Кое-кто сталъ уже прощаться.

— Нѣтъ, господа, я васъ не отпущу, весело сказалъ Семень Андреевичъ,—поужинать надо. И знаете что— вмѣсто того, чтобы въ душныхъ комнатахъ сидѣть, давайте-ка поѣдемте всѣ цыганъ послушать... У насъ здѣсь хоръ прелестный, изъ Москвы, обратился онъ ко мнѣ.— Ну, такъ рѣшено, ѣдемъ, значитъ. Я сейчасъ за тройками пошлю... Ночь кстати чудесная.

Семень Андреевичъ хлопнулъ въ ладоши.

— Гаурило, крикнулъ онъ.

Рослый парень показался въ дверяхъ.

— Двѣ тройки, и, главное, поживѣй.

Четверть часа спустя тройки уже стояли у подъѣзда. И, странное дѣло, хотя Семень Андреевичъ былъ старше насъ всѣхъ, онъ, казалось, всѣхъ сильнѣе былъ охваченъ желаніемъ надышаться морознымъ воздухомъ и скоротать ночь среди возбуждающихъ ощущений. Какая-то юношеская волна подмывала его. Видно было, что слишкомъ въ пятьдесятъ лѣтъ онъ не утратилъ отзывчивости на все, что даетъ жизнь въ молодые годы, что въ немъ ни одна струна не перестала звучать.

Бурдасовъ взялся быть распорядителемъ, и, благодаря ему, ужинъ у цыганъ вышелъ на славу. Къ полсотнѣ рублей, которые онъ выпросилъ у меня наканунѣ, у него еще набралось столько-же послѣ карточной игры, и онъ спѣшилъ показать всю свою гусарскую прыть. Я начиналъ уже сомнѣваться, не отзовется-ли, чего добраго, наша пирушка на завтрашнемъ засѣданіи, лишивъ Семёна Андреевича подюжины его ближайшихъ приверженцевъ, но Копотовъ во-время спохватился и не далъ развернуться кутежу.

— Ну, господа, пора, сказалъ онъ, вставая,—надо и честь знать...

Было, въ самомъ дѣлѣ, уже слишкомъ три. Пьянымъ оказывался, впрочемъ, одинъ только Бурдасовъ. Мы собирались выйти, какъ вдругъ къ подъѣзду подкатили извозчичьи санки, и минутой спустя на порогѣ явился какой-то человѣкъ въ синемъ армякѣ.

— Кузьма, окликнулъ его Семень Андреевичъ,—ты какъ сюда попалъ?

— Да прямо изъ Новоспасскаго съ письмомъ къ вашей милости... Въ домѣ мнѣ сказали сюда ѣхать, что ваша милость здѣсь будетъ.

Пріѣхавшій говорилъ все это такъ равнодушно и просто, точно найти барина въ три часа ночи среди пьяной компаніи въ трактирѣ казалось ему совершенно въ порядкѣ вещей.

— Давай сюда... Отъ кого? живо спросилъ Копотовъ.

— Должно быть, отъ ея превосходительства.

И Кузьма, пошаривъ въ кармакъ, досталъ оттуда запечатанный конвертъ.

Семень Андреевичъ подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ лампѣ и нетерпѣливымъ движеніемъ распечаталъ письмо. Брови его мгновенно сдвинулись, когда онъ прочелъ первые слова.

— Завтра будутъ, стало-быть?.. Ничего тебѣ не приказывали? спросилъ онъ посланнаго.—И Анна Семеновна тоже пріѣдетъ?.. Ничего тебѣ не говорено?

— Никакъ нѣтъ-съ. Барышня изволили сказать, что тоже сюда будутъ. Ихъ превосходительство сперва этого не пожелали, но Анна Семеновна непременно захотѣли пріѣхать.

— А, вотъ какъ.—Копотовъ мгновенно повеселѣлъ.—Хорошо сдѣлалъ, что привезъ сюда письмо,—спасибо тебѣ.

И нагнувъ шубу, онъ съ живостью молодого человѣка вышелъ на крыльцо и вскочилъ въ ямскія сани. Случайно я взглянулъ на лицо Вьюгина, когда Семень Андреевичъ упомянулъ о своей дочери. Краска мгновенно показалась на его щекахъ. Повидимому, молодой Вьюгинъ не научился еще скрывать своихъ ощущений.

(Продолженіе будетъ).

Новгородская старина.

И. Тюменева.

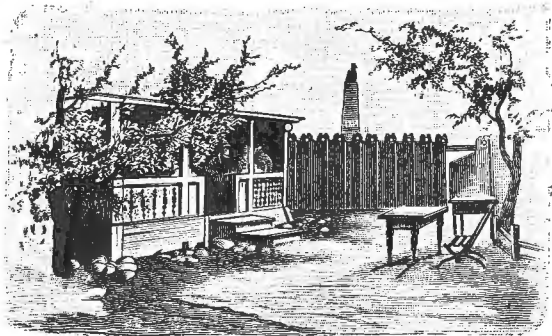
„На Святой Руси былъ и была, только быльемъ давно поросла...“ напоминаетъ стихъ покойнаго Мей, при взглядѣ на древнюю столицу Сѣвера, спящую нынѣ безпробуднымъ сномъ, а когда-то, въ продолженіе цѣлыхъ шести столѣтій, кипѣвшую такою бурною, шумною жизнью, какой, пожалуй, не бывало ни въ стольномъ Кіевѣ, ни даже впоследствии въ самой Бѣлокаменной, не говоря уже о другихъ городахъ древней Руси. Слѣды этого миновавшаго, своеобразнаго бытія и посейчасъ еще встрѣчаются въ Новгородѣ, чуть не на каждомъ шагу, въ видѣ старыхъ монастырей, храмовъ, иконъ, утвари, надписей; они остались даже въ самомъ планѣ города и въ названіяхъ улицъ.

Извѣстно, что Новгородъ, еще съ давнихъ поръ, дѣлится на двѣ стороны: Софійскую и Торговую. Софійская сторона (на лѣвомъ берегу Волхова), въ свою очередь, подраздѣлялась въ старину на три конца: Неревскій, Загородскій и Людливъ или Гончарскій; Торговая (на правомъ берегу) дѣлилась на концы. Славянской и Плотницкій. На Софійской сторонѣ находился и городской кремль или дѣтинецъ, заключавшій въ себѣ главную святыню города—храмъ Св. Софій Премудрости Божіей, уже извѣстный каждому русскому и по рисункамъ, и по описаніямъ. Въ священнѣхъ стѣнахъ этого собора жила душа Господина Великаго Новгорода.

Рядомъ съ Софійскимъ соборомъ помѣщался Владычье дворянскій новгородскій архипластырей; донныя еще возвышается на томъ дворѣ воздвигнутая однимъ изъ нихъ, извѣстная Евфиміевская башня. Южная часть дѣтница, заселенная духовенствомъ, боярами и богатыми торговыми людомъ, носила названіе Околотка, которое часто прилагалось и ко всему дѣтнику вообще. Недалеко отъ юго-восточнаго угла дѣтница находился древній волховской мостъ, свидѣтель столѣтнихъ кровавыхъ схватокъ между Торговлянами и жителями Софійской стороны; дорога къ нему изъ Околотка вела черезъ ворота въ Спасской башнѣ, нынѣ уже несуществующія; уцѣлѣла только икона Спасителя, находившаяся надъ ними на наружной стѣнѣ. При-

лагаемый рисунокъ (1) снятъ изъ-подъ арки этой Спасской башни; онъ изображаетъ юго-западную часть стѣны дѣтница съ внутренней стороны. Когда-то вся громадная площадь у подножія этой стѣны была занята домами, дворами и лавками богатаго многолюднаго околотка; теперь она пуста и своимъ унылымъ видомъ производитъ тяжелое впечатлѣніе. Самая высокая изъ видимыхъ на рисунокѣ башенъ есть въ то же время самая высокая стѣнная башня во всемъ дѣтницѣ; она имѣетъ нѣсколько названій: Кокуй, Чоргова, Ныточнал. Правѣе отъ нея виднѣтся Покровская башня, имѣвшая нѣкогда ворота, которые вели въ Загородскій конецъ. (Путь въ Гончарскій конецъ шель черезъ Спасскую башню, ворота же въ Перевскій конецъ находились позади Софійскаго собора). Подлѣ Покровской башни видна глава Покровской церкви, построенной въ XIV вѣкѣ. Церковь эта находилась близъ двора княжескихъ наместниковъ, а потомъ дьяковъ, которые слушали въ ней богослуженіе съ верхнихъ комнатъ надъ притворомъ, сохранившихся и донныя. По пути отъ Спасской башни къ Софійскому собору встрѣчается другая древняя церковь во имя Св. Великомученика Андрея Стратилата. Эта церковь, по преданію, обиденная, т. е. построенная въ одинъ день, во время свирѣпствовавшей въ городѣ моровой язвы, которая въ тотъ же день и прекратилась. Размѣры церкви настолько малы, что она скорѣе похожа на часовню и оказывается едва ли не самою мнѣшнѣею изъ всѣхъ новгородскихъ церквей. Близъ нея, въ древности, находился первый соборъ въ честь Св. Софій, деревянный, о 13 верхахъ, а потомъ построенная на его мѣстѣ каменная церковь Св. Бориса и Глѣба. Изъ остальныхъ храмовъ дѣтница упомянемъ о церкви Іоанна, Архіепископа Новгородскаго, на владычьемъ дворѣ, устроенной въ первой четверти нашего столѣтія, въ стѣнахъ древней грановитой нагажъ новгородскихъ владыкъ. Рядомъ съ нею находятся и келии святаго Іоанна, расписанныя по стѣнамъ изображеніями событій изъ его жизни. Въ одной изъ келий, въ ишиѣ

хранится рукоюишникъ, принадлежавшій, по преданію, святому архипастырю (рис. 3). Съ этимъ рукоюишникомъ связана слѣдующая легенда: однажды, въ вечерней часъ, святигель, по обыкновенію, стоялъ на молитвѣ. Вдругъ, среди окружающей тишины, онъ ясно разслышалъ, какъ зашлепскалась вода въ рукоюишникѣ, — это бѣсъ хотѣлъ смутить старца и парушить его богомыслие. Иоаннъ подошелъ къ рукоюишнику и освятилъ его крестнымъ знаменіемъ. Въ водѣ послышались жалобные стоны и мольбы связаннаго крестною силою бѣса. Святигель согласился, наконецъ, освободить его, но подъ условіемъ осуществленія давнишней мечты своей — побывать въ Иерусалимѣ и поклониться гробу Господню. Освободившись изъ рукоюи-

(Рис. 18) Садъ софійской гостиницы и памятникъ 1812 г. въ Новгородѣ.

ника, бѣсъ чрезъ минуту уже стоялъ у архіепископскаго крыльца въ видѣ коня, осѣдланнаго и готоваго въ дальній путь. Съ быстротою молніи перенесъ онъ праведника въ святой городъ, гдѣ, при входѣ святигеля въ храмъ Воскресенія, сами собою отворились предъ нимъ двери и зажглись свѣчи и лампады. Поклонившись живоносному гробу, святой пустился въ обратный путь и къ утру былъ уже опять въ своей келіи. Это чудесное путешествіе изображено въ цѣломъ рядѣ композицій на стѣнахъ по близости ниши, въ которой помѣщается рукоюишникъ.

Самымъ аристократическимъ концомъ древняго Новгорода считался Загородскій. Онъ состоялъ всего изъ двухъ улицъ: Прусской и Чудинцевой, но былъ силенъ населенъ мѣстными боярами и знатью, и составлялъ самую аристократическую часть города. И въ наше время существуютъ еще на его мѣстѣ улицы Пруская и Чудинцева, но теперь онѣ покрыты заборами и жалкими лачужками. Сохранилась на огородахъ и древняя церковь 12 апостоловъ, находившаяся подлѣ рва, раздѣлявшаго эти двѣ улицы, и отсюда получившая названіе „на прорастяхъ“ (рис. 2). Съ нею соединены воспоминанія о грустныхъ дняхъ Великаго Новгорода. Въ 1230 г. здѣсь была поставлена скудельница по случаю страшнаго голода случившагося въ Новгородѣ; „и разидеся градъ нашъ и волость наша“, говоритъ лѣтописецъ: „и полни быша чуждн грады и страны братьи нашихъ и сестеръ, а остатокъ нача измирати. О, братіе, да аще кто не прослезится о семъ видѣнціи мертвеца по улицамъ и младенцы отъ псы изъядаемы?“ „А псы“, прибавляетъ другой: „влячаху главы и руки, и ноги, и наметана скудельницу у 12 Апостолъ на Пруской 3030 человекъ, а по ширымъ улицамъ и Богъ вѣсть“. Въ народѣ сохранилось преданіе и о моровомъ повѣтріи (сообщаемое г. Кругловымъ), связанное съ этою же церковью. Слова здѣсь, для погребенія умершихъ, была вырыта большая, общая яма. Смертность была настолько велика, что не успѣвали хоронить покойниковъ, и умиравшимъ приходилось самимъ заботиться о себѣ. Они приходили сюда и, въ ожиданіи смерти, ложились на доску, на краю ямы; являлись новые страдальцы, стлкали трупы въ яму и занимали ихъ мѣсто. Иные сбрасывались въ могилу еще живыми, но ждать было некогда. Мѣстность эта издавна принадлежала архіерейскому дому и въ старину называлась Митрополитскимъ островомъ; здѣсь оставались московскіе митрополиты, когда наѣзжали въ Новгородъ. Покидая Софійскую сторону, упомянемъ о двухъ памятникахъ, возникшихъ на ней уже въ наше столѣтіе. Одинъ изъ нихъ, извѣстный памятникъ тысячелѣтія Россіи, помѣщается противъ Софійскаго собора, другой, въ память 1812 года, находился прежде въ кремлѣ, на мѣстѣ первого, но теперь перенесенъ въ городъ, на площадь передъ домомъ дворянскаго собранія. (Верхняя часть его видна на рисункѣ, сдѣланномъ въ саду Софійской гостиницы, выходящей на означенную площадь).

На Торговой сторонѣ Софійскому дѣтнцу соответствовало по значенію Ярославово дворце, — новгородскій forum, — оглашавшееся въ древности могучими звуками вѣчного колокола, отголоски которыхъ далеко разносились по Русю. Въ настоящее время оно залушено, обращено въ мѣстную толкучку и складъ разныхъ товаровъ; осталась на немъ только башня, называемая Ярославовою, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадле-

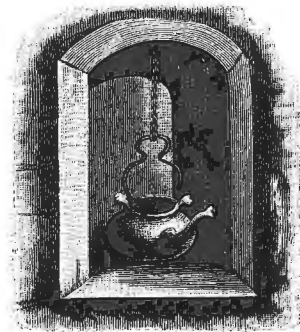
жала болѣе позднему времени (рис. 9). Позади дворца возвышается цѣлый рядъ древнихъ церквей: Николо-Дворищенскій соборъ, церковь Св. Жень-Мироносицъ, Св. мученика Прокопія, Св. Параскевы-Пятницы и др. Николо-Дворищенскій соборъ построенъ въ началѣ XII вѣка; вотъ, вкратцѣ, сказаніе о его возникновеніи: князь Новгородскій Мстиславъ, сынъ Владиміра Мономаха, человекъ еще молодой, заболѣлъ общимъ разслабленіемъ членовъ, которое день-отъ-дня принимало все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Большой со слезами молился Богу и призывалъ на помощь Св. Чудотворца Николая, мощи котораго, незадолго передъ тѣмъ, были перенесены изъ Миръ-Дикіеихъ въ Баръ-градъ. Святигель явился ему во снѣ и велѣлъ послать въ Кіевъ за своею иконою, имѣвшею, по его словамъ, круглую форму, при чемъ обозначилъ ея размѣры и даже мѣсто нахождения. Мстиславъ немедленно послалъ въ Кіевъ своего священника и боярина, съ причтомъ и слугами, но сильная буря на Ильменѣ остановила ихъ въ самомъ же началѣ путешествія и загнала къ острову Липно, въ 7 верстахъ отъ Новгорода. Три дня бушевала буря, задерживалъ пословъ на островѣ, когда же, на четвертый день, они собрались въ путь, то, къ изумленію своему, увидѣли, что икона святигеля, воплѣ сходящая съ даннымъ имъ описаніемъ, сама плыветъ по водѣ навстрѣчу ихъ ладьямъ (рис. 10). Торжественно была встрѣчена св. икона въ Новгородѣ, и когда Мстиславъ приложился къ ней, то почувствовалъ себя настолько окрѣпшимъ, что могъ проводить ее до церкви, гдѣ, послѣ окропленія святою водою, которою была омыта икона, исцѣлился совершенно и далъ обѣщаніе воздвигнуть храмъ во имя Николая Чудотворца. Въ качествѣ придворной церкви, соборъ имѣлъ въкоторыя особыя преимуществва. Причтъ его подчинялся болѣе князю, нежели новгородскимъ владыкамъ; въ немъ провозносились торжественныя клятвы, въ него заключали виновныхъ для пенянія совѣсти, въ немъ же находили убѣжище и лица, преслѣдуемая вѣщемъ.

Церковь Св. Жень-Мироносицъ упоминается въ лѣтописяхъ еще подъ 1299 годомъ, и свѣдѣнія о ней начинаются извѣстіемъ о пожарѣ, во время котораго она сгорѣла. На мѣстѣ погибшей въ пламени, деревянной церкви построили каменную, существующая же нынѣ церковь поставлена уже въ 1455 г., на старомъ основаніи. Близъ нея находилась въ старину дворъ богатыхъ московскихъ гостей Сырковыхъ, которые неоднократно возобновляли ее и украшали. Особенно извѣстенъ одинъ изъ Сырковыхъ, — Федоръ Дмитріевичъ; онъ устроилъ въ городѣ и окрестностяхъ 12 монастырей, не считая отдѣльныхъ церквей, и погибъ страдальческою смертью во время новгородскаго погрома при Грозномъ. Имъ устроенъ и Сырковъ монастырь (въ 6 верстахъ отъ города), къ которому приписана теперь Мироносицкая церковь. Интересенъ полъ въ алтарѣ и передъ иконостасомъ этого храма:

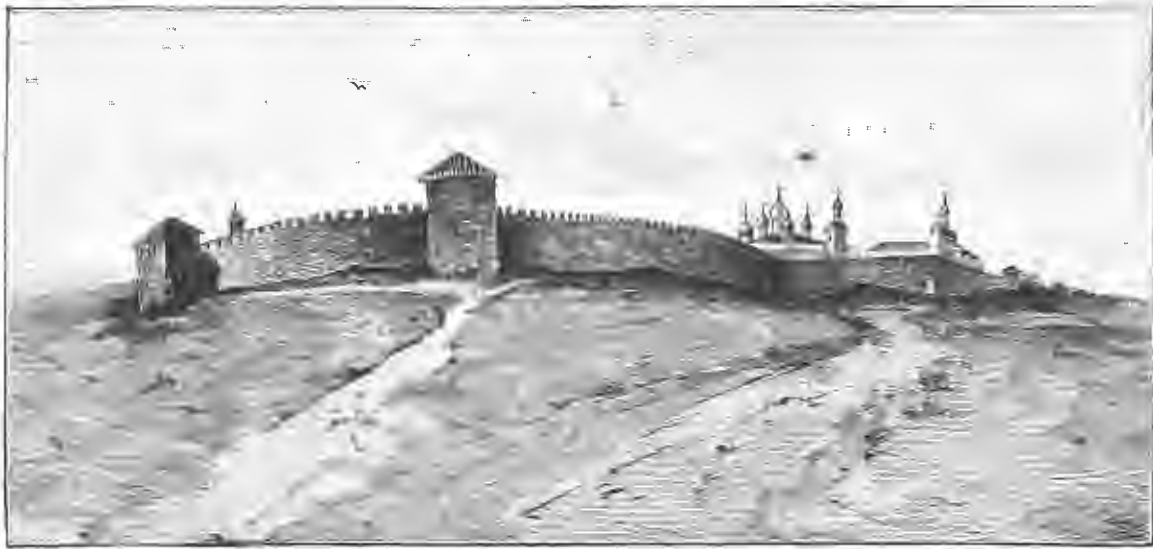
онъ состоитъ изъ остроугольныхъ кирпичей, шпчѣмъ не связанныхъ между собою и уложенныхъ на основаніи изъ глиняныхъ горшечковъ, наполненныхъ пескомъ. По поводу этихъ горшечковъ, старушка, при-сматривающая за церковью, рассказываетъ, что они, въ древности, принесены однимъ горшечникомъ, который былъ застигнутъ на Ильменѣ бурей и обѣщався, въ случаѣ избавленія отъ неизбежной смерти, пожертвовать весь свой товаръ въ храмъ Св. Мироносицъ. Архимандритъ Макарій, авторъ „Археологическаго описанія церковныхъ древностей Новгорода“, дѣлаетъ предположеніе, что горшки поставлены подлѣ поломъ для очищенія воздуха и уравненія тепла. Мстиславъ, древняя икона Св. Жень-Мироносицъ очень интересна и по композиціи, и по ипсью. Полъ подлѣ нея разрытъ и погнулся, многие кирпичи поломаны. „Это у насъ еще съ давнихъ временъ ведется“, поясняетъ старушка: „что песочекъ нашъ при родахъ помогаетъ, и много берутъ его изъ-подъ иконы-то, ишь какъ развоевано!“ (рис. 11).

Упомянемъ еще о церкви Св. Параскевы Пятницы, построенной, по словамъ лѣтописи, заморскими купцами въ XII вѣкѣ. Святая Параскева издревле почиталась покровительницею торговыхъ сношеній. Нынѣшняя церковь (рис. 12) построена въ 1340 г. Здѣсь замѣчательна большая, древняя икона Св. Параскевы, съ крестомъ въ одной рукѣ и сосудомъ въ другой. Интересны также: свѣчной ящикъ, украшенный рѣзными аркатурами, и зеленая стойка, долженствующая изображать, за всеночной въ недѣлю Ваіи, дерево, съ котораго молящіеся разбираютъ пучки вербы (рис. 13, 14).

Недалеко отъ Ярославова дворца пролегала по Словенскому

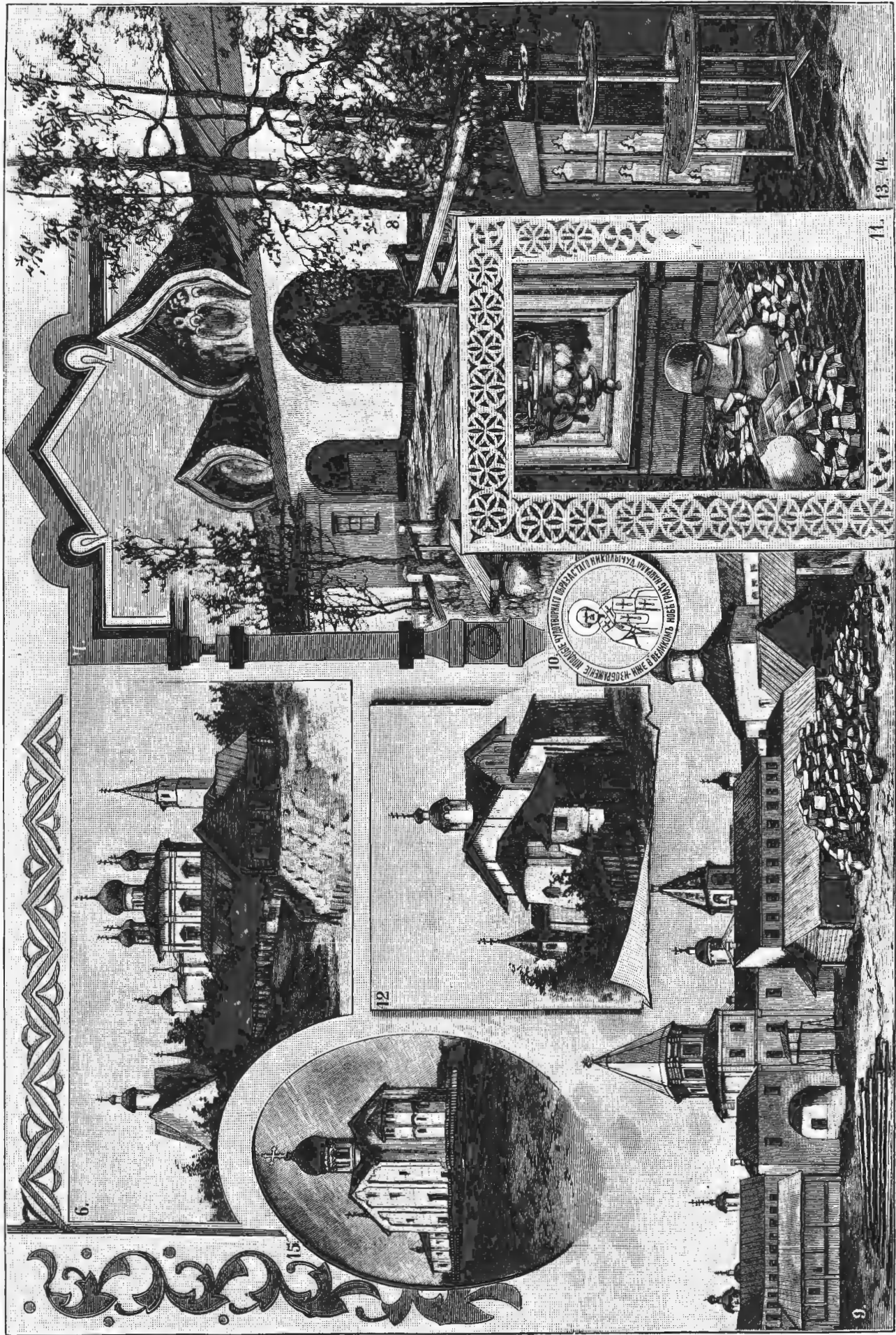
Новгородская старина. (Рис. 3) Рукоюишникъ Св. Іоанна Архіепископа.

Новгородская старина. (Рис. 4) Двѣтинець съ юговосточной стороны. Съ ориг. рис. (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій.

Новгородская старина. (Рис. 5) Рождественскій храмъ въ Антоніевскомъ монастырѣ. Икона Св. Антонія надъ камнемъ. Съ ориг. рис. (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій.

Новгородская старина. (Рис. 6) Видъ на Знаменскій и Преображенскій соборы съ городского вала. (Рис. 7) Деталь облицовки оконъ въ Знаменскомъ соборѣ. (Рис. 8) Святая икона Знаменскаго собора, съ внутренней стороны. (Рис. 9) Ярославово дворще. (Рис. 10) Икона Св. Николая въ Николо-Дворищенскомъ соборѣ. (Рис. 11) Поле подъ мѣстною иконою въ церкви Св. Жень Мироносицъ. (Рис. 12) Церковь Св. Параскевы Пятницы. (Рис. 13 и 14) Свящѣной ящикъ и вербная стойка въ Пятницкой церкви. (Рис. 15) Церковь

концу Ильина улица, поднимавшаяся от Волхова къ Спасской церкви, уцѣлѣвшей до нашего времени. Первое лѣтоисчисленіе объ этой церкви относится къ 1169 году и связано съ чудомъ избавленія Новгородца отъ Суздальской рати. Здѣсь мы опять встрѣчаемъ знакомаго уже намъ архіепископа Іоанна. Когда городъ былъ осажденъ несметными силами суздальцевъ и ихъ союзниковъ, святитель денно и нощно молился объ избавленіи града, предъ иконою Спасителя, сохранившеюся и донынѣ на стѣнѣ, въ сѣняхъ грановитой палаты. На третью ночь онъ услышалъ отъ иконы голосъ: „Иди въ храмъ Спаса, на Ильиной улицѣ, возьми оттуда икону Богоматери, неси на стѣну города, и узришь спасеніе“. Лишь только Іоаннъ, въ торжественномъ крестномъ ходѣ, съ иконою въ рукахъ, поднялся на городскую стѣну, непріятель пустилъ въ него тучу стрѣлъ; въ то же мгновеніе ликъ Богоматери отвернулся отъ суздальцевъ, и въ очахъ ея показались слезы, которыя святитель принялъ на свою фелонь. Въ глазахъ у осаждающихъ потемнѣло; на нихъ началъ невѣдомый страхъ, и они бросились бѣжать отъ города, преслѣдуемые новгородцами. Въ память этого событія, какъ извѣстно, установленъ праздникъ Знаменія Пресвятой Богородицы. Икона Богоматери была помѣщена за престоломъ того же Спасо-Преображенскаго храма, изъ котораго была взята, но въ 1354 г. для нея устроили особый храмъ, рядомъ съ Преображенскимъ, „и тогда“, прибавляетъ лѣтописецъ: „моливами Пресвятыя Богородицы, велие чудо сотворися въ великомъ Новѣградѣ, что новгородскіе люде рыбы руками ишау а берега, сколько кому надобно“; нынѣшній же Знаменскій соборъ построенъ уже при державѣ государей Петра и Іоанна Алексѣевичей въ 1682 г. (Видъ Знаменскаго и Преображенскаго храмовъ помѣщенъ на рис. 6, снятомъ съ вала, огибающаго Торговую сторону. Рис. 7 изображаетъ деталь облицовки оконъ Знаменскаго собора, а рис. 8 — святыя ворота этого собора съ внутренней стороны).

На рис. 6, между Знаменскимъ и Преображенскимъ соборами, видны вдали главы еще двухъ церквей: Св. Филиппа Апостола и Ильи Пророка. Этотъ Ілья Пророкъ, на Торговой, въ Словенскомъ концѣ, назывался Сухимъ, а на Софійской сторонѣ, въ Перевокомъ концѣ, былъ другой Ілья Пророкъ — Мокрый; къ Сухому Ільѣ ходили молиться о вѣдрѣ и сухой погодѣ, къ Мокрому же совершались крестные ходы во время засухи, съ молитвою о ниспосланіи дождя.

Изъ церквей Плотницкаго конца отмѣтимъ церковь Св. Великомученика Θεодора Стратилата (рис. 15). Построенная во второй половинѣ XIV вѣка, она съ тѣхъ поръ мало измѣнилась въ своей внѣшности, и, вмѣстѣ съ Преображенскимъ соборомъ, можетъ служить типичною представительницею новгородскаго церковнаго стиля. Въ ней достопочтѣ замѣчания пріидѣлъ Св. Симеона Дивногорца, устроенный надъ діакономъ и до того крохотный, что просто не вѣрится, какъ онъ могъ помѣщаться на такомъ тѣсномъ пространствѣ; нынѣ пріидѣлъ этотъ уже упраздненъ, остался въ немъ только камень, вѣроятно, служившій престоломъ. Въ діаконикѣ церкви хранится глиняный горшокъ со слѣдующею надписью: „Храмъ Св. Великомученика Θεодора Стратилата построенъ въ 1360 г., возобновленъ и освещенъ въ 1880 г., 24 іюня усердіемъ и стараніемъ купеческой вдовы Елисаветы Алексѣевны Васильевой“; на другой сторонѣ: „горшокъ этотъ взятъ изъ купола сего храма, такъ какъ куполъ этотъ устроенъ изъ подобныхъ сему горшковъ“. По всей вѣроятности, горшокъ этотъ не что иное, какъ одинъ изъ голосниковъ, зачастую помѣщавшихся въ куполахъ и сводахъ древнихъ церквей, для усиленія резонанса. Архимандритъ Макарій упоминаетъ о древней клеовой живописи на стѣнахъ храма, но, увы! — при возобновле-

ніи усердіемъ и стараніемъ г-жи Васильевой, живопись эта забылена.

Въ концѣ Торговой стороны, за Никольскою слободою находится монастырь Св. Антонія Римлянина, основанный въ 1106 году, незадолго до построенія Николо-Дворищенскаго собора. Преподобный Антоній родился въ Римѣ и, по смерти родителей, вступилъ въ одинъ изъ итальянскихъ монастырей. Передъ тѣмъ онъ роздалъ большую часть своего имѣнія нищимъ, остальную же (золото, серебро, церковные сосуды и пр.) положилъ въ бочку и бросилъ въ море. Въ монастырь онъ пробылъ около 20 лѣтъ, но, по причинѣ гоненій католиковъ, (послѣ раздѣленія Церкви) удалился на берегъ моря, гдѣ и прожилъ около года въ уединеніи. Однажды, когда онъ молился, стоя на камнѣ, внезапно нахлынувшая волна оторвала камень отъ берега и понесла въ море, вмѣстѣ съ угодникомъ. Черезъ два дня камень прибылъ въ Новгородъ и остановился у берега противъ того мѣста, гдѣ теперь обитель. Черезъ нѣсколько времени рыбаки, закидывая сѣть, вытащили и бочку съ имуществомъ преподобнаго, который основалъ монастырь на свои средства, построивъ каменный храмъ Рождества Богородицы. Въ притворѣ этого храма находится камень Св. Антонія, на которомъ онъ приплылъ изъ Италии; впереди камня помѣщено, на вырѣзанной доскѣ, изображеніе угодника, плывущаго по морю съ пучкомъ морской травы въ рукахъ. Здѣсь помѣщенъ колоколь и небольшое ланкадилье изъ имущества преподобнаго (рис. 5). Расположеніе главъ на этомъ Рождественскомъ храмѣ крайне характерно и, вообще, встрѣчается довольно рѣдко. Изъ трехъ главъ, вѣчающихся зданіе, одна находится въ центрѣ, а объ остальныхъ помѣщены въ углахъ западной стороны фасада, при чемъ сѣверопадная глава крупнѣе юго-западной и помѣщается на особой башнѣ, выступающей изъ стѣны храма. Подобное расположеніе главъ встрѣчается еще на Георгіевскомъ соборѣ Юрьева монастыря (постр. въ 1119 г.), и здѣсь также сѣверопадная глава покоится на особой башнѣ, въ которой хранится богатая монастырская ризница. Подъ высокими сводами Георгіевскаго собора нашелъ себя вѣчно упокоеніе князь Димитрій Юрьевичъ Шемяка (?1453); здѣсь же, на правомъ клиросѣ, почиваетъ мать Александра Невскаго, великая княгиня Θεодосія, во иночествѣ Евфросинія. Въ надписи надъ ея гробницею (рис. 17) сказано, что она положена подлѣ сына своего, князя Θεодора, но сына теперь уже нѣтъ съ нею. Св. князь Θεодоръ Ярославичъ, скончавшійся въ самый день своей свадьбы, на 14-лѣтнемъ году отъ рожденія, дѣйствительно, былъ положенъ сначала въ Юрьевѣ монастырѣ, но въ 1614 г., мѣсяцъ его, во избѣжаніе поруганія отъ шведовъ, перенесены въ Софійскій соборъ, гдѣ почиваютъ и донынѣ.

Недалеко отъ Юрьева, на берегу Волховца, находится древняя церковь Спаса Передѣны (рис. 16). Въ старину здѣсь пролегла большая дорога изъ Москвы въ Новгородъ и находился Спасо-Передѣнскій монастырь, нынѣ упраздненный. Уцѣлѣвшая церковь его, — ровесница древнѣйшимъ новгородскимъ святынямъ, — построена въ 1198 году. Въ ней сохранилась драгоценная, по древности, фресковая живопись, современная построенію самого храма; въ числѣ другихъ изображеній здѣсь находится и портретъ князя Ярослава, строителя храма, въ точно воспроизведенномъ костюмѣ того времени. Интересны также деревянные хоры (по старому, полати) съ двумя каюрами по правую и по лѣвую сторону. Сводъ и стѣны храма обильно снабжены вмазанными въ нихъ голосниками.

Разсказывая съ Новгородомъ, взглянемъ еще разъ на знаковую уже твердыню дѣтница съ блестящими вдали куполами Св. Софій (рис. 4), и проетимся, глубокимъ поклономъ, со священной памятью предковъ.

Современная гигиѣна,

представленная на Первой Всероссийской гигиенической выставкѣ въ С.-Петербургѣ.

Очеркъ Г. С. Вольте.

(Окончаніе).

Какъ извѣстно, дезинфекція считается теперь однимъ изъ сильнѣйшихъ орудіи въ борьбѣ съ заразными болѣзнями. Объ этомъ свидѣлствуетъ уже одно обиліе экспонатовъ на гигиенической выставкѣ по этому отдѣлу. Модели и образцы камеръ для дезинфекціи бѣлья и одежды заразныхъ болѣзней, представленные на выставку и болѣе значимы учрежденіями, и частными лицами. Институтъ экспериментальной медицинѣ выстроилъ на дворѣ выставки настоящія дезинфекціонныя камеры нѣсколькихъ типовъ: землянку съ кирпичною печью, куда наливается вода, и паръ проникаетъ запертыя въ землянкѣ вещи; деревянную бочку съ рѣшеткой на нѣкоторомъ разстояніи отъ дна, куда кладутся вещи для дезинфекціи паромъ, проходящимъ подъ рѣшетку; камеру, вдоль стѣнъ потолка и пола которой проведены чугунныя трубы, изъ многочисленныхъ отверстій которыхъ валитъ паръ, обеззараживающій загрязненныя вещи. Въ самомъ же выставочномъ манежѣ мѣстѣ переносимый дезинфекціонный аппаратъ системы профессоровъ Доброславина и Штрёма и, наконецъ, приборъ, гдѣ дезинфекція производится не теку-

щимъ перегрѣтымъ паромъ, а паромъ, находящимся подъ сильнымъ давленіемъ. Что касается дезинфекціонныхъ составовъ, то и здѣсь техника чуть ли не каждый день изобрѣтаетъ и предлагаетъ новыя и новыя средства, еще болѣе дѣйствительныя, еще болѣе дешевыя, еще болѣе безвредныя и пріятныя. Конкуренція между изобрѣтателями въ полномъ разгарѣ. Борьба не ограничивается выставкой рекомендуемыхъ произведеній, она перешла уже на литературную почву, и въ особяхъ брошюрахъ, бесплатно раздаваемыхъ изобрѣтателями выставкѣ, каждый изобрѣтатель расхваливаетъ свой товаръ и раскритиковываетъ чужой подъ самыми научными соусами. Вась нагружаютъ цѣлою кучею рекламы, въ которыхъ горячо проповѣдуется, что сапокресолъ (смѣсь 25 или 50° крезола со солянымъ мыломъ) и карболовый порошокъ московскаго фармацевта Келера — самыя лучшія и выгодныя изъ всѣхъ существующихъ дезинфекціонныхъ средствъ, что жидкость, порошокъ и мыло лондонскаго фабриканта Джейса — суть послѣднее слово дезинфекціи, помимо того, что они предохраняютъ и вытѣряваютъ отъ самыхъ различныхъ болѣзней, какъ людей, такъ и живот-

ныхъ, и т. д. Въ качествѣ дезодорирующихъ средствъ, т. е., веществъ, уничтожающихъ дурной запахъ, на выставкѣ фигурируютъ порошокъ Затова и изготовляемый на С.-Петербургскомъ Каменскомъ торфяномъ заводѣ торфяной порошокъ или сфагнуумъ. Выставленъ даже матрацъ изъ сфагнуума. Въ отдѣлѣ Департамента земледѣлія и сельской промышленности Министерства Государственныхъ Имуществъ находится модель, изображающая торфъ въ естественномъ видѣ, какъ онъ встрѣчается въ природѣ, приготовляемый изъ него издѣлія и орудія производства. Манекенъ дезинфектора, съ погъ до головы закрытаго платьемъ изъ парусины и съ губкою, пропитанною обеззараживающею жидкостью, вокругъ рта, дополняетъ картину дезинфекціоннаго дѣла, представленнаго на выставкѣ.

Удаленіе нечистотъ и отбросовъ изъ черты города представляетъ не менѣе существенную задачу общественной гигиены. Интересный проектъ представило Высочайше утвержденное общество костеобжигательныхъ заводовъ и выдѣлки изъ кости другихъ продуктовъ (костяного клея, угля, удобрений, желатина и пр.): указывая на то, что интересы костяного производства и, вообще, трипичнаго дѣла совпадаютъ съ цѣлями санитарными, состоящими въ удаленіи изъ населенныхъ мѣстъ всего, что служитъ источникомъ гнилостныхъ процессовъ, директоръ общества, технологъ Глезмеръ, въ составленной имъ книгѣ предлагаетъ воспользоваться трипичниками, какъ естественнымъ санитарнымъ отрядомъ, численность котораго достигаетъ во всей Россіи, по всей вѣроятности, до 100,000 человекъ. Объ одной изъ употребительныхъ нынѣ системъ канализаціи, а именно, славянской системѣ инженера Липиделя, примененной въ городѣ Варшавѣ, обозрѣватель гигиенической выставки можетъ составить себѣ отчетливое представленіе по модели, устроенной въ натуральную величину въ прилегающемъ къ манежу садикѣ. Въ городѣ Одессѣ славянскія kloачныя воды отводятся на обширную безплодную низменность, лежащую между берегомъ моря и лиманами, такъ-называемую „Пересыпь“, и орошаютъ ими поля. На выставкѣ, въ особой витринѣ одесскаго городского управления, имѣются образцы kloачной воды до поступления ея въ почву и дренажной—послѣ прохожденія ея чрезъ слой земли: цвѣтъ одной жидкости отвратительно-грязный, черный, другой—почти совершенно прозрачный, лишь немного окрашенный. Выѣтъ съ тѣмъ безплодная раньше пустошь, съ тѣхъ поръ, какъ сточныя воды разлились по нимъ, стали годными для разведенія овощей, хлѣбовъ и всевозможныхъ растений, и здѣсь же на витринѣ разложены превосходные образцы получаемыхъ съ дренажныхъ полей произведеній. Замѣчательнаго всего, что для населенія этой части города такое орошеніе не принесло никакого вреда: смертность на Пересыпи даже понизилась значительно въ послѣдніе годы. Что же касается остальныхъ частей города, то результаты рациональной канализаціи и правильнаго водоснабженія не замедлили сказаться тотчасъ же на общей смертности городского населенія и, въ особенности, на процентѣ смертности отъ брюшного тифа, которые сильно понизились, уменьшаясь съ каждымъ годомъ. Въ отведенномъ городу Варшавѣ садикѣ при манежѣ выстроена также модель центрального водопроводнаго фильтра Варшавы изъ нѣсколькихъ слоевъ песку и камней. На выставкѣ имѣются также экспонаты нѣсколькихъ типовъ домашнихъ фильтровъ. О томъ, что творится въ канлѣ неочищенной несекой воды, обозрѣватель выставки можетъ узнать, взглянувъ на выставленный въ биологическомъ отдѣлѣ рисунокъ этой канли подъ микроскопомъ: обрывки тканей, мелкія животныя и растенія, микробы—все это перемѣшано здѣсь и толчется въ невообразимомъ хаосѣ.

Чистый воздухъ не менѣе нуженъ человѣку, какъ и чистая вода. Съ помощью особыхъ приборовъ, напримеръ, находящагося на выставкѣ аппарата Козлова и Баженова, можно убѣдиться, какая масса микроорганизмовъ носится въ окружающемъ насъ воздухѣ. Системъ вентиляціи существуетъ теперь множество. Изъ представленныхъ на выставкѣ аппаратовъ интересна модель новаго вентиляціоннаго разборнаго аппарата, изобрѣтеннаго мастеромъ Михайловымъ. Аппаратъ этотъ вентилируетъ и сжигаетъ заразный воздухъ тѣхъ помѣщеній, гдѣ таковой образуется, напримеръ, больницъ и госпиталей, гдѣ лежатъ больные заразными болѣзнями, служа въ то же время и обыкновенной вентиляціи комнатъ.

Источникомъ зараженія и заболѣванія бываетъ не одна только вода и воздухъ, но очень часто и пища, главнымъ образомъ—молоко и мясо. Потребляемая въ пищу домашнія животныя страдаютъ многими болѣзнями, свойственными также и человѣку, даютъ убѣжище разнаго рода паразитамъ, успѣшно развивающимся и въ тѣлѣ человѣка. Въ этомъ отношеніи имѣются замѣчательные препараты, выставленные городскимъ мяснымъ патологическимъ музеемъ при С.-Петербургской скотобойнѣ.

Не меньшій вредъ для здоровья человѣка могутъ представлять различные продукты, изготовляемые современной промышленностью и пускаемые въ продажу подъ видомъ естественныхъ произведеній земли: мы говоримъ о всевозможныхъ видахъ фальсификаціи. Анализъ проданныхъ припасовъ и паптковъ, производимыхъ теперь во многихъ городахъ устроен-

ными на средства общественнаго управленія лабораторіями, имѣеть поэтому очень важное значеніе для здравоохраненія городскихъ жителей. Не всегда, впрочемъ, поддѣлка естественнаго продукта есть дѣло торговаго обмана; иногда самъ человѣкъ сознательно, вынуждаемый голодомъ или недостаткомъ хорошаго хлѣба, вводитъ въ свой организмъ различные суррогаты хлѣба съ примѣсью пшесу, сорныхъ травъ и проч. Образцы такого хлѣба выставлены, между прочимъ, въ витринѣ устроеннаго профессоромъ Петри антропологическаго отдѣла. Но и неподдѣльная пища можетъ быть не особенно питательна для организма: все зависитъ отъ ея состава, отъ относительнаго количества образующихъ ее составныхъ веществъ, изъ которыхъ одни болѣе необходимы и полезны для организма, лучше усваиваются имъ, другіе—менѣе и хуже. Чрезвычайно любопытно поэтому взглянуть на выставленные химической лабораторіей Императорской Военно-Медицинской академіи препараты: въ большихъ стеклянныхъ трубкахъ вдоль прибитыхъ къ стѣнѣ досокъ размѣщены по группамъ отдѣльныя составныя части каждаго пищевого средства: разнаго рода хлѣбовъ, овощей, разныхъ сортовъ мяса, сыра, кофе, чая, вина, водокъ и разныхъ паптковъ. Въ одной трубкѣ, напримеръ, помѣщаются бѣлки, въ другой—жиры, въ третьей—крахмалъ, въ четвертой—сахаръ, въ пятой—соли, при чемъ каждое вещество различается легко по цвѣту и виду, а высота столбовъ въ трубкѣ наглядно представляетъ относительное количество входящихъ въ составъ данного пищевого средства веществъ. Изъ обзора этихъ трубокъ видно, напримеръ, что бѣлковъ, т. е. вещества, наиболѣе важнаго въ экономіи организма, содержится въ самомъ болѣе мѣломъ количествѣ не въ мясѣ, а въ Честерскомъ сырѣ. Въ отдѣлѣ питанія на особомъ столкѣ посетитель выставки найдетъ очень интересный экспонатъ: крупу росички, не прихотливаго и невысокаго растенія изъ семейства злаковъ, которое стали съ недавнихъ поръ разводить на югѣ Россіи, гдѣ она встрѣчается и въ дикомъ состояніи. Составъ и пищевое значеніе этого новаго пищевого средства, могущаго оказывать большую услугу крестьянину при неурожаѣ другихъ хлѣбовъ, прекрасно разъяснены въ изслѣдованіи доцента Медицинской академіи А. А. Липскаго. Отведено не мало мѣста естественнымъ и искусственнымъ минеральнымъ водамъ. Особенно красивъ навильонъ кавказскихъ минеральныхъ водъ; научный интересъ представляетъ модель, изображающая въ разрѣзѣ горныя породы, по которымъ течетъ Ессентукскій источникъ. Въ витринѣ города Ялты имѣется модель окружающаго его Таврическихъ горъ. Вообще, отдѣлъ бальнеологій, устроенный профессоромъ Павловымъ, отличается полнотою и даетъ понятіе о главнѣйшихъ минеральныхъ водахъ Россіи. Къ гигиенѣ питанія примыкаетъ гигиена одежды и обуви. Какъ известно, для окраски разныхъ тканей (матерій), обоевъ и проч. употребляютъ иф-которыми промышленниками, вопреки закону, ядовитыя соединенія мышьяка и тому подобныя вредныя для здоровья легучія вещества, которые при вдыханіи способны вызвать отравленіе. Не малое значеніе приобрѣтаютъ поэтому приборы, дающіе возможность произвести химическій анализъ ткани и такимъ способомъ открыть хотя-бы ничтожныя количества ядовъ. Одинъ изъ такихъ аппаратовъ, а именно, изобрѣтенный инженеромъ-химикомъ Малышицкимъ, для открытія и опредѣленія мышьяка, имѣется и на гигиенической выставкѣ. Что касается формы и покроя платья, то, главнымъ образомъ, имѣютъ значеніе они для здоровья женщины, такъ какъ нѣкоторыя изъ принадлежностей ихъ туалета представляютъ прямой вызовъ гигиенѣ. Заслуживаетъ поэтому вниманія всякая попытка ослабить вредное влияніе такихъ вещей, какъ напримеръ, изготовленіе корсетовъ безъ швовъ, демонстрируемое въ витринѣ М-те Паулиппъ. Сюда же слѣдуетъ отнести изобрѣтенный профессоромъ Лебедевымъ „обмедоступный вязанный брюшной корсетъ-бадажъ для беременныхъ и для страдающихъ отвислымъ животомъ“. Известный Легеръ также экспонировалъ образцы нормальной одежды. Нынешняя обувь, напримеръ, до такой степени уродуетъ ногу, что нормальную ногу встрѣтить почти невозможно, о классическихъ же ногахъ древнихъ и мечтать намъ нельзя. Все дѣло въ томъ, что объ половинѣ нормальной человѣческой ноги не равны, сапожникъ же дѣлаеть колодку для обуви симметричной формы. Притомъ громадное большинство сапожниковъ пользуется колодками типичными, т. е., средними для многихъ людей, не сообразуясь съ индивидуальными особенностями каждаго заказчика. Поэтому заслуживаютъ поощренія все тѣ, которые стараются, наконецъ, принять во вниманіе требованія гигиены. Въ витринѣ Высоцкаго выставлены гигиенискія колодки, приготовляемыя особо для каждаго заказчика соответственно всѣмъ неправильностямъ его ноги, при чемъ для мозолей дѣлается въ обуви необходимый выступъ кожи.

Намъ слѣдовало-бы теперь перейти къ гигиенѣ жилищъ, но выставка очень бѣдна экспонатами по этому отдѣлу, и мы коснемся только чрезвычайно интересныхъ данныхъ, представленныхъ городомъ Варшавою на основаніи сдѣланной въ 1891 году общей переписи всѣхъ городскихъ квартиръ и ихъ обитателей. Въ тѣхъ частяхъ городахъ, гдѣ населеніе скучено въ тѣсныхъ и плохо устроенныхъ квартирахъ, тамъ и

болѣзненность, и смертность отъ заразныхъ болѣзней гораздо выше.

Статистика имѣетъ, въ особености, громадное значеніе въ дѣлѣ изученія заразныхъ болѣзней, причинъ ихъ развитія и распространенія, и мѣръ борьбы съ ними. Напримѣръ, картограмма, гдѣ нанесены числа заболѣвавшихъ въ прошломъ году холерою въ Ригѣ и размѣры колебаній почвенной воды и количество выпавшихъ осадковъ въ этомъ городѣ во время развитія эпидеміи, показываетъ, что между явленіями этими существуетъ тѣсная зависимость. Петербургское городское управленіе сообщило между прочимъ свѣдѣнія по общей статистикѣ столичнаго населенія на основаніи послѣдней переписи. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что въ настоящее десятилѣтіе 1881—1890 гг. возрасло преимущественно населеніе петербургскихъ окрестностей: Петербургской, Выборгской, Александро-Невской и Рождественской частей; въ Адмиралтейской же и Казанской частяхъ населеніе убывало. Другой интересный фактъ: число вдовъ въ Петербургѣ гораздо больше числа вдовцовъ, т. е., мужей умираетъ въ столицѣ больше, чѣмъ женъ.

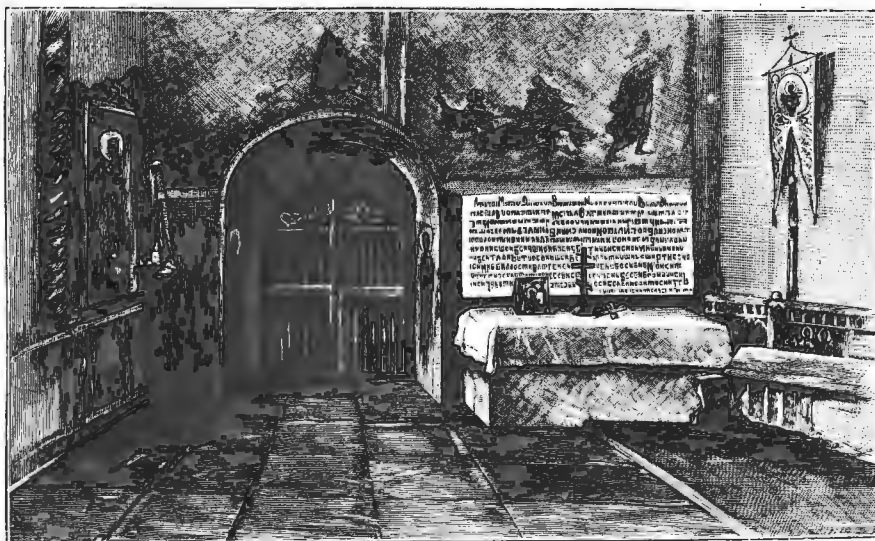
Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о гигиенѣ профилактической, т. е., о предохранительныхъ прививкахъ нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзней. Ознакомитесь наглядно съ культурами бактерій, ихъ формою и цвѣтами, и способами ихъ приготовленія, можно, благодаря участію въ выставкѣ Института экспериментальной медицины, который выставилъ цѣлую батарею приборовъ и пр. съ чудными бактериологическими препаратами, питательными средами, разливами и пр. На выставкѣ имѣется также цѣлый оспенный навилъонъ, гдѣ собраны всѣ приборы для полученія телячьей лимфы и самого оспопрививанія. Укажемъ, кстати, на изобрѣтенный Дедюлинымъ новый хирургическій инструментъ для прививки оспы, очень удобный и гигиеничный.

Мы коснулись, кажется, всѣхъ отдѣловъ гигиены, нашедшихъ себѣ мѣсто на первой всероссійской гигиенической выставкѣ, и въ заключеніе нашего обзора позволяемъ себѣ высказать не безосновательную, кажется, надежду, что выставка эта сослужитъ большую службу нашему отечеству, показавъ, что уже сдѣлано у насъ по части пароднаго здраво-

охраненія, и что предстоитъ еще сдѣлать, чтобы Россія могла по праву занять и въ этомъ отношеніи подобающее ей среди европейскихъ державъ высокое мѣсто.

Новгородская старина. (Рис. 16) Церковь Спаса Нередицы. Древнія полати въ западной части храма и входъ на нихъ.
Съ ориг. рис. (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій.

Новгородская старина. (Рис. 17) Гробница Вел. Кн. Θεодосіи въ Юрьевѣ монастырѣ.
Съ ориг. рис. (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій.

Новый товарищъ министра извѣстенъ своими научными трудами и журнальною дѣятельностью. Его взгляды на финансовое право, на теорію цѣнности и бумажно-денежнаго обращенія оригинальны, жизненно-практичны и свидѣтельствуютъ о значи-

Къ рисункамъ.

Фальшивая нота.

(Рис. на стр. 580).

Картины извѣстнаго художника Мантегацца всегда отличаются жизненною правдивостью и естественностью изображаемыхъ на нихъ фигуръ; при этомъ искусная рука мастера видна во всемъ; ничего рѣжущаго глазъ, ничего неправильнаго, безпокойнаго, ни одной, такъ сказать, кричащей краски, фальшивой ноты въ гаммѣ подобранныхъ красокъ. Такъ и въ картинѣ, снимокъ съ которой помѣщенъ на стр. 580, вы не найдете иной „фальшивой ноты“, кромѣ той, которою нарушилъ ренетцію любительскаго концерта неудачный кларнетистъ-любитель, вѣроятно, самъ же напросившійся играть...

Возвращеніе изъ школы.

(Рис. на стр. 581).

Экзамены кончены. Дѣто наступило. Пора разстаться съ книгами и тетрадками. Повсюду жизнь одинакова, и дѣти — всадъ дѣти, будь это у насъ или въ нѣмецкой землѣ, изъ жизни которой выхвачена сценка, изображенная на картинѣ С. Глюк-лиха. Дѣвочки возвращаются домой степенно и чинно, находясь еще подъ вліяніемъ наставленій, полученныхъ въ школѣ, а мальчишки успѣли уже затѣять драку въ то время, какъ два старшіе ихъ товарища заняты обсужденіемъ важнаго вопроса, куда идти на рыбную ловлю, или гдѣ можно найти побольше спѣлыхъ ягодъ...

Товарищъ министра Финансовъ А. Я. Антоновичъ.

(Портр. на стр. 593).

Высочайшимъ приказомъ отъ 28 мая сего года назначенъ ординарный профессоръ университета Св. Владиміра, докторъ политической экономіи и статистики Авинионъ Яковлевичъ Антоновичъ товарищемъ министра Финансовъ.

тельной эрудиции и наблюдательности дѣятельнаго ученаго. Онъ въ своихъ многочисленныхъ учено-литературныхъ работахъ настаиваетъ на необходимости развитія народнаго труда при помощи хозяйственнаго и промышленно-предпринимательскаго кредита и развитія нашей внутренней производительности путемъ таможеннаго покровительства. По его мнѣнью, государство чрезъ свои финансовыя органы должно содѣйствовать національнымъ торгово-промышленнымъ оборотамъ, основаннымъ на государственныхъ и общественныхъ потребностяхъ, и отнюдь не примѣнять при существующей производительности ту экономическую систему, принципъ которой „laissez faire, laissez passer“. Какъ выдающийся ученый, Аенногенъ Яковлевичъ былъ привлеченъ въ прошломъ году къ участию въ комисси по преобразованію Государственнаго Банка и представилъ тщательно обработанный проектъ этого преобразования.

А. Я. Антоновичъ родился въ 1848 году. Отецъ его былъ священникъ въ Волынской губерніи. По окончаніи курса въ Кіевской духовной семинаріи А. Я., не чувствуя призванія къ духовной священнической дѣятельности, поступилъ въ университетъ Св. Владиміра на юридическую факультетъ и въ 1873 г. блестяще окончилъ курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Совѣтъ университета рекомендовалъ талантливаго кандидата Ново-Александрійскому институту сельскаго хозяйства и лѣсоводства, въ качествѣ лица, достойнаго занять кафедру политической экономіи, статистики и законовѣдѣнія. Читая лекціи, молодой ученый посвятилъ свои досуги болѣе обстоятельному выясненію той части экономической науки, которая была наиболѣе полезна для хозяйственной дѣятельности агрономовъ и лѣсоводовъ — студентовъ института.

Въ 1877 году А. Я. съ успѣхомъ защитилъ диссертацию „Теорія цѣнности“, на степень магистра политической экономіи, и въ 1879 г. напечаталъ свои лекціи: „Основанія политической экономіи“, издавныя въ двухъ выпускахъ. Ново-Александрійскій институтъ избралъ его членомъ правленія и поручилъ ему завѣдываніе своимъ имѣніемъ. Въ 1882 г. профессоръ Антоновичъ перешелъ въ Кіевскій университетъ доцентомъ полицейскаго права и былъ приглашенъ администраціей мѣстныхъ женскихъ курсовъ читать политическую экономію и статистику. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ А. Я. былъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ университета Св. Владиміра, признанъ въ 1883 г. за диссертацию: „Теорія бумажно-денежнаго обращенія и государственныя кредитныя билеты“ достойнымъ ученой степени доктора политической экономіи и статистики и званія ординарнаго профессора, и припаялъ въ томъ же году дѣятельное участіе въ мѣстной ежедневной прессѣ, сперва, въ качествѣ редактора „Кіевлянина“ (1883 и 1884 годы), затѣмъ съ 1887 г. — издателя и публициста „Кіевского Слова“. Въ 1886 г. имъ изданъ обширный „Курсъ политической экономіи“ — лекціи, читанныя въ университетѣ. Несомнѣнно, что на новомъ поприщѣ проф. Антоновичъ явился безусловно полезнымъ дѣятелемъ и цѣннымъ знатокомъ практическихъ потребностей общественной и государственной жизни.

Н. Афанасьевъ.

Распоряженіе министра Внутреннихъ дѣлъ ПО ПОЧТОВОЙ ЧАСТИ.

„Въ виду Высочайше утвержденнаго, 29-го марта 1893 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта объ обложеніи таможенною пошлиною русскихъ кредитныхъ билетовъ при ввозѣ и вывозѣ ихъ чрезъ европейскую границу, — временно воспрещается, съ 1-го іюня сего года, пересылать вышеупомянутые кредитныя билеты въ иностранныя государства, чрезъ европейскую границу, въ простыхъ и рекомендованныхъ письмахъ, въ ЗАКРЫТЫХЪ цѣнныхъ пакетахъ и въ послышкахъ. Въ случаѣ обнаруженія потаеннаго вложенія въ означенную корреспонденцію кредитныхъ билетовъ, взыскивается 25% съ потаенно-вложенной суммы. Затѣмъ, съ вышеозначеннаго срока

(1-го іюня), русскіе кредитныя билеты могутъ быть пересылаемы изъ Россіи за границу (чрезъ европейскую границу) исключительно въ денежныхъ и цѣнныхъ пакетахъ, подаваемыхъ на почту ОТКРЫТЫМИ, для перечепа вложенія“.

Въ виду вышеприведеннаго распоряженія, просимъ заграничныхъ подписчиковъ „Нивы“, при посылкѣ денежныхъ взносовъ въ контору нашей редакціи, отправлять ихъ, во избѣжаніе 25% штрафа, не въ заказныхъ (recommandé), а исключительно въ денежныхъ и цѣнныхъ пакетахъ, съ обозначеніемъ количества вложенія.

Политическое обозрѣніе.

Выборы въ германскій рейхстагъ окончены и въ 396 округахъ окончательныхъ избраній оказывается 213, а перебаллотировокъ предстоитъ 183. Въ единственномъ округѣ, откуда извѣстій еще не получено, избирался до сихъ поръ представитель вельфовъ. Избраны окончательно: 50 консерваторовъ, 1 членъ союза сельскихъ хозяевъ, 9 членовъ имперской партіи, 18 національ-либераловъ, 81 членъ центра, 24 социаль-демократа, 3 члена свободомыслящаго общества, 13 поляковъ, 2 антисемита, 1 датчанинъ, 6 эльзасцевъ, 4 члена южно-германской партіи и 1 дикій. Изъ свободомыслящей народной партіи и изъ вельфовъ никто не избранъ. Въ перебаллотировкахъ примутъ участіе: 59 консерваторовъ, 9 членовъ союза сельскихъ хозяевъ, 10 членовъ имперской партіи, 73 національ-либерала, 32 члена центра, 84 социаль-демократа, 14 членовъ свободомыслящаго общества, 37 членовъ свободомыслящей народной партіи, 11 поляковъ, 16 антисемитовъ, 9 вельфовъ, 1 эльзасецъ, 10 членовъ южно-германской партіи и 1 дикій. Исходъ выборовъ неожиданно указалъ на возрастаніе социаль-демократовъ, которые почти во всѣхъ округахъ, откуда получены свѣдѣнія, баллотировуются съ кандидатами другихъ партій, и при первомъ голосованіи получили наибольшее число полномочій. Большия вѣсь потеряли свободомыслящіе, которые до сихъ поръ не могли провести ни одного кандидата,

Профессоръ А. Я. Антоновичъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

даже въ тѣхъ берлинскихъ округахъ, которые считали за собою обезпеченными, и въ этихъ округахъ имъ придется баллотироваться съ социаль-демократами, притомъ съ малыми шансами на успѣхъ. Успѣхъ предстоящаго военнаго законопроекта можно назвать благопріятнымъ въ томъ смыслѣ, что сторонники этой реформы участвуютъ почти во всѣхъ 183 перебаллотировкахъ. Съ другой стороны, исходъ выборовъ можетъ быть неблагопріятнымъ для экономической политики правительства, такъ какъ въ большинствѣ стоящихъ за военный законопроектъ преобладаютъ члены аграрной партіи и протекціонисты. Все зависить отъ того, какое положеніе приметъ партія центра.

Въ Бѣлградѣ скушница открыта королемъ 4 іюня. Въ тронной рѣчи, между прочимъ, сказано, что 1 апрѣля король исполнилъ безусловный свой долгъ, такъ какъ призваніе Обреновичей — охранять противъ всякихъ посягательствъ конституцію и конституціонныя права сербскихъ гражданъ.

По прочтеніи тронной рѣчи король присягнулъ на вѣрность конституціи. При прѣздѣ и отъздѣ короля встрѣчали восторженными криками.

Парижъ удрученъ извѣстіемъ, что открыты документы, которыми французскіе дѣятели обвиняются въ полученіи денегъ отъ англійскаго правительства за разныя услуги. Подъ впечатлѣніемъ этихъ слуховъ, распушенныхъ газетою *Cocarde*, произошло бурное засѣданіе въ палатѣ 7-го іюня, въ которомъ Мильвуа и Дерулезъ рѣзко нападали на Клемансо и кричали ему: „Вы взяточникъ, вы агентъ чужой страны, вы не имѣете права говорить!“ Черезъ два дня палата имѣла возможность ближе ознакомиться съ упомянутыми документами, послѣ чего палата большинствомъ 489 голосовъ противъ 4 приняла фор-

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

мулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ которой порицаетъ потерю цѣлого засѣданія на ознакомленіе съ документами, гнусныя клеветы и выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что лишеннымъ всякаго серьезнаго значенія.

Разныя извѣстія.

— Именнымъ Высочайшимъ Указомъ поручено г. управляющему Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ начертать и внести на обсужденіе Государственнаго Совѣта проектъ о преобразованіи помянутого министерства въ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

— Въ № 113 *Правительств. Вѣсти.* и № 114 *Русскаго Инвалида* припечатана подробная публикація Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ о тѣхъ кавалерахъ и сопричисленныхъ къ орденамъ, которые вступили въ настоящее время въ комплектъ пенсіонеровъ по орденамъ.

— Съ предстоящаго учебнаго года рѣшено допускать въ желѣзнодорожныя училища

исключительно русскихъ подданныхъ въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ.

— 1 іюля открывається въ Петербургѣ главная палата мѣръ и вѣсовъ для сохранения въ государствѣ единообразія, вѣрности и взаимнаго соответствія мѣръ и вѣсовъ и всякаго рода измѣрительныхъ приборовъ, принимаемыхъ въ промышленности и торговлѣ.

— Предстоящею осенью открывається въ Гамбургѣ международная выставка работъ фотографовъ-любителей. Желающіе принять въ ней участіе могутъ обратиться по адресу: Hambourg, Schwanenwik, 33, au Comité de l'Exposition de la Société des Photographes Amateurs.

— Изъ Козлова отъ 5-го іюня получена газетами слѣдующая телеграмма:—На 161-й

верстѣ Козлово-Саратовской дороги остановленъ товарный поѣздъ тучами ползущаго черезъ полотно червя. Съ помощью усыпки нескомъ рельсовъ и расцѣпленія вагоновъ по частямъ поѣздъ удалось стащить. Насѣкомое въ окрестномъ лѣсу истребило на деревьяхъ листья.

— Въ Крыму, близъ Тушанбазара, на Алуштинскомъ шоссе, сползла нагорная часть около десяти десятинъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ.

— Однимъ изъ нижнихъ чиновъ 25-й пѣхотной дивизіи, Архиповымъ, изобрѣтенъ остроумный приборъ, служащій для быстрого взлѣзанія на деревья и названный „самолазомъ“. На опытахъ приборъ оказался вполне пригоднымъ для военныхъ цѣлей.

Библиографія.

Русскій лѣсъ. Составилъ **О. К. Арнольдъ.** Томъ I-й. Изданіе второе. Изданіе А. Ф. Маркса. СПб. 1893. Цѣна 4 р., съ перес. 4 руб. 50 коп.

Несмотря на свой строго специальный-характеръ, „Русскій лѣсъ“ г. Арнольда, выпущенный первымъ изданіемъ около двухъ только лѣтъ назадъ, уже распроданъ. Такой успѣхъ свидѣтельствуеетъ о высокихъ достоинствахъ этого сочиненія, представляющаго изъ себя, какъ намъ приходилось уже въ свое время сказать, настоящую „энциклопедію русскаго лѣса“, положенную притомъ общедоступно, перѣдко съ колоритомъ поэтическимъ. Авторъ знаетъ лѣсное русское царство превосходно и исполненъ любви къ дѣлу лѣсоводства въ нашемъ отечествѣ, и эти два обстоятельство, наложивши на книгу яркую печать, дѣлають ее явленіемъ въ своей сферѣ исключительнымъ. Первый томъ „Русскаго лѣса“ во второмъ изданіи является тщательно пересмотрѣннымъ и совершенно переработаннымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ 1888 году новый законъ о сохраненіи лѣсовъ, практика успѣла внести въ воззрѣніи на дѣло не мало измѣненій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и названный законъ

подвергся дополненіямъ, вызвавъ соответствующія измѣненія въ административныхъ распоряженіяхъ; къ настоящему моменту появились болѣе новыя статистическія данныя; наконецъ, вопросъ о санитарномъ значеніи лѣсовъ подвинулся впередъ въ своей разработкѣ; со стороны Министерства Государственныхъ Имуществъ послѣдовали новыя циркулярныя предписанія, новыя правила для составленія упрощенныхъ плановъ хозяйства и для снабженія частныхъ лицъ древесными сѣменами и саженцами, и проч. и проч. Всѣ эти факты не могли быть оставлены безъ вниманія, и второе изданіе I тома доводитъ книгу до полнаго соответствія современнымъ требованіямъ, о которыхъ, конечно, не могло быть и рѣчи во время выхода перваго изданія. Приложенныя къ тому картѣ лѣсенности — одна—Россія, по отдѣльнымъ уѣздамъ, другая—западно-европейскихъ государствъ, также пересмотрѣны и исправлены. Новое изданіе книги г. Арнольда есть новая заслуга въ дѣлѣ распространенія знанія и здравыхъ понятій о лѣсоводствѣ въ Россіи, и, конечно, необходимо всѣмъ практикамъ этого дѣла.

A. В.

С М Ъ С Ъ.

Американская изобрѣтательность. Въ одной изъ корабельныхъ верфей, находящейся на берегу Мичигана въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, выстроенъ былъ пароходъ для вѣскога нью-йоркскаго судохозина. Когда его отпавили къ мѣсту назначенія, то на пути встрѣтилось неожиданное препятствіе: длина парохода (свыше 40 сажень) оказалась больше разстоянія между шлюзами, устроенными на рѣкѣ Св. Лаврентія, по которой предстояло плыть пароходу. Находчивый капитанъ не долго размышлялъ надъ представившейся задачей: сейчасъ же распорядился онъ разрубить судно на двѣ части. Задняя, кормовая часть, содержащая машины, составила особый самостоятельный боть, передняя же (носочная) часть пошла на буксирѣ. Послѣ того дальнѣйшій переходъ совершился вполне безпрепятственно, а въ Монреалѣ обѣ части судна вновь соединились и, какъ ни въ чемъ не бывало, прибыли въ Нью-Йоркъ. (г. в.)

Слонъ-карликъ, вывезенный съ острова Суматры, показывается теперь въ Берлинѣ. Слону этому въ настоящее время три года; росту онъ всего только 20 вершковъ, длина тѣла 1½ аршина, а вѣсъ около 4½ пудовъ. Между тѣмъ нормальный вѣсъ этихъ животныхъ достигаетъ 200 пудовъ. (г. в.)

Международная выставка искусствъ и промышленности въ Мадридѣ будетъ открыта, какъ сообщаетъ испанская миссія въ Петербургѣ,—въ будущемъ 1894 году съ 1-го апрѣля по 1-е ноября. Подробности объ этой выставкѣ можно получить въ канцеляріи миссии. Работы по возведенію выставочныхъ зданій уже начались.

Кладбище собакъ. Въ Туринѣ недавно сдѣлано курьезное открытіе. При передѣлкахъ въ подвальномъ этажѣ найдено до десяти маленькихъ гробовъ съ костями. Каменщики предположили, что это дѣтскіе гробики, и быстро вокругъ дома собралась большая толпа. Явившаяся полиція констатировала, что это были остатки похороненныхъ здѣсь собакъ. Въ одномъ гробѣ найдена дощечка съ надписью: „Вѣрная собака. Скончалась 10 сентября 1876 г.“ Оказалось, что ранѣе этотъ домъ принадлежалъ одной графинѣ, страстной любительницѣ собакъ.

Курьезный инцидентъ на выставкѣ въ Чикаго. Привезенные туда для показыванія публикѣ эскимосы не желаютъ болѣе носить своихъ традиционныхъ мѣховыхъ одеждъ и требуютъ себѣ тиковыхъ платьевъ, которыя они находятъ болѣе удобными, чѣмъ свой національный костюмъ, въ томъ климатѣ, куда они попали этой весной. (г. в.)

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 копеечными марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подлинныя билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Эюлейна. Стихъ Р. Н. (съ рис.).—Сильный человѣкъ. Романъ Н. Орловскаго.—Новгородская старина. И. Тюменева (съ 18 рис.).—Современная гигиена, представленная на Первой Всероссийской гигиенической выставкѣ въ С.-Петербургѣ. Очеркъ Г. С. Вольте. (Окончаніе).—Къ рисункамъ: Фальшивая нота (съ рис.).—Возвращеніе изъ школы (съ рис.).—Товарищъ министра Финансовъ А. Я. Антоновичъ (съ портр.).—Распоряженіе Министра Внутреннихъ дѣлъ по почтовой части.—Политическое обозрѣніе.—Завлеченіе.—Разныя извѣстія.—Библиографія.—Смѣсь.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.
Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу
НОВОЕ, ОДИННАДЦАТОЕ ИЗДАНІЕ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
Н. В. ГОГОЛЯ,

ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ,

подъ редакцію академика, профессора Н. С. Тихонравова, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ, съ двумя автографами Гоголя и нѣсколькими его собственноручными рисунками.

Цѣна за всѣ 5 томовъ—6 руб., съ пересылкою 7 руб. 50 коп., а въ пяти роскошныхъ коленкорныхъ переплетахъ 8 р. 50 к., съ пересылкою 10 р. 50 к.

Требованія и деньги адресовать въ С.-Петербургъ, въ Контору изданій А. Ф. Маркса, Невскій, д. 6.

Въ Москвѣ, у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Изданіе это можно получить также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

УДОЧКИ
и всё вообще принадлеж-
ности для рыбной ловли полу-
чены из Англии въ боль-
шомъ выборѣ въ магазинахъ
С. И. Дойникова въ СПб.-гѣ,
Невскій пр.,
Милютинъ
рядъ, д. Лёв-
никовой
№ 27—18, и въ Гостиномъ дворѣ № 73 по
Садовой. Иллюстр. прейсъ-курранты рыбол.
принадлежностей высылаются бесплатно.

**НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ**

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ: Въ послѣднее время появились въ про-
дажѣ искусственныя воды подѣ названіемъ „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“,
почему покорнѣйше просимъ при покупкѣ нашей натуральной
воды, обращать вниманіе на ярлыкъ съ короной.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“ въ Будапештѣ.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магази-
нахъ Россіи и Заграничьи. Дирекція въ Буда-Пештѣ.

ЛЕПШИНЪСЪ И ГЮЗИНЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

Велосипеды англійскаго завода
„Гумберъ и К^о. Лмтд.“
лучше въ свѣтъ!
предлагаетъ торговый домъ
Г. ЖЕМЛИЧКА и К^о.
Москва, Неглинный просп., домъ Ечкиной.
Прейсъ-курранты — бесплатно.

„МЕЛЬНИКЪ“
журналъ мукомольныхъ новостей,
4 р. въ годъ съ пересылкой.
Москва, Чернышевскій переулокъ.
Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ.

Д-ръ Волицкій лечитъ наружныя, кожныя,
грудныя болѣзни, ракъ и электротер. Нев-
скій, 57, кв. 5. Отъ 2—3 и 6—7 1/2 ч. в.

ЗАКАНИЕ
ЛѢЧИТЬ УСПѢШНО К. ЭРНСТЪ.
Проспектъ безвозмездно.
СПБ., Симеоновская, 5. Учебникъ 3 руб.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За условіями
обращ. письменно: Генрихъ Блоккъ,
С.-Петербургъ, Невскій, 58. 12—12

ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ
УДОСТОЕННЫЙ
СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛЛЮ
НА ВСЕРОСС. МОСКОВСКОМЪ
ВЫСТАВЛ. 1883

А. С. УЧКО
ПАРФЮМЕРІА
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
МОСКВА.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
СРЕДСТВО
для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-
мерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14—15

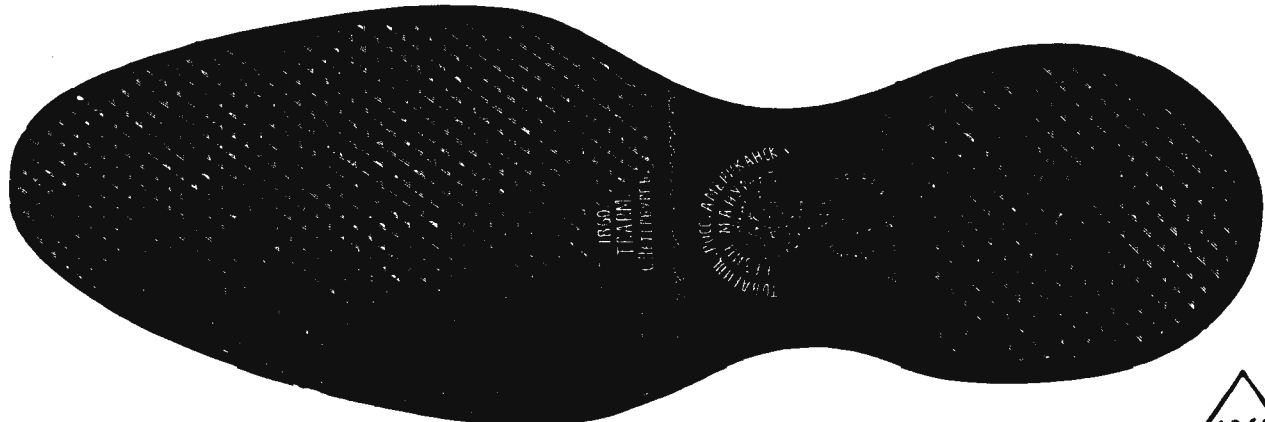
ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN
Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (1)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ **Mimosa** ЛОЗЕ **Ixora-viola**
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

**МОЗОЛЬНЫЙ
ПЛАСТЫРЬ**
А. ЦИГЛЕРА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ГЛАВ. СК. МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ Д. КОСТЫРЕВЪ

**1-й
ВЫИГРЫШ-
НЫЙ**
заемъ, 1 июля ти-
ражъ, продается на
условіяхъ дешевыхъ
и добросовѣстныхъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
58, Невскій, СПБ. (4—3)
1 марта с. г. на билетъ II займа,
сер. 02031 № 25, купленный въ Банк.
Домъ съ задаткомъ 20 руб., надѣ
выигрываетъ въ 5000 р. и 1 мая с. г.
на билетъ III (Дворянскаго) займа
05413, № 04 выигрываетъ въ 500 р.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,
просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26—5
въ особенности на **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ**
право пользованія которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской
Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничѣ (фабричное клеймо).
**1860
Т.РА.РМ.
С.ПЕТЕРБУРГЪ**

ОРИГИНАЛЬНЫЙ
музыкальный инструментъ
ПАЛКА-ФЛЕЙТА.

Служить тростью при прогулкѣ и музыкальнымъ инструментомъ, на которомъ можно легко выучиться играть.

Верхняя часть изъ металла, нижняя изъ камыша. 1 р.
Верхняя часть изъ металла, нижняя изъ бамбука 2 р.
Краснаго или амазонтоваго дерева. 3 р.
Чернаго дерева со слоновою костью. 5 р.

Краткое наставленіе бесплатно.
Самоучитель 1 руб.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное дѣло
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарыина.

ЭЛЕОПАТЬ
Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЬ.
ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. аптеч. и космет. магазинах. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р. 50 к. безъ перес.

№ 6280 (9)

Провизоръ Кинуненъ.
Просьба обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона. Провизоръ Кинуненъ.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (9)
Специалистъ хронометровъ.
СПбургъ, Невскій пр. № 52
прот. Илл. Публ. Библиотек.
Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. бесплатно.
Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 6283

ПРУШИНСКІЙ Спб., Невскій, 20.
высказываетъ за одиакъ руб.
ВСЕ СЕКРЕТЪ КРАСИВАГО ПОЧЕРКА

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ
КАМЕРЫ

въ громадн. выборѣ.
Нов. иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются.
МОМЕНТАЛЬНЫЯ ПЛАСТИНКИ
„БЕРНАРТЪ“.

При складѣ имѣются лабораторія и разъясненія при покупкѣ безвозмездно. 10-7

К. И. Фреландтъ.
С.-Петербургъ, у Казанскаго моста д. № 30/16.
Москва, Мясницкая, д. Соколова.
Харьковъ, Московская ул., д. Штейфанъ.

ПИЩУЩАЯ МАШИНА 25-19

РЕМИНГТОНА № 5
„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 5996
Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе
А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.—гѣ:
„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.
СОЧ. **Ө. К. АРНОЛЬДА.**
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
ВТОРОЕ пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе.

Большой томъ, отпечатанный на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, изображающихъ лѣсистость—одна Россія, по отдѣльнымъ уѣздамъ, другая—западно-европейскихъ государствъ, также пересмотрѣнныхъ и исправленныхъ.

Первое изданіе этого тома разошлось въ очень короткое время, а между тѣмъ спросъ на него не уменьшается. Такой успѣхъ изданія слѣдуетъ, конечно, приписать своевременному появленію книги, подробно трактующей вопросы лѣсного хозяйства и лѣсоохраненія.

Въ этомъ томѣ подробно разъясняются новые законы о сохраненіи лѣсовъ и вызванныя ими административныя распоряженія. Статистическія свѣдѣнія замѣнены новѣйшими данными; усилено вниманіе читателей на санитарное значеніе лѣсовъ; помѣщены вышедшія до мая 1893 г. Циркулярныя предписанія г. Министра Госуд. Имуществъ; новыя правила для составленія упрощенныхъ плановъ хозяйства и для снабженія частныхъ лицъ древесными сѣменами и саженцами и проч., и проч., и проч.

Предварительно печатанія 2-го изданія, 1-й томъ „Русскаго Лѣса“ былъ тщательно пересмотрѣнъ. Пользуясь указаніями пяти-лѣтняго опыта примѣненія лѣсоохранительнаго закона, составители признали необходимымъ частью исключить все то, что пережило свою исторію и оказалось излишнимъ въ настоящее время, частью же дополнить новыми разъясненіями народившіяся новые вопросы, а прежніе осветить въ духѣ нынѣ утвердившихся взглядовъ.

Желая по возможности сдѣлать книгу доступною для народа, издатель нашелъ возможнымъ понизить цѣну ея съ 5 р. на 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 к.

Также имѣются въ продажѣ 2-й и 3-й томы „Русскаго Лѣса“. Цѣна за всѣ три тома 14 р. съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ СПБ., Москвѣ, Харьковѣ и Одесѣ продается новая книга: № 6438

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ
для взрослыхъ и дѣтей 12-2
внучиваетъ добросовѣстно, дешево и скоро. Переговоры до 12 ч. дня.
Загородный просп., д. № 26, кв. № 41.

ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО.
Петра Бедриса.
(Съ планами, чертежами и таблицами).
Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 25 к.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“
Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Специальная фабрика знаменитыхъ 24-11
велосипед. „Орель“.
На всемирной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

Новая американская скоропишущая машина
„ГАЛЛЬ“. № 6228 (3)
Лучшая пишущая машина въ мірѣ. Одна и та же машина пишетъ на всѣхъ языкахъ, каждый языкъ по десяти и болѣе различныхъ шрифтовъ. Цѣна машины 75 р., каждого шрифта 3 р. Описание съ изображеніемъ машины въ натуральную величину и пробные шрифты бесплатно. Единственный представитель для всей Россіи Торговый домъ Э. ШТЕМПЕЛЬ въ г. Одесѣ. Приглашаются агенты во всѣхъ городахъ.

ДЛЯ ЛѢТНЯГО СЕЗОНА
Глицериновая пудра,
Глицеринъ Велуръ,
Глицериновыя сливки,
Глицериновое молоко.
МОЛОКО ДЛЯ ЛИЦА
огуречное и зорное.
Мыло земляничное и зорное.
БРОКАРЪ и К°.
Невскій, № 30. № 6424 3-2

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.;
3 за 13 р. 90 к.
ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО 56-й ПРОБЫ
съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ
БЕЗЪ ФОЛЬГИ ИЛИ ПОДКЛАДКИ, такъ что
трудно
узнать отъ настоящаго брилліанта. № 6440 2-1
Перес. налож. С.-Петербургъ, БАЗАРЪ МАРОКЪ Невскій, № 20-31.

ДМ. БОРТНЯНСКАГО
35 концертовъ.
Переложеніе для фортепiano или гармоніума (съ полными текстомъ) въ 3-хъ томахъ
Томъ I №№ 1—12. Т. II №№ 13—24.
Т. III №№ 25—35.
По 1 рублю за томъ.
Москва у П. ЮРГЕНСОНА.
СПБ. I. Юргенсонъ. Варшава Г. Зенневальдъ. П. № 6436

НОВОСТИ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ
Типъ Мопъ
превосходно сдѣланъ изъ тюленевой кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.
Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ открыть Типъ-Топъ.
Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
Гармонійный: бокъ раздвигаются какъ у гармоніи, очень вѣстительный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6439 6-1
3 разные, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к.
Пересылаю наложеннымъ платежемъ.
С.-Петербургъ, БАЗАРЪ МАРОКЪ Невск. пр., № 20-31.

Фирма премірована на европейскіхъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.
(10) МИНДАЛЬНОЕ № 5914
МЫЛЬНОЕ ТѢСТО
Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.
Миндальное мыльное тѣсто на безрезовомъ содѣ, котораго обильная, освежающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к.
Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получить можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли автентическими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ автентическихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
АМОСТРОУМОВА
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТЫ
УТВЕРЖАЕТЪ ПРАВИТЕЛЬСТВО
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ

КОНТОРА
ЕГОРА МАЙЕРЪ
въ Москвѣ
(учрежденная въ 1872 г.)
СТРАХУЕТЪ отъ тиражей погашенія билеты 1-го и 2-го внутреннихъ съ выигрыш. займовъ.
Владѣльцевъ билетовъ, застрахованныхъ въ означенной конторѣ и вышедшихъ въ предѣстествовавшіе тиражи погашенія, покорнѣе просятъ предъавить неотлагательно (хотя равсчетъ по общему производима конторою въ теченіе 10 лѣтъ) чрезъ корреспондентовъ или прямо въ контору въ Москвѣ эти билеты для обмена на другіе, невзымаемые въ тиражъ. III. № 6427 (2)
Порученія изъ провинціи исполняются съ обратною почтою.
Всякія справки о процентныхъ бумагахъ высылаются немедленно, если на отвѣтъ будутъ приложены четырнадцать коп. почт. марками.

НИВА

XXIV г.
№ 26

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИСЪ ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. строки) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Заграница: для Франціи у Agence Navaз по 3 fr., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марн 50 pf.

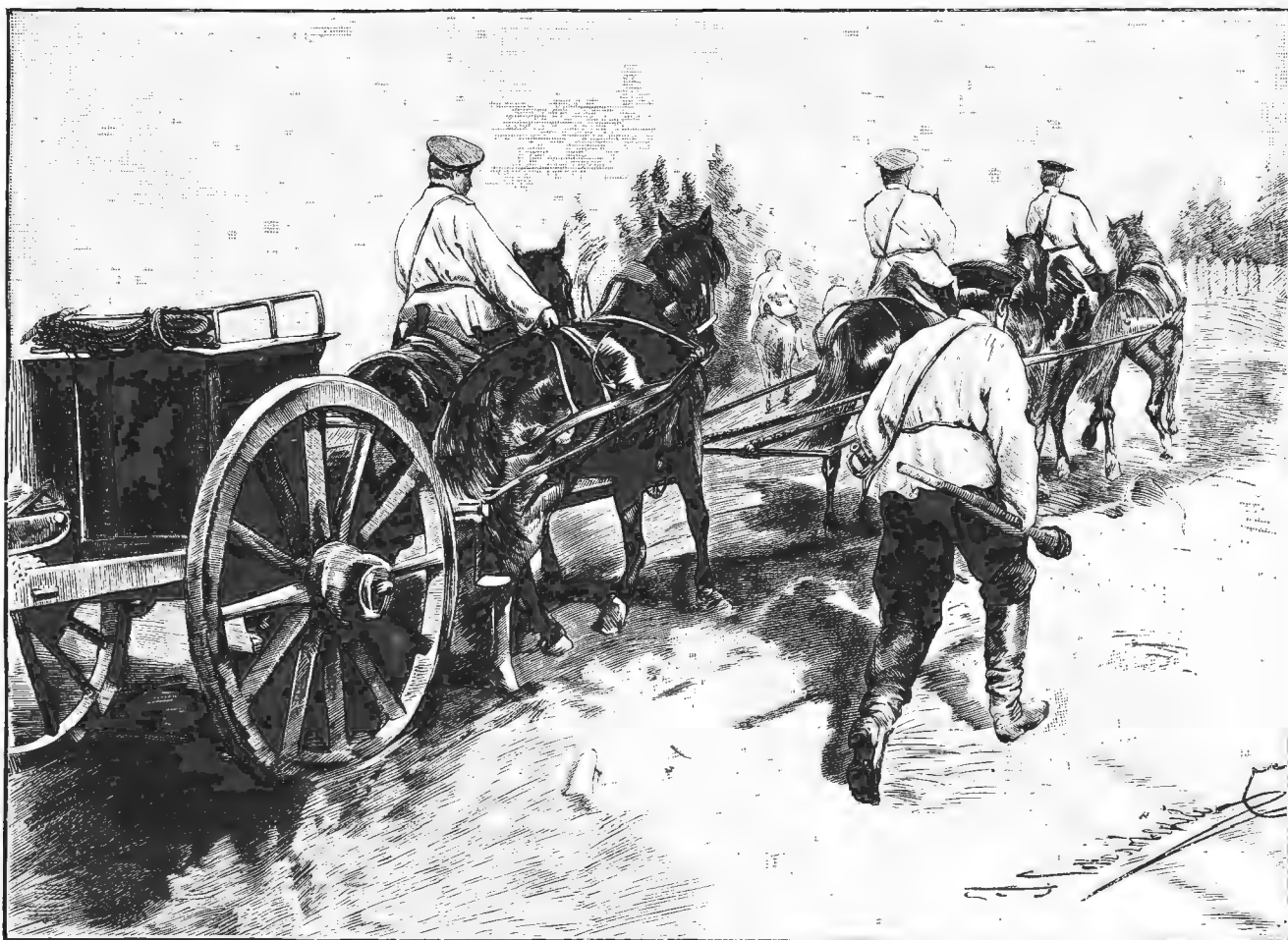
Безъ доставки въ Петербургъ. 5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ. 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 7 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Возвращеніе въ лагерь послѣ стрѣльбы. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Э. Соколовскаго, грав. Шлипперъ

СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Романъ Н. Орловскаго.

(Продолженіе).

V

На слѣдующій день были назначены земскіе выборы. Исходъ ихъ меня живо интересовалъ и, покопчивъ утромъ со своими дѣлами, я уже сѣвшилъ въ собраніе, какъ неожиданно вошли ко мнѣ Надеждинъ и Вьюгинъ.

— Что вы торопитесь, успѣете! сказалъ Викторъ Александровичъ.—Засѣданіе еще не такъ скоро начнется. Вы нашихъ порядковъ не знаете. Когда у насъ выборы идутъ, собираются поздно. Настоящая стражня всегда за кулисами происходитъ. Теперь всѣ наши почтенные дѣятели по разнымъ угламъ шушукуются. А въ собраніи ни души еще нѣтъ.

— Ну, а вы оба, спросилъ я съ удивленіемъ,— какъ же не отправились на сборище своей партіи?

— У насъ дѣло слажено: Семенъ Андреевичъ придетъ блистательнѣйшимъ образомъ. На этотъ счетъ и сомнѣнія быть не можетъ.

— Какъ пройдетъ?! Да онъ вчера отказался отъ баллотировки?..

— Ого, да вы, я вижу, совсѣмъ еще новичокъ! воскликнулъ Надеждинъ.—Неужто вы такъ и повѣрили, что Конотоповъ выпустить добровольно изъ своихъ рукъ кормило? Плохо же вы его знаете! Какъ разъ теперь, когда противъ него образовалась партія, онъ не уступить ни за что... Ему надо смять, уничтожить своихъ враговъ. Понимаете-ли?—самолюбіе разыгралось, да и расчетъ имѣется не малый...

— Расчетъ? Полноте, Викторъ Александровичъ! У Семена Андреевича расчетъ? И это говорите вы, вы, одинъ изъ главныхъ столповъ его партіи!..

Надеждинъ разсмѣялся.

— Что-жъ такое изъ этого? Я его сторону держу, конечно, и держать буду. Но вѣдь не слѣпой же я человекъ, и насчетъ Семена Андреевича иллюзіи себѣ не дѣлаю.

Тутъ Вьюгинъ, до сихъ поръ молчавшій, съ жаромъ заступился за своего вождя.

— Ахъ вы, молодой человекъ, потрепалъ его по плечу Надеждинъ.—Влюблены вы, что-ли, въ Семена Андреевича?

Вьюгинъ опять покраснѣлъ, какъ наканунѣ вечеромъ.

— Понравился вамъ человекъ, продолжалъ Надеждинъ,—такъ вы хотите въ немъ непременно увидѣть какое-то идеальное существо. Идеальныхъ людей не бываетъ, да и не нужно ихъ совсѣмъ. Тогда только и можно уберечься отъ разочарованія, когда принимаешь людей, какъ они есть на самомъ дѣлѣ. А кумиры, повѣрьте мнѣ, рано или поздно разлетаются въ прахъ... Знаете что, Роевъ, до засѣданія еще цѣлый часъ. Такъ отзавтракаемъ здѣсь у васъ, да потолкуемъ. Коли вы, какъ слышно, хотите быть изъ нашихъ, васъ просвѣтитъ надо насчетъ здѣшнихъ порядковъ. А то, я вижу, нашъ кудесникъ успѣлъ ужъ васъ обворожить совсѣмъ, хоть и нѣтъ у васъ тѣхъ же поводовъ слѣпо ему довѣряться, какъ у Бориса Павловича.

Сказано—сдѣлано. Я позвоилъ и велѣлъ подать завтракъ. Когда мы усѣлись, Надеждинъ, залпомъ опорожнивъ стаканъ краснаго вина, принялся меня „просвѣщать“, какъ онъ выразился.

— Для васъ Семенъ Андреевичъ пока загадка, сказалъ онъ.—Хотите, я вамъ къ этой загадкѣ дамъ ключъ?.. Это человекъ съ огромными способностями и съ рѣдкой энергіей, которому у насъ тѣсно здѣсь въ провинціи. А такъ какъ въ Петербургѣ ему ходу не даютъ,—онъ тамъ, вѣдь, не на совсѣмъ хорошемъ счету, вы знаете?—онъ и силится всею мощью своей необу-

данной природы раздвинуть наши тѣсныя рамки. И вотъ отчего въ его головѣ, что ни день, то новая затѣя. Этимъ онъ намъ и дорогъ; этой силой воспользоваться надо. Ну, а, извѣстное дѣло, любая сила ломится впередъ, не разбирая. И держать съ нимъ ухо надо остро...

— Это не только сила, возразилъ я,—это волшебникъ настоящій,—вы сами, вѣдь, такъ его называли,—въ немъ есть обаяніе какое-то. Этого человека либо ненавидѣть можно, либо страстно любить, а оставаться къ нему равнодушнымъ нельзя. И какъ разъ въ Россіи, гдѣ всѣ такіе вялые, дряблые, это рѣдкая способность всѣмъ интересоваться, не забывать даже мелочей среди полнаго разгара борьбы. Вотъ я, кажется, для него совершенно посторонній человекъ, а представьте себѣ...

И я рассказалъ Надеждину, какъ Семенъ Андреевичъ наканунѣ вспомнилъ про мое крошечное дѣло и въ точности сдержалъ обѣщаніе: вечеромъ онъ вручилъ мнѣ записку къ предсѣдателю суда. И я могъ убѣдиться, что за магическое дѣйствіе производитъ его слово. Всѣ затрудненія, до сихъ поръ не дававшія мнѣ шагу ступить среди канцелярскихъ дебей, мигомъ разсѣялись, когда я въ это самое утро заѣзжалъ въ судъ. То, что наканунѣ было еще совершенно невозможно, обратилось сегодня въ пустую формальность, обойти которую не стоило ничего.

— Да, что и говорить, задабривать людей онъ мастеръ великій, разсмѣялся въ отвѣтъ Надеждинъ.— Вы замѣтили, я думаю, вчера, какъ ловко онъ цѣлое собраніе повернулъ въ свою сторону. Вы догадались, конечно, какъ мастерски онъ передернулъ. Недочетъ по исполненію смѣты на больницу, вѣдь, на самомъ-то дѣлѣ былъ, и даже очень порядочный...

— Да какъ же? возразилъ я,—оказался, напротивъ, остатокъ...

— А, очень просто... Семенъ Андреевичъ въ какихъ-нибудь полчаса успѣлъ передѣлать всѣ цифры и вышло, разумѣется, все гладко. А разницу онъ пополнилъ изъ своего кармана. Ну, а розогъ наши, конечно, готовы его прославлять на всѣ лады...

Борисъ Павловичъ вспыхнулъ.

— Такъ все можно перетолковать, воскликнулъ онъ,—во всякомъ поступкѣ, даже самомъ благородномъ, грязную изнанку найти... Какъ? Семенъ Андреевичъ своими деньгами пожертвовалъ, а вы...

— Не безпокойтесь, милый мой... Онъ эти деньги вернетъ: Семенъ Андреевичъ не мелко плаваетъ, знаетъ, когда раскошелиться надо. Вы думаете, Литовскій ему не отсчитаетъ лишній кушъ за то, что онъ за нимъ обезпечилъ концессию дороги. Съ такимъ козыремъ въ рукахъ можно копейку не считать. Вѣдь, посмотрите, какъ онъ расправилъ крылья за эти шесть лѣтъ. Состояніе у него было не ахти какое, а теперь два завода выстроилъ, имѣніе прикушилъ, да посмотрите, какъ домъ отдѣлалъ и какъ широко живетъ. Конечно, если бы хорошо подсчитать, неизвѣстно еще, въ какомъ положеніи его дѣла. Онъ, вѣдь, изъ тѣхъ людей, которые либо цѣлые милліоны загребаютъ, либо, въ концѣ концовъ, остаются безъ гроша. Ну, да онъ вывернется, я за него не боюсь...

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Надеждинъ, Семенъ Андреевичъ становился для меня все болѣе загадочнымъ. Для меня было что-то до того обаятельное въ его широкой, размашистой натурѣ, что видѣть въ немъ ловкаго игрока, беззастѣнчиваго на средства, я рѣшиться не могъ.

— Какъ хотите, сказалъ я,—а это не дюжинный,

не сухой человекъ. Коли нѣтъ въ немъ, быть можетъ, мѣщанской щенетливости, за то въ немъ сердца много и щедрости тоже. Помните вчерашнюю исторію съ этимъ человекомъ, который такъ нагло у него просилъ денегъ, послѣ того какъ онъ былъ уличенъ въ разныхъ продѣлкахъ...

— Ахъ, это исторія темная... Еще вопросъ, не пострадалъ ли этотъ Гуричевъ безвинно, и не взвалили ли на его голову Семень Андреевичъ собственные грѣшки...

— Да какъ же послѣ этого, воскликнуть негодующимъ голосомъ Вьюгинъ,—вы сами то были всегда на сторонѣ Конотопова? Будь я одного съ вами мнѣнія о немъ, убѣдись я когда-нибудь, что онъ нечестный человекъ, могу васъ увѣрить, я бросилъ бы прямо ему обвиненіе въ глаза и открыто перешелъ бы на сторону его противниковъ...

— Вы? Ну, на этотъ счетъ позвольте усомниться, прищуривъ глаза, отвѣтилъ Надеждинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я горячо преданъ Конотопову, всею душою преданъ. Но съ той самой минуты, когда мнѣ даны были бы доказательства его вины...

— Сколько вамъ лѣтъ, Вьюгинъ? перебилъ его Надеждинъ. — Всего двадцать восемь, кажется? Ну, въ ваши годы, быть-можетъ, и я бы такъ думалъ, особенно, если у меня были бы тѣ же поводы, что и у васъ...

Вьюгина передернуло. Яркая краска показалась на его лицѣ, и запальчивый отвѣтъ готовъ былъ у него вырваться, но Викторъ Александровичъ его остановилъ.

— Не кипятитесь, милый мой, не стану больше, не стану... Это ваши личные дѣла. А на свой счетъ я вотъ что вамъ скажу. Конотопова я вижу насквозь и все-таки за него стою и стоять буду, потому что, каковъ онъ ни на есть, а земству онъ все-таки полезенъ: такой свѣтлой головы не скоро отыщешь. А теперь, господа, пора, пойдемте...

Мы вышли на улицу и пѣшкомъ отправились въ собраніе. День былъ ясный, солнечный. Все ярко блѣло вокругъ, и снѣгъ на улицѣ, и дома, и самое небо, гдѣ блѣдная лазурь чуть-чуть просвѣчивала сквозь морозную пыль, наполнявшую воздухъ.

— А, вѣдь, и у Семена Андреевича, продолжалъ разсуждать Надеждинъ,—есть своя Ахиллесова пята. Если когда-нибудь надъ нимъ бѣда стрясется, знаете, откуда она придетъ? Отъ его семьи... да, именно отъ семьи. Онъ, который въ цѣлой губерніи распоряжается, какъ дома, съ женой и съ дѣтьми сладить не можетъ. И замѣтите, это почти всегда такъ бываетъ... Кто у насъ въ общественномъ дѣлѣ полномочный хозяинъ, тотъ у себя дома, обыкновенно, безсиленъ...

— У Семена Андреевича, кажется, всего только двое дѣтей? перебилъ я Надеждина.

— Двое, сынъ и дочь... И на ихъ воспитаніе онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни заботъ, и, какъ на зло, единственный его сынъ и наследникъ вышелъ такимъ безпardonнымъ шалопаемъ, что, кажется, Семень Андреевичъ на него теперь рукой махнулъ. Чего, чего онъ ни дѣлалъ, чтобы своего Мишу урезонить и поставить на прямую дорогу... А все напрасно... И не глухой, вѣдь, мальчикъ, ловкій, красивый такой, собою молодецъ, а толку изъ него не вышло, слышать ничего не хочетъ, твердитъ одно: „пусть раскошелится папаша“, за его шалости платить. Попробовалъ Семень Андреевичъ къ мѣрамъ строгости прибѣгнуть, да не тутъ-то было. Пошли долги, векселя. И такъ прямо и грозитъ сыночку: „Не заплатите, скверная будетъ исторія, изъ полка выгонять“... А ему и горя мало. „Срамъ“, говорить, „на папашу обрушится“. Чтѣ съ такимъ сыночкомъ подѣлаешь!?

— За то у него дочь, Анна Семеновна, продолжалъ я разспрашивать,—говорять, дѣвушка замѣчательная и по уму, и по красотѣ...

— Да, чтѣ и говорить, барышня замѣчательная. Въ дочкѣ Семень Андреевичъ души не часть. Вышла она совсѣмъ въ него, такая же умница, ну, и характеромъ тоже, даромъ что ей всего девятнадцать лѣтъ... всѣмъ домомъ вертеть, и папаша ея, какъ будто, побаивается. А отчего все такъ?.. оттого, что супруга его, Любовь Петровна, хотя передъ Семпомъ Андреевичемъ пикнуть не смѣетъ — на то свои причины имѣются — втайнѣ спокойно такъ, исподтишка противодействуетъ мужу во всемъ и дѣтей противъ него восстанавливаетъ... Она-то и есть настоящее больное мѣсто въ жизни Семена Андреевича... У нея своя особая метода—ни въ чемъ открыто не противорѣчить, но и не соглашаться ни на что. И, какъ оно всегда и бываетъ, могучій нравъ Семена Андреевича оказывается безсиленнымъ противъ этой тихой оппозиціи...

— Вы сейчасъ сказали, замѣтилъ я,—что есть на то свои особые причины... и вы, конечно, знаете, какія?

— А, это дѣло темное... Слухи разные ходятъ... Я когда-нибудь вамъ разскажу, а теперь нельзя. Видите, карета подъѣхала сейчасъ и вышла оттуда барышня? Это сама Анна Семеновна или, какъ всѣ ее называютъ, Аня... Что, какова? А взгляните-ка на Бориса Павлыча: вѣдь, макова пѣвца красіе...

И говоря это, Надеждинъ подмигнулъ въ сторону Вьюгина.

Вышедшая изъ кареты дѣвушка показалась мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, особой весьма замѣчательной. Невысокаго роста, совсѣмъ еще худенькая, глядѣвшая почти ребенкомъ, она была въ то же время до того сложена на диво, что и въ поступи ея, и въ движеніяхъ видѣлось что-то законченное, совсѣмъ несвойственное очень молодымъ дѣвушкамъ. Курчавые черные волосы, остриженные довольно коротко и завивавшіеся за ушами, придавали ей видъ мальчика-подростка. И въ смугломъ ея личикѣ, съ маленькимъ прямымъ носикомъ и необыкновенно алыми губками, тоже было что-то, какъ бы напоминавшее мальчика-цыганенка, что-то шаловливое и въ то же время необузданно страстное. А между тѣмъ, большіе темные глаза, совсѣмъ не блестящіе, а спокойно задумчивые и глубокие, и правильныя дуги густыхъ и гордыхъ бровей говорили о чемъ-то совершенно иномъ, объ умѣ, пріучившемся отчетливо мыслить, и о сознательно установившейся волѣ. „Да“, подумалъ я, взглянувъ на нее, „эта барышня особъ статья и, повидимому, она совсѣмъ въ отца уродилась“.

Примѣтивъ насъ, дѣвушка остановилась на самомъ порогѣ магазина, куда собиралась зайти, и, повернувшись въ нашу сторону, весело кивнула головой. Она стояла на каменной ступени, вся озаренная солнцемъ, бившимъ ей прямо въ лицо и вызывавшимъ золотистыя искорки въ темныхъ кудряхъ ея волосъ. Вьюгинъ и Надеждинъ подошли къ ней и поздоровались. Она поочередно имъ обоимъ протянула свою узенькую, изящную ручку. Я остановился немного поодаль. Краска радостнаго смущенія на лицѣ Вьюгина еще усилилась. А на ея чертахъ играла все та же спокойная улыбка, и большіе ея глаза даже не моргнули отъ яркаго солнечнаго блеска.

— Что, въ собраніе идете? заговорила Аня низкимъ груднымъ контральто, въ которомъ тоже звучало что-то южное, теплое, почти цыганское.

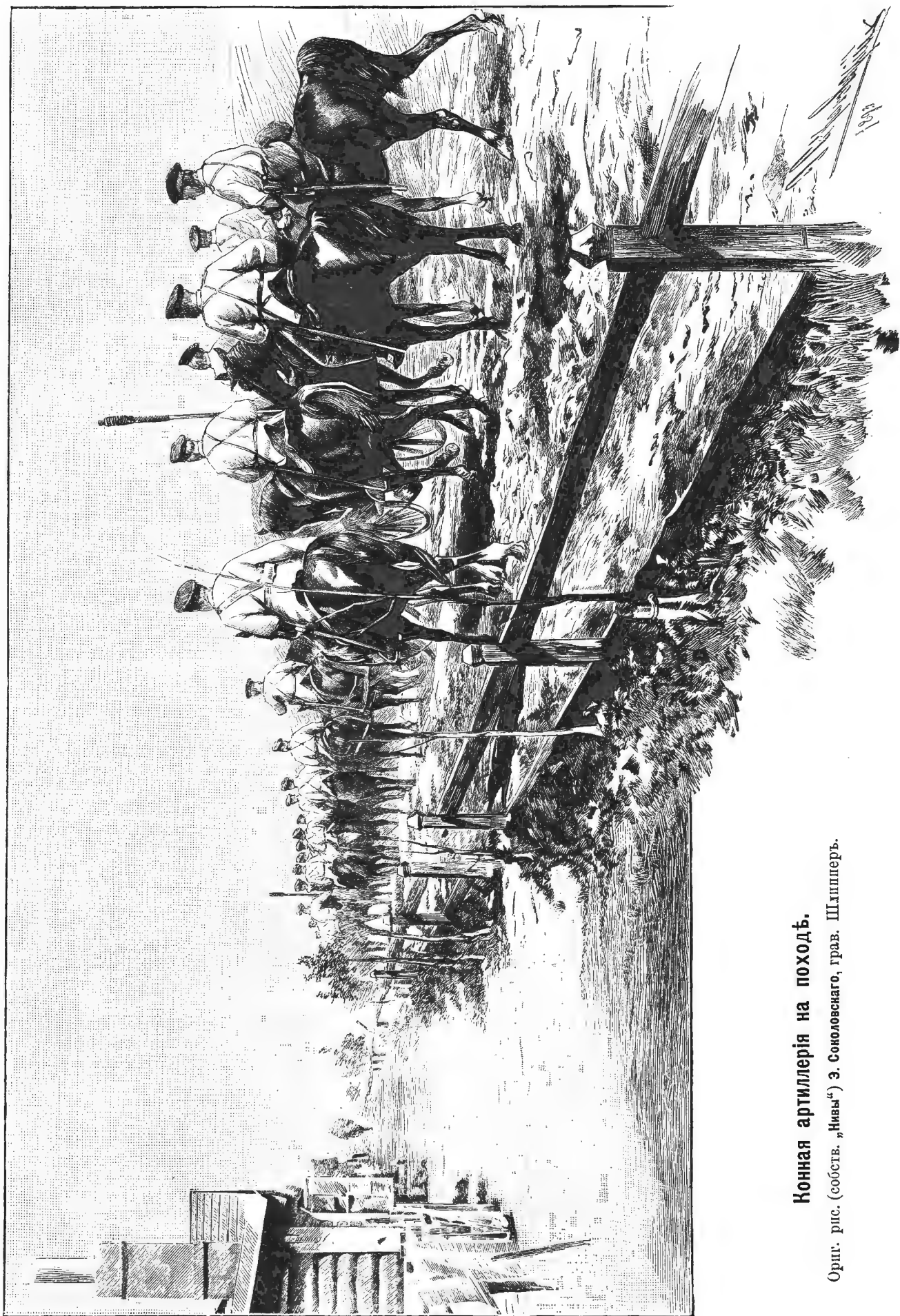
— Конечно, въ собраніе, поспѣшилъ отвѣтить Борисъ Павловичъ. —И вы тамъ будете, разумѣется?

— Буду черезъ полчаса. Вы знаете, мы только сегодня утромъ пріѣхали?..

— Знаю, знаю... И не устали, повидимому, насколько?

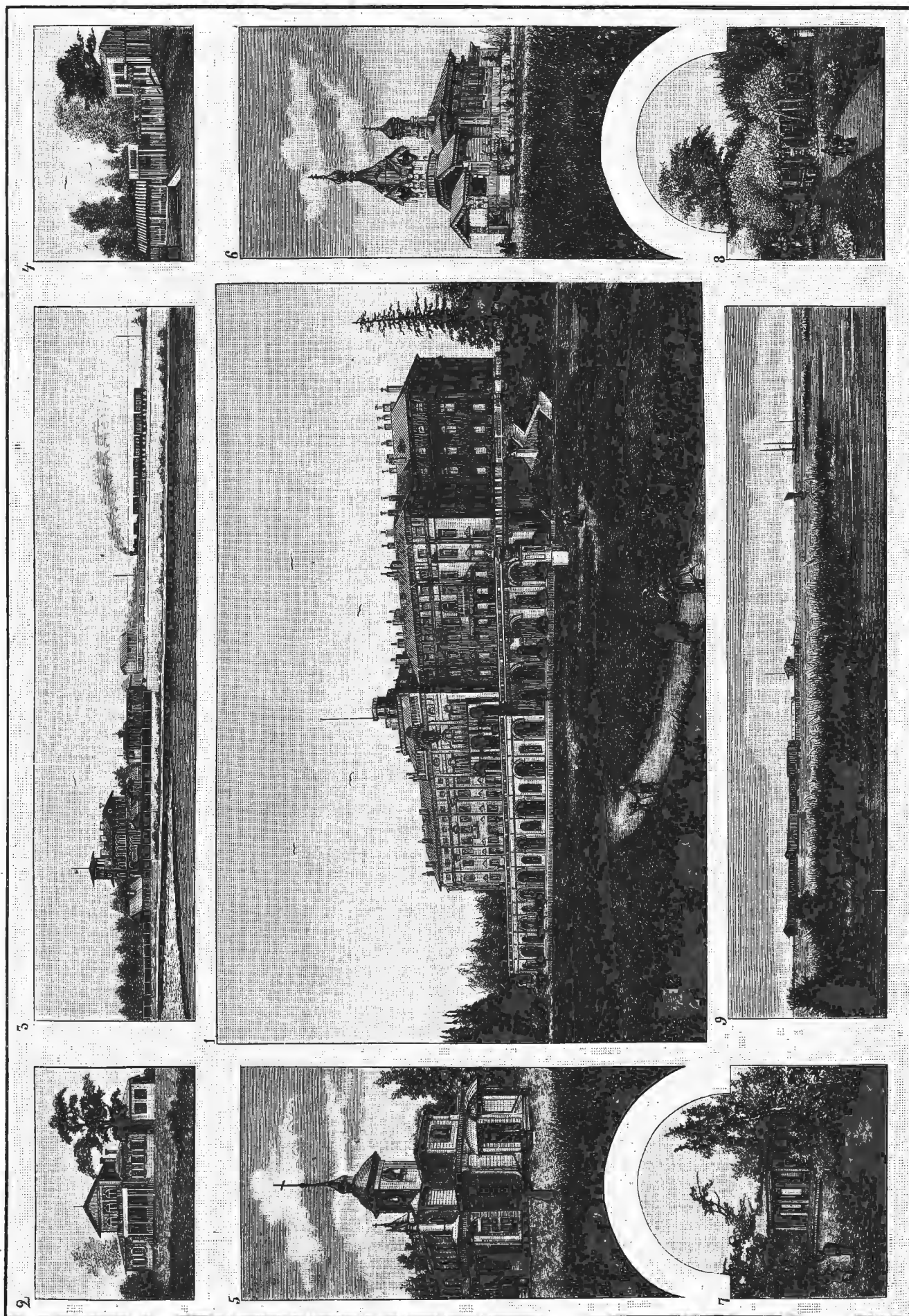
Этимъ совсѣмъ зауряднымъ словамъ Вьюгинъ придалъ какой-то отгѣнокъ вѣжливой заботливости.

— Вотъ еще! разсмѣялась она, но разсмѣялась необыкновенно спокойно.—Во-первыхъ, я ни отъ чего не

Конная артиллерія на походѣ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Э. Соколовскаго, грав. Шпиннеръ.

Виды Стрѣльны. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Лорисъ-Меликовой, грав. Гашевскій.
 1) Великокняжескій дворець. 2) Дворецъ Петра Великаго. 3) Жельзнодорожная станція. 4) Дворцовая купальня въ верхнемъ паркѣ. 5) Спасо-Преображенская придворная церковь, основанная Петромъ Великимъ. 6) Церковь на взморьѣ во имя Успенія Пресв. Богородицы. 7 и 8) Рубка и чайный домикъ на пчельникѣ, 9) Часть дамбы и морскія купальни.

устаю, а во-вторыхъ, что за диковинка, какихънибудь тридцать верстъ, да еще по такой гладкой дороге. А что, обратилась она вдругъ къ Надеждину, и улыбку на ея лицѣ смѣнило заботливое, сосредоточенное выраженіе, — какъ вчера все это кончилось? Я знаю, была цѣлая партія противъ отца... онъ, кажется, доволенъ. Но, вѣдь, онъ никогда не говоритъ о своихъ дѣлахъ, а по лицу его не узнаешь его настоящихъ мыслей.

— Не безпокойтесь, Анна Семеновна, шуточно возразилъ Надеждинъ, — все идетъ отлично. Семень Андреевичъ побѣдилъ, какъ всегда.

— Только побѣдилъ? и бровки ея чуть-чуть сместились. — Значитъ, все-таки въ побѣдѣ не были увѣрены. О, я бы на мѣстѣ отца не стерпѣла этого и все бросила бы, все.

И глаза ея, показавшіяся мнѣ такими безмятежными, неожиданно сверкнули при этихъ словахъ.

— Да вы, Анна Семеновна, продолжалъ Надеждинъ, — извѣстное дѣло, особа несговорчивая, своеправная. Въ главы партіи вы бы не годились...

— Не знаю, на что я гоюсь, удивительно гордо и холодно возразила она, — но всѣ эти ваши партіи... Она не договорила и только презрительно повела плечами. — А теперь, до свиданья, добавила она. — Я васъ, кажется, задерживаю. Да и у меня, какъ видите, есть дѣло. И опять быстро кивнувъ головкой, она скрылась за дверью магазина.

— Ну, что, нравится она вамъ? спросилъ меня Надеждинъ, когда мы опять пошли рядомъ.

— Да, вы были правы, отвѣтилъ я, — это, въ самомъ дѣлѣ, барышня не заурядная...

Вьюгинъ, казавшійся весь погруженный въ какую-то неотвязную думу, поднявъ голову, услышавъ мои слова, и въ глазахъ его я прочелъ что-то очень похожее на негодование. Я посмѣлъ коснуться его кумира, и отзывъ мой о немъ показался ему, должно быть, недостаточно почтительнымъ. Но онъ не сказалъ ничего, и мы уже молча дошли до собранія: въ его присутствіи намъ казалось неудобнымъ продолжать разговоръ объ Аннѣ Семеновнѣ.

VI.

Надеждинъ оказался пророкомъ. Выборы въ управу прошли блистательно. Какъ водится, Семень Андреевичъ сперва отказывался отъ баллотировки, но поднялись такіе всеобщіе, такіе неудержимые крики „просимъ, просимъ“, что онъ не считалъ даже нужнымъ долго настаивать на своемъ отказѣ. Торжествующая и чуть-чуть презрительная улыбка мелькнула на мигъ въ его глазахъ, и глаза эти устремились на одинъ изъ промежутокъ между колоннами, гдѣ сидѣли его дочь и жена. Я уловилъ этотъ взглядъ и тоже посмотрѣлъ на Аню. Яркій румянецъ загорѣлся на ея смугломъ лицѣ, и самая восторженная радость, говорившая о страстной привязанности къ отцу, свѣтилась на ея подвижныхъ чертахъ. Зато поразительно равнодушно глядѣла сидѣвшая съ нею рядомъ Любовь Петровна. Странное лицо было у этой женщины. Въ красотѣ ему отказать было нельзя, несмотря на то, что время успѣло его обезцвѣтить. Въ свѣтло-блѣкучихъ волосахъ просвѣчивали уже серебристыя нити, и что-то усталое, что-то неподвижно-холодное было и въ блѣдно-сѣрыхъ глазахъ, и въ такой же блѣдной улыбкѣ губъ, точно застывшихъ на своей недовѣрчиво-иронической улыбкѣ. Но спокойное выраженіе этого лица не говорило о примиреніи съ жизнью, о покорности, какую приносить съ собою опытъ. Нѣтъ, затаенный, безпомощный и потому насмѣшливый протестъ ясно читался на лицѣ этой женщины, и, глядя на нее, можно было догадываться, что скрытый огонь въ ней все еще тлѣлъ, готовый при случаѣ разгорѣться яркимъ пламенемъ.

Пока шла баллотировка Семена Андреевича въ председатели, онъ уступилъ другому свое мѣсто у избирательнаго ящика и, съ видомъ полного равнодушія, подошелъ къ своимъ. Я сидѣлъ недалеко отъ нихъ, но словъ, которыми онъ обмѣнивался съ ними, я разлышать не могъ: гулъ въ залѣ покрывалъ ихъ голоса. Я замѣчалъ только быструю смѣну выраженія на лицѣ Конотопова, когда онъ заговаривалъ то съ женою, то съ дочерью. Что-то явно насмѣшливое, почти даже враждебное показывалось у него, какъ скоро онъ обращался къ первой. Зато, лишь взглядъ его успѣвалъ встрѣтиться съ глазами Ани, мигомъ загоралась въ немъ искра пѣжнаго чувства.

Счетъ голосовъ былъ оконченъ. Когда провозглашенъ былъ результатъ — Семень Андреевичъ получилъ семьдесятъ шаровъ противъ восьми, — раздались оглушительныя рукоплесканія. Такой побѣды не ожидалъ никто, и послѣдовательные въ своемъ отступничествѣ вчерашніе враги торжествовали не менѣе шумно, чѣмъ записные сторонники Конотопова. Вѣроятно, они и взаправду ощущали въ эту минуту искренній взрывъ радостнаго сочувствія.

— А хороши ваши земцы, шеннунъ я подошедшему ко мнѣ Надеждину.

— А, это вамъ въ диковинку? возразилъ онъ съ обычно насмѣшливостью. — Въ измѣнѣ, вѣдь, тоже бываетъ своего рода омыненіе. Только не совѣтовалъ бы я Семену Андреевичу слишкомъ полагаться на свое большинство.

Конотоповъ ровною и медленною походкой направился къ предсѣдательскому мѣсту и произнесъ нѣсколько словъ, которыя въ такихъ случаяхъ принято называть глубоко-прочувствованными. Онъ поблагодарилъ собраніе за выказанное ему довѣріе, но мнѣ въ его благодарности слышалась иронія.

— А васъ еще не познакомили съ Любовью Петровной и ея дочерью? спросилъ меня Надеждинъ. — Хотите, я васъ представлю?

И Викторъ Александровичъ подвелъ меня къ дамамъ. Не могу похвастаться, чтобы онѣ мнѣ выказали особенную любезность. Любовь Петровна спросила, правда, надолго ли я въ ихъ краяхъ, но въ тонѣ ея вопроса было столько нескрытаго, почти обиднаго равнодушія, что я послѣшилъ что-то пробормотать въ отвѣтъ и обратился къ Аннѣ. Молодая дѣвушка посмотрѣла на меня пристально и сказала, что видѣла меня, кажется, утромъ на улицѣ, но руки мнѣ не протянула. И все-таки, хотя было что-то гордое, почти неприступное въ ея обращеніи, разсердиться за то мнѣ и въ голову не пришло. Не знаю, почему, — съ первой же нашей встрѣчи какая-то невольная симпатія влекла меня къ этой дѣвушкѣ. Я инстинктивно чувствовалъ въ ней неохоту принуждать себя, даже въ мелочахъ, ко всему, походившему на условность и неискренность. И эта черта мнѣ нравилась въ ней. Она до того была занята отцомъ и его побѣдой, что разговоръ со мной ее, очевидно, интересовалъ не могъ. И она обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ Надеждину, разговаривавшему съ Любовью Петровной. Онъ намѣренно, должно быть, настаивалъ на всеобщей радости по случаю избранія ея мужа, и мнѣ показалось, что при этомъ у него на губахъ недобрая улыбка. Онъ, какъ будто, хотѣлъ подрастить супругу Конотопова, наслаждаясь, повидимому, тѣмъ, что выраженіе ея лица ничуть не вторило его похваламъ Семену Андреевичу. И я обѣщалъ себѣ разспросить Надеждина, когда представится случай, что за отношенія существуютъ между Конотоповымъ и его женой. Я угадывалъ между ними что-то очень похожее на взаимную вражду.

Но вотъ къ намъ подошелъ Вьюгинъ, и лицо Ани мгновенно преобразилось. Что-то доброе, счастливое зашѣлило на немъ, и она заговорила съ молодымъ че-

ловѣкомъ о побѣдѣ отца съ такою откровенною живостью, что, очевидно, она и не сомнѣвалась въ его горячемъ сочувствіи. Это было тѣмъ поразительнѣе, что мать ея съ меньшей откровенностью выказывала ему свое явное нерасположеніе. Я глядѣлъ на Вьюгина почти съ завистью. Мнѣ онъ казался совсѣмъ зауряднымъ малымъ и не заслуживалъ, по-моему, такого счастья.

Надеждинъ, между тѣмъ, что-то отвѣтилъ вполголоса на обращенный къ нему вопросъ Любови Петровны, и супруга Конотопова, за мигъ передъ тѣмъ встрѣтившая меня съ такою холодною, подарила меня вдругъ необыкновенно внимательнымъ взглядомъ своихъ недобрыхъ, загадочныхъ глазъ. Трудно было, въ самомъ дѣлѣ, по этимъ глазамъ догадаться, что за мысли скрывались за ихъ пристальной холодною.

— Я и не подозрѣвала, своимъ ровнымъ, безстрастнымъ голосомъ обратилась она ко мнѣ, — что вы стали нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ.

Она упомянула о моемъ покойномъ дядюшкѣ, какъ о человѣкѣ, котораго знала давно и высоко цѣнила — не знаю, право, чѣмъ онъ заслужилъ такую похвалу, — спросила потомъ, намѣренъ ли я поселиться въ своемъ имѣніи.

— Буду наѣзжать, отвѣтилъ я, — только едва ли надолго. А вы живете здѣсь круглый годъ?

Мой вопросъ, должно быть, показался ей нескромнымъ. Первый мигъ, по крайней мѣрѣ, она посмотрѣла на меня съ какимъ-то гордымъ удивленіемъ, но затѣмъ, предложивъ гнѣвъ на милость, она отвѣтила:

— Я давно не бывала въ Петербургѣ... Пора бы Аню вывозить, да она что-то не хочетъ...

Аня разслышала эти слова.

— Мнѣ и здѣсь хорошо, сказала она.

И тотчасъ затѣмъ ея улыбающіеся глаза повернулись въ сторону Вьюгина, точно они говорили ему, что онъ знаетъ не хуже ея, отчего ее не тянетъ въ столицу.

Любовь Петровна, уловившая этотъ взглядъ, тотчасъ поднялась съ мѣста.

— Я думаю, сказала она Надеждину, — интереснаго ничего болѣе не будетъ?

— Смотря по тому, отвѣтилъ тотъ, — интересно-ли вамъ, кто попадетъ въ члены управы.

Она нетерпѣливо повела плечами и, почти строго проговоривъ: „Аня, поѣдемъ“, высокомерно кивнула головой Вьюгину, а съ меня взяла слово, что я непременно у нихъ побываю на этихъ дняхъ.

— Ну, поздравляю, сказалъ мнѣ Надеждинъ, взявъ меня подъ руку. — Вы сразу, кажется, завоевали себѣ благосклонность Любови Петровны... Погодите, она станетъ васъ, еще чего добраго, прочить въ женихи дочери.

— Меня?.. Что за вздоръ! расхохотался я. — Съ какой стати такая милость.

— Да просто оттого, что вы получили наслѣдство. А она, вдобавокъ, только и мечтаетъ, какъ бы отъ Вьюгина отдѣлаться. Я шеннулъ ей, что вы новый владѣлецъ Подлинки, и вы замѣтили, какъ тотчасъ переѣхался ея тонъ?

— Полноте, что я за женихъ! Мнѣ тридцать пять стукнуло, у меня давно сѣдина пробивается. И кстати сказать, очень лестно для меня, что внезапную любезность г-жи Конотоповой вы объясняете полученнымъ мною наслѣдствомъ.

Я хотѣлъ придать своимъ словамъ шутливо-небрежное выраженіе, но, должно-быть, попытка вышла не совсѣмъ удачною, только зоркіе глазки Виктора Александровича прищурились и взглянули на меня недоумчиво.

— Ну, тамъ, лестно оно или нѣтъ, засмѣялся онъ, — но быть вамъ у ножекъ Анны Семеновны. Я даромъ

ничего не пророчу. Кстати, вы замѣтили, что у ней за прелестныя ножки?

— Перестаньте, какъ вамъ не стыдно? отвѣтилъ я почти сердито.

— Вотъ видите! — уже требуете отъ другихъ почти-тельнаго тона по отношенію къ своему будущему предмету. Только предупреждаю васъ, что дѣло будетъ легкое. Эта дѣвочка... ой, ой! Забрала она себѣ въ голову, что милѣе Вьюгина никого для нея на свѣтѣ нѣтъ, и разубѣдить ее въ этомъ не всякому подь-силу.

— Да чѣмъ же обворожилъ ее нашъ другъ, Борисъ Павловичъ? неволью вырвалось у меня.

Мы давно шли вдвоемъ по улицѣ, гдѣ въ этотъ часъ — вечеръ успѣлъ наступить — не было почти ни души, и разговора нашего не могъ слышать никто.

— Чѣмъ? О, великій знатокъ женскаго сердца! Да развѣ на такой вопросъ отвѣтъ возможенъ?.. Развѣ на любовь девятнадцатилѣтней дѣвочки имѣется другая причина, кромѣ этой самой любви? Впрочемъ, поживете, увидите. А я вамъ отъ души желаю по уши влюбиться въ Аню. За одно поручиться могу: коли забереетъ васъ сія барышня въ свои тоненькія ручки, она ужъ такимъ васъ не выпуститъ изъ нихъ, какимъ вы были до того.

— Нѣтъ, вы мнѣ лучше вотъ что скажите, перебилъ я его, желая придать иной оборотъ нашей бесѣдѣ. — Что за тайна такая въ прошлыхъ отношеніяхъ Любови Петровны къ ея мужу? Что тайна есть, я въ этомъ не сомнѣваюсь...

Надеждинъ лукаво взглянулъ на меня и, промолчавъ немного, отвѣтилъ:

— Сказать вамъ? Впрочемъ, нѣтъ, лучше сами постарайтесь догадаться. Потому что вы, вѣдь, сблизитесь съ ними, я это напередъ знаю, и для васъ самихъ интереснѣе будетъ понемногу разгадывать ихъ семейную жизнь. Только объ одномъ васъ предупреждаю: не вѣрьте слухамъ, какіе будутъ до васъ доходить. Знаютъ про эту исторію всего только трое...

— Въ томъ числѣ вы?.. Да?.. Ну, такъ расскажите же!..

— Эге, какъ вамъ приспичило! Говорятъ вамъ, — успѣте разузнать. А теперь, батенька, до приятнѣйшаго! Вы, вѣдь, уѣзжать не собираетесь, хотя дѣло ваше улажено уже теперь. Ну, да что толковать, разумѣется не уѣдете.

И Надеждинъ предоставилъ меня собственнымъ размышленіямъ надъ загадочною исторіей Семена Андреевича и его жены.

Надеждинъ и тутъ пророчествовалъ вѣрно. Несмотря на благополучное окончаніе моихъ дѣлъ, я не торопился уѣхать. Правда, я говорилъ себѣ, что исполню только долгу благодарности передъ Семеномъ Андреевичемъ, пользуясь своимъ избирательнымъ правомъ, чтобы подать за него голосъ на дворянскихъ выборахъ. Но была у меня и другая причина, въ которой я передъ собой не такъ охотно сознавался. Меня сильно заинтересовала Аня. Странная прелесть этой дѣвушки не то чтобы вскружила мнѣ голову — моя тридцатилѣтняя голова не легко поддавалась дурману женскихъ обольщеній, — а вызвала у меня порывъ любопытства поближе узнать ее, разгадать ея сложную, не сразу уловимую натуру. Да, это было именно только любопытство — иного названія для моего чувства не подыщешь. Никакой тревоги я, вѣдь, не испытывалъ, встрѣчаясь съ нею, и все-таки я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи возобновлять эти встрѣчи какъ можно чаще, всматриваться въ ея темные, загадочные глаза, то вспыхивавшіе страстью, то безмятежно спокойные, и все-таки такъ мало объяснявшіе мнѣ ея внутреннее настроеніе. Удивительное самообладаніе было у этой дѣвушки; такъ и чувствовалось, что стоило ей захотѣть, и она совсѣмъ замкнется въ себя и ни за что

не выдасть своего настоящего чувства. А между тѣмъ столько причудливо-своевольнаго, почти необузданнаго было въ ея нравѣ, такъ откровенно она выказывала быстро смѣнявшіяся въ ней ощущенія, и нетерпѣливый гнѣвъ, и антипатію, и преданную любовь, что порой она совсѣмъ глядѣла какимъ-то дикимъ, хоть и красивымъ звѣркомъ. И диву я давался, какъ это свободное дитя природы, очевидно, не сносившее узды, такъ мастерски умѣло притворяться. Особенно замѣтна была необыкновенная ея сдержанность въ обращеніи съ матерью. Въ присутствіи Любви Петровны глаза ея какъ-то сразу потухали и становились нѣмыми. А между тѣмъ и передъ нею — я замѣтилъ это уже въ собраніи, въ первый день нашего знакомства — Аня порой не стѣснялась и, какъ бы желая бросить вызовъ матери, нарочно говорила и дѣлала все ей наперекорь. Не трудно было догадаться, что Вьюгинъ, хоть онъ и не переставалъ бывать у Конотоповыхъ, далеко не пользовался расположеніемъ Любви Петровны. И та самая Аня, которая, увидавъ его въ собраніи, такъ недвусмысленно выразила свою радость, дома выказывала ему столько равнодушнаго безучастія, что всякій могъ бы обмануться насчетъ ея чувствъ.

И со мной было то же. Послѣ нашей первой встрѣчи, когда она обошлась со мной такъ нелюбезно, наступила вдругъ неожиданная перемена. Мы разговорились живо, доверчиво, какъ старинные знакомые. Когда она того хотѣла, въ обращеніи ея была простота необыкновенная, и простота эта такъ и вкрадывалась въ сердце. Я неосторожно поддался этой приманкѣ — и раскаялся очень скоро.

Въ слѣдующій же разъ—видѣлся я съ Конотоповыми почти каждый день—Аня будто меня и не примѣчала. Къ чему ей угодно было разыгрывать эту комедію и съ Вьюгинымъ, и со мною, я тогда рѣшительно не понималъ. Вѣрнѣе всего это была причуда избалованнаго ребенка, котораго природа надѣлила, правда, сильной волей, но который все-таки пока не зналъ еще, куда дѣвать и на что направить эту волю. Скрываться и двусудничать ей было не зачѣмъ. Я не замѣчалъ, что ее къ чему-нибудь приневоливали-бы. Да и начини Любовь Петровна стѣснять ея свободу, отецъ этого бы не допустилъ. Стоило Анѣ приласкаться къ нему, и неподатливый Семень Андреевичъ, привыкшій надъ всѣми властвовать, во всемъ уступалъ своей любимицѣ.

(Продолженіе будетъ.)

Литературныя бесѣды.

„Отцы и дѣти“, ром. Тургенева.

Въ тѣ дни, когда въ русскомъ мыслящемъ обществѣ начинала преобладать мысль о необыкновенномъ умственномъ прогрессѣ новаго поколѣнія, вступавшаго въ шестидесятыя годы, когда, казалось, мы „созрѣли“ — фраза, осмѣянная Добролюбовымъ; — когда возникъ культъ естественныхъ наукъ и положительныхъ знаній и основаннаго на нихъ общественнаго образованія, — въ русской литературѣ появился тургеневскій романъ „Отцы и дѣти“, изображавшій несовѣмъ нормальный ходъ нашего „прогресса“. Это былъ громъ, упавшій среди яснаго и тихаго дня. Впечатлѣніе его было необычайно, какъ на общество, такъ и на литературу, — подаркомъ появленіе его вызвало и страстные толки, и еще болѣе страстную полемику въ тогдашней журналистикѣ, въ критической литературѣ.

Нужно сказать, что вліяніе его объясняется не одною поностью сюжета и главнаго героя его, Базарова, но и необыкновенною художественностью. Только въ двухъ своихъ произведеніяхъ Тургеневъ достигъ необыкновенной высоты, обнаружившей во всемъ объемѣ его огромный талантъ, — въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ и въ „Отцахъ и дѣтихъ“. Последнее произведеніе въ глазахъ современниковъ имѣло то преимущество, что въ немъ сразу обнаружилось два свойства тургеневскаго дарованія: и необыкновенная художественность изображенія, и та чуткость къ теченіямъ въ общественной мысли русской, дозволитъ художнику подмѣчать и ярко изображать не одиѣ только установившіяся формы быта и мысли, а только еще нарождавшіяся и не окрѣпшія явленія. Изображая явленія новыя, не всегда, какъ въ „Рудинѣ“ и, особенно, въ „Накапунѣ“, устанавливая для себя смыслъ ихъ, Тургеневъ могъ становиться тенденціозенъ въ той или другой степени, могъ и колебаться въ объясненіи и изображеніи факта, и это неизбежно отразилось на той внутренней и важнѣйшей художественности, которая однозначаща съ соединеннымъ понятіемъ жизненной правды и полноты, всесторонности. Но „Отцы и дѣти“ написаны твердою рукою, безъ малѣйшихъ колебаній, съ очевиднымъ полнымъ высшимъ сознаніемъ; они поражаютъ стройностью фабулы и всѣхъ деталей, полны пластичности и выдѣтъ съ тѣмъ глубины психологическаго созерцанія.

Базаровъ — типъ необыкновенно сложный, и въ то же время, въ изображеніи тургеневскомъ — яркій и ясный. Прежде всего, онъ русскій человекъ до мозга костей; онъ „ни въ чемъ середины не знаетъ“, говори словами современнаго Тургеневу поэта, — и по тому-то его отрицаніе получаетъ такой острый характеръ. Базаровъ ни передъ чѣмъ не остановится, не будетъ грустно стремиться примирить привычное старое съ новымъ, разъ ему умъ и совѣсть диктуютъ невозможность компромисса и уступокъ старому возрѣвію. Такие характеры и умы свойственны нашей родинѣ преимущественно. Одиѣ изъ извѣстнѣйшихъ публицистовъ русскихъ, долго преклонявшійся передъ Западомъ, но послѣ близко познакомившійся съ бытомъ и съ обычаями, а не теоретическимъ строемъ мысли европейскихъ народовъ, отмѣтивъ въ нихъ яркую способность и стремленіе къ величскимъ компромиссамъ и примиреніямъ непримиримаго, невольно воскликнулъ: „Россия никогда не будетъ золотую серединою“. Вотъ эти именно слова примѣняются къ Базарову.

Русскій человекъ онъ и въ другомъ смыслѣ. Онъ не при-

надлежитъ къ той полубезличечной средѣ русской интеллигенціи, которая все свое образованіе получила изъ рукъ иностранцевъ-учителей, научилась мыслить по европейскимъ теоріямъ, но отвлеченнымъ только отъ живой дѣйствительности, да еще притомъ чуждой, и потому потеряла связь съ родиною, не приобрѣтши никакихъ другихъ прочныхъ связей. Базаровъ, напротивъ, человекъ русской жизни, выросшій подъ ея непосредственными вліяніями, съ дѣтства узнавшій суровую русскую дѣйствительность со всѣми ея мрачными сторонами; въ этомъ смыслѣ онъ сынъ русскаго народа не по происхожденію только.

Эти духовныя русскія свойства героя при извѣстныхъ условіяхъ получили бы иное развитіе и направленіе. Но судьба привела его въ сферы мысли, которыя неизбежно создавали изъ него то, чѣмъ онъ сдѣлался. Въ наукѣ того времени и въ естествознаніи, преимущественно, господствовало крайнее материалистическое направленіе, которое широко волной захватывало и всѣ другія сферы мысли; подъ вліяніемъ ихъ должна была увянуть всякая вѣра въ Базаровѣ, и онъ провелъ свое отрицаніе въ этой области послѣдовательно до конца. Въ общественной жизни вліянія были не лучше.

Русская народная жизнь, издавна заброшенная интеллигенціей, представляла безпорядочный хаосъ многообразныхъ золь на ея поверхности, а тѣ внутренніе корни ея, на которыхъ могла еще созидаться нравственная жизнь и общественный порядокъ, естественно, были въ глазахъ Базарова простымъ суевѣріемъ; жизнь интеллигентныхъ классовъ, народа не знавшихъ и, по замѣчанію Базарова, толковавшихъ объ искусствѣ и безсознательномъ творчествѣ, вѣдѣго практической дѣятельности въ пользу народа, тогда какъ „грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ“, — эта жизнь представляла Базарову еще болѣе поле для отрицанія. Въ концѣ концовъ, вокругъ себя онъ не находилъ ничего, на чемъ бы онъ могъ остановиться безъ отрицанія. И онъ въ всѣхъ смыслахъ онъ довелъ это отрицаніе до конца. Не даромъ онъ, основываясь на личномъ знакомствѣ съ русской жизнью, предлагаетъ Павлу Кирсанову найти въ ней хоть одно явленіе русской жизни, которое не вызвало бы безпощаднаго приговора.

Но любопытнѣйшею чертою его мысли и характера, тонко замѣчнаго и отмѣченнаго Тургеневымъ, является то, что его мучаетъ отсутствіе чего бы то ни было, на чемъ бы онъ могъ остановиться съ довѣріемъ. Въ различныхъ мѣстахъ романа невозможно не видѣть, что Базарова гнететъ скрытая тоска. Какъ умъ сильный и послѣдовательный, онъ ясно видитъ всю шаткость и того, что ему дано, какъ нѣчто достовѣрное: онъ мало вѣритъ даже въ свою медицину и во всю ту науку, которая послужила ему исходною точкою для безпощаднаго анализа явленій жизни и мысли. И на нихъ онъ кладетъ печать недоувѣрія и отрицанія, и то опъ нехорошо работаетъ, то совершенно опускаетъ руки. И эта тоска и недоувѣріе даже къ своему дѣлу приводятъ его только къ признанію одного въ жизни — матеріальнаго наслажденія. Но эта-то матеріальная жизнь Базарова, какъ настоящую русскую натуру, не можетъ удовлетворить; напрасно онъ говоритъ о ней съ отгнкомъ цинизма даже — она внушаетъ ему только одно явное презрѣніе. Недобрую штуку сыграло съ этимъ силь-

Смерть Норвежского короля Зигурда Ринга. По рис. Р. Эдельбюттеля, грав. Цэне.

ным челоѣкомъ материалистическое направление западной науки, поселивъ въ немъ странную раздвоенность и несогласованность душевныхъ элементовъ. Тургеневъ чутко угадалъ это и изобразилъ съ поражающею правдою. Базаровъ—лицо глубоко трагическое и мало годится въ идеалы, какимъ его хотѣлъ понимать Писаревъ, и еще менѣе въ карикатурные образы русскаго молодого поколѣнія того времени, какъ его хотѣли недомысленно понимать противники Писарева.

Исторія любви Базарова къ Одинцовой служитъ яркимъ комментариемъ къ его характеру. Онъ не признаетъ ничего „романтическаго“, ничего такого, что можетъ быть прямо изслѣдовано и наблюдено. Онъ смѣется надъ возможностью „загадочнаго взгляда“, разъ его нельзя найти въ анатоміи глаза; но его мнѣнію — все это „романтизмъ, гиль, художество“. Такъ же онъ смотритъ и на любовь; анатомія тоже не можетъ ему дать никакихъ признаковъ и основъ „романтической“ любви. И вдругъ эта самая „романтическая“ любовь обнаруживаетъ въ немъ свою власть. Тщетно онъ борется съ фактомъ, онъ долженъ признать, что любить „глуно, безумно“. Та же трагическая картина раздвоенности возникаетъ передъ нами; но материалистическимъ воззрѣніямъ онъ не долженъ любить, по натурѣ, натура русская, глубокая, чуждая увлеченіямъ одной чувственности, влечетъ его къ глубокому „романтическому“ чувству, какъ и отсутствие предметовъ для вѣры поселяетъ въ его душѣ глубокую скрытую тоску.

Въ лицѣ Базарова—дѣти*; молодого Кирсанова можно и совсѣмъ не брать во вниманіе, какъ блѣдное подражаніе герою, скоро къ тому же исчезнувшее, а карикатурныя фигуры Ситникова и свободомыслицы Кукишиной показывать только, что „материализмъ“ сильнаго Базарова можетъ стать источникомъ простой распущенности и мелкой развращенности для неумныхъ и пустыхъ. Но что же такое „отцы“? Смыслъ роли, которую они играютъ въ романѣ, совершенно не оправдываетъ той мысли, будто бы Тургеневъ въ спорѣ перебивающихся поколѣній былъ на сторонѣ „отцовъ“. „Старички Кирсановы“, въ томъ видѣ, какъ они изображены

художникомъ, говорятъ нѣчто иное. И, главное, — они никакъ не меньше во многихъ отношеніяхъ „отрицатели“, и только чуть-ли не отъ самихъ себя скрываютъ это свойство своихъ представленій о жизни. Они столь же мало вѣруютъ, какъ и Базаровъ, но считаютъ вѣру необходимой для народа, для поддержанія его нравственности. Не много находятъ они и живой дѣятельности въ обществѣ, на которой они остановились бы съ довѣріемъ и знаніемъ, и создаютъ для себя искусственные идеи и идеалы. Это особенно рѣзко сказывается на Павлѣ Кирсановѣ, поставившемъ своею жизненною задачею условную, и даже болѣе вишнюю порядочность, джентльменство, и въ чистѣ погтей видящемъ, т. е. собственно до безсознательности желающемъ видѣть чуть-ли не свое высшее призваніе. И какъ легко уступаетъ онъ Базарову въ спорѣ объ основахъ и учрежденіяхъ русской жизни, очевидно, самъ внутренно сомнѣвающійся, но заглушающій въ себѣ сомнѣнія въ правотѣ своихъ воззрѣній. Даже болѣе мягкій братъ его, не умѣющій управиться съ хозяйствомъ и создающій себѣ не совсѣмъ безыскусственный для него интересъ въ игрѣ на виолончели, обнаруживаетъ тѣ же черты. Такія „дѣти“, какъ Базаровъ, только и могли возникнуть на почвѣ такихъ „отцовъ“, и противоположность между ними далеко не такъ велика, какъ это кажется. Тотъ духъ европейскаго материализма, который обуялъ Базарова, далеко имъ не чуждъ, но они не имѣли смѣлости провести его открыто и послѣдовательно до новыхъ конечныхъ выводовъ. Базаровъ является ихъ смѣлымъ разоблаченіемъ. И потому-то, можетъ быть, умный Павелъ Кирсановъ, только не хотѣвшій сознаться самому себѣ въ раздвоенности своей жизни и фальшивости своихъ интересовъ, чувствовавшій, что Базаровъ видитъ ихъ насквозь, — потому-то онъ такъ и не влюбилъ нашего героя. Въ романѣ „Отцы и дѣти“ указывается, такимъ образомъ, не противоположность смѣнявшихся поколѣній, а ихъ внутренняя родственность, послѣдовательная преемственность ихъ общаго духа.

Арсеній Введенскій.

Стихотвореніе Розенгейма Нечволодовой *)

Въ собраніе стихотвореній покойнаго поэта Михаила Павловича Розенгейма не пошло одно, очень задумчивое, вызванное старинными воспоминаніями его о Кавказѣ. Любопытное само по себѣ, стихотвореніе пріобрѣтаетъ особенный интересъ, благодаря замѣчательной женщинѣ, которой оно посвящено и память о которой понинѣ живеть на Кавказѣ, вмѣстѣ съ разсказами о ея трагической судьбѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ, во времена Ермолова, казаки напали разъ на какой-то аулъ горскаго племени Абадзеховъ. Населеніе, т. е., собственно, женщины съ дѣтьми, оставшіяся въ немъ въ тотъ моментъ, бросилось въ ближайшій лѣсъ. Казаки настигли, между прочимъ, какую-то старушку съ маленькою внучкой, убили ее, а дѣвочку увезли съ собою. Сатанаса—пня дѣвочки, одно изъ любимыхъ черкесскихъ именъ, часто встрѣчающихся въ эпическихъ сказаніяхъ горъ, — пошла въ Бѣлорѣченскую станицу; здѣсь ее окрестили подъ именемъ Катя и поселили въ зажиточной казачьей семьѣ. Дѣвочка оказалась существомъ страстнымъ, гордымъ и безстрашнымъ, имѣющимъ самое преувеличенное попятіе о родномъ своемъ племени, и это заставляло догадываться, что родители ея были „уорки“, т. е., по нашей мѣркѣ — дворяне, отличающіеся высокимъ развитіемъ именно этой сословной и національной гордости и беззавѣтнаго мужества. Но ужасы, пережитые ею въ роковой для нея день, такъ странно поразили ея впечатлительную душу, что до конца дней своихъ она не могла слышать равнодушно выстрѣла. Дѣвочка помнила хорошо своихъ родителей и сестру; послѣдняя была даже съ нею и бабушкой во время бѣгства; но что со всѣми ними сталось, никогда узнаю не было, и это обстоятельство тяжелымъ камнемъ всю жизнь лежало на душѣ ея.

Катѣ предстояла обычная, довольно печальная судьба плѣнныхъ черкешенокъ, если бы не случай. Въ Бѣлорѣченской станицѣ былъ въ то время нѣкто Нечволодовъ, замѣчательный офицеръ еще Суворовскаго похода въ Италію и потомъ Наполеоновскихъ войнъ, но какимъ-то невыясненнымъ обстоятельствомъ уже второй разъ разжалованный въ рядовые. Какъ разъ къ этому времени, послѣ цѣлаго ряда боевыхъ отличій, онъ въ третій разъ выслужилъ эполеты, и, рѣшившись навсегда остаться на Кавказѣ, поступилъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій тогда въ Царскихъ Колодцахъ. Жена Нечволодова, урожденная графиня Тышкевичъ, жившая въ Петербургѣ, собиравшая теперь ѣхать къ мужу, писала ему, что желала бы, проѣздомъ черезъ лншію, взять на воспитаніе маленькую черкешенку изъ плѣнныхъ, — собственныхъ дѣтей у нихъ не было. Выборъ Нечволодова палъ на хорошенькую Катю, которую онъ встрѣчалъ на рѣчѣ; казаки охотно отдали ему ее.

Перспектива имѣть опять „мать“ страшно поразила малень-

кую черкешенку; она заочно привязалась къ ней и нетерпѣливо ждала ея пріѣзда. Когда станичныя дѣти пріѣзжали сообщить ей, что ея новая мама пріѣхала, Катя, не помня себя, бросилась на почтовую станцію, и тамъ, охвативъ руками колѣна Нечволодовой, истерически разрыдалась; дѣвочку едва могли успокоить. Нечволодова была тронута; Катя стала родной въ семьѣ. Бѣдной сироткѣ суждено было, однако, осиротѣть вторично. На пути къ мѣсту службы Нечволодова, во Владикавказѣ, жена его скоропостижно умерла отъ разрыва сердца. Страшно пораженный, Нечволодовъ дѣвочку, однако, не оставилъ, и съ нею пріѣхалъ въ Царскіе Колодцы. Катя сдѣлалась въ полномъ смыслѣ „дочерью полка“. Офицеры баловали ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ позаботились и объ образованіи ея. Въ Нижегородскомъ полку тогда было не мало людей просвѣщенныхъ, потомъ появились въ немъ декабристы, и дѣло пошло на ладъ. Въ числѣ учителей Катя была, между прочимъ, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, братъ нашего великаго поэта, и младшій Бестужевъ, братъ пѣвческаго писателя, Марлинскаго по псевдониму. Онъ снабжалъ ее книгами, и любовь къ чтенію сдѣлалась на всю жизнь господствующей страстью плѣнной черкешенки.

Въ 1830 году Екатерина Григорьевна была уже взрослою дѣвучкою; ей исполнилось 15 лѣтъ, — а южныя женщины зрѣютъ рано. Нечволодовъ, тогда уже полковникъ, былъ привязанъ къ ней страшно, — и она не знала ничего, кто былъ бы ей такъ дорогъ, какъ этотъ пріотившій ее челоѣкъ, отдавшій ей всю вѣжность, все чувство, на которое способно было его любящее сердце. И какъ ни велика была разница ихъ лѣтъ, они рѣшили не разлучаться и стали мужемъ и женой. Домъ Нечволодова, съ его радужнымъ хозяйномъ и молодой прелестной хозяйкой, сдѣлался сборнымъ пунктомъ для офицеровъ не только Нижегородскаго полка, а и всего Закавказья. Каждый, кто попадалъ въ Царскіе Колодцы по какимъ-либо обстоятельствамъ, непременно испытывалъ и радушіе Нечволодовыхъ. Къ нимъ шель всякій и съ горемъ, и съ радостью, твердо увѣренный, что встрѣтитъ искреннее участіе.

Такъ прошли годы. Въ сороковыхъ годахъ Нижегородскій полкъ ушелъ въ сѣверныя предгорья Кавказа, но Нечволодовъ вышелъ въ отставку и остался въ Царскихъ Колодцахъ, и домъ его игралъ все ту же роль теплаго пріюта для всѣхъ, кого судьба забрасывала въ этотъ тогда тревожный уголокъ Грузіи. Умеръ Нечволодовъ, Екатерина Григорьевна состарилась, по ролъ ея не перемѣнилась. Проживая въ собственной маленькой усадьбѣ, она всегда была рада гостямъ; офицеры Нижегородскаго полка, съ которыми такъ тѣсно связана была судьба ея, оставались для нея всегда близкими родными, офицеры другихъ полковъ—друзьями. И ряды военныхъ поколѣній, проходившіе мимо нея, платили ей искреннѣйшей привязанностью. Понавъ въ Царскіе Колодцы, всякій считалъ долгомъ навѣстить „бабушку“, пока она была жива, и зайти

*) Изъ матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Нижегородскаго полка.

на ся могилу, когда ея не стало. Въ теченіе долгихъ лѣтъ, въ день полкового праздника нижегородцевъ, ей непремѣнно посылались поздравленія, какъ будто это былъ ея семейный праздникъ. Солдаты тѣхъ полковъ, которые стояли въ Царскихъ Колодцахъ, ее боготворили, и, идя съ ученья мимо ея садика, считали своимъ долгомъ „порадовать бабушку“—грубачи играли Нижегородскій маршъ, въ качествѣ привѣтствія ей, и такъ какъ это дѣлалось въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, то играть этотъ маршъ на пути съ ученья превратилось, наконецъ, въ мѣстный обычай, соблюдавшійся и послѣ смерти „бабушки“. Умерла Нечволодова всего нѣсколько лѣтъ назадъ собственно старушкой, именно въ 1887 году.

Вотъ этой-то замѣчательной женщинѣ, привлекавшей къ себѣ всѣхъ и своею трагическою судьбою, и замѣчательно развитымъ умомъ, и необыкновенной добротою и отзывчивостію на чужое горе и радость, и посвящено стихотвореніе М. П. Розенгейма. Съ ноября 1843 г. по январь 1846 годъ ему довелось служить въ Закавказьѣ, въ 19-й артиллерійской бригадѣ; какъ и всѣ, онъ былъ принятъ и обласканъ Нечволодовыми, и память объ этомъ сохранилъ на всю жизнь. Въ 1883 году онъ послалъ Екатеринѣ Григорьевнѣ экземпляръ изданнаго передъ тѣмъ собранія своихъ стихотвореній, при письмѣ, оригиналъ котораго хранится у дочери покойной Нечволодовой. Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, написано и слѣдующее стихотвореніе:

Е. Г. Нечволодовой.

Пословицы—вездѣ плодъ мудрости народной,
Въ нихъ выразился весь народный смыслъ и духъ;
И этотъ духъ, всегда правдивый и свободный,
Гласитъ, что старый другъ надежнѣе новыхъ двухъ.

Вотъ въ этомъ качествѣ—ну, ежели не друга,
То все-жъ стариннаго знакомаго,—отнять
Рѣшился я у васъ минутой дѣль досуга,
И въ вашей памяти немного приподнять

* * *
Давно минувшихъ лѣтъ далекая преданья
О, можетъ-быть, давно забытой старинѣ,
И, пробуждая въ васъ о ней воспоминанье,
Напомните вамъ немного обо мнѣ.

* * *
Все это старая исторія, конечно;
Но я его люблю до сей поры сердечно —
Былое время, то, когда, лихой судьбой
Заброшенный на Югъ, изгнанникъ молодой,

* * *
По дальнемъ Сѣверѣ душою я томился,
Попавъ на Царскіе Колодцы, на Кавказъ,
Гдѣ въ скоромъ времени навѣрно бы сбѣялся
Со злости и тоски, когда-бъ не встрѣтилъ васъ!

* * *
Когда-бъ не встрѣтилъ въ вашемъ домѣ
Радущя самаго сердечнаго привѣтъ;
Объ этомъ истинно участливомъ приѣмѣ
Я память берегу отъ юношескихъ лѣтъ.

* * *
Да, помню я вашъ домъ радущемъ знаменитый,
Пріютъ гонимыхъ всѣхъ суровою судьбой,
Для всѣхъ изгнанниковъ привѣтливо открытый,
Съ его прекрасною хозяйкой молодой!

* * *
Съ его холинкомъ, Суворовскимъ служакой,
Живую хроникой о тѣхъ великихъ дняхъ,
Отважнымъ Платова соратникомъ, рубакой,
Покрытымъ ранами въ безчисленныхъ бояхъ.

* * *
Почтенный старина, подобно Цинцинату,
Отчизнѣ отслуживъ, не легъ онъ отдыхать,
А саблю промѣнявъ на заступъ и лопату,
Усердно принялся надъ садомъ хлопотать...

М. Розенгеймъ.

Бури сѣвернаго полушарія.

Метеорологическимъ управленіемъ Соединенныхъ Штатовъ опубликованы, подъ редакціею ген. Грилли (въ отчетѣ управленія за 1891 г.), данныя о буряхъ въ сѣверномъ полушаріи нашей планеты, въ періодъ времени съ 1878 по 1885 г.

Число бурь, которыя удалось наблюдать и записать въ эти восемь лѣтъ, достигаетъ 42.719.

Изъ нихъ приходится:

	Въ Атлантической четверти полушарія.	Въ Тихо-океанской.	В С Е Г О.
На январь	3.389	608	3.997
„ февраль	3.055	534	3.589
„ мартъ	3.451	748	4.199
„ апрѣль	2.753	922	3.675
„ май	2.489	851	3.340
„ июнь	2.206	574	2.780
„ июль	2.224	599	2.823
„ августъ	2.324	601	2.925
„ сентябрь	2.675	762	3.437
„ октябрь	3.005	775	3.778
„ ноябрь	3.170	732	3.902
„ декабрь	3.564	710	4.274
Всего	34.305	8.414	42.719

Очевидно, что въ общемъ наименьшее число бурь, 2.780, выпадаетъ на мѣсяцъ лѣтняго солнцестоянія, — июнь, а наибольшее, 4.274, на мѣсяцъ зимняго солнцестоянія, — декабрь. Далѣе, также и на мѣсяцъ весенняго равноденствія приходится большое число ихъ, именно, 4.199, такъ что мартъ лишь немногимъ уступаетъ декабрю. Увеличеніе числа бурь въ мартѣ, а также значительное число ихъ въ слѣдующемъ весеннемъ мѣсяцѣ, апрѣлѣ, вносятъ особую черту въ ходъ нарастанія и уменьшенія бурь въ цѣломъ, ибо хотя послѣ июнскаго относительнаго затихнѣя число бурь постепенно возрастаетъ съ наступленіемъ осени и зимы, достигая наибольшей высоты, какъ указано, въ декабрѣ, а затѣмъ начинаетъ понижаться съ повышеніемъ солнца къ лѣту, но весною (въ мартѣ) происходитъ рѣзкое повышеніе числа ихъ, и лишь послѣ того ходъ дѣль получаетъ характеръ постепеннаго движенія къ июньскому затихнѣю. Эта въ высшей степени любопытная картина несомнѣнно даетъ указаніе, что нзмѣненіе лѣтняго положенія дѣль къ зимнему, сопутствующее переходомъ извѣстной части воды въ сѣверномъ полушаріи изъ жидкаго состоянія въ твердое, происходитъ постепенно, между тѣмъ какъ въ движеніи отъ зимы къ лѣту, связанномъ съ возвратомъ мерзлой воды къ жидкому состоянію, обнаруживается крутая и рѣзкая волна, въ томъ именно мѣсяцѣ (мартѣ), когда въ большей части сѣвернаго полушарія происходитъ освобожденіе почвы и воды отъ снѣговаго и ледяного покрова.

Указанная волна замѣтна, въ частности, и въ Атлантической четверти полушарія (т. е., между 120° зап. и 60° вост. долг.); и здѣсь также въ мартѣ обнаруживается сильное повышеніе числа бурь, 3.451, послѣ котораго идетъ постепенное уменьшеніе его къ июню,—2.206, смѣняющееся также постепеннымъ увеличеніемъ къ декабрю,—3.564, за которымъ слѣдуетъ еще разъ правильное пониженіе этого числа до указаннаго рѣзкаго подъема въ мартѣ.

Но въ Тихоокеанской четверти (между 60° вост. и 120° зап. долготы) обнаруживается отступленіе отъ этого типа: наибольшее число бурь здѣсь оказывается въ апрѣлѣ и въ октябрѣ,—въ мѣсяцахъ, слѣдующихъ за мѣсяцами равноденствій, или, иначе, около средины весны и осени. Наименьшее же число бурь приходится на февраль 534, и затѣмъ, послѣ сильнаго, хотя и не рѣзкаго повышенія въ апрѣлѣ (ибо ему предшествуетъ сильное повышеніе въ мартѣ, а за нимъ слѣдуетъ слабое пониженіе въ маѣ), въ июнѣ обнаруживается пониженіе, сближающее ходъ явленій въ Тихоокеанской четверти съ ходомъ явленій въ Атлантической. Причину этого нужно, повидимому, искать въ томъ, что связь океана въ Атлантической четверти съ полярнымъ океаномъ полнѣе, чѣмъ въ Тихоокеанской, гдѣ Великій океанъ соединяется съ Ледовитымъ моремъ посредствомъ воротъ Берингова пролива, такъ что вліяніе годичныхъ измѣненій въ состояніи полярныхъ льдовъ должно примѣе и шире отражаться именно на Атлантическомъ океанѣ. Въ Тихомъ океанѣ это вліяніе ослабляется тѣмъ, что, во-первыхъ, оно прорывается къ югу прежде всего лишь черезъ узкую форточку пролива Беринга, а во-вторыхъ, тотчасъ же видоизмѣняется подъ дѣйствіемъ строя условій въ Беринговомъ морѣ, который долженъ представлять извѣстную степень устойчивости, ибо Берингово море представляетъ бассейнъ, замкнутый съ юга полуостровомъ Аляскою и сплошною цѣнью Алеутскихъ острововъ, занимающихъ около 2/3 всего разстоянія между материками Азіи и Америки. Повидимому, открытая связь съ полярнымъ океаномъ есть важный факторъ въ дѣлѣ образованія бурь, такъ какъ въ болѣе закрытой съ сѣвера Тихоокеанской четверти, даже и все число бурь болѣе, чѣмъ *четыре*, меньше числа бурь въ Атлантической четверти. Въ силу этого, общемою чертою для Атлантической и Тихоокеанской половинъ полушарія остается лишь лѣтній (июньскій) періодъ пониженія числа бурь.

Большой интересъ представляютъ, затѣмъ, данныя о распредѣленіи бурь (42.220) въ различныхъ широтахъ полушарія.

Въ предѣлахъ сѣверной широты.	Наблюдалось и записано бурь.	Что на 100 бурь составитъ.
Отъ 0° до 50	0	0
„ 50 „ 100	16	0
„ 100 „ 150	114	0
„ 150 „ 210	217	1
„ 200 „ 250	311	1
„ 250 „ 300	686	2
„ 300 „ 350	1.663	4
„ 350 „ 400	3.895	9
„ 400 „ 450	5.814	14
„ 450 „ 500	8.537	20
„ 500 „ 550	6.816	16
„ 550 „ 600	5.716	14
„ 600 „ 650	4.364	10
„ 650 „ 700	3.353	8
„ 700 „ 750	991	2
„ 750 „ 800	2	0

Спасены! Съ карт. Морзона, по фот. Брауна, грав. Уліюшъ

Этими цифрами очерчивается совершенно отчетливая и типичная картина. Правда, как в при-экваториальных частях Атлантического океана, так и в глухих мѣстах Тихого, несомнѣнно, должны быть недочеты в записях, в силу чего в выводы входят нѣкоторыя неточности; но их, во всякомъ случаѣ, нельзя считать водяными, ибо число паровыхъ и парусныхъ судовъ на поверхности морей, а также и наблюдательныхъ станцій значительно въ каждую данную минуту, и отъ наблюдений могутъ ускользнуть лишь непродолжительныя и слабыя бури.

Типъ, вытекающій изъ приведенныхъ цифръ, выражается, какъ видно, тѣмъ, что начиная отъ штилевой полосы при экваторѣ, — достигающей, въ среднемъ, ширины 5, число буръ постепенно возрастаетъ къ полюсу между 45° и 50° градусами сѣверной широты, гдѣ и проносится *пятая* часть всѣхъ буръ сѣвернаго полушарія. Отсюда, далѣе къ сѣверу, число ихъ снова понижается съ приближеніемъ къ полюсу, при чемъ, съ одной стороны, пониженіе идетъ нѣсколько круче, чѣмъ нарастаніе отъ экватора до пояса 45°—50° с. ш., а съ другой, слишкомъ малое число буръ, наблюдавшихся между параллелями 75° и 80°, во всякомъ случаѣ, зависитъ скорѣе отъ недостаточности наблюдений въ столь высокихъ широтахъ, чѣмъ представляетъ выраженіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ: самая рѣзкая прыжка съ 991 на 2 даетъ указаніе именно въ этомъ направленіи. Въ основаніи намѣченная схема, конечно, отнюдь не составляетъ новаго открытія, ибо карта распредѣленія буръ, не мало послужившая практикѣ мореплаванія въ періодъ преобладанія парусныхъ судовъ, была составлена еще Морри, но новая масса собранныхъ наблюдений тверже устанавливаетъ основныя черты типа и отчетливѣе выясняетъ детали.

Въ виду приводимыхъ фактовъ, казалось-бы, легко сдѣлать практической выводъ, что наибудобнѣйшая полоса для перехода черезъ океаны, отъ материка Стараго Свѣта къ матеріку Новаго, есть при-экваториальный поясъ, гдѣ всего меньше можно опасаться буръ. Но ни въ парусный, ни въ паровой періодъ мореплаванія практикѣ не приходилось серьезно пользоваться удовольствіями плаванія по безмятежно колышущемуся океану. Въ парусный періодъ рѣдко волнующееся море около экватора было тою страшною, штилевой полосой, ко-

торую каждый корабль стремился пересѣчь возможно скорѣе и въ самомъ узкомъ мѣстѣ (такъ какъ полоса штилей лишь въ среднемъ можетъ опредѣляться, напр. 5°—15° сѣв. шир. для сѣвернаго полушарія, имѣя въ дѣйствительности различную ширину подъ различными меридіанами и въ разное время года). Иначе ему грозила опасность потери времени, — со всѣми послѣдствіями этого относительно задачъ судна, продовольствія и здоровья команды, а экипажу — тяжелая перспектива утомительнаго бездѣйствія подъ отвѣсными лучами тропическаго солнца. Для паровыхъ судовъ, конечно, это не представляло-бы неудобствъ, но паровой періодъ судоходства засталъ направленіе преобладающихъ морскихъ путей и мѣста важнѣйшихъ пунктовъ, между которыми совершается особенно живое сообщеніе черезъ Атлантическій и Тихій океаны, уже опредѣлившимся логикою историческихъ событий. Кратчайшіе пути между Американскими Штатами и Европою, съ одной, и Азіею, съ другой стороны, оказались, приблизительно, между 40° и 50° сѣв., т. е., именно какъ разъ въ полосѣ буръ, а, стало быть, для той части человечества, которая должна совершать передвиженія въ указанныхъ направленіяхъ, безповоротнo и на неизвѣстныя времена, досталась въ удѣлъ самая тряская дорога черезъ океанъ.

Возможность приноравливанія плаваній къ болѣе спокойнымъ временамъ года, какъ легко видѣть, вообще, ограничена, особенно, въ полосѣ буръ, гдѣ число ихъ значительно даже въ южнѣ, — да и, кромѣ того, необходимость постоянныхъ сношеній почти совершенно уничтожаетъ практически значеніе относительно спокойныхъ мѣсяцевъ для мореплаванія.

Поэтому, искусственные приемы, каковы увеличеніе размѣра, прочности и скорости судовъ, совершенство маневрированія, возможность съ достаточною достовѣрностью предвидѣть наступленіе бури, чтобы встрѣтить ее наготовѣ къ борьбѣ, или, если можно, переждать въ безопасныхъ условіяхъ и пр., остаются единственными средствами облегченія условій неизбѣжно непокойнаго плаванія: — масса буръ, притомъ наибольшая для сѣвернаго полушарія, все-таки будетъ встрѣчаться и сопровождать суда, нагнѣвая ихъ пассажирамъ свои буйныя и свирѣпыя и качивая ихъ въ колоссальныхъ колебеліяхъ, — до разнообразныхъ степеней морской болѣзни. В. А.

Очерки порубежной жизни.

Очеркъ Моргана. — (Переводъ съ англійскаго).

I.

Какъ мы ловили убійцу Скрода.

Въ то было время, когда я еще процвѣталъ въ Зенитъ-Сити, какъ издатель-редакторъ „Трубы“ — одной изъ мѣстныхъ газетъ, тамъ безчинствовала нѣкій Скродъ. Этотъ Скродъ теперь отошелъ въ лучшій міръ, и я могу уже смѣло сказать о немъ всю правду: Скродъ былъ не джентльменъ, — совсѣмъ не джентльменъ. Какъ вѣтеръ прерилъ, онъ не зналъ границъ и позволялъ себѣ самыя невозможныя выходы противъ своихъ согражданъ.

Ему долго сходило это съ рукъ, наконецъ, однако, онъ перешелъ всѣ предѣлы. Практикуясь, какъ-то вечеромъ, по своему обыкновенію, въ стрѣльбѣ изъ револьвера на улицахъ города, онъ печально всадилъ пулю въ лобъ китайцу Сингъ-Еку. Чувствуя, что на этотъ разъ онъ зашелъ дальше, чѣмъ слѣдовало, мистеръ Скродъ внезапно исчезъ изъ города.

Строго говоря, это убійство китайца, которое при нѣсколькихъ обстоятельствахъ проило-бы сравнительно безслѣдно, само по себѣ не могло поднять негодованія жителей Зенитъ-Сити. Но явившись послѣ дѣлаго ряда безчинствъ и преступленій, оно оказалось тою каплею, которая переполнила чашу. Весь городъ поднялся на ноги. „Охранительный комитетъ“ купилъ новую веревку для предстоящей казни и предложилъ 15 долларовъ вознагражденія тому, кто доставитъ ему Скрода, — живого или мертваго, но предпочтительнѣе, однако, — мертваго.

Вѣсть объ этомъ скоро распространилась по округу, и къ вечеру слѣдующаго дня въ редакцію моей газеты явился Кнодъ Кнодсонъ — переселенецъ изъ Швеціи — и таинственно сообщилъ, что, по всей очевидности, Скродъ скрывается на фермѣ одного своего пріятели, жившаго неподалеку отъ Скалистыхъ горъ. Не медля ни минуты, я посѣщилъ къ фотографу Даббу, въ сотрудничествѣ съ которымъ я и не разъ зарабатывалъ, при посредствѣ газеты, хорошія деньги: я въ такихъ случаяхъ представлялъ литературный матеріалъ, а онъ — фотографическія снимки, иллюстрирующіе описываемыя мною события.

Мы сейчасъ-же рѣшили взяться за поимку мистера Скрода, и на слѣдующее же утро, на разсвѣтѣ, тронулись въ путь. Кнодъ Кнодсонъ вооружился стариннымъ, изукрашеннымъ мѣдными бляхами, шпорокоствольнымъ мушкетонномъ, изъ котораго его дѣдушка стрѣлялъ когда-то въ Швеціи дикихъ гусей и пингвиновъ; Даббъ — своею камерою и револьверомъ; я — записною книжкою и тоже револьверомъ. Кромѣ этого, Кнодъ несъ на плечѣ длинную веревку.

Нашъ планъ, при всей своей простотѣ, былъ замѣчательнъ. Мы должны были поймать убійцу и связать его по рукамъ и по

ногамъ; затѣмъ я долженъ былъ его интервьюировать, а Даббъ фотографировать. Я долженъ былъ не только дать въ своей газетѣ порисающій отчетъ о его поимкѣ послѣ отчаянной борьбы, но и добыть отъ него исповѣдь, которая-бы ярко рисовала жизнь и нравственныя понятія этого псадіа ада. Даббъ долженъ былъ снять цѣлый рядъ портретовъ злодѣя во всѣхъ позахъ и видахъ, — не исключая самаго момента его плѣненія.

Мы надѣялись, что эта операція принесетъ намъ не меньше 50 долларовъ. Что касается до 15 долларовъ, обѣщанныхъ „Охранительнымъ комитетомъ“ за поимку Скрода, — ихъ рѣшено было уступить Кноду. Теперь, такимъ образомъ, оставалось только привести нашъ планъ въ исполненіе, что мы, конечно, и сдѣлали-бы, если-бы намъ не разстроилъ всего Скродъ, который, какъ я уже сказалъ выше, оказался совсѣмъ не джентльменомъ.

Онъ захватилъ насъ совершенно врасплохъ, когда мы мирно завтракали въ укромной ложницѣ, безмятежно считая наши будущіе барыши. Кнодъ никакъ не могъ рѣшиться, купить-ли ему за его 15 долларовъ страховую полицію или мѣсто на кладбищѣ; Даббъ хотѣлъ вынискать для своей фотографіи кое-какіе новые приборы; я же предположилъ купить на свои 25 долларовъ шелковую шляпу и новую пару платя.

И вотъ, въ самый интересный моментъ нашей оживленной бесѣды, прямо надъ нашими головами появился на гребнѣхъ утеса самъ Скродъ, верхомъ на тощемъ пони. Въ обѣихъ рукахъ его было по револьверу, обращенному дуломъ въ нашу сторону. Онъ, казалось, былъ прекрасно знакомъ съ цѣлью нашего путешествія. Сойдя со своего пони — не отводя револьверовъ, — онъ преспокойно съѣлъ нашъ завтракъ, взялъ изъ нашихъ кармановъ все, что намель, и — въ довершеніе униженія — потренилъ каждого изъ насъ за носъ.

Затѣмъ онъ погналъ насъ куда-то по преріи, все время понося насъ самымъ обиднымъ образомъ; наконецъ, онъ остановился; привязавъ насъ Кнодовою веревкою къ телеграфной проволоцѣ; и затѣмъ громко прочелъ направленную противъ него громовую статью, авторомъ которой былъ я. Онъ, казалось, былъ очень обиженъ тѣмъ, что „Охранительный комитетъ“ назначилъ за его поимку такое мизерное вознагражденіе.

Затѣмъ онъ снялъ съ насъ фотографію при посредствѣ Даббовой камеры, и, наконецъ — это былъ самое ужасное — вынулъ изъ-подъ своего сѣдла длинный бычачій кнутъ. Первая очередь была моя. Скродъ отвязалъ меня отъ проволоки, и... я получилъ, наконецъ, свободу... Но она далась мнѣ не сразу: на протяженіи, по крайней мѣрѣ, $\frac{3}{4}$ мили Скродъ безжалостно подгонялъ меня своимъ кнутомъ, въ которомъ я — убѣжденъ въ

этомъ — была вилетена желѣзная проволока... Между тѣмъ Даббсъ долженъ былъ снять эту унизительную сцену...

Когда я, наконецъ, скрылся вдали, покинутый моимъ мучителемъ, онъ продолжалъ ту же операцію надъ Клодомъ; Даббсъ опять принужденъ былъ фотографировать. Послѣ этого Скродъ кинулся на Даббса и изломалъ на его спишѣ его аппаратъ. Вдосталь надругавшись, онъ отпустилъ, наконецъ, и свою послѣднюю жертву, не позабывъ, однако, дать ей напоследокъ несколько ударовъ кнута.

Пока мы сидѣли подъ городомъ въ лѣсу, выжидала ночь, чтобы незамѣченными вернуться домой, мы поклялись никому не рассказывать о нашихъ злоключеніяхъ. Но Скродъ былъ такъ безстыденъ, что не удовлетворился своимъ торжествомъ возлѣ Скалистыхъ горъ. Онъ послалъ самый комичный отчетъ о послѣднемъ актѣ нашей безвременной экспедиціи моему алѣйшему врагу—издателю „Свѣточа“, который, конечно, не преминулъ опубликовать его со всеми подробностями и даже со своими собственными добавленіями.

Скроду показалось мало и этого, и онъ отослалъ снятые Даббсомъ подъ дуломъ револьвера негативы фотографу сосѣдняго поселенія, который отпечаталъ ихъ и выставилъ на продажу въ нашемъ городѣ. Можно представить, какъ бойко шла ихъ продажа!

Черезъ 6 мѣсяцевъ наступила пора выборовъ въ мэры города. Я былъ давно уже кандидатомъ, и мой выборъ казался обезпеченнымъ. Несомнѣнно, я былъ бы выбранъ, но какъ разъ въ самый критическій моментъ мой соперникъ-издатель пустилъ въ обращеніе сотни фотографій, изображавшихъ меня въ тотъ моментъ, когда я бѣжалъ по преріи, преслѣдуемый весело смѣющимся человѣкомъ съ длиннымъ кнуромъ въ рукѣ. Понятно, что я былъ единогласно проваленъ.

Но, по крайней мѣрѣ, Скродъ не могъ болѣе наслаждаться моимъ поражениемъ. Не болѣе чѣмъ черезъ недѣлю послѣ нашей экспедиціи онъ-таки попалъ на приготовленную для него веревку. Теперь, когда его болѣе вѣтъ въ живыхъ, не будетъ клеветою, если я скажу, что онъ—не былъ джентльменъ.

II.

Порубежное правосудіе.

Порубежное правосудіе не безъ основанія можетъ быть уподоблено животному, именуемому Кенгуру: никогда нельзя сказать насчетъ его впередъ,—куда и какъ далеко оно прыгнетъ. На это размысленіе меня навело воспоминанье объ одномъ событіи, имѣвшемъ мѣсто въ нашемъ Зенитъ-Сити,—гдѣ, какъ извѣстно, я издавалъ свою газету „Труба“.

Нѣкто Алкали Айкъ, на котораго спиртные напитки производили, обыкновенно, самое нежелательное дѣйствіе, застрѣлилъ на улицѣ среди бѣла дня нѣкоего Бозанко,—человѣка въ нашемъ городѣ совершенно новаго. Преступленіе было совершено въ присутствіи цѣлой толпы уважаемыхъ гражданъ, волиѣ достойныхъ довѣрилъ, въ качествѣ свидѣтелей.

При этомъ было волиѣ удостовѣрено, что Бозанко не подалъ ни малѣйшаго повода къ ссорѣ. Айкъ просто выбѣжалъ изъ-за угла улицы и выстрѣлилъ изъ своего револьвера, положивъ Бозанко на мѣстѣ.

Айкъ былъ, конечно, арестованъ и въ свое время преданъ суду. Для него, очевидно, не было никакого спасенія. Въ дѣлѣ не было и тѣни показанія, которое свидѣтельствовало-бы о провокаціи, объ эмоциональномъ помѣшательствѣ, объ аффектѣ, или иномъ какомъ смягчающемъ обстоятельстве. Было весьма интересно, что скажетъ защитникъ въ пользу подсудимаго. Но вдругъ онъ совершенно неожиданно для всѣхъ основалъ свою защиту на почвѣ „убійства намѣреннаго и законнаго“. Онъ ясно доказалъ, что Айкъ ничего ровню не имѣлъ и не могъ имѣть противъ Бозанко, но зато имѣлъ много, и очень много, противъ нѣкоего „Гона“ Водкинса, названнаго такъ потому, что онъ какъ-то странно прыгалъ при ходьбѣ,—что, въ свою очередь, объявлялось тѣмъ обстоятельствомъ, что одна нога у него была на 18 дюймовъ короче другой.

И дѣйствительно, по тщательномъ изслѣдованіи было установлено, что въ тотъ именно моментъ, когда Айкъ выскочилъ изъ-за угла и, увидѣвъ передъ собою своего алѣйшаго врага Гона Водкинса, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера, Гонтъ сдѣлалъ поспѣшный шагъ, благодаря чему его голова вдругъ опустилась на 18 дюймовъ,—какое обстоятельство и позволило нулѣ пройти не черезъ твердый черепъ, а черезъ атмосферу, и въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи встрѣтить голову подвернувшася Бозанко и пробить ее“.

На этомъ основаніи защитникъ утверждалъ, что убійство Бозанко было чистою случайностью, отвѣтственность за которую надала не на Айку, а на... Гона.

„Господа присяжные,—сказалъ онъ, обращаясь къ жюри,—Алкали Айкъ не имѣлъ ничего противъ Бозанко. Нѣтъ ни одного свидѣтельства, которое указывало-бы на то, что Бозанко когда-нибудь чѣмъ-нибудь обидѣлъ моего кліента. Мой кліентъ стрѣлялъ не въ него; это очевидно. Онъ стрѣлялъ въ Гона Водкинса, несвоевременное отклоненіе головы косяго отъ линии движенія пули причинило смерть Бозанко.“

„Человѣкъ, который сознательно и коварно нанеситъ палкою ударъ другому, наказуется—и наказуется справедливо—за побой, имѣ причиненные. Но если вашъ невинный ребенокъ, играя въ верхнемъ этажѣ, выпадаетъ нечаянно изъ окна и, упавъ на кого-нибудь, проходящаго внизу, разобьетъ ему носъ или еще что-нибудь,—неужели же у васъ поднялась-бы рука наказать ребенка?.. Зло, причиненное намѣренно, есть преступленіе; ненамѣренное же зло есть только несчастная случайность, которую можно оплакивать, но не наказывать. Алкали Айкъ не имѣлъ намѣренія причинить зло Бозанко. Онъ даже не знаетъ, что какой-то Бозанко существуетъ на свѣтѣ. И такъ, кого же надо винить въ этомъ дѣлѣ? Я, не колеблясь, утверждаю, что винить надо Гона Водкинса, и одного Водкинса...“

„Несомнѣнно, что человѣкъ имѣетъ право жить и вести себя, какъ хочетъ, пока его поведеніе не оказывается прямо или косвенно зловреднымъ для его окружающихъ. Человѣкъ можетъ имѣть какую ему угодно походку, но разъ эта походка оказывается постоянною угрозою для его согражданъ, онъ долженъ измѣнить ее, или совершенно перестать выходить на улицу, если измѣнить ее онъ почему-нибудь не въ состояніи. Если же онъ упорствуетъ,—вся вина за возможные отсюда послѣдствія должна пасть исключительно на него. Гонтъ Водкинсъ никогда, насколько я знаю, не считался идіотомъ. Напротивъ, я надѣюсь доказать вамъ неоспоримо, что онъ не только не идіотъ, а самый отчаянный, коварный и хитрый человѣкъ,—я-бы долженъ былъ сказать—демонъ... У него есть въ нашемъ городѣ много враговъ, кромѣ Айка,—враговъ неуловимыхъ и ожесточенныхъ. Каково же было всегда его поведеніе по отношенію къ нимъ? Былъ-ли въ этомъ поведеніи элементъ героическаго вызова? Нѣтъ! Его поведеніе—олицетворенная засада. Да, засада! и, мало этого—вѣчная угроза для всѣхъ насъ...“

„Кто изъ насъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ поручиться, что пуля не падетъ завтра такою же случайною жертвою шальной оули, какою палъ Бозанко,—и, опять-таки, какъ несчастный Бозанко, изъ-за внезапнаго прыганья Головой головы въ моментъ выстрѣла какого-нибудь изъ его многочисленныхъ враговъ? И Гонтъ знаетъ это лучше насъ всѣхъ! Онъ прекрасно знаетъ, что онъ держитъ въ своей власти м. о. очисленные жизни своихъ согражданъ, знаетъ, и все-таки упорно продолжаетъ ходить по улицамъ нашего города своею измѣничивою, коварною, убійственною и преступною походкою!.. Господа присяжные, не Айкъ, а Гонтъ Водкинсъ—убійца несчастнаго Бозанко. Противъ Гона я требую вашего правосудія!“

Аргументація защитника (это былъ извѣстный внослѣдствіи майоръ Шарш) была такъ очевидно правильна, что Айкъ былъ тутъ же торжественно оправданъ, а Гонтъ Водкинсъ едва успѣлъ набѣгнуть висѣльни.

Былая весна.

Стихотвореніе Н. Медвѣдскаго.

Перекликаясь, соловьи
Отвѣта ласковаго просятъ
И вѣгу томную любви
Въ весеннемъ воздухѣ разносятъ.

Еще свѣжа душа моя,
Еще сдержатъ волненье трудно,
И сердцемъ рвусь навстрѣчу чудной,
Влюбленной пѣсни соловья!

Чѣмъ жизнь разумнѣй и скупчѣе,
Чѣмъ меньше остается грезъ,
Тѣмъ слаше робкій шумъ березъ
И полумракъ вѣмой аллеи.

Иду—куда ни заведетъ:
Къ рѣкѣ, къ поросшему обрыву
Иль на воздѣланную шву,
Гдѣ зеленѣтъ ранній веходъ.

Какимъ волшебнымъ обаяньемъ
Весна надъ сердцемъ пронеслась,
Какимъ огнемъ, какимъ желаньемъ
Она въ душѣ отозвалась!

Раскрылось сердце для надежды,
Тоска и страхъ у тишины.
И ночью золотые сны
Миѣ ласково смыкають вѣжды...

Къ рисункамъ.

Возвращеніе въ лагерь послѣ стрѣльбы и конная артиллерія на походѣ. (Рис. на стр. 597 и 600).

Si vis pacem — para bellum — „если хочешь мира — готовься къ войнѣ“, говоритъ мудрая латинская пословица, и пословица эта сама просится на языкъ, когда приходится говорить о современныхъ вооруженіяхъ. Сколько денегъ, сколько тратъ поглощаютъ они, эти вооруженія! На первый взглядъ кажется, и этого взгляда держатся многіе, что траты эти отягощаютъ казну и по своей непроизводительности не могутъ искупить дѣлаемыхъ для нихъ жертвъ. Но такъ ли это? Дѣло въ томъ, что расходы, которые ложатся на страну во время войны, пересравненно значительнѣе дѣлаго рѣда вѣбствъ взятыхъ за нѣскольکو лѣтъ ежегодныхъ тратъ на усиленіе военныхъ силъ. Теперь — если эти ежегодныя постепенныя траты могутъ отодвинуть, заставитъ отложить, устрашая собѣдей, объявленіе войны съ ея немедленными огромными расходами, то цѣль и выгода будетъ достигнута. Лучше ежегодно тратить сравнительно понемногу, постоянно готовясь къ войнѣ, чѣмъ, съ экономіею эти ежегодныя траты — быть вынужденнымъ вдругъ сразу ввалить себѣ на плечи матеріальныя тягости этой войны. Но расходы, несомнѣе страшною на армію, имѣютъ безусловное значеніе не только въ смыслѣ приготовленій къ войнѣ, но и въ смыслѣ чисто-мирныхъ культурныхъ цѣлей. Какъ ни странно это, какъ ни кажется оно парадоксомъ, но на самомъ дѣлѣ оно такъ. Армія, въ особенности, съ современною системою призыва для исполненія воинской повинности, служитъ лучшей школою для народной массы, школою, какъ въ отношеніи образованія, такъ и воспитанія. Молодой новобранецъ, уйдя изъ деревни, что называется, совсѣмъ „сѣрымъ“, отбывъ воинскую повинность, возвращается домой грамотнымъ, дисциплинированнымъ, привыкшимъ къ строгому порядку, словомъ — перевоспитаннымъ, и уроки этого воспитанія будутъ пригодны ему на всю жизнь. Возраженіе, — что солдаты отвыкаютъ отъ своего крестьянскаго дѣла, несправедливо, потому что изъ практическихъ явленій, что подобные факты составляютъ исключеніе и, во всякомъ случаѣ, искупаются обратнымъ явленіемъ, т. е. очень часто встречающимся примѣрамъ исправленія прежде порочныхъ людей помощью военной дисциплины. Силою и рядомъ приходится встрѣчаться въ деревняхъ съ очень отпаднымъ явленіемъ, — импровизированными школами, открываемыми солдатами, которые прекрасно ведутъ свое дѣло. Уже это одно составляетъ многое. Можно ли говорить послѣ этого о непроизводительности расходовъ на потребности арміи?

Объ этой пользѣ, приносимой арміей странѣ, можно разсуждать, дойти до нея умозаключеніемъ, но у насъ есть еще невольныя сердечныя симпатіи, которыя пробуждаются каждый разъ при видѣ стрелъ бравыхъ молодцовъ, составляющихъ нашу силу и готовыхъ пожертвовать жизнью за защиту родины. Мы невольно любуемся ими и всегда съ удовольствіемъ встрѣчаемся со сценой изъ военной жизни — будь то хоть на картинкахъ, два образчика которыхъ мы даемъ на стр. 597 и 600.

Виды Стрѣльны. (Рис. на стр. 601).

На 19-й верстѣ отъ Петергофской дороги, на рѣчкѣ „Стрѣлка“ стоить на берегу Финскаго залива загородный дворецъ „Стрѣлка“. Петръ Великій здѣсь предполагалъ устроить фонтаны на подобіе версальскихъ, построить палаты и основать лѣтнюю свою резиденцію. Но фельдмаршалъ Минихъ представилъ Петру болѣе удобную для этого мѣстность — гдѣ теперь лежитъ Петергофъ. Тогда планъ относительно Стрѣлкы былъ оставленъ, и государь приказалъ выстроить тутъ пару „пѣбъ“ для прѣзда, птичий и скотный дворъ и „ежели возможно, то хотя маленькую сажалку для рыбы“. Это было въ 1711 году.

Но въ 1721 году Берггольдъ видѣлъ эту дачную резиденцію Петра, и вотъ какъ онъ ее описываетъ:

„На мызѣ Стрѣлкѣ находится большою, еще строящейся дворецъ, стоить очень высоко и на прекрасномъ мѣстѣ; противъ фасада дома протекаетъ рѣчка, а передъ нею расположена чудная рощица. Три террасы необыкновенной длины, спускающіяся уступами съ горы въ садъ, уже готовы и снабжены надлежащими трубами для фонтановъ, которые будутъ бить тамъ со всѣхъ концовъ, что царю, какъ я слышалъ, уже теперь стоило значительныхъ суммъ. На серединѣ верхней террасы, которая, какъ и обѣ другія, длиною во всю ширину сада, заложенъ уже фундаментъ обширнаго дворца, который, говорятъ, будетъ лучше версальскаго дворца, полная модель котораго, сдѣланная изъ дерева, стоить въ царскомъ саду. Отъ главнаго корпуса зданія, черезъ всѣ террасы спускается въ садъ большою широкой каскадъ, со сводомъ внутри, изъ котораго выйдетъ нѣчто въ родѣ грота.“

Охладивъ къ Стрѣлкѣ и заявившись постройкою Петергофа, Петръ подарилъ ее своей дочери, великой княжнѣ Аннѣ Петровнѣ, въ 1722 году.

„Преданіе гласитъ“, говоритъ М. Пыляевъ („Заб. прошл. окрестн. Петербурга“), „что будто Петръ I, послѣ бракосочетанія своего, въ 1707 году, въ маленькой екатерингофской

церкви, повелѣлъ церковь эту перенести въ Стрѣлку. Изъ этой церкви теперь устроенъ придѣлъ въ нынѣшнемъ стрѣльнскомъ храмѣ, находящійся на правой сторонѣ, при входѣ въ него. Царскія врата и многія иконы и сосуды посейчасъ здѣсь сохраняются отъ того времени. По преданію, самъ Петръ участвовалъ при рубкѣ стрѣльнской церкви. По другому разсказу, она была прежде нѣмецкою киркой и по приказанію Петра обращена въ православную церковь. Она была выстроена изъ сосноваго дѣса и была окрашена безъ обшивки; въ 1708 г., какъ значится на старомъ антиминсѣ, освящена Варлаамомъ, митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ.

„Церковь посвящена Преображенію, съ придѣломъ во имя Св. Николая Чудотворца. Есть преданіе, что, спустя нѣсколько времени послѣ постройки главнаго корпуса, пристроены съ боковъ двѣ большія четверугольныя ниши, въ видахъ расширенія церкви, а по бокамъ алтаря — комнатки для ризницы, для каминна и понамарской; въ послѣдней устроенъ входъ прямо въ алтарь. До 1837 года храмъ былъ крайне запущенъ. Въ 1855 году послѣдовали въ немъ капитальныя передѣлки.“

Въ четырехъ сажахъ саженихъ отъ каменнаго дворца Петръ построилъ для себя лично небольшой деревянный домикъ, въ длину 16, въ ширину 6 и въ вышину 2 сажени. Въ немъ были 2 залы и 8 комнатъ съ свѣтелкою; здѣсь помѣщались постель и шкафъ орѣховаго дерева, съ старинными голландскими чашками. Есть извѣстіе, что на мѣстѣ этого дворца была старая шведская мыза съ садомъ. Тутъ, недалеко отъ оранжерей, находится огромная липа, подъ которою Петръ часто сидѣлъ. Недалекъ отъ этой липы былъ заведенъ государемъ пчельникъ и устроенъ огорождъ съ медоносными растениями.

При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ стрѣльнскій дворецъ сгорѣлъ, а при Екатеринѣ II мѣстность эта почти пришла въ запустѣніе. Въ 1797 г. императоръ Павелъ подарилъ Стрѣлку великому князю Константину Павловичу, который поручилъ привести ее въ порядокъ г. Энгельману. Но каменный дворецъ опять сгорѣлъ въ 1803 году и былъ возобновленъ архитекторомъ Воронихинымъ, а затѣмъ Руссо, по плану Петра I. Въ послѣдствіи Стрѣлка была подарена императоромъ Николаемъ I великому князю Константину Николаевичу, супругу котораго, Александра Іосифовна, и превратила Стрѣлку изъ урюмаго замка въ прелестный загородный дворецъ.

Въ настоящее время Стрѣлка одно изъ любимыхъ дачныхъ мѣстъ петербуржцевъ, о красотѣ и живописности котораго можно судить по видамъ, помѣщеннымъ на стр. 601.

Кончина короля Ринга. (Рис. на стр. 605).

Устывъ преданія глубокой старинѣ въ исторіи народовъ полныя небывалаго и чудеснаго, гдѣ были смѣняются небиланды и правда сплетена съ вымысломъ. Таковы мнѣя у древнихъ грековъ, былины у насъ, саги у норвежцевъ и исландцевъ. Въ одной изъ нихъ разсказывается про могучаго короля Зигурда Ринга, побѣдителя въ кровопролитномъ бравальскомъ сраженіи, въ 730 году по Р. Хр., который, на старости лѣтъ, влюбился въ прекрасную дочь короля Альфа, прозванную за свою красоту Альфовымъ солнцемъ.

Старый Альфъ долженъ былъ уступить домогательствамъ Ринга, но сыновья Альфа воспротивились браку „зимы съ весною“. Оскорбленный властитель пошелъ тогда на нихъ войною и, вторгнувшись въ Альфово царство, побѣдилъ его храбрый народъ и убилъ сыновей короля. Съ огнемъ и мечемъ проникъ онъ въ царскій дворецъ, чтобы силою увести оттуда свою возлюбленную. Но братья ея, предчувствуя поражение, отравили ее. Въ отчаяніи Рингъ велѣлъ съ большими почестями перенести тѣло красавицы на свой корабль, распустить на немъ паруса и поджегъ его, а людямъ удалиться на берегъ, и когда Рингъ съ тѣломъ невесты былъ въ открытомъ морѣ, онъ умертвилъ себя у трупъ „Альфова солнца“. Эта драматическая сцена изображена на стр. 605.

Спасены. (Рис. на стр. 608 и 609).

Корабль разбитъ. Изъ обломковъ его кое-какъ сколочены плотъ, и на немъ нашли себѣ пристанище три человѣка изъ экипажа. Не мало дней и ночей носились они по бушующему морю, безъ нищи и сна, и только горячія молитвы поддерживали ихъ угасающія силы. Но „молитва за Богомъ не пропадаетъ“: уже видна издали приближающаяся лодка, спѣшавшая на помощь потерѣвшимъ кораблекрушеніе. Еще минула, и спасательный кругъ, который виднѣется теперь вдали въ рукахъ матроса на подоспѣвшей, хотя и поздно, но все-таки во-время, лодкѣ, — будетъ брошенъ навстрѣчу погибающимъ... Вотъ незамысловатый, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма сложный сюжетъ картины, гравюру съ которой мы помѣщаемъ на стр. 608 и 609. И посмотрите, съ какимъ чувствомъ и знаніемъ дѣла трактовать этотъ сюжетъ: — художникъ выказалъ себѣ не только прекраснымъ жанристомъ, давъ характерныя, полныя выраженія фигуры, но и пейзажистомъ, превосходно исполнивъ фонъ картины. Такая разнородность таланта весьма рѣдка.

Коневецкій монастырь. (Рис. на этой стр.)

12 іюня исполнилось 500 лѣтъ съ того времени, какъ новгородскій монахъ Арсеній поселился на находящемся въ Ладожскомъ озерѣ островѣ Коневцѣ. Въ 1393 г., при княженіи московскаго великаго князя Василія Дмитріевича, по прибытіи на Коневецъ, Арсеній построилъ тамъ на горѣ, въ густой чащѣ лѣса, себѣ келью. Вскорѣ къ нему стали собираться монахи и селиться возлѣ него. Чрезъ 6 лѣтъ Арсеній вмѣстѣ съ другими монахами построилъ деревянную церковь и обнесъ деревянной оградой келью и церковь. Въ 1421 году вода въ Ладожскомъ озерѣ поднялась чрезвычайно высоко и подошла къ самымъ строеніямъ. Это побудило перенести обитель въ болѣе возвышенное мѣсто, занимаемое ею въ настоящее время. Здѣсь воздвигнутъ былъ уже каменный храмъ, при чемъ число братіи увеличивалось съ каждымъ годомъ. Мощи святителя, преставившагося 12 іюня 1444 г., почиваютъ при церкви Рождества Богородицы. По преставленіи преподобнаго Арсенія, основанная имъ Коневецкая обитель мирно процвѣтала въ теченіе 126 лѣтъ, но затѣмъ настали тяжелые дни отъ постоянныхъ войнъ со шведами, и только въ 1718 г., при Петрѣ Великомъ, послѣдовало возобновленіе обители, разрушенной шведами. Съ тѣхъ поръ монастырь сталъ быстро засраиваться и обзаводиться полнымъ хозяйствомъ. Теперь въ монастырѣ подвизаются до 200 монаховъ.

На празднованіи торжества 500-лѣтія монастыря присутствовалъ Антоній, архіепископъ Финляндскій.

Политическое обозрѣніе.

Перебаллотировки въ Германскій рейхстагъ окончены, и оказались избранными 25 консерваторовъ, 10 членовъ имперской партіи, 35 національ - либераловъ, 10 членовъ свободомыслящаго сообщества, 21 членъ свободомыслящей народной партіи, 7 членовъ южно-германской народной партіи, 9 членовъ центра, 7 поляковъ, 14 антисемитовъ, 20 социаль-демократовъ, 7 вельфовъ, 1 протестующій эльзасецъ.

Въ виду такихъ результатовъ многія германскія газеты заявляютъ, что слѣдуетъ ожидать благоприятнаго военному законопроекту большинства, тѣмъ болѣе, что часть депутатовъ центра оставила за собою свободу дѣйствій. *Vossische Zeitung* полагаетъ, однако, что большинство въ пользу законопроекта нельзя считать еще вполне обезпеченнымъ, но что, судя по положенію

дѣлъ, проектъ все-таки пройдетъ, хотя не совсѣмъ гладко и не въ правительственной редакціи.

Документы, прочитанные во французской палатѣ депутатовъ и надѣлавшіе въ пей, а затѣмъ и во всей Франціи столько шума, оказываются поддѣльными. Ифто Нортовъ созвалъ въ ихъ изготвленіи, при чемъ заявилъ, что онъ ихъ поддѣлалъ по наущенію и указаніямъ редактора *Cocardе*, Дюкрэ. Оба они арестованы.

Билль объ ирландскомъ самоуправленіи въ англійскомъ парламентѣ подвигается очень медленно, вслѣдствіе всяческихъ затягиваній противниковъ его, истощающихъ терпѣніе правительства и въ концѣ всѣмъ надѣвшихъ. Посему Морлей 17-го іюня изложилъ въ палатѣ общій объявленный Гладстономъ планъ обсужденія ирландскаго билля по статьямъ. По этому плану обсужденіе статей отъ 5-й до 8-й должно быть окончено 6-го іюля вечеромъ, отъ 9-й до 26-й — 13-го іюля ранѣе 10 ч. веч., отъ 27-й до 40-й — 20-го іюля. Отложенія же обсужденіемъ статьи и дополнительныя статьи, которыя могутъ быть предложены при дальнѣйшихъ преніяхъ, рѣшено прямо внести на голосованіе, безъ обсуждения. Заявленіе Морлея встрѣчено общими сочувствіемъ. Руссель заявилъ въ томъ же засѣданіи палаты, что онъ будетъ оспаривать предложеніе Гладстона, такъ какъ, по его мнѣнію, ирландскій билль представляетъ новую конституцію, наносящую продолжительный ущербъ правамъ великобританскіхъ подданныхъ. Палатѣ, заключилъ ораторъ, не слѣдуетъ одобрять предложенія, нарушающаго свободу парламентскихъ преній.

Въ Рагузѣ, 14 іюня, въ присутствіи тысячи гостей, въ томъ числѣ многихъ сербовъ, открытъ памятникъ Гундуличу. На церемоніи присутствовали и далматинскій намѣстникъ, фельдмаршалъ-лейтенантъ фонъ-Давидъ. Изъ Хорватіи и Далманіи

прислано 165 вѣнковъ. Особенно роскошный вѣнокъ прислалъ Сербскій король.

Въ *Новое Время* телеграфируютъ изъ Вѣны, что по свѣдѣніямъ изъ Софіи, бывшіе министры — Тончевъ, Сгранскій, Радославовъ и Начевичъ, основавшие оппозиціонную газету, повели рѣшительную кампанію противъ Стамбулова; они заявляютъ, что намѣрены поддерживать правленіе принца Кобургскаго, но встаютъ противъ насилія и диктатуры перваго министра. Новая оппозиція, повидимому, пользуется сочувствіемъ и денежной поддержкой австрійской дипломатіи и, вѣроятно, также принца Фердинанда.

Коневецкій монастырь (по поводу 500-лѣтія со дня его основанія).
Рис. Веберъ, грав. Брендамуръ.

Разныя извѣстія.

— 15 іюня, Ихъ Императорскія Величества посетили первую всероссійскую гигиеническую выставку.

— Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ и Великою Княжною Ксенією Александровною, 16 іюня, отбыли изъ Петергофа, на паровомъ катерѣ, на Императорскую яхту „Царевна“, для слѣдованія въ финляндскія шхеры.

— 15 іюня, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ отбылъ за границу и 18-го прибылъ въ Лондонъ.

— Высочайше разрѣшено Таганрогской городской думѣ открыть повсемѣстную по Им-

періи подписку на сооруженіе въ г. Таганрогѣ памятника императору Петру Великому.

— 14 мая Высочайше утверждено положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ, а 24 мая законъ о ростовщическихъ дѣйствіяхъ.

— 1 іюня состоялось Высочайшее повелѣніе о введеніи двойного таможеннаго тарифа. На основаніи этого узаконенія, нынѣ дѣйствующій тарифъ будетъ примѣняться лишь къ товарамъ, составляющимъ произведенія почвы и промышленности странъ, предоставляющихъ русскимъ товарамъ наиболее льготныя условія ввоза и транзита. Къ товарамъ прочихъ странъ новый тарифъ будетъ при-

мѣняться съ надбавкою 30, 20 и 15% (по роду товаровъ).

— Въ *Правит. Вѣстн.* опубликовано о новомъ изданіи I, II, VI, XIII и XVI томовъ свода законовъ.

— 13 іюня праздновался двухсотлѣтній юбилей сооруженія церкви въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ, что на Филыхъ.

— Въ нынѣшнемъ учебномъ году въ кievскомъ учебномъ округѣ шестой и восьмой классы гимназій должны вторично держать письменные экзамены по древнимъ языкамъ, такъ какъ обнаружилось, что темы по латинскому и греческому языкамъ были извѣстны ученикамъ до экзаменовъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озботиться своевременными срочными взносами слѣдующимъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, поѣ которыхъ получается ими „Нива“.

Научныя и техническія новости.

— Однимъ изъ московскихъ врачей сдѣлано наблюдение, что у больныхъ *брюшнымъ тифомъ* соответственныя *бактеріи*, носители этой болѣзни, — уничтожаются выдѣляемой больными испариной. Если наблюдение это подтвердится, то оно послужитъ указаніемъ мѣръ предохраненія отъ этой болѣзни.

— Для предохраненія растений отъ всякаго рода *паразитовъ*, будь то организмы растительной природы (грибы) или животныя, слѣдуетъ поливать ихъ 1% воднымъ растворомъ *алкали-нафтолита*, который получается,

если къ расплавленному нафтолу прибавить кали или натра.

— По изслѣдованіямъ Симмонса число *всѣхъ* существующихъ на землѣ *видовъ насѣкомыхъ* достигаетъ громаднаго числа 750,000, изъ нихъ болѣе 100,000 жуковъ. Гумбольдту извѣстны были въ его время только 150,000 видовъ, остальные открыты были послѣ него. Сюда не входятъ еще виды паразитическіе.

— Разнаго рода *карандаши* для письма, рисованія и финифтяной живописи можно приготовить слѣдующимъ образомъ: на 100

частей парафиннаго воска прибавляютъ отъ 2 до 10 частей дамарака или шеллака, 1—2 частей двухроміекалаго кали, 50—100 ч. листового золота или порошка бронзы (золотой, мѣдной или изъ другого металла) и 5—20 ч. нафтола. Если хотѣть получить цветной карандашъ, то примѣшиваютъ еще нѣкоторое количество соответственной краски. Всѣ эти вещества перемѣшиваютъ хорошо въ сосудѣ и нагреваютъ. Полученную массу высушиваютъ, пока она не получитъ консистенцію, годную для формовки.

Библиографія.

Ө. Арнольдъ и Э. Нидергерферъ. Вспомогательная книжка для лѣсничихъ и лѣсовладѣльцевъ. 2-ое дополненное изданіе. СПб. Изданіе А. Ф. Марка. 1893 г. Цѣна 1 руб.

Первое изданіе этой книги разошлось въ теченіе трехъ лѣтъ, что, очевидно, служитъ лучшимъ доказательствомъ пригодности этой книги. Дѣйствительно, заглавіе книги вполне оправдывается содержаніемъ. Съ одной стороны, цѣль книги: издать лѣсничаго и лѣсовладѣльца отъ массы мѣлкихъ вычисленій, сберечь его время при устройствѣ лѣсовъ, оцѣнкѣ лѣсовъ, строительнаго и всякаго другого лѣсного матеріала, при опредѣленіи доходности лѣсного участка, или расходовъ на лѣсоразведеніе и проч.; съ другой, — дать эти свѣдѣнія въ возможно сжатомъ, но наглядномъ видѣ „въ компактной печати и въ форматѣ, удобномъ для укладыванія въ боковой карманъ“. Что касается разработанаго матеріала, то, понятное, что всѣ почти данныя можно найти разбросанными въ

другихъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, но послѣдовательность и цѣлесообразность распределенія всего матеріала является, по меньшей мѣрѣ, однимъ изъ главныхъ достоинствъ книги. При этомъ всѣ цифровыя данныя не просто заимствованы или перепечатаны, а проверены и дополнены и, болѣею частью, приведены въ новую систему. Наконецъ, „Вспомогательная книжка“, подобно всѣмъ другимъ сочиненіямъ старѣйшаго и опытѣйшаго нашего ученаго лѣсовода, отличается ясностью и краткостью изложенія. Существеннымъ добавленіемъ второго изданія является: „Таблица для опредѣленія процента прироста на деревьяхъ по способу Пресселера“, необходимая для таксаторовъ удѣльнаго вѣдомства. Далѣе прибавлены къ прежнимъ, отчасти дополненнымъ, даннымъ таблицы объемовъ и вѣса разныхъ древесныхъ породъ и продуктовъ лѣсного хозяйства, и таблица для опредѣленія капитальной цѣнности періодическаго дохода.

С М Ъ С Ъ.

Число афишъ, расклеенныхъ во время выборовъ въ Парижѣ. Во время недавнихъ муниципальныхъ выборовъ въ Парижѣ всѣ свободныя мѣста постоянно заклеивались афишами разныхъ цвѣтовъ.

Такою расклейкой афишъ занимались 1,800 человекъ день и ночь. Они отдыхали лишь урывками въ конторахъ подрядчиковъ по расклейкѣ афишъ. Они отирались, обыкновенно, партіями въ шесть человекъ, изъ которыхъ одинъ несъ лѣстницу, а остальные афиши и клейстеръ. За расклейку 250 афишъ платилось по 5 франковъ, такъ что каждый афишеръ зарабатывалъ по 25 франковъ въ сутки въ теченіе трехъ недѣль. Всего было до 600 кандидатовъ въ члены муниципалитета, и за каждого кандидата расклеено до 15,000 афишъ, такъ что всего расклеено до 9,000,000 афишъ, и на расклейку ихъ употреблено около 11,000 пудовъ клейстера. Кромѣ того, каждый кандидатъ рассылатъ своимъ избирателямъ въ особыхъ конвертахъ свое *profession de foi*. Писаніемъ однихъ адресовъ на конвертахъ занято было 1,900 человекъ по 3 франка въ день.

Не безынтересна борьба нѣкоей г-жи Доспъ съ афишерами. Эта госпожа терпѣть не можетъ афишъ и не допускала наклеики ихъ противъ своего дома. Но афишеры ухитрились это дѣлать, а ея слуги тотчасъ-же, какъ замѣтатъ, срывали эти афиши. (х.)

Кожа алигаторовъ (американскихъ крокодиловъ) въ громадныхъ количествахъ стала употребляться для выдѣлки портсигаровъ, обивки сундуковъ и ящиковъ и тому подобныхъ издѣлій. Спросъ на этотъ новый матеріалъ производства до такой степени возросъ, что алигаторамъ въ нѣкоторыхъ водахъ грозило полное истребленіе. вмѣстѣ съ тѣмъ водныя крысы размножились въ ужасающемъ количествѣ и стали уничтожать растительныя насажденія и луга вдоль береговъ рѣки. Въ виду этого правительство штата Флориды (въ Сѣверной Америкѣ) издало постановленіе, ограничивающее право охоты на этихъ животныхъ извѣстнымъ временемъ года; во время же кладки яицъ охота запрещена. Теперь только стало понятнымъ, почему египтяне считали нильскихъ кро-

кодилловъ священными животными, умерщвленіе которыхъ считалось страшнымъ преступленіемъ: они приносили несомнѣнную пользу жителямъ Египта, истребляя опасныхъ для хлѣбныхъ злаковъ водныхъ крысъ.

Акклиматизировавшіеся въ Австраліи кролики обнаруживаютъ, по наблюденіямъ Зеегемейера, любопытныя особенности, указывающія на постепенную приспособляемость этихъ животныхъ къ новымъ условіямъ жизни. Лапки ихъ стали легче, когти вытянулись и заострились, и кролики становятся настоящими *лазунами*: то и дѣло взлѣзаютъ они на деревья, чтобы поскать себѣ пищи.

Гигантскій номеръ выпустила издающаяся въ Чикаго газета „Inter-Ocean“ по случаю вступленія въ 21-й годъ своего существованія. Номеръ этотъ содержитъ 60 страницъ убористой печати, по 8000 словъ на каждой. Такая масса печатнаго матеріала нормально размѣщается на 1000 страницахъ книги обыкновеннаго формата, такъ что всѣ сообщенія въ тотъ день газетною свѣдѣнія: телеграммы со всего свѣта, мѣстныя новости, научныя статьи, объявленія и проч., можно было бы издать въ видѣ двухъ объемистыхъ томовъ по 500 стр. въ каждомъ.

Химическій анализъ азолита, упавшаго недавно въ штатѣ Миссури, въ Сѣверной Америкѣ, обнаружилъ присутствіе значительнаго количества (25% всей массы) неизвѣстнаго до сихъ поръ на землѣ металла. При спектральномъ же анализѣ вещество это дало тѣ же линіи, какія характеризуютъ предполагаемое астрономами въ солнечной атмосферѣ простое тѣло (элементъ), названное ими гелиемъ.

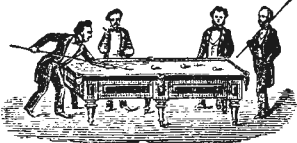
Два вида америнанскихъ пальмъ даютъ теперь матеріалъ для нѣсколькихъ обширныхъ производствъ. Изъ корневыхъ волоконъ стали дѣлать превосходныя головныя шетки; съ помощью одной только машины можно приготовить до 36,000 штукъ въ день. Свѣжіе листья идутъ для набивки матрасовъ и подушекъ, изъ нихъ дѣлаютъ также онахала и соломенныя шляпы. Наконецъ, деревомъ этихъ пальмъ мостятъ улицы въ нѣкоторыхъ городахъ Сѣверной Америки.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

**БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.**

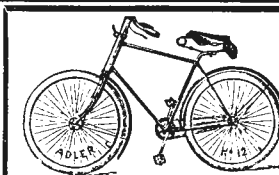
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—11
Иллюстрированные прейсъ-курранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

СОДЕРЖАНІЕ: Сильный человекъ. Романъ Н. Орловскаго. (Продолженіе). — Литературныя бесѣды. „Отцы и дѣти“, ром. Тургенева. — Стихотвореніе Розенгейма Нечволодовой. — Буря Сѣвернаго полушарія. — Очерки порубежной жизни. Очеркъ Моргана. (Переводъ съ англійскаго). — Былая весна. Стих. К. Медвѣдскаго. — Къ рисункамъ: Возвращеніе въ лагерь послѣ стрѣльбы и конная артиллерія на походѣ (съ 2 рис.). — Видъ Стрѣльбы (съ рис.). — Кончина короля Ринга (съ рис.). — Спасены (съ рис.). — Коневецкій монастырь (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Заявленіе. — Научныя и техническія новости. — Библиографія. — Смѣсь. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ии. М. Н. Волонскій.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“
Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).

Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—12

велосипед. „Орель“.

На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Иллюстр. прейсъ-куррантъ за 10 коп. марку.

Д-ръ Волицкий лечит наружные, кожные, грудные болѣзни, ракъ и электротер. Невскій, 57, кв. 5. Отъ 2—3 и 6—7 ч. в.

ЖЕНЩИНЫ И ГОЗНИКЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

„ЭКСИЖКАТОРЪ“
уничтожаетъ грибокъ; необходимо для каждой постройки. Адресъ: Риттеръ, Варшава. Брошюры бесплатно.

СВѢЖАЯ МАЙСКАЯ
по 3 руб. фунтъ въ цѣту!
и 1 руб. фунтъ обыкновенную (за пересылку особо) № 6445
траву Кузьмина „Эфедру“ съ кореньями высылаютъ и допускаютъ наложеннымъ платежемъ, съ приложеніемъ способа употребленія. При требованіи 3-хъ фунтовъ прилагаю бесплатно брошюру Портанскаго открывшаго „Эфедру“. Иона Ефимовичъ Матвѣевъ, въ г. Бузулукѣ, Самар. губ.

НОВОСТИ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЭ
Тиль-Топъ
превосходно сдѣланъ изъ телячьей кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.
Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ открыть Тиль-Топъ.
Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармоніи, очень выстигательный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6439 6—2
3 разные, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к.
Пересылаю наложеннымъ платежемъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ Невск. пр. № 20-31.

МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ А.ЦИЛЛЕРА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
Ил.Ск. МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ Д.КОСТЫРЬЕВЪ

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается вслѣдй заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ **А. КОССОДО.**
Методъ презентованъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52—19
За 2 семиклѣбчатны марки высылаются пробное письмо и условия. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссоду въ Одессѣ. Дерibasовская, д. № 19.

1-й ВЫИГРЫШНЫЙ
заемъ, 1 июля тиражъ, продается на условіяхъ денежныхъ и добросовѣстныхъ
БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
59, Невскій, СПб. (4—4)
1 марта с. г. на билетъ II займа, сер. 02031 № 25, купленный въ Банк. Домъ съ задаткомъ 20 руб., надъ выигрываетъ въ 5000 р. и 1 мая с. г. на билетъ III (Дворянскаго) займа 05113, № 04 выигрываетъ въ 500 р.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.
ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО 56-й ПРОБЫ съ искусств. ПРЕВОХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ
БЕЗЪ ФОЛЬГИ ИЛИ ПОДКЛАДКИ, такъ что трудно узнать отъ настоящаго брилліанта. № 6140 2—2
Перес. налож. платежемъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невскій, № 20—31.

ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА ДУХИ:
„ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“
„ЛЮБИ МЕНЯ“
„КОРИЛОПСИСЪ“
„ИСПАНСКАЯ КОЖА“
„КОНЕЦЪ ВЪКА“
„ЛѢСНОЙ ЛАНДЫШЪ“.
НОВОСТЬ! Прелестная туалетная вода „О-де-БРОКАРЪ“
ФАБРИКІИ **Броккаръ и Ко.**
Невскій, д. 30, СПб. № 6428 3—2

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВЪНЪ.
Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія. При приготвленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ вошло бы исключительна вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Березовое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ; Опонюмада (лучше кольцо-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазинахъ, и аптекахъ Россіи.

НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ: Въ послѣднее время появились въ продажъ искусственныя воды подъ названіемъ „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“, почему покорнѣе просимъ при покупкѣ нашей натуральной воды, обращать вниманіе на ярлыкъ съ короной.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“ въ Будапештѣ.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграничьи. Дирекція въ Буда-Пештѣ.

Leichner's Fettmilder
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!
Театральная гримировка! В. № 6258 10—7
Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

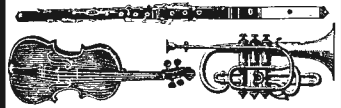
EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
Средство для полоснанія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (29)
Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ХВОЙНИКА ЭФЕДРА (Ephedra vulgaris).
К. С. Шерстникова, въ Бузулукѣ, Самарской губ., лучшіе, отборные сорта хвойника (травы Кузьмина) собственнаго свѣжаго сбора, специально приготвленныя для розничной продажи, высылаютъ во всѣ мѣста Россійской Имперіи по 1 руб. за фунтъ безъ пересылки, съ приложеніемъ наставленія.
Высылка производится и съ налож. платеж. Желающимъ ознакомиться съ подробнымъ описаніемъ хвойника, его свойствами и способомъ употребленія, на каждые 3 ф. высыл. по одной и на 5 ф. по двѣ брошюры Н. П. Портанскаго бесплатно. Адресъ для телегр.: БУЗУЛУКЪ, ШЕРСТНИКОВУ. № 6444

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“
Высочайше утвержденомъ въ 1881 году.
Основной и запасный капиталы 18.500,000 руб.
Примѣръ. Отецъ семейства, 38-ми лѣтъ отъ роду, страхуетъ 10,000 руб., которые должны быть выданы женѣ и дѣтямъ немедленно послѣ смерти. За такое страхованіе онъ уплачиваетъ трехмѣсячную премію въ 77 руб. 50 коп. и пользуется участіемъ въ прибыляхъ Общества.
Страхованія принимаются на суммы отъ 1,000 до 100,000 руб. на жизнь одного лица. Застрахованный капиталъ выдается и въ случаѣ смерти отъ холеры или другой эндемической болѣзни.
Дивидендъ страхователей за 1892 г.—120/0.
Первый дивидендъ страхователямъ назначается послѣ третьяго года страхованія.
Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. домъ № 37) и агентами Общества въ городахъ Имперіи.
№ 6431 6—2

Заказы из провинции исполняются немедленно и аккуратно.
По получении заказа приблизительно из стоимости заказа требуемое выставляется с надлежащим платежом на остальную сумму.

СКРИПКИ

по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
Футляры для скрипки по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.
Струны, каинфоль и всё другое принадлежностей.
Скрипки 2 1/2, 3/4 и 1 1/4 величины для детей по тем же ценам как и большие.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЫ

хорошей заграничной работы в 1 1/2, 15, 22, 25 и 35 руб., собственной С.-Петербургской фабрики в 50, 60, 75 и 100 р. Знаменитой фабрики Cornets в 90 руб., 150 руб. и 230 руб.

ФЛЕЙТЫ

хорошей заграничной работы в 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб., собственной С.-Петербургской фабрики в 60, 75, 85, 120 и 160 р. Флейты „модели Циммермана“, находящиеся в употреблении у первых артистов, по 85 и 120 руб.

Иллюстриров. преис-курantz — бесплатно
ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

П. № 6432 8-3

Велоспедъ англійскаго завода „Гумберъ и К^о. Лмгд.“
лучше въ свѣтѣ!
предлагаетъ торговый домъ
Г. ЖЕМЛИЧКА и К^о.
Москва, Неглинный просп., домъ Ечкиной.
Преис-курantz — бесплатно.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАМЕРЫ

въ громадн. выборѣ. Нов. иллюстр. преис-курantz вычлаются.
МОМЕНТАЛЬНЫ ПЛАСТИНКИ „БЕРНАРТЪ“.
При складѣ имѣется лабораторія и разлѣсенія при покупкѣ безвозмездно. 10-8
К. И. Фреландтъ.
С.-Петербургъ, у Казанскаго моста д. № 30/16. Москва, Мясницкая, д. Соколова. Харьковъ, Московская ул., д. Штейфанъ.

Поставщики Высочайшаго Особя и Русской арміи.

Около 1000 велоспедовъ на складѣ. Брѣвъ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велоспедными.
САМЫЙ ОБШИРНЫЙ ВЕЛОСПЕДОВЪ.
Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**
(основ. въ 1863 г.)
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № Кокади и Екатеринбургъ. 25-20 5982 Новый каталогъ 80 страницъ.
БЕЗПЛАТНО.
Наводненіе. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. К. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ
6-й и 7-й ВЫПУСКЪ
новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:
„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.
годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:
СКАЗКИ,
собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ. переводъ подъ редакцію П. Н. ПОЛЕВОГО. Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.
24 вып., каждый — въ роск. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.
Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.
Подписка продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.
Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р.
Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:
безъ дост. съ пер. безъ дост. съ пер.
при подпискѣ. 6 р. 8 р. къ 1-му сентября. 2 р. 2 р.
къ 1-му августа. 2 р. 2 р. къ 1-му октября. 2 „ 2 „
Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПб., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и экстапныхъ магаз.
Для ознакомленія съ изданіемъ, вновь отпечатанный 1-й выпускъ „СКАЗОКЪ“ высылается всѣмъ желающимъ за 50 коп. почтовыми марками.

ДЕПО МАШИИЪ и МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
Франца Феодоровича УРЛАУБА въ С.-Петербургѣ
Васильевскій островъ, 1 линія, домъ № 2—предлагаетъ:
АМЕРИКАНСКУЮ СЛОЖНУЮ МОЛОТИЛКУ „МАЛЫЙ ВЕЛИКАНЪ“ обмолачивающая и одновременно сортирующ. хлѣбъ при 3 до 4 лошади. тяги. Цѣна съ 4 кон. привод. 690 р.
УЛУЧШЕННУЮ МУКОМЛЬНУЮ МЕЛЬНИЦУ „ТРИУМФЪ“ съ вертикальными жерновами 14' 18' 20' 24' и 28' діам., очень простая и прочная, не требующая мельника. Ручная и конная мельница Корбета 90 р. и 145 руб.
Ручная и конная молотилки, конные приводы, вѣлки и сортировки. ЦЮСТОНА тарелочн. бороны съ диска-американ. мн 18' и 16' діам.; ею можно двоиъ и троиъ; задыбывать сѣмена, рыхлить почву и дробить вспаханная глыбы. Лучшая борона. Цѣна 75 и 90 руб.
КАЛА - пружинная борона — глыбодробъ **МАЗУ** съ 18 стальными зубьями — единственная успѣшная для каменистыхъ, глинистыхъ и тяжелыхъ почвъ. Задыбываетъ сѣмена, разбиваетъ комья и рыхлитъ всякую почву. Цѣна 55 руб.
НОРВЕЖСКАЯ РЫЧАЖН. БОРОНА, БОРОНЫ ЗИГЪ-ЗАГЪ, ВАЛЬЖУРА и пр. СОЛОМОРЪЗКИ отъ 18 р. и до 100 руб.
БѢЛЫЕ КАТКИ, ПРАЧЕШН. МАШИНЫ.
новѣйшая пожарная труба системъ завода Ф. Ф. Урлауба, удостоенная на пожарной выставкѣ въ СПб. 1892 г. „серебряной медали“, единственная у которой можно безъ примѣненія гаечнаго ключа во всякое время вынуть клапаны. Выбрасываетъ болше воды, чѣмъ какая-либо другая, требуетъ меньше прислуги, прочнее и проче. Дѣлается 5 размѣровъ на 600, 900, 1200, 1800 и 2400 ведеръ воды въ часъ. Цѣна отъ 120 р. и до 600 руб.
РУССКАЯ ПОЖАРН. ТРУБА УРЛАУБА, выбрасывающая въ часъ 600 ведеръ воды, стоитъ съ рукавами только 110 руб. — очень прочна и проста.
НАСОСЫ РЕМИНГТОНА амер. для колодезь отъ 30 руб.
ЛЕТУЧИЙ 3-колесный американ. плугъ голлан- съ сидѣніемъ. При 3 лошадей и 1 рабочемъ дѣлаетъ ту же работу, на которую потребны: 8 обычныхъ.
Иллюстр. каталогъ высылаю за 10 коп. марку.
Фирма существуетъ съ 1870 года. № 6446

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО
Фантазія на мотивы изъ оперы „Лоланта“ 50 к.
Фантазія на мотивы изъ оперы „Паковая дама“ 40 к.
Иллюстрація на мотивы балета „Шедкунникъ“ 60 к.
Элегія изъ серенады П. Чайковскаго переложенная для ф. п. Т. Кирхнеръ 50 к.
Пять русскихъ романсовъ перел. для ф. п. Н. фонъ-Вильма.
1. Душешка двѣца 30 к. 2. Озданіе 30 к. 3. Мнѣ твердили наиввал 30 к. 4. Прости меня, Оедорова 40 к. 5. Къ соловою, Моношко 20 к.
Москва у П. ЮРГЕНСОНА.
СПБ. у І. Юргенсона, Варшава-Г. Зеленальдъ.
Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.
БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Для чистоты и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли антикарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ антикарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

PARFUMERIES
aux
Violettes de Parme
ED. PINAUD
Savon.... aux Violettes de Parme
Essences .aux Violettes de Parme
Huileaux Violettes de Parme
Poudre de Riz aux Violettes de Parme
37, BOULEVARD de STRASBOURG
PARIS
GRAND PRIX
EXPOSITION-PARIS 1889

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
начиная съ 12 Руб до 500 Рублей
СОБСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ,
БРУНО ЗЕНГЕРЬ и К^о

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕ МЫЛО
ПРОИЗВОДЪ
АМОСТРОУМОВА
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТЫ
ЧЕТВЕРЖЕН ПРАВИТЕЛЬНОСТЬ
ВСТЕРЖАЮЩАЯ РАДІАЛОКЪ.

ШОКОЛАТЬ
ФАБРИКИ „ЕСТУКЪ“
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ
ПРЕМОУСТОВЛЕННЪ ОТЪ ПОДЖЕВАНІЯ НАШЕИ МАРКИ

